

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ПЕРВЫЙ.

ТОМЪ СХХІІ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ТОМЪ СХХІІ.

1910

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13
1910

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЬ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ПЕРВЫЙ
ОКТЯБРЬ, 1910 Г.

СОДЕРЖАНІЕ

ОКТАБРЬ, 1910 г.

	СТРАН.
I. Изломы жизни. Повѣсть. (Встрѣчи и проводы). В. Уманова-Каплуновскаго.	5
II. Воспоминанія академика П. П. Соколова. XII—XVI. (Продолженіе).	36
III. Императоръ Александръ II среди дѣтей. Л. Н. Оглоблиной. . . .	85
IV. Безотвѣтная. (Изъ жизни). В. А. Авіе.	91
V. Давніе эпизоды. 3. «Паша» Козловъ. Ник. Энгельгардта.	123
VI. Во власти сердца. (Историческая быль). В. И. Федорова.	145
VII. Императоръ Александръ Благословенный на льдинѣ. (Пасхальное преданіе изъ жизни императора въ Таганрогѣ). А. П. Чехова (Съдого)	153
VIII. Изъ семейной хроники минувшаго вѣка. М. М. Мариной.	184
IX. Осада Благовѣщенска китайцами въ 1900 г. Клавдіи Никитиной.	207
X. Даниилъ Лукничъ Мордовцевъ. (Изъ личныхъ воспоминаній и разсказовъ). А. Е. Кауфмана	225
Иллюстраціи: 1) Памятникъ на могилѣ Д. Л. Мордовцева въ Ростовѣ на Дону.	
XI. Среди вотяковъ. В. Г.	235
Иллюстраціи:—1) Вотяки изъ деревни Чужегово близъ Воткинскаго завода.—2) Вотяки изъ деревни Вожой, Сарапульскаго уѣзда.	
XII. Проѣздъ черезъ городъ Бѣлу императрицы Александры Федоровны, супруги императора Николая I, въ 1856 году. В. И. М—на.	244
Иллюстраціи: 1) Магистратъ, почтовый домъ и уѣздное управленіе въ Вѣлѣ.—2) Каплица и башня, составлявшая уголъ замка.—3) Семиэтажная башня (въѣздъ въ замокъ).—4) Домъ уѣзднаго управленія, гдѣ имѣлъ пребываніе императрица Александра Федоровна.	
XIII. Великовѣтская артистка. III—IV. (Окончаніе). В. И. Штейна. . .	254
XIV. Царевубійство 1 марта 1881 года. Историческіе очерки. VI. Покушенія на жизнь императора Александра II. Б. В. Глинскаго. . .	276
Иллюстраціи: 1) Марія Николаевна Оловеникова (Марія Ивановна Полонская).—2) Николай Ивановичъ Колоткевичъ.—3) Александръ Ивановичъ Варанниковъ.—4) Николай Алексѣевичъ Саблинъ.—5) Андрей Корнѣевичъ Прѣсняковъ.—6) Степанъ Николаевичъ Халтуринъ.	
XV. Цѣнный вкладъ въ изученіе Пушкина. А. Г. Фомина.	318
XVI. Оптина пустынь и паломничество въ нее русскихъ писателей Д. П. Богданова.	327
Иллюстраціи: 1) Видъ Оптиной пустыни.—2) Могилы старцевъ о. Маргарія и о. Амвросія.	

(См. слѣд. стран.).

XVII. Критика и библиографія. 340

- 1) Григорьевъ В. Реформа мѣстнаго управленія при Екатеринѣ II. Спб. 1910. М. Ключова.—2) С. Васильевичъ. Титулованные роды российской имперіи. Опытъ подробнаго (?) перечисленія всѣхъ (?) титулованныхъ российскихъ дворянскихъ фамилій, съ указаніемъ происхожденія фамилій, а также времени полученія титула и утвержденія въ немъ. Спб. 1910. Рцы.—3) Опись патриаршей ризницы 1720 г. Изданіе комитета по описанію синодальной (патриаршей) ризницы, подготовленное членомъ его, завѣдующимъ патриаршей библиотекой, Н. Поповымъ. Москва. 1910. К. W.—4) Ѳ. М. Уманецъ. Александръ и Сперанскій. Историческая монографія. Спб. 1910. А. Б.—5) Извѣстія таврической ученой архивной комиссіи. (Годъ двадцать четвертый). N 44. Подъ редакціей председателя комиссіи Арс. Ив. Маркевича. Симферополь. 1910. в. P—ва.—6) А. И. Успенскій. Царскіе паноописцы и живописцы XVII в. Словарь. Москва. 1910. В. Клейна.—7) Механика вырожденія. 1912-й годъ—начало «Железнаго вѣка» въ Россіи. В. А. Мопковъ. Варшава. 1910. П. фонъ-Ланга.—8) Шарль Дилль, адъюнктъ-профессоръ парижскаго университета. Византийскіе портреты. Перевелъ Е. Кпринчискій. Харьковъ. 1910. пант.—9) Общестуденчскій литературный сборникъ. Москва. 1910. А. Фаресова.—10) Ю. Абхенвальдъ. Силуэты русскихъ писателей. Вып. III. М. 1910. А. Фомина.—11) Труды Ѳ. Ѳ. Соколова. Спб. 1910. А. М. Л.—12) Ардашевъ. Дополненіе къ всемірной исторіи проф. Петрова. Т. V. Спб. 1910. п. Б.—13) Н. М. Лаговъ. Что такое Франція. Очерки современности. Спб. 1910. л. н.—14) А. Петрункевичъ. Кола ди Риваццо. Эпизодъ изъ исторіи Рима XIV вѣка. Спб. 1909. А. Б.—15) Н. И. Романовъ. Исторія итальянскаго искусства. Первая половина XV вѣка. Курсъ лекцій, читанныхъ въ московскомъ археологическомъ институтѣ. М. Сооловскаго.—16) Insele-Almanach auf das Jahr 1909. Leipzig. 1909. и. Г.—ча. 17) Arnold Feuerreisen. Livländische Geschichtslitteratur. 1906. Рига. 1909. А. Мальмгрена.

XVIII. Заграничныя историческія новости и мелочи 370

- 1) Клубъ «Синихъ чудовъ» въ Лондонѣ XVIII вѣка.—2) Английская жизнь за послѣднія триста лѣтъ.—3) Американская дѣятельница.—4) Отовсюду.

XIX. Смѣсь. 398

- 1) Отечественная церковь въ цифрахъ.—2) Статистика требованій на журналы и наиболѣе популярныя авторы.—3) Музей императора Александра III.—4) Юбилей И. И. Влаготѣщенскаго.—5) Архіепископъ псковскій Арсеній (въ 25-лѣтію его дѣятельности).—6) Чествованіе памяти С. М. Соловьева.—7) 600-лѣтній юбилей Успенской церкви въ Коломвѣ.—8) Выставка «Домоносозъ и Елизаветинское время».

X. Некрологи 404

- 1) Арсеній, архіепископъ.—2) Данчичъ, К. М.—3) Долгоруковъ, Д. Н.—4) Житковъ, С. М.—5) Зайцевъ, А. М.—6) Лебедевъ, П. О.—7) Неаидовъ, А. И.—8) Носъ, А. Е.—9) Роборовскій, В. И.—10) Романовичъ-Словатинскій, А. В.—11) Шмидтъ, Ю. А.

XI. Замѣтки и поправки 413

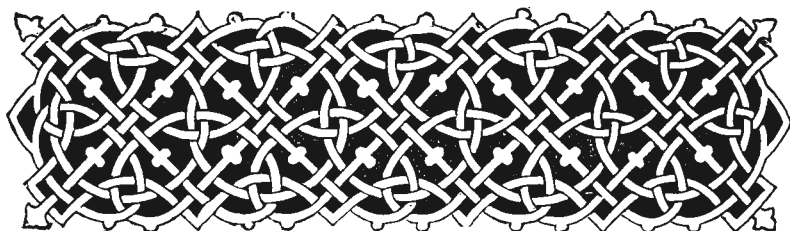
- 1) По поводу воспоминаній П. П. Соколова. В. А. Брюлова.—2) Къ некрологу М. П. Садовскаго. Павелъ Россіевъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портретъ императрицы Александры Ѳеодоровны.—2) Король безъ королевства. Историческій романъ Мориса Монтегю. Переводъ съ французскаго Михайлова. П. (Продолженіе).

ИМПЕРАТРИЦА АЛЕКСАНДРА ФЕОДОРОВНА

(Съ гравюры Райта).

ИЗЛОМЫ ЖИЗНИ.

Повѣсть.

(Встрѣчи и проводы).

I.

НѢ ГЛЯДѢЛЪ на жизнь, какъ на непрерывный рядъ встрѣчъ, большею частью случайныхъ, неожиданныхъ. Эти встрѣчи,—удѣлъ счастья или несчастья,—словно звенья, одна за другой, день изо дня, изъ года въ годъ образуютъ длинную цѣпь жизни. Ею скрѣпляются событія, лица, устанавливается связь между ними.

Многія встрѣчи не повторяются вовсе, лишь промелькнуть, задѣвая чье-нибудь вниманье на короткое время, и память о нихъ затеряется въ сумеркахъ угасающаго дня, въ блѣдномъ разсвѣтѣ зарождающагося утра. Нѣкоторыя, наоборотъ, подольше задерживаютъ на себѣ любопытный взглядъ прохожаго, порою даже проникаютъ и въ сердце, оставляя тамъ мелкіе или глубокіе слѣды, пока новая встрѣча не заслонитъ старой.

Встрѣчи были до сихъ поръ для Косюры только встрѣчами, не больше и не меньше. Онъ, поэтому, и смотрѣлъ на всякое явленіе, какъ на необходимое слѣдствіе встрѣчи.

Можетъ, подобный взглядъ на жизненные отношенія и выработалъ въ немъ отсутствіе способности искренно радоваться чему-нибудь или печалиться.

Впрочемъ, онъ и себя считалъ такимъ же простымъ объектомъ, какъ и прочіе люди, предназначеннымъ судьбой для той или иной встрѣчи.

Косюра любилъ бродить по улицамъ, улавливать біеніе уличнаго пульса, сливаться душою съ движущейся толпой, проникаться ея переменчивыми настроеніями.

Онъ не былъ женатъ, и отсутствіе постоянной подруги также наталкивало его на исканіе «встрѣчь». Цѣпь тянулася все дальше и дальше, опутывала его. Къ ея заржавленнымъ звеньямъ прибавлялись еще и еще звенья.

Косюра навѣстилъ Сидоровыхъ, у которыхъ былъ принять, какъ свой, и, когда вышелъ отъ нихъ, немного отяжелѣвшій отъ вина и жирныхъ блюдъ,—часы показывали одиннадцать.

Ближайшая дорога лежала по Александровскому парку. Луна ярко свѣтила изъ-за деревьевъ.

Отъ кривыхъ сплетающихся вѣтокъ, покрытыхъ инеемъ, лежали по свѣту фантастическія отраженія,—какая-то замысловатая сѣть темныхъ изломовъ лабиринта.

Въ сторонѣ, вдоль Кронверкскаго, мчались сани, звонили проѣзжающія конки, издали доносились голоса веселыхъ бубенчиковъ троечника, сновали пѣшеходы, кто-то кого-то ругалъ, кто-то пѣлъ, кричалъ, смѣялся...

Звуки ночной жизни громаднаго города проносились мимо, какъ бы нечаянно задѣвая Косюру, стремились, невѣдомо куда, пронизывали переулки, улицы, дворы, летѣли впередъ и замирали у береговъ еще не замерзшей Невы, гдѣ свѣжая волна звуковъ подхватывала ихъ и увлекала съ собой.

Въ паркѣ же было совсѣмъ тихо, словно онъ и не находился въ городской чертѣ.

Косюра хотѣлъ прогуляться, но, подходя къ освѣщенному зданію Народнаго дома, соблазнился и направился къ дверямъ, подчиняясь своевольному капризу.

Представленіе близилось къ концу, и онъ остался въ среднемъ залѣ между гуляющими.

Ловкій жонглеръ не занималъ его. Косюра слѣдилъ за толпой, медлительно шагавшей отъ буфета къ театру и обратно.

Онъ усталъ держать въ рукѣ бобровую шапку.

Мысли разбѣгались, колобродили. Рождались какія-то смутныя, неясныя желанья.

Оркестръ наигрывалъ одинъ изъ тѣхъ легкихъ мотивовъ, подъ которые обыкновенно показываютъ фокусы, пляшутъ на канатѣ или кувыркаются на трапеціи.

«Проклятымъ» вопросамъ тутъ не удѣлялось мѣста.

Всѣ были настроены такъ, чтобы веселиться, по крайней мѣрѣ, казаться веселыми и насильно притягивать къ себѣ веселье, если оно добровольно не давалось имъ.

По стѣнамъ рѣзко выступали написанныя большими буквами послѣднія извѣстія съ театра русско-японской войны.

Раздался звонокъ, приглашающій расходиться.

Косюра повернулся и примѣтилъ скромно стоящую въ сторонѣ милостивую дѣвушку лѣтъ восемнадцати, будто ожидающую кого-то.

Онъ видѣлъ ее впервые, но ея изящное, тонкое лицо съ красиво очерченными губами и глубокіе выразительные глаза съ изогнутыми кверху темными рѣсницами напоминали ему чьи-то давно забытыя, можетъ-быть, даже когда-то близкія черты...

И его вдругъ потянуло къ ней.

Въ ея фигурѣ, гибкой и стройной, скромно одѣтой, проглядывала боязливая, почти дѣтская неувѣренность. Дѣвушка почти не оборачивалась, не отвѣчала на вызывающіе взоры проходившихъ мужчинъ, имѣла видъ случайно попавшей сюда и не знающей, чтѣ ей дѣлать, —итти прочь или еще ожидать чего-то...

Хлынули къ выходу, и онъ едва не потерялъ ея въ общей давкѣ, засуетился, искалъ взглядомъ, а увидѣвъ, —обрадовался, но не отъ полноты душевной, а нехотя, какъ всегда, словно по обязанности.

Незнакомка уже спускалась съ лѣстницы. Позади неувѣренно скользилъ силуэтъ, вѣроятно, искателя приключеній съ поднятымъ мѣховымъ воротникомъ, то отдалявшійся, то приближавшійся къ ней.

Косюра колебался между намѣреніемъ уѣхать и желаніемъ воспользоваться пріятной встрѣчей.

Свѣтало, когда онъ вернулся домой, къ «Пяти угламъ», гдѣ жилъ по-холостому, въ небольшой квартирѣ.

Косюра, по обыкновенію, старался забыть только что пережитое и наводилъ мысли на предстоящій товарищескій обѣдъ; тамъ онъ долженъ былъ произносить привѣтственную рѣчь отъѣзжающему сослуживцу по страховому обществу; но въ памяти упорно держалось горячее ночное впечатлѣніе, жгучее, больное воспоминаніе, въ груди дрожала робкая, незнакомая струна... То была тоска о чемъ-то какъ будто достигнутомъ и вновь ставшемъ недостижимымъ, словно ощущалась потеря какая-то, утрата, словно чего-то близкаго не доставало... было что-то и внезапно унесено набѣжавшей волной. Можетъ, навсегда?..

Пока раздѣвался, укладывался, —все думалъ и долго не могъ уснуть.

Косюра самъ себѣ не отдавалъ хорошо отчета, какъ произошло это знакомство...

Кажется, мужчина съ поднятымъ воротникомъ напугалъ Юлю, и та бросилась въ сторону, а онъ любезно предложилъ ее проводить, и дѣвушка сразу притихла, точно захваченная врасплохъ, только молча, глянула ему прямо въ глаза не то съ безпокойствомъ сомнѣнья, не то съ довѣрчивымъ призывомъ.

Затѣмъ они много смѣялись надъ неуклюжимъ господиномъ, торопливо убѣгавшимъ въ паркъ послѣ неудачной попытки къ знакомству, и это ихъ сближало.

Вышелъ какъ-то совѣмъ незамѣтнымъ для обоихъ переходъ къ откровенному разговору, послѣ котораго сѣли на перваго попавшагося извозчика.

Косюра обхватила Юлю за талію, шутилъ и говорилъ какія-то смѣшныя вещи. Юля нервно вздрагивала, когда смѣялась, и ему передавалось ея волненіе.

Она и слышать не хотѣла о ресторанѣ, объ ужинѣ у открытой сцены загороднаго кабачка и о прочихъ соблазнахъ.

Незатѣйливый, слабо освѣщенный номеръ гостиницы пріютилъ ихъ тутъ же на Петербургской сторонѣ.

Косюрѣ понравилось, что Юля не спрашивала, кто онъ.

Она любила поболтать; ея звонкій голосокъ звучалъ, какъ колокольчикъ, и въ немъ чуялись молодые, нетронутые еще суровой жизнью свѣжіе звуки.

Иногда вмѣсто «что» у нея слышалось «цо», и онъ уже строилъ догадки относительно ея происхожденія.

Въ проявленіяхъ ласки Юля была крайне сдержанна и, когда его грубая непринужденность бросала ее въ краску, онъ въ душѣ изумлялся и не понималъ ея тихой стыдливости.

Минутами онъ склоненъ былъ поднимать ее до идеала, минутами мысленно забрасывалъ ее грязью.

«Притворяется!.. Я и такихъ встрѣчалъ...»

Она торопилась уйти, а онъ не пускалъ.

— Неужели мы больше не увидимся?—вырвалось у него при разставаньи какъ будто искренно.

— Напишите. Да вы все равно забудете адресъ,—и она сказала, куда ей писать:—я рѣдко гуляю. Пожалуй, не встрѣтятся.

Прощаясь, онъ всунулъ ей въ перчатку деньги и, когда она вопросительно взглянула на него, пытаясь вернуть подачку, Косюра отрѣзалъ холоднымъ голосомъ:

— На извозчика и конфеты... Непремѣнно возьмите. Иначе я не согласенъ... Ужъ такъ полагается.

«Глупая фраза!» размышлялъ Косюра сквозь дремоту, когда лежалъ въ постели.

«Не хотѣла брать... Странно!.. Почему? Любить ломаться! Невинность разыгрываетъ...»

Онъ уснулъ съ этими мыслями.

II.

Прошло около двухъ недѣль.

Мѣнялись встрѣчи и впечатлѣнія.

Косюръ опять надо было побывать у Сидоровыхъ.

Съ женой пріятеля завязывались какія-то странныя отношенія. Она точно ожидала чего-то, но онъ не дѣлалъ перваго шага къ сближенію. Лидія Валентиновна нервничала, часто бывала не въ духѣ.

«Ловить!..» рѣшилъ Косюра и насторожился....

Онъ и хотѣлъ какъ будто отдаться порыву, и не рѣшался...

Даже подшучивалъ надъ собой: «качаюсь на мертвомъ якорѣ...»— и посмѣивался въ душѣ.

Встрѣча съ Юлей направила мысли въ другую сторону.

Косюра все-таки не желалъ разрушать созданныя иллюзіи: привязанность свѣтской женщины льстила самолюбію.

«Надо пойти, надо пойти!.. Сердится Лидунчикъ...»

И онъ направился пѣшкомъ черезъ Царицынъ лугъ, чтобы итти подольше и придумать правдоподобныя отговорки.

Еле освѣщенное по краямъ со стороны тротуаровъ, въ серединѣ Марсово поле оставалось въ полумракѣ.

Андрей Андреевичъ шагаль съ жутью въ сердцѣ. Ему нравилось это одиночество—быть одному среди глухой, безлюдной площади,— и въ то же время являлся безотчетный страхъ, волнующій, не поддающійся волѣ.

Дулъ сильный вѣтеръ. По улицамъ онъ былъ слабѣе, а тутъ словно разгулялся на свободѣ, радуясь простору, и снѣгъ несся надъ обледенѣвшей землей, какъ морскія волны съ бѣлыми гребнями.

Косюра подумалъ о себѣ, какъ о затерянномъ въ океанѣ (онъ вообще находился въ мечтательномъ настроеніи).

Удвоилъ шаги. Промелькнули тѣни двухъ-трехъ прохожихъ и снова—никого.

Ночь непривѣтливо обступала и сзади, и съ боковъ, и лишь впереди манили огни: то сверкали электрическіе фонари на Троицкомъ мосту. Какой-то изъ нихъ странно мигалъ, будто внутри его стекляннаго матоваго шара бился надъ пламенемъ пойманный гигантскій мотылекъ.

Косюра вспомнилъ, что такая же картина была и въ тотъ вечеръ, когда онъ возвращался изъ гостиницы, разставшись съ Юлей, и у него вдругъ явилось желанье опять увидѣться съ ней, поговорить, унитесь свѣжимъ дыханьемъ вдали отъ всѣхъ людей, въ укромной тиши, втайнѣ отъ всего міра, послушать ея веселый, наивный лепетъ, хоть на мигъ помолодѣть... Юля властно отстраняла Лидію Валентиновну.

Онъ недолго посидѣлъ у Сидоровыхъ, отказался играть въ винтъ, почти ничего не ѣлъ, мало пилъ и казался разсѣяннымъ.

Хозяйка была недовольна, но старалась это скрыть и, смѣясь хорошенькими глазами, приговаривала:

— Андрей Андреичъ влюбленъ... Андрей Андреичъ влюбленъ... У Андрея Андреича интрижка завелась.

Какъ его ни удерживали, онъ попрощался и ушелъ, и хорошенькіе глазки хозяйки уже не смѣялись, а стали острыми, какъ маленькіе гвоздики, и каждое ея слово было пропитано ядомъ.

— Идите, Андрей Андреичъ, а то опоздаете на свиданье,— говорила она у дверей гостиной:— счастье не приходитъ по два раза... Порывъ не любитъ перерыва.

Обида дѣлала ее остроумной и въ другое время Косюра непременно оцѣнилъ бы ея находчивость и скрытый смыслъ ея изреченій.

Напрасно онъ слонялся въ толпѣ посѣтителей Народнаго дома: Юли не было. Публику онъ пашель сѣрой, незанимательной и, раздосадованный, что испортилъ себѣ вечеръ, хмуро возвращался къ «Пяти угламъ» и рѣшилъ завтра же написать Юлѣ.

Юля аккуратно явилась на его письмо въ условленное мѣсто. Онъ засталъ ее стоящей въ раздумьи у освѣщеннаго окна магазина съ восточными товарами.

Косюра пріостановился и наблюдалъ за возбужденнымъ выраженіемъ Юлиного лица.

Она вдругъ обернулась, встрѣтилась съ его пристальнымъ взглядомъ и сконфузилась.

— Какъ это вы не забыли моего адреса! Хорошая память. Просто удивительно даже!... Что? Отчего вы смѣтаетесь?.. Правда, я думала—вы забудете. Вы подписались: «Андрюша». Я не знала, что вы—Андрюша, но догадалась, что это непременно—вы,—защebetала Юля, словно птичка, обрадованная солнечнымъ лучомъ, и мелкіе зубы то и дѣло сверкали, красиво отѣняя розовый улыбающійся ротъ.

Предложеніе зайти въ ресторанъ или, по крайней мѣрѣ, въ кофейню опять было отвергнуто самымъ рѣшительнымъ тономъ, и они снова пріютились, какъ и раньше, въ какой-то гостиницѣ.

Юля на этотъ разъ была менѣе скрытной и въ минуту откровенности развернула передъ нимъ страницу своей зеленой юности, безхитростную и, какъ онъ думалъ, не единичную, напротивъ довольно часто повторяемую жизнью...

И онъ снисходительно прислушивался къ ея звонкому довѣрчивому голосу, еще находясь во власти неугасшихъ желаній.

Косюра скоро усталъ слѣдить за нитью рассказа...

«Зачѣмъ она говоритъ объ этомъ?»—задавалъ онъ се ѣ вопросъ и любовался ея густыми волнистыми волосами, черными, но съ рыжеватымъ отливомъ.

Блескъ электрической лампы придавалъ имъ порой особенную золотистость, какую-то солнечность.

...Юля уѣхала отъ отца... Здѣсь у нея тетка и братъ, съ которыми, однако, она рѣдко видится, такъ какъ тѣ не одобряютъ ея самостоятельности. Она служитъ въ почтовомъ отдѣленіи и занимаетъ комнату у польки. Сынъ хозяйки ухаживаетъ за ней, преслѣдуетъ ее и немного ей нравится...

Ревнивое чувство сразу заговорило въ Косюрѣ и онъ уже сталъ внимательнѣе вслушиваться. Ему сдѣлалось почему-то досадно на Юлю и на себя, что онъ—не полный обладатель ея молодости и свѣжести.

— Ты близка съ нимъ?—грубовато спросилъ онъ и смотрѣлъ на нее въ упоръ пристальными глазами:—что жъ, онъ красивый, богатый, умный?.. служить гдѣ-нибудь?.. Впрочемъ, ты, вѣдь, не прочь и съ другими познакомиться?

Юля подняла длинныя рѣсницы и въ ея задумчивомъ взорѣ что-то засвѣтилось, словно отразилась въ немъ далекая звѣздочка. Казалось, она не вникла въ смыслъ его холодныхъ, рѣжущихъ словъ.

— Колька?.. Нѣтъ, не красивый.. такъ себѣ... маленькій... но хорошій такой, добрый и жалѣетъ меня, любить... О, какъ любить! Онъ еще совсѣмъ мальчикъ—21-й годъ. Я спала... Онъ вошелъ въ комнату. Развѣ я виновата?.. Онъ служитъ на фабрикѣ жестяныхъ издѣлій, въ конторѣ... Коля—еще мальчишка,—сказала она и едва замѣтно усмѣхнулась.

Отъ ея разказа, отъ всѣхъ ея движеній, отъ ея устремленнаго вдаль задумчиваго взгляда вѣяло нѣгой первыхъ поцѣлуевъ.

Андрюша былъ для нея чѣмъ-то далекимъ, лишнимъ; она, можетъ, въ эти мгновенья и забыла даже объ его близости, а онъ зорко слѣдилъ за ней, внутренно злился, кипѣлъ, ненавидѣлъ уже этого Кольку.

Онъ второпяхъ молча одѣлся; попрощался сухо, съ напускной небрежностью.

— Какой вы смѣшной, Андрюша! и къ чему же это?—не могла она удержаться отъ восклицанія, когда въ рукѣ у нея опять, какъ и тогда, очутились деньги, но въ значительно большемъ размѣрѣ.

Косюра думалъ дорогой:

«Не заботится даже узнать, кто я... Андрюша да и все... Новый типъ! Ну, съ этимъ знакомствомъ слѣдовало бы теперь же и покончить. Мнѣ-то, 35-лѣтнему, миндальничать какъ будто и не пристало. Попалъ въ товарищи къ какому-то Колькѣ... Безобразіе!..»

III.

Встрѣчи Косюры съ Юлей, тѣмъ не менѣе, не прекращались. Въ нихъ замѣчалась прямо лихорадочная порывистость. Андрей Андреевичъ бранилъ себя за слабость и все-таки назначалъ Юлѣ свиданья, на которыя она приходила съ поразительной точностью.

Ему въ то же время было пріятно сознавать, что его съ нетерпѣньемъ (какъ онъ предполагалъ) ожидаетъ молодое существо и что онъ соединенъ съ нимъ какими-то невѣдомыми, таинственными нитями... Любви? Нѣтъ, онъ не любилъ. Онъ сопоставлялъ, сравнивалъ, рассуждалъ и рѣшилъ, что положительно не любить. Дружбы тоже не было. Не было и привычки. Это была, какъ онъ установилъ, исключительно чувственная связь, капризная, немного ревнивая.

И онъ подчинялся ей, точно находя въ ней путь къ минутному, относительному счастью.

Разспрашивая Юлю объ ея Колѣ, онъ словно нарочно заставлялъ себя страдать, болѣзненно наслаждался этимъ страданьемъ.

Юля была съ нимъ то нѣжна и вкрадчиво-ласкова, то равнодушно-покорна. Слово «люблю» не произносилось ими. Онъ говорилъ ей почти всегда «ты». Она упорно обращалась къ нему на «вы».

Иногда она нервно вздрагивала, бывала разсѣянна, грустна, хотѣла что-то сказать, подолгу, не отрываясь, смотрѣла на него, будто ожидая отъ Косюры какого-то шага, рѣшенья, и потомъ, не дождавшись, начинала говорить о своемъ Колькѣ и большею частью въ покровительственно-веселомъ тонѣ, какъ, напримѣръ, взрослые гимназистки говорятъ о маленькихъ школьникахъ.

— А мой-то Колька поссорился съ матерью и, представьте, изъ-за меня! Кажется, придется съѣзжать на другую квартиру... На своего брата съ финскимъ ножомъ бросился... ревновать вздумалъ...

«Съѣзжать на другую квартиру... Ловко! Ко мнѣ подговаривается... Нѣтъ, не на такого напала! При прощаньи, каждый разъ заканчиваю всѣ мои счеты и—никакихъ другихъ обязательствъ»,—бродили думы въ головѣ Косюры, когда онъ, по обыкновенію, укладывался спать, переживалъ впечатлѣнія дня.

«Все-таки странно—ни фамиліи моей не знаетъ, ни гдѣ я живу, ни что я за человѣкъ... Неужели такое возмутительное равнодушіе? Мнѣ кажется, я ей нравлюсь, иначе зачѣмъ же она приходитъ и такъ аккуратно... раньше меня... Не изъ-за однѣхъ же денегъ, чортъ возьми!.. Я даже ничего ей до сихъ поръ не подарилъ. Мое постоянство становится забавнымъ. Ужъ не перетащить ли ее къ себѣ, въ самое дѣлѣ?.. Вотъ нашъ мужской эгоизмъ! Живемъ, наслаждаемся, подчасъ клянемся въ вѣрности, а послѣ и не узнаемъ тѣхъ, съ которыми переживали близкую встрѣчу...»

Косюра прождалъ Юлю около часу. Она не пришла.

По Невскому и Морской было оживленно и весело, и ему тоже хотѣлось быть веселымъ, радостнымъ. Онъ завидоваль проходившимъ парамъ. Попадалось много интересныхъ женскихъ лицъ. Въ душѣ его вдругъ образовалась пустота, которую нечѣмъ было заполнить.

Малѣйшія подробности прежнихъ встрѣчъ съ Юлей воскресали, дразнили, жгли.

Онъ пересталь владѣть собою и поѣхаль къ тому дому на Васильевскомъ островѣ, гдѣ она жила, вызваль дворника, даль ему двугривенный, заговориль о Юліи Ѳедоровнѣ Богущкой.

Тотъ вошелъ въ роль посредника, глубокомысленно чесаль затылокъ и справлялся съ домовою книгой.

— Вашей барышни нѣту и не прописана.

— Да какъ же нѣтъ? А въ шестой квартирѣ кто живетъ?

Все незнакомыя фамиліи. Еле добился, что дѣйствительно жила барышня, Юлія Ѳедоровна Букловская, да выѣхала недѣлю назадъ, какъ сама отмѣтила, на Петербургскую сторону.

Дворникъ не сумѣль описать Юлиной наружности: «И не то, чтобы свѣтлая, и ходить этакъ съ ухваткой такой...»

При этомъ дворникъ съ серьезнымъ видомъ показываль, съ какой именно ухваткой.

Поѣхаль и на Петербургскую Косюра, но и тамъ потерпѣль неудачу: номера, сообщеннаго ему, совсѣмъ не было на Съѣзжинской улицѣ.

Только на другой день въ адресномъ столѣ добился и послаль новое письмо, убѣжденный, что Богущкая и «мѣшанка Букловская, портниха», какъ значилось въ полученной имъ справкѣ,—одно лицо.

Слово «портниха» немного расхолодило его фантазію, которая рисовала ему первое время нѣсколько иной обликъ Юли. Особенно покоробиль его безпричинный обманъ.

«Наврала... Все ложь! Ни одному слову нельзя вѣрить...»

Сердился, а все же написалъ и волновался съ утра, придетъ-ли. Конечно, пришла, и на лицѣ блуждала какъ бы виноватая улыбка.

Онъ готовиль цѣлую обвинительную рѣчь, пропитанную ядомъ укоровъ, которую, однако, замѣнилъ простой фразой, болѣе похожей на шутку, чѣмъ на упрекъ:

— Какая ты проказница! Едва тебя отыскаль... Можетъ, на слѣдующій разъ изъ Букловской ты еще обратишься въ какую-нибудь тамъ Потоцкую, что ли?.. Пожалуйста, предупреждай о своихъ превращеніяхъ.

Юля тихо смѣялась, и плечи ея нервно вздрагивали. Руки были холодныя. Въ глазахъ порою мелькало что-то задорное и снова потухало.

«Что съ ней творится? Точно раненая утка», подумалъ Косюра.
 — Колька совсѣмъ разсорился съ матерью. Я переѣхала на Петербургскую, а онъ за мной. Влюбленъ! Ну, и поселились вмѣстѣ... то есть рядомъ въ комнатахъ. Тетка сердится, общается отцу написать... Мнѣ безъ надобности... Все равно, ничего отъ него хорошаго не видала. Я не маленькая и ни за что къ нему не вернусь. Выдумки какія!.. Вотъ, поэтому, и проживаю подъ разными фамиліями... то портнихой прописываюсь, то бонной... Я уже говорила вамъ, что служу въ почтовомъ отдѣленіи?.. Вчера бросила мѣсто. Не вѣрите? Смѣшно все это. Отчего вы смотрите на меня?

Она становилась нервнѣй и нервнѣй. Руки у нея окончательно заledenѣли. Юля дрожала, какъ въ лихорадкѣ. Наконецъ начала собираться домой.

Передъ прощаньемъ усмѣхнулась и достала изъ кармана мелко сложенную бумажку.

Такая усмѣшка всегда чувственно дѣйствовала на Косюру, и онъ не могъ удержаться, чтобы не привлечь Юлю къ себѣ.

Она не сопротивлялась, но не выпускала бумажки, крѣпко зажавъ ее цѣпкими пальцами.

— Коля съ фабрики принесъ революціонныя пѣсни, которыя распѣваютъ рабочіе... «Вы жертвою пали...» Что? Отчего вы смѣетесь? Развѣ можно такъ цѣловаться? Я правду говорю. Возьмите, Андрюша, прочесть. Только, Боже сохрани, не сейчасъ. Къ себѣ возьмите,—и впопыхахъ всунула ему въ карманъ пиджака записку, причѣмъ глаза ея со страннымъ блескомъ косили по сторонамъ, избѣгая прямого взгляда.

— Ты все говоришь мнѣ «вы». Зачѣмъ? Не нужно.

— Ну, Андрюша, ты... Нѣтъ, не привыкла. Совѣстно. Вы говорите по-своему, а я по-своему.

Уже на извозчикѣ онъ вспомнилъ объ этой загадочной бумажкѣ, вынулъ и хотѣлъ прочесть, но блѣдныя буквы, неразборчиво написанныя карандашомъ, сливались; онъ зажегъ восковую спичку и не безъ труда прочелъ:

«Милый Андрюша! дай мнѣ ради нашей дружбы займы рублей двѣсти ненадолго. Мнѣ очень теперь тяжело живется. Ты знаешь причину. Цѣлую тебя, моего дорогого. Твоя Юля».

Послѣ подписи стыдливо выдѣлялось внизу листка: «Люблю», приписанное нерѣшительнымъ почеркомъ и слегка перечеркнутое. Почеркъ—неустановившійся, полудѣтскій. Ошибокъ не было.

Косюрѣ стало и смѣшно, и стыдно за Юлю и за себя.

«Хорошая революціонная пѣсня!.. Гм... двѣсти!.. Слѣдовало бы, однако, послать...» и тутъ же мысленно добавилъ: «непремѣнно завтра же пошлю... Не дѣлалъ ей ни одного подарка. Она все-таки славная и безкорыстная... И, кажется, влюблена въ меня по уши, хотя и не высказываетъ этого...»

Въ тотъ же вечеръ онъ написалъ ей коротенькое письмо, гдѣ въ туманныхъ, витіеватыхъ выраженьяхъ высказался, что онъ «радъ прійти ей на помощь», что онъ вообще «и такъ передъ ней въ долгу», «что посланныя деньги она ни въ какомъ случаѣ не должна возвращать» и, т. д.

«Что жъ, надо сознаться, что и меня можно подчасъ ловко подковать!»

IV.

Отправивъ двѣсти рублей, Косюра не спѣшилъ вызывать Юлю. Ему казалось это унижительнымъ.

«Подумаешь еще, чего добраго, что я тороплюсь вознаградить себя за понесенный убытокъ...»

Неоднократно порывался написать, но характеръ пересиливалъ желанье. Стоило немалыхъ огорченій выдерживать напускное спокойствіе.

«Пожалуй, она и не замѣчаетъ моего отсутствія? Забыла, что я существую... Впрочемъ, она, вѣдь, совсѣмъ не знаетъ, кто я и гдѣ живу. Откликнуться не можетъ, если бъ и хотѣла»,—разстраивалъ себя Андрей Андреевичъ и сейчасъ же утѣшалъ. У Сидоровыхъ тоже не бывалъ, хотя и получилъ нѣсколько пригласительныхъ записокъ.

Въ обществѣ господствовало подавленное настроеніе. Это также увеличивало его унылость и брюзжаніе.

Съ театра войны получались крайне нерадостныя извѣстія. 20-го декабря 1904 г. были подписаны условія сдачи Портъ-Артура. Святки проходили однообразно, скучно. Чувствовалось начало грустнаго конца. Блестящія грезы лопались, какъ мыльные пузыри.

Какъ-то въ первыхъ числахъ января, въ вечернихъ сумеркахъ, Андрей Андреевичъ ѣхалъ на конкѣ, погруженный въ раздумье, не глядя по сторонамъ, никого не замѣчая, а когда отвелъ глаза вбокъ,—такъ и замеръ отъ неожиданности, чуть не вскрикнулъ. Наискось, немного поодаль, впереди сидѣла въ углу вагона, у самаго выхода, Юля и смотрѣла въ листокъ телеграммъ. Шляпа отбрасывала тѣнь на верхнюю часть ея лица.

Тусклый свѣтъ фонаря мерцалъ, вздрагивалъ, играя на ея губахъ и подбородкѣ.

Косюрѣ не было видно ея взгляда, но по временамъ онъ угадывалъ чутьемъ, что ея темныя рѣсницы поднимаются и пыливый взоръ останавливается на немъ и робко наблюдаетъ какую-нибудь секунду, не больше.

Возлѣ Юли находился молодой человѣкъ съ вызывающей внѣшностью,—здоровый, красивый, очень развязный, вообще плохо на-

поминавшій «совсѣмъ маленькаго Кольку», какъ она его, бывало, представляла въ своихъ разсказахъ. Онъ довольно небрежно при-слонился къ ней плечомъ и что-то шепталъ, вѣроятно, интересное, такъ какъ она слушала его съ удвоеннымъ вниманіемъ или дѣлала видъ, что слушаетъ, попрежнему держа телеграммы.

Глаза Юлиного кавалера, свѣтлые, круглые, слишкомъ открытые, раза два скользнули по фигурѣ Косюры, и тотъ, пользуясь остановкой на разъѣздѣ, когда нѣсколько человѣкъ столпилось въ проходѣ, быстро вышелъ на площадку, притворяясь поглощеннымъ важными мыслями.

Нервный спазмъ душилъ его, подкатывалъ къ горлу.

Косюра былъ внѣ себя, точно получилъ тяжелую обиду отъ близкаго друга.

«Гдѣ-то я встрѣчалъ этого молодца... Не припомню теперь...» Онъ неловко соскочилъ съ подножки вагона, оступился и едва не упалъ, а когда перешелъ черезъ улицу,—его догоняла Юля, и лицо ея сіяло счастливой улыбкой.

— Благодарю, милый Андрюша, за деньги, благодарю. Я отдамъ при первомъ случаѣ. Отчего ты не писалъ мнѣ такъ долго? Сердился? Боленъ былъ?.. Зачѣмъ ты такой злой?.. Ты не по дѣлу? Хочешь—погуляемъ вмѣстѣ?..

Онъ глядѣлъ и дивился: и Юля, и не Юля; какая-то переменъ, меньше неувѣренности; наконецъ это внезапное «ты», которое такъ ей не давалось раньше.

— Денегъ не нужно возвращать. Что за глупости! Я съ тѣмъ и далъ, иначе не далъ бы,—сухо отрѣзалъ Андрей Андреевичъ:—а какъ же вашъ кабалеро? Вы развѣ съ нимъ распрощались?

— Какой онъ смѣшной! Онъ ревнуетъ!—и Юля залилась обычнымъ своимъ заразительно-веселымъ смѣхомъ:—и Колька ревнуетъ, и Андрюша... Товарищи!.. Потѣха... Это—мой братъ, Вася. Я сразу тебя узнала, но не могла же при немъ... У насъ строгости... Что? Отчего вы такъ смотрите на меня?

Онъ дѣйствительно смотрѣлъ, но не на Юлю.

Въ морозной, слегка туманной мглѣ уже скрылась проѣхавшая конка.

Косюра оглянулся. Въ каждой тѣни ему мерещился силуэтъ круглолицатаго Юлиного «брата».

— А Коля какъ?—спросилъ онъ вдругъ.

— Колька?.. Боюсь я за него... на заводѣ сходки. Говорятъ, забастовка начнется, если ихъ дѣло не выгорить. Онъ у меня такой маленькій,—сказала она и сразу будто спала съ голоса:—не будемъ лучше вспоминать!.. Сегодня я желаю веселиться, Андрюша. Поѣдемъ куда-нибудь, гдѣ весело. Я всегда прежде отказывалась, а нынче, видишь, сама напрашиваюсь.

Косюра ѣхаль, какъ въ чаду; какъ въ чаду, сидѣлъ въ «Аквариумѣ», пилъ шампанское, разсматриваль пѣвиць, любовался Юлиными глазами. Она была загадочной для него въ этотъ вечеръ.

Между двумя парами зрачковъ словно завязалась минутная борьба: слѣпая страсть ненасытнаго обладанья—съ одной стороны, и огоньки пробуждающейся хищницы-самки, еще не увѣренной въ побѣдѣ,—съ другой.

— Что, если я тебя попрошу объ одной очень, очень важной вещи?—тихо прошептала Юля, а въ ея горячемъ полушопотѣ слышалась едва уловимая нотка не то отчаянья, не то угрозы.

Косюрѣ не хотѣлось въ эту минуту ни думать, ни говорить, а желалось только смотрѣть, слушать. Лѣнь вливалась въ тѣло, въ мысли. Въ глазахъ мерещили окружающіе предметы—столики, бутылки, лица изъ публики, ложи, палочка дирижера, прыгающая вверхъ и внизъ... Полная рыжеволосая плясунья съ золотыми кольцами въ ухахъ, въ яркихъ шелкахъ съ ослѣпительными нашивками, исполняла какой-то характерный танецъ на эстрадѣ.

Въ залѣ кто-то громко спорилъ и его уговаривали успокоиться. Поднялась суматоха, женскій визгъ. Многіе повскакивали съ мѣсть. Потомъ опять все вошло въ обычную колею, смѣшалось, потускнѣло, не оставляя впечатлѣнія.

— Андрюша,—вновь зашептала Юля, смотря на него въ упоръ и точно стараясь заглянуть ему въ душу:—мнѣ, можетъ быть, понадобится отъ тебя большая,—большая услуга... Ты невнимателенъ...

— Скажи прямо,—ворчливо отозвался Косюра, вдругъ будто просыпаясь, и провелъ рукой по лицу:—вѣрно, еще деньги понадобились? Сколько? Я боюсь, что на этотъ разъ...

Онъ не окончилъ фразы. Видно было, что онъ сердится, но сдерживаетъ себя.

Юля откинулась на спинку стула, смѣрила его бѣглымъ недоумѣвающимъ взглядомъ и рѣшительно поднялась, натягивая перчатки, гнѣвно, порывисто, будто торопясь куда-то.

— Нѣтъ, ничего... Я такъ,—пробормотала она, какъ бы размышляя вслухъ:—вы все строите на деньгахъ. Золотомъ, конечно, многое покупается, но не все...не все...Отчего вы смѣтаетесь? Я правду говорю.

Косюра и не думаль смѣяться. Онъ смотрѣлъ на Юлю съ удивленіемъ, словно ее кто-то подмѣнилъ.

— Куда же ты? Развѣ мы не вмѣстѣ?

На губахъ у него блуждала блѣдная улыбка, но вскорѣ смѣнилась досадливой гримасой.

— Нѣтъ, нѣтъ! Слишкомъ поздно. Не сегодня... Не такое нынче время... Нужно домой спѣшить. Коля будетъ беспокоиться. Уѣзжайте одни. Вѣдь мы невзначай встрѣтились...

Онъ едва поспѣвалъ за ней, такъ она спѣшила.

— Ахъ да, Андриуша!—уже садясь въ сани, вдругъ вспомнила она и повернулась къ Косюрь вълоборота:—не странно ли, я почему-то не знаю вашего адреса?.. И фамилии не знаю... Не секретъ?..

Насмѣшка зазвучала въ этомъ вопросѣ.

Онъ молча протянулъ ей визитную карточку и, сдѣлавъ рукой прощальный жестъ, угрюмо поплелся впередъ.

Стоялъ густой туманъ.

Андрею Андреевичу казалось, что душа его тоже окутывается непроницаемымъ мракомъ. Все сразу поблѣднѣло, и онъ самъ для себя словно пересталъ существовать, сталъ тѣнью той же самой сѣдой, страшной ночной мглы, которая росла съ каждымъ мигомъ и наполняла улицы, проникала въ дома, сливалась съ землей и съ небомъ, оковывала мозгъ, холодила сердце, связывала языкъ.

Косюра давно не испытывалъ такого гнетущаго, невыносимаго кошмара наяву и медленно, нехотя, шель,—шель по Каменноостровскому проспекту, къ мосту. Фонари едва мерцали красновато-молочнымъ пламенемъ.

Куранты Петропавловской крѣпости тянули однообразный перезвонъ хорошо знакомыхъ колокольчиковъ, наводящій на тяжелыя думы.

Не умеръ ли кто?..

Было что-то невыносимо-тоскливое въ этой мертвой ночи, точно смутное предчувствіе надвигающейся бѣды...

V.

...И бѣда нагрянула...

Никто не зналъ, впрочемъ, откуда она явится, хотя и ожидали ея.

Ходило много разговоровъ, предположеній, самыхъ невѣроятныхъ слуховъ.

Въ канунъ 9-го января, правда, замѣчались нѣкоторыя особенности, давшія пищу разнымъ кривотолкамъ: день родился безъ газетъ, печатное слово замерло, какъ бы въ преддверіи послѣдняго рѣшительнаго шага; къ вечеру на короткое время пріостановилось дѣйствіе городскихъ водопроводовъ... Въ этомъ уже прямо сквозило предостереженіе.

Косюра, услышавъ отъ кухарки, что вода не течетъ изъ крана, со свойственной ему щепетильной осмотрительностью, направился въ ближайшую виноторговлю, чтобы сдѣлать запасъ зельтерской и лафиту.

— Ужли изъ зельтерской-то самоваръ ставить!—съ недоумѣніемъ ворчала прислуга.

Но боязнь остаться безъ воды была излишней. Водопроводъ работалъ. Невольно чужлось, что въ этотъ короткій промежутокъ без-

дѣйствія произошла никому невидимая борьба двухъ враждующихъ силъ, и одна одолѣла другую.

Совершенно успокоенный, Андрей Андреевичъ до глубокой ночи сидѣлъ за провѣркой страховыхъ книгъ.

Передъ тѣмъ, какъ ложиться спать, постоялъ у окна.

Все было тихо, пустынно. Всегда оживленная мѣстность у «Пяти угловъ» поражала безлюднымъ, унылымъ видомъ. Съжившійся отъ холода городской дремалъ, прислонившись къ фонарному столбу.

Косюрѣ вдругъ стало тягостно на душѣ.

Онъ поспѣшилъ задернуть занавѣску и улечься.

«Что-то съ Юлей теперь?..»—сама собой на минуту блеснула мысль какъ-то помимо его воли и тотчасъ же угасла. Сонъ быстро потушилъ ее.

Грозное 9-е января, притихшіе, но полные мрачной таинственности 10-е и 11-е—зловѣщими призраками протянулись предъ глазами Косюры, вообще мало подготовленнаго къ воспріятію социальныхъ вопросовъ, вдругъ выдвинутыхъ жизнью и поставленныхъ смѣло, рѣшительно впереди всѣхъ прочихъ запросовъ, казавшихся раньше необыкновенно важными. Жизнь доказала, что она сильнѣе человѣческихъ вымысловъ. Жизненный опытъ прежнихъ лѣтъ какъ-то внезапно обезцвѣтился, поблекъ въ теченіе какихъ-нибудь нѣсколькихъ сутокъ. Мѣщанскіе мудрецы стали въ положеніе учениковъ, начинающихъ съ азбуки. Переоцѣнка понятій сдѣлалась неизбежной, двинулась могучими шагами, оставляя по ту сторону рубежа приверженцевъ старины и увлекая дальше и дальше людей новаго уклада. Были и межеумки, вродѣ Андрея Андреевича, колеблющіеся то впередъ, то назадъ, не умѣющіе сказать ни *за*, ни *противъ*, либо выжидающіе случая, либо боящіеся отрѣшиться отъ затверженныхъ словъ и въ то же время не имѣющіе мужества отстаивать ихъ.

Свою философію о жизни, какъ непрерывномъ рядѣ встрѣчъ, Косюра примѣнилъ и теперь, когда раздумывалъ о случившемся: «Просто встрѣтились преторіанцы и пролетаріи, толпа и толпа, стрѣлявшіе и обстрѣленные,—встрѣтились и разошлись, не уступая, можетъ-быть, другъ другу, но и не побѣждая, а въ результатѣ—сколько несчастій, жертвъ!.. Такая-то всегда жизнь съ обычными роковыми встрѣчами!..»

Въ странномъ волненіи, какъ человѣкъ, сбитый съ пути, Косюра то ходилъ изъ угла въ уголъ, въ тѣсной комнатѣ небольшой, по шаблону обставленной квартиры педанта-холостяка, то слонялся по Петербургу, точно ища объясненія всему видѣнному и слышанному.

Тысячеголовое существо—пролетаріатъ, какъ сфинксъ, появившееся вдругъ откуда-то изъ низинъ голода, нищеты, мрака и тяже-

лаго труда, поразило его загадочностью своей фигуры, и Андрей Андреевич как бы растерялся, хотя тщательно скрывалъ это чувство даже отъ собственныхъ мыслей,—словно стыдясь чего-то.

Событія летѣли одно за однимъ безконечною нитью крови и слезъ, и впечатлѣнія невольно мѣнялись съ головокружительной быстротой, едва поспѣвая за событіями. Что ожидалось годами, выступило и промелькнуло въ два-три дня. Могъ ли Косюра послѣдовательно вызвать въ памяти картины январской трагедіи?

Онъ неоднократно думалъ объ этомъ съ закрытыми глазами, лежа на кушеткѣ, и ужасная панорама, какъ молнія, пронеслась въ мозгу огненнымъ зигзагомъ.

...Зимній воскресный день. Оловянное небо... Море головъ. Волны рабочаго люда, плавно тянущіяся туда, откуда виднѣется тѣнь надвигающихся ружей. Недоумѣніе и угроза сталкиваются и, при звукахъ рожка, замираетъ сердце. Ружейный залпъ... еще и еще... Паника... бѣгутъ... Общее смятеніе. Тутъ и раненые, и убитые, и любопытные. Косюра попалъ сюда тоже изъ любопытства и бѣжитъ съ другими, различая на ходу кровавые пятна въ замерзшемъ снѣгу.

Опять море головъ. Опять волны, но уже болѣе нарядной, праздничной толпы, и снова цѣпь надвигающихся ружей. Вновь сталкиваются наивное недоумѣніе и слѣпая угроза, и тотчасъ же зловѣщій рожокъ, отъ звуковъ котораго у Косюры ползетъ морозъ по кожѣ и чувствуется, какъ кровь отливаетъ отъ мозга и леденѣетъ затылокъ.

«Все равно, чтѣ бы ни случилось,—лишь бы скорѣй конецъ»...:—робко звучитъ въ душѣ отголосокъ мыслей, и Андрей Андреевич самъ не помнитъ, какъ свѣжая волна людей увлекаетъ его въ сторону. Тутъ и женщины, и дѣти, и старики. Онъ спасенъ, и безумно-радостное опьяненіе прихлынувшего счастья кружитъ ему голову.

Конечно, онъ никогда не забудетъ этихъ пережитыхъ мгновений страха, отчаянья и борьбы тѣла между жизнью и смертью.

...Зимній вечеръ. Развѣзжаютъ патрули. Мѣстами войска расположились лагеремъ. Разведены костры и дымятъ походныя кухни. Городъ въ осадномъ положеніи. Магазины закрыты. Не горять фонари. Погасло электрическое освѣщеніе. Мертвая тишина. Ни конокъ, ни извозчиковъ. Изрѣдка развѣ прощмыгнуть сани, и опять никого.

Вотъ уличные мальчишки дразнятъ ѣдущаго козыремъ рыжебородаго, широкоплечаго казака; но едва тотъ хватается привычной рукой за нагайку,—они уже разсыпались съ хохотомъ, криками и свистомъ и безслѣдно исчезли. Снова смолкаетъ улица, но все же что-то угрожающее, безпокойное таится и въ этой глухой тиши, и въ мутной мглѣ беззвѣздныхъ небесъ.

По лицамъ прохожихъ, скользящихъ тѣнями, не различить, чтѣ ихъ печалитъ и что радостью наполняетъ ихъ сердца, да и вообще

радуются они или скорбятъ, или равнодушны ко всему окружающему.

Не крадется ли обманъ по темнымъ закоулкамъ столицы?..

Не выходитъ ли месть изъ-подъ воротъ громаднхъ домовъ съ сырыми подвалами?..

Нѣтъ отвѣта. Все притихло и ждетъ.

...Зимняя ночь, черная, бездонная, какъ пропасть, страшная до ужаса...

Косюра не спитъ. Ему грезятся недавнія потрясенія то въ образѣ бѣгущей толпы, то въ звукахъ рожка, въ напоенномъ кровью заревѣ, въ свѣжнхъ сугробахъ, напоминающихъ могилы...

Въ комнату вползаютъ густыя сумерки; онѣ проникаютъ сквозь окна, сквозь щели и замочныя скважины. Не уберечься отъ нихъ. Мысли разбрасываются, и вдругъ одна, назойливая, какъ муха, начинаетъ туманить мозгъ.

«За кого сама жизнь, тотъ и выйдетъ побѣдителемъ... Я вышелъ, другіе пали. Можетъ, и Юля побѣдила, а Колька... Зачѣмъ я вспомнилъ этого Кольку!.. А Колька, можетъ, палъ... Жизнь не за него... Вѣдь, возможно?»

Что-то вродѣ ревности загорается въ груди, и мимолетное предположеніе о томъ, что «Колька, можетъ, палъ» доставляетъ ему какъ будто минутное удовольствіе...

Косюра такъ и заснулъ, задыхаясь въ тревожныхъ снахъ.

VI.

На другой день послѣ тяжелой ночи онъ проснулся довольно поздно, какъ послѣ угара, съ большой головой, ив торопяхъ, чтобы во время попасть на службу, въ страховое общество, заодно и одѣвался, и пилъ кофе, ѣлъ бутерброды и затягивался папиросой.

Дарья, еще не старая, довольно миловидная, бойкая бабенка, исполнявшая тройную роль кухарки, горничной и управительницы небольшимъ хозяйствомъ, какъ всегда, любившая посплетничать, принесла какой-то официальный тощій листокъ, такъ какъ другія газеты шестой день не выходили, и объявила свѣжія новости:

— Наборщики нонче станутъ на работу, а на заводахъ—бастуютъ. Сказываютъ, мясо вздорожаетъ на четвертакъ... Вонъ оно что! Поди-ка съ ними! Подвоза нѣту.

Нетерпѣливый звонокъ, и разсужденія прерваны.

— Кого это Богъ несетъ?.. Ужъ не забастовщики ли часомъ?— поспѣивается она и торопливо бѣжитъ въ переднюю.

Косюрѣ оставалось только облачиться въ скюртукъ. Онъ прислушивался къ голосамъ. Потомъ все стихло и въ дверяхъ снова появилась Дарья.

— Къ вамъ пришли... По видимости, никакъ барышня... не беру ужь,—отрывисто докладываетъ она не то сконфуженно, не то насмѣшливо:—знаютъ васъ... Не говорятъ, какъ звать. Пущать, что ли?.. Аль нѣтъ?..

Андрей Андреевичъ неопредѣленно махнулъ рукой, замѣчая ея улыбку, и двинулся къ дверямъ, заранѣе угадывая, кто нежданная посѣтительница.

«Разумѣется, Юля. Даль ей визитную карточку, узнала адресъ, вотъ и прикатила... естественно...»

Онъ не успѣлъ собраться съ мыслями, чтобъ сдѣлать тотъ или другой философскій выводъ, къ которымъ имѣлъ слабость, какъ ранняя гостья уже стояла на порогѣ комнаты.

Она была въ суконной кофточкѣ и скромной барашковой шляпѣ.

Розовыя губы не улыбались. Глубокіе глаза съ темными рѣсницами сверкали сухимъ блескомъ рѣшимости. Изящный тонкій профиль не выражалъ дѣтской наивности и покорности. Прежняя боязливая неувѣренность, почти ступежавшаяся при послѣднемъ ея свиданіи съ Косюрой, теперь совсѣмъ какъ будто отсутствовала.

Облако грусти пробѣжало по лицу Андрея Андреевича.

— Юля!—тихо произнесъ онъ и протянулъ руку.

При дневномъ освѣщеніи онъ еще не встрѣчался съ ней, и она показалась ему на блѣдномъ фонѣ петербургскаго утра не менѣе привлекательной, хотя отъ него не скрылось, что подъ маской вызова старательно прячется все та же боязливая неувѣренность.

— Мнѣ необходимо поговорить съ вами... безъ постороннихъ.

Дарья хихикнула въ ладонь и быстро юркнула въ коридоръ, хлопнувъ дверью, и оттуда что-то громко пробурчала.

Оставшись наединѣ, Косюра, позабывъ о головной боли, шутливо обхватилъ Юлю за талію и посадилъ на кушетку, на которой еще лежали неубранныя подушки и одѣяло; но дѣвушка ловкимъ движеніемъ высвободилась и сѣла поодаль, нахмуривъ брови.

— Андрюша,—дѣловымъ тономъ начала она,—я, право, не затѣмъ пришла. У меня большое горе. Не знаю, какъ и сказать вамъ.

Андрей Андреевичъ прислушивался, сразу сдѣлавшись серьезнымъ, и опять сталъ ощущать боль въ вискахъ.

— Ты пугаешь меня. Говори прямо безъ предисловій. Я—человѣкъ нервный... да и нездоровится сегодня.. мигрень...

Онъ даже вскочилъ съ кушетки и пробѣжался по ковру, чтобы не волноваться.

— Хочешь чашку кофе?

Она отрицательно покачала головой.

Изъ-подъ шляпы непослушно торчали густыя пряди вьющихся волосъ съ рыжеватымъ отливомъ, и Косюра засмотрѣлся на нихъ. Онъ отвлекали его вниманье и возвращали къ прежнимъ беззаботно-игривымъ мыслямъ. Сладкій запахъ знакомыхъ духовъ мутилъ его...

Минута или двѣ напряженного, томительнаго молчанья, и вдругъ Юля истерически всхлипываетъ. Слезы какъ-то осторожно скатывались по щекамъ, нисколько не портя глазъ, и Юля поспѣшно смахивала ихъ платкомъ.

Растерялся Косюра, обнявъ ее. Онъ боялся женскихъ слезъ и плачущихъ не умѣлъ угѣшать, еще хуже разстраивалъ ихъ.

— Колька... Колька,—дрожащимъ, прерывающимся голосомъ прошептала она:—опасно раненъ въ голову. Пожалуй, не выживетъ. Онъ ходилъ на свою фабрику узнать, какъ чтѣ, а рабочіе увидѣли, стали ругать: «Ты противъ забастовки! Ты, значить, не товарищ намъ, а черносотенникъ, сыщикъ, предатель! Объявляемъ тебѣ бойкотъ...» Кричали, шумѣли, а тутъ, какъ на зло, патруль ѣхалъ, началъ разгонять. Колька, вѣдь, маленькій такой... Его легко обидѣть... Вотъ и подвернулся... Въ больницу свезли. Надо лечить, а денегъ—ни копейки и не къ кому обратиться. Мать и знать его не хочетъ послѣ того, какъ бросилъ ее и со мной ушелъ.

Косюра былъ въ неловкомъ положеніи. Юлино горе, хотя и выразившееся въ слезахъ, въ задушевной рѣчи, въ блѣдности взволнованнаго лица, какъ-то мало трогало его. Напоминаніе о человѣкѣ, съ которымъ у нея была связь, скорѣй сердило, чѣмъ вызывало сожалѣніе къ его бѣдѣ; но онъ старался спрятать эти эгоистическія чувства.

— Милая Юля, я огорченъ,—страшно огорченъ... Вотъ все, чѣмъ я пока могу быть полезенъ,—скороговоркой произнесъ Андрей Андреевичъ, стараясь не смотрѣть на Юлю и роясь въ письменномъ столѣ:—немного... всего-то четвертной билетъ... Но что же дѣлать, если я за послѣднее время поиздержался! Да, да... поиздержался... Когда поуспокоишься,—заходи. Я радъ повеселиться... Поѣдемъ въ театръ... У меня самого столько огорченій въ жизни, столько заботъ и непріятностей по службѣ! Если мы другъ къ другу будемъ пріѣзжать съ собственными печалями, а не оставлять ихъ дома, подъ спудомъ,—неудачно пытался онъ пошутить:—и жить не захочется... Не сердись! Я не преувеличиваю. Надо же когда-нибудь быть откровеннымъ.

Стальные глаза Косюры и его, какъ всегда, грубоватый тонъ давали понять дѣвушкамъ, что пріемъ оконченъ и она—лишняя.

Юля рѣзко поднялась и, съ лихорадочной поспѣшностью пряча въ муфту деньги, сдержанно поблагодарила, не глядя на него, молча, точно все еще находясь подъ вліяніемъ его словъ, направилась къ выходу.

«Обидѣлась Юля... Ненадолго! А я былъ правъ!»—подумалъ Косюра:—я побѣдилъ и она побѣдила... а Колька палъ... Пушечное мясо... Жизнь не за такихъ. За кого жизнь,—за тѣмъ и побѣда. Это—фактъ, фактъ!..»

И эти мимолетныя мысли, какъ и тогда, опять на мигъ доставили ему животную радость торжествующей плоти. Онъ отправился на службу съ запозданіемъ, въ приподнятомъ настроеніи побѣдителя, безъ малѣйшихъ признаковъ мигрени и даже напѣвалъ себѣ подъ носъ: «Allons, enfants de la patrie»...

VII.

Скучный, холодный уѣздный городъ съ частыми заборами и рѣдко поставленными деревянными домами съ низкими окнами, пугливо охраняемыми ставнями, гдѣ прячутся бездушные люди съ черствыми сердцами, съ маленькими страстишками; прямолинейный, каменный губернской городъ съ болѣе высокими и болѣе частыми постройками, но съ такими же мелкими людскими страстишками; наконецъ гранитная великанъ-столица съ громадными, алчными страстями, съ чудовищными пороками, держащими, какъ въ тискахъ, ослабѣвшія, жалкія человѣческія сердца,—городъ блестящихъ, роскошныхъ палатъ и тутъ же мрачныхъ притоновъ и гнилыхъ подваловъ, гдѣ уже почти нѣтъ просвѣта, гдѣ зданія робко тѣснятся одно къ другому, словно всего боясь,—и солнечныхъ лучей, и простора, и воздуха, гдѣ миллионы ногъ затаптываютъ въ уличную грязь безвольныя, не умѣющія сопротивляться, вялая жизни,—все это близко коснулось Юли еще съ раннихъ лѣтъ, на блѣдной зарѣ дѣтства.

Ея отецъ, сначала писмоводитель уѣзднаго мирового судьи, потомъ частный ходатай по дѣламъ, ловкій, способный на разные обходы закона, къ тому же періодически страдающій запоемъ, не могъ, конечно, уберечь дочь отъ вліянія улицы; онъ самъ, по своему складу, составлялъ часть этой улицы, одно изъ ея главныхъ звеньевъ. И народъ у него бывалъ темный, съ нечистыми побужденіями,—кулаки-міроѣды, ростовщики, насильники, сомнительные дѣльцы подъ разнообразными кличками.

Арена уѣздной жизни не удовлетворяла его аппетитовъ, и онъ перебрался въ «губернію», гдѣ скоро погрузился въ двусмысленную дѣятельность ходатая-комиссіонера.

Жена, помогавшая ему во многихъ щекотливыхъ вопросахъ умѣньемъ поправиться и вызывающей красотой чувственного лица, на которомъ постоянно скользила тѣнь неутоленныхъ поцѣлуевъ,—найдя подходящий случай, исчезла съ разбогатѣвшимъ саврасомъ.

Юля осталась безъ материнскаго глаза, ходила въ школу, затѣмъ въ прогимназію, а дома, въ душномъ задхломѣ воздухѣ низкихъ комнатъ, насыщенномъ табакомъ и винными парами, только и слышала откровенно-дерзкія рѣчи, и ея наивное сердце словно затягивало тинистое болото.

Съ 12 лѣтъ ее стало неудержимо тянуть на улицу, гдѣ было веселѣй; какъ мотылекъ, она летѣла на огонь. Она многое поняла и многое узнала изъ разсказовъ уличныхъ подругъ. За ней ходили вереницы поклонниковъ—отъ гимназистовъ до стариковъ, посѣщающихъ ея отца... Свиданія съ нѣкоторыми изъ нихъ то въ городскомъ скверѣ, то на гуляньяхъ въ клубномъ саду, устраиваемыхъ «обществомъ трезвости», то гдѣ-нибудь въ болѣе укромныхъ уголкахъ у подругъ или у себя дома, въ уединенныхъ прогулкахъ по улицамъ и закоулкамъ большого города, наконецъ въ загородныхъ паркахъ и садахъ,—хотя съ вѣбшней стороны и не переступали границъ обыкновеннаго ухаживанья, но уже были пропитаны растлѣвающимъ ядомъ... Да и самъ отецъ иногда со страннымъ блескомъ оставливалъ на ней красные, влажные глаза. Трудно было рѣшить, о чемъ онъ въ эти минуты думалъ,—оцѣнивалъ ли дочь, какъ будущій товаръ для выгодной торговой сдѣлки, или, быть-можетъ, таилъ подъ личиною еще худшія стремленія. По крайней мѣрѣ, въ опущенныхъ углахъ его застывшаго рта, искривленнаго нехорошей усмѣшкой, подчасъ читалось смѣлое намѣреніе взять недоступное, запретное.

«Адвокатскую дочку» всѣ знали въ губернскомъ городѣ. Ее вездѣ можно было встрѣтить; начальница прогимназіи, въ концѣ концовъ, услышавъ какой-то доносъ и «охраняя честь заведенія», попросила Букловскаго взять дочь почти наканунѣ выпускныхъ экзаменовъ. Какъ разъ съ этимъ временемъ совпала непріятная исторія съ самимъ ходатаемъ.

Онъ пристроился въ качествѣ управляющаго домою къ одной почтенной старушкѣ, потрясенной смертью сына и почти никого не принимавшей. Букловскій сумѣлъ заслужить ея полное довѣріе.

Не прошло и года, какъ онъ своими разсказами о выгодности пріисковъ, уговорилъ ее купить отъ него различныхъ ничего не стоящихъ паевъ и акцій на наличныя деньги, выманивъ при этомъ на крупную сумму и безденежныхъ векселей.

Состоянію старухи грозило близкое разореніе, чему помогло и биржевое пониженіе.

Дальніе родственники-наслѣдники, узнавъ о продѣлкахъ Букловскаго, спохватились и заявили прокурору.

Предчувствуя бѣду, адвокатъ рѣшилъ перемѣнить мѣстожителство и временно ступевался съ губернскаго кругозора. Онъ быстро снарядилъ Юлю, далъ ей немного денегъ на дорогу и «первое обзаведеніе» и послалъ въ Петербургъ къ теткѣ, общая помогать, самъ же скрылся—неизвѣстно куда, оставивъ квартиру запертой.

Тетка, содержательница моднаго магазина «Софи и К°», родная сестра Юлинаго отца, не отличалась мягкостью характера и гостепріимствомъ.

Пожилая, съ энергичнымъ, злымъ лицомъ и ястребинымъ взглядомъ, пылающимъ изъ-подъ очковъ съ круглыми выпуклыми стеклами, она встрѣтила племянницу довольно сурово:

— Еще чего недоставало! Развѣ у меня страннопримный домъ? Хорошъ братецъ, нечего сказать! Чтобъ ему пусто было! Разодолжилъ... по-родственному,—горланила она, не стѣсняясь мастерицъ и дѣвочекъ и ухарски подбоченясь:—деньги, говоришь, будетъ высылать?.. Жди! Какъ бы не такъ! Вретъ онъ, безпутный!.. Зря все городить. Уже мальчикомъ и мать, и бабуку надуваль, шаломутомъ былъ. Ну, дѣвушка милая, если хочешь у меня жить,—учись нашему мастерству, а то—на всѣ четыре стороны. Вашей сестрой хоть прудъ пруди. Съ голоду пухнуть. Только свисну, — нагрнать, какъ воробы... Грамотная? Ну, и за то спасибо. Гимназистка? Вонъ оно что! Юліей звать? Ладно, будешь пока счета писать да книгу приходо-расходную вести. Ты, какъ на тебя я погляжу,—бѣлоручка... Матери-то, небось, не до тебя было... Задрать хвостъ, бѣгала. Осмотрись день-другой. Я, вѣдь, не злодѣйка какая... Познакомься съ товарками, не важничай... не барыня. У меня тарыбары-растбары недолгія. Кто не работаетъ, а болтаетъ вздоръ—штрафъ или адью.

Губернская полубарышня, сама себѣ госпожа, 17-лѣтняя Юля сразу попала въ положеніе подневольной нахлѣбницы.

Тянулись дни тоскливой, мутной вереницей.

Отецъ, конечно, денегъ не присылалъ, и тетка бѣсилась, становясь все строже и требовательнѣй, придиралась ко всякой мелочи, считала жадными глазами каждый кусокъ хлѣба, съѣденный племянницей.

Картины одиночества, сжимавшія сердце, рисовались Юлѣ въ безсонныя ночи, и память воскрешала любимые некрасовскіе стихи, заученные еще въ школѣ:

«Гдѣ ты теперь? Съ ницетою горемычной
Злая тебя сокрушила борьба?
Или пошла ты дорогой обычной,
И роковая свершилась судьба?
Кто-жъ защититъ тебя? Всѣ безъ изъятія
Именемъ страшнымъ тебя назовутъ...»

А, вѣдь, тамъ, въ прошломъ, не все было дурнымъ...

Студентъ-первокурсникъ, Николай Стрѣха, не ходилъ на прочихъ. Онъ всегда такъ застѣнчиво приближался къ ней, говорилъ тепло и красиво, смотрѣлъ мягкимъ взоромъ и жалѣлъ ее, защищалъ, когда про нее распускали сплетни; ей бывало такъ стыдно, если Стрѣха встрѣчалъ ее идущей съ кѣмъ-нибудь изъ ухаживателей, особенно изъ отцовской компаніи... Онъ тогда опускалъ глаза и дѣлался такой блѣдный и скучный... И ей становилось не по себѣ, и навертывались слезы... Онъ все что-то желалъ ей сказать передъ

отъѣздомъ въ заграничный университетъ, но такъ и не рѣшился или, можетъ, передумалъ, и Юля не имѣла о немъ никакихъ свѣдѣній.

Въ магазинѣ «Софи и К-о» дѣла шли недурно, но мастерицы и дѣвочки кормили плохо, содержали неряшливо, въ душномъ помѣщеніи и мучили непосильной работой, заставляя иногда про-сидживать съ ранняго утра до глубокой ночи.

Многія не выдерживали и перебирались въ другія мастерскія. Нѣкоторыя, имѣвшія выгодныхъ покровителей, пользовались видимымъ расположеніемъ хозяйки; имъ прощалось и запаздыванья, и несвоевременный уходъ, и пропуски, и вѣчные разговоры о пережитыхъ впечатлѣніяхъ, о веселой жизни, о Народномъ домѣ.

И у Юли разбѣгались глаза, звенѣло въ ухахъ отъ этихъ разсказовъ. Мысли, какъ зарницы, освѣщали прошлое и манили къ такому же будущему. Ей не свѣтила лучезарная бѣдность ясными надеждами тихаго, прочнаго счастья. Яркій, увлекательный порокъ упорно перетягивалъ ее на свою сторону и сулилъ радости и утѣхи.

Она давно стояла на границѣ его, не рѣшаясь перешагнуть, но случай скоро подвернулся.

Съ помощью опытныхъ подругъ по магазину состоялась встрѣча съ красавцемъ, Васей Чухлѣбовымъ,—молодымъ человѣкомъ безъ опредѣленныхъ занятій, но съ извѣстностью покорителя сердець.

Она и сама не знала, какъ поддалась его обаянью и даже согласилась перебраться отъ тети въ какія-то меблированныя комнаты, которыя содержала старуха-полька, Васина знакомая.

Вася быстро скрутилъ Юлю и заставилъ подчиняться своимъ капризнымъ требованіямъ. Онъ любилъ веселиться и стремился къ тому, чтобы имѣть побольше денегъ, а работать—не входило въ его планы. Онъ просто-напросто намѣчалъ подходящую жертву и, дѣйствуя по-маккіавельски, заставлялъ ее разыгрывать назначенную роль для добыванія необходимыхъ средствъ. Его свѣтлые, наглые глаза, самоувѣренная внѣшность съ развязными манерами и щегольство нравились многимъ женщинамъ, покорили и Юлю...

Она не находила силъ къ сопротивленію; ласки обезоруживали ее, дѣлали податливой, и она ловко проводила въ жизнь затверженные отъ него уроки.

Когда Юля донесла ему о неожиданномъ знакомствѣ съ Косюрой, смѣтливый Чухлѣбовъ построилъ цѣлую систему одураченія новаго поклонника, сочинилъ и эпизодъ съ несуществующимъ Колькой. Попутно шла игра и съ другими.

Юля невольно запутывалась въ ложь, а Вася жилъ себѣ припѣваючи, кутилъ и ни о чемъ не думалъ. Онъ былъ полновластнымъ хозяиномъ вымысла и находилъ, что лучшаго заработка и желать не надо. Въ этой области онъ отличался большой находчивостью,

изворотливымъ умомъ и, какъ своего рода художникъ, съ любовью отдѣлывалъ детали каждаго придуманнаго имъ «сценарія», смотря по дѣйствующимъ лицамъ.

Выйдя отъ Косюры, Юля торопливо завернула въ Чернышевъ переулокъ, чтобы пройти въ Гостинный дворъ, гдѣ ее поджидалъ Чухлѣбовъ.

Она была очень взволнована, точно спѣшила укрыться отъ собственныхъ мыслей, какъ отъ острія невидимаго копья, уязвившаго ея жизнь.

Сегодня оно какъ-то особенно сильно давало себя чувствовать, кололо, мучило, словно тѣшась ея скрытыми страданьями, и въ Юлиной груди просыпалось глухое проклятье, будто расправляло крылья и рвалось наружу, подступало къ горлу... Въ эту минуту ей было и стыдно за свое униженье, и до боли жалко утраченной дорогой иллюзіи...

Придуманный образъ «маленькаго Кольки» сроднился съ ея одинокой душой, жаждающей тепла, участливой ласки, и смутно напоминалъ давно промелькнувшую тѣнь студента Стрѣхи... первую юную любовь; говоря Косюрѣ о Колькѣ, Юля вызывала въ памяти обликъ студента и вдохновлялась такъ искренно, что сама готова была вѣрить обману. Это поддерживало ее, давало смыслъ жизни...

И чѣмъ ближе подходила она къ Садовой улицѣ, тѣмъ больше замедляла шаги.

Вася нетерпѣливо похаживалъ у витрины мѣхového магазина и любовался въ зеркало на свою видную фигуру.

Гуляющихъ немного. Мелькала чаще дѣловая публика съ портфелями, саквояжами и свертками. Для столичныхъ модницъ и фланеровъ былъ еще слишкомъ ранній часъ, да и январскія событія точно спугнули ихъ на время съ излюбленныхъ мѣстъ.

Гостинный дворъ пустовалъ, напоминая заброшенный склепъ. У оконъ нѣкоторыхъ магазиновъ стояли деревянные щиты. Жалкое, осунувшееся лицо Юди сразу сдѣлало Чухлѣбова сердитымъ.

— Мимо носа прошло? Не сумѣла?—процѣдилъ онъ сквозь зубы, сдвигая брови; но глаза продолжали сохранять обычную сѣрвато-голубую прозрачность.

Направились къ Невскому, и Юля апатично отвѣчала на его короткіе, нетерпѣливые вопросы. Чуткая къ ласкамъ, она уходила въ себя, какъ улитка, когда слышала грубыя рѣчи.

— Только-то? Гм...—разочарованно промямлилъ Чухлѣбовъ, пренебрежительно комокъ поданную ему двадцатипятирублевку и засовывая ея въ боковой карманъ пальто:—ну, онъ у тебя—жошь... Нужно опять пойти дня черезъ два. Обязательно!... и объявить ему, что умеръ, моль, твой Колька и не на что похоронить. Смекаешь?

Сказаль и вдругъ просіялъ.

— Да что ты такая несуразная, словно тебя кипяткомъ обварили, какъ курицу?

— А то, что не пойду я къ нему и надоѣло мнѣ это вранье. Слышишь,—не пойду!—и въ ея молодомъ, звонкомъ голосѣ внезапно поднялась и прозвучала угроза...

Чухлѣбовъ бросилъ на нее вскользь разсѣянный взглядъ и насторожился.

— Ну, ты у меня не дури!—тихо произнесъ, будто по счету роняя слова:—у меня правило—«сказаль—сдѣлалъ». Не пойдешь, я и самъ къ нему пойду да, какъ братъ твой, и поговоримъ съ нимъ по-хорошему. Учинимъ «экс-про-приацію»... Не слыхала еще такого словечка? Вѣкъ живи—вѣкъ учись.

У Чухлѣбова трудно было разобрать, когда онъ шутить, когда говорить серьезно.

Юля медлила отвѣтомъ, переживая внутреннюю борьбу.

Шли, молча, не глядя другъ на друга, какъ незнакомцы.

— Вася... Я была послушной, исполняла покорно все твои прихоти. Теперь не нужно этого, Вася... Ты все смѣешься... Слышишь,—не нужно!—жалобно, едва внятно прошептала она и закусила верхнюю губу:—да и вообще съ этимъ все надо покончить... Хочешь, я поступлю на службу, въ приказчицы, въ мастерскую, на сцену, въ хоръ,—куда возьмутъ?... Вѣдь, мой отецъ—живъ... Онъ—богатый... пріѣдетъ же когда-нибудь, поможетъ... Ей-Богу, поможетъ!

Она говорила медленно, съ разстановками, будто пытаясь вызвать изъ головы все доводы, могущіе убѣдить Васю; но слова плохо подчинялись ей и вылетали такія холодныя, скучныя, чужія слова, не тѣ, что подсказывало ей сердце.

Чухлѣбова осѣнила внезапная мысль.

Онъ вспомнилъ одно событіе и вдругъ подобрѣлъ и нѣжно взялъ Юлю за руку, слегка приближая къ себѣ. Въ жесткихъ, свѣтлыхъ глазахъ искрилось что-то алчное.

Продолженіе исторіи съ Косюрой уже не занимало его, тѣмъ болѣе, что ссора съ Юлей не входила въ его намѣренія: во-первыхъ, онъ всегда старался отдѣлаться отъ всего непріятнаго, во-вторыхъ, онъ считалъ Юлю слишкомъ удобнымъ орудіемъ для своихъ цѣлей, чтобы расходиться съ ней изъ-за пустяковъ.

— Дурочка ты моя... Какъ раскудахталась! Тебя только послушай... И не ходи къ нему, къ жоху; мы придумаемъ что-нибудь другое. Шутъ съ нимъ, съ твоимъ Андрюшкой! А сегодня я тебя хорошо угощу въ ресторанчикѣ. Пріѣхалъ мой товарищъ изъ Москвы, первостатейный купчикъ-голубчикъ... Мы и попируемъ... люли-разлюли! Золотое дѣло наклеивается... Юлька, смѣйся! Вытри глаза, безстыжля! Вотъ какая дурочка! Погляди-ка въ окошко. Желаетъ, я куплю тебѣ кофточку, вонъ эту, съ розовыми вставками?

Юля первно вздрагивала плечами и, сквозь слезы, уже посмѣивалась на его шутки и заглядывалась на кофточку. Стоило Васѣ перейти къ нѣжности, и маленькая смута, подымавшаяся въ душѣ Юли, уже забывалась.

Черныя тѣни земли на минуту сбѣжали съ ея дороги, уступая мѣсто свѣтлымъ призракамъ.

«Какъ есть—мякишь! Хоть лѣпить шарики»,—блеснуло въ головѣ Чухлѣбова быстрое сравненіе, и онъ сталъ еще веселѣе.

На Невскомъ брели усталые, хмурые люди, смотрѣли на эту красивую пару и, вѣроятно, принимали ее за счастливыхъ влюбленныхъ.

VIII.

Рано наступила весна,—2-го марта, съ теплыми, ясными днями и мягкими ночами. Природа какъ бы подражала проснувшимся людямъ, которыхъ долго томила непробудная, тягостная спячка.

На улицахъ, въ школахъ, въ театрахъ, у семейнаго очага,—вездѣ заговорили о томъ, что разлился неудержимый весенній потокъ, что онъ несетъ могучей, свѣжей волной, и старой плотинѣ—не сдобровать.

Начали писать о необходимости созыва «земскаго собора»; одни подавали рѣзкіе голоса за сословность его, другіе горячо, съ полнымъ убѣжденіемъ, отстаивали предварительную подготовку правильной избирательной борьбы, чтобы обезпечить всемъ гражданамъ право свободнаго выбора представителей, такъ какъ безъ этого соборъ не былъ бы дѣйствительнымъ выразителемъ желаній и нуждъ народа. И вотъ все ярче и ярче назрѣвала идея о народномъ представительствѣ.

Общество духовно вырастало, развиваясь не по днямъ, а по часамъ.

Разныя мертворожденныя комиссіи закрывались. Умерла и та, что подъ начальствомъ одного сановника засѣдала въ Народномъ домѣ, занимаясь обслѣдованіемъ рабочаго вопроса. Большинство рабочихъ отказались выбрать депутатовъ изъ своей среды для участія въ ея трудахъ... Встрѣтились, поговорили, узнали другъ друга, обоюднo поволновались и разошлись съ горькимъ осадкомъ на душѣ—«вы, молъ, сами по себѣ, а мы—сами по себѣ».

Зато явились новые планы; стали разсуждать объ организаціи рабочихъ въ смыслѣ допущенія стачекъ и союзовъ: «существуютъ синдикаты фабрикантовъ,—отчего же не быть и рабочимъ союзамъ?..»

И время мчалось, унося валь за валомъ и выдвигая новыя слова и новыя запросы...

Все явственнѣй раздавался протестующій крикъ: «Долой войну!»

А изъ дѣйствующей арміи получались вѣсти, одна другой мрачнѣй и безотраднѣй.

«Армія Нодзу выбила русскихъ изъ передовыхъ позицій къ югу отъ Шахэ»... (17—21 февраля)

«Японцы заняли Мукденъ»... (25 февраля)

«Японцы заняли Телинъ»... (3 марта)

4-го марта уже кричали по городу газетчики:

— Отставка Куропаткина!.. Главнокомандующій Линевиць!..

Въ вербную субботу вскрылась Нева.

Весна двигалась впередъ увѣренными, твердыми шагами, ломала преграды и ликовала.

Прошло болѣе трехъ мѣсяцевъ съ тѣхъ поръ, какъ Косюра видѣлся послѣдній разъ съ Юлей. Онъ неоднократно посылалъ ей письма, вызывая къ себѣ или назначая свиданья гдѣ-нибудь внѣ дома, но не получалъ отвѣта; Юля не откликнулась ни на одно изъ приглашеній и не показывалась.

«Какъ въ воду канула! Чего добраго разобидѣлась на меня за четвертной билетъ! Я, правда, былъ съ ней немножко того... суроватъ и скупенекъ, а она такая обидчивая. Можетъ, Колька отправился къ праотцамъ, и она убивается, какъ любящая Людмила о погибшемъ Русланѣ? Какъ глупо, однако, заканчивается знакомство! Хороша роковая встрѣча!... Фарсъ!..»

Попытался отправить посыльного и разузнать, въ чемъ дѣло. Посыльный скоро возвратился ни съ чѣмъ.

— Ихъ-съ давно нѣту... съѣхали еще въ мартѣ въ Москву-съ.

— Текъ-съ!—съ досадою вырвалось у Андрея Андреевича неопредѣленное восклицаніе, и онъ возбужденно зашагалъ по комнатѣ, потомъ сѣлъ на кушетку и погрузился въ облако табачнаго дыма.

Въ концѣ концовъ, послѣ ряда размышленій, ему стало жалко себя за это постоянное одиночество. Онъ мысленно готовъ былъ проклинать свою сухость и желчность, нерѣшительность, распущенность, нелюдимость, скупость и тысячи другихъ пороковъ.

«Прозѣвалъ самымъ нелѣпымъ образомъ. Пока надумалъ, птичка-то взяла и улетѣла... Намѣревался предложить ей устроиться по-хорошему... Надоѣли эти встрѣчи и проводы... Встрѣчаешь и провожаешь, а жить-то и некогда... И Лидунчика, кажется, тоже упустилъ...»

И вотъ на святой какъ-то надумалъ вдругъ провести нѣсколько часовъ у забытыхъ пріятелей, Сидоровыхъ, съ которыми такъ-таки и не видѣлся съ прошлаго года.

Стараго холостяка опять потянуло въ гостепрійную обстановку маленькаго семейнаго дома... Просыпалась забытая близость... Явилась надежда, что миловидная хозяйка великодушно проститъ и вернетъ расположеніе...

Былъ душный, совсѣмъ лѣтній вечеръ, хотя по рѣкѣ шелъ ледъ. Въ небѣ уже появились свѣтлые тона зарождающихся бѣлыхъ ночей.

При блескѣ электрическихъ фонарей на Троицкомъ мосту, Нева казалась совершенно черной, въ сравненіи съ безчисленными сѣдыми глыбами плывущихъ льдинъ, имѣвшихъ самыя прихотливыя очертанія. Огонекъ идущаго на переваль финляндскаго легкаго парохода сверкалъ между ними путеводной звѣздочкой. Слышался странный, жуткій звукъ, проносившійся надъ рѣкой. Это льды сталкивались,—гонцы шумно-весенней ночи, сотканной изъ загадокъ...

Незримыя дуновенья охватывали Косюру, куда-то влекли и волновали. Его сердце чувствовало утрату. Онъ старался ни о чемъ не думать, а мечты сами собой кружились около одного и того же предмета.

Незамѣтно перешелъ черезъ мостъ.

Уже когда свернулъ на Кронверкскій и увидѣлъ издали освѣщенный стеклянный куполь Народнаго дома,—рѣшилъ завернуть туда хоть на минуту.

«Я опять пришелъ съ привѣтомъ...»—мысленно продекламировалъ онъ и остановился.

По дорогѣ его задержалъ высокій, прилично одѣтый, смуглый мужчина, по внѣшности—рабочій, съ исхудалыми, ввалившимися щеками.

— Два дня ничего не ѣлъ... Помогите,—прошепталъ онъ, пугливо озираясь, и въ его выразительныхъ, лихорадочно сверкавшихъ глазахъ дрожала мольба:—высылаютъ на родину...

Послѣднія слова звучали ироніей.

По обычаю эгоиста-петербуржца, Косюра, чтобы окончательно не разстроиться и не испортить себѣ настроенья, поспѣшилъ откупиться мелочью отъ непріятнаго чувства стыда, вдругъ зашевелившись въ душѣ, и вошелъ въ залъ, ярко залитый теплыми, веселыми огнями; но едва контролеръ пропустилъ его черезъ турникетъ, онъ окаменѣлъ, долго не могъ двинуться, какъ ошеломленный, не зная, итти ли дальше, или возвращаться обратно.

Вѣроятно, по случаю праздничной недѣли зрителей набралось видимо-невидимо. Проходы, коридоры и залы были запружены пестрой толпой. На хорахъ и лѣстницахъ виднѣлись лишь головы, точно прилипшія одна къ другой, и надъ этой колеблющейся стихіей, внушавшей Косюрѣ непреодолимый, животный страхъ, стоялъ голубоватый паръ табачнаго дыма и нѣсколькихъ тысячъ дыханій. Въ нихъ чувствовалось одно могучее дыханіе города-гиганта. И бражное веселье, и стонъ суровой нужды, и пламенный крикъ мятежа, и тихое страданье, и беззаботная удаля сливались воедино; человѣкъ и звѣрь, трусь и борець, сила и слабость,—все смѣшалось и перепуталось. Косюра сравнивалъ толпу съ ожившимъ вдругъ сказочнымъ чудовищемъ,—тысячеглазымъ, съ миллионами щупалець, готовыхъ каждую минуту захватить жертву, истерзать ее, изломать и бросить въ свою ненасытную пасть. Сердце его, какъ сердце библей-

скаго левіаѳана, «твердо, какъ камень, и жестко, какъ нижній жерновъ», «онъ—царь надъ всѣми сынами гордости» и «передъ нимъ бѣжить ужасъ...»

Андрей Андреевичъ усиленъ воли разсѣялъ кошмарныя мысли.

Дышать трудно было въ этой давкѣ. Онъ задыхался. Чьи-то локти безъ стѣсненія расталкивали встрѣчныхъ. Иногда раскатистый дружный хохотъ и рукоплесканья заглушали громкую бесѣду гуляющихъ.

На открытой сценѣ разыгрывалась веселая пантомима съ музыкальными номерами.

Толпа была сборная, разношерстная, составленная изъ самыхъ крайнихъ противоположностей—отъ нарядныхъ до убогихъ, отъ пожилыхъ до юныхъ подростковъ-дѣвочекъ съ цвѣтными ленточками, заплетенными въ косы,—очевидно, преобладали дочери улицы, берущія здѣсь первые уроки жизни. То окружала ихъ развязная, подвыпившая молодежь, то осторожно слѣдовали за ними по пятамъ молодящіеся старики, не утерывшіе зоркой наблюдательности. Косюра не ходила, а плылъ по теченію, наступалъ на валявшіяся подъ ногами пробки, слушалъ долетавшія отдѣльныя слова, клочки фразъ и удивлялся.

«Какая смѣсь одеждъ и лицъ! Люди веселы, беззаботны, съ благодушными улыбками... Стало-быть, по ихъ мнѣнію, все обстоять благополучно... Тамъ, за стѣнами, голодъ, борьба, бури, волчьи ямы, а тутъ, подъ стекляннымъ куполомъ,—словно какое-то Эльдорато съ немеркнущими огнями!.. И, пожалуй, никто не отвѣтитъ на вопросъ: встаетъ заря или уходитъ... Нѣтъ, не могу больше! Пойду къ Сидоровымъ... Еще десять часовъ. Вотъ поразятся! Я или дряхлѣть начинаю, или боленъ... магіей философствованія. Среди этой накипи ни минуты, кажется, не останусь. Довольно!.. Воздуху!.. Мнѣ душно здѣсь... я въ мѣся хочу...»

Мысли скачками проносились въ головѣ Андрея Андреевича... прозвучалъ пушкинскій стихъ, какъ отголосокъ старыхъ воспоминаній... и вдругъ зазвенѣлъ знакомый, слишкомъ хорошо знакомый серебряный голосокъ:

— Что? Отчего вы смѣетесь? Ёдемте къ Палкину. Не посмотрѣлись развѣ?—и затѣмъ смѣхъ.

Косюра обернулся, и кровь отлила у него отъ сердца. Онъ даже похолодѣлъ отъ испуга.

Шагахъ въ пяти отъ него шла Юля, но не та Юля,—скромная, боязливо-наивная, съ полудѣтской неувѣренностью, сіявшей такъ застѣнчиво изъ-подъ густыхъ, бархатныхъ рѣсницъ, а смѣлая, шикарная, одѣтая по модѣ, съ тонкимъ расчетомъ французскаго вкуса, безъ вычурности и бющихъ въ глаза эффектовъ.

Она немного похудѣла и на лицѣ ея были едва уловимые слѣды искуснаго грима. Подъ руку съ ней нехотя передвигался мягкой

походкой съ развалцемъ тучный, еще далеко не пожилой мужчина московскаго типа, а сзади—Вася, «Юлинъ братъ», какъ сразу узналъ его Косюра.

Андрей Андреевичъ глядѣль, не отрываясь, и Юля, повернувшая голову, не могла его не замѣтить.

Она болѣзненно, точно съ глубоко затаеннымъ страданьемъ, сдвинула брови (не промелькнулъ ли передъ ней дорогою образъ погибшаго «маленькаго Кольки»?) и сейчасъ же отвернулася, прижимаясь къ рукѣ кавалера, и что-то скоро, скоро стала говорить и тянула его къ выходу.

У Косюры явилось на мигъ странное желаніе окликнуть ее, но онъ этого не сдѣлалъ, зажалъ въ зубахъ папиросу и застылъ на мѣстѣ, пока Юля не исчезла за тяжелой дверью вмѣстѣ со своими провожатыми.

Онъ рѣдко бывалъ до такой степени взволнованъ и обиженъ. Онъ не раздумывалъ о томъ, имѣетъ ли право обижаться. Обида сама собою зародилась, свила гнѣздо въ его сердцѣ и язвила... И эти немногія секунды казались такими длинными.

Косюра сѣлъ торопливо, едва опомнился, на ближайшаго извозчика и погналъ его къ Сидоровымъ, будто въ поискахъ за потеряннымъ или украденнымъ счастьемъ.

Тамъ всполошились. Сидоровъ выпиливалъ рамку изъ амарантоваго дерева, а жена сидѣла въ капотѣ и читала книгу, взятую изъ библіотеки.

Услышавъ звонокъ, она вздрогнула, и въ ея хорошенькихъ глазахъ что-то сверк уло.

— Пожалуй, Андрей Андреичъ, — сказала она тихо и хотѣла бѣжать въ спальню, чтобы переодѣться, но мужъ строго посмотрѣлъ на нее.

— Нѣтъ, онъ завелъ себѣ новыхъ друзей... Это, навѣрно, мнѣ телеграмма изъ деревни. Въ нашемъ уѣздѣ начались аграрныя безпорядки...

А Косюра, между тѣмъ, уже подходилъ къ столовой, нарочно не приказавъ докладывать о себѣ, какъ дѣлалъ это и прежде.

Онъ просидѣлъ у нихъ около часу и старался быть разговорчивымъ.

Сидоровъ нашель, что онъ сильно полѣвѣлъ, самъ же оставался сдержаннымъ, и разговоръ на политическія темы угасъ.

Хозяйка была сначала добрѣй, и въ ея рѣчахъ не замѣчалось ни капли яду.

Но Андрею Андреевичу вдругъ отчего-то, безъ всякой причины, взгрустнулось; появилась тоска подъ ложечкой, и онъ поднялся прощаться.

Лидія Валентиновна смѣрила его вызывающимъ, насмѣшливымъ взглядомъ.

— Вы постарѣли,—сказала она съ разстановкой и засмѣялась. Горничная Катя не провожала его съ прежней привѣтливостью. — Прощайте,—еле слышно, уже въ дверяхъ, какъ бы уронила хозяйка усталымъ голосомъ и глядѣла исподлобья на мужа и на гостя, будто сравнивая ихъ.

Косюра, спускаясь съ лѣстницы, чувствовалъ, что схоронилъ еще одну привязанность.

Связующія звенья разрывались.

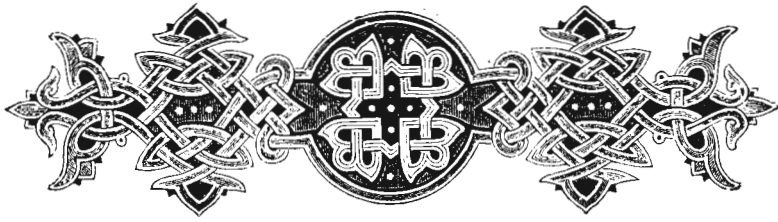
«Встрѣчи и проводы... встрѣчи и проводы...»—какъ маятникъ стѣнныхъ часовъ, отбивало у него въ мозгу.

Ночь бѣлѣла.

Отъ Невы вѣяло прохладой... Дышало холодомъ и высохшее сердце Косюры.

В. Умановъ-Каплуновскій.

ВОСПОМИНАНІЯ АКАДЕМИКА П. П. СОКОЛОВА ¹⁾.

ХІІ.

Смерть г-жи Оомъ.—Новая начальница г-жа Дараганъ.—Художники Петровскій и Стрѣлковскій.—Портретъ Подклошниковъ и самъ оригиналь.

ВЪ ПРОДОЛЖЕНІЕ трехмѣсячнаго моего пребыванія въ Москвѣ наружность моя сильно измѣнилась, я возмужалъ, загорѣлъ. Усы и борода значительно отросли, но, къ сожалѣнію, я волей-неволей долженъ былъ съ ними разстаться. Въ то время, которое я описываю, ношеніе усовъ и бороды не пріобрѣло еще никакихъ правъ гражданства, даже у военныхъ, а нечего говорить про чиновниковъ, которымъ ношеніе ихъ вовсе запрещалось. Я заѣхалъ къ куаферу, съ грустью оставилъ у него украшеніе моего лица и даже не захотѣлъ посмотрѣться въ зеркало, надѣлъ цилиндръ и отправился въ институтъ къ директрисѣ. Пока дѣвушка докладывала о моемъ приходѣ, я вошелъ въ гостиную и очутился передъ большимъ трюмо, висѣвшимъ на противоположномъ концѣ комнаты. Заглянувъ въ него, я даже не узналъ себя въ своемъ обезображенномъ видѣ; мнѣ показалось, что навстрѣчу мнѣ шелъ сынъ начальницы Фѣдоръ Адольфовичъ Оомъ²⁾, фигурою очень походившій на меня; я сдѣлалъ нѣсколько шаговъ къ зеркалу и сразу остановился, понявъ свою ошибку, только подойдя совершенно

¹⁾ Продолженіе, см. «Истор. Вѣстникъ», т. СХХІ, стр. 764.

²⁾ Ф. А. Оомъ впоследствии былъ очень близокъ къ императору Александру ІІ.

къ нему. Вдругъ за моей спиной раздался веселый и громкій смѣхъ, и я увидалъ стоящаго за мной Федора Адольфовича, вошедшаго въ тотъ моментъ, когда я быстро подходилъ къ зеркалу.

— Что это вы здѣсь продѣлываете, m-eug Соколовъ?—пожимая мнѣ руку, сказалъ онъ:—ужь не генеральная ли это репетиція представленія своей начальницѣ? Но, къ сожалѣнію, мама принять васъ не можетъ: она очень нездорова и лежитъ въ постели уже вторую недѣлю.

Разговаривая, мы ходили взадъ и впередъ по гостиной, и я съ ужасомъ посматривалъ въ зеркало, когда въ немъ отражалась моя безусая фізіономія; мальчишка не мальчишка, а какой-то лакей или придворный ловчій вмѣсто меня появлялся въ зеркалѣ, и я пришелъ къ заключенію, что борода и усы должны составлять принадлежность наружности всякаго мужчины, какъ коса женщины. Такіе великіе герои, какъ Юлій Цезарь, Наполеонъ Бонапартъ, всегда меня огорчали видомъ своихъ бритыхъ лицъ. Ну, а нашъ знаменитый воинъ Суворовъ, ну, не похожъ ли онъ былъ на какую-то закомюмированную въ военный мундиръ старуху? и если бы не его чудачества и великій геній его духа, ничто не спасло бы его отъ смѣшнаго. А Мольтке, развѣ это не переодѣтая старуха? И я теперь вспоминаю, какъ однажды въ домѣ Толстого на одномъ изъ его оживленныхъ вечеровъ мнѣ пришлось ставить живыя картины, между которыми были и историческіе портреты. И вотъ, вздумавъ въ одной изъ рамъ поставить этого нѣмецкаго фельдмаршала, я принужденъ былъ упрасивать старую ключницу этого дома, Федосью Лазареву, точь-въ-точь походившую на Мольтке, переодѣться въ германскій мундиръ и фигурировать въ качествѣ нѣмецкаго героя. Немалого усилія и труда стоило уговорить старуху помочь мнѣ въ этомъ дѣлѣ.

— Да что ты, родименькій,—отбоиривалась та:—ишь, что выдумалъ, чтобы я на старости лѣтъ-то въ бусурманскій мундиръ переряжалась. Ужъ ты, какъ хочешь, а я на себя такого сраму не приму.

Только усиленные просьбы дочерей графа и увѣщанія графини наконецъ заставили старуху поддаться моей просьбѣ и преобразиться въ нѣмецкаго фельдмаршала. Ворча и бранясь, съ недобольно-сердитымъ выраженіемъ лица, она стала въ раму, и такое выраженіе было какъ разъ подходящимъ къ этой картинѣ. Въ сѣрой шинели, синей фуражкѣ съ краснымъ околышемъ на головѣ, она была двѣ капли воды Мольтке, и когда открыли занавѣсъ, то аплодисментамъ и повтореніямъ не было конца.

Вторичное появленіе мое въ институтѣ было привѣтливо встрѣчено очаровательными ученицами моими, и не мало труда мнѣ стоило успокоить этотъ неподдѣльный порывъ веселости и радости при встрѣчѣ ими своего обожаемаго учителя. Во время перваго урока классъ посѣтилъ директоръ института баронъ Штакельбергъ, чело-

вѣкъ всѣми любимый и доброжелательный; онъ интересовался успѣхами моихъ ученицъ каждой въ отдѣльности, хвалилъ мое умѣніе развивать въ нихъ любовь къ рисованію и вообще своимъ посѣщеніемъ произвелъ и на меня, и на классъ пріятное впечатлѣніе. Инспекторъ Арсеневъ, написавшій въ то время учебникъ географіи, былъ человѣкъ солидный, серьезно относившійся къ своимъ обязанностямъ, рѣдко вступавшій въ частные разговоры съ преподавателями и даже на юбилейныхъ обѣдахъ остававшійся почти безмолвнымъ. Этотъ человѣкъ очень хорошо относился ко мнѣ и, благодаря его заботамъ, я имѣлъ все необходимое для процвѣтанія моихъ уроковъ.

О болѣзни г-жи Оомъ ходили очень тревожные слухи, она, по видимому, угасала, а потому я не имѣлъ возможности бывать у нея въ домѣ. Наконецъ, въ одно утро пріѣхалъ ко мнѣ Ѳедоръ Адольфовичъ съ печальнымъ извѣстіемъ о ея кончинѣ; онъ горько плакалъ, сидя въ моей комнатѣ, и просилъ меня пріѣхать и нарисовать портретъ дорогой ему покойницы, лежавшей уже въ гробу. Съ нимъ вмѣстѣ я и отправился на квартиру покойной начальницы. Гробъ стоялъ на высокомъ катафалкѣ, окруженный большими подсвѣчниками, и сплошь заваленъ былъ цвѣтами. Въ такомъ видѣ я ее изобразилъ на рисунокѣ. Черезъ два дня происходили очень пышныя похороны, на которыхъ присутствовалъ наслѣдникъ цесаревичъ Николай Александровичъ, весь институтъ и много высокопоставленныхъ лицъ, среди которыхъ имя госпожи Оомъ пользовалось большою популярностью и уваженіемъ. Его высочество пѣшкомъ сопровождалъ гробъ покойницы до самаго кладбища отъ лютеранской церкви Петра и Павла на Невскомъ, гдѣ происходило отпѣваніе. Весь институтъ облачился въ трауръ, классы на нѣкоторое время были закрыты, и всѣ находились въ ожиданіи назначенія новой директрисы. Наконецъ стало извѣстно, что на эту должность назначена генеральша Дараганъ, жена тульского военного губернатора, и, конечно, объ ней начали носиться разные сбивчивые слухи. Такъ, говорили, что она очень строга и взыскательна, за что и заслужила прозваніе въ томъ мѣстѣ, гдѣ она раньше была начальницей, «Ураганъ», но что она была въ то же время глубоко образована и большого ума женщина. Съ пріѣздомъ ея распространившіеся слухи о ея строгости какъ будто бы и подтвердились; такъ, на примѣръ, вскорѣ послѣ ея появленія въ залахъ института былъ вывѣшенъ циркуляръ, гласившій, что всѣ преподаватели подвѣдомственнаго ей заведенія должны явиться въ общемъ собраніи въ конференцъ-залѣ для представленія ея превосходительству. Въ то время вещь эта была небывалая и впервые заведенная новой начальницей; обыкновенно директора и директрисы знакомились съ преподавателями, посѣщая уроки, и это замѣняло официальное представленіе. Всѣ учителя, кромѣ меня и музыкальнаго пре-

подавателя Леви, явились въ назначенный часъ и были встрѣчены цѣлымъ потокомъ краснорѣчія. Я нарочно не поѣхалъ, чтобы сразу испытать, до чего можетъ дойти самодурство новой Клеопатры; но на ней какъ будто бы оправдались стихи другого нашего баснописца: «Иной рычитъ, какъ звѣрь, а добръ. Тотъ ласковъ, а кусаетъ». На другой день послѣ этого представленія я давалъ два урока въ институтѣ и, воспользовавшись интерваломъ между ними, отправился къ новой начальницѣ на квартиру, которую раньше занимала г-жа Оомъ. Вышла она ко мнѣ съ серьезнымъ и строгимъ лицомъ, съ осанкою не безъ нѣкотораго величія. Это была высокая и очень красивая женщина, лѣтъ подь сорокъ, прекрасно сохранившаяся, наружностью невольно влекущая къ себѣ. Я поспѣшилъ представиться новой начальницѣ и извинился, что не могъ исполнить ея желанія, выраженнаго въ ея циркулярѣ. Она предложила мнѣ сѣсть и сама усѣлась въ кресло, и между нами затѣялся въ высшей степени интересный разговоръ о высококомъ значеніи искусства и его вліяніи на воспитаніе и образованіе. Тутъ она пригласила свою дочь и представила ее мнѣ; это была дѣвушка лѣтъ 18-ти поразительной красоты, которая обладала большими способностями къ рисованію и поступила въ число моихъ ученицъ.

— Вѣдь вы специально акварелистъ, какъ я слышала? И потому мнѣ не трудно будетъ усвоить ваши приемы,—сказала она.

На это я ей отвѣтилъ, что хотя и унаслѣдовалъ методы моего отца, но, по моему понятію, трудность успѣха зависитъ, главнымъ образомъ, не отъ одной только той или другой техники; рисованіе, какъ и музыка, напримѣръ, имѣетъ одни и тѣ же начала, для всѣхъ школъ одинаковыя. Затѣмъ мы заговорили объ итальянской оперѣ, о балетѣ и собраніяхъ, предстоящихъ въ этомъ сезонѣ, я рассказывалъ про Москву, въ которой недавно былъ, словомъ, изъ учителя рисованія превратился какъ бы въ стараго знакомаго, пріѣхавшаго съ визитомъ. Вышелъ я отъ новой начальницы, провожаемый улыбками и любезностями дружескаго тона и усиленно приглашаемый бывать у нихъ запросто. Такимъ образомъ, страшный звѣрь, какимъ представлялась мнѣ г-жа Дараганъ, оказался весьма любезнымъ и даже предупредительнымъ, такъ что мысль, мелькнувшая у меня о выходѣ въ отставку, такъ и осталась только мыслью. Я гдѣ-то потомъ къ какихъ-то запискахъ или воспоминаніяхъ, не помню, встрѣтилъ нѣсколько строкъ, посвященныхъ памяти этой моей начальницы, и не могъ не возмутиться клеветами, которыми онѣ были переполнены. Г-жа Дараганъ, дѣйствительно, была требовательна, до пунктуальности аккуратна на службѣ, но притомъ добра, отзывчива на всѣ нужды своихъ подчиненныхъ и поистинѣ съ материнской любовью относилась къ воспитанницамъ института.

Во время пребыванія своего въ Москвѣ я близко сошелся съ художникомъ Петровскимъ, не тѣмъ, что нарисоваль «Агарь въ пустынь», а давшимъ себя замѣтить хорошо написаннымъ портретомъ съ одного изъ своихъ товарищей, за который и получилъ званіе свободнаго художника. Это былъ мой старый товарищъ по академіи, а потому я былъ очень радъ возобновить съ нимъ прежнее знакомство. По происхожденію своему онъ былъ малороссъ, но собственно хохлацкаго въ немъ ничего не было; онъ былъ большой неряха, но добрый весельчакъ и очень симпатичный. Первый разъ встрѣтился я съ нимъ на самыхъ верхахъ итальянской оперы, гдѣ онъ приходилъ, какъ говорится, въ телячій восторгъ, до такой степени усердно вызывалъ ту или другую знаменитость, что отбилъ себѣ ладоши и надорвалъ голосъ, да такъ, что съ тѣхъ поръ началъ хрипѣть. Москву онъ зналъ превосходно и сопровождалъ меня во всѣхъ экскурсіяхъ по ея окрестностямъ.

Кстати скажу еще объ одномъ художникѣ, съ которымъ я познакомился и который написалъ съ моего отца извѣстный портретъ. По происхожденію онъ былъ полякъ, родился въ Москвѣ и такъ обрусѣлъ, что польскаго въ немъ ничего не осталось. Онъ жилъ на Мясницкой, недалеко отъ Красныхъ воротъ, занимая небольшую квартирку въ 2 комнаты съ кухнею, въ которыхъ царили чистота и порядокъ, благодаря еще довольно молодой и красивой женщинѣ, находившейся при немъ въ такой должности, которая у французовъ называется «pour tout faire».

Въ Москвѣ Стрѣлковскій слылъ за прекраснаго миниатюриста и славился своею скупостью; такъ, напримѣръ, когда онъ садился играть въ карты и когда ему приходилось расплачиваться, онъ каждый разъ вынималъ одну и ту же сторублевую ассигнацію, а такъ какъ ее большею частью трудно было размѣнять, то онъ такъ и уходилъ не расплатившись. Какъ мой отецъ, часто игравшій съ нимъ, такъ и другіе всегда ему въ этихъ случаяхъ говорили: «Ну, ужъ оставимъ это до другого раза, какъ-нибудь отыграетесь». И онъ, дѣйствительно, отыгрывался.

Черезъ этихъ двухъ художниковъ я познакомился съ художникомъ и однимъ изъ первыхъ реставраторовъ, Николаемъ Ивановичемъ Подключниковымъ, который представлялъ собою такой интересный типъ бѣднаго художника той эпохи, что я не могу обойти его молчаніемъ, тѣмъ болѣе, что его оригинальная фигура вызвала у меня желаніе написать съ него портретъ, за который академія присудила мнѣ званіе свободнаго художника, безъ поданнаго мною прошенія. Отецъ его былъ крѣпостной челоувѣкъ графа Шереметева, но да не будетъ это поставлено въ осужденіе, стоитъ только вспомнить, что знаменитый и даже маститый художникъ Василій Андреевичъ Тропининъ былъ самъ сначала крѣпостнымъ, и это не помѣшало ему сдѣлаться первокласснымъ художникомъ.

Подклюшниковъ былъ женатъ и жилъ со своимъ семействомъ въ одномъ изъ домиковъ селенія, окружающаго шереметевскій дворецъ въ Останкинѣ, подь Москвою, и мы съ Петровскимъ попали туда въ самый расцвѣтъ лѣтней поры. Въ верхнемъ этажѣ небольшой избенки находились двѣ маленькія комнатки для спальни и дѣтской и въ то же время мастерской художника, тутъ-то и жило семейство Подклюшникова, который радостно встрѣтилъ насъ. Наружность его можно было назвать вполнѣ будничною; въ поляналомъ зеленоватомъ камлотовомъ скруткѣ, безъ галстука, съ откинутымъ отъ потной рубашки воротничкомъ, съ коротко остриженными темными волосами, съ плохо выбритымъ подбородкомъ съ синимъ отливомъ и маленькими баками на щекахъ, какія носили при императорѣ Александрѣ I, онъ, въ довершеніе всего, ежеминутно указательнымъ пальцемъ звучно вытиралъ свой большой носъ и притомъ его маленькіе глаза суетливо бѣгали и моргали подь густыми нависшими бровями.

Въ рукѣ своей Подклюшниковъ держалъ палитру, а корявые его ноги были широко разставлены въ стороны. Вся фигура его до колѣнъ ярко выдѣлялась на бѣломъ фонѣ полотна, и вотъ въ такомъ именно видѣ я его и изобразилъ въ то же лѣто на моемъ рисункѣ, на которомъ онъ вышелъ у меня, «какъ живой», по отзыву моего отца, заключенію котораго я не могъ не вѣрить. Это былъ, кромѣ того, необыкновенно подвижный человѣкъ. Онъ очень, повидимому, былъ радъ нашему приходу и началъ сейчасъ же суетиться, желая чѣмъ-нибудь насъ угостить.

— Жена!—закричалъ онъ, и на этотъ крикъ въ дверяхъ изъ боковой комнаты появилась еще не старая женщина небольшого роста, съ лицомъ, усѣяннымъ веснушками.

— Чего тебѣ?—спросила она, поправляя свою жиденькую косу, но вдругъ, увидавъ насъ, моментально скрылась.

— Ну, куда ты провалилась?—продолжалъ Подклюшниковъ.—Людей не видала, или боишься ихъ прельстить своими прелестями въ неглиже?

— Очень глупо!—послышался тотъ же голосъ изъ сосѣдней комнаты.—Дай хоть прибраться-то немножко.

— Ну, и прибирайся, да только скорѣе, а я вотъ въ лавочку сбѣгаю. Садитесь, господа,—обратился онъ къ намъ, а самъ бросился внизъ съ лѣстницы. Я началъ осматриваться и не вдругъ могъ разобратъ въ этой массѣ различныхъ предметовъ, наполнявшихъ эту убогую комнату. Больше всего мѣста занимали картины въ рамкахъ и безъ рамъ, и большая ихъ часть была размѣщена по стѣнамъ и даже по потолку, другія были сдвинуты около стѣнъ. Тутъ были и пейзажи, и портреты, и сюжеты изъ Ветхаго Завѣта, и въ особенности выдѣлялась извѣстная картина, изображающая купающуюся Сусанну и двухъ нечестивыхъ старцевъ, оригинальную тѣмъ, что

на лицѣ Сусанны совершенно не было замѣтно испуга, а, напротивъ того, она, какъ будто кокетничая, манила своими прелестными формами и роскошными волосами этихъ сладострастныхъ, плѣшивыхъ стариковъ.

Небольшой столикъ, покрытый ярославской скатертью съ синими узорами, черный узенькій шкалъ, въ которомъ хранилась кое-какая посуда, нѣсколько полокъ съ гипсами, темной бронзы подсвѣчникъ, стоявшій на грудѣ какихъ-то ящичковъ, двѣ не вычищенные палитры, стеклянныя и жестяныя банки различной величины съ разнаго цвѣта вертикальными потоками краски, свернувшаяся въ комокъ тряпка, повидимому, брошенная на нихъ съ размаха, искусственные цвѣты, до нельзя запыленные и загаженные мухами, составляли убранство комнаты.

Въ углу стояла табуретка съ мѣднымъ на ней тазомъ и остаткомъ грязной воды, тутъ же виднѣлись въ углу и удочки съ перепутанной лесой. На полу валялись разныя игрушки и стоялъ безобразный картонный конекъ съ выдернутымъ изъ него хвостомъ и стертими ушами.

Наконецъ вошла и сама Подклюшникова, улыбаясь намъ извиняющей улыбкой.

— Мнѣ совѣстно, господа,—начала она,—что вы застали насъ въ такомъ беспорядкѣ, да что дѣлать, вѣдь сами знаете, чай, наше-то житье,—и она начала подбирать валяющіеся на полу игрушки,—охъ ужъ этотъ мнѣ Николаша, всегда насорить,—добавила она по адресу сына, мальчика лѣтъ 12-ти, игравшаго на дворѣ съ ребятишками.

— Кто вы такіе будете?—обратилась она ко мнѣ:—господина Петровскаго-то я знаю.

Я назвался.

— Ахъ, какъ же,—сказала она:—вы сынъ Петра Ѳедоровича, я о васъ слыхала.

Мы усѣлись, и у насъ завязался самый обыденный разговоръ, который вскорѣ перешелъ на весьма тяжелую тему. Мы со вниманіемъ слушали хозяйку, которая съ наблюдѣвшей душой жаловалась намъ на горькую судьбу свою, но жаловалась какъ-то безропотно, не обвиняя никого въ своемъ несчастіи.

Еще за молодого ученика академіи вышла она замужъ по любви, по необъяснимому самой себѣ уваженію къ его профессіи, и вотъ съ перваго же дня ихъ семейной жизни она стала лицомъ къ лицу съ нуждою, сѣрою, обыденною обстановкой самага будничнаго прозябанія. Беременность, рожденіе дѣтей, постоянныя болѣзни, возня съ ребятишками, вѣчный недостатокъ и заботы о пропитаніи 4-хъ желудковъ сливались въ одинъ какой-то ужасный кошмаръ, а индифферентное отношеніе ко всему этому Подклюшникова, занимавшася только однимъ своимъ дѣломъ, довершали тяжесть

ея положенія. А тутъ еще нравственно страдала она, убѣдившись въ невѣрности своего мужа.

— Какое мнѣ гулянье,—отвѣчала бѣдная женщина на мой вопросъ:—цѣлый день вожусь съ дѣтьми да съ хозяйствомъ, вечеромъ ногъ подь собой не слышу. Вы вѣдь знаете Николая Ивановича, знаете, что онъ только и признаетъ свои картины, да вотъ еще какую-то натурщицу завель,—грустно сказала она, голосомъ уже примирившейся съ этимъ событіемъ.—Просто съ улицы какую-то взялъ,—и она отвернулася, и я уловилъ двѣ слезинки, блеснувшія на ея рѣсницахъ.—Ужъ хоть бы скрывалъ,—продолжала она,—а то вѣдь вотъ здѣсь, на самыхъ глазахъ-то... Вотъ тоже съ дьякономъ дружбу завель, да что изъ этой дружбы путнаго выйдетъ — пьянство одно, да и только.

Мнѣ отъ души жалко было бѣдную женщину, и я хотѣлъ ее утѣшить, но въ этотъ моментъ возвратился Подключниковъ съ какимъ-то бѣлымъ пакетомъ и обратился къ женѣ, какъ обращаются обыкновенно къ прислугѣ:

— А что же самоваръ, Лизавета Ивановна?

— Да вѣдь ты ничего не сказалъ,—испуганно возразила она.

— А тебѣ все вотъ скажи?—видишь гости, ну, и сама бы догадалась.

Она покорно встала и скрылась въ кухнѣ. Не оказалось углей, и въ этомъ, конечно, была виновата хозяйка, несмотря на то, что уже три дня просила мужа заготовиться ими. Между тѣмъ на столѣ появилась сороковка, кусокъ колбасы и краюха хлѣба. И Подключниковъ началъ насъ потчевать, весело приговаривая и подмигивая передъ каждой рюмкой этого «бѣсовскаго зелья», какъ онъ выражался.

Я не пилъ и ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ. Подойдя близко къ двери, ведущей въ кухню, я заглянулъ туда. Около плиты стоялъ самоваръ, надъ которымъ, бросая въ него щепочки отъ разобранной корзинки, стояла Подключникова. Слезы катились по ея блѣднымъ щекамъ, и она время отъ времени вытирала ихъ концомъ своего пожелтѣвшаго и выцвѣтшаго платка. У меня защемило сердце, и я невольно перевелъ взглядъ на полотно, на которомъ рельефно выдѣлялась роскошная фигура хорошенькой натурщицы... Будучи не въ силахъ больше оставаться въ этой тяжелой атмосферѣ, я, подъ предлогомъ желанія пройтись, направился вонъ изъ дому Подключникова, обѣщаясь зайти за Петровскимъ. Тяжелая дума овладѣла мною, и я долго гулялъ среди липовыхъ аллей роскошной рощи, а когда вернулся обратно, то Петровскаго уже не было—онъ уѣхалъ, не дождавшись меня.

XIII.

Я превращаюсь въ чиновника.—Реставрація Мраморнаго дворца.—Дядя А. П. Брюлловъ.—Разсказъ Делярю.—Двѣ смерти.—Окончаніе реставраціи дворца.—Успѣхъ моихъ картинъ.—Государыня осматриваетъ дворецъ.—Катастрофа А. П. Брюллова.—У барона П. К. Клодта.—Его звѣриная прислуга.—Визитъ къ А. П. Брюллову.

Послѣ академической выставки, на которой мой портретъ Подклюшниковъ удостоился преміи, я получилъ званіе свободнаго художника по портретной живописи. Этимъ, увы! я окончилъ курсъ академіи, такъ какъ послѣ этого уже не могъ представить программы для полученія золотой медали. Видя въ этомъ недоброжелательство, преслѣдовавшее меня со стороны моего почтеннаго дядюшки, я все же былъ доволенъ, такъ какъ отъ совѣта института былъ сдѣланъ запросъ о томъ, какой я имѣю чинъ, и я вскорѣ былъ произведенъ въ губернскіе секретари. Явился съ сенатъ, гдѣ священникъ торжественно привелъ меня къ присягѣ, и вотъ въ Россіи стало однимъ секретаремъ больше. Да, теперь гр. Соллогубъ не могъ уже меня называть «однимъ изъ немногихъ свободныхъ людей въ Россіи», какъ онъ любилъ представлять меня съ этимъ званіемъ своимъ знакомымъ, я потерялъ его и сдѣлался секретаремъ.

Но вмѣстѣ съ секретарскимъ званіемъ на меня посыпалась благодать, какъ бы въ награду за мои успѣхи въ государственной службѣ.

Какъ разъ въ это время возобновлялся долго пустовавшій Мраморный дворецъ, отдѣлывавшійся для великаго князя Константина Николаевича, и реставрація его была поручена моему дядюшкѣ, Александру Павловичу Брюллову. Какимъ-то чудомъ вспомнилъ обо мнѣ этотъ знаменитый архитекторъ, призвалъ меня къ себѣ и съ нѣкоторыми оговорками, не совсѣмъ лестными для моего самолюбія, передалъ мнѣ заказъ нѣсколькихъ картинъ-панно для гостиной великой княгини Александры Іосифовны. Гостиная эта должна была носить названіе «золотой комнаты», потому что вся она съ портретами, мебелью, бронзою и даже обоями, которые были украшены золотыми разводами по свѣтло-палевому фону, должна была производить впечатлѣніе золотой. Мнѣ пришлось написать двѣ картины въ стѣнахъ и пять небольшихъ въ плафонѣ въ стилѣ Людовика XV, т. е. группы фигуръ съ веселыми пейзажами — то, что у французовъ называется «pastorale». Для мастерской и моего жительства мнѣ было отведено помѣщеніе въ самомъ дворцѣ, находившееся въ нижнемъ этажѣ его, гдѣ я и занялъ двѣ комнаты, въ которыхъ расположился, какъ полный хозяинъ. Скомпановавъ всѣ семь сюжетовъ, я ихъ представилъ дядюшкѣ, и тотъ вскорѣ объявилъ мнѣ, что они вполне одобрены комиссіей.

Работаю я себѣ во второмъ этажѣ, какъ вдругъ мнѣ докладываютъ что внизу меня спрашиваетъ какой-то господинъ. Спускаюсь внизъ, гляжу—Делярю. Лицо блѣдное, взволнованъ чѣмъ-то.

— Что такое?—спрашиваю.

— Ахъ, и не говорите, это просто ужасъ что такое. Вѣдь васъ все время не было въ Петербургѣ, а въ это время здѣсь произошла прискорбная для насъ обоихъ катастрофа, которой я вчера былъ свидѣтелемъ.

— Что такое? говорите скорѣе,—съ волненіемъ перебилъ его я.

— Да вотъ вчера рано утромъ я былъ на Семеновскомъ плацу свидѣтелемъ такой сцены, которая потрясла глубоко мою душу. Въ числѣ прочихъ, нашего милаго Сергѣя Ѳедоровича Дурова и Пальма привезли туда связанными и приговоренными къ разстрѣлу. Я видѣлъ, какъ какіе-то люди развязывали имъ руки и поставили на приготовленные для нихъ мѣста, затѣмъ былъ прочитанъ и приговоръ, который я очень плохо разслышалъ. Солдаты Семеновскаго полка находились въ полной готовности и ждали только команды, чтобы выпустить свои пули въ эти буйныя головы. Я слѣдилъ за нашими друзьями, они были мертвенно-блѣдны, но не выражали и признака малодушія, въ особенности Сергѣй Ѳедоровичъ Дуровъ—онъ мрачно смотрѣлъ на толпу, какъ бы отыскивая кого-то въ ней, и вотъ мнѣ показалось, что наши глаза встрѣтились. Я мысленно прощался съ нимъ, слезы давили мнѣ горло, а самого трясло, какъ въ лихорадкѣ. На другихъ я и вниманія не обращалъ, вперивъ свой взоръ въ Дурова и Пальма. Кончилось чтеніе—все стихло, каждый шелестъ былъ слышенъ на площади, несмотря на огромное стеченіе народа. Петрашевскаго съ завязанными глазами подвели къ столбу, а до этого надъ головами почти всѣхъ приговоренныхъ къ казни ломали шпаги въ знакъ лишенія дворянскаго достоинства. Потрясающая это была картина! Вдругъ, когда я ждалъ, что грянуть выстрѣлы, послѣ команды, произнесенной офицеромъ, объявляется высочайшій манифестъ о помилованіи. Знаете, Павелъ Петровичъ, я не повѣрилъ своимъ ушамъ, я думалъ, что лишился разсудка, вотъ до какой степени это было неожиданно. Но въ чемъ это помилованіе заключалось? въ замѣнѣ смертной казни каторжными работами. Одно другого не легче. Петрашевскаго такъ прямо оттуда и увезли въ Сибирь. А каковъ онъ молодецъ-то! Бодрѣе всѣхъ держалъ себя, гордо такъ, безстрашно и непринужденно. Силища-то какая нравственная! Не дай Богъ никому пережить такія минуты испытанія, каждая изъ нихъ стоитъ лютой казни,— закончилъ Делярю, и я вспомнилъ его слова, сказанныя при моемъ первомъ визитѣ къ нему: «договорятся до синихъ мундировъ». Я былъ въ отчаяніи.

— Да что вы говорите, не можетъ этого быть,—какъ невѣрующій Ѳома, говорилъ я:—вѣдь это же ужасно, надѣюсь, что мы хоть повидаемся съ ними.

— Нѣтъ,—отвѣчала Делярю,—этого вамъ не удастся, я уже пробовалъ, но мои хлопоты не увѣнчались успѣхомъ, да и наконецъ зачѣмъ же вамъ подвергать себя опасности и, главное дѣло, безъ всякой въ томъ нужды. Нашихъ друзей нѣтъ—они погибли. Одно осталось утѣшеніе, что они могутъ попасть подъ манифестъ какой-нибудь.

Это извѣстіе меня страшно поразило, отъ волненія мнѣ стало душно подъ сводами дворца, и я просилъ Делярю, пройти со мной въ Лѣтній садъ, находившійся въ двухъ шагахъ отъ насъ. Войдя подъ тѣнь огромныхъ деревьевъ Лѣтняго сада, мы усѣлись на скамейкѣ, и я задумался.

— Знаете что, Павелъ Петровичъ,—вывелъ меня изъ задумчивости Делярю:—дѣло, за которое они взялись, такое хорошее, чистое, можно сказать святое, что такъ наказывать за него слишкомъ жестоко. Пожурить ихъ, образумить, внушить, конечно, слѣдовало бы, не за свое, молъ, взялись, но не казнить же. То-то и есть, что у насъ сейчасъ найдутся горячіе распорядители, желающіе доказать свою ретивость и благонадежность и заслужить за это ордена и другія награды, а сами ни на что болѣе неспособные, какъ «схватить», «держатъ» и «непущать». Нашихъ безумцевъ я не хвалю, напротивъ, ругаю, ругалъ и буду ругать, но не сочувствовать имъ не могу.

Да, не такъ слѣдовало поступить съ этими честными, умными и глубоко-образованными людьми, изъ которыхъ нѣкоторые сдѣлались потомъ гордостью русской литературы!

Припоминается теперь мнѣ одинъ характерный случай, во время восшествія на престолъ императора Александра II, когда начались нововведенія въ видѣ различныхъ измѣненій въ обмундировкѣ, «тамъ эти выпушки, погончики, петлички». Вотъ какой-то студентъ и написалъ довольно остроумную сатиру въ стихахъ на эти «великія реформы», которая была поднесена государю для прочтенія однимъ изъ усердныхъ слугъ, жаждавшихъ звѣздъ и нашивокъ. Государь приказалъ привести къ себѣ этого студента и, отдавая ему бумажку съ его же стихами и отпуская юношу, сказалъ: «У тебя есть способности и остроуміе, но постарайся дать имъ другое, болѣе полезное направленіе и не губи себя такими пустяками». Да, это было сдѣлано по-царски.

Но Делярю не ограничился только этимъ печальнымъ извѣстіемъ, онъ сообщилъ мнѣ также, что нашъ добрый и любимый пріятель Алексѣй Ѳедоровичъ Чернецовъ довольно продолжительное время хвораетъ. Немедленно же я отправился навѣстить нашего общаго друга и къ тому же любимца бѣднаго Дурова и засталъ милаго Алексѣя Ѳедоровича очень плохимъ. Лежалъ онъ почти безъ движенія и едва могъ говорить. Онъ былъ очень радъ меня видѣть, но мнѣ было тяжело и бесполезно у него долго оставаться, и я, совершенно разстроенный, вернулся домой. Былъ у меня

еще одинъ другъ—женщина, искренно меня любившая. Звали ее Екатерина Павловна, а я ее называлъ Катей, такъ пусть она такъ и останется. Упоминаю о ней потому, что она немало оказала нравственнаго вліянія на мою молодую душу. Я впервые узналъ съ ней чистую, молодую любовь и былъ счастливъ, да счастливъ, въ полномъ значеніи этого слова, какъ бываютъ счастливы люди только одинъ разъ въ жизни. Познакомился я съ ней при весьма оригинальныхъ обстоятельствахъ. Однажды я зашелъ въ л.-гв. Егерскій полкъ навѣстить моихъ бѣдныхъ друзей Дурова и Пальма, у которыхъ я засталъ большое общество, а въ томъ числѣ и родственника Пальма, одного драгунскаго офицера, прибывшаго недавно съ Кавказа; онъ былъ не одинъ, а вмѣстѣ со своей дальней родственницей, полной, красивой блондинкой, которую называли Екатерина Павловна. Не могу сказать, какимъ образомъ, но вышло такъ, что я все время провелъ съ этой очаровательной особой, и она произвела на меня глубокое впечатлѣніе не только своей внѣшностью, но и глубиною своей мысли. Ушелъ я поздно, и мы съ моей новой знакомой обмѣнялись крѣпкимъ рукопожатіемъ, въ которомъ сказалось, что что-то близкое въ этотъ моментъ зародилось между нами. Нѣсколько времени я не видалъ моей новой знакомки и даже забылъ о ней. Наконецъ драгунъ собрался въ обратный путь и та же компанія провожала его за шумнымъ обѣдомъ у Пальма. Была здѣсь и Екатерина Павловна и я еще разъ вдоволь наговорился съ ней. При прощаніи съ драгуномъ она расплакалась, и мы всѣ успокаивали ее, какъ могли; не знаю, чѣмъ вызваны были слезы, жаль ли ей было драгуна, любила ли она его, была ли съ нимъ въ связи, такъ это и осталось для меня тайной. Только послѣ этого случая я сталъ съ ней видѣться чаще и даже разъ былъ у нея. Наступила скучная петербургская осень съ ея несносными дождями и наводненіями и намъ, островитянамъ, приходилось иногда на очень долгій срокъ дѣлаться какъ бы арестованными на нашемъ Васильевскомъ «славномъ островѣ». Наконецъ начался ледоходъ, каменныхъ мостовъ еще не было, деревянные разводились, и съ этимъ наступало наше карантинное положеніе, которое для меня послужило къ развязкѣ моего романа.

На набережной Васильевскаго острова образовалось цѣлое гулянье и публика, любуясь ледоходомъ, густою толпою бродила по гранитному тротуару. Я пошелъ тоже поглядѣть на это, дѣйствительно, красивое зрѣлище. Фонари тускло горѣли и казались какими-то желтыми пятнами на сѣромъ фонѣ еще не темнаго неба.

Вдругъ навстрѣчу мнѣ идетъ стройная женская фигурка съ откинутой вуалью, которая, поровнявшись со мной, быстро повернулась и я услышалъ свою фамилію. Взглянулъ, смотрю—Екатерина Павловна.

— Ахъ вы, противный человѣкъ,—начала она:—изъ-за васъ я теперь не могу и домой попасть. Я цѣлый день искала вашу квартиру, у меня для васъ есть одинъ заказъ. Ну, что я теперь буду дѣлать,—продолжала она:—вѣдь теперь и не перевозятъ ужъ на ту сторону.

— Ну, что же, будьте моей гостьей,—сказалъ я и подаль ей руку.

Она была очень мила въ своей темной бархатной шляпкѣ, и ея видъ волновалъ мои нервы. Не долго колебалась она, приняла мое предложеніе и мы отправились въ 4-ую линію, на уголь Большого проспекта, гдѣ я жилъ въ то время въ домѣ нѣмецкаго булочника.

— Ужъ этотъ мнѣ Дуровъ,—ворчала она:—напуталъ адресъ, и я цѣлый день проходила здѣсь, устала я ужасно...

Я крѣпко прижималъ ея руку къ себѣ и страстная дрожь пробѣгала по моему тѣлу. Наконецъ мы вошли ко мнѣ и я приказалъ своему человѣку ставить самоваръ, а самъ сбѣгалъ въ лавочку, купилъ холодныхъ закусокъ, вина, фруктовъ, и мы съ аппетитомъ поужинали.

— Милый, милый художникъ,—шептала она мнѣ, когда мы сидѣли на моемъ старенькомъ диванчикѣ, а свѣча, догорая, мигала, то освѣщая комнату, то снова погружая все въ глубокой мракъ:—какъ я рада, что наконецъ судьба насъ свела. Ты мнѣ понравился съ перваго взгляда, и я безконечно счастлива...

Не знаю, былъ ли счастливъ я. Да, кажется, счастливъ. Съ тѣхъ поръ до самаго моего отъѣзда въ Москву въ квартирѣ моей царила какая-то мирная обстановка, переполненная спокойной любовью и счастьемъ. Я любилъ Катю, рисовалъ съ нея картины, и она вдохновляла меня нерѣдко на новыя работы, увѣнчавшіяся полнымъ успѣхомъ, она же фигурируетъ у меня въ большинствѣ женскихъ этюдовъ и фигуръ въ моихъ работахъ того времени.

Уѣзжая, я оставилъ ее прихварывающей; что-то неладное дѣлалось въ груди ея, но молодость безпечна, и мы не придавали этому никакого значенія.

Теперь, черезъ полгода, я засталъ бѣдную женщину совсѣмъ больною. Подъ впечатлѣніемъ посѣщенія Чернецова мнѣ было еще тяжелѣе видѣть страданія существа, которое я любилъ и которое было такъ связано со мною въ одинъ изъ самыхъ тяжелыхъ періодовъ моей жизни. Ракъ, образовавшійся у нея на груди, принялъ страшныя размѣры, и она ужасно измѣнилась. Куда дѣвались ея веселость и свѣжесть, только воспаленные глаза были все тѣ же, но горѣли какимъ-то зловѣщимъ огонькомъ, не общающимся ничего хорошаго. Она пожала мнѣ руку и съ жалкой улыбкой прошептала:

— Вотъ и мой чередъ насталъ, приходится умирать...

Слезы душили меня, счастливое прошлое пронеслось передъ глазами и мнѣ сдѣлалось еще больнѣе, еще горше на душѣ. Докторъ, лечившій Катю, мнѣ не подавалъ никакой надежды на выздоровленіе. Долго я просидѣлъ у Катюши, затѣмъ оставилъ у ней сидѣлку, а самъ отправился во дворецъ, бросился въ подушки и разрыдался. На другой день я принялся за работу, но кисть отказывалась повиноваться мнѣ. Я поѣхалъ навѣстить Чернецова, у котораго засталъ священника; бѣдному Чернецову, видимо, осталось жить нѣсколько часовъ. Во время службы я держалъ свѣчу, слезы наполняли мнѣ глаза, горло щекотало отъ прилива рыданій.

Оттуда я поѣхалъ къ Катѣ, и у нея нашелъ не больше утѣшительнаго, моя душа разрывалась, и я не могъ найти себѣ успокоенія.

Вернувшись послѣ поѣздки къ дядѣ Александру Павловичу, котораго мнѣ нужно было повидать по дѣлу, касающемуся дворца, я нашелъ двѣ записки: одну, въ которой Поздѣевъ извѣщалъ меня о смерти Алексѣя Ѳедоровича Чернецова, а другую отъ доктора, лечившаго Катю, что и она перестала страдать. Двое похоронъ въ одинъ день ожидали меня.

Я поѣхалъ къ Катѣ и нашелъ ее обмытую и положенную на столикъ. Гробъ былъ заказанъ и все необходимое для этого случая, въ чемъ мнѣ помогла сидѣлка, очень расторопная старуха. На другой день состоялись похороны Кати и Чернецова и я успѣлъ проводить обоихъ, такъ какъ первую отпѣвали 2-мя часами раньше. Нѣтъ, я не въ силахъ возвращаться къ тому, что я испыталъ за это ужасное утро, только со мною что-то сдѣлалось вдругъ; я почувствовалъ себя какимъ-то другимъ, одинокимъ, глубоко несчастнымъ, но время, этотъ всеисцѣляющій лекарь, поспѣшило мнѣ на помощь...

Работа моя во дворцѣ двигалась шибко и, казалось, шла съ большимъ успѣхомъ. Для расписанія потолка въ столовой былъ приглашенъ изъ-за границы одинъ старый нѣмецъ, работавшій въ двойныхъ очкахъ и писавшій необыкновенно тщательно, выводя всѣ детали; но, повидимому, онъ не умѣлъ разсчитывать на разстояніе, потому что, когда стояли еще лѣса и когда его медалюны, изображавшіе четыре вѣтра, можно было видѣть вблизи, то нельзя было не любоваться ихъ красотой, но когда лѣса были сняты и на нихъ можно было смотрѣть только съ пола, то весь эффектъ, на который разсчитывалъ художникъ, пропадалъ, все сливалось въ какіе-то неопредѣленнаго цвѣта блины.

Я принималъ къ свѣдѣнію это обстоятельство и старался уже въ подкладкѣ дать всю силу красокъ, скрадывая контуры мягкими полутонами. Въ двухъ же большихъ картинахъ надъ дверями, на которыхъ преобладалъ пейзажъ, для того, чтобы не было однообразнаго зеленого цвѣта въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ былъ закатъ солнца, я пустилъ доминирующій розовато-красный общій тонъ, а въ другой, изображавшей лѣтнее утро, пустилъ больше бѣлилль и то, что на-

зывается французами «gris de perle». Когда ихъ увидѣлъ дядя Александръ Павловичъ, то усомнился при видѣ смѣлаго, рѣшительнаго мазка и сказалъ:

— Смотри, братъ, ты, кажется, написалъ какія-то декораціи.— Но я потребовалъ, чтобы картины мои были поставлены на свои мѣста и вышло то, что самъ Александръ Павловичъ Брюлловъ пришелъ въ восторгъ отъ эффекта, произведеннаго ими съ разстоянія, на которое я вѣрно разсчиталъ. Онѣ имѣли видъ, какъ бы писанныя на фарфорѣ: свѣтъ силенъ, а тона мягкіе. Дядя былъ такъ доволенъ, что не велѣлъ ихъ больше трогать: «а то еще запишешь», сказалъ онъ, обнялъ меня одной рукой за талію и повелъ показывать только что отдѣланную турецкую комнату, сплошь обшитую турецкими шалями, орнаментами изъ воска и съ фонтаномъ по срединѣ.

Но что болѣе всего мнѣ понравилось въ этомъ дворцѣ, такъ это большой мраморный залъ; онъ остался почти не тронутымъ реставраціей, въ особенности тѣ куски, которые украшали стѣны въ амбразурахъ оконъ, очень глубокихъ. Такихъ породъ мрамора я никогда и нигдѣ не видѣлъ, нѣжность красокъ и рисунокъ разводовъ на нихъ были прелестные.

Изъ этихъ оконъ какъ разъ видна боковая постройка со службами, въ фасадѣ которой на эту сторону по всей линіи его, въ видѣ аттики, тянется сплошной лентой прелестный барельефъ съ лошадьми барона Н. Ф. Клодта. Послѣ моей вторичной поѣздки въ Москву, о которой я буду говорить позднѣе, я снова приступилъ къ работамъ въ Мраморномъ дворцѣ, которыя уже близились къ концу. Новое зданіе придворныхъ службъ только задержало окончаніе работъ, такъ какъ, собственно, дворецъ могъ быть оконченъ къ началу навигаціи. Я поставилъ уже свои болѣе мелкіе фрагменты въ потолокъ и ожидалъ окончанія нѣкоторыхъ работъ для того, чтобы поставить большія. Въ это время дядюшка Александръ Павловичъ ко мнѣ не заходилъ. Онъ находился въ большомъ волненіи, такъ какъ у него было не все въ порядкѣ относительно отчетностей по расходованію отпущенныхъ суммъ на эти работы. Собственно, объ этомъ я узналъ гораздо позднѣе, но все же не могъ не замѣтить нѣкотораго волненія его при посѣщеніи имъ работъ. Онъ какъ-то даже перемѣнился, сталъ задумчивѣе, короче сказать, такъ и сквозило, что тутъ творится что-то неладное. Изъ товарищей ко мнѣ никто не заходилъ, кромѣ Алексѣя Агина, который съ любопытствомъ и удовольствіемъ осматривалъ дворецъ. Прочимъ же, конечно, не были интересны мои пастухи и пастушки. Между тѣмъ и мнѣ эта скучная работа до крайности надоѣла, и я съ нетерпѣніемъ ожидалъ ея конца; работы усиленно продолжались, тѣмъ болѣе что императрица пожелала видѣть дворецъ поскорѣе оконченнымъ. Наконецъ работы были закончены, и дядя Александръ Павловичъ готовился представить дворецъ государынѣ императрицѣ.

Я продолжалъ занимать то же помѣщеніе въ его покояхъ въ продолженіе всего лѣта и зимы, такъ какъ пріѣздъ двора долженъ былъ состояться весной слѣдующаго года. Государыня императрица Александра Ѳеодоровна пріѣзжала его осматривать и осталась очень довольна, въ особенности же ей понравилась моя работа, такъ что она два раза возвращалась въ тотъ залъ, гдѣ находились мои картины и очень хвалила ее.

Государь, при посѣщеніи своемъ дворца, въ общемъ, также былъ очень доволенъ работами и благодарилъ дядюшку за прекрасное ихъ выполненіе. Однако, въ очень скоромъ времени мнѣ окончательно сдѣлались понятны причины волненія моего дяди. Ревизионная комиссія по реставраціи Мраморнаго дворца обнаружила возмутительныя растраты и злоупотребленія, и, какъ я слышалъ, государь былъ очень недоволенъ этимъ обстоятельствомъ, и порученная уже дядѣ моему работа по реставраціи эрмитажнаго отдѣленія Зимняго дворца была у него немедленно отобрана, что произвело довольно сильный скандалъ, а я долженъ былъ лишиться имѣвшейся уже у меня въ виду работы. Дядюшка же плутъ заперся въ своемъ кабинетѣ и безвыходно просиживалъ тамъ, дѣлая видъ, что страстно погрузился въ изученіе высшей математики. Такъ изъ этой темной исторіи сумѣлъ выйти этотъ ловкій и гениальный человѣкъ.

Работы въ Мраморномъ дворцѣ и цѣлый рядъ событій, уже мною описанныхъ, не давали возможности поддерживать постоянную связь съ моею роднею и я давно не былъ въ домѣ моего дяди Ѳедора Павловича Брюллова и не видалъ кузинъ. Одна изъ нихъ, Адель, уже вышла замужъ за архитектора Ѳедора Семеновича Завьялова, моего большого пріятеля, который получилъ назначеніе преподавателя въ Юшковскую школу въ Москвѣ и вскорѣ долженъ былъ туда отправиться. И вотъ въ одно изъ воскресеній я отправился въ домъ Брюolloвыхъ, кромѣ того, мнѣ было необходимо заѣхать къ моему генералу, какъ я называлъ дядю Александра Павловича, а также навѣстить милаго барона Петра Карловича Клодта, котораго я давно не видѣлъ; меня къ тому же очень интересовала его литейная мастерская, о которой я столько слышалъ, да и къ Росси хотѣлось заѣхать, вспомнить старину моей академической жизни. Къ моему великому огорченію, я Росси не засталъ и направился къ барону Клодту. Со двора былъ входъ прямо въ литейное отдѣленіе, но по случаю праздника тамъ никакихъ работъ не было, зато широкая деревянная дверь, обитая рогожею и дранью, когда я до нея дотронулся, сейчасъ же отворилась и я вошелъ въ огромный отдѣлъ съ двумя ярусами оконъ, выходившихъ на улицу и во дворъ, имѣвшій довольно внушительный и декоративный видъ. Онъ напоминалъ собою первую картину балета «Сильфиды», т. е. огромный шотландскій шалле, вмѣщавшій въ себѣ массу кордебалета и такъ же, какъ на сценѣ, здѣсь была видна съ правой стороны легкая

деревянная лѣстница, устроенная около стѣны, со входомъ въ верхній этажъ. Но кругомъ не было ни души, и на мой громкій призывъ кого-либо изъ служащихъ я не получилъ никакого отклика. Вдругъ около огромной будки что-то зашевелилось и мнѣ показалось, что это, вѣроятно, проснулся заспавшійся дворникъ, хватившій ради воскреснаго дня изрядную порцію хмельного. Я сдѣлалъ по направленію къ будкѣ нѣсколько шаговъ и остановился, какъ вкопанный; если бы кто-нибудь случайно увидѣлъ меня въ этотъ моментъ, то, навѣрно, принялъ бы за рядового, вытянувшася передъ внезапно появившимся начальникомъ.

Такъ я стоялъ въ неописанномъ ужасѣ передъ появившимся вдругъ огромнымъ мохнатымъ медвѣдемъ. Да, да, Михайль Ивановичъ Таптыгинъ, живой, настоящій, собственной своей персоной флегматически уставилъ на меня свои маленькіе желтые глаза. Впрочемъ, испугъ мой былъ не очень продолжителенъ, такъ какъ во взглядѣ Михайла Ивановича, какъ и въ его позѣ, не было замѣтно ничего враждебнаго, да, кромѣ того, когда я его рассмотрѣлъ уже съ большимъ спокойствіемъ, то увидѣлъ, что онъ находится на довольно толстой цѣпи. Я такъ обрадовался этому открытію, что страхъ мой куда-то моментально исчезъ, и на меня напало необъяснимое желаніе непременно подурачиться. Приподнявъ свой котелокъ и распаркиваясь, какъ это дѣлаютъ обыкновенно молодые чиновники передъ его превосходительствомъ, все же въ почтительномъ разстояніи, обогнулъ Михайла Ивановича и добрался до лѣстницы, по которой долженъ былъ подняться въ квартиру барона Клодта, находившуюся во второмъ этажѣ. Лѣстница кончалась площадкой, плотно прилегавшей къ стѣнѣ. Продолжая раскланиваться съ Таптыгинымъ, который недоумѣвающе смотрѣлъ на меня, попрежнему, флегматическими глазами, я поднялся на пятую ступеньку и занесъ уже ногу на шестую, да такъ и застылъ въ этой позѣ. Передо мною не лежалъ, а сидѣлъ безъ всякой привязи, раздвинувъ широко переднія лапы, большой сѣрый волкъ, совершенно такой, что въ извѣстной сказкѣ носилъ на себѣ по лѣсамъ и дебрямъ Ивана-царевича. Съ Иваномъ-царевичемъ во мнѣ не было положительно никакого сходства и я не имѣлъ при себѣ не только волшебнаго, но и никакого перстня. Душа моя съ невѣроятной быстротой спустилась въ пятки, но самъ я могъ только позавидовать ея быстрому бѣгу, ноги мои какъ бы приросли къ деревянной лѣстницѣ и пустили въ нее корни, и я не могъ шевельнуться ни однимъ суставомъ моихъ членовъ. Между тѣмъ волкъ смотрѣлъ, приподнявъ свои остроконечныя уши. Глаза его какъ-то дико горѣли и недвижно были устремлены на меня. Время отъ времени онъ разѣваль свою пасть и высовываль языкъ, какъ это дѣлаютъ собаки, когда ихъ хозяинъ приготавливаетъ для нихъ лакомое кушанье. Мнѣ казалось, что это онъ предвкушалъ довольно сытый завтракъ,

состоящей изъ молодого художника. Философы не скептики утверждаютъ, что въ мірѣ все дѣлается къ лучшему. Такъ долженъ подумать и я, вспоминая эту критическую минуту: что если бы я обрѣлъ свободу движеній и подѣ влияніемъ страха ринулся бы отъ волка внизъ, то нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что онъ очутился бы у меня на плечахъ. Но крайній страхъ, какъ я это испыталъ въ ту минуту, превращается въ отчаянную храбрость, и я вмѣсто того, чтобы бѣжать, вдругъ, не отдавая себѣ отчета, сталъ подыматься по ступенькамъ лѣстницы навстрѣчу моему противнику. Сердце мое билось съ невѣроятною силою и мнѣ казалось, что вотъ-вотъ оно должно разорваться. Крикнуть я уже не рѣшался, а какъ на зло кругомъ не было ни одной живой души, кромѣ Михаила Ивановича, изрѣдка побрякивавшаго цѣпью, какъ бы напоминая мнѣ, что, молъ, «и я вѣдь здѣсь». Но тутъ вдругъ совершилось чудо, которому на этотъ разъ я уже не могъ не повѣрить: волкъ, съ ловкостью и вѣжливостью отлично выдрессированнаго лакея, отодвинулъ свои ноги и убралъ морду, чтобы дать мнѣ пройти. Мнѣ оставалось еще, пройдя площадку, сдѣлать нѣсколько ступенекъ до двери въ квартиру барона, и я этихъ ступеней никогда не забуду. Все время я чувствовалъ за собою ужаснаго лакея и ждалъ, что вотъ-вотъ онъ вцѣпится въ меня своими огромными зубищами, но взглянуть назадъ я боялся и впопыхахъ чуть не упалъ на дверь, схватившись за мѣдную ручку ея и нервно дернулъ ее къ себѣ.

Дверь отворилась, я бросился въ комнату и быстро захлопнулъ ее за собой. Холодный потъ выступилъ у меня на лицѣ—но я былъ спасенъ. Однако испытаніямъ моимъ, очевидно, еще не пришелъ конецъ кончиться. Не успѣлъ я прійти въ себя, какъ услышалъ страшное шипѣніе и какіе-то дикіе звуки, раздавшіеся съ противоположнаго конца комнаты; я съ ужасомъ оглядѣлся и увидѣлъ злобную блѣдную рожу, съ довольно большими баками и тѣсно сдвинутыми, маленькими, совершенно круглыми глазами; ротъ этого чудовища былъ полуоткрытымъ и обнаружилъ рядъ яркихъ зубовъ. Это была обезьяна, державшаяся за протянутую выше нея проволоку и выдѣлывавшая задними ногами какія-то изумительныя антраша. Но вотъ дверь изъ сосѣдней комнаты отворилась, и я, къ своей великой радости, увидѣлъ входящаго Петра Карловича барона Клодта, обладателя этихъ ужасныхъ чертоговъ.

— Бога вы не боитесь, Петръ Карловичъ!—воскликнулъ я,—отъ души радъ, что наконецъ нашелъ избавителя.

— А что такое съ вами случилось?—спросилъ онъ меня, улыбаясь; и мнѣ было досадно, что этотъ добрый, чуткій человекъ улыбался въ такую для меня тяжелую минуту.

— Да, какъ же,—сказалъ я:—что это вы за прислугу развели тутъ внизу? Вмѣсто швейцара—медвѣдь, а лакея на лѣстницѣ замѣняетъ огромный волкъ.

— Ахъ, это Мишка-то, вѣдь онъ на цѣпи.

— Ну, хорошо, тотъ на цѣпи, а этотъ лакей-то вашъ сѣрый, вѣдь онъ совсѣмъ безъ привязи.

— А этотъ только видомъ страшень, онъ у меня очень благовоспитанный,—отвѣчалъ баронъ,—и напрасно вы пренебрегаете познакомиться съ нимъ—онъ презабавный,—прибавилъ онъ, пожимая мнѣ руку.

— Очень вамъ благодаренъ за такое лестное знакомство съ подобными джентльменами,—сказалъ я, раскланиваясь.

— Вѣдь онъ васъ не тронулъ,—замѣтилъ баронъ.

— Не тронулъ!—вскричалъ я:—онъ, если хотите, даже меня растрогалъ; я теперь не знаю, гдѣ у меня душа: знаю, что очень недавно она была у меня въ пяткахъ.

Петръ Карловичъ громко расхохотался и, обхвативъ меня за спину одной рукой, ввелъ въ свой кабинетъ и сталъ спрашивать.

— Развѣ вы тамъ внизу никого не нашли?—спросилъ онъ.

— По крайней мѣрѣ съ человѣческимъ образомъ никого,—отвѣтилъ я.—А эта ваша прислуга нельзя сказать, чтобы располагала особенно обращаться къ ней съ вопросами. Ужъ одни зубки вашего чуднаго лакея чего стоятъ.

— Ахъ да!—сказалъ баронъ:—вѣдь сегодня праздникъ, у меня не работаютъ, а сторожъ по обыкновению пьянъ. Вѣдь вы, вѣроятно, знаете, что я дѣлаю памятникъ И. А. Крылову, такъ въ пьедесталѣ будутъ находиться звѣри изъ басенъ его. Вотъ я и набралъ себѣ этихъ натурщиковъ. А обезьяну видѣли?—спросилъ онъ.

— Какъ же, она на меня успѣла зашипѣть.

— Да, она у меня презлая. Пойдемте-ка лучше къ моимъ, у насъ сегодня пирогъ. Хотите пирога?—спросилъ онъ.

— Хочу,—сказалъ я,—только дайте, Петръ Карловичъ, сначала стаканъ холодной воды.

Баронъ Клодтъ бросился къ стоящему на окнѣ графину, налилъ стаканъ и подалъ его мнѣ.

— Эхъ, вѣдь какъ звѣрье мое васъ взбударажило,—говорилъ онъ, наблюдая за тѣмъ, какъ я жадно глоталъ холодную воду и какъ стучать мои зубы о стекло стакана.

— Знаете, когда я васъ увидѣлъ, вы показались мнѣ похожимъ на Бертрама, когда онъ только что выскочилъ изъ пещеры, при громѣ цѣпей и адскомъ хохотѣ. Лицо у васъ было что-то ужъ черезчуръ бѣло. А куда вы дѣвали свою бороду и усы? Зачѣмъ вы сбрили ихъ, знаете, я васъ еле узналъ,—вдругъ сказалъ онъ.

— Эхъ, не говорите, Петръ Карловичъ, это мое больное мѣсто. Вѣдь я уже больше не свободный художникъ, а губернский секретарь, служу въ Николаевскомъ институтѣ и мнѣ по штату ни бороды, ни усовъ не положено.

— Да, да,—сказаль онъ:—вольнодумство внушаетъ. А кстати вы слышали, какъ великая княгиня, президентъ-то нашъ, отдѣлала Иванова за бороду, когда онъ пріѣхаль изъ Италіи, гдѣ тридцать лѣтъ писалъ свою картину, и она въ поощреніе не нашла болѣе ничего для привѣтствій, какъ кисло посмотрѣть на его бороду, расчесанную лопатой, пожала плечами и сказала: «Что это вы бороду-то не сбрили, развѣ такъ являются?»

— Ну, пойдѣмъ пирога ѣсть,—сказаль онъ и мы пошли въ столовую, гдѣ находилась часть его семейства, сидѣвшая вокругъ стола. Надо замѣтить, что у барона Клодта было такое громадное количество тетушекъ, бабушекъ, племянниковъ и племянницъ, что всѣ эти родственники не могли бы помѣститься въ двухъ такихъ столовыхъ, а потому они раздѣлились на группы и по очереди пользовались гостепріимствомъ добраго Петра Карловича. Жена его, бароннеса, была очень простая и весьма гостепріимная женщина, она ласково пригласила меня къ столу и я, взявъ стулъ, сѣлъ подлѣ маленькаго Миши, сына барона, тогда еще мальчика, а впослѣдствіи очень извѣстнаго живописца и творца многихъ весьма художественныхъ произведеній. Надо замѣтить, что мнѣ никогда не приходилось встрѣчать болѣе дружественнаго семейства, какимъ было семейство барона Клодта; его нѣжныя отношенія къ женѣ и къ дѣтямъ были поразительны, и, вообще мягкій по натурѣ человекъ, въ семейномъ кругу своемъ онъ былъ настоящимъ ангеломъ. Когда Петръ Карловичъ былъ принужденъ поѣхать за границу по дѣламъ своей специальности, гдѣ, въ особенности въ Германіи, встрѣтилъ необыкновенный почетъ и вниманіе со стороны двора, онъ поистинѣ страдалъ, чувствуя себя оторваннымъ отъ родной атмосферы собственной семьи и жаловался на это въ своихъ письмахъ дядѣ моему Александру Павловичу Брюллову, съ которымъ былъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ. Онъ, между прочимъ, писалъ ему, что «ни ласка, ни уваженіе талантливыхъ лучшихъ художниковъ, ни обѣды у короля и принцевъ не могли ему замѣнить ласки жены и дѣтей». Онъ съ удовольствіемъ смотрѣлъ на чужой сторонѣ на каждаго ребенка и отыскиваль въ немъ сходство со своими. «Лучшія яства и вина я промѣнялъ бы на черный хлѣбъ и квасъ, лишь бы очутиться опять скорѣе въ Россіи». Да, Петръ Карловичъ Клодтъ представлялъ собою примѣръ нравственности идеальнаго семьянина, а о талантѣ его нечего и говорить—это былъ гений, оставившій по себѣ безсмертную память своими произведеніями. В. А. Жуковскій его иначе не называль, какъ «Клодтъ Фидіасовичъ». Петръ Карловичъ былъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ моимъ отцомъ, меня зналъ съ малолѣтства и относился ко мнѣ, какъ къ сыну. Онъ подробно меня спрашиваль въ Москвѣ о работахъ постройки храма Спасителя, которыя его въ особенности интересовали, такъ какъ онъ собирался на довольно продолжи-

тельное время туда для исполненія заказовъ по постройкѣ этого храма. Весело болтая, мы послѣ вкуснаго пирога всей семьей пили кофе и если бы не необходимость непремѣнно побывать у дяди Александра Павловича, я, казалось, такъ бы и не ушелъ изъ этого милаго и симпатичнаго дома. Вышелъ я отъ Петра Карловича уже другимъ ходомъ, онъ меня провелъ прямо на 5-ую линію, такъ что я больше не встрѣчался съ его звѣрьемъ.

Возвратившись опять въ четвертую линію, я позвонилъ у подъѣзда квартиры дяди моего Александра Павловича. «Генерала моего» дома не было и меня приняла тетушка, урожденная баронесса Разль¹⁾, которая въ это время была женщина довольно зрѣлаго возраста и отъ совершенно празднои жизни и постоянного спанья сильно расплылась; слово дебелая къ ней уже не подходило, а скорѣе ее можно было назвать сырою и толстою. Сонливость ея доходила до того, что она могла засыпать въ каждую удобную минуту и довольно часто во время своихъ свѣтскихъ разговоровъ, правда, довольно скучныхъ, граціозно закрывала свой большой ротъ тоже не очень маленькой, но бѣлой, покрытой перстнями, пухленькой ручкой, чтобы сладко и вкусно зѣвнуть. Эта олицетворенная индифферентность усадила меня въ своемъ будуарѣ и съ напускнымъ участіемъ стала спрашивать меня о нашемъ семействѣ, и когда я началъ отвѣчать ей, то она, даже не дослушавъ фразы, перебивала меня, задавая вопросы совершенно на другую тему, или просила меня подать ей ту или другую вещицу съ туалета, а чаще всего какую-то душистую соль, разгонявшую ея сонливость. Послѣ простой, безыскусственной атмосферы, окружавшей меня въ домѣ барона Клодта, меня просто коробила эта напускная аристократическая блажь и мнѣ становилась противно въ ея обществѣ. Дѣтей не было, они пошли гулять, и была дома только мать этой «спящей царевны», совершенная уже старушка, которая произвела на меня впечатлѣніе типичностью своего лица, и я въ слѣдующее мое посѣщеніе написалъ съ нея портретъ. Какъ ни задерживала меня тетушка, а обѣдать я у нея не остался, и выйдя изъ дома, направился пѣшкомъ къ Среднему проспекту, гдѣ жилъ дядя Ѳедоръ Павловичъ. Тамъ меня встрѣтили радостно и съ неподдѣльнымъ радушіемъ. Мнѣ была пріятна вся обстановка дома моего дядюшки; все напоминало мнѣ здѣсь мое милое дѣтство и впечатлѣніе, которое произвела на меня эта семья, сглаживало то непріятное чувство, которое я вынесъ изъ дома дяди Александра Павловича.

Дядю Ѳедора Павловича я засталъ хандрящаго въ кабинетѣ, онъ лежалъ на диванѣ, закрытый сѣрымъ пледомъ, и жаловался на простуду; онъ съ любопытствомъ спрашивалъ меня про Москву и настояль, чтобы я остался обѣдать. Дядя рассказывалъ мнѣ также

¹⁾ Другая ея сестра была замужемъ за извѣстнымъ писателемъ О. И. Сенковскимъ.

и мѣстныхъ новости о работахъ по постройкѣ нынѣ Николаевской желѣзной дороги и моста черезъ Неву, которые вотъ-вотъ должны были начаться. У Исаакія работы подвигались живѣе, видно было, что комиссію подгоняли. Государь былъ въ Москвѣ и остался также очень недоволенъ бездѣятельностью тамошней комиссіи и тоже подтянулъ ее. Словомъ, всюду дѣло закипѣло. Между тѣмъ подготавлилась Крымская кампанія, ходили тревожные слухи о какихъ-то непріязненныхъ отношеніяхъ между Наполеономъ III и нашимъ государемъ. Положительнаго изъ обыкновенныхъ смертныхъ никто не зналъ, потому что никогда еще въ газетахъ не было столько вранья, какъ въ то время, особенно же въ области политики. Однимъ словомъ, на горизонтѣ уже показалась черная туча, зловѣще висѣвшая надъ Россіей, а внутренняя жизнь государства текла своимъ обычнымъ, ровнымъ потокомъ.

Директоръ театровъ Сабуровъ, узнавъ объ успѣхѣ моихъ работъ въ Мраморномъ дворцѣ, обратился ко мнѣ съ заказомъ; онъ тогда отстраивалъ себѣ домъ и ему были необходимы два историческіе сюжета. Принималъ онъ меня очень любезно, и я часто завтракалъ въ его обществѣ и не могу сказать, чтобы оно было не интереснымъ. Изъ работъ по душѣ и собственному выбору я началъ компановать изъ Пушкина спену «Моцартъ и Сальери».

Въ это время Анненковъ приступалъ къ коллекпированію своего изданія и, встрѣтившись со мною, выразилъ желаніе помѣстить въ него нѣкоторые изъ моихъ рисунковъ. Я побывалъ у него и мы долго толковали насчетъ самаго изданія, для котораго предстояли огромныя издержки. Публика того времени еще не привыкла къ дорогимъ изданіямъ, и издатели всегда становились въ весьма тяжелыя рамки издать изящную вещь, но дешево. Гравюры стоили дорого, а вкусъ среди большей части интеллигентнаго общества былъ очень развитъ на хорошія художественныя произведенія. Мы рѣшили раздѣлить рисунки на два изданія. Тѣмъ же временемъ я работалъ въ «Иллюстраціи» на злобы дня, а также дѣлалъ виньетки и жанры. Работалъ я много въ виду того, что приближались праздники и мнѣ по нѣкоторымъ обстоятельствамъ необходимо было ѣхать въ Москву, и вотъ для этой поѣздки я и наколачивалъ деньгу. Однажды во время моего урока у графини Софіи Михайловны вошелъ графъ Владиміръ Александровичъ Соллогубъ и, поздоровавшись со мной, сказалъ:

— А вѣдь я опять скоро въ Москву ѣду, на праздникахъ вы не заняты и я васъ охотно туда повезу—ѣдемъ, не такъ ли?

Я очень обрадовался такому предложенію графа, во-первыхъ, мнѣ необходимо было ѣхать все равно, а, во-вторыхъ, ѣхать съ нимъ было для меня истиннымъ удовольствіемъ. Я отъ души поблагодарилъ его и вотъ черезъ недѣлю, снабженные цѣлымъ ворохомъ съѣстныхъ припасовъ, заготовленныхъ намъ заботливою графинею, мы усѣлись въ удобный закрытый возокъ и убаюкиваемые мѣрнымъ его покачива-

ніемъ изъ стороны въ сторону, быстро покатались по ровному укатанному санному пути. Колокольчикъ мѣрно выбивалъ свою однообразную пѣсню, а снаружи доносилось время отъ времени покрякиваніе ямщика на своихъ довольно ретивыхъ лошадей.

XIV.

Опять въ Москвѣ.—Встрѣча съ И. И. Панаевымъ и В. П. Боткинскимъ.—Московскіе спириты.—Графиня Ростопчина.—Инцидентъ съ П. Ф. Соколовымъ въ Парижѣ.—Толстякъ Рахмановъ и его братъ.

Итакъ, я опять въ Москвѣ, въ кругу своей родной семьи, опять отдыхаю душою и тѣломъ. На другой же день моего пріѣзда меня, какъ говорится, угостили русской оперой, которая была здѣсь украшена свѣжими голосами, но состояла не изъ однихъ русскихъ, положимъ, тутъ были и чехи, и малороссы, но все-таки славянскаго племени. Теноръ былъ Владиславлевъ, который славился своей игрой и сильнымъ голосомъ; но въ Москвѣ всѣ только и говорили объ итальянской оперѣ и ждали итальянцевъ къ Великому посту. На слѣдующее утро я зашелъ въ Варваринскую гостиницу, гдѣ остановился графъ В. А. Соллогубъ, мнѣ ужасно хотѣлось повидать его. У Владимира Александровича я засталъ Ивана Ивановича Панаева и Василя Петровича Боткина, того самаго, что въ скоромъ времени написалъ и напечаталъ свои «Письма объ Испаніи». Боткинъ высматривалъ сонливо и говорилъ мало, зато Панаевъ находился въ какомъ-то возбужденномъ состояніи и былъ милъ и остроуменъ. Онъ рассказывалъ про какой-то московскій вечеръ, на которомъ онъ недавно былъ, и презабавно обрисовывалъ тогдашніе типы средняго свѣтскаго круга, въ которомъ уже появилась манія столоверченія и вообще увлеченіе спиритизмомъ.

— Помилуйте, — говорилъ онъ: — куда ни придешь — вездѣ столы, столики и столици стучать, двигаются и даже пишутъ. Я давно привыкъ слышать выраженіе, когда хотятъ опредѣлить степень глупости кого-нибудь, то обыкновенно говорятъ: «онъ глупъ, какъ этотъ столъ». И вдругъ этотъ столъ пишетъ и даже говоритъ этимъ же самымъ умнымъ людямъ, которые дѣлаютъ подобныя сравненія. Въ особенности дамы этого круга, — продолжалъ онъ, — старались убѣдить меня во всевозможныхъ чудесахъ, выдѣлываемыхъ столами, и положительно я опасался имъ противорѣчить, такъ какъ энтузіазмъ съ которымъ онѣ защищали силу духовъ, доходилъ до своего апогея.

Юмъ, впрочемъ, уже и въ Петербургѣ разводилъ свои кружки, а оттуда они очень быстро перешли въ московское интеллигентное общество. Все это происходило отъ праздности, говорилъ Панаевъ, а вовсе не отъ увлеченія, что ли интересными и непонятными явле-

и ями... И, дѣйствительно, праздность эта принимала колоссальные размѣры. Такъ, напримѣръ, она доходила до того, что даже въ болѣе или менѣе интеллигентныхъ кругахъ тогдашняго общества не только молодежь, но и зрѣлые люди занимались пусканіемъ мыльныхъ пузырей, находя въ этомъ занятіи себѣ достаточное развлеченіе. Входя въ какую-нибудь гостиную, вы непременно замѣчали на самомъ виду приготовленною съ мыльной водой чашку, надъ которой и молодыя дамы, и старики, и юноши, вооруженные небольшими соломенными трубочками, захватывали немного мыла и пускали вверхъ довольно красивые мыльные пузыри, которые взлетали вверхъ, лопались при общемъ весельи и смѣхѣ этой забавляющейся компаніи, напоминавшей собою толпу рѣзвящихся дѣтей. И эта глупая мода процарствовала въ продолженіе цѣлаго года, но потомъ отъ нея какъ-то отстали. Рассказывалъ также Иванъ Ивановичъ про графиню Ростопчину, съ которой онъ недавно видѣлся, находившуюся въ то время въ Москвѣ и писавшую свою комедію «Продолженіе Горе отъ ума».

— Вотъ скоро предполагается большой балъ у графини Орловой, — говорилъ Панаевъ: — на которомъ соберется вся аристократія, какъ родовая, денежная, такъ и умственная, во главѣ этого блестящаго общества будетъ находиться графиня Ростопчина, какъ поэтесса и знаменитость.

Меня въ особенности заинтересовали рассказы о графинѣ, такъ какъ мнѣ предстояло быть на этомъ балу, приглашеніе на который было получено моимъ отцомъ со всѣмъ нашимъ семействомъ. Отъ Соллогуба я отправился къ Миллерамъ ¹⁾ и всѣхъ ихъ засталъ дома. Александръ Степановичъ за огромнымъ чертежнымъ столомъ возился надъ какими-то проектами барскаго дома и когда я спросилъ его, для кого онъ ихъ составляетъ, то онъ назвалъ одного изъ двухъ братьевъ, извѣстныхъ богачей Рахмановыхъ. Тотъ, для котораго онъ работалъ, былъ толстякъ и гастрономъ, жившій въ своемъ домѣ на углу Страстного бульвара и Дмитровки. Онъ былъ извѣстенъ какъ своей колоссальной толщиной, такъ и своими лукулловскими обѣдами и еще тѣмъ, что, будучи неизмѣримо толстъ, былъ крайне тяжель на подъемъ и почти никуда не выѣзжалъ, но для того, чтобы видѣть теченіе общественной жизни, онъ устроилъ у себя въ домѣ крытый балконъ выступавшій на улицу, на которомъ постоянно возсѣдалъ и могъ видѣть всѣхъ проѣзжавшихъ мимо его дома. Лишь только замѣтитъ бывало, Рахмановъ знакомаго, глаза его засверкаютъ, онъ нервно задвигается на своемъ сѣдалищѣ и, схвативъ находящееся постоянно при немъ павлинье перо, начинаетъ махать имъ и хриплымъ голосомъ кричать:

¹⁾ А. С. Миллеръ былъ извѣстный архитекторъ и другъ Петра Федоровича Соколова. Б. Тагѣевъ.

— Ко мнѣ, ко мнѣ!

Кромѣ гастрономіи, его любимымъ провозженіемъ времени была передѣлка или какая-нибудь постройка въ своемъ домѣ; и вотъ Миллеръ, какъ его годовой архитекторъ, безъ отдыха возился надъ этими безконечными реставраціями.

— Вотъ я васъ съ нимъ познакомлю, — сказала мнѣ Миллеръ. — Вы видите въ этомъ самомъ чертежѣ, который передъ вами, посрединѣ дома находится большая квадратная комната съ куполообразнымъ потолкомъ, которую я ему сдѣлалъ въ помпейскомъ вкусѣ. Въ парусахъ его должны были быть помѣщены четыре живописныхъ фрагмента, представляющіе собой нѣсколько летящихъ фигуръ. Не хотите ли вы взять ихъ написать? Во-первыхъ, Рахмановъ хорошій плательщикъ, а, во-вторыхъ, онъ представляетъ собою такой интересный типъ, что вамъ, какъ художнику, прямо не мѣшаетъ съ нимъ познакомиться. А вотъ еще я вамъ любопытныя вещи покажу, — прибавилъ Александръ Степановичъ и при этомъ вынулъ рисунки, которые были имъ дѣланы въ Парижѣ для извѣстной графини Самойловой ¹⁾, той самой, которую я встрѣчалъ въ Павловскѣ.

— Да, — сказалъ онъ: — дорого ей обошелся парижскій hotel, который я ей отдѣлывалъ. Но, боги! во что бы ей обошелся онъ, если бы ей отдѣлывали его парижскіе архитектора. — И Александръ Степановичъ былъ совершенно правъ, такъ какъ отецъ мой, во возвращеніи изъ-за границы, восхищался нѣмцами за ихъ аккуратность и былъ совершенно противоположнаго мнѣнія о французсахъ, называя ихъ страшными эксплуататорами.

— Если этихъ французовъ слушать и принимать за чистую монету все, что они насажутъ, то какъ разъ попадешь съ ними впросакъ, — рассказывалъ отецъ. — Такъ, на примѣръ, одинъ дантистъ навязалъ мнѣ вставные зубы, которые мнѣ, собственно, совершенно не были нужны, но онъ, предлагая ихъ мнѣ, настойчиво убѣждалъ меня взять ихъ, такъ какъ они мнѣ непременно понадобятся; и такъ сумѣлъ заговорить меня, что я ихъ и взялъ; и вотъ эти зубы теперь валяются у меня гдѣ-то въ ящикѣ. А то вотъ еще случай, — говорилъ мнѣ отецъ: — парикмахеръ, который приходилъ меня постоянно брить, замѣтя мои рѣдкіе волосы, увѣрилъ меня, что у него есть какой-то составъ для рошенія волосъ «miroralan», какъ онъ его на ывалъ. И вотъ этотъ куаферъ выбрилъ мнѣ голову и сталъ аккуратно мазать своимъ волшебнымъ составомъ, оказавшимся потомъ просто фиксауаромъ. Голова моя стала походить на большой бильярдный шаръ, на который я надѣлъ черную шелковую ермолку и не снималъ ее въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, пока у меня опять не выросли такъ же жиденькіе волосы, какіе и до этого были.

¹⁾ Портретъ графини Самойловой, писанный К. П. Брюлловымъ, находится въ музеѣ императора Александра III; она изображена въ костюмѣ турчанки съ рабыней.

Изь-заэтой ермолки съ отцомъ вышелъ довольно курьезный случай: однажды, будучи въ Парижѣ, онъ посѣтилъ театръ «Варьете»; мѣсто его приходилось какъ разъ подѣ самыми ложами 1-го яруса въ амфитеатрѣ, вдругъ во время антракта послѣ перваго дѣйствія онъ почувствовалъ, что какая-то рука подняла за кисточку его ермолку; быстро обернувшись, отецъ увидѣлъ склонившуюся надъ нимъ очень хорошенькую дамочку съ его ермолкой въ рукѣ и ласковымъ голосомъ проговорившую ему:

— Bonjour, monsieur Socoloff!

И въ этой дамѣ отецъ узналъ извѣстную проказницу графиню Орлову, съ которой онъ писалъ незадолго до этого портретъ въ Москвѣ.

Хотя мы и условились черезъ нѣсколько дней побывать у Рахманова, но на этотъ разъ мнѣ не пришлось осуществить нашей поѣздки, и только въ слѣдующій мой прїѣздъ въ Москву я съ Миллеромъ посѣтилъ эту интересную личность. Когда мы подъѣзжали къ дому Рахманова, Миллеръ, обратившись ко мнѣ, сказалъ:

— Пріятно имѣть дѣло съ подобными толстяками, по крайней мѣрѣ, знаешь, что навѣрное застанешь его дома. Ему труднѣе снаться съ якоря, чѣмъ какому-нибудь огромному броненосцу, да и домъ-то онъ свой строить и перестраиваетъ только потому, что это даетъ ему возможность сидѣть дома и чѣмъ-нибудь заниматься. Вѣдь вотъ этотъ залъ, въ которомъ будутъ ваши картины, онъ уже въ четвертый разъ передѣлываетъ, все, видите ли, у него новыя фантазіи разыгрываются: то въ римскомъ вкусѣ, то въ греческомъ, то въ ренессансѣ. Теперь вотъ въ помпейскомъ придумалъ,—авось на этомъ остановится.

Мы подъѣхали къ богатому крыльцу и швейцаръ, высадивъ насъ, позвонилъ наверхъ. По роскошной лѣстницѣ, установленной мраморными статуями и вазами, мы стали подниматься.

— Это вы ему все устраивали?—спросилъ я Миллера.

— Да,—отвѣчалъ онъ:— а вотъ эту лѣстницу такъ передѣлывалъ два раза.

Пройдя двѣ гостиныя, я наконецъ увидѣлъ облитаго полнымъ дневнымъ свѣтомъ, громадной величины толстяка, сидящаго на широчайшемъ табуретѣ, покрытомъ тигровой шкурой; лѣвая нога его была подогнута и онъ сидѣлъ на ней, а въ правой рукѣ держалъ нѣсколько уже помятое павлинье перо. Голова его была гладко выстрижена, черепъ былъ небольшой, но щеки и подбородокъ расплылись до того, что шея не было никакой возможности отличить въ этой жировой массѣ. Глаза его не были лишены красоты, но жиръ настолько закрывалъ ихъ, что сразу они казались маленькими и безъ выраженія; носъ короткій, уста большія, очень пріятно улыбавшіяся. На ногахъ его были одѣты вышитые золотомъ турецкія туфли, а самъ онъ былъ одѣтъ въ блѣдно-голубую шелковую рубашку.

— А!—протянулъ толстякъ,—Александръ Степановичъ, милости просимъ, ужъ я вижу, что вы ко мнѣ художника ведете, милости прошу,—и онъ, пожавъ намъ руки, указалъ на стоявшіе подлѣ него стулья.

— Да вотъ сажу я тутъ,—продолжалъ онъ, обращаясь уже ко мнѣ,—да все придумываю, какъ бы это мнѣ покрасивѣе да поудобнѣе устроить,—и тутъ онъ началъ посвящать меня въ свои идеи о квадратной комнатѣ, про которую я уже зналъ отъ Миллера. Когда рѣчь зашла про картины, то онъ вдругъ воодушевился.

— Мнѣ, знаете,—говорилъ онъ, прищуря заплывшіе глаза, какъ говоритъ обыкновенно тонкій гастрономъ, заказывая самое изысканное блюдо специалисту-повару:—мнѣ хочется сюда фигурки, какъ будто летящія... вакханочекъ, съ тазиками и съ чашками, тѣльце, знаете, этакое бѣленькое, пріятное...—и его глаза при этомъ совершенно закрылись отъ предвкушаемаго удовольствія постоянно видѣть передъ собою это «бѣленькое тѣльце».—Я вѣдь въ панашу пошелъ,—заговорилъ опять онъ:—такой же былъ канашкапокойникъ...—и онъ захохоталъ, трясясь всѣмъ тѣломъ.—Вотъ когда я еще могъ ѣздить за границу, видѣлъ я такія картиночки въ одномъ палаццо на берегу Средиземнаго моря... Эхъ, кабы оно теперь тутъ передо мною было, а то что я здѣсь вижу? галки да монастырь. А преползныя птицы эти галки,—серьезно замѣтилъ онъ.—Ну, чтобы Лужинъ ¹⁾ подѣлалъ со своими новшествами да распорядительностью, если бы онъ не подчищали ему Москвы? вѣдь, поди, сколько за день онъ всякой дряни не переѣдятъ.

Мы размѣялись, а хозяинъ, съ трудомъ перемѣнивъ положеніе, предложилъ мнѣ осмотрѣть его домъ, обѣщая вскорѣ прійти вслѣдъ за нами, и пригласилъ насъ остаться у него позавтракать. Мы съ Миллеромъ встали и пошли осматривать домъ и обошли множество залъ, роскошно убранныхъ въ различныхъ стиляхъ и въ то же время носившихъ на себѣ характеръ самого хозяина. Я вспомнилъ Собакевича. Все было крупно и мягко. Кресла, диваны и отоманки были колоссальныхъ размѣровъ и, казалось, такъ и говорили: «вѣдь я тоже въ своемъ родѣ Рахмановъ».

Едва мы успѣли наскоро обойти все помѣщеніе, какъ уже за нами явился слуга и объявилъ, что Михаилъ Алексѣевичъ ожидаетъ насъ въ столовой. Мы вошли въ продолговатую комнату, правда, не особенно большую, но сплошь отъ потолка до полу убранную рѣзнымъ дубомъ. По срединѣ стоялъ широкій столъ, обставленный со всѣхъ сторонъ рѣзными стульями. Въ противоположномъ концѣ столовой былъ устроенъ растворъ въ видѣ окна, въ которое подавалось очередное кушанье, и изъ прислуги, такимъ образомъ, дѣйствовалъ только одинъ человѣкъ, подававшій намъ

¹⁾ Оберъ-полицеймейстеръ Москвы.

за столомъ. Эта столовая напоминала мнѣ ту, которая была устроена въ одномъ изъ павильоновъ Царскосельскаго сада, гдѣ была поставлена подъ него машина, подающая кушанья съ кухни на столъ. Да, завтракъ былъ поистинѣ гастрономическій, и, кажется, солѣе всего чести оказалъ ему самъ хозяинъ, который, какъ гоголевскій Петръ Петровичъ Пѣтухъ, сдѣлался за столомъ совершеннымъ разбойникомъ, беспощадно приказывая подкладывать намъ все новые и новые куски и подливать вина. Еле-еле всталъ я изъ-за стола, чувствуя ужасную тяжесть въ желудкѣ и, получивъ заказъ, поспѣшилъ откланяться не въ мѣру гостепріимному хозяину.

У этого Рахманова былъ братъ, немного на него похожій. Высокаго роста мужчина, брюнетъ, плотно сложенный, но не такой толстый, какъ этотъ, онъ былъ извѣстенъ какъ азартный игрокъ и всегда бывалъ въ огромномъ залѣ Англійскаго клуба. Вотъ какіе типы существовали еще въ московскомъ обществѣ.

Но не только Рахмановъ имѣлъ обыкновение закармливать до одуренія своихъ гостей, это было вообще принято въ то время, и, дѣйствительно, идя куда-нибудь въ гости, надо было помнить, что находишься въ Москвѣ, и дня два тренировать себя для того, чтобы потомъ легче поглотить всѣ тѣ яства, которыя неизбѣжно долженъ принять желудокъ.

Отъ Миллера я прямо направился къ Маковскимъ. Въ зимнемъ своемъ уборѣ Москва мнѣ еще болѣе понравилась, день былъ морозный и солнечный, дорога, оконныя стекла домовъ, все сверкало и искрилось какъ-то особенно радостно и привѣтливо. Встрѣчныя сани и другіе экипажи быстро мелькали мимо, обдавая меня снѣжною пылью. Пѣшеходы шли торопливо и весело поглядывали изъ-за своихъ приподнятыхъ мѣховыхъ воротниковъ. Словомъ, вся Москва выглядывала въ ту пору совсѣмъ русскимъ городомъ. Подѣхавъ къ Дворцовому мосту, я позвонилъ у знакомой мнѣ двери. Открылъ мнѣ ее младшій Маковскій—Николаша. Отца не было дома, а Любовь Корниловну я тотчасъ же увидѣлъ; она привѣтливо встрѣтила меня и сейчасъ же начала спрашивать, не хочу ли я чего-нибудь покушать. Мнѣ невольно вспомнились старосвѣтскіе помѣщики Гоголя. Ласковая хозяйка объявила мнѣ, что стоговила блины и что хотя масленица еще не наступила, но что необходимо сдѣлать пробныя, такъ сказать, приноровиться, какъ слѣдуетъ. Маковская была большая мастерица создавать необыкновенно вкусныя блюда, и у меня вдругъ разыгрался аппетитъ и явилась охота ихъ пробовать.

Дѣйствительно, блины оказались великолѣпные, да еще съ бѣлозерскими снѣтками... Ужъ не помню, какъ я доѣхалъ домой. Наливка, что ли, приготовленія Любви Корниловны, которою она меня усердно потчевала, или блины, не знаю, такъ подѣйстви-

вали на меня, только я всю дорогу клевалъ носомъ и, прямо пройдя въ свою комнату, бухнулся на кровать, какъ былъ одѣтый.

Ай да Любовь Корниловна, вотъ такъ попотчевала! Проснулся я, когда было уже совершенно темно, и засталъ всѣхъ нашихъ въ сборѣ. Меня встрѣтили хохотомъ и когда я рассказалъ, гдѣ былъ, всѣ еще больше разсмѣялись.

— Да ужъ она, если кто ей попадется,—говорилъ отецъ,—такъ убоготорить, что едва ноги унесешь, я такъ просто ея боюсь, мастерица угощать.

— Да, да,—подтвердилъ учитель моего брата Александра, Родзѣвскій,—я послѣ ея угощенія имѣю всегда дѣло съ аптекой и когда ѣду къ Маковскимъ, то постоянно беру съ собой коробочку съ содой».

Пришелъ Миллеръ и, узнавъ о моемъ походе, тоже отъ души хохоталъ; оказалось, что и онъ былъ жертвой гостепріимства этой прекрасной женщины. А весело бывало въ домѣ у Маковскихъ, въ особенности, когда они устраивали у себя вечера съ танцами; необыкновенная простота и радушіе царили подъ ихъ кровлею, и полная чаша всегда была для множества собиравшихся у нихъ гостей. Теперь на святкахъ предполагался у нихъ маскарадъ и мы всѣ съ нетерпѣніемъ его ожидали.

— Ничего, пусть тряхнетъ карманами Егоръ Ивановичъ,—сказала моя мать:—а то онъ все только по рынкамъ на Смоленскомъ да у Сухаревой трусить ихъ. Любовь Корниловна все ворчитъ на него за это, скупится онъ на обнови, а старье скупааетъ, такъ его «старьевщикомъ» и прозвала.

— Вамъ, женщинамъ, это не понятно,—возразилъ отецъ:—а это у него благородная страсть. Вѣдь вотъ не понимаете вы, что на эти рубли и копейки, что онъ на рынокъ-то «трусить», какъ ты выразилась, теперь растетъ такая драгоценная коллекція, которая будетъ стоить со временемъ капиталы.

— Хорошо,—возразилъ Миллеръ:—да кто ее купить-то? онъ потому дешево и пріобрѣтаетъ свои гравюры, что онѣ никому не нужны. Вотъ продавалась галерея Мосолова, большая часть же ея и досталась Маковскому, никто даже аукціонной цѣны не давалъ.

— А въ музеумъ или библіотеку?—сказалъ отецъ.

— Да, это пожалуй,—отвѣтилъ Миллеръ:—только у насъ въ Россіи трудно, развѣ вы не знаете, Петръ Федоровичъ, сколько хлопотать для этого нужно и сколько денегъ придется раздать, пока пристроишь въ какой-нибудь изъ нихъ, оттого-то наши музеи и хуже заграничныхъ, потому что на пріобрѣтеніе чего-нибудь хорошаго у насъ никогда нѣтъ денегъ. Нѣтъ, батюшка, Петръ Федоровичъ, не нашей дикой странѣ блистать музеями,—и онъ былъ правъ.

XV.

Баль у графа Орлова-Денисова.

Домъ графа Орлова-Денисова былъ образцомъ тѣхъ барскихъ домовъ, которые возникли послѣ пожара и разгрома 1812 года. Главный корпусъ зданія стоялъ въ глубинѣ двора и поражалъ глазъ своимъ огромнымъ подъездомъ. Великолѣпная лѣстница вела въ большіе пріемные залы, изъ которыхъ самый большой находился по лѣвой сторонѣ площадки. Въ грунтѣ архитектурномъ и декоративномъ украшеніи видѣлся еще вкусъ эпохи Александра I, но по этому грунту блестящими брызгами были разсыпаны новшества послѣдовавшихъ царствованій и новѣйшаго времени, нисколько не дисгармонировавшія съ остатками дѣдовскаго вкуса. Прислуга одѣта была въ парадные шитые галунами кафтаны и въ цѣлые напудренные парики; стѣны уставлены цвѣтами и деревьями изъ оранжерей, и по угламъ огромныхъ залъ сгруппированы маленькіе возвышающіеся горою сады. Множество золотыхъ стульевъ было разсыпано по танцевальному залу, гармонировавшихъ съ великолѣпною бронзою, украшавшею стѣны и потолокъ, съ которыхъ спускались богатѣйшія золоченныя люстры.

Часовъ въ 10 вечера домъ запылалъ тысячами огней, а подъездъ, какъ бы огромный фантастическій фонарь, проливалъ лучи свѣта, освѣщая весь дворъ и подъѣзжающіе экипажи. Кареты то и дѣло подкатывали и останавливались у подъезда. Прелестныя дамы въ великолѣпныхъ туалетахъ, въ сопровожденіи стариковъ отцовъ, матерей или мужей, такихъ же блестящихъ и великолѣпныхъ, съ улыбкой предвкушенія ожидаемаго удовольствія поднимались по лѣстницѣ, устланной широкимъ и дорожайшимъ ковромъ. Какой-то нѣжный аромат самыхъ тончайшихъ духовъ царилъ въ воздухѣ и казалось, что цвѣты всего міра удѣлили сюда понемногу своего благоуханія. Въ широкихъ дверяхъ перваго зала, какъ въ рамѣ портретъ во весь ростъ, обрисовывалась роскошная фигура красавицы хозяйки, съ любезной улыбкой встрѣчавшей своихъ гостей, которыхъ, въ свою очередь, отъ нея принималъ уже хозяинъ дома въ блестящемъ казачьемъ мундирѣ при всѣхъ орденахъ и вводилъ въ ярко освѣщенный залъ. По знаку балетмейстера грянулъ польскій, и значительно сгустившаяся толпа начала раздѣляться по парамъ. Въ первой парѣ польскаго находилась хозяйка дома съ губернаторомъ Чертковымъ. Весь этотъ пышный цугъ подъ громкіе звуки оркестра прошелъ анфиладу парадныхъ комнатъ и возвратился въ большой залъ. Музыка на мгновеніе смолкла, и вдругъ раздались чудные звуки одного изъ волшебныхъ вальсовъ любимца публики Штрауса, и пары понеслись, будто брошенные могучей рукой букеты,

образуя собой какъ бы огромной величины волнующійся вѣнокъ. Мимо меня въ парѣ съ великолѣпнымъ офицеромъ мелькнула царица бала и интеллигентнаго кружка того времени, красавица-поэтесса графиня Ростопчина. Въ шпалерахъ не танцующихъ гостей уже мелькали звѣзды той плеяды интеллигентныхъ и геніальныхъ людей, о которыхъ я уже не разъ говорилъ; здѣсь были два брата князя Черкасскіе, Самаринъ, Кирѣевы и Аксаковы, а также лысый Чаадаевъ и долгогривый Хомяковъ, И. И. Панаевъ и др. Графъ Владимиръ Александровичъ Соллогубъ мелькнулъ мнѣ своей крупной фигурой, а когда стали составляться кадрили, появился и Константинъ Булгаковъ со своей типичной и пикантной физиономіей.

Графиня хозяйка была блистательна въ своемъ роскошномъ бѣломъ туалетѣ; ея оживленіе и довольство невольнo сообщались всѣмъ ея гостямъ. Балъ закипѣлъ во всей своей силѣ и блескѣ.

Я слѣдилъ за танцующими дѣвицами, и меня невольнo охватывалъ какой-то безотчетный страхъ за какое-нибудь молодое существо въ видѣ юной блондинки, сидѣвшей близко около меня, то вспыхивавшей румянцемъ, то блѣднѣвшей и дѣлавшейся серьезной отъ тѣхъ словъ, которыя ей нашептывалъ склонившійся къ ея уху уже пожилой человекъ въ блестящемъ мундирѣ. По всему было видно, что онъ имѣетъ претензію на нее. Что могъ онъ ей нашептывать, что ее такъ волновало, и какая, можетъ быть, готовилась тутъ драма... но зачѣмъ омрачать этими грустными тѣнями ликующую картину, полную блеска и радостей. Когда началась мазурка, Булгаковъ выступилъ, какъ дѣйствующее лицо; онъ начиналъ фигуры и былъ крайне изобрѣтателенъ, оживляя всю массу танцующихъ своей энергіей и громкими возгласами команды. У меня начинало пестрѣть въ глазахъ отъ безпрестанно сгруппировывавшихся гирляндъ милыхъ красавицъ, то становившихся въ кругъ, то разбѣгавшихся съ новыми кавалерами, то дѣлавшихъ съ ними шенъ длинной цѣпочкой по всему залу. Только сонъ или какой-нибудь роскошный балетъ можетъ дать такія картины. Тутъ я отчасти понялъ эту увлекающую и заразительную страсть женщинъ къ драгоценнымъ тряпкамъ; онѣ изъ нихъ дѣлаютъ вокругъ себя ореолъ пестроты, блеска и свѣта, къ которому нашъ братъ мужчина летитъ, какъ мотылекъ на огонь свѣчки. Но коварные мужчины далеко не всѣ обжигаются на этомъ огнѣ, пропитанные, вѣроятно, какой-нибудь огнеупорною жидкостью.

Но вотъ танцующіе начали какъ будто утомляться, и великолѣпныя дамы съ ихъ кавалерами разбрелись по гостинымъ. Всюду слышались оживленные разговоры, смѣхъ, выражающій неудержимое веселье, которымъ дышала вся обстановка. Прислуга разносила фрукты и прохладительные напитки. Я направился въ буфетъ и по дорогѣ встрѣтилъ Ивана Ивановича Панаева; пришлось пройти цѣлый рядъ гостиныхъ, въ которыхъ сидѣли болѣе солидные гости,

занятые своими разговорами; а въ амбразурахъ оконъ появились парочки и то и дѣло видѣлся то складывающійся, то опять быстро разворачивающійся вѣтеръ, скрывавшій или лукавую улыбку, или таинственно посланный легучій поцѣлуй. Но вотъ я подошелъ къ роскошно сервированной витринѣ, гдѣ было настояще «embarras de richesse» и около которой, весело чокаясь, собралась цѣлая группа мужчинъ. Когда я возвратился въ залъ, тамъ уже танцовали котильонъ и пары носились въ вихрѣ вальса. Да, теперь танцы совсѣмъ не тѣ, какими они были въ то благое время, тогда отдавались имъ отъ души, съ увлеченіемъ, а теперь просто грустно смотрѣтъ на танцующую молодежь. Хозяйка, графиня Орлова, съ увлеченіемъ и безъ устали танцовавшая, быстро опустилась въ кресло, съ котораго только что встала, чтобы сдѣлать туръ вальса, вдругъ она замѣтила, что сѣла на свою любимицу—маленькую, очень маленькую собачку. Графиня сейчасъ же вскочила, но было уже поздно,—собачка, не издавъ ни единого звука, издохла, раздавленная своей госпожей. Графиня поблѣднѣла, задрожала и, навѣрное, упала бы на полъ, если бы къ ней на помощь не подоспѣлъ танцовавшій съ нею кавалеръ. Впечатлѣніе внезапной смерти любимой собачки было настолько сильно, что графиня принуждена была удалиться къ себѣ и больше уже не выходила въ залъ. Общее веселье какъ-то сразу было нарушено этимъ внезапнымъ эпизодомъ.

Было уже поздно, когда по великолѣпной лѣстницѣ густыми группами спускались усталые гости, и я поплелся за ними. Такъ кончилась суета и оживленіе, быстро застывшія и не оставившія ничего, кромѣ какого-то недоумѣнія. Для чего все это было дѣлать?

Обмѣнъ тщеславья иль бездѣлья,
Иль покровительства позоръ.

отвѣчаетъ на это поэтъ, будучи въ желчномъ настроеніи духа. Я же въ своей скромной тѣни думаю про себя, что безъ этихъ время отъ времени «Ecare de temperament» масса людей была бы еще эгоистичнѣе и злѣе, а эти движенія и суета нѣсколько развлекають и ослабляютъ сокрушающую силу колець этого гигантскаго боа, въ объятія котораго такъ беззавѣтно бросается неопытная и увлекающаяся молодежь. Ну, развѣ не похожъ нашъ пестрый и блестящій большой свѣтъ на огромнаго змія, тоже сверкающаго и пестраго, безжалостно задушающаго въ своихъ могучихъ объятяхъ неосторожно понавшую жертву? И какія великія жертвы погибли въ этихъ губительныхъ кольцахъ!.. Довольно только назвать одно имя Александра Сергѣевича Пушкина.

XVI.

Храмъ Спасителя.—Рязанцевъ.—Княжна Марія Волконская.—Встрѣча и знакомство съ Ивановыми.—Мое сватовство.—Оригинальные балаганы.—А. В. Кирѣева.

Одно, что томило меня во время моего пребыванія въ Москвѣ, это то, что я не осматрѣлъ еще, какъ слѣдуетъ, работы по постройкѣ храма Спасителя, этого колоссальнаго сооруженія той эпохи. Я отправился къ этой замкнутой крѣпости квартала, гдѣ шли работы, и едва добился, чтобы меня впустили въ калитку. Только имена Каминскаго и Рязанцева послужили мнѣ лозунгомъ и дали возможность осматрѣть этотъ строящійся храмъ. Сторожъ провелъ меня по мосткамъ въ одинъ изъ домиковъ, нарочно построенный для жилья служащихъ при строительной комиссіи, и я наконецъ вошелъ въ квартиру, занимаемую Рязанцевымъ; убранство его помѣщенія мнѣ напоминало тѣ же мастерскія, въ которыхъ мы съ нимъ въ первый разъ сошлись во флигелѣ академіи; тѣ же доски, тѣ же плиты, детальныя чертежи, гипсы и антаблименты, табуреты, столы и скамейки наполняли эту мастерскую архитектора. Рязанцевъ разговаривалъ съ десятникомъ, когда я къ нему вошелъ; онъ былъ очень, повидимому, радъ моему приходу, но просилъ меня подождать, пока онъ не кончитъ съ мужикомъ.

— Ну, теперь, Павелъ Петровичъ, отправимтесь на работы, — сказалъ онъ: — но, предупреждаю васъ, многого вы не увидите, такъ какъ лѣса еще нигдѣ не сняты, но зато кое-что изъ мозаики уже готово; вамъ будетъ интересно ее посмотреть.

Мы пошли опять по мосткамъ и, подойдя къ собору, спустились въ какъ е-то подвалы подъ огромныя сооруженныя лѣса. Передо мною тянулись вверхъ толстѣйшія мачтовыя колонны, къ которымъ помощью толстаго желѣза прикрѣплялись также солидныхъ размѣровъ поперечники, поддерживавшіе площадки и лѣстницы.

Пройдя нѣсколько отдѣленій сводовъ, мы наконецъ попали во внутренность храма и стали подниматься до потолка тутъ Рязанцевъ обратилъ мое вниманіе на стѣны, по которымъ какъ бы были натянуты роскошныя ковры изъ разноцвѣтныхъ камней весьма изящнаго рисунка и такого разнообразія пятенъ и контуровъ, что я, хотя и рисовальщикъ, не вдругъ могъ разобраться въ ихъ деталяхъ. Это было, дѣйствительно, верхъ совершенства мозаичной кладки, которая и могла лишь возникнуть только благодаря такимъ силамъ, какими были строители собора. Когда мы вошли на середину постройки, то я почувствовалъ себя, какъ бы въ самой чащѣ дѣвственныхъ лѣсовъ. Пробираясь среди этихъ огромныхъ деревянныхъ колоннъ, мы наконецъ вышли наверхъ и я увидѣлъ замѣчательныя барельефы, недавно поставленныя Пименовымъ и Рязанцевымъ, по-

слѣдній я уже видѣлъ оканчивавшимся въ его мастерской Юшковской школы. Тутъ на мою бѣду насъ догналъ опять какой-то десятникъ съ деревянной саженью въ рукахъ и настоятельно сталъ просить Рязанцева итти съ нимъ куда-то.

— Безъ васъ мы не можемъ приступить къ работамъ,—говорилъ десятникъ,—сдѣлайте милость, извольте указать,—какимъ-то молящимъ тономъ говорилъ онъ.

«Ага,—подумалъ я,—неудовольствіе государя за медленность хода работъ проявилось и здѣсь свою силу—такъ, молъ, и слѣдуетъ». и я, не желая мѣшать Рязанцеву дѣлать свое дѣло, сталъ съ нимъ прощаться. Послѣ подробнаго осмотра всего храма, я вынесъ о немъ впечатлѣніе довольно своеобразное. Нечего говорить про тѣ богатства творчества и драгоцѣнностей, которыми онъ изобилывалъ, но этотъ великолѣпный соборъ какъ-то не гармонировалъ съ своимъ назначеніемъ; онъ былъ чрезчуръ испещренъ гениальною рукою человѣка, не было въ немъ той смиренной простоты, которая встрѣчается почти во всѣхъ, даже самыхъ великолѣпныхъ храмахъ, что-то чрезчуръ крикливое, музейное было въ немъ, но не русское, не подходящее подъ стиль нашей русской церкви, зато надъ каждымъ уголкомъ, надъ каждымъ портикомъ этого роскошнаго строенія можно было часами стоять и любоваться имъ.

Теперь мнѣ пора перейти къ тому періоду моей жизни, который положилъ начало новому ея фазису и вскорѣ долженъ былъ дать ей общее почти всѣмъ людямъ направленіе. Я хочу сказать про тотъ счастливый періодъ, когда мое сердце впервые загорѣлось чистой искренней любовью къ дѣвушкѣ и намѣтило ее въ постоянныя спутницы въ жизни. Въ своихъ воспоминаніяхъ я только говорилъ о разныхъ впечатлѣніяхъ, которыя производили на меня гениальные люди, описывалъ современную жизнь и даже слегка коснулся одного изъ своихъ увлеченій, такъ свойственныхъ каждому изъ насъ въ опредѣленный періодъ нашей жизни. Но я былъ молодъ, хорошъ, какъ говорили, собою, далеко не былъ нравственно изуродованъ и, отдавъ должное своей натурѣ, я душою искалъ мирнаго, тихаго пристанища въ лицѣ вѣрной и милой мнѣ подруги.

Еще въ прошлую зиму я бывалъ довольно часто на балахъ въ Дворянскомъ собраніи и умѣніемъ своимъ танцовать снискалъ вниманіе дамъ; часто я танцовалъ съ прелестною брюнеткой, княжною Марією Волконской, которая меня постоянно выбирала въ котильонахъ и насъ отличали, какъ удачно составившуюся пару, на которую пріятно посмотреть. Княжна всегда пріѣзжала на эти балы съ своей старшей сестрой, уже пожилою и походившею скорѣе на ея тетушку, чѣмъ на сестру. Однако, это ей не мѣшало быть, по видимому, хорошимъ человѣкомъ; она, на примѣръ, никогда не танцовала, но всегда была внимательна и безропотно высиживала на этихъ длинныхъ вечерахъ, ко мнѣ относилась всегда очень любезно

и въ концѣ года выразила желаніе, чтобы я побывалъ въ ихъ домѣ. Самъ старикъ князь Волконскій былъ еще живъ, но очень старъ, почти никогда не выѣзжалъ и предоставилъ полную свободу своимъ дочерямъ въ выборѣ времяпровожденія — рѣдкое явленіе въ то старое, въ этомъ отношеніи, время. Я часто сталъ бывать у Волконскихъ и очень скоро дружески сошелся съ княжною Марьей и самъ незамѣтно для себя все больше и больше увлекался ею и, наконецъ, дѣло не обошлось безъ того, что я по уши влюбился въ эту очаровательную дѣвушку. Мы часто оставались наединѣ, она отвѣчала мнѣ тѣмъ же чувствомъ и вся атмосфера, окружавшая насъ, способствовала нашему еще болѣе тѣсному сближенію. Все какъ бы толкало насъ сдѣлать скользкій шагъ, отдавшись своему безумному увлеченію, и обречь себя на неизбѣжное паденіе, но эта невинная прелестная дѣвушка была такъ мила и наивна, ея взоръ блисталъ такой неподдѣльной чистотой и искренностью, которыя и были у нея вѣрными ангелами-хранителями отъ неминуемой, казалось бы, опасности. Я не могъ составлять для нея партіи, это я прекрасно сознавалъ и самъ. Она была аристократка, знатнаго рода, очень богата и избалована, а я всего начинающій свою карьеру молодой художникъ, только еще подающій надежды... Я видѣлъ, и не могъ этого не видѣть, что княжна была влюблена въ меня и энергично рѣшилъ наконецъ порвать все сразу — вотъ тогда-то въ первый разъ и уѣхалъ въ Москву въ знаменитой мальпостной кареткѣ. Не скажу, чтобы это дешево обошлось мнѣ нравственно; я долго не могъ забыть милую княжну, но молодость и увлеченіе взяли свое. Постепенно ея чудный образъ блѣднѣлъ въ моемъ воображеніи, а въ моемъ сердцѣ ее замѣнила другая дѣвушка, которую я съ такимъ же увлеченіемъ полюбилъ всею силою своего молодого существа. Уже будучи женихомъ, я, счастливый и радостный, по возвращеніи въ Петербургъ однажды былъ въ оперѣ, давали «Севильскаго пирульника». Обстановка была великолѣпная и одно то уже, что пѣлъ Лаблашъ, должно было обезпечить успѣхъ. Когда я вошелъ въ партеръ, театръ былъ уже почти полонъ и вскорѣ началась увертюра; я въ ожиданіи поднятія занавѣса, началъ осматривать ложи. Вдругъ мои глаза встрѣтились съ другою парюю глазъ и я даже вздрогнулъ, сердце мое сжалось, въ глазахъ на мгновеніе померкло, и я схватился за спинку стула: то были глаза очаровательной княжны Волконской. Я послѣшилъ оправиться и отвѣсилъ ей самый почтительный поклонъ. Тутъ-то я почувствовалъ всю свою вину передъ этой чистой и невинной душой и мнѣ стало вдругъ жутко, какъ это бываетъ съ ребенкомъ, стащившимъ со стола какую-нибудь сладость и уличеннымъ въ своемъ преступленіи, которое кажется и ему самому и окружающимъ самымъ серьезнымъ и непростительнымъ. Перваго акта я почти не слышалъ и все время смотрѣлъ на это милое для меня существо, совершенно забывъ о томъ, что я уже былъ совсѣмъ

не «свободный художникъ», и даже уже не секретарь, а женихъ на цѣпочкѣ. Но страсти прошлаго еще не улеглись, воспоминанія недавнихъ блаженныхъ дней были черезчуръ еще живы и я имъ отдался совершенно.

Тамбурины мнѣ показался грузень и старъ для своей роли и только Лаблашъ немного расшевелилъ меня, заставивъ обратиться въ слухъ и отвлечься отъ созерцанія прелестнаго женскаго профиля, съ любопытствомъ и вниманіемъ устремленнаго на сцену.

Ахъ, какъ хорошъ былъ Лаблашъ; прямо нельзя было не восторгаться простотою каждаго движенія, каждой позы, при поэтическомъ сочетаніи граціи съ милымъ неподдѣльнымъ юморомъ, безъ всякаго шаржа и натяжки. Его бархатный голосъ такъ и проникалъ въ глубину души. Віардо также сводила съ ума весь театръ, прямо забывалась ея некрасивая наружность; голосъ, манеры, живость, граціозность, кокетливость, женственность—все совершенно затмили этотъ недостатокъ; да, она была поразительная артистка; я видѣлъ въ ней совершенство экспрессіи, которая также давала возможность и Михаилу Ивановичу Глинкѣ пѣть свои чудные романсы почти совсѣмъ безъ голоса, но такъ, какъ никому изъ самыхъ голосистыхъ исполнителей не удавалось. Вотъ эта-то божественная искра и дѣлаетъ все изъ ничего. Когда окончился первый актъ, я отправился въ ложу, гдѣ сидѣла княжна, какъ на закланіе. Легко говорить нравственнымъ людямъ о постоянствѣ, о солидности, о вѣрности долга и выдержкѣ характера. Муцій Сцевола и Горацій Коклесъ! придите ко мнѣ на помощь, придержите мою руку на огнѣ, чтобы я ее позорно не отдернулъ, когда уже очень будутъ сильны страданія. Съ этою мольбою я вошелъ въ ложу. Но не рука моя была положена на костеръ, а сердце, но не все ли равно? Какая бы часть нашего существа ни подвергалась уязвленію, весь организмъ страдаетъ. Но я уже вошелъ и почувствовалъ, что даже самое тонкое вранье не спасетъ меня, а потому рѣшилъ говорить правду. Встрѣтили меня выговорами, что я совсѣмъ забылъ людей, которые, кажется, мнѣ, кромѣ чувства дружбы, ничего не выказывали. Княжна нѣжно смотрѣла на меня и, кажется, я уловилъ въ ея взглядѣ особенное удовольствіе нашей встрѣчи. Въ ложѣ бенуара было почти темно и я не сразу могъ разсмотрѣть всѣхъ, находившихся въ ней, и только, когда глазъ мой уже привыкъ къ этому полумраку, я увидѣлъ одного мужчину, сидѣвшаго въ глубинѣ ложи.

— А вотъ, Павелъ Петровичъ, позвольте вамъ представить, женихъ Marie, — сказала старшая княжна, представляя мнѣ этого господина, — помолвка уже была и даже день свадьбы назначенъ.

При словѣ женихъ въ ложѣ какъ будто сдѣлалось свѣтлѣе. Я оживился и вдругъ почувствовалъ себя, какъ израненный Русланъ, вспыснутый живою водою. Занавѣсъ взвился и я съ легкимъ сердцемъ вышелъ изъ ложи, но нѣтъ-нѣтъ мои глаза такъ и рвались

взглянуть на ту, которая для меня уже совершенно стала недоступной, и еще существовавший жиденькій мостикъ, соединявшій наши сердца черезъ черную пропасть, отдѣлявшую насъ другъ отъ друга, рухнулъ и исчезъ въ чернѣвшей ея пасти. Встрѣтивъ своего пріятеля Барбе, я гулялъ съ нимъ въ фойе нисколько уже не боясь ложи, которой такъ недавно я еще опасался; я чувствовалъ себя также хорошо, какъ полковникъ, только что сдѣлавшійся генераломъ, или юнкеръ, надѣвший въ первый разъ офицерскіе эполеты.

Между тѣмъ начался второй актъ, который прошелъ еще съ большимъ блескомъ, чѣмъ первый. Во время урока, Віардо по собственному выбору спѣла нѣсколько нумеровъ и между прочимъ вальсъ Боккачіо, наконецъ русскій романсъ, который привелъ въ неописуемый восторгъ всю публику и громъ рукоплесканій долго царилъ въ театрѣ. Когда я взглянулъ въ ложу, гдѣ сіялъ образъ милой княжны, — она была уже пуста, также пусто вдругъ почему-то сдѣлалось на мгновение и въ моемъ сердцѣ, но на мгновение только, и вотъ передъ моими глазами возникъ дру ой чудный, близкій моему сердцу образъ моей дорогой, чистой и любящей невѣсты.

Это было во второй мой пріѣздъ въ Москву, когда я съ Петровскимъ отправился къ Подклюшникову въ Останкино. Была чудная лѣтняя пора, солнце ярко свѣтило, наполняя какую-то радостью мою душу, и я съ необыкновенною легкостью шагалъ по большой дорогѣ, тянущейся къ Останкинскому дворцу. Глядя на эти забытые остатки человѣческаго творчества, на меня нашло меланхолическое настроеніе и я, оглядывая старинныя вещи ежедневнаго обихода и комфорта, будто спрашивалъ себя, тревожно оглядываясь, да нѣтъ ли ихъ тутъ, по близости, счастливыхъ обитателей этихъ пустыющихъ хоромъ? Можетъ быть, они пошли только гулять, не въ рошѣ ли вонъ въ той, что отсюда видна, или не отдыхаютъ ли въ высокой душистой травѣ, какъ бархатный коверъ, раскинувшійся вокругъ зданія? Но нѣтъ, все тихо и безмолвно, все спитъ глубокимъ непробуднымъ сномъ забвенія и дѣлается неволью какъ-то страшно... Даже эти пляшущіе фавны съ цѣвницами, несмотря на живость движеній и застывшую на каменномъ лицѣ улыбку, наводятъ на васъ грусть, и только теплота солнечныхъ лучей да пѣнье птицъ умиротворяютъ вашу душу и какъ будто нашептываютъ: «Не задумывайся, живи, а то опоздаешь и нечѣмъ тебѣ будетъ помянуть твое унылое настоящее».

Такъ шель я съ Петровскимъ, углубляясь въ тѣнь роскошнаго парка вверхъ по берегу небольшой рѣчки Каменки, проложившей себѣ путь среди тѣнистаго лѣса.

— Побудьте здѣсь, Павелъ Петровичъ, — сказалъ мнѣ Петровский, — а я на минутку сбѣгаю провѣдать одного своего знакомаго, онъ недалеко отсюда живетъ, мы давно съ нимъ не видались, — и съ этими словами Петровскій ускорилъ шагъ и скрылся за кустами

сирени. Я остался одинъ и задумался. Вдругъ до меня долетѣли женскіе голоса и вслѣдъ затѣмъ двѣ граціозныя дѣвушки мелькнули между стволами деревьевъ и торопливо направились мнѣ навстрѣчу. Я остановился и сталъ разглядывать этихъ двухъ милостивыхъ дѣвочекъ. Одна изъ нихъ была блондинка съ золотистыми волосами, свѣтло-сѣрыми лучистыми глазами, которые она испуганно устремила на меня, затѣмъ, вдругъ нагнувшись къ подругѣ, что-то шепнула ей и обѣ дѣвушки, повернувшись, снова скрылись въ чащѣ деревьевъ; тутъ я замѣтилъ, что на блондинкѣ было надѣто свѣтлое платье съ лиловыми мушками, которое мнѣ почему-то очень понравилось. Я бросился по слѣдамъ незнакомокъ. На размягченную предыдущимъ настроеніемъ душу мою какъ-то особенно подѣйствовалъ лучистый взглядъ, брошенный блондинкой, и вотъ въ моемъ сердцѣ почувалась какая-то тревога: «Забота юности—любовь».

Ну, и сразу любовь! еще не любовь, а что-то сильно напомнившее мнѣ то чувство, которое я такъ недавно пережилъ при знакомствѣ моемъ съ княжной Маріей Волконской. Когда я вышелъ изъ роци на среднюю дорожку, то снова увидѣлъ обѣихъ дѣвушекъ, ярко освѣщенныхъ солнцемъ, но онѣ быстро скрылись за шпалерой акацій на поворотѣ дороги.

— А, Соколовъ!—раздалось сзади меня,—куда вы запропалились, я васъ ищу и высматриваю уже добрый часъ.—Оглянувшись я увидѣлъ Петровскаго, запыхавшагося и краснаго.

— А видали вы, какія милашки только что прошли здѣсь? Это, вѣроятно, здѣшнія обитательницы на дачѣ. Особенно блондинка, настоящая грезовская головка.

Мнѣ почему-то было досадно это его замѣчаніе и я прервалъ его

— Ну, что же,—сказалъ я,—нашли вы вашего пріятеля?

Но оказалось, онъ его не засталъ и мы отправились къ Подключникову, визитъ къ которому я уже описывалъ въ одной изъ предыдущихъ главъ. Подъ тяжелымъ впечатлѣніемъ разсказа Подключниковой и разыгравшейся домашней сцены, я подошелъ къ окну и сталъ смотрѣть на густую зелень раскинушагося передо мною лѣска, какъ вдругъ, съ маленькой террасы дома, въ верхнемъ этажѣ котораго я находился, выбѣжала дѣвочка лѣтъ 14-ти, а вслѣдъ за нею, о восторгѣ! я узналъ свѣтленькое платье моей очаровательной незнакомки. Я сейчасъ поспѣшилъ узнать у Подключникова, кто жилъ надъ ними и онъ объяснилъ мнѣ, что это у него заняло пріѣхавшее на дачу семейство университетскаго эконома Степанова, состоящее изъ жены и молоденькой дочери.

— Кто же эта барышня, которую я вижу въ саду?—спросилъ я.

— А это барышня Иванова, которая часто бываетъ у нихъ; она живетъ близости въ сосѣдней дачѣ.

Нижніе жильцы собирались на прогулку и до меня доносились ихъ радостный смѣхъ и щебетанье барышень, которыя дѣлали пре-

бываніе мое въ квартирѣ Подключникова еще невыносимѣе. Наконецъ, я не выдержалъ, схватилъ мою шляпу и, обѣщаясь вернуться за Петровскимъ, бросился внизъ по лѣстницѣ. Мои незнакомки уже входили въ паркъ, когда я почти вбѣжалъ въ ворота и, умѣривъ ходъ, сталъ осматриваться. Тутъ меня со всѣхъ сторонъ окружили женщины въ платкахъ, настойчиво предлагавшія мнѣ свои самоварчики, разставленные по правую сторону, гдѣ подъ деревьями были накрыты столы со скамейками, за которыми чинно возсѣдали семейства москвичей, по тогдашнему обычаю пріѣзжавшихъ сюда отдохнуть на лонѣ природы. Я кое-какъ отдѣлался отъ насѣвшихъ на меня бабъ и вскорѣ увидѣлъ семейство Степанова, собравшееся подъ липой. Принявъ видъ гуляющаго, я началъ лавировать около мѣста, гдѣ находилась влекущая меня компанія, начавшая уже свою игру въ горѣлки. Какъ-то случилось, что маленькая дочь Степанова съ сильнаго разбѣга прямо наскочила на меня и я принужденъ былъ ее обхватить, чтобы она не упала. Это сначала ее такъ озадачило, что она на минуту остановилась, но затѣмъ, опомнившись, захохотала, сдѣлала мнѣ реверансъ и пустилась снова бѣжать. Вслѣдъ за нею появилась прямо передо мною моя блондинка; она какъ-то зардѣлась отъ этой неожиданной встрѣчи и, о Боже, какъ мила была въ эту минуту Соня Иванова, освѣщенная яркими лучами солнца и часто дышащая отъ волненія и неожиданности. Я очень почтительно раскланялся, а она, опомнившись, пошла, не торопясь, къ своей маленькой подругѣ, я же продолжалъ свою прогулку. Въ сердцѣ у меня стучало такъ, что я долженъ былъ остановиться и, обернувшись, увидѣлъ обѣихъ дѣвушекъ, возвращающимися къ старой липѣ, гдѣ остановилась мать Степановой, около которой я увидѣлъ еще одну молоденькую барышню и двухъ мужчинъ. Одинъ изъ нихъ оказался мнѣ знакомымъ—Шаповаловымъ, который сразу узналъ меня, подошелъ ко мнѣ и мы разговорились. Другой, высокій, красивый, щеголеватый господинъ оказался помѣщикомъ Дудинымъ, женатымъ на старшей дочери Степановой, которая также была здѣсь. Шаповаловъ поспѣшилъ меня представить Елизаветѣ Николаевнѣ Степановой и всѣмъ находящимся здѣсь, въ томъ числѣ и моей бѣлокурой героинѣ; послѣ этого, мы уже вмѣстѣ продолжали веселую прогулку.

Какъ-то случайно мнѣ пришлось итти въ парѣ съ моей блондинкой и мы разговорились.

— Такъ вы знаете Николая Ивановича Подключникова? не правда ли, онъ совсѣмъ не похожъ на художника?—сказала она, —какой-то странный онъ. А вотъ въ васъ я сейчасъ признала его.

— Это почему?—удивился я.—Вѣдь я не ношу длинныхъ волосъ, нѣтъ у меня шляпы съ большими полями и дубины въ рукахъ.—Мы оба разсмѣялись.

— Я не знаю сама, какъ это вамъ объяснить, но мнѣ почему-то показалось, что вы непременно должны быть литераторомъ.

— Много чести. Очень благодаренъ, что вы съ перваго взгляда остались обо мнѣ такого прекраснаго мнѣнія. Въ особенности то, что признали во мнѣ писателя, сильно льститъ моему самолюбію, такъ какъ, прочтя Пушкина, я считаю это званіе выше всего на свѣтѣ.

— Вотъ видите, какой вы восторженный; это окончательно утверждаетъ меня въ мысляхъ, что вы истинный художникъ. Когда я васъ увидѣла, вы смотрѣли наверхъ, ваше лицо было такое восторженное, какого не увидишь у нашихъ, даже очень молодыхъ чиновниковъ.

— О, да какая вы наблюдательная. Но вы такъ еще молоды, что по моему, по вашей наружности вы больше мечта, чѣмъ женщина,—сказала я. Она разсмѣялась.

— Итакъ выходитъ по вашему, что я мечта художника?

— Да, именно,—подхватила я,—какъ хорошо это вы сказали, и если позволите быть этимъ художникомъ—то мнѣ.

— Я не могу вамъ этого не позволить, но я до сихъ поръ не знала, что я...—и она опять пресимпатично засмѣялась. Ея остроуміе, живость рѣчи меня положительно очаровали. Я все больше и больше увлекался этой прелестной дѣвушкой.

Обѣдалъ я у Степановыхъ, и опять, по волѣ судьбы, сидѣлъ рядомъ съ Софьей Львовной, какъ звали мою очаровательную знакомку. Солнце уже садилось, а съ поля возвращалось стадо, подымая густую пыль, какъ то прозрачно освѣщаемую умирающими лучами склоняющагося свѣтила, и изъ этого свѣтящагося облака пыли раздавалось мычаніе коровъ и пощелкиваніе пастушьей плети. Пора было оканчивать свой продолжительный визитъ и я съ грустью распростился съ своими новыми знакомыми. Когда я подѣхалъ къ нашему дому, въ окнахъ еще болѣе былъ свѣтъ и слышны были звуки рояля; это игралъ мой братъ Александръ, проявившій большія способности къ музыкѣ. Отецъ былъ въ своемъ кабинетѣ и игралъ въ карты. Надо замѣтить, что, благодаря этимъ картамъ, у отца вышла громадная ссора съ Завьяловымъ¹⁾, женатымъ на моей кузинѣ Адели. Завьяловъ еще въ академіи отличался своимъ грубымъ и несдержаннымъ характеромъ. Играя однажды съ отцомъ моимъ, онъ позволилъ сдѣлать ему рѣзкое замѣчаніе по поводу какой-то ошибки; отецъ возразилъ ему что-то въ свое оправданіе, на что Завьяловъ отвѣтилъ ему опять дерзостью. Это такъ глубоко возмутило бывшаго при этой сценѣ Миллера, что тотъ на другой же день отправился къ Завьялову и объявилъ ему, что если онъ немедленно не извинится передъ моимъ отцомъ, то онъ, Миллеръ, сведетъ съ нимъ счеты за оскорбленіе, нанесенное такому почтенному и уважаемому старику, какимъ былъ отецъ. Завьялова испугало

¹⁾ Завьяловъ былъ художникъ, также имѣвшій мѣсто преподавателя въ Юшковской школѣ, женатый на Адели Федоровнѣ Брюлло. В. Т.

рѣшительное наступленіе Миллера, онъ пріѣхалъ къ отцу, сознался въ своей винѣ, но съ этихъ поръ его нога не бывала уже въ нашемъ домѣ. На слѣдующій день мы цѣлой компаніей вмѣстѣ съ отцомъ, матерью, семействомъ Миллеровъ и Маковскихъ отправились въ трехъ экипажахъ въ Останкино: мысль объ этой поѣздкѣ, конечно, подаль я. Нечего и говорить о томъ обильномъ запасѣ яствъ, которыя еще съ вечера были заготовлены нашими заботливыми хозяевами. Экипажи были удобные и покойные, и мы весело группами размѣстились въ нихъ. Утро стояло великолѣпное. Какая-то освѣжающая прохлада царилъ въ воздухѣ, и мы весело покатали къ Троицкой заставѣ (тогда она еще была) и, наконецъ, выѣхали въ поле, гдѣ на лѣвой сторонѣ показалась Марьино роща, а еще подалее, направо, село Алексѣевское съ его старинною церковью временъ царя Алексѣя Михайловича. Эта церковь отличалась отъ другихъ тѣмъ, что вокругъ нея сдѣланъ на каменныхъ сводахъ крытый желѣзомъ навѣсъ, по которому во время торжественныхъ праздниковъ движется крестный ходъ, защищаемый, такимъ образомъ отъ снѣга и дождя. Отъ этого села мы повернули въ Останкино и вся наша компанія черезъ паркъ направилась осматривать дворецъ.

Еще проѣзжая мимо дачъ, я тревожно поглядывалъ на домъ, гдѣ жили Степановы, но тамъ никого не было видно; тогда я поднялся къ Подклюшникову и засталъ Елизавету Ивановну, прифранченную по воскресному. Самого Подклюшникова не было; онъ обыкновенно по воскреснымъ днямъ отправлялся на рынокъ къ Сухаревой башнѣ гдѣ высматривалъ подходящія для себя картины. Такъ и здѣсь меня постигла неудача. Поговоривъ нѣсколько минутъ съ Подклюшниковой, я отправился бродить по деревнѣ, съ жадностью поглядывая на каждое окно, въ которомъ только виднѣлось женское платье, и вдругъ остановился, какъ очарованный: въ рамѣ небольшого окошка стояла моя героиня и читала какую-то записку, очевидно, не замѣчая моего приближенія; но вотъ она подняла глаза и, тихо ахнувъ, уронила записку. Я сейчасъ же бросился поднимать ее; дѣвушка привѣтствовала меня счастливою улыбкой и пригласила зайти въ комнату.

— Я васъ познакомлю съ мамой, она какъ разъ дома,—и съ этими словами она исчезла изъ окна. Когда я вошелъ въ комнату, то почти одновременно со мной вошла туда и сестра Софьи Львовны, которую я видѣлъ уже одинъ разъ по дорогѣ въ Останкино при нечаянной нашей встрѣчѣ. Пока я былъ представленъ этой дѣвушкѣ, пока мы обмѣнивались обычными фразами и привѣтствіями, дверь въ сосѣднюю комнату отворилась и въ ней появилась маленькая старушка, съ усталыми глазами, въ чепчикѣ, какія тогда носили, и стала извиняться, что заставила меня долго ждать. Долго я бесѣдовалъ въ этой симпатичной компаніи и только вопросъ Софьи

Львовны, съ кѣмъ я прїѣхаль, заставилъ меня очнуться. Я вскочилъ, какъ ужаленный.

— Господи,—проговорилъ я,—вѣдь меня ожидаетъ цѣлая компанія,—и началъ торопливо прощаться и съ грустью разстался съ моими новыми знакомыми, но уже близкими моею душѣ людьми.

— А!—закричалъ Миллеръ, увидѣвъ меня, выходящаго изъ парка,—вотъ и онъ наконецъ.

Начались распросы, куда я дѣвался и гдѣ я такъ долго пропадалъ. Конечно, я объяснилъ, что былъ у Подклюшникова, но не засталъ его дома.

— Такъ неужели ты такъ тихо шель?—спросилъ меня братъ.

— Я засталъ жену,—отвѣчалъ я.

— Ну, тогда вы слишкомъ мало оставались,—продолжалъ Миллеръ и разсмѣялся.—И вслѣдъ за нимъ всѣ разразились громкимъ хохотомъ. Между тѣмъ, погода начинала хмуриться и мы стали торопиться собираться въ обратный путь. Большія рѣдкія капли уже упали мнѣ на руки и мы бросились къ коляскѣ, какъ единственному нашему прибѣжищу.

Для того, чтобы имѣть предлогъ чаще бывать въ Останкинѣ, я придумалъ писать виды окрестности Москвы. И вотъ въ первый же ближайшій день, когда Петровскій былъ свободенъ, мы, забравъ всѣ необходимыя принадлежности, отправились въ Останкино пѣшкомъ. День былъ сѣренькій, но дождя, кажется, не предвидѣлось, и очень скоро мы вышли за черту города черезъ коммерческій валъ по направленію къ Марьиной рошѣ, гдѣ намъ попались навстрѣчу два казака, вооруженные пиками. Между деревьями виднѣлись шатры цыганскаго табора, около котораго недалекъ паслись лошади и стояло нѣсколько повозокъ. Время отъ времени оттуда доносился звукъ гитары, аккомпанировавшей какому-то сильному грудному голосу, затянувшему свою заунывную пѣсню. Мы съ Петровскимъ шли все далѣе на перерѣзъ, чтобы по возможности сократить дорогу, какъ вдругъ до насъ долетѣлъ звукъ ружейнаго выстрѣла, а вслѣдъ за тѣмъ послышался топотъ скачущей лошади. Мы поспѣшили по направленію этихъ звуковъ и, пробѣжавъ немного, вскорѣ увидѣли тѣхъ самыхъ двухъ казаковъ, которые встрѣтились намъ на дорогѣ, отнимавшихъ у какого-то господина ружье. Одинъ изъ нихъ вырвалъ у него ружье и прехладнокровно поѣхалъ съ нимъ по направленію къ Москвѣ. Догадавшись, что здѣсь происходитъ что-то неладное, я подбѣжалъ къ казаку и грозно кричалъ ему:—«Стой!»—Казакъ остановился. А пѣшій человекъ, безъ ружья, съ блѣднымъ встревоженнымъ лицомъ и сильно жестикулируя, началъ мнѣ объяснять что-то на ломанномъ русскомъ языкѣ, такъ, что я ровно ничего не понималъ изъ его объясненій. Угадавъ сразу въ немъ нѣмца, я заговорилъ съ

нимъ по-нѣмецки, чѣмъ привелъ несчастнаго въ неописанный восторгъ.

— Я просто не понимаю, милостивый государь,—дрожа всѣмъ тѣломъ, говорилъ нѣмецъ,—зачѣмъ этотъ русскій солдатъ отнял у меня ружье? Я уже не первый разъ здѣсь стрѣляю, а онъ мнѣ говорить, что здѣсь запрещено стрѣлять.

— Отдай сейчасъ же ружье этому господину,—сказалъ я строго казаку, угрюмо смотрѣвшему на меня изъ подлобья.—Какъ ты смѣешь своевольничать?

— А вы мнѣ что здѣсь за начальникъ? Тутъ стрѣлять не дозволяется, вотъ и весь сказъ,—отвѣтилъ казакъ.

— Ну, это, братъ, рассказывай кому другому, а не мнѣ,—сказалъ я, прекрасно зная, что за валомъ стрѣлять разрѣшается.

— А вотъ сказано нельзя, ну, и нельзя,—и съ этими словами казакъ повернулъ лошадь. У меня въ запасѣ оставалось одно только средство, чтобы спасти ружье несчастнаго нѣмца, который необыкновенно жалостливо смотрѣлъ на свое оружіе, находившееся въ рукахъ казака.

— Слушай,—закричалъ я,—у моего отца бываетъ генераль Лужинъ ¹⁾. А знаешь ли ты, кто это такой? И что можетъ выйти изъ того, если я ему расскажу, какъ ты здѣсь своевольничаешь; я думаю, что онъ тебя не погладитъ за это по головкѣ.

— Да я собственно ничего. Что окромя... какъ... обязанность свою,—вдругъ началъ путаться казакъ.

— Не ври,—оборвалъ его я:—выкупъ за ружье хотѣлъ взять, и если ты его сейчасъ же не отдашь этому господину, то что-нибудь еще получишь, я же тебѣ дамъ полтинникъ. А ежели заупрямишься, то не только ничего не получишь, но и на гауптвахтѣ посидишь, если не хуже.

— Да я, собственно... началъ было казакъ и подалъ ружье. Нѣмецъ, получивъ свое оружіе обратно, былъ въ восторгѣ. Да, эти казачьи разбѣзды не мало своевольничали въ то время какъ въ окрестностяхъ, такъ и въ самой столицѣ. Бывало останавливать цѣлый мужицкій обозъ, да и держать его въ карантинѣ, пока не получатъ достойнаго выкупа. А то и хуже того: прямо занимались грабежемъ эти блюстители порядка.

Простившись съ нѣмцемъ, оказавшимся дачникомъ въ Останкинѣ, мы направились къ Подклюшникову, котораго застали на четверенькахъ, задѣлывавшимъ дырѣя и пятна какого-то большого холста.

— Ахъ, господа!—закричалъ онъ,—погодите немного, я сейчасъ окончу, а вы покамѣстъ хоть въ садикѣ побудьте. Мнѣ только одну дырочку осталось заклепать,—съ этими словами онъ привди-

¹⁾ Генераль Лужинъ былъ въ то время оберъ-полицеймейстеромъ въ Москвѣ.

нуль горшечекъ съ какою-то жидкостью и утеръ себѣ подъ носомъ указательнымъ пальцемъ. Отъ Степановыхъ насъ замѣтили и очень любезно пригласили къ себѣ. Черезъ нѣсколько времени пришли и обѣ сестры Ивановы и вокругъ меня сдѣлалось все свѣтло.

Рисовали мы съ Петровскимъ Останкинскую церковь, куда вскорѣ пришли наши дамы, конечно, помѣшавшія нашей работѣ. Нѣсколько дней подъ рядъ рисовали мы въ Останкинѣ, и эти дни послужили началомъ новой эры моей жизни. Въ одинъ чудный теплый вечеръ, при обстановкѣ, совершенно гармонировавшей съ состояніемъ моей души, мы сидѣли съ Соничкой въ густой тѣни липовой аллеи. Луна свѣтила, нѣжно переливаясь на ея золотистыхъ волосахъ, и здѣсь, въ этой волшебной обстановкѣ, я получилъ такъ страстно желаемое «да» и въ видѣ задатка первый жгучій поцѣлуй. Мнѣ было не до шутокъ въ эту серьезную минуту; невѣста моя была дѣвушка безприданница и съ этого момента у меня явилась новая забота—создать для нея въ будущемъ уютную и спокойную жизнь. Между тѣмъ время отъѣзда моего въ Петербургъ приближалось и я собирался уѣзжать, не посвящая своихъ родныхъ въ свои намѣренія относительно женитьбы. Единственная, кому и я, и моя невѣста открыли все—это была старушка, мать Софьи Львовны, которая очень радостно встрѣтила эту вѣсть, заплакала немного и дала намъ свое благословеніе. До отъѣзда оставалось нѣсколько дней и я вмѣстѣ съ Соничкой посвятили ихъ прогулкѣ по Москвѣ и ея окрестностямъ.

Въ это время въ Москву были присланы картины извѣстнаго берлинскаго пейзажиста Гропіуса и онѣ были помѣщены въ хорошо выстроенномъ для того балаганѣ, помѣстившемся на Страстномъ бульварѣ. Это были вовсе не обыкновенныя картины, писанныя масляными красками на полотнѣ, а совершенно прозрачныя и освѣщающіяся изнутри. Вотъ мы и порѣшили отправиться посмотрѣть ихъ.

Когда я вошелъ въ залъ балагана, въ которомъ показывались картины, оно мнѣ напомнило обыкновенный театральнй залъ, но совершенно темный, и только сама картина была прекрасно освѣщена изнутри; такимъ образомъ, передо мною являлась та или другая мѣстность совершенно въ такомъ видѣ, какъ бы она представлялась моимъ глазамъ черезъ открытое окно. Одно изъ преимуществъ подобной живописи было то, что на картинахъ этого рода изображалось не только одно какое-нибудь время дня, а постепенно передъ зрителями развивалась жизнь этой мѣстности въ теченіе цѣлыхъ сутокъ. Сначала замѣчательно эффектно и натурально загоралась утренняя заря, затѣмъ наступалъ полдень, потомъ сумерки лѣтняго или зимняго вечера и, наконецъ, спускалась ночь, зажигались звѣзды и луна всплывала надъ пейзажомъ, озаряя своимъ серебристымъ свѣтомъ всю мѣстность.

Но не подумаютъ читатели, что это было какое-нибудь балаганное представлѣніе; совсѣмъ нѣтъ; тогда я и не сталъ бы говорить о немъ, но эти измѣненія совершались благодаря обману зрѣнія, что французы называютъ въ живописи «trompe d'oeil»—и все это было исполнено съ такою художественною вѣрностью и близостью къ природнымъ явленіямъ, что можно было только восхищаться подобнымъ произведеніемъ и удивляться этимъ постепеннымъ измѣненіямъ тѣней, смотря по времени дня и ночи. Тучи и отдаленная гроза, съ подражаніемъ ея грома и шума дождя, до того были искусно выполнены, что такъ и хотѣлось подойти къ рамѣ и посмотреть, на самомъ ли дѣлѣ разразился на сценѣ ужасный ливень. Одна картина, изображавшая собою какой-то швейцарскій видъ въ ущельяхъ между горъ, была изумительна. На довольно близкомъ разстояніи была видна закругленная холмомъ площадка, на которой паслось стадо коровъ. Какъ бы случайнымъ порывомъ вѣтра оттуда доносилось до зрителей побрякиваніе колокольчиковъ. Иллюзія была полнѣйшая, отъ измѣненія освѣщенія стадо какъ бы приходило въ движеніе и коровы казались медленно бродящими по полю.

Еще очаровалъ меня видъ внутренности готическаго храма, въ которомъ сначала господствовалъ густой мракъ и всѣ предметы казались закутанными въ какъ бы непроглядный туманъ и только огромное стрѣльчатое окно съ расписными стеклами обрисовывалось яркимъ силуэтомъ съ правой стороны. По серединѣ церкви алтарь тускло высматривалъ, оживляясь лишь нѣкоторыми блесками своихъ золотыхъ украшеній и покрывавшей его бѣлой пеленой. Вдругъ блеснулъ лучъ солнца, и когда онъ снаружи ударилъ въ эти стекла, то вся рама окна съ рисункомъ своего переплета легла на тѣ части внутренности храма, куда ложились лучи, и весь храмъ освѣтился съ его сводами, колоннами, статуями и образами.

Или еще монастырскій дворъ, съ полуразрушенной галереей, обгложенныхъ вѣками столбовъ и выбитыми надъ ними плитами, уходящей съ одной стороны въ глубину картины, гдѣ виднѣется церковь, мерцающая огнями отъ лампадъ, распространяющихъ какой-то мутный красноватый свѣтъ, между тѣмъ какъ на первомъ планѣ часть старой стѣны ярко освѣщена луною съ черною поперечною тѣнью отъ крыши галереи. На правой стѣнѣ въ коридорѣ видны двери заброшенныхъ келій отошедшихъ въ другой міръ монаховъ.

Но вотъ еще одна картина, о которой я не могу умолчать, она черезчуръ рѣзко запечатлѣлась въ моей памяти. Передо мною открылась внутренность огромной пещеры со сводами, образовавшимися отъ самой природы съ отверстіемъ выходящимъ къ морю,

покрытому мракомъ ночи, и вдругъ въ этой пещерѣ вспыхнулъ костеръ, освѣтившій и нависшіе неровные своды, и землю, а также нѣсколькихъ человѣкъ контрабандистовъ, собравшихся вокругъ него. Лодка, привязанная на веревкѣ недалеко отъ берега и также освѣщенная яркимъ огнемъ костра, медленно покачивалась на прибѣгающихъ къ берегу волнахъ...

Если это не «*trompe d'oeil*», то я уже и не знаю, какъ иначе можетъ приблизиться искусство къ природѣ и чудесному проявленію въ ней жизни. Я вышелъ изъ этого балаганчика, который справедливѣе было бы назвать храмомъ искусства, какъ очарованный, и долго мнѣ казались и городъ, и день какими-то холодными, скучными и вялыми въ сравненіи съ тѣмъ, что я только что видѣлъ. справедливѣе было бы назвать храмомъ искусства, какъ очарованно-скучными и вялыми въ сравненіи съ тѣмъ, что я только что видѣлъ. Все это привело меня къ мысли, что искусство, какъ принято его называть, изящное имѣетъ множество отдѣловъ, изъ которыхъ самый высокій и долженъ занимать первое мѣсто тотъ, который выражаетъ какое-нибудь движеніе мысли или сердечнаго чувства, а не просто, хотя и очень вѣрное изображеніе жизни въ природѣ, что даетъ намъ весьма удовлетворительно теперь усовершенствованная фотографія.

Возвращаясь послѣ этого чуднаго зрѣлища, я проходилъ мимо какой-то старинной церкви, около которой подмостившись возлѣ образа святого, въ честь котораго былъ построенъ храмъ, на невысокой лѣстницѣ, сидѣлъ старичекъ живописецъ въ очкахъ. Святой, изображаемый имъ, былъ старикъ, идущій по водамъ, совершенно нагой, но съ такой длинной бородой, что она достигала до самыхъ его колѣнъ. Въ ту минуту, когда я остановился, старичекъ былъ занятъ отдѣлкою волнъ и пренаивно мазалъ своею кистью, выводя струйки и кладя блики на этихъ волнахъ. Я не утерпѣлъ и сказалъ: — «Какъ это вы искусно воду-то пишете».

Надо было видѣть, какъ старичекъ посмотрѣлъ на меня изъ подъ своихъ огромныхъ очковъ и, поднявши высоко носъ, сказалъ:

— А Геніусъ-то на что?—и лицо его выразило столько достоинства и сознанія своей силы, что мнѣ даже стало неловко, что я собственнно сдѣлалъ ему свое ироническое замѣчаніе.

Цвѣтной бульваръ на Трубѣ, который во время перваго моего посѣщенія Москвы только прокладывался, въ слѣдующій мой прїѣздъ поразилъ меня своимъ быстрымъ развитіемъ, и я уже проходилъ подъ молодыми, но уже тѣнистыми деревьями. Удивительно, какъ скоро у насъ прививаются къ грунту деревья и въ особенности такъ называемый душистый тополь. Бульваръ этотъ упирается въ линію бульваровъ, окаймляющихъ Москву въ томъ мѣстѣ, гдѣ теперь стоитъ роскошная гостиница Эльдорадо, но въ то время ея еще не было и на томъ самомъ углу стоялъ трактиръ съ пристройками по Трубѣ, въ концѣ которыхъ былъ устроенъ маленькій

театръ, или, лучше сказать, открытая сцена для случайныхъ представленийъ наѣзжающихъ артистовъ. Вотъ объ одномъ забавномъ случаѣ я и хочу упомянуть теперь.

Однажды въ Москву пріѣхалъ какой-то фокусникъ и афишировался въ этомъ театрѣ. Этотъ артистъ на огромной цвѣтной афишѣ доводилъ до свѣдѣнія публики, что въ концѣ его представленія будетъ показанъ такой замѣчательный фокусъ, котораго еще никогда не бывало на сценахъ столичныхъ театровъ, да и врядъ ли второй разъ подобный фокусъ и повторится. Конечно, мы всё бросились смотрѣть этого удивительнаго фокусника. Театръ былъ полонъ, мѣсть нельзя было добиться, а передніе ряды были заняты богатыми купеческими семействами, охотниками до подобныхъ зрѣлищъ. Довольно равнодушно смотрѣла публики на рядъ заурядныхъ фокусовъ самаго грубаго свойства и съ нетерпѣніемъ ожидала обѣщаннаго конца. Но вотъ наступилъ столь ожидаемый моментъ. Фокусникъ выходитъ на авансцену и съ самымъ развязнымъ видомъ обращается къ сидящимъ въ первыхъ рядахъ съ просьбою положить въ его шляпу разныя вещи, и добродушные, довѣрчивые зрители, пропитанные чувствомъ любопытства, бросаютъ ему туда кто кольца, кто серьги, кто часы, кто табакерку и т. д. Набравъ такимъ образомъ цѣлый ворохъ драгоценныхъ вещей, фокусникъ ушелъ за занавѣсъ и долго не появлялся передъ смущенной публикой, которая начала уже обнаруживать тревогу и нетерпѣніе стукомъ ногъ и аплодисментами. Наконецъ, волненіе особенно пожертвовавшихъ для представленія своими вещами дошло до того, что была потребована полиція и когда проникли за таинственную занавѣсъ театра, то тамъ увидѣли только открытый выходъ на улицу, а отъ фокусника и слѣдъ простылъ. Бросились искать, но всё поиски оказались тщетными и несчастные зрители, отдавшіе свои драгоценныя вещи для удовлетворенія своего любопытства, должны были быть удовлетворены, такъ какъ врядъ ли имъ пришлось еще разъ посмотрѣть на подобный фокусъ—плодъ изумительной изобрѣтательности нахальнаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ и ловкаго мошенничества.

Не задолго до моего отъѣзда изъ Москвы я познакомился у своего отца съ Александрой Васильевной Кирѣевой, которую въ большомъ свѣтѣ называли «la belle», и дѣйствительно, она была красавица даже и въ то время, хотя возрастъ ея былъ уже балъзаковскій.

Она часто пріѣзжала къ отцу и однажды онъ написалъ съ нею очень удачный портретъ. Между нашимъ и ея семействомъ установились самыя лучшія отношенія и мы бывали нерѣдко другъ у друга. Александра Васильевна была женщина, располагавшая къ себѣ своимъ милымъ характеромъ и любезностью, и оставила

эти качества всему своему потомству. У нея была два сына и дочь: старшій, также красавецъ, былъ очень пріятный и симпатичный человѣкъ и впослѣдствіи сдѣлался адъютантомъ великаго князя Константина Николаевича, а теперь генераль ¹⁾, съ нимъ я встрѣтился еще не такъ давно и очень пріятно провелъ цѣлый день. Второй Кирѣевъ былъ тоже очень высокій и видный офицеръ, погибшій въ сербскую компанію; онъ, какъ мнѣ разказывали, одинъ изъ первыхъ бросился впередъ въ какомъ-то горячемъ дѣлѣ и былъ изрубленъ въ куски. Младшая дочь Александры Васильевны вышла замужъ за Новикова и теперь живетъ въ Лондонѣ, гдѣ эта умная и образованная женщина снискала себѣ извѣстность своими политическими статьями.

Наконецъ, передъ самымъ отъѣздомъ я уговорился съ моею необъявленной невѣстой быть на балу, даваемомъ Йогелемъ въ Дворянскомъ собраніи, и съ нетерпѣніемъ ожидалъ наступленія вечера. Нарядившись въ парадную фракционную пару, я отправился въ собраніе. Подъѣздъ и лѣстница были ярко освѣщены, когда я подъѣхалъ на своемъ неказистомъ «ванькѣ» къ зданію Дворянскаго собранія; но когда я вошелъ въ залъ, то меня поразило, что тамъ была зажжена всего лишь одна большая люстра, отчего чувствовался недостатокъ въ свѣтѣ, зато кишевшая подъ нею толпа молодыхъ головокъ была такъ мила и дышала такой свѣжестью, что я скоро забылъ про этотъ недостатокъ въ освѣщеніи. Оглядываясь вокругъ, я все отыскивалъ глазами ту, которую такъ страстно желалъ видѣть, но ея, повидимому, еще не было. Наконецъ, явился и маленькій жрецъ этого фѳорума, Йогель, весьма живой и подвижной старичекъ, сейчасъ же принявшійся за свое дѣло. Похлопавъ въ ладоши и возвысивъ голосъ, онъ сдѣлалъ знакъ своимъ двумъ музыкантамъ и провозгласилъ: «*les dames à vos places!*»—и въ этотъ моментъ я увидѣлъ входящихъ въ залъ Марью Васильевну и съ нею бѣлокурую головку моей Софьи Львовны, далѣе появилась и ея сестра, Катя. Я поспѣшилъ къ моимъ дамамъ и, раскланиваясь, пригласилъ «*rag contenance*» Катю, которая съ нѣжной улыбкой подала мнѣ свою руку, и мы встали въ общій кругъ, какъ тогда было принято становиться передъ началомъ танцевъ. Въ ту же минуту Йогель появился около насъ и съ озабоченнымъ и важнымъ видомъ осмотрѣлъ насъ съ ногъ до головы. Въ этотъ моментъ этотъ маленькій человѣкъ мнѣ ужасно напомнилъ ротнаго командира, производящаго смотръ своей роты. Визави со мной танцевала Соничка, и я, дѣлая шепъ, могъ пожимать ея ручку и, въ одномъ переходѣ на свои мѣста, успѣлъ шепнуть ей приглашеніе на слѣдующую кадрили. Полумракъ, царствовавшій въ тан-

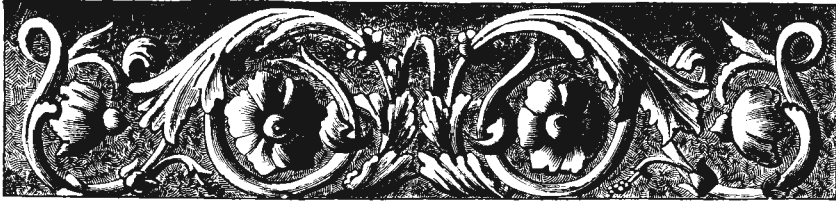
¹⁾ † 13 іюля 1910 г.

цовальномъ залѣ, сильно способствовали моему уединенію съ Соничкой въ укромныхъ углахъ его, и мы передавали другъ другу то, чѣмъ не могли дѣлиться въ присутствіи постороннихъ, строя планы нашей будущей счастливой жизни. На этомъ вечерѣ мы еще разъ дали торжественное обѣщаніе дружно идти рука объ руку по торной дорогѣ жизненнаго пути, и я уѣхалъ изъ Москвы почти совершенно счастливый—но, ахъ, ужъ мнѣ это «почти»!

П. П. Соколовъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ II СРЕДИ ДѢТЕЙ.

СЪ ЛУЧШИЯ воспоминанія моего дѣтства и юности связаны съ окрестностями Павловска. Тамъ, въ деревнѣ Новая-весь я жила лѣтомъ на дачѣ съ двухмѣсячнаго возраста до своего замужества; съ моимъ будущимъ мужемъ, который еще мальчикомъ часто гостилъ въ той же деревнѣ у моей тетки, мы были знакомы съ ранняго дѣтства.

Тамъ же въ Павловскомъ паркѣ мы имѣли счастье много разъ видѣть государя императора Александра II и разговаривать съ нимъ. Государь имѣлъ обыкновеніе, когда онъ бывалъ въ Царскомъ селѣ, ежедневно въ 4 часа ѣздить верхомъ черезъ Павловскій паркъ, но, такъ какъ этотъ часъ не былъ обычнымъ часомъ нашей прогулки, то мы въ первый разъ увидѣли государя совершенно случайно.

Собирая какъ-то въ іюнѣ 1865 года цвѣты въ паркѣ на берегу рѣчки Славянки, мы, я съ сестрами и наша подруга Н. Горбунова, увидѣли вдругъ на другомъ берегу государя верхомъ въ сопровожденіи берейтора. Добѣжать до дороги и выстроиться для привѣтствія было дѣломъ нѣсколькихъ минутъ. По нашему привѣтствію: «имѣемъ счастье привѣтствовать ваше императорское величество», — государь тотчасъ узналъ институтокъ и спросилъ, изъ какого мы института и наши фамиліи. Мы всѣ были изъ Смольнаго Александровскаго института, куда я только что поступила. Узнавъ, что мы по фамиліи Лавровы и отецъ нашъ академикъ живописи, государь замѣтилъ: «Въ такомъ случаѣ я вашего батюшку знаю, онъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ писалъ съ меня портретъ».

Дѣйствительно, нашъ отецъ имѣлъ счастье, по рекомендаціи генераль-адъютанта Я. И. Ростовцева, какъ извѣстный портретистъ того времени, написать два портрета государя императора; его величество соблаговолилъ дать нашему отцу нѣсколько сеансовъ во дворцѣ. Портреты эти были подарены государемъ: одинъ государынѣ императрицѣ, другой—фельдмаршалу князю Барятинскому, покорителю Кавказа. Изъ того времени я помню только одинъ эпизодъ со словъ отца: когда государь во время сеанса выходилъ для отдыха изъ комнаты, великіе князья Николай и Александръ Александровичи входили со-словами: «г. Лавровъ, позвольте у васъ покурить? государь не любитъ, когда мы куримъ, а здѣсь онъ подумаетъ на васъ».

Когда мы, слѣдуя за государемъ, поровнялись съ нашими матерями, онъ просилъ ихъ разрѣшить дѣтямъ приходить въ этотъ часъ въ паркъ (у самой деревни), такъ какъ онъ очень скучалъ, оставшись одинъ съ отъѣздомъ государыни и дѣтей. Весной этого года государь потерялъ своего старшаго сына государя наслѣдника цесаревича.

Съ этого дня, когда только государь бывалъ въ Царскомъ, до своего отъѣзда въ Крымъ или за границу, мы регулярно видѣлись съ нимъ каждый день; и такъ было четыре года подрядъ. Если государь бывалъ весной въ институтѣ, онъ поддразнивалъ насъ, говоря, что былъ уже въ Павловскѣ, тогда какъ мы еще «зубримъ».

Государь всегда пріѣзжалъ верхомъ въ сопровожденіи одного берейтора, обыкновенно съ чернымъ сеттеромъ «Милордомъ» или съ рыжимъ пойнтеромъ «Punch'емъ». Встрѣтивши государя, мы, дѣти, шли, окруживъ его толпой, когда въ 7—8, когда и въ 20 чело-вѣкъ, безумолку разоваривая съ нимъ.

Насъ соединяла съ государемъ общая намъ любовь къ Павловску. Извѣстно, что его величество первые 10 лѣтъ своей жизни провелъ въ Павловскѣ у своей августѣйшей бабушки императрицы Маріи Ѳеодоровны. Мы взаимно экзаменовали другъ друга въ знаніи всѣхъ подробностей парка, причемъ перевѣсъ былъ на нашей сторонѣ, такъ какъ мы знали, кажется, всякую мышиную норку. Намъ приходилось указывать государю грибныя и ландышевыя мѣста; мы подносили ему огромные букеты ландышей, тогда какъ августѣйшія дѣти его величества могли, по его указаніямъ, найти только нѣсколько вѣточекъ.

Императрицу и августѣйшихъ дѣтей мы видѣли только разъ, когда государь предупредилъ насъ, что онъ пріѣдетъ съ государыней, пожелавшей видѣть насъ, дѣтей. Въ этотъ разъ государь пріѣхалъ съ царскою фамиліею въ восьмимѣстномъ шарабанѣ и представилъ насъ императрицѣ, сказавъ: «Voici ma petite bande». Мы привѣтствовали государыню и удостоились ея милостиваго разговора. Художникъ Горбуновъ, отецъ нашей подруги, написалъ картину,

воспроизводившую этотъ эпизодъ, которая одно время находилась въ Красносельскомъ дворцѣ. Какъ институтки, мы очень боялись, произвели ли мы хорошее впечатлѣніе на императрицу, и были очень счастливы, когда на другой день его величество сказалъ намъ, что государыня осталась нами довольна и поручила кланяться.

Въ своихъ разговорахъ государь часто упоминалъ о своихъ дѣтяхъ, особенно о своей дочери «Машѣ» (ея императорское высочество великая княгиня Марія Александровна); рассказывалъ о ея хозяйничаньи на собственной фермѣ въ Царскомъ, о ея письмахъ изъ за-границы и съ пути, о присылкѣ ею изъ Варшавы въ письмѣхъ цвѣтовъ липы, которые, какъ она знала, государь очень любилъ и т. д. Мы, съ своей стороны, посвящали его во все подробности нашей дѣтской жизни.

Теперь, вырастивши собственныхъ дѣтей, больше прежняго удивляешься любви государя къ дѣтямъ, его умѣнью примѣниться къ нимъ, войти въ кругъ ихъ интересовъ. Извѣстно, что личность его дѣйствовала обаятельно даже на взрослыхъ; мы же его безгранично любили.

Многимъ изъ ребятишекъ государь далъ шутивья прозвища. Такъ, одинъ былъ «женихъ», потому что въ 6 лѣтъ просилъ свою мамашу позволить ему жениться на гостившей у насъ институткѣ Сашенькѣ Владимировой и заказалъ кухаркѣ для свадьбы пирогъ съ малиной. Его величество нашель, что «женихъ» умѣетъ дѣлать глазки и часто просилъ его сдѣлать ихъ ему.

Разъ мы удивились, увидѣвъ скачущимъ къ намъ обратно государя; оказалось, что государь хотѣлъ насъ поугаты, а вернулся только потому, что забылъ заставить «жениха» сдѣлать глазки. Другой карапузъ, выросшій изъ своихъ панталончиковъ, назывался «шотландцемъ». Третій, попавшійся на мѣстѣ преступленія во время ловли раковъ въ мелкой рѣчкѣ и, ничто же сумняшеса, присоединившійся къ сопровождавшимъ государя, получилъ прозвище «музыканта», такъ какъ его промокшіе сапоги все время скрипѣли. Государь говорилъ намъ, что и своей дочкѣ Машѣ онъ далъ прозвище. «Отгадайте, дѣти, какое?» Мы ничего не придумали. «Утка»—за ея походку».

Мы сообщали государю, когда появлялись первые грибы, когда начиналось купанье; ему было даже извѣстно, у кого изъ дачниковъ во время дождя подставляли корыто, такъ какъ крыша дачи протекала. Государь, съ своей стороны, жаловался, шутя, на «противныхъ» докторовъ, не позволяющихъ ему ѣсть грибовъ и купаться и посылающихъ его въ Киссингенъ, который онъ никогда не промѣняетъ на Крымъ. Встрѣтившагося какъ-то разносчика съ лоткомъ на головѣ мы рекомендовали, какъ «нашего Ивана Михайловича» (онъ регулярно приходилъ ежедневно изъ Царскаго съ разными сладостями). Однажды насъ съ государемъ засталъ въ лѣсу сильный

дождь; онъ сошелъ съ лошади и всталъ подъ развѣснутую ель, дѣтшки окружили его. Онъ забавлялся съ самыми малышами, пугая ихъ папироснымъ дымомъ и показывая свое умѣнье курить ртомъ, носомъ и даже ушами (вставивъ папироску въ ухо и пуская дымъ ртомъ).

Въ это время съ нашей группой поровнялась толстая баба съ корзинкой на рукѣ и подоткнутымъ отъ дождя подоломъ. Немедленно она была представлена императору какимъ-то малышомъ, какъ «наша кухарка Ненила».

Насколько безыскусствененъ былъ нашъ дѣтскій разговоръ, настолько вычурно отвѣтила государю одна наша дачница, занимавшаяся въ паркѣ со своими дѣтьми. На вопросъ его: «Что вы несете въ корзинкѣ?» (это были дѣтскія книги)—последовалъ торжественный отвѣтъ: «Дѣтскій умъ, ваше величество».

Иногда мы видѣли государя и въ другіе часы, подъ вечеръ, или съ великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ верхомъ, или въ экипажѣ, причемъ государь самъ правилъ. Такъ, онъ одинъ разъ пріѣхалъ съ великимъ княземъ Владиміромъ Александровичемъ на парѣ великолѣпныхъ пѣгихъ лошадей и спросилъ насъ, правятся ли намъ лошади и какой онѣ масти? Мы отвѣтили, что очень правятся, а масти онѣ пѣгой.—«Моей дочкѣ онѣ тоже очень понравились и она все проситъ, чтобы я ей купилъ для фермы «пѣгую» корову». Въ другой разъ онъ шесть дней сряду пріѣзжалъ верхомъ на бѣломъ арабскомъ конѣ, каждый разъ на новомъ, чтобы показать дѣтямъ подарокъ турецкаго султана.

Какъ-то разъ государь поинтересовался, какъ мы проводимъ вечера, и узнавъ, что играемъ въ разныя игры и танцуемъ подъ музыку (на флють-гармоніи) одного дачника нѣмца около Красной долины, пріѣхалъ вечеромъ посмотреть на наши танцы.

Это было наканунѣ отъѣзда царя въ Крымъ и, прощаясь съ дѣтьми, онъ каждыя перекрестилъ и поцѣловалъ въ лобъ, говоря: «Я люблю бывать съ вами, дѣти; я съ вами отдыхаю».

Но самое большое торжество для насъ было, когда императоръ, наканунѣ спросивъ нашихъ матерей, довѣряютъ ли онѣ ему своихъ дѣтей, пріѣхалъ въ двухмѣстной коляскѣ съ грумомъ позади (правиль онъ самъ) и, велѣвъ груму остаться, пригласилъ дѣтей садиться въ экипажъ, сколько влѣзетъ. Усѣлись пятеро въ коляскѣ и трое маленькихъ на мѣстѣ грума. Государь, шутя, замѣтилъ, что онъ привыкъ къ тому, что институтки и кадеты таскаютъ у него платки и рвутъ на память шинель, но предостерегъ насъ, чтобы мы у него не вытащили папиросъ и не сломали бича. Тутъ же онъ рассказалъ, какъ напугалъ разъ екатерининскихъ институтокъ въ Москвѣ. Возвращаясь изъ института, онъ захотѣлъ закурить, но оказалось, что барышни утащили всѣ папиросы на память; онъ велѣлъ кучеру вернуться и грозно черезъ швейцара потребовалъ,

чтобы ему были возвращены всѣ папирсы до одной. Испуганные барышни прибѣжали съ извиненіемъ, но государь успокоилъ ихъ, сказавъ, что онъ вернулся нарочно, чтобы ихъ поугаты. «Бичъ же», --- сказалъ онъ намъ, — «мнѣ дорогъ по воспоминаніямъ объ отцѣ, и за поломку его я взыщу безъ снисхожденія. Это подарокъ королевы Викторіи моему отцу во время пребыванія его въ Англіи».

Это былъ длинный англійскій бичъ слоновой кости, украшенный золотой императорскою короной, осыпанный драгоценными камнями.

Государь прокатилъ насъ по всему парку, причемъ прогулка наша не разъ прерывалась просьбой кого-нибудь изъ малышей, сидѣвшихъ сзади: «Ваше величество, пожалуйста, остановитесь: грибъ-то какой у дороги!»

Въ 1867 или 1868 году большіе маневры были въ окрестностяхъ Царскаго села, о чемъ насъ предупредилъ самъ государь, сказавъ, что въ послѣдній день самъ проведетъ всѣ войска черезъ Новую-весь. Дня этого, понятно, мы ждали съ большимъ нетерпѣніемъ и, увидѣвъ императора въѣзжающимъ во главѣ войскъ, высыпали изъ всѣхъ дачъ, поцѣловали, какъ всегда, у государя руку и прошли рядомъ съ нимъ по всей деревенской аллеѣ, а на обратномъ пути важно раскланивались съ отдававшими намъ честь (надо думать, шутки ради) лицами государевой свиты. Вечеромъ, по приглашенію государя, мы были на бивуакѣ войскъ, расположившихся около деревни Тярлево, и были въ восторгѣ отъ фейерверка и веселья лагеря, отдохавшаго отъ трудовъ.

Въ маѣ 1871 года я ѣздила въ Царское село вмѣстѣ съ другими выпускными воспитанницами институтовъ для полученія награды — первой золотой медали (шифры въ нашемъ институтѣ стали давать только недавно). Получивъ изъ рукъ самого государя медаль и его карточку, я имѣла счастье попасть въ шарабанъ, въ которомъ государь поѣхалъ со многими институтками изъ Большого дворца въ Александровскій, гдѣ жилъ тогда наслѣдникъ цесаревичъ.

Въ шарабанѣ было очень тѣсно, и его величество сейчасъ же вспомнилъ и рассказалъ институткамъ о нашей поѣздкѣ съ нимъ въ Павловскѣ. Мнѣ же сказалъ, что какъ сейчасъ помнитъ наше первое знакомство: «Особенно мнѣ нравились на васъ красныя рубашечки». (Тогда была мода на «гарибальдійки», которыя носили и дѣвочки и мальчики). Затѣмъ спросилъ, на той ли еще живемъ мы дачѣ, гдѣ приходилось подставлять корыто во время дождя, и существуетъ ли еще кухарка Ненила. Память у государя и наблюдательность были поразительныя, въ чемъ и мы не разъ имѣли случай убѣдиться. Напримѣръ, пріѣхавши разъ въ институтъ, онъ намъ сказалъ: «Я вчера на набережной видѣлъ вашего батюшку, онъ мнѣ кланялся».

Въ Александровскомъ дворцѣ государя встрѣтилъ въ вестибюлѣ государь наслѣдникъ цесаревичъ съ августѣйшимъ сыномъ (нынѣ благополучно царствующимъ Императоромъ Николаемъ II) на рукахъ.

Государь взялъ своего малютку-внука на руки, поцѣловалъ и, обратясь къ институткамъ, сказалъ: «Mesdames, вы еще не видали моего внука? Прошу его любить и жаловать». Затѣмъ онъ пригласилъ насъ покататься съ деревянной комнатной горы и самъ, для примѣра, скатился съ внукомъ на рукахъ.

Въ послѣдній разъ я имѣла счастье видѣть императора Александра II въ апрѣлѣ 1872 года во дворцѣ принца Ольденбургскаго послѣ майскаго парада, смотрѣть который были приглашены пепиньерки изъ всѣхъ институтовъ. Государь послѣ парада вошелъ въ залу съ императоромъ Вильгельмомъ и сопровождавшими его Бисмаркомъ и Мольтке.

Но и послѣ нашего выпуска государь спрашивалъ у младшей сестры, остававшейся еще въ институтѣ, какъ поживаетъ наша семья.

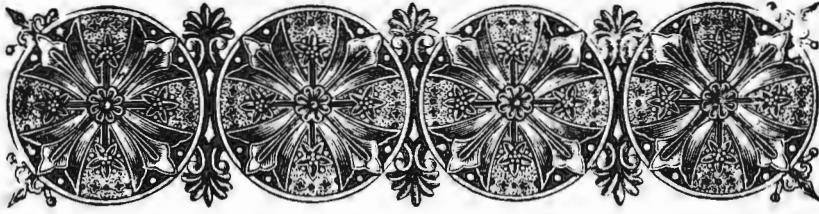
Въ августѣ 1875 года скоропостижно, съ кистью въ рукѣ, за портретомъ императора Александра II скончался мой отецъ. Мать осталась съ 5 дѣтьми, трое младшихъ еще не были въ учебныхъ заведеніяхъ, и 97-ми лѣтней матерью, безъ пенсіи и безъ всякихъ средствъ. Отецъ только что получилъ отъ строительнаго комитета храма Спасителя въ Москвѣ заказъ на исполненіе 28 образовъ; эскизы его на эти образа были весной одобрены государемъ на выставкѣ въ академіи художествъ. Кромѣ высокой чести работать въ храмѣ Спасителя, заказъ этотъ далъ бы семьѣ обезпеченіе, но Богъ судилъ иначе.

При такихъ обстоятельствахъ встрѣтилъ государь мою мать въ концѣ августа въ паркѣ. Увидѣвъ ее въ траурѣ, государь быстро подѣхалъ и спросилъ со слезами на глазахъ: «Отчего вы въ траурѣ? Кого вы потеряли?» И узнавъ, что мужа, перекрестился, сказалъ: «Царство небесное» и спросилъ: «Не могу ли я чѣмъ-нибудь быть вамъ полезнымъ?»—«Благодарю васъ, ваше величество,—нашлась только отвѣтить на это моя мать:—мы всегда были счастливы вашимъ вниманіемъ, и теперь оно облегчитъ мнѣ мое горе».

Всю семью подняли своими трудами мои сестры институтки, а когда двое моихъ братьевъ умерли въ молодыхъ годахъ, оставивъ четырехъ сиротъ, мой мужъ взялъ на себя ихъ воспитаніе.

Л. Н. Оглоблина.

БЕЗОТВѢТНАЯ.

(Изъ жизни).

Блажени нищіе духомъ,
яко тѣхъ есть царствіе небесное.

ЕЛКІЯ капли осенняго дождя слабо постукивали въ грязное окно купе третьяго класса и, собираясь въ длинныя мутныя струйки, скатывались со стекла. Марья Ивановна, чтобы мягче было сидѣть, положила на облѣзлый деревянный диванъ большую подушку въ парусиновой наволочкѣ, облокотилась на откинутую у окна доску, обитую липкой рваной клеенкою, и смотрѣла сквозь туманную сѣтку дождя на быстро уплывающую назадъ широкую печальную равнину.

Часто и надоѣдливо мелькали сѣрые столбы телеграфа, рѣдкіе придорожные кусты уныло лепетали на вѣтру увядшими мокрыми листьями. У Марьи Ивановны тоскливо кружилась голова отъ однообразнаго стука колесъ и безконечнаго движенія, и ей казалось, что все, — и широкія полосы темныхъ полей съ колючею щеткой сжатыхъ хлѣбовъ, съ пухлыми почернѣлыми стогами сѣна, и убѣгающія проволоки телеграфа, унизанныя, какъ бисеромъ, каплями дождя, и голые кусты, все начинаютъ вертѣться подъ тяжелымъ печальнымъ небомъ вокругъ поѣзда.

Она была одна въ купѣ. Она только что избавилась отъ смертельно надоѣвшей ей за день толстой и кислой попадьи съ двумя капризными золотушными дѣтьми, отъ ея тягучихъ разговоровъ

и жалобъ на дѣтей, болѣзни, плохія времена и скучную дорогу. Попадья ныла, дѣти, не переставая, что-то ѣли и плакали, плакали и ѣли, размазывая грязными рученками по своимъ щекамъ слезы вмѣстѣ съ остатками ѣды; и это раздражало Марью Ивановну до отвращенія. Попадья вышла на послѣдней станціи, и Марья Ивановна наслаждалась теперь тишиною, покоемъ и одиночествомъ. Она радовалась, что никто не мѣшаетъ ей сидѣть вотъ такъ спокойно, поджавши ноги, и смотрѣть въ окно, и думать... хотя, какъ всегда, когда она оставалась одна, наплывали все однѣ и тѣ же безконечныя, невеселыя думы, и привычная тоска начинала острѣе шевелиться въ сердцѣ.

Ея сжавшаяся въ углу у окна небольшая фигурка въ бѣдномъ сѣромъ дорожномъ платьѣ, съ увядающимъ грустнымъ лицомъ, съ гладко причесанными рѣдкими волосами и унылымъ взглядомъ усталыхъ глазъ, казалась воплощеніемъ одиночества и тоски.

Только что потерявъ изъ-за пустого, но тяжело и нелѣпо отозвавшася на ней недоразумѣнія мѣсто въ селѣ Н—скомъ, она чуть было не осталась выброшеною на улицу безъ куска хлѣба. Теперь она ѣхала на новое мѣсто, которое ей предоставили почти изъ милости, послѣ усиленныхъ хлопотъ и униженныхъ просьбъ.

Лучше ли будетъ тамъ?

Конечно, нѣтъ: ее ждетъ новая нужда, новыя униженія, тяжелый трудъ, холодная зима въ промерзлой избѣ... Опять чужіе, можетъ быть, недоброжелательные люди... И это безъ конца, всю жизнь. Какая-то вѣчная кочевка безъ теплаго «своего угла»! Уже пятнадцать лѣтъ, съ тѣхъ поръ, какъ она осталась совершенно одна на свѣтѣ, бредетъ она по узкой, сѣрой и каменистой дорожкѣ своей жизни, и за всѣ эти годы не встрѣтила на ней существа, которое могло бы своимъ присутствіемъ скрасить и облегчить ея трудный и скучный путь. И тянется, тянется эта тяжелая, опротивѣвшая лямка безъ малѣйшаго луча какой-нибудь радости, ласки, привязанности и участія. Безцѣльная, пустая, унылая жизнь, сознание полного, угнетающаго душу одиночества и трудъ, котораго она не любила, котораго не выбирала, а несла только по необходимости, потому что ничего другого не умѣла дѣлать.

Если бы ее спросили о цѣли ея жизни, она могла бы отвѣтить только: вѣчно работать, чтобы ѣсть свой жалкій кусокъ хлѣба, и ѣсть, чтобы поддержать въ себѣ силы для этой работы.

Она уже немолода. Она уже устала. А дальше? потомъ что?

Дальше—придетъ настоящая старость, уродливая и противная, придутъ болѣзни и, при особомъ счастіи, которое далеко не всѣмъ выпадаетъ на долю, ее ждетъ томительное умираніе никому ненужной, смѣшной старой дѣвы въ какомъ-нибудь пріютѣ для бѣдныхъ дѣвицъ благороднаго званія. Жизнь ея не настолько невыносима, чтобы явилось желаніе покончить съ собою, но, ахъ! иногда такъ

хотѣлось бы ей заснуть, отдохнуть, отдѣлаться отъ самаго чувства жизни, отъ сознанія, что такъ надо жить, и еще, можетъ быть, долго. Вѣдь это не жизнь, а сумерки. Такія же тусклыя, блѣдныя и холодныя, какъ тамъ за окномъ, въ полѣ, съ надвигающеюся темною и страшною ночью.

Поѣздъ проскочилъ мимо желѣзнодорожной будки. Баба съ подоткнутымъ подоломъ, въ мужскихъ сапогахъ, облѣпленныхъ грязью, неподвижно стояла у самаго полотна, держа прямо передъ своимъ большимъ животомъ зеленый флагъ, накрученный на палку. Грязный мальчуганъ держался за юбку матери и, вытаращивъ большіе любопытные глазенки на поѣздъ, весело кричалъ что-то, размахивая свободной рученкой. Сильно прошумѣли мимо вагона, нагнувшись отъ вѣтра, нѣсколько деревьевъ; въ освѣщенномъ окнѣ будки мелькнулъ блестящій, окутанный горячимъ паромъ самоваръ. Сторожъ въ рваномъ тулупѣ и форменной фуражкѣ, съ мѣднымъ рожкомъ на поясѣ, загонялъ въ закуть хворостиною худую рыжую корову съ теленкомъ, оглядываясь на паровозъ.

Мимолетная, простая картинка жизни, въ глухомъ и угрюмомъ просторѣ полей, остро привлекла къ себѣ вниманіе Марьи Ивановны.

— Тутъ сейчасъ будутъ пить чай,—подумала она, слѣдя глазами за быстро исчезающею вдаль яркою точкой освѣщеннаго окна.— Сядутъ всѣ вокругъ стола, отецъ, мать, дѣти... Мать принесетъ теплый черный хлѣбъ, парное молоко... Они будутъ говорить о своихъ общихъ, всѣмъ имъ близкихъ, дѣлахъ и заботахъ, дѣти будутъ шалить и смѣяться. У нихъ будетъ уютно, свѣтло, тепло. Это семья...

Она горько усмѣхнулась увядшими блѣдными губами, поймавъ себя на мысли, что готова завидовать такому бѣдному счастью.

А мысли текли одна за другою, сжимая ея сердце въ тоскливомъ сумракѣ вагона, несвязныя, привычныя, посѣщавшія ее съ годами все чаще и чаще. Мысли о даромъ прожитой, никому, даже и ей самой, ненужной жизни...

За что и почему она лишена всего, что составляетъ смыслъ жизни каждой средней женщины? Почему у нея нѣтъ и не было ни любви, ни семьи? Во всю ея жизнь у нея не было никакой сильной привязанности, и ее никто не полюбилъ ни разу. Она не хуже другихъ, неглупа, была даже хороша... Или она сама виновата, не умѣла любить? Да, въ ней не было источника любви, привлекающаго всѣхъ, скрашивающаго всякую жизнь, и свою, и чужую, она холодна и эгоистична. И вотъ она сама не привязалась ни къ кому и никого не сумѣла привязать къ себѣ.

Разъ, давно уже, чьи-то ясныя и добрыя голубые глаза смотрѣли на нее съ почтительнымъ обожаніемъ и заставляли быстрѣе биться

ея семнадцатилѣтнее сердце. Но онъ былъ такъ бѣденъ и ничтоженъ... Но она была такъ молода, самоувѣрена, такъ многого ждала отъ жизни... Она побоялась и прошла мимо голубыхъ ясныхъ глазъ. Потомъ ждала долго. Потомъ, черезъ нѣсколько лѣтъ, она удовольствовалась бы и меньшимъ, но оно не приходило. Да, она хотѣла взять отъ жизни много и не получила ничего. Когда она увидѣла ясно, что осталась въ сторонѣ отъ этой жизни, когда поняла, что вернуть уже ничего нельзя и для нея все кончено, тогда она постаралась проститься со всякими мечтами о счастья и любви, и, наконецъ, стала даже стыдиться такихъ мечтаній. Но и до сихъ поръ все, что касалось этой области, больно затрогивало ея сердце, будило сожалѣнія, уныніе, зависть и еще, Богъ знаетъ, какія чувства.

Стемнѣло. Въ тускломъ фонарѣ, вдѣланномъ надъ дверью купе, невидимою рукою зажглась и вспыхнула свѣча. Въ окно теперь стало видно только бѣлую пелену тумана и далекое, слабое отраженіе чьего-то разведеннаго въ полѣ костра. Въ купѣ, выкрашенномъ темно-коричневою краскою, стало еще тоскливѣе. Марья Ивановна съ трудомъ оторвала неподвижный взглядъ отъ потемнѣвшаго окна, встала и, сильно заломивъ руки, тоскливо потянулась всѣми своими затекшими отъ долгаго сидѣнья худенькими членами.

«Лучше лечь и постараться заснуть, чтобы не поддаваться своему настроенію», подумала она.

Поѣздъ протяжно засвистѣлъ и сталъ замедлять ходъ, подходя къ большой узловой станціи. Завылъ тормазъ и Марью Ивановну качнуло внезапнымъ толчкомъ остановки. Она выглянула въ окно, и на минуту ее развлекло мельканіе яркихъ огней, видъ закутанныхъ фигуръ людей, кишащихъ на мокрой, блестящей отъ дождя асфальтовой платформѣ, шумъ и говоръ большой суетящейся толпы.

Мчались, толкая другъ друга, нагруженные до послѣдней возможности носильщики, катились, громыкая, багажныя телѣжки; женщины подъ зонтиками, съ которыхъ лилась вода, торопливо тащили за руки и на рукахъ растерявшихся отъ шума и суеты дѣтишекъ. У станціоннаго колокола, подъ яркими фонарями, стоялъ сторожъ въ черной блестящей непромокайкѣ и держалъ наготовѣ веревку, чтобы дать второй звонокъ. Хлопали двери вагоновъ, неслись тревожные крики и безтолковая перебранка.

Въ дверь купе громко и рѣшительно постучали. Неохотно отойдя отъ окна, Марья Ивановна откинула толстую мѣдную петлю и слегка сдвинула въ сторону тяжелую визжащую дверь.

— Позвольте къ вамъ,—пѣвучимъ баритономъ произнесъ бра-
вый плотный кондукторъ съ фонаремъ въ рукѣ.—Проходите, про-
ходите,—продолжалъ онъ нетерпѣливымъ тономъ, обернувшись на-

задь:—тутъ можно, мѣсто есть,—и онъ отошелъ, давая кому-то дорогу.

Марья Ивановна посторонилаь и увидѣла, что въ дверь протискивается большой кулъ и узель съ подушками, увязанными просто веревкою въ ситцевое одѣяло съ зелеными и коричневыми разводами. Протолкнувъ свой узель, вслѣдъ за нимъ появилась запыхавшаяся, торопливая, худенькая фигура женщины въ темномъ платьѣ, въ шали и вязаномъ черномъ платкѣ, покрывавшемъ подъ шалью ея плечи и голову. Марья Ивановна, съ неудовольствіемъ глядя на это вторженіе, отодвинулась въ уголъ, къ самому окну, и сѣла, давая мѣсто неуклюжимъ, подмоченнымъ дождемъ дорожнымъ узламъ своей нежданной попутчицы, которая, растерянно осматриваясь, суетливо и неловко вертѣлась въ узкомъ пространствѣ между двумя скамьями, размѣщая свои вещи и стараясь не задѣть Марью Ивановну.

— Извините,—сказала незнакомка пріятнымъ, слабымъ, но слегка сильнымъ голосомъ, не глядя на Марью Ивановну:—я вамъ, можетъ, мѣшаю,—и стала на скамью, пытаясь закинуть свой кулъ на верхнюю полку.

— Ничего, не беспокойтесь, пожалуйста,—нехотя отвѣтила Марья Ивановна, слѣдя глазами за ея неловкими движеніями. Узель не поддавался усиліямъ и все валился назадъ, на голову и поднятыя вверхъ руки женщины. Марья Ивановна привстала и помогла ей, поддержавъ падающія вещи; женщина поблагодарила и, заткнувъ съ помощью Марьи Ивановны узель подальше въ уголъ, сошла со скамьи. Она сняла свою мокрую старенькую шаль, тщательно расправила ее, встряхнула и повѣсила на крюкъ у двери; потомъ нерѣшительно осмотрѣлась кругомъ и сѣла противъ Марьи Ивановны, оправляя платье и сползшій съ головы платокъ.

— Извините,—еще разъ тихо сказала она:—я вамъ все мѣшаю.

Марья Ивановна разглядѣла при двойномъ свѣтѣ свѣчи и яркаго фонаря, бросавшаго свой лучъ съ платформы прямо въ окно купе, выбивавшіеся изъ-подъ чернаго платка короткіе, чуть отросшіе завитки золотистыхъ волосъ и кроткіе голубые глаза на необыкновенно пріятномъ, еще молодомъ, но блѣдномъ и истомленномъ лицѣ. Глаза эти смотрѣли на Марью Ивановну съ какой-то трогательною, виноватою улыбкою.

— Нѣтъ, нѣтъ, ничего,—поспѣшила отвѣтить Марья Ивановна.

Судорожно захлебываясь, забилъ третій звонокъ. Поѣздъ незамѣтно и плавно тронулся, ритмично позванивая цѣпами вагоновъ. Одинъ за другимъ замелькали въ окнахъ станціонные огни, темныя деревья, водокачка. Женщина тревожно выглянула въ окно.

— Господи, Господи!..—зашептала она, крестясь нѣсколько разъ подъ рядъ торопливымъ и медкимъ крестомъ. Потомъ тяжело

вздохнула и, успокоившись наконецъ, сѣла поудобнѣе и сложила на колѣняхъ свои маленькія закрубѣлыя руки.

— Далѣко ѣдете?—нерѣшительно обратилась она къ Марьѣ Ивановнѣ послѣ нѣкотораго молчанія.

Та назвала свою станцію.

— Значить, мы съ вами поѣдемъ, пока мнѣ пересадка будетъ,— сказала попутчица, какъ бы довольная этимъ обстоятельствомъ. Она повернулась въ свой уголъ, повозилась немного въ какихъ-то коробкахъ, которыя поставила около себя, и опять обратилась къ Марьѣ Ивановнѣ со своею робкою улыбкою.

— Вы простите, если я передъ вами ѣсть стану. Нѣкоторые не любятъ... Очень ужъ я проголодалась, знаете. Ъхала на лошадахъ долго, пятьдесятъ верстъ отъ нашего города, отъ М., а тамъ все некогда было поѣсть: дорога скверная, дождь мочилъ.

— Не стѣсняйтесь, ради Бога,—отвѣчала Марья Ивановна, слегка удивленная такимъ деликатнымъ заявленіемъ незнакомки.

Женщина вытащила откуда-то маленькій узелокъ въ клѣтчатомъ ситцевомъ платкѣ, развязала его и, скромно отвернувшись, стала медленно и беззвучно жевать что-то, прикрываясь отъ взоровъ сосѣдки своимъ траурнымъ платкомъ. Поѣвъ, она перекрестилась, старательно собрала остатки ѣды опять въ платочекъ, стряхнула съ платья крошки и выпила чего-то прямо изъ горлышка появившейся изъ угла темной бутылки.

— Это вода съ виномъ, вы не думайте,—смущенно улыбаясь, обратилась она къ Марьѣ Ивановнѣ, закупоривая бутылку и ставя ее подъ скамью: —вода въ дорогѣ всегда скверная, такъ я съ собою взяла.

Убравъ ѣду, женщина стала располагаться на ночлегъ: подостлала на скамейку свое ватное пестрое одѣяло, помолилась на маленькій серебряный крестикъ, который вынула изъ-за пазухи, и легла, тщательно подобравъ подъ истрепанный подолъ юбки ноги въ рваныхъ мокрыхъ башмакахъ. Послѣ нѣсколькихъ вздоховъ послышалось неровное дыханіе спящей съ прерывистыми всхлипываніями, точно ей снилось что-нибудь тяжелою печалью давившее ей мозгъ и сердце. Марья Ивановна устроила себѣ постель и тоже легла, кое-какъ уютившись на жесткомъ диванѣ.

— Господи, какой у нея несчастный видъ,—думала она, уже лежа противъ своей спутницы и вглядываясь въ полутѣмъ въ жалкую спящую фигурку.—Откуда и кто она? Еще молодая...

Подъ мѣрное постукиваніе колесъ и колыханіе развинченнаго вагона опять всплыли тоскливыя старыя думы, переплетаясь съ мыслями, вызванными новою попутчицею.

— Тоже, можетъ быть, горемыка какая-нибудь, въ родѣ меня,—думала она.—Есть ли у нея кто-нибудь: мужъ, мать, семья?.. Съ кѣмъ она разсталась, къ кому ѣдетъ? Или и ее никто и нигдѣ во

всемъ свѣтъ не ждетъ, какъ и меня... Кольца обручальнаго не видно, и на дѣвушку непохожа... А бѣдная, должно быть, бѣднѣе меня; вонъ башмаки какіе. А вещи, одѣяло... юбка рваная, грязная. Нищая... Да еще, кажется, и больная. Я ей, пожалуй, совѣмъ барыней кажусь...—думала она, уже совѣмъ засыпая.

Когда Марья Ивановна проснулась, угрюмое, холодное утро смотрѣло въ ничѣмъ не завѣшенное грязное окно купе. Сосѣдка ея уже встала, убрала постель и сидѣла не шевелясь, очевидно, боясь ее разбудить. Замѣтивъ, что Марья Ивановна открыла глаза, женщина встрепенулась, засуетилась и стала услужливо помогать ей устроиться на день въ вагонѣ. На первой же станціи она предложила сбѣгать за кипяткомъ, но долго не соглашалась на приглашеніе выпить вмѣстѣ чаю изъ чайника Марьи Ивановны. Она точно боялась быть въ тягость и услужливостью какъ бы старалась извинить свое присутствіе.

При дневномъ свѣтѣ ея лицо, не теряя привлекательности, имѣло еще болѣе запуганный, жалкій и измученный видъ. И чѣмъ дольше смотрѣла Марья Ивановна на незнакомку, тѣмъ больше ей начинало казаться, что она уже видѣла гдѣ-то это лицо. Сквозь истомленные черты болѣзненно блѣднаго облика, въ памяти ея возникали знакомыя круглыя румяныя щеки, длинныя золотыя косы и кроткіе, ласковые глазки дѣвочки подростка. Гдѣ и когда она ихъ видѣла?

Да, да... вотъ маленькій домикъ на окраинѣ города, садъ со старыми душистыми яблонями, въ которыхъ весело жужжали пчелы, весь заросшій колючими ягоднымъ кустами, качели на деревѣ, зеленый дворъ... Марья Ивановна, тогда еще молодая учительница городской школы, нанимала тамъ дешевую комнату со столомъ отъ хозяевъ, многочисленное потомство которыхъ наполнило этотъ дворъ и садъ своею шумною жизнью и веселыми головами.

Вотъ дѣвочка, подростокъ, лѣтъ пятнадцати, съ разлетающимися во всѣ стороны золотыми растрепанными косами, въ синемъ короткомъ платьѣ, ловить на дворѣ упрямую курицу, которая ни за что не желаетъ итти на горячую плиту. Курица отчаянно кудахчетъ, мечется, какъ угорѣлая, и, наконецъ, влетаетъ въ открытое окно Марьи Ивановны. Разгорѣвшаяся отъ бѣготни дѣвочка сразмаху останавливается подъ окномъ, не смѣя итти въ комнату Марьи Ивановны, еле удерживаясь отъ смѣха, но со страхомъ глядя своими хорошенькими голубыми глазками на беспорядокъ, который курица производитъ въ комнатѣ жилицы.

— Настя!—воскликнула Марья Ивановна, узнавъ свою спутницу, — Да неужели это вы?

Женщина вздрогнула и, застѣнчиво улыбаясь, кивнула головою.

— Я васъ тоже признала,—сказала она:—но только не смѣла...

— Боже мой, да я очень рада,—сказала Марья Ивановна, протягивая ей руку.—Вотъ неожиданная встрѣча! Вы очень перемѣнились, Настасья, я васъ долго узнать не могла.

— И вы тоже перемѣнились, но я только вчера васъ разсмотрѣть не могла, темно было, а сегодня утромъ сразу увидѣла, что это вы самая.

Нѣсколько общихъ воспоминаній, отъ которыхъ на обѣихъ повѣяло прелестью прошлой молодости, быстро и легко сблизили двухъ женщинъ, которыя обѣ рады были скоротать дорогу съ не совсѣмъ чужимъ человѣкомъ. Онѣ разговорились скоро и свободно.

При каждой остановкѣ поѣзда женщина безпокойно вскакивала и тревожно выглядывала въ окно.

— Развѣ вамъ скоро выходить?—спросила наконецъ Марья Ивановна, замѣтивъ ея безпокойство.—Вы до какой станціи? Куда ѣдете?

— Да, вотъ, ѣду на родину, въ К.,—охотно отвѣчала Настасья, —и боюсь поѣзда перепутать. Давно, давно уже я не ѣздила и поѣздовъ даже давно не видала,—вздыхнула она.

— А я васъ и не спросила, откуда вы. Гдѣ же вы жили?

— Въ глуши жили мы. Все въ степу, все въ степу съ татарами девять лѣтъ. Задичала я тамъ совсѣмъ, жизнь у насъ дикая была,—словоохотливо отвѣтила женщина.

— Почему же вы такъ?..—осторожно спросила Марья Ивановна.

— Мужъ мой тамъ служилъ,—нерѣшительно сказала женщина; она слегка покраснѣла и опустила глаза, перебирая пальцами конецъ платка.

— Отчего же вы... гдѣ же онъ... мужъ вашъ теперь?—запинаясь, спросила Марья Ивановна, замѣтивъ ея смущеніе желая поддержать разговоръ, но боясь быть навязчивой.

— Похоронила я его, вотъ три недѣли уже,—тихо и печально отвѣчала женщина, не поднимая головы.—Нѣтъ, постойте,—встрепенулась она вдругъ и посмотрѣла на Марью Ивановну.—Слушайте, у насъ что теперь? число какое?

— Пятое октября.

— Ну, вотъ, видите, голова моя дурная!—воскликнула она:—уже мѣсяцъ съ половиною, значить, или съ четвертью, а я говорю три недѣли. И не могла, не могла я тамъ безъ него оставаться!—горестно сказала она, съ тоскою заломивъ руки.—Да и что жъ оставаться, подумайте. Никого у меня тамъ нѣтъ. Куда дѣться? Въ прислуги даже меня не берутъ послѣ всего... Поѣду теперь въ К.; мать у меня тамъ была, братья, сестры были, вы же знаете. Лучше къ нимъ поѣхать, правда?—довѣрчиво спросила она, глядя въ глаза Марьѣ Ивановнѣ.

— Конечно, чего же лучше,—согласилась та, немного удивившись ея наивному довѣрію.—Только почему вы говорите про родныхъ «были», а теперь развѣ ихъ уже нѣтъ? Вѣдь, васъ была большая семья.

— Можетъ, и есть, не знаю. Ничего я не знаю... Я только думаю себѣ, живы ли они еще? Я объ нихъ ничего не слыхала уже очень давно. Сама я имъ не смѣла писать, да я же и почти что неграмотная, пишу плохо, ну, а они, конечно, сердиты на меня, имъ меня стыдиться приходится... И не знаю какъ, примутъ ли еще они меня.

— Отчего же могутъ не принять?—спросила Марья Ивановна, заинтересованная намеками своей спутницы.

— Да если вамъ все рассказать,—стыдливо волнуясь, отвѣчала женщина, снова вся покраснѣвъ,—такъ онъ, простите, мнѣ не мужъ былъ, а такъ. Но только я его лучше всякаго мужа для себя считала, потому что мы очень хорошо съ нимъ жили. Ахъ, какъ хорошо!—мечтательно вздохнула она, глядя въ окно.

Марья Ивановна молчала, немного смутившись отъ такой внезапной откровенности.

— И уѣхала-то, вѣдь, я отъ своихъ родныхъ нехорошо,—продолжала женщина,—давно я уѣхала, года черезъ два послѣ того, какъ вы отъ насъ съѣхали; восемнадцать лѣтъ всего тогда мнѣ было. И уѣхала я будто вѣнчаться... Какъ же я теперь имъ на глаза покажусь? стыдно мнѣ, да и имъ срамъ передъ всѣми. Всѣ скажутъ: почему безъ вѣнца съ нимъ осталась? почему не ушла отъ него? Это вамъ ничего, что я рассказываю? можетъ...—прервала она сама себя, вопросительно взглянувъ на Марью Ивановну.

— Нѣтъ, пожалуйста, мнѣ даже интересно,—отвѣтила та.

— Такъ вотъ, видите: могутъ меня и не принять, и ѣду я съ сомнѣніемъ,—покачала головою женщина.

— Какъ же это случилось, что вы такъ съ нимъ сошлись?

— Да молоденькая я еще была, дѣвчонка совсѣмъ глупая, девять лѣтъ уже тому прошло. Приѣхалъ онъ, Васенька-то мой, въ нашъ городъ по дѣламъ, познакомился гдѣ-то съ отцомъ нашимъ и сталъ къ намъ ходить, сначала рѣдко, по праздникамъ только, а потомъ и часто. Мой отецъ, вы знаете, такъ себѣ былъ, невысокаго званія: антрацитами торговалъ, желѣзомъ старымъ, пробками, уксусомъ, лавка у него на базарѣ была небольшая; мать вишни и смородину по господамъ носила продавать, а мы всѣ, дочери, и я, и Поля, и Анята тогда у модистки шить учились.

Ну, а Васенька былъ куда противъ насъ! такой приличный былъ, въ сюртукѣ, фуражка съ краснымъ околышемъ, вродѣ офицерской, совсѣмъ господинъ. Онъ когда познакомился съ нами, сразу объявился вдовцомъ, и такъ сталъ за мною ухаживать, просто слѣдомъ ходилъ. Мнѣ оно, конечно, лестно, что человѣкъ такъ за мною про-

падаетъ, въ глаза мнѣ смотреть. И часто, часто онъ мнѣ на свою судьбу горькую жаловался, что одинокій, да безпріютный... Смирный такой былъ, печальный всегда, и очень онъ мнѣ полюбился, знаете, и первымъ дѣломъ за то, что мнѣ его жалко было: такой, думаю, молодой, да хорошій, и уже вдовець.

И всѣ, и отецъ, и мать, и сестры, всѣ его у насъ полюбили. Когда онъ сказалъ, что хочетъ на мнѣ жениться и благословенія попросилъ, никто даже слова противъ него не молвилъ, а еще и довольны были, радовались, что хорошаго жениха Богъ послалъ, и дали согласіе. Тутъ онъ повеселѣлъ, и горе куда дѣвалось; сталъ шутникъ такой, веселый да радостный, а за мною еще больше сталъ пропадать. «Ты, говоритъ, меня къ новой жизни воскресила!» Это я-то. И до того времени никогда я его пьянымъ не видала, а тутъ даже выпилъ вмѣстѣ съ отцомъ съ моимъ, и не разъ, и не два. Ну, мы все думали тогда, что это съ радости...

Когда время пришло, онъ и говоритъ, что ему здѣсь у насъ вѣнчаться никакъ нельзя, бумагъ нѣту, а что мы къ его матери поѣдемъ и тамъ обвѣнчаемся. И будто мать у него очень богатая, а если онъ заглазно женится, то она разсердится и всего наслѣдства его можетъ лишить. Родители мои и тому рады. Насъ у нихъ много было дѣвухекъ, дочерей-то, они и рады хоть одну съ плечъ.

Вотъ и взялъ онъ меня изъ родительскаго дому. Дали мнѣ благословеніе въ ризѣ, дали два платя шерстяныхъ хорошихъ, подушки, все... и послали со мною сестру Полю, старшую меня, чтобы она, какъ слѣдуетъ быть, на свадьбѣ подружкой была. Съли мы и поѣхали себѣ. Вдругъ на второй же станціи онъ и говоритъ, — смѣшной такой былъ, забавникъ, — улыбнулась она: «ну, говоритъ, сестрица моя дорогая, вы теперь можете себѣ але-марше назадъ, домой то-есть, мы и безъ васъ, говоритъ, дорогу найдемъ. И свадьбы никакой у насъ не будетъ, потому что свадьба—это одно воображеніе и предразсудокъ глупыхъ людей; да у меня къ тому же и жена есть, только она, подлая, меня давно бросила, и я очень несчастный человѣкъ».

Какъ такъ? Туда, сюда! Сестра всполошилась, плачетъ...

— Сами вы, — говоритъ, — подлый! Поѣдемъ, Настя, домой. Неужели ты съ такимъ негодяемъ поѣдешь, который тебя такъ безсовѣстно обманулъ? Ты могла бы еще за хорошаго человѣка честно замужъ выйти, а этотъ мерзавецъ тебя погубить. Недаромъ, — говоритъ, — видно, его и жена бросила! И какъ я теперь къ отцу, матери на глаза покажусь, если тебя съ нимъ отпущу?! — Плачетъ, заливадается.

Я тоже плачу горько и думаю: поѣхать мнѣ съ сестрою назадъ? Потому что все-таки жъ онъ меня обманулъ, и какъ бы потомъ чего плохо не было. И такъ думаю, и такъ... Сердце у меня просто горитъ. А онъ тѣмъ временемъ пошелъ и билетъ ей обратный приносить:

— На-те, — говорить, — сестрица! на свой счетъ васъ къ родителямъ препровождаю, чувствуйте мое благородство. А Туську, не смущайте напрасно, она все равно со мной поѣдетъ, потому что мы любимъ другъ друга. Правда, Туся? — спрашиваетъ, — онъ меня все Тусею звалъ, — а самъ меня обнялъ одною рукою крѣпко, усъ крутить да прямо мнѣ въ глаза смотреть, улыбается.

Не устояла тутъ противъ него: хотѣла было сказать «нѣтъ», да не смогла! Смотрю на него и чувствую, что ужъ теперь онъ мнѣ милѣе отца, матери, и что я безъ него теперь жить не могу. Плачу, а сама прижалась къ нему.

— Правда, говорю. Поѣду, Васенька, я съ тобою, очень ужъ мнѣ тебя жалко. Не брошу я тебя, а тамъ будь, что будетъ: на Бога полагаюсь да на любовь твою!

— Молодецъ, Туська! — говорить; — поцѣловалъ меня звонко такъ, засмѣялся и говорить сестрѣ: — А что, выкусили?

Она обидѣлась очень и, даже не попрощавшись со мною, вещи свои забрала и вышла изъ вагона, а мы поѣхали дальше. Но только ни къ какой его матери, а привезъ онъ меня прямо въ татарскій аулъ; писаремъ онъ тамъ былъ въ сельскомъ правленіи. Такъ вотъ и вышло, что я у него оказалась. И даромъ, что я благословенія не получила и вѣнца не надѣвала, ей-Богу, вы не повѣрите, онъ меня лучше всякой жены любилъ.

— Да это, конечно, все равно, если такъ... — холодно и нерѣшительно сказала Марья Ивановна, чувствуя въ душѣ какое-то враждебное недоброежелательство къ этому объясненію.

— А если бы вы его видѣли! — восторженно продолжала женщина. — Было-таки, правду сказать, за что его и любить. Красивый, ахъ, какой былъ! и красивый, и умница, образованный. Подумайте, онъ и происхожденія былъ очень высокаго, гимназію почти кончилъ и могъ даже въ офицеры выйти. Какъ станетъ про своихъ родныхъ рассказывать, да какъ мать на фортепьянахъ играла, какъ сестры на языкахъ говорили, такъ куда-а! «Я, говорить, конечно, отбился отъ семьи черезъ свой характеръ, но я вполне благородный человѣкъ, съ понятіями, и меня только водка сгубила. Тѣмъ ли я теперь могъ бы быть? У меня два дяди генералы», говорить. Ну, а я что же противъ него? сама почти неграмотная, отецъ мой мѣщанинъ простой, мать въ бѣдности... Я даже такъ думаю, что они меня теперь и попрекать не могутъ. Какъ вы думаете?

— Что же попрекать? ужъ поздно, — усмѣхнулась Марья Ивановна.

— Я виновата, можетъ, — вздохнула женщина: — но я и пострадала за любовь, и если что плохо бывало, такъ мнѣ же, а не имъ. Билъ онъ меня, знаете ли, крѣпко, — понизивъ голосъ и глядя въ полъ, продолжала она: — но только я такъ думаю, что это съ горя: все въ глуши, все въ степу.

Марья Ивановна не знала, что отвѣтить на такое признаніе: «съ радости пилъ, съ горя билъ», думала она, невольно усмѣхаясь про себя. Обѣ помолчали.

— Кто же онъ былъ, вашъ мужъ? Чѣмъ онъ вообще занимался?—спросила Марья Ивановна, немного оправившись отъ неловкости.—Такъ все писаремъ и служилъ?

— Да нѣтъ, онъ такъ, разными дѣлами занимался: и хлѣбъ скупалъ, и сѣномъ торговалъ, и писаремъ, а иногда конторщикомъ по заводамъ служилъ. А то, когда безъ мѣста, то и просто такъ прошенія всякія татарамъ писалъ, потому что онъ хорошо законы зналъ, что къ чему и когда. Кое-какъ и бился.

Въ окнѣ вагона мелькнулъ семафоръ; поѣздъ, медленно постукивая на скрѣпахъ, остановился у станціи. Женщина вскочила и опять безпокойно выглянула въ окно.

— Пойдите, я пойду посмотрю, можетъ, мнѣ тутъ пересадка.

Она поспѣшно вышла, накинувъ шаль, но черезъ нѣсколько минутъ, успокоенная, вернулась.

— Нѣтъ, оказывается, еще не скоро,—сказала она и, доставъ изъ-подъ скамьи свою темную бутылку, отхлебнула изъ нея нѣсколько глотковъ. По купе разнесся подозрительный спиртный запахъ, и Марья Ивановна съ брезгливымъ любопытствомъ смотрѣла на свою спутницу.

— Пить очень хочется,—виновато улынулась та, пряча бутылку:—говорила я много, языкъ пересохъ. Можетъ, я вамъ уже надоѣла? болтаю все...—спросила она, усаживаясь и оправляя на короткихъ завиткахъ волосъ свой траурный платокъ.

— Нѣтъ, отчего же, нисколько!—снисходительно отвѣтила Марья Ивановна, которую развлекала откровенная болтовня немного странной знакомой.

— Ну, если правда, что не надоѣла, такъ, позвольте, я ужъ вамъ буду рассказывать; мнѣ легче будетъ. Пріятно даже и вспомнить,—заговорила опять женщина оживленнымъ тономъ подъ ускоряющійся стукъ тронувшагося поѣзда.—Да-а... такъ мы, знаете, и стали съ нимъ жить, съ Васенькой, хоть и въ бѣдности, но любили другъ друга крѣпко, все хорошо было, все ласково такъ.

Сначала все, какъ слѣдуетъ, у насъ было, и хоть и въ аулѣ мы жили, а комнатка хорошая такая была, съ кухней, чистенькая, занавѣски даже на окнахъ. Кресло было мягкое, скатерть шерстяная, съ цвѣтами, въ семь рублей, лампа три съ полтиною, комодъ, три подушки, машину я съ собой привезла. И люди бывали, учитель съ женою приходилъ, самъ даже уѣздный начальникъ всегда заѣзжалъ; къ празднику четверть водки и четверть вина всегда покупали, пироги пекли, и всегда онъ совсѣмъ по малости пилъ,

только что съ гостями, бывало, праздникъ поздравить. Стѣснялся, что ли? Но недолго этотъ мой рай продолжался! потомъ ужъ не то пошло, и стѣсняться онъ пересталъ: дальше больше сталъ выпивать, дальше больше... чуть не каждый день, хоть не много, да выпьетъ. Дошло ужъ такъ, что поѣдетъ, бывало, въ городъ за покупкою и меня съ собою беретъ:

— Ты, говорить, мама, меня удерживай,—онъ меня все мамою звалъ.—Ну, правда, удерживать я его не могла: пока до дому доѣдемъ, дай Богъ, чтобы со стаканъ водки у насъ въ четверти осталось: и самъ пить, и сейчасъ по дорогѣ всѣхъ поперечныхъ начнетъ угощать, татаръ, казаковъ, кого попало. Они и рады. Татары-то эти вина не пьютъ по своему закону, а водку хуже русскихъ любятъ. Такъ у насъ вся покупка и кончится.

Я его прошу, что—не пей, Васенька; самъ, вѣдь, ты меня просилъ, чтобы тебя удерживать. Люди, говорю, придутъ къ празднику, а у насъ ничего не будетъ. А онъ, когда уже выпивши, то злой, самовольный! Сейчасъ меня разъ... два... Ей-Богу!—Она смущенно усмѣхнулась исподлобья, тихо потирая одну руку другою на своихъ колѣняхъ.

— Какъ же вы позволяли, чтобы онъ такъ?..—возмутилась Марья Ивановна.

— Да не позволяла вовсе... Развѣ я позволяла? Съ непривычки-то это, вѣдь, какъ хотите, обидно; да и стыдно, бывало, страхъ-какъ стыдно, особенно, если на людяхъ. У него же еще у пьянаго такая нехорошая привычка была, чтобы всегда по головѣ бить или за волосы. Бду если, на примѣръ, съ нимъ въ городъ въ шляпкѣ, платьѣ у меня синее хорошее было изъ дому, съ черными кружочками, все прилично, а тутъ! какъ чуть, такъ и это... и шляпа на бокъ, и все...

Вы говорите, позволяла. Сначала-то я иногда даже плакала; и не иногда, а если правду вамъ сказать, то почти каждый день. Если не такъ посмотреть, бывало, и то плачу, а не то что отъ битья: гордая я была. А потомъ ужъ привыкла и даже не обижалась, потому что все-таки много онъ выше меня былъ. Что я передъ нимъ! Да и куда дѣться было? Сама же я за нимъ пошла,—вздохнула она.—Онъ и то, бывало, какъ я плачу, разсердится: «иди, говорить, съ глазъ долой, не реви, не разстраивай мнѣ нервы. Я тебя не держу; если не правится, вотъ тебѣ Богъ, а вотъ порогъ; ступай на всѣ четыре стороны». Ну, и перестанешь.

Заѣдетъ иной разъ къ нему уѣздный, станетъ его совѣстить: «Зачѣмъ, говорить, вы пьете, Василій Ильичъ, бросьте! человекъ вы умный, образованный, благороднаго званія; вы могли бы выбиться изъ своего плохого положенія, если бы не пили. Да и жену бить не надо, стыдно женщину обижать».

Онъ тутъ сейчасъ и заплачетъ, горько такъ заплачетъ:

— Самъ, скажете, знаю, все знаю. Не я, скажете, бью, вино бьетъ, а вино пью, потому что я есть несчастный, неудачный чело-вѣкъ. Ни въ чемъ мнѣ счастья нѣту: живу въ глуши, съ глупою ба-бою... а посмотрѣли бы вы, какъ и гдѣ я раньше вращался! Но туда мнѣ уже дороги назадъ нѣтъ, я осужденъ, скажете, влачить!..

Я ужъ тутъ чувствую, что правду, правду мой Васенька гово-рить, и такъ мнѣ его жалко сдѣлается. Подойду, возьму его за руку, поцѣлую или по головѣ поглажу:—ничего, скажу, пусть бьетъ. Лишь бы любилъ, а на битье я не обижаюсь.

— Ну, хорошо,—сказала Марья Ивановна:— а неужели не случилось такъ, что, когда онъ дурно обращался съ вами... не воз-мущались вы? Не приходило вамъ въ голову, что вы же въ самомъ дѣлѣ свободны?

— Свободна!—горько усмѣхнулась женщина, поднимая глаза на собесѣдницу.—Это что же, значить, бросить его? Бросала я разъ, пробовала... въ первый же годъ, пока не привыкла еще ко всему, да не могла. Нѣтъ, не могла! Какая ужъ тамъ свобода, когда любишь. Вотъ я разъ, было, и уѣхала даже отъ него, когда его дома не было; забрала вещи свои и три рубля денегъ, что за шитье зарабо-тала, наняла себѣ арбу татарскую и уѣхала въ городъ за двадцать верстъ. Онъ въ это утро еще въ первый разъ такъ крѣпко меня по-билъ; побилъ, а самъ съ татаринкомъ, съ кунакомъ своимъ какимъ-то, и завѣялся гулять. На весь ауль слышу, какъ у нихъ тамъ зурна играетъ, въ ладоши бьютъ, пѣсни татарскія поютъ,—праздникъ какой-то ихній былъ. Ну, думаю, придетъ себѣ, значить, пьяный опять и опять меня бить возьметъ. Нѣтъ, не могу, уѣду лучше, не могу стерпѣть; онъ же теперь и не увидитъ, ему не до меня.

Связала поскорѣе свои подушки, платье, вышла съ задняго хода черезъ огородъ, чтобы меня никто не увидаль, сѣла и поѣхала. Доѣхала это я до города, привезъ меня татаринъ на постоялый дворъ, и некуда мнѣ дальше дѣваться. Сижу. Чаю мнѣ принесли въ чайникѣ, а я его и пить не могу: тоска такая, что не дай тебѣ Богъ, сердце ноетъ, и чай этотъ коломъ въ горлѣ становится. Сама себѣ говорю, что не нужно мнѣ больше его, не хочу и видѣть его даже, оскорбилъ онъ меня крѣпко; а сама чувствую, что лучше мнѣ и на свѣтѣ не жить, если я его больше не увижу никогда. Что тутъ подѣлаешь? Ну, крѣплюсь все-таки: найду себѣ, думаю, какое ни на есть мѣсто или работу, а ужъ къ нему не вернусь, пусть себѣ тамъ, какъ хочетъ, самъ пропадаетъ.

Пошла я по городу, помоталась; городъ и маленькій, а никого я тамъ не знаю, не къ кому и пойти... А тутъ вечеръ идетъ, дождь, темень нашла. Вернулась я на постоялый, да какъ увидала свои вещи, такъ меня еще хуже того тоска забрала: какъ-то теперь тамъ дома, думаю. Васенька-то теперь тамъ одинъ, придетъ домой, а никого нѣту... Можетъ, ищетъ меня? И какъ это я нехорошо, во-

ровскимъ манеромъ отъ него ушла, не попрощалась даже. Можетъ, онъ уже кается, что побилъ? Можетъ, это въ послѣдній разъ? Опять же, думаю, все праздникъ этотъ виновать, что онъ такой пьяный былъ, а съ пьянаго что и спрашивать.

Думаю такъ, раздумалась, а сердцѣ пуще и пуще, такъ и болить, такъ и надрывается. И что жъ, повѣрите ли? Сѣла опять на ту же подводу,—обратно мой татаринъ изъ города Ыхаль,—да назадъ и вернулась.

Женщина горько усмѣхнулась надъ собственной слабостью.

— Вернулась я и тихонько это къ дому. Татаринъ мои вещи снялъ съ арбы, у порога сложилъ и уѣхаль, а я стою одна на улицѣ. Пусто, тихо такъ, только гдѣ-то собачки воютъ, темно,—за полночь уже было,—а у насъ въ окнѣ свѣтъ видать, и чуеться, что люди есть. Стою я, а у самой ноги, руки дрожать: что теперь, думаю, будетъ? Заглянула я въ щелку, въ ставню, а Васенька въ комнатѣ въ первой сидитъ за столомъ съ пріятелемъ, съ кунакомъ-то своимъ, и водка у нихъ на столѣ и закуска. Съ утра еще, значить, не кончили пить-то.

Зашла я кругомъ и въ кухню, огня даже не засвѣтила, боюсь, и легла въ постель,—тамъ у насъ кровать стояла.—Лежу себѣ тихо, будто сплю, а сердце тукъ-тукъ... тукъ-тукъ... Вдругъ, знаете, входитъ!.. Входитъ и прямо ко мнѣ:

— Сударыня,—говорить:—что вамъ здѣсь нужно? Зачѣмъ вы, сударыня, въ мой домъ явились?—а самъ чуть на ногахъ стоять, совсѣмъ нетрезвый.

Я молчу. А онъ меня за плечи ухватилъ и тащить долой.

— Вонъ, говорить, сударыня, изъ моего дома и съ моей постели! Мнѣ такихъ потаскухъ не нужно, что изъ дома бѣгаютъ. Гдѣ была, туда и ступай. Вонъ!

Я какъ заплачу! слезы у меня, слезы рѣкой льются. Встала и говорю: «Васенька, говорю, прости, что я сдѣлала! Я сама не знаю, какъ! прости, что ушла я». Вотъ скажите же: прошу у него прощенья, точно я тутъ и виноватая,—улыбнулась она сквозь набѣгавшія слезы.—И чувствую вѣдь, что нѣтъ, что онъ виноватъ передо мною, а не я, а не могу: плачу и прошу—прости да прости, позволь съ тобою остаться.

— Ну, хорошо,—говорить:—чортъ съ тобою, до утра, такъ и быть, оставайся, а завтра чтобы и духу твоего здѣсь не пахло!

Я ужъ и тому рада, вижу, что человѣкъ выпивши, и думаю себѣ, что утро вечера-то мудренѣе. Слышу, а онъ скоро, поспѣшно такъ на цыпочкахъ пошелъ къ пріятелю своему въ другую комнату, дверь притворилъ за собою, да радостно такъ шепчетъ: «пріѣхала, пріѣхала!» — Ну, слава тебѣ Богу, думаю, радъ-таки, значить, что я вернулась; значить, и хорошо все будетъ.

Такъ я ночь проспала, а утромъ встала, все прибрала, приготовила. какъ всегда, чай заварила, на службу его подняла. Онъ

это будто со мною не говорить и не смотреть даже, взявъ шапку молча и ушелъ. Я печку вытопила, обѣдъ сготовила на свои деньги, — у него ужъ не смѣла попросить; пришелъ онъ къ обѣду веселый и ничего не поминаетъ, точно забылъ все.

И пошло у насъ по-старому, какъ ничего и не бывало.

— И часто это онъ такъ съ вами обходился?—съ состраданіемъ глядя на свою спутницу, спросила Марья Ивановна.

— Да какъ сказать? Всего бывало... Еще вотъ причина у него была: крѣпко онъ на меня всегда сердился, что у меня дѣти не живутъ. Поживетъ недѣлю или двѣ, да и помретъ, а то и вовсе мертвыя рождались.

— Какъ! еще и дѣти у васъ были?—съ ужасомъ воскликнула Марья Ивановна.—Счастье ваше, что поумирали: что бы вы теперь съ ними дѣлали!

— Это вы правду говорите, —согласилась женщина, задумчиво кивая головою.—У меня у самой ни правой, ни лѣвой стороны теперь нѣтъ, некуда и самой-то дѣться, теперь я и рада, что они поумирали; а тогда много мнѣ это слезъ стоило, поплакала я надъ ними. Главное же дѣло Васеньку было жалко, очень ужъ ему дѣтей хотѣлось: «Хоть бы одного, скажетъ, увидѣть плода своего, а то нѣтъ на тебѣ благословенія Божія, что у тебя дѣти не живутъ».

А гдѣ имъ жить, подумайте! всегда я голодная, холодная, битая... Прежде, знаете ли, я даже очень хорошо шить могла и, когда свою копейку получала, такъ хоть безъ хлѣба не сидѣла. Васенька-то получалъ мало, не всегда и прокормить меня, какъ слѣдуетъ, могъ, не аккуратно получалъ. Еще когда при мѣстѣ, такъ, бывало, рублей двадцать пять или тридцать въ мѣсяцъ приносилъ, ну и мнѣ на хлѣбъ давалъ; а какъ мѣста лишится да надо новаго искать мѣста или работы какой, то и перебивались кое-какъ. Да еще она и водка-то эта тоже денежку любить, даромъ ее не выпьешь... Вотъ я и работаю, бывало, сколько силы хватить; выучилась бешметы татарамъ шить со строчкою, и много ли, мало ли, а все жъ заработаю и сыта. Потомъ же изъ-за его фантазіи такъ случилось, что мнѣ иной разъ и укусить нечего.

— Какъ изъ-за фантазіи?

— Да, вотъ, разъ переѣхали мы въ другой аулъ, а тамъ въ степу дичи кругомъ много оказалось. И вдругъ у него фантазія: «ружье хочу! Въ одну душу, хочу ружье да хочу», а денегъ-то и нѣтъ.

— На что тебѣ ружье, Васенька?—спрашиваю.

— Какъ на что? буду, говорить, охотиться, тебѣ дичь носить: и мнѣ развлеченіе, и въ хозяйствѣ помощь. Давай, говорить, продадимъ обстановку, мама, на что намъ здѣсь въ глуши? и машину продадимъ.

Я ужъ на все согласна.

— Продавай, говорю, все и коверъ продавай,—коверъ у насъ былъ не очень дорогой, не очень дешевый, двѣнадцать рублей,—только машину мою оставь: при случаѣ вѣдь у меня съ нея кусокъ хлѣба есть.

Нѣтъ, присталь и присталь: «продадимъ и машину; она, говоритъ, мама, у тебя старая, я тебѣ потомъ лучшую куплю, модную».

Такъ-таки все и распродалъ и выписалъ за двадцать пять рублей ружье, а я себѣ и безъ машины, и безъ всего осталась.

Она засмѣялась, какъ бы добродушно вспомнивъ милую фантазію ребенка.

— Еще слава Богу,—продолжала она,—что онъ скоро это ружье продалъ; деньги ему понадобились опять зачѣмъ-то, такъ онъ его за десять рублей одному татарину отдалъ.

— Отчего же слава Богу?—спросила Марья Ивановна.

— А какъ же, я очень рада была, какъ татаринъ его купилъ: пугалъ меня Васенька этимъ ружьемъ очень. Если только поссоримся, онъ сейчасъ заберется съ ружьемъ въ другую комнату, дверь отъ меня на замокъ и давай палить: разъ-два... Выстрѣлить, и вдругъ тамъ стукъ, что-то будто объ полъ упало, и застонетъ страшно такъ, а потомъ и вовсе тихо за дверьми сдѣлается, ничего не слышно. Ну, думаешь, убилъ себя! особенно, если знаешь, что онъ да выпивши. Вотъ и ползаешь у двери на колѣнкахъ. Отвори! просишь. Такъ, вѣдь, какой хитрый былъ, знаете: до тѣхъ поръ не отворить, пока не пообѣщаешь ему, чего онъ только не захочетъ. У насъ даже весь потолокъ въ дырахъ тогда былъ прострѣленный.

А еще разъ, помню, лѣтомъ было послѣ обѣда; сидѣлъ онъ съ татарами, съ кунаками своими, чтобъ имъ пусто было, на крылечкѣ. У этой татарвы первое дѣло оружіемъ хвастаться и мѣняться, а тутъ еще и праздникъ ихній какой-то дурацкій подоспѣлъ, вознесеніе Магомета, что ли, и стрѣльба по всей окрестности цѣлый день. Васенька и велѣлъ мнѣ ружье ему подать, хвастаетъ передъ ними, сто рублей, говоритъ, заплатилъ. Они смотрятъ, дуютъ въ него, цокаютъ, хвалятъ по-своему, по-татарски: «якши, якши».

А онъ и радъ:

— Вотъ я покажу, говорить, вамъ, какое это ружье и какой я стрѣлокъ мѣткій, я могу даже въ туза попадать. Да что въ туза! Иди ты, Туська,—мнѣ говорить,—иди и стань вонъ у того дерева спиною къ намъ и не оборачивайся.

Я себѣ смѣюсь; что это онъ хочетъ? думаю. Пошла, стала, ничего не помышляю; только не вытерпѣла, обернулась и вижу, что онъ на меня ружье наводитъ.

— Что ты, что ты, Васенька!—говорю, испугалась. А онъ мнѣ:

— Дура ты! неужели я тебя при всей публикѣ убивать стану? Ты только стань себѣ спиною къ намъ, стой смирно, немножко

платье сзади подбери да не обертывайся. Не шевелись. Смотрите, господа, какъ я ей каблукъ сзади прямо насквозь прострѣлю. Да не бойся ты, дура!—говорить.—Трахъ!!! и вдругъ я и упала. Они ко мнѣ, а я ужъ и встать не могу: это онъ мнѣ вмѣсто каблука, да въ щиколотку угодилъ. Ахъ, ты, Господи! Подняли меня кой-какъ, доволокли до комнаты, да и положили, и изъ-за этой его забавы я мѣсяца три потомъ провалялась; нога у меня вспухла, почернѣла вся да къ тому же я и скинула тутъ же, съ перепугу, вѣрно. И такъ разболѣлась, что просто сама себѣ не рада—бѣда, да и только.

Подумайте: лѣто, жара, лежу цѣлый день одна одишенька, некому меня перемѣнить, бѣлья нѣту... загнила даже, повѣрите ли! Иной разъ Васенька придетъ въ комнату, такъ мнѣ ажъ самой совѣстно: «что это, скажете, какой духъ отъ тебя нехорошій». Мало черезъ это и дома сидѣль. А чѣмъ я тутъ виновата!

Проѣзжалъ черезъ нашу ауль уѣздный, дай ему Богъ здоровья, увидалъ, какое мое положеніе, сжалился и своего фельдшера прислалъ. Тотъ какъ посмотрѣлъ, такъ ужаснулся просто:

— Ну, ну, говорить, какой такой васъ Богъ хранить, что вы еще живы! Другая на вашемъ мѣстѣ давно бы прикончилась. Кровь, говорить, у васъ очень здоровая.

Ну, полечилъ онъ меня, и ничего, далъ Богъ, поправилась, встала. Только я ружья и теперь даже съ виду боюсь, вздрагиваю.

Женщина, дѣйствительно, вся вздрогнула при одномъ воспоминаніи о ружьѣ.

— У васъ, Настасья, навѣрное, нервы не въ порядкѣ, вамъ бы полечиться,—ласково и мягко сказала Марья Ивановна, внимательно всматриваясь въ судорожныя подергиванія лица своей спутницы.

— Какъ это вы сказали?—переспросила та:—полечиться? А вѣдь это правда, да-а,—протянула она, задумчиво кивая.—И голова у меня, знаете ли, не можетъ хорошо работать, задуренная какая-то стала; иногда хочу сказать одно, а говорю совсѣмъ не то. Съ чего бы это, вы думаете?—съ печальнымъ недоумѣніемъ спросила она, подперевъ щеку рукою и вопросительно глядя на Марью Ивановну.

— Тяжелая ваша жизнь была, голубушка,—сочувственно вздохнула Марья Ивановна:—не дай Богъ никому.

— Нѣтъ, не говорите! нѣтъ! Не тяжелая жизнь была!—встрепенулась женщина.—Грѣхъ мнѣ было бы даже жаловаться послѣ его любви. Когда, бывало, трезвый, да придетъ съ работы веселый, ласковый, я ему тутъ все приготовлю, подаю, а онъ со мною разговариваетъ, шутить... Лучше него тогда и человѣка на свѣтѣ не было, такой добрый онъ былъ. Какъ любилъ меня!

— Хмъ... любилъ! Да какая же это любовь?—съ невольнымъ отвращеніемъ и негодованіемъ сказала Марья Ивановна.

— А какъ же? мамою называль, самое дорогое у чловѣка имя, — съ умиленной гордостью сказала женщина. — И вотъ, я вамъ покажу, — застѣнчиво произнесла она.

Она порылась въ стоявшей около нея помятой красной жестяной шкатулкѣ изъ-подъ галетъ и вытащила нѣсколько тщательно сложенныхъ листковъ, очевидно, оторванныхъ въ разное время отъ стѣнного календаря.

— Вотъ, смотрите, — сказала она, протягивая Марьѣ Ивановнѣ пожелтѣвшія бумажки. — Это Васенька мнѣ давалъ на память. Я ихъ до самой смерти буду беречь. Онъ иногда любилъ старое вспоминать, какъ онъ маленькій былъ, какъ что... особенно, если болень бывалъ и приходилось ему въ постели лежать.

— Я не всегда, скажете, такой низкій былъ, я былъ чистый, честный я былъ, мечты у меня были... Все жизнь отняла, все замарала, и теперь у меня во всемъ свѣтѣ ты одна только и осталась.

Нѣжный онъ тогда дѣлался, чувствительный такой, и сейчасъ стихи мнѣ разные читалъ. Я плохо разбираю, вы ужъ сами прочтите.

Марья Ивановна развернула одну потертую, вѣроятно, много разъ читанную бумажку, потомъ другую, третью:

Видишь: мнѣ жизнь безъ тебя не подъ силу,
 Прошлое давить мнѣ грудь, —
 Словно въ раскрытую грозно могилу,
 Страшно туда заглянуть.
 Тянется жизнь, какъ постылая сказка,
 Холодомъ вѣетъ отъ ней...
 О, мнѣ нужна твоя тихая ласка,
 Воздуха, солнца нужнѣй»!..

прочла Марья Ивановна на первомъ листкѣ.

Мой другъ безцѣнный, будь спокойна!
 Да будущаго мракъ тебя не утратить.
 Душа твоя чиста! ты счастья достойна,
 Тебя Всевышній наградить».

стояло на другомъ.

— Вотъ эти еще прочтите, это самые мои любимые.

Марья Ивановна взяла листокъ.

Я тебя безконечно люблю,
 За тебя я отдамъ мою душу!
 За тебя я весь мѣръ погублю,
 Всѣ обѣты, всѣ клятвы нарушу!»!

Стиховъ было много, и всѣ въ такомъ же родѣ. Женщина съ торжествомъ смотрѣла на Марью Ивановну.

— Видите! — сказала она, беря свои листки обратно и аккуратно пряча ихъ на прежнее мѣсто.

— А еще какъ это онъ меня называлъ... Да!—вспомнила она, накрѣшко закрывая шкатулку со своими сокровищами, и глаза ея застѣнчиво сіяли на порозовѣвшемъ лицѣ.—Ты, говорить, моя святая женщина, ты утѣшеніе моихъ скорбей, свѣтлый лучъ, говорить... Кто бы могъ еще столько смиренія, терпѣнія и любви оказать мнѣ, пропащему!.. и разныя слова. Не наслушаешься бывало, всѣ обиды тутъ забудешь!

Или найдеть иногда стихъ на него тихій, возьметъ онъ гитару и пѣть станетъ. . ахъ! Голосъ у него прежде хорошій былъ. Сядемъ вечеромъ подъ окошко, луна тутъ или звѣзды, пахнетъ такъ въ воздухѣ хорошо.. Тихо, въ аулѣ уже всѣ спятъ, только собака татарская гдѣ-нибудь на крышѣ на саклѣ залаетъ... Я на него смотрю, а онъ на меня прямо въ глаза, а самъ задумается, задумается, точно меня и не видитъ; потомъ тихонько возьметъ по струнамъ и запоетъ: «Вернись ко мнѣ, тебя я умоляю»... Или вотъ тоже хорошая пѣсня была: «Нѣтъ, не тебя такъ пылко я люблю»... Я все помню, какъ онъ пѣлъ, какъ сейчасъ слышу. Такъ, повѣрьте! сажу, смотрю на него, а слезы у меня такъ и текутъ; и не отъ горя какого, нѣтъ, а такъ, просто все это за сердце меня возьметъ, ахъ!

А онъ только вздохнетъ тяжело такъ, обвинетъ меня: «Эхъ, бѣдныя мы, бѣдныя съ тобою, Туся, скажетъ, несчастныя мы! Оба мы несчастныя. Что было, то прошло и былѣемъ поросло, ничего ужъ не воротить! Дай мнѣ рюмочку, Туся»!

Голосъ ея прервался, губы задрожали и, понуривъ голову, она смахнула рукою крупныя свѣтлыя слезы, которыя наполнили ея кроткіе печальные глаза.

Марья Ивановна молчала.

Ту-ту-ту, ту-ту-ту, стучить поѣздъ, и внезапно стукъ перешелъ въ какой-то особенный, отчетливо и рѣзко шипящій звукъ. Марья Ивановна протерла запотѣлое стекло и, выглянувъ, увидѣла широкую, тихую рѣку и красныя низенькія перила длиннаго моста. Надъ рѣкою колыхался и плылъ туманъ, пронизанный робко пробивающимися лучами солнца; темныя голыя деревья на обрывистомъ берегу, мутная вода, трава, поникшая, грубая и желтая, все грустно и нѣжно отсвѣчивало голубоватымъ блескомъ неба, проглядывавшаго клочками среди тяжелыхъ облаковъ. Въ купе освѣтлѣло.

И въ эту минуту Марья Ивановна показала, что въ скорбныхъ и восторженныхъ рѣчахъ ея спутницы свѣтитъ тоже такой нѣжный, мягкій и грустный лучъ поэзіи и печали, который самую сѣрую и грязную дѣйствительность преобразуетъ во что-то чистое, свѣтлое и красивое.

Женщина сидѣла попрежнему и даже не повернула головы.

— Ну, хорошо, — смягчаясь, задумчиво сказала Марья Ивановна, медленно отводя взоръ отъ раскинувшейся передъ ней картины и глядя на растроганную женщину.—Это въ свѣтлыя, хорошія

минуты. А много ли ихъ у васъ бывало? По вашимъ рассказамъ, такъ онъ рѣдко и трезвымъ-то бывалъ.

— Это-то правда, что рѣдко,—созналась женщина.—Да и въ будни онъ всегда занятъ былъ, изъ дома уходилъ, а то и уѣзжалъ куда-нибудь по дѣламъ; и поговорить-то съ нимъ мало приходилось. А въ праздникъ дома, но уже непременно выпьетъ,—жалобно улыбнулась она.—Еще кабы одинъ пилъ, ничего бы, а то чуть какая копейка заведется, онъ сейчасъ полонъ домъ гостей наведетъ. Угощать любилъ до страсти. И хоть бы гости, какъ гости, а вѣдь къ намъ потомъ никто порядочный и ходить не сталъ изъ-за всякихъ безобразій; такъ онъ, бывало, всякаго народу наберетъ, татарвы, казакъ, пѣсни заведутъ пѣть, татары эти сейчасъ стрѣльбу поднимутъ. А ужъ онъ тутъ радъ, ничего не жалѣетъ. И любилъ, знаете, чтобы я выходила къ гостямъ приличная:

— Ты, говорить, должна хорошо быть одѣта, вѣдь я не кто-нибудь.—А во что тутъ мнѣ одѣться, Го-осподи!

Вотъ я это приберусь во что Богъ послалъ, ленточку какую-нибудь подвяжу, выйду, онъ и велитъ, чтобы я за гостями ухаживала, учить, какъ подавать.

— Ты, скажетъ, сроду не видала и не знаешь, какъ въ приличныхъ домахъ у порядочныхъ людей на столъ подаютъ!

И чуть что не такъ ему вообразится, — ужъ тутъ ничего дѣлаго на столѣ не останется; сейчасъ скатерть за уголъ и все на полъ. Сколько посуды одной побьетъ! Срамъ чисто, гости смѣются...

Да и это бы еще ничего, а вотъ ужъ чего я не любила,—когда велитъ выпить съ гостями. Претила мнѣ и водка ихняя, и вино, смерть я ихъ не любила, а онъ обижается:

— А-а! Это ты, говорить, моими гостями брезгуешь! а сама-то что? Вѣдь я пью! Что я и то ты!..

Какъ пойдетъ... Поневолѣ возьмешь да и выпьешь, боишься, какъ бы чего хуже не наскандалилъ. Заставлялъ. Ну, потомъ я привыкла, ничего.

— Зачѣмъ же привыкать? нехорошо, вѣдь.

— Нѣтъ, ничего. Дома у родителей, правда, я и вкусу-то этого не знала, у насъ строго было. Образование мы хотя не получили, но воспитаніе даже очень хорошее,—съ наивной гордостью вставила она.—Но тутъ ужъ приходится забыть, какъ и что было...—слегка вздохнула она и задумалась, облокотившись на столикъ и глядя въ тусклое окно.

— Боже! — думала Марья Ивановна, смотря на жалкое лицо сидящей противъ нея женщины,—неужели можно дойти до всего, когда любишь? Неужели можно соглашаться на все, прощать и забывать всѣ обиды и униженія ради случайной ласки или одного доброго слова? Или любовь разная бываетъ...

Какъ видишь... — отвѣчала ей всѣмъ своимъ видомъ печальная, убогая фигурка, съ узкимъ болъ зненнымъ лицомъ, въ отрепанной одеждѣ, покачивающаяся на скамьѣ въ тактъ тряскѣ вагона.

Эта любовь показалаcя Марьѣ Ивановнѣ уродливой, но она была налицо, и отрицать ее, не вѣрить ей было нельзя.

Обѣ женщины молчали.

Яснѣе стали слышны въ этомъ молчаніи звонъ и лязгъ цѣпей, мягкій стукъ колесъ, пыхтѣніе паровоза и дребезжаніе неплотно пригнаннаго окна.

— Газетъ, газетъ, — раздался снаружи быстро удаляющійся и замирающій вдали возгласъ.

Цѣлый рядъ подростковъ стоялъ у полотна; нѣкоторые, напрягая всѣ силы и старательно размахивая локтями, пытались бѣжать вслѣдъ за мчащимся поѣздомъ съ этимъ крикомъ, который сталъ привычнымъ при каждомъ проходѣ поѣзда у жителей придорожныхъ поселеній со временъ послѣдней войны, когда во всякомъ, самомъ глухомъ углу такъ жадно ждали и ловили большею частью печальныя новости и извѣстія.

Недалеко отъ желѣзнаго пути сѣрѣли кучкою избы деревушки, наполовину спрятанной въ оврагѣ. Кругомъ не было видно ни деревца, ни кустика, голая пустынная равнина тянулась до самаго горизонта, и убогія человѣческія жилища почти сливались съ черною грязью, въ которую вросли за свой долгій вѣкъ. Два-три вѣтряка лѣниво вертѣли своими намокшими крыльями.

— Вотъ на нашъ аулъ похоже, — кивнувъ головою снизу вверхъ указала женщина.

— Надоѣла я вамъ, вѣрно, своими разговорами, — обратилась она опять къ Марьѣ Ивановнѣ, усаживаясь поглубже на скамьѣ и смиренно заглядывая ей въ лицо, когда деревушка скрылась изъ вида, слившись съ сѣрою далью, и въ окнѣ опять потянулись однообразные квадраты и полосы полей.

— Нѣтъ, нѣтъ, ничуть, голубушка, — поспѣшила ее успокоить Марья Ивановна, чувствуя теперь уже искреннее и глубокое сожалѣніе къ этому обездоленному, несчастному существу съ настрадавшейся, исковерканной душой.

Уже нѣсколько станцій проѣхали онѣ, и обѣ не замѣтили ни времени, ни разстоянія: одна, предавшись воспоминаніямъ, въ которыхъ хранилась для нея какая-то особая горькая сладость, другая, слушающая повѣсть этой, такъ не похожей на нее, нищей духомъ, но кроткой сердцемъ.

— Я всегда такъ, — какъ бы извиняясь, сказала женщина: — какъ разболтаюсь, такъ ужъ душа наружу просится, все бы говорила и говорила. Къ тому же, я себѣ думаю, все жъ мы не совсѣмъ чужіе, все жъ знакомый человѣкъ попался...

— Ну, и давайте говорить, намъ еще долго вмѣстѣ ѣхать,—сказала Марья Ивановна, посмотрѣвъ на свои стальные часики, висѣвшіе на простомъ черномъ шнуркѣ у нея на шеѣ.

— Вы мнѣ еще не рассказали, отчего онъ умеръ, вашъ мужъ. Впрочемъ, можетъ быть, вамъ тяжело?..

— Ахъ, и умеръ-то онъ плохо, мой голубчикъ!—съ горькою тоскою заломивъ руки, воскликнула женщина.—При жизни ему счастья не было, и смерть принялъ плохую, бѣдный. Но я лучше вамъ все по порядку, если правда, что не надоѣла.

— Такъ, видите ли, жили мы долго, то въ одномъ селеніи татарскомъ, то въ другомъ; то Васенька старшимъ приказчикомъ у одного человѣка, который баранту скупаль, былъ, потомъ на мельницѣ на большой пріемщикомъ служилъ. Еще у бека одного въ кумысномъ заведеніи былъ, писаремъ въ двухъ или въ трехъ аулахъ перебываль; такъ мы и мотались съ мѣста на мѣсто все по степу; все имѣніе, какое было, поразмытарили, только что на себѣ да постель кой-какая осталась.

Не думайте, что если онъ нигдѣ долго не служилъ, такъ это потому, что его не держали, совсѣмъ напротивъ, его всѣ любили, онъ же очень грамотный былъ, счетъ могъ хорошо вести, работаль очень хорошо. Но только характеръ у него гордый черезчуръ былъ: чуть что ему не понравится или кто грубо съ нимъ обойдется, онъ сейчасъ все бросить и уйдеть:

— Стану я, скажетъ, хаму всякому позволять!.. не намѣренъ я имъ подражать... Свѣтъ не клиномъ сошелся, да мнѣ же и надоѣдаетъ все на одномъ мѣстѣ сидѣть.—И уйдеть. Непосѣдливый былъ.

Послѣднее время былъ онъ конторщикомъ у богатаго татарина, который лошадьми торговаль. Потомъ этотъ татаринъ къ веснѣ открылъ въ городѣ контору и кумысное заведеніе, а какъ Васенькѣ это дѣло знакомое было, то онъ его и приставилъ туда управлять и жалованье хорошее положилъ, сорокъ рублей; шесть или, можетъ, семь мѣсяцевъ тому прошло. Васенька мой доволенъ, души не слышитъ отъ радости:

— Наконецъ-то, говорить, мы изъ этой изъ глуши вырвались, съ людьми будемъ жить.

И я рада. Задичала я въ степу, огрубѣла; безъ людей-то, вѣдь, всякому человѣку плохо, а тамъ всего и людей-то, что одна татарва, а женщины ихнія даже ни аза по-русски не говорятъ.

Переѣхали мы. Ну, городъ ни маленькій, ни большой, а все-таки городъ: русскаго народа много, чиновники ходять, купцы богатые, офицеры. И наняли мы квартиру, комнату, то есть, недалеко отъ конторы за три рубля въ мѣсяць у одного сапожника. А онъ хоть и сапожникъ, но ничего не пилъ, трезвый человѣкъ былъ; жены

и дѣтей у него не было, только ученики да мастера. И мастерскую большую держалъ, на весь городъ одинъ работаль.

Во дворѣ у насъ сосѣди тоже хорошіе были; одна такая хорошая женщина была, просто на удивленье: добрая, услужливая, если, напримѣръ, нужно что, никогда не откажетъ. Даже подружались мы съ ней, ей-Богу. То я къ ней зайду, поговорю, то она ко мнѣ идетъ, расскажетъ что-нибудь; или занимаемъ другъ у друга уютъ тамъ или что... Пирогъ если спечетъ, бывало, сейчасъ мнѣ несетъ: «Отвѣдайте, скажетъ, Настасья, нашего русскаго кушанья, вы тамъ у татаръ своихъ, небось, и забыли, какое оно такое бываетъ». Славная была женщина, душевная, хорошо мнѣ было.

Сапожникъ же этотъ, нашъ хозяинъ, очень грамотный былъ. Какъ вечеръ, мастеровъ онъ отпустить, ученики позаснутъ, сейчасъ онъ себѣ самоварчикъ поставить, зажжетъ лампу, очки надѣнетъ и сидитъ, чай пьетъ и газеты читаетъ до самой до полуночи. И случалось часто, что въ это время къ нему разные какіе-то люди приходили; не заказчики, а такъ, будто въ гости. Сидятъ у него долго, читаютъ, иногда громко кто-нибудь станетъ читать, а другіе слушаютъ. Потомъ начнутъ спорить и, если ужъ заведутъ, значить, разговоръ, такъ до утра и спать не дадутъ. И все про одно: про рабочее положеніе, да про несправедливую жизнь, да что неровные всѣ, да свободы никому нѣтъ настоящей... Я, повѣрите, ничего даже понять не могла хорошо, слышу только, что громко очень, —особенно одинъ тамъ молоденькій такой былъ, Петръ Семеновичъ звали, — а сапожникъ имъ все: «да тише вы, осторожнѣе»...

Васенька мой тоже скоро сталъ туда по вечерамъ захакивать, а оттуда къ себѣ газеты носилъ читать, сапожникъ ему давалъ. Отчеркнетъ крѣпко краснымъ карандашомъ такъ кусочекъ и скажетъ: — Обратите вниманіе, Василій Ильичъ.

А Васенька потомъ дома станетъ читать и—«ахъ! ахъ!»—только и слышишь:

— Ахъ, какъ я одичаль, скажетъ ничего-то я въ этой глуши не зналъ, что на свѣтѣ творится! Время-то какое у насъ!

Или ругается, подлецами кого-то про себя обзываетъ. Потомъ пойдетъ вечеромъ къ сапожнику, всѣ говорятъ, а его гололъ громче всѣхъ слышно. И умно говорилъ какъ! черезъ перегородку мнѣ все явственно слышно:

— Я, скажетъ, хоть и самъ изъ ихъ братіи и когда то гордился своимъ происхожденіемъ, но теперь я прозрѣлъ. Всѣ должны быть равные! Я былъ слѣпъ и увидѣлъ, былъ глухъ и услышалъ. Вижу всю неправду жизни, всю несправедливость и всей душой готовъ послужить свободѣ и народу. Ура, свобода!

Да какъ стукнетъ кулакомъ по столу или по чему-нибудь. Сапожникъ ужъ его утѣшаетъ:

— Нехорошо, скажетъ, тише, Василій Ильичъ, вѣдь и тѣны уши имѣютъ, вы можете повредить...

— Пускай, говорить, всё слышать. Я теперь переродился до мозга костей, я готовъ пострадать за правду и мнѣ теперь на все плевать, и на губернатора даже плевать.

— Вотъ, скажите, какой смѣлый сталъ,—улыбнулась рассказчица.—Тотъ, молоденькій, тоже станетъ говорить, но больше непонятное что-то, я ужъ и не слушаю. Куда до Васеньки!

Долго это продолжалось такъ у нихъ, разговоры всякіе, собранія, и замѣтила я, что Васенька мой и вправду какъ будто переимѣнился: пить почти пересталъ, задумывается. Я радуюсь, ужъ и сказать нельзя какъ, что компанія у него порядочная, неплюющая, негуляющая.

Тотъ, молоденькій, Петръ Семенычъ этотъ, все книжки имъ носилъ, и не книжки, а такъ, бумажки какія-то кучками сложены, и они ихъ прятали; въ самыя тайныя мѣста прятали, подъ половицы, въ тюфякъ зашивали, даже въ трубу лазили: свяжутъ пачку веревочкой, да съ крыши въ трубу ее спустятъ и привяжутъ. Разъ даже закапывали ночью что-то въ саду. Вотъ у Васеньки ихъ много набралось, бумажекъ этихъ, онъ одинъ разъ вечеромъ и говоритъ мнѣ:

— Хочешь ли и ты, мама, принять участіе въ великомъ подвигѣ на счастье народа?—говоритъ.

Я ничего не поняла:

— Какое, спрашиваю, участіе на счастье?

Онъ тутъ разсердился.

— Ну, ты, положимъ, дура естественная, говорить, нечего съ тебя и спрашивать, а потому умолкни и только дѣлай, что тебѣ велѣть. Да языкъ держи за зубами, ты тамъ вѣчно, вѣдь, съ сосѣдками языки чешешь, такъ, смотри, не проболтайся, никому ни полслова, что будешь дѣлать, а то...

Погрозился даже.

И научилъ онъ меня, чтобы я темною ночью одѣлась и подъ шаль эти самыя бумажки взяла; взяла бы и пошла по улицамъ скрозь по городу да въ ящики у дверей, на которыхъ «для писемъ и газетъ» дощечки есть, эти бумажки посовала бы. А если кто меня нечаянно увидитъ и станеть спрашивать, чего мнѣ ночью у чужихъ дверей нужно, то говорила бы, что доктора ищу.

— Надо, говорить, этимъ дуракамъ закирѣлымъ глаза пооткрывать; да и страху немножко имъ задать не мѣшаетъ, а то тутъ сонное царство какое-то, неподвижный народъ.

Опять я ничего не поняла. Ну, да мнѣ что? Я себѣ пошла и все, какъ онъ велѣлъ, такъ и сдѣлала, все поразсовала, и никто меня не видалъ. Дождь шелъ, холодно такъ было, замѣрзла я вся и только подъ утро домой вернулась. Вхожу это я въ комнату, а онъ лежитъ въ постели и будто спитъ, а лампа у него горитъ. Только я вошла, дверь такъ чуть скрипнула, онъ сразу и вскочилъ; сѣлъ на кровати, смотреть на меня, будто чего испугался, и спрашиваетъ:

— Ну, что? все сбыла? благополучно?

— Все,—говорю.

Вздохнулъ онъ легко такъ, успокоился и опять легъ на спину и укрылся, а я башмаки сняла и стала шаль провѣшивать у печки, чтобы просохла.

— Ну, иди, говорить, сюда, я тебя поцѣлую, хоть ты и слѣпое орудіе.

Я подошла къ нему:

— Какое слѣпое орудіе?—говорю, а сама смѣюсь, рада, что онъ такой ласковый.—Давай, коли нужно, хоть еще столько же понесу, мнѣ не трудно, только люби меня, Васенька.

— Дура, не до любви теперь!— говоритъ; нахмурился даже, но все-таки меня поцѣловалъ.

Было э о постомъ, а подь самую Святую говорить вдругъ Васенька, что ему на праздники надо уѣхать недалеко, версть двадцать или двадцать пять; будто хозяинъ посылаетъ его отъ конторы по дѣламъ по какимъ-то. Я запечалилась, а онъ видитъ это и говоритъ:

— Нечего тутъ нюни распускать, не на вѣкъ расстаемся. А ты, говоритъ, лучше тутъ въ оба смотри: лишняго не болтай ни съ кѣмъ и впускай къ себѣ только Петра Семеныча да сапожника. И если Петръ Семенычъ къ тебѣ придетъ и что-нибудь велитъ сдѣлать, ты все въ точности исполняй. Это мой тебѣ наказъ. Поняла?

— Поняла,—говорю.

— Ну, то-то. И Петръ Семенычъ говоритъ, что ты ни для кого не подозрительная.

— Какая я, говорю, подозрительная? Ничуть я не подозрительная, а только какъ же это я безъ тебя такой праздникъ буду встрѣчать?

Уныніе меня такое взяло.

— Ничего, говоритъ, нашъ праздникъ впереди.

Такую загадку загадалъ и уѣхалъ. А тутъ онъ какъ разъ праздникъ-то намъ и вышелъ... Охъ! и вспомнить-то тяжело, что было! Я и сейчасъ, какъ дура хожу, ничего не соображаю, какъ и почему что вышло. Какъ вы себѣ думаете, легко ли?

Она помолчала нѣсколько минутъ, низко опустивъ голову и съ убитымъ видомъ перебирая бахраму своего платка.

— На самой Пасхѣ,—начала она опять,—на третій день вечеромъ, скучно мнѣ какъ-то стало, что я все одна, безъ Васеньки, сажу взаперти, и надумала я пойти къ сосѣдкѣ посидѣть. Только я, было, шаль на голову свою, дверь замкнула и хочу итти черезъ дворъ, а въ калитку Петръ Семенычъ.

— Идите, говоритъ, Настасья, назадъ; дѣло важное есть.

А самъ блѣдный да поспѣшный такой, идетъ со мною скоро, скоро и такъ широко шагаетъ, что я за нимъ едва поспѣваю.

— Отпирайте, говорить, скорѣе, Настасья, да и заprite покрѣпче. Стаvни-то у васъ затворены ли?

Заперлись мы, осмотрѣлъ онъ все кругомъ, зажгла я лампу, а онъ стоитъ среди комнаты да по карманамъ что-то ищетъ; руки у него дрожать и про себя самъ ругается:

— Куда, говорить, чортъ, запропастилось? а, вотъ оно!

И даетъ мнѣ бумажку сложенную.

— Вотъ по этому, говорить, адресу пошлите сейчасъ же телеграмму Василю Ильичу; сами своею рукою, какъ умѣете, спишите на чистую бумагу и только два слова прибавьте: «возвращайтесь немедленно»; подпишитесь полностью и больше ничего, а этотъ адресъ который я вамъ далъ, уничтожьте. На васъ никакого подозрѣнія не будетъ, потому что вы въ родѣ, какъ жена ему, и мало ли что можете ему писать и зачѣмъ звать.

Потомъ вынимаетъ большой такой конвертъ толстый, заклеенный, и даетъ мнѣ:

— А эту штуку, говорить, хорошенько спрячьте при мнѣ.

Я Васенькинъ наказъ помнила хорошо, взяла этотъ конвертъ, въ трубку закатала и бросила за комодъ къ самой стѣнкѣ подальше, потому что я ихъ повадки на этотъ счетъ разузнала давно.

— Ладно ли, спрашиваю, будетъ?

— Ну, ладно. Такъ, смотрите же, я на васъ надѣюсь, говорить, Настасья.

— Ужъ если, отвѣчаю, мнѣ Васенька приказалъ, чтобы я васъ слушалась, такъ можете вполнѣ надѣяться.

Онъ и ушелъ. А я тутъ же переписала адресъ, пошла на телеграфъ, все въ точности сдѣлала, вернулась домой и легла себѣ спать: поздно уже было къ сосѣдкѣ итти. На утро чуть свѣтъ стукъ-стукъ кто-то ко мнѣ въ окно. А мнѣ же со сна вообразилось, что это уже и Васенька могъ такъ скоро по моей телеграммѣ приѣхать; обрадовалась я, вскочила, кое-что накинула на себя, отворяю дверь и никакъ крючка съ радости не найду. Отворила, гляжу—сапожникъ, и вижу, что человекъ не въ себѣ: губы у него трясутся, самъ разстегнутый какой-то, глаза мутные, точно онъ пьяный, и говорить:

— Вѣда, Настасья! попался вашъ-то съ прокламаціями!.. Ахъ, кабы знать, развѣ мы такому дурню поручили бы!

А самъ ажъ за волосы хватался.

— Слушайте, говорить: я сейчасъ уѣзжаю, а вы тутъ все до послѣдней бумажки, все сожгите. Моего-то здѣсь, кажется, слава Богу, ничего нѣтъ, а, можетъ, у Василя Ильича застряло что-нибудь... И всѣмъ говорите, если что спросятъ,—знать не знаю и вѣдать не вѣдаю... Ничего, дескать, не видала и не слыхала... А то и вамъ попадетъ.

Дышать тяжело такъ, словно бѣжалъ долго, самъ застегиваетъ пальто, а самъ никакъ въ петлю не попадетъ и уходитъ поворачивается. Я за нимъ, за рукавъ его:

— Постоите, говорю, хозяйнѣ; какъ это Васенька попался? Ничего я въ толкъ не возьму.

Обернулся онъ на ходу:

— Очень даже просто, говорить, арестовали, да и все... и намъ то же будетъ. Кабы мы знали!.. Ну, да мнѣ съ вами некогда.

Махнулъ рукою и побѣжалъ.

Какъ услышала я «арестовали», такъ, вѣрите Богу, чуть на ногахъ устояла. Ухватила за притолоку, а у меня зелень, зелень въ глазахъ, въ ухахъ звонъ пошелъ, и сразу чувствую, что я раздѣтая стою, и что мнѣ холодно очень. Хочу спросить,—голосу нѣтъ, а сапожникъ, вижу, скорымъ шагомъ уже и за ворота выходитъ. Кое-какъ добралась я до комнаты, поскорѣ сѣла на табуретку и думаю: «Какъ же это такъ? Васенька мой, выходитъ, арестантъ теперь?» А сама дрожу, дрожу; накинула шаль, а все холодно. И представился онъ мнѣ въ сѣрой шинели и въ цѣпяхъ, такъ, какъ я видѣла арестантовъ въ острогъ водятъ. Сразу изъ холода, да въ жаръ меня ударило, просто горю вся, и вдругъ слезы, какъ побѣгутъ!.. Плакала я, плакала и не знаю, сколько времени такъ прошло. Не пила и не ѣла цѣльный день и къ вечеру только опомнилась немного, сумерки ужъ находили; опомнилась и вздумала, что мнѣ сапожникъ сказалъ про бумажки-то. Полѣзла кочергой за комодъ, взяла конвертъ, что Петръ Семенычъ далъ, сожгла его во вчерашнихъ угляхъ и золу разметала по печкѣ.

Хотѣла я еще чего-нибудь поискать, подошла къ окну и вдругъ вижу: идетъ отъ калитки по двору офицеръ въ голубой шапкѣ, съ пашкой, револьверъ у него на поясѣ, а за нимъ двое, не то полицейскіе, не то, не знаю, какіе-то люди вооруженные. Куда это они?—думаю.—Глядь, а они прямо къ моей, значить, двери; она съ утра, какъ я къ сапожнику-то выходила, такъ незапертая и осталась, и я еще и обдуматься не успѣла, а они уже всё трое у меня въ комнатѣ топочуть. Я стою и смотрю на нихъ, разиня ротъ. Какъ же это, думаю, чужіе люди и безъ спросу вдругъ въ комнатѣ? Только хотѣла сказать, а офицеръ вышелъ впередъ и громко, пріятнымъ такимъ голосомъ спрашиваетъ:

— Здѣсь квартира Василя Ильича Елагина?

— Здѣсь,—говорю.

— Это вы его любовница будете, Настасья Голенкова?

Тутъ мнѣ какъ будто обидно показалось, что онъ такъ спрашиваетъ:

— Настасья Голенкова я, говорю; а только какая же любовница? я его жена, потому что мы уже девять лѣтъ вмѣстѣ и онъ меня лучше всякой жены почитаетъ.

— Ну, это, говорить, намъ все равно, сами считайтесь, а васъ-то намъ и нужно. Вы давали ему вчера эту телеграмму?—и показываетъ.

— Я, говорю, давала ему телеграмму, а эту ли или другую— не знаю.

— Это похвально, что сразу сознаетесь, —а самъ улыбается.

— Ничего я, отвѣчаю, не сознаюсь. Даль мнѣ Петръ Семенычъ адресъ, велѣлъ мнѣ, я и послала. Мало ли у нихъ тамъ какія свои разныя дѣла, развѣ я что понимаю!

— Вотъ какъ! Гм... Петръ Семенычъ? Только сапожника, значитъ, не хватаетъ для полной комплекціи... Не знаете ли, гдѣ онъ?— А самъ весело такъ на меня поглядываетъ, смѣется.

— Не знаю, говорю, почему мнѣ знать, куда онъ тамъ уѣхалъ.

Офицеръ это сѣлъ на стулъ, папирску закурилъ, а полицейскіе, вижу, дверь заперли и вездѣ лазятъ; вездѣ шарятъ. Ключи у меня спросили, сундукъ весь перерыли, на полъ его вывернули, въ трубу, подъ кровать заглянули, даже сапоги старые Васенькины повытряхивали. Забрали письма какія-то старыя, книжки, счеты даже конторскіе, все въ платки увязали.

— Больше, говорятъ, ничего нѣтъ, вашскородіе.

Офицеръ папирску на полъ бросилъ, всталъ, отправился:

— Ну, идемъ! — да вдругъ грубо такъ это говорить. Я стою. Куда идемъ? И не думаю вовсе, что это онъ мнѣ такъ говорить. А офицеръ имъ на меня киваетъ. Тутъ полицейскій или кто онъ тамъ, подошелъ, хватъ меня за плечо:

— Нечего, говоритъ, дуру валять, иди, сволочь!

— Подумайте, какія слова!—большими глазами глядя на Марью Ивановну, съ ужасомъ воскликнула женщина.

— И одѣться прилично не дали,—продолжала она:—въ чемъ была, въ томъ и потянули. Смотрю, у воротъ ужъ извозчикъ стоитъ; посадили меня, и со мною тѣ двое поѣхали, скоро, скоро такъ мы поѣхали и шапки они повынули наголо, а офицеръ на другомъ извозчикѣ за нами. И, повѣрить, сию я съ ними, ѣду и плачу; все плачу, что, вотъ, мой Васенька теперь арестованъ, и что же съ нимъ будетъ. А того и не вздумала, что вѣдь и я тоже арестована.

Она горько усмѣхнулась.

— Даже когда увидѣла, что къ тюремѣ меня подвезли, и то не испугалась, а даже обрадовалась:

— Здѣсь, спрашиваю, мой Василій Ильичъ?

— Здѣсь, здѣсь, отвѣчаютъ, радуйся!

Это я, видите ли, вообразила себѣ, что сейчасъ его увижу. А вышло... вышло совсѣмъ наоборотъ... и я его, моего друга милаго, уже больше и не видала въ этой жизни!

Голосъ ея задрожалъ и прервался, кроткіе голубые глаза налились слезами, и слабое рыданіе всколыхнуло ея впалую грудь. У Марьи Ивановны больно сжалось сердце.

— Что же, развѣ вамъ не дали съ нимъ и повидаться?—спросила она:—или онъ скоро...

Женщина поспѣшно вытерла глаза кончикомъ шали:

— Нѣтъ, не такъ, чтобы скоро, да меня до него не пускали, говорили нельзя, пока допросъ не будетъ. Пока же до допроса сидѣла я въ тюрьмѣ мѣсяца четыре или больше, и сама не знаю, за что. И не очень ужъ, чтобы плохо мнѣ тамъ было, только за Васенькою я крѣпко тосковала; однимъ себя утѣшала, что вотъ опросятъ,— а потомъ и увидимся, а тамъ и выпустятъ скоро. Потому что, какая же на насъ вина? пе убили мы никого, не ограбили...

Насъ, женщинъ, много въ тюрьмѣ сидѣло, и еще какія! барышни даже настоящія были, вотъ удивленіе! Ну, кто могъ да хотѣлъ, тому работу кое-какую давали: бѣлье мы стирали, полы мыли, шили, оно и не скучно, по ночамъ только трудно бывало, особенно, когда лѣто пришло. Жара, душно, какъ позапруть на ночь.

Вотъ, въ самую эту жару, слышимъ, пошелъ на арестантовъ моръ въ мужскомъ отдѣленіи; ихъ тамъ больше нашего сидѣло, много, такъ отъ тѣсноты, что ли, говорили, воздухъ у нихъ дурной сдѣлался и моръ напалъ. Ну, я объ этомъ ничего себѣ не беспокоюсь. Разъ утро, помню, хорошее такое было, ясное, только что мы встали, и мнѣ какъ-то весело, славно такъ на душѣ. Васеньку я во снѣ видѣла и, какъ проснулась, все объ немъ думала, что, вотъ, давно уже мы съ нимъ сидимъ, и теперь немного уже, вѣрно, нашей разлуки осталось. За что же, думаю, насъ держать будутъ? ничего такого мы не сдѣлали, а такъ, наклеветалъ на насъ кто-нибудь. Солнышко сквозь рѣшетку свѣтитъ, воздухъ дуетъ свѣжій, надежда у меня въ сердцѣ... Я прибираю камеру нашу съ другими женщинами и даже пѣть что-то стала.

Вдругъ въ дверь надзирательница наша, — злющая она была, — и говорить прямо ко мнѣ:

— Чего поешь-то? Чему обрадовалась? Ты бы лучше добъ перекрестила бы за упокой: померъ вчера твой-то, по чьему дѣлу ты сидишь, Василій, говорить, Елагинъ.

— Охъ!—женщина обѣими руками схватилась за грудь.

— Знаете, я тутъ сразу, какъ стояла, такъ и упала на полъ. Упала и кричу: «пустите, кричу, меня къ нему! неправда, что померъ! не вѣрю, хочу поглядѣть!» Женщины вокругъ меня собрались, плачутъ, надзирательница испугалась, что такое мнѣ потрясеніе сдѣлала, утѣшаетъ, воды пить даетъ; а у меня зубы стучать, вода мимо рта льется, всю меня подкидываетъ на полу, а я все кричу: пустите, да пустите! Землю ѣсть хотѣла, въ землю закопаться, такое прискорбіе на меня нашло. А мнѣ говорить—нельзя пустить, потому что зараза. Тутъ я, говорятъ, вскочила, стала окна бить, рѣшетки трясти, все платье на себѣ порвала, руки порѣзала, кидалась, дралась, но только я ничего этого не помню: сдѣлалась у меня горячка кака-то, нервная, что ли, рассказывали потомъ, и лежала я долго въ больницѣ; тогда же меня и остригли, видите, волосы-то у меня какіе короткіе.

Крѣпко я была больна, безъ памяти, а вотъ выздоровѣла жъ, подите! А какъ стала поправляться и въ разумъ приходитъ, такая тоска меня ѣла, что я уже думала: вотъ помру. Однако, ничего, жива же, скажите! Зачѣмъ?—въ горестномъ недоумѣніи обратилась она къ Марьѣ Ивановнѣ.—Послѣ этого я ужъ и думать перестала, чтобы меня выпустили изъ тюрьмы, потому что мнѣ теперь безъ Васеньки все равно на свѣтѣ стало, гдѣ и какъ я буду. Страшно даже было, что выпустятъ, а куда я пойду? Но тутъ какъ разъ меня и зовутъ: «Вы, говорятъ, свободны; дѣло прекращено по случаю того, что главные лица померли, а на васъ уликъ не хватаетъ». И выпустили.

Куда дѣваться? Пошла я на свою старую квартиру, а тамъ, дай Богъ здоровья сосѣдкѣ, она все мое собрала и припрятала: одежду, вещи, деньги не большія нашлись, и я ихъ въ цѣлости получила. Вотъ и свободна! поѣзжай теперь, куда хочешь.

Безудержныя слезы теперь легко и свободно потекли изъ ея глазъ, орошая лицо, и закапали на убогое темное платье. Она не вытирала ихъ, давая себѣ волю поплакать, сидѣла, какъ каменная, бросивъ на колѣни обезсилѣвшія руки, и только слегка вздрагивала отъ сдерживаемыхъ глубокихъ рыданій.

Марья Ивановна въ смущеніи молчала, отвернувшись къ окну, чувствуя хорошо, что здѣсь нечего сказать и словами утѣшить нельзя. Долго еще слышались сквозь однообразный стукъ колесъ заглушаемыя всхлипыванія несчастной.

— Простите,—прерывисто, почти шопотомъ сказала, наконецъ, женщина, придя немного въ себя,—я вамъ неприятно дѣлаю...— Она робко и виновато взглянула на Марью Ивановну, пошарила въ складкахъ своего платья и, вынувъ откуда-то скомканный грязный платокъ съ каемками, тщательно вытерла глаза и щеки. Спрятавъ платокъ за пазуху, она потянулась рукой подъ скамейку и, вытащивъ опять на свѣтъ Божій свою бутылку, приложила ее къ губамъ.

— Какъ вы думаете?—живѣе заговорила она снова, вытеревъ губы ладонью и затыкая покрѣпче пробку:—я, вѣдь, ни о чемъ, что сдѣлала, не жалѣю, нѣтъ!—Она съ глубокимъ убѣжденіемъ потрясла головою.—Пострадала я за любовь, это правда, но зато и любила... Очень я его любила, чего же мнѣ еще нужно? Теперь надо бы мнѣ въ монастырь пойти, кабы деньги были, чтобы внести за себя, а въ жизни для меня уже ничего не осталось, какъ только счастье свое вспоминать. Вѣкъ не забуду и память Васенькину вѣкъ буду почитать. Лежитъ онъ, мой голубчикъ, лежитъ и не встанетъ, и не пожалѣетъ, а я осталась ни дѣвушка, ни вдова, какъ былинка одна въ полѣ, и некого мнѣ больше любить... И какъ это онъ говорилъ стихъ:

На могилѣ моей
Не поетъ соловей,
Одинокю лежу подъ крестомъ.

На яву и во снѣ
 Все грустишь обо мнѣ,
 Вспоминая о счастья́ быломъ...

продекламировала она съ чувствомъ. И страстной тоской, и безнадежной скорбью дрожала ея надорванный голосъ.

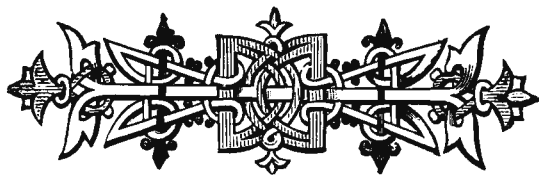
— Все такъ точно, все правда!—какъ онъ говорилъ, такъ и есть...

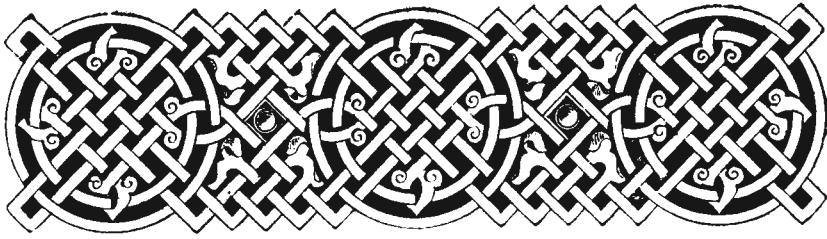
Она тяжело задумалась, вся сжавшись въ своемъ уголкѣ и опустивъ голову. Марья Ивановна задумалась тоже. Такъ сидѣли онѣ, несясь обѣ въ неизвѣстную даль, въ жалкомъ и грязномъ купе третьяго класса; сидѣли другъ противъ друга пострадавшая за любовь и не любившая никогда. И Марья Ивановна спрашивала себя: кто изъ нихъ счастливѣе? И не могла рѣшить.

На слѣдующей станціи Марья Ивановна вышла пообѣдать. Поѣздъ стоялъ полчаса, и она успѣла пройтись немного по платформѣ, чтобы размять ноги послѣ долгаго сидѣнія. Когда она вернулась, въ вагонѣ стужались новыя сумерки, и изъ пустой темно-зеленой бутылки несясь крѣпкій запахъ спирта.

Ея спутница, забывъ о пересадкѣ, спала спокойнымъ пьянымъ сномъ.

В. А. Авіе.

ДАВНІЕ ЭПИЗОДЫ.

3. «Паша» Козловъ.

I.

В НАЧАЛѢ семидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія смоленскія хозяйства въ большей части являли печальнѣйшую картину полнѣйшаго упадка. «Хозяинничать невозможно, — въ одинъ голосъ вопіяли смоленскіе помѣщики: — имѣнія ничего, кромѣ убытка, не даютъ, заниматься хозяйствомъ не стоитъ, жить въ деревнѣ нельзя».

Почти никто и не жилъ въ деревнѣ. Одни пристроились къ губернскому и земскому «широгу», какъ тогда откровенно выражались. Другіе поступили въ разныя службы. Въ помѣстьяхъ поля заросли лознякомъ и березникомъ. Усадьбы стояли съ заколоченными окнами. Постройки гнили, разваливались. Фруктовые сады повымерзли. Лѣса и рощи вырубались или продавались евреямъ. Не процвѣтали и крестьяне. По крайней мѣрѣ въ Дорогобужскомъ уѣздѣ. Лапти, пушной хлѣбъ, освѣщеніе лучиной, побираніе «въ кусочки» отъ голоду, за подааннымъ ломтемъ хлѣба, безграмотность, невѣжество... Невеселое было время. Точно непріятель прошелъ по губерніи и все оставилъ въ разореніи. А между тѣмъ только:

Порвалась дѣль великая,
 Порвалась и ударила—
 Однимъ концомъ по барину,
 Другимъ по мужику.

Помѣщики средней руки перевелись. Только помѣщицы-вдовы и старыя дѣвы, не имѣвшія никакихъ надеждъ, мѣстами остались и кое-какъ влачили одинокое существованіе.

Однако, въ поемной долині Днѣпра еще оставались богатыя, крупныя имѣнія. Владѣльцы ихъ не могли разориться, имѣя огромныя «маетности», капиталы или придворныя службы. Въ Дорогобужскомъ уѣздѣ между такими магнатами оставались братья Барышниковы, отецъ которыхъ имѣлъ нѣсколько милліоновъ капитала и до сорока тысячъ десятинъ земли. Огромное это состояніе досталось тремъ братьямъ. Надо, однако, сказать, что то были весьма недавніе дворяне. Дворянство имъ пожаловано было въ 40-хъ годахъ XIX столѣтія «за приращеніе казеннаго интересу». И дѣдъ, и отецъ братьевъ Барышниковыхъ занимались симъ «приращеніемъ», но, благотворя казнѣ, видимо, и себя не забывали.

Одному изъ братьевъ досталось великолѣпное имѣніе, кромѣ другихъ, Погорѣлое, когда-то при императрицѣ Екатеринѣ принадлежавшее Орловымъ. Домъ—дворецъ съ многочисленными службами, амбарами, дворами, кузницами и все въ видѣ средневѣковыхъ башенъ съ зубцами. Цвѣтники, боскеты, парки. Дивная церковь построена архитекторомъ Растрелли. Не его ли созданіе и дворецъ? Высится онъ надъ поемной долиной днѣпровской и десятки селъ и деревень, холмы, лѣса широко раскинулись передъ нимъ живописнѣйшимъ ландшафтомъ. Въ 70-хъ годахъ еще цѣла была вся, екатерининскихъ временъ, обстановка ста комнатъ дворца, дивныя мебели, картины, статуи, вазы. Хотя многое и лучшее свалено было на чердаки и въ подвалы, тлѣло и разрушалось, ибо владѣльцы не понимали въ тѣхъ вещахъ толку и обновили обстановку современными вещами.

Главное это имѣніе принадлежало величайшему хмурому чудаку, хотя, кажется, всѣ три брата Барышниковы равномерно отличались странностями и чудачествами. Владѣлецъ Погорѣлаго дѣлами не занимался. Спалъ въ глазетовомъ гробѣ и ужиналъ со скелетомъ.

Другое имѣніе—тоже превосходное—Федоровщина, верстахъ въ пятнадцати отъ Погорѣлаго, граничило съ имѣніемъ А. Н. Энгельгардта, Батищевымъ. Владѣлецъ Федоровщины, кажется, младшій изъ братьевъ Барышниковыхъ, къ несчастью, занимался разными крупными предпріятіями, но не прирастилъ ими ни казеннаго, ни собственнаго «интересу». Онъ, наконецъ, совершенно разорился. Вообще съ братьями Барышниковыми повторилась часто бывающая исторія. Дѣдъ и отецъ стремительно наживаютъ головокружительное состояніе. Дѣти и внуки столь же стремительно и головокружительно все проживаютъ. Владѣлецъ Федоровщины между прочимъ за-

вель себѣ шута. Для сего обыкновенный деревенскій «дурачокъ», какіе вездѣ на святой Руси водятся, былъ имъ одѣтъ въ пестрый шутовской нарядъ съ бубенчиками. Живо помню пріѣздъ Барышникова въ Батищево въ каретѣ, на козлахъ коей рядомъ съ кучеромъ сидитъ пестрый шутъ въ колпакѣ съ бубенчиками. Въ 1869 году на Ольгѣ Алексѣевнѣ Барышниковой женился Павелъ Алексѣевичъ Козловъ, поэтъ, композиторъ, аристократъ, романтикъ и камеръ-юнкеръ, впоследствии и камергеръ и великій эпикуреецъ, прозванный въ свѣтѣ «Паша» Козловъ.

Онъ построилъ въ Федоровщинѣ въ красивой зеленой долинкѣ прелестный охотничій домикъ, съ цвѣтными стеклышками, съ башенками, балкончиками, съ псарней при немъ.

«Паша» Козловъ былъ страстный, хотя и не особенно удачливый охотникъ.

Въ этомъ охотничьемъ домикѣ, чтобы не стѣснять ни себя, ни владѣльцевъ Федоровщины, поэтъ и камеръ-юнкеръ проживалъ лѣтомъ, отдыхая отъ петербургскаго шумнаго свѣта и слѣдуя завѣтамъ Евгенія Онѣгина:

Прогулка, чтенье, сонъ глубокий,
Лѣсная тѣнь, журчанье струй,
Порой бѣлянки черноокой
Младой и свѣжій поцѣлуй,
Уздѣ послушный конь ретивый,
Обѣдъ довольно прихотливый,
Бутылка свѣтлаго вина,
Уединенье, тишина—
Вотъ жизнь Онѣгина святая.

Наконецъ, тоже недалеко, верстахъ въ десяти, было огромное имѣніе одной старой смоленской княгини.

Будучи въ гостяхъ у вышеупомянутой княгини, Козловъ услышалъ ея «ахи» и «охи» по поводу размноженія нигилистовъ вообще и въ частности появленія страшнаго революціонера, поднадзорнаго, въ мірныхъ дорогахъ «пустошахъ» и «лепешникахъ»—особый видъ угодій, гдѣ особливо хорошо рождаются грибы—рыжики.

— Представьте, нигилистъ поднадзорный, живетъ одинъ, ходитъ зимой въ полушубкѣ.

— Ну, это еще не особенно страшно,—замѣтилъ Козловъ.

— Съеть лёнъ, клеверъ....

— А это даже очень хорошо!

— Но онъ поднадзорный!

— Кто же теперь можетъ поручиться, что онъ не поднадзорный? Можетъ быть, и я поднадзорный. Почему вы знаете, княгиня?

— Богъ знаетъ, что вы говорите! Камеръ-юнкеръ двора и... поднадзорный.

— Кропоткинъ—камеръ-пажъ и князь, а между тѣмъ...

— Нѣтъ, я спокойно спать не могу съ тѣхъ поръ какъ въ нашемъ уѣздѣ завелся поднадзорный. И неужели его нельзя было выслать куда-нибудь... подальше?

— Но я все-таки не понимаю, княгиня, чѣмъ этотъ поднадзорный васъ такъ перепугалъ?

— Да, онъ лѣнь сѣять! Дворянинъ, помѣщикъ и сѣять лѣнь!

— Почему же дворянинъ и помѣщикъ можетъ сѣять овесъ или гречиху, а лѣнь ему сѣять неприлично?

— Но лѣнь землю сушить! Всѣ это знаютъ.

— Пусть и сушить, такъ не вашу же, княгиня!

— Ахъ, вы оттого защищаете этого поднадзорнаго, что въ Петербургѣ заразились либеральнымъ духомъ всѣ, всѣ! Этотъ Шуваловъ! Этотъ Валуевъ! Этотъ Тимашевъ! Князь Мещерскій одинъ правду написалъ, что нужно наконецъ поставить точку всему этому... ужасу... и всякимъ реформамъ, а не то мы скоро ннзвергнемся въ пропасть всѣ! всѣ!...

«Паша» Козловъ улыбался и пригубливалъ рюмку.

— И все-таки вы не сказали, княгиня, ничего опредѣленнаго, что ужаснаго дѣлаетъ вашъ сосѣдь—поднадзорный? Или это тинъ, вродѣ Марка Волохова, котораго у себя на Моховой сочинилъ этотъ милѣйшій Гончаровъ и выдалъ недавно въ «Вѣстникѣ Европы» за дѣйствительность! Онъ не увлекаетъ на дно овраговъ дворянскихъ дочерей, вашъ поднадзорный?

— Вы все обращаете въ шутку. Вы танцуете на вулканѣ, безпечный! Я же ночей не сплю. Довольно сказать, что у него домъ на высокихъ столбахъ и подъ поломъ...

— Что тамъ такое, княгиня?

— Подпольная типографія, и онъ тамъ печатаетъ...

— Что? что такое? Прокламаціи?..

— Письма какія-то... подметныя письма.... Мнѣ говорили...

— Письма?.. Да какъ его фамилія?

Тутъ одинъ изъ бывшихъ за трапезой помѣщикъ объяснилъ, что страшный поднадзорный—высланный въ свое имѣніе профессоръ Энгельгардтъ.

— Профессоръ Энгельгардтъ? Александръ Николаевичъ? Авторъ прелестныхъ «Писемъ изъ деревни» въ «Отечественныхъ запискахъ»—вскричалъ поэтъ.

— Онъ самый и есть.

— Mais.. c'est une célébrité!.. Какъ я радъ! Я завтра же ѣду съ нимъ знакомиться.

— Вы... знакомиться съ поднадзорнымъ!

Княгиня чуть въ обморокъ не упала.

А «Паша» Козловъ смѣялся, что «нѣсть пророка въ отечествѣ его», какъ говорить, по мнѣнію министра и оберъ-прокурора синода графа

Толстого, *французская поговорка* ¹⁾, а Энгельгардтъ есть величайшая мѣстная достопримѣчательность и «Письмами» его бредить весь Петербургъ.

— Я поѣду къ Энгельгардту, передамъ ему ваши опасенія, и попрошу его поднять при мнѣ половицу и показать, что у него подъ поломъ, — смѣялся камеръ-юнкеръ и поэтъ. — Впрочемъ, и такъ могу васъ увѣрить княгиня, что «подметныя письма» Энгельгардта печатаются не у него въ имѣнїи, а въ Петербургѣ, въ домѣ Краевского на углу Литейной и Бассейной!..

II.

Намѣреніе камеръ-юнкера Козлова познакомить съ высланнымъ подъ надзоръ полиціи въ административномъ порядкѣ по высочайшему повелѣнію профессоромъ Энгельгардтомъ съ одной стороны характеризовало «романтическую натуру» и объясняло, почему «Паша» Козловъ никакъ не могъ ужиться на разныхъ службахъ и, кромѣ придворнаго званія, почти неизбѣжнаго при его состоянїи и происхожденїи, не сумѣлъ прїобрѣсти ничего по карьерной части.

Но съ другой стороны это «романтическое» намѣреніе показываетъ что въ 70-хъ годахъ «Письмами изъ деревни» зачитывалась не одна молодежь. Ихъ читалъ «весь» Петербургъ—свѣтъ, придворный «лѣвый» кругъ, крупныя бюрократическія сферы.

Но прежде, чѣмъ описать визитъ Козлова въ Батицево, сообщу нѣсколько библиографическихъ о немъ данныхъ.

Печатныя свѣдѣнія очень скудны. При «Полномъ собранїи сочиненій» П. А. Козлова въ четырехъ томахъ 1897 года покойный публицистъ и соредакторъ «Русской Мысли» В. А. Гольцевъ приложилъ весьма панегирическое «предисловіе», но, по обычаю, въ видѣ купой статейки на пяти неполныхъ страничкахъ, причѣмъ біографїи талантливаго автора популярныхъ «дворянскихъ» романсовъ и переводчика Байрона и Мюссе отведено только счетомъ двадцать шесть (26) строкъ!..

Не много больше строкъ и въ біографїи, помѣщенной въ словарѣ Брокгауза-Эфрона.

Поэтому данныя нашего архива, письма не самого П. А. Козлова, но о немъ—лицъ хорошо знавшихъ и его біографїю, и близкихъ къ нему и обществу, къ которому онъ принадлежалъ, также записи его остроумныхъ бесѣдъ съ А. Н. Энгельгардтомъ, имѣющіеся у насъ, личныя воспоминанія и рассказы многихъ, знавшихъ поэта въ концѣ его жизни (онъ умеръ далеко еще не старикомъ, пятидесяти лѣтъ), все это кажется намъ, представить интересъ, такъ какъ

¹⁾ Гр. Толстой привелъ эту «поговорку» по-французски въ одной официальной рѣчи.

освѣтитъ и обрисуетъ хотя силуэтъ все же очень своеобразной и, несомнѣнно, богато одаренной личности, по условіямъ происхожденія, воспитанія, среды, по обстоятельствамъ разнаго рода загубившаго большую часть своихъ дарованій въ огнѣ страстей, увлеченій, въ эпикурействѣ, въ жизни свѣтской, пустой, въ романтическихъ скитаніяхъ, въ лѣнливой роскоши и праздности.

Оговоримся. Романтическія приключенія П. А. Козлова мы изложимъ лишь въ туманныхъ контурахъ, не называя именъ. Все это еще слишкомъ близко. Но скажемъ, что въ жизни русскаго поэта отчасти повторилась романтическая исторія, сходная съ таковой же Мюссе и Байрона. Вотъ почему русскій поэтъ такъ любилъ и Байрона, и Мюссе, такъ много ихъ переводилъ.

Въ ихъ поэзіи онъ нашель выраженіе собственныхъ чувствъ, увлеченій и страданій. Впрочемъ, онъ довольно ярко и гармонично отразилъ ихъ и въ рядѣ оригинальныхъ своихъ элегій... Элегій? Да, при всемъ своемъ эпикурействѣ и камергерствѣ, снобизмѣ и дендизмѣ, «Паша» Козловъ въ поэзіи былъ безпросвѣтнымъ меланхоликомъ.

Родился Павелъ Алексѣевичъ въ 1841 году, но мы не можемъ сказать, отъ какой вѣтви—старшей или младшей очень старой и аристократической русской дворянской фамиліи онъ происходилъ, то-есть отъ Беклемишева-Козла или отъ Морозова-Козла.

Пушкинъ сказалъ: «Равнодушіе къ предкамъ—первый признакъ безнравственности».

Этого «признака безнравственности» у Козлова не было. Онъ любилъ генеалогію и геральдику, и на фарфорѣ, хрусталѣ, се ребрѣ, мебели, переплетахъ, всякихъ вещахъ у него непременно имѣлся фамиліальный клейнодъ—бородатый козелъ.

«Паша» Козловъ получилъ старосвѣтское воспитаніе, то-есть еще дома былъ превосходно обученъ французскому, нѣмецкому и англійскому языкамъ, на коихъ могъ изъясняться и писать въ совершенствѣ. Затѣмъ поступилъ онъ въ школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ, которую и кончилъ къ 1861 году.

Въ этотъ великій годъ освобожденія и начала реформъ «Паша» Козловъ поступилъ въ канцелярію министерства иностранныхъ дѣлъ, но прослужилъ тамъ недолго, вышелъ въ отставку и уѣхалъ за границу...

Тутъ начинается романтическая исторія.. Двадцатилѣтнимъ, мало опытнымъ юношей съ поэтическимъ темпераментомъ, съ гвардейско-свѣтско-романтическими понятіями, страстно влюбился онъ въ красавицу, «беззаконную комету въ кругу расчисленныхъ свѣтилъ», которая его мучила, дразнила, держала во власти своихъ чаръ, имъ помыкала, за которой онъ скитался, перегорая въ страстяхъ, въ упоеніяхъ, въ ревности, въ томленіяхъ, по всей Европѣ, по Франціи, Англии, Италіи, Испаніи...

III.

Въ оригинальныхъ элегіяхъ П. А. Козлова постоянно слышатся отзвуки этой многолѣтней и во многихъ отношеніяхъ роковой для него страсти. Порою это полные аккорды упоенія и счастья:

Страстью и нѣгою ночь ароматная
Дышитъ... все тихо кругомъ;
Дальъ передъ нами лежитъ необъятная.
Въ лодкѣ мы ѣдемъ вдвоемъ.

Думы счастливыя, грезы отрадныя
Сердцу блаженство дарятъ;
Въ очи твои я гляжу ненаглядныя—
Робокъ и нѣженъ твой взглядъ.

Стоны блаженства изъ устъ вырываются;
Счастья насъ тѣшитъ мечта...
Руки въ горячихъ объятыхъ сплетаются;
Жгутъ поцѣлуи уста...

Страстная ласка смѣняется ласкою.
Къ груди склоняется грудь.
Лодка несется; волшебною сказкою
Кажется пройденный путь.

Дай мнѣ еще поцѣлуй упоительный...
Жди серебристой луны!..
Завтра опять поплывемъ подъ плѣнительный
Ропотъ лазурной волны...

Это стихотвореніе написано въ Венеціи. Въ немъ изображенъ «робкій и нѣжный» взглядъ красавицы, который, однако, умѣлъ быть и не робкимъ, и не нѣжнымъ.

И въ другихъ элегіяхъ роковая женщина является то въ образѣ бездны, то русалки:

Надъ шумною бездною качается ива,
Ей дивныя пѣсни поютъ соловьи;
Летая, съ ней шепчется вѣтеръ игривый:
А бездна все манитъ въ объятія свои...

Или этотъ образъ:

О, дѣва рѣчная, ты выйди ко мнѣ,
Меня приласкай, расцѣлуй при лунѣ;
Я знаю, ты духъ, а я смертный простой.
Тебя утомя, утомлюся съ тобой...
Въ горячихъ объятыхъ я душу отдамъ....

Или этотъ:

Таинственный цвѣтокъ является порою
 На лонѣ свѣтлыхъ волнъ;
 Все къ свѣту рвался онъ, скрываясь подъ водою,
 Красы и блеска полнъ...
 Нежданно настаетъ минута роковая
 И вотъ—онъ, лепестки
 Красиво распутивъ, дрожить, благоухая
 На зеркалѣ рѣки...

Порою въ элегіяхъ Павла Алексѣевича образъ прихотливой и коварной красавицы является окруженнымъ ореоломъ прелести и любви:

Одѣта я волшебнымъ блескомъ ночи,
 Душистыми цвѣтами убрана,
 Лучами звѣздъ мои сияютъ очи,
 Отрадныхъ грезъ душа моя полна...

Поэтическій дневникъ заключаетъ и гимны торжествующей любви. Вотъ стихотвореніе, въ которомъ, кажется намъ, весьма удачно примѣненъ аллегорическій языкъ, во вкусѣ «вирле» и «рондо» средневѣковыхъ провансальскихъ трубадуровъ.

Меня потаенной тропою
 Два духа въ твой замокъ ведутъ;
 Зовутъ одного Красотою,
 Другого Любовью зовутъ.
 Туда, гдѣ подъ ивами сонный
 Лепечеть, чуть пѣнясь, ручей,
 Сойдемъ мы четою влюбленной
 И сядемъ на быстрыхъ коней.
 Забудемъ страданье и слезы
 И смѣло помчимся вдвоемъ;
 Мой конь называется «Грезой»,
 А твой—«Упоительнымъ Сномъ».

IV.

Изъ заграничныхъ скитаній «Паша» Козловъ возвратился въ 1866 году, то-есть всего двадцати пяти лѣтъ, и поступилъ на службу къ варшавскому губернатору. Въ Варшавѣ сталъ онъ заниматься музыкой и между прочимъ написалъ извѣстный романсъ—«Когда бъ я зналъ», который и нынѣ еще поется.

Въ этомъ романсѣ онъ выражаетъ позднее раскаяніе въ увлеченіи роковой красавицей и въ сочиненіяхъ своихъ напечаталъ его съ характернымъ эпиграфомъ изъ «Ночей» Альфреда Мюссе:

Honte à toi qui la première
 M'as appris la trahison
 Et d'horreur et de colère
 M'as fait perdre la raison.

Изъ этого эпиграфа видимъ, что увлеченіе было первою любовью молодого человѣка и что гнѣва и ужаса была полна эта страсть, и заставила его потерять разумъ...

Когда бъ я зналъ, напрасно жизни силу,
 Напрасно бы я юность не терялъ...
 Твоя любовь открыла мнѣ могилу
 И гибну я... Когда бъ я зналъ!..
 Клялася ты, и я утратилъ грезы,
 Молилась—я молиться пересталъ:
 Ты плакала, и я не вѣрю въ слезы...
 Когда бъ я зналъ!... Когда бъ я зналъ!...

Дѣло въ томъ, что въ Варшавѣ произошла у Павла Алексѣевича Козлова дуэль съ «ненавистнымъ соперникомъ» изъ-за роковой красавицы. Поэтъ получилъ пулю въ грудь и едва не умеръ. Молодой организмъ преодолѣлъ. Но пулю вынуть было невозможно. Съ ней онъ и прожилъ еще двадцать пять лѣтъ.

Отраженіе пережитыхъ страданій находимъ въ слѣдующемъ стихотвореніи:

Я умиралъ; прохлада вѣчной ночи
 Крала печать на блѣдныя черты;
 Хладѣла кровь и потухали очи,
 А все смѣялась ты...
 А на яву встаетъ, какъ гость незваный,
 Передо мной погибшая любовь...
 И смѣхъ звучить; въ груди дымится рана
 И тихо льется кровь...

Въ другомъ стихотвореніи очень краснорѣчиво и изящно выражено въ правдивомъ образѣ разочарованіе:

Раздавалось унылое пѣнье;
 Подъ парчою покойникъ лежалъ,
 И о немъ возносилось моленье—
 Я въ углу, полонъ горя, стоялъ...
 Вспоминалъ я измѣны, обиды,
 Испытанья промчавшихся дней,
 Мнѣ казалось, что плачь панихиды
 О судьбѣ раздается моей;
 Раздается о томъ, что напрасно
 Я всѣ силы истратилъ въ борьбѣ,
 Что любилъ беззаветно и страстно,
 Позабывъ для другихъ о себѣ;
 Что я жаждой дышалъ идеала,
 Передъ зломъ не склоняя чела;
 Что безъ отзвука юность увяла
 И въ слезахъ отъ меня отошла.

Всѣмъ, кто знавалъ камергера Козлова въ концѣ 70-хъ и въ 80-хъ годахъ прошлаго столѣтія, трудно вѣрилось, чтобы онъ когда-либо «жаждой дышалъ идеала». Быстро сталъ онъ полнѣть

и прямо расти въ брюхо и дышалъ не идеаломъ, но астмой, которая наконецъ его и задушила. Цинизмъ проглядывалъ въ роскошныхъ его вкусахъ. Даже сложилась про него легенда, что раненъ онъ былъ не въ грудь, а въ животъ, и что именно пуля, сидящая въ его брюхѣ, рождаетъ въ немъ пантагрюэлевскую жажду вина и мяса. Типъ Фальстафа съ годами все болѣе бралъ въ немъ верхъ надъ Чайльдъ-Гарольдомъ юныхъ дней. Но много ли людей доносятъ, не разливъ свѣтлую чашу юности въ груди своей?!

Несется жизнь, тревогъ полна
Съ безстрашьемъ лицедѣя...

Эти два стиха Козлова хорошо выражаютъ прозу дѣйствительности, отъ изнашивающей обыденности которой кто устоить?

V.

«Паша» Козловъ исполнилъ, намѣреніе, которымъ столь перепугалъ княгиню.

Прямо съ охоты, въ чудный, майскій, теплый вечеръ, съ парой великолѣпныхъ своихъ сеттеровъ, верхомъ, въ особомъ англійскомъ костюмѣ явился онъ на огромномъ зеленомъ дворѣ батищевской усадьбы, который крестьяне прозывали «краснымъ» дворомъ и гдѣ пускали коней въ полдень,—и подѣхалъ къ крылечку съ неизбѣжнымъ фронтономъ и колонками...

А. Н. Энгельгардтъ сидѣлъ на крыльцѣ, провожая взоромъ заходящее солнце, и встрѣтилъ гостя какъ нельзя любезнѣе, и на лучшемъ французскомъ языкѣ, хотя и былъ, дѣйствительно, одѣтъ въ столь устрашавшій княгиню «мужицкій» нарядъ: высокіе сапоги и красную фланелевую гарибальдійскую рубаху,—костюмъ, къ которому онъ «логически» пришелъ въ деревнѣ, костюмъ чрезвычайно удобный и даже красивый, потому что яркій красный цвѣтъ составляетъ пріятное разнообразіе въ сопоставленіи съ сѣрымъ небомъ, сѣрою погодою, сѣрыми постройками, сѣрыми пятнами. Зимомъ костюмъ дополнялся валенками, полупшубкомъ и огромною, высокою «боярскою» шапкою изъ собственныхъ бараньихъ мерлушекъ...

При этомъ богатырское сложеніе, ширина въ плечахъ удивительная (при заряденіи пушекъ по старому приему А. Н. Энгельгардтъ былъ № 3,—обязанность котораго была поднимать плечомъ пушку при вкладываніи заряда), кудри до плечъ.

Вошли въ домъ. Некрашенные шаткіе полы, узоры отъ просачивающейся дождевой воды на потолкахъ, обои въ самомъ жалкомъ видѣ; немногія мебели старинной работы крѣпостного столяра, но множество полокъ съ книгами, преимущественно по химіи,

естествознанію, агрономіи, толстые томы «Яресберихте» Либиха. На кругломъ столѣ—самоваръ, черный хлѣбъ, ветчина, да что осталось отъ обѣда солонины съ хрѣномъ. «Паша» Козловъ привыкъ къ «гурмандизамъ», но съ охоты проголодался. Принимается за ветчину. Свѣжая, провѣсная, вестфальская ветчина отъ большихъ голыхъ розовыхъ свиней породы «Принцъ Альбертъ» (въ честь супруга Викторіи принца-консорта) въ Батищевѣ была удивительная.

«Паша» Козловъ чмокаетъ, жуесть съ чернымъ хлѣбомъ и похваливаетъ.

— Замѣчательная ветчина! Но я былъ бы очень вамъ благодаренъ, профессоръ, если бы вы мнѣ дали рюмку бѣлаго вина.

— Бѣлаго вина? Извольте. Савельичъ! Подай «бѣлаго» вина...

Савельичъ самъ—слуга старинный—
Въ одеждѣ траурной и длинной,

... такъ описалъ его въ послѣдствіи Павелъ Алексѣевичъ Козловъ въ своемъ поэтическомъ «Батищевскомъ вечерѣ», — входитъ торжественно, со скуфейкой на плѣшивой головѣ, высокій, тощій и, подлинно, въ какомъ-то собственнаго сочиненія черномъ балахонѣ, приноситъ полуштофъ «бѣлаго» вина и двѣ рюмки и съ важностью ставитъ передъ хозяиномъ. А. Н. Энгельгардтъ наливаетъ рюмки, выпиваетъ самъ, закусываетъ ветчиной и предлагаетъ Козлову.

Дѣлать нечего, камеръ-юнкеръ двора его величества императора Александра II беретъ рюмку, опрокидываетъ ея содержимое въ ротъ и дѣлаетъ ужасающую гримасу. Акцизное, тридцатиградусное «бѣлое» вино разило такой откровеннѣйшею сивушищей, что бѣдный «Паша» Козловъ едва не задохся.

Однако, согрѣлся и оживился. Тѣмъ болѣе, что хозяинъ оказался самымъ веселымъ, пріятнымъ и неистощимымъ собесѣдникомъ. А у Козлова имѣлся всегда неизсякаемый запасъ сплетень, анекдотовъ, эпиграммъ, и на два-три посѣщенія не было болѣе интереснаго человѣка. Затѣмъ уже начинались повторенія.

Кончилось тѣмъ, что «Паша» Козловъ еще выпилъ двѣ рюмки «бѣлаго» вина, какого въ жизнь свою не пивалъ, избобрѣта ссобый способъ предохранить себя отъ сивушнаго «букета»: онъ попросилъ позволенія пить, зажавъ себѣ носъ двумя пальцами, такъ какъ сивушная эманация, поднимаясь въ его объемистый, благородной формы органъ, особенно губительно тамъ дѣйствовала. Къ полуночи «Паша» Козловъ даже снѣлъ новый романсъ, пріятнымъ и обработаннымъ баритономъ, сладкій и грустный дворянскій романсъ уже начинающаго разоряться барина:

Помнишь въ роцѣ нѣги полной
Мы сидѣли въ часъ ночной,

Подлѣ насъ катились волны,
 Осребренныя луной.
 По струнамъ, дрожа въ волненьи,
 Руки бѣгали твои,
 И ты пѣла въ упоеньи
 Пѣсню сладкую любви...

VI.

Поднадзорный и камеръ-юнкеръ разстались вполнѣ довольные другъ другомъ.

Черезъ нѣсколько дней «Паша» Козловъ съѣздилъ къ княгинѣ и увѣрилъ ее, что «поднадзорный» — пріятнѣйшій и воспитаннѣйшій человѣкъ, служилъ въ лейбъ-гвардіи конной артиллеріи и будто бы онъ, по его просьбѣ и для успокоенія княгини, приказалъ поднимать половицы во всѣхъ комнатахъ и подъ ними ничего не оказалось, кромѣ крысъ и мышей...

Недѣли черезъ три «Паша» Козловъ вновь пріѣхалъ къ А. Н. Энгельгардту, но уже въ коляскѣ съ лакеемъ. Пріѣхалъ къ завтраку.

Опять стояла на столѣ ветчина и солонина.

— Не желаете ли рюмочку «бѣлаго» вина?—съ лукавой улыбкой предложилъ профессоръ.

— Позвольте на этотъ разъ мнѣ самому васъ угостить виномъ!—сказалъ Павелъ Алексѣевичъ и вышелъ распорядиться.

Черезъ минуту лакей вынесъ изъ коляски объемистый погребецъ и большую, обвязанную полотномъ, корзину.

Изъ корзины появился цѣлый строй бутылокъ бургундскаго, рейнвейна, венгерскаго изъ отличнаго погреба охотничьяго домика Козлова. Изъ погребца — приборы, хрусталь, серебро на два куверта и разныя закуски:

... roast-beef окровавленный
 И трюфли—роскошь юныхъ лѣтъ,
 Французской кухни лучшій цвѣтъ,
 И Страсбурга пирогъ негдѣнный
 Межъ сыромъ лимбургскимъ...

Полилось вино и анекдоты, импровизаціи, эпиграммы, сплетни придворныя, сплетни министерскія, сплетни великосвѣтскія, сплетни литературныя, все, что за зиму накопили «Паша» Козловъ въ Англійскомъ клубѣ, гдѣ и поэтъ Некрасовъ велъ большую игру. Все было пересыпано крупной солью милаго кощунства, изящнаго цинизма и скептическаго либерализма.

Съ тѣхъ поръ, каждымъ лѣтомъ, пріѣзжая на мѣсяцъ-другой поохотиться и предаться рифмамъ и звукамъ въ своемъ «эрмитажѣ», «Паша» Козловъ непременно три-четыре раза заѣзжалъ въ Бати-

щаво, обязательно съ погребцомъ и корзинкой, а потомъ, зимою въ Петербургѣ, рассказывалъ въ свѣтѣ, что онъ дружень съ поднадзорнымъ авторомъ «Писемъ изъ деревни», что придавало ему нѣкоторое особое значеніе.

Отъ природы богато одаренный, «Паша» Козловъ обладалъ и долей остроумія и юмора.

VII.

Къ сожалѣнію, у меня не сохранилось все его, очень удачное. стихотвореніе «Батищевскій вечеръ».

Помню лишь начало:

Уже темнѣють отдаленья;
Въ лугахъ встаетъ сѣдой туманъ:
Всѣ обозрѣвъ свои владѣнья,
Вернулся Батищевскій панъ...

Описывая усадьбу поэтъ замѣчаетъ

Увы, не слышенъ запахъ розы,—
Въ хозяйствѣ лишняя статья...
Въ телѣгахъ сочныя навозы
Везутъ на тучныя поля....

Обыкновенно, какъ уже сказано, въ свои наѣзды «Паша» Козловъ привозилъ цѣлый ворохъ каламбуровъ и болѣе или менѣе ѣдкихъ эпиграммъ, часть которыхъ собрана въ его сочиненіяхъ. Поводами для нѣкоторыхъ эпиграммъ были провинціальныя встрѣчи. Вотъ, на примѣръ, одна: «Барышня и розы» — была навѣяна одной юной сосѣдкой и довольно зла:

Съ букетомъ розъ она стояла,
Въ прелестномъ розовомъ вѣнцѣ.
Она цвѣты въ рукахъ держала—
Бутоны были на лицѣ.

Во время своей второй поѣздки «Паша» Козловъ женился на Ольгѣ Алексѣевнѣ Барышниковой, но, кажется, бракомъ этимъ руководилъ болѣе холодный расчетъ, и во всякомъ случаѣ весьма скоро поэтъ завелъ себѣ отдѣльный домикъ, гдѣ и проживалъ анахоретомъ. Быть можетъ, отзвукъ нѣкоторыхъ семейственныхъ столкновений,—хотя свѣтскіе супруги рѣдко мѣшajúть другъ другу,—слышится въ этой эпиграммѣ.

Когда на Иова удары бѣсъ направилъ,
Онъ отнял у него богатство и дѣтей,
Болванъ ему послалъ... но чтобъ страдалъ сильнѣй,
Что сдѣлалъ хитрый бѣсъ? Жену ему оставилъ.

Эпиграммы Козлова не всегда были цензурны и часто направлялись противъ видныхъ и властныхъ лицъ администраціи двора и совѣта. Кромѣ того, была у него тетрадь и довольно «вольныхъ» пьесъ. Все это возстановило противъ него великосвѣтскихъ ханжей, которыхъ онъ тоже не щадилъ. Вотъ двѣ эпиграммы:

БЕЗЗУБОЙ ХАНЖЪ.

Вы мнѣ сулите муки ада
За то, что кучу эпиграммъ
Я посвятилъ въ часы досады
Своимъ знакомымъ и врагамъ;
Въ аду, быть можетъ, встрѣчусь съ вами...
Мои слова васъ не страшатъ;
Тамъ будутъ скрежетать зубами—
Понятно, вамъ не страшень адъ!

ХАНЖЪ.

Ища усердно доброй славы,
Она сроднилась съ обществомъ ханжей;
Забыты ей любовныя забавы,
Веселыя утѣхи прежнихъ дней...
И, изъ себя рисуя мизантропа,
Она любовь карать не прочь...
Но, вѣдь, она вторая Пенелопа:
Работу дня раздѣлываетъ ночь.

Изъ неизданныхъ эпиграммъ Козлова приведу одну на композитора Мусоргскаго, который въ то время являлся душой «могучей кучки», по вечерамъ проконьячивался въ «Маломъ Ярославцѣ», и писалъ ультра-реалистическую музыку. Между прочимъ написалъ онъ «Дѣтскую»; въ этой пьесѣ воспроизведены были всѣ звуки «дѣтской»...

«Паша» Козловъ сказалъ:

О, Мусоргскій! Посредствомъ нотъ
Исполнишь все на свѣтѣ—
Какъ лѣсъ цвѣтеть,
Какъ грибокъ расти,
Какъ въ дѣтской.... плачутъ дѣти.

VIII.

Изъ юмористическихъ произведеній особенно удачнымъ должно признать шуточную поэму «Городокъ», написанную очень ловкими октавами. Кажется, тутъ изображенъ именно родной его городъ— Козловъ:

Я здѣсь когда-то жилъ и мнѣ отрада
 О городкѣ далекомъ говорить;
 Его люблю и, право, мнѣ досада,
 Что въ немъ не все приходится хвалить;
 Хоть говорятъ, что изъ избы не надо
 (Таковъ обычай) сору выносить,
 Но что, скажите, выйдетъ, если гору
 Въ избѣ мы наметимъ такого сору?

«Городокъ» вполне патріархальный:

Онъ спитъ глубокимъ сномъ по волѣ Бога
 И новшествъ никакихъ не признаетъ;
 Въ немъ жизни нѣтъ, но прозябанья много...
 Непроходимый путь къ нему ведетъ.
 Ближайшая желѣзная дорога—
 За двѣсти верстъ.
 Вполнѣ несчастенъ тотъ,
 Кого судьба по этимъ дебрямъ гонитъ,
 Гдѣ путникъ то въ пескахъ, то въ глинѣ тонетъ.
 Страшна дорога, но мосты страшнѣй;
 Они въ душѣ невольный трепетъ будятъ.
 Чтось щеи не сломать, всего вѣрнѣй
 Ихъ объѣзжать, а тамъ ужъ будь, что будетъ!...
 Но если по оплошности своей
 Провалитесь, то васъ же всѣ осудятъ.
 «Эхъ, баринъ, скажутъ,—ты чудакъ прямой:
 «Вѣдь видишь—мостъ, а ѣдешь, Богъ съ тобой!»

Самое описаніе слишкомъ всѣмъ знакомаго, російскаго городка—хотя вѣрный старымъ приличіямъ, «Паша» Козловъ сдѣлалъ примѣчаніе къ своей поэмѣ: «спѣшу заявить, что описываемый городокъ—плодъ фантазіи, и не можетъ находиться въ Европейской Россіи; впрочемъ, это не надо прибавлять, такъ какъ здѣсь описываются азіатскіе нравы», — такъ описаніе самого «городка» начинается съ достозамѣчательнѣйшихъ «номеровъ»...

Вотъ городъ. Васъ подвозятъ къ «номерамъ»
 (Пріѣзжему пріюта нѣтъ другого),
 За скромный рубль отводятъ номеръ вамъ,
 Но описать его безсилно слово....
 Матерія пришитая къ доскамъ,—
 Вотъ ложе, что для путника готово;
 А стулья, кресла... Мой безсилень стихъ
 Вамъ передать всѣ совершенства ихъ.
 Вы просите, чтобъ сѣна вамъ постлали,
 И сладкій сонъ надѣтесъ обрѣсть;
 Но и вздремнуть удастся вамъ едва ли:
 Лишь ляжете, уколы вамъ нанесъ
 Спѣшать враги; они давно васъ ждали;
 Имъ тоже, бѣднымъ, надо пить и ѣсть...

Послѣдній стихъ взять изъ живой дѣйствительности. Одна добродушная помѣщица на вопросъ, какъ это она можетъ мириться съ тѣмъ обстоятельствомъ, что въ ея усадьбѣ клопы *начинаются съ передней*, отвѣчала:

— Ахъ, и клопъ живая тварь. Его на свѣтѣ не было бы, не возьми его съ собой въ ковчегъ Ной. И клопамъ, бѣднымъ, надо пить и ѣсть!

И питала клоповъ своими жирными тѣлесами и не менѣе пышными и сдобными деревенскими прелестями своихъ шести дочерей, изъ которыхъ одна, кажется, и держала какъ-то цвѣты, а «бутоны» имѣла на лицѣ...

Недурно описаніе уѣзднаго «клуба», гдѣ разъ въ недѣлю происходятъ танцы:

Но этотъ клубъ, скажу я безъ прикрасъ,—
 Образчикъ рѣдкой грязи и безвкусья;
 Обои пестрою рѣжутъ глазъ,
 Понятя дать о нихъ и не берусь я;
 На черныхъ потолкахъ пугаютъ васъ
 Бумагою оклеенные брусъя,
 А по стѣнамъ, какъ линія солдатъ,
 Журналовъ разныхъ преміи висятъ.
 Вотъ «Брачный пиръ» и «Юная арапка»,
 Забытой «Нови» грустные плоды;
 Здѣсь неважей цѣлая охапка;
 Тамъ Моисея тащатъ изъ воды;
 Съ нимъ рядышкомъ, плѣняя модной шляпкой,
 Виситъ мамзель, невѣдомой среды;
 Презрительно на эти всѣ картины
 Глядитъ какой-то воинъ съ кислой миной.
 Ужасный видъ! Но дамамъ дѣла нѣтъ
 До бѣдности и грязи помѣщенья;
 Была бы имъ арена для побѣдъ,
 А прочее—безъ смысла и значенья.
 Ужъ будто такъ необходимъ паркетъ?
 И безъ него случаются паденья;
 Лишь захотѣтъ, а тамъ ужъ какъ-нибудь
 И безъ него найдется скользкій путь.
 Но о такихъ путяхъ злословить мнѣ ли?
 Предъ дамами я таялъ и дрожалъ,
 Къ нимъ помыслы мои всегда летѣли:
 Я отъ любви восторговъ свѣтлыхъ ждалъ.
 Но съ юностью и грезы улетѣли;
 Померкъ въ душѣ завѣтный идеаль,
 И дамы, отъ которыхъ ждалъ я счастья,
 Мнѣ перестали выражать участие.
 Увы, я старъ и не могу ничѣмъ
 Привлечь ихъ взглядъ, когда-то благосклонный!
 Закрылся для меня навѣкъ Эдемъ,
 Куда стремился я душой влюбленной.
 Романсъ: «Си тю саве комбень же т'емъ»,
 Мнѣ не поютъ уѣздныя мадонны...
 И нѣжный стихъ: «Бьенъ сюръ тю м'емере»
 Не шепчутъ мнѣ, глаза поднявъ горѣ.

Прелестная поэма «Городокъ» въ сорока трехъ октавахъ написана уже въ восьмидесятихъ годахъ, какъ это ясно изъ перечисленія «премій» на стѣнахъ уѣзднаго «клуба» и между ними знаменитой «преміи въ рамѣ» журнала «Нови», фирмы Маврикія Вольфа Сыновей.

IX.

Это было въ первой половинѣ семидесятихъ годовъ. Совершенно одинокій въ своемъ Батищевѣ, А. Н. Энгельгардтъ былъ радъ шумнымъ наѣздамъ П. А. Козлова и блестящей его болтовнѣ о Петербургѣ. Но съ 1877 года въ Батищево стала пріѣзжать работать тогдашняя радикальная, народническая молодежь. Въ средѣ живой и серьезно мыслящей этой, идеалистически настроенной молодежи, профессоръ чувствовалъ себя уже не одинокимъ и посѣщенія камеръ-юнкера Козлова изъ общества глубоко пошлаго и циническаго, изъ общества двора и свѣта, пропитанныхъ самымъ отталкивающимъ снобизмомъ, легкомысліемъ прожигателей старыхъ «прерогативъ и привилегій», въ которыя никто не вѣрилъ, быстрой утраты которыхъ всѣ ждали,—посѣщенія «Паші» Козлова съ его корзиной, погребцомъ и анекдотами потеряли свою цѣну, а наконецъ, стали и не ко двору. Вотъ какимъ образомъ они и совсѣмъ прекратились.

«Паша» Козловъ пріѣхалъ въ іюльскій, жаркій, праздничный вечеръ. На крыльцѣ встрѣтилъ его Савельичъ и доложилъ:

— Баринъ въ роцѣ на банкетъ-съ!

Козловъ весьма заинтересовался и отправился черезъ садъ въ рощу.

Оттуда неслась задумчивая, малороссійская пѣсня, слышался смѣхъ и говоръ молодежи.

Козловъ приближается. Видитъ длинные простые столы и скамьи. Огромный самоваръ. Множество стакановъ. Дочь хозяйина разливаетъ чай. Въ челѣ столовъ сидитъ А. Н. Энгельгардтъ въ красной своей гарибальдійской рубашкѣ, въ кудряхъ до плечъ, съ папирской въ красивыхъ, бѣлыхъ пальцахъ, поджавъ одну ногу, одушевленно ораторствуетъ; человекъ пятнадцать молодыхъ людей и барышень, въ бѣлыхъ рубашкахъ, загорѣлыхъ, дюжихъ, спорять, поютъ, пьютъ чай, заѣдая его огромными ломтями чернаго хлѣба съ масломъ и приправляя молокомъ изъ горшка...

— Вотъ она—батищевская фаланстерія! подумалъ камеръ-юнкеръ, и слегка поклонившись всей компаніи съ шутливымъ видомъ туриста, интересующагося мѣстными достопримѣчательностями, направился къ хозяйину. Сдѣлалось общее молчаніе. А. Н. всталъ навстрѣчу съ обычной привѣтливостью. Но молодые «народники» нахмурились, насупились. «Банкетъ» былъ прерванъ.

Почувствовалась неловкость. Однако, «Паша» Козловъ призвалъ на помощь свѣтское искусство, рассыпался въ любезностяхъ, находилъ очаровательной оригинальную обстановку «банкета», рассказалъ какую-то сенсационную петербургскую новость, сумѣлъ выставить либеральный покровъ своего образа мыслей, хозяинъ его поддержалъ, молодая хозяйка подала ему стаканъ чая, барышни стали улыбаться, молодежь смягчилась, полились опять споры, послышался смѣхъ... Скоро «Паша» Козловъ до того разошелся, что уже собирался послать за своей корзиной и погребцомъ. Покамѣстъ же сказалъ:

— Я слышалъ, идя сюда, прекрасное пѣніе... Чудные голоса! И я такъ люблю малороссійскія пѣсни... Эти... какъ онѣ... la doumka, n'est-ce pas, cher Александръ Николаевичъ?.. Я бы очень былъ благодаренъ ее услышать... А пока я дерзаю спѣть самъ... мой послѣдній романсъ... Никола!—обратился онъ къ лакею въ сѣрой курткѣ съ гербовыми козлами по воротнику и обшлагамъ, стоявшему въ отдаленіи и выразившему на бритой физиономіи своей сознание высокаго превосходства и снисходительности къ причудамъ его барина, сошедшаго до такой компаніи,—Никола! принесите, пожалуйста, мой красный бюваръ.

Красный бюваръ принесенъ. «Паша» Козловъ достаетъ свой романсъ и пріятнымъ, обработаннымъ, дворянскимъ своимъ баритономъ начинаетъ пѣть:

Внимая весеннему пѣнью
 Подъ звуки невидимыхъ музъ,
 Одѣтый и свѣтомъ и тѣнью
 Заснулъ убажканный міръ.
 Все полно истоми и лѣни,
 Чуть слышно лепечеть ручей;
 На вѣткѣ душистой сирени
 Влюбленный поетъ соловей,
 Все тонетъ въ волнахъ аромата.
 Все млѣетъ, трепещетъ и ждетъ.
 Весеннею жаждой объята,
 Природа о страстѣ поетъ...
 Поетъ о невидимомъ счастье,
 О свѣтлыхъ восторгахъ любви...
 Ей внемя, огонь сладострастья
 Безумно пылаетъ въ крови...
 Какъ отзвукъ волшебнаго пѣнья,
 Пусть пѣсня несется моя!
 И я весь горю отъ волненья!
 И я полонъ силъ... и огня!
 Къ тебѣ простираю я руки!
 Къ тебѣ всѣ стремятся мечты?
 Поймешь ли ты страстные звуки?
 Любовью отвѣтишь ли ты?!
 Любовью отвѣтишь ли ты?!?!
 Любовью отвѣтишь ли ты???!!!

X.

Романсы П. А. Козлова отличаются мелодичностью и красивыми вообще словами, его же сочиненія. До сихъ поръ поютъ его «Смотря на лучъ пурпурнаго заката, стояли мы на берегу Невы». Но тотъ романсъ, который онъ пропѣлъ въ Батищевской роцѣ на банкетѣ надо признать однимъ изъ удачнѣйшихъ его композицій.

Къ тому же П. А. Козловъ отличался изящной старо-барской наружностью, охотничій, оригинальный темно-коричневый нарядъ очень ему шелъ и онъ тогда еще не потерялъ своихъ физическихъ качествъ; черты имѣлъ правильныя, крупныя, глаза полныя огня. Наконецъ и исполнилъ онъ свой романсъ весьма художественно. Чувствовалъ онъ себя какъ бы на нѣкоемъ экзаментѣ или турнирѣ, имѣя противъ какую-то молодую, буйную, непонятную силу, которую устрашенные бюрократы называли «революціонной гидрой» и которая въ самомъ дѣлѣ, несмотря на всевозможныя преслѣдованія, продолжала развиваться и разрастаться.

Эту силу на словахъ презирали въ томъ обществѣ, къ которому онъ принадлежалъ, но въ тайнѣ предъ ней трепетали, чувствуя, что ея значеніе—въ вѣрѣ въ себя, въ свое дѣло, въ самоотверженіи, чего именно не было ни въ свѣтѣ, ни въ министерствѣ, ни при дворѣ несчастнаго государя. Ничего, кромѣ цинизма, тайнаго полнаго нигилизма и невѣрія во всѣ завѣты и святыни, которыми прикрывались, въ той удушающей средѣ «верховъ» 70-хъ годовъ не было. Какъ умный человѣкъ, П. А. Козловъ все это понималъ и зналъ. Но... тамъ была внѣшняя культура и вотъ ею-то онъ и думалъ взять.

И что же?.. Суровыя барышни—народницы, изъ которыхъ многія потомъ погибли въ казематахъ и тундрахъ Сибири, поддались на голосъ сирены. Изящество романса, сладкая его мелодія, нѣжныя слова, какое-то странное очарованіе этого гимна отживающаго, испорченнаго, но все еще красиваго барства, тронуло ихъ, воспитанныя въ строгомъ народническомъ цивизмѣ сердца. Даже и изъ мужской части молодежи послышались одобрительныя междометія, когда камеръ-юнкеръ кончилъ и скромно вкушалъ полученное удовлетвореніе, ощутивъ, что впечатлѣніе произведено.

Только запѣвало батищевского хора молодежи, прекрасный теноръ, русокудрый и высокій, свель строго брови на холодномъ лицѣ..

Грассируя и по-дворянски присюсюкивая, «Паша» Козловъ между тѣмъ выразилъ желаніе услышать пѣніе молодежи.

— Желаете послушать, ваше превосходительство?—крикнулъ запѣвало.—Могимъ!

И встряхнувъ кудрями, вдругъ залился своимъ кристальнымъ теноромъ:

Эхъ, ребята, плохо дѣло!
На-а-ша барка на мель съ-ѣ-ѣла!

А хоръ дружно подпѣвалъ:

Ой, дубинушка ухнемъ!
Ой, зеленая, са-ма пой-деть!..

Камеръ-юнкеръ двора его императорскаго величества «Паша» Козловъ смутился, поплѣднѣлъ, этой марки онъ не ожидалъ... По дѣлу «ста девяносто трехъ» не мало было упечено въ Петропавловку и потомъ судимо за «потрясеніе основъ» людей, только тѣмъ и завившихъ себя, что пѣли «барку».

А. Н. Энгельгардтъ улыбался, видя смущеніе гостя, и поспѣшилъ ему на выручку, предложивъ пройтись по хозяйству. «Паша» Козловъ съ радостью ухватился за сей выходъ и удалился изъ роци уже съ камеръ-юнкерской осанкой, не удостоивъ поклона «фаланстерію»...

Едва отошелъ онъ, громовый хохотъ молодежи грянулъ за нимъ. А запѣвало затянуль:

Ой, жигуне, жигуне,
Якій-жъ ты лядащій!
Дадуть тобі тузапа,
Самъ не зная за ще!

Обозрѣніе хозяйства было непродолжительно и «Паша» Козловъ уѣхалъ, на этотъ разъ не распаковавъ свою корзину.

Больше въ Батищевѣ онъ не бывалъ.

XI.

Многоразличныя обстоятельства, роскошная жизнь, безопасность и легкомысліе разстроили состояніе П. А. Козлова. Камеръ-юнкеръ, а потомъ и камергеръ, онъ въ душѣ принадлежалъ къ той поэтической «богемѣ», которію описалъ съ такимъ совершенствомъ французскій писатель сороковыхъ годовъ Мюрге. Въ 80-хъ годахъ, однако, еще оставался у Козлова собственный, хотя заложенный и перезаложенный, домъ, въ Петербургѣ, на Большой Морской противъ кирки, и въ немъ стильная романтическая обстановка.

Во время своихъ заграничныхъ путешествій «Паша» Козловъ познакомился со многими французскими, англійскими, нѣмецкими и итальянскими писателями.

И въ Россіи его тянуло къ литераторамъ. До полного своего разоренія «Паша» Козловъ ежемѣсячно устраивалъ у себя литературные обѣды, на которыхъ бывали всѣ почти выдающіеся писатели той эпохи.

Время послѣ 1881 года, душевное затишье царствованія императора Александра III, привлекло вниманіе общества къ искусству. Такъ всегда и бываетъ. Даже Н. К. Михайловскій тогда жаловался что молодежь, вмѣсто «служенія идеалу», «непрестанно пишетъ стихи и играетъ на віолончели».

Стихотворцевъ въ самѣмъ дѣлѣ высыпало, точно грибовъ послѣ теплаго лѣтнаго дождя, видимо-невидимо. Живы были и старыя маэстро стиха и прозы: Майковъ, Полонскій, Фетъ, Гончаровъ, Григоровичъ.

Еще существовали литературныя гостинныя, гдѣ собирались настоящіе, совершенно приличные литераторы. Еще не созданъ своеобразный типъ современнаго «кошкодава» съ рекламными «открытками» въ табачныхъ лавочкахъ. Старая литературная «богема» полна была вкуса и вполне, въ сущности, прилична. Даже народническіе писатели съ Глѣбомъ Успенскимъ во главѣ, собиравшіеся въ ресторанѣ Палкина «у машины», не являли чертъ той разнузданности, которая въ наши дни почти выключила состояніе «писателя» за черту порядочнаго круга.

«Паша» Козловъ имѣлъ огромный и великолѣпный альбомъ, въ который собиралъ автографы заграничныхъ и русскихъ извѣстныхъ писателей, композиторовъ, художниковъ, артистовъ.

Собиралъ онъ автографы такимъ порядкомъ: если появлялась новая звѣзда на небосклонѣ «свободныхъ искусствъ», онъ спѣшилъ знакомиться и затѣмъ являлся въ двухмѣстной каретѣ съ большимъ «козломъ» на дверцахъ. Терпѣливо подымался онъ на пятый этажъ, гдѣ обыкновенно витаютъ русскіе извѣстные писатели, и появлялся въ квартирѣ знаменитости, сопровождаемый ливрейнымъ лакеемъ, который вносилъ за нимъ, съ приличной важностью, альбомъ.

И тутъ ужъ спавенія знаменитости не было.

Гдѣ этотъ любопытнѣйшій альбомъ?

XII.

Однако наступило полное разореніе. Послѣдній «литературный» обѣдъ, который «Паша» Козловъ давалъ въ «собственномъ» домѣ, который уже не былъ его собственностью, полонъ былъ трагизма. Служили двое ливрейныхъ лакеевъ, но какъ-то вдругъ выяснилось, что одинъ изъ нихъ—одѣтый въ ливрею младшій дворникъ «собственнаго» дома. Все еще стояло на мѣстахъ въ особнякѣ, но отъ всего уже вѣяло духомъ нежилымъ, чувствовался, какъ выражаются англичане, «скелетъ въ домѣ». Всѣ собрались... Время идетъ... «Паша» Козловъ прогуливается взадъ и впередъ съ плохо скрытымъ волненіемъ... Наконецъ ливрейные лакеи вкатываютъ

столикъ на колесикахъ и на немъ «закуску»... Но опытный глазъ видитъ ясно, что съ этой «закуской» что-то не ладно. Наставлено фарфора и хрустала съ фамильными «козлами» много, а взять что-то нечего...

Литературная братія налегла на «бѣлое» вино и живо очистила затѣйливый столикъ. Ждутъ обѣда. Обѣда нѣтъ! Время идетъ. Разговоры истощаются. «Паша» Козловъ все прохаживается, дыша астматически и волнуясь, а обѣда нѣтъ... Но вдругъ въ сосѣдней комнатѣ шумъ. «Паша» Козловъ радостно устремляется туда... Изъ неплотно притворенной двери долетаютъ реплики:

— Поваръ изъ Англійскаго клуба пріѣхали!..

И басовыя ноты самого повара:

— Такъ что хозяинъ въ послѣдній разъ...

То былъ послѣдній «литературный» обѣдъ, приправленный меланхолическими шутками, стихами, остроумными тостами, обѣдъ, увѣ! не дома сваренный, а изъ клуба, отпущенный изъ уваженія къ старымъ заслугамъ, но все же великодѣйный, съ тонкими винами, съѣденный и выпитый на *своемъ* фамильномъ фарфорѣ и серебрѣ, въ *своемъ* хрусталѣ съ «козлами», въ *собственномъ* особнякѣ на Большой Морской...

Черезъ три дня «Паша» Козловъ уже не имѣлъ ни дома, ни серебра, ни фарфора, ничего.

Впрочемъ, онъ скоро и умеръ отъ астмы. Задыхаясь, онъ диктовалъ сцены комедіи изъ свѣтской жизни, въ стихахъ...

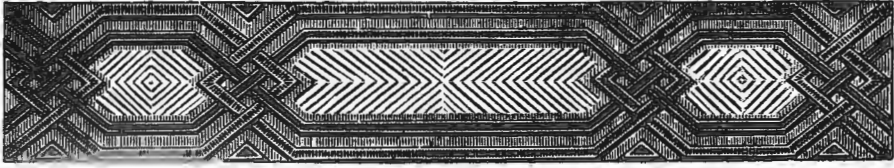
Гдѣ эти сцены?

Умеръ онъ въ 1891 году, но предчувствіе событій грядущихъ сказалось въ этихъ его стихахъ, кажется, послѣднихъ:

Со всѣхъ сторонъ кричатъ: проходить ночи тѣнь—
Заря румяная восходитъ надъ полями;
Довольно ждали мы, и скоро свѣтлый день
Насъ осѣнитъ веселыми лучами.
На алыи горизонтъ взглянулъ печально я;
Пророки, я сказалъ, пророки, вы неправы,
Взгляните пристально: нѣтъ, это не заря,
А зарева пожара блескъ кровавый.

Ник. Энгельгардтъ.

ВО ВЛАСТИ СЕРДЦА ¹⁾.

Историческая быль.

ВТО 1799 года. Жаръ и духота страшнѣйшіе. Казанскіе обыватели смиренненько сидятъ по домамъ въ ожиданіи, когда придетъ вечеръ, принесетъ съ собою холодокъ и можно будетъ выйти подышать воздухомъ. Тѣ же, которые поневолѣ изъ-за неотложныхъ надобностей очутились на улицѣ, тѣ бродятъ по городу еле-еле, какъ сонныя мухи.

Проходящіе мимо семинаріи приостанавливаются, прислушиваются къ доносящемуся изъ оконъ ея гулу и потомъ, оживившись на мигъ разслышанными звуками, веселѣе двигаются далѣе.

По какому же это случаю расшумѣлся семинарскій муравейникъ? Что дѣлается въ стѣнахъ этого, обычно тихаго, строго вымуштрованнаго заведенія?

Оказывается, что въ актовомъ залѣ семинаріи собралась семинарская молодежь. Только что объявлены результаты выпускныхъ экзаменовъ и счастливыя, окончившіе курсъ, стряхнули съ себя тяжесть долготѣннаго сидѣнія подъ надзоромъ, подъ указкой и отводятъ душу въ громкомъ обмѣнѣ думъ и чувствъ. Ходятъ парами, группами, весело перекликаясь, не смолкая ни на минуту. Изъ одной группы несется веселая пѣсня, смущающая прохожихъ, не привыкшихъ слышать звуки пѣсенъ въ семинаріи, но зато тѣмъ болѣе пріятно удивляемыхъ ею.

¹⁾ Составлено по архивнымъ матеріаламъ, находящимся въ дѣлѣ святѣйшаго синода 1808 г. № 183 «о безпорядкѣ въ иркутской семинаріи и предосудительномъ поступкѣ архимандрита Іакинѣа» и хранящейся въ моск. отд. общ. арх. главнаго штаба (по описи 153в., № 61) въ книгѣ высоч. указовъ, объявленъ ген. адъютантами въ 1806 году.

У крайняго окна зала стоитъ одиноко красавецъ-юноша, на диво и богатырски сложенный. Стоитъ и думаетъ какую-то тяжелую думу, нарушая общую гармонию настроенія, переполняющаго воздухъ зала. Напрасно товарищи стараются оторвать его отъ думъ, поминутно окликая его. «Бичуринъ! иди къ намъ! что задумался въ такой день!»—слышится онъ призывные клики то изъ одного, то изъ другого конца зала, но ничто не въ состояннн прервать быстрое теченіе его мыслей. Одолѣли онъ бывшаго семинариста, питомца закрытаго духовнаго учебнаго заведенія стараго времени со всѣмъ его тяжелымъ режимомъ. Жутокъ ему кажется переходъ на положеніе полноправнаго гражданина. Станнымъ кажется даже то, что родственники, прѣхавшіе за его товарищами, зовутъ его уже не по фамиліи, какъ это было много лѣтъ, а по имени и отчеству—Никитой Яковлевичемъ.

Что же томить его, давить сердце въ день такой радостный для всѣхъ окончившихъ курсъ? Самъ онъ не знаетъ, не можетъ дать себѣ отчета. Какое-то тяжелое предчувствіе встрѣчаетъ его на зарѣ свободной жизни и отравляетъ ему первую радость...

Припоминаются ему протекшіе года и все, что онъ находитъ въ своихъ воспоминаніяхъ, невольно заставляетъ сказать про себя: такъ мало прожито, такъ много пережито...

Вотъ видитъ онъ себя клопомъ-мальчугашкой на задворкахъ роднаго села Бичурина. Праздничный день. Товарищи его, чистенько одѣтые и умытые матерями, играютъ въ бабки и другія игры, а онъ одинокій, грязноватый, съ завистью смотритъ на нихъ и больно-больно сжимается сердчишко, что нѣтъ и ему доли маленькой въ общемъ дѣтскомъ пиру: нѣтъ у него матери родимой, которая могла бы съ любовью позаботиться о немъ. И одѣла бы она его, и умыла бы ради такого праздника, и бабокъ бы припасла, да рано потерялъ жену отецъ его—дьячокъ сельскій. Оставшись вдовцомъ, сталъ онъ испивать и сынишка росъ въ забросѣ, на волѣ Божіей. Нельзя сказать, чтобы возможности не было жить лучше,—село порядочное, не хуже многихъ другихъ, по Чебоксарскому уѣзду разбросанныхъ, и доходы церковнослужительскіе были приличные; при жизни хозяйки всего было въ домѣ хоть не полная чаша, но достаточно, а теперь домъ сталъ вовсе сирота. И отецъ, и сынъ чувствовали себя горемыками: ѣли-пили безо время, что ни попадя; одѣвались—съ грѣхомъ пополамъ.

Такъ тянулось время для Никиты до тѣхъ поръ, пока исполнилось ему четырнадцать лѣтъ. Тогда уже надоумили отца его добрые люди отвезти сына въ Свіяжскъ и отдать въ духовное училище нотнаго пѣннѣ. Съ этого времени потекла ровнѣе жизнь мальчика. Одѣтъ, обутъ, накормленъ наравнѣ съ другими. Удовлетворена была и физическая его природа, и природа умственная:

жадно сталъ учиться любознательный мальчикъ и быстро выдвинулся изъ ряда своихъ школьныхъ товарищей. Но духовная сторона его страдала: онъ былъ одинокъ здѣсь, какъ и въ семьѣ, и на селѣ. Гордый, самолюбивый безсознательно, сильный, какъ выросшій и окрѣпшій на свободѣ; на воздухѣ чистомъ да на черномъ хлѣбушкѣ, не дался онъ въ обиду школярамъ съ перваго же дня и сталъ отъ нихъ особнякомъ, а когда ученье его пошло отлично и онъ перегналъ многихъ, то съ нимъ совершенно никто не сталъ сближаться. Одиночество его преслѣдовало, но не было для него пока особенно чувствительно,—сознаніе его еще не проснулось. Да и не успѣлъ онъ почувствовать одиночества какъ слѣдуетъ за одинъ годъ пребыванія въ школѣ... Годъ этотъ пролетѣлъ какъ сонъ, настолько заняло Никиту стремленіе поглотить какъ можно болѣе изъ преподаваемой ему науки. Черезъ годъ же его перевели въ Казань, въ семинарію, въ числѣ лучшихъ учениковъ. Въ семинаріи встрѣтили его болѣе тепло и сердечно. Шли навстрѣчу сближенію. Но онъ относился къ товарищамъ съ недоувѣріемъ и старался отходить отъ нихъ, углубляясь въ себя и въ свои занятія, какъ улитка въ раковину. По мѣрѣ того, какъ программа съ каждымъ годомъ расширялась, жажда знанія увлекала Бичурину все глубже и глубже, и онъ вовсе не имѣлъ свободнаго времени, которое могъ бы провести съ товарищами, едва хватало его на намѣченныя работы... Такъ и прожилъ онъ года семинарскаго ученія одиноко и вотъ теперь ему приходилось вступать въ жизнь одинокимъ: ни посовѣтоваться не съ кѣмъ, ни чувствомъ подѣлиться. Это-то обстоятельство его и тяготило. Никогда не выходя за стѣны семинаріи, онъ не зналъ ни свѣта, ни людей. Съ чего начать? Какъ строить свою будущую жизнь? Къ священнослуженію склонности онъ не имѣлъ. Умъ его стремился къ дальнѣйшему развитію, познанію всего, что дѣлается въ мірѣ по всѣмъ отраслямъ жизни,—въ немъ гнѣздились задатки глубокаго ученаго и изслѣдователя. Въ то время, какъ товарищи его оживленно обсуждали вопросъ о полученіи священническихъ вакансій, онъ обрекалъ себя на движеніе по другому пути —пути воспитанія юношества и дальнѣйшаго самообразования.

Наконецъ онъ оторвался отъ окна и пошелъ къ ректору, чтобы рассказать ему, что передумалъ, и заявить желаніе свое занять свободное мѣсто учителя грамматики въ этой же семинаріи. Ректоръ охотно согласился. Первый шагъ Бичурина въ жизни былъ сдѣланъ... Что то принесетъ судьба?

Обстоятельства сложились такъ, что первый шагъ оказался и первой ступенью въ карьерѣ. Преподавая въ семинаріи, онъ обратилъ на себя общее вниманіе, какъ выдающійся преподаватель, умѣвшій блестяще развертывать передъ умственнымъ взоромъ учениковъ такой предметъ, какъ грамматика: увлекаясь на своихъ урокахъ, онъ увлекалъ за собой и учениковъ... Энергичная работа

его не осталась безплодною и для него: вскорѣ, при обращеніи семинаринъ въ духовную академію, ему предложено было занять катедру высшаго краснорѣчія. Это было въ началѣ 1800 года.

Въ іюлѣ того же года ему предложили, суля въ будущемъ посохъ епископскій, постричься въ монахи. Соблазненный перспективой высокаго положенія и власти, онъ рѣшился на этотъ новый шагъ, ставшій для него роковымъ.

Новому монаху Іакинѣу шелъ въ то время двадцать четвертый годъ, самый расцвѣтъ жизни. Богатыя силы молодого организма только что стали просыпаться. Природа, никому ничего не уступающая, стала предъявлять свои запросы. По натурѣ своей онъ неспособенъ былъ нести крестъ, налагаемый обѣтами монашества. Онъ поступилъ рискованно, опрометчиво, давши согласіе.

Между тѣмъ движеніе его впередъ, вверхъ по ступенямъ іерархіи, было предрѣшено и совершалось быстро: 18-го іюня онъ монахъ, 7-го іюля—іеродиаконъ, 25-го августа—іеромонахъ, а 4-го ноября—управляющій монастыремъ.

Хотя служба монастырская и отнимала много времени, но не могла взять у іеромонаха Іакинѣа весь притокъ жизненныхъ силъ, не могла убить въ немъ человѣческую природу. Въ это время ему пришлось пережить тяжелую борьбу между долгомъ и требованіями природы, причѣмъ побѣдительницей вышла послѣдняя.

Будучи однажды на рынкѣ по хозяйственнымъ дѣламъ монастыря, встрѣтился онъ съ дѣвушкой, поразившей его своею красотою и взаимно пораженной его внѣшностью. Въ слѣдующій же праздникъ пришла она въ монастырь и просила настоятеля выслушать ее наединѣ. Разказала ему, что она вольноотпущенная дворовая отставного прапорщика Харламова, Наталья Иванова. Разказала, что она перенесла черезъ свою красоту, будучи дворовой, потому что зарились на нее жадныя до красиваго тѣла женскаго разныя власти двора и села... Къ счастью отецъ ея, старый слуга барской семьи, заслужилъ для себя и дѣтей своихъ вольную¹⁾, самоотверженно бросившись спасать утопавшаго барчука, котораго быстрыя волны рѣки несли на несомнѣнную гибель подъ колеса мельницы. Наташа, видя, что ей не будетъ покоя, могла бросить родныя мѣста и уѣхать. Высказала, что свободна она какъ птица, и сердцу заказу нѣтъ, да стало оно что-то болѣть сильно въ послѣднее время, мѣста нигдѣ не находитъ, покоя нѣтъ... Рѣкою лилась горячая рѣчь и лилась прямо въ сердце Іакинѣу. Чудныя очи красавицы жгли его хуже огня. Кровь кипучая прилиwała ему къ сердцу. Потерялъ онъ голову и навсегда.

¹⁾ «Вольною»—во времена крѣпостной зависимости называлась бумага, въ которой записывалось объявленное помѣщикомъ земскому суду желаніе дать свободу навсегда одному изъ его крѣпостныхъ, а иногда и потомкамъ его.

Ушла красавица. Унесла съ собой сердце молодецкое. Забыты обѣты монашескіе. Забытъ долтъ. Все сложено къ ногамъ красавицы. Не спасли ни клобукъ, ни мантия... Неотступныя думы о ней преслѣдовали Іакинѳа. Понялъ онъ, что не уйти ему отъ судьбы своей, и порѣшилъ, что безъ Наташи ему не жизнь. Понялъ онъ и то, что Наташа также пойдетъ за нимъ на край свѣта,—лишь бы быть около него,—это прочелъ онъ въ глазахъ ея за короткія минуты свиданья, а отказаться отъ счастья неизвѣданнаго, желаннаго, былъ онъ не въ силахъ. Обдумывая окончательное рѣшеніе, онъ говорилъ себѣ, что совѣсть его будетъ чиста, что онъ не монахъ, а профессоръ... Убаюкавъ себя такими разсужденіями, подъ давленіемъ волны нахлынувшаго естественнаго чувства рѣшился онъ безповоротно итти къ желанной цѣли. Осталось придумать, какъ устроить сближеніе съ любимымъ существомъ, чтобъ это не слишкомъ бросалось въ глаза и не оскорбляло чувство окружающихъ, благодаря особенности его положенія.

Умъ работалъ лихорадочно и потому нужное рѣшеніе было быстро готово...

Заболѣлъ настоятель... Позвали лекаря. Лекарь сказалъ, что необходимъ полный покой, женскій мягкій уходъ и отдѣльный столъ ради выздоровленія.

Сталъ настоятель совѣтоваться съ отцомъ-казначеемъ какъ быть, что дѣлать? Разсудили, что по времени и закону отмѣна бываетъ такъ не допустить же въ самомъ дѣлѣ помирать нужнаго для обители человѣка. Сообразили, что келья настоятельская стоитъ особнякомъ и кухонька при ней есть особая; помѣстить, значитъ, на кухнѣ стряпуху для больного зазорно не будетъ, а она же поспѣетъ и за сидѣлку дѣло справить. Тогда Іакинѳъ объяснилъ отцу-казначеему, что сказывали ему, будто на базарѣ проживаетъ у знакомыхъ безъ дѣла бывшая дворовая, обученная при барскомъ домѣ, Наталья Иванова... Вотъ бы ее найти и нанять!

Сказано—сдѣлано. Нашли, сговорили и водворили. Одежду сшили, какъ послушницѣ, чтобы въ глаза не бросалось мірское платье, и потекла своей чередой молодая жизнь двухъ соединенныхъ любящихъ сердецъ, полного жгучая ненасытнаго счастья, забвенія обо всемъ кромѣ настоящаго. Іакинѳъ, хотя и поправился скоро (при заботливомъ уходѣ), но устроеннаго порядка жизни не перемѣнилъ да и побуждать его къ этому было некому,—самъ голова...

Власть духовная судила о немъ по результатамъ его дѣятельности на пользу монастыря, а работалъ Іакинѳъ это время еще ретивѣе, вкладывалъ въ заботу объ обители всѣ силы своего ума, всю энергію, и настолько возвысился въ глазахъ начальства, что менѣе чѣмъ черезъ годъ получилъ санъ архимандрита и былъ назначенъ настоятелемъ Вознесенскаго мужского общежитія въ Иркутскѣ и ректоромъ иркутской семинаріи.

Порадовались Іакинѣ съ Наташею. Такая перемѣна, по мнѣнію ихъ, не только не лишала ихъ счастья, но, напротивъ, создавала лучшую обстановку: здѣсь ихъ мучила мысль, что они живутъ въ стѣнахъ монастыря и своей грѣшной любовью нарушаютъ святость его, на новомъ же мѣстѣ Іакинѣу предстояло жить въ семинаріи, а въ монастырь ѣздить.

Но человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ.

На первыхъ порахъ прибытіе архимандрита съ своимъ келейникомъ Адрианомъ Ивановымъ особаго впечатлѣнія не произвело. Шушукались, правда, втихомолку, да Іакинѣу съ Наташей было объ этомъ горя мало. Жили спокойно. Пили счастье полной чашей, а въ даль не заглядывали. Прошелъ годъ. Не много времени протекло, но много новаго принесло. Начать съ того, что изо дня въ день остережся окружающихъ труднѣе было, чѣмъ шило въ мѣшкѣ утаить. То увидѣлъ Наташу монахъ, неожиданно пришедшій къ Іакинѣу и увидѣлъ въ спальнѣ у него, сидящей въ пестрой юбкѣ на стулѣ у ночного столика. То семинаристы, лазившіе за яблоками въ ректорскій садъ, видѣли въ окно келейника, ходившаго по комнатамъ въ женскомъ платьѣ. Дальше въ лѣсъ, больше дровъ... Начальство пріѣзжаетъ,—исчезаетъ келейникъ: прячетъ его ректоръ въ подпольѣ... Почему? Зачѣмъ?

Все это создало увѣренность въ томъ, что сначала только подозревали, и пошелъ говоръ по семинаріи и монастырю.

Кстати за это время Іакинѣ, будучи строгимъ и горячимъ человѣкомъ, возбудилъ противъ себя семинаристовъ. Они заволновались и 11-го февраля 1803 года разразился скандалъ.

Стоявшій недалеко отъ семинаріи, у московскаго «шлахбаума», воинскій караулъ, въ ночь на одиннадцатое число услышалъ шумъ въ семинарской оградѣ; затѣмъ изъ ограды выскочилъ человѣкъ, а за нимъ двадцать или тридцать семинаристовъ. Часть караула съ старшимъ унтеръ-офицеромъ подбѣжала къ толпѣ и нашла среди нея ректора, который заявилъ, чтоегобьютъ. Старшій унтеръ-офицеръ сталъ заступаться и получилъ ударъ въ грудь. Тогда всѣхъ семинаристовъ, участниковъ драки, арестовали, переписали и началось слѣдствіе уголовное.

Когда дѣло разобрали, то оказалось, что семинаристы выбрали въ тотъ день изъ среды своей девять депутатовъ для объясненія ректору жалобы на дурную пищу. Депутаты вышли для храбрости и отправились. Наташа, которая была какъ разъ въ женскомъ платьѣ, не пустила ихъ. Тогда они ворвались въ комнаты. Іакинѣ съ Наташей испугались и, не разобравъ въ чемъ дѣло, выскочили черезъ окно въ садъ. Наташа ушиблась ¹⁾ и осталась въ кустахъ

¹⁾ Въ дѣлѣ есть протоколъ медицинскаго осмотра, въ которомъ сказано, что лекаръ нашель у нея «синевицы».

подъ окномъ. Выскочившіе за ними семинаристы и присоединившіеся къ нимъ нѣсколько товарищей бросились за Іакинѣомъ, не тронувши ее. Послѣ ареста семинаристовъ Іакинѣъ увелъ Наташу въ свои покои и стали жить уже не скрываясь. Поднялось судное дѣло противъ семинаристовъ и Іакинѣа. Съ семинаристами порѣшили быстро бывшихъ депутатами присудили къ наказанію розгами и отдачѣ въ солдаты, а объ Іакинѣѣ дѣло затянулось.

Въ жизни парочки произошелъ переломъ. Незвѣстность, чѣмъ можетъ кончиться дѣло для Іакинѣа, томила Наташу. Она винила себя въ томъ, что онъ можетъ погибнуть черезъ нее. Беззавѣтная преданность любимому человѣку, свойственная искреннолюбующимъ женскимъ сердцамъ, привела ее къ рѣшенію разстаться съ Іакинѣомъ и уѣхать.

Это рѣшеніе было тяжелымъ ударомъ для Іакинѣа, который всѣмъ рисковалъ ради Наташи, готовъ былъ пожертвовать для нея жизнью. Горячо вступился онъ за свое счастье: молилъ ее, доказывалъ, что это ненужная мука, но Наташа оставалась непреклонна, — одно твердила: «уѣду я, меня забудутъ! время все изгладить и ты изъ-за меня ничего не потеряешь. Если я останусь, то все равно прежняго счастья не будетъ, — мнѣ все будетъ отравлено мыслью, что ты изъ-за меня подъ грозой. Не отправишь меня куда-нибудь, — сама уйду куда глаза глядятъ!»

И съ каждымъ днемъ все настойчивѣе требовала Наташа исполненія своего желанія, пока не поздно. Сопротивленіе истерзаннаго сердца Іакинѣа наконецъ сломилось и онъ сталъ соображать, какъ получше устроить ту, которая была для него всѣмъ, которая избавила его отъ одиночества душевнаго, дала ему почувствовать счастье раздѣленной истиной любви въ то время, когда онъ не имѣлъ надежды на это по своему положенію.

Въ борьбѣ ихъ пролетѣло незамѣтно время и подошелъ январь 1804 года.

Іакинѣу надо было съ кѣмъ-нибудь посоветоваться. Въ хорошихъ отношеніяхъ былъ онъ лишь съ иркутскимъ гражданскимъ губернаторомъ Картвелинымъ. Къ нему онъ и направился. Выслушавъ пріятеля, Картвелинъ увидѣлъ, что необходимо во что бы то ни стало помочь ему развязать петлю, пока она его вовсе не задавила. вмѣстѣ съ тѣмъ у него родилось чувство уваженія къ дѣвушкѣ, рѣшившейся пожертвовать своимъ счастьемъ для спасенія другого, и онъ согласился прійти на помощь. «Ко мнѣ прибылъ изъ Петербурга фельдъегерь ¹⁾ съ высочайшими повелѣніями, — сказали онъ Іакинѣу, — двѣнадцатаго числа выѣзжаетъ обратно. Хотя

¹⁾ Такъ назывались особые служащіе военные, которымъ поручали высочайшія особы и высокопоставленныя лица доставку по всей Россіи пакетовъ и посылокъ, которые нельзя было довѣрить плохо еще устроенной почтѣ или требовалась особая быстрота.

выдавать фельдъегерямъ подорожныя «съ будущимъ ¹⁾» запрещено, но я рискну и выдамъ. Онъ довезетъ Иванову до Москвы, а тамъ она устроится».

Рѣшивъ этотъ главный вопросъ, они обсудили подробности отъѣзда Наташи. Въ городѣ посадить ее къ себѣ фельдъегерю было неудобно, надо было найти другое мѣсто. Мѣсто это оказалось въ распоряженіи Іакинѳа: монастырь, которымъ онъ вѣдалъ, стоявшій уединенно на берегу рѣки Ангары, въ четырехъ верстахъ отъ Иркутска, по московской дорогѣ.

Утромъ двѣнадцатаго числа Іакинѳъ и Наташа, совершенно собранная въ дальній путь, уѣхали въ монастырь, а около десяти часовъ вечера фельдъегерь Марковичъ заѣхалъ въ монастырскую ограду, принялъ попутчицу и умчалась быстрая тройка, увозя въ легкой повозкѣ разбитую жизнь...

Дальнѣйшая судьба Іакинѳа показала, что сердце женщины было право и что отъѣздомъ своимъ она много помогла Іакинѳу. Хотя черезъ годъ пришло суровое опредѣленіе святѣйшаго правительствующаго синода: «лишить ректора иркутской семинаріи архимандрита Іакинѳа креста, запретить священнослуженіе со снятіемъ сана, занимаемыхъ имъ должностей по семинаріи и консисторіи и отправить въ Тобольскъ съ тѣмъ, чтобы тамошній преосвященный употребилъ его на учительскую должность, доколѣ смиреніемъ не загладитъ вмѣняемаго ему преступленія...»—но наказаніе это было кратковременно. Понадобилось смѣнить членовъ православной миссіи въ Китаѣ и государь повелѣлъ назначить Іакинѳа начальникомъ миссіи, какъ обладающаго обширнымъ запасомъ знаній и энергіи. Свыше пятнадцати лѣтъ пробылъ Іакинѳъ въ Китаѣ и вполне оправдалъ довѣріе государя. Тамъ онъ развернулъ всѣ свои способности и стремленіе къ всестороннему изслѣдованію явленій жизни. Своею дѣятельностью на пользу миссіонерскихъ цѣлей, своими научными изслѣдованіями онъ принесъ огромную пользу Россіи и достигъ того, что имя его записано среди тружениковъ науки и великихъ русскихъ людей ²⁾.

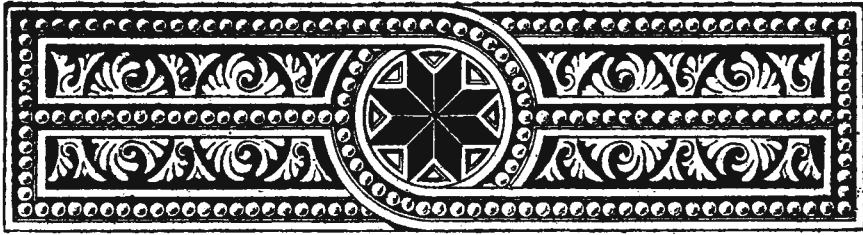
Такимъ образомъ, тотъ же потокъ бурныхъ чувствъ, который отдалъ его во власть сердца, вынесъ его властью ума и энергіи на поверхность моря житейскаго съ честью и славой.

Пострадали и зацѣпленные этимъ водоворотомъ страсти: фельдъегерь разжалованный въ солдаты, да семинаристы...

В. П. Федоровъ.

¹⁾ Проѣздъ на почтовыхъ совершался по подорожнымъ, которыя могли быть выдаваемы заранѣе на 2 и 3 лица. Если проѣзжающій не нашелъ еще себѣ попутчика и не могъ назвать его, но имѣлъ въ виду взять его для удешевленія пути, то писалъ прямо: «съ будущимъ», т. е. тотъ, кто будетъ еще взять пассажиромъ, владѣльцемъ подорожной.

²⁾ Русскій библиографическій словарь, томъ «И—К.», столбцы 153—155, содержитъ полное перечисленіе трудовъ Іакинѳа Бичурина.

ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ БЛАГОСЛОВЕННЫЙ НА ЛЬДИНѢ.

(Пасхальное преданіе изъ жизни императора въ Таганрогѣ).

АСТОЯЩІЙ эпизодъ записанъ мною со словъ жившей и скончавшейся въ Таганрогѣ современницы императора Александра Перваго Ульяны Андреевны Мартосъ—вдовы скульптора Мартоса, вылѣпившаго статую этого императора, украшающую собою небольшую площадку передъ греческимъ троицкимъ монастыремъ въ Таганрогѣ. Въ этомъ монастырѣ, какъ извѣстно, довольно долгое время стоялъ среди храма гробъ съ останками государя до перевезенія ихъ въ Петербургъ.

Ульяна Андреевна была, по ея словамъ, близкою къ тогдашнему двору и знала очень много подробностей изъ частной жизни Александра Благословеннаго въ Таганрогѣ. Пережила она почти всѣхъ своихъ сверстниковъ и, достигнувъ глубокой старости, любила въ очень небольшомъ кружкѣ интимныхъ друзей вспоминать старину и рассказывать всевозможные эпизоды изъ жизни императора, память котораго она свято и даже восторженно чтитъ. Эпизоды эти, конечно, въ исторію не попали, но они несомнѣнно имѣютъ нѣкоторое историческое значеніе, освѣщая государя, какъ частнаго человѣка.

Будучи юношей, я пользовался расположеніемъ старушки Ульяны Андреевны, просяживалъ у нея въ жарко натопленной комнатѣ длинные зимніе вечера, внимательно и съ большимъ интересомъ выслушивалъ повѣствованія изъ прошлаго вѣка и, придя домой, за-

писываль ихъ подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ. Такихъ разсказовъ—преданій у меня накопилось нѣсколько. Не чуждый юношескаго тщеславія, я прочитываль свои тетрадки милой сѣдой старушкѣ. Случалось, что она поправляла меня, но чаще всего сочувственно кивала головою и говорила:

— Такъ, милый, такъ...

Ульяна Андреевна Мартосъ сохранила память и умственные способности до глубокой старости. Ея разсказы были всегда свѣжи, интересны и никогда не перепутывались между собой. Потеряль я ее изъ вида, когда уѣхаль изъ Таганрога въ университетъ. Въ какое время она умерла—не знаю. Побывавъ черезъ нѣсколько лѣтъ на родинѣ, я разспрашиваль очень многихъ таганрожцевъ о ней. Но числа и года ея кончины и мѣста ея погребенія на городскомъ кладбищѣ мнѣ, къ сожалѣнію, указать никто не могъ. Воспоминаніями остались лишь мои тетрадки, одну изъ которыхъ я предлагаю редакціи. Насколько близко къ истинѣ изложенное въ дальнѣйшихъ страницахъ событіе—судить, конечно, не мнѣ. Но скрыть и игнорировать его я не считаль себя въ правѣ. Можетъ быть, люди, близко знакомые съ эпохой царствованія Александра I и хорошо изучившіе ее, и найдуть въ немъ намеки на правду.

I.

Весна вышла поздняя, а Пасха—ранняя. Насталь великій постъ—а весною еще и не начинало пахнуть. Порою завывали вьюги и дули холодные вѣтры. Снѣгъ еще не сходилъ, а въ инныя ночи его наметало цѣлые сугробы, особенно въ той части города Таганрога, которая спускается къ Азовскому морю высокой кручей противъ Черепахи-острова, насыпаннаго еще Петромъ Великимъ. Вся эта глинистая круча была усѣяна тѣсно прижавшимися другъ къ другу землянками, и издали съ моря казалась отвѣсной бурой стѣной, облѣпленной гнѣздами ласточекъ.

Въ этихъ землянкахъ проживали съ семьями рыбасы, т. е. рыбаки, промышленавшіе въ морѣ рыбу неводами и крючьями. Все это былъ народъ бѣдный, перебивавшійся, какъ говорится, съ хлѣба на квасъ. Жить, пожалуй, и можно было бы, но бѣда и горе въ томъ, что почти всѣ рыбасы состояли въ долгу у купца Вахлакова, Ивана Евстратьевича, и если попадалась на крючья цѣнная красная рыба—осетръ или стерлядь, то жъ она въ счетъ не шла. Рыбасы не смѣли выносить ее на рыбный базаръ около крѣпости и продавать по вольной цѣнѣ, а должны были обязательно сдавать Вахлакову, а тотъ, платилъ имъ такую цѣну, что лучше было бы ее и задаромъ отдать. На дворѣ у Ивана Евстратьевича возвышались, точно колокольни

двѣ балычни, и на нихъ вызрѣвали на солнцѣ янтарные осетровые балыки, которые шли не только въ Москву, но даже поставлялись и во дворецъ, когда императоръ Александръ Павловичъ жилъ въ Таганрогѣ. Рыбасы, глядя на эти балычни, сокрушенно покачивали головами и приговаривали:

— Нашими слезами да трудами Вахлаковъ богатѣеть... Кабы не горе да не нужда, то мы и сами сумѣли бы балыки вялить...

Однимъ изъ самыхъ горемычныхъ рыбасовъ этого околodka считался Калистратъ Егоровъ Кобылкинъ. Рыбасъ онъ былъ исправный и около него кормилось пять душъ: жена Софья и четверо дѣтей. Старшей дочери Дунькѣ шель восемнадцатый годъ. Калистратъ былъ на-хорошемъ счету и жилъ, никому не одолаясь. Водку пилъ рѣдко и въ праздники пѣлъ въ соборной церкви вторымъ басомъ, за что и получалъ отъ регента рубля полтора, а иногда и два въ мѣсяцъ. За свадьбы и похороны получалъ отдѣльно, такъ что иной разъ набѣгало еще гривенъ восемь лишнихъ. Этотъ заработокъ Калистратъ отдавалъ цѣликомъ женѣ на содержаніе коровы. На рыбномъ базарѣ у него былъ свой лотокъ, съ котораго онъ и продавалъ то, что попадалось въ сѣти и на крючья, и жилъ ничего себѣ; даже дочь просваталъ за сапожника Семена Ерохина и давалъ за нею приданого тридцать пять рублей ассигнаціями.

Но тутъ подвернулось несчастіе: полгода тому назадъ—и все это въ какихъ нибудь два мѣсяца—пала корова и унесло водою неводъ и крючья (а, можетъ быть, и украли). Оказался Калистратъ безъ коровы и безъ снастей, какъ безъ рукъ. А тутъ еще къ осени въ бурную погоду и лодку угнало въ море. Оставалось одно изъ двухъ: либо иди съ семьею по миру, либо поклонись Вахлакову и надѣвай себѣ петлю на шею.

Вахлаковъ не отказалъ: далъ денегъ на новый неводъ и на крючья, но потребовалъ, чтобы рыбасъ, первымъ дѣломъ, отдавалъ всю красную рыбу ему, Валхакову, а вторымъ дѣломъ, чтобы становился къ нему въ ватагу (рыболовная артель) безпрекословно, какъ только потребуется. Съ той поры пошли у Кобылкина недостатки и недохватки, и самъ онъ оказался въ кабалѣ. Безъ красной рыбы на базарѣ на одномъ чебанѣ (лещъ) да на сулѣ (судакъ) съ таранью и съ чехонью капиталовъ не наживешь. Вышло даже такъ, что и Дунькино приданое проѣли.

— Не горюй,—утѣшала Калистрата Софья.—Въ посту каждому рыбка понадобится. Только бы Богъ хорошаго улова послалъ.

— Да только бы Вахлаковъ меня въ свою ватагу не затребовалъ,—вздохнулъ Кобылкинъ.—Останемся тогда мы къ пасхѣ безъ хлѣба...

— А нѣтъ такого способа, чтобы не итти, если затребуютъ? Отлучиться, что ли куда, или захворать?

— Ни Боже мой... Сейчасъ же неводъ и крючья отберетъ. Тогда уже прямо по міру итти...

II.

Усѣянная землянками круча, на которой проживали рыбасы— въ томъ числѣ и Калистратъ Кобылкинъ—называлась рыбацкимъ гнѣздомъ. Выходила она со всѣми своими землянками—норами и крохотными двориками (тѣснота была страшная) прямо на югъ. Отсюда открывался широкой видъ на Азовское море, въ которое капризно и какъ-то безъ толку врѣзался неуклюжимъ мысомъ Таганрогъ. Особенно пріятно было отсюда смотрѣть на морскую гладь въ тихую солнечную погоду, когда на водной синевѣ бѣлыми пятнами нестрѣли парусныя суда и рыбацкіе баркасы.

Землянка Кобылкина прилѣпилась въ Рыбацкомъ Гнѣздѣ къ глинистой кручѣ такъ удачно, что изъ маленькаго окошечка ея и изъ дворика открывался самый лучший видъ на море. Въ хорошую и ясную погоду видно было даже, какъ рыбасы на лодкахъ, верстахъ въ пяти отъ берега, «заводили невода». Поэтому хозяева не находили ничего мудренаго въ томъ, что иногда къ нимъ на дворъ забредалъ случайно какой-нибудь обыватель изъ города и останавливался на нѣсколько минутъ, какъ вкопанный, залюбовавшись видомъ. Софья это было подчасъ даже и на руку: ей удавалось иной разъ продать посѣтителю стаканъ молока и заработать лишній пятакъ ассигнаціями. Не удивились нисколько супруги, когда къ нимъ на дворикъ въ солнечное и теплое августовское утро за брельсолдатъ, чиномъ—унтеръ, не молодой, но гладко выбритый, безъ бороды и безъ усовъ. Калистратъ Егоровъ въ одной ситцевой рубахѣ, босой и съ вклочоченной головой просушивалъ и чинилъ неводъ, развѣсивъ и расправивъ его на высокихъ шестахъ и на веслахъ; Софья тутъ же въ пяти шагахъ стирала въ корытѣ бѣлье; дочь Дунька, высоко подоткнувъ спереди подолъ, помогала матери и покрикивала на двухъ маленькихъ братишекъ, затѣявшихъ въ тѣсномъ дворикѣ какую-то игру и поминутно попадавшихъ сестрѣ подъ ноги.

Унтеръ, очутившись во дворикѣ и взглянувъ на море, въ первый моментъ остолбенѣлъ отъ неожиданно открывшагося передъ нимъ вида, а затѣмъ, опомнившись, какъ будто слегка смутился и кивнулъ головою хозяевамъ.

— Здравствуйте, добрые люди! Богъ вамъ на помощь,—проговорилъ онъ, окидывая бѣглымъ взглядомъ окружающую обстановку. Ничего, что я васъ тутъ... безъ позволенія?... Нечаянно забрелъ... Не помѣшаю? Можно?

— Отчего же нельзя?!—добродушо и не оставляя своего дѣла отвѣтилъ Калистратъ.—Къ намъ много народа ходитъ на море глядѣть. Гляди ты. Мѣста не простишь.

— Благодарю. Видъ, дѣйствительно, превосходный,—отвѣтилъ солдатъ, досталъ изъ кармана очки въ золотой оправѣ, надѣлъ ихъ и сталъ смотрѣть въ синѣющую даль.

Софья и Дунька оторвались на минуту отъ стирки, соскребли съ голыхъ рукъ мыльную пѣну и съ самымъ безцеремоннымъ мѣщанскимъ любопытствомъ стали разсматривать солдата. Минуту спустя, нисколько не стѣсняясь его присутствіемъ, онѣ начали дѣлать на его счетъ свои замѣчанія.

— Уже не молодой,—громко проговорила Дунька.—И сапоги блестятъ.

— Щеткой чистить, оттого и блестятъ,—пояснила мать.—И пуговицы кирпичемъ третъ, чтобы горѣли, какъ жарь... Ихъ этому обучаютъ и строго взыскиваютъ... Да ты чего, дура, уставилась? Солдата не видала, что ли? Ихъ въ гарнизонѣ сколько угодно... Дѣлай дѣло: достирывай скорѣе, да сходи на берегъ за водою:—давно полоскать пора... Ой, спины не разогну...

— Маменька, а онъ—курносый; ей Богу же, курносый,—заявила въ отвѣтъ Дунька.

Унтеръ, повидимому, не обращалъ и малѣйшаго вниманія на эти отзывы о его особѣ. Не отрываясь отъ морской синевы, онъ, не топясь, вытащилъ изъ задняго кармана своего мундира небольшую подозрную трубку, раздвинулъ ее, приставилъ къ глазу и замеръ. Это обстоятельство обратило на себя вниманіе Каллистрата. Ему не разъ приходилось видѣть подозрную трубу въ рукахъ у шкиперовъ и капитановъ заграничныхъ судовъ, которые привозятъ изъ чужихъ краевъ рожки, орѣхи, апельсины, вино и масло; но чтобы солдатъ глядѣлъ въ трубку,—этого онъ еще ни разу не видѣлъ. Онъ прервалъ свою работу и въ свою очередь сталъ разсматривать унтера.

— Ты откуда будешь, служивый?—спросилъ онъ.—Изъ здѣшняго гарнизона? Въ крѣпости служишь?

— Нѣтъ,—отвѣтилъ унтеръ, не оборачиваясь.—Я—отставной... А тебѣ на что?

— Такъ... Ты когда-нибудь плавалъ на суднѣ.

— Почему ты это спрашиваешь?

— Потому что ты все одно, какъ шкиперъ или капитанъ въ трубку глядишь.

— Эта трубка у меня уже давно. Я ее за границей купилъ,—проговорилъ солдатъ, не измѣняя позы.

— Развѣ ты въ чужихъ краяхъ бывалъ?—заинтересовался Каллистратъ.

— Бывалъ...

— Въ какихъ краяхъ?

— Въ разныхъ... Въ Пруссіи, въ Парижѣ былъ

— Когда?

— Когда война съ французами была.

— Стало быть, походъ противъ Наполеона дѣлалъ?

— Да.

— И Наполеона видѣлъ?

— Видѣль.

— И нашего царя видѣль?

— И царя видѣль.

— Эге, такъ ты, служивый, вотъ какой!.. Бывалый!.. А неврешь?

— Нѣтъ, другъ мой, не вру.

Калистратъ совсѣмъ бросилъ свою работу и сталъ съ удвоеннымъ вниманіемъ смотрѣть на солдата. Солдатъ въ свою очередь отнялъ отъ глаза трубку, повернулъ лицо къ рыбаку и началъ съ добродушною улыбкою глядѣть на всклокоченнаго и растрепаннаго Калистрата. Въ улыбкѣ было что-то хорошее и располагающее.

— Если не врешь, служба, такъ Расскажи мнѣ, какой у насъ царь? Какой онъ изъ себя?—потребовалъ рыбакъ.—Хоть онъ и у насъ здѣсь въ Таганрогѣ живетъ, да я, признаться, его еще ни разу не видѣль. Говорятъ, что онъ и по улицамъ ходитъ, и въ лавки заходитъ, и съ народомъ разговариваетъ,—а только мнѣ ни одного разу не потрафилось его встрѣтить: то въ морѣ, а то некогда... Жизнь наша рыбацкая, съ позволенія сказать, такая анаемская, что и людей не видишь...

Завязался разговоръ. Солдатъ оказался знающимъ, словоохотливымъ, не гордымъ и безъ всякой фанаберіи. Не отказался даже присѣсть на завалинкѣ, а потомъ и въ самую землянку на короткое время заглянулъ и похвалилъ хозяйку за чистоту и порядокъ. Софья это пришлось такъ по сердцу, что она ласково отвѣтила:

— Если бы ты, солдатикъ, въ прежнее время пришелъ, я бы тебя кринкой молока угостила, а теперь—не прогнѣвайся. Коровки у насъ нѣту: была, да Богъ прибралъ.

Солдатъ сочувственно покачалъ головой и сказалъ:

— Ахъ, какъ жалко!—и ему тутъ же и Софья, и Дунька, и Калистратъ, въ три голоса и перебивая другъ друга, рассказали о себѣ, о своихъ невзгодахъ всю подноготную. Когда солдатъ уходилъ, то Калистратъ сказалъ ему на прощанье:

— Будешь слоняться когда-нибудь по рыбному базару,—заходи ко мнѣ. Мой лотокъ—въ лѣвомъ ряду третій... По знакомству дешево рыбки отпущу.

— Если постирушка какая-нибудь понадобится, такъ приноси ко мнѣ. Лишняго съ тебя не возьму... Приноси, не сомнѣвайся; я вѣдь знаю, что вашего брата, солдата, въ казармѣ вша заѣла,—добавила Софья.—Выстираю—первый сортъ... Я на майора Лапшу стирала и въ хорошихъ домахъ полы мою.

Солдатъ пообщалъ и то и другое и новые знакомцы разстались довольные другъ другомъ. Выметая на слѣдующее утро землянку, Дунька нашла на полу, въ самомъ уголку, золотой. Всѣ диву дались отъ такой находки и стали гадать, какъ могла попасть къ нимъ такая крупная монета... Подумали было, что вчерашній солдатъ обронилъ, но потомъ отдумали: гдѣ солдату, хотя бы и унтеру, такія большія деньги имѣть?!

III.

Сапожникъ Семень Васильевъ Ерохинъ, за котораго была про-сватана Дунька, жилъ недалеко отъ Рыбацкаго Гнѣзда, на Елиса-ветинской улицѣ, названной такъ въ честь императрицы Елизаветы Алексѣевны, супруги Александра Павловича. До этого улица на-зывалась Пустопорожней, потому что была еще мало застроенной и изобиловала пустырями.

Ерохинъ жилъ со старухой матерью въ собственной хатѣ, уна-слѣдованной отъ покойнаго отца. Ему было подѣ тридцать. Своему ремеслу онъ обучился тоже у отца и считался довольно изряднымъ мастеромъ, хотя за дорогую и за особенно изящную работу не брался. Специальностью его было тачать непромокаемые сапоги для рыба-совъ, но въ то же время его мать въ воскресные дни выходила на старый базаръ, раскинувшійся вокругъ собора, и продавала съ рукъ по парѣ, а то и по двѣ женскихъ башмаковъ. Этимъ и кормились. Достатка особеннаго не было, но лѣтомъ во дворѣ, поросшемъ бурьяномъ, горланилъ пѣтухъ, бѣгали куры и расхаживали насѣдки съ цыплятами. Тутъ же, около хатки, толклась и свинья.

Семень Васильевъ велъ жизнь трезвую и степенную и любилъ пѣть на клиросѣ, подтягивая дьячкамъ теноркомъ. Эта любовь къ пѣнію и сблизила его съ рыбасомъ Калистратомъ. Не довольствуясь пѣніемъ въ церкви, они сходились иногда въ теплые лѣтніе вечера во дворикъ рыба-сы, усаживались рядкомъ на завалинкѣ и, прислушиваясь къ плеску и шуму моря, затагивали вдвоемъ «Херувимскую», «Всемир-ную славу» или что-нибудь въ этомъ родѣ. Калистратъ держалъ басовую партію, а Семень, поднявши кверху подбородокъ, съ чув-ствомъ выводилъ теноровыя ноты.

При такихъ условіяхъ у Семена и зародился романъ съ Дунькой, — и не то, чтобы страстный романъ со вздохами и тайными свиданіями, а такъ, просто и безъ затѣй! Объясняясь съ Дунькой и дѣлая ей пред-ложеніе, Ерохинъ упиралъ на то, что мать его уже стара и въ домѣ чувствуется потребность въ молодой хозяйкѣ; а Дунька чисто-сердечно созналась въ томъ, что жизнь въ родительскомъ домѣ ей давно «осточертѣла» и что ей хочется житья «хоть гіршаго, да инашаго».

— Вамъ, Семень Васильичъ, воду водовозъ возить, а я должна каждый день по нѣсколько разъ съ кручи съ ведрами спускаться да на кручу опять подниматься. Плечи къ низу оттянуло и руки ноютъ... Отъ одного этого уйдешь, — заявила Дунька. — Иной разъ и мать за косы таскаетъ...

— Нѣтъ, у меня на этотъ счетъ не беспокойтесь. У меня водо-возъ, — утѣшилъ сапожникъ.

На томъ и поладили. При этомъ Семень поставилъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы Дунька, выйдя за него замужъ, ни въ какомъ случаѣ не обижала его Лизку и была ей матерью.

Этой Лизкѣ теперь было восемь лѣтъ. Она была незаконной дочерью Семена—живое воспоминаніе объ одномъ изъ мимолетныхъ увлеченій его молодости. Мать ея умерла давно, и у сапожника не хватило духа и совѣсти бросить двухлѣтнюю дѣвочку на произволь судьбы. Всѣ сосѣди это знали и никто не попрекалъ его прошлымъ; напротивъ, многіе были того мнѣнія, что поступокъ этотъ Семену «на томъ свѣтѣ зачтется». Лизкѣ жилось по своему не дурно: всегда сыта, одѣта и обута, и всегда она пропадала цѣлыми днями на улицѣ безъ призора, а когда dorosла до того, что ее можно было послать въ лавочку или съ какимъ-нибудь порученіемъ, то на нее и отецъ и бабка стали смотрѣть, какъ на полезнаго въ домѣ человѣка. Семень ее очень любилъ, всегда водилъ съ собою въ гости и таскалъ въ церковь, гдѣ заботливо пристраивалъ тутъ же подлѣ себя на клиросѣ.

Дунька дала слово не обижать Лизку. Калистратъ и Софья согласились на предложенный бракъ безъ возраженій и объявили цифру приданаго—тридцать пять рублей ассигнаціями. Женихъ тутъ же объявилъ, что на эти деньги купить корову и пару овецъ. А затѣмъ въ ожиданіи свадьбы все пошло по старому, какъ будто бы въ жизни дѣйствующихъ лицъ ничего и не происходило.

Но свадьбѣ не суждено было состояться. Калистратъ разорился и попалъ въ кабалу къ Вахлакову, а Семень разсудилъ, что послѣ этого жениться на Дунькѣ было бы опасно, потому что вся ея родня могла «по-родственному» сѣсть ему на шею. А на запросъ Дуньки, онъ отвѣчалъ просто:

— Дѣвка ты —хорошая: про тебя грѣхъ худо сказать. Только куда же ты годишься безъ приданаго? Вѣдь тебя и одѣть, и обуть надо: башмаковъ въ годъ не меньше двухъ паръ износишь... Кромѣ того, платье разное и прочее... Наживи тридцать пять цѣлковыхъ... ну, хоть тридцать,—тогда и обвѣнчаемся...

Дунька нисколько не опечалилась, услышавъ такое рѣшеніе. Она понимала, что иначе и быть не могло. Подумавай немного, она отвѣтила:

— Хорошо. Наживу. Я пойду въ услуженіе. Только смотри: чтобы эти деньги непремѣнно на коровъ и на овецъ пошли... Побожись!

Сапожникъ побожился.

На другой же день послѣ этого разговора, въ хмурое осеннее и моросившее мелкимъ дождемъ утро Дунька вышла на старый базаръ наниматься въ прислуги. Ей посчастливилось въ то же утро попасть на мѣсто за полтора рубля ассигнаціями въ мѣсяць. Она была довольно и весело пошла за найявшею ей женщиной. Но всту-

пленіе ея въ должность сопровождалось неожиданнымъ испугомъ и непріятностью. Когда она вмѣстѣ съ женщиной поднималась по ступенькамъ дома, въ которомъ ей предстояло жить, дверь внезапно растворилась, изъ нея выскочилъ разсерженный чѣмъ-то попъ и набросился на нее съ словами:

— Чего лезешь на живого человѣка?! Дай дорогу! Вотъ я тебя, такую-сякую, за неуваженіе! Не знаешь развѣ, кто я?

Попъ замахнулся посохомъ съ золотымъ набалдашникомъ, чувствительно ударилъ ее по плечу и, продолжая на кого-то сердиться, быстро направился къ калиткѣ и скрылся за нею на улицѣ. При этомъ калитка сильно хлопнула, а примыкавшіе къ ней ворота заходили ходуномъ.

Дунька узнала въ разсерженномъ попѣ царскаго духовника отца Алексѣя Ѳедотова, котораго не разъ встрѣчала на базарѣ. Но объ этомъ рѣчь впереди.

IV.

Унтеръ оказался вовсе не гордымъ и недѣли черезъ три послѣ знакомства съ рыбасомъ Кобылкинымъ побывалъ на рыбномъ базарѣ и купилъ у него чебана. Было раннее утро, часовъ около шести. Солнце только недавно встало и въ воздухѣ еще чувствовалась свѣжесть. По всему—по ясному и безоблачному небу и по полному безвѣтрію, чувствовалось, что день будетъ жаркій, несмотря на то, что на дворѣ стояли уже первыя числа сентября и по ночамъ ощущался замѣтный холодокъ.

Калистратъ Кобылкинъ, провозившійся цѣлую ночь съ рыболовными снастями въ морѣ, порядочно продрогъ и, выйдя со своимъ уловомъ на базаръ, очень обрадовался солнышку, принесшему съ собою тепло. По мѣрѣ того, какъ члены его согрѣвались, расположеніе духа становились все лучше и лучше. Этому способствовало еще и то обстоятельство, что рыбы за ночь попало не мало—около трехъ пудовъ. Калистратъ перекидывался шуточками съ сосѣдями—торговцами и торговками и весело съ прибаутками зазывалъ къ своему лотку покупателей. Онъ первый замѣтилъ въ бродившей между лотками толпѣ знакомаго унтера и окликнулъ его.

— Эй, служба! Почтенный! Господинъ унтеръ! Разбогатѣлъ что ли, что не хочешь узнавать старыхъ знакомыхъ? Мое почтеніе! Съ добрымъ утромъ!

Унтеръ отвѣтилъ не сразу и даже какъ будто вздрогнулъ, когда рыбасъ дружески притянулъ его къ своему лотку за рукавъ. На унтерѣ была солдатская шинель, но безъ оружія. Шель онъ какъ будто погруженный въ свои мысли и мало былъ похожъ на покупателя. Когда онъ повернулся къ лотку, то Калистратъ сразу замѣтилъ

что лицо у него было усталое и сонное, какъ у человѣка, проведшаго всю ночь безъ сна.

Увидѣвъ передъ собою Калистрата, солдатъ улыбнулся доброю улыбкою и ласково отвѣтилъ:

— Это ты, другъ? Здравствуй, здравствуй... Утро чудесное...

— Рыбки на обѣдъ ищешь?

— Нѣтъ... То есть, какъ тебѣ сказать...—слегка смутился солдатъ.—Не знаю, можетъ быть, домашніе мои уже купили... Я шелъ такъ... Посмотрѣть, каковъ базаръ...

— Дежуриль ночью, что ли?

— Да... Въ родѣ того... Провѣтриться вышелъ...

— Купилъ бы рыбки. Дешево отдамъ. Вотъ этотъ чебачекъ такъ на тебя, служивый, и смотреть... Съ гречневой кашей, — одно объяденіе... Возьмешь? А?

Солдатъ выказаль еще большее смущеніе и оглянулся по сторонамъ.

— Что ты, братецъ... Куда я его дѣну?.. Нѣтъ, я не то говорю, — спохватился онъ.—Давай давай... вижу, что рыбка хороша... Прикажу дома сварить...

— Что ты служба?! Сейчасъ видно, что не выспался,—удивился рыбаць.—Кто же чебана варить? Его надо кашей начинить да на сковородкѣ поджарить... Эхъ, рыба хорошая... Особенно съ водочкой...

— Да, да... Съ кашей, съ водочкой... Я велю поджарить,—пробормоталь солдатъ.

Калистратъ зацѣпилъ двумя пальцами крупнаго чебана подъ жабры, поднялъ на воздухъ и, съ видомъ удалъца-торговца, чуть не на весь базаръ крикнулъ:

— Не рыба, а мое почтеніе! Самъ бы ѣлъ, да деньги надобны... Получай, служивый! По знакомству почти что даромъ отдаю... Бери...

Къ удивленію Калистрата унтеръ опѣшилъ и обнаружилъ полное неумѣніе взять рыбу въ руки.

— За жабры пальцами поддѣнь,—училъ рыбаць.—За жабры...

Унтеръ протянулъ было къ рыбѣ руку, но тотчасъ же брезгливо отдернулъ ее назадъ и неловко проговорилъ:

— Вотъ что, дружище... Гм... Я не возьму... Отложи рыбу въ сторону, а я... Я за ней послѣ товарища пришлю... Пусть у тебя полежитъ...

— Чудакъ!—ухмыльнулся Калистратъ.—Съ французомъ воеваль, а чебана въ руки взять боится. Эхъ, ты... Нешто никогда не держаль рыбы въ рукахъ?

— Нѣтъ. Не приходилось... У насъ въ полку этимъ кашевары завѣдывали.

— То-то, я вижу... Не зналъ, что ты такой бѣлоручка... Отчего къ намъ не заходишь? Жена и Дунька объ тебѣ часто вспоминають,

Я тебѣ по секрету скажу, только никому не говори: жена, братецъ ты мой, для тебя два золотника чая и осьмьюшку сахара купила... Придетъ, дескать, унтеръ, такъ мы его чайкомъ угостимъ... Понялъ? Заходи, братъ. Ей-Богу, заходи. Очень ужъ тебя полюбили: рассказываешь ты хорошо... Зайдешь? А?

— Зайду, непременно зайду,—отвѣтилъ солдатъ.

— Пожалуйста. Милости просимъ... Можетъ быть, пѣть умѣешь—такъ мы бы съ тобою «Херувимскую» затынули.

— Нѣтъ, пѣть я не умѣю, а слушать люблю.

— Жалко,—вздыхнулъ Калистратъ.—Не съ кѣмъ пѣть стало. Сапожникъ Сенька Ерохинъ рѣдко сталъ ходить и концерты наши съ нимъ разстроились... Стыдно ему ходить къ намъ послѣ того, какъ онъ отъ Дуньки отказался. Слышалъ, небось?.. Свадьба-то вѣдь разстроилась... Тю-тю!..

Унтеръ, съ нѣкоторымъ безпокойствомъ посматривавшій по сторонамъ и нетерпѣливо выжидавшій момента, чтобы распрощаться, отвѣтилъ, что онъ ровно ничего не слышалъ.

— Какъ же, братецъ ты мой!—оживился рыбаць.—Тутъ цѣлая исторія вышла. Навалило на меня одно горе за другимъ: корова пала, снасти рыболовныя не то моремъ унесло, не то добрые люди украли... Дунькино приданое прожили, а безъ приданого Семень на ней жениться отказался... Наступило такое разореніе, что и не дай Богъ злomu татарину. Пришлось въ кабалу итти къ распроклятому Вахлакову...

Въ голосѣ Калистрата прозвучала такая грусть, что унтеръ невольно сталъ вслушиваться. Поопренный этимъ рыбаць сталъ подробно излагать свое горе, но на половинѣ рассказа прервалъ самъ себя.

— Вотъ что, служивый,—предложилъ онъ.—Говорить тутъ, на базарѣ неловко: народа много, да и покупатели перебиваютъ. Жидъ Гершка уже отперся: пойдѣмъ къ нему въ кабачекъ. Выпьѣмъ по одному шкалику—я тебѣ все и расскажу... За моимъ товаромъ пока сосѣдка присмотрить... Эй, тетка Маланья!..

— Нѣтъ, нѣтъ,—съ испугомъ запротестовалъ солдатъ.—Такъ рано я не пью... Да и вообще я не пью... Отъ вина я хвораю.

— Эхъ, жалость какая, что не пьешь... А, кажись, ты въ походѣ ко всему привыкнуть долженъ былъ бы. Ну, не пьешь, такъ и ладно. Я тебѣ и тутъ все расскажу.

Калистратъ продолжалъ свою грустную повѣсть и къ концу ея даже прослезился, увидѣвъ на лицѣ своего собесѣдника выраженіе самаго живого участія.

— Теперь только на одного Господа Всевышняго надежда,—закончилъ онъ съ плохо скрываемымъ отчаяніемъ съ голосѣ.—Да и то—плохая надежда. Не даромъ говорится: до Бога высоко, а до царя далеко... Э-эхъ, служивый, если бы царь зналъ мое великое

горе, такъ онъ бы, батюшка, не говоря ни слова, меня отъ Вахлакова выкупилъ, и я бы ему за это отслужилъ... А самого Вахлакова въ Сибирь сослалъ бы... Много онъ, злодѣй, изъ насъ крови высосалъ...

Унтеръ заторопился и сталъ прощаться. Калистратъ усиленно звалъ его къ себѣ въ землянку въ Рыбацкое Гнѣздо и напомнилъ о чаѣ. Солдатъ далъ слово непременно зайти какъ-нибудь на свободѣ и повернулся, чтобы уйти.

— Погоди,—удержалъ его рыбасъ.—Придумалъ.

— Что такое?—съ легкимъ беспокойствомъ спросилъ унтеръ.

— Сейчас увидишь... Тетка Маланья, выдерни-ка у себя изъ рогожки мочалочку покрѣпче.

Получивъ мочалочку, Калистратъ ловко продернулъ ее чебану черезъ жабры въ ротъ, связалъ петлею и протянулъ солдату.

— Бери, служивый. Продѣвай палецъ въ петлю и неси съ Богомъ домой... Теперъ не запачкаешься... Прощай. Смотри же, заходи къ намъ покалякать.

Унтеръ взялъ рыбу съ видимой неохотой и, держа ее на вытянутой рукѣ передъ собою, ускореннымъ шагомъ ушелъ. Чебанъ, видимо, тяготилъ его и онъ не зналъ, что съ нимъ дѣлать. Повернувшись въ ближайшую отъ базара улицу и увидѣвъ босоногого мальчишку, онъ подозвалъ его къ себѣ.

— Мальчикъ, хочешь, я тебѣ подарю рыбу?—ласково заговорилъ онъ.

Мальчишка широко раскрылъ глаза и разинулъ ротъ.

— Возьми и отнеси своей мамашѣ... Я тебѣ ее дарю, — убѣждалъ унтеръ.

Но мальчишка отрицательно покачалъ головой.

— Не возьму, не надо... Тятенька меня выпоретъ,—отвѣтилъ онъ.

— За что?

— Не повѣрять, что ты далъ. Скажетъ, что я ее укралъ.

Солдатъ глубоко вздохнулъ и пошелъ дальше, оглядываясь по сторонамъ. Улучивъ моментъ, когда на улицѣ не было прохожихъ, онъ подошелъ къ калиткѣ перваго попавшагося дома, крадучись, повѣсилъ рыбу на желѣзную щеколду, и точно воръ, ускореннымъ шагомъ пустился на утекъ.

Тѣмъ временемъ къ лотку Калистрата подошелъ какой-то важный военный, съ виду похожій на генерала, и строго спросилъ:

— Ты знаешь, кто у тебя сейчасъ купилъ рыбу?

— Какъ не знать?!—отвѣтилъ рыбасъ.—Знакомый унтеръ. Онъ у меня одинъ разъ въ землянкѣ былъ.

— А знаешь, какъ его зовутъ?

Калистратъ смущенно почесалъ въ затылкѣ.

— Вотъ ужъ этого, ваше благородіе, извините, сказать не могу: не догадался спросить, какъ его звать... Объ имени не спрашивалъ.

Я его все больше служивымъ да солдатикомъ кликалъ... Спасибо, что надоумили: какъ встрѣчу опять, такъ и спрошу.

— Ничего ты у него не просиль?—еще строже задалъ вопросъ важный военный.

— Какъ не просить, ваше благородіе, просиль. И даже очень просиль.

— О чемъ?

— Что бы къ намъ въ Рыбаккое Гнѣздо еще разъ зашелъ. Очень его жена моя и дочь полюбили. Хотятъ даже чаемъ его напоить.

— И больше ничего?

— Больше ничего, ваше благородіе.

— Ну, то-то...

— А что такое?

— Не твое дѣло. Ничего.

Важный военный повернулся на каблукахъ и пошелъ по тому же направленію, по какому скрылся солдатъ съ рыбою.

V.

Дунька прожила у о. Алексѣя Ѳедотова всю зиму и не жаловалась. Работы по хозяйству было много, но кормили хорошо. Хозяева давали прислугѣ все то, что и сами ѣли. А о. Алексѣй любилъ покушать и все у него было первый сортъ—и рыба, и мясо, и всякая всячина, а стерляди и осетрина не переводились. Даже чай и кофе каждый день пили. Доходы у о. Алексѣя были хорошіе и было изъ чего роскошествовать. Одно царскаго жалованья онъ получалъ столько, что въ три года не проѣсть. Кромѣ того, и требы были. Кто побогаче—за честь для себя считалъ пригласить царскаго духовника отслужить молебенъ или какую-нибудь другую службу. Особенно сладко Дунькѣ ѣлось послѣ гостей.

А гостей у о. Алексѣя бывало много. Ходили, ѣздили чуть не каждый день. Бывали даже и генералы разные въ золотѣ и съ перьями. Говорили, что они будто бы во дворцѣ при царѣ служатъ. Для нихъ о. Алексѣй выставялъ на столъ разныя закуски и вина, но самъ не пилъ—развѣ только самую чуточку отвѣдывалъ и то, если очень приставали.

— Не невольте, отцы родные,—отбояривался онъ. Ничего спиртнаго не переносу. У меня даже отъ причастнаго вина при Безкровной Жертвѣ всѣ внутренности, какъ огнемъ горять.

Генералы о. Алексѣя уважали и подходили къ нему подь благословеніе, а многіе даже и побаивались. Не боялась его только одна матушка попадья.

— Что ты носъ задираешь?—говаривала она не разъ.—Былъ попъ, какъ попъ, а какъ царскимъ духовникомъ тебя сдѣлали, такъ и по-

шелъ на людей, какъ цѣпной песь бросаться да посохомъ на базарѣ размахивать... Какой, подумаешь, Аника-воинъ выискался...

— А какъ же мнѣ иначе?—возражалъ о. Алексѣй.—Ежели себя не объявлять, такъ и помрешь въ безславии и никто тебя знать не будетъ. Надо, чтобы всѣ вѣдали, что я Господомъ и императоромъ возвеличенъ.

— Ты не забывай, что и въ князи-то ты вышелъ изъ грязи. Много есть поповъ поумнѣе и поученѣе тебя, да живутъ себѣ смирно,—а ты въ каюзмахъ путаешься, грамоту читаешь, точно лыко плетешь, а туда же—съ форсомъ:—«Кто я такой? Дорогу давай?»—А кто ты такой? Неученый попъ, вотъ кто ты... И возвеличили тебя не по заслугамъ, а потому что другого попа подъ рукою ночью близко не было...

О. Алексѣй терпѣть не могъ, когда матушка-попадья «шпала и отчитывала» его и всякій разъ выходилъ изъ себя. Споръ обыкновенно кончался тѣмъ, что онъ схватывалъ одежду и посохъ и убѣгалъ изъ дому на улицу или на базаръ и тамъ придирался ко всякому, а иногда и пускалъ въ ходъ посохъ. Все это сходило ему съ рукъ благополучно. Потерпѣвшіе читли въ немъ царскаго духовника, то есть особу, имѣющую близкое соприкосновеніе съ самимъ императоромъ.

Матушка попадья была изъ простенькихъ и предпочитала простую компанію. Въ долгіе зимніе вечера любила она сидѣть при свѣтѣ сальной свѣчки въ кухнѣ, среди прислуги и разныхъ богомолкъ и кумушекъ, слушать ихъ немудрые разговоры и вставлять свое словцо.

Изъ этихъ разсказовъ попадья Дунька узнала, какимъ образомъ о. Алексѣй попалъ въ духовники.

— Разъ ночью, когда государь въ Таганрогѣ былъ еще вновь—разсказывала матушка,—ему сильно занездоровилось. Лекаръ говоритъ, что ничего, и такъ пройдетъ—и припарки приложилъ. А государю показалось, что уже смерть подходитъ. Потребовалъ онъ попа, чтобы выисповѣдаться и передъ престоломъ Господнимъ чистымъ предстать. Кинулись слуги изъ дворца попа разыскивать. Бросились къ соборному протопопу—самъ нездоровъ. Кинулись къ другому и къ третьему—тоже неудача: одинъ на требѣ, а другого съ вечера дома не бывало. Остался одинъ мой. Разбудили и даже одѣться не дали,—поволокли во дворецъ. Испугался мой Алексѣй. Просится дорогою: «Отпустите меня люди добрые. Попъ я немудрый, простой. Гдѣ мнѣ такую священную особу, какъ государь императоръ къ исповѣди приводить?.. Я отъ страха и молитвы перепутаю...» Привезли и докладываютъ государю:—«Есть, ваше величество, попъ, только изъ простецовъ и очень боится».—«Ничего, говоритъ государь, передъ лицомъ Господа всѣ іереи равны—и мудрые, и немудрые. Пусть войдетъ». Набрался мой попъ духу и кое-какъ выисповѣдалъ.

Что ужъ они тамъ говорили промежду себя—одинъ Богъ вѣдаетъ, только сталъ послѣ этого мой о. Алексѣй въ почетѣ, и такъ и остался въ духовникахъ. Скоро протопопа ему дали... Только не къ добру все это вышло: возмечталъ онъ очень о себѣ. Прежде былъ тихій и смиренный, а теперь никто ему и слова не скажи: чуть что—сейчасъ на дыбы и «кто я такой?»—На базарѣ строгость проявляетъ, а иной разъ и посохомъ ушибетъ... Не къ добру это, охъ, не къ добру... Ужъ я его какъ уговариваю—не слушаетъ... И опять же къ сладенькому пристрастился: прежде борщъ съ кашей кушалъ и Господа благодарилъ, а теперь подай ему, что получше да повкуснѣе. Избаловался мой попъ, возгордился. Сталъ любить, чтобы ему кланялись...

Любила Дунька прислушиваться къ тому, что говорили гости за обѣдомъ у о. Алексѣя. Случалось, что и подслушивала за дверями. Говорили генералы что-то мудреное, чего она и разобрать не могла. Поняла она только, что государю столица пришлась не по душѣ и переѣхалъ онъ въ Таганрогъ на житье, чтобы проводить время въ спокойствіи. Узнала она также, что императоръ часто такъ задумывается, что иной разъ по ночамъ не спитъ. А объ чемъ думаетъ—никому неизвѣстно.

— Я знаю доподлинно, объ чемъ онъ думаетъ. Я его исповѣдывалъ,—вставлялъ свое слово о. Алексѣй.

— О чемъ же, батюшка?—спрашивали генералы.

— Отрѣжь ты мнѣ сейчасъ языкъ мой—не скажу. Знать—знаю, а сказать—не скажу. По сану своему духовному не скажу. Одинъ я знаю, какая у царя дума на душѣ... Большущая дума, человѣческому уму непосильная... А вы хоть и близко къ нему стоите, а изъ васъ никто ничего не знаетъ... Вотъ что значитъ санъ іерейскій: онъ много выше вашего генеральскаго. Такъ-то...

Узнала Дунька также, что любить государь одинъ по улицамъ и по базарамъ бродить и со многими незнакомыми разговариваетъ. Любитъ онъ на море глядѣть. Иной разъ за казеннымъ садомъ сядетъ—тамъ скамеечка такая подъ деревьями есть—и глядитъ-глядитъ на воду цѣлыми часами. Въ лавку въ другой разъ зайдетъ къ торговцу какому-нибудь, обласкаетъ его улыбкою и добрымъ словомъ, купить чего-нибудь и деньги заплатитъ, а станеть уходить, покупку забудетъ. Идетъ онъ по улицамъ, прогуливается и, если встрѣтитъ стараго солдата, то ласково остановитъ и непременно спроситъ:

— Двѣнадцатый годъ помнишь?

Думаетъ онъ во время прогулокъ, что онъ—одинъ и того не знаетъ, что за нимъ сзади, крадучись, кто-нибудь изъ генераловъ идетъ и смотритъ, какъ бы чего не случилось и какъ бы государя кто-нибудь не толкнулъ или словомъ не обидѣлъ. Случиться на народѣ все можетъ, потому что ходить онъ зачастую въ простой солдатской шинели и притомъ сплошь и рядомъ на ходу задумывается...

Разъ Дунька была очень удивлена. Пришелъ какъ-то вечеркомъ къ о. Алексѣю баринъ важный. Протопопъ ему чуть не до земли поклонился и долго они вдвоемъ, запершись, просидѣли и такъ тихо говорили, что даже и подслушать нельзя было.

Къ Дунькѣ изрѣдка приходилъ отецъ навѣдаться,—не балуетъ ли она, и каждый разъ приносилъ о. Алексѣю на поклонъ какую-нибудь свѣжую рыбину своего улова. О. Алексѣй приношеніе принималъ, но рыбаса дальше кухни въ комнаты не пускалъ. А когда Калистратъ начиналъ жаловаться на свою кабалу у Вахлакова, то погъ утѣшалъ его:

— Терпи, чадо. Богъ самъ терпѣлъ и намъ велѣлъ.

— Очень трудно терпѣть, батюшка,—возражалъ Калистратъ.— Теперь вотъ Великій постъ подходитъ, самый настоящій уловъ и самая торговля начинаются, а Вахлаковъ насъ, которые должники, въ свою ватагу затребовалъ. Лови, значить, не на себя, а на него. Онъ нашими трудами богатѣть будетъ, а мы помирай съ голоду... Вы сами, батюшка, посудите: платить онъ намъ каждому по десяти копеекъ въ день... Развѣ на эти деньги проживешь? Нищій, и тотъ на паперти грошиками больше насбираетъ... А я—не одинъ: у меня семейство большое... Теперь вотъ, спасибо вамъ; Дунька у васъ служить и сыта, а вѣдь остальной приплодъ накормить надобно. Вы это разсудите, батюшка...

— А много ты ему должешь?—полюбопытствовалъ о. Алексѣй.

— Много,—вздыхнулъ рыбасъ.—Двадцать девять рублей ассигнаціями.

— Терпи, чадо, терпи...

— И то, батюшка, терпишь-терпишь да иной разъ и подумаешь: взять бечевку отъ невода, пойти въ казенный садъ да и завѣситься на деревѣ...

— Что-о? Я тебѣ дамъ завѣситься! Терпи и благодари Господа за всякую напасть.

Эти духовныя наставленія, однако же, мало утѣшали рыбаса.

— Батюшка,—обратился онъ однажды къ о. Алексѣю.—Вы бы съ Вахлаковымъ поговорили... Онъ васъ уважаетъ и боится, потому что вы—царскій духовникъ... Отпустилъ бы меня Вахлаковъ изъ ватаги хоть бы на вторую половину поста. Я все-таки поправился бы. Сдѣлайте божескую милость... Семья вѣдь...

— Что ты, что ты еще выдумалъ!—отвѣтилъ о. Алексѣй.— Стану я изъ-за тебя съ Вахлаковымъ дружбу портить... Онъ меня икоркой и балычкомъ балуетъ... Самъ полѣзь въ петлю—самъ и выпутывайся. Терпи, чадо, Богъ милостивъ. Неси крестъ свой съ кротостью...

— Знаете, тятенька, что я вамъ скажу,—заговорила Дунька, оставшись въ кухнѣ съ отцомъ глазъ на глазъ.—Приходилъ къ намъ вечеркомъ въ гости баринъ одинъ. Ну, ей-Богу же, ни дать, ни взять—тотъ самый унтеръ, что у насъ былъ... Какъ двѣ капли—только благородный...

— Ври больше! Съ хорошихъ харчей уже заговариваться начала... Вонъ какое пухлое мурло наѣла... Унтера я какъ свои пять пальцевъ знаю, — сердито отвѣтилъ Калистратъ. — Солдаты, какъ солдаты... Охохонюшки, нѣту миѣ, горемыкѣ, ни свѣту, ни привѣту!.. Дѣточки мои милыя, дѣточки мои малыя! Голоднющая у васъ будетъ Пасха!.. Одно и осталось, что въ казенномъ саду завѣситься... Прощай Дуня, домой пойду... Даромъ только попа трогалъ; будь онъ неладенъ...

VI.

Всю ночь на среду Средокрестной недѣли надъ замерзшей ледяной равниною моря выла снѣжная буря. Жестокими порывами холоднаго вѣтра подхватывало мелкій колючій снѣгъ и несло по льду куда-то въ безконечную, непроглядную даль, у которой, казалось, не было ни границъ, ни края. Было страшно холодно и жутко.

Ватага купца Вахлакова, состоявшая изъ десяти человекъ рыбасовъ и восьми саней съ лошадьми, провела адскую ночь. Люди перепрокинули сани, подлѣзли подъ нихъ и кое-какъ, съ большимъ грѣхомъ пополамъ, укрылись отъ вьюги, но заснуть не могли. Несчастныя же лошади такъ и простояли всю ночь безъ покрывки. На утро онѣ оказались сплошь залѣпленными снѣгомъ и покрытыми толстой корой со стороны вѣтра. Глядѣть на нихъ было жалко.

Солнце встало—и медленно и нехотя выплыло изъ-подъ ледяной равнины мутнымъ, мѣдно-краснымъ шаромъ и тотчасъ же обложилось и справа и слѣва двумя багровыми столбами. По всей необъятной равнинѣ разлился пурпуръ и въ немъ загорѣлись звѣздами всѣ цвѣта радуги съ преобладаніемъ рубиновъ.

Проруби, въ которыя съ вечера былъ опущенъ подъ ледъ неводъ, за ночь занесло снѣгомъ и подернуло льдомъ. Поднявшаяся на ноги и повылѣзшая изъ своихъ жалкихъ убѣжищъ ватага должна была приняться за двойную работу—прорубать вновь и чистить лунки. Помолвившись закоченѣлыми руками прямо на багровое солнце, ватага принялась за работу.

Работали молча, сумрачно и угрюмо, стараясь не глядѣть другъ на друга. Каждому было только до себя. Каждый истомился за ночь безъ сна и отъ пронизывающаго холода. Каждому хотѣлось и ѣсть, и пить, и согрѣться. Работая топорами и легкими желѣзными ломами, насаженными на деревянныя палки, рыбасы умышленно и злобно молчали, какъ будто стараясь накапливать въ себѣ до поры до времени и злость, и ругань.

Всѣ они голодали и зябли по милости Вахлакова. Еще вчера вахлаковскій приказчикъ долженъ былъ, по уговору, привезти изъ

города и хлѣба, и прѣсной воды, и всякихъ харчей—въ томъ числѣ и овса, и сѣна для изголодавшихся коней. А главное—долженъ былъ привезти дровъ и угля. Но приказчикъ не явился. По его милости ватага легла спать безъ горячаго ужина и теперь принуждена приниматься за трудную работу вся заковенѣлая и съ пустымъ брюхомъ.

Вахлакову съ приказникомъ хорошо: они—въ теплѣ и сыты. Пожалуй, и горячаго чаю напились...

Рыбасы угрюмо посматривали въ ту сторону, гдѣ чуть-чуть виднѣлась бурая круча, на которой лѣпился городъ, и напрягали зрѣніе:—не видать ли саней съ вахлаковскимъ приказчикомъ. Но гладкая ледяная равнина была пуста. Только совсѣмъ въ противоположной сторонѣ моря виднѣлись движущіяся черныя точки. То была другая ватага вольныхъ рыбаковъ, изъ которыхъ ни одинъ не былъ долженъ Вахлакову. Эта ватага сбилась въ добровольную артель и работала на себя. У нея къ празднику будутъ деньги и Пасха будетъ, какъ Пасха. Тамъ если зябнуть отъ вьюги и мерзнуть и коченѣютъ отъ вѣтра, такъ знаютъ, что для себя, а не для другого... Тамъ совсѣмъ иное дѣло...

Вахлаковская ватага старалась не глядѣть въ ту сторону...

Метель улеглась. Стало тихо, но зато приударилъ морозъ. Столбы по бокамъ солнца все росли и росли. По мѣрѣ того, какъ оно поднималось и желтѣло, столбы эти постепенно сливались въ огромный кругъ и скоро охватили солнце яркимъ, золотисто туманнымъ кольцомъ. На небѣ стало три солнца—одно круглое и два продолговатыхъ. Похоже было на предвѣщаніе...

Прошелъ часъ. Все, что раньше было багровымъ, теперь пожелтѣло и заблестѣло такъ ярко, что глазамъ стало больно. Городъ на кручѣ выяснился и освѣтился такъ подробно, что стала видна каждая землянка въ рыбацкомъ гнѣздѣ. Солнышко весело и спокойно играло на покрытыхъ снѣгомъ крышахъ и дворикахъ. Подробно и рѣзко обрисовался тоненькой ленточкой спускъ къ морю. На самомъ верху кручи забѣлѣла соборная колокольня.

Прорубивъ и очистивъ лунки, ватага запустила подъ ледъ длинные деревянные шести съ веревками на концахъ и погнала ихъ впередъ съ двухъ сторонъ. За шестами невидимо потянулись подъ водою крылья огромнаго невода и черезъ часъ сошлись у огромной проруби. Вытащили изъ-подо льда шести, добрались по нимъ до концовъ невода—и стали вытаскивать черезъ прорубь наружу. Что-то Богъ пошлетъ?..

По морозному прозрачному воздуху изъ города прилетѣлъ колокольный звонъ. Въ Михайловской церкви ударили къ обѣднѣ. Значитъ,—уже десять часовъ. А вахлаковскаго приказчика все нѣтъ, какъ нѣтъ. Лица рыбасовъ еще болѣе нахмурились и глаза стали смотрѣть озлобленнѣе.

Неводъ тянули равнодушно. Да и не чему было радоваться. Крыльевъ невода вытащили уже саженей по десяти съ обѣихъ сторонъ—и безъ толку: кое-гдѣ бьется одинокая чехонь или серебристая таранка. Вся рыба сбилась, стало быть, въ мотнѣ. Но до мотни еще далеко. Придется проработать еще съ часикъ...

А приказчика съ харчами все нѣтъ и нѣтъ...

На голодное брюхо тянуть стало труднѣе и все чаще и чаще думалось о ѣдѣ. Животы подводило и силы становилось меньше. Чувствовалась усталость и неохота работать. А тутъ еще и морозъ донималъ. Но хочешь-не хочешь, а работать надо... Рыбасы стянули кушаки потуже.

Вотъ и мотня подходить...

— Тяни, братцы, веселѣй! Мотня идетъ!

Уныло раздалась команда атамана, впервые за все утро обмолвившагося словомъ, но еще унылѣе шлепнулся объ поверхность льда мѣшокъ невода. Въ немъ печально трепетали и бились въ ячейхъ четыре чебана, одна небольшая сула и стерлядка... Вотъ тебѣ и уловъ, изъ-за котораго рыбасы зябли и дрогли всю ночь!.. Рыба, видно, стороной прошла.

Но угрюмыя лица рыбаковъ засвѣтились довольствомъ.

— Такъ тебѣ, живодеру, и надобно!—пронеслось въ головѣ у каждаго.—Бога не обманешь! Получай уловъ! Собирай барыши!..

Бросили неводъ такъ, какъ былъ, и пошли къ санямъ на отдыхъ. И была уже пора отдохнуть: солнце перешло за полдень. Тутъ только показалась вдали черная точка—сани съ вахлаковскимъ приказчикомъ...

Приказчикъ пріѣхалъ навеселѣ: во время пути грѣлся отъ мороза.

— Выгружай, ребята, харчи!,—крикнулъ онъ, останавливая лихо сани у становища ватаги.—Проголодались, небось? Вкуснѣе зато уши похлебаете... Хе-хе... Что же вы всѣ сбились у саней? Отчего стоите безъ дѣла?

Ему никто не отвѣтилъ. Соскочивъ съ саней и бросивъ вожжи, приказчикъ весело, шурша по снѣгу валенками, направился къ тому мѣсту, гдѣ темною горкою возвышался сложенный въ кучу неводъ. Вся ватага двинулась за нимъ. Взглянувъ на пустую мотню, приказчикъ вдругъ закипѣлъ злостью и крикнулъ:

— Признавайтесь, анаемы, кому хозяйскую рыбу продали?? Рыбасы озлобленно молчали.

— Подъ судъ васъ, чертей!—закипѣлъ приказчикъ.—Всѣхъ подъ судъ и въ Сибирь! Иванъ Евстратычъ этого такъ не оставитъ... Воры анаемскіе! Куда рыбу дѣвали? За сколько и кому продали? Отвѣчайте, мошенники!..

Изъ группы рыбасовъ выступилъ заочненѣлый, голодный и озвѣрѣлый Калистрать.

— Воры? Мошенники? Рыбу продали?—прохрипѣлъ онъ.—
Вотъ тебѣ отвѣтъ!..

Калистратъ размахнулся и со всего плеча такъ ударилъ приказчика по лицу, что тотъ грохнулся на ледъ. По лицамъ рыбаковъ пробѣжало чувство удовлетворенія.

— Это что же такое? Разбой?—крикнулъ приказчикъ, поднимаясь на ноги.

— Пропадайте вы съ Вахлаковымъ пропадомъ! Живодеры! Кровопійцы!..

— Что-о? Что такое?

Приказчикъ принялъ вызывающій и грозный видъ, но, взглянувъ на озлобленныя лица ватаги, вдругъ опѣшилъ, съежился и снѣжно поплелся къ своимъ санямъ. Торопливо выбросивъ на ледъ мѣшокъ съ провизіей, онъ быстро вскочилъ на сидѣнье и схватилъ въ руки вожжи.

— Врешь, живоглотъ! Одинъ не уйдешь! Бери съ собой и товарищей!..

Въ готовыя тронутыя сани ввалились съ двухъ сторонъ Калистратъ и еще одинъ рыбакъ. Испуганный приказчикъ намѣнился въ лицѣ и присмирѣлъ еще больше.

— Гайда!.. Трогай!..

VII.

На другой день съ ранняго утра весь городъ только и говорилъ, что о подвигѣ дворянина, помѣщика Сундуновскаго. Пошелъ господинъ Сундуновскій въ казенный садъ съ ружьемъ пострѣлять зайцевъ. Онъ зналъ, что они тамъ есть, потому что еще раньше видѣлъ на деревьяхъ обглоданную кору. Подошелъ къ пролазу въ заборѣ и съ великою досадою увидѣлъ, что уже кто-то пролѣзъ въ садъ до него тоже, вѣроятно, охотиться на зайцевъ. По крайней мѣрѣ слѣды ногъ по снѣгу вели какъ разъ къ тому мѣсту, гдѣ на деревьяхъ была обглодана кора. Пошелъ помѣщикъ по этимъ слѣдамъ, углубился въ садъ и вдругъ видитъ: виситъ на вѣткѣ большого дуба человекъ въ веревочной петлѣ и ногами дрыгаетъ. Помѣщикъ не потерявъ присутствія духа выхватилъ изъ кармана охотничій ножъ и перерѣзалъ веревку, а затѣмъ, не теряя времени, привелъ самоубійцу въ чувство, обложивъ его голову снѣгомъ и вливъ ему въ ротъ изъ своей охотничьей фляжки. Убѣдившись въ успѣхѣ своего подвига, онъ поднялъ пострадавшаго, вывелъ изъ сада и сдалъ его на руки жопалому, который и препроводилъ его въ часть. Самъ же господинъ Сундуновскій вернулся прежнимъ путемъ въ садъ и хладнокровно продолжалъ охоту на зайцевъ.

Вѣсть объ этомъ происшествіи съ быстротою, свойственной подобнаго рода вѣстямъ, облетѣла весь Таганрогъ и вызвала всевозмож-

ные толки. Но въ домѣ о. Алексѣя Федотова произвела цѣлый переполохъ. Дунька, при первомъ же слухѣ усиѣвшая побывать въ Рыбацкомъ Гнѣздѣ, вернулась въ слезахъ и съ страшнымъ воемъ и плачемъ объявила хозяйкамъ, что завѣсился въ казенномъ саду не кто иной, какъ родной ея отецъ Калистратъ Егорычъ, и что его загубилъ купецъ Вахлаковъ.

О. Алексѣй и матушка-попадья долго не могли добиться отъ своей прислуги никакого толку, но, въ концѣ концовъ, узнали, что Калистратъ, слава Богу, живъ, что его съ петли сняли и изъ части выпустили, что онъ теперь дома, въ землянкѣ и что на шеѣ у него синий рубецъ отъ веревки и съ одного уха кожа содрана. А загубили его все тотъ же Вахлаковъ и его приказчикъ.

Составивъ себѣ болѣе или менѣе ясное представленіе о печальномъ происшествіи, супруги Федоты не остались въ бездѣйствіи. Матушка-попадья быстро одѣлась и побѣжала въ одну сторону, а о. Алексѣй почему-то почувствовалъ потребность побывать у нѣкоторыхъ знакомыхъ генераловъ и даже во дворцѣ.

Къ вечеру исторія была пережевана, переварена и умолкла. Но не вездѣ. Въ домѣ купца Вахлакова судейскій крючекъ борзо строчилъ жалобу въ соотвѣтственный судъ на мѣщанина Калистрата Егорова Кобылкина и прочихъ мѣщанъ изъ той же ватаги. Лица эти обвинялись въ незаконной продажѣ хозяйской рыбы, въ нанесеніи приказчику увѣчий и во множествѣ иныхъ злокозненныхъ дѣяній.

Въ то же самое время въ землянкѣ Калистрата въ Рыбацкомъ Гнѣздѣ сидѣли въ гостяхъ и пили дрянной чай въ прикуску сапожникъ Ерохинъ, унтеръ и царскій духовникъ. О. Алексѣй говорилъ, какъ и подобаетъ іерею, поучительныя рѣчи, а унтеръ ласково держалъ на колѣняхъ Лизку и терпѣливо отвѣчалъ на ея назойливые дѣтскіе вопросы. Калистратъ сидѣлъ, какъ виноватый и молчалъ, жена его Софья по временамъ всхлипывала и призывала на голову Вахлакова всякую благодать, а Ерохинъ, степенно поплеывая на пальцы, снималъ, когда слѣдовало, съ сальной свѣчки нагаръ. Двое мелкихъ ребятишекъ, сидя за печкой и нисколько не стѣсняясь присутствовавшими, играли «въ волосянку», то есть таскали другъ друга за чубы и громко визжали. Иногда ихъ визгъ переходилъ положенную мѣру и тогда мать, отрываясь отъ общаго разговора, обращалась къ нимъ съ возгласомъ:

— Да замолчите же вы, проклятые! А чтобъ вы подошли! Ужо васъ отецъ ремнемъ выпоретъ...

Выслушавъ съ удивительнымъ терпѣніемъ проповѣдь о. Алексѣя, длинный и плачевный рассказъ Софьи и кое-какія разсужденія сапожника Ерохина, унтеръ сталъ спрашивать Калистрата о ватагѣ и о всѣхъ рыбакахъ изъ этой ватаги, которые были въ кабалѣ у купца Вахлакова. Потомъ онъ досталъ изъ кармана маленькую книжечку и карандашъ и сталъ записывать. Рыбасъ рассказывалъ,

кого какъ зовуть и кто сколько долженъ, но потомъ спохватился и спросилъ:

— Для чего тебѣ, служивый? Если для полиціи—такъ меня уже въ части допрашивали.

— Нѣтъ, другъ мой, это я для себя,—отвѣтилъ солдатъ.

— Разсказывай и не любопытствуй!—внушительно вставилъ отъ себя о. Алексѣй.—Въ многоглаголаніи нѣсть спасенія.

Покончивъ запись и подсчитавъ сумму долговъ, унтеръ спряталъ книжечку въ карманъ и перевелъ разговоръ на другую тему, а потомъ черезъ нѣсколько времени, какъ будто бы невзначай, спросилъ:

— А что бы другъ, сдѣлалъ ты, если бы разсчитался съ купцомъ Вахлаковымъ и сталъ бы передъ нимъ чистъ?

Калистратъ грустно покачалъ головою.

— Чего, служивый, пустяки говоришь и только душу растравляешь?! Никогда этому не бывать. Не таковъ человекъ Вахлаковъ, чтобы спустить мнѣ то, что я самовольно изъ его ватаги ушелъ, другихъ сманилъ да еще и приказчика по скулѣ съѣздилъ. Онъ меня и всю ватагу въ судъ потянетъ и въ острогѣ сгноить. Ты его еще не знаешь.

— Ну, а если бы?—настаивалъ унтеръ.

—Если бы!—передразнилъ рыбасъ.—Будто бы и самъ не знаешь, что я сдѣлалъ бы... Будетъ тебѣ, служба, надо мною надсмѣхаться, и безъ тебя тошно... Извѣстное дѣло, на себя ловить рыбу сталъ бы и вольною птицею зажилъ.

— А если бы и товарищи, что съ тобой въ ватагѣ были, тоже расплатились?

— Фью!—свистнулъ Калистратъ.—Тогда, служба, мы такую ватагу изъ себя затѣяли бы, что только держись. Меня—въ атаманъ выбрали бы, а всѣ прочіе—такіе рыбасы, какихъ въ Таганрогѣ больше и нѣту...

— И это ты правду говоришь?—улыбнулся унтеръ.

— Такую истинную правду, что утромъ, скажемъ, Вахлакову заплатилъ, а вечеромъ уже и ватага готова... Только чего языкъ даромъ чесать... Не миновать мнѣ острога...

Унтеръ задумался на нѣсколько минутъ и все время гладилъ Лизку по головѣ.

— Славная дѣвочка,—сказалъ онъ, обратившись къ сапожнику.—Ее учить надо.

— Гдѣ ужъ намъ, по нашимъ недостаткамъ. Дай Богъ и безъ ученья на ноги поставить,—отвѣтилъ Ерохинъ.—Вышла бы только хорошей хозяйкой да честной женой, а больше ничего съ бабы и не спросится.

Солдатъ опять вытащилъ изъ кармана записную книжечку, отмѣтилъ въ ней что-то и заговорилъ съ отцомъ Алексѣемъ.

— Какъ вы думаете, батюшка, правду сказалъ Калистратъ на счетъ ватаги? Исполнить онъ то, что говорить?

— Думаю, что исполнить. Съ виду онъ—мужикъ будто бы и честный.

— А если вы, о. Алексѣй, благословяете, то и прекрасно. Вотъ вамъ списокъ должниковъ, а вотъ вамъ и деньги. Будьте добры, побывайте завтра у этого купца и расплатитесь. И пусть себѣ эти люди составляютъ ватагу...

Унтеръ вырвалъ изъ книжечки листочекъ и вручилъ, вмѣстѣ съ пачкою ассигнацій, священнику.

— Очень хорошо-съ,—отвѣтилъ царскій духовникъ.

Всѣ находившіеся въ землянкѣ были ошеломлены и не вѣрили. Первымъ очнулся Калистратъ.

— Постой, служба,—заговорилъ онъ недовѣрчиво.—Откуда у тебя такія большія деньги? У солдатъ такихъ денегъ не бываетъ. Ужъ не укралъ ли гдѣ-нибудь?

— Нѣтъ, другъ мой, не укралъ. Былъ у насъ съ сестрой домишка общій—такъ мы его для раздѣла продали. Эти деньги—изъ моей части,—спокойно отвѣтилъ солдатъ.

— Такъ зачѣмъ же ты ихъ зря чужимъ людямъ отдаешь?—удивился рыбасъ.

— Нѣтъ, не зря. Я даю ихъ тебѣ и твоей ватагѣ въ долгъ. Когда разбогатѣете—отдадите.

— Кому же отдавать, когда я не знаю, служивый, кто ты и гдѣ ты живешь?

— О. Алексѣю выплачивай, а онъ мнѣ передавать будетъ. Онъ меня знаетъ.

Калистратъ упалъ въ ноги. Унтеръ воспользовался этимъ и поспѣшно вышелъ изъ землянки. Скоро за нимъ послѣдовалъ и о. Алексѣй, а затѣмъ по дорогѣ нагналъ ихъ запыхавшійся сапожникъ Ерохинъ съ Лизой и, схвативъ унтера за руку, заговорилъ:

— Слушай, служивый, заходи и ко мнѣ когда-нибудь чайку напиться... Ты думаешь, я буду у тебя денегъ просить? Ей-Богу же, нѣтъ. Очень ты мнѣ понравился. Хорошая у тебя душа... Заходи пожалуйста... Иной разъ и водочки выпьемъ...

VIII.

Купецъ Вахлаковъ принялъ царскаго духовника съ великимъ почетомъ и тотчасъ же распорядился, чтобы на столъ подали самоваръ, икры, балыка и всякой снѣди. О. Алексѣй приступилъ къ дѣлу, съ которымъ пришелъ, не сразу, а предварительно отдавъ должное закускамъ и чаю. Напившись какъ слѣдуетъ, онъ кашлянулъ, выложилъ на столъ деньги и бумажку съ именами рыбасовъ и сообщилъ, что рыбасы желаютъ откупиться.

Вахлаковъ сначала не повѣрилъ, но потомъ страшно возмутился, денегъ не принялъ и почти крикнулъ:

— Испугались, подлые! Теперь у нихъ и деньги-нашлись!? Нѣтъ, это—пусть подождутъ!.. Я васъ, батюшка, очень, какъ вамъ извѣстно, уважаю, но тутъ прямо скажу: не за свое вы дѣло взяли и напрасно ходатайствуете. Я этихъ мерзавцевъ въ острогѣ сгною и на вѣки вѣковъ своими рабами сдѣлаю. Теперь—самый настоящій ловъ, а они бунтъ подняли... А вы знаете, что по закону за бунтъ полагается?..

— Погоди, Иванъ Евстратычъ,—началь было поучительно о. Алексѣй.

— И не говорите, батюшка,—перебилъ его купецъ.—Вамъ, какъ духовной особѣ, за бунтарей стоять не полагается. Пострадать можете. Узнаетъ владыка—архіерей, такъ вамъ могутъ неприятности выйти большія. Повѣрьте моему слову... А изъ этихъ подлецовъ я всю душу вымотаю. Я ихъ по судамъ затаскаю. Они у меня въ ногахъ валяться будутъ и сами себя въ рабство мнѣ отдадутъ, лишь бы я ихъ простилъ. Да нѣтъ, не прощу... Калистратка у меня и по Владимиркѣ прогуляется...

— Да ты погоди,—началь было опять о. Алексѣй.

— И слушать ничего не желаю... Я васъ, батюшка, уважаю и даже очень чту, но только въ мои интересы не суйтесь. Не позволю, и денегъ отъ васъ никакихъ не приму.

— Да знаешьли ты, Иванъ Евстратычъ, кто эти деньги даль-то?—чуть не проговорился попъ, но во время спохватился.

— Это мнѣ, батюшка, все равно.... Дѣло въ судѣ уже начато. Теперь—шабашъ. Ни за что не прощу. Для примѣра прочимъ не прощу... Это ужъ какъ вамъ будетъ угодно... На счетъ балычка и икорки—это будьте спокойны; это я—съ удовольствіемъ, но въ мои интересы не суйтесь...

Такъ и не столковались. О. Алексѣй вернулся домой съ деньгами. На прощанье онъ, однако же, успѣлъ, загадочно подмигнувъ глазомъ, сказать:

— Смотри, Иванъ Евстратычъ, не пришлось бы послѣ раскаиваться... Не вѣдаешь бо, что творишь...

— Это какъ вамъ будетъ угодно,—отвѣтилъ Вахлаковъ, провожая о. Алексѣя до двери.—Умру, а интереса своего не упущу. Калистратку, аки зачинщика, теперь, поди, уже и въ полицію взяли...

Но Вахлаковъ ошибался и ошибался жестоко. Какъ разъ въ это время ватага рыбасовъ, во главѣ съ Калистратомъ, лихо и весело катила на нѣсколькихъ саняхъ, нагруженныхъ снастями, по улицѣ, спускавшейся къ морю. На лицахъ у всѣхъ была написана надежда на хорошій уловъ и всѣ рыбасы до одинаго сіяли сознаниемъ того, что они уже больше никому не должны... Теперь работа приметъ совсѣмъ другой оборотъ...

Вахлакову, конечно, донесли объ этомъ происшествіи. Онъ только высоко поднялъ брови и съ неописуемымъ удивленіемъ протянулъ:

— Ка-а-акъ? Что-о?!

Но черезъ полчаса ему пришлось поднять брови еще выше. Явился изъ суда вчерашній повѣренный, строчившій кляузу, и объявилъ:

— Жалобу не приняли. Засѣдатель Трофимъ Андреевичъ сказали, что вечеромъ сами къ вамъ зайдутъ...

— Не такъ написано, что ли?—спросилъ Вахлаковъ.

— Въ томъ-то и сила, что написано по всеѣмъ статьямъ и по всеѣмъ пунктамъ вѣрно и правильно, а только не принимаютъ—и конецъ.

Вахлаковъ сообразилъ и тотчасъ же распорядился послать засѣдателю боченочекъ икры и цѣлый балыкъ. Это, вѣроятно, воздѣйствовало, потому что засѣдатель явился не вечеромъ, какъ обѣщаль, а прямо изъ присутствія.

— За память и за присланное благодаренъ,—сказалъ онъ.—Но по дружбѣ и по знакомству совѣтую вамъ дѣла сего не вчинать.

— Это почему же, Трофимъ Андреичъ?—остолбенѣлъ Вахлаковъ.

— Причина тому важная есть, а какая именно—по долгу службы и присяги открыть не могу. Повѣрьте на слово и плюньте на рыбасовъ.

— Да вѣдь они противъ меня бунтъ подняли...

— Все равно плюньте. Ничего изъ этого не выйдетъ. Подъ сукно положимъ...

Потомъ, наклонившись къ самому уху купца, засѣдатель таинственно прошепталъ:

— Тутъ, Иванъ Евстратьевичъ, нѣкоторая особа замѣшана... Особа, покрытая тайною...

IX.

Само собою разумѣется, что вѣсть о послѣднихъ событіяхъ тоже разнеслась по городу и тоже вызвала толки. Кто радовался неудачѣ, которую потерпѣлъ Вахлаковъ, а кто доискивался:—кто былъ благодѣтель, выручившій изъ бѣды ватагу. Но кто-то выпустилъ слухъ, будто бы деньги, внесенныя за рыбасовъ, пожертвовала нѣкая богатая помѣщица—за упокой души своего мужа, сгорѣвшаго отъ водки... Спрошенный по этому поводу, о. Алексѣй отвѣтилъ:

— Можетъ и такъ, а можетъ и не такъ. Господь все разберетъ...

На этомъ все и успокоились.

А рыбасы, съ Калистратомъ во главѣ, дѣлали свое дѣло. Чуть не каждый день на рыбномъ базарѣ стали появляться цѣлыя горы свѣжеизловленной рыбы, и, благодаря наѣхавшимъ скупщикамъ, уходили на Харьковъ и на Москву цѣлыми обозами. Съ лотка Калистрата торговала Софья, а самъ онъ, по большей части, пропадалъ въ морѣ.

Подошла Страстная недѣля. Въ воздухѣ стало какъ будто бы теплѣтъ—и всеѣ этому обрадовались: очень ужъ надоѣла затянувшаяся зима. Въ четвергъ на Страстной Калистратъ хлопоталъ на

базарѣ и продавалъ цѣлую партію чебана на увозъ. Партія была довольно крупная и цѣна стояла хорошая. Рыбасъ былъ въ самомъ хорошемъ расположеніи духа. Въ это время какъ разъ проходилъ вмѣстѣ съ о. Алексѣемъ унтеръ и, глядя на кучи рыбы, видимо, былъ доволенъ тѣмъ оборотомъ, какой дѣло приобрѣло у рыбасовъ. Калистратъ еще издали увидѣлъ попа и солдата, бросилъ покупателей и кинулся къ нимъ навстрѣчу.

Начались благодарныя рукопожатія и изліянія—до такой степени шумныя, что унтеръ даже сконфузился, а о. Алексѣй началъ увѣщевать не въ мѣру расходившагося рыбаса. Но рыбасъ не унимался и, схвативъ унтера за руку, началъ усиленно упрашивать его:

— Служивый, голубчикъ, благодѣтель!.. Большое ты намъ добро сдѣлалъ—гляди, какія горы рыбы,—и большую дружбу оказалъ... Окажи еще больше: поѣдемъ съ нами на море—посмотришь, какъ наша ватага работаетъ... Ты вѣдь никогда не видалъ, какъ зимою рыбу ловятъ... Поѣдемъ!.. Всего на какой-нибудь часокъ. А ужъ какъ мы тебѣ, благодѣтелю, рады будемъ, какой ущицей накормимъ!! Тутъ не далеко,—всего версты три отъ берега. Въ полдень, скажемъ, поѣдешь, а къ вечернѣ уже дома будешь. Зато чего наглядисься-то! И погода кстати потеплѣла... Поѣдемъ, право, поѣдемъ...

Унтеръ сталъ было отнѣкиваться, но о. Алексѣй замѣтилъ:

— Что же, прогулка не дурная... Бздилъ я разъ. Превосходно. Ледъ на солнцѣ такъ огнями и играетъ... Осетра тогда поймали: вкусный былъ... Прогулка очень не дурная. Я бы поѣхалъ...

— Вы думаете, батюшка, что это была бы пріятная прогулка?—спросилъ унтеръ.

— Да, пріятная, и противъ разныхъ мыслей и задумчивости полезная,—отвѣтилъ духовникъ.—Я бы поѣхалъ.

— Когда же?

— А вотъ хоть бы въ Страстную субботу послѣ обѣдни. Я бы и и обѣдню поскорѣе отслужилъ. Къ повечерію дома будемъ, а тамъ, пріободрившись прогулкою, и святую Пасху встрѣтимъ...

— Что же, пожалуй,—согласился унтеръ.

Калистратъ, слѣдившій за разговоромъ, пришелъ въ неописуемый восторгъ.

— Вотъ спасибо, такъ спасибо,—затараторилъ онъ.—Дай Богъ вамъ здоровья... Осчастливили... Такъ, значить, въ субботу, послѣ обѣдни? Очень хорошо. Я буду ждать васъ съ санками... Ахъ вы, мой благодѣтели, благодѣтели! Только гдѣ же васъ ждать-то?

— Здѣсь, на этомъ мѣстѣ,—отвѣтилъ унтеръ.—Мы пріѣдемъ сюда на своихъ... то есть... на лошадяхъ о. Алексѣя...

— Идетъ!.. Такъ смотрите же, не обманите. Я и ватагѣ дамъ знать, чтобы ждала: то-то рада будетъ!.. Сейчасъ, почтенные, сейчасъ!.. Полтора рубля тысяча... Меньше ни копѣйки... До свиданія!..

Вдвойнѣ счастливый Калистратъ торопливо распрощался и бросился къ нетерпѣливо ожидавшимъ его покупателямъ.

X.

Вѣрные своему обѣщанію, о. Алексѣй и унтеръ въ Страстную субботу послѣ обѣдни пріѣхали на базаръ на господскихъ саняхъ, запряженныхъ парюю... Правиль лошадьми протопопъ. Калистратъ уже ждалъ ихъ на рыбацкихъ розвальняхъ. Посмотрѣвъ на сани и на добрыхъ коней, онъ слегка усумнился и подумалъ, что врядь ли о. Алексѣю по карману держать такихъ лошадей и такую запряжку. Вѣроятно духовникъ царскій у кого-нибудь изъ богачей выпросилъ для прогулки.

Перекрестились и поѣхали. Рыбасъ пошелъ впереди, но когда спустились на ледъ и очутились на гладкой равнинѣ, онъ сдержалъ свою лошадь, поѣхавъ рядомъ, и вступилъ въ разговоръ.

— Хорошо сдѣлали, братцы, что поѣхали. Нынче послѣдній не водъ тянемъ.

— Почему же послѣдній?—спросилъ отецъ Алексѣй.

— Вѣтеръ съ заката подулъ. Скоро ледъ ломать начнетъ. При этомъ вѣтрѣ завсегда ломаетъ.

— А скоро начнетъ ломать?—не безъ тревоги спросилъ протопопъ.

— Кто же его знаетъ? Можетъ и сегодня ночью начнетъ. Это—отъ Бога.

— Приходилось тебѣ когда-нибудь видѣть, какъ ледъ трогается?

— Какъ не приходилось... Сколько разъ... Я тебѣ говорю: все отъ вѣтра зависитъ. Дуетъ-дуетъ—и все ничего, а потомъ вдругъ какъ изъ пушки выпалить. Это значить—ледъ далеко въ морѣ пополамъ раскололся. Тогда уже скорѣе бросай все, укладывайся и во всю мочь скачи къ берегу... А не успѣешь—опять выпалить—и понесетъ на льдинѣ въ море. Страшно тогда дѣлается. Всѣ начинаютъ Богу молиться...

— А тебѣ не случалось?

— На льдинѣ-то? Въ четвертомъ году унесло. Цѣлый день носило съ лошадьми и со снастями. Шестнадцать насъ человѣкъ въ ватагѣ было. Думали, что намъ и капуть. Только на этотъ разъ Богъ милостивъ оказался: къ Петрушиной косѣ льдину прибило—мы и спаслись, а двѣ лошади съ санками провалились и потонули.

— А сегодня этого случиться не можетъ?—спросилъ въ свою очередь унтеръ.

— Кажись, рановато. Вѣтеръ только недавно задулъ. А ему надо время ледъ раскатать... Вотъ она, наша ватага виднѣется... Люди копаются. Видите?

Впереди, набъ лестящей ледяной скатерти двигались маленькія черточки—люди. Видны были и черные комки—сани. Картина необыкновенной дали была очень красива. Но оба спутника не столько лю-

бовались этой картиной почти безграничнаго пространства, сколько слѣдили за порывами вѣтра. То затихавшіе, то вдругъ налетавшіе съ удвоенной силой толчки воздуха казались имъ, послѣ всего слышаннаго, подозрительными и непріятными. О. Алексѣй по временамъ оглядывался по сторонамъ и даже оборачивался назадъ, чтобы посмотрѣть, далеко ли берегъ, но фигура Калистрата, ѣхавшаго съ безмятежнымъ видомъ, успокаивала его. Унтеръ казался спокойнымъ и углубленнымъ въ свои мысли.

— Вотъ и ватага! Братцы, встрѣчайте дорогихъ гостей!—крикнулъ весело Калистратъ.

Человѣкъ двѣнадцать рыбасовъ давно уже приглядывались къ приближающимся саямъ, высыпали радостно навстрѣчу и тотчасъ же съ довольными возгласами окружили гостей. Унтера подхватили подъ мышки и высадили изъ саней прежде, чѣмъ онъ успѣлъ опомниться. О. Алексѣю помогли вылѣзть и стать на ноги съ почетомъ.

— Вотъ спасибо за то, что пріѣхали! Не побрезгали!—раздалось со всѣхъ сторонъ.

— Поглядите теперь наше хозяйство, дорогіе гости,—провелъ кругомъ рукою Калистратъ.—Все наше: куда хочешь, туда и скачи... Ни горки, ни канавки, ничего нѣтъ. Все гладко... Милости просимъ...

Отъ того мѣста, гдѣ стояли гости, уходилъ въ даль длинный рядъ круглыхъ лунокъ-прорубей и въ самомъ концѣ ихъ виднѣлся сложенный въ кучу неводъ и небольшой холмикъ рыбы.

— Какъ дѣла, братцы?—спросилъ Калистратъ ватагу.

— Послабѣе стало,—отвѣтилъ одинъ изъ ватаги.—Надо бы на новое мѣсто переходить.

— Не придется. Не поспѣемъ. Пожалуй ломать начнетъ.

— На то похоже...

— А уха для дорогихъ гостей найдется? А?

— Есть, есть,.. Отъ обѣда осталась и еще не остыла.

— Оно хоть и не подобало бы въ такой строгій день рыбное вкушать,—началъ было о. Алексѣй, но не докончилъ и вздрогнулъ.

Въ воздухъ отъ одного края горизонта до другого раздался оглушительный, длинный и страшный трескъ, похожій на выстрѣлъ изъ ста орудій сразу. Всѣ переглянулись. Царскій духовникъ поблѣднѣлъ. Унтеръ тоже чуть замѣтно измѣнился въ лицѣ. Ватага вся встрепенулась.

— Гдѣ треснуло?—спросилъ озабочено Калистратъ.

— Въ морѣ,—отвѣтилъ голосъ изъ ватаги.

— А не у берега?

— А можетъ, и у берега. Разобрать трудно: гудѣло кругомъ.

— Укладываться! Запрягать! Живо!—начальническимъ тономъ крикнулъ Калистратъ.—Не копайся! Скорѣе!

Ватага быстро засуетилась. Одни бросились къ неводу, другіе къ саямъ. Работа закипѣла скорая и нервная. Солдатъ и протопопъ стояли на мѣстѣ и не знали, что предпринять.

— Вы чего же стоите, какъ истуканы?!—крикнулъ на нихъ тѣмъ же начальническимъ тономъ рыбаць.—Садитесь скорѣе въ сани и гоните во всю къ городу. Можетъ, на наше счастье ледъ разорвался въ морѣ, а не у берега.

Повторять приказа не было надобности. Унтеръ и духовникъ оказались въ одинъ мигъ въ саняхъ и у о. Алексѣя въ рукахъ взвился кнутъ. Сытые лошади побѣжали во всю прыть. Отѣхавъ съ четверть версты, унтеръ оглянулся. За ними уже катила гуськомъ вся ватага, стараясь поспѣшать. Впереди виднѣлся городъ и съ каждою минутою все приближался и вырасталъ. Но о. Алексѣю казалось, что лошади бѣгутъ медленно и онъ то и дѣло пускалъ въ ходъ кнутъ и покрикивалъ. Унтеръ молчалъ.

Опять по воздуху прокатился тотъ же страшный гулъ разорвавшегося льда. Начался онъ какъ будто справа и сразу послышался слѣва, а потомъ будто упалъ съ неба. Священникъ сталъ работать кнутомъ еще сильнѣе. Берегъ сталъ приближаться со сказочной быстротой. Вдругъ снова трескъ и лошади стали, какъ вкопанныя. Впереди, во льду показалась новая трещина.

— Аминь! Тпру!—произнесъ о. Алексѣй упавшимъ голосомъ.— Нынѣ отпускаеши раба твоего, Владыко...

Трещина между берегомъ и санями стала замѣтно расширяться. Льдина, видимо, начала подвигаться къ морю. Сзади послышался неясный человѣческій крикъ. Унтеръ оглянулся. Ъхавшая сзади ватага усиленно кричала и махала руками, какъ бы призывая слѣдовать за собою. Сама она повернула въ сторону, влѣво, не прямо на берегъ, а вдоль него. О. Алексѣй инстинктивно повернулъ лошадей тоже влѣво и поѣхалъ вдоль трещины.

Теперь уже ватага была впереди. Добрые кони протопопа скоро догнали ее и оказались въ хвостѣ.

— Не отставай!—крикнулъ рыбаць съ послѣднихъ саней.—Держись вмѣстѣ!..

Весь поѣздъ мчался по окраинѣ льдины около четверти часа; потомъ ватага убавила хода и затѣмъ опять помчалась. На льду вдругъ оказался Калистратъ. Не говоря ни слова, онъ вскочилъ въ поровнявшіяся съ нимъ сани, въ которыхъ сидѣли духовникъ и унтеръ, вскочилъ на переднее сидѣнье, молча вырвалъ у о. Алексѣя вожжи, хлестнулъ жестоко коней и съ озвѣрѣлымъ лицомъ сталъ обгонять ватагу. Минуть черезъ десять онъ оказался впереди ея.

Трещина во льду стала какъ будто уже, но разглядѣть хорошенько было нельзя, потому что заходившее солнце било прямо въ глаза. Проѣхавъ съ четверть версты, Калистратъ вдругъ сталъ хлестать по взмыленнымъ лошадямъ и не своимъ голосомъ крикнулъ:

— Держись!!!

Сѣдоки съ ужасомъ почувствовали подъ собою ужаснѣйшій толчекъ, которымъ ихъ чуть не выбило изъ саней. Затѣмъ сзади послы

шался трескъ обломившагося льда. Но все это продолжалось лишь одно мгновеніе. Калистратъ сдержалъ лошадей, снялъ шапку и набожно перекрестился.

— Слава Тебѣ, Господи!.. Перескочили... Теперь мы дома.

Унтеръ и блѣдный о. Алексѣй оглянулись назадъ. Трещина во льду была уже за ними. Берегъ былъ въ какомъ нибудь десяткѣ саженой. Калистратъ, прикрывъ глаза рукою отъ солнца, сталъ глядѣть влѣво.

— Выбрались и они... Молодцы... Тутъ будетъ поуже,—проговорилъ онъ.

Унтеръ вылѣзъ изъ саней и, подойдя къ Калистрату, горячо пожалъ ему руку.

— Тебѣ мы обязаны спасеніемъ,—сказалъ онъ.—О. Алексѣй, вы не пострадали?

Но съ о. Алексѣемъ случилось что-то необычайное. Онъ упалъ передъ унтеромъ на колѣни и, обливаясь слезами отъ радости, протягивалъ къ нему руки и повторялъ:

— Ваше величество!.. Государь всемилостивѣйшій!... Ваше величество, вы цѣлы и невредимы...

Рыбасъ смотрѣлъ на эту сцену и ничего не понималъ, но потомъ въ свою очередь впалъ въ столбнякъ и зобормоталъ:

— Такъ это ты и есть царь?! А я думалъ, что ты—унтеръ... Вотъ такъ здорово!..

Пасхальная заутреня въ маленькой домово́й церкви во дворцѣ совершалась съ обычной скромной торжественностью. Государь Александръ Павловичъ стоялъ на своемъ обычномъ мѣстѣ справа, на коврикѣ. За нимъ помѣщались придворные чины и придворныя дамы, находившіеся при государѣ въ Таганрогѣ. О. Алексѣй и дьяконъ были въ свѣтлыхъ пасхальныхъ ризахъ. Небольшой хоръ пѣлъ стройно. Настроеніе у всѣхъ было пасхальное, радостное.

О происшествіи, случившемся нѣсколько часовъ тому назадъ съ государемъ и его духовникомъ и объ ихъ путешествіи по льду, не зналъ пока еще никто. Поэтому всѣ были страшно удивлены, видя въ сосѣдней съ церковью огромной залѣ въ два свѣта группу простыхъ мѣщанъ, одѣтыхъ по праздничному, но съ загрубѣлыми и обвѣтренными лицами и закорузлыми руками. Кто они и почему они здѣсь—невѣдомо было никому. Догадкамъ не было конца. Но удивленіе стало еще большимъ, когда государь, по окончаніи службы, похристосовавшись съ кѣмъ полагалось, похристосовался также и съ мѣщанами и при этомъ сказалъ слѣдовавшей за нимъ свитѣ:

— Это—хорошіе и честные люди. Дай Богъ побольше такихъ,—потомъ, обратившись къ одному изъ нихъ, прибавилъ:—ну, Калистратъ, спасибо тебѣ за все, я тебя не забуду. Кстати: я у тебя чай пилъ; не побрезгай и ты разговѣться у меня...

Этотъ годъ остался въ Рыбачьемъ Гифздѣ очень памятнымъ. Капитанъ выбрался изъ своей землянки и поселился въ городѣ, въ подаренной ему хаткѣ, но рыбачить не пересталъ. Двое его маленькихъ ребятишекъ были отданы въ школу. Дунька получила въ приданое пятьдесятъ рублей и вышла замужъ за сапожника Семена Ерохина. На приданое были приобрѣтены корова и овцы. Лизка съ наступленіемъ осени, несмотря на свои слезы и на горькія слезы отца, была на казенный счетъ отправлена въ Москву и помѣщена въ институтъ. Прочіе рыбаки принимавшіе участіе въ ватагѣ, получили по небольшой денежной наградѣ.

Купецъ Вахлаковъ, узнавъ, какое участіе государь принималъ въ рыбакахъ, почувствовалъ себя очень неловко, но скоро нашелся. Во-первыхъ, онъ отказался совѣтъ отъ денегъ, которыхъ не принялъ отъ о. Алексѣя, а во-вторыхъ, выразилъ черезъ того же о. Алексѣя желаніе украсить дорогою ризою образъ св. Александра-Невскаго, находящійся въ соборѣ въ лѣвомъ крылѣ иконостаса. Но, изъявляя это желаніе, онъ просилъ при этомъ царскаго духовника ходатайствовать высочайшее разрѣшеніе, чтобы этотъ даръ былъ принятъ «въ память спасенія отъ льдовъ».

Черезъ два дня о. Алексѣй сообщилъ Вахлакову въ отвѣтъ, что одѣвать иконы ризами не возбраняется никому, но созидать себѣ на этомъ тщеславіе— не слѣдуетъ, а потому и вторая часть ходатайства, какъ неискренняя и суетная— отклонена..

А. Чеховъ (Сѣдой).

ИЗЪ СЕМЕЙНОЙ ХРОНИКИ МИНУВШАГО ВѢКА.

I.

ВРЕЗВЫЧАЙНО рѣдкій, интересный, отжившій типъ добраго стараго времени представляла собой словоохотливая владѣлица хутора Лѣнчика, бабушка наша Аграфена Антоновна.

Она собственно и не приходилась намъ бабушкой, такъ какъ была дядиной (то есть, женой дяди) нашего отца—но бездѣтная, любвеобильная, она всегда съ такой нѣжностью относилась къ намъ «внучаткамъ, голубяткамъ своимъ», что мы звали ее «своей бабушкой», любили поѣздки къ ней на хуторъ.

Для насъ это было цѣлое путешествіе, потому что намъ, жившимъ въ противоположномъ концѣ уѣзда, приходилось сначала ѣхать въ городъ и только, выкормивъ тамъ лошадей, къ вечеру продолжать путь.

Радостное настроеніе овладѣвало обыкновенно нами, когда мы, проѣхавъ версты пять по большой дорогѣ, сворачивали возлѣ старой, безверхой вербы на проселочную. Колея, густо заросшая жесткой травой, была такъ незамѣтна, что надо было очень внимательно вглядываться въ вербы, чтобы замѣтить, за которой именно слѣдовало сворачивать круто влѣво.

Версты за двѣ отъ хутора начинался лѣсъ бабушки. Такихъ исполинскихъ вѣковыхъ дубовъ не запомню! Каждый изъ нихъ мнѣ казался однимъ изъ тѣхъ гигантскихъ баобабовъ, о которыхъ я знала по учебнику географіи Смирнова. Заслышавъ еще издали стукъ экипажа и конскій топоть, чуткія, злыя хуторскія собаки

поднимали неистовый лай, среди котораго я всегда узнавала хриплый басъ «Злюки», сварливой старой овчарки, который покрывалъ всё остальные голоса.

Такъ какъ съ заходомъ солнца закрывались тяжелымъ засовомъ тесовыя ворота, то обыкновенно долго приходилось ждать прихода Савки (довѣреннаго лица бабушки, кого-то въ родѣ старосты), который съ суровымъ окрикомъ на собакъ: «цыць, да ну бо-годи», гремя ключами, гостепріимно открывалъ тяжелыя ворота.

Съ лаемъ и визгомъ кидаясь подъ лошадей, свирѣлая свора мѣшала подъѣхать къ крыльцу. Оповѣщенная о пріѣздѣ дорогихъ гостей, бабушка уже стояла на верхней ступенькѣ, обрадованная пріятнымъ сюрпризомъ, веселая, торжественная... Энергично разогнавъ кнутомъ Злюку, Разбойника, Рябого и всѣхъ прочихъ, Савка принимался высаживать изъ экипажа папу, меня, меньшихъ сестеръ и няню съ меньшимъ братомъ. На порогѣ, для привѣтствія гостей, появлялась степенная, во всемъ черномъ, самое приближенное лицо бабушки—домоправительница Ариша. Предложивъ гостямъ занять комнаты и размѣститься по своему усмотрѣнію, бабушка спѣшила отдавать нужныя приказанія.

Старинный, помѣстительный, уютный хуторской домъ, съ нѣкоторой претензіей на щегольство и комфортъ, всегда нравился мнѣ, своей особенностью, своимъ несходствомъ съ другими—новѣйшими, въ которыхъ проходило дѣтство мое.

Давно это было... лѣтъ 50 тому назадъ, а въ моей памяти живо, ясно сохранилось воспоминаніе о маленькой прихожей, съ огромными ларями; угольномъ залѣ въ пять оконъ, уставленномъ старыми, свѣтлыми стульями корельской березы, филейными занавѣсками, съ тѣми столами въ промежуткахъ, которые, имѣя видъ ломберныхъ, могли, благодаря опущеннымъ крыльямъ, быть большими овальными. Помнится мнѣ гостиная, имѣвшая черезъ балконъ ходъ въ садъ, гдѣ находились два большихъ дивана и цѣлый рядъ съ высокими прямыми спинками краснаго дерева, тяжелыхъ кресель съ сидѣніями, обитыми какой-то жесткой, пестрой, шерстяной матеріей, съ черными рисунками по красному фону. За гостиной слѣдовала угловая столовая съ необыкновеннымъ посуднымъ шкапомъ, замѣнявшимъ буфетъ. Онъ поражалъ меня особенностью своей конструкціи и своею помѣстительностью, безчисленностью чашекъ съ широкими стеклянными дверцами, на которыхъ удивительно симметрично размѣщены по сортамъ: чашки, рюмки, стаканы и прочее. Откинутаая доска нижняго яруса могла служить одновременно подносомъ и столомъ. За столовой слѣдовала большая парадная, спальная бабушки, сбращенная въ пріемную для гостей, и затѣмъ по коридору слѣдовалъ цѣлый рядъ небольшихъ внутреннихъ комнатъ съ выходомъ черезъ сѣни на заднее крылечко.

Особенностью этого дома были необыкновенно блестящіе, на подобіе паркетныхъ, полы, которые были всегда такими скользкими, что ходить можно было только по разостланнымъ дорожкамъ (половикамъ мѣстнаго производства). Во всѣхъ комнатахъ висѣли старинныя иконы съ темными лицами святыхъ, предъ которыми теплились примитивныя лампы въ видѣ маленькихъ стеклянныхъ стаканчиковъ, вставленныхъ въ мѣдные обручи. И простенькія лампы, и темные портреты съ потускнѣвшими красками, на которыхъ нельзя было разсмотрѣть лицъ, и большіе подсвѣчники въ видѣ шандаловъ, и комоды съ мѣдными узорчатыми ручками и бляхами,—все, вмѣстѣ взятое, вполне гармонировало съ внѣшнимъ видомъ бѣленькаго хуторского дома подъ соломенной крышей, преимущество которой предъ желѣзной было: лѣтомъ—прохлада, зимой—тепло.

Необыкновенное оживленіе вносилъ постоянно нашъ пріѣздъ въ уединенный хуторъ. По коридору слышались торопливые шаги босыхъ ногъ проворныхъ Ганьки, Мотры, племянницъ Ариши, едва успѣвавшихъ исполнять разнообразныя приказанія своей барыни. Съ необыкновенной поспѣшностью бѣгали онѣ съ крылечка въ кухню, погребъ, ледникъ.

Возвращая бабушкѣ связку большихъ ключей отъ сараевъ, всегда докладывала Савко о выдачѣ овса лошадямъ, объ удобномъ размѣщеніи ихъ въ конюшнѣ, изъ которой онъ своихъ коней временно переводилъ въ какой-то загонъ. Бабушкѣ понравилась догадливость Савки, которому дано было уполномочіе принять на себя угощеніе пріѣзжаго кучера.

Въ столовой, куда мы, уставшіе, изрядно проголодавшіеся, заглядывали не одинъ разъ, былъ накрытъ столъ и разставлено сливочное масло, большіе ломти мягкаго чернаго хлѣба, громадный кувшинъ молока и тѣ чудные сухарики изъ пасхи, которые бабушка на 300 желткахъ печетъ къ Свѣтлому празднику и бережно сохраняетъ въ особыхъ ящикахъ, для рѣдкихъ дорогихъ гостей.

Появляется давно ожидаемый самоваръ... Бабушка, къ великому удовольствію, занимаетъ свое мѣсто за столомъ, за которымъ уже давно, безъ приглашенія, размѣстились мы, дѣти. Медленно, одна за другой, перетираетъ бабушка тѣ старинныя чашечки, въ формѣ стаканчиковъ или, вѣрнѣе, помадныхъ баночекъ, съ чудной позолотой внутри и съ видами не то Рима, не то Карфагена, съ изображеніемъ въ краскахъ: колоннъ, портиковъ, храмовъ и очень забавныхъ человѣчковъ. (Такихъ чашечекъ, пожалуй, не отыскать въ настоящее время и у антикварія). Покончивъ съ чашечками, испытывая наше терпѣнье, начинаетъ она доставать одну за другой серебряныя ложечки, въ стилѣ рококо, съ изображеніемъ рога изобилія и маленькихъ розочекъ, рассказывая при этомъ намъ, какъ дня за два (кажется, противъ пятницы) видѣла она вѣ-

щій сонъ, истолкованный, какъ неожиданная, радостная случайность.

Ариша, стоя въ дверяхъ, угадываетъ наше нетерпѣніе.

— Да ну бо, барынечка, годуйте швидче дітокъ,¹⁾—говорила она.

Бабушка, вспомнивъ о насъ, начинаетъ тотчасъ спѣшно разливать молоко по стаканчикамъ, предлагать большіе сухари, сдобную булку и прочее,—спѣшить налить чаю намъ.

Въ комнатѣ, освѣщенной двумя свѣчами въ высокихъ шандалахъ, съ мерцающимъ огонькомъ лампы, намъ, привыкшимъ къ свѣту лампъ, кажется совсѣмъ темно.

Насъ клонитъ ко сну... Мы заявляемъ бабушкѣ, сестра и я, что мы хотимъ занять оба дивана въ гостиной и спать однѣ, съ расчетомъ встать пораньше и еще до чая сбѣгать въ лѣсъ.

— Гдѣ хотите, голубятки мои, воля ваша...

Но Ганька и Мотра оказались сообразительными, на всякій случай притащили уже туда цѣлый ворохъ подушекъ, перинъ, простынь и одѣяль.

Хочется спать... Самоваръ перестаетъ шумѣть, а въ залѣ спѣшно накрывается столъ для ужина, и объ отказѣ отъ него бабушка и слышать не хочетъ, такъ какъ она заказала обычное меню: куриную лапшу, котлеты и воздушный пирогъ изъ малиноваго сиропа. Младшаго брата няня осторожно уноситъ въ постель. Намъ, старшимъ, надо доужинать. Ъсть не хочется, а отказываться нельзя... Папа проситъ и для насъ позволенія спать... Бабушка нехотя, перекрестивъ насъ, отпускаетъ. Мы, уже засыпая, продолжаемъ слышать ея голосъ въ залѣ. Она такая словоохотливая, что намъ приходится только слушать ее.

Утромъ мы встаемъ рано... Всѣ—Злюка, Разбойникъ и прочіе—на привязи, и мы можемъ безопасно, безпрепятственно отправляться куда угодно. Спускаемся въ садъ... Особенный онъ какой-то... Густо заросшій кустами сирени, жимолости, жасмина, шиповника. Запущенный, дикій, съ тропинками вмѣсто дорожекъ, съ травой высокой, сочной, обильно покрытой росой, онъ удивительно живописенъ, такъ какъ расположенъ по склону горы. Внизу, за ложиной, снова подъемъ въ большой лѣсъ, съ огромными дубами и высокими соснами. Въ лѣсу этомъ хуторскіе обыватели имѣютъ обыкновеніе самовольно пасти рогатый скотъ и пускать лошадей. Бабушка иногда черезъ Савку дѣлаетъ имъ внушеніе; грозитъ даже кому-то жаловаться... Послѣ извиненія за случайность повторяется то же самое; сосѣди не придаютъ никакого значенія угрозамъ, зная, что никогда и никому не станеть жаловаться добрая барыня.

Въ саду, гдѣ уцѣлѣло нѣсколько старыхъ скамеекъ, почернѣвшихъ отъ времени, нѣтъ и слѣда той бесѣдки, которую помнилъ

¹⁾ Кормите скорѣе.

напа въ юности еще при первой женѣ дяди, В. Гр., любившей садъ, славившейся изяществомъ своего цвѣтника. Вторая жена дѣдушки А. А., вникая въ полевое хозяйство, не интересовалась вовсе садомъ, въ который никогда не заглядывала, забивъ даже для безопасности выходящую въ него изъ гостиной дверь и разобравъ ступени балкона. Несмотря на недостатокъ ухода, яблони, груши и сливы (крупныя венгерки) ежегодно давали плоды. Старикъ Охримъ, казакъ сосѣдняго села, онъ же и пасѣчникъ, изъ года въ годъ снимавшій за ту же сумму садъ, на убытки никогда не жаловался и жилъ всегда въ міру и ладу со всѣми обывателями уединеннаго хутора.

Въ саду оказалось росно и сыро и мы, чтобы использовать свою свободу, выходили на плотину къ рѣкѣ и мельницѣ, гдѣ немолчно шумѣли колеса и, пѣнясь, каскадомъ спадала внизъ вода. Хотѣлось тотчасъ, вооружившись удочками, попробовать половить рыбу; но удочекъ у насъ не было и намъ оставалось только, поднявшись на гору, уйти въ лѣсъ, гдѣ было такъ много разнообразныхъ цвѣтовъ, папоротниковъ, мягкаго яркаго моха.

Съ большими букетами, съ цѣлыми снопами травъ и цвѣтовъ, возвращались мы къ чаю. Насъ уже ожидали въ столовой. За самоваромъ сидѣла бабушка и, перетирая попрежнему ложечки, рассказывала какой-то эпизодъ изъ своей жизни въ родительскомъ домѣ. Она часто вспоминала дѣдушку и не иначе какъ говорила: «царство ему небесное». Она поднимала глаза на висѣвшую въ правомъ углу икону и благоговѣнно всегда осѣняла себя крестнымъ знаменіемъ. Было что-то умилительное, трогательное въ ея благоговѣнномъ почитаніи памяти мужа, который былъ чуть ли не вдвое старше нея и женился вдовцомъ для того, чтобы въ лицѣ ея имѣть возлѣ себя въ домѣ любящее существо, согласившееся раздѣлить его одиночество и взять на себя заботу и попеченіе о немъ.

Бабушка, радостно привѣтствовалавъ дорогихъ внучатокъ, принималась торопливо разливать молоко по стаканчикамъ, рѣзать большими ломтями сдобную булку и упрашивать ихъ кушать на здоровье. Приходила Ариша, привѣтливая, какъ и сама хозяйка, и приглашала насъ, барышень, поглядѣть на хорошенькихъ телятъ, а паныча на того рыженькаго жеребенка, котораго бабушка предназначила для него, назвавъ его за рѣзвость «Шкодой»¹⁾. Намъ, конечно, не сидѣлось въ столовой. Нужно было осмотрѣть все хозяйство бабушки.

Съ параднаго крыльца видны были расположенныя на большомъ, поросшемъ густою травою, съ извилистыми узенькими тропинками, дворъ, надворная постройка, большая клуня, заново весною перекрытая соломой, маленькій амбаръ съ двумя кры-

¹⁾ Проказникомъ.

лечками, возлѣ котораго была привязана сердитая дохматая Злюка, экипажный сарай, къ великому удовольствію гостепріимно открытый настежь. Мы любили забираться въ одинъ изъ старыхъ бабушкиныхъ экипажей: бричку или найтычанку¹⁾, и воображать себя куда-то ѣдущими. Неподалеку отъ сѣннаго сарая, охраняемаго ретивымъ Разбойникомъ, былъ большой каменный ледникъ, съ тяжелой, обитой желѣзомъ, дверью. Какъ разъ противъ дома людская, раздѣленная сѣнями на двѣ половины. Въ правой была господская кухня, гдѣ, засучивъ рукава, скалкой раскатывала тѣсто для варениковъ повариха Анисья, принадлежащая къ числу любимыхъ слугъ бабушки; въ лѣвой, людская, гдѣ за кухарку была жена Савки Суклета (Сиклетія), у которой была тутъ же своя маленькая комната. Тамъ она помѣщалась съ дѣтьми: семилѣтней черноглазой Оксаной и трехлѣтнимъ Охримомъ. Оба они были крестниками и любимцами бабушки.

Не сходя съ крыльца, можно было видѣть въ свободномъ промежуткѣ между постройками, надъ высокими насыпями, два большихъ дубовыхъ креста, подъ которыми покоились дѣдушка и первая жена его. Тутъ же, по лѣвую сторону его могилы, желала быть погребенной бабушка, которая такъ любила свой хуторъ, что, живя въ немъ безвыѣздно, не бывала у родныхъ своихъ, которыхъ любила видѣть у себя.

Жила она вообще очень замкнуто, но была удивительно радушна и, любя гостей, заплучивъ ихъ въ Лѣнчикъ, не отпускала ихъ ранѣе 2—3 сутокъ. Къ именинамъ ея 23 іюня всегда съѣзжалось очень много гостей, не только изъ города, сосѣднихъ хуторовъ, но и другого уѣзда.

Уже дня за два до торжественнаго дня пріѣзжала изъ города, по просьбѣ бабушки, дальняя родственница, отличная хозяйка, къ которой она относилась съ большимъ довѣріемъ и передавала на время, вмѣстѣ со всѣми ключами, бразды правленія въ домъ. Въ ея распоряженіи были всѣ служащіе. Суета была страшная. Уже сутокъ за двое готовили теленка, щипали куръ и утокъ, подслащивали наливки, мѣсили тѣсто для пироговъ, толкли миндаль, подсѣвали муку и сахаръ для пирожныхъ. Бабушка, происходившая изъ довольно зажиточной дворянской семьи, была вѣрна ея традиціямъ и любила праздновать свои именины такъ, какъ, по крайней мѣрѣ, лѣтъ 50 тому назадъ справлялись онѣ въ ея родной «Дубовочкѣ».

Нѣкоторые изъ родныхъ и близкихъ пріѣзжали еще наканунѣ. Обыкновенно торжество начиналось съ самаго утра. Въ 9 часовъ представительный пожилой отецъ Ефремъ (изъ сосѣдняго, верстахъ въ трехъ, прихода) служилъ въ залѣ молебенъ передъ покрытымъ бѣлой скатертью столомъ, украшеннымъ по случаю торжества

¹⁾ Найтычанка—экипажъ примитивной конструкціи, на длинныхъ дрожинахъ.

божниками (полотенцами), старинными иконами. Старый дьячокъ, высокій, худой, съ тонкой косичкой и большими очками на длинномъ носу, хриплымъ басомъ отвѣчалъ на возгласы ектеніи. За-вѣдывавшій кадиломъ и усердно раздувавшій въ немъ угли Савка успѣвалъ подпѣвать ему.

Батюшка неоднократно торжественно перечитывалъ длинный списокъ лицъ, которымъ молилъ Бога даровать здравіе и спасеніе и которымъ провозглашалъ громогласное многолѣтіе. Духовное торжество обыкновенно заканчивалось пожеланіемъ хозяйкѣ добраго здоровья еще на многіе, многіе годы.

Въ столовой уже поданъ былъ чай. Проворная Татьяна Егоровна успѣла предупредительно разлить по стаканамъ.

Въ залѣ весь день оставался накрытымъ столъ, уставленный грудой пироговъ, большими блюдами съ окорокомъ, заливнымъ изъ рыбы, жареными малороссійскими колбасами, исключительно домашними, среди которыхъ виднѣлось нѣсколько графинчиковъ съ водками и настойками и бутылокъ наливки малороссійской, сливянки, кагора и портвейна.

Гости, подѣзжавшіе въ разное время, немедленно приглашались къ закускѣ и тотчасъ занимали мѣста у большого стола. Угощеніе продолжалось весь день непрерывно. Хозяйка предоставляла гостямъ полную свободу. Утоливъ голодь, они группами уходили гулять въ лѣсъ на плотину или же сидѣли въ саду и на крылечкѣ, къ которому то и дѣло подѣзжали брички, найтычанки и фазтоны (послѣднихъ было немного). Въ числѣ гостей часто бывали совершенно незнакомыя бабушкѣ лица, пріѣзжавшія издалека гостить къ ея друзьямъ и роднымъ. Такъ, однажды, увидѣвъ подѣзжавшихъ къ дому въ бричкѣ двухъ женщинъ, изъ которыхъ одна молоденькая была, почти подростокъ, и двухъ юношей, я отъ самой хозяйки узнать не могла, кто они.

— Должно быть, попенята (дѣти священнослужителей), — сказала она.

— Кажись, одну въ кружевной косынкѣ признаю—это невѣстка воронковской попадьи, а другіе кто—не знаю.

Незнакомые оказались племянницей и сыновьями воронковского священника. Ариша говорила всегда, что гости у насъ все стараго завѣта.

Къ числу такихъ старозавѣтныхъ гостей принадлежала пріятельница бабушки, сосѣдка ея Олимпіада Степановна, жившая въ своемъ хуторѣ «Куткѣ» (верстахъ въ трехъ отъ Лѣнчика).

Она была вдова майора, получала небольшую пенсію и жила съ своей дальней родственницей, глубокой старушкой, въ небольшомъ уютномъ домикѣ, къ которому примыкалъ огромный, заглохшій, старый фруктовый садъ.

Съ воспоминаніемъ о хуторѣ Куткѣ у меня связано представленіе объ цвѣтникѣ, обилии и разнообразіи цвѣтовъ. Клумбы были изящны, безформенны, въ видѣ какихъ-то неправильныхъ бугорковъ, цвѣты, которые украшали ихъ, по преимуществу многолѣтніе, были такіе красивые, пышные, разнообразные, какихъ я рѣдко видѣла на своемъ вѣку.

Изъ другихъ гостей бабушки мнѣ помнится большой пріятель ея, отставной майоръ М. Г. Р., севастопольскій герой, постоянно упоминовшій въ своихъ разказахъ славныя имена Корнилова, Нахимова и ихъ беззавѣтно храбрыхъ сподвижниковъ. Онъ былъ раненъ въ ногу, которая у него была сведена, и ходилъ тяжело опираясь на костыль. Онъ любилъ рассказывать про оборону Севастополя, причемъ приписывалъ самому себѣ много геройскихъ подвиговъ, заслуживавшихъ ему интересъ и вниманіе слушающихъ. Онъ пріѣзжалъ всегда гостить въ Лѣнчикъ съ женой и сыномъ Васей, любимцемъ и крестникомъ бабушки.

Но больше всего на именинномъ торжествѣ присутствовало крестниковъ. Крестникамъ этимъ было нѣсть числа. Очень часто въ одной семьѣ бабушка тремъ поколѣніямъ приходилась крестною матерью, такъ какъ крестила мать, дочь и внучковъ. Такъ же много было у нея посаженныхъ дѣтей. На имена и ихъ родословныя у нея была рѣдкая память. Всѣ они во всякое время имѣли къ ней доступъ, многимъ изъ нихъ она чѣмъ могла помогала, будучи сама не очень богатой. Владѣя 300 десятинами земли при усадьбѣ, она всегда, осѣняя себя крестнымъ знаменіемъ, молила о царствѣ небесномъ и вѣчномъ покоѣ для своего мужа, обезпечившаго ее на всю жизнь, завѣщая ей дорогой воспоминаніями хуторъ, въ которомъ надѣялась она окончить дни свои, чтобы быть погребенной возлѣ него, подъ высокою насыпью съ дубовымъ крестомъ, съ твердой надеждою свидѣться съ нимъ въ загробномъ иномъ мірѣ...

Много прошло лѣтъ... Симпатичный образъ доброй, общительной, хуторской бабушки, благодаря ея разказамъ изъ личной жизни, воспоминаніямъ хорошаго далекаго прошлаго, удивительно ясно сохранился въ моей памяти, какъ и вся та патріархальная обстановка, которая какъ бы составляла частичку ея существа.

Всѣ окружавшія ее лица, какъ сверстники и современники, имѣли такъ много сходства съ нею, что какъ бы воплощали собой въ образахъ извѣстную отдаленную эпоху, въ которую любили, жили и радовались они безъ малаго сотню лѣтъ тому назадъ.

Не осталось въ живыхъ никого изъ тѣхъ, кого когда-то, очень давно, еще въ раннемъ дѣтствѣ, знавала я въ томъ хуторѣ Лѣнчикѣ, въ которомъ не суждено было умереть владѣлицѣ, чтобы согласно ея волѣ быть погребенной возлѣ мужа. Увезенная изъ него противъ воли, она окончила дни свои среди чужихъ людей и была погребена на кладбищѣ одного отдаленнаго уѣзднаго города.

II.

Въ раннемъ юношескомъ возрастѣ доводилось мнѣ слышать не разъ изъ устъ хуторской бабушки рассказы о быломъ. Интересно было повѣствованіе ея объ отцѣ, сподвижникѣ славнаго фельд-маршала Суворова, участникѣ сраженій при Рымникѣ и Фокшанахъ въ 1788 году; о теткѣ, учившейся въ московскомъ пансіонѣ, во время нашествія Наполеона и съ нимъ дванадцати языковъ, въ особенности о мужѣ ея, ополченцѣ двѣнадцатаго года, едва не отморозившемъ ступни ногъ подъ Смоленскомъ, при преслѣдованіи жалкихъ остатковъ нѣкогда великой и славной Наполеоновской арміи.

Прошло четверть вѣка съ того времени, какъ она, владѣлица радушнаго хутора Лѣнчика, желавшая найти упокоеніе подъ высокою насыпью и большимъ дубовымъ крестомъ возлѣ своего мужа, была предана землѣ, далеко, на кладбищѣ неизвѣстнаго и чуждаго ей уѣзднаго городка, а переходившая изъ рукъ въ руки усадьба ея предана окончательному разоренію и запустѣнію. Это было давно... Такъ давно...

А между тѣмъ все слышанное не одинъ разъ отъ бабушки, въ ея живой, образной передачѣ такъ свѣжо, такъ ясно запечатлѣлось въ моей памяти, что предо мной возстаютъ, какъ живые, образы этихъ давно отошедшихъ въ вѣчность людей и поразительно ясное представленіе о той эпохѣ, въ которой жили, страдали, радовались, любили и умирали почтенные предки, уступая съ владѣніемъ родовыхъ усадебъ, вѣковыхъ лѣсовъ (ревниво оберегаемыхъ отъ хищнической эксплуатаціи), дорогу и мѣсто новому молодому поколѣнію.

Простота въ образѣ жизни, несложныя условія и требованія того времени, патріархальная искренность отношеній, тѣсная связь родственныхъ узъ, взаимное уваженіе членовъ семьи, ихъ почтеніе къ старшимъ, любовное добровольное подчиненіе дѣтей волѣ родителей, престижъ отца, какъ главы семьи и патріарха, въ глазахъ взрослыхъ сыновей—составляютъ исключительную особенность той эпохи, о которой бабушка въ своихъ рассказахъ давала такое детальное, разностороннее представленіе.

Эту семейную хронику, эти интересные эпизоды своей юности всегда очень наглядно иллюстрировала она, то снимая со стѣны искусно вырѣзанные какимъ-то бурлакомъ силуэты родителей, наклеенные на картонъ и вставленные подъ стекло примитивной бумажной рамки; то портреты ихъ углемъ и карандашемъ, очень талантливо исполненные какимъ-то проѣзжимъ художникомъ. Ей не лѣнь было доставать изъ сундука шелковое, гродетуровое въ оборочкахъ платье своей матери; тяжелые часы луковицей, совер-

шившіе походъ съ ея отцомъ въ Румынію въ 1788 году; трубку дѣдушки, съ длиннымъ черешневымъ чубукомъ; книги, подаренныя мужу свекромъ, какъ то: «Вѣстникъ Европы» въ 1812 году, переписанные стихи Сумарокова и Державина, газеты или куранты, какъ называлъ ихъ ея отецъ, отъ 1782 года, «Московскія Вѣдомости» и проч.

И мы, слушая по нѣскольку разъ ея рассказы, переспрашивая неоднократно одно и то же, считали себя какъ бы знакомыми съ ея семьей, изъ которой я въ 70-хъ годахъ видѣла глубокой старухой ея старшую сестру Клавдію.

Бабушка жила въ прошломъ. Глаза у нея были слабы, читать ей было трудно, но до чтенія она, видимо, никогда охотницей и не была. Изъ хутора рѣдко выѣзжала; переписку почти ни съ кѣмъ не поддерживала и была всецѣло погружена въ хозяйственныя заботы о любимомъ хуторѣ, причемъ находила себѣ всегда дѣло и весь день была на ногахъ. За вязаніемъ шарфовъ, косынокъ на спицахъ, она всего болѣе любила вспоминать доброе старое время и рассказывать о привольномъ, веселомъ житіи подъ родительскимъ кровомъ.

Въ Лѣнчикѣ она не видала много радости, мужъ ея, много старше, больной, страдавшій ревматизмомъ, сдѣлалъ изъ нея терпѣливую сидѣлку. Она привыкла къ его страданьямъ, къ уходу за нимъ, и съ его смертію жизнь потеряла для нея всякій смыслъ. Нельзя было доставить ей большее удовольствіе, какъ попросить рассказать о дѣтствѣ и юности. Воспроизвожу по памяти ея повѣствованіе:

— Яродилась, — говаривала она, — въ родовомъ хуторѣ Дубовички 9 мая 1814 года. Отецъ мой, современникъ великой царицы Екатерины, 23-хъ лѣтнимъ юношей участвовалъ въ походахъ, подъ начальствомъ доблестнаго фельдмаршала Суворова, и раненый при Фокшанахъ въ 1788 году въ бокъ и лѣвую ногу, которая осталась у него сведенной въ колѣнѣ на всю жизнь, вышелъ въ отставку. Дѣдушка, подыскавъ ему въ невѣсты мою мать, 17-тилѣтнюю сироту, воспитанную въ домѣ своего дяди, и предоставивъ ему въ распоряженіе хуторъ Дубовички, скорѣ умеръ.

Семья у насъ была не маленькая; кромѣ меня, самой младшей у родителей моихъ было четыре сына: Степанъ, Михаилъ, Григорій и Василій и двѣ дочери, Неонила и Клавдія.

Жила съ нами еще тетка, сестра матери, Глафира Степановна.

Она обучалась въ какомъ-то московскомъ пансіонѣ, была просватана и, когда женихъ ея, молодой и красивый, умеръ отъ черной оспы, она, пріѣхавшая погостить въ Дубовички, осталась въ нихъ на всю жизнь. Замужъ она такъ и не вышла, несмотря на то, что ее не разъ сватали хорошіе люди. Ходила она всегда въ черномъ, строго соблюдала посты, среду и пятницу, и была очень набожна.

Хорошо намъ жилось въ тепломъ дѣдушкиномъ домѣ, къ которому отецъ пристроилъ еще нѣсколько горницъ. Домъ у насъ былъ очень помѣстительный. За большой прихожей съ огромными ларями былъ залъ, съ блестящимъ, какъ зеркало, узорнымъ поломъ, о пяти окнахъ съ филейными гардинами маменькиной работы; далѣе шла гостиная, чуть побольше моей. Тамъ висѣла чудесная картина, вышитая шерстями, изображавшая «волка и красную шапку». На стѣнѣ надъ окнами отлично висѣла крупнолистный плющъ. За нею столовая—угловая, выходившая четырьмя окнами въ тѣнистый садъ. Всѣ эти горницы были большія, просторныя.

Домъ нашъ дѣлился на двѣ половины, и по коридору былъ цѣлый рядъ маленькихъ комнатъ: кабинетъ папеньки, спальня маменьки, комнаты панычей (моихъ братьевъ), тети Глаши, моя и сестеръ. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ были удобныя лежанки, на которыя, подставивъ коврикъ, любили забираться мы, дѣти, въ морозныя сумерки, грѣясь послѣ игры въ снѣжки и катанья съ горы на салазкахъ.

Какъ хорошо, тепло становилось въ домѣ, когда сторожъ Охримъ, закрывъ снаружи ставни, принимался растоплять изъ коридора одну изъ маленькихъ печей. Большія наши парадныя хоромы отапливались съ утра снизу соломой. Папенька любилъ тепло и въ своемъ тепломъ казакинѣ, подбитомъ ватой или бѣличьимъ мѣхомъ, на низенькомъ табуретѣ усаживался передъ печкой и, грѣя руки, всегда самъ мѣшалъ мелкія, березовыя дрова.

Въ большой дѣвичьей тоже топилась голландка и тамъ при свѣтѣ сальныхъ свѣчей до ужина кипѣла работа. Дѣвчата, наши челядки: Агаша, Мотря, Галя—пряли тонкую пряжу подъ наблюдениемъ Лукьяновны, нашей ключницы, вдовы псаломщика. Хорошая, преданная была намъ старушка, «царство ей небесное». Любила она насъ, какъ родныхъ дѣтей (которыхъ она похоронила въ раннемъ возрастѣ). Маменька, тогда еще молодая и неопытная, взяла ее въ домъ, чтобы никогда не разстаться съ нею. Лукьяновна, высокая, худая, носила черное платье, повязывала голову шелковой косынкой, концы которой аккуратно на макушкѣ закалывала булавкой, со стеклянной головкой. Всѣ слушались ее, повиновались ей и боялись ее. Она любила ворчать. Казалась сердитой, но на самомъ дѣлѣ была добрая, жалостливая. Цѣлый день была она на ногахъ. Одинаково рано вставала зимой и лѣтомъ. Забравъ висѣвшіе у ней надъ кроватью большіе ключи, отправлялась она въ амбарчикъ для выдачи овса, сѣна и прочаго корма для лошадей, птицы; а также хлѣба, сала, соли и прочаго для людей на весь день.

Возвратясь въ свою келейку, она долго, притворивъ дверь въ коридоръ, на колѣняхъ молилась предъ тѣми темными иконами, которыя занимали весь уголъ ея крошечной комнатки. Всегда по

книжкѣ читала она длинный списокъ именъ своихъ дорогихъ покойниковъ. Затѣмъ отправлялась въ кухонку варить ячменный кофе въ мѣдномъ пузатенькомъ кофейникѣ да кипятить сливки и молоко для господъ, которые собирались въ столовую въ 7 часовъ.

Папенька поднимался всегда съ пѣтухами. Хозяйство у насъ было большое, хотя земли пахотной было всего 300 десятинъ; но при этомъ у насъ былъ свой небольшой винокуренный заводъ. Горилка курилась на продажу, а бардой откармливали на славу свиней штукъ болѣе 20 и рогатый скоть. Брали еще въ зиму на прокормъ и хуторскихъ воловъ, такъ какъ корма были хорошіе. На рѣкѣ, за садомъ, была у насъ водяная мельница о двухъ поставахъ, а при ней толчея, крупорушка да небольшая сукновальня. Работа шла круглый годъ. Мирошкинъ Остапъ такъ хорошо умѣлъ обходиться съ людьми, что издалека привозили въ нашъ млинъ молоть жито, рушить просо и гречь. Его крохотная хатка, возлѣ пруда (става), была всегда полна заѣзжаго народа. Мы любили порядкомъ прозябнувъ, заходить къ нему отогрѣться послѣ катанья по льду, въ особенности, чтобы побалакать съ проѣзжими хуторянами.

Хозяйство у насъ было такое, что вепомнить любо. Чего не пожелаешь, все свое. Покупать-то было нечего, развѣ только чай, который папенька, съ 20-го года, цыбикомъ сталъ выписывать изъ Москвы, да еще песокъ сахарный и патоку.

Осенью, когда прекращалась работа на свеклосахарномъ заводѣ князя Г., папенька самъ ѣздилъ въ В. и закупалъ бочками сахарный песокъ и патоку. О сахарныхъ головахъ и пиленомъ сахарѣ мы тогда понятія не имѣли. Даже свѣчи, какъ восковыя (у насъ была большая пасѣка, ульевъ 40), такъ и сальныя, отливались дома и этимъ производствомъ завѣдывалъ нашъ старый приказчикъ Тарасъ, помощникъ папеньки, пользовавшійся большимъ его довѣріемъ. Какъ они макались и отливались, я ужъ теперь не припомню, потому что, когда я стала помнить себя, то застала большой запасъ свѣчей, а потомъ, со смертью Тараса, ихъ стали пудами покупать въ городѣ.

Въ кладовой маменьки чего-чего только не было. На полкахъ рядами стояли большія глиняныя банки съ различнымъ вареньемъ, бутылки наливкокъ: запеканокъ, настоекъ, травниковъ разныхъ. Была еще какая-то зеленоватая, душистая настойка, которую папенька всегда пилъ передъ обѣдомъ. Тутъ же стояла кадлушка съ медомъ, орѣхами. Къ толстой потолочной балкѣ были привѣшены пучки мяты, ромашки, грозди рябины, калины и проч. Въ мѣшкахъ за дверью сохранялись сѣмечки (подсолнухи) и тыквенныя сѣмена (насэнъе). Большой запасъ разныхъ лакомствъ сохранялся тутъ же въ ящикахъ шкапа. Были тутъ и коврижки на патоку, сушенныя яблоки, вишни, груши и сливы для отвара; варенья въ

сахаръ, арбузные и дынные корки и всего-всего не вспомнишь. Вездѣ ярлычки съ надписями... Были у нея и лекарственныя травы: шалфей отъ болѣзни горла; липовый цвѣтъ отъ простуды; березовыя почки отъ порѣзвъ; лѣсная земляника отъ бессонницы; полынь отъ лихорадки и много разныхъ другихъ травъ и корней.

Кладовая при домѣ составляла гордость маменьки. Ключъ отъ нея всегда хранился у нея въ бисерномъ мѣшочкѣ, вмѣстѣ съ большими черепаховыми очками и носовымъ платкомъ. Она ежедневно сама отпускала провизию нашей старой стряпухѣ Федорѣ.

Ключами отъ большой кладовой, маленькаго амбара, подвала, погреба, ледника завѣдывала Лукьяновна, которая съ ранняго утра выдавала весь потребный дневной провiантъ. Всѣ ключи, большіе, тяжелые, висѣли у нея на ремешкѣ, на длинномъ гвоздѣ надъ кроватью.

Староста нашъ Тарасъ Григорьевичъ имѣлъ ключи отъ большого амбара съ нѣсколькими крылечками; отъ кузницы, сѣнного сарая, сбруйной, отъ склада шкуръ, ремней, желѣза и прочаго матеріала.

Да, дѣточки, такое хозяйство, какое было у нашего отца, даже въ тѣ времена найти было трудно.

Быль у насъ и свой кузнецъ Ефремъ, и плотникъ, столяръ Еремѣй, у котораго всегда была работа для горницъ и мельницы. Дома вились веревки, изготовлялась сбруя и прочее. Изъ города всегда привозили осенью портного и онъ мѣсяца по три работалъ у насъ: шилъ папенькѣ казакины, намъ—шубки, кофты, прислугѣ—корсетки и прочее. Онъ умѣлъ шить хорошо и платья, конечно, не такія модныя, дорогія да вычурныя, какъ ваши. Насъ одѣвали просто, не по теперешнему. Лѣтомъ мы носили, какъ дѣвчата, исподницы, вышитыя рубашки, корсетки.

Отецъ мой очень заботился о воспитаніи моихъ братьевъ, которые всѣ учились въ новгородъ-сѣверской гимназіи, поступили впослѣдствіи въ московскій университетъ. Насчетъ дочерей онъ всегда говаривалъ: «Имъ не нужно большое образованіе, если будутъ въ мать—хозяйки и руководѣльницы; молоды да лицомъ пригожи, такъ всегда жениховъ изрядныхъ дождутся, и безъ нужды и печали жизнь проживуть, какъ мы съ тобой, Варенька»,—прибавлялъ онъ, ласково глядя на маменьку.

Первоначально всѣхъ насъ обучала грамотѣ и наукамъ тетя Глаша, которая сама когда-то училась въ московскомъ пансіонѣ. Закону Божьему, ариметикѣ и географіи—приходскій священникъ нашъ отецъ Евфимій, раньше онъ обучалъ братьевъ латыни и другимъ языкамъ. За нимъ два раза въ недѣлю посылали внука Тараса Артема на сытой, гнѣдой Лыскѣ. Занимался онъ хорошо, добросовѣстно съ нами младшими, Клашей и Васей (старшія братья были кто въ московскомъ университетѣ, кто въ новгородъ-сѣверской

гимназіи, а сестра Неонила вышла замужъ за городничаго, когда мнѣ было три года).

Учились мы всегда въ тетушкиной комнатѣ, за большимъ некрашеннымъ столомъ, украшеннымъ чернильными пятнами, различными буквами, рисунками перомъ—проказами братьевъ. Заставляя насъ читать, тетушка постоянно вязала на спицахъ гарусные шарфы для братьевъ, крестниковъ или прислуги. Этой работѣ научила она и насъ. Намъ она правилась гораздо больше, чѣмъ толстые, нитяные чулки, которые заставляла насъ вязать Лукьяновна, сама ни на минуту не разстававшаяся со своимъ чулкомъ, вязавшая его на ходу.

Вышиванью въ пальцахъ гарусомъ и бисеромъ учила насъ маменька—большая рукодѣльница. Сестра Клаша была такая же, какъ и она, искусница; у меня рукодѣліе не спорилось и я немало перепортила зря всякаго добра.

Работали мы только осенью да зимой. Весной и лѣтомъ некогда было. Мы были постоянно заняты въ саду и въ огородѣ. У каждаго изъ насъ было по своей грядкѣ овощей и цвѣтовъ, которыя мы отгораживали кольями, заботливо пололи и поливали. Лѣтомъ у насъ дѣла было такъ много, что учились всегда мы часа по два въ день, не больше. Мы собирали въ лѣсу грибы, низали, сушили ихъ на солнцѣ, лушили для сушки горохъ, дѣлали запасы липоваго цвѣта, мяты; чистили ягоды для варенья, которыя маменька съ Лукьяновной варили въ большой жаровнѣ, подъ тѣнью стараго каштана, возлѣ задняго крылечка. Братья также помогали отцу и Тарасу въ полевоmъ хозяйствѣ, какъ мы маменькѣ—въ домашнемъ. Приѣхавъ на каникулы, они вставали рано и верхомъ съ рабочими выѣзжали въ поле или на лугъ. Возвратившись домой и освѣжившись купаньемъ, они приходили къ обѣду. Папенька, ѣздившій въ поле въ маленькой бричкѣ, послѣ обѣда выкуривалъ длинную трубку, съ глинянымъ чубукомъ, жуковского табака, ложился отдыхать на клеенчатомъ диванѣ въ своемъ кабинетѣ, а братья или съ удочками уходили ловить рыбу, или съ книжками уходили въ садъ. Въ 5 часовъ, лѣтомъ, въ бесѣдкѣ возлѣ дома, собиралась наша семья полудновать. Лукьяновна приносила большой кувшинъ холоднаго молока, миску ягодъ, свѣжаго житнаго или пшеничнаго хлѣба, а для папеньки кувшинъ его любимаго солодоваго кваса.

Мы ѣли наскоро, такъ какъ братья спѣшили опять въ поле или на покосъ. Иногда, когда было свободно, запрягали долгушку и мы съ тетей Глашей и маменькой ѣздили или на сѣнокосъ, или на жнитья. Мы всегда съ дѣвчатами усердно гребли и переворачивали сѣно и научились такъ ловко жать, что скотница Вавдя всегда одобрительно отзывалась о нашей подмогѣ. Хорошо, говорить нечего, жилось намъ въ родительскомъ домѣ, когда вся семья была

въ сборѣ. Зимой за ужиномъ, въ длинные зимніе вечера, отецъ интересно рассказывалъ про былое... Онъ очень любилъ старину. Онъ всегда съ умиленьемъ говорилъ о славномъ фельдмаршалѣ князѣ Суворовѣ. Онъ гордился честью служить подъ его командою.

«Не высокій ростомъ, худощавый, не видный изъ себя, а сколько было въ немъ мощи, отваги, другого такого полководца не было въ цѣломъ мірѣ, да и не будетъ во вѣки вѣковъ,—говаривалъ онъ съ умиленьемъ:—«вѣчная ему память»—не фельдмаршаломъ, а отцомъ роднымъ почитало его храброе російское воинство».

Не знаю, видѣлъ ли когда отецъ свирѣпаго Емельяна Пугачева, но рассказывалъ онъ о немъ такъ, какъ будто самъ зналъ, видѣлъ его. Страшно становилось отъ рассказанныхъ о немъ злодѣяніяхъ. Онъ приказывалъ въ городахъ на площадяхъ ставить висѣлицы и казнилъ по нѣскольку человѣкъ сразу. Онъ мучилъ, пыталъ, грабилъ, жегъ, уничтожалъ все на пути, пока самъ не попался въ руки славному генералу Михельсону, и, какъ дикій звѣрь, въ деревянной клѣткѣ не былъ доставленъ въ Москву для казни, въ царствованіе блаженной памяти царицы Екатерины.

«Будетъ тебѣ, Левъ Максимовичъ, на ночь дѣтямъ страхи рассказывать, напугаешь ихъ такъ, что они ночью спать не станутъ», говорила маменька, которая уже не одинъ разъ слышала рассказы отца о злодѣяніяхъ Пугачева. Какъ страшно было жить въ то время, упаси Господи. Мнѣ онъ такъ живо представлялся, что однажды, увидѣвъ во снѣ страшнаго съ черной бородой злодѣя, я въ ужасѣ вскрикнула: «Пугачевъ пришелъ». На крикъ мой прибѣжала испуганная Лукьяновна и принялась крестить меня и отчитывать. Она заставила меня встать и повторять за нею псаломъ Давида: «да воскреснетъ Богъ и расточатся врази его», который обыкновенно читается въ такихъ случаяхъ. Только уложивъ меня снова въ постель и перекрестивъ еще разъ, вернулась она въ свою келейку—такъ мнѣ было страшно.

Тетя Глаша, учившаяся въ Москвѣ въ пансіонѣ въ 12-мъ году, рассказывала про нашествіе французовъ. Графъ Ростопчинъ былъ въ то время генералъ-губернаторомъ. Онъ убѣждалъ сначала москвичей не бросать жилищъ, а потомъ, какъ пошли слухи, что Наполеонъ подходитъ съ двенадцатью языками, что гибель неминуема, стали всѣ, кто могъ, бѣжать изъ Москвы, кто куда зналъ. Начальница пансіона объявила, чтобы ученицы по домамъ расходились и сама, спѣшно связавъ узлы, на подводѣ куда-то уѣхала. У тетки жила у Москвы-рѣчки знакомая вдова-майорша; она ее едва захватила. Выбывала и она въ какой-то городъ, не припомню, къ сестрамъ. Давно это было, не запомнишь ... Москву, какъ вы знаете, тогда сожгли и разграбили... въ конецъ разорили.

Когда тетка снова вернулась, то отъ дома, гдѣ училась, нашла однѣ стѣны. Кто его сжегъ, самъ ли сгорѣлъ—неизвѣстно, а пансіонъ потомъ былъ ужъ въ другомъ переулкѣ.

— Что же, вы и Наполеона видѣли?—спросилъ ее однажды Вася.

— Какъ же я Наполеона могла видѣть,—отвѣчала она—когда меня тогда, говорю тебѣ, въ Москвѣ не было. Французовъ плѣнныхъ, больныхъ, раненыхъ много осталось въ Россіи. Жалкіе они были. Отстали отъ своего войска, разутые да раздѣтые; которые милостыню просили, а которые къ знатнымъ людямъ на службу опредѣлились. Къ нашей начальницѣ приходилъ какой-то мусье Жиро. Молодой, худой, болящій, да ужъ очень хорошій. Онъ жилъ неподалеку изъ милости у псаломщика и давалъ уроки по-французски.

Я хорошо помню, что въ 1825 году, когда умеръ императоръ Александръ Благословенный, мнѣ было 11 лѣтъ. Батюшкѣ кто-то написалъ изъ города. Было это въ Филипповкѣ. Помню, какъ сейчасъ, что отецъ послалъ за священникомъ служить панихиду и собралъ всю деревню. Маменька достала чепчикъ съ черными лентами. Всѣ молились за упокоеніе души любимаго царя. Послѣ панихиды, я помню, пѣли многія лѣта императору Николаю. Помню также, какъ ему присягали послѣ обѣдни.

Нашъ приходъ былъ—большое село «Лухновка», верстахъ въ трехъ отъ нашего хутора.

Тамъ населеніе было все казаки... Вы хотя живете и родились въ Петербургѣ, но по лицу, все-таки, немножко хохлушки и потому отъ него, вѣрно, знаете, что Малороссія была нѣкогда подъ владычествомъ Польши; что у нея были свои выборные гетманы (воеводы), даже свой законъ—«Литовскій статутъ»; что было и свое войско «Запорожское» и что только при царицѣ Екатеринѣ она была присоединена къ Россіи и что послѣдній гетманъ былъ графъ Кириллъ Григорьевичъ Разумовскій.

Крѣпостныхъ людей у насъ, какъ въ другихъ прочихъ мѣстахъ, не было. Землю свою мы сдавали сосѣдямъ хуторянамъ или Луховцамъ исполу. Снимали они ее у насъ, сѣяли своими сѣменами, жали, свозили въ клуню и за трудъ своей оставляли себѣ половину урожая. Работали они у насъ также и поденно, когда за деньги, а больше за солому, за дрова за муку, за соль и другіе продукты.

Въ миру и ладу жили мы съ ними. На обжінкахъ папенка угощала ихъ горѣлкой и брагой. Маменька давала имъ всегда лекарство, крестила и благословляла безъ отказа.

Ребятишки часто приходили къ намъ въ садъ за ягодами, дѣвчата за цвѣтами, которыми онѣ убирали головы. На святки онѣ тоже приходили къ намъ: въ сочельникъ колядовать и подъ Новый годъ щедровать. Папенка самъ раздавалъ имъ по семику (старая мѣдная монета). Маменька съ Лукьяновной обдѣляла всѣхъ мочеными яблоками, орѣхами, подсолнухами...

Веселое время святки... Сѣзжались братья, иногда съ товарищами; гостили у насъ изъ города и подруги, крестницы маменьки, Любочка и Галя. Танцовали мы всегда подъ скрипку и гармонику (ма-

стера на это были—сынъ Тараса и кузнецъ); гадали на всѣ лады: загѣвали веселыя игры; пѣли всѣ хоромъ; ряжеными ѣздили къ лухновскому батюшкѣ, гдѣ тоже была молодежь изъ бурсы и гимназіи.

Особенно весело было на святкахъ въ 1831 году. Мнѣ было тогда 17 лѣтъ. Старшій братъ служилъ тогда въ Петербургѣ въ управѣ благочинія. Приѣжали оба брата, которые были студентами, да младшій Вася, который привезъ съ собой товарища изъ новгородъ-сѣверской гимназіи; посылали въ городъ за Любочкой и Галей. Сколько было радости, смѣха, веселья въ домѣ...

Въ сочельникъ у насъ не принято было ѣсть до звѣзды, но Мотра по секрету сказала, что «паньчи втихомолку грызутъ бублики», и просила ихъ не выдавать папенькѣ.

Лукьяновна, по обыкновенію, засвѣтивъ всѣ лампы и положивъ много земныхъ поклоновъ въ залѣ, въ углу подъ образами, ставила столъ, покрывала его сѣномъ, застилала бѣлою скатертью и устанавливала двѣ миски кутьи для господъ и челяди и по два чугуна взвара.

Сынъ Тараса привезъ часа въ три батюшку, который прогѣлъ рождественскій тропарь, окропилъ святой водой кутью и взваръ и, поздравивъ всѣхъ присутствующихъ съ придверіемъ праздника, спѣшилъ домой, гдѣ семья, тоже съ кутьей, ожидала его.

Тарасъ уносилъ благовѣрно священное сѣно, чтобы положить его въ ясли лошадямъ и коровамъ.

Тетя Глаша и Вася уносили нашу кутью и взваръ въ столовую, а Лукьяновна отдавала остатки на людскую.

Мы съ нетерпѣніемъ ждали, когда кукушка на часахъ въ столовой прокукуетъ четыре раза, чтобы сѣсть за столъ, такъ какъ рождественская звѣздочка уже много раньше загорѣлась на морозномъ небѣ. Обѣдъ былъ постный и особенно вкусный; на столѣ ставились миска ухи и цѣлая груда пироговъ съ капустой, съ горохомъ, съ макомъ, съ яблоками; жареная рыба, маринованные грибы, вкусная кутья, сладкій взваръ, который Лукьяновна большой ложкой щедро разливала по тарелкамъ.

Въ сочельникъ приходили дѣвчата колядовать, пѣли пѣсни и расходились съ узелками сластей. На первый день Рождества ѣздили рано къ обѣднѣ, потомъ приходили дѣти Христа славить. Къ вечеру хлопцы—со звѣздой. Пѣли тропарь «Дѣва днесъ» и прочее. Звѣзду приносили изъ Лухновки. Она была большая, покрашенная синей краской, расписанная сусальнымъ золотомъ, въ серединѣ было изображеніе «Христа въ ясляхъ». Позади вставлялась свѣчка, и такъ хорошо были видны лики Младенца, Пресвятой Дѣвы и старца Иосифа. На третій день подѣжжали еще гости полку — трамбланъ, экосезъ, а гроесъ-фатеръ даже маменька съ папенькой. Пѣли пѣсни малороссійскія и русскія: «Возлѣ рѣчки, возлѣ

моста», «Стонеть сизый голубочекъ» и др. Угощенье было на славу: коврижки, маковники, яблоки свѣжія и моченныя, орѣхи, все вкусное, домашнее...

29-го всѣ рядились и уже ряжеными поѣхали къ отцу Евфимію. Братъ Максимъ надѣлъ старый папенькинъ мундиръ и навелъ усы и баки, меня одѣли монашенкой, Васю—жидомъ, его товарища—медвѣдемъ, другихъ не припомню, давно это было...

Подъ Новый годъ какъ только не гадали. Лукьяновна наливала воды въ мѣдный тазъ, мы всѣ писали имена и желающіе гадать спускали восковую свѣчку въ орѣховой скорлупѣ; она кружилась и остановившись передъ именемъ, поджигала кончикъ бумажки. Васѣ вышла «Хавронія», Любочкѣ—«Василій» а мнѣ «Данила», у насъ и такого знакомаго не было...

— Все равно суженый,—говорила тетя Глаша. Потомъ маменька сама раскладывала подъ тарелки: уголекъ, кусочекъ хлѣба, денежку и кольцо. Всѣ входили въ столовую и по очереди поднимали тарелку. Мнѣ и Любочкѣ вышло кольцо, Галѣ уголекъ, а Клашѣ денежка.

Лили мы олово и воскъ. Разматривали тѣнь на стѣнѣ. Брату Максиму вышло что-то въ родѣ куля, мнѣ—какъ будто букетъ, Васѣ—какой-то столбъ. Потомъ, въ залѣ, мы усѣлись въ кружокъ всѣ на полу. Лукьяновна принесла сначала въ фаргукѣ овса и разсыпала кучками противъ каждаго изъ насъ, а затѣмъ притащила пѣтуха. Пѣтухъ спросонья вытягивалъ шею, хлопалъ крыльями, стоя посрединѣ, и не хотѣлъ даже смотрѣть на овесъ. Намъ наскучило ждать. Клаша даже просила Лукьяновну принести другого, какъ онъ вдругъ сразу кинулся ко мнѣ.

— Ну, Грунино счастье, весело загуляемъ на ея свадьбѣ,—сказали всѣ въ одинъ голосъ.

Накинувъ шубку на бѣличьемъ мѣху на плечи, пуховой платокъ на голову, я съ Мотрой, украдкой, черезъ заднее крылечко выбѣжала на дворъ послушать подъ окномъ. Вездѣ въ усадьбѣ было темно. Только въ людской свѣтилось окно. Ѳедора сидѣла за столомъ и разговаривала съ своимъ мужемъ кузнецомъ. Я прислушалась. Ѳедора говорила, что къ кому-то уже сватовъ засыпали—будутъ скоро каравай разрѣзать.

Мотра радостно пояснила, что это значить, что и меня скоро про-сватаютъ.

Въ полночь, переставъ гадать, собрались всѣ въ залѣ; въ прихожей толпилась прислуга. Перекрестившись на иконы, всѣ запѣли хоромъ «Спаси, Господи, люди твоя» и тропарь Василя Великаго и стали поздравлять другъ друга съ Новымъ Годомъ. Всякій бралъ со стола рюмку наливки и чокался со всѣми. Прислугѣ Лукьяновна подносила варенухи и сластей.

Утромъ Лукьяновна спросила меня, кого я видѣла во снѣ, такъ какъ она поставила подъ кровать «мостикъ». Налила въ тарелку

воды и положила двѣ щепочки. Суженый долженъ былъ меня перевести черезъ мостъ. Я едва вспомнила, что неясно, смутно видала какого-то незнакомаго гостя.

Въ томъ же году, послѣ Крещенья всѣ разъѣхались. Числа 20-го января папенька поѣхалъ по дѣлу въ городъ и разсказалъ за ужиномъ, что познакомился у судьи съ Данилой Петровичемъ З.—«Вдовецъ, человѣкъ состоятельный, степенный»,—говорилъ онъ,—«ужене молодой; общалъ къ намъ пріѣхать».

— «Что-жь, милости просимъ», сказала маменька.

На Срѣтенье, къ обѣду, въ николаевской шинели на енотовомъ мѣху, прикатилъ незнакомый гость. Этотъ самый Данила Петровичъ З... У насъ ему такъ понравилось, что онъ прогостилъ три дня.

Данилѣ Петровичу на видъ было около 50 лѣтъ.

Плотный, средняго роста, съ легкой просѣдью въ волосахъ и подстриженныхъ усахъ, съ военной выправкой, онъ имѣлъ очень бравый видъ. Онъ пришелся у насъ всѣмъ по душѣ. Миѣ онъ тоже понравился своимъ добродушіемъ и общительностью.

— Груня, твой суженый опять пріѣхалъ,—объявила радостно тетя Глаша, когда онъ на масленицу опять неожиданно явился въ Дубовички.

— Вотъ недаромъ гадала на Данилу, да незнакомаго гостя во снѣ черезъ рѣчку проводила,—пояснила Лукьяновна.

Данила Петровичъ былъ интересный разсказчикъ. Любо было слушать, какъ они съ папенькой, закуривъ по трубкѣ жуковскаго табака, принимались вспоминать про походы, про разныхъ именитыхъ военачальниковъ и проч. Данила Петровичъ двадцати одного года служилъ въ ополченцахъ во время нашествія французовъ. Видѣлъ вблизи маршаловъ: не то Нея, не то Даву, или даже обоихъ—уже не припомню.

Зима была лютая въ 12 году. Вороны и галки на лету замерзали и падали мертвыми на землю. Гдѣ-то, кажется подъ Смоленскомъ, много ратниковъ поотморозили руки, ноги, уши, носы. Данила Петровичъ сильно ознобилъ ноги и съ того самаго времени страдалъ ревматизмомъ.

— А какъ же онъ вамъ предложеніе сдѣлалъ?—разспрашивали мы съ любопытствомъ и нетерпѣніемъ.

А вотъ какъ: тогда же въ субботу на масленицу утромъ, когда я еще причесывала голову, заплетала косу (а она у меня была длинная, густая), маменька, зайдя весело въ комнату и притворивъ дверь, сказала:

— Данила Петровичъ вчера вечеромъ просилъ у насъ твоей руки. Мы тебя, дочка, не неволимъ. Поразмысли сама хорошенько... Человѣкъ онъ хорошій, не пьющій, степенный, состоятельный будетъ тебя любить и делѣять. Впрочемъ, это твое дѣло... Сама обсу-

ди... Не пожелаешь твое дѣло. Ты молода, жениховъ еще всегда найдешь.

Я растерялась сразу и отчего-то заплакала.

— Плакать нечего, не силой тебя отдають; не любовь онъ тебѣ, оставайся съ нами дома, доченька,—добавила маменька, цѣлуя въ голову.

Я надумала немножко потолковать съ Клашей, съ Лукьяновной, съ тетей, съ Мотрой. Всѣ въ одно слово—«чего раздумывать—видно—судьба. Разбирать нечего, человекъ богатый, степенный и лицомъ не плохой».

Когда передъ обѣдомъ маменька съ папенькой зашли въ комнату, я объявила: «скажите Данилѣ Петровичу, я согласна».

Когда я вошла въ столовую, онъ веселый, довольный поцѣловаль мою руку, сталъ обнимать родителей и благодарить за великую честь.

— Клянусь Господомъ, что буду всю жизнь лелѣять вашу дочку, беречь, какъ зеницу ока, и всячески ублажать.

Благословили насъ, какъ должно, образомъ, отслужили на дому молебень, созвали всю челядь нашу, подносили вѣзмъ горѣлку, надѣляли всѣхъ короваями, пирогами.

Весь Великій постъ готовилось приданое. Въ домѣ стоялъ дымъ коромысломъ. Въ людской по вечерамъ скубли перья на перины и подушки. Въ дѣвичьей вышивали полотенца, оканчивали тканье салфетокъ. Въ комнатѣ паньчей швея изъ города, Анфиса Ивановна, шила наряды. Вѣзмъ находилось дѣло для невесты, которая сама никогда не была рукодѣльницей.

Данила Петровичъ привезъ на Пасху подарки, браслетъ съ гранатами, который я вамъ, дѣти, показывала, кольцо съ бирюзой, которое я 30 лѣтъ не снимаю, фату, вѣночекъ флеръ д'оранжа, подножку, вѣнчальные свѣчи, турецкую шаль.

Данила Петровичъ хотѣлъ, чтобы свадьба была на «красную горку», но родители объявили, что подождутъ приѣзда братьевъ. Въ маѣ, по примѣтѣ, вѣнчаться не должно и свадьба наша была назначена на 1 июня 1832 года.

Какъ сейчасъ помню этотъ день, хотя это было ужъ давно.

Вотъ многое забыла, а свадьбу, какъ вчера помню. Утромъ ѣздили мы къ обѣднѣ—служили молебень. По возвращеніи домой, Лукьяновна принесла мнѣ въ комнату большую просфору и чашку святой воды. Крестила меня, плакала и причитывала.

Въ 12 часовъ меня Клаша и обѣ подруги стали одѣвать къ вѣнцу. Маменька сняла серьги, цѣпочку и надѣла крестинный крестикъ на бѣлой ленточкѣ. Большая была церемонія. Каждую вещь крестили и что-то приговаривали. Подруги, по очереди, расчесывали волосы, а Клаша искусно прикалывала фату и вѣнокъ.

Я вѣнчалась въ бѣломъ, кисейномъ съ мушками и маленькими оборочками, пышномъ платьѣ.

Бѣлая атласная лента вокругъ талии была спереди связана бантомъ, а концы спускались почти до полу. Въ залѣ былъ разостланъ коверъ. Когда всѣ собрались и папенька съ маменькой взяли въ руки по образу, я бросилась имъ въ ноги и долго, долго плакала, обнимала, цѣловала ихъ, благодарила за ласку и мнѣ стало такъ жаль оставить ихъ всѣхъ и нашъ домъ навѣки...

Мнѣ принесли воды, успокоили и усадили въ тарантасъ съ тетей Глашей, которую я первый разъ въ жизни видѣла въ сѣромъ свѣтломъ платьѣ и съ семилѣтнимъ Юрочкой (внучкомъ священника) съ образомъ.

Народа было пропасть въ церкви и на цвинтарѣ. Вѣнчали насъ долго, не спѣша. Служили молебень, прикладывались ко всѣмъ иконамъ.

Данила Петровичъ порозовѣлъ, сталъ веселымъ, улыбался. Я тоже повеселѣла, видя кругомъ довольныя лица.

Когда мы выходили изъ храма, то я слышала толки въ толпѣ! «Молода княгиня-князя, князь-то паче дѣдъ». Данила Петровичъ былъ очень молодцевать.

Въ домѣ, на порогѣ, Лукьяновна насъ осыпала хмѣлемъ. Насъ приняли съ образами и хлѣбомъ-солью и усадили, по обычаю, на папенькиной шубѣ, разостланной на диванѣ. Пили за здоровье, кричали «ура», «горько». Мы выходили нѣсколько разъ на крыльцо и кланялись собравшимся хуторянамъ, дѣвчатамъ и хлопцамъ, для которыхъ выставили боченокъ не то горѣлки, не то браги... Вечеромъ, въ саду зажгли фонарики, которые наклеили шафера—мой братья. Играла музыка (евреи изъ города, пять человекъ на скрипкахъ). Черезъ недѣлю мы уѣхали въ Лѣнчикъ, гдѣ меня тоже радушно встрѣтили пріѣхавшіе для привѣтствія молодыхъ родные моего мужа. Я недолго, впрочемъ, скучала по дому. Было лѣто. Стояла хорошая погода, и я сразу почувствовала себя самостоятельной хозяйкой, находила много дѣла. Мужъ мой, царство ему небесное, баловалъ меня, какъ родную дочку.

Въ 1833 году вышла замужъ за сосѣда по хутору сестра Клаша. Мужъ мой жестоко страдалъ въ то время ревматизмомъ и я не могла ѣхать на ея свадьбу. Въ слѣдующемъ году заболѣла маменька. Я поѣхала къ ней, нашла ее очень слабою. У нея былъ отекъ ногъ вслѣдствіе сердечной болѣзни. Она жестоко страдала и 23 мая скончалась. Пріѣхавъ въ Дубовички весной 1834 года, я уже не застала въ живыхъ Лукьяновну, которая постомъ скоропостижно умерла.

Пусто, уныло стало въ домѣ безъ хозяйки, тѣмъ болѣе, что тетя Глаша не долго пережила свою сестру. Братья всѣ были на госу-

дарственной службѣ, и къ оставшемуся совсѣмъ одинокому отцу переѣхала навсегда бездѣтная, незадолго передъ тѣмъ овдовѣвшая сестра Клаша.

Тяжело становилось на душѣ, когда вспомнишь про Дубовички. Послѣ смерти отца, скончавшагося въ 1854 году хуторъ перешелъ къ братьямъ. Они сразу продали на срубъ лѣса и часть пахотныхъ земель. Усадьбу оставилъ за собой имѣвшій большую семью и служившій въ Петербургѣ старшій братъ, который иногда приѣзжалъ одинъ на короткое время, пока однажды зимой отъ неосторожности сторожа (отъ слишкомъ жарко натопленной печи въ дѣвичьей, которую занималъ онъ съ женой, не сгорѣлъ нашъ домъ, дорогой воспоминаніями счастливаго дѣтства и веселой юности...

Въ апрѣлѣ 18... года, похоронила я своего добраго друга и мужа Данила Петровича. Въ послѣдніе года онъ жестоко страдалъ отъ ревматизма и совсѣмъ не могъ ходить. Сидѣлъ въ креслѣ и я не отходила отъ него. Часто, видя мою усталость, онъ говорилъ:

— Прости меня, Груня, я измучилъ тебя. Ни свѣта, на радости не видѣла ты. Молодой вышла за старика. Ему ты жизнь усладила, а себя на муки обрекла.

Я успокаивала его, говоря «что замужъ итти меня никто не неволилъ, что я всегда любила его и цѣнила его ласки...»

Не стало его. Въ Лѣнчикѣ такъ тоскливо и пусто стало мнѣ, но я все-таки люблю его. Хочется мнѣ умереть въ немъ, чтобы быть похороненной здѣсь, рядомъ съ нимъ...

Въ концѣ 70-хъ годовъ мнѣ пришлось быть въ городѣ З. Я узнала, что бабушку Аграфену Львовну перевезла къ себѣ сестра ея Клавдія Львовна, которая всѣмъ говорила, что сестра ея стала все забывать, выжила изъ ума, что въ Лѣнчикѣ ее обираютъ и обкрадываютъ и могутъ даже убить, что, послѣ тщательныхъ уговоровъ переѣхать жить въ городъ, она послала свою прислугу на хуторъ къ Аграфенѣ Львовнѣ забрать ее и перевезти навсегда.

Дѣло было осенью. Аграфену Львовну, какъ передавали мнѣ, хитростью, забравъ самое необходимое, усадили въ бричку, но она всю дорогу протестовала, говоря: «верни, Савка, куда же ты везешь меня!»

Я нашла ее очень измѣнившейся. Она ничего не понимала, забыла даже имена наши, но все-таки весной приглашала въ Лѣнчикъ, говоря, что она проведетъ здѣсь только зиму.

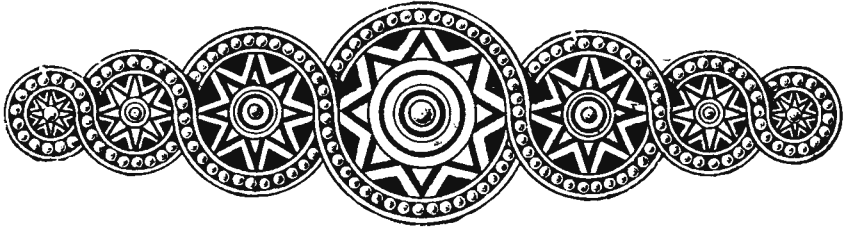
Она не знала тогда, что родные постарались, признавъ ее неспособной и взявъ въ опеку, отдали Лѣнчикъ въ собственность одному изъ ея племянниковъ, любимцу и крестнику энергичной, рѣшительной Клавдіи Львовны.

Я тогда видѣла ее въ послѣдній разъ.

Она умерла весной въ Б., гдѣ тогда служилъ въ артиллеріи владѣлецъ Лѣнчика, похоронившій ее на городскомъ кладбищѣ, далеко отъ любимаго ею Лѣнчика, гдѣ такъ хотѣлось ей найти упокоеніе подъ высокою насыпью съ большимъ дубовымъ крестомъ, рядомъ съ горячо любимымъ мужемъ, котораго она не переставала оплакивать до самой кончины своей.

М. Марина.

ОСАДА БЛАГОВѢЩЕНСКА КИТАЙЦАМИ ВЪ 1900 ГОДУ.

(Изъ воспоминаній).

МОЕЙ матери были гости. Ихъ было двое. Одинъ изъ нихъ былъ нѣмецъ и, какъ и полагается нѣмцу, онъ былъ степенный, спокойный, логичный. Другой былъ полякъ, давнымъ-давно уже попавшій на Амуръ и порядкомъ уже обрусѣвшій; вспыльчивый и беспечный, онъ былъ полною противоположностью своему собесѣднику. Они спорили, что неизбежно случалось всякій разъ при ихъ встрѣчахъ. «Да что вы тамъ мнѣ толкуете,—сердился полякъ:—китайцы войну устроятъ! Китайцы-то! Китайцы другое! Ну, васъ совсѣмъ, да и съ вашими китайцами вмѣстѣ! Точно я ихъ не знаю...»—«Вотъ, вотъ и въ самомъ дѣлѣ не знаете», невозмутимо вставилъ нѣмецъ. Полякъ разсердился окончательно. «Я! Я не знаю, что такое китайцы! Ну, разоذلжили, батенька мой, да вѣдь они здѣсь на каждомъ шагу, да вотъ, не далеко ходить, мой работникъ Васька, потому всѣ эти Ваньки, что по городу шляются, всякую дрянъ продають—вотъ что такое китайцы! Это ихъ-то вы боитесь?»—«Оно, конечно. Китайцы это—китайцы,—хладнокровно соглашался нѣмецъ:—но только выслушайте же меня, имѣйте терпѣнiе. Вѣдь вы знаете, я служу телеграфистомъ у китайцевъ въ Сахалинѣ. Я бываю, или, вѣрнѣе, бывалъ тамъ каждый день. Съ ранней весны китайцы, вотъ эти самые, о которыхъ вы только что говорили, укрѣпляютъ Сахалинъ окопами. Каждый день туда приходятъ войска: артиллерія, кавалерія и пѣхота. Каждый день у нихъ происходятъ ученія и смотры. Сахалинъ уже давно на военномъ положеніи. Что вы на

это скажете?»—«У страха глаза велики, батенька мой, вот что я скажу! Увидѣли полтора китайца съ одной берданкой, ну, а остальное и померещилось»,—не уступалъ полякъ.—«Ну, такъ вотъ вамъ еще!—продолжалъ нѣмецъ,—вотъ вамъ еще: вчера мнѣ мой пріятель, мастеръ Сунъ (китаецъ) по дружбѣ далъ совѣтъ не ѣздить больше въ Сахалянъ. Меня принимаютъ за русскаго... Чернь возбуждена... могутъ выйти непріятности...»—«О, Господи! Альбертъ Ивановичъ, да неужели все это правда?», испугалась мама. «Къ сожалѣнію—да», мимоходомъ отвѣтилъ ей тотъ. «Подождите, подождите, дайте мнѣ кончить», остановилъ онъ уже раскрывшаго было ротъ поляка. «Я только скажу, что вы русскіе — удивительные люди по своей безопасности. Вотъ уже мѣсяць, какъ я рассказываю первому встрѣчному-поперечному то, что я вамъ сейчасъ рассказывалъ. И всѣ за рѣдкимъ, очень рѣдкимъ исключеніемъ относятся къ моимъ рассказамъ вотъ также, какъ вы».—«Я думаю!» самодовольно усмѣхнулся полякъ. «Ну, что жъ, поживемъ, увидимъ!» закончилъ противникъ, поднимаясь со своего мѣста. Послѣ его ухода мама озадаченно посмотрѣла на поляка. Тотъ почему-то отвелъ глаза въ сторону и только головой покрутилъ въ отвѣтъ на этотъ испуганно-вопросительный взглядъ: «кто жъ его знаетъ, можетъ, и правъ нѣмчура! Во всякомъ случаѣ улита ѣдетъ—когда-то будетъ!»—Тема предыдущаго разговора была, что называется, на злобу дня. Давно уже бродили въ городѣ эти тревожные слухи о готовившейся будто войнѣ съ китайцами. За себя, впрочемъ, всѣ были спокойны, спокойны въ силу многихъ резонновъ. Во-первыхъ, въ военныхъ сферахъ все было какъ-то невозмутимо спокойно. «Помилуйте, да мы ихъ шапками забросаемъ въ случаѣ чего!» раздавалась иногда оттуда знаменитая классическая фраза въ отвѣтъ на разспросы относительно войны. Во-вторыхъ, больно ужъ нелѣпой казалась благовѣщенцамъ мысль о томъ, что всѣ эти «Ваньки» и «Васьки», такъ успѣшно выполнявшіе должности лакеевъ, нянекъ, стряпockъ, мелкихъ торговцевъ и пр., вдругъ бросятъ всѣ эти занятія и начнутъ воевать. Какой вздоръ! Нѣтъ, если война и начнется, паче чаянія, то это случится не у «насъ», а тамъ, далеко, въ тридесятomъ царствѣ и начнутъ ее не «наши» китайцы, а какіе-то большіе «кулаки». Раздумывая по поводу всего этого, я вышла въ садъ.

Послѣ душнаго дня наступалъ тихій, майскій вечеръ. Заходящее солнышко щедро заливало садъ красноватыми, косыми лучами и все притихло подъ этимъ ласковымъ прощальнымъ привѣтомъ. неподвижно стояли мрачныя сосны, мрачныя и угрюмыя даже въ этотъ чудный весенній вечеръ, неподвижно застыли листовки стройныя, воздушныя, насквозь пронизанныя солнечными лучами, замерла черемуха, точно невѣста вся въ бѣлыхъ гроздяхъ цвѣтовъ, даже осина, печальная, сѣрая осина перестала лепетать тонкими, круглыми листиками. Тутъ—у насъ, внизу на землѣ во всемъ блескѣ

юной красоты властно царилъ великій праздникъ природы — весна! Вверху, далеко, сіяло безстрастное, голубое небо съ бѣлыми легкими облаками... Я смотрѣла, какъ эти облака вначалѣ такъ непорочно, такъ дѣвственно бѣлыя, словно ожили, порозовѣли и разгорѣлись жгучимъ страстнымъ багрянцемъ...

И вдругъ... въ это тихое, полное нѣги и волшебныхъ грезъ молчаніе весенняго вечера врѣзался диссонансъ... Въ первую минуту я просто понять не могла, что это такое было. Звенѣла странная, прерывистая трель на какомъ-то странномъ инструментѣ. Вотъ еще и еще... И теперь уже непрерывно лилась и какъ будто плакала странная, жалобная мелодія. «Опять китайцы въ Сахалинѣ на дудкѣ играютъ!—крикнулъ кто-то во дворѣ:—ишь ихъ, надрываются». Я оглянулась вокругъ. Все очарованіе весенняго вечера исчезло. Потухъ багрянецъ въ небѣ. Облака, мрачныя и зловѣщія низко повисли надъ землей. Съ рѣки потянуло сыростью и прохладой. Порывистый вѣтеръ сердито закачалъ вершинами деревьевъ, тѣ встревоженно зашептали листвою о чемъ-то страшномъ. Въ домахъ зажглись огоньки. По улицѣ задребезжали дрожки извозчика. Жалобная мелодія все неслась съ китайской стороны, разливалась надъ рѣкой, рыдала надъ засыпающимъ послѣ дневныхъ трудовъ городомъ. Становилось жутко.

11-го іюня по городу расклеили объявленіе слѣдующаго содержания:

«Отъ военнаго губернатора Амурской области.

«11-го сего іюня воспослѣдовало Высочайшее повелѣніе привести войска Приамурскаго округа на военное положеніе.

«Для сего призвать чиновъ запаса арміи и поставить лошадей согласно мобилизаціонному распisanію №5, не призывая ратниковъ ополченія перваго разряда. Первымъ днемъ мобилизаціи считать 12 іюня.

«Объявляя объ этомъ населенію высочайше ввѣренной мнѣ области, призываю всѣхъ оказать полное содѣйствіе къ успѣшному выполненію означеннаго высочайшаго повелѣнія. Іюня 11 дня 1900 года. Благовѣщенскъ.

«Военный губернаторъ Амурской области

Генераль-лейтенантъ Грибскій».

Точно камень, брошенный мѣткой рукой въ заснувшее, покрытое плѣсенью и тиной болото, мобилизація всколыхнула и взбудоражила невозмутимую тишь города. 11 іюня, когда она была объявлена, ненормальное оживленіе городского населенія особенно бросалось въ глаза. На каждомъ перекресткѣ у объявленія, наклееннаго на фонарномъ столбѣ, а то и просто на заборѣ, группами стоялъ

народъ, вкривъ и вкось толкуя о мобилизаціи. Вотъ низенькій мужичокъ съ растеряннымъ лицомъ приставалъ къ солдату, внимательно читающему объявленіе о мобилизаціи: «слухай-ка, братъ служивый, растолкуй ты мнѣ на милость, какъ я теперь поступать долженъ то-есть, значить, имѣю я теперь въ услуженіи трехъ маньжуръ! Неужли же выгнать ихъ! А страду-то я какъ же? А?»—«Несуразный ты какой,—сердито удивлялся солдатъ — пошто жъ ты ко мнѣ-то лѣзешь? Ну?! Нешто я знаю? Къ начальству ступай! Начальству знать про то!...»

«Да супротивъ кого жъ воевать-то мы будемъ?» слышался недомѣвлюющій возгласъ въ другой группѣ народа. «Эка ты! Супротивъ кого! Извѣстно дѣло—китайка задирается, да и японка мутить,—медленно, важно, съ полнымъ сознаниемъ собственнаго достоинства объяснялъ высокій, рыжій мужикъ:—опять же и то, проявился въ Китаѣ богатырь-силачъ, «большой кулакъ» прозывается, пальнуть этта его, а онъ пролежитъ себѣ три дня, а на четвертый и всталъ себѣ на рѣзвы ноги живъ-здоровехонекъ!!»

Въ третьей группѣ происходило что-то ужъ совсѣмъ необыкновенное. Слышались возбужденные и тревожные возгласы, какіе-то глухіе удары, чьи-то стоны. Оказалось, что нѣсколько пьяныхъ запасныхъ били китайца-разносчика. «На тебѣ, на, тварь бусурманская! Подучай! Чувствуй! За тебя идемъ кровь свою проливать!» приговаривали они, усердно награждая его пинками, толчками и ударами. Китаецъ не сопротивлялся. Когда его вырвали изъ рукъ расходившихся буяновъ, весь онъ былъ покрытъ кровью и пылью, на лицо его было страшно взглянуть.

29 іюня выступили въ походъ мѣстныя войска. Куда они уходили? Относительно этого ходило много нелѣпныхъ слуховъ, создавалось много самыхъ невѣроятныхъ догадокъ, но навѣрняка никто ничего не зналъ. Въ четыре часа дня, когда солдатъ выстроили на площади, пріѣхалъ военный губернаторъ. Проѣзжая по фронту войскъ, онъ поздравилъ ихъ съ походомъ и сказалъ рѣчь офицерамъ, послѣ чего среди глубокаго молчанія многотысячной толпы подъ палящими лучами знойнаго, лѣтняго солнца былъ отслуженъ молебенъ. Когда онъ кончился, войска отправились прямо къ пристани на заранѣе приготовленные для нихъ пароходы и баржи. И вотъ, по рѣкѣ мимо города потянулись пароходы. На первыхъ ярко бѣлѣли рубашки солдатъ, на послѣднихъ плотной, сѣрой массой толпились казаки со своими низенькими, лохматыми конями. Все городское населеніе высыпало на берегъ. Многіе, особенно женщины, плакали. Въ двухъ шагахъ отъ меня пьяный мужикъ усердно отвѣшивалъ уѣзжавшимъ земные поклоны, крѣпко стучаясь лбомъ въ пыльную землю. «Съ Богомъ, голубчики мои, съ Богомъ, въ добрый часъ, да во святой!» шамкала беззубымъ ртомъ дряхлая старушка, торопливо крестя уѣзжавшихъ дрожащей рукой. «Сердешный ты мой!

И на кого только ты покинулъ меня горькую, злосчастную на чужой дальней сторонущкѣ, убьютъ тамо тебя голубчика мово, а я и знать-то тутотка не буду! Охъ, тяжело мнѣ горемычной»,—плакала, сидя на берегу молоденькая солдатка. А съ пароходовъ въ отвѣтъ всему этому звонко и задорно неслась разудалая солдатская пѣсня, ширясь и разливаясь въ вечернемъ, прохладномъ воздухѣ. Но вотъ вихремъ по направленію къ Зеѣ пролетѣли казаки, провожая товарищей, прекратились пушечные выстрѣлы, замолкла вдаль солдатская пѣсня, пароходы скрылись изъ виду.

Послѣ ухода войскъ многіе изъ китайцевъ, до того времени спокойно проживавшихъ въ городѣ, ликвидировали свои дѣла, а иногда и просто бросали ихъ на произволъ судьбы и переправлялись на свою сторону. Ночью по городу, особенно по берегу рѣки, разъѣзжали патрули казаковъ. Управление водныхъ путей, предназначивъ четыре парохода для охраны береговой линіи Амура, блиндировало ихъ желѣзными листами и вооружало пушками. Всѣ эти «предохранительныя мѣры» навѣвали грусть и смутную тревогу на обывательскія души, несмотря на заявленія начальства, что все это дѣлалось лишь въ видахъ обезпеченія города отъ внезапнаго и весьма вѣроятнаго нападенія «хуьхузовъ», несмотря на то, что изъ телеграммъ россійскаго агенства было видно, что беспорядки происходятъ въ глубинѣ Китая, въ сердцѣ его, что въ сосѣдней съ Благовѣщенскомъ Хэйлундзянской провинціи все было сравнительно спокойно. Въ коммерческихъ предпріятіяхъ начинался застой, всѣ чего-то ждали и волновались. Въ самомъ воздухѣ носилось что-то зловѣщее...

1 іюля, около пяти-шести часовъ вечера, по городу съ непостижимой, непонятной быстротой полетѣла ошеломляющая вѣсть: «китайцы стрѣляли...»—Гдѣ? Кого? Что?—никто не зналъ. Всѣ, однако, чувствовали, что на городъ грозно надвигалась именно то, что такъ долго мучило его томящимъ предчувствіемъ. «Китайцы стрѣляли...» и все валилось изъ рукъ. «Китайцы стрѣляли...» и всякое обыденное занятіе моментально отодвигалось въ сторону, ступшеывалось, теряло свое право на существованіе и свою повседневную сущность. Народъ толпами бѣжалъ къ центру города, къ пристани, куда пришли два парохода. Съ нихъ осторожно на носилкахъ выносили раненыхъ и отправляли ихъ въ больницу общины сестеръ милосердія.

Какъ потомъ оказалось, дѣло было вотъ въ чемъ. Мимо Айгуна изъ Хабаровска въ Благовѣщенскъ шель пароходъ «Михайлъ» съ пятью баржами, изъ которыхъ только одна была нагружена оружіемъ и снарядами. Когда пароходъ поровнялся приблизительно съ центральной частью города Айгуна, китайцы съ берега стали махать бѣлыми флагами. Пароходное начальство не обратило вниманія на эти знаки. Тогда съ китайскаго берега грозно грянуль

первый враждебный выстрѣлъ. «Михаилъ» остановился. Съ берега немедленно явилось нѣсколько китайскихъ чиновниковъ. Осмотрѣвъ грузъ, они объявили пароходъ арестованнымъ. Чтобы выяснитъ это недоразумѣніе, сопровождавшій военный грузъ штабсъ-капитанъ Кривцевъ съѣхалъ на берегъ со своимъ денщикомъ. Едва только шлюпка пристала къ берегу, какъ его схватили и отправили къ амбану. Между тѣмъ на «Михаилѣ» китайскіе чиновники вели себя все болѣе и болѣе нахально, матросы все болѣе и болѣе разгорались желаніемъ побросать ихъ въ воду, начальство же пароходное рѣшительно не знало, что предпринять. Въ это время снизу показался другой пароходъ «Селенга», на которомъ возвращался пограничный комиссаръ, полковникъ генеральнаго штаба Колышмитъ, провожавшій наши войска. На «Михаилѣ» стали подавать свистки; какъ только «Селенга» подошла къ «Михаилу», китайцы стали требовать, чтобы пограничный комиссаръ явился на берегъ. Весь китайскій берегъ былъ покрытъ окопами, орудіями и солдатами. Пока шли переговоры—на берегу кипѣла лихорадочная дѣятельность. Скакали верховые, солдаты занимали мѣста въ траншеяхъ. На обоихъ пароходахъ было всего лишь нѣсколько казаковъ. Въ виду этого комиссаръ приказалъ пробиваться во что бы то ни стало въ Благовѣщенскъ. Едва лишь пароходы тронулись въ путь, какъ съ берега грянулъ залпъ. Пароходамъ пришлось итти буквально подъ градомъ пуль мимо Айгуна и слѣдующихъ за нимъ деревень Эль-да-гу, Сынъ-да-гу, Сы-да-гу, I-да-гу и Колушань, то есть въ продолженіе часа времени. За Колушанью стрѣльба прекратилась. Къ вечеру пароходы добрались до Благовѣщенска. На «Селенгѣ» ранили пограничнаго комиссара, двухъ казаковъ, боцмана и одну лошадь. На «Михаилѣ» ранили между прочимъ лодмана Митягина. Онъ не оставилъ, однако, своего поста и правилъ рулемъ, стоя на колѣняхъ въ лужѣ собственной крови. Трубы и рубки пароходовъ были прострѣлены, какъ рѣшето. Уцѣлѣли они лишь благодаря тому только, что и вообще-то китайцы были плохими стрѣлками.

Въ то время, какъ пораженная толпа, затаивъ дыханіе, наблюдала за переносомъ раненыхъ, китайцы изъ Сахаляна переправили штабсъ-капитана Кривцева. Изъ Айгуна китайскій конвой сухопутной дорогой привезъ его въ Сахалянъ, откуда его переслали въ Благовѣщенскъ съ извѣстіемъ о томъ, что айгунскій амбанъ получилъ приказаніе отъ цидикарскаго дзянь-цзюня не пропускать по Амуру пароходовъ ¹⁾.

¹⁾ Благовѣщенскъ расположенъ на лѣвомъ берегу Амура при слияніи его съ притокомъ Зеей; число его жителей достигаетъ 40 тысячъ.

Айгунъ лежитъ на правомъ берегу Амура на 30 верстъ ниже Благовѣщенска.

Сахалынь-Амбо, или Хей-лунъ-пу, былъ деревней, лежавшей на правомъ берегу Амура противъ Благовѣщенска.

2 іюля. Удушливая іюльская жара, цѣлый день томившая городъ, къ вечеру нѣсколько спала. На набережной показались группы прогуливающихъ горожанъ, которые, пользуясь воскреснымъ днемъ, повысыпали на берегъ подышать свѣжимъ воздухомъ, а также «покалякать» о вчерашнемъ событіи. Протекшіе вечеръ и ночь какъ-то сгладили, смягчили остроту различныхъ чувствъ, охватившихъ жителей въ первыя минуты, при видѣ раненыхъ. И теперь, въ ясный, погожий, лѣтній вечеръ народъ уже болѣе хладнокровно обсуждалъ дерзкій поступокъ китайцевъ. «Не можетъ быть, чтобы вчерашнее нападеніе происходило съ вѣдома айгунскаго начальства! Вѣроятно же всего это было милой шалостью китайскихъ солдатъ, мало чѣмъ отличающихся отъ хунхузовъ!»—передавались изъ устъ въ уста слова, сказанныя будто бы одной важной и сановитой персоной этого города. Большинство хотѣло вѣрить этому успокоительному объясненію, а, слѣдовательно, и вѣрило. Вѣрила и я, сидя въ столовой и слушая рассказы моей бабушки о томъ, что сегодня происходило экстренное засѣданіе думы, что губернаторъ уѣхалъ подъ Айгунъ и пр. Часовъ въ семь вечера, когда бабушка разсказала намъ почти все, что видѣла и слышала, вдругъ неожиданно грянулъ пушечный выстрѣлъ. Бабушка было вздрогнула, но сейчасъ же и оправилась и на вопросъ мамы, что это за выстрѣлы, довольно спокойно отвѣтила: «а это, должно быть, войска изъ Срѣтенска пришли, ихъ ждали на дняхъ!» Но... за первымъ выстрѣломъ также гулко покотился второй, третій, четвертый... Мама и бабушка растерянно смотрѣли другъ на друга. «Бѣда, барыня!—сломя голову влетѣлъ въ столовую нашъ кучеръ Ловягинъ:—бѣда, китайцы палятъ!» Чашка, изъ которой пила мама, выскользнула изъ внезапно ослабѣвшихъ рукъ и со звономъ разбилась въ дребезги. «Господи! Помяни царя Давида и всю кротость его... Святой Никола мученикъ... Крыломъ крылу твоея... Пресвятая Мати Богородица!..» путала, сама не зная что, бабушка. «Останьтесь здѣсь съ дѣтьми, подождите, я сейчасъ схожу къ С., попрошу у него лошади, а то на нашей хромоногой клячѣ недалеко уѣдешь»,—быстро говорила ей мама послѣ первой минуты оцѣпенѣнія, торопливо выходя изъ комнаты. Я выбѣжала въ садъ. По улицѣ мимо нашего дома и сада бѣжали толпы перепуганнаго, празднично разодѣтаго народа. Изъ сада я прошла во дворъ, гдѣ Ловягинъ запрягъ галь въ телѣгу нашего стараго хромоногаго коня, единственнаго который оставался у насъ, такъ какъ другихъ забрали вскорѣ же послѣ объявленія мобилизаціи, запрягалъ и отчаянно ругался при этомъ на весь дворъ, ругался какъ-то безсознательно, очевидно, не отдавая себѣ отчета, кого это онъ такъ усердно награждалъ отборной руганью—китайцевъ ли, вздумавшихъ стрѣлять въ городъ, коня ли, который никакъ не хотѣлъ стоять смирно, а все топтался, осторожно переставляя больную ногу, маму ли, приказавшую запрягать коня

въ то время, когда его такъ и подмывало выскочить на улицу. Я проскользнула въ калитку на улицу и черезъ минуту была уже на набережной. Улица, по которой нѣсколько минутъ тому назадъ разгуливалъ народъ, теперь была совершенно пуста. По Амуру одинъ за другимъ шли два парохода. На китайскомъ же берегу такъ и поблескивали искорки ружейныхъ выстрѣловъ. По мѣрѣ приближенія пароходовъ къ нашему кварталу и искорки эти перебѣгали все ближе и ближе. Когда я вернулась домой, всѣ мои братья и сестры, бабушка и вся прислуга были за воротами на улицѣ. Женщины плакали, бабушка съ безграничнымъ ужасомъ на лицѣ стояла около нихъ. Ребятишки блѣдные, широко раскрытыми, непонимающими глазами оглядывались вокругъ. «Мама, мама идетъ!»—крикнулъ кто-то изъ нихъ. Мама, дѣйствительно подходила, къ намъ. «Съ семействомъ куда-то уѣхалъ, а отъ кучеровъ я не могла добиться никакого толка»—объясняла она бабушкѣ. Въ это время Ловягинъ вывелъ изъ двора коня, уже запряженного въ телѣгу. «Скорѣе, скорѣе, ѣхать надо... за городъ надо ѣхать»,—засуетилась вдругъ бабушка, спотыкаясь и чуть не падая на каждомъ шагу. «Что ты это, бабушка, куда это мы поѣдемъ, за городомъ-то насъ на первой же осинѣ вздернуть»—остановила я ее. «Молода еще, сударыня, яйца курицу не учатъ! Не глупѣе насъ съ тобой люди, да всѣ въ случаѣ чего за городъ собирались ѣхать»,—разсердилась бабушка. «Да намъ-то какое дѣло! Пусть ихъ собираются, дуракамъ законъ не писанъ! Вѣдь городъ защищать будутъ, а не лѣсть!»—пыталась я доказать правоту своихъ словъ бабушкѣ. «Клавдія!—остановила меня мама,—бѣги скорѣй съ Ѳедосей въ кухню, налейте тамъ скорѣе бутылки двѣ варенаго молока и неси сюда. Да скорѣе шевелитесь!»—крикнула она намъ въ догонку. Только что мы съ Ѳедосей начали наливать вторую бутылку молока, какъ вдругъ осколки оконнаго стекла посыпались на полъ, а пуля шлепнулась о русскую печь. Ѳедосья вмѣстѣ съ кринкой молока такъ и повалилась на полъ. Я окаменѣла съ бутылками въ рукахъ. Въ это время вылетѣло второе стекло, потомъ третье. «Съ нами крестная сила! Ой, вались, барышня, скорѣй вались на полъ, пристрѣлить»,—вопила Ѳедосья, притягивая меня за юбку къ полу. Я опомнилась и вырвала платье изъ рукъ Ѳедосьи. «Вставай, скорѣе вставай!—уговаривала я ее,—уйдемъ отсюда!»—«Нѣтъ не встану! Смертынъка моя пришла»,—причитала Ѳедосья. «Сейчасъ же вставай, говорятъ тебѣ, слышишь вставай, а то я уйду! Оставайся тогда одна здѣсь!»—убѣждала я ее. Но Ѳедосья только плакала, причитала и не двигалась съ мѣста. Я, наконецъ потеряла терпѣніе. «Ну, и оставайся тутъ, коли такъ»,—рѣшила я, убѣгая изъ кухни. Но не успѣла я сдѣлать и десяти шаговъ, какъ Ѳедосья, блѣдная, со сбившимся въ сторону платкомъ, догнала меня. «Ну, слава Богу!—сердито встрѣтила насъ мама,—наконецъ-то появились! Ушли, ушли

да и пропали!» Оедосья опять заплакала. «Ой, матушка-барыня, и впрямь чуть было не пропали, въ кухнѣ-то пули ровно шмели жужжать, видимо ихъ невидимо!»—голосила она. «Ну-вотъ, досидимся тутъ, Богъ знаетъ, до чего!»— снова заволновалась бабушка, — «ѣхать надо!» И мы поѣхали... поѣхали въ сторону, противоположную отъ берега. По улицамъ творилось что-то невѣроятное. Народъ съ крикомъ, плачемъ, бранью валомъ валилъ за городъ. Въ воздухѣ стонъ стоялъ отъ смѣшаннаго гула многихъ голосовъ и свиста пуль, то и дѣло пролетающихъ надъ головой. По самой серединѣ улицы непрерывной вереницей тянулись экипажи, биткомъ набитые сѣдоками. Рядомъ съ нашей телѣжкой, не отставая отъ нея, шла высокая, хорошо одѣтая дама, вся въ черномъ, съ какимъ-то сѣрымъ отъ волненія лицомъ; въ одной рукѣ она держала маленькую изящную клѣтку съ канарейкой, другой судорожно прижимала къ груди крошечную бѣлую собаченку. Канарейка испуганно билась и замирала въ своей клѣткѣ, а собаченка, поблескивая изъ-подъ длинной шерсти умными, черными глазами, наостривъ маленькія уши, такъ и заливалась на всю улицу звонкимъ веселымъ лаемъ. Дальше изнуренная, худая женщина почти бѣжала съ хорошенькой трехъ-четырехъ-лѣтней дѣвочкой на рукахъ, которая, не обращая никакого вниманія на происходящую около нея суматоху, весело играла ниткой цвѣтныхъ бусъ на шеѣ матери. «Се, женихъ грядетъ въ полунощи», распѣвалъ басомъ какой-то субъектъ, вырисовывая мысленно среди прочихъ ходяковъ. Еще дальше общипанный оборванецъ бережно, любовно прижимая къ себѣ большой самоваръ, улепетывалъ во всѣ лопатки, ловко лавируя между народомъ.

За городъ мы все-таки не поѣхали, а остановились на окраинѣ его въ домѣ купца Г., съ которымъ мама была знакома. Съ грѣхомъ пополамъ въѣхали мы въ огромный дворъ, биткомъ набитый всевозможными экипажами, начиная съ изящной пролетки и кончая убогой телѣгой съ заморенной лохматой клячей, кое-какъ пробрались къ амбару и привязали коня къ столбу. Немного спустя мама съ бабушкой отправились въ домъ отыскивать уголокъ, гдѣ можно было бы уложить моихъ младшихъ братьевъ, которые, привыкнувъ рано ложиться спать, теперь уже клевали носомъ. Послѣ долгихъ поисковъ ребятишки были уложены и мама осталась съ ними. Бабушка, сестра и я должны были провести ночь на улицѣ въ нашей телѣгѣ, такъ какъ въ комнатахъ огромнаго дома буквально негдѣ было упасть яблоку. Сестра и бабушка скоро заснули. Я прислушивалась къ разговорамъ окружающихъ. Изъ этихъ разговоровъ для меня мало по малу выяснилось слѣдующее. Приблизительно въ семь часовъ вечера, когда почти все городское населеніе высыпало на берегъ, китайцы вдругъ, что называется, нежданно-негаданно открыли пальбу по городу. Рассказывали, что какъ разъ въ это время въ лагеряхъ, расположенныхъ выше Благовѣщенска,

стали купаться запасные. По командѣ разъ! два! три!—они попрыгали въ воду. Китайцы, принявъ это, должно быть, за атаку, открыли по нимъ огонь да за одно ужъ и по городу. Такъ ли было это или нѣтъ, а китайцы стрѣляли и шибко стрѣляли. Набережная вмигъ опустѣла. Жители, особенно тѣ, дома которыхъ, какъ нашъ, напримѣръ, находились вблизи берега, захвативъ съ собой самое необходимое, а то и вовсе безо всего, бѣжали въ сторону, противоположную отъ берега, на окраину города, а то и совсѣмъ за городъ, въ лѣсъ, подальше отъ назойливо свистѣвшихъ пуль. Въ городской управѣ толпа дралась изъ-за раздаваемого второпяхъ оружія, такъ какъ его не хватало всѣмъ желающимъ вооружиться, и собиралась ломать и грабить магазины для восполненія этого недостатка. Губернатора въ городѣ не было, онъ съ остаткомъ войскъ былъ подъ Айгуномъ. Городской голова былъ боленъ. Прочія же власти какъ-то «испарились», потерялись въ общей паникѣ и растерянности. Положеніе города было отчаянное. Сдѣлай китайцы вылазку въ это время, городъ былъ бы въ ихъ власти безъ особенныхъ трудовъ.

Наступила полночь. Разговоры стихли. Тамъ и сямъ на телѣгахъ, а то и просто на землѣ, группами расположился народъ. Почти никто еще не спалъ. То и дѣло сновали взадъ и впередъ темныя фигуры людей, а между тѣмъ жуткая, гнетущая тишина, нарушаемая лишь пушечными да ружейными выстрѣлами, властно охватила все, наводя какую-то тихую, щемящую тоску. Съ необъятной, далекой глубины неба кротко мерцали звѣздочки, полный мѣсяцъ заливалъ все молочнымъ, туманно-серебристымъ свѣтомъ. Чѣмъ-то необыкновеннымъ вѣяло отъ всей этой картины. «Сахалянъ горить! Наши пушкарѣ Сахалянъ подожгли!»—послышался чей-то сдавленный, встревоженный шепотъ. Я соскочила съ телѣги, пробралась къ амбару, нашла лѣстницу и поднялась по ней на крышу. Дѣйствительно, надъ Сахаляномъ причудливыми языками высоко взвилось яркое пламя и багровымъ заревомъ охватило полъ-неба. Канопада все продолжалась, то замирая на нѣсколько минутъ, то снова вспыхивая еще съ большей силой и яростью. Между тѣмъ короткая лѣтняя ночь близилась къ концу. Луна зашла. Небо изъ сапфироваго, темнаго постепенно превратилось въ свѣтло-голубое съ длинными, сѣрыми, черезъ все небо протянувшимися облаками. На востокъ появилась узкая розовая полоса, съ каждой минутой разгоравшаяся все ярче. Холодный, предутренній вѣтерокъ зашумѣлъ листвою деревьевъ. Стрѣльба стихла. Со всѣхъ сторонъ неслось звонкое пѣніе пѣтуховъ. Я спустилась съ крыши амбара, улеглась рядомъ съ сестрой и крѣпко заснула.

Когда я проснулась, солнце уже высоко стояло на небѣ и такъ и заливало весь дворъ веселыми жизнерадостными лучами. Говоръ и крики людей, ржаніе лошадей, пронзительный скрипъ ко-

лодда, громъ пушечныхъ выстрѣловъ, трескотня ружейныхъ—все это смѣшивалось въ одинъ оглушительный, нестройный и ужасный для непривычнаго уха концертъ. Такимъ образомъ начинался первый день осады, о которомъ и по сейчасъ многіе благовѣщенцы вспоминаютъ какъ о нелѣпо-ужасномъ кошмарѣ, приключившемся наяву. Съ минуты на минуту ожидалась китайская вылазка и атака. Всѣ бѣгали, суетились, молились и плакали. По-минутно и неизвѣстно откуда являлись вѣстники съ самыми разнообразными, противорѣчащими другъ другу вѣстями. Одинъ торжественно заявлялъ, что сегодня изъ Срѣтенска пришли войска на помощь, другой, захлебываясь отъ ужаса, лепеталъ, что никакихъ войскъ ни откуда не приходило, что китайцы, по всей вѣроятности, скоро начнутъ переправу и возьмутъ городъ, третій, изъ силъ выбиваясь, доказывалъ, что китайцы уже начинали атаку и были отбиты.

Народъ жадно слушалъ всѣхъ этихъ господъ, не зная, кому вѣрить, то и дѣло переходя отъ радости и надежды на спасеніе къ полному отчаянію и наоборотъ.

Поздно вечеромъ, когда лихорадочное настроеніе, охвативши всѣхъ, достигло своей максимальной точки, когда всѣ ходили и бѣгали какъ безумные, безцѣльно слоняясь изъ угла въ уголъ, явилось вдругъ нѣсколько приказчиковъ изъ городскихъ магазиновъ. Они единогласно сообщили, что результаты сегодняшней, почти непрерывной китайской канонады—самые пустяжные, тогда какъ наши стрѣлки немногими выстрѣлами подожгли телеграфную станцію въ Сахалянѣ, которая сгорѣла до тла, и вообще много наварили тамъ бѣды. Всѣ ободрились, вздохнули свободнѣе, благодаря этимъ извѣстіямъ, отсрочивающимъ нашу гибель на нѣкоторое время. Вѣстниковъ, или скорѣе благовѣстниковъ, усадили за столъ, принялись пить чаемъ, откуда-то, словно по шучьему велѣнью, появились закуски и даже нѣсколько бутылокъ живительнаго напитка. Мало-по-малу въ столовую собрались всѣ временные обитатели дома и его окрестностей. Разговоръ все оживлялся, слышались даже шутки и смѣхъ. Только послѣ полуночи собесѣдники, вспомнивъ, что и самимъ пора отдохнуть да и другимъ дать покой, разбрелись по разнымъ угламъ и заснули кто гдѣ попало. Въ огромномъ домѣ послѣ дневного шума и гама наступила жуткая ночная тишина, полная неясныхъ, таинственныхъ звуковъ и шороховъ. И вдругъ среди этой тишины раздался самый дикій, самый отчаянный вопль:—«Ай! Китаецъ! Лови его! Кара-у-у-у-ль!!»—отчетливо пронеслось по всему дому. Кутерьму, происшедшую въ первыя минуты, трудно описать. Только двое или трое не потерявшихъ головы мужчинъ успокаивали остальныхъ. Но ихъ увѣренія о томъ, что въ домѣ все спокойно и никакихъ китайцевъ нѣтъ, дѣйствовали плохо. Добрыхъ полчаса про-

шло, прежде чѣмъ успокоился разношерстный людъ, собранный вмѣстѣ волей постороннихъ обстоятельствъ.

Причиной этого переполоха оказался десятилѣтній гимназистъ. Храбрый паленька его не только самъ со всѣхъ сторонъ обвѣсилъ и украсился холоднымъ и огнестрѣльнымъ оружіемъ, но и на сына повѣсилъ огромную и тяжелую саблю. Ночью гимназистъ, пробираясь между спящими героями, нечаянно ударилъ одного изъ нихъ саблей по ногамъ. Тотъ, неожиданно и грубо потревоженный среди сладкихъ грезъ перваго сна, завопилъ во всю силу своихъ легкихъ и не менѣе грубо разбудилъ и всѣхъ остальныхъ. — «Господи Ты Боже мой!—ворчала моя сосѣдка старуха:—да гдѣ жъ это видано, чтобъ на десятилѣтнее дитѣ вонъ какую оружію вѣсить! вѣдь дитѣ-то малое, неразумное, эдакъ-то оно, неровенъ часъ, и само себя прихлестнуть можетъ!»—бормотала она все тише и тише, и, наконецъ, совсѣмъ смолкла. Снова водворилась тишина. Но намъ вѣрно не суждено было заснуть въ эту ночь. Только что всѣ забылись первымъ тревожнымъ сномъ, раздался вдругъ какой-то странный грохотъ и, конечно, опять разбудилъ всѣхъ. — «Никакъ бѣжить кто-то съ верховъ!»—недоумѣвающе замѣтила старуха-сосѣдка. Она была права: по лѣстницѣ, дѣйствительно, кто-то бѣжалъ, что называется, не чуя подъ собою ногъ. — «Матушка, Царица Небесная! Заступи, спаси и сохрани насъ грѣшныхъ!»—съ рыданіемъ въ голосъ заговорила какая-то женщина. — «Святой Микола Угодникъ! Святой Иннокентій Иркутскій!»—сейчасъ же поддержала ее другая. — «Вставайте, господа, вставайте! Бѣда! Несчастье!»—стремглавъ влетѣлъ въ комнату блѣдный, дрожащій, перепуганный господинъ, на которомъ просто лица не было. Въ минуту все было на на ногахъ. — «Гдѣ? Какъ? Что?»—посыпались вопросы со всѣхъ сторонъ. — «Китайцы подходятъ къ семинаріи... сюда... надо всѣмъ къ оружію... стрѣлять...»—задыхался господинъ, отчаянно размахивая руками. — «Патроны! гдѣ мои патроны? Куда они дѣвались со стола? Кто ихъ взялъ?»—метался по комнатѣ одинъ изъ храбрецовъ. — «Залпами, ихъ нужно залпами!»—самъ не зная что, лепеталъ другой. — «Нужно по телефону увѣдомить! Дать знать полицеймейстеру! Губернатору! Сюда войска надо!! Гдѣ телефонъ? скорѣе къ телефону!»—безпорядочно совался третій. Черезъ нѣсколько минутъ въ залѣ оставались лишь женщины да дѣти. Всѣ лежали на полу въ полной увѣренности, что вотъ-вотъ засвистятъ пули. Прошло нѣсколько тяжелыхъ, показавшихся намъ цѣлой вѣчностью, минутъ. Одна изъ женщинъ поползла къ окну и боязливо изъ-за колоды выглянула въ него. «Ну что?»—спросила ее другая. — «Темно, ни зги не видать!»—отвѣтила та. — «Тихо какъ»,—нерѣшительно замѣтила третья. — «Да, странно! Почему это наши не стрѣляютъ!»—вмѣшалась четвертая. — «Нишкни!»—уняла одна изъ нихъ своего бойкаго четырехлѣтняго сынишку, который только

что раскрылъ ротъ, чтобы сообщить что-то матери. Ребенокъ замолчалъ и всѣ замолчали.—«Идутъ сверху!»—радостно сказалъ кто-то. Вмигъ вся тишина была нарушена. Всѣ вскочили, заговорили, съ нетерпѣніемъ поглядывая на двери въ коридоръ, откуда слышались шаги и разговоръ.

Въ комнату вошло нѣсколько человѣкъ мужчинъ.—«Чортъ знаетъ, что такое!»—громко возмущался одинъ изъ нихъ—не изъ-за чего поднять шумъ, грохотъ, вой на весь домъ!»—«Китайцы!»—стремительно подлетѣла къ нему какая-то дама, съ очевиднымъ намѣреніемъ упасть въ обморокъ.—«Успокойтесь, сударыня, никакихъ китайцевъ нѣтъ, кругомъ все спокойно!»—сухо оборвалъ ее спрашиваемый, сердито бросая на столъ ружье и сумку съ патронами. Немного спустя въ залу явились и остальные наши защитники, оживленно переговариваясь и перекидываясь замѣчаніями, не совсѣмъ лестными для встревожившаго всѣхъ господина.—«Да кто это такой?»—задумчиво спросила моя бабушка сосѣдку старуху.—«Да ты про кого это говоришь-то, матушка, я чтой-то въ толкъ не возьму!»—«Ну, да про этого длинноногаго, что перепугаль-то всѣхъ!»—пояснила бабушка.—«А, вонъ что! Да это Д—й, скотскій лекаръ!»—догадалась старуха.—«Д—й»,—еще разъ оживленно переспросила бабушка.—«Онъ самый и есть»—спокойно подтвердила старуха.—«Какъ же это я не узнала-то его,—удивлялась бабушка:—вѣдь я знаю его, сколько разъ встрѣчалась съ нимъ у М.»—«Да я тоже сначала-то съ перепугу вовсе не признала, ужъ потомъ разглядѣла: чтой-то, моль, обличье-то ровно знакомо! Ну и признала! Ишь вѣдь перепугался-то что! Куда и спесь дѣбалась! затрепыхался, ровно курченокъ дохленькій!»—философствовала старуха. Дѣйствительно, въ этомъ жалкомъ, дрожащемъ трусишкѣ совсѣмъ нельзя было узнать того великолѣпнаго господина, который сегодня вечеромъ съ такимъ апломбомъ, съ такимъ неописуемымъ чувствомъ собственного достоинства ораторствовалъ среди благоговѣнно внимавшихъ слушателей. Черезъ часъ, должно быть, Д—й опять такимъ же порядкомъ съ трескомъ, грохотомъ и воплемъ слетѣлъ сверху и опять перепугаль всѣхъ. Съ этихъ поръ рѣдкая ночь обходилась безъ головолomныхъ путешествій г-на Д—го, такъ что въ концѣ концовъ на него уже рѣшительно никто не обращалъ вниманія.—«Что это? Стучить гдѣ-то?»—встревожится бывало мама, разбуженная грохотомъ по лѣстницѣ.—«Ничего, милая барынька, ничего, спи себѣ съ Богомъ! Это опять, должно, стрикулистъ лопатить, пропасти на него, окаяннаго, пѣть!»—успокаивала ее старуха-сосѣдка...

Вотъ какимъ образомъ прошли первые дни и ночи въ пріютившемъ насъ домѣ. То же самое съ небольшими варіаціями происходило и въ другихъ постройкахъ на окраинѣ города, противоположной берегу, а также и за городомъ, въ полѣ, въ лѣсу, вдоль

дорогъ, ведущихъ изъ Благовѣщенска въ сосѣднія деревни. Какъ я уже говорила, въ первыя минуты паники, когда китайскія пули засвистали по городу, добрая половина жителей бросилась бѣжать. Бѣжали, главнымъ образомъ, обитатели прибрежныхъ кварталовъ, а за ними и тѣ, у которыхъ была душа «коротка» и которымъ просто-на-просто не сидѣлось на мѣстѣ. Часть этой человѣческой волны разлилась по городскимъ окраинамъ, другая хлынула за городъ. Погода стояла сухая и теплая и весь этотъ людъ расположился прямо на землѣ. Замѣчательно, что въ эту минуту дѣйствительной и грозной опасности исчезли всякія привилегіи, сгладилась всякая социальная разница. Всѣ были только людьми и инстинктивно жались другъ къ другу по пословицѣ: «на людяхъ и смерть красна!» Потомъ цѣлое и единодушное нѣчто снова разбилось на свои составныя части, постепенно выдѣлило изъ себя «нихъ превосходительствъ», «нихъ степенствъ» и многое другое еще. Люди опять стали тѣмъ, чѣмъ они были до катастрофы, всякъ сверчокъ нашель свой шестокъ. Вначалѣ же это единство и равенство рѣзко бросалось въ глаза.

Мучительнѣе всего были, конечно, длинныя и безсонныя ночи. Ночью больше разбирала жуть, ночью легче вѣрилось нелѣпымъ и страшнымъ рассказамъ, ночью иногда одно лишь слово заставляло волосы шевелиться на головѣ. Днемъ было легче. Дневной свѣтъ разгонялъ много страшныхъ думъ, много страшныхъ призраковъ, днемъ даже сама дѣйствительность казалась не такой ужасной.

Съ наступленіемъ утра бѣглецы изъ лѣса мало-по-малу начинали снова стягиваться въ городъ съ тѣмъ, чтобы съ наступленіемъ сумерекъ снова «задать лататы» въ лѣсъ. Впрочемъ, такъ поступали лишь самые трусливые. Жители похрабрѣе уже на второй и третій день вернулись въ городъ окончательно. Женщины съ дѣтьми размѣстились по домамъ, мужчины же, вооружившись, чѣмъ попало: кто ружьемъ, кто револьверомъ, а кто и просто вилами, засѣли по берегу съ твердымъ намѣреніемъ встрѣтить лицомъ къ лицу врага и дорого продать свою жизнь. Къ 4-му іюня эта добровольная дружина была окончательно урегулирована. Всю береговую линію города раздѣлили на нѣсколько участковъ.

Каждый участокъ поступилъ въ распоряженіе избраннаго начальника съ однимъ или двумя помощниками. По берегу были вырыты ложементы, въ которыхъ и сидѣли добровольцы, главнымъ образомъ, ночью, такъ какъ первое время осады особенно опасались ночной атаки китайцевъ. Составъ добровольной дружины былъ чрезвычайно разнообразенъ. Въ ложементахъ бокъ-о-бокъ съ учителями, чиновниками, приказчиками и даже гимназистами сидѣло много пріискателей, таежниковъ, хищниковъ и спиртоносовъ. Большинство изъ нихъ было отличными стрѣлками.— «Глянь-ко, Ванюха! Косатые-то повылѣзли!»—сообщалъ товарищу

такой доброволецъ, завидя китайцевъ на противоположномъ берегу:—китай ты, паря, лѣваго, а я праваго шарахну!»—И они «катали» и «шарахали» и праваго, и лѣваго, и такъ удачно, что китайцы скоро и вовсе на рисковали показываться изъ своихъ ложементовъ. Между прочимъ среди русскихъ добровольцевъ было нѣсколько человѣкъ ороченовъ, стрѣлявшихъ буквально безъ промаха. Они то появлялись въ городѣ, то снова куда-то исчезали.—«Ну, ты неумытая рожа, сказывай, гдѣ пропалъ?»—спрашивалъ прискатель орочена послѣ одного изъ такихъ исчезновеній.—«Китайска сторона ходилъ!»—прехладнокровно сообщила «неумытая рожа», раскуривая трубочку.—«Што-о-о!»—не повѣрилъ своимъ ушамъ спрашивающій. «Русска люди—въ китайска стрѣляй, китайска люди—русска стрѣляй! Наши всѣмъ помогай!» Прискатель нѣкоторое время молчалъ съ разинутымъ ртомъ: подобная теорія даже и его, «таежнаго человѣка», приводила въ изумленіе.—«Ну, и подлый же ты, я тебѣ скажу, народъ, прямо какъ есть подлець!»—съ трудомъ формулировалъ онъ, наконецъ, свое впечатлѣніе. Ороченъ добродушно ухмылялся, очевидно, принимая слова прискателя за лестный для него комплиментъ. «Китайска сторона—ханшина шанго! Русска сторона—водка шанго! Тебѣ водка есть?»—весело подмигнулъ онъ своему собесѣднику. «Ахъ, ты, яви те въ душу!»—еще разъ выругался тотъ и далъ орочену водки.

Очнулись, наконецъ, отъ временной «оторопи» и власти благовѣщенскія, очнулись и дали знать о своемъ существованіи цѣлымъ рядомъ энергичныхъ мѣръ и дѣйствій. Такъ, на примѣръ, питейныя заведенія, торгующія «въ розницу и на выносъ», были окончательно закрыты. За тайную продажу спиртныхъ напитковъ пообѣщали много неприятныхъ вещей, въ родѣ тюремнаго заключенія и т. п.

По городу расклеивались объявленія. Какъ образчикъ, привожу одно изъ нихъ:

«Начальникъ внутренней обороны города Благовѣщенска.

Полицеймейстеръ Батаревичъ призываетъ малодушныхъ жителей города Благовѣщенска взять примѣръ съ болѣе сильныхъ душой и бросить выдумывать самимъ небывалую опасность. Нѣтъ опасности, когда мы всѣ заодно, дружно, безъ страха, совмѣстно, вооружаясь, чѣмъ можно, встрѣтимъ, если только понадобится, врага нехристя, помня: Богъ съ нами, а не будемъ вѣрить каждому нелѣпому слуху, распускаемому со страху глупымъ человѣкомъ и не будемъ бросаться въ кусты, гдѣ мы безпомощны.

«Бросьте боязнь, вернитесь въ городъ и мы поможемъ другъ другу, а не будемъ портить дѣло, разбѣгаясь отдѣльно.

«Каждого, кто пугаетъ нелѣпымъ слухомъ, ведите ко мнѣ!

«Начальникъ внутренней обороны полицеймейстеръ

Батаревичъ».

Больше всего проявило себя благовѣщенское начальство въ дѣлѣ переправы проживающихъ въ городѣ китайцевъ на непріятельскую сторону. Объ этой переправѣ въ свое время достаточно писалось въ русской прессѣ, причемъ благовѣщенцевъ или восхваляли за энергичный образъ дѣйствій: «концы въ воду и вся недолга»— или же укоряли за негуманное и варварское обращеніе съ «мирными» китайцами. Золотой середины не доставало! Несомнѣнно, что въ дѣлѣ переправы китайцевъ начальство нѣсколько поусердствовало, можетъ, даже и «пересолило». Смягчающимъ обстоятельствомъ этого поступка являлось поистинѣ критическое положеніе города. Китайцевъ въ городѣ къ началу осады оставалось еще тысячи три-четыре. Ютились они, главнымъ образомъ, въ отведенномъ для нихъ такъ называемомъ китайскомъ кварталѣ. Тамъ послѣ находили прокламаціи «Большого Кулака», въ которыхъ имъ приказывалось поджечь городъ для облегченія задачи своимъ соплеменникамъ. Китайцевъ стали собирать. Собрали и... призадумались! Что было дѣлать съ ними? Караулить ихъ?—Некому! Оставить ихъ безъ призора въ городѣ?—Немыслимо! У этихъ «мирныхъ» китайцевъ находили и порохъ, и оружіе, и удавки! Оставалось одно лишь средство: переправить! Китайцевъ пригнали на берегъ и приказали имъ отправляться на свою сторону, за неимѣніемъ лодокъ—вплавъ. Китайцы повиновались. Изъ Сахалина свои же открыли по нимъ огонь. Китайцы тонули... сотнями...

Осада тянулась. Засуха царила страшная. Жители сидѣли по домамъ, почти никто не рѣшался топить печей изъ боязни устроить пожаръ. Китайцы регулярно каждый день открывали по городу сильный огонь, который не причинялъ большого вреда: пули ихъ, большей частью, перелетали черезъ крыши домовъ. Несмотря на это, получалась увѣренность, что китайцы хотѣли хорошенько «изморить» городъ, играя съ нимъ какъ кошка съ мышью, прежде чѣмъ окончательно овладѣть имъ.

Жители знали, какая участь ожидала ихъ въ послѣднемъ случаѣ. Я помню нѣсколько семействъ, члены которыхъ, въ случаѣ взятія города китайцами, готовы были покончить съ собой, лишь бы не попадаться въ ихъ руки. Во время одной вылазки на китайскую сторону солдатъ Федоръ Калининъ отсталъ отъ своихъ и былъ взятъ въ плѣнъ китайцами. Послѣ взятія Сахалина тѣло его нашли тамъ по кускамъ; китайцы замучили его со всей ихъ звѣрской утонченностью. Подобная участь въ перспективѣ многихъ благовѣщенцевъ довела до умственного разстройства.

Горсть имѣвшихся на лицо войскъ была раздѣлена на двѣ части: одна оставалась въ городѣ, другая дежурила за Зеей подъ Айгуномъ. Время отъ времени казаки, солдаты и добровольцы устраивали вылазки на непріятельскую сторону.

Въ довершеніе всѣхъ бѣдствій у нашихъ артиллеристовъ совершенно вышли снаряды, на китайскіе выстрѣлы приходилось отвѣчать лишь многорѣчивымъ молчаніемъ, такъ 8 іюля наша батарея не сдѣлала ни одного выстрѣла. Въ ночь съ 8-го на 9-ое, тридцать пять охотниковъ, во главѣ съ подпоручикомъ Слезкинымъ, сдѣлали вылазку въ Сахалинъ съ единственной цѣлью предупредить рѣшительныя дѣйствія со стороны китайцевъ. 9-го утромъ пришелъ изъ Хабаровска пароходъ «Сунгари» и привезъ 1200 пудовъ артиллерійскихъ снарядовъ и патроновъ. Темной ночью, съ погашенными огнями, замаскированный волнистымъ желѣзомъ, самымъ малымъ ходомъ крался пароходъ подъ самыми батареями Айгуна со своимъ драгоцѣннымъ грузомъ. Китайцы спали. И пароходъ благополучно достигъ Благовѣщенска. Въ видѣ охраны на немъ имѣлось пять стрѣлковъ и три офицера: Виноградовъ, Вадецкій и Моисеевъ. Благодаря этимъ смѣльчакамъ, въ число которыхъ надо включить матросовъ, машиниста, лодмана и командира парохода, по имени Сорокина, 9-го же іюля наши пушки снова заговорили къ великой радости горожанъ, совсѣмъ былъ приунывшихъ. 14-го іюля въ Благовѣщенскъ пришли первые войска, съ восторгомъ встрѣченныя начальствомъ и населеніемъ. За этимъ первымъ отрядомъ къ Благовѣщенску постепенно стянулись и другія, шедшіе на выручку его и снизу изъ Хабаровска, и сверху изъ Срѣтенска.

Къ 18—19-му іюля войскъ въ городѣ набралось уже столько, что начальствующіе ими уже заговорили о болѣе рѣшительныхъ дѣйствіяхъ противъ непріятеля, на основаніи предыдущихъ вылазокъ составили планъ взятія Сахалина и въ ночь на 20-ое іюля успѣшно выполнили его. Произошло это такимъ образомъ. Бурной и темной ночью войска наши переправились на вражескій берегъ выше Сахалина въ такъ называемую Солдатскую Падь, почему-то оставленную китайцами совершенно безъ призора, и пошли къ Сахалину. Съ разсвѣтомъ изъ устья Зеи вышло нѣсколько пароходовъ и пошли по Амуру мимо Благовѣщенска, стараясь привлечь на себя вниманіе китайцевъ, которые поддались вполне на удочку и старательно принялись обстрѣливать ихъ. Часть нашей батареи, оставшейся въ городѣ, энергично отвѣчала непріятелю. Изъ Айгуна долеталъ отдаленный гулъ орудій: тамъ отрядъ Фотенгауера бомбардировалъ его. Загремѣло наконецъ и въ Сахалинѣ. Китайцы, цѣликомъ увлеченные стрѣльбой по пароходамъ, были застигнуты врасплохъ нашими войсками, подошедшими незамѣтно къ ихъ лѣвому флангу, растерялись и, безъ большого сопротивленія покинувъ Сахалинъ, поспѣшно отступали по Айгунской дорогѣ. Временами это отступление переходило въ истинное бѣгство. Къ полудню Сахалинъ былъ очищенъ отъ врага и запылалъ, какъ гигантскій костеръ. Горожане всѣ до единого вы-

сыпали на берегъ и взволнованно любовались грозной картиной пожара. Свинцовыя облака дыма, тамъ и сямъ прорѣзываемыя яркими языками пламени, поднимались надъ Сахаляномъ и медленно, тяжелой удушливой пеленой разстилались надъ рѣкой и Благовѣщенскомъ. Стаи голубей и галокъ тревожно вились надъ Сахаляномъ. Огонь подбирался къ рощамъ Сахаляна и угрожалъ ихъ, вѣками насиженымъ, гнѣздамъ. Къ вечеру пожаръ какъ будто еще усилился и картина стала еще болѣе прекрасной во всемъ своемъ ужасѣ и трагизмѣ. Цѣлое море огня дико бушевало въ Сахалянѣ, посылая вверхъ снопы искръ, отражаясь въ рѣкѣ. А надъ нимъ багровымъ зловѣщимъ заревомъ пылало небо...

Да! Сахалянъ былъ взятъ... но немногіе изъ благовѣщенцевъ спокойно спали и въ эту ночь!

22-го іюля палъ и Айгунъ, стариннѣйшій оплотъ китайскаго владычества на Амурѣ. Военныя дѣйствія по Цицикарской дорогѣ отошли вглубь Маньчжуріи. Благовѣщенскъ на этотъ разъ былъ спасенъ.

Клавдія Никитина.

ДАНИИЛЬ ЛУКИЧЪ МОРДОВЦЕВЪ.

(Изъ личныхъ воспоминаній и разсказовъ).

ЕДАВНО, 10 іюня т. г., исполнилось пять лѣтъ со дня кончины талантливаго романиста, публициста, историка и многолѣтняго сотрудника «Историческаго Вѣстника» Даниіла Лукича Мордовцева, обогатившаго нашу литературу серією историческихъ романовъ, монографій, посвященныхъ преимущественно самозванцамъ и разбойничеству¹⁾. Его же перу принадлежитъ популярный въ свое время романъ изъ жизни новыхъ людей («Знаменіе времени»), разсказы на малороссійскомъ языкѣ («Дзвонарь» и «Солдатка») и стихотвореніе на томъ же языкѣ, которымъ Мордовцевъ дебютировалъ въ литературѣ. Д. Л. не чуждъ былъ и публицистики, написалъ капитальный трудъ о земствѣ и далъ много яркихъ и блестящихъ описаній своихъ путешествій по Европѣ и Азіи.

Литературнаго наслѣдства Д. Л. Мордовцева хватило бы на извѣстность и славу цѣлой дюжины писателей.

Въ среднихъ числахъ іюня, по пути съ Волги въ Крымъ, мнѣ довелось быть въ Ростовѣ-на-Дону, гдѣ похороненъ Д. Л. Мордовцевъ. Я счелъ своимъ долгомъ поклониться праху талантливаго писателя, покоящемуся далеко отъ Петербурга, въ которомъ прошла почти вся слишкомъ 40-лѣтняя литературно-общественная и

¹⁾ «Гайдамачина», «Самозванцы и понизовая вольница», «Политическія движенія русскаго народа», «Идеалисты и реалисты», «Царь и гетманъ», «Лжедмитрій», «Соловецкое сидѣніе», «Двѣнадцатый годъ» и др.

служебная дѣятельность Даниіла Лукича. Съ покойнымъ меня связывали совмѣстное участіе въ трехъ изданіяхъ и многолѣтнее знакомство, о которомъ свидѣлствуютъ сохранившіяся у меня письма его, частью воспроизводимыя ниже. Мнѣ не разъ приходилось по литературнымъ дѣламъ бывать у Д. Л. въ его спартански обставленной комнатѣ въ Столярномъ переулкѣ, увѣшанной портретами Шевченко и вѣнками, поднесенными «коханому дѣду» и «украинскому дѣду» его почитателями-малороссами за его заслуги, за участіе въ шевченковскихъ вечерахъ, на которыхъ среди традиціонныхъ костюмовъ «дѣвчатъ», молодежи и парубковъ всегда бѣлѣла серебряная голова ихъ петербургскаго «батьки».

Д. Л. Мордовцевъ похороненъ въ фамильномъ склепѣ Мордовцевыхъ на ростовскомъ новоселовскомъ кладбищѣ. Подъ общимъ мраморнымъ памятникомъ (см. ниже), въ видѣ колонны, окруженной чугунной оградой, покоятся и близкіе писателя, братъ, племянникъ и др. На одной сторонѣ памятника красуется надпись на англійскомъ языкѣ, изъ которой видно, что тутъ же похоронена и жена племянника Мордовцева—англичанка, урожденная Тернеръ.

Самъ Д. Л. Мордовцевъ былъ украинскаго происхожденія и родился въ с. Даниловкѣ, въ верхней части области Войска Донскаго, куда его дѣдъ бѣжалъ изъ Украины.

Въ бесѣдѣ съ престарѣлымъ 90-лѣтнимъ братомъ писателя Андреемъ Лукичемъ, съ которымъ въ теченіе нѣсколькихъ дней встрѣчался въ домѣ близкаго мнѣ человѣка, я упомянулъ, что нѣкоторые газетные фигляры подвергали сомнѣнію украинское происхожденіе Д. Л.—ча. Старецъ сильно вознегодовалъ.

— Какъ!—воскликнулъ онъ, оскорбленный въ своихъ лучшихъ украинскихъ чувствахъ,—мы не малороссы! Да вѣдь настоящаято наша фамилія не Мордовцевъ, а Мордовецъ—Слѣпченко! У меня и посейчасъ сохранилась старая икона съ малороссійскими надписями, подаренная малороссійскимъ войскомъ моему дѣду, сотнику Іоанну Власеву Слѣпченко,—онъ же Мордовецъ,—который бѣжалъ изъ Украины на Донъ. У дѣда нашего хранился долго архивъ съ тайными бумагами, относившимися къ дѣятельности Мазепы, съ которымъ прадѣдъ нашъ былъ очень близокъ. Архивъ этотъ впослѣдствіи былъ изъятъ изъ рукъ дѣда и сожженъ, такъ какъ заключалъ въ себѣ документы о Мазепѣ, содержаніе коихъ признано было необходимымъ не дѣлать достояніемъ потомства.

И чтобы окончательно разсѣять всякія сомнѣнія на счетъ украинскаго происхожденія Мордовцевыхъ, А. Л. Мордовцевъ старческимъ надтреснутымъ голосомъ запѣлъ, приплясывая при этомъ, малороссійскую пѣсню: «Ой, на горі тай жнеци жнуть»...

— Эту и другіе пѣли,—замѣтилъ А. Л. Мордовцевъ,—я распѣвалъ еще ребенкомъ и, кажется, одно мое произношеніе краснорѣчиво говоритъ о нашемъ древнемъ украинскомъ происхожденіи.

Несмотря на свой почтенный возраст, о которомъ, какъ всё старики, онъ не любитъ говорить, А. Л. Мордовцевъ еще бодръ и занимается дѣлами, являясь однимъ изъ богатѣйшихъ ростовскихъ домовладѣльцевъ и фабрикантовъ. Его огромная, расположенная въ двухъ этажахъ квартира — настоящая кунсткамера. Кромѣ разныхъ рѣдкостей, картинъ, пожелтѣвшихъ отъ времени портретовъ, вы видите здѣсь цѣлый птичникъ, акваріумы, домашній ботаническій садъ, — словомъ, предъ вами всё почти представители фауны и флоры. Живетъ теперь А. Л. одиноко. Онъ состоялъ много лѣтъ председателемъ сиротскаго суда и не чуждался общественной дѣятельности.

О покойномъ братѣ Андрей Лукичъ Мордовцевъ говоритъ съ благоговѣніемъ. Глубоко почитая его память, онъ рѣшилъ передать въ расположеніе мѣстнаго археолога и основателя музея М. Б. Краснянскаго рукописи покойнаго Д. Л., напечатанныя и не напечатанныя, портреты, древнее оружіе, принадлежавшее ему, и т. п. реликвіи для особаго «мордовцевскаго отдѣла». Кое-что изъ этихъ реликвій можно уже видѣть въ неособенно изобилующемъ рѣдкостями музеѣ. Приходится, къ слову сказать, удивляться скудости музея, находящагося въ краѣ, по которому прошло столько народовъ, оставившихъ въ почвѣ не мало памятниковъ старины.

О послѣднихъ годахъ жизни Д. Л. Мордовцева рассказали намъ много любопытнаго А. Л. Мордовцевъ и другіе ростовцы.

Въ теченіе 20 лѣтъ Д. Л. пріѣзжалъ на лѣто на Кавказъ, откуда возвращался въ Петербургъ со свѣжимъ запасомъ силъ и преисполненный замысловъ о новыхъ литературныхъ работахъ. Его можно было всегда встрѣчать, окруженнымъ молодежью, относившеюся съ большою любовью къ автору «Знаменія времени», давшему въ этомъ романѣ полную жизни галерею «новыхъ людей».

Поддерживалъ Мордовцевъ сношенія и съ пріѣзжавшими на лѣто на Кавказъ выдающимися писателями и дѣятелями.

Однажды подошелъ къ нему извѣстный финансистъ Е. И. Ламанскій, бывшій управляющій государственнаго банка. Не успѣлъ Ламанскій высказать свое удовольствіе по поводу встрѣчи съ популярнымъ писателемъ, какъ тотъ обратился къ нему съ вопросомъ:

— Вы, конечно, знакомы съ Ермоловымъ (б. министромъ земледѣлія?)

— Да!..—былъ отвѣтъ.

— Такъ напишите ему, пожалуйста! Пусть онъ уберетъ отсюда Хвоцинскаго! (директора водъ), здѣсь невозможныя вещи дѣлаются!..

И Мордовцевъ сталъ докладывать Ламанскому о хозяйничаніи Хвоцинскаго на водахъ, объ его самодурствѣ и вмѣшательствѣ въ

дѣла мѣстной газеты, которую редактировалъ тогда К. И. Арабажинъ.

Оказалось, что всеильный директоръ водъ требовалъ помѣщенія хвалебныхъ отзывовъ объ игрѣ пользовавшихся его покровительствомъ опереточныхъ пѣвчихекъ. Часто такіе отзывы доставлялись готовыми, и редакціи предлагалось безъ всякихъ измѣненій и сокращеній посылать ихъ въ наборъ.

Однажды Хвошинскій, цензировавшій газету, задержалъ восторженную статью о прибывшей тогда въ Пятигорскъ высокоталантливой В. О. Коммисаржевской, вѣроятно, для того, чтобы не заслонить «блестящихъ» именъ протежировавшихся имъ опереточныхъ «дивъ» и «этуалей».

Редакція курортной газеты набралась смѣлости и выпустила статью о Коммисаржевской. Хвошинскій поднялъ было шумъ, сталъ угрожать расправой съ ослушниками, но скоро сообразилъ, что его угрозы незаконны, что инкриминировавшаяся редакціи статья ничего нецензурнаго въ себѣ не заключала.

Объ этомъ-то эпизодѣ, переданномъ Л. Е. Оболенскимъ Мордовцеву, послѣдній и рассказалъ, между прочимъ, Е. И. Ламанскому, сильно волнуясь и нервно жестикулируя руками.

Возымѣла ли какое-либо дѣйствіе жалоба Мордовцева Ламанскому—мы не знаемъ, но извѣстно, что чрезъ нѣкоторое время Хвошинскаго «убрали». Его уходу предшествовалъ рядъ обличительныхъ статей въ нѣкоторыхъ петербургскихъ и московскихъ изданіяхъ.

Въ одинъ изъ пріѣздовъ своихъ на Кавказъ Д. Л. Мордовцевъ поднимался на Араратъ, простудился и схватилъ воспаленіе легкихъ. Рецидивъ этой болѣзни въ 1905 году и свелъ Д. Л. преждевременно въ могилу.

Покойный писатель пріѣхалъ въ Ростовъ въ маѣ 1905 года не совсѣмъ здоровымъ. Онъ до того усталъ въ дорогѣ, что его на рукахъ отнесли въ квартиру брата. Не отдохнувъ, какъ слѣдуетъ, Мордовцевъ, несмотря на просьбы брата, сталъ собираться въ Кисловодскъ. Тамъ,—заявилъ Д. Л.,—воздухъ и природа возстановятъ его силы, а общеніе съ молодежью развлечетъ его.

Въ Кисловодскѣ Мордовцевъ встрѣтился со знакомымъ докторомъ Ярцевымъ, который, вмѣсто лекарства, сталъ угощать его старымъ коньякомъ. На свое здоровье Д. Л. обращалъ мало вниманія. Чрезъ нѣсколько дней онъ слегъ въ постель, а заболѣвшій докторъ Ярцевъ пригласилъ къ пациенту профессора Гутникова, которому пришлось констатировать тяжелое состояніе писателя. Дали знать брату и дочери Вѣрѣ Даниловнѣ Александровой, жившей въ Минскѣ.

Паметникъ на могила Д. Л. Морозова въ Ростовъ на Дону.

Мордовцевъ все надѣялся, что поправится. Онъ былъ занятъ мыслью объ обработкѣ большой исторической повѣсти «Посошковъ» и готовилъ рядъ статей для разныхъ изданій, между прочимъ, свои воспоминанія для сборника въ честь русскаго педагога Д. И. Тихомирова.

8 іюля больному писателю стало совсѣмъ плохо. Приглашенный врачъ сдѣлалъ впрыскиваніе камфоры, а 10 іюля въ 7¹/₂ час. утра Д. Л. Мордовцевъ отдалъ Богу душу на рукахъ дочери. До послѣдней минуты онъ былъ въ сознаниі. Предъ самою кончиною Д. Л. пришелъ въ какое-то возбужденное состояніе и произнесъ слѣдующую характерную для него фразу:

— Ахъ, какъ хорошо быть со всѣми въ дружбѣ, всѣхъ любить и быть любимымъ!..

Что Мордовцевъ былъ любимъ—это краснорѣчиво доказали его похороны.

Учащаяся молодежь взяла на себя всѣ хлопоты по устройству похоронъ писателя, такъ какъ дочь его и братъ были сильно потрясены. Гробъ, покрытый вѣнками съ весьма трогательными надписями: («Родному сыну Украйны», «Отъ дѣтей Вештау», «Автору «Знаменія времени», «Батькѣ угнетаемыхъ», «Благородному другу еврейскаго народа» и т. п.), несли на рукахъ, несмотря на крутизну подъема. У гроба Мордовцева въ Кисловодскѣ и Пятигорскѣ проносились горячія рѣчи, характеризовавшія покойнаго, какъ писателя, общественнаго дѣятеля и гражданина. Когда одинъ изъ ораторовъ назвалъ Мордовцева «борцомъ», дочь его отвѣтила рѣчью «не какъ дочь, а гражданка», выразивъ надежду, что «русская молодежь, поднимая знамя покойнаго писателя, твердою рукою понесетъ его впередъ, несмотря ни на что, къ побѣдѣ и свѣту». Рѣчь была закончена извѣстнымъ четверостишіемъ, произнесеннымъ незадолго до кончины Мордовцева однимъ изъ ораторовъ у открытой могилы Н. К. Михайловскаго:

«Не нужно ни пѣсенъ, ни слезъ мертвецамъ,—
Воздайте имъ высшій почетъ,
Идите безъ страха по мертвымъ гѣламъ,
Несите ихъ знамя впередъ!»...

Всю дорогу по улицамъ Кисловодска и Пятигорска и у поѣзда гробъ напутствовали распространенымъ въ то время похороннымъ гимномъ...

Надо принять во вниманіе, что освободительное движеніе было въ полномъ разгарѣ, и этимъ отчасти объясняется характеръ похоронъ, побудившій мѣстнаго священника о. Гавріила въ своемъ надгробномъ словѣ отмѣтить умолчаніе ораторами о томъ, что Д. Л. былъ «истинный христіанинъ»...

Въ произведеніяхъ Д. Л. Мордовцева находило себѣ отраженіе все то, что волновало поколѣнія 60 и 70-хъ годовъ, но онъ не былъ «борцомъ» въ общепринятомъ смыслѣ этого слова. Если инныя сочиненія Мордовцева запрещались, то это слѣдуетъ приписать чрезмѣрному усердію или невѣжеству старыхъ цензоровъ. Въ неблагонадежные писатели попадали въ доброе старое время умѣренные либералы и прогрессисты и даже-славянофилы съ ихъ трехчленною формулою: «самодержавіе, православіе и народность».

Д. Л. Мордовцевъ, дослужившійся до генеральскаго чина, былъ далеко не красивый; онъ самъ исполнялъ обязанности цензора въ качествѣ правителя канцеляріи саратовскаго губернатора. И тѣмъ не менѣе, его статьи, посылавшіяся имъ въ два одесскихъ изданія, которымъ и завѣдывалъ, возвращались въ редакцію изъ цензуры перечеркнутыми красными чернилами и съ уничтожающими помѣтками свирѣпаго цензора.

Дебютировалъ Мордовцевъ въ одесской печати статьей «Привѣтъ землѣ», гдѣ сочувственно отозвался, между прочимъ, о провинціальной печати, къ которой отнесся нѣкогда весьма неблагоклонно въ покойной «Недѣлѣ». Статья прошла безъ всякихъ купюръ. Но скоро пришлось отказаться отъ сотрудничества Мордовцева, котораго цензоръ безжалостно кастрировалъ. Относящаяся къ тому времени переписка моя съ Д. Л. представляетъ, съ одной стороны, реляціи о цензорскихъ подвигахъ, а съ другой—проклятія автора цензуръ и цензору.

Въ 1892 году былъ задуманъ литературный сборникъ въ пользу голодавшихъ тогда крестьянъ, изданный на средства издателя «Одесскаго Листка» В. В. Навроцкаго и принесшій свыше 2000 руб. Между прочимъ, я обратился и къ покойному Д. Л. Мордовцеву съ просьбою прислать свой автографъ.

Отвѣтомъ на мою просьбу послужило нижеслѣдующее письмо мистера Плюмпуддинга (псевдонимъ писателя), не пропущенное цензоромъ:

London Stolar-street, 6.

91—XI—11 нов. ст.

Мистеру Мордовцеву, въ Петербургѣ.

«Quos dii perdere volunt, dementant prius,—говоритъ классическая мудрость.

«Это изреченіе съдой древности сбывается, сэръ, надъ вашею страной.

«Вспомните, когда въ древности боги рѣшили наказать фараоновъ за ихъ національную гордость и нетерпимость, они помрачили имъ разумъ:—въ ослѣпленіи безумія фараоны стали преслѣдовать народъ Божій—евреевъ, несмотря на то, что Иосифъ, мужъ изъ среды этого народа, неоднократно спасалъ Египетъ отъ величайшихъ бѣдствій. И тогда за гоненіе избраннаго народа благословенную долину Нила постигли страшныя казни: многолѣтній голодъ, песьи мухи, гибель всѣхъ первенцевъ страны и т. д.

«То же самое постигло теперь и вашу благословенную страну, которую я считалъ когда-то своимъ вторымъ отечествомъ. И вы, сэръ, знаете за что постигли васъ бѣдствія:—за евреевъ, за поляковъ, за хохловъ, за финновъ etc. И бѣдствія эти не престанутъ, если вы не...

Sapienti plus quam sat.
I have honour, sir,—etc.

Джемсъ Плюмпуддингъ, Эсквайръ.

Такое возмутительно-наглое посланіе я получилъ на дняхъ отъ моего—къ стыду!—бывшаго друга, мистера Плюмпуддинга, изъ Лондона.

Не мимо идетъ, я вижу, крылатое слово русскаго народа: «сколько волка ни корми, онъ все въ лѣсъ глядитъ». Сколько ни благодѣтельствовала Россія сына коварнаго Альбіона—онъ все остается тѣмъ же врагомъ своей благодѣтельница.

Въ виду этого, настоящимъ письмомъ своимъ я хочу заявить публично, что навсегда отрекаюсь отъ дружбы неблагодарнаго Джонъ-буля съ кухонной фамиліей.

«Прошу принять увѣреніе и пр.

Д. Мордовцевъ.

Спб. Столярный пер., 6.
91—XI—11 ст. ст.

Въ препроводительномъ письмѣ Мордовцевъ писалъ мнѣ: «Другого писать не могу—совѣсть претить... Въмѣсто того, чтобы заботиться объ экономическомъ и иномъ благосостояніи своего народа, мы только и знали въ послѣднее время, что изыскивали способы травить жида, поляка, хохла и пр.,—я говорю серьезно,—и Россію постигло бѣдствіе»...

Всѣ эти невинныя замѣчанія были признаны колеблющими основы государственнаго строя. Сколько я ни убѣждалъ цензора, что основы, послѣ появленія автографа Мордовцева, останутся неизблемыми, онъ былъ неумолимъ.

Мордовцевъ справедливо вознегодовалъ, но пришлось покориться.

Велико было негодованіе покойнаго писателя, когда цензоръ задержалъ нѣсколько его беллетристическихъ вещей—одну за другою. Въ началѣ декабря 1895 года я получилъ отъ Мордовцева рассказъ «Первое чудо», основанный на извѣстной легендѣ. Невѣжественный цензоръ усмотрѣлъ въ рассказѣ какое-то кощунство. И Мордовцевъ разразился слѣдующею заочною филиппикою по его адресу:

«Чортъ бы побралъ халуйскую цензуру! И что она нашла ужаснаго въ моемъ рассказѣ! Объ этой смоковницѣ, т. е. масленичномъ деревѣ въ Матаріэ, гдѣ въ тѣни укрывалась Богородица съ Младенцемъ, и объ источникѣ есть рассказъ у Норова въ его «Путешествіи въ Египетъ». А халуи цензора ничего этого не знаютъ, потому что ничего не читаютъ».

Уступая моей просьбѣ, Мордовцевъ прислалъ мнѣ рассказъ, пропущенный было петербургскою цензурою, но одесскій цензоръ не считалъ для себя обязательной санкцію своего петербургскаго коллеги.

И рождественскій номеръ одесской газеты вышелъ безъ мордовцевскаго рассказа, къ огорченію редакціи и автора. Негодуя по этому поводу, Д. Л. писалъ мнѣ 4 января 1896 года:

«О, мой дорогой collega! Я не знаю, какъ и быть съ этою подлою цензурою. Постараюсь дать вамъ что-либо ужъ абсолютно цензурное. Но только не къ крещенскому №, ибо Крещенье послѣ завтра... Во всякомъ случаѣ, вамъ придется обождать. Что дѣлать! Все пока не судьба мнѣ... Вы страшно много даете своимъ подписчикамъ! Ваша газета («Одесскія Новости») — это «Times» Россіи. Ну, и щедры же вы! № 1 — это «Левіаѳанъ на удѣ» издателя «Одесскихъ Новостей».

Для этого «Левіаѳана» приходилось готовить матеріалъ, которымъ можно было бы наполнить два номера всамдѣлшнаго «Times'a»...

Въ концѣ января я получилъ обѣщанный Мордовцевымъ «абсолютно цензурный» очеркъ.

«Наконецъ посылаю вамъ — на жертву одесскимъ палачамъ — снова третью попытку мою появиться на столбцахъ «Одесскихъ Новостей». Надѣюсь и увѣренъ, что одесскимъ цензорамъ не къ чему будетъ придаться: вездѣ возвышенный историческій подъемъ русскаго духа... «Не судилъ Богъ», именно, для Одессы... Это — мечтаніе Екатерины II о столицѣ русскаго юга, чтобы, отдавъ дань Сѣверу и Петру, подобраться поближе къ Константинополю и «проливамъ»... Если же и это задержитъ цензура, то я плону на все».

Такъ и не «выгорѣло» дѣло съ рассказомъ Мордовцева и для одесской газеты.

Такая судьба постигла бы, вѣроятно, и романъ изъ исторической жизни Одессы, о которомъ велась у меня переписка съ Мордовцевымъ.

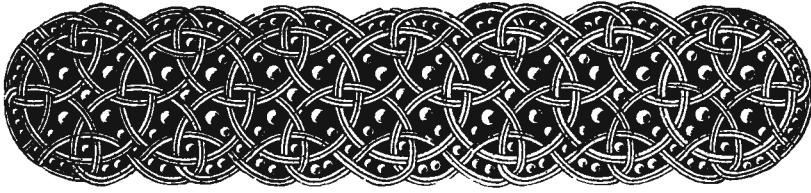
Д. Л. въ принципѣ одобрилъ мысль, но заявилъ, что не занимался специально исторіею Одессы. «Перерыть же горы книгъ въ публичной библиотекѣ, при сумбурности ея каталоговъ — это, по его словамъ, «работа Стэнли въ лѣсахъ Африки». — Но если вы обѣщаете мнѣ помогать со стороны матеріаловъ, — писалъ мнѣ въ заключеніе Д. Л., — то я съ удовольствіемъ сяду за работу. Настоящую Одессу я знаю, бывалъ въ ней не разъ, но возрождающейся Одессы — не знаю. А было бы грандіознѣе дать романъ, гдѣ бы нитка завязки прошла черезъ все столѣтіе. Это очень заманчиво»...

Но Мордовцевъ не рѣшался приняться за эту заманчивую тему, будучи заваленъ заказами для другихъ изданій. Онъ предложилъ мнѣ обратиться къ графу Салиасу: «онъ вамъ дастъ что-нибудь болѣе эффектное, чѣмъ могу дать я».

Недоразумѣнія съ цензурой заставили меня бросить мысль о романѣ изъ прошлаго Одессы. А между тѣмъ, изъ подъ пера Мордовцева вышла бы яркая картина завоеванія турецкаго Хаджибея, зарожденіе въ немъ жизни, наплыва туда искателей приключеній изъ Украйны, съ Балканскаго полуострова и Западной Европы и тѣхъ трагедій съ похищеніемъ женщинъ, которыя разыгрывались въ одесскихъ подземельяхъ и каменоломняхъ. Мордовцевъ былъ «сихъ дѣлъ мастеромъ». Въ его историческихъ романахъ описывалось, преимущественно, какъ благоденствовалъ и страдалъ народъ, какъ онъ бунтовалъ и разбойничалъ, воровалъ и бѣгалъ...

А. Кауфманъ.

СРЕДИ ВОТЯКОВЪ.

РОЖИВШИ въ Вятской губерніи около 20 лѣтъ, мнѣ приходилось и самому наблюдать вотяковъ и много слышать о нихъ отъ старожиловъ, мѣстныхъ жителей.

Заранѣе считаю долгомъ сказать, что не беру на себя дать болѣе или менѣе полное историко-этнографическое изслѣдованіе этого племени, а только рядъ представляющихъ нѣкоторый интересъ воспоминаній и очерковъ, характеризующихъ эту народность. Вотяки принадлежатъ къ финскому племени пермской группы, населяютъ юго-восточную часть Вятской губерніи, въ уѣздахъ Глазовскомъ, Елабужскомъ, Сарапульскомъ и части Слободского и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Казанской и Пермской губерніи.

Общее число вотяковъ въ Россіи доходить до 400 тысячъ душъ. Но упомянутая область не есть ихъ первоначальная родина, что доказано профессоромъ казанскаго университета И. П. Смирновымъ (его изслѣдованія въ «Извѣстіяхъ общества археологій, исторіи и этнографіи», изданныхъ при казанскомъ университетѣ, т. VIII, 2-ой выпускъ, Казань, 1890 г.). По этому изслѣдованію, они занимали прежде западную часть Вятской губерніи и сосѣднія территоріи Вологодской и Костромской губерній, но, тѣснимые съ одной стороны русскими, а съ другой черемисами, постепенно передвинулись на востокъ и югъ, гдѣ встрѣтили ранѣе тамъ поселившееся чудское племя, которое они частью поглотили, частью отѣснили къ западнымъ границамъ Пермской губерніи. Такое движеніе съ сѣвера и запада на юго-востокъ, въ предѣлахъ нынѣшней Вятской губерніи—фактъ достаточно утановленный,

но, въ то же время, есть основаніе предполагать, что западная часть Вятской губерніи и прилегающій уголь Костромской и Вологодской губерній также не могутъ быть признаны ихъ первоначальной родиной, мѣстонаходженіе которой, по мнѣнію профессора Смирнова, должно пока считаться вопросомъ открытымъ.

Существуетъ мнѣніе, высказанное еще въ XVIII столѣтіи извѣстнымъ историкомъ и археологомъ Татищевымъ и раздѣляемое историками Соловьевымъ и Костомаровымъ, а также этнографами (Д. Островскій; его статья въ «Трудахъ общества естествоиспытателей», при казанскомъ университетѣ, т. IV, № 1), что первоначальную родину вотяковъ надо искать въ предѣлахъ нынѣшней Петербургской губерніи. Въ новгородскихъ лѣтописяхъ есть указанія, что вотяки въ XI вѣкѣ жили въ мѣстности Ижоры и Ямо, что поэтому вся мѣстность на сѣверо-востокѣ отъ Новгорода называлась Водской землей, а впослѣдствіи Водской пятиной.

Водь, воты, вожане—народъ финскаго племени; остатки его существуютъ и теперь въ уѣздахъ Петергофскомъ и Ямбургскомъ, Петербургской губерніи.

Существуетъ весьма распространенное среди ученыхъ мнѣніе, что родина вотяковъ—Алтай. Это предположеніе, принимаемое большинствомъ западныхъ изслѣдователей вотскаго племени и многими русскими (напримѣръ Бехтеревымъ), до сего времени остается правдоподобной, но слабо мотивированной и мало облѣдованной догадкой. Вообще, по замѣчанію Н. И. Костомарова, въ русской исторіи нѣтъ ничего темнѣе судьбы вотяковъ. Достоверно только извѣстно, что они, вмѣстѣ съ Вяткой, въ концѣ XV вѣка были присоединены къ Московскому государству и съ этого времени и начинается документальная исторія Вятской области ¹⁾.

Селятся вотяки обыкновенно деревнями, также, какъ и русскіе крестьяне, съ тою разницею, что избы ихъ, по внѣшнему виду болѣе грязны и запущены. Большою частью огороды выходятъ къ какой-нибудь рѣчкѣ, а на огородахъ, ближе къ водѣ, строятся курныя бани (т. е. безъ печныхъ трубъ; такимъ образомъ, при топкѣ дымъ наполняетъ всю баню, отъ чего обыкновенно стѣны ея бываютъ покрыты сажей). Около самой деревни ставятся обыкновенно въ одномъ мѣстѣ кабаны хлѣба и овса.

Живутъ вотяки необыкновенно грязно; зимой у нихъ въ избѣ помѣщаются телята, молодые овцы. Сами они очень нечистоплотны, чѣмъ и объясняется среди нихъ сильное распространеніе глазныхъ болѣзней, особенно трахомы. Скотъ держится въ хлѣвахъ, изъ которыхъ навозъ не убирается всю зиму, вслѣдствіе чего его накапливается такъ много, что къ концу зимы коровы съ трудомъ выходятъ изъ две-

¹⁾ Приведенныя здѣсь историческія и этнографическія свѣдѣнія взяты у В. Е. Рудакова и П. Матѣева.

рей. Вслѣдствіе дурного содержанія рогатый скоть очень мелкій, а отъ холодныхъ хлѣвовъ зимой обрастаетъ длинной шерстью; свиньи, которыхъ вотяки разводятъ въ большомъ количествѣ, какой-то особой породы, тощія, на длинныхъ ногахъ, съ большой щетиной. Славившихся когда-то вятскихъ лошадей съ трудомъ можно теперь найти и стоятъ онѣ недешево; большинство лошадей очень мелки вслѣдствіе того, что пускаютъ ихъ въ работу очень рано, часто моложе двухъ лѣтъ. По укorenившемуся съ давнихъ временъ обыкновенію, лошадей вотяки не куютъ, и благодаря этому, ихъ лошади имѣютъ прекрасныя, очень твердыя копыта съ острыми

Вотяки изъ деревни Чужегово близъ Воткинскаго завода.

краями; пріятно смотрѣть, какъ ловко во время гололедицы эти маленькія лошадечки цѣпляются краемъ копыта за малѣйшую неровность дороги.

Кромѣ рогатаго скота, вотяки много разводятъ всякой птицы: утокъ, гусей, индѣекъ, и не для продажи, а, главнымъ образомъ, для собственнаго употребленія; поэтому рѣдко на базарѣ въ Ижевскомъ заводѣ можно встрѣтить вотячку, продающую птицу.

Многіе изъ вотяковъ занимаются охотой и хорошіе стрѣлки. Шкурки зайцевъ, бѣлокъ, горностаевъ, рысей, лисицъ они продаютъ, а мясо зайцевъ и бѣлокъ употребляютъ въ пищу. Вообще питаются вотяки гораздо лучше, чѣмъ, напримѣръ, русское населеніе Ижевскаго завода, которое, несмотря на хорошіе заработки, сравнительно

рѣдко ѣсть мясо, по преимуществу пробавляясь чаемъ съ хлѣбомъ. До сего времени вотякъ представляетъ малую покупную силу, не вслѣдствіе неимѣнія средствъ, а потому что, при крайней нетребовательности, почти всё необходимое изготовляетъ у себя дома.

Одежду мужчины и женщины носятъ, большею частью, изъ тканей домашняго изготовленія; упряжь, сплошь и рядомъ, вся мочальная, начиная со шлеи и кончая вожжами; не рѣдкость видѣть на базарѣ вотскую запряжку, въ которой не найдешь ни одной металлической вещи, ни одного гвоздя желѣзнаго; ходъ сколоченъ деревянными гвоздями, на деревянныхъ осяхъ, коробокъ плетеный изъ черемуховыхъ или ивовыхъ прутьевъ; шлея, черезсѣдельникъ, вожжи, уздечка, гужи—всѣ очень искусно сплетено изъ мочала.

Несмотря на грязь, въ которой живутъ вотяки, они на столько зажиточны, что ни одной вотячки нельзя увидѣть въ услуженіи или въ работницахъ, напримѣръ, въ Ижевскомъ заводѣ; рѣдко можно встрѣтить и мужчину, служащаго по найму, а если и увидишь, то это, большею частью, вотякъ изъ запасныхъ солдатъ.

Точно также въ Ижевскомъ заводѣ мнѣ не приходилось видѣть вотяковъ нищихъ, тогда какъ очень много русскихъ, которыхъ привлекаетъ такой большой пунктъ, какъ Ижевскій заводъ.

Вотякъ по натурѣ своей землепашецъ и хотя ходитъ зимой въ заводъ попилить дровъ, иногда поработать въ самомъ заводѣ, но никогда связи съ землей не теряетъ и какъ только запахнетъ весной, несмотря на хорошій заработокъ, бросаетъ работу въ заводѣ и и уходитъ въ родную деревню. На работѣ же въ заводѣ вотяки отличаются прилежаніемъ и хорошимъ поведеніемъ,—но къ сожалѣнію на заводскія работы поступаютъ въ ничтожномъ количествѣ.

Вотякъ гораздо запасливѣе, хозяйственнѣе русскаго крестьянина; онъ, при его минимальныхъ потребностяхъ, рѣдко продаетъ остатокъ своего хлѣба и никогда не продастъ всего. Благодаря этому, вотяки при неурожаѣ всегда съ хлѣбомъ; далеко не рѣдкость среди кабановъ хлѣба видѣть стоящіе годъ, два и болѣе, а иногда, у особенно бережливаго хозяина, случалось видѣть кабаны, на которыхъ успѣли вырасти маленькія березки; положимъ отъ такого запаса хлѣба толку мало, тамъ уже все сгнило и все зерно мыши выѣли, но это характеризуетъ бережливость и запасливость вотяка.

По характеру вотяки очень похожи на чухонцевъ: также молчаливы и злопамятны, скрытны и недоувѣрчивы. Мой знакомый, пользовавшійся довѣріемъ вотяковъ, какъ-то спросилъ одного изъ нихъ, гдѣ онъ хранитъ деньги и почему онъ не отдаетъ ихъ на храненіе въ банкъ или сберегательную кассу. На это вотякъ возразилъ ему, что въ кассѣ «кто знаетъ, еще могутъ пропасть деньги, а фоть ¹⁾ я

¹⁾ Въ разговорѣ вотяки вмѣсто «в» говорятъ «ф», вмѣсто «ц»

тебѣ покажу, гдѣ я прячу деньги; никто и не догадается», и онъ повелъ моего знакомаго во дворъ и указаль ему на толстый осиноый чурбанъ, валявшійся среди двора: «фоть гдѣ мои деньги!»

Оказывается, въ чурбанѣ выдолблена пустота, въ которой и спрятаны деньги и затѣмъ вставлена очень искусно задѣлка. Часто вотяки прячуть деньги въ нѣсколькихъ мѣстахъ, чтобы не всѣ деньги пропали, если кто-нибудь случайно откроетъ одно изъ хранилищъ. Прячуть въ хлѣвахъ, на гумнахъ, выдалбливая одно изъ бревенъ. Конечно, очень много сбереженій при такомъ способѣ храненія пропадетъ или при пожарѣ, или послѣ смерти хозяина, если онъ не успѣлъ указать мѣста храненія своимъ домашнимъ.

Нравы вотяковъ очень патриархальны; мнѣ какъ-то пришлось въ субботу лѣтомъ проѣзжать въ вотской деревнѣ мимо ихъ огородовъ и видѣть, какъ въ костюмѣ Адама и Евы шествовали вотякъ со своей женой огородомъ изъ бани къ себѣ въ избу; вмѣсто фиговаго листа вотякъ имѣлъ вѣникъ, но и тотъ держаль подъ мышкой.

О нравственности у вотяковъ своеобразныя понятія: такъ, напри- мѣръ, дѣвушкѣ, имѣвшей внѣ брака ребенка, это нисколько не мѣшаетъ выйти замужъ; напротивъ, ее еще предпочтуть, такъ какъ она доказала способность къ продолженію рода.

Отецъ семейства старается женить сына какъ можно раньше, лѣтъ 13—14, съ цѣлью пріобрѣсти поскорѣе въ домъ даровую работницу.

Благодаря тому, что сплошь и рядомъ мужъ еще совершенный ребенокъ, среди вотяковъ очень развито снохачество, т. е. отецъ живетъ съ женой сына, пока послѣдній не подрастетъ.

Одинъ мой сослуживецъ, по дѣламъ службы часто ѣздившій по деревнямъ и имѣвшій среди вотяковъ знакомыхъ, какъ-то разъ заѣхаль въ одной изъ деревень къ зажиточному, уже пожилому вотяку отдохнуть. Пока снаряжали чай, мой знакомый бесѣдовалъ съ хозяиномъ и, увидя входящую съ самоваромъ молодуху въ сопровожденіи ребенка, спросилъ его:

— Чья это молодуха и чей ребенокъ, Василій Ивановичъ?— каждый вотякъ обязательно называетъ себя Василюмъ Ивановичемъ, точно также, какъ каждаго священника «попъ Ванька»).

Хозяинъ немного смѣшался, почесаль въ затылкѣ и промолвилъ нерѣшительно:

— Та фоть сына жениль!

— Такъ, вѣдь, онъ еще совсѣмъ мальчишка,—возразилъ ему мой знакомый, знавшій, что сыну хозяина не болѣе 13-14 лѣтъ,—неужто это его ребенокъ?

— Та нѣтъ, это мой,—проговорилъ хозяинъ.

Пьянство вотяковъ далеко не доходитъ до тѣхъ размѣровъ, какъ среди рабочаго населенія Ижевскаго завода, гдѣ пропивается часто всѣ, буквально до послѣдней рубахи. Хотя пьянство среди нихъ и сильно распространено, но мнѣ не случалось видѣть вотяковъ

пропойцъ. Казенной водки они не признають, такъ какъ отъ нея голова мало болитъ, хмѣль скоро проходитъ. Сыздавна они привыкли къ водкѣ своего изготовленія, къ такъ называемой кумышкѣ. Приготовление ея всегда преслѣдовалось, но особенно строго это началось съ введеніемъ монополіи. Среди акцизныхъ чиновниковъ Вятской губерніи существуетъ особая категорія; на обязанности ея лежитъ преслѣдованіе вукырки кумышки вотяками и конфискованіе ихъ примитивныхъ перегонныхъ кубовъ. Среди населенія за этой категоріей чиновниковъ установилось названіе «кумышниковъ». Несмотря на строгости, тайное приготовленіе кумышки продолжается въ лѣсахъ, въ самыхъ укромныхъ мѣстахъ. Слишкомъ ужъ вотякъ привыкъ къ своей кумышкѣ, чтобы отказаться отъ ея изготовленія.

Кумышка, вслѣдствіе несовершенной очистки, содержитъ болѣе сивушнаго масла, чѣмъ казенная водка, и потому скорѣе возбуждаетъ головную боль и у выпившаго кумышки долѣе держится хмѣльное состояніе; это-то и нравится вотякамъ; «день пьешь, а три дня пьянь»,—говорять они. Дѣйствительно, пробовавшіе кумышку говорятъ, что прошедшее отъ нея опьяненіе возобновляется, стоитъ выпить горячаго чаю.

При открытіи мѣста изготовленія кумышки происходятъ часто столкновенія съ цѣлымъ селеніемъ вотяковъ, которые вооружаются разнымъ дрекольемъ и вступаютъ въ рукопашную.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ одинъ чиновникъ ацкизнаго вѣдомства при такой схваткѣ былъ убитъ озвѣрѣвшими вотяками.

Оффициально всѣ вотяки считаются православными, но это только на показъ; въ дѣйствительности же громадное большинство ихъ язычники и очень халатно относятся къ исполненію религиозныхъ обрядовъ. Для иллюстраціи приведу слѣдующую сценку.

Какъ-то разъ къ дому сельскаго священника подѣзжаетъ коробокъ, изъ котораго вылѣзаетъ вотякъ, вваливается въ кухню и спрашиваетъ работницу священника: «попъ Ванька дома?»—«Дома, а тебѣ чего?»—«Та пофитать нато!» Вводятъ его къ священнику, который встрѣчаетъ его словами: «а, Василій Иванычъ, что надобно?» «Та фотъ парнишку (мальчика) окрестить бы!»—«Давай, давай, хоть сейчасъ окрестимъ»,—говоритъ священникъ, думая, что ребенокъ съ матерью остался въ коробкѣ. Вотякъ что-то жметса, переминается съ ноги на ногу. «Да гдѣ же ребенокъ?»—спрашиваетъ батюшка, думая, что, можетъ-быть, вотякъ пріѣхалъ за нимъ, чтобы вести его къ себѣ въ деревню. «Та фонъ, ситить въ коропкѣ, трупку курить», выпаливаетъ наконецъ вотякъ. «Какъ трубку курить», воскликнулъ священникъ и, выглянувъ въ окно, дѣйствительно увидалъ въ коробкѣ мальчугана лѣтъ восьми, съ трубкой въ зубахъ (вотяки очень рано начинаютъ курить). Священникъ началъ выговаривать вотяку, зачѣмъ онъ такъ долго не крестилъ сына, а тотъ, нѣсколько смущенный, отвѣтилъ: «та все какъ-то недосугъ было; то пашня, то сѣнокосъ, фотъ и _откладываль!» Это нѣсколько-то лѣтъ!

Вотяки изъ деревни Вожой, Сарапульскаго уѣзда.

Сравнительно недавно прогремѣло на всю Россію такъ называемое Мултанское дѣло объ убійствѣ одного нищаго, причемъ было предъявлено вотякамъ села Мултанъ обвиненіе въ ритуальномъ убійствѣ этого нищаго. Сарапупльскій окружный судъ нашелъ вотяковъ виновными, но тутъ поднялъ въ печати шумъ г. Короленко, возмущаясь возможностью въ нашъ просвѣщенный вѣкъ ритуальнаго убійства человѣка. Дѣло было передано въ другой судъ и обвиняемые были оправданы.

По поводу вопроса о ритуальномъ убійствѣ мнѣ припоминается слѣдующій рассказъ моего сослуживца:

«Какъ-то разъ, глухой осенью, въ ненастную ночь, я, разбитый долгой ѣздой по сквернѣйшей дорогѣ, рѣшился остановиться отдохнуть въ ближайшей вотской деревнѣ, гдѣ у меня былъ давнишній знакомый, зажиточный вотякъ.

«Хозяинъ очень радушно меня встрѣтилъ, распорядился поставить самоваръ, зная, что я его, въ свою очередь, угощу водкой.

«Сидя за чаемъ мы съ хозяиномъ выпили водки, закусили имѣющимися у меня запасами и бесѣдовали о томъ, о семъ.

«Такъ какъ мултанское дѣло было еще на свѣжей памяти, то я его и спросилъ, между прочимъ: «а скажи-ка мнѣ Василій Ивановичъ, правда-ли говорятъ, что, вы, вотяки, замаливаете ¹⁾ людей?» Сначала мой Василій Ивановичъ отпѣкивался и говорилъ, что врутъ люди на нихъ, но потомъ, когда я ему поднесъ стаканчикъ водки, онъ мнѣ, наконецъ, сказалъ: «та это бываетъ, та больно рѣдко; вотъ если падежь на скотъ, неурожай или другое что, а такъ только овцу, жеребенка молимъ». — «Ну, а какихъ же вы выбираете, чтобы замолить», — спросилъ я его; мой хозяинъ пристально на меня посмотрѣлъ и промолвилъ: — «та фотъты больнокорошъ!» — «Представьте мое положеніе, — сказалъ мнѣ мой знакомый: — темной, осенней ночью въ глухой вотской деревнѣ, среди полудикихъ вотяковъ; у меня морозъ пошелъ по кожѣ и чуть волосы не стали дыбомъ. Должно быть мой хозяинъ замѣтилъ впечатлѣніе, произведенное на меня его словами, такъ какъ старался успокоить меня, говоря, что нынче не нужно никого замаливать, такъ какъ никакого бѣдствія среди вотскаго населенія нѣтъ».

Кромѣ рассказа моего знакомаго, мнѣ приходилось неоднократно слышать отъ коренныхъ жителей русскихъ, что, случается, вотяки замаливаютъ людей, и это распространенное убѣжденіе русскаго населенія края. Проѣзжая вотскія деревни, почти у каждой можно видѣть священныя рощи, въ которыхъ вотяки совершаютъ свои моленія и приносятъ жертвы своему богу Керемети.

¹⁾ По мѣстному выраженію, «замаливать», значить, приносить въ жертву людей, чтобы умилостивить вотскаго бога Керемети.

Отношеніе къ вотякамъ русскаго населенія очень мирное, съ примѣсью пренебреженія и насмѣшливости надъ ихъ, якобы, глупостью. Нерѣдко можно слышать обращеніе къ вотяку: «эй, ты, вотская морда!» Общеизвѣстны выраженія: «слѣпородые» (насмѣшка надъ тѣмъ, что будто вотяки рождаются слѣпыми, какъ собаки, кошки) вѣроятно, начало это выраженіе получило отъ того, что, вслѣдствіе нечистоплотности вотяковъ, какъ сказано выше, среди нихъ очень распространены глазныя болѣзни и встрѣчается много слѣпыхъ вотяковъ. Про вотяковъ говорятъ, желая охарактеризовать ихъ трусость: «вятски ребята хватски, семеро одного не боятся». Можетъ быть, эта насмѣшка и имѣетъ основаніе въ ихъ исторіи, но въ настоящее время особой трусливости у вотяковъ не замѣтно.

При всемъ своемъ трудолюбіи вотяки очень невѣжественны и неразвиты; иллюстраціей этого могутъ служить нѣсколько случаевъ, переданныхъ мнѣ врачомъ одной изъ заводскихъ больницъ изъ его практики.

Въ базарные дни, по воскресеньямъ, съѣзжается изъ окрестныхъ деревень масса крестьянъ, русскихъ и вотяковъ. Многіе изъ нихъ, пользуясь случаемъ, обращаются за медицинскою амбулаторною помощію въ заводскую и земскую больницы. Разъ одному вотяку была прописана мазь для глазъ и какая-то микстура для внутренняго употребленія. Зная уже вотяковъ, врачъ подробно ему объяснилъ способъ употребленія и сказалъ, чтобы въ слѣдующее воскресенье онъ зашелъ снова въ больницу. Что же оказалось? Вотякъ перепуталъ лекарства и мазь съѣлъ, а микстурой промывалъ глаза!

Другой вотякъ, какъ-то зимой, жаловался на боль въ лопаткѣ. Врачъ прописалъ ему мушку и сказалъ: «наклей этотъ пластырь вотъ сюда» и указалъ ему сзади на лопатку. На слѣдующій разъ вотякъ опять заходитъ и говоритъ, что пластырь не помогъ; врачъ удивился, что мушка не оказала никакого дѣйствія и изъ разспросовъ, наконецъ, выяснилось, что вотякъ наклеилъ мушку на полупшубокъ! Какъ это ни невѣроятно, но врачъ передавалъ это за фактъ и, зная неразвитость вотяковъ, этому можно вѣрить.

В. Г.

ПРОЪЗДЪ ЧЕРЕЗЪ ГОРОДЪ БѢЛУ ИМПЕРАТРИЦЫ АЛЕКСАНДРЫ ФЕДОРОВНЫ, СУПРУГИ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ I, ВЪ 1856 ГОДУ.

РУДНО себѣ представить, до какой степени народныя массы запечатлѣваютъ въ своей памяти событія, имѣвшія мѣсто болѣе полувѣка тому назадъ; рассказы о выдающихся происшествіяхъ, переходя отъ отца къ сыну и внуку, такъ живо передаются во всѣхъ деталяхъ стариками молодому поколѣнію, а послѣднимъ слушаются съ такимъ увлеченіемъ и интересомъ, что невольно задаешься вопросомъ—всѣ ли выдающіяся событія не подчинены общему закону забвенія. Насколько мнѣ приходилось бесѣдовать со стариками, я замѣчалъ постоянно то же явленіе—воспоминанія ихъ о прошломъ сосредоточиваются, главнымъ образомъ, на событіяхъ, съ которыми связаны имена высочайшихъ особъ.

Въ городѣ Бѣлѣ, Сѣдлецкой губерніи, гдѣ проживаю въ настоящее время, я неоднократно слышалъ отъ старожиловъ про проѣздъ черезъ этотъ городъ императрицы Александры Федоровны, супруги императора Николая I ¹⁾ (городъ Бѣла входилъ въ то время въ составъ Люблинской губерніи) ²⁾. Шоссе, соединяющее

¹⁾ Александра Федоровна, дочь короля прусскаго Фридриха Вильгельма III, Фредерика-Шарлотта-Вильгельмина, родилась 1 іюля 1798 г., вступила въ бракъ съ великимъ княземъ Николаемъ Павловичемъ 17 іюля 1817 г., а скончалась въ Царскомъ Селѣ 19 октября 1860 г.

²⁾ Сѣдлецкая губернія образована лишь въ 1867 г.

Магистратъ, почтовый домъ и уѣздное управление въ Бѣль.

Москву черезъ Брестъ съ Варшавой пересѣкаетъ этотъ городъ, а потому до сооруженія Московско-Брестской и Варшаво-Тереспольской (нынѣ Привислинскія) желѣзныхъ дорогъ сообщеніемъ первопрестольной столицы съ границею служило преимущественно это шоссе и по этому направленію обыкновенно совершались высочайшіе проѣзды и только въ рѣдкихъ случаяхъ приходилось миновать Бѣлу, но такъ какъ въ этомъ городѣ, по установившемуся уже порядку, были только кратковременныя остановки для перепряжки лошадей, къ тому же нерѣдко въ ночное время, именитые путешественники останавливались здѣсь не больше, какъ на десять-пятнадцать минутъ, не выходя даже изъ своихъ экипажей. Описываемый проѣздъ, благодаря особымъ условіямъ, составлялъ исключеніе—императрица не только ночевала въ этомъ городѣ, но и провела въ немъ больше времени, чѣмъ было назначено по маршруту.

Вотъ какъ передаютъ старожилы это событіе, нашедшее себѣ подтвержденіе въ документальныхъ данныхъ ¹⁾: въ первыхъ числахъ сентября мѣсяца 1856 года въ Бѣлѣ были получены свѣдѣнія о проѣздѣ вдовствующей императрицы за границу, причемъ, по принятому порядку, изъ губерніи послѣдовали обычныя предписанія ²⁾ о соотвѣтственныхъ распоряженіяхъ, а именно сообщалось, что ея величество выѣзжаетъ изъ Москвы 11—23 сентября черезъ Брестъ въ Варшаву, будетъ ночевать въ городѣ Бѣлѣ, а объѣхать въ пути между Бѣлой и Варшавой, что первая часть свиты ея выѣзжаетъ изъ Москвы наканунѣ, для чего необходимо заготовить для надобностей послѣдней пятнадцать лошадей, а для слѣдованія императрицы со свитою семьдесятъ одна лошадь, соотвѣтственное количество бричекъ, что кромѣ почтовыхъ лошадей, должны быть и помѣщичьи, равнымъ образомъ были указаны станціи (Тересполь, Залѣсье, Бѣла, Сыцынь, Межирѣчье и др.) и точно обозначено время проѣзда черезъ нихъ. Между тѣмъ городу Бѣлѣ суждено было принять у себя высокую гостью не только на ночлегъ, какъ предполагалось, а на цѣлыя сутки. Причиною этому было то, что императрица почувствовала себя не вполне здоровою во время послѣднихъ перегоновъ Брестъ-Бѣла и по совѣту сопровождавшаго лейб-медика не рѣшилась выѣхать рано утромъ, а осталась въ городѣ болѣе продолжительное время.

Возвращаясь къ описанію посѣщенія ея величествомъ нашего города, а также обстоятельствомъ, его предшествовавшимъ: за два

¹⁾ Дѣло о проѣздѣ ея императорскаго величества государыни императрицы Александры Федоровны, хранящееся въ архивѣ люблинскаго губернскаго правленія.

²⁾ а) Предписанія начальнику уѣзда, основанныя на предложеніи управляющаго гражданскою частью намѣстника на имя люблинскаго гражданскаго губернатора отъ 31 авг. 12 сен. 1856 г. № 7911; б) отношеніе начальника почтового округа Царства Польскаго на имя того же губернатора отъ 6/18 сен. 1856 г. № 18375.

Каплица и башня, составляющая уголъ замка.

дня до высочайшаго проѣзда въ Бѣлу прибылъ адъютантъ главнокомандующаго, ротмистръ князь Долгоруковъ, и люблинскій губернаторъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Мацкевичъ, которые непосредственно принимали участіе въ устройствѣ помѣщенія для ночлега императрицы и ея свиты; для ея величества и самыхъ близкихъ ей лицъ свиты была предоставлена квартира начальника уѣзда Маріевскаго, обладавшаго хорошими средствами и имѣвшаго очень приличную обстановку; онъ проживалъ въ домѣ князя Голеное ¹⁾, расположенномъ въ центрѣ города на большой базарной площади; въ домѣ этомъ надъ воротами во второмъ этажѣ имѣется балконъ, сохранившійся и до настоящаго времени; для того, чтобы императрица не пользовалась входомъ въ квартиру подъ воротами, къ упомянутому балкону была возведена прямо съ площади временная деревянная лѣстница, обитая краснымъ сукномъ, по которому шла бархатная дорожка, а на ступеняхъ поставлены были тропическія растенія и цвѣты; весь фасадъ дома, а также балконъ и дверь были задрапированы сукномъ того же цвѣта, переплетеннымъ шнурами и басонными украшеніями, а надъ балкономъ красовался императорскій гербъ на горностаевой мантии.

Дома, площадь, а также весь путь слѣдованія императрицы по городу были убраны флагами, роскошная иллюминація должна была завершить торжественную встрѣчу дорогой гостыи. Около восьми часовъ вечера 15—27 сентября при чудной погодѣ въ городъ въѣхало девять тяжелыхъ дорожныхъ каретъ (дормезь), запряженныхъ нѣкоторыя почтовыми, а другія помѣщичьими лошадьми, по шести цугомъ (а ла домонъ) въ каждой; кромѣ каретъ, было еще нѣсколько бричекъ для прислуги и фургонъ для гардероба. Въ первой каретѣ ѣхали члены гофмаршальской части, затѣмъ слѣдовала императрица съ фрейлиной, а въ остальныхъ помѣщалась свита; въ общемъ высочайшій поѣздъ состоялъ изъ сорока лицъ.

Въ помѣщеніи, занимаемомъ ея величествомъ, былъ сервированъ чай, откушавъ который съ сопровождавшею ея фрейлиной, императрица тотчасъ же удалилась во внутренніе покои, чувствуя себя очень утомленною, тѣмъ болѣе, что выѣздъ на другой день былъ назначенъ въ девять часовъ. Ночью императрица значительно ослабѣла и сопровождавшій ея лейбъ-медикъ призналъ состояніе ея здоровья внушающимъ опасеніе и тогда же было рѣшено, что выѣздъ по маршруту не мыслимъ. Это неожиданное обстоятельство причинило не мало хлопотъ властямъ, такъ какъ къ обѣду не готовились да къ тому же и царская кухня наканунѣ уже выѣхала изъ Бѣлы на мѣсто, назначенное по пути для обѣда 16 сентября императрицы и свиты.

¹⁾ Теперь этотъ домъ принадлежитъ купцу Пяжицу, фасадъ его тотъ же, что и въ 1866 г., въ немъ помѣщается уѣздное управленіе и квартира начальника уѣзда.

Семиэтажная башня (въездъ въ замокъ).

На другой день ея величество, проснувшись рано утромъ, чувствовала себя нѣсколько крѣпче и даже предполагала продолжать дальнѣйшій путь, и благодаря лишь настояніямъ врача отъѣздъ былъ отложенъ до послѣ обѣда. Около двѣнадцати часовъ дня Александра Федоровна, собравшись съ силами, появилась на балконѣ и показала народу, который съ ранняго утра занялъ всю площадь; не только жители Бѣлы, но и крестьяне окрестныхъ деревень, провѣдавъ вѣсть о ночлегѣ императрицы, поспѣшили добратся до города, чтобы лицезрѣть супругу покойнаго любимаго монарха; энергичныя мѣры, принятыя полиціей очистить площадь отъ народа, не привели ни къ какимъ результатамъ и царскому поѣзду, отбывшему изъ города около четырехъ часовъ дня, пришлось, слѣдовать шагомъ изъ опасенія кого-нибудь задавить; за поѣздомъ бѣжало много народа до границы города, а тѣ, которые располагали лошадьми, провожали императрицу на разстояніи нѣсколькихъ верстъ.

На балконѣ императрица милостиво кланялась народу, въ отвѣтъ на что площадь оглашалась несмолкаемымъ дружнымъ ура. Въ виду недомоганія ея величества она никого не принимала, и депутаціи отъ города и крестьянъ передали хлѣбъ-соль лицамъ свиты.

Въ квартирѣ Маріевскаго ночевали при императрицѣ только одна фрейлина, камеръ-фрау и докторъ, всѣ же остальные прибывшіе съ нею лица были помѣщены въ приготовленныхъ и присособленныхъ для этого почтовомъ домѣ (станціи) и зданіи магистрата ¹⁾, расположенныхъ на той же базарной площади.

Передъ выѣздомъ изъ города, по приказанію вѣнценосной гостыи были награждены нѣкоторые чѣновники, непосредственно принимавшіе участіе въ устройствѣ помѣщеній, заготовленіи лошадей ²⁾ и другихъ заботахъ объ удобствахъ,—часами, перстнями и булавками.

Вообще имя Александры Федоровны здѣсь болѣе-чѣмъ гдѣ-нибудь вспоминается, вѣроятно, потому, что она, какъ отличавшаяся очень слабымъ здоровьемъ, часто предпринимала заграничныя путешествія и, обыкновенно, путь ея лежалъ черезъ гор. Бѣлу. Сохранилось также воспоминаніе о возвращеніи ея изъ Берлина послѣ учрежденія тамъ на собственные средства для русскихъ благотворительнаго учрежденія «Alexander Stift», дѣйствующее и процвѣтающее по настоящее время. Въ этотъ проѣздъ она даже выходила изъ кареты и нѣсколькихъ лицъ осчастливила разговоромъ на русскомъ языкѣ, которымъ она свободно владѣла и этимъ составляла исключеніе среди иностранныхъ принцессъ, породнившихся съ нашимъ царскимъ домомъ.

¹⁾ Сохранившееся нынѣ въ томъ же видѣ.

²⁾ Наблюденіе за лошадьми было поручено коллежскому секретарю Бернацкому, командированному изъ Люблина.

Домъ уѣзднаго управленія, гдѣ имѣла пребываніе императрица Александра Федоровна.

Въ заключеніе не могу не коснуться, хотя бы вскользь, гор. Ълы, который въ настоящее время нерѣдко упоминается не только въ разговорахъ, но и въ печати, какъ представляющій изъ себя одинъ изъ видныхъ центровъ проектируемой Холмской губерніи.

Городъ этотъ расположенъ между Варшавой и Брестомъ (Привислинскія жел. дор.) въ разстояніи отъ первой на 159 верстъ и отъ послѣдняго 40 верстъ. Число жителей 16.256 ¹⁾. Изъ нихъ 2775 православнаго исповѣданія, 4276 римско-католическаго, 9093 іудейскаго и 112 другихъ исповѣданій. Ъла орошается рѣкою Кржной, глубина ея не большая, на ней поставлено нѣсколько мельницъ, благодаря чему нѣтъ судоходства, рыбы имѣется въ достаточномъ количествѣ. Въ уѣздѣ почва плодородная, много лѣса (до 5490 дес.) всѣхъ древесныхъ лиственныхъ породъ, преобладаютъ—ясень, клень, дубъ, букъ и др. Въ уѣздѣ много мелкихъ рѣчекъ, пересѣкающихъ его въ различныхъ направленіяхъ. Почти весь Ъльскій уѣздъ составлялъ собственность кн. Радзивилловъ; послѣдній изъ нихъ Карлъ-Станиславъ (1731—1790 г.), извѣстный подъ именемъ «Пане Коханку», представлялъ изъ себя наглядный образецъ польскаго удальца. Онъ содержалъ 10 тысячъ регулярнаго войска; послѣ сдачи гор. Несвижа (тоже владѣнія Радзивилловъ) русскимъ войскамъ, эмигрировалъ за границу, а при императрицѣ Екатеринѣ II возвратился. Имѣнія Радзивилла перешли въ 1870 году къ кн. Гогенлоу, отъ послѣднихъ въ 1896 г. къ г. Скаржинскому, а съ 1898 года часть ихъ составляетъ собственность Елены Коганъ, которая владѣетъ и историческимъ замкомъ, украшавшимъ съ незапамятныхъ временъ гор. Ълу. Въ началѣ 70-хъ годовъ онъ разобранъ и изъ кирпича его построено много зданій въ городѣ. Ворота замка сооружены въ 1737 году, сохранились въ полной исправности и на нихъ имѣются барельефы супруговъ кн. Радзивилловъ. Паркъ въ настоящее время представляетъ собою жалкіе остатки прежняго величія. Въ послѣднемъ остались: небольшая башня, составлявшая одинъ изъ угловъ замка, каплица въ готическомъ стилѣ, старинная семиэтажная башня, потерявшая свой прежній видъ, такъ какъ деревянный куполь ея уничтоженъ пожаромъ, бывшимъ 14 мая 1906 года. Весь замокъ былъ окруженъ рвами, сохранившимися понынѣ, и канавами, наполненными водою—часть ихъ уже совершенно высохла. Вблизи замка расположено зданіе, старинной архитектуры, построенное въ концѣ XVII вѣка подъ общину дѣвочекъ—сиротъ и старцевъ, называвшееся домою сестеръ милосердія; это зданіе съ прилегающимъ къ нему обширнымъ плацемъ и лѣсной дачей кн. Карлъ Радзивиллъ пожертвовалъ городу подъ больницу, гдѣ таковая, подъ именемъ больницы Св. Маріи Магдалины, помѣщается

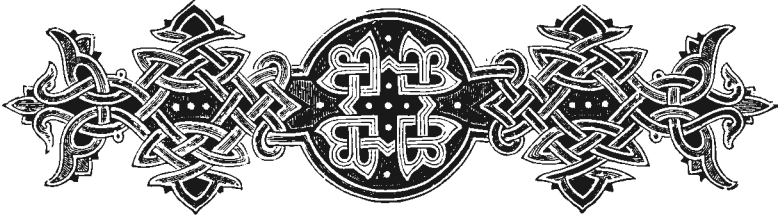
¹⁾ Не считая войскъ.

и нынѣ; кромѣ этого дара, городъ получилъ еще отъ названнаго рода домъ бывшей имени князей Радзивилловъ филии краковской духовной академіи (1638—1791 г.), преобразованную австрійскимъ правительствомъ въ свѣтскій лицей (1791—1817 г.), затѣмъ въ педагогическое уѣздное (повятовое) училище (1817—1862 г.), потомъ въ греко-уніатскую мужскую гимназію, и наконецъ 5 февраля 1869 года въ томъ же зданіи открыта бѣльская мужская классическая гимназія, въ которой имѣется церковь въ память св. благовѣр. Александра Невскаго. На средства кн. Радзивилла сооружена еврейская синагога, сохранившая свой внѣшній видъ и въ настоящее время.

Въ городѣ имѣется двѣ церкви—соборъ Рождества Богородицы (бывшій уніатскій, гдѣ въ склепѣ замурованы мощи Юсафата Кунцевича, епископа витебскаго) и Кирилло-Меодіевская— бывшій реформатскій монастырь, въ зданіяхъ послѣдняго помѣщается нынѣ бѣльская учительская семинарія, преобразованная въ 1872 г. изъ русскихъ педагогическихъ курсовъ для греко-уніатскаго населенія, учрежденныхъ въ 1862 году.

В. П. М—нѣ.

ВЕЛИКОСВѢТСКАЯ АРТИСТКА ¹⁾.

III.

ВОЗНИКШИЙ въ началѣ 1861 года въ Польшѣ мятежь напугалъ М. Ѡ. Калерджи.

«Я съ нетерпѣніемъ хотѣла бы,—пишетъ она,—вернуться въ Варшаву и получить возможность лично судить о томъ, что творится; я могла бы, мнѣ кажется, принести нѣкоторую пользу, успокоивая однихъ и смягчая другихъ. Не знаю еще, къ какому рѣшенію придетъ правительство. Государь обладаетъ золотымъ сердцемъ, но не знаетъ, насколько Польша сочувственно къ нему относится и какое вліяніе (ascendant) онъ могъ бы взять, благодаря престижу собственной личности. Вообще же трудно выступать съ суровыми подавленіями польскихъ стремленій, когда вся Россія славословитъ Гарибальди и рукоплещетъ венгерскимъ манифестаціямъ. Предоставить же теченіе вещей собственному ходу точно также немислимо. Польша слишкомъ дурно управляется, а между тѣмъ пойти на уступки именно теперь, когда сознается собственная слабость, почитается за несомвѣстное съ достоинствомъ. Словомъ сказать, приходится бояться серьезнаго кризиса, что для меня особенно прискорбно, такъ какъ одна половина моего сердца польская. Справедливость, конечно, понуждаетъ меня склоняться въ пользу страждущихъ, но съ другой стороны мнѣ ненави-

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. СХХI, стр. 958.

стенъ и революціонный духъ, пересажаемый въ Польшу изъ Парижа.

«Я уже на отъѣздѣ,—пишетъ г-жа Калерджи 22 мая 1861 года.— Съ трудомъ удалось мнѣ добиться согласія на отъѣздъ отъ дяди, который боится за меня при беспорядкахъ, разыгрывающихся въ Варшавѣ. Положеніе тамъ, повидимому, тревожное. Взаимная ненависть дошла до того, что поляки и русскіе избѣгаютъ встрѣчь и поклоновъ».

По возвращеніи въ Варшаву г-жа Калерджи пишетъ:

«Живемъ мы здѣсь какъ въ тюрьмѣ. За исключеніемъ нѣсколькихъ людей, ополумѣлыхъ отъ заботъ и разочарованій, въ городѣ никого нѣтъ. Саксонскій садъ захваченъ молодежью, устраивающею тамъ манифестаціи. Неодѣтые въ глубокой трауръ не отваживаются тамъ и показываться. Русскіе всѣ изнемогли отъ неприятностей и не только не стараются сплотиться потѣшеніемъ, но отдаляются другъ отъ друга и шлютъ письма за письмами въ Петербургъ, умоляя вырвать ихъ отсюда и избавить отъ несносной здѣшной жизни. Назначенія въ польскій государственный совѣтъ замедляются, такъ какъ государь не желаетъ уступить въ вопросѣ облеченія членовъ въ мундиры, а здѣшніе *hopotatiogres* не хотятъ надѣть на себя «русской ливреи». Иные изъ русскихъ варшавянъ громко высказываются за то, чтобы Польшу бросили на произволъ судьбы, и мечтаютъ о способахъ добиться конституціи для Россіи. Если этого и добьются, то можно себѣ вообразить, какая вавилонская башня воздвигается на развалинахъ имперіи!

«Немногіе поляки, которые, не смотря ни на что, продолжаютъ служить правительству и обречены на всеобщее поношеніе, спасаются у насъ чуть ли не каждый вечеръ.

«Генераль Лидерсъ пока никому не внушилъ никакихъ къ себѣ чувствъ. Онъ мало говоритъ, и это ужъ одно меня предубѣждаетъ въ его пользу. Аресты здѣсь очень приумножились, но, на мой взглядъ, производятся безтолково. Въ концѣ концовъ получается впечатлѣніе, словно, упустивъ настоящихъ зачинщиковъ смуты, власти отыгрываются на преслѣдованіи менѣ виновныхъ. Маркизь Велепольскій ¹⁾ въ Петербургѣ—я стараюсь вдохнуть въ него вѣру письмами; но мои старанія, кажется, дѣйствія не оказываютъ. Если государь отнимаетъ довѣріе у Велепольскаго и послѣдній падеть, Польшу, конечно, можно будетъ раздавить, но чрезъ это едва ли будутъ достигнуты разумныя преобразованія.

¹⁾ Велепольскій маркизь де-Гонзаго Мышковскій былъ приданъ намѣстнику кн. Горчакову и его преемнику вел. кн. Константину Николаевичу въ качествѣ начальника гражданскаго управленія. Ревностный и благонамѣренный польскій патріотъ Велепольскій свою энергію и умѣніе посвятилъ безнадежной миссіи примирить поляковъ съ русскимъ правительствомъ, но вскорѣ палъ, не угодивъ ни одному, ни другому.

«Незначительные нервные припадки заставляют меня лежать цѣлыми днями. Ужъ это одно въ связи съ теперешними невзгодами можетъ задурить головы даже самымъ геніальнымъ людямъ, — судите же сами, насколько я глупѣю. Что бы ни говорили, чтеніе далеко не всегда благотворно дѣйствуетъ на умъ; я, напримѣръ, пожираю теперь томъ за томомъ, но чтобы переварить читаемое, нужно имѣть друга и дѣлиться съ нимъ мыслями, а тѣ немногіе люди, съ которыми я выдаюсь, слишкомъ заняты злобами дня, чтобы совать въ книги носъ.

«Польское легковѣріе, — пишетъ г-жа Калерджи въ мартѣ 1862 года, — питаемое презрѣнною демагогическою печатью, порождаетъ все новыя жертвы, влекомыя на закланіе. Сначала поляки обманывали себя увѣренностью въ австрійской поддержкѣ; въ настоящее же время всѣ ихъ надежды обращены на Францію. Поляки вѣрятъ въ европейское вмѣшательство и теперь изъ подполья сдѣлано распоряженіе во что бы то ни стало продлить мятежь, пока Западъ не тронется настоящими бѣдствіями и не порѣшитъ возстановить Польшу. Архіепископъ варшавскій подалъ въ отставку, потомъ взялъ ее назадъ, а теперь подалъ въ отставку вновь. Консисторія и экзальтированныя польскія дамы постарались встревожить его пастырскую совѣсть, увѣривъ его, будто онъ утратитъ довѣріе паствы, если станетъ поддерживать связи съ правительствомъ! Анархія, разочарованія и всяческія излишества царятъ всюду. Спрашивается, какой же выходъ изъ кризиса? — военный неразумный строй, объдѣлѣніе и разореніе страны?

«Что касается благонамѣренности польскаго общества, то оно мнѣ въ достаточной мѣрѣ извѣстно съ моихъ молодыхъ еще годовъ, и я очень довольна, что польское общество съ себя теперь сняло обычную маску. Тѣмъ не менѣе я хочу надѣяться, что варшавскій польскій мірокъ образумится и отступится отъ теперешнихъ заблужденій. Высшая польская знать слишкомъ труслива, чтобы питать твердыя самостоятельныя убѣжденія. Она подчинится вліянію событій. Ее не стоитъ ни бояться, ни подкупать лестью, а надо попросту пока игнорировать. Умные и дѣятельные люди начинаютъ уже объединяться мало-по-малу около великаго князя (Константина Николаевича), который держитъ себя удивительно умно.

«Наше положеніе улучшается... въ Радомѣ красный терроръ не помѣшалъ назначенію правительственныхъ кандидатовъ въ муниципальные совѣты. Помѣщики устали выплачивать генералу Мѣрославскому военные сборы и начинаютъ уже отстраняться отъ партіи дѣйствія. Нѣсколько удачныхъ арестовъ пріостановили здѣсь ростъ пропаганды, но много еще нужно сдѣлать для уничтоженія расадника смуты, которая находитъ поддержку и покровительство извнѣ. Великій князь чрезвычайно мягокъ и дѣятеленъ;

своею обаятельною личностью онъ подкупаетъ всѣхъ, входящихъ въ соприкосновеніе съ нимъ, и невольно вселяетъ довѣріе своею искреннею непринужденностью и страстнымъ желаніемъ исправить ошибку прошлаго. Наоборотъ, маркизъ Велепольскій является предметомъ все болѣе возрастающей ненависти. Покушенія, которымъ подвергалась его особа, пагубно отразились на его умѣ—слишкомъ ужъ онъ сдѣлался подозрительнымъ и опрометчиво дразнить чужія самолюбія; въ то же время семья навязываетъ ему чрезмѣрныя предосторожности и затрудняетъ къ нему доступъ. Въмѣсто того, чтобы служить связью между правительствомъ и краемъ, самъ же Велепольскій теперь плодитъ къ этому препятствія и затрудненія. Польское общество воистину потеряло разсудокъ. Реблчески отдаваясь во власть химеръ и побрякушекъ, оно хочетъ игнорировать истинное благополучіе, разъ не удовлетворяются его фантазіи и самолюбіе. Польская же знать держится въ сторонѣ, не зная хорошенько, какое принять рѣшеніе. Августъ Потоцкій дуется въ Виллановѣ, Красинская подъ строжайшимъ инкогнито проживаетъ въ деревнѣ близъ Варшавы; архіепископъ—достойный пастырь,—къ сожалѣнію, политическимъ значеніемъ въ краѣ не пользуется, боится собственнаго, по правдѣ сказать, отвратительнаго духовенства и надъ послѣднимъ вовсе не имѣетъ вліянія.

«Разъ или дважды въ недѣлю я получаю приглашенія на чай къ ихъ высочествамъ. За круглымъ столомъ бесѣда ведется крайне непринужденно и просто, и приходится ежеминутно наблюдать за собою, чтобы не забыться, въ чемъ обществѣ находишься. Обыкновенно меня заставляютъ играть шопеновскія вещи для развлечения великаго князя, и я дѣлаю это съ особенною охотою, такъ какъ великій князь музыку любитъ очень.

«На дняхъ,—пишетъ г-жа Калерджи отъ 10 ноября 1862 года,—новое убійство посѣяло трепетъ среди умѣренныхъ. Нѣкій Фалькнеръ, заподозрѣнный въ доставленіи свѣдѣній военнымъ властямъ, найденъ подъ окномъ спальни своей жены, въ 5 часовъ вечера, пронзенный въ 6 мѣстахъ стилетомъ. Убійцы для кровавой расправы имѣли очень немного времени, такъ какъ рабочіе, перемачивавшіе дворъ, никого не успѣли замѣтить. Въ подтвержденіе того, что убійство совершено по приговору политическаго трибунала, Фалькнеру отрѣзали ухо. Достоверно, что объ эмиссарахъ, отряжаемыхъ къ могущественной и таинственной подпольной организаціи изъ Парижа и Лондона, сообщается лишь въ моментъ ихъ отъѣзда—на пути они нѣсколько разъ мѣняютъ свои паспорта и обличія; пристанище же себѣ они находятъ въ католическихъ монастыряхъ; населеніе ихъ поддерживаетъ нѣмыми пособничествомъ, а правительство принуждено держаться на сторожѣ. Для исцѣленія отъ всѣхъ этихъ бѣдъ есть, конечно, дѣйствительное и могущественное средство—дать народу представительныя учрежденія и свободу

«истор. вѣстн.», октябрь, 1910 г., т. сxxii.

17

слова. За подобныя рѣчи меня ославили революціонеркою, но я вѣдь предлагаю только гомеопатическое леченіе. Мышьякъ, который убиваетъ, можетъ имѣть и живительное дѣйствіе. Единственно только полумѣры—пагубны: разъ дается немножко вольности, это разжигаетъ аппетиты захватить вольностей побольше; цѣльная же совокупность разумныхъ государственныхъ установленій, дополняющихъ одно другое, приводитъ къ равновѣсію, а правительство всегда вооружено достаточнымъ запасомъ способовъ воздѣйствія и контроля, чтобы преклонить вѣсы въ желаемую сторону.

«Несмотря на принимаемыя мѣры,—читаемъ мы въ письмѣ отъ 23 апрѣля 1863 года,—возстаніе удваиваетъ свои напряженія. Поляки ничего знать не хотятъ ни объ амнистіи, ни объ административныхъ преобразованіяхъ, ни о государственныхъ установленіяхъ—подавай имъ территоріальную независимость. Иностранная печать ехиднѣйшимъ образомъ поддерживаетъ нелѣпыя притязанія, а поляки и впрямь воображаютъ, будто ихъ поддержитъ Наполеонъ. Мыѣ пишутъ изъ Парижа, что Наполеонъ зарится на Рейнъ—возможно, что онъ не прочь выудить его изъ Вислы. Но хоть Европа и окажется въ огнѣ, трудность возстановить Польшу останется попрежнему непреодолимою. Благодаря безумнымъ своимъ претензіямъ, поляки отчудили симпатіи, на которыя могли рассчитывать въ Россіи. Въ Западномъ краѣ, гдѣ поляки составляютъ меньшинство, ненависть къ нимъ коренного населенія разрастается все сильнѣе, а между тѣмъ поляки упорно и ослѣпленно домогаются расширенія польскихъ предѣловъ отъ моря до моря, т. е. отъ Одессы до Данцига. Въ самой Польшѣ борьба принимаетъ уже характеръ совершенно истребительной бойни: инсургенты насчитываютъ потерю до 8000 челоѣвкъ ранеными и убитыми, тогда какъ уронъ въ рядахъ правительственныхъ войскъ колеблется всего между 200—300 челоѣвками. Маленькіе городки, гдѣ преобладаютъ нѣмецкіе сельники, страдаютъ особенно сильно: нѣмцы тяготѣютъ къ консерватизму и инсургенты ихъ преслѣдуютъ. Недавно 12 нѣмецкихъ колонистовъ закопаны повстанцами живьемъ въ землю, изъ которой торчали только ноги несчастныхъ. Газеты отмѣчаютъ, однако же, только то, что отвѣчаетъ ихъ враждебному пристрастью, а иностранные государственные дѣятели, въ своемъ невѣжествѣ, требуютъ для Польши такихъ вещей, какими она давно уже обладаетъ, но трактуетъ пренебрежительно, въ родѣ, напримѣръ, отдѣльнаго управленія и государственнаго совѣта, въ которомъ за послѣднее время обсуждено и проведено законовъ больше, чѣмъ сдѣлано конституціонными палатами до 1830 года. Разореніе и бѣдствія заставляютъ сердце обливаться кровью, а между тѣмъ изувѣрство бездѣльниковъ-юнцовъ, легковѣрныхъ и ненавидящихъ трудъ, будетъ и впредь пополнять ряды инсurreкціи, пока не изсякнетъ притокъ свѣжихъ силъ. Революціонный комитетъ предписалъ похитить (въ іюнѣ

1863 года) изъ казны 24 милліона флориновъ. Чиновники, выполнившіе это порученіе, позаботились скрыться вмѣстѣ съ женами, дѣтьми и внучатами. Все это—почтенные старики, изъ которыхъ самый младшій насчитывалъ 30 лѣтъ безукоризненной, честной службы. Сегодня подпольные листки выражаютъ имъ признательность отъ лица отчизны, «велѣнія которой они исполнили!»

«Что сказать объ этой дерзостной отвагѣ и политической развращенности растлившихъ проста сердца? Кажется, вопіющія явленія, разыгрывающіяся въ современной Польшѣ, не имѣютъ даже прецедентовъ въ исторіи... По осени въ Варшавѣ совершенно 12 политическихъ убійствъ и возвѣщена угроза смерти всѣмъ польскимъ чиновникамъ, служащимъ въ цензурномъ вѣдомствѣ, если они не покинутъ службу въ 24 часовой срокъ. Всѣ безпрекословно подчинились приказу и Варшава теперь осталась при одной только официальной газетѣ».

Политическія событія 1863 года, столь волновавшія М. О. Калерджи и впоследствии печально отразившіяся на ея здоровьи, во второй половинѣ этого года нѣсколько отодвинулись на задній планъ изъ-за личныхъ ея семейныхъ дѣлъ.

Въ іюнѣ 1863 года въ Лондонѣ скончался мужъ Маріи Оедоровны, а это повлекло за собою существенную перемену въ ея дальнѣйшемъ существованіи.

«Положеніе, въ какомъ я теперь очутилась,—пишетъ она дочери,—можетъ подать поводъ къ насмѣшкамъ; но, надѣюсь, ты простишь мнѣ предприняемый шагъ. Я считаю всѣ счеты съ жизнью поконченными, когда два года тому назадъ судьба столкнула меня въ Варшавѣ съ Мухановымъ. Какъ и почему онъ ко мнѣ привязался, для меня тайна. Пока былъ живъ г. Калерджи, я, конечно, не причинила бы ему горя, домогаясь развода. Но теперь приняла окончательное рѣшеніе, хотя не разъ выставляла предъ Мухановымъ всевозможные аргументы, желая удержать его отъ эксцентричнаго шага (женитьбы на 40-лѣтней вдовѣ). Ничто его не разубѣждаетъ, и безъ самообольщенія я склонна допустить, что моя особа, дѣйствительно, необходима для его счастья; вмѣстѣ съ тѣмъ увѣрена я и въ томъ, что найду счастье въ этомъ бракѣ».

«Мухановъ очутился въ Варшавѣ въ щекотливомъ положеніи изъ-за своей фамиліи, которую дядя его сдѣлалъ здѣсь крайне непопулярною; несмотря на это и вызывающую обыкновенно нареканія полицеймейстерскую должность, которую онъ занялъ въ Варшавѣ, мой женихъ сумѣлъ себя прекрасно поставить—опасную и трудную свою службу онъ отправлялъ безукоризненно, ко всеобщему удовольствію, но теперь, когда рѣшенъ отъѣздъ великаго князя, Мухановъ тотчасъ же заявилъ, что дальнѣйшее служеніе при военномъ режимѣ для него немыслимо».

Г-жа Калерджи уѣхала въ концѣ лѣта за границу, въ сентябрѣ 1863 года обвѣнчалась съ Мухановымъ въ Майнцѣ, и затѣмъ новобрачные поселились въ Баденъ-Баденѣ, въ виллѣ, прибрѣтенной ею въ началѣ 60-хъ годовъ.

«Здѣшнее общество регулярно собирается вмѣстѣ,—пишетъ она дочери,—г-жа Віардо принимаетъ по субботамъ, Marie Столыпина по средамъ, Васильчиковы по понедѣльникамъ и четвергамъ. Я же, ссылаясь на дикость Муханова, уклонилась отъ назначенія у себя jour fixe'a.

«Въ пятницу (15 декабря) мы выѣзжали встрѣчать великаго князя Константина Николаевича и Александру Іосифовну. Всѣ мы были очень растроганы, и я расцѣловала великаго князя въ обѣ щеки.

«На слѣдующій же день мы были приглашены къ завтраку, и такъ какъ Арсеневъ (адъютантъ великаго князя) уѣзжаетъ въ Петербургъ воспитателемъ при великомъ князѣ Александрѣ Александровичѣ, то великій князь Константинъ предложилъ моему мужу замѣнить Арсенева. Мухановъ тотчасъ же согласился, и, такимъ образомъ, мы, пожалуй, надолго связаны съ великокняжескою четою.

«Великій князь, повидимому, не питаетъ никакого горькаго чувства, разставшись съ Польшею, и продолжаетъ живо интересоваться всѣмъ происходящимъ въ Варшавѣ.

«Вечера на виллѣ Штадельгоферъ (резиденція великокняжеской четы) протекають тоскливо: мужъ составляетъ его высочеству партію въ пикетъ, а я разыгрываю на роялѣ элегическія пьесы по выбору великой княгини Александры Іосифовны. По временамъ великая княгиня приглашаетъ къ себѣ г-жу Віардо; за этимъ исключеніемъ никогда никакихъ гостей они не принимаютъ.

«Новый годъ по русскому стилю мы встрѣчали у великой княгини. Къ намъ на елкѣ отнеслись, какъ къ роднымъ дѣтямъ.

«По холоду въ 19 градусовъ, сегодня, 17 января 1864 года, утромъ Мухановъ, вмѣстѣ съ великимъ княземъ, укатилъ въ Гагу; великая княгиня постоянно недомогаетъ, а теперь у нея сдѣлался флюсъ на лѣвой щекѣ, а у меня на правой, и мы сидимъ въ заточеніи.

«Въ нашемъ теперешнемъ одиночествѣ мы обѣ пожираемъ цѣлыя бібліотеки. Чтеніе газетъ въ ежедневномъ обиходѣ играетъ немаловажную роль. Вѣсти о войнѣ ¹⁾ выводятъ меня изъ себя. Къ чему геройствовать и приносить жертвы изъ-за людей, которые никогда несчастными не были, но поднали дѣйствию современнаго недуга націонализма».

¹⁾ М. О. Муханова скорбитъ о прусско-австрійской кампаніи противъ Даніи для отторженія нѣмецкихъ шлезвигъ-голштинскихъ владѣній.

Нѣскольکو дней спустя М. Ѳ. Муханова отмѣчаетъ:

«Сюда только что изъ Петербурга пріѣхаль Гауровицъ, пользующійся особымъ довѣріемъ великаго князя, и привезъ мало утѣшительныя для Польши извѣстія. Любопытно, что многіе изъ умѣренныхъ поляковъ, будировавшіе противъ великаго князя въ Варшавѣ, теперь заявляютъ намѣреніе пріѣхать къ нему на поклонъ и выразить великому князю раскаяніе и чувства запоздалой любви. Великій князь поспѣшилъ отклонить это посѣщеніе, какъ и многія другія, во избѣжаніе пересудовъ».

Подъ вліяніемъ вѣстей, доходившихъ изъ Варшавы и изъ Вильны, М. Ѳ. Муханова заболѣла нервнымъ разстройствомъ, обострившимися приступами меланхоліи, и принуждена была для излеченія лечь въ лечебницу нервныхъ болѣзней въ Иллъменау. Оправившись отъ болѣзни, г-жа Муханова вмѣстѣ съ мужемъ совершила поѣздку по Швейцаріи, а затѣмъ осень прожила въ Баденъ-Баденѣ вмѣстѣ съ мужемъ, который временно былъ освобожденъ великимъ княземъ отъ несенія адъютантскихъ обязанностей.

«Приняли насъ здѣсь,—пишетъ М. Ѳ. дочери изъ Баденъ-Бадена 10 сентября 1864 г.,—чрезвычайно сердечно. У Флемминговъ ¹⁾ много музицируютъ. Бисмаркъ рассказываетъ объ Австріи много любопытнаго. Величіе нисколько не отняло у него живости и обычной непринужденности. Онъ очень пріятный собесѣдникъ въ обществѣ, но на мой взглядъ слишкомъ ужъ большой анти-конституціоналистъ».

Отъ 12 октября Муханова пишетъ:

«Кто только не промелькнулъ мимо насъ за послѣдніе дни. Впервые, императрица Евгенія, которая очаровала и великихъ и простыхъ смертныхъ. Я ѣздила проводить Евгенію на вокзалъ изъ признательности за вниманіе, которымъ меня всегда дарилъ Наполеонъ. Черезъ два дня пріѣхала великая княгиня Марія Николаевна и бельгійскій король. Король прусскій намекалъ мнѣ, чтобы и я устроила у себя для него вечеринку, но на эти намеки я отмолчалась, потому что мой домъ еще не вполне отстроенъ.

«Мы только то и дѣлаемъ,—пишетъ Муханова 22 октября,—что вертимся въ «большомъ свѣтѣ». Да какомъ! Сплошь короли, королевы и великія герцогини. Сержъ (Мухановъ) не снимаетъ бѣлаго галстуха и бѣсится. Горчаковъ (кн. А. М.) держитъ себя необычайнымъ скромникомъ и наобѣщаль моему мужу великихъ и богатыхъ милостей, вѣроятно потому, что онѣ зависятъ не отъ него. Мы выѣзжали въ Оосъ привѣтствовать государя на поѣздѣ. Государь всѣмъ намъ подавъ руку, императрица, по болѣзни, лежала въ своемъ вагонѣ».

16 ноября 1864 г. М. Ѳ. Муханова пишетъ:

¹⁾ Графъ Флеммингъ занималъ постъ прусскаго посланника въ Карлсруэ. Онъ былъ женатъ на дочери Беттины фонъ-Арнимъ.

«У меня масса интересныхъ книгъ, и я жажду спокойствія и утренняго досуга. Одѣвшись между 8—9 ч., я возвращаюсь въ спальню, гдѣ весело потрескиваетъ каминъ, и испытываю радость счастливаго и независимаго собственника; передо мною чашь-другой свободы для чтенія въ сопровожденіи чая и папиросокъ. Потомъ я принимаюсь за писаніе. Захожу къ отцу, обхожу весь домъ, переставляю мебель и наблюдаю за разборкою стѣны; когда это кончится, мой салонъ въ нижнемъ этажѣ увеличится вдвое. Послѣ второго завтрака—разнообразныя и пріятныя занятія *ad libitum*, и я только изрѣдка выбираюсь на прогулку».

Въ ноябрѣ Мухановы начали собираться въ Россію. М. Ѡ. нашла болѣе благоразумнымъ пожить нѣскольکو мѣсяцевъ въ Петербургѣ и посмотрѣть, что выйдетъ изъ дѣлавшихся ея мужу завлекательныхъ обѣщаній, а вмѣстѣ съ тѣмъ было бы выполнено и желаніе великаго князя, призывавшаго къ себѣ загостившагося за границую адъютанта.

«Неопредѣленное положеніе мужа и служба его при дворѣ не могутъ продолжаться до безконечности,—пишетъ М. Ѡ. Муханова,—ему необходимо устроить себѣ солидное положеніе, хотя бы для этого пришлось и выждать; если же ничего путнаго мы не дождемся, то мужу останется снять съ себя мундиръ и часть года проживать тамбовскимъ помѣщикомъ, а часть года благодушествовать въ Баденъ-Баденѣ».

Хотя Марія Ѡедоровна ѣхала въ Петербургъ съ грустнымъ чувствомъ, такъ какъ дядя ея, канцлеръ, умеръ (въ 1862 г.), тѣмъ не менѣе, пріискавъ въ невиской столицѣ очень уютный, помѣстительный и чистенькій домикъ, она возобновила немало «пріятныхъ знакомствъ».

«Къ сожалѣнію,—пишетъ она,—самая близкая моя пріятельница г-жа Нелидова уѣзжаетъ на дняхъ ¹⁾; въ смыслѣ интимныхъ отношеній ея отъѣздъ оставитъ меня одинокой. Нашъ добрый великій князь (Константинъ Николаевичъ), несмотря на бессмысленные оговоры противъ него, начинаетъ опять завоевывать преобладающее положеніе; оно ему по справедливости обезпечивается тѣмъ, что великій князь головою выше всѣхъ окружающихъ. Вчера онъ долго у меня просидѣлъ и разспрашивалъ съ большимъ участіемъ о судьбѣ лицъ, покинувшихъ вслѣдъ за нимъ Польшу.

«Вчера же я была приглашена великою княжною Еленою Павловною и провела съ нею весь вечеръ *en tête à tête*. Въ общемъ же въ Петербургѣ, свидимому, никто ничего не читаетъ и мало кто спосо-

¹⁾ Сестра теперешняго посланника въ Парижѣ А. И. Нелидова, состоявшая долгіе годы фрейлиною при великой княгинѣ Екатериинѣ Михайловнѣ. Младшія сестры фрейлины Нелидовой были замужемъ одна за директоромъ пажескаго корпуса Дм. Хр. Бушеномъ, а другая за Н. Дм. Кузьминнымъ-Караваевымъ,—капитаномъ гвард. арт., воспитателемъ сыновей вел. кн. Михаила Николаевича.

бенъ даже мыслить въ томъ кругу, который призванъ управлять судьбами Россіи.

«Я только что осилила отчаянный приступъ меланхоліи, — жалуется М. Ѳ. Муханова дочери въ мартѣ 1865 г. — Если бы ты подышала въ той тяжелой атмосферѣ, въ какой мы здѣсь живемъ, ты бы меня поняла. Прибавь сюда еще естественныя склонности, симпатіи и антипатіи, пустоту, которая здѣсь образовалась чрезъ утрату любезныхъ моему сердцу людей, въ родѣ дяди-канцлера или барона Мейендорфа, и многое другое, о чемъ мнѣ неохота распространяться. Serge меня упрекаетъ за то, что я сама отстраняюсь отъ политическихъ разговоровъ и проявляю слишкомъ мало интереса къ происходящему вокругъ. Но у меня натура боевая, а потому я и избѣгаю высказываться въ спорахъ. За всю масленицу я ограничилась только выѣздомъ на вечеръ къ великой княгинѣ Екатеринѣ Михайловнѣ (супругѣ герцога Георгія Мекленбургъ-Стрелицкаго). Тамъ была разыграна очень милая провербе, написанная герцогомъ Морни. Гостей было немного, но общество провело вечеръ очень пріятно, благодаря умѣлой любезности хозяевъ. Отъ времени до времени я ѣзжу на чай къ великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ. Въ настоящемъ году она сильно подалась и сама сознаетъ, что начинаетъ старѣть, чѣмъ очень опечалена. Вѣдь когда встрѣчаются цѣльныя личности, долго сохраняющія свѣжесть сердца и воображенія и преисполненныя жизненной энергіи, и онѣ подпадаютъ наконецъ общему удѣлу, это поражаетъ и печалитъ окружающихъ. Вотъ и мнѣ великая княгиня казалась одаренною безсмертною молодостью, но кто же можетъ долго противостоять годамъ въ той средѣ, гдѣ мы вращаемся!

«Вчера, — пишетъ М. Ѳ. въ концѣ марта, — у насъ обѣдалъ профессоръ Каро ¹⁾; онъ на дняхъ уѣзжаетъ, оставляя во мнѣ живое сожалѣніе о томъ, что я мало воспользовалась его обществомъ. Нашъ Hausfreund графъ Фредро ²⁾ вступилъ съ Каро съ состязаніе на всевозможныя темы, и мои милые гости сумѣли настолько меня занять, что я забыла и о снѣ, и о петербургской скукѣ.

«На старости лѣтъ я испытываю бѣшеное желаніе учиться и проливаю горькія слезы изъ-за своего невѣжества. У меня остается одно только: читать, отыскивать умныхъ собесѣдниковъ и издалека, запыхиваясь, слѣдить за развитіемъ человѣческой мысли. Когда встрѣчаешь такую личность, какъ профессоръ Каро, который 29 лѣтъ отъ роду изучилъ основательно почти всѣ науки, въ каждой личности, книгѣ и видѣ природы открываетъ матеріалъ для глубо-

¹⁾ Профессоръ философіи сначала въ іенскомъ, а затѣмъ въ бреславльскомъ университетѣ.

²⁾ Известный, очень популярный въ тогдaшнемъ петербургскомъ большомъ свѣтѣ, польско-французскій драматургъ, остроумный и веселый бонмотистъ и всегдашній режиссеръ великосвѣтскихъ спектаклей.

кихъ соображеній, и, вдобавокъ сумѣль, создать себѣ почтенное положеніе и безмятежное плодотворное существованіе, начавъ съ бѣдности и всеобщаго равнодушія, то невольно испытываешь презрѣніе къ себѣ и озлобленіе противъ тѣхъ, которые выталкиваютъ насъ въ свѣтъ вооруженными только невѣжествомъ, суетностью и предразсудками, а порою и съ полнымъ отсутствіемъ всякихъ принциповъ».

Впрочемъ, впечатлѣнія, воспринимаемыя чуткою натурою г-жи Мухановой, быстро смѣняются.

«На этихъ дняхъ,—пишетъ она дочери въ мартѣ,—у великой княгини Елены Павловны предстоитъ маленькій концертъ и, какъ я хочу надѣяться, чтеніе:—такъ какъ театральныя представленія въ посту не даются, то великая княгиня, для развлеченія государя, собираетъ у себя артистовъ михайловскаго театра для чтенія пьесокъ Анри Монье. Чтеніе граничитъ съ сценическою игрою и чрезвычайно занимательно. Въ послѣдній разъ у великой княгини эта забава заставила гостей надрываться отъ хохота, за исключеніемъ г. г. министровъ и тѣхъ, для кого непринужденная французская шутливость—закрытая книга. Министры настолько утомляются за своими многотрудными занятіями, что спать стоя—по крайней мѣрѣ, въ послѣднюю субботу многіе изъ нихъ сладко дремали, пріютившись позади государя. Единственно князь А. М. Горчаковъ вѣчно юнъ, веселъ и любезенъ».

Покинувъ Петербургъ въ концѣ мая, прогостивъ часть весны у бабки Муханова, графини Сиверсъ, въ Верденскомъ замкѣ (въ Лифляндіи), Мухановы короткое время пробыли въ Варшавѣ и опять водворились въ Баденъ-Баденъ.

«Завтра,—пишетъ М. Ѳ. Муханова 28 сентября 1865 г.,—сюда пріѣзжаетъ прусскій король. Путешествіе его послужило триумфомъ главнымъ образомъ для Бисмарка. Въ Мерзебургѣ его величество затолкали, чтобы только приблизиться, увидать и привѣтствовать министра. Королева съ этимъ вовсе не примиряется. Она справедливо скорбитъ объ этомъ своеобразномъ успѣхѣ, готовящемъ великія бѣдствія».

Отъ 1 іюня 1866 г. изъ Дрездена М. Ѳ. Муханова пишетъ:

«Мы пользуемся здѣсь обществомъ графа фонъ-Бейста ¹⁾. Онъ въ торжествѣ Австріи не сомнѣвается, если дѣло дойдетъ до войны съ Пруссією; гораздо болѣе онъ опасается взрыва революціи въ Германіи. Ландверъ собирается, съ затратою крупныхъ средствъ, съ неудовольствіемъ. Фабрики стоятъ безъ дѣла, рабочіе ропщутъ. Прирейнскій край весь на сторонѣ Австріи. Словомъ, правительство все ставитъ на одну карту и на какую карту!»

¹⁾ Баронъ Фердинандъ ф.-Бейстъ (1809—1886) былъ сначала министромъ въ Саксоніи, а затѣмъ руководилъ иностранною политикою въ Австріи и былъ Францемъ Иосифомъ пожалованъ въ графы.

4-го іюня г-жа Муханова приписываетъ къ своему письму: «Великій герцогъ Баденскій приглашенъ саксонскимъ королемъ, чтобы совмѣстно предпринять послѣднюю попытку предъ королемъ Вильгельмомъ (въ предотвращеніе уничтоженія Германскаго союза и открытія враждебныхъ дѣйствій противъ Австріи). Великая герцогиня, которую я вчера навѣстила въ Карлсруэ (по жарѣ въ 35°), нисколько ни обинуясь, выражаетъ негодованіе противъ Бисмарка. Королева Августа (прусская) его прямо ненавидитъ и удручена печалью.

«Теперешнія ожиданія,—продолжаетъ М. Θ. Муханова,—таятъ въ себѣ нѣчто торжественное и непривѣтливое, оставляя двери полуоткрытыми для надежды. А знаете ли вы, чего желаютъ, боясь въ томъ даже признаться, самые консервативные нѣмцы? Революціи въ Берлинѣ! До понедѣльника сама я не вѣрила въ войну, но тутъ за мною прислала королева Августа и высказала свое горе въ продолжительной и лестной для меня бесѣдѣ съ глаза на глазъ. Я всегда была высокаго мнѣнія объ умѣ и сердцѣ королевы. Нельзя оцѣнивать современность съ большею вѣрностью и негодовать болѣе сильно на дѣянія Бисмарка, чѣмъ это дѣлаетъ королева. Ей была омерзительна война съ Данією, такъ какъ она опасалась, что исторія осудитъ ея супруга, какъ бы ни сложились обстоятельства. Королева рассказывала обо всемъ, нигдѣ не стучая красокъ, и въ заключеніе воскликнула: «Прежде чѣмъ сдѣлаться пруссачкою, я всегда была нѣмкою и буду, наравнѣ со всѣми нѣмцами, изживать страданія, какія принесетъ эта роковая война!» Я вышла отъ королевы вся въ слезахъ, и только почтительность помѣщала мнѣ броситься ей на шею.

«Будетъ ли возстановленіе мира прочно?—спрашиваетъ себя М. Θ. Муханова по окончаніи австро-прусской войны.—Французы помѣшаны на расширеніи границы до Рейна. Друзья де-Люисъ (тогдашній французскій министръ иностранныхъ дѣлъ) предлагалъ начать войну немедленно, но Наполеонъ, больной и болѣе благоразумный, предпочитаетъ выжидать. Но вопросъ еще, останется ли Наполеонъ господиномъ положенія. Пруссія уже теперь можетъ выставить въ поле 750.000 солдатъ, и каждый нѣмецъ схватится съ готовностью за ружье при иностранномъ вторженіи. Пожалуй, французская агрессивность только ускоритъ и обезпечитъ объединеніе Германіи на пользу Гогенцоллерновъ, тогда какъ предоставленная самой себѣ, Германія лишь медленно, путемъ освободительныхъ вѣяній, дошла бы до объединенія, растворявъ въ себѣ и прусскую монархію».

Осенью 1866 г. у М. Θ. появились невралгическіе боли въ ногахъ и разыгрались воспаленіемъ сочлененій и приступами ревматизма, надолго приковавшими больную къ постели, въ Кельнѣ.

Хотя М. Θ. Муханова и поправилась довольно скоро, но боли въ ногѣ не покидали ее уже до конца жизни, и въ сущности нервныя

припадки, приведшіе ее въ Иллъменаускую лечебницу (въ 1865 г.), и кельнское заболѣваніе (1866 г.) оказались первыми предвѣстниками того сложнаго недуга, который слишкомъ рано свелъ въ могилу эту богато одаренную женщину.

IV.

Только въ началѣ 1867 года вернулись Мухановы опять въ Варшаву въ ожиданіи открытія ваканціи для Муханова.

«Варшава не представляетъ для меня прельщеній, но когда я поставлю на мѣсто концертный рояль Плейеля, выписанный мнѣ Сержемъ изъ Парижа, мое время будетъ занято пріятнымъ для меня образомъ,—пишетъ М. Ө. Муханова дочери.

«Извнѣ я почерпаю мало впечатлѣній,—жалуется она въ апрѣлѣ 1867 года.

«Что касается Польши, то, на мой взглядъ, никогда умственный уровень въ этомъ злосчастномъ краѣ высоко не стоялъ, за послѣдніе же года онъ еще значительно понизился. Политическія заблужденія смѣнила бессмысленная суетность. Такъ и теперь чуть ли не всѣ сословія ежедневно занимаются плясомъ до семи часовъ утра, но на какихъ балахъ. Одинъ ужасъ! Единственно денежные тузы еврейскаго происхожденія задаютъ еще сколько-нибудь пріличные пріемы. Волѣдъ за возстаніемъ наступило ихъ владычество, и польское общество очутилось теперь у ихъ ногъ. Мѣстное католическое духовенство, о которомъ я всегда была низкаго мнѣнія, показываетъ себя съ самой жалкой стороны. Мнѣ называли одного епископа, который навязываетъ свои услуги правительству и вызывается образовать національную церковь, порвавъ тѣсную связь съ Римомъ. Многіе изъ ксендзовъ примирились съ правительствомъ на самыхъ позорныхъ условіяхъ. Одинъ великосвѣтскій аббатъ, засаженный въ цитадель, откупился на свободу цѣною угодливости и безсовѣстнаго отговора почтенныхъ людей!»

Впрочемъ, не все въ Западномъ краѣ рисовалось М. Ө. Мухановой въ мрачныхъ краскахъ.

«Литва пачинаетъ дышать свободнѣе съ того времени, какъ Потоповъ, поддерживаемый чуткою своею женою, урожденною княжною Оболенскою, сдѣлался виленскимъ генераль-губернаторомъ,—пишетъ М. Ө. весною 1868 года. Въ то же время моему beau frère'у ¹⁾ удалось замирить духовенство. Вообще теперь постепенно прекращаются нареканія на русскую несправедливость и придирки, но увы! всѣ классы общества изнемогаютъ отъ страшной бѣдности.

¹⁾ Александру Муханову, тогдашнему директору департамента иностранныхъ вѣроисповѣданій.

За исключеніемъ Замойскихъ и богачей евреевъ, всѣ перебиваются займами и попрошайничаніями, но это нисколько не мѣшаетъ проявленіямъ салонной суетности и уличному оживленію».

Критическое отношеніе сторонней наблюдательницы варшавскаго общества вскорѣ у М. Ѳ. Мухановой уступило мѣсто энергичной и активной дѣятельности.

«Serge перешель, наконецъ, на гражданскую службу,—пишетъ М. Ѳ. Муханова на Пасху 1868 года.—Онъ въ чинѣ статскаго совѣтника назначенъ управляющимъ варшавскими театрами и императорскими дворцами. Придется ему работать немало; бѣдный графъ Гауке, его предмѣстникъ, запустилъ императорскіе театры, и имъ грозило полное банкротство. Графъ—несомнѣнно личность вполне порядочная,—былъ лекомысленный добрякъ, слабый характеромъ; послѣ тяжелыхъ объясненій съ начальникомъ гражданскаго управленія, изъ которыхъ выяснился крупный дефицитъ въ театральныхъ кассахъ, Гауке схватилъ горячку, которая въ семнадцать дней и уложила бѣднягу въ могилу.

«Огромный личный составъ театровъ, достигающій до семисотъ-восьмисотъ душъ, очень обрадованъ назначеніемъ Муханова. Кажется, это первое назначеніе за послѣдніе десять лѣтъ, которое встрѣчено съ полнымъ сочувствіемъ и въ публикѣ и польскимъ обществомъ.

«Такимъ образомъ, мы оказываемся окончательно привязанными къ Варшавѣ ¹⁾».

Потеря отца въ іюль 1868 года не была для М. Ѳ. Мухановой неожиданностью, такъ какъ графъ давно уже хирѣлъ, но горе и ношеніе траура мѣшали ей первое время такъ дѣятельно направлять судьбы варшавскихъ театровъ, какъ ей того хотѣлось; но уже въ томъ же 1868 году госпожа Муханова хлопочетъ о постановкѣ трагедіи Казимира Делавиня «Paria», поощряетъ Монюшку къ композиціи польскихъ оперъ и пишетъ, по ея выраженію, направо и налево, собирая театральныя свѣдѣнія, нужныя ея мужу.

«Постепенно я вошла,—отмѣчаетъ М. Ѳ. Муханова въ мартѣ 1869 года,—въ колею общей жизни или вѣрнѣе въ роль «президентши театровъ», какъ меня титулуютъ по-здѣшнему». Чтобы уживаться съ театральнымъ міркомъ, требуется особенное умѣніе, но новый управляющій театрами, при дѣятельномъ сотрудничествѣ жены,

¹⁾ Несомнѣнно, сочувствіе къ назначенію Муханова было вызвано не столько его личностью, ничѣмъ себя не зарекомендовавшею въ артистическомъ мірѣ, сколько личностью Маріи Федоровны, которая косвенно черезъ мужа могла благотворно вліять на судьбы варшавскаго артистическаго мірка. Дѣятельная учредительница мѣстной консерваторіи, превосходная піанистка, опытная устроительница концертовъ, она пользовалась вѣсомъ въ музыкальномъ европейскомъ мірѣ; обладала художественнымъ чутьемъ и могла и словомъ, и дѣломъ лично способствовать къ поднятію варшавскихъ театровъ. Конечно, тутъ свою роль сыграли и ея связи съ польскимъ обществомъ.

сумѣлъ оживить рвеніе драматической труппы, которая, особенно въ мужской ея половинѣ насчитывала не мало талантовъ. Еще лучше была обставлена итальянская оперная труппа, получивъ въ составъ такихъ исполнителей, какъ m-lle Арто, Каріонъ, Падилла и Бони.

При содѣйствіи солистовъ, М. Ѳ. Муханова, съ обычными ей умѣніемъ и вкусомъ, устроила у себя въ честь фельдмаршала Берга концертъ. Въ трехъ комнатахъ палаццо Станислава Потоцкаго, часть котораго давно уже занималъ покойный графъ Нессельроде вмѣстѣ съ дочерью и гдѣ временно все еще проживали Мухановы, собрались сливки варшавскаго high life (въ числѣ до ста человѣкъ), и не было такихъ «низостей», на какія не пускались падкіе до развлеченій варшавяне для полученія приглашенія на это празднество.

«Три раза въ недѣлю,—пишетъ М. Ѳ. Муханова,—я съ удовольствіемъ слушаю итальянцевъ въ ложѣ Serge'a, куда фельдмаршалъ каждый разъ является регулярно и просиживаетъ со мною первую половину оперы. Ни на обѣды, ни на вечера я приглашеній не принимаю.

«Послѣдніе шесть дней почти безотлучно у меня провелъ Таузигъ, который рекомендуетъ себя въ качествѣ моего «Hofpianist». Это—чудо талантности, музыкальной и иной. Человѣкъ большой эрудиціи, онъ стоитъ во главѣ берлинской консерваторіи, важно разбѣзжаетъ съ секретаремъ по всей Европѣ, а теперь приглашенъ на шестнадцать дней въ Петербургъ и Москву за пять тысячъ рублей, а между тѣмъ еще въ 1862 году, когда я его зазнала въ Вѣнѣ, бѣдняга питался мясомъ отъ бѣшеной коровы и тщетно добивался мѣста репетитора по математикѣ на четыреста гульденовъ.

«Вчера,—пишетъ М. Ѳ., въ понедѣльникъ пасхальной недѣли 1869 года,—мы устроили по польскому обычаю розговѣны послѣ заутрени; собралось къ намъ сто семьдесятъ человѣкъ—всѣ дворцовые чиновники, всѣ артисты драматической и оперной труппы, солисты оркестра, балетныя корифейки и, наконецъ, литераторы и журналисты, пишущіе о театрѣ.

«Провозглашенный сенаторомъ Карницкимъ тостъ въ мою честь былъ поддержанъ гостями съ дружнымъ воодушевленіемъ. Секретъ моей популярности среди артистовъ я тебѣ открою,—признается госпожа Муханова дочери.—Когда кто-нибудь изъ нихъ заболѣваетъ, я не стѣсняю съ большими моими ногами вскарабкиваться и на убогіе чердачки, чтобы помочь бѣднягамъ словомъ и дѣломъ; это очень ихъ трогаетъ.

«Сегодня же мы давали обѣдъ графу Хлаповскому и его женѣ—дивной красавицѣ и несравненной актрисѣ, которую Serge ловко переманилъ изъ Кракова на будущій сезонъ. Она идеальна и напоминаетъ en beau жену графа Адама Потоцкаго въ молодости.

На этомъ же обѣдѣ былъ еще прелюбопытный сотрапезникъ—изящный и удивительно добродушный князь Четвертинскій, только въ прошломъ году возвращенный изъ ссылки въ Сибирь, гдѣ ему довелось на шоссе и камни разбивать!»

Въ апрѣлѣ 1869 году М. Ѳ. Муханова отмѣчаетъ:

«Въ послѣдній понедѣльникъ я публично выступала въ платномъ концертѣ, устроенномъ почтеннымъ артистомъ Заржицкимъ ¹⁾. Тамъ мнѣ устроили форменную овацію, и когда я появилась на эстрадѣ, вся аудиторія, доходившая до шестисотъ человекъ, приняла, а затѣмъ и проводила меня громомъ рукоплесканій. Я вдругъ сразу сдѣлалась нагольшо популярною музыкальною извѣстностью, что теперь всѣ наперерывъ добиваются моего участія въ концертахъ. Если бы ты владѣла польскимъ языкомъ, я бы тебѣ переслала кучу газетъ, гдѣ до небесъ превозносятся мои доблести и таланты».

Начиная съ мая, остальную часть 1869 года М. Ѳ. Муханова проводитъ опять за границу, отчасти ради больной ноги, потребовавшей сложнаго ортопедическаго леченія.

Приѣхавъ въ Дрезденъ, она пишетъ дочери:

«Изъ Берлина я рѣшительно не имѣла времени тебѣ писать, потому что въ теченіе шести сутокъ *à la lettre* меня ни на часъ не оставляли въ покоѣ. Ихъ величества соизволили меня принять въ *prima sera* и въ закрытомъ платьѣ. Избѣгаю я парадныхъ приѣмныхъ, въ первыхъ, не имѣя достаточно денегъ тратиться на наряды, и во вторыхъ, слишкомъ у меня теперь ноги слабы для обиванія всѣхъ лѣстницъ.

«Дрезденъ мнѣ пришелся особенно по вкусу. Не выйди я замужъ, я бы совсѣмъ сюда перебралась доживать свои дни. Берлинъ же слишкомъ великолѣпный, шумный и поработываетъ».

Несмотря на всепоглощающую жизнь Берлина, М. Ѳ. Муханова въ юнѣ мѣсяцѣ снова приѣхала сюда, и въ этотъ приѣздъ особенно часто бываетъ у Бисмарка, который восторгается ея игрою на роялѣ, еще болѣе усовершенствовавшеюся, благодаря занятіямъ съ Таузигомъ.

Проведя затѣмъ августъ мѣсяць вмѣстѣ съ мужемъ въ Рейхенгалле, М. Ѳ. въ сентябрѣ отправляется въ Мюнхенъ, списавшись съ великою княгинею Еленою Павловною, чтобы тамъ встрѣтиться. Привлекала Муханову въ Мюнхенъ еще возможность частыхъ встрѣчъ съ Рих. Вагнеромъ, въ это время переживавшимъ медовые мѣсяцы своего супружества съ Козимою (разведенною женою пианиста фонъ-Бюлова).

Оставляя въ сторонѣ восторженные письма М. Ѳ. Мухановой о «Парсивалѣ», съ которымъ Вагнеръ ее ознакомилъ въ первыхъ

¹⁾ Александръ Заржицкій (1840—1895), пианистъ и композиторъ романсовъ, былъ директоромъ московской консерваторіи, а затѣмъ переселился въ Варшаву, гдѣ и умеръ.

наброскахъ, и о представлєніяхъ «Лознгриня» и «Золота Рейна», мы отмѣтимъ, что госпожа Муханова далеко не ограничивалась только воспріятіями музыкальныхъ впечатлѣній. Въ Мюнхенѣ за этотъ прїѣздъ она сблизилась съ художникомъ Ленбахомъ и съ французскимъ критикомъ Шюрэ.

По возвращеніи въ Варшаву къ масленицѣ 1870 года М. Ѳ. Муханова отмѣчаетъ:

«Варшава теперь отдыхаетъ, проплясавъ всю зиму. Переѣхавъ чрезъ границу, поражаешься веселіемъ, царящимъ въ этомъ краѣ. На желѣзнодорожныхъ дебаркадерахъ толпа,—всѣ оживленно болтають, шутятъ, смѣются, дамы жантильничаютъ и, кажется, у всѣхъ 1863 годъ испарился изъ памяти».

Раннею осенью госпожа Муханова опять уѣхала за границу въ Штутгартъ, желая принести посильную пользу «Женскому союзу», вѣдавшему въ Вюртембергѣ дѣломъ призрѣнія больныхъ и раненыхъ; больная нога, какъ и слѣдовало ожидать, не позволила госпожѣ Мухановой принять дѣятельное участіе въ уходѣ за ранеными, и она принуждена была ограничиться участіемъ въ заготовленіи перевязочныхъ средствъ.

Позднею осенью М. Ѳ. Муханова вернулась домой.

«Третьяго дня,—пишетъ она уже изъ Варшавы въ началѣ ноября 1870 года,—я провела въ Скерневицахъ въ императорскомъ дворцѣ, предоставленномъ отъ государя въ распоряженіе фельдмаршала князя Барятинскаго. Сосѣдство Барятинскихъ было бы для меня драгоцѣннымъ подспорьемъ, если бы ѣзда въ Скерневицы изъ Варшавы не была для меня обременительна. Фельдмаршалъ очень симпатиченъ и добръ и представляется мнѣ вполне культурнымъ человѣкомъ. Въ немъ живъ хорошій стиль добраго стараго времени, нынѣ исчезающій, и это меня настроило на оживленную съ нимъ бесѣду. Варшавскій же мірокъ попрежнему провинціаленъ, занятъ пустяками, любитъ поѣсть и выпить, пошлъ въ своемъ веселіи, общителенъ отъ нечего дѣлать, легковѣренъ и воспитанъ поверхностно какъ разъ настолько, что утратилъ самобытную индивидуальность, но не доросъ до космополитической широты умственного кругозора».

Мѣстныя варшавскія злобы дня оставляютъ госпожу Муханову равнодушною. Понятливая и внимательная ученица дяди-канцлера, М. Ѳ. Муханова, подъ вліяніемъ событій, разыгравшихся въ Германіи и Франціи, живо интересуется политикою, и этой темѣ посвящаетъ многія свои письма къ дочери.

Лѣтомъ 1871 года госпожа Муханова, разстроенная оставленіемъ жилища во дворцѣ Потоцкаго, съ которымъ у нея соединялись воспоминанія многихъ прожитыхъ тамъ годовъ, опять уѣзжаетъ за границу—въ Баденъ-Баденъ. Вслѣдъ за обрученіемъ княжны Софїи Гатаринной съ графомъ Муравьевымъ, внукомъ Муравьева-

Виленскаго, произведшимъ на госпожу Муханову очень пріятное впечатлѣніе по поэтической его обстановкѣ, она отмѣчаетъ съ большимъ сожалѣніемъ безвременную кончину піаниста Таузига (умершаго въ Лейпцигѣ 17-го іюля), но впечатлѣнія пестрой заграничной жизни чередовались настолько быстро, что останавливаться подолгу на разныхъ недочетахъ подвижной натурѣ М. Ѳ. Мухановой не приходилось.

«Послѣднія двѣ недѣли,—пишетъ она,—я вела жизнь страшно разсѣянную. Императоръ и императрица (германскіе) были со мною болѣе любезны, чѣмъ когда-либо, хотя я и не принадлежу къ ихъ придворному штату».

Какъ прежде М. Ѳ. Муханова ни тяготила къ блеску и освѣдомленности придворной жизни, теперь онъ ее мало интересовалъ, и она поспѣшила уѣхать изъ Баденъ-Бадена и милостей «hohe Herrschaften» въ Мюнхенъ.

«Пора себѣ признаться, что въ придворныя сѣры *ich passe nicht mehr hinein* (я болѣе не подхожу). Когда меня выводятъ изъ артистической среды, я начинаю и сама скучать и на другихъ навожу тоску. Допуская даже, что мои теперешніе друзья (Листъ, Вагнеръ, Таузигъ) имѣютъ прескверный нравъ, это окушается тѣмъ, что каждый изъ нихъ имѣетъ свои завѣтные идеалы. Поэтому на этихъ друзьяхъ сосредоточиваются всѣ мои интересы, на нихъ я примиряюсь и въ нихъ нахожу удовлетвореніе моимъ духовнымъ запросамъ»,—признается М. Ѳ. Муханова.

Поэтому особенное наслажденіе доставилъ М. Ѳ. Мухановой пріѣздъ въ Мюнхенъ графа А. К. Толстого.

«Это,—пишетъ она дочери въ январѣ 1872 года,—одинъ изъ лучшихъ нашихъ русскихъ писателей и—что я цѣню превыше всего—графъ обладаетъ золотымъ сердцемъ и славянскою добротою въ совершенной ея законченности. Графъ мнѣ, между прочимъ, рассказалъ, что несмотря на близость его къ государю, русская театральная цензура запретила ставить на сцену его драму «Царь Ѳедоръ Іоанновичъ», и она пойдетъ въ нѣмецкомъ переводѣ въ маѣ мѣсяцѣ на Веймарской сценѣ, по нарочитому желанію великаго герцога».

Вернувшись въ Варшаву и пробывъ тамъ съ марта по май 1872 г., госпожа Муханова ѣдетъ на байрейтскія торжества по случаю закладки театра, и только къ іюню возвращается опять въ Варшаву на похороны Монюшки.

Мухановъ, желая почтить память композитора, оперы котораго не сходили съ варшавской сцены, взялъ на себя починъ устройства похоронъ, которыя приняли характеръ внушительной манифестаціи. Заупокойную обѣдню служилъ епископъ Барановичъ, нарочно для этого пріѣхавшій изъ Люблина. Во время церковнаго служенія оперными артистами былъ исполненъ *Requiem*, сочиненный самимъ Монюшко—очень красивый и произведшій на публику потрясаю-

щее впечатлѣніе. По распоряженію ректора, въ день похоронъ Моношкы лекціи были прекращены и всѣ студенты приняли участіе въ процессіи, въ которую постепенно влилась масса гимназистовъ, членовъ музыкальнаго общества и консерваторіи, горожанъ и молодежи. Чтобы достигнуть кладбища, процессія употребила четыре часа. Гробъ несли Мухановъ, генераль Краснокутскій и чиновники театральнаго дирекціи. На театральнаго площади печальный кортежъ остановился и оркестръ исполнилъ маршь, сочиненный для этого случая на темы изъ оперы «Гальки»; епископъ, въ сопровожденіи тридцати представителей духовенства проводилъ гробъ до самаго кладбища, а на могилѣ были произнесены прочувствованныя рѣчи.

Любопытно, что во время слѣдованія процессіи, достигавшей 60.000 человѣкъ, полиція съ большимъ тактомъ воздерживалась отъ всякаго вмѣшательства въ наблюденіе за порядкомъ, такъ какъ студенты и гимназисты приняли это на себя и расположились на пути слѣдованія непрерывною цѣпью.

Хотя нѣжная, элегическая и полная лиризма музыка Моношкы пріобрѣла въ Польшѣ широкую популярность и нѣтъ, кажется, культурной семьи, гдѣ бы ни имѣлись и ни пользовались почетомъ его сборники пѣсенъ, гимновъ, мотеттовъ и мессъ, тѣмъ не менѣе Моношко всю жизнь боролся сначала съ бѣдностью, а потомъ съ добровольными лишеніями, такъ какъ щедро поддерживалъ учащуюся молодежь. Умеръ онъ бѣднякомъ, хотя отецъ его, принадлежавшій къ аристократіи и бывшій въ близкомъ родствѣ съ Ржевускими, нѣкогда владѣлъ крупными помѣстьями, имѣлъ картинную галерею, держалъ скаковую конюшню и т. д., но все растратилъ еще при жизни. По почину Мухановыхъ же состоялась и общественная подписка въ пользу семьи Моношко, весьма многочисленной и насчитывавшей въ числѣ прочихъ членовъ семьи, обездоленныхъ смертью композитора, восьмидесятилѣтнюю его мачеху.

Осень 1872 года госпожа Муханова опять проводитъ за границу, внѣшнимъ поводомъ къ этой поѣздкѣ явились переговоры съ піанистомъ и композиторомъ Гансомъ Бюловымъ, котораго Мухановъ хотѣлъ залучить въ Варшаву хоть на годъ—передъ отъѣздомъ Бюлова въ Америку, предлагая Бюлову музыкальную диктатуру надъ варшавскимъ опернымъ театромъ для поднятія его доходности.

«Вчера вечеромъ,—пишетъ Муханова,—я ѣздила на вокзалъ встрѣчать великую княгиню Александру Іосифовну и пила у нея чай. Младшіе ея сыновья обворожительны, особенно морякъ (великій князь Константинъ Константиновичъ)—послѣдній играетъ на роялѣ и на віолончели и участвуетъ въ концертахъ, устраиваемыхъ его отцомъ».

По обыкновенію, заграничное путешествіе завершилось продолжительнымъ пребываніемъ въ Баденъ-Баденѣ у ея кузины графини Маріи Карловны Зеебахъ, которой госпожа Муханова продала свою виллу.

Вскорѣ послѣ ея приѣзда, императрица германская, войдя въ салонъ къ графинѣ Зеебахъ, пожурила вновь приѣзжую: «Marie Mouchanoff ne veut pas me connaître» (Мари Муханова не хочетъ меня и знать), и во время дальнѣйшаго разговора распространилась о томъ, какъ ей пріятно было видѣть дружелюбную встрѣчу между ея супругомъ и государемъ Александромъ Николаевичемъ. Всѣ они были въ баденъ-баденской православной церкви на молебнѣ по случаю тезоименитства государя и, прибавила императрица многозначительно: «я испытала чувство особеннаго умиленія, когда мы всѣ втроемъ прикладывались къ святому кресту».

Пребываніе М. Ѳ. Мухановой у графини Маріи Карловны Зеебахъ еще болѣе оживилось приѣздомъ въ это время къ сестрѣ графа Дмитрія Карловича Нессельроде. «Онъ привезъ изъ Лондона и Парижа кучу новостей и интересныхъ разсказовъ. Дмитрій забавень, doch ein Vummier (но шалопай), отецъ его дѣлалъ исторію, а онъ только умѣетъ пересказывать анекдоты»,—аттестуетъ М. Ѳ. Муханова довольно безжалостно своего кузена.

«Все это время,—пишетъ М. Ѳ. Муханова дочери,—я была очень пріятно занята nach Aussen. Пока императрица (Августа) гостила въ Баденѣ: «war ich sehr, sehr in Anspruch genommen». Для всякаго другого подобное жженіе свѣчи съ обоихъ концовъ—въ семьѣ Зеебаховъ и въ свѣтѣ со всѣми вечерами, обѣдами и проявленіями музыкальнаго таланта въ частныхъ и общественныхъ собраніяхъ—было бы до смерти утомительно, я же, кажется, никогда лучше себя не чувствовала. Силы свои, какъ и деньги, нужно тратить, *gann hat man etwas davon, es trägt ein und bereichert*. (Тогда имѣешь за это нѣчто, траты производительны и обогащаютъ).

Съ такимъ же оживленіемъ претекло для госпожи Мухановой посѣщеніе Штутгарта съ музыкальною цѣлью ради празднованія юбилея Фр. Листа.

Послѣ интенсивной и содержательной жизни за границею въ избранномъ артистическомъ и придворномъ кругу, вполне понятно, что М. Ѳ. Муханова, вернувшись домой, испытываетъ реакцію и тяготится «провинціализмомъ» варшавскаго прозябанія.

Въ декабрѣ 1872 года она пишетъ зятю:

«Запасъ варшавскихъ развлеченій не обширень. Итальянская опера въ настоящемъ сезонѣ болѣе сносна, чѣмъ обыкновенно. Здѣсь теперь поетъ баритонъ Бутти (пѣвецъ и истолкователь Вагнера въ Италіи)... и очень юная м-лле Маріани, обладающая дивнымъ голосомъ. Зато репертуаръ прямо-таки ужасень: Іоанна д'Аркъ и Сицилійскія вечерни (трескучія оперы Верди). Правда, пражскій капелмейстеръ Сметана ¹⁾ прислалъ мнѣ партитуру «*Prodna Ne-*

¹⁾ Фридрихъ Сметана (1824—1884), талантливый чешскій композиторъ, подъ старость оглохшій и окончившій жизнь въ сумасшедшемъ домѣ.

wésta» (посвященной великому князю Константину Николаевичу) представляет она собою истинную жемчужину. Я надѣюсь склонить дирекцію приобрести эту партитуру, которая и по стилю, и по условіямъ монтировки вполне подходит къ средствамъ варшавскаго театра».

Ведя въ Варшавѣ существованіе «наполовину Lohndiener'a и наполовину извозничьей клячи», по выраженію М. Ѳ. Мухановой, она спасительный отдых находила только въ чтеніи Канта.

«Рѣдко какое чтеніе доставляло мнѣ бѣльшее удовольствіе,— пишетъ она.—Этимъ я себѣ объясню и народженіе поколѣнія крупныхъ нѣмецкихъ свѣтилъ, которыя выросли на ученіи Канта»... «Плохое состояніе моей ноги способствуетъ улучшенію моей психики. Ограничиваясь разсылкою карточекъ, я провожу большую часть дня лежа. So lebt es sich zwischen Himmel und Erde (такъ и живешь между небомъ и землею) въ возможномъ отвлеченіи отъ дѣйствительности. Всѣ и вся кажутся мнѣ ребяческими, посредственными и пошлыми. Право, сердце мое чуждо недоброжелательства и пренебреженія, aber die Gemeinheit der Gesinnung, das Unschöne der Lebensweise (но къ пошлости убѣжденій и къ грязи житейскаго обихода),—къ нимъ никогда я не привыкну».

Поѣздка за границу, предпринятая весной 1873 года для совѣта съ врачами, вслѣдствіе усилившихся невралгическихъ болей, М. Ѳ. Мухановой облегченія не доставила—правда, временами она, попадая въ симпатичную ей среду, оживлялась. Такъ въ Берлинѣ, проведя три дня въ постели, усталая и изнервничавшаяся, она всѣмъ знакомымъ, пытавшимся ее провѣдать, приказывала отвѣчать: «я не могу ни съ кѣмъ говорить и завтра же уѣзжаю», но достаточно было графинѣ Мими Шлейницъ ¹⁾ пригласить Муханову на обѣдъ по случаю приѣзда Антона Рубинштейна, только что вернувшагося изъ Америки, чтобы она ожила и взбодрилась; «я словно кошка, которая, упавъ съ четвертаго этажа, встряхивается и встаетъ на всѣ четыре лапки, совсѣмъ здоровая»,—шутитъ она.

Приливы бодрости чередовались, однако же, все чаще съ приступами невралгическихъ болей. «Съ самой весны, по смутнымъ предчувствіямъ я готовлюсь къ смерти. Съ изломаннымъ умомъ и измученнымъ воображеніемъ я испытываю какое-то странное спокойствіе, а когда придетъ смерть, я ее встрѣчу, словно избавительницу».

«Самое трудное я, кажется, уже превозмогла,—пишетъ она зятю въ мартѣ 1874 года.—Со вчерашняго дня страшныя боли, отъ которыхъ я вдругъ посѣдѣла, дали мнѣ передышку, и я наслаждаюсь чтеніемъ и разговорами съ Serge'емъ и моими добрыми пріятельницами, Сержпотовскою и Гальпертъ».

¹⁾ Жена министра иностранныхъ дѣлъ (1858—1861), а затѣмъ двора прусскаго короля, хорошая піанистка, ур. Бушь; обожала своего мужа, хотя тотъ и былъ старше ея на 35 лѣтъ.

Послѣ приступа новыхъ болей, продлившагося четверо сутокъ, госпожа Муханова приписываетъ къ письму:

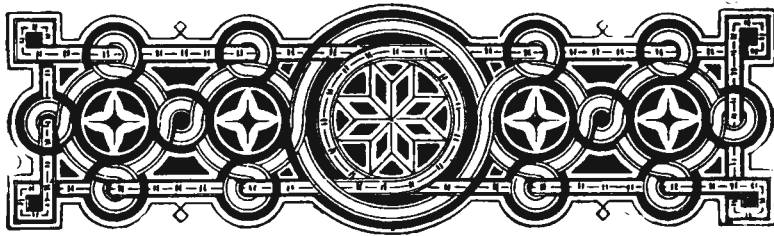
«Мужа я къ себѣ во время припадковъ не выпускаю и сочту за божеское благодѣяніе, если скоро меня постигнетъ кончина и для мужа явится возможность устроить жизнь по новому. Мысль о томъ, что Serge прикованъ къ моему бѣдственному существованію и что я дѣлаю его несчастнымъ, совершенно меня обезкураживаетъ».

21 мая 1874 года, послѣ новаго приступа болей, госпожа Муханова къ вечеру почувствовала приливъ бодрости, долго разговаривала съ своею тещею, мужемъ и графинею Еленею Карловною Хрентовичъ, но ночью у нея открылось сильное кровотеченіе, и въ шесть часовъ утра 22 мая, сильно ослабѣвъ, она пожелала видѣть духовника. Вошедшему послѣ духовника мужу она только успѣла прошептать: «Я причастилась, помолись за меня, а распятіе передай Marie»—и впала въ агонію.

Фр. Листъ почтилъ память усопшей сочиненіемъ на ея смерть элегіи и особымъ концертомъ въ Веймарѣ, составившимъ въ свое время крупное событіе въ музыкальномъ мірѣ, а Рихардъ Вагнеръ, въ своемъ самообожаніи далеко не расточительный на похвалы, въ замѣткѣ, посвященной музыкальной дѣятельности М. Ф. Калерджи-Мухановой, подчеркиваетъ то необычайное въ жизни свѣтской явленіе, что она всегда оставалась вѣрна себѣ въ страстныхъ поискахъ за идеальными благами и красою. Въ стараніяхъ ихъ постигнуть и осуществить и протекла вся ея содержательная жизнь.

В. И. Штейнъ.

ЦАРЕУБИЙСТВО 1 МАРТА 1881 ГОДА ¹⁾.

(Историческіе очерки).

VI. Покушенія на жизнь императора Александра I.

I.

АМЪ извѣстны изъ предыдущей части настоящихъ очерковъ лица, которыя въ первую голову вошли въ составъ вновь образованнаго революціоннаго общества «Народная Воля» и кто былъ избранъ стать въ его главѣ и сдѣлаться руководителями его исполнительныхъ органовъ. Но перечисленными дѣятелями, какъ мужчинами, такъ и женщинами, не исчерпывался даже въ 1879 г. весь составъ «Народной Воли»—онъ быстро пополнялся, и на протяженіи времени, обнимающаго собою двухлѣтіе, мы видимъ рядъ именъ, которымъ въ движеніи революціонныхъ событій пришлось играть выдающуюся роль и связать себя самымъ тѣснымъ образомъ съ исторіей русскаго террора. Вотъ тѣ главнѣйшія лица, которыя до катастрофы 1 марта 1881 года включительно особенно выдѣлились изъ всего революціоннаго сообщества, или имѣли къ этому сообществу близкое отношеніе: Арончикъ Айзикъ Бор., Баранниковъ А. И., Богдановичъ (Кобозевъ) Юр. Н.,

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», 1910 г., т. СХХІ, стр. 738.

Бухъ Ник., Гельфманъ Геся, Грачевскій Н. Ѳ., Гриневецкій Игн. І., Грязнова М. В., Емельяновъ И. П., Желябовъ И. А., Златопольскій Л. С., Зубковскій Аѳ. А., Зунделевичъ Аар. И., Иванова С. А., Ивановская П. С., Исаевъ Г. П., Квятковскій А. А., Кибальчичъ Н. И., Клѣточниковъ Н. В., Кобылянскій Людв., Колоткевичъ Н. И., Лангансъ М. Р., Лебедева Т. И., Люстигъ Ф. О., Меркуловъ В. А., Михайловъ А. Д., Михайловъ Тим., Морозовъ Н. А., Окладскій Ив., Оловенникова Е. Н., Перовская С. Л., Похитоновъ, Прѣсняковъ Анд. К., Рогачевъ, Рысаковъ М. И., Саблинъ Н. А., Сухановъ Н. Е., Теллаловъ П. А., Терентьева Л. Д., Тетерка М. В., Тихановъ Як., Тригопи М. Н., Тихомировъ Левъ А., Фигнеръ Вѣра Н., Франжоли А. А., Фриденсонъ Гр. М., Фроленко М. Ѳ., Халтуринъ С. Н., Чемоданова Л., Цукерманъ Лейзеръ, Ширяевъ Ст. Г., Якимова А. В.

Здѣсь перечислены главнымъ образомъ тѣ лица, имена которыхъ встрѣтились въ послѣдствіи въ процессѣ «первомартовцевъ», въ «дѣлѣ о 16-ти террористахъ», «20-ти народовольцевъ» и кто такъ или иначе, но принималъ ближайшее участіе въ террористической жизни эпохи 1879—1881 гг. Конечно, тутъ представленъ далеко не весь составъ «Народной Воли» съ ея провинціальными развѣтвленіями и военно-морскими кружками, многіе ускользнули отъ административнаго и судебного преслѣдованія правительства, остались въ тѣни, въ неизвѣстности, не выдѣлились никакимъ рѣзкимъ активнымъ участіемъ въ исторіи тогдашняго революціоннаго движенія или сдѣлались достояніемъ правосудія лишь въ послѣдующій періодъ отечественной жизни, который, быть можетъ, если обстоятельства тому будутъ благоприятны, составитъ содержаніе нашего историческаго повѣствованія лишь въ послѣдствіи. Таковыхъ лицъ мы исключили изъ настоящаго обзорѣнія, остановившись лишь на тѣхъ, кто явился дѣйствующими лицами лишь въ это двухлѣтіе. Немало было у сказанныхъ лицъ и у всего революціоннаго сообщества и сочувствующихъ изъ общества, помогавшихъ имъ въ интересахъ поставленныхъ задачъ матеріальными средствами, указаніями, справками, укрывательствами и всякими иными способами, имъ доступными, лишь бы они дозволяли революціонерамъ выполнять свою политическую задачу, изложенную въ той программѣ, о которой рѣчь будетъ ниже. Такихъ сочувствующихъ и содѣйствующихъ было въ тѣ годы немало и, преимущественно, въ корпораціяхъ свободныхъ профессій—писательскихъ, адвокатскихъ, врачебныхъ и др., а также въ средѣ земскихъ дѣятелей, также и въ правительственныхъ учрежденіяхъ, что въ значительной степени облегчало конспиративную и нелегальную жизнь и дѣятельность всей партіи, благодаря чему, несомнѣнно, она въ короткое время и достигла извѣстныхъ успѣховъ въ преслѣдованіи намѣченныхъ цѣлей. Энергія партіи и ея умѣлость проникновенія именно въ разные слои и учрежденія была настолько велика и интенсивна

на ряду съ совершенной дезорганизованностью власти, даже несмотря на всѣ напряженія административныхъ органовъ послѣдней, что партія удалось даже проникнуть въ центръ тогдашней полицейско-административной жизни правительства, въ знаменитое «III Отдѣленіе», и въ лицѣ Н. В. Клѣточникова, помощника дѣлопроизводителя этого историческаго отнынѣ Отдѣленія, имѣть своего агента, который ее информировалъ обо всемъ, что затѣвается и предпринимается здѣсь въ дѣлѣ борьбы съ революціей. О дѣятельности Клѣточникова мы скажемъ далѣе, а пока отмѣтимъ, что говоря объ участіи представителей свободныхъ профессій въ явленіяхъ тогдашней революціонной жизни, мы разумѣемъ здѣсь изъ писательскаго міра, кромѣ Н. К. Михайловскаго, С. Н. Кривенки и Гл. Ив. Успенскаго, о которыхъ въ своемъ мѣстѣ уже было говорено, еще и сочувствіе слѣдующихъ писателей—В. А. Гольцева, К. М. Станюковича, Н. В. Шелгунова, В. В. Лессевича, Н. О. Анненскаго, И. О. Павленкова, С. Н. Южкова, состоявшихъ въ близкомъ отношеніи ко многимъ представителямъ тогдашней революціонной жизни и за это свое отношеніе въ разное время поплатившихся болѣе или менѣе продолжительными ссылками въ Сибирь и въ такъ называемыя «мѣста не столь отдаленныя». Объ остальныхъ свободныхъ профессіяхъ мы распространяться не будемъ, напомнимъ лишь объ услугахъ революціи, оказанныхъ докторомъ Веймаромъ. Что касается правительственныхъ учрежденій, гдѣ партія «Народной Воли» имѣла несомнѣнныя связи, то, кромѣ III Отдѣленія, въ числѣ таковыхъ можно указать, напримѣръ, государственный банкъ, черезъ нѣкоторыхъ служащихъ котораго революціонеры сносились съ крѣпостью и ея служилымъ персоналомъ, что и выяснилось впоследствии, какъ мы то уже знаемъ, изъ разслѣдованія о сношеніяхъ знаменитаго Нечаева съ волею. Что касается земскихъ сферъ, то и здѣсь у партіи «Народной Воли» были сторонники, друзья и покровители, благодаря чему начавшееся еще въ первой половинѣ семидесятыхъ годовъ заполненіе платныхъ должностей по земству представителями политической оппозиціи получаетъ съ теченіемъ времени своего рода право гражданства, создавая внутри Россіи нѣкоторые кадры этой оппозиціи въ видѣ того третьяго сословія, которое несло въ населеніе систематическое недовольство существующимъ порядкомъ вещей, критику этого порядка и порицанье его носителей, благодаря чему создавалось послѣдовательное дискредитированіе власти, каковому дискредитированію немало содѣйствовала и сама власть своимъ неумѣлымъ служеніемъ интересамъ Россіи, пренебреженіемъ этими интересами и, сплошь и рядомъ, предпочтеніемъ интересовъ государственности интересамъ личнаго своекорыстія, карьеризма и индифферентизма. Помѣстная губернская власть, стоявшая въ большинствѣ случаевъ въ отношеніяхъ недоброжелательства къ представителямъ земскаго начала, часто уступала послѣднимъ въ широтѣ пониманія и оцѣнки интересовъ народныхъ массъ, чѣмъ

несомнѣнно и пользовалось «третье сословіе», проводя въ своей дѣятельности тенденціи, согласныя съ тѣми, которыя почерпались изъ революціоннаго источника. Этотъ же революціонный источникъ твердилъ о представительномъ правленіи и учредительномъ собраніи, долженствовавшихъ смѣнить существующій строй, пришедшій къ концу семидесятыхъ годовъ къ значительному развалу и приведшій населеніе къ культурному застою и экономическому обнищанію. Проповѣдь такой постановки вопроса была изложена въ одной изъ программъ «Народной Воли», гдѣ говорилось примѣнительно къ тому времени:

«По основнымъ своимъ убѣжденіямъ, мы социалисты народники. Мы убѣждены, что только на социалистическихъ началахъ человѣчество можетъ воплотить въ своей жизни свободу, равенство, братство, обезпечить общее матеріальное благосостояніе и полное всестороннее развитіе личности, а, стало быть, и прогрессъ. Мы убѣждены, что только народная воля можетъ санкціонировать общественныя формы, что развитіе народа прочно только тогда, когда оно идетъ самостоятельно и свободно, когда каждая идея, имѣющая воплотиться въ жизнь, проходитъ предварительно черезъ сознаніе народа. Народное благо и народная воля—два наши священнѣйшіе и неразрывно связанные принципа... Вглядываясь въ обстановку, среди которой приходится жить и дѣйствовать народу, мы видимъ, что народъ находится въ состояніи полного рабства экономическаго и политическаго... Надъ закованнымъ въ цѣпи народомъ мы замѣчаемъ облегающіе его слои эксплуататоровъ, создаваемыхъ и защищаемыхъ государствомъ. Мы замѣчаемъ, что это государство составляетъ крупнѣйшую въ странѣ капиталистическую силу, что оно же составляетъ единственнаго политическаго притѣснителя народа, что благодаря ему только могутъ существовать мелкіе хищники. Мы видимъ, что этотъ государственный буржуазный наростъ держится исключительно голымъ насиліемъ: своей военной, полицейской и чиновничьей организаціей, совершенно также, какъ держались у насъ монголы Чингисъ-хана. Мы видимъ совершенное отсутствіе народной санкціи этой произвольной и насильственной власти, которая силою вводитъ и удерживаетъ такіе государственные и экономическіе порядки, которые не имѣютъ ничего общаго съ народными желаніями и идеалами.

«Въ самомъ народѣ мы видимъ еще живыми, хотя всячески подавленными, его старыя традиціонныя принципы: право народа на землю, общинное и мѣстное самоуправленіе, зачатки федеративнаго устройства, свободу совѣсти и слова. Эти принципы получили бы широкое развитіе и дали бы совершенно новое направленіе въ народномъ духѣ всей нашей исторіи, если бы только народъ получилъ возможность жить и устраиваться такъ, какъ хочетъ, сообразно со своими собственными наклонностями».

Въ виду такого положенія дѣлъ партія полагаетъ, что для устраненія всѣхъ вышесказанныхъ дефектовъ народной жизни, необходимо свергнуть существующее правительство, отнять у него власть насильственнымъ образомъ, т. е. произвести *политическій* переворотъ, съ цѣлью передачи власти учредительному собранію, составленному изъ ставленниковъ народа, избранныхъ свободно,

всеобщую подачею голосовъ. Эти избранники, слѣдуя инструкціямъ своихъ избирателей, должны пересмотрѣть всѣ наши государственныя и общественныя учрежденія и перестроить ихъ, согласно волѣ народа и тѣмъ началамъ жизни, которыя отмѣчены выше и которыя, по мнѣнію партіи, «еще живы» въ народѣ.

Эти идейныя основы программы партіи имѣли за собою многихъ сторонниковъ въ русскомъ обществѣ и въ томъ рабочемъ сословіи, куда онѣ такъ или иначе проникали. Земское дворянство и интеллигенція вообще сочувствовали попреимуществу политической постановкѣ вопроса, податныя сословія тѣмъ социальнымъ и экономическимъ сторонамъ дѣла, которыя, хотя и въ довольно туманныхъ абрисахъ, но все же сулили имъ лучшее будущее замѣнъ того непригляднаго настоящаго, которое плотно окутывало ихъ повседневную жизнь. Такимъ образомъ идеи, развиваемыя литературой «Народной Воли», просачивались въ общественное сознание, а потому и носители этихъ идей легко встрѣчали себѣ среди многихъ и многихъ представителей нашей общественности сочувствіе и поддержку. Правда, эта поддержка скорѣе носила въ себѣ въ большинствѣ случаевъ платоническій характеръ, ибо проявленію поддержки открытой, реальной и активной не позволяли соображенія самосохраненія и личной безопасности. Но если идейная сторона числила за собою многихъ сторонниковъ, то нельзя того же сказать о способахъ проведенія въ жизнь и осуществленія этихъ идей. На сторону террора большинство идейно сочувствующихъ не становилось, а самое царевубійство скорѣе всѣмъ, за немногими исключеніями, претило и было враждебно. вмѣстѣ съ тѣмъ партія оказалась ушедшею всецѣло именно въ террористическую сторону своей дѣятельности, поглотившую цѣликомъ всѣ ея силы, средства и помыслы, не оставляя мѣста ни для чего другаго. Она, намѣчая лишь будущее, фактическую разработку его какъ бы оставляла совершенно въ сторонѣ, предоставляя работу надъ этимъ будущимъ инымъ категоріямъ русской общественности, силамъ либерализма, сохраняя за собою лишь работу надъ разрушеніемъ существующаго строя, препятствующаго достиженію этого будущаго. Въ этомъ заключался трагизмъ партіи, вполне правильно оцѣниваемый такими ея представителями, какъ Желябовъ, который заявлялъ между прочимъ Тихомирову: «мы проживаемъ капиталъ». Въ томъ же духѣ оцѣнивала положеніе партіи и М. Оловенникова.

Въ воспоминаніяхъ по сему предмету она пишетъ ¹⁾: «Передъ 1 марта засѣданія исполнительнаго комитета носили характеръ лихорадочный; чувствовалось смутное напряженіе нервовъ, нѣкоторая усталость и развинченность. Все вниманіе поглощалось терроромъ да еще военными и ихъ участіемъ въ ближайшемъ предпріятіи (осво-

¹⁾ «Былое» 1907 г. № 7.

божденіи Нечаева, отъ котораго намъ, особенно Желябову, не хотѣлось отказаться, несмотря на письмо Нечаева, умолявшаго не заботиться о немъ...) На этихъ послѣднихъ общихъ засѣданіяхъ до 1 марта... всѣ разговоры вертѣлись на этихъ ближайшихъ планахъ. Говорили также о пополненіи комитета и развитіи мѣстныхъ группъ. Нашъ отчетъ съ Теллаловымъ о московской группѣ (единственной серьезной поддержкѣ въ слу-

Марія Николаевна Оловеникова.

(Марія Никаноровна Полонская).

чаѣ провала стариковъ) возбудилъ даже преувеличенныя надежды, но въ общемъ былъ выслушанъ вяло. Только Желябовъ послѣ засѣданія хотѣлъ узнать всѣ подробности и особенно характеристики лицъ, могущихъ быть кандидатами въ члены комитета. Онъ чувствовалъ, что большинство выбудетъ изъ строя и, говоря со мною въ этотъ разъ, признавалъ, какъ и раньше, пагубную сторону террора, заманивающаго помимо ихъ воли людей. Я хорошо

помню тотъ разговоръ, потому что онъ продолжался и на второй день. Что будетъ послѣ покушенія, удачнаго или неудачнаго? Ни на какія серьезныя переменны въ политическомъ строѣ Желябовъ не рассчитывалъ. Максимумъ, чего онъ да и другіе ждали—это, что намъ будетъ легче продолжать свою дѣятельность: укрѣпить организацію и раскинуть ея сѣти во всѣ сферы общества. Но и это при условіи, что уцѣлѣетъ хоть часть людей, способныхъ и привыкшихъ вести дѣло общей организаціи. Желябовъ боялся, что и этого можетъ не быть. Поэтому-то онъ и придавалъ такое значеніе Москвѣ, думая, что тамъ кроется та ячейка, изъ которой выработается новый комитетъ въ случаѣ гибели стараго. Что касается всѣхъ остальныхъ, то мало кто заботился о будущемъ, всѣ способности, казалось, поглощены однимъ: удачнымъ выполненіемъ покушенія. Впрочемъ, на одномъ изъ собраній помню Суханова, развивавшаго свои планы бомбардированія Петербурга кронштадтскимъ флотомъ; онъ, казалось, сильно вѣрилъ въ осуществимость своихъ плановъ и на чье-то скептическое замѣчаніе отвѣчалъ: «дайте еще годикъ-другой, увидите». Почему-то меня поразила въ этотъ разъ фигура Исаева. Это былъ человѣкъ очень не глупый и на котораго раньше возлагались большія надежды. Теперь оказалось, что онъ ни о чемъ не могъ говорить, кромѣ динамита и бомбы. Отъ его наклонности теоретизировать не осталось и слѣда и онъ даже не жаловался, какъ Желябовъ, на невозможность «почитать книжки». Вообще я уѣхала изъ Петербурга въ очень тяжеломъ настроеніи. Фраза Желябова: «Помни, если твоя Москва не выручитъ, будетъ плохо», показывала ясно насколько положеніе шатко...»

Оловенникова правильно изобразила положеніе дѣлъ. Вся партія цѣликомъ ушла въ «динамитъ» и «бомбу» и политика съ ея программами обновленія Россіи въ конституціонномъ направленіи какъ-то расплылась и сошла на нѣтъ. Либералы, съ одной стороны, и замѣстители имѣющихъ погибнуть «стариковъ» съ другой, должны были со временемъ этимъ заняться, а пока... пока въ наличности оставалась лишь террористическая конспирація съ ея ближайшимъ намѣчаемымъ результатомъ—цареубійствомъ.

II.

Боевое положеніе небольшой сравнительно революціонной группы было очень трудное, особенно передъ лицомъ сильнаго правительства, вооруженнаго всѣми средствами, позволявшими ему, при умѣломъ веденіи борьбы съ терроромъ, легко раздавить кучку людей, сконцентрировавшихся къ концу 70-хъ годовъ въ Петербургѣ. И вмѣстѣ съ тѣмъ мы видимъ, что эта кучка въ теченіе почти двухъ лѣтъ остается цѣлою, продолжаетъ свою заговорщицкую дѣятель-

ность, усиленно выдвигаетъ одинъ планъ цареубійства за другимъ, пытается эти планы осуществить и остается внѣ улова полицейской власти. Въ значительной мѣрѣ такому положенію вещей способствовало именно то обстоятельство, что партія сумѣла выдѣлить изъ своей среды агента, проникшаго въ центръ враждебнаго лагеря и оттуда подававшего нужные сигналы, обезпечивавшіе членамъ партіи безопасность и свободу дѣйствій. Агентомъ партіи въ нѣдрахъ III Отдѣленія, какъ уже сказано было, состоялъ Клѣточниковъ. О томъ, какъ онъ попалъ въ близость партіи и вслѣдъ за симъ при ея содѣйствіи оказался на службѣ въ жандармскомъ управленіи, выяснилось на процессѣ 20-ти народовольцевъ¹⁾ въ 1882 году, гдѣ изъ показаній его самого, Клѣточникова, и другихъ обвиняемыхъ мы узнаемъ слѣдующее.

Николай Васильевичъ Клѣточниковъ, уроженецъ гор. Пензы, по окончаніи курса въ мѣстной гимназіи сначала слушалъ лекціи въ московскомъ университетѣ, въ качествѣ вольнослушателя, который оставилъ по разстроенному здоровью и уѣхалъ на родину въ гор. Пензу. Въ 1870 г., прибывъ въ Крымъ для леченія, онъ остался тамъ на службѣ и занималъ должность письмоводителя ялтинскаго уѣзднаго предводителя дворянства и секретаря ялтинскаго съѣзда мировыхъ судей. Въ началѣ 1873 г. Клѣточниковъ, получивъ небольшое наслѣдство отъ родителей, ѣздилъ за границу, на Вѣнскую всемірную выставку. Въ 1876 г., соскучившись, по его словамъ, въ гор. Ялтѣ, онъ перешелъ въ Симферополь на должность кассира мѣстнаго общества взаимнаго кредита съ жалованьемъ 1000 руб. въ годъ. Въ сентябрѣ 1877 г., желая снова пожить столичною жизнью и окончить курсъ высшаго учебнаго заведенія, онъ переѣхалъ въ Петербургъ издѣсь поступилъ вольнослушателемъ въ медико-хирургическую академію, но, отвыкнувъ отъ учебныхъ занятій, долженъ былъ оставить академію и отправился въ Пензу къ роднымъ, откуда снова возвратился въ Петербургъ въ октябрѣ 1878 г. для пріисканія себѣ мѣста, каковое и нашелъ въ агентурномъ отдѣленіи при 3-й экспедиціи III Отдѣленія собственной его величества канцеляріи.

Мѣсто это было имъ получено при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Подыскивая себѣ занятіе, онъ случайно встрѣтился у одного знакомаго съ Александромъ Михайловымъ, представленнымъ ему тогда подъ вымышленнымъ именемъ Петра Ивановича, и послѣ нѣсколькихъ свиданій чрезвычайно съ нимъ сблизился. Сначала Михайловъ въ своихъ съ нимъ разговорахъ высказывалъ лишь общія сужденія о бѣдственномъ положеніи народа, а затѣмъ опредѣленно заявилъ, что онъ социалистъ и вмѣстѣ съ другими стремится подготовить

¹⁾ «Былое» 1906 г. № 1.

народъ къ государственному и соціальному перевороту, что прежняя дѣятельность въ этомъ направленіи была неудачна, такъ какъ революціонеры дѣйствовали безъ единства, безъ правильной организаціи и безъ охраны отъ шпионовъ и что въ этомъ послѣднемъ отношеніи онъ, Клѣточниковъ, какъ еще не навлекшій на себя никакого подозрѣнія со стороны правительства, можетъ оказать большія услуги партіи. При этомъ Михайловъ обѣщаль пристроить обвиняемаго на хорошее мѣсто и щедро снабжать его деньгами, а также дать ему возможность на случай какой-либо опасности скрыться за границу. Убѣждая такимъ образомъ его служить революціонному дѣлу, Михайловъ предложилъ ему поселиться въ домѣ Яковлева, на углу Невскаго и Надеждинской, гдѣ проживали агенты III Отдѣленія и сойтись съ ними для цѣлей «партіи». Клѣточниковъ согласился на это предложеніе, раздѣляя со всѣмъ обществомъ нелюбовь къ шпионамъ и вѣря всѣмъ обѣщаніямъ Петра Ивановича, который за это время успѣлъ привязать его къ себѣ. Въ домѣ Яковлева онъ нанялъ комнату у нѣкой Кутузовой, которую затѣмъ сталъ посѣщать довольно часто, причемъ своимъ тихимъ поведеніемъ, щедростью и проигрываніемъ въ карты успѣлъ такъ расположить къ себѣ, что она рекомендовала его бывшему чиновнику особыхъ порученій III Отдѣленія, впослѣдствіи завѣдывавшему 3-ею экспедиціею этого учрежденія, г. Кириллову, который въ январѣ 1879 г. принялъ его въ секретные агенты, съ жалованьемъ по 30 р. въ мѣсяць. Въ мартѣ Кирилловъ перевелъ его для письменныхъ занятій въ такъ называемое «агентурное отдѣленіе», при той же экспедиціи, гдѣ онъ скоро получилъ штатную должность помощника дѣлопроизводителя, затѣмъ, съ упраздненіемъ III Отдѣленія, перешелъ въ департаментъ государственной полиціи на ту же должность, которую и занималъ вплоть до самаго своего ареста. Такое служебное положеніе Клѣточникова, свойство его занятій и особое довѣріе его непосредственнаго начальства открыли ему свободный доступъ ко всѣмъ наиболѣе секретнымъ дѣламъ и распоряженіямъ по отношенію къ обнаруженію и преслѣдованію государственныхъ преступленій и лицъ, въ нихъ обвиняемыхъ. Такъ, онъ составлялъ и переписывалъ секретныя записки о результатѣ агентурныхъ наблюденій, шифровалъ и дешифровалъ секретныя телеграммы, велъ переписку о лицахъ, содержащихся въ петербургской крѣпости и проч. Поэтому Клѣточниковъ былъ посвященъ во всѣ политическіе розыски, произведеншіеся не только въ Петербургѣ, но и вообще во всей имперіи. Всѣ полученныя такимъ образомъ свѣдѣнія онъ своевременно передавалъ Михайлову, сообщалъ ему, за кѣмъ учреждено секретное наблюденіе, предупреждалъ заранѣе о предполагаемыхъ обыскахъ, объявлялъ имена всѣхъ агентовъ и вообще открывалъ Михайлову всѣ секретныя данныя, сосредоточенныя въ 3-ей экспедиціи III Отдѣленія. Находясь въ теченіе двухлѣтняго періода въ постоянныхъ

сношеніяхъ съ революціонерами, Клѣточниковъ первоначально имѣлъ дѣло исключительно съ однимъ лишь Михайловымъ, а когда послѣднему по дѣламъ революціи пришлось выбыть на нѣкоторое время изъ столицы, то сношенія съ партіей продолжались черезъ Арончика, а потомъ черезъ Квятковскаго, Баранникова, Колоткевича и другихъ. Пользуясь услугами Клѣточникова, революціонеры не были съ нимъ, однако, вполне откровенны и не вполне вводили его въ курсъ дѣлъ партіи, ея намѣреній и предпріятій.

Николай Ивановичъ Колоткевичъ.

Согласно обвинительному акту по «дѣлу 20-ти народовольцевъ», Клѣточниковъ зналъ лишь въ общихъ чертахъ о ходѣ работъ по печатанію и изданію «Народной Воли». Отъ Алафузова-Баранникова онъ слышалъ о количествѣ динамита, которымъ располагало преступное общество и которое въ концѣ 1880 г., по словамъ Баранникова, не было такъ велико, какъ обозначали его въ своихъ, сообщенныхъ ему Клѣточниковымъ, показаніяхъ, лица, привлеченныя къ дознаніямъ, а составляло не болѣе 5—6 пудовъ. Послѣ

ареста Михайлова, Клѣточниковъ продолжалъ вести сношенія съ Баранниковымъ, хотя, съ передачею розыскной части по дѣламъ о государственныхъ преступленіяхъ въ столицѣ въ вѣдѣніе петербургскаго градоначальника, онъ уже не могъ доставлять прежнихъ важныхъ свѣдѣній и сносившіяся съ нимъ лица стали говорить о необходимости провести своего человѣка или подкупить кого-либо въ новомъ розыскомъ вѣдомствѣ. Что же касается побудительныхъ причинъ сближенія своего съ членами революціонной партіи и того содѣйствія, которое обвиняемый имъ оказывалъ чообщеніемъ разныхъ имъ свѣдѣній, то въ объясненіе этихъ при «инъ Клѣточниковъ, отрицая свою принадлежность къ означенной-партіи», въ собственноручныхъ написанныхъ имъ показаніяхъ, между прочимъ, заявилъ слѣдующее: «не сдѣлавшись социалистомъ, я не могу не сознаться, что началъ сочувствовать нѣкоторымъ ихъ идеямъ и сталъ считать ихъ дѣло своимъ» и далѣе... «я руководился, главнымъ образомъ, корыстными цѣлями и желаніемъ разнообразной жизни въ столицѣ, а также сочувствіемъ къ высказаннымъ Александромъ Михайловымъ идеямъ о развитіи и обогащеніи народа, къ идеямъ, которымъ будто бы служить онъ и его сподвижники». Когда же онъ, Клѣточниковъ, узналъ изъ показаній Гольденберга объ истинныхъ цѣляхъ дѣятельности знакомыхъ ему социалистовъ, то уже не могъ оставить сношенія съ ними и продолжалъ служить ихъ интересамъ, такъ какъ боялся, въ противномъ случаѣ, быть убитымъ.

На судебномъ разбирательствѣ Клѣточниковъ совершенно измѣнилъ характеръ этой части своихъ показаній, данныхъ на предварительномъ слѣдствіи, и вотъ характерный діалогъ, который произошелъ между нимъ и предсѣдателемъ суда по сему предмету. Онъ показывалъ на судѣ: «До 30 лѣтъ я жилъ въ глухой провинціи, среди чиновниковъ, занимавшихся дрязгами, попойками, вообще, ведшихъ самую пустую, безсодержательную жизнь. Среди такой жизни я чувствовалъ какую-то неудовлетворенность, мнѣ хотѣлось чего-то лучшаго. Наконецъ, я попалъ въ Петербургъ, но и здѣсь нравственный уровень общества не былъ выше. Я сталъ искать причины такого нравственнаго упадка и нашелъ, что есть одно отвратительное учрежденіе, которое развращаетъ общество, которое заглушаетъ всѣ лучшія стороны человѣческой природы и вызываетъ къ жизни всѣ ея пошлыя, темныя черты. Такимъ учрежденіемъ было III Отдѣленіе. Тогда, гг. судьи, я рѣшился проникнуть въ это отвратительное учрежденіе, чтобы парализовать его дѣятельность. Наконецъ, мнѣ удалось поступить туда на службу». *Предсѣдатель* (съ ироніей). Кому же вы служили? Этому отвратительному учрежденію, т.-е. по вашимъ словамъ отвратительному, или кому-нибудь другому? *Клѣточниковъ*. Я служилъ русскому обществу, всей благомыслящей Россіи. *Предсѣдатель*. Вы полу-

чали жалованіе въ III Отдѣленіи? *Клѣточниковъ*. Да, получалъ. *Предсѣдатель* (съ ироніей). И вы находили возможнымъ брать деньги изъ этого отвратительнаго учрежденія, какъ вы его называете? *Клѣточниковъ*. Если бы я не бралъ, то это показалось бы страннымъ, и я навлекъ бы на себя подозрѣніе. Итакъ, я очутился въ III Отдѣленіи, среди шпіоновъ. Вы не можете себѣ представить, что это за люди. Они готовы за деньги отца родного продать, выдумать на челоуѣка какую угодно небылицу, лишь бы написать доносъ и получить награду. Меня просто поразило громадное число ложныхъ доносовъ. Я возьму громадный процентъ, если скажу, что изъ ста доносовъ одинъ оказывается вѣрнымъ. А между тѣмъ почти всѣ эти доносы влекли за собою аресты, а потомъ и ссылку. Такъ, на примѣръ, однажды былъ сдѣланъ доносъ на двухъ студентовъ, жившихъ въ домѣ Мурузи. Хозяйка квартирная была предупреждена, и когда пришли съ обыскомъ, то она прямо сказала, что она уже предупреждена и не понимаетъ, зачѣмъ къ ней пришли. У студентовъ былъ произведенъ тщательно обыскъ, и хотя ничего не нашли, оба они были высланы. Такихъ случаевъ была масса. Я возненавидѣлъ это отвратительное учрежденіе и сталъ подрывать его дѣятельность: предупреждалъ, кого только могъ, а потомъ, когда познакомился съ революціонерами, то передавалъ имъ самыя подробныя свѣдѣнія. *Предсѣдатель*. Сколько вамъ платили за это? *Клѣточниковъ*. Нисколько. *Предсѣдатель*. На дознаніи вы показали, что брали съ революціонеровъ деньги. *Клѣточниковъ*. На дознаніи я находился совсѣмъ въ исключительныхъ условіяхъ, и такихъ, въ какихъ обыкновенно находятся обвиняемые, хотя бы и въ политическомъ преступленіи. Я находился подъ тяжелымъ давленіемъ. Я былъ весь въ рукахъ своего начальства, всемогущаго, озлобленнаго за то, что я такъ жестоко его обманулъ. Въ такомъ положеніи можно было и не то наговорить, на самомъ же дѣлѣ я дѣйствовалъ глубоко убѣжденный въ томъ, что все общество, вся благомыслящая Россія будетъ мнѣ благодарна за то, что я подрывалъ дѣятельность III Отдѣленія. Я былъ увѣренъ, что само правительство будетъ мнѣ благодарно въ послѣдствіи, и, кажется, я не ошибся, потому что правительство сознало, наконецъ, вредъ этого отвратительнаго учрежденія и упразднило его. *Предсѣдатель*. Ну, положимъ, вы не можете сказать, что оно сознало».

Нелишне будетъ отмѣтить, что заявленіе хозяйки меблированной квартиры въ домѣ Мурузи о томъ, что она заранѣе была предувѣдомлена о готовившемся у нея обыскѣ, повело 3-ю экспедицію III Отдѣленія на подозрѣніе, что въ ея составѣ служащихъ имѣются предатели. Было произведено слѣдствіе, но оно, очевидно, велось такъ неискусно или Клѣточниковъ умѣлъ такъ хорошо хоронить концы въ воду, что слѣдователямъ не удалось обнаружить слѣды

предательства. Вмеѣстѣ съ тѣмъ даже нѣкоторые мелкіе факты могли бы убѣдить начальствующихъ лицъ, что между Цѣпнымъ мостомъ, гдѣ помѣщалось III Отдѣленіе, и конспиративными квартирами существуетъ несомнѣнная связь и непрерывныя сношенія. Такъ разсказывали въ свое время, что когда шефъ жандармовъ Дрентельнъ получилъ одну изъ прокламацій, то по прочтеніи ея онъ сдѣлалъ ироническое замѣчаніе о качествѣ бумаги, на которой прокламація была напечатана. Въ слѣдующій разъ, при новой посылкѣ на его личное имя, прокламація была для него спеціально напечатана на великолѣпной бумагѣ и надушена. Отсюда шефъ жандармовъ могъ съ полной очевидностью убѣдиться, что его замѣчаніе о бумагѣ, высказанное въ тѣсномъ кругу подчиненныхъ, немедленно передается по адресу. И тѣмъ не менѣе Клѣточниковъ пребывалъ внѣ подозрѣній и свободно продолжалъ передавать съ мѣста службы Михайлову и его сотоварищамъ все то, что могло представить для него интересъ и что имѣло касательство къ партіи. Кромѣ Клѣточникова, объ арестѣ котораго будетъ говорено впоследствии, немалыя услуги революціи оказывалъ молодой Богородскій, съ которымъ партія «Народной Воли» сошлась, повидимому, черезъ посредство К. М. Станюковича, въ домѣ котораго Богородскій былъ близкимъ человѣкомъ. Богородскій обслуживалъ, при помощи выдаваемыхъ арестованнымъ въ крѣпости книгъ, дѣло сношенія этихъ арестованныхъ, на примѣръ, Ширяева и, главнѣйше, Нечаева съ революціонерами-террористами.

III.

Хотя послѣдніе, состоя подъ попеченіемъ Клѣточникова, имѣли возможность заранѣе знать о готовившихся у нихъ обыскахъ и принимать вслѣдствіе сего соотвѣтствующія мѣры къ своей безопасности, тѣмъ не менѣе положеніе ихъ въ столицѣ къ исходу 70-хъ годовъ, когда правительство сумѣло болѣе или менѣе упорядочить полицейскую и агентурную службу, по сравненію съ предшествовавшими годами, было очень стѣсненное и приходилось все время быть на положеніи людей, во всякое время готовыхъ на перекочеваніе, переселеніе и бѣгство. Это стѣсненное положеніе въ значительной мѣрѣ создавалось той скудостью средствъ, которую партія послѣ ареста и казни Лизогуба, въ свое время широко субсидировавшаго революцію, испытывала. Конспиративная жизнь и подготовка къ террористическимъ предпріятіямъ требовала большихъ денежныхъ суммъ, а ихъ въ наличности было недостаточно и приходилось ограничиваться тѣми пожертвованіями, которыя попадали въ кассу партіи отъ сочувствующихъ и доброжелателей. Денежные отчеты о поступленіяхъ въ эту кассу поражаютъ своею не-

значительностью, и Нечаевъ недаромъ возмущался опубликованіемъ этихъ жертвованныхъ списковъ, производившихъ мизерное впечатлѣніе и свидѣтельствовавшихъ о слабомъ активномъ сочувствіи партіи со стороны общественныхъ единомышленныхъ сферъ. «Возможно ли, напримѣръ,—писалъ онъ исполнительному комитету изъ крѣпости¹⁾),—печатать отчеты о пожертвованіяхъ, сумма которыхъ въ одномъ номерѣ составляетъ всего какихъ-нибудь 5—8 тысячъ рублей? И это, во-первыхъ, невѣрно, потому что на самомъ дѣлѣ въ отчетѣ почти никогда не показывались именно крупныя суммы,

Александръ Ивановичъ Баранниковъ.

оглаской которыхъ жертвователи боялись выдать себя знакомымъ и полиціи. Есть ли смыслъ печатать такіе отчеты? Да ихъ нужно увеличить уже по крайней мѣрѣ двумя нулями. Или какой смыслъ обращаться къ обществу и народу съ воззваніемъ о поддержкѣ, даже указывая, что въ противномъ случаѣ организація можетъ быть разбита? Комитетъ не долженъ допускать и мысли объ этомъ, онъ долженъ только возбуждать общество или народъ и обѣщать имъ свою поддержку, а не просить ея у нихъ...»

Такъ смотрѣлъ на дѣло испытанный революціонеръ, въ своей дѣятельности не считавшій нужнымъ стѣсняться средствами борьбы.

¹⁾ «Историческій Вѣстникъ» 1909 г. № 8.
«истор. вѣстн.», октябрь, 1910 г., т. сxxii.

Но партія смотрѣла на дѣло иначе и, взывая къ обществу о помощи, обнаруживала свое дѣйствительное стѣсненное матеріальное положеніе, часто не позволявшее ей раскинуть силы, поскольку того требовали намѣченные цѣли. Изъ того же процесса «20-ти народныхъ» извѣстно, что посредникомъ въ денежныхъ дѣлахъ между партіей и обществомъ былъ Фердинандъ Люстигъ, на квартирѣ котораго по Большой Садовой (д. № 69) собирались на совѣщанія члены «Народной Воли» въ теченіе промежутка отъ осени 1880 года по январь 1881 г. Черезъ того же Люстига производилась и передача привезеннаго типографскаго шрифта и принадлежностей печатнаго станка для типографіи «Народной Воли». По обыску у Люстига выяснилось, что черезъ него въ этотъ промежутокъ изъ провинціи партія переводами черезъ банки получила всего около 3000 руб. Въ отчетахъ же журнала и листка «Народной Воли» періодическія пожертвованія показаны суммами въ нѣсколько сотень и пару-другую тысячъ рублей. Кромѣ того, въ руки партіи попали и 10.000 р., похищенные изъ херсонскаго казначейства. Конечно, сопоставляя задачи террора съ указанными денежными средствами, мы должны признать, что если въ распоряженіи партіи и были деньги, то они были далеко не достаточны и пропорціональны тому идейному сочувствію, которымъ, какъ полагали, исполнительный комитетъ въ обществѣ пользовался. Между поддержкой идейной и матеріальной оказалась значительная разница. Поэтому мы сплошь и рядомъ видимъ, что отдѣльные члены комитета, какъ, напримѣръ, Желябовъ, Тетерка и др. становятся въ своей дѣятельности въ положеніе затрудненное и вынуждены отыскивать нужныя средства по мелочамъ. Недостатокъ нужныхъ средствъ даже официально признавала партія и въ одномъ изъ №№ своего изданія «Народная Воля» она писала: «... говорить о всеобщемъ сочувствіи, а между тѣмъ изъ-за нищенскаго недостатка средствъ проваливаются шрифты, проваливаются люди, подвергаются опасности всѣ учрежденія. Въ Москвѣ въ дѣлѣ 19 ноября недостатокъ средствъ заставляетъ закладывать домъ, что сопряжено съ его осмотромъ, а стало быть, съ возможностью провала, и это изъ-за какихъ-то нѣсколькихъ сотъ рублей. Существуютъ тысячи сыльныхъ, погибающихъ отъ нищеты, и на помощь имъ находятъ лишь гроши, самая несчастная милостыня; изъ-за недостатка 5—6 рублей задерживаются побѣги...» Таково было финансовое положеніе партіи въ тотъ періодъ, когда она бросилась въ рѣшительную борьбу съ правительствомъ, располагавшимъ для отпора громадными денежными средствами и не стѣснявшимся расходами для борьбы съ крамолою. Благодаря такому положенію вещей, оба враждующіе и борющіеся лагеря рисуются въ слѣдующемъ освѣщеніи. Съ одной стороны, громадная правительственная армія, мобилизованная людьми и денежными сред-

ствами, но плохо организованная и не воодушевленная желаніемъ побѣды, дѣйствующая хотя и жестоко, но какъ-то безъ сознанія опасности тому, на кого всей своей силой и грудью напираетъ врагъ. Съ другой стороны, небольшая кучка людей, хорошо сплѣвшихся, закалившихся въ конспираціи, наэлектризованная ближайшею цѣлью борьбы, фанатизированная и приговорившая себя къ гибели, а потому ничего не боящаяся и идущая, несмотря на всѣ стѣсненія, нѣжду и недостатки къ намѣченной цѣли—цареубійству. Изъ такого положенія а priori можно было предсказать, что при удачно сложившихся обстоятельствахъ партія достигнетъ своей цѣли и осуществитъ тотъ страшный замыселъ, предотвратитъ который не въ состояніи ея многочисленный и неискусный противникъ. И послѣдующія событія, которыя мы изложимъ въ ихъ постепенномъ развитіи, показали всю опасность, въ которой очутился царь-освободитель, когда призванные къ его охранѣ окружающіе не сумѣли уберечь русскаго самодержца отъ натиска террора. Но объ этомъ далѣе, а пока отмѣтимъ еще тѣ окружающія бытвыя условія, среди которыхъ настойчиво проводили свои планы въ исполненіе дѣятели «Народной Воли». Нуждаясь въ денежныхъ средствахъ, партія была очень затруднена и въ имѣніи нужныхъ ей помѣщеній, какъ для собраній, такъ и для лабораторіи по выработкѣ взрывчатыхъ веществъ, при помощи которыхъ рѣшено было еще на Липецкомъ създѣ производить покушеніе на жизнь императора Александра II. Въ статьѣ «Революціонный Петербургъ», помѣщенной въ № 4 «Русской исторической библіотеки»¹⁾, мы имѣемъ слѣдующій перечень конспиративныхъ квартиръ, относящійся къ описываемому періоду 1879—1881 г.

1) Саперный переулокъ, д. № 10. Здѣсь помѣщалась первая типографія «Народной Воли», въ которой были напечатаны №№ 1—3 «Н. В». Основана лѣтомъ 1879 г., а взято было жандармами помѣщеніе 17 января 1880 г. послѣ вооруженнаго сопротивленія. Въ ней жили Бухъ, Иванова, Цукерманъ, Лубкинъ (застрѣлившійся при арестѣ типографіи), Грязнова. Здѣсь Ширяевъ приготавливалъ динамь.

2) Большая Подъяческая, д. 37, кв. 27. Это была динамитная мастерская Исаева зимой 1879 г. и весной 1880 г. Здѣсь работали Исаевъ, Якимова, Лебедева, Желябовъ, Кибальчичъ. На этой квартирѣ былъ приготовленъ динамь для взрыва въ Зимнемъ дворцѣ 5 февраля.

3) Подольская улица, д. № 11. Динамитная мастерская и типографія «Народной Воли». Хозяиномъ квартиры былъ Кибальчичъ.

4) Большая Садовая, д. № 69. Квартира Люстига; на ней бывали Желябовъ, Перовская, Кибальчичъ, Гельфманъ, Сабливъ,

¹⁾ «Русская историческая библіотека» № 4, изд. «Донской Рѣчи».

Исаевъ, Рысаковъ, Колоткевичъ, Фриденсонъ, Морозовъ, Сухановъ, Тригопи.

5) Подольская улица, уголъ Царскосельскаго просп., д. № 42—14. Типографія «Народной Воли» и динамитная мастерская съ ноября 1880 г., взята была 5 мая 1881 года. Хозяинами квартиры были Грачевскій, Ивановскіе, Терентьева, кромѣ того, въ ней работали Гриневецкій, Борейша и др.

6) Симбирская улица, Выборгская сторона, д. № 59, кв. 22. Здѣсь жилъ подъ фамиліей Ельникова Гриневецкій съ 15 января 1881 г. до 1 марта. Его посѣщали Желябовъ, Перовская, Саблинъ, Гельфманъ, Т. Михайловъ, Рысаковъ.

7) Троицкій переулокъ, д. № 27—1. Эта квартира была одной изъ главныхъ конспиративныхъ квартиръ партіи, въ ней печаталась «Рабочая Газета». Квартира существовала съ 15 сентября 1880 г. по 17 февраля 1881 г. Ея хозяевами были Тетерка и Гельфманъ, ихъ посѣщали Гриневецкій, Желябовъ, Перовская, Колоткевичъ, Исаевъ, Франколи, Златопольскій, Борейша, Меркуловъ, а также солдаты изъ Петропавловской крѣпости.

8) 1-я рота Измайловскаго полка, д. № 37—28. Съ іюня 1880 г. на этой квартирѣ жила Перовская и Сиповичъ (псевд.), съ октября—Желябовъ; обыскъ на этой квартирѣ былъ 1 и 2 марта 1881 г. Здѣсь бывали Лебедева, Чемоданова и др. Сухановъ на этой квартирѣ изготовилъ мину для подкопа по Малой Садовой ул.

9) Малая Садовая, д. № 56—8, д. Менгдена. Изъ этой квартиры велся подкопъ; нанята она была 1 января 1881 г., покинута хозяевами 2 марта; подкопъ обнаруженъ полиціей 4-го. Хозяевами квартиры были Богдановичъ и Якимова. Въ подкопѣ принимали участие Желябовъ, Гриневецкій, Лангансъ, Колоткевичъ, Баранниковъ, Тригопи, Тетерка, Саблинъ, Меркуловъ.

10) Телѣжная улица, № 5. Эта квартира была нанята во второй половинѣ февраля 1881 г. для организаціи царевубійства. Хозяевами квартиры были Саблинъ и Гельфманъ. У нихъ бывали — Перовская, Желябовъ, В. Фигнеръ, Исаевъ, Кибальчичъ, Гриневецкій, Рысаковъ, Т. Михайловъ, Емельяновъ.

11) Вознесенскій просп., д. 25—76. Квартира Исаева и В. Фигнеръ, съ февраля 1881 г. по 5 апрѣля, жили они подъ именемъ Кохановскихъ.

12) Кирочная ул., д. 24. Квартира Рогачева и Похитонова; здѣсь было послѣднее свиданіе Перовской и Суханова послѣ 1 марта.

Какъ протекала жизнь въ конспиративныхъ квартирахъ, какими предосторожностями она обставлялась, между прочимъ вырисовывается намъ изъ воспоминаній бывшей хозяйки квартиры, гдѣ помѣщалась первая типографія «Народной Воли», А. И. Ивановой-Борейши, которыя для иллюстраціи быта заговорщиковъ мы въ извлеченіяхъ и приведемъ.

IV.

Г-жа Иванова повѣтствуетъ ¹⁾, что въ августѣ 1879 года только что сформировавшейся группѣ народовольцевъ пришлось заняться устройствомъ тайной типографіи для своего новаго органа. Это было послѣ раздѣленія организаціи «Земли и Воли» на двѣ самостоятельныя группы. Бывшую типографію «Земли и Воли», благополучно существовавшую въ Петербургѣ раньше, раздѣлили между этими двумя группами. Сдѣлавъ необходимыя добавленія

Николай Алексѣевич Саблинъ.

шрифта и прочихъ принадлежностей, народовольцы принялись устраивать дѣло. Трое типографскихъ работниковъ изъ «Земли и Воли» выразили согласіе работать въ новой газетѣ, что значительно облегчало задачу, ибо это были не только опытные наборщики, но и вообще люди, знавшіе и любившіе типографское дѣло. Кромѣ того, въ будущемъ былъ обѣщанъ еще одинъ сотрудникъ, наборщикъ по ремеслу, который въ продолженіе многихъ лѣтъ добывалъ себѣ хлѣбъ этимъ ремесломъ. Это былъ Цукерманъ. Онъ въ это время жилъ за границей, и было предложено выписать его оттуда.

¹⁾ «Былое» 1906 г. № IX.

Предстояло подыскать подходящую квартиру и болѣе или менѣе солидную къ ней хозяйку, которая сумѣла бы внушить къ себѣ почтеніе дворникамъ и сосѣдямъ. Мѣсто это было предложено Ивановой, отчасти потому, что она раньше была знакома съ ремесломъ наборщицы и могла быть въ этомъ дѣлѣ полезнѣе другихъ, отчасти же просто потому, что была въ это время свободна отъ другихъ обязательствъ.

«За отысканіе квартиры взялись А. А. Квятковскій и А. Д. Михайловъ, — повѣствуетъ г-жа Иванова-Борейша. — Черезъ нѣсколько дней подходящее помѣщеніе было найдено и мнѣ было предложено снова осмотрѣть его вмѣстѣ съ Н. Бухомъ, который долженъ былъ разыгрывать роль моего супруга. Все было предусмотрено какъ нельзя лучше. Саперный переулочекъ — улица не бойкая, и населена она болѣе или менѣе почтенными людьми; домъ, въ которомъ находилась наша будущая квартира, былъ занятъ нѣсколькими достаточными семьями. Въ квартирѣ два хода, — черный и парадный, причемъ послѣдній имѣлъ вполне приличный видъ и освѣщался по вечерамъ; большое удобство представляло то, что швейцара не было. Окна четвертаго этажа, гдѣ помѣщалась наша квартира, выходили во дворъ, а напротивъ была глухая стѣна сосѣдняго дома. Окна эти только отчасти были видны съ противоположной стороны улицы, но все же, въ случаѣ неблагополучія у насъ въ домѣ, можно было выставить знакъ, что и было сдѣлано впослѣдствіи. По паспорту мы должны были изображать собою отставного чиновника и его супругу. Документъ былъ настоящій, такъ что съ этой стороны мы ничѣмъ не рисковали. Въ концѣ августа мы переѣхали. Шрифтъ и прочія принадлежности типографскаго дѣла перевозились вмѣстѣ съ мебелью, причемъ всѣ тяжелыя вещи были по возможности размѣщены по разнымъ сундукамъ, чтобы тяжесть ихъ не возбудила подозрѣнія. Прислуги у новыхъ жильцовъ въ первые дни совсѣмъ не было. Грязнова, бравшая сначала на себя роль кухарки, по своимъ личнымъ дѣламъ должна была отложить на время поступленіе въ типографію, поэтому у насъ вышла заминка. Мы объявили дворнику, что ждемъ рекомендованную намъ кухарку. Вскорѣ на должность эту къ намъ опредѣлилась особа, называвшаяся по паспорту Анной Барабановой. «Аннушка» была интеллигентная дѣвушка, курсистка, но съ ролью кухарки справлялась, какъ настоящая актриса, которая сама увлекается принятой на себя ролью. Ея природная практичность много помогала ей въ этомъ. Какъ человекъ общительный, она живо перезнакомилась съ дворникомъ, его помощникомъ и сосѣдними лавочниками.

«Когда пришла пора начинать печатаніе 1-го № «Народной Воли», въ квартирѣ былъ водворенъ Абрамъ, товарищъ Буха по старой типографіи. Онъ проживалъ въ квартирѣ «нелегально», т. е. безъ прописки, и поэтому ему предстояло почти безвыходное сидѣніе

дома. Началось печатаніе. Наборомъ занимались Бухъ, Абрамъ и я. Потомъ двое изъ насъ должны были стоять у станка при печатаніи листовъ. У станка работала и Аннушка. Хозяйственныя обязанности мы съ ней подѣлили и готовили въ кухнѣ обѣдъ по очереди. На своемъ посту, т. е. въ кухнѣ, въ качествѣ прислуги, она обязана была пребывать только утромъ, когда являлся дворникъ съ дровами, мальчикъ изъ мясной лавки и пр. Послѣ того въ кухню изъ постороннихъ людей никто не заходилъ, но въ случаѣ, если звонилъ кто-нибудь съ чернаго хода, должна была выйти и отворить кухарка. Съ параднаго крыльца посѣтителей тоже было немного. По дѣламъ типографіи являлись только два-три лица: черезъ нихъ и велись сношенія съ внѣшнимъ міромъ. Остальные члены партіи, близко стоявшіе къ дѣлу, не должны были знать адреса типографіи, хотя личный составъ ея былъ извѣстенъ имъ.

«Кажется, въ концѣ сентября пріѣхалъ изъ-за границы новый наборщикъ, Лейзеръ Цукерманъ. Онъ въ типографскомъ дѣлѣ былъ какъ бы въ своей стихіи и потому на другой же день работалъ наравнѣ съ другими. Ему, такъ же какъ и Абраму, пришлось жить въ качествѣ нелегальнаго квартиранта и безвыходно сидѣть дома.

«Расположеніе конспиративной квартиры было таково: передняя комната, самая лучшая въ квартирѣ, представляла собою самую заурядную гостиную, въ которой красовалось множество вязаныхъ салфеточекъ и разбросанная на столѣ колода картъ и пр. На стѣнѣ, въ числѣ другихъ украшеній, видное мѣсто занималъ большой портретъ Александра II, писанный масляными красками. Въ слѣдующей маленькой комнатѣ помѣщался станокъ для печатанія. Его устанавливали на мягкой кушеткѣ для того, чтобы не производить шума при печатаніи. Самая задняя и отдаленная комната была просторнѣе другихъ, и въ ней удобно было расположить кассы со шрифтами. Въ этихъ двухъ комнатахъ производилась вся типографская работа, и въ ней же должны были помѣщаться трое мужчинъ. Была еще маленькая комната около кухни, которую великодушно уступили мнѣ. Такую роскошь, какъ кровать или матрацъ, могли имѣть только законные жильцы, и наши молодые люди должны были довольствоваться диваномъ и кушеткой, а когда послѣдняя была занята, то приходилось устраиваться на полу или на большой кипѣ типографской бумаги. Хотя въ квартиру эту почти не проникалъ чужой глазъ, но были дни, въ которые мы обязаны были чиститься и прибираться совершенно, какъ передъ обыскомъ. Дѣло въ томъ, что, по разъ установившемся порядку, хозяинъ дома два раза въ мѣсяцъ, въ опредѣленные дни, посылалъ къ жильцамъ полотеровъ для чистки половъ. Дни эти рѣзко выдѣлялись у насъ. Еще наканунѣ вечеромъ началась уборка, въ которой принимали участіе всѣ. Кассы и шрифты прятались въ большіе сундуки; болѣе громоздкія вещи выноси-

лись въ переднюю и запртывались въ большой стѣнной шкапъ. Шкапъ этотъ, въ которомъ помѣщались водопроводныя трубы, точно нарочно былъ устроенъ для нашихъ конспиративныхъ цѣлей. Бумага и отпечатанные листы тоже убирались въ сундуки, но главное вниманіе обращалось на тщательную чистку и выметаніе по угламъ и закоулкамъ: маленькая шрифтинка или какая-нибудь мелкая принадлежность печатанія, найденная полотерами при уборкѣ, могла насъ погубить не хуже, чѣмъ полное открытіе типографіи. Нелегальные жильцы, Абрамъ и Цукерманъ, должны были съ утра уйти куда-нибудь, одѣвшись поприличіе, и провести, гдѣ имъ угодно, цѣлый день. Вечеромъ они снова являлись въ квартиру и усаживались въ ней ровно на двѣ недѣли.

«День въ типографіи проходилъ слѣдующимъ образомъ: съ утра принимались за работу, причѣмъ одна изъ женщинъ до обѣда была занята хозяйствомъ. Мужчины были очень трудолюбивы по своей специальности, но очень неохотно брались за какія бы то ни было хозяйственныя дѣла. Исключеніе составлялъ только Цукерманъ, который, по своему безконечному добродушію, не отказывался ни отъ какой работы и видя, что дамамъ кухня надоѣла, готовъ былъ взяться даже за поварскія обязанности, но мы не злоупотребляли его добротой, или, вѣрнѣе, не особенно довѣряли его кулинарному искусству. Работа продолжалась вплоть до обѣда, послѣ котораго полагался отдыхъ. Около этого времени обыкновенно являлся кто-нибудь изъ нашихъ обычныхъ посѣтителей и приносилъ намъ извѣстія о томъ, что дѣлается на свѣтѣ. Надо отдать справедливость нашимъ товарищамъ, которые, зная, что мы сидимъ здѣсь, какъ въ тюрьмѣ, старались приносить намъ всевозможныя новости. Бывали дни, когда не являлся никто, потому что въ эту квартиру безъ дѣла ходить не полагалось; посѣтители приносили рукописи или забирали отъ насъ отпечатанное. Отдохнувши и поблагодаривъ за самоваромъ, вся публика снова принималась за работу, которая, впрочемъ, долго никогда не затягивалась. По конспиративнымъ соображеніямъ было рѣшено вечеромъ не работать позже 10 часовъ, и это правило нарушалось только въ исключительныхъ случаяхъ. Такую скучную, однообразную жизнь вели типографшики изо-дня въ день, не зная ни праздниковъ, ни отдыха, ни развлеченій. По совѣсти говоря, думаю, успѣху дѣла много способствовало то обстоятельство, что сюда попали замкнутые, мало общительные люди, иначе имъ было бы слишкомъ тяжело выносить такую жизнь. Буху было лѣтъ 25—26, но на видъ ему можно было дать гораздо больше; это былъ замкнутый и очень молчаливый человѣкъ. По натурѣ онъ былъ довольно неподвиженъ, но въ работѣ усидчивъ; къ тому же онъ относился къ своей работѣ, какъ художникъ, который гордится результатами своихъ трудовъ. Его домашній костюмъ былъ болѣе чѣмъ

небреженъ, но заставить его переодѣться или хотя бы почище умыться было не такъ-то легко. Если принять во вниманіе, что для выхода на улицу онъ долженъ былъ преобразиться въ настоящаго джентельмена и употребить на это немало времени, то будетъ понятно его терпѣливое отношеніе къ обязательному сидѣнію дома. Зато въ тѣхъ случаяхъ, когда господинъ Лысенко (подъ такимъ именемъ онъ былъ прописанъ), выходилъ на улицу, видъ у него былъ настолько внушительнъ, шуба настолько хороша и золотое пенснэ такъ удобно помѣщалось на носу, что дворникъ издали приподнималъ шапку и отвѣшивалъ ему почтительный поклонъ. Суровый баринъ снисходительно кивалъ ему головой.

Андрей Корнѣевичъ Прѣсняковъ.

«Его товарищъ Абрамъ, котораго всѣ звали «пташкой» за его тоненькій голосокъ, былъ еще очень молодъ. Ему было не болѣе 20—22 лѣтъ. О своемъ прошломъ онъ никогда не говорилъ, и мы даже не знали, почему именно онъ сталъ нелегальнымъ человѣкомъ. Застѣнчивый и скромный, онъ рѣдко вступалъ въ разговоры и всего меньше любилъ говорить о себѣ. Никто не зналъ, о чемъ онъ думаетъ въ то время, когда по цѣлымъ часамъ стоитъ за однообразной работой у типографскаго станка. Несомнѣнно, что «пташка» былъ нервный и впечатлительный человѣкъ. Когда до насъ доходило извѣстіе объ арестѣ кого-нибудь изъ близкихъ людей, Абрамъ принималъ это очень близко къ сердцу и, видимо,

не находилъ себѣ мѣста. Его тоска и нервное напряженіе выражались очень своеобразно; вѣроятно, потому, что ему нельзя было уйти изъ дому и разсѣять свою грусть, онъ забирался въ кухню, запираля на-глухо двери и начиналя какую-нибудь хозяйственную суету, столь не любимую имъ въ обычное время: чистилъ самоваръ или мыль шваброй полъ, отчаянно размазывая по угламъ грязь. Нароботавшись въ одиночествѣ до утомленія, онъ ложился спать. Мы, смѣясь, говорили въ такихъ случаяхъ, что только благодаря общественнымъ бѣдствіямъ кухня наша иногда принимаетъ весьма хозяйственный видъ.

«Къ счастью, для такой молчаливой компаніи судьба послала намъ Лейзера Цукермана, этого живого, общительнаго и необыкновенно добродушнаго человѣка. Онъ не былъ ни болтливъ, ни навязчивъ въ разговорѣ, но сидѣть молча въ обществѣ себѣ подобныхъ людей онъ былъ не въ силахъ. Если ему не удавалось заставить своихъ товарищей говорить, онъ заставляля ихъ во время работы пѣть, всегда начиная первый. Никто изъ насъ не зналя Цукермана раньше, но онъ сразу сталъ въ пріятельскія отношенія со всѣми нами, и, надо отдать ему справедливость, его присутствіе оживило все наше общество. Онъ былъ гораздо старше всѣхъ своихъ товарищей, но обладалъ какой-то младенчески чистой душой и былъ такъ простъ, что каждому казалось, будто онъ знаетъ Лейзера давнымъ-давно. Онъ былъ еврей изъ Западнаго края. Семья его была преисполнена еврейскихъ предрасудковъ, и жилось ему дома такъ плохо, что онъ еще съ юныхъ лѣтъ убѣждалъ за границу, гдѣ и прожилъ половину своей жизни. Не имѣя никакихъ средствъ къ существованію, онъ поступилъ въ наборщики и работалъ всю жизнь то въ нѣмецкихъ типографіяхъ, то въ русскихъ—эмигрантскихъ.

«Его все-таки тянуло вернуться въ Россію и, когда ему предложили ѣхать въ Петербургъ и работать въ тайной типографіи, онъ поѣхалъ не задумываясь.

«Цукерманъ всей душой привязался къ типографскимъ товарищамъ, а также и къ тѣмъ, которые приходили сюда съ воли. Сознаніе своей полезности въ дѣлѣ его вполнѣ удовлетворяло, и онъ, повидимому, былъ доволенъ своимъ новымъ положеніемъ. Его доброта и трогательное вниманіе ко всѣмъ окружающимъ его людямъ создавали ему много друзей, какъ здѣсь, въ типографіи, такъ и впослѣдствіи въ Карійской каторжной тюрьмѣ, куда онъ попалъ изъ-за той же типографіи. Послѣ ареста Лейзеръ отказался давать какіе бы то ни было показанія только потому, что боялся какимъ-нибудь неосторожнымъ словомъ повредить своимъ товарищамъ. Между тѣмъ обвиненія противъ него были вовсе не такъ велики, чтобы ему не стоило выяснять свою роль въ революціонной партіи.

«Четвертый член нашей компании—Аннушка Барабанова не имѣла никакой склонности къ замкнутой жизни и нисколько не скрывала того, что ей здѣсь скучно. Несомнѣнно, здѣсь вліяло то, что она поступила въ типографію на время и ожидала, что ее скоро смѣнятъ. Это ей не мѣшало, впрочемъ, исполнять свою роль прекрасно и устраивать такія сцены, что я съ трудомъ удерживалась отъ смѣха, слушая ихъ изъ другой комнаты».

Такъ протекала здѣсь нелегальная жизнь и тайное печатаніе «Народной Воли» вплоть до разгрома типографіи, послѣдовавшей 17 января 1880 г., послѣ вооруженнаго сопротивленія, оказаннаго обитателями квартиры въ Саперномъ переулкѣ полиціи, при ея попыткѣ проникнуть сюда.

V.

Помимо своего прямого назначенія типографія «Народной Воли» служила и мѣстомъ, куда на случай преслѣдованія полиціей могли скрываться временно революціонеры, находя себѣ здѣсь довольно хорошо организованное убѣжище. Такъ, сюда скрылись Н. А. Морозовъ и О. С. Любатовичъ, люди между собою близкіе, въ то время, когда полиція гналась за ними по пятамъ. Они попали въ типографію во время печатанія № 3 «Народной Воли» и тутъ имѣли возможность наблюдать, съ одной стороны, бытовыя условія конспираціи, о коихъ впослѣдствіи и повѣдала Любатовичъ на страницахъ «Былого» въ своихъ воспоминаніяхъ подъ заглавіемъ «Далекое и недавнее», съ другой, наблюсти то зарождавшееся политическое разномысліе въ составѣ исполнительнаго комитета, которое въ будущемъ грозило «Народной Воли», какъ политической партіи, распаденіемъ и видоизмѣненіемъ социальнореволюціоннаго облика. О послѣднемъ обстоятельствѣ въ тѣхъ же своихъ воспоминаніяхъ она даетъ очень интересныя свѣдѣнія, которыя сводятся къ слѣдующему. По ея словамъ¹⁾, послѣ Липецкаго съѣзда, гдѣ были намѣчены основныя положенія, программа эта обсуждалась на нѣсколькихъ засѣданіяхъ, происходившихъ въ петербургской квартирѣ Квятковскаго, хозяйкой которой была въ то время не Евгенія Фигнеръ, не состоявшая членомъ организаціи, а Вѣра Фигнеръ (Филиппова), уѣхавшая послѣ этихъ собраній на югъ и помѣстившая на квартиру, вмѣсто себя, сестру свою Евгенію, которая и была впослѣдствіи арестована съ Квятковскимъ.

«Базисомъ программы должны были оставаться положенія, выработанныя Морозовымъ, Михайловымъ и Квятковскимъ на Липецкомъ съѣздѣ, а здѣсь она подвергалась какъ бы второму

¹⁾ «Былое» 1906 г. Іюль.

чтенію. При обсужденіи присутствовали тогда Тихомировъ, Квятковскій, Морозовъ, Желябовъ, Фроленко, Зунделевичъ, Якимова, Баранниковъ, Колоткевичъ, Ширяевъ, М. Н. Ошанина, Вѣра Фигнеръ, я и еще нѣкоторые; каждый параграфъ возбуждалъ пренія; разногласіе происходило главнымъ образомъ на почвѣ вопроса о томъ, ставится ли главной цѣлью исполнительнаго комитета «Народной Воли» дезорганизация правительства посредствомъ партизанской террористической борьбы съ нимъ, дабы такимъ образомъ принудить правительство предоставить самому народу свободно и безпрепятственно выразить свою волю (народную волю) и переустроить свою расшатавшуюся политическую и экономическую жизнь на новыхъ, самимъ народомъ выношенныхъ началахъ справедливости, равенства и свободы, или же, пользуясь тѣмъ же методомъ борьбы, названная организация должна стремиться сначала, путемъ политическаго заговора, захватить въ свои руки власть, декретировать народу конституцію сверху и уже тогда вручить народу свою власть. Первая формулировка была принята на Липецкомъ създѣ; вторая была внесена въ Петербургѣ главнымъ образомъ Л. Тихомировымъ и Ошаниной.

«И вотъ теперь послѣ московскаго взрыва, — повѣствуетъ она, — послѣ ареста Квятковскаго, одного изъ инициаторовъ Липецкой программы, послѣ того какъ сношенія между членами организации были крайне затруднены, когда стали уже извѣстны предательскія показанія Гольденберга, сковавшіе свободу тѣхъ, кто раньше былъ скомпрометированъ очень мало, Тихомировъ вздумалъ, вмѣсто созыва общаго собранія, разнести въ своей формулировкѣ программу исполнительнаго комитета по домамъ сочленовъ и собрать такимъ образомъ голоса. Нужно сказать еще, что передъ самымъ арестомъ Квятковскаго были приняты еще новые члены, какъ-то Грачевскій, Н. Оловенникова (сестра Ошаниной), А. П. Корба и другіе, которые не присутствовали раньше при обсужденіи программы, а слѣдовательно, могли и не знать даже первоначальной формулировки Липецкаго създа. Занятыя текущими настоятельными дѣлами, товарищи давали свои голоса Тихомирову часто только по товарищескому довѣрію. Морозовъ, самый горячій защитникъ Липецкой программы, въ силу обстоятельствъ находившійся въ типографскомъ карантинѣ, не могъ, конечно, такъ же свободно видѣться и говорить съ товарищами, какъ Тихомировъ, такъ что мы узнали о домашнемъ голосованіи только *post factum*, когда Тихомировъ заручился согласіемъ большинства. Такой пріемъ съ его стороны и Морозовъ, и я сочли неправильнымъ и въ нравственномъ отношеніи чреватымъ самоуправствомъ, способнымъ разложить товарищество и лишить его необходимаго взаимнаго довѣрія. Меня въ особенности удручала эта сторона дѣла, въ этомъ я видѣла надвигающуюся гибель всего револю-

ціоннаго дѣла и въ этомъ смыслѣ написала письмо къ товарищамъ, которое успѣли прочесть очень немногіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ якобинскій отгѣнокъ, приданный Тихомировымъ программѣ исполнительнаго комитета являлся какъ бы возрожденіемъ нечаевщины, какъ политической программы, давно потерявшей нравственный кредитъ въ революціонномъ мірѣ и грозившей нравственной смертью всей организаціи и всему революціонному движенію...

«Эти соображенія пришлось изложить уже послѣ того, какъ программа была отдана въ наборъ, а задержать ея выходъ—значило задержать весь нумеръ, правильное же появленіе нумеровъ «Народной Воли» было, такъ сказать, равносильно появленію адмиральскаго флага на броненосцѣ, знаменующаго его готовность къ бою. Все это Тихомировъ бралъ, конечно, въ расчетъ, увѣренный, что нельзя не примириться съ совершившимся фактомъ. Онъ ошибся только въ одномъ: фактъ, конечно, нельзя было не признать, но этотъ фактъ не только далъ неправильную окраску одному изъ наиболѣе яркихъ періодовъ революціонной борьбы, но сообщилъ и ложное направленіе будущему... и гораздо больше, чѣмъ измѣна Гольденберга и правительственныя программы, расшаталъ внутри дружную семью людей, сошедшихся по свободному почину для борьбы на жизнь и смерть. Правда, по инерціи люди шли неуклонно къ главной, ранѣ намѣченной цѣли (цареубійству), и 1 марта совершилось; но когда люди перваго состава исполнительнаго комитета почти всѣ погибли, приблизительно въ одно время съ этимъ послѣднимъ мощнымъ ударомъ комитетъ второго состава свершить уже ничего не могъ, несмотря на то, что пріѣхавшій лѣтомъ 81 г. изъ-за границы Стефановичъ объединилъ съ комитетомъ жалкіе остатки «Чернаго передѣла», несмотря на то, что въ численномъ отношеніи людей было еще немало.

«Поступокъ Тихомирова былъ опротестованъ Морозовымъ и мною; намъ обѣщали собрать общее собраніе и, чтобы не быть скованными условіями типографскаго быта, мы успѣли нанять себѣ по новому паспорту новую квартиру въ другой части города далеко отъ той, гдѣ жили раньше.

«Мы переѣхали на новую квартиру незадолго до Рождества и послѣ того еще два раза встрѣтились всѣ вмѣстѣ съ большинствомъ бывшихъ въ Петербургѣ товарищей. Одинъ разъ это было на встрѣчѣ Нового года (1880 г.), устроенной на новой конспиративной квартирѣ, нанятой послѣ ареста Квятковскаго. Тамъ были многіе: Фроленко, Колоткевичъ, Желябовъ, Ал. Михайловъ, Морозовъ, Грачевскій, Ширяевъ, Исаевъ (Тихомирова не помню въ этотъ день), Т. Лебедева, Якимова (Баска), Геся Гельфманъ, Перовская, Оловенникова и другіе. Присутствующіе избѣгали касаться недавно всплывшихъ тяжелыхъ жгучихъ вопросовъ; мы перекидывались шутками, пѣли, разговаривали...

«Черезъ нѣкоторое время послѣ Новаго года собрались мы все еще одинъ разъ—это была уже дѣловое собраніе; нѣкоторыхъ, не вступившихъ еще въ члены организаціи, здѣсь не было (такъ не было Геси Гельфманъ и Исаева). Письмо мое товарищамъ, посланное изъ типографіи, въ которомъ я высказывала опасеніе потерять нравственную связь между товарищами, если образъ дѣйствій Тихомирова войдетъ въ обычай, было прочитано нѣкоторыми и произвело, какъ говорили мнѣ, хорошее впечатлѣніе. Хотя программа была уже напечатана, на очередь поставлено было все-таки обсужденіе ея. Предстояло также переизбрать нѣкоторыхъ членовъ распорядительной комиссіи. Во время дебатовъ Тихомировъ отклонялся отъ прямого отвѣта по вопросу объ яacobинизмѣ (о захватѣ власти и декретированіи сверху). Морозовъ потребовалъ поставить на баллотировку признаніе Липецкой программы обязательной для организаціи, какъ программы, принятой не келейно, а свободно. Эта постановка вопроса, въ виду совершившагося факта домашняго принятія программы въ тихомировской формулировкѣ, была, конечно, безнадежна, но Морозовъ, высоко цѣняя идейную сторону революціоннаго движенія, считалъ своей нравственной обязанностью это сдѣлать; и когда изъ собравшихся значительное большинство, признавая въ душѣ всю некорректность тихомировскаго поступка, стало все-таки на сторону совершившагося факта, Морозовъ заявилъ, что онъ считаетъ себя свободнымъ отъ обязательства защищать такую программу въ публикѣ. Я, съ своей стороны, заявила также, что по натурѣ своей могу дѣйствовать только свободно, а разъ исполнительный комитетъ въ программу свою внесъ задачу (захвата власти), которая противорѣчитъ самой основѣ моихъ убѣжденій, а въ организаціонной практикѣ прибѣгаетъ къ приѣмамъ самовластья, чреватымъ взаимнымъ недоверіемъ, то я также возвращаю себѣ свободу дѣйствій. Кто-то, кажется Грачевскій, считая, вѣроятно, мое заявленіе сдѣланнымъ сторяча и помня, что я указывала главнымъ образомъ на вредъ тихомировскаго самовластнаго образа дѣйствій въ организаціи, чтобы показать мнѣ свое сочувствіе, предложилъ меня въ распорядительную комиссію; я, конечно, отказалась, на что Тихомировъ злобно заявилъ: «Напрасно отказываетесь, васъ еще не выбрали да и не выберутъ». На этотъ разъ, однако, въ распорядительную комиссію, не случайно, конечно, а въ дѣлахъ нравственнаго оздоровленія распорядительной комиссіи, попала первая женщина; это была Софья Перовская, и Тихомировъ, съ тѣхъ поръ (съ начала 80 г.) хотя и продолжалъ быть номинально однимъ изъ распорядителей дѣлъ исполнительнаго комитета, однако послѣ февральскаго взрыва мало-по-малу сталъ отстраняться отъ дѣлъ организаціи и все больше и больше льнулъ къ легальнымъ литературнымъ сферамъ, отдавая свое время почти

исключительно легальной литературѣ, работая въ журналахъ подъ именемъ Кольцова.

«Вообще послѣ февральскаго взрыва весь 1880 годъ прошелъ для организаціи малодѣятельно въ смыслѣ натиска на главную цитадель. Либеральныя вѣянія и заигрыванія Лорисъ-Меликова съ прессой отразились и на революціонной средѣ. Партія «Народной Воли» дала цѣлый годъ молчаливаго перемирія, хотя и не разоружалась; снаряды, заложенные подъ руководствомъ Желябова подъ одинъ изъ мостовъ въ Петербургѣ, знаменуютъ уже, что революціонеры еще раньше 1 марта извѣрились въ лицемерныя обѣщанія Лорисъ-Меликова.

«Либеральныя вѣянія Лорисъ-Меликова только разслабили бдительность старыхъ членовъ исполнительнаго комитета «Народной Воли», и такіе цѣнные бойцы, какъ Желябовъ, позволяли себѣ появляться на многолюдныхъ студенческихъ сходкахъ, гдѣ они попадали, конечно, на примѣту шпіонамъ; и къ концу 1880 года и въ началѣ 1881 г. наиболѣе дѣятельные члены организаціи были такимъ образомъ выслѣжены и одинъ за другимъ перехватаны, такъ что 1 марта было послѣдней лебединой пѣсней «великаго» исполнительнаго комитета, какъ называли нѣкоторые комитетъ перваго состава».

VI.

Стѣсненное финансовое положеніе партіи, идейное разномысліе въ составѣ исполнительнаго комитета по предмету политическихъ задачъ, удачныя для правительства, хотя и совершенно случайныя, аресты революціонеровъ Клѣтчаникова и, въ особенности, Гольденберга, раскрывшаго въ порывѣ психическаго возбужденія слѣдователямъ составъ и планы революціоннаго лагеря, все это показываетъ, что дѣло революціонеровъ стояло очень шатко, что внутренній развалъ въ ней неминуемъ и что она рѣшительно неспособна на какое-нибудь положительное созиданіе и вся ея роль сводится къ дѣйствіямъ разрушительнаго порядка. И дѣйствительно, изучая дѣйствія ея исполнительныхъ органовъ, мы видимъ, что въ кругу именно этой задачи она проявляетъ изумительную энергію, отличается твердой сплоченностью и дисциплиной и идетъ по намѣченному пути съ жестокой и непоколебимой послѣдовательностью, причемъ душою всѣхъ ея предпріятій съ самаго начала становится Желябовъ, къ которому впослѣдствіи присоединяется Перовская, а дѣятелями по технической части выполненія намѣченныхъ предпріятій въ смыслѣ выдѣлки динамита, формированія минь, начиненія бомбъ являются, главнымъ образомъ, Ширяевъ, Исаевъ, Кибальчичъ, Гартманъ и Богдановичъ-Кобозевъ. Немедленно же послѣ Воронежскаго съѣзда исполнительный комитетъ приступаетъ къ работкѣ плановъ систематическихъ покушеній на жизнь Але-

ксандра II и, пользуясь его поѣздками на югъ Россіи, въ виду тяжелой болѣзни царственной супруги, лечившейся въ Крыму, устраиваетъ рядъ динамитныхъ засадъ по пути слѣдованія царскаго поѣзда, въ цѣляхъ его взрыва. Такихъ желѣзнодорожныхъ динамитныхъ засадъ было организовано семь, но всѣ онѣ окончились благополучно для державнаго путешественника, хотя и виновники покушеній до поры до времени избѣгли поимки полиціею и остались внѣ кары закона. Лишь въ послѣдствіи, послѣ поимки и показаній Гольденберга, арестованнаго на дорогѣ, когда онъ везъ въ поѣздѣ динамитъ, правительству удалось во всѣхъ подробностяхъ выяснитъ ту страшную опасность, которой постоянно, въ періодъ своихъ желѣзнодорожныхъ странствованій, подвергался государь императоръ.

По поводу покушеній на жизнь Александра Николаевича обвинительный актъ процесса 20-ти народовольцевъ даетъ слѣдующіе фактическіе данные, основанныя главнымъ образомъ на показаніяхъ Гольденберга, провѣренныя дальнѣйшими слѣдствіями ¹⁾.

1) Приготовленія къ царевубійству близъ гор. Одессы осенью 1879 года.

Изъ показанія Григорія Гольденберга, между прочимъ, видно, что въ двадцатыхъ числахъ сентября 1879 г., когда онъ, Гольденбергъ и Николай Колоткевичъ находились въ Харьковѣ и принимали участіе въ происходившихъ тамъ сходкахъ революціонеровъ и сочувствующихъ имъ лицъ, причемъ на этихъ сходкахъ обсуждался, при участіи Желябова, планъ царевубійства, въ Харьковѣ пріѣхалъ Кошурниковъ (Баранниковъ), вмѣстѣ съ Прѣсняковымъ, и привезли съ собою около трехъ пудовъ динамита. Тогда же было рѣшено предпринять приготовленія къ царевубійству, между прочимъ въ Одессѣ, на линіи Одесской желѣзной дороги, при обратномъ слѣдованіи государя императора изъ Крыма въ Петербургъ. Для этой цѣли Колоткевичъ отправился изъ Харькова въ Одессу, гдѣ уже находился Михаилъ Фроленко, который и долженъ былъ принять на себя приведеніе означеннаго замысла въ исполненіе. Съ этою же цѣлью Гольденбергъ отдѣлилъ изъ динамита, привезеннаго Кошурниковымъ и Прѣсняковымъ, около полутора пудовъ и послалъ его въ Одессу съ Татьяною Лебедевою, которая должна была остаться тамъ и помогать Фроленко. Затѣмъ онъ, Гольденбергъ, принялъ участіе въ приготовленіяхъ къ взрыву императорскаго поѣзда, производимыхъ близъ Москвы на линіи Московско-Курской желѣзной дороги изъ дома Сухорукова (Гартмана). Въ ноябрѣ, собравшіеся здѣсь участники упомянутыхъ приготовленій, получивъ свѣдѣнія о томъ, что государь императоръ изволитъ на пути изъ Крыма прослѣдовать черезъ Москву, и въ то же время предположивъ, что вслѣдствіе дурной погоды

¹⁾ Было еще задумано и организовано покушеніе на ст. Окуловка, каковое не осуществилось и на было доведено до конца. Это покушеніе не вошло въ дѣло 20-ти народовольцевъ.
Б. Г.

поѣздка его императорскаго величества въ Одессу моремъ не состоится, пришли къ рѣшенію о томъ, что начатыя въ Одессѣ приготовленія должны быть оставлены, а находящійся тамъ динамитъ перевезенъ въ Москву. За этимъ динамитомъ Гольденбергъ 9 ноября отправился въ Одессу и дорогой, въ Елисаветградѣ, встрѣтилъ Николая Кибальчича, который, сказавъ ему, что онъ везетъ изъ Одессы проволоку въ Александровскъ къ Желябову, добавилъ,

Степанъ Николаевичъ Халтуринъ.

что въ Одессѣ уже, быть можетъ, успѣли заложить динамитъ подъ рельсы желѣзной дороги. Вслѣдствіе этого Гольденбергъ, по согласенію съ Кибальчичемъ, послалъ въ Одессу Колоткевичу телеграмму съ подписью «Максимовъ», предупреждающую о прибытіи его, Гольденберга. Подѣзжая къ Одессѣ, онъ видѣлъ Татьяну Лебедеву, стоявшую на линіи желѣзной дороги около одной изъ сторожевыхъ будокъ, изъ чего заключилъ, что сторожемъ въ этой будкѣ состоитъ Фроленко. Въ Одессѣ Гольденбергъ видѣлся съ этимъ послѣднимъ и съ Колоткевичемъ и, несмотря на видимое нежеланіе Фроленко оставлять начатыя въ Одессѣ приготовленія, ис-

требовалъ отъ нихъ динамить для доставленія въ Москву. Кромѣ названныхъ лицъ, Гольденбергъ видѣлъ еще въ Одессѣ Златопольскаго и какого-то молодого человѣка, по имени Василя, который, вмѣстѣ съ Колоткевичемъ, долженъ былъ перевести динамить изъ будки Фроленко къ Гольденбергу. Этотъ послѣдній, получивъ динамить и взявъ его съ собою, 13 ноября выѣхалъ изъ Одессы, а 14 ноября въ Елисаветградѣ былъ арестованъ.

Въ подтвержденіе приведеннаго показанія Гольденберга: 1) разслѣдованіемъ, произведеннымъ въ гор. Одессѣ, удостовѣрено, что съ 18 ноября и до 8 декабря 1879 г. Фроленко, подъ именемъ курскаго мѣщанина Семена Александрова, дѣйствительно, служилъ сторожемъ на 14 верстѣ Одесской желѣзной дороги, причѣмъ проживалъ въ сторожевой будкѣ на 12 верстѣ вмѣстѣ съ Татьяною Лебедевою, которую выдавалъ за свою жену. Въ декабрѣ 1879 г. Фроленко оставилъ желѣзнодорожную службу и, не дождавшись расчета, выѣхалъ изъ Одессы (показанія свидѣтелей: инженера Щегольскаго, дорожнаго мастера Корабельникова, жены сторожа Ивановой, Ковриги и проч.); 2) такимъ же разслѣдованіемъ обнаружено, что съ октября и до половины декабря 1879 г. Колоткевичъ проживалъ въ гор. Одессѣ подъ фамилію Сидоренко, на которую и была адресована телеграмма, посланная ему изъ Елисаветграда Гольденбергомъ и Кибальчичемъ.

Обвиняемые Николай Колоткевичъ, Михаилъ Фроленко, Василій Меркуловъ и Татьяна Лебедева признали всѣ вышеприведенныя обстоятельства и участіе свое въ предпринятыхъ на линіи Одесской желѣзной дороги приготовленіяхъ къ взрыву императорскаго поѣзда, каковой взрывъ предполагалось произвести посредствомъ проведенія гальваническаго тока къ динамитному заряду, заложенному подъ полотно желѣзной дороги. При этомъ Меркуловъ показалъ, что по порученію Колоткевича онъ перевозилъ мебель изъ Одессы въ сторожевую будку на 12 верстѣ, гдѣ поселился Фроленко вмѣстѣ съ Лебедевою, которая, въ свою очередь, объяснила, что по распредѣленію участія въ предположенномъ преступленіи она должна была для производства взрыва императорскаго поѣзда сомкнуть токъ гальванической батареи.

2) Покушеніе на цареубійство близъ гор. Александровска, Екатеринославской губерніи, 18 ноября 1879 года.

По показанію Григорія Гольденберга, на вышеупомянутыхъ революціонныхъ сходкахъ, происходившихъ въ гор. Харьковѣ въ сентябрѣ 1879 года, было, между прочимъ, рѣшено произвести взрывъ императорскаго поѣзда на линіи Лозово-Севастопольской желѣзной дороги, близъ гор. Александровска, Екатеринославской губерніи.

Для совершения этого преступленія были избраны Желябовъ, Прѣсняковъ, Яковъ Тихановъ, Иванъ Окладскій и Анна Якимова (она же Васка). Въ октябрѣ Желябовъ, подъ фамиліею ярославскаго купца Черемисова, вмѣстѣ съ Якимовою, которую онъ выдавалъ за свою жену, поселился въ гор. Александровскѣ, въ домѣ мѣщанъ Бовенко, при чемъ появленіе свое въ этомъ городѣ объяснилъ намѣреніемъ устроить кожевенный заводъ на отведенномъ ему мѣстною думою участкѣ городской земли, а затѣмъ занялся приготовленіями къ производству взрыва.

Изъ объясненій Прѣснякова, Тиханова и Окладскаго, подтвержденныхъ показаніями свидѣтелей Тимофея и Маріи Бовенко, а также результатами мѣстнаго осмотра и технической экспертизы, произведенной надъ найденными, по указаніямъ Тиханова, вещественными доказательствами, оказывается, что во время проживанія Желябова и Якимовой въ домѣ Бовенко у нихъ жили или появлялись лишь на короткое время и другіе ихъ сообщники, принимавшіе участіе въ упомянутыхъ приготовленіяхъ. Во исполненіе общаго ихъ преступнаго дѣла, подъ полотномъ желѣзной дороги, на 4-й верстѣ, произведена была закладка мины изъ двухъ цилиндровъ съ магнезіальнымъ динамитомъ, а по полученіи 16 ноября отъ Прѣснякова, пріѣхавшаго изъ Симферополя, свѣдѣній о предстоящемъ 18 ноября проѣздѣ государя императора, Желябовъ, Тихановъ, Окладскій и Прѣсняковъ въ означенный день отправились въ телѣгѣ, въ которой помѣщалась гальваническая батарея, къ мѣсту, гдѣ была заложена мина; здѣсь Окладскій, вынувъ изъ земли спрятанные концы проводниковъ, идущихъ отъ заряда, передалъ ихъ Желябову, который, какъ только императорскій поѣздъ сталъ проходить надъ миною, по сигналу Окладскаго «жарь», сомкнулъ цѣпь. По неизвѣстной причинѣ взрыва, однако же, не произошло и императорскій поѣздъ благополучно прослѣдовалъ мимо злоумышленниковъ, которые вскорѣ послѣ этого разъѣхались изъ Александровска.

По предьявленіи свидѣтелямъ Тимофею и Маріи Бовенко обвиняемыхъ Якимовой и Макара Тетерки, они признали въ первой—женщину, проживавшую у нихъ въ домѣ подъ именемъ жены Желябова—Черемисова, а въ послѣднемъ—человѣка, который въ то же самое время проживалъ у Черемисовыхъ подъ именемъ «Дмитрича».

Обвиняемый Макаръ Тетерка показалъ, что въ 1879 г., въ гор. Кіевѣ, онъ познакомился съ Желябовымъ, который, послѣ того, какъ лицо, доставлявшее ему, Тетеркѣ, столярную работу, было арестовано по обвиненію въ государственномъ преступленіи, сказалъ обвиняемому, что и его могутъ арестовать, и, снабдивъ его паспортомъ, убѣдилъ не проживать подъ своею настоящею фамиліею. Осенью 1879 г. Тетерка, по приглашенію Желябова, отправился въ гор. Александровскѣ, гдѣ и прожилъ у Желябова около

мѣсяца, исполняя по его приказанію разныя столярныя и хозяйственныя работы.

Обвиняемая Анна Якимова созналась въ вышеуказанномъ участіи своемъ при покушеніи на цареубійство 18 ноября 1879 года.

Обвиняемый Григорій Исаевъ показалъ, что въ октябрѣ и ноябрѣ 1879 года онъ работалъ въ подкопѣ изъ дома Сухорукова въ Москвѣ, откуда ѣздилъ на одинъ день съ проволокою для мины къ Желябову въ гор. Александровскъ, гдѣ при немъ были заложены подъ полотно желѣзной дороги проволоки и одинъ изъ цилиндровъ съ динамитомъ, причеъ онъ, Исаевъ, принималъ участие въ работахъ.

Приведенное показаніе Исаева подтвердилъ и Гольденбергъ, объяснивъ, что Исаевъ, работавшій подъ именемъ «Гришки» въ подкопѣ подъ Московско-Курскую желѣзную дорогу, былъ посланъ изъ Москвы въ Александровскъ съ проволокой, въ видѣ отдыха, такъ какъ онъ болѣе другихъ участниковъ московскаго подкопа былъ утомленъ работой.

3) Покушеніе на цареубійство близъ гор. Москвы 19 ноября 1879 года.

19 ноября 1879 года, въ 11-мъ часу вечера, на 3-й верстѣ отъ московской станціи Московско-Курской желѣзной дороги, во время слѣдованія въ Москву поѣзда съ императорскою свитою, былъ произведенъ взрывъ полотна желѣзной дороги, вслѣдствіе чего произошло крушеніе означеннаго поѣзда, въ которомъ злоумышленники, очевидно, предполагали присутствіе государя императора ¹⁾. При взрывѣ никто изъ лицъ, слѣдовавшихъ въ поѣздѣ или постороннихъ, не пострадалъ.

По осмотру мѣста взрыва оказалось, что онъ былъ произведенъ посредствомъ мины, заложеной подъ полотно желѣзной дороги и проведенной изъ нижняго этажа дома, расположеннаго близъ желѣзнодорожнаго пути и купленнаго незадолго передъ тѣмъ личною, именовавшеюся саратовскимъ мѣщаниномъ Сухоруковымъ. Изъ этого дома была выведена подземная галерея, обшитая внутри досками и оканчивавшаяся миной, заложеной на глубинѣ около 2 саж. подъ рельсами. Самый же взрывъ былъ произведенъ при посредствѣ спирали Румкорфа, помѣщенной въ сундукъ, стоявшемъ въ верхнемъ этажѣ, и гальванической батареи, находившейся въ сараѣ, въ стѣнѣ котораго, близъ батареи, имѣлось отверстіе, по видимому, для наблюденія за желѣзнодорожнымъ путемъ. По заключенію экспертовъ на устройство означеннаго подкопа потребо-

¹⁾ Государь слѣдовалъ въ слѣдовавшемъ за нимъ поѣздѣ, каковой шель какъ бы въ роли рекогносцировочнаго. Р. Г.

валось не менѣе 20 дней и совмѣстная работа нѣсколькихъ лицъ; что же касается до взрыва, то онъ былъ произведенъ однимъ изъ взрывчатыхъ составовъ, содержащихъ въ себѣ нитроглицеринъ.

Показаніями допрошенныхъ при дознаніи свидѣтелей Анны Трофимовой, Василія Кононова, Екатерины Григорьевой, Ирины Съдоковой и другихъ удостовѣряется, что Сухоруковъ появился въ Москвѣ въ началѣ сентября 1879 г. съ женщиною, называвшеюся его женою; прибрѣтя покупкою у мѣщанина Кононова вышеупомянутый домъ, онъ 19 сентября переѣхалъ въ него и, удаливъ оттуда жильцовъ подъ предлогомъ необходимыхъ передѣлокъ, приступилъ къ вырытію въ нижнемъ этажѣ дома погребной ямы. Затѣмъ окна нижняго этажа были заколочены, двери заперты, а въ домъ доставлены доски и желѣзныя трубы, найденныя впослѣдствіи въ минной галереѣ. Послѣ взрыва 19 ноября всѣ обитатели купленнаго Сухоруковымъ дома скрылись.

Изслѣдованіемъ описаннаго покушенія на цареубійство выяснено, что изъ числа виновниковъ этого преступленія фамиліею Сухорукова назывался Левъ Николаевъ Гартманъ, скрывшійся за границу, а съ нимъ, подъ именемъ его жены, проживала Софья Перовская.

Гольденбергъ, излагая въ подробности всѣ обстоятельства своего участія въ устройствѣ подкопа подъ Московско-Курскую желѣзную дорогу, показалъ, что осенью 1879 г., въ бытность его въ Харьковѣ, туда, 16 октября, приѣхалъ Степанъ Ширяевъ и сообщилъ, что въ Москвѣ уже купленъ домъ и изъ него ведется подкопъ, надъ которымъ работаютъ Гартманъ, подъ фамиліею Сухорукова (по прозванію «Алхимикъ»), Перовская, подъ именемъ жены Сухорукова Марины Семеновы, Александръ Михайловъ, Арончикъ и студентъ медико-хирургической академіи «Гришка», оказавшійся впослѣдствіи Исаевымъ. При этомъ Ширяевъ заявилъ, что московскіе работники уже утомились, почему имъ и нужны свѣжія силы. По соглашенію съ Желябовымъ и Ширяевымъ, Гольденбергъ, взявъ съ собою оставшіеся у него 1½ пуда динамита, 18 октября выѣхалъ изъ Харькова въ Москву, гдѣ засталъ Александра Михайлова, жившаго подъ чужимъ именемъ на Б. Лубянкѣ, въ меблированныхъ комнатахъ Кузовлева, Арончика, занимавшаго вмѣстѣ съ Галиной Чернявской, подъ именемъ супруговъ Силантьевыхъ, конспиративную квартиру въ д. Карепиной, на Собачьей Площадкѣ, а Гартмана, Перовскую и Гришку—проживавшими въ д. Сухорукова. Здѣсь же, разыскавъ этотъ домъ по указанію Михайлова, поселился и онъ, Гольденбергъ, и до самаго своего отъѣзда въ Одессу 9 ноября работалъ въ подкопѣ, который при приѣздѣ нашель уже доведеннымъ до половины. Черезъ недѣлю послѣ прибытія Гольденберга, къ участникамъ подкопа присоединился Баранниковъ, подъ именемъ Кошурникова, и Ширяевъ. До приѣзда Гольденберга,

въ числѣ работающихъ въ теченіе 3 дней былъ и Морозовъ, который уѣхалъ, потому что, по болѣзни, работать не могъ, и при отѣздѣ захватилъ съ собою «на память» камень, вынутый изъ подкопа. Усердиѣе и успѣшнѣе всѣхъ работалъ Исаевъ, а хуже всѣхъ Арончикъ, котораго за лѣность даже устранили отъ работъ. При распредѣленіи участія въ самомъ производствѣ взрыва возникъ вопросъ о томъ, кому именно сомкнуть гальваническую цѣпь для взрыва. По мнѣнію Гольденберга, эту обязанность слѣдовало поручить ему или Кошурникову, такъ какъ за ними и безъ того уже были прежде совершенныя ими тяжкія преступленія за Гольденбергомъ — убійство харьковскаго губернатора свиты его императорскаго величества генераль-майора князя Крапоткина, а за Кошурниковымъ (Баранниковымъ) — убійство шефа жандармовъ генераль-адъютанта Мезенцова. Но такъ какъ они — ни тотъ, ни другой, не умѣли обращаться съ гальваническимъ аппаратомъ, то и рѣшено было, что цѣпь сомкнетъ Ширяевъ, а Перовская будетъ наблюдать за приближеніемъ поѣзда и подастъ Ширяеву сигналъ. Наканунѣ взрыва всѣ должны были разѣхаться, кромѣ Ширяева и Перовской, изъ которыхъ послѣдняя имѣла скрыться въ конспиративной квартирѣ Арончика и Чернявской.

Обвиняемые Александръ Михайловъ и Александръ Баранниковъ признали вышеуказанное участіе свое въ устройствѣ подкопа изъ дома Сухорукова подъ Московско-Курскую желѣзную дорогу. При этомъ Михайловъ показалъ, что, получивъ порученіе «исполнительнаго комитета» осмотрѣть и выбрать мѣсто на линіи Николаевской и Московско-Курской желѣзныхъ дорогъ, наиболее удобное для производства взрыва императорскаго поѣзда, онъ осмотрѣлъ указанныя ему мѣстности и собранныя имъ свѣдѣнія передалъ «комитету», который и остановился вслѣдствіе этого на домѣ, впослѣдствіи купленномъ на имя Сухорукова. Что же касается до самаго проведенія подкопа, то Михайловъ съ большою подробностью и согласно съ объясненіями Гольденберга описалъ весь ходъ работъ и всѣ вообще относящіяся сюда обстоятельства преступленія. Баранниковъ же, независимо отъ упомянутаго своего признанія, показалъ, что онъ пріѣхалъ въ Москву изъ Харькова, куда въ сентябрѣ вмѣстѣ съ Прѣсняковымъ перевозилъ динамитъ.

Обвиняемый Григорій Исаевъ, также сознаваясь въ участіи при устройствѣ подкопа изъ дома Сухорукова, объяснилъ, что въ работахъ по этому подкопу онъ, въ качествѣ техника, долженъ былъ замѣнять собою, въ случаѣ надобности, нынѣ осужденнаго государственнаго преступника Степана Ширяева. По словамъ Исаева, въ означенныхъ работахъ принималъ участіе и Николай Морозовъ, но лишь въ теченіе одного дня; Арончикъ же вовсе не работалъ въ подкопѣ, а вмѣстѣ съ Чернявской содержалъ конспиративную квартиру.

VII.

4) Покушеніе на цареубійство въ Зимнемъ дворцѣ 5 февраля 1880 года.

5-го февраля 1880 г., въ седьмомъ часу вечера, когда въ Зимнемъ дворцѣ, по случаю ожидавшагося прибытія въ С.-Петербургъ его величества принца Александра Гессенскаго, въ покоехъ, расположенныхъ надъ помѣщеніемъ главнаго караула, былъ приготовленъ столъ для семейнаго обѣда членовъ императорскаго дома, а его императорское величество государь императоръ Александръ Николаевичъ изволилъ выйти на встрѣчу высокому гостю въ малый фельдмаршальскій залъ, изъ подвального этажа произошелъ взрывъ, разрушившій помѣщеніе главнаго караула и смежныя съ нимъ части зданія, а также нѣсколько повредившій полъ тѣхъ комнатъ, въ которыхъ предполагался обѣденный столъ. При означенномъ взрывѣ изъ числа нижнихъ чиновъ л.-гв. Финляндскаго полка, находившихся въ составѣ главнаго караула, было убито на мѣстѣ десять человекъ. Кромѣ того 33 человекъ тѣхъ же чиновъ и нѣкоторыя лица изъ дворцовой прислуги получили болѣе или менѣе тяжкія поврежденія.

По осмотру мѣста взрыва и заключенію, высказанному экспертами на основаніи этого осмотра, оказалось, что взрывъ былъ произведенъ зарядомъ динамита, посредствомъ дѣйствія на него капсюля съ гремучкислосю ртутью, воспламененнаго съ помощью огнепроводнаго шнура.

По изслѣдованіи описаннаго событія выяснилось, что обвиненіе въ производствѣ взрыва падаетъ на крестьянина Вятской губерніи, Орловскаго уѣзда, Степана Халтурина и Александра Квятковскаго. Изъ нихъ Халтуринъ въ сентябрѣ 1879 г., подъ именемъ и по паспорту крестьянина Олонецкой губерніи, Каргопольскаго уѣзда, Степана Батышкова, поступилъ въ число столяровъ при Зимнемъ дворцѣ, проживалъ въ томъ самомъ подвалѣ, изъ котораго былъ произведенъ взрывъ, и послѣ этого послѣдняго скрылся, оставшись до сего времени не разысканнымъ. Квятковскій же былъ задержанъ въ С.-Петербургѣ, 24-го ноября 1879 года, подъ именемъ Чернышева, въ домѣ № 13, по Лештукову переулку, причемъ по обыску у него было между прочимъ найдено $\frac{1}{2}$ пуда магnezіальнаго динамита, разныя приспособленія для устройства взрывныхъ минъ и планъ той части Зимняго дворца, въ которой послѣдовалъ взрывъ 5 февраля 1880 года. Приговоромъ петербургскаго военно-окружнаго суда по дѣлу о 16 лицахъ, обвинявшихся въ государственныхъ преступленіяхъ, Квятковскій былъ признанъ виновнымъ въ участіи при приготовленіяхъ къ упомяну-

тому посягательству на жизнь нынѣ въ Бозѣ почившаго государя императора.

Привлеченный къ настоящему дѣлу въ качествѣ обвиняемаго, Григорій Исаевъ показалъ, между прочимъ, что зимою 1879—1880 годовъ и весною 1880 онъ, подъ именемъ Еремѣева, проживалъ въ С.-Петербургѣ, по Большой Подъяческой улицѣ, въ домѣ № 37, кв. № 27, вмѣстѣ съ двумя женщинами, изъ которыхъ одна называлась Анною Давыдовою, а другая Поликарповою, и занимался приготовленіемъ динамита для разныхъ террористическихъ предприятий своей «партіи». При этомъ Исаевъ сознался въ томъ, что онъ же приготовлялъ динамитъ и запалы, употребленные при взрывѣ 5 февраля 1880 года въ Зимнемъ дворцѣ. Нелишне будетъ отмѣтить, что, попавъ въ число столяровъ Зимняго дворца, Халтуринъ имѣлъ случай оставаться съ государемъ императоромъ въ его кабинетѣ лицомъ къ лицу при производствѣ здѣсь столярныхъ работъ. Тутъ ему представлялся легкій случай къ царевубійству, но обаятельная личность государя императора произвела на Халтурина столь сильное впечатлѣніе, что у столяра-террориста не поднималась рука на царя-освободителя. Его увлеченіе Александромъ Николаевичемъ было настолько сильно, что онъ даже взялъ себѣ на память о царѣ какую-то вещь съ его письменнаго стола, но партія, узнавъ о такомъ проявленіи чувствъ своего сочлена, приказала ему поставить вещь на мѣсто и привести динамитный взрывъ къ скорѣйшему концу. Эта торопливость партіи (Желябова) и послужила причиной, что взрывъ не удался. Халтуринъ указывалъ, что заложено недостаточное еще количество динамита и что сила врыва будетъ недостаточна, чтобы пробить потолки въ двухъ этажахъ. Но Желябовъ не внялъ этимъ указаніямъ и отдалъ распоряженіе о производствѣ взрыва.

5) Приготовленія къ царевубійству въ гор. Одессѣ весною 1880 года.

Изъ показаній обвиняемаго Василія Меркулова выяснилось, что въ гор. Одессѣ, весною 1880 года, готовилось посягательство на жизнь государя императора Александра Николаевича посредствомъ мины, которую предполагалось подвести подъ Итальянскую улицу на пути слѣдованія его императорскаго величества отъ вокзала желѣзной дороги къ парходной пристани.

Обстоятельства означеннаго преступленія представляются въ слѣдующемъ видѣ.

Въ началѣ 1880 года, въ гор. Одессѣ, Меркуловъ, при посредствѣ Вѣры Филипповой, урожденной Фигнеръ, сошелся съ Софьей Перовской и Львомъ Златопольскимъ, а затѣмъ познакомился съ Григоріемъ Исаевымъ, извѣстнымъ ему въ то время подъ

именемъ «Григорія», съ проживавшей съ нимъ, подъ видомъ жены, Анной Якимовой и съ Николаемъ Саблинымъ. Весной того же года, Перовская и Саблинъ, подъ именемъ уманскихъ мѣщанъ Петра и Маріи Прохоровскихъ, наняли въ домъ № 47, по Итальянской улицѣ, лавку, въ которой и открыли торговлю бакалейнымъ товаромъ. Изъ этой лавки, при участіи посѣщавшихъ Саблина и Перовскую Меркулова, Исаева, Златопольскаго, Якимовой и Филипповой, предположено было провести подкопъ подъ полотно Итальянской улицы, съ каковою цѣлью въ самомъ помѣщеніи, гдѣ производилась торговля, въ лѣвомъ углу, за прилавкомъ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ ветхія половицы, зачищенные новыми досками, могли быть подняты безъ поврежденія пола, была выкопана яма, изъ которой участники преступленія намѣревались, съ помощью бурава, просверлить самый каналъ для мины. На этомъ, однако, и остановилось осуществленіе злодѣйскаго умысла, такъ какъ полученное извѣстіе о прибытіи государя императора въ Одессу черезъ три дня заставило злоумышленниковъ прекратить работы, которыя не могли быть доведены до конца въ столь короткое время. Вслѣдствіе этого вырытый уже вертикальный колодезь былъ засыпанъ и затѣмъ 24 мая Прохоровскіе оставили нанятое ими помѣщеніе, отмѣтившись выбывшими въ гор. Полтаву.

Между тѣмъ, по объясненію Меркулова, всѣ приспособленія для земляныхъ работъ были уже заготовлены. Такъ, Златопольскій, извѣстный въ лавкѣ Прохоровскихъ подъ именемъ «Механика», приобрѣлъ земляной буравъ и, для приданія діаметру канала достаточныхъ размѣровъ, самъ придѣлалъ къ этому бураву рѣзцы, а для удлиненія его новыми колѣнами, по мѣрѣ хода работы, купилъ нѣсколько водопроводныхъ трубъ, разрѣзалъ ихъ на части, а затѣмъ отдалъ въ водопроводную мастерскую Виника для нарѣзки на концахъ ихъ винтовъ, при посредствѣ которыхъ эти отдѣльные куски могли бы скрѣпляться между собою. Далѣе Меркуловъ, указавъ домъ, въ которомъ во время работъ по подкопу проживали Исаевъ и Якімова подъ именемъ супруговъ Потаповыхъ, объяснилъ и объ обстоятельствахъ, при которыхъ эта квартира сдѣлалась ему извѣстна, а именно: во время производства Исаевымъ какихъ-то химическихъ работъ взрывомъ гремучаго вещества ему оторвало три пальца на рукѣ. Опасаясь, чтобы этотъ взрывъ не обратилъ вниманія сосѣдей и не повлекъ бы за собой полицейскаго осмотра квартиры, Якімова, удалившись въ лавку Прохоровскихъ, послала Меркулова удостовѣриться, не произвелъ ли взрывъ какого-либо волненія въ домѣ, объяснивъ ему при этомъ адресъ квартиры.

Сознаваясь въ приписываемомъ ему преступленіи, обвиняемый Григорій Исаевъ показалъ, что, проживая въ Одессѣ весной 1880 г. подъ именемъ Потапова съ женщиной, именованной его женой

Варварой, онъ предполагалъ принять участіе въ готовившемся посягательствѣ на жизнь священной особы государя императора, къ качествѣ техника по подкопу и взрыву. Для исполненія этого намѣренія были приготовлены буравъ, динамитъ, цилиндры, батарея и прочія принадлежности взрыва, которыя и хранились частью въ лавкѣ Прохоровскихъ, частью же въ его, Исаева, квартирѣ.

По предъявленіи Исаеву фотографическаго снимка обвиняемаго Льва Злапотольскаго, онъ призналъ въ немъ изображеніе одного изъ участниковъ преступленія, извѣстнаго ему подъ именемъ «Льва», и въ дальнѣйшихъ своихъ объясненіяхъ подтвердилъ изложенныя Меркуловымъ обстоятельства потери имъ пальцевъ, добавивъ, что за медицинскою помощью онъ обращался въ одесскую городскую больницу.

б) Приготовленія къ царубійству въ гор. С.-Петербургѣ лѣтомъ 1880 г.

Изъ дальнѣйшихъ объясненій обвиняемаго Василія Меркулова получены были нижеслѣдующія свѣдѣнія о приготовлявшемся въ г. С.-Петербургѣ, лѣтомъ 1880 года, посягательствѣ на жизнь государя императора Александра Николаевича.

Катаясь однажды въ началѣ лѣта на лодкѣ вмѣстѣ съ Желябовымъ, Прѣсняковымъ, Грачевскимъ, Баранниковымъ (извѣстнымъ ему въ то время подъ именемъ «Порфирія»), Александромъ Михайловымъ, именованнымъ тогда «Иваномъ Петровымъ», и Тетеркой, Меркуловъ слышалъ происходившій между этими лицами разговоръ о необходимости заложить динамитъ подъ какой-то мостъ по Гороховой улицѣ, съ цѣлью посягнуть на жизнь государя императора, причемъ «Порфирій» (Баранниковъ) предлагалъ одновременно съ взрывомъ моста примѣнить и метательный снарядъ. Изъ содержанія разговора Меркуловъ заключилъ, что совершеніе этого преступленія было уже раньше рѣшено между соучастниками. Черезъ нѣкоторое время послѣ упомянутой прогулки, по отбытіи уже государя императора въ Ливадію, Меркуловъ, отправившись на свиданіе съ Желябовымъ на каналъ близъ Михайловскаго сада, встрѣтилъ тамъ Александра Михайлова и нѣкоего «Мартына», оказавшагося впослѣдствіи Лангансомъ, слѣдившихъ за появленіемъ полиціи. Желябовъ прибылъ скоро на мѣсто свиданія въ лодкѣ, вмѣстѣ съ Тетеркой и Баранниковымъ, причемъ послѣдній отдалъ Меркулову на сохраненіе два желѣзныхъ пятилапныхъ якорька-кошки, а Тетерка объяснилъ ему, что они ѣздили извлекать динамитъ изъ-подъ какого-то моста по Гороховой улицѣ, но не могли его достать, такъ какъ кошки не

захватывали достаточно глубоко. Упомянутыя кошки Меркуловъ оставилъ въ послѣдствіи своему квартирному хозяину, въ домѣ № 15-2 по Забалканскому проспекту, Никифору Дмитріеву.

Обвиняемый Макарь Тетерка, подтверждая въ общихъ чертахъ заявленіе Меркулова о готовившемся лѣтомъ 1880 г. посягательствѣ на жизнь въ Бозѣ почившаго государя императора посредствомъ взрыва одного изъ мостовъ, лежавшихъ на пути обычнаго слѣдованія его императорскаго величества отъ вокзала Царско-сельской желѣзной дороги къ Зимнему дворцу, объяснилъ, что покушеніе это было рѣшено на сходкѣ, собравшейся въ какомъ-то трактирѣ, въ которой принимали участіе, кромѣ него самого, Желябовъ, Прѣсняковъ, Меркуловъ, Баранниковъ и, кажется, еще двое неизвѣстныхъ ему лицъ. Черезъ нѣсколько дней Тетерка, по указанію Желябова, пріѣхалъ въ квартиру, помѣщавшуюся въ одной изъ улицъ близъ Троицкаго переулка, и тамъ, спросивъ «подушку», получилъ отъ неизвѣстнаго ему человѣка корзину, въ которой лежала завернутая въ рогожу гуттаперчевая подушка, вѣсомъ около 2-хъ пудовъ, которую онъ, Тетерка, и привезъ въ Петровский паркъ, гдѣ его уже ожидали Желябовъ и Прѣсняковъ. Усѣвшись втроемъ въ лодку, гдѣ уже находилась такая же подушка и проволоки, соучастники выѣхали сначала на взморье и тамъ связали обѣ подушки веревками, а затѣмъ Фонтанкой и Крюковымъ каналомъ проѣхали въ Екатерининскій, гдѣ подъ Каменнымъ мостомъ и погрузили подушки въ воду, прикрѣпивъ конецъ веревки и проволоки проводниковъ къ находившемуся близъ моста, выше по теченію, плоту, на которомъ устроена прачешная. По состоявшемуся между участниками преступленія соглашенію, взрывъ долженъ былъ произвести Желябовъ, при содѣйствіи Тетерки, во время проѣзда государя императора черезъ мостъ. Въ назначенный день и часъ Тетерка, имѣя при себѣ корзину съ картофелемъ, долженъ былъ сойтись съ Желябовымъ у Чернышева моста и отправиться вмѣстѣ съ нимъ на плотъ, къ которому были прикрѣплены проводники, гдѣ, подъ видомъ перемывки картофеля, соединить проводники съ батареей, которую взялся принести Желябовъ. Въ назначенное, однако, время Тетерка, по неимѣнію часовъ, не явился своевременно на мѣсто свиданія, а въ тотъ же самый день государь императоръ прослѣдовалъ черезъ С.-Петербургъ на южный берегъ Крыма. Черезъ нѣсколько дней послѣ этого, ночью, тѣ же лица поѣхали поднимать подушки съ динамитомъ со дна канала, но не успѣли въ этомъ, такъ какъ имѣвшіяся у нихъ кошки не захватывали своими лапками подушекъ.

По тщательномъ изслѣдованіи дна Екатерининскаго канала подъ Каменнымъ мостомъ и близъ него, 4 мая и 6 іюня 1881 года были обнаружены 4 гуттаперчевыя подушки, наполненныя чернымъ динамитомъ, въ количествѣ около 7 пудовъ. Первые двѣ по-

душки, лежавшія рядомъ, саженьяхъ въ 10 отъ моста, ниже по теченію, не имѣли при себѣ ни запальныхъ зарядовъ, ни проводниковъ, вторыя же, найденныя впослѣдствіи нѣсколько далѣе первыхъ, были спутаны проволоками и содержали въ себѣ запальные стаканы съ пропущенными въ нихъ проводниками, заряженные крошенымъ пироксилиномъ, смоченнымъ нитроглицериномъ.

Эксперты, производившіе осмотръ и химическое изслѣдованіе вышеозначенныхъ минь, пришли къ слѣдующимъ выводамъ:

1) внѣшній видъ гуттаперчевыхъ оболочекъ указываетъ на весьма продолжительное пребываніе ихъ въ водѣ, причеиъ, по имѣющимся на нихъ крестообразнымъ впадинамъ, можно заключить, что подушки эти были связаны между собой;

2) заключавшійся въ подушкахъ черный динамитъ, частью подмоченный, по химическому своему составу близко подходитъ къ динамату, вынутому изъ мины, подведенной подъ М. Садовую улицу изъ лавки Кобызева, и

3) система запаловъ не представляетъ ничего новаго, укупорка же ихъ настолько удовлетворительна, что весь зарядъ сохранился сухимъ.

Указаніе обвиняемаго Тетерки на неизвѣстное лицо, передавшее ему подушку съ динамитомъ, повлекло за собой привлеченіе къ настоящему дѣлу Григорія Исаева, который, признавая свое участіе въ вышеизложенномъ преступномъ замыслѣ на жизнь въ Бозѣ почившаго государя императора, объяснилъ, что заключавшіеся въ подушкахъ динамитъ и запальные заряды приготовлены имъ съ цѣлью покушенія на цареубійство, причеиъ онъ принималъ и непосредственное участіе въ самомъ заложеніи мины подъ мостомъ.

Обвиняемый Александръ Баранниковъ сознался въ томъ, что лѣтомъ 1880 года, съ цѣлью произвести взрывъ при проѣздѣ его императорскаго величества, принималъ участіе въ заложеніи динамита подъ мостомъ на Гороховой улицѣ, а затѣмъ, по отѣздѣ государя императора въ Ливадію, пытался, вмѣстѣ съ другими лицами, вытащить заложенный динамитъ, но безуспѣшно.

Всѣ изложенныя минныя покушенія вслѣдствіе разныхъ техническихъ дефектовъ и случайностей не приводили революціонеровъ къ намѣченной ими цѣли и только въ день 1 марта 1881 года имъ удалось осуществить свой замыселъ. Но этотъ день цареубійства былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и началомъ конца партіи «Народной Воли». Выполнивъ разрушительную часть своей программы, она какъ бы изнемогла въ этой работѣ, и опасенія Желябова сбылись. Партія въ послѣдующій періодъ не оказалась въ силахъ проявить себя съ какой-либо творческой стороны и энергично была ликвидирована правительственной властью. Висѣлицы, Петропавловская и Шлиссельбургская крѣпости, каторжныя ссылки, рудники

и эмиграція поглотили почти всѣхъ «стариковъ»-революціонеровъ, а пришедшее имъ на смѣну поколѣніе уже не сумѣло организовать и представить изъ себя что-нибудь серьезное и значительное, да и правительство уже окрѣпло въ борьбѣ съ революціей, подтянулось и сумѣло стянуть въ свои руки всѣ нужныя ему тайныя нити, которыя такъ долго и безуспѣшно отыскивали дѣятели минувшаго царствованія. Революціонное движеніе, какъ его создала эпоха 70-хъ и 80-хъ годовъ, пошло на убыль и вскорѣ выродилось въ очень загадочное сложное явленіе, полное пониманіе котораго еще недоступно современному изслѣдователю. Двудикій, таинственный «Азефъ» уже во второй половинѣ восьмидесятыхъ годовъ показался на аренѣ исторіи, и бывшее революціонное движеніе замутилось, перейдя постепенно въ «гешефтъ», гешефтъ на деньги и жизнь людскую, въ коемъ стало съ теченіемъ времени трудно разобратъся, гдѣ находится грань, отдѣляющая революціонера—политическаго фанатика по образу Желябова и Перовской, отъ политическаго и полицейскаго агента, спекулирующаго за счетъ страха передъ революціей.

День 1 марта потрясъ Россію печальнымъ набатомъ, оповѣстившимъ населеніе о мученической кончинѣ царя-освободителя, тотъ же день 1 марта возвѣстилъ подпольной Россіи, что дѣло ея проиграно. Печальный трауръ окуталъ нашу родину и подъ густою тѣнью его скрылись реформаціонныя надежды и чаянія, которымъ царь-освободитель готовилъ новый «багряный и ясный день» наканунѣ своего трагическаго конца.

Б. Глинскій.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ЦѢННЫЙ ВКЛАДЪ ВЪ ИЗУЧЕНІЕ ПУШКИНА.

ВЪ НАШЕЙ научной литературѣ не разъ высказывался отрицательный взглядъ на изслѣдованія по исторіи новой русской литературы синтетическаго характера, на всякаго рода попытки обобщенія, подведенія какихъ-либо общихъ итоговъ. Какъ доводъ указывается, что при современномъ положеніи разработки исторіи нашей новой литературы и умственного движенія нѣтъ возможности дѣлать объективныя обобщенія и итоги, нужны прежде предварительная работа, детальное изученіе множества отдѣльныхъ вопросовъ, литературныхъ явленій, дѣятелей, выясненіе частныхъ.

Намъ представляется такой взглядъ одностороннимъ. Научная мысль, какъ бы скудны ни были ея результаты, всегда должна, на ряду съ аналитической работой, съ изученіемъ частныхъ явленій, не забывать и обобщенія, стремиться къ синтезу и того, что уже добыто, анализъ долженъ ити рядомъ съ синтезомъ, это только благотворно вліяетъ на движеніе научной мысли. Но въ словахъ противниковъ обобщеній есть сторона, заслуживающая полнаго вниманія. Это—указаніе на необходимость самаго тщательнаго, чисто фактическаго изученія писателей и литературныхъ явленій.

Несмотря на сильное развитіе за послѣднее время исторіи русской литературы, цѣлыя области у насъ не затронуты, не изучены, за небольшимъ исключеніемъ, у насъ нѣтъ даже сколько-нибудь хорошихъ изданій сочиненій, уже не говоря второстепенныхъ, но и видныхъ писателей. Особенно мы бѣдны работами фактическаго ха-

рактора, которыя имѣютъ такое громадное значеніе для изученія писателя, которыя являются краеугольнымъ камнемъ. Первое дѣло при уясненіи и изученіи писателя—внимательное изслѣдованіе его жизни, личности, хода литературнаго творчества. А между тѣмъ, у насъ почти нѣтъ обстоятельныхъ и вполне научныхъ біографій даже самыхъ замѣчательныхъ представителей русской литературы. И не подлежитъ сомнѣнію, что необходимо обратить серьезное вниманіе на чисто фактическое изученіе, что это дастъ весьма хорошіе результаты въ области уясненія творчества и значенія писателей, отразится благотворно на чисто синтетической, обобщающей работѣ. И прежде всего надо подготовить, систематизировать матеріалъ для біографій и исторіи творчества писателей, сгруппировать всѣ фактическія данныя, относящіяся къ жизни и творчеству писателя, зарегистрировать каждый относящійся сюда фактъ, составить фактическій остовъ, фактическую канву жизни и творчества писателя.

Это, конечно, еще не біографія, еще не исторія творчества въ полномъ смыслѣ слова, а лишь канва, лишь остовъ, такъ какъ факты еще не вскрываютъ внутренней работы писателя, не даютъ представленія о процессѣ его внутренней жизни и творчества: вѣдь не всѣ движенія этого процесса конкретизируются въ фактахъ. Но это—очень цѣнная подготовительная работа, безъ выполненія которой затруднительно дальнѣйшее изученіе. Такая работа даетъ не только лишь остовъ жизни и творчества писателя, но и вскрываетъ различныя противорѣчія, трудно замѣчаемыя безъ этой работы. Интересна она и въ томъ отношеніи, что даетъ наглядную картину вліянія внѣшнихъ фактовъ жизни писателя на его творчество, на его замыслы, на ходъ литературной дѣятельности, вѣдь каждое произведеніе, въ извѣстной степени, продуктъ жизни писателя, его внѣшнихъ впечатлѣній, его настроенія, на которое часто оказываетъ немалое вліяніе внѣшняя атмосфера, условія личной жизни. Кромѣ того, тѣ работы, о которыхъ мы сейчасъ говоримъ, имѣютъ громадное чисто практическое значеніе, какъ въ высшей степени нужное и полезное для всевозможныхъ цѣлей справочное пособіе.

Но работы этого характера, несмотря на ихъ большую научную цѣнность и значеніе, какъ очень полезныхъ справочниковъ, у насъ находятся въ полномъ пренебреженіи, можно назвать только нѣсколько такихъ трудовъ во главѣ съ біографической канвой Гоголя, составленной профессоромъ Кирпичниковымъ.

За послѣднее время у насъ замѣчается поднятіе большого интереса къ Пушкину. Можно сказать, что ни одинъ изъ писателей теперь не интересуется такъ историковъ, какъ Пушкинъ, даже нѣкоторые изъ нихъ изученіе его дѣлаютъ своей спеціальностью, посвящая себя главнымъ образомъ этому изученію. О Пушкинѣ появляется масса всевозможныхъ работъ, онъ изслѣдуется до мель-

чайшихъ деталей, съ невиданной у насъ еще полнотой, его текстъ изучается самымъ тщательнымъ образомъ, выпускаются такія изданія, какъ сочиненія поэта подъ редакціей С. А. Венгерова, которое является не только научно провѣреннымъ текстомъ, но и цѣлой пушкинской энциклопедіей, такъ какъ въ этомъ изданіи каждый фактъ жизни, каждый вопросъ творчества и біографіи комментируются цѣлымъ рядомъ извѣстныхъ пушкинистовъ и историковъ литературы. Выпускается прекрасное, подъ редакціей В. И. Саитова, изданіе писемъ поэта вмѣстѣ съ письмами къ нему. Издается даже специально посвященное Пушкину періодическое изданіе «Пушкинъ и его современники». Въ университетахъ основываются спеціальныя «Пушкинскіе семинаріи», ставящія цѣлью изученіе Пушкина. Мы имѣемъ въ виду основанный С. А. Венгеровымъ Пушкинскій семинарій при петербургскомъ университетѣ.

Въ результатѣ этого интереса къ Пушкину добытъ очень большой и цѣнный матеріаль, составившій цѣлую спеціальную область, разросшійся въ цѣлую отрасль науки. Теперь является потребность въ систематизаціи этого матеріала, въ его обработкѣ.

Въ 1887 г. Я. К. Гротъ составилъ «Хронологическую канву для біографіи Пушкина»; она напечатана въ его книгѣ «Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники» (Спб. 1887; 2-е изд. Спб. 1899). Но эта небольшая работа, менѣе двухъ печатныхъ листовъ, и въ свое время не охватила всего имѣющагося матеріала. Но съ тѣхъ поръ изученіе Пушкина сдѣлало большой шагъ впередъ, было опубликовано очень много новаго матеріала. Систематизировать его поставилъ своей задачей Н. О. Лернеръ. Въ 1903 г. онъ выпустилъ канву жизни и творчества Пушкина—«Труды и дни Пушкина», встрѣченную весьма сочувственно критикой. За послѣдніе семь лѣтъ, какъ мы указывали, изученіе Пушкина опять очень подвинулось, вышли новыя комментированныя изданія его сочиненій подъ редакціей П. О. Морозова, подъ редакціей П. А. Ефремова, 3 тома подъ редакціей С. А. Венгерова, 2 тома изданія Академіи наукъ, появилось подъ редакціей В. И. Саитова изданіе писемъ поэта и писемъ къ нему, вышли книги В. Я. Брюсова, И. А. Шляпкина, цѣлый рядъ другихъ изслѣдованій. Н. О. Лернеръ увидѣлъ необходимость второго изданія своей книги. Въ виду привлеченія новаго обширнаго матеріала, она обратилась въ особое самостоятельное изслѣдованіе, вмѣсто небольшой книжки перваго изданія получился громадный томъ въ 36 печатныхъ листовъ мелкаго шрифта. Въ настоящее время работа Н. О. Лернера выпущена Академіей наукъ («Труды и дни Пушкина»). Второе исправленное и дополненное изданіе. Стр. 577. Спб. 1910. Цѣна 3 рубля). Появленіе книги, которая еще въ рукописи получила полную Пушкинскую премію Пушкинскаго общества при Александровскомъ лицѣѣ, является событіемъ въ изученіи Пушкина и должно быть отмѣчено.

Общепризнано, что въ настоящее время Н. О. Лернеръ является однимъ изъ лучшихъ знатоковъ Пушкина, однимъ изъ самыхъ видныхъ его изслѣдователей. Н. О. Лернеру принадлежитъ цѣлый рядъ работъ и замѣтокъ о Пушкинѣ въ различныхъ повременныхъ изданіяхъ: въ «Пушкинѣ и его современникахъ», «Русской Старинѣ», «Русскомъ Архивѣ», «Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія», «Историческомъ Вѣстникѣ», «Рѣчи», и др. Большая работа Н. О. Лернера о прозѣ Пушкина напечатана въ «Исторіи русской литературы XIX вѣка» подъ редакціей Д. Н. Овсяннико-Куликовскаго. Но особенно нужно отмѣтить комментарій Н. О. Лернера къ сочиненіямъ Пушкина въ изданіи его сочиненій подъ редакціей С. А. Венгерова. Въ этомъ изданіи, кромѣ цѣлаго ряда большихъ статей, Н. О. Лернеру принадлежатъ примѣчанія къ нѣкоторымъ стихотвореніямъ 1814—1819, 1822 г. г. и ко всемъ стихотвореніямъ 1821, 1823, 1824, 1826 и 1827 г. г. Эти примѣчанія поражаютъ богатствомъ привлеченнаго матеріала, еще никто у насъ не комментировалъ съ такой обстоятельностью стихотвореній Пушкина. Кромѣ этого, Н. О. Лернеръ указалъ на нѣсколько еще неизвѣстныхъ произведеній Пушкина, среди которыхъ особенно выдѣляется большая статья о С.-Бевѣ («Новооткрытыя страницы Пушкина». — «Пушкинъ и его современники», вып. XII и отд. Спб. 1909). «Труды и дни Пушкина» окончательно упрочиваютъ репутацію Н. О. Лернера, какъ виднаго пушкиниста.

Типъ такихъ работъ, какъ книга Н. О. Лернера, еще не установился. По какому плану располагать матеріалъ, что включать въ указанія, какого характера они должны быть—предстоитъ окончательно выработать въ будущемъ. Поэтому книга Н. О. Лернера, лежащій въ основѣ ея планъ имѣютъ большое методологическое значеніе для выработки лучшаго типа подобныхъ работъ.

Цѣнность и полезность ихъ обусловлены планомъ расположенія матеріала, характеромъ указаній. Въ виду этого, прежде всего скажемъ о принятомъ Н. О. Лернеромъ планѣ, насколько онъ удовлетворяетъ тѣмъ требованіямъ, которыя можно предъявить къ подобнаго рода работамъ.

Онѣ—не біографіи, не исторіи творчества, не исторіи литературной дѣятельности, не исторіи постепеннаго уясненія критикой и наукой Пушкина, а лишь фактической остовъ, канва для этого, лишь систематизація матеріала. Въ виду этого, во-первыхъ, указанія должны носить чисто фактической характеръ и быть расположены въ хронологическомъ порядкѣ. Во-вторыхъ, систематизируя матеріалъ, на нашъ взглядъ, изслѣдователь долженъ имѣть въ виду этотъ матеріалъ во всемъ его объемѣ, а не одну лишь какую-нибудь сторону, не одну лишь жизнь писателя, но и его творчество, ходъ литературной дѣятельности, оцѣнку критикой, однимъ словомъ, нужно охватить весь матеріалъ для изученія писателя.

Въ-третьихъ, роль составителя не должна ограничиваться одной лишь механической систематизаціей, а нужно научное изслѣдованіе, научная критика въ полномъ смыслѣ этого слова, т. е. составитель долженъ критически относиться къ матеріалу, разобраться въ немъ, въ противорѣчіяхъ. Кромѣ этого, мы думаемъ, что подобная работа по своему существу и цѣлямъ сливается съ библіографіей, и притомъ, двоякаго рода. Цѣль работы—систематизировать матеріаль для изученія писателя, разобраться въ немъ. Эта цѣль неминуемо влечетъ за собою необходимость систематизировать литературу о писателѣ такъ, чтобы явилась возможность не только имѣть предъ собою схематическую картину жизни, творчества, развитія литературной дѣятельности, но и изучать писателя. Поэтому нужно присоединить къ каждой датѣ необходимыя руководящія библіографическія указанія, дающія вѣхи для уясненія и изученія каждаго вопроса, отмѣтить первоисточники, все главное, связанное съ данной датой.

Тѣсно связано съ задачей работы—дать матеріаль для изученія того, какъ постепенно писатель уяснялся критикой и исторіей литературы, не ограничиваться указаніемъ главной литературы къ отдѣльнымъ датамъ, но и дать хронологическую библіографію всей литературы о писателѣ. Но послѣднее представляетъ особый трудъ, соединенія котораго желательно съ работой, о которой мы говоримъ, но можетъ быть предметомъ и особаго труда. Но безусловно нельзя обойти въ подобныхъ книгъ Н. О. Лернера работахъ указаній въ хронологическомъ порядкѣ статей о писателѣ, появившихся при его жизни, такъ какъ онѣ часто имѣютъ вліяніе въ жизни писателя, вліяютъ на его настроеніе, оказываютъ воздѣйствіе на направленіе творчества. Такимъ образомъ, указаніе библіографіи статей, появившихся при жизни писателя, тѣсно связано съ задачей тѣхъ работъ, о которыхъ мы говоримъ.

Само собою разумѣется, что однимъ изъ главныхъ условій цѣнности и полезности данныхъ трудовъ является точность указаній и легкость наведенія справокъ.

Вотъ тѣ главныя черты этихъ работъ, какъ онѣ представляются намъ, вотъ тотъ общій планъ, который, на нашъ взглядъ, сообщаетъ наибольшую цѣнность и полезность даннымъ трудамъ. Но, конечно, эта схема, набросанная нами лишь въ общихъ очертаніяхъ, представляется намъ своего рода идеаломъ подобныхъ работъ, достиженіе котораго требуетъ громаднаго труда и времени. Но и выполненіе этой работы, хотя бы и не въ полномъ объемѣ, имѣетъ громадное значеніе, является весьма цѣннымъ и весьма полезнымъ.

Обращаясь къ принятому Н. О. Лернеромъ плану, посмотримъ, насколько выполнены имъ тѣ условія, которыя, по нашему мнѣнію, сообщаютъ наибольшую цѣнность и полезность подобнымъ трудамъ.

Въ расположеніи матеріала и въ характерѣ указаній, Н. О. Лернеръ придерживается того плана, который представляется намъ наиболѣе цѣлесообразнымъ, а именно держится хронологическаго порядка и даетъ чисто фактическія указанія. Установить точную хронологію очень трудно, но Н. О. Лернеръ обратилъ на это очень много вниманія, его указанія отличаются большой точностью, хотя хронологію нѣкоторыхъ датъ можно установить точнѣе. Напримеръ, подъ іюлемъ 1830 г. Н. О. Лернеръ отмѣчаетъ статью Пушкина «Разговоръ между А. и Б.», а подъ 9 августомъ того же года указываетъ: «Въ № 45 «Литературной Газеты» напечатана замѣтка Пушкина, начинающаяся словами: «Новыя выходки противу такъ называемой литературной аристократіи...» (стр. 217). «Новыя выходки...» вызвали нападеніе Полевого въ рецензіи на книгу «Купеческій сынокъ», появившейся въ № 14, іюльскомъ, «Московскаго Телеграфа», цензурное разрѣшеніе на выпускъ котораго было дано 21 августа, слѣдовательно, этотъ № «Московскаго Телеграфа» появился позже 21 августа. По содержанію «Разговора между А. и Б.» видно, что онъ былъ написанъ лишь послѣ замѣчанія Полевого и являлся продолженіемъ «Новыхъ выходокъ». Слѣдовательно, «Разговоръ» относится не къ іюлю, какъ указываетъ Н. О. Лернеръ, а написанъ не ранѣе двадцатыхъ чиселъ августа. Если же принять довольно вѣроятное предположеніе П. О. Морозова (Сочиненія Пушкина, изд. «Просвѣщенія», т. VI, стр. 633), что въ «Разговорѣ» поэтъ говоритъ о статьѣ въ № 110 «Сѣверной Пчелы», вышедшемъ 13 сентября, и о статьѣ въ № 17, сентябрьскомъ, «Московскаго Телеграфа», то «Разговоръ» написанъ въ сентябрѣ.

Что касается второго условія, то Н. О. Лернеръ расширилъ обычныя рамки подобныхъ работъ. Обыкновенно содержаніе ихъ опредѣляется заглавіемъ: «Хронологическая канва для біографіи», составители указываютъ лишь факты жизни писателя. Н. О. Лернеръ же имѣетъ въ виду и творчество Пушкина, указывая, когда произведеніе задумано, когда написано, когда напечатано и т. д., отмѣчая факты общественной и литературной жизни, игравшіе роль въ жизни поэта, отразившіеся на его творествѣ. Это, конечно, придаетъ болѣе широкое значеніе труду, дѣлаетъ его цѣннѣе. Но все-таки Н. О. Лернеръ не охватываетъ всего матеріала для изученія писателя. Хронологическую бібліографію статей о Пушкинѣ онъ не даетъ, но, мы уже говорили, что это, хотя и желательно соединить съ подобнымъ трудомъ, но она, являясь особой задачей, можетъ быть предметомъ особой работы. Но что же касается указанія статей, появившихся при жизни писателя, то, какъ мы уже сказали, ихъ указывать необходимо. Но это хотя и дѣлаетъ Н. О. Лернеръ, но рѣдко. Указывая нѣкоторыя статьи о Пушкинѣ, даже посвященныя ему стихотворенія, Н. О. Лернеръ не указываетъ очень многихъ статей,

сыгравшихъ известную роль въ жизни поэта, повліявшихъ на его настроеніе. Такимъ образомъ, здѣсь обнаруживается невыдержанность плана.

Въ тѣсной связи съ использованіемъ матеріала во всемъ объемѣ находится полнота указаній. Въ этомъ отношеніи Н. О. Лернеромъ сдѣлано очень много, въ его книгѣ находится громадное количество указаній, но есть и пропуски. Такъ, на примѣръ, не указано, что въ мартѣ 1830 года Пушкинъ предлагалъ Погодину помѣстить въ «Московскомъ Вѣстникѣ» статью противъ Булгарина «О запискахъ Видока», о чемъ записалъ Погодинъ въ своемъ дневникѣ (Барсуковъ, «Жизнь и труды Погодина», т. III, стр. 17), нѣтъ указанія, что въ сентябрѣ былъ набранъ пробный № «Дневника», газеты, разрѣшеніе на изданіе которой Пушкинъ получилъ въ 1832 году (Н. К. Пиксановъ. «Несостоявшаяся газета Пушкина», «Пушкинъ и его современники», вып. V, стр. 50 и отд. Спб. 1907, стр. 21), не отмѣчено, что къ апрѣлю 1834 г. относится встрѣча Пушкина съ Булгаринымъ, рассказанная въ воспоминаніяхъ В. П. Бурнашева («Изъ воспоминаній петербургскаго сторожила. Четверги у Греча»— «Заря», 1871, кн. IV; перепечатано въ «Русск. Архивѣ» 1901, VI), не указано, что 4 декабря 1836 года Пушкинъ посѣтилъ Греча (В. П. Бурнашевъ. Воспоминанія. «Русскій Архивъ», 1872, IX, 1787—1802). Эти пропуски обнаруживаютъ, что Н. О. Лернеръ, хотя и использовалъ въ большой мѣрѣ, что видно по его книгѣ, но не просмотрѣлъ систематически такіе важные источники, какъ «Русскій Архивъ», «Пушкинъ и его современники», «Жизнь Погодина» Барсукова. Н. О. Лернеръ указываетъ иногда время личнаго знакомства Пушкина съ разными лицами, на примѣръ, стремится опредѣлить время знакомства съ Гоголемъ (стр. 240), указываетъ, когда поэтъ познакомился съ Кукольниковомъ (стр. 305), но иногда этого не дѣлаетъ, хотя опредѣлить это можно. Такъ, на примѣръ, не указываетъ, что личное знакомство Пушкина съ Булгаринымъ состоялось въ 1827 году. Конечно, указаніе времени знакомства имѣетъ не меньшее значеніе, чѣмъ отмѣтка времени смерти друзей и враговъ поэта, что дѣлаетъ исправно Н. О. Лернеръ.

Что касается важнаго условія подобныхъ работъ—чтобы онѣ не являлись механической систематизаціей, а были вполне научными, критическими изслѣдованіями, то въ этомъ отношеніи книга Н. О. Лернера является вполне научнымъ трудомъ. Онъ не только систематизируетъ, а критически разбирается въ матеріалѣ, вскрывая противорѣчія и ошибки изслѣдователей.

Относительно же связи труда съ библиографіей, то этой тѣсной связи нѣтъ. Мы уже отмѣтили, что Н. О. Лернеръ оставилъ въ сторонѣ библиографическія указанія на современную литературу о поэтѣ что они не носятъ систематическаго характера. Теперь же скажемъ, что нельзя не поставить въ упрекъ автору, что онъ, хотя иногда и

указываетъ, гдѣ появилось то или другое произведеніе Пушкина, но въ большинствѣ случаевъ этого не дѣлаетъ, не указываетъ также, гдѣ были напечатаны отрывки сочиненій Пушкина, напримѣръ, отрывки «Руслана и Людмилы». Это нужно было сдѣлать, отсутствіе этихъ указаній является довольно важнымъ пробѣломъ книги Н. О. Лернера. Важно также указывать рукописи произведеній, чего нѣтъ въ книгѣ Н. О. Лернера.

Н. О. Лернеръ дѣлаетъ библиографическія указанія къ датамъ, указывая противорѣчія, первоисточники, но не всегда эти указанія исполнѣ достаточны. Въ виду отсутствія при нѣкоторыхъ датахъ библиографическихъ ссылокъ, не ясно, почему данное произведеніе или фактъ жизни отнесенъ къ данному времени и какія были у Н. О. Лернера основанія. Въ такой работѣ нужно было всегда указывать основанія даты.

Что касается точности, то нужно замѣтить, что въ этомъ отношеніи работа составлена тщательно. Н. О. Лернеръ много поработалъ надъ точностью датъ и внесъ много цѣнныхъ поправокъ, но и въ отношеніи точности есть нѣкоторыя ошибки. Такъ, напримѣръ, «Къ чему холодныя сомнѣнія» (Чаадаеву) указано, что появилось въ «Сѣверной Пчелѣ» 1820 г. № 12, (стр. 58), между тѣмъ, оно было напечатано въ 1825 году въ № 12, 27 января. Подъ первымъ февралемъ 1824 г. указано: «Письмо Пушкина, изъ Одессы, къ Ѳ. В. Булгарину, съ приложеніемъ для напечатанія въ «Литературныхъ Листкахъ» стихотвореній: «Рѣдѣть облаковъ летучая гряда» (1820) и «Простишь ли мнѣ ревнивыя мечты» (стр. 94). Въ дѣйствительности же было послано не «Рѣдѣть облаковъ летучая гряда», а «Нереида». Подъ 11 мартомъ 1830 г. сообщено: «Въ № 30 «Сѣверной Пчелы» напечатанъ «Анекдотъ» (изъ французскихъ газетъ), пасквиль Ѳ. В. Булгарина на Пушкина» (стр. 206). На самомъ дѣлѣ, въ «Сѣверной пчелѣ» указано: «изъ англійскаго журнала». Не точно передана сущность письма Пушкина къ Бенкендорфу отъ 24 марта 1830 г. Н. О. Лернеръ пишетъ: «Письмо Пушкина, изъ Москвы, на французскомъ языкѣ, къ А. Х. Бенкендорфу съ просьбой оградить его отъ подлыхъ выходокъ Ѳ. В. Булгарина» (стр. 207). Пушкинъ вовсе не проситъ оградить. Это совсѣмъ придаетъ другое значеніе его обращенію, что имѣетъ не малое значеніе для обрисовки нравственной фізіономіи поэта.

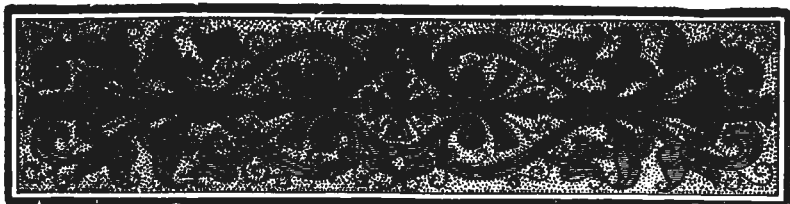
Относительно того, насколько хорошимъ, чисто справочнымъ пособіемъ является книга Н. О. Лернера, замѣтимъ, что въ этомъ отношеніи книга заслуживаетъ высшей похвалы. Наведеніе всякихъ справокъ очень легко, чему не мало способствуютъ примѣненіе различныхъ шрифтовъ, особенно оказываетъ услугу прекрасно составленный указатель къ книгѣ, представляющій самостоятельную, серьезную и кропотливую работу.

Мы сдѣлали только нѣсколько замѣчаній о дефектахъ книги Н. О. Лернера, специалисты по Пушкину, возможно, сдѣлаютъ еще цѣлый рядъ замѣчаній, внесутъ поправки. Но мы думаемъ, что значеніе и цѣнность труда Н. О. Лернера не поколеблется, сколько бы ни сдѣлали замѣчаній на недостатки, сколько ни было бы допущено Н. О. Лернеромъ неточностей, пропусковъ и ошибокъ. Абсолютная полнота и точность указаній является предѣломъ, достиженіе котораго будетъ идти на ряду съ изученіемъ Пушкина вообще и Н. О. Лернеромъ въ частности. вмѣстѣ съ дальнѣйшимъ изученіемъ, выяснятся Н. О. Лернеру новые факты, сдѣланныя ошибки и пропуски, недостатки плана, пробѣлы, то, на что не было ранѣе обращено должнаго вниманія и, такимъ образомъ, каждое новое изданіе его книги будетъ все цѣннѣе, приближаться къ предѣлу абсолютной полноты и точности. Составленная Н. О. Лернеромъ работа по своему характеру требуетъ постоянно новыхъ изданій, такъ какъ изученіе Пушкина даетъ все новый и новый матеріалъ. Н. О. Лернеромъ такъ много сдѣлано, что всѣ пробѣлы, недочеты, пропуски, неизбежныя въ такомъ сложномъ дѣлѣ, было бы несправедливо ставить въ большую вину автору. И то, что онъ сдѣлалъ, заслуживаетъ большой похвалы. Несомнѣнно, трудъ Н. О. Лернера является однимъ изъ самыхъ цѣнныхъ вкладовъ въ изученіе Пушкина, одной изъ самыхъ главныхъ книгъ при изученіи поэта, книгъ, пройти мимо которыхъ, изучая Пушкина, нельзя. Н. О. Лернеръ выполнилъ одну изъ самыхъ важныхъ и цѣнныхъ работъ о Пушкинѣ:—подготовилъ матеріалъ для его біографіи и исторіи творчества.

Мы уже говорили о значеніи подобныхъ работъ, о необходимости обратить на нихъ должное вниманіе. Книга Н. О. Лернера является симптомомъ того, что у насъ начинаютъ сознавать значеніе такихъ трудовъ. Н. О. Лернеръ первый далъ серьезную настоящую научную работу въ этой области, далъ возможность видѣть практически большую ея цѣнность и полезность, и, быть можетъ, его трудъ сообщитъ толчекъ къ развитію этихъ изслѣдованій, на нихъ обратятъ серьезное вниманіе, что, несомнѣнно, самымъ благотворнымъ образомъ отразится на успѣхахъ исторіи нашей литературы.

А. Г. Фоминъ.

ОПТИНА ПУСТЫНЬ И ПАЛОМНИЧЕСТВО ВЪ НЕЕ РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ.

ВЪ ШЕСТИДЕСЯТИ верстахъ отъ города Калуги, на живописномъ берегу рѣки Жиздры, въ зелени дремучаго дѣвственнаго бора, засѣки котораго когда-то давно служили защитой отъ набѣговъ татаръ и литвы, поэтично раскинулась съ своими церквами и многочисленными бойницами Оптинская Введенская пустынь. Природа и человѣкъ сдѣлали здѣсь все, чтобы создать чудный, уютный уголокъ, въ мечтательной тишинѣ котораго невольно забывается жизнь съ ея обычными нуждами и заботами. Сѣдя монастырскія стѣны, видѣвшія передъ собою не разъ многочисленныя непріятельскія полчища; гигантскія сосны, въ зелени которыхъ, кутаясь, блещетъ полноводная рѣка, массивные, старинной архитектуры, храмы; наконецъ, строго оберегаемая традиціи первыхъ суровыхъ подвижниковъ,—все это набрасываетъ на монастырскую жизнь полный прелести и привлекательности особый поэтический отпечатокъ. Время возникновенія Оптиной пустыни относится въ XIV выку. По словамъ преданія, она была основана предводителемъ разбойнической шайки Оптою, который, раскаявшись въ своихъ грѣхахъ, постригся подъ именемъ Макарія и основалъ цѣлый рядъ монастырей. До начала XIX вѣка извѣстность Оптинскаго монастыря была очень незначительна. Только со времени возникновенія въ этомъ монастырѣ института старчества и появленія цѣлаго ряда замѣчательныхъ иноковъ-

старцевъ Макарія, Амвросія и другихъ, слава Оптинскаго монастыря быстро растетъ и тысячи паломниковъ устремляются сюда, чтобы въ бесѣдахъ съ монастырскими старцами найти разрѣшеніе сложныхъ душевныхъ вопросовъ. И не только простая сермяжная Русь, съ котомками за плечами, въ заплатахъ и лаптяхъ плетется подъ гостепріимный оптинскій кровъ, но и люди глубоко интеллигентные, съ широкимъ философскимъ развитіемъ, находятъ въ совѣтахъ и указаніяхъ оптинскихъ иноковъ много цѣннаго и нужнаго для разрѣшенія высшихъ проблемъ морали и религіи. Такіе корифеи русской литературной мысли, какъ Гоголь, Достоевскій и братья Кирѣевскіе, не только интересовались глубокими по смыслу, несмотря на ихъ кажущуюся простоту, поученіями оптинскихъ старцевъ, но и преклонялись передъ ихъ высокимъ нравственнымъ авторитетомъ. Особонно глубоко было вліяніе иноковъ Оптиной пустыни на извѣстныхъ славянофиловъ братьевъ Кирѣевскихъ. Всесторонне образованные, прекрасно изучившіе господствующую въ то время философію Гегеля и Шеллинга, Кирѣевскіе не были въ состояніи удовлетвориться тѣмъ, что давала имъ наука, и за разрѣшеніемъ мучительныхъ запросовъ души постоянно обращались къ оптинскимъ старцамъ. Подвигъ старчества въ то время въ Оптиной пустыни несъ инокъ Макарій; съ нимъ-то постоянно и бесѣдовали Кирѣевскіе, стараясь уяснить себѣ ту высшую Божью правду, которой не можетъ дать наука, какъ бы высоко она ни стояла. Для Ивана Васильевича Кирѣевского старецъ Макарій былъ какъ бы духовнымъ руководителемъ на пути къ новому пониманію жизни. Это необыкновенно ясно проглядываетъ изъ его писемъ къ Кошелеву: «существеннѣе всякихъ книгъ и всякаго мышленія,—пишетъ онъ въ одномъ изъ своихъ писемъ,—найти святого православнаго старца, который бы могъ быть твоимъ руководителемъ, которому ты бы могъ сообщать каждую мысль свою и услышать о ней не его мнѣніе, болѣе или менѣе умное, но сужденіе святыхъ отцовъ». Найдя въ инокѣ Макаріи того старца, которому можно было бы открыть свою душу и повѣрить сомнѣнія, Иванъ Васильевичъ постоянно въ послѣдніе года своей жизни ѣздилъ изъ своего родового имѣнія Долбина въ Оптинскій монастырь и, подолгу оставаясь въ немъ гостить, проводилъ время въ собесѣдованіи со старцемъ Макаріемъ и другими монастырскими иноками, а также и принималъ участіе въ литературно-переводныхъ трудахъ оптинской братіи. Превосходно владѣя многими языками, Иванъ Васильевичъ Кирѣевскій своими указаніями и совѣтами былъ очень полезенъ тѣмъ немногимъ оптинскимъ монахамъ, которые въ тишинѣ монастырскаго уединенія трудились надъ переводами твореній святыхъ отцовъ церкви. Просматривая и исправляя рукописи, Иванъ Васильевичъ Кирѣевскій принималъ также живѣйшее участіе въ ихъ изданіи и распространеніи. Такимъ образомъ, та полоса

Видъ Оптиной пустыни.

литературной дѣятельности Оптинскаго монастыря, выразившаяся въ переводахъ и изданіяхъ цѣлаго ряда цѣнныхъ богословскихъ книгъ, всецѣло связана съ именемъ Ивана Васильевича Кирѣевскаго, который среди своихъ многочисленныхъ научно-литературныхъ работъ не забывалъ скромной духовно-просвѣтительной дѣятельности иноковъ Оптинскаго монастыря. Эту близкую и искреннюю привязанность къ Оптиной обители Иванъ Васильевичъ не хотѣлъ порвать и послѣ своей смерти, завѣщавъ похоронить себя въ монастырской оградѣ. На его могилѣ, недалеко отъ соборной церкви, скромно высится обнесенный желѣзной рѣшеткой четырехугольный чугунный памятникъ, увѣнчанный наверху четырехконечнымъ крестомъ. На одной изъ сторонъ памятника надпись: «Надворный совѣтникъ Иванъ Васильевичъ Кирѣевскій, родился 1806 года марта 22 дня, скончался 1856 года іюня 12 дня». На другихъ сторонахъ изреченія изъ священнаго писанія: «Премудрость возлюбихъ и поискахъ отъ юности моея. Познавъ же, яко не инако одержу, аще не Господь дастъ, придохъ ко Господу». (премудрости Соломона 8, 2, 21). «Узрять кончину праведника и не разумѣютъ, что усовѣтова о немъ Господь». «Господи, прими духъ мой». Рядомъ съ Иваномъ Васильевичемъ похороненъ братъ его Петръ Васильевичъ, тоже пожелавшій, по примѣру брата своего, найти себѣ вѣчный пріютъ въ горячо любимой имъ обители.

Нисколько не менѣе, если даже не болѣе, было вліяніе старцевъ Оптиной пустыни на Н. В. Гоголя. Знакомству Гоголя съ этой обителью и привязанности съ его стороны къ ея братіи очень много способствовало то обстоятельство, что въ 1845 году калужскимъ губернаторомъ былъ назначенъ Н. М. Смирновъ, съ женой котораго Александрой Осиповной, урожденной Россетъ, Гоголь находился въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ. Заѣзжая въ Калугу къ Смирновымъ, Гоголь почти всегда по дорогѣ останавливался въ Оптиной пустыни и въ духовныхъ бесѣдахъ оптинскихъ старцевъ находилъ облегченіе отъ той мучительной меланхоліи, которая властвовала надъ его душой въ послѣднія года его жизни. Извѣстно, что послѣ тяжелой болѣзни въ Вѣнѣ въ 1845 году въ психикѣ Гоголя произошла рѣзкая перемѣна. Вопросы о близкой смерти, объ ожидающей его загробной жизни, объ ошибкахъ его прошлой литературной дѣятельности съ особенной силой стали заполнять его воображеніе. Онъ сталъ необыкновенно нервенъ, постоянно хандрить, волновался отъ всякихъ пустяковъ и только восторженная молитва, чтеніе духовныхъ книгъ, религіозно-нравственныя бесѣды да дороги могли дать успокоеніе его мятущейся душѣ. Эта-то необыкновенная религіозная настроенность его души и была главной причиной его сближенія съ оптинскими старцами. По словамъ современниковъ, Гоголь въ Оптиной пустыни былъ два раза, хотя весьма вѣроятно, что онъ былъ въ ней гораздо больше. Впечатлительную душу Гоголя

въ жизни Оптиной пустыни больше всего поразила та высота христіанскаго совершенства, до котораго могли подняться оптинскіе иноки. Гоголя удивляло въ оптинскихъ старцахъ постоянное спокойствіе духа, необыкновенная доброта по отношенію ко всѣмъ людямъ, умѣнье быть всегда ласковыми и веселыми, умѣнье уничтожать въ себѣ всѣ мучительныя сомнѣнія и ясно и бодро смотрѣть на жизнь. Особенно сильно приковывали къ себѣ вниманіе Гоголя старцы Моисей, Антоній и Макарій. По монастырскимъ воспоминаніямъ эти личности были таковы. Старецъ Моисей былъ игуменомъ монастыря. Проводя время въ постоянныхъ трудахъ по управленію обителью онъ неукоснительно исполнялъ всѣ правила и обязанности монастырской жизни. Главной и отличительной чертой его было изумительное нищелюбіе. Всѣмъ, кто нуждался въ его помощи, никогда не было съ его стороны отказа. Онъ всегда былъ готовъ подѣлиться съ бѣднякомъ послѣдней копейкой и искренно радовался, когда ему удавалось оказать кому-либо помощь. Интересны были его отношенія съ монастырскими рабочими. Онъ никогда съ ними не торговался, и когда его упрекали за это, онъ, оправдываясь говорилъ: «вѣдь это та же милостыня». За это пренебреженіе его къ деньгамъ монастырская братія прозвала его «гонителемъ денегъ». Начальникъ скита, старецъ Антоній, былъ родной братъ игумена Моисея. Необыкновенно трудолюбивый, смиренный, онъ служилъ для всей братіи примѣромъ по исполненію церковныхъ службъ и монастырскихъ работъ, несмотря на тяжелую болѣзнь ногъ, которой онъ страдалъ болѣе тридцати лѣтъ. Третій старецъ, поразившій душу Гоголя, Макарій, былъ инокомъ высокой духовной жизни. Его совѣтами и указаніями пользовалась вся монастырская братія, для которой онъ былъ неустаннымъ наставникомъ на пути къ христіанскому совершенствованію. Высокій подвижническій умъ старца Макарія болѣе всего привлекалъ къ себѣ душу великаго писателя. И тотъ, кто въ чудныхъ художественныхъ образахъ такъ правдиво и рельефно нарисовалъ современную ему дѣйствительность, кто такъ тонко и глубоко творчествомъ своего дивнаго генія анализировалъ русскую душу, на закатѣ дней своихъ пришелъ въ скромную келію инока Макарія учиться христіанской любви, учиться той высшей правдѣ, которой такъ страстно жаждала его великая, незнающая спокойствія душа. И здѣсь, въ простыхъ, безхитростныхъ духовныхъ собесѣдованіяхъ съ инокомъ Макаріемъ, Гоголь, по собственному его признанію, отдыхалъ душой и забывалъ свою меланхолію. По воспоминаніямъ современниковъ, отношенія между Гоголемъ и старцемъ Макаріемъ были самыя искреннія. Всѣ запросы и сомнѣнія своей души Гоголь несъ на разрѣшенія этого мудраго инока, который съ дружеской готовностью выслушивалъ ихъ и давалъ совѣты и указанія. Въ обители Оптинскаго монастыря сохранился въ высшей степени интересный документъ, свидѣтельствующій

объ этой духовной связи между великимъ писателемъ и старцемъ Макариемъ. При имѣющейсѣ въ монастырской библиотекѣ книгѣ Гоголя «Избранныя мѣста изъ переписки съ друзьями» приложена копія съ письма, въ которомъ есть отзывъ объ этой, такъ много нашу мѣвшей въ свое время, книгѣ. Копія отзыва писана рукою старца Макарія, который, видимо, переписывая этотъ отзывъ, вполне почувствовалъ перевороту въ образѣ мыслей великаго писателя, вступившаго на склонѣ дней своихъ на путь самоотреченія и самоуничженія. Отзывъ этотъ таковъ: «Съ благодарностью возвращаю вамъ книгу, которую вы мнѣ доставили. Услышите мое мнѣніе о ней. Виденъ человѣкъ, обратившійся къ Богу съ горячностью сердца. Но для религіи этого мало. Чтобъ она была истиннымъ свѣтомъ для человѣка собственно и чтобъ издавала изъ него неподдѣльный свѣтъ для ближнихъ его, необходимо нужна въ ней опредѣлительность. Опредѣлительность сія заключается въ точномъ познаніи истины, въ отдѣленіи ея отъ всего ложнаго, отъ всего лишь кажущагося истиннымъ. Это сказалъ самъ Спаситель: «истина свободитъ васъ» (Іоанна 8, 32). Въ другомъ мѣстѣ писанія сказано: «Слово Твое истина есть» (Іоанна 17, 17). Посему желающій стяжать опредѣлительность глубоко вникаетъ въ евангеліе и, по ученію Господа, выправляетъ свои мысли и чувства. Тогда онъ возможетъ отдѣлить въ себѣ правильныя и добрыя мысли и чувства отъ поддѣльныхъ и мнимо добрыхъ и неправильныхъ. Тогда человѣкъ вступаетъ въ чистоту, какъ и Господь послѣ Тайной вечери сказалъ ученикамъ Своимъ, яко образованнымъ уже ученіемъ истины: «вы чисти есте за слово, еже рѣхъ вамъ» (Іоанна 15, 3). Но одной чистоты недостаточно для человѣка: ему нужно оживленіе, вдохновеніе. Такъ, чтобъ свѣтилъ фонарь, недостаточно одного чистаго вымыванія стекла, нужно, чтобъ внутри его зажжена была свѣча. Сіе сдѣлалъ Господь съ учениками Своими. Очистивъ ихъ истиною, Онъ оживилъ ихъ Духомъ Святымъ и они содѣлались свѣтомъ для человѣковъ. До принятія Духа Святаго они не были способны научить человѣчество, хотя уже и были чисты. Сей ходъ долженъ совершиться съ каждымъ христіаниномъ, христіаниномъ на самомъ дѣлѣ, а не по одному имени: сперва очищеніе истиною, а потомъ просвѣщеніе Духомъ. Правда, есть у человѣка врожденное вдохновеніе, болѣе или менѣе развитое, происходящее отъ движенія чувствъ сердечныхъ. Истина отвергаетъ сіе входновеніе, какъ смѣшанное, умерщвляетъ его, чтобъ Духъ, пришедши, воскресилъ его въ обновленномъ состояніи. Если же человѣкъ будетъ руководствоваться, прежде очищенія его истиною, своимъ вдохновеніемъ, то онъ будетъ издавать для себя и для другихъ не чистый свѣтъ, но смѣшанный, обманчивый, потому что въ сердцѣ его лежитъ не простое добро, но добро, смѣшанное со зломъ болѣе или менѣе. Всякій взгляни въ себя и повѣрь сердечнымъ опытомъ слова мои: увидишь,

Могили старцевъ о. Макарія и о. Амвросія.

какъ онѣ точны и справедливы, скопированы съ самой природы. Примѣнивъ сіи основанія къ книгѣ Гоголя, можно сказать, что она издаетъ изъ себя и свѣтъ, и тьму. Религіозныя его понятія не опредѣлены, движутся по направленію сердечнаго вдохновенія, неяснаго, безотчетнаго, душевнаго, а не духовнаго. Такъ какъ Гоголь писатель, а въ писателѣ непремѣнно «отъ избытка сердца уста глаголятъ» (Мат. 12, 34); или: сочиненіе есть непремѣнная исповѣдь сочинителя, по большей части имъ не понимаемая, и понимаемая только такимъ христіаниномъ, который возведенъ евангеліемъ въ отвлеченную страну помысловъ и чувствъ и въ ней различилъ свѣтъ отъ тьмы, то книга Гоголя не можетъ быть принята цѣликомъ и за чистые глаголы истины. Тутъ смѣшеніе. Желательно, чтобъ этотъ человѣкъ, въ которомъ видно самоотверженіе, причалилъ къ пристанищу истины, гдѣ начало всѣхъ духовныхъ благъ. По сей причинѣ совѣтую всѣмъ друзьямъ моимъ по отношенію къ религіи заниматься единственно чтеніемъ святыхъ отцовъ, стяжавшихъ очищеніе и просвѣщеніе, какъ и апостолы, и потомъ уже написавшихъ свои книги, изъ коихъ свѣтитъ чистая истина и которыя сообщаютъ читателямъ вдохновеніе Святаго Духа. Въ сего пути, сначала узкаго и прискорбнаго для ума и сердца, всюду мракъ, всюду стремнины и пропасти. Аминь».

Привязавшись къ Оптиному монастырю, Гоголь до самой своей смерти сохранилъ съ его братіей самыя близкія и дружескія отношенія. Его восторженныя впечатлѣнія о порядкахъ и строѣ монастырской жизни Оптиной пустыни ясно показываютъ, какъ велико было вліяніе иноковъ этого монастыря на его впечатлительную душу. Въ письмѣ отъ 1850 года къ графу Толстому, Гоголь такъ описываетъ свои впечатлѣнія отъ посѣщенія Оптиной пустыни. «Я заѣзжалъ по дорогѣ въ Оптину пустынь и навсегда унесъ о ней воспоминаніе. Я думаю, на самой Аѳонской горѣ не лучше. Благодать видимо тамъ присутствуетъ. Это слышится въ самомъ наружномъ служеніи, хотя и не можемъ объяснить себѣ почему. Никогда я не видалъ такихъ монаховъ. Съ каждымъ изъ нихъ, мнѣ казалось, бесѣдуетъ все небесное. Я не разспрашивалъ, кто изъ нихъ какъ живетъ: ихъ лица сказывали сами все. Самые служки меня поразили свѣтлой ласковостью ангеловъ, лучезарной простотой обхожденія; самые работники въ монастырѣ, самые крестьяне и жители окрестностей. За нѣсколько верстъ, подѣзжая къ обители, уже слышится благоуханіе; все становится привѣтливѣе, поклоны ниже и участіе къ человѣку больше». Всмотриваясь ближе въ это восторженное преклоненіе Гоголя передъ Оптинымъ монастыремъ, невольно приходишь къ выводамъ, что, дѣйствительно, въ строѣ и жизни этого монастыря существовало что-то такое, что способно было невидимыми духовными нитями привязать къ себѣ умъ и сердце великаго художника. Гоголю безъ сомнѣ-

нія, во время его постоянныхъ путешествій по безпредѣльнымъ равнинамъ Руси приходилось видѣть много прославленныхъ обитателей, но ни одна изъ нихъ не оставила такого глубокаго слѣда на его воображеніе, ни одна изъ нихъ не произвела такого сильнаго впечатлѣнія на его душу, какъ Оптина пустынь. Усталый отъ разрѣшенія сложныхъ духовныхъ вопросовъ, отъ тяжелыхъ нравственныхъ пытокъ самобичеванія, отъ того великаго, по своему культурному значенію, служенія человѣчеству «проповѣдью любви суровымъ словомъ отрицанія», Гоголь морально отдыхалъ въ тихой монашеской обстановкѣ Оптиной пустыни, среди искренно уважаемыхъ имъ старцевъ, свѣтлыя личности которыхъ были для Гоголя какъ бы живыми воплощеніями тѣхъ великихъ христіанскихъ идеаловъ смиренія, самоотреченія, любви къ ближнимъ и др., къ которымъ такъ страстно и мучительно стремилась его религіозная душа.

Эти же самыя свѣтлыя стороны оптинскихъ старцевъ привлекли въ Оптину пустынь въ 1877 году Ѳедора Михайловича Достоевскаго, который, въ поискахъ за разрѣшеніемъ сложныхъ метафизическихъ вопросовъ, волновавшихъ его умъ, рѣшилъ лично познакомиться съ несшимъ тогда въ Оптиномъ монастырѣ подвигъ старчества старцемъ Амвросіемъ, имя котораго, безъ сомнѣнія, и теперь извѣстно во многихъ самыхъ отдаленныхъ уголкахъ нашей родины. Посѣщеніе Достоевскимъ Оптиной пустыни имѣло огромное послѣдующее значеніе для созданія такого великаго художественнаго произведенія, какъ «Братья Карамазовы» и, въ частности, старца Зосимы, прототипомъ для котораго послужилъ оптинскій старецъ Амвросій. Старецъ Амвросій, по тому огромному, не поддающемуся никакому учету нравственному вліянію на всѣхъ соприкасавшихся съ нимъ людей, безспорно принадлежитъ къ великимъ жизненнымъ явленіямъ, надъ которымъ невольно приходится задумываться какъ историку, изучающему значеніе личности въ развитіи культуры даннаго народа, такъ и психологу, задавшемуся цѣлью изучить народную психику въ тѣхъ ея проявленіяхъ, которыя не укладываются въ обычныя шаблонныя рамки нашей повседневности. Интересную и глубоко поучительную картину представляла изъ себя Оптина пустынь при жизни старца Амвросія. Богатые и бѣдные, образованные и необразованные, здоровые и больные непрестанной вереницей шли и ѣхали въ Оптину пустынь, чтобъ получить совѣтъ и благословеніе уважаемаго старца, который въ этомъ не отказывалъ никому изъ приходящихъ къ нему. Приходилъ ли интеллигентный свѣтскій человѣкъ, уже успѣвшій разочароваться въ жизни, старецъ своей простой, безхитростной бесѣдой умѣлъ всегда такъ настроить душу посѣтителя, что тотъ уходилъ уже въ бодромъ, радостномъ настроеніи. Приходилъ ли какой простой крестьянинъ за какимъ-либо житейскимъ указаніемъ, старецъ всегда внимательно выслушивалъ и давалъ тотъ или другой совѣтъ. Всѣ приходящіе для него

были равны. И всё ихъ вопросы, какъ бы мелочны они ни были, всегда находили въ его душѣ откликъ. Сохранилось одно въ высшей степени характерное воспоминаніе о старцѣ Амвросіи. У одной женщины, служившей у помѣщицы птичницей, несмотря на усердный уходъ, все колѣли индюшки, такъ что хозяйка хотѣла ее прогнать. Въ горѣ и отчаяніи идетъ она къ старцу. «Батюшка, — просить она, обращаясь къ Амвросію, помоги, — силъ моихъ нѣтъ, сама надъ ними не доѣдаю, пуще глаза берегу, а колѣютъ». Присутствующіе смѣялись надъ бабой, а старецъ, участливо разспросивъ женщину обо всемъ, далъ совѣтъ, какъ нужно кормить птицъ. Смѣявшимся же присутствующимъ сказалъ, что для этой женщины вся жизнь въ индюшкахъ¹⁾.

Вотъ это-то участливое отношеніе къ человѣческому горю, къ людскимъ страданіямъ, искреннее желаніе всёму помочь добрымъ словомъ, совѣтомъ, указаніемъ, сдѣлали старца Амвросія въ глазахъ народа тѣмъ мудрымъ духовнымъ наставникомъ, за совѣтами и благословеніями къ которому ежегодно стекалось въ Оптиную пустынь со всёхъ концовъ Россіи множество паломниковъ и паломницъ. Интересно отмѣтить, что многіе изъ нихъ, еще не бывая въ Оптиномъ монастырѣ, заранѣе, уже по однимъ рассказамъ, проникались къ старцу Амвросію такимъ глубокимъ уваженіемъ, что считали своимъ нравственнымъ долгомъ въ трудныхъ и важныхъ случаяхъ жизни испросить его совѣта и указанія; конечно, наряду съ людьми такого рода въ Оптину пустынь часто пріѣзжали и такіе, которыхъ просто интересовало то обаяніе, которое создавалось вокругъ имени старца Амвросія. Но и на этихъ людей, часто изъ-за одного только простого любопытства пріѣзжавшихъ къ старцу Амвросію въ Оптину пустынь, его личность дѣйствовала такъ обаятельно, что, покидая Оптинъ монастырь, они уже понимали значеніе того великаго подвига, который несъ старецъ Амвросій, и дѣлались его искренними друзьями. По рассказамъ современниковъ, лицъ, посѣщавшихъ старца Амвросія, больше всего поражало въ немъ умѣнье быстро ориентироваться въ психикѣ пришедшихъ къ нему за совѣтомъ людей. Это былъ какой-то особенный, чудный даръ быстро узнавать по одному только выраженію, лица чѣмъ страдаетъ и болитъ душа пришедшаго, и соотвѣтственно этому давать то или другое наставленіе. Это-то умѣнье проникнуть въ недостижимыя для взора обыкновенныхъ людей нѣдра человѣческой души, способность видѣть насквозь всю душу посѣтителя, видимо, сильно поразили Достоевскаго, который объясненію этого явленія посвятилъ цѣлыя страницы въ «Братьяхъ Карамазовыхъ», появившихся въ 1879 году. «Онъ такъ много принялъ въ душу свою откровеній, сокрушеній, сознаний, — пишетъ Достоевскій въ «Братъ-

¹⁾ Житнеописаніе оптинскаго старца іеросхимонаха Амвросія. Москва, 1900 г.

яхъ Карамазовыхъ» про старца Зосиму, — что подь конецъ пріобрѣлъ прозорливость уже столь сильную, что съ перваго взгляда на лицо незнакомаго, приходившаго къ нему, могъ угадать, съ чѣмъ тотъ пришелъ, что тому нужно и даже какого рода мученія терзаютъ его совѣсть, и удивлялъ, смущалъ и почти пугалъ иногда пришедшаго такимъ знаніемъ тайны его, прежде чѣмъ тотъ молвилъ слово». Другая черта въ личности старца Амвросія, сильно привлекавшая вниманіе Достоевскаго, которую онъ тоже воплотилъ въ образѣ инока Зосимы—это умѣнье старца сродниться душой съ пришедшимъ къ нему за совѣтомъ. Бесѣдовалъ ли онъ съ простыми безграмотными крестьянами, онъ всей душой проникался ихъ нуждами, заботами, интересами, весь уходилъ въ ихъ бытъ и положеніе и они съ трогательною довѣрчивостью рассказывали ему свое горе и радости и онъ всѣмъ давалъ совѣты, всѣмъ подавалъ духовную руку помощи, хотя бы нужда казалась съ перваго взгляда мелочною и ничтожною, въ родѣ упомянутой выше нужды птичницы, у которой колѣбли индюшки. По монастырскимъ воспоминаніямъ, Достоевскій пріѣхалъ въ Оптину пустынь и, познакомившись со старцемъ Амвросіемъ, цѣлые часы проводилъ съ нимъ вмѣстѣ въ его келіи, бесѣдуя о многихъ вопросахъ, волновавшихъ его творческій умъ. Здѣсь-то, по всей вѣроятности, во время ихъ долгихъ бесѣдъ, когда нравственный обликъ старца Амвросія вырисовывался передъ Достоевскимъ во всей его духовной, внутренней красотѣ, и зарождался въ душѣ великаго русскаго писателя тотъ прекрасный, полный неземнаго величія типъ старца Зосимы, отдавшаго себя всего на служеніе человѣчеству со всѣми его радостями и печалями. Вообще вся обаятельная личность инока Зосимы, нарисованная Достоевскимъ съ такимъ неподражаемымъ мастерствомъ, съ такой глубокой, художественной правдивостью, ясно показываетъ, что впечатлѣніе, полученное Достоевскимъ отъ знакомства со старцемъ Амвросіемъ, было такъ сильно и глубоко, что, преломившись въ граняхъ его творческой души, оно вылилось въ такой дивный, художественный, полный психологической правды образъ, который, безъ сомнѣнія, будетъ вѣчно принадлежать къ лучшимъ созданіямъ человѣческой мысли. И кто знаетъ, можетъ быть, въ образѣ старца Амвросія, этого прототипа инока Зосимы, проникнувшагося искренней христіанской любовью къ страждущему человѣчеству, Достоевскій нашелъ живой обликъ, въ которомъ такъ сильно и рельефно отразилась любимая въ его творчествѣ идея—служеніе людскому страданію и горю высшей и благородной стихіей человѣческой души—любовью.

Изъ другихъ русскихъ писателей и поэтовъ, посѣщавшихъ Оптину пустынь, слѣдуетъ упомянуть про Апухтина. Проводя года дѣтства въ своемъ родовомъ имѣніи Павлодаръ, Козельскаго уѣзда, Калужской губерніи, находящемся недалеко отъ

Оптиной пустыни, будущій поэтъ каждый годъ, по заведенному въ семьѣ обычаю, отправлялся вмѣстѣ съ матерью на говѣніе въ Оптиный монастырь. Здѣсь въ монастырѣ юную душу ребенка больше всего поразила личность старца Макарія, воспоминаніе о высококомъ нравственномъ обликѣ котораго Апухтинъ, какъ прекрасный отзвукъ впечатлѣній отъ этихъ поѣздокъ въ Оптину пустынь, сохранилъ на всю жизнь и воплотилъ въ образѣ старца Михаила въ поэмѣ «Годъ въ монастырѣ», а также необыкновенное обиліе цвѣтовъ въ скитскомъ саду.

«Межъ кельями разбросанными садъ,
Гдѣ множество цвѣтовъ и рѣдкія растенья,
Цвѣтами монастырь нашъ славился давно»...

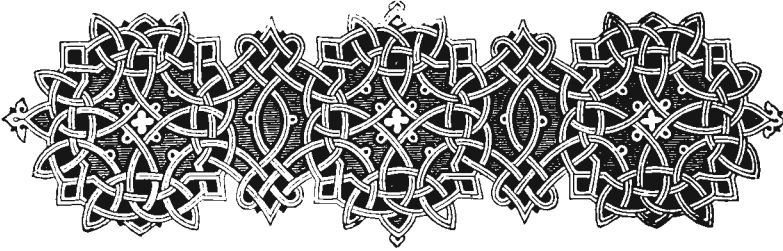
... пишетъ Апухтинъ въ своей поэмѣ «Годъ въ монастырѣ», очевидно, имѣя въ виду Оптину пустынь. Тотъ, кому приходилось бывать въ Оптиной пустыни въ настоящее время, безъ сомнѣнія, знаетъ, что эта любовь къ цвѣтоводству до сихъ поръ еще сохранилась у оптинскихъ монаховъ, которые съ необыкновеннымъ усердіемъ и стараніемъ разводятъ въ скитскомъ саду различные сорта цвѣтовъ, даря ихъ на память объ обители паломникамъ. Впечатлѣнія объ этихъ поѣздкахъ въ Оптину пустынь, видимо, такъ глубоко врѣзались въ дѣтскую память Апухтина, такъ сильно поразили его воображеніе, что даже въ концѣ своей жизни, по свидѣтельству знакомыхъ¹⁾, онъ съ удовольствіемъ любилъ рассказывать про этотъ волшебный сонъ на яву, который оставилъ самое свѣтлое воспоминаніе въ его поэтической душѣ. Какъ дивное видѣніе дней юности, какъ чудный отзвукъ какой-то неземной пѣсни, эти воспоминанія жили въ чуткой душѣ поэта, пока, наконецъ, въ концѣ его жизни уже не вылились въ красивые, звучные стихи упомянутой выше поэмы «Годъ въ монастырѣ». Трудно, конечно, разбираться въ тѣхъ побужденіяхъ и причинахъ, которыя привлекли въ Оптину пустынь такихъ великихъ людей, какъ Гоголь, Достоевскій и братья Кирѣевскіе. Трудно, конечно, теперь въ достаточной степени выяснить, кто изъ нихъ зачѣмъ сюда ѣхалъ и что они ожидали отъ Оптиной обители. Одно только можно съ увѣренностью сказать, что впечатлѣнія, вынесенныя ими изъ этихъ поѣздокъ въ Оптиный монастырь, были въ высшей степени свѣтлы и отрадны. Одни изъ нихъ, какъ Гоголь, въ этихъ впечатлѣніяхъ находили пѣлебную, духовную силу, которая успокоивающимъ образомъ дѣйствовала на ихъ больные нервы и болѣзненную душу; другіе, какъ Достоевскій, находили въ нихъ превосходный психологическій матеріалъ для своихъ сочиненій; наконецъ, третьи, какъ Кирѣевскіе,—разрѣшеніе и объясненіе многихъ интересныхъ

¹⁾ Сочиненія Апухтина, біографическій очеркъ, Спб., 1900 г.

проблемъ славянофильства. И пужно замѣтить, что во всѣхъ этихъ воспоминаніяхъ, посвященныхъ Оптиной пустыни, во всѣхъ этихъ впечатлѣніяхъ, воплощенныхъ отчасти въ художественные образы, красною нитью проходятъ глубокия неподдѣльныя симпатіи къ строю и порядкамъ этого замѣчательнаго монастыря, сдѣлавшагося волею судебъ въ прошломъ столѣтіи мѣстомъ паломничества многихъ великихъ русскихъ людей. Этотъ образцовый порядокъ въ монастырской жизни не перестаетъ существовать и теперь. Всякаго, кому приходилось посѣщать Оптину пустынь, поражалъ прежде всего этотъ особенный образцовый порядокъ въ жизни обители. Намъ кажется, что объясненіе этого явленія кроется въ томъ обстоятельствѣ, что среди братіи Оптинскаго монастыря необыкновенно большой процентъ интеллигентныхъ людей, которые, отрекшись отъ свѣта и міра, уже вполне сознательно несутъ подвигъ отшельничества. И бывая теперь въ Оптиной пустыни, и посѣщая могилы уважаемыхъ старцевъ Макарія и Амвросія, невольно воображеніемъ переносишься къ тому времени, когда къ этимъ смиреннымъ инокамъ, поставившимъ себѣ цѣлью въ жизни въ простотѣ сердечной разрѣшать запросы человѣческой души, приходили такіе гиганты литературной мысли, имена которыхъ будутъ вѣчно служить лучшимъ достояніемъ родного народа.

Д. П. Богдановъ.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Григорьевъ В. Реформа мѣстнаго управленія при Екатеринѣ II.
Спб. 1910. Стр 387. Цѣна 2 р. 50 к.

ВУБЕРНСКІЯ учрежденія императрицы Екатерины II изучаются русскими историками, преимущественно юристами, съ давнихъ поръ. Еще въ магистерской диссертациі Кавелина «Основныя начала русскаго судостройства» былъ данъ короткий обзоръ мѣстнаго управленія и суда, главнымъ образомъ на основаніи изученія текста самихъ учреждений, напечатаннаго въ Полн. Собр. Законовъ. Въ послѣдующее время цѣлый рядъ ученыхъ, какъ напр., Дмитріевъ, Лохвицкій, Романовичъ-Словатинскій, Латкинъ, Градовскій и другіе, въ своихъ работахъ то подробно, то кратко, съ разныхъ сторонъ касались, губернскихъ учреждений, но и они, не ставя реформу Екатерины II спеціальнымъ предметомъ своего изслѣдованія и пользуясь тѣмъ же основнымъ матеріаломъ, какой былъ въ рукахъ Кавелина, чего либо существенно новаго, за исключеніемъ деталей, въ изученіе губернскихъ учреждений не внесли. Такъ до послѣдняго времени, за отсутствіемъ спеціальной работы, приходилось довольствоваться бѣглыми очерками реформы мѣстнаго управленія, въ которыхъ повторялось то, что въ основѣ было извѣстно болѣе полвѣка тому назадъ.

Этотъ пробѣлъ восполняется только что вышедшей книгой В. Григорьева. Въ ней авторъ, изучая «реформу мѣстнаго управленія» при Екатеринѣ II, задался цѣлью не только подвергнуть детальному анализу актъ 7 ноября 1775 г., на основаніи котораго введены были губернскія учрежденія, но, кромѣ того,

«прослѣдить преобразование старыхъ и созданіе новыхъ учреждений въ провинціальной администраціи», ради чего авторъ предполагалъ выяснитъ 1) исторію мѣстнаго управленія до реформы 1775 года, 2) взгляды и пожеланія общества, выражавшіеся въ депутатскихъ наказахъ и различныхъ проектахъ и 3) взгляды Екатерины II, которая собственноручно написала Учрежденіе о губерніяхъ; затѣмъ, послѣ обзора учреждений, прослѣдить введеніе реформы въ жизнь и дальнѣйшее законодательство Екатерины II по мѣстному управленію.

Слѣдуя намѣченной цѣли, г. Григорьевъ раздѣляетъ содержаніе своей книги на введеніе и 5 главъ. Въ введеніи (стр. 1—98) онъ даетъ довольно обширный очеркъ мѣстнаго управленія до Екатерины II, начиная съ періода удѣльно-вѣчевого и московскаго, переходя къ областной реформѣ Петра I и заканчивая мѣропріятіями по мѣстному управленію непосредственныхъ предшественниковъ Екатерины II.

Въ первой главѣ, сравнительно краткой (99—119), дается характеристика мѣропріятій Екатерины II по областному управленію, со времени вступленія ея на престолъ до 1775 года; здѣсь вкратцѣ передается содержаніе указовъ и законодательныхъ актовъ, относившихся къ управленію. Авторъ приходитъ къ выводу, что «законодательная дѣятельность Екатерины II въ области мѣстнаго управленія за 1762—1775 гг.» «въ общемъ безцвѣтна», она «состоитъ изъ ряда спорадическихъ отрывочныхъ мѣръ, которыя почти ничего не вносятъ въ эту область новаго, за ничтожными исключеніями». Для автора «гораздо важнѣе тѣ проекты, планы преобразованій, которые намѣчались въ это время для предстоящей реформы» (стр. 120); ихъ онъ и разсматриваетъ въ слѣдующей главѣ.

Во второй главѣ, посвященной «взглядамъ русскаго общества середины XVIII столѣтія и Екатерины II на реформу мѣстнаго управленія» (120—199), г. Григорьевъ останавливается на разборѣ депутатскихъ наказовъ и, группируя тѣ пожеланія, которыя высказывались въ нихъ, отмѣчаетъ, что дворянство 1) «ходатайствуетъ о введеніи въ мѣстное управленіе выборнаго начала», 2) проситъ «объ увеличеніи количества органовъ власти въ связи съ болѣе мелкимъ административнымъ дѣленіемъ государства», 3) указываетъ, что задача мѣстной администраціи «заключается въ охраненіи мѣстныхъ интересовъ и въ заботѣ о благосостояніи мѣстности»; горожане, идеаломъ для которыхъ было дѣйствующее законодательство, желаютъ измѣненій лишь «въ смыслѣ развитія началъ Петровскаго регламента главному магистрату»; однодворцы и крестьяне высказывали пожеланіе о реформѣ суда и судопроизводства.

Затѣмъ авторъ, разсмотрѣвъ тѣ жалобы и мысли, которыя развивались и поддерживались депутатами во время засѣданія комиссіи 1767 г., передаетъ содержаніе проектовъ о реформѣ мѣстнаго управленія Десницкаго (1768 г.) и кн. М. Н. Волконскаго (1775 г.) и характеризуетъ первый проектъ, написанный подъ сильнымъ англійскимъ вліяніемъ, «образчикомъ академической работы своего времени», во второмъ же подчеркиваетъ его «практической характеръ».

Въ той же главѣ авторъ, остановившись на «идеяхъ, которыя занимали Екатерину и за проведеніе которыхъ въ жизнь она такъ горячо взялась, по

крайней мѣрѣ, въ началѣ своего царствованія», приходитъ къ выводу, что «теоретическій элементъ для реформы мѣстнаго управленія, котораго Екатерина не могла найти ни у Монтескье, ни у Бильфельда, ни у другихъ знаковыхъ авторитетовъ, она нашла у Блэкстона».

Третья глава книги (200—309 стр.) посвящена анализу «Учрежденія о губерніяхъ 1775 года» въ связи съ черновыми набросками и рукописями этого памятника, нерѣдко вскрывающими смыслъ непонятныхъ и противорѣчивыхъ статей Учрежденія. Въ ней же дается систематическій обзоръ мѣстныхъ учреждений, которыя создавались этимъ актомъ, и указываются источники и параллели, которыми могли руководствоваться при выработкѣ закона сама составительница «Учрежденія» и ея помощники: Сиверсъ, Завадовскій, Безбородко и, быть можетъ, Десницкій.

Въ итогѣ авторъ приходитъ къ выводу, что «Учрежденіе о губерніяхъ не было ни продуктомъ самобытнаго творчества, результатомъ кабинетной работы доктринерскаго характера, но рабской копіей иноземнаго законодательнаго памятника, который кое-какъ приспособленъ къ русской дѣйствительности» — «по характеру своему это чисто конкретный законодательный памятникъ, имѣющій исключительно практическія задачи».

Учрежденіе отвѣчаетъ пожеланіямъ общества, благодаря слѣдующимъ тремъ чертамъ его: 1) участію въ мѣстной администраціи представителей сословій, 2) реформѣ суда, 3) приближенію власти къ населенію. «Связь, по словамъ автора, съ нуждами населенія, которое нашло въ законѣ отвѣтъ на свои запросы, характерная черта Учрежденія. Она обязана своимъ происхожденіемъ народному представительству эпохи. Благодаря ей, Учрежденіе о губерніяхъ, формально бюрократическое по происхожденію, не было такимъ по существу». «Взгляды и пожеланія правительства и общества сошлись, и реформа оказалась жизнеспособной».

Глава четвертая посвящена «введенію въ дѣйствіе Учрежденія о губерніяхъ», каковое, по словамъ автора, «не было ломкой сломившагося уклада, не сопровождалось насиліемъ надъ окружающей дѣйствительностью»; «Екатерина, не смущаясь, допускала различныя отступленія» отъ только что созданнаго закона. Попутно авторъ отмѣчаетъ «рѣдкое по своему единодушію сочувствіе всего общества новому закону», и «колоссальную работу сподвижниковъ Екатерины во время реформы».

Глава послѣдняя (353—377 стр.) говоритъ о законодательствѣ по мѣстному управленію послѣ реформы 1775 г., когда частью завершается реформа, частью издаются акты, направленные къ пополненію и нѣкоторому измѣненію губернскихъ учреждений.

Таково содержаніе обширной книги г. Григорьева. Но эта обширность создана нѣсколько искусственно: первая сотня страницъ представляетъ собой простую компиляцію обзора мѣстнаго управленія до Екатерины II, начиная почему-то съ періода удѣльно-вѣчевого, при томъ въ образѣ допущено не мало неточностей и даже ошибокъ. Такъ, напр., г. Григорьевъ пишетъ, что въ древности «областной правитель получалъ... такъ называемый вѣзжій кормъ три

раза въ годъ: на Пасху, въ Петровъ день и въ Рождество, наѣзжая въ города и селенія, съ каждой сохи, какъ податной единицы» (стр. 10).

Въ дѣйствительности же «въѣзднымъ кормомъ» назывался единичный сборъ, который намѣстникъ получалъ при въѣздѣ въ намѣстничество, сборы же въ опредѣленные сроки назывались просто «кормомъ» и собирали его не намѣстникъ самъ, «наѣзжая въ города и села», а соцкіе (Владимірскій-Будановъ, Христоматія, вып. II, стр. 73 и сл.).

Что касается главы, посвященной законодательству Екатерины II до 1775 г., то она не полна, такъ какъ г. Григорьевъ не пользуется сборникомъ документовъ «Сенатскій архивъ», т. XI, XII и XIII, гдѣ напечатаны высочайшіе указы и повелѣнія Екатерины II, не вошедшіе въ П. С. З., среди которыхъ не мало указовъ, относящихся къ мѣстному управленію.

Изложеніе взглядовъ русскаго общества и Екатерины II не представляетъ особаго интереса, такъ какъ авторъ пользуется общеизвѣстнымъ матеріаломъ. Любопытно его указаніе на то, что «теоретическій элементъ» для областной реформы императрица нашла у Влэкстона, но обстоятельнаго доказательства этой мысли г. Григорьевъ не представилъ.

Въ главѣ, посвященной «Учрежденію» 1775 г., авторъ пользуется главнымъ образомъ двумя черновыми рукописями, но ему осталась неизвѣстной еще одна рукопись (хранится въ сенатѣ), знакомство съ которой предохранило бы его отъ нѣкоторыхъ неправильныхъ мнѣній и предположеній. Такъ, напр., онъ предполагаетъ, что глава «Учрежденія» о совѣстномъ судѣ была написана по порученію Екатерины Десницкимъ, тогда какъ въ дѣйствительности и эта глава написана самой императрицей съ обычными для нея пометками, поправками и дополненіями. Затѣмъ, по отношенію къ рукописямъ автору извѣстнымъ, онъ обнаруживаетъ недостаточную внимательность къ ихъ тексту. Такъ, напр., говоря о казенномъ приказѣ, онъ указываетъ, что приказъ «въдаетъ казенные сборы, наблюдаетъ за правильностью ихъ движенія, ведетъ отчетность, въдаетъ всѣми уѣздными казначействами», (стр. 225), тогда какъ въ рукописи (Гос. Арх., X, № 32, л. 58 и сл.) сказано: «уѣздными казначеи» и прибавлено: «также государственные казенные и экономическіе лѣса». Или авторъ сообщаетъ, что «судя по рукописи, ст. 233, предусматривающая порядокъ обжалованія дѣйствій нижняго земскаго суда, появилась въ позднѣйшей редакціи Учрежденія; по первоначальной обжалованіе допускалось только въ ст. 229», но онъ не обратилъ вниманія, что въ той же рукописи (XVI, № 377, л. 66) была и потомъ зачеркнута такая статья: «переносъ дѣлъ изъ нижняго земскаго суда въ верхній земскій судъ, а гдѣ его нѣтъ, то въ верхнюю народную расправу происходитъ на томъ же основаніи и держутся такого же порядка, какъ о уѣздномъ судѣ и о нижней народной расправѣ въ (такихъ-то) статьяхъ предписано». Эта зачеркнутая статья написана рукой переписчика, значитъ она списана съ болѣе ранней редакціи.

Затѣмъ г. Григорьевъ при изученіи рукописей не обратилъ вниманія на почерки, благодаря чему онъ приписываетъ Екатеринѣ II то, что она не дѣлала. Напр., говоря о составѣ казенной палаты, онъ сообщаетъ, что «въ окончательной редакціи Учрежденія» «Екатерина добавила сюда одного совѣтника и

губернскаго казначея» (стр. 225), тогда какъ по рукописи видно, что совѣтникъ добавленъ рукою Завадовскаго, лишь губернской казначей самой Екатериной. Путаницу въ ст. 73 и 396 авторъ приписываетъ Екатеринѣ, которая якобы внесла измѣненіе въ ст. 73, а исправить 396 ст. забыла (стр. 247). На самомъ же дѣлѣ добавленія къ 73 ст. сдѣлано не Екатериной, а Завадовскимъ (см. Гос. Арх., XVI, № 377, л. 14).

Отмѣтивъ рядъ недочетовъ въ книгѣ г. Григорьева, не могу не указать на ея положительныя стороны. Прежде всего, кромѣ документовъ и бумагъ, взятыхъ г. Григорьевымъ изъ печатныхъ изданій, имъ изучены многіе рукописные матеріалы, хранящіеся въ государственномъ архивѣ, архивѣ государственнаго совѣта и архивѣ министерства юстиціи въ Москвѣ, благодаря чему имъ пущенъ въ ученый оборотъ рядъ новыхъ еще неизвѣстныхъ свѣдѣній. На основаніи ихъ г. Григорьевъ обстоятельно выясняетъ эволюцію мысли законодательницы; его указанія на то, какъ Екатерина II отъ предполагаемаго трехстепеннаго административнаго дѣленія (губернія, область, уѣздъ) перешла къ двустепенному (губернія, уѣздъ) и какъ это обстоятельство отразилось на положеніи, а иногда названіи проектируемыхъ учреждений, превосходно разъясняютъ многія стороны «Учрежденія о губерніяхъ», которыя раньше казались непонятными. Напр., нижній земскій судъ, учрежденіе административное, по объясненію г. Григорьева, называется судомъ потому, что первоначально, какъ то видно изъ черновыхъ рукописей, оно проектировалось въ качествѣ учрежденія административно-судебнаго.

Довольно полно и систематично обозрѣваетъ авторъ губернскаго учрежденія по акту 1775 года, всякій разъ отмѣчая черты сходства и различія съ прежними учрежденіями и указывая, по мѣрѣ имѣющихся свѣдѣній, тѣ источники, которые легли въ основу реформы. Интересна глава о введеніи въ дѣйствіе Учрежденія о губерніяхъ, въ ней авторъ, на основаніи рапортовъ намѣстниковъ, рисуетъ картину созданія учреждений и живыми штрихами отмѣчаетъ какихъ громадныхъ усилій стоило ввести ихъ въ дѣйствіе и какія мѣры принимались для того, чтобы новыя учрежденія сдѣлать жизнеспособными.

Въ виду указаннаго книга г. Григорьева будетъ необходима для всякаго изучающаго мѣстное управленіе при Екатеринѣ II.

М. Ключковъ.

С. Васильевичъ. Титулованные роды російской имперіи. Опытъ подробнаго (?) перечисленія всѣхъ (?) титулованныхъ російскихъ дворянскихъ фамилій, съ указаніемъ происхожденія каждой фамиліи, а также времени полученія титула и утвержденія въ немъ. Спб. 1910. Стр. 296.

Книжка, пространное и немного странное заглавіе которой мы только что выписали, представляетъ собою плодъ болѣе, чѣмъ десятилѣтняго труда; въ послѣднемъ убѣждаетъ читателя самъ авторъ, увѣряющій, что главнымъ руководителемъ его въ занятіяхъ генеалогіей былъ В. В. Руммель, скончавшійся почти 10 лѣтъ тому назадъ и осыпаемый нынѣ своимъ бывшимъ адептомъ

«массы» генеалогических познаний «священнѣйше»—«глубочайше»—«искреннею благодарностью» (стр. VIII). Вслѣдъ за покойникомъ авторъ благодарить и здравствующихъ небезызвѣстныхъ генеалоговъ А. П. Барсукова и К. А. Губастова, благодаря указанію и содѣйствію которыхъ «предлагаемый сборникъ» только и достигъ «необходимой полноты», и, конечно, прочихъ совершенствъ. Воздастъ въ заключеніе благодарность и супружеской четѣ Филипповыхъ, хотя генеалогическія надписи послѣдней находятся въ области недосягаемой для библиографа.

Смѣло, какъ видитъ читатель, выставлены авторомъ всѣ его прецеденты и руководители, но самъ-то онъ не осмѣлился назвать свое имя да, какъ увидимъ дальше, хорошо и сдѣлалъ, но было бы еще лучше, если-бы своимъ «вкладомъ» онъ не ронялъ значенія молодой еще генеалогической литературы.

Какъ явствуетъ изъ самаго заголовка, скромный авторъ предлагаетъ, однако, широкую до-нельзя работу, а именно «подробный перечень всѣхъ титулованныхъ русскіихъ дворянскихъ фамилій, съ указаніемъ происхожденія каждой фамиліи, а также времени получки титула и утвержденія въ немъ». Отказываясь понимать сочетанія словъ «подробный перечень всѣхъ», мы весьма сомнѣваемся, что можно было бы сообщить и болѣе или менѣе точныя данныя о времени происхожденія каждой фамиліи. Послѣднія задачи далеко еще не по плечу и старымъ заправскимъ генеалогамъ. Мы въ своей краткой замѣткѣ не будемъ слѣдить за исполненіемъ этой задачи г. С. Васильевичемъ¹⁾, а обратимъ вниманіе читателя на то, какъ онъ справился съ другой задачей, сравнительно легкой и доступной—съ указаніемъ «времени полученія титула и утвержденія въ немъ», но предварительно не можемъ не назвать имъ изобрѣтенный способъ разрѣшенія поставленной задачи неподражаемымъ и никому неснившимся творчествомъ. Выказавъ въ двухъ или трехъ строкахъ всю глубину познаний о происхожденіи рода, г. С. Васильевичъ вслѣдъ за этимъ довольствуется о громадномъ количествѣ фамилій слѣдующими многоговорящими словами: «неоднократными опредѣленіями правительствующаго сената родъ этотъ» (иногда онъ и называется) «утвержденъ» въ княжескомъ, графскомъ или баронскомъ достоинствѣ. Эти слова на цѣломъ рядѣ страницъ занимаютъ по 12—15 строкъ (напр. стр. 42—47), тогда какъ на всей страницѣ текста не болѣе 24—25 строкъ. Справедливость требуетъ сказать, что рядомъ съ этимъ авторъ кой-гдѣ приводитъ и хронологическія даты времена утвержденія, не всегда, впро-

¹⁾ Тѣмъ не менѣе безынтересно указать хотя-бы на слѣдующее: на стр. 192 о Чацкихъ читаемъ: «Родъ графовъ Чацкихъ происходитъ изъ Подляхій и восходитъ къ началу XVI ст. Грамотой римскаго императора Карла V, отъ 1552 г., Матвѣй Чацкій возведенъ въ графское, римской имперіи, достоинство», а на стр. 272 «взаимнѣ» цитированнаго предлагается: «Родъ графовъ Чацкихъ происходитъ изъ Великой Польши и восходитъ къ срединѣ XV ст. Грамотой римскаго императора Карла V, отъ 1545 г., дворянинъ Винцентій Чацкій возведенъ»... Родъ графовъ Строгановыхъ, на стр. 129, происходитъ отъ новгородца Стуждона, жившаго въ срединѣ XV ст., а на стр. 185—тоже отъ новгородца Стуждона, но уже «жившаго въ началѣ XIV ст.» Штакельберги и Стакельберги изложены въ двухъ разныхъ мѣстахъ, хотя буквально въ однихъ и тѣхъ же словахъ.

утверждения, не всегда, впрочем, точныя (напр. по отношенію къ роду Сангушки (стр. 23), вм. 20 ноября 1906 г. встрѣчаемъ 25 октября); но тутъ невольно возникаетъ вопросъ, почему избрана столь разнородная двойная система въ предметъ, недопускающемъ двухъ рѣшеній.

Выполняя столь оригинально свои главныя задачи, авторъ не поспешилъ кой-гдѣ и на сообщеніе того, что «родъ пресѣкъся», но когда, спрашивается, и съ какимъ послѣднимъ представителемъ, «подробное перечисленіе всѣхъ фамилій» умалчиваетъ. По поводу нѣкоторыхъ фамилій приводятся сообщенія и объ утвержденныхъ ихъ гербахъ, но рѣдко и случайно...

При такой полнотѣ, точности и внимательности къ внутреннему содержанию своего многолѣтняго труда, авторъ съ свойственными ему качествами отнесся и къ его внѣшности. Печатаемая вся книга на какой-то старой, пригодной лишь для лубочныхъ изданій, бумагѣ, онъ повторяетъ нѣкоторые отдѣлы дважды; напр., отдѣлъ III—баронскіе роды, глава I, встрѣчаемъ послѣ 194 стр. до 208, и затѣмъ та же глава съ 196 по 206 стр. Глава II отдѣла III напечатана такъ: на стр. 207—208 перечислено всего 8 родовъ; непосредственно за этимъ—идутъ стр. 193—194 о графскихъ родахъ; вновь та же II глава приводится съ 207 стр. и уже исчерпывается до конца.

Непріятно, поражаетъ и невыдержанное правописаніе нѣкоторыхъ фамилій, напр., Штейнгейли въ текстѣ передѣлываются въ Штейнгели въ оглавленіи, хотя послѣднее правописаніе удержано и въ высочайшемъ указѣ 1897 г.; для Вильгорскихъ и Вельгорскихъ авторъ признаетъ одно правописаніе «Вѣльгорскихъ», и т. п.

Послѣ всего сказаннаго нѣтъ, кажется, никакой надобности распространяться о той системѣ дѣленія на отдѣлы и главы, которую принялъ авторъ, о полнотѣ самого перечня и проч.; для насъ, по крайней мѣрѣ, вполне очевидно, что книжка, дающая, по преимуществу, краткія и часто неточныя свѣдѣнія о происхожденіи рода и не сообщающая времени утвержденія послѣдняго, врядъли можетъ быть пригодна для кого бы ни было. Одно только цѣлесообразное заключеніе и можно вывести изъ обзорнія ея,—а именно, о необходимости какъ можно скорѣе приступить къ изданію полнаго списка титулованнымъ родамъ и лицамъ; но за изданіе послѣдняго, разъ не предпринимаетъ его департаментъ геральдіи правительствующаго сената, должно взяться Русское генеалогическое общество.

Рцы.

Опись патриаршей ризницы 1720 г. Изданіе комитета по описанію синодальной (патриаршей) ризницы, подготовленное членомъ его, заведующимъ патриаршей библіотекой, Н. Поповымъ. Москва. 1910.

Появленіе въ свѣтъ означенной книги нѣсколько случайно, и отнюдь не имѣло цѣлью дать русской археологій одинъ изъ новыхъ источниковъ для изученія бытовыхъ и художественныхъ памятниковъ. Новая опись была предназначена къ напечатанію по опредѣленію комитета по описанію синодальной ризницы, «дабы дать возможность описателямъ, не обращаясь къ сложнымъ архивнымъ розысканіямъ, помѣщать историческія справки касательно предметовъ ризницы по печатному экземпляру описи 1720 г., связывать наличный

составъ ихъ съ прошлымъ и eo ipso облегчать работы дальнѣйшихъ изслѣдователей о времени возникновенія той или иной вещи и характерѣ измѣненій, ею испытанныхъ впоследствии». (стр. III). Къ сожалѣнію, опись 1720 г. далеко не оправдываетъ цѣлей комитета, такъ какъ никакихъ «историческихъ справокъ касательно предметовъ ризницы» она не даетъ. Содержаніе ея по числу «статей», дѣйствительно является самымъ полнымъ изъ всѣхъ, дошедшихъ до насъ многочисленныхъ описей ризницы XVII в., такъ какъ въ нее вошли рѣшительно всѣ предметы, бывшіе въ употребленіи до упраздненія патриаршества въ Россіи, но въ то же время характеръ описанія предметовъ чисто инвентарный, краткій, отмѣчающій лишь сохранность вещи и матеріальную ея цѣнность. Такимъ образомъ комитетъ, имѣя желаніе дать такое пособіе, въ которомъ бы было болѣе всего историческихъ данныхъ, снабдилъ описателей описью, которая содержитъ таковыхъ менѣе всего. Кромѣ этого промаха, напечатанная опись 1720 г., изготовлявшаяся наскоро, какъ въ этомъ сознается лицо, подготовившее и редактировавшее изданіе, страдаетъ значительными ошибками при разстановкѣ знаковъ препинанія. Отсутствіе специальныхъ знаній, особенно по отдѣлу одеждъ и шитья и ихъ номенклатуры, позволило составителю часто ставить знаки препинанія наугадъ, чѣмъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ совершенно искажался смыслъ текста. Такъ, на страницѣ 10 читаемъ: «На оплечии ныне, по осмотру, явилос: во шти реньяхъ, серебряныхъ, сканныхъ, съ ииниетомъ,—сто двѣ дробницы, да золотыхъ болшихъ дробницъ четыре, да мѣлкихъ с чернью золотыхъ—сто девяносто четыре дробницы». Между тѣмъ слѣдуетъ: «На оплечии ныне, по осмотру, явилос во шти реньяхъ: серебряныхъ, сканныхъ, съ ииниетомъ, сто двѣ дробницы; да мѣлкихъ с чернью золотыхъ—сто девяносто четыре дробницы». На стр. 12: «Седмой саккосъ, Макариевской же. Шит: по бѣлой землѣ кресты золоты меж трав; оплечье і зарукавье низано болшимъ жемчугомъ и среднимъ, з дробницами назади. Воплощенія Пресвятыя Богородицы на херувимехъ около низаны жемчугомъ». Слѣдуетъ читать: «Седмой саккосъ, Макариевской же. Шит: по бѣлой землѣ кресты золоты меж трав; оплечье і зарукавье низано болшимъ жемчугомъ и среднимъ з дробницами. Назади (саккоса)—Воплощеніе Пресвятыя Богородицы на херувимехъ, около низаны жемчугомъ». Стр. 16: «Двадесят четвертой саккосъ—святѣйшаго Иосиѳа патриарха. Ткан. Образ Спасовъ—золото с серебромъ і с шелки...». Слѣдуетъ: «Двадесят четвертой саккосъ—святѣйшаго Иосиѳа патриарха. Тканъ образъ Спасовъ—золото с серебромъ і с шелки...». На той же стр 16 ниже: «Двадесят пятой саккосъ—Иосиѳа патриарха. Тканы кресты с Херувимы золотом, по червчатой землѣ; оплечье и зарукавье по черному бархату; шито золотом и серебром, травы». Должно: «Двадесят пятой саккосъ—Иосиѳа патриарха. Тканы кресты с Херувимы золотом, по червчатой землѣ; оплечье и зарукавье, по черному бархату, шито золотом и серебром—травы». Опись изобилуетъ подобными ошибками, къ которымъ слѣдуетъ прибавить значительное количество опечатокъ: стр. 11, 13, 16, 20, 71,

Указанные недостатки совершенно обезцѣниваютъ изданіе, какъ источника, долженствующаго служить для цитатъ археологовъ и историковъ.

К. W.

В. М. Уманецъ. Александръ и Сперанскій. Историческая монографія.
Спб. 1910, стр. 169. Цѣна 1 рубль.

Съ удовольствіемъ отмѣчаемъ появленіе небольшой, но содержательной и живо написанной монографіи г. Уманца. Что она интересна, въ томъ ручаются уже оба дѣйствующихъ въ ней лица—Александръ и Сперанскій. Послѣдній представляется намъ одной изъ любопытнѣйшихъ личностей нашего недавняго прошлаго. Сынъ бѣднаго сельскаго попа, женатый на англичанкѣ, сначала учитель, затѣмъ мелкій чиновникъ, Сперанскій черезъ нѣсколько лѣтъ волею судьбы дѣлается настоящимъ вице-императоромъ Россіи, первый создаетъ проектъ государственной думы, но вдругъ падаетъ съ головокружительной быстротой, становится опаснѣйшимъ государственнымъ преступникомъ, котораго едва не разстрѣливаютъ, попадаетъ въ ссылку, опять возвышается и въ новое царствованіе Николая I создаетъ себѣ нерукотворный памятникъ кодификаціей русскихъ законовъ. Поразительный интересъ такой біографіи еще болѣе усиливается вслѣдствіе нѣкоторой тайны въ судьбѣ Сперанскаго. Несмотря на всѣ гаданія историковъ, до сего времени неизвѣстно, за что вчерашній любимецъ съ такою стремительностью и ненужной жестокостью былъ отправленъ въ ссылку. Какое государственное преступленіе совершилъ Сперанскій?

Авторъ монографіи объясняетъ паденіе Сперанскаго тѣмъ, что Александръ разочаровался въ немъ, увидалъ его незнаніе Россіи и ея нужды, убѣдился, что онъ въ своихъ реформахъ такой же фантазеръ, какими были и члены знаменитаго негласнаго комитета. Но если это такъ, то нужно доказать, что самъ-то Александръ зналъ потребности Россіи, а, во-вторыхъ, разочаровавшись въ своемъ сотрудникѣ, онъ могъ просто удалить его отъ себя. За что же онъ хотѣлъ разстрѣлять его? Для читателя монографіи г. Уманца судьба Сперанскаго будетъ тѣмъ непонятнѣе, что авторъ, на нашъ взглядъ, недостаточно строго распредѣляетъ свѣтъ и тѣни своей исторической картинки. Онъ слишкомъ усиленно подчеркиваетъ всѣ минусы въ личности Сперанскаго и нѣсколько затушевываетъ крайне непривлекательныя черты характера Александра.

А. В.

Извѣстія таврической ученой архивной комиссіи. (Годъ двадцать четвертый). № 44. Подъ редакціей предсѣдателя комиссіи Арс. Ив. Маркевича. Симферополь. 1910. Стр. 131.

Среди цѣлага ряда археологическихъ изслѣдованій и наблюденій—о новыхъ армянскихъ надписяхъ, относящихся до Крыма, о «докладныхъ камняхъ съ крестами», о «древне-христіанскихъ бронзовыхъ лампадныхъ подвѣскахъ» и «Дольменахъ Крыма» (послѣдняя статья г. Н. И. Рѣпникова, наиболѣе интересная и содержательная), въ настоящемъ (44) номерѣ «Извѣстій» особое вниманіе обращаютъ на себя «Стихотворенія археологовъ Е. Е. Люденка и барона В. Г. Тизенгаузена», съ предисловіемъ Арс. И. Маркевича. Еще въ 1902 г. профессоръ Ал. И. Маркевичъ напечаталъ въ «Запискахъ» одесскаго общества исторіи и древностей «Археологическую оду», которую неправильно приписывалъ

Ал. Еф. Люценко, и которая, несмотря на всю свою неполноту, была многими замѣчена. Осенью 1909 года былъ доставленъ въ таврическую архивную комиссію новый списокъ этой оды, болѣе полный, и съ нѣкоторыми другими стихотвореніями. Разбиравшій ихъ Арс. И. Маркевичъ установилъ принадлежность «Оды» и двухъ другихъ стихотвореній Еф. Еф. Люценко, одесскому археологу-любителю, который велъ переписку въ стихахъ съ извѣстнымъ изслѣдователемъ и археологомъ бар. Вл. Г. Тизенгаузеномъ, отвѣтившимъ ему, въ свою очередь, двумя стихотвореніями (наиболѣе интересна «Элегія»). Помимо интереса чисто въ біографическомъ отношеніи (о «риѣмоплетствѣ» бар. Тизенгаузена мало извѣстно), наиболѣе любопытною слѣдуетъ признать «Археологическую оду», посвященную бар. Тизенгаузену и составленную въ 70-хъ годахъ. Въ ней Г. Е. Люценко очень остроумно, шуточно, а иногда и рѣзко охарактеризованы тогдашніе извѣстные археологи, работавшіе въ Крыму, и именно И. Е. Забѣлинъ, который, по словамъ поэта, своими находками «заставилъ измѣнить свой взглядъ на югъ Россіи нѣмцевъ даже»...

«Но чѣмъ сей мужъ былъ награжденъ?»—продолжаетъ далѣе поэтъ,

«На основаніи устава,
«Крестишко получаетъ онъ,
«И то святого Станислава»...

Пл. Ос. Бурачковъ, который «какъ паукъ, обставя сѣтъ свою жидами, изъ первыхъ добываетъ рукъ монеты съ древними вещами»; Н. Н. Мурзакевичъ, «одесситъ археологъ, любитель пива и комфорта, который къ ближнимъ очень строгъ и переспорить даже чорта, но къ каменнымъ онъ бабамъ слабъ»... «Славный бытописатель юга, неутомимый говорунъ», «идеалистъ и поэтъ» профессоръ Ф. К. Брунъ; «преданный всей душой археологической лопатѣ» Н. П. Кондаковъ; «ретивый» В. В. Стасовъ, «немало нагрѣшившій и на исторію Босфора такого мрака напустившій, что не разсѣютъ его скоро»... Академикъ Р. Эд. Стефани—

«Горгоны древней отвращенье,
Какъ пестрый черноморской ужъ,
Къ себѣ вселявшій отвращенье...

.....
«Все мѣрзя.. на свой масштабъ
Въ единоличномъ кабинетѣ,
Онъ учредилъ свой главный штабъ
Въ археологическомъ отчетѣ
И, пичкая изъ года въ годъ
Отчетъ тотъ длинными статьями,
Бранится на казенный счетъ
Съ берлинскими профессорами.
Сбивая имъ киченья рогъ,
Онъ тутъ при всей своей гордынѣ,
Понеже изучить не могъ
Языкъ Россійскій и понынѣ»...

Баронъ Б. В. Кёне.

«Съ жидовскимъ подвижнымъ лицомъ,
Извѣстный мужъ въ ученомъ мірѣ»...

Проф. К. К. Герць,

«Непризнанный въ Россіи геній»...

Ю. В. Иверсенъ,

«Давнишній петербургскій житель,
 Медалей русских и монетъ
 Исслѣдователь и любитель,
 Сей крѣпко спитый господинъ
 Субъектъ изъ нѣмцевъ прибалтійскихъ,
 Лишь понимающій одинъ
 Всю суть медалей всероссійскихъ»...

и Д. Н. Самоквасовъ—«глубоко-русскій патриотъ».

Въ заключеніе нельзя не остановиться на статьѣ г. А. Лебедева—«Архіерейское самоубійство»,—утверждающаго, что еодосійско-маріупольскій епископъ Моисей покончилъ жизнь въ 1792 г., вопреки официальнымъ даннымъ, самоубійствомъ.

В. Р—въ.

А. И. Успенскій. Царскіе иконописцы и живописцы XVII в. Словарь. Москва. 1910. Стр. 400.

Послѣ смерти сенатора Д. А. Ровинскаго и академика Θ. И. Буслаева, безъ сомнѣнія, самымъ капитальнымъ трудомъ по исторіи русскаго иконописанія является вышедшій на дняхъ трудъ директора Археологическаго института А. И. Успенскаго, нашего лучшаго знатока искусства XVII вѣка. Огромный томъ in 4° носитъ заглавіе: «Царскіе иконописцы и живописцы XVII в.». Какъ видно изъ заглавія автора, трудъ состоитъ изъ двухъ томовъ, разсматриваемый изъ которыхъ является вторымъ томомъ. Первый же томъ, въ которомъ будетъ помѣщено изслѣдованіе, въ настоящее время печатается и выйдетъ въ недалекомъ будущемъ. До сихъ поръ единственнымъ руководствомъ по данному вопросу былъ краткій словарикъ Д. А. Ровинскаго, помѣщенный въ его извѣстномъ трудѣ «Обозрѣніе иконописанія въ Россіи до конца XVII вѣка». Этотъ словарикъ состоитъ всего изъ трехъ печатныхъ листовъ и включаетъ въ себя: «Исчисленіе русскихъ иконописцевъ всѣхъ школъ, съ краткими извѣстіями о нихъ, заимствованными изъ лѣтописей, актовъ, житій русскихъ святыхъ, надписей и старыхъ описей церковныхъ имуществъ». Притомъ же, какъ оказалось по провѣркѣ г. Успенскаго, и эти свѣдѣнія весьма нерѣдко грѣшатъ противъ дѣйствительности и очень неточны. Цѣлая громадная область была до сихъ поръ недоступна нашимъ археологамъ, это—живопись въ XVII вѣкѣ. Всѣ извѣстныя до сихъ поръ свѣдѣнія о царскихъ мастерахъ касались лишь иностранцевъ, которыхъ наши ученые совершенно не отличали отъ живописцевъ. Доказательствомъ этому можетъ служить и тотъ фактъ, что профессоръ Н. В. Покровский въ своемъ послѣднемъ трудѣ «Описаніе музея С.-Петербургской духовной академіи» называетъ нѣкоторыхъ царскихъ живописцевъ иконописцами и приписываетъ

имъ иконописныя произведенія. Изъ труда г. Успенскаго мы видимъ, что при царскомъ дворѣ, въ XVII вѣкѣ, существовала своя, національная академія художествъ—Оружейная палата, гдѣ учителями русскихъ были западные и восточные художники: нѣмцы, поляки, армяне, греки и даже персы. Словарь даетъ подробныя свѣдѣнія о громадномъ числѣ этихъ художниковъ и русскихъ иконописцевъ, добытыя изъ обильнаго источника,—изъ неразобранныхъ до сихъ поръ документовъ архива Оружейной палаты, хранящихся въ настоящее время въ московскомъ отдѣленіи общаго архива министерства императорскаго двора. Архивныя данныя часто даютъ автору возможность отыскать тѣ или иныя произведенія, уцѣлѣвшія въ различныхъ церквахъ, монастыряхъ и въ Большомъ кремлевскомъ дворцѣ. Сообщаемыя въ словарѣ свѣдѣнія даютъ возможность нерѣдко опровергнуть ошибочныя мнѣнія ученыхъ о происхожденіи извѣстныхъ памятниковъ иконописи и стѣнописи. Пятьдесятъ печатныхъ листовъ словаря, испещренныхъ ссылками на первоисточники, сами по себѣ внушаютъ благоговѣніе и глубокое уваженіе къ почтенному труду. Можно смѣло сказать, что до сихъ поръ мы знали не болѣе $\frac{1}{10}$ всѣхъ именъ, опубликованныхъ А. И. Успенскимъ; тѣ же художники, которыхъ мы знали лишь по имени, въ «Словарѣ» представлены цѣлыми монографіями. Даже такой, напримѣръ, художникъ, какъ знаменитый Симонъ Федоровъ Ушаковъ, которому покойный Ю. Д. Филимоновъ посвятилъ особое изслѣдованіе, представленъ намъ совсѣмъ инымъ, при иномъ освѣщеніи, съ массою новыхъ, преинтересныхъ свѣдѣній. Если до сихъ поръ считали Ушакова реформаторомъ въ исторіи русской религиозной живописи, то теперь стало очевиднымъ, что эту реформу произвелъ не онъ, а тѣ иностранные художники, которые у насъ въ XVII вѣкѣ служили въ большомъ количествѣ въ Оружейной палатѣ, и о дѣятельности и произведеніяхъ которыхъ не было до послѣдняго времени яснаго представленія. Если до сихъ поръ въ исторіи древне-русской живописи мы не знали болѣе крупнаго имени, чѣмъ Ушаковъ, то теперь на ряду съ нимъ мы видимъ не менѣ крупные таланты—Познанскаго, Безмина, и Салтанова. Въ своемъ обширномъ и капитальномъ трудѣ А. И. Успенскій даетъ полную характеристику быта иконописцевъ, ихъ общественнаго положенія, образованія и тѣхъ вліяній, на которыхъ они воспитывали свой художественный вкусъ. Обзорніе памятниковъ—произведеній кисти царскихъ художниковъ сдѣлано во всеоруженіи археологической науки. Двѣнадцать лѣтъ труда положилъ А. И. Успенскій на свою новую работу. Свыше 52,000 столбцовъ и нѣсколько тысячъ книгъ послужили автору для составленія словаря. Трудъ совершенно оригинальный, сообщающій новое съ первой до послѣдней строки. Много усилій, труда упорнаго и кропотливаго стоила теперь настольная для каждаго историка искусство книга, но зато и велика ея польза. Пожелаемъ скорѣйшаго выхода въ свѣтъ перваго тома сочиненія А. И. Успенскаго, которое должно произвести переворотъ въ дѣлѣ изученія и пониманія исторіи русскаго искусства за XVII вѣкъ, и открыть ученымъ широкое поле для дальнѣйшихъ работъ и изысканій въ названной области.

В. Клейнъ.

Механика вырожденія. 1912-й годъ—начало «Желѣзнаго вѣка» въ Россіи. В. А. Мошковъ. Варшава. 1910 г. 90 к.

Велики пріобрѣтенія духа человѣческаго въ области знаній: чего бы взоръ нашъ ни коснулся, все изслѣдовано, измѣрено, объ всемъ исписаны сотни томовъ.

Но есть и своя Ахиллесова пята у нашей цивилизаціи: наука о человѣческомъ обществѣ. Не странно ли, что не нужно знаній и подготовки, чтобы быть авторитетомъ въ этой области? Гдѣ же этому причина?

Авторъ причину находитъ въ томъ, что наука о человѣческомъ обществѣ не знаетъ никакихъ законовъ природы, управляющихъ человѣчествомъ. Между тѣмъ человѣчество давно имѣло эти свѣдѣнія и даже дѣлало въ этой области предсказанія, но сильная волна какихъ-то вліяній смыла это, и остатки древней науки о человѣческомъ обществѣ дошли до насъ въ видѣ искаженныхъ временъ обломковъ.

Можно и теперь возстановить эти знанія, но надо къ нимъ подходить безъ предвзятыхъ идей - аксіомъ, которыя вызываютъ подтасовки въ историческомъ матеріалѣ, а главное, не слѣдуетъ выдѣлять человѣка изъ остального животнаго міра, обособляя его индивидуальную и общественную организацію.

Авторъ отказался отъ предвзятыхъ идей нашихъ историковъ, и для него открылись новыя перспективы законовъ, управляющихъ человѣчествомъ, каковыми онъ и дѣлится въ предлагаемомъ трудѣ со своими читателями. Человѣчество, зная эти законы, научится пользоваться этими знаніями и будетъ въ состояніи устраивать по произволу судьбу своего народа.

Въ предыдущемъ своемъ трудѣ: «Новая теорія происхожденія человѣка и его вырожденія» авторъ приходитъ къ заключенію, что современное человѣчество представляетъ собою смѣшанную породу двухъ типовъ. Именно: высшій типъ «бѣлый дилювіальный человѣкъ» и низшій «питекантропъ» создали ублюдочную породу, индивиды которой приближаются въ большей или меньшей мѣрѣ къ тому или другому типу, давая то прогонизмъ, т. е. приближеніе къ высшему типу, то атавизмъ—приближеніе къ низшему.

Но, если отдѣльные люди рождаются, приближаясь то къ «бѣлому дилювіальному человѣку», то къ «питекантропу», то также и отдѣльныя расы и племена даютъ то или другое постоянное преобладаніе. Внутри же отдѣльныхъ народностей получается также дѣленіе на высшій и низшій классы.

Колебаніе гибриднаго человѣчества между прогонизмомъ и атавизмомъ влечетъ за собой періоды народнаго подъема и упадка, которые, если присмотрѣться къ исторіи разныхъ странъ, подчиняются опредѣленнымъ законамъ. Кромѣ періодовъ подъема и упадка въ странѣ вообще, слѣдуетъ различать такыя отдѣльно въ интеллигенціи и въ простонародьи. Правильность періодовъ нарушается аномаліями, а также и ихъ запаздываніями.

Результатомъ подобнаго изслѣдованія исторіи оказалось, что всѣ государства переживаютъ извѣстный историческій циклъ продолжительностью въ 400 лѣтъ. Въ свою очередь, циклъ распадается на двѣ половины: одну восходящую—

прогонизмъ, другую нисходящую—атавизмъ. Двѣсти лѣтъ народъ движется къ подъему, а затѣмъ столько же—къ упадку.

Какъ восходящая, такъ и нисходящая половины цикловъ дѣлятся пополамъ, образуя вѣка. Авторъ называетъ ихъ: 1-ый— «золотой» вѣкъ, 2-ой—«серебряный», 3-ый—«мѣдный» и 4-ый—«железный». Цѣнность металловъ характеризуетъ и вѣка, хотя само названіе ихъ имѣетъ связь съ исторіей древнихъ временъ.

Вѣка также имѣютъ свои подраздѣленія, извѣстную систему взаимотношеній и роковые года.

Движеніе народовъ по пути подъемовъ и упадковъ имѣетъ естественную необходимость подбора, т. е. все слабое погибаетъ въ вѣкъ упадка, а сильное сохраняетъ шансы на соответствующее потомство. Вѣкъ подъема заготавливаетъ богатства и матеріальные запасы для періода упадка; каждый циклъ продвигаетъ въ жизнь улучшение породы человѣка, движущагося, такимъ образомъ, опредѣленно по пути прогресса.

Но на историческомъ пути народовъ встрѣчаются препятствія, которыя могутъ не только затормозить прогрессъ, но и направить въ обратную сторону, причѣмъ высшая бѣлая раса можетъ выродиться въ цвѣтную и даже сойти въ могилу.

Зная циклъ исторіи, зная, въ чемъ состоятъ препятствія, ведущія къ регрессу, мы можемъ не только заглядывать въ будущее исторіи, но даже и удалять вредныя препятствія.

Авторъ разбираетъ подробно жизнь и импульсы людей въ періоды упадка, также разбираетъ періоды подъема, указывая на то, что онъ не замѣчается въ исторіи государства, какъ здоровье въ жизни индивидуальной, которое чувствуется, когда миновало.

Въ видѣ примѣровъ въ исторіи разобрано нѣсколько цикловъ исторіи различныхъ народовъ, а также Россіи.

Разобравши исторію Россіи, авторъ приходитъ къ заключенію, что мы подошли къ началу «железнаго» вѣка, который грозитъ намъ многими бѣдами.

Предстоящій вѣкъ разобранъ въ книгѣ довольно подробно съ указаніемъ системы расчета.

Книга составлена очень интересно и по оригинальности идеи требуетъ къ себѣ вниманія, обѣщая даже серьезный переворотъ въ наукѣ объ исторіи рода человѣческаго, если повѣритъ автору, оканчивающему ее словами: «Участь, которая предстоитъ русскому народу въ ближайшемъ будущемъ, конечно, печальна и при нашихъ современныхъ знаніяхъ совершенно неустраима, а потому лучше бы было совершенно не знать ея. Но, къ счастью, вмѣстѣ съ законами историческихъ цикловъ для насъ открылась истинная причина вырожденія и безошибочное средство къ его устраниенію. Въ нашихъ рукахъ есть вѣрное средство, уже испытанное и указываемое намъ самою природою—обратить Железный вѣкъ въ Золотой»...

Книга издана хорошо. Цѣна дешевая.

П. фонъ-Лангъ.

Шарль Диль, адъюнктъ-профессоръ парижскаго университета. Византійскіе портреты. Перевелъ Е. Киричинскій. Харьковъ. 1910. Стр. 238.

Когда извѣстный издатель Пантелеевъ обратился къ одному изъ специалистовъ съ просьбой указать какой-нибудь пригодный для перевода трудъ по византійской исторіи, тотъ отвѣтилъ, что никакой исторіи въ Византіи не было, а былъ одинъ застой. Къ сожалѣнію, этотъ взглядъ является довольно распространеннымъ. Правда, про Византію можно сказать, какъ сказалъ умный современникъ про Григорія Орлова, что это котелъ, который вѣчно кипитъ, бурлитъ, но ничего не варитъ. Но въ этомъ своеобразномъ кипѣніи много интереснаго, какъ для историка-специалиста, такъ и для большой публики. Какъ ни убого культурное наслѣдство Византіи, но государство, которое столько вѣковъ жило самостоятельной жизнью которое поставило и по-своему разрѣшило столько интересныхъ вопросовъ, имѣетъ право на гораздо большее вниманіе, чѣмъ ему обыкновенно принято посвящать. Въ пренебреженіи къ Византіи больше всего виноваты русскіе ученые. Вотъ французъ Диль нашелъ въ византійской исторіи и культуру, и живую жизнь, и посвятилъ имъ рядъ цѣнныхъ и интересныхъ трудовъ. И, пожалуй, немного стыдно, что интересъ къ Византіи подогрѣваетъ французъ, а не кто-нибудь изъ насъ, русскихъ, принявшихъ изъ Византіи не только христіанское, но и культурное крещеніе и столь многими ей обязанныхъ. Въ своихъ «Византійскихъ портретахъ» Диль даетъ почти послѣдовательный и непрерывный очеркъ византійской исторіи V—XI вѣковъ. Въ центрѣ его разсказа стоятъ преимущественно византійскія женщины, особенно византійскія императрицы. Въ придворномъ церемоніалѣ Византіи была одна любопытная особенность. Когда императоръ женился, то прежде, чѣмъ совершится обрядъ вѣнчанія, происходило коронованіе невѣсты. Это значило, что византійская императрица получаетъ власть не черезъ мужа, а является непосредственной избранницей Бога. Много и другихъ характерныхъ штриховъ свидѣтельствуетъ, что въ системѣ византійскаго управленія императрицы *de jure* играли далеко не послѣднюю роль. Мудрено ли послѣ этого, что *de facto* онѣ занимаютъ въ византійской исторіи совершенно исключительное положеніе. Если въ византійскіе императоры могъ попасть, чуть ли не всякій энергичный и умный интриганъ, то каждая красивая женщина еще съ большей легкостью могла стать императрицей. И вотъ на византійскомъ престолѣ появляются женщины изъ всѣхъ слоевъ общества, съ самыми разнообразными характерами. При другихъ условіяхъ этимъ очаровательнымъ красавицамъ не оставалось бы ничего другого, какъ жить во дворцѣ въ свое удовольствіе и со скуки заниматься мелкими интригами. Но въ атмосферѣ Византіи каждая женская индивидуальность получала возможность развиваться до своего логическаго конца, доходя съ одной стороны до настоящаго подвижничества, а съ другой, съ какимъ-то сверхчеловѣческимъ размахомъ смѣло переступая границы дозволеннаго. И этихъ праведницъ, и этихъ грѣшницъ одинаково любовно и искусно описываетъ Диль. Онъ избѣгаетъ погружаться въ историко-философскія и социоло-

гическія нѣдра. Его задача скромнѣе. Указавъ на большое значеніе повседневной жизни исчезнушаго общества, его міровоззрѣнія, нравовъ, обычаевъ, «словомъ, его цивилизаціи», Диль пишетъ: «Въ этомъ отношеніи жизнь византійской императрицы раскрываетъ намъ много новаго, и мы льстимъ себя надеждою, что, изображая среду, въ которой онѣ жили, влагая ихъ въ опредѣленные политическія рамки, мы предпринимаемъ не совсѣмъ бесполезный трудъ. Изслѣдованія наши, носящія, повидимому, частный характеръ, раскроютъ передъ нами общій характеръ эпохи, живыя и любопытныя черты византійскаго общества, столь далекаго отъ насъ и такъ мало извѣстнаго» (страница 17). Извѣстна исторія Византіи, дѣйствительно, мало. Совершенно отодвинутая куда-то на послѣдній планъ въ учебникахъ, такъ мало и плохо популяризованная, византійская исторія дѣлается широкимъ достояніемъ почти исключительно при помощи беллетристики. Беллетристы особенно облюбовали карьеру Θεодоры, перешедшей на императорскій тронъ съ арены цирка, ихъ занимаетъ жизнь Θεοφаны, «необыкновенной, божественной, сверхчеловѣческой красавицы»—и эти двѣ эпохи, пожалуй, самыя извѣстныя въ широкихъ кругахъ читателей. Но вотъ, напримѣръ, зная происхожденіе «недѣли православія», знаемъ ли мы должнымъ образомъ замѣчательную жизнь другой Θεодоры—возстановительницы иконопочитанія? Ей Диль посвящаетъ шестую главу своей книги. Всѣ его рассказы читаются съ огромнымъ интересомъ. Пробѣгая страницу за страницей книги Дилия, читатель какъ бы присутствуетъ при удивительно интересномъ кинематографическомъ сеансѣ изъ византійской исторіи. Тутъ возсоздана вся совершенно исключительная бытовая атмосфера византійской жизни. Вотъ императоры выбираютъ невѣсть изъ числа красивѣйшихъ, вотъ бытовая картинка цирковой жизни, вотъ страничка изъ исторіи религіознагоискательства. Далѣе выкалываютъ глаза, льется кровь, и великіе честолюбцы пробиваютъ себѣ дорогу. А тамъ сѣкутъ, сѣкутъ императора, министровъ, придворныхъ, и тѣлесное наказаніе такъ въѣдается въ византійскую жизнь, что Θεодора даже во снѣ видитъ, какъ на томъ свѣтѣ сѣкутъ ея мужа. И въ центрѣ почти каждой изъ этихъ картинъ непремѣнно стоитъ женщина. Обо всемъ этомъ Диль пишетъ мастерски. Читая его, невольно вспоминается фраза Толстого: «хорошо пишутъ французы». Автору мало холодныхъ и далекихъ византійскихъ хроникъ, и вотъ онъ товспоминаетъ драму Сарду, то цитируетъ романы Поля Адама. И среди этого живого изложенія то тутъ, то тамъ разбросаны цѣнныя научныя замѣчанія специалиста. Не лишень, напримѣръ, остроумія взглядъ на иконоборчество, какъ на борьбу свѣтской власти съ клерикальными конгрегаціями. Издатель и переводчикъ очень хорошо сдѣлали, пустивъ въ обращеніе средирусскагообщества хорошую и полезную книгу Дилия. Жаль только, что къ превосходнымъ историко-литературнымъ портретамъ французскаго автора не приложены снимки съ современныхъ изображеній всѣхъ тѣхъ героевъ и героинь византійской исторіи, о которыхъ онъ рассказываетъ.

Пант.

**Общестуденческой литературный сборникъ. Москва. 1910 г. Стр. 186.
Цѣна 1 руб.**

Появленіе такъ называемыхъ студенческихъ сборниковъ объясняется тѣмъ, что въ виду перепроизводства литературнаго рынка молодымъ людямъ очень трудно проникнуть въ литературу черезъ обычные журналы и газеты. Между тѣмъ среди молодыхъ людей найдется не мало знающихъ и талантливыхъ лицъ, которымъ хочется высказаться передъ публикой. Часто даже на собранныя деньги они издають свои труды, иногда преслѣдуя не только желаніе печататься, но и какія-нибудь благотворительныя цѣли. Такъ, вся выручка съ изданія сборника студентовъ московскаго университета предназначена въ пользу пятигорскаго студенческаго санаторія, единственнаго въ Россіи для учащейся молодежи, къ которой составители сборника обращаются съ горячимъ воззваніемъ: «Хочется вѣрить, что недалекъ тотъ день, когда все студенчество наше объединится, хотя бы въ дѣлѣ взаимопомощи, и, взявъ въ свои руки пятигорскій санаторій, создастъ изъ него «студенческой демь», куда каждый больной или переутомившійся товарищ шелъ бы какъ въ свой домъ и находилъ бы здѣсь леченіе и покой. Пусть же сборникъ этотъ будетъ первымъ камнемъ въ зданіи «перваго студенческаго дома» въ Россіи».

Независимо отъ симпатичнаго предназначенія «сборника», мы также сочувственно относимся и къ его литературному содержанію. Выдающагося труда въ немъ нѣтъ, но онъ весь проникнутъ благороднымъ представленіемъ о человѣческой жизни.

Въ отдѣлѣ поэзіи встрѣчаются вполне искреннія и поэтическія стихотворенія г. г. Арямова («Если сердце молчить»...), Геркена («Я не знаю, какъ это случилось...»), Сапѣжки («Когда въ толпѣ, случайно...», «Ночью») Въ отдѣлѣ повѣстей и рассказовъ обращаютъ на себя вниманіе безпристрастныя записки русскаго студента Артемьева о Женевѣ, гдѣ онъ былъ страшно пораженъ низкимъ уровнемъ нашихъ русскихъ студентовъ. «Здѣсь было три категоріи ихъ,—говоритъ онъ.—Одни бѣжали изъ Россіи, предпочитая сезонъ въ Женевѣ сезону въ Нарымѣ, и они сблизались лишь съ эмигрантами и съ «дѣлающими» революцію. Это были удивительно фанатичные и узкіе люди. Въ читальнѣ можно было наблюдать комичныя сцены. Вотъ сіонистъ беретъ газету и, замѣчая, что рядомъ съ нимъ сидитъ бундистъ, читаетъ вслухъ, что вотъ еще-де разъ бундисты повредили дѣлу раскрѣпощенія еврейскаго народа. Бундистъ вскакиваетъ, и завязывается бессмысленный споръ, такъ что оба, бросивъ газеты, лѣзутъ другъ на друга съ кулаками.

«Читать—невозможно.

«Другая и самая обширная категорія—«первогодниковъ», изъ которыхъ многіе, получая изрядно изъ дому, «первогодничаютъ» не одинъ годъ. Они числятся въ университетѣ, но, мало понимая лекціи, изучаютъ языкъ въ кафе, въ пивной Ландольта; играютъ въ «лошадки» и карты и... пьютъ чисто по-русски.

«Третья категорія,—трудящихся. Это преимущественно медики и естественники. Русскія дѣвушки занимаются куда усерднѣе студентовъ и вносятъ много свѣтлыхъ и чистыхъ тоновъ въ довольно «свободную» жизнь русскаго загранич-

наго студенчества. Ставлю свободную жизнь въ кавычки потому, что, понавъ изъ страны будочниковъ въ страну свободныхъ виноградарей, русскіе студенты усиленно поютъ гимны Вакху».

Разсказъ г. Замиралова о семейной жизни неимущаго студента съ женой и ребенкомъ («Родители») — полонъ трагизма и выполненъ мастерски. Къ сожалѣнію, въ другомъ разсказѣ «Воря» авторъ перемудрилъ... Сохраняя художественное дарованіе въ изображеніи дѣтской жизни, онъ приписываетъ ребенку не просто ребячьи капризы, свойственные возрасту, а какое-то особое міропониманіе, по которому ребенка возмущаетъ то, что сильные и безсовѣстные люди захватили себѣ самыя занятныя игрушки и защищаютъ ихъ своими широкими ладонями, обманомъ и громкими сердитыми голосами, отъ которыхъ вздрагиваешь и робѣешь. Когда мать зажигаетъ лампу или вертитъ блестящее колесо швейной машины, несомнѣнно, она играетъ, то же самое и дядя, когда смотритъ въ свои часы и шевелитъ усами. Но возмутителенъ ихъ эгоизмъ. Стоитъ только взять въ кухнѣ вилку или протянуть руку къ прелестному шипящему самовару, какъ имъ уже становится завидно... И они кидаются со всѣхъ сторонъ съ выраженіемъ ужаса на лицѣ, оттаскиваютъ и кричатъ:

— Ну, и мальчишка! Смотри, ошпаришь себя когда-нибудь... У тебя есть свои игрушки.

Авторъ увѣряетъ, что такой опекой надъ ребенкомъ мы развиваемъ въ маленькихъ сердцахъ дѣтей злобу и т. д.

Въ такомъ же искусственномъ направленіи въ «Сборникѣ» имѣется нѣсколько разсказовъ уже о взрослыхъ людяхъ. К. Маріановъ въ своемъ «Аркашкѣ» выводитъ мечтателя, который смотритъ на интеллигентовъ, какъ на дѣтей, забавляющихся игрушками. Только у интеллигентовъ игрушки такъ называемыя «вопросы», а у дѣтей — лошади, солдатики... Поэтому «Аркашка» не хочетъ заниматься интеллектуальнымъ трудомъ, а ищетъ только физическаго. Мастеръ Генрихъ, въ разсказахъ «Геній зла», «Кумиръ земли» и т. д., очевидно, подражаетъ вѣсьмъ недостаткамъ г. Мережковскаго и пугается въ своихъ собственныхъ мысляхъ о мірѣ и людяхъ, не умѣя привлечь къ нимъ ни формой, ни содержаніемъ ихъ. Отъ метафизическаго лепета о мировой истинѣ одинъ шагъ до пессимизма и безпричинной скорби А. П. Чехова. Въ этомъ родѣ имѣются разсказы г. г. Педькова («Три письма»), Станевича («Послѣдніе листья»), В. Струве («Гдѣ сѣрѣтъ мраморный крестъ», «У брата...») Освѣжающимъ бытовымъ содержаніемъ дышитъ разсказъ В. Чеботаева «Она играла», какъ бы напоминая молодымъ участникамъ «Сборника», что только черезъ правду можно пойти по поэзіи, а не обратно. Въ «Сборникѣ» имѣется критическая статья Ю. Соболева о Купринѣ, утверждающая сходство талантовъ Куприна и Чехова въ изображеніи первымъ какъ слабыхъ и унылыхъ людей («банкротовъ духа»), такъ и восторженныхъ мечтателей на словахъ о лучшимъ будущемъ.

При всемъ поклоненіи А. И. Куприну, г. Соболевъ совершенно вѣрно замѣчаетъ, что «насколько Купринъ выразителенъ и интересенъ въ изображеніяхъ картинъ вѣшняго уклада жизни, въ картинахъ бытовыхъ и жанровыхъ, настолько онъ слабъ, какъ психологъ». Въ этомъ замѣчаніи г. Соболева слово «психологъ» слѣдуетъ замѣнить словомъ «мыслитель», и тогда слабая сторона

г. Куприна будетъ вполне ясна. Изобразительный его талантъ и психологическій анализъ весьма могучи, но онъ или не держитъ читателя около серьезныхъ вопросовъ жизни, или рѣшаетъ ихъ по-офицерски устами Назанскаго въ «Поединкѣ», или повторяетъ давно извѣстныя истины. Повтореніе чеховскихъ типовъ и усвоенныхъ идей вполне удастся г. Куприну; но наша жизнь давно уже обновилась не только типами, но и стремленіями ихъ. Ни Купринъ, ни другіе позднѣйшіе писатели не замѣчаютъ этого обновленія. Они продолжаютъ угощать публику либо оригинальничаньемъ своего собственного ума и извращенными выдумками, либо повтореніемъ давно усвоенныхъ обществомъ идей и задачъ.

А. Фаресовъ.

**Ю. Айхенвальдъ. Силуэты русскихъ писателей. Вып. III. М. 1910.
Стр. 138. Цѣна 1 р. 10 к.**

На страницахъ «Историческаго Вѣстника» мы уже высказались объ г. Айхенвальдѣ въ рецензіяхъ на первые два выпуска его «Силуэтовъ» (1906, кн. XII, 1908, кн. V III). Мы отмѣтили, что г. Айхенвальдъ является однимъ изъ наиболѣе талантливыхъ и оригинальныхъ критиковъ, указали на его замѣчательную способность схватывать характерныя черты писателя, нѣсколькими штрихами давать его яркій и живой силуэтъ, сказали о томъ, что критикъ всегда стремится проникнуть въ сущность творчества, въ тайники писательской души, уловить всѣ нѣжнѣйшія переливы настроенія, что въ статьяхъ г. Айхенвальда обнаруживается философъ и что это придаетъ имъ особенный интересъ. Отмѣтили мы также, что г. Айхенвальдъ—большой художникъ, замѣчательный стилистъ, что свои интересныя мысли онъ воплощаетъ въ прекрасную, чисто художественную форму.

Появившійся теперь третій выпускъ «Силуэтовъ», посвященный Козлову, Веневитинову, А. Одоевскому, Полежаеву, Языкову, Бенедиктову, Левитову, 1 орькому, Андрееву, Брюсову, Сологубу, Бунину и Зайцеву, обращаетъ на себя то же вниманіе, вызываетъ тотъ же интересъ, что и первые два выпуска.

Когда читаешь статьи г. Айхенвальда, видно, что писатель на него не только производитъ впечатлѣніе, но и захватываетъ, волнуется, критикъ горячо реагируетъ на каждую черту писателя, на его достоинства и недостатки. Г. Айхенвальдъ глубоко искрененъ, въ своей критикѣ—онъ весь, со всѣми душевными переживаніями, со всѣмъ міроотношеніемъ. Прямое отраженіе души, проявленіе внутренняго міра, критика г. Айхенвальда свободна и независима, онъ смѣло идетъ своею дорогой, не подчиняясь никакому давленію, господствующимъ вкусамъ и теченіямъ. И эта оригинальность вызываетъ большой интересъ къ критикѣ г. Айхенвальда, придаетъ ей значеніе. Всегда непосредственный, всегда искренній, критикъ чутко откликается на все, всецѣло отдается своему чувству, въ его статьяхъ поэтому много лиризма, мы встрѣчаемъ горячій, страстный восторгъ, рѣзкое порицаніе. Критику ставятъ это въ вину, обвиняютъ въ отсутствіи холодности, въ безотчетномъ отдаваніи субъективному чувству, но намъ дороги эти непосредственность и искренность, крайности, увлеченія, какъ исходящія изъ непосредственнаго, свободнаго впечатлѣнія, какъ искреннія проявленія живого

ума, чуткой души. Въ искренности и субъективизмѣ—сила г. Айхенвальда, его критика именно цѣнна, какъ живой, непосредственный откликъ на литературныя явленія и настроенія умнаго и чуткаго человѣка. Субъективизмъ г. Айхенвальда такой яркій и живой, въ замѣчаніяхъ и взглядахъ его такъ много мѣткаго, такъ много чуткости, живыхъ наблюденій, эстетическаго чутья, при его удивительной способности схватывать характерныя черты, горячо реагировать на сильныя и слабыя стороны писателя, чувствовать неискренность, фальшь, неправду, что, несмотря на субъективизмъ, которымъ окрашена его работа, нельзя отрицать серьезнаго значенія г. Айхенвальда, какъ критика, того, что его статьи не пройдутъ безъ слѣда, окажутъ, извѣстное вліяніе на уясненіе писателей.

Способность г. Айхенвальда вскрывать характерныя черты писателя, всего лучше, по нашему мнѣнію, обнаружилась въ третьемъ выпускѣ въ статьѣ о Горькомъ, въ которой критикъ мѣтко охарактеризовалъ его творчество въ настоящій фазисъ развитія. Но мы думаемъ, что едва ли можно говорить о томъ, что Горькій «пережилъ себя, какъ беллетриста». Даже теперь, въ эпоху тенденціознаго творчества, художественный талантъ Горькаго даетъ ипогда знать о себѣ и нѣкоторыя отдѣльныя страницы даютъ чувствовать, что Горькій, какъ художникъ, еще не умеръ. И говорить категорически, что Горькій останется навсегда тѣмъ, чѣмъ есть теперь, едва ли возможно, быть можетъ, въ Горькомъ художникъ, въ концѣ концовъ, побѣдитъ тенденцію, резонерство. Обращаетъ на себя особое вниманіе статья о Зайцевѣ. Этотъ талантливый оригинальный беллетристъ замѣтно выдѣляется изъ среды современныхъ писателей, но о немъ очень мало говорила критика, онъ мало оцѣненъ. Съ обычной чуткостью г. Айхенвальдъ оцѣниваетъ и выдвигаетъ этого интереснаго писателя. Субъективизмъ больше всего обнаружился въ статьѣ объ Андреевѣ, со многими замѣчаніями критика трудно согласиться, напримѣръ, съ отрицаніемъ оригинальности Андреева, съ оцѣнками «Христіанъ», «Краснаго смѣха», «Семи повѣщенныхъ». Съ большой рѣзкостью написана статья о Брюсовѣ, въ которой смѣло г. Айхенвальдъ выступаетъ противъ сложившейся репутаціи поэта. Эта статья, написанная съ сильнымъ подъемомъ, очень характерна для г. Айхенвальда. Нападки въ критикѣ такъ часто носятъ характеръ озлобленія, личнаго непріязненнаго чувства. Но критика г. Айхенвальда, какъ мы говорили, глубоко искренна, свободна. Даже въ этой самой рѣзкой статьѣ мы видимъ полное отсутствіе личныхъ счетовъ, личнаго озлобленія, это глубоко искренній, свободный голосъ. Онъ такъ рѣдко раздается въ нашей современной критикѣ, намъ такъ нужна смѣлая, независимая и искренняя критика! И въ этомъ отношеніи г. Айхенвальдъ особеннаго заслуживаетъ привѣта. Въ этомъ смыслѣ особенный интересъ привлекаетъ третій выпускъ «Силуэтовъ», въ немъ ярче, чѣмъ въ первыхъ двухъ, проявилась свобода и независимость г. Айхенвальда отъ всякихъ давленій, отъ господствующихъ мнѣній, онъ смѣло и искренно выступилъ противъ сложившихся репутацій.

А. Фоминъ.

Труды **Θ. Θ. Соколова**. Спб. 1910. Стр. VIII + 672

Скончавшийся въ минувшемъ году, 69 лѣтъ отъ роду, профессоръ древней исторіи **Θеодоръ Θеодоровичъ Соколовъ** былъ оригинальною, своеобразною личностію. Пергаментное, блѣдное лицо, постоянно полузажмуренные глаза, вооруженные очками, машинально двигавшіяся, постоянно что-то шептавшія губы, высокій голый лобъ, рѣдкая борода и усы придавали ему видъ какого-то скорѣе азіатскаго, чѣмъ европейскаго ученаго мужа; онъ ходилъ слегка согрившись, а безжизненно свисшія, никогда не жестикулировавшія руки, придавали ему, когда онъ читалъ лекцію, видъ древнеегипетскаго изваянія. Оригинальной наружности соответствовала и особая, только ему свойственная манера чтенія лекцій. Онъ не клалъ передъ собою на кафедрѣ ни записокъ, ни конспекта. Застывъ въ безжизненной позѣ египетской статуи, зажмуривъ глаза, онъ говорилъ довольно быстро, мало заботясь о красотѣ рѣчи, иногда понижая голосъ до шопота, иногда выкрикивая слова тонкимъ высокимъ фальцетомъ. Неправильное дыханіе (его долгіе годы мучила астма) заставляло его ставить ударенія и дѣлать паузы въ самыхъ неожиданныхъ мѣстахъ произносившихся имъ фразъ. Введеній или вступленій онъ никакихъ не признавалъ, обращеній къ слушателямъ также никакихъ не дѣлалъ. Входя въ аудиторію, онъ сразу же начиналъ съ изложенія фактовъ, которые должны были составить содержаніе лекціи, а каждая слѣдующая лекція начиналась фразою, являвшейся непосредственнымъ продолженіемъ послѣдней фразы предыдущей лекціи. Походило на то, какъ будто онъ ставилъ себѣ примѣромъ **Ксенофонта**, который, чтобы не тратить лишнихъ словъ для введенія, началъ свое продолженіе исторіи **Θукидида** знаменитыми слова: «Послѣ же этого...» Содержаніе его лекцій также было отличное отъ обычныхъ университетскихъ курсовъ. **Θеодоръ Θеодоровичъ** не признавалъ никакихъ обобщеній, никакой «философіи исторіи». Единственная связь, которую онъ допускалъ, была связь хронологическая. Лекціи его представляли собраніе огромнаго количества фактическихъ данныхъ, приводившихся безъ всякой попытки установить между ними искусственную связь, въ той отрывочности, въ какой о нихъ сохранились свѣдѣнія въ уцѣлѣвшихъ памятникахъ древности. Поэтому для большей массы студентовъ было истиннымъ мученіемъ сдавать на экзаменѣ его лекціи, хотя экзаменаторъ **Θ. Θ.** былъ не изъ строгихъ: иногда одна удачная цитата изъ древняго автора или надписи заставляла его прощать незнаніе цѣлыхъ отдѣловъ въ курсѣ; не выносилъ онъ только грубо ошибочныхъ утвержденій, которымъ предпочиталъ молчаніе.

Такой человекъ, какъ **Θ. Θ. Соколовъ**, не могъ пользоваться симпатіями обширнаго круга студенчества. Большинство мирилось съ его лекціями, какъ съ досадною необходимостію; аудиторія, въ которой онъ читалъ, посѣщалась мало; современный небезызвѣстный поэтъ-романистъ отразилъ мнѣніе многихъ изъ слушателей, находя въ его лекціяхъ только

Исторію безъ образовъ и лицъ,
Ряды хронологическихъ таблицъ.

Молодежь, часто относящаяся къ своимъ профессорамъ и преподавателямъ съ неосновательнымъ, задорнымъ высокомеріемъ, смотрѣла, въ лицѣ большинства своихъ представителей, на Ѳ. Ѳ. Соколова какъ на чудака, про котораго передавались забавные анекдоты, какъ на явленіе отживающее...

Только немногимъ, до сихъ поръ, извѣстно, что мы имѣли и что потеряли въ Ѳ. Ѳ. Соколовѣ. Немногіе могли оцѣнить то значеніе, которое имѣли почитавшіяся «убійственными» лекціи Ѳедора Ѳедоровича и вся его научная дѣятельность. Этотъ странный по виѣшности человекъ, такъ неуклюже читавшій свои, казалось, примитивнѣйшимъ образомъ скомпонованные курсы, былъ, на самомъ дѣлѣ, по научному генію равенъ величайшимъ въ мірѣ знакамъ древности. Его необычайно острый, свѣтлый критическій умъ проникалъ въ самые запутанные вопросы науки, составлявшей его спеціальность, необыкновенная память, не ослабѣвшая до послѣднихъ дней его, держала передъ его умственными взорами полную, яркую картину прошлыхъ судебъ міра, въ которой другимъ бываетъ дано видѣть лишь одинъ какой-либо уголокъ. Тѣ слушатели, которые увлекались блестящими компиляціями иныхъ лекторовъ, за всю свою жизнь не сказавшихъ ни одного «своего» слова, и проходившіе равнодушно мимо аудиторіи, гдѣ читалъ или чертилъ на доскѣ Ѳ. Ѳ. Соколовъ, на самомъ дѣлѣ, обнаруживали въ этомъ лишь свою слѣпоту. Подъ неказистою, неуклюжею наружностью они не замѣчали оригинальной, самостоятельной учености, въ которой не было ни одного намека на перепѣвъ съ чужихъ мотивовъ, ни одного непредуманнаго слова, ни одной мысли, взятой на прокатъ, безъ провѣрки, у западныхъ ученыхъ. Ѳ. Ѳ. Соколовъ не былъ ораторомъ, ему не дано было глаголомъ жечь сердца слушателей, онъ не обладалъ способностями лектора-артиста, вызывающаго шумные восторги собравшагося въ аудиторію юношества. Но въ тѣхъ немногихъ, которые внимательно его слушали и сумѣли близко стать къ нему, какъ его ученики, онъ, съ своей стороны, сумѣлъ зажечь неукротимую жажду знаній, возбудить пытливость ума, вызвать критическую мысль и заложить стремленіе къ тому, чтобы быть самостоятельными учеными, а не только пересказчиками того, что уже заключается въ нѣмецкихъ «Handbuch'ахъ». Чтобы сознательно отнестись къ системѣ изложенія, принятой въ лекціяхъ Ѳ. Ѳ. Соколова, нужно было знать основную мысль ихъ автора. Ѳедоръ Ѳедоровичъ давалъ въ лекціяхъ только выводы изъ произведенныхъ имъ изслѣдованій; отсюда ихъ видимая сухость, категоричность тона и отрывочность. Какъ получены были эти выводы, какая для этого была продѣлана кропотливая работа, сколько понадобилось остроумныхъ комбинацій, это узнавали тѣ немногіе, которые собирались у покойнаго профессора на практическихъ занятіяхъ, устраивавшихся зачастую на дому у него. Нѣмецкіе ученые всегда печатаютъ даже мелкія изслѣдованія, являвшіяся фундаментомъ позднѣйшихъ большихъ трудовъ. Ѳ. Ѳ. въ большинствѣ случаевъ продѣлывалъ свои изслѣдованія устно, въ умѣ, безъ записи. Недаромъ онъ не находилъ ничего страннаго въ томъ обстоятельствѣ, что неграмотный Гомеръ могъ сочинить и запомнить наизусть двѣ огромныя поэмы. Самъ онъ помнилъ наизусть продѣланныя имъ изысканія надъ фактами древней исторіи, которыя могли бы заполнить нѣсколько огромныхъ томовъ.

Только наклонъ дней своихъ $\Theta.$ $\Theta.$ Соколовъ подь заглавіемъ «Въ области древней исторіи» сталъ печатать эти свои изслѣдованія, но успѣлъ изложить и издать лишь небольшую часть ихъ. О десяткахъ другихъ, не задуманныхъ, а готово придуманныхъ, законченныхъ, но не написанныхъ изслѣдованіяхъ извѣстно только по заглавіямъ, перечисленнымъ на клочкѣ бумаги, оказавшемся въ наслѣдіи покойнаго, или же можно догадываться по тому, что $\Theta.$ $\Theta.$ говорилъ въ своихъ лекціяхъ.

Послѣ смерти умолкаютъ всѣ упреки. Нѣтъ, поэтому, и смысла упрекать покойнаго профессора въ томъ, что онъ не позаботился въ большей мѣрѣ о сохраненіи результатовъ своихъ работъ. У Моммзена однѣхъ мелкихъ работъ набралось около 10 огромныхъ томовъ. У $\Theta.$ $\Theta.$ Соколова, который не имѣлъ литературнаго таланта Моммзена, но, по начитанности во *всѣхъ* древнихъ авторахъ и по умѣнію критически разбираться въ нихъ, врядъ ли уступалъ великому нѣмцу, набрался лишь одинъ томъ изслѣдованій, къ которому можно прибавить еще его диссертацию о древнѣйшемъ періодѣ исторіи Сициліи.

Въ университетѣ и петербургскомъ историко-филологическомъ институтѣ $\Theta.$ $\Theta.$ Соколовъ читалъ общій курсъ древней исторіи и, кромѣ того, спеціальныя курсы по греческимъ древностямъ и по источниковѣдѣнію. Къ сожалѣнію, эти курсы приходится считать почти потерянными для потомства. Сохранившіеся только въ малоудовлетворительныхъ студенческихъ записяхъ, они для русской науки пропали. Издатели «Трудовъ» $\Theta.$ $\Theta.$ Соколова ихъ въ свое изданіе, по понятнымъ основаніямъ, не включили.

Въ высшей степени отраднo, однако, и то, что *pietas* учениковъ покойнаго профессора (академика В. В. Латышева, профессоровъ Жебелева, Никитскаго, Новосадскаго и др.) содѣйствовала сохраненію въ памяти потомства тѣхъ сочиненій покойнаго, которыя раскиданы по разнымъ періодическимъ изданіямъ на протяженіи 40 лѣтъ.

Читая собранныя здѣсь статьи покойнаго, съ ихъ своеобразною отрывистою рѣчью, остроумными, неожиданными параллелями между событіями древней и новой исторіи, легкою насмѣшливостью по адресу невпопадъ глубокомысленныхъ иностранныхъ ученыхъ, читатель получаетъ хотя и не полное, но все-таки вѣрное представленіе о томъ, какого замѣчательнаго человѣка и ученаго Россія потеряла въ лицѣ $\Theta.$ $\Theta.$ Соколова, $\frac{9}{10}$ трудовъ котораго погибли вмѣстѣ съ нимъ.

Большинство критическихъ статей и замѣтокъ по вопросамъ древней исторіи, помѣщенныхъ въ «Трудахъ», имѣетъ интересъ только для спеціалиста. Болѣе общій интересъ представляютъ: обширная статья по гомеровскому вопросу и двѣ актовыя рѣчи, изъ которыхъ одна на тему изъ русской исторіи—«Памяти Императора Александра Павловича». Въ послѣдней $\Theta.$ $\Theta.$ Соколовъ выказалъ свое детальное знакомство съ періодомъ наполеоновскихъ войнъ. Статья по гомеровскому вопросу одна изъ наиболѣе замѣчательныхъ въ этой области, въ которой мѣрялись силами знаменитѣйшіе изъ филологовъ послѣднихъ вѣковъ. $\Theta.$ $\Theta.$ Соколовъ даетъ здѣсь уничтожающую критику ученій вольфианцевъ и приходитъ къ выводу, что до сихъ поръ, несмотря на всѣ теоріи Вольфа и его послѣдователей, единоличность Гомера представляется, если и гипотезою, то

во всякомъ случаѣ, гипотезою болѣе вѣроятною, чѣмъ всѣ догадки о томъ, что Гомеръ собирательное имя ряда неизвѣстныхъ пѣвцовъ.

Издатели снабдили «Груды» тремя великолѣпно исполненными портретами **Θ. Θ. Соколова.**

А. М. Л.

П. Н. Ардашевъ. Дополненіе къ лекціямъ по всемірной исторіи проф. Петрова. Т. V. Спб. 1910. Цѣна 3 р.

Курсъ всеобщей исторіи покойнаго профессора Петрова вполне основательно считается превосходнымъ пособіемъ для студентовъ и преподавателей среднихъ школъ, а также для самообразованія. Онъ соединяетъ научность съ общедоступностью, сжатость съ ясностью, но обрывается на послѣднемъ десятилѣтіи XVIII в. Дополненіе къ нему, доведенное до 1907 года, издано кievскимъ профессоромъ П. Н. Ардашевымъ, извѣстнымъ прекрасными работами по исторіи Франціи. Это пособіе, имѣющее характеръ университетскихъ лекцій, которое не задается возможно равномѣрнымъ въ хронологическомъ и географическомъ смыслѣ изложеніемъ исторіи, а имѣетъ въ виду необходимое для осмысленнаго пониманія цѣлаго возможно всестороннее и выпуклое изображеніе наиболѣе важныхъ эпохъ и наиболѣе важныхъ моментовъ. Излагая событія нашихъ дней, историкъ рискуетъ впасть въ односторонность и освѣтитъ факты съ точки зрѣнія той или иной политической партіи, къ которой онъ самъ тяготеетъ. Этого не случилось съ профессоромъ Ардашевымъ, и онъ сумѣлъ сохранить безпристрастіе до конца. Очень справедливо оцѣнилъ онъ современную пропаганду революціоннаго социализма. Если ростъ капитализма, говоритъ авторъ, пролетаризируя все болѣе и болѣе широкіе слои населенія, придавалъ необычайную серьезность классовымъ противоположностямъ, обнаженнымъ революціею отъ прикрывавшихъ ихъ сословныхъ и корпоративныхъ неравенствъ стараго порядка, то развитіе городской жизни съ ея наглядными, бросающимися въ глаза контрастами между богатствомъ и бѣдностью, между сытымъ и обезпеченнымъ довольствомъ празднаго рентьера и не работающаго (съ точки зрѣнія рабочаго) буржуа—съ одной стороны, и полуголоднымъ и необезпеченнымъ существованіемъ трудящагося пролетарія съ другой, создавало какъ нельзя болѣе благопріятную обстановку для обостренія недовольства обездоленныхъ массъ своимъ положеніемъ и развитія въ нихъ соціальной зависти и классовой ненависти къ буржуазіи. Все это взятое вмѣстѣ создавало какъ нельзя болѣе благопріятную атмосферу для развитія рабочаго движенія и для его направленія въ русло революціоннаго социализма, который своими якобы научными построеніями возводилъ классовую борьбу въ основной законъ исторіи, давалъ теоретическое оправданіе соціальной зависти, а классовую ненависть поднималъ на пьедесталъ, какъ классовое самосознаніе, возводимое идеологами социализма въ идеалъ пролетарской интеллигентности или сознательности, въ то же время своими утопическими роскошными перспективами, сулящими обездоленному, полуголодному пролетарію обѣтованную землю, гдѣ не будетъ болѣе ни безработицы, ни капиталистической эксплуатаціи, но будетъ для всѣхъ одинаково обезпеченное положеніе и матеріальное довольство, при вдвое-втрое меньшей затратѣ труда, социализмъ оказы-

валъ не менѣе чарующее дѣйствіе на воображеніе рабочихъ массъ, чѣмъ въ свое время оказывалъ Магометовъ рай въ устахъ проповѣдниковъ мусульманства на воображеніе аравійскихъ кочевниковъ. Революціонный социализмъ завоевалъ значительную часть рабочихъ массъ не столько своей якобы научной частью, сколько именно развертываемыми имъ утопическими перспективами того земного рая, который долженъ водвориться съ торжествомъ социализма. Наличие этого утопическаго элемента, этотъ своего рода социальный мессіаниззмъ дѣлаетъ изъ социализма доктрину, чрезвычайно похожую на религіозное ученіе, а изъ социалистскаго движенія—движеніе психологически и исторически родственное движеніямъ религіознымъ. Революціонный социализмъ даже не скрываетъ своего стремленія занять въ душѣ пролетарія то мѣсто, которое занимала религія. Социализмъ стремится стать религіею «сознательнаго пролетаріата», отсюда его непримиримая враждебность ко всякой религіи и прежде всего къ той, на которую ему приходится наталкиваться въ душѣ европейскаго рабочаго,— къ христіанству.

Въ книгѣ профессора Ардашева можно указать нѣкоторые пропуски въ библиографіи и мелкіе промахи. Разсматривая, напримѣръ, причины, приведшія къ Крымской войнѣ, авторъ говоритъ, что, благодаря покровительству Франціи, католики пользовались привилегированнымъ положеніемъ въ святыхъ мѣстахъ Палестины, и въ частности въ дѣлѣ обладанія Гробомъ Господнимъ, но такимъ положеніемъ, естественно, не были довольны греки и другіе православные, которые также изъявляли притязаніе на обладаніе іерусалимскими святынями. Въ дѣйствительности, храмъ Гроба Господня принадлежалъ грекамъ, возстановившимъ его послѣ пожара 1808 года, а споръ, приведшій къ Крымской войнѣ, возникъ изъ-за обладанія ключами Виолеемскаго храма. Въ общемъ, однако, курсъ профессора Ардашева стоитъ на должной научной высотѣ и написанъ вполне популярно.

П. В.

**Н. М. Лаговъ. Что такое Франція. Очерки современности. Спб. 1910.
Стр. 162. Цѣна 1 р. 25 к.**

Въ глазахъ русскихъ образованныхъ людей съ давнихъ поръ, несмотря на 12-й годъ и Севастополь, «Прекрасная Франція» и французы всегда пользовались особою симпатіей, получившей наконецъ реальное выраженіе въ видѣ франко-русскаго союза. Но въ послѣднее время мнѣніе объ этой странѣ подъ вліяніемъ серьезныхъ изслѣдованій и статистическихъ выводовъ, констатировавшихъ моральное и социальное ея банкротство, значительно измѣнилось. Уменьшеніе народонаселенія, упадокъ промышленности и торговли, неслыханная рутина и формалистика, язва парламентаризма, разрушеніе церкви и порабощеніе школы, безсовѣстная и продажная печать,—вотъ факты нынѣ общеизвѣстные и бросающіеся въ глаза. Небольшая книжка г. Лагова именно съ этой точки зрѣнія уясняетъ, «что такое современная Франція», притомъ не въ формѣ ученаго трактата, а въ видѣ популярныхъ бесѣдъ, веденныхъ живущимъ много лѣтъ во Франціи русскимъ образованнымъ наблюдателемъ, съ достаточнымъ безпристрастіемъ относящимся къ дѣлу.

Приводя массу фактовъ, характеризующихъ современную французскую жизнь, авторъ приходитъ къ слѣдующему мрачному заключенію: «Подлинная современная Франція,—говоритъ онъ,—это страна безъ будущаго, страна систематически вымирающая, отравляющаяся и отравляемая, страна лишенная свободы (не надо удивляться, это именно такъ), страна развращаемая утопіями несбыточныхъ теорій и уже развращенная. Ея церковь, школа, семья, военныя силы, политическій строй, литература, все заражено какою-то невѣдомой болѣзью, подѣдающей въ корнѣ ея живыя силы». Картина эта, безъ сомнѣнія, должна быть смягчена, ибо народъ живой, богато одаренный, энергичный, въ свое время изъ конца въ конць прошедшій всю Европу, неся съ собою освободительныя идеи, не можетъ въ сравнительно короткій историческій срокъ столь радикально измѣниться. Да и самъ авторъ замѣчаетъ, что Франція, на протяжении всей своей исторіи, проявляла изумительную жизненную энергію. «Эпоха упадка и разложенія приводила ее почти къ смерти, но въ самый критическій моментъ она вдругъ начинала бороться за жизнь и вела эту борьбу съ такимъ ожесточеніемъ, что выходила не только побѣдительницей, но и преображенной, обновленной и усиленной. И кто знаетъ, что и настоящий періодъ разслабленія ея не закончится кризисомъ, который очиститъ ея атмосферу и вольетъ свѣжую кровь въ ея жилы».

Къ тому же Франція, разлагающаяся въ своихъ верхнихъ слояхъ, имѣетъ еще здоровый фондъ въ своемъ земледѣльцѣ, воздержанномъ, работоспособномъ и экономномъ. Послѣднее качество, экономія, составляетъ, впрочемъ, общее достояніе всѣхъ классовъ французскаго народа: каждый французъ и французенка имѣютъ неодолимое стремленіе къ накопленію, къ откладыванію на черный день, и сдѣлаться рантьеремъ—это мечта и идеаль каждаго француза. Четыре миллиарда, лежащіе во французской сберегательной кассѣ, собранны не отъ избытка, а цѣною тяжелыхъ лишеній и систематическаго ограниченія своихъ потребностей, служатъ блестящимъ тому доказательствомъ. Во всякомъ случаѣ, ни въ одной странѣ нѣтъ такого обилія свободныхъ капиталовъ, какъ во Франціи, и ея главный ресурсъ богатства заключается въ процентахъ, которые она получаетъ со своего міра за одолжаемые ею капиталы. Одна Россія, по свидѣтельству автора, должна ей около 13 миллиардовъ.

Книжка читается съ интересомъ. Авторъ имѣетъ въ виду продолжать свои замѣтки о современной французской жизни. Л. Н.

А. Петрункевичъ. Кола ди Ріенцо. Эпизодъ изъ исторіи Рима XIV вѣка. Спб. 1909. Стр. 419—175. Цѣна 2 р. 75 к.

Блестящая исторія античнаго Рима совершенно застилаетъ даже въ глазахъ начитаннаго человѣка дальнѣйшую судьбу «Вѣчнаго города» въ средніе вѣка. Со времени окончательнаго разрушенія Римской имперіи вплоть до эпохи возрожденія Римъ влачитъ тусклое и безцвѣтное существованіе, въ которомъ не на чемъ остановиться глазу историка. Интересъ къ нему начинается усиливаться лишь по мѣрѣ того, какъ приближается возрожденіе. Но прежде, чѣмъ насту-

нила эта эпоха перелома исторіи, на тусклѣмъ небѣ средневѣковаго Рима пронесся ослѣпительный метеоръ, до сихъ поръ неотразимо притягивающій къ себѣ взоры изслѣдователей и романистовъ. «Странная фигура Кола ди-Риенцо, пишеть извѣстный знатокъ средневѣковой римской исторіи Грегоровіусъ, открываетъ такія широкія перспективы въ прошедшее и будущее, носитъ на себѣ такія серьезныя черты трагической необходимости, что дасть умозрѣнію философа больше матеріала для размышленій, чѣмъ длинныя и шумныя царствованія сотенъ монарховъ».

Въ самомъ дѣлѣ судьба и личность Кола ди-Риенцо не могутъ не поражать читателя. Сынъ бѣднаго трактирщика, родившійся въ самомъ нищенскомъ кварталѣ Рима, пламенно влюбленный въ великое прошлое своего родного города, страстный археологъ, всюду отыскивающій древній величавый Римъ, затѣмъ римскій нотаріусъ, т. е. нѣчто въ родѣ теперешняго государственнаго секретаря Римской области, Кола ди-Риенцо становится народнымъ трибуномъ въ древнемъ смыслѣ этого слова, въ августѣ 1347 г. торжественно вѣнчается трибунскимъ вѣнкомъ въ Капитоліи и, за отсутствіемъ дѣйствительныхъ владѣтелей Рима, переселившихся въ Авиньонъ, становится полнымъ хозяиномъ «Вѣчнаго города». Оставляя въ неприкосновенности жалкіе средневѣковые обломки былой демократіи, въ родѣ народнаго собранія (Parlamento), онъ старается влить въ нихъ прежній античный духъ, смиряетъ бароновъ, творитъ лично судъ и расправу, развѣзжая по городу на бѣломъ конѣ въ преднесеніи римскаго знамени, подготавливаетъ общетальянскую конституцію, приглашая города прислать въ Римъ своихъ представителей, и развертываетъ программу, сильно напоминающую знаменитую формулу «Italia fara da se», осуществленную всего нѣсколько десятилѣтій тому назадъ.

Опередившія свое время воззрѣнія Колы ди-Риенцо должны были неминуемо привести его въ столкновеніе съ тогдашними владыками Европы и прежде всего съ хозяиномъ Рима и его области—папою. Исходъ этого столкновенія можно заранѣе предвидѣть. Запоздавшій римскій трибунъ схваченъ, брошенъ въ тюрьму въ Авиньонѣ и приговоренъ судомъ кардиналовъ къ смертной казни. Но вдругъ въ этомъ пламенномъ ораторѣ открылся поэтический даръ, и Авиньонъ, бредившій поэзіей, освобождаетъ его отъ висѣлицы. Кола снова входитъ въ силу при папскомъ дворѣ и кончаетъ свое жизненное поприще римскимъ сенаторомъ.

Такова общая канва, на которой средневѣковая жизнь, уже тронутая зарею возрожденія, расшила множество любопытнѣйшихъ узоровъ. Эти узоры, эти перипетіи въ судьбѣ послѣдняго въ Римѣ трибуна подробно и съ любовью прослѣжены въ книгѣ г-жи Петрункевичъ. Въ вступительныхъ главахъ своего труда авторъ даетъ обзоръніе политическаго и культурнаго положенія государствъ, принимавшихъ ближайшее участіе въ судьбахъ итальянскихъ дукатовъ и республикъ, т. е. Германіи и Франціи. Затѣмъ г-жа Петрункевичъ постепенно вводитъ читателя въ средневѣковый папскій Римъ, знакомя съ его политическимъ устройствомъ и экономическимъ бытомъ. Фонъ картины получается довольно тусклый и тѣмъ ярче вырисовывается на немъ біографія Колы ди-Риенцо.

Несмотря на обширную литературу о Колъ ди-Риенцо, трудъ русской изслѣдовательницы смѣло можетъ выдержать конкуренцію съ лучшими работами на ту же тему и займетъ не послѣднее мѣсто среди книгъ по всеобщей исторіи. Въ немъ много эрудиціи и вдумчивости, вездѣ видно знакомство съ важнѣйшими первоисточниками и желаніе какъ можно полнѣе и яснѣе изобразить не только эту фатальную трагическую личность, но и духъ его времени.

А. В.

Н. И. Романовъ. Исторія итальянскаго искусства. Первая половина XV вѣка. Курсъ лекцій, читанныхъ въ московскомъ археологическомъ институтѣ.

Казалось бы, курсъ лекцій, да еще читаемыхъ въ археологическомъ институтѣ, долженъ быть скучноватъ для большой публики. Но, на самомъ дѣлѣ, лекціи г. Романова касаются такого живого предмета, какъ итальянское искусство, и написана такъ удобопонятно, что книга его съ удовольствіемъ прочтется всякимъ любознательнымъ читателемъ. Къ тому же Италія посѣщается многими русскими туристами, которымъ необходима хотя бы маленькая подготовка для того, чтобы смотрѣть на замѣчательныя произведенія прежняго итальянскаго искусства не совсѣмъ глазами неуча. И тутъ поможетъ разбираемая книга.

Пятнадцатый вѣкъ—замѣчательный вѣкъ въ искусствѣ Италіи. Религіозныя цѣли уступаютъ мѣсто задачѣ чисто эстетической—отразить жизнь во всемъ ея разнообразіи. Религія есть только внѣшній предлогъ. Сами представители церкви вовлечены въ новое движеніе; папы и кардиналы охотно обращаютъ церкви въ ярмарки тщеславія, прославляя при помощи искусства въ грандіозныхъ памятникахъ самихъ себя и поощряя въ этомъ свѣтскихъ лицъ. Къ концу XV вѣка церковь превращается въ пантеонъ земной славы и художественную галерею. Отсюда необходимость разсматривать итальянскіе храмы того времени, какъ памятники искусства.

Авторъ съ большимъ знаніемъ дѣла излагаетъ подробныя данныя о художественной дѣятельности такихъ крупныхъ лицъ, какъ Брунеллески, Гиберти, Донателло, Якото делла Кверча, Лука делла Робія, Мазаччо. Искусство сосредоточилось въ то время во Флоренціи, которая обратилась въ своего рода Аѳины. Художественному возвышенію Флоренціи способствовало прекращеніе долгихъ внѣшнихъ войнъ, которыя вела она въ XIII и XIV вѣкахъ съ Пизой и Сіеной; кромѣ того, возвышается рядъ фамилій банкировъ и крупныхъ коммерсантовъ, въ родѣ, напримѣръ, Питти, этихъ тогдашнихъ Ротшильдовъ; представители этихъ фамилій соперничаютъ другъ съ другомъ въ построеніи церквей, капеллъ, памятниковъ и пр.

Книга г. Романова издана хорошо и доступно.

М. Соколовскій.

Insel-Almanach auf das Jahr 1909. Leipzig. 1909. Pr. 50 Pf.

Лейпцигское Insel-Verlag, возникшее лѣтъ шесть тому назадъ, сразу завоевало себѣ почетное мѣсто въ ряду лучшихъ нѣмецкихъ книгоиздательскихъ фирмъ, благодаря проявляемымъ его руководителями литературной чуткости и художественному вкусу. Особенной популярностью пользуются въ Германіи и Австріи его ежегодные календари-альманахи, которые вообще въ большомъ ходу у нѣмцевъ. Отъ этого рода изданій Insel-альманахи отличаются тѣмъ, что въ нихъ историко-библиографическій матеріалъ преобладаетъ надъ чисто литературнымъ отдѣломъ, а потому и болѣе соотвѣтствуютъ своему назначенію. Въ лежащемъ передъ нами выпускѣ, кстати, необычайно изящномъ съ внѣшней стороны, имѣется нѣсколько страничекъ, очень близко соприкасающихся съ русской исторіей. Мы имѣемъ въ виду перепечатку почти полностью старинной и рѣдкой нѣмецкой брошюры, посвященной подробнѣйшему описанію грандіозныхъ празднествъ, устроенныхъ великимъ герцогомъ веймарскимъ въ сентябрь 1808 года въ честь съѣхавшихся на свиданіе въ Эрфуртъ Наполеона и императора Александра I.

Нѣкій Карль-Фридрихъ Бертухъ, имѣвшій въ Веймарѣ книжную лавку, былъ совершенно пораженъ зрѣлицемъ этихъ празднествъ и не замедлил воспользоваться своими наблюденіями, издавъ въ началѣ 1809 года великолѣпно иллюстрированную книгу подъ необыкновенно пространнымъ заглавіемъ: «Beschreibung der Feierlichkeiten, welche bei Anwesenheit von Ihre Majestäten der Kaiser Alexander und Napoleon und mehrerer gekrönten Häupter in Weimar und Iena am 6-ten und 7-ten Oktober 1808 von Sr. Durchlaucht dem Herzoge Carl August von Sachsen-Weimar veranstaltet worden. Nebst einem Ueberblicke ihre merkwürdigen Zusammenkunft in Erfurt». Здѣсь практичный нѣмецъ, смекнувшій, что можно извлечь себѣ кой-какую пользу и изъ труднаго положенія побѣжденнаго фатерланда, даетъ безхитростную, но выпуклую картину всего происходившаго въ тѣ знаменательные дни, не упуская и такихъ мелочей, какъ длина и ширина специально воздвигнутаго театра, количество убитыхъ на охотѣ оленей, лисицъ и зайцевъ и цвѣта разостланныхъ повсюду ковровъ. Несмотря на принятую на себя авторомъ роль простаго фотографа, въ описаніи его нѣтъ-нѣтъ да проскальзываютъ весьма характерныя строчки, которые въ особенности интересны для русскаго читателя. Такъ, напримѣръ, Бертухъ утверждаетъ, что въ то время, какъ императоръ Александръ и великій князь Константинъ Павловичъ увлекались на балу танцами, Наполеонъ совершенно въ нихъ не принималъ участія, а бесѣдовалъ съ Виландомъ и Гёте, которымъ оказывалъ всяческое вниманіе.

Еще болѣе любопытенъ слѣдующій фактъ. Производя на полѣ Іенеской битвы смотръ своимъ гренадерамъ, Наполеонъ такъ увлекся молодцоватымъ видомъ и бурными привѣтствіями вѣрныхъ ему войскъ, что совершенно забылъ о сопровождающихъ его русскомъ императорѣ и другихъ коронованныхъ лицахъ и пустилъ лошадь въ карьеръ, оставляя далеко за собою своихъ союзниковъ и вассаловъ. Когда Наполеонъ остановился, никто не замѣтилъ, чтобы

онъ чувствовалъ себя смущеннымъ. Не выдавали своего смущенія и вѣнецные гости.

Въ альманахѣ перевоспроизведены также три великолѣпныхъ гравюры: охота, лагерь наполеоновскихъ войскъ на полѣ Іенской битвы и портреты участвовавшихъ въ торжествѣ владѣтельныхъ особъ.

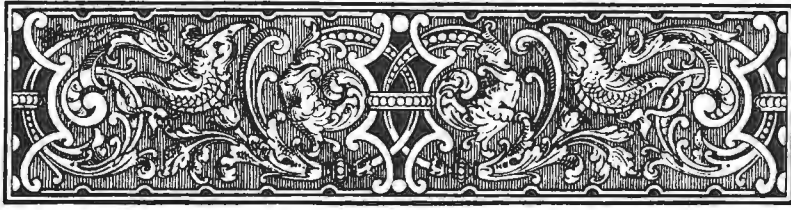
И. Г—чь.

Arnold Feuereisen. Livländische Geschichtslitteratur. 1906. Рига. 1909.

Неутомимый библиографъ А. Фейерейзенъ продолжаетъ выпускать свои ежегодные указатели литературы о Прибалтійскомъ краѣ. Какъ и прежде, собранный матеріалъ дѣлится на 15 отдѣловъ (курсивомъ отмѣчены нѣкоторыя нововведенія въ номенклатурѣ): 1) библиографія, историческія общества, архивы; 2) первобытная исторія, археологія, древности; 3) изданія источниковъ и документовъ, рукописи; 4) исторія; 5) церковная исторія; 6) исторія культуры; 7) языковѣдѣніе, исторія литературы; 8) исторія университетовъ и учебныхъ заведеній; 9) исторія искусства, *охраненіе памятниковъ*; 10) исторія права, политическая экономія, *статистика*; 11) географія и топографія; 12) антропологія, этнографія, фольклоръ; 13) біографіи, генеалогія, некрологи; 14) нумизматика, геральдика, сфрагистика; 15) рецензіи и рефераты (о трудахъ, вышедшихъ до 1906 г. и уже вошедшихъ въ предыдущіе указатели). Названія статей и книгъ на чужихъ (т. е. не нѣмецкихъ) языкахъ снабжены переводомъ на нѣмецкій языкъ. Всего приведено 557 №№, причемъ попутно указаны рецензіи, замѣтки и пр. Книжка кончается указателями авторовъ, анонимныхъ сочиненій и русскихъ трудовъ. Особый интересъ для нашего времени представляютъ отдѣлы 4 (исторія) и 9 (охраненіе памятниковъ): въ первомъ значительное мѣсто (83 №№) отведено революціонному движенію послѣднихъ лѣтъ въ Прибалтійскомъ краѣ, во второмъ говорится о замкахъ и памятникахъ искусства, пострадавшихъ или погибшихъ во время этого движенія.

А. Мальмгронъ.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

ЛУБЪ «Синихъ чулокъ» въ Лондонѣ XVIII вѣка.—Въ «Athensum» приведенъ отчетъ о появившейся въ Лондонѣ книгѣ госпожи Этель Роль Уэлеръ, гдѣ она описываетъ клубъ «Синихъ чулокъ» въ Лондонѣ XVIII вѣка. Во второй половинѣ XVIII вѣка, когда англійская литература достигла процвѣтанія и стала пользоваться въ Европѣ вліяніемъ, въ Лондонѣ завелись литературные салоны. Ихъ хозяйки были писательницы, романистки и поэтессы, не лишеныя свѣтскихъ манеръ и тѣсно связанныя между собой дружбой, а нѣкоторыя изъ нихъ даже оставили потомству извѣстное имя. Между ними находился драматургъ, поэтесса и романистка Гѣнахъ Муръ, самое извѣстное произведеніе которой было озаглавлено «Синій чулокъ», Эстеръ Линчъ Салюсбюри, Пюнци, Франциска Берней, дочь композитора, и Элизабета Робинсонъ, жена члена парламента Эдуарда Монтэю. Остроумная и хорошенькая, она всегда была окружена поклонниками и своего рода ореоломъ за полемику съ Вольтеромъ. Послѣдній непочтительно отнесся къ Шекспиру, хотя высоко ставилъ его геній и первый познакомилъ съ нимъ не только Францію, но и весь свѣтъ. Мистриссъ Монтэю въ защиту своего знаменитаго соотечественника напечатала статью. Французскій критикъ отвѣтилъ ей другими атаками, слишкомъ прозрачными, на которыя англичанка отвѣтила «Апологіей Шекспира». Такимъ образомъ, ея умъ, репутація, положеніе въ свѣтскомъ обществѣ заслужили ей титулъ президента клуба «Синихъ чулокъ». Разумѣется, эти салоны не обходились безъ мужского элемента. Между писателями, часто посящавшими ихъ, находился Горасъ Вальполь, поэтъ Джонсонъ, композиторъ

Чарльсъ Бюрней, епископъ Перси, актеръ Гаррикъ, литераторъ и государственный челоуѣкъ Литтлтонъ.

Это былъ вѣкъ искренней дружбы, вѣкъ «синихъ чулокъ», какъ назвала его авторша. Искренность была характерной, привлекательной чертой XVIII вѣка, и это относилось не только къ мужчинамъ, но и къ женщинамъ. Искренняя дружба въ то время завязывалась между совершенно съ виду неподходящими существами, какъ, напримѣръ, между граціозной, живой и нѣсколько аффекированной мистриссъ Монтэгю и чувствительной, но, въ сущности, недалекой по уму Элизабетой Картеръ. Не менѣе продолжительная крѣпкая симпатія связывала Гэнахъ Муръ и идеалистку, всегда волнующуюся, ирландку мистриссъ Везей, прозванную «сильфомъ».

Впрочемъ, Элизабета Картеръ, которая, по увѣренію Джонсона, могла одинаково талантливо приготовить пуддингъ и перевести автора классической древности, выражала свою привязанность къ мистриссъ Везей нѣсколько лукаво. «Хотя я васъ всегда уважала за вашу дѣтскую простоту,—писала она,—но я васъ отъ души отхлестала бы за неосторожность, присущую этому возрасту, изъ-за которой вы захворали, накушавшись неспѣлыхъ плодовъ». Это добродушное ворчаніе, часто повторявшееся, по словамъ Этель Роль Уэлеръ, ничто иное какъ обыкновенное обращеніе англичанокъ съ ирландками. Тѣмъ не менѣе, эта безразсудная мистриссъ Везей соперничала съ мистриссъ Монтэгю и Эстеръ Линчъ Саллюбюри, вполсѣдствіи мистриссъ Срэль, которую въ старости любилъ Горасъ Вальполь, осыпавшій ее вниманіемъ.

Названіе клуба «Синихъ чулокъ», было дано еженедѣльному собранію у мистриссъ Монтэгю по причинѣ цвѣта чулокъ одной изъ постоянныхъ посѣтителницъ этихъ собраній, мистриссъ Столлинфлитъ. Отсюда выраженіе *bas bleu* перебралось во Францію и затѣмъ превратилось въ презрительное выраженіе, означающее педантизмъ. Это приравненіе педантизма къ *bas bleu* появилось впервые въ дневникѣ мистриссъ Срэль въ 1781 году, хотя не въ видѣ упрека. Семь лѣтъ спустя Фанни Бюрней, которая въ 1780 году «хвасталась» *bas bleu*-ствомъ, теперь объявляла, что всегда была готова защищаться противъ этого педантичнаго названія. Ссора Джонсона съ мистриссъ Монтэгю и ея клубомъ, вызванная нѣсколькими замѣчаніями, которыя онъ позволилъ себѣ относительно ея друга, лорда Литтлтона, повидимому, было началомъ конца. Кто читаетъ, кто будетъ когда-нибудь читать мистриссъ Монтэгю?—спрашиваетъ ея біографъ послѣ хвалебнаго отзыва о «Защитѣ Шекспира», «Диалоговъ мертвецовъ» и «Переписки» этой «драгоценной англичанки». Ея умъ, культура—неоспоримы, но ихъ перевѣшиваетъ непростительная ошибка—многословіе. Властящая какъ алмазь, съ основательнымъ сужденіемъ, полная пикантнаго воодушевленія, какъ ее описываетъ мистриссъ Срэль, она фигурируетъ въ англійской литературѣ среди трехъ первыхъ «*Bas Bleux*».

Авторъ даетъ такія характеристики главныхъ *bas bleux*: приглашенные мистриссъ Монтэгю приходили послушать, какъ она говоритъ, приглашенные мистриссъ Везей, чтобы самимъ говорить, а гости мистриссъ Срэль, чтобы поболтать съ нею. Пріятнѣе всѣхъ были собранія у мистриссъ Везей, блестяще у мистриссъ Срэль, литературнѣе у мистриссъ Монтэгю.

По мнѣнію Джонсона, послѣдняя обладала въ избыткѣ всесторонними способностями; мистриссъ Везей владѣла симпатичной натурой, пробуждавшей пріятныя чувства; мистриссъ Срэль въ извѣстной мѣрѣ надѣлена была качествами той и другой. Джонсонъ прозвалъ мистриссъ Монтэгу «королевой синихъ», но Ганна Моръ посвятилъ свою поэмѣ «Синій чулокъ» мистриссъ Везей. Мистриссъ Монтэгу гостей всегда садила въ кружокъ или полукругомъ, что согласно мнѣнію леди Стюартъ, было лучшимъ расположеніемъ для обмѣна пикантными мнѣніями и удачными отпарированіями, хотя и для любителей заслушиваться своимъ собственнымъ краснорѣчіемъ это было выгодно. Мистриссъ Везей, напротивъ, старалась разбить кругъ. Этимъ скорѣе достигалась большая свобода и непринужденность въ разговорѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и нѣкоторая склонность къ разногласію.

По словамъ Фанни Бюрней, она настаивала, чтобы каждый сидѣлъ спиной къ сосѣду, такъ, чтобы стулья группировались три-по-три въ полномъ безпорядкѣ по всей комнатѣ. Вальполь называлъ ея собранія «Babels». Среди дамъ находилась еще мистриссъ Делэни, переписывавшаяся со Свифтомъ и близкій другъ королевы и Георга III, создавшая искусство бумажной мозаики, о чемъ въ то время никто не подозрѣвалъ.

«Синіе чулки» пытались свергнуть царство картежной игры въ обществѣ и замѣнить его разговорами. Моръ говорилъ о ней мистриссъ Монтэгу: «два чудовищныя созданія, никогда не прикасающіяся къ картамъ».

Повидимому, мистриссъ Делэни не всегда находила интересными разговоры *à la Voltaire*. Она предпочитала «спокойную, здоровую росу здраваго смысла многословному умствованію и собирала у себя самые глубокіе умы, самую блестящую философію и самую высокую культуру». Однако, эти «синіе чулки» не были, какъ можно подумать, просто скучными, изсохшими педантками. Гестеръ Чапонъ отличалась даже романтическими чувствами, чему служатъ доказательствомъ ея неосторожный бракъ вслѣдствіе ея восхищенія Ричардсономъ. Впрочемъ, любовь была единственнымъ сюжетомъ, и лучшимъ ея судьей считала себя Гестеръ Чапонъ, болѣе компетентнымъ, чѣмъ ея пріятельницы Монтэгу и Кэрттеръ. Однако, первая думала, что никогда не испытаетъ страсти, она могла лучше ее описать, чѣмъ мистриссъ Коулей, любовно-поэтическія произведенія которой онѣ считали невыносимыми.

Авторша, защищая «синіе чулки», отрицаетъ у нихъ педантизмъ и отсутствіе практическаго положительнаго ума. Она объявляетъ, что ихъ умственная независимость способствовала развитію ихъ англійскихъ сестеръ. Она сдѣлала изъ нихъ пионерокъ женскихъ правъ, такъ что ихъ дѣяніе обязано было въ широкой мѣрѣ ихъ уваженію соціальныхъ условий.

— Англійская жизнь за послѣднія триста лѣтъ.— Англійская семейная жизнь всегда отличалась образцовъ совершенства. Вникать въ подробности немногимъ приходило въ голову и обыкновенно ограничивались описаніемъ внѣшнихъ обычаевъ. Поэтому бѣглый очеркъ въ «La Revue» Брада, пріведшаго происшедшія перемѣны ея строя за триста послѣднихъ лѣтъ, вноситъ нѣкоторое освѣщеніе въ этотъ вопросъ.

Въ данный періодъ въ Англіи произошла крупная эволюція. Въ XVI вѣкѣ англійская семья отличалась твердыми устоями. Исторія перваго развода Генриха VIII, показала, насколько велика была нравственная сила семьи. Образцомъ ея является въ этомъ дѣлѣ Катерина Арагонская, правда, лишенная физическаго внѣшняго величія, маленькая толстуха, но какъ жена въ нравственномъ смыслѣ—крупная величина. Она строго хранитъ супружескіе устои и твердо стоитъ на своемъ посту. Ни лесть, ни угрозы не заставили ее отречься отъ своихъ правъ. Въ то время, какъ посланники одинъ за другимъ хлопочуть въ Римъ объ уничтоженіи брака, она, какъ ни въ чемъ не бывало, продолжаетъ жить съ королемъ подъ одной крышей и всегда привѣтливо съ улыбкой обращается съ нимъ, что не мало удивляло венеціанскаго посланника. Эта невообразимая душевная мощь внушена была ей правотой ея дѣла и она писала Генриху: «Я была для васъ настоящей смиренной супругой, всегда согласующейся съ вашей волей и вашими капризами, я никогда ничего не предпринимала противъ васъ; я всегда была довольна всѣмъ, что вамъ доставляло удовольствіе или нравилось, не торгуясь, не показывая недовольнаго или скучнаго лица. Изъ любви къ вамъ, я любила всѣхъ, кого вы любили, не раздумывая, была ли причина это дѣлать или нѣтъ, были ли они мнѣ друзья или враги». Подобная безграничная преданность служила основаніемъ отчаянной стойкости супруги, отказавшейся дать себя ограбить. Она умерла побѣжденная, но не сдавшаяся на капитуляцію.

Брачныя узы не были для такого рода душъ чувственными узами, какъ это казалось съ виду. Семья и супругъ, которые были ея главою, представляли неоспоримый авторитетъ надъ потомками, даже уже достигшими зрѣлаго возраста. Браки иначе не заключались какъ при вмѣшательствѣ родителей и даже друзей. Въ то время и не думали, какъ теперь, что это оскорбительно. Выразить уваженіе и покорность родителямъ было безусловно обязанностью. Въ XVII вѣкѣ считалось похвалою женщинѣ, что она влюблена въ домъ отца и тогда казалось совершенно законнымъ, чтобы мужъ понемногу отучалъ жену отъ друзей и мѣсть, которыя знала она съ дѣтства. Молодая женщина считала обязательнымъ и естественнымъ держать при себѣ подъ одной кровлей свою мать-вдову, и мужъ соглашался съ этимъ.

Въ ту эпоху англійскія женщины высшаго класса получали разностороннее образованіе: онѣ знали иностранныя языки, музыку, поэзію. Пятнадцатилѣтняя принцесса Мэри, дочь Генриха VIII, говорила на французскомъ, испанскомъ и латинскомъ языкахъ; кромѣ того, она имѣла элементарныя познанія итальянскаго языка и греческаго и была превосходная музыкантша. Въ XVI вѣкѣ музыку обожали одинаково женщины и мужчины, она служила украшеніемъ домашняго очага. Шекспиръ любилъ ее до неистовства. Напротивъ, въ XVIII и XIX вѣкахъ ее забросили. Слова *fideer* (віолончелиста) было презрительнымъ словомъ, а если, по несчастію, какой-нибудь джентльмэнъ о мѣливался играть на какомъ-нибудь инструментѣ или пѣть, то его талантъ считался унижительнымъ.

Всѣ знаменитые люди XVII вѣка любили музыку. Образцомъ можетъ служить Мильтонъ. Музыка играла крупную роль въ соціальной жизни Англіи того времени.

Конечно, семейная дисциплина в то время играла важную роль и была очень сурова, про это знают больше вѣра, которые в елизаветинское время всегда находились в руках мужчин и служили имъ исправительнымъ орудіемъ противъ дочерей, и браки безъ согласія родителей были немислимы. Страсть къ бракамъ в то время была отмѣчена венеціанскимъ посланникомъ Барбаро. Какъ только умиралъ мужъ, вдова хотя была стара, тотчасъ выходила замужъ, забывая о своихъ дѣтяхъ. Брачный вопросъ интересовалъ не только близкихъ родныхъ, но и знакомыхъ, и прежде чѣмъ познакомить жениха и невѣсту, поднимался вопросъ объ обезпеченіи.

Въ началѣ XVIII вѣка послѣ воцаренія ганноверской династіи вопросъ измѣнился. В немъ главную роль стали играть капризъ и страсть, поэтому браки на скорую руку случались нерѣдко. Въ срединѣ XVIII вѣка двѣ ирландскія красавицы Гуннингъ производили в Лондонѣ феноменальную сенсацію. За младшей ухаживалъ герцогъ Гамильтонъ, молодой кутила, довольно взбалмошный. По соціальному положенію она стояла гораздо ниже герцога. Однако, какъ-то вечеромъ герцогъ находился наединѣ съ молодой дѣвушкой в ея комнатѣ; его охватило нетерпѣніе и онъ послалъ искать пастора, чтобы немедленно обвѣнчаться. Наконецъ привели удивленнаго пастора, который отказывался совершить бракосочетаніе за неимѣніемъ обручальныхъ колецъ и родительскаго позволенія. Герцогъ сталъ клясться, что разбудить архіепископа и несчастный пасторъ согласился обвѣнчать парочку. В полночь они пріѣхали в окрестную часовню, кольцо отъ сторы сыграло роль обручальнаго кольца и бракъ совершился. Такой типичный случай, когда мужчина слушался только своего желанія—не единственный в Англіи.

Съ восшествіемъ на престолъ Георга III тамъ воцаряется типъ насѣдокъ, достигшій полнаго расцвѣта в царствованіи Викторіи, безукоризненной матери девяти дѣтей. Это не мѣшало нравамъ высшаго англійскаго общества находиться в жалкомъ положеніи. Кромѣ того, в отношеніяхъ къ дѣтямъ родители выказывали суровость, а в школахъ къ нимъ относились просто жестоко. Филантропа Шефбюри жестоко били родители. Помѣщенный в школу, которую онъ приравнивалъ къ земному аду, онъ все-таки менѣ боялся учителей, какъ бы они ни были жестоки съ ними, чѣмъ отца и мать. Той же участи подвергались извѣстный государственный человѣкъ лордъ Россель. Англійскій криминалистъ Баллантъмъ, вспоминая объ юношескихъ годахъ въ школѣ святого Павла в Лондонѣ, упоминаетъ о трехъ преподавателяхъ-пасторахъ, соперничавшихъ между собою в жестокостяхъ, и которымъ доставляло наслажденіе видѣть страданіе дѣтей, лишенныхъ родительскихъ заботъ.

Съ восшествіемъ на престолъ Викторіи нравственный идеалъ націи возвысился и смягчился. Тѣмъ не менѣ существованіе дѣтей шло попрежнему отдѣльно отъ родителей и даже в буржуазномъ классѣ не замѣчалось того характера интимной вѣжности, какая отмѣчается между родителями и дѣтьми во Франціи.

Отличительной чертой англійской семьи, начиная съ высшаго до низшаго класса, считается авторомъ непредусмотрительность. Родители прожигаютъ весь свой доходъ, развиваютъ в дѣтяхъ страсть къ тратамъ и совер-

шенно не заботятся о будущем обеспеченіи дѣтей, чего не встрѣтишь въ самомъ бѣдномъ классѣ Франціи. Авторъ считаетъ причиной такого равнодушнаго отношенія то обстоятельство, что англійскіе законы, не покровительствуя авторитету отца въ согласіи на бракъ дѣтей, способствовали установленію такого рода положенія. Впрочемъ, платоническіе протесты противъ неравныхъ браковъ имѣютъ силу и родители, принявъ въ концѣ концовъ такого новаго члена въ свою семью, ни за что не соглашаются даже на разстояніи видѣться съ ея родителями. Это сильно отзывается на семейной жизни новобрачной и связь съ новой семьей слишкомъ легка и не вызываетъ въ ней никакого долга. Слово «отецъ» уже не въ употребленіи въ такой семьѣ, но замѣняется словомъ «governor» а мать «mater», а иногда то просто the old fellow или the old lady, т. е. старикъ и старуха. Тѣмъ болѣе странна такая несдержанность въ выраженіяхъ, что въ Англии іерархическій принципъ еще силенъ и гдѣ офицеру запрещается входить въ омнибусъ, чтобы не встрѣтиться съ подчиненными. Въ высшемъ классѣ дѣйствительная связь между родителями и дѣтьми сохранилась лишь въ отношеніи старшаго сына, наслѣдника. Послѣдній съ самаго дѣтства привыкаетъ къ чувству индивидуальности. Нравственное вліяніе матери на дочь въ отношеніяхъ ея съ мужемъ или сына съ женой у англичанъ не существуетъ. Вдовамать не играетъ никакой роли и не окружена обожаніемъ, какъ у французовъ. Дѣти и мать расходятся въ разныя стороны и незамужнія дочери безъ всякаго угрызения совѣсти покидаютъ въ одиночествѣ мать или живутъ отдѣльно. Въ Англии ни одно существованіе не подчиняется другому, а между тѣмъ подчиненіе и солидарность краеугольные камни семьи.

Англичанъ всегда удивляетъ любовь между родителями и дѣтьми во Франціи. Но если холодныя отношенія между близкими родными удивляютъ иностранцевъ, то въ среднемъ и низшемъ классахъ супружеская фамиллярность очень замѣтна. Мужъ полный господинъ жены и она ему подчиняется. Терпѣть мужа пьяницу считается добродѣтелью и женщина, которая потребовала бы независимости своего тѣла, считалась бы какой-то окаянной. Такое устройство семейной жизни лишаетъ женщину свободы заниматься семьею и отодвигаетъ дѣтей на второй планъ.

Англійская женщина не колеблясь расстаётся со своими дѣтьми въ самомъ ихъ нѣжномъ возрастѣ, отправляемыми изъ Индіи въ Англію, гдѣ имъ предстоитъ расти вдали отъ родителей. Французская женщина ни за что на то не рѣшилась бы, а предпочла бы оставить мужа и ухаживать съ дѣтьми. Въ богатомъ классѣ мальчики посѣщаютъ public schools, а дѣвочки получаютъ поверхностное домашнее образованіе. Физическія прелести и талантъ хорошо ѣздить верхомъ и отважно охотиться за лисицами болѣе способствуетъ будущей карьерѣ дѣвушки. Время прошло, когда мужчины выбирали женъ, а дѣвушки свои вѣнчальныя платья не по блестящій внѣшности, а по практичности въ носкѣ. Даже въ мелкой буржуазіи правильнымъ считается единственно бракъ по склонности, часто къ ущербу обоихъ сочетавшихся. Противъ такого злоупотребленія нѣкоторые торговые дома предписали нѣсколько лѣтъ тому назадъ, что всѣ служащіе, женящіеся, не имѣя пяти тысячъ франковъ въ годъ, будутъ расчитаны. Эту мѣру раскритиковали, но она имѣетъ полезную сто-

рону въ виду того, что въ бѣдномъ классѣ треть несчастныхъ дѣтей, родившихся въ плачевныхъ матеріальныхъ условіяхъ, умираетъ рано.

Въ данное время англійская душа переживаетъ громадную моральную перестройку и устройство брачной жизни совершенно преобразовывается. Когда-то считалось хорошимъ тономъ имѣть цѣлое стадо дѣтей, теперь количество дѣтей уменьшилось по желанію родителей, но за то ихъ любятъ болѣе. Добровольное безплодіе женщинъ, на которое жалуется Франція привилось въ Англии. Бернардъ Шоу считаетъ невыносимой тираніей и варварствомъ обычай имѣть общую спальную всегда, во что бы то ни стало и во всякое время; онъ заявляетъ, что придетъ время, когда съ трудомъ будутъ вѣрить, что женщины и мужчины переносили такое рабство. Имѣть двадцать назадъ за такую теорію общественное мнѣніе поднялось бы противъ автора; теперь же его слушаютъ безъ малѣйшаго ужаса. Только что же останется отъ семьи въ Англии, если порвутся брачные узы?—спрашиваетъ авторъ.

Такое отношеніе англійскихъ матерей къ дѣтямъ имѣетъ выгодную сторону для государства, такъ какъ оно допускаетъ эмиграцію въ колонію. Это переселеніе служить могучимъ факторомъ богатства и величія націи. Въ Англии неизвѣстны насѣдки, ревниво охраняющія подъ крылышкомъ птенцовъ. Материнство тамъ временное и особенно относится къ самымъ маленькимъ дѣтямъ, не интересуясь тѣми, у которыхъ уже есть собственные крылья.

— Американская цѣлительница.—Неразгаданный вопросъ нашего бытія и смерти, тревожащій человѣчество, принимается имъ различно. Ученые пытаются природу и приводятъ въ систематическій порядокъ ея явленія, заурядные умы полагаются на волю Бога, а умы, склонные къ мистицизму, ищутъ совѣта и помощи въ области, по ихъ мнѣнію, столь же таинственной, какъ и самъ вопросъ жизни и смерти. Какими бы путями ни стремились къ данному выясненію, но рычагъ, двигающій всѣми по этому направленію, —вѣчная жизнь; жить во что бы то ни стало и сладкія утѣшенія всѣхъ религій о другомъ мірѣ, гдѣ нѣтъ ни воздыханій, ни горя, а жизнь безконечная, мало утѣшаетъ скептиковъ и они предпочитаютъ жить на землѣ. Люди съ практичными взглядами на жизнь стараются извлечь изъ этой загадки матеріальную выгоду и исползовать, какъ можно полнѣе, человѣческое желаніе жить.

Нигдѣ сильнѣе Америки не выражается это страстное желаніе разрѣшить вопросъ жизни и заставить человѣчество переступить заколдованный кругъ и возвыситься надъ міромъ растительнымъ и животнымъ, живущимъ на землѣ временно и послѣ пережитія всѣхъ фазъ жизни умирающимъ, какъ все временное на землѣ. Не найдя еще окончательной точки опоры въ наукѣ, янки стараются найти якорь спасенія въ различныхъ фантастическихъ теоріяхъ, а такъ какъ нельзя себя представить американца безъ церкви, то поклонники этихъ эфемерныхъ теорій основываютъ свои церкви, въ которыхъ приводятся новыя вѣрованія въ жизнь безконечную на землѣ.

Изъ всѣхъ подобныхъ пророковъ едва ли не самой популярной представительницей является мистриссъ Мэри Эдди Бэкеръ, сумѣвшая завоевать себя не только ореолъ Христа, но главное—значительный капиталъ. Къ сожалѣнію, ея теорія служитъ иногда не къ продленію жизни, а часто къ ея укорачиванію.

благодаря системѣ леченія только внушеніемъ и полному отрицанію врачебной помощи. Шестъ статей, какъ бы заповѣдей этой вѣры, заключаютъ 1) сказку о томъ, какъ госпожа Эдди, упавъ на льду, сломала себѣ ногу и исцѣлилась вѣрой. 2) Библия и ея книга «Ученіе и здоровье» составляютъ единую книгу—святое писаніе. 3) Грѣхъ, болѣзнь и смерть не существуютъ въ дѣйствительности и кончатъ тѣмъ, что совершенно исчезнуть. 4) Вредный животный магнетизмъ можетъ причинить грѣхъ, болѣзнь и смерть. 5) Мистриссъ Эдди показала, что Богъ есть и мать, какъ Христось показалъ, что Богъ отецъ. 6) Идея женственности Божества выше, чѣмъ идея, мужественности. Послѣдователи госпожи Эдди развиваютъ мысль, что близость женщины и Бога дало рожденіе Мессіи, но въ нашу интеллектуальную эпоху это самое общеніе между женщиною и божественнымъ принципомъ произвело новую книгу: «Христіанскую науку». Новая религія, «Ученіе и здоровье», конечно, имѣетъ своего Мессію и какъ всякая религія—своего дьявола и, разумѣется обрядовъ, въ ней никакихъ не исполняется.

Но скажемъ нѣсколько словъ объ этой практичной женщинѣ, сумѣвшей навязать свои идеи, по словамъ однихъ, почти ста тысячамъ человѣкъ, заставить ихъ отказаться отъ чтенія романовъ, театровъ, не бывать въ клубахъ филантропическихъ или литературныхъ обществахъ, являться на первый зовъ госпожи Эдди и, если она потребуетъ, служить ей цѣлый годъ. Мистриссъ Мэри Эдди Бэкеръ не представляетъ собой величины ни въ интеллектуальномъ, ни въ моральномъ отношеніи. Это просто достойная представительница своего отечества, сумѣвшая перевести моральныя стороны нѣкоторыхъ изъ своихъ соотечественниковъ на стерлинги и фунты въ свою пользу.

Мэри Бэкеръ, будущая мистриссъ Эдди, родилась въ странѣ разныхъ сектъ и оккультныхъ наукъ—Новой Англии. Ея отецъ Маркъ Бэкеръ былъ землевладѣлецъ на берегу Меримэка въ Нью-Гампширѣ, маленькой деревушкѣ Боу. Способный, здравомыслящій, но мало развитой и съ узкимъ кругозоромъ, онъ занималъ, однако, замѣтное положеніе въ общинѣ. Отпрыскъ прежнихъ пуританъ, онъ страстно любилъ споры между пасторами и прихожанами. Какъ сторонникъ рабовладѣльцевъ, онъ ненавидѣлъ Линкольна и обрадовался, когда его убили. Въ семьѣ Бэкеръ былъ деспотиченъ, суровъ, упрямъ и даже тираниченъ и часто поддавался припадкамъ гнѣва. Всѣ шесть человѣкъ дѣтей ходили на отца, но у Мэри особенно выдѣлялись эти черты характера отца. Съ десятилѣтняго возраста она начала вступать съ отцомъ въ такіе споры, что матери приходилось бросать хозяйство и примирять ихъ. Остальные пять человѣкъ дѣтей всегда принимали ея сторону, ссылаясь на то, что она слаба здоровьемъ. Нервная болѣзнь, которую Мэри страдала всю жизнь, проявлялась у нея разнo. По словамъ нѣкоторыхъ, это была истерія въ эпилептической формѣ. То она падала въ жестокихъ конвульсіяхъ, то у нея наступало каталептическое состояніе и продолжительный сонъ. Каждый припадокъ подымалъ на ноги весь домъ и отецъ спѣшилъ за врачомъ. Но хотя врачъ и считалъ припадки серьезными, однако окружающіе замѣчали, что особенно они были сильны по воскресеньямъ, когда отецъ по старинному обычаю держалъ всю семью въ молчаніи и уединеніи. Благодаря этой болѣзни, Мэри была избавлена отъ домашней работы и при-

учена, чтобы ей служили сестры. Въ 1836 году Бэкеръ переселился въ Санбортонъ Бриджъ, маленькій мануфактурный городокъ, гдѣ Бэкеръ могъ раздобыть болѣе денегъ, чѣмъ въ деревнѣ. Въ это время Мэри исполнилось четырнадцать лѣтъ. Она была замѣчательно красива съ правильными чертами лица, свѣтло-каштановыми густыми кудрявыми волосами. Ея руки и ноги отличались совершенствомъ формы, а большіе выразительные глаза, мѣнявшіеся безпрестанно, привлекали вниманіе всѣхъ. Впослѣдствіи ея глаза имѣли неотразимое вліяніе на лицъ, которыя имѣли съ нею дѣло. Молодая дѣвушка училась плохо, школу посѣщала неправильно и ея подруги очень удивились, когда впослѣдствіи она говорила въ своихъ мемуарахъ о дипломѣ, полученномъ ею въ санбортонской академіи и объ урокахъ латинскаго и греческаго языковъ, которые давалъ ей братъ.

Въ декабрѣ 1823 года двадцатидвухлѣтняя Мэри вышла замужъ за Гловера, друга ея брата, но чрезъ полгода овдовѣла и осталась беременною, безъ всякихъ средствъ. Ей устроили мѣсто начальницы школы, но она оказалась совершенно ни на что не способной и возвратилась въ домъ отца, время отъ времени оставаясь у своей сестры, мистриссъ Тильтонъ. Въ обоихъ домахъ она вела себя, какъ привилегированная особа, избирала себѣ лучшую комнату и заставляла всѣхъ быть къ ея услугамъ. Пользуясь такимъ предлогомъ, какъ слабое здоровье, она добилась, что вокругъ нея царствовала тишина и спокойствіе. Какъ только она начинала жаловаться на нездоровье, тотчасъ же передъ домомъ накладывали солому и всѣ ходили на цыпочкахъ. Затѣмъ ею овладѣла манія убаюкиванія; старикъ отецъ долженъ былъ брать ее на колѣни и убаюкивать, какъ грудного ребенка, а когда она засыпала, то укладывать съ тысячью предосторожностей въ постель. На долю сестры выпадала та же роль, а когда она была не свободна, то эту роль бралъ на себя старый слуга, Джонъ Вэрней. Вскорѣ такое поведеніе нашли рискованнымъ и Тильтоны заказали большую колыбель, на одномъ концѣ которой устроенъ былъ стулъ, гдѣ усаживался Джонъ Вэрней и приводилъ механизмъ въ движеніе. Но колыбель не удовлетворяла ея вкусу: въ комнату еще поставили качели и мѣстные мальчики имѣли случай честнымъ образомъ нажить деньги, качая госпожу Гловеръ.

Не всегда молодая вдова бывала больна, и этимъ періодомъ она пользовалась для развлеченій. Въ ту эпоху въ маленькихъ городахъ Англіи развлеченія допускались только серьезныя съ одобренія церкви. Общество собиралось съ работами въ пользу бѣдныхъ или на филантропическихъ митингахъ и различныхъ конференціяхъ. Ученикъ Месмера французъ Пуайененъ и другіе его ученики, которыми болѣе не интересовались въ Европѣ, переплывъ Атлантическій океанъ, распространили въ Массачусеттѣ, Нью-Гампширѣ и другихъ сѣверныхъ городахъ Америки ученіе о животномъ магнетизмѣ, возбуждавшемъ столько интереса въ началѣ девятнадцатаго вѣка. Госпожа Гловеръ, которую сильно привлекали оккультныя науки, не только посѣщала лекціи, но даже позволяла себя усыплять и играла для магнетизеровъ роль ясновидящей. Со всѣхъ сторонъ стекались къ ней за совѣтомъ, какъ отыскать пропавшія вещи, тѣла утопленниковъ и даже сокровища. Затѣмъ будущая пророчица такъ старательно увлеклась спиритизмомъ, что съ годами это увлеченіе становилось сильнѣе. Все

это отразилось на здоровьи госпожи Гловеръ, но никто изъ окружающихъ не могъ ее удержать на этомъ опасномъ пути. Она считала себя выше окружающихъ ее лицъ и пользовалась всякимъ случаемъ, чтобы выдвинуться впередъ. На религиозныхъ собраніяхъ она говорила проповѣди съ замѣчательнымъ апломбомъ. На собраніяхъ, гдѣ шли для бѣдныхъ, она говорила рѣчи, пересыпая кстати и не кстати малоупотребительными словами, которыя она вылавливала въ словаряхъ, и много лѣтъ спустя мѣстныя дамы еще смѣялись надъ ея словеснымъ винигретомъ. Съ мужчинами ей удавалось лучше обезпечить успѣхъ: мужчины мало обращали вниманія, какія выраженія слетаютъ съ ея хорошенькаго ротика, къ тому же она была для нихъ сама кротость, само терпѣніе, сама скромность, очаровывавшая старыхъ и молодыхъ.

Такое лихорадочное существованіе, разумѣется, не оставляло ей времени для воспитанія ребенка. «Мэри,—говаривалъ отецъ,—совершенно какъ старыя овцы, которыя не позволяютъ своимъ ягнѣтамъ къ нимъ приближаться». Ея сынъ воспитывался вдали отъ нея и она встрѣтилась съ нимъ лишь тридцать лѣтъ спустя. Но эта встрѣча не доставила ей пріятнаго момента.

Среди обожателей особенно одинъ добивался ея руки. Это былъ зубной врачъ Давидъ Патерсонъ. Ея отецъ тщетно предупреждалъ его, что Мэри больна, онъ все-таки женился на ней. Въ день свадьбы его ожидалъ непріятный сюрпризъ: ему пришлось на рукахъ снести жену изъ ея комнаты въ нижній этажъ и послѣ брачной церемоніи опять отнести на рукахъ въ ея комнату.

Бракъ оказался неудачнымъ: молодая жена тиранила его, какъ это дѣлала съ своей семьей. Она лежала цѣлыми днями въ постели, заставляла мужа ухаживать за нею, переносить ее на рукахъ изъ одной комнаты въ другую, качать въ знаменитой колыбели, ловить по ночамъ лягушекъ, кваканье которыхъ ее беспокоило. Наконецъ онъ отправился въ армію и попалъ въ плѣнъ, гдѣ оставался два года.

Въ его отсутствіе жена сдѣлала опытъ, который совершенно преобразовалъ ея существованіе и послужилъ основой новой секты. Услышавъ, что нѣкій Римеасъ Квимби изъ Портланда удачно излечиваетъ больныхъ, она стала просить мужа еще до его отъѣзда пригласить Квимби. Послѣдній отказался пріѣхать, а затѣмъ мужъ уѣхалъ въ армію. Послѣ его отъѣзда она поселилась у сестры и продолжала настаивать на приглашеніи Квимби, но сестра не вѣрила въ него и помѣстила у другого врача, гдѣ однако ей лучше не было, и она, скопивъ деньги сама поѣхала къ Квимби. Она такъ была слаба, что едва до него добралась. Плохо одѣтая и съ виду несчастная она вызвала въ немъ жалость къ себѣ и онъ съ трудомъ нашелъ для нея помѣщеніе на время леченія.

Личность Квимби имѣла большое вліяніе на будущую карьеру исцѣлительницы и потому скажемъ о немъ нѣсколько словъ. Сынъ бѣднаго кузнеца, онъ, какъ и Мэри, учился безъ всякой системы, лишь шесть недѣль посѣщая школу. Вскорѣ онъ поступилъ ученикомъ къ часовщику и вышелъ прекрасный часовой мастеръ. Его ремесло не помѣшало ему заниматься своимъ образованіемъ, чтеніемъ философскихъ и научныхъ книгъ. Развивъ въ себѣ природныя данныя—наблюденіе и умственный анализъ, онъ сдѣлался рѣдкимъ психологомъ и пер-

вый занялся въ своей странѣ френологіей и магнетизмомъ. Опыты француза Пуайдена такъ соблазнили его, что онъ забросилъ ремесло часовщика и переѣзжая изъ города въ городъ, занимался французскимъ магнетизмомъ. Онъ имѣлъ доказательства, что лекарство само по себѣ не имѣло никакого значенія и онъ формулировалъ принципъ: не лекарство исцѣляетъ больныхъ, а они сами; врачъ только вселяетъ въ умъ пациента убѣжденіе, что излеченіе произойдетъ. Всякій человѣкъ, по его мнѣнію, способный создать подобное убѣжденіе, добьется тѣхъ же результатовъ. Тогда онъ отдѣлился отъ своего помощника и, поселившись въ Портландѣ, велѣлъ называть себя докторомъ и сталъ примѣнять «науку здоровья и счастья», «христіанскую науку». Какъ всякая новинка «наука здоровья и счастья» привлекла къ нему пациентовъ со всѣхъ концовъ Новой Англіи. Его принципъ былъ: во что мы вѣримъ, то создаемъ; и мнѣніе, составленное нами о вещахъ, мы вкладываемъ въ эти вещи и мы ихъ у нихъ снова беремъ. Особенно привлекало къ нему публику его безкорыстіе. Количество больныхъ все увеличивалось и Квимби съ его помощникомъ Дрессаромъ не хватало времени всѣхъ принимать, поэтому ему приходилось вести съ больными переписку.

Система его состояла въ томъ, что онъ находилъ въ человѣкѣ два различныя существа: одного онъ называлъ человѣкомъ «науки»—это дитя Бога, который обладалъ истиной, добротой и мудростью. Онъ весь духъ; ему незнакомы матерія и чувства; онъ не можетъ ни хворать, ни умирать. Но этотъ духовный человѣкъ заключенъ въ другомъ, матеріальномъ, который чувствуетъ и подверженъ иллюзіямъ и ошибкамъ. Этотъ человѣкъ вмѣсто истины, добра и мудрости обладаетъ знаніями, т. е. всѣми идеями, собранными вѣками человѣческимъ умомъ. Высшій человѣкъ—человѣкъ научный, опутанъ цѣпями ложныхъ человѣческихъ вѣрованій (одна изъ самыхъ главныхъ болѣзней) и на это вѣрованіе, причиняющее столько страданій человечеству, Квимби главнымъ образомъ обратилъ вниманіе. Ребенку по нятіе о болѣзни внушается съ пеленокъ, врачи проповѣдуютъ о ней, священники и пресса поддерживаютъ.

Вотъ этотъ человѣкъ и создалъ будущую основательницу науки здоровья и счастья. Онъ часами занимался съ Мэри, которая по вечерамъ редактировала и списывала съ его рукописей. Что происходило въ умѣ этой полуграмотной женщины, сразу введенной въ совершенно новый для нея міръ, и языкъ котораго ей даже незнакомъ: въ родѣ выраженій—Богъ-Мудрость, это мудрость не личность, а принципъ. Способность-Богъ, всѣ науки—часть Бога. Истина—Богъ, нѣтъ другой истины, какъ Богъ. Матерія не умъ. Матерія ошибка, ибо субстанція истины не можетъ существовать въ предметѣ, подверженномъ измѣненіямъ, у которой нѣтъ другой дѣйствительности, кромѣ той, какую ей приписываетъ вѣрованіе. Всѣ эти выраженія совершенно слугали мысли Мэри и пасторъ Виггинъ, знавшій ее, впоследствии говорилъ, что идеи Квимби были законченныя, но она никогда ихъ не понимала и его рукописи были для нея какимъ-то волшебнымъ талисманомъ.

Квимби удавалось многихъ исцѣлять. Эта идея такъ овладѣла имъ, что онъ цѣлыхъ шесть лѣтъ посвятилъ для описанія ея подъ различными формами, а также излагалъ свою личную философію. Но онъ не хотѣлъ этого напеча-

тать, а ограничивался лишь раздачей рукописей между кліентами, желающими ее прочитатъ. На будущую г-жу Эдди Квимби произвелъ сильное впечатлѣніе и она заявила тотчасъ же, что исцѣдилась отъ боли въ спинѣ и попросила его рукопись. За время своего трехмѣсячнаго пребыванія она разспросила Квимби о системѣ его леченія. «Эта женщина дьявольски способна», говорилъ онъ и ободрялъ ее изучать его систему, состоящую въ томъ, что «знаніе замѣстило истину, невѣжество замѣнило ученіе, матерія свергнула духъ». Все это должно измѣниться. Больному надо говорить только о здоровьи и указывать, что это нормальное положеніе, изгонять гибельное суевѣріе, что это воля Божья. Болѣзнь—ошибка, созданная однимъ только человѣкомъ. Когда человѣкъ возвратитъ себя обладанію своимъ истиннымъ тожествомъ, у него явится мудрость, а съ нею здоровье и счастье.

Квимби, какъ всѣ обыкновенные смертные, несмотря на свою систему, умеръ 10 января 1866 г. въ Портландѣ; черезъ мѣсяцъ съ г-жею Патерсонъ случилось несчастье: она упала на льду и такъ ушиблась, что потеряла сознаніе, однако докторъ поправилъ ее черезъ нѣсколько дней. Это не помѣшало ей написать Дрессеру, помощнику Квимби, будто докторъ сказалъ ей, что она больше ходить не будетъ, но однако «черезъ два дня, писала она, я могла одна сойти съ постели и я хочу ходить, но, признаюсь, трушу. Всѣ окружающіе меня дѣйствуютъ на мою нервную раздражительность и противъ моей воли заставляютъ возражаться ужасному чувству боли въ спинномъ мозгу, чѣмъ я такъ долго безнадежно страдала. Не можете ли вы мнѣ помочь? Я убѣждена, что вы это можете, если захотите».

Потерявъ всякую надежду мирно прожить съ женою, Патерсонъ разошелся, съ нею. Очувившись безъ средствъ, Мэри не захватила за ученіе Квимби, которое страстно обожала: ей казалось, что матеріально оно ей не принесетъ пользы, а принялась за спиритизмъ. Нѣсколько лѣтъ она пользовалась этимъ источникомъ доходовъ у вдовъ и старыхъ дѣвъ. Сначала женщины, имѣвшія съ нею дѣло, питали къ ней симпатію, но мало-по-малу она становилась все требовательнѣе и часто, потерявъ терпѣніе, хозяйки дома изгоняли Мэри съ ея скуднымъ багажемъ. Но она неустанно проповѣдывала ученіе Квимби, такъ что молодежь сдѣлала изъ этого игру, повторяя ея фразы и жесты. Наконецъ ей удалось пріобрѣсти нѣсколько учениковъ среди фабричныхъ рабочихъ въ окрестностяхъ Линна. Ея ученіе было не замысловато: она просто заставляла списывать и заучивать на память рукописи Квимби. Она однако потребовала извѣстное вознагражденіе, когда увидѣла, что нѣкоторые изъ ея учениковъ, благодаря принципамъ Квимби, излечиваютъ больныхъ. Тѣмъ болѣе это было необходимо, что сама она не могла лечить больныхъ. Это ее огорчало, но неуспѣхъ ея заключался въ неуравновѣшенности физической, умственной и моральной, какъ женщины болѣзненной и не умѣвшей господствовать надъ своими чувствами, вѣчно жившей въ атмосферѣ ссоръ, дразгъ и жестокой ревности. Она поняла, что ей необходимъ помощникъ практикантъ и эта роль была передана молодому рабочему Ричарду Кеннеди. Въ 1870 г. они заключили союзъ: она должна была руководить имъ, а онъ дѣлилъ съ нею барыши. Они наняли квартиру въ одномъ домѣ, гдѣ находилась дѣтская школа и вмѣсто

рекламы Кеннеди прибилъ на одномъ деревѣ только лаконическое объявленіе: докторъ. Хорошая слава школы и рекомендація директрисы, заинтересовавшей любовью, молодымъ человѣкомъ сдѣлали то, что къ нимъ направилась масса больныхъ. Это придадо бодрости Мэри, и дурная дочь и мать, непріязненная супруга, наконецъ нашла предметъ страстной привязанности въ Christian Science. Даже наружно она измѣнилось: стала лучше ѣсть и приобрѣла полноту, а вмѣстѣ съ нею величественность, хорошія манеры и любезность, вернула отчасти прежнюю красоту и стала хорошо одѣваться. Вокругъ нея собралось не мало учениковъ. Система преподаванія ея моральныхъ и физическихъ наукъ была очень поверхностна; курсъ длился три недѣли, состоялъ только изъ 12 уроковъ, которые она одна давала. Уплата за ученіе въ 100 долларовъ требовалась впередъ и ученики обязывались вносить ежегодно по 10⁰/₀ съ заработанной ими суммы. Кромѣ того, они обязывались выплатить 1000 долларовъ, если будутъ пользоваться ея методомъ отдѣльно. Черезъ нѣсколько недѣль цѣна за курсъ поднялась до 300 долларовъ. Черезъ 17 лѣтъ курсъ понизился до 7 уроковъ, а цѣна осталась та же. Сущность ея ученія основывалась на рукописяхъ Квимби, но мало по малу она дабавила къ нимъ еще отрывки, заимствованные у него же. До 1874 г. его имя повторялось въ нихъ, но затѣмъ о немъ болѣе не упоминалось и она стала говорить «моя наука, мое открытіе».

Вліяніе Мэри на учениковъ было громадное: вся обстановка залы, своеобразная фигура наставницы, ея воодушевленные глаза—все это возносило ихъ далеко отъ земли, въ невѣдомыя выси. Самые преданные и восторженные изъ нихъ окружали ее обожаніемъ, и она также тиранила ихъ, какъ прежде своихъ родныхъ. Окончившіе курсъ науки получали званіе доктора, Мэри принималась устраивать ихъ и находила квартиру. Она вмѣшивалась во все, такъ что бывшіе ученики чувствовали надъ собой ея господство. Что касается до пріемовъ, полагавшихся для исцѣленія, то они были не сложны. Цѣлитель входилъ въ комнату съ улыбающейся фізіономіей и садился, не беря за руку больного и не приближаясь къ его постели. Затѣмъ цѣлитель спокойно выслушивалъ докладъ паціента, который не требовалось растягивать. Къ чему останавливаться на тщетныхъ мечтахъ воображенія, иллюзіяхъ чувствъ, этихъ созданій мертваго ума, которые христіанскимъ сайнтистамъ предстоитъ разсѣять. Лицо, только что доброе, вдругъ принимало суровое выраженіе. При этомъ полезнымъ считалось прикрывать рукою глаза, а ротъ держать закрытымъ. Это безусловное молчаніе указывало на моментъ ментальнаго леченія и борьбу противъ ложныхъ вѣрованій. Когда цѣлитель начиналъ говорить, то долженъ былъ отрицать существованіе всѣхъ опасныхъ симптомовъ опухолей, воспаленій, коликъ желудка и проч., такъ какъ ничего этого не существуетъ, пусть только больной созерцаетъ Истину, Доброту, Красоту—и будетъ исцѣленъ. Среди учениковъ попадались и непокорные, какъ любимецъ Мэри, Ричардъ Кеннеди, осмѣливавшіеся критиковать въ рукописи Мэри именно тѣ фразы, которыя она лично прибавила. Она разгнѣвалась и требовала полнаго повиновенія. Не прошло и года, какъ они разошлись. Причиной послужилъ карточный проигрышъ пророчицы своему помощнику. Она въ порывѣ

гнѣва назвала его шулеромъ. Кеннеди оскорбился и разорвалъ контрактъ, связывающій его съ нею.

Эта размолвка съ Кеннеди кончилась тѣмъ, что мистриссъ Эдди во всѣхъ неудачахъ искала злое вліяніе Кеннеди. Въ нервномъ припадкѣ она бѣгала по комнатѣ съ возгласами: «никто меня отъ него не избавитъ, никто не заставитъ его умереть»; она даже избрѣла средство противъ злого вліянія Кеннеди. Нѣкоторые изъ преданныхъ учениковъ собирались въ ея комнатѣ, затѣмъ одинъ изъ нихъ предлагалъ сосредоточить всѣ свои мысли на Кеннеди, въ то время, какъ онъ самъ произносилъ громко проклятіе: «пусть онъ лишится способности исцѣлять; пусть онъ будетъ обезчещенъ и будетъ изгнанъ изъ города».

Всѣ эти проклятія не мѣшали дѣламъ Кеннеди процвѣтать. Онъ основался въ Бостонѣ и устроилъ себѣ превосходное положеніе. Ненависть мистриссъ Эдди къ нему съ годами все возрастала и выразилась въ послѣдовательномъ изданіи ея книги «Ученіе и здорovie», гдѣ обвиняла его во всѣхъ самыхъ ужасныхъ преступленіяхъ, она видѣла въ Кеннеди воплощеніе злого духа и посвятила ему цѣлую главу подъ заглавіемъ: «Демонологія». Это очень огорчало близкихъ къ ней сторонниковъ, сохранившихъ здравый смыслъ. Они напоминали ей, что она выставляла себя женщиной, желавшей внести въ міръ евангеліе здорovie и счастья. Они спрашивали ее, что дѣлаетъ она съ ученіемъ о Богѣ вездѣ-сущемъ и какъ она объяснитъ совмѣщеніе господствующей доброты и зла, которое она повсюду видитъ. Но эти вопросы не поставили ее въ затруднительное положеніе, ея отвѣтъ былъ готовъ: «Въ христіанской наукѣ животный магнетизмъ специфическій терминъ, означающій ошибки или Смертный духъ». Подъ этимъ надо подразумѣвать все, что кажется вреднымъ: грѣхъ, болѣзнь, смерть, видимые безпорядки природы и т. д. какъ землетрясеніе, циклоны.

Кеннеди былъ замѣщенъ Споффордомъ, корректировавшимъ «Ученіе и здорovie»—галиматію, которая не скоро нашла издателя и была напечатана на средства двухъ преданныхъ учениковъ. Не найдя желающихъ пріобрѣсть эту книгу, цѣлительница обязала всѣхъ учениковъ, настоящихъ и бывшихъ, пріобрѣсти по одному экземпляру, а практикующихъ учениковъ обязала навязывать ее ихъ паціентамъ. Споффорда замѣнилъ Джильбергъ Эдди, за котораго цѣлительница вышла замужъ пятидесяти пяти лѣтъ. Насколько странная эволюція происходила въ мозгу этой женщины, видно изъ начавшейся полемики между нею и главнымъ ученикомъ Квимби, Дрессеромъ, который рѣшился съ 1882 г. лечить больныхъ по системѣ Квимби. Черезъ годъ въ одномъ бостонскомъ журналѣ онъ протестовалъ противъ захвата г-жею Мэри Бекеръ правъ на изобрѣтенія этой системы и полного отстраненія настоящаго ея создателя Квимби. Этотъ протестъ нисколько не смутилъ цѣлительницу и она преспокойно продолжала увѣрять, что настоящая создательница христіанской науки и здорovie—она, хотя у него находилось ея письмо съ просьбою излечить ее послѣ паденія на льду.

Однако эти споры отозвались на ея репутаціи въ Линнѣ и она рѣшила перебраться въ Бостонъ. Сначала она часто туда ѣздила и проповѣдывала свою систему, а затѣмъ совсѣмъ тамъ поселилась. Ея лекціи не носили релігіознаго характера: на этотъ путь ее направили вполнѣдствіи сторонники «христіанскаго

ученія». Какъ добрые американцы, они не могли обойтись безъ церкви и захотѣли имѣть свою. Нѣкоторые изъ нихъ приравнивали леченіе г-жи Мэри Эдди къ чудесамъ первыхъ церквей и проводили параллель между апостолами и ею. Такимъ образомъ образовалась новая секта христіанскихъ сайнтистовъ подъ названіемъ: «Христовой церкви». Комитетъ изъ десяти челоуѣкъ обоого пола избралъ Мэри Эдди президентомъ и сталъ хлопотать объ официальномъ признаніи ея. Переговоры велись въ строгой тайнѣ и, чтобы Кеннеди и Спиффордъ не узнали объ этомъ, нотаріальный актъ былъ заключенъ въ Чарльстоунѣ. 23 августа 1889 г. была объявлена хартія признанія новой церкви, гдѣ говорилось, что она имѣетъ цѣлью служеніе Богу въ городѣ Бостонѣ.

Вначалѣ было только двадцать семь членовъ, которые собирались, гдѣ попало. Сама г-жа Эдди неохотно являлась на службу священнодѣйствій. Для этого требовалось, чтобы трое или четверо учениковъ пріѣхали за нею, усадили въ вагонъ, проводили въ залъ и все время отгоняли отъ нея злыхъ духовъ. Въ Бостонѣ ихъ количество увеличивалось, тогда какъ въ Линнѣ уменьшалось, но, тѣмъ не менѣе, Мэри Эдди официально признала свою «Массачусетскій колледжъ метафизики», съ президентомъ, казначеемъ, комитетомъ и т. д. Это пышное названіе ничего не измѣнило, колледжъ находился попрежнему въ ея домѣ и преподаватели заключались въ лицѣ одной Мэри Эдди. Когда она окончательно переселилась въ Бостонъ, ея колледжъ перебрался съ нею туда же.

Вначалѣ ей не везло въ Бостонѣ, ея мужъ заболѣлъ и они объявили, что это дьявольское отравленіе на разстояніе мышьякомъ со стороны ея враговъ, хотя докторъ установилъ болѣзнь сердца. 3 іюня 1883 г. онъ умеръ и цѣлительница, вопреки тому, что она проповѣдывала въ своемъ курсѣ «Христіанскаго ученія», сдѣлала вскрытіе, которое подтвердило болѣзнь сердца. Это не помѣшало ей объявить, что ея мужъ умеръ отъ отравленія на разстояніи и спасти его было невозможно; когда, по ея словамъ, нѣкоторая доза месмерическаго яда будетъ проглочена несчастнымъ, ничто на свѣтѣ не можетъ остановить ея дѣйствія; духъ потерялъ свою силу сопротивленія. Покойный хотѣлъ бороться собственными средствами съ агентами разрушителями, которыхъ враги мысленно посылали ему, но онъ слишкомъ увлекался своей работой и опоздалъ, а когда схватился, то было поздно одному справиться съ нимъ.

Ея мужа замѣнилъ молодой механикъ Кальвэнъ Фрей, котораго она сдѣлала своимъ *factotum* 'омъ, и теперь еще находящійся при ней и совершенно ей подчинившійся.

Послѣ первой зимы въ Бостонѣ дѣла Мэри Эдди поправились. Ея колледжъ и церковь стали посѣщать образованные, воспитанные люди. Сама Эдди предпочитала имъ малообразованныхъ, изъ которыхъ легче извлекать пользу и избавляться отъ нихъ, когда они слишкомъ входили въ свою роль. Кромѣ того, она любила выказывать свой авторитетъ надъ ними, требовала къ себѣ и днемъ и ночью, и особенно ночью, когда у нея случались нервныя кризисы. Тогда Фрей бѣгалъ по городу, будилъ тѣхъ изъ цѣлителей, которые имѣли болѣе сильное воздѣйствіе на нервы пациентки. Каждый изъ нихъ проводилъ по двадцати минутъ у постели больной, производя ментальныя вну-

шенія. Затѣмъ его замѣняли другой. Если у нея болѣли зубы, то дѣлались всевозможныя усилія, чтобы заставить официальнаго дантиста прѣхать къ ней.

За это время Мэри Эдди умственно развилась и научилась сравнительно грамотно писать, приобрѣла знанія свѣтскихъ обычаевъ и тактъ. Въ 1883 г. она стала издавать собственный журналъ, въ которомъ помѣщались ея собственные статьи.

Съ 1883 г. — 1889 г. «христіанское ученіе» сдѣлало большой успѣхъ, благодаря практической ловкости Мэри Эдди. Каждый ученикъ, сдѣлавшійся цѣлителемъ, вступалъ въ конгрегацию и пропагандировалъ метафизическую медицину, а вмѣстѣ съ нею и новую церковь. Кромѣ того, онъ долженъ былъ купить, по крайней мѣрѣ, одинъ экземпляръ каждаго новаго изданія «Ученія и здоровья», а также другихъ сочиненій Мэри Эдди, и абонироваться на ея журналъ. Такимъ образомъ, финансы Мэри Эдди пришли въ блестящее положеніе. Классъ состоялъ изъ тридцати, тридцати-пяти до пятидесяти учениковъ, которые черезъ три недѣли курса замѣнялись другими. Желавшихъ былъ такой наплывъ, что Мэри Эдди прибавила еще первоначальный курсъ, основанный ею въ Линнѣ, нормальный курсъ, богослово-сайнтистскій, и наконецъ, метафизическій. Четыре соединенные курса оплачивались 800 долларомъ. Самое важное во всемъ была плата, такъ какъ подготовительныя работы заключались лишь въ словахъ цѣлительницы: «Лечите, лечите. Лечите больныхъ, воскрешайте мертвыхъ, омойте прокаженныхъ, изгоняйте бѣсовъ». Этотъ девизъ былъ написанъ у нея надъ коллегией и служилъ *mot d'ordre* президентши. Никто изъ нихъ не имѣлъ понятія объ анатоміи и измѣреніи температуры, выслушиваніи больного и прочее; все это считалось смѣшной, ненужной вѣщью. Зачѣмъ углубляться въ ложныя убѣжденія, говорили они, которыя надо было просто отрицать. Преждевременные роды, кровотеченіе — все это отрицалось; признавалось только существованіе ребенка. Бывали печальные случаи по своимъ послѣдствіямъ, но Мэри Эдди умывала въ нихъ руки и объявляла, что такая-то виновная не получила диплома акушерки въ «метафизическомъ колледжѣ». Но еще болѣе зла приносить фанатическія обвиненія послѣдователей этой секты. «Этотъ человѣкъ или эта женщина убила вашего отца, мужа или ребенка», — говорятъ они. У одного доктора умерло двое дѣтей, благодаря способу леченія Мэри Эдди, и родители, послѣдователи новой секты, обвинили въ этомъ пастора методистовъ, который это сдѣлалъ изъ мести, и, покинувъ церковь, сдѣлались сайнтистами.

Но не всѣ ученики были ею довольны. Помѣщеніе въ богатомъ, аристократическомъ кварталѣ за 40,000 долларомъ въ годъ въ ихъ глазахъ не соответствовало словамъ Христа о лисицѣ, имѣвшей логовище, небесной птицѣ, имѣвшей свое гнѣздо и сынѣ человеческомъ, которому негдѣ преклонить головы.

Тѣмъ не менѣе секта распространялась, цѣлители и цѣлительницы въ количествѣ 250 человѣкъ были настоящими миссіонерами, которые распространяли повсюду это ученіе и, по примѣру Эдди, открывали колледжи и церкви. Въ 1890 г. существовали тридцать-три колледжа и двадцать церквей. Девяно-

сто обществъ устраивали собранія, а въ Ононто въ 1887 г. было выстроено особое зданіе, посвященное «христіанскому ученію». Религія, говорившая лишь о здоровьѣ и жизни, представлявшая благоденствіе идеаломъ, который надо достигъ, не проповѣдующая ни грѣха, ни отреченія, ни смиренія, должна была понравиться обществу, жаждущему благополучія и роскоши, гордящемуся своимъ успѣхомъ.

Мэри Эдди въ глазахъ ея учениковъ является святою и они неограничиваются восхваленіемъ ея печатно и словесно, и 1888 г. организовали конвенцію своей національной ассоціаціи въ Чикаго. Мэри Эдди явилась туда и обратилась съ рѣчью къ болѣе чѣмъ 3,000 слушателей. Когда она кончила, ея то излеченные ею окружили трибуну и жадно ловили пожатіе ея руки, взглядъ или слово. Одна женщина, едва державшаяся на ногахъ, упала къ ея ногамъ и умоляла помочь ей. Многіе возвратились излеченные ею и благословляли ее.

Мэри Эдди приходится считаться и съ соперницами, между которыми находились одна молодая, красивая, изящная мистрисъ Вудбюри. Разница между ними была слишкомъ замѣтна. У старой цѣлительницы жизнь протекаетъ скучно, монотонно, въ страхъ животнаго магнетизма и, главное, съ единственной цѣлью нажить деньги. У Вудбюри въ домъ вмѣшивается литература, искусство и фантазія. Тамъ бывають возбужденія, экстазы, случаются и вспышки аскетизма. У г-жи Вудбюри родился ребенокъ, котораго она назвала Эмануилъ, князь мира, и которому она приписываетъ божественное зарожденіе. Ученики осыпали его подарками и хотѣли воспитать его сами, предназначая для особой миссіи. Это выводила изъ себя Мэри Эдди, которая называла ребенка сыномъ сатаны. Сначала соперницы обмѣнялись письмами, затѣмъ полемика перешла на почву печати и длилась шесть лѣтъ.

Въ 1889 г. Мэри Эдди рѣшилась отказать отъ редактированія газеты христіанскаго ученія. Вторая мѣра касалась «метафизическаго колледжа». За годъ передъ тѣмъ Мэри взяла себѣ помощникомъ меѣдума гомеопата, доктора Эбнезера Фостера, котораго такъ полюбила, что усыновила тотчасъ же послѣ посѣщенія ея сына Джорджа Гловера, отъ котораго она не знала, какъ избавиться. Но чрезъ годъ она объявила Фостеру, что закрываетъ колледжъ, такъ какъ всѣ желаютъ личнаго ея преподаванія. Впрочемъ, она не хотѣла увеличивать количество школъ и курсовъ, рассчитывая, что христіанское ученіе успѣшнѣе распространится посредствомъ дѣйствій цѣлителей, чѣмъ черезъ школы. Она объявила, что удаляется «на гору, чтобы найти тамъ присутствіе Бога» и показать, какова должна быть истинная жизнь духа. На самомъ же дѣлѣ она купила имѣніе близъ Конкордіи, гдѣ занялась устройствомъ плана, по которому бостонская церковь совершенно принадлежала бы ей со всѣхъ точекъ зрѣнія. Съ этой цѣлью посредствомъ ловкихъ продѣлокъ пріобрѣтенная казначею въ 1886 г. земля перешла въ ея собственныя руки и она ее подарила двумъ ученикамъ съ условіемъ въ теченіе пяти лѣтъ выстроить церковь не менѣе, какъ въ 50,000 долларовъ, которая предназначалась бы исключительно только для проведенія идей Мэри Эдди. Въ случаѣ прекращенія культа христіанскаго ученія церковь и земля переходятъ къ Мэри Эдди или ея наслѣдникамъ.

Такимъ образомъ, она сдѣлалась безусловнымъ господиномъ положенія, а ея церковь стала носить названіе «матери церквей» или «универсальной церкви христіанскаго ученія». 2 мая 1894 г. былъ заложенъ первый камень сѣраго гранита. Всего замѣчательнѣе, что при этой церкви находится спальная Мэри Эдди, богато украшенная рѣдкимъ деревомъ, мраморомъ, ониксомъ и бѣлой съ золотомъ мебелью. На стѣнѣ виситъ изображеніе Мэри Эдди въ мансардѣ Линна за писаніемъ книги. Эту комнату украсили ея почитатели и за нею наблюдаютъ дѣти христіанскихъ сайнтистовъ, составляющіе общество «пчелъ тружениковъ». Кромѣ того собирается отдѣльный фондъ для постояннаго украшенія комнаты цвѣтами, и день и ночь тамъ горитъ лампада передъ изображеніемъ Мэри. Члены называютъ Мэри «Pastor Emeritos». Помѣщеніе, гдѣ происходитъ служба, вмѣщаетъ 5,000 человекъ. Стѣны его украшены съ одной стороны изображеніями событій изъ евангелія и подписью—Христосъ, а съ другой, извлеченіями изъ «Ученія и здоровья», подписанными Мэри Эдди.

Сама цѣлительница не присутствовала на открытіи и проповѣдывала тамъ всего два раза. Чтобы обрадовать сайнтистовъ приближеніемъ къ ней, она въ іюнѣ 1895 г. пригласила ихъ въ свое имѣніе на ежегодное причастіе, которое состоитъ въ томъ, что всѣ присутствующіе въ полномъ молчаніи сосредоточиваютъ свои мысли на одномъ сюжетѣ. Другое причастіе у нихъ не допускается. Въ этотъ день она приняла 180 человекъ и пожала имъ руку. На слѣдующій годъ въ ту же пору въ Конкордію явилось 2,500 человекъ, такъ что не хватило экипажей и многіе съ радостью отправились въ ея имѣніе пѣшкомъ. Мэри Эдди въ пурпуровой королевской одеждѣ, въ очаровательной шляпѣ-капорѣ произнесла съ убѣжденіемъ рѣчь. На слѣдующій годъ не было приглашенія съ ея стороны, но сайнтисты все-таки поѣхали туда, чтобы взглянуть хотя глазомъ, какъ она проѣдетъ въ экипажѣ. Въ 1901 г. три тысячи сайнтистовъ пріѣхали въ Бостонъ и она показала имъ на балконѣ. Она произнесла лишь нѣсколько словъ. Въ 1904 г. сайнтисты хотѣли собраться въ недавно выстроенной церкви въ Конкордіи, но имъ не разрѣшили. Пасторъ Эмеритосъ издалъ приказъ, чтобы ея ученики не старались встрѣчать ее на дорогѣ, хотя она любила поклоненіе. Это не мѣшало ей въ уединеніи ловко управлять своей церковью и усиливать свою власть. Теперь церкви Мэри Эдди существуютъ въ Нью-Йоркѣ, Бруклинѣ, Чикаго, Торонто и Денверѣ. Пять женщинъ и мужчинъ, управляющихъ ими, добились вліянія. Мэри Эдди въ этомъ увидѣла угрозу своему авторитету и объявила въ своей газетѣ, что пасторы болѣе не будутъ проповѣдывать: они будутъ просто лекторами. На каждую церковь полагалось два лектора и по воскресеніямъ одинъ изъ нихъ читалъ книгу «Ученіе и здоровье», другой—выбранныя Мэри Эдди мѣста изъ библіи. Мэри Эдди отдала приказъ упоминать ясно ея имя и не прибавлять никакихъ коментарій. Если же лекторъ или лектриса будутъ имѣть вліяніе на конгрегацию, пасторъ Эмеритосъ сохраняетъ себѣ право лишить его должности. Подчиненіе Мэри Эдди всѣхъ лекторовъ и лектрисъ зависитъ еще оттого, что тѣ изъ нихъ, которые попробовали самостоятельно проповѣдывать, ни къ чему не пришли; должность, хотя и ограниченная, была для нихъ выгоднѣе.

25*

Что касается общей организации церкви, то она ее изменила добавочными правилами, которые окончательно утвердили ее авторитет. После нее власть имѣющимъ считаются комитеты и комисси, возобновляющіеся избирательнымъ порядкомъ, члены которыхъ получаютъ различные титулы, но такъ какъ всѣ выборы и назначенія зависятъ отъ пастора Эмеритоса, то изъ этого выходитъ маленькая комедія. Урегулировавъ положеніе директоро́въ и исполнительныхъ членовъ, Мэри Эдди занялась и профессорами преподавателями. Опытъ убѣдилъ ее, что легче, выгоднѣе и вѣрнѣе проповѣдывать, чѣмъ практиковать. Ея примѣру послѣдовали многочисленныя учрежденія христіанскаго ученія, распространившагося въ Соединенныхъ Штатахъ. Но независимое положеніе и значительный доходъ профессоровъ вызвали со стороны Мэри недовольство и она, закрывъ свою собственную колледжъ, заставила прикрыть всѣ другія колледжи, а профессорамъ разрѣшила имѣть не болѣе тридцати учениковъ.

Къ матери церкви принадлежатъ еще различные комитеты, какъ, на примѣръ, прессы съ президентомъ во главѣ, получающимъ 5,000 долларовъ жалованья. На немъ лежитъ обязанность отвѣчать на критики противъ «христіанскаго ученія» и помѣщать въ газетахъ благопріятныя свѣдѣнія. Общество публикацій обязано и издавать, и продавать книги, и завѣдывать тремя газетами, изъ которыхъ одна на нѣмецкомъ языкѣ. Мэри Эдди не позволяетъ переводить «Ученіе и здоровье», опасаясь извращенія со стороны переводчиковъ. Точно также комиссія миссіонеро́въ можетъ посылать представителей только въ страны, гдѣ господствуетъ англійскій языкъ или находятся колоніи американцевъ. Въ общемъ все сводится къ тому, чтобы имя и система Мэри Эдди прославлялись. Кромѣ рекламъ въ печати, она еще старается напомнить о себѣ посредствомъ продажи различныхъ реликвій, что даетъ значительный доходъ.

Любопытное зрѣлище представляется, когда въ годовщину основанія церкви болѣе тридцати тысячъ человекъ ожидаютъ у церкви и дефилируютъ черезъ придѣлы и коридоры, чтобы попасть въ спальную цѣлительницы. Остановившись въ вестибюль у квадратной двери, на которой золотыми буквами написано: «любовь», они ожидаютъ, когда швейцаръ прикажетъ имъ встать со сложенными руками по двѣнадцать въ три ряда и затѣмъ шепнетъ: «у васъ двѣ минуты». Размѣреннымъ шагомъ они входятъ въ комнату Мэри Эдди и читаютъ слова Христа, смѣшанныя со словами Мэри Эдди, и съ благоговѣніемъ покидаютъ мѣсто, предоставляя другимъ тремъ рядамъ.

Теперь секта значительно распространилась: въ одной бостонской церкви сорокъ тысячъ членовъ. Кромѣ того, существуетъ шесть конгрегацій въ Соединенныхъ Штатахъ и въ другихъ странахъ. Между прочимъ въ Парижѣ недавно основалась эта секта въ улицѣ Мажелонъ, 12. Теперь Мэри Эдди Бэкеръ восемьдесятъ лѣтъ и ея усердныя сторонники увѣряютъ, что она никогда не умретъ. Напротивъ, другіе увѣряютъ, что катастрофа не за горами и даже случилась, и Фрей уже нашелъ замѣстительницу. Но этотъ слухъ ни на чемъ не основанъ. Одно извѣстно, что когда Джорджъ Гловеръ навѣстилъ въ 1907 г. съ женою мать, то нашелъ ее физически изменившеюся. На просьбу помочь

ему деньгами Мэри объявила, что деньгами завѣдуетъ Фрей и ничего не можетъ дать. Какъ бы то ни было, но «христіанское ученіе» сильно распространилось въ Америкѣ и его послѣдователи безъ особаго труда наживаютъ деньги.

— Отъ восточнаго.— Въ *Vossische Zeitung* нѣкто Пичъ, говоря о *Chantecler*'ѣ Ростана, приводитъ одинъ разговоръ Гете съ Эккерманомъ, гдѣ по случайному совпаденію находится главная идея пьесы Ростана. «На востокѣ жилъ былъ человѣкъ, говорится тамъ, который ежедневно по утрамъ собиралъ своихъ слугъ и не посылалъ ихъ до тѣхъ поръ на работу, пока не приказывалъ солнцу взойти; но онъ предусмотрительно заботился отдавать такое приказаніе какъ разъ въ моментъ, когда наступалъ восходъ». Нѣмецкій критикъ призналъ, что пѣтухъ не былъ столь предусмотрителенъ. По его словамъ, Ростанъ, конечно, зналъ эту исторію и черезъ Гете ему пришла мысль написать птичью драму. Ростана спросили; зналъ ли онъ объ этомъ анекдотѣ, но онъ говоритъ, что никогда не слышалъ. Идея же написать Шантеклеръ ему явилась случайно на утренней прогулкѣ. «Самая простая идея, сказалъ онъ,—какую можетъ имѣть всякій, слушая пѣніе пѣтуха и видя восходящее солнце. Впрочемъ, исторія, которую мнѣ противопоставляютъ, какъ разъ противна моей мысли: для меня пѣтухъ—олицетвореніе энтузіазма, наивной вѣры, тогда какъ восточный человѣкъ легенды настоящій бахвалишка и дѣлаетъ то, что дроздъ подло приписываетъ Шантеклеру: *Tu sens venir l'aurore et puis tu coquetiques*».

— Въ Берлинѣ появились воспоминанія о дѣтскихъ годахъ Бисмарка, изданныя Гедвигой Бисмаркъ, его двоюродной сестрой. Теперь этой особѣ девяносто пять лѣтъ, и частое пребываніе въ замкѣ Шонхаузенѣ вмѣстѣ съ Бисмаркомъ дало ей немало матеріала для описанія его нрава, привычекъ и фантазій. Расположеніе къ своей кузинѣ съ дѣтскихъ лѣтъ перешло со временемъ въ уваженіе и Бисмаркъ любилъ говорить: «я преклоняюсь предъ кузиной». По ея словамъ, съ восьми до десяти лѣтъ юный Отто былъ эгоистъ, тиранъ и даже иногда грубіанъ. «Необузданная власть,—говоритъ она—которая въ одинъ прекрасный день должна была примѣняться ко всему міру, въ то время никого другого не имѣла для укрощенія, кромѣ меня, и я добровольно сдавалась предъ его тираніей». «Глупости, которыя тебѣ не изобрѣсть одной,—говорила ей мать,—ты перенимаешь отъ своего кузена Отто».

Когда въ замкѣ бывали гости, то дѣтей садили отдѣльно за маленькій столикъ, который въ Германіи прозвали *Katzentisch* (кошачій столикъ), и мальчикъ пользовался случаемъ, чтобы подразнивать двоюродную сестру, не имѣвшую возможности возражать при гостяхъ. Мальчикъ любилъ простую пищу, обладалъ отличнымъ аппетитомъ и никогда не давалъ себѣ труда чистить фрукты, и даже, къ удивленію кузины, ѣлъ картофель въ мундирѣ. Впослѣдствіи ему приходилось проглатывать хуже, чѣмъ шкурки съ картофеля.

Игры онъ предпочиталъ грубыя. «Смерть и жизнь» была его любимая игра. Когда Германія поднесла ему въ его семидесятилѣтній юбилей замокъ его предковъ, первыми его словами, переступая порогъ стараго жилища, были: «Здѣсь часто я игралъ съ Гедвигой въ «смерть и жизнь»; это было гораздо невиннѣе, чѣмъ впослѣдствіи, когда я боролся на другомъ театрѣ за жизнь и смерть». Отто былъ длинный, худой и некрасивый; ничто не обѣщало, что со временемъ

онъ будетъ такимъ бравымъ. Оба они проходили религіозный курсъ Шлейермахера. Мальчики выходили ранѣе прихода дѣвочекъ и Отто всегда любезно раскланивался съ двоюродной сестрой, вызывая насмѣшки подругъ Гедвиги надъ «ужаснымъ кузеномъ, смѣшнымъ и неловкимъ».

Когда родителей Бисмарка не было въ Берлинѣ, то вечера онъ охотно проводилъ въ ея семьѣ. Онъ умѣлъ развеселить общество шутками, каждый разъ новыми, легкомысленными анекдотами, фразами не всегда хорошаго тона. Иногда, желая привести въ ужасъ кузину, онъ восклицалъ по французски: «*Je veux trancher des visages*», и, вставъ передъ нею, принимался дѣлать ужасныя гримасы, какихъ никакой акробатъ не могъ бы изобрѣсти. Тайный совѣтникъ Вилькъ сказалъ о немъ: «Если Отто Бисмаркъ сумѣетъ укротить свою природную лѣнь, онъ будетъ способенъ занять самый высокій постъ».

— Батя Хорватіи Николо Томажикъ за нѣсколько дней до своего новаго назначенія издалъ книгу «*Temelji drzavnoga prava hrvatskoga kraljevstva*». Томажикъ, профессоръ народнаго права въ загребскомъ университетѣ, поэтому имѣлъ возможность хорошо изучить вопросъ, и идеи, проводимыя въ его книгѣ, кромѣ того, являются выраженіемъ мысли хорватскаго правительства. Цѣль Томажика—изучить юридическія отношенія между Хорватіей и Венгріей, поэтому его трудъ является продолженіемъ работы, начатой еще его предшественникомъ на профессорской кафедрѣ, Іозефомъ Пливерикомъ, озаглавленной: «*Beitraege zum ungarischkravatischen Bundesrechte*». Разница между ихъ трудами та, что Томажикъ не дѣлаетъ изъ своей книги полемическаго труда, а лишь выводитъ заключеніе, что, несмотря на грозные крики извѣстной категоріи венгерскихъ публицистовъ, Хорватія всегда была и не переставала быть индивидуальной относительно народныхъ правъ собственныхъ и независимыхъ.

«Наши предки, въ очень важный моментъ сдѣлали слѣдующее заявленіе,— говоритъ онъ:—*Nulla vis nos Hungaris addixit spontanea nostra ultraneaque voluntate non quidem regno, regi vero corundem nosmet subjecimus*. Это было произнесено по случаю восшествія на тронъ Хорватіи Габсбурговъ въ 1537 г.» Онъ говоритъ: «Наше право независимо. Оно наше собственное, никто его намъ не жаловалъ и никто не можетъ его у насъ отнять. Оно можетъ быть измѣнено или преобразовано, согласно обстоятельствамъ и времени, лишь только по нашему единственному желанію. Какъ въ частной жизни могутъ скрещиваться отдѣльныя воли, также въ жизни націй, живущихъ вмѣстѣ, могутъ столкнуться воли. Сильная можетъ угнетать слабую, но юридическій результатъ у нея будетъ, если противная воля на это согласится выраженіемъ или молчаніемъ. Въ этомъ случаѣ мы говоримъ: права измѣняются. Личное право поэтому не можетъ измѣниться иначе, какъ только послѣ борьбы, и такъ оно дается народу, имѣющему собственное право сохранить его черезъ борьбу въ правовыхъ рамкахъ. Борьба поэтому для него жизнь, въ борьбѣ его спасеніе».

Разумѣется иная вещь, когда дѣло идетъ о народѣ безъ собственнаго, личнаго права, потому что онъ его оставилъ или лишился вслѣдствіе побѣды. Дарованное право такого народа можетъ юридически быть передѣлано единственно по волѣ того, кто его даровалъ; чтобы такой народъ снова завоевалъ

свое собственное право, надо, чтобы онъ перешелъ границы борьбы въ правовыхъ рамкахъ, цѣль его борьбы тогда будетъ въ оппозиціи съ положительнымъ правомъ другого народа. Хорватскій народъ въ настоящее время имѣетъ собственное право. Его народное право таково, какимъ его кодифицировалъ договоръ, обязуетъ его къ этому въ силу собственного закона, закона хорватославоно-далматскаго парламента 1868 г. и можетъ быть юридически измѣненнымъ лишь съ одобренія хорватскаго парламента.

«Доказательство, что наше народное право было наше личное право даже въ эпоху, когда въ 1102 г. мы приняли и избрали нашимъ королемъ короля Венгрии Коломана, мы его находимъ въ томъ фактѣ, что хорваты заключили съ Коломаномъ то, что называется *pacta conventa*...»

Никола Томажикъ, какъ профессоръ народнаго права въ загребскомъ университетѣ, основательно изучилъ трактуемый имъ вопросъ. Онъ обратился къ самымъ старымъ источникамъ, къ договорамъ, подписаннымъ еще въ началѣ XII вѣка хорватскимъ народомъ и венгерскимъ королемъ. Эти договоры имѣютъ прежнюю силу.

Однако самъ оригиналъ договора исчезъ такъ же, какъ и оригиналъ *Bulla aurea* мадьяръ, хотя былъ въ 7 экземплярахъ и 120 лѣтъ позже, но его существованіе, подвержено сомнѣнію, такъ какъ еще три вѣка спустя ни одинъ венгерецъ не могъ жить въ Хорватіи безъ особаго разрѣшенія въ силу специальной статьи: «*In civitate quoque vestra neminem Hungarorum, vel aliena genarum habitare permittum, nisi quem voluntas vestra expetierit*».

Такимъ образомъ трудъ Томажика освѣщаетъ всю фальшь доктринъ большинства венгерскихъ писателей, поэтому мадьярская печать сильно нападаетъ на этотъ трудъ Томажика. Эта книга написана на хорватскомъ языкѣ, но такъ какъ ей предстоитъ произвести сильное впечатлѣніе на южныхъ славянъ Австро-Венгрии, то вѣроятно она будетъ переведена на болѣе распространенный языкъ.

— Среди современныхъ лирическихъ поэтовъ Италіи едва ли не первое мѣсто отводится синьорѣ Ада Негри, какъ болѣе чуткой, художественной, искренней натурѣ. Она дочь народа, вынесшая свой талантъ на свѣтъ Божій изъ темнаго подвала, гдѣ ея мать, работница на шерстяной фабрикѣ, на послѣднія крохи обучала своего ребенка. Это была ея единственная неизмѣримая гордость среди окружающихъ бѣдствій. Какихъ жертвъ стоило ея воспитаніе несчастной женщины, Ада уже тогда понимала; она также сознавала, что заболѣй завтра мать—прощай всѣ ея надежды на будущее. Поэтому дѣтство, проведенное въ заботахъ и тревогахъ о завтрашнемъ днѣ и при ужасныхъ мысляхъ среди бессонныхъ ночей о предстоящемъ голодѣ, отразилось на ея творчествѣ. «Сердце, окутанное сумракомъ», долго не могло привыкнуть улыбаться жизни, даже когда поэтесса завоевала успѣхъ.

Скромная учительница въ Мотэна Висконти вскорѣ обратила всеобщее вниманіе на свой своеобразный поэтический талантъ, напечатать свои первыя произведенія въ одномъ изъ распространенныхъ журналовъ. Это были стихи, въ которыхъ она просто, сильно излила свое горе, свои жалобы, упреки и надежды. Ободренная своими почитателями, поэтесса рѣшилась собрать всѣ вмѣстѣ и напечатать свои первыя труды. Одинъ изъ министровъ пришелъ отъ нихъ въ

восторгъ и ей предложили занять кафедру итальянской литературы въ миланской Нормальной школѣ.

Въ первыхъ двухъ томахъ ея стиховъ «Fatalita» и «Tempeste» особенно выдѣляется характеръ ея настроенія. Вся горечь пережитыхъ невзгодъ въ дѣтствѣ обратилась въ настоящій крикъ души, возмущившейся человѣческой несправедливостью, до грубости рѣзкій протестъ. Въ противоположность большинству итальянскихъ поэтовъ, какъ Кардуччи и Пасколи, синьора Ада Негри крайне бѣдна мыслями и идеями. Ея поэзія происходитъ не изъ разсужденій, а отъ инстинкта; въ ней нѣтъ ни капли философіи, а сплошной крикъ сердца. Зрѣлище нищеты, физическихъ и матеріальныхъ несчастій, даже болѣе, чѣмъ моральныхъ, казалось, съ самаго начала навсегда изсушили источникъ радости. Такъ и кажется, что пока на свѣтѣ существуетъ несчастіе и страданія, синьора Ада Негри будетъ сама страдать. Она до грубости страстно проклинаетъ эгоизмъ жестокость, безсердечіе, праздныхъ бездѣльниковъ, бесполезныхъ счастливецъ. Когда же перестаетъ ихъ проклинать, то начинаетъ прославлять обездоленныхъ и смиренныхъ и ея грубость переходитъ въ невыразимую нѣжность.

Но вотъ поэтесса вышла замужъ и ея страстная порывистость нашла себѣ новый исходъ. Съ этого времени ея стихи становятся мягче, какъ, на примѣръ, въ «Maternita» и эта перемѣна особенно замѣтна въ «Dal profondo». Прежній крикъ возмущенія и протеста утихъ и перешелъ въ тоску, а гнѣвъ превратился въ меланхолію. Порою кажется, какъ будто поэтесса сжилась съ мыслью, что жизнь и міръ иными быть не могутъ, тогда какъ прежней Адѣ Негри странно было бы принять жизнь какъ она есть. вмѣстѣ съ тѣмъ и идеи поэтессы сдѣлались разнообразнѣе. Такъ, въ первыхъ произведеніяхъ она всего болѣе говорить о горькой долѣ, какъ, на примѣръ, въ слѣдующихъ строкахъ: «Ты свободенъ и силенъ; у тебя нѣтъ ни отца, ни матери, ни брата, которые живутъ тобою и цѣплются за твою судьбу. Твое ложе подъ покровомъ ночи, твой домъ цѣлый міръ. Завтра ты можешь безъ угрызений совѣсти себя убить и извлечь у жизни мрачное отмщеніе. Ты также можешь до самозабвенія любить женщину или до самозабвенія любить идею; ты можешь жить для твоей величайшей любви, потому что ты еще можешь располагать временемъ и твоей мечтой».

Въ «Dal profondo» хотя эта нотка звучитъ, но не исключительно, а въ «Melancolia» поэтесса приводитъ другую тему, она также оплакиваетъ, но это физическая скорбь—приближеніе старости. «Меланхолія первыхъ сдѣдыхъ волосъ, робко появляющихся на вискахъ. Меланхолія первыхъ признаковъ морщинъ, довольно легкихъ, которыя придаютъ улыбокѣ тонкую грацію увядшей розы и во взглядѣ отпечатлѣваютъ, о жизнь, твою тайну. О! piccola donna, быть можешь, лучше умереть этой весной въ полной силѣ прежде чѣмъ то, чего ты боишься болѣе смерти, не сдѣлаешь тебя чуждой тебя самое. Piccola donna, быть можешь, лучше будешь захлопнуть за собою дверь молчанія теперь же, пока твое лицо озарено чудной улыбкой молодости».

Въ другомъ мѣстѣ поэтесса говоритъ: «Страдай молча. Никого не приглашай отсчитывать слезы, падающія изъ твоихъ глазъ. Какъ бы ни былъ жестокъ нанесенный тебѣ ударъ—не ксати просить у другихъ бодрости. Сожалѣніе—ужасно. Добейся сама своей собственной волей забвенія твоей печали. Чтобы

высушить предательскія слезы и обратить ихъ въ смѣхъ на устахъ, я научу тебя чудному грѣху—гордости».

Несмотря на то, что по зрѣлости мысли и формы «*Dal profondo* должно бы стоять гораздо выше *Fatalita* и *Tempeste*», переполненныхъ болѣзненными нѣжностями, плачевными жалобами, оно менѣе имѣло успѣха, чѣмъ послѣднія.

— Лѣтомъ представитель итальянскаго futurism'a — Маринетти вмѣстѣ съ главными своими сторонниками забрался на венеціанскую Башню Часовъ и оттуда разбросалъ по площади, къ ужасу голубей, 200,000 экземпляровъ слѣдующаго возванія:

«Отрекаемся отъ Венеціи, иностранцевъ, рынка, антикваріевъ и мошенническихъ старьевщиковъ, магнитнаго полюса снобизма и всесвѣтной глупости, лежа, смятаго безчисленнымъ караваномъ любовниковъ, драгоценной купальни космополитическихъ куртизановъ. Мы хотимъ излечить и заживить болячки этого гниющаго города, великолѣпныя язвы прошедшаго.

«Мы хотимъ оживить и обогородить венеціанскій народъ, лишенный своего прежняго величія, морфинизированный отвратительной подлостью и униженной своей мошеннической торговлей. Мы хотимъ подготовить рожденіе Венеціи промышленной и военной, которая могла бы не бояться напасть на Адриатическомъ морѣ на нашего вѣчнаго врага—Австрію.

«Поспѣшимъ заполнить вонючіе каналы обломками старыхъ разваливающихся и зачумленныхъ дворцовъ. Сожжемъ гондолы, эти качели идиотовъ и воздвигнемъ до неба большіе металлическіе мосты и фабрики, покрытыя дымомъ, чтобы повсюду уничтожить темныя выгибы прежней архитектуры. Приди же, наконецъ, блестящее царство божественнаго электричества, которое освободитъ Венецію отъ ея продажнаго луннаго свѣта гостиницъ.»

Въ заключеніе Маринетти просить, чтобы, забывъ предубѣжденіе противъ futurism'a, ему сказали, одобряютъ ли эту манифестацію поэтовъ и художниковъ.

— Въ берлинскомъ театральномъ журналѣ—«*Schaubuhne*», помѣщена любопытная генеалогія вагнеровскихъ героевъ изъ «Кольца Нибелунговъ» и степень ихъ родства. Въ результатъ выходитъ, что Зигфридъ, родившійся отъ брака сестры и брата, приходится сыномъ своего дяди и племянникомъ матери. Мужъ Валькириіи, происходившій отъ короля боговъ, прямой племянникъ своей жены, въ то же время ея дядя черезъ бракъ и племянникъ черезъ бракъ. Онъ—зять своего дѣда Вотана и деверь своей тетки Зиглинды, которая въ то же время его мать. Сигмундъ свекоръ его сестры Брунегильды и деверь ея сына; онъ мужъ своей сестры и въ нѣкоторомъ смыслѣ тесть ея сына.

Брунегильда невѣстка своихъ: брата и сестры Сигмунда и Зиглинды, и дочь своего прадѣда Вотана, а чрезъ Зигфриду племянница вслѣдствіе брака своей сестры и брата. Вотанъ отецъ тетки черезъ бракъ Брунегильды и, слѣдовательно, дѣдъ одной изъ своихъ дочерей, что не мѣшаетъ ему быть въ одно и то же время отцомъ и свекромъ другой своей дочери Зиглины и сына Зигизмунда. Если бы отъ брака Зигфрида и Брунегильды родился сынъ, то онъ былъ бы въ то же время внукомъ и правнукомъ Вотана и его отцомъ, или сыномъ, или двоюроднымъ братомъ. Сигмундъ былъ бы въ такомъ случаѣ дядей своего внука, Зигмунда—бабушкой своего племянника.

— Чрезвычайно лестный отзыв о русских балетных артистах находится в статьѣ Жоржа Сервьера в «Revue Bleue» и вмѣстѣ съ тѣмъ тамъ указывается, какое вліяніе имѣли французы на русскій балетъ. По его словамъ, балетъ въ Россіи занимаетъ гораздо значительное мѣсто, чѣмъ во Франціи, и русская публика его любитъ болѣе французской. Женскій персоналъ парижской оперы, изъ числа первыхъ сюжетовъ, можетъ, по его мнѣнію, потягаться съ русскими балеринами. Зато у французовъ, говоритъ онъ, нѣтъ ничего подобнаго среди мужскаго персонала, какъ русскіе танцовщики императорской сцены. Въ русскомъ балетѣ мужской персоналъ не ограничивается только мимической передачей своей роли и поддержкой своей партнерши; онъ присоединяется къ ея танцамъ въ *pas de deux* ou *de trois*, которые французскіе танцовщики никогда не исполняютъ, а ихъ замѣняютъ *travesti*. Въ былыя времена, когда еще французскимъ танцовщикамъ-солистамъ довѣряли танцевать *pas*, то они восхищали быстротой пируэтовъ, легкостью прыжковъ, но были лишены изяществъ и граціи. Напротивъ, русскіе, какъ Нѣжинскій и Мордкинъ, не только необычайно легки, проворны, но ихъ манеры граціозны и они чертятъ въ воздухѣ силуэты столь изящныя и гармоничныя, какъ самая восхитительная балерина.

«Всѣ восторгаются русскимъ хореографическимъ искусствомъ, говоритъ авторъ, но только забываютъ одну вещь, что онъ произошелъ прямо отъ французскаго искусства. Я хочу сказать, что традиціи крупныхъ танцовщиковъ XVIII вѣка, перенесенныя въ Россію хореографами, происходятъ отъ нашей королевской музыкальной академіи, сохранились въ Россіи, благодаря замѣчательному пристрастію русскихъ къ балету, а также благодаря врожденному у русскихъ танцовщиковъ инстинкту къ ритму. Поэтому не безъ причины Нѣжинскаго прозвали «русскимъ Вестрисомъ».

Въ парижской оперѣ танцовщики не всегда играли такую незначительную роль, какъ теперь. Въ XVII вѣкѣ они исполняли женскія роли въ *travesti*. Только въ 1681 году на сценѣ королевской музыкальной академіи были допущены танцовщицы. Въ слѣдующемъ вѣкѣ въ ней составилаея цѣлая плеяда крупныхъ танцовщиковъ и самыми знаменитыми были Вестрисъ отецъ и сынъ, два Гарделя, Оберваль, Новеррь. Послѣдній, когда пріѣхалъ во Францію, то составилъ себѣ репутацію, главнымъ образомъ, какъ хореографъ и создалъ дѣйствующій балетъ. Онъ предлагалъ танцовщикамъ менѣе заниматься ногами и болѣе руками, дѣлать менѣе трудныя па и играть болѣе физиономіей, чтобы дать танцамъ душу и дѣйствіе. Положеніе рукъ, по его словамъ, должно быть столь же разнообразно, какъ различны страсти, которыя танецъ можетъ выразить. Онъ совѣтовалъ танцовщикамъ изучать литературу и культивировать умъ. Онъ порицалъ ихъ за то, что они думаютъ только объ удовольствіи и о томъ, какъ бы выучить большое количества па. Хотя онъ былъ противъ слишкомъ живыхъ танцевъ и опасныхъ прыжковъ, какіе продѣлывали итальянскіе танцоры, тѣмъ не менѣе хвалилъ Вестриса, серьезнаго изящнаго танцовщика, ученика великаго Дюпрэ.

Вступивъ въ оперу въ 1714 году, Дюпрэ блистала тамъ тридцать лѣтъ. Въ 1724 году онъ покинулъ ее и шесть лѣтъ провель въ Польшѣ, а затѣмъ

опять вернулся въ оперу. Поэтому видно, что черезъ него съ этой эпохи французское хореографическое искусство проникло въ славянскую землю, сохвднюю съ Россіей. Въ 1808 году туда отправился Дюпоръ и оставался до 1816 года и имѣлъ громадный успѣхъ.

Послѣ него послѣдовательно посѣтили Россію Церро, Сень-Леонъ, Петина. Въ результатѣ во всѣ эпохи съ начала XVIII вѣка французское хореографическое искусство имѣло представителей то въ Польшѣ, то въ Россіи и, чтобы достигнуть господства, какого они достигли въ мужскихъ танцахъ, русскимъ только надо было усвоить уроки танцоровъ, перебравшихся изъ парижской оперы.

С М Ъ С Ъ.

ТЕЧЕСТВЕННАЯ церковь въ цифрахъ. Доведенная до конца отчетность оберъ-прокурора святѣйшаго синода за 1905—1907 годы даетъ возможность составить понятіе о положеніи нашей церкви въ новѣйшій періодъ разнородныхъ испытаній. Въ теченіе отчетныхъ годовъ въ имперіи состояло 66 епархій и одна епархія въ Сѣверной Америкѣ. Епархіями управляли три митрополита, архіепископы, коихъ въ 1905 году было 13, въ 1906 г.—17 и въ 1907 г.—20, остальными же епархіями управляли епископы. Въ 1905 году учреждена новая епархія—холмская и викариатство бѣлгородское; въ 1906 г.—два викариатства: рыльское и слецкое, въ 1907 году восемь викариатствъ: кронштадтское, гомельское, бѣлостокское, мададышское, кирилловское, муромское, ейское, бакинское. Епископъ кронштадтскій завѣдываетъ заграничными нашими церквами и пребываніе ему указано въ Римѣ. Всѣ викариатства, за исключеніемъ кронштадтскаго и бакинскаго, учреждены на мѣстныхъ епархіяльных средства. Число церквей въ имперіи, за исключеніемъ грузинскаго экзархата, изъ котораго никакихъ свѣдѣній не доставлено, было: въ 1905 г.—48,375, въ 1906 г.—48,573, въ 1907 г.—51,413. Часовень и молитвенныхъ домовъ: въ 1905 г.—20,583, въ 1906 г.—19,181, въ 1907 г.—20,113. Построено новыхъ церквей: въ 1905 г.—201 каменныхъ и 302 деревянныхъ=505, въ 1906 г.—240 каменныхъ и 335 деревянныхъ=575, въ 1907 г.—225 каменныхъ и 300 деревянныхъ=525. Часовень и молитвенныхъ домовъ: въ 1905 г. 35 каменныхъ и 169 деревянныхъ=204, въ 1906 г. 26 каменныхъ и 195 деревянныхъ=221, въ 1907 году—21 каменныхъ и 146 деревянныхъ=187. Изъ сооруженныхъ въ теченіе отчетнаго времени церквей наиболѣе выдающимся является храмъ Воскресенія Христова на Екатерининскомъ каналѣ въ С.-Петербургѣ. Торжественное освященіе храма состоялось 19-го августа 1907 г. въ присутствіи Государя Императора и Госуда-

рыни Императрицы. Библіотекъ при благотворительныхъ округахъ и при церк-вахъ, за исключеніемъ грузинскаго экзархата, состояло: окружныхъ въ 1905 г. 1,892, при церквахъ 28,377, всего 29,659. Окружныхъ въ 1906 г. 1,298, при церквахъ 28,689, всего 29,987. Окружныхъ въ 1908 г. 1,326, при церквахъ 28,997, всего 30,321. Такимъ образомъ, за отчетный періодъ количество библиотекъ возрасло: въ благотворительныхъ округахъ на 44, при церквахъ на 620, а въ общемъ на 664. Церковно-приходскихъ попечительствъ, кромѣ грузинскаго экзархата, было: въ 1905 году—19,436; въ 1906 году—19,713; въ 1907 году—20,045. Слѣдовательно, за три года попечительствъ прибавилось почти 700. Пожертвованій этими попечительствами сдѣлано: въ 1905 году—4.340,240 руб.; въ 1906 году—4.406,385 руб.; въ 1907 году—4.288,105 руб. Больницъ состояло при церквахъ: въ 1905 г. 602 на 1,782 лица, въ 1906 г. 58 на 1,830 лицъ, въ 1907 г. 64 на 1,932 лица. Богадѣленъ было при церквахъ: въ 1905 г. 879 на 11,364 лица, въ 1906 году 883 на 11,801 лицо, въ 1907 г. 853 на 12,024 лица. Число иноческихъ обитателей въ отчетный періодъ, кромѣ грузинскаго экзархата, было: мужскихъ (со включеніемъ архіерейскихъ домовъ, коихъ во всѣ три года было по 70) состояло: въ 1905 г. 487, въ 1906 г. 520, въ 1907—622. Въ показанномъ числѣ монастырей заштатныхъ было за каждый изъ отчетныхъ годовъ почти одинаковое количество: 150, 151 и 154. Женскихъ монастырей и общинъ было: въ 1905 году 208, заштатныхъ 165, въ 1906 г. 218, заштатныхъ 177, въ 1907 г. 218, заштатныхъ 183. Въ мужскихъ монастыряхъ состояло: въ 1905 г. монашествующихъ 8,221 и 7,123 послушника, въ 1906 г. монашествующихъ 9,054 и 7,693 послушника, въ 1907 г. монашествующихъ 9,317 и 8,266 послушниковъ. Въ женскихъ: въ 1905 г. монашествующихъ 11,978 и 36,149 бѣлицъ, въ 1906 г. монашествующихъ 12,226 и 38,371 бѣлица, въ 1907 г. году монашествующихъ 12,652 и 40,275 бѣлицъ. Такимъ образомъ, за три года число обитателей возрасло мужскихъ на 35 и женскихъ на 10, а въ общемъ на 45; число же монашествующихъ увеличилось въ мужскихъ монастыряхъ на 1,096 и въ женскихъ на 674 и не имѣвшихъ монашескаго пострига—въ мужскихъ обителяхъ на 1,534 и въ женскихъ на 4,126: всего же количество насельниковъ монастырей за три года возрасло на 7,430. При монастыряхъ было больницъ: въ 1905 г. 176 на 1,715 лицъ, въ 1906 г. 183 на 1,734 лица, въ 1907 г. 184 на 1,789 лицъ. Богадѣленъ: въ 1905 году 140 на 1,795 лицъ, въ 1906 г. 144 на 1,952 лица, въ 1907 г. 148 на 1,961 лицо.

Статистика требованій на журналы и наиболѣе популярныя авторы.

Вышедшіе за послѣднее время отчеты нѣкоторыхъ библиотекъ заключаютъ въ себѣ весьма интересныя данныя, характеризующія настроеніе современнаго читателя. Въ отчетѣ одесской общественной бібліотеки за 1908 годъ съ грустью констатируется, что «интересъ къ серьезному чтенію падаетъ»: выводъ этотъ сдѣланъ на основаніи сравнительныхъ данныхъ о требованіяхъ на книги по разнымъ отдѣламъ въ продолженіе 1906, 1907 и 1908 годовъ. Оказывается, что въ то время, когда спросъ на беллетристическія произведенія сильно возрастаетъ (60 проц. всѣхъ выданныхъ книгъ въ 1906 г., 72,7 проц. въ 1907 г. и 77,3 проц. въ 1908 г.), требованія на книги по общественнымъ наукамъ, праву, экономикѣ и публицистикѣ спустились съ 15,4 проц. въ 1906 г. до 2 проц. въ 1908 г. Падаетъ также

интересъ и къ другимъ отдѣламъ. По исторіи и исторіи культуры было выдано книгъ: въ 1906 г.—5,8 проц., въ 1907 г.—3 проц. и въ 1908 г.—1,9 проц. Требования на сочиненія по философіи, психологіи, этикѣ, религіи и педагогикѣ составляли: въ 1906 г.—2 проц., въ 1907 г.—0,8 проц и въ 1908 г.—1,2 проц. Нѣкоторый большій интересъ со стороны читателей наблюдается къ книгамъ по исторіи литературы и критикѣ. Въ 1906 г. было выдано по этому отдѣлу 3,4 проц., въ 1907 г.—3,6 проц, а въ 1908 г.—4,3 проц. Еще болѣе поучительны данныя иваново-вознесенской общественной публичной библиотеки, заключающей въ себѣ около 17,000 томовъ и имѣющей 400 читателей. Въ отчетѣ этой библиотеки за 1909 г наглядно показано, какіе авторы пользуются наибольшимъ успѣхомъ среди читателей. Оказывается, что самыми популярными считаются теперь графъ Л. Н. Толстой и... Вербицкая. Произведенія перваго требовались въ теченіе отчетнаго года 329 разъ, а произведенія второй—305 разъ. Затѣмъ въ нисходящимъ порядкѣ идутъ слѣдующіе писатели: В. Немировичъ-Данченко 238 разъ, А. Дюма—167, Э. Золя—157, Г. Сенкевичъ—141, В. Гюго—140, Ф. М. Достоевскій—136, И. С. Тургеневъ—129, Кнутъ Гамсунъ—128, Конанъ-Дойль—128, Потапенко—117, Андреевъ—114, Майнъ-Ридъ—109, А. Чеховъ—104, Жюль-Вернъ—104, А. А. Потѣхинъ—103, И. А. Гончаровъ—87, Гюи-де-Мопсанъ—86, Шпильгагенъ—86, Данилевскій—83, Чириковъ—82, Купринъ—78, Н. Гаринъ,—74, Маминъ-Сибирякъ—70, Д. Мордовцевъ—68, Григоровичъ—62, М. Горькій—60, Писемскій—57, Загоскинъ—56, Михайловъ-Шеллеръ—55, Баранцевичъ—50, Мачтетъ—50, В. Г. Бѣлинскій—47, Н. А. Лейкинъ—47, В. Вересаевъ—44, И. А. Бунинъ—42, П. Д. Боборыкинъ—40, М. Е. Салтыковъ—40, О. Шапиръ—40, А. Федоровъ—40, Э. Гиппиусъ—36, Н. А. Некрасовъ—35, Щепкина-Куперникъ—34, А. С. Пушкинъ—30, Н. В. Гоголь—29, С. Аксаковъ 28 С. Елпатьевскій—26, Вл. Короленко—24, С. Юшкевичъ—21, Глѣбъ Успенскій—19, Надсонъ—18, Н. А. Добролюбовъ—18 и т. д. Не лишены интереса данныя о требованіяхъ на ежемѣсячные и еженедѣльные журналы. «Современный Міръ» требовался 944 раза, «Русская Мысль»—798, «Русское Богатство»—670, «Историческій Вѣстникъ»—578, «Вѣстникъ Европы»—574, «Образованіе» (за 1909 г. №№ 1—5)—498, «Сѣверный Вѣстникъ»—258, «Нива»—257, «Осколки»—243, «Русская Старина»—216, «Сатириконъ»—177, «Шутъ»—174, «Природа и Люди»—170, «Будильникъ»—169, «Вокругъ Свѣта»—139, «Вѣстникъ иностранной литературы»—108, «Искры»—69, «Церковный Вѣстникъ»—62, «Московскій Еженедѣльникъ»—52, «Всходы»—19, «Новый Путь»—9 и т. д.

Музей императора Александра III. Въ настоящее время вся коллекція, насколько позволяетъ планъ музея, систематизируется. Вымытыя и очищенныя отъ пыли, въ изрядномъ количествѣ накопившейся за 12 лѣтъ, картины будутъ развѣшены по эпохамъ. Ужъ получено согласіе распредѣлить по выработанному музеемъ плану коллекцію покойнаго великаго князя Сергія Александровича, пожертвованную музею великой княгиней Елизаветой Теодоровной. По заламъ картины будутъ развѣшены въ слѣдующемъ порядкѣ: въ нижнемъ этажѣ съ перваго зала—первые русскіе художники, работавшіе подъ вліяніемъ европейскаго искусства: Пучиновъ (1720—1797 г.), Вишняковъ, Ротчевъ, Аргуновъ, Антроповъ и др. Далѣе: Ракововъ, Левицкій, Шиба-

новъ, Боровиковскій, ихъ ученики, а также бюсты Шубина. За ними старые русскіе пейзажисты и залъ романтической эпохи русской живописи—Кипренскій, Щедринъ, Толстой и Орловскій. Отдѣльный залъ Венеціанова и его школы. Затѣмъ послѣдовательно размѣстятся собранія старыхъ и новыхъ акварелей и рисунковъ. Будутъ собраны вмѣстѣ иностранные художники, бывшіе учителями нашихъ мастеровъ XVII в., либо оказавшіе на нихъ большое вліяніе: Каравакъ, бр. Гротъ, бр. Лампи и др.—всѣхъ болѣе 50 именъ, и всѣ они до настоящаго времени были разбросаны по разнымъ заламъ. Предполагалось устроить самостоятельный отдѣлъ религіозной живописи, начиная съ греческихъ мастеровъ XVI, XVII, XVIII вв., кончая современными мастерами, Васнецовымъ и Нестеровымъ. Но для этого пришлось бы перемѣстить изъ двухъ залъ коллекцію картинъ кн. Тенишевой, на что жертвовательница не дала разрѣшенія. Въ верхнемъ этажѣ музея размѣстятся: Брюлловъ, Бруни, Ивановъ, Басинъ, Флавицкій, Молеръ, Айвазовскій. Далѣе, большой центральный залъ предназначается большимъ полотнамъ Сурикова, Семирадскаго, Полѣнова, Савицкаго, Васнецова, К. Маковского и др. Въ виду большихъ размѣровъ, два большихъ декоративныхъ полотна Угрюмова будутъ повѣшены въ залѣ Брюллова, его ученики—двое Ивановыхъ, Шебуевъ и др. Далѣе—первыя передвижники: Крамской, Ге, Мясоедовъ, Саврасовъ, Васильевъ. Кромѣ того, отдѣльные залы Рѣпина и Верещагина. Затѣмъ—послѣдующіе художники: Левитанъ, Аполлинарій Васнецовъ, Нестеровъ, Сѣровъ, Рябушкинъ, Бразъ, Жуксовскій, Малявинъ, Сомовъ, Врубель и др., съ такимъ расчетомъ, чтобы посѣтитель закончилъ осмотръ галереи послѣдними достижениями русскихъ художниковъ. Картины, очищенныя отъ пыли, неузнаваемы: краски засверкали, свѣта выдѣлились, тѣни углубились. На картинѣ Флавицкаго «Христіанскіе мученики» появились раньше скрытыя фигуры, которыхъ не замѣчали не только зрители, но даже кописты не подозрѣвали объ ихъ существованіи. Но особенно поразительны результаты реставраціи древнихъ иконъ, производимой Чириковымъ. Подъ слоемъ насѣвшей краски, олифы, грязи темныя и однотонно-коричневыя, часто не дававшія даже слабаго представленія о первоначальномъ письмѣ, иконы, освобожденныя отъ нараставшей вѣками «коры», поражаютъ и восхищаютъ своей благородной живописью. Очищенъ единственный памятникъ новгородскаго письма XIV вѣка «Св. Георгій съ жителями», «Сшествіе въ адъ» XIV в. Наполовину реставрированъ большой образъ «Владимирской Божіей Матери» лучшаго строгановскаго письма.

Юбилей И. И. Благовѣщенскаго ¹⁾. Въ нынѣшнемъ сентябрѣ исполнилось 35-лѣтіе служебной и общественной дѣятельности Ивана Ивановича Благовѣщенскаго, съ которымъ почти совпадаетъ и двадцатипятилѣтіе его историко-статистическихъ работъ по изученію родной ему Олоніи. Начавъ службу съ 1875 г., двадцатидвухъ-лѣтнимъ юношей, по окончаніи полнаго курса Олонецкой духовной семинаріи, въ качествѣ сельскаго учителя, И. И. Благовѣщенскій въ 1883 г. получилъ назначеніе помощникомъ правителя канцеляріи олонецкаго губернатора; въ 1891 г. переведенъ секретаремъ мѣстнаго губер-

¹⁾ Сообщено В. Е. Рудаковымъ.

скаго правленія и нынѣ состоитъ старшимъ совѣтникомъ того же правленія. Съ 1887 г. Благовѣщенскій непрерывно работаетъ въ мѣстномъ статистическомъ комитетѣ въ качествѣ его секретаря. Въ послѣднее десятилѣтіе онъ много сдѣлалъ въ качествѣ директора мѣстныхъ пріютовъ для дѣвочекъ и мальчиковъ.

Литературная дѣятельность юбиляра открылась статьями въ «Олонецкихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ», въ которыхъ онъ затрогивалъ этнографическіе и экономическіе вопросы. Впослѣдствіи онъ ежегодно помѣщалъ въ названномъ органѣ по нѣскольку статей, иногда довольно обширныхъ, откликаясь на текущіе злободневные вопросы, вспоминая добрымъ словомъ только что почившихъ видныхъ дѣятелей Олонецкаго края, сообщая историческія, этнографическія и другія данныя, на основаніи вновь имъ открытыхъ матеріаловъ.

Но наиболѣе цѣнныя его работы, какъ мѣстнаго историка и статистика, были напечатаны въ третьемъ и четвертомъ томахъ «Олонецкаго Сборника», издаваемого Олонецкимъ губернскимъ статистическимъ комитетомъ. Назовемъ хотя нѣкоторыя изъ нихъ: 1) «Ученыя изслѣдованія въ Олонецкой губерніи»; 2) «Надѣльные крестьяне и обѣльные вотчинники въ Олонецкой губерніи», съ множествомъ новыхъ государевыхъ грамотъ; 3) «Матеріалы для статистики Олонецкой губерніи. Земледѣліе. Промыслы. Заводская и фабричная промышленность»; 4) «Матеріалы для статистики рѣчного судоходства Олонецкой губерніи»; 5) «Народное просвѣщеніе въ Олонецкой губерніи въ 1901 году»; 6) «Народонаселеніе Олонецкой губерніи въ 1892 году» и др.

Подъ редакціей И. И. Благовѣщенскаго изданы девять послѣднихъ «Памятныхъ книжекъ Олонецкой губерніи», въ которыхъ напечатанъ цѣлый рядъ статей самаго редактора. Есть тутъ и чисто историческія работы («Образованіе Олонецкой губерніи, управленіе ея за столѣтіе (1802—1902) существованія»; «Олонецкая епархія»; «Историческая дорога»; «Знаменательная двухсотлѣтняя годовщина Петрозаводска»; «Петропавловскій соборъ въ Петрозаводскѣ»; «Олонецкій край до образованія губерніи» и др.), географическо-статистическіе очерки: «Онежское озеро» и «Село Няндома», и описанія разныхъ современныхъ болѣе выдающихся событій.

Особенно настойчиво во время чествованія юбиляра подчеркивали мѣстные сторожилы и сослуживцы его доброту, рѣдкую въ провинціальныхъ заправилахъ деликатность и равность обращенія со всѣми, а также его высокую любовь къ своей родинѣ—Олоніи. (См. «Олонецкія Губернскія Вѣдомости», 1910 г., №№ 90, 92—95).

Архіепископъ псковскій Арсеній (къ 25-лѣтію его дѣятельности).
18 сентября исполнилось четверть вѣка административной и учено-литературной дѣятельности одного изъ выдающихся русскихъ іерарховъ—Арсенія, архіепископа псковскаго.

Архіепископъ Арсеній, въ мѣрѣ Авксеній Георгіевичъ Стадницкій, сынъ священника с. Комарова Кишиневской епархіи, родился 22 января 1862 г.; по окончаніи мѣстной семинаріи А. Г. Стадницкій поступилъ въ 1881 г. въ кievскую духовную академию, которую и окончилъ въ 1885 г. магистрантомъ. Въ теченіе десяти лѣтъ А. Г. Стадницкій состоялъ преподавателемъ въ кишиневской семинаріи; послѣдовательно онъ занималъ здѣсь кафедры греческаго

языка, догматическаго богословія и соединенныхъ съ нимъ предметовъ и совмѣщаль эти обязанности съ преподаваніемъ церковнаго пѣнія, котораго былъ и является онъ однимъ изъ лучшихъ знатоковъ въ Россіи, съ редакторствомъ «Кишиневскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей», получившихъ при немъ значеніе выдающагося церковно общественнаго органа, съ миссіонерскими и литературно-научными трудами. Въ концѣ 1895 г. А. Г. Стадникій былъ назначенъ на должность инспектора новгородской духовной семинаріи и принялъ монашество съ именемъ Арсенія, а затѣмъ послѣ ректуры въ новгородской семинаріи получаетъ назначеніе въ московскую духовную академію—сперва на должность инспектора съ званіемъ исправляющаго должность ординарнаго профессора и съ возложеніемъ на него чтенія лекцій по кафедрѣ библейской исторіи, а въ мартѣ 1898 г. назначается ректоромъ той же академіи и получаетъ въ 1899 г. санъ епископа. Ректорствовалъ епископъ Арсеній до конца 1903 г., когда получилъ новое назначеніе на псковскую кафедру, занимаемую имъ и нынѣ.

Выдающіяся административныя качества и обширная педагогическая опытность епископа Арсенія заставили обратиться къ нему, когда возникла острая необходимость умиротворить духовную школу. Онъ былъ приглашенъ на происходившія въ синодѣ совѣщанія по вопросамъ духовной школы, а затѣмъ занялъ многотрудный и весьма отвѣтственный въ то бурное время постъ председателя учебнаго комитета съ назначеніемъ вмѣстѣ съ тѣмъ членомъ синода. Въ качествѣ руководителя духовнаго образованія епископъ Арсеній председательствовалъ въ V отдѣлѣ предсоборнаго присутствія, занимавшагося вопросами духовной школы. Будучи избранъ членомъ государственнаго совѣта отъ монашесвующаго духовенства, епископъ Арсеній оставилъ постъ председателя учебнаго комитета и за свои заслуги по духовно-учебному вѣдомству возведенъ въ санъ архіепископа. Но и послѣ того продолжаетъ онъ служить своими знаніями и опытностью духовно-учебному дѣлу—получаетъ порученіе произвести ревизію казанской духовной академіи и участвуетъ въ комиссіи по выработкѣ новаго академическаго устава. Въ 1909 г. архіепископъ Арсеній, выбывъ по жребію изъ состава членовъ государственнаго совѣта, вновь затѣмъ избранъ въ это званіе. Выступленія архіепископа Арсенія въ комиссіяхъ и общихъ собраніяхъ высшаго законодательнаго учрежденія привлекаютъ вниманіе и вызываютъ уваженіе даже со стороны его противниковъ въ церковныхъ вопросахъ; такъ, его послѣдняя рѣчь въ общемъ собраніи государственнаго совѣта можетъ служить образцомъ церковно-парламентскаго краснорѣчія, соединяющаго съ высокими качествами формы глубокую богословскую эрудицію.

Помимо своей педагогической, административной и государственной дѣятельности, архіепископъ Арсеній извѣстенъ еще какъ выдающійся ученый и проповѣдникъ. Еще будучи студентомъ академіи, онъ издаетъ удостоенную макарьевской преміи книгу «Дневникъ студента паломника на Аѳонъ», трудъ, по заключенію рецензировавшей его комиссіи, «для студента замѣчательный». Учено-литературная дѣятельность его особенно начинается развиваться въ теченіе 10-лѣтняго редактированія имъ «Кишиневскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей», когда имъ было написано множество разнообразныхъ статей, преимущественно изъ области мѣстной церковной исторіи, археологіи и церковнаго

пѣнія. Служба въ высшемъ разсадникѣ духовнаго просвѣщенія, въ качествѣ ректора и профессора, еще болѣе способствовала научнымъ занятіямъ ученаго іерарха. Къ церковно-историческимъ трудамъ относятся и обѣ диссертации преосвященнаго Арсенія—магистерская «Гавріиль Банулеско-Бодони, экзархъ молдо-влахійскій и митрополитъ кишиневскій», и докторская—«Исслѣдованія и монографіи по исторіи молдавской церкви». Ученыя заслуги архіепископа Арсенія оцѣнены какъ духовными академіями, избравшими его почетнымъ членомъ, такъ и высшимъ русскимъ ученымъ учрежденіемъ—императорской академіей наукъ, удостоившей послѣдній трудъ ученаго іерарха уваровской преміи и возложившей въ текущемъ году на него почетное порученіе—оцѣнку труда представленнаго на соисканіе академической преміи. Многочисленныя проповѣди его печатаются въ духовныхъ періодическихъ изданіяхъ; собранныя воедино, онѣ составили бы цѣнный вкладъ въ нашу проповѣдническую литературу.

Чествованіе памяти С. М. Соловьева. Въ императорскомъ московскомъ коммерческомъ училищѣ годичный актъ, происходившій 5-го сентября, соединень былъ съ торжественнымъ чествованіемъ памяти историка Сергѣя Михайловича Соловьева, по случаю постановки мраморной доски съ датой его рожденія на стѣнѣ училищнаго дома. На торжествѣ присутствовали: московской губернаторъ В. Ѳ. Джунковскій, предсѣдательствующій въ московскомъ присутствіи опекунскаго совѣта А. А. Пушкинъ, попечитель московскаго учебнаго округа А. М. Ждановъ, представитель московскаго университета профессоръ М. К. Любавскій, городской голова Н. И. Гучковъ, представители разныхъ учебныхъ заведеній и научныхъ учрежденій Москвы, а также дочери С. М. Соловьева Л. С. Степанова и Н. С. Соловьева и другія лица. Послѣ литургіи и молебствія, отслуженныхъ въ училищномъ храмѣ, водворѣ, украшенномъ флагами, передъ зданіемъ училища совершена была панихида по покойномъ С. М. Соловьевѣ. По окончаніи панихиды почетный опекунъ А. А. Пушкинъ сдернулъ пелену, закрывавшую мраморную доску на стѣнѣ втораго этажа зданія. На доскѣ значится надпись: «Историкъ Сергѣй Михайловичъ Соловьевъ родился здѣсь 6-го мая 1820 года». Директоръ училища профессоръ Д. В. Цвѣтаевъ прочиталъ актъ о постановкѣ доски съ высочайшаго государыни императрицы Маріи Ѳеодоровны соизволенія на средства московскаго городского управленія. Затѣмъ торжество продолжалось въ актовомъ залѣ училища, который украшенъ былъ потретомъ С. М. Соловьева, декорированнымъ тропическими растеніями и живыми цвѣтами. Преподаватель исторіи В. И. Розановъ произнесъ рѣчь о С. М. Соловьевѣ, въ которой, сообщивъ біографическія данныя, сдѣлалъ характеристику его личности, какъ человѣка, профессора и ученаго. Далѣе слѣдовали привѣтствія различныхъ депутацій. Почетный опекунъ А. А. Пушкинъ, принося депутаціямъ благодарность за принесенныя привѣтствія, поздравилъ городъ Москву съ починомъ въ увѣковѣченіи памяти ея великаго гражданина, а университетъ—его знаменитаго профессора и ректора. Директоръ Д. В. Цвѣтаевъ, принося въ своемъ заключительномъ словѣ благодарность депутаціямъ и всѣмъ лицамъ, почтившимъ своимъ присутствіемъ настоящее торжество, сказалъ нѣсколько словъ о связи С. М. Соловьева съ коммерческимъ училищамъ.

Торжество закончилось раздачей аттестатовъ, медалей и наградъ воспитанникамъ.

600-лѣтній юбилей Успенской церкви въ Колмовѣ. 30-го августа торжественно отпраздновала свой шестисотлѣтній юбилей Успенская церковь въ Колмовѣ. Построенный въ 1310 году архимандритомъ Юрьева монастыря Кирилломъ, Колмовскій монастырь за свое долгое существованіе не разъ встрѣчается на страницахъ новгородской лѣтописи и исторіи. Вскорѣ по его основаніи въ немъ поселился святой Моисей, мощи котораго почиваютъ въ подгороднемъ Сквородскомъ монастырѣ; здѣсь было его любимое мѣсто, здѣсь принялъ онъ схиму и возобновилъ церковь, сгорѣвшую въ XIV вѣкѣ. Послѣ святителя Моисея Колмовскую обитель украшалъ и заботился о ней извѣстный новгородскій посадникъ Юрій Онцифоровичъ, и его поколѣніе, погребенное въ Колмовѣ, не оставляло монастыря благодареніями. Послѣ шведскаго разоренія 1611 года монастырь былъ упраздненъ и приписанъ къ архіерейскому дому. Особенно извѣстенъ онъ со временъ митрополита Юва и Петра Великаго. Ювъ, знаменитый устроитель больницъ, страннопримныхъ домовъ и вообще разныхъ благотворительныхъ учрежденій, приспособилъ и Колмово для филантропическихъ цѣлей. Онъ первый обратилъ вниманіе на незаконныхъ и покинутыхъ дѣтей и въ 1706 году сдѣлалъ первую попытку устроить воспитательный домъ, назначивъ для этого Колмово, гдѣ имъ же устроена была и инвалидная больница. Петръ Великій весьма сочувственно относился къ дѣятельности митрополита Юва и жаловалъ ему, какъ источникъ дохода для дѣлъ благотворенія, разные угодья. Съ 1865 года этимъ мѣстомъ завѣдуетъ земство. Нынѣ здѣсь помѣщается обширная земская психіатрическая больница на 600 слишкомъ больныхъ. Къ настоящему времени изъ нѣсколькихъ монастырскихъ церквей сохранилась лишь одна Успенская, отличающаяся оригинальностью постройки.

Выставка «Ломоносовъ и Елизаветинское время». Комиссія по устройству выставки «Ломоносовъ и Елизаветинское время» обратилась къ ряду специалистовъ съ просьбой высказать свои соображенія по поводу намѣченной комиссіей программы. Какъ видно изъ поступающихъ отвѣтовъ, программа не вызываетъ существенныхъ возраженій. Эпоха Елизаветы Петровны будетъ представлена въ двадцати отдѣлахъ. Здѣсь будутъ портреты Елизаветы, ея родственниковъ и всѣхъ дѣятелей, дѣйствовавшихъ на разныхъ поприщахъ, виды дворцовъ и изображенія дворцовой жизни, принадлежности быта 1740—1760-хъ годовъ, монеты и медали, книги и отдѣльные листки гражданской и церковной печати, вышедшіе въ царствованіе Елизаветы Петровны, рукописи, любочныя картины и изданія и т. д. Далѣе, на выставкѣ найдеть мѣсто все то, что имѣетъ отношеніе къ академіи наукъ и московскому университету. Будутъ также представлены промышленность и торговля того времени, положеніе морского дѣла, устройство городовъ и т. д.

НЕКРОЛОГИ.

АРСЕНІЙ, архієпископъ. Телеграфъ принесть печальное извѣстіе о кончинѣ архієпископа неапольскаго (древне-сихемскаго) Арсенія, скончавшагося 18 августа на островѣ Халки (около Константинополя) отъ аневризма. Почившій архипастырь Арсеній очень хорошо извѣстенъ москвичамъ, такъ какъ прожилъ свыше 22-хъ лѣтъ въ Москвѣ въ качествѣ представителя іерусалимскаго патріарха въ Россіи и настоятеля іерусалимскаго патріаршаго подворья въ Москвѣ. Архієпископъ Арсеній родился въ 1848 году въ городѣ Бруссѣ (въ Малой Азій) отъ благочестивыхъ родителей. Первоначальное образованіе онъ получилъ въ православной школѣ въ Бруссѣ подъ личнымъ надзоромъ митрополита Констанція. Выдающіяся способности мальчика обратили на себя вниманіе митрополита, который послалъ его для продолженія богословскаго образованія на о. Халки. Будучи ученикомъ школы, онъ обнаружилъ любовь къ богословскимъ наукамъ. Въ 1866 году покойный принялъ монашество и былъ назначенъ секретаремъ въ іерусалимской патріархіи. Въ 1867 году онъ былъ посвященъ въ санъ діакона, а въ 1872 году назначенъ экономомъ іерусалимской церкви, будучи возведеннымъ въ то же время въ санъ архидіакона. Черезъ пять лѣтъ, т.-е. въ 1877 году, почившій былъ возведенъ въ санъ архимандрита и посланъ въ Москву въ качествѣ помощника представителя іерусалимскаго патріарха Никодима, недавно скончавшагося на островѣ Халки. Когда Никодимъ былъ избранъ іерусалимскимъ патріархомъ, въ 1883 году, Арсенію было поручено завѣдывать іерусалимскимъ подворьемъ въ Москвѣ. Здѣсь онъ одновременно управлялъ и константинопольскимъ подворьемъ, за что въ послѣдствіи и получилъ за проявленную имъ энергію и кипучую дѣятельность по константинопольскому подворью отъ вселенскаго патріарха особую грамоту и золотой крестъ съ драгоценными камнями. Покойный архипастырь жилъ въ Москвѣ до 1898 года, когда іерусалимскій патріархъ Даміанъ, вызвавъ его въ Іерусалимъ, черезъ недѣлю

послѣ прибытія его возвелъ въ санъ неапольскаго архіепископа. Въ началѣ 1900 годовъ покойный былъ назначенъ на очень важный и отвѣтственный постъ—представителя іерусалимской патріархіи при Высокой Портѣ въ Константинополѣ. Здѣсь онъ прожилъ до 1906 года, когда вслѣдствіе болѣзни былъ вынужденъ оставить занимаемый постъ. Съ этого времени покойный удалился на островъ Халки на покой и жилъ въ монастырѣ св. Георгія, гдѣ въ то же самое время доживалъ свои послѣдніе часы также удалившійся на покой бывший іерусалимскій патріархъ Никодимъ. Покойный архіепископъ, живя въ Москвѣ свыше 22 лѣтъ, свыкъся съ русской жизнью и настолько сроднился съ нею, что даже тосковалъ по ней у себя на Востокъ. Покойный пользовался любовью и уваженіемъ своихъ пасомыхъ. Отъ природы онъ былъ человекъ мягкаго, уживчиваго характера. Онъ прекрасно владѣлъ: русскимъ, турецкимъ, арабскимъ, греческимъ и новымъ языками. Смерть архіепископа была неожиданная, такъ какъ онъ совершенно былъ здоровъ до послѣдней минуты и, по словамъ прибывшихъ съ Востока, намѣревался посѣтить любимую Москву, о которой онъ сохранилъ самую наилучшую память. (Некрологъ его: «Московскія Вѣдомости», 1910 г. № 195).

† **Данчичъ, К. М.** Въ глубокой старости мирно отошелъ въ вѣчность одинъ изъ много поработавшихъ на своемъ вѣку врачей-филантроповъ, Ксенофонтъ Михайловичъ Данчичъ. Въ теченіе полустолѣтія онъ жилъ и работалъ въ Царскомъ Селѣ, состоя многіе годы старшимъ врачомъ дворцоваго госпиталя. Имѣлъ огромную практику въ высшихъ кругахъ общества и въ то же время умѣлъ завоевать завидную популярность въ низшихъ слояхъ мѣстнаго населенія. Онъ никогда и никому не отказывалъ въ помощи, шелъ по первому зову въ углы и лачуги, пользовался и ключительнымъ довѣріемъ и трогательною любовью безчисленныхъ пациентовъ. Его рѣдкая по нынѣшнимъ временамъ самоотверженность поражала полнымъ отсутствіемъ всякаго донкихотства и истерической взвинченности. Въ своей филантропической дѣятельности онъ умѣлъ быть какъ-то гармонически спокойнымъ, естественнымъ и уравновѣшеннымъ. Въ сѣдомъ филантропъ чувствовался глубокій мудрецъ. Красота его личности и тайна всеобщаго довѣрія къ нему, какъ врачу и человеку, заключалась именно въ этомъ своеобразномъ оттѣнкѣ спокойной, всепокоряющей мудрости, которая такъ шла къ его сѣдинамъ и превращала популярнаго доктора въ цѣлителя безъ лекарствъ. Многіе изъ старыхъ пациентовъ ни за что не соглашались разстаться съ нимъ даже послѣ того, когда его самого года три назадъ постигъ второй ударъ. Самъ больной, съ нѣсколькими затрудненной рѣчью и несвободнымъ движеніемъ ноги, онъ вынужденъ былъ посѣщать больныхъ. Есть врачи по призванію, духовная личность которыхъ всего полнѣе раскрывается въ тяжеломъ искусствѣ врачебнаго подвига. К. М. былъ именно изъ такихъ рѣдкихъ избранниковъ своей профессіи. Богъ далъ ему долгую жизнь, а онъ безраздѣльно посвятилъ ее страдающимъ и недугующимъ. (Некрологи его: «Новое Время» 1910 г. № 12377).

† **Долгоруковъ, Д. Н.** 28 августа похороненъ въ семейномъ склепѣ с. Волынщины, Рузскаго уѣзда, скончавшійся въ іюль одинъ изъ севастопольскихъ героевъ князь Дмитрій Николаевичъ Долгоруковъ. Покойный родился въ

1826 г. Воспитываясь въ Пажескомъ корпусѣ, онъ былъ камеръ-пажъ императрицы Александры Ѳеодоровны, супруги императора Николая I. Молодымъ офицеромъ служилъ въ кавалергардскомъ полку. Во время войны съ Турціей 1854 г. покойный перевелся въ Гессенъ-Кассельскій гусарскій полкъ, чтобы принять участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ. При осадѣ Силистріи онъ состоялъ ординарцемъ при фельдмаршалѣ гр. Паскевичѣ. Затѣмъ покойный выдержалъ всю осаду Севастополя, сражаясь преимущественно на 4-мъ бастионѣ. Будучи адъютантомъ главнокомандующаго князя Горчакова, онъ при выступленіи нашихъ войскъ получилъ порученіе сжечь мостъ черезъ одну изъ бухтъ, что и выполнилъ подъ обстрѣломъ непріятеля. По выходѣ въ отставку въ чинѣ полковника князь поселился въ Москвѣ, былъ городскимъ и земскимъ гласнымъ, попечителемъ Мясницкой городской больницы, председателемъ общества торговаго мореходства и принималъ живое участіе во многихъ другихъ общественныхъ учрежденіяхъ, состоя между прочимъ членомъ комитета по постройкѣ храма Христа Спасителя. Послѣднія 25 лѣтъ князь жилъ почти безвыѣздно въ своемъ подмосковномъ имѣніи, интересовался крестьянскимъ бытомъ и религіозно-нравственнымъ просвѣщеніемъ народа. Онъ учредилъ въ гор. Рузѣ братство Маріи Магдалины, былъ почетнымъ блюстителемъ уѣздныхъ церковно-приходскихъ школъ и основалъ кредитное товарищество въ с. Волинщинѣ. По своимъ политическимъ взглядамъ онъ принадлежалъ къ правымъ и рѣзко разошелся со своими сыновьями, кн. Петромъ и Павломъ Дмитріевичами, московскими главарями кадетской партіи. Умеръ князь 84 лѣтъ, оставивъ по себѣ прекрасную память. (Некрологъ его: «Новое Время», 1910 г. № 12378).

† **Житковъ, С. М.** 22-го августа скончался отъ холеры инженеръ путей сообщенія Сергѣй Михайловичъ Житковъ. Онъ состоялъ членомъ учебнаго комитета учебнаго отдѣла м-ва путей сообщенія и штатнымъ преподавателемъ института инженеровъ путей сообщенія императора Александра I; сверхъ того онъ былъ дѣлопроизводителемъ въ управленіи внутреннихъ водныхъ и шосейныхъ сообщеній. Скромный, трудолюбивый, безукоризненный исполнитель служебнаго дѣла, С. М. на всѣхъ своихъ должностяхъ являлся очень цѣннымъ и полезнымъ работникомъ. Службой, однако, далеко не исчерпывалась его дѣятельность. Въ С. М. жила пламенная любовь къ Россіи и его помыслы были направлены къ тѣмъ величайшимъ задачамъ, которыя ставятъ передъ нами наша исторія и рѣшеніе которыхъ такъ безнадежно трудно. Какъ сдѣлать, чтобы русскій народъ жилъ не хуже своихъ западныхъ сосѣдей, чтобы у него было не менѣе пищи, столько же просвѣщенія, дорогъ, денегъ и пр. Всѣ свои досуги С. М. посвящалъ изученію экономическихъ вопросовъ и создалъ сложную теорію поднятія благосостоянія Россіи при помощи ряда мѣропріятій, связанныхъ въ одно стройное цѣлое. Свою теорію, въ которую онъ глубоко вѣрилъ, онъ стремился сдѣлать извѣстной всѣмъ. Въ рядѣ докладовъ, лекцій, статей, брошюръ, книгъ С. М. съ неутомимой настойчивостью и энергіей доказывалъ необходимость измѣнить нашу нынѣшнюю финансово-экономическую систему и стать на совсѣмъ иную точку зрѣнія въ народномъ хозяйствѣ, чѣмъ господствующая нынѣ. Чуждый всякаго искательства, онъ тратилъ на эту пропаганду, которую онъ считалъ священной, свои силы и свои

лемиюгя средства и, хорошо владѣя даромъ слова, не разъ навлекалъ на себя немилость начальства за свои страстные публичныя рѣчи. Первое его сочиненіе по финансовому вопросу не было разрѣшено къ печати въ Россіи. С. М. издалъ его въ Берлинѣ. При одномъ изъ прежнихъ министровъ путей сообщенія, С. М. потерялъ даже мѣсто по учебной службѣ. Только при князѣ М. И. Хилковѣ, понявшемъ и оцѣнившемъ высокопатріотическую душу С. М. и всю безупречность его рѣчей, С. М. пересталъ казаться опаснымъ. Князь М. И. Хилковъ назвалъ его «фанатикомъ вѣдомства путей сообщенія» и не налагалъ никакихъ ограниченій на его внѣслужебную дѣятельность. Здѣсь не мѣсто разбирать основы ученія С. М. Главныя положенія его заключались въ томъ, что «нужно прежде всего нашимъ хлѣбомъ кормить русскихъ крестьянъ, а не иностранцевъ», «русскій сахаръ давать русскимъ дѣтямъ, а не англійскимъ свиньямъ», «русскій керосинъ жечь въ избахъ нашихъ бѣдняковъ, а не въ топкахъ машинъ англійскихъ или германскихъ боевыхъ судовъ» и т. д. Доброе сердце С. М. не знало и не хотѣло знать предѣловъ, которые ставитъ дѣйствительность этимъ идеальнымъ стремленіямъ. Не знало оно также предѣловъ и въ привязанности къ окружающимъ, въ заботахъ о нихъ, въ стремленіи помочь нуждающимся. С. М. безконечно былъ преданъ между прочимъ идеѣ о поддержаніи товарищей и ихъ семействъ. Его трудами была создана вспомогательная касса инженеровъ путей сообщенія, которая явилась крайне важнымъ источникомъ для помощи нуждающимся бывшимъ воспитанникамъ института путей сообщенія и особенно ихъ вдовамъ и дѣтямъ. С. М. игралъ видную роль въ обществѣ вспомошествованія студентамъ этого института и вообще, можно сказать, что не было ни одного начинанія въ вѣдомствѣ путей сообщенія, имѣющаго филантропическія и гуманитарныя цѣли, которому С. М. не отдавался бы со всей готовностью и умѣнемъ послужить такому дѣлу. Обладая литературнымъ дарованіемъ, онъ много писалъ и внѣ экономическихъ вопросовъ. Его занимала между прочимъ исторія путей сообщенія въ Россіи и имъ написано нѣсколько цѣнныхъ работъ по этому вопросу. Съ большимъ умѣнемъ онъ извлекалъ изъ разныхъ архивовъ давно забытыя данныя, и подъ его перомъ оживали событія, которыми вѣдомство путей сообщенія отмѣтило свою вѣковую работу на пользу Россіи. С. М. издалъ также рядъ біографическихъ очерковъ выдающихся русскихъ дѣятелей въ вѣдомствѣ путей сообщенія и нѣсколько его трудовъ изъ этой области напечатаны въ историческихъ специальныхъ изданіяхъ. Онъ былъ однимъ изъ главныхъ участниковъ по подготовленію предстоящаго юбилейнаго торжества—столѣтія института инженеровъ путей сообщенія, до котораго ему не довелось дожить. (Некрологъ его: «Новое Время», 1910 г., № 12398).

† **Зайцевъ, А. М.** Къ длинному перечню сошедшихъ въ могилу за послѣдніе годы русскихъ химиковъ, достойно насаждавшихъ и развивавшихъ химическія знанія въ высшихъ школахъ Россіи, присоединилась еще тяжелая утрата. 20-го августа скончался въ Казани заслуженный профессоръ казанскаго университета Александръ Михайловичъ Зайцевъ. Покойный родился въ 1841 году, высшее образованіе получилъ въ казанскомъ университетѣ по камеральному отдѣленію юридическаго факультета. По окончаніи курса въ 1862 году А. М.

отправляется на свои средства за границу, гдѣ и работаетъ въ теченіе трехъ лѣтъ сначала въ Марбургѣ, у знаменитаго въ то время Кольбе, а затѣмъ въ Парижѣ, въ лабораторіи не менѣе извѣстнаго Вюрца. Будучи ученикомъ и послѣдователемъ идей Бутлерова, намѣчавшаго и развивавшаго какъ разъ въ это время какъ у себя на родинѣ, въ Казани, такъ и за границей основные принципы теоріи химическаго строенія, А. М. являлся въ лабораторіи Западной Европы съ опредѣленнымъ химическимъ міровоззрѣніемъ, что давало возможность быстрѣе и легче ориентироваться въ господствовавшихъ тогда взглядахъ и направленіяхъ химическихъ школъ Германіи и Франціи. Пребываніе А. М. за границей всецѣло посвящено было научной работѣ, и результатомъ ея появились три изслѣдованія: «О діамидосалициловой кислотѣ», «О дѣйствиціи ціанокислаго калия на монохлоуруксуный эфиръ» и «Объ окисяхъ тіоэфировъ». За послѣднюю работу по представленію Кольбе А. М. получилъ степень доктора философіи лейпцигскаго университета. Эта же тема въ болѣе подробномъ развитіи и обработкѣ послужила предметомъ магистерской диссертациі А. М., защищенной имъ въ Казани въ 1868 году а черезъ два года онъ выступилъ уже съ другой работой: «Новый способъ превращенія жирныхъ кислотъ въ соответствующіе имъ алгоголи», которая и была его докторской диссертацией. Это изслѣдованіе А. М. интересно въ томъ отношеніи, что синтезированный имъ нормальный бутиловый алкоголь и незадолго передъ тѣмъ полученный Бутлеровымъ третичный бутиловый спиртъ вполне опредѣленно рѣшали вопросъ объ изомеріи спиртовъ бутановаго ряда, существованіе которыхъ предугадывалось теоріей химическаго строенія. По защитѣ вышеназванной докторской диссертациі А. М. въ 1870 году былъ избранъ экстраординарнымъ, а въ 1871 году ординарнымъ профессоромъ. Вся научная и преподавательская жизнь покойнаго тѣсно связана была съ казанскимъ университетомъ, гдѣ болѣе 40 лѣтъ онъ неутомимо продолжалъ свою плодотворную научную работу. За это время изъ его лабораторіи вышло очень много изслѣдованій, касающихся различныхъ отдѣловъ органической химіи. Въ особенности надо отмѣтить его работы надъ металло-органическими соединеніями въ ихъ приложеніи къ многообразному синтезу углеродистыхъ соединеній предѣльнаго и непредѣльнаго характера, и затѣмъ изслѣдованіе реакціи окисленія непредѣльныхъ высокомолекулярныхъ жирныхъ кислотъ марганцевокислымъ кзлі. Эта реакція дала возможность разобрать въ строеніи умомянутыхъ кислотъ, а въ дальнѣйшемъ ея приложеніи въ области непредѣльныхъ углеводородовъ (Вагнеръ и его ученики) явилась могучимъ орудіемъ въ опредѣленіи строенія веществъ. Изъ школы Александра Михайловича вышелъ цѣлый рядъ учениковъ, продолжающихъ работать въ излюбленной имъ области и не теряющихъ такимъ образомъ своей связи съ казанскимъ университетомъ. Въ исторіи развитія химіи въ Россіи съ именемъ А. М. Зайцева связаны будутъ самыя свѣтлыя воспоминанія. (Некрологъ его: «Русскія Вѣдомости» 1910 г. № 192.)

† **Лебедевъ, П. О.** Телеграфъ сообщилъ о смерти одного изъ самыхъ заслуженныхъ работниковъ провинціальной печати—редактора-издателя «Саратовскаго Листка» Петра Осиповича Лебедева. Покойный получилъ образованіе въ саратовской семинаріи и, еще будучи семинаристомъ, началъ сотрудничать въ «Саратовскомъ Листкѣ», начавшемъ выходить въ началѣ 60-хъ годовъ.

Съ этого времени покойный 50 лѣтъ проработалъ въ одномъ и томъ же органѣ. Въ началѣ 70-хъ годовъ Петръ Осиповичъ сталъ фактическимъ и отвѣтственнымъ редакторомъ «Саратовскаго Листка», арендованнаго имъ совмѣстно съ И. И. Горизотновымъ у петровскаго помѣщика Попова, которому принадлежала газета. 42 года редактировалъ покойный «Саратовскій Листокъ», и все время газета оставалась прогрессивной, въ лучшемъ смыслѣ слова. Въ самыя тяжелыя времена реакціи «Саратовскій Листокъ» твердо держался либеральнаго направленія. Несмотря на всю осторожность редактора и на подцензурность, газету постигали невзгоды: она была закрыта на 8 мѣсяцевъ, ей неоднократно запрещалось печатать частныя объявленія, но всѣ эти невзгоды, обычныя въ цензурныя времена, не могли сломить стойкость П. О. Лебедева. Да и эти невзгоды сравнительно были ничтожны по сравненію съ невздами конституціоннаго періода, когда газету принялись штрафовать. Редактирование газеты превратилось въ истинное испытаніе, ибо, какъ говорилъ покойный, не знаешь, что можно печатать и чего нельзя. Помимо штрафовъ, покойнаго два года назадъ привлекли къ суду по одной изъ многочисленныхъ статей уголовного уложенія, и палата присудила больного 63-лѣтняго старика, никогда не судившагося, къ крѣпости. Сенатъ отмѣнилъ рѣшеніе палаты, и Лебедевъ спасся отъ обычной участи редакторовъ въ «конституціонную эпоху». До послѣдняго момента П. О. продолжалъ работу и еще незадолго до смерти освѣдомлялся, будетъ ли онъ имѣть возможность читать корректуры, если его на основаніи обязательныхъ постановленій посадятъ. (Некрологъ его: «Рѣчь», 1910 г. № 248).

† **Нелидовъ, А. И.** Скончавшійся 5 сѣнября въ Парижѣ російскій посоль въ Франціи, Александръ Ивановичъ Нелидовъ, посвятилъ всю свою болѣе чѣмъ полувѣковую службу дипломатической дѣятельности и составилъ себѣ на политическомъ поприщѣ крупное имя. Какъ представитель Россіи за границей, онъ талантливо защищалъ ея интересы, оказалъ ей цѣнныя услуги и глубоко вѣрился въ мощь и будущее русской державы. Покойный родился въ 1838 г. въ Кишиневѣ, гдѣ отецъ его былъ начальникомъ учебнаго округа. Среднее образованіе онъ получилъ въ кишиневской гимназіи, окончивъ курсъ съ золотой медалью, — высшее въ петербургскомъ университетѣ на факультетахъ юридическомъ и восточныхъ языковъ. Службу началъ въ 1855 г. въ азіатскомъ департаментѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, затѣмъ состоялъ послѣдовательно секретаремъ миссій въ Аѣинахъ, Мюнхенѣ и Вѣнѣ. Когда нашимъ посломъ въ Константинополь былъ гр. Н. П. Игнатьевъ, онъ пригласилъ на должность совѣтника посольства Нелидоза и нашелъ въ немъ дѣятельнѣйшаго и умнаго сотрудника. Передъ русско-турецкой войной 1877—78 гг. покойный въ составѣ посольства отбылъ изъ Константинополя и всю войну провелъ на европейскомъ театрѣ военныхъ дѣйствій, перемѣщаясь вмѣстѣ съ главной квартирой и будучи директоромъ дипломатической канцеляріи при главномъ штабѣ дѣйствовавшей арміи. Въ Санъ-Стефано онъ принялъ участіе какъ въ переговорахъ съ турецкими уполномоченными, такъ и въ выработкѣ мирнаго договора, выгоднаго для Россіи и передѣланнаго впослѣдствіи въ Берлинѣ. По заключеніи мира А. И. былъ російскимъ посланникомъ при дворахъ королевскомъ Саксонскомъ и герцогскомъ Саксенъ-Альтенбургскомъ до 1882 г., когда вновь вернулся въ

Константинополь, но уже на постъ російскаго чрезвычайнаго посла и полномочнаго министра. Представителемъ нашихъ политическихъ интересовъ въ Турціи покойный былъ въ теченіе пятнадцати лѣтъ и провелъ этотъ періодъ своей дѣятельности безусловно производительно, посвятивъ свои силы на упроченіе дружескихъ и мирныхъ отношеній между Россіей и Турціей. Онъ многое сдѣлалъ для упорядоченія армянскаго вопроса, урегулированія балканской распри, умиротворенія Крита и введенія новаго статута, смѣнившего Халепскій трактатъ. Съ 1897 г. А. И. Нелидовъ былъ російскимъ посломъ въ Римъ, съ 1894 г. онъ смѣнилъ князя Урусова въ Парижѣ и былъ представителемъ нашихъ интересовъ въ дружественной Франціи до послѣдняго дня своей жизни. Какъ въ Римѣ, такъ и въ Парижѣ покойный жилъ интересами Россіи. Передъ войной съ Японіей онъ сдѣлалъ все возможное, чтобъ приобрести въ Италіи два крупныхъ крейсера и тѣмъ усилить нашъ флотъ, но старанія его оказались тщетными, и двѣ крупныя боевыя единицы въ критическую минуту достались не намъ, а усилили Японію. Во Франціи онъ оказалъ мощное вліяніе на благопріятный исходъ гультскаго инцидента и на усиленіе денежныхъ средствъ путемъ займовъ. Одновременно покойный не переставалъ интересоваться и событіями въ Турціи и уже по удаленіи съ Востока онъ принималъ въ значительной мѣрѣ участіе, особенно въ разрѣшеніи критскаго вопроса. Находясь во главѣ посольства въ теченіе тридцати лѣтъ, А. И. умѣлъ сплотить отдѣльныхъ членовъ посольства въ тѣсную и замѣчательно работоспособную семью безъ тѣни бюрократизма. Подъ его руководствомъ работа кипѣла и спорилась и каждый чувствовалъ, что въ его рукахъ живое и нужное дѣло. Какъ человекъ, покойный отличался удивительнымъ доброжелательствомъ и привлекательностью; какъ дипломатъ, онъ былъ горячій и убѣдительный поборникъ справедливости и мирнаго пути въ разрѣшеніи спорныхъ политическихъ вопросовъ, причемъ польза и престижъ Россіи у него всегда были руководящимъ началомъ. Умеръ А. И. 74 лѣтъ, оставивъ по себѣ славную память вѣрнаго сына своей родины. (Некрологъ его: «Новое Время», 1910 г. № 12387).

† **Носъ, А. Е.** 12 сентября, послѣ долгой болѣзни, скончался извѣстный московскій дѣятель, Андрей Евдокимовичъ Носъ. Покойный родился въ 1845 году и былъ крестникомъ автора «Философическихъ писемъ»—П. Я. Чадаева. Онъ воспитывался въ межевомъ институтѣ, но съ половины шестидесятихъ годовъ слушалъ лекціи въ петербургскомъ университетѣ по юридическому факультету и затѣмъ, удостоенный степени кандидата правъ, получилъ званіе присяжнаго повѣреннаго. Эти занятія адвокатурой, преимущественно по гражданскимъ дѣламъ, продолжались въ теченіе болѣе сорока лѣтъ и отмѣтились вереницею юридическихъ трудовъ, какъ, напримѣръ: «Замѣчательныя судебныя дѣла», сборникъ процессовъ, характеризующихъ современныи бытъ общества (М. 1869 г., два тома), «Мировой судъ въ Москвѣ» (М. 1869 г., двѣ книги), «Русскія судебныя дѣла» (Бесѣда, 1871 г. кн. 1—3), рецензіи книгъ по юриспруденціи (тамъ же 1871 г., кн. 4 и 1872 г., кн. 4; Газета А. Гатцука 1880 г., № 51), «Сборникъ русскихъ законовъ о купеческомъ водоходствѣ» (М. 1881—1883 гг., двѣ части) и «Русскіе гражданскіе законы» (М. 1883—1886 гг., два тома). Въмѣстѣ съ адвокатскою дѣятельностью А. Е. Носъ,

живой и общительный по характеру, соединялъ исполненіе нѣсколькихъ должностей въ разныхъ обществахъ; такъ, онъ нѣсколько разъ избирался въ члены московскаго совѣта присяжныхъ повѣренныхъ, долгое время занималъ мѣсто казначея въ Обществѣ любителей россійской словесности (1884—1904 гг.) и состоялъ предсѣдателемъ Императорскаго общества содѣйствія русскому торговому мореходству. Издавая въ теченіе многихъ лѣтъ «Извѣстія» этого послѣдняго общества, покойный вмѣстѣ съ тѣмъ печаталъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» сообщенія о немъ (1891—1895 гг.), а также составилъ лучший біографическій очеркъ писателя-драматурга А. Н. Островскаго при двухъ изданіяхъ его «Сочиненій» (М. 1890 и 1896 гг.). Наконецъ остается прибавить, что А. Е. Носъ былъ хорошимъ коллекціонеромъ портретовъ русскихъ дѣятелей и въ частности отечественныхъ писателей. Эту весьма большую «портретную галерею» онъ еще при жизни завѣщалъ Московскому Публичному Музею и за это пожертвованіе былъ избранъ въ почетные члены. (Некрологъ его: «Московскія Вѣдомости» 1910 г., № 211).

† **Роборовскій, В. И.** Въ тверской губерніи скончался Всеволодъ Ивановичъ Роборовскій, извѣстный изслѣдователь Средней Азіи, бывшій сначала спутникомъ Пржевальскаго, а затѣмъ руководившій самостоятельной экспедиціей. Въ бытность свою юнкеромъ онъ былъ приглашенъ Н. М. Пржевальскимъ въ третью его экспедицію въ качествѣ помощника, причемъ имъ были посѣщены Хами, Сачжау, Нань-Шань, долина Мурь-усу и черезъ перевалъ Танла начато было движеніе къ Лхассѣ, которое однако было остановлено тибетцами верстахъ въ 250 отъ ихъ столицы. Затѣмъ В. И. участвовалъ въ четвертомъ путешествіи Пржевальскаго въ 1883—1885 г. г., когда изслѣдованы были истоки Желтой рѣки (Хуань-хэ) и водораздѣлъ между нею и Голубой рѣкой и пройденъ Цайдамъ къ озеру Лобь-нору. Въ 1888 г. В. И. отправился съ Пржевальскимъ въ пятую экспедицію послѣдняго, которая была прервана въ самомъ ея началѣ смертью Пржевальскаго въ Караколѣ (нынѣ Пржевальскѣ). Экспедиція эта возобновилась съ поставленіемъ во главѣ ея полковника Пѣвцова, по порученію котораго В. И. произвелъ рядъ самостоятельныхъ поѣздокъ въ горы и пустыни и снялъ на планъ около 2,800 верстъ маршрута. Въ 1893 г. В. И. былъ поставленъ во главѣ самостоятельной экспедиціи, которая занималась изслѣдованіемъ восточной окраины нагорной Азіи, работала въ Люкчунской котловинѣ, Большомъ Юлдусѣ, Наньшанѣ и намѣревалась затѣмъ пройти въ китайскую провинцію Сы-чуань, но должна была повернуть назадъ, такъ какъ В. И. постигъ параличъ. Оправившись, онъ прошелъ въ Сачжоу и вернулся въ предѣлы Россіи въ концѣ 1895 года. Нѣкоторое время В. И. еще могъ работать, но затѣмъ болѣзнь его получила дальнѣйшее развитіе, и послѣдніе годы онъ провелъ разбитый параличемъ, утративъ всякую способность къ какой-либо дѣятельности. Роборовскимъ былъ напечатанъ рядъ отчетовъ объ его путешествіяхъ, а отъ географическаго общества онъ имѣлъ высшую награду—Константиновскую медаль. (Некрологъ его: «Русскія Вѣдомости» 1910 г. № 206).

† **Романовичъ-Словатинскій, А. В.** Кіевскій университетъ Св. Владимира начинаеть новый учебный годъ скорбною утратою своего заслуженнаго профессора Александра Васильевича Романовича-Словатинскаго, скончавшагося

25-го августа. Покойный, сын дворянина, родился 2-го июля 1832 года въ Полтавской губерніи и, послѣ домашняго воспитанія, учился въ вѣжинской гимназій, а съ 1850 года на юридическомъ факультетѣ кievскаго университета. По окончаніи курса кандидатомъ (1855 года), онъ съ 1856 года былъ приглашенъ въ родной университетъ преподавателемъ гусударственнаго права, послѣ же пріобрѣтенія степеней магистра (1859 года) и затѣмъ доктора (1870 года) занялъ профессорскую кафедру по тому же предмету и состоялъ на ней свыше полувѣка. Долгая ученая служба покойнаго отмѣчена многими научными трудами, изъ которыхъ наиболѣе извѣстны: «Историческій очеркъ губернскаго управленія въ Россіи», магистерская диссертация (Кіевъ 1859 года, 155 стр.), «Дворянство въ Россіи отъ начала XVIII вѣка до отмѣны крѣпостного права», изслѣдованіе на степень доктора (Сиб. 1870 года, XXVI—562 стр.), «Пособіе для изученія русскаго гусударственнаго права», два выпуска (Кіевъ 1871 и 1873 гг.) и «Система русскаго гусударственнаго права въ его историко-догматическомъ развитіи», двѣ части (Кіевъ, 1884 и 1886 гг.). Кромѣ того, подъ его редакціей изданы «Собраніе сочиненій» Н. Д. Иванішева (Кіевъ, 1876-г.) и В. А. Незабитовскаго (Кіевъ, 1884 г.). Въ послѣдніе годы жизни почившій напечаталъ любопытныя воспоминанія подъ заглавіемъ: «Моя жизнь и академическая дѣятельность», 1832—1884 гг. («Вѣстникъ Европы» 1903 года, кн. 1—6), «Голосъ стараго профессора по поводу университетскихъ допросовъ» (Кіевъ, 1903 года) и рядъ «откликовъ» на современныя событія въ «Новомъ Времени» (1909 и 1910 г. г.) Въ послѣднемъ изъ такихъ «откликовъ» (1910 г., № 12 171) онъ, между прочимъ, писалъ: «кто слѣдилъ за моей полувѣковой академической дѣятельностью по моимъ лекціямъ и печатнымъ курсамъ, тотъ долженъ хорошо знать, какимъ я всегда былъ поборникомъ великой русскаго гусударственной идеи... Стоя на краю могилы, я не могу измѣнить моихъ прежнихъ воззрѣній, и теперь, какъ и прежде, преклоняюсь предъ державной нераздѣльностью русскаго гусударства, въ которомъ кроется міровая культурная сила и спасеніе славянскимъ племенамъ отъ ихъ раздробленности и пререканій». По всѣмъ важнѣйшимъ гусударственно-правовымъ вопросамъ мнѣніе Романовича-Словатинскаго, всегда принималось въ соображеніе другими изслѣдователями и цитировалось даже тогда, когда оспаривалось. Помимо чисто ученой дѣятельности, Романовичъ-Словатинскій имѣлъ значеніе и для другихъ, ближайшихъ къ ней областей жизни. Какъ профессоръ онъ пользовался огромнымъ уваженіемъ и большимъ авторитетомъ. Въ смутные годы онъ съ выдающимся тактомъ умѣлъ сохранять стоящіе на высотѣ современности правовые и гусударственные взгляды при совершенно отрицательномъ отношеніи къ крайностямъ и увлеченіямъ, захватившимъ какъ учащуюся молодежь, такъ и отчасти профессуру. вмѣстѣ съ тѣмъ никогда онъ не отступилъ отъ строгихъ правовыхъ завѣтовъ своихъ великихъ учителей въ сторону обратныхъ порывовъ. Въ трудныя или важныя минуты жизни гусударственный голосъ стараго кievскаго ученаго бывалъ слышенъ и въ Петербургѣ. Его искали и къ нему прислушивались, какъ къ надежному и вѣскому авторитету. (Некрологи его: «Московскія Вѣдомости» 1910 г. № 198 и «Новое Время» 1910 г. № 13378).

† Шмидтъ, Ю. А. Недавно перевезенъ въ Россію и похороненъ скончавшійся въ Женевѣ 66 лѣтъ отъ роду отъ рака желудка начальникъ кievской

военно-топографической съемки генераль-лейтенантъ Юлій Александровичъ Шмидтъ. Личность покойнаго геодезиста далеко не заурядная и за свою продолжительную службу онъ произвелъ очень много важныхъ государственныхъ работъ, преимущественно въ Востойной и Западной Сибири, гдѣ провелъ свыше 25 лѣтъ своей службы. Въ 1868 г. Ю. А. окончилъ военно-топографическое училище и сразу попалъ на серьезную работу—триангуляцію области Войска Донскаго. Въ 1875 г. онъ успѣшно оканчиваетъ геодезическое отдѣленіе академіи генеральнаго штаба и въ 1877 г. ведетъ астрономическія работы въ Добруджѣ и Болгаріи. Съ 1884 г. началась его служба въ Сибири, въ омскомъ военномъ округѣ, гдѣ онъ и служилъ почти до самой смерти въ должности начальника военно-топографическаго отдѣла. Въ 1885 году онъ принялъ участіе въ извѣстной саянской экспедиціи Н. П. Бобыря и впервые далъ рядъ астрономическихъ пунктовъ для картографіи дикой и неизвѣстной страны сойотовъ и урянховъ. Затѣмъ попутно съ руководствомъ обычными съемочными работами въ округѣ въ 1893 г. покойный принялъ участіе въ рекогносцировкахъ и установкѣ астрономическихъ пунктовъ на Забайкальской желѣзной дорогѣ и на золотыхъ мѣсторожденіяхъ дикаго Витимскаго округа. Въ 1905 г. Ю. А. назначается начальникомъ 2-й манчжурской съемки, въ 1909 г. начальникомъ кievской съемки. Покойный не мало посвятилъ своихъ трудовъ географическому обществу, въ качествѣ члена и предсѣдателя западно-сибирскаго его отдѣла. Онъ былъ знаткомъ всего Киргизскаго края и Семирѣчья и его перу принадлежатъ нѣсколько трудовъ по географіи, этнографіи и статистикѣ этой обширной области Сибири, помѣщенныхъ въ «Запискахъ западно-сибирскаго отдѣла И. Р. Г. О.». (Некрологъ его: «Новое Время», 1910 г. № 12386).

~~~~~

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

—

I.

По поводу воспоминаній П. П. Соколова.

Въ августовскомъ № «Историческаго Вѣстника» начались печатаніемъ воспоминанія Павла Петровича Соколова, въ которыхъ авторъ, говоря о моемъ отцѣ Александрѣ и дядѣ Карлѣ Павловичахъ Брюлловыхъ, излагаетъ нѣкоторые факты несогласно съ истиной, инымъ же придаетъ окраску, далеко не отвѣчающую дѣйствительности, что и вынуждаетъ меня обратиться въ редакцію съ покорною просьбою не отказать помѣстить въ одномъ изъ ближайшихъ книжекъ «Историческаго Вѣстника» нижеслѣдующія строки.

На страницѣ 385-й авторъ воспоминаній говоритъ: «Жена его (т. е. дѣда моего и автора записокъ) была за Павломъ Ивановичемъ Брюлло уже вторымъ бракомъ и принесла ему съ собою отъ перваго мужа сына Федора, а съ Брюлло

прижила сыновей Александра и т. д.». Это невѣрно: дѣдъ мой былъ женатъ два раза и отъ перваго брака у него былъ сынъ Федоръ; да иначе сей послѣдній и не могъ бы носить фамилю Брюлло.

На страницѣ 399 авторъ передаетъ, что Пушкинъ, незадолго до своей смерти посѣтивъ съ Жуковскимъ мастерскую Карла Павловича Брюллова и увидавъ у него альбомъ съ рисунками, сталъ на колѣни и умолялъ Брюллова дать ему одинъ изъ нихъ, но такъ ничего и не добился. Брюлловъ отказалъ мольбамъ Александра Сергѣевича.

И часто бесѣдовалъ съ покойнымъ отцомъ моимъ о его братѣ Карлѣ, но никогда ничего подобнаго не слыхалъ, а наоборотъ, помню изъ разсказовъ отца, что дядя Карлъ далеко не былъ скупъ на свои рисунки, неоднократно дарилъ таковыя пріятелямъ и ученикамъ и едва ли отказалъ бы Пушкину, съ которымъ былъ въ дружескихъ отношеніяхъ, въ его просьбѣ. Далѣе, разсказывая на страницѣ 401 о женитьбѣ Карла Брюллова на дѣвицѣ Тиммъ, авторъ не щадитъ красокъ для обрисовки дяди, какъ страшное исчадіе разврата, одержимаго какой-то ужасной болѣзью (какою—авторъ не говоритъ) и съ привычками, извѣстными автору записокъ, при которыхъ невозможно было допустить бракъ. По словамъ автора воспоминаній, Брюлловъ былъ «старый; пьяный сатиръ съ обрюзгшимъ и опухшимъ отъ пьянства и разврата лицомъ». Смѣю завѣрить, что такой портретъ есть результатъ пылкой фантазій автора воспоминаній. Покойная мать моя и тетка (мать автора записокъ) неоднократно передавали мнѣ, что Карлъ Брюлловъ былъ необычайно привлекателенъ, рѣчь его была плавная, образная, онъ былъ большой мастеръ читать стихи и взглядъ его дѣлался тогда какимъ-то восторженнымъ и голосъ чарующимъ... Какъ это далеко отъ того образа, который намъ рисуетъ авторъ записокъ! Несомнѣнно, что Карлъ Брюлловъ любилъ покутить съ приведенными въ запискахъ товарищами (онъ забылъ даже одного, нѣкоего Поливанова, котораго называли «Подливаловъ»—кто онъ былъ, я не знаю). Но эти пирушки были далеки отъ того, что авторъ записокъ характеризуетъ «безпробуднымъ пьянствомъ!» Коснувшись разъ женитьбы Карла Брюллова, я долженъ сказать, что образъ его жены, урожденной Тиммъ, представленный авторомъ какъ нѣжный, махровый, полный невинности цвѣтокъ, далеко не соответствуетъ разсказамъ, которые я слышалъ отъ современниковъ. Такъ я очень хорошо помню, что передавала мнѣ объ этомъ покойная мать моя (скончалась въ 1884 году). По ея словамъ бракъ этотъ былъ устроенъ посторонними и, главнымъ образомъ, отцомъ невѣсты, человекомъ, по словамъ матери моей, весьма несимпатичнымъ и сомнительной нравственности, дочь же представлялась моей матери далеко не такимъ невиннымъ ребенкомъ, какимъ рисуетъ ее Навель Соколовъ. Брюлловъ былъ въ нее страстно влюбленъ (онъ не былъ въ то время «обрюзгшимъ старикомъ», такъ какъ ему было всего около сорока лѣтъ) и какъ у человека страстно увлекающагося и увлекающагося красотою (а невѣста, говорятъ, дѣйствительно, была очень хороша) страсть эта быстро прошла и супруги, очень скоро увидавъ, что совмѣстная жизнь ихъ невозможна, разстались. Не желая кидать тѣнь на жену Карла Брюллова, смѣю завѣрить, опять-таки со словъ покойной матушки, что взваливать всю вину только на одного Карла Брюллова было бы далеко несправедливо ..

Наконецъ, не могу оставить безъ возраженія высказанный авторомъ записокъ на страницѣ 402 взглядъ на отношенія Карла Брюллова къ своему брату, моему отцу. Насколько братья были дружны вообще, отсылаю интересующихся къ опубликованной въ 1900 году въ журналѣ «Русская Старина» переписка братьевъ. По возвращеніи ихъ-за границы оба брата жили въ академіи художествъ и отца моего, уже въ то время женатаго, Карлъ (по словамъ той же покойной матушки моей) навѣщалъ очень часто, проводилъ цѣлые вечера, и вотъ тутъ-то онъ дѣлался тѣмъ интереснымъ собесѣдникомъ и увлекательнымъ рассказчикомъ, о которомъ упомянуто выше. Отомъ, что между братьями до конца жизни сохранились самыя лучшія отношенія, я могу заключить изъ того; что отецъ мой никогда иначе не отзывался о братѣ и вспоминалъ о немъ, какъ съ восторгомъ. Можетъ быть, при переѣздѣ черезъ Неву Карлъ и показалъ кукишъ по направленію брата, но смѣю завѣрить, что вообще братья жили душа въ душу...

Увѣреніе, что получивъ извѣстіе о смерти Карла Павловича (кстати замѣчу, послѣдовавшей въ 1852, а не 1857 году, какъ завѣряетъ П. Соколовъ), отецъ мой «поскакалъ, что называется на курьерскихъ, и успѣлъ положить въ свой карманъ четыреста пятьдесятъ тысячъ рублей прежде, нежели имущество было опечатано, скрывъ эти деньги и не подѣлвшись ни съ кѣмъ изъ родныхъ»—представляется сплошнымъ искаженіемъ истины, чтобы не сказать больше. Послѣ смерти Карла Брюллова наслѣдникомъ къ его имуществу являлся мой отецъ, такъ какъ по нашему законодательству сестры въ боковыхъ линіяхъ при братьяхъ не наслѣдницы и потому ему скакать на курьерскихъ изъ Петербурга въ Римъ не представлялось никакой надобности, а забрать оставшееся имущество до опечатанія его прямо невозможнымъ. Онъ, какъ я отлично помню, отправился на первомъ отходящемъ пароходѣ въ Любекъ или Штетинъ (хорошо не помню), а оттуда по желѣзнымъ дорогамъ въ Римъ, куда и прибылъ далеко не съ быстротою молніи (не надо забывать, что это происходило въ 1852 году, когда поѣзда желѣзныхъ дорогъ двигались не особенно быстро), и когда итальянскими властями совмѣстно съ нашимъ консуломъ были уже давно приняты всѣ предохранительныя мѣры. Унаслѣдовалъ мой отецъ, кромѣ движимаго имущества, состоявшаго главнымъ образомъ изъ начатыхъ полотенъ и рисунковъ (многое было расхищено), деньгами около двадцати тысячъ рублей, и откуда взялъ авторъ воспоминаній цифру четыреста пятьдесятъ тысячъ рублей,—онъ, думаю, и самъ не могъ бы сказать, да такую сумму Карлъ Брюлловъ за всю свою художественную дѣятельность не получилъ. (за «Послѣдній день Помпеи» онъ получилъ пятнадцать тысячъ рублей ассигнаціями!) Оставляя въ сторонѣ мелкіе недочеты записокъ (такъ, напримѣръ, авторъ ихъ упорно называетъ извѣстнаго медальера графа Федора Петровича Толстого Федоромъ Павловичемъ и т. д.) и не желая бросать какую-либо тѣнь на покойнаго двоюроднаго брата моего, составителя записокъ, такъ какъ настоящимъ возраженіемъ моимъ руководило лишь желаніе восстановленія истины, выскажу лишь предположеніе, что недружелюбное и даже враждебное отношеніе какъ къ дядѣ, такъ и отцу моему, объясняется отчасти запамятованіемъ фактовъ по преклон-

ному возрасту, такъ отчасти потому, что авторъ записокъ до смерти Карла Брюллова не примирился съ нимъ, съ отцомъ же моимъ не видался долгіе годы и не бывалъ въ нашемъ домѣ...

В. А. Брюлловъ.

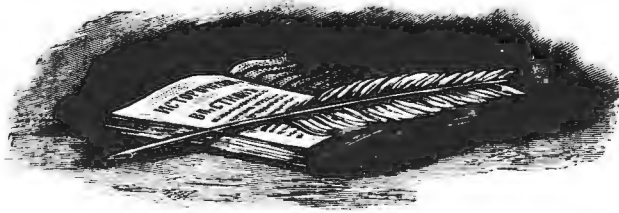
II.

Къ некрологу М. П. Садовскаго.

Въ некрологѣ М. П. Садовскаго, перепечатанномъ изъ газеты «Рѣчь», («Историческій Вѣстникъ», сентябрь, страница 1133), Михаилу Прововичу неправильно приписаны рассказы: «О французской революціи», «О Наполеонѣ на островѣ святой Елены», «Рассказъ татарина», «Встрѣча двухъ пріятелей» и др., будто бы первоначально печатавшіеся въ «Артистѣ», «Русскомъ Вѣстникѣ», «Русскомъ Обзорѣніи», а въ 1899 году вышедшіе отдѣльнымъ изданіемъ, въ двухъ томикахъ.

Всѣ названные рассказы принадлежатъ Прову Михайловичу Садовскому (†1872) и, по словамъ В. И. Родиславскаго, «никогда не были напечатаны, врядъ ли они когда были и написаны, а просто сначала импровизовались, потомъ запоминались и рассказывались». («Русскій Вѣстникъ», 1872). Впрочемъ, одинъ изъ этихъ рассказовъ («О французской революціи») напечатанъ въ «Русскомъ Архивѣ» (№ 2, 1873 года) въ передачѣ бывшаго режиссера московскаго Малаго театра С. П. Соловьева, сослуживца Прова Садовскаго.

Павелъ Россіевъ.

— Ни къ чему!—отвѣтилъ Жанъ.—Наша задача довольно тяжела. Во всемъ этомъ виновата Изабелла; если бы не она, мы удержали бы его въ замкѣ.

— Зачѣмъ вспоминать о томъ, что доставило мнѣ столько страданій,—прошептала Прэнгей съ горечью: —я и такъ постоянно объ этомъ думаю.

— Прости, дорогой, бѣдный другъ мой,—произнесъ виконтъ.—Я страдаю такъ же, какъ и ты. Да, не очень легко служить королямъ!

Въ это время принцъ и графъ де-Тейксъ шли скорымъ шагомъ по улицѣ Сентъ-Онорэ, не замѣчая работника Кантекора, слѣдовавшаго за ними по стопамъ. Выполняя приказаніе Фуше, онъ каждый день въ другомъ платьѣ выслѣживалъ принца, зналъ его жилище, его визиты къ Борану, его знакомства, связи, привычки, словомъ, всю его жизнь до мельчайшихъ подробностей. До сихъ поръ ему не удалось подмѣтить ничего подозрительнаго. Молодой человекъ держалъ свое слово; онъ былъ офицеромъ императора; поведеніе его было безупречно. Увидя теперь «своего принца», какъ онъ звалъ его, въ сопровожденіи графа де-Тейкса, полицейскій поморщился сначала, а затѣмъ кинулся, вдвойнѣ заинтересованный, по этому двойному слѣду. Графъ де-Тейксъ оставался для него живой загадкой; несмотря на всѣ свои поиски, справки, онъ ничего не понималъ въ этой исторіи. Былъ ли это гвардеецъ изъ фѣрмы при Аустерлицѣ, или кто-нибудь изъ родственниковъ—это была тайна для Кантекора. Если бы онъ не былъ привязанъ со всѣхъ сторонъ къ Гранли, такъ какъ теперь онъ даже питалъ къ нему чувство привязанности (такъ же, какъ крестьянинъ любитъ поле, которое онъ воздѣлываетъ), онъ бы продолжалъ начатые розыски и отправился бы въ Морбиганъ, чтобы собрать свѣдѣнія на мѣстѣ. Теперь онъ долженъ былъ оставаться въ Парижѣ. На этотъ разъ, очевидно, судьба улыбнулась ему; предстояла бесѣда молодыхъ людей, которая не могла не дать нѣкоторыхъ разъясненій; Кантекоръ прилагалъ всѣ старанія, чтобы ничего не упустить, и шелъ слѣдомъ за молодыми людьми. Оба они болтали безъ всякаго стѣсненія, думая, что ихъ никто не замѣчаетъ въ этой шумной толпѣ; одинъ изъ нихъ былъ беззаботенъ по натурѣ, другой совершенно ко всѣмъ событіямъ равнодушенъ, будь это даже катастрофа. По улицѣ Сентъ-Онорэ они дошли до пустырей Елисейскихъ полей. Тейксъ шелъ за принцемъ, отнынѣ совершенно подчиняясь верховной его волѣ. Тамъ, гдѣ они остановились, за громадной бузиной стояла уединенная деревянная скамейка. Гранли посмотрѣлъ на часы, и убѣдившись, что имѣетъ еще цѣлый часъ времени, сѣлъ на скамью, жестомъ пригласивъ своего спутника послѣдовать его примѣру. Кантекоръ скользнулъ за дерево и растянулся на землѣ въ позѣ заснувшаго послѣ тяжелаго труда работника. Съ закры-

тыми глазами онъ приготовился ловить каждое ихъ слово. Тѣ, которыхъ онъ выслѣживалъ, и не подозрѣвали объ его присутствіи.

— Графъ,—обратился къ де-Тейксу принцъ:—мнѣ извѣстно дѣятельное участіе всѣхъ членовъ вашей семьи въ антиреволюціонномъ движеніи—вашего отца, вашихъ дядей; одинъ изъ нихъ умеръ, со шпагой въ рукѣ, при Тентеньякѣ... Какія времена! Какіе люди!.. Но что случилось съ вашимъ отцомъ?

— То, что вы спрашиваете, принцъ,—сказалъ бретонецъ,—я не сказалъ бы никому на свѣтѣ, такъ какъ это тайна моей жизни. Но вы имѣете право все знать, и я обязанъ все рассказать вамъ; тогда вы поймете, почему я не могу, несмотря на мою горячую преданность, отдать вамъ мою жизнь, ибо она болѣе мнѣ не принадлежитъ. Я поступилъ въ императорскую армію съ единственной надеждой и желаніемъ быть убитымъ въ первомъ же сраженіи. Это единственный видъ самоубійства, который разрѣшаетъ мнѣ моя религія.

— Графъ, графъ, вы произносите слова, противныя всякой религіи... Зачѣмъ вамъ умирать въ двадцать пять лѣтъ, когда немного погодя, если будетъ угодно Богу, я высоко поставлю васъ и докажу вамъ свою любовь и дружбу.

— Благодарю васъ, принцъ,—печально произнесъ графъ:—но теперь это слишкомъ поздно... это мой обѣтъ и я не могу ему измѣнить.

— Преступные обѣты не имѣютъ значенія...

— Увы! выслушайте мою тяжкую исповѣдь, я только что говорилъ вамъ объ отважномъ поступкѣ моей матери въ разгаръ террора, посреди опасностей, о партіи въ шахматы съ Робеспьеромъ, которой она спасла жизнь своему мужу... Дѣйствовала она такимъ образомъ... если только это правда, великій Боже!.. не изъ любви, а побуждаемая угрызениями совѣсти. Цѣной такого самоотверженія она хотѣла загладить старую вину, извѣстную только ей одной, хотѣла оправдаться передъ своею совѣстью.

— Да, цѣной геройскаго поступка, жертвы, самоотверженія... такъ какъ она была виновна... и съ давнихъ поръ уже.

Голосъ молодого человѣка прервался глухимъ рыданіемъ. Съ глубокимъ сожалѣніемъ, молча смотрѣлъ на него Гранли.

Графъ де-Тейксъ продолжалъ:—Только моему королю я довѣряю эту тайну... больше никому.

Гранли успокоилъ его жестомъ.

— Никто, кромѣ меня, не будетъ знать этого,—сказалъ онъ.

Тогда бретонецъ, съ глубокимъ вздохомъ, съ выраженіемъ тяжкаго горя, рѣшилъ поднять завѣсу надъ своимъ прошлымъ. Въ общихъ чертахъ, съ усиліемъ, смущаясь, страдая, рассказалъ онъ то понижавшимся, то повышавшимся голосомъ о событіяхъ, слу-

чившихся въ его семьѣ; иногда онъ останавливался; воспоминанія, казалось, душили его. Ужасное прошлое терзало его и вѣчно сопровождало его воспоминанія.

Въ 1775 году Амели де-Сентре вышла замужъ за графа Оливье де-Тейкса; въ теченіе четырехъ лѣтъ у нихъ появилось два сына; первымъ родился Арманъ, явившійся на свѣтъ черезъ три года супружеской жизни; затѣмъ, въ 1780 году Эдмондъ, тотъ, который рассказывалъ теперь эту исторію. Они жили въ деревнѣ, въ замкѣ, вдали отъ свѣта; тѣмъ не менѣе, начиная съ первыхъ мѣсяцевъ ихъ супружеской жизни, они проводили отъ времени до времени нѣсколько недѣль въ Парижѣ, у стараго барона де-Тревьеръ-Габанкуръ, который былъ ихъ дальнимъ родственникомъ. У него собиралось всегда большое общество; время проводили очень весело. Нравы были легкіе. Графиня Амели была рѣдкой красоты; постоянно окруженная поклонниками, она дѣлала, что хотѣла, такъ какъ мужъ, оказывая ей самое глубокое уваженіе, всецѣло довѣрялъ ей, несмотря на то, что она была младше его на пятнадцать лѣтъ. Строгая добродѣтель, царившая въ продолженіе трехъ вѣковъ въ этихъ двухъ семьяхъ, являлась порукой за дальнѣйшую добродѣтель.

И на самомъ дѣлѣ, проходили годы и ни малѣйшее подозрѣніе не коснулось этой восхитительной женщины; ни одно облачко не затемнило ясность и чистоту супружескихъ отношеній. На нихъ указывали, какъ на примѣрныхъ супруговъ. Несмотря на все это, графиня впадала иногда въ меланхолію, порой чрезвычайно мрачную, безъ всякой видимой причины. Тогда мужъ рѣшалъ: «Это слѣдствіе нашихъ тумановъ, вѣтровъ съ моря; твоя душа мерзнетъ... Поѣдемъ развлечься въ Парижъ».

Въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ они уѣзжали въ Парижъ на осень; въ 1785 года она неожиданно и рѣзко отказалась отъ поѣздки и заявила, что отнынѣ не покинетъ своего суроваго Морбигана. Графъ не настаивалъ; но съ тѣхъ поръ онъ ѣздилъ одинъ, на зиму, оставляя мать и подрастающихъ дѣтей. Мать была добра, но не была справедлива. Старшему она оказывала предпочтеніе, которое ничѣмъ не оправдывалось. Арманъ де-Тейксъ росъ буйнымъ мальчикомъ, сварливымъ, нелюбимымъ всѣми, жестокимъ къ животнымъ и глубокимъ эгоистомъ.

Эдмондъ, рассказывая про себя, не могъ хвалить себя; во всякомъ случаѣ онъ и въ дѣтствѣ отличался мечтательностью и состраданіемъ. Внезапно надъ Франціей разразилась политическая буря; съ четырехъ угловъ страны подулъ вѣтеръ, нагнавшій грозу, которая срывала крыши, валила башни, опрокидывала колокольни, срывала кресты съ церквей.

Въ воздухѣ раздавался грозный ревъ, головы падали съ плечъ; дворянство пряталось въ замкахъ или бѣжало.

Тогда всѣ, кто носилъ имя де-Тейковъ, принцевъ де-Круа, организовали отряды, подняли бѣлое знамя и пошли на революціонеровъ. Они соединились съ Кадудалемъ и съ своей стороны начали партизанскую войну. Старшій изъ нихъ, графъ Оливье, былъ арестованъ во время перемирія во дворѣ своего замка.

Что касается графа, то, спасенный чудомъ отъ ужасовъ тюрьмы и эшафота, онъ на всю жизнь сохранилъ къ нимъ болѣзненный страхъ и отвращеніе; преисполненный благодарности и благоговѣнія къ спасшей его благороднѣйшей женщинѣ, онъ съ тѣхъ поръ жилъ исключительно для нея и своихъ дѣтей. Въ противоположность графинѣ, онъ показывалъ болѣе расположенія къ Эдмонду, старшаго это огорчало и онъ не скрывалъ своей ревности.

Препровожденный въ Парижъ, онъ считался уже погибшимъ. Но жена его, оставивъ сыновей, изъ которыхъ одному шелъ пятнадцатый годъ, а другому—четырнадцатый, на попеченіе испытанныхъ слугъ, послѣдовала за мужемъ и прибыла въ Парижъ. Черезъ три дня послѣ того она вошла въ кафе Регента, сыграла съ Робеспьеромъ въ шахматы и, выигравъ партію, получила въ уплату голову своего мужа. Съ торжествомъ вернулись они въ свою глухую Бретонію; съ тѣхъ поръ графиня Амели, ставшая народной героиней, забыла, казалось, о своемъ старомъ горѣ.

Между мальчиками не было согласія; они были совершенно разныхъ характеровъ, взглядовъ и не могли поэтому близко сойтись. Съ возрастомъ увеличивалось ихъ отчужденіе; они стали относиться другъ къ другу враждебно.

Оба они походили на свою мать; сходство было поразительное: они унаслѣдовали ея тонкія и правильныя черты лица, цвѣтъ ея волосъ, глазъ; разница была лишь въ выраженіи лица, надменномъ, холодномъ у одного и серьезномъ и грустномъ у второго. Похожіе, какъ двѣ капли воды, они ненавидѣли другъ друга. Въ 1804 году разыгралась тяжелая, семейная драма, разбившая навсегда монотонную жизнь обитателей уединеннаго замка.

Однажды на прогулкѣ графиня Амелия была застигнута проливнымъ дождемъ и вернулась домой, вымокшая до послѣдней нитки. Вечеромъ, ложась въ постель, она почувствовала сильнѣйшій ознобъ, а на другой день эта слабая здоровьемъ женщина была тяжело больна. Деревенскій докторъ, не имѣвшій серьезныхъ знаній, растерялся у постели своей знатной пациентки и лечилъ ее такъ неудачно, что на третій день уже стало очевиднымъ, что она умираетъ. Тогда явился священникъ, кюрэ Гезриль; его считали святымъ; это былъ фанатикъ, съ усердіемъ исполнявшій свои духовныя обязанности. Сынъ крестьянина, не получившій другого образованія, кромѣ семинарскаго, до ужаса боявшійся грѣха, онъ могъ воодушевлять простыхъ и грубыхъ души крестьянъ, могъ ихъ удерживать, укрѣплять, дѣйствовать на нихъ угрозами, но у по-

стели умирающей свѣтской женщины онъ былъ совѣтъ не на мѣстѣ. Около часа оставался онъ у графини Амеліи. Черезъ запертую дверь графъ съ своими сыновьями слышалъ нѣсколько разъ, какъ повышался голосъ больной, съ какимъ страдальческимъ выраженіемъ она повторяла: «я не хочу!» Затѣмъ они слышали шопотъ, иногда повелительный голосъ священника, настаивавшаго на чемъ-то, чему графиня уже не сопротивлялась, два слова слышались чаще другихъ: «ложь! лицомѣріе!»

Наконецъ на порогѣ открывшейся двери появился съ суровымъ, жесткимъ выраженіемъ глазъ кюрэ Герзиль.

— Войдите! Пусть войдутъ также всѣ слуги... необходимо, чтобы всѣ слышали ея исповѣдь. Такъ желаетъ Господь. Это единственный способъ спасти ея грѣшную душу. Этой цѣной она пріобрѣтаетъ себѣ прощеніе и спасеніе!

Мужъ, дѣти въ глубокомъ изумленіи вошли вмѣстѣ съ семью или восемью слугами въ комнату умиравшей.

Опрокинувшись на подушки, съ потемнѣвшимъ лицомъ, угасающимъ взглядомъ, графиня Амелія не могла уже ничего говорить.

Неумолимый священникъ произнесъ суровымъ голосомъ:

— Теперь, грѣшная женщина, исповѣдайте свои заблужденія. На васъ смотритъ и слушаетъ Господь!

Она заговорила медленнымъ, едва слышнымъ, выходящимъ какъ бы изъ могилы голосомъ, окидывая взоромъ всѣхъ стоявшихъ вокругъ ея постели.

— Слушайте вы всѣ. Я всѣхъ обманывала. Я казалась хорошей женой; я была виновата передъ мужемъ. Простите меня! Оливье, бѣдный другъ мой, вы дрожите отъ неожиданности, отъ ужаса... Вы думаете, что я брежу... Нѣтъ, я говорю правду... я васъ обманывала. Одинъ изъ нашихъ сыновей—не вашъ сынъ...

Графъ Оливье, сдѣлавшійся мертвенно-блѣднымъ, сжалъ руки.

Въ то время, когда она говорила про дѣтей, раздались два восклицанія, одно яростное, другое страдальческое.

— Который?—вскрикнулъ Арманъ.

Умирающая задыхалась, ей не хватало воздуха.

Арманъ рѣзко повторилъ, топая ногой:

— Который?

Она едва слышно прошептала:

— Простите меня!

Никто не отвѣтилъ ей; только Эдмондъ приблизился къ ней и стоялъ молча, опутивъ голову.

Вдругъ графиня Амелія, сдѣлавъ послѣднее усиліе, подняла голову, обернулась въ сторону кюрэ и, смотря ему въ глаза, сказала хриплымъ голосомъ.

— Что вы сдѣлали, что вы сдѣлали!..

Съ протянутыми руками, онъ бормоталъ молитвы. Ошеломленные, испуганные слуги присутствовали при этой сценѣ, которая была выше ихъ пониманія. Графъ Оливье и его сыновья стояли неподвижные, растерянные, волнуемые различными чувствами.

Умирающая обвела ихъ послѣднимъ взглядомъ и отдала Богу душу.

Она умирала въ отчаяннiи отъ сознанія того страданія, что внесла въ души обожавшихъ ее людей, умирала одинокая, проклинаемая, покинутая всѣми.

Священникъ продолжалъ проповѣдывать:

— Вся жизнь ея состояла изъ лжи и обмана. Она виновна болѣе чѣмъ другія, такъ какъ она была знатна. Она должна была искупить свои грѣхи чистосердечнымъ признаніемъ передъ всѣми, передъ людьми, которымъ она сдѣлала столько зла, должна была вымолить ихъ прощеніе...

— Довольно!—крикнулъ вдругъ Арманъ де-Тейксъ;—подите вонъ отсюда!

Священникъ вышелъ, ни на мгновеніе не пожалѣвъ о томъ отчаяннiи, которое онъ внесъ въ семью своимъ разоблаченіемъ.

Въ этотъ же вечеръ графъ Оливье де-Тейксъ прострѣлилъ себѣ голову, не имѣя силъ проклясть ту, которую онъ такъ любилъ и которая спасла ему жизнь.

Оставшись одни, враждующіе братья обвиняли другъ друга въ незаконномъ происхожденіи.

Приглашенный ими кюрэ, поднявъ глаза къ небу, на всѣ вопросы отвѣчалъ одной фразой:

— Это знаетъ одинъ Господь!

Искать отвѣта на терзавшій ихъ вопросъ въ сходствѣ было немислимо... Оба брата были вылитымъ портретомъ ихъ матери. Тогда они рѣшили разстаться навсегда, покинуть свою страну, замокъ и забыть по возможности другъ друга. Въ теченіе года поля, лѣса, фермы, замокъ, все было распродано по частямъ. Древнее владѣніе графовъ де-Тейксевъ болѣе не существовало. Послѣдніе представители этого рода раздѣлили между собою вырученныя за продажу деньги и разѣхались въ разныя стороны.

— Я знаю,—добавилъ Эдмондъ:—что мой братъ поступилъ на службу къ великому князю Константину. Онъ былъ сильно раненъ въ битвѣ подъ Аустерлицемъ, но могучая натура, взяла верхъ и онъ поправился. Быть можетъ, что въ одинъ прекрасный день я встрѣчусь съ нимъ.

— И тогда?—спросилъ Гранли.

— А тогда,—отвѣтилъ Эдмондъ суровымъ тономъ, заставившимъ принца содрогнуться,—тогда... такъ какъ онъ теперь русскій, а я французъ... горе намъ обоимъ! Вы понимаете теперь, принцъ,—закончилъ онъ:—почему я тягочусь моей жизнью; я не могу забыть

нашу позорную драму, мою мать, такъ трагически окончившую свою жизнь, отца, плавающего въ крови, все безчестіе и смерть моихъ, разореніе нашего гнѣзда; я долженъ умереть; я далъ этотъ обѣтъ... я не существую болѣе...

— Эдмондъ де-Тейксъ,—произнесъ съ глубокою нѣжностію Гранли:—я надѣюсь доказать вамъ, что у васъ есть другая обязанность; сынъ и племянникъ сотоварищей Тентеньяка и Кадудала не долженъ умереть бесполезно. Мы будемъ вмѣстѣ сражаться... подъ градомъ пуль вы измѣните свое рѣшеніе...

Онъ всталъ и пошелъ дальше вмѣстѣ со своимъ новымъ другомъ. Проходя мимо храпѣвшаго на травѣ Кантекора, они остановились и принцъ замѣтилъ:

— Вотъ счастливецъ,—спитъ, какъ праведникъ... Какъ я ему завидую!

Когда они отошли отъ полицейскаго на сто шаговъ, Кантекоръ съ видомъ просыпающагося отъ долгаго и крѣпкаго сна человѣка поднялся, сѣлъ на траву и, протирая глаза кулаками, пробормоталъ:

— Какая тяжесть свалилась съ моихъ плечъ! Теперь, наконецъ, я понимаю... Мертвые не встаютъ... Нѣтъ, нѣтъ... Я очень радъ... все же у меня было кое-что на совѣсти. Значитъ, графъ Тейксъ не одинъ... ихъ два; этотъ и мой... и мой живъ!..

Вставъ на ноги, онъ посмотрѣлъ въ сторону, куда пошли «его молодые люди» и увидѣлъ, что въ этотъ моментъ Гранли, пожавъ руку де-Тейксу, сѣлъ въ очень элегантный, но безъ герба, закрытый экипажъ, стоявшій на углу аллеи Вдовъ...

— Однако, что это значить,—сказалъ онъ:—мой принцъ куда-то ѣдетъ, я теряю хорошій случай....

Въ это же время его вниманіе было привлечено двумя торговцами овощей, которые шли передъ нимъ и также внимательно разглядывали удалившійся быстро экипажъ.

Кантекоръ остановился, фыркнулъ, потеръ себѣ носъ и проворчалъ:

— Я знаю эти милыя фізіономіи... это такъ же вѣрно, какъ то, что существуетъ Богъ.

Онъ опередилъ ихъ, потомъ неожиданно повернулъ назадъ и столкнулся съ ними носъ къ носу. Оба торговца нахмурили брови подъ своими соломенными шляпами и подвинулись влѣво, къ берегу озера. Кантекоръ былъ, видимо, раздосадованъ. Онъ ворчалъ:

— Гуртуль изъ Прованса, Тронкой изъ Артуа, оба шпиона роялистовъ по слѣдамъ «моего принца»; это мнѣ не правится... Пусть они не вмѣшиваются въ мои дѣла... Я не допущу, чтобы они дотронулись до «моего молодца»!

Онъ шелъ за огородниками, чувствующими, что за ними слѣдятъ. Пройдя нѣсколько шаговъ, они раздѣлились и пошли въ разные стороны.

— Замечайте слѣды, замечайте, не проведете меня, я стрѣляная ворона,—подумаль Кантекоръ, повернувъ за Гуртуломъ, который казался ему болѣе опаснымъ.

Тѣмъ временемъ коляска, уносившая принца, повернула къ Сенѣ, проѣхала набережную и поднялась къ Шальо со стороны Отейля. На границѣ двухъ деревушекъ экипажъ остановился передъ бѣлымъ зданіемъ, утопавшимъ въ зелени тополей, ивъ, розовыхъ кустовъ и лилій. Это былъ прежній Фоли-Бегоньеръ.

Въ срединѣ восемнадцатаго столѣтія господинъ де-ля-Бегоньеръ, совѣтникъ парламента въ Парижѣ, на шестидесятомъ году увлекся восемнадцатилѣтней танцовщицей, по имени Розалинда. Чтобы скрыть свою тайну, этотъ важный сановникъ выстроилъ въ глухой деревнѣ этотъ пріютъ для любви и наслажденій.

Въ чащѣ деревьевъ красовался «маленькій домикъ», окруженный лужайками, цвѣтниками, отражавшійся въ искусственномъ озерѣ своей черепичной крышей и позолоченными балконами. Въ небольшомъ паркѣ, на поворотѣ одной аллеи, возвышался храмъ любви, въ родѣ бесѣдки, поддерживаемой каменными колоннами, обвитыми доверху зеленью и цвѣтами, въ которой, на пьедесталѣ изъ рубчатого камня, стоялъ купидонъ, направлявшій на проходящихъ свои стрѣлы. Черезъ густо заросшую зелень рѣшетку, которая окружала домикъ, не могъ проникнуть ни одинъ любопытный взоръ. Важная тѣнь сановника и легкій призракъ юной танцовщицы не нарушали покоя своего прежняго жилища. Со времени ихъ пребыванія тамъ, которое, вѣроятно, не было долговременнымъ, домикъ оставался пустыннымъ, покинутымъ; по прихоти Полины Боргезе онъ былъ купленъ и возобновленъ.

Какъ только коляска подѣхала, въ рѣшеткѣ открылась дверь, Гранли спрыгнулъ съ экипажа и вошелъ въ нее.

Въ саду принца встрѣтила итальянка, повѣренная Полины; она приняла его очень привѣтливо, улыбаясь, показывая ослѣпительной бѣлизны зубы. Молодая, черноволосая, съ смуглой съ золотистымъ отливомъ, какъ у персика, кожей, съ глазами, въ которыхъ свѣтилось солнце Тосканы, она была прелестна.

— Это ты, Марія?.. А принцесса?

Улыбаясь, широкимъ жестомъ она показала на домикъ подъ деревьями. Принцъ поспѣшилъ въ ту сторону, откуда слышался молодой, привѣтливый голосъ:

— Здравствуйте, Гранли!

Въ комнатѣ было темно; на порогѣ молодой человекъ остановился, ослѣпленный рѣзкимъ переходомъ отъ свѣта къ темнотѣ. Взрывъ хохота указалъ ему направленіе; онъ различилъ бѣлую фигуру, лежащую на низкомъ диванѣ.

— Полина, Полина!

Черезъ секунду онъ былъ передъ нею и упалъ на колѣни на бархатную подушку, брошенную у ея ногъ. Отъ восторга и волненія онъ не былъ въ состояннн произнести ни одного слова.

— Я должна побранить тебя,—начала Полина,—за твою вечерашнюю смѣлость .. Ты идешь навстрѣчу опасности...

— Для того, чтобы тебя увидѣть скорѣе, я ни передъ чѣмъ не остановился бы...

— Ты могъ бы потерять меня!..

— Если бы ты меня прогнала, я бы не сказалъ ни слова...

— Злой!

И своей маленькой, нѣжной, теплой ручкой она закрыла ему ротъ. Онъ осыпалъ поцѣлуями ея ладонь.

Полина, покачивая своей бѣлокурой головкой Діаны, повела своего принца осмотрѣть принадлежавшія ей владѣнія; они блуждали по лужайкамъ, тропинкамъ, аллеямъ, подъ вѣковыми деревьями, нагибались надъ прудомъ, чтобы увидѣть свое изображеніе; минутами останавливались, чтобы посмотреть другъ другу въ глаза или обмѣняться шылкими признаніями... и все кончалось поцѣлуями... Въ храмѣ любви они поклялись въ вѣчной любви.

Прошлое, настоящее—все было забыто; въ эти часы любви и блаженства не существовало ни принца, ни принцессы, ни этикета, ни церемоній; были влюбленные, похожіе на всѣхъ другихъ влюбленныхъ и пѣвшіе одну и ту же старую и вѣчно новую пѣсню. Въ эти часы они были искренни; Полина любила своего короля такъ, какъ только она умѣла и могла любить; онъ обожалъ, боготворилъ ее до забвенія всего на свѣтѣ.

Полина и Гранли поступали такъ же, какъ и всѣ. Только настоящее было для нихъ важно. А будущее? О будущемъ не задумывались, все равно, оно не могло ихъ миновать. Будущее представлялось слишкомъ неопредѣленнымъ тому, кто рѣшался приподнять край завѣсы; довольствуясь настоящимъ, удваивали силу впечатлѣній и ощущеній. «Все, все сейчасъ», таковъ былъ девизъ того времени.

Избѣгнувшіе гильотины продолжали жить безопасно. Пушки, смѣнившіе гильотину, все такъ же напоминали людямъ о краткости ихъ жизни. Философія фатализма укрѣпилась въ арміи, притупила горечь изгнанія, порождала событія. Судьба покровительствовала императору. Но въ первомъ же сраженіи императоръ могъ погибнуть... и тогда? Объ этомъ не заботились двое влюбленныхъ...

— Луи!

— Полина!

Разговоръ продолжался, легкій, безсвязный; отъ признаній переходили къ воспоминаніямъ, предположеніямъ, мечтамъ, затѣмъ возвращались опять къ своей любви, своему счастью...

Какимъ образомъ принцесса Боргезе, забывъ о своемъ августѣйшемъ супругѣ, о царственномъ братѣ, о своемъ происхожденіи, могла такъ легко отдаться врагу своего рода, она, изъ семьи Бонапартовъ,—этому послѣднему потомку Бурбоновъ?

Женщина, которая посылаетъ своего возлюбленнаго «отличиться на полѣ сраженія», не можетъ отпустить его, не обласкавъ сначала. Иначе можетъ случиться плохое дѣло, если онъ погибнетъ, не получивъ ничего.

Гранли потребовалъ задатокъ.

Полина великодушно согласилась. Она поздравила его съ поступленіемъ въ благородный полкъ, найдя, правда, что чинъ лейтенанта нѣсколько скромнѣе.

— Ваша Жозефина,—сказала она,—могла бы устроить дѣло получше.

Затѣмъ она прошлась насчетъ императрицы.

— Я не знаю, какъ это кончится, но очень странно, что эта женщина окружена злѣйшими врагами императора, что ей нравится ихъ общество и что она поддерживаетъ ихъ честолюбіе...

— А вы?—возразилъ, поддразнивая ее, Гранли.

Съ поблѣднѣвшимъ отъ гнѣва лицомъ, съ блестящими глазами, что еще увеличивало ея красоту, она разразилась градомъ упрековъ:

— Я? я? Развѣ я измѣняю? Знайте разъ навсегда, что я никогда не измѣню, что бы ни случилось! Я люблю Наполеона, я ему обязана всѣмъ, и я сама бонапартистка до мозга костей. Я люблю васъ; но это мое дѣло. Вы—король. Это меня не касается. Если бы вы были революціонеръ, это было бы все равно. Я обратила на васъ вниманіе, не зная, кто вы. И вы это прекрасно знаете, вы просто желаете, чтобы я вамъ это повторяла! Я помогу вамъ выбратьъ изъ неизвѣстности, я обѣщала вамъ это, но только не въ ущербъ моему брату. А если вы будете злоумышлять противъ него... я сумѣю наказать васъ.

— Какимъ образомъ?

— О, это очень просто. Я разлюблю васъ!

— Это будетъ моимъ смертнымъ приговоромъ.

Они улыбались, смотря въ глаза другъ другу. Усѣвшись на скамью около птичника съ голубыми птицами, Гранли рассказалъ ей всѣ событія, случившіяся съ нимъ съ того времени, какъ онъ покинулъ Италію. Она дрожала, слушая объ ужасахъ ночи, проведенной у Борана; при имени Фушэ, она блѣднѣла.

— Я ничего не боюсь,—сказала она:—но этотъ человѣкъ приводитъ меня въ содроганіе. Съ его свинцоваго цвѣта лицомъ, красными глазами, его молчаніемъ, ледянымъ выраженіемъ, онъ имѣетъ видъ вампира.

Она еще болѣе испугалась, узнавъ, что онъ говорилъ объ Италіи, о Римѣ, о ней самой.

— Откуда зналъ онъ все?

— Онъ все знаетъ,—прошептала Гранли.

— И ты увѣренъ, что онъ искрененъ, что онъ не предастъ тебя, не выдастъ тому или другому?

— Нѣтъ,—отвѣтилъ проникательный юноша:—во всякомъ случаѣ не теперь еще. Онъ меня бережетъ... чтобы предать тому, кто больше дастъ...

Еще разъ ихъ коснулось дыханіе окружавшей ихъ драмы; они чувствовали, что почва колеблется подъ ихъ ногами, что они стоятъ на краю пропасти. И въ это время они еще больше любили другъ друга и чувствовали, что опасности и несчастья еще тѣснѣе сближали ихъ. Она поинтересовалась узнать, кто будутъ его товарищами въ полку, совѣтовала ему не открываться и слѣдить за собой все время. Онъ отвѣчалъ, что въ Иммармонѣ, Прэнгеѣ и Тейксѣ онъ увѣренъ, а другихъ онъ привяжетъ къ себѣ постепенно. Она убѣждала его быть осторожнымъ, не высказывать своихъ взглядовъ, дѣйствовать осмотрительно. Но онъ только улыбался, считая себя неотразимымъ въ искусствѣ убѣждать. Она заставила еще разъ повторить подробности происшествія въ гостиницѣ въ Компьенѣ, безпощадно бранила и проклинала Брюслара, потѣшаясь вмѣстѣ съ тѣмъ, что только благодаря этому происшествію Наполеонъ оказалъ милости офицерамъ.

— Берегись! Когда твоя тайна будетъ извѣстна, за тобой пойдутъ интриганки со всего свѣта; между ними будутъ и молодыя, и красивыя... Берегись! если когда-нибудь... Ты знаешь поговорку «Ревнива, какъ корсиканка»! И это правда!.. Берегись! Берегись!..

Онъ засмѣялся, хотя краска залила его лицо. Не взирая на свою страстную любовь къ Полинѣ, въ свои двадцать лѣтъ онъ не могъ быть равнодушнымъ къ красотѣ; онъ не могъ забыть впечатлѣнія, которое произвела на него красота Изабеллы и м-мъ Этюль, онъ чувствовалъ, что совѣсть его не совѣмъ чиста... Но все-таки любилъ онъ только одну женщину на свѣтѣ, свою несравненную Полину. Чтобы разсѣять ея сомнѣнія, онъ вынулъ бумагу, спрятанную на груди, и прочелъ ей тихимъ голосомъ, но не настолько тихимъ, чтобы Марія, незамѣтно приблизившаяся, не могла не слышать тѣ нѣсколько строфъ, воспѣвающихъ ея красоту, которыя онъ написалъ въ ночь обыска у Борана. Она нашла это посвященіе ей восхитительнымъ, достойнымъ ея, и съ видомъ полного удовольствія взяла и спрятала бумагу за корсажъ платья.

Полина была свободна; дворъ былъ въ Рамбулье; Наполеонъ на востокъ, на маневрахъ. Принцесса, удалившаяся отъ своего двора подъ предлогомъ нездоровья, дѣлала все, что ей приходило въ голову. Принцъ оставался въ «маленькомъ домикѣ» четыре дня,

не возвращаясь домой, что приводило въ отчаяніе Иммармона и Прэнгея, которые искали его повсюду, какъ собака ищетъ своего хозяина; Жеромъ Кантекоръ изъ Кореа былъ въ очень дурномъ настроеніи духа, такъ какъ, рапортуя Фушэ, онъ не могъ скрыть, что потерялъ изъ виду Гранли; Боранъ и его дочь были также въ тревогѣ, такъ какъ Ренэ была два раза въ домикѣ принца, чтобы передать ему письма, доставленные въ предмѣстье какимъ-то таинственнымъ гонцомъ, и оба раза не только не застала его, но получила въ отвѣтъ, что легкомысленный жилецъ не ночевалъ даже.

Всѣмъ было, конечно, извѣстно, что принцъ былъ влюбленъ въ Полину Боргезе, но нельзя было предположить, чтобы она прятала своего возлюбленного въ Елисейскомъ дворцѣ. Это было совершенно неправдоподобно.

Но все кончается и даже очень скоро, въ особенности счастливые дни. Въ Рамбулье удивлялись, что принцесса не появляется до сихъ поръ; отъ императора пришло извѣстіе, что черезъ день онъ возвращается изъ Страсбурга; дивные дни свободы и любви оставались только въ воспоминаніи.

Съ грустью разстались двое влюбленныхъ, откладывая свиданіе до болѣе благоприятнаго времени. Король и принцесса зависѣли отъ всевозможныхъ обстоятельствъ.

Въ одно прекрасное утро Кантекоръ былъ совершенно удовлетворенъ, замѣтивъ на углу Вавилонской улицы своего «принца», который возвращался въ свое покинутое жилище. Если бы онъ могъ знать, откуда онъ возвращался и гдѣ провелъ четыре дня, то его сердце шпіона было бы полно счастья. Но онъ не зналъ этого.

Въ это же утро Ренэ опять пришла къ Гранли.

На этотъ разъ она имѣла счастье быть принятой и видѣть свое божество. Онъ принялъ ее съ распростертыми объятіями, осыпая ее комплиментами; взялъ два письма, принесенныя ею, и бросилъ ихъ, не читая, на столикъ; кромѣ Полины, его ничто не интересовало.

Ренэ оставалась не болѣе пяти минутъ; атмосфера этого скромнаго домика слишкомъ волновала ее; она ушла, проникнутая нѣжностью къ королевской добротѣ принца.

Когда она ушла, Гранли распечаталъ письма, брошенныя имъ на столикъ; оба письма были написаны однимъ и тѣмъ же почеркомъ, твердымъ, отчетливымъ—почеркомъ, который былъ ему знакомъ.

Онъ прочелъ:

«Г. Гранли!

«Умоляемъ васъ пріѣхать въ Компьенъ, въ замокъ Пали, гдѣ васъ ожидаютъ важныя дѣла».

Письмо было безъ подписи и обозначено: «Понедѣльникъ, 8-го августа». Теперь была уже суббота.

Таково было первое письмо.

Второе было настойчивымъ повтореніемъ перваго:

«Среда. Настоятельная необходимость, почтительнѣйше умоляемъ, пріѣзжайте, ждемъ васъ».

Молодой человѣкъ задумался: что это значило? кто приглашалъ его? Виконтъ Жакъ? Графъ Жанъ? М-мъ д'Иммармонъ? Ему и въ голову не приходила Изабелла, онъ не могъ допустить, чтобы молодая дѣвушка была способна на такой смѣлый поступокъ.

Немного подумавъ, онъ рѣшилъ:

«Въ концѣ концовъ всѣ они мнѣ надоѣли. Я вовсе не расположенъ путешествовать сегодня. Посмотримъ, что будетъ завтра».

Днемъ онъ былъ очень занятъ визитомъ военного портного, который принесъ его форму. Онъ нашелъ, что военный мундиръ очень идетъ къ нему, и жалѣлъ, что Полина не видѣла его въ новой формѣ. Онъ тотчасъ пошелъ пройтись по улицамъ города и съ удовольствіемъ замѣчалъ, что прохожіе оборачивались на него, а солдаты и полицейскіе отдавали ему честь; это обстоятельство возбуждало въ немъ желаніе смѣяться. Онъ посѣтилъ мѣста, гдѣ бывалъ обыкновенно, но не встрѣтилъ ни Прэнгея, ни Иммармона и вывелъ заключеніе, что они вернулись въ Компьенъ и что письма были отъ нихъ. Эта мысль обезпokoила его. На самомъ дѣлѣ, быть можетъ, ему слѣдовало тотчасъ отозваться на ихъ призывъ... Быть можетъ, была какая-нибудь опасность? Безъ сомнѣнія, за эти дни что-то случилось...

Онъ рѣшилъ ѣхать завтра утромъ верхомъ; это давало ему случай освѣжиться и дать полюбоваться собой въ провинціи, послѣ того, какъ онъ произвелъ такой эффектъ въ Парижѣ.

Въ эти же часы Кантекоръ явился въ главное полицейское управленіе на набережной Малакэ. Фушэ встрѣтилъ его вопросомъ:

- Принцъ?
- Въ Парижѣ.
- Благоразуменъ?
- Какъ святой.
- Отлично! Можете вы оставить его безъ присмотра дня на два или на три?

— Могу, безъ всякаго опасенія.

— Прекрасно. Слушайте: вашъ другъ Брюсларъ готовитъ нападеніе ко времени возвращенія императора. Онъ готовится напасть на него на большой дорогѣ между Бонеллемъ и Рамбулье съ двадцатью пятью роялистами, переодѣтыми въ мундиры гвардейскихъ стрѣлковъ; самъ онъ будетъ въ мундирѣ капитана... Я подумалъ о васъ.

— Благодарю васъ! У меня есть зубъ противъ него!

— Тѣмъ лучше; вы его знаете, и это облегчаетъ дѣло... Вы возьмете сотню драгунъ и отправитесь въ Компьенъ, гдѣ укрылся со своими Брюсларъ.

— Въ Компьенѣ?

— Да, въ замкѣ д'Этіоль, у маркизы Діаны д'Этіоль, сумасшедшей, готовой на все особы.

— Прекрасно.

— Васъ не должны видѣть.

— Еще бы!

— Ночью вы окружите замокъ и схватите Брюслара; дѣло не обойдется безъ кровопролитія.

— Это меня не испугаетъ.

— За это получите двадцать тысячъ франковъ награды.

— Это мнѣ нравится.

— Брюслара нужно добыть во что бы то ни стало... Живымъ или мертвымъ... мертвый стоитъ столько же.

— Онъ можетъ приготовить завѣщаніе.

Фушэ вынулъ изъ стола заготовленную бумагу:

— Вотъ приказъ о вашемъ назначеніи уполномоченнымъ; тутъ же приказъ относительно обыска; вотъ сто лун на дорожные расходы,—отчета я не потребую; ступайте, дѣйствуйте безъ промедленія, какъ съ герцогомъ Энгіенскимъ.

— Слушаю.

— Съ вами будетъ драгунскій офицеръ, капитанъ де-Кастела.

— Мужъ?..

— Онъ самъ. Онъ преданъ императору и нуждается въ деньгахъ. Весь составъ отряда тщательно подобранъ... Когда вы отпра-
вляетесь?

— Какъ только соберу своихъ людей. Всѣ полномочія пред-
ставлены мнѣ?

— Всѣ. Кастела вашъ помощникъ; больше никого.

Кантекоръ поклонился и вышелъ. Фушэ позвалъ его опять.

— Маркизу д'Этіоль не выпускайте ихъ замка и заключите ее въ отдѣльную комнату до моего распоряженія, слѣдите за ней. Произведите во всемъ замкѣ тщательный обыскъ.

— Слушаю.

— Ступайте. Въ добрый часъ!

— Будьте увѣрены во мнѣ. Еще разъ благодарю васъ, ваше
превосходительство!

На этотъ разъ Кантекоръ удалился. Такимъ образомъ, вокругъ Компьена затѣвалось нѣсколько интригъ, которыя сплетались, осложнялись одна другой; комедія, драма, любовь, ненависть, месть, крики, слезы, подъ звуки сабельныхъ ударовъ и ружейныхъ выстрѣловъ.

IV.

Въ это время Изабелла д'Иммармонъ была одна въ замкѣ Пали. Мать, братъ и кузень, который въ скоромъ времени долженъ былъ стать ея мужемъ, оставались въ Парижѣ и ожидались въ Компьенѣ черезъ нѣсколько недѣль. Молодая дѣвушка, которая нѣсколько дней уже была въ дурномъ настроеніи духа, отказалась ѣхать съ ними и осталась въ замкѣ, за его стѣнами, окруженными лѣсомъ.

Она никуда не выходила; и лишь изрѣдка въ грустной задумчивости прогуливалась по пустыннымъ дорогамъ, по берегу рѣки. Она не могла простить брату и Жану де-Прэнгею, что они уговорили принца уѣхать изъ замка, хотя онъ былъ вполне доволенъ своимъ пребываніемъ въ немъ, а она, съ своей стороны, была въ восхищеніи отъ своего августѣйшаго гостя. Впрочемъ, она плохо разбиралась въ своемъ чувствѣ относительно своего гостя, не знала, къ чему оно могло привести, и не отдавала отчета, чѣмъ могло кончиться это приключеніе.

Она знала исторіи столькохъ женщинъ, которыхъ любовь королей возведа въ санъ королевъ и даже болѣе, чѣмъ королевъ: Монтеспанъ, Параберъ, Фонтанжъ, Лавальеръ, Несле, Майли, Шатору и многихъ другихъ. Во времена болѣе отдаленныя—Габріэль д'Эстре, судьба которой не казалась ей дурной. И, несмотря на примѣръ м-мъ Полястронъ, раздѣлявшей злключенія графа д'Артура, она чувствовала въ глубинѣ души своей, что времена перемѣнились и что роль фаворитки въ эту эпоху была бы болѣе трудной и менѣе почитаемой. Наконецъ она сомнѣвалась, быть можетъ, въ будущемъ своего принца. Она колебалась.

Ее окружала семья, гордая и надменная, которая была бы возмущена бракомъ съ лѣвой руки; около нея была ея важная и печальная мать, братъ, плохо идущій на компромиссы, кузень, предъ-являвшій права жениха. А принцъ?

Принцъ?.. Въ ея глазахъ онъ былъ надѣленъ всѣми достоинствами, красотой, дарованіями; тѣнь короны витала надъ его головой, онъ представлялся въ ореолѣ мученика.

Въ двадцать лѣтъ онъ пережилъ цѣлую гамму человѣческихъ ощущеній, начиная Версалемъ и низкопоклонствомъ придворныхъ и кончая Тамплемъ, изгнаніемъ и одиночествомъ.

Какая трагическая судьба и какое счастье принять въ ней участіе, въ особенности, какъ она мечтала, въ качествѣ утѣшительницы, совѣтницы, вдохновительницы, въ ожиданіи лучшихъ дней, дней торжества и счастья.

Въ смутныхъ мечтахъ она слѣдила за беспорядочными перипетіями воображаемой ею драмы, шла навстрѣчу тысячѣ опасно-

стей своего героя, спасала его, поддерживала его своей не ослабѣвающей любовью и нѣжностью, на которую получала живой откликъ.

Послѣ всѣхъ событій, опасностей—день коронаванія въ Реймсѣ или въ соборѣ Нотр-Дамъ; почести, какъ заботы и опасности въ былые дни, она дѣлитъ вмѣстѣ съ нимъ, стоя позади его, съ сознаниемъ спасительницы короля и Франціи.

Какъ были упоительны, эти мечты!

Запершись въ своей комнатѣ, съ окнами, открытыми на широкую равнину, волнистую линію лѣсовъ, на безконечныя поля, она грезила съ утра до ночи, опьяняла себя мечтами, создавала необычайные романы, утомляя свое воображеніе самыми странными фантазіями. Однажды утромъ, подъ влияніемъ внезапной рѣшимости, она написала принцу въ Парижъ первое письмо. Какъ только посланный отправился исполнять ея порученіе, она спохватилась, пожалѣла, даже испугалась за послѣдствія. Чѣмъ могла она оправдать свою рѣшимость, объяснить свое приглашеніе и извинить такое явное нарушеніе этикета?

Она не знала и не хотѣла объ этомъ думать, надѣясь, что въ нужную минуту она сумѣетъ найтись.

Одинъ за другимъ прошли три дня, похожіе другъ на друга, длинные, томительные, наполненные несбыточными мечтами, колебаніями между желаніемъ и надеждой, сожалѣніемъ и малодушіемъ.

Онъ не появлялся.

Тогда лихорадочной рукой она набросала второе письмо и отправила его со вторымъ гонцомъ. Послѣ этой вторичной попытки прошло опять сорокъ восемь часовъ, и опять никто не являлся. Она приходила въ отчаяніе, волновалась, то покорялась, то раскаивалась, смирялась, возмущалась. Она поблѣднѣла; зеркало, ея вѣрный другъ, не утѣшало ее болѣе. Но въ восемнадцать лѣтъ вѣра въ жизнь еще крѣпка, и она упрямо ждала каждый день: «Сегодня онъ пріѣдетъ».

Наступала ночь, и она, не отказываясь отъ своей надежды, повторяла:

— Онъ пріѣдетъ завтра.

Однажды болѣе, чѣмъ всегда, взволнованная и опечаленная, она полумлежала въ глубокомъ креслѣ, призывая дорогой призракъ.

Въ замкѣ сверху донизу, съ одного конца до другого царилъ могильная тишина. Слуги, число которыхъ было уменьшено до послѣдней возможности, сидѣли въ своихъ комнатахъ; тяжелая атмосфера приближавшейся грозы, въ соединеніи съ мертвеннымъ покоемъ этого жилища, лишенаго жизни и движенія, удру-

чающе дѣйствовала на молодую дѣвушку. Она чувствовала себя одинокой, покинутой, тоска сжимала ей грудь. Гордая дѣвушка на мгновеніе пала духомъ, и горячая слеза скользнула по ея поблѣднѣвшей щечкѣ. Она прошептала:

— Луи!

Она такъ много и долго мечтала о принцѣ, что теперь была увѣрена въ томъ, что искренно любить его. Какъ часто сердце бываетъ обмануто разумомъ!

Въ то время, когда Изабелла предавалась грустнымъ мечтамъ, молодой офицеръ, великолѣпная форма котораго возбуждала всеобщее удивленіе и восхищеніе на всемъ пути отъ Парижа до Компьена, заблудился въ густомъ лѣсѣ, окружавшемъ замокъ; уставъ отъ верховой ѣзды, онъ слѣзъ съ коня и, ведя его за поводъ, блуждая по дорожкамъ, очутился наконецъ передъ низкой дверью, устроенной въ каменной стѣнѣ вокругъ парка. Это была та дверь, черезъ которую удалось скрыться Брюслару. Молодой человекъ толкнулъ ее; дверь легко открылась; очевидно, садовникъ забылъ запереть ее на задвижку. Офицеръ взялъ за поводья лошадь, ввелъ ее въ паркъ и привязалъ къ стволу березы. Затѣмъ, оглядѣвшись по сторонамъ, онъ сталъ узнавать мѣстность.

Это былъ Гранли въ своей новой формѣ лейтенанта полка де-ля-Турь д'Овернья. Всѣ «кадеты императрицы» (такъ ихъ звали въ обществѣ) по возможности быстро облеклись въ свою новую, замѣчательно красивую форму; одни поспѣшили сдѣлать это изъ кокетства, военного чванства, другіе потому, что форма гарантировала имъ полную безопасность, служила вѣрнѣйшимъ паспортомъ. Кому пришло бы въ голову, исключая развѣ только Фушэ, искать роялиста, тѣмъ болѣе принца королевскаго французскаго дома въ числѣ офицеровъ императорской гвардіи?

Отдавая честь привѣтствовавшимъ его по пути солдатамъ и жандармамъ, Гранли молодцовато ѣхалъ, въ полной увѣренности, что его вызвали Иммармонъ и Прэнгей, которые ревновали его къ графу де-Тейксу и хотѣли опять заполучить его съ цѣлью охранить отъ опасностей, грозившихъ ему на каждомъ шагѣ въ Парижѣ, а также отъ Полины. Безумцы!

Полина была въ это время на пути въ Рамбулье. Гранли былъ совершенно свободенъ, и побывать въ величественныхъ тѣнистыхъ паркахъ Компьена казалось очень заманчивымъ въ это знойное лѣто. Онъ пошелъ по узкой аллеѣ, которая выходила на лужайку. Крупныя, тяжелыя капли дождя падали черезъ большіе промежутки изъ низко спустившихся облаковъ цвѣта чернилъ, разведенныхъ водой. При приближеніи грозы замолкли голоса птичекъ, распѣвавшихъ на деревьяхъ; вся окрестность потемнѣла. Только шаги молодого человека гулко раздавались на сухомъ пескѣ, которымъ были посыпаны дорожки. Гранли остановился

на минуту, подъ тяжелымъ впечатлѣніемъ этой внезапной нѣмой тишины, въ которыхъ ему чудилась скрытая враждебность, угроза, а можетъ быть, и тайное предостереженіе не идти дальше.

Но онъ тотчасъ отогналъ отъ себя колебанія, объяснивъ ихъ тяжелой атмосферой надвигавшейся бури, дѣйствовавшей на нервы, и, беззаботно махнувъ рукой, полагаясь на свою счастливую звѣзду, пошелъ дальше, вышелъ изъ аллеи и очутился передъ замкомъ.

Въ теченіе нѣсколькихъ дней его пребыванія въ немъ онъ успѣлъ изучить его расположеніе, и теперь, не колеблясь, поднялся по лѣстницѣ изъ розоваго гранита и вошелъ внутрь замка.

Людей не было видно; онъ пошелъ дальше черезъ галереи, залы, въ которыхъ, подъ высокими потолками гулко раздавался звонъ его сабли.

Онъ чувствовалъ себя, какъ въ своемъ дворцѣ, у себя, какъ и вездѣ, потому что онъ былъ король.

Эта мысль забавляла его.

По широкой лѣстницѣ съ огромными ступеньками, съ массивными перилами изъ блестящаго полированного камня онъ поднялся во второй этажъ и вошелъ въ жилища комнаты.

Всюду царствовала та же тишина; можно было подумать, что замокъ необитаемъ.

— Принцъ Красавчикъ у Спящей Царевны,—подумалъ Гранли, котораго это приключеніе начинало забавлять. Вдругъ онъ остановился посреди параднаго зала и наморщилъ брови; онъ началъ подозрѣвать, понимать истину. Въ замкѣ никого не было... исключая, конечно, Изабеллы.

— Въ такомъ случаѣ?..

Очевидно, это была ловушка, устроенная смѣлой дѣвушкой!

Легкое волненіе, даже нѣкоторый страхъ овладѣли принцемъ. Чѣмъ могло кончиться это приключеніе?..

Онъ пошелъ дальше, открылъ наудачу первую дверь и вошелъ въ длинный коридоръ съ узкими окнами...

И тамъ та же тишина, то же безмолвіе...

Чтобы кончить наконецъ это непонятное приключеніе, Гранли громко закричалъ:

— Иммармонъ! Прэнгей! Иммармонъ! Кто есть тутъ?

Въ концѣ коридора хлопнула дверь, послышались легкіе, поспѣшные шаги и затѣмъ рѣзкій крикъ.

Сіяющая, взволнованная Изабелла со слезами на глазахъ бросилась къ нему.

Эти слезы были ея признаніемъ, ея исповѣдью; она высказала въ нихъ всѣ свои горести, волненія, всю исторію своей пылкой страсти, которую ничто не могло сдержать; она призналась въ письмахъ, посланныхъ принцу, въ подстроенной ловушкѣ, въ той опас-

пости, которою являлось для нея присутствіе принца; все вылилось въ крикъ:

— Вы! Вы! Ваше величество! Наконецъ!

Она торжествовала, но въ глубинѣ души ея смущалъ страхъ, и она бросала украдкой взгляды въ окно, откуда виднѣлась вдали лиловая лента пути, по которому, казалось ей, уже снѣжили ея братья и кузень, чтобы застать ихъ на мѣстѣ заговора.

Что произойдетъ тогда? Быть можетъ, драма или просто пунтаница? Но пѣтъ, дорога, по которой теперь неслась клубами ниль, поднятая вѣтромъ, оставалась пустынна, и никого не было видно вдали.

Вдругъ разразилась буря.

Два ужаснѣйшіе удара грома потрясли замокъ, лѣсъ, долины, пруды; молніи огненными змѣями безпрестанно пронизывали свищовыя тучи, а непрерывно грохотавшій громъ напоминалъ бѣшеный галопъ фантастическихъ колесницъ.

Принцъ нервно закрылъ окно; оба въ нерѣшимости смотрѣли другъ на друга.

Онъ не могъ произнести ни слова, какъ влѣдствіе грохотавшей бури, такъ и душевнаго сильнаго волненія, лицомъ къ лицу съ серьезной опасностью, о которой онъ такъ поздно догадался.

Наконецъ онъ произнесъ:

— Гдѣ ваша мать? Вашъ братъ и кузень?

Голосъ его былъ суровъ и непривѣтливъ. Изабелла прошептала, наклонивъ голову:

— Въ Парижѣ.

— Вотъ какъ!—сказалъ Гранли.—Въ такомъ случаѣ... кто же шсалъ мнѣ?

— Я.

— Вы? По какому случаю?

Она еще ниже опустила голову и едва слышно произнесла:

— Другой понять бы...

Съ опущенными глазами, она была восхитительна въ своемъ искреннемъ или искусственномъ замѣшательствѣ.

Очарованный ею, онъ смутился на одну минуту, но тотчасъ же призвалъ на помощь образъ Полны, желая сохранить ей непоколебимую вѣрность. Этотъ двадцатилѣтній принцъ, несмотря на всю свою гордость и самоувѣренность, былъ, къ сильному своему неудовольствію, очень застѣчивъ съ женщинами. Онъ такъ мало зналъ ихъ: его короткое существованіе проходило въ постоянныхъ блужданіяхъ и неволѣ. Влѣдствіе всѣхъ этихъ условій молодой человѣкъ на этотъ разъ былъ болѣе взволнованъ, чѣмъ молодая женщина.

Неожиданное обстоятельство задержало необходимое объясненіе. Лошадь принца, обезумѣвшая отъ грозы, оборвала поводья

и, руководимая инстинктомъ, бѣжала черезъ лужайку къ конюшнямъ. Слуга, удивленный появленіемъ этой, какъ съ неба свалившейся лошади, старался поймать ее. Изабелла открыла окно и дала приказаніе, которое было разслышано, несмотря на дождь и грохотъ бурн.

— Отвести лошадь въ конюшню! Хорошенько смотрѣть за ней! Затѣмъ она съ силою захлопнула окно.

Принцъ имѣлъ время перевести духъ и успокоиться. Онъ повторилъ послѣднюю фразу, звучавшую еще въ его ушахъ: «Другой понялъ бы».

— Кто другой? Съ кѣмъ вы сравниваете меня? Все это очень странно и очень грустно! Рѣшительно, въ этомъ замкѣ происходятъ удивительныя вещи со мной... Меня приглашаютъ, меня удаляютъ... Все это похоже на издѣвательство.

— Простите, ваше величество,—прервала его рѣчь Изабелла, умоляюще сложивъ руки.—Это правда... Я осмѣлилась... Но если бы вы знали... Если бы вы могли знать... Вы пожалѣли бы!..

— Кого?

— Меня.

Онъ смягчился.

— Бѣдное дитя, что съ вами? Расскажите мнѣ все... Я слушаю васъ; дай Богъ, чтобы я могъ помочь вамъ въ вашемъ горѣ.

Она тотчасъ отважилась и стремительно отвѣтила:

— О, вы, вы одинъ можете мнѣ помочь.

Онъ пожалѣлъ, что выразилъ сочувствіе; онъ понялъ неминуемость опасности.

Она продолжала съ той же страстью, съ тѣмъ же волненіемъ.

— Ваше величество! мужчины могутъ доказать свою преданность въ сраженіи, борьбѣ, смѣлыхъ поступкахъ, рискованныхъ приключеніяхъ; они отдають свою кровь! Мы, женщины, мы отдаемъ только сердца и слезы. Но нужно умѣть читать въ этихъ сердцахъ и осушать эти слезы... Читайте въ моихъ глазахъ, и вы прочтете то, что написано въ моемъ сердцѣ... Вы узнаете всю мою печаль и надежды и рѣшите, должна я жить или умереть.

Говоря это, Изабелла выпрямилась передъ принцемъ. Они были почти одинаковаго роста. Теперь онъ, въ свою очередь, опустил глаза. Прерывистое дыханіе молодой дѣвушки, запахъ ея тѣла, волосъ опьяняли его; онъ видѣлъ передъ собой волнующуюся, подымавшуюся въ искреннемъ или притворномъ волненіи грудь; онъ чувствовалъ, что ему стоило лишь пожелать, и она была бы его, открытъ объятія, чтобы она упала въ нихъ.

Онъ терялъ голову... Но въ этотъ моментъ въ памяти его всплыли слова Полины Боргезе, сказанныя въ саду Фоли-Бегоньеръ:

«Берегись! По твоимъ стопамъ пойдутъ всѣ интриганки всего міра, какъ только проникнуть въ твою тайну... Между ними будутъ и юныя, и прекрасныя. Будь остороженъ!»

Онъ видѣлъ ее, грозящую пальцемъ. Онъ опомнился мгновенно и замкнулся въ ледяное королевское величіе. Отойдя шагъ назадъ, онъ началъ торжественнымъ тономъ:

— Какое странное предложеніе, сударыня! Вы вызвали меня изъ Парижа, заставили бросить мои дѣла для того, чтобы выслушать его? Конечно, красота имѣетъ свои права, но вы нѣсколько ихъ преувеличили. Гдѣ я и кто вы? Я въ замкѣ Пали, у моего вѣрнаго приверженца Жака д'Иммармона; вы его сестра и, кромѣ того, въ скоромъ будущемъ жена Жана де-Прэнгея, этого второго преданнаго мнѣ друга. Что вы предлагаете мнѣ? Измѣну, вѣроломство. Вы желаете, чтобы въ домѣ моихъ друзей я совершилъ безчестный поступокъ, отнялъ бы у одного сестру, у другого невѣсту...

Она рѣзко прервала его:

— Я никогда не выйду замужъ за Жана.

— Все это можетъ быть, — отвѣтилъ Гранли:— но я не хочу быть этому причиной. Наконецъ, почему вы хотите, чтобы я палъ такъ низко?..

Она вздрогнула и отступила, въ свою очередь.

— ...Чтобы я воспользовался легкомысліемъ ребенка, который свои фантазіи принимаетъ за дѣйствительность, свою глубокую преданность королю за любовь къ принцу... Изабелла д'Иммармонъ, придите въ себя, подумайте хорошенько... Достойно ли перваго дворянина Франціи то, что вы мнѣ предлагаете?

Она предоставила ему говорить и слушала молча, крѣпко сжавъ зубы.

При послѣднемъ словѣ она вспыхнула:

— Къ чему слова, ваше величество! Вы не искренни... Лучше было бы, если бы вы сказали правду?

— Въ самомъ дѣлѣ? Какую именно?

Онъ былъ оскорбленъ и чувствовалъ, что гнѣвъ овладѣвалъ имъ. Его обвиняли, съ нимъ спорили...

— Какую именно?.. Вы не обратили бы никакого вниманія на всѣ эти мелочи, оскорбляющія вашу честь, на Иммармона и Прэнгея, на всю семью, если бы васъ не останавливали другія чувства... Если бы ваше сердце было свободно...

Она осмѣлилась дотронуться пальцемъ до его груди.

— Въмѣсто того, чтобы быть въ рукахъ той, любовь которой, какъ и ваша, — одна измѣна!...

— Сударыня!

— Да, ваше величество! Я преклоняюсь передъ вами... Но наши отцы, наши братья умирали на эшафотѣ, передъ взводами солдатъ или въ войнахъ за королевскій престолъ не для того, чтобы потомокъ ихъ королей, наслѣдникъ тысячелѣтняго трона, держался

за юбку одной изъ семьи Бонапартъ, служилъ бы брату, этому проклятому человѣку, чтобы угодить сестрѣ, этой распутницѣ!

Это было слишкомъ! Это была пощечина Полиѣ, полученная принцемъ.

Полина—распутница!

Онъ сдѣлался пунцовымъ отъ негодованія и отвѣтилъ также оскорбленіемъ:

— Вотъ какъ! Вы забываетесь! Кто позволялъ шчтожпой дѣвочкѣ?... Да, времена перемѣнились... Развѣ такъ говорить со своимъ королемъ?

Въ ярости, потерявъ голову, она не успокоивалась:

— О!.. О!.. Царскія уши выслушали многое... М-мъ Диебарри не разбирала выраженій.

Она была вѣ себя.

Гранди задыхался отъ негодованія, онъ чувствовалъ себя не въ силахъ заставить молчать возбужденную дѣвушку. Несмотря на гнѣвъ и волненіе, онъ не могъ не сознаться, что Изабелла д'Иммармонъ въ своемъ неподдѣльномъ отчаяніи была прекраснѣе, чѣмъ когда-либо, и напоминала разгнѣванную богиню. Онъ сознавалъ также, что она не совсѣмъ ошибалась, утверждая, что, не любя онъ Полины, онъ не былъ бы такъ щепетилень передъ такимъ искушеніемъ. Все это стѣсняло его.

Но вотъ, какъ бы опомнившись, въ ужасѣ отъ произнесенныхъ ею словъ, молодая дѣвушка упала къ его ногамъ.

— Ваше величество! Простите! Я схожу съ ума! Я не рассчитала! Мою честь, домъ, родныхъ, свою жизнь, ихъ жизнь—все отдала бы я, только бы понравиться вамъ... Вотъ о чемъ я мечтала... Да, одна, здѣсь, всѣ эти дни... Любить васъ, слѣдовать за вами, дѣлать опасности, быть всегда около васъ, чтобы уберечь васъ отъ зла, защитить васъ собой!.. Я не знаю болѣе, кто вы, кто я... Для меня вы все...

Онъ не могъ оставить ее въ такомъ положеніи, онъ отлично понималъ лживость ея роли, сознавалъ смѣшную сторону своего положенія.

Поднимая ее, онъ успокоивалъ ее, говоря болѣе спокойнымъ голосомъ:

— Забудемъ все это... Ваши проклятія... Безумная дѣвочка... И потомъ, кромѣ того, я привыкъ къ оскорбленіямъ со времени Тампля... Изъ всего происшедшаго я вывожу заключеніе, что у васъ преданное сердце... Увлеченіе забудется, а простодушіе, честность останутся. Изабелла д'Иммармонъ, я надѣюсь со временемъ доказать вамъ, какое уваженіе, какую братскую любовь я питаю къ вамъ... До тѣхъ поръ я остаюсь однимъ изъ наиболѣе преданныхъ и вѣрныхъ вамъ друзей.

Она дала поднять себя, поддержать и довести до кресла, въ которое она упала, горько плача.

Принцъ стоялъ въ нерѣшимости передъ нею, не зная, что дѣлать, что говорить.

Воцарилось молчаніе, прерываемое глухими рыданіями уни-чтоженной, впавшей въ отчаяніе дѣвушки. Буря утихла, удаляясь; по временамъ изъ-за лѣса слышались глухіе раскаты, напоминавшіе грохотъ отдаленнаго сраженія. Внезапно Изабелла выпрямилась, вскочила въ новомъ яростномъ порывѣ; ся оскорбленная гордость не могла примириться съ пораженьемъ. Она кричала въ истерическомъ припадкѣ, разрывая свой легкій корсажъ изъ кружева и тюля, обнажая свою прекрасную шею и грудь непорочной дѣвственницы. Она кричала:

— Развѣ она красивѣе меня, ваша Полина Боргезе? У нея было два мужа и десять любовниковъ... У меня—никого... никого... Смотрите! Развѣ она красивѣе меня?

Она стояла обнаженная, съ открытой грудью, влажными губами, дрожащая, съ блестящими глазами, навѣрное, болѣе соблазнительная, чѣмъ всякая другая красавица.

Въ обоюдномъ волненіи, за звукомъ своихъ голосовъ, ни принцъ, ни она не слышали громкаго шума на дворѣ замка.

Пораженный Гранли, съ горящими глазами, былъ въ замѣшательствѣ; на мгновеніе молодость заговорила сильнѣе, чѣмъ разсудокъ; онъ протянулъ руки... Чтобы обнять или оттолкнуть?.. Это оставалось загадкой! Съ торжествующимъ крикомъ она кинулась къ нему, но въ то же время подъ сильнымъ напоромъ широко распахнулась дверь и въ нее ворвались Иммармонъ и Пренгей, одѣтые также въ военную форму; лица ихъ были блѣдны, и всѣ черты измѣнились до неузнаваемости. При видѣ той сцены, которая представилась ихъ глазамъ, оба они отшатнулись, одинъ съ крикомъ ярости, другой съ рычаньемъ смертельно раненаго звѣря. Всѣ были подавлены; всѣ смотрѣли другъ на друга, тяжело дыша, потерявъ способность выразить свои мысли. Изабелла считала себя погибшей. Принцъ понялъ, что оправдываться невозможно; братъ, женихъ боялись за свои слова, свои дѣйствія... Это ужасное молчаніе, эта трагическая неподвижность продолжались.

Наконецъ Гранли рѣшилъ заговорить:

— Господа! судя по обстановкѣ...

Изабелла прервала его, заикаясь:

— Это я виновата... одна я...

— Довольно!—крикнулъ громовымъ голосомъ Жакъ и приблизился къ сестрѣ.—Вы... идите отсюда прочь!..

Невольнымъ движеніемъ принцъ заслонилъ ее.

— Простите, ваше величество!—возразилъ молодой человѣкъ.— Я здѣсь хозяинъ... единственный судья, глава семьи, такъ какъ

мой отецъ умеръ за васъ. Уйдите, Изабелла... Ступайте, спрячьте вашъ позоръ!

— Предоставляю вамъ дѣйствовать, Жакъ,—произнесъ ледянымъ тономъ графъ де-Прэнгей:—я отказываюсь отъ своихъ правъ, все погибло, все кончено.

Голосъ его былъ заглушенъ рыданіемъ.

Услыша это новое оскорбленіе, Изабелла гордо подняла голову, вызывающе улыбнулась, поклонилась всѣмъ и вышла съ видомъ императрицы.

Трое молодыхъ людей остались одни, принцъ началъ опять:

— Господа, обстановка...

Движеніе руки Прэнгея, повторенное Иммармономъ, заставило его замолчать.

Виконтъ заговорилъ:

— Ваше величество! Шестъ дней мы искали васъ повсюду; мы не могли подозрѣвать, что вы были здѣсь.

Принцъ пожалъ плечами, возвышая степень заблужденія своихъ партизановъ.

Не замѣчая этого, Жакъ продолжалъ:

— Наши вѣрныя вамъ души все время были полны страхомъ за васъ, мы боялись ловушекъ, случайностей, преступленій, у насъ была одна мысль, одно желаніе: найти васъ, чтобы защищать васъ, охранить, спасти цѣной своей жизни, если бы понадобилось. Вы были здѣсь всѣ эти дни; вы внесли въ нашъ домъ, презрѣвъ всю преданность нашихъ семей, всѣ услуги, оказанныя вамъ, вы вѣроломно внесли стыдъ, позоръ и безчестіе.

— Господа!

Еще разъ скорбный голосъ принца былъ покрытъ Прэнгеемъ, который продолжалъ, въ свою очередь:

— Она его сестра; она была почти моею женою... и ничто не остановило вашего королевскаго каприза! Восемнадцатилѣтній ребенокъ, обольщенный вашимъ величествомъ, приносящій вамъ въ жертву свою честь... Вотъ что вы сдѣлали, ваше величество! Вотъ какимъ подвигомъ вы начинаете вашу карьеру!

— Господа!

Конечно, принцъ могъ нѣсколькими словами опровергнуть эти суровыя обвиненія, вселить неувѣренность въ ихъ обезумѣвшія головы.

Но онъ не могъ рѣшиться поступить такимъ образомъ, такъ какъ это было бы равносильно обвиненію Изабеллы. Рыцарь по натурѣ, онъ не могъ показывать противъ несчастной, такъ пострадавшей уже дѣвушки, вся вина которой, по его мнѣнію, заключалась въ томъ, что она слишкомъ его любила.

Поэтому, несмотря на упреки, обвиненія, онъ сдерживалъ свой гнѣвъ, который начиналъ душить его. Онъ разразился на-

конецъ, потому что Иммармонъ довелъ свои оскорбленія до высшей степени. Рѣзкимъ голосомъ, какъ бы потерявъ сознание, виѳонтъ, обводя широкимъ жестомъ портреты своихъ предковъ, заявилъ:

— Ваше величество! Эти тридцать человѣкъ по первому мановенію всегда были готовы защищать цѣною своей жизни вашихъ отцовъ, служа ихъ интересамъ, ихъ страстямъ; они украшены лентами, крестами за свои выдающіеся заслуги, за свою вѣрность, которой они гордились; они любили своихъ королей, и короли любили ихъ! Эти кресты, звѣзды, ленты, вотъ они,—онъ раскрылъ дверцы готическаго шкапчика и, захвативъ оттуда полныя пригоршни драгоценностей въ ящичкахъ и шкатулочкахъ, швырнулъ ихъ къ ногамъ принца.

— Я не желаю имѣть ихъ больше и возвращаю ихъ вамъ. Все прошлое умерло, наша слава, семейныя преданія—все потибло; всѣ мои предки были глухцами, служба вашимъ предкамъ!

Кресты, звѣзды, муаровыя ленты летѣли, падали, прыгая на землю. Широкія красныя и голубыя ленты, кресты святаго Людовика, святаго Михаила, кресты мальтійскіе, Святаго Духа, различные знаки отличій—все швырялось къ ногамъ смертельно поблѣднѣшаго принца. Подавленный этимъ потокомъ оскорбленій, обливающихъ грязью двадцать царствованій, двадцать коронъ, двадцать королей, онъ съ горечью смотрѣлъ на валяющіеся ордена и протянулъ руки, не отдавая отчета, угрожая и умоляя.

Прэнгей, болѣе хладнокровный, ужаснулся безумной, святотатственной выходкѣ своего друга; онъ понималъ ясно, до какого размѣра дошло оскорбленіе.

Онъ сдѣлалъ шагъ впередъ; но тутъ принцъ, овладѣвъ наконецъ собой, прекратилъ эту сцену взрывомъ бурныхъ и гнѣвныхъ фразъ:

— Иммармонъ, Прэнгей! Измѣнники и предатели! Мятежныя подданные! Посмѣли бы вы говорить такимъ образомъ съ вашимъ королемъ, если бы онъ владѣлъ трономъ? Нѣтъ! Ваши головы или склонились бы низко, или свалились бы совсѣмъ съ плечъ. Подлецы, пользующіеся моими злоключеніями, чтобы унижать меня, оскорблять! Вы заставили меня пожалѣть о моихъ палачахъ, тюрьмахъ и изгнаніи, гдѣ я имѣлъ дѣло только съ чужеземцами! Изгнанный, блуждающій, отверженный принцъ, я остаюсь дворяниномъ, и я предлагаю вамъ дать удовлетвореніе, которое вы пожелаете; я требую отъ васъ объясненія вашимъ оскорбленіямъ... Вы мгли оба, какъ... впрочемъ, довольно разговоръ, ни съ мѣста! Одинъ или другой или одинъ за другимъ, вынимайте ваши шпаги, я этого требую! Шпага, пожалованная Бонапартомъ, уже пригодилась! Становитесь въ позицію

Говоря это, принцъ, великолѣпный въ своемъ гнѣвѣ, широкимъ движеніемъ вытащилъ свою шпагу; онъ ожидалъ съ горящими глазами, топая нетерпѣливо ногой.

Испуганные, вдругъ утихнувшіе, сомнѣвающіеся, такъ ли они поняли слышанное, кузены колебались передъ этимъ вторымъ преступленіемъ, оскорбленіемъ величества.

Но разгнѣванный принцъ тономъ, не допускаямъ возраженій, повторилъ свое требованіе.

— На мѣста! Иначе я подумаю, что вы боитесь!

Иммармонъ, быстро рѣшившись, вынулъ свою шпагу; Прэнгей послѣдовалъ его примѣру, но отступилъ на три шага назадъ.

Шпаги принца и виконта Жака скрестились. Какъ только сталь клинка коснулась другого, какъ графъ де Прэнгей д'Отрезмъ, ставъ между принцемъ и виконтомъ, отдалъ своей шпагой честь принцу и произнесъ:

— Довольно! Благодарю за великую честь, которую ваше величество оказали нашему дому.

— Что это значитъ?—надменно спросилъ принцъ, не мѣняя своей позиціи.

— Это значитъ, ваше величество, что если бы ваша вина была въ десять разъ больше, то теперь мы тысячу разъ удовлетворены.

— Моя вина!—произнесъ принцъ. Почему я не могу всего сказать?..

— Я скажу, я!—произнесъ отчетливо голосъ въ глубинѣ зала.

Трое молодыхъ людей обернулись и увидѣли Изабеллу, которая стояла у двери, опершись на косякъ.

Молчаливо, безшумно она вошла въ залъ во время этой необыкновенной дуэли и теперь, подвигаясь впередъ, мертвенно-блѣдная, горделивая, она повторяла: «я скажу».

Братъ и кузень стояли молча, не смѣя запретить ей. Они сознавали уже, что зашли слишкомъ далеко, и чувствовали, что имъ придется пожалѣть о своей горячности и несдержанности.

Медленно приблизившись, блѣдная, величественная, она преклонила колѣно передъ принцемъ.

На этотъ разъ онъ ее не поднялъ. Холоднымъ, сдержаннымъ тономъ, иногда возвышавшимся отъ подавленнаго гнѣва, она произнесла:

— Простите, ваше величество! Простите меня, простите ихъ, которые ничего не знаютъ и смѣютъ судить. Простите! Я осмѣлилась прибѣгнуть къ уловкѣ, вызвать письмами безъ подписи, подъ предлогомъ настоятельной необходимости, серьезной опасности. Самая покорная и преданная ваша подданная рѣшилась на дерзкую, неслыханную выходку. Я это сдѣлала и признаюсь въ этомъ передъ всѣми. Но только у васъ я прошу прощенія. Какая была у меня цѣль? Надежда вырвать васъ изъ рукъ роковой женщины...

Голосъ ея заглушили рыданья.

— Но я убѣдилась, что я не достаточно хороша, чтобы сыграть роль, на которую необдуманно рѣшилась. На мои оба письма вы

не потороплились отвѣтить; только сегодня вы сооблаговолители приѣхать въ замокъ. Не прошло, однако, часа со времени вашего прибытія, когда явились эти господа...

Иммармонъ и Прэнгея переглядывались въ изумленіи, не зная, что думать.

— Не прошло часа... Если мнѣ не вѣрять, то пусть спросятъ слугъ; отъ нихъ, быть можетъ, они узнаютъ истину. Что произошло за это короткое время? Я умоляла, плакала, кричала, протягивала къ вамъ руки... Вы меня сурово оттолкнули; это было ваше право; вы сказали: «ваша обязанность». Я плакала у вашихъ ногъ и выслушивала ваши суровые упреки, горячій призывъ, напоминаніе о нашемъ обоюдномъ достоинствѣ. Въ первомъ припадкѣ, задыхаясь, я безсознательно разорвала свое платье; я обезумѣла, я ничего больше не сознавала... Въ это время вошли эти господа; ничего не зная, не понимая, сейчасъ же, съ порога еще, они произнесли свой судъ съ высоты безмѣрной гордости, ихъ слѣпотою чванства. Простите, простите меня! Вы знаете, что я сказала правду. Я виновата только въ своей любви къ вамъ. Я признаюсь въ этомъ и клянусь въ ней! Говорю это еще разъ и только вамъ, такъ какъ этихъ мятежниковъ, своего брата и своего кузена, дальняго родственника, я не признаю больше. Простите, простите меня, ваше величество!

Съ преклоненнымъ колѣномъ, всей фигурой, откинутой назадъ, она олицетворяла великолѣпную трагическую актрису въ позѣ мольбы и покаянія. Принцъ протянулъ руку и подыалъ ее.

— Сударыня, ваша вина забыта. Вамъ я ее прощаю!

Обернувшись къ двумъ кузенамъ, которые чувствовали себя уничтоженными и въ глубокомъ горѣ сознавали размѣры своей вины, онъ произнесъ:

— Вотъ то, чего я не говорилъ и не могъ сказать, но что я подтверждаю своимъ королевскимъ словомъ, не придавая значенія, вѣрите вы этому, или нѣтъ... Прощайте, сударыня. Если наступитъ день, когда я буду въ состояніи отблагодарить васъ за оказанную услугу и отмстить за оскорбленіе, я не забуду васъ, такъ какъ упошу о васъ грустныя воспоминанія, чуждыя всякаго злопамятства... Васъ я не забуду... другихъ также, впрочемъ,—прибавилъ онъ другимъ тономъ, проходя мимо Иммармона и Прэнгея, не взглянувъ на нихъ.

Они стояли, сраженные всѣмъ происшедшимъ, не зная, на что рѣшиться.

— Ваше величество,—пробормоталъ Иммармонъ:—обстановка...

— Довольно,—рѣзко прервалъ его принцъ:—это именно то, что я говорилъ вамъ, но вы не сооблаговолители выслушать меня; теперь, въ свою очередь, я считаю бесполезнымъ ваше оправданіе. Ваша сестра сказала вѣрно: вы мятежники. Во времена моихъ предковъ

это кончилось бы для васъ изгнаніемъ, Бастиліей или смертью. Я король безъ трона, я безсиленъ наказатъ васъ, могу увѣрить васъ только въ своемъ искреннемъ къ вамъ презрѣніи. Если... впрочемъ... вотъ вамъ мой совѣтъ... идите къ императору... предайте меня... ему... или моимъ дядямъ!..

— Ваше величество,—вскричалъ Прэнгей,—мы не заслужили...

Принцъ рѣзко оборвалъ:

— Вы все заслужили!

Онъ вышелъ одинъ, такъ какъ никто не осмѣлился проводить его, какъ бы слѣдовало.

Во дворѣ онъ крикнулъ и потребовалъ лошадь, которая была тотчасъ подана, къ крайнему удивленію слуги, не видавшему, когда этотъ третій офицеръ въ бѣломъ камзолѣ пріѣхалъ въ замокъ. Изабелла, стоя у окна, слѣдила за нимъ глазами; она видѣла, какъ онъ переѣхалъ мостъ и скрылся въ глубинѣ аллеи.

Тогда она обернулась къ брату и кузену, скрестила на груди руки и, окинувъ ихъ взоромъ, бросила имъ:

— Довольны вы теперь?

И она исчезла въ свою очередь, такая же гордая, надменная и сильная духомъ, какъ и прежде.

Въ подавленномъ состояніи духа, уstraшенные своимъ поступкомъ и его послѣдствіями, молодые люди не дали ей никакого отвѣта. Они стояли молча, не имѣя рѣшимости обмѣняться мыслями. Наконецъ виконтъ Жакъ произнесъ, тяжело вздохнувъ:

— Что дѣлать теперь? Куда онъ поѣхалъ одинъ?

Со слезами на глазахъ Жанъ отвѣтилъ:

— Теперь все кончено для насъ... онъ никогда не забудетъ... И, наконецъ, въ своемъ гнѣвѣ онъ способенъ на какой-нибудь необдуманнѣйшій поступокъ, способенъ пойти навстрѣчу опасности, погибнуть. Это будетъ наша вина... Я не переживу этого... тѣмъ болѣе...

— Тѣмъ болѣе?—повторилъ вопросительно кузень.

— Тѣмъ болѣе,—продолжалъ молодой человѣкъ:—что теперь Изабелла потеряна для меня; это слишкомъ много для одного сердца въ одинъ день.

Иммармонъ протянулъ ему руку, не найдя словъ для его утѣшенія.

Въ это время принцъ, превратившійся опять въ Гранли, лейтенанта 1-го полка, удалялся отъ негостепріимнаго замка.

Было около семи часовъ вечера, солнце начинало садиться. Выѣзжая изъ замка, молодой человѣкъ не ориентировался въ мѣстности и направилъ лошадь по первой представившейся ему дорогѣ. Вдругъ онъ замедлилъ ходъ лошади; она тяжело дышала и слегка прихрамывала на лѣвую ногу.

— Ты устала,—проговорилъ онъ:—правда, ты не имѣла времени отдохнуть,—прибавилъ съ горькой улыбкой,—какъ и я.

Если бы я встрѣтилъ по пути деревушку или какую-нибудь гостиницу, я охотно провелъ бы тамъ ночь... Это было бы самое лучшее, тѣмъ болѣе, что часъ обѣда приближается. Къ чорту приключенія! Пусть меня повѣсятъ, если я знаю, гдѣ я... Лѣсъ, лѣсъ, безъ конца лѣсъ; тутъ можно затеряться и блуждать хоть недѣлю...

Онъ похлопалъ по шеѣ своего коня:

— У тебя есть чутье; слышишь ты гдѣ-нибудь жилье?.. иди прямо туда.

Лошадь, какъ бы понимая, подняла голову и продолжительно заржала. Изъ чащи лѣса раздалось отвѣтное ржанье.

— Гей, гей, сюда, товарищи,—закричалъ Гранли, рѣшившій, что невдалекѣ есть жилье.

Но изъ глубины не послышалось отвѣта; не было слышно никакого движенія, никто не появлялся.

Молодой человѣкъ, сложивъ руки рупоромъ, крикнулъ опять:

— Гей, тотъ, кто укажетъ мнѣ дорогу, получить эку... Я жду...

Онъ ждалъ, но никто не появлялся. Онъ нахмурился; черезъ часъ наступала ночь; онъ былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ лѣсомъ... Онъ не могъ даже вспомнить, по какой дорогѣ онъ ѣхалъ; погруженный въ размышленія, онъ не замѣчалъ пути.

Дѣло было плохо.

Въ ту эпоху эта мѣстность была совершенно пустыня; большихъ деревень тогда не существовало; изрѣдка попадались селенія въ десять-пятнадцать домовъ, группировавшихся около убогой церкви. Запущенный, таинственный, глухой лѣсъ имѣлъ дурную репутацію; на самомъ дѣлѣ трудно было представить себѣ мѣсто, болѣе благопріятствующее всякимъ темнымъ дѣламъ; это было самое вѣрное убѣжище для всѣхъ бродягъ, преслѣдуемыхъ полиціей.

Короче сказать, провести тамъ ночь не было особенно привлекательнымъ.

Конечно, въ ряду всевозможныхъ приключеній Гранли встрѣчались самыя опасныя случайности, столкновенія, но въ одинъ день это было ужъ какъ будто много. и онъ съ большимъ неудовольствіемъ встрѣтилъ это неожиданное добавленіе. Онъ тронулъ свою лошадь и печально продолжалъ свой неопредѣленный путь, ввѣряя свою судьбу счастливой звѣздѣ, которая должна была привести его къ ночлегу.

Въ продолженіе получаса онъ подвигался впередъ, не замѣчая ничего; дорога сдѣлалась отъ спускавшейся ночи лиловой; она суживалась; кругомъ ничего... кромѣ сѣрыхъ кроликовъ, которые разбѣгались при его появленіи, рыжеватыхъ ланей, безстрашно останавливавшихся въ чащѣ, чтобы посмотреть на него; одинъ разъ дикій вепрь перебѣжалъ дорогу подъ ногами лошади, и она шарахнулась въ сторону.

Гранли бранился; онъ плохо видѣлъ дорогу, все слилось, ночь наступила темная.

— Великолѣпно!—ворчалъ заблудившійся путникъ:—придется почевать въ лѣсу... и всему виной д'Иммармоны, братъ и сестра!

Въ это мгновеніе ему послышался вдали, сзади себя, шумъ отъ копытъ лошадей, двухъ, по крайней мѣрѣ, быть можетъ, и трехъ, четырехъ.

— Наконецъ-то,—сказалъ принцъ:—если не помощь, то хоть развлеченіе.

Говоря это, онъ вынулъ изъ ноженъ шпагу, чтобы убѣдиться, что она легко вытаскивается, и добавилъ:

— Повидимому, ей не придется быть безъ дѣла.

Всадники приближались.

Были ли это тѣ самые люди, которые не желали отвѣчать?

Быть можетъ.

Онъ принялъ это во вниманіе и удвоилъ осторожность. Направивъ лошадь въ сторону лѣса, онъ остановился на опушкѣ и ожидалъ съ угрожающимъ видомъ. Не будь онъ одѣтъ въ форму, его легко можно было бы принять за разбойника съ большой дороги, подкарауливающего добычу. Эта мысль заставила его улыбнуться.

Вдали показалось на дюжихъ коняхъ трое людей, очень сильныхъ и крѣпкихъ, судя по наружности.

Увидѣвъ Гранли, они замедлили аллюръ и поѣхали шагомъ. Гранли различалъ ихъ лица и фигуры. Это были полумѣщане, полукрестьяне; при нихъ не было никакого оружія; одинъ изъ нихъ былъ уже не молоде, лѣтъ около пятидесяти, несмотря на черную, густую бороду; двоимъ другимъ было лѣтъ по тридцати.

— Здравствуйте, господинъ офицеръ... прекрасный вечеръ, не правда ли?

Гранли проворчалъ:

— Для заблудившагося путника нѣтъ прекраснаго вечера. Не знаете ли вы по близости какой-нибудь гостиницы, гдѣ можно было бы пообѣдать безъ риска быть отравленнымъ и поспать, не понавъ на ужищъ клопамъ?

Трое мужчинъ начали шумно смѣяться, дѣлая видъ, что имъ чрезвычайно понравился вопросъ офицера.

Старикъ отвѣтилъ:

— Если наше общество вамъ не непріятно, то поѣдемте вмѣстѣ. Мы ѣдемъ въ гостиницу Ретондъ; кормятъ тамъ недурно и поспать можно покойно.

— Охотно принимаю ваше предложеніе,—сказалъ сразу рѣшившійся молодой человекъ, не видѣвшій другого исхода, чтобы не почевать подъ открытымъ небомъ.

Присоединившись къ путникамъ, онъ отправился дальше. Луна выглянула изъ-за деревьевъ, блѣдная, тусклая; ночь стужалась.

Всѣ молчали. Два молодыхъ путниковъ ѣхали сзади Гранли и его проводника, не разжимая губъ; насколько Гранли могъ ихъ наблюдать, они имѣли мрачный и свирѣпый видъ.

Старикъ почувствовалъ желаніе говорить.

— У васъ очень красивая форма, господинъ офицеръ, и ея не знаю еще. Разрѣшите мнѣ полюбопытствовать, въ какомъ полку вы служите?

Несмотря на то, что путники не внушали довѣрія, Гранли отвѣтилъ, не колеблясь. Онъ считалъ, что его положеніе и чинъ служили ему достаточной гарантіей.

— Я лейтенантъ вновь формируемаго перваго полка, который называется также дворянскимъ полкомъ и состоитъ подъ начальствомъ де-ля Туръ д'Овернья.

Старикъ поклонился.

— Поздравляю васъ. Я слышалъ уже объ этомъ новомъ полкѣ. Тамъ всѣ офицеры дворяне, если я не ошибаюсь?

— Да, всѣ, или почти всѣ... есть два или три очень богатыхъ разночинца.

— Судя по выраженію, съ которымъ вы произносите слово «разночинецъ», вы не принадлежите къ числу ихъ, не такъ ли лейтенантъ?

— Конечно, нѣтъ!—легкомысленно отвѣтилъ Гранли, не замѣчая, что ему дѣлалъ вопросъ, на который онъ отвѣчалъ.—Я насчитываю не одну сотню дѣтъ дворянства моихъ предковъ!

— И тѣмъ не менѣе вы служите императору,—произнесъ позади его мрачный голосъ..

Молодой человѣкъ, начинавшій уже сердиться, повернулся, глядя съ удивленіемъ на своего спутника.

— Вамъ какое дѣло?—горделиво отвѣтилъ принцъ:—я не спрашивалъ ни вашихъ именъ, ни политическихъ воззрѣній...

Тотъ хотѣлъ возражать ему и, вѣроятно, довольно рѣшительнымъ образомъ, но старикъ прекратилъ зарождавшуюся ссору.

— Молчите, Эмери! Этотъ офицеръ совершенно правъ. Его дѣла насъ не касаются. У каждаго свои дѣла, хорошія или дурныя. Вотъ и все!

Онъ кончилъ свою рѣчь съ усмѣшкой, которая не понравилась Гранли. Онъ хотѣлъ провѣрить свое впечатлѣніе, но старикъ заговорилъ сердечнымъ, дружескимъ тономъ:

— Позвольте вамъ представить моихъ сыновей, Эмери и Рауль Леконтъ. Я—Леконтъ, торговецъ лѣсомъ въ Грелѣ, возвращаюсь изъ дѣловой поѣздки, съ рубки лѣса.

— Рубить лѣсъ лучше, чѣмъ обрѣзать кошельки,—дерзко отвѣтилъ Гранли.—Признаюсь вамъ, что въ темнотѣ вы показались мнѣ довольно подозрительными.

— Благодарю васъ,—проворчалъ Эмери.

— Тысяча благодарностей?—добавилъ Рауль, открывъ ротъ въ первый разъ за все время.

Леконтъ опять засмѣялся очень громко.

— Что подѣлаешь! Во время путешествій не надѣваешь своихъ парадныхъ платьевъ. Кромѣ того, мы, деревенскіе жители, не особенно обращаемъ вниманіе на костюмы.

Они доѣхали до перекрестка, на которомъ стоялъ большой деревянный крестъ на каменной подставкѣ.

Подъ пригоркомъ лежали двое молодыхъ людей, казавшіеся спящими или мертвыми. При приближеніи всадниковъ, одинъ изъ нихъ привсталъ, потягиваясь, какъ бы послѣ долгаго сна, и привѣтствовалъ четверыхъ всадниковъ въ очень странныхъ выраженіяхъ:

— Здравствуйте, всадники!

— Покойной ночи спящимъ!—отвѣтилъ тотчасъ Леконтъ.

Тотъ сообщилъ:

— На дорогѣ вѣтеръ.

— А въ лѣсу темень!—сказалъ старикъ.

— Идите съ миромъ!

— Прощайте.

Путники отправились дальше. Второй изъ спящихъ не двигался.

— Вы знаете этихъ людей?—грубо спросилъ своего компаньона Гранли.

— Я? Первый разъ вижу!

— Вы въ этомъ увѣрены? Ваша манера разговаривать удивительно походить на обмѣнъ словами пропуска.

— Откуда вы это знаете? Развѣ вы были на войнѣ?—спросилъ его Рауль.

— Нѣтъ!—быстро отвѣтилъ Гранли, не поворачивая головы:—но я пользовался ими,

— По какому поводу?—спросилъ Эмери, пришпоривая свою лошадь.

На этотъ разъ принцъ не отвѣтилъ ни слова.

Въ это время передъ ними вырисовалась подъ чернымъ мостомъ Эзна, посеребренная луной, а на другой сторонѣ свѣтъ изъ оконъ гостиницы указывалъ на пріютъ, сулившій имъ покойную ночь.

— Вотъ конечная дѣль!—произнесъ Леконтъ, указывая концомъ своей трости, служившей ему хлыстомъ, на старый, низкій домъ.

На мосту громко раздался топотъ лошадиныхъ ногъ. Всѣ молчали, каждый погруженный въ свои мысли. Передъ гостиницей «Великаго монарха» всѣ слѣзли съ лошадей и поручили ихъ подбѣжавшимъ слугамъ.

Войдя въ первый залъ, Леконтъ сдѣлалъ знакъ хозяину и предупредилъ его въ короткихъ словахъ:

КНИЖНЫЯ НОВОСТИ

МАГАЗИНОВЪ

„НОВАГО ВРЕМЕНИ“

А. С. СУВОРИНА

(С.-Петербургъ, Москва, Харьковъ, Одесса, Саратовъ и Ростовъ н.-Д.)

«Книжныя Новости» магазиновъ «Новаго Времени» (ежемесячные списки вновь поступающихъ въ магазины «Новаго Времени» книгъ) выдаются въ магазинахъ и изъ шкафовъ А. С. Суворина на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ бесплатно, пересылка въ теченіе года 25 коп. (можно марками).

Нижепоименованныя, а также и другія, находящіяся въ продажѣ русскія книги можно выписывать черезъ книжные шкафы А. С. Суворина на желѣзныхъ дорогахъ.

ВЪ СЕНТЯБРЬ 1910 г. ПОСТУПИЛИ НОВЫЯ КНИГИ.

№ 8-й.

Богоеловіе.

Мысли послѣдователей отца Іоанна Кронштатскаго (Іоаннитовъ). Спб. 1910. Ц. 1 р.	Песочій, П. Пособіе къ изученію Евангелія. Земная жизнь и ученіе Спасителя. Спб. 1910. Ц. 1 р. 30 к.
Норновъ, А. Символъ чаши въ христіанской иконографіи и исторіи. Ц. 75 к.	

Философія, психологія, логика.

Арсеньевъ, Н. Въ исканіяхъ абсолютнаго Бога. (Изъ исторіи религіозной мысли античнаго міра). М. 1910. Ц. 30 к.	Бирюковъ, П. Греческій мудрецъ Діогенъ. М. Ц. 10 к.
Библиотека мартинистовъ. Орденъ мартинистовъ, его происхожденіе цѣли, значеніе, краткій очеркъ его исторіи и замѣтка о мартинизмѣ въ Россіи въ царствованіе Екатерины II. Спб. 1910. Ц. 15 к.	Платюсъ. Каббала или наука о Богѣ, вселенной и чelовѣкѣ. Спб. 1910. Ц. 2 р. 50 к.
	Платонъ. Пиръ. Весѣда о любви М. 1910. Ц. 65 коп.
	Самно, А. Великая философская гипотеза. Одесса. 1910. Ц. 30 к.

Словесность, исторія литературы, критика и библиографія.

Гофмансталь Г. О книгѣ Петра Альтенберга. Харьковъ. 1910. Ц. 20 к.	и изслѣдованія. Вып. 9 и 10. Спб. 1910. Цѣна 1 р. 50 к.
Извѣстія отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ. 1909. Т. 14, кн. 4-я. Спб. 1910. Ц. 1 р. 50 к.	Сборникъ отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ. Томъ 87-й. Спб. 1910. Ц. 3 р.
Томъ 15-й, книга 1-я. 1910. Ц. 1 р. 50 к.	Энциклопедія славянской филологіи. Вып. 1-й. Спб. 1910. Ц. 4 р.
Пушкинъ и его современники. Матеріалы «истор. вѣстн.», октябрь, 1910 г., т. сxxiii.	

1/227

Беллетристика, поэзія и драматическія произведенія.

- Азовецъ, Н. Смутная пора. Романъ изъ современныхъ событій. Ц. 1 р. 25 к.
- Александрова, О. Борьба жизни со смертью. Вып. 4-й. Спб. 1910. Ц. 30 к.
- Бангъ, Г. Фрэнкенъ-Кайя. Жизнь и смерть. М. 1910. Ц. 1 р.
- Вересаевъ, В. На войнѣ. Записки. Изд. 2-е. Спб. 1910. Ц. 1 р. 25 к.
- Гальдосъ, П. Донна Перфекта. Романъ. М. Ц. 1 р.
- Гейерстамъ, Г. Трагедія одной жизни. Романъ. М. 1910. Ц. 1 р.
- Герцовскій, Г. Мимолетное. Спб. 1910. Ц. 75 к.
- Глазуновъ, Н. Комедія, шутка. Спб. 1910. Ц. 1 р.
- Ибаньесъ, Б. Нагая наложница. Романъ. М. 1910. П. 1 р. 50 к.
- Новеллы. М. 1910. Ц. 1 р. Роковая женщина (Процессъ Тарновской). Пьеса въ 4 д. М. 1910. Ц. 1 р.
- Ленггель, М. Тайфунъ. Драма въ 4 д. М. 1910. Ц. 50 к.
- Маннъ, Т. Семейство Вудденброокъ. Романъ. М. Ц. 1 р. 25 к.
- Нѣгинъ, Грядущій Фаустъ. Драматическая поэма въ 2 ч. Рязань. 1910. Ц. 70 к.
- Панченко, П. 3 вильнихъ часів. Спб. 1910. Ц. 30 к.
- Пушкинъ. Собраніе сочиненій. Т. 4-й. Изд. Брокгаузъ и Ефрона. Спб. 1910. Цѣна въ пер. 7 р. 50 к.
- Реймондъ, В. Мужики. Романъ. Спб. 1910. Ц. 1 р. 50 к.
- Ровида, Ж. Обольщенные. Романъ. Спб. 1910. Ц. 1 р. 25 к.
- Сальгари, Э. Капитанъ Темпеста. Историческій романъ. М. 1910. Ц. 50 к.
- Соловьевъ, Н. Собраніе драматическихъ сочиненій. Т. 2-й. Разрывъ. Ликвидация. Спб. 1910. Ц. 1 р. 25 к.
- Соссей-де, В. Мои записки. Дневникъ акушерки. Спб. 1910. Ц. 1 р.
- Танъ, В. Собраніе сочиненій. Т. 3-й. Жертвы дракона. Спб. 1910. Ц. 1 р.
- Телловъ, А. Рассказы. Спб. 1910. Ц. 25 к.
- Фофановъ, М. Необыкновенный романъ. Спб. 1910. Ц. 50 к.
- Фрапье, Л. Огоньки. Сельская учительница. Романъ. М. 1911. Ц. 3 р. 25 к.
- Чирниковъ, Е. Тихія омуты. М. 1910. Ц. 1 р. 25 к.
- Шоу, Б. Полное собраніе сочиненій. Т. 6-й. Волокита. Маленькая драма. Т. 7-й. Соціалистъ-любитель. М. 1910. Цѣна каждого тома 1 р.

Исторія, біографія и археологія.

- Богаевскій, Л. Изъ давно прошедшаго. (1876—1878). 1910. Ц. 75 к.
- Буслаевъ, Ф. Сочиненія Т. П. Сочиненія по археологіи и исторіи искусства. 1910. Ц. 3 р.
- Валишевскій, М. Вокругъ трона. Екатерина II, императрица всероссійская. Ея любимые сотрудники, друзья, фавориты. М. 1910. Ц. 3 р.
- Витмеръ, А. Скобелевъ и его юность. Задачи русскаго флота. Спб. 1910. Ц. 45 к.
- Жеденовъ, Н. Гавриилъ Николаевичъ Луженевскій. Біографія. Спб. 1910. Ц. 50 к.
- Ивановъ, М. 14-й Стрѣлковый Батальонъ «железной бригады» въ передовомъ отрядѣ Гурко. Эпизодъ изъ исторіи освободительной войны 1877—1878 гг. Спб. 1910. Ц. 1 р.
- Москва въ ея прошломъ и настоящемъ. Вып. 5-й. Подписная цѣна за все изданіе 42 р. 50 к.
- Успенскій, А. Царскіе иконописцы и живописцы XVII в. Словарь. Москва. 1910. Ц. 40 р.

Правовѣдніе, общественныя науки и публицистика.

- Амфитеатовъ, А. Разговоры по душѣ. М. 1910. Ц. 1 р.
- Ермоловъ, А. Современная пожарная эпидемія въ Россіи. Спб. 1910. Ц. 60 к.
- Кауфманъ, М. Серебряный рубль въ Россіи отъ его возникновенія до конца XIX в. Спб. 1910. Ц. 2 р. 50 к.
- Колычевъ, А. По городскимъ вопросамъ. Спб. 1910. Ц. 50 к.
- Отечественная бібліотечка. № 3. Въ борьбѣ за національно-народное дѣло. Западная Русь. Спб. 1910. Ц. 15 к.
- Петровъ, А. Китай за послѣднее десятилетіе. Спб. Ц. 1 р. 30 к.
- Помни войну. Сборникъ статей на современные военные темы. М. 1911. Ц. 25 к.
- Сергѣевичъ, В. Лекція и изслѣдованія по древней исторіи русскаго права. Спб. 1910. Ц. 3 рубля.
- Статьи по славяновѣднію. Вып. 3-й. Спб. 1910. Ц. 2 р. 50 к.
- Тичеръ, Н. Новѣйшее общественное движеніе въ Америкѣ въ пользу религіознаго и церковно-школьнаго обученія. Спб. 1910. Ц. 30 к.

Искусство.

- Бенсюаннь, С. Гольбейнъ. Съ 8-ю рис. илл. М. Спб. 1910. Ц. 1 р. 25 к.
 Гей, Д. Карло Дольчи. 1910. Ц. 1 р. 25 к.
 Грабарь, И. История русского искусства. Вышелъ № 4-й.
- Долговъ, Н. Александръ Евстафьевичъ Мартыновъ. Очеркъ жизни и опытъ сценической характеристики. Спб. 1910. Ц. 75 к.

Естествознание и математика.

- Билтъ, Н. und Билтъ, W. Примѣры для упражненій по неорганической экспериментальной химіи. Одесса. 1919. Ц. 1 р. 90 к.
 Большой зеркально-призмный рефлекторъ-телескопъ. Спб. 1910. Ц. 25 к.
 Вернадскій, В. Опытъ описательной минералогіи Т. I. Самородные элементы, вып. 2. Спб. 1910. Ц. 1 р. 80 к.
 Кноренагель, Э. Руководство къ практическимъ занятіямъ по качественному анализу и неорганической химіи. М. 1910. Ц. 2 р. 25 к.
- Норцовъ, А. Путь солнца въ процессѣ мірового движенія. Тамбовъ. 1910. Ц. 2 р.
 Полянскій, И. Сезонныя явленія въ природѣ. Спб. 1910. Ц. 1 р. 50-к.
 Русская библиографія по естествознанію и математикѣ. Т. 4-й. Спб. 1910. 2 р. 25 к.
 Рыбинъ, Н. Опредѣленіе высоты полета аэроплановъ и нѣкоторыя метеорологическія наблюденія во время первой авіаціон. педвѣи въ Спб. 25 мая—2 Іюня 1910 г. Спб. 1910. Ц. 75 к.
 Смитъ, А. Введеніе въ неорганическую химію. Вып. 1-й. Одесса. 1910. Ц. 2 р.

Языковѣдѣніе.

- Псальмонъ, Ф. Французско-русскій словарь, съ точнымъ указаніемъ произношенія. Одесса. Спб. 1910. Ц. 80 к.
- Словарь русскаго языка, составленный вторымъ отдѣленіемъ Императорской Академіи Наукъ Четвертаго томъ выпуска третій. Качалка-Класться. Спб. 1910. Ц. 75 к.

Сельское хозяйство и домоводство.

- Болле, I. и Гвозденовичъ, Ф. Руководство къ разведенію тутоваго дерева и шелковичныхъ червей. Одесса. 1910. Ц. 30 к.
 Ивановъ, И. Искусственное оплодотвореніе домашнихъ животныхъ. Спб. 1910. Ц. 1 р.
 Нейштубе, С. Животноводство. Кн. 2-я.
- Хуторское содержаніе скота. Спб. 1911. Ц. 75 к.
 Одерманъ, К., Функистъ, Г. и Галленборнъ, I. Козы и овцы. Практическое популярное руководство по уходу за козами и овцами. Разведеніе, воспитаніе, откармливаніе и леченіе. Спб. 1910. Ц. 25 к.

Торговля и промышленность. Счетоводство.

- Поповъ, Н. Общія системы счетоводства. 1-е доводненіе къ книгѣ «Математическій методъ бухгалтеріи». Красноярскъ. 1910. Ц. 1 р.
 Снородинскій, А. Памятка изобрѣтателя. Спб. 1910. Ц. 20 к.
- Руководство для изобрѣтателей и промышленниковъ. Спб. 1910. Ц. 1 р.
 — Фабричныя рисунки модели. (Упрощенные патенты). Спб. 1910. Ц. 75 к.

Технологія, строительное и инженерное искусства. Ремесла.

- Балдинъ, С. Двигатели внутренняго горѣнія. Изд. 3-е. Спб. 1910. Ц. 2 р. 60 к.
 Бѣловъ, П. Биологическая очистка сточныхъ водъ Москва. 1910. Ц. 3 р.
 — Къ вопросу о биологической очисткѣ сточныхъ водъ и примѣненія ея на желѣзныхъ дорогахъ. М. 1910. Ц. 1 р.
- Витковскій, В. Практическая геодезія. Изд. 2-е. Спб. 1910. Ц. 5 р.
 Галеринъ, Б. Изгибъ и сжатіе. Спб. 1910. Ц. 80 к.
 Кришталовичъ, И. О стоимости цементно-бетонныхъ строеній и о порядкѣ содержанія школьныхъ и вообще жилыхъ помѣщеній. Новгородъ: 1910. Ц. 15 к.

Матвѣенно, В. Работа вагоновъ, поѣздовъ и паровозовъ. Лекци. Харьковъ 1910. Ц. 1 р. 50 к.

Мозилевскій, Ц. Межевой справочникъ. Практическая справочная книга для землеустроителей. Спб. 1910. Ц. 1 р. 80 к.

Орловскій, Н. Какъ устроена автомобильная коляска и ея составныя части. Спб. 1910. Ц. 1 р. 50 к.

Орловскій, П. Состязанія аэроплановъ въ С.-Петербургѣ, 25 апрѣля 1910 г. Иллюстрированный отчетъ. Спб. 1910. Ц. 50 к.

— Спорный вопросъ о патентахъ Вр. Райтъ Ц. 20 к.

Ривошъ, О. Металлическія стропильныя фермы. Руководство и пособие въ 3 ч. для инженеровъ, техникумовъ и студентовъ. Съ 250 фигурами въ текстѣ, 30 лист. чертежей и многими таблицами. Изданіе А. С. Суворина. Спб. 1911 г. Цѣна въ перекл. 5 р. 75 к.

Хлопицкій, В. Таблицы для подсчета земляныхъ работъ желѣзно-дорожнаго полотна, при различныхъ нормальныхъ профиляхъ его. Спб. 1910. Ц. 1 р. 50 к.

Шульцъ, Э. Динамо-машины, электродвигатели, трансформаторы. Практическое общедоступно изложенное руководство для установщиковъ. Спб. 1910. Ц. 60 к.

Медицина, гигиѣна, анатомія, физиологія и хирургія. Ветеринарія.

Бресслеръ, І. Лечение сифилиса средствомъ Эрлиха-Гатта. (Діоксидамино-арсенобензолъ). Спб. 1910. Ц. 40 к.

Бѣловъ, Н. Введеніе въ ученіе о внутренней секреціи женскихъ половыхъ железъ. Опытъ характеристики гормоновъ яичниковъ. Харьковъ. 1910. Ц. 75 к.

Венерическія болѣзни. Признаки ихъ, теченіе и способы излеченія. Трипперъ. Шаякръ. Сифилисъ. Спб. 1909. Ц. 1 р.

Доббертъ Ф. Курсъ гинекологіи. Спб. 1910. 1 р. 20 к.

Жуль, В. Не бойтесь холеры, но старайтесь предупредить заболѣваніе! Спб. 1910. Ц. 7 к.

Звѣриковскій, Ф. Экстракціи зубовъ. Спб. 1910. Ц. 1 р. 60 к.

— Основы дентіатріи. Вып. 4-й. Спб. 1910. Ц. 2 р. 80 к.

Моль, А. Половое чувство. Спб. 1911. Ц. 1 р.

Нравовъ, В. Заразные факторы людского злополучія и рациональныя нормы нравственной постановки мѣръ личной, общественной и правительственной борьбы съ ними. Ярославль. 1910. Ц. 2 р. 75 к.

Новосельскій, С. Гигиѣна и санитарія. Статистика самоубійствъ. Спб. 1910. Ц. 50 к.

Стаммловскій, Л. Травматическіе невроты. Невроты вслѣдствіе несчастныхъ случаевъ. Этіологія, клиника, діагнозъ, экспертиза М. 1910. Ц. 1 р. 50 к.

Холь, У. и Д. Здоровье и какъ его беречь. Физиологія и гигиѣна М. 1910. Ц. 35 к.

Военное и морское дѣло.

Гасфельдъ, Н. Подвѣию знаменъ. Служба солдата въ мирное время и въ бою. Спб. 1910. Ц. 40 к.

Инструкція учрежденіямъ и лицамъ, заведывающимъ военно-конскою и военно-повозочною переписями, утвержденная 30 іюня 1909 г. Спб. 1910. Ц. 1 р.

Описаніе военныхъ дѣйствій на морѣ въ 37—38 гг. Мейдзи (1904—1905 гг.). Соста-

влено Морскимъ Генеральнымъ Штабомъ въ Токио. Томъ 2-й. Совмѣстныя дѣйствія флота и арміи подъ Портъ-Артуромъ. Спб. 1910. Ц. 1 р. 20 к.

Руководство для призыва нижнихъ чиновъ запаса арміи и флота на действительную службу, утвержденное 28 октября 1908 г. Спб. 1910. Ц. 1 р. 50 к.

Воспитаніе и обученіе. Учебныя руководства.

Аггеевъ, К. Христіанская вѣра. Ч. I. Вѣроученіе. Спб. 1911. Ц. 60 к.

Ананьинъ, В., Гусановъ, В., Манаровъ, Г. и др. Живой родникъ. Вторая книга для чтенія. М. 1910. Ц. 50 к.

Антоновъ, Н., свящ. Учебникъ богослуженія, съ 160 иллюстраціями и 28 изображеніями духовныхъ композиторовъ. Спб. 1910. Ц. 90 к.

Барацъ, С. Курсъ коммерческой корреспонденціи. В. 1-й. Спб. 1910. Ц. по подпискѣ за оба выпуска 2 р. 75 к.

Володичевъ, Н. Къ вопросу о реформѣ преподаванія математики. Спб. 1910. Ц. 40 к.

Вроблевскій, В. Рѣшенія задачъ краткаго курса геометріи З. Вулиха. Спб. 1910. Ц. 40 к.

Гончаровъ, П. Коммерческая ариметика. Изд. 3-е, доп. Спб. 1910. Ц. 1 р. 25 к.

Греновъ, Ф. Азбука въ картинкахъ. М. 1910. Ц. 12 к.

Григорьевъ, Г. Курсъ физики. Ч. 1-я. Спб. 1910. Ц. 1 р. 60 к.

Давыденко, В. Основныя начала религіозно-нравственнаго воспитанія съ изложеніемъ способовъ обученія Закону Волю. Х. 1910. Ц. 75 к.

Девятиницъ, В. Полный практическій и по-

пулярный самоучитель международного языка «Эсперанто». М. 1910. Ц. 30 к.

Дудинъ, Стеблевъ, А. и Толстовъ, А. Русская история. учебникъ для младшихъ классовъ средн. уч. заведеній. Ч. 2-я. М. 1910. Ц. 1 р. 10 к.

Elaguine, A. Chrestomathie Française 2-е éditon. Спб. 1910. Ц. 1 р. 35 к.

Замятинъ, А. Стереометрія въ стереоскопѣ. 40 стереограммъ съ пояснительн. брошюрою. Спб. 1909 Ц. 4 р. 75 к.

Зачиняевъ, А. Психологическая система обученія. Ореографическая пропись. Вып. 1-й. Спб. 1910. Ц. 13 к., въ палкѣ 18 к. — Тоже вып. 2-й Ц. 25 к.

Ивановичъ, Б. Полныя рѣшенія всѣхъ задачъ, помѣщенныхъ въ сборникѣ геометрическихъ задачъ Н. Рыбкина Ч. 2-я Стереометрія. Спб. 1910. Ц. 1 р. 50 к.

Исачиниъ, Б. Курсъ теории алгебры. Вып. 3-й. Изд. 2-е, для учениковъ старшихъ классовъ средн. учебн. завед. Спб. 1910. Ц. 75 к. Тоже вып. 2-й. Ц. 85 к.

— Курсъ прямолинейной тригонометриі Спб. 1910. Ц. 1 р. 50 к.

Иппіановичъ, Г. Кт исторіи женскаго образованія въ Западной Россіи. Вильна. 1910. Ц. 40 к.

Комспенътъ физики Духта, съ рисунк., чертежами. Спб. 1910. Ц. 85 к.

Лебедевъ, А. Шагъ за шагомъ. Букварь для обученія чтенію и письму. М. 1910. Ц. 15 к.

Лебединцевъ Н. Систематическій сборникъ задачъ и другихъ упражненій на курсъ алгебры. Ч. 1-я. Спб. 1910. Ц. 50 к.

Лучицкій В. Курсъ гетрографіи. Спб. 1910. Ц. 1 р. 80 к.

Люттовъ, М. Краткіи очеркъ коммерческой (экономической) географіи и народнаго хозяйства въ Россіи сравнительно съ другими странами. Ч. 1-я. Вѣдостокъ. 1910. Ц. 50 к. Тоже ч. 2-я. Ц. 70 к.

Марновичъ, Б. Геометрія пространства. Ч. 1-я М. 1910. Ц. 80 к.

Неслуховскій. Карта. Западное полушаріе на 4 листахъ Ц. 1 р. 75 к., наклеен. 3 р. — Тоже восточное полушаріе на 4 лист. Ц. 1 р. 75 к., наклеен. 3 руб.

Нечаевъ, А. Какъ преподавать психологию? Спб. 1910. Ц. 40 к.

Новикова, С. Руководство къ книгѣ русской языкъ. Спб. 1910. Ц. 25 к.

Новиковъ, А. Овидій. Избранныя метафоры. Вып. 2-й. Ц. 40 к. Вып. 3-й. Ц. 50 к. Вып. 4-й. Ц. 30 к.

Ощедоступные разсказы изъ русской исторіи. Для школъ и самообразованія. Спб. Ц. 30 к.

Румянцевъ, Н. Обзоръ литературы по психологии дѣтства съ приложеніемъ 20 отзывовъ о новыхъ книгахъ по психологии и педагогикѣ. Спб. 1910. Ц. 30 к.

Рюминъ, В. Простѣйшіе опыты но химіи. М. 1910. Ц. 75 к.

Санчурскій, Н. Краткая грамматика латинскаго языка. Ч. 2-я. Синтаксисъ. Изд. 10-е. Спб. 1910. Ц. 1 р.

Сиверсъ, Е. Рѣшеніе и объясненіе задачъ, предлагаемыхъ на экзаменахъ для полученія свидѣтельства на право преподаванія бухгалтеріи. Спб. 1911. Ц. 1 р. 50 к.

Смирновъ, Е. Простѣйшіе опыты для объясненія явленій природы. М. 1910. Ц. 40 к.

Соколовъ, Н. Наглядный ариематическій задачникъ М. 1910. Ц. 20 к.

Спасскій, В. и Странець, В. Цвѣтничокъ, хрестоматія-малютка дѣтямъ для чтенія въ школѣ и дома. М. 1910. Ц. 1 р.

Старосивильскій, С. Учитель дѣтей. Руководство для обученія русскому языку въ школахъ Варшавскаго учебнаго округа въ 4 ч. Часть 1-я. Русская азбука. М. 1910. Ц. 25 к.

Струве, Ю. Курсъ русской грамматки. Ч. 1-я. Для младшаго возраста. Спб. 1910. Ц. 50 к.

Сударушкинъ, В. Модели геометрическихъ тѣлъ: чертежи-выкройки для вырѣзванія и склеиванія. Наглядное пособие при изученіи геометріи и на урокахъ рисованія. Спб. 1911. Ц. 60 к.

Титъ Ливій. Исторія римскаго народа. Книга 1-я. Спб. 1910. Ц. 75 к.

Труды С.-Петербургской Педагогической Академіи. Вып. 1-й. Начало дѣла. Возникновеніе Педагогической Академіи, общія основы ея организаціи и первыя работы слушателей. Спб. 1910. Ц. 80 к.

Тумимъ, Г. Самоучитель правописанія. Ч. 1. Спб. 1910. Ц. 25 к.

— Первые шаги. Пособіе при первоначальномъ обученіи письму и чтенію рукописнаго текста. Спб. 1910. Ц. 25 к.

— Самоучитель русской ореографіи. Тетрадь 1 и 2-я. Ц. 10 к.

Фармановскій, В. Педагогическая мнемоника. Одесса. 1910. Ц. 60 к.

Федоровъ, А. Новое руководство для преподаванія нѣмецкаго языка. Спб. 1911. Ц. 1 р.

Чйтамъ, Т. Элементарная химія. Годъ 2-й. Кіевъ. 1910. Ц. 1 р. 50 к.

Шапаловъ, В. Вѣра и жизнь христіанина. Ч. 1-я. Основныя истины христіанской православной вѣры. Х. 1910. Ц. 40 к.

Шмулевичъ, П. Сборникъ задачъ, предлагавшихся на конкурсныхъ экзаменахъ при поступленіи въ спеціальныя выспія учебныя заведенія. Ч. 1-я. Тригонометрія. Изд. 7-е. Спб. 1911. Ц. 1 р. 75 к.

Шумиловскій, Л. Руководство къ самостоятельному составленію ученическихъ сочиненій. Ч. 2-я. Темы литературныя и историческія. Спб. 1910. Ц. 1 р.

Щавинскій, Т. Полный курсъ международного языка Эсперанто. М. 1910. Ц. 60 к.

Фаворовъ, Н. Руководство къ церковному собесѣдованію или гомилетика. Кіевъ, 1911. Ц. 80 к.

Книги для дѣтей и юношества.

Бичеръ-Стоу. Хижина дяди Тома. Романъ. М. 1910. Ц. 80 к.

Игрушечка, журналъ для дѣтей 1-е полугодіе 1910. Ц. 2 р.

Казень, Ж. Приключенія маленькаго савояра. Сцены и картины изъ жизни горныхъ жителей Савои. Спб. 1910. Ц. въ палкѣ 1 р.

Лунашевичъ, К. Сказки родной Украины для дѣтей. М. 1910. Ц. 1 р.	Мельгунова, М. Страна Пирамидъ. Египетъ. М. 1910. Ц. 10 к.
Манарова, С. Дѣтскій мірокъ. Разказы для дѣтей. Спб. 1910. Ц. въ палкѣ 60 к.	Сиповскій, В. Сократъ и его время. Спб. 1910. Ц. 40 к.

Спортъ, охота и игры.

Бадень-Пауль. Юный развѣдчикъ. Изд. 2-е. Спб. 1910. Ц. 1 р. 25 к.	Норландеръ, Н. Гимнастика и спортъ по системѣ Лянга. Спб. 1910. Ц. 75 к.

Справочныя книги.

Авдѣенко. Спутникъ по Одесской выставкѣ. съ илл. 1910. Ц. 10 к.	Ежегодникъ. Ваку и его районъ. Адресная и справочная книга на 1910. Ц. 2 р. 50 к.
Адресная и справочная книга «Адресъ Харькова». 1910. Ц. 1 р. 25 к.	Крушиницкій, И. Сокращенныя вычисленія. Проценты со ста, на сто и во сто. Спб. 1910. Ц. 20 к.
Воротинцевъ, Н. Подробная справочная книга о С.-Петербургскомъ Политехническомъ Институтѣ Императора Петра Великаго. Изд. 2-е. Спб. 1911. Ц. 75 к.	Лянчиновъ, М. Распоряженія и циркуляры по эксплуатаціи и постройкѣ казенныхъ желѣзныхъ дорогъ 1900—1909 г., в. 2-й. Спб. 1910. Ц. 2 р.
Гольбергъ, И. Справочникъ для фармацевтовъ. Собраніе законоположеній, правилъ и программъ для экзаменующихся на фармацевтическія званія и степени. Спб. 1911. Ц. 1 р.	Рубинъ, А. Руководство по перевозкѣ ж. д. д. грузовъ. Спб. 1910. Ц. 1 р.
	С.-Петербургскій студенческій спутникъ на 1910—11 годъ. Ц. 20 к.

Разныя книги.

- Нафъ и Кофейновъ, д-ръ. Вся бѣлая и черная магія или книга чудесъ и тайнъ. Спб. 1910. Ц. 1 р. 50 к.

Періодическія изданія.

«Аполлонъ». Журналъ № 9. июль-августъ. 1910 г. Ц. 1 р. 25 к.	«Извѣстія Архангельскаго Общества изученія русскаго Сѣвера» № 15. Ц. 25 к.
«Военно-историческій вѣстникъ». №№ 5, 6. 1910 г. Кіевъ. Ц. 1 р. 20 к.	«Московскій Еменедельникъ» №№ 32 и 34. 1910 г. Ц. кажд. № 15 к.
«Воздухоплаватель». № 8. 1910 г. Ц. 50 к.	«Наша Охота». Журналъ. № 7. 1910 г. Ц. 60 к.
«Всемирное техническое обозрѣніе». Политехнич. илл. журн. № 11. 1910 г. Ц. 1 р. 20 к.	«Окраины Россіи». Журналъ. №№ 32 и 35. Ц. кажд. № 15 к.
«Вѣстникъ воздухоплаванія». № 14. 1910 г. Ц. 60 к.	«Оса». Журналъ. №№ 30 и 33. Ц. кажд. № 10 к.
«Вѣстникъ Иностранной Литературы». Сентябрь. 1910 г. Ц. 60 к.	«Театръ и Искусство». Журналъ №№ 32 и 35. Ц. кажд. № 20 к.
«Вѣстникъ Теософіи». №№ 7, 8. 1910 г. Ц. 75 к.	«Хуторъ». Сельско-Хозяйств. журналъ. № 9. 1910 г. Ц. 30 к.
«Европейская Жизнь». Худож.-литературн. журналъ. № 24. 1910 г. Ц. 20 к.	«Экономистъ Россіи». №№ 31 и 34. 1910 г. Ц. кажд. № 20 к.
«Золотое Дѣтство». Журн. для дѣтей. № 20. 1910 г. Ц. 20 к.	

*) Изданіе А. С. Суворина.

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ

Новая книга

Б. Б. ГЛИНСКАГО

**Борьба
за
Конституцію**

1612—1861 гг.

ИСТОРИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ

Съ 22 портретами и иллюстраціей

Цѣна 3 р. 50 к.

Изданіе Н. П. Карбасникова.

Складъ изданія въ магазинахъ Н. П. Карбасникова:
въ С.-Петербургѣ, Гостинный дворъ, № 19, въ
Москвѣ—Моховая, д. Баженова, въ Варшавѣ —
«Новый свѣтъ», № 49, въ Вильнѣ—Большая ул.,
д. Гордона.

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ
„НОВАГО ВРЕМЕНИ“
(Спб., Москва, Харьковъ, Одесса, Саратовъ и Ростовъ-на-Дону)
ПОСТУПИЛЪ ВЪ ПРОДАЖУ
СИСТЕМАТИЧЕСКІЙ УКАЗАТЕЛЬ
СОДЕРЖАНІЯ
„ИСТОРИЧЕСКАГО ВѢСТНИКА“

за 25 лѣтъ (1880—1904 гг.)

СОСТАВИЛЪ
Б. М. ГОРОДЕЦКІЙ

Книга заключаетъ въ себѣ 47 печатныхъ листовъ убористаго шрифта. Въ ней переименованы 9525 статей и 2993 рисунка; кромѣ того, приложены два алфавита: 1) личныхъ именъ, упоминаемыхъ въ указателѣ статей, и 2) личныхъ именъ, упоминаемыхъ въ указателѣ рисунковъ. Книга отпечатана въ ограниченномъ числѣ экземпляровъ.

Цѣна 5 руб.

О ПОДПИСКѢ
НА
ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ
въ 1911 году
(ТРИДЦАТЬ ВТОРОЙ ГОДЪ).

«Историческій Вѣстникъ» будетъ издаваться въ 1911 году на тѣхъ же основаніяхъ и по той же программѣ, какъ и въ предшествовавшей тридцать одинъ годъ (1881—1910).

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ въ годъ (со всѣми приложеніями) десять рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора «Историческаго Вѣстника» въ Петербургѣ при книжномъ магазинѣ «Новаго Времени» (Невскій проспектъ, № 40). Отдѣленія конторы: въ Москвѣ, Харьковѣ, Одесѣ, Саратовѣ и Ростовѣ на Дону, при находящихся въ этихъ городахъ отдѣленіяхъ книжнаго магазина «Новаго Времени», и въ Кіевѣ, при книжномъ магазинѣ Н. Я. Оглобина.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ **десять** рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ „**Новаго Времени**“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 40. Отдѣленія главной конторы въ **Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ и Ростовѣ на Дону** при книжныхъ магазинахъ „**Новаго Времени**“.

Программа „**Историческаго Вѣстника**“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., бібліографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „**Историческому Вѣстнику**“ прилагаются **портреты и рисунки**, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналъ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго**.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой-либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «Историческаго Вѣстника» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.

Издатель А. С. Суворинъ.

Редакторъ С. Н. Шубинскій.

Типографія А. С. Суворина. Зртелевъ пер., д. 13

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЬ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ПЕРВЫЙ
НОЯБРЬ, 1910 Г.

СОДЕРЖАНІЕ

НОЯБРЬ, 1910 г.

	СТРАН.
I. Искатели. I—XVII. И. И. Гнѣдича	417
II. Воспоминанія академика И. И. Соколова . XVII—XIX. (Продолженіе).	478
III. Небесная попечительница. (Изъ жизни моей матери). К. Искуль	504
IV. Харьковское лихолѣтіе. (Отрывки изъ воспоминаній). М. А. Яковлева	542
V. Воспоминанія о К. Д. Кавелинѣ . Н. О. К.	574
VI. Загадочный ссыльный. М. Туманова	587
VII. Русская колонія Ниццы въ годъ землетрясенія. (Изъ воспоминаній). М. Г. Назимовой	601
VIII. Какъ насаждалась французская культура въ Россіи. А. М. Михайлова	616
IX. Императоръ Николай I въ Херсонѣ въ 1845 г. И. Генбачева	630
X. Павловскіе потѣшныя полки. Л. Оглоблиной	643
XI. Какъ мой отецъ попалъ въ корпусъ. (Изъ воспоминаній дѣдушки). Варвары Даниловой	646
XII. Среди хлыстовъ. И. И. Соловьева	654
XIII. Изъ воспоминаній объ артистѣ Горевѣ . Вл. Маркова	661
XIV. Цареубійство 1 марта 1881 года. Историческіе очерки. VII. Конституціонныя вѣянія и «диктатура сердца». В. В. Глинскаго	667
иллюстраціи: 1) Михаилъ Николаевичъ Тригопи.—2) Геся Мировна Гельфманъ.—3) Юрій Николаевичъ Богдановичъ (Кобозевъ).	
XV. По Камѣ. I—IV. Андрея Фирсова	709
иллюстраціи: 1) Село Шуранъ (по среднѣй домъ бывшій Норманкаго).—2) Село Мурзиха.—3) Чистополь.—4) Пристань Берсутъ.—5) Пароходъ «Зарубинъ».—6) Село Тихія Горы.—7) Село Икское-Устье.—8) Правый берегъ Камы близъ устья р. Вѣлой.—9) Правый берегъ Камы между устьями рр. Вятки и Вѣлой.	
XVI. Критика и библиографія.	733
1) Юванъ де-Плано Карпини. Исторія монгаловъ.—Вильгельмъ де-Рубрукъ. Путешествіе въ восточныя страны.—Введеніе, переводъ и примѣчанія А. И. Маленина . Съ прилож. 8 рис., карты и указателей. Спб. 1911. 6. в.—2) Н. Новомбергскій , проф. томскаго университета. Ветеринарное дѣло въ Россіи въ половинѣ XVIII ст. (Матеріалы по исторіи медицины (См. слѣд. стран.).	

въ Россіи). Томскъ. 1910. м. с. б.—3) Извѣстія отдѣленія русскаго языка и словесности императорской академіи наукъ. 1909. Томъ XIV. Книжка 3-я и 4-я. Спб. 1910. в. р.—въ.—4) J. T. Chance. George I and the northern war. Lond. 1909. А. Б.—5) Проф. И. И. Соколовъ. Усыновленіе и его отношеніе къ браку въ Византіи и на современномъ греческомъ Востокѣ. Историко-правовой очеркъ. Спб. 1910. профессоръ М. Краснонень.—6) Архимандритъ Іона. Герои вѣры. Къ вопросу о современномъ положеніи христіанъ въ Турціи Спб. 1900 г. Іеромонахъ І.—7) Чтенія въ императорскомъ обществѣ исторіи и древностей российскихъ при московскомъ университетѣ. 1910 г. Книга третья. Двѣсти тридцать четвертая. Издана подъ завѣдываніемъ М. К. Любавскаго. М. 1910. В. Рудаковъ.—8) С. Д. Соколовъ. Источники и пособія для изученія саратовскаго края. Указатель книгъ, брошюръ, журнальныхъ и газетныхъ статей и замѣтокъ, напечатанныхъ въ саратовскаго края. Изданіе второе, исправленное и значительно дополненное. Саратовъ. 1910. проф. Пав. Черняевъ.—9) Эразмъ Пильцъ. Русская политика въ Польшѣ. Спб. 1910. Вит. Ткачумъ.—10) Другъ народа. Александръ Львовичъ Караваевъ. Спб. А. Фаресовъ.—11) Б. Л. Модзалевскій. Библиотека А. С. Пушкина. (Библиографическое описаніе). Отдѣльный оттискъ изъ изданія «Пушкинъ и его современники». вып. IX—X. Спб. 1910. в. р.—въ.—12) Пушкианъ, Томъ IV. Библиотека великихъ писателей, подъ редакціей С. А. Венгерова. Изд. Вроггауза-Ефрона. Спб. 1910. м. б.—13) Сочиненія И. О. Горбунова. Т. I—III. Спб. 1904—1910. Издано особой комиссіей при комитетѣ состоящаго подъ высочайшимъ Государя Императора покровительствомъ Императорскаго общества любителей древней письменности. А. Б.—14) III отдѣленіе императорскаго вольнаго экономическаго общества. Памяти Николая Гавриловича Чернышевскаго. Доклады и рѣчи Н. О. Анненскаго, М. А. Антоновича, А. А. Корнилова, А. С. Постникова и М. И. Туганъ-Варановскаго. Спб. 1910. пант.—15) Сочиненія и письма Н. В. Гоголя. Редакція В. В. Каллаша. Изд. т-ва «Просвѣщеніе». 9 т. Спб. 1909—1910. А. Фоминъ.—14) Н. М. Важенковъ. Григорій Федоровичъ Квитка-Основаененко. Библиографическій указатель. в. р.—въ.—16) Вѣстникъ всероссійскаго съѣзда «художниковъ». Спб. 1910. А. Фаресовъ.—17) И. С. Симоновъ. Школа и половой вопросъ. Спб. 1909. А—сній.

XVII. Заграничныя историческія новости и мелочи 763

1) Национальность Христофора Колумба.—2) Воспоминанія актрисы Жюдьтъ. — 3) Смерть Ньюкса, Кокса, лорда Спенсера, Гольмана Гунта, Килома Микшата, Байнца, Свіапарелли, Оливье, Вандаля, Фремье.

XVIII. Смѣсь. 790

1) Ревельскія торжества по случаю открытія памятника Петру Великому.—2) Юбилейныя торжества въ Нижегородской и Владимирской губерніяхъ.—3) Годовое собраніе кассы взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ.—4) Торжество психо-неврологическаго института.—5) Открытіе высшихъ курсовъ при биологической лабораторіи имени П. Ф. Лесгафта.—6) Амурская экспедиція.—7) 25-тильнній юбилей архіепископа Арсенія.—8) 50-тильнній юбилей архіепископа Агаеодора.—9) Юбилей М. М. Михайловскаго.—10) Правила второго литературнаго конкурса редакціи «Виржевыхъ Вѣдомостей» изъ оригинальные русскіе рассказы и повѣсти.—11) О памятникахъ Вѣльскому и Гончарову.—12) Географическое бюро.

XIX. Некрологи 806

1) Вржевскій, Н. К.—2) Добротворская, Н. В.—3) Иванова, Е. И.—4) Камышанскій, П. К.—5) Либень, П. О.—6) Мацевичъ, Л. М.—7) Муромцевъ, С. А.—8) Позняковъ, Н. И.—9) Рязскій, А. Д.—10) Фроловскій, Н. А.

XX. Замѣтки и поправки 815

1) Тропининскій портретъ Пушкина. (Къ «Воспоминаніямъ Н. П. Соколова»). А. Измайловъ.—2) Замѣтка К. О. Рыдѣва. л.

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портретъ графа Михаила Таріеловича Лорисъ-Меликова.—2) Король безъ королевства. Историческій романъ Мориса Монтегю. Переводъ съ французскаго Михайлова. (Продолженіе).

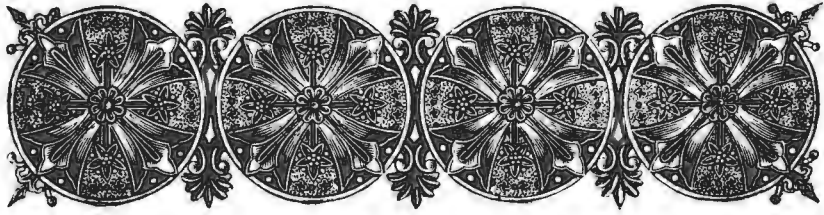

Графъ Михаилъ Таріеловичъ Лорисъ-Меликовъ.

(Съ гравированнаго портрета Пожалостина.

ИСКАТЕЛИ.

I.

В ЛЬСистой, нежилой части Крестовскаго острова, тамъ, гдѣ низкій берегъ спускается къ холоднымъ водамъ Финскаго залива, въ небольшой бѣлой лодкѣ сидѣло два молодыхъ человѣка. Одинъ былъ, несомнѣнно, художникъ: раскрывъ этюдный ящикъ, онъ писалъ сѣрую понораму устья Невы. Онъ сидѣлъ на самой кормѣ, погрузивъ лодку въ воду настолько, что до бортовъ оставалось дюйма три-четыре. Ея носъ былъ вытасченъ на берегъ; передняя скамейка снята и брошена на песокъ. На дно лодки была постлана бурка, и на ней весьма комфортабельно лежалъ, подперевъ ладонью щеку, другой молодой человѣкъ и разсѣянно смотрѣлъ на небо.

По небу плыли низкія, влажныя, блѣдно-лиловыя облака. Они плыли тяжелыми кучами, но держались въ воздухѣ и не проливались дождемъ. Въ нихъ была какая-то унылая, щемящая прелесть спокойнаго безшумнаго движенія: ни вѣтра, ни грома, ни солнца. Въ одномъ мѣстѣ на небѣ свѣтило перламутромъ небольшое пространство, но и то было затянуто траурной прозрачною вуалью. Деревья стояли пепельно-коричневые и тихо шелестѣли сухой скоробленой листвою. Пахло землею, гніющими листьями; пахло огромнымъ воднымъ просторомъ залива. Наверху тянули перелетныя птицы. Вода была свинцовая, недвижная, тяжелая, точно ртуть, и только гдѣ-то вдали золотилась опаловая полоска,

«истор. вѣстн.», ноябрь, 1910 г., т. сxxx.

1

которую, должно быть, озаряло солнце въ тотъ прорывъ, что свѣтъ лѣлъ на лѣво.

Молодые люди молчали. Художники вообще молчатъ, когда пишутъ этюды. Товарищъ наблюдалъ за нимъ и видѣлъ, что у него ходитъ нижняя челюсть въ тактъ мазкамъ кисти, и даже уши при этомъ двигаются и сокращаются мускулы на щекѣ. Это сердце лежащаго, раздражало ему нервы. Онъ переводилъ глаза съ профиля товарища на далекий берегъ, на летящихъ птицъ, на ртутную воду, но уши влекли его къ себѣ. Наконецъ, онъ не выдержалъ и окликнулъ:

— Бухальцевъ!

Художникъ вздрогнулъ, повелъ плечами, но не оглянулся, а только сказалъ поощрительно:

— Ну?

— Зачѣмъ ты ушами шевелишь?

Тотъ сразу не понялъ.

— Какими ушами?

— А вотъ тѣми, что по бокамъ головы растутъ?

Бухальцевъ задумался, посмотрѣлъ на эскизъ, откинулся назадъ, склонилъ голову на лѣвый бокъ и спросилъ равнодушно:

— Развѣ шевелю?

— И даже весьма. И зубами жуешь.

— Жую,—это привычка.

— Скверная.

— Тебѣ какое дѣло!

— Противно.

— Не смотри.

— Да больше некуда смотрѣть.

Рыба плеснула недалеко отъ лодки. Оба повернулись въ сторону всплеска.

— Должно, лосось, —замѣтилъ художникъ.

— Возможно,—согласился лежавшій.

Наступило опять молчаніе. Бухальцевъ полѣзъ въ карманъ, вынулъ папиросу и сталъ закуривать, не отводя глазъ отъ этюда.

— А что, Чухчурьянъ, у васъ въ университетѣ?—вдругъ спросилъ онъ.

— Я не спрашиваю, что у васъ въ академіи? Какое тебѣ дѣло до университета?

— Какая ты несообщительная скотина, Чухчурьянъ!—сказалъ художникъ.

Тотъ не обидѣлся, а только попросилъ:

— Кинь-ка папиросу.

— Вчера скандалъ былъ у Дарьи Осиповны,—заговорилъ Чухчурьянъ закуривъ.

— У какой Дарьи Осиповны?

— Дѣвственникъ! Не знаешь Дарья Осиповны? У которой пансіонъ не доходя Средняго проспекта!

— Не знаю.

— Орлеанская дѣва какая!

— Ты знакомъ съ моими воззрѣніями, чегожь присталь?

— Да глупо! Двадцать три года болвану, а онъ женщинъ боится.

— Не боюсь, а противно.

— Ну, я и говорю—болванъ.

— Какой-же скандалъ вчера былъ?

По лицу кавказца вдругъ расплылась улыбка и вокругъ черненькихъ острыхъ глазъ собрались лучами складки.

— Какіе-то офицеры пришли, ну, и наши были. Пили портеръ. Потомъ перешли на политику. Это, понимаешь, послѣднее дѣло. Слово за слово, то да сѣ. Самохотовъ не выдержалъ, пустилъ въ нихъ бутылкой.

— Въ офицеровъ-то?

— Ну, да.

— Пустой?

— Натурально, пустой. Поналъ въ зеркало. Трескъ, громъ, дѣвицы визжать. Прибѣжала сама Дарья Осиповна, дама уважаемая, почтенная. Уперлась въ боки руками да какъ зыкнетъ: «Вы что? Безпорядки у меня дѣлать! Чтò здѣсь, университетъ чтоли? Куда вы зашли?»—Такъ, понимаешь, всѣ кто были—какъ покатыя съ хохота...

И Чухчурьянъ захохоталъ при одномъ воспоминаніи.

— Такъ и отлѣпила,—продолжалъ онъ:—«что здѣсь, университетъ чтоли? такъ я вамъ покажу безпорядки дѣлать!»

— Да, смѣшно,—совершенно серьезно сказалъ художникъ.

— Ну, и понимаешь—всѣ стали мириться и цѣловаться, и такъ братецъ мой, напились, что ухъ!

— А свинья этотъ Самохотовъ,—замѣтилъ Бухальцевъ.

— Онъ очень силенъ: двѣнадцать пудовъ поднимаетъ.

— Верблюды еще сильнѣе.

— Опять глупо? При чемъ верблюдъ? Верблюдъ ходить на четырехъ ногахъ и зеленой слюной плюется. А Самохотовъ—все же человѣкъ, но силищи невѣроятной.

— Опоздалъ на сорокъ вѣковъ родиться.

— Ну, и опоздалъ! Не по своей винѣ. А ты не осуждай.

Художникъ разсердился.

— Однако ты меня осуждаешь, а я никого осуждать не могу? Тебѣ какое-то дѣло до моей дѣвственности? Ну, да—я дѣвственникъ, и очень этому радъ!

— Есть чему радоваться. Большое дѣло: вѣдь подкладка этого лена.

— Ну-ка, скажи?

— Подкладка та, что ты платонически влюбленъ въ эту актрису. Нечего глаза таращить. Все знаю досконально. Нашелъ тоже! Хотя у нея смѣшныя брови: торчатъ какъ-то врозь.

Художникъ покраснѣлъ.

— Я бы тебѣ совѣтовалъ быть осторожнѣе на языкъ,—сказалъ онъ.

II.

Но южанинъ отнесся хладнокровно къ этому совѣту.

— Я, братъ, по совѣсти, я, братъ, человекъ прямой. Хоть жги меня, хоть рѣжь,—я свою буду линію держать. Что такое, въ самомъ дѣлѣ, это!—чтобъ дѣвочка могла такъ опутать взрослого человека? Можетъ, она и талантливая актриса, и любитъ тебя, и волосы у нея густые, и глаза забиравательные, а только на все это необходимо плюнуть.

— Почему же плюнуть?

— Потому что мы молоды. Что еще въ жизни встрѣтимъ? *Tabula rasa*. Ты не понимаешь, что значитъ *tabula rasa*? Чистая страница, куда все вписать можно. Положимъ, не страница, да это все равно.

— Я былъ въ гимназій до седьмого класса,—пробурчалъ Бухальцевъ.

— Ну, и великолѣпіе! Понимаешь, что мы можемъ встрѣтить? Заморская царица, жарь-птица, чортъ въ ступѣ, ха,-ха! А такъ—въ двадцать три года надѣть на себя цѣпи—идіотство!

— Ну, а коли потомъ ничего не встрѣтишь, и ногти будешь грызть, что случай пропустилъ?

— Ахъ, оставь пожалуйста, оставь, сдѣлай милость! Что такое—«случай пропустилъ»? Случай всегда есть, только его ловить надо. Взять за хвостъ, посадить въ клѣтку и не выпускать. Вотъ, что такое случай! Неужто на нашъ вѣкъ бабъ не хватаетъ? Скажи пожалуйста! Ты думаешь, что твоя Дульцинея лучше всѣхъ на свѣтѣ,—такое пирожное, какого самъ царь не ѣстъ? Полно,—все это одно и то же, всѣ онѣ съ нервами, съ капризами, съ желаніемъ жить насчетъ мужчины.

— Ну, она самостоятельна: жалованье получаетъ.

— Жалованье! Ей жалованье на юбки нужны, коли она актриса—у нея все уходитъ на юбки. Она норовитъ такого взять, который бы ее кормилъ, а не она его.

Художникъ засмѣялся.

— А ты, восточный человекъ,—сказалъ онъ,—нарочишь такую женщину достать, чтобъ она тебя кормила?

— И даже весьма натурально, — согласился Чухчурьянг. — Не все одно: женщина кормит мужчину или мужчина женщину? Пока человекъ учится, обязанность женщины — поддерживать его...

— Въ содержанцы, значить, итти?

Онъ меланхолически повернулся на другой бокъ.

— Ну, содержанцы, это, братъ, глупое слово! Любить меня женщина — и дѣлится со мной всѣмъ. Я ее люблю — я дѣлюсь. Чортъ возьми, — какая жъ разница? Я за равноправіе...

Художникъ засмѣялся.

— Хорошо равноправіе!

— Да, ей-богу! Я такъ тебѣ скажу. Былъ я въ гимназіи, въ седьмомъ классѣ. Въ Тифлисѣ дѣло было. Стала на меня купчиха заглядываться, — понимаешь, дама лѣтъ сорока, въ обхватѣ аршина три. А собой, понимаешь, очень красива. Лицо чистое, брови черныя и срослись надъ носомъ. Носа довольно много, но хорошій носъ. Зубы бѣлыя, глаза черные-черные, какъ бархатъ, и рѣсеницы такія: верхнія — кверху, нижнія — книзу. Губы такія жирныя, малиновыя. Ты подумай только, что былъ бы я за идіотъ, если бъ не пошелъ къ ней, когда она позвала?

— Мерзость! — отозвался художникъ.

— Почему мерзость? Во-первыхъ, она мнѣ очень нравилась. Я такъ былъ въ нее влюбленъ, что, понимаешь, если бъ она мнѣ измѣнила, я бы кинжаломъ ее прикололъ. А во-вторыхъ, она меня любила, потому что была вдова. Мы оба любили одинъ другого.

— Ты что же, деньги съ нея бралъ?

— Она сама деньги мнѣ давала, я не просилъ. Кольца дарила, часы дарила. Часы отъ мужа — хорошіе. Потомъ я за сто двадцать рублей ихъ продалъ. Я не бралъ; она говоритъ: «не самой же мнѣ носить? Ты не возьмешь — другому отдамъ». Думаю, — зачѣмъ другому? — лучше мнѣ. И взялъ.

— И деньгами бралъ?

— И деньгами давала. Да ты то подумай. Денегъ у ней шесть-сотъ тысячъ, — она трактъ лошадиный держала. Если бъ она мнѣ двадцать тысячъ дала, такъ это все равно, что намъ съ тобой стоить гривенникъ. А я за все время рублей триста у нея перебралъ.

— Вотъ свинья! — не выдержалъ Бухальцевъ.

— Не вижу свинства, ей-богу, не вижу. Я жениться на ней хотѣлъ, она говоритъ: «нѣтъ, братъ, я не дура, не хочу, чтобъ надо мной городъ смѣялся». — Ну, я обидѣлся.

— Неужели обидѣлся?

— Обидѣлся.

— Отчего жъ вещей и денегъ не отдалъ?

— Хе! Что жъ ты думаешь, такъ онъ у меня и остались? Давно продалъ. Я, братъ, просто смотрю на жизнь. А ты — утопистъ.

Что такое? Почему отъ женщинъ бѣгать? Кому нужна эта глупая чистота?

Художникъ закрылъ этюдникъ и сталъ вытирать кисти обрывкомъ газеты.

— Ты очень тупъ,—сказалъ онъ.—Какъ ты не хочешь понять того, что есть щепетильные люди, которые не любятъ грязи. По моему, стать любовникомъ женщины, если это не вызвано нравственнымъ подъемомъ, увлеченіемъ, если это не результатъ извѣстнаго чувства,—нечистоплотно. Это собачья свадьба.

— И пусть собачья!—вокликнулъ его собесѣдникъ, опять поворачиваясь.—Если ты бросаешь любовницу безъ средствъ да еще съ ребенкомъ—ты подлець; если ты насильничаешь—ты подлець; но если по взаимному договору вы сходитесь,—да сдѣлай милость, что такое! Почему нельзя? Ахъ, все это утопія и сентиментализмъ. Ты вотъ любишь эту зеленоглазую. Время теряешь, сидишь съ ней вечера, глазами хлопаешь, а въ концѣ концовъ, она тебѣ длинный носъ наклеитъ. Ей-богу, наклеитъ. Помяни мое слово!

Художникъ взглянулъ на него зло, такъ глядитъ неприрученный вороненокъ на человѣка.

— Мнѣ кажется, это не твое дѣло!—сказалъ онъ.

— Ты покончилъ съ своей мазней?—спросилъ его товарищъ.—Тогда двигаемся. Мнѣ холодно стало на этой проклятой шестидесятой параллели. Я человѣкъ экзотичный.

— Ёдемъ.

Чухчурьянъ вылѣзъ изъ лодки, сильно уперся въ ея носъ, врѣзаясь глубоко въ песокъ ногами, и сразу сдвинулъ ее въ воду. Потомъ онъ снова влѣзъ въ суденышко, поставивъ на мѣсто лавку, поправилъ уключины и не торопясь сталъ вставлять въ нихъ весла. Лодку повернуло теченьемъ, и бокомъ понесло къ заливу. Онъ расправилъ весла какъ крылья; по-матросски, глубоко запустилъ ихъ въ воду, сразу оторвалъ и снова рѣзко, безшумно заставилъ ихъ нырнуть въ холодную влагу. Лодка вздрогнула, остановилась и, послушная рулю, остро и смѣло пошла на встрѣчу теченью, вспѣнивая двумя каскадами воду.

— Дѣвственникъ!—продолжалъ, налегая на весла, молодой человѣкъ.—Что за извращеніе, что за мерзость! Почему нѣтъ животныхъ дѣвственниковъ?

— Потому что они животные,—отвѣтилъ художникъ.

— Оставь пожалуйста! Животныя лучше насъ знаютъ, зачѣмъ ихъ создала природа. Законъ жизни—размножаться. И ты льнешь къ этой актрисѣ, потому что думаешь жениться и наплодить дѣтей. Тотъ же законъ виситъ и надъ тобою. Ты думаешь,—ты идеалистъ? Извини пожалуйста: подкладка все та же.

Художникъ сдвинулъ брови и молчалъ, онъ поставилъ лодку подь прямымъ угломъ къ волнѣ, что шла отъ парохода, обрѣзавшаго ихъ носъ, поворачивавшаго къ пристани. Волна набѣжала, качнула, они упали внизъ, поднялись на гребень, опять упали, справились,—и пошли дальше.

III.

Несмотря на то, что былъ уже конецъ сентября, оба студента еще жили «на дачѣ». Художникъ писалъ осенніе этюды и рѣшилъ до конца мѣсяца не ходить въ академію; его восточный товарищъ жилъ въ богатой семьѣ репетиторомъ, въ полуверстѣ отъ него; семья эта, не связанная необходимостью находиться въ городѣ, жила среди опадающихъ листьевъ и спаленныхъ морозомъ цвѣтовъ, въ теплой, устроенной на зиму дачѣ. Когда молодые люди причалили къ пристани и сдали лодку на руки дежурнаго, художникъ спросилъ:

— Зайдешь ко мнѣ?

— Да, пожалуй, найду,—сказалъ Чухчурьянъ.—Ты еще не сейчасъ ѣдешь въ городъ?

— Черезъ полчаса.

— Опять туда, къ зеленоглазой?

— Опять.

— Затянуло водоворотомъ! У насъ есть сеттеръ такой,—тоже влюбленъ въ сосѣдную птицу. Выраженіе глазъ совсѣмъ какъ у тебя. Дышитъ тяжело, языкъ виситъ на сторону и съ языка слюна бѣжитъ. Назовешь его по имени, онъ полуоглянется, жалобно пискнетъ и опять въ окно уставится, ждетъ, не увидитъ ли свою красавицу. Совсѣмъ поглупѣлъ песь. На цѣпи держать полдня.

— Ты, кажется, и меня готовъ былъ бы посадить на цѣпь?

— А непременно, братъ, посадилъ бы. Только я тебя ужъ такъ съ цѣпи и не спустилъ бы съ мѣсяцъ; развѣ три раза въ день на дворъ гулять выводилъ бы. Авось, тогда дурь вышиблась бы изъ головы.

Они подошли къ дачѣ, гдѣ жилъ Бухальцевъ. Это была старенькая, когда-то барская постройка, выкрашенная въ сѣрую краску съ бѣлыми разводами,—уже покосившаяся и тихо истлѣвающая. Онъ занималъ наверху двѣ комнаты съ большимъ балкономъ. Остальные дачники съѣхали, и служила ему жена дворника, ставя самовары и бѣгая въ лавочку. Помѣщеніе художника никогда не запиралось, изъ расчета, что туда никому ни за чѣмъ итти не надо, такъ какъ и красть-то тамъ, кромѣ нѣсколькихъ паръ платья, было нечего. У калитки, впрочемъ, всегда сидѣлъ дворникъ, которому рѣшительно нечего было дѣлать послѣ того, какъ жильцы съѣхали, и который поэтому всегда былъ въ полпьяна. Съ Бухаль-

цевымъ онъ жилъ въ дружбѣ, особенно послѣ того, какъ тотъ нарисовалъ его портретъ.

— Тамъ къ вамъ товарищъ пришетца,—сказалъ онъ не вставая.—Я пустилъ его. На вашей кровати дрыхнуть.

— Кто такой?

— А кто его знаетъ? Ходилъ онъ къ вамъ лѣтось, видалъ я. Усищи рыжіе.

— Самохотовъ,—догадался Бухальцевъ.

— Должно, онъ. Я ему папирозъ на шесть копеекъ купилъ, Арина въ лавочку на уголь бѣгала, изъ своихъ платила, потому что у него меньше сторублевой бумажки въ карманѣ не бываетъ,—по крайности, они такъ самолично утверждаютъ.

Въ той комнатѣ, которая могла назваться спальней, на желѣзной кровати они увидѣли, дѣйствительно, спящаго человѣка. Это былъ мужчина такого роста, что на обыкновенномъ одрѣ не умѣщался, а потому долженъ былъ положить ноги въ полосатыхъ чулкахъ на спинку кровати. Сапоги пожилые и заслуженные, судя по той грязи, что налипла на нихъ, свидѣтельствовали о пѣшемъ путешествіи изъ столицы въ Новую деревню; а сброшенный на стулъ пиджакъ, съ торчащимъ изъ бокового кармана бумажникомъ говорилъ о томъ, что въ немъ не заключается никакихъ капиталовъ, даже заваливающейся желтенькой рублевой бумажки. Усы у него были феноменальные, торчавшіе какъ проволоки—жестко и прямолинейно. Спалъ онъ сномъ невинности, крѣпко похрапывая и вкусно причавкивая губами.

— Будить ли?—спросилъ Бухальцевъ.

— Чего жалѣть: можетъ, за дѣломъ пришелъ, буди

Но это оказалось совсѣмъ не такъ легко. На всѣ попытки вернуть гостя къ дѣйствительной жизни, слѣдовалъ энергическій жестъ съ восклицаніемъ:

— Къ чорту, къ чорту, къ чорту!

Наконецъ Чухчурьянъ взялъ его за длинныя ноги и стащилъ ихъ внизъ. Самохотовъ изумленно открылъ глаза.

— Чего надо?—спросилъ онъ.

— Тебѣ чего надо? Зачѣмъ пришелъ?—возразилъ ему Бухальцевъ.

Жизнь постепенно возвращалась въ гостя. Глаза стали осмысленнѣе, и онъ даже чихнулъ.

— Здорово заснулъ,—проговорилъ онъ.—Верстъ десять прошагалъ, пока не дошелъ до твоего сорочьяго гнѣзда. Еще не такъ всхрапнешь. Прилѣрь пѣхтурой.

Онъ спустилъ ноги на полъ и его всклокоченная голова закачалась на фонѣ свѣтлозеленыхъ съ разводами обоевъ.

— Можно ли жить такую даль,—промолвилъ онъ:—каждый человѣкъ съ благородными чувствами будетъ оскорбленъ такимъ разстояніемъ до самыхъ тайныхъ вѣдръ своего организма.

Чухчурьянц нагнулся къ нему и сталъ нюхать.

— Что, армянинъ, водишь своимъ обонятельнымъ органомъ? возмутился Самохотовъ.— Думаешь, что я пропитанъ алкоголемъ? Увы, у меня ни одного пенса уже два дня, иначе за коимъ чертомъ я бы прошелъ такую даль?

— Однако, ты вчера у Дарьи Осиповны дебоширилъ?—замѣтилъ Чухчурьянцъ.

— Дарья Осиповна! Дарья Осиповна вѣтъ конкурса! Къ Дарьѣ Осиповнѣ можно ходить на книжку, настолько она цѣнитъ благородство...

— Пстой!—воскликнулъ Бухальцевъ, держась за бока отъ смѣха,—неужто ты шелъ ко мнѣ въ этомъ?

Онъ взялъ со стола треуголку и шпагу, и потрясъ ими въ воздухѣ. Но Самохотовъ оказался неузвимымъ.

— Что же поражаетъ тебя?—спросилъ онъ.—Вчера неизвѣстно гдѣ была ночью утеряна моя фуражка. Долженъ же я быть надѣтъ на голову какой-нибудь головной покровъ? Никакого иного, кромѣ парадной треуголки, я не имѣлъ,—ну, и пришлось ее напялить. А ужъ разъ треуголка, такъ нужна и шпага. Не знаю, чему удивляться! Нѣсколько городовыхъ даже подъ козырекъ мнѣ сегодня сдѣлали.

Чухчурьянцъ понатужился и извлѣкъ изъ ноженъ лезвіе шпаги.

— Ты въ Крестовыхъ походахъ былъ?—спросилъ онъ.—Ишь, вся въ зазубринахъ.

— Просто сахаръ ею рублю. Колотый—дороже.

— А за какимъ лѣшимъ ты академическую себѣ форму дѣлалъ?—спросилъ Бухальцевъ.

— Не говори, форма большое дѣло! Видѣлъ бы ты, что дѣлается у меня въ деревнѣ, когда я треуголку надѣну. Волостной писарь,—человѣкъ тонко-образованный, и тотъ чувствуетъ себя приниженнымъ. Въ треуголкѣ есть какой-то мистическій символъ: не то египетская пирамида, не то эмблема троичности божества, не то намекъ на пиагорову теорему,—и преварить никто этого не можетъ.

— А вѣдь я сейчасъ въ городъ ѣду,—предварилъ его Бухальцевъ.

— И чудесно, вмѣстѣ и поѣдемъ. Насчетъ снѣди и алкоголя у тебя какъ?

— Въ умаленіи. Рюмки двѣ листовки и двѣ старья сардинки.

— На чужой сторонѣ и старушка божій даръ. Но вообще я удивляюсь, зачѣмъ ѣсть сардинки, когда можно есть кильки. Купилъ банку—и цѣлую недѣлю наслаждаешься. А въ сардинкѣ есть какая-то аристократическая приторность: переночуетъ въ открытой коробкѣ, и ужъ жестью пахнетъ...

IV.

Чухчурьянъ сталъ серьёзенъ и сказалъ, что ему нужно идти къ отпращиванію священнаго долга,—провѣрить, выучилъ ли его питомецъ нѣмецкое стихотвореніе. Онъ простился съ пріятелями, и сказалъ Бухальцеву на прощанье:

— Ей-богу, плюнь! ну, что тебѣ эта дѣвчонка!

Самохотовъ управился съ сардинками въ два глотка. Листовка тоже немедленно перелилась изъ бутылки въ его желудокъ. Пока хозяинъ мылъ руки, запачканныя въ краскахъ, надѣвалъ чистую рубашку и новое платье, гость доѣлъ весь хлѣбъ, макая его въ остатки прованскаго масла. Утеревшись носовымъ платкомъ, онъ опять вытянулся на кровати и спросилъ:

— Ты дашь два рубля? До стипендіи?

— Три могу дать.

— Это хорошо.

— А программа твоя какъ, двигается?—спросилъ Бухальцевъ.

— «Пиръ Валтасара?» Куда ей къ дьяволамъ двигаться,—стоитъ на мѣстѣ.

— А вѣдь пора. До конкурса шесть недѣль осталось.

— Знаю, что шесть. Но тутъ, душечка моя, есть много препятствій, чтобъ дѣло дошло до возжелѣннаго конца.

— А ну-ка, напримѣръ?

— Во-первыхъ, кто его знаетъ, этого Валтасара, какой онъ такой былъ, да и былъ ли вообще. И играли ли вокругъ него на цимбалахъ, и сидѣли ли раздѣтыя дамы,—все это совсѣмъ неизвѣстно. Во-вторыхъ, никакого дѣла до всего этого мнѣ нѣтъ, а они хотятъ, чтобъ я всю душу положилъ въ этотъ конкурсъ. Я еще туда-сюда, написалъ бы бабу съ подовыми пирогами или газетчика съ военными биллотеями, а этихъ вавилонянъ—какъ же я могу изображать, ежели я родился въ Неторохтинской волости, Песовской губерніи, въ селѣ Затиркинѣ, а потомъ кончилъ первымъ курсъ въ прогимназіи? Правъ ли я?

— Правъ,—согласился Бухальцевъ.

— А что самое главное—это третье. Въ третьихъ, я бездаренъ какъ тумба, какъ колъ, какъ пень. Вѣдь я изъ себя ничего выжать не могу. Вѣдь меня только потому профессора и цѣнятъ, что я абсолютно бездаренъ. Сразу, съ головного класса отмѣтили, и по головкѣ стали гладить. Они въ голову уже семь лѣтъ подрядъ утверждаютъ, что во мнѣ есть большіе задатки. Помнишь, прошлогоднюю программу на тему: «Адамъ и Ева на свадьбѣ у своего сына Сива». Не поскудно это было?

— Поскудно,—подтвердилъ Бухальцевъ.

— А у профессоровъ не было другого мнѣнія, какъ то, что у меня «задатки».

— Ну, да вѣдь профессора—у нихъ жалованье и казенная квартира. Имъ ты въ руку играешь.

— Въ руку, въ руку! Я имъ всегда въ руку игралъ. Старицы со звѣздами. Передъ конференцъ-секретаремъ на заднихъ лапахъ танцуютъ. Я имъ всегда въ тонъ попадалъ. Даже Шалешина въ классѣ звалъ иногда «ваше превосходительство». Онъ это весьма даже любитъ. Бывало, какую глупость не скажетъ, я точно про себя бормочу: «ахъ, какъ это тонко!»—этимъ и взялъ.

Бухальцевъ протянулъ ему трехрублевую бумажку.

— Желаетъ?

Самохотовъ посмотрѣлъ внимательно ассигнацію: не фальшивая ли, и спряталъ въ жилетный карманъ.

— Я тебѣ совѣтую,—заговорилъ онъ,—притти сегодня въ «Сѣверный олень». Тамъ впервые играетъ оркестръ Го-сосыете! Хотятъ облагородить этотъ поскудный вертепъ. На тотъ предметъ я и деньги взялъ. Ты придешь? Сегодня отравлять не будутъ, даже жарятъ сегодня не на салѣ, а на кухонномъ маслѣ. Мы къ десяти собираемся. Познакомлю тебя съ однимъ меценатомъ.

— Можетъ, приду,—сказалъ Бухальцевъ и вышелъ совсѣмъ одѣтымъ.—Ну, ты ѣдешь со мной?

— Ёдемъ,—отозвался гость, и всталъ съ кровати.—Фу, какъ скучно мнѣ, родной мой.

— Съ чего тебѣ?

— Не знаю. Возвеличенъ я судьбой надъ моими односельчанами, обрѣтаюсь какъ бы въ ореолѣ. Поклоненіе, какъ иконѣ чудотворной, а скучно. Чешется сердце, общая внутренняя чесотка.

— Пьешь много!

— Такъ ли пьютъ? Нѣтъ, синьйоръ, нѣтъ, не въ питіѣ, дѣло. Если бы одно питіе! Кто не пьетъ?—и у всѣхъ нервы въ порядкѣ. А я чувствую, что у меня въ мозгу продуваетъ изъ одного уха въ другое. И даже не потому, что я бездаренъ. Наши всѣ профессора бездарны, но не отчаиваются. А потому, что мнѣ назначена такая линія.

— Кто жъ тебѣ ее назначилъ?

— Я—фаталителъ. Такъ какъ выше прогимназіи образованія не получилъ, то я фаталителъ. Помнишь, у Лермонтова: выстрѣлъ, зарѣзанная свинья, карты, красный восходящій мѣсяцъ? вотъ это я и есть. Лермонтовъ—это художникъ, а я—это жалкое болотистое растеніе, выросшее на почвѣ нашей нигерманландской академіи. У Лермонтова есть палитра съ красками, которая намъ и не снилась, а у насъ: охра, кинноваръ и бѣлила. Ты видѣлъ, какъ дома раскрашены въ Петербургѣ и Москвѣ? Вотъ это настоящій російскій вкусъ и есть. У меня тоже какъ разъ на палитрѣ: красненькое,

желтенькое и синенькое, — киноваръ, — охра и кобальтъ. Вотъ и весь нашъ багажъ, — пожалуйте. Фатумъ, cher, фатумъ.

— А ты съ двухъ рюмокъ хмелѣть началъ, — удивился Бухальцевъ.

— Ахъ, кабы я могъ хмелѣть! Я, быть можетъ, увѣрилъ бы себя, что я талантъ. Но, увы! — никакъ напиться не могу. Нашелъ товарища себѣ — Подгурецкаго, такой-же, — какъ ни старется, все трезвъ. Онъ медикъ, но силищи — почище моего. Мы вдвоемъ — армию сокрушимъ. Понимаешь, — Илья Муромецъ. Изнутри сила преть. А самъ — добродушнѣйшая скотина. Вотъ онъ не задумывается. Ни о чемъ не задумывается. Ему все одно — лишь бы водка да пиво было.

У Бухальцева никакъ не завязывался галстукъ. Онъ пробывалъ и такъ, и этакъ, — все выходило сквернымъ. Ему это надоѣло. Онъ сдѣлалъ просто морской узелъ, и взялся за шляпу.

— Ёдемъ, — сказалъ онъ хозяину.

— Ёдемъ, — согласился гость.

Самохотова нисколько не смутила треуголка и онъ полѣзъ въ ней на крышу вагона. Кондукторъ, въ самомъ дѣлѣ, выразилъ ему нѣкоторое предпочтеніе предъ прочими пассажирами, особенно, когда тотъ сунулъ ему трехрублевую бумажку и грозно отдалъ распоряженіе:

— За двоихъ.

Получивъ билеты, онъ запахнулъ полы пальто и сказалъ товарищу:

— Люблю въ вагонахъ имперіаль. «Имперіальный пассажиръ» красиво звучитъ. «Высочайше утвержденнаго общества конно-желѣзныхъ дорогъ имперіалистъ.» Хоть на карточкахъ печатай. А родители мои, долженъ я тебѣ сказать, самые закорузлые идиоты. Гориллы, павіаны, чимпанзе...

— Однако ты имъ посылаешь всю свою стипендію?

Самохотовъ съ боку посмотрѣлъ на него.

— Ты почему знаешь?

— Слыхалъ.

— Ну, и посылаю, — кому какое дѣло!

— Да я только такъ.

— Они тамъ съ голоду пухнуть. Пять сестеръ, — всѣ, подлинн жрать хотятъ. Вѣдь я ухитрился съ двухъ сторонъ стипендію подтибрить. Всю имъ такъ и откатываю ежемѣсячно, чтобы чувствовали, что я за человекъ и какъ я превознесень судьбою. Зато пріѣдешь въ село — пошъ молебень съ колѣнопреклонѣніемъ служить. Никогда не улыбнусь, только рычу.

— Зачѣмъ?

— Чтобъ чувствовали... Въ церковь я написалъ святого Анику-воина. Въ куполѣ всевидящій глазъ изобразилъ, — и все бесплатно.

Только и радостей, что тамъ на родинѣ. А сюда вернешься въ академію,—видишь, что всѣ товарищи на тебя смотрять и подмигиваютъ: «туда-же, стоеросовая дубина, пишетъ». Одно время вѣшались хотѣль.

— Что жъ раздумаль?

— Да, чортъ, подожду еще. Силы во мнѣ очень много. Вотъ прутья желѣзные у периль. Согнуль бы ихъ въ кругъ, чтобы кровь изъ подъ ногтей выступила—легче бы стало.

Онъ уткнулъ носъ въ воротникъ и замолчалъ. Его что-то спросилъ Бухальцевъ, но онъ не отвѣтилъ; брови его были сдвинуты и онъ мрачно сосредоточивался на чемъ-то его мучившемъ. Вагонъ, стуча и громокая, катился къ Петербургу. По Каменноостровскому проспекту, тогда еще лишенному каменныхъ домовъ, мелькали рѣдкіе деревянные домики, больше тянулись заборы, рощицы и огороды. Осенній вѣтеръ дулъ однообразно, погибая вправо деревья, и они точно кланялись кому, точно умоляли о пощадѣ. Желтыми листьями была усыпана и земля, и проспектъ, и даже нѣсколько листьевъ залетѣли на имперіаль вагона. Бухальцевъ машинально держалъ звѣздистый покраснѣвшій кленовый листъ и втягивалъ въ себя его тонкій аромат увяданья. Знакомый образъ дѣвушки, къ которой онъ вѣхалъ, ни на минуту не отступалъ отъ него. Онъ зналъ, что сейчасъ увидить ее, сейчасъ заговорить съ ней, услышать ея грудной голосъ, тихій смѣхъ, почувствуетъ ея прикосновење. И вагонъ, и Нева, и небо, и его товарищъ,—все заволокло туманомъ,—и одна Маруся—милая, юная, любящая, охватила все его существо.

На Михайловской площади онъ простился съ Самохотовымъ.

— Такъ будешь вечеромъ въ «Сѣверномъ оленѣ»?—спросилъ тотъ.

— Пожалуй,—отвѣтилъ Бухальцевъ.

Они пожали другъ другу руки и разошлись.

V.

По широкой, старинной лѣстницѣ бѣднаго дома, стили восемнадцатаго вѣка, художникъ поднялся въ третій этажъ, гдѣ помѣщались меблированныя комнаты. Едва ли первоначальный владѣтель этого дома предполагалъ, что большую квартиру въ восемнадцать апартаментовъ займетъ Амалія-Мальвина-Фредерика Клейнштокъ и будетъ отдавать эти комнаты въ наймы. Но несбыточное совершилось, и барскіе покои насквозь пропахли скверными паниросами актеровъ, пріѣзжихъ провинціаловъ, оставшихъ полковниковъ, и духами генеральскихъ дочерей, не вышедшихъ замужъ и потому получающихъ законную пенсію. Въ темномъ коридорѣ чадила керосиновая лампа—то былъ еще бла-

женный вѣкъ, когда не знали электричества и не говорили о «текутатъ-часовъ», о коэффициентахъ и прочей дряни. Художникъ прошелъ до знакомой третьей двери налѣво и стукнулъ. Раздался грудной, знакомый голосъ:

— Войдите!

Онъ вошелъ. Навстрѣчу ему поднялась съ кресла маленькая, тоненькая брюнетка. Ей было лѣтъ девятнадцать. Ея большія зеленые глаза смотрѣли весело и радостно на вошедшаго. Брови слегка подергивались, губы слагались въ невольную веселую улыбку. Она пошла къ нему навстрѣчу, молодая, полная свѣжести, силъ и здоровья.

— Вы одна?—спросилъ онъ.

Въ отвѣтъ она обняла его и прижалась губами къ его губамъ. Онъ обнялъ ее, чувствуя тонкій шелкъ ея платья, и положилъ руку выше ея затылка, тамъ, гдѣ густая коса была свернута въ узелъ. Ихъ глаза, касаясь другъ друга рѣсницами точно смотрѣли взаимно внутрь, въ душу. И въ такое тѣсное, молодое, свѣжее объятіе сплелись они, не сказавъ ничего больше, но чувствуя и сердцемъ, и всѣмъ тѣломъ близость, родственность, любовь.

— Я вчера вечеромъ заходилъ, но васъ не было,—заговорилъ онъ, слегка отстраняя ее.—Я былъ часовъ въ девять.

— А мнѣ ничего не сказали,—замѣтила она.—Такъ скучно было, что я цѣлый день тебя не видѣла.

Онъ сѣлъ въ кресла. Она оперлась колѣномъ на свободный уголокъ сидѣнья и наклонилась надъ нимъ.

— Милый, мой милый!—продолжала она,—мнѣ такъ грустно, когда я тебя не вижу. Я вычеркиваю изъ моей жизни тѣ дни, когда тебя нѣтъ со мною.

Она наклонилась къ нему и стала цѣловать его въ лобъ и щеки. Поцѣлуи были чистые, почти дѣтскіе. Онъ чувствовалъ, откинувшись на спинку кресель, какъ ея грудь касалась его груди, какъ ея губы щекотали его кожу. Онъ боялся ея объять: онъ тоже былъ слишкомъ чистъ и молодъ, чтобы отдаваться животнымъ порывамъ.

— Я такъ люблю тебя, говорила она,—какъ никто никогда никого не любилъ...

Онъ засмѣялся.

— Ты увѣрена въ этомъ?

— Увѣрена,—серьезно отвѣтила она.—Я не знаю, чтобы я не сдѣлала для тебя. Нѣтъ жертвы, что не принесла бы тебѣ...

Онъ посмотрѣлъ ей въ глаза, она смотрѣла прямо на него. Взглядъ ея былъ чистъ, какъ ручей.

— Жениться!—шепнулъ онъ.

— Хорошо,—шепнула она.

Она опустила у его ногъ на полъ, положила руки на его колѣни и стала снизу смотрѣть на него. Онъ тихо поглаживалъ ея голову, расправляя ея кудри, и все повторялъ:

— Маруся моя, Маруся!

Она поймала его руку и поднесла къ губамъ. Онъ не отнял и смотрѣлъ, какъ ея губы прикасались къ его рукѣ, и какъ она виновато посмотрѣла на него.

— А гдѣ ты была вчера?—разсѣянно спросилъ онъ.

Внезапно алая краска залила ея лицо. Она оставила его руку и выпрямилась. Онъ насторожился.

— Что такое?—спросилъ онъ.

— Я не знаю, можетъ быть, ты будешь недоволенъ,—съ запинкой сказала она.—Я была у ... Константина Васильевича.

Онъ сдвинулъ брови. Неясное предчувствіе чего-то неприятнаго, ненужнаго холодомъ прошло по его нервамъ.

— Это тотъ генераль въ парикѣ?—спросилъ онъ.

— Мой крестный.

— Развѣ онъ крестный.

— Я его всегда такъ звала... Видишь, я поѣхала къ нему обѣдать. Потомъ приѣхала мама. Потомъ пошелъ дождь, поднялась буря, ты помнишь?

— Да, какъ разъ въ это время я былъ здѣсь.

— Милый!.. Какъ же ты домой вернулся, въ Новую деревню?

— Внутри конки... Ты думала,—пѣшкомъ. Ну, такъ дальше что?

— Я, съ согласія мамы, осталась у него ночевать.

Онъ видѣлъ, съ какимъ усиліемъ она произнесла эту фразу. Его дыханіе остановилось. Ему показалось, что онъ летитъ въ какую-то яму.

— Что?—переспросилъ онъ, точно не довѣряя своему слуху.

— Я осталась у него ночевать,—повторила она, и онъ увидѣлъ зеленые глаза, смотрѣвшіе на него вопрошающе.

— Зачѣмъ?—упавшимъ голосомъ спросилъ онъ.

Она сдѣлала усиліе улыбнуться.

— Ни зачѣмъ. За тѣмъ, чтобы спать. Если бъ ты видѣлъ восторгъ старика.

Онъ хотѣлъ упасть ей въ тонъ, и тоже криво усмѣхаясь, сказалъ:

— Я бы тоже былъ въ восторгѣ, если бъ ты осталась ночевать у меня...

— Глупышь!—вскрикнула она и слегка ударила его по щекѣ.— Да какъ ты смѣешь...

Онъ крѣпко стиснулъ ея руку.

— Я смѣю, я все смѣю,—сказалъ онъ.—Но вотъ какъ ты смѣла остаться ночевать, остаться глазъ на глазъ съ этой раскрашенной куклой?

— Онъ мой крестный,—повторила она.

Мучительная, глупая, юношеская ревность охватила его. Онъ чувствовалъ, что любить эту свѣжую, молодую, милую дѣвушку всѣмъ своимъ существомъ, что онъ остается чистымъ ради нея, а она позволяетъ себѣ ночевать въ квартирѣ какого-то развратнаго старика изъ какихъ-то непонятныхъ для него цѣлей.

— Это все твоя мать!—сказалъ онъ.—Она тебя толкаетъ на всякую мерзость...

— Да никакой тутъ мерзости нѣтъ!—возразила она, и онъ опять увидѣлъ въ ея глазахъ чистоту и почти дѣтскую наивность.— Ну что отъ меня убыло, что я переночевала у него въ кабинетѣ. Я спала на тахтѣ, гдѣ все прокуренно сигарами. Дверь я заперла на замокъ, и никто не могъ войти. Ты, кажется, не вѣришь, глупышь? А ты знаешь... ха-ха! у него нѣтъ женской прислуги, и старый деньщикъ у него и за лакея, и за повара... Онъ мнѣ чистилъ ботинки и юбки... Это было весело. Я ему отдавала платъ въ щелку двери... Усатый такой, смѣшной.

— Какъ это все противно, подло и гнусно!—сказалъ онъ.

— Дуракъ ты, Петичка, право, дуракъ, ты не любишь меня, потому что не вѣришь. Кто любить, тотъ вѣритъ...

— Ахъ, хочу я вѣрить...—началъ онъ.

— Вѣрь, вѣрь мнѣ, милый... Постои, что такое?

Она прислушалась.

VI.

По коридору послышались быстрые, но тяжелые шаги.

— Мама,—шепнула Маруся и отпрянула отъ художника.

Дверная ручка пискнула, и на порогѣ появилась дама съ тонкимъ блестящимъ носомъ, узко прорѣзанными глазами, въ соломенной черной шляпкѣ съ пучкомъ сирени и въ порванной ротондѣ. У нея была оханка свертковъ, которые она цѣпко держала руками въ грязныхъ шведскихъ перчаткахъ. Сама она была сухая и поджарая, какъ вобла. Прежде чѣмъ она переступила порогъ, ея подозрительные зеленые глазки уже успѣли охватить и дочь, и гостя, и замѣтить ихъ лица, и то, что дочь приняла совѣтъ другое положеніе, а не то, что занимала секунду назадъ. Но губы ея улыбнулись, и она радушно кивнула художнику.

— Петръ Ильичъ, очень рада,—сказала она, освобождаясь отъ свертковъ.—Давно не видѣлись.

Она сняла перчатки и обнаружила не менѣе грязныя руки. Сбросивъ ротонду и шляпу, она подошла къ гостю.

— Теперь здравствуйте. Вы обѣдаете у насъ? Ну, о чемъ тамъ спрашивать, васъ Марусенька не пуститъ. Сегодня я угощу васъ такимъ обѣдникомъ, что пальчики оближите,

Она поцѣловала дочь и закурила папирску.

— Вотъ, мама,—заговорила дочь:—онъ находитъ, что это скверно и безнравственно, что я ночевала у Константина Васильевича,

— Я не то сказала,—возразилъ Бухальцевъ.

Мама не торопясь повернула къ нему голову.

— Я сомнѣваюсь, чтобы Марусенька была способна на что-нибудь безнравственное,—проговорила она, и въ ея глазахъ загорѣлось какое-то холодное змѣиное выраженіе.

— Я не такъ сказалъ,—повторилъ онъ.

— Значитъ Марусенька лжетъ?—пронически сказала она.

— Я только замѣтилъ,—сдерживаясь отъ наплыва злобы, сказалъ художникъ,—что ночевать у вдоваго, еще не стараго человѣка, молодой дѣвушкѣ—странно.

— У крестнаго отца?

— Ну, хотя бы.

— Хорошаго вы мнѣнія о нихъ обоихъ. Я считаю мою дочь выше подозрѣній. Что же касается этой севастопольской песочницы, то о немъ не стоитъ говорить.

— Я ни одной минуты не смѣю подозрѣвать Марью Федоровну,—смущаясь замѣтилъ онъ.

— Я увѣрена, что вы не смѣете,—подтвердила мама:—хотя вы знаете, какъ я васъ люблю, но, свидѣтель Богъ, если бъ я замѣтила въ васъ что-нибудь подобное, вы никогда бы не переступили порога моего дома. О, я нисколько не сомнѣваюсь, что ему было пріятно, что у него въ квартирѣ почуветь молоденькая дѣвушка. Я не сомнѣваюсь, что ему пріятно было поцѣловать ее на ночь въ щечку, и въ шейку, и приласкать ее...

Она видѣла, какъ кровь прилила къ его головѣ и какъ дочь отвернулась и стала, внимательно смотрѣть въ окно.

— Но что жъ изъ этого?—продолжала она.—Константинъ Васильевичъ, повторяю ея отецъ, хотя только крестный. Онъ старый другъ нашего дома. Онъ богатъ, она его наследница.

Маруся вдругъ круто повернулась къ ней.

— Мама,—смѣло сказала она.—Вѣдь, кажется, между тобой и имъ были не совсѣмъ платоническія отношенія когда-то?

Мать прищурилась и остро посмотрѣла на дочь.

— Гм... какіе нынче вопросы задають дочери матерямъ,—сказала она, косо усмѣхаясь.—Чего добраго, ты спросишь,—не отецъ ли онъ тебѣ? Такъ я тебѣ отвѣчу: нѣтъ, мой ангелъ, ты ошибаешься.

Она развернула одинъ изъ свертковъ, и оттуда показался большой кровавый кусокъ сырой говядины.

— Какъ ты ловко умѣешь сворачивать въ сторону отъ разговора,—замѣтила дочь.

— Вотъ сардинки,—сказала мать,—вотъ масло, вотъ три куска кулебяки, вотъ сливочныя сосиски. Сосиски я оставлю на завтра.

Сегодня у насъ супъ претаньеръ, я сама показала здѣшней дурѣ-стрипухѣ, какъ готовить, и она намъ дѣлаетъ отдѣльно отъ остальныхъ жильцовъ. А говядину эту я приготовлю сама на бензинкѣ, только надо помочить ее въ уксусъ. Вы не ѣли, Петръ Ильичъ, никогда такой говядины? Перець, лавровый листь и уксусъ?

— Не ѣлъ,—вяло отвѣтилъ онъ.

— Ну, такъ вотъ я васъ угощу.

Она забрала мясо, сардинки и еще какой-то свертокъ, и пошла на кухню.

— Зачѣмъ ты ей сказала мое мнѣніе о твоёмъ поцлеть?—спросилъ онъ.

Она усталилась на него.

— А отчего жъ мнѣ не сказать? Я не привыкла ничего скрывать, и всегда говорю то, что думаю. Ты знаешь, я не люблю мать, но я не привыкла съ ней церемониться и секретничать. Я и тебѣ совѣтую не чиниться съ нею. Ее надо прямо брать за рога. Она умна, какъ чортъ, и видитъ все насквозь. Ты думаешь, она не знаетъ, что мы цѣлуемся, говоримъ другъ другу «ты»? Она даже покровительствуетъ этому,—и знаешь почему?

— Почему?

— Потому что она вѣрить не только въ меня, но и въ тебя. Она увѣрена, что мы ничего себѣ не позволимъ, чтобы перешло за предѣлы... Она этимъ дорожить, и потому прикармливаетъ тебя говядиной въ уксусъ.

Она подошла къ нему и погладила его по головѣ. Онъ обнялъ ее тонкую гибкую талію.

— Такъ какъ же? спросилъ онъ.

— Что?—спросила она.

— Вѣдь надо же выйти намъ изъ нашего положенія. Хочешь вѣнчаться—обвѣнчаемся, а то...

— А то и такъ?—смѣясь подсказала она, опираясь на его плечи.—Ахъ, Петичка мой, ребятишка моя дорогая, глупышь мой. И жалко мнѣ тебя, и...

— Ну, договаривай.

— Ну, и себя тоже жалко. Скажи, пожалуйста, чего ради мы будемъ вѣнчаться! Да на что мы жить будемъ? А—«такъ», это еще глупыѣ. Не достаетъ только, чтобъ я еще...

Она не договорила.

Онъ взялъ ее за руки.

— Да пойми, вѣдь силъ больше нѣтъ. Тогда ужъ лучше все порвать. Лучше я совсѣмъ не буду ходить къ тебѣ.

— Ахъ, глупышь, глупышь!—опять засмѣялась она, и нагнувшись, поцѣловала его въ лобъ.—Мы скучаемъ другъ безъ друга, такъ зачѣмъ же мы будемъ лишать себя взаимнаго сообщества?

Я люблю съ тобой кататься, сидѣть рядо́мъ въ театрѣ, просто дома сидѣть, рядо́мъ на диванѣ, ласкать тебя, цѣловать. Ей-богу, я никого не люблю, кромѣ тебя.

Она взяла его за обѣ щеки и подняла кверху его лицо.

— Я ни на кого тебя не промѣняю, глупышъ мой, слышишь, ни на кого. И никакого мужчины, кромѣ тебя, мнѣ не нужно.

Дверь быстро, не пискнувъ, отворилась и мама, не взглянувъ на этотъ разъ въ ихъ сторону, кошачьимъ движеніемъ схватила со стола свой носовой платокъ и, сказавъ «забыла», такъ же внезапно скрылась.

— Она подслушивала?—спросилъ онъ.

— Зачѣмъ?—возразила Маруся.—Это выше ея воззрѣній. Она даетъ мнѣ полную свободу.

VII.

Въ комнатѣ аппетитно пахло душистымъ перцемъ, уксусомъ и лавровымъ листомъ, когда они сѣли за столъ. Неопрятная скатерть и плохо вымытыя тарелки не привлекали на себя вниманія ни гостя, ни хозяйекъ. На столъ была поставлена бутылка теверифа, который всегда шла Прасковья Ивановна и угощала гостя. Это было что-то жидкое, безвкусное, но почему-то пользовавшееся ея симпатіями.

Она сѣла за столъ съ безоблачнымъ лицомъ, точно и не было никакого непріятнаго разговора часъ назадъ. Она, видимо, была хорошо настроена, и Марусенька ей сказала:

— Ты денегъ достала?

— Достала,—подтвердила она.

— Много?

— Ровно столько, сколько надо,—уклонилась она отъ прямого отвѣта и обратилась къ Бухальцеву.

— А что, у васъ все спокойно? Я про академію спрашиваю?

— Про академію? У насъ въ академіи всегда спокойно.

Она выдвинула нижнюю губу и иронически проговорила:

— Эстетики!

— Я знаю, вы наши задачи считаете чепухой,—сказалъ онъ.

— Да такъ, ступотолченіе!—подтвердила она.—Растрчиванье народныхъ денегъ на мазню красками, никому и ни для чего ненужную... Ну, да скоро, я полагаю, это перемѣнится.

— Вы насчетъ чего, я не понимаю?

— Насчетъ всего строя. Не вѣрьте, что снаружи тихо. Готовятся.

— Къ чему?

— А вотъ увидите.

— Ты опять, мама, къ нимъ забѣгала,—сказала дочь.—Я тебя покорнѣе просила оставить это. Пока ты живешь со мной—я не желаю ни обысковъ, ни арестовъ.

Прасковья Ивановна весело тряхнула головой.

— Какъ разговариваетъ дѣвчонка! Точно она мнѣ мать, а я подростокъ. Въ моихъ жилахъ течетъ французская кровь со стороны моей бабушки...

— А дѣдъ былъ татаринъ,—прибавила дочь.

— Это съ другой стороны.

— Правда, какое милое сочетаніе?—обратилась Маруся къ художнику.—Бабушка—бѣглая эмигрантка, французская революціонерка, а дѣдушка—казанскій мылоторговецъ.

— Ну, во мнѣ лично монгольскаго ничего нѣтъ,—поправила ее мать.—А кровь бабки—революціонная—кипитъ во мнѣ.

— А вы знаете, кто былъ мой отецъ?—спросила Маруся.

Мать на этотъ разъ строго взглянула на нее.

— Кому какое дѣло до этого?—спросила она.

— Я думаю, ему есть дѣло, если онъ хочетъ на мнѣ жениться.

Острые глаза перешли на гостя и, казалось, проникли въ самыя нѣдра его души.

— Вы женитесь?—спросила она.

— Я люблю Марью Ѳедоровну,—отвѣтилъ онъ.

— Такъ вотъ мой отецъ,—продолжала Маруся,—былъ жандармскій подполковникъ. А мама всегда была ярко-красная и много гадила ему по службѣ... Такъ они и сошлись: голубое съ краснымъ, совпаденіе довольно скверное.

— Твой отецъ,— строго заговорила Прасковья Ивановна,—хотя и служилъ въ непрезентабельномъ учрежденіи, но я всегда готова освятить его память, сказавъ, что онъ былъ человѣкъ либеральныхъ стремленій. Онъ преклонялся передъ знаменемъ свободы, и я не знаю, какимъ чудомъ начальство закрывало глаза на его дѣятельность. Если бы онъ былъ живъ, конечно, онъ снялъ бы мундиръ и перешелъ въ ряды активныхъ борцовъ.

— Я рѣшительно противъ того,—сказала дочь,—чтобъ мой отецъ кончилъ висѣлицей.

— А я ничего не имѣю противъ,—сказала мать.

— Какіе кровожадные инстинкты у этой женщины!—воскликнула Маруся.—И подумать, что это моя родительница! Я убѣждена, что она ничего не имѣетъ, чтобы и я рядомъ съ отцомъ болталась на висѣлицѣ.

— Ничего не имѣю,—сквозь зубы сказала Прасковья Ивановна,—какъ я ничего не имѣю противъ того, когда ты поешь дурацкіе куплеты и трясешь на сценѣ юбками, а эти лысые идіоты хлопаютъ въ ладоши и распускаютъ слюни. Я сожалѣю объ одномъ, что ты не танцовщица: я бы хотѣла, чтобъ ты канканировала на авансценѣ и сбивала мечами шляпы, какъ Филиппо. Чѣмъ больше будетъ разложенія въ нашихъ правахъ, чѣмъ скорѣе развратится наша чиновничья яма, тѣмъ лучше. Они пляшутъ на вулканѣ и не

чувствуют, что готовится... А «мани, факэль, фаресь!» уже начертано...

Она потрясла въ воздухъ вилкой. Къ ея верхней губѣ присталь кусокъ лаврового листа, и она показалась Бухальцеву совсѣмъ дельфійской пшоей, которая, пережевывая лавры, пророчила о грядущемъ.

— Какова говядина въ укусуѣ?—перешла она вдругъ на новую тему.

— Одобрю,—отозвался гость.

— Мама чавкаетъ съ такимъ апшетитомъ,—сказала Маруся,—точно это не говядина, а филей отъ важнаго администратора. Я убѣждена, что она не только могла бы, какъ Шарлотта Кордэ, убить Марата, но и зажарить его... А вы еще требуете, чтобы она обладала вашей условной нравственностью относительно меня.

— Да, ты—татарка!—сказала мать.—Самая пошлая казанская татарка, монголка, сторонница кнута.

— Слушай, мать,—остановила ее дочь.—Сознайся, что ты бѣгала сегодня къ Константину Васильевичу и взяла у него денегъ?

— Ну, и взяла, неужели я буду отрекаться?

— За что? за то, что вчера онъ сидѣлъ у моихъ ногъ на подушкѣ и цѣловалъ мои туфли?

Бухальцевъ опять почувствовалъ щемящее тоскливое чувство злобы и ревности.

— Я не знаю, чѣмъ вы занимались, это не мое дѣло,—холодно отвѣтила мать.

— Ну, такъ знай, что я больше туда не пойду,—сказала Маруся.—Сама можешь оставаться вмѣсто меня. Только я сомнѣваюсь, чтобы онъ сидѣлъ на полу у твоихъ ногъ.

Прасковья Ивановна отодвинула стулъ и сказала:

— Сладкаго нѣтъ, а есть пирожки изъ кондитерской. Велите поставить самоваръ, и ѣшьте ихъ съ чаемъ.

— А ты опять летишь?

— Конечно, лечу. У меня нѣтъ никогда свободной минуты. Сегодня у меня засѣданіе комитета возлѣ газоваго завода. Это такая даль, а погода адская.

— Ты бы хоть теплую ротонду надѣла,—посовѣтовала Маруся.

— Очень нужно!

Снова шляпѣ съ сиренью была наброшена на голову и рыжая одежда, похожая скорѣе на поповскую ризу; чѣмъ на ротонду, накинута на плечи. Она протянула Бухальцеву руку.

— До свиданія. Коли вы женихъ, такъ скажите, надо все-таки такъ и смотрѣть на васъ. Миѣ вѣдь все равно, за кого бы она ни выходила замужъ.

— Не приставай къ нему, мать!—крикнула Маруся.—Иди къ своему газовому заводу; можетъ быть, еще увидимся когда-нибудь, если сегодня ночью тебя не отправятъ въ Нерчинскъ.

VIII.

Сумерки сгустились. Они остались вдвоемъ, когда мать ушла. Она вообще ихъ не стѣсняла, и это не было для нихъ новостью. Но теперь оба чувствовали, что между ними есть что-то, что мѣшаетъ жить, что мѣшаетъ довѣрью и любви. Первый заговорилъ Бухальцевъ.

— Маруся, вѣдь надо же на чемъ-нибудь остановиться.

— Надо,—тихо отвѣтила она.

— Ты меня сегодня назвала женихомъ.

Она засмѣялась.

— Развѣ это къ чему-нибудь тебя обязываетъ?

— Я не про то говорю. Но самъ-то я, лично самъ долженъ знать, что меня ожидаетъ.

Она встала и начала ходить по комнатѣ.

— Что ожидаетъ? А кто вообще знаетъ, что ожидаетъ тебя, меня, насъ всѣхъ?

— Нѣмцы говорятъ, что мы кузнецы своего счастья.

— Я не люблю нѣмцевъ.

— Но нельзя же, Маруся, жить очертя голову: надо думать о чемъ-нибудь?

— Надо. Я и думаю.

— Ну, и что же?

— Думаю, что такое мы съ тобою въ этомъ огромномъ городѣ. Я—плохая актриса.

— Почему плохая?

— Да потому. Ну, скажемъ, не плохая, а заурядная. Ты художникъ, вѣроятно, тоже заурядный. Оба мы сѣрые, линочіе. Никого мы ничѣмъ не удивимъ, ничего никому не дадимъ... Ну, сойдемся мы, женимся. Пойдутъ сѣрые, скучные дѣти, никому ненужныя, ни мнѣ, ни тебѣ. Чѣмъ дальше будемъ стариться, тѣмъ будемъ тупѣе, глупѣе и подлѣе...

— Хорошенькая картина!

— Я смотрю на этихъ старыхъ актрисъ,—продолжала она.— Говорятъ, онѣ были осыпаны брилліантами, катались на кровныхъ рысакахъ, а посмотри на нихъ теперь: подвязаная отъ флюса щeka; глаза слезятся, обдерганая юбочка,—и просить взаимы тридцать копеекъ до завтра. И талантливые люди: съ чувствомъ, съ пониманіемъ, съ силой. И все брошено на вѣтеръ, потому—все это никому не нужно...

Она остановилась передъ нимъ. Онъ смутно чувствовалъ въ полутьмѣ ея еле протупавшее изъ мрака лицо.

— Ты думаешь, нужна кому твоя живопись, твои лодочки и тучки. Знаешь, быть может, когда я въ короткомъ платьѣ сижу на столѣ, мелю всякій вздоръ и болтаю ногамъ,—я, быть можетъ, болѣе дѣлаю дѣла, потому что всей этой чепухой заставляю толпу хоть на минуту забыть мерзость жизни. А ты пристаешь со своими лодочками, и увѣряешь, что это очень интересно. У тебя въ душѣ также пасмурно, какъ на твоихъ картинахъ. Мнѣ, право, иногда кажется, что ты изъ чухонцевъ.

— Только этого не доставало,—пробормоталъ онъ.

— У тебя въ душѣ вѣчно какая-то сѣрая слякоть. И ты выписываешь ее на своихъ картинахъ съ такой любовью, какъ будто это не вѣсть что...

Онъ тоже всталъ и взялъ ее за руки.

— Ты не въ духѣ,—сказалъ онъ.—Будемъ прямы и откровенны. Ты не любишь меня?

Она тихонько отняла руки.

— Ахъ, глупышъ, глупышъ! Если бы я тебя не любила, я бы тебѣ не говорила этого. Въ томъ-то и горе, что я люблю тебя. Ты все-таки лучше всѣхъ...

— Даже крашеннаго генерала?

— Лучше. Самое лучшее въ тебѣ то, что ты меня любишь. Но это самое худшее, потому что это доказываетъ твою глупость. Какъ можно меня любить? За что? Развѣ нужно тебѣ такую жену?

— А какую?—спросилъ онъ.

— Тебѣ нужно...

Она немного подумала.

— Вотъ тебѣ нужно какую: маленькую, толстенюкую, свѣженькую, неспорченную, которая была бы вся полна тобою, пирогомъ съ вязигой, дѣтскими распашенками, которая любила бы твои лодочки и бережки. А я вѣдь ихъ не люблю и не буду любить. Я на нихъ смотрю, какъ на ремесло: продашь дорого картину—хорошо, не продашь, значитъ, твоя фабрика вырабатываетъ плохой товаръ... Не обижайся, милый, это я искренно говорю.

— Ну, такъ что же по твоему дѣлать?—упавшимъ голосомъ спросилъ онъ.

— Да ничего не дѣлать—пусть все останется по прежнему. А только намъ не надо ничѣмъ связываться. Больше скажу: не надо привыкать другъ къ другу. Когда привыкнешь, такъ кажется, что жить другъ безъ друга нельзя. А это—вздоръ.

— Вздоръ?—повторилъ онъ машинально.

— Конечно, вздоръ. Иногда такъ это покажется просто, что человекъ вдругъ застрѣлится или отравится. Но изъ этого ничего не слѣдуетъ. Если бъ онъ перевозмогъ себя, пережилъ,—все бы прошло.

— Откуда у тебя такія сентенціи?—спросилъ онъ, стараясь улыбнуться.

— Глупый мой, я, несмотря на мою молодость, много пережила. Я много видѣла горя и несчастья. Я не вѣрю ни въ людей, ни въ жизнь, я люблю только тебя и считаю, что это нужно бросить...

— Какъ бросить?

— Да такъ—оставить. Кромѣ непріятностей, ничего наша любовь не принесетъ.

Она позвонила; пришла горничная; она велѣла подать лампу. Лампу принесли; комната стала желтовато-красной. Безвкусный коленкоровый колпакъ пропускалъ черезъ себя свѣтъ и придавалъ всему какой-то мертвенный отпечатокъ.

Они увидѣли другъ друга, и не такими, какъ всегда. На лицахъ не было того оживленія, той мягкости, доброты, которыя всегда проявлялись, когда они смотрѣли взаимно въ глаза. Теперь брови были опущены, губы смяты. Въ глазахъ ходили какіе-то нехорошіе огни.

— Да, мы какъ будто стоимъ у обрыва,—сказалъ онъ.

— Стоимъ,—согласилась она.

Въ это время въ дверь стукнули. Она сказала: «войдите!»

Вошла дѣвушка, невысокая и блѣдная, ея двоюродная сестра, курнетка.

— Вѣра! какъ я рада!—сказала Маруся.

«Чему она радуется?»—подумалъ художникъ, наблюдая, какъ онѣ цѣлуются, какъ будто и въ самомъ дѣлѣ рады.

— Я не помѣшала?—спросила Вѣра.

— Что ты! Напротивъ!—возразила Маруся.

«Что значить—напротивъ?»—опять подумалъ онъ и сталъ прощаться.

— Завтра придете?—спросила Маруся.

— Не знаю... Назначьте часъ.

— Приходите обѣдать.

— Можетъ быть.

Онъ подѣловалъ ея руку, пожалъ руку Вѣры и вышелъ съ смутнымъ сознаниемъ, что кажущееся ему счастье непрочное. Во всемъ разговорѣ Маруси была какая-то непослѣдовательность. Матери она говорила одно—ему другое...

— А, можетъ быть, это просто нервы?—рѣшилъ онъ. Посмотримъ, что будетъ завтра.

IX.

Такъ какъ у Бухальцева городской квартиры еще не было, то онъ сталъ подумывать о ночлегѣ. Очевидно, и «открытіе» кончится поздно, и конки не будутъ уже ходить въ Новую деревню. По-

этому онъ рѣшили пройти къ своему старому пріятелю—ученику консерваторіи Кондрату Благоуханскому, піанисту, человѣку безпредѣльнаго веселья, никогда неунывавшему, даже когда ему приходилось закладывать послѣднее пальто и гулять по морозу въ одномъ промасленномъ пледѣ. Жилъ онъ у Аларчина моста, наверху, съ мебелировкой довольно скудной. Въ комнатѣ былъ диванъ, напоминавшій весеннюю дорогу съ выбоинами, два стула, ломберный столъ съ одной ножкой, упрямо подгибавшейся внутрь, и съ роялемъ модной фирмы, снаружи нѣсколько потертомъ, но звучащимъ въ маленькой комнатѣ такъ, точно тутъ висѣлъ колоколь съ Ивана Великаго. Несмотря на малый ростъ, у Благоуханскаго была развита мускулатура пальцевъ не менѣе, чѣмъ у китайскихъ дантистовъ, которые вытягиваютъ зубы у пациентовъ пальцами. Когда онъ игралъ—трясся весь полъ, дребезжали стекла, подпрыгивали стулья, въ нижней квартирѣ сыпалась штукатурка, а рядомъ у сосѣдей ревѣли дѣти. Послѣ десяти вечера ему было воспрещено домовладѣльцемъ играть. Но зато съ девяти утра онъ уже начиналъ истязать клавиатуру, а струны дрожали, визжали, стонали, гѣли, плакали и смѣялись. Вдовая чиновница Клеопатра Харитоновна Недовѣрзнева, содержавшая квартиру, была меломанка и любила музыку, какъ только могутъ ее любить сорокавосемилѣтнія вдовы, сохранившія относительную свѣжесть. Но и она, когда начиналъ Кондратъ свою бѣшенную игру, затворяла все двери, уходила въ кухню, и только оттуда, подъ акомпаниментъ шкворчавшихъ на сковородкахъ колбасъ, наслаждалась бурными аккордами жильца. Даже дворникъ, носившій дрова, заслушивался Благоуханскаго, изрѣдка одобрительно заявляя:

— А и наяриваетъ же, собачій сынъ.

Принявъ Кондратъ своего посѣтителя, какъ и всегда, любезно, выслушалъ его просьбу и заговорилъ съ хохлацкимъ акцентомъ.

— Весьма радъ, но видишь ли, другъ, въ чемъ дѣло. Сей диванъ продавленъ въ девятнадцать мѣстахъ. При каждомъ движеніи пружины въ немъ жалобно воютъ. Двѣ упорно лѣзутъ вверхъ, и уже давно покушаются прободать мнѣ чресла. Поэтому я накладываю сверху тюфякъ, специально купленный мною по случаю у татарина. Татаринъ божился, что на этомъ тюфякѣ никто не умеръ, а продаетъ онъ его за четыре рубля только изъ уваженія ко мнѣ. Теперь, если ты придешь—намъ надо будетъ раздѣлиться: одинъ долженъ лечь на тюфякъ безъ дивана, а другой—на диванъ безъ тюфяка. При этомъ долженъ тебѣ сказать, что класть этотъ тюфякъ на полъ нельзя, такъ какъ, во-первыхъ, дуешь откуда-то изъ-подъ дверей адски; а во-вторыхъ, подлые черные тараканы будутъ по тебѣ ползать кучами. А потому спать надо на роялѣ.

Бухальцевъ удивился.

— А откуда не свалишься?—спросилъ онъ.

— При нѣкоторой сноровкѣ—едва ли. Я не падаю. А ты—выбирай, что хочешь: быть роялистомъ или уподобиться великому визирию и владычествовать диваномъ.

— Ужь лучше я на диванѣ.

— Великолѣніе. Только совѣтую подстелить пальто, иначе не ручаюсь за цѣлость твоихъ боковъ. У этихъ пружинъ такія прогрессивныя стремленія къ свѣту... Ты когда придешь?..

— Не знаю, поздно.

— Такъ во-первыхъ: мы предупредимъ хозяйку, иначе она не пуститъ тебя. А затѣмъ, ты долженъ знать пароль, безъ котораго прислужница не отопретъ.

— Какой же это пароль?

— У насъ каждую недѣлю мѣняется. Нынче—«морковь и Гугеноты».

— Что за чепуха?

— Совсѣмъ не чепуха. Одно слово даетъ хозяйка, другое—я. На прошлой недѣлѣ было «Травіата и рѣна». Причемъ «Травіата» была предложена ею, чтобы сдѣлать пріятное мнѣ, а я въ честь ея кулинарныхъ способностей предложилъ рѣпу.

Онъ отворилъ дверь и крикнулъ:

— Бу-це-фаль!

Раздался топотъ и въ комнату ввалилась дѣвочка лѣтъ четырнадцати съ ногами пожилого носорога и съ косою на боку.

— Ея высокородіе дома? спросилъ pianissimo.

— Это хозяйка-то,—освѣдомилась дѣвочка.

— Вы угадали. Онѣ дома?

— Дома. Порятъ.

— Кого?

— Юбку ватную.

— Попросите ихъ прѣйти сюда на одно мгновеніе. Поняли? Очень надо.

— Позвать?

— Какъ вы догадливы, Буцефаль, летите!

— Почему она—Буцефаль?—спросилъ художникъ, когда дѣвица загромычала подошвами по коридору.

— Развѣ не слышишь ея топотъ. Это какой-то мѣдный всадникъ, а не дѣвица. Если Буцефаль былъ когда-нибудь подкованъ, онъ топоталъ именно такъ. При этомъ она носится съ быстротой вѣтра. Дура патентованная, хотя идетъ впередъ. Прежде она увѣряла, что я служу въ консисторіи, потому что она родилась тамъ, гдѣ-то подъ Лаврой. А теперь научилась и говорить «консерваторія».

Въ дверь стукнули и спросили:

— Можно?

На это Кондратъ отвѣтилъ:

— Должно.

Вошла хозяйка. Она была полна, дебела, и глаза были у нея какъ вишенки. На ней былъ платокъ, которымъ она прикрывала отсутствіе корсета, что при нѣкоторой развитости жировыхъ частей ея тѣла заставляло эти части колыхаться при каждомъ шагѣ. Вишенки остановились на гостѣ, потомъ на жильцѣ.

— Позвольте рекомендовать—мой двоюродный братъ, извѣстный художникъ Бухальцевъ,—заговорилъ Кондрать.—А впрочемъ, не двоюродный, но это все равно.

Она протянула ему крупичатую бѣлую руку и сказала:

— Весьма пріятно.

— Вотъ, многоуважаемая, этотъ самый братъ придетъ ко мнѣ сегодня ночевать, и поздно, такъ я хотѣлъ васъ предупредить.

— Нынче это не дозволяется черезъ полицію,—нѣсколько въ носъ заговорила она.—Даже стращаютъ какими-то штрафами, а наемни околоточный даже подписку просилъ, только я не дала. Чтобъ непременно офиціозный паспортъ былъ, и никакихъ побочных недоразумѣній.

— Паспортъ у меня съ собой,—сказалъ художникъ.—Будьте покойны, я совершенно легальный.

Она сдвинула брови.

— Какъ вы сказали?—спросила она.

Онъ повторилъ.

— Въ этомъ словѣ ничего дурного нѣтъ, почтеннѣйшая,—успокоилъ ее Кондрать.—Если вы скажете околоточному, онъ даже очень останется доволенъ. Такъ можно? Пароль онъ знаетъ.

— Ежели вы отвѣтственность на себя примете, тогда я свое согласіе даю. Но надѣюсь при этомъ, что даже намекъ на скандалъ не будетъ?—спросила она.

— Надежда васъ не обманетъ,—подтвердилъ Благоуханскій.

— Да, не обманетъ!—пѣвуче произнесла она.—Вотъ въ четвертой камерѣ живетъ дьяконица. Пріѣхалъ къ ней дальній сродственникъ изъ Верхнеудинска, по фамиліи Сладкосердовъ. Такой младенькій, ни одной службы въ церкви не пропустилъ.

— Ну, и что же?

— Пріѣхалъ онъ къ нимъ въ прошломъ декабрѣ, а вчера племяннику дьяконицы въ родильный домъ свезли.

— Скажите, какая низость!—удивился музыкантъ, и обратился къ товарищу:—тебя это не поражаетъ, Петръ?

— Поражаетъ,—отвѣтилъ Петръ и неожиданно прибавилъ:—а отчего жъ ихъ не поженили?

— Поздно узналъ, на восьмомъ мѣсяцѣ. Должно, послѣ Покрова поженять.

— А вы все это къ чему, достоуважаемая, клоните?—спросилъ жилецъ.

— Ни къ чему. А такъ говорю, что есть которые мужчины подлые, тѣ подлецы и есть.

— Да вѣдь и баба подлець встрѣчается?

Недовѣрзнева фыркнула.

— Это что и говорить, и промежду насъ подлецовъ много, но не въ той степени, какъ среди мужского поколѣнія.

— У нихъ былъ мужъ дебририкъ,—пояснилъ Благоуханскій,—и хотя онъ два года какъ яже преставился, но доселѣ Клеопатра Харитоновна не могутъ прійти въ себя. Потому что супругъ ихъ почью билъ вьюшками, какъ литаврами, не имѣя на себѣ ничего, кромѣ мѣховой шапки, и при этомъ цѣль:

Быть можетъ, на холмѣ нѣмомъ
Поставятъ тихій гробъ Руслановъ.

— Зачѣмъ всѣ эти интимности рассказываете постороннимъ?—спросила хозяйка.—Ежели я, въ откровенныя минуты, сдѣлала вамъ изліяніе, едва ли тутъ нужна публичность?

— Другъ мой, Клеопатра Харитоновна,—заговорилъ піанистъ, вскакивая и лобызая ея руки, я такъ глубоко цѣню, люблю и уважаю васъ... Но кто же не знаетъ въ округѣ, что вашъ супругъ вообще вообразилъ себя пѣвцомъ Мельниковымъ, и хотѣлъ вмѣсто него пѣть «Демона», уязвилъ этимъ въ самое сердце нашего глубоководимаго Антона Григорьевича Рубинштейна. Его изъ уборной на похоронныхъ носилкахъ вынесли...

— И совсѣмъ не выносили, и совсѣмъ не изъ уборной, и все вы въ преувеличенномъ видѣ представляете. Правда, онъ Мельникова на Невскомъ проспектѣ встрѣтилъ и сказалъ ему: «извините, но у васъ такое кругообразное лицо, что вы духа отрицанія изображать не можете; и такъ какъ у меня протягнутое внизъ, то слѣдующій разъ я и буду вмѣсто васъ «На воздушномъ океанѣ» пѣть. И тутъ же запѣлъ. И сейчасъ же его препроводили въ участокъ, гдѣ онъ очень здравомысляще подписалъ протоколъ, но послѣ своей фамиліи прибавилъ: «демонъ тожъ», за что его и свезли на девятую версту. Тамъ онъ и дни свои кончилъ, и весьма грустно. Потому что онъ въ пароксизмѣ неистовствовалъ, бѣжать хотѣлъ, и сторожа его удерживали столь крѣпко, что у него лопнула шея и ребры, и онъ отъ этого и покончилъ дни.

— Это грустно,—согласился художникъ и поднялся съ мѣста.

— Значить, вы позволите переночевать? Благодарю васъ... Я бы у васъ и комнату снялъ, мнѣ надо,—прибавилъ онъ, желая ее задобрить.

— Комнаты у меня теперь нѣтъ, а есть во флигерѣ на дворѣ—сдается. Ежели хотите, завтра утромъ обслѣдуйте.

— Обслѣдую,—согласился онъ.

X.

На Николаевскомъ мосту дулъ вѣтеръ. Темныя волны катились подъ арки моста. Тучи все неслись къ востоку, какъ и дымъ, но теперь онѣ были темныя, съ оборванными краями. Въ ту пору Петербургъ еще не былъ залитъ электричествомъ, да и тотъ горѣлъ скупо въ фонаряхъ. Рыбьи хвостики пламени судорожно металась среди стеколъ, и неровныя тѣни отъ желѣзной оправы фонаря бѣгали по троттуару. Допотопные рыдваны дилижансовъ, запряженныхъ тройкою чахлахъ клячъ, громыхали по камнямъ. Снасти судовъ смутно пѣли въ сумеркахъ надвинувшейся ночи. У академіи лежали на набережной таинственныя ѳивскіе сфинксы, и стояли бронзовые канделябры, гдѣ нѣкогда, въ эпоху пріѣзда сюда на катеръ императрицы, пылали яркіе огни. Сходя съ моста, пейзажистъ встрѣтилъ своего товарища по академіи Ряполова.

— Куда ты пропалъ?—спросилъ его Ряполовъ.

— Дописываю этюды. А у васъ что?

— Пренняя канитель. Скука. Ты, можетъ, избралъ благую часть.

— Какую?

— Пересталъ ходить. Только этимъ путемъ и можно чему-нибудь выучиться. Да вообще, можетъ быть, ничего этого не надо.

«Совсѣмъ какъ Маруся»,—подумалъ Бухальцевъ, но однако спросилъ:

— Чего не надо?

— Да вотъ этого самого искусства. «Свободнаго искусства» — чтобы чортъ его дралъ, только морочимъ народъ,—глаза отводимъ.

— Экъ тебя дергаетъ!

— Задергаетъ. Шестой годъ пишу голыхъ мужиковъ! Да какая же къ чорту это школа? Кто намъ говорить объ искусствахъ? Кто насъ просвѣщаетъ, кто знакомить съ европейской школой. Все чиновники, подхалимы! Живутъ на казенныхъ квартирахъ и въ усъ не дуютъ. А на насъ имъ плевать.

Онъ поднялъ воротникъ у жиденъкаго пальто и сунулъ свою руку въ руку Бухальцева.

— Еще увидимся, коли не подохнемъ!—сказалъ онъ и, нахлобучивъ на брови шляпу, зашагалъ дальше.

«Да, что-то плохо дѣло!» бормоталъ про себя Бухальцевъ, невольно поглядывая на темное зданіе академіи. Ни въ одномъ окнѣ не свѣтилось, точно это былъ выморочный домъ, забитый наглухо отъ заразы.

Подъ аркой моста, внизу, проскользнулъ пароходъ, и Бухальцева всего обдало теплыми мягкими душистыми клубами дровяного

дыма. Клубы перенеслись по вѣтру на другую сторону моста, заволокли мраморную часовню, охвативъ ее своими пушистыми объѣтиями, и растаяли въ вечерней мглѣ.

«Нужно ли искусство и кому нужно? спрашивалъ онъ себя, шагая черезъ площадь. Нуженъ ли этотъ рояль на которомъ бречить Кондрать? Почему эти воющія струны—искусство? Почему зеленая и красная краска, о которой еще утромъ говорилъ его товарищъ,—искусство? И почему люди платять за то, что четыре часа подрядъ воздухъ дрожитъ отъ музыкальнаго шума, и въ баробанныхъ перепонкахъ чувствуется боль? И почему, чтобы посмотрѣть до головокруженія нѣсколько сотенъ пестро раскрашенныхъ холстовъ, надо ѣздить на конецъ города и опять таки тратить деньги?

За столами «Сѣвернаго оленя» было шумно. Табачный дымъ густымъ туманомъ заволакивалъ ужинавшихъ. Все больше были мужчины: студенты, офицеры, старые художники, чиновники съ Острова. Женщинъ было мало. Француженка—натурщица, недавно появившаяся въ Петербургъ; другая натурщица—хорошенькая евреечка; какая-то сомнительная раскрашенная дама лѣтъ пятидесяти, почему-то увѣрявшая, что она писательница, да двѣ или три неопредѣленныхъ особы въ огромныхъ шляпахъ съ перьями—вотъ и все. Отъ шума голосовъ, бречанья вилокъ и ножей о тарелки, отъ смѣха, шарканья ногъ, кашля, настраиванья инструментовъ—стоялъ гулъ живой толпы. Пахло потомъ, духами, жаренымъ мясомъ, пивомъ, краснымъ виномъ, луковымъ соусомъ и капустой. Свѣжему человѣку дышалось тяжело; хотѣлось воздуха и простора.

Бухальцевъ, лавируя между столиковъ и натываясь на бѣгавшихъ неопрятныхъ лакеевъ, шелъ, ища глазами знакомыхъ. Старый художникъ Переперчинъ ласково поздоровался съ нимъ. Бухальцевъ спросилъ о Самохотовѣ.

— А вонъ онъ тамъ въ углу, съ своимъ опричникомъ,—сказалъ Переперчинъ.

Въ самомъ углу подъ оркестромъ сидѣлъ Самохотовъ. Рядомъ съ нимъ помѣстился тотъ «Илья Муромецъ», о которомъ онъ говорилъ сегодня утромъ,—широкоплечій дѣтина Анатолій Подгурецкій. Его волосатые кулачиши снѣго-краснаго цвѣта лежали на столѣ, какъ двѣ тыквы. Онъ весело улыбался, растягивая наивно ротъ, и смотрѣлъ на сидѣвшую противъ него хорошенькую дѣвушку въ ярко-пунцовомъ шелковомъ платьѣ. Особа эта была дамой молоденькаго, съ только что пробившимися усами, господина, съ бѣлой кожей и розовыми щечками. Онъ былъ гладко причесанъ, одѣтъ франтомъ, и въ петлицѣ у него торчалъ цвѣточекъ.

— А-а!—привѣтствовалъ Самохотовъ своимъ могучимъ басомъ товарища.—Къ нашему шалашу! Не знакомы? Позвольте представить: Елена Порфирьевна... фамилія мнѣ неизвѣстна... Шторхъ?

Елена Порфирьевна Шторхъ. А это—чудеснѣйшій человѣкъ—извѣстный сахарозаводчикъ Курденко,—милліонеръ.

Юноша конфузливо улыбнулся, всталъ и пожалъ руку новому знакомому.

— А этого ты ужъ видѣлъ—Тоша Поддурецкій. Совѣтую вамъ поцѣловаться. Не хотите—не падо. Человѣкъ! Хамъ! Каннь! Стулъ скорѣе,— не видишь, пришелъ кто...

Онъ уже былъ пьянъ; бѣлки краснѣли, и онъ, какъ быкъ, поводилъ шей во всѣ стороны.

— Желаете шнель-клопсъ?—посоветывалъ Бухальцеву лакей.— Пиво свѣтлое первостатейнаго качества, медокъ собственной выписки, контекане, шабли..

— Виновать,—нѣжно заговорилъ сахарозаводчикъ,— у насъ условіе, что за этимъ столомъ пьютъ только мое вино ..

— Я не имѣю удовольствія,—началъ было Бухальцевъ.

— Врешь, пейзажистъ,—рявкнулъ Самохотовъ,—врешь! Если я имѣю удовольствіе, слѣдовательно, и ты имѣешь... Какъ это... Двѣ величины, порознь равныя третьей... Ха-ха! помню еще...

— И вотъ вы позволите мнѣ заморозить редереръ. Человѣкъ, будьте добры, заморозьте редереръ... Четыре бутылки... Чтобы сало было, понимаете—сало...

— Понимаю-съ,—сказалъ лакей, утирая салфеткой шею.

— Не иголками, а саломъ... И поскорѣе... Пожалуйста, поскорѣе...

— Это меценать,—продолжалъ Самохотовъ, разваливаясь на стулѣ.—Это широкая благородная натура. Я пишу его портретъ, и чѣмъ болѣе вглядываюсь въ его черты и изучаю ихъ, тѣмъ болѣе проникаюсь благоговѣніемъ.

— Полноте, что вы!—конфузливо возразилъ Курденко.

— Я самъ—плебей, ты меня знаешь,—похлопывая по плечу Бухальцева, говорилъ Самохотовъ.—Я жалкое отрѣпье изъ народа, но я цѣню породу. Я люблю эти серебристые тона кожи, этотъ рисунокъ губъ... Ваши предки, Николай Сергѣевичъ, кто были?

— У насъ—старый малороссійскій родъ,—сказалъ Курденко.— Предки мои были сотниками, игумнами...

— Ну, вотъ видите!.. Половой подборъ... дарвиновская борьба за существованіе... Да, я люблю васъ... И люблю подругу вашихъ дней... Милую, скромную Елену Порфирьевну... Отчего вы не пьете, Елена Порфирьевна?

— Я жду шампанскаго,—поволя птичьимъ носикомъ, кокетливо объяснила она.

— Ну, до шампанскаго—матеры? Одну рюмку. Чокнемся со со мной. Вы брезгаете бѣднымъ художникомъ.

— Выпей немножко, Лёля,—сказаль сахарозаводчикъ.

— Выпьемъ добрая подружка
Вѣдной юности моей!
Выпьемъ съ горя... гдѣ-же кружка?
Сердцу станетъ веселѣй!..

задекламировалъ Самохотовъ.—Это не я вамъ говорю «ты», это говорить Пушкинъ,—прибавиль онъ.

Они чокнулись. Она помочила въ винѣ верхнюю губку, а онъ опрокинулъ рюмку въ горло.

— Кончу его портретъ, напишу вашъ,—заговориль онъ.— Я напишу васъ всю закутанную въ мѣхъ, въ соболій мѣхъ.

— У меня нѣтъ собольяго мѣха,—наивно сказала она.

— Онъ кушитъ! Николай Сергѣевичъ, ты долженъ купить ей соболью ротонду. Вѣдь это херувимъ, это—Рафаэлевскій херувимъ.. И вдругъ безъ ротонды!

Николай Сергѣевичъ нѣсколько покраснѣлъ, потупился и сталъ смотрѣть въ пустую тарелку.

— Вы мнѣ купите, да?—спросила Лёля, кладя свою крохотную ручку на его плечо.

— Я куплю тебѣ кунью шубку,—стараясь улыбнуться, сказалъ онъ.

— Кунью! Что за мѣщанство!—возопиль Самохотовъ.—Тутъ нуженъ горностаи, непременно горностаи... Нѣтъ, впрочемъ, нѣтъ: горностаи идутъ только къ брюнеткамъ... Соболь! Слышишь, Николай,—соболь! Иначе я не буду писать. У васъ, Лёля, будетъ соболь.

Илья Муромецъ добродушно хохоталь, качаясь на стулѣ. Ему казалось безконечно милымъ поведеніе и остроуміе его друга. По сахарозаводчикъ чувствовалъ себя не совѣмъ хорошо и старался замать разговоръ.

— Я вамъ доставлю еще работу,—сказаль онъ: —мнѣ нужно въ подарокъ матери написать ея ангела .. образъ...

— Ангела? Могу? Съ Лёли. Это и будетъ ангелъ! Ваша мать будетъ на нее молиться...

— Но ее зовутъ Марѳой.

— Посадницей?

— Посадницей—почему посадницей?

— Святая Марѳа Посадница...

— Что ты врешь,—остановиль Бухальцевъ:—никогда Марѳа Посадница не была святой...

— Не была? Ну, Господь съ нею!.. Мнѣ все равно... Мнѣ все равно—любить или наслаждаться...

— Голосъ скверный у тебя,—сказаль Илья Муромецъ.

— Не могу же я быть геніемъ со всѣхъ концовъ. Довольно съ меня некуства живописи.

XI.

Принесли шампанское. Это нѣсколько успокоило напряженное состояніе атмосферы. Вино валилось въ чаши цѣлыми кусками, тяжело шлепаясь, какъ комки снѣга. Въ залѣ становилось все шумнѣе и душнѣе. Оркестръ игралъ какой-то ноктюрнъ и флейта, очевидно, изображавшая соловья, пѣла на такихъ высокихъ нотахъ, что, казалось, это не флейта, а пробка, визжавшая по стеклу.

— За здоровье аристократіи ума и капитала!— провозгласилъ Самохотовъ.

Никто не понялъ, что онъ хотѣлъ сказать, но бокалы выпили.

— Я люблю людей такихъ, какъ этотъ Николай!— философствовалъ Самохотовъ, смакуя вино,—какъ этотъ чудный Николай, Николай чудотворецъ! Ничего не понимая въ искусствѣ... да, надо сознаться, ты ничего не понимаешь,—ничего не понимая, онъ подходитъ къ святилищу, разувшись...

— Какъ разувшись?—удивилась Елена Порфирьевна.

— Да, Лёля, разувшись, сбросивъ съ ногъ сандаліи, какъ магометанинъ входитъ въ мечеть. Онъ благоговѣть. Онъ благоговѣть,—и передъ кѣмъ? Передо мной—мразью, ничтожествомъ. Его предки были игумены, чудотворцы, а онъ—благоговѣть! Онъ чувствуетъ на мнѣ печать генія.

Илья Муромецъ звонко захохоталъ, покрывъ хохотомъ говоръ и ноктюрнъ.

— Я пью,—продолжалъ Самохотовъ,—за всѣхъ, кто, несмотря на свое убожество, благоговѣть передъ искусствомъ.

Онъ допилъ бокалъ и бросилъ его на землю. Шторхъ вздрогнула.

— Охъ, какъ я не люблю, когда бьютъ посуду,—сказала она.

— Да, это свинство,—подтвердилъ Бухальцевъ.

— Ты самъ свинья!—сказалъ Самохотовъ.—Если ты мнѣ далъ сегодня въ займы три рубля, изъ этого не слѣдуетъ еще, что ты можешь дѣлать мнѣ замѣчанія...

— Однако, ты вотъ мнѣ сейчасъ смѣешь дѣлать тоже замѣчаніе?—спросилъ Бухальцевъ.

— То я! Я внѣ конкурса!

— Нѣтъ,—ты конкурентъ!—сострилъ Илья Муромецъ.

— Какъ здѣсь жарко,—сказала Елена Порфирьевна.

— Тебѣ жарко, Лёля? Разстегни воротъ,—продолжалъ Самохотовъ. Она вспыхнула.

— Что вы говорите?—сказала.

— Что? А то, что мы среди порядочныхъ людей. Мы не среди сластолюбивыхъ развратныхъ стариковъ, извращенныхъ юношей. Здѣсь искусство, академія! Здѣсь на раздѣтую женщину смотреть не какъ на самку, а какъ на божество. Здѣсь женщина выше бур-

жуазныхъ взглядовъ на приличія... И я это вамъ докажу... Эй, хамъ! Услужайщій! Поди сюда! Видишь тамъ — за тѣмъ столомъ сидитъ французенка въ малиновой бархатной шляпкѣ. Поди къ ней и скажи, что господинъ Самохотовъ проситъ на минутку прійти ее сюда, постой—дай двѣ чаши и подбери осколки.

Французенка не заставила себя ждать и, отбросивши, стулъ пошла къ Самохотову.

— Ты меня звалъ?—сказала она.

— Да, сядь. Я тебя не знакомлю —этого не нужно. Господа, передь вами—по сложенію Венера, вышедшая изъ пѣны моря. Если бы вы видѣли ея грудь, животъ, бѣдра! Это—идеальное созданіе. Выпей, Сузанна, за совершенство божьихъ созданій, вышей бокаль твоего родного напитка. Ты вѣдь сама изъ Реймса? У тебя въ жилахъ вмѣсто крови течетъ [шампанское... Сузанна, скажи намъ, скажи,—если бы тебя попросилъ раздѣться вотъ здѣсь въ залѣ передь всѣми, сбросить все, ты бы согласилась?

— Отчего жъ нѣтъ?—сказала она.—Если нужно.

— Ну, а вотъ если бѣ этотъ господинъ, молодой, хорошенькій,—онъ сахарозаводчикъ... Понимаешь—се ле метръ де фабрику сукерзаль... Чортъ, какъ я говорю по-французски! Если бѣ онъ позвалъ тебя къ себѣ и сказалъ: раздѣньтесь, я васъ посмотрю и заплачу вамъ двадцать пять рублей,—ты бы раздѣлась?

— Monsieur не художникъ?—спросила она.

— Говорю тебѣ—сахарозаводчикъ.

— Я раздѣваюсь только для художникъ!

— Ну, вотъ,—радостно сказалъ онъ.—Вотъ вамъ, синьйоры, чистота взгляда, чистота помысла.

Онъ вдругъ упалъ на колѣни, схватилъ ея ногу и сталъ цѣловать въ подъемъ.

— Кланяюсь тебѣ, женщина, кланяюсь земно! чистотѣ твоей. искусству твоему.

За сосѣдними столами засмѣялись.

— Вотъ назюкался,—послышался гомось.

Самохотовъ всталъ съ колѣнъ.

— Кто сказалъ назюкался?—спросилъ онъ зычно.

— Я сказалъ,—проговорилъ старый художникъ съ своего мѣста.

— Вы, Переперчинъ,—сбавилъ тонъ Самохотовъ.—Ну, благодарите Бога, что это были вы. Если бѣ это были не вы, тогда вы бы кое-что увидали...

— Кромѣ вашей пьяной образины?

Самохотовъ сдѣлалъ видъ, что его не слышать, и опустился на стулъ.

— Иди, Сузанна,—сказалъ онъ:—бокаль шампанскаго ты выпила и больше ничего не получишь.

— Какой ты мужикъ!—крикнула она и, кивнувъ Бухальцеву головой, вернулась къ своей компаніи.

— Вотъ это—жрица искусства!—проговорилъ Самохотовъ.—Святая жрица искусства,—это не тѣ игумны, что были твоими предками, Николай!

— Причемъ тутъ мои предки!—нахмурился молодой человѣкъ.

— А ну-ка, скажи, что такое искусство?—спросилъ Бухальцевъ, желая замять начавшееся опять обостряться настроеніе.

Самохотовъ остановилъ на немъ кровавые глаза.

— Искусство,—это то великое, то чистое, то неосязуемое, что недоступно бездарностямъ, какъ, напимѣръ, тебѣ.

— И тебѣ?

— И мнѣ. Я тоже—мразь. Искусство—это вотъ что. Когда ты написалъ картину и поставилъ ее, и вдругъ мимо кто идетъ, и вдругъ останавливается. Сопреть у него въ зубу дыханье. Не можетъ онъ двинуться. А написалъ-то ты заборъ и растаявшую лужу. И когда онъ почувствуетъ просвѣтлѣніе и скажетъ: «ахъ, вотъ оно что такое лужа! вотъ какой заборъ! а я ходилъ мимо каждый день и не замѣчалъ»—вотъ это и есть искусство.

— Я что-то не понимаю,—сказалъ сахарозаводчикъ.

— Да гдѣ тебѣ понимать, Никола съ гвоздемъ! Ты можешь понять только свой рафинадъ, Кенига отъ Молво отличать, а до искусства гдѣ же тебѣ съ твоимъ разсыропленнымъ мозгомъ!

— Я бы попросилъ васъ быть сдержаннѣе,—блѣднѣя сказалъ Николай Сергѣевичъ.

— Напрасно просишь.

— И, во всякомъ случаѣ, брудершафта мы не пили.

— А! Не желаете, чтобы я оскорблялъ васъ дружескимъ «ты». А я вотъ на «ты» съ самимъ Господомъ Богомъ, и никогда къ нему иначе не обращаюсь. Да вы за честь должны считать, что я васъ на одну доску съ нимъ ставлю. Въ этомъ «ты»—любовь моя къ человѣчеству. Я людей или люблю, или презираю—серединъ нѣтъ. До сей минуты я любилъ тебя, а теперь...

Онъ грустно посмотрѣлъ на него.

— Вы упали въ моихъ глазахъ. Ты не ты, ты—вы!

Онъ ударилъ кулакомъ по столу. Бокаль опрокинулся и вино разлилось по скатерти. Елена Порфирьевна вскочила съ крикомъ.

— Вы мнѣ платье зальете!—взвизгнула она.

Онъ только махнулъ рукой.

— Рафинадчикъ новое сдѣлаеть. Что ему! Рабочіе на заводѣ гнуть спины, жарятся у огня, почувютъ на парахъ, заѣденные вшами и клопами, а онъ вонъ въ какихъ фохоляхъ сидитъ, брилліантовья запонки на груди. Въ бумажникѣ—однѣ Екатерины, небось, сидятъ...

Сахарозаводчикъ тоже ударилъ ладонью по столу.

— Ну, теперь я скажу—довольно!—твердо проговорилъ онъ.

XII.

Оркестръ вдругъ грянулъ всѣми своими литаврами и трубами. Казалось, это трубы архангеловъ въ день страшнаго суда. Мертвые могли дѣйствительно выпрыгнуть изъ гробовъ и кинуться, куда глаза глядятъ. Живымъ же только оставалось затыкать уши.

Оркестръ какъ разъ помѣщался надъ тѣмъ столикомъ, гдѣ сидѣла компанія Самохотова. Обостренный разговоръ сразу погасъ, какъ свѣча отъ внезапнаго порыва вѣтра. Несмотря на то, что говорящіе повышали голоса, ничего разобрать было нельзя.

Тогда Самохотовъ поднялся во весь ростъ. Лицо его было красно, кулаки сжаты.

— Молчать!—крикнулъ онъ наверхъ.

Но и его голосъ затерялся въ визгѣ скрипокъ и воѣ волторнъ. Онъ вскочилъ на стулъ, схватилъ бутылку изъ-подъ шампанскаго, и снова крикнувъ: «молчать!»—швырнулъ ее на эстраду. Бутылка взлетѣла какъ ракета и шлепнулась о люпитръ дирижера, сломавъ свѣчу подъ абажуромъ, и ударила по животу маэстро.

— Молчать!—послышалось въ третій разъ.

Звучи раздѣхались и съ какимъ-то тревожнымъ пискомъ и разноголосицей стали замирать.

— Позвольте, это что такое?—заговорилъ метрдотель, появляясь у стола.—Это, извините, скандалъ.

— Извиняю,—коснѣющимъ языкомъ проленеталъ Самохотовъ, и повелъ вокругъ кровавыми глазами, какъ бы намѣчая жертву.

— Извините, такъ нельзя,—повторилъ метрдотель.—Ежели остальная публика желаетъ играть, то какія вы имѣете права на личную обособленность? Ежели протокола мы не составляемъ, то только изъ уваженія къ вашему постоянству въ отношеніи нашей фирмы. Но позвольте васъ просить не скандалить. Очень просимъ.

Онъ обратился на хоры:

— Христіанъ Ивановичъ, очень просимъ продолжать въ прежнемъ родѣ. Не смущайтесь, это не болѣе, какъ недоразумѣніе.

— Но я не позволяю, чтобъ летѣлъ бутылка,—сказалъ сердито Христіанъ Ивановичъ, перегибаясь черезъ перила.

— Я вамъ ручаюсь, онѣ болѣе не будутъ летѣть!

— Не ручайтесь,—загадочно сказалъ Самохотовъ.

— Но ежели васъ прощу?

— Подите вы на Чукотскій носъ! Что мнѣ изъ вашей просьбы?.. Штаны шить?

— Да,—вдругъ заговорилъ Илья Муромецъ,—въ самомъ дѣлѣ, можно ли изъ вашей просьбы шить брюки? А? Я вотъ спрашиваю.

Христіанъ Ивановичъ взмахнулъ палочкой и оркестръ снова грянулъ.

— А, чортъ!—завошилъ Самохотовъ,—Христіанъ Ивановичъ! Христіанъ Ивановичъ, остановитесь, иначе я приду къ вамъ и спущу васъ сверху внизъ!

Христіанъ Ивановичъ остановился.

— И что такое?—закричалъ онъ.—Я не привыкъ играть передъ публикѣ, которая дѣлаетъ скандалъ! Зачѣмъ вы мнѣ мѣшаете? я вамъ не мѣшаю пить, что вы хотите, не мѣшайте вы мнѣ...

— Не поз-во-лю!—ревѣлъ художникъ.—Сказано—будеть, и конецъ.

Метрдотель не унывалъ, онъ все еще думалъ покончить дѣло миромъ.

— У насъ сказано, что конецъ музыки въ два часа-съ. Позвольте имъ до двухъ играть.

— Что? до двухъ?

Онъ, нахмуря брови, посмотрѣлъ на метрдотеля и замахалъ предъ его носомъ указательнымъ пальцемъ справа налево.

— Ни въ какомъ случаѣ! Сейчасъ прекратить все.

— Ну, тогда я васъ попрошу удалиться въ такомъ разѣ,—проговорилъ метрдотель.

— Кого? Меня? Ха-ха!

— Вонъ! Вонъ!—раздались возгласы за сосѣдними столами.

Самохотовъ подбоченился.

— Ахъ вы, чушки!—заговорилъ онъ.— Да знаете ли вы, кто я? Не знаете? Тогда я вамъ скажу.

Сахарозаводчикъ поспѣшно сунулъ лакею пятидесятирублевую ассигнацію.

— Скорѣ счетъ, я уѣзжаю.

— Я—авторъ «Пира Вальтассара!»—гремѣлъ онъ. снова влѣзая на стулъ.

— Скандалистъ!—крикнули ему.

— У Вальтассара на пирѣ разыгрался скандалъ похуже. Вамъ извѣстно, что тамъ невидимая рука написала?..

«Опять второй разъ сегодня вспоминаютъ это, подумалъ Бухальцевъ.—То мать Маруси, теперь этотъ».

— Взвѣшено и раздѣлено,—продолжалъ художникъ.—Вотъ если я, судари мой, начну взвѣшивать и раздѣлять, то полетятъ пухъ и перья.

Старшій лакей тащилъ его за фалду.

— Невозможно-съ.—говорилъ онъ:—стоять на стульяхъ воспрещено!

— Пошелъ, хамъ!

Христіанъ Ивановичъ собрался съ силами и въ третій разъ началъ свою ораторію.

— А, ты такъ!—возошилъ Самохотовъ и, спрыгнувъ со стула, ринулся къ лѣстницѣ на хоры. Но тутъ дюжина лакейскихъ рукъ схватила его.

— Будьте любезны,—говорили ему,—пожалуйте на улицу.

— Я вамъ покажу улицу,—хрипѣлъ онъ, силсясь отъ нихъ освободиться. Но тутъ на помощь явился Илья Муромецъ. Онъ шагнулъ, засучивъ рукава, прямо въ толпу и сталъ раскидывать людей направо и налево, проявляя, въ самомъ дѣлѣ, былинную силу. Онъ только приговаривалъ:

— Разъ! Разъ!

Онъ придержалъ за локоть товарища и подбодривалъ его:

— Айда наверхъ!

Появленіе ихъ смутило оркестръ. Въ третій разъ музыка смолкла. Христіанъ Ивановичъ, увидя ихъ, шагающихъ черезъ контрабасы и барабаны, кинулъ свой жезлъ и, перескочивъ черезъ двухъ скрипачей, бросился въ боковую дверь.

— Полиція! Позвать полицію!—раздалось внизу.

— Зовите полицію, я ей покажу, — кричалъ съ хоръ художникъ.

— Я ей покажу!—вторилъ басомъ Илья Муромецъ.

Оркестръ обратился въ бѣгство; но по лѣстницѣ подвигалась грозная туча. Это былъ сомкнутый отрядъ лакеевъ,—мужчинъ крѣпкихъ и приземистыхъ. Илья Муромецъ сразу оцѣнилъ положеніе. Окинувъ опытнымъ взоромъ покинутый бастионъ, онъ потащилъ товарища въ уголь.

— Забаррикадируемъ себя стульями,—предложилъ онъ.

Стулья, пюпитры, свѣчи, ящики изъ-подъ віолончелей, все было свалено въ уголь; въ рукахъ каждаго изъ осажденныхъ было по буковому стулу.

— Не подходи,—вопили они, вертя ихъ надъ головами.

Двѣ дамы упали въ обморокъ. Помощникъ пристава, обладавшій великолѣпными рыжими усами и усмирявшій лѣтъ пятнадцать назадъ поляковъ, scomандовалъ:

— Послать за подкрѣпленіемъ.

Дѣло обострялось.

XIII.

Началось что-то невозможное. Курденко, расилатившись, стараясь охранить свою даму отъ толчковъ, направился къ выходу. Бухольцевъ, отойдя къ противоположной стѣнѣ, смотрѣлъ, ожидая чѣмъ кончится побоище. Онъ видѣлъ какъ стулья, брошенные съ силой атлета Подгурецкимъ, летѣли одинъ за другимъ. Онъ видѣлъ, какъ два лакея, съ окровавленными лицами, собирали вещи. Въ одномъ изъ угловъ студентъ медикъ пятого курса, только что вернувшійся съ Дуная и понаторѣвшій въ перевязкахъ, устроилъ санитарный пунктъ, а какой-то подвыпившій офицеръ повѣсилъ на половой щеткѣ салфетку вмѣсто бѣлаго флага и воткнулъ ее между спинками стульевъ.

— Пошлите за пожарной командой, пусть их польют из кншки,—предложил кто-то.

— Зачѣмъ же съ портить только-что отремонтированную обстановку,—умолялъ метрдотель.— Ужъ нельзя ли какую-нибудь другую мѣру.

Посѣтители рѣзко раздѣлились на двѣ части: одни—не любители шума и скандаловъ—поспѣшили убраться, причѣмъ двое-трое ухитрились не заплатить; другая часть—прирожденных любителей скандала—осталась и съ удовольствіемъ слѣдила за дальнѣйшими перепетіями. Два академіста, сильно уже нагруженныхъ, аплодировали, когда стулъ описывалъ красивую дугу, и кричали:

— Бра-ависсимо!

Полицейскій подошелъ къ нимъ и укоризненно замѣтилъ:

— Довольно стыдно сочувствовать лицамъ, производящимъ безпорядокъ въ общественномъ мѣстѣ.

Но одинъ на это вдругъ залаялъ по-собачьи, и очень талантливо, а другой заплетающимся голосомъ объявилъ:

— Мы рукоплещемъ сту... ульямъ: таллантли... во летаютъ.

Околоточный этимъ удовлетворился, но на новый взрывъ лая обидѣлся:

— Въ собачьей конурѣ-съ вы лаять можете, но въ приличномъ ресторанѣ—это недопустимо. Ежели вы по-человѣчески объясняться не можете, то и ходить должны на четверенькахъ.

— Ну и пойду, нашель чѣмъ удивить!—сказалъ лаявшій.

Наверху былъ перерывъ. Наступавшіе временно скрылись на лѣстницѣ. Боковая дверь была, по распоряженію полиціи, заперта. Перерывомъ осажденные воспользовались и быстро усилили баррикаду. Къ стульямъ были присоединены два стола, а для метательныхъ снарядовъ была найдена корзина съ восемнадцатью пустыми бутылками изъ-подъ пива, радушно предложенными владѣльцемъ ресторана музыкантамъ.

Дѣло принимало серьезный оборотъ. Очевидно, осажденные не желали сдаваться. Полдюжина не откупоренныхъ бутылокъ могла поддержать ихъ существованіе хоть всю ночь. Трескъ отскочившаго горлышка отъ удара о баллюстраду доказывалъ, что двѣ бутылки уже были призваны къ отправленію своихъ обязанностей.

— Послѣ шампанскаго это марка жестокая,—замѣтилъ лаявшій.

— Привычные глотки,—философски замѣтилъ его товарищъ.

Въ залъ вошло трое городскихъ. Околоточный присанился и храбро двинулся вверхъ по лѣстницѣ.

— Господа,—заговорилъ онъ поднявшись,—покорно васъ прошу послѣдовать за мною.

— Ни малѣйшей склонности къ этому не имѣю,—отвѣтствовалъ Самохотовъ.

— Да вѣдь кончится плохо.

— Для кого?

— Да для васъ!

— А вамъ какое до насъ дѣло?

— Но ежели мы—полиція?

— Ну, и поздравляю васъ. Становитесь на перекрестокъ и слѣдите за порядкомъ.

— Именно за порядкомъ,—подтвердилъ басомъ Илья Муромецъ, потряхивая въ каждой рукѣ по бутылкѣ.

— Сдавайтесь,—предложилъ еще разъ околоточный.

— Jamais!

— То есть какъ это жамэ?

— Bravo, bravissimo!—раздалось снизу и послышалось нѣсколько аплодисментовъ.

— Надо навалиться на нихъ всѣмъ скопомъ,—говорилъ рослый лакей, съ перевязанной щекой.—Неужто двадцать человѣкъ двоихъ не осилить?

— Будетъ только драка,—замѣтилъ околоточный.—Оружія у нихъ нѣтъ, и смертоубійства на разстояніи они произвести не могутъ; но ежели подойти къ нимъ вплотную, то окровавленіе можетъ произойти значительное. Надо взять изморомъ. Заколотимъ оба выхода и будемъ ждать, пока сдадутся.

Одинъ изъ городскихъ сунулся было поближе. Но бутылка тотчасъ же перелетѣла черезъ баррикаду и, ударившись о рѣшетку, рассыпалась въ мелкіе куски.

— Ишь—силаца какая,—замѣтилъ околоточный.

Бухольцевъ увидѣлъ, что дѣло затягивается и, во всякомъ случаѣ, должно получить исходъ довольно скверный. Онъ рѣшилъ отправиться въ академію и привести сюда инспектора, человѣка весьма добродушнаго и ко всѣмъ расположеннаго. Онъ вышелъ изъ ресторана, вскочилъ на извозчика, и поѣхалъ къ Николаевскому мосту.

Академическія ворота были уже заперты, и газъ скупо мигалъ дежурными рожками въ безконечныхъ коридорахъ. Но хорошо зная всѣ переходы, пробираясь то чугунными лѣстницами, то площадками, онъ скоро достигъ скромной двери инспекторской квартиры. Его не хотѣли сперва пускать, такъ какъ, по отзыву служанки, «самъ уже былъ раздѣмши». Однако онъ настоялъ на свиданіи и инспекторъ, носившій усы и бороду въ стилѣ второй имперіи, появился передъ нимъ въ халатѣ.

— Чего вы по ночамъ колобродите?—спросилъ онъ.

— Заколобродилъ,—отвѣтилъ художникъ, и объяснилъ ему въ чемъ дѣло.

— Надо выручать,—забеспокоился инспекторъ.—Дождь идетъ?

— Да идетъ.

— И вѣтеръ есть?

— Есть.

— Проклятый городъ! И не могъ Петръ выстроить столицу въ Одессѣ или Крыму!

— Кажется, тогда еще не былъ этотъ край завоеванъ,—припомнилъ Бухольцевъ.

— Такъ завоевалъ бы...Мундиръ надѣтъ, что ли, для устрашенія, съ орденами? Только бѣлыхъ панталонъ жалко. Нѣтъ, мундирный фракъ надѣну и кресты нацѣплю.

Черезъ пять минутъ онъ былъ готовъ. Это былъ бравый мужчина двѣнадцати вершковъ. Сонливость его пропала, и онъ рѣшилъ вступить въ отправленіе своей должности. Онъ влѣзъ въ резиновыя галоши, взялъ старый зонтикъ, надѣлъ драповое пальто, поднялъ воротникъ и сказалъ:

— Ъхать, чортъ бы побралъ этого Самохотова, такъ ѣхать. Вотъ гдѣ онъ у меня сидитъ.

Но онъ не сказалъ гдѣ. Всего вѣроятнѣе, онъ подразумѣвалъ свою собственную шею.

Извозчикъ дождался обратныхъ сѣдоковъ. Они сѣли въ пролетку и раскрыли зонтикъ (тогда съ верхомъ дрожекъ не было). Инспекторъ вдругъ замѣтилъ:

— Послушайте же, Бухольцевъ, что же это такое, вы въ академію не ходите, а ночью по трактирамъ шатаетесь.

— Я этюды весь сентябрь писалъ.

Инспекторъ помолчалъ и потомъ буркнулъ:

— Ну, то-то!

XIV.

Положеніе въ «Сѣверномъ оленѣ» не измѣнилось. Только явился на подмогу самъ приставъ. Онъ рѣшилъ не медля приступить къ составленію протокола, такъ какъ осажденные отъ капитуляціи отказались наотрѣзъ. Въ эту рѣшительную минуту прибылъ Бухольцевъ со своимъ начальствомъ.

Приставъ обрадовался инспектору.

— Къ чему протоколы!—сказалъ инспекторъ.—Доложите отъ себя по начальству, а мы отъ себя его извѣстимъ. Я сейчасъ это покончу.

Онъ велѣлъ отворить дверь и поднялся на хоры.

— Самохотовъ, иди сюда!—заговорилъ онъ.

— Не пойду,—отвѣтилъ тотъ.

— Если я тебя зову, такъ иди. Вылѣзай, вылѣзай.

Тотъ поколебался, но раздвинулъ баррикаду и приблизился къ инспектору. Внизу скопилась куча зрителей въ ожиданіи, чѣмъ кончится вся исторія. Но, къ ихъ разочарованію, инспекторъ сталъ говорить такъ тихо, что снизу ничего не было слышно.

— Слушай, Самохотовъ,—говорилъ онъ, взявъ его за борты куртука,—я съ тобой говорю не какъ начальникъ, а какъ отецъ. Сію минуту повинись передъ всѣми, покайся передъ полиціей. Все, что можно сдѣлать, я сдѣлаю. Завтра переговорю съ конференцъ-секретаремъ, тотъ доложитъ великому князю. Но только сію минуту раскайся.

— Павелъ Алексѣевичъ, невозможно.

— Врешь, братецъ, даже очень возможно. Вѣдь иначе тебя завтра же вышлютъ отсюда, Что ты тогда будешь дѣлать? Что твоя золотая медаль? Нечего, иди, иди!

Самохотовъ грустно вздохнулъ, точно ему приходилось расставаться съ родиной. Онъ подошелъ къ балюстрадамъ.

— Я... я извиняюсь,—заговорилъ онъ.—Какъ Орфей укрощалъ лирой животныхъ, такъ меня укротилъ этотъ святой человѣкъ.

Онъ вдругъ заплакалъ. Казалось изъ его глазъ текли не слезы, а пиво. Илья Муромецъ тоже въ недоумѣніи вылѣзъ изъ засады.

— Тогда и я,—растерянно пробормоталъ онъ.

Всѣ спустились внизъ. Но приставъ отказался отпустить буяновъ.

— Не могу-съ, Павелъ Алексѣевичъ, видитъ Богъ, не могу. Тамъ если завтра ихъ высочество прикажутъ нашему начальству—другое дѣло, а я не могу.

— Да вѣдь онъ безъ меня у васъ еще хуже наскандалитъ.

— Это ужъ его дѣло.

— Да я на поруки его беру, понимаете? Я беру его къ себѣ на квартиру.

Наконецъ приставъ смягчился. Онъ «пошелъ на рискъ»—и отдалъ художника начальству.

— А ужъ вы потрудитесь прослѣдовать въ участокъ,—сказалъ онъ Подгурецкому.

Илья Муромецъ слезливо заморгалъ.

— Позвольте, что же мнѣ одному? Вѣдь мы вмѣстѣ были?

— Ежели Павелъ Алексѣевичъ возьметъ васъ на поруки...

Но Павелъ Алексѣевичъ заявилъ, что онъ въ первый разъ въ жизни видитъ этого дѣтину и ручаться за него не можетъ.

— Я... беру его на поруки,—лепеталъ Самохотовъ.

Но это поручительство было отклонено.

Въ прихожей ресторана, гдѣ столкнулись посѣтителы, инспекторъ наткнулся на что-то мохнатое, копошившееся подъ его ногами.

— Что это?—крикнулъ онъ и наклонился.—Да это человѣкъ!

Передъ нимъ на четверенькахъ, въ вывороченной шубѣ, стоялъ академистъ, лаявшій на околоточнаго.

— Кипарисовъ! Да вы пьяны какъ стелька! Какъ вамъ не стыдно,—сказалъ инспекторъ:—зачѣмъ вы на четверенькахъ?

— По предписанію полиціи... Да и васъ стыдно... Думалъ, что вы не замѣтите...

— Ну, компания,—проговорилъ Павелъ Алексѣевичъ.—Идемъ, Самохотовъ, пора!

У дверей они столкнулись съ сахарозаводчикомъ, который отвелъ свою даму и снова вернулся въ «Олень».

— Рафинадчикъ!—вдругъ во все горло крикнулъ Самохотовъ.— А куда же ты дѣвалъ свою шлюху?

Инспекторъ схватилъ его за рукавъ и силой вытащилъ на улицу.

«Рафинадчикъ» остался съ открытымъ ртомъ. Бухальцевъ скользнулъ мимо него и вышелъ на улицу.

Немногихъ извозчиковъ сразу расхватили. Дождь попрежнему барабанилъ по крышамъ и зонтикамъ. Онъ поднялъ воротникъ пальто и пошелъ къ Аларчину мосту. Событія этой ночи на время заволкли образъ Маруси, но теперь онъ опять сталъ всплывать передъ нимъ. Безотчетная ревность, щемящая грусть, болѣзненно острое чувство любви къ зеленоглазой дѣвушкѣ наполняли его грудь. «Надо договориться, надо же договориться до чего-нибудь!»—повторялъ онъ. «Въ послѣднее время съ ней произошла перемѣна: какой-то новый свѣтъ въ глазахъ, какая-то неровность обращенія, скачки въ мысляхъ... Нѣтъ, надо притти къ какому-нибудь заключенію. Надо завтра же такъ или иначе... Съ такимъ камнемъ на шеѣ жить нельзя...»

Путаясь по безлюднымъ улицамъ, онъ дошелъ наконецъ до квартиры Благоуханскаго. Долго поднимался онъ по незнакомой лѣстницѣ, зажигая поминутно спички. Онъ забылъ—второй то былъ этажъ или третій,—какъ будто второй. Какъ онъ ни тянулъ кверху спичку, никакъ нельзя было разобрать номера квартиры. Наконецъ онъ рѣшился позвонить. Позвонилъ разъ, другой, третій. Послышался топотъ ногъ, хотя и лишенныхъ сапогъ, но принадлежащихъ несомнѣнно Буцефалу. Тутъ только, на окликъ: «кто тамъ?», онъ вспомнилъ про пароль.

«Морковь, свекла, рѣпа, норма»? соображалъ онъ и крикнулъ:

— Я тотъ, что вечеромъ заходилъ: товарищъ Кондрата Иваныча.

— Не велѣно пуцать!—раздался сонный голосъ.

— Какъ не велѣно? Хозяйка разрѣшила.

— Ничего не знаю.

— Такъ спроси ее.

— Она спитъ.

— Спроси...

— И спрашивать нечего.

— Ну такъ разбуди Кондрата

— Онъ заругается.

— Это вы, что ли?—раздалась пѣвучая трель хозяйки.

— Конечно я,—обрадовался онъ.—Клеопатра Харитоновна, прикажите же меня впустить. Я забылъ, какой плодъ слѣдуетъ помануть, но надѣюсь вы меня признаете.

— Охъ, боюсь я, право,—послышалось за дверью.—Ну, да такъ и быть. Только, пожалуйста, спичекъ не зажигайте, когда войдете, потому что мы въ совершенныхъ дезабильяхъ.

Болтъ щелкнулъ и упалъ. Цѣпочка тоже звякнула. Онъ вошелъ въ комнату, гдѣ пахло съ утра жаренымъ кофе.

— Ну, вотъ, благодарю васъ,—заговорилъ онъ.—А куда же идти теперь?

— А теперь прямо по коридору.

— Да я не вижу, гдѣ это прямо.

— Господи, неприятности какія.

— Да вы подите къ себѣ, а я зажгу спичку.

— Нѣтъ, я ужъ лучше васъ проведу.

Она осторожно взяла его за рукавъ мокрого палъго и осторожно направила въ коридоръ. Онъ шелъ, тихо нащупывая рукой стѣну и помня, что налѣво должна быть дверь къ Кондрату. Черезъ нѣсколько шаговъ онъ нащупалъ ее и радостно ступилъ черезъ порогъ, но Клеопатра Харитоновна потянула тотчасъ его назадъ.

— Что вы, что вы—защипѣла она,—это мой аппартаментъ. Ихъ дверь дальше. Идите ужъ сами.

Онъ пожелалъ ей доброй ночи, но она была не въ духѣ и ничего не отвѣтила. Онъ слышалъ, какъ щелкнула задвижка за ея дверью, и зажечь спичку. Теперь онъ пошелъ смѣло. Дверь Кондрата была полуотворена. На стулѣ у дивана стояла свѣча, которую гость и засвѣтилъ. Хозяинъ лежалъ на фортепяно, въ довольно комфортабельной позѣ, прикрытый краснымъ ватнымъ одѣяломъ. На диванѣ лежали подушки въ чистой наволочкѣ и былъ брошень пледъ. Возлѣ свѣчки бѣлѣлась записка.

«Коли хочешь есть,—въ печкѣ, гдѣ вьюшки, ливерная колбаса и сайка».

Но онъ ѣсть не хотѣлъ. Разостлавъ на диванѣ мокрое пальто подкладкой кверху, онъ полураздѣлся, натянулъ на себя пледъ и, прислушиваясь къ писку и царапанью мыши, гдѣ-то въ углу справа, векорѣ заснулъ, утомленный впечатлѣніями дня.

XV.

Утромъ онъ проснулся отъ грохота. Кондратъ спалъ спокойно, но уже открывъ глаза и придя въ себя, почему-то свалился съ роля, увлекая за собой и тюфякъ. Было девять часовъ и солнце смотрѣло въ окна, лишенные портьеръ.

— Ты спи, коли хочешь,—сказалъ Кондратъ.—Ты поздно пришелъ.

— Нѣтъ, что ужъ тутъ спать,—отвѣтилъ гость.—Диванъ этотъ, дѣйствительно, я тебя скажу... Ноевъ ковчегъ помнить.

— Хорошій сонъ я видѣлъ сейчасъ,—заговорилъ улыбаясь Кондрать, —вижу, будто проѣхалъ я въ Бочаги, къ себѣ, въ Полтавской губерніи. Тамъ батька у меня. Вхожу и вижу: мать жарить колбасу въ салѣ. И такая, братецъ мой, колбаса. Шкворчить и подпырываетъ на сковородѣ. Мать ее вилкой тыкаетъ, а изъ нея такъ масло, понимаешь, и течетъ, и течетъ. А подъ окномъ гусь гогочетъ. А мать говоритъ: «и вареники сегодня въ сметанѣ будутъ». Понимаешь, какое у меня чувство подъ ложечкой? И вотъ проснулся, и такъ мнѣ моркотно стало, такъ, понимаешь, я этотъ Петербургъ вашъ возненавидѣлъ, и такъ колбасы захотѣлъ.

Чтобы помыться, надо было итти въ кухню, тамъ висѣлъ мѣдный рукомойникъ и стояла глиняная чашка. Мыло и полотенце жильцы приносили съ собой. Буцефаломъ не стѣснялись, да и она смотрѣла на мужчинъ съ такимъ же равнодушіемъ, какъ на сидѣвшихъ по стѣнамъ таракановъ. У плиты кипѣло два самовара; на столѣ стояла корзинка съ горячими розанами и плюшками. Хозяйка ушла на рынокъ и еще не возвращалась. Пока мылся Кондрать, Бухальцевъ подошелъ къ окну и сталъ смотрѣть на грязный дворъ, гдѣ дворникъ въ большихъ рукавицахъ колотъ дрова. Изъ-за забора виднѣлся сосѣдній красный домъ съ надписью «Пухъ и перья братьевъ Жилкиныхъ». Напротивъ оконъ тянулся флигель, въ которомъ, должно быть, и были тѣ меблированныя комнаты, о которыхъ вчера поминала хозяйка. Но все было такъ грязно, запущено, замазано, что онъ рѣшилъ даже не смотрѣть комнаты. Онъ вспомнилъ, что вчера въ «Сѣверномъ оленѣ», въ передней, висѣла большая картина, доставшаяся хозяину, вѣроятно, въ уплату долговъ отъ заѣвшагося художника, съ изображеніемъ Неаполитанскаго залива, пинній и далекаго Везувія.

— Въ Италіи лучше, чѣмъ здѣсь,—вслухъ сказалъ онъ.

Кондрать, вытиравшій полотенцемъ шею, посмотрѣлъ на него.

— Да и въ Полтавской губерніи лучше.

За чаемъ у Бухальцева все вертѣлась вчерашняя, назойливая какъ муха, мысль. Наконецъ, онъ не выдержалъ.

— Скажи, Кондрать,—началъ онъ.—Ты вѣришь въ свое дѣло?

— Въ какое?—спросилъ Кондрать,—намазывая розанъ чухонскимъ масломъ, а сверху кладя кусокъ ливерной колбасы.

— Одно у тебя дѣло: музыка.

— Какъ же не вѣрить? Вѣдь вотъ оно—фортепяно. А вотъ онѣ—руки. Уши тоже на мѣстѣ.

— Ну, и что жъ дальше?

— Сяду и заиграю.

— А когда кончишь?

— Опять заиграю.

— А потомъ?

— Потомъ пойду въ консерваторію, и опять буду играть. А когда покончу съ контрапунктомъ, напишу оперу.

— Ну, и что-же?

— Поставлю на сценѣ. Самъ буду дирижировать. За границу поѣду.

— А если тебя за оперу закидаютъ гнилыми огурцами?

Онъ широко раскрылъ глаза.

— За что? Я хорошую напишу. Я ужъ игралъ отрывки профессорамъ. Очень одобряютъ.

— А я вотъ всегда удивляюсь, какъ это дѣловые люди приходятъ на цѣлый вечеръ въ театръ и слушаютъ рядъ звуковыхъ волнъ, отъ которыхъ порядочная собака взвоеетъ.

— Это, душа моя, отъ того, что у тебя слуха нѣтъ. Если бы у тебя были уши не ослиныя, ты бы не спрашивалъ. Вотъ слушай.

Онъ зачихнулъ въ ротъ огромный кусокъ колбасы и подбѣжалъ къ фортепяно. Мощно и смѣло грянулъ онъ по клавишамъ. Все застонало и задрезбуждало.

— Пощади!—завопилъ художникъ, повалившись на диванъ и затыкая уши.

Но Конрадъ ничего не слышалъ, онъ съ отчаяннымъ бѣшенствомъ бралъ аккорды. Брови его были сдвинуты, глаза метали молніи, если бы не жевавшій ротъ, его можно было бы сравнить съ Зевсомъ-Громовержцемъ.

— Развѣ не ясно?—спрашивалъ онъ въ полъ-оборота пріятеля.— Развѣ ты не слышишь, какъ вѣтеръ воетъ въ снастяхъ, какъ кричать матросы?.. Слышишь шумъ волнъ о прибрежныя скалы?.. А вотъ внезапно... Слушай... Мелодичные мотивы... Среди бури... Это зацѣлъ Аріэль—свѣтлый духъ... Вотъ опять порывъ вѣтра... Вотъ тише, тише... Вотъ вступаетъ басъ Просперо—великій магъ. Чувствуешь—какая увѣренность, какая сила... А тутъ же рядомъ—Миранда. Слышишь, какъ звучитъ ея голосъ? Это серебряный колокольчикъ, лѣсной ручей, запахъ ландыша. . Что-то радужное, какъ въ мыльномъ пузырьѣ... Та-ра-ра-ра, та-ра-та-ра-ра!...

Родитель мой! Зачѣмъ воздвигъ ты бурю...

зацѣлъ онъ, и сразу оборвалъ и пѣніе, и музыку.—Еще учиться, учиться, учиться!—говорилъ онъ.—Учиться день, ночь, не спать, не ѣсть, ходить въ лохмотьяхъ, ни о чемъ больше не думать. Ничѣмъ никогда не быть довольнымъ, то есть я про свою работу говорю, и все птти вперед и впередъ.

Бухальцевъ внимательно смотрѣлъ на него. Ему нравился его горящій взглядъ, бѣлый лобъ, огнистые глаза.

— А въ свою консерваторію ты вѣришь?—спросилъ онъ.

Тотъ на минуту запнулся.

— Что жъ, она должна развить технику, — сказалъ онъ. — Она должна удростить и укоротить мою дорогу къ намѣченной цѣли. Въ прошломъ году два раза былъ у насъ Антонъ Григорьевичъ... Онъ ничего намъ не говорилъ, а только сыгралъ три вещи... Боже ты мой, Боже!

Кондрать вскочилъ съ мѣста.

— Горизонты открылись новые, понимаешь, — горизонты. Широкиѣ какъ океанъ... Вотъ техника, вотъ блескъ, вотъ сила, вотъ искусство!.. Какая къ чорту природа сравнится съ этимъ. Развѣ въ природѣ есть такое сочетаніе звуковъ? Развѣ это соловей, что весь вѣкъ поетъ одно и тоже? Развѣ это шумъ моря? Толпы?.. Ни гроша мѣднаго не стоитъ твоя природа, ни гроша!

«Или онъ очень глупъ, или очень талантливъ, подумалъ Бухальцевъ. — А можетъ быть и то и другое».

— Если бъ я оглохъ, я бы повѣсилъся, — закончилъ Кондрать, и опять сѣлъ къ роялю.

Одною я пищей съ пчелами питаюсь (запѣлъ онъ снова),
Я въ бужвицѣ бѣлой люблю отдыхать...

— Ты понимаешь? Это у меня поетъ Аріель.

Я въ чашечкѣ дивной свернувшись качаюсь
Въ тотъ часъ, когда совы начнутъ завывать...

Голосъ у него былъ небольшой, но чистый и пріятный. Музыка его была мелодична, но, какъ у всѣхъ молодыхъ авторовъ, что-то напоминала...

— Итальянисто очень! — сказалъ онъ самъ, и задумался...

Оба помолчали.

— А, что будетъ, то будетъ, а будетъ, что Богъ дастъ, а Богъ дастъ, что будетъ! — закончилъ онъ и вдругъ запѣлъ аккомпанируя себѣ:

«Онъ взглянулъ, она взглянула
И влюбились оба,
Обвѣнчались да и дрались
Цѣлый вѣкъ до гроба...»

XVI.

Когда Кондрать ушелъ въ консерваторію, Бухальцевъ сѣлъ въ уголъ дивана. Его бѣсило лучезарность и жизнерадостность Кондрата. Иногда ему казалось, что онъ напускаетъ на себя, притворяется, хочетъ показаться счастливымъ, не такъ же несчастенъ, какъ и они всѣ, — искатели, ищущіе и не находящіе. Онъ вретъ, что нашелъ, разрѣшилъ свою задачу. Никто изъ нихъ ни на что не способенъ, и все это вздоръ, вздоръ и чепуха. Это такой же вздоръ, какъ вчерашній скандалъ въ ресторанѣ, ни на что никому не нужный, тяжелый кошмаръ.

Солнце и свѣтъ его успокоили на улицѣ. Онъ не торопясь шелъ, поглядывая по привычкѣ по сторонамъ и подбирая краски и тона для неба, воды и улицъ. Онъ шелъ къ Марусѣ. У нихъ было условіе, что послѣ двѣнадцати дня онъ всегда можетъ безъ зова приходиться къ ней и если нѣтъ никого дома, то ждать въ ея комнатѣ. По дорогѣ онъ вспомнилъ о той квартирѣ, что рекомендовалъ ему Кондрать. Онъ повернулъ къ Невѣ; тамъ, неподалеку отъ Николаевского моста, онъ разыскалъ по адресу номеръ дома. Квартира состояла изъ одной комнаты въ третьемъ этажѣ, большой, съ полукруглымъ окномъ, доходящимъ до полу. Изъ комнаты можно было сдѣлать хорошую мастерскую и почевать тамъ, но нельзя было ни держать стола, ни прислуги. Впрочемъ, послѣднее обстоятельство его мало заботило. Ему нравилась широкая лента голубой Невы и бѣгушіе по ней пароходы, и обширный кругозоръ неба, блѣдно-зеленаго, осенняго, съ пушистыми облачками. Онъ сказалъ, что возьметъ эту комнату и далъ задатокъ, рѣшивъ сегодня же сюда переѣхать.

Онъ пошелъ по Невѣ, повернувъ направо къ Исаакію. Тамъ благовѣстили къ концу обѣдни. Онъ почему-то зашелъ въ темный соборъ, показавшійся ему сегодня особенно милымъ. Посмотрѣлъ онъ на фрески Брюллова, на прозрачнаго голубя, парящаго надъ соборомъ, и на солидную живопись почтенныхъ профессоровъ, дряхлѣющихъ въ совѣтѣ академіи или только что умершихъ. Потомъ онъ опять вышелъ на площадь и черезъ Малую Морскую пошелъ къ Невскому. У него была потребность движенія, моціона. Онъ любилъ сейчасъ все: и эту холодную, пышную столицу, и встрѣчныхъ прохожихъ, и извозчиковъ, и омнибусы, и воробьевъ, и голубей, и собакъ. Онъ съ удовольствіемъ думалъ, какъ черезъ полчаса увидитъ Марусю. Матери ея теперь навѣрно нѣтъ дома, и они часа три проведутъ вмѣстѣ, а потомъ онъ поѣдетъ въ Новую деревню за вещами.

И старая лѣстница была особенно мила, и горничная, выглянувшая на стукъ двери, и темный коридоръ съ лампой,—все такъ было хорошо и такъ радовало его.

За дверями онъ услышалъ голоса. Онъ на минуту остановился. Это хохоталъ «крестный» Базикъ-Сомальскій. Онъ стукнулъ. Маруся отрыла дверь и громко сказала:

— А—женихъ пришелъ!

Генералъ сдѣлалъ гримасу, не вставъ съ дивана. Это былъ плотный шестидесятилѣтній человѣкъ, въ черномъ парикѣ, какихъ теперь совсѣмъ не носятъ, гладко причесанный сверху и съ височками по бокамъ. Онъ точно былъ вымазанъ масломъ и приглаженъ волосокъ къ волоску. Усы и брови были неестественно чернаго цвѣта, а на солнце слегка спадали въ зеленоватость. Это не мѣшало ему быть достаточно жизнерадостнымъ и тактичнымъ. Онъ шелкнулъ шпорами, улыбнулся, подалъ студенту руку и сказалъ:

- Счастливый соперникъ.
- Почему счастливый и почему соперникъ?—спросилъ Бухальцевъ.
- Вамъ отданъ преференсъ. Молодости предпочтенеіе.
- Ну, садитесь всѣ,—предложила Маруся и сама сѣла.
- Всѣ сѣли.
- Но я,—продолжалъ Базикъ,—я бы на мѣстѣ Марусечки предпочелъ меня.

Она сморщилась.

- Папочка, вы стары для меня. Да и чего добраго, ревнивы?
- Совершенно вѣрно. Ревнивь и старь. Но развѣ это недостатки? Каждая женщина можетъ водить за носъ любого ревнивца. Устройтесь такъ, чтобъ я никогда ничего не подозрѣвалъ, хотя я... я предупреждаю васъ... Я какъ Аргусъ. у меня сто глазъ и сто ушей...

— Развѣ у Аргуса было сто ушей?—спросилъ Бухальцевъ.

— Можетъ быть, не было. Можетъ быть, и Аргуса не было. Не въ этомъ дѣло. А по второму пункту: старость тоже не порокъ. Мнѣ осталось жить пятнадцать-двадцать лѣтъ maximum. Вы, вашей любовью ко мнѣ, въ значительной мѣрѣ ускорите конецъ. Подумайте, какое блистательное будущее: въ тридцать лѣтъ—богатая независимая женщина.

— Дивная перспектива!—подтвердила она.

— Къ этому времени *monsieur* Бухальцевъ будетъ знаменитостью, профессоромъ академіи—пара будетъ чудная.

— Насъ и теперь хорошая пара,—дразнила она.

— Нѣтъ,—упрямо сказалъ онъ.—Да я и не думаю, что вы повѣнчаетесь.

— Если вы пойдете въ посаженные!

— Еще скажите въ шафера или мальчикомъ съ образомъ? Нѣтъ, сударыня моя, выходить замужъ можно только за стариковъ.

— А молодыхъ держать, какъ любовниковъ?

— Пожалуй. Но, повторяю, чтобъ комаръ носа не подточилъ.

— Миленькіе нравственные устои. Папашенька крестный, какой вы развратный старичишка.

Онъ захохоталъ.

— Всѣ развратны. Въ мои годы всѣ развратны. Но въ мои годы люди умнѣе, уравновѣшеннѣе.

— А зачѣмъ я вамъ нужна? Это какое же равновѣсіе?

— Это не равновѣсіе. Это любовь къ хорошимъ вещамъ. Вы видѣли, какія у меня на квартирѣ японскія и китайскія вазы? Я коллекціонирую.

— Благодарю васъ, вы меня къ японскимъ горшкамъ приравниваете.

— Я ни къ чему васъ не приравниваю, а просто люблю васъ. Знаете, что такое любовь. Желаніе владѣть предметомъ любви, имѣть его всегда возлѣ себя.

— Ну, я думаю, относительно меня это вамъ не удастся.

— Непрактичная дѣвушка.

— Практичный мужчина.

— Вы, конечно, съ ней согласны?—спросилъ Базикъ у художника.

— Во всякомъ случаѣ, я не согласенъ съ вами, и практичность ваша для меня не имѣетъ цѣны,—отвѣтилъ Бухальцевъ.

— Молодежь теперь не та, что прежде,—продолжалъ генераль.—Какая-то беспомощность, вялость. Точно англійской соли приняли и дожидаются дѣйствія. А между тѣмъ осуждаютъ насъ. Сознаться, развѣ вы уважаете профессоровъ.

— Мало,—сознался Бухальцевъ.

— Вотъ то-то и есть. И у насъ тоже. Говоришь съ прапорщикомъ, онъ подъ козырекъ держать, на лицѣ сдержанность проявляетъ, а въ душѣ, ясно видишь, что онъ думаетъ: «а и глупъ же ты».

— Какой вы сердецѣдец!—воскликнула Маруся.

— Ну, вотъ она тоже,—показалъ на Марусю рукой «крестный»,—развѣ она чувствуетъ ко мнѣ хоть на волосъ уваженіе? Чѣмъ она интересуется по отношенію меня? Спрашиваетъ, чѣмъ я парикъ спрыскиваю. Я развѣ скрываю, что ношу парикъ? Ну, что же тутъ такого? И совсѣмъ не изъ-за красоты, а просто не могу ходить съ босой головой, потому что холодно зимою, а лѣтомъ мухи щекочуть.

Маруся захохотала.

— Тоже женихъ!—сказала она.—Мухъ боится.

— Какой же я женихъ, если вы мое предложеніе отвергли!—загорячился онъ, и трудно было сказать, сердится ли онъ или слегка на себя напускаетъ полукомическій гнѣвъ.—Или вотъ тоже ваша мамаша. Она старая моя пріятельница...

— Кажется, ваша любовь въ прошломъ?—спросила Маруся.—Не притворяйтесь, что не понимаете. Развѣ мама не была съ вами въ связи? Пожалуйста, не дѣлайте большихъ глазъ. Боже мой, какой развратъ! Что смѣетъ дочь говорить о матери! Какое паденіе молодежи! А то, что мамаша съ вами жила, это, конечно, не развратъ!

— Очень хорошо, очень хорошо!—пробормоталъ старикъ.—Насчетъ вашей мамаша я ничего не скажу, кромѣ того, что она возмущаетъ меня до самага мозга костей бѣганьемъ по конспиративнымъ квартирамъ. Зачѣмъ это ей? Дѣло. Не женщины заниматься революціей. Какая Шарлотта Кордэ, скажите пожалуйста! И революціонеры наши измельчали. Возьмите прежнихъ, хоть декабристовъ. Графы, князья, генералы, родовитая аристократія. А теперь

какіе-то крестьяне Θεодосійскаго уѣзда, какіе-то мѣщане города Рѣжицы, чортъ знаетъ что.

— Кто же виновать, что генералы болѣе не занимаются революціей?—спросила Маруся.

— Да и революція-то какая? Какіе-то подкопы, бомбы. Не одобряю. А мамаша ваша меня совсѣмъ возмутила прошлый разъ. Кто ее обозлилъ, чѣмъ обозлилъ—не знаю, но въ ней играетъ какой-то чортъ, и она прямо лѣзетъ на рожонъ. Я предупреждаю ее, если что случится, я палець о палець не ударю. У меня есть знакомство у Цѣпного моста, и ближайшее,—мой двоюродный братъ управляетъ отдѣленіемъ... Но вотъ, ей-Богу...

Генераль посмотрѣлъ на образъ и перекрестился.

— Вотъ. ей-Богу, ничего не сдѣлаю, чтобы спасти ее. Она вдругъ мнѣ говоритъ: «довольно безкровнаго сопротивленія!»

Онъ даже вскочилъ.

— Каково-съ? Довольно безкровнаго сопротивленія? Понимаете, что это значить? Да если бы не мой двоюродный братъ, я бы ходить сюда боялся.

XVII.

Бухальцевъ всталъ.

— Мнѣ надо перевозиться сегодня въ городъ,—сказаль онъ:—да, кажется, я помѣшалъ вашей бесѣдѣ: когда я пришелъ, вы весело хохотали, а теперь разговоръ сталъ непріятнымъ.

Генераль посмотрѣлъ на него одобрительно.

— Да, безъ васъ мнѣ было веселѣе,—откровенно сказаль онъ.

— А мнѣ скучнѣе,—созналась Маруся, и желая подразнить генерала, перешла на ты.—Когда же ты придешь?

— Должно быть завтра,—сказаль онъ, цѣлуя ея руку.

Она проводила его за дверь въ коридоръ и тамъ поцѣловала.

— Какой ты глупышъ,—сказала она.—Чего ты бѣжишь? Онъ бы посидѣлъ, и черезъ часъ ушелъ. Приходи обѣдать.

— Нѣтъ, сегодня мнѣ некогда: хочу переѣхать,—сказаль онъ.

Она недовольно отвернулась отъ него и сказала:

— Ну, дѣлай, какъ хочешь.

Все настроеніе Бухальцева пропало. Онъ чувствовалъ, что день испорченъ. Сѣвъ въ конку, онъ поѣхаль къ себѣ на дачу. Дворникъ былъ пьянѣе обыкновеннаго, но взялся нанять подводу, сложить вещи и отправить ихъ въ городъ. Бухальцеву хотѣлось съ кѣмъ-нибудь говорить, кому-нибудь жаловаться, слышать человѣческой голосъ. Онъ пошелъ къ дачѣ, гдѣ жилъ Чухчурьянъ, и вызваль его къ себѣ.

— Ты свободенъ?—спросилъ онъ.—Пойдемъ завтракать и гулять. Или не завтракать, а обѣдать.

Они пошли въ какой-то трактирчикъ на берегу Невки. Тамъ Бухальцевъ разсказалъ ему вчерашній эпизодъ въ «Сѣверномъ оленѣ»:

— Я тебѣ говорю, этотъ Самохотовъ буйный дьяволь, — сказалъ кавказецъ. — Я сегодня во снѣ видѣлъ, что онъ идетъ, а головы у него нѣтъ. Да тутъ и нечему удивляться — у него ея никогда не было.

Потомъ они поѣхали въ лодкѣ, тамъ гдѣ ѣздили все лѣто. Лодка быстро скользила по теченію. Чухчурьянъ съ силой опу- скалъ весла въ воду и она золотыми искрами дробилась на солщѣ.

— Вчера была какая гадость, а сегодня какъ хорошо, — ска- залъ онъ, и потомъ добавилъ, глядя на лицо товарища: — да почему на тебя такъ повліяла эта исторія? Черти ихъ дери: пусть всѣ пере- дохнутъ.

— Нѣтъ, дѣло не въ исторіи, — сквозь зубы сказалъ онъ.

— Ну, такъ опять эта дѣвчонка. Брось ты ее, сдѣлай милость. Скажите, какую цацу нашель! Одно ужъ слово — актриса.

Бухальцевъ вдругъ сталъ разсказывать про крестнаго гене- рала. Невольно ревность сквозила между словъ, какъ онъ ни ста- рался ее скрыть. Когда онъ кончилъ, Чухчурьянъ даже весла бро- силъ.

— Такъ тѣмъ больше! — воскликнулъ онъ. — И пусть она съ этимъ генераломъ дѣлаетъ, что хочетъ. Обязанности, что-ли, у тебя къ ней есть какія? Да ты и предложенія-то ей не дѣлалъ. Я тебѣ повторяю: молодой человѣкъ, да еще когда учится, долженъ быть свободенъ, иначе все его ученіе копейки не стоитъ. Плюнь ты на нее пожалуйста, очень я прошу. А вотъ я по твоему лицу вижу, что ты не хочешь плюнуть. Эхъ, молодежь, молодежь!

Они долго бродили по Елагинскому парку; проходящихъ было мало, всѣ дачники уже разѣхались. Было нѣсколько влюблен- ныхъ паръ, издали сворачивавшихъ въ сторону, чтобы не встрѣ- чаться съ посторонними.

«Пріѣхать развѣ съ ней сюда какъ-нибудь погулять» подумалъ онъ. «Или пускай ѣдетъ со своимъ генераломъ».

Чухчурьянъ проводилъ его до дачи. Вещи уже увезли. Дѣвор- никъ подаль Бухальцеву записку:

— Опять былъ этотъ усатый, — сказалъ онъ.

Записка была отъ Самохотова.

«Дражайшій другъ! писалъ онъ. Сегодня утромъ я получилъ вызовъ отъ сахарозаводчика. То есть, понятно, вызовъ на дуэль. Завтра въ десять утра ко мнѣ явятся секунданты. Я никогда не продѣлывалъ этихъ собачьихъ комедій, и не знаю, почему обязанъ принять вызовъ. Но я его приму, потому что не вижу и того, по- чему его не принять...»

— Вотъ, анаѳема, какъ пишеть,—сказаль Чухчурьянъ.

«Въ секунданты,—значилось дальше въ письмѣ, я выбираю тебя, и этого носатаго кавказца—Чевчулидзе, Почечули или что-то въ этомъ родѣ. Онъ премилый и видъ у него строгій. Не знаю его адреса; какъ узнаю, тотчасъ попрошу его. А тебя попрошу непременно завтра въ десять утра быть у меня».

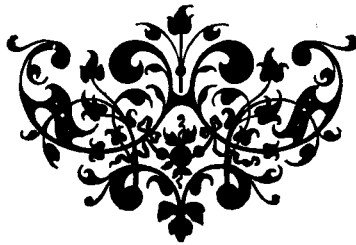
— Ловко!—сказаль восточный человекъ.—Достукались!

— Что жъ, ты будешь секундантомъ?—спросиль Бухальцевъ.

— Отчего жъ нѣтъ, пусть только онъ пригласить меня лично.

П. Гнѣдичъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ВОСПОМИНАНІЯ АКАДЕМИКА П. П. СОКОЛОВА ¹⁾.

XVII.

Въ Петербургѣ.—Князь Кочубей и его портретъ.—Въ Александровскомъ театрѣ; Мартыновъ.—Публичная бібліотека.—Межовъ.—Николаевскій мостъ.—На Невѣ.—Передъ Пасхою.—Свѣтлая заутреня.—Росси.—Профессора Уткинъ и Воробьевъ. Картина «Татьяна».—Михайль Николаевичъ Лонгиновъ меня выручаетъ.—Гулянье на островахъ.—Деккеръ-Шенкъ.—Отъѣздъ въ Москву.

ЩЕ НЕЗАДОЛГО до моего отъѣзда изъ Петербурга, когда я работалъ въ Мраморномъ дворцѣ, мнѣ доложили, что ливрейный лакей принесъ мнѣ пакетъ. Распечатываю его и читаю приглашеніе явиться къ князю Виктору Александровичу Кочубею, который проситъ меня написать съ него портретъ. Князь жилъ близко отъ Мраморнаго дворца, на нынѣ Суворовской площади, въ въ угловомъ домѣ, рядомъ съ дворцомъ принца Ольденбургскаго. Князя я засталъ дома въ его кабинетѣ, но онъ чувствовалъ себя не совсѣмъ здоровымъ и объявилъ мнѣ, что очень затрудняется назначить опредѣленные часы для сеансовъ. Портретъ предполагался масляный и во весь ростъ, такъ что князю пришлось бы довольно продолжительное время стоять на натурѣ.

— Я ужъ лучше буду за вами присылать по тѣмъ утрамъ, когда буду чувствовать себя лучше,—говорилъ князь:—вѣдь мы теперь такіе близкіе сосѣди.

¹⁾ Продолженіе. См. «Историч. Вѣстн.», т. СХХІІ, стр. 86.

Я, конечно, выразилъ свое полное согласіе, тѣмъ болѣе, что кромѣ матеріальной выгоды, имѣлъ еще передъ собою человѣка съ очень интересною наружностью и крайне симпатичнаго. Князь Викторъ Александровичъ Кочубей былъ человѣкъ въ полномъ смыслѣ слова представительный. Его высокій ростъ и гордая осанка придавали всей его фигурѣ что-то величественное. Немного сухощавый брюнетъ-красавецъ, съ блѣднымъ лицомъ и густыми волосами, онъ имѣлъ правильныя, аристократическія черты лица, которыя такъ и просились быть нанесенными на холстъ опытною рукою художника. Князь рассказывалъ мнѣ, что недавно возвратился изъ-за границы, гдѣ лечился, что курсъ на водахъ въ Эмсѣ ему очень мало помогъ и что онъ никогда бы не выбралъ такое для своей наружности невыгодное время, чтобы написать съ него портретъ, если бы не настоятельное желаніе того его жены-княгини. На слѣдующій день былъ мой первый сеансъ и, къ моему удовольствію, довольно продолжительный, такъ что мнѣ удалось хорошо проложить голову князя. Въ слѣдующій разъ онъ чувствовалъ себя прекрасно и много шутилъ. Онъ рассказывалъ мнѣ одинъ эпизодъ, прочитанный имъ въ мелкихъ рассказахъ Диккенса, какъ одинъ художникъ, писавшій портретъ съ англичанина, никакъ не могъ уловить полное сходство, только благодаря тому, что тотъ не могъ забыть, что сидитъ на натурѣ и держалъ себя такъ, какъ англичане называютъ «gaide». Вдругъ, увидя какой-то фотографическій видъ, англичанинъ вспомнилъ цѣлый эпизодъ изъ своей жизни, бывшій въ мѣстности, изображенной на фотографіи, и такъ воодушевился, что забылъ свое назначеніе натурщика, а художнику только этого и надо было и онъ уловилъ въ немъ то, чего недоставало ему для полного сходства портрета. Рассказывая мнѣ эпизодъ, переданный англичаниномъ, князь такъ оживился, что и мнѣ въ свою очередь удалось воспользоваться этимъ моментомъ и передать его на портретѣ. Главное въ портретѣ было сдѣлано, оставалось теперь уже немного; но такъ мнѣ и не удалось дописать тогда этотъ интересный портретъ. Князь нѣкоторое время болѣлъ, а затѣмъ я уѣхалъ въ Москву. Теперь, возвратившись въ Петербургъ, меня ожидалъ очень непріятный сюрпризъ. Во время моего отсутствія князь Викторъ Александровичъ Кочубей умеръ и работа моя должна была остаться неоконченною и я терялъ крупный и интересный заказъ. Да и самаго-то князя мнѣ было отъ души жаль. Это былъ рѣдкой души человѣкъ съ сильными связями и всегда готовый быть полезнымъ каждому въ минуту необходимости, а я всегда держался поговорки: «не имѣй ста рублей, а имѣй сто друзей»,—и дѣйствительно друзья меня не разъ и выручали. Я мысленно поставилъ крестъ надъ этой работой, но судьба, повидимому, рѣшила иначе. Случилось это гораздо позднѣе, когда я былъ уже женатымъ, но такъ какъ я началъ уже говорить о неоконченномъ портретѣ

князя, то ужъ кончу о немъ. Послѣ смерти князя, княгиня вскорѣ вышла замужъ за князя Бѣлосельскаго и жила тогда въ домѣ-дворцѣ на углу Невскаго проспекта и набережной Фонтанки у Аничковскаго моста (теперь дворецъ великаго князя Сергѣя Александровича). Въ одинъ прекрасный день служанка доложила мнѣ, что меня спрашиваетъ какой-то иностранецъ съ мальчикомъ. Я вышелъ и узналъ въ послѣднемъ сына покойнаго князя Кочубея съ его гувернеромъ. Мальчикъ передалъ мнѣ просьбу матери явиться къ ней для переговоровъ относительно продолженія начатаго и незаконченнаго портрета съ покойнаго князя.

— Всѣ говорятъ, и пашап, и другіе, кто только не видѣлъ портрета, писаннаго вами съ рара, что онъ поразительно похожъ и всѣ ранѣ писанные гораздо хуже, — говорилъ мальчикъ, — но пашап, продолжалъ мальчикъ, — просить васъ дописать его, не трогая головы.

Я, конечно, согласился и былъ отъ души радъ, что работа, надъ которою я поставилъ уже крестъ, вдругъ опять возобновилась и совершенно кстати. Мнѣ была предоставлена одна изъ комнатъ въ нижнемъ этажѣ дворца княгини, куда не разъ заходила и сама она посмотрѣть на мою работу. Когда я проложилъ фонъ и аксессуары всей картины, потребовалось усилить фигуру и даже лицо князя, хотя княгиня просила меня его не трогать. Не знаю, что я могъ въ немъ сдѣлать не въ добрый часъ, но сходство нѣсколько утратилось, за что княгиня сильно разсердилась на меня. Огорченный своей неудачею и сознавая, что исправленіе теперь всецѣло зависитъ отъ силы и помощи моей памяти, я не насилуялъ себя и ждалъ счастливой минуты, глубоко убѣжденный въ неизбежность самаго блестящаго успѣха. Въ комнату, въ которой я робаталъ, нерѣдко заходилъ и старый слуга, бывшій камердинеръ князя, очень привязанный къ покойному и не отходившій отъ него въ теченіе послѣднихъ лѣтъ. Обыкновенно, онъ останавливался въ нѣкоторомъ разстояніи позади меня и молча, побрякивая, простаивалъ по нѣсколько минутъ и затѣмъ тихо уходилъ. Но вотъ, наконецъ, настала для меня столь желанная минута, когда въ моей памяти вдругъ воскресли тѣ трудно уловимыя черты лица, которыя были мнѣ такъ нужны для сходства портрета, и въ одно такое благодѣтельное утро мнѣ удалось воспроизвести ихъ въ полной, прежней силѣ, какъ бы я схватилъ ихъ съ натуры. Въ это самое утро вошелъ въ комнату старикъ камердинеръ и уже не остался по обыкновенію безмолвнымъ.

— Вотъ теперь это князь Викторъ Александровичъ какъ живой! — воскликнулъ онъ, — позвольте, господинъ Соколовъ, мнѣ доложить ея сіятельству, чтобы онѣ пришли посмотрѣть.

Немного погодя, пришла княгиня, въ сопровожденіи генерала Схозанета, вошедшаго на своей деревяшкѣ, который прекрасно

зналъ князя, и оба они нашли сходство поразительнымъ. Тѣмъ и кончилась моя работа, а черезъ два дня я при очень любезной запискѣ получилъ отъ княгини 700 рублей, которые оставалось дополучить за этотъ портретъ.

Проходя мимо Доминика, я прочелъ театральную афишу, и увидя, что играетъ Мартыновъ, мною овладѣло такое желаніе быть въ театрѣ, что я рѣшилъ во что бы то ни стало быть на спектаклѣ—идти «Женихъ изъ долгового отдѣленія», «Что имѣемъ не хранимъ—потерявши плачемъ» и какой-то водевиль—не помню. Блаженное тогда было время, когда можно было еще имѣть билеты передъ самымъ началомъ спектакля. И вообще это не потому, чтобы пустовалъ театръ; напротивъ того, въ то время русскій театръ, преимущественно Александринскій, давалъ полные сборы и своими доходами покрывалъ дефицитъ дирекціи, получаемый отъ остальныхъ, а потому что не было этой спекуляціи билетами и этихъ ни для чего не нужныхъ абониментовъ. Такъ и въ этотъ вечеръ, театръ постепенно наполнился весь. Почему и какъ это удавалось, должно было озадачивать тѣхъ мудрецовъ, что привыкли задумываться надо всѣмъ тѣмъ, что въ сущности очень просто. Такъ, напримѣръ, останавливая плотиною теченіе воды, вы усиливаете напоръ ея, а дайте ей идти самой и теченіе ея будетъ правильно и спокойно. Или публика была тогда другая?—ужь не знаю.

Оркестръ, подъ управленіемъ Кажинскаго, исполнилъ увертюру изъ «Фра-Діаволо» и занавѣсъ поднялся. Въ первыхъ же явленіяхъ пьесы «Женихъ изъ долгового отдѣленія» явился Мартыновъ и встрѣченъ былъ, по обыкновенію, громомъ рукоплесканій. Гримомъ своимъ онъ изобразилъ полнѣйшій типъ Акакія Акакіевича; по крайней мѣрѣ, когда я читалъ эту повѣсть Гоголя, то иначе не представлялъ его себѣ. Мартыновъ заgrimировался развѣ только немного помоложе. Та же жалкая, запуганная физіономія, тотъ же потертый виць-мундиръ, тѣ же неторопливыя и робкія движенія и, въ то же время, во всей его особѣ было разлито нѣчто столь симпатичное, что, несмотря на его жалкую фигурку, чувствовалась къ нему симпатія и участіе къ его горькой долѣ игрока, случайно двинутаго на этотъ путь сложившимися обстоятельствами и волею болѣе сильной натуры третьяго лица, подчинившаго его своему вліянію. Мартыновъ заставилъ зрителей переживать вмѣстѣ съ этимъ несчастнымъ, запутавшимся человѣкомъ всѣ перипетіи двусмысленнаго положенія, въ которыя поставилъ его случай. Юморъ Мартынова въ исполненіи этой роли былъ такъ изященъ, правдивъ и выразителенъ, что авторъ этого, въ сущности ничтожнаго, фарса, долженъ былъ бы поцѣловать у него руку за тотъ успѣхъ, который имѣла эта пьеса, только благодаря неподражаемой игрѣ этого гениальнаго артиста. Получивъ въ задатокъ это чисто эстетическое наслажденіе, я готовился къ другому удовольствію отъ слѣдовав-

шей одноактной пьесы, написанной съ дарованіемъ и знаніемъ сцены. Кажинскій сыгралъ какой-то вальсъ и занавѣсъ поднялся. Тутъ мы увидѣли домашній бытъ двухъ застарѣлыхъ и бездѣтныхъ супруговъ старичковъ, которые отъ нечего дѣлать безпрестанно ссорятся и эти несогласія доходятъ до того, что почтенный супругъ забираетъ все свое имущество, состоящее изъ небольшого чемоданчика, клѣтки съ дроздомъ и зонтика, надѣваетъ свою старую шляпу, галоши и шинелишку и рѣшается съ миромъ удалиться, т. е. любовно разойтись со своей старой подругой, съ которой, такъ или иначе, прожилъ нѣсколько десятковъ лѣтъ. Тутъ происходитъ трогательная сцена, когда за возмутившимся супругомъ его строптивая старушка, уже струсившая, плетется съ виноватымъ видомъ и робко спрашиваетъ своего стараго друга, что неужели онъ такъ-таки и рѣшился ее бросить и куда онъ теперь пойдетъ? Тотъ сначала еще сердито отвѣчаетъ, что пойдетъ, куда глаза глядятъ, только бы уйти изъ этого домашняго ада. Но когда старушка, окончательно уже встревоженная такой его рѣшимостью, прерывающимся отъ слезъ и волненія голосомъ начинаетъ напоминать ему прошедшее изъ ихъ совмѣстной долгой жизни и «что будетъ теперь съ нимъ?», «кто ему подастъ утромъ кофе, халатикъ, и будетъ исполнять всѣ его привычки, кто ему все это будетъ дѣлать?» Онъ начинаетъ какъ будто смягчаться и вотъ, чтобы окончательно доканать старикашку, она вдругъ признаетъ себя виноватой и проситъ у него прощенія. Растроганный старикъ роняетъ клѣтку съ дроздомъ, зонтикъ и чемоданъ, и старики мирятся, плача другъ у друга въ объятіяхъ. Впечатлѣніе отъ этой сцены было настолько сильное, что весь театръ нѣкоторое время находился въ безмолвіи, лихорадочно внимая этимъ всхлипывающимъ старикамъ, и вдругъ разразился громомъ аплодисментовъ... Но надо было видѣть лицо этого старика, эту мимику, какъ происходили переходы отъ раздраженнаго гнѣвомъ сердечнаго волненія къ такимъ же сердечнымъ порывамъ.

«Вотъ вѣдь я говорилъ... вѣдь я говорилъ...» — повторялъ онъ слезливымъ голосомъ. Такъ вотъ и бросился бы обнимать и утѣшать этого милаго старичка. Сожалѣю о тѣхъ, кому не удалось видѣть игру этого гениальнаго комика-трагика и какъ мнѣ жалки казались актеры, которые впоследствии выступали въ этой роли; ничего у нихъ даже похожаго не выходило на то, что создавалъ Мартыновъ.

Я было хотѣлъ ухвать, не досмотрѣвъ водевиля, но прочитавши въ афишѣ, что въ немъ главную роль будетъ играть Максимовъ, остался и не раскаялся, потому что его умная, ловкая и красивая игра доставила мнѣ истинное удовольствіе, несмотря на сильное впечатлѣніе, оставленное двумя предыдущими пьесами, и на то, что амплу первыхъ любовниковъ, на которомъ былъ тогда Максимовъ, самое неблагоприятное.

Слухи о постановкѣ на сценѣ Большого театра оперы М. И. Глинки «Русланъ и Людмила» все усиливались и вмѣстѣ съ ними увеличивалось нетерпѣніе возбужденной публики, которой уже порядкомъ надоѣла заигранная «Аскольдова могила». Но прежде чѣмъ совсѣмъ похоронить эту оперу, я хочу сказать о ней свое доброе слово. Во-первыхъ, она имѣла то достоинство, что явилась первымъ оригиналомъ русской драматической оперы съ весьма свѣжими мелодіями и никакъ нельзя ее упрекнуть въ вялости дѣйствій и безколоритности. Не даромъ она приобрѣла въ то время, какъ въ Москвѣ, такъ и въ Петербургѣ, почти народность, и шарманки повсюду играли ея мотивы; мало того, я самъ слышалъ, какъ и среди народа раздавались напѣваемые и наигрываемые мотивы изъ этой оперы. Леоновъ прославилъ себя въ ней, играя весьма живо и типично удалого Торопку, басовую партію неизвѣстнаго исполнялъ драматическій басъ Петровъ. Однако, мнѣ разсказывали, будто музыка этой оперы принадлежитъ не Верстовскому, а Варламову, который въ минуту жизни трудную продалъ ее ему. При сравненіи ея съ другими произведеніями того же Верстовскаго, я расположенъ этому вѣрить.

На другой день я посѣтилъ Публичную бібліотеку. Какъ-то внушительно дѣйствовалъ всегда на меня этотъ огромный читальный залъ, съ потолка до полу уставленные рядами книгъ. За длинными рядами столовъ сидѣло много занимающихся въ бібліотекѣ посѣтителей и, несмотря на большое ихъ число, тишина тамъ царила полная. Полы были устланы веревочными коврами, которые совершенно заглушали и безъ того осторожные шаги проходящихъ по нимъ новыхъ посѣтителей въ другую комнату, гдѣ въ то время находились преимущественно журналы и газеты.

Въ журнальномъ отдѣленіи я встрѣтилъ Владимира Измайловича Межова, съ которымъ уже былъ знакомъ. Мы разговорились полупешотомъ и онъ далъ мнѣ свой адресъ, приглашая посѣщать его и обѣщавшись со своей стороны побывать и у меня въ Мраморномъ дворцѣ. Это былъ тотъ самый Межовъ, который впослѣдствіи сдѣлался извѣстнымъ бібліографомъ. Въ то же время онъ занимался рисованіемъ и бралъ у меня уроки. Терпѣнія и того, что французы называютъ «persévérance», у этого человѣка было въ обиліи, но художественнаго таланта положительно никакого, и онъ только благодаря своему необыкновенному терпѣнію добился-таки того, что въ концѣ концовъ могъ очень посредственно копировать, и началъ бывать по моему указанію въ Эрмитажѣ. Такъ какъ у Межова были свои средства, совершенно его обезпечивающія, онъ почти каждый годъ ѣздилъ за границу и преимущественно жывалъ въ Парижѣ, откуда возвращался всегда съ горами разной мелочи, новинокъ, все больше различныхъ, никому не нужныхъ пустячковъ; даже игрушки и дѣтскіе фокусы встрѣчались въ числѣ этихъ коллекцій.

Человѣкъ онъ былъ, безъ сомнѣнiя, умный и начитанный, но въ немъ были свои странности, которымъ даже трудно было повѣрить. Такъ, наприимѣръ, онъ не любилъ не то что древнюю или ветхую исторiю, а старый римскiй мiръ вообще, находя въ немъ одну только дикость и распущенность, и эта антипатiя у него достигла такой степени, что когда онъ, путешествуя по Европѣ, посѣтилъ Италию въ компанiи русскихъ туристовъ и когда вся компанiя находилась вблизи отъ раскопокъ Геркуланума и Помпеи, то Межовъ не пошелъ вмѣстѣ со всѣми туда, а остался въ извѣстной кофейнѣ, стоящей при вѣздѣ на большую дорогу, ведущую къ засыпаннѣмъ городамъ, и все время, пока спутники его не возвратились, преспокойно пилъ тамъ кофе и угощался, не спросивъ даже, что они видѣли на этомъ мѣстѣ, о которомъ съ жгучимъ интересомъ спросилъ бы каждый. Вообще, въ Межовѣ было очень много странностей, которыми онъ вовсе не рисовался, а дѣйствительно это ужъ былъ такой на самомъ дѣлѣ оригинальный человѣкъ, глубоко убѣжденный въ своихъ взглядахъ, правда, въ высшей степени самостоятельныхъ и разъ навсегда имъ усвоенныхъ. Главною отличительною чертою характера этого человѣка было страшное упрямство и настойчивость—съ этими атрибутами онъ и достигъ славы на поприщѣ библиографiи.

У графа Соллогуба я давно не былъ и зашелъ навѣстить моихъ старыхъ и искреннихъ друзей, гдѣ меня, по обыкновенiю, съ радостью встрѣтили и обласкали.

— Ну что въ институтѣ?—спрашивалъ меня графъ,—«Ураганъ» все бушуетъ?—Это касалось новой директрисы, о которой я уже говорилъ, и теперь я рассказалъ графу, какою чудною личностью оказалась наша новая начальница, и сѣтовалъ на распущенные о ней ложные слухи.

— Вотъ и Леви говоритъ о ней то же самое,—сказалъ графъ:—а дочь ея, говорятъ, красавица.

— Да, —отвѣчалъ я, —она теперь аккуратно посѣщаетъ мои уроки и, надо сказать правду, дѣлаетъ большiе успѣхи.

— Лафа вамъ,—засмѣялся графъ,—только вы бѣды какой не надѣляйте въ этомъ гаремѣ одалисокъ, а то чего добраго шнурокъ пришлютъ, какъ китайскому мандарину.

— Нѣтъ, графъ, я теперь уже застрахованъ.

— Какъ? Что это значить?—удивился онъ.

— У меня въ Москвѣ невѣста осталась,—сказалъ я.

— Вотъ оно что,—протянулъ графъ,—ну, значить, быть бычку на веревочкѣ. Охъ, ужъ эта мнѣ Москва съ ея невѣстами. Вѣдь это въ самомъ дѣлѣ страшно,—продолжалъ онъ,—что городъ этотъ имѣетъ какую-то особенную почву для подобнаго рода продукта и снабжаетъ почти всю Россiю своими породистыми самками. Я какъ-то разъ былъ тамъ на балу въ Дворянскомъ собранiи и удивился обилiю

красавиць: цвѣты, да еще махровые, куда здѣшнимъ, оттого, вѣроятно, что прямо съ грунта безъ парниковъ. Такъ вы женихъ! А она изъ какихъ?—спросилъ онъ:—ужь не купеческая ли дочка съ капиталомъ?

Я сказалъ, что дворянка безприданница.

— Ну, разумѣется, такъ,—сказалъ онъ не безъ ироніи:—что за расчетъ, была бы любовь! А очень хорошенькая?—подмигнулъ графъ.

— Да, очень,—отвѣтилъ я и, должно быть, покраснѣлъ, такъ какъ графъ звонко разсмѣялся.

— Ну, отъ души желаю вамъ любовь да совѣтъ; не позовете ли меня въ посаженные отцы? вѣдь я для этого еще гожусь.—И я съ истиннымъ удовольствіемъ принялъ его предложеніе. Тутъ въ кабинетъ вошла графиня Софія Михайловна и, поздоровавшись со мною, сказала, обращаясь къ мужу:

— Что это ты такъ долго валяешься, Владимиръ? Пойдемте, господа, завтракать.

Графъ подмигнулъ мнѣ и сказалъ:

— А что, можно ей сказать? она не выдастъ.—Я кивнулъ головой. И графъ, вставъ въ торжественную позу и указывая на меня пальцемъ, громко произнесъ, обращаясь къ графинѣ:

— Женихъ. Только объ этомъ нельзя еще никому сообщать, по независящимъ отъ редакціи обстоятельствамъ,—пошутилъ графъ.

Графиня также сердечно поздравила меня и мы пошли въ столовую, гдѣ за столомъ съ затянутой до подбородка салфеткой сидѣлъ сынъ графини, Александръ, то есть Саца, увы! черезъ десятка два лѣтъ сдѣлавшійся героемъ довольно скандальнаго процесса, а теперь житель Сибири. За завтракомъ затѣялся оживленный разговоръ; я рассказывалъ про Москву, о послѣднихъ событіяхъ тамъ, а мнѣ передавали интересующія меня петербургскія новости музыкальнаго и театральнаго да и вообще артистическаго міра—такъ, напримѣръ, о близившейся постановкѣ оперы М. И. Глинки и еще о томъ, что благодаря содѣйствію графа Михаила Юрьевича Вѣльгорскаго, Рубинштейнъ собирается ставить написанную имъ тоже русскую оперу «Князь Дмитрій Донской». Въ то же утро къ графинѣ приходила ея старшая сестра, бывшая замужемъ за Веневитиновымъ, и сообщила прискорбную новость о смерти младшаго брата ея мужа, извѣстнаго поэта, умершаго въ расцвѣтъ юношескихъ лѣтъ въ чахоткѣ. Вслѣдъ за этимъ случилось еще горестное извѣстіе о смерти ихъ брата Вѣльгорскаго, бывшаго въ тѣсной дружбѣ съ покойнымъ Веневитиновымъ. Графиня Софія Михайловна подарила мнѣ полное собраніе сочиненій покойнаго поэта и я, пріѣхавъ домой, занялся чтеніемъ этихъ произведеній, отличающихся чистотою слога пушкинской школы, благородствомъ и простотою выраженій.

Возвращаясь отъ Соллогуба, я заѣхалъ на Васильевскій островъ въ академію; противъ нея, на Невѣ, воздвигалась цѣлая гора, почти сплошной стѣной лежавшая поперекъ рѣки, и я не могъ не удивляться силѣ человѣческаго ума и успѣху науки, давшей ему возможность бороться съ чудовищнымъ напоромъ рѣки и именно въ томъ мѣстѣ, гдѣ она имѣетъ особенно быстрое теченіе. Но какъ велика также сила царскаго слова, что даже не задумались о могущемъ въ это время повториться наводненіи, а смѣло приступили къ работамъ моста въ самое опасное время года. Случись оно, и всѣ эти циклопическіе труды унесло бы и размыло, какъ горсть мелкаго мусора. Но государь сказалъ:—«Быть по сему»—и совершилось. Мостъ, одинъ изъ лучшихъ мостовъ, перекинулся черезъ Неву; онъ есть и будетъ стоять, доколѣ Нева не изсякнетъ въ своемъ руслѣ...

Наступилъ великій постъ, и семь недѣль его положительно кишѣли всякаго рода концертами, даваемыми пріѣзжими знаменитостями. Я слышалъ піаниста Дрейшока, Гензельта и скрипача Конскаго и восхищался его прелестнымъ «Венеціанскимъ карнаваломъ».

Во время тихой и молитвенной Страстной недѣли пріятно чувствовалось приближеніе великаго христіанскаго праздника и его обычныхъ ликованій. Кромѣ того, не менѣе было радостно и приближеніе весны, но въ Петербургѣ эти признаки приближенія ея не очень-то были пріятны. Такъ, напримѣръ, дорога тогда была отъ градоначальства и выросшіе на ней слои грязнаго льда скалывали и свозили въ кучи, которыя такъ и лежали на улицѣ, и когда грянула оттепель, то по улицамъ образовались цѣлые бугры и ямы, подвергавшіе экипажи порчѣ, а пѣшеходовъ различнымъ неприятностямъ, но всѣ эти невзгоды терпѣлись съ истиннымъ христіанскимъ смиреніемъ, въ ожиданіи тѣхъ наслажденій и удобствъ, которыя неминуемо должна была принести съ собою милая богиня съ своимъ яснымъ и теплымъ пришествіемъ, а для меня, кромѣ того, приближались каникулы и я могъ укатить въ Москву. Но никогда время не тянется такъ долго, когда намъ нужно, чтобы оно проходило скорѣе.

Наступила Страстная недѣля, а за нею и Свѣтлый праздникъ, который я встрѣтилъ въ домѣ моихъ знакомыхъ Чачиковыхъ, въ теплой и милой компаніи. На утро, проснувшись довольно поздно, я отправился дѣлать визиты и заѣхалъ на Васильевскій островъ къ Росси, котораго засталъ дома, и мы вмѣстѣ позавтракали. Я разсказалъ ему про Москву, а онъ про академическія новости и отъ него же я узналъ, что ему присудили двѣ медали: одна большая серебряная и другая малая золотая, за представленныя программы; кромѣ того, онъ собирался въ Италію, съ чѣмъ я его отъ души поздравилъ. Мнѣ оставалось только вздохнуть и я при этомъ помянулъ крѣпкимъ словомъ своего дядюшку, виновника того, что я не могъ представить программы на золотую медаль. Въ это время онъ уже

сильно болѣлъ и собирался на островъ Мадеру. Узналъ я также отъ Росси, что за это время скончался профессоръ нашъ, граверъ старикъ Николай Ивановичъ Уткинъ, оставившій по себѣ добрую память, какъ объ отличномъ художникѣ и прекрасномъ чловѣкѣ. Къ сожалѣнію, не могу сказать того же о другомъ, тоже умершемъ за это время, профессорѣ нашей академіи, пейзажистѣ Максимѣ Никифоровичѣ Воробьевѣ, котораго ученики не любили за его лицемеріе и двоедушіе. Въ особенности Солнцева жаловался на него за то, что онъ, желая выдвинуть по академіи одного изъ своихъ сыновей, отстранилъ Солнцева отъ полученія медали въ пользу своего сына, бывшаго ему конкурентомъ. Да вѣдь и на моихъ глазахъ подобныя вещи продѣлывались не разъ и ни однимъ изъ нашихъ маститыхъ профессоровъ, такъ что въ этомъ ничего удивительнаго не было и только ужасно мнѣ было досадно за этого талантливаго Солнцева; воображаю, каково было ему самому перенести подобную несправедливость.

Весенній театральный сезонъ ознаменовался освѣженіемъ репертуара, пробами новыхъ пьесъ или игранныхъ уже, но въ новой обстановкѣ, съ участіемъ выпущенныхъ изъ дирекціи молодыхъ артистовъ съ выдающимися талантами, а также дебютами провинціальныхъ артистовъ средней величины. Въ то время заедлымъ театраломъ, зорко слѣдившимъ за нашей сценой, былъ хорошій мой знакомый Михаилъ Николаевичъ Лонгиновъ, впоследствии начальникъ Главнаго Управленія по дѣламъ печати. Я зналъ его еще совсѣмъ молодымъ, и мы нерѣдко встрѣчались съ нимъ въ театрахъ, чаще же всего онъ бывалъ въ Большомъ, такъ какъ былъ завзятымъ балетоманомъ. Михаилъ Николаевичъ былъ сынъ статсъ-секретаря императрицы Александры Ѳеодоровны, имѣлъ огромныя связи и дружилъ съ финансовыми тузами; это обстоятельство и заставило меня обратиться къ нему съ просьбой выручить меня, когда я нуждался въ деньгахъ. Вдругъ какъ-то, послѣ праздниковъ, карманъ мой сразу опустѣлъ, смерть князя Кочубея разстроила всѣ мои планы и я еще не предполагалъ да и не могъ думать, что княгиня пришлетъ за мною для окончанія портрета. Деньги нужны были до зарѣза, а гдѣ ихъ взять? И вотъ я, порывшись въ своемъ портфель, выбралъ начатый еще въ прошломъ году акварельный рисунокъ, изображавшій Татьяну изъ «Онѣгина», сидящую у открытаго окна при свѣтѣ трепетномъ луны и мечтающую о Евгеніи.

Въ одно утро я засѣлъ за эту картину и, въ два дня окончивъ ее, повезъ къ Лонгинову. Въ эстампный магазинъ Бегрова отдавать ее мнѣ не хотѣлось, такъ какъ онъ бралъ за комиссію 20%, а деньги мнѣ были очень нужны. Былъ уже со мной случай, когда я, сильно нуждаясь въ деньгахъ, продалъ одну свою такую картину комиссіонеру Негри за 80 руб. и тотъ, въ тотъ же день, спустилъ ее за 300. Не желая подвергать себя такой же уже слишкомъ большой экспло-

атаціи, я и рѣшилъ предложить свою картину Лонгинову. Жилъ онъ тогда на Моховой, близъ Пантелеймоновской, но на мое несчастіе онъ былъ не совсѣмъ здоровъ и никого не принималъ, однако отчаяніе дѣлаетъ человѣка рѣшительнымъ и я настоялъ, чтобы лакей доложилъ обо мнѣ. Я былъ принятъ. Когда я вошелъ, онъ сидѣлъ въ своемъ креслѣ въ утреннемъ неглиже и привсталъ, протягивая мнѣ руку. Послѣ обмѣна привѣтствій и извиненій, я наконецъ изложилъ ему причину, побудившую меня обратиться къ нему.

— Ахъ, очень радъ,—сказалъ онъ,—я уже знакомъ съ вашимъ талантомъ и видѣлъ ваши рисунки къ «Капитанской дочкѣ» и мы съ Анненковымъ ужасно сожалѣли, что тогда, когда онъ собиралъ свое изданіе, нельзя было ихъ пустить въ публикацію. Ахъ, какая прелесть! Татьяна... нечего и спрашивать,—вскричалъ онъ,—но вѣдь это должно стоить крупныхъ денегъ, найдутся ли онѣ у меня, это я вамъ скажу по секрету, и составляетъ нѣкоторую часть припадковъ моей болѣзни,—и онъ громко разсмѣялся.

— Боже меня сохрани кому бы ни было навязывать свою работу,—сказалъ я,—и я только буду просить васъ показать кому-нибудь эту картину изъ понимающихъ вашихъ друзей, которые собираютъ подобнаго рода произведенія.

— Вотъ и прекрасно,—сказалъ Лонгиновъ,—а я какъ разъ ожидаю къ себѣ сегодня одного пріятеля, который долженъ привезти мнѣ лекарство отъ моей болѣзни... и онъ опять громко разсмѣялся.—Во всякомъ же случаѣ я васъ выручу, но не ранѣе, какъ сегодня вечеромъ или завтра утромъ.

— Помилуйте, вѣдь я рассчитывалъ оставить у васъ рисунокъ но меньшей мѣрѣ на недѣлю, просто мнѣ деньги нужны, у нашего брата художника онѣ какъ-то скоро изсякаютъ.

— Эхъ, батюшка,—сказалъ онъ,—да у кого онѣ не изсякаютъ-то?—*«à qui le dites vous?»* Вотъ развѣ у нашего, на примѣръ, Яковлева. Вѣдь Пушкинъ про такихъ сказалъ: «Вѣдь есть же праздные счастливцы, ума недальняго лѣнивцы, которымъ жизнь куда легка». Вотъ мы его и поразструсимъ, кому же и поддерживать талантливаго труженика, какъ не безталаннымъ бездѣльникамъ, да наконецъ тутъ для него одно только пріумноженіе капитала, черезъ нѣсколько лѣтъ этотъ рисунокъ будетъ рѣдкостью, цѣна ему будетъ въ десятеро выше теперешней, а сколько вы желаете за эту чудную картину?

Я сказалъ, что сто рублей и мы простились.

Въ тотъ же вечеръ я получилъ записку отъ Лонгинова слѣдующаго содержанія: «Вашу прелестную Татьяну у меня похитили, посылаю деньги, преданный и готовый къ услугамъ М. Лонгиновъ».

Такого скорого результата я никакъ не могъ ожидать и мнѣ пріятно было, что не пришлось занимать денегъ у этого въ высшей степени любезнаго, но постоянно нуждающагося человѣка.

Наступили живительные весенніе дни, ледъ на Невѣ тронулся и природа заликовала. Быстро показалась трава тамъ, гдѣ ее не стѣсняла расти городская администрація, а березки и другія деревья покрылись маленькими душистыми листочками. Въмѣстѣ съ весенними жаворонками по городу разлетѣлись афишки, извѣщавшіе объ открытіи на островахъ минеральныхъ водъ, гдѣ тогда царствовалъ Излерь; говорили, что тамъ можно очень пріятно провести время, и я рѣшилъ непремѣнно побывать тамъ.

Отправился я туда въ сопровожденіи Алексѣя Ѳеодоровича Поздѣва, на одномъ изъ пароходовъ, которые уже начали развозить публику по островамъ. Пароходикъ былъ наполненъ публикой въ весеннихъ праздничныхъ нарядахъ. Дамскіе зонтики, какъ круглые большіе цвѣты, унизывали его борты, повсюду слышались веселые голоса и разговоры, словомъ, скука здѣсь не находила себѣ мѣста. Пароходъ нашъ юркнулъ подъ Самсоніевскій мостъ и, причаливъ на минуту у пристани на Выборгской, отплыть дальше. На лѣвомъ берегу показалось продолговатое каменное строеніе съ офицерскимъ флигелемъ лейбъ-гвардіи Гренадерскаго полка, окутаннаго въ нѣжную зелень распустившихся деревьевъ. Вотъ и роскошная дача Николая Самойловича Шаншіева, женатаго на Екатеринѣ Авельевнѣ Гамазовой, осталась уже позади и чѣмъ дальше, тѣмъ дачи были грандіознѣе и богаче и, наконецъ, заканчивались роскошною дачею Василя Федуловича Громова, построенною на мысу, врѣзывающемся въ Малую Невку. Тутъ рѣка опять расширяется и на противоположномъ берегу въ густомъ паркѣ стоитъ загородный дворецъ, принадлежащій великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ; конецъ берега этой дачи уставленъ рядомъ маленькихъ пушекъ, такъ какъ великій князь Михаилъ Павловичъ былъ шефомъ Артиллерійскаго корпуса. Тутъ берегъ соединяется съ правой стороны Строгановскимъ мостомъ, упирающимся въ конецъ Строгановской дачи, домъ съ куполомъ, который красиво выдѣляется на густой массѣ деревьевъ своего обширнаго сада. Вотъ, наконецъ, и Минеральныя воды съ своею колоннадой, заканчивающейся на обоихъ концахъ небольшими павильонами; въ лѣвомъ концѣ главный входъ, къ которому отъ берега вела шоссеиная дорога. Пароходъ нашъ причалилъ къ довольно красивой пристани съ развѣвавшимся надъ нею флагомъ, и вся пестрая и веселая публика потянулась шумною толпою къ входу въ это Эльдorado, обѣщавшее намъ разнообразнаго рода удовольствія, на которыя такъ былъ изобрѣтателенъ популярный уже въ Петербургѣ Иванъ Ивановичъ Излерь. Получивъ въ кассѣ проходной билетъ, мы вошли въ большой и не столько широкий, какъ длинный залъ, уставленный во всю длину рядомъ бѣлыхъ колоннъ, между которыми рядами стояли стулья для зрителей. Тутъ же была и небольшая сцена съ крошечнымъ фойе для актеровъ. Рядомъ съ большимъ заломъ находился еще меньшій, гдѣ происходила про-

даже минеральныхъ водъ, откуда также былъ выходъ въ садъ черезъ широкую террасу, гдѣ изобиловали различныя украшенія, въ видѣ статуй, бюстовъ и т. п. Широкая площадка сада была сплошь заставлена чисто сервированными маленькими столиками. Тутъ же въ саду была еще эстрада, на которой пѣлъ русскій хоръ, а далѣе былъ видѣнъ открытый театръ съ небольшою сценою. Бильярдъ, устроенный въ деревянномъ павильонѣ, дамскій чайный буфетъ, мужской буфетъ, все было прекрасно обставлено съ высшей степени выдержаннымъ стилемъ нѣмецкаго приличія. Въ верхнемъ этажѣ главнаго зданія находились отдѣльные кабинеты и помещенія для цыганъ. Словомъ, это былъ совершеннѣйшій прототипъ всѣхъ нашихъ послѣдующихъ увеселительныхъ садовъ и гуляній, только тогда въ немъ не было того пошло-кабацкаго пошиба, который развился за послѣднее время и дошелъ до апогея своего неприличія. Играла военная музыка, затѣмъ пѣлъ хоръ пѣвцовъ, затѣмъ предстояло представленіе въ большомъ залѣ, потомъ опять въ саду на открытой сценѣ, потомъ снова музыка и такъ далѣе по всѣмъ тремъ отдѣленіямъ. Публика прибывала все болѣе и болѣе, и наконецъ не оказалось ни одного свободнаго столика. Мы вошли въ залъ и заняли свои мѣста. Въ публикѣ начали уже раздаваться нетерпѣливые хлопки, и вотъ все стихло, а на эстрадѣ появился хоръ въ тирольскихъ костюмахъ. У двоихъ изъ мужчинъ въ рукахъ были гитары. Одинъ изъ нихъ, красивый и плотный мужчина, взялъ первые аккорды и за нимъ грянулъ хоръ. Это былъ знаменитый впоследствии Деккеръ-Шенкъ, тогда простой гастролеръ, впервые пріѣхавшій въ Россію. Рядомъ съ нимъ сидѣла красивая и видная женщина—его жена, пѣвшая густымъ и очень пріятнымъ контральтомъ. Вообще, голоса хора Деккеръ-Шенка были очень хороши, въ нихъ было много чувства и согласія, а само пѣніе отличалось оригинальностью мелодій и мотивовъ чисто національныхъ. Деккеръ-Шенкъ изумительно аккомпанировалъ на гитарѣ, а жена его спѣла вальсъ, приведшій въ неописанный восторгъ всю публику. По окончаніи этого номера, когда мы вышли въ садъ, уже наступила совершенная ночь и прекрасно иллюминированный садъ пріятно ласкалъ зрѣніе. Но вотъ часть приличной публики удалилась и началась вакханалія. Отъ одного стола къ другому, какъ ючныя бабочки, начали перебѣгать женщины съ разрисованными лицами и черезчуръ дугообразными бровями и яркими румянцами, цинично шутя съ опьянѣвшими мужчинами. Изъ открытыхъ оконъ кабинетовъ слышалось пѣніе цыганъ, звонъ стакановъ и посуды, полупьяные голоса раскутившихся повѣс, и затрещали отцовскіе капиталы. Становилось противно и мы поспѣшили скорѣе оставить садъ.

Тогда еще ходили Щапинскіе дилижансы, и нѣсколько каретокъ стояло недалеко отъ выхода. Мы залѣзли въ одну изъ нихъ и заковыкались по неровной мостовой, убаюкиваемые этой, хотя и

тряской качкой, но снотворно дѣйствующей на утомленные нервы.

Приближалось время года, когда классы въ институтѣ закрываются, и душа моя ликовала, предвкушая минуту моего отъѣзда въ Москву. Экзамны сошли очень благополучно. Красавица дочь нашей директрисы оказала поразительные результаты—и мною были очень довольны. Передъ отъѣздомъ своимъ я сопровождалъ директрису и нѣкоторыхъ воспитанницъ въ Эрмитажъ, гдѣ показаль имъ наиболѣе замѣчательныя произведенія знаменитыхъ творцовъ итальянскій, испанской, голландской и французской школъ, чѣмъ доставилъ имъ огромное удовольствіе, а безъ сомнѣнія и пользу. Но вотъ я опять въ мальпостной кареткѣ, опять покачиваюсь на ея тряскихъ рессорахъ по знакомой дорогѣ, опять испытываю тѣ же мытарства, но уже не наверху, а на внутреннемъ мѣстѣ. Сосѣдкою моею на этотъ разъ была какая-то молодая, толстая дама, спавшая всю дорогу. Спаль и я довольно крѣпко и, проснувшись въ одно утро, почувствовалъ себя въ объятіяхъ моей толстой сосѣдки. Извинившись, я высвободился изъ ея мягкихъ объятій, досталъ папирсы и закурилъ, а она начала вздыхать и оправляться. Своихъ я всѣхъ засталъ здоровыми и бодрыми, ожидавшими меня, такъ какъ на этотъ разъ я уже счелъ почему-то необходимымъ увѣдомить ихъ о своемъ приѣздѣ. И вотъ я снова въ Москвѣ.

XVIII.

Отъѣздъ родителей въ Мерчикъ.—Генераль Лужинъ и дворець въ Дубровицахъ.—Чудакъ губернаторъ.—Князь Цербаговъ и происшедшіе съ нимъ курьезы.—Булаховъ и Шаповаловъ.—У Бобринскихъ.—Слухи о холерѣ.—Пальчиковъ и его усадьба.

Въ Москвѣ меня ожидала крупная новость; наши были въ полномъ сборѣ и собирались на лѣто ѣхать въ имѣніе графа Орлова-Денисова, находившееся близъ самаго Харькова и называвшееся Мерчикъ. Отецъ настоятельно предлагаль и мнѣ ѣхать съ ними, но я, понятно, сейчасъ нашель предлогъ, чтобы остаться въ Москвѣ, ссылаясь на работы у толстяка Рахманова, и вмѣсто меня отецъ браль съ собою молодого художника Аммона, котораго онъ взялъ подъ свое покровительство. Это былъ очень способный и симпатичный молодой человекъ, котораго мы всѣ очень скоро полюбили, отецъ же, видя въ немъ несомнѣнный талантъ; предсказываль ему блестящую будущность, какъ нейзажисту, и тѣмъ болѣе охотно его браль съ собою, имѣя въ виду, что юноша поупражняется за это лѣто въ натурѣ. Волей не волей приходилось отложить поѣздку въ Останкино до отъѣзда своихъ и я смиренно покорился этой участи.

Быль я съ визитомъ у графини Орловой-Денисовой, принявшей очень ласково меня и положительно очаровавшей своею любез-

ностью; у нея я засталъ генерала Лужина, бывшаго въ то время оберъ-полицеймейстеромъ Москвы и въ скоромъ времени имѣвшимъ сдѣлаться тамъ губернаторомъ. Этотъ Лужинъ былъ безъ ума влюбленъ въ красавицу графиню и бывалъ въ ея домѣ каждый день, что и послужило поводомъ одному изъ злыхъ остряковъ сказать довольно удачную остроту, указывая на крупный скульптурный гербъ, украшавшій фронтонъ дома казака гр. Орлова-Денисова, въ которомъ около его инициаловъ была помѣщена фигура казака:— «Въ этомъ домѣ я постоянно вижу трехъ казаковъ: одного въ самомъ домѣ (графъ былъ казакъ) другого на домѣ (это въ гербѣ) и третьяго у подъѣзда». Извѣстно, что въ то время оберъ-полицеймейстера всегда сопровождалъ казакъ и когда генералъ гдѣ-нибудь останавливался, то казакъ дожидался его у подъѣзда. Этотъ генералъ Лужинъ впоследствии, кажется, и женился на графинѣ Орловой-Денисовой, вскорѣ овдовѣвшей. Встрѣтятся со мною у графини, Лужинъ заказалъ мнѣ рисунокъ стараго дворца царя Алексѣя Михайловича въ Дубровицахъ, отъ котораго тогда уже ничего не осталось, кромѣ невысокаго столба, на который въ былыя времена клались просьбы на имя царя. Руководствоваться для этой работы я долженъ былъ одной старинной гравюрой, изображавшей дворецъ, какимъ онъ былъ въ то время. Отъ самаго же строенія ничего не осталось и только невысокія шпалеры изъ акацій, посаженныхъ по плану уничтоженнаго зданія, давали представленіе о его расположеніи. Этотъ дворецъ былъ построенъ изъ дуба и такого прочнаго, что когда его снимали, то принуждены были не рубить, а спиливать, такъ какъ топоръ не бралъ этихъ вѣковыхъ срубовъ. Какая же дикая фантазія насильно уничтожать такую, можно сказать, священную старину. Удивительныя вещи у насъ творятся на Руси. Предшественниковъ Лужина по губернаторству былъ князь Щербатовъ, ужасный чудакъ, человекъ небольшого ума и державшійся на своемъ посту только потому, что жена его была необыкновенно умная женщина и прекрасная администраторша, собственно фактически и рѣшавшая всѣ дѣла и вопросы по губерніи. Князь безусловно довѣрялся своей супругѣ и никогда не дѣлалъ наперекоръ ея распоряженіямъ; послушаніе его доходило въ этомъ отношеніи до невѣроятныхъ размѣровъ и, благодаря привычкѣ повиноваться княгинѣ, съ нимъ вышелъ даже разъ очень комичный случай, имѣвшій траги-комическія послѣдствія. Однажды къ князю явился съ визитомъ городской голова, именитый и богатый купецъ. Князь встрѣтилъ его въ приемномъ залѣ и, забывъ по своей разсѣяности, предложить ему сѣсть, разговаривалъ стоя. Въ это время мимо проходила княгиня и замѣтивъ, это неловкое положеніе, подошла къ мужу и шепнула ему—«пожалуйста, посади его»—и затѣмъ прошла въ свои покои. Князь вдругъ нахмурился и рѣзко перемѣнился въ разговорѣ съ изумленнымъ головою и въ концѣ

концовъ отправилъ его немедленно на гауптвахту, принявъ замѣчаніе жены за просьбу арестовать голову, вѣроятно, въ чемъ-нибудь да провинившагося передъ нею. Когда съ несчастнымъ купцомъ было покончено, князь веселый, что исполнилъ приказаніе жены въ точности, вошелъ къ ней въ гостиную, гдѣ собралось нѣсколько дамъ съ визитами и, цѣлуя руку княгини, сказалъ:

— Ну, я его посадилъ, да что собственно онъ тамъ надѣлалъ такого?

— Кто? что? кого посадилъ?—удивленно спросила княгиня.

— Да голову,—отвѣчалъ спокойно князь.

— Какую такую голову?—ничего не понимая, спрашивала княгиня.

— Да городского голову, котораго ты просила арестовать.

— Я арестовать? просила городского голову? да ты съ ума сошелъ,—въ ужасѣ вскричала княгиня,—я тебя просила посадить его на кресло, такъ какъ вѣдь ты говорилъ съ нимъ стоя.

— Ну, а я думалъ на гауптвахту,—сказалъ князь,—и уже отправилъ его туда. Ахъ, чортъ возьми, какая неловкость, а я предполагалъ, что ужъ вѣроятно, онъ что-нибудь да совершилъ ужасное, разъ даже ты его попросила посадить...

Всѣ засмѣялись, а княгиня поспѣшила сейчасъ же сдѣлать распоряженіе объ освобожденіи несчастнаго головы и пригласила его къ себѣ, чтобы какъ-нибудь да загладить разразившійся скандалъ. А князь, какъ будто ничего не случилось, затѣялъ пресветлую болтовню съ дамами. Вотъ каковъ былъ московскій губернаторъ.

Еще одинъ курьезъ, и очень забавный, былъ съ этимъ чудакомъ, о которомъ не мѣшаетъ также упомянуть для характеристики этого оригинальнаго человѣка.

Въ Москву ожидали прибытія новаго греческаго консула, которымъ былъ назначенъ нѣкто Чумаго; это былъ старый холостякъ, очень молодящійся и большой поклонникъ женщинъ. Говорили, что онъ будетъ давать пышные балы, что онъ страшно богатъ, а потому его и ждали съ нетерпѣніемъ. На бѣду князя Щербатова случилось, что за нѣсколько дней до прибытія этого консула, въ Москву пріѣхалъ извѣстный содержатель цирка и большой труппы акробатовъ и плясуновъ—Сулье. Этотъ Сулье былъ красавецъ мужчина, имѣвшій весьма представительную наружность и въ дополненіе къ ней еще носилъ въ парадныхъ случаяхъ какой-то фантастическій мундиръ, весь расшитый золотомъ, такъ какъ называлъ себя штальмейстеромъ его величества султана. Какимъ образомъ онъ былъ возведенъ въ это званіе—неизвѣстно, но только онъ имъ дѣйствительно былъ,—вѣроятно ублажилъ султана своими представленіями. Облачившись въ свой полный нарядъ, этотъ Сулье отправился къ Щербатову просить разрѣшенія давать свои представленія въ Москвѣ и выстроить для этого балаганъ. Какъ это

вышло — неизвѣстно, переврали ли его фамилію докладчики или самъ князь недослышалъ, но Сулье былъ немедленно принятъ въ очереди. Князь очень любезно поздоровался съ нимъ, жаль ему руку, усадилъ возлѣ себя на диванъ и угостилъ его роскошной сигарою, разспрашивая его о путешествіи, о томъ, когда онъ пріѣхалъ и т. д. Но когда Сулье назвалъ ему себя и изложилъ сущность своего визита, то князь вдругъ побагровѣлъ.

— Встать! — закричалъ онъ, — какъ вы смѣли такъ фамильярно явиться ко мнѣ? Убирайтесь вонъ, стройтесь, пляшите, только оставьте меня въ покоѣ.

Сулье былъ очень сконфуженъ такимъ оборотомъ разговора и удалился, мысленно проклиная свой мундиръ, виновника всей этой исторіи. Но однако этимъ дѣло не кончилось. Вскорѣ пріѣхалъ и Чумаго, настоящій греческій консуль, и, конечно, пріѣхалъ съ визитомъ къ губернатору. Случилось такъ, что о пріѣздѣ его доложили не князю, а княгинѣ, которая, какъ и всякая женщина, вышла къ нему не сразу. Въ ожиданіи хозяйки дома, подкрашенный и принудренный, Чумаго ходилъ по залу. На немъ былъ шитый золотомъ мундиръ, увѣшанный звѣздами. Въ это время князь, окончивъ свой утренній докладъ, проходилъ черезъ залъ и, увидя человѣка въ шитомъ золотомъ мундирѣ, со слѣпа (князь былъ близорукъ) принялъ его за Сулье. Онъ вдругъ остановился посреди зала и, замахавъ руками, закричалъ:

— Что вы пристаёте ко мнѣ? Ну, да пляшите, я уже сказалъ вамъ пляшите, и опять-таки прошу васъ оставить меня въ покоѣ.

Чумаго, ничего не понимая, озадаченный подобнымъ пріемомъ, стоялъ какъ вкопанный и если бы на этотъ крикъ не вышла княгиня, то онъ навѣрное бы уѣхалъ и дѣло приняло бы серьезный оборотъ.

Положительно чуть не каждый день что-нибудь да случалось съ этимъ злосчастнымъ губернаторомъ. Было это въ то время, когда соблюденіе формы строго преслѣдовалось и молодежь за каждую малость подтягивалась начальниками, въ особенности же студенты были подвержены строгости дисциплины. Между тѣмъ имъ строго на строго запрещалось курить, а подавно на улицахъ. Князь Щербатовъ имѣлъ обыкновеніе каждое утро въ партикулярномъ платьѣ гулять по Тверскому бульвару. Ужъ и въ формѣ-то его фигура была неказиста, а въ статскомъ платьѣ онъ вовсе не имѣлъ никакого вида. Идетъ это онъ одинъ разъ по аллеѣ и видитъ на встрѣчу ему приближается преважно студентъ въ форменномъ сюртукѣ и съ папирской въ зубахъ. Забывъ, что онъ въ статскомъ костюмѣ, Щербатовъ пѣтухомъ налетѣлъ на студента и разразился крикомъ:

— Какъ вы смѣете курить?

Студентъ съ неудовольствіемъ взглянулъ на него и, повидимому, не зная его въ лицо, рѣзко отвѣтилъ:

— А вамъ то какое дѣло?

— Да вы знаете ли, съ кѣмъ вы говорите?—зеленѣя отъ злобы, продолжалъ кричать Щербатовъ.

— Нѣтъ, не имѣю этого удовольствія, — отвѣтилъ студентъ съ иронической улыбкой.

— Я здѣшній генераль-губернаторъ, — уже задыхаясь, прошипѣлъ Щербатовъ.

Студентъ смѣрилъ съ ногъ до головы его неказистую фигурку и, пожавъ плечами, сказалъ:

— Не можетъ быть.

Щербатовъ такъ растерялся отъ этого искренно недовѣрчиваго отвѣта, что въ доказательство истины своихъ словъ, глядя въ упоръ на студента, осѣнилъ себя большимъ крестомъ и сказалъ: «сей-Богу», и произнесъ эту клятву съ такою наивностью, какъ божатся дѣти, когда имъ не вѣрятъ.

— Ну, не буду васъ вводить въ грѣхъ, — сказалъ студентъ и улыбувшись, бросилъ папирску. И много много подобныхъ курьезовъ было съ этимъ почтеннымъ администраторомъ.

Мои уѣхали и я остался одинъ во всемъ домѣ. Какъ-то пусто и тяжело сдѣлалось на душѣ моей. Не знаю, предчувствіе ли это было чего-нибудь недобраго, но что-то сосало мою душу и я поспѣшилъ отправиться къ Ивановымъ. Около самаго ихъ домика я встрѣтился съ Екатериной Львовной.—«Павелъ Петрович!» воскликнула она и въ ту же минуту изъ окна выглянула бѣлокурая головка, блѣдная отъ волненія и ея лучистые глаза любовно устремились на меня. Я на скоро жму руку сестрѣ и мимо нея проскакиваю на крыльцо и въ темныхъ сѣняхъ меня обнимаютъ теплыя ручки, я впиваюсь въ трепетныя губы и урывками слышу.—«Милый... рада... счастливый день... тише... мамаша отдыхаетъ...» наконецъ выходитъ и старушка Александра Никифоровна и на меня сыплются разпросы и комплименты. Я поселился на время въ Останкинѣ, гдѣ меня охотно приютилъ Подключниковъ, до такой степени мнѣ не хотѣлось разставаться съ близкими моему сердцу людьми. На третій день моего прибытія къ Степановымъ пріѣхалъ Шаповаловъ вмѣстѣ съ Булаховымъ, авторомъ извѣстныхъ тогда романсовъ. Это былъ мужчина лѣтъ сорока, брюнетъ, довольно красивой наружности; онъ усиленно ухаживалъ за моей Соничкой и я чуть было не на шутку взревновалъ къ нему, но все какъ-то прошло благополучно. Булаховъ, аккомпанируя себѣ, самъ спѣлъ намъ нѣсколько романсовъ своего сочиненія, которые дѣйствительно были хороши, а Шаповаловъ сталъ опять приставать ко мнѣ, чтобы я уступилъ ему мой драгоценный портретъ Пушкина, и говорилъ,

что у него есть оригинальныя картины, которыми онъ готовъ пожертвовать для этого портрета.

— У меня есть,—говорилъ онъ,—Жуковскій, Крыловъ, Державинъ, Давыдовъ и др., а Пушкина нѣтъ—это вѣдь ужасно обидно....

Но я былъ непоколебимъ и ни за какія блага не разстался со своимъ сокровищемъ¹⁾, хотя и копіей, но какой копіей? которую самъ Тропининъ призналъ лучше оригинала. Такъ Шаповаловъ отъ меня ничего и не добился и настоятельно приглашалъ меня къ себѣ посмотрѣть его коллекцію.

На слѣдующій день я отправился съ визитомъ къ Маковскимъ, но по дорогѣ встрѣтился съ ѣхавшимъ въ коляскѣ графомъ Алексѣемъ Павловичемъ Бобринскимъ и онъ настоялъ, чтобы я пересѣлъ къ нему въ экипажъ.

— Слушайте, Павелъ Петровичъ,—сказалъ онъ,—я ѣду къ своей тетѣ обѣдать, поѣдемте со мною, я васъ ей представлю.

Я было началъ отговариваться, что я не во фракѣ, но онъ настаивалъ, сказавъ, что, во-первыхъ, я художникъ и мнѣ простительно подобное отступленіе, а во-вторыхъ, что онъ беретъ всю отвѣтственность на себя—и я согласился. Во время нашего пути онъ напомнилъ мнѣ о моемъ обѣщаніи пріѣхать къ нему погостить въ Богородицкое, куда онъ собирается на-дняхъ отправиться, но я положительно отказался отъ этого приглашенія, такъ какъ не окончилъ еще заказа для Рахманова.

— Ахъ, это вы для него рисуете,—сказалъ графъ,—преуморительный онъ толстякъ, всегда его можно видѣть сидящимъ на балконѣ и кричащимъ караулъ, если кто изъ его друзей, проѣзжая мимо, не завернетъ къ нему—презабавный.

Мы пріѣхали на Дмитровку и остановились у большого подъѣзда дома графини. Объ насъ доложили и мы вошли.

Графиня была красивая женщина, большого роста, настоящая *grande dame*; она очень любезно встрѣтила меня и познакомила съ своею дочерью, тоже очень красивой дѣвушкой, похожей на мать. У насъ завязался разговоръ про петербургскихъ общихъ знакомыхъ, и я рассказалъ о смерти князя Виктора Кочубея. Графиня знала князя и глубоко его уважала за его умъ и милый характеръ.

— Да,—сказала она,—хорошіе люди у насъ какъ-то не уживаются. Княгиня теперь вдова,—продолжала она,—и, конечно, вскорѣ выйдеть вторично замужъ, она вѣдь такъ молода еще и такъ богата. Это такой лакомый кусочекъ для нашихъ разорившихся искателей богатыхъ невѣстъ,—прибавила она съ улыбкой.—Вотъ, Алексѣй,—

¹⁾ Однако впоследствии онъ своего-таки добился и вымѣнялъ у меня этотъ портретъ на одну картину.

обратилась она къ племяннику,—приволокнись за вдовушкой, она сразу дастъ тебѣ «position».

— Во-первыхъ,—отвѣчалъ графъ,—я вовсе не изъ искателей, а во-вторыхъ, слава Богу, не разорившійся, а въ-третьихъ, совершенно не собираюсь жениться.—И въ это время я уловилъ его взглядъ, брошенный на хорошенькую кузину.

За обѣдомъ разговоръ оживился, оказалось, что графиня знакома съ Вельгорскими и удивлялась, какъ она не встрѣчалась со мною у нихъ: да и не мудрено во время такихъ многолюдныхъ собраний было не замѣтить меня, мелкаго художника. Заговорили про Соллогубовъ.

— Ахъ, графиня Соллогубъ такая милая женщина,—сказала графиня,—и мужа ея, графа Владимира Александровича, я тоже очень люблю, онъ талантливый человѣкъ; вѣдь это онъ написалъ повѣсть «Галоши», а потомъ «Тарантасъ»—все дорожныя вещи,—и графиня простодушно разсмѣялась.

— Нѣтъ, маман,—заговорила графиня дочь,—эта повѣсть «Галоши» написана съ большимъ и неподдѣльнымъ чувствомъ, а вотъ «Тарантаса» я еще не читала.

Я вкратцѣ посвятилъ ихъ въ содержаніе этой юмористической вещицы.

— А я такъ со своимъ заводомъ совершенно отбилъ отъ беллетристики,—замѣтилъ графъ,—и ничего этого еще не читаль.

— И не мудрено, mon cher,—возразила графиня,—ты совсѣмъ зарылся въ своей химіи и ботаникѣ, и я могу тебѣ сказать, какъ въ «Горе отъ ума» говоритъ княгиня Тугоуховская:—«Онъ химикъ, онъ ботаникъ, иначе Алексѣй мой, племянникъ»,—продекламировала графиня и засмѣялась.

Удивительно, что дамы и молодежь того времени съ какимъ-то истиннымъ удовольствіемъ приводили фразы, изреченія и цѣлыя строфы произведеній гениальныхъ людей и всегда умѣли удѣлить имъ мѣсто въ обыденномъ разговорѣ, что дѣлало его болѣе живымъ и интереснымъ; теперь же въ этихъ самыхъ салонахъ царить пустая ивѣтская болтовня, часто безплодная и совершенно бессмысленная. Послѣ обѣда графъ Алексѣй Павловичъ подошелъ къ роялю и заигралъ Вебера: «Engagement à la danse»—меланхолическій вальсъ, который, стоя подлѣ рояля, слушала его кузина. Уѣхаль я отъ графини Бобринской подлѣ самымъ лучшимъ впечатлѣніемъ простоты и радушія, встрѣченныхъ мною въ этомъ высокоаристократическомъ домѣ.

Вечеръ я провелъ у Миллеровъ и былъ встревоженъ сенсационнымъ извѣстіемъ, что въ полосу Харькова появилась холера. Это очень смутило меня и я, придя домой, написалъ письмо отцу, прося извѣстить меня, по возможности скорѣе, о здоровье нашихъ.

Работа моя, заказанная Рахмановымъ, подвигалась впередъ и вотъ въ одно утро, когда я ужасно досадовалъ, что у меня не было подходящаго натурщика для фигуры фавна, вдругъ ко мнѣ входитъ Петровскій.

— Вотъ люблю, братъ, за догадливость,—сказалъ я,—какъ разъ кстати пришелъ. Видишь, я пишу Помпею, то есть не послѣдній ея день, а фреску во вкусѣ того времени, и мнѣ требуется мужская фигура въ такомъ поворотѣ, что я не надѣюсь найти здѣсь случайнаго натурщика, который сумѣлъ бы вѣрно принять такую позу и выразить движеніе вотъ такое,—и я показалъ ему эскизъ.

— Да это значить постоять на натурѣ? изволь, братецъ,—сказалъ онъ.—Только онъ здѣсь у тебя почти голый, значить, и мнѣ надо раздѣться.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ я,—ты видишь—у него драпировка перекинута черезъ плечо и летитъ? такъ вотъ я и рассчитываю, что ты примешь такую же позу и складки лягутъ такъ, какъ мнѣ нужно, чтобы выразить полетъ. Понялъ?

— Отчего же не понять, постараемся понять это,—засмѣялся онъ.—Эхъ, жаль, что вотъ только безъ этой канашки,—прибавилъ онъ, щелкнувъ по рисунку.—А премиленькую ты ее сдѣлалъ, вишь какъ обнимается, какъ она на него плутовски смотритъ. Гдѣ ты только ихъ такихъ видѣлъ? Должно быть въ Петербургѣ поплясывалъ вдоволь съ этими канашками?—и онъ захохоталъ.—Ну, а гдѣ же драпировка, въ которой я долженъ совершить полетъ?

Я подаль ему кусокъ приготовленнаго для этого коленкора и онъ, снявъ свой пиджакъ, накиннулъ его себѣ на плечо и сеансъ начался. Надо удивляться, съ какою охотою въ то время товарищи художники помогали другъ другу; ни у кого не проявлялось никогда ни зависти, ни злобы къ успѣхамъ другого, а что мы видимъ теперь? Тогда лучшія силы, ради товарищеской услуги, стояли на натурѣ, а теперь и дѣльнаго совѣта, и мнѣнія не дождешься, каждый другъ на друга волкомъ глядитъ, какъ будто съѣсть его хочетъ. Сеансъ нашъ вдругъ былъ прерванъ приходомъ швейцара отъ подѣзда Юшковскаго дома, который доложилъ мнѣ, что какой-то господинъ желаетъ меня видѣть и при этомъ подаль мнѣ карточку и я прочелъ: «Александръ Васильевичъ Пальчиковъ». Тутъ я вспомнилъ, что встрѣчалъ этого господина въ Петербургѣ и еще разъ видѣлъ его здѣсь же въ Москвѣ, когда онъ пріѣзжалъ со своею старушкой матерью. Отецъ мой съ нихъ обонхъ писалъ портреты. Пальчиковъ вошелъ и я представилъ ему Петровскаго, моего академическаго товарища.

— Я слышалъ,—началъ Пальчиковъ,—что вашъ батюшка уѣхалъ къ графу Орлову-Денисову въ Мерчикъ; очень жаль, но такъ какъ вы остались въ Москвѣ, то я счастливъ такому удачному случаю. Это лѣто гостить у меня въ моемъ подмосковномъ имѣніи братъ

Николай, и моей матушкѣ очень бы хотѣлось имѣть его портретъ. Ахъ, если бы вы согласились поѣхать туда со мною теперь же—вѣдь это недалеко у Хотькова монастыря по Троицкой дорогѣ.

Ужасно мнѣ не хотѣлось уѣзжать изъ Москвы, но заказъ мнѣ улыбался, потому что былъ очень выгодный; надо было рѣшить и я просилъ позволенія дать отвѣтъ на другой день. Пальчиковъ уѣхалъ, а я принялся за начатую работу. Голову моего Фавна я прописалъ съ Петровскаго же, пропустивъ въ его густые волосы узкую алую ленточку. Петровский, на мою просьбу ѣхать со мною къ Пальчикову, выразилъ полное согласіе и на другой день, когда Пальчиковъ за нами заѣхалъ, мы были уже совершенно готовы къ отъѣзду. Дорога, по которой мы ѣхали, вначалѣ была мнѣ очень хорошо знакома, но отъ большого села Александровскаго начались для меня новыя мѣста. Небольшія рощи виднѣлись по обѣ стороны дороги, а навстрѣчу то и дѣло попадались идущіе группами пѣшіе богомольцы съ котомками за плечами и съ палками въ рукахъ. Нѣкоторые изъ нихъ отдыхали вблизи шоссе на густой травѣ, совершая свои вечернія трапезы. По небу тихо плыли красивыя облака, слегка розоватыя, какъ и общій тонъ открывавшагося передо мною пейзажа; солнце уже зашло, но день, какъ бы желая еще насладиться чуднымъ ароматомъ благоухающаго воздуха, медлилъ потухать и какой-то ласкающей глаза свѣтъ царилъ надъ землею. Но вотъ мало-по-малу начинало темнѣть и окрестности завернулись какъ бы въ темный непрозрачный вуаль, и, наконецъ, совершенно скрылись въ непроглядномъ мракѣ ночи. Экипажъ нашъ съѣхалъ съ шоссе и повернулъ на проселочную дорогу и точно мрачные призраки, начали мелькать мимо насъ огромные стволы вѣковыхъ дѣреьевъ, промелькнулъ какой-то мостикъ, затѣмъ двѣ-три жалкихъ лачужки, большимъ чернымъ пятномъ огромный сарай, тускло блеснула вода и мы въѣхали въ поле, а черезъ часъ уже подѣзжали къ усадьбѣ «Дубки»—имѣнію Пальчикова. У крыльца дома, на побрякиваніе бубенцовъ уже толпилась выбѣжавшая кучка людей со свѣчами, встрѣчавшая своего барина, и мы поднялись по широкой лѣстницѣ въ просторныя сѣни. Въ гостиной насъ встрѣтилъ братъ Пальчикова, Николай Васильевичъ, съ обязаннымъ горломъ; онъ простудился и не выходилъ, а потому и не могъ самъ пріѣзжать ко мнѣ для сеансовъ. Немного погода вышла и мать, довольно полная дама, и я сразу узналъ ее по портрету, который видѣлъ у отца, такъ поразительно она была похожа на немъ.

— Очень рада съ вами познакомиться,—говорила Пальчикова, пожимая мнѣ руку,—вы вѣдь второй сынъ Петра Ѳедоровича? Какой почтенный старикъ вашъ отецъ и какой славный онъ художникъ. Вы вѣдь, конечно, видѣли, какіе онъ портреты написалъ съ меня и съ Саши. Мнѣ-то, старухѣ, вашъ батюшка даже немного польстилъ. Конечно,—продолжала она,—въ молодости я была очень недурна;

ну, а теперь ужъ какая во мнѣ красота, а вотъ на портретѣ Александра удивительно вышло его выраженіе, когда онъ это прифрантится, да еще въ камеръ-юнкерскомъ мундирѣ, вѣдь онъ у меня камеръ-юнкеръ, батюшка, не шутите. Вы, я слышала, тоже, какъ и вашъ отецъ, прекрасно знаете свое дѣло, вѣдь въ Петербургѣ князей да графовъ разныхъ писали, такъ ужъ вы и моего Николашу, пожалуйста, потрафьте.

Въ это время вошелъ Пальчиковъ.

— Вѣроятно, уже мамаша здѣсь меня съ братомъ похваливаетъ, любить она это у насъ,—и онъ поцѣловалъ ея руку.

— Люблю я говорить правду,—сказала Марія Александровна,—въ особенности когда она хороша.

— Вотъ мамаша-то моя, когда была фрейлиной, въ самого государя Александра Павловича влюблена была, танцевала съ нимъ не разъ; погодите, она вамъ еще объ этомъ поразкажетъ,—смѣясь сказалъ Пальчиковъ,—это одна изъ ея самыхъ любимыхъ темъ.

При этихъ словахъ сына Пальчикова вся оживилась, глаза ея вдругъ какъ-то странно заблестѣли, и, видимо, отрадное прошлое ярко представилось передъ ней.

— Что же, и нельзя было его не любить,—сказала она,—не я одна, всѣ наши фрейлины по немъ съ ума сходили, а я имѣла высокую честь съ нимъ даже танцевать; но какъ онъ танцевалъ!—сказала она, закатывая глаза,—надо было только видѣть, какъ граціозно, мягко такъ, нѣжно... Богъ какой-то былъ, а не человѣкъ,—добавила она съ пафосомъ, доставая свой платокъ.

— Ахъ, мамаша, какъ же это вы Бога-то упоминаете всеу?—сказалъ Пальчиковъ, поддразнивая мать.

— Молчи, яйца курицу не учать.

— Да какъ же,—не унимался Пальчиковъ,—вѣдь въ заповѣди сказано: не сотвори себѣ кумира развѣ мене.

— Не раздражай ты меня,—разсердилась вдругъ Пальчикова и, видимо, этотъ разговоръ могъ обостриться, но къ счастью вошелъ слуга и доложилъ, что чай поданъ. Я мелькомъ осмотрѣлъ стѣны комнаты, въ которой мы сидѣли, и увидѣлъ на нихъ нѣсколько старинныхъ портретовъ, изображавшихъ, повидимому, очень именитыхъ предковъ. Мебель и бронза были времени первой имперіи, очень красивы и массивны. Мы сѣли за столъ и началось чаепитіе, завязался разговоръ, конечно, о нашей специальности. Петровский сидѣлъ и молчалъ, видимо, страдалъ отъ непривычной обстановки, и когда къ нему обратились съ вопросомъ, какая его специальность, то онъ отвѣчалъ: всякаго жита по лопатѣ: и портреты, и пейзажи, и жанры.

Я видѣлъ, что разговоръ какъ-то не клеился и вступился.

— Меня нѣрѣдко удивляетъ,—сказалъ я,—что въ живописи проводятъ какія-то разграниченія, мнѣ кажется, художникъ долженъ

такъ себя подготовить къ той школѣ, въ которой онъ образовался, чтобы умѣть рисовать все, что встрѣтится ему въ природѣ; также точно сама природа неразрывно связана въ тысячи миллионѣвъ различныхъ типовъ всевозможныхъ народовъ и царствъ; въ дѣятельности художника не разъ могутъ встрѣтиться такія задачи, когда образцы этихъ царствъ должны быть сгруппированы въ общую массу. Неужели, если въ задуманной мною картинѣ мнѣ понадобится сдѣлать воду, то я долженъ обратиться къ маринисту, какъ почему-то принято у насъ называть живописцевъ, занятыхъ писаніемъ воды и т. д. Положимъ, я видѣлъ подобныя картины, писанныя тремя или даже четырьмя художниками, но сейчасъ же видна пестрота этой работы и напоминаетъ мнѣ слова Репетилова въ «Горѣ отъ ума»:

— Другіе мысль эту же подцѣпять,
Глядь въ шестеромъ вдругъ водевильчикъ слѣпять,
Другіе пятеро его на музыку кладуть.

Я по крайней мѣрѣ за себя поручусь, что ни за что не позволю постороннему, какъ бы онъ ни былъ силенъ по-своему вставлять куски своего произведенія въ мои картины. Рафаэль—царь живописи, совершенства рисунка и стиля, а посмотрите, какія у него лошади въ одной изъ его большихъ сложныхъ композицій, гдѣ онѣ везуть колесницу триумфатора. Онъ, однако, не стѣсняется этимъ и картина отъ этого не теряется, потому что она выдержана въ одномъ духѣ, въ одномъ стилѣ, безъ примѣси клочковъ изъ другого элемента и вставокъ.

Разговоръ нашъ тѣмъ и закончился, и мы пошли въ кабинетъ хозяина, гдѣ намъ были предложены ароматичныя сигары и легкая закуска, вмѣсто ужина, а затѣмъ мы отправились въ приготовленную намъ комнату въ мезонинѣ дома.

Утро было чудесное, и я, рано проснувшись, подошелъ къ окну. Картина передо мною открылась необыкновенно симпатичная до умиленности. Типъ природы, разстилавшейся передо мною, былъ чисто русскій средней полосы Россіи. Это не было нѣчто восхитительное, поражающее, нѣтъ, здѣсь не виднѣлось высокихъ горъ, ни моря, ни озера, ни даже судоходной рѣки или дремучихъ лѣсовъ, но въ этомъ скромномъ, полномъ дѣвственной поэзіи ландшафтѣ, было что-то такое, что такъ пріятно поражаетъ каждую русскую душу при видѣ русской дѣвушки въ своемъ русскомъ сарафанѣ. Здѣсь было столько ласкающаго, дружелюбнаго, улыбающагося сердцу, что нельзя было отвести глазъ отъ этой скромной картинки волшебницы природы. Влѣво виднѣлась преселочная дорога, по которой мы пріѣхали, тянувшаяся желтою лентою по кочковатому полю, на которомъ мѣстами группировались небольшіе дубки съ густою и желтою листвою. Прямо противъ меня зеленѣлъ садъ

въ старинномъ вкусѣ барскихъ садовъ прошлаго столѣтія и мнѣ такъ и мерещилось увидѣть бѣлое платье Татьяны, читающей свое завѣтное письмо. Правѣе опять поля и на горизонтѣ густой синей полосой тянущійся безконечно лѣсъ. На огромномъ пространствѣ между лѣсомъ и усадьбой виднѣлись въ безпорядкѣ раскинувшіяся деревеньки по берегу извивающейся лентою маленькой рѣчки, и большое село съ блестящимъ золотымъ крестомъ на куполѣ его церкви.

На сверкающей изъ-за густыхъ зарослей тростника рѣчки виднѣлась мельница. Время было перваго покоса и во многихъ мѣстахъ были видны собранныя уже скирды. Птицы ныряли въ воздухъ, то и дѣло проносясь передо мною, и всюду слышалось ихъ веселое щебетанье и сладостная пѣсня. Вся эта картина была облита золотистыми лучами лѣтняго солнца и имѣла такую притягательную силу, что я наскоро одѣлся, взявъ фуражку и палку и спустился внизъ. Въ домѣ все еще спало и только изъ буфетной доносилось побрякиваніе посуды, въ залахъ работала метла и слышался сдержанный шопотъ изъ дѣвичей. Я вышелъ на дворъ и мимо меня пронеслась кудахтающая курица, а за нею пробѣжала кухонный мужикъ съ ножомъ—какой диссонансъ представляла эта сцена съ умиротворяющей роскошной природой, мнѣ на мгновеніе стало какъ-то неловко; но всего лишь на мгновеніе... Я вошелъ въ густой тѣнистый садъ и углубился по его туго утрамбованнымъ дорожкамъ, не засыпаннымъ пескомъ, а плотно уложеннымъ дерномъ съ короткою, но мягкою травкой и, казалось, что идешь по какому-то бархатистому ковру. Долго я гулялъ по саду, углубившись въ свои думы и наслаждаясь прелестями тѣнистаго сада въ тихое лѣтнее утро. Наконецъ, за мной прислали и я отправился пить чай.

Я пачалъ акварельный портретъ съ Николая Васильевича. Лицо моего кліента было очень невзрачно и далеко не представляло собою типъ какой-нибудь красоты, оно было слегка изъѣдено оспою, а волосы и брови какія-то безцвѣтные, бороду онъ брилъ, зато во взглядѣ его маленькихъ глазъ и складѣ тихой улыбки были замѣтны и умъ, и ровный, спокойный характеръ. Онъ былъ порою симпатичнѣе своего брата. Онъ пріѣхалъ въ гости къ брату, оставивъ свое семейство въ имѣніи. Это былъ настоящій типъ русскаго помѣщика, почти никогда не выѣзжавшаго изъ своей вотчины.

Остальныя два дня мы провели въ Дубкахъ очень пріятно: мы съ Петровскимъ ѣздили рисовать виды, катались на лошадаяхъ верхомъ и въ экипажѣ, а въ это время я успѣлъ также совершенно закончить портретъ, но все же какъ ни хорошо мнѣ было здѣсь на лонѣ природы, все-таки тянуло въ Москву, гдѣ оставался кусочекъ моего сердца, да и жажда получить скорѣе извѣстіе изъ Харькова также не переставало мучить меня. Я простился съ Пальчиковыми и, уложивъ свои чемоданчики, покатишь обратно.

XIX.

Первое извѣстіе о болѣзни отца.—Смерть отца.—«Евгеній Онѣгинъ».—Сочувствіе моихъ друзей.—Возвращеніе матери.—Піанистъ Лянгеръ.—Глупѣйшій инцидентъ.

Войдя съ Петровскимъ въ мою комнату, я увидѣлъ на своемъ письменномъ столѣ лежащей конвертъ, схватилъ его и, вскрывъ дрожащими руками, пришелъ въ неописанное волненіе. Въ письмѣ заключалось извѣстіе о болѣзни моего отца, онъ заразился свирѣпствовавшей въ Харьковѣ холерой и былъ на волосокъ отъ смерти; но благодаря уходу и искусному леченію доктора Зябловскаго, жившаго у графа, начиналъ поправляться. Я перекрестился, тяжело вздохнулъ и грустно опустился въ кресло. Петровскій, видя мое душевное состояніе, утѣшалъ меня и остался даже у меня ночевать. Мы еще разъ прочли письмо, въ которомъ мнѣ описывала мать, какъ народъ десятками ежедневно умиралъ въ окружности ихъ, но что теперь, слава Богу, эта ужасная болѣзнь какъ будто стихаетъ. Про доктора Зябловскаго мнѣ писали, что онъ очень энергичный полякъ, что ему только и можно быть признательнымъ за спасеніе отца, также рассказывали, съ какимъ онъ самоотверженіемъ, не боясь заразы, возился съ крестьянами, какъ неоднократно подвергался опасности быть убитымъ разсвирѣпѣвшей толпой, отказывавшейся сжигать вещи послѣ умершихъ, и я отъ души благодарилъ мысленно благодѣтеля-доктора и даже началъ любить всѣхъ поляковъ, которыхъ прежде сильно не долюбивалъ. Вотъ въ какомъ психическомъ состояніи находилась моя душа. Заснуть я не могъ и мѣрное похрапываніе Петровскаго, обнаруживавшее его присутствіе, сильно меня успокоивало. Проснулся я рано и, не тревожа товарища, отправился къ Миллерамъ, чтобы подѣлиться съ ними этимъ тревожнымъ извѣстіемъ. Тамъ также встрѣтили его съ волненіемъ и радовались, что бѣда уже миновала.

— Бѣдная Юлія Павловна!—воскликнула Варвара Егоровна,—воображаю какъ она-то перепугалась!

Такимъ образомъ сердечное отношеніе окружавшихъ меня людей сильно поднимало мою энергію, и я принялся за работу; закончилъ совершенно портретъ Пальчикова и даже спроектировалъ ему павильонъ въ стилѣ швейцарскаго шале. Послѣ обѣда я отправился пѣшкомъ къ Маковскимъ. День былъ очень хорошій, заходящее солнце свѣтило, играя своими лучами на безчисленныхъ куполахъ и крестахъ московскихъ церквей.

Настроеніе духа у меня было уже прекрасное и я шелъ Александровскимъ садомъ, подъ высокой стѣной Кремля, покрывавшей эту сторону своей широкою тѣнью. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ дорожка круто поднимается на холмъ, я бѣгомъ поднялся на его вышку и увидѣлъ чудную панораму на Москву-рѣку и сталъ любоваться ею, напѣвая

какой-то мотивъ изъ «Севильскаго цирюльника». Вдругъ, среди блеска чуднаго лѣтняго вечера, у меня потемнѣло въ глазахъ, въ груди моей стѣснилось дыханіе и я схватился за сердце. Внезапно, безъ всякаго повода, вдругъ меня осѣнила мысль объ отцѣ. Это было одно мгновеніе, но оно было какое-то паническое и привело меня въ безотчетный ужасъ. Я невольно перекрестился и тихо пошелъ дальше. У Маковскихъ я засталъ Егора Ивановича дома; онъ ужасно огорчился, выслушавъ извѣстіе, полученное мною изъ Харькова. Пребываніе въ этой теплой, дружеской мнѣ семьѣ, окончательно уже меня успокоило и я, вернувшись домой, съ нетерпѣніемъ ожидалъ утра, чтобы ѣхать къ моей будущей женѣ и поговорить окончательно со старухой ея матерью о безповоротномъ моемъ рѣшеніи скорѣе скрѣпить узы съ ея дочерью тайнствомъ брака. Идя отъ Сухаревой башни, по безконечной Мѣщанской, я опять предался своимъ размышленіямъ объ испытанномъ мною необыкновенномъ переполохѣ, устраняя вѣру во всякаго рода предчувствія. Однако мнѣ почему-то ясно припомнилось то время, когда у насъ въ домѣ разразилось страшное несчастье. Это было во время болѣзни, а затѣмъ и смерти моей сестры Жени; я припомнилъ ужасное предчувствіе матери, предвѣщавшей близкую кончину бѣдной сестрички. Мама, несмотря на увѣщеванія цѣлаго консиліума докторовъ, оставалась въ полной увѣренности въ неизбежной скорой смерти. Мое сердце, пораженное внезапнымъ извѣстіемъ о болѣзни отца, хотя въ послѣдствіи какъ будто успокоилось подъ вліяніемъ новыхъ впечатлѣній, но не могло сразу забыть удара, нанесеннаго ему и нѣтъ-нѣтъ да и возвращалось къ тяжелому моменту пережитаго волненія. Вотъ этимъ я и могъ себѣ объяснить тяжелое состояніе моей души и эти моменты, похожіе на галлюцинацію.

Выѣхавъ за Троицкую заставу, тяжелыя мысли мои какъ-то улеглись и на душѣ сдѣлалось такъ легко и отрадно. Вотъ уже и Останкино, виднѣется его церковь и домъ. Я торопливо расплачиваюсь съ извозчикомъ, вбѣгаю на крылечко и стучусь въ дверь.

— Кто тамъ?—раздался слабый старушечій голосъ Александры Никифоровны,—Соня, это ты?

— Нѣтъ, это я—отвѣтилъ я въ сильномъ волненіи.

— Кто ты?—повторилъ голосъ.

Я назвалъ себя.

— Батюшки, да это Павелъ Петровичъ!.. Ахъ, Боже мой!.. заговорила она, отворяя мнѣ дверь,—вѣдь нашихъ нѣтъ дома, я ожидала Соничку изъ Москвы, она туда поѣхала съ сестрой Варей и вотъ я думала, что это она вернулась, а это вы!

Я подѣлился съ доброй старушкой своимъ горемъ, а самъ время отъ времени поглядывалъ черезъ окно на Московскую дорогу.

— Да что это нашихъ-то дѣвочекъ все пѣтъ?—заговорила старушка,—вѣрно назадъ-то пѣшкомъ пошли!

Вдругъ я увидѣлъ двѣ женскія фигурки, приближавшіяся по этой дорогѣ къ Останкину. Я не вытерпѣлъ, схватилъ шляпу и бросился къ двери, сказавъ, что пду къ нимъ навстрѣчу, и выбѣжалъ на улицу.

— Развѣ нельзя было дождаться здѣсь ихъ прихода, — съ ласковымъ укоромъ погрозила мнѣ пальчикомъ добродушная старушка, когда мы возвратились домой. Я покраснѣлъ и вдругъ, не знаю откуда-то появилась у меня необыкновенная рѣшимость окончательно переговорить обо всемъ съ Александрой Никифоровой.

— Я долженъ переговорить съ вами объ очень серьезномъ дѣлѣ, перебилъ я ее опять и почувствовалъ, что густая краска разлилась по моему лицу. Старушка удивленно посмотрѣла на меня и когда мы остались вдвоемъ въ гостиной, сѣла на кресло и я, вооружившись храбростью, началъ изливать передъ ней мои чувства къ ея дочери и окончательно просилъ согласія на мой бракъ съ нею; я просилъ ее не откладывать надолго нашу свадьбу, тѣмъ болѣе, что мнѣ предстояли большія работы въ Петербургѣ по реставраціи Эрмитажа, которыя мнѣ были обѣщаны дядей Александромъ Павловичемъ. (Тогда я еще не зналъ о томъ, что эти работы будутъ у него отобраны, и очень рассчитывалъ на нихъ).

— Конечно я согласна, Павелъ Петровичъ, но хорошо ли вы обдумали этотъ шагъ, вѣдь я вамъ и раньше говорила тоже, думая, что все это лишь увлеченіе одно вашей молодой натуры; вѣдь вы знаете, что за Софьей ничего нѣтъ.

— Я это прекрасно зналъ, Александра Никифоровна, и хотѣлъ ждать еще, чтобы окончательно устроить свои дѣла, но сердце мое ждать дольше отказывается, оно заставляетъ меня торопиться. Я ее такъ люблю душою, что добрыя начинанія должны найти поддержку въ собственномъ побужденіи, и авось судьба не захочетъ противодѣйствовать ему. Если же вы пожелаете, то я готовъ ждать и еще.

Въ это время вошла Софья и сразу поняла, о чемъ у насъ шла рѣчь. Она робко подошла къ намъ и Боже! какъ она была мила въ эту минуту. Старушка взяла ея руку и вложила ее въ мою, мы оба преклонились передъ нею и она обняла насъ, съ глазами, полными слезъ счастья. Въ это мгновеніе съ крыльца вышла Катя и увидавъ нашу группу, веселымъ голосомъ воскликнула:

— Вотъ какъ я потрафила! здѣсь, кажется, стговоръ?...

Вошла и Варя. Двѣ сестры обнимали мою милую объявленную уже невѣсту и я ликовалъ отъ счастья. Бываетъ же у человѣка такое безоблачное счастье, но увы, какъ оно непродолжительно. Зачѣмъ это? За этими отрадными мгновеніями, за этимъ безконечнымъ, казалось, счастьемъ, для меня судьба готовила тяжелый ударъ, поразившій меня, какъ громомъ. Когда я вернулся въ Москву, за обѣдомъ у Миллеровъ, счастливый и веселый, мнѣ подали

письмо съ роковымъ извѣстіемъ о смерти моего дорогого отца. Мы всѣ сидѣли за столомъ и я, не дочитавъ этихъ ужасныхъ строкъ, грохнулся на полъ и потерялъ сознание, такъ онѣ меня поразили своимъ ужасомъ и неожиданностью. Дома меня приводили въ чувство и, наконецъ, я пришелъ въ себя. Когда я очнулся и оправился отъ перваго потрясенія я припомнилъ моментъ, когда я шелъ мимо Кремлевской стѣны, во время котораго мнѣ сдѣлалось дурно и я безотчетно вспомнилъ объ отцѣ. По письму было видно, что кончина его какъ разъ совпадала съ этими странными мгновеніями, и я былъ пораженъ этимъ таинственнымъ событіемъ. Съ ужасомъ и сердечною болью принялся я перечитывать письмо, и вотъ что я узналъ изъ этого траурнаго посланія.

Бѣдный отецъ мой, послѣ всѣхъ пароксизмовъ ужасной болѣзни, которую онъ геройски перенесъ, уже начиналъ поправляться, діета соблюдалась полная и очень скоро онъ началъ уже садиться за общій столъ и силы его съ каждымъ днемъ замѣтно возвращались. Мать постоянно слѣдила за нимъ, чтобы онъ не соблазнился съѣсть чего-нибудь изъ фруктовъ, которые въ изобиліи подавались за графскимъ столомъ. Но, несмотря на этотъ тщательный надзоръ, больной, со свойственнымъ всѣмъ выздоравливающимъ малодушіемъ и капризомъ, украдкою стащилъ съ хрустальной тарелки персикъ и, когда остался одинъ, съѣлъ его. Вслѣдствіе этого безумнаго увлеченія у него сдѣлался параличъ желудка. Спасти его не было уже возможности и несчастнаго старика не стало.

Похоронили его около церкви въ оградѣ, гдѣ находились могилы всего семейства Шиловскихъ, владѣтелей этого богатаго имѣнія. Миръ праху твоему, почтенный старикъ. Ты, кромѣ добра и славы, ничего не оставилъ и нѣтъ человѣка, который бы могъ оскорбить благородную память твою какимъ-нибудь дурнымъ поминаніемъ.

Мы съ Софьей поплакали вмѣстѣ надъ моимъ горемъ. Она хотя и не знала отца моего, но такъ много слышала о немъ, что имѣла понятіе, что это былъ за добрый и простой человѣкъ и искренно скорбѣла, что судьба не судила ей услышать отъ него названіе «своей дочери».

Глупый случай и тутъ себя проявилъ вовсе не чудесно и, скрѣпя сердце, надо было покориться ему, но подобныя потери не проходятъ безслѣдно, они оставляютъ въ душѣ если не озлобленіе, то какую то апатію, отраву, которой нѣтъ противоядія. Все равно, все кончается однимъ—смертью...

Съ этой печальной эпохи моей жизни начинается новая эра моего существованія. Я самъ почувствовалъ, что постарѣлъ на нѣсколько лѣтъ и уже потерялъ способность увлекаться всякимъ новымъ впечатлѣніемъ и даже искать ихъ. Я началъ собирать ихъ, приобрѣтать, сохранять приобрѣтенное, я началъ чувствовать себя

осиротѣвшимъ, но далеко не одинокимъ, для меня была теперь цѣль въ жизни, я былъ связанъ долгомъ и глубоко вѣрилъ, что выполню его добросовѣстно, какъ подобаетъ всякому глубоко порядочному человѣку. Я отдался весь своей работѣ. Работая надъ Рахмановскими заказами и для вечерняго занятія, чтобы отвлечь свои мысли отъ всякаго тяжелаго и грустнаго, навѣяннаго рядомъ послѣднихъ событій, я предпринялъ большой періодическій и послѣдовательный трудъ, а именно, я затѣялъ иллюстрировать одну изъ капитальнѣйшихъ поэмъ моего милаго поэта «Евгеній Онѣгинъ» и вскорѣ эта работа до того увлекла все мое вниманіе, что я, такъ сказать, нравственно поздоровѣлъ и воскресъ. Въ планѣ этого возсозданія картинъ, образовъ и типовъ этого произведенія, близкаго сердцу каждаго русскаго человѣка, представляющаго собою непрерывную панораму русской жизни извѣстной эпохи, я расположилъ крупныя и выдающіяся сцены въ небольшомъ количествѣ по выбору главныхъ сюжетовъ поэмы, которыя должны были быть сдѣланы въ величину всей страницы книги и затѣмъ въ перерывахъ текста нѣсколько менѣе размѣромъ, отдѣльныхъ фигуръ и группъ и остальное въ заголовкахъ и концахъ малыми фрагментами и пейзажами изображающими тотъ или другой видъ, уже написанный поэтомъ. И какой это оказался благодарный и благодѣтельный для меня трудъ и какъ грустно мнѣ было такъ глупо утратить его. Я его оставилъ у Булгакова и послѣ смерти онъ былъ купленъ съ аукціона. Развѣ это не несчастіе? и не глупый случай?

Въ Останкино я ѣздилъ часто, почти каждый день, и всегда уѣзжалъ оттуда, какъ будто обновленный съ новыми силами и энергіей, и безъ сомнѣнія эта теплота, навѣваемая въ домѣ Ивановыхъ, отразилась и на характерѣ моего труда. Въ каждомъ штрихѣ видѣлась какая-то нѣжность, отраженіе теплой дружбы и искренней чистой любви невиннаго существа. Друзья мои, жившіе тамъ, тоже встрѣчали и провожали меня своимъ участіемъ, осторожно обращаясь съ еще незажившею раной моего сердца. И вотъ тутъ я оцѣнилъ деликатность женской руки въ дѣлахъ перевязки этой раны. Мнѣ не выражалось участіе въ словахъ, они только еще болѣе рвали бы на части истерзанную душу, а мнѣ оно выражалось во всемъ безусловно, и во взглядѣ, и въ поступкахъ, и въ обращеніи, меня какъ-то охраняли отъ напоминанія о моемъ ужасномъ горѣ— и такъ поступали люди простые, не получившіе большого образованія, но честные и добрые по природѣ.

Николай Ивановичъ Подключниковъ усиленно вытиралъ у себя подъ носомъ, сильно покрывалъ и говорилъ:

— Да, Петръ Ѳеодоровичъ могъ бы того еще—пожить...

Но все-таки больше всего врачеванія я находилъ въ своей работѣ. Мой великій поэтъ давалъ мнѣ возможность жить двойною

жизнью, испытывая и радость и горе вмѣстѣ съ героями его прекраснаго романа.

Я какъ будто жилъ въ другомъ мѣрѣ, забывая свое существованіе, свои интересы и заботы, а потому, вѣроятно, мнѣ такъ многое удалось въ своихъ рисункахъ и я съ такимъ успѣхомъ передалъ на нихъ эти милые образы жизни, полные такой безконечной прелести въ началѣ и такимъ сильнымъ драматизмомъ въ концѣ.

Я находилъ для себя истинное наслажденіе останавливаться на малѣйшихъ подробностяхъ движеній всего сюжета. Нервы мои были сильно разстроены во все это время, на душѣ тяжелымъ камнемъ лежало пережитое горе, и только стоило мнѣ оторваться отъ моей милой работы, какъ чувство отчаянной тоски и грусти наполняло мое существо и я разстраивался при самомъ ничтожномъ поводѣ къ тому. Такъ однажды, утомившись своей работой, я пошелъ бродить по Москвѣ и забрелъ въ какой-то лабиринтъ безконечно поворачивающихъ улицъ и переулковъ и, наконецъ, совершенно случайно вышелъ къ Воспитательному дому. Вдругъ до моего уха долетѣли какъ бы волшебные звуки и я остановился, чутко прислушиваясь къ ихъ божественной мелодіи. Это было такъ внезапно для моей наболѣвшей души, что у меня въ груди сперло дыханіе и слезы вдругъ полились изъ глазъ, и вотъ я, какъ мальчикъ, стоялъ и обливался слезами. Органъ въ киркѣ продолжалъ гремять и вдругъ, издавъ нѣсколько громкихъ аккордовъ, умолкъ...

Постоявъ еще нѣсколько минутъ около лютеранской церкви, я пришелъ въ себя, и вдругъ у меня на душѣ сдѣлалось какъ-то легко и я бодро пошелъ дальше. Вотъ въ какомъ состояніи была моя душа въ это время моего пребыванія въ Москвѣ.

Наконецъ я получилъ извѣстіе, что наши должны были черезъ два дня пріѣхать въ Москву и мама просила приготовить все въ домѣ къ ея пріѣзду. Все я выполнилъ до самыхъ малыхъ мелочей, какъ просила она меня, и со стаканомъ кофе сѣлъ у окна въ ожиданіи экипажа. Вдругъ у крыльца нашего дома остановилась громоздкая карета, запряженная парюю въ дышло и съ пристяжной съ одного боку. Я выбѣжалъ навстрѣчу и увидѣлъ выходящаго изъ кареты Родзѣвскаго и за нимъ Аммона. Бросившись мимо нихъ, я сунулся въ карету и обнялъ свою мать, разрыдавшуюся у меня въ объятіяхъ. Когда она немного успокоилась, я бережно вынесъ ее на рукахъ и поставилъ на тротуаръ, а затѣмъ съ помощью Родзѣвскаго и Аммона ввелъ ее въ комнаты и уложилъ въ отцовскомъ кабинетѣ. Сторы были припущены, и въ этой комнатѣ, гдѣ столько лѣтъ неустанно работала мой бѣдный отецъ, царилъ какой-то полумракъ и таинственная тягостная тишина. Мама неподвижно лежала на диванѣ, какъ будто погрузившись въ тяжелыя думы о всемъ пережитомъ и невозвратно утраченномъ, и такъ она пролежала до вечера и только благодаря увѣщеваніямъ Варвары Егоровны Миллеръ со-

ласилась перейти въ спальню. Она такъ была проникнута своимъ горемъ, что совершенно забыла о насъ и лишь къ вечеру вспомнила обо мнѣ и позвала меня къ своей кровати.

Когда я подошелъ къ ея изголовью, она нѣжно посмотрѣла на меня глазами, полными слезъ, и сказала:

— Я не спала, но мнѣ страшно было начать говорить съ тобою объ отцѣ, я такъ еще слаба и горе настолько свѣжо и ужасно, что я не въ силахъ говорить о немъ спокойно. Вотъ если, Богъ дастъ, сонъ подкрѣпитъ меня, тогда я тебѣ все расскажу...

Я поспѣшилъ успокоить ее и отклонить въ эту минуту разговоръ на тему, раздиравшую ея измученное сердце, и поды мои рассказы о моей жизни въ ихъ отсутствіе она успокоилась и заснула. Въ теченіе пяти дней мама не выходила изъ своей комнаты, не вставая съ кровати. Обстановка нашего дома, ежеминутно напоминавшая покойнаго отца, была тягостна для окружавшихъ и дѣлала наше горе еще болѣе ужаснымъ при сознаніи, что ужь его не воротить, такъ какъ положительно невозможно было предаться забвенію, все безусловно черезъ чуръ рельефно напоминало разразившуюся катастрофу и мы рѣшили совершенно измѣнить обстановку.

Предложено было, что я поѣду въ Петербургъ и, устроивъ тамъ свои дѣла, вернусь обратно и тогда займусь устройствомъ нашихъ семейныхъ дѣлъ. О сватовствѣ своемъ я говорить своимъ еще не рѣшался и попрежнему часто бывалъ въ Останкинѣ, гдѣ находилъ миръ и успокоеніе для моей пострадавшей души. Посѣтилъ я и Шаповалова, который жилъ гдѣ-то у Зубовскаго бульвара; онъ-таки сьумѣлъ у меня выманить моего Пушкина и утѣшалъ себя тѣмъ, что этотъ прекрасный портретъ попалъ въ дѣйствительно хорошія руки. У Шаповалова я нашелъ довольно богатую коллекцію картинъ и въ особенности мнѣ понравились двѣ баталіи Бургиніона и еще женская головка фламандской школы. На уступку Пушкина я согласился только поды вліяніемъ озабоченности своими домашними дѣлами и внослѣдствіи понялъ, что сдѣлалъ большой промахъ но въ это ужасное время мнѣ было простиительно сдѣлать его. Много я потомъ тужилъ объ этой утратѣ, но «что съ возу упало, то пропало».

Всѣ Маковскіе часто навѣщали насъ и поистинѣ явились намъ друзьями въ это скорбное время. Когда графиня Орлова-Денисова возвратилась въ Москву, она также побывала съ визитомъ у моей матери съ выраженіемъ своего соболѣзнованія ея горю. Пріѣзжалъ и Пальчиковъ съ братомъ, и много-много другихъ, знавшихъ и уважавшихъ отца; всѣ одинаково благословляли память покойнаго и отрадно было видѣть, какъ человѣкъ этотъ сумѣлъ завоевать себѣ сердца его окружавшихъ и въ то же время покрыть себя славой знаменитаго художника—многимъ ли это удалось изъ геніальныхъ людей міра сего?

Приближалось время моего отъезда въ Петербургъ и я уже совершенно собрался съ самыми благими намѣреніями свить себѣ гнѣздышко въ нашей сѣверной столицѣ, какъ вдругъ со мной произошелъ курьезный эпизодъ, какого я и во снѣ не предполагалъ увидѣть. Нѣсколько мѣсяцевъ назадъ, черезъ Петровскаго я познакомился съ однимъ музыкантомъ — пианистомъ Оедоромъ Оедоровичемъ Лангеромъ. Это былъ обрусѣвшій австріецъ, жившій недалеко отъ Рождественскаго бульвара вмѣстѣ съ похищенной имъ соломенной вдовушкой. На видъ онъ былъ довольно грузный мужчина съ длинными бѣлобрысыми волосами à la List, съ большимъ, точно вырѣзаннымъ изъ дерева носомъ, на которомъ лежали золотые очки, прикрывавшіе своими темными стеклами его быстро мигающіе пытливые глазки. Большой ротъ и безцвѣтныя губы при красновато-буромъ цвѣтѣ лица довершали его непривлекательную наружность. Руки его были удивительной бѣлизны, но съ толстыми округленными на концахъ пальцами, очень напоминавшими собою барабанныя палки, и надо было удивляться, какъ онъ только могъ такъ прекрасно играть этими неуклюжими руками. Когда онъ не игралъ, а разговаривалъ съ кѣмъ-нибудь то постоянно расправлялъ пальцы правой руки на своей же колѣнкѣ, отгибая ихъ чуть не на другую сторону ладони. Это былъ истинный специалистъ своей профессіи, только и думавшій о томъ, чтобы совершенствовать свое искусство. Впослѣдствіи онъ приобрѣлъ себѣ извѣстность, но я его считалъ попросту прекраснымъ мастеромъ своего дѣла, но никакъ не поэтомъ-артистомъ. Его сожительница, Елизавета Никитишна, была уже не молодая, но очень молодящаяся псковитянка съ черными густыми волосами и блѣдно-матовымъ цвѣтомъ лица, и по характеру своему и по наружности представляла собою полный контрастъ Лангеру. Она была когда-то очень хороша собою и теперь слѣды этой еще не совсѣмъ утраченной красоты были еще очень замѣтны. Смотря на эту пару, невольно думалось, какъ это люди сходятся, не имѣя положительно ничего общаго ни въ чемъ. Оригинальнѣе всего, что эта уже не молодая женщина была страшно доврчива къ своему другу и имѣя небольшое, но все же кругленькое состоянiе при ихъ положеніи; отдала всѣ деньги ему и этотъ Лангеръ носилъ ихъ на своей груди зашитыми въ ладонку и никогда съ нею не разставался. Вотъ у этого-то музыканта я и сталъ бывать часто съ Петровскимъ и съ удовольствіемъ слушая его игру, хотя и не богатую по чувству, но поразительную въ техническомъ ея исполненіи и выборѣ пьесъ. Это немного развлекало меня и давало возможность съ болѣе спокойными нервами продолжать мои работы по иллюстрировкѣ «Евгенія Онѣгина».

Сидя у этого Лангера и слушая его игру, я часто бесѣдовалъ съ Елизаветой Ильинишной, не подозрѣвая совершенно, что эта барынька смотрѣла на меня совсѣмъ не тѣми глазами, какими обык-

новенно смотрятъ простые знакомые, а я-то, не подозрѣвая ничего, даже согласился взять у нихъ въ наемъ комнату и такимъ образомъ сдѣлался ея жильцомъ, и мой братъ Александръ, дѣлавшій большіе успѣхи въ музыкѣ, сталъ заниматься съ Лангеромъ и совершенствовать свои познанія на этомъ поприщѣ. Въ Останкинѣ я сталъ бывать рѣже, потому что работа, которую я спѣшилъ окончить, сильно тормазилась отъ этого и я большую часть времени проводилъ дома, коротая свободное время въ обществѣ моего піаниста и его дамы. Тутъ-то и началась комедія, окончившаяся довольно сильной драматической сценой. Я и не замѣчалъ, да и не думалъ объ этомъ, а между тѣмъ эта отживающая свой бабій вѣкъ женщина по уши влюбилась въ меня и перестала даже скрывать этотъ избытокъ ко мнѣ своихъ нѣжныхъ чувствъ... Несчастный піанистъ не на шутку испугался проявленіемъ такой нѣжности въ обращеніи ко мнѣ своей эксъ-супруги и серьезно приревновалъ ее ко мнѣ. Однажды онъ съ блѣдной фізіономіей вошелъ въ мою комнату и, подбѣжавъ ко мнѣ, дрожащимъ отъ волненія голосомъ прохрипѣлъ:

— Честный ли вы человѣкъ, Павелъ Петровичъ?

Лицо его было блѣдно, а носъ казался еще болѣе деревяннымъ. Я остолбенѣлъ отъ этого вопроса, и вскочивъ, схватилъ его за руки съ намѣреніемъ грохнуть его объ полъ. Въ это время вбѣжала и сама виновница этой сцены, вцѣпилась въ него, стала его ругать самыми отборными словами и увлекла вонъ изъ комнаты. Долго продолжалась у нихъ война и долго раздавались крѣпкія выраженьица разсвирѣпѣвшей барыньки.

Я поскорѣе собралъ свои вещи и поспѣшилъ перемѣнить квартиру. Хорошо бы мнѣ было жениху, если бы изъ этой глупѣйшей исторіи разыгрался вдругъ крупный скандалъ.

П. П. Соколовъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

НЕБЕСНАЯ ПОПЕЧИТЕЛЬНИЦА.

(Изъ жизни моеи матери).

ДѢДА моего по матери, Ивана Николаевича Соковнина, дѣтей было немало, но преимущественно все сыновья; дочь была только одна, но и та скоропостижно скончалась на шестнадцатомъ году, какъ разъ во время приготовленій къ торжественному празднованію ея совершеннолѣтія. Эта смерть повергла дѣда въ такое горе, что въ первое время онъ буквально не находилъ себѣ мѣста и не зналъ, что дѣлать, за что зацѣпиться ему и чувствомъ и мыслью, чтобы какъ-нибудь перенести постигшее его несчастье. Онъ страстно любилъ эту дочь, во-первыхъ, какъ единственную и самую старшую изъ дѣтей, а также и потому, что, по общимъ отзывамъ, она была дѣвочка превосходнаго характера: любящая, ласковая и къ тому же очень умная и красивая. Усугубляла, конечно, горе и самая неожиданность смерти, совершенная неподготовленность къ ней; какимъ-то вихремъ налетѣла она и явилась, дѣйствительно, страшнымъ ударомъ грома въ ясную и тихую погоду: готовились къ празднеству, а пришлось хоронить виновницу праздника.

Послѣ смерти этой дочери у дѣдушки родилось еще нѣсколько дѣтей, но все сыновья. Появленіе ихъ на свѣтъ своенравный и вспыльчивый дѣдушка встрѣчалъ не особенно-то привѣтливо. Бывало, по рассказамъ акушерки, только она направится въ кабинетъ дѣда, чтобы сообщить ему о появленіи новаго члена семьи на свѣтъ, какъ онъ, не давъ вымолвить ей слова, впередъ замашетъ руками и закричитъ:

— Знаю, знаю, хоть и не ходите: по голосу слышу, что малый.

И вотъ, послѣ долгихъ лѣтъ ожиданія, на свѣтъ явилась дочь— моя мать. Дѣда во время ея появленія на свѣтъ не было дома. Незадолго до этого событія дѣдушка вышелъ въ отставку и переѣхалъ на жительство изъ Подольской губ., гдѣ стоялъ съ своимъ полкомъ, въ Орловскую. Бабушка, въ виду того, что старшіе сыновья уже учились въ гимназіи, а меньшого нужно было готовить къ поступленію въ заведеніе, поселилась на зиму въ Орлѣ, а дѣдушка проживалъ частью въ Орлѣ и частью въ своемъ родовомъ имѣніи, находившемся верстахъ въ семидесяти отъ Орла. Вотъ въ это имѣніе и уѣхалъ онъ за нѣсколько дней до разрѣшенія бабушки отъ бремени,—уѣхалъ, можетъ быть, и неумышленно, просто не разсчитавъ времени, когда должно было произойти это событіе, а можетъ быть и не желая слышать обычную и звучащую для его властнаго права словно какою-то насмѣшкой фразу, что ему еще Богъ далъ сына. Но на этотъ разъ явилась дочь, а не сынъ. Бабушка была въ восторгѣ, что можетъ, наконецъ, обрадовать мужа исполненіемъ его горячаго желанія и поспѣшила извѣстить его о рожденіи дочери. Дѣдушка, при полученіи этого извѣстія, говорятъ, буквально остолбенѣлъ и по привычкѣ, что у него рождались все сыновья, сразу никакъ не могъ усвоить мысли, что у него есть, наконецъ, дочь. Онъ скакалъ изъ деревни съ такою стремительностью, что чуть не загналъ лошадей и, приѣхавъ, у всѣхъ выбѣгавшихъ къ нему навстрѣчу только спрашивалъ:

— Неужели дочка? Правда ли, что дочка?

— Дочку Господь вамъ далъ, батюшка Иванъ Николаевичъ, дочку,—отвѣчали ему со всѣхъ сторонъ.

Войдя въ спальню бабушки и увидавъ люльку, въ которой лежала новорожденная дочка, дѣдушка разрыдался отъ радости.

Конечно, эту желанную дочку окружили какимъ только возможно было комфортомъ, крестины ея устроены были съ такою пышностью, что о нихъ заговорили въ околоткѣ. Дѣвочку назвали Софіей. Радость дѣда была, дѣйствительно, настолько глубока, что у него, по общимъ отзывамъ, съ появленіемъ этого ребенка на свѣтъ даже рѣзко измѣнился характеръ. Довольно-таки своенравный и обыкновенно вспыльчивый и горячій, способный раздражаться и пылить иногда изъ-за пустяка, теперь онъ сдѣлался подчасъ даже и безцѣлѣнъ снисходительнымъ и находился постоянно въ такомъ благодушномъ настроеніи, что разсердить его бывало ужъ нелегко.

Но счастье дѣдушки было непродолжительно. Едва матери моей сравнялось полгода, какъ дѣдушка скончался. Смерть его явилась для семьи совершенной неожиданностью. Онъ пользовался всегда очень хорошимъ здоровьемъ, не боялся никакихъ простудъ, никакихъ спиртныхъ напитковъ никогда не употреблялъ, жизнь

вель регулярную, но, какъ должно предполагать, у него, вѣроятно, былъ порокъ сердца. Въ одну изъ своихъ поѣздокъ въ деревню во время осенней распутицы, при переѣздѣ черезъ плохонькій мостикъ, карета, въ которой ѣхалъ дѣдушка, опрокинулась и онъ упалъ. Паденіе это по вѣщности прошло вполне благополучно, дѣдушка не ушибся и побѣжавшему помочь ему подняться лакею только пожаловался, что испугался, такъ какъ въ моментъ паденія кареты дремалъ. Но, вѣроятно, при паденіи онъ сильно встряхнулъ свое сердце, ибо на слѣдующій же день у него появились отеки лица и ногъ, а черезъ полторы недѣли его не стало.

Смерть эта явилась, конечно, великимъ несчастьемъ для семьи, но впереди ее ждало еще большее горе.

Бабушка, въ противоположность дѣдушкѣ, никогда не отличалась хорошимъ здоровьемъ; сложенія она была нѣжнаго, хрупкаго и въ легкихъ у нея, должно быть, были какіе-нибудь недочеты, такъ какъ, по словамъ прислуги, она постоянно кашляла и часто страдала отъ лихорадки: При такихъ условіяхъ, неожиданная смерть дѣда не могла не подѣйствовать на нее роковымъ образомъ. Нужно еще сказать, что, кромѣ горя, потери близкаго человѣка и главы семьи, смерть эта поставила бабушку, дотолѣ ни во что не входившую, лицомъ къ лицу со всякими житейскими заботами и матеріальными дѣлами семьи. Средства у дѣдушки были порядочныя, но, будучи ревностнымъ служакою и живя по своимъ служебнымъ обязанностямъ то въ Петербургѣ и Новгородѣ, то въ Каменецъ-Подольскѣ, онъ, по тогдашнимъ путямъ сообщенія, не могъ часто бывать въ своемъ имѣніи и самолично наблюдать за веденіемъ хозяйства; этимъ, конечно, пользовались всякіе приказчики и управители и сами наживались и богатѣли, а барское имѣніе приходило въ упадокъ. Кромѣ того, одинъ изъ братьевъ дѣдушки, завзятый картежникъ, замотался, и его имѣніе должно было быть продано за долги. Не желая, чтобы родовое имѣніе перешло въ чужія руки, дѣдъ оставилъ его за собой, и такимъ образомъ долженъ былъ одновременно и уплачивать долги брата, и выплачивать остававшуюся отъ долговъ часть ему самому и приводить въ порядокъ имѣніе, доставшееся изъ рукъ кутилы-картежника. Дѣло было сложное, а бабушка ровно ничего не понимала не только въ мудреномъ сельскомъ хозяйствѣ, но даже и въ разныхъ денежныхъ дѣлахъ, комбинаціяхъ и оборотахъ. Къ тому же и находилась она здѣсь въ сущности на чужбинѣ и все вокругъ нея, отъ людей и до всякихъ порядковъ, положеній и отношеній, было ново и чуждо, такъ какъ она уроженка была Каменецъ-Подольской губерніи и переѣхала въ Орель незадолго до смерти дѣдушки. Подъ воздѣйствіемъ всѣхъ этихъ обстоятельствъ вмѣстѣ, болѣзнь ея приняла роковой исходъ: у ней образовалась скоротечная чахотка. Бабушка сознавала это, и можно себѣ представить, что должна была чувство-

вать и переживать она въ періодъ своей предсмертной болѣзни. Больше всего ее, конечно, мучала мысль о полномъ сиротствѣ дѣтей. Ихъ оставалось въ живыхъ немного, но все находились въ такомъ возрастѣ, когда тщательное попеченіе и руководство для нихъ были особенно необходимы: старшій сынъ, мальчикъ рѣдкихъ способностей, но весьма своеобразнаго и страннаго характера, переходилъ въ опасный юношескій возрастъ, у младшихъ только обозначались основныя черты характера, и они лишь начинали учиться, а дочь... О, надъ люлькою этой желанной дочери пролито было бабушкою столько слезъ, пережито столько сердечной муки и ужаса! Вѣдь съ нею можно было сдѣлать все, что угодно: она вся еще была во власти людей, ее можно и голодомъ морить, и терзать всячески, и какія только картины не рисовались въ головѣ любящей и умирающей матери. Бабушка невыразимо страдала, а какого-нибудь исхода изъ своего тяжелаго положенія придумать не могла. Она была совершенно одинока: съ ея стороны родныхъ не было ни души, со стороны мужа, не считая двухъ братьевъ-холостяковъ, была только одна сестра, пожилая дѣвушка, жившая безвыѣздно въ своемъ богатѣйшемъ имѣніи, с. Рогнедино, Смоленской губерніи; но бабушка ее никогда не видала, и, по общимъ отзывамъ, это былъ ужасный человекъ: надменный, сухой, эгоистичный до послѣдней степени. Она всегда открыто чуждалась родныхъ и не стѣснялась выказывать свое неудовольствіе при ихъ посѣщеніяхъ, такъ что въ концѣ концовъ родные совершенно перестали бывать у нея. Такое ея враждебное отношеніе къ родственникамъ основывалось на томъ, что она видѣла въ нихъ своихъ наслѣдниковъ, основаніе весьма странное, но довольно часто встрѣчающееся въ жизни. Конечно, бабушкѣ нечего было и думать обращаться къ подобной особѣ съ просьбой взять на свое попеченіе ея годовалую дочь, да и несомнѣнно, что изъ этого и не вышло бы ничего, и старуха, сама отогнавшая отъ себя родныхъ, тутъ, навѣрное, пустилась бы въ обычную въ такихъ случаяхъ казуистику, что вотъ пока все шло хорошо, такъ она и не нужна была, ее и забыли, а какъ стряслась бѣда,—такъ ей навязываютъ дѣтей и т. п.

Не было у бабушки и такихъ знакомыхъ, къ которымъ можно бы было обратиться съ просьбою о ребенкѣ, или, вѣрнѣе сказать, у нея не было еще въ Орловской губерніи никакихъ знакомыхъ, такъ какъ они лишь недавно перекочевали въ Орель и къ тому же бабушка переѣхала въ такомъ положеніи, когда дѣлать визиты было неудобно. Оставались только люди, то-есть крѣпостная прислуга; бабушка и просила ихъ досматривать и не обижать ея малютку-дочь. Но что значила такая просьба? Бабушка легко могла представить себѣ жизнь этихъ людей, вдругъ очутившихся на полной свободѣ и безъ всякаго присмотра, и ужасъ леденилъ ея сердце. Наконецъ, въ одну изъ бессонныхъ ночей она надумалась послать

просить къ себѣ предводителя дворянства, намѣреваясь просить его позаботиться объ участи дѣтей. Утромъ лакей пошелъ къ предводителю, но вернулся съ отвѣтомъ, что предводитель въ Петербургѣ и возвращенія его ждуть черезъ недѣлю. Уцѣпившись за эту мысль, бабушка, чувствуя, что слабѣетъ, съ тревогой отсчитывала эти дни, но судьба опередила ее, послѣшивъ отсчитать дни ея жизни. 16 декабря, какъ это нерѣдко бываетъ передъ смертью, бабушка почувствовала себя лучше: появился аппетитъ, не было лихорадочнаго состоянія, кашель стихъ. Больная пріободрилась, надѣясь при такомъ улучшеніи дотянуть до пріѣзда предводителя изъ Петербурга. Но въ ночь наступила развязка. Бабушка поняла, что умираетъ, и приказала разбудить старшихъ дѣтей. Она простилась съ ними, благословила ихъ и, собравъ остатокъ силъ, твердо и убѣдительно дала имъ нѣкоторыя наставленія, но когда очередь дошла до малютки-дочери, на лицѣ ея отразилась мучительная растерянность. Она обвела присутствующихъ глазами и остановила ихъ на мгновение на старшемъ сынѣ. Но затѣмъ она съ отчаяніемъ махнула рукой и проговорила: «Ахъ, что ему говорить! Если его не накормятъ, онъ и самъ будетъ сидѣть голодный, и ничего не сумѣетъ сдѣлать!» Очевидно, она хотѣла старшему сыну поручить присмотрѣть за дочкой, но, зная его странный характеръ, только махнула рукой. Нѣсколько минутъ она пролежала, закрывъ глаза, безъ движенія; окружавшіе напряженно прислушивались къ ея дыханію, не зная, умерла ли она, или впала въ забытье. Но бабушка, очевидно, и тутъ думала свою горькую думу, ибо, спустя нѣсколько минутъ, открыла глаза и проговорила:

— Сонечку и изъ залы икону Божіей Матери!

Эта икона Θεодоровской Божіей Матери была фамиліной святыней въ родѣ моего дѣда. Обыкновенно она переходила по смерти главы семьи старшему въ родѣ, и дѣду моему, который былъ изъ среднихъ сыновей у родителей своихъ, досталась, выражаясь житейскимъ языкомъ, лишь случайно: старшій его братъ, уѣзжая куда-то далеко и надолго и не желая, чтобы такая святыня оставалась въ пустомъ домѣ, передалъ ее на время своего отсутствія моему дѣду, а затѣмъ почему-то не потребовалъ ее обратно. Такъ икона эта и осталась у него. Вотъ эту-то икону бабушка въ часъ смерти и попросила принести къ ней. Когда икону вынули изъ кіота и поднесли къ ея постели, она, судорожно сцѣпивъ руки и пристально глядя на ликъ Богоматери, проговорила:

— Матерь Божія! Тебѣ, милостивой и всемогущей, вручаю я дочь мою. Будь ей и заступница, и руководительница, и попечительница! Вѣрю, твердо вѣрю, что Ты все можешь!

Мать мою вынули изъ кровати и поднесли къ бабушкѣ; она благословила ее иконой и велѣла поставить образъ въ изголовьи кровати и зажечь лампаду.

Спустя часъ съ небольшимъ послѣ этихъ мучительныхъ минутъ прощанія съ дѣтьми, бабушка тихо скончалась.

Кто распорядился ея похоронами и какъ состоялись онѣ—не знаю; но вскорѣ послѣ ея погребенія вернувшійся изъ Петербурга губернской предводитель дворянства, узнавъ о ея смерти и о томъ, что передъ смертью она присылала за нимъ, пріѣхалъ въ домъ сиротъ. Конечно, назначили опеку, соблюли всякія формальности, а съ дѣтьми распорядились такъ: мальчиковъ помѣстили въ дворянскій пансіонъ, бывшій при гимназіи, а полуторогодовалую дочь оставили въ родительскомъ домѣ, на попеченіяхъ прислуги: вопіющее дѣло!

Какъ вела себя прислуга, предоставленная самой себѣ и не имѣвшая никакого надзора надъ собой, какова была жизнь малятки, всецѣло находившейся во власти нянекъ, лакеевъ, горничныхъ и тому подобнаго люда,—неизвѣстно. Мать моя не могла, конечно, помнить этой поры своего дѣтства, а разкасамъ прислуги, которая одна только и знала, что творилось въ оставшемся безъ хозяевъ и брошенномъ на ея произволь домѣ, вѣрить въ данномъ случаѣ, понятно, нельзя. Что же при такихъ условіяхъ ожидало этого ребенка, принадлежавшаго къ старинному дворянскому роду и оставшагося сиротой не гдѣ-нибудь на чужбинѣ, но среди своихъ же единоплеменниковъ, на своей родинѣ?

О, да всего тутъ могло быть, всего—до преступленія включительно. Вѣдь эта, жившая въ городѣ и такимъ образомъ лишенная даже надзора своихъ односельчанъ, лишенная надзора даже старшихъ дѣтей господъ, прислуга могла хоть и прикончить ребенка, если бы ей понадобилось скрыть слѣды своего недосмотра, и все такъ и осталось бы покрытымъ мракомъ неизвѣстности. Но у матери моей была надежная Попечительница. Несомнѣнно, Она съ перваго часа невидимо охраняла ввѣреннаго Ея попеченію ребенка, но въ теченіе нѣкотораго времени видимо Себя не проявляла, предоставляя людямъ сдѣлать то, на что они были способны, какъ бы желая показать всѣмъ, что можетъ ожидать дитя-сироту безъ промышленности о челоувѣкѣ свыше. Люди сдѣлали свое дѣло, безпомощный ребенокъ брошенъ былъ на произволь прислуги; время было дѣйствовать Небесной Попечительницѣ. И Она не замедлила проявить Свое премудрое и всемогущее попечительство. Что нужно было прежде всего полуторогодалой дѣвчкѣ? Тщательный уходъ и попеченіе о ней и самое серьезное нравственное воспитаніе, ибо это былъ возрастъ, когда ребенокъ начиналъ уже смыслить, загоралась его сознательная жизнь, и понятно, какъ было важно вложить въ это время правильныя понятія въ ничѣмъ еще не засоренный и впечатлительный умъ дитяти. Все это и дано было моей матери и дано щедрою рукой, въ лицѣ воспитательницы, дѣйствовавшей не за страхъ людской, но за чуткую и чистую, какъ кристаллъ, совѣсть и нелицемерный страхъ Божій.

Въ это время настоятельницей Орловскаго дѣвичьяго монастыря была великая подвижница, благоговѣнно чтимая и донинѣ мѣстнымъ населеніемъ, игуменья Серафима. Происходя изъ древняго дворянскаго рода и будучи дочерью образованнаго и очень богатаго помѣщика Московской губерніи, игуменья Серафима (въ мѣрѣ — Варвара Михайловна Соковнина) получила въ домѣ родителей своихъ рѣдкое по тѣмъ временамъ образованіе. Достаточно сказать, что она, кромѣ французскаго и нѣмецкаго языковъ, которыми владѣла въ совершенствѣ, хорошо знала, какъ это видно изъ ея формулярнаго списка, языки итальянскій и англійскій. Одаренную выдающимися качествами ума и сердца, красивую и образованную барышню богатой дворянской семьи, занимавшей вполне определенное и прочное мѣсто въ московскомъ обществѣ, несомнѣнно, ожидало блестящее, въ свѣтскомъ смыслѣ, будущее; но промыслъ Божій судилъ иначе. Говорять, что отецъ Варвары Михайловны, наблюдая за ея развитіемъ и поражаясь иногда ея рѣдкими способностями, тактомъ и глубокой вдумчивостью, проявившимися въ ней даже въ дѣтскомъ возрастѣ, называлъ ее «гордостью семьи», и дочь оправдала такое опредѣленіе отца, но только на иномъ, несомнѣнно, самомъ высшемъ поприщѣ духовно-нравственнаго совершенствованія, явившись украшеніемъ православнаго русскаго монашества. Біографъ игуменьи Серафимы повѣствуетъ объ этомъ такъ. Едва Варварѣ Михайловнѣ исполнилось 16 лѣтъ, какъ внезапно скончался такъ горячо любившій ее и, въ свою очередь, пламенно любимый ею ея отецъ. Эта унесшая навсегда самое дорогое существо смерть не могла, конечно, не произвести потрясающаго впечатлѣнія на юную душу и нѣжное сердце серьезной и вдумчивой дѣвушки. «Вотъ неизбѣжный конецъ тѣхъ радостей, счастья, благополучій и всего того, что мы называемъ жизнью», говорила Варвара Михайловна. «Нежданннй зовъ, дуновеніе смерти—и мгновенный переходъ *туда*. Но туда нужно явиться съ горящимъ свѣтильникомъ, а можно ли поддержать неугасаемый огонь этого свѣтильника, можно ли ежечасно помнить о смерти въ той обстановкѣ, въ той жизни, гдѣ все лишь постоянная суета и крушеніе духа?» Какъ выросшая въ православной семьѣ, Варвара Михайловна знала, конечно, о загробной жизни, но теперь ей приходилось опытомъ проходить то ученіе, которое она доселѣ принимала на вѣру. Промыслъ Божій даетъ такіе уроки всѣмъ намъ, но не всѣ мы принимаемъ ихъ должнымъ образомъ; нѣкоторые изъ насъ всю жизнь относятся ко всему такъ поверхностно, что и не замѣчаютъ ихъ. Но у вдумчивой и привыкшей все анализировать Варвары Михайловны изъ этого урока вытекло логическое слѣдствіе. Вдумываясь все больше и глубже въ постигшее ея семью горе, она пришла къ твердому и вполне уже сознательному убѣжденію, что эта жизнь, могущая прекратиться ежечасно, ежеминутно, пмѣющая въ концѣ

только лишь неизбежную смерть, не есть настоящая жизнь, что, несомненно, она только известная стадия жизни и в сущности даже кратковременная, и что поэтому ее и расположить должно так, чтобы она служила приготовлением к иной жизни, которая наступит за той чертой, которая кладет предель этой жизни и которую мы называем смертью. В чем же должно заключаться это приготовление? Если в понятиях людей считается хорошим то, что прекрасно, возможно совершенно, и если это совершенство достигается возделыванием, культивировкой и разными усовершенствованиями, то, несомненно, и для разумного и одаренного свободной волей и духовными способностями существа истинный смысл жизни должен заключаться в самосовершенствовании, в приближении к высшему нравственному идеалу. Как же устроить свою жизнь так, чтобы можно было отдаться такой работе, чтобы можно было постоянно следить не только за своими поступками, но и за производителями их—малейшими движениями своего сердца и ума, чтобы ничто извне не врывалось и не мешало этой сокровенной работе? И Варвара Михайловна неизбежно пришла к тому, к чему за десятки сотен лет раньше ее приходили люди, искавшие, подобно ей, исправления своих несовершенств, пришла к тому учреждению, на которое в наши дни поднято столько гонений, но которое не измышлено, не сочинено, а вытекло всецело из требований самой природы человеческой, то-есть к монашеству.

Но как ни юна была Варвара Михайловна, она понимала, что рваться на такой шаг под влиянием известного впечатления (в данном случае горя, причиненного смертью отца) и лишь умственных разсуждений нельзя; и у нее хватило силы воли прожить еще целых три года среди той жизни и обстановки, которая не имела уже для нее никакого интереса и смысла и тяготила ее. Она испытывала и проверяла себя, и в итоге этой проверки в ней созрело непоколебимое решение уйти в монастырь. Взгляд ее на жизнь в течение искуса не изменился, стало быть, оставалось лишь следовать ему, а чтобы следовать, опыт убедил ее, что все установления нашего монашества не только мудры и целесообразны, но и безусловно необходимы, ибо они тоже вытекли из жизненного опыта и глубокого знания природы человеческой. Она убедилась, что для того, чтобы достигнуть желаемой цели в предпринимаемом ею подвиге, необходимо и удаление в то «безбурное жилище», которое поэт называет «познания купелью, светных помыслов кладбищем и новой жизни колыбелью», необходимо и руководство прошедшего уже опытом эту жизнь наставника, необходимо для того, чтобы работа шла, не уклоняясь, по избранному пути, связать шаткую человеческую волю известными обрядами, внешними установлениями. Но прежде, чем привести свое

намѣреніе въ исполненіе, Варварѣ Михайловнѣ пришлось вынести жестокою борьбу съ одной стороны съ ея властною и суровою матерью, отъ которой она находилась въ полной зависимости и которая, какъ свѣтская женщина, и слышать не хотѣла о поступленіи своей старшей дочери въ монастырь; а съ другой—съ своимъ собственнымъ сердцемъ, съ чувствомъ любви и жалости къ своимъ младшимъ сестрамъ и братьямъ, которые съ ея уходомъ лишались нѣжной ласки, лишались въ ней своей ходатаицы предъ строгой матерью. Но препятствія эти не могли уже остановить твердую характеромъ дѣвушку, убѣжденно смотрѣвшую на эту временную жизнь, лишь какъ на приготовленіе къ будущей, и для которой всѣ скорби и радости этой жизни имѣли лишь цѣну по ихъ значенію для жизни иной.

И Варвара Михайловна порвала съ міромъ, попустивъ послушницею въ Сѣвскій дѣвичій монастырь, орловской епархіи, пользовавшійся въ тѣ времена доброю славой за жизнь его инокинѣ. Придя въ обитель, Варвара Михайловна просила игуменью дать ей опытную въ духовной жизни наставницу. Вѣроятно, видя рвеніе юной послушницы къ духовному подвигу, а можетъ быть и соображаясь съ ея происхожденіемъ, игуменья опредѣлила Варвару Михайловну въ келію наиболѣе чтившейся въ ихъ обители, но отличавшейся крайне суровымъ образомъ жизни схимонахини Ксанфіи, происходившей тоже изъ дворянской семьи. Здѣсь началась новая жизнь Варвары Михайловны. Вопреки практикуемому въ монашесствѣ правилу постепенности въ обученіи новоначальныхъ монашескому подвигу, Варвара Михайловна сразу круто повернула съ собой, поставивъ себѣ въ образецъ свою духовную мать и стараясь во всемъ подражать ей. Избалованная жизнью въ богатомъ родительскомъ домѣ, невольна изнѣженная этой жизнью и обстановкой, она теперь употребляла самую грубую монашескую пищу, да и то лишь разъ въ сутки, и сухояденіе, выстаивала иногда цѣлыя ночи на молитвѣ, изъ своей кельи выходила только въ церковь, гдѣ для нея и ея духовной матери устроены были особыя закрытыя мѣста такъ называемыя «темнички», въ которыхъ онѣ и выстаивали церковныя службы. Этотъ режимъ жизни Варвара Михайловна неизмѣнно продолжала до самой своей кончины. Будучи уже игуменьею Орловскаго дѣвичьяго монастыря, она также, кромѣ церкви, не выходила никуда изъ кельи, хотя у нея въ дни большихъ праздниковъ бывали всѣ высшія должностныя лица города; не было въ ея кельи ни постели, ни самовара, большую часть ночи она попрежнему проводила въ молитвѣ, а для отдыха садилась въ вольтеровское кресло и здѣсь дремала, не откидываясь на спинку, съ четками въ рукахъ; также и пищу принимала она разъ въ сутки и единственное измѣненіе, которое она вынуждена была сдѣлать въ этомъ отношеніи,—это замѣнить сухояденіе жидкой пищей, такъ какъ желу-

докъ ея совершенно отказался перерабатывать сухую пищу. Обѣдъ ея обыкновенно состоялъ одинъ день изъ грибного кулепика безъ масла, на слѣдующій—грибного борща, также безъ масла, а затѣмъ опять кулепа и т. д. Меню такое не измѣнялось никогда, не исключая даже и праздника Пасхи.

Вотъ въ этой-то высокообразованной подвижницѣ-дворянкѣ мать моя получила первую воспитательницу. Можно ли желать лучшаго для дѣвочки-христіанки, принадлежавшей къ дворянскому роду? Несомнѣнно, такой воспитательницы не могли дать ребенку никакія человѣческія хлопоты, ни средства, ни высота положенія. Подъ руководствомъ такой воспитательницы у дѣвочки одновременно складывалось и истинно христіанское міросозерцаніе, и крѣпко усваивались рафинированныя монашествомъ благородныя традиціи того сословія, къ которому она принадлежала по своему происхожденію.

Случилось это такъ.

Постриженная очень рано (даже съ прибавкою положенныхъ для этого лѣтъ въ формулярѣ) въ схиму, Варвара Михайловна, получившая при постриженіи имя Серафимы, продолжала подвизаться въ Сѣвскомъ монастырѣ до 1821 г. За это время ей суждено было понести тяжелую утрату: скончалась ея духовная мать, схимонахиня Ксанфія. Насколько велика была скорбь матери Серафимы по ея духовной матери, можно судить по тому, что, ведя послѣ принятія схимы совершенно затворническую жизнь, она здѣсь рѣшилась даже отправиться на богомолье въ Ростовъ и только у раки святителя Дмитрія Ростовскаго почувствовала, по ея словамъ, нѣкоторое душевное облегченіе. Узнавъ объ этой скорби молодой подвижницы и орловскій преосвященный Іона. Ему извѣстна была подвижническая жизнь Серафимы, но лично онъ не зналъ и никогда не видѣлъ ея. Смерть Ксанфіи побудила участливаго преосвященнаго написать ей утѣшительное письмо. Это письмо послужило началомъ переписки матера Серафимы съ преосвященнымъ Іоною, а переписка открыла владыкѣ высокія духовныя дарованія подвижницы.

Въ это время Орловскій дѣвичій монастырь находился въ большомъ разстройствѣ: игуменья его лежала въ неисцѣлимомъ недугѣ, и должность ея исправляла казначея, особа, какъ должно думать, совершенно неспособная къ административной дѣятельности и слабохарактерная вообще, такъ что въ сущности монастыремъ въ это время правилъ кто хотѣлъ, или, вѣрнѣе, въ немъ всякъ жилъ, какъ хотѣлъ. Само собою разумѣется, что при такомъ положеніи и нравственное, и матеріальное состояніе монастыря было незавидное. Владыка давно уже былъ озабоченъ пріисканіемъ для него игуменьи, но дѣло затруднялось именно такимъ состояніемъ монастыря. Онъ понималъ, что назначить тутъ обыкновенную монахиню

было нельзя; много требовалось здѣсь отъ настоятельницы ума, такта, стойкости характера, чтобы ввести должный строй во внутреннемъ управленіи, вынести нелегкую борьбу со всѣми тѣми, кто привыкъ распоряжаться или отвыкъ повиноваться положенному уставу и начальству. Выборъ преосвященнаго остановился на матери Серафимѣ и указомъ отъ 11 іюля 1821 г. она назначена была игуменьей Орловскаго Введенскаго монастыря.

Какъ смущена была мать Серафима этимъ назначеніемъ, о томъ свидѣтельствуется совсѣмъ выходявшій изъ ряда поступокъ ея; обыкновенно безпрекословно повиновавшаяся во всемъ своему начальству, здѣсь она обратилась даже къ своей сестрѣ, орловской помѣщицѣ, съ просьбой ходатайствовать предъ владыкою «да мимо идетъ отъ нея чаша сія».

Сестра матери Серафимы поскакала изъ деревни въ Орель и предстала преосвященному Іонѣ съ такими словами:

— Изволите ли знать, ваше преосвященство, кого вы избрали въ начальницы Орловскаго монастыря?

— Очень знаю,—отвѣтилъ владыка.

— Но вспомните, владыко, что будущая игуменья на двадцатомъ году вступила въ монастырь, гдѣ въ продолженіе 20 лѣтъ жила совершенно затворницею. Какой же она имѣетъ опытъ и какъ она, упражнявшаяся и искавшая только смиренія и послушанія, можетъ начальствовать надъ 200 сестрами?

— На это есть воля Божія,—возразилъ владыка.—Я никогда не видалъ вашей сестры, знакомъ съ нею по письмамъ и увѣренъ, что она добре управитъ монастыремъ.

— Владыко, она не перенесетъ возложеннаго на нее послушанія и умретъ.

— Пусть и умретъ: въ монашеской жизни первое условіе и главная добродѣтель—послушаніе,—сказалъ владыка.—Вы же съ Богомъ отправляйтесь въ Сѣвскъ и скорѣе привозите намъ новую игуменю. «Ниже вжигаютъ свѣтильника и поставляютъ его подъ спудомъ, но на свѣщницѣ и свѣтить всѣмъ»,—добавилъ владыка, какъ бы поясняя этими словами основаніе своего избранія ¹⁾).

Такъ состоялось переселеніе матери Серафимы изъ Сѣвска въ Орель.

Хотя мать Серафима, какъ я уже говорила, и на игуменствѣ продолжала вести почти тотъ же затворническій образъ жизни, то-есть сама не выходила изъ своей кельи, кромѣ церкви, никуда и даже съ докладами ѣздила къ архіерею отъ ея имени обыкновенно назначая, но принимать у себя она вынуждена была своимъ положеніемъ. Обыкновенно на Пасху и Рождество у нея бывали съ визитами, а

¹⁾ «Жизнеописаніе блаженной памяти игуменьи и схимонахини Серафимы». Г. Пясецкій. Орель

на храмовой монастырской праздник и обѣдали всѣ предержавшія власти губерніи. И случилось такъ, что вскорѣ послѣ кончины моей бабушки къ игуменѣ пріѣхалъ на Рождество съ визитомъ орловскій вице-губернаторъ и въ разговорѣ съ ней, между прочимъ, спросилъ ее: не родственница ли ей недавно умершая вдова полковника, Густина Евстафьевна Соковнина?

Игуменья отвѣтила, что такъ какъ всѣ Соковнины происходятъ отъ одного корня, то, вѣроятно, и умершая приходилась ей по мужу какой-либо родственницей, хотя, должно быть, отдаленной, такъ какъ она совершенно не знаетъ ни ее, ни ея мужа. Затѣмъ она спросила, осталась ли семья отъ умершей.

— Да, два сына, въ возрастѣ 16 и 9 лѣтъ, и совсѣмъ маленькая дочь.

— Бѣдныя дѣти, въ такомъ возрастѣ — и круглыя сироты! На чемъ же онѣ попеченіи?

— Мальчиковъ помѣстили въ дворянскій пансіонъ при гимназіи, а дѣвочка живетъ въ домѣ родителей.

— Кто же при ней?

— Прислуга. Близкихъ родственниковъ у нихъ, кажется, нѣтъ.

— Какъ прислуга?! Дворянскій ребенокъ на попеченіи крѣпостной прислуги? И въ такомъ возрастѣ? Но это безчеловѣчно.

И на другой же день отъ игуменьи Серафимы полетѣло письмо къ губернскому предводителю дворянства, въ которомъ она требовала, чтобы дѣвочка-сирота немедленно же была бы привезена къ ней. Въ какихъ словахъ выражено было это желаніе и каково вообще было содержаніе этого письма — неизвѣстно, но во всякомъ случаѣ оно должно было служить тяжкимъ укоромъ всему орловскому дворянству. Схимница и затворница, болѣе всего цѣнившая и искавшая уединенія и нарушавшая его лишь въ силу послушанія начальству, поставившему ее на постъ игуменьи, не задумалась взять на воспитаніе свѣтскую дѣвочку, тогда какъ среди дворянъ не нашлось ни одной семьи, которая сочла бы своимъ долгомъ пріютить у себя ребенка своего же сословія и въ матеріальномъ отношеніи ничѣмъ такую семью не обременявшаго.

На слѣдующій же день мать моя привезена была самимъ губернскимъ предводителемъ дворянства къ игуменѣ Серафимѣ и осталась у нея.

Съ какимъ-то особеннымъ свѣтлымъ чувствомъ всегда вспоминала мать эту жизнь въ кельяхъ игуменьи-подвижницы. Помимо того, что въ матеріальномъ отношеніи она обставлена была наилучшимъ образомъ, самая духовная атмосфера этихъ келій была, вѣроятно, слишкомъ отрадна для чистой дѣтской души.

Думаю, читатели съ недоумѣніемъ или недовѣріемъ прочли мои слова, что лучшей воспитательницы, какъ эта игуменья-подвижница, нельзя было и желать для ребенка. Предполагаемое мною

недоумѣніе можетъ проистекать изъ того, что у насъ вообще плохо знаютъ истинное монашество. Обыкновенно съ именемъ «подвижникъ», «подвижница» соединяется представленіе чего-то суроваго, сухого, односторонняго, какой-то строгой муштровки, навязыванія пессимизма и проч. Отвѣтомъ на такое мнѣніе лучше всего можетъ служить образъ игуменьи Серафимы. Признавая, что всякій подвигъ можетъ имѣть цѣну только тогда, когда въ немъ участвуетъ свободная воля человѣка, мать Серафима никогда, на примѣръ, никого не склоняла къ монашеству, и даже, если ей заявляли о такомъ желаніи, считала своимъ долгомъ указать на трудности этого пути и давала время для размышленія и самоиспытанія. Отъ принявшихъ уже постриженіе она, само собою разумѣется, требовала строгаго исполненія данныхъ ими обѣтовъ и монашескаго устава; но и здѣсь нерѣдко случалось такъ, что иногда за меньшую вину она назначала какое-либо наказаніе, а большій проступокъ иной разъ прощала ею сразу. Зная подвижническую справедливость и безпристрастіе своей игуменьи, монахини понимали, что и тутъ ихъ судія и наставница обращала главное вниманіе на душевное расположеніе лица, совершившаго проступокъ, почему иногда и малая по внѣшности провинность пріобрѣтала значеніе настоящаго грѣха, тогда какъ большая являлась лишь проявленіемъ человѣческой немощи или простой необдуманности, неосмотрительности. Исходя изъ того же сознанія о значеніи подвига лишь при участіи воли человѣка, мать Серафима, будучи сама рѣдкой въ наши времена постницей, постоянно заботилась, чтобы всѣ въ ея кельи были сыты, чтобы столъ былъ хорошій, но правила монашескаго устава не нарушались никогда и ни для кого, такъ что мать моя до самаго поступленія своего въ институтъ не знала вкуса мяса. Такъ какъ съ затворомъ неразрывно соединяется и подвигъ молчальничества, то мать Серафима, сохраняя по возможности и на игуменствѣ свой прежній образъ жизни, говорила вообще очень мало, именно столько, сколько требовало дѣло; мало говорила она и съ моею матерью, но сколько, должно быть, было теплоты, сердечности въ ея немногихъ словахъ, если она внушила ребенку такое чувство къ себѣ, что, проживъ цѣлую жизнь, мать моя передъ смертью на вопросъ: кого желала бы она больше всего видѣть тамъ?—первою назвала матушку игуменью. А у нея были уже тамъ и долго оплакивавшійся ею сынъ, и горячо любимый мужъ, и родители, которыхъ она хотя и не помнила, но крѣпко всегда любила. Такъ умѣла мать Серафима соединять строгость съ сердечной теплотой, требовательность съ снисходительностью, и, какъ свидѣтельствуютъ о томъ ея современники, никогда въ Орловскомъ монастырѣ не было такого хорошаго монашества и въ то же время никогда монашествующимъ не было такъ легко нести свой иноческій подвигъ, какъ при ея управленіи.

Игуменская келья матери Серафимы раздѣлялась на двѣ половины; одну изъ нихъ, состоявшую изъ нѣсколькихъ комнатъ, занимала она сама, а въ другой, приходившейся на нѣсколько ступеней ниже и соединявшейся съ игуменской большой пріемной съ широкой лѣсенкой въ нѣсколько ступеней наподобіе амвона, помѣстили мою мать съ исполнявшей при ней роль бонны-воспитательницы дворянкой Прасковьей Васильевной Зыковой. Дѣтская свобода моей матери ничѣмъ не была стѣснена въ ея апартаментлахъ; она могла тутъ бѣгать, пѣть, играть, какъ угодно, но для нея не было большаго удовольствія, какъ пребывать въ покояхъ игуменьи. Что влекло туда ребенка? Нѣсколько весьма просто обставленныхъ комнатъ, въ которыхъ находилась одна лишь игуменья-подвижница или стоявшая на молитвѣ, или занятая чтеніемъ, или молча отдыхавшая въ креслѣ, и однако ребенка трудно было вызвать оттуда. Рассказываютъ, что, будучи еще совсѣмъ маленькой, она ползкомъ, съ помощью рукъ, взбиралась по ступенямъ лѣсенки къ матушкѣ и случалось, что иногда и засыпала тамъ гдѣ-нибудь на коврѣ. Уединенія матери Серафимы безъ особенной серьезной надобности никто не нарушалъ, но мать мою, какъ ребенка, она, быть можетъ, по слову Спасителя, никогда не отдаляла отъ себя, и даже въ такихъ случаяхъ она приказывала принести и подложить дѣвочкѣ подушку и прикрыть одеяльцемъ, и такъ и спала она тамъ до утра. Эти ночи въ кельяхъ игуменьи-подвижницы, относившіяся къ тому, конечно, времени, о которомъ мать моя могла уже помнить, служили для нея во всю жизнь самымъ свѣтлымъ воспоминаніемъ. Чарующая прелесть ихъ, несомнѣнно, заключалась въ томъ душевномъ настроеніи, которое овладѣвало дѣвочкой. «Это былъ истинный рай душевный,—обыкновенно, вспоминая, говорила мать.— Бывало проснусь иногда ночью — тишина невозмутимая, все безмолвствуетъ и спитъ вокругъ, и только въ углу передъ образами вырисовывается при свѣтѣ лампы и горящей въ рукѣ восковой свѣчи фигура матушки; и я не шелохнусь, замру, прислушиваясь къ какому-то восторженному сладкому трепетанію своего дѣтскаго сердца и боюсь, чтобы что-нибудь извнѣ не разсѣяло моего душевнаго состоянія. Случалось иногда, что и у меня являлось желаніе молиться вмѣстѣ съ матушкой; я вставала, подходила и становилась рядомъ съ ней на молитву. Замѣтивъ мое присутствіе, матушка начинала читать молитвы вполголоса, такъ, чтобы я могла слышать. Я молилась, сколько хотѣлось, а затѣмъ опять отправлялась къ моей импровизированной постели, укладывалась и засыпала безмятежнымъ дѣтскимъ сномъ».

Какихъ-нибудь длинныхъ внушеній, нравоученій мать Серафима никогда не дѣлала своей воспитанницѣ, нравственное воспитаніе ея шло совершенно незамѣтно и «монашескаго» давленія на нее никто не оказывалъ. Даже въ отношеніи молитвы дѣлалось такъ,

какъ это практиковалось въ тѣ времена во всѣхъ свѣтскихъ домахъ. Мать должна была утромъ и вечеромъ молиться Богу, но иногда случалось, что, набѣгавшись, она засыпала вечеромъ, не вычитавъ положенныхъ молитвъ; ее въ такихъ случаяхъ будили, заставляли перекреститься и перекрестить свою постельку и, раздѣвъ, укладывали спать, и только Прасковья Васильевна напоминали, чтобы она слѣдила и заставляла ребенка молиться, пока умъ его былъ еще въ бодрственномъ состояніи. По праздникамъ мать ходила въ церковь, но иногда у нея являлось желаніе идти и въ будни къ обѣднѣ. Вернувшись изъ церкви и напившись чаю, она шла по обыкновенію къ матери игуменьѣ.

— Въ церкви была?—задала та короткій вопросъ.

— Да, была,—отвѣчала дѣвочка.

И этимъ все кончалось, ни слова одобренія и похвалы, несомнѣнно, изъ боязни, чтобы не вкралось и малѣйшая тѣнь фальши въ отношеніяхъ ребенка къ Богу.

За все время пребыванія своего въ монастырѣ мать моя наказана была только разъ за такую продѣлку.

У нихъ въ кельѣ жила маленькая монашка клирошанка, бывшая почти однихъ лѣтъ съ матерью. Матери моей, по дѣтскому обезьянству, очень хотѣлось, чтобы и ее одѣли въ черное (т.-е. въ монашескій костюмъ); и вотъ, проснувшись однажды утромъ и увидавъ, что маленькая монашка спитъ еще въ сосѣдней комнатѣ, мать нарядилась въ ея костюмъ и, пользуясь тѣмъ, что и Прасковья Васильевна спала еще, потихоньку вышла изъ кельи и отправилась въ церковь къ заутренѣ (игуменская келья соединялась съ церковью стеклянной галереей). Такъ какъ она отлично знала всѣ порядки и чиноположенія монашескія, то, придя въ церковь, и продѣлала все, какъ подобало: т.-е. помолилась передъ царскими дверьми, поклонилась на обѣ стороны и стала на правый клиросъ, гдѣ было мѣсто маленькой монашки. Въ полумракѣ храма монахини и не замѣтили этого маскарада. Но при пѣніи: «Слава въ вышнихъ Богу», оба клироса сходятъ на средину храма и затѣмъ, по окончаніи великаго славословія, вновь расходятся по своимъ клиросамъ, причемъ идутъ по старшинству, то-есть младшія впереди. И такимъ образомъ, когда мать моя взошла на клиросъ и стала на свое мѣсто, повернувшись при этомъ лицомъ къ возвращавшимся на клиросъ старшимъ, ее, конечно, узнали.

— Сонечка, матушка, тебя одѣли въ черное? Вотъ хорошо-то, встѣ какая у насъ славная монашка!—посыпались на дѣвочку со всѣхъ сторонъ привѣтствія.

Она была въ восторгѣ.

Не понимая вины въ своемъ самовольномъ поступкѣ, она совершенно довольная и сіяющая возвращалась изъ церкви домой. Вдругъ стукъ въ окно залы: стучала сама мать игуменья. Мать и тутъ

нисколько не смутилась и, какъ была, такъ во всемъ монашескомъ одѣяніи и отправилась къ игуменьѣ, питая еще надежду, что вотъ теперь матушка увидитъ ее въ монашескомъ и, можетъ быть, это ей понравится и она одѣнетъ ее въ черное. Когда мать вошла въ келью, матушка, хотя и не сурово, но, сохраняя вполнѣ серьезный видъ, спросила:

— Кто благословилъ тебя одѣться въ черное?

— Никто. Я сама одѣлась.

— Какъ сама? Но развѣ можно присваивать себѣ чужое званіе? И развѣ монашеское одѣяніе—шутка, что его можно надѣть самовольно всякому, кому вздумается? Ты же знаешь, какъ у меня одѣваютъ въ черное. Эти лица готовятся, говѣютъ и исповѣдаются, одежду ихъ окропляютъ святой водой и затѣмъ съ моего благословенія ихъ одѣваютъ въ монашескія одежды.

Мать тутъ только сообразила, что это дѣйствительно дѣлается такъ и что, стало быть, ея поступокъ совсѣмъ нехорошъ.

— Ну, клади на столъ четки,—проговорила матушка,—и клади теперь поклонъ и говори: «Господи, прости меня, неразумную».

— Теперь клади повязку и проси, чтобы Господь простилъ тебя по твоему дѣтскому неразумію.

Такъ постепенно разоблачили самоиспеченную монашку, пока она осталась въ рубашенкѣ и панталончикахъ.

— Ну, теперь иди съ Богомъ, кушай чай,—проговорила матушка:—но всегда помни, что прежде, чѣмъ сдѣлать что-нибудь, надо обдумать, хорошо ли ты хочешь поступить.

Когда фигура моей матери, только что передъ тѣмъ прослѣдовавшей въ полномъ монашескомъ одѣяніи въ игуменскіе апартаменты, появилась теперь на лѣсенкѣ въ рубашонкѣ и штанишкахъ, Прасковья Васильевна и старшая келейница не могли удержаться отъ смѣха. Но дѣвочкѣ смѣхъ этотъ показался въ высшей степени неумѣстнымъ и она серьезно замѣтила:

— Смѣяться вовсе нечего, когда человѣкъ согрѣшилъ и оскорбилъ этимъ Бога.

Да, мать Серафима не читала длинныхъ нравученій своей питомицѣ, но самая ея жизнь, вся окружавшая ребенка атмосфера дѣйствовали сильнѣе самыхъ краснорѣчивыхъ и убѣдительныхъ поученій на впечатлительную чистую душу дитяти. Кто могъ бы, какіе опекуны и родители, создать и обвѣять душу ребенка такой атмосферой нравственной чистоты, правды, живой вѣры, какъ это дано было сиротѣ—моей матери? Старожиламъ Орла долго была памятна картина, какъ въ праздникъ шествовала въ церковь столь чтимая ими схимница-игуменья и съ нею всегда изящно одѣтая маленькая свѣтская дѣвочка.

— Господи, вотъ счастливый-то ребенокъ,—нерѣдко слышались въ толпѣ слова умилившихся этой необычной картиной.—Пожа-

луй, и сиротству позавидуешь, лишь бы пожить при такой особѣ, какъ матушка Серафима.

Конечно, обстановка души была важнѣе и выше всего, но пусть не думаетъ читатель, что только въ этомъ одномъ можно было завидовать моей матери. Нѣтъ, попеченіемъ мудрой и сердечной матушки она во всѣхъ отношеніяхъ и со всѣхъ сторонъ обставлена была наилучшимъ образомъ. Вотъ предо мною лежитъ письмо незабвенной матушки Серафимы къ ея искреннему другу съ юныхъ дней—княжѣ Александрѣ Голицыной, въ которомъ, между прочимъ, заключаются слѣдующія строки: «Посылаю тебѣ мѣрочку по которой потрудись, пожалуйста, заказать у m-me (фамиліи не разберу) пальто для Сонечки и шерстяное платьице къ празднику понаряднѣе. Также поищи какую-нибудь игрушку поинтереснѣе, что-нибудь такое, чѣмъ бы дѣвчкѣ можно было заняться. (Куколь у нея много, но она мало съ ними играетъ)». Да, эта отречшаяся лично для себя не только отъ міра и всякихъ его радостей и утѣшеній, не только отъ привычнаго ей съ дѣтства комфорта и роскоши, но стѣснившая себя даже въ самыхъ насущныхъ потребностяхъ природы подвижница заботилась о нарядахъ и игрушкахъ для взятаго ею на свое попеченіе ребенка. Теперь и въ провинціи можно достать все, а въ тѣ времена и въ губернскомъ городѣ, отстоявшемъ такъ недалеко отъ Бѣлокаменной, скудно было насчетъ всего и поэтому для матери моей, кромѣ простыхъ домашнихъ блузочекъ, всѣ наряды выписывались изъ Москвы: выписывались оттуда и игрушки, и конфекты, и книжки, когда она начала учиться, такъ что у нея были, напримѣръ, игрушки, какихъ не имѣли тогда и жившія при родителяхъ дѣти богатыхъ семей. До какихъ мелочей была вдумчива и заботлива матушка Серафима въ исполненіи своего долга относительно взятаго ребенка, можно видѣть хотя бы изъ того, что, помимо всякихъ подарковъ, въ день ангела моей матери обязательно дарилась небольшая сумма денегъ,—дарилась въ той заботѣ, что могли же у дѣвочки быть какія-нибудь свои желанія, которыя она, не имѣя родителей, все-таки могла стѣсниться высказать. Вотъ этими деньгами она и распоряжалась, какъ хотѣла, раздавая ихъ или покупая иногда совсѣмъ ненужныя вещи, и сопровождавшей ее во время этихъ покупокъ Прасковья Васильевнѣ приказано было не стѣснять ребенка. Оберегая достоинство сироты, матушка игуменья причитавшуюся на долю дѣвочки отцовскую пенсію всегда отдавала ходившей за нею Прасковья Васильевнѣ, говоря: «Прасковья Васильевна, получите *отъ Сонечки* ваше жалованье». Всѣ въ келии, кромѣ Прасковьи Васильевны и самой матушки, звали малютку не иначе, какъ Софія Ивановна, и даже, отдавая какое-нибудь приказаніе насчетъ ребенка келейницѣ, матушка постоянно говорила: «позовите ко мнѣ Софью Ивановну», или «спросите, покупала ли Софія Ивановна».

Когда матери моей исполнилось семь лѣтъ, матушка приказала начать учить ее читать и писать по-русски. Приглашенъ былъ старичокъ-учитель, считавшійся въ городѣ лучшимъ въ дѣлѣ первоначальнаго обученія; изъ Москвы выписаны были книжки въ изящныхъ переплетахъ, съ раскрашенными картинками, но ученье не пошло на ладъ. Книжки куда-то исчезали, тетрадки тоже, увѣщанія педагога и Прасковьи Васильевны, что надо учиться, не дѣйствовали. Матушка игуменья приказала оставить ученье и повременить. Черезъ полгода снова появился учитель и новыя книжки, но повторилось то же. Тогда матушка придумала приохотить дѣвочку компаніей и соревнованіемъ. Она разрѣшила монахинѣ Магдалинѣ Соколовой, обучавшей чтенію неграмотныхъ послушницъ, взять нѣсколькихъ свѣтскихъ дѣвочекъ для обученія. Хотя мать Магдалина была тоже дворянка, но образованіе ея было, кажется, весьма скромное, и однако, когда въ городѣ узнали, что мать Серафима разрѣшила ей принять нѣсколькихъ мірскихъ дѣвочекъ для обученія, этимъ разрѣшеніемъ воспользоваться самыя видныя по положенію дворянскія семьи. Объяснялось это тѣмъ благоговѣйнымъ уваженіемъ, какое питало къ игуменѣ-подвижницѣ мѣстное общество, почитавшее особеннымъ счастьемъ для себя положить начало обученія своихъ дѣтей съ ея благословенія и подъ кровомъ ея обители. Дѣвочекъ разрѣшено было взять не болѣе трехъ-четырехъ, и такимъ образомъ составилась своеобразная школа матери Магдалины изъ дочери предводителя дворянства Тютчевой, двухъ дочерей мѣстныхъ дворянъ—Костомаровой и Рудневой, и моей матери. Нельзя и здѣсь не остановиться на чисто материнской нѣжности игуменьи-подвижницы къ своей питомицѣ. Обыкновенно въ 9 часовъ утра городскихъ ученицъ матушки Магдалины привозили въ монастырь; матери моей нужно было только пересѣчь монастырскую площадку, чтобы добраться до келіи своей учительницы, но мать Серафима заказала хорошенькія саночки съ верхомъ и полостью, въ которыхъ мать мою и возили на урокъ. Правда, лошадей замѣнялъ монастырскій сторожъ Акимъ, но это нисколько не огорчало дѣвочку; Акимъ возилъ шибко и такой былъ добрый и ласковый старикъ, что, пріѣхавъ за дѣвочкой послѣ занятій, бывало еще и покатаетъ ее по всему монастырю. Въ 12 часовъ дѣвочкамъ приносили завтракъ, мать могла, конечно, прибѣжать позавтракать и домой, но чтобы и тутъ не дѣлать разницы, ей, по приказанію матушки, тоже носили завтракъ «въ школу». Трогательны были всѣ эти мелкія заботы великой подвижницы о ребенкѣ. Очевидно, матушка ничего не умѣла дѣлать въ половину: разъ взяла ребенка, то и считала своимъ долгомъ не только сдѣлать для него лишь необходимое, не желала обставить его такъ, чтобы онъ не чувствовалъ совершенно своего сиротства.

Въ теченіе жизни матери моей пришлось немало видѣть искренняго расположенія, уваженія и вниманія отъ людей; все это она

всегда глубоко цѣнила, но ничто не трогало ее такъ, какъ именно эти мелкія заботы о ней ея воспитательницы. Ей ли, уже престарѣлой и больной, постоянно занятой и дѣлами по управленію монастыремъ и главное—своимъ внутреннимъ, сокровеннымъ подвигомъ, заботиться не только о необходимомъ, но и о всякихъ удовольствіяхъ ребенка такъ, какъ не заботятся объ этомъ и другія матери?

Вотъ Сонечка говѣеть, наступаетъ день приобщенія св. таинъ; посмотрите, съ какими заботами приготовлено все для маленькой причастицы. Накрыть столикъ для чаепитія, и чего только нѣтъ на немъ! И хорошенькая новенькая чашечка, и крохотный сливочникъ съ миндальнымъ молокомъ, и нѣсколько маленькихъ баночекъ съ вареньемъ разныхъ сортовъ, и всевозможное домашнее печенье. Въ день ангела малютки матушкѣ, не только не вкушавшей, но и не видѣвшей круглый годъ иныхъ яствъ, кромѣ своего заповѣднаго кулеша и борща безъ масла, обязательно несутъ напоказъ именинный пирогъ, приготовленное пирожное; старшая келейница идетъ отъ ея имени приглашать соученицъ дѣвочки на именины. Такія заботы, несомнѣнно, могло диктовать только самое нѣжное сердце, и тому, кто понимаетъ подвижничество неправильно, пожалуй, трудно и совмѣстить его суровый законъ съ такою сердечною лаской. А между тѣмъ законъ этотъ дѣйствовалъ и тутъ, на ряду съ нѣжной заботливостью. Посмотришь, съ какою легкостью и по какимъ ничтожнымъ причинамъ нарушаются теперь не только мірянами, но даже и монашествующими постановленія поста, а матушка и для ребенка не допускала нарушенія монастырскихъ правилъ: столъ для дѣвочки былъ всегда прекрасный, но готовилось только то, что разрѣшалось ѣсть въ монастырѣ. Оказывая всякую ласку въ нѣжной заботливости, матушка въ обращеніи съ ребенкомъ неизмѣнно держалась разъ установленнаго ею для себя правила обращенія съ людьми: она такъ же мало говорила, такъ же была всегда серьезна и съ такою же серьезностью и вниманіемъ относилась ко всякой дѣтской выходкѣ, надъ которой другіе иной разъ отъ души смѣялись, какъ и къ поступку взрослого человѣка. «И дѣтская выходка, и поступокъ взрослого имѣютъ одно и то же исходище, и стадіи проходятъ тѣ же, только обработка ихъ разная», говорила обыкновенно мать Серафима, стараясь и другихъ приучить относиться глубже и серьезнѣе къ проявленіямъ жизни дѣтской души.

Ученіе моей матери у матери Магдалины пошло отлично; она скоро выучилась хорошо читать и еще лучше писать. У матери Магдалины практиковались и поощренія для старательныхъ ученицъ. Въ чемъ заключались они? Для нынѣшнихъ не въ мѣру «умныхъ и развитыхъ» и не въ мѣру требовательныхъ дѣтей подобныя поощренія, пожалуй, были бы даже смѣшны, но тогда дѣти были дѣтьми, и поощренія матушки-учительницы вполнѣ достигали

своей цѣли. Состояли они, какъ, конечно, и подобало, исключительно изъ какихъ-нибудь скромныхъ монастырскихъ издѣлій. Напримѣръ: читали тогда непремѣнно съ указкой, и вотъ кто читалъ плохо, тому и давали самую плохую указку, кто получше—тому и указка понаряднѣе. То же и съ писаніемъ. Писали тогда исключительно гусиными перьями, и кто начиналъ писать получше, тому давалось перышко съ какимъ-нибудь украшеніемъ изъ канители или крошечными цвѣточками изъ фольги и разноцвѣтнаго воска, а самой высшей наградой было перо въ чехольчикѣ изъ мельчайшаго бисера. Вотъ эту награду и заслужила однажды моя мать. Торжествующая явилась она съ нею домой и, раздѣвшись внизу и сказавъ, чтобы подождали немного съ обѣдомъ, отправилась прямо къ матушкѣ Серафимѣ. За нею послѣдовала и Прасковья Васильевна, недоумѣвая, какое такое неотложное дѣло приспѣло у дѣвочки къ матери игуменьѣ. Войдя въ комнату, мать моя поклонилась матушкѣ и положила предъ нею на столъ перо.

— Что это за перышко?—спросила мать Серафима.

— Это мнѣ дала мать Магдалина за то, что я хорошо писала,—пояснила дѣвочка.

— Ну, слава Богу.

— Отдайте, матушка, это перо въ церковь, отцу Егору миромъ мазать ¹⁾.

Прасковья Васильевна прыснула со смѣху при этихъ словахъ дѣвочки и закрыла ротъ платкомъ, чтобы не разразиться въ присутствіи матушки громкимъ хохотомъ.

Но не такъ приняла поступокъ ребенка мать Серафима. Она встала съ кресла и со словами монашеской благодарности: «спаси, Господи, и помилуй», низко, по-монашески, касаясь пола рукою, поклонилась дѣвочкѣ, благодаря ее, какъ игуменья, за ея первую жертву отъ трудовъ ея на ввѣренный ей монастырь.

Такимъ же низкимъ поклономъ мать Серафима еще разъ поблагодарила свою питомицу, но случилось это уже незадолго до ихъ вѣчной разлуки. Года за полтора до кончины матери Серафимы сгорѣлъ до тла столь благоустроенный ею монастырь. Пока въ Синодѣ тянулся вопросъ, гдѣ возобновлять его: на томъ же ли мѣстѣ, или вынести за городъ, мать Серафима вынуждена была жить на квартирѣ. Однажды, подъ какой-то большой праздникъ, отпустить келейницъ въ приходскую церковь ко всенощной, матушка, очень уже слабая и недомогавшая, осталась въ своихъ комнатахъ только съ моею матерью. Вдругъ нашли тучи и разразилась страшная гроза. На матушку это явленіе природы производило всегда

¹⁾ То есть употреблять какъ стручень, который въ женскихъ монастыряхъ часто встрѣчается отдѣланный бисеромъ и которымъ священникъ помазуетъ молящихся освященнымъ елеемъ.

удручающее впечатлѣніе; она, какъ многія нервныя особы, боялась грозы и съ нею еще связано было для нея какое-то горькое воспоминаніе. По своей обычной сдержанности она сносила все молча и всегда старалась по возможности не выказывать своихъ и физическихъ, и душевныхъ страданій. Но какъ ни старалась она въ данную минуту скрыть свой страхъ, мать моя все-таки замѣтила ея взволнованное состояніе и догадалась, что его причиняетъ гроза. Придумывая, что предпринять и чѣмъ и какъ успокоить свою дорогую воспитательницу, дѣвочка прибѣгла къ тому средству, которое по обстановкѣ ея жизни и воспитанію было ей сроднѣе всего: она придвинула къ кіоту съ образами стулъ, положила на него толстый молитвословъ и стала читать вслухъ акаеистъ Спасителю. Сидѣвшая дотолѣ въ креслѣ съ прикрытыми рукою глазами матушка Серафима стала на молитву, и когда дѣвочка окончила акаеистъ и повернулась, чтобы отнести книгу на мѣсто, она увидѣла, что по лицу матушки текли обильныя слезы.

— Пусть же Самъ Господь утѣшитъ тебя такъ, какъ ты утѣшила меня въ эту минуту. Спаси же тебя, Господи,—проговорила матушка и опять низко, до земли поклонилась дѣвочкѣ и, взявъ обѣими руками ея головку, крѣпко поцѣловала ее въ лобъ.

Хотя ясно обрисовать образъ такой высокой духовной красоты, какъ матушки Серафимы, и очень трудно, ибо такая красота болѣе чувствуется душою, чѣмъ выражается словами, но думаю, что и изъ немногаго, сказаннаго мною, читатель моихъ воспоминаній пойметъ, какой рѣдко счастливый, исключительный удѣлъ достался матери моей въ отношеніи ея нравственнаго воспитанія. Но то было еще не все: дѣвочкѣ нужно было дать и соотвѣтствовавшее происхожденію образованіе. Обстоятельство это было очень тревожное, такъ какъ изнуренныя подвигомъ силы матушки Серафимы быстро падали, и съ весны 1842 года у нея стали по временамъ обнаруживаться признаки водянки. Одно время состояніе ея здоровья было настолько плохо, что сдѣланы были всѣ приготовленія и распоряженія на случай смерти, и матери моей грозило несчастье снова остаться на попеченіи тѣхъ людей, которые проявили уже однажды такую жестокою небрежностью къ ея участи. Но здѣсь снова выступаетъ промышленіе Небесной Попечительницы дѣвочки-сироты. Происходитъ такъ, что матушка Серафима, безъ всякихъ лекарствъ и питаясь все тою же скудною пищей, оправляется отъ болѣзни; дѣятельность сердца улучшается, отеки сходятъ, силы нѣсколько восстанавливаются, и въ это же время черезъ Орель проѣзжаетъ государыня Александра Ѳеодоровна. При остановкѣ въ городѣ она посѣтила уже раньше лично извѣстную ей игуменью Серафиму и этимъ счастливымъ «случаемъ» матушка и воспользовалась, чтобы сдѣлать для своей питомицы существенно необходимое—озаботиться объ ея образованіи. Она представила дѣвочку

государынѣ и просила принять ее по достиженіи положеннаго возраста въ какой-либо первоклассный институтъ; и государыня обѣщала исполнить желаніе болѣзнуюющей игуменьи. Матери моей было въ это время восемь лѣтъ и слѣдовало уже позаботиться о постепенной подготовкѣ ея къ поступленію въ заведеніе. Здѣсь на помощь матушкѣ пришла тоже «случайность». Въ монастырѣ въ это время проживала по нѣкоторымъ обстоятельствамъ фрейлина двора Д., вотъ она и предложила матушкѣ свои услуги заняться съ дѣвочкой иностранными языками, ариеметикой и проч.

Иностранные языки дались моей матери чрезвычайно легко, въ особенности французскій; въ два года у нея образовался такой превосходный выговоръ и она такъ освоилась съ своеобразными оборотами французской рѣчи, что даже выдѣлялась этимъ среди аристократическихъ, говорившихъ чуть не отъ рожденія по-французски, питомицъ института и приводила въ восторгъ и удивленіе своего профессора, парижанина Cournaud. Слушая ея изящную болтовню, онъ не разъ съ удивленіемъ говорилъ: «*mais d'où vous vient votre français, ma petite?*». И странно было слышать въ отвѣтъ, что приобрѣтено это знаніе въ монастырѣ.

Среди высшихъ женскихъ учебныхъ заведеній наилучшей репутаціей въ то время пользовался, какъ по постановкѣ учебной части, такъ и во всѣхъ прочихъ отношеніяхъ петербургскій Екатерининскій институтъ. Достаточно сказать, что во главѣ его стояла тогда такая выдающаяся по своимъ высокимъ нравственнымъ качествамъ и столь долго и благотворно послужившая русскому обществу начальница, какъ Е. В. Родзянко, воспитавшая нѣсколько поколѣній истинно русскихъ женщинъ; почетнымъ опекуномъ заведенія былъ добрѣйшій и преисполненный чувства долга принцъ П. Г. Ольденбургскій, а въ числѣ педагоговъ значились такія свѣтила науки того времени, какъ епископъ Макарій (Булгаковъ, извѣстный ученый и впоследствии митрополитъ московскій), профессоръ П. Г. Ободовскій, математикъ Буссе, физикъ Менетріе, Плетневъ, управлявшій придворной капеллой Ломакинъ и другіе. Въ довершеніе всего институтъ этотъ пользовался особеннымъ благоволеніемъ императорской фамиліи, часто посѣщавшей его (государыня Марія Александровна, тогда еще цесаревна, почти каждую пятницу присутствовала за урокомъ Закона Божія), и одно это обстоятельство ставило его уже въ исключительно счастливое положеніе. Государь Николай Павловичъ не любилъ побрякивать лѣнтяямъ и нерадивцамъ, относившимся къ своимъ обязанностямъ спустя рукава и видѣвшимся въ службѣ лишь двадцатое число, и все въ институтѣ было на чеку, всё относились къ своимъ обязанностямъ не только добросовѣстно, но съ энергіей и искреннимъ желаніемъ сдѣлать все какъ можно лучше, и все постепенно совершенствовалось, программа расширялась, методъ улучшался и нерѣдко на публичныхъ

экзаменахъ институтки удивляли присутствовавшихъ своими основательными знаніями. Институту этому впоследствии и дано было вполне заслуженно званіе «образцоваго».

Вотъ въ это заведеніе и желательно было игуменьѣ Серафимѣ помѣстить свою питомицу. Было тутъ одно препятствіе и въ сущности не легко преодолимое, но которое для матери моей прошло совсѣмъ незамѣтно. Дѣло въ томъ, что тогда еще соблюдался уставъ института, по которому требовалось, чтобы ходатайство о принятіи дѣвочки въ это заведеніе непременно исходило отъ кавалерственной дамы ордена св. Екатерины (официально институтъ этотъ и носить наименованіе «училища ордена св. Екатерины»). Немного у насъ и теперь дамъ, имѣющихъ этотъ орденъ, а въ то время, когда награды вообще давались гораздо осмотрительнѣе, ихъ было и совсѣмъ мало; но случилось такъ, что незадолго до поступленія моей матери въ институтъ въ Орель пріѣхала на постоянное жительство ея дальняя родственница, графиня Зотова, урожденная княжна Куракина. Одна изъ дочерей графини была замужемъ за игравшимъ столь видную роль въ царствованіе государя Николая Павловича свѣтлѣйшимъ княземъ Александромъ Ивановичемъ Чернышевымъ (военнымъ министромъ, а затѣмъ предсѣдателемъ государственнаго совѣта). Вотъ къ его женѣ, какъ къ кавалерственной дамѣ и обраталась чрезъ графиню Зотову матушка Серафима съ просьбой подать прошеніе о принятіи моей матери въ Екатерининскій институтъ. Прошеніе было подано княгиней Чернышевой, но государыня помнила свое слово, данное игуменьѣ, и положила на него такую резолюцію: «Въ уваженіе просьбы *игуменьи Серафимы Соковниной*, принимаю дѣвицу Софію Соковнину собственной моей пансіонеркой въ училище ордена св. Екатерины».

Теперь главное для ребенка было сдѣлано: онъ былъ выхоженъ, досмотрѣнъ, положены были основы его нравственнаго воспитанія, обезпечено его образованіе—и матушка Серафима, жившая послѣдніе годы просто какимъ-то чудомъ, тихо догорѣла, скончавшись кончиною праведницы, спустя всего три мѣсяца послѣ отъѣзда моей матери въ Петербургъ. Не дивное ли это было промышленіе Божіе о сиротѣ?

Матери моей долго боялись сообщить о кончинѣ ея воспитательницы; привязанность ея къ ней была настолько сильна, что, обладая всегда прекрасной памятью и помня до мельчайшихъ подробностей всю обстановку игуменской келіи и весь распорядокъ ея жизни, она совершенно не помнила момента своего разставанія съ матушкой Серафимой, такъ было переволновано ея дѣтское сердце. Она опомнилась и пришла, повидимому, нѣсколько въ себя, лишь когда увозившій ихъ мальпость тронулся уже въ путь, и, слѣдуя мимо церкви Воздвиженія, она услышала торжественный благовѣстъ ко всенощной по случаю престольнаго праздника. Только по этому

воспоминанію она и знала, что покинула Орель и простилась навсегда съ своей дорогой матушкой 13-го сентября.

Сопровождали мать мою въ Петербургъ въ качествѣ уполномоченной матушки игуменьи послушница Прасковья Васильевна Зыкова и отъ графини Зотовой—ея компаніонка, англичанка миссъ Колинзъ. Странное сочетаніе! Монахиня—и англичанка, изъ монастыря—и въ домъ, куда, по выраженію m-me Ментенонъ «le roi va tous les jours», келія схимницы смѣнилась отелемъ одного изъ ближайшихъ ко двору вельможъ! И надолго это странное сочетаніе влелось въ жизнь моей матери и навсегда отразилось въ ней самой. По внѣшности изъ нея сложилась вполнѣ свѣтская женщина: она никогда не чуждалась общества, всегда была живая, веселая, никакая, такъ сказать, напряженная религіозность не была въ ней въ глаза. А между тѣмъ основой всей ея жизни было Евангеліе; ея глубокая вѣра была искренняя и проста, ей одинаково были чужды какъ рисовка и ханжество, такъ и своевольныя толкованія и умствованія въ вопросахъ религіи. Она глубоко читала церковь и, по возможности, строго держалась церковности; дѣлая для семьи больше, чѣмъ можно было требовать, она въ то же время не любила, такъ называемыхъ, «женщинъ-дѣльцовъ», и сама всегда оставалась женщиной. Такой типъ сложился изъ ея двойкаго воспитанія: монастырскаго и великосвѣтскаго.

Когда мать и сопровождавшіе ее пріѣхали въ Петербургъ къ Чернышевымъ, семья князя была во дворцѣ на панихидѣ по великой княгинѣ Александрѣ Николаевнѣ; по возвращеніи ихъ изъ дворца, княгинѣ доложили о прибывшихъ и она послала просить ихъ къ себѣ. Войдя въ салонъ, мать моя, по всѣмъ правиламъ придворнаго этикета, сдѣлала почтительный реверансъ княгинѣ и затѣмъ стала передавать ей по-французски привѣтствія отъ графини Зотовой и благодарность матери Серафимы за хлопоты по подачѣ прошенія. Княгиня Чернышева была крайне поражена выдержкой дѣвочки и самымъ видомъ ея; очевидно, она ждала совсѣмъ не того, и, громко позвавъ мужа, проговорила:

— Alexandre, да пойдѣ сюда, пожалуйста; посмотри, это интересный субъектъ, эта маленькая монастырка! Послушай, какъ она мило болтаетъ по-французски.

А маленькая монастырка, болтая по-французски, въ то же время думала про себя, глядя на траурный туалетъ княгини: «какъ хорошо, что и при дворѣ одѣваются такъ же, какъ наши матушки! Только у матушекъ мантия безъ рукавовъ, а здѣсь съ рукавами, и вуаль не такъ наколотъ, потому что шапка другая».

То же не разъ повторялось съ матерью и въ институтѣ.

Однажды за обѣдомъ у начальницы одна изъ воспитанницъ старшаго класса употребила фразу: «je voudrais que vous connaissiez cette personne».

— *Natalie! mais c'est une expression barbare*,—остановила ее начальница и, случайно взглянув на мою мать, проговорила:— *voila la petite parisienne nous corrigera. Comment faut-il dire, Sophie?*

— *Je voudrais vous faire connaitre cette personne*,—отвѣтила мать, и только окончила она эту фразу, какъ съ колокольни ближайшей церкви донесся звонъ къ вечерни.

«Маленькая парижанка» благоговѣнно перекрестилась и проговорила:

— Вотъ ужъ и шестое число! Завтра апостола Θомы, а послѣ завтра—Сергія и Вакха, а 8-го—преподобной Пелагіи и Таисіи, 9-го—апостола Іакова Алѣева и Андроника.

— Пстой, пстой, что ты болтаешь?—улыбнулась начальница и потребовала календарь.

Оказалось, что дѣвочка знала чуть не всѣ святцы на память. Откуда явилось это знаніе—впослѣдствіи мать и сама не могла придумать, такъ какъ ее этому, понятно же, не учили.

Въ другой разъ, въ ожиданіи приѣзда въ институтъ возвратившейся изъ-за границы государыни, начальница позвала къ себѣ мою мать и, какъ «новенькую», да еще провинціалку и монастырку, спросила ее:

— Вотъ, *Sophie*, насъ можетъ посѣтить государыня; по всему вѣроятію, она потребуетъ тебя къ себѣ, какъ ея пансіонерку, знаешь ты, какъ должно называть государыню?

— Да, *маман*.

— А ну, скажи.

— *Votre Majesté imperiale*. И я знаю, *маман*, какъ должно дѣлать поклонъ государынѣ,—добавила дѣвочка и рассказала весь распорядокъ реверансовъ и вообще весь этикетъ представленія и отношенія къ особамъ императорской фамиліи.

— Откуда же ты все это знаешь?—съ удивленіемъ спросила начальница.

— Матушка игуменья просила Елену Даниловну научить меня всему тому, что можетъ быть мнѣ здѣсь нужно.

— А кто же эта Елена Даниловна?

— Фрейлина Д. Она живетъ у насъ въ монастырѣ.

— Мудреное же ты дитя!—сказала съ улыбкой начальница:— ты жила въ монастырѣ и получила подготовку ко двору.

А мудреное дитя сейчасъ же и доказало правоту словъ своей директрисы. Черезъ залу, гдѣ онѣ находились, прошла въ это время гостившая или проживавшая у начальницы какая-то ея родственница или знакомая.

— *Маман*, кто эта дама?—спросила дѣвочка.—Я никогда не вижу, чтобы она дежурила въ какомъ-нибудь классѣ.

— Она не служить здѣсь, а только такъ временно живетъ,—отвѣтила начальница.

— А, понимаю. Она, значить, прислана сюда на покаяніе,— сказала моя мать.

Начальница и невольно разсмѣялась, и удивилась такому странному для нея заключенію ребенка, и подумала, что ужь не представляется ли дѣвочкѣ институтъ какимъ-то исправительнымъ учрежденіемъ, куда ссылають провинившихся. Но заключеніе это вытекло совсѣмъ изъ другихъ обстоятельствъ и являлось, пожалуй, логичнымъ, примѣняясь къ понятіямъ дѣвочки. Во время жизни ея въ монастырѣ «подъ началь» такой опытной и мудрой наставницы, какова была матушка Серафима, дѣйствительно нерѣдко присылались лица, приговоренныя къ церковному покаянію. Видя этихъ «не матушекъ» живущими въ монастырѣ и, вѣроятно, слыша при разговорахъ о нихъ слова: «на покаяніи», мать моя и приложила это опредѣленіе и въ данномъ случаѣ, такъ какъ и особа, о которой шла рѣчь, тоже не принадлежала къ институту, а лишь проживала въ немъ.

Время своего пребыванія въ институтѣ мать моя всегда вспоминала съ удовольствіемъ и съ самой искренней благодарностью ко всѣмъ тѣмъ лицамъ, которыя имѣли какое-либо отношеніе къ заведенію. При незабвенномъ государѣ Николаѣ Павловичѣ всѣ служили, кого обязывало къ этому положеніе или обстоятельства. Служила и добрѣйшая государыня Александра Θεодоровна, входя во всѣ дѣла и нужды подвѣдомственныхъ ей женскихъ учебныхъ заведеній. Она часто посѣщала петербургскіе институты, и ея посѣщенія не являлись лишь отбываніемъ простой формальности; она знала и понимала жизнь института, знала, чѣмъ и какъ обласкать и порадовать дѣтей, на что слѣдовало обратить особенное вниманіе. Въ обращеніи съ дѣтьми она была такъ проста и доступна, что дѣти на ея вопросы не стѣсняясь высказывали ей свои желанія или затрудненія. Часто, уже хвораая въ то время, государыня, если не могла посѣтить сама институтъ, «посылала» за себя государя, который и являлся обыкновенно съ такой фразой:

— Старуха моя (такъ по большей части называлъ онъ свою супругу) послала меня навѣстить васъ. Очень она беспокоится, что давно не видѣла васъ, и велѣла мнѣ самолично собрать свѣдѣнія, какъ вы тутъ поживаете, что подѣлываете.

— Благодаримъ, государь. Мы здоровы и все у насъ благополучно,—отвѣчали дѣти.

— А вотъ ужь одно знаю и не спрашивая: устали вы, вѣроятно? Ну, я доложу государынѣ, и она, навѣрное, дня на три разгонитъ вашихъ мучителей-учителей. Только ужь покорнѣйше прошу васъ. Екатерина Владимировна,—обращался онъ къ начальницѣ,—прослѣдить, чтобы отдыхъ дѣтямъ данъ былъ полный. А то я вѣдь знаю, что если прекратятъ лекціи, такъ начнутся мученія другого сорта: повтореніе пройденнаго или пропущеннаго по болѣзни, подтяги-

ваніе слабенькихъ и т. п. Такъ вотъ ужь, пожалуйте, прошу васъ, чтобы этого не было.

И государь былъ правъ, такъ заботясь о полномъ отдыхѣ дѣтей. Тогда вѣдь *учились* и учились много и серьезно: программа была большая, учились безъ книгъ, по лекціямъ, которыя нужно было самимъ и составить, и переписать, вакаціи были краткія. (На Рождество, напримѣръ, съ третьяго дня праздника начинались уже лекціи, а лѣтнія каникулы продолжались лишь съ 29 іюня по 1 августа).

Во время своихъ поѣздокъ за границу государыня поручала институты цесаревнѣ Маріи Александровнѣ. Какъ особа еще молодая и притомъ крайне сдержаннаго и женственно-скромнаго характера, цесаревна не могла такъ просто и непринужденно обращаться съ дѣтьми, какъ государыня. Государь не упустилъ и этого изъ вида, и изъ опасенія, чтобы дѣти не приняли эту сдержанность за холодность, въ одно изъ своихъ посѣщеній обратился къ воспитанницамъ съ такою рѣчью:

— Государыня не могла сдѣлать вамъ больше добра и оказать больше заботливости, какъ поручивъ васъ на время своего отсутствія цесаревнѣ. Не удивляйтесь, что она такая молчаливая: она очень серьезна, но у нея золотое сердце. Она рѣдкая мать и жена, она у меня большая умница; вы ее полюбите и слушайте. Я самъ всегда ее слушаюсь.

Таковы были отношенія царской семьи къ институту. Государыня смотрѣла на свои обязанности къ учебнымъ заведеніямъ, какъ на священный долгъ, считая институтокъ ввѣренными ея заботамъ и попеченіямъ родителями дѣтьми, за которыхъ она должна дать отвѣтъ передъ ними и своею совѣстью. И это не была лишь пышная фраза; тому доказательствомъ служила ея серьезная заботливость о дѣтяхъ и зоркая наблюдательность за всѣмъ, что происходило въ институтахъ. Она знала почти всѣхъ институтокъ въ лицо, знала отчасти семейное положеніе каждой изъ нихъ, знала, у кого случилось какое-либо горе, что явствовало изъ лично обращенныхъ къ дѣвицамъ ея вопросовъ и словъ при посѣщеніи, о всякомъ происшествіи въ заведеніи ей всегда докладывали немедленно, такъ что ея высокое покровительство являлось дѣйствительно *службой* родинѣ.

Мать моя, какъ собственная пансіонерка государыни и круглая сирота, пользовалась ея особенной лаской и вниманіемъ, и насколько простиралась чисто материнская заботливость государыни о дѣвчкѣ, нагляднымъ примѣромъ можетъ служить приключившаяся съ моею матерью уже въ выпускномъ классѣ болѣзнь.

Началась эта болѣзнь съ чисто дѣтской шалости. Подъ Новый годъ, придя отъ всенощной, нѣсколько дѣвочекъ и въ томъ числѣ моя мать придумали оригинальное состязаніе: кто изъ нихъ выпьетъ

больше воды за разъ. Мать моя выпила обыкновенную институтскую кружку и еще сверхъ кружки сдѣлала нѣсколько глотковъ. Придя въ дортуаръ, она почувствовала, что ее слегка прознобило. Она постѣшила улечься и, закрывшись одѣяломъ съ головой, скоро согрѣлась и заснула. Но когда она проснулась по утру, ея сосѣдки по кроватямъ накинулись на нее съ вопросами:

— Соня, что съ тобой? Посмотри, какое у тебя лицо. У тебя— флюсь или свинка?

Мать подошла къ зеркалу и увидѣла, что лицо ея и уши страшно обезображены опухолью. Пальцы на рукахъ тоже дѣйствовали плохо. Отекъ шелъ такъ быстро, что, когда дѣвицы выстроились, чтобы итти къ обѣднѣ, мать, не дожидаясь прихода дежурной дамы, которой слѣдовало заявить о болѣзни, должна была выйти изъ пары, такъ какъ явилась уже необходимость снять платье и ботинки. Ее отвели въ лазаретъ, гдѣ доктора признали острую водянку. Сейчас же дали знать во дворецъ, и, несмотря на то, что это былъ Новый годъ и во дворцѣ готовились къ Высочайшему выходу, оттуда немедленно прискакалъ лейбъ-медикъ государыни, Арендтъ, и князь Чернышевъ, которому государыня сама сообщила о болѣзни моей матери.

Началось долгое леченіе. Всѣ старанія, конечно, были употреблены, чтобы не допустить отека легкихъ. Воду приходилось спускать мушками, но водянка упорствовала; едва натягивало подъ мушками нѣсколько громадныхъ пузырей и ихъ прорѣзывали и спускали воду, какъ набирался новый отекъ. Такъ что со всякими перепетіями мать мое проболѣла съ 1 января и до конца апрѣля. Въ теченіе ея болѣзни государыня неоднократно навѣщала ее, и когда, наконецъ, доктора объявили ей, что отеки болѣе не появляются, она, обращаясь къ нимъ, сказала:

— Очень благодарю васъ за ваши старанія, но вы сдѣлали еще только половину дѣла: мало вылечить острый приступъ болѣзни, надо сдѣлать еще и такъ, чтобы болѣзнь не повлекла за собою печальныхъ послѣдствій. Посмотрите, моя дѣвочка похожа на тѣнь, въ такомъ возрастѣ, мнѣ кажется, это очень опасно. Надо сдѣлать все возможное, чтобы она окрѣпла и поправилась.

— Совершенно вѣрно, ваше императорское величество,—отвѣтилъ Арендтъ.—Болѣзнь, подобная перенесенной дѣвицей Соковниной, легко можетъ повлечь за собой другую... весьма нежелательную: водянка и чахотка—родныя сестры.

— Вотъ и должно сдѣлать такъ, чтобы этого не случилось.

— Дѣвица теперь совершенно здорова, но крайне истощена и, конечно, въ высшей степени малокровна. Поэтому, я думаю, самымъ цѣлесообразнымъ леченіемъ для нея будетъ полный отдыхъ и усиленное питаніе.

Государыня согласилась и приказала примѣнить это леченіе. И началось «усиленное питаніе» моей матери. Тутъ сдѣлано было дѣйствительно все, что, несомнѣнно, не всегда можно сдѣлать для больной и въ родной семьѣ. Матери предписано было козье молоко, для чего была приобрѣтена коза и нанята чухонка для ухода за нею. Чтобы вызвать какъ-нибудь аппетитъ и завлечь больную съѣсть побольше, ей, кромѣ лазаретнаго обѣда (и нужно сказать всегда очень хорошаго), посылался весь обѣдъ отъ начальницы, привозили обѣдъ отъ принца Ольденбургскаго, готовили для нея всякія питательныя пирожныя, вродѣ сливочнаго крема, вафель, трубочекъ со сливками; чтобы вызвать жажду и заставить, такимъ образомъ, пить молоко, котораго мать недолюбливала, ей давали то кусочекъ селедки, то самой лучшей икры, варили для нея шоколадъ, швейцарскій кофе на молокѣ; изъ дворца постоянно получались вопросы, не нужно ли чего, не хочетъ ли чего больная,—и въ заключеніе мать мою, присоединивъ къ ней еще нѣсколько слабенькихъ дѣвочекъ, отправили на все лѣто для поправленія въ Старую Руссу. Тамъ она совершенно оправилась и окрѣпла и вернулась въ институтъ цвѣтущей молодой дѣвушкой.

Радость государыни, при видѣ, вмѣсто прежней «тѣни», здоровой, изрядно загорѣвшей на лѣтнемъ солнцѣ и выросшей дѣвушки, была такъ искренна, что, въ порывѣ своей сердечной доброты, она попросила начальницу съѣздить съ моей матерью въ церковь Скорбящей Божіей Матери (что на Шпалерной) и отслужить благодарственный молебенъ, что являлось даже исключеніемъ изъ институтскихъ правилъ, такъ какъ тогда институтокъ, кромѣ катанья и визита старшаго класса во дворецъ на масленой и на Пасху, никогда никуда изъ заведенія не вывозили.

Здѣсь я должна разсказать два удивительныхъ случая изъ жизни моей матери. Читатели уже знаютъ, какъ дѣдъ мой радъ былъ появленію на свѣтъ долго жданной дочки и какъ онъ любилъ ее. Очевидно, истинная любовь такое святое и глубокое чувство, что его не уничтожаетъ и смерть; по крайней мѣрѣ дѣдушка явно проявилъ свою заботливость о любимой дочкѣ и изъ загробнаго міра. Мать привезена была въ институтъ десятилѣтней дѣвочкой и пробыла въ немъ шесть лѣтъ; не такъ какъ день ея рожденія былъ въ іюнь, а выпускъ въ институтъ бывалъ тогда въ февралѣ, то, слѣдовательно, ей, когда она сдала выпускные экзамены и получила аттестатъ, не хватало нѣсколькихъ мѣсяцевъ до шестнадцатилѣтняго возраста. А тогда, по институтскимъ постановленіямъ, выпускать раньше этого возраста изъ заведенія не полагалось. Поэтому ее и одну воспитанницу, кажется, княжну Волконскую, тоже не достигшую положеннаго возраста, и оставили въ институтѣ, хотя обѣ онѣ и сдали экзамены и получили аттестаты. Волконская, какъ имѣвшая родителей, оставалась въ заведеніи, конечно, лишь столько, сколько требова-

лось для того, чтобы имѣть право выйти; а дальнѣйшая судьба матери моей оставалась въ полной неизвѣстности, такъ какъ и взять ее изъ института въ сущности было некому: матушка игуменья давно умерла, а изъ братьевъ матери старшій только что окончилъ курсъ въ московскомъ университетѣ и былъ еще холостъ, а младшаго хотя и женили девятнадцатилѣтнимъ юношей, но бракъ этотъ былъ настолько неудаченъ, что ко времени выпуска матери изъ института молодые супруги уже разошлись и жили по разнымъ городамъ. Такъ прожила мама еще болѣе года послѣ выпуска въ институтѣ. И вотъ однажды видитъ она во снѣ, что въ ихъ классъ входитъ дежурная пепиньерка и говоритъ: «Соковнина, идите въ залу, къ вамъ пріѣхалъ отецъ». Мать, конечно, со всѣхъ ногъ кинулась въ залу и, войдя въ нее, увидѣла въ одной изъ ложъ своего отца, котораго знала лишь по портрету. При ея появленіи отецъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ къ ней навстрѣчу и, перекрестивъ ее широкимъ крестомъ, спѣшно проговорилъ: «Ну, я пришелъ, Сонечка, благословить тебя на новую жизнь. Господь съ тобой», и при этихъ словахъ его мать проснулась. Не весело было пробужденіе сироты послѣ этого сна; въ обычномъ теченіи жизни она никогда и не мечтала о такой радости; а тутъ сонъ былъ такъ естествененъ, реаленъ, что невольно явилось грустное сознаніе, что происшедшее возможно было для нея только во снѣ. Мать всплакнула немножко и весь день оставалась грустной, такъ, что это замѣтили, и дѣвицы и спрашивали что съ ней. Она отвѣчала, что видѣла во снѣ будто къ ней пріѣхалъ въ институтъ отецъ, и что сонъ былъ такъ явствененъ и правдоподобенъ, что ей, конечно, очень тяжело отъ сознанія, что происшедшее было только сномъ.

Въ тотъ же день, часа въ четыре вечера въ классъ дѣйствительно вошла дежурная пепиньерка и, обращаясь къ матери, проговорила: «*Sophie*, васъ зовутъ къ начальницѣ: кто-то пріѣхалъ къ вамъ». Съ матерью чуть не сдѣлалось дурно при этихъ словахъ, такъ похожа была дѣйствительность на видѣнный ею сонъ, и, идя къ начальницѣ, она все недоумѣвала: кто могъ пріѣхать къ ней. День былъ не пріемный, навѣщала ее изрѣдка только княгиня Чернышева, но она недавно была у нея, и такъ съ недоумѣніемъ и вошла она въ апартаменты начальницы. Каково же было ея удивленіе и радость, когда она увидѣла въ гостиной мать княгини Чернышевой—графиню Зотову! Особа графини напомнила ей Орель, ея незабвенную матушку-игуменью, ея дѣтство въ монастырѣ.

— *Nous vous rerenons, Sophie*,—было первой фразой гр. Зотовой, послѣ привѣтствія.

— *Vous avez fini votre éducation, et ma fille trouve qu'il est temps maintenant de vous apprendre une autre science—la science du monde.*

И на другой же день въ институтъ прислана была отъ Чернышевыхъ портниха для снятія мѣрки нужныхъ для молодой дѣвушки

туалетовъ, черезъ недѣлю мать покинула институтъ и переселилась въ домъ Чернышевыхъ.

Такимъ образомъ видѣнный ею сонъ сбылся буквально: для нея началась новая жизнь.

Семья князя Чернышева въ своемъ внутреннемъ укладѣ была симпатичной русской семьей прежнихъ временъ. Въ ней ничего не было натянутого, не чувствовалось той холодной формальности взаимоотношеній ея членовъ, какія присущи нынѣшнимъ аристократическимъ семьямъ. Князь былъ патриархальный отецъ семейства и серьезный, но простой въ обращеніи хозяинъ дома; княгиня, вѣроятно, унаслѣдовала отъ рода Куракиныхъ отличительную черту ихъ характера—безконечную доброту. Къ матери моей они относились по-родственному; княгиня постоянно возила ее съ собой и въ оперу, и на прогулки, и нерѣдко дѣлала съ ней визиты въ такіе дома, съ которыми она была въ болѣе короткихъ отношеніяхъ, какъ княгини Бѣлосельской-Бѣлозерской, графа Уварова и др. Возили мать нѣсколько разъ и во дворецъ, такъ какъ государыня и по выходѣ ея изъ института не оставляла ее своимъ вниманіемъ и постоянно справлялась у Чернышевой, какъ поживаетъ ея питомица и здорова ли она. Князь болѣе всего заботился о возможной «независимости» моей матери въ его домѣ, и такъ какъ, по его понятіямъ, эта независимость для молоденькой дѣвушки должна была выражаться въ покупкахъ разныхъ бездѣлушекъ и сластей, онъ и старался подъ разными предлогами снабжать мать нужными для этого деньгами. Разъ вышло такъ: въ какой-то изъ большихъ праздниковъ въ домѣ былъ приемъ, но въ положенный часъ князю и княгинѣ самимъ нужно было выѣхать съ визитами къ особамъ императорской фамилии, а приемъ не былъ еще законченъ. Тогда князь обратился къ матери съ такимъ предложеніемъ:

— Sophie, намъ съ княгиней нужно сдѣлать нѣсколько визитовъ, маман (графиня Зотова) устала, поэтому, чтобы ее не беспокоить, я прошу тебя закончить приемъ. Но долженъ сказать, что канитель эта будетъ для тебя порядочно-таки томная. Такъ вотъ условія: въ награду за терпѣніе «Гугеноты» съ Гризи и Маріо и, кромѣ того, за cadaго старика я плачу тебѣ по червонцу, а за молодого—по пятаку.

И случилось такъ, что, когда Чернышевы вернулись домой, визитация была уже окончена и князь засталъ въ приемной только своего адъютанта, князя Владимира Андреевича Долгорукаго (впослѣдствіи извѣстнаго московскаго генераль-губернатора).

— Э, дружокъ, за этого и трехъ копеекъ не стоитъ. Пустой малый!—комично махнувъ рукой, проговорилъ князь.

Князь Долгоруковъ долго помнилъ эту шутку, и когда, много лѣтъ спустя, ему пришлось встрѣтиться съ моею матерью въ Москвѣ въ домѣ одной изъ ея соученицъ по институту, онъ, напоминая себя, смѣясь, сказалъ:

— Вѣроятно же помните трехкопеечнаго адъютанта князя Александра Ивановича Чернышева? Не знаю, стою ли я теперь хоть немного больше, какъ московскій паша.

Въ домѣ Чернышевыхъ мать прожила около двухъ лѣтъ, а когда княгинѣ, вслѣдствіе тяжелой болѣзни ея младшей дочери, пришлось надолго выѣхать изъ Россіи, сначала—въ Парижъ для консультаціи съ врачами, а затѣмъ на продолжительное пребываніе въ Египетъ для леченія, мать переѣхала на это время съ графиней Зотовой на жительство въ Орелъ. И вотъ тутъ снова повторился тотъ же сонъ и снова оказался столь же знаменательнымъ.

Нужно, сказать что старшаго брата мать моя совсѣмъ не помнила, или, вѣрнѣе, просто не знала, такъ какъ онъ, вскорѣ послѣ смерти бабушки, окончивъ орловскую гимназію, поступилъ въ московскій университетъ и за все время пребыванія матери въ монастырѣ въ Орлѣ не былъ. И вотъ однажды она получаетъ отъ него письмо, въ которомъ онъ сообщаетъ, что, увлеченный общимъ патріотическимъ движеніемъ, и онъ на время войны поступилъ въ ополченіе, а теперь дружина ихъ возвращается изъ Севастополя домой и будетъ проходить черезъ Сѣвскъ. Поэтому не найдетъ ли она возможнымъ попросить графиню отпустить ее на нѣсколько дней въ Сѣвскъ, чтобы повидаться съ нимъ и познакомиться съ его молодой женой. Онъ очень просилъ объ этомъ, такъ какъ, безъ этого случая, не могъ сказать, когда снова попадетъ въ Орелъ и будетъ имѣть возможность повидаться съ сестрой, которую видѣлъ въ послѣдній разъ двухлѣтней дѣвочкой.

Мать показала письмо графинѣ; графиня, конечно, согласилась на эту поѣздку, и въ сопровожденіи той же, когда-то отвозившей ее въ институтъ, миссъ Колинъ и штата прислуги, мать мою отправили въ Сѣвскъ. По приѣздѣ въ этотъ городъ лакей навелъ справки и узналъ, что на слѣдующій день въ городъ должны войти двѣ дружины: калужская и медынская, и что ихъ квартирьеры уже пришли. Онъ отыскалъ одного изъ нихъ и просилъ, чтобы онъ сообщилъ служащему въ медынской дружинѣ Алексѣю Ивановичу Соковину; что приѣхала его сестра и остановилась тамъ-то.

Въ ночь мать снова видитъ во снѣ своего отца; онъ опять такъ же послѣшно вошелъ къ ней въ комнату и проговорилъ: «Я опять пришелъ благословить тебя. Какъ жаль, что госпѣшили продать твою землю! Она была бы теперь кстати: какъ разъ межа съ межей». И, перекрестивъ мать, онъ такъ же послѣшно вышелъ изъ комнаты. Проснувшись, мать вспомнила такой же первый сонъ, вспомнила, какъ сбылся онъ тогда, и снова пришла въ недоумѣніе: что же теперь предстоитъ ей, что можетъ случиться съ нею въ этомъ городишкѣ, въ который она заѣхала всего на какихъ-нибудь два-три дня и гдѣ ровно никого не знала. Ужъ не пожелаетъ ли братъ взять ее къ себѣ, и такимъ образомъ произойдетъ опять перемѣна въ ея жизни? Но

такое предположеніе было совсѣмъ маловѣроятно, такъ какъ нельзя было ожидать, чтобы графиня согласилась на него, и мать очень любила ее и совсѣмъ не желала мѣнять свое вполне определенное положеніе въ ея домѣ на жизнь съ совсѣмъ незнакомой ей невѣсткой и братомъ. Но больше она ничего не могла придумать; ей предстояло только свиданіе съ братомъ—на этомъ она и могла лишь остановиться. А слова отца о проданной землѣ, о томъ, что она была бы какъ разъ межа съ межей, для нея были совсѣмъ непонятны, такъ какъ она въ этихъ дѣлахъ ровно ничего не понимала и узнала только, что доставшаяся ей по раздѣлѣ съ братьями земля дѣйствительно незадолго предъ тѣмъ была продана по неудобству управленія ею конторой графини Зотовой.

Часовъ въ одиннадцать мать услышала, что кто-то вошелъ въ переднюю и, ожидая брата съ невѣсткой, разлетѣлась было навстрѣчу, но въ залѣ остановилась, услыхавъ такой разговоръ вошедшаго съ лакеемъ:

— Доложите, пожалуйста, барышнѣ, что ей желаетъ представиться Дмитрій Борисовичъ Соковнинъ. Скажите, что я ихъ сосѣдь по имѣнію, сынъ бывшаго орловскаго губернатора Бориса Сергѣевича Соковнина.

Мать въ своемъ имѣніи никогда не была и совершенно не знала, какіе у нихъ были тамъ сосѣди; также и указаніе, къ какой именно семьѣ Соковниныхъ принадлежалъ вошедшій, ей ничего не говорило, такъ какъ Борисъ Сергѣевичъ Соковнинъ губернаторствовалъ въ Орлѣ именно въ тѣ годы, когда она была въ институтѣ.

Лакей вошелъ съ докладомъ. Мать вопросительно взглянула на миссъ Колинзъ, не зная, какъ ей поступить.

— Конечно, примите. Вѣроятно, это какой-нибудь вашъ родственникъ,—отвѣтила та. Вошелъ въ ополченской формѣ молодой человекъ.

— Простите, пожалуйста, что я рѣшился просить позволенія представиться вамъ. Мы съ вами односельчане. Я хорошо помню и вашихъ родителей, и братьевъ, а явился сюда по ошибкѣ: квартирьеръ, очевидно, спуталъ, какому Соковнину слѣдовало сообщить о приѣздѣ сестры, и сказалъ мнѣ, что приѣхала сестра. А такъ какъ у меня сестеръ много, то я легко повѣрилъ, что какая-нибудь изъ нихъ выѣхала встрѣтить меня, и только тутъ уже узналъ, что приѣхала сестра Алексѣя Ивановича. Я сейчасъ же исправлю эту ошибку, найду вашего брата и провожу его къ вамъ.

Читатель, вѣроятно, догадывается, что этотъ по ошибкѣ явившійся Соковнинъ былъ *суженымъ* моей матери. Молодая дѣвушка произвела на него такое сильное впечатлѣніе, что, отведя свою дружину въ Калугу, онъ сейчасъ же прыскакалъ въ Орель и сдѣлалъ предложеніе. Женихъ, въ свою очередь, очень понравился и невѣстѣ, и ея опекуншѣ — графинѣ Зубовой, и въ ноябрѣ того же года

отпразднована была свадьба моихъ родителей. Когда, спустя года три послѣ брака, семья моего отца раздѣлилась, ему досталась земля дѣйствительно смежная съ проданною землею моей матери. Такимъ образомъ и на этотъ разъ явленіе дѣдушки во снѣ было знаменательно, какъ не менѣе знаменательно и то, что послѣ этого сновидѣнія онъ въ теченіе 51 года *ни разу* не приснился матери и лишь незадолго до ея кончины она снова увидѣла его во снѣ, но уже въ сообществѣ бабушки и всѣхъ ихъ дѣтей, а своихъ братьевъ и сестры.

Въ семейной жизни своей мать была очень счастлива. Отецъ былъ добрѣйшій человѣкъ и рѣдкій семьянинъ. Онъ положительно не могъ жить безъ семьи, кажется, и одного дня. Будучи очень опытнымъ и тактичнымъ служакою и пользуясь большимъ довѣріемъ своего начальства, онъ постоянно бывалъ посылаемъ на разныя серьезныя ревизіи, царскіе смотры, для чего нерѣдко приходилось отмахивать почтенныя дистанціи на почтовыхъ, а подчасъ еще и на «курьерскихъ»; и мы, то есть мать и я, всегда сопровождали его въ этихъ нелегкихъ путешествіяхъ, что какъ, въ харьковскомъ округѣ, гдѣ протекла большая часть службы отца, знали ужъ объ этомъ и называли насъ «окружнымъ семействомъ». Въ послѣднюю русско-турецкую войну мы тоже съ самой мобилизаціи были съ отцомъ, прежде—на границѣ, а затѣмъ и въ Болгаріи; и когда, по окончаніи войны, потребовались какія-то болѣе подробныя, чѣмъ формальный отчетъ, указанія и разъясненія отъ отца, а онъ по болѣзни не могъ пріѣхать, изъ главной квартиры получена была телеграмма съ предложеніемъ, не можетъ ли пріѣхать кто-нибудь изъ *семейства*. Слѣдовательно, и тамъ служба отца считалась какой-то «коллективной» и на насъ смотрѣли какъ на состоящее на государственной службѣ семейство.

Закончить свои записки я должна свидѣтельствомъ дивнаго промышленія въ теченіе всей жизни моей матери ея Небесной Попечительницы, Которой вручена она была умирающей бабушкой.

Когда намъ пришлось похоронить отца, я, кромѣ горя потери и сознанія совершенной безпомощности (отецъ несъ всѣ, даже самыя мелкія заботы о семьѣ самъ, такъ какъ я была еще молода, а мать слаба и болѣзненна), очень боялась, чтобы и въ матеріальномъ отношеніи матери не пришлось нести какихъ-либо лишений, которые были бы для нея особенно тяжелы, какъ по ея болѣзненному состоянію, такъ и потому, что она къ нимъ совершенно не привыкла, проживъ всю жизнь въ хорошей обстановкѣ и ни въ чемъ себѣ не отказывая. Это ужасно тревожило меня, тревожило даже и тогда, когда покойному государю Александру III угодно было дать за службу отца усиленную пенсію намъ. Мать часто и тяжело болѣла, а болѣзнь требовала такъ много всего! Однажды мнѣ попался въ руки какой-то журналъ, въ которомъ помѣщенъ былъ рассказъ о старомъ

преданномъ слугѣ одной семьи. У насъ въ семьѣ былъ такой типъ еще ярче, въ лицѣ денщика моего дѣда, сдѣлавшаго съ нимъ всѣ кампаніи 1805—1807 и 1812 гг., покончившаго и дни свои въ домѣ дѣдушки и похороненнаго за свою преданность въ одномъ склепѣ съ своимъ господиномъ. Я написала, и рассказъ мой безъ всякихъ обычныхъ для начинающаго автора затрудненій не только былъ принятъ, но я получила и приглашеніе постояннаго сотрудничества. Вскорѣ послѣ этого такія же предложенія я получила и отъ другихъ издателей; и такимъ образомъ для меня явился заработокъ и именно такой, какой только и возможенъ былъ по моему семейному положенію, то есть не требовавшій моихъ отлучекъ изъ дома, отъ больной матери. Но чтобы яснѣе дать понятъ намъ, откуда шла эта ужъ совсѣмъ неожиданная помощь, мой первый рассказъ, посланный въ редакцію въ январѣ мѣсяцѣ, былъ напечатанъ 14 марта, въ день празднованія нашей иконѣ Феодоровской Божіей Матери.

Икона эта неотлучно находилась всю жизнь при моей матери: съ нею была она и въ монастырѣ, и въ институтѣ, неизмѣнно сопутствовала ей и въ нашихъ безконечныхъ странствованіяхъ и скитаніяхъ по бѣлу свѣту, оставаясь иногда, какъ во время нашихъ круженій на почтовыхъ по округу, чуть не по мѣсяцамъ уложенной въ сундукъ, что очень огорчало и смущало мать. Но ея Небесная Попечительница не гнѣвалась за такую не соотвѣтствовавшую Ея изображенію обстановку и даже ясно показывала, что сама не бросаетъ ввѣренную ея попеченію и желаетъ сопутствовать ей всюду. Обыкновенно, когда намъ предстоялъ или переѣздъ въ другой городъ, или продолжительная поѣздка куда-нибудь, или хоть перемѣщеніе съ одной квартиры на другую, кто-нибудь изъ насъ непременно видѣлъ во снѣ, что икона наша снята съ своего обычнаго мѣста. Сонъ этотъ никогда не проходилъ безслѣдно, это ужъ твердо знали и мы, и даже наши знакомые. Случалось иногда и такъ, что предполагалось назначеніе отца на другое мѣсто, насъ извѣщали объ этомъ, но или никто изъ насъ не видѣлъ икону снятою, или, наоборотъ, видѣлъ ее стоящею на своемъ мѣстѣ—и тогда можно было съ увѣренностью сказать, что переводъ отца не состоится. Такъ обыкновенно оно и бывало, и иногда такіе случаи были поразительны по своей неожиданности и, казалось бы, совершенной невозможности. Расскажу кратко два такихъ случая, изъ которыхъ второй въ сущности и является настоящимъ концомъ моихъ замѣтокъ.

Въ началѣ девятисотыхъ годовъ мы жили въ маленькомъ уѣздномъ городкѣ Орловской губерніи. Такъ какъ городъ этотъ лежитъ въ лѣсной мѣстности, то почти всѣ строенія въ немъ деревянные, и даже, вмѣсто фундаментовъ, практикуются обшитыя тесомъ заваденки, и желѣзныя крыши встрѣчаются только на постройкахъ позднѣйшаго времени, а то и крыты дома сплошь и рядомъ тесомъ или доромъ.

Мы занимали помѣстительный, сухой и теплый домъ, но старый, въ особенности ветха была его крыша (изъ дора) и надворныя постройки, такъ что хозяинъ нашъ, какъ ни жался, волей-неволей долженъ былъ приступить къ ремонту. Начали съ нашего дома. Поправили заваленки и засыпали ихъ по мѣстному обыкновению сухой кострой, а задѣлать сверху еще не успѣли; въ дворѣ шла подготовка матеріала, и онъ весь былъ заваленъ досками, бревнами, стружками и щепой. И все это было сухое, такъ какъ лѣто стояло жаркое и безъ дождей. И вотъ при такой обстановкѣ, однажды ночью я вижу во снѣ, что стою въ залѣ передъ нашей иконой и молюсь. И въ это самое время меня будить мать словами: «Встань, пожалуйста, вѣроятно, гдѣ-то очень близко отъ насъ пожаръ. Вспыхнуло сразу такъ, что даже чрезъ стору въ комнатѣ стало свѣтло». Въ отвѣтъ я могла только сказать ей: «Не пугайся, мы горѣть не будемъ: я сейчасъ видѣла во снѣ, что наша икона стоитъ на мѣстѣ». Но, когда я, вставъ, подошла и откинула стору, я невольно смутилась и пришла въ ужасъ. Пожаръ вспыхнулъ какъ разъ vis-à-vis насъ, во дворѣ купца Д. Горѣлъ пеньковый складъ и салотопня, и тутъ же въ довольно узкомъ дворѣ лежалъ еще большой запасъ дровъ. Вѣтеръ тянулъ прямо на насъ. Сила огня при такомъ горючемъ матеріалѣ, какъ пенька и сало, и при вѣтрѣ была ужасная; и все это—пуки горящей пеньки, головни, искры несло съ прямо на насъ. Головни ударялись въ наши окна и падали затѣмъ въ насыпанную сухой кострой заваленку. Выбираться намъ, если бы мы даже и рѣшились на это, было некуда; во дворъ—тамъ стоялъ съ раскрытой крышей сѣноваль, набитый сѣномъ, и лежали кучи стружекъ и щепы; на улицу — значило лѣзть прямо подъ огонь. Да и кто помогъ бы намъ выносить вещи? На улицѣ не было ни души, ибо пожаръ вспыхнулъ въ самое глухое время—въ два часа ночи; во дворѣ у насъ не было ни одного мужчины, такъ какъ хозяинъ уѣхалъ наканунѣ съ кучеромъ на хуторъ, и даже некому было дѣбѣжать до полиціи или хоть до ближайшей церкви и ударить въ набать. И мы такимъ образомъ просидѣли подъ этимъ ужаснымъ огнемъ *болѣе часа*. Только въ началѣ четвертаго часа въ соборѣ ударили въ набать и пріѣхала вольная пожарная команда. Тутъ уже наше положеніе стало безопаснымъ, такъ какъ прежде, чѣмъ тушить пожаръ, команда щедрѣ окатила всѣ наши постройки и дворъ изъ трубы, видя въ нихъ готовую и щедрую добычу для огня. Когда разсвѣло совсѣмъ и наредѣ собрался около нашего дома и во дворѣ, всѣ пораженны были, какимъ образомъ могли уцѣлѣть мы при такихъ обстоятельствахъ. Всѣ наши ветхія деревянныя крыши, всѣ постройки, дворъ—все это было буквально засыпано угльями, пепломъ, головешками и пучками обгорѣлой пакли, такъ что и люди невѣрующіе говорили, что мы спаслись только какимъ-то чудомъ, потому что никакими естественными обстоятельствами объяснить наше спасеніе

было невозможно. Да если бы и въ спасеніи нашемъ не было чуда, не чудесенъ ли былъ самый приснившійся мнѣ сонъ?

Въ декабрѣ минувшаго года я вижу иной сонъ, вижу, наоборотъ, что икона наша снята съ мѣста и стоитъ на рабочемъ столикѣ матери. Проснувшись и вспомнивъ видѣнный сонъ, я пришла въ полное недоумѣніе. Ъхать мы никуда не могли по той уже одной причинѣ, что мать моя, страдая хроническимъ воспаленіемъ легкихъ, которое при малѣйшемъ охлажденіи даже комнатной температуры обострялась и осложнялось другими болѣзнями, уже *больше двадцати лѣтъ зимою никуда не выходила* изъ дома, и обыкновенно съ наступленія первыхъ осеннихъ холодовъ и до конца апрѣля или мая безвыходно сидѣла дома. Къ тому же и надобности ѣхать не предвидѣлось совершенно никакой.

— Ну, милая,—сказала я, когда мать проснулась,—ужъ не знаю, что съ нами будетъ! Умремъ мы, что ли, только я видѣла во снѣ нашу икону снятою съ мѣста.

— Да, это очень странно,—проговорила мать.—Ѣхать куда-нибудь теперь не только мнѣ, но и тебѣ нельзя. (Въ послѣдніе годы я совсѣмъ не отлучалась отъ матери, а въ это время у насъ еще и прислуга была такая ненадежная, что я и на часъ боялась оставить на ея попеченіе мать). Да и придумать причину поѣздки мудрено. Но мало ли въ жизни бываетъ всякихъ внезапностей!

Мы квартировали въ домѣ нашего приходскаго священника, который утромъ зачѣмъ-то и зашелъ къ намъ. Я рассказала ему сонъ. Онъ хотя и зналъ эту особенность нашей иконы и всегда глубоко чтилъ ее, но всѣ мы такъ неспособны къ крѣпкой и простой, не мудрствующей вѣрѣ, что и опытъ не всегда является для насъ неопровержимымъ фактомъ. Усомнился и батюшка, зная, что не только въ декабрѣ, да еще лютомъ, при 24 градусахъ мороза, но нерѣдко уже и въ сентябрѣ мать не могла выходить изъ дома,—усомнился, чтобы подобный сонъ сбылся непременно всякій разъ буквально.

— Это что-нибудь не такъ,—выслушавъ меня, сказалъ онъ.—Вѣроятно, тутъ сонъ вашъ имѣетъ какое-нибудь другое значеніе, потому что куда же вы можете тронуться теперь? Это же совершенно немыслимо.

И дѣйствительно, было совершенно невозможно и немыслимо.

И однако—мы оба уѣхали. Сонъ этотъ я видѣла числа 11 или 12, а 22 декабря мать моя скончалась. Я пожелала похоронить ее въ монастырѣ, и такъ какъ мы при жизни никогда не разставались съ ней, то я и теперь рѣшила поселиться поближе къ мѣсту ея вѣчнаго покоя. И, такимъ образомъ, переселеніе наше, казавшееся невозможнымъ, состоялось.

Когда стали готовить столъ для покойницы и я сняла икону, чтобы поставить ее въ изголовьѣ, во всемъ домѣ не оказалось болѣе подходящаго по величинѣ и формѣ столика, какъ именно рабочій

столикъ матери, который и подали мнѣ и на которомъ я видѣла икону стоящей во снѣ.

Замѣчательно, что вся семья моей матери: отецъ, мать, братья и сестра умерли въ понедѣльникъ, а мать скончалась въ субботу, то есть въ день, посвященный чествованію Божіей Матери, отбѣвали ее на второй день Рождества, когда празднуется Соборъ Пресвятой Богородицы, въ церкви Тихвинской Божіей Матери; по перевезеніи въ монастырь гробъ съ ея прахомъ поставленъ былъ въ храмъ Рождества Богородицы и погребеніе состоялось опять-таки въ день, посвященный Божіей Матери, то есть въ субботу.

К. Искуль.

ХАРЬКОВСКОЕ ЛИХОЛѢТІЕ.

(Отрывки изъ воспоминаній).

ВЪ ПАМЯТНЫЙ всѣмъ 1905 годъ я служилъ въ Харьковѣ въ штабѣ сформированной на время войны 68-ой пѣхотной дивизіи. Начальникомъ этой дивизіи былъ генераль-лейтенантъ В. В. Сѣницікій.

Въ разыгравшемся въ этомъ городѣ въ концѣ 1905 и началѣ 1906 гг. событіяхъ, памяти которыхъ въ настоящее время истекаетъ ровно пять лѣтъ, мнѣ не пришлось играть какой-либо значительной роли, но видѣть и слышать зато пришлось многое, такъ какъ, съ объявленіемъ 13 октября города на военномъ положеніи и назначеніемъ на должность временнаго генераль-губернатора генерала Сѣницікаго, я былъ прикомандированъ къ управленію его, въ которомъ совмѣстно съ капитаномъ (нынѣ полковникомъ) генеральнаго штаба В. Н. Агаѣевымъ и работалъ до половины февраля 1906 года.

По неимѣнію подъ рукой необходимыхъ матеріаловъ я, не претендуя на созданіе историческаго очерка, ни такъ называемыхъ матеріаловъ для исторіи, и не задаваясь вообще широкой задачей, позволяю себѣ лишь предложить вниманію читателей нѣсколько эпизодовъ, относящихся къ той лихой порѣ, и которыя я постараюсь восстановить по памяти.

Начало смутнаго времени въ Харьковѣ, или, такъ сказать, подготовительный періодъ къ всеобщей октябрьской забастовкѣ и октябрьскіе дни прошли, если такъ можно выразиться, мимо меня и мало меня коснулись, такъ какъ по своей должности я почти никакого отношенія къ нимъ не имѣлъ и узнавалъ обо всемъ тво-

рившемся, какъ и каждый частный житель, изъ газетъ и рассказовъ. Обстоятельства же, при которыхъ я попалъ въ управленіе временнаго генераль-губернатора, и обстановка первыхъ дней военнаго управленія городомъ описаны мною въ замѣткѣ «Ващукъ-Погоскій» (февральская книга «Историческаго Вѣстника» за этотъ годъ). Приключенія этого героя-самозванца и могутъ послужить началомъ моихъ воспоминаній; послѣдующее же изложеніе—продолженіемъ.

Объявленіе Харькова на военномъ положеніи совпало съ тѣмъ моментомъ, когда городъ наружно уже почти успокоился, или, вѣрнѣе сказать, когда уличные беспорядки уже прекратились. Тѣмъ не менѣе положеніе дѣлъ было таково, что за дальнѣйшее спокойствіе ручаться никоимъ образомъ нельзя было. Наоборотъ даже, можно было ожидать, что беспорядки вотъ-вотъ вспыхнутъ съ новою силою. Жизнь города была совершенно выбита изъ колеи. Желѣзныя дороги продолжали бастовать. Вокзалъ погруженъ былъ во мракъ. Тысячи застрявшихъ на немъ пассажировъ тщетно продолжали ждать, когда ихъ развезутъ по домамъ. Фабрики и заводы не работали. Магазины съ большою опаской начинали только кое-гдѣ пріоткрываться.

Положеніе города казалось настолько серьезнымъ, что одновременно съ извѣщеніемъ относительно объявленія его на военномъ положеніи штабъ округъ предложилъ генераль-губернатору помощь въ лицѣ мобилизованной и приготовленной къ походу въ Маньчжурію бригады 42-ой пѣхотной дивизіи. Генераль Сѣнницкій нашель, что бригады будетъ много, но все же попросилъ командировать одинъ полкъ. Въ отвѣтъ на это начальникъ штаба округа протелеграфировалъ, что командировается къ намъ 165-ый пѣхотный Луцкій полкъ.

Съ перваго же часа вступленія въ свою новую должность генераль Сѣнницкій прежде всего озаботился возобновленіемъ прерваннаго желѣзнодорожнаго движенія и возстановленіемъ электрическаго освѣщенія на вокзалѣ. Дѣло это было поручено завѣдывающему передвиженіемъ войскъ Харьковскаго района генеральнаго штаба полковнику Бобровскому. Прибытіе Луцкаго полка во многомъ облегчило эту сложную задачу. Среди нижнихъ чиновъ этого полка, въ большинствѣ состоявшаго изъ призванныхъ изъ запаса, нашлось много достаточно хорошо знакомыхъ съ дѣломъ машинистовъ, кочегаровъ, кондукторовъ, монтеровъ и проч. При энергичномъ содѣйствіи дѣлопроизводителя, завѣдывающаго передвиженіемъ войскъ кievскаго района капитана Лукина, прибывшаго вмѣстѣ съ Луцкимъ полкомъ, и поручика этого полка Баранца, знакомаго съ электротехническимъ дѣломъ, и съ помощью нижнихъ чиновъ новое для всѣхъ дѣло быстро закипѣло. Въ кратчайшій срокъ была приведена въ порядокъ электрическая желѣзнодорожная

станція, и вокзалъ вскорѣ освѣтился. Одновременно съ тѣмъ принялись и за желѣзную дорогу. Энергичнымъ усиленіемъ тѣхъ же офицеровъ удалось возобновить съ помощью нижнихъ чиновъ и пассажирское движеніе, хотя, конечно, и не въ широкихъ размѣрахъ, но все же достаточныхъ для того, чтобы развести застрявшихъ въ Харьковѣ и на ближайшихъ къ нему станціяхъ пассажировъ.

Начало было хорошее, но въ дальнѣйшемъ не все такъ гладко пошло.

Черезъ нѣсколько дней послѣ объявленія Харькова на военномъ положеніи вышелъ манифестъ 17 октября.

Вслѣдъ за опубликованіемъ этого великаго акта повсемѣстно въ Россіи разразились еврейскіе погромы.

Не успѣли докатиться до Харькова первые отзвуки этихъ погромовъ, какъ генераль-губернаторъ, чрезвычайно озабоченный, чтобы и у него не случилось подобное же несчастье, тотчасъ же принялъ рядъ мѣръ къ предотвращенію стихійнаго проявленія вѣковой вражды христіанъ къ «гонимому племени». Былъ сейчасъ же разработанъ планъ охраны еврейскихъ кварталовъ, учреждены были новые караулы, наряжены сильные пѣшие и конные дозоры и т. п. Словомъ, сдѣлано было все, что было въ предѣлахъ возможнаго. Между прочимъ, все это было предпринято настолько быстро, что когда явилась къ генераль-губернатору еврейская депутація съ просьбою о защитѣ, то генералу Сѣницкому оставалось только сообщить прибывшимъ, что сдѣлано уже все и что онъ увѣренъ въ дѣйствительности предпринятыхъ имъ мѣръ.

И дѣйствительно, погромъ, готовый вотъ-вотъ разразиться и въ Харьковѣ, былъ предотвращенъ; но это стоило громаднхъ усилій и потребовало большого напряженія силъ гарнизона. Служба становилась очень тяжелою. Войска положительно стонали подъ бременемъ свалившейся на нихъ охранной службы.

Обстоятельство это отличнѣйшимъ образомъ было использовано «товарищами» всѣхъ видовъ и родовъ, работавшими въ войскахъ не покладая рукъ. Обстановка была для нихъ вполне благопріятная: въ рядахъ полковъ на три четверти были запасные, которые направляли всѣ свои помыслы домой и съ нетерпѣніемъ поджидали, когда же ихъ уволятъ въ запасъ. Особенно волновались запасные, попавшіе по послѣдней уже мобилизаціи въ 165-ый пѣхотный Луцкій полкъ, приготовлявшійся къ походу въ Маньчжурію, но вмѣсто этого попавшій въ Харьковъ на усиленіе гарнизона. Струны были туго натянуты, и вдругъ одна изъ нихъ оборвалась.

Въ одинъ прескверный день, числа 12-13 ноября, одна изъ ротъ этого полка, наряженная въ караулъ, предназначавшійся специально для охраны еврейскаго квартала, передъ разводомъ вдругъ заявила, что она въ караулъ итти не желаетъ. Тотчасъ же начали разбирать дѣло и допрашивать солдатъ. Тѣ въ одинъ голосъ:

— Что же это, призвали насъ на войну съ японцами, а гоняють жидовъ охранять. Да намъ стыдно будетъ въ деревню появиться: бабы засмѣють.

Но роту эту живо успокоили. Черезъ часъ она была уже въ караулѣ. Однако все же получилось отъ этого инцидента весьма тяжелое впечатлѣніе. Нужно было сознаться, что дѣло—дрянь: сегодня одна рота, а завтра, глядишь, другая. Не миновать намъ передраги.

Чтобы устранить одну изъ причинъ, могущихъ дать другимъ ротамъ толчекъ къ «забастовкѣ», постепенно начали отмѣнять «еврейскіе» караулы, благо опасность въ отношеніи погрома, видимо, миновала.

Быль предпринять рядъ и другихъ мѣръ, но видно ужъ судьба—ничего не помогло: чувствовалось назрѣваніе солдатскаго мятежа, который въ концѣ концовъ и разразился. Но объ этомъ—въ свое время.

Увѣренность въ томъ, что войска гарнизона вполне уже на сторонѣ революціи, подняла духъ у главарей ея и побудила ихъ принять всѣ мѣры къ тому, чтобы создать положеніе вещей въ городѣ совершенно невозможное и доказать, что военное положеніе ихъ нисколько не смущаетъ. Нужно отдать имъ справедливость—въ этомъ они вполне преуспѣли, и обстановка становилась съ каждымъ днемъ все тягостнѣе и тягостнѣе.

Между тѣмъ лягнуть пришибленную правительственную власть рѣшили и желѣзнодорожники.

Въ управленіи генераль-губернатора были получены опредѣленныя свѣдѣнія о томъ, что юрисконсультъ одной желѣзной дороги, не помню точно, какой именно ¹⁾, нѣкій Говоровъ, играетъ очень крупную роль во всѣхъ безпорядкахъ, затѣвавшихся въ харьковскомъ желѣзнодорожномъ узлѣ, являясь главнымъ коноводомъ всѣхъ видовъ забастовокъ съ непремѣнными ихъ атрибутами, въ родѣ переворачиванія вверхъ тормашками паровозовъ, сворачиванія на рельсы вагоновъ и т. п. Однимъ словомъ, этотъ агитаторъ по всѣмъ признакамъ подготовлялъ почву для будущей республики и, очевидно, мѣтилъ въ президенты ея. Рѣшено было положить предѣлъ многополезной дѣятельности г. Говорова и въ одинъ прекрасный день было предписано жандармамъ арестовать его. Въ отвѣтъ на арестъ этого достопримѣчательнаго юриста, желѣзная дорога, украшеніемъ которой онъ являлся, учинила частичную забастовку и объявила, что будетъ бастовать до тѣхъ поръ, пока Говоровъ не будетъ освобожденъ.

Вечеромъ того же дня, когда постановленіе генераль-губернатора было приведено въ исполненіе и Говоровъ попалъ за рѣшетку,

¹⁾ Кажется, бывшей Харьковско-Николаевской.

«истор. вѣстн.», ноябрь, 1910 г., т. сxxii.

въ управленіе явилась группа какихъ-то желѣзнодорожниковъ и заявила швейцару, что депутаты отъ желѣзной дороги желаютъ видѣть генераль-губернатора. Швейцарь, задержавъ депутатовъ въ передней, доложилъ объ ихъ приходѣ Агапѣеву, на обязанности котораго надлежало вѣдаться съ различнаго рода просителями. Агапѣевъ тотчасъ же направился въ переднюю. Впереди группы этихъ просителей стоялъ тщедушный субъектъ въ большихъ синихъ очкахъ—не то каторжникъ, не то бухгалтеръ; во всякомъ случаѣ, не монтеръ и не рабочій, такъ какъ эти послѣдніе легко выдѣлялись отъ своихъ «товарищей» по возложенной на нихъ миссиіи своимъ костюмомъ.

Агапѣевъ спросилъ депутатовъ, что имъ угодно? Субъектъ въ синихъ очкахъ выступилъ впередъ и гордо, съ достоинствомъ заявилъ:

— По уполномочію ж. д. мы, делегаты ея, желаемъ видѣть генераль-губернатора.

На это имъ Агапѣевъ отвѣтилъ, что, во-первыхъ, генераль-губернаторъ занятъ, а во-вторыхъ, въ такое время вообще онъ принимаетъ просителей только въ исключительныхъ случаяхъ.

— Если ваша просьба такъ экстренна, то вы можете ее изложить тутъ же письменно или же расскажите мнѣ, что вамъ угодно отъ генераль-губернатора, и я тотчасъ же доложу ее, — добавилъ Агапѣевъ.

— Мы пришли заявить, что наша дорога требуетъ, чтобы генераль-губернаторъ немедленно освободилъ арестованнаго имъ нашего товарища Говорова, и вообще мы требуемъ, чтобы генераль-губернаторъ отказался отъ мысли кого-либо арестовывать.

Агапѣевъ, вообще человѣкъ довольно горячій и вспыльчивый, вскипѣлъ отъ этой дерзости, но, видимо, съ усиліемъ поборовъ свой гнѣвъ, довольно спокойно и не безъ язвительности перебилъ оратора:

— Вы, можетъ быть, иначе хотѣли формулировать вашу мысль и, вѣроятно, пришли просить генераль-губернатора, но во всякомъ случаѣ не требовать чего-либо отъ него?

— Нѣтъ, мы ничего не просимъ, а требуемъ, чтобы генераль-губернаторъ... началъ было конторщикъ, но Агапѣевъ не далъ ему договорить и вновь перебилъ, сказавъ:

— Вашу просьбу я даже отказываюсь докладывать генераль-губернатору, — настолько она дерзка, и прошу васъ удалиться.

Делегаты начали было возражать, но швейцарь и дежурные околоточные надзиратели такъ рѣшительно подступили къ нимъ, что тѣ сочли за благо ретироваться.

Высоко поднявъ голову, какъ бы съ сознаниемъ достойно выполненной тяжелой миссиіи, лидеръ делегаціи направился къ выходу, сопровождаемый саркастическими улыбками швейцара и околоточ-

ныхъ; за лидеромъ потянулись его «сознательные» товарищи, не мало способствовавшіе успѣху посольства своею и соотвѣтствующею жестикуляціей да значительнымъ поддакиваніемъ: «Да, требуемъ, требуемъ, а не просимъ».

Съ лидеромъ этой делегаціи мы будемъ еще имѣть случай встрѣтиться, но при измѣнившихся уже обстоятельствахъ, рѣзко измѣнившихся и роль этого желѣзнодорожнаго олимпійца.

Но особенно круто пришлось, когда въ довершеніе всѣхъ бѣдъ на нашу голову свалилась почтово-телеграфная забастовка. Мы ее ожидали со дня на день и знали, что готовится намъ этотъ новый сюрпризъ. Дѣлались даже кое-какія приготовленія, чтобы отпарировать этотъ новый ударъ. Въ числѣ этихъ мѣръ противодѣйствія забастовщикамъ была присылка изъ Кіева сапернаго офицера съ командою въ пятнадцать человѣкъ военныхъ телеграфистовъ. Но всѣ эти приготовленія не повели ни къ чему и, когда настала часъ, почта и телеграфъ забастовали. Пытались наши саперы возстановить дѣйствіе телеграфа, но чиновники, забастовавъ, что-то такъ хитро испортили, что изъ этой попытки ничего путнаго не вышло, и саперамъ пришлось ограничиться наблюденіемъ за сохранностью проводовъ да за цѣлостью неиспорченныхъ еще аппаратовъ.

Однажды одинъ изъ аппаратовъ началъ было что-то выстукивать. Саперный подпоручикъ обрадовался, думая, что порѣшили сосѣди бросить забастовку и открыть прерванное дѣйствіе телеграфа, а потому кинулся къ аппарату и на вопросъ сосѣдняго города: «Кто у аппарата?»—по неопытности живо отпортовалъ: «саперный офицеръ такой-то». Увы, къ великому его гнѣву, тотчасъ же получила отвѣтная депеша: «Дуракъ, лѣзешь не въ свое дѣло».

Какъ на характерную черту этой забастовки нельзя не указать на ярко обрисовавшуюся растерянность и нерѣшительность правительственныхъ властей того времени, выразившіяся въ томъ, что когда было получено въ нашемъ управленіи свѣдѣніе о начавшейся почтово-телеграфной забастовкѣ, то администрація, во главѣ съ губернаторомъ и генераль-губернаторомъ, ограничилась лишь констатированіемъ этого факта, да кое-какими мелкими распоряженіями, въ родѣ приставленія караула къ денежной кладовой почтамта и только. Между прочимъ, нужно отдать справедливость, кладовая эта чиновниками забастовавшаго учрежденія была сдана военнымъ властямъ въ полномъ порядкѣ, съ соблюденіемъ всѣхъ формальностей. Несмотря на то, что завѣдомо было извѣстно, что далеко не всѣ чиновники были на сторонѣ мятежнаго движенія. организованнаго сравнительно небольшой группой агитаторовъ, не было рѣшительно ничего предпринято къ тому, чтобы поддержать тѣхъ честныхъ тружениковъ, которые помнили присягу и свой долгъ, п которые при небольшой поддержкѣ со стороны власти имущихъ, навѣрняка можно сказать, не оставили бы своихъ постовъ и сорвали

бы забастовку. Управляющій почтово-телеграфнымъ округомъ Корженевскій ежедневно являлся въ управленіе, а иногда и по нѣсколько разъ въ день, съ докладами генераль-губернатору о «ходѣ переговоровъ» съ мятежниками, но толка какъ отъ его докладовъ, такъ и отъ переговоровъ не было, конечно, никакого. Рѣшительныхъ мѣръ противъ забастовщиковъ никто не предпринималъ, за исключеніемъ лишь телефонистокъ, которыхъ приструнили довольно серьезно и, вслѣдствіе этого, не безъ успѣха.

Какъ только забастовка была объявлена (15 ноября), покинули свои посты и телефонистки, за исключеніемъ двухъ молодыхъ барышень, которыя не послушались ни упрасиваній, ни угрозъ своихъ товарокъ и остались вѣрными своему долгу. Что ихъ заставило идти противъ захватившаго всѣхъ бурнаго движенія—сознаніе ли долга, боязнь ли лишиться куска хлѣба, или еще что—не знаю; не такое было тогда время, чтобы вникать въ такіе сравнительно мелкіе эпизоды той бурной години и анализировать ихъ. Эти двѣ дѣвицы послужили кадромъ для импровизаціи телефонной станціи на военный манеръ.

Жили, жили себѣ наши горожане безъ телефона и ничего—обходились; а вотъ теперь, какъ обзавелись этой машинкой да попривыкли къ ней, такъ, когда отняли ее, взвыли: не можемъ, молъ, безъ телефона существовать. Дѣлать нечего. Пораздумали, прикинули въ умѣ—выходить, что съ телефономъ легче справиться, чѣмъ съ телеграфомъ и съ почтой, а потому сейчасъ же приказъ: восстановить дѣйствіе телефонной станціи. Тотчасъ же полетѣли во всѣ полки бумажки—выслать на станцію всѣхъ свободныхъ писарей, вольноопредѣляющихся и тѣхъ изъ прочихъ нижнихъ чиновъ, кто хоть немного знакомъ съ телефоннымъ дѣломъ. Саперамъ—осмотрѣть телефонную линію. Черезъ часъ мы съ Агапѣвымъ были уже на станціи. Говоримъ начальнику станціи, флегматичному нѣмцу съ неизмѣнной трубкой въ зубахъ: исправны ли аппараты, не попортили ли чего забастовщики? Нѣмецъ въ отвѣтъ:

— Такъ испортили, что и не исправить теперь.

— А ну,—говоримъ,—покажите поврежденія.

Нѣмецъ повелъ насъ на чердакъ, гдѣ были сосредоточены всѣ провода и стояли электрическія батареи, и указалъ на раму, изъ которой были какою-то варварскою рукой вышиблены маленькіе стальные брусочки, соединяющіе провода по-парно, и безъ которыхъ не можетъ дѣйствовать телефонъ. Весь полъ былъ усыянъ этими брусочками; въ рамахъ оставалось ихъ не больше 2—3 десятковъ.

— Сколько времени вамъ нужно, чтобы вставить эти брусочки на мѣсто?—спросилъ Агапѣвъ инженера, попыхвающаго носогрѣйкой.

— О, тутъ на мѣсяцъ работы!—воскликнулъ нѣмецъ.

— Потрудитесь показать намъ, какъ надо это дѣлать, — продолжалъ Агапѣевъ.

Инженеръ показалъ. Мы сейчасъ же принялись за работу, которая черезъ пять минутъ показала, что инженеръ, какъ говорится, морочилъ насъ: брусочки вставлялись безъ всякаго труда и не требовали рѣшительно никакой хитрости. Агапѣевъ обозлился:

— Такъ это, вы говорите, требуетъ мѣсяца работы. Именемъ генераль-губернатора требую, чтобы завтра къ 9 часамъ утра вся станція была исправлена.

Съ этими словами мы покинули станцію. На другой день къ назначенному сроку станція была исправлена. Инженеръ всю ночь провозился на чердакѣ и при помощи черносотенныхъ работниковъ (нашлись и въ его учрежденіи) привелъ все въ порядокъ. Барышни-черносотенки, о которыхъ упоминалось, горячо принялись за обученіе солдатъ несложному дѣлу соединенія абонентовъ, и работа закипѣла. Самымъ усерднымъ и понятливымъ ученикомъ оказался капитанъ Агапѣевъ, который тоже пожелалъ принять участіе въ солдатской работѣ и, быстро выучившись, сталъ уже самъ помогать барышнямъ учить солдатъ. Скоро дѣло наладилось, и абонентамъ было дано знать, что телефонная станція—къ ихъ услугамъ. По началу не обходилось безъ курьезовъ: просятъ соединить съ пивовареннымъ заводомъ, а какой-нибудь солдатикъ щелкъ... щелкъ...—готово... звонокъ и... оказывается—управленіе уѣзднаго воинскаго начальника. Въмѣсто казначейства соединяли съ родильнымъ приютомъ и т. п. Но на эти шероховатости публика не обижалась и снисходительно относилась къ неопытнымъ телефонистамъ.

Въ предупреденіе порчи аппаратовъ къ нимъ былъ приставленъ военный караулъ, а для наблюденія за порядкомъ на станціи ежедневно сталъ наряжаться дежурный офицеръ. Словомъ, станція приняла вполне военный видъ, который слегка лишь нарушали двѣ барышни, безъ устали работавшія цѣлый день и дѣлившія между собой ночь пополамъ. Такъ продолжалось, какъ помнится, дней 10, послѣ чего бунтовщицъ-телефонистокъ прикрутили. Съ чиновниками не смогли справиться (да, впрочемъ, почти и не пытались), такъ рѣшили вступить въ борьбу съ нѣжными созданіями. Управляющій почтово-телеграфнымъ округомъ, по настоянію генераль-губернатора, раскачался, наконецъ, и далъ предписаніе всѣмъ телефонисткамъ явиться къ назначенному сроку на службу, съ предупреденіемъ, что не исполнившія приказъ будутъ считаться уволенными отъ нея. Дѣвицы перетрусили и, за очень малымъ исключеніемъ, всѣ явились. Не прибывшихъ тотчасъ же разсчитали. Работа на станціи возстановилась на обычныхъ основаніяхъ; солдатъ освободили отъ ихъ времен-

ныхъ обязанностей, а для охраны телефонныхъ барышень отъ насилія бастовавшихъ все еще чиновниковъ къ дверямъ аппаратной комнаты приставили часового. Последняя мѣра не была напрасна. Вскорости одному изъ часовыхъ пришлось рѣшительно пригрозить прикладомъ какому-то телеграфисту, желавшему пробраться къ барышнямъ, а еще черезъ нѣкоторое время чуть не разыгралась драма.

Забастовщики вновь рѣшили прервать дѣйствіе телефона и съ этою цѣлью громадною толпой двинулись къ станціи, чтобы снять телефонистокъ. Дежурный по станціи офицеръ (дежурили еще очень долго, до полной ликвидаціи забастовки), замѣтилъ приближавшуюся толпу и по телефону далъ знать въ комендантское управленіе, находившееся въ шагахъ 100 отъ станціи. Комендантъ тотчасъ же выслалъ дежурный взводъ драгунъ. Прискакавшіе драгуны вынуждены были пригрозить насильникамъ примѣнить оружіе, если они не разойдутся. Какъ въ тѣ времена водилось, переговоры велись долго и только подбодряли мятежниковъ. Наконецъ драгуны не вытерпѣли и, выхвативъ изъ ноженъ шашки, двинулись впередъ, дѣлая видъ, что идутъ въ атаку. Мятежники струсили и пустились на утекъ. Въ суматохѣ не обошлось, конечно, безъ того, что нѣкоторые попадали и поттоптали другъ другу мозоли. Въ общемъ ничего серьезнаго не вышло: ни одинъ драгунъ не только никого не зарубилъ, но даже и не притопталъ лошадей. Будь на ихъ мѣстѣ казаки, тѣ, быть можетъ, еще попотчевали бы кое-кого нагайкой, но драгуны и этого не могли сдѣлать по неимѣнію у нихъ инструмента, загнаваго «великую російскую революцію» въ свои берега.

Но все это не помѣшало «Харьковскому Листку» на другой день ударить въ набатъ и закричать: «караулъ». Явились на сцену, разумѣется, и «очевидцы». Одинъ изъ такихъ «очевидцевъ» повѣствовалъ, что когда онъ увидѣлъ блеснувшія на солнцѣ шашки и озлобленные, перекосившіяся отъ ярости «рожи» драгунъ, то не выдержалъ, забѣжалъ въ первый попавшійся магазинъ и отъ испуга упалъ тамъ въ обморокъ. Далѣе съ нимъ, нужно полагать, случилось чудо, такъ какъ впавшій въ обморокъ борзописецъ «вдругъ увидѣлъ», какъ драгуны врубались въ группу мирно настроенныхъ товарищей-телефонистовъ и начали крошить ихъ налѣво и направо, о чемъ онъ счелъ своимъ долгомъ увѣдомить своихъ читателей при посредствѣ «многоуважаемой газеты».

Итакъ, телефонистокъ привели въ порядокъ, но не такъ обстояло дѣло съ забастовавшими чиновниками почты и телеграфа. Эти господа упорно продолжали предаваться бездѣлю, перерядились въ блузы, напялили папахи и усердно посѣщали различные митинги. По временамъ они собирались на площади противъ почтамта и открывали митинги на свѣжемъ воздухѣ. Въ

такихъ случаяхъ немедленно высылались казаки или драгуны, которые быстро разгоняли забастовщиковъ, оказывавшихся довольно приткими на ноги. По вечерамъ въ театрахъ эти чиновники собирали среди публики пожертвованія въ пользу забастовавшихъ, вызывая у многихъ психопатокъ слезы умиленія и чувства уваженія къ упорству и твердому характеру. Въ одномъ театрѣ какой-то чиновникъ въ антрактѣ съ галерки однажды произнесъ громовую рѣчь, призывавшую «гражданъ» чуть ли не къ продажѣ женъ и дѣтей ради поддержки великаго дѣла — почтово-телеграфной забастовки. И публика, сидѣвшая безъ газетъ, безъ писемъ, терпѣвшая по милости «товарищей-чиновниковъ» убытки, внимала словамъ оратора, умилялась и вынимала кошельки. Полиція совершенно бузучастно относилась ко всему этому, и власти узнавали про сборы пожертвованій въ театрахъ частнымъ путемъ.

8 декабря, наконецъ, почтово-телеграфная забастовка прекратилась, и городъ вновь приобрѣлъ право на временно утраченный культурный способъ поддержанія сношенія съ внѣшнимъ міромъ. Но возстановленію порядка мѣстное начальство отнюдь не способствовало: все это сдѣлалось отчасти подъ вліяніемъ времени, а отчасти подъ давленіемъ изъ Петербурга.

Между тѣмъ, порядку стала грозить опасность и со стороны войскъ, среди которыхъ уже начиналось явное броженіе.

На вечернихъ засѣданіяхъ командиры полковъ начали открыто заявлять, что въ ихъ полкахъ что-то не ладно. Одинъ только командиръ Старобѣльскаго полка, полковникъ Гоштовтъ, проявлялъ крайній оптимизмъ, увѣряя, что за свой полкъ онъ головою ручается. Бѣдный, — онъ и не подозрѣвалъ, что у него-то въ полку и былъ рассадникъ всѣхъ дальнѣйшихъ бѣдъ. Всѣ командиры были хмуры; весело смѣялся только этотъ полковникъ да командиръ казачьяго полка полковникъ Костинъ. Но лихому казаку и Богъ велѣлъ быть веселымъ: всѣ знали, что его Донцы тверды въ присягѣ, какъ скала. На нихъ только и была надежда.

И наконецъ-то, что ожидалось, началось.

16 ноября забастовалъ цѣликомъ 1-ый баталіонъ 269-го пѣхотнаго Богодуховскаго полка¹⁾. Баталіонъ, который энергичнѣе всѣхъ дѣйствовалъ противъ мятежниковъ въ октябрьскіе дни. Особенно отличилась въ тѣ дни первая его рота, такъ ловко раскатавшая мятежниковъ, что тѣ съ тѣхъ поръ видѣть не могли командира ея браваго капитана Г-се. Какъ встрѣтить его, идущаго съ ротою, такъ и начинаютъ грозиться: «Подожди, рыжая собака, попадешься намъ—мы тебя уकोшимъ». А «рыжій» имъ всегда въ отвѣтъ: «Когда-то вы меня еще укокошите, а вотъ

¹⁾ Послѣ войны онъ былъ расформированъ.

я вашихъ-то уже положилъ порядкомъ, посчитали бы на площади».

И вотъ эта-то бравая рота первая и поднялась, а за нею и весь баталіонъ.

Похватили солдаты ружья, построились и двинулись изъ казармъ, что на Конной площади, въ другія казармы, на другой конецъ города, на Москалевку, гдѣ помѣщались прочіе три баталіона полка. Какъ офицеры ни уговаривали солдатъ, какъ ни разъясняли имъ, что они совершаютъ преступленіе, ничего не помогало.

Пришелъ баталіонъ къ своимъ однополчанамъ; тѣ, какъ муравьи, повысыпали изъ помѣщеній и стянулись на полковой дворъ. Сейчасъ же притащили столъ, поставили его среди двора и открыли митингъ.

Тутъ и сказала солдатская натура. Первымъ ораторомъ, какъ оно и полагалось въ тѣ времена, выступилъ, конечно, «сознательный» еврейчикъ. Но только онъ началъ рѣчь, какъ тотчасъ же и потерпѣлъ фіаско, по той простой причинѣ, что темой для рѣчи онъ избралъ модный вопросъ о «швободѣ» и прочей для солдата дребедени. Только завелъ онъ свою говорильную машину, какъ солдатня завопила:

— Долой его, что онъ тамъ брешетъ. Выходи, который тамъ про штаны, чего ихъ задерживаютъ, да про то, что въ запасъ не увольняютъ, говорить можетъ. А то—тоже завелъ, жидовская морда.

Дюжина рукъ протянулась къ оратору и съ позоромъ свергла его съ кафедръ, которую тотчасъ же заняли хотя тоже «сознательные» солдаты, но все же лучше понимавшіе, о чемъ нужно говорить.

Полился потокъ рѣчей, уснащенныхъ «шароварами, портянками, чаемъ, сахаромъ, увольненіемъ въ запасъ» и прочими большими вопросами солдатскаго обихода того времени. Однимъ словомъ, началась якобы выработка «петиціи», заявлявшей объ экономическихъ нуждахъ солдата. Въ сущности же вся эта комедія продѣлывалась именно, какъ комедія, такъ какъ петиція была выработана задолго до митинга и, какъ было слышно, совсѣмъ не солдатами, а кое-къмъ почище: называли имена и очень крупныя изъ міра адвокатскаго и даже профессорскаго.

Вскорѣ на этотъ митингъ поспѣлъ увѣдомленный о немъ командиръ полка полковникъ Пригоровскій. Но, къ сожалѣнію, и ему не удалось тотчасъ же разогнать солдатъ и водворить порядокъ. Въмѣсто успокоенія, солдаты предъявили полковнику обширную петицію, состоящую что-то изъ 30 пунктовъ. О чемъ только въ ней не говорилось. Тутъ и о портянкахъ, и о мылѣ; рядомъ поставленъ вопросъ о сокращеніи срока службы; черезъ

строку—о вѣжливомъ обращеніи съ солдатами; черезъ двѣ—о прибавкѣ жалованья, и все это было увѣнчано требованіемъ «прямой, равной, тайной и всеобщей» подачи голосовъ.

Никакого не было сомнѣнія, что 99 процентовъ подавшихъ эту знаменитую «петицію» и половины не понимали изъ того, что въ ней было написано. Особенно любопытно было присутствіе въ петиціи «четыреххвостки», до которой солдатамъ было столько же дѣла, какъ и заботъ о прошлогоднемъ снѣгѣ.

Тѣмъ не менѣе петиція была цѣликомъ помѣщена на другой же день въ газетахъ, причемъ въ лѣвыхъ органахъ—съ комментаріями, что вотъ, молъ, насколько «сознательны стали наши солдатики».

Полковникъ, увидѣвъ, что ему не справиться со своими солдатами, охваченными какимъ-то психическимъ разстройствомъ, поѣхалъ къ генераль-губернатору посоветоваться съ нимъ и попросить указаній.

Генераль Сѣнницкій, выслушавъ докладъ, сказалъ полковнику:

— Возьмите батарею и всѣхъ казаковъ, окружите казармы пушками и разгоните вашихъ мятежниковъ; не послушаются—раскатайте ихъ артиллерійскимъ огнемъ. Нечего стѣсняться.

Полковникъ Пригоровскій взмолился:

— Ваше превосходительство! Кровь проливать... Губить людей... Не могу я, не могу. Позвольте, я еще разъ съѣзжу, умоляю ихъ. Не послушаются, ну, тогда дѣлать нечего...

Генераль на это возразилъ, что ему и самому претитъ мысль о крови; но что же дѣлать. Нельзя же пожару разгораться.

— Умомаете,—говорилъ генераль-губернаторъ,—хорошо, и я радъ буду; а не удастся—дѣйствуйте такъ, какъ я уже вамъ съ перваго раза сказалъ.

Едва сдерживая слезы, подѣхалъ полковникъ къ казармамъ своего полка. Порядокъ еще не былъ возстановленъ, и солдаты продолжали шумѣть, обсуждая свои нужды. Особенно волновались запасные подъ вліяніемъ сверлившей ихъ мысли о возвращеніи домой. На этотъ разъ полковнику скоро удалось уговорить солдатъ прекратить шумъ и построиться: они, видимо, были уже утомлены бесполезными разговорами, шумомъ и крикомъ. Къ искреннему удовольствію командира полка, не пришлось прибѣгнуть ни къ какимъ крутымъ мѣрамъ. Какъ только солдаты построились, полковникъ обратился къ нимъ съ рѣчью, въ которой разъяснилъ, что избранный ими путь для заявленія ихъ претензій совершенно незаконный.

Въ строй перваго баталіона были поставлены всѣ офицеры его; впереди выстроился хоръ музыки. Ставъ во главѣ баталіона, командиръ полка вывелъ солдатъ со двора и подъ звуки

музыки лично отвелъ ихъ на Конную площадь въ тѣ казармы, изъ которыхъ они утромъ самовольно вышли.

Казалось, что и этотъ инцидентъ исчерпанъ, но на повѣрку вышло, что все это было только репетиціей, а спектакль разыгрался черезъ недѣлю.

Чтобы подробно разслѣдовать случившееся происшествіе, было тотчасъ же назначено дознаніе.

Въ тотъ же день, какъ разразилась эта вспышка, въ Харьковъ пріѣхалъ помощникъ командующаго войсками генералъ Карасъ и именемъ командующаго войсками приказалъ уволить всѣхъ состоявшихъ въ полкахъ запасныхъ по домамъ.

По увольненіи запасныхъ по домамъ, казалось, въ войскахъ изсякъ и источникъ, могущій вновь всколыхнуться; но на дѣлѣ оказалось, что это не такъ. Въ рядахъ полковъ оказался еще надежный элементъ—это нижніе чины срока службы 1901 года, хотя и выслужившіе опредѣленный срокъ, но не уволенные въ запасъ вмѣстѣ со своими старшими сверстниками, въ виду неоконченной еще ликвидаціи дѣлъ войны. Люди эти были преимущественно изъ числа переведенныхъ на укомплектованіе полковъ чуть не изъ всѣхъ частей округа и, такъ сказать, были набраны съ бору да съ сосенки.

И безъ того полки эти были съ очень слабымъ несколоченнымъ кадромъ, таявшимъ въ массѣ призванныхъ изъ запаса, а какъ поперевели всѣ эти излишки изъ полевыхъ полковъ, то получилась такая пестрота и неразбериха, что отъ офицеровъ потребовалась прямо-таки колоссальная работа, чтобы изъ всего этого разношерстнаго элемента сдѣлать образъ и подобіе ротъ, баталіоновъ и полковъ.

Нелегко приходилось тогда офицерскому составу. Запасные отъ дисциплины отвыкли, а за ними, слѣдуя примѣру старшихъ, потянулась и молодежь срочной службы. А тутъ еще на грѣхъ тяжелая полицейская служба и тучи прокламацій. Какъ солдата не берегли отъ революціонной агитаціи, все же она проникла въ казармы и широкимъ потокомъ затошила солдатскія массы.

Нужно отдать справедливость, что въ тѣ времена и офицеры гораздо дальше стояли отъ нижнихъ чиновъ, чѣмъ стоятъ теперь послѣ грозы, пронесшейся надъ нашей арміей. Особенно мало интересовались внутреннимъ міромъ солдата наши прапорщики, ничего общаго не имѣвшіе съ военной службою и смотрѣвшіе на нее, какъ на крайне неприятную обузу. Между тѣмъ, за командированіемъ большей частью офицеровъ дѣйствительной службы на Дальній Востокъ, въ полкахъ оставались только ротные командиры и прапорщики, другихъ офицеровъ почти не было. Къ этому суррогату офицерства и нельзя было предъявлять строгихъ требованій. И дѣйствительно, могъ ли хоть сколько-нибудь

интересоваться солдатомъ и его духовными запросами какой-нибудь товарищъ прокурора или акцизный чиновникъ, насильственно зятянутые въ офицерскій мундиръ и пѣликомъ оставившіе свою душу въ камерѣ прокурора или въ винномъ складѣ. А если и находились такіе прапорщики, что занимались съ солдатами, то, какъ говорится, совсѣмъ съ другого конца и заботились вовсе не о нашемъ дѣлѣ, а развивали въ нижнихъ чинахъ тѣ чувства и мысли, которыя привели потомъ насъ къ Севастополю и Свеаборгу.

Итакъ, уволили запасныхъ, а броженіе не прекратилось. Въ управленіи генераль-губернатора получались ежедневно агентурнымъ путемъ свѣдѣнія, что въ полкахъ все еще очень далеко до благополучія, и что нужно ожидать новой вспышки и еще болѣе серьезной, чѣмъ двѣ предыдущія. Въ то же время накопился и пролетаріатъ, видимо, къ чему-то готовясь.

Генераль-губернаторъ издалъ приказъ, въ которомъ категорически заявилъ, что положеніе дѣлъ въ городѣ настолько серьезно, что войска должны смотрѣть на себя, какъ на стоящихъ на передовыхъ позиціяхъ лицомъ къ лицу непріятели, и потребовать, чтобы всѣ офицеры переселились на жительство въ казармы. Эта чрезвычайная мѣра вполнѣ оправдывалась тогдашними обстоятельствами, но все же не привела ни къ чему.

Въ то же время въ штабъ округа былъ посланъ рядъ донесеній, рисовавшихъ тяжелое положеніе вещей и просьба усилить гарнизонъ свѣжими, незараженными агитаціей войсковыми частями. Генераль-губернаторъ при этомъ откровенно писалъ, что онъ ни на одну часть гарнизона, кромѣ, конечно, казаковъ, не надѣется и усиленно просилъ поспѣшить съ присылкой надежныхъ войскъ. Штабъ округа на это отвѣтилъ, что, въ виду повсемѣстныхъ волненій, многого дать не можетъ и пообѣщалъ дать всего лишь два баталіона пѣхоты и четыре пулемета, на присылкѣ которыхъ особенно настаивалъ генераль Сѣвнипкій.

Дня за два до знаменательнаго дня 23 ноября, на засѣданіи, бывшемъ у генераль-губернатора, командиры полковъ подтвердили вновь, что они замѣчаютъ кое-какіе непріятные признаки, указывающіе на броженіе въ ихъ полкахъ. И снова командиръ Старобѣльскаго полка, полковникъ Гоштовъ, торжественно завѣрилъ собраніе въ томъ, что зато у него въ полку все вполнѣ благополучно, и вновь поставилъ на закладъ свою голову.

23 ноября, въ девятомъ часу утра я направился прямо въ управленіе генераль-губернатора, предполагая въ штабъ зайти нѣсколько позже, по окончаніи нѣкоторыхъ срочныхъ работъ по генераль-губернаторству.

Не успѣлъ я выйти изъ дома, какъ услышалъ ревъ гудковъ на паровозостроительномъ заводѣ, отличавшемся всегда особенно

сквернымъ настроеніемъ. Я зналъ уже по опыту, что разъ тамъ заревѣли гудки, то это не къ добру: это значило какіе-нибудь сигналы и призывъ къ какому-нибудь беспорядку. Но особеннаго движенія и оживленія на улицахъ еще не замѣчалось.

Подойдя къ Вознесенскому мосту, я замѣтилъ на немъ вооруженныхъ казаковъ, слѣшившихся и занявшихъ переправу черезъ рѣчку. Офицера при нихъ не было. Я спросилъ казака, чего они тутъ стоятъ и получилъ отвѣтъ, что взбунтовались солдаты.— Началось, съ грустью подумалъ я, и прибавилъ шагу. Въ управленіи генераль-губернатора я узналъ, что, дѣйствительно, началось.

Еще наканунѣ офицеры замѣтили, что солдаты какъ-то особенно настроены и какъ будто готовятъ къ чему-то необычному. Особенно это замѣтно было въ 201-мъ Лебединскомъ и 202-мъ Старобѣльскомъ пѣхотныхъ полкахъ. Въ то же время было получено агентурнымъ путемъ свѣдѣніе, что солдаты затѣваютъ на завтра выходъ на Николаевскую площадь для предъявленія начальству своихъ требованій.

Командиры полковъ и всѣ офицеры, пробывшіе весь день въ казармахъ на занятіяхъ, къ вечеру постынулись въ дежурныя комнаты. Вечерняя повѣрка прошла обычнымъ путемъ, послѣ чего солдаты разбрелись по койкамъ и начали укладываться спать.

Въ Старобѣльскомъ полку командиръ его, полковникъ Гоштовтъ, обошелъ казармы первыхъ двухъ баталіоновъ, расположенныхъ отдѣльно отъ прочихъ двухъ баталіоновъ (въ Ващенковскомъ переулкѣ), побесѣдовалъ съ нѣкоторыми нижними чинами, упомянулъ про слухъ, говорящій о томъ, будто бы они собираются чуть ли не на завтра совершить какое-то путешествіе по городу, и вызвалъ солдатъ на откровенность. Такъ, въ одной ротѣ солдаты заявили полковнику жалобу на своего ротнаго командира за его незаконныя и грубыя отношенія къ нимъ. Командиръ полка пообѣщаль разобрать это дѣло, а теперь приказалъ ложиться спать и дать ему слово, что они не нарушатъ присяги и не осрамятъ своего полка задуманнымъ незаконнымъ способомъ заявленія своихъ нуждъ. Солдаты обѣщали, что въ точности исполнять слова своего командира и что ничего незаконнаго не предпримутъ. Полковникъ успокоился.

Ночью, обходя помѣщенія, дежурный офицеръ замѣтилъ, что нѣкоторые солдаты спятъ не раздѣвшись и въ сапогахъ. Растолкавъ этихъ нижнихъ чиновъ и разспросивъ ихъ о причинѣ такого беспорядка, дежурный по полку получилъ отвѣтъ, что вышло это изъ-за того, что они выходили «за нуждой» и, придя въ казармы, полѣнились раздѣться. Дежурный офицеръ, однако, придалъ серьезное значеніе этой ненормальности и доложилъ объ этомъ командиру полка, который приказалъ офицерамъ провѣрить своихъ людей и наблюсти, чтобы всѣ спали раздѣтыми, какъ полагается.

Почти такіе же подозрительные признаки были замѣчены и въ Лебединскомъ полку, гдѣ офицеры также провели всю ночь безъ сна и ходили по казармамъ.

Обойдя затѣмъ еще разъ съ дежурнымъ офицеромъ всѣ казармы Старобѣльскаго полка, полковникъ Гоштовтъ почему-то вывелъ заключеніе, что всѣ эти разговоры и ожиданіе завтрашняго дня—пустяки, и успокоенный поѣхалъ къ своему начальнику дивизіи, генералу Нечаеву, переселившемуся, съ объявленіемъ города на военномъ положеніи и съ назначеніемъ его начальникомъ всѣхъ войскъ гарнизона, въ комендантское управленіе. А это послѣднее, въ свою очередь, переведено было въ управленіе полицеймейстера, гдѣ, такимъ образомъ, сосредоточились и военныя, и полицейскія власти.

Полковникъ Гоштовтъ, разбудивъ начальника дивизіи, тоже очень обезпокоеннаго мыслью о носившихся недобрыхъ слухахъ про его полки, доложилъ генералу, что всѣ эти слухи и разговоры—пустяки и что у него въ полку, слава Богу, все благополучно.

Но не успѣлъ полковникъ закончить послѣднюю фразу своего доклада, какъ зазвенѣлъ телефонъ и сообщилъ печальную вѣсть: Старобѣльскій полкъ, о благополучіи котораго только что пларѣчь, поднялся и направляется въ казармы 3-го и 4-го баталіоновъ, чтобы присоединить къ себѣ прочихъ людей полка и слѣдовать къ другимъ войсковымъ частямъ.

Полковникъ Гоштовтъ мгновенно бросился въ свой полкъ, который въ это время уже кипѣлъ, какъ вода въ котлѣ.

Оказалось, что вскорѣ послѣ отъѣзда командира полка по ротамъ стали бѣгать главари движенія—фельдфебель учебной команды Одишарій, какіе-то унтеръ-офицеры, вольноопредѣляющійся и начали будить людей, приказывая имъ разбирать ружья и строиться на дворѣ. Послушные этимъ окрикамъ и посвященные въ въ заговоръ, солдаты быстро одѣвались, разбирали ружья и выбѣгали на дворъ, гдѣ барабанщики усиленно играли сборъ. Тѣ же изъ нижнихъ чиновъ, которые не были освѣдомлены про замыслы главарей, видя общую суматоху и толкомъ не понимая, въ чемъ дѣло, а поддаваясь стадному инстинкту, также слѣшили присоединиться къ общей массѣ, и, какъ въ послѣдствіи выяснилось, полагали, что они дѣлаютъ что-то по приказанію начальства.

Больше всего офицеровъ смущало то, что солдаты захватили съ собой боевые караульные патроны, овладѣвъ ящиками, въ которыхъ они хранились.

Не прошло и нѣсколькихъ минутъ, какъ солдаты выходили уже изъ воротъ казармъ, направляясь въ казармы второго полуполка. Въ головѣ колонны шелъ оркестръ музыки, игравшій маршъ. Передъ выходомъ же этотъ оркестръ, стоя во дворѣ, игралъ гимнъ

«Боже, Царя храни», чѣмъ какъ бы подчеркивался исполнѣ законный характеръ затѣи. Офицеры не оставляли своихъ солдатъ и, все еще не теряя надежды, умоляли ихъ не губить себя и вернуться въ роты. Но все было напрасно.

Прибывшій вскорѣ изъ комендантскаго управленія полковникъ Гоштовтъ тоже уже ничего не могъ подѣлать съ солдатами и вынужденъ былъ оставить всякія попытки къ вразумленію ихъ.

Между тѣмъ, въ казармахъ 3-го и 4-го баталіоновъ, на Зміевской улицѣ, творилось то же самое, что и въ первыхъ двухъ баталіонахъ. Такъ же, какъ и тамъ, по окрику нѣсколькихъ главарей, солдаты повскакали, быстро одѣлись, разобрали ружья, захватили патроны и высыпали на дворъ въ ожиданіи прибытія своихъ однополчанъ.

Въ одной изъ ротъ орудовалъ молоденькій, лѣтъ 17, вольноопредѣляющійся, всего лишь мѣсяца два поступившій на службу (по фамилии, кажется, Мѣшковскій). Несмотря на его юность, вліяніе его было настолько велико, что ему безпрекословно подчинялись старые солдаты, прослужившіе уже 3, 4 и даже 5 лѣтъ.

Эта рота даже дерзнула не отвѣтить на привѣтствіе командира баталіона, пришедшаго къ своимъ подчиненнымъ повліять на нихъ добрымъ словомъ. Когда же подполковникъ сталъ стыдить солдатъ, что они слушаются какого-то сошняка-вольноопредѣляющагося, толкомъ несумѣющаго и повернуться по-солдатски, этотъ юнецъ закричалъ, обращаясь къ почтенному штабъ-офицеру:

— Довольно вы покомандовали, теперь покомандуемъ мы.

Черезъ нѣсколько минутъ послѣ этого къ воротамъ казармъ подошли солдаты 1-го и 2-го баталіоновъ. Готовые къ выходу солдаты—обитатели этихъ казармъ, силою освободивъ съ гауптвахты арестованныхъ, высыпали на улицу и присоединились къ шествію, направлявшемуся послѣ этого къ казармамъ своихъ одобривающихъ Лебединцамъ.

Въ этихъ казармахъ (на Старо-Московской улицѣ) было продѣлано все точно такъ же, какъ и въ казармахъ Старобѣльскаго полка, и солдаты въ ожиданіи Старобѣльцевъ толпами стояли у воротъ. Среди нихъ можно было замѣтить мелькавшіе то тамъ, то сямъ, офицерскія фуражки: то офицеры дѣлали послѣднія попытки уговорить солдатъ вернуться въ казармы.

У запертыхъ воротъ стояли офицеры и особая команда, спеціально назначенная для охраны воротъ, но наряженная, конечно, изъ состава того же Лебединскаго полка. Когда подошли Старобѣльцы и начали кричать: «Выходите, товарищи Лебединцы», то эти послѣдніе изъ-за воротъ отвѣчали имъ, что-де ворота заперты и насъ, молъ, не пускаютъ. Тогда нѣсколько человѣкъ «товарищей Старобѣльцевъ» перелѣзли черезъ ворота и открыли ихъ. Лебединцы хлынули на улицу и присоединились къ Старобѣльцамъ

Вышло такъ, что какъ будто Лебединцы и не при чемъ: ихъ, молъ, «сняли» товарищи Старобѣльцы.

Оборудовавъ это дѣло, колонна, уже съ двумя хорами музыки, двинулась на Конную площадь, на которую выходили казармы, занятія 1-мъ баталіономъ Богодуховскаго полка, выкинувшимъ уже за недѣлю передъ этимъ колѣнце, о которомъ говорилось выше. Но здѣсь забастовщиковъ ждало большое разочарованіе: среди Богодуховцевъ, подъ вліяніемъ командира полка полковника Пироговскаго и его офицеровъ, уже наступила полная реакція, и солдаты были уже не тѣ, что недѣлю тому назадъ, а вполне отрезвившіеся и попрежнему готовые по слову командира полка слѣдовать за нимъ хоть къ чорту въ зубы. Всякаго же рода забастовщиковъ и особенно «товарищей-пролетателей» они успѣли возненавидѣть до глубины своей солдатской души, хорошо понявъ, чего можно ожидать отъ ихъ всякихъ обѣщаній.

Въ тотъ моментъ, какъ къ воротамъ этого полка подходила мятежная колонна солдатъ, въ помѣщеніяхъ оставалось не больше, какъ человекъ 30—40, въ томъ числѣ дежурные, дневальные и слабые здоровьемъ. Прочихъ же людей этого баталіона командиръ полка, узнавшій про выходъ солдатъ сосѣдней дивизіи, успѣлъ выстроить, воодушевить простой, но разумной рѣчью и увелъ на Николаевскую площадь, гдѣ уже сосредоточивался отрядъ оставшихся вѣрными своему долгу войскъ.

Ворота, по распоряженію дежурнаго офицера, были заперты, но никѣмъ не охранялись. Подошедшіе мятежники быстро сломали желѣзные запоры, отворили ворота и гурьбою бросились на казарменный дворъ. По отношенію случившихся на дворѣ офицеровъ эти мятежные солдаты вели себя крайне вызывающе: чести никому не отдавали, курили въ ихъ присутствіи и, не стѣсняясь, сквернословили.

Первымъ ихъ дѣломъ было броситься по ротамъ, чтобы «поснимать» оставшихся людей. Не найдя тамъ никого, орава кинулась на чердаки, въ сарай и всюду, гдѣ находила запрятавшихся Богодуховцевъ, силою вытаскивала оттуда, а кто пытался сопротивляться, того подбадривали ударами прикладовъ. Въ то же время другая часть мятежниковъ захватила штукъ 30 оставшихся въ ротахъ винтовокъ и насильственно вооружила ими захваченныхъ безъ оружія нижнихъ чиновъ. Затѣмъ мятежники овладѣли частью музыкальнаго инструмента и силою всучили его найденнымъ въ казармахъ музыкантамъ. Три же или четыре музыканта, почему-то тоже оставшихся въ казармахъ, присоединились къ толпѣ добровольно. Какъ потомъ выяснилось, добровольцы эти были изъ «гонимаго племени».

Совершивъ этотъ подвигъ, мятежники двинулись къ сосѣдней казармѣ, гдѣ помѣщался дивизионъ 19-й артиллерійской бригады.

Офицеры дивизиона, узнавъ о выходѣ изъ казармъ мятежниковъ, поспѣшили къ своимъ людямъ въ казармы. Въ это время тамъ приходила утренняя уборка лошадей. Прибывъ въ казармы, командиръ дивизиона тотчасъ же приказалъ раскрыть настежь ворота, выходящія на площадь, и противъ нихъ выкатить одно орудіе. Около пушки сейчасъ же заняла свои мѣста прислуга. Получился видъ пушки, готовой во всякую минуту выбросить изъ своего жерла страшный гостинецъ. Дежурный офицеръ занялъ наблюдательный пунктъ близости отъ орудія. Прочимъ же людямъ было приказано заниматься своимъ дѣломъ.

Когда къ этимъ воротамъ подошла толпа мятежниковъ и увидела зіяющую пасть пушки, направленную на нихъ, и прислугу, готовую къ дѣйствию, она оробѣла и остановилась на почтительномъ разстояніи. Но все же нѣкоторые изъ этой толпы набрались храбрости и начали кричать:

— Товарищи-артиллеристы, выходите къ намъ, идемъ вмѣстѣ.

Въ отвѣтъ на это «товарищи-артиллеристы» загнули что-то неслезное по адресу гостей и пригрозили, что, если только кто-нибудь двинется къ воротамъ, то они сейчасъ же выпалятъ изъ пушки. Забастовщикамъ, конечно, и на умъ не пришло, что пушка-то не заряжена, но грозный видъ ея такъ на нихъ повліялъ, что они повернули оглобли и ушли отъ неподатливыхъ и негостепріимныхъ пушкарей. Такъ бравые артиллеристы и не посрамили свои мундиры, украшенные георгіевскимъ шитьемъ.

Потерпѣвъ это фіаско, мятежники двинулись къ слѣдующей казармѣ, занятой баталіономъ Лебединскаго полка.

Этотъ баталіонъ не заставилъ себя упрашивать и тотчасъ же присоединился къ бунтовщикамъ.

Въ этомъ районѣ было сдѣлано все въ предѣлахъ возможнаго; оставалось итти на противоположный конецъ города— снимать другіе полки чужихъ дивизій. Дальнѣйшій путь мятежниковъ лежалъ опять черезъ ту же Конную площадь, на которой они только что побывали, снимая Богодуховцевъ.

Въ то время, какъ совершались эти доблестные подвиги, на заводахъ и въ мастерскихъ поднялся ревъ сотни гудковъ, оповѣщавшихъ рабочихъ о необыкновенномъ событіи. Рабочіе спѣшно бросали работы и устремлялись на улицы, откуда, сбившись въ кучи, быстро направлялись къ заводу Гельферихъ-Саде, расположенному на Конной площади, къ которой приближалась колонна мятежниковъ, только что закончившая сниманіе бывшихъ въ этомъ участкѣ солдатъ.

Колонна эта, предводительствуемая фельдфебелемъ Одишариемъ, была рассчитана имъ по ротамъ и вообще имѣла видъ правильного строя, строго поддерживаемаго энергичнымъ фельдфебелемъ и его помощниками—вольноопредѣляющимся и другими.

Подойдя къ заводу, колонна была фельдфебелемъ остановлена, выстроена фронтомъ къ заводскимъ постройкамъ и чисто выравнена. Вся площадь была густо устѣяна тысячами рабочихъ, пожелавшихъ воспользоваться случаемъ и присоединиться къ шествію.

Вскорѣ изъ воротъ завода показалось шествіе рабочихъ, во главѣ котораго несли громадныхъ размѣровъ красное знамя, въ видѣ транспаранта, съ надписью: «Земля и воля». За краснымъ знаменемъ несли черные транспаранты съ надписями: «Памяти борцамъ, погибшимъ въ Севастополѣ», и другими. Какъ только это красное знамя появилось на площади, мятежный фельдфебель зычнымъ голосомъ скомандовалъ: «Подъ знамя. Слушай, на караулъ». Одновременно со взятіемъ солдатами винтовокъ на караулъ, музыка грянула торжественный маршъ.

Послѣ этого мятежный отрядъ двинулся по окраиннымъ улицамъ къ казармамъ прочихъ трехъ баталіоновъ Богодуховскаго полка на Москалевку. Между прочимъ, солдаты настояли, чтобы рабочіе не смѣшивались съ ихъ рядами, желая этимъ подчеркнуть чисто военный характеръ демонстраціи. Рабочіе, послушные этому призыву, слѣдовали сзади колонны, не смѣшиваясь съ нею.

Въ то время, какъ все это происходило, начальство забило тревогу.

Надо замѣтить, что въ эту ночь по желѣзной дорогѣ въ Харьковъ прибыли баталіонъ 43 пѣхотнаго Охотскаго полка и 2 выучныхъ пулемета.

Какъ раньше было сказано, мы ожидали прибытія двухъ баталіоновъ этого полка и 4 пулеметовъ, но оказалось, что въ сосѣднемъ городѣ, Полтавѣ, тоже очень волновавшемся, губернаторъ произвелъ «экспроприацію»: узнавъ, что черезъ его городъ долженъ прослѣдовать предназначавшійся для насъ довольно солидный отрядъ, начальникъ губерніи рѣшилъ подѣлиться съ нашимъ начальствомъ по-братски. Заработалъ телеграфъ, посыпались депеши и, когда отрядъ дошелъ до нашего сосѣда, то половина войскъ была, съ разрѣшенія окружного начальства, захвачена и оставлена, не дойдя по назначенію.

Прибывшему въ Харьковъ отряду было приказано заночевать въ вагонахъ.

Генераль-губернаторъ, получивъ свѣдѣнія о демонстративномъ выходѣ полковъ 51-ой дивизіи, тотчасъ же вызвалъ къ себѣ начальника ея, генерала Нечаева, бывшаго, какъ я говорилъ, и начальникомъ всѣхъ войскъ гарнизона, и приказалъ ему спѣшно вызвать изъ казармъ всѣхъ оставшихся вѣрными своему долгу солдатъ, взять прибывшій ночью баталіонъ Охотцевъ и два пулемета, отправиться на Конную площадь, гдѣ произошло соединеніе мятежниковъ съ рабочими, и разогнать бунтовщиковъ, не стѣсняясь средствами, включительно до разстрѣла мятежной толпы.

Когда я прибылъ въ губернаторскій домъ, то въ разговорѣ во мной генераль Сѣвницкій, между прочимъ, спросилъ, не видѣлъ ли я, идя по городу, отрядъ генерала Нечаева?

— Понимаете, этотъ генераль мнѣ не прислалъ ни одного донесенія, и я положительно ничего не знаю, гдѣ онъ и что предпринялъ.

Я доложилъ, что видѣлъ Вознесенскій мостъ, занятый казаками, почему можно предположить, что и весь отрядъ гдѣ-нибудь находится въ томъ же районѣ.

Генераль приказалъ мнѣ тотчасъ же ѣхать въ городъ, разыскать генерала Нечаева и разспросить его, что онъ сдѣлалъ уже и что намѣренъ предпринять.

Я быстро одѣлся и выбѣжалъ на улицу. По близости не было ни одного извозчика. Чтобы не терять времени, я пустился бѣжать подъ горку во всю прыть. Прибѣжавъ на набережную рѣки, я свернулъ направо, вскочилъ въ подвернувшуюся пролетку и приказалъ гнать въ хвостъ и гриву. Я увѣренъ былъ, что разъ занять одинъ мостъ, то, вѣроятно, заняты и другіе мосты по теченію рѣки, иначе не было бы смысла занимать тотъ мостъ, который я уже видѣлъ. Тѣмъ болѣе, думалось мнѣ, долженъ быть занять главный мостъ на Московскои улицѣ, соединяющей Конную площадь, гдѣ чествовалось красное знамя, съ центромъ города.

Предположенія мои оправдались: я скорѣ увидѣлъ фуражки съ бѣлыми околышами—это, значить, Охотцы, такъ какъ въ Харьковскомъ гарнизонѣ не было ни одного третьяго полка. Вслѣдъ за этимъ я замѣтилъ казаковъ и, наконецъ, самого генерала Нечаева. Подѣхавъ къ Харьковскому мосту, я рассмотрѣлъ, что по обѣимъ сторонамъ его былъ выстроенъ баталіонъ Охотцевъ; пулеметы были сняты съ вьюковъ и, покрытые чехлами, стояли съ лѣвой стороны у моста, готовые во всякую минуту быть выдвинуты на мостъ для обстрѣла впереди лежащей улицы. Сзади отряда стояла часть 17-го Донского казачьяго полка.

Генераль Нечаевъ стоялъ около какого-то кіоска и въ тотъ моментъ, какъ я подошелъ къ нему, приложивъ бумажку къ стѣнѣ кіоска, что-то писалъ. Я доложилъ генералу, что прибылъ отъ генераль-губернатора съ цѣлью узнать о положеніи вещей и освѣдомиться, почему нѣтъ никакихъ свѣдѣній изъ отряда.

Генераль мнѣ на это отвѣтилъ, что хотѣлъ поговорить по телефону, но всѣ магазины закрыты, а написать донесеніе не было времени, и теперь на словахъ ориентировалъ меня въ обстановкѣ и сообщилъ свои распоряженія.

Во время этого разговора я замѣтилъ, что вокругъ отряда стояла громадная толпа народа. Среди этой публики можно было видѣть много людей, улыбающихся и ликующихъ лица которыхъ ясно говорили за то, что они всею душою на сторонѣ забасто-

вавшихъ солдатъ и отъ всего сердца желаютъ имъ всяческаго успѣха.

Отъ этой толпы при мнѣ отдѣлилась группа какихъ-то субъектовъ и пристала къ командиру пулеметной роты съ просьбой показать имъ невиданные еще въ городѣ пулеметы. Просьба ихъ была такъ горяча, что капитанъ не выдержалъ, поднявъ чехоль съ одного пулемета и показавъ этотъ страшный инструментъ любопытнымъ. Изъ группы послышались восклицанія: «Неужели изъ нихъ будутъ стрѣлять».

Закончивъ свой докладъ и выслушавъ генерала, я сѣлъ въ пролетку и помчался въ домъ губернатора.

Нашелъ я генерала въ кабинетѣ губернатора, гдѣ былъ также и прокуроръ судебной палаты с. с. Хрулевъ. Я подробно доложилъ обо всемъ, что видѣлъ и слышалъ.

Въ это время въ кабинетъ вошелъ капитанъ Агапѣевъ и доложилъ, что изъ Богодуховскаго полка по телефону передаютъ, что мятежники съ Конной площади двинулись куда-то по Молочной улицѣ.

Мы вышли съ капитаномъ изъ кабинета въ пріемную комнату, разложили тамъ на столѣ планъ города и флажками, оказавшимися подъ рукою, отмѣтили расположеніе нашего отряда. Затѣмъ, сообразивъ движеніе мятежниковъ и сопоставивъ его съ положеніемъ отряда, пришли къ заключенію, что эта банда двигается не иначе, какъ на Москалевку въ казармы Богодуховскаго полка, а оттуда она непременно выйдетъ на Николаевскую площадь, такимъ образомъ, описавъ почти три четверти круга, выйдетъ въ тылъ нашему отряду, бесполезно, слѣдовательно, стоящему на мостахъ.

Въ тотъ моментъ, какъ мы все это обсуждали, въ пріемную вышелъ генералъ Свиницкій, и, обращаясь къ капитану Агапѣеву, сказалъ:

— Поѣзжайте немедленно къ генералу Нечаеву... Нѣтъ, впрочемъ, вы слишкомъ горячи, нервный человѣкъ. Васъ посылатъ туда нельзя. Поѣзжайте вы,—повернулся ко мнѣ генералъ,—и скажите генералу Нечаеву, чтобы онъ бросилъ эти мосты, на которыхъ ничего не дождется, и шелъ бы со своимъ отрядомъ къ вокзалу: мятежники, вѣроятно, идутъ туда въ обходъ, чтобы соединиться съ рабочими мастерскихъ и оттуда вмѣстѣ съ ними выйти на площадь. Пусть генералъ Нечаевъ не стѣсняется съ мятежниками и непременно ихъ разгонитъ и ни въ какомъ случаѣ пусть не входитъ ни въ какіе переговоры съ солдатами.

Я выбѣжалъ изъ пріемной, набросилъ пальто и выскочилъ на улицу. На мое счастье у подъѣзда дома стоялъ извозчикъ. Думая, что генералъ Нечаевъ все еще стоитъ на мосту, я направился туда; но, пріѣхавъ къ тому мѣсту, гдѣ еще полчаса тому назадъ

стоялъ отрядъ, я не засталъ уже тамъ никого. Предполагая, что генераль Нечаевъ двинулся въ сторону вокзала по своей инициативѣ или, во всякомъ случаѣ, пошелъ куда-либо въ томъ направленіи наперерѣзъ мятежникамъ, я приказалъ извозчику мчаться во весь духъ на вокзалъ.

Въ то же время я замѣтилъ, что всѣ тротуары и улицы заняты бѣгущимъ народомъ, спѣшившимъ въ направленіи моего пути. Николаевская площадь также кишѣла народомъ.

Черезъ нѣсколько минутъ ѣзды мой извозчикъ свернулъ направо, и мы выѣхали на Павловскую площадь.

Тамъ моимъ глазамъ представилась необычайная картина. Прежде всего я замѣтилъ въ глубинѣ площади громадный красный транспарантъ, ярко обрисовывавшійся на фонѣ сѣраго неба и высившійся надъ толпою какихъ-то солдатъ, стоявшихъ кучей, въ беспорядкѣ. Рядомъ съ краснымъ флагомъ торчали какія-то черныя знамена. Влѣво отъ меня стояла какая-то значительная войсковая часть; присмотрѣвшись, я узналъ въ ней Луцкій полкъ. Передо мною былъ выстроенъ баталіонъ Охотскаго полка. По одной сторонѣ площади, тыломъ къ домамъ, стояли казаки, а по другой—такимъ же порядкомъ драгуны. Сзади тѣхъ и другихъ на тротуарахъ стояла сплошная масса народа. Тротуары съ правой стороны площади гораздо выше мостовой, но на это обстоятельство въ то время никто не обратилъ вниманія; между тѣмъ, какъ узнали мы впоследствии, на этихъ тротуарахъ стояла боевая дружина, которая могла въ нужный моментъ открыть огонь изъ браунинговъ по затылкамъ казаковъ и перестрѣлять ихъ раньше, чѣмъ они успѣли бы повернуться къ нимъ лицомъ.

Я направился къ баталіону Охотцевъ. Какъ только я вышелъ къ фронту этого баталіона, тотчасъ же замѣтилъ, что передъ этимъ строемъ стояли на треногахъ два пулемета, совершенно готовые къ дѣйствию; патронныя ленты съ патронами были уже продѣты въ пріемники пулеметовъ; пулеметы—наведены; наводчики сидѣли на своихъ сѣдлахъ, держа руки на затыльникахъ... Слѣдовательно, раздайся только команда: «огонь» и пулеметы зарокотали бы, посылая сотни смертей.

Я до того былъ пораженъ и взволнованъ всею этою картиною, что въ первыя минуты даже не понималъ, въ чемъ же дѣло. Гдѣ же забастовщики-солдаты?

Съ подобнымъ вопросомъ я обратился къ одному изъ офицеровъ пулеметной роты:

— Скажите, пожалуйста,—говорю,—а что же это за куча солдатъ впереди васъ?

Пулеметчикъ отвѣтилъ:

— Да это и есть забастовавшіе солдаты.

Но какимъ образомъ они явились сюда такъ быстро? Мы же полагали, что они двинутся на вокзалъ на соединеніе съ желѣзно-дорожными рабочими?

Оказывается, что мятежная колонна солдатъ, соединившись съ толпою рабочихъ, двинулась по Молочной улицѣ.

Въ одномъ мѣстѣ на эту колонну наскочилъ драгунскій разъѣздъ, ѣхавшій подъ командою офицера. Мятежники тотчасъ же окружили драгунъ и потребовали, чтобы они ѣхали съ ними. При этомъ какой-то солдатъ пырнулъ офицера штыкомъ, но, къ счастью, неудачно и только слегка порвалъ ему пальто. Драгунамъ ничего не оставалось дѣлать, какъ подчиниться силѣ, и они, не сопротивляясь, двинулись съ мятежниками. Но дойдя до перваго переулка, лихой корнетъ моргнувъ глазомъ своимъ драгунамъ и гаркнулъ: «Маршъ! Маршъ!», и взводъ во весь карьеръ махнулъ по улицѣ. Мятежники, неожиданныя такого пассажа, только рты пораскрывали. Слава Богу, никому изъ нихъ не пришла въ голову мысль пустить въ догонку драгунамъ пару-другую пулю.

Въ дальнѣйшемъ своемъ движеніи орава рабочихъ, шедшихъ сзади солдатъ, начала безобразничать, заставляя прохожихъ снимать фуражки передъ «красными знаменами». Непослушныхъ били и срывали съ нихъ фуражки силою.

По дорогѣ къ Москалевскимъ казармамъ мятежники выдѣлили часть людей и отправили ихъ въ сторону къ дому, занятому музыкантской командой Луцкаго полка. Большая же часть направилась къ этимъ казармамъ, въ надеждѣ захватить и тамъ солдатъ.

Выдѣленная команда, подойдя къ помѣщенію музыкантской команды, окружила домъ; часть людей ворвалась въ помѣщеніе. Въ это время тамъ музыканты, подъ управленіемъ старшаго, мирно занимались разучиваніемъ пьесъ и маршей. Ворвавшіеся приказали музыкѣ замолчать и всѣмъ выходить съ инструментами на улицу для присоединенія къ шествію. Музыканты начали было отговариваться, затѣмъ отпрашиваться, но пущены были въ ходъ приклады, которые и заставили беззащитныхъ служителей искусства исполнить требованіе мятежниковъ. Между тѣмъ, на улицѣ солдаты подняли изъ винтовокъ пальбу, отчасти чтобы устранили музыкантовъ, а то и просто изъ озорства.

Захвативъ и здѣсь музыку, забастовщики направились къ главнымъ своимъ силамъ, ожидавшимъ ихъ у воротъ казармъ Богодуховскаго полка, гдѣ имъ снять кого-либо изъ нижнихъ чиновъ не удалось, такъ какъ полкъ давно уже по тревогѣ былъ вызванъ на Николаевскую площадь.

Когда къ колоннѣ главныхъ силъ стала приближаться выдѣлившаяся въ эту частную экспедицію команда, соединенный оркестръ мятежниковъ заигралъ ей встрѣчный маршъ. Въ отвѣтъ

на это привѣтствіе оркестръ Луцкаго полка вынужденъ былъ подъ угрозою штыковъ сыграть въ свою очередь какой-то маршъ.

Отсюда путь мятежниковъ лежалъ мимо водоподъемнаго зданія, охранявшагося военнымъ карауломъ, бывшимъ въ этотъ день подъ начальствомъ прапорщика ¹⁾). Когда мятежная толпа солдатъ подошла къ этому зданію, прапорщикъ выстроилъ свой карауль, но сопротивляться не рѣшился. Съ крикомъ и гамомъ ввалились забастовщики въ караульное помѣщеніе и смѣшались съ караульными солдатами, потонувшими въ этой массѣ, требовавшей, чтобы весь карауль шелъ съ ними на площадь. Видя себя въ такомъ безпомощномъ положеніи, караульный начальникъ сказалъ людямъ, что «дѣлать нечего, идите, а я останусь на своемъ посту». Присоединивъ къ себѣ такимъ насильственнымъ путемъ весь составъ караула, кромѣ прапорщика, котораго, впрочемъ, не тронули, забастовщики двинулись дальше, но на вокзалъ, какъ предполагали власти, не пошли, а свернули на Екатеринославскую улицу и взяли направленіе на Павловскую площадь.

Нужно сказать, что въ теченіе этого длиннаго пути очень многіе солдаты образумились и потихоньку отъ зачинщиковъ вернулись въ свои казармы, гдѣ спѣшили являться офицерамъ съ раскаяніемъ. Отстали также и тѣ нижніе чины, которые вышли изъ казармъ по полному невѣдѣнію о характерѣ затѣи. Не найдя своей роты въ казармахъ и узнавъ, что весь гарнизонъ, оставшійся вѣрнымъ присягѣ, вызванъ на Николаевскую площадь, эти солдаты бѣгомъ отправлялись туда и присоединялись къ своимъ знаменамъ. Такъ что до площади добрело въ общемъ всего лишь человѣкъ 400, изъ которыхъ все же было много такихъ, которые шли только потому, что боялись быть убитыми, если бы вздумали, по примѣру другихъ, скрыться въ казармы.

Получивъ отъ разъѣздовъ донесеніе, что «непріятель» двигается по Молочной улицѣ, генераль Нечаевъ рассчиталъ, что забастовщики, обшаривъ казармы Богодуховскаго полка, прямымъ путемъ пойдутъ на Павловскую площадь черезъ Москалевскій мостъ. Въ виду этихъ соображеній онъ рѣшилъ оставить охранявшіеся съ утра мосты и передвинуть отрядъ на этотъ мостъ, гдѣ и заградить мятежникамъ доступъ на Николаевскую площадь—обычное мѣсто сбора всѣхъ видовъ забастовщиковъ, обильно уже политое кровью въ памятные октябрьскіе дни.

Съ этой цѣлью онъ приказалъ отряду, стоявшему у Харьковскаго моста, быстро двинуться на Павловскую площадь. Чтобы не терять времени на выученіе, пулеметы были взяты на извозчичьи пролетки и на нихъ повезены за отрядомъ.

¹⁾ Не припомню—какого полка.

Прибывъ на площадь, генераль отправился на Москалевскій мостъ для производства рекогносцировки и выбора позиціи. Туда же стали стягиваться и весь отрядъ.

Во время осмотра и обсужденія подробностей занятія позиціи, генералу дали знать, что забастовщики двигаются совсѣмъ не по той улицѣ, по которой онъ ихъ ожидалъ, а по Екатеринославской, выходящей въ тылъ предположенной для занятія позиціи, и что голова мятежной колонны уже близка.

Такимъ образомъ, всѣ расчеты и комбинаціи начальника отряда разлетѣлись въ прахъ, и нужно было спѣшно принимать какое-либо другое рѣшеніе.

Генераль приказалъ отряду быстро вернуться на Николаевскую площадь и стать фронтомъ къ Екатеринославской улицѣ.

Едва только успѣлъ отрядъ стать на указанное ему мѣсто, какъ передніе ряды забастовавшихъ солдатъ хлынули на площадь. За колонною солдатъ, какъ я говорилъ раньше, двигалась громадная, въ нѣсколько тысячъ человѣкъ, толпа рабочихъ. Но кромѣ этихъ рабочихъ, сочувственно относившихся къ солдатской затѣѣ, на площадь ввалилось громадное количество любопытныхъ, среди которыхъ было не мало женщинъ и дѣтей. Все вообще шествіе со всѣхъ сторонъ было какъ бы облѣплено народомъ.

Генералу Нечаеву предстояло рѣшить чрезвычайно трудную задачу: толпу эту нужно было во что бы то ни стало остановить. А если она не остановится? Что тогда? Придется волей-неволей тогда остановить ее огнемъ, хотя бы изъ тѣхъ же пулеметовъ; но при этой адской стрѣльбѣ неминуемо погибнуть сотни непричастныхъ къ дѣлу женщинъ и дѣтей. Что же дѣлать? Толпа, между тѣмъ, надвигается... Пулеметы заряжены...

Генераль быстро отдѣляется отъ отряда и громко кричить:

— Стой! Стой! Остановитесь!

Солдаты приостановились; приостановилась и слѣдовавшая за ними толпа.

Между мятежниками и пулеметами осталось пространство въ какихъ-нибудь 100—150 шаговъ. Генераль Нечаевъ одинъ, безъ всякой охраны, двинулся къ мятежнымъ солдатамъ, которые стояли безъ строя уже въ полномъ беспорядкѣ, большою кучею.

Какъ только генераль приблизился, солдаты разступились и пропустили его въ середину, куда онъ и вошелъ. Нечаевъ вступилъ съ ними въ переговоры и началъ допрашивать о причинѣ выхода ихъ на эту площадь.

Поднялся галдежъ; каждый оралъ свое. Размахивая руками и стоя въ самыхъ непринужденныхъ позахъ, какъ будто передъ ними былъ не начальникъ дивизіи, а кто-то равный имъ, солдаты начали перечислять свои безчисленныя нужды. Вольноопредѣляющійся—главный коноводъ и ораторъ, подалъ генералу печатную

«петицію» съ нѣсколькими десятками пунктовъ. Въ ней было перечислено почти то же самое, что и въ петиціи, поданной недѣлю тому назадъ командиру Богодуховскаго полка. Но встрѣчались и нѣкоторыя добавленія: такъ, требовалось, чтобы увольненіе задержанныхъ на службѣ, по случаю военныхъ обстоятельствъ, нижнихъ чиновъ состоялось немедленно; требовались: отмѣна военного положенія въ городѣ, смѣна строгаго коменданта, подполковника Горбанева, и еще нѣкоторыхъ начальствующихъ лицъ, и, наоборотъ, производство въ слѣдующій чинъ кое-кого изъ штабъ-офицеровъ, съ назначеніемъ ихъ на высшія должности.

Это послѣднее и наиболѣе нерезонное требованіе, нельзя сказать, чтобы очень хорошо рекомендовало заслужившихъ со стороны мятежниковъ такую лестную аттестацію: вѣдь въ тѣ времена хорошими начальниками въ глазахъ нижнихъ чиновъ были люди только слабые, потворствовавшіе солдатамъ.

Принявъ петицію, генераль Нечаевъ началъ обсуждать ее по пунктамъ, толкуя солдатамъ, что многое изъ того, что они требуютъ, можетъ быть проведено только законодательнымъ путемъ, а многое совершенно невыполнимо. Рассказывали потомъ, что генераль все же нѣкоторыя требованія, какъ не выходившія изъ компетенціи его власти, обѣщаль исполнить.

Вотъ въ этотъ-то моментъ я и пріѣхаль на Павловскую площадь.

Что генераль Нечаевъ въ толпѣ мятежниковъ—это я узналъ отъ тѣхъ же пулеметныхъ офицеровъ, которыхъ я довольно-таки наивно спрашиваль—что это за солдаты стоятъ впереди нихъ. Я поразился тѣмъ, что узналъ: генераль-губернаторъ и мысли не допускаль о томъ, чтобы велись какіе бы то ни было переговоры съ мятежниками, и командироваль генерала Нечаева съ отрядомъ совсѣмъ не для переговоровъ, а для того, чтобы разогнать ихъ, не давъ возможности заявлять о своихъ нуждахъ такимъ незаконнымъ путемъ и предъявлять начальству какія-то требованія.

Тутъ же на площади я замѣтилъ казачьяго генерала Авдѣева. Я поспѣшилъ къ нему и спросилъ:

— Неужели это правда, что генераль Нечаевъ среди этихъ мятежниковъ и ведетъ съ ними переговоры?

Генераль подтвердилъ слова пулеметчиковъ.

Мнѣ, однако, надо было выполнить возложенное на меня генераль-губернаторомъ порученіе—передать генералу Нечаеву приказаніе о томъ, чтобы онъ ни въ какіе переговоры съ мятежными солдатами не вступалъ, а непремѣнно разогналъ бы ихъ по казармамъ, хотя бы силою оружія. Приходилось проникнуть въ самую гущу солдатъ, осѣненныхъ красными флагами.

Но пропустить ли они меня?—вотъ вопросъ. Что я для нихъ теперь, когда они позволили себѣ стать подъ красный флагъ?

Разъ они дерзнули на это безумное преступленіе, то нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что все они являются яркими ненавистниками всего офицерскаго состава.

Но размышлять долго не приходилось. На мнѣ лежалъ долгъ, и я долженъ былъ его выполнить, что бы мнѣ тамъ ни грозило. Мысленно перекрестившись, я рѣшительно двинулся къ группѣ мятежниковъ.

Но противъ всякаго ожиданія одинъ изъ солдатъ, завидѣвъ меня, сталъ «смирно», опустилъ винтовку и, понявъ, что я направляюсь въ середину группы, энергично сталъ расталкивать своихъ сосѣдей и покрикивать на нихъ: «дорогу офицеру». Стоявшіе на моемъ пути солдаты быстро разступились и тоже кричали впереди стоящимъ: «Дорогу! Дай дорогу!»

Я вошелъ въ эту кучу мятежниковъ и приблизился къ генералу Нечаеву. Противъ него стоялъ въ небрежной позѣ, облокотившись на винтовку, вольноопредѣляющійся и что-то рѣзкимъ тономъ говорилъ.

Я сказалъ генералу, что мнѣ нужно доложить ему нѣчто очень важное, и попросилъ его выйти изъ круга.

Солдаты почтительно разступились и давали дорогу. Отойдя шаговъ 30 отъ мятежниковъ, я доложилъ генералу все, что приказывалъ передать ему генераль-губернаторъ, особенно подчеркнувъ что генераль-губернаторъ требуетъ, чтобы никакихъ переговоровъ съ мятежниками не было.

На это генераль Нечаевъ отвѣтилъ мнѣ, что обстоятельства какъ сложились, что онъ счелъ необходимымъ вступить въ переговоры съ солдатами.

— Что же, ваше превосходительство, вы предполагаете далѣе дѣлать?—спросилъ я и добавилъ:—и какъ прикажете доложить генераль-губернатору о томъ, что вами сдѣлано и какъ принято его приказаніе?

— Доложите, что вы уже знаете, и скажите, что я, вотъ, закончу съ ними объясненіе, вразумлю ихъ, и они отправятся по казармамъ.

Во все время этого разговора я старался держать направленіе къ отряду, чтобы какъ можно ближе подвести къ нему генерала и отвлечь его отъ мятежниковъ. Между прочимъ, я спросилъ:

— Не рискуете ли вы, ваше превосходительство, тѣмъ, что вы одинъ среди этой кучи вооруженныхъ и, видимо, спокойно настроенныхъ мятежниковъ? Что вы можете предпринять въ томъ случаѣ, если ваши переговоры не увѣнчаются успѣхомъ и мятежники что-нибудь выкинутъ скверное?

— Я взмахну платкомъ и по этому сигналу отрядъ будетъ по нимъ стрѣлять: я такъ съ нимъ условился,—отвѣтилъ генераль.

— Но вѣдь тогда вы первый же, ваше пр-во, погибнете и при этомъ безъ всякой пользы для дѣла,—возразилъ я.

— Ну что жъ, такъ, значить, и будетъ,—закончилъ разговоръ генераль и опять вернулся въ кучу забастовщиковъ.

Я рѣшилъ съѣздить къ генераль-губернатору и доложить ему все на словахъ.

Толпа народа все время несмолкаемо галдѣла: «Товарищи солдаты, не стрѣляйте! Соединяйтесь съ тѣми, что впереди васъ: они за правое дѣло вышли. Идите къ нимъ! Товарищи, не стрѣляйте!».

Почему-то никому въ голову не пришло удалить эту публику съ площади. Хотя, впрочемъ, попытка удалить ее, навѣрняка, вызвала бы кровопролитіе.

Прибывъ въ управленіе, я прямо направился въ кабинетъ губернатора. Оказалось, что я явился первымъ вѣстникомъ событій, о которыхъ никто ничего до сихъ поръ не докладывалъ ни губернатору, ни генераль-губернатору.

Какъ эти лица, такъ и прокуроръ палаты страшно взволновались при извѣстіи, что генераль Нечаевъ вступилъ въ переговоры съ мятежниками. Когда я, между прочимъ, упомянулъ, что пулеметы я засталъ со вложенными уже лентами, прокуроръ привскочилъ съ кресла и, удивленно глядя на меня (что, молъ, рехнулся я, что ли?), проговорилъ:

— Какъ, и пулеметы съ лентами? Съ красными? Что вы говорите?

Я едва сдержался, чтобы не разсмѣяться. Очевидно, прокуроръ нарисовалъ себѣ ужасную картину: прибыли выпрошенные, вымоленные пулеметы, на которые возлагались такія надежды, и вдругъ, о ужасъ, съ перваго же момента они перешли на сторону мятежниковъ и тотчасъ же украсились красными лентами. Генераль Сѣнницкій поспѣшилъ успокоить прокурора, разъяснивъ ему, какія ленты я видѣлъ вложенными въ пулеметы. Прокуроръ облегченно вздохнулъ.

Выслушавъ мой докладъ, генераль-губернаторъ приказалъ мнѣ тотчасъ же ѣхать опять къ отряду и передать генералу Нечаеву категорическое приказаніе: прекратить всякіе переговоры и разогнать мятежниковъ.

Я поспѣшилъ къ отряду. На этотъ разъ я замѣтилъ, что на Николаевской площади около управленія полицеймейстера стоялъ Богородицкій полкъ со своимъ командиромъ, полковникомъ Пригородскимъ, и остатки Старобѣльскаго полка. Обѣ части были со знаменами.

Но не успѣлъ я завернуть налѣво, чтобы спуститься къ Павловской площади, какъ увидѣлъ, что съ той стороны стремглавъ летятъ десятки извозчиковъ. За ними бѣжала толпа народа. Публика, бывшая на Николаевской площади, не зная причины суматохи, бросилась бѣжать куда попало. Многіе вскакивали въ лѣтвшія мимо нихъ пролетки и мчались, куда пришлось, очевидно,

не отдавая себѣ отчета въ своихъ дѣйствіяхъ. Паника была самая настоящая.

Одновременно съ этимъ я услышалъ команду «въ ружье», подхваченную десятками голосовъ. Богодуховскій полкъ спѣшно разбиралъ ружья и выстраивался. Взоры всѣхъ офицеровъ и солдатъ были устремлены по направленію къ Павловской площади.

Наконецъ, я добрался до цѣли своего путешествія. Тутъ я понималъ причину бѣгства извозчиковъ, посѣявшихъ такую панику на Николаевской площади. Глазамъ моимъ представилась вновь неожиданная и непонятная картина. Вдоль фронта нашего отряда съ криками «ура» и еще съ какими-то возгласами проходила орава все тѣхъ же мятежныхъ солдатъ, махавшихъ надъ головами фуражками. Направленіе они держали въ сторону Николаевской площади. Толпу эту окружали со всѣхъ сторонъ чернoblузники, учащіеся, какія-то дѣвицы—типа курсистокъ и пр. Лица у всѣхъ участниковъ этого шествія были ликующія, свѣтлыя, какъ будто бы случилось что-то необыкновенно торжественное, пріятное, радостное.

Многіе изъ солдатъ, стоявшихъ въ строю отряда, очевидно, мало понимая, что случилось, но слыша заразительно-радостные возгласы, въ свою очередь, тоже начали кричать «ура».

Я слѣзъ съ пролетки и придвинулся вплотную къ проходившей бандѣ, втиснувшись въ самую гущу окружавшей ее толпы. Здѣсь я ясно понималъ, насколько нагло обманули солдатъ гг. освободители, толкнувъ ихъ на такой скользкій путь: въ колоннѣ солдатъ я увидѣлъ одного какого-то субъекта, одѣтаго въ солдатскую шинель, съ такой громадной копной волосъ на головѣ, какой ни у одного, даже самаго распущеннаго солдата нельзя встрѣтить. Другой субъектъ, одѣтый въ затасканную шинель какого-то юнкерскаго училища, такъ отвратительно несъ на плечѣ винтовку, — хуже молодого солдата въ первый періодъ его обученія, — что явно выдавалъ свою непринадлежность къ военной семьѣ. Третьяго подозрительнаго субъекта я замѣтилъ въ шинели одного полка и фуражкѣ—другого, причемъ шинель эта была совсѣмъ не по его росту. Въ всякаго сомнѣнія, здѣсь былъ самаго сквернаго характера маскарадъ.

Вслѣдъ за этой колонной потянулись красныя и черныя знамена, флаги и транспаранты, а за ними тысячи рабочихъ.

Пропустивъ мимо себя солдатъ, я бросился искать генерала Нечаева. Нашелъ я его одиноко стоявшимъ на площади. Генераль, съ раскраснѣвшимся отъ волненія лицомъ, усиленно тянулъ папиросу. Я доложилъ генералу, съ какимъ запоздалымъ приказаніемъ я прибылъ. Помнится, на это мнѣ онъ ничего не отвѣтилъ, продолжая курить.

Въ толпѣ я скоро замѣтилъ нашего начальника штаба полковника Мельгунова и поспѣшилъ къ нему, чтобы узнать, какъ слу-

чилося все то, что я видѣлъ. Отъ полковника и другихъ бывшихъ на площади офицеровъ я узналъ, что генераль Нечаевъ, закончивъ обсужденіе всѣхъ пунктовъ петиціи, обратился къ солдатамъ съ рѣчью, въ которой сказалъ, что кое-что изъ ихъ требованій будетъ по мѣрѣ возможности удовлетворено, и доказалъ несуразность другихъ требованій. Послѣ этого генераль попросилъ солдатъ пообѣщать ему, что впредь они будутъ служить примѣрно не нарушая больше присяги, и приказалъ имъ построиться по полкамъ и прямо съ площади, повернувъ въ первый же переулокъ направо, чинно разойтись по казармамъ. Въ отвѣтъ на рѣчь генерала солдаты дали обѣщаніе служить впредь вѣрою и правдою, причемъ нѣкоторые въ подтвержденіе этого обѣщанія сняли фуражки и перекрестились. Послѣ этого они, дѣйствительно, построились, разчитались и по командѣ одного изъ мятежниковъ двинулись съ площади, но... вмѣсто того, чтобы повернуть въ ближайшій переулокъ направо, какъ было имъ приказано, двинулись прямо, на Николаевскую площадь, а оттуда отправились на другую—Скобелевскую площадь.

Громадная толпа народа сопровождала мятежниковъ, такъ ловко выскользнувшихъ изъ рукъ генерала Нечаева. Многіе обыватели домовъ тѣхъ улицъ, по которымъ двигалось это шествіе, выходили на балконы; открывали окна и аплодировали ликовавшимъ мятежникамъ. На Скобелевской площади, къ которой направилась эта толпа народа и солдатъ, состоялся грандіозный митингъ, послѣ котораго, уже часа въ 4 дня, наконецъ, стали расходиться.

Въ то время, какъ оставаясь на Павловской площади, мы разговаривали съ начальникомъ штаба, громадная толпа народа, частью составлявшая хвостъ общаго движенія и оставшаяся тамъ, въ ожиданіи, пока голова шествія втянется въ узкую Московскую улицу, соединяющую сосѣднія площади, а частью и просто застрявшая на ней изъ любопытства, надвинулась на баталіонъ Охотцевъ и продолжавшіе стоять на землѣ пулеметы. Особенно густо были окружены невиданные еще смертоносные пулеметы. Обступившіе Охотцевъ пытались завязать съ вновь прибывшею частью знакомство.

Во время шествія рабочихъ мимо войскъ на солдатъ посыпалась цѣлая туча прокламацій. Особенно много направлялось прокламацій по адресу новыхъ частей. Одну изъ этихъ прокламацій подхватилъ налету и я: нельзя сказать, что она отличалась глубиною мысли и оригинальностью.

Когда почти вся толпа прошла уже на Николаевскую площадь, генераль Нечаевъ какъ бы очнулся и приказалъ сотнѣ казаковъ поскакать къ выходу съ Павловской площади и заградить съ нея доступъ на Николаевскую. Но распоряженіе это было слишкомъ запоздалое: на Павловской площади оставалось всего

лишь человекъ сто, не больше, а главное, солдаты въ это время были уже далеко.

Мнѣ нечего было уже здѣсь дѣлать и я поѣхалъ къ генералъ-губернатору съ докладомъ.

Передъ вечеромъ вернулись въ казармы солдаты, но не всѣ: главари, затѣявшіе всю эту печальную исторію и поведшіе своихъ неразумныхъ товарищей подъ судъ, благоразумно скрылись: какъ говорили, ихъ спланили за границу. Это обстоятельство очень ясно указываетъ на то, что весь этотъ мятежъ былъ подстроенъ и оборудованъ далеко не солдатскими руками: солдаты оказались только орудіемъ и исполнителями чьихъ-то грандіозныхъ замысловъ, осуществлявшихся по строго разработанной программѣ.

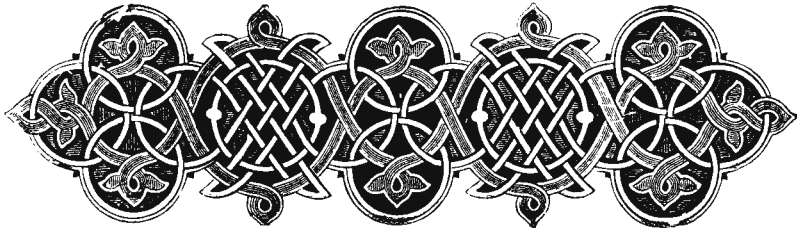
Послѣдствіемъ всѣхъ событій 23 ноября было увольненіе въ отставку генерала Нечаева и преданіе суду 32 наиболѣе видныхъ дѣятелей мятежа, не успѣвшихъ или несумѣвшихъ скрыться. Строгія наказанія, до каторжныхъ работъ включительно, были возмездіемъ для этихъ преступившихъ законъ, совѣсть и присягу. Свыше же 200 человекъ, относительно которыхъ было установлено, что они не принимали активнаго участія въ мятежъ, играя роль лишь статистовъ, и таскались за главными дѣятелями безъ всякаго разумѣнія, были освобождены отъ наказанія.

Такимъ образомъ, мятежъ этотъ закончился сравнительно благополучно, безъ пролитія крови. Какъ ни печально было это событіе, но все же насъ оно не миновало, а потому и не вычеркнуть его со страницъ исторіи Харьковъ.

М. А. Яковлевъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ВОСПОМИНАНІЯ О К. Д. КАВЕЛИНѢ.

СЛИ БЫ каждый изъ насъ, знавшій лично Константина Дмитриевича, рассказали только свои съ нимъ сношенія, то я увѣренъ, что получился бы образъ умершаго болѣе живой и реальный, чѣмъ тотъ, который могутъ дать сами его произведенія». (Рѣчь о Кавелинѣ, произнесенная въ Юридич. обществѣ 11 мая 1885 г. Спасовичемъ). Судьба столкнула меня съ К. Д. Кавелинымъ въ послѣдніе годы его жизни. Въ началѣ 80-хъ годовъ я поступилъ въ военно-юридическую академію, гдѣ Константинъ Дмитриевичъ занималъ въ то время кафедру гражданскаго права. Въ теченіе трехлѣтняго академическаго курса всѣ мы, слушатели, находились подъ обаяніемъ этого крупнаго человѣка, сумѣвшаго стать для насъ не только профессоромъ, но и воспитателемъ, учителемъ не только права, но и правды. По выходѣ изъ академіи мнѣ довелось до самой смерти Кавелина пользоваться его личнымъ знакомствомъ, бывать въ его домѣ и даже принимать его у себя. Поэтому сумма впечатлѣній отъ общенія съ этой замѣчательною личностью получилась у меня нѣсколько большая, нежели у менѣ счастливыхъ моихъ товарищей, разлетѣвшихся послѣ выпуска по всемъ уголкамъ Россіи. Подъ живымъ впечатлѣніемъ бесѣдъ съ Константиномъ Дмитриевичемъ я заносилъ нѣкоторыя изъ нихъ на бумагу, иногда почти стенографически, и эти замѣтки у меня сохранились; иное же осталось только въ воспоминаніяхъ и, конечно, отъ времени потускнѣло. Теперь, чрезъ 25 лѣтъ послѣ кончины Кавелина, я привелъ эти, такъ сказать, негативныя пластинки въ нѣкото-

рый порядокъ, освободивъ ихъ отъ всего излишняго, т. е. отъ того, въ чемъ нѣкогда сказывалось мое личное настроеніе. Я хотѣлъ бы остаться простымъ безстрастнымъ лѣтописцемъ и предложить свои воспоминанія будущему біографу Кавелина, какъ сырой матерьяль, какъ кусочки мозаики, могущія пригодиться для составленія портрета одного изъ выдающихся людей 40-хъ годовъ.

Поступая въ академію, большинство изъ насъ имѣло о Кавелинѣ весьма отдаленное представленіе. Знали только, что это знаменитый профессоръ. Болѣе начитаннымъ было извѣстно, что нѣкогда Кавелинъ принадлежалъ къ знаменитому московскому кружку Станкевича, къ такъ называемымъ «западникамъ», вмѣстѣ съ Грановскимъ, Бѣлинскимъ, Герценомъ и Тургеневымъ. Кто-то, читавшій книгу Спасовича «За много лѣтъ», зналъ, что Кавелинъ оставилъ кафедру петербургскаго университета изъ-за студенческой исторіи 1861 года. Впервые мы увидѣли Кавелина въ день вступительнаго экзамена изъ русскаго языка. Въ нашу аудиторію вошелъ небольшого роста плотный, красивый, румяный старикъ, въ очкахъ, съ веселою, привѣтливой улыбкой. Сѣдые волнистые кудри мягкимъ ореоломъ окружали его облысѣвшую голову. Экзаменаторы привѣтствовали его почтительнымъ поклономъ. Старикъ взялъ наши письменныя работы, сѣлъ за отдѣльный столъ и углубился въ ихъ чтеніе. Это былъ Кавелинъ.

Въ теченіе 1-го полугодія мы не встрѣчались съ Константиномъ Дмитріевичемъ, такъ какъ лекціи его начинались съ половины января. Слушатели старшихъ курсовъ предостерегали насъ: «смотрите же, господа, ради Бога, не осрамитесь въ будущемъ полугодіи у Кавелина да у Неклюдова. Дѣло не въ томъ, что ихъ предметы первостепенные, а въ томъ, что срѣзаться у Кавелина или Неклюдова—это такой позоръ, что и подумать страшно».

Кавелинъ поступилъ профессоромъ въ академію въ 1878 г., по предложенію военнаго министра Д. А. Милютина.

«Когда мнѣ предложили эту кафедру, — рассказывалъ потомъ Константинъ Дмитріевичъ, — я сказалъ: прежде всего я долженъ знать, чего вы отъ меня потребуете. Если желаете, чтобы я сдѣлалъ изъ слушателей цивилистовъ - практиковъ, то я рѣшительно отказываюсь—это не мое дѣло. Если же хотите, чтобы я вложилъ въ нихъ теоретическія, научныя основы гражданскаго права, то мнѣ кажется, что это я могу сдѣлать. Мнѣ отвѣтили, что этого достаточно—и я согласился».

Главная трудность для профессора гражданскаго права въ военно-юридической академіи состояла въ томъ, что огромное большинство слушателей не имѣло классическаго образованія, а, слѣдовательно, совсѣмъ не знало древнихъ языковъ. Въ глазахъ Кавелина это не было большимъ недостаткомъ. Кавелинъ кореннымъ образомъ перестроилъ науку гражданскаго права,

исходя изъ той мысли, что римское право, какъ система, устарѣло и стало непригоднымъ для современныхъ юридическихъ отношеній. Дѣленіе права на частное и публичное онъ признавалъ искусственнымъ и непрактичнымъ. Въ силу этого онъ выдѣлилъ въ особую группу всѣ юридическія отношенія съ характеромъ денежныхъ цѣнностей вообще и образовалъ изъ нихъ особый отдѣлъ правовѣдѣнія подъ названіемъ: «Права и обязанности по имуществамъ и обязательствамъ». Составленный имъ курсъ долженъ былъ подготовить насъ теоретически къ уразумѣнію многообразныхъ имущественно-правовыхъ отношеній, встрѣчающихся въ жизни, послужить ключемъ для ихъ разрѣшенія.

Откровенно говоря, увлечся лекціями Кавелина была мудрено. Онъ читалъ по своему печатному курсу, медленно, дѣловито, съ большими разстановками, пытливо поглядывалъ на насъ изъ подъ очковъ, какъ бы сомнѣваясь: можемъ ли мы усвоить всѣ эти точныя, сухія опредѣленія? Изрѣдка онъ оживлялъ текстъ примѣрами и разъясненіями. Зная, что передъ нами «знаменитость», мы жадно ловили каждое слово этихъ добавленій и старательно ихъ записывали. Никому изъ насъ и въ голову не приходило войти съ Кавелинымъ въ болѣе близкія отношенія, вступить съ нимъ въ разговоръ, какъ мы это отважились дѣлать съ другими профессорами: Бершадскимъ, Ѡ. Н. Пановымъ, Коркуновымъ... Встрѣчаясь съ нимъ въ коридорѣ, мы только молча разступались и почтительно раскланивались. Но вотъ однажды, окончивъ лекцію, Кавелинъ, вмѣсто того, чтобы направиться, по обычаю, къ дверямъ, подошелъ къ намъ, добродушно улыбаясь.

— Ну что, господа? Сухой мой предметъ? Скучный, неинтересный, не правда ли?

Мы смущенно пробормотали что-то—и затѣмъ завязалась наша первая бесѣда съ Константиномъ Дмитриевичемъ. Съ этого момента между нимъ и нами началось тѣсное духовное общеніе. Послѣ каждой его лекціи мы обступали его толпой и вели безконечныя разговоры на всевозможныя темы: юридическія, философскія, общественныя, литературныя... Такъ какъ лекціи Кавелина приходились всегда послѣдними, то мы никому не мѣшали и временемъ не стѣснялись. Иногда мы выходили вмѣстѣ съ нимъ изъ академіи и провожали его до Васильевского острова, а часто и до самой квартиры. Среди насъ находились отчаянные спорщики, храбро вступавшіе съ Кавелинымъ въ диспутъ. Онъ терпѣливо ихъ выслушивалъ и никогда не давалъ понять неизмѣримой умственной пропасти, лежавшей между нимъ, знаменитымъ мыслителемъ, и нами—простодушными молодыми офицерами, съѣхавшимися изъ разныхъ медвѣжьихъ угловъ. Эта пропасть понималась сама собою.

Несмотря на свою признанную репутацію либерала и западника, Кавелинъ не вѣшалъ намъ никакихъ либеральныхъ поли-

тическихъ идей, ничего такого, что не соотвѣтствовало бы нашему военному мундиру. По этому поводу припоминаю два случая.

Однажды мы проходили съ Кавелинымъ мимо 8-го флотскаго экипажа, который занимался на улицѣ строевымъ ученъемъ. Одинъ изъ насъ, желая, очевидно, поддѣлаться подъ либеральный тонъ, что-то состриль: вотъ-де молъ какими глупостями люди занимаются! Но, къ своему изумленію, сочувствіе въ Кавелинѣ не встрѣтилъ.

— Эти люди занимаются своимъ дѣломъ,—серьезно и строго замѣтилъ Константинъ Дмитріевичъ:—это ихъ долгъ, они къ этому призваны. Быть ловкими, храбрыми, умѣть сражаться, стрѣлять, истреблять непріятеля—въ этомъ ихъ доблесть. А исполнять свой долгъ наилучшимъ образомъ есть обязанность всякаго честнаго человѣка.

Въ другой разъ до Кавелина дошли сильно преувеличенные слухи о политической неблагонадежности одного академика. Константинъ Дмитріевичъ такъ встревожился, какъ будто дѣло шло о близкомъ ему человѣкѣ. Онъ долго убѣждалъ мнимаго бунтаря и умолялъ его бросить опасную игру въ политику. А «бунтарь» въ сущности и не думалъ бунтовать, онъ просто упражнялся въ красноречіи и оригинальничалъ. Навязанная роль заговорщика ему, видимо, понравилась, и отказаться отъ нея не хотѣлось. Вѣроятно, онъ провелъ и самого Кавелина, потому что Константинъ Дмитріевичъ пришелъ въ отчаяніе и прибѣгъ къ помощи одного изъ старшихъ товарищей «бунтаря».

— Быть можетъ,—говорилъ онъ,—общее мнѣніе товарищей окажется сильнѣе моего слабаго слова. Нѣтъ ничего хуже этихъ отвлеченныхъ идеаловъ человѣческаго земнаго рая. Зло ихъ въ томъ, что идея ставится на мѣсто живой человѣческой личности. Незамѣтно для себя, силою вещей, люди переносятъ свои симпатіи съ человѣка на идею. Доктрина является Молохомъ, требующимъ человѣческихъ жертвъ. Все человѣчество представляется безразличнымъ матерьяломъ, *chair aux sacons*, необходимымъ для торжества излюбленной доктрины. Любовь—это творческое начало—атрофируется и замѣняется злобой. Благодѣтель человѣчества спокойно смотритъ на являющуюся кровь и самъ обогрѣваетъ въ ней свои руки. Да и разумно ли лѣзть на рожонъ? Фанатикъ кричитъ: или давай мнѣ все или убей меня! Но вѣдь у фанатика разумъ молчитъ. Мудрость состоитъ въ умѣннн довольствоваться малымъ. Вы требуете много, а вамъ даютъ мало: берите! Все-таки лучше что-нибудь, чѣмъ ничего. Скажите: какую пользу принесли декабристы своею гибелью? Никакой. А я вамъ скажу, что если бъ они не дѣлали своего бунта, а остались бы въ обществѣ, то теперь намъ легче бы жилось. Передайте же все это вашему товарищу, непременно передайте! Напомните еще вотъ что: куда дѣвалась наша университетская молодежь 61 года? Она вся по-

гибла! Уцѣлѣла какимъ-то чудомъ только одинъ Неклюдовъ. А погибла она отъ того, что лѣзла на рожонъ. Что же отъ этого выиграла Россія? Теперь мы имѣемъ одного Неклюдова, а тогда ихъ, можетъ быть, были бы десятки. Дайте же мнѣ слово, что это вы ему непременно скажете—настойчиво повторялъ Кавелинъ, крѣпко сжимая руку своему собесѣднику.

Припоминается мнѣ еще, что въ 1884 году, сдѣлавшись президентомъ Вольно-экономическаго общества, Кавелинъ сильно негодовалъ на какихъ-то господъ, пытавшихся превратить ученыя засѣданія общества въ нѣчто вродѣ нынѣшнихъ митинговъ.

— Къ чему это будированіе?—возмущался онъ.—Общество закроютъ—и тѣмъ дѣло кончится. Однимъ полезнымъ, необходимымъ учрежденіемъ будетъ меньше. Мнѣ говорятъ: нельзя въ наше время молчать; реакція насъ душитъ; нужно кричать, звонить въ колокола и стрѣлять изъ пушекъ. На это я отвѣчаю: кричите, гдѣ вамъ угодно; но пока я сижу на этомъ мѣстѣ, я не позволю превратить Вольно-экономическое общество въ политическій клубъ.

Любимою темой кавелинскихъ бесѣдъ было духовное развитіе личности. Въ сущности, философія Кавелина весьма близко подходила къ евангельскому ученію. У меня, напримѣръ, записано съ его словъ слѣдующее: «нужно всѣми мѣрами вызывать и воспитывать въ себѣ чувство любви. Оно должно быть дѣятельнымъ, и потому человѣкъ долженъ упражняться въ дѣлахъ любви, самоотверженія, состраданія—иначе онъ утратитъ эту драгоценную способность. Не задаваться цѣлью облагодѣтельствовать все человѣчество: помогите А, Б, В и Г». Въ другой разъ, по поводу одного самоубійства, Константинъ Дмитріевичъ рассуждалъ такъ: «все это происходитъ отъ того, что человѣкъ чувствуетъ себя одинокимъ, и въ этомъ онъ самъ виноватъ: запретъ въ своемъ углу и сидитъ тамъ одинъ со своими мыслями. Это одиночество противно человѣческой природѣ, а природа умѣетъ мстить. Поживемъ, братіе, вкупѣ—говоритъ писаніе. Будемъ носить тяготы другъ друга. Если ближній проситъ у тебя рубашку—отдай ему двѣ: вотъ какъ надо жить! Такъ мы и живемъ въ нашей семьѣ. У меня даже прислуга и та составляетъ часть семьи. Иногда приходится сообразоваться не только съ ея желаніями, но даже съ ея капризами—что дѣлать! Хорошая прислуга имѣетъ на это право. Зато и она сроднилась съ нами душою. Она не изъ тѣхъ, которыхъ переманиваютъ полтинниками».

Эти частыя ссылки на евангеліе вовсе не указывали, конечно, на религіозность Кавелина: для этого онъ былъ слишкомъ человѣкомъ своего времени. Въ стѣнахъ академіи онъ не любилъ заводить разговоры о религіи, но у себя дома бывалъ откровеннѣе. Однажды, глядя на портретъ своей покойной дочери, Кавелинъ съ любовью рассказывалъ о ея необыкновенныхъ способностяхъ,

которыя приводили въ такой восторгъ И. С. Тургенева. Съ глубокою грустью вспомнилъ онъ затѣмъ ея предсмертную болѣзнь и раннюю кончину.

— Часто вы бываете на ея могилѣ?—спросилъ кто-то.—Никогда,— печально отвѣтилъ Константинъ Дмитріевичъ.—Что мнѣ скажетъ ея могила? Пока человѣкъ живъ—все для него: заботы, ласки, любовь... Но разъ умеръ—всему конецъ! Прахъ любить нельзя... Заботы о ея душѣ?..

Кавелинъ презрительно пожалъ плечами.

— Я въ загробную жизнь не вѣрю, предъ вами атеистъ чистѣйшей воды. Если вы признаете безсмертную душу у человѣка, то какое вы имѣете право отрицать ее вотъ у этой мухи?

Евангеліе онъ признавалъ какъ нравственный кодексъ, совпадавшей съ его собственной философіей. Онъ говорилъ, что ничего не знаетъ выше этой книги.

— Отбросьте легенду и смотрите на эту книгу со стороны нравственной и эстетической. Сколько въ ней однѣхъ художественныхъ красокъ! Раскройте любую страницу... Возьмите хотя бы это мѣсто: будьте мудры, какъ зми, и незлобивы, какъ голуби... Какая это прелесть! Можно ли сказать лучше, чище, возвышеннѣе и лаконичнѣе!

Но своего атеизма Кавелинъ никому не навязывалъ. Такъ ли это было прежде, во дни его молодости—этого я не знаю. Впослѣдствіи Тертіи Ивановичъ Филиповъ съ негодованіемъ рассказывалъ мнѣ, что въ 40-хъ годахъ Кавелинъ говаривалъ студентамъ: «Христосъ, господа, былъ романтикъ». Не за эти ли откровенности недолголюбивалъ его и Достоевскій? Я же могу сообщить слѣдующіе, вполне достовѣрные и тогда же мною записанные факты.

Однажды я встрѣтилъ Константина Дмитріевича нагруженнаго большими бумажными свертками.

— Вотъ накупилъ книгъ для своихъ сельскихъ школь,— объяснилъ онъ мнѣ.—Ахъ, что это за милая дѣтвора, если бы вы знали! Какія они мнѣ пишутъ письма! Какъ трогательны эти письма по своей простотѣ и наивности! Вотъ выбралъ имъ книги по ихъ вкусу. Особенная страсть у нихъ къ божественному: вотъ я и накупилъ имъ всякія «житія»...

— Какъ? Вы?

— А что же васъ удивляетесь? Что я, атеистъ, покупаю имъ эти книги? Да какое же я имѣю право разрушать вѣру, калѣчить дѣтскую душу? Утратить Бога—это вѣдь не ахти какое счастье... Пусть время, жизнь и размышленіе сами сдѣлаютъ свое дѣло. Я вамъ скажу больше: въ деревнѣ я бываю въ церкви и исполняю все, что тамъ требуется.

Въ своемъ Андреевскомъ приходѣ, на Васильевскомъ островѣ, Константинъ Дмитріевичъ состоялъ членомъ приходскаго попечи-

тельства и былъ въ наилучшихъ отношеніяхъ съ соборнымъ настоятелемъ о. Налимовымъ. По кончинѣ Кавелина Налимовъ говорилъ, что Константинъ Дмитриевичъ много дѣлалъ добра втайнѣ, о чемъ знали исключительно только одинъ Налимовъ. Въ краткомъ словѣ на 40 день послѣ смерти Кавелина, Налимовъ сказалъ приблизительно слѣдующее: «я хорошо зналъ покойнаго много лѣтъ. Я знаю, что жизнь его была истинно христіанскою. И тѣмъ не менѣе есть много причинъ просить васъ усердно молиться за его душу: она очень нуждается въ нашихъ молитвахъ».

Я понялъ, на что намекалъ Налимовъ этими загадочными словами.

Съ Толстымъ Кавелинъ рѣшительно не сходилъ, отрицая въ немъ малѣйшую способность къ философскому мышленію. Всѣ эти непротивленія, опрощенія, кладку печей и шитье сапогъ онъ прямо называлъ вздоромъ. Толстой, по его мнѣнію, взялся не за свое дѣло. Въ его философскихъ разсужденіяхъ были хороши только тѣ мѣста, гдѣ онъ, оставя философскіе потуги, просто передавалъ какой-нибудь житейскій случай. Въ этихъ мѣстахъ вновь сказывался большой художникъ.

Наравнѣ съ чувствомъ любви Кавелинъ ставилъ чувство долга, которое онъ особенно старался развить въ насъ, будущихъ судебныхъ дѣятелей. Любимымъ его изрѣченіемъ было: «всякое дѣло должно быть сдѣлано наилучшимъ образомъ. Небрежность въ работѣ равнялась недобросовѣстности». Во сколько разъ легче жилось бы человѣчеству, — говорилъ онъ, — если бы каждый исполнялъ свое маленькое дѣло какъ можно добросовѣстнѣе! Самъ онъ старался служить въ этомъ примѣромъ даже въ мелочахъ, напр., въ явкѣ на лекцію. Бывало, только раздастся звонокъ къ началу лекцій, какъ уже глядишь: Константинъ Дмитриевичъ сидитъ на каедрѣ. Онъ, видимо, болѣлъ душою, боясь, что мы не постигнемъ всѣхъ тонкостей его предмета. Весною 1882 г. онъ серьезно заболѣлъ карбункуломъ на шеѣ. Въ его годы это была болѣзнь крайне опасная. Жизнь его висѣла на волоскѣ. Сколько помнится, его лечилъ знаменитый С. П. Боткинъ. Послѣ серьезной операціи больной сталъ поправляться. Въ это время академики снарядили къ нему товарищескую депутацію выразить ему наше глубокое сожалѣніе по поводу болѣзни и горячее пожеланіе здоровья. Депутація застала Константина Дмитриевича въ постели. Его едва можно было узнать; это была тѣнь прежняго Кавелина. Онъ сразу постарѣлъ на 10 лѣтъ и какъ-то одряхлѣлъ. Такимъ онъ и остался до самой смерти: ни прежняя полнота, ни румянецъ, ни блескъ глазъ такъ и не вернулись. Кавелинъ сразу заговорилъ о томъ, что не успѣетъ прочесть свой курсъ до конца. Это приводило его въ отчаяніе.

— Хоть бы мнѣ успѣть въ основныхъ-то началахъ васъ укрѣпить, какъ слѣдуетъ,—гореваль онъ:—остальное уже вы сами прочтете по книгѣ.

Едва оправившись, онъ снова принялся за лекціи и за наши прерванныя бесѣды. Во время послѣднихъ онъ любилъ садиться на подоконникъ. Боясь, не это ли было причиной его простуды, мы съ этихъ поръ старались отвлекать его отъ окна; занимали подоконникъ, упрашивали Константина Дмитріевича отойти и проч., но онъ упорно повторялъ, что «это ничего» и что онъ простудился не здѣсь. Передъ экзаменомъ онъ собралъ насъ въ академію, чтобы разъяснить всѣ сомнѣнія, встрѣченныя нами при чтеніи курса.

— Надо,—выражался онъ,—подвинтить васъ на тѣхъ пунктахъ, на которыхъ вы шатаетесь.

Экзаменъ сошелъ великолѣпно, и мы удостоились горячей благодарности Кавелина.

Отъ будущихъ судебныхъ дѣятелей онъ требовалъ не одной служебной добросовѣстности, но стойкости и выдержки. Онъ хотѣлъ видѣть въ насъ Катоновъ и Манліевъ Торкватовъ.

— Кто обвиняетъ другого въ томъ, чему самъ сочувствуетъ, тотъ подлець,—говоритъ Кавелинъ, избѣгавшій вообще грубыхъ выраженій.—Откажись отъ обвиненія, выйди въ отставку, если нужно! Не гонись за карьерой, лишь бы совѣсть была чиста!

— Судья долженъ подавить въ себѣ все личное, субъективное,—говорилъ онъ намъ въ другой разъ.—Я не допускаю мысли, чтобы вы захотѣли шадить меня, если бы я совершилъ преступленіе, достойное висѣлицы.

Оглядываясь на это далекое прошлое, я спрашиваю себя: насколько глубоко запали въ насъ завѣты Кавелина? Внесли ли мы ихъ въ свою служебную дѣятельность? На эти щекотливые вопросы приходится отвѣтить такъ: люди, отъ природы настроенные къ добру, чутко отозвались на эти завѣты, съ людей же черствыхъ, эгоистичныхъ кавелинское вліяніе соскочило довольно быстро. Да и вообще жизнь многое перетолкла по-своему... Впрочемъ, надо и то сказать: тогда военно-судебному дѣятелю не легко было сохранить хрустальную чистоту души... Вѣдь это были времена Петра Семеновича Ванновскаго да свѣтлѣйшаго князя Имеретинскаго! Мудренныя были времена! Найдутъ ли они своего правдиваго лѣтописца?

О нашемъ политическомъ строѣ Кавелинъ разсуждалъ своеобразно, не примыкая, по нынѣшней терминологіи, ни къ «правымъ», ни къ «лѣвымъ», ни къ «центру». Прежде всего, онъ твердо вѣрилъ въ культурныя начала русскаго крестьянства. По его словамъ, тотъ, кто не умѣетъ учиться съ мужикомъ, самъ виноватъ.

— Нужно помнить,—говорилъ онъ,—что исторія поставила мужика въ такія условія, при которыхъ онъ не можетъ имѣть къ

барину ни любви, ни довѣрія. Въ его глазахъ всякій баринъ либо дуракъ, либо плутъ. Нужно побѣдить въ немъ это предубѣжденіе, а для этого прежде всего нужно быть искреннимъ и терпѣливымъ.

— И вамъ это удалось?

— Совершенно. Теперь у меня отношенія съ мужиками искреннія до трогательности.

Крестьянствомъ опредѣлялся, по представленію Кавелина, характеръ нашего будущаго государственнаго строя.

— Посмотрите вы на это громадное мужичье царство и скажите: есть ли что-нибудь подобное въ цѣломъ мірѣ? Западное государство есть городъ, и представитель его—буржуа. Наше государство—деревня. Политическій строй Европы приспособленъ исключительно для города и имѣеть въ виду интересы города. Поэтому, я смѣло говорю, что нельзя а priori навязывать его намъ, какъ нѣчто абсолютное, пригодное для всѣхъ временъ и народовъ. Если мы непохожи на другихъ экономически, географически и социальны, то будемъ не похожи на нихъ и политически. Но каковъ будетъ этотъ грядущій строй—этого я предрѣшать не берусь.

Среди литературныхъ и общественныхъ дѣятелей, часто посѣщавшихъ гостепріимный домъ Кавелина, слышались нерѣдко жалобы на современную реакцію. Кавелинъ никогда не вторилъ этимъ жалобамъ.

— Вы говорите, что у насъ нѣтъ свободы печати, что изъ-за цензурныхъ стѣсненій нельзя работать. Вы не повѣрите, какъ странно это слышать мнѣ, пережившему николаевскія времена. Однако же, мы работали.

Но зато объ этихъ временахъ Кавелинъ не могъ вспомнить безъ раздраженія. О Николаѣ I онъ отзывался крайне рѣзко. Онъ отрицалъ въ немъ, вопреки общему мнѣнію, не только умъ, но—какъ это ни странно—даже здравый разумъ... Къ сожалѣнію, я не помню во всѣхъ подробностяхъ одного его разсказа изъ своего прошлаго и потому воспроизвожу только самую суть.

Дѣло происходило въ началѣ 50-хъ годовъ. Николай Павловичъ, получивъ всеподданнѣйшій докладъ смоленскаго губернатора, обратилъ вниманіе на указанное большое количество безземельныхъ дворянъ въ Смоленской губерніи. Это были захудалые остатки дворянскихъ родовъ, нѣчто въ родѣ польской шляхты; они занимались всѣмъ, чѣмъ угодно, а больше всего бездѣльничали. Государь противъ этого мѣста положилъ резолюцію: всѣхъ безземельныхъ онъ раздѣлилъ на два разряда: способныхъ и неспособныхъ къ военной службѣ. Не помню хорошо, что онъ предположилъ сдѣлать съ неспособными—кажется, приписать ихъ къ податнымъ сословіямъ; способныхъ онъ опредѣлилъ отдать въ солдаты. Въ то время Кавелинъ служилъ начальникомъ отдѣленія въ канцеляріи комитета министровъ, куда и попала эта резолюція для разработки

и составленія доклада. Работа поручена была Кавелину. Послѣдній былъ въ большемъ затрудненіи: съ одной стороны—не исполнить высочайшей воли нельзя, а съ другой—мѣра эта являлась актомъ произвола и несправедливости. Кавелинъ сталъ думать о томъ, какъ бы, по его выраженію, «накормить это чудовище, не давъ ему ничего ѣсть». И вотъ что онъ придумалъ: безусловно расхваливъ мысль государя, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ обставилъ ея исполненіе такими условіями, что для приведеніе ея въ дѣйствіе понадобилось бы лѣтъ десять. Между прочимъ, онъ написалъ, что эту мѣру слѣдовало бы сдѣлать общео. За что же, дескать, мы осчастливимъ одну Смоленскую губернію? Найдутся такіе дворяне и въ другихъ мѣстахъ. А для этого надо собрать по всей Россіи статистическія свѣдѣнія, потомъ учредить особую комиссію и проч. и проч. Расчетъ былъ тотъ, что въ теченіе этого времени дѣло забудется, а можетъ быть, Николай Павловичъ и не доживетъ до конца этой волокиты. Докладъ или (записка) былъ изобильно пересыпанъ фразами: благодѣтельная мѣра сія. Предсѣдатель комитета министровъ пришелъ отъ доклада въ восторгъ и внесъ въ него только одну собственно-ручную поправку: въ одномъ мѣстѣ лишній разъ приписалъ—благодѣтельная мѣра сія. Дѣло пошло гулять по канцеляріямъ, а въ 1855 г. Николай Павловичъ умеръ, и оно кануло въ Лету.

Человѣкъ 40-хъ годовъ, западникъ, другъ Герцена и Бѣлинскаго, не могъ, разумѣется, вспоминать добромъ суровый режимъ Николая Павловича. Но вотъ что удивительно! Едва ли не съ большимъ раздраженіемъ Кавелинъ вспоминалъ Александра II! Я не повторю всѣхъ рѣзкихъ отзывовъ его объ этомъ государѣ: скажу лишь, что онъ обвинялъ его въ двойственной политикѣ, въ неискренности, и въ желаніи угодить на всѣ вкусы. Возвѣстивъ реформу, правительство поручало затѣмъ ея осуществленіе людямъ противнаго лагеря. Это дѣлалось съ предвзятою цѣлью свести всю реформу на нѣтъ и потомъ свалить всю вину на плохихъ исполнителей. При мнѣ одинъ изъ гостей Константина Дмитриевича сталъ порицать Александра II и восторгаться Александромъ II, какъ мудрымъ и либеральнымъ правителемъ. Кавелинъ не выдержалъ и разразился рѣзкой обличительной рѣчью.

— Провозгласилъ онъ, напримѣръ, освобожденіе крестьянъ,—сказалъ онъ, между прочимъ,—и кому же, кому онъ поручилъ это святое дѣло! Яшкѣ Ростовцеву!

При этомъ Кавелинъ заволновался и даже покраснѣлъ отъ негодованія.

— Яшка! Этотъ писарь!—сказалъ онъ съ глубокимъ презрѣніемъ.—Писарь, которому рѣшительно все равно, что ни писать! Сегодня ему скажутъ: эй, Яшка, пиши объ освобожденіи:—и онъ нишетъ. Завтра: Яшка, пиши о закрѣпощеніи!—и онъ опять пишеть. Онъ мнѣ, мнѣ лично, этотъ Яшка говорилъ: «а-а русская

своб-бода¹⁾), а шш-то такое рус-ск-ая своб-ода? А-а-а поллушштофъ въ одной рукѣ и тто-ппоръ въ другой—вотъ что так-кое рус-ская своб-бода!» Онъ предалъ своихъ товарищей—декабристовъ, но Николай Павловичъ во всю жизнь свою не могъ ему простить, что онъ у Пестеля «въ миленькихъ» состоялъ²⁾).

Успокоившись, Кавелинъ продолжалъ:

— А нынѣшній государь, господа, человекъ совсѣмъ иного склада. Онъ, правда, не имѣетъ блестящихъ способностей своего отца или своего старшаго брата; но онъ честный, прямой, правдивый человекъ и горячо, самоотверженно любитъ Россію. Онъ не способенъ къ лукавству, на его слово можно положиться, какъ на каменную гору. Его царствованіе не будетъ такимъ громкимъ, какъ его отца. Тамъ—громадныя реформы, блестящія побѣды, присоединеніе областей... здѣсь ничего этого не будетъ. Но Александръ III, помяните мое слово!—успокоитъ Россію.

Если вспомнить, что Кавелинъ былъ преподавателемъ умершаго цесаревича Николая и лично знавалъ его младшаго брата, впослѣдствіи императора Александра III, то слѣдуетъ думать, что этотъ отзывъ былъ основанъ на вѣснихъ данныхъ. Кажется, покойный государь платилъ Константину Дмитріевичу такой же симпатіей, потому что, когда, послѣ смерти Кавелина, стали испрашивать высочайшаго разрѣшенія на постановку бюста его въ академіи и на устройство подписки, то государь не только сразу разрѣшилъ эти просьбы, но даже самъ подписалъ довольно крупную сумму (что-то въ родѣ 1 т. рублей). При этомъ, какъ намъ передавали, онъ сказалъ: «а, знаю Константина Дмитріевича, помню его»³⁾.

Въ моихъ замѣткахъ записано еще одно мнѣніе Кавелина по политическому вопросу.

Разъ вечеромъ собралось у Конст. Дм. нѣсколько человекъ гостей, изъ которыхъ я помню служившаго въ госуд. контролѣ Черказова и извѣстнаго историка Евгенія Александровича Бѣлова⁴⁾. По какому-то случаю были высказаны весьма свободныя мысли, причѣмъ правительству, разумѣется, досталось. Среди гостей былъ какой-то, весьма почтеннаго вида, осанистый старикъ, съ длинною сѣдою бородой. Онъ молчалъ и, повидимому, не особенно интересовался бесѣдой, пока она шла на разныя философскія темы. Но какъ только принялись за правительство, старикъ вставилъ свое слово.

¹⁾ Ростовцевъ, какъ извѣстно, сильно заикался.

²⁾ Незавѣстно, почему Кавелинъ считаетъ Ростовцева предателемъ. По изданнымъ до сихъ поръ документамъ, онъ таковымъ не былъ.

³⁾ Кстати сказать этотъ бюстъ, работы Антокольскаго, не имѣетъ съ Кавелинымъ буквально ни одной общей черты.

⁴⁾ Нынѣ оба покойные.

— Да вотъ тоже—началь онъ—бѣдная Польша. Что съ нею дѣлають, о Боже мой, что съ нею дѣлають! ¹⁾

При этомъ онъ печально покачалъ головой и даже молитвенно, по-польски, сложилъ руки ладонями. По этому движенію и сильному польскому выговору я тотчасъ узналъ поляка.

Къ моему удивленію, эта жалоба не встрѣтила сочувствія въ Кавелинѣ. Наоборотъ, онъ довольно рѣзко отвѣтилъ, что поляки сами во всемъ виноваты своимъ постояннымъ будироваіемъ и поддразниваніями. Они-де позволяютъ себѣ такія рѣзкія выходки, которыя невольно заставляютъ правительство принимать крутыя мѣры. Все печальное прошлое Польши имѣло источникъ въ ней же сѣмой, и пусть она пеняетъ на себя.

Всѣ гости приняли сторону хозяина, а Е. А. Бѣловъ разсказалъ слѣдующій случай: во время возстанія 1863 года одна изъ шаекъ, гонимая русскимъ отрядомъ, бросилась въ деревню. Сбѣжались мужики. Предводитель шайки обратился къ нимъ съ призывомъ помочь ему противъ русскихъ. «Идите съ нами!—кричалъ онъ.—«Хватайте ваши косы, топоры, ломы, все, что подъ руками!» Мужики не трогались. «Что же вы стоите?»—«Нѣтъ, мы не пойдемъ,—отвѣчаютъ мужики:—«это не наше дѣло» «Какъ не ваше? Развѣ вы не поляки?»—«Нѣтъ, мы не поляки». «Кто же вы?»—«Мы—хлопы».

«Это былъ страшный отвѣтъ»... прибавилъ Бѣловъ. Это былъ отвѣтъ всей польской исторіи.

Мнѣніе Кавелина о польскомъ вопросѣ, сходное съ вышеприведеннымъ, высказывалось имъ и раньше, притомъ съ большею полнотою. Вотъ что, напр., мы читаемъ въ 16-й книгѣ соч. Барсукова «Жизнь и труды Погодина», на стр. 362:

«Польскій вопросъ есть опасная туча на горизонтѣ Россіи, писалъ Кавелинъ, и необходимо противодѣйствовать предусматриваемому злу. Онъ (Кавелинъ) полагалъ нужнымъ пойти съ русской стороны навстрѣчу полякамъ, протянуть имъ руку, стараться о созданіи настоящей русской партіи среди польскаго общества. Эта партія, по искреннимъ патріотическимъ польскимъ убѣжденіямъ, могла бы, при извѣстныхъ условіяхъ, держать сторону Россіи. Возможность дружескаго житія и сближенія обуславливалась, съ точки зрѣнія Кавелина, тѣмъ, какими своими частями, направленіями и партіями будутъ сближаться обѣ національности. Сблизится ли польское панство съ русскимъ барствомъ? Изъ такого сближенія можетъ выйти только глупѣйшая реакція. Сблизятся ли польскіе революціонеры съ русскими? Въ результатъ получатся только разрушеніе и пожаръ. Но польская демократія можетъ и должна сблизиться съ русскою на условіяхъ гражданской равноправности и на либеральной почвѣ, подъ кровомъ русскаго госу-

¹⁾ Тогда Привисленскимъ генераль-губернаторомъ былъ Гурко.

дарства. Кавелинѣ говорилъ полякамъ: вамъ нечего дорабатываться вновь до своего собственнаго государства, которое физически невозможно. Намъ съ вами невозможно размежеваться. Не лучше ли вамъ помириться съ нами искренно и безъ заднихъ мыслей, отречься отъ всякихъ повстаній, рѣшиться дѣйствовать лишь вполне легально и получить затѣмъ полный просторъ въ вашемъ языкѣ, вѣрѣ и культурѣ».

Событія показали, что въ этомъ примирительномъ отношеніи къ польскому вопросу было слишкомъ много идеализма, столь характернаго для людей 40-хъ годовъ.

Оканчивая мои воспоминанія о К. Д. Кавелинѣ, повторяю, что старался изложить ихъ съ возможной объективностью. Думаю, что для памяти такого выдающагося человѣка, какъ Кавелинѣ, голая правда важнѣе пышныхъ славословій, которыя оказываются всегда общими мѣстами.

Въ заключеніе приведу часть записки Кавелина, написанной имъ своимъ слушателямъ по окончаніи ими академическаго курса. Большинство академистовъ того времени сняли съ нея себѣ копіи и хранили ихъ, какъ завѣтъ, данный имъ человѣкомъ, подобнаго которому едва ли имъ суждено было встрѣтить вторично на своемъ жизненномъ пути.

«Тысячу сердечныхъ благодарностей за любовь и сочувствіе, которыми горжусь и которыхъ никогда не забуду, пока живъ. Пошли Богъ всѣмъ дорогимъ моимъ слушателямъ бодрости духа, постоянства и выдержки въ борьбѣ, безъ которыхъ невозможна плодотворная дѣятельность. Со многими, вѣроятно, еще увидимся. А кого не увижу, прошу не забывать. Память—человѣческая вѣчность».

Н. О. Н.

ЗАГАДОЧНЫЙ ССЫЛЬНЫЙ.

ВСЯКОЕ широкое общественное движеніе, подобно волнамъ катящагося потока, увлекаетъ въ своеѣ стремленіи все, что такъ или иначе, по праву или случайно, попало въ его русло. На ряду съ истинными носителями и выразителями идей, руководящихъ движеніемъ, выдвигаются на арену общественной жизни личности, случайно захваченные волною, не типичныя, подчасъ отрицательныя, странныя, и, тѣмъ не менѣе, въ общемъ ходѣ событій и эти случайныя элементы имѣютъ свое значеніе, кое-что, volens-nolens, вносятъ въ общее дѣло. Для того, чтобы правильно и детально изучить какую либо эпоху, нельзя обходить вниманіемъ и эти второстепенныя, случайныя или даже отрицательныя величины, потому что и на нихъ отражается эпоха, и они сыны своего времени, хотя и маленькіе.

Изъ моего прошлаго вспоминается мнѣ одинъ типъ, несомнѣнно не принадлежащій къ носителямъ идеи эпохи, по крайней мѣрѣ типичнымъ, но, во всякомъ случаѣ, очень интересный. Я даже не берусь рѣшить: маленькій ли это человѣчекъ, или болѣе крупная величина, исковерканная обстоятельствами, или просто авантюристъ. Пусть рѣшаетъ самъ читатель.

Это было въ 1882 году, когда я послѣ полуторагоднаго сидѣнія въ тюрьмѣ, попалъ въ ссылку въ Туринскъ, Тобольской губерніи. Вмѣстѣ со мною или немного позже, но въ то же лѣто, въ этотъ городъ была водворена довольно многочисленная компа-

нія, въ восемнадцать человѣкъ. Въ Туринскѣ мы же застали ссыльныхъ прежнихъ лѣтъ (за два—четыре года до насъ), человѣкъ около десяти. Колонія образовалась большая ¹⁾).

Въ первые два-три дня по прибытіи мы перебивали у старыхъ ссыльныхъ, и они у насъ перезнакомились и сразу начали устраиваться съ квартирами, занятіями и пр. До нашего прибытія въ Туринскѣ была уже прекрасная столярная мастерская, гдѣ работало двое изъ старыхъ ссыльныхъ. Нѣкоторые изъ прибывшихъ вступили въ эту мастерскую, поселившись въ ней же; другіе устроили сапожную мастерскую, слесарную и одинъ рѣзчикъ (рабочій Колесниковъ)—рѣзчицкую, въ которой и работалъ одинъ, такъ какъ знакомыхъ съ этимъ ремесломъ не было больше никого въ колоніи. Почти всѣ необходимые инструменты мы привезли съ собою; кое-что сдѣлали сами. Въ первое время всѣ наши мастерскія заняты были исключительно изготовленіемъ необходимой домашней обстановки и утвари для всѣхъ колонистовъ; что заняло довольно много времени; потомъ перешли къ заказамъ обывателей, зарабатывая отъ трехъ до семи рублей на человѣка въ мѣсяць.

Черезъ нѣсколько дней, когда мы уже болѣе или менѣе устроились, кто-то изъ «стариковъ» (старыхъ ссыльныхъ) сказалъ намъ, что въ Туринскѣ есть еще одинъ политическій, котораго мы не видѣли, А. Н. Шевелевъ.

На нашъ вопросъ, почему его нигдѣ не видно и почему о немъ никто не сказалъ раньше:

— А потому,—отвѣтилъ «старикъ»,—что Шевелевъ очень мало интересенъ. Это—старикъ, больной, отъ насъ держится въ сторонѣ. Вообще вы не много потеряете, если и вовсе не познакомитесь съ нимъ.

На дальнѣйшіе наши разспросы о Шевелевѣ «старики» отвѣчали какъ-то неохотно, даже съ отѣнкомъ недружелюбія.

— Познакомитесь, посмотрите сами,—говорили намъ.

И мы не спѣшили съ знакомствомъ. Только черезъ мѣсяць по пріѣздѣ въ Туринскѣ собрались мы вдвоемъ съ Б. посмотрѣть старика.

Шевелевъ занималъ вроспій въ землю флигелекъ во дворѣ, на одной изъ глухихъ улицъ. Съ трудомъ пробрались мы черезъ

---

¹⁾ Въ цѣляхъ приданія моему разказу характера достовѣрности я привожу списокъ всѣхъ ссыльныхъ въ г. Туринскѣ того времени. Быть можетъ, кто-нибудь изъ нихъ пожелаетъ подтвердить, или пополнить мое сообщеніе, или же исправить его. Къ 1882 году въ Туринскѣ находились: Кушлеваскій, К. Прутскій (чигиринецъ), Малышевъ С., Подревскій Н. и Шевелевъ А. Н. (Не помню точно: Николай Александровичъ или Александръ Николаевичъ, кажется, второе); въ 1882 г. прибыли: Ивановская А., Лисовская Э., Бердичевская Ф., три Фишманъ (тетка и двѣ племянницы), Косячъ Е., Маковѣвъ Н., Шпаковский Н., Буткевичъ А., Цвибокъ Я., Тесленко-Приходько П., Тимофеевъ М., Колесниковъ Е., Коллюцкій А., Бакшевичъ, Зарембо, Котовъ Н.

темныя сѣнники и низкую дверь и очутились въ полутемной маленькой комнаткѣ, съ такими низкими потолками, что человекъ высокаго роста могъ касаться ихъ головою; два небольшихъ окна съ заржавленными отъ времени стеклами едва пропускали въ комнату свѣтъ уже начинавшихся сумерекъ. Въ комнатѣ стояла деревянная кровать, два табурета и противъ кровати прислоненные къ печкѣ пара костылей. Вотъ и вся обстановка. Покосившаяся дверь вела изъ этой комнаты во вторую, немного побольше, но также скудно обставленную: здѣсь стоялъ столъ, пара табуретовъ и шкафчикъ, всепростой деревенской работы, расшатавшееся и покосившееся отъ времени. Сыро, темно и мрачно выглядѣла квартирка Шевелева, какъ жилище отшельника, порвавшего всѣ связи съ жизнью. Не говоря уже о принадлежностяхъ комфорта, не видно было даже необходимой посуды, одежды и пр. Какъ-то странно бросались въ глаза нѣсколько книгъ и два-три номера газетъ, валявшихся на подоконникахъ, на столѣ и даже на полу.

Шевелева мы застали сидящимъ на кровати въ одномъ бѣльѣ съ укрытыми одѣяломъ ногами и съ газетой въ рукахъ. Это былъ старикъ лѣтъ за шестьдесятъ, съ длинною сѣдою бородою, закрывавшею всю грудь, съ гладко остриженною головою, прикрытой черной шапочкой-скуфеейкой. Лицо довольно свѣжее, взглядъ острый, умный, живой. Красивая типичная голова библейскаго патрiарха.

Мы съ Б—ой были поражены и смущены: не того мы ожидали по отрывочнымъ свѣдѣнiямъ, полученнымъ отъ товарищей.

При нашемъ входѣ Шевелевъ смутился, началъ обдергивать одѣяло и закрывать воротъ рубашки.

Мы неловко отрекомендовались.

— Спасибо,—заговорилъ старческимъ слабымъ голосомъ Шевелевъ,—спасибо, что вспомнили старика. Только вы меня ужъ извините,—обратился онъ къ Б—ой, я человекъ больной, безъ ногъ, вѣчно сижу въ постели и не ожидалъ никого, не одѣтъ. Ко мнѣ вѣдь никто не ходитъ; забыли, забросили старика.

При послѣднихъ словахъ въ его голосѣ послышались слезы. Сколько мы ни успокаивали его и ни просили не беспокоиться, онъ все-таки настоялъ, чтобы мы прошли въ другую комнату. Минутъ пять слышалась усиленная возня, кряхтѣнье и оханье Шевелева; застучали костыли и онъ явился къ намъ уже одѣтый съ костылями подъ мышками. Одна нога у него висѣла въ согнутомъ въ колѣнѣ положенiи, не касалась земли, на другую, выпрямленную, онъ становился, чтобы занести костыли впередъ.

— Ноги я меня совсѣмъ не дѣйствуютъ: семь лѣтъ уже одна не разгибается, а другая не сгибается,—говорилъ Шевелевъ, съ трудомъ усаживаясь при нашей помощи на табуретъ,—пять лѣтъ я въ ссылкѣ, всѣми забытъ, всѣми оставленъ; кое-какъ перебиваюсь

на казенное пособіе (3 рубля 46 копеекъ въ мѣсяцъ). Рубль плачу за квартиру; на остальные питаюсь; больше хлѣбомъ да молокомъ живу; чай пью... Впрочемъ, что же это я васъ угощаю разговорами!

Онъ постуцалъ костью въ стѣну.

— Это у меня телеграфъ,—пошутилъ онъ,—хозяйку зову.

Вошла сморщенная старушка. Шевелевъ распорядился поставить самоваръ, принести молока и хлѣба.

Чай оказался настолько жидкимъ, что его трудно было отличить отъ воды.

— Извините, лучшимъ чаемъ угостить не могу. Всѣ мои расходы точно рассчитаны: восьмушка чаю должна хватить на два мѣсяца.

Въ дальнѣйшемъ разговорѣ Шевелевъ часто возвращался къ своей нуждѣ, говорилъ, что онъ всѣми позабытъ, ни отъ кого не получаетъ помощи и принужденъ вести нищенское, полуголодное существованіе, жаловался на товарищей по ссылкѣ: они совсѣмъ игнорируютъ его, даже больше — относятся къ нему враждебно. Всякій разъ переходя на эту тему, Шевелевъ какъ-то сразу сгибался, принималъ удрученный, болѣзненный видъ, голосъ его начиналъ дрожать и звучалъ старческими, безпомощными нотами. Но когда разговоръ переходилъ на вопросы общаго характера, общественные и литературные, Шевелевъ преображался: онъ выпрямлялся и дѣлался на цѣлую голову выше, голосъ становился звучнымъ и сильнымъ. Говорилъ онъ очень красиво, литературно и поражалъ большою начитанностью, знакомствомъ съ литературой и исторіей какъ Россіи, такъ и Запада. Видно было, что онъ много читалъ и видѣлъ. Онъ объѣздилъ всю Европу и владѣлъ чуть ли не всѣми европейскими языками.

Разспрашивалъ насъ, какъ и за что мы попали въ Сибирь, о «нашемъ» времени и «нашемъ» поколѣннн, о направленіяхъ, партіяхъ и прочемъ.

— Вы, дѣти мои, (онъ сразу усвоилъ себѣ это обращеніе къ намъ) не понимаете и не цѣните насъ, стариковъ; вы относитесь къ намъ враждебно; а, между тѣмъ, мы дѣлали настоящее и большое дѣло; мы создавали почву для васъ; только вы воспользовались этой почвой по-дѣтски, легкомысленно, какъ фантазеры.

На наши вопросы: кто и что онъ, къ какому поколѣнню себя причисляетъ, каковы задачи и цѣли его поколѣннн?—Шевелевъ отвѣчалъ не сразу. Только послѣ многихъ разговоровъ мы кое-что отъ него узнали, но далеко не все. Его отвѣты намъ были не настолько полны и ясны, чтобы можно было сразу опредѣлить его нравственную и политическую фізіономію.

Причислялъ онъ себя къ поколѣнню пятидесятихъ и шестидесятихъ годовъ прошлаго столѣтнн, участвовалъ въ кружкахъ той эпохи, лично былъ знакомъ и «работалъ» вмѣстѣ съ Огаревымъ, Бакунинымъ, Герценомъ, Кельсиевымъ и др. Скомпрометировавъ

себя въ Россіи, эмигрировалъ за границу, гдѣ провелъ болѣе десяти лѣтъ; вмѣстѣ съ русскими эмигрантами перебивалъ и принималъ участіе въ революціонныхъ кружкахъ и движеніяхъ пятидесятихъ—шестидесятихъ годовъ во Франціи, Испаніи, Италіи, Германіи, Австріи. Много разъ былъ арестованъ, спасался бѣгствомъ, перѣзжалъ изъ одной страны въ другую. Въ концѣ шестидесятихъ годовъ онъ познакомился съ Нечаевымъ и былъ въ сношеніяхъ съ нимъ до ареста послѣдняго.

Какъ-то, доставляя Нечаеву письма изъ-за границы, былъ арестованъ (кажется, въ Польшѣ), снова бѣжалъ за границу. Въ 1871 г. участвовалъ въ коммуцѣ; арестованъ версальцами и выданъ русскому правительству. Въ началѣ семидесятихъ годовъ судился въ Петербургѣ, присужденъ къ каторжнымъ работамъ, но по болѣзненному состоянію (параличъ ногъ) сосланъ въ Туринскъ на поселеніе.

Въ Россіи у Шевелева осталась жена, которую онъ иначе не называлъ, какъ своимъ «врагомъ»; она, яко-бы, завладѣла его довольно крупнымъ имѣніемъ и совершенно забыла о своемъ мужѣ, не посылая ему ни денегъ, ни даже писемъ. Жила она съ сыномъ въ одной изъ верхневолжскихъ губерній, какой не помню.

И вотъ этотъ старикъ, разбитый параличемъ, всеми забытый и покинутый, игнорируемый даже своими товарищами по ссылкѣ, которыхъ онъ тоже называлъ «врагами» (вообще у него, по его рассказамъ, было много «враговъ», преслѣдовавшихъ его всю жизнь), доживалъ свои дни въ ссылкѣ въ крайней нуждѣ и лишеніяхъ.

Это бѣглое *curriculum vitae* безъ хронологическихъ датъ и исторической послѣдовательности узнали мы отъ Шевелева не сразу, а по частямъ, при случайныхъ разговорахъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. На наши вопросы о просьбѣ рассказать намъ болѣе подробно о своемъ прошломъ онъ ограничивался или мелочами, или вовсе уклонялся отъ отвѣтовъ, переводя разговоръ совсѣмъ на другое. О цѣлыхъ періодахъ своей, очевидно, богатой приключеніями жизни онъ совершенно умалчивалъ; но зато съ большою охотою говорилъ объ общихъ политическихъ и историческихъ вопросахъ, приводя массу фактовъ изъ исторіи послѣднихъ десятилѣтій, какъ очевидецъ и активный въ нихъ участникъ. Говорилъ о своихъ встрѣчахъ съ Кельсиевымъ, Герценомъ, Огаревымъ, Бакунинымъ, Гарибальди, Мадзини и пр. Бакунинъ и Кельсievъ тоже были его «враги».

Теперь, спустя болѣе четверти вѣка послѣ описываемаго мною, я не рѣшаюсь точно воспроизвести рассказы Шевелева о его отношеніяхъ къ нашимъ знаменитымъ эмигрантамъ и ихъ характеристики, потому что боюсь внести въ свой рассказъ кое-что изъ слышаннаго мною отъ другихъ или изъ читаннаго впослѣдствіи. Сообщаю только, то что хорошо сохранилось въ памяти.

Первый нашъ визитъ къ Шевелеву во всякомъ случаѣ произвелъ на насъ очень благопріятное впечатлѣніе; совсѣмъ не того мы ожидали отъ Шевелева, основываясь на далеко не лестныхъ отзывахъ о немъ старыхъ ссыльныхъ. Послѣ насъ съ Б. у него перебивали всѣ новые ссыльные, и почти всѣ пришли къ заключенію, что враждебное отношеніе старыхъ ссыльныхъ къ нему объясняется какими-либо личными отношеніями, которыя въ ненормальныхъ условіяхъ ссылки часто портятся изъ-за пустяковъ при той нервности, какая развивается подъ вліяніемъ тюремъ, этаповъ и вообще всей обстановки жизни въ мѣстахъ «столь и не столь отдаленныхъ».

На наши рассказы о впечатлѣніяхъ отъ посѣщенія Шевелева «старики» говорили:

— Подождите, разругаетесь скоро. Шевелевъ—лгунъ, ханжа, нравственно нечистоплотный человѣкъ. Авантюристъ худшаго сорта. Мы ожидаемъ изъ Россіи отвѣтовъ на наши запросы о немъ; кое-что намъ извѣстно, но безъ документовъ въ рукахъ мы не желаемъ и не можемъ васъ разочаровывать. Будьте съ нимъ осторожны и поменьше вѣрьте его рассказамъ.

Присматриваясь къ Шевелеву внимательно, въ особенности послѣ предостереженій товарищей, мы не могли не замѣтить въ немъ нѣкоторой фальшивости, иногда искусственной аффектаціи, преувеличенныхъ и назойливыхъ жалобъ на бѣдственное положеніе, крайнюю нужду, и постоянное желаніе играть на этой струнѣ въ разговорахъ съ нами. Очевидно, онъ понялъ, что это дѣйствуетъ на насъ благопріятно.

Чувствуя, что Шевелевъ далеко не искрененъ, мы объяснили дурныя стороны его характера болѣзнью, старостью, неудачами полной приключеніями жизни.

Во всякомъ случаѣ мы вѣрили, что его прошлое все-таки заслуживаетъ того, чтобы къ нему относиться съ извѣстнымъ уваженіемъ; мы не сомнѣвались, что жизнь его прошла среди значительныхъ и интересныхъ для насъ событій и лицъ, не могли отрицать его ума, начитанности и того, что въ данное время онъ живетъ очень не красно.

Шевелевъ отдалъ намъ визитъ и потомъ бывалъ нѣсколько разъ въ нашей «коммунѣ» (мы жили на одной квартирѣ въ количествѣ шести человѣкъ); мы же частенько его навѣщали и подолгу просиживали у него. Такъ какъ мы устроили кассу взаимопомощи для членовъ своей колоніи, то была назначена небольшая субсидія и Шевелеву, что его очень сильно расположило къ намъ. Онъ сдѣлался болѣе общителенъ и часто подолгу рассказывалъ намъ про интересную эпоху сороковыхъ—шестидесятихъ годовъ у насъ и за границей и про корифеевъ этой эпохи: Гарибальди, Мадзини, Герцена, Бакунина и др. Говорилъ красиво, увлекательно, но чуть дѣло доходило до подробностей его личной жизни и отношеній, какъ

сразу же мѣнялся тонъ и въ рассказы врывалась струя фальши и неискренности. Вездѣ и всюду у него были «враги», которые довели его до такого бѣдственнаго, безпомощнаго положенія, въ которомъ онъ оказался теперь.

Чѣмъ больше знакомились мы съ Шевелевымъ, тѣмъ больше убѣждались въ томъ, что передъ нами крайне интересный, выдающийся субъектъ, богато одаренный; но въ то же время мы наталкивались на массу разныхъ мелочей, касающихся его личной жизни, которыхъ никакъ не могли объяснить. Мы узнали, напримѣръ, что Шевелевъ много писалъ (заставали его за работой), но куда дѣвалось написанное? Иногда онъ проговаривался, что пишетъ для повременныхъ изданій; но для какихъ и черезъ кого онъ пересылаетъ свои работы? Мы хорошо знали, что Шевелевъ, кромѣ насъ, нигде не ходилъ и ни съ кѣмъ изъ обывателей не велъ знакомствъ, на почтѣ никогда не бывалъ.

«Старики» (старые ссыльные) говорили, что у Шевелева былъ свой агентъ изъ мѣстныхъ обывателей, черезъ котораго онъ обдѣлывалъ всѣ свои дѣла, посылалъ и получалъ корреспонденцію, газеты и даже деньги, и что онъ вовсе не нуждался въ средствахъ и только передъ нами разыгрывалъ роль заброшеннаго бѣдняка. Кто-то въ Россіи заботится о немъ. Но все это были догадки и предположенія, подтверждаемые слишкомъ косвенными и неубѣдительными аргументами. Доказать и выяснить все это долженъ былъ теперь уже покойный писатель Г. Мачтетъ, который въ первой половинѣ семидесятыхъ годовъ состоялъ присяжнымъ повѣреннымъ при с.-петербургскомъ окружномъ судѣ и, въ качествѣ такового, присутствовалъ на разборѣ дѣла Шевелева. Кое-какія свѣдѣнія отъ Мачтета старики уже получили, но слишкомъ недостаточныя. Дальнѣйшее выясненіе дѣла задержалось арестомъ Мачтета.

Какъ-то Шевелевъ проговорился намъ, что пишетъ мемуары; мы схватились за это и стали просить его прочесть намъ хоть отрывки изъ написаннаго. Въ видѣ особаго расположенія ко мнѣ и Б., послѣ долгаго упрашиванія, онъ согласился наконецъ на прочтеніе одного эпизода изъ своего жизнеописанія и назначилъ день, къ которому онъ добудетъ свои мемуары (я у себя ничего не храню, — сказалъ онъ, — боюсь обыска; отберуть.)

Чтеніе заняло больше трехъ вечеровъ и сопровождалось дополнительными разсказами и поясненіями. Читалъ онъ прекрасно. Мы не узнавали совсѣмъ обычнаго старческаго голоса своего старика, онъ звучалъ громко, увѣренно, красиво модулировалъ.

Мемуары были изложены безукоризненно съ литературной стороны, живо и увлекательно; дышали, по крайней мѣрѣ, у меня осталось такое впечатлѣніе, живой дѣйствительностью, чувствомъ очевидца.

Прочитанное относилось къ 1871 году, когда Шевелевъ принималъ участіе въ парижскомъ возстаніи.

Мы слушали съ захватывающимъ интересомъ; передъ нами, какъ живые, проходили выдающіеся люди той эпохи: Домбровский, Врублевскій, Клемансо, Рошфоръ, Флоке, Рауль Риго, Демпахъ, Паскаль, и др. Въ обрисовкѣ типовъ не было спокойствія и безпристрастія историка, наоборотъ—явно проскальзывали субъективизмъ автора-очевидца, переходящій иногда въ злые шаржи. Въ особенности много было излито желчи на суроваго и прямолинейнаго прокурора коммуны Рауля Риго, оказавшаго тоже «врагомъ» Шевелева, быть можетъ, потому только, что послѣдній былъ арестованъ имъ. Иногда мемуары принимали видъ горячаго памфлета. Все это вмѣстѣ взятое, положительное и отрицательное мемуаровъ, еще болѣе убѣждало насъ въ томъ, что передъ нами не краснобай-самозванецъ, а дѣйствительно, живой свидѣтель и участникъ интересныхъ и важныхъ событій.

Я уже не помню многихъ подробностей изъ прочитаннаго намъ Шевелевымъ о коммунѣ; да въ настоящее время, когда въ литературѣ имѣются уже не мало серьезныхъ и обстоятельныхъ работъ по этому вопросу, историческая сторона мемуаровъ неинтересна; постараюсь припомнить и рассказать только то, что имѣетъ чисто біографическое значеніе по отношенію къ нашему старцу.

Въ самый разгаръ борьбы коммуны съ Версалемъ (чиселъ не помню, а поэтому не привожу ихъ и во всемъ дальнѣйшимъ рассказѣ), когда Парижъ былъ уже почти окруженъ кольцомъ арміи Тьера, Шевелевъ пріѣхалъ изъ Италіи, пробрался черезъ линію версальцевъ въ Парижъ; остановился въ какомъ-то отелѣ. Въ Парижѣ въ то время было много эмигрантовъ русскихъ, знавшихъ лично Шевелева; черезъ нихъ слухъ о его пріѣздѣ разнесся по городу довольно быстро, чему способствовало то обстоятельство, что Шевелевъ былъ артиллеристъ, капитанъ русской службы; такіе люди, специалисты военного дѣла, тогда очень были нужны коммунѣ. Черезъ нѣсколько дней по его пріѣздѣ къ нему явилась депутація въ сопровожденіи толпы гражданъ съ приглашеніемъ вступить въ ряды защитниковъ коммуны. Шевелевъ согласился, вышелъ на балконъ отеля, произнесъ къ собравшимся рѣчь, которую толпа привѣтствовала криками: «Да здравствуетъ полковникъ Шевелевъ!» Таковы, по мемуарамъ, первые шаги старика въ Парижѣ.

Военный совѣтъ коммуны назначилъ его комендантомъ форта Ванвъ, гдѣ съ небольшимъ отрядомъ онъ и провелъ около двухъ недѣль, осыпаемый градомъ версальскихъ ядеръ и отражалъ атаки. Но мало-по-малу отрядъ защитниковъ форта рѣдѣлъ, а самый фортъ обращался въ груды развалинъ, защищать которыя уже не было ни возможности, ни цѣли, но и отступать къ Парижу тоже оказалось невозможнымъ, такъ какъ это отступленіе нужно было сдѣлать

подъ обстрѣломъ непріятели. Отъ одного изъ своихъ солдатъ Шевелевъ узналъ, что вся площадь между фортамъ и Парижемъ занята каменоломнями съ множествомъ шахтъ и подземныхъ галерей, которыми можно пробраться почти до самаго города, не выходя на поверхность земли. Не видя никакого другого выхода изъ своего положенія, Шевелевъ рѣшается на подземное отступленіе, чтобы спасти небольшую кучку, около 100 человекъ, защитниковъ форта. Ночью весь отрядъ ползкомъ пробрался къ каменоломнямъ и спустился подъ землю. Вначалѣ все шло хорошо, но чѣмъ дальше подвигался отрядъ по направленію къ городу, тѣмъ болѣе галереи понижались и въ нихъ показалась вода. Погода во время осады Парижа стояла дождливая, поэтому всѣ нижнія галереи оказались залитыми водою. Приходилось во многихъ мѣстахъ брести въ водѣ по поясъ; наконецъ, дошли и до болѣе глубокаго мѣста, гдѣ вода доходила уже до шеи; одинъ изъ солдатъ, маленькаго роста, въ темномъ, тѣсномъ и глубокомъ проходѣ утонулъ. Отрядъ заволновался; многіе наотрѣзъ отказались итти за своимъ полковникомъ, открыто обвиняли его въ измѣнѣ: онъ тайно предался версальцамъ и хочетъ погубить весь отрядъ. Шевелевъ не растерялся; онъ убиваетъ изъ револьвера главнаго бунтовщика и грозитъ тѣмъ же остальнымъ, если не будутъ повиноваться. Бунтовщики покорились и двинулись дальше. Съ большими усиліями добрался отрядъ до выходной шахты уже въ предмѣстьи города. Послѣ этого, поистинѣ рокамболевскаго отступленія, Шевелева, какъ артиллериста, назначили начальникомъ патроннаго завода, снабжавшаго снарядами коммунальныя войска. Черезъ нѣсколько дней послѣ этого назначенія происходитъ грандіозный взрывъ съ массою человѣческихъ жертвъ. Шевелева во время взрыва на заводѣ не оказалось, поэтому онъ спасся. Слѣдствіе о взрывѣ велось самимъ прокуроромъ коммуны Раулемъ Риго. Поведеніе Шевелева, а главнымъ образомъ, его отсутствіе во время работъ, показалось подозрительнымъ. Его арестовываютъ, сажаютъ въ Мазаскую тюрьму, судятъ за измѣну коммуны вслѣдствіе подкупа версальцевъ и приговариваютъ къ смертной казни. Рядомъ съ Шевелевымъ въ Мазасѣ сидитъ какой-то сумасшедшій иностранецъ, арестованный коммуною же по какому-то подозрѣнію. Въ назначенный для казни Шевелева день, онъ просыпается очень рано отъ шума въ коридорѣ и слышитъ, что отпираютъ сосѣднюю камеру и уводятъ изъ нея сумасшедшаго иностранца, какъ узнаетъ онъ потомъ, на казнь, по ошибкѣ вмѣсто него. Какое-то чудо спасло Шевелева. Мемуары не разъясняютъ этого чуда; на наши же разспросы Шевелевъ вначалѣ объяснилъ всю ошибку случайностью и суетою, царившею въ Парижѣ въ послѣдніе дни осады. Потомъ онъ проговорился, что, быть можетъ, *кто-то* интересовался имъ, заботился о немъ все время его заключенія въ Мазасѣ; такъ какъ онъ отъ

кого-то получать деньги и, ничего нѣтъ невозможнаго, что ошибка была не совсѣмъ простой ошибкой... Болѣе подробныхъ разъясненій довольно страннаго случая съ казнью а также и того, кто могъ быть этотъ таинственный *кто-то*, интересовавшійся имъ, Шевелевъ не зналъ и перешелъ къ дальнѣйшему чтенію.

Когда коммуна пала и Парижъ перешелъ въ руки версальцевъ, Шевелевъ остался въ Мазасѣ. Между тѣмъ, между французскимъ и русскими правительствами возникла переписка по поводу Шевелева. Русское правительство требовало его выдачи, какъ политическаго преступника, обвиняемаго въ сношеніяхъ съ Нечаевымъ. Шевелевъ и здѣсь далъ намъ понять намеками, что тотъ же таинственный нѣкто усиленно хлопоталъ о томъ, чтобы версальское правительство не судило и не казнило Шевелева, какъ сдѣлало оно со многими коммунарами, арестованными коммуною же и досидѣвшими въ Мазасѣ до вторженія версальцевъ въ Парижъ, но выдало его русскому правительству. На этомъ собственно оканчивались мемуары Шевелева.

По его рассказамъ, дальнѣйшая его судьба была такова: Шевелева привезли въ Петербургъ и посадили въ Петропавловскую крѣпость (приблизительно въ 1872 г.); просидѣвъ здѣсь года два онъ заболѣлъ нервнымъ расстройствомъ; его перевели въ Литовскій замокъ. Здѣсь онъ поправился, въ 1874 или 1875 г. его судили и приговорили къ ссылкѣ въ каторжныя работы, но, какъ я уже говорилъ выше, его разбилъ параличъ, отнялись ноги, и каторгу замѣнили ссылкой въ Туринскъ на поселеніе.

Мемуары Шевелева были первымъ письменнымъ документомъ о немъ, попавшимъ въ наши руки. Насколько этотъ документъ достовѣренъ—судить довольно трудно; но мы, заинтересованные старикомъ и смущенные странностями его поведенія и старыми ссылными, постоянно и упорно продолжали его разспрашивать о его прошломъ. Наконецъ, какъ-то Шевелевъ проговорился, что у него имѣется обвинительный актъ по его дѣлу. Послѣ долгихъ настояній онъ обѣщалъ намъ дать этотъ документъ, что и исполнилъ недѣли черезъ двѣ послѣ обѣщанія (эти двѣ недѣли нужны ему были яко бы на то, чтобы добыть актъ изъ какого-то таинственнаго хранилища. Вообще, «таинственное» выплывало у него на каждомъ шагѣ). Полученный, наконецъ, нами обвинительный актъ Шевелева оказался объемистою литографированною тетрадью, скрѣпленною надлежащими подписями и печатью суда; но странно: начала акта и нѣсколькихъ страницъ въ срединѣ (всего страницъ 7—8) не оказалось.

— Утерялись,—пояснилъ Шевелевъ.

Въ сохранившейся части обвинительнаго акта, уже вполне официалаго документа, подробно сообщалось о многолѣтнемъ участіи Шевелева въ революціонныхъ движеніяхъ Германіи, Италіи,

Франціи, Испаніи, о сношеніяхъ его съ жожаками революціи: Мадзини, Бакунинымъ и пр. Отмѣчено участіе въ революціонныхъ движеніяхъ въ славянскихъ земляхъ, гдѣ онъ издавалъ даже революціонную газету «Гласъ Народъ» на славянскомъ языкѣ; не пропущено и участіе въ коммунѣ. Затѣмъ обвинительный актъ указываетъ сношеніе Шевелева въ Нечаевымъ, доставку послѣдному денегъ, писемъ и литературы. Словомъ, безъ подробностей обвинительный актъ подтверждалъ очень многое изъ того, что Шевелевъ рассказывалъ о себѣ, хотя все-таки не давалъ достаточно фактическихъ данныхъ, чтобы обрисовать нравственную личность старика; говорилось объ участіи его въ революціонныхъ движеніяхъ, но это участіе, кромѣ изданія газеты, детально не опредѣлялось. Въ какихъ роляхъ онъ выступалъ?

Каковы были его цѣли, мотивы и даже дѣла?

Былъ ли это серьезный революціонеръ, важный и вліятельный? Или только принимавшій участіе вслѣдствіе какихъ либо своеобразныхъ побужденій? На эти вопросы обвинительный актъ отвѣта не давалъ. Кромѣ того, очень подозрительнымъ казалось исчезновеніе многихъ листовъ акта. Старики наши утверждали, что въ этихъ исчезнувшихъ листахъ заключались сообщенія о такихъ поступкахъ Шевелева, которые безусловно его дискредитируютъ, разоблачаютъ и что Шевелевъ уничтожилъ ихъ умышленно.

Спустя годъ послѣ нашего приѣзда въ Туринскъ начали среди обывателей носиться слухи, что нѣсколько разъ, но ночамъ, хозяйка Шевелева видала его гуляющимъ по двору безъ костылей. Сначала эти слухи произвели большую сенсацію, въ особенности среди насъ ссыльныхъ.

Старики торжествовали.

— Вотъ вамъ,—говорили они,—образчикъ лживости Шевелева. Онъ во всемъ, даже въ болѣзни, втираетъ всѣмъ очки. Лжетъ во всемъ съ начала и до конца.

Поговорили, поволновались, а потомъ и замолчали, такъ какъ новыхъ доказательствъ, кромѣ слуховъ, исходившихъ отъ старушки-хозяйки, не было. Старушкѣ вѣдь могло и показаться по слабости зрѣнія или спяну.

Долго спустя послѣ этого какъ-то устроили мы въ нашей «коммунѣ» вечеринку. Пригласили и Шевелева. Разошлись уже давно за полночь. Понятно, что безногаго старика однако отпустить домой было нельзя, пошелъ провожать его одинъ изъ ярыхъ его защитниковъ, юноша Ц.

Черезъ полчаса возвращается Ц. блѣдный, взволнованный, запыхавшійся.

— Что съ вами,—спрашиваемъ.

Юноша только ахаетъ и руками разводитъ. Насилу добились, въ чемъ дѣло: выйдя на улицу, Ц. немного отсталъ отъ Шевелева,

который заковылялъ на своихъ костыляхъ впередъ одинъ и скоро совершенно скрылся въ мракъ осенней ночи. Догоняетъ потомъ его Ц. и удивляется, что тотъ такъ быстро и далеко ушелъ. Взматривается въ темноту и съ трудомъ, на значительномъ разстояніи, замѣчаетъ высокую фигуру, смѣло шагающую по грязи. Когда Ц. приблизился къ фигурѣ на разстояніе десяти-пятнадцати шаговъ, она моментально преобразается въ согнутую чуть-не подъ прямымъ угломъ Шевелева, еле передвигающагося на своихъ костыляхъ. Ц. такъ былъ пораженъ этимъ превращеніемъ, что ни слова не сказалъ Шевелеву, довелъ его до квартиры и бѣгомъ побѣжалъ рассказать намъ о приключеніи. Случай этотъ возмутилъ и взбудоражилъ всю нашу колонію. Громадное большинство новыхъ ссыльныхъ перешло на сторону стариковъ, рѣшивъ, что послѣдніе вполнѣ правы, считая Шевелева обманщикомъ, которому не слѣдуетъ вѣрить ни въ одномъ словѣ. Онъ намъ также не довѣряетъ, какъ и простымъ обывателямъ, симулируя несчастнаго калѣку передъ нами такъ же, какъ и передъ ними. Рѣшено было, во избѣжаніе дальнѣйшихъ недоразумѣній, послать къ Шевелеву депутацію, потребовать отъ него разъясненій—кто онъ и что онъ, и почему онъ намъ не довѣряетъ.

Депутаціи Шевелевъ заявилъ, что все то, что онъ о себѣ рассказывалъ, сушая правда; доказательство—обвинительный актъ, исчезновеніе части котораго—простая случайность. Ноги у него дѣйствительно парализованы; рассказы о томъ, что его видѣли ходящимъ безъ костылей—сплетни и выдумки его «враговъ». Въ концѣ объясненія Шевелевъ расплакался и перешелъ въ свой обычный тонъ съ жалобами на «враговъ», преслѣдующихъ его всю жизнь. Депутація ушла ни съ чѣмъ но отъ старика отшатнулись почти всѣ.

Теперь, спустя четверть вѣка послѣ описываемаго мною эпизода, мнѣ думается, что требуя отъ Шевелева полной откровенности, мы были не совсемъ правы: кто бы онъ ни былъ, все-таки насъ онъ зналъ мало; большинство изъ насъ была зеленая молодежь, пылкая и экспансивная, подчасъ и болтливая. У Шевелева же, помимо дурныхъ и компрометирующихъ сторонъ его прошлаго, было кое-что, о чемъ нужно было хранить безусловную тайну...

Я уже говорилъ, что несомнѣнно вѣрныя свѣдѣнія о старикѣ мы могли получить отъ Мачтета, который въ то время, къ которому относится мой рассказъ, былъ уже высланъ въ г. Ишимъ, Тобольской губ., а такъ какъ я переводился изъ Туринска въ Тару этапнымъ порядкомъ, мнѣ и поручили, при остановкѣ этапа въ Ишимѣ, поведаться съ Мачтетомъ и выяснить все, что онъ зналъ о Шевелевѣ. Пока же въ нашемъ распоряженіи имѣлись только общія и голословныя свѣдѣнія, полученные изъ Россіи. На основаніи этихъ свѣдѣній, мемуаровъ и рассказовъ самого Шевелева, его обвинительнаго акта и *догадокъ*, біографія его можетъ быть кратко изло-

жена въ такомъ видѣ: Шевелевъ въ достаточной степени вращался въ кружкахъ лучшей интеллигенціи, былъ въ сношеніяхъ съ Герценомъ, Кельсіевымъ и др. Съ Кельсіевымъ онъ (по его словамъ) работаль по старообрядческому вопросу и, кажется, одновременно съ нимъ (Кельсіевъ эмигрировалъ въ 1857 г.) бѣжалъ за границу, будучи скомпрометированъ своими отношеніями къ Кельсіеву, Герцену и Сатину. За границей начались его шатанія изъ страны въ страну вмѣстѣ съ другими эмигрантами или, во всякомъ случаѣ, около нихъ; но, кажется, въ тѣсную среду революціонныхъ эмигрантовъ его не пускали, вездѣ у него оказывались «враги». Тѣмъ не менѣе, Шевелевъ всегда успѣвалъ быть тамъ, гдѣ усиливалось революціонное броженіе, понавъ и въ славянскія земли, гдѣ, судя по обвинительному акту, играль видную роль. По всей вѣроятности, это совпадало съ поѣздкою Кельсіева въ концѣ пятидесятихъ годовъ въ Тульчу, къ некрасовцамъ. Въ Галиціи или въ Чехіи былъ арестованъ; бѣжалъ. Перебрался въ Швейцарію, потомъ Италію, Испанію. Съ Бакунинымъ и др. эмигрантами, проживавшими въ Швейцаріи, у Шевелева вышли какія-то недоразумѣнія денежнаго свойства. По полунамекамъ можно догадаться, что его обвинили въ присвоеніи какихъ-то денегъ. Затѣмъ Шевелевъ входилъ въ сношенія съ Нечаевымъ и нечаевцами. (Это отмѣчено въ обвинительномъ актѣ). Участіе его въ парижской революціи 1871 года въ общемъ подтверждается обвинительнымъ актомъ. Романтическія похождения Шевелева въ Парижѣ, рассказанныя въ мемуарахъ, быть можетъ, до нѣкоторой степени тоже правдоподобны. Коммуна нуждалась въ специалистахъ военнаго дѣла; русскіе эмигранты принимали участіе въ возстаніи; фортъ Ванвъ и отступленіе защитниковъ его черезъ каменоломни—фактъ, подтверждаемый историками коммуны (напр. Лиссагарэ); взрывъ патроннаго завода и арестъ предполагаемыхъ виновниковъ этого взрыва—тоже. Нигдѣ только не упоминается фамиліи Шевелева. Объясненіе дальнѣйшей судьбы Шевелева по догадкамъ и нѣкоторымъ свѣдѣніямъ, полученнымъ изъ Россіи, таково: въ концѣ шестидесятихъ и началѣ семидесятихъ годовъ велся въ Россіи какой-то громадный процессъ о миллионномъ наслѣдствѣ между двумя отпрысками знатнаго аристократическаго рода (фамилія намъ была неизвѣстна). Для доказательства правъ одной изъ сторонъ необходимо было заручиться свидѣтельскими показаніями, которыя, между прочимъ, могъ дать Шевелевъ (какъ, въ чемъ и почему—не знаю), заинтересованная сторона отыскала его въ Парижѣ, заручилась его согласіемъ, и съ этого момента начинается участіе въ судьбѣ старика таинственнаго «нѣкто». При посредствѣ денегъ, его спасаютъ отъ смертной казни; подсунувъ сумасшедшаго иностранца, устраиваютъ выдачу Шевелева русскому правительству; заботятся о немъ въ тюрьмахъ. Въ началѣ семидесятихъ годовъ спорное дѣло о миллионѣ разбира-

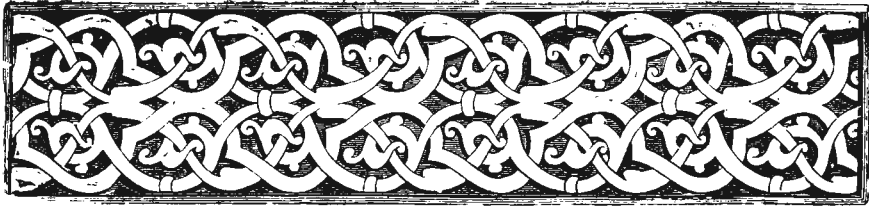
лось въ судѣ, на засѣданіи котораго и присутствовалъ покойный Мачтетъ, по словамъ котораго Шевелевъ, доставленный изъ Петропавловской крѣпости, давалъ показанія, очень грязныя и компрометирующія свидѣтеля. Но дѣло было выиграно и, въ благодарности за это, начались хлопоты объ избавленіи Шевелева отъ послѣдствій обвиненія его въ государственныхъ преступленіяхъ. Пущена была въ ходъ симуляція помѣшательства, а потомъ и паралича. Къ Шевелеву въ тюрьму (Литовскій замокъ) ѣздили врачи, собирались консиліумы, комиссіи. Въ результатѣ онъ все-таки отдѣлался отъ каторги, и потомъ въ ссылкѣ пользовался постоянно субсидіей отъ таинственнаго «нѣкто». Все это, относящееся до послѣдняго періода жизни Шевелева, я передаю со словъ старыхъ турицкихъ ссыльныхъ, получившихъ свѣдѣнія отъ Мачтета. Съ самимъ Мачтетомъ переговорить мнѣ не удалось. При остановкѣ этапа въ Ишимѣ, Мачтетъ вышелъ меня встрѣтить, но успѣлъ сказать только, что Шевелева онъ знаетъ, что это грязная, ничтожная личность. Дальнѣйшій разговоръ нашъ былъ прерванъ. Затѣмъ я поселился въ Тарѣ и забылъ о Шевелевѣ. Года черезъ два, приблизительно въ 1887—8 г., я получилъ изъ Турина письмо, сообщавшее о смерти Шевелева. Умеръ онъ въ мѣстной больницѣ, куда поступилъ, заболѣвъ туберкулезомъ мозга. Болѣзнь сопровождалась приступами буйнаго помѣшательства, во время которыхъ больной совершенно преображался: онъ, проводившій все время неподвижно на койкѣ, поднимался на ноги, безъ костылей бѣгалъ по палатѣ, бранился, декламировалъ стихи, говорилъ революціонныя рѣчи и пр. Кончался припадокъ, и онъ снова обращался въ умирающаго, разбитаго параличемъ, безпомощнаго старика. Нужно было имѣть желѣзную волю, чтобы болѣе девяти лѣтъ неуклонно симулировать припадокъ, вводя въ заблужденіе не только обыкновенныхъ своихъ знакомыхъ, но даже и врачей!

Что осталось послѣ смерти Шевелева и кому досталось его скудное наслѣдство? Онъ много писалъ; гдѣ его мемуары? Быть можетъ, они и не лишены, хотя бы отчасти, серьезнаго историческаго значенія. Кто бы онъ и каковъ бы онъ ни былъ, все-таки собою онъ представляетъ интересную деталь знаменательной эпохи. Поэтому только я и возстановилъ, по памяти, изложенный мною эпизодъ и, думается, было бы желательно, чтобы тѣ, у кого сохранились о Шевелевѣ какія-нибудь воспоминанія или его записки, подѣлились съ публикою тѣмъ, что имѣютъ.

Съ точки зрѣнія историка, и авантюриста, если къ таковымъ принадлежалъ Шевелевъ, носить на себѣ отпечатокъ своего времени и характеризуютъ его.

М. Тумановъ.

РУССКАЯ КОЛОНИЯ НИЦЦЫ ВЪ ГОДЪ ЗЕМЛЕТРЯСЕНІЯ.

(Изъ воспоминаній).

ВСЕ ПОБЕРЕЖЬЕ Средиземнаго моря, начиная съ прелестныхъ Гіерскихъ острововъ до Вентимиліи, составляетъ излюбленное мѣстопробываніе людей богатыхъ, свободныхъ, смотрящихъ по теоріи сэра Джорджа Лебока на доставленіе себѣ жизненныхъ наслажденій, какъ на обязанность всякаго порядочнаго человѣка..

Каждая изъ станцій между названными пунктами носитъ свой отпечатокъ и посѣщается своей, особаго рода публикой. Гіерскіе острова скрываютъ подъ своими пальмами парочки влюбленныхъ, избѣгающихъ пытливаго глаза, въ виду незаконности своего положенія; Каннъ, посѣщаемый исключительно англичанами, отличается чопорностью и скукой, несмотря на чудные пихтовые лѣса, изумрудные лужайки, гдѣ весною цвѣтеть одновременно фіалка и нарциссъ въ такомъ количествѣ, что воздухъ, въ изобиліи насыщенный ароматомъ цвѣтовъ, дѣйствуетъ опьяняюще и производитъ головокруженіе. Ментона и Санъ-Ремо предоставлены больнымъ—эта мѣстность заграждена горами отъ холодныхъ вѣтровъ сѣвера, и воздухъ Ментоны особенно мягокъ и благотворенъ для больныхъ дыхательными органами. Сладкіе лимоны нигдѣ не созрѣваютъ, какъ только въ Ментонѣ. Не стану говорить о Монте-Карло. Игрный домъ этой «жемчужины Средиземнаго моря», какъ не безъ основанія его называютъ мѣстные жители, гордясь величавой красотой его природы, привлекаетъ публику всѣхъ возрастовъ, всѣхъ слоевъ и націй,—всѣхъ, у кого есть золото въ кар-

манѣ. Ницца — городъ преимуществу космополитный, тутъ мало больныхъ, по крайней мѣрѣ, такихъ больныхъ, которые присланы сюда только для облегченія страданій передъ кончиной, а не для возстановленія здоровья; тутъ роскошь жизни, ея удобства, увеселенія, чудный климатъ и природа, все, что нѣжить и ласкаетъ наиболѣе требовательнаго изъ избаловавшихъ себя, служатъ притягательной силой для расточителей драгоценныхъ источниковъ здоровья, жизнерадостности и золота. Здѣсь можно встрѣтить представителей всѣхъ народностей. И странно: всѣ разнovidныя свойства, характерныя черты каждой національности какъ-то сглаживаются, стаиваютъ подъ вліяніемъ жгучихъ лучей южнаго солнца, всѣ заимствуютъ и проникаются на время легкомысліемъ француза и безпечностью итальянца.

Англичане Ниццы — не англичане Канны. Въ Каннѣ англичанинъ также исключителенъ и мало сообщителенъ, какъ то требуетъ его британскій *sant*, а въ Ниццѣ онъ *glob-trotter*, веселый общительный малый, проводящій время въ обществѣ иноплеменныхъ. Ничего нѣтъ забавнѣе расходившагося англичанина, съ его запасомъ неистощимаго юмора. Про такого англичанина говорятъ: «онъ милый, на англичанина не похожъ». Къ своему собрату изъ Америки англичанинъ относится какъ къ низшему существу, къ потомку покореннаго негра, и уважаетъ только его доллары. Нѣмцы — народъ, менѣе всего поддающійся вліянію общаго веселія, и чѣмъ больше видимъ народностей, тѣмъ болѣе поражаешься разницей въ степени способности наслаждаться жизнью и ея радостями. Нѣкоторые только слегка поддаются удовольствію, которое на другихъ производитъ захватывающее впечатлѣніе. Для иныхъ удовольствіе — это вкусъ приторнаго яблока, тогда какъ для другихъ оно ароматично, какъ золотистая гроздь сочнаго винограда. На нихъ внѣшнее воздѣйствіе отзывается тускло, безжизненно; на другихъ — производитъ бурю ощущеній и проникаетъ до послѣдняго фибра существа.

Въ 1887 году сезонъ Ниццы былъ особенно блестящъ, и на время карнавала притокъ иностранцевъ былъ сильнѣе всѣхъ предыдущихъ лѣтъ. Виллы, гостиницы, меблированныя комнаты, помѣщенія, отдающіяся у коренныхъ жителей Ниццы, все было переполнено; улицы кишѣли пестрой, яркой толпой: тутъ слышался раскатистый смѣхъ молодого голоса, неумолкаемый говоръ всѣхъ нарѣчій, аромат цвѣтовъ отъ приколотыхъ къ груди букетовъ, вся эта жизнь, бьющая ключомъ, озаренная лучами солнца, подъ синимъ куполомъ безоблачнаго неба, выражала въ полнотѣ всю мощь жизненныхъ силъ человѣка и природы.

Было два часа пополудни послѣдняго дня карнавала. Экипажи и пѣшеходы стремились къ *Promenade des Anglais*, чтобы принять дѣятельное участіе въ *bataille des fleurs*. Всѣ ландо,

коляски, высокіе шарабаны были изукрашены цвѣтами, обода колесъ исчезали подъ вѣнкомъ цвѣтовъ, сбруя лошадей превратилась въ цвѣточную ленту. Вдоль вѣшной стороны шарабановъ были придѣланы корзины, наполненныя небольшими букетами для обмѣна привѣтствій съ ѣдущими во встрѣчныхъ экипажахъ.

Живя въ Ниццѣ уже шестой годъ, я не принимала участія въ общемъ веселіи, а спокойной зрительницей сидѣла со своимъ десятилѣтнимъ сыномъ на скамеечкѣ. Мы тоже получали букеты отъ знакомыхъ, которымъ тотчасъ же отвѣчали той же любезностью. Экипажи въ два ряда продолжали свое медленное движеніе, щеголяя упряжью и изобиліемъ украшеній; богатые американцы платили до тысячи франковъ за ландо въ цвѣтахъ. Наши соотечественницы тоже не отставали.

Въ это время соревнованіе въ роскоши шло между женою одного нашего золотопромышленника-сибиряка, женщиной дивной и величавой красоты, и вдовою барона С., немолодой и некрасивой, которая только что вышла замужъ за уроженца Италіи маркиза du Croisie. Злые языки утверждали, что баронесса въ Неаполѣ была поражена красотой фактотума гостиницы, и пожелавъ упрочить свои узы съ нимъ, купила ему титулъ маркиза, немного земли въ мѣстечкѣ Croisie въ Бретани и сотворила изъ бѣднаго, но красиваго фактотума себѣ супруга, а для его отечества—маркиза du Croisie. Онъ былъ, дѣйствительно, пластично красивъ, какъ почти всѣ итальянцы изъ простонародья, и держалъ себя съ достоинствомъ на высотѣ своего новенькаго догъ-карта. Вѣроятно, въ силу атавизма, несмотря на то, что онъ попалъ въ мужья къ *principetta roussa*, его влекло изображать изъ себя калабрскаго разбойника и онъ носилъ постоянно большую свѣтло-сѣрую войлочную шляпу, которая очень эффектно отбѣняла его смуглое лицо.

Пока я сидѣла на скамейкѣ, ландо маркизы du Croisie не разъ проѣхало въ ряду другихъ экипажей. Все ландо было украшено фіалками, можно сказать, что ландо и маркиза утопали въ фіалкахъ. Это сборище неисчислимаго количества прелестнаго по цвѣту и аромату цвѣтка, было дѣйствительно поразительно и насыщало воздухъ благоуханной волной. Но вотъ показалась жена сибиряка. Ея ландо исчезало въ розахъ всѣхъ цвѣтовъ, вся сбруя на вороныхъ лошадяхъ была сплошь покрыта розами. Большая шляпа въ видѣ опрокинутой розы, нѣжно прикасаясь своими лепестками къ ея чернымъ шелковистымъ волосамъ, служила рамкой бѣлому, какъ мраморъ, лбу и лучистымъ глазамъ русской красавицы. Явленіе было прелестное и обращало на себя всеобщее вниманіе. Тамъ, гдѣ она проѣзжала, было и оживленіе и свѣтлѣе. Прогулки и обмѣнъ цвѣтовъ продолжались до четырехъ

часовъ, время, когда пушечнымъ выстрѣломъ возвѣщалось прекращеніе гулянья.

Вечеромъ того же дня, на площади передъ ратушей должны были, на приготовленномъ кострѣ, сжечь карнаваль. Карнаваль ежегодно изображенъ былъ куклой, громадной величины, которая прїѣзжала въ Ниццу либо моремъ, либо по желѣзной дорогѣ, смотря по распоряженію комитета, завѣдующаго общимъ ходомъ уличныхъ увеселеній. Куклу-карнаваль принимали съ пушечными выстрѣлами, на всѣхъ площадяхъ играла музыка, и при крикахъ радости ее усаживали на громадной высоты колесницу и триумфально везли въ городъ. Несмѣтная вереница колесницъ, каждая имѣющая свой тайный смыслъ, большею частью политическаго характера, слѣдовала за колесницей карнавала. Пѣшіи замаскированный народъ, снующій по улицамъ, своею массою буквально занималъ ее во всю ширь, и горе тому, кто бы въ это время показался безъ маски на улицѣ, толпа стала бы преслѣдовать его шутками и насмѣшками. Но этотъ разгулъ веселья, безобидный для всѣхъ, моментально прекращался, когда пушка возвѣщала конецъ праздника. Веселость, шумъ, смѣхъ толпы, все, что можетъ выразить здоровое чувство, дѣйствовали такъ заразительно на всѣхъ, даже на немолодыхъ, что я не знаю случая, чтобы кто-либо устоялъ отъ соблазна принять участіе въ уличной дракѣ посредствомъ конфетти¹⁾, бросаемыхъ совкомъ. За всѣ года, что я прожила въ Ниццѣ, ни разу при такомъ громадномъ стеченіи народа не было безпорядковъ, которые бы требовали вмѣшательства полиціи, никогда я не видѣла пьянаго; женщина, могла, не рискуя быть оскорбленной, итти одна въ толпу. Къ ней отнеслись бы изысканно любезно, ей посылались бы воздушные поцѣлуй съ нѣжнымъ словомъ *quanto belle* и, прижимая комически руку къ сердцу, дарили бы ей на память духи въ крошечныхъ флаконахъ съ розовой или голубой ленточкой. Итальянецъ въ своей веселости тотъ же большой ребенокъ.

Въ этомъ году былъ отстроенъ ратушей новый казино, который своею роскошью превзошелъ всѣ помѣщенія, въ которыхъ до сихъ поръ давались балы, и этотъ послѣдній день карнавала долженъ былъ завершиться громаднымъ праздникомъ въ новомъ зданіи, гдѣ всѣмъ присутствующимъ вмѣнялось быть въ костюмахъ и въ маскахъ.

Я не пошла на сожженіе карнавала и, чувствуя странную тяжесть головы и потребность сна, рано легла въ постель.

Я занимала тогда въ кварталѣ S-t Etienne небольшой павильонъ, принадлежащій нашему русскому консулу. Павильонъ

¹⁾ Конфетти—известковые шарики величиною въ горохъ, окрашенные въ яркія краски.

было два, совершенно одинаковыхъ, соединенныхъ между собою маленькихъ асфальтовымъ дворикомъ, служившимъ въѣздомъ и защищеннымъ отъ дождя стекляннымъ куполомъ, въ видѣ крыши. Въ одномъ павильонѣ жила я съ сыномъ, въ другомъ милѣйшая Вѣра Павловна Р. съ хорошенькой семнадцатилѣтней дочерью Лидой. Я выбрала этотъ кварталъ для житья, чтобы быть по-дальше отъ шумнаго центра города, и затѣмъ меня прельстило незастроенное мѣсто передъ домомъ, родъ площади, гдѣ мой сынъ могъ бѣгать и играть въ тѣни немногихъ уцѣлѣвшихъ деревьевъ.

Въ эту ночь, или, вѣрнѣе, на зарѣ, въ то время, когда балъ въ казино былъ въ самомъ разгарѣ, я сквозь тяжелый сонъ прослышала какой-то гулъ, грохотъ и трескъ. Опредѣливъ, что это, вѣроятно, сильный пожаръ, я нашла это опредѣленіе достаточно успокоительнымъ, чтобы продолжать дремать. Обыкновенно я сплю замѣчательно чутко, и мой сонъ въ полной зависимости отъ малѣйшаго шума, но въ эту ночь я рѣшительно не могла очнуться, какъ послѣ пріема сильнаго наркотическаго средства. Можно предположить, что въ эту ночь воздухъ былъ насыщенъ усыпительнымъ газомъ, влияющимъ на сонъ. Страшный ударъ и трескъ около самой моей головы заставилъ меня, однако, проснуться и сѣсть въ постели, но я не успѣла оглядѣться, какъ что-то полетѣло въ лампадку, разбило ее, свѣтъ потухъ и я очутилась въ темнотѣ. Но что же это. Я понять не могла. Гулъ увеличился и походилъ на ревъ бушующаго моря; какъ вдругъ весь домъ затрепалъ, заколебался; толчки получались снизу и стремились раскинуть стѣны въ разныя стороны. Тутъ я поняла, что это землетрясеніе. Толчки были разнаго направленія, будто какаѣ-то темная сила изъ самой земли выталкивала строеніе и затѣмъ, схвативъ, трясла его и расшатывала. Я удивлялась, откуда бралась эластичность, гибкость въ каменномъ зданіи, чтобы слѣдовать за всѣми причудливыми уклоненіями почвы, и все-таки, несмотря на упорную борьбу, смѣло можно было сказать, что еще два-три сильныхъ толчка, и домъ не устоитъ. Тряска была такъ сильна и непрерывна, что не было возможности встать съ постели; на меня летѣло что-то грузное, сыпалось что-то такъ быстро, такимъ количествомъ и такой постепенно увеличивающейся тяжестью ложилось на меня, что я, инстинктивно оберегая голову, прижалась въ уголъ кровати и, высоко поднявъ руки, держала надъ головой свое ватное одѣяло.

Вдругъ тряска прекратилась.

Я выглянула изъ импровизированной мною палатки и не узнала своей комнаты. Она представляла сплошную гряду обломковъ. Груда эта достигала уровня моей кровати, которая въ свою очередь изображала возвышенный холмъ отъ всѣхъ обломковъ, на ней лежавшихъ. Стѣны были цѣлы, но подпавъ голову, чтобы

взглянуть на потолокъ, я увидѣла надъ собою голубое небо. Потолокъ, крыша и кирпичи отъ высокой печной трубы сосѣдняго пятиэтажнаго дома,—все это было теперь въ моей комнатѣ. Оказалось, что именно паденіе этой трубы на часть крыши, находившейся надъ моей комнатой, и было причиной всего разрушенія. Шкапъ съ бѣльемъ былъ сплюснуть, а отъ зеркала, въ него вдѣланнаго, не осталось и воспоминанія,—все стекло было истолчено, почти какъ сахаръ въ ступкѣ. Мой толстый кожаный бюваръ, лежавшій на столѣ, былъ разсѣченъ какъ ножемъ; мраморная плита ночного столика была разбита камнемъ, который, падая, упалъ на часы и повлекъ ихъ съ собою во внутрь шкапчика. Я съ трудомъ высвободилась изъ-подъ осколковъ и мусора и съ неменьшимъ трудомъ ступила на неровную и зыбкую почву обломковъ, стараясь добраться до выходной двери. И думать нельзя было пытаться достать обувь и одежду,—все было завалено и погребено. Но каковъ былъ мой ужасъ, когда, достигнувъ двери, я не нашла ключа въ замочной скважинѣ—онъ толчками былъ выброшенъ и лежалъ зарытымъ подъ обломками,—дверь же была заперта на ключъ. Признаюсь, это была минута отчаянія. Но времени терять нельзя было, я энергично принялась разрывать мусоръ, работала быстро, внимательно осматривая каждую пригоршню, которую откидывала. Наконецъ мнѣ попался ключъ; я вложила его въ замочную скважину, съ трудомъ повернула въ замкѣ перекосившейся двери, но отворить дверь не могла отъ массы обломковъ, тѣснившихъ ея низъ—дверь отворялась въ комнату. Тутъ представилась необходимость новой работы, болѣе тяжелой—отгребанія. Это стоило мнѣ большихъ усилій и только напрягая всю, имѣвшуюся въ моемъ распоряженіи физическую силу, я пригнула на себя дверь, образовавъ небольшую щель, черезъ которую и протиснулась.

Выйдя въ коридоръ, я закричала сыну:—«Володя, ты живъ»—«Да мама, а вы»—отвѣчалъ мальчикъ довольно веселымъ голосомъ изъ своей комнаты. Потолокъ коридора не пострадалъ, такъ что я могла снять съ вѣшалки и надѣть длинное зимнее пальто, обувь ноги въ тутъ же стоявшіе теплые ботинки. Комната моего сына вовсе не пострадала, что не могу сказать про остальную часть дома. Я быстро одѣла ребенка и мы съ нашей прислугой Луизой направились къ лѣстницѣ. Но едва мы вступили на площадку, какъ вновь повторился ударъ и мы, взирая на всѣ эти плиты бѣлаго мрамора, уже искривленные, каждая ступень котораго имѣла свой наклонъ, а нѣкоторыя даже совсѣмъ стояли ребромъ—ожидали каждое мгновеніе, что этотъ послѣдній путь отступленія будетъ намъ отрѣзанъ. Къ счастью, толчки не были продолжительны и вскорѣ прекратились. Не помню, какъ мы сползли съ этой мраморной горы. Я не берусь этого объяснить,—эти нѣсколько секундъ томительнаго ожиданія слишкомъ притупили нервы.

Мы вздохнули свободно только тогда, когда очутились на улицѣ.

Свѣтало.

Отдѣльные клочки утренняго тумана, клубясь и быстро направляясь къ югу, неслись надъ землею, все было окутано какой-то сѣрой дымкой, пахло сыростью. Неясныя очертанія быстро движущихся фигуръ, тяжелое, испуганное дыханіе, тихій говоръ, слова молитвы, сдержанный плачь, стонъ, — вотъ что я нашла на площади. Но вотъ вдали послышался гулъ, онъ росъ и надвигался; все человѣческое затихло. Земля заговорила. Она вздохнула своей мощной грудью, застонала, заревѣла подъ вѣсковымъ игомъ человѣка и пошатнула имъ возведенныя зданія. Она, безчувственная и молчаливо-терпѣливая, сносившая тысячелѣтіями толпу, размежевавшихъ ее своимъ мечомъ варваровъ, претерпѣвшая глубокія раны до самыхъ нѣдръ своихъ, изъ которыхъ человѣкъ съ жадностью извлекалъ драгоценныя для себя богатства, — она возмутилась, застонала и мощный стонъ ея равнялся стону стотысячной толпы. Все зашаталось: дома съ грохотомъ разсыпались, затемняя свѣтъ облаками пыли, лошади ржали и метались, животныя ревели, но человѣкъ молчалъ. Вотъ все снова затихло. Прошло мгновеніе напряженнаго ожиданія, — толчки не возобновлялись. Видно, не суждено еще было умирать. Всѣ находившіеся на этой площади какъ-то удивленно оглядывали другъ друга, какъ-будто никто изъ нихъ не ожидалъ увидѣть своего собрата-человѣка въ прежнемъ знакомомъ видѣ.

Вдругъ раздался крикъ женщины: «Спасите, спасите мою мать» — и я увидѣла Лиду Р. у окна второго этажа, занимаемаго ими павильона. Оказалось, что землетрясеніе раздвинуло домъ на двѣ части, причемъ обѣ половины образовали отверстіе, шириною въ два метра, разсѣкшее нижній и верхній этажи и дошедшее до самаго погреба, куда скатилась вся мебель. Госпожа Р., во время землетрясенія успѣвшая встать и одѣться, при одномъ изъ послѣднихъ толчковъ, желая сохранить равновѣсіе, ухватилась за кровать, но въ это время тяжелая балка упала на нее и вонзилась всѣми громадными своими гвоздями въ ея спину, придавивъ ее къ кровати. Несчастная силилась подняться, но при этомъ гвозди проникали еще глубже въ ея тѣло. Дочь старалась поднять балку и освободить мать, но это было ей не по силамъ; и вотъ тогда она стала звать на помощь. Нашлась лѣстница, которую быстро приставили къ окну и нѣсколько храбрецовъ бросились ихъ спасать. Спальня, въ которой находилась госпожа Р. съ дочерью, пришлась по ту сторону трещины, гдѣ не было лѣстницы. Перекинувъ доски черезъ отверстіе, перенесли Вѣру Павловну, снесли съ лѣстницы и положили ее на матрацъ подъ деревомъ на площади. Кромѣ поврежденной спины, у нея была рана на головѣ, изъ которой сочилась кровь.

сквозь наложенный повязкой платокъ. На нее страшно было смотрѣть. Потрясеніе, видимо, было такъ сильно, что организмъ не выдержалъ. Она какъ-будто не чувствовала физической боли, и застывшая улыбка безумія не сходила съ ея лица; она не жаловалась, не отвѣчала на вопросы, не спала, а бессмысленно смотрѣла и улыбалась. Въ такомъ состояніи она оставалась нѣсколько дней.

Когда ужасъ разсѣялся, все поспѣшили къ своимъ жилищамъ, чтобы выбрать по возможности больше вещей и спасти драгоценности у кого онѣ были. Вскорѣ вся площадь обратилась въ лагерь кочующаго племени, гдѣ для привала разбирали свои пожитки и устраивались, какъ можно лучше.

Къ намъ на площадь присоединилась группа ряженыхъ, достигнутыхъ землетрясеніемъ въ залахъ казино. Жилища ихъ были разрушены, и вотъ, они бродили блѣдные, испуганные, въ измятыхъ костюмахъ, расшитыхъ мишурнымъ блескомъ. Вотъ красивая дѣвушка въ костюмѣ «Безумія» со своимъ безчисленнымъ кортежемъ веселыхъ бубенчиковъ; теперь, при вялыхъ ея движеніяхъ, они издавали унылый звукъ, какъ-будто стыдливо переговаривались подъ ослѣпительнымъ свѣтомъ первыхъ утреннихъ лучей солнца. Около нея стоитъ «Пьеро» въ конусообразной шляпѣ, съ набѣленнымъ лицомъ и смѣлымъ взмахомъ намазанныхъ бровей, изъ-подъ которыхъ теперь уныло, почти плаксиво высматриваетъ вся природная его трусость; бѣлое платье съ огромными красными пуговицами и длинными рукавами ниспадало съ него скорбными складками. Тутъ молодая испанка ступаетъ, боязливо озираясь; съ ней идутъ: паяцъ о двухъ горбахъ, астрологъ съ наклеенными звѣздами на черной мантии, продавщица цвѣтовъ... Мало ли кого тутъ не было. Они держались отдѣльно, вели себя чинно и смиренно, но нѣкоторое время спустя природная безпечность итальянца взяла верхъ: кто-то изъ нихъ вытащилъ изъ кармана колоду картъ и они начали играть. Игра заставила ихъ забыть опасность, они шутили, спорили, смѣялись, вырывали другъ у друга карты и дошли до сильнѣйшаго возбужденія, вполне нервнаго свойства, — неминуемое послѣдствіе испытаннаго страха, за которымъ явилось убѣжденіе безопасности. Но они ошиблись — опасность далеко не миновала.

День былъ чудный послѣ столь разрушительной ночи. Никогда еще сводъ небесъ не казался синѣе, солнце ярче, воздухъ чище и прозрачѣе. Показавъ свою мощь, природа отдыхала въ величавомъ спокойствіи. У насъ на площади разставили котелки и варили пищу; общій говоръ, передача впечатлѣній, неминуемая суета при установкѣ, хотя бы временнаго хозяйства, оглушительное соревнованіе пѣнія канареекъ въ клѣткахъ, подвѣшенныхъ на деревьяхъ ихъ собственниками, спасшихъ птичекъ изъ разрушеннаго жилья, придавали нашему произвольному сборищу видъ праздничный.

Но колебанія земли, хотя легкія, продолжались, наступая послѣ получасоваго промежутка. Мы всегда узнавали о приближеніи толчковъ по привязаннымъ тутъ же лошадямъ: онѣ начинали заранѣе беспокоиться, ржать, рвались, чтобы освободить себя отъ привязи; также и собаки жалобно завывали, поднявъ голову на вытянутой шеѣ.

Въ городѣ разрушительныя послѣдствія землетрясенія были очень значительны, но также пострадали и находившіеся въ то время на морѣ. Въ самый продолжительный приступъ толчковъ, который длился 35 секундъ, море въ порту стремительно отхлынуло и всѣ стоявшія на якоряхъ суда очутились на сушѣ въ продолженіе двухъ-трехъ минутъ, пока море снова не заняло прежняго логовища. Это водоизмѣщеніе хотя и причинило большія поврежденія судамъ, но окончилось сравнительно благополучно, если представить себѣ возможность полнаго измѣненія въ уровнѣ почвы, которое уничтожило бы навсегда морской портъ, лишивъ его необходимой воды. На многихъ улицахъ образовались трещины въ нѣсколько метровъ ширины. Въ самомъ руслѣ горнаго потока Passion, который въ это время года бывалъ безъ воды, образовалось большое круглое отверстіе ¹⁾, изъ котораго билъ со страшной силой фонтанъ кипящей воды, выбрасывая одновременно довольно большіе камни. Всѣ строенія дали трещины, кромѣ строенія квартала Carabasel, который весь имѣетъ гранитный подпочвенникъ, благодаря близости Сіміезъ, такъ что вилла королевы не пострадала; лишь на стѣнахъ покривились картины, свалились двѣ-три вазочки и мѣстами штукатурка. Больше всего пострадалъ кварталъ St.-Etienne, имѣющій болотистый грунтъ. Въ одномъ домѣ провалился погребъ и намѣстѣ его образовалась цистерна съ бьющей горячей водой. Недалеко отъ моего дома улица шла, возвышаясь, огибая высокую гору, на которой стоялъ высокій пятиэтажный домъ, весь населенный небогатымъ рабочимъ людомъ. Колебанія земли смѣстили половину горы, а съ ней и половину дома. Оставшаяся его половина представляла курьезное зрѣлище внутренняго размѣщенія всѣхъ этажей: въ одномъ осталось полъ-комнаты, съ висящими ключьями обоевъ на уцѣлѣвшей стѣнѣ, тутъ же стоялъ комодъ или шкафъ; въ другомъ—четверть комнаты, а не то виднѣлась одна лишь уцѣлѣвшая дверь, ведшая въ сосѣднее помѣщеніе. Въ окнѣ верхняго этажа этого дома, въ части совершенно разрушенной, заливалась громкой пѣсней канарейка. Она какъ бы радовалась лучамъ солнца, такъ безпрепятственно свѣтившимъ ей, и надъ развалинами пѣла свою лебединую пѣснь, не предвидя участи умереть голодною смертью. Изъ этой комнаты жившая въ ней молодая дѣвушка была увлечена землетрясеніемъ лежа въ постели, одновременно

¹⁾ Имѣвшее 4 метра въ діаметрѣ.

«истор. вѣстн.», ноябрь, 1910 г., т. сxxii.

съ горой и домомъ; ее нашли мертвой въ кровати, которая не была даже сломана: очевидно, дѣвушка умерла отъ испуга.

Организмъ одного молодого человѣка слабаго здоровья былъ настолько потрясенъ всѣми ужасами, что онъ ни минуты не хотѣлъ оставаться одинъ и буквально жилъ на улицѣ днемъ, а ночи проводилъ въ Café, гдѣ при газовомъ освѣщеніи и при постоянномъ снованіи посѣтителей, онъ чувствовалъ себя въ безопасности. Это напряженіе нервовъ при неправильной жизни, почти безъ сна, надломилло его окончательно и онъ вскорѣ умеръ. Многіе поплатились жизнью, если не во время катастрофы, то впослѣдствіи, отъ продолжительнаго страха смерти.

Весь наплывъ иностранцевъ былъ до того перепуганъ, что всѣ обратились въ бѣгство; въ этотъ день было отправлено въ Парижъ четырнадцать поѣздовъ сверхъ обыкновеннаго комплекта, и то еще оставалась масса публики въ залахъ громаднаго вокзала, ожидающихъ своей очереди. Тутъ стеклось такое несмѣтное количество обезумѣвшаго люда, что всѣ помѣщенія были переполнены... Сидѣли, лежали на полу, стояли, по часамъ приткнувшись къ стѣнѣ, лишь бы не уйти и не потерять очереди быть спасенными. Они напоминали собой тѣхъ прокаженныхъ священнаго писанія, которые ждали движенія воды, чтобы первымъ броситься и тѣмъ излечить свои раны. Нашелся шутникъ, который распространилъ въ публикѣ слухъ, что опасно оставаться во время землетрясенія въ такомъ громадномъ каменномъ зданіи; многіе бѣжали и расположились на дворѣ передъ вокзаломъ, а онъ занялъ хорошую скамейку и улегся спать до отхода поѣзда. Барыни, покидавшія Ниццу, были буквально не одѣты; у нихъ на ночное бѣлье, въ которомъ застала ихъ катастрофа, были накинуты большія, длинныя манто, а въ рукахъ онѣ съ конвульсивнымъ ужасомъ держали сумочки съ драгоценностями—въ такомъ видѣ онѣ доѣзжали до Парижа. Всѣхъ охватила паника.

Муниципалитетъ, посредствомъ печати и быстро принятыхъ мѣръ для удаленія слѣдовъ разрушенія, старался удержать иностранцевъ и успокоить ихъ, завѣряя, что никакой опасности нѣтъ, что дома существенно не пострадали и что черезъ двое сутокъ можно будетъ снова занять свои помѣщенія. Но эти, довольно рискованныя обѣщанія мира и покоя, оказались напрасными—Ницца опустѣла и года два притокъ иностранцевъ былъ значительно меньше.

Больнымъ, проводившимъ зимній сезонъ въ Ниццѣ для поправленія здоровья, ночной воздухъ былъ безусловно запрещенъ, а такъ какъ, по распоряженію полиціи, никто не долженъ былъ ночевать въ домахъ, то имъ пришлось изыскивать способъ укрыться отъ ночной свѣжести, не подвергая себя опасности быть заживо погребенными подъ развалинами. Придумали ночевать въ ландо. Обра-

тились къ содержателямъ наемныхъ экипажей, но они заломили страшную цѣну, просили пятьсотъ франковъ за наемъ ландо на одну ночь. За такую безсовѣстность ратуша ихъ чувствительно наказала: она запретила имъ заниматься извозомъ въ теченіе года. Съ наступленіемъ сумерекъ на площади всѣ стали устраиваться на ночь. Мнѣ съ сыномъ и нашей дѣвушкой Луизой были принесены матрацы, подушки и одѣяла изъ нашего дома, и мы, тепло укрывшись, улеглись и скоро уснули отъ утомленія. Вдругъ были разбужены довольно сильнымъ ударомъ, послѣ котораго земля продолжала волнообразно колыхаться. Лежа непосредственно на землѣ, соприкасаясь, такъ сказать, съ этимъ колыханіемъ, его можно было сравнить только съ движеніемъ одушевленнаго существа громадныхъ размѣровъ. Земля жила подъ нами своею жизнью, она хотѣла либо сбросить насъ, либо открыть свои страшныя объятія, поглотить насъ. Пережить землетрясеніе въ домѣ—ощущеніе, которое никогда не забудешь, но чувствовать, лежа, колебаніе подъ собой той, къ которой до сихъ поръ относился съ такимъ довѣріемъ—чувство неопишное. Колебаніе это, кромѣ физическаго ужаса, производитъ какъ бы нравственный подрывъ; спрашиваешь себя, кому и чему вѣрить, на кого положиться, если матушка-земля, на которую привыкъ ступать твердою ногою, въ увѣренности, что она поддержитъ, не выдастъ, не обманетъ—и та колеблется.

Послѣ вновь повторившихся ударовъ я уже не заснула. Иные изъ случайныхъ обывателей площади встали и ихъ темныя силуэты принимали фантастично высокія очертанія, когда они тихими шагами ступали взадъ и впередъ. Сознаніе, заставляющее ихъ держаться на ногахъ,—понятно, имъ хотѣлось по возможности отдалиться отъ колебавшагося звѣря, не лежать въ растяжку на одномъ съ нимъ уровнѣ, чтобы онъ своимъ внезапнымъ движеніемъ не вливалъ бы въ душу такой безумный ужасъ, отъ котораго кровь стынетъ въ жилахъ. Другіе для придачи себѣ храбрости посвистывали «La donna е mobile» и думали о томъ, что, быть можетъ, и до утра не доживутъ и очутятся во время восхода солнца ¹⁾ въ нѣдрахъ земли. Всѣ храбрились, но всѣмъ было тяжело на душѣ. Душевное спокойствіе въ такой моментъ, когда человѣкъ сознаетъ себя во власти невидимой силы, съ которой бороться нельзя, въ оцѣнкѣ храбрости имѣетъ большую заслугу, чѣмъ храбрость корпоративная, напирмѣръ, массы, несущейся въ атаку на непріятеля при дневномъ свѣтѣ, подъ звуки электризующей музыки и грома пушекъ; тамъ смерть, покрытая лаврами, а здѣсь смерть темная, невѣдомая; исчезнетъ человѣкъ да и только, и къ тому же эту пріятную возможность приходится ждать пассивно,—а это хуже всего.

¹⁾ Въ землетрясеніи удары въ это время достигаютъ наибольшей своей интенсивности.

Около меня въ небольшомъ разстояніи расположилась группа, состоявшая изъ больного, сидѣвшаго въ креслѣ, и двухъ женщинъ.

— Агнесса, Агнесса,—звала больной,—отчего дверь отперта. Изъ нея дуетъ холодный вѣтеръ.

— Сидите спокойно, старайтесь заснуть,—отвѣчалъ женскій голосъ съ англійскимъ акцентомъ.

Мужчина была французъ, судя по произношенію; онъ, очевидно, страдалъ болѣзнью мозга и лишень былъ движенія ногъ.

— Агнесса,—воскликнулъ онъ снова послѣ короткаго молчанія,—мнѣ холодно, весь бокъ холодный, я озябъ—приди ко мнѣ, Агнесса, согрѣй меня.

— Oh! for shame,—съ британскою интонаціею негодованія отвѣчала Агнесса,—вы должны молиться Богу, чтобы онъ простилъ вамъ грѣхи, вы уже наказаны, а теперь Богъ посылаетъ землетрясеніе, чтобы все люди покаялись и думали о смерти.

Но легкомысленный французъ не унимался и, помолчавъ немного: «Агнесса»,—сказалъ онъ почти плача,—«моя Агнесса, отчего ты не ложишься сегодня со мною».

— Молчите, у васъ только глуposti въ головѣ. О! Замолчите скорѣй и молитесь.

Но тутъ больной потребовалъ другую услугу, которая входила въ кругъ обязанностей молчавшей женщины.

По всей площади стоялъ невнятный шорохъ сдержаннаго говора, никто не спалъ.

Утро наступило ясное, безоблачное, и полное спокойствіе царило въ природѣ.

До насъ дошло извѣстіе, что Ментона пострадала отъ землетрясенія больше, чѣмъ Ницца, тамъ дома буквально были разрушены, и этотъ чудный уголокъ превратился въ груды развалинъ. Многіе изъ домовладѣльцевъ были разорены, нѣкоторые теряли только собственность, а многіе при потерѣ собственности, остались въ неоплатныхъ долгахъ страховымъ обществамъ. Не имѣя наличнаго капитала, они, по мѣрѣ стройки, закладывали каждый возведенный этажъ и на ссуду строили дальше; долгъ страховымъ обществамъ уничтоженіемъ недвижимой собственности не могъ считаться погашеннымъ, а пострадавшій домовладѣлецъ ни откуда пособія не получалъ, такъ какъ землетрясеніе считается *calamité publique*, и приходилось имъ продавать землю изъ-подъ разрушенной стройки, чтобы уплатить долгъ. Земля тамъ очень дорога и продается по квадратнымъ метрамъ. Случалось, что разорившійся домовладѣлецъ не изъ мѣстныхъ жителей, а пришлый аферистъ, все бросалъ, а самъ исчезалъ безслѣдно.

Человѣческихъ жертвъ въ Ментонѣ было немного, зато въ Санъ-Ремо случилось ужасное несчастіе. Тамъ была разрушена церковь и подъ ея развалинами погибло около трехсотъ человѣкъ,

пришедшихъ при первыхъ подземныхъ ударахъ молиться о помилованіи. Можно себѣ представить; какой паническій страхъ гналь этихъ людей въ храмъ Божій! Съ какимъ воплемъ отчаянія мать тащила своихъ дѣтей, мужъ—жену, сынъ—престарѣлую мать, они всѣ сознавали свое безсиліе передъ стихійной мощью; борьбы тутъ быть не могло—могло быть только одно спасеніе отъ Всевышняго, который повелѣваетъ и небомъ, и землей. И вотъ помыслы этихъ трехсотъ человѣкъ привели ихъ въ церковь, они сплотились въ одну горячую молитву о спасеніи, каждый изъ нихъ въ такой ужасный часъ не о себѣ молилъ, а о томъ, кто былъ дорогъ ему, и всѣ они нашли одну награду—смерть. Тайная необходимость ея не подлежитъ нашему сужденію.

Дня черезъ три мы вернулись въ домъ и поселились съ Вѣрой Павловной и ея дочерью въ нижнемъ этажѣ моего павильона. Подземные толчки все еще давали себя чувствовать. Мы рѣшили держать очередь въ дежурствѣ и ночью кто-нибудь изъ насъ не ложился, чтобы разбудить спящихъ, если окажется необходимость, хотя каждый изъ насъ сознавалъ, что при такой необходимости врядъ ли кто живымъ останется; никто изъ насъ не раздѣвался въ теченіе трехъ недѣль. За это время хотя колебанія не прекращались, но они скорѣе походили на легкій трепеть земли; какъ вдругъ черезъ три недѣли, днемъ въ два часа, былъ столь сильный подземный ударъ, что сына моего, игравшаго на скрипкѣ, качнуло головой въ потолокъ, а меня въ пальцы, на которыхъ я вышивала, а учитель Ziroldi схватилъ подъ мышку свою скрипку, выбѣжалъ на улицу и уже зазвать его не было возможности. Тутъ нашей стойкости былъ положенъ конецъ и мы въ тотъ же день переѣхали въ горы, въ окрестностяхъ Ниццы.

М. Г. Назимова.

КАКЪ НАСАЖДАЛАСЯ ФРАНЦУЗСКАЯ КУЛЬТУРА ВЪ РОССІИ.

ПРОФЕССОРЪ парижскаго университета г. Эмиль Оманъ выпустилъ минувшимъ лѣтомъ объемистую книгу о культурномъ вліяніи Франціи на Россію за послѣдніе два вѣка¹⁾. Авторъ давно уже работаетъ въ области исторіи франко-русскихъ отношеній. Владѣя вполне языкомъ той и другой страны, онъ отлично знаетъ и историческую литературу, относящуюся къ его темѣ. Это даетъ г. Омани возможность собрать въ своемъ послѣднемъ трудѣ богатый фактический матеріалъ, который онъ умѣло размѣщаетъ по эпохамъ и рубрикамъ. Получается яркая и выпуклая картина литературнаго, научнаго, политическаго и, наконецъ, религіознаго вліянія Франціи на нашу родину.

Во Франціи книга г. Омана обратила на себя вниманіе и получила даже премію отъ академіи нравственныхъ и политическихъ наукъ. Ея содержаніе, несомнѣнно, представляетъ большой интересъ и для нашихъ читателей, но такъ какъ не для всѣхъ явится возможность познакомиться съ этой работой непосредственно, то мы рѣшаемся дать здѣсь ея изложеніе. Въ своей статьѣ мы не будемъ останавливаться на мелкихъ подробностяхъ и отмѣтимъ лишь наиболѣе, на нашъ взглядъ, характерные факты.

Сношенія древней Руси съ Франціей начались довольно поздно: гораздо раньше французовъ въ Кіевѣ, а затѣмъ въ Москвѣ появи-

¹⁾ Emile Naumant. La culture française en Russie (1700—1900). Paris, 1910. 671 p.p.

лись изъ иностранцевъ—скандинавы, византийцы, итальянцы и, наконецъ, нѣмцы. Правда, еще въ XI вѣкѣ, дочь Ярослава Мудраго Анна вышла замужъ за французскаго короля Генриха I, но фактъ этотъ не имѣлъ никакихъ дальнѣйшихъ послѣдствій: русскіе даже названіе французской столицы узнали изъ итальянскихъ повѣстей, въ обиліи приходившихъ на Русь черезъ южныхъ славянъ, и стали звать ее на итальянскій ладъ «Парижъ» (отъ итальянскаго Parigi).

Попытки болѣе тѣснаго официальнаго сближенія обоихъ правительствъ начинаются съ середины XVI вѣка. Такъ, въ 1586 г. переводчикъ Петръ Рагонъ привозитъ съ собою изъ Парижа въ Москву официальнаго представителя французскаго короля, нѣкоего Франсуа де-Карлэ, которому было поручено подготовить Москву къ принятію французскаго посольства.

Въ 1586 г. уже упоминается о прибытіи французскихъ торговыхъ кораблей въ Архангельскъ и Колу. Одинъ изъ французскихъ моряковъ, посѣтившихъ въ это время русскій сѣверъ, Жанъ Соважъ, оставилъ даже любопытныя записки о своемъ пребываніи въ нашемъ отечествѣ—самыя раннія во французской литературѣ.

Смутное время какъ разъ совпало съ окончаніемъ во Франціи религиозныхъ войнъ. Прекращеніе военныхъ дѣйствій освободило тамъ массу наемниковъ. Изъ Франціи, въ поискахъ за заработкомъ, они разбрелись по всей Европѣ, и мы встрѣчаемъ наемныя французскіе отряды въ арміяхъ всѣхъ трехъ сѣверо-восточныхъ противниковъ—Швеціи, Польши и Московіи. Одинъ изъ такихъ наемниковъ, Франсуа Контуа Маржеретъ, оказалъ огромныя услуги русской исторіи, оставивъ всѣмъ извѣстныя, важнѣйшіе для исторіи смутнаго времени мемуары.

Гибель перваго Лжедмитрія и разгромъ поляковъ подняли въ народѣ волну ненависти къ «папистамъ» безъ различія ихъ національности. При царяхъ Михаилѣ и Алексѣѣ о французяхъ въ Москвѣ совсѣмъ не слышно. Упоминается только одно имя—Жана де-Траво, но и носитель этого имени, чтобы отвлечь отъ себя подозрѣніе и неприязнь, принужденъ былъ принять православіе и такимъ образомъ слиться по вѣрѣ съ окружающей его средой.

Почти до самаго Петра Великаго прекращается вліяніе въ Москвѣ Франціи. Въ посольскомъ приказѣ не было даже ни одного переводчика съ французскаго. Да и переводить имъ было нечего. Въ библиотекѣ наиболѣе образованнаго по тому времени человека Сильвестра Медвѣдева, изъ 539 томовъ не оказывается ни одной французской книги. Въ библиотекѣ любимца Софіи, князя Василія Голицына, изъ французской литературы имѣется всего одна книга, польскій переводъ одной французской легенды. Другой западникъ тѣхъ временъ, бояринъ Артамонъ Матвѣевъ пріобрѣтаетъ уже

книги на французскомъ языкѣ: послѣ его смерти въ его библиотекѣ нашли 3 французскихъ книги, 12 нѣмецкихъ и 42 латинскихъ.

Время царевны Софіи было совершенно неудобно для какихъ бы то ни было проявленій сближенія между монархіей Капетинговъ и нарождающейся сѣверной имперіей: французская дипломатія упорно поддерживала Блистательную Порту, т. е. одного изъ наслѣдственныхъ враговъ русскаго государства. Отъ этой эпохи сохранились лишь записки о Московіи нѣкоего Ланевилля, отправленнаго въ Москву союзникомъ Франціи—польскимъ королемъ. Описывая пріемъ, сдѣланный ему боярами, Ланевилль между прочимъ сообщаетъ характерный фактъ. Послѣ одного изъ официальныхъ обѣдовъ, сынъ боярина Матвѣева отвелъ Ланевилля въ сторону и просилъ его указать, какимъ бы образомъ можно было пополнить свое образованіе. «Я посовѣтовалъ ему, пишетъ Ланевилль, заняться изученіемъ французскаго языка, увѣривъ его, что при его 22 годахъ, онъ можетъ легко овладѣть имъ».

Совѣтъ былъ какъ нельзя болѣе своевремененъ: къ началу новаго XVII столѣтія французскій языкъ и французскіе люди сдѣлались господствующими въ Европѣ. Посоль Петра Великаго, князь Борисъ Куракинъ, съ удивленіемъ отмѣчаетъ въ своихъ дорожныхъ запискахъ, что даже цесарь въ Вѣнѣ носитъ французское платье. Въ Берлинѣ, чтобы явиться ко двору, Куракину пришлось заказать себѣ костюмъ у французскаго портного. Въ Антверпенѣ лучшія гостиницы обставлены на французскій ладъ, а въ Брюсселѣ для посла даютъ оперу и комедію все на томъ же французскомъ языкѣ. Куракинъ волею неволею самъ начинаетъ учиться по-французски и для начала ревностно изучаетъ названіе французскихъ винъ. Черезъ два года онъ вооружается огромнымъ словаремъ французскаго языка въ четырехъ томахъ и работаетъ надъ нимъ съ помощью русскихъ студентовъ, отправленныхъ Петромъ для обученія въ Амстердамъ. Труды Куракина увѣнчались полнымъ успѣхомъ, и когда царь Петръ прибылъ во Францію, князь оказался единственнымъ лицомъ въ его свитѣ способнымъ объясняться по-французски.

Выучившись самъ, Куракинъ уже считаетъ необходимымъ учить французскому языку и дѣтей своихъ. Петръ выписываетъ голландца Гюйсена и поручаетъ ему воспитаніе царевича Алексѣя. Воспитаніе наслѣдника престола ведется чисто на французскій ладъ: царевичъ Алексѣй изучаетъ ту же грамматику, по которой учится дофинъ, и читаетъ «Discours sur l'histoire universelle», написанныя специально для дофина. Затѣмъ слѣдуютъ неизбѣжныя приключенія Телемака, написанныя Фенелономъ для герцога Бургундскаго.

Около Петра начинаютъ попадаться французскія имена, менѣе извѣстныя, чѣмъ, напримѣръ, Лефортъ. Такъ, консулъ Лави доно-

силь въ 1715 г. своему правительству о нѣкоемъ французѣ, который служить царю уже четырнадцать лѣтъ. По словамъ датскаго посланника Юля, другой французъ Винеми исполнялъ роль самоѣдскаго короля во время любимыхъ Петромъ маскарадовъ. Нѣкій Буржуа состоитъ при царѣ въ качествѣ великана. Послѣ смерти, тѣло этого заѣзжаго великана, опущенное въ спиртъ, составляетъ главную приманку основанной Петромъ кунсткамеры. Послѣ 1705 г. въ русской арміи оказывается довольно много французовъ. Въ битвѣ со шведскимъ генераломъ Мардефельдомъ русскіе взяли въ плѣнъ цѣлый отрядъ французскихъ наемныхъ войскъ въ количествѣ 493 человекъ.

Съ другой стороны, и въ Парижѣ появляются постоянные русскіе агенты. Сначала Петръ пользуется для себя услугами нѣкоего Франсуа Крокъ, затѣмъ сына Лефорта. Мало-по-малу иностранцы смѣняются природными русскими, и во Францію отправляются: Волковъ, Зотовъ, Постниковъ. На ихъ обязанности лежитъ снабжать царя книгами, инструментами и вербовать для Россіи кадры нужныхъ царю мастеровъ и ремесленниковъ.

Познакомившись лично съ передовымъ государствомъ тогдашней Европы, Петръ перестаетъ посылать русскую молодежь для обученія въ Голландію и Англію, а направляетъ ее главнымъ образомъ во Францію, въ приморскіе города Брестъ и Тулонъ. Въ 1720 г. въ спискахъ гардмаринской школы въ этихъ городахъ такъ и мелькаютъ русскія имена: Жеребцовъ, Римскій-Корсаковъ, Юсуповъ и другіе.

Съ другой стороны, усиливается и притокъ въ Россію французовъ. Въ томъ же 1720 году французъ Маньянъ (Magnan) поступаетъ на русскую службу въ камеръ-коллегію, его соотечественникъ Панголо строить корабли въ Кронштадтѣ, а французскіе инженеры, углубляя гавань Петербурга, разрабатываютъ уже проектъ соединенія каналомъ Балтійскаго моря съ Вѣлымъ.

Вслѣдъ за инженерами идутъ на Русь и всевозможные французскіе фабриканты и ремесленники. Ихъ такъ много, что возлѣ самага дворца Меншикова возникаетъ цѣлая «Французская» улица, населенная золотыхъ дѣлъ мастерами, рисовальщиками, граверами и даже настоящими художниками. Одинъ изъ нихъ, марселецъ Каравакъ, выписанный въ Россію сыномъ Лефорта, написалъ здѣсь множество портретовъ и за свои художественныя заслуги былъ сдѣланъ полковникомъ.

Изъ Петербурга эти ремесленники понемногу расползаются по всей Россіи и, съ теченіемъ времени, подвергаются обрусѣнію, теряютъ свою національность. Одного изъ нихъ путешественникъ Жанъ д'Отрошъ встрѣтилъ въ 1757 году въ далекомъ Екатеринбургѣ: его соотечественникъ совсѣмъ позабылъ свою прежнюю родину и занимался, какъ и мѣстные жители, огородничествомъ.

Французы появляются не только около дворца Меншикова, но и въ самомъ дворцѣ Петра. Великія княжны Анна и Елизавета поручаются французенкѣ, нѣкоей м-ше Ланнуа, а отъ нея переходятъ къ сьеру Рамбуръ, бывшему учителю танцевъ. Съ Франціей уже настолько свыкаются во дворцѣ, что рождается неосуществившаяся мысль о бракѣ Елизаветы Петровны съ герцогомъ Бургундскимъ, и даже съ самимъ Людовикомъ XV.

Вліяніе французовъ сказывается уже въ массѣ словъ и терминовъ военнаго и придворнаго обихода, взятыхъ съ французскаго, въ родѣ генераль, майоръ, бригадиръ, солдатъ, балдахины, портреты, карты, медики, апартаменты и т. д. При Минихѣ французскій языкъ впервые включается въ программу лучшаго тогдашняго учебнаго заведенія—кадетскаго корпуса: изъ 282 учениковъ его выбираютъ, вмѣсто нѣмецкаго, 91.

Въ царствованіе Елизаветы Петровны французы составляютъ, кажется, преобладающее большинство иностранцевъ въ Петербургѣ. По крайней мѣрѣ, французскій посланникъ при русскомъ дворѣ пишетъ въ 1756 году, что Франція представлена въ Россіи кучей разношерстныхъ французовъ, которые, повздоривъ съ правосудіемъ въ Парижѣ, явились отравлять собою сѣверную страну. Черезъ двадцать лѣтъ кавалеръ де-Корберонъ отмѣчаетъ въ своихъ запискахъ, что французы кипятъ въ Россіи, какъ насѣкомыя въ теплыхъ странахъ. Отправляясь въ Россію, Бернаденъ де-Сентъ Пьерръ встрѣтился съ цѣлой компаніей французскихъ бродячихъ пѣвцовъ и актеровъ, мечтавшихъ о томъ, чтобы основать новый городъ гдѣ-то на берегахъ Аральскаго моря.

Оставаясь сплошь и рядомъ чуть не на улицѣ, такіе эмигранты хватались за все, что попадало подъ руку, причемъ постоянная перемѣна профессіи иногда была и не къ добру. Такъ, кавалеръ Бреланъ де-ля-Бреландіеръ, явившійся въ Петербургъ въ качествѣ поэта, скоро мѣняетъ кропаніе стиховъ на изготовленіе фальшивой монеты. Лакеи важныхъ баръ дѣлаются по протекціи своихъ господъ крупными чиновниками, но огромное большинство превращается въ концѣ концовъ въ парикмахеровъ или въ учителей-гувернеровъ. Среди всего этого сброда есть и трактирщики: уже въ концѣ царствованія Петра Великаго въ Петербургѣ имѣется французская гостиница, при Екатеринѣ II открывается другая—въ Москвѣ. Къ 1780 г. не только Царское Село и Каменный островъ, но и всякое людное мѣсто непременно обзаводится французскимъ рестораторомъ съ хозяиномъ «изъ Парижа».

Увлечательные для русскихъ французскіе нравы, обычаи и обстановка заносятся въ Россію не только французами, но и самими русскими, все усерднѣе и усерднѣе посѣщающими Парижъ. Нарышкинъ, вывезшій оттуда огромную новомодную карету съ колесами, украшенными зеркалами, производитъ при Аннѣ Иоанновнѣ настоя-

щій фуроръ въ Петербургѣ. Два молодыхъ князя Долгорукихъ даже воспитываются въ Парижѣ подъ руководствомъ аббата Жюбе де ля Куръ, приходившаго въ отчаяніе отъ непреодолимой лѣности своихъ питомцевъ. Зато съ непоколебимой вѣрой въ науку работалъ въ Сорбоннѣ у профессора Роллена знаменитый въ исторіи русской литературы Тредьяковскій, бѣжавшій во Францію съ помощью французскихъ капуциновъ Астрахани и Москвы.

При Елизаветѣ Петровнѣ теченіе изъ Россіи во Францію принимаетъ уже настолько замѣтный размѣръ, что одинъ изъ французскихъ наблюдателей того времени прямо замѣчаетъ, что въ Петербургѣ только и дѣлаютъ, что уѣзжаютъ и пріѣзжаютъ. Большинство этихъ путешественниковъ смотрятъ на Парижъ, какъ на огромный кафе-ресторанъ, а на Францію, какъ на страну всякихъ чудесъ. Княгиня Орлова, на примѣръ, ѣдетъ въ Парижъ въ полномъ убѣжденіи, что тамъ ее могутъ вылечить отъ бесплодія какими-то чудодѣйственными лекарствами.

Видимымъ результатомъ наплыва русскихъ въ Парижѣ служитъ появленіе тамъ множества всякаго рода гостиницъ и магазиновъ, разчитанныхъ спеціально на нашихъ соотечественниковъ. Вывѣски: *L'Imperatrice de Russie, Café de Russie, Grand hôtel de Russie* и т. д. такъ и пестрятъ улицы французской столицы.

Несмотря на широкій образъ жизни, въ большомъ свѣтѣ русскіе не отличались успѣхами. «Французскія дамы очень спѣсивы, отмѣчаетъ Фонъ-Визинъ, и не отдаютъ визитовъ, сдѣланныхъ имъ русскими дамами». Двери салоновъ плотно закрыты для нихъ, и даже такая знаменитость, какъ графъ Алексѣй Орловъ, проникаетъ въ гостинныя только потому, что заинтересовываетъ парижанъ своей манерой ѣсть яйца вмѣстѣ со скорлупой.

Одна изъ причинъ такой сдержанности парижанъ заключалась, несомнѣнно, въ томъ, что русскіе аристократы, привыкшіе швырять деньги направо и налево, дѣлали во Франціи большіе долги, о которыхъ безопасно забывали по возвращеніи въ Россію. Разумовскій, на примѣръ, задолжалъ маршалу де-Бирону 52 тысячи ливровъ. Позднѣе графъ Бобринскій перебралъ у маркиза де-Феррьеръ болѣе милліона ливровъ, которыя за него были уплачены русскою казною.

Вернувшись изъ Парижа, такіе просвѣщенные путешественники уже не довольствуются прежней домашней обстановкой. Для нихъ выписываются сначала итальянскіе, а затѣмъ французскіе архитекторы, повторяющіе въ Россіи французскіе дворцы и разбивающіе здѣсь на французскій ладъ сады. Въ подмосковномъ селѣ Кусковѣ, принадлежавшемъ графу Шереметеву, разбивается паркъ по образцу Версаля. Планъ куковского дома разрабатывается въ Парижѣ нѣкімъ Лореномъ, членомъ марсельской академіи. Ученики знаменитаго Ленотра разбиваютъ царскосельскій паркъ съ

тѣми боскетами, кіосками, такъ называемыми chalets, которые составляютъ необходимую принадлежность парковъ Версаля и Трианона. Начинается одновременно усиленная замѣна прежней мебели новою, французскою. Въ массѣ французскихъ плѣнныхъ, захваченныхъ подъ Данцигомъ, Анна Иоанновна тщетно ищетъ ремесленниковъ, которые могли бы заново обставить ея дворецъ. Находятся два столяра Мишель и Андре Криніе и еще какой-то Ротбо, спеціальностью котораго было приготовленіе модныхъ французскихъ кроватей.

Елизавета Петровна сама заводитъ агентовъ въ Парижѣ, которые обязаны доставлять ей всѣ новости послѣдней моды: духи, перчатки, мушки и т. п. Сначала съ этими порученіями успѣшно справляется одна m-me Д'Аквиль, но затѣмъ въ помощь ей дается еще камергеръ Санти, пользующійся большимъ почетомъ во всѣхъ модныхъ магазинахъ. При Екатеринѣ II скупка за границей картинъ для Россіи принимаетъ такіе размѣры, что даже Дидро принужденъ протестовать противъ легкомысленной распродажи французами своихъ художественныхъ богатствъ. Замѣтимъ здѣсь, что нашъ Эрмитажъ обязанъ своимъ возникновеніемъ именно этой модѣ на картины, привозимыя главнымъ образомъ изъ Франціи.

Само собою разумѣется, что при начинающемся господствѣ моды на все французское, старинная русская водка и медъ и петровское пиво становятся уже неумѣстны: ихъ замѣняютъ французскія вина, которыя, кажется, нигдѣ не находили такого восторженнаго приѣма, какъ въ Россіи. Хлопоча о союзѣ Россіи съ Франціей, маркизъ де-Лашетарди знаетъ, чѣмъ лучше всего подѣйствовать на Петербургъ, и выписываетъ сюда 100 тысячъ бутылокъ всякихъ винъ, изъ нихъ 16 тысячъ шампанскаго. Послѣднее особенно необходимо въ придворной сферѣ, гдѣ уже считается старомоднымъ произносить тосты съ бокаломъ токайскаго, какъ было раньше. Кухня также попадаетъ въ плѣнъ къ французамъ. Императрица сама подаетъ примѣръ и заказываетъ для себя въ Парижѣ знаменитые парижскіе паштеты съ трюфелями, которые выписываются для нея чуть не пудами. При Екатеринѣ II каждый уважающій себя русскій баринъ обязанъ уже держать повара француза, деспотически передѣлывающаго его вкусы. Однажды графъ Шуваловъ вздумалъ было по старой привычкѣ заказать себѣ къ обѣду жаренаго гуся.

— Какъ! — трагически воскликнулъ его поварь-французъ, — мнѣ подать на вашъ столъ жаренаго гуся! Нѣтъ, лучше отошлите меня скорѣе во Францію!

За поварами и кондитерами двинулись изъ Франціи въ варварскую Россію и танцовщики съ актерами. При Аннѣ Иоанновнѣ въ Петербургъ пріѣзжаетъ цѣлая балетная труппа подъ предводительствомъ Николая-Франсуа Ланде. Этотъ Ланде скоро становится моднымъ учителемъ танцевъ въ приневской столицѣ. Забѣлинь называлъ этого Ланде «истиннымъ наставникомъ Россіи».

Императрица Елизавета хлопотала уже о томъ, чтобы завести въ Петербургѣ цѣлый французскій драматическій театръ. Черезъ Бестужева-Рюмина она пытается привлечь въ Петербургъ лучшихъ актеровъ того времени Лекэна, Превилль, Клеронъ, но безуспѣшно. Пришлось довольствоваться артистическими звѣздами меньшей величины. Такъ какъ французскій языкъ былъ знакомъ сравнительно немногимъ, то французскіе спектакли для большинства не могли представлять интереса и придворныхъ приходилось стонять на представленіе французской труппы угрозою штрафа въ размѣрѣ 50 рублей.

Для изученія французскаго языка послѣ смерти Петра Великаго начинается выписка гувернеровъ. Учителя были недороги и даже у графа Головкина м-г Пикаръ, кромѣ стола, получалъ всего 60 руб. въ годъ, да двѣ кружки пива въ день да бутылку вина въ недѣлю. Кромѣ того, ему полагалась ежегодно новая пара платья.

Позднѣе для маленькихъ Воронцовыхъ черезъ посредство придворнаго ювелира Іереміи Позье выписывается изъ Берлина нѣкая м-ше Берже, которая берется уже преподавать французскую литературу, для знакомства съ которой она усердно водить своихъ питомцевъ, въ томъ числѣ и будущую княгиню Дашкову, во французскій театръ. Такихъ воспитателей, впрочемъ, было мало, большинству же на родинѣ, вѣроятно, никогда и не снилось быть наставниками. «Я нанялъ для кадетскаго корпуса, рассказываетъ Тимковскій, восемь человекъ французовъ-лакеевъ. Черезъ два мѣсяца всѣ они сдѣлались гувернерами въ разныхъ домахъ».

Не лучше этихъ лакеевъ-гувернеровъ были «мамамы» и «мамзели», оказавшіяся въ наличности въ Петербургѣ. Ламессельеръ то и дѣло узнаетъ среди нихъ зарегистрированныхъ въ Парижѣ дѣвицъ легкаго поведенія. Черезъ двадцать лѣтъ, Корберонъ, осмотрѣвъ только что основанный Смольный институтъ, замѣчаетъ въ своемъ дневникѣ: «Я увѣренъ, что любая дѣвица изъ улицы С. Оноре легко могла бы получить мѣсто въ этомъ заведеніи».

За серьезнымъ образованіемъ русскимъ приходилось ѣхать самимъ въ Парижъ. Въ 1758 году туда отправляются семнадцатилѣтній Александръ Воронцовъ и уже черезъ два года дѣлаетъ блестящую дипломатическую карьеру. Его сверстникъ графъ Ефимовскій усердно штудируетъ во Франціи исторію, географію, геометрію, фортификацію, верховую ѣзду, музыку и танцы. Въ числѣ лицъ, жаждавшихъ просвѣщенія, стоитъ упомянуть еще объ одномъ русскомъ самородкѣ, къ сожалѣнію, погибшемъ для Россіи. Въ началѣ царствованія Елизаветы пробрался въ Парижъ смысленный и расторопный купецъ изъ Москвы Ерофей Карявинъ. Ерофей привезъ съ собой племянника Ѳедора и отдалъ его учиться въ одинъ изъ коллежей Сорбонны. У молодого Карявина оказались блестящія способности и впоследствии онъ сталъ дѣльнымъ преподавателемъ французскаго языка, но не у насъ, а на Кубѣ.

При Екатеринѣ II самымъ моднымъ университетомъ по числу русскихъ слушателей былъ страсбургскій: тутъ собралось въ это время 42 человекъ изъ Россіи—Кутузовы, Муравьевы, Юсуповъ и др. Отсюда же вышелъ и дѣльный русскій юристъ Полѣновъ, смѣло отстаивавшій при Екатеринѣ свой планъ постепеннаго освобожденія крестьянъ.

Въ Парижѣ по преимуществу направлялись питомцы основанной Елизаветой академіи художествъ. Поскольку въ сосѣднемъ зданіи академіи наукъ имѣли перевѣсъ нѣмцы, настолько въ искусствѣ преобладали французы. Уже при Елизаветѣ въ новую академію приглашены были въ качествѣ преподавателей скульпторъ Жилле, архитекторъ Валуа де ла-Мотъ, художники—Лорренъ, Жанъ-Мишель Моро, Франсуа Лагрене и др. Естественно, что ихъ ученики ѣдутъ къ первоисточнику вкуса—въ Парижъ, гдѣ одинъ изъ нихъ, архитекторъ Баженовъ, дѣлаетъ выдающіеся успѣхи.

Иногда пребываніе съ учебными цѣлями и знакомство съ передовой цивилизаціей дѣйствуетъ черезчуръ рѣзко и сильно на непечатую русскую натуру. Академикъ Тьебо встрѣчаетъ въ Берлинѣ русскаго интеллигента, который, начитавшись твореній Руссо, смѣло рѣшилъ воспитать своего сына по всѣмъ правиламъ, изложеннымъ въ «Эмилѣ». Легко себѣ представить, что могло изъ этого выйти! Графъ Головкинъ, освободившись отъ застарѣвшихъ европейскихъ предрассудковъ, начинаетъ проповѣдывать, что женщинамъ необходимо носить мужское платье. Затѣмъ его передовыя идеи направляются на вопросы питанія, и онъ начинаетъ носиться съ проповѣдью вегетаріанскаго стола, Все это заканчивается громгласнымъ убѣжденіемъ въ необходимости каждому знать немножко анатоміи, которую слѣдуетъ сдѣлать «возможно менѣ отвратительной».

Французскія книги, какъ мы видѣли, были у насъ очень рѣдки до середины царствованія Петра Великаго. Теперь времена перемѣнились, и собраніе книгъ вице-канцлера Воронцова имѣли уже полный комплектъ *Journal des savants*, любезно купленный для него въ Парижѣ Кантеміромъ. Въ 1753 г. Воронцовъ выписываетъ изъ Голландіи новую партію книгъ, въ томъ числѣ энциклопедію, словарь Мерсье и другія вольнодумныя вещи. Не уступаетъ ему по части собиранія книгъ и Шуваловъ. Князь Алексѣй Куракинъ собираетъ специально изданіе французскихъ и латинскихъ классиковъ и современныхъ ему французскихъ философовъ. Спросъ на французскія книги вызываетъ и соотвѣтствующее предложеніе. Въ 1785 г. въ Москвѣ имѣются уже три французскія книжныя лавки, а черезъ пять лѣтъ ихъ насчитывается уже 15 съ оборотомъ въ 200 слишкомъ тысячъ рублей. Въ спросѣ больше всего, конечно, Вольтеръ. Извѣстный библіографъ пушкинской эпохи Полторацкій за

одно десятилѣтіе съ 1780—1790 гг. насчитываетъ около 140 переводовъ Вольтера.

За Вольтеромъ идетъ, конечно, энциклопедія. Въдѣ это настоящій сводъ всей современной культуры, и Веревкинъ пытается перевести всю энциклопедію цѣликомъ! Историкъ Болтинъ не такъ смѣлъ и берется перевести только до буквы К, а Харламовъ рассчитываетъ напечатать въ русскомъ переводѣ всѣ статьи Д'Аламбера. Митрополитъ Платонъ читаетъ потихоньку въ своей кельѣ трактатъ Гельвеція «De l'Esprit», а князь Голицынъ на свой счетъ печатаетъ его по-русски.

Репертуаръ окрѣпшаго русскаго театра въ этотъ періодъ сильно расширяется въ сторону французскихъ переводныхъ пьесъ. «Евгенія» Дидро имѣетъ неслыханный успѣхъ, но его затмеваетъ «Севильскій цирюльникъ». Успѣхъ Бомарше такъ великъ, что дирекція театровъ ведетъ съ авторомъ переговоры о первой постановкѣ второй его пьесы «Le mariage de Figaro», не щадя никакихъ денегъ. Когда первые экземпляры пьесы попадаютъ наконецъ въ Россію, переводчики берутъ ихъ на расхват и сейчасъ же садятся за работу, а газеты аккуратно сообщаютъ публикѣ о томъ, какъ она подвигается.

Отъ литературы и театра перейдемъ къ болѣе серьезному вліянію Франціи на Россію въ смыслѣ насажденія у насъ католицизма.

Привлечь крупнѣйшую восточную церковь въ лоно католичества, какъ извѣстно, составляло завѣтную мечту папской политики. Съ предложеніемъ о примиреніи церковей папа обращался даже къ такому государю, какъ Петръ Великій, прямо заявившему сорбонскимъ теологамъ, въ бытность свою въ Парижѣ, что онъ не богословъ, а солдатъ. Папа обѣщаль за благосклонное содѣйствіе Петра дѣлу примиренія церковей признать его бракъ съ Екатериной, но Петръ сумѣлъ обойтись и безъ этого признанія. Допустивъ пребываніе іезуитовъ въ Россіи, Петръ въ 1709 г. разрѣшилъ имъ даже заниматься педагогическою дѣятельностью. Результатомъ было то, что іезуиты, дѣйствительно, воспитали въ Россіи около 50 молодыхъ аристократовъ, но большая часть ихъ питомцевъ перешла въ католичество. Эти воспитатели стали у насъ уже на прочныя ноги, но несчастное дѣло царевича Алексѣя, въ которомъ они были заподозрѣны, измѣнило отношенія къ нимъ царя, и члены братства Иисусова подверглись изгнанію изъ Россіи.

Наслѣдство ихъ приняли францисканцы, доминиканцы и капуцины. Послѣдніе явились въ имперіи черезъ Кавказъ. Переселившись изъ Тифлиса въ Астрахань, они пріобрѣли здѣсь собственный молитвенный домъ, другой домъ у нихъ былъ въ Малороссіи, третій въ Москвѣ. Капуцины занимались главнымъ образомъ просвѣщеніемъ въ христіанскомъ духѣ простого народа и совершенно не годились для пропаганды католичества въ верхнихъ слояхъ насе-

ленія. Эту задачу приняли на себя великосвѣтскіе аббаты-воспитатели.

Среди такихъ аббатовъ слѣдуетъ отмѣтить дѣятельность Жюбе де ла-Куръ, приглашеннаго княгиней Ириной Долгорукой въ Москву въ качествѣ воспитателя ея сыновей. Обративъ въ католичество хозяю дома, ловкій аббатъ изъ этого центра повелъ стремительную пропаганду католичества среди московской аристократіи: онъ устраивалъ бесѣды, раздавалъ книги, и неизвѣстно, какіе результаты дала бы его дѣятельность, если бы не неожиданная смерть Петра II, вслѣдствіе которой Жюбе де ла-Куръ принужденъ былъ бѣжать изъ Россіи.

Несмотря на страстное желаніе аббатовъ, случаи перехода русскихъ въ католичество были все же довольно рѣдки. Можно указать изъ этой эпохи лишь на князя Голицына, который не только перемѣнилъ вѣроисповѣданіе, но и сдѣлался іезуитомъ.

Гораздо сильнѣе дѣйствовали раціоналистическія теоріи, приносимыя изъ Франціи гувернерами. «Первые уроки французскаго языка состояли для русскихъ въ богохульствѣ, замѣчаетъ одинъ наблюдатель, духовенство въ глазахъ передовыхъ людей становилось сословіемъ шарлатановъ».

Но это поверхностное отрицаніе церкви скоро смѣняется болѣе глубокимъ антирелигіознымъ вліяніемъ французскихъ философовъ съ Вольтеромъ во главѣ. Оно производитъ въ умахъ настоящее столпотвореніе вавилонское; прокуроръ Святѣйшаго синода Чебышевъ открыто сознается въ своемъ атеизмѣ, священникъ Протопоповъ одинъ изъ первыхъ борется за переводъ запрещенныхъ въ Россіи, но «трогающихъ душу» сочиненій Руссо, а люди чувствительные отправляются въ Эрменонвилль, на поклоненіе праху философа, который долженъ открыть имъ тайну «смирять бури сердца».

Начало французской революціи и взятіе Бастиліи было отпраздновано въ Петербургѣ словно какой-то международный праздникъ. «Французы, русскіе, датчане, нѣмцы, англичане, пишетъ современникъ-очевидецъ, встрѣчаясь на улицѣ, поздравляли и цѣловали другъ друга». Шестилѣтняя дѣвочка, будущая m-me Свѣчина, зажигаетъ у себя въ домѣ иллюминацію, и когда удивленный отецъ, вернувшись со службы, спрашиваетъ, что случилось, она кричитъ: «нужно отпраздновать чѣмъ-нибудь бѣдныхъ узниковъ!»

Газеты и журналы, приходящіе изъ Франціи читаются на расхватъ. Директоръ кадетскаго корпуса, принцъ Ангальтскій, отводитъ для этого особую залу. Болотовъ, сидя въ своемъ захолустьѣ, заваленъ просьбами сосѣдей о сообщеніи новостей изъ Франціи и неумоимо переводитъ для всеобщаго употребленія такія новинки, какъ «Декларация правъ человѣка».

Разсказывали, что во взятіи Бастиліи горячее участіе принимали два князя Голицына, бывшіе въ то время въ Парижѣ. Графъ Павелъ Строгановъ былъ своимъ человѣкомъ не только въ готовившейся возстать столицѣ Франціи, но и въ клубѣ якобинцевъ. Подъ именемъ Поля Отшера онъ произноситъ тамъ пламенныя рѣчи о свободѣ, два раза выступаетъ потомъ отъ имени клуба въ Національномъ собраніи, получаетъ дипломъ на званіе почетнаго члена клуба, подписанный Барнавомъ, дѣлается архиваріусомъ клуба и наконецъ вступаетъ въ близкія отношенія съ знаменитой библіотекаршей клуба *m-lle Теруанъ де-Мерикуръ*, предводительствовавшей верхомъ на пушкѣ походомъ голодныхъ парижскихъ женщинъ въ Версаль.

Изъ Парижа якобинство переносится въ Петербургъ. Губернеръ князя Салтыкова, *m-g де-Будри*, оказывается роднымъ братомъ Марата. Воспитатели-французы въ кадетскомъ корпусѣ разучиваютъ со своими питомцами только что прогремѣвшую Марсельезу, а французы-букинисты изъ-подъ полы снабжаютъ своихъ покупателей самыми запретными вещами. Даже въ Сибири, въ ссылкѣ, Радищевъ ухитряется аккуратно получать при посредствѣ князя Воронцова такую вещь, какъ «*Père Duchêne*».

Петербургскіе якобинцы кричатъ о свободѣ такъ громко, что становится небезопасно съ ними говорить. Самъ великій князь Александръ Павловичъ, начитавшись сочиненій Руссо, не стѣсняется говорить въ кружкѣ близкихъ лицъ о своемъ полномъ сочувствіи французской революціи и о своей ненависти къ «деспотизму».

Ужасы гильотины наводнили Петербургъ французскими бѣглецами. «Можно подумать, что находишься въ Парижѣ, замѣчаетъ извѣстная художница Виже-Лебрень, столько здѣсь французовъ во всѣхъ слояхъ общества».

Большинство этихъ эмигрантовъ живетъ на всемъ готовомъ у русскихъ друзей, которыхъ они не знаютъ даже по имени. Жена Дивова принимаетъ ихъ къ себѣ столько, что домъ ея прозвали «маленькимъ Кобленцомъ».

Вниманіемъ Екатерины овладѣваетъ бывший французскій посоль въ Константинополѣ Шуазель, сумѣвшій такъ растрогать императрицу, что та сдѣлала его директоромъ академіи художествъ и подарила было земли, конфискованныя въ Польшѣ. Его соперникъ графъ Эстергази нравился своимъ остроуміемъ, умѣнъемъ угождать женщинамъ. Ему также даютъ земли въ Польшѣ, которыя онъ благополучно и подбираетъ къ рукамъ. Не мало французскихъ эмигрантовъ устраиваются прочно на русской службѣ. Лабба-де-Виванъ получаетъ мѣсто коменданта Михайловскаго дворца, Кастельяно—директора театровъ, кавалеръ д'Огаръ—вице-директора публичной библіотеки и т. д. Какъ легко было получить французу мѣсто, даже очень отвѣтственное, видно изъ записокъ Жозефа де-Местра.

«Морской министръ адмиралъ Чичаговъ, пишетъ онъ, предложилъ самъ мѣсто моему брату, котораго онъ даже не зналъ. Онъ ему далъ двѣ должности, чтобы удвоить его жалованье, и, пользуясь своею властью русскаго министра, создалъ для него третью, сказавъ ему: «это вамъ на карету».

Особенно много французовъ устроилось въ Новороссіи, когда во главѣ управленія края былъ поставленъ эмигрантъ герцогъ Ришелье, впослѣдствіи министръ Людовика XVIII. Однако, большинство эмигрантовъ принялось за какія-нибудь ремесла. Д'Отишанъ, наприимѣръ, занялся фабрикаціей галошъ, которыя взялась распространять въ обществѣ княгиня Долгорукова. Но легче всего было пройти по проторенной дорожкѣ и стать учителемъ. Кандидаты на педагогическую дѣятельность становились обыкновенно въ Москвѣ на паперти католической церкви каждое воскресенье послѣ обѣдни, куда за ними присылали лакеевъ, или же шли въ знаменитый Охотный рядъ и засаживались тамъ въ трактиръ, служившій, такъ сказать, биржей гувернеровъ. Тутъ попадались иногда и люди дѣйствительно образованные и свѣдущіе. Нѣкоторые, особенно аббаты, могли даже преподавать латинскій языкъ, а гувернеръ извѣстнаго Вигеля, кавалеръ де-Керлеро, приобрѣлъ репутацію талантливаго математика.

Французскіе пансіоны плодились въ эту эпоху, какъ грибы послѣ дождя. Даже въ деревенскомъ захолустьѣ въ селѣ Никольскомъ, въ пятидесяти верстахъ отъ Симбирска, существовалъ такой пансіонъ. Большинство ихъ представлялось «школой попугаевъ», гдѣ ученики съ голоса заучивали французскія фразы. Но были и вполне приличныя учебныя заведенія, въ родѣ пансіона альзаца Жакино въ Петербургѣ, m-ле Боше въ Москвѣ.

Особенно дѣломъ воспитанія русскаго юношества заинтересовались іезуиты. Спрятавшись при Петрѣ, они впослѣдствіи открыли въ Россіи очень много учебныхъ заведеній съ довольно широкой программой прежнихъ французскихъ лицеевъ. По словамъ князя П. А. Вяземскаго, въ ихъ учебныхъ заведеніяхъ пропаганды не было замѣтно, если не считать соблюденія католическаго поста, обязательнаго для всѣхъ въ училищѣ.

На ряду съ этимъ пропаганда вольтеріанства и антирелигіозности шла усиленно. Говоря о французяхъ, воспитателяхъ русскаго юношества, англичанинъ Витвортъ замѣчаетъ: «хотя они и были эмигрантами, но всѣ оказались зараженными идеями, которыя господствовали въ ихъ странѣ». И страшное дѣло, чѣмъ выше было на родинѣ социальное положеніе эмигрантовъ, тѣмъ сильнѣе сказывались въ немъ на Руси враждебность религій и демократичность. Графъ де-Фонтэнъ штудируетъ со своими воспитанниками энциклопедію. Кавалеръ Ролленъ де-Белльвилль не можетъ скрыть улыбки пренебреженія, когда при немъ заходитъ рѣчь о религіи,

и его ученики подмѣчаютъ это отношеніе. Герцогъ Монморанси дѣлается въ Россіи завзятымъ демократомъ. Столкновеііе съ Зубовымъ и самодурство фаворита заставляеть и Ланжерона почувствовать нѣкоторую разумность модной идеи равенства.

Становясь демократичнымъ, это бѣглое французское дворянство съ своей стороны вноситъ въ русскую среду то понятіе о дворянской сословной чести, которое до того у насъ какъ-то не прививалось, несмотря на всѣ старанія создать этотъ «шляхетскій духъ», и замѣнялось надменностью и грубостью. Было время, когда князь Голицынъ не удостоивалъ принять вызовъ офицера изъ дворянъ Шепелева. Теперь дуэль дѣлается обязательной для настоящаго дворянина.

Но усваивая себѣ французскія нравы и воззрѣнія, передовые люди начинаютъ вмѣстѣ съ тѣмъ обнаруживать сначала стыдъ за нашу культурную отсталость, а затѣмъ и умаленіе, и презрѣніе ко всему русскому, которое ко времени «Горе отъ ума» такъ ярко бросалось въ глаза. На всякіе упреки въ незнаніи своего родного, интеллигентъ того времени прикрывался высшимъ авторитетомъ— Руссо и отвѣчалъ выхваченной изъ него фразой, что «есть народы, исторіи которыхъ не стоитъ изучать» Къ числу такихъ народовъ причислялся и свой собственный.

Прерванные въ эпоху террора сношенія Россіи съ Франціей, возобновились при Павлѣ Петровичѣ, который въ 1800 году отправилъ въ Парижъ князя Михаила Долгорукова для улаженія вопроса о размѣнѣ плѣнныхъ. Наполеонъ самъ ищетъ сближенія съ Россіей, и пребываніе русскаго посла во Франціи положительно «течетъ въ эмпереяхъ».

По слѣдамъ Долгорукова, по дорогѣ къ западной русской границѣ потянулись одинъ за другимъ самодѣльные помѣщичьи возки и тарантасы. Владѣтельница «маленькаго Кобленца», Дивова, плачетъ отъ радости, когда, наконецъ, передъ нею мелькнули французскіе мундиры. Она безъ усталы носится въ Парижѣ, который не такъ уже пострадалъ отъ революціи. Напротивъ, въ немъ для русскихъ стало еще просторнѣе. «Революція оказалась благопріятной для иностранцевъ: общество для нихъ стало доступнѣе, чѣмъ прежде». И дѣйствительно, ни одно празднество, ни одинъ балъ не обходится теперь безъ Голицыныхъ, Трубецкихъ, Строгоновыхъ, Замоискихъ и др. Парижъ, какъ и лѣтъ десять-пятнадцать тому назадъ, кишитъ русскими театрами, навсегдаями Пале-Рояля, модными франтами въ родѣ Василя Пушкина, поразившаго потомъ Москву своими модными жабо огромныхъ размѣровъ и густо смазанными помадой волосами,—самоновѣйшее требованіе парижской моды. Выбравшись изъ своихъ подмосковныхъ деревень, другіе тоже не отстаютъ отъ Пушкина и, считая долгомъ поддерживать великосвѣтскую моду на преждевременную старость, возвращаются изъ-за

границы въ очкахъ. Тогдашняго передоваго человѣка легко узнавали съ перваго взгляда: на улицахъ Петербурга и Москвы, а затѣмъ и разныхъ захолустій появляются галстухи до самыхъ ушей и невѣроятное количество позвякивающихъ на груди брелковъ. Въ одной рукѣ эти птиметры держать палку, въ другой круглую шляпу, которую они не осмѣливаются, однако, надѣть на свою взбитую прическу.

Подражая костюмамъ времянь директоріи, наши дамы начинаютъ носить легкія прозрачныя платья, въ которыхъ то и дѣло просту- жаются при нашемъ климатѣ. Но это ничего: въ Парижѣ дамы, постоянно хвораая, завели моду принимать гостей, лежа въ постели, среди цѣлой груды подушекъ. Что дѣлается въ Парижѣ, становится, конечно, обязательнымъ и на Невскомъ, и на Тверскомъ бульварѣ, гдѣ слышатся томные разговоры о «ванорахъ», «митреняхъ» и т. п. болѣзняхъ.

Въ Парижѣ входятъ въ моду живыя картины—и у насъ рѣдкій праздникъ обходится безъ этого нумера. Парижъ одно время увлекается игрою на гитарѣ—и у насъ гитара дѣлается чуть не національнымъ инструментомъ, на которомъ играли даже свѣтскія барышни. М-ле Першеронъ де-Мусси считается лучшей гитаристкой въ Москвѣ и у нея отбоя нѣтъ отъ учениковъ и ученицъ. Не меньшей популярностью пользуется аббатъ Лебретонъ, познакомившій московичей съ искусствомъ вырѣзать силуэты. Маленькіе круглые столики съ лежащими на немъ альбомами, тоже занесены къ намъ эмигрантами. Они же первые завели у насъ такъ называемые *petits jeux*, всякія загадки и шарады—всю эту гимнастику ума, на которую впоследствии будетъ жаловаться Гоголь.

Французское вліяніе достигаетъ своего апогея: московскіе книгопродавцы Лаво и Куртнеръ едва успѣваютъ удовлетворять всѣ требованія своихъ покупателей. Любой помѣщикъ, располагающій доходомъ въ 500 рублей, обладаетъ собраніемъ французскихъ классиковъ, а у крупныхъ можно встрѣтить такія книжныя рѣдкости, которыхъ ни за что нельзя отыскать и въ самомъ Парижѣ. Библіотека графа Разумовскаго славилась подборомъ инкунабуль, въ библіотекѣ князя Михаила Голицына хранился псалтирь Людовика Святого. Бутурлинская библіотека обладала богатѣйшимъ собраніемъ гравюръ и сочиненій, относящихся къ исторіи Франціи и Парижа.

Французскій языкъ дѣлается въ Россіи почти официальнымъ.

Воздвигая въ Царскомъ Селѣ арку въ честь войскъ, возвращающихся изъ заграничнаго похода, императоръ Александръ приказываетъ сдѣлать на ней французскую надпись: «*A mes chers compagneons d'armes*». На французскихъ пушкахъ въ Московскомъ кремлѣ дѣлають надписи также по-французски, въ министерствахъ особенно дорожатъ чиновниками, умѣющими бойко писать по-французски,

наконецъ, къ полякамъ обращаются официально не иначе, какъ по-французски.

Никогда французское вліяніе не производило такого опустошительнаго вліянія въ русскомъ умѣ, какъ въ годы, предшествовавшіе отечественной войнѣ. Медленная и осторожная дѣятельность аббатовъ принесла свои плоды—обращенія въ католицизмъ свѣтскихъ барынь участилась и даже семья самого графа Растопчина, въ концѣ концовъ, сдѣлалась полурусской. Сама графиня перешла въ католицизмъ и впервые тайно причастилась по католическому обряду во время одного бала чуть не на глазахъ у всѣхъ. Облатку доставилъ ей аббатъ Сюрюгъ въ золотой бомбоньеркѣ. Дочь графа вышла замужъ за чистокровнаго француза. Свѣчина совсѣмъ переселилась въ Парижъ, открыто признавъ себя католичкой.

Графиня Шувалова сначала была совершенно равнодушна къ религіи и смотрѣла на библію, какъ на собраніе «забавныхъ анекдотовъ». Ея сестра дала ей какъ-то евангеліе, которое такъ и осталось у нея лежать въ ящикѣ. Кончилось, однако, тѣмъ, что графиня ѣдетъ въ Римъ, принимаетъ тамъ благословеніе папы Пія VII и возвращается въ Россію воинствующей католичкой, у которой первой жертвой совращенія является собственная мать.

Съ другой стороны, усиливаются и распространяются въ обществѣ и антирелигіозные взгляды. Въ началѣ столѣтія начинается эмиграція въ Россію новыхъ элементовъ: бѣгутъ уже не маркизы и не отъ гильотины, а бывшіе революціонеры отъ желѣзной руки Наполеона, бѣгутъ, наконецъ, его политическіе противники въ родѣ *m-me de-Stael*, посѣтившей Москву въ іюнѣ 1812 года. Можно заранѣе угадать, какія идеи будутъ сѣять на дѣвственной русской почвѣ такой эмигрантъ, какъ де-Дегуръ, бывший когда-то секретаремъ Робеспьера и фигурировавшій въ качествѣ статиста на алтарѣ богини Разума. Даже въ 1819 году квакеръ Грелле де-Мабиллье поражается огромнымъ числомъ извлеченій изъ антирелигіозныхъ сочиненій Вольтера, которые учителя кадетскаго корпуса заставляютъ учениковъ заучивать наизусть.

Нашествіе Наполеона всколыхнуло было забытое и приниженное народное чувство, но ненадолго. Французскіе плѣнные даже у среднихъ помѣщиковъ находятъ обстановку совершенно на парижскій ладъ. Графъ Растопчинъ, яростно припявшійся въ 1812 г. за высылку изъ Москвы французскихъ парихмахеровъ, гувернеровъ и модистокъ, уже въ слѣдующемъ году принужденъ бессильно сознаться, что возродившаяся изъ пепла столица, такъ же густо заселена французами, какъ и прежде: ихъ вездѣ принимаютъ, за ними ухаживаютъ, а иногда и выходятъ за нихъ замужъ. Черезъ какихъ-нибудь десять лѣтъ, Барантъ пораженъ, встрѣтивъ въ Петербургѣ настоящій культъ Наполеона. «Лавки и магазины завалены его портретами, гравюрами сраженій и всѣмъ, что имѣетъ

какое-нибудь отношеніе къ нему». Въ Москвѣ Марнье замѣчаетъ то же самое. «Портреты предковъ замѣнены въ семейныхъ галереяхъ московскихъ баръ изображеніями перехода черезъ С. Бернаръ или прощанія въ Фонтенбло». Мода на Наполеона держалась до самыхъ 60 годовъ, когда его изображенія Молинари нашель уже только въ лавкахъ букинистовъ.

Война съ Наполеономъ нѣкоторымъ образомъ усилила, сдѣлала болѣе доступнымъ для небогатыхъ людей французское воспитаніе. Масса плѣнныхъ и отсталыхъ рѣда была прибитъ къ куда угодно, лишь бы не умереть съ голода.

Наполеоновскія войны оказали огромныя вліяніе на тотъ слой населенія, который до сего времени менѣе всего соприкасался съ французскимъ духомъ, т. е. на нашихъ солдатъ, на нашу армію. Въ корпусахъ, побывавшихъ за границу, исчезаетъ мало-по-малу обычная въ то время кулачная расправа съ солдатами, и когда полковникъ Семеновскаго полка Шварцъ позволяетъ себѣ побои и издѣвательства надъ нижними чинами, въ полку вспыхиваетъ неслыханное прежде возстаніе. Офицеры оккупационныхъ войскъ, впервые въ Россіи начинаютъ, по примѣру французовъ, заниматься воспитаніемъ солдатъ, составляютъ для нихъ азбуку и приглашаютъ нѣкоего Анри, считавшагося знатокомъ ланкастерской системы взаимнаго обученія, преподавать солдатамъ грамоту. Черезъ три мѣсяца многіе изъ нихъ научиваются читать и писать.

Сами офицеры стараются теперь расширить свое міросозерцаніе. Они дѣятельно слѣдятъ за политической литературой, читаютъ журналы и легучіе памфлеты. Имя теоретика буржуазнаго либерализма Бенжамена Констана у всѣхъ не сходитъ съ языка. Будущій декабристъ Муравьевъ-Апостолъ ѣдетъ въ Парижъ съ визитомъ къ дѣятелю великой революціи Грегуару, вотиновавшему за казнь короля. Многіе вступаютъ въ тайныя кружки и общества, еще больше въ масонскія ложи. Въ Мобежѣ раньше всего заводится иностранная масонская ложа св. Георгія Побѣдоносца: въ ней всего 38 членовъ, изъ которыхъ 16 прибалтійскихъ нѣмцевъ, 17 русскихъ и только 3 француза, которые, очевидно, и являются ея инициаторами. Въ 1816 году Николай Тургеневъ, управлявшій канцеляріей оккупационнаго корпуса, пробуетъ даже, но безуспѣшно, основать въ Нансѣ специально русское тайное общество «Les chevaliers russes».

Не удивительно, что идеи, впитанныя нашимъ офицерствомъ во Франціи, способствовали образованію заговора декабристовъ. При производствѣ слѣдствія, подсудимые сами подчеркивали эту связь между своимъ пребываніемъ за границей и стремленіемъ произвести въ Россіи государственный переворотъ. «Мы видѣли, говорилъ Пестель передъ слѣдственной комиссіей, какъ всюду рушились и падали троны, такъ что нашъ умъ привыкъ къ революціямъ, къ мысли о ихъ возможности и пользѣ». Самый проектъ русской конституціи

былъ выработанъ Пестелемъ на основаніи трудовъ французскихъ философовъ и идеалоговъ въ родѣ Дестю де-Траси. Въ его бумагахъ нашли обширныя выписки изъ Руссо, Гольбаха, Дидро, Вольтера и др.

Политическое движеніе не удалось, и правительство Николая I суровой рукой старалось оборвать духовныя нити, связывавшія Россію съ Франціей, но, конечно, напрасно: вліяніе французовъ, осѣвшихъ въ Россіи, продолжалось. Растончинъ радовался въ 1813 году, что теперь въ Россіи не останется французовъ. Однако, уже въ скоромъ времени мы встрѣчаемъ ихъ не только въ Москвѣ, но и въ Нижнемъ-Новгородѣ, гдѣ они принимаютъ дѣятельное участіе въ ярмарочныхъ оборотахъ, и на Кавказѣ, и въ Крыму, гдѣ бывший поваръ Всеволожскаго открываетъ собственный ресторанъ. Хорошій лакей-французъ получаетъ теперь не меньше 1500 р. Прощѣтають и куаферы, безъ которыхъ немислимо соружать себѣ модную прическу въ видѣ *toupet* или *à la diable m'emporte*.

Парижъ, попрежнему, наводненъ русскими. Франты, ви веры, гастрономы спятъ и видятъ попасть въ эту обѣтованную землю, откуда возвращаются съ пустыми карманами, но зато нагруженные цѣлыми ворохами всякой всячины. Въ Парижѣ оставляются огромныя деньги. Одно приданое Нарышкиной, дочери Александра I, заказанное парижскимъ портнихамъ и модисткамъ, обошлось въ 400 тысячъ рублей. Самъ герой московскаго пожара 1812 г. графъ Растончинъ, въ концѣ концовъ, не миновалъ Парижа. Онъ здѣсь наслаждается театромъ, увѣряя, что Франція только и произвела великаго, что кардинала Ришелье и понравившагося ему актера Брюне. Сюда же переселяется адмиралъ Чичаговъ, прозѣвавшій переходъ Наполеона черезъ Березину: онъ недоволенъ Россіей и критикуетъ дѣйствія русскаго правительства.

Но среди этого потока праздныхъ людей замѣтна струйка людей, ѣдущихъ въ столицу міра, чтобы поучиться и усовершенствоваться. Актриса Колосова раньше другихъ собирается въ дорогу, чтобы взглянуть на игру *m-me George* и Тальмы и поучиться у нихъ широкому жесту и декламации. Жуковскій съ интересомъ посѣщаетъ лекціи Вильмэна о Генриадѣ, Горданъ терпѣливо и настойчиво совершенствуется въ своемъ граверномъ искусствѣ, Свербеевъ поступаетъ въ забытую русскими со временъ Тредьяковскаго Сорбонну и здѣсь слушаетъ лекціи Гизо и историка Лакретелля. Орловъ выбираетъ для себя еврейскій языкъ, но интереснѣе ихъ всѣхъ будущій знаменитый математикъ Остроградскій. Неудачный кандидатъ Харьковскаго университета, Остроградскій съ трудомъ, на послѣднія средства, пробрался въ Парижъ и поступилъ въ университетъ. Уже въ 1825 году профессоръ Коши отзываясь о немъ на одномъ изъ засѣданій французской академіи наукъ въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ, а вскорѣ о немъ съ уваженіемъ начинаетъ

говорить и *Journal des Débats*, органъ французскаго ученаго міра.

Время дѣлаетъ свое дѣло и у насъ. Прежніе «мусье» и «мамзельки» становятся уже неудовлетворительны въ домахъ богатыхъ просвѣщенныхъ людей и должны уступить свое мѣсто людямъ болѣе подходящимъ для воспитанія. Такъ, Нарышкина выписываетъ въ 1822 году для воспитанія своихъ дѣтей профессора Жоржа Фарси, оставшагося не у дѣлъ послѣ закрытія *Ecole normale* и умершаго впослѣдствіи на баррикадахъ 1830 года. Сорокъ лѣтъ работалъ въ Петербургѣ на педагогическомъ поприщѣ и другой профессоръ, нѣкто Антуанъ Пето; онъ воспиталъ цѣлое поколѣніе нашихъ аристократовъ и бѣднымъ старикомъ вернулся во Францію, утѣшаясь лишь сознаніемъ честно исполненнаго долга.

Россія 30-хъ годовъ, можно сказать, перегружена французскими книгами. За какіе-нибудь 10 рублей на знаменитой Сухаревкѣ, т. е. воскресномъ торгѣ всякой всячиной въ Москвѣ у Сухаревой башни, можно пріобрѣсти цѣлую коллекцію французскихъ классиковъ. Французскія газеты и журналы являются едва ли не единственнымъ источникомъ, изъ котораго передовые люди 30-хъ годовъ черпаютъ свѣдѣнія и слѣдятъ за европейской политикой. Сначала оракуломъ русскому обществу служилъ «*Minerve*», журналъ, хотя и оппозиціонный, но повсемѣстно принятый въ нашемъ официальномъ мірѣ. «При первомъ моемъ свиданіи съ министромъ финансовъ, рассказываетъ Николай Тургеневъ, я замѣтилъ, что при моемъ входѣ онъ читалъ или сдѣлалъ видъ, что читалъ *Minerve*, которой статьи Бенжамена Констана придавали такой интересъ». Въ 30-хъ годахъ мѣсто *Минервы* заняли *La Presse*, *National* и *Journal des Débats*. Одна изъ главныхъ причинъ ихъ успѣха заключалась въ ходившихъ повсюду слухахъ, что императоръ Николай весьма недоволенъ ихъ направленіемъ и всѣ хотѣли знать, чѣмъ именно французскіе журналисты сумѣли его уколоть.

Въ литературѣ царятъ Бальзакъ и «Теньерь буржуазіи, истинный демократъ» Поль де Кокъ. На смѣну имъ идутъ Гюго, Дюма и, наконецъ, въ началѣ 40-хъ годовъ, Жоржъ Зандъ.

Французскій репертуаръ преобладаетъ на русской сценѣ. Идутъ главнымъ образомъ пьесы Казимира Делявиня, Мольера, Дюма и любимца императора Николая—Скриба. Является даже казенный французскій Михайловскій театръ. Ему предшествовали частныя французскія труппы князя Юсупова въ Москвѣ и князя Тюфякина въ Петербургѣ. Въ 1828 г. собираетъ порядочную французскую труппу г-жа Карцова. Труппа эта составила ядро будущаго Михайловскаго театра, въ который вошли также кое-какіе артисты изъ Варшавскаго театра.

Французское вліяніе въ началѣ 30-хъ годовъ осложняется новыми теченіями, встрѣчаетъ конкуренцію со стороны Англій, а

затѣмъ нѣмецкой философіи. Англomanія завелась у насъ еще при Екатеринѣ II, не долубливавшей французовъ за ихъ политическое вольнодумство. Англomanовъ, въ родѣ Семена Воронцова, было, впрочемъ, очень немного, и они не могли бороться съ модой на все французское. Послѣ войны 1812 г. замѣтно уже болѣе сильное и широкое вліяніе Англии. Появляется Вальтеръ-Скоттъ во французскомъ переводѣ, а за нимъ Байронъ. Отрывки изъ Байрона присылаетъ изъ Лондона Жуковскому графъ Блудовъ; Батюшковъ знакомится съ его произведеніями въ Неаполѣ черезъ своихъ друзей—англичанъ, остальные, по незнанію англійскаго языка, должны ждать французскаго перевода, сдѣланнаго Амедемъ Пишо. Къ 60-мъ годамъ, чтобы отличиться отъ средняго общества, достаточно уже привыкшаго къ французскому языку, эти герои, въ родѣ генерала Ратмирова въ «Дымѣ», будутъ перебрасываться между собою уже не французскими, а англійскими фразами.

Другая струя увлеченія англо-саксонскимъ міромъ идетъ въ области политической мысли. Декабристы Муравьевъ-Апостоль, вырабатывая свой проектъ конституціи для Россіи, кладетъ въ его основу не французское, а американское государственное устройство. Черезъ сорокъ лѣтъ государственныя учрежденія Англии станутъ идеаломъ для промѣнявшаго профессорскую кафедру на журнальное поприще Каткова и для многочисленныхъ читателей его «Русскаго Вѣстника».

Сороковые годы прошлаго вѣка ознаменованы въ исторіи нашей культуры сильнымъ, но непродолжительнымъ вліяніемъ нѣмецкой мысли. Вліяніе это было чисто идейное, дѣйствовавшее не на массу, а на отдѣльныя личности, стоявшія по своему развитію выше уровня другихъ. Оно не вызвало подражанія нѣмцамъ ни въ жизни, ни въ политикѣ, какъ вліяніе французское, зато привило у насъ серьезные научные и философскіе интересы. Немногіе, впрочемъ, знали въ то время нѣмецкій языкъ, и потому дѣло и тутъ не обошлось безъ вліянія и посредничества французовъ. Когда вышелъ «Фаустъ» Гете, читатели прочли его большею частью въ французскомъ переводѣ Нодье, въ ожиданіи, пока за русскій переводъ засядутъ Вронченко и Губеръ. Сказки Гофмана, пользовавшіяся большимъ успѣхомъ, также появились у насъ сначала на французскомъ языкѣ. Нѣсколько раньше вышелъ Шиллеръ въ переводѣ Ансело и Лебрена. Послѣдній пришелся особенно по душѣ русскимъ читателямъ: въ немъ слышались идейные результаты французской революціи, тѣ свѣтлыя мечты о свободѣ, которыя всегда волновали человечество. Недаромъ солдаты директоріи съ такимъ почитаніемъ отнеслись къ Шиллеру, величая его не иначе, какъ «гражданинъ Жиль».

Вліяніе нѣмецкой поэзіи не было, однако, ни очень продолжительнымъ, ни очень широкимъ. Увлеченіе это явилось также до извѣстной степени модой, занесенной французами. «Германизмъ

многихъ русскихъ писателей былъ только преходящимъ послѣдствіемъ литературнаго движенія во Франціи», писалъ впослѣдствіи Герценъ въ «Колоколѣ».

Гораздо сильнѣе сказался на передовыхъ кружкахъ сороковыхъ годовъ гипнозъ нѣмецкой философіи—сначала Шеллинга, затѣмъ, въ особенности, Гегеля. Но гегелианство было брошено тотчасъ же, какъ только съ береговъ Сены донеслось свѣжее дуновение живой гуманной мысли. «Парижскія тайны» Евгенія Сю производятъ огромное впечатлѣніе, отмѣченное Бѣлинскимъ. Викторъ Гюго съ своими «Эрнани» и затѣмъ «Ганомъ Исландцемъ» поражаетъ старое литературное поколѣніе, воспитанное на Корнель и Расинъ, и молодежь читаетъ его съ увлеченіемъ: въ немъ цѣнятъ прежде всего его гуманность, его тенденции. Небывалый успѣхъ ждетъ романы Жоржъ-Зандъ. Мадамъ «Спередка» (какъ шутя называли писательницу въ Россіи, переводя ея настоящую фамилію Dudevant) интересуется прежде всего толпу своей эксцентричностью, своимъ мужскимъ костюмомъ и толстыми папиросами, но читающая Россія просто безъ ума отъ ея романовъ съ ихъ новыми идеями социализма и эмансипаціи женщинъ. «Мнѣ было шестнадцать лѣтъ, когда я впервые прочелъ *Uscoque*, я провелъ всю ночь въ лихорадкѣ», пишетъ Достоевскій. «Цѣлыя ночи проводилъ я за чтеніемъ ея романовъ, рассказываетъ воспитанникъ училища правовѣденія, будущій публицистъ Скальковскій. Въ четвертомъ приготовительномъ классѣ я изъ-за нея произвелъ скандалъ. Намъ представлялось на выборъ что-нибудь прочесть и затѣмъ рассказать прочитанное. Я выбралъ ея романъ «Луcreція Флоріани». Меня, впрочемъ, не наказали».

Не на одну молодежь дѣйствовали такъ увлекательно романы Жоржъ Зандъ. Зрѣлое поколѣніе увидѣло въ нихъ новое міросозерцаніе, новое пониманіе жизни. Бѣлинскій, еще не оправившійся отъ вліянія Гегеля, сначала отнесся къ ней подозрительно; но когда Панаевъ прочелъ ему романъ «*Spiridion*», Бѣлинскій весь отдался новымъ чувствамъ и мыслямъ, забылъ и нѣмцевъ и засѣлъ за изученіе французскаго языка, чтобы читать Жоржъ Зандъ самому въ подлинникѣ. «Послушай, братъ, совѣтовалъ Грановскій Бѣлинскому, не вдавайся въ нѣмецкую философію, читай французскихъ историковъ, читай Пьера Леру. Это одинъ изъ самыхъ умныхъ и благородныхъ людей въ Европѣ». И дѣйствительно, Леру совершенно разбиваетъ гегелианское міровоззрѣніе Бѣлинскаго и становится для него предметомъ новаго пылкаго увлеченія. Панаевъ едва успѣваетъ переводить, по заказу Бѣлинскаго, статьи Леру изъ *Revue Indépendante*. Его сочиненія составляютъ предметъ живѣйшаго интереса кружка петрашевцевъ.

Соціализмъ клиномъ входитъ въ оборотъ русской мысли. «Книги Кабе, Фурье и Прудона сдѣлались у насъ предметомъ изученія, страстныхъ споровъ и всяческихъ мечтаній, рассказываетъ Аннен-

ковъ въ своихъ воспоминаніяхъ. Они были у всѣхъ въ рукахъ, у нихъ были, какъ прежде у Шеллинга и Гегеля, свои ораторы, свои комментаторы и даже свои мученики».

Перенесеніе французскаго социализма и такъ называемаго «женскаго движенія» на русскую почву было послѣднимъ крупнымъ показателемъ культурно-политическаго вліянія Франціи на Россію. Съ 50-хъ годовъ вліяніе это явно клонится къ упадку. Съ одной стороны, враждебность къ Россіи наполеоновской Франціи, вызвавшая севастопольскую кампанію, вмѣшательство парижскаго кабинета въ наши польскія дѣла и, наконецъ, союзъ трехъ императоровъ, а съ другой, духовное измельчаніе французскаго народа—все это заставило Россію обратить взоры въ другую сторону. Совершившееся освобожденіе крѣпостныхъ, обновленіе всего строя жизни создали у насъ болѣе или менѣе самобытныя теченія, выдвинули спросъ на науку, за которой пришлось обратиться къ Германіи и Англіи.

Конечно, и во вторую половину прошлаго вѣка вліяніе Франціи на Россію продолжается. Достаточно вспомнить такого франко-русскаго писателя, какъ Тургенева, или указать на огромный успѣхъ у насъ Золя, который, кстати сказать, началъ свою литературную дѣятельность на страницахъ «Вѣстника Европы». Можно, обращаясь къ недавнему прошлому, сослаться на декаденство въ литературѣ и хотя бы на импрессионизмъ въ живописи, перенятые также изъ Франціи. Но все это будутъ факты вліянія не монополярнаго, а международнаго, которое всегда было и будетъ между странами, вовлеченными въ общекультурную міровую жизнь. Исключительное вліяніе Франціи кончилось, хотя Парижъ попрежнему продолжаетъ тянуть къ себѣ русскую публику, а умѣнье говорить по-французски до сихъ поръ считается, по старой памяти, признакомъ настоящей образованности и воспитанности. Но это чувствуется уже какъ пережитокъ.

А. Михайловъ.

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ I ВЪ ХЕРСОНѢ ВЪ 1845 Г.

ГУБЕРНСКІЙ городъ Херсонъ, находящійся на правомъ берегу многоводной рѣки Днѣпра, вблизи впаденія его въ Черное море, со дня созданія города до настоящаго времени удостоился посѣщенія лишь только двухъ русскихъ вѣнценосцевъ: великой государыни императрицы Екатерины II въ 1787 г. и императора Николая I въ 1845 году. Не встрѣчая гдѣ-либо въ русскихъ журналахъ описанія посѣщенія Херсона императоромъ Николаемъ I, а между тѣмъ, несмотря на мой ранній, въ то время, возрастъ, въ моей памяти запечатлѣлись нѣкоторыя по сему свѣдѣнія, дополненныя впоследствии разказами мнѣ моего батюшки, бывшаго директора херсонскаго училища торговаго мореплаванія, я считаю не лишнимъ сообщить объ этомъ знаменательномъ для Херсона событіи.

Задолго до сентября мѣсяца 1845 г. херсонскій гражданскій губернаторъ былъ извѣщенъ, что 13 сентября государь императоръ Николай Павловичъ желаетъ посѣтить гор. Херсонъ, пріѣдетъ изъ Одессы на военномъ пароходѣ «Сѣверная Звѣзда», причемъ не сообщалось ни программы осмотра учреждений, ни сколько времени пробудетъ императоръ.

Предстоящее рѣдкое событіе взволновало херсонцевъ, которые, начиная съ властей до частныхъ обывателей, засуетились приготовленіемъ достойной встрѣчи своего могущественнаго монарха. Всѣ

правительственныя учрежденія, всѣ площади, бульвары, улицы, дома чистились, прибирались и торопливо приводилось въ торжественный, праздничный видъ.

Наступилъ тревожноожидаемый день. Погода, несмотря на осень, выдалась превосходная: теплая, ясная, какъ нерѣдко въ сентябрѣ мѣсяцѣ бываетъ у насъ на югѣ Россіи.

Въ то время телеграфовъ еще не существовало и опредѣлить достаточно вѣрно часъ прихода государя на военномъ небольшомъ пароходѣ было невозможно, тѣмъ болѣе, что не сообщалось о часѣ выхода изъ Одессы, а потому пристань, декорированная флагами, коврами, набережная, всѣ прилежавшія улицы къ дому, предназначенному для помѣщенія государя, чуть не съ утра были наполнены интеллигентной публикой и народомъ.

Окна и балконы домовъ вблизи императорской квартиры были заняты семействами лицъ высшаго служебнаго персонала.

На одномъ изъ балконовъ, вскорѣ послѣ полудня, помѣстилась моя матушка съ нами, четырьмя малышами-дѣтьми. Къ тому же времени губернаторъ со всѣми начальствующими лицами собрались пока въ императорской квартирѣ, у подъѣзда которой ожидалъ почетный караулъ со знаменемъ отъ квартировавшаго въ городѣ пѣхотнаго полка, во главѣ со старикомъ комендантомъ крѣпости и военными представителями. Программа высочайшаго посѣщенія городскихъ учреждений, какъ я упоминалъ, не была сообщена и могла стать извѣстной лишь только по прибытіи его величества.

Въ томительномъ, напрасномъ ожиданіи прошло время почти до захода солнца и среди начальствующихъ лицъ было рѣшено, что за наступленіемъ вечера и возможности стать въ гирляхъ рѣвки на мель, пароходъ до утра не придетъ и мой батюшка съ семействомъ и большинство публики разъѣхались по домамъ.

Такъ какъ въ дальнѣйшемъ моемъ разсказѣ придется довольно подробно описать высочайшее посѣщеніе мореходнаго училища, на обзоръ котораго императоръ употребилъ время болѣе всѣхъ другихъ учреждений, то скажу нѣсколько словъ объ этомъ учебномъ заведеніи. Училище торговаго мореплаванія, директоромъ котораго, со времени основанія въ 1834 г. по день упраздненія въ 1872 г., все время состоялъ мой отецъ, помѣщалось за крѣпостью, въ бывшемъ адмиралтействѣ, въ двухъ довольно большихъ одноэтажныхъ кирпичныхъ домахъ бывшаго управленія военнаго порта, соединенныхъ между собой длинной, деревянной галереей подъ стеклами и въ нѣсколькихъ меньшихъ, стоящихъ въ сторонѣ, каменныхъ, служебныхъ флигеляхъ, сзади которыхъ находится обширный хорошій садъ. Всѣ зданія училища помѣщались внутри обширнаго двора, по срединѣ котораго находилось, въ надлежащую величину, 2-хъ мачтовое судно бритъ, вполне правильно оснащенное и служившее для практическихъ занятій учениковъ. Вблизи

брига была устроенная батарея, вооруженная 4-мя небольшими морскими пушками. Училище торговаго мореплаванія приготовляло шкиперовъ и штурмановъ русскаго коммерческаго флота.

Подобныхъ учебныхъ заведеній въ то время въ Россіи было только два: одно въ Херсонѣ и одно въ Кронштадтѣ.

Продолжаю дальше разсказъ о пріѣздѣ императора.

Возвратившись домой, въ крѣпость, и будучи увѣренъ, что государь не пріѣдетъ уже въ этотъ день, мой отецъ приказалъ давать ученикамъ ужинъ, а гг. воспитателей и учителей, находившихся весь день въ училищѣ, пригласилъ закусить и выпить чаю. Прошло весьма короткое время, какъ отъ губернатора прискакалъ жандармъ съ докладомъ о томъ, что послѣдовало прибытіе на пароходѣ императора и что не заѣзжая никуда въ городъ, его величество располагаетъ немедленно ѣхать для осмотра крѣпости и училища торговаго мореплаванія. Оказалось, что государь прибылъ въ Херсонъ часу въ шестомъ вечера и что во время пути на пароходѣ былъ высочайшій обѣдъ и что опозданіе прибытія произошло вслѣдствіе осмотра и объясненія работъ по углубленію днѣпровскихъ ширль. Будучи встрѣченъ на пристани губернаторомъ, комендантомъ, начальствующими лицами и городскими представителями, его величество, принявъ хлѣбъ-соль, проѣхалъ къ квартирѣ, гдѣ поздоровался съ почетнымъ карауломъ и военнымъ начальствомъ, а представленіе всѣхъ гражданскихъ лицъ назначилъ на раннее утро слѣдующаго дня. Затѣмъ государь, въ сопровожденіи наследника цесаревича великаго князя Константина Николаевича, и д. генераль-губернатора генерала Оедорова, губернатора, коменданта, свѣтлѣйшаго князя А. С. Меншикова и другихъ лицъ своей свиты, поѣхалъ въ крѣпость, въ соборъ св. Екатерины, построенный при основаніи Херсона въ царствованіе Екатерины II, у входа котораго былъ встрѣченъ всѣмъ соборнымъ духовенствомъ съ крестомъ и св. водой. Войдя въ храмъ и выслушавъ краткое молебствіе, государь наскоро осмотрѣлъ соборъ, царское мѣсто великой императрицы, гдѣ сохраняется ея кресло, и затѣмъ прослѣдовалъ къ разрушавшемуся и находившемуся по восточную сторону собора зданію, предназначавшемуся при сооруженіи крѣпости для монетнаго двора, остававшемуся безъ всякаго назначенія. Взглянувъ, его величество тутъ же повелѣлъ сломать это зданіе. Затѣмъ, посѣтивъ на нѣсколько минутъ обширное красивое зданіе арсенала ¹⁾, государь проѣхалъ изъ крѣпости, чрезъ каменные ворота бывшаго адмиралтейства, въ училище торговаго мореплаванія, гдѣ мой отецъ едва успѣлъ распорядиться уборкой столовой послѣ ужина, собралъ учениковъ, выстроивъ ихъ во фронтъ во дворѣ впереди главнаго зданія учи-

¹⁾ Зданіе это, совершенно передѣланное, служить въ настоящее время тюрьмой.

лица, причѣмъ на правомъ флангѣ находились смотритель, воспитатели и учителя. Въ это время солнце заходило и наступали сумерки. Я помню, что моя матушка съ нами дѣтьми и съ нѣкоторыми изъ успѣвшихъ прибыть изъ города знакомыхъ дамъ, стала возлѣ садовой рѣшетки, откуда намъ была хорошо видна встрѣча императора. Государь, вмѣстѣ съ наслѣдникомъ цесаревичемъ, въ открытомъ фэтонѣ, быстро въѣхалъ во дворъ (сзади ѣхали великій князь Константинъ Николаевичъ и всѣ сопровождавшіе лица и свита), сбросилъ шинель, оставшись въ сюртукѣ кавалергардскаго полка, величественной походкой подошелъ къ фронту учениковъ, гдѣ мой отецъ подавая письменный рапортъ, смѣло, громко, по военному отрапортовалъ его величеству.

— Гдѣ служилъ? Какъ фамилія?

— Въ Черноморскомъ флотѣ лейтенантомъ, нынѣ коллежскій совѣтникъ Генбачевъ,—былъ отвѣтъ моего отца.

— Гдѣ я тебя встрѣчалъ?

— Въ 1824 г. Будучи великимъ княземъ, вы изволили, государь, посѣщать Севастополь и суда эскадры, на которой я служилъ въ чинѣ лейтенанта флага-офицеромъ, причѣмъ я имѣлъ счастье получить отъ вашего императорскаго величества въ подарокъ золотую, украшенную эмалью табакерку.

— А, помню.

Видимо было, что ясные, смѣлые отвѣты директора были пріятны государю. Поздоровавшись съ учениками, пройдя вдоль фронта и принявъ представленныхъ ему служебныхъ чиновъ, государь приказалъ показать ему все заведеніе. Войдя въ небольшую подъ стеклами входную галерею, замѣнявшую прихожую, императоръ поздоровался съ стоящимъ у дверей высочайшаго поста бывшимъ флотскимъ боцманомъ, служившимъ въ училищѣ дядькой (занимался паруснымъ и такелажнымъ ученіемъ), причѣмъ обратился къ нему съ нѣсколькими вопросами, на которые получилъ толковые и бойкіе отвѣты. Тутъ же въ галереѣ стояли 2 барабана и артиллерійскія принадлежности отъ 4 орудій, составлявшихъ судовую батарею.

— У тебя проходятъ фронтową службу?

— Такъ точно, ваше величество, а также учатся вооруженію судна и производятся парусныя ученія на имѣемой во дворѣ модели брига и упражняются въ стрѣльбѣ изъ орудій.

— Хорошо!—отвѣчалъ императоръ.

Видимо было, что ясные отвѣты и все представляемое производило на императора пріятное впечатлѣніе и съ этого момента, какъ много разъ вспоминалъ объ этомъ мой батюшка, онъ совершенно успокоился отъ невольной тревоги и получилъ увѣренность, что высочайшій смотръ грознаго императора сойдетъ благополучно.

Осмотрѣвъ большой рекреационный залъ, довольно обширную бібліотеку, съ зоологической и небольшой минералогической кол-

лекціями (туть же въ бібліотекѣ помѣщались разнообразныя мореходныя инструменты и зрительныя трубы), входя затѣмъ въ дежурную комнату для воспитателей, въ которой на столахъ лежали журналы, газеты, а также рисунки и прописи учениковъ, его величество разсмотрѣвъ ихъ, обратилъ вниманіе на нѣкоторые рисунки и въ особенности на одну прекрасно и четко написанную пропись, текстъ которой былъ: «взоры добраго государя прогоняють зло, подобно тому, какъ солнце разсѣваетъ облака».

— Хорошо, очень хорошо!—громко прочтя, высказалъ государь. Затѣмъ императоръ прошелъ по 4 классамъ и спальнымъ комнатамъ.

Какъ я уже упоминалъ, два зданія училища соединялись обширной свѣтлой галереей, въ которую вступали императоръ со свитой въ то время, когда отъ наступившихъ сумерекъ сдѣлалось довольно темно, а канделябры со свѣчами зажечь не успѣли. Входъ въ галерею начинался двумя-тремя ступнями и потому мой отецъ обратился къ государю:

— Позвольте, ваше величество, вашу руку, чтобы не оступиться,—причемъ, обратясь къ слѣдовавшимъ государю наслѣднику и великому князю генералъ-адмиралу предупредилъ ихъ высочества, что здѣсь находятся три ступеньки.

Государь, улыбувшись, подаль руку, сказавъ «спасибо».

Во второмъ зданіи училища находился обширный столовый залъ, затѣмъ одна большая спальная комната и лазаретъ съ небольшою комнатою для помѣщенія аптеки. Въ этомъ зданіи вездѣ уже успѣли зажечь огни. Освѣдомившись, что воспитанники только что поужинали, государь, на сдѣланное моимъ отцемъ предложеніе, откушалъ пробу, которую очень похвалилъ. Оставшись доволенъ и лазаретомъ съ аптекой, императоръ нашелъ нужнымъ сдѣлать легкое замѣчаніе на то, что одна кровать помѣщалась вблизи окна, на что мой батюшка нашелся отвѣтить:

— Когда кровать занята больнымъ, то помѣщается внутри комнаты, а теперь поставлена къ окну для симметріи.

По выходѣ государя изъ второго зданія во дворъ къ фронту учениковъ, директоръ училища обратился съ вопросомъ:

— Дозвольте, ваше императорское величество, произвести ученіе на суднѣ?

— А не опасно, что уже темнѣетъ?

— Нѣтъ, ваше величество, у меня дѣти хорошо напрактикованы и можно быть спокойнымъ.

— Хорошо,—отвѣтилъ государь.

Мой отецъ лично принялъ команду, раздались унтеръ-офицерскіе свистки, молодежь бросилась на бригъ, полѣзли по вантамъ на реи и на возгласъ директора «за здоровье его императорскаго величества!» раздалось дружное, восторженное ура!

Государю очень понравился маневръ и онъ громко крикнулъ: «хорошо, спасибо, дѣти!»

— Съ реевъ, марсовъ и салинговъ долой!

При этой командѣ директора, императоръ крикнулъ: «осторожнѣе, осторожнѣе, дѣти!»

Ученики снова выстроились во фронтъ, мой отецъ доложилъ, что салютъ изъ оружія не произведенъ потому, что по морскому уставу, по заходѣ солнца салютовать не полагается.

— Хорошо,—послѣдовалъ отвѣтъ государя,—произведи примѣрное ученіе у орудій,—которое и было отчетливо исполнено.

Смотръ окончился вполне хорошо. Выразивъ благодарность директору, пожавъ ему руку, его величество обратился къ и. д. генераль-губернатора генералу Ѳедорову и высказалъ желаніе построить новое, болѣе обширное, двухъэтажное зданіе, примыкающее къ училищному саду, увеличивъ при этомъ и комплектъ учениковъ. Оставляя заведеніе, императоръ поблагодарилъ учениковъ, поблагодарилъ еще разъ директора и, напутствуемый долго несмолкаемыми криками ура, какъ учениковъ, такъ и сбѣжавшагося къ училищу народа, отправился изъ крѣпости въ городъ, который повсемѣстно былъ украшенъ флагами, и улицы, по которымъ проѣзжалъ государь, были наполнены народомъ. Пріѣхавъ въ квартиру, государь, послѣ чая, удалился на покой. Весь городъ заблестѣлъ иллюминаціонными огнями, и на бульварѣ, подъ звуки военнаго оркестра, херсонцы долго ликовали въ этотъ достопамятный вечеръ.

Мой отецъ, наше семейство, весь училищный персоналъ и ученики были въ полномъ восторгѣ отъ выпавшаго счастья принимать въ училищѣ императора, отъ удачнаго смотра и милостивыхъ царскихъ словъ. Моя матушка устроила въ нашей квартирѣ чай съ закуской для воспитателей и учителей и послала воспитанникамъ чай и угощеніе.

На другой день, 14 сентября, утромъ, въ квартирѣ его величества было общее представленіе дворянства и всѣхъ военныхъ и гражданскихъ начальствующихъ лицъ, послѣ чего государь съ наслѣдникомъ цесаревичемъ Александромъ Николаевичемъ и в. к. Константиномъ Николаевичемъ проѣхалъ въ городской соборъ, откуда, среди массы народа, проѣхалъ по украшеннымъ улицамъ внизъ къ пристани и на военномъ пароходѣ «Сѣверная Звѣзда» отбылъ въ Николаевъ. Звуки народнаго гимна военнаго оркестра на украшенной флагами пристани, звонъ колоколовъ и неумолкаемое ура многотысячнаго народа, наполнявшаго улицы, пристани, коммерческія суда, разукрашенныя флагами, сопровождали пароходъ, причемъ императоръ и ихъ высочества, стоя на капитанскомъ мостикѣ парохода, раскланивались съ народомъ. Небольшая училищная батарея произвела салютъ, подхваченный нѣсколькими пушками, имѣвшимися на коммерческихъ судахъ.

Такъ происходило кратковременное посѣщеніе императоромъ Николаемъ Павловичемъ города Херсона, послѣ котораго онъ не удостоивался принимать у себя не только никого изъ вѣнценосныхъ особъ, но даже никого изъ членовъ императорской фамиліи. Мой батюшка за высочайшій смотръ удостоился получить награду.

Что же касается до высочайшаго повелѣнія построить новое обширное зданіе для училища торговаго мореплаванія и составить новый увеличенный штатъ заведенія, то, благодаря канцелярской волокитѣ, дѣло это тянулось по разнымъ инстанціямъ до 1853 года, т. е. до турецкой войны, и хотя проектъ штата училища и планъ смѣты новаго зданія были высочайше утверждены, но осуществленіе этого дѣла было отложено до окончанія войны, а при заключеніи мира вопросъ объ этомъ совсѣмъ заглохъ, затѣмъ начали появляться мореходные классы, и въ 1872 году послѣдовало упраздненіе этого полезнаго училища.

И. Генбачевъ.

ПАВЛОВСКІЕ ПОТЪШНЫЕ ПОЛКИ.

АЧНЫЙ сезонъ 1871 г. былъ необыкновенно оживленнымъ для дачниковъ окрестностей Павловска. Въ то лѣто великій князь Николай Константиновичъ задумалъ заняться съ дѣтьми военными упражненіями и кликнулъ кличь по деревнямъ, населеннымъ дачниками; дѣти съ восторгомъ откликнулись на его призывы.

Ежедневно къ 10 часамъ утра стали они собираться на лугу въ долинѣ рѣки Славянки между Новою-Весью и Глазовымъ, куда пріѣзжалъ верхомъ великій князь и часа два съ перерывами занимался съ ними гимнастикой и строемъ.

За княземъ всегда слѣдовала походная кухня; кашеваръ разводилъ огонь, варилъ кашу и по окончаніи занятій ребятишки отъ сопровождавшаго обозъ конвойца получали порцію каши съ ломтемъ превкуснаго солдатскаго хлѣба.

Подъ горкой по краямъ луга собирались толпами взрослые любоваться на своихъ оживленныхъ ребятишекъ.

У меня было трое братишекъ отъ 8 до 13-тилѣтняго возраста; весь день у насъ только и было разговора, что о военной игрѣ, а вечеромъ они наказывали всѣмъ, чтобы не забыли ихъ разбудить пораньше.

Занятія шли, постепенно усложняясь; великому князю часто помогалъ офицеръ стрѣлковаго батальона баронъ Зельцъ, если не ошибаюсь, адъютантъ великаго князя. Довольно скоро старшимъ

мальчикамъ была предложена довольно трудная задача—наводка моста черезъ Славянку при спущенной изъ шлюзовъ водѣ; мальчики, не задумываясь, бросились въ одеждѣ вплавь и скоро установили переправу.

Въ тотъ день великій князь оставался на учении дольше обыкновеннаго, а по окончаніи занятій сѣлъ подѣ деревьями на горкѣ въ кругу дѣтей и пѣлъ съ ними солдатскія пѣсни за запѣвалу.

Черезъ нѣсколько времени занятія перенесли въ окрестности Тярлева, какъ болѣе центрального пункта. Тамъ дѣти сами выстроили по указаніямъ полное укрѣпленіе, и болѣе взрослые подвое дежурили въ палаткѣ, неся карауль. Тярлево отъ Новой-Веси довольно далеко, но наши дѣти дружной толпой ходили туда одни безъ взрослыхъ. Мнѣ пришлось попасть только на смотръ, который былъ назначенъ на 10 іюля; на него собралось чуть не все населеніе окрестностей Павловска, и всѣ были поражены быстрыми успѣхами дѣтей: какъ отчетливо производили они всѣ упражненія съ маленькими ружьями, которыми они всѣ были вооружены, какъ лихо маршировали! Ординарцы на маленькихъ пони рапортовали великому князю, а собственные гармонисты и барабанщики заиграли походъ, когда раздалась команда итти въ Павловскъ на озеро.

За ними хлынула толпа взрослыхъ; время отъ времени изъ той или другой боковой аллеи присоединялись новые батальоны изъ дальнихъ деревень.

На берегу озера противъ дворца были раскинты для маленькихъ солдатъ палатки, а для публики были устроены трибуны, такъ какъ великій князь пожелалъ отпраздновать канунъ именинъ своей августѣйшей сестры, греческой королевы Ольги Константиновны.

Дѣтей, уставшихъ отъ похода, накормили обѣдомъ, дали выспаться; въ 9 часовъ заиграли зорю, кто-то изъ дѣтей громко прочелъ молитву, наступила торжественная тишина, которая вдругъ была нарушена взвившейся ракетой, и вечеръ закончился великолепнымъ фейерверкомъ и иллюминаціей; особенно хороша была декорация фрегата, взлетѣвшаго потомъ на воздухъ.

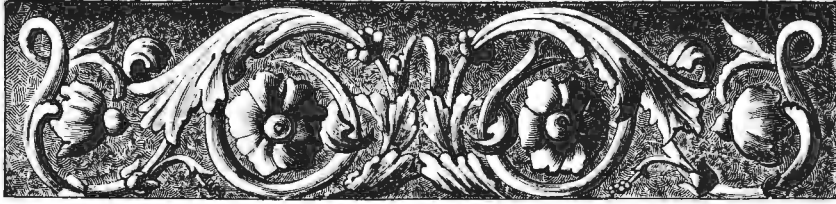
Погода была дивная, и такъ не хотѣлось возвращаться домой—мы завидовали нашимъ солдатикамъ, которые остались ночевать на берегу въ палаткахъ. На слѣдующій день имъ предстояло брать штурмомъ Павловскую крѣпость.

Было воскресенье, и дачники опять запрудили берегъ озера. Не легко дался малышамъ штурмъ крѣпости—съ азартомъ лѣзли они во рвы и карабкались на откосы, не обращая вниманія на выстрѣлы изъ крѣпостныхъ пушекъ. Скоро нѣсколько смѣльчаковъ сидѣли уже верхомъ на этихъ пушкахъ, а другіе ихъ заколачивали. Дѣлать нечего, пришлось защитникамъ крѣпости вынести ключи.

Великій князь благодарилъ свое войско за понесенные труды и обѣщалъ продолжать занятія на будущее лѣто. Когда зимой заходила рѣчь, куда ѣхать на дачу, ребяташки не соглашались ни на какую, кромѣ Павловска; велико было ихъ огорченіе, когда слѣдующее лѣто не дало имъ такъ страстно ожидавшихся живыхъ впечатлѣній—потянулася заурядная дачная жизнь. Прошло 40 лѣтъ, и, кажется, имъ, глядя на внуковъ, скоро придется вспомнить счастливое лѣто 1871 г.

Л. Оглоблина.

КАКЪ МОЙ ОТЕЦЪ ПОПАЛЪ ВЪ КОРПУСЪ.

(Изъ воспоминаній дѣдушки).

АВНО это было, въ 1848 г. Мой дѣдушка былъ тогда артиллерійскимъ поручикомъ и служилъ на сѣверномъ Кавказѣ, въ укрѣпленіи Ольгинскомъ на рѣкѣ Кубани, верстахъ въ 50-ти отъ Екатеринодара. Тамъ и родился его единственный сынъ, мой отецъ; свое военное образованіе онъ началъ рано, восьмилѣтнимъ мальчикомъ былъ уже принятъ на казенный счетъ въ Александровскій малолѣтній кадетскій корпусъ; но попалъ онъ туда въ силу исключительныхъ обстоятельствъ и, не случись того событія, о которомъ я хочу рассказать, кто знаетъ, какъ сложилась бы его судьба...

Въ то время, когда западный Кавказъ еще не былъ замиренъ и когда черкесскія племена безпрестанно нападали на наши станицы, расположенныя сѣвернѣе Кубани, такихъ укрѣпленій было нѣсколько и главная цѣль ихъ была, насколько возможно, обезпечить мирную жизнь кубанскихъ казачьихъ станицъ отъ частыхъ набѣговъ черкесовъ.

Эти укрѣпленія въ свое время сослужили большую службу, сдерживая хищническіе инстинкты воинственныхъ горцевъ. Они пользовались всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы, предательски подкравшись ночью къ русской станицѣ, вырѣзать жителей и, захвативъ, что можно, изъ имущества, поспѣшно скрыться до прихода войскъ.

Нападали черкесы то массами, то небольшими группами и держали населеніе въ постоянной тревогѣ. Ольгинское было тоже въ осадномъ положеніи, кругомъ рыскалъ врагъ; рѣдко кто изъ защит-

никовъ укрѣпленія рисковалъ выходить въ одиночку; черкесы были тутъ какъ-тутъ и не пропускали случая захватить неосторожнаго казака въ плѣнъ; въ особенности доставалось дѣтямъ, выбѣгавшимъ иногда порѣзвиться на лужайкѣ за валами; черкесы похищали ихъ особенно охотно, такъ какъ получали за нихъ большой выкупъ, причемъ переговоры велись обыкновенно черезъ черкесовъ-лазутчиковъ. Такъ называли черкесовъ, выражавшихъ покорность русскому владычеству, по крайней мѣрѣ, наружно, и водившихъ дружбу съ русскими.

Среди нихъ было много предателей, которые высматривали численность нашихъ войскъ, узнавали о предполагаемыхъ передвиженіяхъ, и давали знать своимъ, увѣдомля въ то же время и русскихъ о готовящихся изъ-за Кубани набѣгахъ.

Но исполнѣ довѣрятья этимъ сообщеніямъ было рискованно.

Лазутчики часто подъ разными предлогами заходили въ Ольгинское. Оно въ то время представляло для горцевъ внушительное препятствіе, такъ какъ было расположено на южномъ берегу Кубани и опоясано широкимъ и глубокимъ рвомъ, устроеннымъ съ такимъ расчетомъ, чтобы при самомъ низкомъ уровнѣ рѣки онъ все-таки былъ бы наполненъ водой. За рвомъ былъ земляной валъ съ высокимъ плетнемъ, изъ толстаго хвороста; въ плетнѣ были прорублены бойницы для пушекъ и ружей.

Небольшой гарнизонъ крѣпости составляли пѣшіе кубанскіе казаки и команда артиллеристовъ подъ начальствомъ моего дѣдушки.

Въ крѣпости было всего шесть крѣпостныхъ орудій и двѣ полевыя пушки. У воротъ укрѣпленія стояла вышка, составлявшая необходимую принадлежность укрѣпленій того времени: на четырехъ высокихъ столбахъ подъ навѣсомъ лежала маленькая площадка, на которую можно было забраться по легкой, деревянной лѣстницѣ. На этой вышкѣ и днемъ и ночью дежурилъ казакъ и зорко смотрѣлъ въ ту сторону, откуда всегда ждали нападенія коварнаго врага. Можно было съ увѣренностью сказать, что вдали, изъ густыхъ зарослей камыша, десятки враждебныхъ глазъ всегда слѣдятъ за жизнью крѣпости...

Чтобы черкесы не могли подойти незамѣтно, камыши передъ укрѣпленіемъ всегда вырубали обширнымъ полукругомъ, на разстояніи картечнаго выстрѣла.

Недалеко отъ крѣпости, приблизительно въ верстѣ, на Кубани былъ паромъ, представлявшій единственное средство сообщенія съ сѣвернымъ берегомъ. У самаго входа на паромъ, на южномъ берегу, стояло маленькое укрѣпленіе особаго типа, это былъ плетень изъ хвороста въ видѣ спирали; входъ закрывался узкой, высокой дверью съ бойницами для ружей; въ плетнѣ тоже были прорублены бойницы, внутри стоялъ маленькій домикъ для караула, наблюдавашаго за паромомъ.

Только при соблюденіи всѣхъ предосторожностей можно было чувствовать себя въ относительной безопасности. Это была странная, своеобразная жизнь, имѣвшая даже какую-то особую прелесть. Къ постоянной опасности привыкали и жизнь въ крѣпости текла мирно и однообразно. Почта приходила рѣдко и только такое событіе, какъ приходъ такъ называемой оказіи, вносило на нѣкоторое время оживленіе въ крѣпостную жизнь. Оказіей назывался обозъ изъ большого числа повозокъ съ жизненными и боевыми припасами, двигавшійся всегда подъ прикрытіемъ отряда войскъ изъ пѣшихъ и конныхъ кубанскихъ казаковъ и артиллеріи. Эти припасы предназначались обыкновенно для крѣпости Абинь, лежавшей южнѣе, въ предгорьяхъ сѣвернаго Кавказа, въ двухъ переходахъ отъ Ольгинскаго, что составляло около 60-ти верстъ. Въ Абинѣ жило еще тревожнѣе; маленькая крѣпость одиноко стояла, окруженная со всѣхъ сторонъ аулами враждебныхъ горцевъ. Все необходимое для жизни, всѣ боевые припасы доставлялись оказіями 3—4 раза въ годъ.

Захватить оказію было конечно любимую мечтою черкесовъ, такъ какъ они одновременно могли такимъ образомъ пополнить свои запасы оружія и лишить гарнизонъ Абина всего необходимаго для существованія и обороны. Они всегда черезъ своихъ лазутчиковъ знали время выступленія оказіи изъ Ольгинскаго, которое было послѣднимъ пунктомъ, гдѣ можно было безопасно отдохнуть отряду, идущему съ оказіей.

Такъ было и въ 1848 г., когда въ Ольгинское пришла весенняя оказія.

На этотъ разъ еще по пути въ Ольгинское кто-то изъ черкесовъ, считавшихся вѣрными, сообщилъ, что горцы, въ числѣ четырехъ или пяти тысячъ, собираются напасть на оказію. Въ виду этого начальникъ отряда, сопровождавшаго оказію, нашель необходимымъ усилить его, прихвативъ изъ Ольгинскаго всѣхъ здоровыхъ казаковъ и артиллеристовъ. Знамена же отряда рѣшилъ оставить въ укрѣпленіи, опасаясь, что въ случаѣ гибели отряда, они достанутся врагу.

Когда оказія выступила изъ Ольгинскаго, въ немъ остался эсаулъ въ качествѣ начальника гарнизона, 68 больныхъ и слабосильныхъ казаковъ и артиллерійскій фельдфебель Захаровъ, старый, заслуженный солдатъ съ георгіевскимъ крестомъ. Ушелъ и дѣдушка съ своими двумя полевыми пушками, оставивъ въ крѣпости молодую жену, бабушкѣ тогда было 22 года, съ трехлѣтнимъ сыномъ, — передавъ ей ключи отъ порохового погреба. Если прибавить къ этому няню малютки, случайно гостившую сестру бабушки, молодую дѣвушку и нѣсколько частныхъ лицъ, жившихъ въ крѣпости, то вотъ и все населеніе Ольгинскаго.

Погода въ то время была знойная, вода въ Кубани стояла необычайно низко и рвы давно были сухи. Это обстоятельство, а также то, что плетень въ западномъ углу крѣпости былъ частью разобранъ для починки, что образовало порядочную брешь, было конечно извѣстно черкесамъ.

Было ли предупрежденіе о нападеніи на оказію только отводомъ глазъ или они, увидѣвъ сильный отрядъ, сопровождавшій обозъ, измѣнили свое намѣреніе и предпочли безъ всякаго риска напасть на беззащитную крѣпость, трудно сказать; это никогда не было точно установлено.

Прошло дня два съ тѣхъ поръ, какъ ушелъ отрядъ; послѣ шума и оживленія внесеннаго оказіей, въ маленькомъ укрѣпленіи стало какъ-то особенно тихо. Былъ канунъ Троицы; весь этотъ день вода въ Кубани, стоявшая до тѣхъ поръ такъ низко, что рвы оставались сухими, замѣтно прибывала и стала понемногу заливать рвы; къ ночи они были полны водой. Вѣроятно, подулъ вѣтеръ съ моря и задержалъ теченіе Кубани.

Ночь была темная, теплая и удивительно тихая; малѣйшій звукъ далеко разносился въ тишинѣ. Вдругъ, около часу ночи, казакъ, стоявшій на вышкѣ, услышалъ подозрительный скрипъ черкесскихъ арбъ. Онъ встрепенулся, прислушался; чуткое, казацкое ухо не обмануло его. Это былъ скрипъ арбъ да не двухъ-трехъ, а цѣлыхъ сотенъ. Далеко въ ночной тишинѣ разносились дикіе, визгливые звуки немазаныхъ черкесскихъ колесъ.

Сомнѣнія не было сотни арбъ—приближались къ укрѣпленію съ юга.

Опрометью бросился казакъ будить товарищей, тревожно забилъ барабанъ и всѣ—и больные, и слабые, похватавъ ружья, бросились къ брешу на защиту укрѣпленія.

Захаровъ, не разъ бывавшій въ такихъ передѣлкахъ, не растерялся, влетѣлъ въ квартиру бабушки за ключами отъ порохового погреба и тутъ же заявилъ ей: «барыня, черкесы лѣзутъ, если будетъ неустойка, взорву погребъ!»—и бросился съ нѣсколькими казаками доставать и подносить снаряды къ пушкамъ.

Эсаулъ же прежде всего позаботился о томъ, чтобы спасти знамена, онъ приказалъ положить ихъ въ каюкъ и, въ случаѣ неустойки, плыть на сѣверный берегъ.

Бабушка выхватила сына изъ кровати, отдала его нянѣ, приказала ей ждать на берегу и, въ случаѣ опасности, садиться въ каюкъ со знаменами и спасаться съ ребенкомъ въ какой-нибудь станицѣ по ту сторону Кубани.

Сама же вслѣдъ за эсауломъ бросилась къ орудіямъ, зная, что одному Захарову не справиться съ шестью пушками и что пѣхотинцы не умѣютъ стрѣлять изъ орудій. Она всегда живо интересовалась службой мужа и умѣла обращаться съ орудіями.

Энергично принялась она показывать казакамъ, какъ заряжать и стрѣлять, ни на минуту не отходила отъ орудій, перебѣгая отъ одного къ другому. Больше всего она старалась, чтобы пушка, стоявшая противъ бреши стрѣляла исправно. Нельзя было терять времени, усердно цѣлить было некогда; врагъ насѣдалъ вплотную и картечь производила свое дѣйствіе и безъ прицѣла. Черкесы только на мгновеніе пріостановились, замѣтивъ, что ровъ полонъ воды, а затѣмъ бросились вплавать, держа шашки и кинжалы въ зубахъ. Тонушіе, убитые и раненые образовали мостъ, кровавая толпа продолжала напирать и скоро горцы по трупамъ своихъ добрались до вала и, несмотря на орудійный и ружейный огонь, подступили къ бреши. Орудіе, стоявшее противъ бреши, стрѣляло въ упоръ картечью, казаки уже не успѣвали заряжать ружей и у брешей завязался горячій, рукопашный бой; бились штыками, прикладами, ломами, топорами... Черкесы не ожидали такого сопротивленія; они знали, что въ крѣпости было не болѣе 70-ти солдатъ. Удивленные такимъ отпоромъ, смущенные тѣмъ, что рвы полны водой, что мѣшало имъ броситься на валы со всѣхъ сторонъ, озадаченные стрѣльбою изъ орудій, когда они знали, что всѣ артиллеристы ушли, они придумали зажечь окружающій камышъ, чтобы при свѣтѣ пожара разсмотрѣть, съ кѣмъ они имѣютъ дѣло.

Сухой камышъ вспыхнулъ, какъ порохъ, въ крѣпости и кругомъ на далекое пространство стало свѣтло, какъ днемъ.

Въ это мгновеніе Захаровъ замѣтилъ, что въ небольшой лощинѣ по направленію къ парому на Кубани стоятъ верховые лошади черкесовъ и, направивъ орудіе, пошелъ палить по нимъ картечью.

Лошади заметались, начали разбѣгаться: среди черкесовъ произошелъ переполохъ, многіе бросились спасать своихъ лошадей, которые обезпечивали имъ благополучное отступленіе.

У бреши рукопашная схватка стала стихать. Чуть забрежжилъ ранній весенній разсвѣтъ. Вдругъ по ту сторону Кубани черкесы замѣтили сверкающіе штыки солдатъ, бѣгущихъ на помощь изъ сосѣдней станицы, верстахъ въ восемнадцати отъ Ольгинскаго. Какъ только тамъ слышали гулъ орудій, двѣ роты были посланы на помощь. Солдаты знали, что значитъ предательское, ночное нападеніе черкесовъ, какими звѣрствами оно сопровождается и потому бѣжали съ короткими передышками всю дорогу на выручку товарищей.

Черкесы бросились было къ мосту, чтобы перерубить канатъ, на которомъ ходилъ паромъ; но маленькій казачій постъ встрѣтилъ ихъ мѣткими выстрѣлами, и они отступили. Воинственный пылъ ихъ поостылъ и скоро они обратились въ бѣгство, кто верхомъ, кто на арбахъ, спасаясь отъ преслѣдованія.

Они были заранѣе такъ увѣрены въ захватъ Ольгинскаго, что въ своей дерзости пріѣхали съ арбами, рассчитывая на богатую

добычу и не подумавъ о томъ, что арбы своимъ визгомъ выдадутъ ихъ приближеніе и защитники крѣпости успѣютъ приготовиться принять ихъ какъ слѣдуетъ.

Съ какою радостью маленькій гарнизонъ замѣтилъ сверкашіе вдали штыки!

Еще нѣсколько минутъ, и солдаты добѣжали. Защитники Ольгинскаго встрѣтили ихъ съ неописуемымъ восторгомъ и долго не смолкало радостное ура.

Вездѣ стоялъ веселый гулъ голосовъ, дѣлились впечатлѣніями, считали убитыхъ враговъ; черкесы оставили сотни труповъ; всѣхъ нападавшихъ было приблизительно тысячи полторы. Знамена не пришлось увозить на другой берегъ.

Молодая няня не исполнила приказанія бабушки. Она не пошла къ лодкѣ. Выскочивъ изъ дому, она точно оцѣпенѣла съ ребенкомъ на рукахъ и простояла все время, не сводя глазъ съ бреши.

Грандіозное зарево пожара произвело первое яркое впечатлѣніе на дѣтскую душу моего отца и оставило неизгладимое воспоминаніе. Сестра же бабушки, услышавъ выстрѣлы, бросилась къ образамъ, зажгла лампы и свѣчи, упала на колѣни да такъ и простояла все это страшное время въ горячей молитвѣ.

Оказія въ это время была уже въ Абинѣ. Орудійные выстрѣлы гулко разносились по окрестностямъ, отдавались эхомъ въ ближайшихъ предгорьяхъ и смутно доносились до Абина. Въ невыразимой тревогѣ прислушивался начальникъ отряда къ этимъ звукамъ. Наконецъ позвалъ дѣдушку и они вдвоемъ стали прислушиваться.

У обоихъ было тяжело на душѣ. Что это за звуки? Неужели въ въ Ольгинскомъ стрѣляютъ? Что предпринять? и тутъ же являлась мысль, что они бессильны, что помочь ничѣмъ нельзя.

Горько сокрушался начальникъ отряда, что далъ себя провести черкесамъ, что такъ опрометчиво оставилъ знамена въ крѣпости. Временами у нихъ являлась слабая надежда, что, можетъ быть, они ошибаются и звуки, которые ихъ такъ встревожили, происходятъ отъ какихъ-нибудь другихъ причинъ.

Но когда на разсвѣтѣ прискакалъ черкесь-лазутчикъ съ извѣстіемъ, что горцы въ большомъ числѣ напали на Ольгинское, отчаянію начальника отряда не было предѣловъ.

Онъ съ ужасомъ думалъ, что знамена попали въ руки непріятеля; это грозило ему разжалованіемъ въ солдаты. Онъ замѣтался по комнатѣ и все повторялъ: «знамена, знамена! солдатская шинель!», кидаясь къ дѣдушкѣ, съ отчаяніемъ повторяя: «что дѣлать? что дѣлать?» Наконецъ бросился на постель и зарыдалъ. Дѣдушка, у котораго у самого щемило сердце при мысли объ ужасной судьбѣ укрѣпленія и возможной гибели жены и сына, потомъ рассказы-

валъ, что нельзя было видѣть безъ слезъ отчаянія этого стараго, заслуженнаго офицера.

Всѣми силами старался дѣдушка успокоить его, повторяя, что Богъ дастъ, какъ-нибудь отобьются; что стрѣльба изъ орудій именно показываетъ, что ольгинцы какъ-то отбиваются.

Съ тяжелымъ чувствомъ поспѣшно выступилъ отрядъ въ Ольгинское, до котораго было два дня пути.

Радость начальника отряда, когда онъ увидѣлъ, что нападеніе отбито съ небольшими потерями сравнительно и знамена цѣлы, не поддавалась описанію.

Съ горячимъ чувствомъ благодарности онъ обнялъ и расцѣловалъ мою бабушку, повторяя, что она его спасительница, обнималъ фельдфебеля Захарова, а эсаула чуть не задушилъ въ объятіяхъ.

Обо всемъ случившемся было послано донесеніе начальству.

Эсауль былъ произведенъ въ слѣдующій чинъ и, кажется, награжденъ золотымъ оружіемъ; Захаровъ получилъ второй георгіевскій крестъ; бабушкѣ было выдано въ награду 500 руб. ассигнаціями.

Изъ остальныхъ защитниковъ крѣпости многіе получили георгіевскіе кресты, въ томъ числѣ цѣловальникъ.

Прошло нѣсколько лѣтъ. Дѣдушка сталъ подумывать о воспитаніи сына; ни учителей, ни учебныхъ заведеній въ такой глуши не было; онъ нѣсколько лѣтъ подавалъ прошенія о принятіи сына въ Александровскій малолѣтній кадетскій корпусъ, но безуспѣшно. Туда принимались безъ экзамена попреимуществу сироты отъ одного до десяти лѣтъ, причемъ предпочтеніе отдавалось сыновьямъ георгіевскихъ кавалеровъ или вообще заслуженныхъ офицеровъ, и сыну поручика трудно было рассчитывать когда-нибудь попасть туда.

Подготовить же сына такъ, чтобы онъ навѣрное выдержалъ экзаменъ въ обыкновенный корпусъ, и везти его на далекій сѣверъ съ рискомъ, что его могутъ и не принять, было совершенно невозможно.

Тогда жалованье поручика было 100 р. ассигнаціями въ треть (т. е. въ четыре мѣсяца), что составляло 33 р. серебромъ. Въ этихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ бабушка рѣшилась хлопотать сама и обратилась съ прошеніемъ къ государынѣ императрицѣ Александрѣ Феодоровнѣ, прося ея милости и упомянувъ въ своемъ прошеніи о той памятной ночи подъ Троицу, когда она принимала участіе въ отбитіи нападенія черкесовъ на Ольгинское.

Съ большимъ волненіемъ ждали дѣдушка и бабушка отвѣта изъ Петербурга.

Наконецъ на имя бабушки пришла бумага отъ начальника штаба военно-учебныхъ заведеній генерала Ростовцева, что приказомъ его императорскаго высочества наслѣдника цесаревича

малолѣтній сынъ ея предназначается къ опредѣленію въ Александровскій кадетскій корпусъ. При этомъ предлагалось немедленно доставить сына въ Царское Село.

Это радостное извѣстіе было получено 19 ноября 1853 г. Бабушка быстро собралась въ дорогу и, отслуживъ напутственный молебень, въ самую глубокую распутицу отправилась съ сыномъ въ далекій путь.

Полтора мѣсяца продолжалось тяжелое путешествіе на лошадяхъ изъ Ольгинскаго въ Царское Село и наконецъ бабушка благополучно добралась до корпуса и сдала сына 7 января 1854 г. подъ квитанцію директору корпуса генералу Хатову.

Эти дорогіе для насъ документы и теперь хранятся въ нашей семьѣ.

Дѣдушки и бабушки давно нѣтъ на свѣтѣ. Отецъ, какъ уѣхалъ ребенкомъ съ Кавказа, такъ и не видѣлъ его до тѣхъ поръ, пока служба нѣсколько лѣтъ тому назадъ снова не вернула его на родину.

Исторія опредѣленія сына въ корпусъ была однимъ изъ любимыхъ разсказовъ дѣдушки.

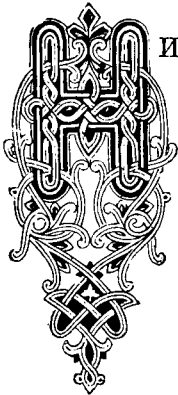
Увидѣвъ Кавказъ, я живо вспомнила дѣдушкины разсказы и мнѣ захотѣлось написать объ этомъ забытомъ эпизодѣ изъ жизни укрѣпленія Ольгинскаго, отъ котораго теперь не осталось и слѣдовъ. На мѣстѣ его и далеко кругомъ привольно раскинулась станція Ольгинская.

Варвара Данилова.

СРЕДИ ХЛЫСТОВЪ.

ИЖЕСЛѢДУЮЩІЯ воспоминанія относятся къ половинѣ прошедшаго вѣка и отдалены отъ дней нашихъ полустолѣтіемъ. Но они ясно запечатлѣны въ памяти моей.

Я родился и росъ близъ монастырской ограды въ семьѣ приходскаго сельскаго священника. Приходская церковь, въ которой служилъ мой батюшка, находится въ самомъ близкомъ сосѣдствѣ съ мужскимъ общежительнымъ монастыремъ, извѣстнымъ подъ именемъ Махринскаго монастыря, а село именуется махринской подмонастырской слободой. Махринскій приходъ, ко времени моихъ воспоминаній, былъ большой и при церкви состояло два причта, почему приходъ былъ раздѣленъ на двѣ части и носилъ названіе «двухкомплектный». Въ махринскомъ приходѣ въ обѣихъ частяхъ было не менѣе десяти деревень. Но всѣ онѣ находились въ близкомъ разстояніи отъ приходской церкви и монастыря. Самая отдаленная деревня находилась въ шести верстахъ отъ приходскаго храма, а прочія въ полуверстѣ, верстѣ и двухъ верстахъ. Церковное вліяніе на приходъ, а въ особенности монастырское, было очень сильное. Поминовеніе усопшихъ, исповѣдь, соблюденіе постовъ, посѣщеніе богослуженій и исполненіе прочихъ церковныхъ требованій было ненарушимое со стороны прихожанъ махринскаго прихода. О преступленіяхъ или преступникахъ уголовныхъ были только воспоминанія, и фамиліи тогда воспоминаемыхъ преступниковъ въ моей памяти сохранились доселѣ, то были Цасторовъ и Мошковъ. Но эти лица проявляли свою преступность

до времени моего дѣтства и у меня не сохранилось въ памяти разсказовъ о ихъ геройствѣ или похожденияхъ. Помню ихъ только по фамиліямъ, а дѣль, творимыхъ ими, не знаю и не помню. Вообще говоря, преступленій и преступниковъ за время моихъ воспоминаній не было. Но монастырско-церковное вліяніе создало въ приходѣ моего батюшки типъ религіознаго культа особаго рода. Въ каждой деревнѣ нашего прихода имѣлась дѣвица или нѣсколько, служившія представительницами религіознаго быта своей деревни. Дѣвицы эти въ то время именовались «вѣковушками» и имѣли очень много сходнаго съ католическими «ангелками». «Вѣковушки», подъ вліяніемъ собственнаго религіознаго созерцанія и настроенія, давали лично себѣ обѣтъ безбрачія, онѣ не употребляли мясной пищи, и, какъ у насъ говорили, «понедѣльничали», т. е. по понедѣльникамъ не употребляли даже молочной пищи. «Вѣковушки» всѣ умѣли читать, но писать не умѣли, а нѣкоторыя если и писали, то печатными буквами, каковая каллиграфія именовалась «полуставомъ». Къ «вѣковушкамъ» этого рода крестьяне относились съ чувствомъ особой почтительности и, вообще говоря, вѣковушки и каждая въ своей деревнѣ, и во всемъ приходѣ пользовались большимъ уваженіемъ и авторитетомъ даже со стороны причта. Одежды цвѣтной онѣ не носили и покрой ея приспособленъ былъ болѣе къ монашескому. Жили онѣ отдѣльно отъ своихъ семействъ, въ особо устроенныхъ «на задахъ», за фасадомъ деревенскихъ домовъ, келейкахъ, представлявшихъ собою деревянную избушку аршинъ 8—9. Жили «вѣковушки» большею частью въ одиночку, а нѣкоторыя по двѣ и по три вмѣстѣ въ одной избушкѣ, имѣя общій столъ. Вѣковушки занимались въ лѣтнее время полевыми работами у богатыхъ крестьянъ, за поденную плату, а въ зимнее время пряли или, по большей части, занимались размоткой шелка; нѣкоторыя обучали чтенію дѣтей—дѣвочекъ, приготовляя изъ нихъ вѣковушекъ. Въ видѣ промысла «вѣковушки» читали псалтирь надъ умершими и имѣли матеріальныя приношенія отъ религіозныхъ односельчанъ, нанимавшихъ «вѣковушекъ» поминать ихъ родителей на утреннихъ и вечернихъ молитвахъ и «вѣковушки» жили безбѣдно, жилища свои содержали чисто и прилично. Онѣ и приходскій храмъ убирали и чистили предъ великими праздниками, въ особенности передъ Пасхой; но богослуженія посѣщали въ въ монастырѣ, а не въ приходской церкви, хотя въ праздничные дни и въ церкви приходской служеніе было парадное и соборное, при пѣніи хора фабричныхъ пѣвчихъ. Но вѣковушекъ влекъ монастырь по другимъ причинамъ. Каждая или почти каждая «вѣковушка» имѣла изъ кадра монастырской братіи «друга души своей». Эти сердечныя свойства симпатіи и влекли молодыхъ дѣвицъ «вѣковушекъ» за ограду мужской обители. Онѣ свободно посѣщали кельи монашествующихъ въ часы, свободные отъ богослуженія,

по окончанія утрени до начала обѣдни, и приносили «друзьямъ души своей» гостинцы въ родѣ яицъ, лепешекъ и т. п. Изъ общенія «вѣковушекъ» съ монастырской братіей образовалась въ махринскомъ приходѣ секта «хлыстовъ». Явленіе странное, маловѣроятное, но фактически безусловно вѣрное.

Въ двухверстномъ разстояніи отъ Махринскаго монастыря и махринской церкви находится деревня Малиново, имѣвшая въ былое время до 30-ти дворовъ. При вѣздѣ въ эту деревню, крайній домъ принадлежалъ старику крестьянину Василью Ивановичу Малькову, у котораго былъ женатый сынъ Ѳедоръ и дочь, молодая дѣвица Катерина. Она была «вѣковушка» и жила въ отдѣльной кельѣ, устроенной на усадебной землѣ ея отца. Кромѣ Катерины Мальковой, въ деревнѣ Малиновѣ были другія «вѣковушки», очень видныя по своему положенію въ нашемъ приходѣ: Аграфена Михайловна, жившая совершенно вдали отъ деревни и имѣвшая постоянно у себя ученицъ, кандидатокъ въ «вѣковушки», Анна Сидоровна, славившаяся особой близостью къ монахамъ. Она была здоровенная, гигантскаго роста, деревенская дѣвка.

Старикъ Мальковъ, по характеру, человѣкъ былъ тихій, по жизни—богомольный, трезвый, къ духовенству почтительный. Онъ не былъ богатъ, но жилъ исправно и имѣлъ даже самоваръ, что въ то время было роскошью. Мальковъ былъ уважаемъ и въ своей деревнѣ, и въ приходѣ. Но по свойству своего характера въ дѣла общества не вмѣшивался и враговъ или недоброжелателей у себя не имѣлъ.

Въ этой семьѣ Малькова, въ кельѣ «вѣковушки» Катерины Мальковой и зародилась въ приходѣ махринскомъ секта «хлыстовъ», существующая здѣсь и доселѣ.

Изъ семьи Мальковыхъ, въ гор. Александровѣ въ дѣвичьемъ монастырѣ (Александровская слобода), проживала монахиня, мать Назарета, при которой жили послушницы, молодыя дѣвицы. Эта мать Назарета не только принадлежала къ сектѣ «хлыстовъ», но между ними занимала роль «богородицы». Къ этой Назаретѣ и ея ученицамъ, въ особенности къ нѣкоей Евдокии, какъ утверждалъ говоръ народный, былъ очень близокъ епископъ Платонъ, занимавшій въ то время архіерейскую кафедру въ Костромѣ, и будто бы этотъ Платонъ былъ очень расположенъ и покровительствовалъ сектѣ «хлыстовъ». Такъ ли это было на самомъ дѣлѣ—не знаю, но утверждаю одно и ясно помню, какъ мать Назарета неоднократно пріѣзжала въ Малиново и посѣщала въ эти поѣздки нашъ домъ.

Монастырскіе послушники лънули къ кельѣ Катерины Мальковой, какъ мухи къ меду. Они умѣло въ ночное время перелѣзали чрезъ невысокую монастырскую ограду и, поднимая полы своей долгополой одежды, спѣшили на ночныя «радѣнія» въ келью Кате-

рины, принимая самое активное участіе въ моленіяхъ, соединенныхъ съ грубостью и дикостью обрядовъ этой секты. Многочисленность «вѣковушекъ», принимавшихъ участіе въ моленіяхъ хлыстовъ, требовала, по крайней мѣрѣ, такое же количество мужского пола. И вотъ изъ «вѣковушекъ» и монаховъ создается цѣлая сектантская община. О существованіи этой секты въ приходѣ нашемъ всѣ знали, и духовенство, и прихожане, но никто ничѣмъ не препятствовалъ ея существованію и даже развитію. Духовенство не тревожило хлыстовъ, потому что они соблюдали не только всѣ обряды церковные, но, почтительно относясь къ служителямъ церкви, были лучшими плательщиками причту за всѣ требоисправленія и молитвословія. А крестьяне всегда осторожны и уклончивы въ дѣлахъ, не нарушающихъ ихъ интересовъ.

Уѣздныя власти, при такомъ положеніи дѣла, видимо, не знали о существованіи этой секты или имѣли причины «дѣлать видъ», что имъ о сектѣ ничего неизвѣстно. Такъ хлысты спокойно и невозбранно совершали свои ритуалы. Ихъ стихотворныя пѣснопѣнія, лишенные всякаго смысла, настолько были извѣстны, въ мѣстѣ нашей родины, что онѣ у меня, несмотря на протекшее полустолѣтіе, сохранились до сегодня въ памяти. Но особенно рельефно въ моей памяти осталось посвященіе въ чинъ «христа» въ кельѣ Катерины Мальковой, рясофорнаго послушника Махринскаго монастыря, извѣстнаго подъ именемъ «Феодора Долгаго» за его колоссально высокій россъ.

Дѣло происходило такъ. Въ одинъ изъ своихъ пріѣздовъ въ Малиново, во второй половинѣ пятидесятыхъ годовъ, мать Назарета привезла съ собою какого-то мужчину, уже не молодого, старокупецкаго фасона. По прибытіи монахини Назареты съ этимъ человѣкомъ въ Малиново, въ приходѣ моего отца пошелъ шопотливый говоръ о томъ, что къ Мальковымъ Назарета привезла «самого Бога Саваоѳа» и что этотъ «главный Богъ» посвятитъ «въ христы» Феодора Долгаго.

Не имѣя большихъ и высшихъ интересовъ, мы съ затаеннымъ желаніемъ ожидали это событіе и питали надежду по секрету отъ родительскаго контроля «сбѣгать» въ Малиново «подсмотрѣть» у Мальковыхъ сборище хлыстовъ и возведеніе въ званіе Христа Феодора Долгаго. Обстоятельства намъ благопріятствовали, и мы, «страха не страшась», «тѣнью легкой» песлись ночью подъ Петровъ день съ своими сверстниками-товарищами въ Малиново.

Окна кельи Катерины Мальковой были закрыты ставнями. Келейка ея имѣла всего два небольшихъ окна. Въ щели ставней нашъ дѣтскій любопытствующій гласъ видѣлъ если не все, то многое изъ всего того, что совершалось въ кельѣ Мальковой.

Какого-либо спеціальнаго обряда возведенія хлыста въ Христа не существуетъ; но въ честь возводимаго въ почетную духовную

степень поются гимны собственнаго творчества сектантовъ, обещающихъ всѣмъ хлыстамъ всѣ блага міра видимаго и невидимаго. «Саваоѣ», привезенный Назаретой, пропѣлъ сильнымъ голосомъ, нисколько не напоминающимъ милосердія отца небеснаго, нѣсколько виршей, посвященныхъ виновнику торжества Θεодору Долгому.

Θеодоръ рабъ Божій пришелъ,
Себѣ дверь къ царству отперъ,
Духа слова отогналъ,
Святу вѣру воспріять.
Вѣра наша не погубить,
Кто ея души любить.
Поклянись, братъ Θεодоръ, намъ,
Что душой вѣрѣ преданъ.

Θеодоръ, по установленному хлыстами обычаю, долженъ былъ дать отвѣтъ римоваанный и произнести:

Святу вѣру принимаю,
Клятвой это подтверждаю.

Этимъ несложнымъ обрядомъ и окончилось «поставленіе» Θеодора во Христа въ Малиновскую хлыстовскую общину.

Послѣ этого, по порученію «Саваоѣ», новопоставленный имъ Христосъ—Θеодоръ Долгій читалъ евангельскую притчу о десяти дѣвахъ; эта притча любимое чтеніе хлыстовъ. «Хлыстовки», слушая притчу Иисусову, воображаютъ себя «мудрыми дѣвами», о которыхъ говорится въ притчѣ. По окончаніи чтенія евангелія, «Саваоѣ», въ видѣ проповѣди, повѣствовалъ своимъ слушателямъ такую виршеватую чушь:

Я, возлюбленные, Саваоѣ, вамъ скажу,
Въ сердце ваше благодать вложу,
Покровомъ васъ покрою
И отъ злыхъ людей закрою.
Я, Богъ, васъ награжу
И хлѣбушка вамъ на весну урожу.
Я, святой духъ, васъ защищу
И сюда никакихъ араповъ не пущу.
Я, Богъ, благодать вамъ съ седьмого неба принесу.
Вселенную потрясу.
Я васъ, возлюбленные, защищу
И въ острогъ не допущу.
Я вами много дорожу
И казной васъ награжу.

Этотъ римоваанный наборъ словъ, лишанный реальности обещаній «Саваоѣ», общезвѣстенъ, всѣ хлысты эти и подобныя имъ вирши знаютъ и доселѣ ихъ распѣваютъ; но изъ устъ самого «Саваоѣ» малиновскіе сектанты, конечно, слушали ихъ съ уми-

леніемъ, пали въ ноги «Саваоѳу», прося его не погубить ихъ. Было ли это лицемѣріе или искренняя вѣра во всемогущество «Саваоѳа», утверждать не могу. Но думаю, что хлысты были увѣрены въ божественномъ могуществѣ посѣтившаго ихъ «Саваоѳа». Попробуйте доказать сектантамъ всю нелѣпость ихъ вѣрованія, приводите какіе угодно аргументы—ни за что не измѣните ихъ религіозныхъ взглядовъ и убѣжденій. Всѣ они одинаково фанатичны, къ какому бы лагерю не принадлежали и изъ какихъ бы побужденій ихъ религіозные догматы и обряды не вытекали.

По окончаніи чтеній, «Саваоѳъ» обратился къ сектантамъ съ приказаніемъ, также въ стихотворной формѣ:

Братья, сестры мнѣ внимайте,
Ко радѣнью приступайте.

Выслушавъ этотъ призывъ «Саваоѳа», сектанты во главѣ съ вновь возведеннымъ въ званіе «христа» Θεодоромъ Долгимъ и Катериной Мальковой въ званіи «богородицы», начали съ визгомъ и крикомъ кружиться, ломаться, кривляться. Это неистовство продолжалось недолго, не болѣе четверти часа. Затѣмъ, посрединѣ кельи была поставлена кадка, наполненная лозами можжевельника. Сектанты безцеремонно раздѣлись—и мужской и женскій полъ, и начали кружиться около кадки, ударяя себя можжевельникомъ, съ припѣвомъ:

Себя хлыщу,
Христа ищу.

Это исканіе Христа и самобичеваніе было непродолжительно. Оно продолжалось нѣсколько минутъ. Затѣмъ огонь—горѣвшая сальная свѣча, былъ потушенъ и сектанты приступили къ «свальному грѣху», или «Христовой любви». Для этой оргіи пары намѣчались заблаговременно по обоюдному соглашенію...

Утренняя лѣтняя заря освѣщала намъ ночной путь къ дому. Мы благополучно добрались до своего сѣнного сарая, въ которомъ благодушно ночевали въ лѣтнюю пору. Наша ночная экскурсія въ Малиново не сдѣлалась извѣстной родительской строгости. Вѣроятно, и Θεодоръ Долгій избѣгъ игуменскаго дозора.

Этого Θεодора Долгаго впослѣдствіи мы видѣли въ санѣ іеромонаха. Хлыстовская секта Мальковыхъ распространилась и въ другія деревни нашего прихода. Лѣтъ десять тому назадъ были мы на родинѣ и намъ указали «богородицу» изъ деревни Юрцова, расположенной у самаго Махринскаго монастыря. Это была одна изъ «вѣковушекъ» этой деревни, дочь богатаго крестьянина Петра Матвѣева Барипова, давно умершаго и оставившаго трехъ дочерей «вѣковушекъ».

Лѣтъ тридцать тому назадъ, во времена своей молодости, мы составили разсказъ изъ быта хлыстовъ, на основаніи нашей близости къ нимъ. Разсказъ этотъ остался у насъ и сохранился въ черновомъ видѣ, изъ него мы и беремъ существенную часть, такъ какъ въ цѣломъ онъ насъ не удовлетворяетъ въ литературномъ отношеніи. Вспоминая прошлое изъ религіозной жизни нашего народа, невольно скажешь: «что было, то и есть». Между мужскимъ и женскимъ монастырями, полстолѣтія назадъ, при участіи монаховъ и монахинь, зарождается и развивается секта хлыстовъ. А въ наши дни вблизи отца Іоанна Кронштадтскаго образуется секта іоаннитовъ. Благочестіе и грѣхъ, видимо, идутъ рука объ руку!..

Н. И. Соловьевъ.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ ОБЪ АРТИСТЪ ГОРЕВЪ.

I.

ВАДЦАТЬ ПЯТАГО марта текущаго года газеты сообщили печальный фактъ о смерти извѣстнаго талантливаго актера Федора Петровича Горева. Одинъ изъ сотрудниковъ «Новаго Времени» упомянулъ о покойномъ въ краткой замѣткѣ, а затѣмъ въ майской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» появилась также краткая, но прочувствованная статья г. Ежова.

Въ качествѣ зрителя мнѣ давно и часто приходилось наслаждаться игрой Горева въ обѣихъ столицахъ и въ провинціи, но однажды судьба случайно свела меня съ покойнымъ артистомъ на болѣе продолжительное время въ Ростовѣ на-Дону, куда онъ пріѣзжалъ играть въ лѣтнемъ театрѣ, который держалъ въ тотъ сезонъ не припомню теперь именно кто, равно какъ и точной даты; было это или въ 1889 или 1890 годахъ.

Я тоже очутился въ Ростовѣ въ то лѣто совершенно случайно, увлеченный не то сценической дѣятельностью, не то одной изъ жрицъ ея, получившей на этотъ сезонъ ангажементъ въ этомъ городѣ. Что увлекло меня больше—рѣшать теперь не берусь; вѣроятно, и то и другое, такъ какъ я не только вздыхалъ по своему кумиру, но и выступалъ иногда на сценѣ, пробую свои силы и зачитываясь до одури всѣмъ печатнымъ матерьяломъ, касавшимся меня увлекшаго тогда искусства.

Пріѣхавшій Горевъ сразу поднялъ сборы, а вмѣстѣ съ ними и матерьяльныя дѣла труппы. Мы познакомились и все свободное

время проводили вмѣстѣ небольшимъ кружкомъ изо дня въ день: вмѣстѣ обѣдали тутъ же въ ресторанѣ, при садѣ, ужинали. Высоко-талантливый артистъ на сценѣ, Ѳедоръ Петровичъ оказался и очень интереснымъ собесѣдникомъ, много перевидавшимъ на свѣтѣ, исколесившимъ Россію, и бесѣда съ нимъ не ограничивалась одно-сторонней темой о сценѣ или сплетнями о тѣхъ или другихъ лицедѣяхъ, чѣмъ часто грѣшатъ наши актеры, но касалась самыхъ разнообразныхъ предметовъ, обнаруживая въ немъ весьма образованнаго человѣка. По внѣшности и манерамъ Горевъ производилъ впечатлѣніе вполне порядочнаго человѣка, т. е. человѣка изъ общества, говорилъ немного по-нѣмецки и по-французски, причемъ произношеніе у него было совершенно правильное.

Среди безконечныхъ разговоровъ со мной объ искусствѣ, о сценѣ, объ актерахъ, Горевъ нерѣдко высказывался о тяжеломъ положеніи дѣятелей сцены и предостерегалъ меня отъ увлеченія ею и посвященія себя театру, указывая, что внѣшняя блестящая сторона театра, всѣ эти идеи служенія чистому искусству имѣютъ такую невзрачную и тяжелую оборотную сторону медали, которую трудно выдержать безъ упорной борьбы и которая, въ концѣ концовъ, способна отравить жизнь даже самаго стойкаго человѣка.

— Вы на меня не смотрите, — скромно говорилъ Ѳедоръ Петровичъ: — я родился подъ счастливой звѣздой, и она не покидала меня съ первыхъ же шаговъ моей сценической дѣятельности. Матерьяльно терпѣть нужду мнѣ никогда не приходилось, даже когда я начиналъ, ну а потомъ успѣхъ и деньги какъ-то сами шли ко мнѣ: ступишь, подынешь ногу, глядь, а на подошвѣ сторублевая бумажка прилипла. Такъ-то, но вѣдь на это счастье нужно, звѣзду особую покровительницу, а сколько талантливаго народа гибнетъ на сценѣ, не выдержавъ борьбы, а все потому, что счастья нѣтъ. Счастье—это охъ какъ много для всѣхъ, а для насъ, актеровъ, и того больше!

Ѳедоръ Петровичъ напиралъ на счастье и скромно умалчивалъ о своемъ крупномъ самородномъ талантѣ, весь успѣхъ сваливая на одно счастье.

II.

Въ то время я полагаю, да и теперь большинство публики воображаетъ, что человѣкъ на сценѣ и въ жизни одно и тоже, то есть если кто-либо фатъ въ жизни, тотъ и на сценѣ будетъ удачно избражать фата и пр. Потомъ мнѣ, понятно, пришлось убѣдиться въ противномъ. Человѣкъ изъ общества, вполне приличный, на сценѣ можетъ имѣть видъ лакея, а какой-нибудь сѣренькій на видъ, простой по манерамъ, не врацавшійся никогда въ хорошемъ обществѣ, но талантливый, вдругъ откалываетъ на сценѣ такого франта или

герцога, въ особенности въ костюмныхъ роляхъ, что только диву дивишься.

Разговоръ на эту тему зашелъ у насъ какъ-то съ Горевымъ, и я привелъ ему примѣръ знаменитаго Милославскаго (въ жизни отзейскій баронъ Ф.), который такъ неподобно игралъ въ «Старомъ баринѣ» потому только, что, помимо таланта, онъ самъ былъ въ жизни бариномъ до мозга костей.

— Вотъ и вы, Ѳедоръ Петровичъ, въ «Старомъ баринѣ» такъ великолѣпны и реальны, въ особенности въ этой полумимической сценѣ съ лакеемъ, когда вы лежите на кушеткѣ, чистите ногти и ведете отрывистую сцену съ нимъ, пропуская слова сквозь зубы, потому что вы тоже по происхожденію баринъ и всѣ эти манеры, ухватки, жесты,—все это у васъ въ крови, все это окружало васъ съ дѣтства, до сцены; а родись вы купчикомъ, мѣщаниномъ—пари готовъ держать, что несмотря на вашъ громадный талантъ, выучку, привычку къ сценѣ, вы бы не сыграли такъ «Старога барина», какъ теперь. Былъ бы баринъ, да не тотъ, не съ головы до пятъ. Нѣтъ-нѣтъ, а гдѣ нибудь и проскользнула бы какая-либо черточка, какой-нибудь жестъ, выдавшій бы васъ!

Горевъ усмѣхнулся и иронически посмотрѣлъ на меня.

— Какъ вы ошибаетесь, мой другъ, какъ жестоко ошибаетесь! Сцена такъ условна, такъ не похожа на дѣйствительную жизнь, что совсѣмъ перерождаетъ человѣка; баринъ въ жизни—можетъ выгладить хамомъ на сценѣ и прекрасно сыграетъ лакея, а хамъ въ жизни, при талантливости и наблюдательности, будетъ такъ изображать настоящаго барина на сценѣ, что вы и не узнаете его. Сцена все измѣняетъ, такъ все на ней условно. Да что далеко ходить. Вотъ видите, сидитъ тамъ за столикомъ Н. Н. (имя рекъ), нашъ милѣйшій комикъ. Сидитъ всегда одинъ, насупившись, дуетъ пиво, неразговорчивъ, никогда не улыбается, чортъ его знаетъ, о чемъ онъ всегда думаетъ, чѣмъ занятъ? а поглядите на сценѣ: вѣдь это само олицетвореніе веселости: чуть выйдетъ изъ-за кулисъ, еще слова не сказалъ, а въ публикѣ уже хохотъ! А вотъ нашъ молодой трагикъ—тотъ вѣчно съ бабами возится: флиртуетъ, хохочетъ, забавные анекдоты рассказываетъ, а на сценѣ мрачнѣе ночи ходитъ... такъ-то, батенька!

Я сталъ возражать, хотя и соглашался въ общемъ съ Горевымъ, но мнѣ почему-то казалось, что понятіе барства должно быть непремѣнно врожденнымъ, что привить его себѣ искусственно, хотя бы и талантливому актеру, все-таки нельзя.

— Ну, что съ вами долго спорить,—заговорилъ Горевъ:—хотите я вамъ расскажу одну маленькую, но назидательную исторію, которая убѣдитъ васъ скорѣе и лучше всякихъ долгихъ разглагольствованій съ моей стороны. Изъ своей братіи актеровъ, я никому ея не рассказывалъ: не къ чему, ну а вы пока почти чужой человѣкъ

для сцены и, я надѣюсь, навсегда такимъ останетесь, т. е. не поступите окончательно въ наши ряды, и ваше увлеченіе театромъ пройдетъ скоро—вмѣстѣ съ увлеченіемъ... нашей милой Х. (предметъ моего тогдашняго поклоненія, которая сидѣла съ нами за столомъ въ компаніи нѣсколькихъ человѣкъ актеровъ и актрисъ). Всѣ они веселятся, пьютъ и не обращаютъ на насъ никакого вниманія въ настоящую минуту. Ну, а если кто изъ нихъ и уловить случайно нѣсколько фразъ—все равно не пойметъ сути... такъ вотъ слушайте.

И Горевъ разсказалъ мнѣ слѣдующее: передаю слова отъ его лица.

III

Въ Минской губерніи (а можетъ быть и въ Могилевской—теперь не припомню) въ маленькомъ грязномъ мѣстечкѣ держалъ шинокъ тоже грязный и бѣдный еврей, а при немъ жилъ его племянникъ 16-тилѣтній еврейскій мальчикъ, безграмотный, тоже грязный и оборванный, который ничего другого въ своей жизни не видѣлъ кромѣ своего родного мѣстечка, да сосѣдняго винокуреннаго завода, куда онъ ѣздилъ за водкой верхомъ на бочкѣ въ двуколкѣ, запряженной клячей въ рваной веревочной упряжи. Сивушный запахъ на заводѣ, въ дорогѣ изъ бочки, въ корчмѣ, пьяный говоръ мужиковъ, ругань, грязная обстановка, жизнь впроголодь, пинки и побои—вотъ что окружало еврейчика съ дѣтства и что, повидимому, должно было сопровождать его и всю его жизнь.

Но судьба рѣшилъ иначе. Попался какъ-то этотъ мальчикъ на глаза владѣльцу мѣстечка; понравился ли тотъ ему, или прости сжалился помѣщикъ надъ нимъ и его бѣдностью и забитостью, не знаю, но только приказалъ онъ шинкарю дядѣ отпустить своего племянника къ себѣ въ усадьбу, опредѣлить къ должности и велѣлъ обучать русской граматѣ. Мальчикъ оказался способный, быстро усвоилъ себѣ начатки ученія и выучился читать и писать по-русски. А тутъ къ помѣщику съѣхались на лѣто гости и пошли въ усадьбѣ всякія празднества и затѣи; стали спектакли ставить, сперва любительскіе, сами господа играли, а потомъ и изъ служащихъ обоого пола собрали труппу и стали обучать ихъ театральному искусствѣ. Какъ увидѣлъ нашъ еврейчикъ въ первый разъ театральное представленіе, такъ и обомлѣлъ, точно въ немъ все вверхъ тормашками перевернулось и какая-то завѣса спала съ глазъ. Съ этой минуты всѣ его помыслы, желанія и стремленія сосредоточились на одномъ театрѣ, а все остальное, окружавшее его до этихъ поръ, какъ будто перестало для него существовать. Сцена, актеры, роли—все это была настоящая жизнь, а дѣйствительная ушла куда-то далеко, подернулася дымкомъ и стала какимъ-то неприятнымъ сновидѣніемъ, мѣшавшимъ дѣйствительности—театру. Сталъ онъ все свободное

да и не свободное время посвящать запойному чтенію пьесъ, выучивать ихъ наизусть и, забившись гдѣ-нибудь въ укромный уголокъ парка, съ жаромъ декламировать цѣлыя роли того или другого дѣйствующаго лица...

Какъ-то разъ (опять счастье!) наткнулся на него въ такую минуту самъ помѣщикъ, остановился удивленный, послушалъ декламацию, оставаясь незамѣченнымъ, потомъ, видимо изумленный, подошелъ къ юному артисту, положилъ ему руку на голову и говорить:

— Знаешь ли ты, Мовша, что ты талантъ, что изъ тебя незаурядный актеръ можетъ выйти. И гдѣ и когда только ты успѣлъ всему этому выучиться?

Приказалъ панъ зачислить еврейчика въ свою труппу, тамъ его пообучили, стали выпускать на сцену въ нѣсколькихъ роляхъ. Помѣщикъ приходилъ его посмотреть, остался доволенъ его исполненіемъ и заявилъ:

— Хорошо, очень хорошо, пока что—учись играть у меня, за выговоромъ слѣди, а потомъ видно будетъ...

Это «потомъ» наступило очень скоро. Осенью, отъѣзжая въ городъ, помѣщикъ взялъ его съ собою и отдалъ въ обученіе театральному дѣлу по настоящему.

— Видите—опять счастье!—добавилъ Горовъ съ улыбкой:—ну, дальше-больше, нашъ еврейчикъ весь отдался изученію театральнаго искусства, что и въ трудъ себѣ не ставилъ, да это было не столько трудомъ для него, сколько наслажденіемъ; словомъ, нашелъ свое призваніе, призваніе всей своей жизни... Прошло немного лѣтъ и изъ никому невѣдомаго еврейчика Мовши выработался усидчивымъ трудомъ и упорствомъ настоящей актеръ, который даже акцентомъ не выдавалъ своего происхожденія. Публика съ первыхъ же шаговъ приняла его благосклонно, антрепренеры стали приглашать къ себѣ на перебой; пришла извѣстность, а съ нею и деньги. О бывшей нуждѣ, бѣдности, грязи, голоданіи—не было и помину.

IV.

Горовъ замолчалъ. Я съ недоумѣніемъ смотрѣлъ на него и не понималъ, какую связь имѣеть его разсказъ съ темой нашего предыдущаго разговора о «Старомъ баринѣ». Ну, вышелъ изъ какого-то еврейчика талантливый актеръ, это часто встрѣчается, но чтобы этотъ случай доказывалъ мнѣ неправоту высказаннаго мною взгляда, я рѣшительно не понималъ и вопросительно смотрѣлъ на Ѳедора Петровича.

Тотъ улыбнулся.

— Не догадываетесь, мой молодой другъ? Да вѣдь этотъ еврейскій мальчишкѣ Мовша и артистъ Горевъ, котораго вы такъ неосновательно возносите до небесъ за «Стараго барина» и приравливаете его по игрѣ къ знаменитому Милославскому,—одно и тоже лицо...

Я былъ такъ пораженъ, что не нашелся, что сказать. Горевъ—еврей! Ни въ типѣ, ни въ акцентѣ, ни въ жестахъ, даже въ характерѣ—ничего еврейскаго!

— Не мистифицируетъ ли меня просто-напросто милѣйшій Федоръ Петровичъ? мелькнуло у меня въ головѣ: но нѣтъ, онъ смотрѣлъ на меня совершенно серьезно, и, видимо, торжествовалъ произведеннымъ на меня впечатлѣніемъ своимъ разказомъ, доказавшимъ, что талантъ для сцены—это все, что и не рожденный бариномъ можетъ изобразить на подмосткахъ чистокровнаго барича... Такъ-то все условно на сценѣ, которая совсѣмъ не похожа на дѣйствительную жизнь...

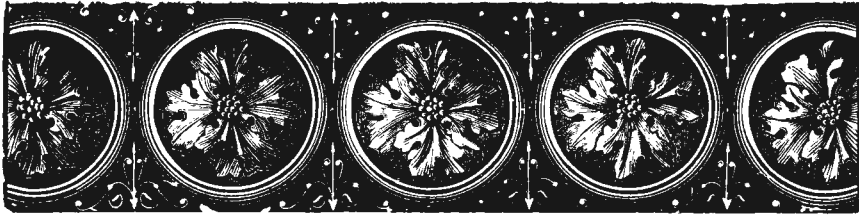
V.

Я думаю, разказанный мной эпизодъ будетъ не безынтересенъ какъ для поклонниковъ таланта умершаго артиста, такъ и для будущихъ біографовъ Горева, знавшаго его лучше меня. Насколько правды въ этомъ эпизодѣ, не знаю, но я слышалъ его изъ устъ самого Горева за что купилъ, за то и продаю, и думаю, что читатели—поклонники Федора Петровича не поставятъ ему въ вину его еврейства, съ которымъ, кромѣ происхожденія, у него ничего общаго не было за всю его продолжительную сценическую дѣятельность, но, напротивъ, поставятъ ему въ великую заслугу тотъ фактъ, что онъ исключительно своимъ талантомъ пробилъ себѣ дорогу къ извѣстности, будучи по рожденію поставленъ въ самыя неблагопріятныя условія жизни...

Талантъ—талантомъ, а быть можетъ, помогло и счастье, на которое такъ любилъ ссылаться покойный.

Вл. Марковъ.

ЦАРЕУБИЙСТВО 1 МАРТА 1881 ГОДА ¹⁾.

(Историческіе очерки).

VII. Конституціонныя вѣянія и «диктатура сердца».

I.

ВТО ВРЕМЯ, какъ революціонная партія слѣдила за каждымъ шагомъ императора Александра II, приготавливая ему мученическую кончину, вѣрноподданная Россія торжественно готовилась къ чествованію своего царя-освободителя по случаю двадцатипятилѣтія его вступленія на прародительскій престолъ. Это чествованіе было приурочено къ 19 февраля и этотъ день былъ отмѣченъ въ лѣтописяхъ нашей исторіи цѣлымъ рядомъ привѣтствій, обращенныхъ къ виновнику торжества со всѣхъ концовъ Россіи. Самое торжество въ Петербургѣ началось утромъ исполненіемъ на уничтоженной нынѣ площадкѣ передъ Зимнимъ дворцомъ нѣсколькихъ музыкальныхъ пьесъ соединенными оркестрами всѣхъ гвардейскихъ полковъ, при салютационномъ громѣ орудій, разставленныхъ вдоль набережной Васильевского острова. Государь съ балкона дворца раскланивался съ войскомъ и народомъ, послѣ чего въ Бѣломъ залѣ состоялся пріемъ поздравленій отъ воинскихъ чиновъ. По припятіи отъ гвардіи образа Спасителя, государь обратился къ команди-

¹⁾ Продолженіе см. «Историческіи Вѣстникъ», 1910 г., т. СХХII, стр. 276.

рамы гвардейскихъ полковъ съ рѣчью, гдѣ отмѣтилъ ихъ вѣрность престолу и доблестное служеніе родинѣ, которыя они такъ ярко обнаружили при усмиреніи польскаго возстанія и на поляхъ минувшей русско-турецкой войны. Свою рѣчь государь заключилъ словами: «Когда меня не станеть, я надѣюсь, что вы также вѣрно будете служить моему сыну». По словамъ кн. В. П. Мещерскаго¹⁾, «при этихъ словахъ у многихъ выступили на глазахъ слезы, у всѣхъ стѣснилось больно и очень больно сердце, и невольно всѣ взоры устремились на стоявшаго возлѣ государя его наслѣдника, и увидѣли, какъ его всегда свѣтлое лицо глубоко омрачилось грустью, какъ сдвинулись его брови и какъ въ глазахъ его грустный взоръ заволкли слезы». Засимъ, послѣ благодарственного молебна, Александръ Николаевичъ принялъ поздравленія отъ высшихъ учрежденій имперіи. Адресъ, поднесенный государственнымъ совѣтомъ, гласилъ²⁾:

Государственный совѣтъ, въ чрезвычайномъ собраніи 19 февраля 1880 года, въ торжественный день совершившагося двадцатипятилѣтія со дня восшествія государя императора на прародительскій престолъ, слѣдуя сердечному влеченію, призналъ священнымъ долгомъ принести къ подножію престола его императорскаго величества вѣрно-подданническое поздравленіе вмѣстѣ съ выраженіемъ одушевляющихъ совѣтъ благоговѣйныхъ чувствъ признательности и преданности.

Государственный совѣтъ, какъ ближайшій участникъ въ осуществленіи предназначеній государя по законодательству и внѣшнему управленію, былъ постояннымъ свидѣтелемъ трудовъ монарха по главнымъ отраслямъ державнаго его дѣла. Совершившіяся въ настоящее царствованіе преобразованія и усовершенствованія въ законахъ, обновившія весь строй государства, являются плодами неисчерпаемой любви его императорскаго величества къ Россіи и неусыпной заботливости его о благѣ вѣреннаго ему Богомъ народа. Совѣтъ имѣлъ великое счастье быть призваннымъ къ обсужденію и окончательной разработкѣ законодательныхъ мѣропріятій, память о которыхъ останется неизгладимою въ лѣтописяхъ нашего отечества.

Наиболѣе вѣрное изъ нихъ — освобожденіе крестьянъ — возымѣло начало отъ лица самаго государя, развивалось и созрѣло подъ непосредственнымъ благотворнымъ руководствомъ его императорскаго величества и исполнено успѣшно силою державной воли его, встрѣченной единодушнымъ сочувствіемъ дворянства, при спокойствіи и довѣрии сельскаго населенія.

Великое, святое дѣло совершилось. Никому не знать и не счастье, сколько крестныхъ знаменій положено за него милліонами освобожденныхъ людей, сколько теплыхъ молитвъ вознесено къ Богу, сколько горячихъ, радостныхъ слезъ оросило русскую землю. Наименованіе Освободителя въ благодарной памяти народной, неразрывно связанное съ именемъ Александра II, будетъ всегда краснорѣчиво-простымъ свидѣтельствомъ того, что прочувствовано русскими сердцами.

¹⁾ Кн. В. П. Мещерскій, «Мои воспоминанія» (1865—1881 гг.), часть вторая.

²⁾ Императоръ Александръ II, его жизнь и царствованіе, ч. 2-я.

Дарованіе крестьянамъ правъ свободныхъ гражданъ и введеніе затѣмъ суда гласнаго, устнаго и равнаго для всѣхъ подданныхъ, въ связи съ цѣлымъ рядомъ другихъ, по всѣмъ отраслямъ управленія, узаконеній и улучшеній, указанныхъ отеческой заботливостью монарха, дали странѣ новую жизнь. Россія возмужала и развилась.

Нелегокъ былъ путь, пройденный царственнымъ труженикомъ; немало разнообразныхъ препонъ дано было ему побороть. Провидѣнію не угодно было умалить славу его дѣяній удаленіемъ отъ него той тяготы, которая, по неисповѣдимымъ путямъ Промысла, бываетъ неразлучна съ трудомъ созиданія, которое величаво проявляетъ духъ избранниковъ Бога и сильнѣе привязываетъ къ нимъ сердца людей. На ряду съ успѣхами и радостями представлялись трудности и ниспосылались печали. Но онѣ не смущали его сердца, не ослабляли и не останавливали воли благодѣющей Россіи.

Гордое вѣнценоснымъ своимъ вождемъ отечество съ молитвою торжествуетъ нынѣ двадцатипятилѣтіе его царствованія. Стекающіеся изъ всѣхъ концовъ обширной имперіи, отъ всѣхъ сословій и обществъ горячія заявленія о неизмѣнной преданности и благодарности его императорскому величеству, сопровождаемая щедрыми пожертвованіями на богоугодныя цѣли, свидѣтельствуютъ о безпредѣльной любви къ монарху его вѣрноподданныхъ, желающихъ добрыми дѣлами привлечь на его голову новыя благословенія. Учрежденіе училищъ, облегченіе обремененныхъ и неимущихъ и призрѣніе страждущихъ—сполнѣ достойное чествованіе Царя-Освободителя.

Богъ всемогущій да сохранитъ его на многія годы!

На это привѣтствіе, прочитанное предсѣдателемъ Государственнаго совѣта великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ, государь императоръ, обращаясь къ нему и представителю вышшаго государственнаго учрежденія, отвѣтилъ: «Благодарю васъ, господа, за выраженіе вашихъ чувствъ. Благодарю васъ также за ваши труды. Къ прискорбію моему, нѣтъ уже въ живыхъ многихъ изъ тѣхъ, которые участвовали въ главныхъ законодательныхъ работахъ моего царствованія. Благодарю всѣхъ ближайшихъ сотрудниковъ, начиная съ тебя, перваго моего помощника въ крестьянскомъ дѣлѣ, а также всѣхъ министровъ, бывшихъ и нынѣшнихъ, въ особенности государственнаго канцлера. Надѣюсь, что Совѣтъ будетъ попрежнему помогать мнѣ въ предстоящихъ еще трудахъ. Уповаю, что Богъ насъ не оставитъ. Молитесь вмѣстѣ со мною, и Господь выведетъ насъ изъ того тягостнаго положенія, въ которомъ мы теперь находимся. Богъ да хранитъ всѣхъ васъ!» Послѣ этого было прочтено привѣтствіе Правительствующаго сената, составленное въ торжественномъ собраніи всѣхъ департаментовъ и прочитанное министромъ юстиціи. Здѣсь были перечислены всѣ дѣянія государя императора на пользу обновленія отечественнаго строя, отмѣчены всѣ реформы за 25 лѣтъ царствованія, послѣ чего сказано: «Преобразованія, предначертанныя его императорскомъ величествомъ въ мудрой заботливости о благѣ отечества, исполнены твердою державною волею и вѣрнымъ сознаніемъ дѣйствительныхъ цужь государства. Правительствующій сенатъ, вѣрующъ въ высшую благость

Божію, сохраняющую на счастье и радость русскаго народа священную жизнь его императорскаго величества, уповаетъ, что Россіи суждено еще долгіе годы итти путемъ мирнаго развитія подъ августѣйшимъ и мудрымъ руководствомъ императора Александра II. Временная потребность въ принятіи чрезвычайныхъ мѣръ къ искорененію ненавистной для всей Россіи горсти крамольниковъ не поколебить вѣры царя въ преданность престолу народа русскаго. Россія сильна любовью царя къ своему народу и непоколебимаго преданностью народа своему царю. Великими преобразованіями, совершенными императоромъ Александромъ II, посѣяны сѣмена умственнаго и нравственнаго развитія, трудолюбія и уваженія къ законамъ, неуклонное исполненіе коихъ есть незыблемое основаніе, утверждающее благоустройство, могущество и счастье народа».

На это привѣтствіе государь сказалъ: «Благодарю васъ, господа, за выраженное вами чувство. Я увѣренъ, что Правительствующій сенатъ всегда также, какъ и въ прежнемъ своемъ составѣ и въ настоящемъ его видѣ, будетъ руководствоваться тѣми же правилами, дѣйствуя на благо и славу Россіи. Убѣжденъ, что дѣятельность ваша всегда будетъ направлена къ упроченію законнаго порядка. Еще разъ благодарю и надѣюсь, что мнѣ и впредь придется благодарить васъ за столь же добросовѣстное исполненіе вами вашихъ обязанностей».

На всенодданѣйшемъ поздравительномъ письмѣ Св. синода, Александръ Николаевичъ сдѣлалъ отмѣтку: «Благодарю искренно. Да не оставитъ насъ Богъ въ теперешнихъ трудныхъ обстоятельствахъ. На Него возлагаю, какъ всегда, всю свою надежду! Да будетъ воля Его».

Мы видимъ и изъ приведенныхъ привѣтствій и отвѣтныхъ рѣчей государя, что всѣми участниками торжества проводится мысль о трудности переживаемаго государствомъ историческаго момента, созданнаго крамолою, и выражается надежда, что съ Божьей помощью и помощью принятыхъ экстраординарныхъ мѣръ Россіи удастся съ нею справиться. Такимъ образомъ на фонѣ свѣтлаго дня постоянно появляются пятна, къ которымъ невольно обращаются съ тревогой всѣ взоры. Но, рядомъ съ этою тревогою государственнаго порядка, надъ Зимнимъ дворцомъ, только что пережившимъ взрывъ 5 февраля, царили и другія тревоги: здѣсь тихо погасала свѣчка державнаго юбилея, императрица Марія Александровна, привезенная въ январѣ 1880 г. изъ Каннъ по ея личному настоятельному желанію вернуться домой, дабы не на чужбинѣ, а на родинѣ кончить свои страдальческіе дни.

По словамъ кн. Мещерскаго¹⁾, «...три мѣсяца она тихо угасала въ своемъ печальномъ уединеніи, чужая уже двору, чужая уже

¹⁾ Кн. В. П. Мещерскій, «Мои воспоминанія» ч. 2.

свѣту, чужая шумѣвшему около нея политическому новому міру, сосредоточившись мыслями и молитвами надъ дорогимъ своимъ супругомъ и злополучнымъ императоромъ. Въ эти дни послѣдняго прощанія съ жизнью—страданія ея души должны были быть сильнѣе страданій тѣлесныхъ. Потому, что я могъ узнавать объ этихъ минутахъ отъ лицъ, вѣрныя свѣдѣнія о предсмертномъ состояніи души императрицы Маріи Александровны, можно было догадываться, что болѣзненнѣе всего ее тѣснили душевныя предчувствія. Источникамъ ея предчувствія была ея сильная любовь къ государю-супругу. Я запомнилъ въ то время тѣ замѣчательныя слова, которыя незадолго до кончины императрицы-страдалницы, вмѣстѣ съ тихими слезами, катившимися по ея безжизненному лицу, вылились изъ ея души и сказаны были одной изъ ближайшихъ къ ней особъ, не отходившей отъ нея во все время послѣдней болѣзни...

— Я не боюсь смерти для себя,—сказала императрица,— я вѣрую, что Богъ надо мною сжадется, но я боюсь своей смерти потому, что пока я жива, я молюсь день и ночь за государя, и пока я молюсь, молитвы его сохраняютъ... А когда я умру... умирающая царица не догворила—однѣ слезы, покорныя и тихія, досказали ея пророческую мысль... И дѣйствительно, какимъ пророчествомъ поразительнымъ были эти слова. Пока императрица была жива—ни одно покушеніе, самое неизбѣжное, казалось, и неустранимое, никогда не удавалось; когда ея не стало,—первое покушеніе оказалось смертельнымъ. Какъ всегда—былъ конвой, былъ полиція, былъ увѣренъ, благодаря своимъ мѣрамъ, въ безопасности государя Лорисъ-Меликовъ, но не было одного: молитвъ императрицы, и преступленіе совершилось».

Нарисовавъ плѣнительный образъ Маріи Александровны, какъ женщины, кн. Мещерскій касается и вопроса о ея политическомъ вліяніи на ходъ тогдашнихъ событій и говоритъ, что это ея политическое вліяніе, повидимому, съ годами ослабѣло по двумъ причинамъ: «Въ ней, по его словамъ, были два повиновавшіяся ея личности чувства: она свято блюла слово апостола: жена да боится мужа своего, и въ то же время она была горда, какъ супруга, и гордость ея была искренняя и высокаго свойства; эти два чувства постепенно усиливались, обязывали ее избѣгать всего, что могло быть похожемъ на заискиваніе вліянія, и могло наводить на мысль, что она ищетъ вмѣшательства въ дѣла... Она предпочтала быть въ данную минуту збытою, чѣмъ показывать кому-либо, что она о себѣ напоминаетъ... А такъ какъ въ придворномъ мірѣ неизбѣжно, по законамъ человѣческимъ, что влеченію чистому и гордому пособниковъ всегда находится гораздо меньше, чѣмъ для вліянія корыстнаго или эгоистическаго, во имя личной интриги или личнаго интереса, то само собою такъ дѣбалось, что чѣмъ больше расширялся при дворѣ кругъ интересовъ личныхъ, тѣмъ

меньше было простору, т. е. времени и случая для вліянія чистаго, високаго. Императрица, какъ я сказалъ, была слишкомъ горда, чтобы заискивать себѣ это вліаніе, и боялась своего мужа въ апостольскомъ смыслѣ слова, и вотъ почему ея вліаніе, которое въ началѣ было благодатно своею силою, мало-по-малу начало слабѣть. Она не нисходила до спора съ кѣмъ-либо объ этомъ вліаніи, и вслѣдствіи этого должна была покориться передъ ходомъ обстоятельствъ съ порядкомъ вещей, слагавшихся изъ случайностей... Покорная судьбѣ, по христіанскому долгу и по гордости, она незамѣтно переходила отъ активной роли къ пассивной, и я думаю, что не будь этого, а будь наоборотъ, т. е. прими она отъ обстоятельствъ и отъ людей, съ своимъ умомъ и съ своими нравственными силами, и своимъ тонкимъ чутьемъ въ пониманіи людей, борьбу за свое вліаніе, многого не случилось бы въ судьбѣ императора Александра II, что затруднило и затуманило безъ того уже трудную его жизнь».

II.

Русскій царь, давшій своему народу свободу, сумѣвшій свернуть колесо отечественной исторіи на новый путь, встрѣчалъ такимъ образомъ двадцатипятилѣтіе своего державства при невеселыхъ обстоятельствахъ и домашней и государственной жизни. Характеризуя Александра II въ эти послѣдніе годы его жизни, какъ правителя и человѣка, князь Мещерскій отмѣчаетъ его разочарованіе реформами и людьми, которое всецѣло его охватило и благодаря которому онъ, «обманутый и разочарованный и недобѣрчивый отдавалъ себя подъ власть не столько людей, сколько какого-то рока», благодаря чему онъ и рѣшился прибѣгать къ такому способу дѣйствій и принимать такую программу государственнаго управленія, съ которой онъ, по свойству своей природы, по всему своему воспитанію и образу мыслей, принципиально не былъ согласенъ. Таковою программой и была программа, выработанная предсѣдателемъ «верховой комиссіи» гр. Лорисъ-Меликовымъ, куда заложены были первыя основы будущаго государственнаго строя, долженствующаго прійти на смѣну строю полицейско-бюрократическому, съ конца шестидесятыхъ годовъ сковавшего Россію въ ея поступательномъ историческомъ развитіи. Объ этомъ строѣ мы достаточно говорили въ своемъ мѣстѣ; здѣсь же отмѣтимъ лишь, какъ выяснилась необходимость новыхъ государственныхъ начинаній, необходимость, вытекающая изъ такого сложнаго и печальнаго положеній вещей, которое было официально засвидѣтельствовано на юбилей государя и сопутствующимъ обстоятельствамъ котораго посвящены были наши историческіе очерки за текущіе два года. Обновленіе русскаго строя, начавшееся съ конца 50-хъ годовъ и заключившееся великими реформами

60-х годовъ, затормазилось, и даже представители бюрократическаго міра понимали, что дальнѣйшее тормаженіе не приведетъ къ добрымъ результатамъ и готовить Россіи катастрофу. И вотъ мы видимъ въ дневникѣ гр. Валуева ¹⁾ слѣдующія знаменательныя записи. Онъ заноситъ сюда по поводу суда надъ Соловьевымъ подь 26 мая 1879 г.: «Судъ надъ Соловьевымъ состоялся вчера... Достойна замѣчанія аффектація безвѣрія во всѣхъ этихъ подсудимыхъ. Съ перваго слова, на судѣ, Соловьевъ заявилъ, что не признаетъ никакой религіи... Для меня все это какъ будто второстепенно, т. е. не характеръ безвѣрія въ выхоленныхъ нами самими заговорщикахъ и убійцахъ, а всѣ теперешніе суды и пр. Не вижу правительственнаго сознанія, хотя и вижу правительствованіе. Мнѣ кажется, что все-таки по частямъ все крушится и рушится—и я безсиленъ крушенію и обрушенію ставить преграды. Все одно и то же чувство. Вижу, чего другіе какъ будто не видятъ, и ожидаю того, чего они ждуть». Подь 1 іюля того же года, послѣ возвращенія государя изъ Крыма и счастливаго спасенія изъ московской динамитной засады, онъ пишетъ въ «дневникѣ» послѣ свиданія съ государемъ и государыней: «Вокругъ нихъ все попрежнему; но они не прежніе. Оба оставили во мнѣ тяжелое впечатлѣніе. Государь имѣетъ видъ усталый и самъ говорилъ о нервномъ раздраженіи, которое онъ усиливается скрывать. Въ эпоху, когда нужна въ немъ сила,—очевидно, нельзя на нее рассчитывать... Императрица—живое противорѣчіе. Приемы прежніе, вся наружность другая; какъ будто кто-то играетъ чужую роль. Она, въ данный срокъ времени, постарѣла болѣе него. Во дворцѣ—тѣ же Гротъ и Голицынъ, также фрейлина Пилларъ, тѣ же метрдотель и пр. Вокругъ дворца на каждомъ шагѣ полицейскіе предосторожности; конвойные казаки ѣдутъ рядомъ съ приготовленнымъ для государя традиціоннымъ въ такіе дни шарабаномъ. Чувствуется, что почва зыблется, зданію угрожаетъ паденіе, но обыватели какъ будто не замѣчаютъ этого, а хозяева смутно чуютъ недоброе, но скрываютъ внутреннюю тревогу».

Подь вліяніемъ всего видѣннаго во дворцѣ и событій тогдашней жизни, Валуевъ выдвигаетъ свои забытые и неосуществленные проекты 1863 г. и рѣшаетъ обратить вниманіе на нихъ государя. И вотъ въ его дневникѣ встрѣчается знаменательная записъ, подь 4 іюня 1880 г., послѣ доклада въ Царскомъ Селѣ. «Впечатлѣніе довольно благопріятное. Государь повидимому сознаетъ, что нельзя ничего не дѣлать для будущаго и, кажется, мнѣ довѣряетъ...

«Онъ опять самъ заговорилъ о конституціонныхъ толкахъ. Я воспользовался случаемъ, чтобы обрисовать въ должномъ свѣтѣ и видѣ нынѣшній Государственный совѣтъ, и забросилъ два слова

¹⁾ «Былое» 1906 г. № 12.

о моихъ предложеніяхъ 1863 года. Государь ничего не сказалъ, но въ тотъ же вечеръ прислалъ мнѣ, для прочтенія и доклада, полученное имъ отъ князя Горчакова открытое письмо неизвѣстнаго, въ которомъ проводится мысль о необходимости и неизбежности конституціи... Авторъ, очевидно, полякъ, мало знающій Россію». Съ этого момента и вплоть до декабря дневникъ Валуева не даетъ никакихъ свѣдѣній о движеніи вопроса по предмету преобразования Государственного совѣта и только въ декабрѣ онъ, при докладѣ государю, «жарко и рѣзко» обрисовалъ внутреннее положеніе дѣлъ. Послѣ этой рѣчи Александръ Николаевичъ разрѣшилъ Валуеву вновь представить записку 1863 г. При этомъ разговорѣ присутствовали и наслѣдникъ - цесаревичъ Александръ Александровичъ, но Валуевъ не видѣлъ его лица, а потому не могъ судить о впечатлѣніи на немъ этой бесѣды. Вслѣдъ за тѣмъ Валуевъ представилъ свою записку и только 7 января 1880 г. государь приказалъ ему быть у него въ среду 8 числа. Въ этотъ день бесѣда о необходимости преобразования государственнаго строя возобновилась и Валуевъ занесъ въ дневникъ: «При этомъ случаѣ государь прочиталъ мнѣ исчезнувшую съ 1866 г. записку великаго князя ген.-адмирала Константина Николаевича приблизительно по тому же предмету. Его предположенія уже, и явно, что узость ихъ, въ глазахъ государя составляетъ достоинство. Разрѣшено переговорить съ княземъ Урусовымъ (статсъ-секретарь). Государь притомъ отозвался, что соберетъ насъ послѣ для совѣщанія, конечно, при министрѣ внутреннихъ дѣлъ, шефѣ жандармовъ и пр. Присутствовавшій цесаревичъ явно недоброжелателенъ всякому органическому измѣненію *status quo* и всякій «конституціонализмъ» считаетъ гибельнымъ. Явно также, что онъ весьма невѣрно освѣдомленъ о настроеніи въ имперіи, считая конституціонныя стремленія исключительно столичными бреднями, и притомъ не имѣлъ яснаго понятія о моихъ предложеніяхъ и не зналъ, что я еще въ прошломъ году высказалъ во всеподданнѣйшей запискѣ, *que le mot «constitution» ne devait même pas être prononcé*. Государь передалъ цесаревичу, отчасти по моему предложенію, отчасти *proprio motu*, *les pièces du procès*. Въ виду настроенія, я не входилъ ни въ какія подробности. Все-таки дѣло пошевельнулось. Увидимъ, что будетъ».

Десятаго января Валуевъ отослалъ государю часть своей переписки съ государственнымъ секретаремъ княземъ Урусовымъ въ 1866 г. Предварительно онъ объяснился съ Урусовымъ и получилъ его согласіе. «Урусовъ, записалъ въ дневникъ Валуевъ, колеблется, несмотря на то, что самъ мнѣ сказалъ за обѣдомъ у государя 16 декабря, въ тотъ самый день, когда я напомнилъ его величеству о моей запискѣ 1863 г., *qu'il ruminait sans cesse mes idées d' alors*».

На слѣдующій день и великій князь Константинъ Николаевичъ просилъ Валуева прислать ему переданную государю записку 1863 г.,

и Валуевъ по этому случаю отмѣтилъ въ дневникѣ: «Слѣдовательно, государь говорилъ съ нимъ». 15 января къ Валуеву заѣзжалъ министръ внутреннихъ дѣлъ Моковъ и передалъ ему, что великій князь наканунѣ спорилъ съ нимъ объ этой запискѣ. Валуевъ занесъ въ дневникъ: «Государь имѣетъ въ виду нѣчто къ 19 февраля и намекнулъ объ этомъ Дрентельну, который довольно наивно предложилъ даровать какія-то облегченія полицейскимъ поднадзорнымъ. Государь отозвался, что «пожалуй», но это особое, а дѣло въ другомъ, и онъ насъ соберетъ для совѣщанія». Далѣе онъ записалъ: «Кое-что непременно сбудется, если рѣчь о 19 февралѣ, и я не безъ основанія на то рассчитывалъ 10 декабря. Но что именно? Знаю, что со всѣхъ сторонъ будутъ стараться указывать. Князь Урусовъ мнѣ писалъ, *qu'il est éffrayé de mon courage etc.* Отвѣчалъ, *que si courage il y avait c'était dans mes écrits de 1863 et 17 années de silence, mais que pour le moment j'étais simplement mpt boy*».

Послѣ бесѣды 17 января съ великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ мы встрѣчаемъ у Валуева такую запись: «Разговоръ о моей запискѣ 1863 и его 1866 годовъ. Онъ выпытывалъ, съ чего теперь началось движеніе. Убѣдившись, что отчасти толчекъ данъ былъ мною, онъ очевидно желалъ заключить союзъ на дальнѣйшее дѣйствіе. Я уклонился, говоря, что прежде всего нужно выждать указанія государя и предстоящаго у него совѣщанія. Я только заявилъ, что для меня существенно важны слѣдующія три условія: чтобы дѣло было не мелкое; чтобы совѣщательное участіе въ законодательствѣ было представлено лицами, выбранными для того изъ губерній, и чтобы не было письменныхъ исключеній или ограниченій. Я выразился такъ: «не гостинодворскія начала, а начала Всероссийской имперіи».

О дальнѣйшемъ ходѣ событія П. Е. Щеголевъ въ статьѣ «Изъ исторіи «конституціонныхъ» вѣяній въ 1879 и 1881 годахъ»¹⁾, на основаніи подлиннаго дневника графа Валуева, повѣствуетъ такъ:

«18 января Валуевъ обѣдалъ у государя вмѣстѣ съ генералами Гурко, Дрентельномъ, Зуровымъ, гр. Павловымъ, Шуваловымъ и Маковымъ. Государь передалъ Валуеву мнѣніе по вопросу князя Урусова. Урусовъ совѣтовалъ государю ничего не дѣлать: по его мнѣнію, многого нельзя, малое не удовлетворить. Валуевъ отвѣтилъ на это, что дѣло такъ важно, что все-таки желательно, чтобы оно было обсуждено въ присутствіи государя. Александръ II согласился съ этимъ предложеніемъ. Тутъ же Валуевъ передалъ государю о приглашеніи великаго князя, просилъ и получилъ дозволеніе сообщить великому князю свои записки.

«Кризисъ—пишетъ Валуевъ подъ 18 января—по этому радикальному вопросу наступаетъ». Наконецъ, 19 января, государь,

¹⁾ «Былое» 1906 г., № 12.

возвращая нѣкоторыя бумаги, приписаль, что просить къ себѣ въ понедѣльникъ, т. е. 21 января. «Кризисъ у порога»...

«Обсужденію конституціонныхъ записокъ было посвящено четыре засѣданія. На первомъ — 21 января — государь только поставилъ вопросъ и предложилъ обсудить его между сановниками, въ комиссіи изъ двухъ великихъ князей (Константина Николаевича и наслѣдника Александра Александровича), Валугева, кн. Урусова, шефа жандармовъ Дрентельна и Макова. Въ этомъ составѣ комиссія обсуждала предложеніе Валугева 23 и 25 января. Последнее засѣданіе въ присутствіи государя было 30 января».

О первомъ засѣданіи 22 января Валугевъ на слѣдующій день записаль слѣдующее:

«Вчера совѣщаніе у государя. Для лучшаго охраненія тайны всѣ введены первыми коридорными дверьми въ библіотеку. На лицо были: два вел. князя, кн. Урусовъ, Дрентельнъ, Маковъ и я. Государь предложилъ общій вопросъ къ обсужденію. Вел. кн. ген.-адмираль прочиталь свою записку, дополняя изустно разными оговорками, и потомъ высказался вообще въ пользу дѣла; но то и другое въ обычномъ полуарлекинномъ тонѣ. Была рѣчь и о безсословности, и о реформахъ, и о чисто русскихъ, а не иностранныхъ началахъ, и объ англійской конституціи, и о земствѣ, и, конечно, о будто бы въ прежнее время раздражившемъ дворянство крестьянскомъ освобожденіи, и проч., и проч. Кн. Урусовъ, Дрентельнъ и Маковъ въ краткихъ выраженіяхъ обнаружили несочувствіе. Подробнаго обсужденія не было, потому что государь съ самаго начала сказалъ, что онъ только ставитъ вопросъ и представляетъ его обсудить предварительно между нами. Я высказался, въ свою очередь, преимущественно съ точки зрѣнія необходимости, въ виду нынѣшняго положенія дѣла, положить предѣлъ пассивности добронамѣреннаго большинства, а самому правительству дать возможность высказываться и вести рѣчь противъ ежедневно и вездѣ проповѣдуемыхъ революціонныхъ началъ. Цесаревичъ сказалъ, что ничего дѣлать не слѣдуетъ, потому что призванные представители сословій будутъ неудобные крикуны, адвокаты и т. п. Оппозиція цесаревича имѣла видимое вліяніе на кн. Урусова и Макова. На этомъ совѣщаніи прекратилось. Положено вновь быть у государя въ будущій вторникъ, 29-го, въ 11 ч., а между тѣмъ намъ собраться у вел. кн. ген.-адмирала завтра, 23-го. Возвратясь домой, я тотчасъ написалъ Макову и кн. Урусову, что считаю дѣло проиграннымъ, во 1-хъ, потому что между нами нѣтъ необходимаго единодушія, во 2-хъ, потому что оно попало въ руки ген.-адмирала. Мнѣ выгоднѣе, для будущаго, отступить, чѣмъ быть отбитому.

«Общее впечатлѣніе тягостное, даже для меня, хотя я давно знаю моихъ собесѣдниковъ».

«Они оказались еще гораздо ниже обычного уровня, кромѣ Дрентельна, который въ такихъ дѣлахъ новъ и отъ котораго я ничего, кромѣ инстинктивной радости ожидать не могъ. Въ кн. Урусовѣ особенно беззащѣнно обнаружился лакеизмъ, а въ Маковѣ необтесанная ограниченность взгляда. Дивлюсь тому, какъ никто

Михаиль Николаевичъ Тригони.

не замѣчаетъ опасности слишкомъ явнаго признанія въ правительственномъ эгоизмѣ.

«Быть можетъ, это къ лучшему. При такихъ элементахъ и направленіи дѣла вел. кн. ген.-адмираломъ, успѣхъ вообще становится невозможнымъ. Судьбы сбываются. Быть можетъ, для перехода къ другому порядку мыслей и дѣлъ нужно, чтобы подъ нами почва еще болѣе заколебалась».

О слѣдующихъ засѣданіяхъ Валугевъ пишетъ уже въ тонѣ, вполне безнадежномъ.

«23-го января — сообщаетъ онъ о второмъ засѣданіи — утромъ въ Мраморномъ дворцѣ. Я заявилъ вел. кн., что въ виду отсутствія необходимаго въ такихъ дѣлахъ единомыслія, я считаю мои предположенія неосуществимыми въ настоящее время и потому отъ дальнѣйшаго настоянія или даже обсужденія отказываюсь. При этомъ случаѣ я однако же напомнилъ ему à propos его руссизмовъ, о вѣчахъ, о соборахъ, о боярской думѣ, и сказалъ, что нельзя изъ цѣлаго брать одну десятичную дробь, считая русскія начала только съ временъ Екатерины или кодификаціи гр. Сперанскаго, и что въ дѣлахъ государственныхъ есть общія европейскія и общечеловѣческія начала. (Это относилось къ тому, что онъ русскую Америку открывалъ въ нѣкоторыхъ, никогда не примѣнявшихся, статьяхъ Свода законовъ о выборѣ депутатовъ на случай и проч.) Маковъ, Дрентельнъ и кн. Урусовъ, каждый на свой ладъ, также выразили отрицательное, по главному вопросу, мнѣніе. Тогда monseigneur s'est rabattu,—опять со всевозможными ему свойственными ужимками и нескладными оборотами рѣчи,—на простое распространіе вышеупомянутыхъ статей Свода законовъ на земство и главные города. Я замѣтилъ, что въ такомъ случаѣ дѣло нельзя приурочивать къ 19 февраля, а слѣдуетъ дать ему общій рутинный ходъ въ законодательномъ порядкѣ. Вел. князь заявилъ, что онъ именно того и желалъ?! Положено возвратиться ко всему этому послѣ завтра, въ присутствіи цесаревича, который сегодня быть не могъ.

25 января засѣданіе происходило опять въ Мраморномъ дворцѣ съ 1 часу до 3. Проектъ Валугева былъ проваленъ окончательно. «Мы не знаемъ, — говоритъ г. Щеголевъ — какими причинами было вызвано непріязненное отношеніе Валугева къ великому князю Константину Николаевичу и насколько оно оправдывалось дѣйствительностью». Валугевъ въ своемъ дневникѣ приписываетъ великому князю устраненіе своего проекта. Устраняя Валугевскій проектъ, Константинъ Николаевичъ попробовалъ выдвинуть свой, но не успѣлъ въ этомъ, ибо встрѣтилъ рѣшительное противодѣйствіе Валугева. Засѣданіе оставило тягостное впечатлѣніе въ Валугевѣ.—«Засѣданіе—писалъ онъ—у вел. кн. ген.-адмирала, привело, но не безъ труда, къ простому отрицательному заключенію. Онъ усиленно пытался провести свою мысль и чуть-чуть не эскамотировалъ на то согласіе цесаревича, на этотъ разъ присутствовавшего, и молчаніе другихъ членовъ совѣщанія. Но я уперся и не далъ совершиться его tour de prestidigitation. Онъ мнѣ вообще невыносимъ. Кн. Урусовъ, Маковъ и Дрентельнъ были въ обычныхъ роляхъ. Подробностей не отмѣчаю. Забыть главнаго нельзя. Satis». Черезъ два дня онъ записываетъ: «не

могу, про *rudore*, отмѣтить одного *dictum* цесаревича. Онъ самъ вѣроятно, не желалъ кого бы то ни было обидѣть, но слова, имъ произнесенныя, тѣмъ не менѣе были обидны. А генераль-адмиралъ, когда министръ внутреннихъ дѣлъ объяснялъ нынѣшнее исключительное положеніе дѣлъ въ ген.-губернаторствахъ, отозвался только, «конечно, при такой дичи все невозможно». Но эта «дичь»—мѣры, принятыя по высочайшему повелѣнію его державнаго брата».

«30 января состоялось послѣднее совѣщаніе по вопросу о конституціонныхъ проектахъ, во дворцѣ у государя. Кромѣ извѣстныхъ уже намъ лицъ, присутствовали министръ двора. «Вчера—писалъ на другой день Валуевъ—похоронена вновь—на долго ли, не угадываю,—мысль 1863 года. На совѣщаніи у государя ей прочитаны краткія отходныя, съ тѣми же оттѣнками, которые обнаруживались при предшествовавшихъ совѣщаніяхъ».

«Толки о засѣданіяхъ, на которыхъ въ тиши дворцовъ толковали о конституціи, проникали не только въ русское общество, но и въ заграничное. Съ этими толками связывали имя Валуева». Такъ, Блейхредеръ писалъ Валуеву, что въ Германіи ждутъ на 19 апрѣля учрежденія «*eines erweiterten Reichsraths mit Repräsentativ-system*».

III.

Кромѣ записей изъ дневника Валуева г. Щеголева въ той же статьѣ приводитъ и подробныя выдержки изъ записки великаго князя Константина Николаевича, написанной вскорѣ послѣ этихъ засѣданій и имѣющей цѣлью развить его личный взглядъ на вопросы и опровергнуть сдѣланныя ему возраженія. По показаніямъ г. Щеголева, въ своемъ проектѣ великій князь исходилъ изъ необходимости обезпечить «дохожденіе всей правды до государя, но безъ малѣйшаго прикосновенія къ священнымъ правамъ самодержавія». Съ этой цѣлью великій князь предлагалъ оживить и развить три начала, принятыя нашимъ законодательствомъ: 1) право заявленія своихъ нуждъ, предоставленное дворянству (ст. 142, т. IX, зак. о сосл.), земскимъ собраніямъ (т. II, общ. учр. губ., ст. 1818 п. 12) и городскимъ думамъ (тамъ же, ст. 1949); 2) признание за дворянствомъ права выбирать депутатовъ для объясненія ходатайства дворянства, 3) предоставленное департаментамъ Государственнаго совѣта право приглашать къ совѣщанью свѣдущихъ постороннихъ лицъ. Великій князь предлагалъ воспользоваться указанными началами «для созыва, по мѣрѣ надобности, при Государственномъ совѣтѣ, совѣщательнаго собранія изъ экспертовъ или гласныхъ, особо избираемыхъ для сего губернскими земскими собраніями и городскими думами наиболѣе значительныхъ городовъ».

Великій князь далѣ останавливается подробно на слѣдующихъ мнѣніяхъ, высказанныхъ въ январскихъ совѣщаніяхъ, и пишетъ:

«Въ отношеніи къ этому вопросу и вообще по существу проектированныхъ мѣръ, въ Особомъ совѣщаніи было высказано, между прочимъ, слѣдующее:

1) что изданіе предположеннаго мною узаконенія въ торжественный день 25-тилѣтія благополучнаго царствованія государя императора придало бы ему значеніе несравненно большее, чѣмъ оно имѣетъ въ дѣйствительности. Общество приняло бы его за даръ или за уступку со стороны верховной власти и было бы въ послѣдствіи разочаровано, когда убѣдилось бы, что изданный манифестъ или указъ не имѣетъ значенія конституціоннаго;

2) что если разсматривать проектированныя мною мѣры не въ смыслѣ дара или уступки, а въ видѣ мѣропріятія вообще полезнаго и имѣющаго способствовать болѣе правильному и успѣшному обсужденію законодательныхъ предположеній,—то и эта цѣль едва ли будетъ достигнута. Весьма вѣроятно, что избранія въ гласные будутъ домогаться и въ дѣйствительности нерѣдко достигать—не одни люди серьезные, знающіе потребности своей мѣстности, а наряду съ ними и пустые болтуны, преимущественно адвокаты, которые будутъ заботиться не столько о пользѣ общей, сколько о пріобрѣтеніи себѣ популярности, возвышенія или иной выгоды;

3) что созывъ многочисленнаго собранія гласныхъ, которые легко поддадутся вліянію печати, можетъ создать для правительства большія затрудненія искусственнымъ составленіемъ опасной оппозиціи;

Наконецъ 4), что у насъ правительство стоитъ неизмѣримо выше какихъ бы то ни было мѣстныхъ представителей. Вслѣдствіе того, оно не нуждается въ провѣркѣ своихъ предположеній и взглядовъ воззрѣніями людей, живущихъ въ малыхъ городахъ или уѣздахъ, а потому несравненно менѣе образованныхъ и развитыхъ. Если же, по какимъ-либо другимъ, болѣе важнымъ соображеніямъ, верховною властью признано будетъ умѣстнымъ и нужнымъ призвать представителей общества къ участію въ обсужденіи законодательныхъ дѣлъ, къ важной этой мѣрѣ слѣдуетъ приступить не путемъ нѣкотораго лишь развитія и обобщенія началъ, существующихъ въ нашемъ собственно законодательствѣ, но путемъ усвоенія нами, хотя, быть можетъ, и не вдругъ, а постепенно, общихъ конституціонныхъ порядковъ, составляющихъ достояніе всего образованнаго міра.

«Приведенныя соображенія требуютъ нѣкоторыхъ, съ моей стороны, объясненій, говоритъ Константинъ Николаевичъ:

1) Что касается неудобства издать проектированныя мною мѣры въ торжественный для Россіи день 19 февраля 1880 г. (чего, впрочемъ, мною и не было предлагаемо), то я вполне согласился въ засѣданіи съ правильностью высказанныхъ по этому вопросу соображеній. Считаю свой проектъ не такимъ актомъ внутренней политики государства, который предназначенъ былъ бы произвести впечатлѣніе на умы въ томъ или въ другомъ смыслѣ, а дѣломъ несравненно болѣе скромнымъ, полезнымъ собственно въ практическомъ отношеніи, я не встрѣтилъ препятствія отложить дальнѣйшее движеніе проекта, сохранивъ за собою право представить его вновь на высочайшее благоусмотрѣніе государя императора, когда это окажется своевременнымъ.

2) Переходя къ другимъ замѣчаніямъ, заявленнымъ въ Особомъ совѣщаніи, и оставаясь по существу предмета при прежнихъ моихъ убѣжденіяхъ, я не могу тѣмъ не менѣе не признать, что опасеніе на счетъ возможности выбора въ гласные адвокатовъ имѣеть дѣйствительно основаніе. Между тѣмъ, избраніе такихъ лицъ было бы, и по моему мнѣнію, нежелательно. Посему, вполне присоединяясь къ основной мысли сдѣланнаго въ этомъ отношеніи заявленія, я призналъ необходимымъ дополнить первоначальный мой проектъ правиломъ о томъ, что въ гласные не могутъ быть избираемы присяжные повѣренные, ихъ помощники и ходатаи по судебнымъ дѣламъ.

Геся Мировна Гельманъ.

Устраненію праздної болтовни будетъ отчасти способствовать и другое предлагаемое мною нынѣ постановленіе, по которому журналы совѣщательнаго собранія должны быть составляемы не Государственною канцеляріею, а самими гласными, избираемыми для сего собраніемъ. При возлагаемой на нихъ такимъ образомъ обязанности изложить на письмѣ всѣ заявленныя въ собраніи соображенія, гласные единственно будутъ заниматься попреимуществу самымъ дѣломъ, воздерживаясь отъ сужденій прямо къ нему не идущихъ.

Независимо отъ упомянутаго выше недопущенія въ составъ совѣщательнаго собранія адвокатовъ, я нахожу нужнымъ воспретить избраніе въ гласные также и лицъ, состоящихъ на государственной службѣ по опредѣленію отъ правительства. Къ этому побуждаетъ меня слѣдующее соображеніе. Въ составъ совѣщательнаго собранія желательно привле-

катъ людей, дѣйствительно знакомыхъ на практикѣ съ мѣстными потребностями различныхъ частей государства, а отнюдь не чиновниковъ, отзывы которыхъ, въ случаѣ надобности, всегда могутъ истребованы ихъ начальствомъ. Къ тому же неудобно было бы, чтобы проекты, внесенные въ Государственный совѣтъ министрами и главноуправляющими, разбирались, хотя и предварительно, лицами, прямо имъ подчиненными.

3) Засимъ я, съ моей стороны, вовсе не раздѣляю другого заявленнаго въ Особомъ совѣщаніи опасенія, заключающагося въ томъ, что созывъ совѣщательнаго собранія гласныхъ можетъ создать для правительства большія затрудненія.

Опасность подобнаго рода была бы, по моему мнѣнію, возможна въ томъ только случаѣ, если бы собраніе было весьма многочисленное, если бы въ гласные допускались всѣ безъ разбора, если бы засѣданія собранія были постоянныя и притомъ публичныя, наконецъ, если бы собраніе было предоставлено самому себѣ, безъ всякаго надзора со стороны правительства.

Ничего подобнаго въ проектируемыхъ мною правилахъ не предполагается.

Относительно численнаго состава совѣщательнаго собранія, необходимо имѣть въ виду, что мною предположено избирать только по одному гласному отъ каждой губерніи, гдѣ введены земскія учрежденія (35 губ.), и по одному же гласному отъ одиннадцати наиболѣе значительныхъ городовъ; засимъ, хотя въ проектѣ упоминается также объ избраніи гласныхъ отъ губерній, въ коихъ не введены еще земскія учрежденія, но это сдѣлано главнымъ образомъ для того, чтобы закономъ признано было въ принципѣ право представительства за всѣми, безъ изъятія, частями имперіи, самый же вызовъ гласныхъ отъ губерній не представляется безусловно необходимымъ на первое, по крайней мѣрѣ, время. По сему порядокъ избранія ихъ, нынѣ даже не предначертанный, предполагается опредѣлить впоследствии.

Такимъ образомъ, въ первые годы дѣйствія проектированныхъ мною мѣръ полный составъ совѣщательнаго собранія ни въ какомъ случаѣ не превышалъ бы 46 гласныхъ (35 гласныхъ отъ земскихъ собраній и 11 гласныхъ отъ городовъ). Но онъ можетъ быть и менѣе. Изъ осторожности, особенно необходимой на первыхъ порахъ, мною предполагается постановить, что гласные могутъ быть созываемы и не въ полномъ составѣ, а отъ тѣхъ только губерній и городовъ, которые будутъ означены въ высочайшемъ указѣ о составѣ совѣщательнаго собранія. Вслѣдствіе сего, правительство будетъ имѣть возможность призывать, за одинъ разъ, не болѣе напримѣръ 30-ти или даже и менѣе гласныхъ. Кроме того, я признаю возможнымъ, въ случаѣ оказавшейся на опытѣ особой необходимости, подраздѣлять собраніе на отдѣленія, поручивъ каждому соображеніе различныхъ дѣлъ. Такимъ образомъ, возникшая оппозиція могла бы быть тотчасъ же разъединена и обезсилена. Благодаря вѣсѣ этимъ предохранительнымъ мѣрамъ, численный составъ гласныхъ, обсуждающихъ тотъ или другой проектъ или же то или другое ходатайство, можетъ быть низведенъ до самыхъ незначительныхъ размѣровъ.

Съ другой стороны, собранія не будутъ постоянныя и не для разсмотрѣнія всѣхъ вообще дѣлъ, а временныя, на срокъ точно опредѣленный правительствомъ, съ указаніемъ и самыхъ дѣлъ, подлежащихъ обсужденію собранія. Возбуждать вопросы новые или вообще выходить изъ предѣловъ предположенныхъ вопросовъ—гласные не должны имѣть права. Предсѣдательство въ совѣщательномъ собраніи возлагается на членовъ государственнаго совѣта высочайшею волею къ сему при-

званныхъ. Въ засѣданіяхъ собранія участвуютъ министры и главноуправляющіе. Наконецъ, засѣданія предполагаются непубличныя, причѣмъ доступъ въ оныя разрѣшается только членамъ Государственнаго совѣта и весьма немногимъ изъ чиновъ Государственной канцеляріи.

Съ принятіемъ всѣхъ этихъ мѣръ предосторожности, совѣщательное собраніе гласныхъ очевидно не можетъ представить ни малѣйшей опасности для правительства. Въ связи съ изложеннымъ, считаю нужнымъ остановиться еще на одномъ обстоятельстве, имѣющемъ, по моему мнѣнію, нѣкоторую важность. Въ виду недопущенія въ число гласныхъ адвокатовъ и лицъ, состоящихъ на службѣ по опредѣленію отъ правительства, собраніе будетъ состоять, по крайней мѣрѣ, въ большинствѣ случаевъ, изъ лицъ, дѣйствительно представляющихъ мѣстные интересы уѣздовъ и городовъ. Трудно предполагать, чтобы такіе люди легко поддавались вліянію неблагонамѣренныхъ органовъ печати. Но если бы это иногда и случалось, то съ другой стороны, вызванные въ столицу гласные, безъ сомнѣнія, будутъ весьма нерѣдко приходиться въ соприкосновеніе съ лицами правительственными, будутъ объясняться съ ними по дѣламъ своей мѣстности, будутъ также бесѣдовать съ ними въ частныхъ собраніяхъ. Такимъ образомъ, они близко ознакомятся съ правительственными дѣятелями, оцѣнятъ ихъ и усвоятъ себѣ многое, до того времени имъ неизвѣстное или непонятное. Такое сближеніе и обмѣнъ мыслей будутъ во всѣхъ отношеніяхъ благодѣтельны, такъ какъ и дѣятели правительственные, въ свою очередь, узнаютъ объ уѣздной жизни многое, чего не могутъ они знать изъ дѣловыхъ бумагъ и официальныхъ сношеній».

Кромѣ того, г. Щеголевъ сообщаетъ о наличности въ то время еще одной брошюры, гдѣ также представлены соображенія о преобразованіи Государственнаго совѣта, изданной въ Парижѣ и отпечатанной на русскомъ языкѣ подъ заглавіемъ «Преобразование государственнаго совѣта. Записки первого февраля 1879 г.», главнѣйшія положенія которой сводятся къ слѣдующимъ: 1) самодержавная власть и всѣ законы, ее опредѣляющіе, должны остаться неприкосновенными, какъ нынѣ; 2) предметы вѣдомства Государственнаго совѣта должны быть тѣ же и теперь; 3) въ Государственный совѣтъ должны быть призваны выборные члены, по два члена отъ каждой изъ губерній, гдѣ введено земское положеніе; 4) выборные члены Государственнаго совѣта избираются земскими губернскими собраніями съ присоединеніемъ предводителей дворянства и дворянскаго депутатскаго собранія *de jure*. Въ 1881 г. въ томъ же Парижѣ вышли еще четыре брошюры, гдѣ развиты по данному вопросу дальнѣйшія соображенія автора.

Отмѣченными проектами и совѣщаніями исчерпывается все, что имѣло мѣсто на собраніяхъ у государя. Какъ и можно было заранѣе догадаться, эти совѣщанія не привели ни къ какому результату и не реализовались никакимъ начинаніемъ государственнаго порядка. «Конституціонныя вѣянія» затихли и проявились лишь въ послѣдующемъ году въ нѣсколько видоизмѣненномъ видѣ по почину гр. Лорисъ-Меликова.

Конституціонныя вѣянія затихли къ концу 1880 года, а 5 февраля произошелъ извѣстный уже читателямъ взрывъ въ Зимнемъ дворцѣ, организованный Желябовымъ и приведенный въ исполненіе Халтуринымъ. По свидѣтельству князя Мещерскаго ¹⁾, «... взрывъ въ Зимнемъ дворцѣ сопровождался взрывомъ негодованія и ужаса не только въ Петербургѣ, но во всей Россіи. Всѣ поняли, что даже жилище царя, подобно улицѣ, подобно полотну желѣзной дороги, подвержено неумѣнью охранять отъ горсти преступниковъ правительственными слугами... Увы, въ правѣ быть это понятъ прежде всего государь... Только нѣсколько мѣсяцевъ назадъ вступили въ свои диктаторскія права новые генераль-губернаторы, и, между прочимъ, генераль-губернаторъ въ Петербургѣ, и въ результатѣ три покушенія на желѣзной дорогѣ и одно въ Зимнемъ дворцѣ, въ теченіе 4 мѣсяцевъ. Вопросъ: что дѣлать?—былъ у всѣхъ на умѣ и на устахъ. Онъ явился и у государя... Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ учредились во дворцѣ великаго князя Константина Николаевича, по повелѣнію государя, совѣщанія изъ министровъ для обсужденія темы: какими мѣрами остановить несомнѣнно разраставшій успѣхъ крамолы... Совѣщаніе это получило громадное значеніе историческаго значенія»...

По словамъ автора воспоминаній, кромѣ министровъ, на этомъ засѣданіи присутствовалъ и наслѣдникъ престола Александръ Александровичъ. «Послѣ открытія этого совѣщанія нѣсколькими вступительными словами предсѣдателя, начался обмѣнъ мыслями. Мысли эти не выражали ничего новаго, вращаясь въ сферѣ разныхъ полумѣръ, пребывавшихъ уже въ головахъ министровъ на всѣхъ прежнихъ совѣщаніяхъ. Къ тому же, совѣщаніе стояло передъ тѣмъ дѣйствительнымъ фактомъ, что, повидимому, все возможное было сдѣлано для противодѣйствія крамолѣ: учреждены были съ неограниченною почти властью генераль-губернаторы; губернаторамъ даны были тоже усиленные полномочія; всѣ политическія преступленія отданы были подъ военный судъ; всѣ пружины и струны строжайшаго полицейскаго надзора доведены до maximum'a напряженія... Что же еще оставалось дѣлать?.. Поднять былъ снова вопросъ объ отношеніяхъ школы къ крамолѣ, но, во-первыхъ, графъ Толстой, тогдашній министръ народнаго просвѣщенія, увѣрялъ, что имъ приняты были всѣ нужныя мѣры къ прекращенію зла, а, во-вторыхъ, время ли было въ такую острую минуту, когда дѣйствовать надо было немедленно, приступать къ сложному вопросу пересмотра нашей системы и нашихъ учрежденій народнаго образованія. Тѣмъ не менѣе, прижатое къ стѣнѣ возложеннымъ на

¹⁾ Кн. В. П. Мещерскій: «Моя воспоминанія» (1865—1881гг.), ч. вторая.

него государемъ порученіемъ, совѣщаніе посвятило себя обсужденію разныхъ мѣропріятій, предлагавшихся министрами, и имѣвшихъ характеръ усиленія надзора, охраны и проявленія власти, но, къ сожалѣнію, какъ тогда говорили скептики, и весьма основательно, ничего не предвѣщавшихъ, кромѣ усиленія переписки и пререканій между разными вѣдомствами... Вотъ въ эту-то минуту, когда, ка-

Юрій Николаевичъ Богдановичъ (Кобозевъ).

залось, исчерпаны были въ головахъ государевыхъ совѣтниковъ всѣ мѣры, по ихъ мнѣнію, способныя улучшить безпомощное положеніе правительства, раздался голосъ наслѣдника цесаревича. Тогда-то и наступила та важная историческая минута, про которую я сейчасъ сказалъ.

Голосъ наслѣдника раздался потому, что онъ одинъ былъ внутренно несогласенъ съ тѣмъ, что говорилось около него, и онъ одинъ

признавалъ жизненную правду во всей ея печальной наготѣ. Когда предсѣдатель совѣщанія обратился къ наслѣднику цесаревичу, молчаливо слушавшему всѣ происходившія обмѣны мыслей, съ вопросомъ объ его мнѣніи на счетъ всего, въ совѣщаніи проектированного, цесаревичъ сказалъ, что онъ не придаетъ особеннаго успѣха отъ предложенныхъ мѣропріятій, такъ какъ видитъ, что главное зло, мѣшающее правительству быть дѣйствительно сильнымъ въ борьбѣ съ крамолою и, вообще, съ безпорядками, заключается, по его мнѣнію, не въ отсутствіи мѣропріятій, которыхъ очень много, а въ разрозненности вѣдомствъ между собою, въ отсутствіи солидарности между ними, во внутреннемъ разладѣ между ними, и что вслѣдствіе этого онъ полагаетъ, что единственная мѣра, которая могла бы положить конецъ такому печальному порядку вещей, есть подчиненіе всѣхъ вѣдомствъ одному руководителю, отвѣтственному передъ государемъ въ данную минуту за восстановление порядка, съ тѣмъ, чтобы по всѣмъ вопросамъ государственной внутренней безопасности министры обязаны были дѣйствовать сообща, подчиняясь волѣ одного лица. Таковъ былъ приблизительно отвѣтъ цесаревича.

«Нужно ли говорить, что этотъ голосъ наслѣдника престола, столь прямо и столь мудро указавшій на главное больное мѣсто всего нашего тогдашняго строя, всѣхъ поразилъ своею неожиданностью. Нужно ли прибавлять, что въ тоже время главная мысль этого мнѣнія пришлась не по вкусу всѣмъ поразившимся имъ министрамъ и создала общую министерскую гримасу. Но искреннимъ, какъ всегда, оказался только предсѣдатель, великій князь Константинъ Николаевичъ. Раздѣлялъ ли онъ мнѣніе своего племянника, или не раздѣлялъ, никто знать того не могъ, но, воспріимчивый и умный, онъ сразу сталъ на подобавшую этой минутѣ патріотическую высоту.

«Выслушавъ мнѣніе наслѣдника престола, великій князь сказалъ, что такъ какъ мысль его царственнаго племянника выходитъ по своей сущности изъ предоставленныхъ ему государемъ полномочій, то онъ не считаетъ себя въ правѣ ее подвергать обсужденію, но въ то же время считаетъ своимъ долгомъ ее повергнуть на благоусмотрѣніе государя, и надѣется, что цесаревичъ не откажется, съ своей стороны, этой мысли высказать своему державному родителю. На это наслѣдникъ отвѣтилъ, что онъ принимаетъ на себя эту обязанность. И дѣйствительно, какъ цесаревичъ, такъ и великій князь Константинъ Николаевичъ, при докладѣ его величеству о протоколахъ совѣщанія, довели до свѣдѣнія государя и о мысли, выказанной наслѣдникомъ въ совѣщаніи.

«Государь ее призналъ не только достойною вниманія, но требующею немедленнаго осуществленія. Для этой цѣли государь, — какъ рассказывали тогда, — созвалъ совѣтъ министровъ въ присут-

ствіи цесаревича, и прямо предложилъ совѣту на обсужденіе свое твердое намѣреніе осуществить мысль наслѣдника, и назначить одно главное лицо во главѣ всѣхъ вѣдомствъ по всѣмъ вопросамъ, касающимся государственной безопасности... Министры, скрѣпя сердце, подчинились этому рѣшенію государя безъ особеннаго противодѣйствія; проектирована была комиссія для составленія наказа этому новому государственному лицу, съ полномочіями диктатора, какъ тогда его назвали, и затѣмъ явился вопросъ: кого назначить на эту трудную и отвѣтственную должность?..

«Быль ли этотъ вопросъ предложенъ на обсужденіе совѣта министровъ, или рѣшалъ его государь самъ, не знаю; одни говорили, что государь предложилъ министромъ назвать кандидата на эту должность, и что будто бы почти единогласно всѣ назвали Лорисъ-Меликова, ссылаясь на его успѣшное диктаторство въ Ветлянкѣ; другіе говорили, что выборъ Лорисъ-Меликова былъ сдѣланъ самимъ государемъ...

«Въ извѣстныхъ кружкахъ тогда говорили, и не безъ основанія, что въ ту минуту, когда явилась мысль цесаревича, требовавшая для ея осуществленія особенно достойнаго лица,—выборъ такого лица между тогдашними государственными людьми былъ болѣе чѣмъ затруднителенъ, вслѣдствіе отсутствія такой выдающейся личности; прибавляли также, что самое выдѣленіе изъ среды государственныхъ людей одного, для возложенія на него диктаторскихъ полномочій, было въ принципѣ неудобно и практически трудно осуществить въ смыслѣ полезности, ибо должно было вызвать въ призванныхъ подчиниться ему министрахъ завистливыя и неискреннія отношенія, и что вслѣдствіе этого самымъ естественнымъ и правильнымъ казалось тогда эту диктатуру возложить на то единственное лицо въ Россіи, которое по своему положенію могло стать выше всѣхъ, не возбуждая ни въ комъ зависти, т. е. на самого цесаревича. Но мысль эта государю не пришла, и выборъ Лорисъ-Меликова былъ рѣшенъ безповоротно».

Князь Мещерскій относится совершенно отрицательно къ личности Лорисъ-Меликова и находить его дѣятельность и всѣ шаги, предпринятыя къ умиротворенію Россіи и ея реформированію, вредными, внушенными ему неискренней либеральной частью интеллигенціи, и грозившими нашему отечеству великими бѣдами. Опущенная все придиричивое и жестокое, что публицистъ «Гражданина» говоритъ по адресу новоизбраннаго диктатора, отмѣтимъ лишь то общее, фактическое, что заключается въ его повѣствованіи о тѣхъ приснопамятныхъ дѣлахъ. Онъ говоритъ: «... Я долженъ... сказать, что онъ (т. е. Лорисъ-Меликовъ) сразу взялъ ту фальшивую ноту, которая оправдала всѣ приходившіе изъ Харькова ¹⁾ слухи

¹⁾ Онъ былъ здѣсь генералъ-губернаторомъ.

объ его игрѣ въ популярность. Сразу онъ создалъ для себя подмостки, и выступилъ на нихъ гораздо болѣе актеромъ, чѣмъ государственнымъ человѣкомъ, обремененнымъ такою страшно отвѣтственною должностію. Роль его заинтересовала болѣе, чѣмъ сущность его задачи, и въ день его назначенія я записывалъ въ свои замѣтки слѣдующее: «Лорисъ-Меликовъ дѣлаетъ видъ жертвы, покоряющейся своей судьбѣ, и какъ будто извиняется передъ людьми въ томъ, что ему дали такъ много власти, и уже сегодня тѣмъ, которые говорили ему о необходимости строжайшихъ мѣръ, онъ отвѣчалъ обѣщаніями бомбошки либерализма».

«Указъ 12 февраля подчинилъ графу Лорисъ-Меликову всю полицію въ имперіи и всѣ вѣдомства по вопросамъ государственной безопасности, сдѣлавъ его по всѣмъ ихъ дѣламъ единственнымъ докладчикомъ у государя, и право отмены его и комиссіи распоряженій предоставилъ только ему и, разумѣется, государю. Въ то же время уничтожилась генераль-губернаторская власть въ Петербургѣ. Но любопытно здѣсь вспомнить, что при составленіи этого указа о верховной комиссіи забыты были генераль-губернаторы съ ихъ диктаторскими полномочіями, такъ что вскорѣ послѣ начала дѣятельности верховной комиссіи возникъ вопросъ: подчинены ли ей генераль-губернаторы? Для отвѣта на этотъ вопросъ генераль-губернаторы были созваны въ Петербургъ, и на особомъ совѣщаніи, подъ предсѣдательствомъ графа Лорисъ-Меликова, установлено было, что генераль-губернаторы не подчинены верховной комиссіи, и должны только о всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ увѣдомлять предсѣдателя верховной комиссіи. Такимъ образомъ получилось странное политическое положеніе, при которомъ министры были подчинены по вопросамъ внутренней безопасности графу Лорисъ-Меликову, а генераль-губернаторы, по общимъ законамъ подчиненные министру внутреннихъ дѣлъ, не подчинялись предсѣдателю верховной комиссіи, такъ что, въ сущности, вся чрезвычайная власть графа Лорисъ-Меликова, главнымъ образомъ, сосредоточивалась въ Петербургѣ.

«Какъ бы въ подтвержденіе того, что я набросалъ въ своихъ замѣткахъ о первомъ днѣ Лорисовской диктатуры, мы вскорѣ узнали двѣ вещи: первую, что графъ Лорисъ-Меликовъ, при выборѣ себѣ членовъ въ верховную комиссію, прежде всего озаботился подборомъ мягкихъ людей; и во-вторыхъ, что немедленно онъ сталъ говорить о необходимости успокоить общественное мнѣніе насчетъ смысла своего назначенія, дабы не могли подумать, какъ онъ говорилъ, что онъ явится какимъ-то тираномъ и мстителемъ. Членами комиссіи были назначены т. с. Побѣдоносцевъ, Кохановъ, Ковалевскій, Шамшинъ, генераль Черевинъ и Батяновъ, и затѣмъ обер-прокуроръ сената Марковъ и правитель канцеляріи министерства внутреннихъ дѣлъ Перфильевъ. Изъ этихъ членовъ о троихъ говорили, какъ о представителяхъ энергическаго образа дѣйствій: о

Побѣдоносцевѣ, о Черевинѣ и о храбромъ боевомъ генералѣ Батяновѣ».

Если слова князя Мещерскаго и носятъ на себѣ характеръ раздраженія по поводу роли, созданной Лорису-Меликову, то въ этихъ словахъ слышится голосъ меньшинства, большинство же отнеслось на первый же разъ и къ личности диктатора, и къ самому его назначенію вполнѣ сочувственно, съ полнымъ пожеланіемъ ему успѣха въ его трудномъ и отвѣтственномъ положеніи, особенно послѣ того, какъ онъ выпустилъ свое обращеніе къ русскому обществу. Вліятельный и въ обществѣ, и въ бюрократическомъ мірѣ «Голосъ» призналъ, что въ этомъ обращеніи видна «политическая программа», свидѣтельствующая, что если Россія и очутилась передъ лицомъ диктатора, то эта диктатура должна быть привѣтствована, какъ «диктатура сердца и мысли». И даже Катковъ напутствовалъ первые шаги предсѣдателя верховной комиссіи добрыми пожеланіями, выражая лишь опасенія, чтобы новое назначеніе не вызвало «соперничества», «капризовъ» и «противодѣйствія» съ разныхъ сторонъ, противодѣйствія «если не явнаго, то глухого, которое бываетъ хуже явнаго». Такое отношеніе къ «диктатору сердца и мысли» было, однако, непродолжительно. Вскорѣ и печать охранительная съ Катковымъ и княземъ Мещерскимъ во главѣ, съ одной стороны, и печать подпольная, выразителемъ которой явился Н. К. Михайловскій-Гроньяръ, съ другой, обрушились на графа; первые были недовольны широкимъ размахомъ его замысловъ по приведенію въ извѣстность и обнаруженію отечественныхъ язвъ съ нѣкоторыми попытками ихъ врачеванія, второй вмѣстѣ съ партіей революціи тѣмъ, что онъ своими начинаніями начинаетъ какъ бы вносить въ общественную жизнь начало успокоенія, когда вмѣстѣ съ тѣмъ этимъ начинаніямъ не слѣдуетъ довѣрять, какъ начинаніямъ неискреннимъ и не имѣющимъ задачей и цѣлью обновленія всего русскаго строя въ томъ направленіи, какъ того желалось бы партіи. И только общественный прогрессивный центръ оставался вѣренъ графу, полагая, что при тѣхъ условіяхъ государственной и придворной жизни, въ которыхъ онъ находится, его планъ дѣйствія цѣлесообразенъ, можетъ принести добрые результаты и, во всякомъ случаѣ, является первымъ началомъ сдвинуть Россію послѣ многихъ лѣтъ застоя съ той мели, въ которую она попала.

VI.

Получивъ назначеніе 12 февраля 1880 г., гр. Лорисъ-Меликовъ уже черезъ день счелъ долгомъ обратиться къ русскому обществу съ слѣдующимъ воззваніемъ, въ коемъ «Голосъ» усмотрѣлъ элементы «политической программы».

«истор. вѣстн.», ноябрь, 1910 г., т. сxxii.

«Рядъ неслыханныхъ злодѣйскихъ попытокъ къ потрясенію общественнаго строя государства и къ покушенію на священную особу государя императора въ то время, когда всѣ сословія готовятся торжествовать двадцатипятилѣтнее, плодотворное внутри и славное извнѣ, царствованіе великодушнѣйшаго изъ монарховъ, вызвалъ не только негодованіе русскаго народа, но и отвращеніе всей Европы.

Правительство не разъ уже обращалось къ обществу съ призывомъ сомкнуть свои силы въ борьбѣ съ преступными проявленіями, разрушающими основныя начала гражданскаго порядка, безъ котораго немислимо развитіе никакого благоустроеннаго государства. Нынѣ оно вынуждено прибѣгнуть къ болѣе рѣшительнымъ мѣрамъ для подавленія зла, принимающаго опасныя для общественнаго спокойствія размѣры.

Державною волею государя на меня выпала тяжкая задача стать во главѣ неизбѣжныхъ мѣропріятій, вызываемыхъ настоящимъ положеніемъ.

Уповаю на Всевышняго, твердо вѣруя въ непоколебимость государственнаго строя Россіи, неоднократно переживавшей еще болѣе тяжелыя години, убѣжденный продолжительнымъ служеніемъ царю и отечеству въ здравомысліи и нравственной крѣпости русскаго народа, я съ благоговѣніемъ принимаю этотъ новый знакъ монаршаго довѣрія къ моимъ слабымъ силамъ.

Сознаю всю сложность предстоящей мнѣ дѣятельности и не скрываю отъ себя лежащей на мнѣ отвѣтственности. Не давая мѣста преувеличеннымъ и послѣднимъ ожиданіямъ, могу обѣщать лишь одно—приложить все стараніе и умѣніе къ тому, чтобъ, съ одной стороны, не допускать ни малѣйшаго послабленія и не останавливаться ни передъ какими строгими мѣрами для наказанія преступныхъ дѣйствій, позорящихъ наше общество, а съ другой—успокоить и оградить законныя интересы благомыслящей его части.

Убѣжденъ, что встрѣчу поддержку всѣхъ честныхъ людей, преданныхъ государю и искренно любящихъ свою родину, подвергнушая нынѣ столь незаслуженнымъ испытаніямъ. На поддержку общества смотрю какъ на главную силу, могущую содѣйствовать власти къ возобновленію правильнаго теченія государственной жизни, отъ перерыва котораго наиболѣе страдаютъ интересы самого общества.

Въ этомъ упованіи прежде всего обращаюсь къ жителямъ столицы, ближайшимъ свидѣтелямъ безпримѣрныхъ злодѣяній, съ настоятельною просьбою спокойно и съ достоинствомъ отнестись къ будущему и не смущаться злонамѣренными или легкомысленными внушеніями, толками и слухами.

Въ разумномъ и твердомъ отношеніи населенія къ настоящему тягостному положенію вижу прочный залогъ успѣха въ достиженіи цѣли, равно для всѣхъ дорогой: восстановленія потрясеннаго порядка и возвращенія отечества на путь дальнѣйшаго мирнаго преуспѣянія, указаннаго благими предначертаніями августѣйшаго его вождя.

14 февраля 1880 г.

Генераль-адъютантъ графъ Лорисъ-Меликовъ».

Обращеніе это, встрѣченное сочувствіемъ либеральныхъ и вообще умѣренныхъ круговъ русскаго общества, произвело, однако, неблагопріятное впечатлѣніе въ лагерѣ революціонномъ, и хотя партія «Народной Воли» считала преждевременнымъ активное какое-

либо выступленіе террористическаго характера по отношенію графа, однако не оказала сопротивленія нѣкому Ип. Млодецкому, предложившему партіи свои услуги для нанесенія Лорисъ-Меликову смертельнаго удара. Партія не сочла для себя удобнымъ принять замыселъ Млодецкаго подъ свое покровительство и онъ совершилъ 20 февраля 1880 г. покушеніе на жизнь графа на свой страхъ. Обстоятельства этого покушенія, согласно тогдашнему газетному репортажу, были таковы ¹⁾: «20 февраля, въ 2 ч. пополудни гр. Лорисъ-Меликовъ возвращался домой—квартира его помѣщается на Морской, въ одноэтажномъ домѣ Карамзинныхъ. Казакъ отворилъ дверцу кареты и графъ перешелъ тротуаръ и вступилъ уже на вторую ступеньку подъѣзда, когда какой-то человекъ, оборванный, грязно одѣтый, подскочилъ съ правой стороны къ графу и, уперевъ револьверомъ въ правый бокъ графа, ближе къ бедру, уперевъ такъ, что графъ почувствовалъ, какъ что-то будто толкнуло его, выстрѣлилъ и тотчасъ уронилъ пистолеть изъ руки, который упалъ тутъ же, и бросился бѣжать сломя голову. Гр. Лорисъ-Меликовъ, ни на секунду не теряя присутствія духа, сбросилъ шинель и соскочилъ на тротуаръ, чтобъ схватить преступника. Какой-то мальчикъ, другіе говорятъ—дворникъ, бросился подъ ноги преступнику, схватилъ его за ногу и повалилъ, графъ подоспѣлъ въ это время и передалъ преступника тому же казаку, который отворялъ дверцу кареты и который тоже бросился вслѣдъ за бѣглецомъ. Нѣкоторые свидѣтели происшествія увѣряютъ, что около было видно нѣсколько человекъ, которые какъ-будто чего-то ждали. Это конечно, могло показаться. Какъ бы то тамъ ни было, на мѣсто происшествія собралась тотчасъ толпа народа, кричавшая ура! Графъ, всходя на крыльцо, шутя обратился къ толпѣ и сказалъ, что ничего не случилось и что пули его не берутъ».

Процессъ Млодецкаго не былъ сложенъ и военный судъ приговорилъ подсудимаго къ повѣшенію. Несмотря на ходатайство гр. Лорисъ-Меликова о смягченіи приговора, государь на это не согласился и Млодецкій въ 24 часа былъ казненъ.

Послѣ вызова генераль-губернаторовъ въ Петербургъ и установленія взаимоотношенія ихъ къ верховной распорядительной комиссіи, послѣ цѣлаго ряда совѣщаній послѣдней въ теченіе марта мѣсяца, гр. Лорисъ-Меликовъ уже 22 числа имѣлъ возможность сдѣлать государю обширный докладъ о предположеніяхъ и дѣйствіяхъ этой комиссіи съ испрошеніемъ имъ высочайшаго утвержденія. Въ такомъ же родѣ докладъ былъ имъ представленъ и въ апрѣлѣ. Въ своихъ докладахъ графъ писалъ:

¹⁾ «Новое Время» 1880 г. № 1431.

²⁾ Императоръ Александръ II, его жизнь и царствованіе, С. С. Татищева, т. 2

«Нѣсколько дней исполненія обязанностей, возложенныхъ на меня высочайшимъ довѣріемъ вашего императорскаго величества, привели меня къ убѣжденію, что вѣрноподданнѣйшій долгъ повелѣваетъ мнѣ нынѣ же, не откладывая ни единого дня, откровенно донести вашему величеству о положеніи вѣрннаго мнѣ дѣла. Медлить было бы преступно и предъ лицомъ вашего величества, и предъ Россією. Въ борьбѣ съ революціонными стремленіями всякій неуспѣхъ дѣйствій правительственной власти неминуемо влечетъ за собою усиленіе крамолы, и потому успѣхъ необходимъ и притомъ—быстрый. Увѣренность въ этомъ указываетъ мнѣ и путь къ достиженію цѣли. Если близкому будущему можетъ принадлежать изученіе тѣхъ способовъ, кои должны повести къ ослабленію восприимчивости различныхъ составныхъ частей населенія къ революціоннымъ началамъ, несвойственнымъ русскому народу, то задача настоящаго подавить крамолу въ дерзкихъ ея проявленіяхъ и тѣмъ доказать силу правительственной власти и отторгнуть отъ революціи колеблющихся». Необходимымъ условіемъ успѣха графъ Лорисъ-Меликовъ признавалъ единство правительственныхъ мѣръ и усилій, раздѣленныхъ по существующему порядку между различными учрежденіями: III Отдѣленіемъ, министерствами внутреннихъ дѣлъ и юстиціи и еще многими другими вѣдомствами. Раздѣленіе это графъ называлъ «главнымъ больнымъ мѣстомъ» администраціи. «Я увѣрился,—заключалъ онъ,—что чѣмъ дальше отъ центра, тѣмъ вліяніе этой разрозненности сильнѣе не только на прямой неуспѣхъ правительственныхъ дѣйствій, но и на весь ходъ правительственныхъ дѣлъ».

Государь вполне согласился съ этими доводами доклада главнаго начальника верховной распорядительной комиссіи, послѣдствіемъ коего было подчиненіе ему III Отдѣленія. Уволенный отъ должности шефа жандармовъ, генераль-адъютантъ Дрентельнъ назначенъ былъ вскорѣ послѣ того кievскимъ генераль-губернаторомъ, вмѣсто отозваннаго генераль-адъютанта Черткова.

Въ первыхъ числахъ апрѣля графъ Лорисъ-Меликовъ представилъ императору Александру пространный докладъ, въ которомъ, отдавъ отчетъ въ своей дѣятельности, изложилъ цѣлую правительственную программу. По свидѣтельству С. С. Татищева, «указавъ на возложенную на него высочайшимъ довѣріемъ задачу—охранить государственный порядокъ и общественное спокойствіе и объединить направленные къ тому дѣйствія всѣхъ властей, графъ признавалъ предоставленные ему для того полномочія столь широкими, «что ити далѣе по этому пути совершенно невозможно». Впечатлѣніе, произведенное указомъ объ учрежденіи верховной распорядительной комиссіи, онъ находилъ «въ высшей степени благотворнымъ», такъ какъ мѣра эта устранила злоумышленниковъ, доказавъ твердую рѣшимость правительства положить во что бы

ни стало предѣль ихъ покушеніямъ и вмѣстѣ съ тѣмъ возбудила надежды благомыслящей части общества и отчасти успокоила ее, намѣтивъ рѣшимость правительства не останавливаться на мѣрахъ внѣшняго свойства.

«Произведенное указомъ 12 февраля впечатлѣніе, — развивалъ графъ мысль свою, — не есть случайное и отнюдь не должно быть скоропреходящимъ. Въ этомъ впечатлѣніи выразились не только исторически выработавшіяся, завѣтныя черты русскаго народа, довѣріе къ мудрымъ предназначеніямъ своего государя, но и упованіе, что тотъ монархъ, который вѣрною рукою поставилъ Россію въ другую страшную для нея годину на путь процвѣтанія, столь же твердо и рѣшительно укажетъ исполнителямъ его воли на способы къ избавленію той же Россіи отъ встрѣченныхъ ею на томъ же пути искусственныхъ преградъ. Такія чувства — лучший залогъ для будущаго, и ими нельзя не дорожить. Съ ними не страшны для государственной власти въ Россіи ни лжеученія Запада, ни доморощенные безумцы. Но чувства эти должны быть удовлетворены, насколько это въ настоящее время возможно, иначе государственная язва будетъ все болѣе и болѣе захватывать здоровыя части государственнаго организма, тѣсно связанныя между собою. Правительство въ эпоху, переживаемую нынѣ Россією, должно уяснить себѣ разнородныя явленія, порождаемыя общимъ теченіемъ государственной жизни въ связи ихъ между собою и прошедшимъ государствомъ, и отдѣлить въ нихъ случайное отъ неизбѣжнаго. Только такое сознательное отношеніе къ этимъ явленіямъ можетъ указать на дѣйствительныя средства къ уврачеванію болѣзни».

«Докладъ перечислялъ мѣры, принятыя въ продолженіе истекшихъ трехъ мѣсяцевъ съ цѣлью, съ одной стороны, объединить и усилить охранительную дѣятельность въ мѣстѣ пребыванія государя, съ другой — изучить разнородныя причины, приведшія къ къ настоящему затруднительному положенію, разъяснить общественное настроеніе и изыскать способы къ полному возстановленію порядка. То были: объединеніе дѣятельности полицейскихъ и жандармскихъ властей, преобразование розыскной части въ столицѣ и усиленіе полицейскихъ средствъ, установленіе болѣе быстраго движенія дознаній и болѣе внимательнаго къ нимъ отношенія. Отъ всѣхъ этихъ мѣръ графъ Лорисъ-Меликовъ ожидалъ наилучшихъ послѣдствій и выражалъ намѣреніе въ дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ продолжать неуклонно слѣдовать усвоенной имъ и высочайше одобренной системѣ.

«Засимъ, переходя къ другой сторонѣ своей дѣятельности, — говорить она далѣе въ докладѣ, — считаю всеподданнѣйшимъ долгомъ откровенно высказать вашему величеству, въ сжатомъ по возможности видѣ, нѣкоторыя мои соображенія и истекающіе изъ нихъ выводы.

«Время особаго усиленія социалистическихъ ученій въ Европѣ совпало съ тѣмъ временемъ, когда общественная жизнь въ Россіи находилась въ періодѣ великихъ преобразованій, ознаменовавшихъ славное царствованіе вашего величества. Ученія эти находили здѣсь, какъ и вездѣ, послѣдователей, но число таковыхъ не могло быть велико и вліяніе ихъ не было замѣтно на первыхъ порахъ. Внутри государства не существовало удобнаго для нихъ класса—земледѣльческаго пролетаріата, а созданная реформами жизнь занимала и во многомъ удовлетворяла умственные силы развитыхъ элементовъ общества, подроставшее же поколѣніе, такъ называемая учащаяся молодежь, не могло не помнить прежнихъ порядковъ и съ довѣріемъ относилось къ будущему. Никогда и, можетъ быть, нигдѣ, сила правительственной власти не выражалась блистательнѣе и торжественнѣе, какъ въ то время, и никогда составныя части русскаго общества не были одушевлены болѣе сознательною приверженностью къ лицу своего монарха. Прочность такого настроенія зависѣла отъ хода самихъ преобразованій, отъ правильной ихъ постановки, отъ урегулированія и пополненія ихъ. При продолжительности же этого настроенія законный порядокъ, принаровленный къ потребностямъ времени и историческимъ условіямъ, успѣлъ бы настолько укорениться, что предстоявшая неизбежная борьба началъ порядка съ нарождавшимися лжеученіями не могла бы сопровождаться особенною опасностью для государственнаго строя.

«Къ несчастію,—продолжалъ докладъ,—не таковъ былъ ходъ дѣла. Новые порядки создали во многихъ отрасляхъ управленія новое положеніе для представителей власти, требовавшее другихъ знаній, другихъ приемовъ дѣятельности, иныхъ способностей, чѣмъ прежде. Истина эта не была достаточно усвоена и далеко не всѣ органы власти заняли подлежащее имъ мѣсто. Ложно понятое назначеніе въ общемъ государственномъ строѣ повело къ ряду нарушеній прямыхъ обязанностей, къ ряду столкновеній. Неизбѣжныя ошибки, часто увлеченіе, еще чаще неумѣніе припоровиться къ новымъ порядкамъ и руководить обстоятельствами и людьми вызывали отдѣльные прискорбные факты, изъ которыхъ стали выводиться общія заключенія въ невыгоду новыхъ началъ, проведенныхъ въ жизнь. Разнообразіе взглядовъ, проявившееся въ обществѣ, проникло и въ правительственныя вліятельныя сферы, гдѣ также стали образовываться подобія партій, стремившихся провести въ дѣло свои убѣжденія при каждомъ удобномъ случаѣ. Затаенная борьба увлекала мнѣнія въ крайности. Одни стремились не только къ урегулированію реформъ, но и къ упраздненію ихъ послѣдствій. Другіе стали на ихъ сторону, защищая съ одинаковою горячностью основныя ихъ начала и неизбежныя недостатки. Самыя умѣренныя попытки урегулировать дѣйствіе ре-

формъ и пополнить недостатки законодательства по нетронутымъ отраслямъ управленія встрѣчались съ явнымъ или скрытымъ противодѣйствіемъ, или оставались безъ движенія. Такая участь постигла предудказанные высочайшею волею вопросы первой важности, каковы: возвышеніе нравственнаго уровня нашего духовенства, реформа податная, преобразование губернскихъ административныхъ учрежденій, установленіе отношеній нанимателей къ рабочимъ, дарованіе правъ раскольникамъ, переустройство тюремъ и многія другія. Безчисленный рядъ комиссій, безконечныя, бесплодныя переписки раздражали общественное мнѣніе и не удовлетворяли никого. Все тонуло въ канцеляріяхъ, и застои этотъ отражался на дѣятельности вновь созданныхъ учрежденій.

Докладъ указывалъ затѣмъ на неудовлетворительный ходъ и развитіе главнѣйшихъ преобразованій царствованія: «Крестьянское дѣло послѣ кипучей дѣятельности первыхъ дней вошло въ общую колею и неподвижность въ улучшеніи слабыхъ его сторонъ создало такую обособленность несовершеннаго крестьянскаго управленія, которое могло казаться полезнымъ лишь въ первые дни великой реформы. Новые суды, созданные при недостаточныхъ полицейскихъ порядкахъ, стали въ изолированное отъ общаго строя положеніе, несмягчаемое нисколько вліяніемъ прокуратуры, далеко не усвоившей себѣ надлежащаго значенія. Личный составъ судебныхъ учрежденій неосторожно критическимъ и часто непріязненнымъ отношеніемъ къ окружающимъ его порядкамъ усилилъ подобное же отношеніе къ этимъ порядкамъ въ другихъ общественныхъ слояхъ. Адвокатура заняла мѣсто, непонятное для простаго ума, и затронула многія молчавшія до того струны. Духовенство продолжало, за рѣдкими исключительными явленіями, коснѣть въ невѣжествѣ и мало-по-малу лишалось и того вліянія, какое имѣло прежде. Оно отовсюду систематически устранялось, приходы закрывались, духовныя семинаріи оставались прежними бурсами. Значеніе дворянства, какъ сословія, ступевалось, мало чѣмъ поддерживаемое. Земство, привлекшее сначала лучшія силы мѣстнаго населенія, не могло остаться долго на той же высотѣ, при отсутствіи средствъ къ болѣе широкому исполненію мѣстныхъ задачъ и при недостаткѣ оживляющей правительственной поддержки. Городское самоуправленіе рѣдко гдѣ встрѣтило на первыхъ же шагахъ сочувственное отношеніе администраціи къ своимъ нуждамъ и правамъ. Кромѣ того, общія потребности населенія возрастали, а положеніе нашихъ финансовъ разстроилось чрезвычайными военными издержками. Цѣнность бумажнаго рубля упала, цѣнность продуктовъ увеличилась, появились новые налоги. Всѣ возбужденныя такими и подобными явленіями неудовольствія, болѣе или менѣе основательныя разочарованія, при застоѣ насущныхъ вопросовъ, указанныхъ уже вашимъ величествомъ къ разрѣшенію, усиливали

съ каждымъ годомъ число недовольныхъ и уменьшали устойчивость почвы подъ началами государственнаго порядка. Параллельно съ этимъ увеличивалась рознь въ дѣйствіяхъ правительственныхъ учреждений, призванныхъ къ охраненію порядка, а вліяніе соціальныхъ ученій расло».

VI.

Начертавъ общую картину внутренняго состоянія Россіи, графъ Лорисъ-Меликовъ переходилъ къ положенію учебной и воспитательной части въ связи съ настроеніемъ учащейся молодежи: «Народившееся за это время молодое поколѣніе не было уже свидѣтелемъ дореформенныхъ безобразій; точка отправленія его ожиданій была уже не та, что для прежнихъ поколѣній, и восприимчивость къ впечатлѣніямъ окружающей жизни была сильнѣе. Необходима была рука твердая, но не рѣзкая, руководимая не исключительно сухой системою, но и извѣстною долею сердечности, чтобы сдержать наружныя проявленія горячки учащейся молодежи, чтобы направить ея стремленія, чтобы приготовить изъ нея полезныхъ и надежныхъ дѣятелей для будущаго. Къ несчастію, въ эту эпоху руководство учебныхъ вѣдомствомъ не было сопутствуемо описанными чертами, что было тѣмъ болѣе прискорбно, что руководящая власть была вооружена новою учебною системою и новыми уставами среднихъ учебныхъ заведеній, не имѣвшихъ за собою поддержки общественнаго мнѣнія. Чтобы возбудить эту поддержку, необходима была извѣстная мягкость приемовъ и формъ. Противоположный способъ привелъ къ еще болѣшему раздраженію общественнаго мнѣнія и масса молодыхъ людей, враждебно отнесшаяся къ предъявленнымъ къ ней требованіямъ, встрѣтила въ семьѣ и обществѣ не осужденіе, а сочувствіе. Молодые люди, не кончивъ научной подготовки, не приспособленные къ труду и къ практической дѣятельности, стали выбрасываться школою въ жизнь и стали искать исхода въ дѣятельности внѣ закона, пополняя собою ряды послѣдователей соціальныхъ лжеученій. Семья и общество, мало знакомыя, собственно говоря, съ сущностью этихъ лжеученій и подъ впечатлѣніемъ чувства неудовлетворенности общимъ ходомъ дѣла, отнеслись равнодушно къ проявленіямъ крайнихъ теорій. Не находя себѣ отпора или даже авторитетныхъ порицателей, теоріи эти, схватываемыя безъ критики и клочками, загнѣздились въ цѣлыхъ кружкахъ и начали проявляться наружу. Первые подобныя проявленія были признаны за болѣзненные наросты, а не за выраженія болѣзни, требующей внимательнаго изученія и въ особенности санитарныхъ мѣръ для сокращенія ея эпидемическихъ свойствъ. Сообразно сему и мѣры были приняты исключительно полицейскаго характера: обыски, аресты, административная вы-

сылка и военный судъ. Мѣры эти, принимавшіяся безъ системы, подъ вліяніемъ раздраженія, не излечили ранъ, а породили новую массу недовольныхъ, тѣмъ болѣе, что при разрозненности и торопливости дѣйствій правительственныхъ властей допускалось смѣщеніе всѣхъ родовъ и видовъ теорій, если онѣ не согласовались съ установленнымъ порядкомъ вещей, а въ этомъ смѣшеніи часто упускались крайніе анархисты». Въ довершеніе обзора докладъ упоминалъ еще о двухъ фактахъ, вліявшихъ на общественное неудовольствіе: обнаруженіе судомъ прискорбной неправильности дѣйствій многихъ административныхъ лицъ и отсутствіе надлежащаго руководства періодическою печатью.

«Обращаясь къ желаніямъ и ожиданіямъ, проявившимся въ русскомъ обществѣ, графъ Лорисъ-Меликовъ свидѣтельствовалъ, что какъ тѣ, такъ и другіе чрезвычайно разнообразны, истекая изъ личныхъ воззрѣній. Они удовольствовались бы единичными частными улучшеніями, другіе желаютъ преобразованій болѣе общихъ, третьи хотятъ возврата отъ чрезвычайныхъ мѣръ къ законному порядку, четвертые облегченія тяжести налоговъ, улучшенія финансоваго управленія. Жалуются на распущенный порядокъ разныхъ вѣдомствъ, на чрезмѣрное отягощеніе бюджета, на недостатки духовенства, въ особенности на учебное вѣдомство, которое, по отзыву графа, «возбудило противъ себя и государственныхъ сановниковъ и духовенство, и дворянство, и ученое сословіе, и земство, и города; однимъ словомъ—всѣхъ, кромѣ лично заинтересованныхъ въ продолженіи существующаго направленія». Наконецъ выражаются желанія объ учрежденіи народнаго представительства либо въ формахъ, заимствованныхъ съ Запада, либо на началахъ древне-русскихъ, либо призывомъ представителей земства въ составъ Государственного совѣта.

Собственное мнѣніе по послѣднему предмету главный начальникъ верховной распорядительной комиссіи выразилъ въ слѣдующихъ словахъ:

«По глубокому моему убѣжденію, никакое преобразование въ смыслѣ этихъ предположеній не только не было бы намъ полезно, но было бы, по совершенной своей несвоевременности, вредно. Народъ о нихъ не думаетъ и не понялъ бы ихъ. Образованные слои, изъ которыхъ въ томъ или другомъ видѣ явились бы представители, находятся нынѣ, какъ мною очерчено выше, въ положеніи неудовлетворенности. Всѣ жалобы, всѣ сѣтованія, всѣ разнообразныя желанія принесены были бы съ собою представителями и предъявлены правительству, вмѣстѣ съ критикою на всѣ его дѣйствія въ такія минуты, когда оно не въ состояніи отвергнуть критику указаніемъ на бережливость въ издержкахъ, на внутреннее благоустройство и относительный порядокъ въ разныхъ частяхъ управленія. Самая мѣра имѣла бы видъ, вынужденный обстоятель-

ствами, и такъ была бы понята и внутри государства и за границею. Я совершенно убѣжденъ, что если бы подобныя мѣра входила даже, въ той или другой формѣ, въ великодушныя предначертанія ваши, всемилостивѣйшій государь, то нынѣ она была бы не своевременна и вредна. Нельзя упускать изъ виду ту непреложную истину, что опыты въ крупныхъ реформахъ не должны быть допускаемы, такъ какъ отнятіе разъ данныхъ правъ влечетъ за собою крайне опасныя послѣдствія. Я увѣренъ, что если Россія и переживаетъ теперь опасный кризисъ, то вывести ее изъ этого кризиса всего доступнѣе твердой самодержавной волѣ прирожденнаго государя.

«Но, государь,—заключалъ графъ Лорисъ-Меликовъ,—по глубокой преданности вамъ дерзаю всеподданнѣйше высказать, что задача эта не можетъ быть исполнена только карательными и полицейскими мѣрами. Необходимы и такія мѣропріятія, которыя доказали бы и народу, и образованнымъ слоямъ русскаго общества, что сердце самодержавнаго монарха наполнено и нынѣ тѣми же чувствами всеобъемлющей любви и благодати, какія переполняли его двадцать пять лѣтъ тому назадъ. Доказать то, что есть—не трудно, всемилостивѣйшій государь, но терять времени уже нельзя. Теперь, какъ послѣ Крымской войны, оставившей Россію въ положеніи, быть можетъ, еще болѣе натянутомъ, чѣмъ нынѣ, всѣ взоры, всѣ надежды и упованія любящей, и мыслящей Россіи устремлены на священную особу вашего величества. Необходимы, рядомъ съ мѣрами непоколебимой твердости къ злоумышленникамъ, и мѣры, которыя отняли бы почву изъ-подъ вредныхъ лжеученій и укрѣпили бы ее для законнаго порядка. Тогда оживленная вновь Россія сумѣетъ побороть тѣ хаотическіе призраки, какіе представляются въ туманной дали лжепророками новаго времени. Безъ этого одни злодѣи будутъ смѣнять другихъ, оставляя за собою ядъ для будущихъ поколѣній».

Предположенныя графомъ Лорисъ-Меликовымъ государственныя мѣропріятія были слѣдующія:

«1) Итти твердо и рѣшительно въ дѣлѣ преслѣдованія злоумышленниковъ противъ государственнаго порядка и общественнаго спокойствія, но не смѣшивать съ ними людей, не участвующихъ въ преступной соціальной партіи, а виновныхъ лишь въ проступкахъ, не имѣющихъ прямого соотношенія къ соціально-революціоннымъ проявленіямъ.

«2) Всемѣрно стремиться къ установленію полнаго единства дѣйствій всѣхъ органовъ правительственной власти, призванныхъ къ борьбѣ съ преступными лжеученіями. Сюда относятся преобразовательныя мѣропріятія къ объединенію, сосредоточенію и усиленію дѣятельности разнаго рода полицій и направительное руководство министерства юстиціи, судебныхъ учрежденій и въ осо-

бенности—прокуратурь, безъ чего успѣхъ мѣропріятій полицейскихъ затруднень.

«3) Съ постепеннымъ достиженіемъ указанныхъ въ предыдущихъ пунктахъ цѣлей, стремиться къ возвращенію отъ чрезвычайныхъ мѣръ къ законному теченію дѣлъ.

«4) Побудить правительственныя учрежденія и лица къ болѣе внимательному отношенію къ выразившимся насущнымъ потребностямъ народа, общества и къ его представителямъ. Нельзя не оказывать благорасположеннаго участія къ нуждамъ духовенства, къ заявленіямъ дворянства, къ дѣятельности земства, къ потребностямъ городовъ. Слѣдуетъ дать ходъ такимъ предположеніямъ, кои давно уже намѣчены высочайшею волею вашего императорскаго величества и осуществленіе коихъ останавливается въ канляріяхъ и всякаго рода комиссіяхъ. Полезно было бы привлекать и дворянство, и земство, и города къ ученію въ такихъ вопросахъ, которые близко касаются ихъ мѣстныхъ нуждъ.

«5) Возстановить утраченное учебнымъ вѣдомствомъ довѣріе всѣхъ сословій и всѣхъ слоевъ общества, не касаясь коренныхъ основъ учебной системы. Необходимыя для этого измѣненія въ личномъ составѣ управленія учебнымъ вѣдомствомъ будутъ встрѣчены величайшимъ сочувствіемъ всею Россіею. Безъ этихъ измѣненій успѣхъ принимаемыхъ мѣръ будетъ постепенно парализоваться новыми наслоеніями вреднымъ элементовъ, тревожныхъ для настоящаго и грозныхъ для будущаго.

«Направленіе вѣдомствъ,—такъ кончался достопамятный докладъ,—зависитъ преимущественно отъ лицъ, стоящихъ во главѣ ихъ. Задача ихъ—быть точными исполнителями благихъ предначертаній вашего величества на счастье Россіи и ея народовъ. Велика ихъ отвѣтственность передъ потомствомъ и глубоко должно быть сознаніе, ихъ въ томъ, что они—слути своего дѣла и что одна изъ существеннѣйшихъ ихъ цѣлей есть привлеченіе сердець къ источнику власти въ Россіи. Въ тяжкія минуты государственной жизни, подобныя переживаемымъ нынѣ, они болѣе чѣмъ когда-либо должны стоять на высотѣ своего призванія, и по складу способностей, и по любви къ управляемымъ. Безъ этихъ условій, вмѣстѣ соединенныхъ, они не могутъ быть достойными исполнителями воли своего государя и приносятъ не пользу, а вредъ, грозящій усиленіемъ тѣхъ осложненій, которыя привели насъ къ настоящему тяжкому времени».

Одобренныя императоромъ Александромъ мысли, изложенныя въ докладѣ графа Лорисъ-Меликова, легли въ основаніе его дальнѣйшей дѣятельности. По представленію его, графъ Толстой былъ уволенъ отъ должностей министра народнаго просвѣщенія и оберъ-прокурора Св. синода и замѣненъ въ первой изъ нихъ А. А. Сабуровымъ, во второй—К. П. Побѣдоносцевымъ. Облеченный безъ

граничнымъ монаршимъ довѣріемъ, графъ Лорисъ-Меликовъ въ циркулярѣ къ генераль-губернаторомъ сообщилъ имъ новыя начала, усвоенныя правительствомъ въ борьбѣ съ соціально-революціоннымъ движеніемъ, и приглашалъ ихъ сообразоваться съ ними, указавъ на двойную цѣль, къ которой должны быть направлены всѣ усилія власти: неуклонное преслѣдованіе злоумышленниковъ и успокоеніе благонадежныхъ общественныхъ элементовъ возбужденіемъ въ нихъ сочувствія къ правительственной дѣятельности.

VII.

Во время работъ комиссіи по разработкѣ плана приведенія государственнаго управления въ порядокъ, выясненію здѣсь деффе-ктовъ и намѣченію способовъ ихъ устроенія партія «Народной Воли» не проявила никакихъ признаковъ активной дѣятельности, съ одной стороны, выжидая ходъ событій, а съ другой собираясь съ силами къ рѣшительному штурму, вмѣстѣ съ тѣмъ и занятая пополненіемъ брешей, которыя ей успѣло нанести въ тотъ періодъ правительственная власть. Эта бездѣятельность партіи террора была понята графомъ Лорисъ-Меликовымъ за признакъ успокоенія, почему онъ въ августѣ выступилъ передъ государемъ съ новыми представленіями, вслѣдствіе которыхъ произошли слѣдующія знаменательныя въ жизни Россіи событія.

6 августа состоялся именной высочайшій указъ Сенату, въ которомъ сказано: «Слѣдя со дня учрежденія верховной распорядительной комиссіи за мѣропріятіями главнаго начальника оной мы убѣдились, что ближайшая цѣль учрежденія комиссіи—объединеніе дѣйствій всѣхъ властей для борьбы съ крамолою—настолько уже достигнута вполне согласными съ видами нашими распоряженіями генераль-адъютанта графа Лорисъ-Меликова, что дальнѣйшія указанія наши по охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія могутъ быть приводимы въ исполненіе въ обще-установленномъ законѣмъ порядкѣ съ нѣкоторымъ лишь расширеніемъ круга вѣдѣнія министра внутреннихъ дѣлъ».

Въ силу этихъ соображеній, а также съ цѣлью большаго на будущее время упроченія единства дѣйствій существующихъ органовъ правительственной власти: закрывалась верховная распорядительная комиссія, съ передачею дѣлъ ея въ министерство внутреннихъ дѣлъ; упразднялось III Отдѣленіе собственной его величества канцеляріи, съ передачею и его дѣлъ въ вѣдѣніе того же министерства и съ образованіемъ для завѣдыванія ими, въ составѣ онаго, департамента государственной полиціи, впредь до возможности полнаго сліянія вышшаго завѣдыванія полиціею въ государствѣ въ одно учрежденіе упомянуто министерства; завѣдываніе корпусомъ жандармовъ возложено на министра внутреннихъ дѣлъ, на пра-

вахъ шефа жандармовъ; ему же предоставлено завершеніе возбужденныхъ верховною распорядительною комиссіею вопросовъ, съ правомъ приглашать для сего въ особыя совѣщанія членовъ закрытой комиссіи; генераль-губернаторомъ и другимъ учрежденіямъ и начальствующимъ лицамъ повелѣно относиться и впредь къ министру внутреннихъ дѣлъ, которому ввѣрено высшее направленіе всѣхъ слѣдственныхъ по государственнымъ преступленіямъ дѣлъ на тѣхъ же основаніяхъ, на которыхъ такое направленіе принадлежало главному начальнику верховной распорядительной комиссіи!

Министромъ внутреннихъ дѣлъ назначенъ генераль-адъютантъ графъ Лорисъ-Меликовъ, товарищемъ министра—ближайшій его сотрудникъ и довѣренный совѣтникъ статсъ-секретарь Кахановъ, вторымъ товарищемъ—свиты его величества генераль-майоръ Червинъ. Почта, телеграфъ и иностранныя исповѣданія выдѣлены изъ состава министерства внутреннихъ дѣлъ и во главѣ ихъ поставленъ статсъ-секретарь Маковъ въ званіи министра почтъ и телеграфовъ и главноначальствующаго надъ департаментомъ иностранныхъ исповѣданій.

Тотчасъ по вступленіи въ должность министра внутреннихъ дѣлъ, графъ Лорисъ-Меликовъ представилъ на благоусмотрѣніе государя соображенія свои о новой важной правительственной мѣрѣ. «Къ числу самыхъ правильныхъ средствъ,—писалъ онъ во всеподданнѣйшемъ докладѣ отъ 11 августа,—къ повѣркѣ дѣйствій мѣстныхъ властей и къ изученію потребностей различныхъ частей обширной російской имперіи принадлежали, въ царствованіе въ Бозѣ почишнаго государя императора Николая Павловича, ревизіи губерній особо назначавшимися сенаторами. Ревизіи эти имѣли самыя благотворительныя послѣдствія, и содѣйствуя къ оживленію мѣстной жизни, доставляли высшему правительству неоцѣненные матеріалы какъ для точнаго опредѣленія дѣйствительнаго положенія обривозованныхъ губерній, такъ и для выясненія необходимыхъ мѣръ къ исправленію замѣченныхъ неустройствомъ». Такія ревизіи и съ тою же цѣлью министръ призналъ крайне полезными и въ настоящее время въ видахъ прочнаго охраненія государственнаго порядка и общественнаго спокойствія. По мнѣнію его, онѣ послужили бы также къ выясненію разнообразныхъ возрѣній и вообще настроенія умовъ внѣ столичныхъ центровъ и къ пополненію своевременными данными имѣющихся въ разныхъ вѣдомствахъ свѣдѣній по слѣдующимъ, подлежащимъ разрѣшенію вопросамъ: преобразование административныхъ губернскихъ учреждений сообразно потребностямъ времени, способы къ прочному объединенію полицейскихъ властей, уясненіе степени распространенія соціально-революціонной пропаганды, изученіе вліянія административныхъ выслоекъ и проч. «Настоящая минута—утверждалъ графъ Лорисъ-Меликовъ,—была бы въ высшей степени удобною для назначенія сенатор-

скихъ ревизій въ шести или семи губерніяхъ различныхъ полосъ Имперіи. Ревизіи эти были бы крайне полезны не только для вѣдомства министерства внутреннихъ дѣлъ, но безъ сомнѣнія, и для другихъ вѣдомствъ, которыя могли бы также дополнить этимъ путемъ свѣдѣнія свои по многимъ весьма важнымъ предметамъ, какъ, напримѣръ, по предрѣшенному уже вашимъ величествомъ вопросу о замѣнѣ подушной подати. Самое назначеніе ревизій не можетъ, по моему убѣжденію, не произвести весьма успокоительнаго впечатлѣнія, какъ новое доказательство высочайшаго вашего величества попеченія о благѣ народномъ».

Императоръ Александръ утвердилъ предложенія министра внутреннихъ дѣлъ, согласно которымъ назначены для производства ревизій сенаторы: Ковалевскій—въ губерніяхъ Казанской, Костромской, впослѣдствіи въ Оренбургской и Уфимской; Мордвиновъ—въ Тамбовской и Воронежской; Половцовъ—въ Кіевской и Черниговской; Шамшинъ—въ Саратовской.

«Комиссія изъ представителей различныхъ вѣдомствъ выработала особое наставленіе ревизующимъ сенаторамъ, поднесенное министромъ юстиціи на высочайшее утвержденіе—говоритъ С. С. Татищевъ.—Наставленіе это представляло программу, широко охватывавшую всѣ главнѣйшія отрасли внутреннаго управленія. Сенаторы приглашались подвергнуть тщательному изслѣдованію и подробной разработкѣ нижеслѣдующіе вопросы:

«1) По вѣдомству министерства внутреннихъ дѣлъ: о распространеніи въ Россіи соціально-революціонныхъ лжеученій; объ административной высылкѣ и ея послѣдствіяхъ; о настроеніи умовъ крестьянскаго населенія, въ особенности, по поводу слуховъ о новомъ надѣленіи землею; объ экономическомъ положеніи мѣстнаго населенія въ связи съ причинами упадка народнаго благосостоянія и общественной нравственности; о недостаткахъ мѣстныхъ по крестьянскимъ дѣламъ учреждений и въ частности общественнаго крестьянскаго управленія; о предоставленномъ сельскимъ обществамъ правѣ исключать или не принимать обратно порочныхъ своихъ членовъ; о дѣятельности земскихъ учреждений и о степени удовлетворительности личнаго ихъ состава; а также о пререканіяхъ земствъ съ правительственными органами; о правильности примѣненія городского положенія; о преобразованіи и объединеніи дѣйствій всѣхъ административныхъ учреждений въ губерніяхъ и уѣздахъ, а равно и полицейскихъ властей различныхъ наименованій; объ отношеніяхъ корпуса жандармовъ къ общей полиціи; о санитарныхъ условіяхъ городовъ; о положеніи раскольниковъ и евреевъ.

«2) По судебному вѣдомству: объ отношеніяхъ прокурорскаго надзора къ судебнымъ и административнымъ учреждениямъ, о личномъ и количественномъ его составѣ; о состояніи мѣсть заключенія и о надзорѣ за арестантами; объ участіи полиціи въ расслѣ-

довані преступленій; объ улучшеніи порядка составленія списковъ присяжныхъ засѣдателей; о степени удовлетворительности мировыхъ судебныхъ установленій; о присяжныхъ повѣренныхъ и другихъ лицахъ, коимъ предоставлено право ходатайствовать предъ судомъ; о порядкѣ исполненія судебныхъ рѣшеній по гражданскимъ дѣламъ.

«3) По финансовому вѣдомству: о предложенномъ слияніи управленій акцизными сборами съ казенными палатами; о тяжести и недостаткахъ подушной подати, о причинахъ накопленія недоимокъ, какъ постоянныхъ, такъ и случайныхъ, и о мѣрахъ къ ихъ предотвращенію; объ отѣнѣ акциза на соль; о положеніи ремесленнаго, фабричнаго и заводскаго населенія; о техническомъ образованіи и недостаткѣ въ техникахъ; о вліяніи сельскихъ банковъ, ссудо-сберегательныхъ кассъ и товариществъ на благосостояніе крестьянъ; о положеніи евреевъ въ промышленности и торговлѣ; о недостаткахъ паспортной системы.

По вѣдомству государственныхъ имуществъ: о слияніи мѣстныхъ органовъ этого министерства съ общими губернскими учрежденіями; о недостаткахъ существующаго порядка сдачи въ аренду казенныхъ оброчныхъ статей; о сельско-хозяйственныхъ учебныхъ заведеніяхъ; о переселенческомъ движеніи; о привлеченіи земствъ и частныхъ лицъ къ совокупной съ министерствомъ дѣятельности по сельскому хозяйству; о введеніи правильнаго лѣсного хозяйства и мѣрахъ къ охраненію лѣсовъ; о временныхъ отношеніяхъ сельскихъ хозяевъ и рабочихъ; о введеніи минеральнаго топлива.

По вѣдомству народнаго просвѣщенія: о состояніи университетовъ казанскаго и св. Владиміра въ Кіевѣ и о взаимныхъ отношеніяхъ попечителей учебныхъ округовъ съ университетскими совѣтами; о среднемъ образованіи вообще и въ частности о положеніи реальныхъ училищъ и учительскихъ семинарій, училищъ городскихъ и народныхъ; о привлеченіи земствъ и городовъ къ болѣе дѣятельному участию въ народномъ образованіи.

«6) По вѣдомству путей сообщенія: о содержаніи и распредѣленіи бечевниковъ и о денежныхъ сборахъ съ судовъ; о порядкѣ завѣдыванія шоссейными дорогами; о привлеченіи земствъ и городовъ къ устройству подъѣздныхъ путей къ желѣзнымъ дорогамъ и къ судоходнымъ рѣкамъ и каналамъ».

VIII.

Такимъ образомъ графъ Лорисъ-Меликовъ становился на путь широкаго обслѣдованія пореформенной Россіи, предполагая изъ матеріала, добытаго этимъ обслѣдованіемъ, извлечь и тѣ средства, которыя вывели бы русскую жизнь изъ тѣхъ тяготъ и недуготъ, которые

ее такъ жестоко сдавили. Но и не дожидаясь данныхъ, добытыхъ ревизующими сенаторами, графъ Лориса-Меликовъ уже въ январѣ 1881 г. воскресилъ идею о привлеченіи выборныхъ къ участию въ Государственномъ совѣтѣ, замершую годъ тому назадъ, т. е. воскресилъ тѣ своего рода конституціонныя начала, которыя должны были увѣнчать обновленное государственное зданіе. Обстоятельства, сопутствовавшія представленію государю докладной записки въ этомъ направленіи, отмѣчены въ дневникѣ графа Валуева въ слѣдующіе послѣдовательности¹⁾.

«Третьяго дня,—записалъ Валуевъ подъ 3 февраля,—заѣзжалъ ко мнѣ Michel 1-ег. Особенно любезенъ... Должно быть, что-нибудь значить. И точно, оказывается, что государю угодно, чтобы я участвовалъ въ совѣщаніи, которое должно состояться у его величества относительно представленной графомъ Лорисомъ-Меликовымъ записки. Ближній бояринъ (такъ зоветъ Лорисъ-Меликова Валуевъ) мнѣ ее вчера прислалъ. Монументъ посредственности умственной и нравственной. При наивно-циничномъ самовосхваленіи, при грубомъ кажденіи государю и грубомъ изложеніи разной лжи,—прежняя мысль о какихъ-то редакціонныхъ комиссіяхъ изъ призывныхъ экспертовъ».

«Вчера совѣщаніе у государя.—Цесаревичъ, генераль-адмиралъ, гр. Адлербергъ, гр. Лорисъ-Меликовъ, кн. Урусовъ, Абаза, Набоковъ и я.—Читалась самимъ гр. Лорисомъ-Меликовымъ его записка. Затѣмъ обсуждалась.—Нельзя было вчера ставить себѣ вопросъ: qui donc trompe-t-on ici? Отвѣтъ давался заранѣе.—Нельзя было также не замѣтить, до какой степени desipri placet.

«Дѣло кончилось всеобщимъ одобреніемъ предположеній министра внутреннихъ дѣлъ, съ обычными неопредѣленными оговорками насчетъ «предосторожностей», «деталей», и пр.—и порученіе разсмотрѣть эти детали и установить эти предосторожности въ совѣщаніи изъ тѣхъ же лицъ, кромѣ государя, подъ моимъ предсѣдательствомъ. Michel 1-ег спросилъ меня, вполголоса, нельзя ли прибавить Сольскаго, какъ редактора, чему я весьма обрадовался, потому что мой трудъ сократится.—Такъ и состоялось.

«Во время нашего сеанса ген.-адмиралъ и Абаза до неприличія льстили гр. Лорисъ-Меликову, что привело, конечно, къ комплиментарно благодарной фразѣ государя, а затѣмъ и къ облобызванію руки его величества графомъ-умиротворителемъ... Съ моей стороны, весьма кратко упомянувъ о сходствѣ предположеній 1863 и 1879 годовъ съ нынѣшними, я только оговорился насчетъ различія между двумя видами ожидавшихся результатовъ... не признавая важности псевдо-мѣстныхъ свѣдѣній и будто бы практическаго свѣта, который будетъ пролить на дѣла..

) «Былое» 1906 г. № 12.

«9 февраля. Вчера и третьяго дня прїѣзжалъ гр. Лорисъ-Меликовъ.—Весьма трудно разобрать, насколько въ его рѣчахъ незначія или неправды...

«Былъ кн. Мирскій, приготовляющійся воеводствовать въ Харьковѣ.—Изъ его рѣчей видно, что гр. Лорисъ-Меликовъ ожидалъ другого исхода своимъ предположеніямъ, т. е. полагалъ приурочить эффектъ къ 19 февраля.

«9 февраля. У наслѣдника было новое совѣщаніе о лорисъ-меликовскихъ комиссіяхъ.

«Вечеромъ, вчера, указанное высочайшею волею совѣщаніе у цесаревича. Прежніе—Сольскій. Нельзя найти достаточно сильныхъ выраженій, чтобы охарактеризовать поведеніе великаго князя адмирала передъ ближнимъ бояриномъ. Вчера в. кн. Константинъ дошелъ до того, что онъ спросилъ боярина, кто будетъ указывать министрамъ предметы «законопроектовъ» и пр., потомъ припомнилъ «верховную комиссію», выждалъ покачанія головы боярина и тогда досказалъ: «Правда, Михаилъ Таріеловичъ самъ себя разжаловалъ (sic) въ министры внутреннихъ дѣлъ».

«Въ остальномъ совѣщаніе было жалко, но безобидно. Всякое разумное сужденіе было невозможно. Рамки, понятія, формулы,—все условно. Истины ни на алтынъ. Пониманіе ограниченное. Сольскій, при своемъ умѣ, прежде всего канцеляристъ. Дѣло на заднемъ планѣ; на первомъ—какъ бы редактировать, что бы то ни было постановлено. Кн. Урусовъ думаетъ только о томъ, какъ бы что уторговать или отторговать. Набоковъ блѣденъ, но разсудителенъ въ общемъ итогѣ. Гр. Адлербергъ блѣднѣе всякой блѣдности. Для него совѣщаніе въ родѣ барщины, подлежащей отсидѣнію. Онъ и отсидѣлъ.—И мы правительство!

«14 февраля новое засѣданіе, послѣднее.

«Вечеромъ заключительное совѣщаніе у цесаревича. Прошелъ журналъ, редактированный Сольскимъ и въ которомъ, *mirabile dictu*, въ началѣ повторяется все самовосхваленіе ближняго безпорядковъ. Ушко боярина высовывается на каждомъ шагу... Все, имъ предпринятое, предпринято для оглашенія подъ своею фирмою,—и вчера онъ поэтому особенно настаивалъ на оглашеніи. Наивно неглупый Сольскій добродушно возражалъ, не замѣчая тщеты всѣхъ своихъ соображеній. Кн. Урусовъ и гр. Адлербергъ попытались кое-гдѣ пощипать: но и это, конечно, оказалось напраснымъ; они ничего не отщипали»...

Съ докладомъ о представительствѣ графъ Лорисъ-Меликовъ вошелъ къ государю 28 января 1881 г. и здѣсь онъ прежде всего засвидѣтельствовалъ, что русское общество готово служить всѣми силами для завершения великаго дѣла государственныхъ реформъ, предпринятыхъ съ первыхъ же дней восшествія его императорскаго

величества на престоль и съ этимъ его настроеніемъ въ дѣлахъ прочтѣйшаго установленія порядка надлежитъ воспользоваться.

Соглашаясь съ высказываемыми мнѣніями о необходимости прибѣгнуть къ представительнымъ формамъ для поддержанія порядка въ Россіи и, признавая, что мнѣнія эти составляютъ лишь выраженіе созрѣвшей потребности служить общественному дѣлу, «наиболѣе практическимъ способомъ,—заявлялъ Лорисъ-Меликовъ,— было бы дать законный исходъ этой потребности въ порядкѣ, уже испытанномъ по мудрымъ указаніямъ вашего императорскаго величества, при разработкѣ крестьянской реформы; порядокъ этотъ слѣдуетъ, конечно, примѣнить къ потребностямъ и задачамъ настоящей минуты».

Въ видѣ практической мѣры гр. Лорисъ-Меликовъ проектировалъ.

«1) сдѣлать нынѣ-же распоряженіе, чтобы находящіяся въ разныхъ министерствахъ и другихъ центральныхъ учрежденіяхъ матеріалы были собраны, сгруппированы по однороднымъ предметамъ и приведены въ такой порядокъ, въ какомъ, по усмотрѣнію подлежащаго министра, они могли бы съ удобствомъ быть подвергнуты соображенію подготовительныхъ комиссій.

«2) На окончаніе этихъ работъ назначить срокъ, совпадающій съ окончаніемъ сенаторскихъ ревизій. По представленіи сенаторами добытыхъ изъ ревизіи данныхъ, дополнить ими собранные въ центральныхъ учрежденіяхъ матеріалы и установить тѣ вопросы и предположенія, которые въ теченіе осени¹⁾ могли бы быть внесены въ подготовительныя комиссіи.

«3) Подготовительныя комиссіи учредить изъ членовъ правительственныхъ вѣдомствъ и приглашенныхъ съ высочайшаго соизволенія свѣдущихъ—служащихъ и неслужащихъ—лицъ, извѣстныхъ своими спеціальными трудами въ наукѣ или опытностью по разнымъ отраслямъ государственнаго управленія или народной жизни. На обязанность сихъ комиссій возложить составленіе законопроектовъ въ тѣхъ предѣлахъ, кои будутъ указаны высочайшей волей.

«4) Составленные подготовительными комиссіями законопроекты, предварительно внесенія установленнымъ порядкомъ въ Государственный совѣтъ, передавать, по высочайшему повелѣнію, на обсужденіе общей комиссіи, учреждаемой на нижеслѣдующихъ основіяхъ.

«5) Общая комиссія, подъ предсѣдательствомъ лица, непосредственно избраннаго высочайшею властью, составляется: а) изъ назначенныхъ, по высочайшему повелѣнію, къ постоянному присутствованію въ оной лицъ, принимавшихъ участіе въ работахъ подготовительныхъ комиссій; б) изъ выборныхъ отъ губерній, въ коихъ введено положеніе о земскихъ учрежденіяхъ, и отъ нѣкоторыхъ значительнѣйшихъ городовъ и в) изъ назначенныхъ особымъ

¹⁾ 1881 года.

порядкомъ членовъ отъ тѣхъ мѣстностей, въ коихъ положеніе о земскихъ учрежденіяхъ не дѣйствуетъ.

«6) Отъ губерній, въ коихъ введено положеніе о земскихъ учрежденіяхъ, избирается въ составъ общей комисіи по одному или по два члена, сообразуясь съ населеніемъ губерній. Избраніе представляется губернскимъ земскимъ собраніямъ.

«7) Члены отъ значительнѣйшихъ городовъ избираются городскими думами, въ столицахъ—по два, въ прочихъ городахъ—по одному.

«8) Губернскимъ земскимъ собраніямъ и городскимъ думами предоставляется избрать членовъ общей комисіи какъ изъ среды гласныхъ, такъ и изъ другихъ лицъ, принадлежащихъ къ населенію губерніи или города.

«9) Порядокъ и условія назначенія въ общую комисію представителей отъ мѣстностей, въ коихъ положеніе о земскихъ учрежденіяхъ не дѣйствуетъ, имѣютъ быть опредѣлены особо.

«10) Члены подготовительныхъ комисій, не назначенные къ постоянному участию въ занятіяхъ общей комисіи, присутствуютъ въ ней, съ правомъ голоса, при обсужденіи тѣхъ законопроектовъ, въ составленіи коихъ они участвовали.

«11) Для занятій общей комисіи назначается опредѣленный срокъ.

«12) Работы общей комисіи имѣютъ значеніе совѣщательное. Учрежденіемъ ея не измѣняется существующій нынѣ порядокъ возбужденія законодательныхъ вопросовъ и окончательнаго ихъ обсужденія. Разсмотрѣнные общемою комисіею законопроекты вносятся законнымъ порядкомъ въ Государственный совѣтъ подлежащими министрами, съ изложеніемъ и собственнаго заключенія министра».

По обсужденіи и утвержденіи новой реформы особымъ совѣщаніемъ, состоявшимъ изъ предсѣдателя гр. Валуева, цесаревича Александра Александровича, великаго князя Константина Николаевича, кн. С. И. Урусова, гр. А. В. Адлерберга, А. А. Абазы, гр. Лорисъ-Меликова, Д. Н. Набокова и Д. М. Сольскаго, проектъ ея былъ одобренъ и подписанъ императоромъ Александромъ II 17 февраля. Государь повелѣлъ министру внутреннихъ дѣлъ изготovitъ въ видѣ правительственнаго сообщенія (для напечатанія въ «Правительственномъ Вѣстникѣ») оповѣщеніе во всеобщее свѣдѣніе о принятомъ рѣшеніи.

Утромъ рокового дня, 1 марта 1881 г., передъ отъѣздомъ Императора Александра II въ Михайловскій манежъ, Лорисъ-Меликовъ имѣлъ докладъ у государя, причемъ императоръ Александръ II вручилъ ему одобренный проектъ «правительственнаго сообщенія» о созывѣ «общей комисіи» по проекту Лорисъ-Мели-

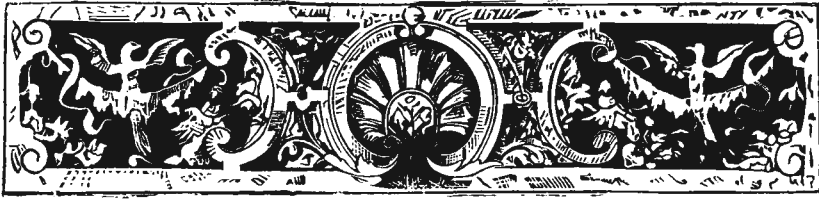
кова, выразивъ при этомъ желаніе, чтобы проектъ сообщенія, до его напечатанія, былъ выслушанъ въ засѣданіи совѣта министровъ 4 марта.

Но осуществить повеленіе государя императора Лорису-Меликову не пришлось. Брошенная подъ ноги Александра Николаевича динамитная бомба положила конецъ реформаторскимъ планамъ графа и взвившійся надъ Зимнимъ дворцомъ ангелъ смерти покрылъ своимъ крыломъ резолюцію Царя Освободителя.

Б. Глинскій.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ПО КАМЪ.

Устье Камы.—Кафешантанный «артистъ».—Лаишевъ.—Пустыня.—С. Шуранъ и «камскій рыцарь».—Мурзиха.—Рыбная Слобода.

I.

ЕЛО Богородское... Сотни домиковъ разсыпаны по очень высокому правому берегу; прямыя, какъ стрѣлы, улицы сбѣгають къ водамъ Волги. Большая каменная церковь стоитъ на полугорѣ, посреди села. Еще три версты и мы уже будемъ на Камѣ, поплывемъ на сѣверъ. Пока намъ не видать Камы за низкими берегами; только мачты судовъ торчатъ за ними.

«Мануфактуръ-Совѣтникъ» убавилъ ходъ и, сдѣлавъ крутой поворотъ налѣво, вошелъ въ устье Камы. Пассажиры, дотолѣ разсѣянно бродившіе по палубѣ или ѣвшіе и пившіе, сосредоточились у лѣваго борта. Еще бы: мы вѣдь пережили торжественную минуту—мы были свидѣтелями сліянія двухъ великихъ рѣкъ!

Кама впадаетъ въ Волгу двумя руками, раздѣляемыми низкимъ песчанымъ островомъ, на 445 в. отъ Нижняго, въ 70 в. ниже Казани и въ 3 в. ниже с. Богородскаго (Камское устье).

Въ желтыя воды Камы смотрятся низкіе пустынные берега. Сзади сверкаетъ широкая стальная полоса Волги, а надъ нею блеститъ золотой крестъ богородскаго храма и высятся скала Лобачъ и Кирѣевскія горы. Далеко впереди мерещится синева лѣсовъ.

Въ 10 в. выше устья, на правомъ берегу Камы, лежатъ значительныя татарскія деревни Табаево, близъ которой находятъ слѣды поселеній каменнаго вѣка, и Епанчино. Обѣ деревни отошли отъ берега и о нахожденіи ихъ здѣсь можно судить лишь по верхуш-

камь мечетей. Впрочемъ, въ половодье обѣ деревни хорошо видны съ палубы парохода. У Епанчей въ Каму впадаетъ р. Мёша, дающая механическую силу многочисленнымъ мельницамъ.

Монотонно протекаетъ жизнь на пароходѣ: ѣда, питье, пустые разговоры, кормленіе чаекъ бѣлымъ хлѣбомъ, особенно вначалѣ плаванія, заглядываніе въ чужія каюты во время прогулокъ по палубѣ да рѣдкія остановки у пристаней развлекаютъ многочисленныхъ пассажировъ нашего «Мануфактуръ-Совѣтника.» Съ какимъ интересомъ бросились они на корму, когда оттуда неожиданно понеслись звуки балалайки! Внизу, на кормѣ, покрытой полуобнаженными тѣлами изнемогшихъ отъ жары татаръ, около жены матроса, цѣлый день полоскающей въ корытѣ бѣлье команды, и пассажировъ, на тумбѣ пристроился человекъ среднихъ лѣтъ. Онъ одѣтъ въ потертый зипунъ, на головѣ—мятый картузь, на ногахъ—новыя лапти. Отжарить на балалайкѣ то вальсъ, то мазурку, то споеть куплеты кафешантаннаго производства.

По модному,
По благородному,

кончаетъ онъ каждый куплетъ не вполне приличной пѣсенки на злобы дня. Минуть двадцать увеселялъ онъ публику, а потомъ пискливымъ голосомъ выкрикнулъ: «дай вамъ Богъ, господа, добраго здоровья, а мнѣ не умирать», и подставилъ публикѣ свой картузь. Серебряныя и мѣдныя монеты полетѣли туда.

Я никакъ не могъ понять, какимъ образомъ могъ пройти школу кафешантаннаго, съ позволенія сказать, искусства сермяжный мужиченко. Командиръ парохода разрѣшилъ мое недоумѣніе.

— Въ послѣднее время много этихъ господъ развелось на волжско-камскихъ пароходахъ. Особенно охотно они странствуютъ между Нижнимъ и Кузьмо-Демьянскомъ. Это все—неудачники увеселительныхъ подмостковъ. На пароходъ они являются въ обыкновенныхъ костюмахъ и уже здѣсь переодѣваются въ мужицкое платье.

Вдали открылся Лаишевъ. Онъ казался стоящимъ на лѣвомъ берегу.

— Есть у васъ въ городѣ что-нибудь замѣчательнаго,—спросилъ я мѣстнаго обывателя.

— Острогъ,—отвѣтилъ онъ.—Мы и то дразнимъ заѣзжихъ къ намъ людей: «отъ сумы, да отъ нашей тюрьмы не отрекайся». Не острогъ, а прямо дворецъ!

Передъ Лаишевымъ Кама круто поворачиваетъ направо.

Этотъ уѣздный городокъ Казанской губерніи стоитъ на правомъ возвышенномъ берегу, въ верстахъ 35 отъ устья. Кругомъ пустынно; лишь два лѣсочка по обѣ стороны города, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ него, немного красятъ мѣстность. Лаишевъ былъ основанъ въ 1555—57 гг., какъ опорный пунктъ противъ татаръ и черемисъ,

Село Шурань (посрединѣ домъ бывшій Нормандцаго).

и былъ заселенъ пушкарями, стрѣльцами, прочимъ военнымъ людомъ и крещеными татарами. Ранѣе же Лаишевъ былъ татарскимъ селеніемъ, основателемъ котораго, по преданію, былъ старецъ Лаишъ (или Айшъ). При назначеніи Лаишева въ 1781 году уѣзднымъ городомъ онъ носилъ еще характеръ сильной по тому времени военной крѣпости съ нѣсколькими башнями и въ окрестностяхъ его находили цѣпи, ружья, части ихъ и т. п. По послѣдней переписи въ Лаишевѣ до 5¹/₂ тыс. жителей. Все значеніе города ограничивается большой «караванной» ярмаркой, бывающей здѣсь ежегодно во время разлива Камы. Тогда здѣсь скопляются сотни барокъ, груженыхъ желѣзомъ, за скупкою котораго съѣзжаются купцы чуть ли не со всей Россіи. Обороты ярмарки достигаютъ нѣсколькихъ милліоновъ рублей.

Пристань расположена отъ города въ трехъ верстахъ и отсюда видны лишь верхушки его храмовъ, такъ какъ онъ прячется за выступомъ берега. Зато онъ у васъ весь, какъ на ладони, когда пароходъ идетъ мимо него. Обращаютъ на себя вниманіе большой храмъ Троицкаго мужского монастыря (кажется, упраздненнаго), обнесенный каменной оградой, и, дѣйствительно, громадное зданіе тюрьмы.

Низки и пустынный берега. Лишь мелкая заросль—жалкій остатокъ когда-то чудныхъ вѣковыхъ лѣсовъ—слегка покрываетъ то одинъ, то другой берегъ. На Волгѣ «любятъ селиться на стрехѣ, камскіе прячутся въ лога». Камское село иной разъ и незамѣтно издали. Совсѣмъ безлюдье кажется, только по струйкамъ дыма изъ овраговъ или лоцинъ и заключаешь, что затаился тамъ отъ всего міра починокъ, точно онъ стыдится выбѣжать вверхъ и подставить золотому солнцу свои соломенные, тоже подъ его лучами червоннымъ золотомъ горящія кровли. Иной разъ чудится, что церковь одиноко торчитъ на горѣ, и только подъѣхавъ ближе, видишь, что тутъ есть кому молиться, потому что по логамъ да низинамъ насыпана не одна сотня кровель. Все это придаетъ нѣчто пустынное камскому пейзажу. Но почему почти всѣ селенія ушли отъ многоводной кормилицы Камы, почему они «спрятались въ лога?» На этотъ вопросъ я нигдѣ отвѣта не нашелъ. А вѣдь у самой воды всегда селился человѣкъ!

— Гдѣ же хваленая красота Камы, гдѣ же ея высокіе лѣсистые берега?

— Будьте терпѣливы. Завтра проснетесь и Камы не узнаете. Чѣмъ выше мы будемъ плыть, тѣмъ красивѣе будутъ берега. А здѣсь, близко отъ устья, милые люди, какъ сами видите, оголили мѣста. Карманъ-то они себѣ набили, но зато и матушку Каму наградили всѣми этими Шуранскими, Масловскими, Кубасскими, Сарапульскими и прочими иными перекатами. Такихъ-то благодѣтелей версть на сто не слѣдовало бы подпускать къ рѣкѣ.

Село Мурзиха.

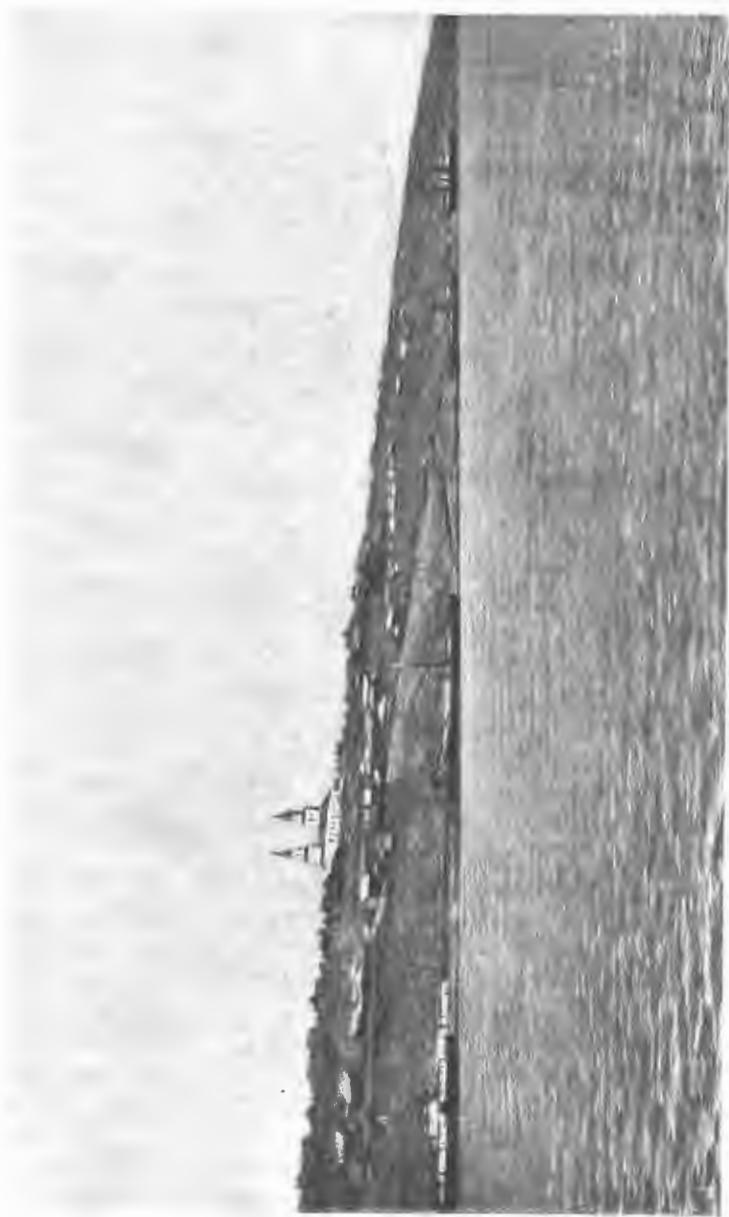
«Снявши голову, по волосамъ не плачуть»—великая мораль, выработанная жизнью. А мы, русскіе, снявшіе почти весь лѣсной покровъ съ необъятныхъ пространствъ имперіи въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ безразсудно, въ сущности крайне преступно, за безцѣнокъ, въ угоду нѣсколькихъ кулаковъ, теперь плачемъ объ отсутствіи лѣсовъ и обмеленіи рѣкъ и... продолжаемъ отдавать кулакамъ послѣднія лѣсныя насажденія. Правду сказалъ Маминъ-Сибирякъ, что «русскій человѣкъ цѣнитъ лѣсъ только тогда, когда его изведетъ до послѣдняго дерева».

На лѣвомъ берегу виденъ значительный поселокъ знаменитаго отнынѣ въ лѣтописяхъ голоднаго года г. К.—Б. Либеральная печать своевременно указала на его некрасивыя операціи съ «голоднымъ» хлѣбомъ, а затѣмъ и на подозрительный пожаръ его промышленныхъ заведеній.

Тѣмъ не менѣе ко времени нашего плаванія въ поселкѣ уже были возведены на полученную крупную страховую премію огромные сѣнопрессовальный заводъ и мукомольная мельница.

Въ 20 верстахъ выше Лаишева на высокомъ правомъ берегу расположено большое село Шуранъ. Почти въ началѣ его находится массивный двухэтажный бѣлый каменный домъ, подъ зеленой крышей, обнесенный солидною стѣною. Въ XVIII в. здѣсь было гнѣздо стяжавшаго себѣ громкую славу помѣщика капитана Андрея Петровича Нормаккаго, именовавшаго себя «норманскимъ герцогомъ» или «камскимъ рыцаремъ». Владѣя громаднымъ помѣстьемъ, онъ образовалъ изъ крѣпостной челяди и всякихъ «гулящихъ» людей сильную шайку, съ которой и разбойничалъ на Камѣ, грабя зимою проходившіе обозы, а лѣтомъ плившія барки. Изъ дома былъ устроенъ, какъ увѣряетъ мѣстное населеніе, подземный ходъ на рѣку. Рассказываютъ также, что Нормаккій однажды сдѣлалъ открытое нападеніе на Лаишевскій уѣздный судъ, откуда и похитилъ компрометировавшіе его документы. Наконецъ молва о подвигахъ этого новаго Стеньки Разина дошла до Петербурга и Нормаккій, по высочайшему повелѣнію, былъ сосланъ въ Сибирь, гдѣ утонулъ, а по преданію, былъ утопленъ въ р. Иртышѣ. Домъ «рыцаря» былъ запущенъ и только много лѣтъ спустя былъ реставрированъ и приведенъ въ настоящій его видъ, причемъ были уничтожены боковыя башни и вообщемъ сглаженъ боевой видъ. Похожденія разбойника-помѣщика послужили Марлинскому канвою для его романа «Латникъ», гдѣ онъ и выведенъ героемъ. Въ настоящее время историческая усадьба принадлежитъ земскому начальнику Чебоксарскаго уѣзда Л. Г. Домбровскому. Въ другомъ концѣ села находится усадьба казанскаго купца К., среди которой стоитъ вѣтряный двитатель. Четыре вѣтряныхъ мельницы сторожатъ село.

Близъ села, на берегу Камы, сохранились остатки древняго городища, въ которомъ, на основаніи арабскихъ писателей, пред-

Чистополь.

полагають болгарскій городъ Кошанъ. Въ 1881 г. Пономаревымъ были произведены здѣсь раскопки, въ результатѣ которыхъ было найдено не мало интересныхъ предметовъ, сдѣланныхъ главнымъ образомъ изъ кости (стрѣлы, иглы, молотки, ложки, удочки и т. п.).

Въ Шуранѣ содержится перевозъ черезъ Каму, такъ какъ здѣсь проходитъ Казанско-Оренбургскій трактъ. Когда-то тутъ переправлялась черезъ рѣку, во время весенней распутицы, рискуя жизнью, мать С. Т. Аксакова, Марія Николаевна, торопившаяся въ Казань къ больному сыну. Этотъ эпизодъ, какъ извѣстно, трогательно описанъ въ «Семейной хроникѣ».

По лѣвому берегу, словно обрѣзанному террасами, спускается къ водѣ село Мурзиха. Старинная церковка господствуетъ надъ рядомъ деревянныхъ домиковъ, большею частью крытыхъ соломой. Подъемъ въ гору огороженъ изгородью. По берегу сложены штабели дровъ и лыкъ. Надъ пристанью торчатъ неизмѣнныя лавчонки и чайная. На конторкѣ вывѣска: «продажа живой рыбы». Сколько поставлено здѣсь кошелокъ съ трепещущими стерлядями и копошашимися раками! И какъ дешево вы можете купить эту снѣдь! Въ концѣ села въ прекрасной рощѣ стоитъ усадьба г. Толстого. Мурзиха славится, кромѣ рыбы, своими камнемъ и жерновами.

За селомъ въ Каму впадаетъ р. Архаровка, на которой въ 12 верстахъ стоитъ большое и торговое село Алексѣевское, куда весною возводятся баржи для нарузки хлѣбомъ.

Какъ пустынно, какъ однообразно кругомъ! Какое обиліе воды здѣсь въ началѣ лѣта!

«Луга, пашни, лѣсъ, деревни. На рѣкахъ мели, плоты, барки. Изрѣдка пристань. Пассажиры высыпаютъ на палубу и развлекаются созерцаніемъ пристани, изъ которыхъ каждая похожа на всѣ и всѣ на каждую. Пловучій домикъ съ проходомъ посрединѣ. Въ проходѣ мужичья толпа, въ которой кое-гдѣ мелькнетъ чиновничья кокарда или дамская шляпа. У схода въ городской или урядникъ. На берегу торговли съ бубликами, ситниками и яйцами на рукахъ. Причалили, остановились, выпустили одну партію пассажировъ, впустили на ихъ мѣсто другую, и пошли дальше. И опять на долгіе часы луга, пашни, мели, скучные обрывы береговъ... да однообразное хлопанье и шлепанье пароходныхъ колесъ по водѣ. Зрѣлище утомительно однообразное, но не жалкое. Луга и пашни тучны, села богаты и велики, суда и пароходы несутъ въ себѣ большія богатства, народъ, создавшій ихъ, смысленъ и предприимчивъ. Все это внушительно, сильно, здорово, но черезчуръ «натурально». Богатъ не столько человѣкъ, сколько природа, съ ея черноземомъ, заливными лугами и водами, изъ которыхъ никакъ не могутъ выловить всей рыбы...» ¹⁾

¹⁾ Дѣдловъ, В. Л. Будущая Россія. Книжка «Недѣли», январь, 1897. Стр. 62—63.

Пристань Берсгутъ.

Хлѣбная полоса пошла. По высокимъ берегамъ желтѣютъ густыя озимыя поля и, словно темнобархатныя, яровыя. Вообще Прикамье въ урожайные годы является одной изъ житницъ Россіи и камскія пристани грузятъ огромное количество хлѣба. Едва ли не лучшими, зажиточными и трудолюбивыми земледѣльцами являются здѣсь татары.

Волнится повышенный правый берегъ; его мѣловыя отложенія кое-гдѣ покрыла кучами мелкая заросль. Кама сдѣлала большую излучину и какъ разъ за этимъ поворотомъ берегъ вдругъ совершенно упалъ—вотъ его затопить рѣка. Лѣвый берегъ слегка поднялся, рѣдкія деревья немного оживляютъ его унылую пустыню.

По косогору высокаго праваго берега сползаетъ къ рѣкѣ Рыбная Слобода. На откосѣ стоитъ церковь; глубокій логъ отдѣляетъ отъ села нѣсколько домиковъ и кладбище; кое-гдѣ видны садики. Село, называемое также Богородскимъ, существовало уже во времена казанскаго царства. Первыми поселенцами его были рыбаки, которые и дали ему имя. При Борисѣ Годуновѣ въ число «отписанныхъ» на государя пустошей и порожнихъ земель попала и Рыбная Слобода. Тогда она уже была значительнымъ селеніемъ, а жители ея обязаны были доставлять рыбу къ государеву столу, для чего въ слободѣ было устроено «государево садовое озеро». Нѣкоторое время слобода играла роль защитнаго городка отъ нападенія на границы государства башкиръ и ногайцевъ. Въ настоящее время это село, вообще на видъ невзрачное, богатое и большое, ведетъ значительную торговлю желѣзомъ, лѣсомъ и хлѣбомъ и въ тоже время продолжаетъ усиленно заниматься рыболовствомъ. Вѣдь здѣшнія мѣста самыя рыбныя по всей Камѣ.

Правый берегъ поднялся; но и изрыли же его здѣсь многочисленныя логи! По его красной глинѣ еле-еле тянется чахлый кустарникъ. По берегу раскинулось большое село Урай-Троицкое (Урайскій монастырекъ), когда-то имѣвшее мужской Троицкій монастырь, приписанный къ Новоспасскому монастырю въ Москвѣ, и неизвѣстно когда упраздненный. Противъ села Кама дѣлаетъ значительную излучину и здѣсь у лѣваго берега находится такъ называемый «золотой осередокъ», у котораго весною бываетъ слишкомъ быстрое и неправильное теченіе, крайне опасное для сплавныхъ судовъ.

Впереди, на далекой окраинѣ, на правомъ берегу видно нѣсколько сель.

II.

С. Савинъ-городокъ.—Чистополь.—Дер. Вандовка.—С. Соколки.—Устье р. Вятки.

Вечеръ. Кама не шелохнется, остеклѣла, развѣ только изрѣдка осетръ или бѣлуга, играя, разведутъ по водѣ большой кругъ. Берега припали къ рѣкѣ. Кругозоръ огромный, на десятки верстъ.

Пароходъ «Зарубинъ».

Даль окутана легкимъ флеромъ—тамъ на востокъ чудятся невысокія горы. За кормою нехотя догараеть закатъ. Чудный аромать несетя съ окрестныхъ полей и луговъ. Изъ небольшой рощицы слышатся запоздалыя, неувѣренныя трели соловья. Гдѣ-то скрипитъ коростель. На рѣкѣ маячатъ рыбаки. Тихо и торжественно наступаетъ великолѣпная Камская ночь.

Вдали виденъ бѣлый храмъ села Савина-городка; по мѣрѣ нашего приближенія, онъ, казалось, бѣжалъ отъ насъ. Село Савинь-городокъ или Жукотино (Донауровка тожь) находится на лѣвомъ берегу на мѣстѣ древняго болгарскаго города Жукотина. Послѣдній упоминается въ русскихъ лѣтописяхъ нѣсколько разъ. Въ 1360 г. Новгородская вольница подъ предводительствомъ боярина «Великаго Новгорода Анфала Микитина» взяла городъ, перебила тамъ множество татаръ, а богатства ихъ разграбила. Жукотинскіе князья жаловались хану, который и велѣлъ рускимъ князьямъ переловить разбойниковъ и прислать къ нему въ Орду, что и было исполнено князьями Суздальскимъ, Ростовскимъ и Нижегородскимъ, которые нарочно для того съѣзжались въ Костромѣ. Въ 1391 г., когда царевичъ Беркутъ по приказанію Тамерлана разграбилъ Вятку, вятчане въ отмщеніе разграбили Жукотинъ съ помощью новгородцевъ и устюжанъ. Черезъ восемь лѣтъ послѣ этого городъ пострадалъ отъ войска великаго князя Василя Дмитріевича за разореніе Нижняго Новгорода татарами. Близъ села находятся остатки древняго кладбища; большинство надгробныхъ памятниковъ или разобрано окрестными крестьянами, или же увезено татарами, чтущими мѣста погребенія предковъ.

По лѣвому повышенному берегу длинной полосой красиво раскинулся Чистополь. Но видъ на него открывается ненадолго, такъ какъ онъ закрытъ берегомъ. Шестъ православныхъ храмовъ и 2 мечети господствуютъ надъ городомъ. Видно много хорошихъ каменныхъ домовъ. Въ городѣ имѣются женская прогимназія, духовное и четырехклассное училище, низшая ремесленная школа, русско-татарская школа, медресе и мехтебе. Торговля города весьма значительна, на что между прочимъ указываетъ существованіе здѣсь отдѣленій Государственнаго и Волжско-Камскаго банка. Сюда въ огромномъ количествѣ свозится изъ сосѣднихъ уѣздовъ хлѣбъ въ зернѣ и мукѣ, горохъ, гречиха, овесъ и пшеница; рожь перемалывается на мѣстныхъ мельницахъ въ муку, а гречиха на круподеркахъ—въ крупу. Чистополь является важнѣйшимъ послѣ Казани торговымъ пунктомъ, лучшимъ по постройкамъ въ Казанской губерніи уѣзднымъ городомъ и однимъ изъ цвѣтущихъ уѣздныхъ городовъ Прикамья. Чистополь—важнѣйшая на Камѣ хлѣбная пристань: она отправляетъ ежегодно около 9 милл. пуд. хлѣба на сумму до 6 милл. руб. У города, близъ пристаней, стоитъ великолѣпный боръ, а въ центрѣ города находится отличный Скарятинскій садъ. Въ окрестностяхъ

Село Тихія Горы.

есть залежи асфальта. Пристани расположены въ началѣ города; надъ ними, на берегу, стоитъ красивое двухъэтажное зданіе—гостиница съ террасами кругомъ зданія.

Чистополь одинъ изъ тѣхъ немногихъ русскихъ городовъ, которые не имѣютъ историческаго прошлаго. До 1781 г. Чистополь былъ селомъ и назывался Чистымъ Полемъ. По преданію, оно было заселено бѣглыми помѣщичьими крестьянами. Однако послѣдніе потомъ были возвращены къ своимъ помѣщикамъ и такимъ образомъ на мѣстѣ села снова образовалось «чистое поле». Благодаря выгодному мѣстоположенію, «Чистое Поле» стало опять быстро заселяться и началъ процвѣтать, а въ 1781 г. было возведено на степень уѣзднаго города Казанскаго намѣстничества и осталось таковымъ и при образованіи Казанской губерніи въ 1796 г.

У города въ Каму впадаетъ рѣка Простъ, образуя очень помѣстительный и безопасный для зимовки судовъ затонъ.

Идемъ уже часъ, а храмы и домики Чистополя все еще видны намъ.

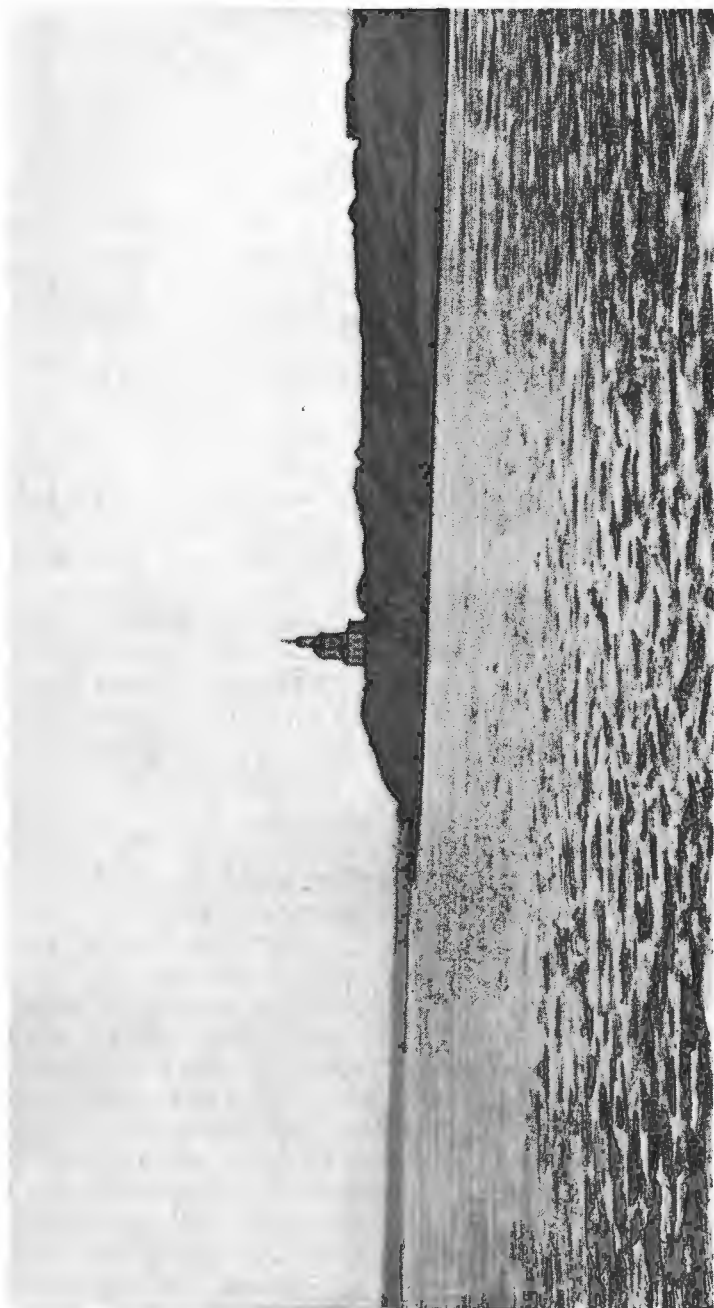
Въ двадцати верстахъ выше города находится пристань Берсутъ. Помѣщенная на дебаркадерѣ вывѣска гласитъ: «Берсутъ примѣніи Песочная Гора потомственнаго дворянина (sic!) В. И. Лихачева». Изъ чаши прекраснаго лѣса, покрывшаго высокій правый берегъ, выглядываютъ дачи. Живописное мѣстечко! Сюда пристають только бѣльскіе и вятскіе пароходы.

Въ деревнѣ Вандовкѣ, расположенной на правомъ берегу, имѣется большая паровая мукомольная мельница и рядъ хлѣбныхъ амбаровъ. Мѣстная хлѣбная пристань весьма значительна.

Кама широко и могуче разлила свои воды. Оба берега, покрытые дремучимъ лѣсомъ, чрезвычайно живописны.

За мысомъ по правому, очень высокому берегу лѣпится село Соколки или Сокольи Горы. Говорятъ, что въ былое время здѣсь жили соколы, какъ въ собственномъ, такъ и въ переносномъ смыслѣ. Да и понынѣ здѣшніе сѣльчани славятся по всей Камѣ своимъ ухарствомъ. Высыко поднимающіяся горы даютъ начало массѣ родниковъ; одинъ изъ нихъ, съ особенно вкусною и чистою водою, огороженъ и обсаженъ деревьями; здѣсь же поставлена икона. Это—мѣстный «Святой Ключъ», служащій мѣстомъ поклоненія простолюдинамъ. Глубокій догъ дѣлитъ село на двѣ неравныя части. Невзрачная церковка пріютилась на краю берега. Плохенькія избы не свидѣтельствуютъ о достаткѣ ихъ обывателей. Пристани устроены въ началѣ села, надъ ними по берегу выстроено нѣсколько домовъ съ балкончиками. Послѣдніе специально устроены для пассажировъ, которымъ приходится здѣсь ждать камскихъ или вятскихъ пароходовъ. Близъ Соколовъ ловится отличная стерлядь.

Въ 3 верстахъ выше Соколовъ, близъ деревни Грахани, у праваго берега въ Каму (на 167 верстѣ отъ ея устья) двумя рукавами, почти

Село Иксное-Устье.

подъ прямымъ угломъ, впадаетъ рѣчка Вятка. Правый нагорный берегъ послѣдней еще долго намъ виденъ. Принявъ рѣку Вятку, Кама круто поворачиваетъ направо и вскорѣ образуетъ нѣсколько острововъ, изъ которыхъ два самыхъ большихъ носятъ названіе близъ лежащихъ селъ—Котловскій и Свиногорскій. Благодаря такому раздѣленію рѣки, пароходство въ меженное время нерѣдко испытываетъ здѣсь большія затрудненія, ибо масса воды должна расходиться на нѣсколько руселъ.

За устьемъ Вятки кончается Казанская губернія и начинается по правому берегу Камы Вятская, а по лѣвому Уфимская губерніи.

III.

«Святой Ключъ».—Гг. Стахѣвы.—С. Танайка.—Елабуга.—И. И. Шипкинъ.—«Кавалеристъ-дѣвица.»

— Смотрите же, не проспите завтра «Святой Ключъ». Нѣтъ красивѣе мѣста по Камѣ вплоть до Перми,—предупреждали меня на пароходѣ.

И я не проспалъ.

Чудное утро; золотое солнце сверкаетъ какъ въ первый день творенія; голубое небо безоблачно; воздухъ недвижимъ; мѣрно разсѣкаетъ тихія воды Камы нашъ красавецъ пароходъ, оставляя за собою слегка пѣнящійся слѣдъ.

Кама сдѣлала крутую излучину. По высокому лѣвому берегу, покато спускающемуся къ водѣ, на много верстъ растянулся великолѣпный столѣтній лѣсъ. Среди лѣса, на расчищенныхъ полянахъ, стоятъ два красивыхъ дома—дачи и цѣлый рядъ хозяйственныхъ построекъ. По лѣсу во всѣхъ направленіяхъ разбиты широкія аллеи, освѣщаемыя, какъ и всѣ зданія, электричествомъ. На берегу видны керосиновые склады, паровая мельница, хлѣбные амбары.

На склонѣ горы какой-то отшельникъ въ давнія времена выкопалъ пещеру, въ которую можно проникнуть лишь ползкомъ. Здѣсь онъ въ цѣльномъ камнѣ выдолбилъ глубокій бассейнъ и пустилъ въ него прозрачную, какъ кристалль, воду «Святого Ключа», бѣгущаго сверху горы. Изъ бассейна вода ключа стекаетъ въ Каму. Надъ пещерою устроена часовня, хорошо видимая съ палубы парохода. Святой Ключъ служитъ мѣстомъ поклоненія какъ для православныхъ, такъ и для магометанъ. Есть данныя, на основаніи которыхъ можно предполагать о цѣлебности этого ключа, но, къ сожалѣнію, анализа водъ до сихъ поръ произведено не было. Чрезвычайно эффектную картину представляетъ Святой Ключъ ночью, когда онъ бываетъ весь залитъ электрическимъ свѣтомъ.

Святой Ключъ, громадное и въ высокой степени благоустроенное имѣніе, принадлежитъ купцамъ Стахѣвымъ, имя которыхъ извѣстно всему Камскому краю. Купили они его за 400 тысячъ

рублей у стяжавшаго громкую извѣстность въ эпопеѣ хищенія земель «Дикой Башкиріи» оренбургскаго генераль-губернатора, генераль-адъютанта Николая Александровича Крыжановскаго, получившаго это имѣніе даромъ.

Стахѣвы—елабужцы. По преданію, предокъ ихъ былъ родомъ изъ Новгорода Великаго; оттуда онъ ушелъ вмѣстѣ съ другими въ царствованіе Іоанна III на вольныя земли, на Каму, гдѣ и основалъ село Трехсвятское, впоследствии переименованное въ гор. Елабугу. Обладая огромнымъ капиталомъ, Стахѣвы стоятъ во главѣ цѣлаго ряда торгово-промышленныхъ предпріятій: у нихъ и пароходство, и керосиновое, и хлѣбное, и соляное, и винокуренное, и мануфактурное, и прочія дѣла. Въ тоже время они являются крупными благотворителями: электрическое освѣщеніе, водопроводовъ, реальное и епархіальное училища, богадѣльня въ Елабугѣ—все это устроено на ихъ средства. Ими же воздвигнуть рядъ сельскихъ храмовъ въ Елабужскомъ и сосѣднихъ уѣздахъ.

Изъ этого же рода вышелъ и не безызвѣстный писатель Дмитрій Ивановичъ Стахѣвъ, родившійся въ Елабугѣ въ 1840 году. Въ его многочисленныхъ романахъ и повѣстяхъ читатель встрѣтитъ немало чертъ, мѣтко характеризующихъ Прикамскій край и отжившіе или отживающіе типы мѣстныхъ обывателей. Между прочимъ, въ повѣсти «Обновленный край» описанъ видъ Елабуги и указаны нѣкоторыя черты изъ ея прошлаго.

Въ верстахъ 10 выше Святого Ключа на высокомъ правомъ берегу, въ сосновомъ лѣсу, близъ села Танайки, находится кумысолечебное заведеніе врача Кротова, открытое въ 1888 году. Сообщеніе заведенія съ Елабугой поддерживается omnibusами и одинокими экипажами.

Изъ-за выступа праваго берега выглянула Елабуга. Въ 1½ версты отъ города на очень высокомъ, глинистомъ, пустынномъ берегу одиноко возвышается круглая башня, по цвѣту своему не отличающаяся отъ берега. Это—«Чортово городище», одинъ изъ многихъ памятниковъ древне-болгарскаго народа, нѣкогда господствовавшего на берегахъ Камы. Во второй половинѣ прошлаго вѣка башня пришла въ разрушеніе и легко могла бы совершенно исчезнуть съ лица земли. Но, къ счастью, въ Елабугѣ нашлись просвѣщенные люди, которые и спасли памятникъ отъ гибели. Въ 1867 году, по инициативѣ И. В. Шишкина, отца художника, башня была восстановлена. Въ память этого въ стѣну была вложена чугунная доска съ надписью: «Сей древнѣйшій памятникъ до разрушенія не допущенъ; возобновленъ елабужскими гражданами въ 1867 году». Въ башнѣ помѣщается церковка въ честь сошествія Св. Духа.

О происхожденіи городища Немировичу-Данченко разсказывали слѣдующее: «Мѣсто слѣпное, чего тутъ! Чортъ, вишь, у попа дочь сваталь; попь ему и задалъ задачу: выстрой мнѣ за ночь церкву.

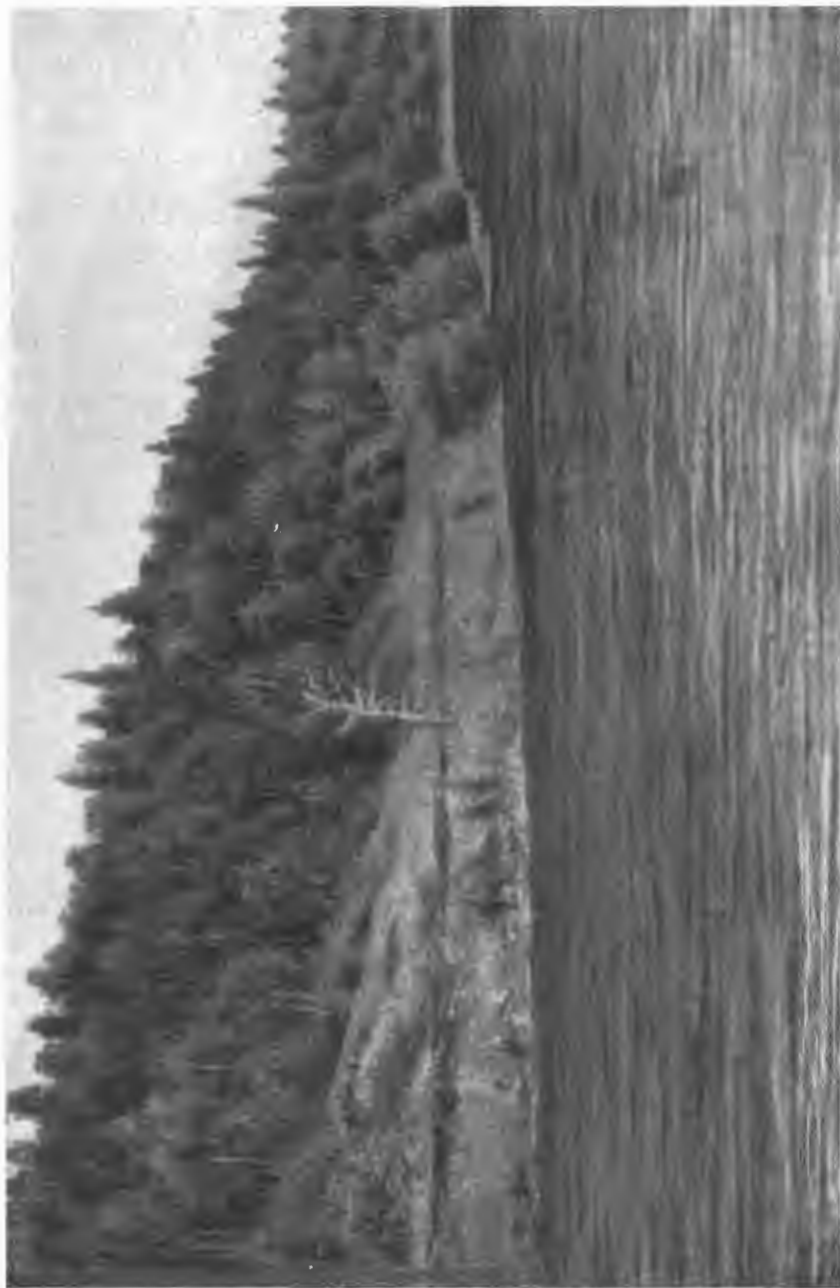
Собралъ чортъ своихъ чертенятъ и давай работать; только было кончили—пѣтухъ и запой, стройка вся разсыпалась, камнемъ о берегъ легла. Это тебѣ одно, а вотъ и другое: стояла тутъ крѣпость, жили въ ней люди разбойные, только и они своего закона держались. Заплатилъ ты имъ деньги—честь-честью проводятъ тебя по рѣкѣ, вѣдь тутъ быстрина, лукоморья здѣсь. Ну, а не заплатишь, наведутъ барку на такое мѣсто, что ее и опружить. Тутъ грузъ какой—ограбятъ; купца, либо приказчика въ воду, осетрамы на кормы, а рабочій народъ—на берегъ и на всѣ четыре стороны вольной волей. Честь-честью ¹⁾...

У подошвы горы, на которой стоитъ Чортово городище, расположены пристани. Отъ послѣднихъ до города въ 1894 году земствомъ проложено по незатопляемой дамбѣ прекрасное шоссе, освѣщаемое электричествомъ. До того времени приходилось переправляться въ городъ на лодкахъ или же подниматься на гору по лѣстницѣ. А высота берега здѣсь 70 саж.! У пристани стоитъ двухэтажное зданіе, окруженное съ трехъ сторонъ терассами, въ которомъ помѣщается чайная попечительства о народной трезвости. Въ этой чайной, прилично обставленной и хорошо содержимой, мнѣ пришлось разъ, въ ожиданіи парохода, коротать нѣсколько часовъ.

Елабуга—красивый, лучший уѣздный городъ Вятской губерніи. Благоустройству его можетъ позавидовать не одинъ губернскій городъ. Мощенныя улицы, электрическое освѣщеніе, водопроводъ, публичная бібліотека, 19 различныхъ училищъ, въ томъ числѣ женская гимназія и реальное училище, выгодно выдѣляютъ ее изъ многихъ городовъ нашей матушки Руси. Елабужскіе храмы извѣстны по всей Камѣ роскошью внутренней отдѣлки. «На иконостасѣ Покровской церкви, говоритъ г. Кудрявцевъ, прекрасная итальянская живопись, исполненная лучшими художниками-академиками. Внутренность Спасскаго собора поражаетъ гармоніею частей и правильностью рисунка орнаментовъ. Колонны, онтаблементъ и пилястры сдѣланы въ стилѣ коринфскаго и іоническаго орденовъ, иконостасъ въ стилѣ рококо, алтарь овальной формы. Все вмѣстѣ—богатство ризницы и утвари, чеканная серебряная одежда престола, стройное сочетаніе линій въ лѣнныхъ и узорныхъ работахъ придаютъ изящество многомѣстительному храму уѣзднаго города». Въ соборѣ есть икона Спасителя, почитаемая мѣстнымъ населеніемъ за явленную и чудотворную. Въ Никольскомъ храмѣ царскія врата и напрестольная одежда сдѣланы изъ чистаго серебра. Въ Троицкой кладбищенской церкви есть нѣсколько иконъ съ сохранившимися на ихъ обратныхъ сторонахъ надписями о томъ, что они перенесены сюда изъ церкви села Трехсвятскаго ²⁾.

¹⁾ Кама и Уралъ. Спб. 1890. Стр. 67—68.

²⁾ О с. Трехсвятскомъ, изъ коего возникла Елабуга, упоминалось выше.

Правый берег Камы близъ устья р. Бѣлой.

13 января 1831 года въ Елабугѣ, въ купеческой семьѣ, родился даровитѣйшій нашъ пейзажистъ, превосходный офортистъ и рисовальщикъ, кисти котораго принадлежатъ безчисленныя изображенія лѣсной глуши—И. И. Шишкинъ. Этотъ, поистинѣ, «поэтъ лѣсной глуши», «во всѣхъ своихъ произведеніяхъ является удивительнымъ знатокомъ растительныхъ формъ, воспроизводящимъ ихъ съ тонкимъ пониманіемъ какъ общаго характера, такъ и мельчайшихъ отличительныхъ чертъ всякой породы деревьевъ, кустовъ и травъ. Брался ли онъ за изображеніе сосноваго или еловаго лѣса, отдѣльныя сосны и ели, точно также, какъ и ихъ совокупность, получали у него свою истинную фізіономію, безъ всякихъ прикрасть или убавокъ,—тотъ видъ и съ тѣми частностями, которыя вполне объясняются и обусловливаются почвою и климатомъ, гдѣ художникъ заставлялъ ихъ расти. Изображалъ ли онъ дубы или березы, онѣ принимали у него до-нельзя правдивыя формы въ листвѣ, вѣтвяхъ, стволахъ, кореньяхъ и во всѣхъ подробностяхъ. Самая мѣстность подъ деревьями—камень, песокъ или глина, неровности почвы, поросшія папортниками и другими лѣсными травами, сухіе листья, хворостъ, валежникъ и пр.—получала въ картинахъ и рисункахъ Шишкина видъ совершенной дѣйствительности». Кто не знаетъ великолѣпныхъ шишкинскихъ полотентъ: «Лѣсная глушь», «Корабельная роща», «Горѣлый лѣсъ», «Еловый лѣсъ» и мн. др. Могучіе камскіе лѣса первые заронили въ душу ребенка искры художественнаго дарованія...

Въ 1817 году, по выходѣ въ отставку въ чинѣ ротмистра, съ Георгіемъ въ петлицѣ, въ Елабугѣ окончательно поселилась знаменитая кавалеристъ-дѣвица и писательница Надежда Андреевна Дурова («Александръ Андреевичъ Александровъ»). Здѣсь она и скончалась въ 1866 году въ глубокой старости и была похоронена на приходскомъ кладбищѣ. Въ 1901 году на ея моогилѣ былъ воздвигнутъ приличный памятникъ на средства уланско-литовскаго полка, въ рядахъ котораго она когда-то служила ¹⁾.

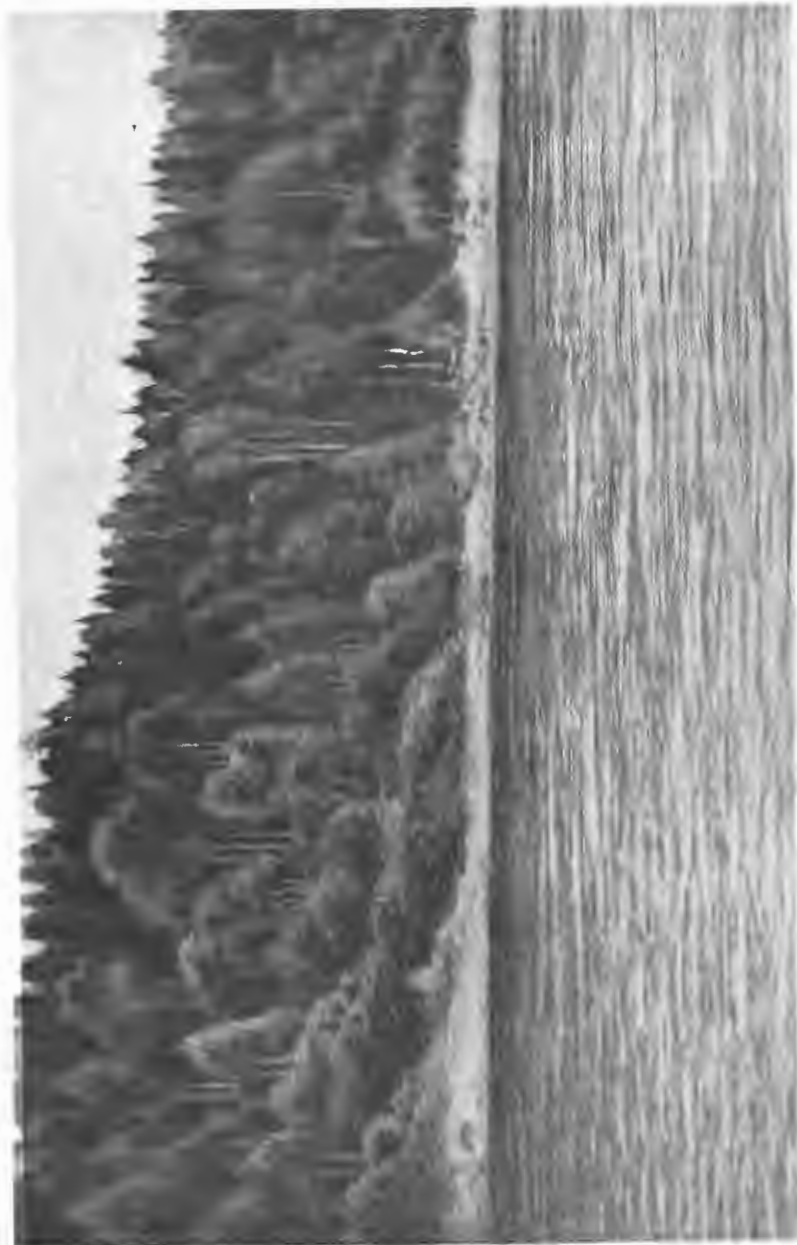
IV.

С. Бережные Челны.—С. Тихія Горы.—С. Иксное.—Устье-Ижевскій заводъ.—С. Пьяный Боръ.—Устье р. Бѣлой.

По лѣвому берегу широко раскинулось богатое село Бережные Челны. Село выглядит совсѣмъ городомъ. Немало двухэтажныхъ каменныхъ и деревянныхъ домовъ. Улицы широкія и прямыя. На

¹⁾ Желающихъ ближе ознакомиться съ жизнью и дѣятельностью этой замѣчательной женщины отправляемъ къ статьѣ г. Зеленина «Къ портрету Н. А. Дуровой», помѣщенной въ «Истор. Вѣстникѣ», 1901 г. сентябрь и загѣмъ перепечатанной въ его путеводителѣ «Кама и Вятка».

Правый берегъ Камы между устьями рр. Вятки и Бѣлой.

берегу рядъ хлѣбныхъ амбаровъ. Здѣшняя пристань отправляетъ большое количество хлѣба, преимущественно въ Рыбинскъ. Близъ села найдены остатки двухъ древнихъ городищъ. Здѣсь мы простояли болѣе часа, такъ какъ выгружали ящики и опилки для яиць. Ну, не обычная ли русская наглядная несообразность: изъ Казани сотни ящичковъ и опилки отправляются въ богатый лѣсной край! Нужно замѣтить, что Челны, равно какъ и сосѣднія пристани, занимаются крупнымъ экспортомъ яиць за границу.

Высоко поднялись берега. Дремучіе, вѣковые лѣса смотрятся въ тихія воды Камы. Среди сосенъ и елей рѣзко выдѣляются темно-зеленыя, почти черныя, пихты. Какъ хороша, какъ изящна эта сибирская красавица! Густая, прямая какъ свѣча, напоминающая южный кипарисъ, она высоко вздымается къ небу. И чѣмъ выше мы идемъ, тѣмъ чаще она встрѣчается. Пошла настоящая хваленная камская краса.

— А чьи эти лѣса?

— Все удѣльные. Потому-то и стоятъ они, а то купецъ давно бы до нихъ добрался и живо ихъ по Камѣ спустилъ. Нехорошо только окрестному мужику отъ удѣла—ужь больно онъ его со всѣхъ сторонъ жметъ.

Село Тихія Горы расположено на очень высокомъ правомъ берегу, гдѣ Кама дѣлаетъ большую излучину. Пароходъ останавливается у ушковской пристани, гдѣ имѣется вывѣска: «Здѣсь почта, телеграфъ». Надъ пристанью домъ и контора Ушкова. Между домомъ и селомъ видно обнесенное большой каменной оградой кладбище, посрединѣ котораго стоитъ часовня надъ могилою недавно умершаго Петра Капитоновича Ушкова. Ниже села на берегу находится извѣстный кокшанскій химическій заводъ товарищество «П. К. Ушковъ и К°», выдѣлывающій купоросъ и купоросное масло, матеріалъ для которыхъ, именно сѣрный колчеданъ, добывается въ Гороблагодатскомъ округѣ, по рѣкѣ Салдѣ, и сплавляется сюда по Чусовой и Камѣ. Заводскія зданія, неказистыя съ виду, оцѣниваются только въ 2¹/₂ мил. руб.! Владѣлецъ Тихихъ Горъ—братъ счастливаго обладателя прекраснаго «Фороса» на южномъ берегу Крыма, у Байдарскихъ воротъ.

Широко разлила свои воды Кама. По лѣвому берегу кругозоръ необъятный. Круто падаетъ къ рѣкѣ правый берегъ. На его темно-красныхъ обрывахъ удивительно красиво высятся сосны и пихты. Едва ли не здѣшніе живописные берега получили извѣстность въ художественной литературѣ, какъ послужившіе оригиналомъ ряда образцовыхъ произведеній нашихъ художниковъ.

Высоко на правомъ берегу стоитъ село Икское-Устье, противъ котораго въ Каму впадаетъ р. Икъ, бывшая когда-то судоходной. Ярko сіяетъ золотой крестъ обширнаго храма. Близъ села есть песчаная гора, песокъ который при смѣшеніи съ глиной даетъ от-

личный огнеупорный кирпичъ. Жители села, кромѣ изготовленія кирпича, занимаются рыбною ловлею, красильнымъ мастерствомъ, а также торговлею.

Какъ красивъ, какъ эффектенъ нагорный правый берегъ! Надъ рѣкою словно глиняныя горы поднимаются. Ярко зеленые дубы, сосны и ели и темныя пихты лѣнятся на красномъ и коричневомъ фонѣ растрескавшейся и разщелившейся глины. Эти берега мнѣ напомнили лучшія мѣста по Сухонѣ.

Въ 10 вер. выше с. Иксаго-Устья въ Каму справа впадаетъ р. Ижъ, на которой въ 40 в. выше устья стоитъ извѣстный казенный оружейный и сталелитейный Ижевскій заводъ. Послѣдній былъ основанъ въ 1760 г. на личныя средства гр. А. П. Шувалова для выдѣлки разныхъ сортовъ желѣза изъ привознаго уральскаго чугуна. Въ 1774 году заводъ былъ разрушенъ Пугачевымъ, а по восстановленіи въ 1807 г. былъ обращенъ въ оружейный и черезъ два года послѣ этого былъ переданъ военному вѣдомству. До 1867 г. работы на заводѣ производились казенными рабочими, съ переходомъ же на вольнонаемный трудъ и до 1884 г. заводъ находился въ арендномъ управленіи различныхъ лицъ, при условіи обязательной поставки въ казну винтовокъ по опредѣленнымъ цѣнамъ. Съ 1884 г. заводъ поступилъ въ казенное управленіе и находится въ вѣдѣніи главнаго артиллерійскаго управленія. Въ настоящее время онъ производитъ главнымъ образомъ мартеновскую и тигельную сталь, изъ которой выдѣлываются стальные ружейные стволы, части ружей и инструментальная техническая сталь. Заводъ владѣеть 128 тыс. десятинъ, изъ которыхъ 123 тыс. десятинъ подъ лѣсомъ. Жителей около 30 тысячъ. Ружья и сталь производятся не только на казенномъ заводѣ, но также и на многочисленныхъ частныхъ фабрикахъ и у кустарей. Здѣсь также сильно развита кожевенная промышленность. Пристань завода на Камѣ—с. Гольяны, о чемъ рѣчь будетъ ниже.

Оба берега упали. Высокая гряда праваго берега далеко ушла отъ воды; долина рѣки раскинулась на много верстъ. Чувствуется, что близко сліяніе двухъ большихъ рѣкъ.

На правомъ берегу, на понизи, у самой воды, стоитъ село Пьяный Боръ. Противъ села—песчаный, покрытый небольшимъ кустарникомъ островокъ. Пристани находятся на версту выше села, такъ какъ поставить ихъ у послѣдняго, благодаря мели, не представляется возможнымъ. Надъ пристанью берегъ высоко поднялся; хорошій боръ очень краситъ его. Нѣсколько лавчонокъ и деревянный балаганъ съ вывѣской: «ресторанъ и номера», готовый дать пріютъ (но какой?!) запоздавшимъ путникамъ съ Бѣлой или на Бѣлую...

На вопросъ Немировича-Данченко, почему селу дали такое имя, ему отвѣтили: «а по всей нашей округѣ—пьяная земляника ра-

стеть». И «дѣйствительно, прибавляетъ нашъ авторъ, отъ мѣстной земляники чувствуется легкое опьяненіе, кружится голова, клонить ко сну ¹⁾». Здѣшной земляники я не пробоваль, но и у нашихъ пассажировъ, а особенно у пассажирокъ, уничтожавшихъ эту ягоду въ огромномъ количествѣ, я ни малѣйшаго опьяненія не замѣтилъ. Происхожденіе столь нелестнаго названія села мнѣ объяснили иначе. Въ былыя времена здѣсь, у устья Бѣлой, недалеко отъ слиянія Вятки съ Камой, сходились, по расчетъ съ хозяевами, бурлаки и даже лодманы и на опушкѣ лѣса пропивали остатки скуднаго заработка. Сюда, какъ на своего рода биржу, являлись другіе хозяева и нанимали эту измученную рабочую силу на новый каторжный трудъ. Задаточные гроши тутъ же и пропивались...

Въ нѣсколькихъ верстахъ выше Пьянаго Бора нашъ пароходъ остановился въ послѣдній разъ до Перми у нефтянокъ для приѣма нефтяныхъ остатковъ. Здѣсь правый берегъ очень высокъ; онъ спускается къ рѣкѣ отвѣсной стѣною; отличный боръ покрылъ его.

Среди низинъ лѣваго берега въ Каму двумя рукавами впадаетъ рѣка Бѣлая (у башкиръ Акъ-Исылъ). Бѣлая полоса совершенно ясно раздѣляетъ воды рѣкъ. На протяженіи нѣсколькихъ верстъ Бѣлая течетъ параллельно Камѣ. Ея два рукава, изъ коихъ лишь второй въ меженное время служитъ для судоходства и пароходства—раздѣлены значительнымъ Козьимъ островомъ. Бѣлая впадаетъ въ Каму на 330 верствъ отъ устья послѣдней. Долина слиянія рѣкъ чрезвычайно широка и поражаетъ своею пустынною; лишь у устья рѣки, недалеко отъ дер. Дербешки, видѣнъ поселокъ Стахѣвыхъ, въ которомъ у нихъ маслослѣдательный заводъ, паровая мельница и большіе хлѣбные амбары. Здѣсь ими производится въ крупныхъ размѣрахъ скупка хлѣба, сплавляемаго по Бѣлой.

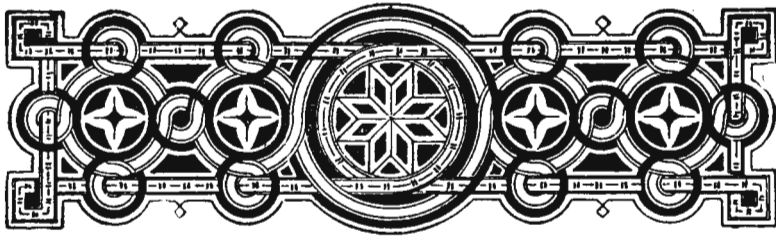
На высокомъ гребнѣ праваго берега, въ лѣсной чащѣ, прямо противъ судоходнаго рукава Бѣлой, находятся пещеры, выкопанныя, по преданію, Ермакомъ Тимоѣевичемъ. Тамъ, рассказываютъ мѣстные жители, множество комнатъ и въ самыхъ дальнихъ изъ нихъ зарыто несмѣтное богатство. Болѣе подходящаго мѣста для «экспроприаторскихъ» подвиговъ дѣйствительно трудно и найти: плывутъ ли купцы съ своими товарами по Камѣ—или по Бѣлой—все равно не миновать имъ разбойничьихъ рукъ ермаковыхъ мотодцовъ.

За устьемъ Бѣлой пошли частыя села: по правому берегу преимущественно русскія, а по лѣвому—татарскія и башкирскія.

Андрей Фирсовъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

¹⁾ Ibid. Стр. 80.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Іоаннъ де Пано Карпини. Исторія монголовъ.—Вильгельмъ де Рубрукъ. Путешествіе въ восточныя страны.—Введеніе, переводъ и примѣчанія А. І. Малеина. Съ прилож. 8 рис., карты и указателей. Спб. Изд. А. С. Суворина. 1911.

ТИМЪ изданіемъ восполненъ весьма замѣтный пробѣлъ въ нашей исторической литературѣ. Съ именемъ Пл. Карпини знакомъ со школьныхъ годовъ всякій, прошедшій хотя бы элементарный курсъ родной исторіи. Въ каждомъ руководствѣ по русской исторіи быть и нравы вѣковыхъ поработителей Руси—татаръ, описывается въ чертахъ, заимствованныхъ изъ глубокоинтересной «Исторіи монголовъ», составленной францисканскимъ монахомъ послѣ миссіонерской поѣздки его къ татарамъ по порученію папы Иннокентія IV (въ 1246 г.). Мало того, эта «Исторія» заключаетъ въ себѣ цѣнныя упоминанія, касающіяся и собственно Руси XIII в. (наприм., упоминанія о в. кн. Александрѣ Невскомѣ, о кн. Даниилѣ Романовичѣ Галицкомѣ, Михаилѣ Всеволодовичѣ Черниговскомѣ, о в. кн. Ярославѣ Всеволодовичѣ и др.), а также любопытныя данныя по географіи Россіи, особенно въ ея настоящіихъ предѣлахъ, когда ей принадлежить то, что когда-то было достояніемъ монголовъ. Между тѣмъ до сихъ поръ мы не имѣли удовлетворительнаго перевода съ латинскаго оригинала Пл. Карпини. Сдѣланный въ к. XVIII в. и притомъ съ французскаго текста Р. Вергегон'а русскій переводъ Пл. Карпини («Любопытнѣйшее путешествіе монаха франциск. ордена Жана дю Планта Карпино и пр. Москва, 1800 г.») теперь, конечно, и не внушаетъ къ себѣ довѣрія и, будучи библиографическою рѣдко-

стію, мало доступенъ читателю. Другой переводъ принадлежитъ Д. И. Языкову въ его «Собраніи путешествій къ татарамъ и другимъ восточнымъ народамъ, въ XIII, XIV и XV стол. I. Плано Карпини. II. Асцелинъ. Спб. 1825 г.». Трудъ Д. И. Языкова, являясь немногимъ моложе и доступнѣе вышеупомянутыхъ, кромѣ того, носить на себѣ печать произвольнаго обращенія съ текстомъ Карпини: переводчикъ переставилъ въ немъ главы и дополнилъ его другими матеріалами, относящимися, положимъ, къ той же самой эпохѣ. Авторъ только что вышедшаго перевода въ изд. А. С. Суворина имѣлъ дѣйствительное право сказать про себя (во «введеніи»), что имъ данъ «первый русскій переводъ Пл. Карпини, сдѣланный непосредственно съ латинскаго и передающій текстъ путешественника безъ всякихъ постороннихъ прибавокъ и въ полномъ соотвѣтствіи съ порядкомъ изложенія оригинала».

Другой писатель, миссіонеръ—миноритъ В. де Рубрукъ, путешествовавшій въ страну татаръ по распоряженію французскаго короля Людовика IX Святого, сравнительно съ Карпини значительно менѣе популяренъ у насъ. Достаточно указать уже на одно то, что въ русскомъ переводѣ до сего времени онъ не былъ извѣстенъ. Между тѣмъ его «Путешествіе въ восточныя страны», также изложенное въ оригиналѣ на латинскомъ языкѣ, заключаетъ въ себѣ данныя первостепенной важности для исторіи Руси въ эпоху татарской неволи. Передъ Карпини онъ имѣетъ даже одно несомнѣнное преимущество: отправляясь въ свое далекое и рискованное путешествіе онъ, какъ видно изъ самаго текста, тщательно готовился къ нему, почему его извѣстія болѣе надежны, чѣмъ у Карпини. Для насъ онъ интересенъ особенно тѣмъ, что удѣляетъ достаточно вниманія вопросу о положеніи русскихъ при дворѣ татаръ, а также знакомитъ насъ съ нѣкоторыми любопытными чертами изъ религіозной и бытовой жизни нашихъ предковъ.

Новый переводъ обоихъ авторовъ принадлежитъ проф. А. И. Малеину, уже зарекомендовавшему себя ранѣе вышедшими въ изд. А. С. Суворина переводами Карба и Герберштейна. Неотъемлемыми достоинствами его переводовъ являются ихъ безупречная литературность и научно-добросовѣстная при этомъ точность въ передачѣ на русскій языкъ оригинала. Послѣдняя простирается до того, что въ русскомъ текстѣ вполнѣ сохраняется колоритъ повѣствованія не мудрствующихъ лукаво бытописателей XIII в. съ ихъ наивнымъ съ нашей точки зрѣнія міросозерцаніемъ, нечуждымъ (особ. у Карпини, см. стр. 17, 19, 21 и т. д.) предразсудкомъ. Оба эти качества даются г. Малеину при его переводахъ, съ одной стороны, благодаря его profession de foi доктора римской словесности, съ другой—благодаря его громадной освѣдомленности въ исторической литературѣ, о чемъ свидѣтельствуютъ «введенія» къ переводамъ и особенно примѣчанія къ нимъ.

Достоинно вниманія упоминаніе г. переводчика о желательности изданія нашей академіей наукъ научно провѣреннаго текста и Карпини, и Рубрука съ критическимъ къ нему аппаратомъ, въ каковой работѣ должны принять участіе и историки, и востоковѣды, и филологи. Въ различныхъ европейскихъ бібліотекахъ имѣется нѣсколько дошедшихъ до насъ списковъ Карпини и Рубрука, которые (списки) не сходятся между собой въ нѣкоторыхъ частно-

стяхъ и затрудняютъ работу переводчика въ передачѣ, напр., собственныхъ монгольскихъ именъ.

Съ вѣдшей стороны новое изданіе прекрасно, а по цѣнѣ (4 р.) значительно дешевле подобныхъ предшествовавшихъ изданій.

Ө. В.

Н. Новомбергскій, проф. томскаго университета. Ветеринарное дѣло въ Россіи въ половинѣ XVIII ст. (Матеріалы по исторіи медицины въ Россіи). Томскъ. 1910., Стр. 97—484. Цѣна 2 р.

Профессоръ юристъ г. Новомбергскій съ большою энергію и любовью, сдѣлавшею бы честь любому специалисту-историку, занимается по архивнымъ документамъ изученіемъ многихъ строкъ бытовой русской старины. Въ 1905—1907 г. имъ были напечатаны 4 тома «Матеріаловъ по исторіи медицины въ Россіи», въ 1906 г. «Колдовство въ московской Руси» и еще недавно—въ 1910 г. «Матеріалы къ исторіи «Слова и дѣла государевыхъ», удостоенные преміи.

Разработка бытовой русской исторіи путемъ изданія новыхъ документальныхъ данныхъ, касающихся широкаго русла старинной народной жизни, путемъ освѣщенія ея отдѣльными монографіями настолько мало подвинулась еще впередъ, что замѣчаніе проф. Новомбергскаго, что «младшая сестра медицины ветеринарія до сихъ поръ еще не привлекла къ своимъ судьбамъ ни одного изслѣдователя», можетъ быть одинаково отнесено къ безчисленному количеству «младшихъ сестеръ» многовѣковой русской исторіи. Морское военное дѣло, коммерція, искусства, ремесла, біографія цѣлыхъ сотенъ выдающихся русскихъ людей и многое другое ждуть еще своихъ изслѣдователей. И спасибо тѣмъ работникамъ, которые не задаваясь мыслию исчерпать весь сложный предметъ до глубины, избираютъ себѣ, какъ сдѣлалъ и г. Новомбергскій въ своей указанной выше книгѣ, одну какую-нибудь сторону предмета, изслѣдуя ее даже только по документамъ одного только архива. Сдѣланный ими слѣдъ хорошо замѣтенъ, начало видное положено.

И несмотря на то, что г. Новомбергскій въ своей книгѣ возникновеніе ветеринарной организаціи въ Россіи относитъ, по собраннымъ матеріаламъ, въ зависимости отъ нихъ, лишь къ сороковымъ годамъ XVIII столѣтія, онъ замѣчаетъ, что предшествовавшіе законодательные матеріалы началомъ планомѣрной дѣятельности въ ветеринарномъ дѣлѣ считали даже XIX вѣкъ.

Не входя въ изслѣдованіе ветеринаріи въ XVI и XVII столѣтіяхъ, г. Новомбергскій изученіе ея начинаетъ съ 1739 года, времени появленія въ Россіи «коноваловъ иноземцевъ», умѣвшихъ ковать лошадей и лечить ихъ отъ всякихъ болѣзней. Опредѣлялись они отъ конюшенной канцеляріи въ императорскій конюшенный дворъ, на конюшенные заводы и разныя конюшни на жалованье отъ 84 руб. въ годъ. Одинъ изъ нихъ за это содержаніе обязывался обучать данныхъ ему учениковъ коновальному искусству, а между своими институтами имѣть «ланцентъ съ топорками для пусканія крови». Коновалы передъ опредѣленіемъ въ должность подвергались испытанію и потомъ приносили обычную присягу государынѣ. Въ важныхъ случаяхъ для осмотра больныхъ лошадей

составлялся консиліумъ, и съ цѣлью установленія ихъ болѣзни иногда дѣлались вскрытія или патолого-анатомическія изслѣдованія, особенно когда болѣзни лошадей принимали эпидемическій характеръ. Въ предупрежденіе зараженія здоровыхъ лошадей отъ больныхъ, предписывалось здоровыхъ къ водопоямъ не водить, а поить дома, съ зараженныхъ палыхъ животныхъ кожъ не сдирать; такихъ животныхъ предписывалось закапывать въ ямы 5 аршинъ глубиною, заливая известью или засыпая золою, въ такихъ мѣстахъ, гдѣ хлѣба не сѣютъ, разстояніемъ отъ жилья до 3 верстъ.

«Лучшимъ коноваломъ» въ это время аттестовался иностранецъ Петеръ Бове, состоявшій «при конской аптекѣ», въ затруднительныхъ случаяхъ дѣлавшій разныя экспертизы. Но одновременно съ иностранцами даже въ «нѣмецкое царствованіе» Анны Іоанновны, по извѣстной «инструкціи» 20 мая 1732 г., Артемію Петровичу Волинскому повелѣвалось изъ конюшенныхъ волостей дѣтей подъяческихъ и церковниковъ 50 человекъ въ возрастѣ 12—15 лѣтъ, грамотныхъ, обучать въ школѣ латинскому языку, чтобы они на ономъ могли знать имена травъ и прочихъ медикаментовъ для пользованія лошадей, а потомъ раздать ихъ для обученія иноземнымъ коноваламъ. Школа для такихъ учениковъ была основана въ селѣ Хорошеѣ близъ Москвы, въ ней въ 1738 г. числилось 74 ученика; курсъ въ школѣ проходили, глядя по способностямъ, въ 6—10 и даже 16 лѣтъ. «За непонятіе науки» нѣкоторые увольнялись. Изъ контракта съ однимъ изъ учителей видно, что въ школѣ теоритическія свѣдѣнія соединялись съ практическими занятіями, значеніе же леченія лошадей опиралось на общее естествознаніе. При императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ нѣкоторые учителя коновалы были уже русскіе. При непригодности ученика къ окончанію курса въ школѣ, онъ опредѣлялся въ стадные и стряпчіе конюхи въ конюшни; достойный же назначался «коновальскимъ подмастерьемъ», получавшимъ содержаніе противъ оклада иноземца коновала вполы. Въ 1757 же году въ большинствѣ конскихъ заводовъ коноваловъ-иноземцевъ, кромѣ русскихъ коновальныхъ подмастерьевъ, совсѣмъ уже не было: «иностранные коновалы уступили поле дѣятельности русскимъ ученикамъ».

Первая конская аптека находилась въ Москвѣ на Остоженкѣ, ея завѣдывалъ главный коноваль, названный выше Бове, получавшій въ годъ жалованья 200 рублей, при немъ было 5 учениковъ. Изъ лекарствъ въ ней значились: лавровыя ягоды, терпентинъ, антимоній, померанцевая корка, размаринъ, можжевеловое масло, деревянное масло, квасцы, копытчатый ремень, спиритусъ-салиусъ, энціанъ-колмень и др. Употреблялось также средство «масло бобровой струи», считавшееся цѣннымъ. Собираніе травъ для леченія животныхъ производилось также коновалами на мѣстахъ; такъ «лихорадочную траву» въ 1748 г. находили близъ села Никольскаго въ Переяславскомъ уѣздѣ и у селъ Горстова и Глазова—въ Московскомъ; а немного ранѣе въ 1739 г. были сдѣланы попытки насадить травы и коренья для леченія лошадей въ Бронницахъ въ казенномъ саду и въ селѣ Даниловскомъ при конскомъ заводѣ.

Таково въ сжатыхъ чертахъ содержаніе книги г. Новомбергскаго, проливающей самостоятельный лучъ историческаго освѣщенія въ одинъ изъ важныхъ хозяйственныхъ промысловъ—коневодство, правильная постановка котораго не-

возможна безъ изученія тѣхъ матеріаловъ, часть которыхъ и издана въ разсматриваемой нами книгѣ. Г. Новомбергскій самъ говоритъ, что его «работа исключительно составлена по матеріаламъ только одного архива—московскаго министерства императорскаго двора». Его нельзя, слѣдовательно, винить въ томъ, что для той же цѣли не были имъ просмотрѣны другіе архивы; въ намѣченномъ же себѣ планѣ онъ сдѣлалъ добросовѣстно свое дѣло. Но для полноты работы, для большой обоснованности выводовъ даже за то же XVIII столѣтіе, за которое имъ приведены матеріалы, слѣдовало бы воспользоваться «приказными дѣлами» московскаго главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ, въ которыхъ встрѣчаются акты о неизвѣстныхъ въ исторической литературѣ «конскихъ площадцахъ» въ нѣкоторыхъ городахъ Россіи. Документы московскаго архива министерства юстиціи даютъ цѣнныя свѣдѣнія о ветеринарномъ дѣлѣ при Петрѣ; сохранилось напримѣръ, его требованіе о присылкѣ къ нему въ армию, шедшую на выручку Полтавы, коноваловъ въ полки; въ производствахъ сената есть данныя о конскихъ заводахъ; инструкція, данная А. П. Волынскому 20 мая 1732 года, а равно и подробности того, какъ отнесся самъ сенатъ къ этой инструкціи, затронуты въ книгѣ проф. Новомбергскаго. Хотя и рѣдко, но и въ частныхъ архивахъ также есть документы о ветеринарномъ дѣлѣ въ XVIII столѣтіи¹⁾.

Наконецъ, столбцы всѣхъ столовъ Разряда при сопоставленіи даютъ цѣнныя указанія о положеніи ветеринарнаго дѣла въ Россіи на всемъ протяженіи времени, предшествовавшего эпохѣ, изучаемой г. Новомбергскимъ, на протяженіи всего семнадцатаго столѣтія. Конечно, то же дѣло, которое по книгѣ г. Новолебергскаго дѣлали иноземцы коновалы, въ XVII столѣтіи исполнялось исключительно русскими людьми. Такъ въ 1638 г. по «росписному списку», въ Москвѣ, въ числѣ другихъ жителей въ Конюшенной слободѣ указанъ «дворъ конюшеннаго конскаго мастера Кирилки Офремова», а затѣмъ по большой мостовой улицѣ отъ яузскихъ воротъ значится «дворъ денежнаго мастера Макарьева, да у негожь на дворѣ конской мастеръ Гаврилка Ивановъ²⁾. Да въ разныхъ мѣстахъ города указаны еще 2 конскихъ мастера. Въ Срѣтенской слободкѣ дворъ Любимка Григорьева коновала, сказался стольника князя Ивана Никитича Хованскаго крѣпостной челоувѣкъ³⁾. Кромѣ того, еще въ 1638 г. въ разныхъ частяхъ Москвы жили 3 челоувѣка коноваловъ. Тогда же въ началѣ XVII столѣтія существовало центральное учрежденіе—конюшенный приказъ, государевы конюшни и дворы, у которыхъ былъ приставленъ цѣлый штатъ служилыхъ людей: стремянныхъ, столповыхъ, стряпчихъ, задворныхъ и стадныхъ конюховъ, конскихъ сѣдельниковъ, воротниковъ и т. п. Нѣкоторые изъ нихъ были даже испомѣщены помѣстнымъ окладомъ. Словомъ, въ XVII вѣкѣ конское дѣло было поставлено не менѣе планомѣрно, чѣмъ въ XVIII столѣтіи, и организація ветеринаріи въ этомъ послѣднемъ т. е. въ XVIII в., безусловно имѣла подъ собою хорошо подготовленную прежнюю почву.

И. С. В.

¹⁾ См., напримѣръ, «Архивъ села Вошажникава», т. I.

²⁾ Моск. архивъ М. Ю. Книга Разряда Бѣлгородск. стола Ы 3 стр. 170 и 418.

³⁾ Тамъ же, стр. 85.

Извѣстія отдѣленія русскаго языка и словесности императорской академіи наукъ. 1909 г. Томъ XIV. Книжка 3-я и 4-я. Спб. 1910. Стр. 354 и 356. Ц. 1 р. 50 к. каждая книжка.

Въ первой изъ разсматриваемыхъ книжекъ «Извѣстій» наиболѣе интересными и крупными, на нашъ взглядъ, являются слѣдующія статьи:

1) «Кіевская лѣтопись Супральскаго сборника. (Къ вопросу о смоленскомъ лѣтописаніи)», В. А. Арнаутова, который заключаетъ свое изслѣдованіе такими словами: «Кіевская лѣтопись составлена въ Смоленскѣ около 1500 г. Кто былъ ея составителемъ, трудно сказать. Возможно, что то же лицо, которое составило Смоленскую выборку. Но какъ къ нему въ Смоленскъ могли попасть волинскія записи, законченныя всего за два года до того? Можетъ быть, случайно, но возможно, что и по особому требованію лица, которому онѣ были извѣстны и которое обладало правомъ ихъ вытребовать въ Смоленскъ» (стр. 30). 2) «О неизданныхъ сочиненіяхъ Юсафата Кунцевича», П. Н. Жуковича (авторъ, вопреки скептику—М. О. Кояловичу, придаетъ довѣріе словамъ бывшего олонецкаго епископа, Павла Доброхотова, сообщавшаго еще въ концѣ 1850-хъ годовъ проф. Кояловичу о новыхъ имъ найденныхъ произведеніяхъ полоцкаго уніатскаго архіепископа Юсафата Кунцевича, и подвергъ ихъ изслѣдованію, причемъ подробнѣе всего остановился на сочиненіи его: «О фальшовану писемъ словенскихъ», какъ наиболѣе обширномъ и обработанномъ въ литературномъ отношеніи. Любопытно, между прочимъ, отмѣтить здѣсь и то, что въ то время, какъ полоцкій православный епископъ, извѣстный Мелетій Смотрицкій, велъ свою литературную борьбу съ уніей на польскомъ языкѣ, полоцкій уніатскій архіепископъ, погибшій столь ужасною смертію (убить православными въ Витебскѣ въ 1623 г.) за свою преданность Риму, писалъ въ защиту уніи на русскомъ языкѣ. 3) «Кіевлянинъ», М. А. Максимовича. (Литературно-библиографическіе матеріалы). Авторъ этой интересной для истории нашей журналистики статьи В. З. Даниловъ пользовался «преимущественно письмами къ Максимовичу, изъ которыхъ многія еще не изданы», и 4) продолженіе работы А. И. Яцимирскаго «Къ исторіи апокрифовъ и легендъ въ южно-славянской письменности» (главы: VI—«Сказаніе объ Иоаннѣ Крестителѣ и апостолахъ», VII—«Сказанія о святыхъ женахъ» и VIII—«Видѣнія загробной жизни»).

Книжка четвертая и послѣдняя XIV тома «Извѣстій» представляетъ наибольшій интересъ по обилію статей и матеріаловъ изъ области новой и новѣйшей русской литературы. Здѣсь нашли мѣсто, такъ сказать, юбилейныя и извѣстныя уже рѣчи: «Памяти Тургенева», А. Ф. Кони; «Кольцовъ въ исторіи русской литературы», А. И. Соболевскаго, и «Памяти Кольцова», А. А. Веселовскаго. Затѣмъ находимъ любопытную статью В. К. Наконечнаго—«Слѣды вліянія Крылова въ басняхъ Моравскаго». Ф. Д. Моравскій (1783—1861), польскій баснописецъ, сосланный въ 1831 г. въ Вологду на поселеніе, по оцѣнкѣ своихъ соотечественниковъ Сѣменскаго и Тарновскаго, принадлежалъ къ числу лучшихъ европейскіхъ баснописцевъ XIX вѣка, умѣвшихъ соединять съ «драматическимъ элементомъ и хорошимъ слогомъ художественную отдѣлку

и образность». Разобравъ только четыре или пять изъ наиболѣе популярныхъ его басенъ, В. К. Наконечный доказалъ, во-первыхъ, «заимствование» изъ тождественныхъ иногда даже по заглавію басенъ И. А. Крылова и, во-вторыхъ, посредственную литературную разработку ихъ. К. Θ. Тиандеръ посвятилъ довольно значительную статью разбору литературной и по преимуществу переводческой дѣятельности Петра Исаевича Вейнберга, «извѣстнаго поэта, переводчика, рецензента-критика, журналиста и педагога», скончавшагося 3 іюля 1908 г. и пѣкогда подписывавшагося именемъ любимаго имъ поэта Гейне—«Гейне изъ Тамбова». Подвергнувъ сличенію переводы произведеній Гейне—Майкова, Михайлова, Фета и Вейнберга, изслѣдователь находитъ, что послѣдній, чуждый недостаткамъ нашихъ лучшихъ переводчиковъ, своими изданіями Гейне на русскомъ языкѣ «создалъ себѣ главный нерукотворный памятникъ». Н. О. Лернеръ приводитъ рядъ поправокъ и дополненій къ «Сочиненіямъ Н. Θ. Щербины», а Н. Н. Виноградовъ въ статьѣ «Екатерина Великая въ Елисейскихъ поляхъ» дѣлаетъ нѣсколько цѣнныхъ замѣчаній какъ къ предисловію А. А. Титова, такъ и къ изданному послѣднимъ тексту «Разговора въ царствѣ мертвыхъ». Наконецъ, нельзя не упомянуть еще о «Библиографическомъ указателѣ литературы о Гоголѣ за 1900—1909 гг.» г. С. Л. Вертенсона, имѣвшаго въ виду дать дополненіе къ «весьма цѣнной, по его мнѣнію, статьѣ» П. А. Заболотскаго—«Н. В. Гоголь въ русской литературѣ», представляющей собою «послѣдній систематическій обзоръ матеріаловъ о Гоголѣ» (до 1900 г.).

Начатое съ первыхъ книжекъ XIV тома «Извѣстій», въ видѣ «приложенія», «Обозрѣніе трудовъ по славяновѣдѣнію», составляемое В. Н. Венешевичемъ, Вс. И. Срезневскимъ, М. Р. Фасмеромъ и А. А. Шахматовымъ, подъ редакціей В. Н. Венешевича, продолжается и въ разсматриваемыхъ книжкахъ, съ прежней широтой программы и полнотой.

В. Р—въ.

**J. T. Chance. George I and the northern war. Lond. 1909. Стр. XVIII+516.
Цѣна 14 шиллинговъ.**

Авторъ этого труда, членъ королевскаго историческаго общества,—не новичокъ въ англійской исторической литературѣ. Послѣдняя его книга, заглавіе которой мы только что выписали, составила изъ ряда статей, одновременно напечатанныхъ Чансомъ въ лучшемъ изъ англійскихъ историческихъ журналовъ «English Historical Review». Перерабатывая эти статьи въ отдѣльную книгу, Чансъ присоединилъ къ нимъ еще три главы, касающіяся событій между 1720—1721 гг. и составленныя главнымъ образомъ на основаніи русскихъ источниковъ—«Архива князя Куракина» и сборника императорскаго русскаго историческаго общества. Для текста первыхъ 27 главъ авторъ пользовался какъ печатными изданіями, какія только могла предоставить въ его распоряженіе богатѣйшая бібліотека Британскаго музея, такъ и рукописными матеріалами, хранящимися въ томъ же музеѣ, вродѣ дневниковъ извѣстнаго адмирала Норриса, бумагами Робертсона, Стоу, такъ называемыми дипломатическими нотами и т. п. Отъ этого изложеніе Чанса получило особенную свѣжесть и полноту.

Нѣтъ сомнѣній, что специалисты по исторіи Европы въ эпоху Сѣверной войны должны будутъ считаться съ этимъ новѣйшимъ трудомъ англійскаго историка.

Считаемъ нужнымъ сказать, что въ текстѣ книги читатель не найдетъ описаній битвъ, походовъ и вообще внѣшнихъ событій той шумной и тревожной эпохи. Книга Чанса посвящена закулисной исторіи того времени, исторіи дипломатіи тогдашней Европы и главнымъ образомъ, конечно, Англій. Хронологически изложеніе Чанса захватываетъ періодъ съ 1709 г. по 1721 г. Сначала Англія, оберегая лишь коммерческіе интересы своихъ купцовъ, относилась довольно равнодушно къ борьбѣ Петра Великаго со Швеціей, но затѣмъ, когда Полтавская побѣда явно перемѣстила центръ европейскаго равновѣсія къ востоку, а на англійскомъ престолѣ возсѣлъ Георгъ I, бывший въ то же время курфюрстомъ вовлеченнаго въ Сѣверную войну Ганновера, Англіи волей-неволей пришлось принять болѣе близкое участіе въ континентальныхъ событіяхъ. Завязалась довольно сложная партія на дипломатической шахматной доскѣ, въ которой приняли участіе Петръ Великій, Карлъ XII, Фридрихъ-Вильгельмъ Прусскій, Карлъ VI, Августъ Сильный и Елизавета Испанская. Авторъ шагъ за шагомъ слѣдитъ за дипломатическими ходами европейскіхъ державъ, повѣствуя при этомъ и о тѣхъ мѣрахъ, въ родѣ разнаго рода демонстрацій, которыми эти державы рассчитывали поддержать свои взгляды и требованія. Благодаря многочисленнымъ выпискамъ изъ недоступныхъ многимъ рукописей, трудъ Чанса нерѣдко получаетъ значеніе первоисточника и, посвящая немало страницъ Петру Великому, такимъ образомъ является цѣннымъ вкладомъ и въ нашу русскую историческую литературу.

А. Б.

Проф. И. И. Соколовъ. Усыновленіе и его отношеніе къ браку въ Византіи и на современномъ греческомъ Востокѣ. Историко-правовой очеркъ. Спб. 1910. Стр. 127.

Извѣстный своими трудами по исторіи Византіи и греческой церкви профессоръ петербургской духовной академіи И. И. Соколовъ ¹⁾ въ настоящемъ своемъ сочиненіи поставилъ задачею рассмотреть актъ усыновленія съ гражданско-правовой и церковно-канонической точекъ зрѣнія, и прослѣдить историческую его судьбу въ Византіи и на греческомъ Востокѣ вплоть до нашихъ дней. Такая задача должна представлять интересъ не только научный, но и церковно-практическій, въ виду полной неразработанности этого вопроса въ иностранной и русской ученой литературѣ и въ виду предстоящаго у насъ пересмотра дѣйствующаго положенія объ усыновленіи, какъ препятствіи къ браку.

Изслѣдованіе почтеннаго автора заключаетъ въ себѣ слѣдующіе отдѣлы. I. «Гражданское усыновленіе въ Византіи» (стр. 4—36). Здѣсь авторъ подробно излагаетъ исторію гражданской стороны усыновленія, начиная съ древнѣйшихъ

¹⁾ Профессору И. И. Соколову принадлежатъ изслѣдованія: «О византизмѣ въ церковно-историческомъ отношеніи» (С.-Петербургъ, 1903), «Константинопольская церковь въ XIX в.» (С.-Петербургъ, 1904) и др.

временъ до XIV вѣка. II. «Церковное усыновленіе въ Византіи» (стр. 36—65). Здѣсь онъ, между прочимъ, описываетъ, въ какомъ порядкѣ совершались церковныя чины усыновленія (на стр. 47—58) и приводитъ наиболѣе важные историческіе факты усыновленія въ Византійской имперіи (отмѣчаетъ фактъ усыновленія византійскимъ императоромъ Михаиломъ III въ апрѣлѣ 866 года Василія Македонянина, будущаго императора; фактъ усыновленія супругою Никифора III Вотаниата (1078—1081 г.), императрицею Маріею Алексѣя Комнена, бывшаго потомъ византійскимъ императоромъ (1081—1118 г.) и др.). Церковь въ Византіи не только освящала молитвами актъ усыновленія, но и слѣдила за дальнѣйшими отношеніями усыновленныхъ дѣтей къ ихъ духовнымъ родителямъ и, въ случаѣ нарушенія первыми своихъ обязанностей, даже подвергала ихъ своему суду. Въ слѣдующихъ двухъ отдѣлахъ проф. И. И. Соколовъ разсматриваетъ «усыновленіе въ отношеніи къ браку въ Византіи» (III отдѣлъ, стр. 65—96) и въ правѣ и практикѣ православныхъ церквей «греческаго Востока новѣйшаго времени» (IV отдѣлъ, стр. 96—127). И до настоящаго времени дѣла по усыновленію въ константинопольской церкви относятся къ правамъ и привилегіямъ патріарха и епархіальныхъ архіереевъ, съ утвержденія которыхъ они получаютъ свою законную силу.

Профессоръ И. И. Соколовъ, между прочимъ, отмѣчаетъ тотъ любопытный фактъ, что усыновленіе у турецкихъ христіанъ иногда выражается въ формѣ подражанія акта рожденія: усыновляемый (въ дѣтскомъ возрастѣ) пропускается черезъ рубашку лежащей въ постели жены усыновителя. Въ этой символической процедурѣ, несомнѣнно, заключается элементъ мусульманскаго обычая усыновленія, которое у турокъ прямо и называется «пропусканіемъ черезъ воротъ рубашки», при чемъ актъ этотъ встрѣчается только вдали отъ культурныхъ центровъ и безъ вѣдома церковной власти, которая относится къ нему съ безусловнымъ порицаніемъ, какъ къ обычаю нехристіанскому (стр. 10).

Профессоръ М. Красноженъ.

Архимандритъ Іона. Герои вѣры. Къ вопросу о современном положеніи христіанъ въ Турціи. Спб. 1900 г.

Въ Россіи очень мало знаютъ православный греческій Востокъ, несмотря на давнія культурно-историческія съ нимъ сношенія нашего отечества. И въ русскомъ образованномъ обществѣ интересъ къ восточному христіанству въ значительной степени ослабѣлъ, хотя православный греческій и славянскій міръ представляютъ для насъ гораздо болѣе аналогій и образцовъ въ отношеніи религіознаго самосознанія, чѣмъ инославный и иновѣрный Западъ. Заслуга настоятеля русской посольской церкви, архимандрита Іоны, въ томъ и состоитъ, что онъ будитъ въ русскомъ обществѣ интересъ къ православному Востоку, притомъ посредствомъ вполне правдивыхъ и безусловно объективныхъ своихъ очерковъ, набросковъ, рассказовъ. Свои сужденія почтенный авторъ излагаетъ преимущественно актомъ подлинныхъ документовъ, положенныхъ

въ основу его историческихъ и бытовыхъ сообщеній, а выводы его настолько любопытны и жизненны, что всѣмъ своимъ характеромъ и направленіемъ напоминаютъ читателю прекрасныя повѣсти и рассказы изъ восточной жизни извѣстнаго Н. К. Леонтьева.

Настоящая брошюра архимандрита Ионы знакомитъ съ современнымъ положеніемъ христіанъ въ Турціи. Въ іюль 1908 года здѣсь была провозглашена конституція вкупѣ со всѣми свободами. Западная Европа, особенно же наши политическіе дѣятели, восхищались тактикой и искусствомъ младотурокъ, превозносили ихъ до небесъ за либерализмъ и свободомысліе, ставили въ примѣръ гуманнаго и культурнаго отношенія къ гражданамъ новой конституціонной державы. А лѣтомъ текущаго года одинъ изъ членовъ нашей Государственной Думы, особенно претендующій на роль руководителя партіи октябристовъ, во время своего пребыванія въ Константинополѣ, всячески пресмыкался предъ младотурками, и вмѣсто того, чтобы объективно взвѣсить и оцѣнить положеніе Турціи нечуждаго, полагаемъ, ему христіанства, лишь славословилъ политику мусульманскихъ дѣятелей и старался оправдать ее даже предъ христіанами. И это было въ то время, когда греческая патріархія вела съ турецкимъ правительствомъ борьбу за свое существованіе, когда турки издѣвались надъ христіанами, систематически нарушали конституціонныя ихъ права и творили всяческія безчинства. Нечего сказать, разодолжилъ этотъ «русскій младотурокъ»!

Брошюра архимандрита Ионы вскрываетъ двѣ тяжелыя драмы изъ современной судьбы христіанъ въ Турціи. Несмотря на обѣщанія всяческихъ свободъ и на превозношеніе дѣятелей турецкой конституціи, христіане, аристо, не имѣютъ въ мусульманскомъ государствѣ свободы религиозныхъ вѣрованій и жестоко преслѣдуются младотурками за свою привязанность къ вѣрѣ отцовъ. Объ этомъ хорошо свидѣтельствуетъ, во-первыхъ, дѣло тайныхъ христіанъ въ Малой Азіи, или ставріотовъ. Эти несчастные подданные турецкаго правительства въ теченіе вѣковъ проявляютъ геройство вѣры. Сначала они, вслѣдствіе гоненія турокъ, тайно исповѣдывали христіанство, а въ срединѣ прошлаго столѣтія, послѣ провозглашенія началъ танзимата, объявили себя христіанами, просили правительство предоставить имъ всѣ права христіанъ... Но тогда-то и начались ужасныя ихъ бѣдствія,—гоненія, насилія, заключенія, которыя продолжаются и теперь, къ стыду либераловъ-младотурокъ и ихъ заграничныхъ слѣпыхъ приспѣшниковъ.

Столь же тяжела доля и спадіотовъ, обитающихъ въ южной Албаніи. Они, какъ и малоазійскіе ставріоты, подвергаются жестокимъ гоненіямъ со стороны правительства, до стѣсненія ихъ въ религиозныхъ вѣрованіяхъ включительно...

Рекомендуемъ читателямъ брошюру архимандрита Ионы, какъ привидую, написанную по документамъ повѣсть о современныхъ намъ «герояхъ вѣры» на православномъ востокѣ и о тяжелой ихъ судьбѣ, которая угнетаетъ ихъ даже въ двадцатомъ вѣкѣ. У насъ принято думать, что на востокѣ все обстоитъ благополучно и роль Россіи, покровительницы турецкихъ христіанъ, окончена съ объявленіемъ въ Турціи конституціи. Но дѣйствительность говоритъ о другомъ, а просительный взоръ турецкихъ христіанъ попрежнему

обращень къ Россіи и только къ одной Россіи... И мы вѣримъ, что наша миссія на Востокъ вновь будетъ у насъ сознана и опять поставитъ насъ лицомъ къ лицу съ мусульманскимъ міромъ.

Гермонахъ I.

Чтенія въ императорскомъ обществѣ исторіи и древностей російскихъ при московскомъ университетѣ. 1910 годъ. Книга третья. Двѣсти тридцать четвертая. Издана подъ завѣдываніемъ М. К. Любавскаго. М. 1910. Стр. IV + V + 284 + 40 + 167 + 32. Ц. 3 руб.

Особый интересъ въ настоящей «книжкѣ чтеній» должна имѣть статья С. А. Вѣлокурова «Дѣло Флетчера», въ которой онъ сообщаетъ новыя свѣдѣнія о печатаніи сочиненій Флетчера, его переводчикъ и редакторъ и о дальнейшей судьбѣ перевода до 1864 г.

О запрещеніи и арестѣ перевода Флетчерова сочиненія: «О государствѣ русскомъ» и карѣ постигшей предсѣдателя и секретаря общества исторіи и древностей, въ «Чтеніяхъ» котораго за 1848 г. и былъ напечатанъ переводъ, давно и очень многимъ извѣстно. Знаютъ также, что весь сыръ боръ загорѣлся изъ-за вражды, которую питалъ министръ народнаго просвѣщенія графъ С. С. Уваровъ къ предсѣдателю общества и попечителю московскаго учебнаго округа графу С. Г. Строганову, державшемуся совершенно самостоятельно и незадолго передъ тѣмъ провалившемуся новый министерскій уставъ объ университетахъ. Графъ Строгановъ, какъ извѣстно, имѣлъ интересный разговоръ по этому поводу съ императоромъ Николаемъ I.

— Что тамъ ты печатаешь такое?—спросилъ императоръ графа Строганова.

— Государь,—отвѣтилъ тотъ,—я напечаталъ такое, что всегда готовъ напечатать. Флетчерово сочиненіе относится къ царствованію Ивана Грознаго и сына его Феодора; все худое, замѣченное иностранцемъ о Руси того времени, не относится къ нынѣшней, ничѣмъ на нее не похожей. Уваровъ по личной враждѣ ко мнѣ рѣшился надѣлать изъ этого шуму и представилъ вашему величеству какъ нѣчто зловердное. А я между тѣмъ напечаталъ его въ журналѣ ученаго общества, имѣвшаго весьма тѣсный кругъ читателей, преимущественно ученыхъ, изъ коихъ однихъ архіереевъ изъявило желаніе получать его—33.

— Но и архіереямъ не все можно позволять читать.

— Такъ, государь, но если ученымъ мы будемъ не позволять знать и худую сторону нашу, тогда и въ доброй свѣтъ усумнится.

— Хорошо, хорошо,—подхватилъ тогда государь,—мы все это уладимъ скоро и пострадавшій отъ Уварова возвратится непременно на свое мѣсто, когда тотъ не будетъ болѣе министромъ; а это, говорю тебѣ, скоро наступитъ.

Дѣйствительно, черезъ годъ графъ С. С. Уваровъ оставилъ постъ министра и пострадавшій секретарь общества проф. О. М. Бодянскій вернулся на свою московскую кафедру. По воцареніи же императора Александра II, графъ Строгановъ вновь сталъ предсѣдателемъ общества и О. М. Бодянскій его секретаремъ.

До послѣдняго времени переводъ Флетчерова сочиненія приписывали князю М. А. Оболенскому, Д. И. Гишпіусу и даже П. А. Кулишу, и только теперь, благодаря рзыскапіямъ С. А. Бѣлокурова, можно съ увѣренностью сказать, что переводъ сдѣланъ переводчикомъ главнаго московскаго архива иностранныхъ дѣлъ Д. И. Гишпіусомъ еще въ 1845 г. и редактированъ потомъ извѣстнымъ юристомъ и архивовѣдомъ Н. В. Калачовымъ, по порученію князя М. А. Оболенскаго и съ разрѣшенія графа С. Г. Строганова. (Переводчикъ и редакторъ въ моментъ катастрофы уже не состояли на службѣ въ архивѣ).

Вернувшись въ общество, графъ Строгановъ и О. М. Бодянской возбудили ходатайство о распространеніи «заарестованныхъ» экземпляровъ перевода (свыше 1500) и хранившихся въ университетской типографіи хотя бы между членами общества и нѣкоторыми учеными. Ихъ ходатайство поддержалъ тогдашній министръ народнаго просвѣщенія А. В. Головнинъ и представилъ, по волѣ государя, съ своей подробной мотивировкой въ комитетъ министровъ. Десять членовъ послѣдняго вполне раздѣляли предложеніе министра Головнина, и только четыре—графъ Панинъ, Чевкинъ, баронъ Фредериксъ и оберъ-форшнейдеръ Мухановъ, найдя книгу Флетчера весьма зловредною, совершенно отклонили его. Императоръ Александръ II согласился съ мнѣніемъ меньшинства, и впоследствии, какъ оказывается, исчезли куда-то не только печатные экземпляры, но и нѣкоторые документы по «дѣлу Флетчера».

Большую часть разсматриваемой книжки занимаютъ «Новгородскія платежныя 7116 и 7120 гг.», (1608 и 1612 гг.), приготовленныя къ печати и редактированныя С. Б. Веселовскимъ. Эти «платежныя» представляютъ собою первый публикуемый выпускъ архивныхъ матеріаловъ по исторіи внутренней эпохи, которые общество московское рѣшило обнародовать, «въ виду приближающагося 300-лѣтняго юбилея въ 1613 г. окончанія смутнаго времени московскаго государства, начавшагося со смерти царя Бориса Годунова». Матеріалы и извлечены членами общества изъ московскихъ архивовъ: министерства иностранныхъ дѣлъ, министерства юстиціи и министерства императорскаго двора, а отчасти и другихъ, и рассчитаны на 11 выпусковъ. «Напечатанныя платежныя,—говоритъ въ своемъ предисловіи С. Б. Веселовскій,—представляютъ собою очень цѣнный матеріалъ для исторіи Нижняго съ уѣздомъ за вторую половину смуты. Цѣнность ихъ увеличивается тѣмъ, что писцовыхъ книгъ за это время не сохранилось, а платежныя въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даютъ тѣ же свѣдѣнія, какъ писцовыя книги... Въ нихъ записывался весь приходъ, т. е. кромѣ посошныхъ податей и оброковъ еще косвенные налоги и неокладные доходы». Къ тексту «Платежныхъ» приложены указатели: географическій и именной.

Въ отдѣлѣ изслѣдованій находимъ окончаніе работы В. И. Рѣзанова «Изъ исторіи русской драмы. Школьные дѣйства XVII—XVIII вв. и театръ іезуитовъ», которая скоро, вѣроятно, появится отдѣльно и вызоветъ особые отзывы.

Въ заключеніе нельзя не указать на приведенныя Д. В. Скрынченко въ «Смѣси» свѣдѣнія о трехъ синодикахъ, имѣющихъ отношеніе къ исторіи Минскаго края: 1) Слуцкаго Свято-Троицкаго монастыря, 2) Грозовскаго Іоанно-Богословскаго монастыря и 3) Дятловицкаго Преображенскаго монастыря; затѣмъ выдержки изъ писемъ графа И. А. Мусина-Пушкина къ справщику типо-

графіи Федору Поликарпову, отъ начала XVIII в., касающаяся «Стоглава» и нѣкоторыхъ другихъ памятниковъ петровской литературы (сообщилъ А. А. Покровский), и наконецъ на новый документъ:—«О взятіи изъ Сибири къ Москвѣ новокрещеннаго князя Д. Алачева за то, что онъ «живетъ среди остяковъ въ православной христіанской вѣрѣ некрѣпко» и объ испомѣненіи его въ русскихъ городахъ. 1643—1646 гг. (сообщилъ А. Н. Зерцаловъ).

В. Рудаковъ.

С. Д. Соколовъ. Источники и пособія для изученія саратовскаго края. Указатель книгъ, брошюръ, журнальныхъ и газетныхъ статей и замѣтокъ, напечатанныхъ внѣ саратовскаго края. Изданіе второе, исправленное и значительно дополненное. Саратовъ. 1910. 8°, стр. VI + 84.

Справочникъ, заглавіе котораго нами выписано, въ первый разъ былъ напечатанъ въ «Саратовской Земской Недѣлѣ» за 1905 годъ въ № 6—7. Изданіе это было крайне неисправно въ корректурномъ отношеніи, и всякому, пользующемуся имъ, приходилось наталкиваться на рядъ ошибокъ въ годахъ и номерахъ изданій, однако же, несмотря на эти недостатки, отдѣльные оттиски названной брошюры вышли изъ продажи, и явилась настоятельная потребность во второмъ изданіи, которое появляется теперь въ видѣ отдѣльнаго оттиска изъ «Трудовъ Саратовской Ученой Архивной Комиссии» (в. XXVI). Второе изданіе оказалось увеличеннымъ вдвое: въ немъ всего перечисленно 1902 названія, которыя вмѣщены въ слѣдующіе XV отдѣловъ. I. Археологія. Археографія. Нумизматика. Исторія. II. Автобіографіи. Біографіи. Воспоминанія. Некрологи. Юбилеи. III. Расколъ. IV. Изъ исторіи и жизни епархіи. V. Географія. Путешествія. Этнографія. VI. Правовѣдніе. VII. Политико-экономическія и социальныя науки. VIII. Народное просвѣщеніе. IX. Сельское хозяйство. X. Охота и спортъ. XI. Естествознаніе. XII. Медицина. XIII. Искусство. XIV. Беллетристика. XV. Смѣсь. Дополненіе.

Къ перечню «Источниковъ и пособій» приложенъ алфавитный указатель авторовъ.

Само собою разумѣется, что и данная работа почтеннаго библиографа, какъ всякій справочный (и особенно изданный въ провинціи) трудъ, не чужда промаховъ. Между прочимъ нами замѣчены неточности въ указаніяхъ при №№ 403, 439, 743 и 1309. Далѣе при № 321 слѣдовало бы добавить, что статья Муромцева содержитъ воспоминанія о саратовскомъ губернаторѣ Муромцевѣ, при № 347 надлежало бы указать, что въ статьѣ Пытана, здѣсь упоминаемой, заключается, между прочимъ, воспоминаніе о другомъ саратовскомъ губернаторѣ М. А. Кожевниковѣ; къ № 1850 необходимо прибавить, что въ названномъ здѣсь очеркѣ Макашина описанъ саратовскій городской голова Л. С. Масленниковъ.

При справочникахъ, подобныхъ данному, были бы очень желательны указатели предметовъ и лицъ, а не однихъ только авторовъ. Однако и въ этомъ видѣ, въ какомъ появилась брошюра С. Д. Соколова, она принесетъ громадную пользу. Составитель ея работалъ усердно и съ любовью, и большое спасибо

должны сказать ему тѣ лица, которыя занимаются изслѣдованіемъ прошлаго провинціальной жизни. С. Д. Соколовъ, насколько намъ извѣстно, работаетъ давно и настойчиво въ области библиографіи саратовскаго края. и если въ дополненіе къ вышедшему указателю онъ издастъ въ недалекомъ будущемъ перечень собранныхъ имъ литературныхъ указаній о саратовскомъ краѣ, появившихся въ предѣлахъ Саратовской губерніи, то этимъ самымъ онъ завершитъ принятое на себя трудное дѣло—дать въ руки изслѣдователя полезный и надежный справочникъ, въ которомъ такъ нуждается наша небогатая библиографическая литература.

Проф. Пав. Черняевт.

Эразмъ Пильць. Русская политика въ Польшѣ. Спб. 1910. 143 стр.

Авторъ этой книги, содержащей въ себѣ довольно подробную и обстоятельную характеристику общественнаго движенія въ Польшѣ,—принадлежитъ къ консервативной партіи «Реальной политики»; онъ же, въ числѣ другихъ, создалъ извѣстное теченіе подъ названіемъ «угодовцевъ»—примирителей. Такимъ образомъ, трудъ г. Пильца представляетъ интересъ уже потому, что это не простое изслѣдованіе теоретика, а выводы политическаго дѣятеля, принимающаго активное участіе въ общественно-политической жизни Царства Польскаго.

Разбирая вопросъ о примѣняемой въ Польшѣ русскимъ правительствомъ политикѣ, авторъ доказываетъ, что политика притѣсненія поляковъ въ настоящее время ничѣмъ со стороны польскаго народа не вызывается: По словамъ г. Пильца, существующее въ правительственныхъ кругахъ мнѣніе о яко бы враждебномъ отношеніи поляковъ къ русскому народу и государству—далеко отъ дѣйствительности. Такое отношеніе если и существуетъ, то только у рабочаго элемента и то, собственно, не къ русскому народу, а исключительно къ господствующимъ классамъ, какъ русскаго, такъ и равно польскаго народа (классовая борьба) и, вообще, ко всему общественному строю. Что касается печальныхъ событій 1905 и 1906 гг., то таковыя авторъ приписываетъ исключительно рабочимъ.

Всѣ прогрессивныя партіи въ Польшѣ, по словамъ г. Пильца, очень малочисленны и, поэтому скольконибудь серьезнаго вліянія на массу не оказываютъ. Кромѣ того, въ противовѣсъ имъ существуетъ партія «Реальной политики», враждебно относящаяся къ всякому проявленію революціоннаго движенія. Вообще же поляки вполне доказали свою лояльность въ Государственной Думѣ, въ особенности въ думѣ III созыва. Суммируя все сказанное, г. Пильць приходитъ къ выводу, что политика преслѣдованія поляковъ не имѣетъ подъ собой реальной почвы и лишь напрасно вызываетъ раздраженіе и недовольство среди поляковъ. Сами представители администраціи,—сообщаетъ авторъ,—неоднократно указывали на то, что преслѣдованія поляковъ правительствомъ были причиной революціонно-патріотическаго движенія и взрывовъ. Для поясненія своего вывода о вредѣ такой политики для Польши, г. Пильць указываетъ, на примѣръ, на то, что воспрещеніе учить дѣтей на польскомъ языкѣ привело къ пониженію уровня образованія въ Польшѣ. По дан-

нымъ 1905 г., безграмотныхъ въ этомъ краѣ 61,7⁰/₀, тогда какъ въ 48 губерніяхъ Европейской Россіи безграмотные составляютъ лишь 37. Въ зависимости отъ упадка образованія возросло за послѣдніе годы и число малолѣтнихъ преступниковъ въ Польшѣ на 46⁰/₀; въ другихъ же губерніяхъ увеличеніе малолѣтнихъ преступниковъ составляетъ 14.

Книга г. Пильца довольно содержательна; мѣстами хотѣлось бы больше объективности, хотя авторъ и старался быть безпристрастнымъ.

Вит. Ткачукъ

Другъ народа. Александръ Львовичъ Караваевъ. Спб. Стр. 86. Ц. 30 к.

Брошюра объ А. Л. Караваевѣ подробно исчерпываетъ жизнь покойнаго доктора и депутата второй Государственной Думы, убитаго въ г. Екатеринославѣ черносотенцами также, какъ были убиты ранѣ Герценштейнъ и Юлосъ.

4 марта 1906 г. двое неизвѣстныхъ людей три раза приходили къ доктору Караваеву. Они называли себя безработными и непремѣнно желали видѣть Александра Львовича. Но его не было дома. Наконецъ, вечеромъ они его застали. Приемъ подходилъ къ концу, въ кабинетъ сидѣла еще больная. Въ квартирѣ было тихо: кромѣ старушки, матери жены Александра Львовича, и чѣтей квартирантовъ, никого не было.

Одинъ изъ пришедшихъ ушелъ въ приемную, другой остался въ прихожей возлѣ выходной двери. Больная все еще не выходила и неизвѣстный потерялъ терпѣніе. Онъ быстро вошелъ въ кабинетъ, приблизился къ Александру Львовичу и выстрѣлилъ ему въ грудь.

Сидѣвшая у стола дѣвушка пронзительно крикнула и вслѣдъ за этимъ раздался второй выстрѣлъ: пуля попала въ полъ возлѣ стула, на которомъ сидѣла больная. Александръ Львовичъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, но зашатался и упалъ на полъ: его бѣлый передникъ былъ залитъ кровью.

Гнусный убійца бѣжалъ черезъ приемную въ корридоръ, гдѣ у входной двери поджидалъ его сообщникъ. Выскочивъ безъ всякихъ препятствій на лѣстницу, они торопливо засунули ручки двери обтесаннымъ обрубокѣмъ, предупреждая возможность непосредственнаго преслѣдованія. Съ тѣхъ поръ ихъ больше не видѣли...

На другой день 5 марта А. Л. скончался, заявивъ, передъ смертью, что его убили союзники за его лекціи на Амурѣ, рабочемъ поселкѣ вблизи Екатеринослава... Но виновность покойнаго передъ врагами обновленной Россіи не исчерпывалась одними лекціями для рабочихъ. Вся его жизнь напоминаетъ борцовъ, какими Западная Европа не перестаетъ гордиться: Кобдена, Брайта, Лассала, Порнеля и т. д. Конечно, размѣры дѣятельности европейскихъ именъ крупнѣе, но всѣ они работали въ одномъ направленіи, которому доблестно служилъ и докторъ Караваевъ. Въ культурно-просвѣтительномъ смыслѣ, въ качествѣ земскаго врача на Шлиссельбургскомъ трактѣ въ Петербургѣ, въ г. Перми и Екатеринославѣ, онъ устраиваетъ всюду бібліотеки для рабочихъ, столовые, родильныя пріюты, публичныя чтенія, народные университеты съ вечерними курсами

и народные театры. Въмѣстѣ съ тѣмъ докторъ Караваяевъ извѣстенъ еще и политической дѣятельностью, какъ участникъ въ ноябрьскомъ съѣздѣ крестьянскаго союза и какъ представитель трудовой группы въ Государственной Думѣ. Онъ требовалъ для крестьянъ принудительнаго отчужденія всей частновладѣльческой земли, (за исключеніемъ владѣній въ предѣлахъ трудовой нормы), въ пользу общенароднаго земельного фонда, съ выкупомъ ея на основаніи оцѣнокъ, устанавливаемыхъ на мѣстѣ особыми земельными комитетами всѣмъ населеніемъ; въ этотъ земельный фондъ поступаютъ и всѣ казенныя, удѣльныя и др. учрежденій земли, откуда онѣ отводятся въ пользованіе всѣмъ занимающимся земледѣльческимъ трудомъ; выкупъ производится за счетъ государства.

Отвергая увеличеніе крестьянскаго землевладѣнія путемъ переселенія и скупки продающейся земли при помощи крестьянскаго банка и предвидя развитіе богатаго купечества съ разрушеніемъ общины, онъ ставилъ на видъ роковые вопросы о дороговизнѣ переселенія и о психологіи крестьянства, которое будетъ ждать, когда ему или придется переселяться въ Сибирь, или, оказавшись неисправнымъ плательщикомъ банка, перепродать «отрубной участка» кулаку, или ждать, когда помѣщикамъ будетъ угодно продать землю или отдавать ее въ аренду по высокой цѣнѣ и т. д.

Такимъ образомъ, имя доктора Караваяева стало популярно не только въ политическихъ и въ общественныхъ сферахъ, но и среди простаго народа.

Насильственная смерть положила конецъ его многосторонней и плодотворной дѣятельности. Онъ родился въ Екатеринбургѣ въ 1855 г. Отецъ его былъ крестьяниномъ, приписаннымъ къ заводу. Учасъ въ гимназіи, а потомъ въ медико-хирургической академіи, А. Л.: проводилъ свободное отъ занятій время то у себя на родинѣ, работая въ полѣ вмѣстѣ съ рабочими и живя ихъ жизнью; то въ качествѣ земскаго фельдшера гдѣ-нибудь въ глухой деревнѣ; то, по окончаніи въ качествѣ земскаго врача... Онъ узналъ жизнь народную въ ея неприглядной дѣйствительности, научился понимать народъ, не идеализируя его. Но вида всѣ темныя стороны, онъ любилъ народъ той глубокой любовью, которой не измѣнилъ до конца дней своихъ. Жизнеописаніе такихъ дѣятелей воспитываетъ къ нимъ чувства благоговѣнія и готовность въ обществѣ служить дѣлу ихъ жизни.

А. Фаресовъ.

Б. Л. Модзалевскій. Библиотека А. С. Пушкина. (Библиографическое описаніе). Отдѣльный оттискъ изъ изданія «Пушкинъ и его современники», вып. IX—X. Спб. 1910. Стр. XIX + 441.

К. А. Тимоѣевъ, посѣтившій въ 1859 г. с. Михайловское, записалъ слѣдующій свой разговоръ съ кучеромъ Пушкина:

— Случалось-ли тебѣ видѣть Александра Сергѣевича послѣ его отъѣзда изъ Михайловскаго?

— Видѣлъ его,—отвѣтилъ кучеръ,—еще разъ потомъ, какъ мы книги къ нему возили отсюда.

— Много книгъ было?

— Много было. Помнится, мы на двѣнадцати подводахъ везли; двадцать четыре ящика было; тутъ и книги его, и бумаги были.

— Гдѣ теперь эта библіотека?—добавилъ тогда К. А. Тимоѣевъ.—Любопытно было бы взглянуть на нее: вѣдь выборъ книгъ характеризуетъ человѣка. Простой каталогъ ихъ былъ бы выразителенъ. Найдется ли досужій человѣкъ, который занялся бы этимъ легкимъ, почти механическимъ дѣломъ...

Черезъ сорокъ лѣтъ послѣ этого академикъ Л. Н. Майковъ открылъ мѣсто-рожденіе Пушкинской библіотеки въ имѣніи родного внука поэта, въ сельцѣ Ивановскомъ, Бронницкаго уѣзда Московской губерніи. Прошло еще 10 лѣтъ, нашелся и не только «досужій человѣкъ», но хорошо знакомый съ книгой вообще, внимательный и трудолюбивый изслѣдователь, обогатившій нашу литературу цѣннѣйшимъ пособіемъ для опредѣленія духовныхъ интересовъ Пушкина, и изслѣдованія различныхъ сторонъ его творчества. Авторъ этого «пособія», В. Л. Модзалевскій, принимающій живое участіе въ академическомъ изданіи «Пушкинъ и его современники» съ самыхъ первыхъ его выпусковъ, въ предисловіи пишетъ: «при самомъ началѣ работъ надъ описаніемъ библіотеки», (которую онъ же самъ и вывезъ въ Петербургъ, въ академію, въ 35 ящикахъ), «выяснилось, что въ ней сохранилось далеко не все, чего можно было ожидать: многихъ книгъ, внѣ всякаго сомнѣнія бывшихъ у Пушкина, въ ней не оказалось»... (стр. XII), но несмотря на это въ «Описаніе» вошло 1522 нумера разнаго рода книгъ и повременныхъ изданій.

По поводу «пріемовъ» своей работы авторъ говорить: «Каждая книга библіотеки была тщательно перелистована, причемъ книги съ неразрѣзанными листами такъ и оставались, т. е. не разрѣзывались. Такой просмотръ далъ возможность обнаружить между страницами книгъ нѣсколько автографовъ поэта,—на отдѣльныхъ вложенныхъ листкахъ, на переплетахъ и на самыхъ страницахъ. Эти автографы указаны и описаны при тѣхъ книгахъ, въ которыхъ или при которыхъ они оказались, а съ нѣкоторыхъ, наиболѣе любопытныхъ, даются снимки... Съ библиографической стороны книга описывалась самымъ подробнымъ образомъ, т. е. указывался ихъ форматъ, число нумерованныхъ и нумерованныхъ страницъ, отчасти—гравюры, карты и другія приложенія; такое тщательное чисто-библиографическое описаніе дѣлалось съ тою цѣлью, чтобы дать возможность изслѣдователямъ, неимѣющимъ въ рукахъ самыхъ пушкинскихъ экземпляровъ той или иной книги, но располагающимъ этими изданіями изъ общественныхъ или частныхъ собраній, съ увѣренностью судить о тождествѣ ихъ съ книгами пушкинской библіотеки или объ различіи; безъ этой увѣренности изслѣдователь часто, конечно, не можетъ быть спокоенъ въ своихъ выводахъ по занимающему его вопросу»... стр. (XIII—XIV).

Каталогъ библіотеки разбитъ на слѣдующіе пять отдѣловъ: 1) книги на русскомъ языкѣ (въ обычномъ алфавитномъ порядкѣ авторовъ и заглавій книгъ)—444 нумера; 2) русскіе альманахи—13 номеровъ; 3) русскія повременныя изданія—72; 4) нумера книгъ на иностранныхъ языкахъ—976 номеровъ, и 5) иностранныя повременныя изданія—17 номеровъ.

Въ «приложеніяхъ» В. Л. Модзалевскій далъ шесть отдѣльныхъ списковъ: 1) книгъ, принадлежавшихъ Пушкину, подаренныхъ имъ сестрѣ его Ольгѣ

Сергѣевнѣ Павлицевой и находящихся въ настоящее время у Л. Н. Павлицева»; 2) книгъ, «купленныхъ Пушкинымъ у Н. Фомина, Ф. Беллизара и Л. Диксона, но не сохранившихся въ библиотекѣ»; 3) книгъ «библиотеки Пушкина, сохранившихся въ другихъ библиотекахъ»; 4) книгъ, «купленныхъ Пушкинымъ у Ф. Беллизара и Л. Диксона за время съ 22 марта 1835 г. по 7 ноября 1836 г. и сохранившихся въ библиотекѣ» (115 номеровъ); 5) книгъ «съ помѣтками Пушкина» (51 номеръ) и 6) книгъ «съ посвященіями Пушкину и подобными отмѣтками» (86 номеровъ).

Здѣсь не зачѣмъ и не мѣсто говорить, какъ сильно любилъ книгу нашъ великій поэтъ, достаточно привести лишь его предсмертное прощаніе съ своей библиотекой, которое сообщаетъ В. А. Жуковскій въ своемъ извѣстномъ письмѣ о послѣднихъ дняхъ жизни Пушкина:

— Когда поэтъ, привезенный послѣ дуэли домой и положенный въ своемъ кабинетѣ, узналъ отъ доктора Шольца о томъ, что жизнь его въ опасности, онъ, обративъ глаза на свою библиотеку, сказалъ: «Прощайте друзья».

Въ концѣ этого рѣдкаго по своей обстоятельности и точности описанія библиотеки А. С. Пушкина приложены составленные В. А. Разиньковымъ «указатели»: 1) «именъ личныхъ, географическихъ названій и дѣйствующихъ лицъ (на русскомъ языкѣ), 2) именъ личныхъ, географическихъ названій и дѣйствующихъ лицъ (на иностранныхъ языкахъ), 3) систематическій каталогъ библиотеки Пушкина, 4) годы изданія книгъ библиотеки Пушкина, 5) мѣсто изданія книгъ библиотеки Пушкина, и 6) типографіи, указанныя на книгахъ библиотеки Пушкина».

В. Р — въ.

Пушкинъ. Томъ IV. Библиотека великихъ писателей, подъ редакціей С. А. Венгерова. Изд. Брокгауза-Ефрона. Спб. 1910. Стр. 560 + LXXIX.

Монументальное венгеровское изданіе произведеній Пушкина исправно подвигается впередъ, и вотъ предъ нами уже четвертый томъ. Въ немъ отдѣлъ стиховъ законченъ (помѣщены пьесы 1835—1836 гг.), даны народныя пѣсни и сказки въ записяхъ, переводахъ и обработкѣ Пушкина, прозаическіе переводы съ другихъ языковъ, и начата проза, изъ которой въ этотъ томъ вошли повѣсти, «Путешествіе въ Арзрумъ», критическія, публицистическія и историческія статьи и замѣтки съ 1815 по 1830 г. Текстъ, какъ извѣстно, представляетъ собою предметъ особой заботы редактора и вырабатывается С. А. Венгеровымъ единолично. Внимательно изучая первоисточники, въ особенности рукописи поэта, редакторъ внесъ въ свое изданіе немало дополненій и поправокъ, не только мелкихъ, но иногда и весьма существенныхъ. Къ числу послѣднихъ нужно отнести установленіе текста «Горохино» вмѣсто «Горохино», какъ всегда печаталось прежде. Редакторъ объясняетъ, что прежнее «начертаніе Горохино принадлежитъ къ числу тѣхъ ошибокъ, которыя не имѣютъ никакого оправданія. Я подсчиталъ, сколько разъ упоминается въ подлинникѣ слово Горохино и Горюхинцы. Оказывается, около 30 разъ. Изъ нихъ только три раза такъ написано, что можно прочитать и Горохино. Замѣчательно въ этой ошибкѣ первыхъ издателей еще вотъ что.

Въ предисловіи къ «Повѣстямъ Вѣлкина» дважды упомянуто названіе вотчины Вѣлкина, и оба раза это «село Горюхино». Предисловіе дважды напечатано при жизни Пушкина... Къ тому же имя Горюхино обладаетъ тѣмъ символическимъ значеніемъ («Горѣлово, Неѣлово, Неурожайка тожь»), котораго лишено безразличное Горохино. Еще цѣннѣе дополненіе въ текстѣ «Рославлева». Прежде печаталось, что Полина, рассказываетъ ея подруга, «объявила о своемъ намѣреніи уйти изъ деревни и явиться въ лагерь... Мнѣ не трудно было убѣдить ее въ безумствѣ такого предпріятія». Мудрено было понять, въ чемъ состояло безумство Полины, и въ этой неясности читатель винилъ автора. Однако, оказывается, у Пушкина въ подлинникѣ сказано вотъ что: «она мнѣ объявила о своемъ намѣреніи уйти изъ деревни, явиться въ французскій лагерь, добраться до Наполеона и тамъ убить его изъ своихъ рукъ. Мнѣ не трудно было убѣдить ее въ безумствѣ такого предпріятія, но мысль о Шарлотѣ Корде долго ее не оставляла». Эти строки проливаютъ свѣтъ на неизвѣстный до сихъ поръ замыселъ Пушкина, и С. А. Венгеровъ правъ, усматривая въ Полинѣ по настроенію «прямую родоначальницу позднѣйшихъ героинь русской общественности». Впервые появляется въ венгеровскомъ изданіи найденная С. О. Долговымъ въ бумагахъ П. В. Кирѣвскаго (Румянцов. муз.) пушкинская записка народной пѣсни «Не бѣлинька березонька къ землѣ клонится»; она, впрочемъ, въ пушкинской литературѣ была однажды только упомянута (В. Ф. Миллеръ, «Пушкинъ какъ поэтъ-этнографъ», М., 1899, стр. 31). Вообще отдѣлъ записанныхъ и обработанныхъ Пушкинымъ народныхъ сказокъ и пѣсень въ венгеровскомъ изданіи полнѣе и тщательнѣе редактированъ, чѣмъ въ другихъ изданіяхъ, и тѣмъ досаднѣе было убѣдиться, что пропущено начало сказки объ Ильѣ Муромцѣ («Въ славной въ Муромской землѣ»..., см. Отчетъ И. Публ. Библ. за 1889 г., стр. 57, и «Рѣчь» 1910 г., № 45), а вполнѣ оригинальное стихотвореніе, въ стилѣ народной пѣсни, «Черный воронъ выбиралъ бѣлую лебедушку»... отсутствуетъ въ текстѣ и приводится мимоходомъ, въ статьѣ объ «Арапѣ Петра Великаго». Слѣдовало внести въ собраніе также принадлежащія Пушкину, по весьма достоверному свидѣтельству А. Ф. Смирдина, первые четыре стиха ершовской сказки о Конькѣ-Горбункѣ («Матеріалы» Анненкова, изд. 2-е, стр. 157). Пѣсню «Другъ мой милый, красно солнышко мое»... намъ кажется, изъ отдѣла простыхъ записей можно было включить въ отдѣлъ если не вполнѣ оригинальныхъ пѣсень, то во всякомъ случаѣ пѣсень, подвергшихся художественной обработкѣ, судя по ея метрической конструкціи; пѣсу же «Только что на проталинахъ весеннихъ»... нужно считать не народной пѣсней, подвергшейся лишь обработкѣ, а вполнѣ оригинальнымъ произведеніемъ въ народномъ духѣ. Въ предпосланной этому отдѣлу статьѣ Н. Н. Трубицына «Пушкинъ и русская народная поэзія» какъ разъ не находимъ послѣдовательнаго и полнаго проведенія граней, раздѣляющихъ оригинальныя произведенія народнаго склада, обработанныя народными произведенія и простыя записи. Редакторскимъ промахомъ надо признать также внесеніе сценъ «Альманашиникъ» въ отдѣлъ критическихъ статей, тогда какъ это, несомнѣнно, наброски сатирической бытовой комедіи, которымъ мѣсто среди беллетристическихъ произведеній. Пользуемся случаемъ указать нѣкоторыя ошибки въ текстѣ. Послѣдній стихъ «Памятника», это видно изъ

приложенного снимка, читается: «И не оспаривай глунца», а не «оспаривай» (тамъ же должно быть «Финъ», а не «Финнъ»). Не вполне точно воспроизведенъ текстъ обоихъ четверостишій о статуяхъ Пименова и Логановскаго; въ третьемъ стихѣ послѣдняго пропущенъ союзъ «и», чѣмъ измѣнена форма стиха («Вотъ и товарищъ тебѣ, Дискоболь!»). Пропущено цѣлое предложеніе въ первой главѣ «Путешествія въ Арзрумъ», въ абзацѣ, посвященномъ черкесамъ (стр. 509), послѣ фразы: «зато никогда... на беззащитнаго»,—«Здѣшняя сторона полна молвой о ихъ злодѣйствахъ»; это предложеніе имѣется въ рукописи Пушкина, вдобавокъ было напечатано имъ самимъ, но пропущено цѣлымъ рядомъ изданій, кромѣ посмертнаго и поливановскаго; ошибка тѣмъ менѣе простительна, что на нее специально указывалось въ пушкинской литературѣ (В. Чернышевъ, «Краснорѣчивая пушкинская строчка»—«П. и его соврем.», VIII, 32—36). Никакъ не можетъ быть признана принадлежащею Пушкину извлеченная изъ «Литерат. Газеты» плоская острота (стр. 548, № 897), въ которой «Исторія Государства Россійскаго» названа книгой для «гостиной»; извѣстно, какъ высоко цѣнилъ Пушкинъ трудъ Карамзина, и извѣстны слова Пушкина («Отрывки изъ писемъ, мысли и замѣчанія», вошедшіе въ разбираемый томъ) объ отношеніи «гостинныхъ» къ «Исторіи»:—«признаюсь, ничего нельзя вообразить глупѣе свѣтскихъ сужденій, которыя удалось мнѣ слышать, они были въ состояніи отучить хоть кого отъ охоты къ славѣ»; вопросъ о принадлежности этой замѣтки Пушкину уже рѣшенъ въ отрицательномъ смыслѣ («П. и его соврем.», XII, 124—125). Зато нельзя не одобрить внесеніе редакторомъ въ собраніе отрывочныхъ замѣтокъ Пушкина о Батюшковѣ и Озеровѣ, опубликованныхъ покойнымъ Л. Н. Майковымъ и хранящихся глубокія и остроумныя частныя и общетеоретическія замѣчанія, въ родѣ такого: «Поэзія выше нравственности или, по крайней мѣрѣ, совсѣмъ иное дѣло. Господи Иисусе! Какое дѣло поэту до добродѣтели и порока? Развѣ—ихъ одна поэтическая сторона»... Тщательно проверена по рукописи и полно напечатана статья 1821—1822 гг. о русской исторіи XVIII вѣка. При незначительныхъ промахахъ и крупныхъ достоинствахъ тщательная работа С. А. Венгерова надъ текстомъ представляетъ собою важный шагъ къ полной и совершенной, «канонической» выработкѣ послѣдняго.

Другую значительную часть дѣла составляетъ комментарий. Въ венгерскомъ изданіи онъ разностороненъ и богатъ, и текстъ IV тома освѣщается рядомъ болѣе или менѣе крупныхъ вступительныхъ статей и обзоровъ. С. А. Венгеровъ написалъ о «Памятникѣ», «Рославлевѣ» и «Исторіи села Горюхина», о ней же, а также о «Повѣстяхъ Бѣлкина»—А. С. Искозъ, объ отношеніи Пушкина къ народной поэзіи—Н. Н. Трубицынъ, о вліяніи Шекспира на Пушкина—проф. М. М. Покровский, о неоконченныхъ повѣстяхъ изъ русской жизни и объ «Египетскихъ ночахъ»—Валерій Брюсовъ, объ «Арапѣ Петра Великаго»—С. Ауслендеръ, о «Дубровскомъ»—А. И. Яцимирскій, о «Пиковой дамѣ»—М. О. Гершензонъ, о «Капитанской дочкѣ»—Модестъ Гофманъ. Статьи эти не одинаковаго достоинства и написаны подъ различными углами зрѣнія, но въ совокупности онѣ представляютъ собою богатый вкладъ въ критическую литературу о Пушкинѣ—вкладъ тѣмъ болѣе цѣнный, что пушкинская проза въ большей своей части не пользовалась до сихъ поръ, какъ это ни странно, вниманіемъ

критики, и великій писатель такимъ образомъ изучался однобоко. Бѣлинскій, оставившій не превзойденное до сихъ поръ по полнотѣ обзорѣніе пушкинскаго наслѣдія, прозѣ его (великій критикъ тогда уже усталъ и близился къ смерти) отвелъ нѣсколько страничекъ. Такія созданія, какъ «Египетскія ночи» или «Пиковая дама», не только не подвергались всестороннему разбору, но до сихъ поръ вызвали въ литературѣ буквально по нѣскольку словъ, да и то касавшихся тѣхъ или иныхъ частныхъ, а не общаго значенія этихъ произведеній.

Объ отношеніи Пушкина къ Шекспиру мы слышали до сихъ поръ только малоопредѣленные «слова, слова, слова», и М. М. Покровскій впервые далъ довольно ясный анализъ пушкинскаго «шекспиризма»; жаль только, что, не считаясь съ конгеніальностью (по типу) Пушкина Шекспиру и съ другими условіями, увлекшійся критикъ всякую общую обоимъ великимъ писателямъ черту склоненъ объяснять какъ результатъ подчиненія нашего писателя англійскому, и даже въ мечтахъ Пушкина объ «истинной критикѣ» слышитъ «отголоски вліянія Шекспира». Хороши статьи Брюсова, хотя первая изъ нихъ, обзоръ неоконченныхъ русскихъ повѣстей, по недостатку мѣста слишкомъ бѣгла. Въ ней намъ показалось неправильнымъ, по недостаточности данныхъ для такого сужденія, отнесеніе набросковъ «4 мая ** произведенъ я...» къ «Станціонному зрителю» и «Года четыре тому назадъ...» къ «Пиковой дамѣ». Последнее мнѣніе, столь же безосновательно, высказываетъ М. О. Гершензонъ въ статьѣ о «Пиковой дамѣ». Замѣтимъ, что и другой, обычно связываемый съ этой повѣстью набросокъ «Теперь позвольте мнѣ»..., дѣйствительно, быть можетъ, къ ней относящійся, не даетъ однако возможности судить такъ или иначе о замыслѣ Пушкина, какъ это дѣлаетъ г. Гершензонъ (стр. 331—332). Излишне и «мистическое» объясненіе игры случая, два раза сряду доставившаго Герману выигрышъ: «кажется, что, по мысли Пушкина, самъ космосъ склоняется передъ непреклонной вѣрой, слѣпой случай, какъ песь, лижетъ властную руку,—вотъ почему Германъ выигрываетъ». Но гораздо выше этого ничего не объясняющаго объясненія общее значеніе превосходной статьи Гершензона, показывающей, что «Пиковая дама» не анекдотъ, какъ назвалъ ее Бѣлинскій, а драма «опредѣленно настроенной души, соприкасающейся съ соотвѣствующимъ этому настроенію элементомъ дѣйствительности». Весьма мѣтко замѣчаніе о неумѣстности подробнаго описанія графининой спальни, гдѣ названы предметы, которыхъ Германъ тогда не могъ видѣть. Французскій критикъ Фаге въ своей книгѣ о Флоберѣ воздастъ должную похвалу великому романисту, который заставилъ свою героиню («М-мъ Бовари») въ настроеніи, подобномъ германовскому, увидѣть только то, что она привыкла видѣть всегда, и не замѣтитъ ничего новаго или случайнаго. У Пушкина въ этомъ мѣстѣ несомнѣнная психологическая фальшь. Статья М. Гофмана о «Капитанской дочкѣ» слишкомъ растянута; въ ней интересно сближеніе фабулъ и сопоставленіе художественныхъ пріемовъ пушкинской повѣсти и «Эдинбургской темницы» В. Скотта. Двукратное сравненіе поэта съ пчелою, которая «собираетъ цвѣточную пыль и лѣпитъ соты» (стр. 362, 370), грѣшитъ противъ истины въ томъ отношеніи, что пчела собираетъ цвѣточный сокъ, а пильцу принимаетъ и разноситъ пассивно, не для своихъ цѣлей. А. С. Искозь очень тонко ставитъ повѣсти Бѣлкина въ связь

съ другими произведеніями Пушкина, преимущественно одного съ ними болдинскаго періода. Уже давно указывалось, что тонъ повѣстей не всюду одинаково выдержанъ по отношенію къ Бѣлкину. Критикъ даже готовъ видѣть въ Бѣлкинѣ только псевдонимъ: «и языкъ, и манера, и художественные приемы—все обличаетъ въ этихъ повѣстяхъ присутствіе Пушкина». Благоговѣя передъ великимъ писателемъ, критикъ кое въ чемъ, что называется, перемудрилъ (напр., относительно «Барышни-крестьянки»); несамостоятельно мнѣніе, высказываемое тѣмъ же авторомъ объ «Исторіи села Горюхина». Прекрасная статья А. И. Яцимирскаго о «Дубровскомъ» грѣшитъ невѣрнымъ истолкованіемъ героя какъ соціального борца; мстителемъ за поправленную справедливость Дубровский не сумѣлъ быть; слабый, нерѣшительный любовникъ преобладаетъ въ немъ, и въ его разбойничьихъ дѣйствіяхъ не видно той неуклонной послѣдовательности и жажды справедливости, какія показалъ, напр., Клейсъ въ своемъ Михаилѣ Кольгаазе.

Біографіи поэта удѣлены двѣ статьи: «Донъ-Жуанскій списокъ» Н. О. Лернера и «Семейная жизнь Пушкина» П. О. Морозова. Первая содержитъ интересный по множеству фактическихъ подробностей рассказъ о сердечной жизни Пушкина до брака. Вторая, несмотря на крупный объемъ, очень блѣдна; авторъ исчерпалъ лишь незначительную часть источниковъ, обошелъ, между прочимъ, нѣкоторые драгоцѣнные поэтическія признанія самого Пушкина и оказалъ излишнее довѣріе такому сомнительному источнику, какъ статьи г-жи Араповой. Н. О. Лернеръ продолжаетъ свои примѣчанія къ стихотвореніямъ Пушкина (1826—1828 гг.). Въ нихъ дается въ нѣкоторомъ родѣ пушкинская энциклопедія, и помѣщенные въ IV томѣ примѣчанія знакомятъ читателя съ пушкинской поэтикой (статьи о «Пророкѣ», «Поэтѣ»), съ отношеніями его къ Николаю I и декабристамъ, съ цѣлымъ рядомъ современниковъ и близкихъ ему людей (супруги Воронцовы, Тимашева, Андр. Муравьевъ, Ѳ. Туманскій, кн. П. П. Вяземскій, кн. Э. А. Волконская, Арина Родіоновна, А. А. Оленина) и устанавливаютъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ новую датировку («Зачѣмъ безвременную скуку...», «Въ сіяніи и въ радостномъ покоѣ...», «Золото и булатъ», «Не знаю гдѣ, но не у насъ...», «Подруга дней моихъ...», «Кто знаетъ край...»). Шесть фототипій и хромофотографій (особенно хороши хромофотографіи работы Кадушина), шестнадцать автотипій на отдѣльныхъ листахъ, до ста двадцати рисунковъ въ текстѣ щедро и разнообразно иллюстрируютъ томъ видами, портретами (новый автопортретъ поэта), автографами, виньетками, рисунками, относящимися къ отдѣльнымъ моментамъ произведеній Пушкина. Повторимъ снова сказанное не разъ объ этомъ изданіи: ему мѣсто въ каждой русской бібліотекѣ, школѣ, семьѣ.

М. В.

Сочиненія И. Ѳ. Горбунова. Т. I—III. Спб. 1904—1910. Издано особой комиссіей при комитетѣ состоящаго подъ высочайшимъ Государя Императора покровительствомъ Императорскаго общества любителей древней письменности. Ц. 30 руб.

Длинною вереницею, начиная съ 1861 года, тянутся изданія сочиненій покойнаго И. Ѳ. Горбунова, но ни одно изъ нихъ не даетъ полнаго представленія о личности этого артиста и о его литературной дѣятельности: одни изъ

них охватывают далеко не все, что написано Горбуновым, другие, наоборот, выдают за его сочинения кропанья его анонимных подражателей, третьи, наконец, путают И. Θ. с его братом Орестом, писавшим в том же жанре, и решительно всё блещут отсутствием каких-либо библиографических о нем сведений. Так и остается неизвестным огромному большинству их читателей, кто же собственно такой был И. Θ. Горбунов, хотя имя его всем так знакомо, так близко.

В 1904 году не стало этого своеобразного артиста, и все знавшие его почувствовали, что этот неподражаемый талантливый человек, владевший тайной остро подмечать жизнь с ее комической стороны, этот артист-рассказчик, до сих пор не превзойденный и не замещенный, достоин лучшего издания своих работ, на которые им было положено столько любви, столько кропотливого труда.

Мысль о роскошном издании сочинений И. Θ. зародилась в недрах общества древней письменности, членом которого он был. Для осуществления была выбрана особая комиссия в состав г. П. С. Шереметева, Н. П. Кондакова, Н. В. Султанова (нынѣ покойнаго), Н. Д. Чечулина и А. М. Бѣлова—людей, очевидно, близко знавших автора и хорошо понявших свойства его таланта. Предназначив весь доход с издания в пользу семьи покойнаго и не щадя трудов, комиссия энергично взялась за порученное дѣло. При помощи цѣлой массы лиц, приходивших в соприкосновение с автором, она собрала все, что гдѣ-либо было напечатано Горбуновым, все, что когда-либо действительно выходило из-под его пера, извлекла из частных архивов массу новаго, впервые появляющагося теперь в печати. Этот литературный материал занял собою два тома большого формата, в общем болѣе 700 страниц большого формата. Но, кромѣ литературных произведений, послѣ Горбунова остались работы по исторіи русскаго театра: все онѣ вошли в послѣднюю (пятую) часть III тома. Тома эти богато украшены рисунками лучших русских художников, в числѣ которых встрѣчаем И. Е. Рѣпина, Н. П. Богданова-Вѣльскаго, рано умершаго талантливаго Рябушкина и многих других. В знак уваженія къ покойному собрату—художнику слова, большинство изъ них, какъ видно изъ предисловія къ изданію, дали свои работы для изданія бесплатно. Рисунки эти воспроизведены типографіей Вильборга и Голике артистически, причемъ для воспроизведенія ихъ въ текстѣ была примѣнена фототипія—способъ превосходный, но очень дорогой, теперь только входящій въ употребленіе въ Россіи.

Такое роскошное изданіе могло осуществиться лишь потому, что друзья и почитатели Горбунова, очевидно, не пожалѣли на него средствъ и оказали сильную матеріальную помощь.

Печатавъ рассказы И. Θ., производившіе такое чарующее дѣйствіе въ устахъ самого автора, комиссия, видимо, не упускала изъ виду, что изъ всѣхъ родовъ искусства—актерское—самое непрочное. Умеръ артистъ и унесъ въ могилу свой даръ: послѣ него ничего не осталось, и кто самъ не слышалъ и не видалъ Горбунова, тому иногда трудно понять, какъ могъ тотъ или другой рассказъ, такой простой и несложный, вызывать неудержимый смѣхъ слушателей. Чтобы

дать читателю почувствовать непосредственное впечатлѣніе отъ разсказовъ И. Ѳ., коммиссія ввела въ III томъ обширную статью гр. П. С. Шереметева «Отзвуки разсказовъ Горбунова», которая рисуетъ, такъ сказать, обстановку этихъ разсказовъ, закрѣпляетъ приемы разсказчика, его мимику, голосъ, жесты. Это какъ бы сценарій къ горбуновскимъ разсказамъ, чрезвычайно любопытныя режиссерскія ремарки къ пьесѣ.

Наконецъ, издателямъ предстояла еще одна задача—отвѣтить на вопросъ, кто же такое былъ самъ Горбуновъ, не только какъ артистъ и писатель, но и какъ человекъ. Отвѣтъ на такой вопросъ даетъ III томъ объемомъ въ 589 страницъ. Онъ носитъ сплошь характеръ біографической. Цѣльной, связной біографіи Горбунова мы здѣсь не находимъ, зато располагаемъ обширнымъ для нея матеріаломъ, чрезвычайно интереснымъ и свѣжимъ. Тутъ помѣщены воспоминанія самого Горбунова, громадная его переписка съ «милыми друзьями»—а ихъ у него были тысячи—затѣмъ воспоминанія о Горбуновѣ гр. С. Д. Шереметева, С. В. Максимова, П. М. Садовскаго, Н. Н. Нильскаго, М. И. Писарева, А. Ѳ. Кони, Н. В. Шереметева, князя Д. Д. Оболенскаго и другихъ лицъ, потомъ идутъ уже сырые матеріалы для біографій—метрическая выпись, формуляръ, списокъ ролей, игранныхъ Горбуновымъ и обширныя выдержки изъ его дневника. Кого-кого не видалъ на своемъ вѣку Горбуновъ! Отъ трехъ государей до послѣдняго театральнаго статиста, отъ Побѣдоносцева до простаго деревенскаго попа, отъ Герцена до Каткова—всѣхъ встрѣтите вы въ его дневникахъ! Тутъ такое «краснорѣчіе именъ», что эти записи перестаютъ уже быть матеріалами для біографіи Горбунова, а дѣлаются страницей изъ исторіи русской культуры!

Подобно двумъ предыдущимъ, и III томъ сочиненій Горбунова обильно украшенъ его портретами, начиная съ изображенія И. Ѳ. въ дѣтскомъ возрастѣ и кончая тѣми портретами, которые распространены болѣе другихъ. Тутъ воспроизведены портреты одного Горбунова, въ роляхъ и въ моментъ разсказа, цѣлыя группы, на которыхъ онъ снятъ вмѣстѣ съ близкими ему людьми—артистами, писателями, учеными. Коммиссія, видимо, сдѣлала все, что было въ ея силахъ, и вложила въ изданіе много изящества и вкуса.

Остается добавить, что изданіе это не совсѣмъ доступно. Оно сдѣлано въ количествѣ всего 500 экземпляровъ, всѣ они пронумерованы и поступаютъ въ продажу въ ограниченномъ числѣ.

А. В.

III отдѣленіе императорскаго вольнаго экономическаго общества. Памяти Николая Гавриловича Чернышевскаго. Доклады и рѣчи Н. Ѳ. Анненскаго, М. А. Антоновича, А. А. Корнилова, А. С. Постникова и М. И. Туганъ-Барановскаго. Спб. 1910. Стр. 53.

17 октября прошлаго года исполнилось двадцать лѣтъ со дня смерти Н. Г. Чернышевскаго. Въ этотъ день вольное экономическое общество справляло поминки по знаменитомъ писателѣ. Г. Туганъ-Барановскій говорилъ объ общественно-экономическихъ воззрѣніяхъ Чернышевскаго; г. Антоновичъ передавалъ

о немъ свои личныя воспоминанія; г. Анненскій, тоже по личнымъ воспоминаніямъ, обрисовалъ общественную атмосферу шестидесятыхъ годовъ; нѣсколько словъ сказалъ г. Постниковъ. Въ разбираемой книжкѣ напечатана стенограмма всѣхъ этихъ рѣчей съ прибавленіемъ доклада г-на Корнилова «Чернышевскій и крестьянская реформа», нѣсколько позднѣе читаннаго въ томъ же обществѣ. Всѣ эти безпартійно-лѣвые матеріалы, противорѣча кой-гдѣ одинъ другому, въ общемъ гармонично сливаются между собою. Правда, портретъ писателя получается мозаичный, но его духовный обликъ вырисовывается въ этой маленькой книжкѣ болѣе рельефно и болѣе соотвѣтствуетъ дѣйствительности, чѣмъ, напримѣръ, въ обширныхъ партійныхъ монографіяхъ Стеклова и Плеханова.

Наиболѣе интересной является рѣчь г. Туганъ-Барановскаго. На 12-ти страницахъ онъ далъ положительно исчерпывающую объективную характеристику значенія Чернышевскаго. Чернышевскій, говоритъ г. Т.-Барановскій, «ученый огромнаго ума и огромныхъ знаній, но это не Марксъ, не Рикордо и не Адамъ Смитъ, это не такой ученый, чтобы его работы навсегда вошли въ науку; Э. Европа не знаетъ Чернышевскаго и ничего отъ этого не теряетъ. Мы же должны знать его. Мнѣ кажется, что Ч. имѣетъ огромное значеніе для насъ, какъ учитель жизни, какъ духовный вождь русской интеллигенціи» (стр. 13). Самымъ цѣннымъ вкладомъ Чернышевскаго въ русскую литературу являются его статьи объ общинѣ. «Достаточно сказать, — цитируемъ опять г. Тугана-Барановскаго, — что впервые вопросъ о русскомъ общинномъ землевладѣніи получаетъ полное и яркое освѣщеніе у Чернышевскаго, и тутъ онъ является однимъ изъ творцовъ идеи, которая не умерла вплоть до нашего времени. Но главное значеніе Ч-скаго заключается даже не въ этомъ, а въ томъ, что онъ вставилъ эти свои разсужденія объ общинѣ въ рамки широкой философской концепціи, которая тоже живетъ до настоящаго времени» (стр. 10).

Мысли и сочиненія Чернышевскаго объ общинѣ и по крестьянскому вопросу подробно изслѣдуетъ г. Корниловъ. Знатокъ крестьянскаго дѣла въ эпоху реформъ и самой этой эпохи, онъ прослѣживаетъ развитіе взглядовъ Чернышевскаго на этотъ вопросъ съ 1858 года, когда впервые сдѣлалось возможнымъ обсуждать вопросъ объ освобожденіи, вплоть до трагическаго конца литературной дѣятельности писателя. Въ работѣ г. Корнилова есть одно любопытное разногласіе съ двумя другими участниками этой книжки. Вступленіе Чернышевскаго въ ряды активныхъ революціонеровъ представляется г.г. Тугану-Барановскому и Анненскому, какъ актъ совершенно исключительнаго самопожертвованія. Они оба полагаютъ, что, ясно сознавая умомъ слабость и беспочвенность тогдашняго революціоннаго движенія, Чернышевскій тѣмъ не менѣе вступилъ въ него по мотивамъ, такъ сказать, этического свойства. Безъ всякой надежды на успѣхъ, онъ сознательно приносилъ себя въ жертву. Согласно г. Корнилову, дѣло обстоитъ иначе. При всемъ своимъ огромномъ умѣ и проницательности, Чернышевскій не избѣжалъ всеобщихъ иллюзій. Его погубило, говоритъ г. Корниловъ, «преувеличенное представленіе о затруднительности положенія бюрократическаго правительства въ 1862 году и о готовности народныхъ массъ къ активному выступленію...» (стр. 53) Третья статья о воззрѣніяхъ Чернышевскаго — г. Постникова — размѣромъ всего въ двѣ страницы, даетъ только одинъ маленькій штришокъ къ характеристикѣ его политико-экономическихъ взглядовъ.

Статьи съ воспоминаніями г.г. Антоновича и Анненскаго далеко не равноцѣнны. Первая, уже напечатанная раньше, даетъ любопытный матеріалъ для характеристики Чернышевскаго; вторая, блестящая всѣми цвѣтами публицистики, умѣстна въ общемъ ансамблѣ настоящаго сборника, но сама по себѣ значенія не имѣетъ.

Пант.

Сочиненія и письма Н. В. Гоголя. Редакція В. В. Каллаша. Изд. т-ва «Просвѣщеніе». 9 т. Спб. 1909—1910. Цѣна 9 руб.

За послѣднее время наблюдается очень отрадное явленіе: начинаютъ появляться хорошія комментированныя изданія сочиненій нашихъ писателей. До сихъ поръ, за малымъ исключеніемъ, у насъ не было сколько-нибудь хорошихъ изданій сочиненій даже самыхъ замѣчательныхъ писателей, о второстепенныхъ и говорить нечего. А вѣдь только послѣ появленія хорошихъ изданій, съ точно установленнымъ текстомъ, возможно серьезное научное изученіе писателей. Сочиненія многихъ нашихъ писателей изданы въ изуродованномъ видѣ, редакторы выбрасывали все, что имъ было угодно, не руководствовались подлинными рукописями, самовольно исправляя текстъ, соединяя отрывки, выдумывая свои заглавія и т. п. Въ настоящее время уже вполнѣ установился взглядъ на то, чѣмъ должны быть изданія сочиненій писателей, выдвинута необходимость самой точной критической провѣрки текста, къ изданію предъявляется требованіе, чтобы оно являлось и матеріаломъ для изученія писателя, для его пониманія.

Несомнѣнно, къ числу изданій, удовлетворяющихъ этимъ требованіямъ, нужно причислить новое изданіе сочиненій Гоголя подъ редакціей В. В. Каллаша.

Въ 1889 году появилось изданіе подъ ред. Н. С. Тихонравова въ 5 томахъ, въ 1896 году вышли дополнительные 6 и 7 т. подъ ред. В. И. Шенрока по матеріаламъ, собраннымъ Н. С. Тихонравовымъ. Хотя недавнія работы Г. П. Георгиевскаго («Памяти Жуковскаго и Гоголя», изд. акад. наукъ, вып. II и III) показали, что Тихонравовъ, а, главнымъ образомъ, Шенрокъ, не всегда внимательно использовали рукописи, но, тѣмъ не менѣе, это изданіе нужно причислить къ однимъ изъ лучшихъ изданій сочиненій нашихъ писателей. Окончаніе права собственности на сочиненія писателей всегда вызываетъ появленіе лучшихъ, сравнительно съ прежними, изданій, но въ то же время появляется и масса такъ называемыхъ «дешевыхъ» изданій, составленныхъ кое-какъ, часто представляющихъ изуродованный и нелѣпо сокращенный текстъ. Окончаніе въ 1902 году права собственности на сочиненія Гоголя вызвало появленіе множества плохихъ «дешевыхъ» изданій, но не вызвало изданія, которое было бы дальнѣйшимъ шагомъ послѣ Тихонравовскаго, и оно осталось лучшимъ. Заслуживаетъ вниманія лишь изданіе 1902 года подъ редакціей проф. А. И. Кирпичникова, который внесъ кое-какія текстовыя поправки къ тихонравовскому изданію.

Съ тѣхъ поръ прошло много времени, изученіе Гоголя сильно подвинулось, тихонравовское изданіе стало появляться въ продажѣ все рѣже и рѣже. Вместь

съ этимъ ощущалась потребность въ изданіи, которое использовало бы результаты изученія Гоголя за послѣднее время. Такимъ и является изданіе подъ редакціей В. В. Каллаша, несомнѣнно оно вмѣстѣ съ тихонравовскимъ представляютъ лучшія изданія сочиненій Гоголя. Оно не лишено научнаго значенія, является научнымъ вкладомъ, и редакторъ напрасно умаляетъ свои заслуги, говоря въ предисловіи, что «наше изданіе не преслѣдуетъ научныхъ цѣлей: оно предназначено для школы и самообразования и рассчитано на самыя широкіе круги читателей—созданіе у нихъ серьезныхъ историко-литературныхъ интересовъ и замѣну поверхностнаго чтенія вдумчивымъ изученіемъ одного изъ величайшихъ нашихъ писателей».

Изданіе не является абсолютно полнымъ, въ немъ нѣтъ всѣхъ редакцій, вариантовъ, но зато редакторъ очень тщательно отнесся къ тексту, критически провѣряя его, внесъ отступленія тихонравовскаго изданія. Уже это одно сообщаетъ научный характеръ и значеніе изданію.

Но, кромѣ этого, В. В. Каллашъ хорошо комментировалъ свое изданіе. Примѣчанія въ прямомъ смыслѣ слова не велики, но зато въ изданіи много всевозможныхъ статей, объяснительныхъ замѣтокъ, составляющихъ въ общемъ цѣнный комментарий. В. В. Каллашъ прекрасно изучилъ литературу о Гоголѣ, всѣ новыя данныя, результаты изученія приняты редакторомъ во вниманіе. Кромѣ вступительныхъ замѣтокъ къ отдѣльнымъ произведеніямъ Гоголя, въ изданіи мы находимъ цѣлый рядъ статей: «Основныя черты личности и творчества Гоголя», «Биографическій очеркъ», «Гоголь въ эпоху «Арабесокъ» и «Миргорода», «Послѣдній періодъ жизни Гоголя», характеристику юношескихъ опытовъ Гоголя, его драматическихъ произведеній, журнальныхъ статей, мистико-моралистическихъ сочиненій, писемъ. Кромѣ того, В. В. Каллашу пришла на умъ удачная мысль помѣстить въ изданіи отрывки изъ воспоминаній о Гоголѣ разныхъ лицъ.

Такимъ образомъ, редактированное В. В. Каллашемъ изданіе—не только критически провѣренный текстъ, но и матеріалъ для изученія и пониманія Гоголя, т. е. является изданіемъ, соответствующимъ тѣмъ требованіямъ, которыя теперь предъявляются къ этимъ изданіямъ. Со внѣшней стороны изданіе является изящнымъ, въ немъ много хорошо исполненныхъ портретовъ и иллюстрацій.

А. Фоминъ.

Н. М. Баженовъ. Григорій Федоровичъ Квитка-Основьяненко. Библиографическій указатель.

Н. М. Баженовъ въ большой и кропотливой своей работѣ: «Григорій Федоровичъ Квитка-Основьяненко» (Библиографическій указатель) представилъ слѣдующее: I. Произведенія Г. Ф. Квитки и переводы его малорусскихъ повѣстей и рассказовъ на другіе языки; II. Частная переписка Г. Ф. Квитки; III. Неизданныя сочиненія его; IV. Письма разныхъ лицъ къ нему; V. Литература о Г. Ф. Квиткѣ; VI. Произведенія, посвященныя Г. Ф. Квиткѣ, и VII. Авто-

графы, портреты и рисунки.—Это бесспорно своего рода цѣнный памятникъ покойному писателю и пособіе къ изученію его эпохи.

Изъ остальныхъ статей разсматриваемой книжки «Извѣстій» назовемъ— 1) «Образы птицы, творящей міръ, въ русской народной поэзи и письменности» (продолженіе)—И. И. Коробки; 2) «Дашныя по поводу Стародубскаго уѣзда, Черниговской губерніи»—А. В. Маркова; 3) «Нѣсколько словъ о лицевыхъ спискахъ житія преп. Ефросиніи Суздальской»—А. В. Некрасова; 4) «Подлинный списокъ о новыхъ чудотворцахъ въ Θεодосіи, архіепископу Новограда и Пскова», Г. З. Кунцевича. Въ приложеніи находимъ составленный В. Н. Бенешевичемъ «Указатель именъ авторовъ къ «Обзору трудовъ по славяновѣдѣнію» за 1908—9 годы.

В. Р.—въ.

Вѣстникъ всероссійскаго съѣзда художниковъ. Спб. 1910. Стр. 38. Цѣна 30 к.

Первый выпускъ названнаго «Вѣстника» знакомитъ насъ съ программой будущаго съѣзда художниковъ въ началѣ 1911 г., а также съ законопроектомъ по авторскому праву на художественныя произведенія и съ конкурсомъ преектовъ на памятникъ М. Ю. Лермонтова.

«Вопросы искусства въ настоящее время, — заявлено «Вѣстникомъ», — все болѣе и болѣе привлекаютъ къ себѣ вниманіе общества, и поэтому неудивительно, что художники и зодчіе все болѣе и болѣе останавливаются на особенностяхъ родной природы и отечественной древности, черпая въ нихъ свое вдохновеніе. Русскій пейзажъ далъ рядъ образцовъ своеобразія нашей природы; бытовая, историческая и декоративная живопись проникаются народнымъ духомъ. Теченіе это, однако, ни въ какомъ случаѣ не должно быть понимаемо въ смыслѣ отреченія отъ идеаловъ общечеловѣческихъ; напротивъ—оно должно постоянно служить имъ; но корни искусства должны питаться родниками родной земли, и только тогда оно будетъ процвѣтать и вложить свой особый вкладъ въ общее достояніе челоуѣчества».

Художественныя требованія отражаются и на прикладномъ искусствѣ и въ кустарной промышленности, несмотря на то, что еще много остается замѣчательныхъ сокровищъ, недоступныхъ и неизвѣстныхъ художникамъ. Драгоценнѣйшая патриаршая ризница въ Москвѣ не только не издана, но не имѣетъ сколько-нибудь подробной и дѣльной описи, а также и ризницы монастырскія. Сокровища оружейной палаты въ московскомъ кремлѣ мало извѣстны. Сокровища отдѣльныхъ церквей, дворцовъ и въ домахъ частныхъ лицъ почти неизвѣстны совсѣмъ. Точно также очень мало сдѣлано для развитія художественнаго вкуса въ обществѣ. Художники въ «программѣ» будущаго съѣзда заявляютъ совершенно справедливо, что преподаваніе научныхъ предметовъ во всѣхъ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ не обставлено должными послѣдовательно подобранными образцовыми снимками съ выдающихся художественныхъ произведеній и съ натуры, что особенно замѣтно въ области отечествовѣдѣнія; что въ духовныхъ учебныхъ заведеніяхъ на художественное развитіе учащихъся не обращается достаточнаго вниманія и оттого такъ безчисленны примѣры небреж-

наго отношенія къ предметамъ художественной старины въ нашихъ храмахъ; что провинціальныя художественныя музеи, будучи учрежденіями учеными и учебными, совершенно лишены должнаго просвѣщеннаго руководства и дѣйствительнаго надзора со стороны тѣхъ мѣстъ, въ вѣдѣніи которыхъ они состоятъ; что многія собранія, пріобрѣтенныя столичными музеями, не только не открываются для обозрѣнія, но даже въ продолженіе многихъ лѣтъ сохраняются въ условіяхъ, угрожающихъ имъ гибелью и т. д.

Самыя художественныя выставки направляются лишь въ десятокъ городовъ и обходятъ большинство городовъ.

Спеціальное художественное образованіе страдаетъ неполнотою сообщаемыхъ свѣдѣній: въ области познанія техники великихъ мастеровъ, въ области научной техники и химіи живописи, въ дѣлѣ знакомства съ сохраненіемъ художественныхъ произведеній, въ дѣлѣ ихъ возрожденія и восстановленія, въ области умѣнія цѣнить и беречь историческія памятники и народно-бытовыя богатства.

Въ высшемъ художественномъ училищѣ отсутствуетъ преподаваніе русской иконописи, религіозной, фресковой и декоративной живописи.

На медальное искусство въ Россіи не обращено никакого вниманія.

Необходимо ознакомленіе общества съ гравюрой, какъ съ самостоятельнымъ искусствомъ, путемъ устройства повторяющихся по эпохамъ выставокъ гравюрныхъ богатствъ, нынѣ скрытыхъ въ нашихъ музеяхъ.

Наша художественная промышленность страдаетъ отъ наплыва западнаго, машиннаго художественно-промышленнаго товара, что происходитъ отъ полнаго незнакомства русскаго общества съ красотами нашего ручнаго народнаго творчества.

Отечественныя художественныя предметы древности уничтожаются по невѣдѣнію или невѣжеству, расхищаются или вывозятся за рубежъ въ другія страны, гдѣ спросъ на нихъ все болѣе и болѣе растетъ. Особенное вниманіе слѣдуетъ обратить на наши историческія постройки, церковныя и свѣтскія, замѣчательныя по художественности работы, а также предметы древности. Необходимы поэтому составленіе полнаго списка такихъ построекъ, изданіе особаго закона и принятіе дѣйствительныхъ мѣръ для ихъ обереганія съ привлеченіемъ художественныхъ и мѣстныхъ силъ.

Необходимо обратить вниманіе на отсутствіе участія художниковъ въ заботахъ городовъ по художественному ихъ убранству и въ дѣлѣ обереганія художественной старины, вслѣдствіе чего утрачивается художественный обликъ городовъ, а также на отсутствіе художниковъ въ дѣлѣ убранства городовъ во время празднествъ.

Наша монументальная скульптура почти перестала существовать, отчасти по отсутствію заказовъ, отчасти отъ утраты преемственности въ этомъ искусствѣ.

Такимъ образомъ, практическія задачи будущаго всероссійскаго съѣзда художниковъ очень многочисленны, и сочувствующія съѣзду лица должны бы принять болѣе энергичное участіе въ его трудахъ. Канцелярія устроительнаго комитета помѣщается въ Петербургѣ, Фонтанка 34.

А. Фаресовъ.

**И. С. Симоновъ. Школа и половой вопросъ. Спб. 1909. Стр. 68.
Ц. 50 коп.**

Замѣтный интересъ къ половому вопросу, обнаруженный за послѣдніе годы нашимъ обществомъ, способствовалъ тому, что на книжный рынокъ, положительно заваленный «модными» произведеніями литературной порнографіи, стали поступать книги, указывающія на необходимость систематической борьбы съ язвами современной «накипи».

Различныя по своему внѣшнему виду и содержанію, книги эти трактовали половой вопросъ со всевозможныхъ точекъ зрѣнія, но отличались, если можно такъ сказать, чересчуръ «космополитическимъ» характеромъ. Ближе къ русской жизни стоитъ брошюра И. С. Симонова. Авторъ пытается привлечь вниманіе читателя къ самой интересной и важной части затронутого вопроса—именно къ борьбѣ съ венерическими заболѣваніями среди учащейся молодежи. Изъ собранныхъ при помощи анкетъ матеріаловъ и на основаніи собственныхъ наблюденій авторъ приходитъ къ заключенію, что сама школа должна вести борьбу съ половой распущенностью, въ какомъ бы видѣ она ни проявлялась. Мы знаемъ, какое поразительное равнодушіе выказываютъ въ этой области наши «интеллигентныя» семьи, совершенно игнорирующія половое воспитаніе дѣтей. А въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже сами родители являются виновниками, пособниками развивающейся чувственности своихъ дѣтей... Такимъ образомъ, вся тяжесть подобной борьбы всецѣло падаетъ на школу. Какъ воспитатель одного изъ кадетскихъ корпусовъ, И. С. Симоновъ имѣлъ возможность познакомиться съ дѣйствительнымъ положеніемъ вещей и пришелъ къ убѣжденію, что «половой вопросъ для воспитателя закрытаго учебнаго заведенія является вопросомъ особенно жгучимъ и наболѣвшимъ».

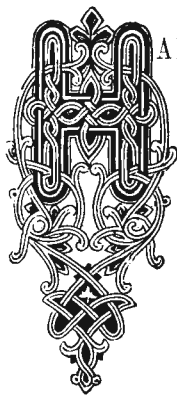
Главное достоинство горячо написанной книги г. Симонова—обиліе статистическихъ свѣдѣній, мнѣнія авторитетныхъ лицъ, наконецъ предлагаемая авторомъ мѣры къ оздоровленію подрастающаго поколѣнія. Эти мѣры намъ представляются убѣдительными, и книгѣ можно пожелать широкаго распространенія какъ среди педагоговъ, такъ и среди родителей. Многіе, навѣрное, будутъ благодарны г. Симонову за то, что онъ не только возмущается и констатируетъ печальные факты, но и находитъ возможность ихъ искоренить. Къ этимъ мѣрамъ мы и отсылаемъ читателей, интересующихся вопросомъ.

А-скій.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

НАЦИОНАЛЬНОСТЬ Христофора Колумба.—В настоящее время ведется горячий спор между итальянцами и испанцами о национальности Христофора Колумба. Последние упорно настаивают, что Христофоръ Колумбъ связанъ съ ними кровными узами. Согласно общественному мнѣнію, говоритъ «Esraña Moderna», Христофоръ Колумбъ родился въ Генуѣ, какъ онъ самъ заявилъ въ своемъ завѣщаніи, но его сынъ въ послѣдствіи говорилъ, что это невѣрно и мѣсторожденіе отца—неизвѣстно. Историкъ Ла Пера, повидимому, ближе къ истинѣ, говоря, что Колумбъ родился отъ родителей испанцевъ въ Понтеведро, въ Галисіи. Его семья эмигрировала въ Италію въ половинѣ IV в. Согласно одной версіи онъ родился въ одномъ изъ сѣверо-западныхъ городовъ Испаніи, и глава фамиліи Колонъ-Фонтероза принужденъ былъ удалиться изъ Галисіи вслѣдствіе вспыхнувшихъ въ этой провинціи войнъ въ періодъ между 1444 — 1450 гг. Благодаря протекціи архіепископа Пизы, онъ нашель убѣжище съ двумя старшими сыновьями на территоріи генуэзской республики и очень возможно, что бѣглецы легко заставили забыть свое происхожденіе. Имя Коломбо чрезвычайно распространено въ области Лигурии: два корсара сдѣлали ее знаменитой. Предполагали, что эти два отважные моряка были корсиканскаго происхожденія, и изъ этого вывели заключеніе, что Наполеонъ соотечественникъ Христофора Колумба.

«Христофоръ Колумбъ, говоритъ «Esraña Moderna», былъ испанецъ и по уму, и по характеру. Всѣмъ новымъ землямъ онъ давалъ испанскія имена. Когда его поражало сходство между Старымъ и Новымъ свѣтомъ, ему на умъ всегда приходила Испанія. То ему казалось, что онъ нашель деревни, какія онъ видѣлъ въ окрестностяхъ Кордовы, то соловей поеть испанскій, котораго онъ

узналъ по голосу. Такія воспоминанія понятны, если считать его испанцемъ, у итальянца же, плавающего подъ національнымъ флагомъ родины, они совсѣмъ необъяснимы, а у иностранца на службѣ Испаніи они возбудили бы подозрѣніе, если бы онъ выражалъ слишкомъ сильно симпатію къ своей бывшей родинѣ. Внушить довѣріе своимъ государямъ и соотечественникамъ новой родины, ко владѣніямъ которыхъ онъ прибавилъ цѣлый свѣтъ, за что получилъ отъ нихъ право носить въ своемъ гербѣ льва и Кастильскую башню, онъ могъ, только говоря, какъ испанецъ по происхожденію и по расѣ.

— Воспоминанія актрисы Жюдитъ.—На страницахъ ¹⁾ «Journal» отъ 24 іюля по 2 сентября помѣщены воспоминанія актрисы Французской Комедіи г-жи Жюдитъ. «Огонь рампы,—говоритъ она,—привлекаетъ, какъ бабочекъ, самыя разнообразныя типы людей, начиная съ государей до артистовъ. Стоитъ только бросить взглядъ на это порханіе, и актеръ знаетъ всю исторію своей эпохи». Дѣйствительно, въ ея воспоминаніяхъ, чрезвычайно живо написанныхъ, находятяся разнообразныя пикантныя подробности объ ея современникахъ изъ разныхъ слоевъ общества.

Подруга дѣтства Рашель, г-жа Жюдитъ происходила, какъ и первая, изъ бѣдной еврейской семьи. Обѣ онѣ пережили въ дѣтствѣ одинаковыя невзгоды, прежде чѣмъ добиться славы. Первые воспоминанія г-жи Жюдитъ относятся къ ея сношеніямъ съ семьею Рашель около 1834—1835 гг. «По правдѣ сказать,—замѣчаетъ Жюдитъ,—ничего не предрекало будущей славы этой несравненной актрисы». Ея отецъ, нѣмецкій еврей, по имени Феликсъ, былъ человекъ очень бѣдный. Семья состояла изъ четырехъ дочерей и сына, кромѣ ожидаемаго пятаго ребенка, родившагося въ 1835 г. Бездѣльный, развратный и безнравственный, онъ предпочиталъ пить и курить, а не работать, вѣчно жилъ какъ паразитъ, питаясь чужими соками, сначала эксплуатируя жену, а потомъ дочь. Мать Рашель, торговка кружевами, платками, галстухами и проч. принадлежностями туалета, ходила по домамъ съ своимъ товаромъ.

Мать г-жи Жюдитъ была тоже торговка кружевами, и однажды, на одной площади въ швейцарской деревушкѣ, она остановилась послушать пѣніе романсовъ двухъ маленькихъ дѣвочекъ. Поставивъ свои два фонаря у ногъ, онѣ распѣвали кислыми голосами, чтобы разжалобить слушателей, собирая дань и стараясь продать текстъ романа. Младшая была чрезвычайно граціозная, несмотря на свою худобу; выраженіе ея лица и особенно большихъ черныхъ глазъ, когда она пѣла, было настолько трогательное и страстное, что все бы на нее смотрѣло. Это была будущая Рашель.

Мать Жюдитъ подошла къ женщинѣ, стоявшей позади дѣвочекъ; это было ихъ мать. Обѣ женщины познакомились. Одинаковая религія и ремесло помогло ихъ сближенію. Мать г-жи Жюдитъ мечтала устроить дочь въ какомъ-нибудь торговомъ домѣ кассиршей, но дѣвочкой уже овладѣлъ демонъ драматизма. Искусителемъ явилась старшая сестра Рашель, Элиза, которую отецъ заставлялъ взять сценическое имя Сара. Въ то время она играла на сценѣ Пан-

¹⁾ La vie d'une grande comedienne Mémoires de M-me Judith, sociétaire de la Comedie Francaise «Le Journal» 24 Juillet—2 Septembre 1910.

теона, маленькаго театрика въ Латинскомъ кварталѣ. Въ одной изъ пьесъ «Пьеръ Дюланъ» была роль ребенка. Софи рѣшила, что эта роль подходитъ Жюдитъ и уговорила ея мать отдать дѣвочку въ труппу Пантеона. Жюдитъ въ это время исполнилось шесть лѣтъ, и она съ такимъ одушевленіемъ играла, что студенты ея прозвали «Марсъ Латинскаго квартала». Около года играла она тамъ, но мать хотѣла во что бы то ни стало дать ей образованіе, и помѣстила въ пансіонъ Дюфуръ. Однако театральные успѣхи уже вскружили ей голову, и ученіе не шло на умъ. Мать поняла, что не слѣдуетъ пресѣкать ея склонность къ драматической карьерѣ, и разрѣшила дѣвочкѣ посѣщать курсы драматическаго искусства въ театрѣ Мольера, которыми руководилъ Сентъ-Илеръ изъ Французской Комедіи. Днемъ шли уроки, а вечеромъ ученики давали представленіе предъ публикой. Рашель играла тамъ самыя разнообразныя роли. Въ это время она еще колебалась, выбрать ли ей комедію, или трагедію.

Серьезная болѣзнь глазъ на время прервала артистическія занятія. Жюдитъ три года была слѣпа и уже думала, что совершенно лишилась зрѣнія, но поправилась, и мать опять отвела ее въ пансіонъ. Опасаясь, что христіанскія дѣти отнесутся къ ней недоброжелательно, ея мать не сказала директрисѣ г-жѣ Дюфуръ, что дѣвочка еврейка, и это повлекло за собой слѣдующій инцидентъ. Когда ей исполнилось 11 лѣтъ, время подготовленія къ причастію, она, зная, что у священника ихъ прихода уже готовы награды за лучшее подготовленіе катехизиса, ни за что не хотѣла уступить ихъ товаркамъ и принялась за катехизисъ. Обладая необыкновенной памятью, дѣвочка лучше всѣхъ заучила списокъ капитальныхъ грѣховъ и богословскихъ добродѣтелей. Напрасно одна ея подруга, христіанка Генріетта, старалась занять первое мѣсто среди ученицъ, Жюдитъ рѣшила, что это ей не удастся. Въ концѣ года, предъ причастіемъ, священникъ собралъ своихъ «овечекъ» въ ризницу для раздачи наградъ; въ его рукѣ находилась корона изъ золоченой бумаги и катехизисъ съ золотымъ обрѣзомъ—награды самой лучшей ученицѣ. «Жюли Берна!»—зывалъ онъ Жюдитъ. Уже дѣвочка стояла передъ нимъ и онъ хотѣлъ надѣть ей на голову корону, какъ внезапно въ ней проснулось угрызеніе совѣсти. «Простите, — ничего, что я еврейка?» «Какъ, какъ, какъ,—залепеталъ онъ:—вы... вы... вы—еврейка?» «Да». «Ахъ, какъ досадно!» И онъ, по словамъ Жюдитъ, сталъ ее разглядывать, какъ бы удивляясь, что на ея лицѣ нѣтъ печати дьявола. «Еврейка! Еврейка! Очень сожалѣю, что меня ранѣе объ этомъ не предупредили. Но, мое дитя, вы не можете причащаться. Вы не можете получить награды на катехизисъ!» И такимъ образомъ Жюдитъ должна была перенести за свою ложь наказаніе.

Свой сценическій талантъ она начала развивать въ дѣтской труппѣ, которая исполняла тѣ же пьесы, что и большіе актеры. Антрепренеромъ былъ отецъ Рашели, Феликсъ. Своимъ маленькимъ актерамъ онъ уплачивалъ жалованье—пищей и помѣщеніемъ подъ крышей въ улицѣ Борегаръ. Въ комнатѣ ютились четыре и пять человѣкъ, которые спали по трое въ одной постели. Главной пищей обыкновенно служилъ имъ картофель и морковь. Рашель помогала Жюдитъ ихъ чистить и, отличаясь очень веселымъ характеромъ, она и при этомъ занятіи проявляла бурную веселость. Уже въ то время въ ней просыпалась трагическая жилка, и она пользовалась каждымъ случаемъ для

декламация. Держа въ рукѣ морковь, она, обращаясь къ ней, какъ къ воображаемому Пиру, декламирала: «Ton coeur impatient de revoir ta Trayenne. Ne souffre qu'a regret qu'une autre l'entretienne. Tu lui parle du coeur, tu la cherches des yeux...» И съ ожесточеніемъ размахивая ни въ чемъ неповинной морковью, она восклицала: «Porte aux pieds autels ce coeur qui m'abandonne. Va, cours: mais crains encore d'y trouver Hermienne». И съ гнѣвомъ разрѣзала на кусочки морковь, съ криками: «Вотъ тебѣ! Вотъ тебѣ! Вотъ тебѣ!»

Купалась вся дѣтская группа въ одной ваннѣ, поэтому, чтобы вода не очень остыла для послѣднихъ купальщиковъ, ее наливали чрезвычайно горячей. Жюдитъ оказывали честь, предоставляя купаться въ чистой водѣ, поэтому она входила въ ванну вмѣстѣ съ Рашель, уже пользовавшейся особой привилегіей предъ своими сестрами, какъ будущій талантъ. Онѣ платились за это первенство своей кожей, страдая отъ такого кипятка, и выходили изъ воды, какъ варенные раки, завидуя тѣмъ товаркамъ, которыя купались послѣ нихъ, хотя и въ грязной, но не такой горячей водѣ.

Феликсъ руководилъ ихъ занятіями, и для нагляднаго примѣра, какъ вкладывать чувство, которое заставляло бы вибрировать голосъ Жюдитъ, онъ бралъ молотъ и ударялъ дѣвочку по ногамъ. Жюдитъ плакала отъ боли, а онъ приговаривалъ: «Читай теперь!» Она вся въ слезахъ повиновалась ему, а онъ торжественно восклицалъ съ своимъ тевтонскимъ выговоромъ: «Наконецъ, Шюдитъ, теперь ты вложила чувство!»

Когда дѣтская группа Феликса распалась, Жюдитъ принуждена была искать ангажемента, чтобы помогать больной матери, и поступила въ театръ Porte Saint Martin. Въ это время ей исполнилось 14 лѣтъ. Впервые появившись передъ публикой, она испытала такой страхъ, что едва могла говорить, и публика, кричала ей изъ партера: «Громче! ничего не слышно!» Едва дотянувъ свою роль, она за кулисами залилась слезами, опасаясь, что не понравилась публикѣ, но ее успокоилъ актеръ Буфа. Однако этотъ дебютъ не принесъ ожидаемаго ангажемента, въ виду слишкомъ низкаго гонорара, 800 франковъ въ годъ, и Жюдитъ отказалась. Это мѣсто заняла Розъ Шери, прославившаяся впоследствии въ пьесахъ Дюма. Жюдитъ же попала въ Folies Dramatiques.

Между прочимъ она передаетъ одну пикантную подробность. Она была очень красива, и въ одинъ прекрасный день извѣстный художникъ Лантуанъ просилъ ее позировать для картины Богоматери, заказанной ему въ монастырь Монъ-Кармень. Когда картина была готова, то Жюдитъ увидѣла, какъ одна кармелитка бросилась передъ нею на колѣни съ молитвой. Черезъ нѣсколько времени картину отправили въ Палестину, и Жюдитъ не могла удерживаться отъ смѣха при мысли, что тамъ, въ самомъ почитаемомъ святилищѣ христіанъ будетъ красоваться портретъ актрисы еврейки и предъ нимъ католики принесутъ самыя горячія молитвы.

По ея словамъ, Рашель необыкновенно быстро достигла славы. Однажды знаменитая Марсъ проѣзжала мимо театра и, увидавъ громадную толпу передъ выходомъ, удивилась. «Что это значитъ?—спросила она:—вѣдь я сегодня не играю!» Ей отвѣтили, что это Рашель привлекаетъ столько народа. «Какъ? Эта маленькая дебютантка?» спросила Марсъ. «Она самая!» отвѣтили ей. Марсъ

уже начала стариться и не безъ зависти смотрѣла на вновь восходящую звѣзду, приписывая упѣхи Рашель ея молодости. И съ этихъ поръ никому не говорила своихъ лѣтъ. Однажды къ ней забрались воры и обокрали ее на довольно крупную сумму. Когда она явилась въ судъ, предсѣдатель задалъ ей обычный вопросъ: «Ваше имя?» «Ипполитъ Марсъ». «Вашъ возрастъ»... «Ете ans»... про-бормотала она. «Что?» переспросилъ предсѣдатель. «Вы хорошо разслушали, г-нь предсѣдатель»... отвѣтила она.

Жюдитъ продолжала посѣщать Рашель и бывала въ ея ложѣ. Она ее обо-дряла, и Жюдитъ преклонялась передъ нею. Характерной чертой этой великой актрисы была, по словамъ Жюдитъ, ея простота. Другой чертой, отличавшей ее отъ прочихъ актеровъ и актрисъ, была нелюбовь прибѣгать къ какимъ-нибудь трюкамъ для возбужденія въ публикѣ симпатій. Она была царственно-естественна, благородна, безъ всякой чопорности, величественна безъ напыщенности. Говорила она съ жаромъ, со страстью, но не декламировала. Лицо ея было трагическое безъ всякаго напряженія, въ покойномъ настроеніи—меланхолически-мечтательно. Оно становилось страшно, когда на немъ отражалось горе, гнѣвъ или ревность. Ея чистый, сильный голосъ не выражалъ никакой специальной интонаціи, но постоянно мѣнялся, то дѣлался ласковый, томный, вибрирующий, пылкій, повелительный, свистящій. То же говорить Жюдитъ и объ ея жестахъ: у нея не было ненавистой привычки, какая имѣется почти у всѣхъ актеровъ и актрисъ—въ извѣстныхъ пластическихъ положеніяхъ на мгновеніе застывать съ извѣстнымъ жестомъ, дѣлать шагъ, останавливаться, еще шагъ, опять останавливаться. Ничего этого не было у Рашель: она ходила, дѣйствовала не какъ актриса, но какъ «настоящая принцесса, античная героиня». Хотя Рашель была худа, но ея тѣло было такъ сложено, что античные костюмы, казалось, были созданы для нея. Она никогда не зашпиливала или не пристегивала ниткой ни одной складки, чтобы произвести эффектъ, а прямо накидывала свой пеплумъ безъ всякихъ искусственныхъ приспособленій и складки становились краснорѣчивы, слѣдуя за ея движеніями. Вообще одѣвалась она быстро.

Какъ человѣкъ, Рашель была завистлива и страдала сомнѣніемъ. Она первая наслаждалась своею игрою, голосомъ, граціей, воодушевленіемъ. Однажды она играла «Bayaset» вмѣстѣ съ г-жею Фаваръ, довольно посредственной актрисой, и, когда Фаваръ была на сценѣ, Рашель за кулисами выражала все время нетерпѣніе, пока та исполняла свою роль. «Мнѣ необходимо хорошо сыграть, — говорила Рашель. — Я только что перенесла игру Фаваръ. Ахъ! Боже! Я хотѣла бы вознагражить мои уши... мнѣ будетъ легче, если я себя услышу». Вообще Рашель-человѣкъ низко стояла въ сравненіи съ Рашель-артисткой. Съ хорошими актрисами она была еще недоброжелательнѣе. Ея сестры, по словамъ Жюдитъ, были плохими актрисами, но она ихъ устроила во Французской Комедіи именно по этой причинѣ, чтобы выиграть отъ сравненія съ ними. Обращеніе съ ними съ ея стороны было далеко не нѣжное, а эгоистическое. Однажды, когда Рашель гримировалась, къ ней вошла сестра Сара съ возгласами: «Рашель, ты чума, ты грязная тварь». — «Что съ тобой, Сара?» спросила Рашель тономъ королевы. «А то, что ты отняла у меня любовника». — «Котораго?» — «О! О! О!» рычала Сара, готовая

вицпиться ногтями въ лицо сестры, но ее останавливало олимпійское спокойствіе Рашель. «Котораго?» продолжала Рашель—«Потаскушка!»—«Перестань ругаться, иначе я прикажу тебя выгнать».—«Как! негодница, развратница!» Рашель бросилась къ звонку. «О, Рашель,—воскликнула Сара,—я тебя видѣла съ Фицъ-Джемсомъ, банкиромъ. Онъ долженъ былъ сегодня прійти ко мнѣ, и я его напрасно прождала. Я хорошо угадала, что ты его огняла у меня. Не довольно съ тебя побѣдъ, чтобы еще отнимать у меня?»—«Добрая Сара,—возразила Рашель самымъ естественнымъ тономъ: ты прошла черезъ руки всего Парижа, какъ же ты хочешь, чтобы я пріобрѣла новыхъ друзей, которые не были бы твоими». Сара поблѣднѣла отъ злобы, но вышла укрошенная необыкновенной властью своей сестры.

Рашель обладала черствымъ сердцемъ и въ припадкѣ ревности становилась зла. При этомъ была жадна до алчности. Она не платила своему доктору, считая, что лечить ее для него честь. Когда однажды онъ рѣшился просить ее участвовать на его вечерѣ, то она увѣрила его, что будетъ. Наступилъ вечеръ, а Рашель и не подумала пріѣхать. На другой день она на него набросилась съ упреками, зачѣмъ онъ не пріѣхалъ къ ней въ тотъ вечеръ, такъ какъ она была нездорова. Какъ-то Жюдитъ спорила съ своимъ антрепренеромъ, который находилъ, что она запрашиваетъ слишкомъ высокую цѣну. «Да, вы похожи на Рашель,—проворчалъ онъ сквозь зубы:—видно, что вы обѣ жидовки». «Извините,—отвѣтила ему Жюдитъ:—между нами большая разница: я—жидовка, тогда какъ Рашель—жидъ».

Отецъ Рашели, человѣкъ безнравственный, развратный, приставалъ къ Жюдитъ съ двусмысленными предложеніями, и она прекратила посѣщенія семьи Рашель. Однако съ великой актрисой дружбы не прерывала. Предъ отъѣздомъ въ Америку Рашель участвовала въ бенефисѣ Жюдитъ и выражала предчувствіе, что навсегда покидаетъ французскую сцену. Дѣйствительно, она простудилась въ Филадельфіи на сценѣ и съ тѣхъ поръ не переставала кашлять. Въ Египтѣ, куда послали ее врачи, въ нее влюбился морской офицеръ, и она почти полюбила его. Она хотѣла съ нимъ вѣнчаться, но ея отецъ слѣдилъ за нею изъ опасенія, чтобы ея капиталъ не ускользнулъ отъ его рукъ. Рашель умерла 38 лѣтъ.

Во Французской Комедіи Жюдитъ дебютировала въ 1846 г., по настоянію и благодаря протекціи Морни. Необыкновенно изящный красавецъ, онъ возбуждалъ своимъ умомъ и манерами дэнди симпатіи всего аристократическаго общества Парижа. Это былъ король моды, и подражаніе ему доходило до смѣшного. Всѣ подробности его костюма копировались до мельчайшихъ подробностей. Однажды, занятый любовной интригой, онъ забылъ застегнуть верхнюю пуговицу жилета. Послѣ этого цѣлую недѣлю салонные франты являлись въ гостиныхъ съ растегнутой пуговицей. О немъ ходили вмѣстѣ съ тѣмъ и дурные слухи, будто часть своихъ ресурсовъ онъ черпалъ у одной бельгійской аристократки, графини Легонъ. Она жила въ великолѣпномъ отелѣ въ Елисейскихъ поляхъ, а Морни возлѣ въ невзрачномъ домикѣ, прозванномъ остряками «Niche à Fidèle». Эта дама была очень красива, но уже въ зрѣломъ возрастѣ и на двѣнадцать лѣтъ старше Морни. Тщательно скрывая слѣды, нанесенные безпощадной рукой времени, она всегда принимала въ полуосвѣщенной комнатѣ,

увѣряя, что свѣтъ вызываетъ у нея боль въ глазахъ. Подъ этимъ предлогомъ днемъ окна были завѣшены плотными занавѣсами, а вечеромъ залъ полуосвѣщался, такъ что нельзя было рассмотреть ни морщинъ, ни дурного цвѣта лица. Она очень любила послѣ обѣда въ потемкахъ водить своихъ гостей въ садъ. Какъ-то Жюдитъ была приглашена къ ней усладить слухъ гостей при звѣздахъ въ саду. Морни въ это время производилъ осаду одной молодой женщины, которая не очень защищалась. Это крайне огорчило графиню Легонъ и, воспользовавшись минутой, когда Жюдитъ отдыхала, графиня обратилась къ соперницѣ со словами: «Сударыня, вы совершенно забрали герцога. Мы имѣемъ право жаловаться на это». Но находчивая дама отвѣтила, что «герцогъ какъ разъ мнѣ говорилъ, что находитъ васъ очень красивой въ этотъ моментъ». Присутствующіе едва удержались отъ смѣха, но графиня закусилла губу.

Знакомство Жюдитъ съ принцемъ Луи Бонапартомъ, будущимъ Наполеономъ III, произошло при слѣдующихъ обстоятльствахъ. Какъ-то къ ней явился Шарль Бланъ и сказалъ: «Мнѣ необходима молодая женщина, чтобы моя поѣздка въ Лондонъ казалась любовной шалостью. Дѣло въ томъ, что я ѣду въ Лондонъ повидаться съ моимъ братомъ Луи Бланомъ, который въ изгнаніи. Сдѣлайте мнѣ удовольствіе, не оставьте меня». Жюдитъ засмѣялась и сказала: «Красивую роль вы заставляете меня играть. Я прикрою вашъ грѣхъ, и ваши шпіоны согласятся закрыть на все глаза. Развѣ я съ виду такая безнравственная, но все равно. Отправимся».

Прибывъ въ Лондонъ, они направились въ улицу Пикадилли, гдѣ жилъ Луи Бланъ. Знаменитый социалистъ самъ открылъ имъ дверь. Это былъ человекъ маленькаго роста, очень живой и говорливый. Онъ бросился на шею къ брату. Оба они, повидимому, питали другъ къ другу нѣжныя чувства. Въ комнатѣ находился средняго роста человекъ съ большимъ носомъ, довольно густыми темно-рыжими усами и голубыми мечтательными глазами. Одѣтъ онъ былъ въ сѣрый костюмъ и въ рукахъ держалъ шляпу. Луи Бланъ представилъ его брату: это былъ принцъ Луи Наполеонъ.

Онъ продолжалъ свой разговоръ съ Луи Бланомъ. «Клянусь вамъ,—говорилъ онъ,—что я республиканецъ».—«Въ такомъ случаѣ, возразилъ социалистъ: что означаетъ это собраніе въ Лейчестерскомъ скверѣ вчера вечеромъ, куда ваши сторонники заставили меня прійти врасплохъ и гдѣ они хотѣли увѣрить меня, что только ваша диктатура спасетъ Францію. Вы присутствовали тамъ. Отчего вы не заставили ихъ замолчать?»—«Вы знаете, какъ трудно охладить воспламененные умы. Но когда я буду во Франціи, у республики не будетъ слуги ни лучше, ни скромнѣе меня».—«Я вамъ совѣмъ не вѣрю», возразилъ Луи Бланъ. — «Надо мнѣ вѣрить. Мнѣ необходимо ваше довѣріе, чтобы вы настроили въ мою пользу демократическую партію».—«Не рассчитывайте на это», отвѣтилъ Луи Бланъ. Луи Бонапартъ съ минуту молчалъ, но затѣмъ произнесъ: «Предложите вы мнѣ вашу поддержку у народа, если я обѣщю сдѣлать васъ министромъ работъ чрезъ два года?»—«Когда вы будете императоромъ?»—спросилъ Луи Бланъ.—«Не все ли равно, кѣмъ я буду, если вы министръ».—«Я—министръ за счетъ народной свободы? Никогда!»—«Прощайте»,—сказалъ Луи Бонапартъ.—«Вы раскаетесь въ вашемъ отказѣ».

Когда Бонапартъ ушелъ, Луи Бланъ сказалъ брату: «Видалъ ты этого разбойника, это онъ изъ моихъ сочиненій почерпнулъ весь республиканскій и социалистическій словарь, съ которымъ ему удастся обмануть французскій народъ и конфисковать его независимость. Какой стыдъ для меня подобный ученикъ!»

Луи Бланъ, отказываясь заранѣе быть министромъ имперіи, самъ себя приговорилъ оставаться въ изгнаніи изъ отечества до 1870 г. Когда на другой день Шарль Бланъ и Жюдитъ возвращались, то Луи Бланъ сопровождалъ ихъ по желѣзной дорогѣ до Дувра. Устроившись въ комфортабельномъ вагонѣ, Жюдитъ невольно пробормотала: «Какъ хорошо здѣсь». Луи Бланъ, только что проповѣдывавшій свои теоріи о счастья народа, произнесъ цѣлую тираду. «Не правда ли, какъ хорошо здѣсь? а въ это время другимъ людямъ холодно, другіе на дождѣ, на вѣтру подвержены всѣмъ перемѣнамъ воздуха, всѣмъ тѣлеснымъ страданіямъ. Чего я желаю, чего я хочу, это, чтобы весь міръ въ одинъ прекрасный день былъ такъ же счастливъ, какъ мы въ данный моментъ въ отдѣленіи перваго класса».—«А кто же будетъ кочегаромъ?» спросила Жюдитъ. Луи Бланъ нахмурился.—«Не отвѣчай этой проказницѣ», замѣтилъ Шарль Бланъ.—Его братъ засмѣялся и дѣйствительно воздержался отвѣчать.

Нѣсколько времени спустя, уже въ Парижѣ, горничная доложила Жюдитъ, что пришелъ какой-то неважный съ виду человекъ. «Это нищій, —добавила она,—и я не совѣтую вамъ принимать его». Это былъ Персиньи, посланный къ ней Луи Бонапартомъ съ просьбою, чтобы Жюдитъ познакомила его съ ея пріятелемъ банкиромъ Платсманомъ, у котораго Бонапартъ рассчитывалъ занять нужную сумму въ счетъ будущаго блестящаго положенія.

«Намъ извѣстно,—прибавилъ Персиньи:—что у васъ есть другъ, нѣкій Карлье—важный чиновникъ въ полиціи. Я былъ бы вамъ очень благодаренъ, если бы вы дали мнѣ случай съ нимъ поговорить. У принца много недруговъ. Между ними есть сильно экзальтированные, которые безъ угрызения совѣсти покусятся на его жизнь. Было бы хорошо, если бы у него былъ въ полиціи союзникъ, который увѣдомлялъ бы его о заговорѣ и всякаго рода козняхъ, которыми ему могли бы угрожать. Устройте вечеръ, на который вы пригласите меня съ Карлье и Платсманомъ. На колѣняхъ прошу васъ помочь намъ, Франція въ данный моментъ въ конвульсіяхъ анархіи. Она будетъ счастлива, лишь когда ея будетъ управлять Луи Бонапартъ. Спасите Францію».

— О сударь,—сказала Жюдитъ:—у меня нѣтъ призванья Орлеанской Дѣвы. Однако я не отказываюсь быть полезной кузену Наполеона Бонапарта. По правдѣ сказать,—прибавляетъ Жюдитъ,—преданность Персиньи Наполеону меня тронула.

Она устроила Персиньи это свиданіе. Платсманъ одолжилъ будущему императору денегъ и не раскаялся, такъ какъ сорвалъ съ народа почтенные проценты. Что касается Карлье, онъ такъ хорошо наживался на дѣлѣ бонапартистовъ, что былъ самый усердный ихъ агентъ.

О своемъ знакомствѣ съ Викторомъ Гюго Жюдитъ передаетъ слѣдующія подробности. Какъ-то къ ней зашелъ Александръ Дюма и сказалъ: «Вланшеттъ (онъ такъ называлъ Жюдитъ за ея цвѣтъ лица), приходи сегодня ко

мнѣ обѣдать. Будетъ Викторъ Гюго». Обыкновенно онъ говорилъ «ты» не только своимъ друзьямъ, но и актрисамъ. Жюдитъ, хотя и знала Виктора Гюго, но рѣдко съ нимъ встрѣчалась. Въ этотъ вечеръ онъ былъ особенно въ ударѣ. Обыкновенно молчаливый, онъ казался Жюдитъ скучнымъ. Разговоръ, вызванный присутствіемъ одного гусара, завязался относительно количества нашивокъ на мундирѣ гусара первой имперіи. «Гусары моего отца,—сказалъ Гюго,—были почти такъ же одѣты, какъ вы». — «Точно такъ же, отвѣчалъ офицеръ. «Нѣтъ, не совѣмъ такъ; ихъ нашивки чаще пришиты». — «Не думаю». — «А я увѣренъ». — «Сколько у васъ нашивокъ?» — «Двѣнадцать». Викторъ Гюго закрылъ глаза и жестомъ пальцевъ, которые, казалось, спускались сверху внизъ воображаемаго мундира, сосчиталъ пятнадцать.

Александръ Дюма сначала думалъ, что это шутка. Затѣмъ принесъ альбомъ императорскихъ мундировъ и оказалось, что Гюго правъ. Онъ объяснилъ это своей удивительной зрительной памятью: ему достаточно было закрыть глаза, и онъ видѣлъ все, что ему желательно вспомнить. Дюма провѣрилъ его слова и спросилъ о другихъ мундирахъ. Викторъ Гюго даже опредѣлялъ количество пуговицъ. Жюдитъ находила, что эта странная способность объясняетъ главный характеръ его поэтического вдохновенія. Въ живописи онъ не былъ такъ силенъ, потому что онъ постоянно имѣлъ предъ глазами людей и предметы, которые описывалъ. У него былъ странный даръ вызывать галлюцинаціи согласно своей фантазіи. На этомъ обѣдѣ онъ объявилъ, что ошибся въ своемъ призваніи и что онъ родился скорѣе живописцемъ, чѣмъ поэтомъ.

«Живописцемъ... и главное граверомъ,—прибавилъ онъ.—Я вижу природу въ черномъ и бѣломъ цвѣтѣ. Я хотѣлъ бы... я долженъ бы стать вторымъ Рембрандтомъ».

Говоря о солдатахъ Наполеона I, конечно, коснулись имени Луи Бонапарта. Гюго сказалъ, что принцъ-президентъ былъ ему очень симпатиченъ и что присутствіе Бонапарта во главѣ правительства было счастливымъ предзнаменованіемъ для націи, такъ какъ онъ любитъ славу, и память о великомъ завоевателѣ, который ей столько далъ, останется навсегда ей дорога. Онъ прибавилъ, что когда государь прикрѣплялъ крестъ къ фуражкѣ простаго солдата и когда скромнаго происхожденія люди могли своими заслугами претендовать на самыя высокія отличія, имперія была столь же демократическая, какъ и республиканскій режимъ. Онъ добавилъ, что Бонапартъ былъ у него и спрашивалъ совѣта, какъ вести дѣла.

При этихъ словахъ Дюма нагнулся къ Жюдитъ и шепнулъ ей на ухо: «Вотъ почему нашъ Гюго бонапартистъ. Принцъ-подлипало, но по той или другой причинѣ перестань онъ лститьъ гордости нашего друга, сомнѣваюсь, что онъ останется его сторонникомъ». — «Конечно, онъ не думалъ, что такъ хорошо пророчествуетъ», говоритъ Жюдитъ. Не прошло и года, дѣйствительно Гюго, которому, какъ говорятъ, отказали въ портфель министра народнаго просвѣщенія, гнѣвно обрушился на Луи Бонапарта.

Это тщеславіе, надъ которымъ Дюма такъ злорадствовалъ, вспыхнуло минуту спустя наивно и поистинѣ комично по поводу одного стихотворенія Альфреда де-Мюссэ. У Гюго спросили, какого онъ мнѣнія о своемъ знаменитомъ сотоварищѣ.

— Громадный талантъ,—отвѣтилъ онъ:—но слишкомъ горделивъ. Онъ хвастается предъ всякимъ, кто хочетъ его слушать, что онъ такой же хорошій поэтъ, какъ я.

Дюма толкнулъ локтемъ Жюдитъ, и та едва не расхохоталась.

Въ концѣ завтрака Гюго доставилъ присутствующимъ любопытное развлеченіе; забравъ въ ротъ цѣлый апельсинъ вмѣстѣ съ кожурой и напихавъ за щеки столько кусковъ сахару, сколько было возможно, онъ началъ это все грызть съ закрытымъ ртомъ. Среди операціи онъ пропустилъ двѣ рюмки киршу и чрезъ нѣсколько минутъ открылъ ротъ, произнося: «Все проглочено». Никто не пробовалъ ему подражать, не имѣя такихъ хорошихъ зубовъ. Когда вышли изъ-за стола, то стали просить Жюдитъ сказать стихи. Не совсѣмъ здоровая въ этотъ день, Жюдитъ обратилась вполголоса къ Дюма съ просьбою избавить ее отъ чтенія. Тотъ коварно объявилъ, что она проситъ прощенье и не можетъ декламировать. «Она немного страдаетъ, я ее только что видѣлъ, какъ она плакала: любовное огорченіе!»

Гюго принялъ эти слова за правду и, подойдя къ Жюдитъ, сказалъ ей, что любовь надо побѣждать и презирать. Затѣмъ онъ началъ импровизировать на эту тему четверостишіе:

Une larme de femme est un trop pur joyau
Pour que nul homme au monde en soit digne. Et de même
Une goutte de sang est un rubis trop beau
Pour la femme cruelle au malheureux qui l'aime.

Александръ Дюма и всѣ присутствовавшіе съ жаромъ принялись ему рукоплескать. Тогда Гюго заявилъ, что иногда для него трудно говорить прозой; для этого ему надо за собою наблюдать, чтобы добиться чего-нибудь. Онъ рассказалъ имъ о своей странной привычкѣ составлять мемуары на имперіалѣ омнибуса и объяснялъ это явленіе тѣмъ, что здѣсь его мозгъ работалъ свободнѣе, его воображеніе возбуждалось съ большей силой. Весь этотъ городской шумъ его не отвлекалъ, а скорѣе подстегивалъ воображеніе, и среди незнакомыхъ людей, сидящихъ возлѣ него, онъ чувствовалъ себя столь же изолированнымъ, какъ сосредоточась въ своемъ кабинетѣ. Но этотъ способъ работать имѣлъ и дурныя стороны; такъ иногда среди работы мысли кондукторъ, являвшійся за билетомъ, прерывалъ его фразой: «Votre place, monsieur!»

Сынъ Виктора Гюго, Шарль, часто бывалъ у Жюдитъ на обѣдахъ и вечерахъ. Живой, полный огня, двадцатилѣтній юноша вдругъ измѣнился: сталъ задумчивъ, сумраченъ, меланхоличенъ. Жюдитъ принялась допытываться о причинѣ такой переменны и добила его признанія. Онъ влюбился въ актрису театра Variétés Ози, бывшую любовницу герцога Омальскаго, но въ данный моментъ находившуюся въ связи съ богачемъ Брюлэ. Напрасно Жюдитъ уговаривала его забыть о ней, такъ какъ Ози не промѣняетъ своего богатаго поклонника на него—все напрасно. Онъ посылалъ ей стихи и одни изъ нихъ оканчивались:

Et la vice chez vous entre la tête haute
Quand mon amour est à genoux!

Ози наконецъ сдалась: пламя страсти Шарля охватило и ее. Она избавилась отъ Брюлэ, совершенно отдалась Шарлю, и хотѣла, чтобы онъ всегда былъ возлѣ нея. Когда за кулисами богатые люди лорнировали ее и выражали свой восторгъ, она называла ихъ грубѣянами или совсѣмъ имъ не отвѣчала, довольствуясь лишь фразой: «Гдѣ мой Шарль? Шарль! Шарль!»—бросалась къ нему на шею, покрывая поцѣлуями, а когда раздавались восклицанія,— «А! О!» присутствовавшихъ, она говорила: «Какъ они глупы!». Ея глаза, блестящіе отъ счастья, пожирали Шарля.

Съ момента ихъ сближенія Шарль сталъ не во время являться домой. Къ завтраку онъ опаздывалъ, ночью будилъ прислугу, впускаящую его домой. Викторъ Гюго разсердился, онъ догадывался, что въ жизни Шарля случилась перемѣна, но не углублялся далѣе, а ограничивался лишь мѣрами наказанія: онъ объявилъ, что лишаетъ бараньей котлеты на завтракъ того, кто опоздаетъ, и если онъ опаздывалъ, то ему давали только овощи. Однако такая угроза не подѣйствовала. Шарль рассказалъ объ этой мѣрѣ Ози, и она расхохоталась, а затѣмъ каждый разъ, какъ онъ собирался домой около 12 часовъ, она говорила: «Безъ сомнѣнія, ты меня любишь, но еще болѣе любишь твою котлету!» и Шарль оставался, чтобы доказать подругѣ, какъ онъ ее любитъ. Такимъ образомъ, онъ получалъ на завтракъ только овощи.

Но вотъ какъ-то на одномъ обѣдѣ Викторъ Гюго и Ози оказались сосѣдями. Едва тотъ ее увидѣлъ, какъ влюбился. Во время завтрака онъ сидѣлъ, какъ глухой, не слыша задаваемыхъ ему вопросовъ. Между прочимъ его спросили любить ли онъ баллады Гете, и влюбленный Гюго, не понимая вопроса, отвѣтилъ: «Да, дайте мнѣ ее еще и немного соусу». Онъ былъ совсѣмъ смущенъ, когда раздались взрывы хохота. Все его вниманіе было обращено на сосѣдку. Онъ ее смущалъ своей предупредительностью, такъ какъ всѣ знавшіе ея романъ съ Шарлемъ внимательно слѣдили за ними. Непривычный видѣть отпоръ со стороны красавицы, онъ очень обидѣлся, когда замѣтилъ, что на этотъ разъ ни на іоту не подвинулся въ своихъ ухаживаньяхъ. Его заинтриговало, чѣмъ объяснить, что такая незначительная актриса, безъ репутаціи, равнодушно относится къ его ухаживаньямъ. Онъ хотѣлъ ее забыть, но не могъ—и сталъ ее преслѣдовать пылкими стихами, которые она показывала Шарлю. Ози попрежнему оставалась непоколебима. Гюго предлагалъ ей поэмы, деньги, роли въ его драмахъ—ничего ее не соблазнило. Наконецъ страшно изстрадавшійся поэтъ посылаетъ ей слѣдующую записку: «Все! Я тебѣ отдамъ все... Требуй отъ меня, что хочешь! Что желаешь ты, чтобы я сдѣлалъ для тебя, жестокое дитя!» Тогда Ози отвѣтила лаконически: «Я хочу, чтобы вы возвратили ему котлету!» Эта маленькая фраза внезапно раскрыла глаза Гюго; только теперь онъ понималъ все и уступилъ мѣсто Шарлю, вернувъ ему и обычную котлету на завтракъ.

Жюдитъ суждено было два раза послужить причиной непріятности для Луи Бонапарта. Когда въ ноябрѣ 1851 г., наканунѣ государственнаго переворота, въ репертуарѣ Французской Комедіи находилась «Marion Delorme», Жюдитъ срывала рукоплесканія публики. Вскорѣ послѣ 2 декабря Викторъ Гюго подвергъ я изгнанію, и былъ отданъ приказъ снять съ репертуара его пьесы.

Жюдитъ была безутѣшна и рѣшила отправиться въ Елисейскій дворець къ принцу-президенту, съ просьбою отмѣнить принятую имъ мѣру. Она рассчитывала, что въ благодарность за оказанную ему услугу онъ исполнитъ ея желаніе. Принцъ встрѣтилъ ее добродушно, но держась, какъ обыкновенно, на извѣстной дистанціи. Онъ обѣщалъ ей не только исполнить ея желаніе, но даже пріѣхать на представленіе.

Еще въ началѣ спектакля Жюдитъ замѣтила въ публикѣ странное настроеніе. Въ срединѣ спектакля пріѣхалъ Луи Бонапартъ. Публика встрѣтила его жидкими рукоплесканіями, прерываемыми свистками. Затѣмъ все смолкло, но когда раздались стихи:

Sire, le sang n'est pas une bonne rosée
Nul moisson ne vient sur la grève arrosée

поднялась цѣлая буря. «Викторъ Гюго! Да здравствуетъ Гюго! Прочь тирана! Пръ чь убійцу! Убійца! Убійца!» Слово «убійца» сопровождало каждую реплику Жюдитъ. Она готова была, по ея признанію, провалиться сквозь землю, такъ какъ сама завлекла Луи Наполеона въ эту ловушку. Онъ досидѣлъ до конца пятого акта, когда упалъ занавѣсъ. Мертвенно-блѣдный принцъ ни однимъ мускуломъ не выдалъ своего нравственнаго состоянія, только его рука, лежавшая на бархатномъ бортьѣ ложи, нервно мяла перчатки. На другой день «*Magion Delormes*» была запрещена.

Второй случай произошелъ въ 1852 г. Основатель газеты «*Evénement*» Вакри, редакторъ Поль Меризъ и два сына Виктора Гюго были заключены въ Консьержери за противоразительныя статьи. Жюдитъ была ихъ другомъ и хотя знала, что тамъ имъ не такъ уже плохо и они могутъ собираться въ казематахъ, просторныхъ и даже комфортабельныхъ, все-таки хотѣла ихъ навѣстить. Выхлопотавъ у Карлье, сдѣлавшагося префектомъ полиціи, разрѣшеніе ихъ видѣть, она написала Вакри, что пріѣдетъ къ нимъ завтракать и назначила день. Въ назначенный для свиданія день, выходя изъ дома, она встрѣтила у своей двери принца Наполеона и пригласила его съ собой. «И вы хотите, чтобы я, Бонапартъ, отправился въ тюрьму и сѣлъ за одинъ столъ съ врагами принца-президента?» «Какъ вамъ угодно,—отвѣтила Жюдитъ.—Я васъ ни къ чему не приневоливаю...—До свиданія!» «Помимо всего, эти молодчики изъ «*Evénement*» пресвѣслые сотоварищи... Они мнѣ очень симпатичны»,—сказалъ Наполеонъ.— Они выказываютъ много смѣлости въ оппозиціи противъ моего кузена... Мнѣ хочется имъ это сказать. Въ самомъ дѣлѣ, почему мнѣ не поѣхать. Я не спрашиваю у Луи объ его сношеніяхъ, по какому праву онъ будетъ провѣрять мои». Они отправились. По дорогѣ Наполеонъ остановилъ экипажъ и послалъ грума закупить закусокъ, вина и шампанскаго. Завтракъ прошелъ безумно весело и шумно. Вакри, Меризъ и братья Гюго были въ красныхъ колпачкахъ, которые они какъ-то раздобыли, и такіе же колпачки надѣли Наполеону и Жюдитъ. Каждое блюдо, каждая бутылка вина сопровождалась пѣніемъ марсельезы. «За свободу», восклицалъ Вакри, поднимая стаканъ—и Наполеонъ чокался съ нимъ. «За смерть тирана!»—восклицалъ Меризъ.—Жюдитъ, мы рассчитываемъ на тебя, чтобы обезглавить этого новаго Олоферна!»

Сторожъ вошелъ предупредить, что во всѣхъ казематахъ слышны ихъ рѣчи и у двери собралась цѣлая толпа. Тогда принцъ Наполеонъ, уже пьяный, какъ и всѣ, не исключая Жюдитъ, наполнилъ бокаль шампанскимъ, вышелъ въ коридоръ и со словами: «За разрушеніе всѣхъ Бастилій!» осушилъ бокаль.

На другой день всѣ оппозиціонныя газеты были переполнены извѣстіями объ этихъ похожденияхъ. Тамъ говорилось, что отъ принца-президента отказываются даже родные, и его двоюродный братъ находится въ связи съ противниками государственнаго переворота. Луи Бонапартъ узналъ, что искусительницей Наполеона была Жюдитъ, и съ тѣхъ поръ питалъ къ ней непріязнь.

Въ 1853 г. состоялась свадьба Наполеона III съ Евгеніей Монтихо. «Разумѣется,—говоритъ Жюдитъ,—я не хвастаюсь, что почти подготовила этотъ бракъ, но, быть можетъ, я не была совершенно этому чужда». Около 1847 г. одинъ ея пріятель, испанецъ графъ Гальвъ, говорилъ ей о своей родственницѣ, очень красивой особѣ, графинѣ Теба, иначе графинѣ Монтихо, которая желала бы слѣдить за парижскими модами, и Жюдитъ взялась доставлять ей рисунки туалетовъ, а иногда даже прилагала свои замѣчанія. Такъ она года два доставляла будущей императрицѣ Франціи свѣдѣнія о модахъ. «Такимъ образомъ, говоритъ Жюдитъ, она научилась черезъ меня парижскому изяществу, которое доставило ей тронъ». Болѣе того, Евгенія исправляла портреты Жюдитъ, привезенный графомъ Гальвомъ въ Испанію и попорченный въ пути. Нѣкоторое время спустя графъ пріѣхалъ въ Парижъ и при свиданіи съ Жюдитъ сообщилъ ей, что его *belle gousse* (рыжая красавица), какъ онъ ее называлъ, не могла устоять противъ желанія блеснуть въ Парижѣ и пріѣхала сюда. «Это опредѣленіе *gousse*, рыжая, удивить тѣхъ, кто можетъ вспомнить восхитительные бѣлокурые волосы императрицы,—говоритъ Жюдитъ.—Но это потому, что она не всегда была блондинка, а такъ какъ огненно-рыжій цвѣтъ ея волосъ давалъ грубый тонъ, который вредилъ ея красотѣ, то она опять обратилась къ своему двоюродному брату для исправленія этого недостатка, а тотъ снова—ко мнѣ. Я нашла нѣкоего Феликса, настоящаго артиста по волосной части, который владѣлъ чудесными секретами дѣлать краски. Я ему сказала, чтобы онъ отправился къ графинѣ Теба и, благодаря его заботамъ, волосы Евгеніи Монтихо приобрѣли этотъ чудесный блѣдно-золотистый оттѣнокъ, который приводилъ въ восторгъ ея современниковъ и околдовалъ Наполеона III. Такимъ образомъ, конечно, благодаря мнѣ, пославшей ей Феликса, графиня Теба стала женою императора. Вы мнѣ скажете, что краска не сдѣлаетъ императрицы, а вспомните носъ Клеопатры». Если бы этотъ дьявольскій носъ былъ иной, пишетъ Паскаль, міровой ходъ исторіи измѣнился бы...»

Жюдитъ утверждаетъ, что герцогъ Рейхштадтскій былъ отравленъ по приказу Меттерниха, и приводитъ слѣдующія слова принца Наполеона. Онъ принесъ ей слѣпокъ маски герцога Рейхштадтскаго и въ разговорѣ замѣтилъ: «Разсказываютъ, что сынъ Наполеона ослабѣлъ отъ неумѣренной любви къ Фанни Эльслеръ и умеръ отъ чахотки, которая ему уже угрожала нѣкоторое время. Въ дѣйствительности же австрійскій императоръ, почувствовавъ нѣжность къ внуку, не хотѣлъ вѣчно держать его въ уединеніи и рѣшилъ обучить военному ремеслу, которое вдругъ опьянило герцога. До тѣхъ поръ Меттернихъ

держалъ его на случай, какъ пугало противъ Луи-Филиппа. Если бы тотъ не далъ ему всѣхъ гарантій мирнаго соглашенія съ Австріей, то онъ угрожалъ бы ему возстановленіемъ Наполеоновъ. Но соглашеніе состоялось между австрійскимъ дворомъ и французской монархіей, и герцогъ Рейхшпгадтскій былъ бесполезенъ для дипломатическихъ расчетовъ, а внезапное пробужденіе вкуса принца къ военному ремеслу становилось опасно для Европы—и Меттернихъ произнесъ свой приговоръ. Объ этомъ преступленіи Наполеону рассказала принцесса Стефанія Баденская, двоюродная сестра Наполеона I. У нея служила горничная, которую она очень любила и даже дала ей хорошее приданое, когда та выходила замужъ за извѣстнаго въ Австріи зубного врача. Нѣсколько времени спустя, эта женщина серьезно захворала и, умирая, потребовала, чтобы принцесса Стефанія пришла къ ея смертному одру и выслушала важное принаніе. Когда великая княгиня Баденская пришла, то умирающая сказала ей: «Вамъ, несомнѣнно, интересно знать правду о смерти герцога Рейхшпгадтскаго; вѣдь онъ принадлежалъ къ вашей семьѣ. Вы измѣните ваше поведеніе относительно нѣкоторыхъ лицъ, согласно моему предупрежденію. Мой мужъ убилъ сына Маріи Луизы. Онъ самъ мнѣ въ этомъ признался; онъ лечилъ зубы молодого герцога. Однажды князь Меттернихъ позвалъ его къ себѣ и говорилъ съ нимъ безъ свидѣтелей. Онъ спросилъ его, не можетъ ли онъ посредствомъ нѣсколькихъ ядовитыхъ уколовъ въ десны, распределенныхъ по крайней мѣрѣ на годъ, медленно убить сына Наполеона. Такимъ образомъ смерть произойдетъ какъ будто отъ медленной болѣзни. Въ награду онъ обѣщалъ его обогатить. Мой мужъ принялъ эту позорную сдѣлку и исполнилъ все. Вотъ что я вамъ повѣдаю. Въ моментъ, когда я расстаюсь съ жизнью, я хотѣла облегчить свою совѣсть отъ тайны, которую къ ужасу она скрывала».—«Великая княгиня Стефанія,—прибавилъ Наполеонъ,—была очень правдива, и я не могу сомнѣваться въ ея повѣствованіи».

Жюдитъ знала Александра Дюма съ первыхъ дебютовъ въ театрѣ. Онъ являлся всѣмъ такимъ богомъ театра, такой символической личностью, что въ ту эпоху, кто не видѣлъ его, тому чего-то не хватало. Это былъ настоящій циклонъ веселья, фантазій и преданности къ тѣмъ, кто былъ ему симпатиченъ. Когда онъ чувствовалъ къ кому-нибудь расположеніе, то сейчасъ же дѣлался его другомъ, говорилъ ему «ты», обнималъ его, водилъ на обѣды къ друзьямъ и, казалось, что будто онъ давно былъ вашимъ другомъ. Дюма былъ такъ популяренъ, что при видѣ его лица всѣхъ прояснялись. Его гостепріимство было замѣчательно: къ нему являлись прямо съ улицы, кто хотѣлъ, завтракали, обѣдали и даже ночевали у него. Онъ такъ былъ снисходителенъ и равнодушенъ къ этому, что никогда не протестовалъ. Но однажды онъ вышелъ изъ терпѣнія отъ подобной разнузданности. Вообще отличаясь во всемъ необыкновеннымъ аппетитомъ, онъ какъ-то возвращался домой въ сопровожденіи двухъ знакомыхъ нимфъ, попавшихся ему въ пути и съ которыми онъ рассчитывалъ обѣдать. Но къ своему удивленію, онъ услышалъ, что въ столовой происходитъ дикое веселье. Онъ потребовалъ у слуги объясненіе. Тотъ отвѣтилъ, что это родственники, не дождавшись его возвращенія, сѣли безъ церемоніи за столъ. «Родственники?—проворчалъ Дюма.—Не знаю такихъ во Франци». «Они не здѣшніе.

Они прѣхали съ острова— «Съ какого острова? Чортъ возьми! Что означаютъ всѣ эти шутки?» Онъ открылъ дверь и увидѣлъ цѣлое общество негровъ, какихъ только можно себѣ вообразить, начиная со старыхъ и кончая ребятами, толстыми женщинами съ красными губами и съ разноцвѣтными фулярами на головахъ. Когда Дюма появился, раздалась восклицанія; негрятя полѣзли на него, мужчины душили его въ объятіяхъ, женщины хватили его за фалды и цѣловали руки. И все это покрывалось восклицаніями: «Cousin! Cousin! bonjour cousin! Cousin Lixandre! Cousin Dimas! Мы прѣхали изъ Санъ-Доминго, чтобы видѣть кузена». Затѣмъ старики принялись объяснять степень своего родства. Когда все выяснилось, то оказалось, что одинъ Барнумъ привезъ негровъ для участія въ какой-то пантомимѣ и они явились къ Дюма. Бѣдный романистъ почесалъ затылокъ при мысли: «что ему дѣлать съ этими макаками?» Онъ объявилъ, что не можетъ съ ними обѣдать и предоставляетъ имъ однимъ пить и ѣсть сколько хотятъ. Но не такъ-то легко было отдѣлаться отъ негровъ, рѣшившихъ на другой день завтракать вмѣстѣ съ кузеномъ Дюма. Кровь негра мѣшала Дюма прямо вытолкать ихъ изъ дома, онъ хотѣлъ сдѣлать это такъ, чтобы имъ самимъ противно было къ нему приходиться. Весь вечеръ эта мысль не давала ему покою и отравила ожидаемое наслажденіе въ обществѣ двухъ хорошенькихъ спутницъ. Несмотря на богатую фантазію, Дюма ничего не могъ придумать. Наступило утро, и онъ ушелъ изъ дому въ 11 ч. Проходя по одному изъ бульваровъ, онъ увидѣлъ походный звѣринецъ и тутъ его озарила счастливая мысль. «Вотъ мое спасеніе!» воскликнулъ онъ и пригласилъ укротителя съ двумя медвѣдами къ себѣ на домъ въ двѣнадцать часовъ. Консьержъ и слуги взволновались, но всѣмъ было извѣстно, что у Дюма являются разныя фантазіи и отъ него можно ожидать всего. Завтракъ былъ богато сервированъ, столъ убранъ фруктами и цвѣтами, какъ ежедневно. Укротитель съ двумя медвѣдами помѣстился въ столовой. Негры были встрѣчены страшнымъ воемъ. Негритенки, переступивъ порогъ, сразу остановились, матери же, не разобравъ, въ чѣмъ дѣло, подталкивали ихъ впередъ. Страшные крики на весь кварталъ раздавались въ квартирѣ Дюма. Отцы и матери, стараясь успокоить дѣтей, поглядывали то на страшныхъ звѣрей, то на соблазнительно сервированный столъ. Имъ хотѣлось и подойти къ нему и въ то же время они не смѣли. Вдругъ одинъ изъ медвѣдей всталъ на заднія лапы и сталъ къ нимъ приближаться. Поднялась страшная паника. Всѣ бросились бѣжать, издавая дикіе крики. И больше не возвращались. Такимъ способомъ Дюма избавился отъ своихъ санъ-домингскихъ родственниковъ.

Онъ отличался необыкновеннымъ кулинарнымъ талантомъ. Какъ-то у Жюдитъ собрались на обѣдъ литераторы. Вечеромъ завязалась бесѣда, затянувшаяся далеко за полночь. Всѣ проголодались; прислугу Жюдитъ отпустила спать и теперь не знала, какъ ей поступить. Наконецъ она откровенно призналась Дюма, въ какомъ она находится затруднительномъ положеніи. Дюма отправился самъ на кухню, гдѣ Жюдитъ открыла ему шкафъ съ провизіей и онъ принялся хозяйничать. Между прочимъ въ буфетѣ онъ нашель сырого зайца и, приготовивъ его, подалъ въ шкуркѣ, въ сидячемъ положеніи, державшимъ въ лапкахъ морковь. При видѣ шкурки всѣ воскликнули: «но онъ сырой!» Тогда Дюма распо-

роль шкурку и заяц оказался прекрасно зажареннымъ. По словамъ Жюдитъ, она во всю жизнь не ѣла зайца такъ вкусно приготовленнаго и съ такимъ чуднымъ соусомъ. Когда Дюма спросили, гдѣ онъ научился поварскому искусству, то онъ отвѣтилъ шутливо: «Развѣ литература и кухня не сестры-близнецы, а классическій или романтическій рецепты? Развѣ не имѣютъ всѣ писатели кулинарной формулы, чтобы заправлять свои блюда. Развѣ не говорятъ о нѣкоторыхъ нашихъ сочиненіяхъ, что въ нихъ слишкомъ много соуса и что они чрезчуръ разжижены? Не восторгаются ли другими сочиненіями за ихъ смачность и соль? Не порицаютъ ли нѣкоторыхъ изъ насъ, что мы подаемъ всегда подогрѣтое. Мое мнѣніе, что требуются совершенно одинаковыя качества, чтобы держать перо и ручку сковороды. Однимъ словомъ я сожалею, что хорошій поваръ не пользуется уваженіемъ одинаковымъ съ романистомъ; и я болѣе горжусь, когда przygotowляю хорошій соусъ, чѣмъ когда напишу хорошую страницу романа. Вѣдь литература та же сырая говядина... если бы гениі не отвратились отъ кухни той небольшой славой, которую они собираютъ, посмотрите—какой удивительный прогрессъ можно было бы ожидать отъ этого благодѣтельнаго искусства. Если бы Корнель, Расинъ, Мольеръ и Вольтеръ примѣнили бы ихъ чудесныя способности къ изобрѣтенію новыхъ блюдъ, какую божественную радость доставило бы себѣ человѣческое лакомство. Увы! Глупость общественнаго мнѣнія, презирающаго поваровъ, безъ сомнѣнія, лишила бѣдныхъ смертныхъ большого удовольствія, которое могло бы ихъ утѣшить во многихъ горестяхъ.

— Онъ правъ,—воскликнулъ Теофилъ Готье.—Пусть онъ поклянется заниматься только кухней, я же поклянусь служить ему вѣчно неудачнымъ поваренкомъ!

У Александра Дюма бывало всегда по нѣсколько любовницъ. Одна изъ нихъ была главная фаворитка, пользовавшаяся въ данный моментъ его предпочтеніемъ. Конечно, авторъ, подобный Дюма, какъ медь пчелъ, привлекалъ всѣхъ актрисъ, чаявшихъ получить роль, и онѣ сами за нимъ ухаживали. Помимо того это былъ живой, пылкій, полный силы человѣкъ, который пользовался бы у женщинъ успѣхомъ и не будучи писателемъ. Когда главная фаворитка попала въ ревнивая, то сцены ревности были самыя бурныя и частыя. Особенно отличалась въ этомъ отношеніи г-жа Персонъ, завладѣвшая на продолжительное время сердцемъ Дюма. Онъ всегда выжидалъ, когда пройдетъ буря, зная, что отвѣчать женщинѣ, когда она разгнѣвана, значитъ подливать масло въ огонь. Особенно она ревновала его къ одной актрисѣ Изабеллѣ Констанъ. Ей приходилось заставлять ихъ въ рискованномъ положеніи, но Дюма ловко выворачивался, говоря, что они проходятъ роль. Однажды она застала ихъ въ такомъ рискованномъ положеніи, что трудно было подыскать подходящую сцену изъ какой-либо пьесы. Тогда г-жа Персонъ закричала: «Это тоже изъ твоей пьесы?»—«Да,—отвѣчалъ Дюма,—изъ «Mademoiselle de Belle Isle» любовная ночь герцога Ришелье... Этого въ текстѣ нѣтъ, но мы играемъ... антрактъ».

Особенно забавны были, по словамъ Жюдитъ, отношенія между отцомъ и сыномъ въ 1854—55 гг. Оба были въ славѣ и нѣжно любили другъ друга, но сынъ относился къ отцу скорѣе, какъ отецъ, а Александръ Дюма, какъ сынъ.

Опытъ заставилъ сына Дюма ранѣе созрѣть, тогда какъ отецъ оставался мальчишкой. Неисправимый ловеласъ, онъ безпрестанно повѣрялъ сыну свои похужденія, и тотъ нѣжно пробиралъ его, указывая, что тотъ портитъ свою репутацію. Онъ пугалъ отца тѣмъ, что его не примутъ за это въ академію и ему предстоитъ изнемогать отъ работы, но никогда не наполнить пропасти своихъ долговъ.

— Ты правъ, Александръ,—отвѣчалъ отецъ.—Объщаю тебѣ и клянусь, что съ будущаго понедѣльника мое поведеніе будетъ образцовымъ, но въ данный моментъ у меня начата одна идиллія, которую надо окончить: нѣтъ ли у тебя двадцати пяти луидоровъ?—Сынъ безпрекословно давалъ ему деньги, и, конечно, эти маленькія идилліи цѣплялись одна за другую, все болѣе отдаляя знаменитый понедѣльникъ. Какъ-то сынъ неожиданно получилъ брильянтоваыя серьги, при которыхъ находился уплаченный счетъ, такъ какъ иначе Дюма никто не вѣрилъ, какъ плохому плательщику. Сынъ догадался, что перепутали адресъ. «Не человѣкъ, а бѣсъ,—прошепталъ онъ.—Серьги въ 4000 франковъ, а слуги ждутъ жалованье». И онъ заперъ серьги въ свой столъ. На другой день прибѣжалъ отецъ. «Не получилъ ли ты серегъ?»—Серегъ?—спросилъ сынъ.—«Да, ювелиръ вручилъ ихъ тебѣ по ошибкѣ; надо было отнести ихъ ко мнѣ».—«Дорогой папочка,—сказалъ сынъ самымъ серьезнымъ тономъ:—я не хочу тебѣ лгать. Правда, я получилъ серьги».—«Верни же ихъ мнѣ».—«Но у меня ихъ болѣе нѣтъ».—«У тебя нѣтъ?»—«Я зналъ твою отцовскую снисходительность. Быть можетъ, я поступилъ неделикатно, но когда вчера я получилъ серьги, то находился въ ужасномъ затруднительномъ положеніи... карточный долгъ... И я продалъ серьги».—«Скотина!» воскликнулъ Дюма и принялся упрекать сына за страсть къ игрѣ. Затѣмъ разсерженный ушелъ, угрожая, что не хочетъ его болѣе видѣть. Прошла недѣля, и Дюма-отецъ опять пришелъ къ сыну, находясь въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ, и сынъ вернулъ ему серьги для заклада. Дюма отличался необыкновенной силой и говорилъ, что можетъ честно заработать хлѣбъ, одѣвшись въ розовое трико и на публичной площади, показывая свою силу.

О своемъ знакомствѣ съ поэтомъ Мюссе Жюдитъ сохранила тяжелое воспоминаніе. Когда впервые она имѣла съ нимъ личныя сношенія, ему было тридцать семь лѣтъ, но съ виду ему можно было дать около шестидесяти, настолько его черты исказились, глаза потускнѣли и походка измѣнилась. Тогда уже выяснилось, что у него образовалась болѣзнь сердца отъ пьянства и разврата, унесшая его въ могилу черезъ десять лѣтъ. Былъ ли онъ красивъ, Жюдитъ не знаетъ, но судя по портретамъ —красивъ. Въ тотъ же моментъ онъ былъ дурень и надо было имѣть много рѣшимости, чтобы рѣшиться принять ухаживанья этого поэта любви. Къ ней онъ пришелъ для прочтенія ей роли Матильды въ его «Carpis». При видѣ этой развалины Жюдитъ съ удивленіемъ вспомнила объ его романѣ съ Жоржъ-Зандъ. Правда, когда немного позже она имѣла случай видѣть близко Жоржъ-Зандъ, то ее также поразило ся мужское безобразное лицо.

«Видя предъ собой этого кошмарнаго Мюссе,—говоритъ Жюдитъ,—я подумала объ ужасномъ отмщеніи, какимъ природа преслѣдуетъ тѣхъ, кто злоупотребляетъ ея удовольствіями. Человѣкъ, еще жившій въ памяти всѣхъ, какъ сим-

воль чувственнаго сладострастія и любовнаго безумства, стояль предо мною съ дрожющими руками, слюнявымъ ртомъ, скрежеща зубами, сгорбленный и по временамъ конвульсивно вздрагивая всѣмъ тѣломъ. Безобразный призракъ вчерашняго побѣдителя!»

Прежде, чѣмъ начать чтеніе, онъ попросилъ у Жюдитъ выпить. Она указала ему на бутылку пива, которую для него приготовила. Онъ нашелъ, что пиво слишкомъ для него приторно. Она предложила рому, но онъ объявилъ ей, что его мысли лишь тогда просвѣтляются, когда онъ выпьетъ абсента. Она послала за абсентомъ. Тогда Мюссэ, наполнивъ стаканъ на половину ромомъ, дополнилъ его абсентомъ. Онъ пилъ эту отвратительную смѣсь и читалъ. По мѣрѣ того, какъ онъ пилъ, его дикція становилась горячѣе и менѣе вялая. По словамъ Жюдитъ, его даже пріятно было слушать, если бы не скрежетаніе зубовъ. Онъ попросилъ Жюдитъ провести нѣсколько сценъ и подаль реплику. «Матильда, я думаю, красивая фигура,—сказалъ онъ.—Она нѣжна, она страдаетъ молча въ одиночествѣ, оставленная мужемъ. Она трогательна въ своемъ горѣ. Вы хорошо сыграете ее потому, что вы влюбчивая женщина».

— Право, г. Мюссэ, если вы считаете меня влюбчивой, вы ошибаетесь. Я всегда господствовала надъ своимъ сердцемъ; я озабочена только своимъ искусствомъ и считаю любовь довольно пошлымъ занятіемъ.

Вдругъ Мюссэ разгорячился. «Несчастная,—воскликнулъ онъ,—вы клеветаете на любовь. Подумали ли вы, что говорите. Любовь, да въдъ это единственная цѣль существованія. Любить—это равняется Богу. Не знаю, поймете ли вы меня? Любить—это уничтожать преграды, которыя плоть противопоставить уму. это выходить изъ самого себя, чтобы жить въ другомъ, и здѣсь-то начало единенія душъ. Развѣ вы не видите, что когда два любовника вмѣстѣ и всѣ ихъ чувства проникнуты другъ другомъ, когда всѣ ихъ мысли становятся общими, то совершается высшее чудо. Почему это опьяненіе, когда любятъ? Вы думаете, что это только чувственные восторги. Это—человѣкъ возвышается надъ своей природой. Если существуетъ что-нибудь безсмертное въ насъ, то это наша любовь. Это власть, которую мы чувствуемъ выше смерти, и когда кончина раздѣляетъ любящую пару, пережившій ни минуты не сомнѣвается, что онъ отыщетъ любимое существо, котораго на время лишился. Никакая душа не должна торжествовать надъ смертью, какъ только ради любви, какую она выкажетъ въ этой жизни. Любовь это истинная молитва, единственная религія человѣка! Любить, это побѣдить вѣчность!»

Жюдитъ скептически улынулась и Мюссэ съ гнѣвомъ произнесъ: «Жидовка! Жидовка! Я очень ошибся, сказавъ, что вы влюбчивая. Вы не можете понять любви, потому что вы не христіанка. Вы не слышали словъ Бога, который приказалъ намъ любить и изъ любви самъ умеръ на крестѣ».

«Въ этихъ словахъ, говоритъ Жюдитъ, вылился тотъ странный мистицизмъ, какой примѣшивается во всѣхъ стихахъ Мюссэ, выражающихъ физическія наслажденія, его полетъ къ вѣрѣ, его анаэму Вольтеру и всѣ странныя теоріи, отождествляющія плотскую любовь съ религіозной».

— Какая бы жидовка я ни была, но мнѣ хорошо извѣстно, что такое христіанство. Я глубоко восторгаюсь его отреченіемъ. Но какое отношеніе между

красотою жертвы и животной пылкостью нѣкоторыхъ любовниковъ, ихъ ссорами, насиліями, измѣнами и прочими ихъ низменными чувствами. И право, г. Мюссе, вы очень унижаете христіанство, давая ему постель вмѣсто алтаря.

— Умоляю васъ,—сказалъ онъ серьезнымъ голосомъ:—не кощунствуйте надъ любовью. Даже въ менѣ всего благородной страсти есть моменты, когда любовники забываются, дѣйствительно отдаются другъ другу, когда они искренно клянутся въ вѣчной вѣрности, и здѣсь-то небесный лучъ среди ночи. Что затѣмъ они лгутъ, ошибаются, мучаютъ другъ друга—это, безъ сомнѣнія, ужасно, но идеаль имѣть свою долю въ ихъ объятіяхъ. А страданіе развѣ не благодѣяніе для души? Развѣ не въ горѣ она возвышается. Когда любовникъ чувствуетъ, что онъ не заслужилъ мученія и что онъ прощаетъ и благословляетъ свои страданія и продолжаетъ любить—не похоже ли это на божественное распятіе.

Все это онъ произнесъ съ воодушевленіемъ, немало возбужденный большимъ количествомъ абсента. Но, по словамъ Жюдитъ, его слова часто исходили изъ глубины сердца. На ея замѣчаніе, что онъ, вѣроятно, много страдалъ, Мюссэ отвѣтилъ: «О, грязныя женщины! грязныя женщины. Онѣ превратили меня въ лохмотья. У нихъ нѣтъ великодушія. Онѣ рѣдко любятъ. Думаютъ, что онѣ отдаются—онѣ сберегаютъ себя. Но онѣ такъ хорошо умѣютъ обезьяничать, изображая нѣжность, что попадаешься и охотно для нихъ умрешь. Имъ отдаешься съ вѣрою маленькаго ребенка. И въ этотъ самый моментъ онѣ мечтаютъ о поцѣлуѣ другого. Наше тѣлесное сердце обливается кровью отъ прикосновенія съ ихъ каменнымъ сердцемъ. Я ни о чемъ не сожалѣю,—продолжалъ онъ:—я по крайней мѣрѣ любилъ. Все равно, что онѣ мнѣ дѣлали, онѣ давали мнѣ случай любить и страдать, страдать... Едва излечившись отъ смертельныхъ ранъ, причиненныхъ одной, я отдавался другой съ той же довѣрчивостію и она поступала со мной столь же жестоко, какъ предыдущая. И все-таки я никогда не сомнѣвался въ любви. Она меня разбила, уничтожила, заставила искать забвеніе въ нездоровыхъ возбужденіяхъ. И все-таки я не переставалъ вѣрить въ нее. Я продолжалъ думать, что даръ сердца самый благородный на свѣтѣ. Впрочемъ, мои испытанія не были бесплодны, потому что я ихъ воспѣлъ, а Муза никогда не бываетъ такъ прекрасна, какъ съ глазами полными слезъ.

— Да,—отвѣтила Жюдитъ,—ваши стихи блестящи и вы за нихъ дорого заплатили.

— Искусство, мое дитя, никогда дорого не оплачено. Стыдъ боязливому писателю, опасющемуся жить и собирать опытъ. Его произведенія не могутъ быть иначе, какъ гусклыми, фальшивыми. Онъ празднуетъ и радости, и муки жизни, не переживувавъ ихъ. Я по-королевски истратилъ мою жизнь, чтобы задать пиръ себѣ подобнымъ. Думаю, что они сохраняютъ ко мнѣ кое-какую признательность.

Произнося послѣднія слова молча онъ какъ бы преобразился. Его лицо сдѣлалось лучезарно. «Я восторгалась, великимъ поэтомъ, владыкой ума,—говоритъ Жюдитъ,—добровольно сжегшимъ свой дворецъ для предоставленія прекраснаго зрѣлища другимъ людямъ».

Къ сожалѣнiю, эта гениальная лихорадка скоро погасла. Мюссэ не переставалъ пить. Вдругъ онъ съ силою ударилъ по столу рюмкой и разбилъ ее. Въ то же время онъ пристально устремилъ глаза въ пространство, какъ будто разсматривалъ тамъ человѣческую форму. Жюдитъ стало страшно. Самъ Мюссэ находился въ ужасѣ.

«Видите ли вы его?»—«Кого?»—онъ повернулъ къ Жюдитъ глаза и расхохотался, объяснивъ, что у него бываютъ галлюцинаціи. «Впечатлѣніе слишкомъ сильно и такъ реально,—сказалъ онъ:—что я не могу воздержаться отъ дрожи... Предо мною является нѣчто вродѣ призрака. Это я, но, пожалуй, еще старше, мертвенно блѣдный, съ провалившимися глазами, какъ будто я умеръ. Вотъ я думалъ, что чокаюсь съ нимъ, и моя рюмка разбилась... Простите».

Онъ издалъ какой-то хрипъ и сказалъ: «Мнѣ очень холодно. Мнѣ кажется, что леденящая кровь приливаетъ отъ ногъ къ сердцу». Его зубы стучали. Жюдитъ принесла одѣяло и помогла ему лечь на диванъ. Все это ее и безпокоило, и стѣсняло. Было два часа ночи и ея камеристка легла спать. Она укрыла какъ можно лучше Мюссэ. Онъ молчалъ, потомъ чрезъ нѣсколько минутъ сказалъ, что ему лучше и кризисъ миновалъ. Онъ просилъ оставить его спать на диванѣ. Онъ не въ силахъ былъ итти. Изъ человѣколюбія Жюдитъ разрѣшила несчастному поэту ночевать и удалилась спать, предварительно заперевъ за собой дверь на ключъ и унеся съ собой изъ предосторожности остатки абсента.

Среди прочихъ воспоминаній, Жюдитъ рассказываетъ о знаменитыхъ супругахъ Маріо и Джуліа Гризи. Оба они нѣжно любили другъ друга, но какъ артисты питали другъ къ другу страшную зависть. Они шѣли вмѣстѣ и старались перещеголять одинъ другого. Но, когда Маріо срываетъ болѣе рукописаній, чѣмъ Гризи, то она царапала его за кулисами или давала пощечины. Когда же на ея долю выпадалъ большой успѣхъ, онъ ее трясъ какъ грушевое дерево, но это не измѣняло ихъ супружескихъ чувствъ.

Г-жа Жюдитъ оканчиваетъ свои воспоминанія Гамбетой, съ которымъ ей приходилось встрѣчаться, а черезъ него съ г-жею М., его подругой. Отъ великаго до смѣшного одинъ шагъ и съ Гамбетой во время серьезныхъ переговоровъ Национальной защиты съ делегатами Кремье, Глэ-Бизорень и адмираломъ Фуришономъ произошелъ комичный случай. Во время войны 1870 г. г-жа М. присоединилась въ Турѣ къ Гамбетѣ. Однажды утромъ, когда она находилась въ его комнатѣ еще въ постели, ему доложили о приходѣ делегатовъ. Г-жа М. выйти не могла незамѣченной, а ея репутація, также какъ и диктатора, требовала, чтобы ея присутствие не обнаружилось. Она надвинула на себя изголовье, чтобы ее не видѣли. Среди разговора одинъ изъ делегатовъ, ходившій по комнатѣ, облокотился на кровать и безсознательно сталъ опускаться, желая сѣсть на постель. Г-жа М. пережила страшныя минуты. Гамбета, замѣтивъ происходившее, подошелъ къ делегату и незамѣтно оттолкнулъ его въ другую сторону, а самъ всталъ передъ постелью и такъ простоялъ, пока не удалились делегаты.

Карьера Жюдитъ окончилась не столь блестяще, какъ карьера Рашель. Подруга принца Наполеона, она съ нимъ разошлась, а въ 1859 г. вышла замужъ и, по ея словамъ, была не настолько счастлива, чтобы упоминать подробно о

своей жизни. Материально она была, очевидно, мало обеспечена, так на лечение ее ребенка у нея не хватало средств и в ее пользу устроили спектакль Сара Бернар и прочие артисты. Она и в настоящее время интересуется театром, находя, что сцена имеет притягательную силу, против которой трудно устоять.

— Смерть Ньюнса, Кокса, лорда Спенсера, Гольмана Гунта, Килома Микшата, Скиапарелли, Кайнца, Оливье, Вандаля, Фремье. — Англия за последнее время потеряла несколько своих лучших сил из литературного, художественного и политического мира эпохи Виктории. В конце июня в Линтон (Девоншир) скончался от диабета пятидесяти девяти лет один из главных английских журналистов, сэр Джордж Ньюнс. Его отец, скромный пастор, не мог дать ему университетского образования, и он ограничился обучением в городских школах Лондона. Затем Ньюнс поступил в один большой магазин модных вещей в качестве ученика и через несколько лет сделался управляющим одного его отделения в Манчестере. Однажды вечером, читая с женою «Manchester Evening News», ему бросился в глаза заголовок одной статьи «That's what scall a real tit-bit», что можно назвать в переводе лакомым кусочком. Ему мгновенно явилась мысль основать журнал, который состоял бы только из лакомых кусочков — и через год появился «Tit-Bits», который через два часа после своего появления насчитывал уже до 5000 подписчиков. Сначала новый журнал расходился только в Манчестере, но потом мало-помалу он распространился по всей стране. Особенно много способствовали его популярности премии в виде мебели, домов, а впоследствии страхования жизни всех подписчиков «Tit-Bits». С этой целью редакция вошла в сделку с страховым обществом, чтобы всем жертвам железнодорожных катастроф, у которых во время несчастия находился в руках номер «Tit-Bits» того дня, выдавалась пенсия, а в случае их смерти наследникам. Такой успех предприятия соблазнил Джорджа Ньюнса основать еще другой журнал «Strand Magazine». Когда же «Pall-Mall Gazette» в 1893 г. перешла в руки консерваторов, Ньюнс основал для защиты либеральных идей «Westminster Gazette», сделавшуюся быстро самой распространенной газетой и принесшей своему хозяину титул баронета. Вступив в 1835 г. депутатом Ньюмаркета, он с 1900 г. являлся представителем Сванской коллегии. Свое громадное состояние Ньюнс роздал самым щедрым образом с благотворительной целью на украшение своей общины, на спорт, на ученые исследования. Он выдал широкую субсидию на исследования южного полюса, а Девонширу подарил много деревенских железных дорог.

— В конце июня в Лондоне скончалась одна из жертв науки и будущей пользы человечества — Парри Кокс. Это был редкий по упорству тип ученого,

который, разъ задавшись цѣлью, достигалъ ея во что бы то ни стало. Самые опасныя опыты съ радіемъ не пугали его; уже нѣсколько разъ онъ расплачивался за свою смѣлость. Одинъ разъ, при производствѣ опыта съ тѣмъ же радіемъ, у него заболѣла рука, и врачи были принуждены ампутировать ему сначала три пальца на лѣвой рукѣ, потомъ два пальца на правой. За два дня до смерти онъ ослѣпъ, а въ день смерти дѣлалъ опытъ примѣненія радія къ леченію болѣзни и былъ убитъ его излученіемъ.

— 12 августа въ Лондонѣ скончался старѣйшій лидеръ либеральной партіи въ палатѣ лордовъ, семидесятилѣтній лордъ Спенсеръ. Онъ родился въ 1835 г. и былъ пятымъ графомъ Спенсеромъ. Въ молодости онъ состоялъ пажомъ сначала принца-консорта, а затѣмъ принца Уэльскаго. Послѣ блестящихъ придворныхъ должностей графъ перешелъ къ политической дѣятельности. Болѣе пятидесяти трехъ лѣтъ прошло, какъ городъ Ноземптонъ избралъ его представителемъ въ палату общинъ, и съ тѣхъ поръ онъ всегда находился на видномъ мѣстѣ: два раза былъ вице-королемъ Ирланди съ 1869—1874 г., лордомъ-президентомъ совѣта съ 1882—85, первымъ лордомъ адмиралтейства съ 1892—1895 и, наконецъ, лидеромъ партіи либераловъ въ верхней палатѣ со времени смерти лорда Кимберлея. Не всегда удача благоприятствовала ему, какъ руководителю либеральной партіи, и два раза онъ принужденъ былъ оставлять бразды правленія: первый разъ во время отставки Гладстона, а во второй, при его счастливомъ соперникѣ графѣ Розбери. Въ этой двойной неудачѣ прежде всего принимали участіе ирландцы, отмстившіе ему за ту строгость, съ какою онъ примѣнилъ *stines act* къ ирландскимъ агитаторамъ на другой день покушенія въ Фениксъ-паркѣ въ Дублинѣ. Его мѣры вызвали страшный взрывъ негодованія въ ирландской прессѣ и въ особенности въ «United Irland» О'Бриена. Съ тѣхъ поръ онъ сталъ видной фигурой въ парламентѣ. Но когда улеглись эти воспоминанія, то его считали уже слишкомъ имперіалистомъ для современнаго британскаго радикализма. Онъ скончался въ такой моментъ, когда либералы болѣе всего въ немъ нуждались. Обладая обширной земельной собственностью, онъ былъ неудачнымъ земледѣльцемъ, но зато въ его замкѣ Альторнъ была рѣдкая, знаменитая библіотека, которую нѣсколько лѣтъ тому назадъ онъ продалъ за 5 милліоновъ.

— 7 сентября художественный міръ лишился крупной фигуры въ англійскомъ искусствѣ XIX вѣка и послѣдняго изъ основателей прерафаэлитизма, Вильяма Гольмана Гунта. Онъ родился въ 1827 г., и впервые выставилъ свои картины въ 1846 г., начавъ съ сюжетовъ, взятыхъ изъ прославившихся романовъ или поэмъ своей эпохи. Затѣмъ стали появляться картины религіознаго и даже мистическаго характера, обезпечившія ему славу. Самою знаменитою изъ нихъ была: «Свѣточъ міра», находящаяся въ данный моментъ въ Kelle College въ Оксфордѣ, вызвавшая со стороны Рескина цѣлую серію восторженныхъ и объяснительныхъ писемъ въ «Times». Его картины находятся во мно-

гих провинціальныхъ музеяхъ и прославились за границей, гдѣ ихъ фотографюры разошлись въ тысячахъ экземпляровъ. Художникъ провелъ многіе годы въ Палестинѣ, гдѣ изучалъ необходимую декорацію для своихъ религіозныхъ картинъ. На склонѣ жизни онъ напечаталъ въ 1905 г. свои воспоминанія о друзьяхъ Россети, Бэрнсъ Джонъ и о первыхъ шагахъ прерафаэлитизма подъ заглавіемъ: «Прерафаэлитическое братство».

Венгрія лишилась одного изъ своихъ талантливейшихъ писателей, незадолго до смерти отпраздновавшаго свой юбилей—Килома Микшата.

Въ Вѣнѣ скончался самый знаменитый изъ нѣмецкихъ актеровъ Бургъ-театра—Иосифъ Кайнцъ. Онъ родился въ Венгріи 2 января 1858 г. и, пріѣхавъ въ Вѣну, выступилъ на сценическихъ подмосткахъ въ 1874 г. На слѣдующій годъ онъ подписалъ свой первый ангажементъ въ Марбургѣ, въ Штирии, а затѣмъ поступилъ въ Лейпцигскій театръ. Но не полюбивъ Лейпцига, Кайнцъ перешелъ въ труппу «Meiningen» и нѣкоторое время велъ кочующую жизнь, пока не попалъ въ Берлинъ. Здѣсь Поссартъ пригласилъ его въ мюнхенскій театръ, и Кайнцъ сдѣлался не только кумиромъ баварцевъ, но короля Людвига II, нѣкоторое время питавшго къ нему культъ. Онъ увезъ его съ собою на нѣсколько мѣсяцевъ путешествовать и покрылъ всякаго рода орденами. Какъ обыкновенно случалось со всѣми фаворитами несчастнаго Людвига II, Кайнцъ скоро пересталъ ему нравиться за отказъ декламировать вслѣдствіе нерасположенія, и онъ впалъ въ немилость, а затѣмъ между ними произошелъ разрывъ. Вступивъ въ берлинскій Deutsches Theater въ 1883 г., Кайнцъ достигъ настоящаго триумфа въ роляхъ Фердинанда, Карлоса и Гамлета. Но пробывъ въ Берлинѣ недолго, онъ отправился въ Америку, гдѣ совершилъ нѣсколько удачныхъ побѣздокъ и пользовался большимъ успѣхомъ. Въ 1893 г. Кайнцъ вступилъ въ вѣнскій Бургъ-театръ, первый изъ всѣхъ нѣмецкихъ театровъ, и только недавно подписалъ съ директоромъ контрактъ на 15 лѣтъ. Кайнцъ, по словамъ Gazette Francfort, былъ первый декламаторъ-импрессионистъ нѣмецкой сцены и первый чародѣй нервнаго поколѣнія.

Италія потеряла своего знаменитаго астронома Джіовани Вирджиніо Скіапарелли, скончавшагося 4 іюля въ Миланѣ. Онъ родился 14 марта 1835 г. въ Савильяно (въ Пьемонтѣ) и съ дѣтскихъ лѣтъ выказалъ необыкновенныя способности къ математикѣ. По окончаніи туринскаго университета девятнадцатилѣтній Скіапарелли получилъ степень доктора математики. Интересуясь астрономіей, онъ отправился въ Берлинъ для занятій подъ руководствомъ директора берлинской обсерваторіи, знаменитаго Іоганна Энке. По приглашенію бывшаго директора пулковской обсерваторіи Струве, онъ отправился въ Россію, гдѣ оставался до 1860 г., когда удалился на родину. Здѣсь Скіапарелли самъ сдѣлался директоромъ миланской обсерваторіи и на этомъ посту проработалъ сорокъ лѣтъ. Его смѣлый умъ проявилъ себя особенно съ 1877 г. своими наблюденіями и гипотезами относительно планеты Марса. Онъ первый замѣтилъ на ея поверхности блестящіе рисунки, перерѣзывающіе континентъ Марса, и цѣлую мозаику изъ настоящихъ острововъ. На основаніи своихъ наблюденій и измѣреній, Скіапарелли въ 1879 г. составилъ подробную карту Марса, давъ названія его отдѣльнымъ областямъ, утвердившіяся за нимъ окончательно. Въ 1882 г. онъ

еще болѣе подробно обработать ее. Его смѣлую идею усвоилъ знаменитый американскій астрономъ Персиваль Лобель и развиваетъ далѣе, вызывая со стороны многихъ астрономовъ энергичныя возраженія.

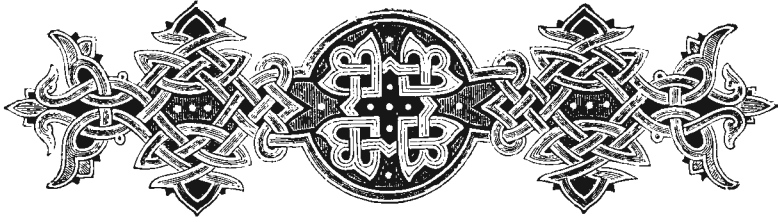
Труды Скиапарелли по астрономіи были оцѣнены не только на родинѣ, но и во всемъ цивилизованномъ мірѣ. Въ 1868 г. французская академія наградила его преміей Лапласа за теорію падающихъ звѣздъ. Черезъ годъ лондонская королевская академія прислала ему золотую медаль. Въ 1874 г. русская академія наукъ избрала его членомъ корреспондентомъ. Не одинъ Марсъ привлекалъ его вниманіе: онъ также изучалъ Сатурнъ, а въ 1882 г. издалъ изслѣдованіе о прохожденіи Венеры, а еще ранѣе трудъ о большой кометѣ 1862 г. «Астрономія въ Ветхомъ Завѣтѣ», «Предшественникъ Коперника въ древности» и много другихъ. При всей своей страсти къ астрономическимъ изслѣдованіямъ, Скиапарелли былъ вынужденъ прервать свою работу въ 1890 году въ виду слабости зрѣнія. Но его снова потянуло къ труду и, не считаясь со временемъ, унесшимъ его прежнія силы, онъ сталъ заниматься надъ новымъ изслѣдованіемъ съ такимъ рвеніемъ, что съ нимъ сдѣлался ударъ. Вся правая часть тѣла оказалась парализована, рѣчь затруднена и въ результатѣ послѣдовала смерть.

Франція понесла утрату въ лицѣ историка Альбера Вандалья, скульптора Фремы и Оливье, редактора «Revue générale des sciences». Пятидесятипятилѣтній Луи Оливье, скончавшійся 13 августа являлся чрезвычайно полезнымъ человѣкомъ въ ознакомленіи массы публики съ наукой. Основавъ «Revue générale des sciences», онъ привлекъ къ сотрудничеству лучшихъ людей науки, и руководился идеей сгруппировать въ живой синтезъ результаты, добытыя въ различныхъ отрасляхъ науки. Но особенно онъ сталъ извѣстенъ организаціей образовательныхъ путешествій съ небольшою затратой денегъ. Редакція «Revue générale des sciences» брала на себя заботу не только доставлять путешественникамъ все необходимое, но, осматривая страны, руководиться объясненіями географовъ, историковъ, археологовъ и художниковъ, совершавшихъ вмѣстѣ путешествіе, во главѣ съ самимъ Оливье.

31 августа скончался историкъ наполеоновской эпохи, Альберъ Вандаль. Происходя изъ стариннаго дворянскаго рода графовъ Вандаль, Альберъ Вандаль родился въ Парижѣ въ 1853 г., и окончивъ научное образованіе въ «École des sciences politiques», онъ поступилъ въ департаментъ государственнаго совѣта. Въ то время французская республика еще была молода, когда Вандаль, вопреки семейнымъ традиціямъ, рѣшилъ ей служить. Сынъ бывшаго главнаго директора почтъ въ эпоху второй имперіи, Альберъ Вандаль вышелъ человѣкомъ съ умѣреннымъ темпераментомъ и съ болѣе или менѣе либеральными идеями; онъ склонялся скорѣе къ Жюлю Симону, чѣмъ къ Руэру. Сохраняя чувства учтиваго человѣка къ павшему дому, но совершенно искренно преданный существующему режиму, онъ вступилъ въ государственный совѣтъ. На литературное поприще Вандаль выступилъ съ рассказомъ: «En Karriole à travers la Suède et la Norvège» въ 1876 г. Во время своей службы въ государственномъ совѣтѣ, онъ изучалъ въ архивахъ дипломатическія сношенія Франціи XVIII и XIX вѣковъ для своего уже большого труда «Louis XV et Elisabeth de Russie».

Затѣмъ онъ занялся восточной политикою Франціи въ XVIII столѣтіи, и съ этою цѣлью два раза ѣздилъ въ Константинополь для работы въ архивахъ. Результатомъ первой поѣздки въ 1885 г. появился «*Pasha Bonnevai*», а второй въ 1889 г.—«*Une ambassade française en Orient sous Louis XV*». Но, по его словамъ, онъ сдѣлалъ, какъ Вогюэ: «я изѣздилъ востокъ отъ магометанскаго до славянскаго. Долго не займешся Константинополемъ безъ того, чтобы это не привело къ Петербургу, такъ продолжительно «большого человѣка» (Турція) предостерегали эти ужасные хирурги Романовы». И сдѣлавъ скачекъ, по выраженію Луи Мадленъ, автора краткой его біографіи въ «*La Revue hebdomadaire*», черезъ три поколѣнія царей, Вандаль остановился на «обольстительномъ, загадочномъ и опасномъ Александрѣ I—грекъ съ золотыми словами на устахъ, славянинъ съ мистической душою, мятежномъ и двойственномъ игрокъ, съ виду великодушнымъ, но въ дѣйствительности грозномъ, который сначала былъ партнеромъ, затѣмъ противникомъ корсиканца, игравшимъ человѣкомъ, которымъ никто не игралъ, побѣдившимъ человѣка, никѣмъ не побѣжденнаго». Такимъ образомъ появился «*Napoleon et Alexandre I*», сдѣлавшій Вандаля извѣстнымъ, два раза заслужившій своему автору главную премію Гобера и открывшій передъ нимъ двери академіи. Здѣсь Вандаль выясняетъ, какъ сформировался франко-русскій союзъ и каковы его послѣдствія. «Безумная любовь бросила насъ въ объятія Россіи, говоритъ Луи Мадленъ: вѣчный римлянинъ соблазняетъ вѣчнымъ грекомъ, какъ въ Тильзитѣ, такъ и въ Эрфуртѣ. Вполнѣ убѣжденный въ необходимости союза, Вандаль, однако, предупреждаетъ насъ. Эта странная Франція—единственная страна, которая вводитъ любовь въ политику; надо предупредить ее, что у слѣпой любви бываютъ досадныя послѣдствія—и Вандаль написалъ исторію Тильзита, гдѣ ее обожали, Эрфрута, гдѣ ею играли и довели до кануна Москвы, гдѣ насъ сжигали живыми и, какъ послѣднее предупрежденіе въ самое опьяненіе Франціи русскимъ союзомъ, появился его третій томъ «*La Rupture*». «Народы не мѣняются, если тѣ же партнеры соединились, воспользуемся сдѣланнымъ опытомъ: не закроемъ глаза, не дадимъ въ періодъ опьяненія передегивать картъ, которыя, быть можетъ, мы найдемъ въ одинъ прекрасный день въ рукахъ вчерашняго партнера, сдѣлавшагося сегодняшнимъ противникомъ, побережемся готовить Москву съ Тильзитомъ». Кто умѣтъ читать Вандаля между строкъ, извлечетъ изъ него болѣе, чѣмъ историческія справки, настоящую національную науку. Вандаль печаталъ свои сочиненія съ большими промежутками времени, изучая характеры, даже языкъ, всѣ подробности лицъ, выводимыхъ въ его трудахъ, знакомясь съ мельчайшими обстоятельствами, чтобы совершенно проникнуться эпохой, поэтому онъ успѣлъ написать только два сочиненія.

Ученикъ Сореля по школѣ политическихъ наукъ, онъ до самой его смерти, несмотря на разницу лѣтъ, темперамента, происхожденія и общества, изъ котораго оба вышли, питалъ къ нему культъ, и тѣсная дружба связывала ихъ обоихъ. Вандаль умеръ отъ воспаленія легкихъ. Физически чрезвычайно хрупкій, Вандаль не перенесъ болѣзни и скончался 57 лѣтъ.

С М Ъ С Ь.

ВЕВЬСКІЯ торжества по случаю открытія памятника Петру Великому. 29 сентября въ Ревелѣ въ 9 час. утра загудѣлъ колоколь Александро-Невскаго собора и наполнилъ его народомъ. Средняя часть собора отведена для почетныхъ богомольцевъ и администраціи и депутацій, остальные почетные гости Ревеля заняли къ 10 час. мѣста у трибуны на Петровской площади. Трибуны другъ противъ друга; въ центрѣ площади, окруженный возвышеннымъ газономъ съ цвѣтами, высился закрытый памятникъ Петру. Боцманъ съ матросами стояли позади, ожидая момента спустить пелену. Къ 10 часамъ на площадь вступили войска и съ трехъ сторонъ окаймили ее стройными линіями. Въ правомъ фасѣ строя стали сводные батальоны моряковъ ревельскаго порта и судовъ «Петръ Великій», «Россія» и «Александръ II» и миноносцевъ. Средній фасъ заняли линіи сводныхъ батальоновъ Вѣломорскаго, Онежскаго и Двинскаго полковъ. Правый фасъ—взводы пограничной стражи и конвойной команды и длинная полоса блестящихъ мѣдныхъ колоннъ вольныхъ пожарныхъ дружинъ Ревеля, составившихъ 2 батальона пожарныхъ. Въ строю пѣхоты возвышались полковыя знамена. На флангахъ моряковъ, пѣхоты и пожарныхъ стояли хоры музыки. Всѣмъ парадомъ командовалъ ген. Меньчукъ. Кругомъ площади, особенно на горкѣ съ правой стороны, непроходимыя массы народа. Четыре трибуны—четыре пестрыя живыя горы людей. На горкѣ правая трибуна—гора дамъ, въ бѣлыхъ гуалетахъ по преимуществу, и разнообразіе костюмовъ. Вторая трибуна полна блеска мундировъ парадныхъ формъ и фраковъ. По другую сторону площади, позади памятника—гора дѣтишекъ, вся наполненная учащимися, и рядомъ съ нею—платная трибуна, во всей пестротѣ ея населенія, хотя она далеко неполна. Мачты, вѣнки, флаги, гирлянды зелени на домахъ окаймляютъ площадь. Отъ собора

внизъ и по Комендантской ул. къ выходу на площадь стояли шпалеры дѣтей и публики. У собора, съ ярко сіяющими золотыми главами, большое движеніе народа. Къ юбилею красивый соборъ весь отремонтированъ и блеститъ золотымъ иконостасомъ и свѣжестью красокъ. Во всѣхъ церквахъ Ревеля, также и лютеранскихъ, шелъ звонъ и совершались богослуженія. Въ православномъ соборѣ въ 9 час. преосвященный Іоаннъ съ городскимъ духовенствомъ совершалъ торжественную литургію. Въ соборѣ присутствовалъ великій князь Константинъ Константиновичъ и передъ окончаніемъ службы вышелъ изъ храма со свитою и направился мимо шпалеръ дѣтей къ Петровской площади, гдѣ обходилъ линіи парада и здоровался съ частями. При колокольномъ звонѣ съ Вышгорода изъ православнаго собора спускался по Комендантской улицѣ на Петровскую площадь торжественный крестный ходъ, двигаясь мимо шпалеръ болѣе чѣмъ изъ 10,000 дѣтей со знаменами, флагами, хорами своей музыки. Ряды хоругвей высятся впереди, блестятъ на солнцѣ запрестольные кресты, и за синей полосой пѣвчихъ тянется золотая лента духовенства съ епископомъ во главѣ. Весь путь идетъ пѣніе, а хоры музыки играютъ «Коль славень». Процессія вступила на площадь. Войска отдавали честь. Хоры музыки играли «Коль славень». Духовенство вышло передъ памятникомъ. Сюда принесены и выстроились въ рядъ знамена, хоругви и окружили памятникъ. Торжественно идетъ молебствіе, Тихо глухой октавой начинаетъ протодіаконъ «Вѣчную память» Петру Первому. Великій князь и вся площадь на колѣняхъ. При послѣднемъ звукѣ спадаетъ полотно, и взорамъ всѣхъ открылся бронзовый Петръ на гранитной скалѣ. Зрительная труба въ одной его рукѣ и карта Балтики въ другой. Весь полный энергіи, стоитъ онъ надъ городомъ, надъ толпами потомковъ, удивляющихся его мощи. Прекрасный, производящій впечатлѣніе памятникъ. Когда смолкли звуки пѣнія, раздалась команда «накрыться». Великій князь принялъ команду, обнажилъ саблю и громко скомандовалъ всему параду: «Слушай, на караулъ». Войска отдаютъ честь. Всѣ пять хоровъ музыки играютъ Преображенскій маршъ. Рядъ знаменъ склоняется передъ памятникомъ. Во всѣхъ церквахъ звонятъ колокола. Со всѣхъ судовъ гремитъ непрерывный салютъ. Къ памятнику вступаютъ часовые въ петровской формѣ, въ черныхъ парикахъ съ мушкетерами и протозанами. Сыгранъ маршъ, отдана честь, и протодіаконъ возглашаетъ многолѣтіе російскому воинству. Архіерей съ великимъ княземъ обходитъ памятникъ, окропляетъ его св. водою и затѣмъ окропляетъ большую мраморную доску съ названіями частей, участвовавшихъ во взятіи Ревеля. Доска будетъ помѣщена въ церкви. Около часу дня въ Русскомъ собраніи состоялся завтракъ, который давали гостямъ всѣ русскія учрежденія въ Ревелѣ, все что есть въ немъ русскаго. Предсѣдатель совѣта старшинъ Н. П. Бильбасовъ съ десятию представителями встрѣтилъ великаго князя хлѣбомъ-солью на блюдѣ съ полотенцомъ съ видами Ревеля, и привѣтствовалъ рѣчью съ русскимъ: «Добро пожаловать». Музыка играетъ Преображенскій маршъ. Великій князь провозгласилъ за завтракомъ Царскіе тосты. Губернаторъ поднялъ бокалъ за великаго князя. Громадное одушевленіе царило въ залѣ. Народный гимнъ и громкое «ура» и шевскіе марши чередовались непрерывно. Хоръ балалаечниковъ изъ учениковъ игралъ нѣсколько

пьесъ. Хоры и оркестръ ревелскаго общества «Гусли» исполнили свою программу, и вторымъ нумеромъ—баркароллу, слова К. Р., музыка Козаченка. Предсѣдатель старшинъ благодарилъ гостей. Были прочитаны двѣ патриотическія телеграммы: предсѣдателя Императорскаго военно-историческаго общества ген. Скалона и маститаго издателя народныхъ брошюръ ген. Богдановича. Они подняли настороженіе зала, пили за ихъ авторовъ—Богдановича и ген. Скалона и за историческое общество и за всѣхъ другихъ лицъ, поздравившихъ Ревель. Роскошный завтракъ à la fourchette нѣсколько затянулся. Въ половинѣ третьяго открылась выставка цвѣтовъ, садоводства и огородничества, устроенная эстляндскимъ обществомъ садоводства. Великаго князя встрѣтилъ гофмейстеръ баронъ Кноррингъ и представилъ чиновъ комитета и экспонентовъ. Великій князь обошелъ всю выставку. Выставка устроена роскошно, блеститъ своимъ вкусомъ и красою экспонатовъ. Въ центральномъ павильонѣ бросается въ глаза роскошный газонъ съ цѣлымъ полемъ бѣлой сирени и лилій и на первомъ планѣ—русскій двуглавый орелъ изъ 32,000 ландышей, присланный отъ Эйлерса. Огромной величины овощи красуются въ другомъ павильонѣ. Съ выставки садоводства великій князь отправился на выставку въ домъ Черноголовыхъ. Ихъ клубъ существуетъ съ 1547 г. и въ старинныхъ стѣнахъ дома все дышитъ сѣдой древностью. Тутъ богатое серебро, гравюры, историческіе акты, древніе портреты, присланные ко дню выставки изъ Нарвы и другихъ городовъ. двухъаршинный кубокъ Петра. По обычаю дома, старшина Черноголовыхъ, привѣтствуя великаго князя, подалъ серебряный кубокъ, который послѣ рѣчи слегка пригубилъ; затѣмъ накрылъ крышкой, открылъ снова и тогда передалъ великому князю. Его высочество пилъ за процвѣтаніе дома Черноголовыхъ и осматривалъ выставку. Въ пятомъ часу состоялся у великаго князя пріемъ депутацій, прибывшихъ на торжества.

Юбилейныя торжества въ Нижегородской и Владимирской губерніяхъ. Приближается трехсотлѣтіе съ того времени, когда Русь, истерзанная смутю, поляками, литовцами и своими родными «ворами», собирала свои казавшіяся уже совсѣмъ ослабѣвшими народныя силы и рѣшительнымъ натискомъ порѣшила со смутю, чтобы начать новую мирную жизнь. Нижній-Новгородъ, откуда вышло народное ополченіе, освободившее Москву, откуда происходилъ знаменитый Козьма Мининъ, дѣятельно готовится къ предстоящему трехсотлѣтію, намѣреваясь широко и торжественно отпраздновать его. Для Нижняго-Новгорода это будетъ не только общерусское, но и мѣстное торжество. Такой же мѣстный отгѣнокъ предстоящее торжество должно имѣть и для сосѣдей съ Нижнимъ-Новгородомъ Владимирской губерніи. Въ предѣлахъ этой губерніи былъ вотчинникомъ другой герой 1611—1612 гг., князь Дмитрій Михайловичъ Пожарскій, въ городѣ Суздаль, въ Спасоевфиміевомъ монастырѣ, покоится и его прахъ. Князья Пожарскіе составляютъ вѣтвь князей Стародубскихъ, Стародубо-Ряполовскаго княжества, которое находилось на территоріи нынѣшней Владимирской губерніи въ Ковровскомъ и Вязниковскомъ уѣздахъ. Имя Пожарскіе эти князья получили отъ волости «Пожара», которая находилась въ ихъ вотчинномъ владѣніи. Вотчинный дворъ князя Д. М. Пожарскаго находился въ Мухрѣвѣ (нынѣ село Вязниковскаго уѣзда);

сюда, а не въ другой вотчинѣ (Пурахъ или Ландахъ), по мнѣнію историковъ Погодина, Забѣлина, и Платонова, былъ привезенъ весною 1911 года израненный въ Москвѣ въ борьбѣ съ поляками князь Д. М. Пожарскій; сюда же къ Пожарскому осенью того года явился послы отъ нижегородцевъ съ просьбой стать во главѣ собиравшагося ополченія. Спасо-Евфиміевъ монастырь въ гор. Суздаль пользовался особеннымъ благоволеніемъ рода кн. Пожарскихъ и въ частности кн. Дмитрія Михайловича. Имъ при жизни принесены были въ этотъ монастырь село Петроково и деревни Три Дворища и Елисеѣва, икона Преображенія Господня, напрестольное Евангеліе съ собственноручной надписью, паникадило о 28 «шандалахъ», кадило серебряное вызолоченное, колоколь въ 355 пудовъ и нѣсколько богослужебныхъ книгъ. Въ Спасскомъ монастырѣ была родовая усыпальница кн. Пожарскихъ, въ которой и былъ погребенъ кн. Дмитрій Михайловичъ. Помолиться на могилѣ своихъ предковъ кн. Дмитрій Михайловичъ заѣзжалъ въ 1612 г. съ пути отъ Ярославля къ Москвѣ. «По душѣ его» приположены были въ монастырь иконы Казанской Божіей Матери и св. Алексія митрополита, ризы атласныя, ризы бархатныя (бархатъ взятъ съ шубы Пожарскаго), митра, низаная жемчугомъ, 2 эпитрахили, шитая серебромъ и золотомъ плащаница и Псалтырь. На мѣстѣ бывшей усыпальницы кн. Пожарскихъ во второй половинѣ XIX столѣтія и устроенъ памятникъ кн. Дмитрію Михайловичу. Сдѣланный изъ нѣжнаго каррарскаго мрамора, памятникъ этотъ страдаетъ отъ атмосферическихъ вліяній (мраморъ грескается, появляются ржавыя пятна и т. д. и нуждается въ частномъ ремонтѣ). Для ремонта, какъ оказалось, есть и особый капиталъ, оставшійся по устройствѣ памятника и хранившійся въ академіи художествъ, но объ этомъ капиталѣ какъ-то забыли на мѣстѣ, памятникъ долго не ремонтировался и сталъ замѣтно разрушаться. Истекшимъ лѣтомъ въ Суздаль былъ командированъ академіей художникъ, которымъ и отремонтированъ памятникъ и, такъ сказать, обновленъ къ принятію паломниковъ, которые несомнѣнно явятся во время празднованія трехсотлѣтія на могилу героя 1611—1612 гг. Иконы, ризы и книги, приположенные кн. Д. М. Пожарскимъ и «по душѣ его», хранятся въ особой изящной витринѣ, устроенной вскорѣ послѣ открытія памятника; витрина эта находится у лѣваго клироса въ Преображенскомъ соборѣ Спасскаго монастыря. Въ томъ же городѣ Суздаль въ городскомъ соборѣ погребено тѣло другого лица, которому суждено было принимать живое участіе въ событіяхъ русской жизни конца XVI и начала XVII столѣтій. Это—Арсеній Елассонскій, грекъ, скончавшійся въ санѣ архіепископа суздальскаго. Оставшись въ Россіи въ 1589 г. съ согласія царя Феодора Іоанновича, епископъ Арсеній въ 1596—97 г. былъ опредѣленъ государемъ къ Архангельскому собору въ Москвѣ, чтобы «служить завсегда при родителяхъ государскихъ» и получилъ титулъ архіепископа архангельскаго. Занявъ такой почетный постъ, архіепископъ Арсеній естественно долженъ былъ участвовать во всѣхъ важнѣйшихъ событіяхъ того времени. Онъ подписываетъ грамоту объ избраніи на престолъ Бориса Годунова въ 1598 г., въ 1605 г. встрѣчаетъ Лжедмитрія и участвуетъ въ его коронаціи, въ 1606 г. принимаетъ участіе въ избраніи на царство Василія Шуйскаго, въ 1611—12 гг. онъ остается въ

Кремль и терпитъ всю тяжесть и всѣ ужасы смуты; 27 ноября 1612 г. во главѣ крестнаго хода Арсеній встрѣчаетъ освободившее Кремль ополченіе, 2 мая 1613 г. онъ встрѣчаетъ новоизбраннаго царя Михаила Ѳеодоровича. Въ 1615 г. Арсеній былъ назначенъ архіепископомъ суздальскимъ; 13 апрѣля 1626 г. архіепископъ Арсеній и скончался въ Суздальѣ. Погребенъ онъ въ соборѣ у лѣваго западнаго столба. Надъ его могилой теперь стоитъ деревянное надгробіе. Такимъ образомъ мѣстомъ торжества трехсотлѣтія со времени окончанія «смуты» на Руси долженъ быть прежде всего городъ Суздаль, гдѣ покоится прахъ кн. Пожарскаго и Арсенія, архіепископа Елассонскаго. Инициативу и организацію этого торжества беретъ на себя владимирская ученая архивная комиссія. На послѣднемъ ея засѣданіи (12 сен.), поручено особой комиссіи намѣтить время и выработать подробный планъ торжества; предполагается привлечь къ нему всѣ силы населенія, издать для народа популярную брошюру о Пожарскомъ и пр.

Присужденіе Уваровскихъ наградъ въ академіи наукъ. 25 сентября, въ публичномъ засѣданіи академіи наукъ, подъ предсѣдательствомъ вице-президента академіи П. В. Никитина, состоялось присужденіе наградъ гр. Уварова. Непремѣнный секретарь академіи наукъ ак. С. Ф. Ольденбургъ прочелъ отчетъ по присужденію премій. Въ общемъ, на конкурсъ было представлено 6-ю авторами 7 сочиненій, для рассмотрѣнія которыхъ была избрана особая комиссія. Большую премію въ 1,500 р. академія наукъ, по предложенію комиссіи, постановила раздѣлить поровну и присудить ее двумъ авторамъ—Н. Серебрянскому и П. Верховскому. Н. Серебрянскій представилъ трудъ, подъ названіемъ: 1) «Очерки по исторіи монастырской жизни въ Псковской землѣ; съ критико-біографическимъ обзоромъ литературы и источниковъ по исторіи псковскаго монашества». 2) «Житіе преподобнаго Евфросина Псковскаго». Отзывъ объ этомъ трудѣ давалъ высокопреосвященный Арсеній, архіепископъ псковскій и порховскій, по мнѣнію котораго, трудъ этотъ можно поставить въ число образцовыхъ историческихъ трудовъ, касавшихся монастырей и монашества въ древней Руси. Образцомъ безукоризненности, въ смыслѣ полноты, тщательности, осторожности и точности можетъ особенно служить обширное введеніе, содержащее въ себѣ подробный критико-біографическій обзоръ научной литературы и источниковъ по исторіи псковскаго монашества. Второй трудъ автора удостоился такой же похвалы высокопреосвященнаго рецензента, который вообще находитъ весьма важной работу его по собиранію воедино разбросанныхъ въ разныхъ мѣстахъ свѣдѣній о прошломъ псковскаго монашества. Трудъ П. Верховскаго носитъ названіе «Населенныя недвижимыя имѣнія Св. синода, архіерейскихъ домовъ и монастырей при ближайшихъ преимникахъ Петра Великаго. Коллегія экономіи и канцелярія синодальнаго экономическаго правленія. Изслѣдованіе въ области исторіи русскаго церковнаго права». Объ этомъ трудѣ рецензію писалъ недавно скончавшійся профессоръ прот. М. И. Горчаковъ, по мнѣнію котораго трудъ этотъ заслуживаетъ, несмотря на свои недостатки, серьезнаго вниманія, такъ какъ въ нашей литературѣ именно недоставало труда, въ которомъ были бы рассмотрѣны судьбы центральныхъ учреждений завѣдующихъ вотчинами

церковныхъ установленій въ періодъ 1726—1763 гг. Слѣдующіе два труда удостоились награжденія малыми преміями, по 500 руб. каждая. В. В. Титлиновъ: «Духовная школа въ Россіи въ XIX столѣтіи (Время комиссіи духовныхъ училищъ. Протасовская эпоха и реформа 60-хъ годовъ)». Проф. Н. Н. Глубовскій находитъ въ этомъ трудѣ цѣлый рядъ недостатковъ, изъ которыхъ самое главное заключается въ томъ, что авторъ, съ одной стороны, слишкомъ пристрастно восхваляетъ дѣятельность комиссіи, а съ другой—нарисовалъ слишкомъ мрачными красками эпоху оберъ-прокурора гр. Протасова. Тѣмъ не менѣе, широкая научная постановка вопроса и огромная цѣнность архивныхъ матеріаловъ, на основаніи которыхъ сдѣлано изслѣдованіе, заставили рецензента высказаться за награжденіе автора его малой преміей. Н. Л. Юнаковъ: 1) «Сѣверная война. Кампанія 1708—1709 гг. Военныя дѣйствія на лѣвомъ берегу Днѣпра». 2) «Документы Сѣверной войны. Полтавскій періодъ». Работа эта, исполненная по порученію Императорскаго русскаго военно-историческаго общества, ко дню 200-лѣтняго юбилея Полтавскаго боя, на основаніи обширныхъ матеріаловъ, собранныхъ обществомъ въ различныхъ русскихъ архивахъ, а также въ вѣнскомъ военномъ архивѣ, по мнѣнію рецензента Н. Н. Епанчина, дала очень много подробностей къ тому, что до сихъ поръ было извѣстно объ отдѣльныхъ моментахъ войны и выяснила интересныя подробности, касающіяся расположенія русскихъ войскъ. «Дневникъ военныхъ дѣйствій подъ Полтавой», входящій отдѣльной главой въ книгу, далъ возможность изслѣдовать съ достаточной полнотою всю Полтавскую операцію и рисуеъ въ совершенно новомъ освѣщеніи заключительный актъ этой операціи—Полтавское сраженіе. Кромѣ того, академія наукъ постановила присудить почетный отзывъ Г. Г. Писаревскому за его трудъ: «Изъ исторіи иностранной колонизаціи въ Россіи въ XVIII в.». Проф. А. А. Кизеветеръ далъ объ этой работѣ очень хорошій отзывъ, находя, что авторъ очень удачно намѣтилъ послѣдовательные поворотные моменты въ развитіи колонизаціоннаго дѣла въ Россіи. Всѣмъ рецензентамъ академія постановила назначить установленныя для постороннихъ ученыхъ золотыя Уваровскія медали.

Годовое собраніе кассы взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ. Перваго часть годичнаго общаго собранія членовъ кассы взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ, состоявшагося 10 октября, была посвящена чествованію памяти С. А. Муромцева. Открывая засѣданіе, предѣдатель собранія прис. пов. Д. Н. Бородинъ сказалъ, что Россія схоронила одного изъ лучшихъ своихъ людей, съ именемъ котораго связаны самыя дорогія надежды родины. Мимо имени С. А. нельзя пройти молчаніемъ, и общее собраніе, несомнѣнно, пожелаетъ откликнуться на горе русской интеллигенціи. Слово затѣмъ было предоставлено Г. К. Градовскому, который сказалъ приблизительно слѣдующее. Смерть Муромцева—это утрата для всей Россіи; чувствительно эта смерть задѣла русскую литературу: почтимъ же его память, прежде всего, вставаніемъ (всѣ встають). Свой свѣтлый умъ и глубокія знанія Муромцевъ вложилъ и въ свою публицистическую работу. Онъ высоко цѣнилъ литературу и былъ неразрывно связанъ съ ней всю свою дѣятельностью. Онъ откликнулся на всѣ явленія литературной

жизни. Когда въ Москвѣ открылось отдѣленіе кассы, онъ первый сталъ ея дѣятельнымъ участникомъ и въ теченіе 16 лѣтъ былъ ея членомъ и членомъ литературнаго фонда. Онъ понималъ высокое значеніе литературнаго труда и былъ самымъ убѣжденнымъ сторонникомъ свободнаго слова. Муромцевъ вносилъ свое публицистическое и общественное призваніе и въ свои лекціи, и въ свою дѣятельность въ качествѣ председателя Юридическаго общества и руководителя «Юридическаго Вѣстника». Муромцевъ былъ продолжателемъ завѣтовъ Грановскаго и Соловьева не только въ университетѣ, но и въ публицистикѣ. Онъ цѣнилъ тѣ учрежденія, которыя должны придерживать высокое призваніе писателя, согласно завѣтамъ передовыхъ вождей русской литературы. Мы можемъ гордиться, что среди нашихъ членовъ значится имя перваго председателя первой Государственной Думы. Полагаю, что имѣется достаточно поводовъ не ограничиться однимъ воспоминаніемъ о такомъ человѣкѣ, какъ С. А. Муромцевъ. Быть можетъ, наши литературныя учрежденія согласятся увѣковѣчить его память еще иначе. Пока я предлагаю оставить имя С. А. Муромцева въ спискахъ членовъ кассы навсегда, какъ радостное воспоминаніе о томъ, что онъ былъ среди насъ. Рѣчь Градовскаго встрѣчена рукоплесканіями, и предложеніе его принято единогласно. И. об. председателя правленія Л. З. Слонимскій замѣтилъ, что въ отчетахъ кассы будетъ заведена особая рубрика для такихъ замѣчательныхъ людей, какимъ былъ Муромцевъ; вопросъ же о увѣковѣченіи памяти его путемъ образованія капитала его имени будетъ разсмотрѣнъ въ правленіи. Послѣ этого собраніе переходитъ къ разсмотрѣнію отчета кассы за прошлый годъ. Отчетъ не вызываетъ почти никакихъ возраженій, и общее собраніе утверждаетъ его. Правленіе, какъ и ревизіонная комиссія, въ докладѣ, приложенномъ къ отчету, констатируетъ, что кассѣ въ прошломъ году былъ нанесенъ тяжкій, трудно поправимый ударъ распоряженіемъ министерства внутреннихъ дѣлъ, предполагавшимъ совершенно уничтожить кассу по какому-то роковому недоразумѣнію. Пять мѣсяцевъ продолжался кризисъ, пока удалось отстоять кассу цѣною измѣненія устава, согласно министерскимъ указаніямъ. Многочисленные члены кассы, предполагая, что ее ожидаетъ ликвидація, прекратили платежи; между тѣмъ, правленіе, въ интересахъ своихъ кліентовъ, продолжало выполнять свои обязательства, выплачивая полностью страховыя суммы. Всѣ эти обстоятельства отразились на финансовомъ состояніи кассы. Теперь накопился за членами кассы долгъ въ 21.361 р., но этотъ долгъ обезпечивается отчасти запаснымъ капиталомъ (6,276 руб. 22 коп.), отчасти свободною частью фирсовскаго капитала (10,149 руб.). Изъ этихъ именно капиталовъ правленіе и произвело платежи за своихъ должниковъ. Всѣхъ его недоимщиковъ считается 136 по основной группѣ и 138 по параллельной. Правленіе въ прошломъ году приняло крайнюю мѣру и исключило изъ состава кассы 92 членовъ-недоимщиковъ. Ревизіонная комиссія протестуетъ противъ этой мѣры и, съ своей стороны, указываетъ другіе, болѣе цѣлесообразные способы погашенія недоимокъ. Число членовъ кассы нынѣ 734. Изъ нихъ пользуются пожизненною пенсіей 19 человѣкъ, совершенно освобождены отъ обязанности платежей 47 человѣкъ. 5 человѣкъ не пожелали воспользоваться правомъ на освобожденіе отъ обязательныхъ платежей. Общая сумма прихода за отчетный

годъ составляетъ 34,446 руб. 68 коп.; расхода—38,044 руб. 75 коп. Капиталъ кассы въ процентныхъ бумагахъ равняется 203,375 руб. Изъ нихъ 91,700 руб. приходится на пенсіонный фондъ и 109,350 руб.—фирсовскаго капитала. Къ отчету приложены таблица смертности среди литераторовъ-членовъ кассы за послѣднія 10 лѣтъ, а также официальные документы, относящіеся къ закрытію кассы въ прошломъ году. Обсуждается докладъ ревизіонной комиссіи. Всѣ ея замѣчанія принимаются къ свѣдѣнію, причемъ, по предложенію председателя комиссіи Я. Н. Колубовскаго, вопросъ о задолженности кассѣ выдѣляется и будетъ обсуждаться въ особой связи съ вопросомъ объ освобожденіи отъ платежей по истеченіи извѣстнаго срока пребыванія членомъ кассы. Въ члены правленія, вмѣсто выбывающихъ по очереди Е. П. Карпова, Ѳ. Н. Чернышева и А. Л. Липовскаго, избраны: Е. П. Карповъ, Ѳ. Н. Чернышевъ (кандидатъ въ председатели правленія) и В. А. Акушкинъ. Кандидатами въ члены правленія избраны: Клавдія Лукашевичъ и проф. Исаевъ. Делегатомъ отъ кассы въ комитетъ съѣзда писателей избранъ *par acclamation*, по предложенію Градовскаго, В. В. Глинскій. При обсужденіи смѣты расходовъ продолжительныя пренія вызываетъ вопросъ, изъ какихъ источниковъ покрыть расходы на содержаніе квартиры и на дѣлопроизводство. Рѣшено смѣту расходовъ утвердить съ тѣмъ, чтобы правленіе къ слѣдующему общему собранію указало, изъ какихъ источниковъ оно будетъ черпать средства. Какъ извѣстно, 15 октября исполняется 50-тилѣтіе литературной дѣятельности нашего маститаго писателя и члена кассы П. Д. Боборыкина. Желая отмѣтить этотъ день, правленіе кассы рѣшило устроить торжественное собраніе въ помѣщеніи клуба экономистовъ и обратилось за соотвѣтственнымъ разрѣшеніемъ. 10 октября околоточный надзиратель доставилъ на клочкѣ бумаги «весьма срочный» отвѣтъ, въ которомъ сообщается, что «градоначальникъ не призналъ возможнымъ допустить торжественное засѣданіе, посвященное чествованію 50-тилѣтняго юбилея литературной дѣятельности П. Д. Боборыкина, въ виду того, что устройство подобнаго рода собранія не соотвѣтствуетъ задачамъ кассы». Это первый въ жизни кассы случай, чтобы ей было отказано исполнить долгъ всякаго литературнаго учрежденія—отозваться на юбилей выдающагося писателя. Рядъ ораторовъ высказываетъ свое недоумѣніе по этому поводу. Собраніе рѣшаетъ просить Г. К. Градовскаго навести справки о причинахъ отказа, и затѣмъ уже совмѣстно съ правленіемъ, если окажется возможнымъ, добиться разрѣшенія на устройство торжественнаго собранія. Кромѣ того, поручено правленію отправить юбиляру 15 октября привѣтственную телеграмму и поднести ему адресъ.

Торжество психо-неврологическаго института. Психо-неврологическій институтъ, являющійся однимъ изъ самыхъ молодыхъ ученыхъ и высшихъ учебныхъ заведеній Петербурга, за короткое время своего существованія приобрѣлъ широкую популярность не только среди учащейся молодежи, массами наполняющей аудиторіи института, но и среди различныхъ слоевъ общества. Президентъ института академикъ В. А. Бехтеревъ не только поставилъ новое учебное заведеніе на должную научную высоту, но и привлекъ многихъ жертвователей, на деньги которыхъ психо-неврологическій институтъ обзаводится нынѣ собственными зданіями. Въ этихъ зданіяхъ будутъ помѣщаться,

кромѣ института, педологическій институтъ и клиники для алкоголиковъ и эпилептиковъ. Они сооружаются за Невскою заставою въ мѣстности, извѣстной подъ названіемъ «Царскаго Городка», на участкѣ земли, дарованномъ институту кабинетомъ Его Величества. Вся площадь земли занимаетъ свыше 30 тыс. кв. саженъ. На этомъ участкѣ, подъ главнымъ руководствомъ архитектора Р. Ф. Мельцера, строятся четыре большихъ корпуса. Въ одномъ изъ нихъ будутъ аудиторіи и лабораторіи психо-неврологическаго института, а въ остальныхъ—педологическій институтъ и клиники для алкоголиковъ и эпилептиковъ. Средства на сооруженіе зданій образовались изъ субсидій министерства финансовъ и внутреннихъ дѣлъ, а также изъ частныхъ пожертвованій: Л. А., И. И. и Л. И. Алафузовыхъ, В. Д. Зимины, М. П. и П. Скоропадскихъ, К. Ф. Головина и др. Торжественная закладка состоялась 1 октября, въ 1 ч. дня. Съ утра на мѣсто закладки на паровикѣ по Шлиссельбургскому пр. подъѣзжали толпы студентовъ и курсистокъ, среди которыхъ преобладали учащіеся психо-неврологическаго института. На торжествѣ присутствовали: совѣтъ профессоровъ института, съ президентомъ В. М. Бехтеревымъ во главѣ, представители министерства финансовъ и внутреннихъ дѣлъ, высшихъ учебныхъ заведеній, городскихъ учреждений, нѣкоторые члены Госуд. Думы и мн. др. Тѣснымъ кольцомъ профессора, слушатели, слушательницы, рабочіе и другіе окружили мѣсто закладки. Первый камень положилъ академикъ В. М. Бехтеревъ. За нимъ клали кирпичи проф. М. М. Ковалевскій, В. Н. Пясецкій, Н. М. Книповичъ, П. Я. Розенбахъ, О. А. Чечотъ, П. А. Останковъ, ученый секретарь А. В. Герверъ, представитель попечительства о народной трезвости и др. По окончаніи торжества закладки, состоялось угощеніе рабочихъ. Подъ деревяннымъ навѣсомъ были разставлены столы съ напитками и закускою. Для профессоровъ и приглашенныхъ гостей былъ сервированъ завтракъ во временномъ деревянномъ зданіи. Первый тостъ произнесъ академикъ Бехтеревъ за здоровье Его Величества Государя Императора. Академикъ Бехтеревъ поднималъ также бокаль за всѣхъ лицъ, оказавшихъ институту то или другое содѣйствіе, въ томъ числѣ за П. А. Столыпина и В. Н. Коковцова. О. А. Чечотъ поднималъ свой бокаль за здоровье новаго министра народнаго просвѣщенія, которому пожелалъ успѣха на новомъ поприщѣ дѣятельности. Съ рѣчами далѣе выступали: А. В. Герверъ, М. М. Ковалевскій, В. Н. Пясецкій, архитекторъ Мельцеръ, С. С. Хрулевъ и мн. др. Проф. М. М. Ковалевскій выразилъ глубокую благодарность В. М. Бехтереву отъ имени всѣхъ профессоровъ психо-неврологическаго института за его труды на пользу этого учрежденія. М. М. подчеркиваетъ, что только благодаря энергіи В. М. институтъ приобрѣлъ такое крупное значеніе. А. В. Герверъ поднималъ тостъ за «милое и симпатичное студенчество». Г-жа Арианъ въ своей рѣчи отмѣтила крупную заслугу института въ дѣлѣ совмѣстнаго обученія мужчинъ и женщинъ. Продолжительные возгласы «ура» вызвали слова Бехтерева, привѣтствовавшаго представителей членовъ Гос. Думы и Гос. Совѣта въ лицѣ присутствовавшихъ М. Я. Капустина и М. М. Ковалевскаго, а также тостъ его за слушателей института. Генеральный секретарь психологическаго института въ Парижѣ, проф. Юрьевичъ, въ своей рѣчи, между прочимъ, указалъ на желательность совмѣстной научной

дѣятельности парижскаго и петербургскаго институтовъ по нѣкоторымъ научнымъ вопросамъ. Въ отвѣтъ на эту рѣчь акад. Бехтеревъ поднялъ бокаль за процвѣтаніе парижскаго института и за здоровье проф. Юрьевича. Ученый секретарь А. В. Герверъ прочиталъ привѣтственные телеграммы. Предсѣдатель совѣта министровъ П. А. Столыпинъ прислалъ слѣдующую телеграмму: «Сожалѣю, что не имѣю возможности присутствовать на торжествѣ закладки. Желаю совѣту и институту полного успѣха въ предпринимаемомъ начинаніи и дальнѣйшаго процвѣтанія высокополезныхъ учреждений». Новый министръ Кассо телеграфировалъ: «Очень жалѣю, что не могу быть на закладкѣ зданій института». В. Н. Коковцовъ въ своей телеграммѣ выражаетъ сожалѣніе, что не можетъ присутствовать на торжествѣ по случаю отъѣзда изъ столицы и проситъ передать совѣту института свое привѣтствіе въ день закладки новыхъ зданій. Министръ путей сообщенія С. В. Рухловъ, тоже лишенный возможности лично присутствовать на торжествѣ, усердно проситъ акад. Бехтерева въ знаменательный для института день выразить передъ совѣтомъ свои искреннія пожеланія дальнѣйшаго развитія полезной дѣятельности института на благо дорогой родины. Телеграммы, кромѣ того, получены отъ товарища министра внутреннихъ дѣлъ Лыкошина, директора департамента народнаго просвѣщенія С. И. Анциферова, помощника главнаго врачевнаго инспектора Булатова, проф. Дриля, проф. Отта и мн. др. Въ заключеніе акад. Бехтеревъ обратился къ рабочимъ, занятымъ на постройкѣ новыхъ зданій, съ краткимъ словомъ, въ которомъ выразилъ имъ свою глубокую благодарность за ихъ труды. Слово это встрѣчено рабочими весьма сочувственно. Часть строящихся зданій уже доведена до крыши. Всѣ зданія будутъ готовы къ осени будущаго года.

Открытіе высшихъ курсовъ при біологической лабораторіи имени П. Ф. Лесгафта. Большой залъ біологической лабораторіи не могъ вмѣстить многочисленной публики, которая пожелала 21 сентября присутствовать на открытіи высшихъ общеобразовательныхъ курсовъ при біологической лабораторіи имени П. Ф. Лесгафта. Здѣсь были представители науки и различныхъ просвѣтительныхъ учреждений, бывшіе слушатели и слушательницы высшей вольной школы П. Ф. Лесгафта, слушательницы вновь открываемыхъ курсовъ и мн. др. Первое послѣ молебна привѣтствіе произнесъ предсѣдатель попечительнаго совѣта Н. В. Дмитріевъ. Ораторъ остановился, между прочимъ, на исторіи открываемыхъ курсовъ и отмѣтилъ, что мысль объ учрежденіи частнаго университета дана П. Ф. Лесгафтомъ и что еще при его жизни были разработаны основныя положенія такого высшаго учебнаго заведенія. Предполагалось, что высшіе курсы будутъ доступны лицамъ обоаго пола, но министерство народнаго просвѣщенія пока разрѣшило эти курсы исключительно для женщинъ. Инициаторы не теряютъ, однако, надежды, что въ скоромъ будущемъ пріемъ на курсы будетъ доступенъ и мужчинамъ,—и мечта покойнаго П. Ф. о независимомъ свободномъ университетѣ, доступномъ для всѣхъ, осуществится во всей полнотѣ. По предложенію Н. В. Дмитріева, аудиторія почтила вставаніемъ память П. Ф. Лесгафта. Большую рѣчь о значеніи и задачахъ вновь открываемыхъ курсовъ произнесъ М. М. Ковалевъ

скій. «Покойный Лесгафтъ,—говорилъ М. М.,—собралъ насъ вокругъ себя, убѣдительно доказывая необходимость совокупными усиліями содѣйствовать открытію высшей общеобразовательной школы. Я радъ видѣть, что его мысль осуществляется. Наличие въ Петербургѣ двухъ общественныхъ университетовъ—психо-неврологическаго института и вновь открываемой школы—повліяютъ, не могутъ не повліять косвенно и на дальнѣйшую реформу высшей государственной школы. Увѣренный въ этомъ, я,—закончилъ М. М.,—отъ имени всѣхъ своихъ товарищей объявляю новые высшіе курсы открытыми». О необходимости новыхъ путей для нашей высшей школы говорилъ проф. В. А. Вагнеръ. Нынѣшняя школа перестала отвѣчать необходимымъ запросамъ просвѣщенія. Вредъ факультетской специализаціи давно признанъ представителями науки. На Западѣ и у насъ дѣлаются попытки реформировать школу на фундаментъ широкаго энциклопедическаго образованія. Вновь открываемые курсы являются одной изъ такихъ попытокъ. Надо пожелать, чтобы въ концѣ концовъ дѣло пересозданія высшей школы на принципъ широкаго образованія стало государственнымъ дѣломъ. Директоръ биологической лабораторіи С. М. Метальниковъ далъ подробную характеристику покойнаго П. Ф. Лесгафта, какъ ученаго и педагога. Ораторъ коснулся, между прочимъ, и исторіи вновь открываемыхъ курсовъ и указалъ на тѣ трудности, съ которыми связано было ихъ открытіе. Въ любой другой странѣ стремленія П. Ф. Лесгафта встрѣтили бы горячее сочувствіе и поддержку со стороны власти имущихъ. У насъ же имъ ставились всяческія препятствія. Ораторъ перечисляетъ тѣ многочисленныя преслѣдованія, которымъ подвергался П. Ф. въ разное время въ своей научно-педагогической дѣятельности. Только такая исключительная личность, какъ покойный П. Ф., могла съ ними бороться. «Трудно себѣ представить,—закончилъ С. И.,—школу Лесгафта безъ Лесгафта. Умеръ П. Ф., но духъ его живъ въ этихъ стѣнахъ. Заключительное привѣтствіе отъ имени педагогической академіи произнесъ бывший попечитель рижскаго учебнаго округа Д. М. Левшинъ. Рѣчи всѣхъ ораторовъ покрывались шумными апплодисментами многочисленной аудиторіи. Затѣмъ оглашены были привѣтствія отъ директора высшихъ женскихъ курсовъ проф. Савича, отъ политехническаго института, отъ бывшихъ слушательницъ высшей вольной школы и др. Министръ народнаго просвѣщенія прислалъ слѣдующую привѣтственную телеграмму: «Привѣтствую открытіе курсовъ и желаю имъ служить на пользу просвѣщенія». Послѣ торжественнаго открытія состоялась вступительная лекція проф. М. М. Ковалевскаго по курсу социологіи.

Амурская экспедиція. Въ Петербургъ вернулись члены междувѣдомственной экспедиціи, изслѣдовавшей, подъ предсѣдательствомъ т. с. Гондати, мѣстность, прилегающую къ району сооруженія Амурской жел. дор. Экспедиціей были изслѣдованы разныя отрасли народнаго хозяйства, какъ Забайкалья, такъ и въ Пріамурьѣ. Выяснилось, что на первомъ мѣстѣ стоитъ золотая промышленность. Въ Забайкальѣ за послѣдній годъ добыто около 550 пуд. золота, а въ Пріамурьѣ—около 950 пуд., общей стоимостью въ 30 мил. руб. Вся эта промышленность обслуживается, главнымъ образомъ, китайскими рабочими

и ведется въ высшей степени хищнически. Правильно же организованныя производства быстро падаютъ. Данныя, добытыя экспедиціей, значительно разнятся отъ официальныхъ отчетовъ. Объясняется это тѣмъ, что во всемъ Забайкальѣ дѣйствуетъ монополія на золото кабинета Его Величества. Послѣдній взимаетъ 5 проц. со всего количества добытаго золота и, естественно, промышленники не указываютъ точныхъ данныхъ о количествѣ добываемаго золота. Число китайскихъ рабочихъ на приискахъ въ одной только Амурской области доходитъ до 65 тыс., а въ Забайкальѣ—до 30 тыс. Русскихъ рабочихъ менѣе 10 проц. Здѣсь встрѣчаются цѣлыя китайскіе поселки съ правильно организованнымъ китайскимъ самоуправленіемъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ приходилось наталкиваться на селенія, въ которыхъ, съ разрѣшенія русскихъ властей, дѣйствуетъ вооруженная китайская полиція. Селенія эти посѣщаются хунхузами, аккуратно получающими свою дань и выдающими иногда въ полученіи этой дани особыя квитанціи. Разговоры о «желтой опасности» привели лишь къ тому, что изъ этой мѣстности изгнаны корейцы. Между тѣмъ, послѣдніе какъ разъ менѣе опасны, потому что по своимъ потребностямъ и привычкамъ они наименѣе склонны конкурировать съ нашими рабочими. Съ изгнаніемъ же корейцевъ китайцы остались полновластными хозяевами. Изъ другихъ отраслей промышленности вниманіе экспедиціи остановилось на лѣсномъ промыслѣ и мукомольномъ дѣлѣ. Первый изъ нихъ находится въ зародышѣ, главнымъ образомъ, вслѣдствіе неизслѣдованности лѣсныхъ богатствъ края... Второе же быстро развивается исключительно на капиталистическихъ началахъ. Заводская промышленность почти совершенно отсутствуетъ. Главнымъ тормозомъ фабрично-заводской дѣятельности въ этой мѣстности является невозможность пріобрѣтать въ собственность землю для постройки заводовъ. Согласно дѣйствующимъ узаконеніямъ, фабрики и заводы могутъ строиться здѣсь только на арендованной землѣ, что чрезвычайно невыгодно, такъ какъ, вслѣдствіе краткости сроковъ концессіи, арендная плата быстро возрастаетъ.

25-лѣтній юбилей архіепископа Арсенія. 18-го сентября исполнилось 25 лѣтъ административной и учено-литературной дѣятельности Арсенія, архіепископа псковскаго. Архіепископъ Арсеній, въ мірѣ Авксентій Георгіевичъ Стадницікій, по окончаніи въ 1885 г. кіевской духовной академіи магистрантомъ, 10 лѣтъ преподавательствовалъ въ кишиневской семинаріи. Принявъ въ 1895 г. монашество, онъ послѣдовательно былъ инспекторомъ и ректоромъ новгородской семинаріи, инспекторомъ и (въ епископскомъ санѣ) ректоромъ московской академіи. Въ послѣдней онъ состоялъ также профессоромъ по кафедрѣ библейской исторіи. Въ 1904 г. назначенъ на псковскую кафедру, занимаемую имъ понышѣ. Педагогическая опытность и блестящія административныя способности епископа псковской кафедры привлекли къ нему вниманіе въ годы броженія духовной школы, и онъ приглашенъ былъ въ 1905 г. на происходившія въ св. синодѣ совѣщанія по умиротворенію духовной школы, а въ слѣдующемъ году—на постъ предсѣдателя учебнаго комитета. Въ качествѣ такового, онъ предсѣдательствуетъ въ V отдѣлѣ предсоборнаго присутствія, разработавшемъ основы духовно-учебной реформы. Съ 1907 года архіепископъ Арсеній членъ

Г. Совѣта отъ монашествующаго духовенства. Архіепископъ Арсеній извѣстенъ не только какъ администраторъ, но и какъ духовный ученый. Еще студентомъ академіи онъ удостоивается Макарьевской преміи за книгу «Дневникъ студента-паломника на Аѳонъ». Во время десятилѣтняго редакторства «Кишиневск. Епарх. Вѣдом.» имъ написано около 100 различныхъ статей, преимущественно историческаго характера. Къ церковно-исторической области относятся и двѣ ученныя диссертациі архіепископа Арсенія—магистерская «Гавріилъ Банулеско-Бодони, экзархъ молдо-влахійскій и митрополитъ кишиневскій» (1895 г.) и докторская—«Исслѣдованія и монографіи по исторіи молдавской церкви (1905 г.); послѣдній трудъ увѣнчанъ макарьевскою и уваровскою преміями.

50-лѣтній юбилей архіепископа Агаѳодора. 9 октября исполнилось 50-лѣтіе служенія въ священномъ санѣ одного изъ выдающихся архипастырей православной церкви, высокопреосвященнаго Агаѳодора, архіепископа ставропольскаго и екатеринодарскаго. Владыка-юбиларъ уроженецъ Ярославской епархіи, въ мірѣ Павелъ Преображенскій, родился 15 декабря 1837 года. По окончаніи курса ученія въ ярославской духовной семинаріи со званіемъ студента, 9 октября 1860 года рукоположенъ во священники. Въ 1884 году опредѣленъ настоятелемъ Мышкинскаго, Успенскаго собора съ возведеніемъ въ санъ протоіерея. Въ началѣ 1888 года принялъ монашество и возведенъ въ санъ архимандрита, а 13 февраля того же года состоялось высочайшее повелѣніе о бытіи ему епископомъ балахнинскимъ, викаріемъ Нижегородской епархіи. 1 марта 1891 года назначенъ на самостоятельную кафедру сухумскую, а съ 17 іюля 1893 года перемѣщенъ въ Ставрополь. 6 мая 1907 года возведенъ въ санъ архіепископа. Лично пройдя всѣ ступени пастырскаго служенія, высокопреосвященный Агаѳодоръ пользуется репутаціею блестящаго церковнаго администратора. Кромѣ того владыка-юбиларъ извѣстенъ, какъ образцовый популяризаторъ богословскихъ знаній, и его «Руководство къ изученію Закона Божія» служитъ настольной книгою въ начальныхъ училищахъ. Кромѣ того владыка, отличается необычайной щедростію, въ особенности на дѣла церковно-просвѣтительныя и благотворительныя, и на его средства во многихъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ учреждены стипендіи для учащихся. День своего юбилея высокопреосвященный также ознаменовалъ крупнымъ добрымъ дѣломъ, пожертвовавъ 15,000 рублей на устройство храмовъ для переселенцевъ. Вслѣдствіе просьбы своей паствы, относящейся къ нему съ необычайной любовью и уваженіемъ, владыка отбылъ, съ разрѣшенія св. синода, въ Ставрополь, гдѣ въ честь его былъ устроенъ цѣлый рядъ торжествъ. Ко дню юбилея высокопреосвященному Высочайше пожалованъ брильянтовый крестъ для ношенія на клобукѣ.

Юбилей М. М. Михайловскаго. Въ концѣ минувшаго сентября исполнилось 25-тилѣтіе педагогической дѣятельности Михаила Михайловича Михайловскаго, автора весьма извѣстныхъ «Руководствъ къ изученію латинскаго языка». М. М. Михайловскій родился въ 1859 г., въ семьѣ священника, воспитывался въ новгородской духовной семинаріи и петербургской духовной академіи. Пробывъ около 7 лѣтъ преподавателемъ новгородскаго духовнаго училища и симбирской духовной семинаріи, ошъ въ 1891 г. выдержалъ экзаменъ при

петербургскомъ университетѣ на званіе учителя гимназій и съ тѣхъ поръ сосредоточилъ свою педагогическую дѣятельность въ столичныхъ учебныхъ заведеніяхъ: пятой мужской гимназіи, гимназіи Имп. челоуѣколюбиваго общества, технологическомъ институтѣ и др. Первая «Латинская грамматика для духовныхъ училищъ» была издана г. Михайловскимъ въ 1888 г. (въ 1909 г.—9-е изд.), за которую въ слѣдующемъ году послѣдовала и «Латинская хрестоматія для духовныхъ училищъ» (въ 1909 г.—7-е изд.). Весьма распространенное его «Начальное руководство къ изученію латинскаго языка» выходитъ уже 10 изданіемъ (1-е въ 1893 г.). Ему же принадлежатъ: «Избранныя метаморфозы Овидія и постатейный къ нимъ словарь» (1901 г.), «Курсъ итальянскаго языка, по методу Берлица», и рядъ статей, рецензій, переводовъ въ «Сообщеніяхъ Имп. Православнаго Палестинскаго общества», основанныхъ на личномъ знакомствѣ съ Палестиной и Сиріей и на изученіи иностранной литературы. Довольно важную услугу оказали юбиляръ начальной и средней школъ тѣмъ, что основалъ въ 1892 г., на собственный рискъ, «С.-Петербургскій учебный магазинъ», который явился потомъ весьма цѣннымъ поставщикомъ и даже вкладчикомъ дешевой и въ то же время цѣнной учебной литературы. Нельзя обойти молчаніемъ еще и того обстоятельства, что М. М. Михайловскій на свои средства устроилъ въ с. Морозовичи, Крестецкаго уѣзда, школу для дѣтей обоего пола, которую съ землей и новымъ домомъ подарилъ мѣстному земству и которую до сихъ поръ поддерживаетъ своею помощію. Особо прочувствованнымъ адресомъ былъ привѣтствованъ юбиляръ стъ родительскаго комитета 5-й гимназіи.

Правила второго литературнаго конкурса редакціи «Биржевыхъ Вѣдомостей» на оригинальные русскіе рассказы и повѣсти. 1) Представленные на конкурсъ рассказы и повѣсти (въ прозѣ) должны быть оригинальными, нигдѣ не напечатанными, размѣромъ приблизительно въ одинъ печатный листъ (около 1000 газетныхъ строкъ). 2) Означенныя произведенія доставляются въ литературный комитетъ второго конкурса «Биржевыхъ Вѣдомостей» (Петербургъ, Галерная, 40) подъ девизомъ, вмѣстѣ съ запечатаннымъ конвертомъ, на которомъ означенъ тотъ же девизъ. Въ конвертѣ содержится записка съ указаніемъ фамиліи автора и его адреса. Конверты вскрываются лишь въ случаѣ присужденія преміи произведенію. Рукописи, подписанныя авторомъ, или не сопровождаемая девизомъ, въ конкурсѣ не участвуютъ. Члены жюри въ конкурсѣ не участвуютъ. 3) Авторамъ произведеній, за которыя не присуждены преміи, гарантируется полная тайна имени. Рукописи не премированныхъ рассказовъ и конверты съ именами (не вскрытые) будутъ уничтожены, послѣ публичнаго провозглашенія премій, въ особомъ засѣданіи литературнаго комитета, о чемъ будетъ составленъ актъ. 4) Для полной гарантіи безпристрастія комитета представляемая на конкурсъ произведенія должны быть отпечатаны на пишущей машинѣ, или, въ крайнемъ случаѣ, четко переписаны, однако не авторской рукой, такъ какъ членамъ комитета могутъ быть извѣстны почерки нѣкоторыхъ авторовъ. 5) Предѣльнымъ срокомъ для представленія рукописей назначается для авторовъ, живущихъ въ Петербургѣ, 31-е декабря 1910 г.; этотъ же день признается послѣднимъ

(число почтового штемпеля) для отсылки въ Петербургъ произведеній изъ провинціи или изъ-за границы. Произведенія, отправленныя послѣ того срока, въ конкурсѣ не участвуютъ. 6) Редакція ассигновала на преміи, съ правомъ напечатать премированныя произведенія на страницахъ «Биржевыхъ Вѣдомостей», или безплатныхъ къ этой газетѣ приложеній,—10,000 рублей. Устанавливается всего 10 премій. Первая премія составляетъ 2,000 руб., вторая—1,500 руб., третья—1,250 руб., остальные семь—по 750 рублей каждая. Изъ всѣхъ произведеній литературный комитетъ избираетъ 10 лучшихъ и присуждаетъ каждому премію въ 750 руб.; три добавочныя преміи (въ 1,250 руб., 750 и 500 руб.) присуждаются голосованіемъ читателей «Биржевыхъ Вѣдомостей». 7) Въ публичномъ засѣданіи въ Петербургѣ въ мартѣ 1911 г. въ присутствіи всѣхъ желающихъ будутъ прочитаны доклады о ходѣ и результатахъ конкурса и постановленія комитета съ подробной ихъ мотивировкой, послѣ чего состоится вскрытіе 10 конвертовъ съ девизами для оглашенія фамилій авторовъ, произведенія которыхъ литературный комитетъ призналъ наилучшими. Выдача 10 премій по 750 рублей каждая, присужденныхъ литературнымъ комитетомъ, будетъ производиться со слѣдующаго послѣ засѣданія дня въ конторѣ «Биржевыхъ Вѣдомостей». Печатаніе 10 премированныхъ произведеній на страницахъ «Биржевыхъ Вѣдомостей» или безплатныхъ къ этой газетѣ приложеній начнется въ апрѣлѣ 1911 г. и будетъ закончено въ ноябрѣ того же года. 8) Премированныя произведенія впервые печатаются на страницахъ «Биржевыхъ Вѣдомостей» и не могутъ быть перепечатываемы или издаваемы авторами или къмъ-либо съ ихъ разрѣшенія ранѣе 31 декабря 1912 года. 9) Одновременно съ отпечатаніемъ всѣхъ премированныхъ произведеній читателямъ «Биржевыхъ Вѣдомостей» будутъ разосланы особые опросныя листки съ фамиліями получившихъ премію авторовъ. Читатели избираютъ трехъ авторовъ, которымъ хотѣли бы предоставить добавочныя преміи, и возвращаютъ опросныя листки по адресу литературнаго комитета конкурса къ 10 декабря 1911 г. Три добавочныя преміи (1-я—въ 1,250 рублей, 2-я—въ 750 руб. и 3-я—въ 500 руб.) выдаются авторамъ, сообразно количеству собранныхъ авторами читательскихъ голосовъ, вслѣдъ за оглашеніемъ результата подсчета опросныхъ листковъ. Проверка результатовъ подсчета опросныхъ листковъ производится въ Петербургѣ въ публичномъ засѣданіи въ присутствіи всѣхъ желающихъ. Въ составъ литературнаго комитета (жюри) второго конкурса редакціи «Биржевыхъ Вѣдомостей» вошли: В. Г. Авсѣенко, К. С. Баранцевичъ, П. В. Быковъ, П. П. Гнѣдичъ, Вас. И. Немировичъ-Данченко, И. Н. Потапенко, И. Л. Щегловъ (Леонтьевъ), І. І. Ясинскій (предсѣдатель комитета) и представители редакціи «Биржевыхъ Вѣдомостей».

О памятникѣхъ Бѣлинскому и Гончарову. Городское управленіе г. Чамбара (Пензенской губ.), «въ заботахъ о болѣе достойномъ ознаменованіи предстоящаго дня столѣтія со дня рожденія знаменитаго своего земляка, Виссаріона Григорьевича Бѣлинскаго, пришло въ мысли, что лучшимъ памятникомъ великому творцу русской художественной критики будетъ устройство въ г. Чамбарѣ «Народнаго дома имени Бѣлинскаго». Какъ извѣстно, Бѣлинскій провелъ

въ Чембарѣ дѣтскіе годы, здѣсь онъ началъ учиться, здѣсь протекли первые годы его юности. Городское управленіе полагаетъ, что «народный домъ», гдѣ должны быть сосредоточены: 1) существующая уже, но не имѣющая своего помѣщенія бібліотека, имени писателя; 2) народная аудиторія; 3) первоначальная школа,—явится не только памятникомъ великому учителю-идеалисту, но и просвѣтительнымъ учрежденіемъ для гор. Чембара и его уѣзда». Образовался комитетъ по сбору пожертвованій, который, открывъ съ Высочайшаго соизволенія всероссійскую подписку на «Народный домъ имени В. Г. Бѣлинскаго», разсылаетъ по всей Россіи подписные листы съ просьбой пожертвовать и принять участіе въ сборѣ пожертвованій. Въ 1902 году 6 іюня исполняется столѣтіе со дня рожденія уроженца гор. Симбирска, И. А. Гончарова. Въ виду этой годовщины симбирская ученая архивная комиссія вошла съ ходатайствомъ объ открытіи сбора пожертвованій на сооруженіе въ Симбирскѣ памятника писателю. Въ настоящее время комиссіей рассылаются подписные листы, сопровождаемые поясненіемъ, что «Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра внутреннихъ дѣлъ въ 18-й день іюня 1910 года Высочайше соизволилъ разрѣшить симбирской губернской ученой архивной комиссіи открыть всероссійскій сборъ добровольныхъ пожертвованій на сооруженіе въ гор. Симбирскѣ памятника И. А. Гончарову». Памятникъ, въ видѣ статуи писателя, имѣлось въ виду поставить на нагорномъ берегу Волги, на вершинѣ симбирской горы, называемой «Вѣнцомъ», на краю «обрыва», но въ настоящее время, въ сопровождающихъ подписные листы письмахъ, объявляется, что «впредь до выясненія размѣровъ денежной суммы, могущей быть собранной путемъ Высочайше разрѣшенной всероссійской подписки, комиссія пока еще не остановилась на выборѣ типа памятника, однако признала наиболѣе полезнымъ постройку зданія, въ которомъ могли бы быть сосредоточены учрежденія просвѣтительнаго характера, какъ-то: музей, художественная школа и бібліотека».

Географическое бюро. Съ осени текущаго 1910 года начинается свою дѣятельность «географическое бюро при педагогическомъ музеѣ военно-учебныхъ заведеній», ставящее себѣ цѣлью оказывать содѣйствіе лицамъ, интересующимся географіей. Географическое бюро находится въ сношеніяхъ со специалистами по разнообразнымъ отраслямъ географическихъ занятій. Безвозмездно выдаются справки и указанія: 1) по выбору и приобрѣтенію учебныхъ пособій, картъ, атласовъ, глобусовъ, и проч., 2) по научной и учебной литературѣ, 3) по снаряженію научныхъ экспедицій, экскурсій и проч. Адресъ: СПб. Фонтанка 10 (Соляной Городокъ), географическое бюро при педагогическомъ музеѣ военно-учебныхъ заведеній.

НЕКРОЛОГИ.

ВРЖЕВСКІЙ, Н. К. Въ минувшемъ августѣ скончался, едва достигнувъ 50-ти-лѣтняго возраста, Николай Корнилевичъ Бржевскій. Блестяще окончивъ въ 1883 году петербургскій университетъ съ золотой медалью за кандидатскую диссертацию о государственныхъ долгахъ Россіи, удостоенную преміи, Н. К. штудироваль потомъ въ вѣнекомъ университетѣ. По возвращеніи въ Россію, онъ въ 1886 г. былъ приглашенъ тогдашнимъ министромъ финансовъ Н. Х. Бунге на службу въ министерство финансовъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ продолжалъ и свои научныя занятія и въ 1888 году получилъ ученую степень магистра финансоваго права за диссертацию подъ заглавіемъ: «Податная реформа». Эти успѣхи его первыхъ шаговъ на научномъ поприщѣ, казалось, обезпечивали ему почетную карьеру ученаго, какъ нельзя больше отвѣчавшую его природнымъ склонностямъ, но обстоятельства отвлекли его отъ этой дороги, и хотя онъ всѣ свои досуги продолжалъ отдавать научнымъ работамъ и, уже занимая солидное служебное положеніе вице-директора въ департаментѣ окладныхъ сборовъ, написалъ и защитилъ диссертацию на степень доктора финансоваго права («Недоимочность и круговая порука сельскихъ обществъ», 1897 г.), тѣмъ не менѣе ученая карьера ускользнула отъ него. Какъ человѣка обширныхъ знаній и неутомимаго работника, его постоянно запрягали въ самыя разнообразныя и трудныя работы, почти всегда спѣшныя, требовавшія огромнаго напряженія силъ, и какъ ни богаты были эти силы, онъ не выдержали: всего на 43 году жизни его поразилъ первый ударъ, послѣ котораго онъ, правда, оправился, чтобы вернуться къ той же напряженной работѣ, но его уже хватило ненадолго. Проходя службу по министерству финансовъ съ кратковременными перерывами по случаю перехода въ государственную канцелярію, и другой разъ—по случаю назначенія его директоромъ канцеляріи финляндскаго статсъ-секретаріата при статсъ-секретарѣ Плевѣ, а въ послѣдніе годы состоя членомъ

совѣта министровъ торговли и промышленности и одновременно членомъ тарифнаго комитета, Н. К. постоянно былъ привлекаемъ къ разнообразнымъ, перѣдко весьма обширнымъ работамъ, сверхъ текущей служебной дѣятельности. Между прочимъ, на него легла наибольшая доля труда въ подготовкѣ и разработкѣ матеріаловъ для законопроекта объ отмѣнѣ круговой поруки. Ему принадлежала значительная часть лекцій по финансовымъ и экономическимъ вопросамъ, читанныхъ С. Ю. Витте въ бытность его министромъ финансовъ великому князю Михаилу Александровичу. Когда министерства готовились къ своему столѣтнему юбилею, на Н. К. возложено было редактированіе юбилейнаго изданія по министерству финансовъ, вышедшаго въ двухъ огромныхъ томахъ. Многіе отдѣлы этого изданія были имъ не только редактированы, но и обработаны имъ для печати. Для того же изданія имъ составлена исторія податнаго обложенія въ Россіи—весьма цѣнный историческій трудъ, для котораго онъ использовалъ богатый матеріалъ архивовъ м-ва финансовъ и гос. совѣта. При его ближайшемъ участіи составленъ былъ проектъ закона объ отсрочкѣ и разсрочкѣ выкупнаго долга. Когда назначенный министромъ народнаго просвѣщенія генералъ Ванновскій задумалъ коренную школьную реформу, Н. К. былъ командированъ за границу для ознакомленія съ тамошними школьными системами, и въ комиссіи генерала Ванновскаго, будучи тамъ представителемъ отъ м-ва финансовъ, выступилъ энергичнымъ защитникомъ гуманитарнаго образованія. По этому предмету онъ помѣстилъ тогда въ «Нов. Времени» рядъ блестящихъ статей. Впрочемъ, и въ нерѣдкихъ другихъ случаяхъ, обладая публицистическимъ талантомъ, онъ печаталъ, преимущественно въ «Новомъ Времени» статьи по разнымъ злободневнымъ вопросамъ. Въ послѣдніе годы, уже больной, онъ много работалъ по вопросамъ объ обложеніи электрическаго освѣщенія, о реформѣ промыслового налога, о преобразованіи Государственнаго банка и Учетно-ссуднаго банка въ Персіи. Его упомянутая докторская диссертация: «Недоимочность и круговая порука сельскихъ обществъ» была и остается капитальнымъ вкладомъ въ литературу крестьянскаго вопроса. Она обрисовала во всей вопіющей неприглядности изнанку общиннаго строя, бывшаго въ то время фетишемъ нашей интеллигенціи. Выходъ въ свѣтъ этой книги, можно сказать, предрѣшилъ отмѣну круговой поруки, составлявшей главную силу и вмѣстѣ опору общины. Другое его изслѣдованіе, вышедшее въ 1899 г. подъ заглавіемъ: «Общинный бытъ и хозяйственная необеспеченность крестьянъ», развѣнчивало общину, какъ хозяйственный институтъ, выясняя, какимъ она тормозомъ служитъ въ хозяйственной дѣятельности крестьянъ. Въ ту же точку били и послѣдующія его сочиненія: «Крестьянскіе семейные раздѣлы» (1900 г.), «Очерки юридическаго быта крестьянъ» (1902 г.), «Натуральныя повинности крестьянъ и мірскіе сборы» (1906 г.). Въ послѣдніе годы Н. К. предпринялъ новое изслѣдованіе—аграрнаго быта крестьянъ, но успѣлъ выпустить только первый очеркъ о «земледѣльческомъ центрѣ Россіи и его оскудѣніи» (1908 г.). Необыкновенно скромный въ личной жизни, онъ въ своихъ названныхъ произведеніяхъ выступаетъ смѣлымъ и мужественнымъ борцомъ за идеи, тогда непопулярныя въ нашемъ обществѣ, но которыя онъ считалъ святой правдой и въ торжествѣ которыхъ видѣлъ необходимое условіе возстановленія народнаго

благосостоянія и культурнаго роста нашего отечества. Смерть оборвала нить его жизни въ тотъ моментъ, когда эти идеи стали достояніемъ уже широкихъ общественныхъ круговъ, что было для Н. К. великимъ утѣшеніемъ въ послѣдніе годы его жизни, когда тяжелый недугъ лишилъ его возможности лично участвовать въ начавшемся историческомъ процессѣ послѣдняго раскрѣпощенія крестьянъ отъ общины,—процеса, подготовкѣ котораго онъ такъ дѣятельно помогалъ своими работами. (Некрологъ его: «Новое Время» 1910 г., № 12415).

† **Добротворская, Н. В.** Въ ночь на 26 сентября скончалась одна изъ дѣятельнѣйшихъ труженицъ книгоиздательскаго дѣла А. С. Суворина Наталья Васильевна Добротворская (урожденная Володуцкая), бывшая въ теченіе десяти лѣтъ главнымъ бухгалтеромъ «Новаго Времени». Покойная всегда скромная, точная и аккуратная, отличалась знаніемъ бухгалтерскаго дѣла и замѣчательнымъ трудолюбіемъ. За время своей службѣ въ конторѣ «Новаго Времени» она привела все счетоводство по изданіямъ А. С. Суворина въ образцовый порядокъ и тщательно поддерживала его, заботясь объ отчетной ясности и точности. Какъ человекъ, она пользовалась общими симпатіями знавшихъ ее и цѣнившихъ ея доброжелательство и трудоспособность. Покойная—дочь доктора медицины—по окончаніи курса въ варшавской гимназій съ золотой медалью была вынуждена послѣ смерти отца поддерживать свою семью и заботиться объ образованіи сестры и брата. Двадцати восьми лѣтъ она поступила на курсы новыхъ языковъ, вскорѣ на курсы бухгалтеріи П. О. Ивашиной. По окончаніи курсовъ началась ея трудовая жизнь сперва въ конторѣ по управленію дѣлами кн. Гагарина, потомъ въ книгоиздательствѣ Девриена и съ 1900 г. сосредоточилась въ главной конторѣ «Новаго Времени». Умерла она на 49 году, оставивъ по себѣ память доброй женщины, чуткой къ чужому горю и нуждѣ. (Некрологъ ея: «Новое Время», 1910 г., № 12409).

† **Иванова, Е. И.** Въ Псковѣ скончалась 24 сентября преподавательница математики мѣстной женской гимназій, состоящей подъ покровительствомъ великой княгини Александры Іосифовны, Елена Ивановна Иванова. Начавъ преподавать 17-лѣтней дѣвушкой, она тридцать лѣтъ проработала въ псковской гимназій, сохранивъ до послѣднихъ дней своей жизни энергію и горячее желаніе служить дѣлу воспитанія и обученія. Подъ ея руководствомъ учились и воспитывались сотни дѣвушекъ, и она всегда отзывчиво относилась къ ихъ нуждамъ, радовалась ихъ радостями, оставивъ по себѣ благодарныя воспоминанія. (Некрологъ ея: «Новое Время», 1910 г., № 12410).

† **Камышанскій, П. К.** Въ ночь съ 23 на 24 сентября скончался вятскій губернаторъ, въ званіи камергера Высочайшаго двора, д. с. с. Петръ Константиновичъ Камышанскій. Покойный былъ хорошо извѣстенъ Петербургу въ качествѣ товарища предсѣдателя спб. окружнаго суда, а затѣмъ въ послѣдніе дни петербургской службѣ—какъ прокуроръ спб. судебной палаты. Его имя не сходило съ газетныхъ столбцовъ въ первые періоды успокоенія, послѣ смуты 1905—6 гг.: будучи прекраснымъ ораторомъ, П. К. Камышанскій велъ почти всѣ значительныя политическія процессы. (Его перу принадлежить обвинительный актъ по дѣлу о выборскомъ воззваніи, онъ высту-

паль обвинителемъ по дѣлу о совѣтѣ рабочихъ депутатовъ и по его инициативѣ былъ произведенъ арестъ Хрусталева-Носаря и другихъ видныхъ дѣятелей революціи). Подъ его руководствомъ петербургская прокуратура производила сложное дѣло о социаль-демократической организаціи, въ число членовъ которой входили многіе депутаты гос. думы. Покойный происходилъ изъ потомственныхъ дворянъ Подольской губ., родился 26 декабря 1862 г. и образованіе получилъ въ петербургскомъ университетѣ. Единственное въ наши дни и самое старое въ Россіи университетское общежитіе, коллегія императора Александра II имѣетъ честь считать П. К. въ числѣ своихъ питомцевъ. 24 мая 1888 г. онъ былъ назначенъ кандидатомъ на судебныя должности при прокурорѣ кишиневскаго окружнаго суда, а въ 1891 г. исп. должн. судебного слѣдователя 1 уч. Ковельскаго уѣзда, затѣмъ въ теченіе десяти лѣтъ былъ товарищемъ прокурора окружнаго суда въ Могилевѣ, Кіевѣ и Петербургѣ. Въ 1901 г. П. К. получилъ назначеніе прокуроромъ въ Витебскъ, а оттуда черезъ годъ перешелъ въ Петербургъ. Въ апрѣлѣ 1907 г. покойный произведенъ въ д. с. с., въ іюлѣ пожалованъ въ званіе камергера и въ тотъ же годъ назначенъ прокуроромъ судебной палаты. Выдающіяся способности и неутомимое трудолюбіе П. К. обратили на него вниманіе правительства и покойный считался кандидатомъ на болѣе высокіе служебныя посты. Губернаторомъ въ Вяткѣ П. К. пробылъ немного менѣе полутора года и за это короткое время снискалъ общія симпатіи населенія. (Некрологъ его: «Новое Время», 1910 г., № 12406).

† **Либенъ, П. Ѳ.** 9 октября на Смоленскомъ кладбищѣ состоялись похороны преподавателя русскаго языка и исторіи Павла Ѳедоровича Либена. Вся жизнь П. Ѳ. была посвящена педагогической дѣятельности: онъ началъ давать уроки еще гимназистомъ уфимской гимназіи, уроки давалъ онъ и студентомъ казанскаго университета. За день до смерти онъ былъ на урокахъ, и о своихъ урокахъ онъ говорилъ за нѣсколько часовъ до остраго сердечнаго припадка, унесшаго его въ могилу. Всѣ силы, вся энергія, всѣ помыслы свои отдавалъ П. Ѳ. дорогому для него дѣлу и служилъ ему, дѣйствительно, за совѣтъ. За свою жизнь онъ собралъ множество матеріаловъ, относящихся къ преподаванію исторіи и русскаго языка, но благодаря чрезвычайной скромности онъ мало ихъ печаталъ; послѣ него остался элементарный учебникъ по русской исторіи, выдержавшій нѣсколько изданій, руководство по правописанію (изданное имъ подъ псевдонимомъ Долибскій) и нѣсколько статей по русской исторіи. П. Ѳ. былъ рѣдкій, идеальный человѣкъ; терній учительской жизни, особенно жесткія для такого добросовѣстнаго, деликатнаго, мягкаго, незлобиваго и неискательнаго человѣка, какимъ былъ П. Ѳ., сломавъ его физическія силы, даже не замутили чистоты его духа, и онъ ушелъ изъ этого міра съ той же дѣтской, кристаллически ясной душой, съ какой онъ вступилъ въ жизнь. Миръ его праху! (Некрологъ его: «Рѣчь», 1910 г., № 278).

† **Маціевичъ, Л. М.** Трагически погибшій при крушеніи аэроплана 24 сентября капитанъ корпуса корабельныхъ инженеровъ Левъ Магаровичъ Маціевичъ былъ первымъ русскимъ военнымъ летчикомъ, первымъ и, какъ по-

казали авіаціонные дни, организованныя о-вомъ «Крылья», однимъ изъ лучшихъ. Ему было всего 33 года, въ службѣ находился съ 1902 г.: блестяще окончивъ технологическій институтъ, онъ выдержалъ спеціальныя экзамены при морскомъ инженерномъ училищѣ. Въ 1906 г. М. Л. окончилъ курсъ николаевской морской академіи, съ 1908 г. состоялъ на службѣ въ морскомъ техническомъ комитетѣ и занималъ должность помощника начальника кораблестроительной чертежной. Онъ первымъ изъявилъ желаніе учиться авіаціи, и прошлой весной былъ командированъ для этого во Францію отдѣломъ воздушнаго флота. Будучи старшимъ среди шести русскихъ военныхъ пионеровъ авіаціи, капитанъ Маціевичъ завѣдывалъ за границей дахозяйственно-министративной частью при обученіи полетамъ своихъ болѣе молодыхъ товарищей и состоялъ председателемъ комиссіи по приему аэроплановъ, сборкѣ ихъ и т. д. Въ рапортѣ о желаніи обучаться полетамъ кап. Маціевичъ докладывалъ своему начальству о намѣреніи выработать особый типъ аэроплана для подъема на воздухъ съ палубы военныхъ судовъ и приспособленіе для спасенія авіатора въ случаѣ спуска на воду. Въ какой степени покойный осуществилъ свои проекты, еще неизвѣстно; но если понадобятся новые люди для такой важной работы, то слѣдуетъ думать, что среди русскихъ военныхъ летчиковъ найдутся преемники этого доблестнаго офицера. Какъ разъ въ день гибели Л. М. ему были отпущены изъ отдѣла воздушнаго флота необходимыя средства для устройства ремонтной мастерской воздухоплавательныхъ аппаратовъ. И вмѣсто дальнейшей кипучей работы—такая ужасная смерть! Гибель капитана Маціевича произвела потрясающее впечатлѣніе на все русское общество, и похороны его на Александро-Невскомъ кладбищѣ представляли собою величественную картину проявленія національнаго горя, въ каковомъ чувствѣ слились всѣ представители нашей общественности. (Некрологъ его: «Новое Время», 1910 г. № 12406).

† **Муромцевъ, С. А.** Въ Москвѣ скончался скоропостижно 4 октября профессоръ московскаго университета Сергій Андреевичъ Муромцевъ, бывший председатель Г. Думы перваго созыва. Въ лицѣ покойнаго сошелъ въ могилу одинъ изъ видныхъ ученыхъ и общественныхъ дѣятелей. Сергій Андреевичъ Муромцевъ родился 23-го сентября 1850 года въ Петербургѣ. Онъ происходилъ изъ старинной дворянской семьи, воспитывался въ 3-й московской гимназійи и затѣмъ поступилъ въ московскій университетъ на юридическій факультетъ. По окончаніи курса въ университетѣ С. А. слушалъ лекціи знаменитаго профессора Рудольфа ф.-Иеринга въ Геттингенѣ. Вернувшись въ Россію, онъ защитилъ въ 1875 году магистерскую диссертацию «О консерватизмѣ въ римской юриспруденціи» и былъ избранъ доцентомъ римскаго права, въ качествѣ преемника Н. И. Крылова, своего бывшаго наставника, къ памяти котораго С. А. всегда сохранялъ глубокое уваженіе. «Въ жизни человѣка нѣтъ періода свѣтлѣе молодости, нѣтъ болѣе дорогихъ воспоминаній, чѣмъ воспоминанія о минутахъ напряженной и благой умственной работы». Таковы именно воспоминанія С. А. о своихъ студенческихъ годахъ; они тѣсно у него связаны съ дорогимъ для него образомъ Н. И. Крылова. Это были годы серьезной работы на студенческой скамьѣ,—работы, которая послужила преддверіемъ къ послѣдующимъ самостоятельнымъ научнымъ трудамъ. Наставникъ нашелъ талант-

ливаго ученика въ молодомъ начинающемъ ученомъ, которому суждено было стать его преемникомъ. Черезъ два года, по защитѣ диссертациі «Очерки общей теоріи гражданскаго права», С. А. получилъ степень доктора и былъ избранъ экстраординарнымъ, а затѣмъ и ординарнымъ профессоромъ по кафедрѣ римскаго права. Въ 1880—1881 г. С. А. занималъ постъ проректора московскаго университета. Но профессорская дѣятельность С. А. продолжалась недолго. Въ 1884 году онъ принужденъ былъ оставить кафедру и вступилъ въ присяжные повѣренные округа московской судебной палаты. Это произошло по «независящимъ обстоятельствамъ». Тогда вводился пресловутый университетскій уставъ 1884 года. Было предпринято воздѣйствіе на профессорскія корпораціи, живыя силы отменялись. С. А. былъ устраненъ отъ университетскаго преподаванія. Тѣмъ не менѣе и за короткій срокъ профессорскаго служенія С. А. успѣлъ занять одно изъ первыхъ мѣстъ въ факультетѣ. Но хотя профессорская дѣятельность С. А. и оборвалась такъ скоро, его учено-литературная дѣятельность безостановочно продолжалась и развивалась. Продолженіемъ его магистерской и докторской диссертаций въ области установленія основныхъ задачъ и методовъ изученія права явились его работы «Опредѣленіе и основное раздѣленіе права», «Гражданское право древняго Рима», «Рецепція римскаго права на Западѣ», «Что такое догма права?», «Очерки общей теоріи гражданскаго права», «Ученіе нѣмецкихъ юристовъ объ образованіи права» и др. Эти труды доставили С. А. громкую извѣстность не только въ Россіи, но и среди ученыхъ юристовъ Западной Европы. Кромѣ названныхъ капитальныхъ рудовъ, составляющихъ громадный вкладъ въ науку гражданскаго правовѣдѣнія, С. А. принадлежитъ цѣлый рядъ высокоцѣнныхъ юридическихъ статей, помѣщенныхъ и въ специальныхъ, и въ общихъ органахъ печати, — статей, проникнутыхъ тѣми же высокими культурными идеалами и тѣми же широкимъ философски и научно-обоснованнымъ пониманіемъ задачъ права, которыя легли въ основу его главныхъ научныхъ трудовъ. Назовемъ нѣкоторыя изъ нихъ: «Судъ и законъ въ гражданскомъ правѣ» («Юридическій Вѣстникъ», 1880 г., № 11), «Творческая сила юриспруденціи» (тамъ же, 1887 г., № 9), «Право и справедливость» («Сборникъ правовѣдѣнія и общественныхъ знаній», II) и др. Въ тѣсной связи съ ученой дѣятельностью С. А. стоитъ его дѣятельность въ московскомъ юридическомъ обществѣ, гдѣ онъ занялъ мѣсто предсѣдателя непосредственно послѣ проф. В. Н. Лешкова, одного изъ основателей общества. Роль и значеніе московскаго юридическаго общества въ культурномъ служеніи задачамъ права и юридическаго образованія общеизвѣстны. Общество являлось средоточіемъ московскаго юридическаго міра: въ него входили и юристы-теоретики, и юристы-практики, профессора, магистратура, адвокаты, земскіе дѣятели. Состоя предсѣдателемъ общества, своими трудами и руководительствомъ С. А. способствовалъ его процвѣтанію и широкому плодотворному служенію научнымъ и общественнымъ интересамъ. Одновременно С. А. состоялъ и редакторомъ, съ 1879 по 1892 г., «Юридическаго Вѣстника», издававшагося московскимъ юридическимъ обществомъ, который также сыгралъ выдающуюся роль въ развитіи русской юридической мысли. Въ октябрѣ 1892 года состоялось распоряженіе о подчиненіи «Юридическаго Вѣстника» предварительной цензурѣ. Общество постановило прекратить изданіе журпала. Взамѣнъ журпала

съ 1893 года сталъ выходить отдѣльными томами «Сборникъ правовѣднiя и общественныхъ знанiй», въ которомъ помѣщались протоколы засѣданiй и работъ общества. «Независлiя обстоятельства» однако непрестанно стояли на пути общественной дѣятельности С. А. Юридическое общество оказалось также недолговѣчнымъ. Въ маѣ 1899 года юридическое общество, по приглашенiю Общества любителей россiйской словесности и по предложенiю совѣта московскаго университета приняло участие въ празднованiи столѣтней годовщины со дня рожденiя А. С. Пушкина. С. А., въ качествѣ предсѣдателя общества, прочелъ въ торжественномъ собранiи 26 мая составленное имъ привѣтствiе. «Празднуя нынѣ память поэта,—заканчивалось это привѣтствiе,—мы торжествуемъ вмѣстѣ съ тѣмъ побѣду, одержанную русской личностью надъ рутиною жизни и властной опеки». Но «власть рутины» оказалась достаточно сильной. Черезъ полтора мѣсяца послѣ того попечитель московскаго учебнаго округа увѣдомилъ, что министръ народнаго просвѣщенiя призналъ необходимымъ закрыть общество. Перу С. А. принадлежатъ въ печати не только юридическiя статьи. Имъ написано немало публицистическихъ статей, которыя были помѣщены въ «Порядкѣ», «Вѣстникѣ Европы», «Русскихъ Вѣдомостяхъ» и др. Мы пользовались драгоцѣннымъ сотрудничествомъ С. А. многiе годы и теряемъ въ его лицѣ одного изъ старѣйшихъ сотрудниковъ. Статьи, относящiяся къ первой половинѣ 80-хъ годовъ, теперь собраны въ недавно появившемся III выпускѣ «Статей и рѣчей С. А. Муромцева». Предыдущiе два выпуска названнаго изданiя, редактировавшася самимъ С. А., содержатъ написанныя покойнымъ и разсѣянные по разнымъ органамъ печати небольшiя статьи, некрологи, воспоминанiя и рѣчи, произнесенныя на сѣздѣ русскихъ юристовъ и въ московскомъ юридическомъ обществѣ. Изданiе было только начато, оно должно было явиться цѣннымъ собранiемъ всѣхъ статей, рѣчей и работъ С. А. Въ него должны были войти и судебныя рѣчи С. А., которыя имѣютъ весьма большую юридическую и общественную цѣнность. По прекращенiи профессорской дѣятельности, С. А. вступилъ въ ряды адвокатуры, гдѣ вскорѣ занялъ также одно изъ первыхъ мѣстъ. Онъ былъ членомъ московскаго совѣта присяжныхъ повѣренныхъ. Обладая громадными теоретическими знанiями, ученый юристъ сталъ блестящимъ юристомъ-практикомъ, прiобрѣтшимъ всероссiйскую извѣстность въ качествѣ одного изъ лучшихъ цивилистовъ. И здѣсь С. А. внесъ живую творческую струю, которая плодотворно обнаруживалась на судебной практикѣ. Къ консультацiи С. А. считали необходимымъ прибѣгать въ каждомъ болѣе значительномъ и сложномъ дѣлѣ, возникавшемъ въ гражданской практикѣ. Съ каждымъ годомъ общественная дѣятельность С. А. росла и ширилась. Не только университетъ, ученныя общества, юридическiй мiръ, судебныя установленiя и печать составляли его арену дѣятельности, С. А. уже давно сталъ принимать дѣятельное участие въ городскихъ и земскихъ дѣлахъ, въ качествѣ гласнаго московскаго и тульскаго земскихъ собранiй и московской городской думы. Это его участие особенно расширилось, когда темпъ земской жизни усилился. Когда въ русской общественной жизни стали обнаруживаться новыя вѣянiя и теченiя, С. А. становился въ ряды дѣятелей новаго общественнаго движенiя. Онъ принималъ дѣятельное участие въ «земскихъ сѣздахъ», сыгравшихъ такую выдающуюся роль въ недавнемъ нашемъ «освободительномъ движенiи». Онъ участво-

валъ также въ томъ извѣстномъ ноябрьскомъ совѣщаніи земскихъ дѣятелей, которое впервые открыто выставило конституціонныя требованія. Съ этого времени общественная дѣятельность С. А. получила новое поприще. Съ момента пробужденія болѣе широкой политической жизни С. А. выступаетъ въ роли политическаго дѣятеля въ рядахъ конституціонно-демократической партіи. При первыхъ выборахъ въ государственную думу онъ избирается депутатомъ отъ города Москвы. Въ первомъ же засѣданіи думы становится первымъ предсѣдателемъ русскаго парламента. Дума была распущена, и президіумъ перваго русскаго парламента со своимъ предсѣдателемъ, первые народные избранники, предстали предъ судомъ. За процессомъ послѣдовала тюрьма и праволишенія. Похороны С. А. Муромцева въ Москвѣ носили на себѣ необычайно торжественный характеръ и напомнили собою столь же величественныя похороны кн. Трубецкаго. (Некрологъ его «Русскія Вѣдомости» 1910 г., № 228).

† **Позняковъ, Н. И.** 18 сентября въ больницѣ. Всѣхъ скорбящихъ скончался отъ прогрессивнаго паралича писатель-педагогъ Николай Ивановичъ Позняковъ. Покойный пользовался извѣстностью, какъ авторъ многихъ беллетристическихъ произведеній, преимущественно рассказовъ для дѣтскаго чтенія, и какъ знатокъ и критикъ дѣтской и педагогической литературы. Онъ писалъ не только прозой, но и недурными стихами. Покойный родился 27 апрѣля 1856 г. Дѣтскіе годы провелъ въ деревнѣ, образованіе получилъ въ спб. Ларинской гимназій, затѣмъ на юридическомъ факультетѣ петербургскаго университета. Педагогическую дѣятельность Н. И. началъ въ 1886 г. воспитателемъ гимназій Я. Г. Гуревича; по окончаніи же курса въ университетѣ преподавалъ русскій языкъ и словесность въ той же гимназій, въ Павловскомъ институтѣ, Васильеостровской женской гимназій и въ Елизаветинскомъ институтѣ. Съ 1895 г. по 1905 г. онъ завѣдывалъ дѣлопроизводствомъ постоянной комисіи для пособія нуждающимся литераторамъ и публицистамъ при императорской академіи наукъ, ограничивъ свою педагогическую дѣятельность Васильеостровской гимназій. Литературная дѣятельность покойнаго началась въ 1879 г. въ «Новомъ Времени»: въ литературныхъ прибавленіяхъ газеты былъ напечатанъ его первый рассказъ «Литераторъ». Затѣмъ печатались въ «Новомъ Времени» его критическіе обзоры подъ псевдонимомъ Перо. Изъ его произведеній отдѣльно изданы романъ «Тайна» (1886 г.), святочные рассказы «Кичливая и счастливая» и «Безъ елки», «Житейскіе рассказы», сборникъ стихотвореній «Въ лучшіе годы» (1896 г.), рассказы «По захоудутьямъ». Его педагогическія статьи и критическіе обзоры печатались почти во всѣхъ педагогическихъ журналахъ; рассказы въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ», «Русской Мысли», въ «Русскомъ Богатствѣ» и въ другихъ изданіяхъ. Кромѣ того, Н. И. много сотрудничалъ въ юмористическихъ изданіяхъ: «Стрекозѣ», «Осколкахъ» и «Шутѣ», печатая въ нихъ свои юмористическія вещицы. Въ 1905 г. у Н. И. проявился душевный недугъ, но онъ вскорѣ оправился и вновь занялся литературной дѣятельностью, но эта дѣятельность не отличалась уже прежней яркостью и производительностью. Тяжелый недугъ бралъ свое и свелъ Познякова въ могилу послѣ ряда мученій на 55-мъ году отъ роду. (Некрологъ его: «Новое Время», 1910 г., № 12407).

† **Рязскій, А. Д.** 9 августа настоящаго года скончался въ своемъ имѣннѣ близъ с. Ольховъ, Шацкаго у. Тамбовской губ., на 76-мъ году жизни Ал. Дм. Рязскій. Покойный былъ однимъ изъ пионеровъ въ области научнаго изслѣдованія славянскаго церковнаго пѣнія; въ теченіе 45 лѣтъ (1862—1907), занималъ должность преподавателя латинскаго языка и словесности въ различныхъ учебныхъ заведеніяхъ сначала Перми, а потомъ Рязани. Весь же досугъ онъ отдавалъ занятіямъ любимымъ предметамъ. Написано имъ немного, но и этого немногаго было достаточно, чтобы обезпечить ему почетное мѣсто среди изслѣдователей русскаго церковнаго пѣнія. Изъ статей его болѣе выдаются: «О происхожденіи русскаго церковнаго пѣнія» («Православн. Обзоръ» 1866 г. №№ 9—11), «Славянское церковное пѣніе въ латинской обработкѣ» («Журн. мин. нар. проsv.» 1884 г. мартъ). Въ 1892 г. имъ былъ выпущенъ «Учебникъ церковнаго пѣнія», удостоенный преміи митрополита Макарія и выдержавшій рядъ изданій. Послѣ его смерти остались труды его въ рукописяхъ—научныя и композиторскіе.

† **Фроловскій, Н. А.** 15 сентября скончался внезапно профессоръ Михайловской артиллерійской академіи полковникъ Николай Александровичъ Фроловскій. Покойный родился 29 іюля 1869 г. По окончаніи курса въ Александровскомъ кадетскомъ корпусѣ онъ поступилъ въ Павловское военное училище, изъ котораго перевелся въ Михайловское артиллерійское. Началъ службу въ 24 артиллерійской бригадѣ. Затѣмъ поступилъ въ Михайловскую артиллерійскую академію, курсъ которой окончилъ блестяще: имя его, какъ достойнѣйшаго по успѣхамъ, было занесено на почетную мраморную доску академіи. Дѣятельность покойнаго въ Михайловской академіи началась 1894 г., когда онъ былъ назначенъ бібліотекаремъ академіи. Вскорѣ Н. А. сталъ читать въ академіи курсъ прикладной механики и до дня своей кончины былъ профессоромъ академіи, читая въ послѣдніе годы теорію механизмовъ и вредныхъ сопротивленій. Одновременно онъ завѣдывалъ механической лабораторіей, имъ же оборудованной. Читалъ кромѣ того лекціи въ институтѣ инженеровъ путей сообщенія. Ему принадлежитъ рядъ научныхъ работъ, изъ которыхъ, кромѣ печатнаго курса его лекцій «Теорія механизмовъ и вредныхъ сопротивленій», назовемъ «Начала механики по Генриху Гертцу» (1910 г.). Съ 1896 г. по 1901 г. покойный неоднократно командировался для учебныхъ занятій съ с. и. в. великимъ княземъ Михаиломъ Александровичемъ и имѣлъ нѣсколько заграничныхъ командировокъ для обзорѣнія учебныхъ заведеній. Отчетъ объ его послѣдней поѣздкѣ напечатанъ недавно въ «Русскомъ Инвалидѣ». Досуги своей научной дѣятельности Н. А. посвящалъ занятіямъ по философіи. Онъ былъ близокъ къ покойному Вл. С. Соловьеву, увлекался его философскимъ міровоззрѣніемъ и прочелъ нѣсколько докладовъ въ частномъ философскомъ кружкѣ поклонниковъ Вл. С. Соловьева. О Соловьевѣ, какъ философѣ, покойный прочелъ рефератъ въ залѣ арміи и флота. Среди знавшихъ покойнаго онъ оставилъ по себѣ хорошую память симпатичнаго дѣятеля, увлекавшагося наукой и умѣвшаго увлекать ею другихъ. (Некрологъ его: «Новое Время» 1910 г., № 12399).

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

I.

Тропининскій портретъ Пушкина.

(Къ «Воспоминаніямъ П. П. Соколова»).

Интересный рассказ П. П. Соколова въ его «Воспоминаніяхъ» («Историческій Вѣстникъ», сентябрь, 1910, стр. 792—796), о пріобрѣтеніи этимъ художникомъ у старьевщика копій съ знаменитаго тропининскаго портрета Пушкина, нуждается въ нѣкоторой поправкѣ. Попутно небезынтересно вспомнить и вторую половину интересной эпопеи пушкинскаго портрета, вѣроятно, неизвѣстную рассказчику. Заказчикомъ Тропинину портрета Пушкина былъ не Базилевскій, какого не знаетъ Пушкинина, а Сергѣя Александровичъ Соболевскій (умеръ 1870 г.), извѣстный другъ Пушкина, предотратившій его поединокъ съ графомъ Ѳ. И. Толстымъ, библиографъ, книголюбъ и самъ остроумный стихотворецъ, оставившій послѣ себя цѣлый рядъ очень удачныхъ эпиграммъ.

Недовольный приглаженными портретами Пушкина, Соболевскій хотѣлъ сохранить образъ поэта такимъ, какимъ его зналъ. Одного изъ лучшихъ тогдашнихъ портретистовъ, Тропинина, онъ просилъ написать ему Пушкина въ домашнемъ его халатѣ, растрепаннаго, съ завѣтнымъ мистическимъ перстнемъ на большомъ пальцѣ. Тропининъ согласился подъ условіемъ, чтобы поэтъ ходилъ къ нему на квартиру, въ домъ Писарева, на Лѣнинскѣ, гдѣ Тропининъ жилъ до смерти. Здѣсь онъ писалъ многихъ москвичей и здѣсь на двери хранилъ, какъ святыню, надпись Брюллова, который оставилъ ее однажды, посѣтивъ Тропинина и не заставъ его дома.

По воспоминаніямъ Соколова, работа происходила въ домѣ Базилевскаго, на Zubовскомъ бульварѣ.

Фактъ превосходной копировки портрета и затѣмъ послышки этой копій Соболевскому за границу переданъ вполне точно. Имя копировщика, о которомъ умалчиваетъ Соколовъ,—Смирновъ. Это былъ бѣдный живописецъ, надъ которымъ Соболевскій, въ самомъ дѣлѣ, нѣсколько неосторожно подшучивалъ. Изъ мести или по другимъ причинамъ, Смирновъ сыгралъ надъ Соболевскимъ свою шутку, пославъ ему не оригиналъ портрета, а свою копію.

О судьбѣ копій, попавшей къ старьевщику и потомъ купленной Соколовымъ, рассказано въ «Воспоминаніяхъ». А вотъ что случилось съ подлинникомъ. Во время скитаній Смирнова изъ квартиры въ квартиру, портретъ подвергался разнымъ превратностямъ. Ничего не знали о немъ до пятидесятихъ годовъ. По смерти Смирнова, имущество его пошло съ аукціона. Портретъ Пушкина съ другими картинами попалъ къ извѣстному мѣняльцѣ Волкову. Князь М. А. О—ій, зайдя въ магазинъ увидѣлъ портретъ и заинтересовался имъ. Волковъ рассказалъ ему его исторію.

— Чѣмъ же вы докажете, что это Тропининъ?—спросилъ князь.

— Это подтвердить, безъ сомнѣнія, самъ Тропининъ, живущій отсюда въ двухъ шагахъ,—отвѣчалъ Волковъ.

«Пошли къ Тропинину. Встрѣча художника съ его произведеніемъ черезъ столько лѣтъ была трогательна.—«Судите, что взглянуло на меня этими глазами, чѣмъ пахнуло на меня изъ ветхихъ рамъ,—говорилъ Тропининъ,—какія минуты я провелъ, разсматривая черты, мною же самимъ когда-то положенныя». Князь просилъ поправить портретъ, если можно. Честный художникъ сказалъ:

— Нѣтъ, на это рука моя не подымется. Это будетъ кощунствомъ. Это писано здѣсь съ самого Пушкина. Я могу только почистить.

Такъ и сдѣлали. Портретъ былъ приобрѣтенъ княземъ за сто съ чѣмъ-то рублей».

Такъ рассказываетъ Н. Бергъ въ «Русскомъ Архивѣ» за 1871 годъ, (стр. 191—194).

Къ этой исторіи онъ прибавляетъ:

— Какъ-то при мнѣ заговорили обо всей этой исторіи у Соболевскаго. Онъ сказалъ: «Деликатность требовала доставить этотъ портретъ ко мнѣ. Такъ бы и поступилъ князь О., но онъ сердитъ на меня за то, что я не далъ ему одного восточнаго бубна».

Въ рассказѣ П. П. Соколова роль князя О-го играетъ Фроловъ, и Соболевскій-Базилевскій самъ лично ѣдетъ къ антикварію и покупаетъ портретъ. Какъ кажется, по болѣе точному разсказу Берга, портретъ поэта уже не возвращался къ заказчику.

А. Измайловъ.

II.

Замѣтка Н. Ф. Рылѣва.

Ея нѣтъ ни въ одномъ собраніи сочиненій этого писателя. Извлекаемъ ее изъ «Русскаго Инвалида» 1823 г., 18 октября, № 247, стр. 986, гдѣ она напечатана подъ рубрикой «Внутреннія извѣстія».

— На сихъ дняхъ скончался здѣсь скоропостижно Предсѣдатель Петербургской Палаты Гражданскаго Суда 2-го Департамента, Коллежскій Совѣтника и Кавалеръ Дмитрій Гавриловичъ Высочинъ. Съ 1794 года непрерывно занимая различныя должности въ Губерніяхъ, возвращенныхъ и вновь присоединенныхъ отъ Польши, былъ онъ Прокуроромъ въ Подольскѣ, а потомъ въ Вильнѣ; впослѣдствіи, по высочайшему Повелѣнію назначенъ Предсѣдателемъ 1-го Департамента Бѣлостокскаго Главнаго Суда и наконецъ переведенъ Предсѣдателемъ же Петербургской Палаты Гражданскаго Суда во 2-й Департаментъ. Сей почтенный гражданинъ, въ теченіи сорокалѣтнѣйшей службы своей, всегда отличался справедливостію, усердіемъ и безпримѣрнымъ безкорыстіемъ: по смерти его осталось многочисленное семейство въ совершенной бѣдности.

Попечительное Начальство, входя въ положеніе сиротъ, приняло мѣры, дабы бранные остатки сего отличнаго Чиновника преданы были землѣ приличнымъ образомъ и чтобы престарѣлая мать его и пятеро дѣтей не остались безъ должнаго призрѣнія.

К. Рылѣвъ.

Съ 1821 до 1824 г. Рылѣвъ служилъ въ петербургской палатѣ уголовного суда засѣдателемъ.

Л.

— Мы встрѣтили офицера, который желаетъ поужинать и отдохнуть. Я похвалилъ вашу гостиницу, не заставьте меня пожалѣть объ этомъ.

— Г. офицеръ будетъ доволенъ!—заявилъ хозяинъ гостиницы.

Говоря это, онъ открылъ передъ Гранли дверь въ сосѣднюю залу.

— Гдѣ же я, чортъ возьми!..—ворчалъ Гранли.—Всѣ эти люди похожи на заговорщиковъ, и я думаю, что мое пребываніе здѣсь и въ военной формѣ совершенно лишнее. Полина, Полина, какую роль я играю ради тебя!

Наконецъ онъ обратилъ вниманіе на хозяина, стоявшаго въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него въ самой почтительной позѣ, съ выраженіемъ глубочайшаго уваженія на лицѣ.

— Какъ васъ зовутъ?

— Мартинъ, къ вашимъ услугамъ, г. офицеръ!

— Такъ вотъ, Мартинъ, дайте мнѣ самаго лучшаго вина и что у васъ есть лучшаго изъ кушанья... Относительно меню я полагаюсь на вашъ вкусъ; это ваше ремесло.

— Г. офицеръ останется доволенъ,—и, повернувшись на каблучкахъ, Мартинъ вышелъ, оставивъ Гранли передъ маленькимъ столомъ.

Комната, отведенная ему, была велика и имѣла почти квадратную форму. По угламъ стояло по столу съ приготовленными приборами. По срединѣ возвышалась громадная печь.

Гранли отстегнулъ свою шпагу, положилъ ее подъ рукою на кресло, повѣсилъ шляпу на шатающуюся вѣшалку и спокойно усѣлся.

Въ ожиданіи обѣда онъ барабанилъ пальцами по столу, напѣвая какую-то пѣсенку, вѣроятно, собственнаго сочиненія.

Мало-по-малу онъ сталъ прислушиваться. Вокругъ этой убогой гостиницы, стоявшей въ началѣ деревушки, на берегу рѣки, слышалось какое-то необыкновенное движеніе. Нѣсколько всадниковъ прискакали одинъ за другимъ; затѣмъ шумъ отъ колесъ большой телѣги, запряженной парой сильныхъ лошадей, нарушилъ тишину деревни.

Гранли всталъ и подошелъ къ окну. Но оно выходило на рѣку, и шумъ слышался во дворѣ съ другой стороны дома.

— Однако,—вслухъ сказалъ Гранли,—безъ всякаго сомнѣнія, я попалъ въ какую-то исторію... и, можетъ быть, было бы лучше...

Онъ только что хотѣлъ сказать: «провести ночь въ лѣсу», какъ открылась дверь и служанка внесла голубую фаянсовую миску съ дымящимся супомъ.

— Супъ изъ домашнихъ птицъ, по-графски.

— Прекрасно,—вскричалъ Гранли, съ удовольствіемъ предвкушавшій хорошій обѣдъ:—подайте мнѣ его,—добавилъ онъ, садясь

въ кресло и разглядывая ее. Это была красивая, черноволосая дѣвушка, лицо которой ему было очень знакомо.

Поглощая супъ, онъ прислушивался къ не прекращавшемуся шуму снаружи. До него донесся смутный гулъ громкихъ, жестоко спорившихъ голосовъ; гулъ шелъ изъ зала, куда вошли его компаньоны по путешествію.

Служанка внесла блюдо съ рыбой и двѣ запыленные бутылки съ бѣлымъ и краснымъ виномъ. Видъ ея былъ очень озабоченный; наклонившись къ молодому человѣку, она произнесла очень тихимъ голосомъ:

— Вы не узнаете меня?.. Я прислуживала вамъ въ іюлѣ въ Компьенѣ, въ гостиницѣ Клошъ д'Оръ.

— Такъ вы Бастіена. А я старался вспомнить...

Она была очень довольна, услышавъ, что красивый офицеръ не забылъ ея имени.

— Да, Бастіена!.. И вѣрьте мнѣ, что вы здѣсь не въ безопасности... Въ томъ залѣ спорять сейчасъ о томъ, что сдѣлать съ вами: арестовать васъ или просто бросить въ рѣку. Вы офицеръ императора и этого имъ достаточно.

— Кто же эти люди?

Она подняла руки вверхъ и произнесла еще тише:

— Я не знаю... какіе-то шуаны. Послушайте меня: купайте вашу обѣдъ, платите и бѣгите отсюда. Ваша лошадь будетъ готова... слуга при конюшнѣ влюбленъ въ меня и дѣлаетъ то, что я хочу.

— Благодарю тебя, Бастіена!—отвѣтилъ Гранли,—я догадывался уже о томъ, что здѣсь происходитъ... Вели приготовить мою лошадь,

— Это я васъ должна благодарить, сударь, такъ какъ вы освобождаете меня отъ большого страха!

Гранли наскоро пообѣдалъ, пристегнулъ свою шпагу, надѣлъ шляпу и бросилъ на столъ три луидора. Бастіена не сводила съ него глазъ.

— Это слишкомъ много, обѣдъ стоитъ гораздо меньше,—сказала она.

— На остальные деньги купи себѣ крестъ на память о томъ, кого ты спасла.

Безъ ложнаго самолюбія она взяла деньги и, поблагодаривъ его, окольнымъ коридоромъ провела молодого человѣка во дворъ; слуга держалъ коня за узду.

— Постарайтесь добраться до Компьена наиболѣе короткимъ путемъ, такъ какъ ваша лошадь очень утомлена.

— По какой дорогѣ?—спросилъ Гранли, сидя уже въ сѣдлѣ.

— Черезъ мостъ и потомъ все время по дорогѣ вправо; торопитесь! я слышу, что сюда идутъ!..—промолвила Бастіена.

Гранли тронулъ лошадь, которая, несмотря на усталость, понеслась галопомъ и скрылся въ темнотѣ ночи.

На мосту онъ повернулъ голову; ему показалось, что за нимъ гонятся, онъ слышалъ громкіе голоса, но это не пугало его. Черезъ десять минутъ ему пришлось, однако, замедлить аллюръ, такъ какъ утомленная лошадь могла упасть. Въ чащѣ кустарника и лѣса изъ вѣковыхъ дубовъ и буковъ Гранли слышалъ подозрительный шумъ, похожій на тотъ, который производитъ большое животное, пробивая себѣ дорогу въ чащѣ лѣса.

Онъ вспомнилъ о вепрѣ, перебѣжавшемъ дорогу три часа тому назадъ, и рѣшилъ, что и теперь шумъ производило то же животное или олени. Проѣхавъ немного далѣе, онъ услыхалъ ясный шопотъ въ кустахъ. Тогда имъ овладѣло безпокойство, и онъ прищипорилъ свою лошадь, но измученное животное не прибавило шага. Въ этотъ моментъ онъ замѣтилъ съ лѣвой стороны огромную прогалину, окруженную деревянной изгородью, что навѣрное служило признакомъ какого-нибудь жилья. Онъ направилъ туда своего коня, слѣзъ съ сѣдла и отправился искать пріюта. Онъ прошелъ черезъ огромный, запущенный паркъ, составлявшій продолженіе лѣса. Кругомъ была глубокая тишина. За густымъ кустарникомъ показалось строеніе и послышался голосъ. Строеніе представляло огромный красивый домъ въ стилѣ Людовика XIV. Изъ двѣнадцати оконъ по фасаду четыре были ярко освѣщены и бросали колеблющійся свѣтъ на зеленыя лужайки.

Звучный, сильный голосъ уныло завывалъ меланхолическій романсъ подъ тихій аккомпаниментъ фортепьяно, котораго почти не было слышно, такъ какъ этотъ голосъ былъ въ состояніи покрыть грохотъ бури или громъ пушекъ.

Заинтересованный и удивленный, Гранли остановился.

Голосъ продолжалъ завывать все съ тѣмъ же чувствомъ.

— Святой Денись,—прошепталъ Гранли:—это пѣніе напоминаетъ ревъ буйвола.

Вдругъ его схватили, вырвали у него шпагу, самого его повалили, заткнули ротъ, скрутили за спину руки и связали, оставивъ свободными ноги. Онъ увидѣлъ, что находится въ рукахъ четырехъ дюжихъ молодцовъ, толкавшихъ его впередъ, по направленію къ замку. Все это произошло въ одинъ моментъ, такъ что Гранли не успѣлъ даже крикнуть. За нимъ шелъ пятый человѣкъ, одѣтый такъ же, какъ и тѣ, и съ осторожностью велъ его сильно хромавшую лошадь.

Мысль, что онъ увидитъ ночного пѣвца, нѣсколько развлекала Гранли. Какъ разъ въ это время пѣвецъ выводилъ растроганнымъ тономъ слова любви и нѣжныхъ увѣреній. Романсъ былъ прерванъ

появленіемъ Гранли, котораго его дикіе тѣлохранители втокнули въ освѣщенный залъ.

Къ своему крайнему изумленію, въ распѣвавшемъ господинѣ онъ узналъ кавалера Геренъ де-Брюслара, который стоялъ передъ фортепіано, а въ аккомпанировавшей ему бѣлокурой красавицѣ— маркизу Діану д'Этіоль.

Брюсларъ, который всю свою жизнь посвятилъ на борьбу съ имперіалистами, въ которой онъ, какъ и всѣ другіе его сотоварищи, былъ безжалостенъ, становился убійцей. Брюсларъ, который дышалъ только своей ненавистью къ Бонапарту, Брюсларъ оказывался сантиментальнымъ!

При появленіи Гранли Брюсларъ остался съ раскрытымъ ртомъ, а Діана опустила руки. Пѣніе и игра прекратились.

— Кто это такой? Солдатъ?—вскричалъ Брюсларъ, держа по пистолету въ каждой рукѣ; у него было всегда по два въ каждомъ карманѣ.

— Этотъ офицеръ въ бѣломъ камзолѣ прогуливался въ паркѣ маркизы; онъ навѣрное шпіонъ или развѣдчикъ.

— Подведите его поближе къ свѣту и развяжите ему ротъ; я его допрошу!—командовалъ Брюсларъ.

Повязку сняли.

Двойной крикъ удивленія и злобнаго удовлетворенія привѣтствовалъ открытое лицо задыхавшагося плѣнника.

— Гранли!—воскликнули Брюсларъ и Діана одновременно.

— Шпіонъ!

— Сыщикъ!

— Вербовщикъ ренегатовъ!

— Покупщикъ совѣсти!

Брюсларъ подошелъ къ еле дышавшему Гранли и спросилъ:

— Какъ вы могли рѣшиться явиться сюда?

— Вы видите, —отвѣтилъ Гранли:—что я задыхаюсь...

Повернувшись къ маркизѣ д'Этіоль, онъ вѣжливо поклонился, несмотря на связанные руки и запутанные ноги.

— Я въ вашемъ домѣ, маркиза? Не будете ли вы такъ любезны вступить за меня и попросить, чтобы мнѣ дали свободу движеній, такъ же какъ возвратили свободу слова?

Пораженная этой непринужденностью, Діана колебалась отвѣчать. вмѣсто нея заговорилъ Брюсларъ:

— Не шутите, это не подходитъ къ обстоятельствамъ въ этотъ послѣдній, быть можетъ, часъ вашей жизни...

— Этого никогда нельзя знать!—отвѣчалъ беззаботно принцъ.— Вы сами не знаете, что вы говорите, мой милый другъ!

Онъ улыбался самымъ привѣтливымъ образомъ, говоря эти слова.

— Вашъ милый другъ?—вскричалъ разгнѣванный этимъ оскорбительнымъ обращеніемъ Брюсларь:—какого наказанія вы заслуживаете?..

— Довольно!—обрѣзалъ Гранли:—это недоразумѣніе тянется уже слишкомъ долго.

При глубокомъ молчаніи, наступившемъ послѣ этихъ словъ, казавшихся бредомъ безумца, онъ добавилъ:

— Я связанъ; удалите отсюда присутствующихъ лицъ; я долженъ сказать вамъ кое-что, а также маркизъ, которой я долженъ сдѣлать нѣкоторый упрекъ!

— Господа,—обратился Брюсларь къ своимъ людямъ:—выйдите отсюда. Берегайте снаружи всѣ выходы и окна.

Когда приказаніе было исполнено, онъ произнесъ, обращаясь къ Гранли:

— Теперь, сударь, я жду объясненія вашему странному поведенію. Кто вы такой?

— Это вы должны были спросить съ самаго начала,—отвѣтилъ надменно принцъ:—вы и маркиза должны были узнать сначала, кто я, а не оскорблять меня при нашихъ встрѣчахъ. Я извиняю васъ, впрочемъ; избытокъ вашего усердія служить мнѣ доказательствомъ вашей вѣрности.

Брюсларь и маркиза переглядывались въ изумленіи. Единственнымъ объясненіемъ поведенія и словъ молодого человѣка могло служить его сумасшествіе. Но молодой человѣкъ продолжалъ дальше.

— Слушайте внимательно, Геренъ де-Брюсларь, Фротте говорить: человѣкъ хлопочетъ.

— Да благословить его Богъ!—тотчасъ отвѣтилъ задрожавшимъ голосомъ Брюсларь.

— Куда ты идешь?

— Къ Кресту.

— Откуда?

— Съ моря.

— За чѣмъ?

— За лиліями.

— Меня зовутъ Гранли!—закончилъ молодой человѣкъ многозначительнымъ голосомъ.—Развяжите меня, Брюсларь!

Не говоря ни слова, кавалеръ вытащилъ изъ кармана ножъ и перерѣзалъ веревки.

Гранли встряхнулся, вытянулся и, оправившись, продолжалъ:

— Итакъ, Брюсларь?

— Итакъ,—отвѣчалъ тотъ,—я понимаю теперь, что я ошибся, что вы принадлежите къ нашему лагерю. Я не понимаю только, откуда вы знаете слова пропуска бѣднаго Людвига Фротте.

— Онъ самъ выучилъ меня, Брюсларъ. Маркиза, слушайте меня, Брюсларъ, приходя къ часовщику Борану, стучала два раза въ окно, говоря: «вѣтеръ дуетъ», и получала отвѣтъ: «съ запада!» У Борана жилъ бѣлокурый худой и блѣдный мальчикъ, котораго вы знали, когда ему было десять-пятнадцать лѣтъ. Вамъ сказали, вѣроятно, что онъ умеръ...

Брюсларъ схватилъ, какъ ребенка, своими сильными руками молодого человѣка, подвелъ его къ лампѣ и внимательно разглядывалъ его горящими, суровыми глазами, которые мало-по-малу наполнялись слезами.

— Да, да, это онъ, это онъ, нашъ маленькій король.

— Кто же вы?—вскрикнула, задыхаясь, Діана.

Принцъ поднялъ голову и обвелъ ее сіяющимъ гордостью взглядомъ:

— Вашъ король!

Почти теряя сознание отъ волненія, она отступила и прошептала:

— Ваше величество, я у вашихъ ногъ!

— Позвольте мнѣ, ваше величество,—сказала очень почтительно маркиза,—предложить вамъ нѣсколько вопросовъ по поводу моихъ родныхъ?

— Говорите, маркиза... вы очень хорошо говорите... я припоминаю... тогда... въ Пали... вотъ такъ головомоѣку задали вы намъ!...

— Ваше величество! Почему вы недовольны моими кузенами? Я виновата передъ ними, признаюсь въ этомъ; я считала ихъ измѣнниками нашему дѣлу; я хотѣла извиниться передъ вами; но если они нарушили свой долгъ, я воздержусь отъ этого.

— Не воздерживайтесь, прекрасная воительница; они не совершили преступленія; обыкновенная дерзость, излишняя смѣлость, которая заслуживаетъ наказанія. Вотъ и все. Ваша кузина Изабелла...

— Я ее ненавижу!

— Вотъ это откровенно! Соперничество, зависть двухъ красивыхъ женщинъ... это понятно... Такъ вотъ... Ваша кузина Изабелла, подъ очень ловкимъ предлогомъ, сумѣла вызвать меня въ замокъ...

— Какая наглость!—воскликнула Діана.

Принцъ улыбнулся и продолжалъ:

— Когда же вернулись ея братъ и женихъ, то они подумали, что я пріѣхалъ по собственной инициативѣ, съ цѣлью, которую легко понять. Отсюда скандалъ. Они обращались со мной, какъ съ равнымъ, оскорбили, потребовали удовлетворенія...

— Ваше величество,—глухо проговорилъ Брюсларъ, который въ продолженіе этой бесѣды разглядывалъ прежняго ученика Бо-

рана и все болѣе и болѣе узнавалъ его,—ваше величество, если кто-нибудь, гдѣ бы то ни было, мѣшаетъ вамъ, скажите мнѣ.

— Нѣтъ, Брюсларъ, не надо насилія... Иммармонъ и Прэнгей такъ же преданы мнѣ, какъ и вы. Они должны теперь горько раскаиваться. У меня есть тайна, которую должны уважать всѣ, кто меня любитъ, не стараясь проникнуть въ нее. Иначе они пойдутъ противъ меня. На службу къ императору я поступилъ, имѣя двойную цѣль: первую, чтобы быть въ безопасности, и вторую, еще болѣе серьезную. Знайте, Брюсларъ, также и вы, маркиза, что я долженъ оставаться неизвѣстнымъ въ той формѣ, которую я ношу; я не люблю Наполеона и не могу его любить, но я не вмѣшивался въ борьбу, которую вы ведете съ нимъ; на нѣкоторое время я связанъ словомъ.

Объясненіе было длинно, нѣсколько сбивчиво; къ концу—тягостно.

Брюсларъ слушалъ его молча, а маркиза спрашивала себя съ любопытствомъ, какія высшія соображенія руководили этой королевской душой, такой нерѣшительной въ данное время...

— Если это такъ, ваше величество, то я не имѣю право предложить вамъ стать во главѣ насъ и именно съ сегодняшней ночи,—случай былъ бы очень подходящий, такъ какъ сегодня подготовлено рѣшительное предпріятіе,—но въ такомъ случаѣ вамъ не слѣдуетъ оставаться здѣсь... Къ намъ собираются люди... пріѣдетъ много ихъ... если бы они знали, какая была бы радость! И какая досада, что первая моя обязанность теперь—это склоняться передъ вашимъ словомъ, не смѣя спорить...

Обратясь къ Діанѣ д'Этіоль, Брюсларъ продолжалъ:

— Маркиза, вамъ я поручаю его величество... Проведите его въ отдѣльную комнату, чтобы онъ ничего не видѣлъ, потому что онъ не желаетъ ничего знать... Чтобы наши друзья также не подозрѣвали объ его присутствіи, это необходимо пока... Идите, не теряйте времени; я слышу шумъ во дворѣ. Увы! Это наши партизаны, ваше величество, они приготовляются служить вамъ...

— Перестаньте, Брюсларъ! Я не хочу быть вашимъ соучастникомъ,—сказалъ принцъ и, протягивая руку Діанѣ, произнесъ:

— Проводите меня, сударыня! Мой удѣлъ, очевидно, вѣчно прятаться.

Когда они ушли, Брюсларъ закрылъ за ними дверь и, пройдя длинный залъ, вышелъ на подъѣздъ. Около двадцати всадниковъ, прибывшихъ отдѣльно изъ разныхъ пунктовъ, шумно слѣзали съ лошадей и разговаривали между собой.

— Господа!—пригласилъ Брюсларъ:—собирайтесь, совѣщаніе начинается.

Съ разныхъ сторонъ шуаны подходили къ подъѣзду, и на первомъ мѣстѣ виднѣлся Леконтъ, торговецъ лѣсомъ въ Грелѣ, и его

два сына, Эмери и Рауль. Брюсларъ увидѣлъ его и открылъ старику объятія. Двѣ огромныя бороды соединились въ братскомъ поцѣлѣуѣ.

— Здравствуй, графъ де-Форасъ; здравствуй, старый другъ... Давно мы не видались...

— Да, шевалье, со времени Кадудалья... Увы!.. Мои сыновья,—добавилъ графъ, выгвигая впередъ двухъ дюжихъ молодцовъ.

— Славные парни!—замѣтилъ Брюсларъ, пожимая имъ руки.

Мало-по-малу всѣ собрались въ разнокалиберную толпу въ самыхъ разнообразныхъ костюмахъ, взятыхъ напрокатъ; всѣ эти уцѣлѣвшіе отъ разгрома шуаны, разрозненные, побѣжденные, преслѣдуемые, незнакомые другъ съ другомъ, всѣ они собрались около бороды Брюслара, какъ вокругъ знамени.

Изъ дворянъ тамъ были: графы де-Форасъ, де-Бассионъ-Хеберъ, де-Пардианъ; маркизъ д'Орманси, баронъ де-Пужи, затѣмъ очень красивый колодой человѣкъ, большого роста, одѣтый во все черное, которому Брюсларъ поклонился съ глубокимъ почтеніемъ.

— Арманъ де-Тейксъ! Едва поправились отъ ранъ и уже здѣсь, съ нами... Это прекрасно, вы достойный сынъ вашего отца...

— Это мой долгъ,—просто отвѣчалъ Арманъ.

Затѣмъ слѣдовали компаньоны менѣе высокаго происхожденія: бретонцы, нормандцы, вандейцы разнаго происхожденія, съ устрашающими фizioноміями, крестьяне, наемные слуги, искатели приключеній, шпіоны роялистовъ.

Дворяне вошли въ залъ и усѣлись за столомъ, стоявшимъ по серединѣ комнаты.

Брюсларъ заговорилъ первый:

— Вы знаете, товарищи, что я отказываюсь отъ убійства; даже на такое чудовище я не могу напасть изъ-за угла. И тѣмъ не менѣе необходимо, чтобы это чудовище не существовало болѣе на землѣ, такъ какъ и она содрогается отъ ужаса, нося его. Узурпаторъ завтра, въ воскресенье, возвращается въ Парижъ; объ этомъ онъ даль знать въ Рамбулье. Я рѣшилъ, что между Рамбулье и Боннелемъ мы будемъ его ожидать. У него, какъ всегда, двадцать пять конвойныхъ; у насъ столько же, не считая меня, такимъ образомъ силы у насъ одинаковы. Одѣты мы будемъ въ форму стрѣлковъ, такъ же, какъ и конвой Наполеона; оружіе, платье—все уже готово, телѣга съ этими вещами только что пріѣхала изъ Арраса въ Рамбулье. Затѣмъ я выработалъ слѣдующій планъ дѣйствій: вы всѣ выйдете отсюда отдѣльно, какъ пріѣхали, по два, по три. Въ Сенлисѣ, Даммартенѣ, Мо, Куламьерѣ, вы остановитесь; черезъ Гро-Буа и Палезо вы доѣдете до Боннеля; тамъ, въ гостиницѣ «Экю де-Франсъ», которую содержитъ Жантиль, одинъ изъ нашихъ, вы найдете оружіе, форму и переодѣнетесь тамъ. Въ понедѣльникъ на разсвѣтѣ тамъ буду я. Мы будемъ ожидать въ лѣсу проѣзда эскорта... А тамъ... да хранить насъ Богъ.

Онъ роздалъ деньги, двадцать пять билетовъ перешли въ двадцать пять протянутыхъ рукъ, по большей части грязныхъ, морщинистыхъ, загорѣлыхъ, обвѣтренныхъ, со слѣдами рапъ.

— Слушайте теперъ меня внимательно,—продолжалъ онъ:— какъ только покажется коляска императора, мы преградимъ ей дорогу; во время остановки, замѣшательства, волненія и отвлеку императора; вы выберете каждый одного и вступите съ нимъ въ бой... онъ долженъ быть для васъ побѣднымъ. Мы спасемъ Францію, королевство.

— Да здравствуетъ король!—крикнуло двадцать пять глотокъ.

— Еще замѣчаніе,—продолжалъ Блюларъ.—Для того, чтобы въ этой суматохѣ не было досадныхъ недоразумѣній, вы надѣнете бѣлыя кокарды на шляпы. Послѣ меня начальство приметъ де-Форасъ, де-Тейксъ, де-Пужи, д'Орманси. Если я буду убитъ, они замѣнятъ меня, планъ останется тотъ же. Но за два часа до полуночи всѣ должны быть готовы, какъ когда-то на пустырь, на берегу съ нашими Фротте, Тентеньякомъ, Шареттомъ, Кадудалемъ, да упокоить Господь ихъ души.

— Аминь!—подхватило нѣсколько голосовъ.

Въ то время, какъ Брюсларъ собиралъ и знакомилъ другъ съ другомъ своихъ суровыхъ компаньоновъ, принцъ и маркиза, сидя въ отдаленной гостиной, дружески бесѣдовали.

Маленькая комната, полуосвѣщенная двумя низкими лампами съ розовыми абажурами, была обтянута бѣлымъ, вышитымъ цвѣтами, шелкомъ, уставлена мебелью въ стилѣ Людовика XV.

Стулья съ глубокими спинками, обитыми стеганой матеріей, столикъ маркетри, шкапикъ розоваго дерева, шифоньерка Буль, круглый мозаичный столикъ, еще такой же съ шахматной доской, золоченые консоли, низенькая кушетка, обтянутая такой же матеріей, изъ какой были занавѣси и обои, на полу мягкій, пушистый бѣлый коверъ—такова была обстановка этого уголка.

Діана принимала тамъ только избранныхъ; прямо туда она провела своего великолѣпнаго героя. Тамъ, наединѣ съ нимъ, она забросала его вопросами въ самыхъ почтительныхъ выраженіяхъ, объ его прошлыхъ приключеніяхъ, о настоящихъ желаніяхъ и будущихъ надеждахъ.

Ей нравилось преувеличивать свое смиреніе вѣрнопопданной и именно потому, что Изабелла д'Иммармонъ пренебрегла имъ.

И тѣмъ не менѣе принцъ былъ очень сдержанъ; онъ много и охотно отвѣчалъ, но уклончивыми фразами; онъ все время вспоминалъ полученныя предупрежденія по ея адресу: это сумасшедшая, которая способна погубить самое вѣрное дѣло.

Сходство Діаны съ Полиной Боргезе поразило его. Можно было подумать, что она была ея старшей сестрой.

Извѣстно, что люди, похожіе на тѣхъ, кто намъ дорогъ, съ перваго взгляда кажутся намъ уже давними друзьями и съ первыхъ словъ имъ оказывается полное довѣріе.

Именно въ такомъ положеніи былъ принцъ относительно Діаны. Забывъ свои прежнія увлеченія и Брюслара въ томъ числѣ, она по свойству своего характера воспламенилась уже любовью къ принцу и такъ же, какъ Изабелла, мечтала уже о героическихъ доказательствахъ преданности изгнанному королю.

Она отдавала себя пѣликомъ и какъ женщину и какъ воительницу которой она хотѣла бы быть, и въ награду желала только занять первое мѣсто въ сердцѣ короля.

Ласковая, какъ кошечка, опытная въ искусствѣ очаровывать, она пустила въ ходъ всѣ уловки, весь запасъ своего кокетства передъ этимъ свалившимся ей съ неба принцемъ, и къ которому за двадцать минутъ она почувствовала горячую любовь.

Она продолжала занимать принца, неистощимая въ своемъ краснорѣчьи, которымъ щедро наградили ее феи при рожденіи.

Но этотъ дуэтъ, или, вѣрнѣе, монологъ былъ прерванъ совершенно неожиданно.

Внезапно вдали послышались ружейные выстрѣлы. Смѣшанный гулъ голосовъ нарушилъ тишину, вблизи замка поднялась суматоха.

Показался Кантекоръ со своими драгунами.

Принцъ выпрямился, поблѣднѣлъ и въ одно мгновеніе сообразилъ всю опасность, весь трагизмъ своего положенія въ томъ случаѣ, если бы его захватили въ этомъ гнѣздѣ шуановъ.

Маркиза д'Этіоль, несмотря на свою любовь къ приключеніямъ, была также испугана.

— Вы здѣсь... Надо бѣжать...

Брюсларъ ворвался, какъ сумасшедшій. На этотъ разъ онъ потерялъ свое хладнокровіе, свое обычное самообладаніе.

— Ваше величество!—кричалъ онъ еще съ порога:—замокъ окруженъ; наша стража сражается, кругомъ насъ войска. Насъ предали. И, по несчастію, вы тутъ вмѣстѣ съ нами...

Наступило молчаніе; всѣ трое переглядывались, задыхаясь, съ безпокойствомъ слушая возраставшій шумъ; снова послышались ружейные выстрѣлы, гораздо ближе, на самой границѣ парка.

— Бѣжать, итти сквозъ ряды непріятеля?—спросилъ Гранли.

— Если васъ захватятъ, что очень вѣроятно, это отягчитъ вину! Хотя все равно... хоть и поздно, но узнаютъ...—также коротко отвѣтилъ Брюсларъ.

— Спрятать васъ здѣсь?—спросила Діана, волнуемая различными надеждами.

— Будутъ обыскивать всюду!—возразилъ опять шуанъ.

Снаружи голоса зывали:

— Брюсларь! Брюсларь!

И этотъ герой, оставившій на минуту своихъ людей для того, чтобы исполнить свою важнѣйшую обязанность, этотъ храбрець въ полномъ отчаяніи заломилъ руки.

— Ступайте къ нимъ,—сказаль, покоряясь судьбѣ, Гранли.

— А вы, вы?

— Я?.. Что жъ вы хотите?.. Я не знаю!

— Спасены!—внезапно воскликнулъ шевалье, потирая себѣ лобъ:—спасены, спасены!—уже радостно повторялъ Брюсларь.— Діана! скорѣ бѣгите въ залъ за веревками, которыми былъ связанъ принцъ,—приказаль онъ.—Онѣ остались тамъ, на полу, въ углѣ.

И быстро онъ объяснилъ:

— Я свяжу васъ, и крѣпко, это нужно, и провожу васъ въ погребъ въ подвалѣ... Когда придутъ солдаты, кричите, какъ изступленный, производите адскій шумъ; васъ освободятъ. Вы офицеръ императора; вы—жертва.

Діана явилась, таща за собою веревку. Въ одну секунду партизанъ скрутилъ принца сверху донизу, оставивъ ему только ноги, чтобы онъ могъ дойти до убѣжища, которое ему предложили.

— Чортъ возьми,—проворчалъ Гранли;—у васъ руки не изъ легкихъ!

— Такъ нужно!—повторилъ Брюсларь:—теперь идите скорѣ за нами; Діана, берите лампу...

Такимъ образомъ это странное тріо направилось по коридору и спустилось по сырой лѣстницѣ; Брюсларь втолкнулъ принца безъ церемоній въ пустой подвалъ; тамъ, не говоря ни слова, онъ скрутилъ ему ноги, растянувъ его во всю длину на кучѣ соломы.

— Отлично, такъ сойdetъ!—шепталъ онъ въ полномъ удовольствовеніи.—Идемте, маркиза... Не забудьте, принцъ, кричать, какъ кошка, которую ошпарили... Это необходимо для правдоподобія.

— Благодарю васъ, мои друзья,—сказаль, уже успокоившись, Гранли.—Присшествіе начинало забавлять его.—Спасайтесь какъ можно скорѣ...

— Насъ не такъ легко поймать,—успокоила его Діана:—кричите же громче, ваше величество!

Принцъ услышалъ за дверью звонъ двухъ поворотовъ ключа въ замкѣ.

Оставшись одинъ, съ привязанными къ тѣлу руками, лежа на соломѣ, въ полной темнотѣ, онъ думаль, что его красивая форма будетъ очень испорчена.

А наверху шумъ продолжался... Брюсларь быстро и коротко отдаваль распоряженія:

— Не дѣлать глупостей! Ясно, что ихъ много. Въ паркѣ, тамъ, гдѣ извилина, есть насыпь, черезъ которую можно пере-

прыгнуть и бѣжать. Ступайте и да хранить васъ Богъ! Разъ вы будете въ лѣсу, тамъ легко скрыться. Поэтому-то я и выбралъ это мѣсто. Ступайте, господа, до свиданія!.. До скорого, надѣюсь.

Всѣ выпли.

Оставшись наединѣ съ маркизой, Брюсларъ произнесъ:

— А вы, Діана?

Погруженная въ глубокое раздумье, она вздрогнула и отвѣтила, блуждая глазами:

— Я? Что за важность? Бѣгите вы! ваша жизнь драгоцѣнна... Я останусь, чтобы послѣдить за принцемъ, чтобы обойтись съ нимъ, какъ съ врагомъ; я вѣдь женщина, не съѣдятъ же они меня... еще разъ изгнаніе... вотъ и все... до лучшихъ дней... до свиданія, ше-валье... здѣсь или въ Англии.

Онъ привлекъ ее къ себѣ и прижалъ ее къ своей широкой груди; на этотъ разъ она очень холодно отвѣтила на горячія объятія.

Выйдя изъ зала, шюанъ сѣлъ на коня, ожидавшаго его передъ подъѣздомъ и скрылся въ лѣсу. Въ паркѣ въ это время шла стрѣльба изъ ружей, пистолетовъ, звукъ трубъ перемѣшивался съ криками, угрозами, проклятіями.

Выйдя на балконъ съ непокрытой головой, маркиза безстрашно наблюдала. Она видѣла мелькавшіе въ роцѣ блестящія каски; опасность приближалась. Маркиза надменно выпрямилась—ей нравилась борьба.

Впереді солдатъ, верхомъ на конѣ, въ полувоенномъ, полустатскомъ платьѣ появился Кантекоръ; съ саблей въ рукѣ, онъ отдавалъ приказанія:

— Въ замокъ!.. въ замокъ! Онъ тамъ... или въ паркѣ, обыщите паркъ... Выйти никто не можетъ; всѣ выходы заняты!

Подѣхавъ къ крыльцу, онъ скомандовалъ слѣзть съ лошадей и съ шляпой на головѣ подошелъ къ Діанѣ.

— Маркиза д'Этіоль, если не ошибаюсь?

Внушительная пощечина была отвѣтомъ; шляпа полетѣла на землю.

— Со мною говорить съ непокрытой головой, невѣжа!

Кантекоръ остолбенѣлъ на мгновеніе; затѣмъ поднялъ шляпу и спокойно произнесъ:

— Поступокъ равносильнень отвѣту!

Затѣмъ добавилъ:

— Позаботьтесь о маркизѣ, такъ какъ это несомнѣнно хозяйка дома... ея пріемъ доказываетъ это.

Два драгуна подошли къ маркизѣ, которая, совершенно спокойно протянула имъ руки.

Со связанными руками ее ввели въ залъ. На роялѣ еще горѣли свѣчи, и на пюпитрѣ лежала развернутая тетрадь нотъ.

Она опустила въ кресло и сидѣла, совершенно, повидимому, безучастная ко всему, что происходило. Вокругъ нея бѣгали люди, обшаривая домъ; надъ головой ея въ верхнихъ этажахъ она слышала тяжелый топотъ ногъ, шумъ падающей мебели, разбиваемыхъ вещей.

Закрывъ глаза, она ожидала дальнѣйшихъ событій. Несмотря на кажущуюся ея безучастность, сердце ее грызла тревога за Брюслара и принца. Что будетъ съ ними обоими?

Кантекоръ въ лихорадочной дѣятельности показывался то тутъ, то тамъ, распоряжаясь въ паркѣ, наблюдая за розысками въ замкѣ.

Но главный предметъ его заботъ не давался еще ему въ руки, Брюслара не могли найти. Но полицейскій не хотѣлъ терять надежду, хотя страхъ и сомнѣнiе закрадывались въ его душу.

Несмотря на свое обычное хладнокровiе, онъ забывался моментами, устремляя горящiе глаза въ глубину чаши, теребя рукоятку сабли или закусывая свои длинные, рыжiе усы и яростно скрипя зубами. Явиться въ Фушэ безъ Брюслара—это было позоромъ и грозило ему немилостью и навѣрно даже лишенiемъ довѣрiя у министра.

Изъ парка выѣхалъ волосатый великанъ, капитанъ Кастела и подѣхалъ къ агенту Фушэ.

— Мои люди.—сказалъ онъ,—прижали къ стѣнѣ десятокъ шуановъ; послушайте эту музыку! (И дѣйствительно, отъ ружейнаго огня, казалось, дрожала земля). Долженъ я ихъ перебить или пощадить?..

— Постарайтесь захватить ихъ живыми, если же это невозможно...

Онъ докончилъ фразу выразительнымъ жестомъ.

Офицеръ отѣхалъ крупной рысью; вдали сраженiе продолжалось.

Въ этотъ же моментъ изъ внутреннихъ комнатъ появился растерянный, смущенный драгунъ. Онъ обратился прямо къ Кантекору.

— Господинъ уполномоченный, тамъ въ погребѣ какой-то человѣкъ оретъ, какъ будто рѣжутъ.

— Кто такой?

— Неизвѣстно; нужно посмотрѣть?

— Еще бы! Погодите, я пойду туда.

— Не двигайтесь отсюда никуда!—приказалъ онъ двумъ солдатамъ, сторожившимъ маркизу.—Если меня будетъ искать капитанъ, скажите, что я внизу, тамъ онъ меня найдетъ.

Въ сопровожденiи растеряннаго драгуна Кантекоръ направился въ подвалъ.

На верхнихъ ступеняхъ сырой лѣстницы, ведшей въ подвальный этажъ, стояли четыре солдата, не рѣшаясь спуститься внизъ.

Кантекоръ прислушался въ свою очередь. Неспѣйся изъ подземелья сильный голосъ зывалъ почти безостановочно:

— Ко мнѣ! На помощь! Офицеръ императора въ плѣну... сюда, ко мнѣ!..

Кантекоръ вздрогнулъ, услышавъ голосъ, показавшійся ему знакомымъ; но тотчасъ же проворчалъ, пожавъ плечами:

— Это неправдоподобно! Я схожу съ ума!

Обратясь къ сопровождавшимъ его драгунамъ, онъ распорядился:

— Ты, со свѣчкой, иди впереди, я пойду за тобой, а вы четверо остальныхъ слѣдуйте за мною.

Первый драгунъ, держа розовый подсвѣчникъ, взятый изъ будуара Діаны, началъ осторожно опускаться по склизкимъ, узкимъ ступенькамъ, которыя вели въ глубокую, черную яму.

Почувствовавъ подъ ногами землю, всѣ съ удовольствіемъ и облегченіемъ вздохнули.

Кантекоръ шель узкимъ коридоромъ; шумъ борьбы наверху, ружейные и пистолетные выстрѣлы неясно, глухо отдавались въ этой могилѣ.

Голосъ, замолкнувшій, вѣроятно, для того, чтобы передохнуть отъ усталости, снова завопилъ за дверью:

— Ко мнѣ, ко мнѣ! Офицеръ императора!

Однимъ прыжкомъ Кантекоръ очутился передъ дверью; съ помощью своихъ людей, онъ отодвинулъ желѣзный засовъ не безъ труда, такъ какъ Брюсларъ задвинулъ его твердой рукой. Задвижка уступила усиліямъ людей; дверь открылась.

Драгунъ со свѣчкой поднялъ ее надъ головой. При колеблющемся свѣтѣ Кантекоръ разглядѣлъ лежавшаго на соломѣ связаннаго человѣка, и человѣкъ этотъ былъ одѣтъ въ форму дворянскаго полка. Полицейскій наклонился.

— Какъ я радъ васъ видѣть, господа!—самымъ естественнымъ голосомъ вскричалъ плѣнникъ... Драгуны!.. какъ это кстати!..

На этотъ разъ Кантекоръ долженъ былъ убѣдиться въ очевидности факта; пораженный этой неожиданностью, онъ спросилъ, обращаясь къ молодому человѣку:

— Какимъ образомъ вы попали сюда, Гранли?...

— Увѣряю васъ, что мнѣ не было здѣсь весело. Развяжите меня, пожалуйста, у меня онѣмѣли всѣ члены.

— Развяжите офицера!—приказалъ полицейскій.

Два драгуна поспѣшили исполнить приказаніе. Они брюзжали сквозь зубы; узлы были затянуты слишкомъ крѣпко...

— Развѣ вы знаете меня?—спросилъ тѣмъ временемъ Гранли Кантекора.

— Да, г. офицеръ, я имѣлъ удовольствіе встрѣтить васъ въ предмѣстьѣ Сентъ-Онорэ, у часовщика Борана.

Къ счастью молодого человѣка, въ погребѣ было совершенно темно, и никто не видѣлъ, какъ онъ поблѣднѣлъ.

— Вотъ какъ!—спокойно сказалъ онъ и затѣмъ объяснилъ веселымъ, беззаботнымъ тономъ:

— Дѣйствительно, меня преслѣдуютъ неудачи. Всѣ партіи перемѣшались. Часъ тому назадъ въ глухомъ лѣсу на меня напали замаскированные бандиты, арестовали и бросили въ этотъ погребъ. Они отняли у меня мою шпагу.

— Но что же вы дѣлали въ лѣсу ночью?—спросилъ Кантекоръ, освобождаясь понемногу отъ своихъ подозрѣній, желая вѣрить принцу.

— Что я дѣлалъ? Я заблудился. Я провелъ два часа днемъ въ замкѣ Пали у д'Иммармона и отправился назадъ; въ Регондѣ, въ гостиницѣ «Великаго монарха» я пообѣдалъ; мнѣ указали дорогу на Компьень; поѣхавъ по этому направленію, я попалъ въ западную Признаю въ вамъ, что я не рассчитывалъ выбраться изъ нея такъ скоро... Благодарю васъ, мои друзья!..

Послѣднія, связывающія его веревки были развязаны. Молодой человѣкъ съ наслажденіемъ вытягивалъ руки и ноги.

Кантекоръ любовался имъ и думалъ:

— Если это правда—то онъ не изъ трусливыхъ. Если же это не такъ, то онъ играетъ какъ Тальма...

— Теперь, г. Гранли, подыдемся наверхъ, къ свѣту... лампъ. Тамъ идетъ свара, и ваше показаніе будетъ очень важно.

— Идемте!—безъ всякаго смущенія согласился Гранли.

Всѣ поднялись наверхъ.

Діана, связанная, сидѣла молча, съ надменнымъ видомъ. При видѣ Гранли она разразилась гнѣвомъ.

— Ага! вотъ онъ! его нужно было разстрѣлять на перекресткѣ... шпионъ, сыщикъ! Солдатъ, посланный на развѣдки! Можете вы это отрицать теперь, офицеръ Бонапарта? Ваши друзья доказываютъ вашу подлость...

— Хорошо!—думалъ Кантекоръ:—все идетъ прекрасно; у этой особы мозги не на изнанку; а если она вретъ и представляется, то она играетъ не хуже м-ль Марсъ.

Въ это время вернулся безъ всякаго успѣха отрядъ драгунъ, предводительствуемый усатымъ вахмистромъ Гискаромъ, которому было поручено обыскать замокъ.

Усатый унтеръ-офицеръ заявилъ:

— Нигдѣ нѣтъ никого; въ этихъ стѣнахъ я не нашелъ и тѣни подозрительнаго, кромѣ шкаповъ, наполненныхъ бумагами.

— Ихъ мы просмотримъ послѣ!—грубо отвѣтилъ Кантекоръ.— Теперь намъ нужны люди, а не бумаги.

Гранли дѣлался все болѣе и болѣе мрачнымъ. При свѣтѣ канделябровъ онъ узналъ въ своемъ спасителѣ того самаго усерднаго агента, который состоялъ при Фушэ въ памятную ему ночь у часовщика Борана, того, который былъ посвященъ во все подробности, касающіяся его.

На этотъ разъ онъ былъ захваченъ вмѣстѣ съ шуанами, и расправа съ нимъ упрощалась. Ему опять вспомнился кровавый призракъ герцога Энгіенскаго, пронизаннаго двѣнадцатью пулями.

Въ паркѣ раздался торжествующій крикъ, по крайней мѣрѣ, пятидесяти голосовъ, и усиливался по мѣрѣ приближенія къ дому:

— Брюсларь! Брюсларь! Брюсларь!

Кантекорь выпрямился съ сіяющимъ видомъ. Прискакавшій всадникъ кинулъ ему два слова:

— Брюсларь взять!—и опять ускакалъ съ товарищами, которые мчались сзади.

Вдали, въ лѣсу раздавались одиночные выстрѣлы, свидѣтельствовавшіе, что преслѣдованіе продолжалось уже за стѣнами владѣнія.

Кантекорь усѣлся передъ столомъ, велѣлъ принести двѣ лампы, разложилъ бумаги и вытащилъ изъ кармана роговую чернильницу и гусиное перо въ футлярѣ.

Въ каждомъ своемъ движеніи Кантекорь подражалъ своему начальнику Фушэ и старался своими манерами, взглядами и жестами напоминать великаго человѣка. Но въ эту минуту никому не пришло въ голову смѣяться.

— Трубите сборъ,—приказалъ Кантекорь.—Брюсларь захваченъ, этого достаточно.

Гискаръ вышелъ, и вслѣдъ за этимъ послышалась громкая труба, кризавшая въ замокъ всадниковъ, разсыпавшихся по лѣсу.

— Чѣмъ больше насъ будетъ, тѣмъ будетъ лучше,—произнесъ Кантекорь, потирая руки.—Имѣя дѣло съ Брюсларомъ, не лишнее принять мѣры предосторожности.

Наконецъ на крыльцѣ появились четыре шуана, окруженные драгунами, которые влекли ихъ. Шуаны отбивались, упирались, очевидно, рассчитывая выиграть время.

Кастеле, весь въ поту, съ лицомъ, налитымъ кровью, разгоряченный борьбой, по-военному ругалъ ихъ.

— Впередъ, каналы!.. Колите ихъ сзади, этихъ свиней!

— Толкайте ихъ впередъ!—командовалъ капитанъ.

Двадцать человѣкъ кинулись на четверыхъ, и вся эта разъяренная толпа ввалилась въ залъ, разбивая стекла въ дверяхъ и ломая мебель, попадавшую подъ ноги.

— Гдѣ же Брюсларь?—спросилъ Кантекорь, окидывая взглядомъ эту толпу.

— Вотъ онъ!—закричала Кастеле, вталкивая впередъ шуана съ огромной черной бородой.

— Это!—зарычала Кантекорь.—Скоты, это не онъ!

Ложный Брюсларь въ дѣйствительности былъ не кто иной, какъ графъ де-Форасъ, который добровольно рѣшилъ пожертвовать собой, чтобы спасти предводителя ихъ великаго дѣла.

Кантекорь оттолкнулъ столъ и рвалъ на себѣ волосы. Смущенный Кастеле вложилъ машинально саблю въ ножны.

— Капитанъ!—приказала задыхающійся отъ волненія Кантекорь:—поскорѣе соберите шестьдесятъ человѣкъ и продолжайте преслѣдованіе... онъ нуженъ намъ; этого желаетъ императоръ!

— Если возможно, я поймаю его,—отвѣтилъ офицеръ, заторопившись:—если это невозможно теперь — все равно онъ не уйдетъ. Борода этого шуана обманула насъ. Примѣты подходили...

— Скорѣе, скорѣе,—торопилъ Кантекорь:—отправляйтесь, я оставлю себѣ сорокъ человѣкъ...

Кастеле былъ уже во дворѣ, и вновь послышалась труба, сзывавшая всѣхъ.

Кантекорь опять сѣлъ за столъ; руки его дрожали отъ бѣшенства. Онъ собирался отплатить четыремъ плѣнникамъ за исчезновеніе ихъ болѣе счастливаго предводителя.

— Подведите ко мнѣ этихъ людей,—крикнулъ онъ повелительнымъ тономъ.

Въ это время старій Форасъ замѣтилъ въ тѣни въ углу Гранли.

— Ага! шпіонъ изъ лѣса...—зарычала старикъ.—Такъ вотъ ты кто, съ твоимъ важнымъ видомъ... Не согласишься ли ты со мною, это было бы лучше, если бы я повѣсилъ тебя на первомъ попавшемся деревѣ... такъ молодъ, нѣженъ, какъ дѣвушка, а занимается такимъ гнуснымъ дѣломъ...

Кантекорь внимательно слушалъ эту грубую брань. Положительно принцъ, несмотря на подозрительную обстановку, не былъ соучастникомъ, онъ дѣйствительно заблудился и попалъ въ скверную исторію.

Этотъ старикъ, при каждомъ словѣ захлебывавшійся слюной отъ бѣшеной злобы, не игралъ комедіи.

— Вы знаете его, лейтенантъ?—спросилъ онъ у Гранли.

Не двигаясь съ мѣста, тотъ съ досадой отвѣчалъ:

— Я встрѣтился съ нимъ въ лѣсу. Онъ указалъ мнѣ гостиницу въ Ретондѣ, вотъ все мое знакомство.

— Не говорили ли онъ вамъ чего-нибудь? Не знаете ли вы, кто онъ?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ принцъ, которому опротивѣла его роль, которую, не будь передъ его глазами образа Полины, онъ давно бы бросилъ съ радостью и открылъ бы свое происхожденіе, рискуя жизнью:—нѣтъ, онъ ничего не говорилъ мнѣ... я ничего не знаю.

При этомъ показаніи графъ де-Форасъ опѣшилъ на мгновеніе. Въ то время сынъ его Эмери, стоявшій около отца, съ лицомъ, искаженнымъ страданіемъ, лѣвой рукой поддерживая правую, прострѣленную пулей, сказалъ по адресу Гранли слабымъ, тихимъ, но полнымъ глубокаго презрѣнія голосомъ:

— Притворяется... не вѣрьте ему... Это онъ предалъ насъ сегодня вечеромъ... Надо сорвать съ него маску... не нужно намъ его лживаго великодушія. Ты насъ предалъ, каналья! И ты хочешь насъ пощадить, разыграть роль благороднаго человѣка.

— Ага! Вотъ какъ!—перебилъ сына старикъ Форасъ.—Ну, такъ слушай меня, я тебѣ говорю; ты встрѣтилъ насъ въ чащѣ, ты, затерянный, какъ чижикъ, вылетѣвшій изъ кѣтки; мы ѣхали по своимъ дѣламъ. Я сказалъ тебѣ, что я Леконтъ изъ Греля, торговецъ лѣсомъ, и что я съ своими сыновьями путешествую по торговымъ дѣламъ. Вѣришь ты намъ, или нѣтъ, это мнѣ все равно. Ты искалъ гостиницу, чтобы переночевать. Я указалъ тебѣ «Великаго монарха»; мы также ѣхали туда. Я долженъ былъ тебя повѣсить, повторяю это опять, вотъ этой самой рукой на первомъ перекресткѣ.

— Это все?—нетерпѣливо спросилъ его Кантекоръ.

— Да, на сегодня это все. Въ первый же разъ, какъ я поймаю его, я перерѣжу ему глотку.

Гранли, съ сжатыми руками, до крови кусая губы, съ безумными глазами смотрѣлъ изъ своего угла на маркизу. Рискуя погубить все дѣло, она сдѣлала ему знакъ, приглашавшій безропотно переносить все.

— Такимъ образомъ, вы г. Леконтъ изъ Греля, торговецъ лѣсомъ,—продолжалъ Кантекоръ.

— Я,—отвѣчала хриплымъ голосомъ старикъ:—я графъ де-Форасъ, эмигрантъ, шуаль, и такъ дальше, торговецъ свинцовыми пулями, чтобы стрѣлять ими въ бонапартистовъ... Доволенъ?

— Я въ восторгѣ,—отвѣчала Кантекоръ:—черезъ три дня, въ Гренеллѣ вы увидите, такого ли сорта наши пули, какъ ваши; вѣжливость за вѣжливость... Этотъ молодой человѣкъ вашъ сынъ?..

— Да, виконтъ Эмери де-Форасъ... Братъ его, баронъ Рауль, удраля отсюда и хорошо сдѣлалъ... онъ отомститъ за насъ.

— Да... меня не поймали бы тоже,—сказалъ молодой человѣкъ:—если бы у меня не прострѣлили руку и если бы мой отецъ не рѣшился выдать себя за Брюслара... Я долженъ былъ защищать его, вмѣсто того, чтобы бѣжать вмѣстѣ съ нимъ... не будь этого...

— Итакъ, мы говоримъ... виконтъ Эмери де-Форасъ,—повторялъ, записывая, Кантекоръ.—Великолѣпно!.. Подведите третьяго изъ этихъ господъ... Кто вы такой?

— Маркизь д'Ормансн. Мое почтеніе, маркиза, вы тоже связаны. Съ вами поступаютъ, какъ съ мужичной, и, конечно, въ этого заслуживаетъ.

живаєте за вашу храбрость... Я хочу васъ успокоить: Брюсларь, слѣдую путемъ, по которому спастся отсюда, теперь долженъ уже миновать Нуаень...

— Благодарю васъ, Орманси!—отвѣтила Діана, окидывая маркиза, красиваго юношу, нѣжнымъ взглядомъ своихъ прекрасныхъ глазъ, на которыхъ сверкали слезы.

При извѣстїи о вѣроятномъ побѣгѣ предводителя партизановъ Кантекоръ поблѣднѣлъ; впрочемъ, онъ тотчасъ оправился и возобновилъ свой допросъ:

— Маркизь д'Орманси, вы были, если не ошибаюсь, въ свое время компаньономъ Кадудя?

— Именно!.. Это было хорошее время... Теперь мало такихъ людей... Правда, что немногіе избранные составляютъ рай... Пишите, комиссаръ, пишите: маркизь д'Орманси, преданный своему королю, милостію Божіей...

— Bravo, bravo!—вскричала Діана.

— Маркизь,—обратился ироническимъ тономъ къ безстрашному молодому человѣку Кантекоръ:—я обязанъ занести на бумагу всѣ ваши слова. Это мой долгъ. Вѣрьте мнѣ, что я очень объ этомъ сожалѣю, такъ какъ все говорить далеко не въ вашу пользу...

— Дѣлайте то дѣло, которое вамъ поручено, комиссаръ!—прервалъ его д'Орманси.—Я увѣренъ, что маркиза Діана долго сохранитъ о мнѣ добрую память, не правда ли, маркиза?

— Безумецъ! безумецъ! Вы достойны удивленія, но вы безумецъ, Орманси... а ваша мать?—жалобно вздохнула м-мъ д'Этіоль.

— Она поплачетъ!—сурово отвѣтилъ молодой человѣкъ:—теперь всѣ благородныя матери плачутъ, потому что ихъ дѣти умираютъ! Теперь остались только вдовы или матери, лишившіяся сыновей... что за важность... Короли умерли первыми...

— Берегитесь, маркизь д'Орманси,—сказалъ насмѣшливымъ тономъ Кантекоръ:—вы мѣняете тонъ; вы расчувствовались. Вы должны быть готовы ко всему... понимаете?

Сильнымъ, громко прозвучавшимъ голосомъ роялистъ кинулъ послѣдній вызовъ:

— Долой Бонапарта! Да здравствуетъ Людовицъ XVII!

— Заткните ему ротъ!—зарычалъ, выпрямляясь. Кантекоръ.

Десять сильныхъ рукъ опустили на плеча маркиза и въ одно мгновеніе завязали ему платкомъ ротъ.

Успокоившись, Кантекоръ опять началъ свой допросъ.

— Четвертый! Ваше имя?

Никакого отвѣта.

Кантекоръ, погруженный въ составленіе протокола, переспросилъ машинально:

— Ваше имя?

Опять молчаніе.

Передъ нимъ стоялъ съ залитымъ кровью лицомъ графъ Арманъ де-Тейксъ, одѣтый, какъ всегда, во все черное, мрачный и печальный.

Этотъ суровый, привычный къ войнѣ солдатъ дрожалъ всѣми своими членами, это не былъ страхъ, но гнѣвъ, бѣшенство, превосходившее всякія границы.

Онъ полузакрывъ глаза, еле двигая пересохшими губами, какъ бы въ недоумѣніи передъ неслыханнымъ событіемъ.

Наконецъ выраженіе увѣренности сверкнуло въ его расширенныхъ зрачкахъ; гнѣвъ, презрѣніе, радость дикаго животнаго, краснокожаго, встрѣтившаго своего стараго врага, всѣ эти чувства запечатлѣлись на прекрасномъ лицѣ графа де-Тейкса.

— Ваше имя?—въ третій разъ спросилъ его Кантекоръ.

Графъ молча выжидалъ, чтобы глаза ихъ встрѣтились, и онъ наслаждался, предвкушая ужасъ и изумленіе комиссара, которые послужатъ ему доказательствомъ его предположенія.

Гискаръ разсердился.

— Ты слышишь или нѣтъ? Ты? Полѣно!

Тейксъ покраснѣлъ отъ этого оскорбленія. Окружавшіе его драгуны не замѣтили, какъ освободивъ какимъ-то образомъ руки, онъ судорожно искалъ въ карманахъ панталонъ.

Въ это мгновеніе Кантекоръ положилъ перо и поднялъ голову:

— Я васъ спраш...

Онъ не докончилъ; лицо его исказилось, пожелтѣло, взгляды скрестились. Этотъ человѣкъ, покрытый кровью, былъ призракъ «того»...

Онъ едва овладѣлъ собою, какъ Гискаръ, потерявшій уже терпѣніе, грубо обратился къ юношѣ:

— Твое имя, собака? Будешь ты, наконецъ, отвѣчать?

Арманъ де-Тейксъ, осторожно двигая пальцами въ карманахъ, удостоилъ отвѣтить на этотъ разъ:

— Князь Борисовъ... и любезно добавилъ, указывая движеніемъ головы на Кантекора:

— Вы меня знаете, сударь, не правда ли?

Но такъ какъ комиссаръ, видимо, не хотѣлъ продолжать допросъ, вахмистръ возложилъ на себя обязанность замѣнить его. Обративъ вниманіе на черную одежду молодого человѣка, онъ спросилъ его:

— По комъ носишь ты трауръ, бездѣльникъ?

— По тебѣ!—свирѣпо обрѣзая Тейксъ и, наставивъ въ упоръ пистолеты, вытасенные мгновенно изъ кармановъ, онъ выстрѣлилъ въ грудь Гискару и наудачу въ Кантекора.

Тотъ успѣлъ отшатнуться въ сторону; пуля засѣла ему плечо; онъ упалъ, но тотчасъ поднялся.

Второй лежалъ, вытянувшись на спинѣ; такъ умеръ вахмистръ Гискаръ, который имѣлъ самые длинные и самые красивые усы въ седьмомъ эскадронѣ.

На его трупѣ завязалась рукопашная схватка.

Тейксъ-Борисовъ былъ сваленъ ударами кулаковъ на землю; Діана, стараясь сбросить съ себя веревки, кричала что-то убійцѣ; Гранли, забывая осторожность, вмѣшался въ эту кашу, защищая князя отъ разъяренной толпы.

— Господа!.. господа!..— кричалъ онъ прерывающимся голо-
сомъ,—двадцать противъ одного... солдаты... это безчестно... я за-
прещаю вамъ...я вамъ приказываю!..

Его послушались, повиновались... когда убійцы рѣшили, что избитый покончилъ уже счеты съ жизнью. Де-Тейксъ въ платьѣ, прорванномъ въ клочки, лежалъ въ глубокомъ обморокѣ рядомъ съ Гискаромъ и казался мертвымъ.

Въ углу охалъ Кантекоръ. Полуоткрывъ плечо, онъ разсматри-
валъ свою рану.

Полное смятеніе царило въ этомъ замкѣ, гдѣ происшествія слѣдовали одно за другимъ. Къ довершенію ряда неудачъ, въ замокъ вернулся Кастеле со своими людьми; они были разбиты на голову. Оставивъ нѣсколько человѣкъ, убитыхъ шуанами, они явились, не поймавъ Брюслара, который долженъ былъ быть уже далеко. Кантекоръ не рѣшился упрекать ихъ въ неудачѣ; рука его, вытянутая вдоль тѣла, болѣла и сильно беспокоила его.

Вдругъ въ одномъ изъ угловъ парка раздались частые вы-
стрѣлы.

Кантекоръ побѣждалъ въ эту сторону съ намѣреніемъ принять участіе въ этой перестрѣлкѣ, но, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, упалъ; его рана невыносимо болѣла, доводя его почти до потери сознанія.

Въ это время Кастеле бросился въ ночную темь; за нимъ послѣдо-
вало нѣсколько драгунъ; усилившійся шумъ, выстрѣлы, крики дали знать, что началась опять схватка.

Пять или шесть шуановъ, преслѣдуемые и не находившіе выхода въ этомъ незнакомомъ имъ паркѣ, укрылись въ сторожевой будкѣ, оставшейся въ паркѣ съ прежнихъ временъ.

Открытые въ своемъ убѣжищѣ, они рѣшили какъ можно дороже продать свою жизнь и бѣшено стрѣляли изъ оконъ и дверей.

Наконецъ дверь уступила подъ натискомъ двухъ драгунъ, руко-
водимыхъ гигантомъ Кастеле, который дѣйствовалъ своимъ пле-
чомъ, какъ тараномъ; они работали съ такимъ увлеченіемъ, что
свалились въ середину уцѣлѣвшихъ враговъ.

Ударъ кинжаломъ перерѣзалъ горло Кастеле.

На его теплому еще трупѣ были перерѣзаны, въ свою очередь
и шуаны; въ сторожкѣ воцарилась тишина; смущенные, оторо-

пѣлые драгуны несли въ замокъ кровавые останки своего убитаго начальника.

Кантекоръ, узнавъ объ этой новой потерѣ, былъ опечаленъ, но скоро утѣшился; это было понятно, если принять въ соображеніе, что Фушэ судилъ о трудности предпріятія по числу мертвыхъ и раненыхъ. Кантекоръ былъ раненъ, Кастеле зарѣзанъ,—это доказывало, что дѣло было жаркое.

Комиссаръ отдалъ приказаніе оставшимся въ живыхъ поднять мертвыхъ и положить ихъ въ залѣ замка; раненые были отнесены въ другую комнату, плѣнники вмѣстѣ съ Форасомъ и Орманси заключены въ третью. Въ это время одинъ, оставшійся не раненымъ, драгунъ былъ отправленъ въ Компьень за докторами.

Кантекоръ положилъ свою раненую руку на столъ, передъ которымъ онъ сидѣлъ, и старался держать ее неподвижно, но при малѣйшемъ невольномъ движеніи онъ испытывалъ страшную боль.

Неожиданно онъ тихимъ голосомъ позвалъ Гранли, сидѣвшаго попрежнему въ своемъ углу, положивъ локти на колѣни.

Молодой человекъ казался погруженнымъ въ глубокія размышленія. Онъ поднялъ голову при звукѣ голоса Кантекора, который продолжалъ громко:

— Лейтенантъ, я хочу отдать вамъ вашу шпагу и лошадь; отправляйтесь въ Компьень; двое моихъ людей покажутъ вамъ дорогу и будутъ охранять васъ. Позднѣе, если понадобится, вы подтвердите все, что видѣли здѣсь.

— Хорошо!—сказалъ принцъ:—я принимаю ваше предложеніе... хотя я немного видѣлъ...

— Итакъ, вы отправляетесь,—продолжалъ полицейскій:—и позвольте мнѣ дать вамъ совѣтъ: не путешествуйте по ночамъ въ лѣсахъ Франціи.

— Понялъ!—отвѣчала Гранли:—благодарю васъ, сударь!

Проходя мимо Діаны, онъ почувствовалъ желаніе остановиться и сказать ей слово сочувствія.

Но она предвидѣла эту неосторожность и предупредила ее. Едва только онъ приблизился, она оттолкнула его ногой и, устремивъ на него самый нѣжный, вскричала:

— До свиданья, каналья! Мы еще встрѣтимся!

Принцъ понялъ и, не наставая болѣе, поклонился и вышелъ.

Кантекоръ, съ вытянутой рукой на столѣ и не имѣя возможности повернуть голову, заговорилъ снова:

— Маркиза д'Этиоль, дайте мнѣ слово, что вы не уѣдете изъ замка, и я освобожу васъ. Ваши горничныя давно уже визжатъ на чердакѣ. А вамъ нуженъ отдыхъ, вы вполне заслуживаете его.

— Милостивый государь,—отвѣтила Діана, успокоенная отъѣздомъ принца и увѣренностью, что Брюсларъ уже въ безопасности:—если бы я думала о бѣгствѣ, то не дала бы вамъ слова; но я

не вижу возможности бѣжать одной, ночью, пѣшкомъ, черезъ лѣсъ, полный солдатъ.. и мнѣ хочется спать.

Кантекоръ сдѣлалъ знакъ солдатамъ.

— Развяжите маркизу, дайте ей свободу.

Маркиза была тотчасъ же освобождена; она была связана болѣе для вида, и не чувствовала даже необходимости размять члены, оставшіеся такими же подвижными, какъ и прежде. Сдѣлавъ короткій поклонъ, она вышла изъ зала.

Снаружи, по звуку трубы, собирались и выстраивались въ рядъ драгуны. Не хватало девятнадцати, а съ Кастеле и Гискаромъ двадцати одного человѣка.

Прошелъ еще часъ тяжелаго ожиданія. Въ залѣ, гдѣ лежали раненые, раздавались крики, жалобы, проклятія; Кантекоръ слушалъ ихъ, и его угнетенное состояніе духа становилось мрачнѣе.

Наконецъ прибыли изъ Компьена два военныхъ врача и какъ разъ во время; у Кантекора кружилась голова, и онъ чувствовалъ, что сознаніе его затемнялось. Платье его было порвано, рана была болѣе болѣзненна, чѣмъ опасна; онъ почувствовалъ большое облегченіе, когда пуля была извлечена и рука перевязана; онъ могъ встать и приняться за исполненіе своихъ обязанностей. Затѣмъ они долго хлопотали около раненыхъ, дѣлая имъ перевязки; семь драгунъ и шесть шуановъ глухо стонали подъ ножомъ хирурговъ.

Взошло солнце. Въ замкѣ все успокоилось. Раненые отдыхали на матрацахъ или связкахъ соломы. Кантекоръ провелъ врачей въ залъ, гдѣ лежали умершіе.

При свѣтѣ наступившаго дня они остановились и внимательно разсматривали убитыхъ, среди которыхъ Кантекоръ не безъ удовольствія узналъ своихъ старыхъ знакомцевъ, шпионовъ принцевъ, Гуртула и Тронкоя.

— Ну, теперь они безвредны, —прошепталъ онъ:—это мнѣ очень на руку.

Но вдругъ онъ вздрогнулъ, окидывая взглядомъ эти вытянутыя тѣла, этихъ казавшихся спящими послѣднимъ сномъ людей.

— Тутъ одного недостаетъ!.. гдѣ онъ? Гдѣ графъ де-Тейксъ...— закричалъ онъ.

На его крики прибѣжали солдаты, сторожившіе комнату; но они ничего не знали. Тѣло графа де-Тейкса было принесено сюда вмѣстѣ съ тѣлами драгунъ и шуановъ, было положено около лѣвой стѣны, подъ открытымъ окномъ. Теперь это мѣсто было пусто.

V.

При первыхъ выстрѣлахъ неожиданнаго нападенія Брюсларь, вскочивъ на лошадь, бросился черезъ паркъ, каждый уголокъ котораго былъ ему извѣстенъ, добрался до окружавшей его стѣны и перепрыгнулъ черезъ брешь, образованную обвалившейся стѣной.

Вслѣдъ за этимъ, опаснымъ для всякаго другого, прыжкомъ, разделся залпъ ружей вдогонку Брюсларю, къ счастью, не задѣвшій его.

— Напрасные выстрѣлы!—замѣтилъ спокойно шуанъ и почмчался галопомъ черезъ необъятный, темный, таинственный лѣсъ, который онъ зналъ такъ же хорошо, какъ и паркъ.

Въ теченіе получаса, не ослабѣвая, неслась лошадь; вдругъ на одномъ изъ перекрестковъ она неожиданно свалилась, тяжело вздохнула и осталась неподвижна. Брюсларь во-время вскочилъ и сталъ на ноги, цѣль и невредимъ.

Изъ лѣваго бока лошади текла кровь; Брюсларь наклонился къ ней, поднялъ голову и поцѣловалъ въ ея влажныя ноздри. Онъ хотѣлъ говорить, но голосъ его прерывался:

— Прощай... прощай, старый товарищъ! Семь лѣтъ... служили ты мнѣ... спасалъ двадцать разъ... Спи теперь... ты заслужилъ отдыхъ... я не забуду тебя!

И быстро юркнувъ въ чащу, онъ пошелъ назадъ, по направле-нію къ замку; на полдорогѣ онъ свернулъ въ сторону, бросился въ гущу папортника, доходившаго ему до глазъ, и затерялся тамъ; пройдя съ усиліемъ это море зелени, онъ очутился на полянѣ, засаженной высокими стройными соснами. Вблизи была дорога на старую мельницу. Утомленный, онъ упалъ на мохъ и тяжело дышалъ.

Прошелъ часъ. Возстановивъ свои силы, Брюсларь всталъ и продолжалъ путь въ шумѣвшемъ лѣсу. Заря разгоралась на границѣ лѣса, когда партизанъ вошелъ въ деревушку, называвшуюся «Старой мельницей». Десять или двѣнадцать хижинъ окружали грубую церковь, построенную изъ дерева и камня.

У ветхаго домишка, стоявшаго на дорогѣ, онъ постучалъ три раза, располагая удары въ ритмическомъ порядкѣ.

Дверь открылась, и онъ вошелъ въ убогую, грязную хижину.

Черезъ двадцать минутъ онъ вышелъ оттуда переодѣтый престыяниномъ, съ побѣлѣвшей отъ пыли бородой, въ старой, зеленоватаго цвѣта шляпѣ, надвинутой на глаза, въ желто-сѣрой вылинявшей, заплатанной шинели, въ безцвѣтныхъ, широкихъ панталонахъ. Онъ былъ неузнаваемъ.

Изъ-подъ шатающагося навѣса виднѣлась старая телѣга, наполненная всякими овощами, запряженная толстой, маленькой, бѣлой, лѣнливой лошадежкой.

Брюсларъ взобрался наверхъ, взявъ кнутъ, веревочныя вожжи, сказалъ: «гопъ! гопъ!» и поѣхалъ шагомъ. Крестьянинъ, смѣясь, кинулъ ему вдогонку:

— Счастливаго пути, хозяинъ!

Деревня просыпалась; въ отдаленной фермѣ залаяла собака, ей отвѣтили другія; запѣлъ пѣтухъ, взобравшись на тачку передъ кучей навоза; курятникъ оживился. Тусклое солнце на голубой лазури показалось изъ-за лѣса; все птичье населеніе привѣтствовало его единодушнымъ крикомъ, перешедшимъ въ громкое пѣніе.

Навстрѣчу Брюслару показались два всадника, покрытые пылью, какъ будто они скакали всю ночь. Онъ сразу узналъ ихъ.

— Иммармонъ, Прэнгей!—прошепталъ онъ. — Навѣрно, они ищутъ принца.

Всадники приблизились къ нему.

— Добрый человѣкъ!—закричалъ Иммармонъ:—откуда вы ѣдете?

— Изъ «Старой мельницы», сударь, къ вашимъ услугамъ.

— Вы никого не встрѣтили по дорогѣ?—продолжалъ виконтъ.

— Нѣтъ, никого... всѣ спятъ...

— Благодарю васъ! до свиданья!

— До свиданья, господа!—сказалъ насмѣшливымъ тономъ Брюсларъ.

— Они очень рано начали охотиться и въ очень скверномъ мѣстѣ,—проворчалъ онъ про себя.—Сейчасъ они налетятъ на драгунъ, и это надѣляетъ массу хлопотъ...

Его лошадь попробовала пуститься рысью; телѣга качалась, тряслась, громыкала своими всѣми суставами; картофель прыгала на моркови; одна головка цвѣтной капусты упала на дорогу, увлекая за собой свеклу.

Брюсларъ остановилъ животное и хотѣлъ слѣзть, чтобы поднять овощи, какъ вдругъ неожиданно до его слуха донесся молодой голосъ.

— Оставайтесь здѣсь, старикъ. Я сейчасъ верну вамъ вашихъ бѣглецовъ... а затѣмъ мы поговоримъ.

Кустарникъ раздвинулся, и показалась молодая дѣвушка, одѣтая какъ служанка изъ богатаго дома. Она шла, протянувъ впередъ руки, чтобы защитить отъ елей свое бѣлое личико.

Дѣвушка выбѣжала на дорогу, подняла свеклу и капусту и, смѣясь, подошла къ остановившейся телѣгѣ.

— Чтобы вознаградить меня за труды, вы должны меня довести; я усядусь на брюкву, она не боится ничего.

— Хорошо!—отвѣтилъ мнимый крестьянинъ, разглядывая свою новую знакомую. Про себя онъ думалъ: «Ты такая же крестьянка, какъ и я; что за глаза, цвѣтъ лица, какая осанка подъ этой крестьянской одеждой!»

Она продолжала:

— Куда вы ѣдете?

— Въ Суассонь.

Телѣга двинулась въ путь; лошадь при неожиданнымъ увеличеніи груза замедлила свой ходъ.

— Ну, Коко!

— Ее зовуть Коко?

— Да, сударыня.

— А васъ?

— Меня? Бонжанъ Баптисть, къ вашимъ услугамъ. А васъ?

— Жанина Бертранъ.

— Отлично... покачалъ онъ головой:— всегда нужно говорить правду; этого требуетъ честность.

Она закусила губы, чтобы не разсмѣяться. Наступило молчаніе. Вдругъ Брюсларъ омрачился. Ему пришло въ голову, что онъ напрасно принялъ эту подозрительную пассажирку. Это была новая опасность, которую онъ необдуманно навязалъ себѣ. Въ свою очередь, Жанина Бертранъ разглядывала исподтишка своего случайнаго компаньона и приходила мало-по-малу въ удивленіе и даже опасеніе.

Несмотря на грязь, руки этого крестьянина оставались бѣлы и тонки; на двухъ пальцахъ она замѣтила бѣлыя полосы, оставшіяся отъ колецъ, недавно снятыхъ съ загорѣлой руки.

У Жанины глаза были не только красивы, но и проникательны. Она замѣтила также, что подъ своимъ грубымъ одѣяніемъ, затасканнымъ и замараннымъ, этотъ человекъ оставилъ по оплошности, вѣроятно, очень чистое и тонкое бѣлье. Этотъ проѣзжій человекъ, насколько ей казался смѣшнымъ въ началѣ, настолько беспокоилъ ее теперь и даже казался страшнымъ.

Она разглядывала его болѣе внимательно. На минуту мнимый Баптисть Бонжанъ повернулъ голову, насвистывая пѣсенку и разглядывая по сторонамъ недавно сжатые поля.

Она ясно видѣла его въ профиль и тѣмъ не менѣе не могла вспомнить, кто онъ, по чувствовала, что еще небольшое усиленіе и ея смутныя воспоминанія перейдутъ въ увѣренность. Одновременно, видъ этого страннаго крестьянина, по ассоціаціи идей вызывалъ въ ея памяти воспоминаніе о крикахъ, звукахъ трубъ, топотѣ скачущихъ лошадей.

И съ ея губъ сорвалось имя, которое она не успѣла удержать:

— Брюсларъ!

Крестьянинъ подскочилъ отъ неожиданности и обернулся къ ней съ свирѣпымъ видомъ:

— Скажите, кого это вы зовете?..

Онъ не окончилъ; молодая дѣвушка, понявъ, что ее могла выручить теперь только полная правдивость, живо прервала его:

— Будьте спокойны, шевалье; меня зовуть Изабеллад'Иммармонъ.

Партизанъ наклонился и прошепталъ:

— Я очень сомнѣвался...

— Вы считали меня врагомъ; вы ошибались. Знаете ли вы также, что одинъ разъ мы спасли васъ отъ жандармовъ?

— Клянусь вамъ, что не знаю!—воскликнулъ удивленный шуанъ.— Когда это? Я такъ часто имѣлъ дѣло съ этими людьми...

— Въ послѣднихъ числахъ іюля... послѣ нападенія въ Клошъ д'Орѣ, когда вы пріѣхали изъ замка д'Этіоль. Вспомните... Вы перескочили черезъ стѣну, окружавшую владѣніе. Двое молодыхъ людей открыли вамъ дверь. Это былъ мой братъ и... мой кузень... Этой же дверью я ушла сегодня ночью... послѣ хорошей сцены... и больше туда не вернусь.

— Ага! Понимаю!—Вчера я видѣлъ Гранли... онъ разсказалъ мнѣ...

— Положительно, хотя мы никогда не видѣлись, мы отлично знаемъ другъ друга,—весело воскликнула Изабелла.—А принцъ?

— Я надѣюсь, что онъ въ безопасности,—глухо отвѣтилъ Брюсларъ.

Изабелла поблѣднѣла; маленькая бѣлая ручка этой мнимой служанки судорожно схватилась за рукавъ крестьянина.

— Разскажите мнѣ все.

Брюсларъ разсказалъ о невольномъ появленіи принца въ замкѣ д'Этіоль, неожиданномъ признаніи, нападеніи полиціи и о мѣрахъ, принятыхъ имъ, чтобы спасти принца... Удалась ли только эта уловка?

— Какъ бы узнать? какъ бы узнать?—твердила прерывающимся голосомъ молодая дѣвушка.—Если онъ схваченъ... на этотъ разъ это его смерть! И это по винѣ моего брата и Жана... Какое ужасное несчастіе и какія тяжелыя угрызения совѣсти!

— Успокойтесь,—утѣшалъ ее Брюсларъ, стараясь казаться болѣе увѣреннымъ, чѣмъ это было на самомъ дѣлѣ.—Его форма спасетъ его... А знаете ли, я только что встрѣтилъ вашего брата и Прэнгея. Они очевидно ищутъ васъ.

— Уже?—сказала молодая дѣвушка:—какъ хорошо, что мнѣ пришло въ голову сѣсть на вашу телѣгу.

— Не знаю, право,—проворчалъ партизанъ:—такъ ли ужъ хороша ваша идея. Вы очень скоро узнали меня... Я заподозрѣлъ васъ съ перваго взгляда. Дай Богъ, чтобы мы не встрѣтили жандармовъ... А что вы намѣрены дѣлать, сударыня?

— Добраться до Парижа, тамъ моя мать. Я не хочу больше знать ни брата, ни кузена. Если мать прогонитъ меня, увидимъ тогда... У меня есть деньги... Самое худшее будетъ для меня, если придется ѣхать въ Англію къ своимъ дядямъ.

— Маркиза Діана высказывала такое же намѣреніе,—глухо произнесъ Брюсларъ.—Она не ненавидитъ теперь васъ совершенно...

Такимъ образомъ, всѣ перекочуютъ за море; вотъ результатъ нашей преданности.

— Увы! звѣзда Корсики не закатилась еще!—вздыхнула Изабелла.

Шуанъ сжалъ кулаки, опустивъ вожжи.

— Этотъ человѣкъ сильнѣе насъ... ему покровительствуетъ самъ адъ.

Между тѣмъ Жакъ д'Иммармонъ и де-Прэнгей д'Отрезмъ продолжали свою скачку по дорогамъ, обыскивали кустарникъ, все болѣе и болѣе теряя надежду догнать Изабеллу, вернуть ее во что бы то ни стало въ замокъ, чтобы избѣгнуть позора.

Когда рано утромъ испуганная служанка доложила виконту, что его сестра исчезла изъ комнаты, гдѣ провела, не ложась, всю ночь, онъ ни на секунду не усомнился, что она ушла навсегда.

Что она задумала? куда пошла? Съ ея горячимъ темпераментомъ можно было ожидать, что она послѣдуетъ за принцемъ и начнетъ опять свои страстные изліянія. Размышляя такимъ образомъ, Жакъ отправился будить кузена; оба торопливо одѣлись, сѣли на лошадей и бросились по первой попавшейся дорогѣ.

Изабелла должна была пойти по большой дорогѣ, избѣгая Компьена, гдѣ ее всѣ знали, дойти до мѣстечка и нанять тамъ экипажъ, который доставилъ бы ее до мѣста, откуда ходили общественные экипажи. Тамъ и надо было ее искать.

Они не ошиблись въ расчетѣ, такъ какъ если они не нашли молодой дѣвушки, то встрѣтили Брюслара, который увидѣлъ ее четверть часа спустя.

Долго молодые люди осматривали дорогу, изслѣдовали кустарникъ, разглядывали горизонтъ. Ничего... и никого!

Они опустили поводья и вернулись назадъ, утѣшая себя надеждой, что заѣхали слишкомъ далеко. Такимъ образомъ они приблизились къ Компьену, главнымъ образомъ къ замку д'Этиоль.

Они ничего не знали о драмѣ, разыгравшейся этой ночью, и ѣхали, имѣя одну мысль найти бѣглянку. Иногда въ памяти ихъ возобновлялась ужасная сцена, происшедшая наканунѣ, оскорбленіе, нанесенное ими принцу; нервная дрожь, какъ отъ прикосновенія каленаго желѣза, пробѣгала по ихъ тѣлу. Проѣзжая мимо перекрестка, они увидѣли огромную, рыжую собаку, неистово лаявшую на лѣсъ.

Поровнявшись съ ней, Прэнгей, случайно нагнувшись къ сѣдлу, увидѣлъ на опушкѣ лѣса темную, длинную фигуру.

— Кузень,—сказалъ онъ, останавливая свою лошадь:—тамъ что-то лежитъ... быть можетъ тѣло мужчины... или женщины.

Они переглянулись, блѣдные отъ ужаса и одновременно мелькнушаго предположенія: Изабелла въ отчаяніи, униженная, оставленная всѣми, лишила себя жизни въ глухомъ лѣсу.

Они соскочили на землю, быстро привязали коней къ вѣтвямъ низкаго дуба и поспѣшили къ опушкѣ. Рыжая собака перестала лаять. Она внимательно слѣдила за движеніями людей; увидѣвъ, что они пошли къ лѣсу, она, полагая, вѣроятно, что ея обязанность кончена, повернула и медленно пошла къ деревушкѣ.

— Мужчина... весь въ крови.

Оба наклонились надъ неподвижнымъ на первый взглядъ тѣломъ.

Но нѣтъ, на этомъ, залитомъ кровью лицѣ горѣли глаза, выражавшіе страданіе и угрозу.

— Тейксъ? графъ де-Тейксъ!—воскликнулъ пораженный Иммармонъ.

Глаза раненаго приняли еще болѣе суровое выраженіе.

Прэнгей, ставъ на колѣни, обратился къ этому живому мертвецу:

— Послушайте, графъ де-Тейксъ, отвѣтите намъ, узнаете вы насъ?.. Иммармонъ, Прэнгей... что съ вами случилось?..

— Мы живемъ близко отсюда,—пояснилъ Жакъ:—мы сейчасъ найдемъ экипажъ, доктора... черезъ часъ вы будете въ постели...

Глаза раненаго горѣли злобщимъ огнемъ, разсматривая сверху донизу форму императорской арміи, этихъ двухъ офицеровъ-враговъ. Наконецъ графъ де-Тейксъ разжалъ зубы, открылъ посинѣвшія губы и произнесъ нѣчто, что далеко не было благословеніемъ:

— Оставьте меня, подлѣя собаки!.. Оставьте меня подохнуть здѣсь... Я знаю эту форму... я видѣлъ вчера одного заодно съ сыщикомъ! Зачѣмъ вы хотите помочь мнѣ?.. чтобы предать потомъ?..

— Онъ бредитъ,—сказалъ Жакъ, качая головой.

Раненый взволновался.

— Я не брежу... я въ полной памяти... Вы знаете меня? А я не знаю васъ!.. Вы шпионы... всѣ офицеры Бонапарта шпионы...

— Ничего не понимаю!—сказалъ Иммармонъ, смотря на кузена.—Тейкса подмѣнили... онъ такой серьезный, сдержанный...

— Тейксъ не одинъ... насъ двое... меня зовутъ Арманъ; я старшій единственный... другой незаконнорожденный!.. Онъ доказываетъ это, служба корсиканцу... Я единственный... да... я, вѣрный въ своей ненависти... да здравствуетъ король! Предавайте меня, негодяи!..

Обезсилѣвъ, раненый потерялъ сознание.

Оба кузена переглядывались въ изумленіи.

— Понимаешь ты что-нибудь?

— Какъ будто. Мнѣ помнится, что нашего Тейкса зовутъ Эдмондомъ... этотъ Арманъ... ихъ два брата... они во враждѣ. Но онъ теперь успокоился, пойдемъ поискать экипажъ.

Часъ спустя, графъ Арманъ де-Тейксъ находился въ полной безопасности въ замкѣ Пали; тѣло его горѣло въ лихорадкѣ; онъ былъ безъ сознанія и въ бреду не переставая говорилъ о прошедшихъ событіяхъ.

Въ эти же часы, послѣ трагической ночи, въ замкѣ д'Этиоль продолжался допросъ, прекратившійся лишь подь утро.

Графъ де-Форасъ съ сыномъ и маркизь д'Орсиньи на задаваемые имъ вопросы отвѣчали: первый—молчаніемъ, второй—пожатіемъ плечъ, а третій—насмѣшками. Вмѣстѣ съ остальными плѣнниками они были препровождены, въ сопровожденіи сильнаго конвоя, въ комьенскую тюрьму и были заключены здѣсь до отправленія въ Парижъ. Всѣ раненые были отправлены въ госпиталь въ этомъ же городѣ.

Покончивъ съ дѣлами, Кантекоръ вздохнулъ свободнѣе.

— Что же вы сдѣлаете со мной?—спросила Діана, согласно данному ею слову остававшаяся на свободѣ.

— Сударыня, я долженъ васъ задержать нѣсколько. Вы хозяйка дома и должны присутствовать при нашемъ обыскѣ.

— А затѣмъ?

— А затѣмъ я буду ожидать распоряженій Фушэ. Онъ рѣшить дальнѣйшее,—отвѣтилъ полицейскій.

— Ну, въ такомъ случаѣ,—сказала красавица Діана,—достанется мнѣ на орѣхи!

— Императоръ не ведетъ войны съ женщинами. Мы живемъ теперъ не во времена террора. Вѣроятно, васъ только вышлютъ въ Англію.

Маркиза поклонилась.

— Я преклоняюсь. Вы сильнѣе... Но если когда-нибудь обстоятельства измѣнятся... Я повѣшу васъ!

Кантекоръ разразился громкимъ смѣхомъ.

— Вы воображаете, что вы живете во времена короля Генриха... Вотъ это-то и губить васъ, надо быть посовременнѣе!

Ему стало весело; раненое плечо не болѣло, а только немного беспокоило его. По увѣреніямъ хирурговъ, черезъ недѣлю онъ долженъ былъ забыть о ранѣ; къ нему возвращалось желаніе жить и наслаждаться жизнью.

Если бы у него былъ въ рукахъ Брюсларъ, какъ былъ Форасъ и другіе, его радость была бы безпредѣльна. Кромѣ этого, его беспокоило очень желаніе выяснитъ, какую именно роль игралъ принцъ въ этомъ собраніи шуановъ.

Онъ рѣшилъ собрать доказательства. Съ этой цѣлью онъ послалъ за хозяиномъ «Великаго монарха» и его дочерью Бастіеной, которая подавала обѣдъ принцу и предупредила его объ опасности.

Первымъ онъ допросилъ хозяина; результатъ былъ положительный и быстрый: хозяинъ оказался, какъ полицейскій и предпологалъ, роялистомъ; онъ выдалъ себя своими неопредѣленными, подозрительными отвѣтами. Этотъ также былъ отправленъ къ своимъ единомышленникамъ въ городскую тюрьму.

Вслѣдъ за отцомъ была призвана дѣвушка. Очень деликатно онъ началъ ее спрашивать. Впрочемъ, Бастіена, съ ея правдивыми глазами, откровеннымъ выраженіемъ лица, видимо, не пугалась его.

— Милая моя,—сказалъ Кантекоръ, покручивая здоровой рукой свои усы:—вы присутствовали на собраніи обвиняемыхъ теперь людей въ тотъ вечеръ, когда вы прислуживали въ гостиницѣ?

— Кажется, да, сударь... но я не знала.

— Что они говорили?

— Много всего... я не поняла хорошо... Но я отлично поняла, что они желали зла господину Гранли...

— Гранли?.. Откуда вы знаете его имя?

— Я знала его раньше того вечера... Потому что я служила лѣтомъ въ Клошъ д'Орь, въ Компьенѣ... при мнѣ былъ этотъ знаменитый завтракъ, когда били посуду...

— Такъ... такъ... это правда... я припоминаю теперь,—сказалъ Кантекоръ.—Вотъ почему мнѣ показалось, что я видѣлъ васъ гдѣ-то, я тамъ былъ тогда тоже, при этой пляскѣ тарелокъ...

— Такъ всѣ эти люди, шуаны, будемъ называть ихъ настоящимъ именемъ, хотѣли зла Гранли. Какого зла?

— Они хотѣли его зарѣзать или спустить въ воду. И въ особенности молодые бѣсновались. Одинъ старикъ, съ большой бородой, предлагалъ запереть его въ комнату...

— Зачѣмъ же всѣ они или почти всѣ хотѣли убить нашего офицера?.. — проворчалъ сквозь зубы комиссаръ.

— Потому что онъ былъ за императора, а они всѣ за короля...

— У насъ нѣтъ короля, молодая дѣвушка.

— Я говорю, какъ они, сударь.

— Вѣрно, ну, такъ вы предупредили Гранли, чтобы онъ бѣжалъ.

— Именно! За нимъ бѣжали...

— Такъ, такъ,—сказалъ Кантекоръ:—знаю... знаю. Такимъ образомъ выясняется, что Гранли не былъ знакомъ съ этими шуанами?

— Нѣтъ, онъ встрѣтилъ троихъ, когда заблудился въ лѣсу; троихъ, старика съ бородой и его двухъ сыновей. Они привели его въ гостиницу, быть можетъ, чтобы убить...

Писецъ, сидѣвшій за столомъ рядомъ съ Кантекоромъ, записывалъ ея показанія. Кончивъ допросъ, полицейскій обратился къ нему:

— Прочтите вслухъ все, что вы записали.

— Сумѣете вы подписать,—спросилъ Кантекоръ молодую дѣвушку.

— Сумѣю, если постараюсь.

— Въ такомъ случаѣ постарайтесь и подпишите эту бумагу.

— А это мнѣ не повредить? — спохватилась Бастіена, съ внезапнымъ страхомъ и недовѣріемъ.

— Вы показывали правду?

— Только то, что было, клянусь вамъ.

— Ну, такъ правда никогда не можетъ повредить.

Служанка изъ «Великаго монарха» наклонилась надъ столомъ, взяла перо и медленно, вытянувъ кончикъ языка, какъ это дѣлають дѣти, вывела большія, круглыя буквы.

Агентъ Фушэ слѣдилъ за ней глазами, забавляясь и любясь врожденнымъ изяществомъ этого гибкаго, сильнаго тѣла.

Вдругъ подскочить отъ неожиданности. Дѣвушка подписала: «Бастіена Кантекоръ».

— Васъ зовутъ Бастіена Кантекоръ? Кантекоръ изъ Кореза?

— Да.

— Изъ «Гостиницы повѣшеннаго»?

Она отступила въ испугъ назадъ.

— Мнѣ говорили не разъ, что полиція.. Но право...

— Отвѣчайте, отвѣчайте!

— Да, мой отецъ тоже имѣетъ гостиницу и поэтому...

Она не докончила; Кантекоръ выпрямился, притянулъ ее здоровою рукою и поцѣловалъ въ обѣ щеки, крича:

— Я Жеромъ, твой братъ!

Она не отстранялась, вытаращивъ глаза и сжимаемая руки. Наконецъ она проговорила:

— Это ты?.. ага, дѣйствительно!.. здорово ты насъ надуль!..

И оба они покатались со смѣху.

Затѣмъ Кантекоръ поинтересовался:

— А отецъ? Малыши?

— Не знаю... уже четыре года не видала, — отвѣтила Бастіена.

Свидѣтелемъ этой трогательной сцены былъ только писецъ; это было жаль. Кончивъ изліянія, братъ и сестра разстались, не подумавъ даже о томъ, когда они опять встрѣтятся.

Днемъ, въ присутствіи маркизы д'Этіоль Кантекоръ разсматривалъ различные документы, найденные въ замкѣ.

Дѣйствительно, всѣ они состояли изъ любовныхъ писемъ съ различными подписями. Затѣмъ былъ обнаруженъ тайникъ съ бумагами менѣе фривольнаго содержанія: депеши, посланія изъ Лондона, Митавы, Англии, Курляндіи, Италіи и Германіи, гдѣ подъ вымышленными именами скрывались настоящія, подъ общими фразами — точныя извѣстія.

На всѣ эти доказательства заговора были наложены печати.

На утро курьеръ привезъ распоряженіе Фушэ: маркиза д'Этіоль должна была быть доставлена въ Булонь и отправлена въ Англию, остальные плѣнники въ Парижъ. Сопровождаемая четырьмя жандармами, она отправилась къ мѣсту ссылки; прибывъ

КНИЖНЫЯ НОВОСТИ МАГАЗИНОВЪ „НОВАГО ВРЕМЕНИ“

А. С. СУВОРИНА

(С.-Петербургъ, Москва, Харьковъ, Одесса, Саратовъ и Ростовъ н.-Д.)

«Книжныя Новости» магазиновъ «Новаго Времени» (ежемѣсячные списки вновь поступающихъ въ магазины «Новаго Времени» книгъ) выдаются въ магазинахъ и изъ шкафовъ А. С. Суворина на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ бесплатно, пересылка въ теченіе года 25 коп. (можно марками).

Нижепоименованныя, а также и другія, находящіяся въ продажѣ русскія книги можно выписывать черезъ книжные шкафы А. С. Суворина на желѣзныхъ дорогахъ.

ВЪ ОКТЯБРЬ 1910 г. ПОСТУПИЛИ НОВЫЯ КНИГИ.

№ 9-й.

Богословіе.

Мелоранскій, Б. Изъ лекцій по исторіи и вѣроученію древней христіанской церкви. Вып. 1-й. Спб. 1910. Ц. 1 р. | Михайль Архимандритъ. Двѣнадцать писемъ о свободѣ и христіанствѣ. Спб. 1910. Ц. 1 р.

Философія, психологія, логика.

Гартманъ, Ф. Общеніе съ міромъ духовъ. Спб. 1910. Ц. 25 к. | Гипнотизмъ и внушеніе. Таинственныя силы внушенія. Новѣйшіе опыты и лекціи проф. Рише, Шарко, Грассэ, Вернейма, Мультавади и др. Спб. 1911. Ц. 1 р. | Исаевъ, А. Графъ Л. Н. Толстой, какъ мыслитель. Спб. 1911. Ц. 1 р. 50 к. | Паннратовъ, А. Идущіе Вога. Очерки современныхъ религіозныхъ исканій и настроеній. М. 1911. Ц. 1 р. | прессъ, А. Пиръ Платона о любви. Спб. 1910. Ц. 60 к. | Резановъ, А. Армія и толпа. Опытъ военной психологіи. Варшава. 1910. Ц. 75 к. | Роттердамскій, Э. Похвала глупости. Кіевъ. 1910. Ц. 50 к. | синорскій, И. Душа ребенка съ краткими описаніемъ души животныхъ и души взрослого человека, съ 20 рис. Изд. 3. Кіевъ. 1911. Ц. 1 р. 50 к.

Словесность, исторія литературы, критика и библиографія.

Абрамовичъ, Н. Художники и мыслители. Вторая книга литературно-критическихъ очерковъ. М. 1911. Ц. 1 р. 25 к. | Бертенсонъ, С. Библиографическій указатель литературы о Гоголѣ за 1900—1909 гг. Спб. 1910. Ц. 25 к. | Веселовскій, Ю. Литературные очерки, т. I, изд. 2-е. М. 1910. Ц. 2 р. 50 к. | Заприневскій, А. Подполье. Психологическія параллели. Кіевъ. 1911. Ц. 1 р. | Лернеръ, Н. Труды и дни Пушкина. Спб. 1910. Ц. 3 р. | Словарь литературныхъ типовъ. «Грибодовъ». Спб. 1910. Ц. 1 р. | Судіенко, С. Шекспиръ о самоубійствѣ. М. 1910. Ц. 30 к. | Цвѣтаевъ, Г. Указатель по всеобщей литературѣ. Спб. 1910. Ц. 1 р.

«Истор. вѣстн.», ноябрь, 1910 г., т. сxxix.

1/226

Беллетристика, поэзія и драматическія произведенія.

- Александрова, О. Борьба жизни со смертью. Вып. 5-й. Спб. 1910. Ц. 40 к.
- Амфитеатровъ, А. Жаръ-цвѣтъ. Фантастическій романъ. Спб. 1910. Ц. 1 р. 50 к.
- Княжна. Романъ-хроника. Спб. 1910. Ц. 1 р. 50 к.
- Аннуцио, Г. Факель подъ спудомъ. Трагедія въ 4 д. Спб. 1910. Ц. 1 р. 25 к.
- Артёмьевъ, В. Стѣны. Разказы. Спб. 1910. Ц. 1 р.
- Бангъ, Г. Полное собраніе сочиненій. Т. 3-й. Тина. Романъ. М. 1910. Ц. 1 р.
- Бурне, П. Леди. Новые разказы. Спб. 1910. Ц. 75 к.
- Вилли. Славенскій старичекъ. Романъ. Спб. 1910. Ц. 1 р.
- Вродяжка. Исповѣдь женской души. Заключение Клодины. Переводъ съ рукописи. Спб. 1910. Ц. 1 р. 25 к.
- Витестаръ, А. Въ гѣздѣ любви. Современный романъ. Спб. 1910. Ц. 1 р.
- Гауптманъ, Г. Эмануэль Квинтъ. Романъ, кн. 1-я. М. 1910. Ц. 1 р.
- Гете, В. Фаустъ, драматическая поэма, ч. 2-я. Переводъ Н. Холодковскаго. (Дешевая библиотечка). Спб. Изданіе А. С. Суворина. 1910. Ц. 40 к.
- Голъмовъ, П. Габель и спасеніе. Драма въ 4 д. Взработица. Драма въ 3 д. Не туда попали. Комедія-шутка въ 2 д. Маріуполь. 1910. Ц. 30 к.
- Горемына, В. Стихотворенія. Спб. 1910. Ц. 75 к.
- Гюи де-Мопассанъ. Полное собраніе сочиненій. Т. 13-й. Иветта и другіе разказы. Спб. 1910. Ц. 1 р.
- Данилевскій-Александровъ, А. Пѣсня жизни царя Антары. Спб. 1911. Ц. 8 р.
- Достоевскій, Ф. Вратья Карамазовы. Романъ. 3 тома. Спб. 1910. Ц. 3 р.
- Земля. Сборникъ 4-й. М. 1910. Ц. 1 р. 50 к.
- Ибанъесъ, Б. Дикая орда. М. 1910. Ц. 1 р. 50 к.
- Мертвые повелѣваютъ. Романъ. М. 1911. Ц. 1 р. 25 к.
- Кирова, Е. Картины жизни. Уфа. 1910. Ц. 30 коп.
- Кобанъ, Е. Волны жизни. Разказы. Спб. 1910. Ц. 1 р.
- Коваленко, О. Золотой Засѣв. Ц. 75 к.
- Котоминъ, А. Сборникъ стихотвореній. Со вступительной статьей К. Р. Спб. 1910. Ц. 75 к.
- Крыжановская (Рочестеръ), В. Въ иночь мірѣ. Спб. 1910. Ц. 1 р. 30 к.
- Крылова, И. А. Полное собраніе басенъ съ біографіей, составленной В. Острогорскимъ. Спб. 1911. Ц. 40 к., 75 к., тоже въ перепл. 1 р. 25 к. и 2 р.
- Лейнинъ, Н. Не въ мать. Романъ. Изд. 3. Спб. 1910. Ц. 75 к.
- Ради потѣхи. Изд. 4. Спб. 1910. Ц. 1 р.
- Лемонь, Н. Конецъ Вуржуа. Романъ. 2 тома. М. 1911. Цѣна за оба тома 1 р. 60 к.
- Леру, Г. Необычайныя приключенія репортера Юсифа Рудьтабидя. Дама въ черномъ. Спб. 1911. Ц. 1 р.
- Литературно-художественные альманахи издательства «Шиповникъ». Книга 13-я. Спб. 1910. Ц. 1 р. 25 к.
- Лодыженскій, И. Собраніе сочиненій. Т. 1. Слабый человекъ. Повѣсть. Спб. 1910. Ц. 75 к.
- Луговой, А. Сказка жизни. Спб. 1910. Ц. 30 к.
- Макушинскій, К. Веселые разказы и романтическія исторіи. М. 1911. Ц. 1 р.
- Мамнъ, Г. Въ погонѣ за любовью. Романъ. М. 1910. Ц. 1 р. 50 к.
- Актриса. Чудесное. Ц. 1 р.
- Мольеръ, Тартюфъ, комедія въ 5 актахъ. (Дешевая библиотечка № 233). Изд. 4-е. Спб. 1910. Ц. 15 к.
- Немировичъ-Данченко, Вас. Цари биржи. Романъ. Спб. 1910. Ц. 1 р. 50 к.
- Николаевскій, И. Юный отецъ декламаторъ. Художественный сборникъ стихотвореній, прозы и сценъ для чтенія на литературныхъ вечерахъ и праздникахъ. Кіевъ. 1910. Ц. 1 р. 25 к., въ перепл. 1 р. 75 к.
- Ольгинъ, С. Маленькіе комористическіе разказы. М. 1910. Ц. 50 к.
- Первый художественно-литературный сборникъ т-ва «Восточный Міръ». Произведенія современныхъ японскихъ писателей. Ц. 35 к.
- Полакъ, П. Вечеръ. Книга стиховъ. М. 1911. Ц. 1 р.
- Пшибышевскій, С. Сумерки. М. 1911. Ц. 1 р.
- Реймонть, В. Собраніе сочиненій. Т. 2. Мужики. М. 1910. Ц. 1 р.
- Сальгари, Э. На дальнемъ западѣ. Романъ. М. 1910. Ц. 50 к.
- Сборникъ театральныхъ пьесъ. М. 1910. Ц. 1 р.
- Свирскій, А. Разказы. Т. 2-й. Спб. 1910. Ц. 1 р. 25 к.
- Серасо, М. Волосы Самсона. Романъ. М. 1910. Ц. 1 р.
- Соловьевъ, С. Апрельъ. Вторая книга стиховъ. М. 1910. Ц. 2 р.
- Стеверянинъ, И. Пѣвица Лидія полей Сарона. Вторая тетрадь третьяго тома стиховъ. Спб. 1910. Ц. 15 к.
- Тамъ, В. Скитанія. Спб. 1910. Ц. 1 р.
- Стихотворенія. Ц. 1 р. 25 к.
- Жертвы дракона. Романъ. Ц. 80 к.
- Уэлльсъ, Г. Собраніе сочиненій. Т. 10. Не-видимка. Спб. 1910. Ц. 1 р. 25 к.
- Фіаль страстей. Танецъ Георга Фукса и др. разказы. Спб. 1910. Ц. 50 к.
- Хомяновъ, А. Стихотворенія съ портретомъ автора. (Дешевая библиотечка № 368). Спб. 1910. Ц. 15 к.
- Шебуевъ, Н. Разказы. Т. 1-й. М. 1911. Ц. 1 р.
- Шоломъ-Алейхемъ. Маленькіе люди. М. 1910. Ц. 1 р.
- Шоу, Б. Врачъ на распутьѣ. Пьеса въ 5 д. М. 1910. Ц. 50 к.
- Эль, Е. Письма на тотъ свѣтъ. М. 1910. Ц. 40 к.
- Эль, Э. Цвѣты ночи. Настроенія. М. 1911. Ц. 75 к.
- Ясинскій, І. Стихотворенія. Спб. 1911. Ц. 1 р.

Исторія, біографія и археологія.

Ардашевъ, П. Нѣсколько словъ по поводу книги проф. Олара о Тэнѣ. Киевъ. 1910. Ц. 10 к.

— Французскій Bailin и его римскіе и византийскіе предки. Киевъ. 1910. Ц. 20 к.
 Бараць, Г. Критико-сравнительный анализъ договоровъ Руси съ Византіею. Возстановленіе текста, переводъ, комментарий и сравненіе съ другими правовыми памятниками, въ частности—съ Русскою Правдою. Киевъ. 1910. Ц. 1 р. 60 к.

Боровитиновъ, М. Николай Дмитриевичъ Сергѣевскій и его профессорская, научно-литературная и общественная дѣятельность. Біографическій очеркъ. Спб. 1910. Ц. 1 р. 75 к.

Бузескуль, В. Историческіе этюды. Спб. 1911. Ц. 2 р.

Васильевичъ, С. Титулованные роды Россійской Имперіи. Спб. 1910. Ц. 3 р.

Германъ, И. Исторія русскаго межеванія. Курскъ. М. 1910. Ц. 3 р.

Жуновичъ, П. Сеймовая борьба православнаго западно-русскаго дворянства съ церковной уніей (съ 1609 г.). В. 5-й. Спб. 1910. Ц. 1 р.

Записки Московскаго Археологическаго Института. Т. 8-й. М. 1910. Ц. 5 р.

Іоаннъ де-Плано Карпини. Исторія монголовъ. Вильгельмъ де-Рубручъ. Путешествіе

въ восточныя страны. Введеніе, переводъ и примѣчанія А. І. Малеева. Спб. Изданіе А. С. Суворина. 1911. Ц. 4 р.

Киевъ въ восьмидесятихъ годахъ. Воспоминанія старожила. Киевъ. 1910. Ц. 1 р. 50 к.

Ленцимъ по славянорусской палеографіи, читанныя въ Московскомъ Археологическомъ Институтѣ въ 1908, 1909 и 1910 гг. проф. Р. Врандтомъ. М. Ц. 3 р.

Лига объявленія флота. Петръ Великій, основатель воднаго спорта въ Россіи. Спб. 1910. Ц. 30 к.

Ниже, Б. Очеркъ римской исторіи и источниковѣднія. Спб. 1910. Ц. 3 р.

Павловскій, И. Полтава. Историческій очеркъ ея, какъ губернскаго города въ эпоху управленія генераль-губернаторами. Полтава. 1910. Ц. 1 р. 50 к.

Синягинъ, Н. Императоръ Александръ Влагословенный и его эпоха. Вып. 1-й. Иконографія. Спб. 1910. Ц. 25 р.

Татищевъ, С. Императоръ Александръ II, его жизнь и царствованіе. Т. 1-й. Изд. 2-е. Спб. Изд. А. С. Суворина. 1911. Ц. по подпискѣ за два тома 12 р.

Яновлевъ, П. Воспоминанія нижняго чина о русско-японской войнѣ. Ч. 1, 2. Спб. 1910. Ц. 50 к.

Правовѣдніе, общественныя науки и публицистика.

Алашеевъ, Н. Законъ 9 ноября 1906 г., алфавитный сборникъ-указатель со всѣми разъясненіями и циркулярами Мин. Внутр. Дѣлъ, Мин. Юстиціи и Мин. Фин. Самара. 1909. Ц. 1 р.

Александровскій, Ю. Законъ 14 июня 1910 года объ измѣненіи и дополненіи нѣкоторыхъ постановленій о крестьянскомъ землевладѣніи. Спб. 1911. Ц. 3 р. 50 к.

Базановъ, И. Вотчинный режимъ въ Россіи. Его происхожденіе, современное состояніе и проектъ реформы. Томскъ. 1910. Ц. 2 р. 50 к.

Бенлемишевъ, Н. Возстановленіе русской морской силы на внутренней базѣ. Спб. 1910. Ц. 50 к.

Враскій, Б. О пошлинахъ съ имуществомъ переходящихъ беззедными способами. Спб. 1911. Ц. 1 р. 70 к.

Булгановскій, Д. Очеркъ дѣятельности попечительства о народной трезвости за все время ихъ существованія. 1895—1909 гг. Спб. 1910. Ц. 2 р.

Бѣляевскій, Н. Полицейское право. (Административное право. Конспектъ лекцій). Изд. 2-е, дополн. Юрьевъ. 1910. Ц. 3 р.

Высочайшій указъ 5 октября 1906 г. объ отгнѣнн нѣкоторыхъ ограниченій въ правахъ сельскихъ обывателей и лицъ бывшихъ податныхъ состояній, съ сенат. и министерск. разъясненіями. Спб. 1910. Ц. 50 к.

Гибель курортовъ, система Тиличеева и ея результаты. Необходимость ревизіи хозяйства Кавказскихъ минеральныхъ водъ. Пятигорскъ. 1910. Ц. 80 к.

Дроздовъ, В. Крестьянскіе законы. Вып. 1-й. Права крестьянъ на землю. М. 1910. Ц. 10 к.

Жигаревъ, С. Россія въ средѣ европейскихъ народовъ по даннымъ исторіи международныхъ общенія и права, въ 18 и 19 вв. Спб. 1910. Ц. 2 р.

Жирновъ, О. Какъ устроить въ деревнѣ потребителное общество. М. 1910. Ц. 10 к.

Красинъ, А. Крестьянскій банкъ и его дѣятельность съ 1883 по 1905 г. Юрьевъ. 1910. Ц. 1 р.

Машинъ, В. Механика вырожденія. Варшава. 1910. Ц. 90 к.

Мирлесъ, А. Конспективное изложеніе исторіи, философіи права по учебнику Н. М. Коркунова. Киевъ. 1911. Ц. 70 к.

Муромцевъ, С. Статьи и рѣчк. Некрологи, привѣтствія, воспоминанія. В. 1, 2, 3. М. 1910. Ц. за три выпуска 1 р. 75 к.

Минерадзе, И. Проверочные вопросы по политической экономіи по курсу М. И. Туганъ-Варановскаго. Спб. 1910. Ц. 40 к.

Минитинъ, И. Преступный мѣръ и его защитники. Уголовно-бытовые очерки. Съ портретами. Спб. Ц. 1 р. 50 к.

- Остроумовъ, Н. Колебания русскаго правительства во взглядахъ на миссіонерскую дѣятельность православной русской церкви. К. 1910. Ц. 10 к.
- Паленно, М. Основные законы и форма правленія въ Россіи. X. 1910. Ц. 75 к.
- Плеханъ, И. Св. устав. о пошлинахъ. Т. V. Законы о вычетахъ въ казну изъ окладовъ чиновниковъ и о сборѣ при увеличеніи содержанія состоящимъ на государственной службѣ. Спб. 1910. Ц. 1 р. 50 к.
- Проектъ закона о предоставленіи подпрпорщикамъ (подхорунжимъ) должностей въ гражданскихъ вѣдомствахъ. Спб. 1910. Ц. 15 к.
- Рафаловичъ, А. Желателенъ ли подоходный налогъ. Спб. 1910. Ц. 50 к.
- Саатчианъ, А. Сводъ законовъ гражданскихъ. Св. зак. Т. X, ч. 1. Спб. 1911. Ц. 1 р.
- Сводъ законовъ Россійской Имперіи. Статьи къ т. I—XVI. Продолженіе. 1909. Ц. 1 р. 30 к.
- Т. XVI. Ч. 2. Положеніе о взисканіяхъ по безспорнымъ дѣламъ казны. Ц. 10 к.
- Сергѣичъ, П. Искусство рѣчи на судѣ. Спб. 1910. Ц. 3 р.
- Современное состояніе татаръ-мухаммеданъ и ихъ отношеніе къ другимъ инородцамъ. Докладъ проф. М. Машанова. Казань. 1910. Ц. 50 к.
- Соколовъ, Г. Уставъ лѣсной. Спб. 1911. Ц. 2 р. 50 к.
- Тунилинъ, А. Современный Китай. Т. I. Спб. 1910. Ц. 1 р.
- Хлѣборадъ, Ф. Величайшая историческая ложь. Харьковъ. 1910. Ц. 50 к.
- Чарнолуцій, В. Земство и народное образованіе. Спб. 1910. Ц. 1 р.
- Шершеневичъ, Г. Учебникъ торговаго права. М. 1910. Ц. 2 р. 25 к.
- Шимановскій, В. Преступныя дѣянія по уложенію о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ и уставу о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями. Одесса. 1910. Ц. 3 р.
- Шипперъ, И. Возникновеніе капитализма у евреевъ Западной Европы. Спб. 1910. Ц. 50 к.
- Щегловитовъ, С. Судебные уставы Императора Александра II съ законодательными мотивами и разъясненіями. Учрежденіе судебныхъ установлений. Изд. 2-е. Спб. 1910. Ц. 3 р.

Искусство.

- Байз, К. Исторія искусствъ. Кіевъ. 1910. Ц. 8 р.
- Грабаръ, И. Исторія русскаго искусства. По подпискѣ вышелъ выпускъ 5-й.
- Кр., П. М. Н. Кузнецова и Лина Кавальери. Очеркъ. Спб. 1910. Ц. 40 к.
- Оленина д'Альгеймъ, М. Заѣты М. П. Мурсорскаго. М. 1910. Ц. 50 к.
- Сумцовъ, Н. М. М. Антокольскій. X. 1910. Ц. 30 к.
- Фридолинъ, П. Краткая исторія европейскаго искусства. Ч. 1-я. Съ древнихъ временъ до XV столѣтія. Съ 132 рис. Спб. 1910. Ц. въ пер. 1 р. 75 к.

Естествознаніе и математика.

- Ауэрбахъ, Ф. Актропизмъ или физическая теорія жизни. Спб. 1911. Ц. 60 к.
- Вагнеръ, А. Новый курсъ въ биологіи. Спб. 1911. Ц. 80 к.
- Дуннеръ, Г. Перелетъ птицъ. Спб. 1910. Ц. 75 к.
- Какъ люди научились летать. Подъ редакц. Л. Лейхмана. Спб. 1910. Ц. 12 к.
- Конспектъ и формулы къ курсу теоретической механики. Состав. по программѣ высшихъ спец. уч. зав. Ч. I. Статика. Спб. 1910. Ц. 25 к.
- Кунулеско, И. Руководство по качественному анализу для высш. учеб. завед. Спб. 1910. Ц. 1 р. 50 к.
- Минъ, А. О томъ, какъ люди научились летать по воздуху. Спб. 1910. Ц. 20 к.
- Новицій, Р. и Майеръ, Г. Жидкій воздухъ. Спб. 1910. Ц. 50 к.
- Оствальдъ, В. Исторія электрохиміи. Спб. 1911. Ц. 1 р. 25 к.
- Отчетъ по геологическому изслѣдованію фосфоритовыхъ залежей. Подъ ред. проф. Я. Самойлова. Вып. 2-й. М. 1910. Ц. 1 р.
- Пелла, Г. Ионизація газовъ. Корпускулы. Спб. 1910. Ц. 1 р.
- Подшиваловъ, А. Какъ составлять коллекціи грибовъ. Спб. 1910. Ц. 25 к.
- Реформатскій, С. Начальный курсъ органической химіи. Кіевъ. 1911. Ц. 2 р. 50 к.
- Сперанскій, А. Краткій курсъ химіи. Кіевъ. 1910. Ц. 1 р. 25 к.
- Стратоновъ, В. Солнце. Вып. 8, 9 и 10. Спб. 1910. Ц. по 1 р. 20 к.
- Франсэ, Р. Чувствуютъ ли растенія. Спб. 1910. Ц. 60 к.

Географія, этнографія, антропология, путешествія.

- Сумцовъ, Н. Вага і краса української народної поезії. X. 1910. Ц. 25 к.
- Діачі українського фольклору. X. 1910. Ц. 25 к.
- На западѣ и дома. М. 1910. Ц. 1 р. 50 к.
- Старі зразки української народної словесности. X. 1910. Ц. 25 к.
- Українські співці й байкарі. Ц. 25 к.
- Географическій словарь Россіи подъ ред. Д. И. Рихтера. Вып. 5-й Вуйвичя-Грязнуша. Спб. 1910. Ц. 35 к.

Сельское хозяйство и домоводство.

- Браумейстер, Н. Ванкетные и гастрономические напитки, холодные и горячие: пунши, крошоны и пр., более 400 отборных рецептов. Спб. 1910. Ц. 60 к.
- Вельс, Г. Новая система пчеловодства съ двумя матками въ одномъ ульѣ. Спб. 1910. Ц. 20 к.
- Гернетъ, В. Анализъ вина. В. I. Одесса. 1910. Ц. 1 р.
- Елинь, И. Какъ ухаживать за цвѣтами. М. 1911. Ц. 11 к.
- Здоровый столъ. Руководство къ приготовленію кушаній и дѣтеныкъ при здоровомъ и болѣзненномъ состояніяхъ. Спб. 1911. Ц. 3 р.
- Новицкій, Э. Полное возрожденіе льна. Новая система обработки льна и пеньки. Спб. 1910. Ц. 60 к.
- Новѣйшій полный самоучитель кройки и шитья. По французскому методу г-жи Шеферъ. Спб. 1910. Ц. 1 р, 50 к.
- Прянишниковъ, Д. Частное земледѣліе. М. 1910. Ц. 2 р. 20 к.
- Шуманъ, А. Кроликъ, его разведеніе и уходъ. М. 1910. Ц. 50 к.

Торговля и промышленность. Счетоводство.

- Медзьковский, И. О свободныхъ гаваняхъ. Порто-франко. Свободные склады. Временный ввозъ и вывозъ. Свободныя гавани. Спб. 1910. Ц. 6 р.
- Шавровъ, Н. Водные пути и судоходство въ Среднеазиатскомъ бассейнѣ и мѣры для ихъ дальнѣйшаго развитія и улучшенія. Спб. 1910. Ц. 75 к.
- Рачій промыселъ въ Краснодарскомъ заливѣ. Спб. 1910. Ц. 20 к.
- Организація ловендихъ поселковъ въ Восточномъ Закавказьѣ въ связи съ развитіемъ морского дѣла на Каспій. Спб. 1909. Ц. 50 к.

Технологія, строительное и инженерное искусство. Ремесла.

- Агуановъ, И. Санитарное инженерное искусство. Ч. I. Спб. 1910. Ц. 3 р.
- Антиповъ, И. Металлургія мѣди, свинца, серебра, цинка, золота, платины ртути и алюминія. Спб. 1910. Ц. съ атл. 2 р. 40 к.
- Бедель, Ф. и Нрэхоръ, А. Перемѣнные токи. Аналитическій и графическій методъ ихъ изученія. Перевели Б. Гуцнъ и Б. Величко, подъ ред. Н. А. Булганова. Спб., изданіе А. С. Суворина. 1911. Ц. въ пер. 2 р. 75 к.
- Вышинскій, П. Домашняя мебель въ стилѣ Модернъ. В. 2. Ц. 2 р.
- Грумъ-Грнимайло, В. Огнестойкость Динаса. Спб. 1910. Ц. 50 к.
- Дамъ, А. Поршневые насосы. Учебникъ и руководство для студентовъ и начинающихъ конструкторовъ. Спб. 1910. Ц. въ перел. 3 р. 20 к.
- Добу, К. Сельско-хозяйственные мукомольные поставы. М. 1910. Ц. 25 к.
- Дневничный, С. Теорія воздушныхъ винтовъ и способъ ихъ вычисленія. Съ 14 чертежами и предисловіемъ проф. Н. В. Делоне. Кіевъ. 1910. Ц. 75 к.
- Ерченко, П. Отопленіе и вентеляція. Ч. 2-я. Центральныя системы отопленія. Кіевъ. 1910. Ц. 1 р. 75 к.
- Заустинскій, М. Воздухоплавательные двигатели. Спб. 1910. Ц. 1 р. 50 к.
- Classen, Dr. Практическое руководство по производству сахара. Кіевъ. 1910. Ц. 3 р. 50 к.
- Корзунъ, Н. Примѣры расчета балокъ, фундамента и строилъ 4—6 этажныхъ зданій типа Спб. доходныхъ домовъ. Спб. 1910. Ц. 80 к.
- Ледебуръ, А. Руководство для желѣзно-заводскихъ лабораторій. Кіевъ. 1919. Ц. 1 р. 30 к.
- Песоцкій, Н. Систематическое обученіе практическимъ приемамъ столярнаго и плотничнаго ремесла. Спб. 1911. Ц. 3 р.
- Снородинскій, А. Комнатныя печи, кухонные очаги, прачешные котлы и каменки. Спб. 1910. Ц. 1 р. 50 к.
- Практические совѣты изобрѣтателямъ. Спб. 1910. Ц. 50 к.
- Татариновъ, В. Комбинація поршневыхъ машинъ съ турбинами, какъ судовой двигатель. Спб. 1910. Ц. 1 р. 25 к.
- Тилинскій, А. Практическая строительная памятная книжка. Пособіе для строителей, домовладѣльцевъ и лицъ, причастныхъ къ строительному дѣлу. Съ 425 черт. Спб. 1910. Ц. 3 р. 50 к.
- Тимошинно, С. Сборникъ задачъ по сопротивленію матеріаловъ. В. 2. Кіевъ. 1910. Ц. 75 к.
- Холмогоровъ, И. Машиностроительное черченіе. Краткое руководство для студентовъ I курса, содержащее основныя правила исполненія чертежей и замѣтки о съемкѣ эскизовъ съ природы. Изд. 2-е, Спб. 1910. Ц. 50 к.
- Шпалы, рациональная пропитка таковыхъ антисептиками и наисолюе цѣлесоотвѣтственные способы предохраненія ихъ отъ механическаго износа. Спб. 1910. Ц. 1 р. 25 к.
- Эйгольцъ, Е. Опытъ примѣненія физическаго труда заключенныхъ для улучшенія качества воздуха тюремъ. Смоленскъ 1910. Ц. 20 к.

Медицина, гигиена, анатомія, физиологія и хирургія. Ветеринарія.

- Биологическое изслѣдованіе рѣки Дона въ связи съ ея загрязненіемъ сточными водами гор. Ростова-на-Дону. (Докладъ д-ра мед. А. К. фонъ-Кнаута). Ростовъ-на-Дону. 1910. Ц. 30 к.
- Горскій, П. Къ характеристикѣ физическаго развитія населенія Бобруйскаго уѣзда Минской губ. Спб. 1910. Ц. 1 р.
- D exler, dr. Рожденіе здороваго ребенка. М. 1910. Ц. 50 к.
- Карасевъ, И. Вѣсѣды врача о дурныхъ болѣзняхъ. Спб. 1910. Ц. 5 к.
- Клаустонъ, Т. Гигиена ума. М. 1910. Ц. 1 р. 25 к.
- Марковъ, Г. Руководство для преподаванія науки трезвости. Вып. 1-й. Пищевыя вещества. М. 1910. Ц. 12 к.
- Руководство для преподаванія науки трезвости. Кн. 2-я. Ученіе о напиткахъ. М. 1910. Ц. 15 к.
- Мендельсонъ, А. Современное положеніе вопроса о леченіи алкоголизма внушеніемъ. Спб. 1910. Ц. 50 к.
- Нееловъ, Н. Краткій курсъ частной патологии и терапіи женскихъ болѣзней, съ 35 рис. Кіевъ. 1910. Ц. 2 р. 25 к.
- Рабиновичъ, С. Гелуанъ близъ Каира. Зимній курортъ. Спб. 1910. Ц. 40 к.
- Синорскій, И. Основы теоретической и клинической психіатріи. Кіевъ. 1910. Ц. 7 р. 50 к.
- Тиховъ, П. Курсъ хирургія для фельдшерскихъ школъ. Спб. 1910. Ц. 1 р. 50 к.
- Физиологія человѣка и высшихъ животныхъ, въ 64 лекціяхъ. Одесса. 1911. Ц. 2 р. 50 к.
- Цунтъ и Леви, А. Руководство по физиологіи человѣка для врачей и студентовъ. Спб. 1910. Ц. 2 р. 50 к.
- Чечинъ, д-ръ. Леченіе Кавказскими минеральными водами съ обращеніемъ особаго вниманія на гигиеническую сторону леченія. Иркутскъ. 1909. Ц. 65 к.
- Юдина, И. Экзентерія глазицы. Одесса. 1910. Ц. 1 р. 60 к.

Военное и морское дѣло.

- Незнамовъ, А. Стратегическое и тактическое значеніе управляемыхъ воздухоплавательныхъ аппаратовъ. Спб. 1910. Ц. 40 к.

Воспитаніе и обученіе. Учебныя руководства.

- Аменицкий, Н. Новый сборникъ ариметическихъ задачъ. Вып. 2-й. М. 1910. Ц. 35 к.
- Аггеевъ, К. Христіанская вѣра. Ч. 2-я. Нравоученіе. Спб. 1911. Ц. 60 к.
- Библейская хрестоматія, Курсъ священной исторіи Ветхаго Завета для средн. учебн. завед. Библейскій текстъ на русскомъ языкѣ. Поясненія и примѣчанія протоіерея В. Лебедева. Спб. 1910. Ц. 70 к.
- Бондаревъ, С. Какъ строятся и рѣшаются задачи. М. 1911. Ц. 25 к.
- Бѣлгородскій, А. Образовательное и религиозно-воспитательное значеніе ученическихъ экскурсій. Спб. 1910. Ц. 30 к.
- Володневичъ, Н. Курсъ практическихъ занятій по физикѣ для средн. уч. завед. Спб. 1910. Ц. 1 р.
- Вопросы и нужды учительства. Девятый сборникъ статей и справокъ. М. 1910. Ц. 10 к.
- Галантинъ, Д. Методика ариметики. М. 1910. Ц. 50 к.
- Гернь, Б. Учебникъ физики. М. 1910. Ц. 2 р. 20 к.
- Головченко, А. Краткій учебникъ железнодорожнаго счетоводства. Спб. 1910. Ц. 75 к.
- Гренушинъ, С. Другъ школы. Ч. 4-я. Книга для класснаго чтенія въ старшихъ отдѣленіяхъ началн. училищъ. М. 1910. Ц. 1 р. 25 к.
- Гусановъ, В. и Насимовичъ, А. Краткій курсъ всеобщей географіи. М. 1910. Ц. 50 к.
- Езерскій, Ф. Русская грамота гражданская и новая народная. Спб. 1910. Ц. 40 к.
- Заборскій, А. Наши писатели. М. 1910. Ц. 40 к.
- Satchinialeff, A. Lecture inventive. Спб. 1910. Ц. 30 к.
- Зачиняевъ, А. Психологическая система обученія. Азбука — творчество. Спб. 1910. Ц. 30 к.
- Зоргенфрей, Г. и Тюлеліевъ, М. Римскія древности. Спб. 1909. Ц. 1 р. 25 к.
- Игнатьевъ, Е. Въ царствѣ смекалки или ариметика для всѣхъ. Книга для семьи и школы. Опытъ математической хрестоматіи. Книга 3, послѣдняя. Спб. 1911. Ц. 1 р. 75 к.
- Ильминскій, Н. Система народнаго и въ частности инородческаго образованія въ Казанскомъ краѣ. Казань. 1910. Ц. 5 к.
- Индриinsonъ, Ф. Учебникъ физики для средней школы. Вып. 1-й. Введеніе. Краткія свѣдѣнія изъ химіи. Жидкость и газы. Ученіе о силахъ. Спб. 1911. Ц. 1 р.
- Мазанцевъ, М. Принципы, на которыхъ утверждалось русское просвѣщеніе и основы, на которыхъ должно построить новую школу. Александровскъ. 1910. Ц. 30 к.
- Историческая хрестоматія изъ поэтическихъ произведеній по русской исторіи. М. 1910. Ц. 1 р.
- Историческая хрестоматія изъ поэтическихъ произведеній по русской исторіи. М. 1910. Ц. 1 р. 20 к.

- Нергомаръ, П. Дошкольное воспитаніе и дѣтскіе сады во Франціи. М. 1910. Ц. 50 к.
- Нязяновъ, С. и Сербовъ, Н. Очеркъ исторіи народнаго образованія въ Россіи до эпохи реформъ Александра II. М. 1910. Ц. 1 р. 60 к.
- Новальская, А. Письменные работы по русскому языку въ начальной школѣ и дома. Кіевъ. 1910. Ц. 35 к.
- Звѣздочка орфографія и развитіе мысли. Книга 1-я. Кіевъ. 1910. Ц. 20 к.
- Норикъ, Г. Темникъ. Планы и сочиненія. Ч. 2-я. Ц. 1 р. 25 к. Ч. 3-я 1 р. 25 к.
- Энциклопедія сочиненій для учащихся и учащихся. Вып. 9-й. А. С. Пушкинъ. Ц. 1 р.
- Носолаповъ-Семеновъ. Наставленіе для обученія военному строю, гимнастикѣ и играмъ въ средне-учебныхъ заведеніяхъ, народн. и сельскихъ школахъ. Одесса. 1910. Ц. 70 к.
- Краевскій, Б. Краткій компендіумъ немецкаго языка. Ч. 1-я. Словоизмѣненіе. М. 1910. Ц. 60 к.
- Лесгафтъ, П. Семейное воспитаніе ребенка и его значеніе. Ч. 1. Школьные типы. Спб. 1910. Ц. 1 р. 50 к.
- Школьные типы. Спб. 1910. Ц. 60 к.
- Menckon von Adfutantenritte M. 1910. Ц. 10 к.
- Лонотъ, Т. Учебникъ природовѣдѣнія для среднихъ учебныхъ заведеній. Кіевъ. 1910. Ц. 1 р. 20 к.
- Любимовъ, А. Этимологія русскаго языка для не-русскихъ М. 1911. Ц. 45 к.
- Малиновскій, Н. Новыя правила испытаній въ средн. учебн. завед. вѣдомства мѣн. нар. пр. Спб. 1910. Ц. 40 к.
- Морозовъ, А. Первые шаги въ русскомъ правописаніи. В. Г. М. 1911. Ц. 8 к.
- Музаловъ, Н. Записки по методикѣ арифметики. Кіевъ. 1910. Ц. 1 р. 20 к.
- Нинаноръ, Архіепископъ. Необходимость религіознаго знанія. Казань. 1910. Ц. 30 к.
- Новыя грамматическія упражненія Ч. 2. В. 4-й. Матеріалы, темы и стѣнныя картины для устн. и писмен. изложеній. М. 1910. Ц. 30 к.
- Овсянниковъ, В. Учебникъ законовѣдѣнія. Курсъ 8 кл. гимназій. Одесса. 1910. Ц. 1 р. 20 к.
- Островская, М. Книга для списыванія. Наглядное изученіе русскаго правописанія. Вып. 3-й. Спб. 1910. Ц. 20 к.
- Пановъ, П. и Сотеренно, Т. Введеніе въ алгебру. Одесса. 1910. Ц. 60 к.
- Португаловъ, А. Систематизированный по типамъ сборникъ рѣшеній всѣхъ безъ исключенія, арифметическихъ задачъ Верещагина. Ч. 2. Дробь. Кіевъ. 1911. Ц. 70 к.
- Пенцигъ, Р. Серьезные отвѣты на дѣтскіе вопросы. Избранныя главы изъ руководства къ домашнему воспитанію. Спб. 1911. Ц. 1 р. 25 к.
- Плохотенно, А. Курсъ стенографіи. М. 1911. Ц. 3 р.
- Поржесинскій, В. Элементы языковѣдѣнія и исторіи русскаго языка. М. 1910. Ц. 80 к.
- Путенцевъ, А. Изъ логики (элемент. свѣдѣнія). Казань. 1911. Ц. 15 к.
- Рюминъ, В. Опыты по электричеству на самодѣльныхъ приборахъ и въ физическомъ кабинетѣ средней школы. Ч. 1-я. Николаевъ. 1910. Ц. 85 к.
- Семерниковъ, Т. Краткое руководство къ практическимъ занятіямъ по химіи. (По программѣ кадетскихъ корпусовъ). Новочеркасскъ. 1910. Ц. 30 к.
- Сиверсъ, Е. Коммерческая арифметика. Спб. 1910. Ц. 1 р. 50 к.
- Учебникъ счетоводства для коммерческихъ училищъ. Спб. 1911. Ц. 2 р. 25 к.
- Смирновъ, В. Краткій курсъ химіи, Неорганической и органической для среднихъ школъ. М. 1910. Ц. 85 к.
- Стоюнинъ, В. Руководство для теоретическаго изученія литературы по лучшимъ образцамъ русскимъ и иностраннымъ. Спб. 1910. Ц. 90 к.
- Томилитъ, Н. Роль графическаго метода при обученіи математикѣ. Съ 28 рис. Спб. 1910. Ц. 30 к.
- Фальевъ, Н. Учебникъ законовѣдѣнія. М. 1911. Ц. 1 р. 60 к.
- Хворостанскій, Н. Краткій курсъ естественной исторіи. Неживая природа. Спб. 1910. Ц. 75 к.
- Шальгинъ, А. Теорія словестности и хрестоматія. Изд. 3-е. Спб. 1910. Ц. 1 р. 60 к.
- Дополнительный курсъ теоріи словестности. Очерки и разборъ произведеній всемірной литературы. Спб. 1910. Ц. 1 р. 25 к.
- Шмейль, О. и Франне, М. Начальное мировѣдѣніе. Кіевъ. 1910. Ц. 60 к.

Книги для дѣтей и юношества.

- Ассоланъ, А. Необычайныя, но достоверныя приключенія капитана Коркорана. Спб. 1910. Ц. въ папкѣ 1 р. 50 к.
- Величина, В. Швейцарія. Спб. 1910. Ц. 80 к.
- Кругловъ, А. Достоевскій для дѣтей школьнаго возраста. Спб. 1910. Ц. 2 р.
- Лунашевичъ, Н. Завѣтный путь. Повѣсти и рассказы. Съ 48 рис. Спб. 1910. Ц. въ папкѣ 1 р. 25 к.
- Мидъ, Л. Дѣдушка и внучка. Перев. съ англ. Спб. 1910. Ц. 1 р.
- Опель, М. Чудеса древней страны пиратидъ. Географическія, историческія и бытовья картины древняго Египта въ періодъ его процвѣтанія и упадка. Изд. 4-е. Спб. 1910. Ц. 1 р. 75 к.
- Подарокъ дѣтямъ. Стихотворенія. В. П. Н. Спб. 1910. Ц. 50 к.
- Томпсонъ, С. Естественная исторія десяти заповѣдей. Животныя герои. Рассказы. М. 1910. Ц. 50 к.
- Чарская, Л. Смѣлые, сильные, храбрые. Три историческія повѣсти: Долой Перуна! крещеніе Руса. Подъ звонъ вѣчевого колокола. Марса Посадница. Сююмбака, царяца Казанская. Покореніе Казани. Спб. 1910. Ц. въ папкѣ 1 р. 50 к.

Спортъ, охота и игры.

Зноско-Боровский, Е. Пути развитія шахматной игры. Мысли и характеристики. Спб. 1910. Ц. 1 р.

Справочныя книги.

Ананьинъ, С., де-Багаръ, Ж. и др. Педагогическій календарь-справочникъ на 1910—1911 учебн. годъ. Ч. 1, 2. Ц. 1 р. 10 к. Арцимовичъ, Е., Имшенецкая, М. и др. Указатель книгъ по исторіи и общественнымъ вопросамъ. Спб. 1910. Ц. 2 р. 60 к. Юсиминовичъ, Ч. Самосчетчикъ. Необходимое руководство для фабрикантовъ, заводчиковъ, торговыхъ фирмъ и конторъ. М. 1910. Ц. въ пер. 3 р. Нопыловъ, Б. Каталогъ монетъ. № 1. Монеты русскія и русско-польскія рѣдкія и обыкновенныя. Ц. 50 к. — Каталогъ книгъ литературнаго отдѣла. Ц. 20 к.	— Монеты XVIII столѣтія. Спб. 1910. Ц. 1 р. Лавилль, Ш. Покупка автомобилей, продаваемыхъ по случаю. Спб. 1910. Ц. 1 р. Ласновскій, В. Путеводитель по Новгороду. Пособіе при обозрѣніи города и его ближайшихъ окрестностей, святыхъ и древностей. Новгородъ. 1910. Ц. 1 р. Лаурсонъ, А. Справочная книга для учебныхъ заведеній и учреждений вѣдомства мѣн. нар. просв. Спб. 1910. Ц. 1 р. 50 к. Моллеріусъ, И. Руководство для полицейскихъ чиновъ. Т. 1. Спб. 1910. Ц. 2 р. 50 к. Старообрядческій мѣсяцесловъ-календарь на 1910—11 г. Ц. 25 к.

*) Изданіе А. С. Суворина.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ **десять** рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ „**Новаго Времени**“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 40. Отдѣленія главной конторы въ **Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ и Ростовѣ на Дону** при книжныхъ магазинахъ „**Новаго Времени**“.

Программа „**Историческаго Вѣстника**“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., бібліографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „**Историческому Вѣстнику**“ прилагаются **портреты и рисунки**, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналъ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго**.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой-либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «Историческаго Вѣстника» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.

Издатель А. С. Суворинъ.

Редакторъ С. Н. Шубинскій.

Типографія А. С. Суворина. Зртелевъ пер., д. 13

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЬ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ПЕРВЫЙ
ДЕКАБРЬ, 1910 Г.

СОДЕРЖАНІЕ

ДЕКАБРЬ, 1910 г.

	СТРАНИ.
Графъ Левъ Николаевичъ Толстой. (Некрологъ). (Отд. номеръ).	1—40
иллюстрація: Портретъ Л. Н. Толстого.	
I. Искатели. (Окончаніе). П. Н. Глѣдича	819
II. Воспоминанія о великомъ князѣ Михаилѣ Николаевичѣ. И. Н. Фирсова (Л. Русскина)	864
III. Министръ народнаго просвѣщенія графъ Д. А. Толстой и церковныя заповѣди. (Недавняя старинка). А. Танкова	878
IV. Воспоминанія академика П. П. Соколова . (Окончаніе).	885
V. Воспоминанія И. А. Кускова	918
VI. Неизвѣстный поэтъ. А. П. Фаресова	937
VII. Безумный декабристъ (Памяти Н. С. Бобринцева-Пушкина). Сергѣя Соломина	985
VIII. Харьковское лихолѣтье. (Отрывки изъ воспоминаній). (Окончаніе). М. А. Яковлева	1003
IX. Архивныя мытарства. В. А. Алексѣева	1034
X. Царевубійство 1 марта 1881 года. Историческіе очерки. VIII. Кровавый эпилогъ царствованія Александра II. (Окончаніе). Б. Б. Глинскаго	1058
иллюстраціи: 1) Андрей Ивановичъ Желябовъ.—2) Софья Львовна Перовская.—3) Николай Ивановичъ Кибальчичъ.—4) Тимофей Михайловичъ Михайловъ.—5) Игнатій Юхимовичъ Гриневицкій.—6) Николай Ивановичъ Рысаковъ.—7) Иванъ Пантелеймоновичъ Емельяновъ.	
XI. По Камбѣ. (Окончаніе). Андрея Фирсова	1107
иллюстраціи: 1) Камско-Воткинскій казенный заводъ у села Галева.—2) Пермь.—3) Пароходная пристань въ Пермѣ.—4) Пермь. Кафедральный соборъ.—5) Пермь. Сибирская улица.—6) Пермь. Городской театръ.—7) Пермь. Почта и телеграфъ; домъ Мошкова.—8) Пермь. Покровская улица; домъ Грибушина.	
XII. Иностранцы о Россіи. Посольство герцога Морни въ Россію. В. И. Штейна	1132
XIII. Критика и библиографія.	1152
1) М. М. Ивановъ. «Исторія музыкальнаго развитія Россіи». Въ 2-хъ томахъ. съ рисунками и нотными примѣрами. В. Басина. — 2) Труды витебской ученой архивной комиссіи. Книжка 1-я. (1909—31 мая—1910). В. Р.—ва. — 3) Бароль С. А. Корфъ, профессоръ Александровскаго университета въ Гельсингфорсѣ. Административная юстиція въ Россіи. 2 тома. Спб. 1910. В. Грибовскаго.—4) С. А. Гулевичъ. Исторія л.-гв. Финляндскаго	

(См. слѣд. стран.)

полка. Часть V. Документы и приложения. Спб. 1910. Мих. Соколовскаго. — 5) Кубанскій сборникъ. 1910 Труды кубанскаго областного статистическаго комитета. Подъ редакціей Л. Т. Соколова. Томъ XV. 1 карта, 5 портретовъ, 2 чертежа и 5 видовъ. Екатеринодаръ. 1910. Бор. Городецкаго. — 6) Отчетъ императорской публичной библиотеки за 1902 и 1903 годы. Спб. 1910. В. Р.—ва. — 7) И. Х. Озеровъ, профессоръ петербургскаго университета. Атласъ диаграммъ по экономическимъ вопросамъ. Выпускъ II. Алкоголизмъ и борьба съ нимъ. Москва. 1909. Е. В. — 8) А. И. Чупровъ. Рѣчи и статьи. Томы I, II и III. Москва. 1909. В. Кузнецова. — 9) Буркинъ, А. П. Изъ быта новѣйшей бурсы. Воспоминанія, очерки и наброски. Смоленскъ. 1910. Я. Бирюкова. — 10) Современная скульптура. 40 мецотинто-гравюръ, съ объяснительнымъ текстомъ С. К. Маковскаго. Изд. т-ва «Миръ». Выпуски I—V. н. л. — 11) Сочиненія О. И. Вуслаева. Томъ второй. Сочиненія по археологii и исторiи искусства. Историческіе очерки русской народной словесности и искусства. Изданіе отдѣленія русскаго языка и словесности императорской академіи наукъ. Съ 148 рисунками въ текстѣ. Спб. 1910. В. Р.—ва. — 12) Историко-литературная библиотека подъ ред. А. Е. Грузинскаго. О. О. Нелидовъ. Западники 40-хъ годовъ. М. 1910. — Н. Д. Вродскій: Ранніе славянофилы. М. 1910. А. Фомина. — 13) А. С. Пушкинъ въ воспоминаніяхъ современниковъ и письмахъ. Составилъ Н. А. Заозёрскій. М. 1910. н. Лернера. — 14) «Славянскій Миръ». Ежемѣсячный журналъ литературы, искусства и критики. Спб. 1910. С. Л. А—въ. — 15) Heimatstimmen. Ein baltisches Hausbuch. Изд. К. Гунніуса и В. Витрова. IV томъ, съ иллюстр. Ревель-Тейпцигъ. 1910. А. Э. М.—на.

XIV. Заграничныя историческія новости и мелочи 1176

1) Беатриса Неаполитанская. — 2) Лэди Гамильтонъ. — 3) Отовсюду. — 4) Конгрессы и юбилеи.

XV. Смѣсь. 1199

1) Столѣтіе института инженеровъ путей сообщенія. — 2) 50-лѣтній юбилей П. Д. Воборыкина. — 3) 50-лѣтіе литературной дѣятельности П. В. Выкова. — 4) Юбилей А. Я. Ефименко. — 5) Юбилей кievскаго профессора Н. И. Петрова. — 6) 25-лѣтіе научной дѣятельности Х. М. Лопарева. — 7) 25-лѣтіе протоіерей Орнатскаго. — 8) 25-лѣтіе профессорвъ-врачей Т. П. Павлова, Д. А. Соколова и В. А. Тиле. — 9) Въ литературномъ фондѣ. — 10) Открытіе систематическихъ лекцій въ Смоленскѣ московскимъ археологическимъ институтомъ. — 11) Положеніе о литературно-театральномъ музее имени А. А. Бахрушина. 12) Отъ общества любителей руссiйской словесности.

XVI. Некрологи 1217

1) Арцимовичъ, А. А. — 2) Добровольскій, П. М. — 3) Дриль, Д. А. — 4) Клементьевъ, Л. М. — 5) Константиновскій, А. И. — 6) Коляндеръ, А. И. — 7) Коцовскій, Н. Д. — 8) Лихачевъ, В. С. — 9) Стеффенъ, I. И.

XVII. Замѣтки и поправки 1224

1) I. Къ статьѣ «Наши востоковѣды». А. Болобана. — 2) II. Къ замѣткѣ д-ра Родзевича. Н. Галинина-Враскаго.

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портретъ Александра Павловича Меженнинова. — 2) Король безъ королевства. Историческій романъ Мориса Монтегю. Переводъ съ французскаго Михайлова. (Окончаніе). — 3) Указатель личныхъ именъ, упоминаемыхъ въ четырехъ томахъ «Историческаго Вѣстника» 1910 года, и указатель гравюръ, помещенныхъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ» за то же время.

При этой книжкѣ «Историческаго Вѣстника» прилагается городскимъ и иногороднымъ подписчикамъ каталогъ книгоиздательства А. Ф. Девриена «Книги-подарки для дѣтей, юношества и взрослыхъ».

СОДЕРЖАНІЕ СТО ДВАДЦАТЬ ВТОРОГО ТОМА.

(ОКТЯБРЬ, НОЯБРЬ и ДЕКАБРЬ 1910 года).

	СТРАН.
Графъ Левъ Николаевичъ Толстой (Некрологъ) (отд. номер.) декабрь.	1—40
иллюстрація: Портретъ Л. Н. Толстого.	
Иаломы жизни. (Встрѣчи и проводы). Повѣсть. В. Уманова-Наплуновскаго	5
Воспоминанія академика П. П. Соколова . (Окончаніе).	36, 478, 885
Императоръ Александръ II среди дѣтей. Л. Н. Оглоблиной	85
Безотвѣтная. (Изъ жизни). В. А. Авіе	91
Давніе эпизоды. 3. «Паша» Козловъ. Ник. Энгельгардта	123
Во власти сердца. (Историческая быль). В. П. Федорова	145
Императоръ Александръ Благословенный на льдинѣ. (Пасхальное преданіе изъ жизни императора въ Таганрогѣ). А. П. Чехова (Сѣдова)	153
Изъ семейной хроники минувшаго вѣка. М. М. Мариной	184
Осада Благовѣщенска китайцами въ 1900 г. Клавдіи Никитиной	207
Даніилъ Лукичъ Мордовцевъ. (Изъ личныхъ воспоминаній и рассказовъ). А. Е. Науфмана	225
иллюстраціи: 1) Памятникъ на могилѣ Д. Л. Мордовцева въ Ростовѣ на Дону.	
Среди вотяковъ. В. Г.	235
иллюстраціи:—1) Вотяки изъ деревни Чужегово близъ Воткинскаго завода.—2) Вотяки изъ деревни Вожой, Сарапульскаго уѣзда.	
«МОТОР. ВЪОТН.», декабрь, 1910 г., т. СХІІ.	1/2

- Прѣздъ черезъ городъ Бѣду императрицы Александры Ѳедоровны, супруги императора Николая I, въ 1856 году **В. П. М**—на. 244
 Иллюстраціи: 1) Магистратъ, почтовый домъ и уѣздное управленіе въ Бѣдѣ.—2) Каплица и башня, составлявшая уголь замка.—3) Семиэтажная башня (въѣздъ въ замокъ).—4) Домъ уѣзднаго управленія, гдѣ жиѣла пре- бывавіе императрица Александра Ѳедоровна.
- Великосвѣтская артистка. **В. И. Штейна**. 254
- Цареубійство 1 марта 1881 года. Историческіе очерки. (Окончаніе).
Б. Б. Глинскаго. 276, 667, 1058
 Иллюстраціи: 1) Марія Николаевна Оловеникова (Марія Никанорова Полонская).—2) Николай Ивановичъ Колоткевичъ.—3) Александръ Ивановичъ Варяниковъ.—4) Николай Алексѣевичъ Саблинъ.—5) Андрей Корнее- вичъ Прѣсняковъ.—6) Степанъ Николаевичъ Халтуринъ.—7) Михаилъ Николаевичъ Тригони.—8) Геси Мирона Гельфманъ.—9) Юрій Никола- евичъ Богдановичъ (Кобозевъ).—10) Андрей Ивановичъ Желябовъ.— 11) Софья Львовна Перовская.—12) Николай Ивановичъ Кибальчичъ.— 13) Тимоѳей Михайловичъ Михайловъ.—14) Игнатій Іоакимовичъ Грине- вичъ.—15) Николай Ивановичъ Рысаковъ.—16) Иванъ Пантелеймоновичъ Емельяновъ.
- Цѣнный вкладъ въ изученіе Пушкина. **А. Г. Фомина**. 318
- Оптина пустынь и паломничество въ нее русскихъ писателей. **Д. П. Богда- нова**. 327
 Иллюстраціи: 1) Видъ Оптиной пустыни.—2) Могилы старцевъ о. Ма- рарія и о. Амвросія.
- Искатели. **П. П. Гнѣдича**. 417, 819
- Небесная попечительница. (Изъ жизни моей матери). **К. Инкуль**. 504
- Харьковское лихолѣтье. (Отрывки изъ воспоминаній). **М. А. Яковлева**. 542, 1003
- Воспоминанія о К. Д. Кавелинѣ. **Н. О. К.** 574
- Загадочный ссыльный. **М. Туманова**. 587
- Русская колонія Ниццы въ годъ землетрясенія. (Изъ воспоминаній). **М. Г. Назимовой**. 601
- Какъ насаждалась французская культура въ Россіи. **А. М. Михайлова**. . . 616
- Императоръ Николай I въ Херсонѣ въ 1845 г. **И. Генбачева**. 630
- Павловскіе потѣшные полки. **Л. Оглоблиной**. 643
- Какъ мой отецъ поцалъ въ корпусъ (Изъ воспоминаній дѣдушки). **Вар- вары Даниловой**. 646
- Среди хлыстовъ. **Н. И. Соловьева**. 654
- Изъ воспоминаній объ артистѣ Горевѣ. **Вл. Марнова**. 661

По Камѣ. **Андрея Фирсова**. 709, 1107

Иллюстраціи: 1) Село Шуранъ (по срединѣ домъ бывший Нормандцаго).—
2) Село Мурашка.—3) Чистополь.—4) Пристань Версуть.—5) Пароходъ
«Зарубинъ».—6) Село Тихія Горы.—7) Село Иксое-Устье.—8) Правый берегъ
Камы близъ устья р. Вѣлой.—9) Правый берегъ Камы между устьями
рр. Вятки и Вѣлой.—10) Камско-Воткинскій казенный заводъ у села Га-
лева.—11) Пермь.—12) Пароходная пристань въ Перми. 13) Пермь. Кае-
дральный соборъ.—14) Пермь. Сибирская улица.—15) Пермь. Городской
театръ.—16) Пермь. Почта и телеграфъ; домъ Мошкова.—17) Пермь По-
кровская улица; домъ Грибушина.

Воспоминанія о великомъ князѣ **Михаилѣ Николаевичѣ. Н. Н. Фирсова**
(**Л. Рускина**). 864

Министръ народнаго просвѣщенія графъ **Д. А. Толстой** и церковныя запо-
вѣди. (Недавняя старинка). **А. Таннова**. 878

Воспоминанія **П. А. Нускова**. 918

Неизвѣстный поэтъ **А. Фаресова**. 937

Безумный декабристъ. (Памяти **Н. С. Бобрищева-Пушкина**). **Сергѣя Соло-**
мина. 985

Архивныя мытарства. **В. А. Аленсѣва**. 1034

Иностранцы о Россіи. Посольство герцога **Морни** въ Россію. **В. И. Штейна**. 1132

КРИТИКА И БИБЛОГРАФІЯ 340, 733, 1152

1) Григорьевъ В. Реформа мѣстнаго управления при **Екатеринѣ II**.
Спб. 1910. **М. Ключова**.—2) С. Васильевичъ. Титулованные роды Россій-
ской имперіи. Опытъ подробнаго (?) перечисленія всѣхъ (?) титулованныхъ
россійскихъ дворянскихъ фамилій, съ указаніемъ происхожденія фамилій,
а также времени полученія титула и утвержденія въ немъ. Спб. 1910.
рцы.—3) Опись патриаршей ризницы 1720 г. Изданіе коматета по описа-
нію синодальной (патриаршей) ризницы, подготовленное членомъ его, за-
вѣдующимъ патриаршей библиотекой, **Н. Поповымъ**. Москва. 1910. К. W.—
4) **Ө. М. Уманецъ**. Александръ и Сперанскій. Историческая монографія.
Спб. 1910. А. Б.—5) Извѣстія таврической ученой архивной комиссіи.
(Годъ двадцать четвертый). № 44. Подъ редакціей председателя комиссіи
Арс. Ив. Маркевича. Симферополь. 1910. в. Р—ва.—6) **А. И. Успенскій**. Цар-
ские иконописцы и живописцы XVII в. Словарь. Москва. 1910. в. Клейна.—
7) **В. А. Мошковъ**. Механика вырожденія. 1912-й годъ—начало «Желѣзнаго
вѣка» въ Россіи. Варшава. 1910. п. фонъ-ланга.—8) Шарль Диль, адъюнктъ-
профессоръ парижскаго университета. Византійскіе портреты. Перевелъ **Е.**
Киричинскій. Харьковъ. 1910. пант.—9) Общестуденческій литературный
сборникъ. Москва. 1910. **А. Фаресова**.—10) **Ю. Абхенвальдъ**. Силуэты рус-
скихъ писателей. Вып. III. **М. 1910. А. Фомина**.—11) Труды **Ө. Ө. Соколова**.
Спб. 1910. А. м. л.—12) **Ардашевъ**. Дополненіе къ лекціямъ по всемірной
исторіи проф. **Петрова**. Т. V. Спб. 1910. п. Б.—13) **Н. М. Лаговъ**. Что такое
Франція. Очерки современности. Спб. 1910. л. н.—14) **А. Петрункевичъ**.
Кола ди Ривенцо. Эпизодъ изъ исторіи Рима XIV вѣка. Спб. 1909. А. Б.—
15) **Н. И. Романовъ**. Исторія итальянскаго искусства. Первая половина
XV вѣка. Курсъ лекцій, читанныхъ въ московскомъ археологическомъ

^{1/2*}

институтъ. М. Соколовскаго.—16) Insel-Almanach auf das Jahr 1909. Leipzig. 1909. И. Г.—ча. 17) Arnold Feenereisen. Livländische Geschichtslitteratur. 1906. Рига. 1909. А. Мальмгrena.—18) Юаннъ де-Павло Карпини. Исторія монгаловъ. — Вильгельмъ де-Рубрукъ. Путешествіе въ восточныя страны. — Введение, переводъ и примѣчанія А. И. Малеина. Съ прилож. 8 рис., карты и указателей. Спб. 1911. Ө. в. — 19) Н. Новомбергскій, проф. томскаго университета. Ветеринарное дѣло въ Россіи въ половинѣ XVIII ст. (Матеріалы по исторіи медицины въ Россіи). Томскъ. 1910. и. с. б.—20) Извѣстія отдѣленія русскаго языка и словесности императорской академіи наукъ. 1909. Томъ XIV. Книжка 3-я и 4-я. Спб. 1910. в. р.—въ.—21) J. T. Chance. George I and the northern war. Lond. 1909. А. Б.—22) Проф. И. И. Соколовъ. Усыновленіе и его отношеніе къ браку въ Византіи и на современномъ греческомъ Востокѣ. Историко-правовой очеркъ. Спб. 1910. Профессора М. Красножена.—23) Архимандритъ Иона. Герои вѣры. Къ вопросу о современномъ положеніи христіанъ въ Турціи Спб. 1910 г. Иеромонаха І.—24) Чтенія въ императорскомъ обществѣ исторіи и древностей російскихъ при московскомъ университетѣ. 1910 г. Книга третья. Двѣсти тридцать четвертая. Издаю подъ завѣдываніемъ М. К. Любавскаго. М. 1910. В. Руданова.—25) С. Д. Соколовъ. Источники и пособия для изученія Саратовскаго края. Указатель книгъ, брошюръ, журнальныхъ и газетныхъ статей и замѣтокъ, напечатанныхъ въ Саратовскаго края. Изданіе второе, исправленное и значительно дополненное. Саратовъ. 1910. Проф. Пав. Черныява.—26) Эразмъ Пильць. Русская политика въ Польшѣ. Спб. 1910. Вит. Тчауна.—27) Другъ народа. Александръ Львовичъ Караваевъ. Спб. А. Фаресова.—28) В. Л. Модзалевскій. Библіотека А. С. Пушкина. (Библіографическое описаніе). Отдѣльный оттискъ изъ изданія «Пушкинъ и его современники». вып. IX—X. Спб. 1910. в. р.—ва.—29) Пушкинъ, Томъ IV. Библіотека великихъ писателей, подъ редакціей С. А. Венгерова. Изд. Брокгауза-Ефрона. Спб. 1910. М. Б.—30) Сочиненія И. Ө. Горбунова. Т. I—III. Спб. 1904—1910. Издаю особой комиссіей при комитетѣ состоящаго подъ высочайшимъ Государя Императора покровительствомъ Императорскаго общества любителей древней письменности. А. Б.—31) III отдѣленіе императорскаго вольнаго экономическаго общества. Памяти Николая Гавриловича Чернышевскаго. Довлады и рѣчи Н. Ө. Анненскаго, М. А. Антоновича, А. А. Корнилова, А. С. Постникова и М. И. Туганъ-Варановскаго. Спб. 1910. Пант.—32) Сочиненія и письма Н. В. Гоголя. Редакція В. В. Каллаша. Изд. т-ва «Просвѣщеніе». 9 т. Спб. 1909—1910. А. Фомина.—33) Н. М. Важеновъ. Григорій Федоровичъ Квитка-Основьяненко. Библіографическій указатель. В. Р.—ва.—34) Вѣстникъ всероссійскаго съѣзда художниковъ. Спб. 1910. А. Фаресова.—35) И. С. Симоновъ. Школа и половой вопросъ. Спб. 1909. А.—снаго.—36) М. М. Ивановъ.—«Исторія музыкальнаго развитія Россіи». Въ 2-хъ томахъ, съ рисунками и нотными примѣрами. в. Басина.—37) Труды витебской ученой комиссіи. Книжка 1-я. (1909—31 мая—1910). Р. Р.—ва.—38) Баронъ С. А. Корфъ, профессоръ Александровскаго университета въ Гельсингфорсѣ. Административная юстиція въ Россіи. 2 тома. Спб. 1910. в. Грибовскаго.—39) С. А. Гулевичъ. Исторія л.-гв. Финляндскаго полка. Часть V. Документы и приложенія. Спб. 1910. Мих. Соколовскаго.—40) Кубанскій сборникъ. 1910. Труды кубанскаго областного статистическаго комитета. Подъ редакціей Л. Т. Соколова. Томъ XV. 1 карта, 5 портретовъ, 2 чертежа и 5 видовъ. Евагеринодаръ. 1910. Бор. Городецаго.—41) Отчетъ императорской публичной библіотеки за 1902 и 1903 годы. Спб. 1910. в. Р.—ва.—42) И. Х. Озеровъ, профессоръ петербургскаго университета. Атласъ диаграммъ по экономическимъ вопросамъ. Выпускъ II. Алкоголизмъ и борьба съ нимъ. Москва. 1909. Е. в.—43) А. И. Чупровъ. Рѣчи и статьи. Томы I, II и III. Москва. 1909. в. Кузнецова.—44) Куркинъ, А. П. Изъ быта новѣйшей бурсы. Воспоминанія, очерки и наброски. Смоленскъ. 1910. Я. Бирюкова.—45) Современная скульптура. 40 меццотинто-гравюръ, съ объяснительнымъ текстомъ С. К. Маковскаго. Изд. т-ва «Миръ». Выпускъ I—V. М. Л.—46) Сочиненія Ө. И. Буслаева. Томъ второй. Сочиненія по археологіи и исторіи искусства. Историческіе очерки русской народнои

словесности и искусства. Изданія отдѣленія русскаго языка и словесности императорской академіи наукъ. Стъ 148 рисунками въ текстѣ. Спб. 1910. В. Р—ва.—47) Историко-литературная библіотека подъ ред. А. Е. Грузинскаго Ф. Ф. Нелидовъ. Западники 40-хъ годовъ. М. 1910.—Н. Л. Вродскій. Ранніе славянофилы. М. 1910. А. Фоммина. — 48) А. С. Пушкинъ въ воспоминаніяхъ современниковъ и письмахъ. Составилъ Н. А. Заозерскій. М. 1910. Н. Лернера.—49) «Славянскій Міръ». Ежемѣсячный журналъ литературы, искусства и критики. Спб. 1910. С. Л. А—ва.—50) Heimatstimmen baltisches Hausbuch. Изд. К. Гунніуса и В. Витрога. IV томъ, съ иллюстр. Ревель-Лейпцигъ. 1910. А. Э. М—на.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ. 317, 763, 1176

1) Клубъ «Синихъ чулокъ» въ Лондонѣ XVIII вѣка. — 2) Англійская жизнь за послѣднія триста лѣтъ. — 3) Американская цѣлительница. — 4) Отовсюду.—5) Национальность Христофора Колумба.—6) Воспоминанія австрийсы Жюдигъ. — 7) Смерть Ньюенса, Кокса, лорда Спенсера, Гольмана Гунта, Килома Микшата, Байнца, Скиапарелли, Оливье, Вандала, Фремье. 8) Беатриса Неаполитанская.—9) Леди Гамильтонъ.—10) Отовсюду.—11) Конгрессы и юбилеи.

СМѢСЬ 398, 790, 1199

1) Отечественная церковь въ цифрахъ.—2) Статистика требованій на журналы и наиболее популярныя авторы — 3) Музей императора Александра III.—4) Юбилей И. И. Благовѣщенскаго.—5) Архіепископъ псковскій Арсеній (къ 25-лѣтію его дѣятельности).—6) Чествованіе памяти С. М. Соловьева.—7) 600-лѣтній юбилей Успенской церкви въ Колмовѣ.—8) Выставка «Ломоносовъ и Елизаветинское время».—9) Ревельскія торжества по случаю открытія памятника Петру Великому.—10) Юбилейныя торжества въ Нижегородской и Владимирской губерніяхъ. — 11) Годовое собраніе кассы взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ.—12) Торжество психоневрологическаго института.—13) Открытіе высшихъ курсовъ при біологической лабораторіи имени П. Ф. Лесгафта. — 14) Амурская экспедиція.—15) 25-лѣтній юбилей архіепископа Арсенія.—16) 50-лѣтній юбилей архіепископа Агаеодора.—17) Юбилей М. М. Михайловскаго.—18) Правила второго литературнаго конкурса редакціи «Виржевыхъ Вѣдомостей» на оригинальныя русскія разсказы и повѣсти.—19) О памятникахъ Блинскому и Гончарову. — 20) Географическое бюро. — 21) Столѣтіе института нижегородцевъ путей сообщенія.—22) 50-лѣтній юбилей П. Д. Воборыкина. — 23) 50-лѣтіе литературной дѣятельности П. В. Быкова.—24) Юбилей А. Я. Ефименко. — 25) Юбилей кіевскаго проф. Н. И. Петрова. — 26) 25-лѣтій научной дѣятельности К. М. Лопарева.—27) 25-лѣтіе протоіерея Орнатскаго. — 28) 25-лѣтіе профессоровъ-врачей Т. П. Павлова, Д. А. Соколова и В. А. Тиле.—29) Въ литературномъ фондѣ.—30) Открытіе систематическихъ лекцій въ Смоленскѣ московскимъ археологическимъ институтомъ.—31) Положеніе о литературно-театральномъ музеѣ имени А. А. Вахрушина. — 32) Отъ общества любителей російской словесности.

НЕКРОЛОГИ 404, 806, 1217

1) Арсеній, архіепископъ.—2) Данчицъ, К. М.—3) Долгоруковъ, Д. Н.—4) Житковъ, С. М.—5) Зайцевъ, А. М.—6) Лебедевъ, П. О.—7) Нелидовъ, А. И.—8) Носъ, А. Е.—9) Роборовскій, В. И.—10) Романовичъ-Словатинскій, А. В.—11) Шмидтъ, Ю. А.—12) Вржевскій, Н. К.—13) Добротворская, Н. В.—14) Иванова, Е. И.—15) Камышанскій, П. К.—16) Либенъ, П. Ф.—17) Мацевичъ, Л. М.—18) Муромцевъ, С. А.—19) Позняковъ, Н. И.—20) Рязскій, А. Д.—21) Фроловскій, Н. А.—22) Арцимовичъ, А. А.—23) Добровольскій, Ш. М.—24) Дриль, Д. А.—25) Клементьевъ, Л. М.—26) Константановскій, А. И.—27) Кояндеръ, А. И.—28) Коцовскій, Н. Д.—29) Лихачевъ, В. С.—30) Стеффенъ, І. И.

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ 413, 815, 1224

1) По поводу воспоминаній П. П. Соколова. В. А. Брюллова. — 2) Къ некрологу Ж. П. Садовскаго. Павла Россіева. — 3) Тропининскій портретъ Пушкина. (Къ «Воспоминаніямъ П. П. Соколова»). А. Измайлова. — 4) Замятка К. Ф. Рылѣва. Л. — 5) Къ статьѣ «Наши востоконѣды». А. Болобана. — 6) Къ замѣткѣ д-ра Родзевича. Н. Галинина-Враснаго.

Приложенія: Портреты: 1) императрицы Александры Федоровны. — 2) Графа Михаила Таріеловича Лорисъ-Меликова. — 3) Александра Павловича Меженинова. 4) Король безъ королевства. Историческій романъ Мориса Монтегю. Переводъ съ французскаго Михайлова. (Окончаніе). — 5) Указатель личныхъ именъ, упоминаемыхъ въ четырехъ томахъ «Историческаго Вѣстника» 1910 года, и указатель гравюръ, помѣщенныхъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ» за то же время.

Въ книжныхъ магазинахъ „НОВАГО ВРЕМЕНИ“
сочиненіе Н. К. ШИЛЬДЕРА
ИМПЕРАТОРЪ
АЛЕКСАНДРЪ I,
ЕГО ЖИЗНЬ И ЦАРСТВОВАНИЕ
(изданіе А. С. Суворина).

Второе изданіе представляетъ собою точное повтореніе перваго изданія, безъ всякихъ измѣненій, сокращеній и дополненій. Цѣна за четыре большихъ тома съ 450 портретами, иллюстраціями и автографами **30 рублей**. Въ переплетѣ **36 рублей**. Пересылка по разстоянію.

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ „НОВАГО ВРЕМЕНИ“
ИЗДАНІЕ А. С. СУВОРИНА
сочиненіе Н. К. ШИЛЬДЕРА
ИМПЕРАТОРЪ
НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ
ЕГО ЖИЗНЬ И ЦАРСТВОВАНИЕ.

Цѣна за два тома, объемомъ болѣе **100 печатныхъ листовъ**, съ 252 хромофотографіями, фототипіями, гравюрами, цинкографіями и автографами, двадцать пять **рублей**. Въ переплетѣ **30 рублей**. Пересылка по разстоянію.

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ
„НОВАГО ВРЕМЕНИ“

(Спб., Москва, Харьковъ, Одесса, Саратовъ и Ростовъ-на-Дону)

ПОСТУПИЛЪ ВЪ ПРОДАЖУ

СИСТЕМАТИЧЕСКІЙ УКАЗАТЕЛЬ

СОДЕРЖАНІЯ

„ИСТОРИЧЕСКАГО ВЪСТНИКА“

за 25 лѣтъ (1880—1904 гг.)

СОСТАВИЛЪ

Б. М. ГОРОДЕЦКІЙ

Книга заключаетъ въ себѣ 47 печатныхъ листовъ убористаго шрифта. Въ ней переименованы 9525 статей и 2993 рисунка; кромѣ того, приложены два алфавита: 1) личныхъ именъ, упоминаемыхъ въ указателѣ статей, и 2) личныхъ именъ, упоминаемыхъ въ указателѣ рисунковъ. Книга отпечатана въ ограниченномъ числѣ экземпляровъ.

Цѣна 5 руб.

1828—1910.

Левъ Толстой.

АЛЕКСАНДРЪ ПАВЛОВИЧЪ МЕЖЕНИНОВЪ.

ГРАФЪ ЛЕВЪ НИКОЛАЕВИЧЪ ТОЛСТОЙ.

1828—1910 гг.

ВЕРШИЛОСЬ то, чего Россія такъ боялась и что является ея великимъ національнымъ горемъ, совершилось при необычайной обстановкѣ, при обстоятельствахъ таинственныхъ и полныхъ трагизма: отошелъ въ вѣчность ея величайшій представитель, гениальный писатель русской земли, графъ Левъ Николаевичъ Толстой, передъ лицомъ котораго, какъ человѣка, какъ художника и моралиста, еще при жизни его преклонился весь интеллигентный мѣръ. Значеніе этой утраты, быть можетъ, во всю величину ея для насъ еще не совсѣмъ ясно: мы утерjali то наше національное сокровище, которое составляло еще такъ недавно *настоящее*, а нынѣ перешло уже въ *прошедшее*. Нѣтъ Льва Николаевича Толстого, нѣтъ гениальнаго писателя и философа-учителя, при жизни своей переносившаго насъ какъ бы во времена пророковъ, въ эпохи насажденія великихъ религіозныхъ ученій. И какъ бы ни относиться къ его философско-религіозному ученію, одно остается непреложнымъ: онъ разрушалъ и создавалъ съ необычайною смѣлостью рѣчи и дѣйствій, съ необычайнымъ полетомъ своего гениальнаго ума, стараясь вмѣстѣ съ тѣмъ всѣми силами воплотить свое личное «я» съ тѣмъ, чему онъ училъ, во что вѣрилъ и что исповѣдывалъ, и, стоя на виду всего міра, порою изумленнаго, восхищеннаго, порою недоумѣвающего и негодующаго, громко и вдохновенно твердилъ въ нашъ вѣкъ невѣрія и индифферентизма¹⁾: «Вѣрю въ Бога, кото-

¹⁾ «Истор. Вѣстн.» 1908 г., сентябрь,

раго понимаю, какъ Духъ, какъ любовь, какъ начало всего. Вѣрю въ то, что Онъ во мнѣ и я въ Немъ. Вѣрю въ то, что воля Бога яснѣе, понятнѣе всего выражена въ ученіи человѣка-Христа, котораго понимать Богомъ и которому молиться считаю величайшимъ кощунствомъ. Вѣрю въ то, что истинное благо человѣка въ исполненіи воли Бога, воли же Его въ томъ, чтобы люди любили другъ друга и вслѣдствіе этого поступали бы съ другими такъ, какъ они хотятъ, чтобы поступали съ ними, какъ и сказано въ Евангеліи, что въ этомъ весь законъ и пророки. Вѣрю въ то, что смыслъ жизни каждаго человѣка поэтому только въ увеличеніи въ себѣ любви, что это увеличеніе любви ведетъ отдѣльнаго человѣка въ жизни этой къ все большому и большому благу, даетъ послѣ смерти тѣмъ больше благъ, чѣмъ больше будетъ въ человѣкѣ любви и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе всего другого содѣйствуетъ установленію въ мірѣ Царства Божія, т. е. такого строя жизни, при которомъ царствующіе теперь раздоры, обманы и насилія будутъ замѣнены свободнымъ согласіемъ, правдой и братской любовью людей между собой. Вѣрю, что для преуспѣянія въ любви есть только одно средство: молитва, не молитва общественная въ храмѣ, прямо запрещенная Христомъ (Мѣ. VI, 5—13), а молитва, состоящая въ возстановленіи и укрѣпленіи въ своемъ сознаніи смысла своей жизни и своей зависимости только отъ воли Бога».

Такое исповѣданіе вѣры поставило Льва Николаевича какъ бы внѣ теченій современнаго общества, изолировало его отъ всѣхъ и вся, по существу исповѣдуемаго символа вѣры, но вмѣстѣ съ тѣмъ создало между нимъ и современностью такія многочисленныя нити единенія, которыя въ развитіи этого символа, его привходящихъ частей, привлекли къ нему, съ одной стороны, симпатіи, любовь и поклоненіе однихъ милліоновъ людей, антипатію, почти ненависть и непониманіе другихъ. Онъ сталъ центромъ, и притомъ вполне русскимъ центромъ, вниманія человѣчества — разумѣется, человѣчества читающаго, мыслящаго надъ прочитаннымъ и интересующагося интеллигентнымъ проявленіемъ мысли и проповѣди, — къ которому въ теченіе многихъ и многихъ годовъ шло непрерывное тяготѣніе, на который постоянно взирали и къ которому постоянно обращались съ запросами. На нашихъ глазахъ совершилось явленіе необычнаго порядка: въ глухой деревнѣ внутренней Россіи сидѣлъ художникъ-сердцевѣдъ, старецъ-проповѣдникъ, по происхожденію знатнаго рода, принципиально порвавшій со всѣми условіями и тенденціями современной цивилизаціи и имѣвшій смѣлость громко звать человѣчество отъ суеты мірской къ жизни духа, къ жизни на основахъ имъ созданнаго евангелія, къ жизни мистическаго иночества, но иночества не ушедшаго цѣликомъ въ самого себя и оградившагося отъ живого міра, но духовно-сливающагося съ этимъ міромъ, растворяющагося въ немъ. «Въ мірѣ будь и въ мірѣ будь какъ инокъ» — нѣкогда

завѣщаль Алешѣ Карамазову старецъ Зосима. Достоевскій своимъ прозорливымъ вѣщимъ умомъ предугадалъ возможность такого состоянія и бытія и въ послѣднемъ онъ и усматривалъ приближеніе къ всечеловѣчеству, ибо только въ этомъ бытіи и возможно такое приближеніе. Достоевскій указывалъ, что явленіе «всецеловѣка» доступно только русскому человѣку, но когда, имъ намѣчался этотъ таинственный и всеобъемлющій типъ, тогда еще Левъ Толстой не стоялъ во весь тотъ духовный ростъ, въ какомъ видѣли его мы. Двадцать пять лѣтъ слишкомъ прошло со смерти гениальнаго пророка, автора «Братьевъ Карамазовыхъ» и Пушкинской рѣчи, и вотъ передъ нами ясно обрисовался этотъ самый типъ, который онъ мистически и непонятно тогда для насъ предугадывалъ: Этотъ типъ въ жизни, съ его плотью и кровью, воплотилъ въ себѣ только что почившій русскій гениальный писатель. Пророчество Достоевскаго оправдалось. «Всецеловѣкъ»—какъ художникъ необычайной красоты, восхитившій своимъ творчествомъ всѣ языки и народы, какъ пророкъ необычайной силы и оригинальнаго характера, поднялся изъ глуши русской деревни и духовно возвысился надъ современнымъ человечествомъ, которое все признало его своимъ, поклонилось ему и обрѣло въ немъ всю силу современнаго человѣческаго крика радости и горя, которыя, смѣшиваясь и перебивая другъ друга, несутся нынѣ по лицу всего земнаго шара. Пророчество Достоевскаго сбылось и въ томъ, что этотъ всецеловѣкъ вмѣстѣ съ тѣмъ не пересталъ быть русскимъ человѣкомъ, тѣмъ изъ «перерусскихъ русскимъ», который отъ начала жизни до конца ея не порывалъ связей съ родною землею и сохранилъ въ своемъ творчествѣ и проповѣдничествѣ всѣ переливы, всѣ звенья русской жизни, какъ они вылились изъ всей нашей исторіи, изъ всего нашего національнаго бытія, изъ всей русской собирательной души. Толстой, какъ художникъ и проповѣдникъ, въ своемъ писательскомъ творчествѣ—это сама Россія, съ ея долами и горами, съ ея могучими рѣками, съ ея необозримою пахотью, съ то раздольной, то тоскующей пѣсней, съ ея вѣчнымъ богоискательствомъ, съ ея народной вѣрой, съ ея смиреніемъ и слезами, съ ея готовностью подвига, съ ея могучими силами и широкимъ историческимъ размахомъ... И вотъ этотъ «всецеловѣкъ», какъ бы оправдывая собою указаніе гениальнаго собрата по перу, всю жизнь льнетъ къ лицу родной земли, умиленно льнетъ къ своему народу, къ многомилліонной сѣрой массѣ, создавшей историческую Россію, и стремится въ ней найти питаніе своему всечеловѣчеству, укрѣпленіе своего духовнаго «я». Германія, Франція, Италія и прочія страны «святыхъ чудесъ» не могли по существу заложенныхъ въ нихъ началъ цивилизаціи дать именно того питанія, которое ему было необходимо обрѣсти у своей родины, которую, по словамъ поэта, «съ ношей крестной Царь Небесный исходилъ благословляя». Слѣды этого благословенія онъ

ясно видитъ своимъ проникновеннымъ взоромъ, несмотря на то, что на каждомъ шагу въ прошломъ и настоящемъ своего народа встрѣчаетъ «всякая скверна», «черную неправду» и ту мерзость жизни, отъ которой у него изъ очей льются непрестанныя слезы. Эти слѣды для него такъ ясны, что передъ ними онъ самъ считаетъ себя какъ бы ничтожнымъ и молить родной народъ о правѣ приобщиться къ нему, о правѣ слиться съ нимъ настолько, чтобы онъ, графъ Левъ Николаевичъ Толстой, и сѣрая народная масса, хранительница Божьяго благословенія, составили единое цѣлое, гармонически взаимно дополняющее и органически сливающееся. И это любовное сливаніе съ народомъ, со всею его историческою жизнью, проглядываетъ во всѣхъ его художественныхъ произведеніяхъ отъ юныхъ лѣтъ до старческаго возраста, отъ кавказскихъ и севастопольскихъ разсказовъ, черезъ «Войну и миръ», эту русскую Илиаду, и черезъ «Анну Каренину» и вплоть до «Воскресенія» и послѣднихъ полубеллетристическихъ очерковъ.

Это стремленіе, эта идея слиянія съ народной жизнью въ особенности сильно охватываютъ нашего писателя въ послѣдній періодъ жизни, тоска по народу становится въ немъ все сильнѣе, и вотъ яснополянскій старецъ рѣшается на послѣдній шагъ. Какъ бы увѣнчивая знаніе своего вѣроученія, всей своей художественно-проповѣднической жизни, онъ отрѣшается отъ всего близкаго личному «я» и, подобно многочисленнымъ русскимъ странникамъ бывлой Россіи, совершенно въ духѣ народной жизни, съ ея представленіемъ о великомъ значеніи отрѣшенія передъ кончиною отъ суеты земной, тихо ночью удаляется отъ родной семьи, отъ отчого дома, съ которымъ связанъ восемьдесятю слишкомъ годами жизни, и пытается уйти въ народное пространство съ крестомъ своего вѣроученія, чтобы радостно приблизиться къ смерти и на лонѣ народной груди, въ молитвѣ и уединеніи, передъ лицомъ Творца міра, внѣ суетныхъ условій обычнаго существованія, обрѣсти тотъ покой, который знаменуетъ переходъ въ жизнь вѣчную. Но тутъ наступаетъ драма съ ея печальнымъ эпилогомъ: глубокій старческій возрастъ, слабый организмъ, истощенный болѣзнями, условія современной культурной жизни, все вмѣстѣ взятое и усугубленное душевнымъ волненіемъ отъ разлуки съ семьей, которую онъ такъ горячо любилъ, дѣлаютъ его подвигъ невыполнимымъ. И вотъ мы видимъ его мягущимся въ пространствѣ, съ какимъ-то, опять-таки чисто русскимъ невольнымъ тяготѣніемъ къ монастырскому старчеству и монастырской обители, врата которой онъ колеблющимся шагомъ переступаетъ, при лицезрѣніи которыхъ умиляется, но съ которыми, какъ таковыми, не рѣшается, однако, слить своихъ послѣднихъ дней. Его прощаніе съ сестрой-монахиней въ Шамординскомъ монастырѣ, его тяготѣніе къ Оптиной пустыни чрезвычайно знаменательны—всечеловѣкъ остается русскимъ по своей природѣ, вѣрнымъ исповѣданію своего народа, но

тутъ завѣса жизненной тайны гениальнаго человѣка падаетъ передъ нами и мы видимъ его направляющимся не то въ колоніи своего имени, не то куда-то на югъ, не то въ Болгарскіе лѣса, въ уединеніе отъ людей, гдѣ онъ надѣется найти себѣ существованіе духовно-осмысленное, согласно своему вѣроученію, съ отреченіемъ отъ всего того, что его плоти, какъ барина-интеллигента, было нѣкогда дорого и близко. Но такая задача оказывается не подъ силу истощенному организму, не желающему какъ бы считаться съ обстоятельствами окружающей дѣйствительности: онъ заболѣваетъ и на рукахъ слѣдующихъ за нимъ дочери и друга переносится въ помѣщеніе небольшой желѣзнодорожной станціи Астапово, гдѣ черезъ нѣсколько дней и кончается, подъ напоромъ болѣзни, свою жизнь. Вся Россія и съ нею и весь міръ, во всѣхъ ихъ социальныхъ напластованіяхъ, слѣдили съ напряженнымъ вниманіемъ за ходомъ эпилога жизненной эпопеи графа Толстого, эпопеи, въ которой ясно чувствовалась наличность трагическаго элемента, слѣдили со вниманіемъ, трепетомъ и замираніемъ, ожидая, какъ разрѣшится послѣднее дѣйствіе этого эпилога; и онъ разрѣшился печальнымъ, но естественнымъ концомъ: гениальнаго художника-моралиста не стало, смерть своимъ холодомъ сковала его брѣнное тѣло, а могучій духъ вознесся за предѣлы земнаго, откуда нѣтъ возврата, куда не проникаетъ человѣческій глазъ, въ то вѣчное, котораго яснополянскій мудрецъ ожидалъ съ такою радостью, вѣруя найти здѣсь единую любовь, которой въ полномъ ея воплощеніи онъ не находилъ на землѣ. Передъ величіемъ смерти смолкаетъ все суетное земное и отошедшему въ вѣчность, по моленію церкви, отпускаются всѣ грѣхи «вольные и невольные, иже словомъ, иже дѣломъ, иже вѣднїемъ и невѣднїемъ». Графъ Толстой былъ человѣкъ, а нѣтъ человѣка, «аще не согрѣшитъ», а потому, склоняясь передъ его охладѣлымъ прахомъ, мы возносимъ за него молитвы вмѣстѣ со всею Россією, и вмѣстѣ съ Верховнымъ Вождемъ нашей родины, помѣтившимъ на докладѣ министра внутреннихъ дѣлъ о кончинѣ великаго писателя: «Господь Богъ да будетъ ему Милостивымъ Судьею», мы не считаемъ себя въ правѣ надъ свѣжей могильной насыпью творить суда ни надъ жизнью дорогаго всѣмъ намъ покойнаго, ни надъ его творчествомъ, творчествомъ художественнаго писанія, творчествомъ проповѣднической рѣчи. Да и что возможно сейчасъ сказать о немъ новаго, достойнаго того великаго момента приближенія къ небу, котораго онъ съ радостью дождался! О немъ при жизни было говорено такъ много, на всѣхъ современныхъ языкахъ, какъ ни объ одномъ писателѣ въ мірѣ; когда стихнуть дни печали, литературы народовъ, несомнѣнно, обогатятся новыми произведеніями, ему посвященными. Со временемъ все имъ писанное начерно, его корреспонденція, имѣющійся дневникъ, вмѣстѣ со всѣмъ напечатаннымъ на родинѣ и за границею,

все будетъ собрано во едино, и тогда лишь можно будетъ судить о великомъ въ своемъ гениальномъ творествѣ писателѣ во всемъ его значеніи. Выхватывать какой-нибудь клочокъ этого творчества и о немъ говорить читателямъ было бы, по всей вѣроятности, лишь повтореніемъ того, что всѣмъ извѣстно и о чемъ неоднократно было писано. Поэтому, отказываясь отъ такого рода работы на страницахъ настоящаго номинальнаго очерка, посвященнаго русскому гениальному всечеловѣку, мы ограничимся лишь тѣми главнѣйшими фактическими данными изъ его жизни и работы перомъ, которыя позволяютъ намъ назвать его величайшимъ представителемъ отечественной жизни, имя котораго никогда не умретъ изъ памяти поколѣній и вѣчно будетъ горѣть на небосклонѣ русской жизни яркимъ солнцемъ, освѣщающимъ и животворящимъ все, что придетъ съ нимъ въ соприкосновеніе.

Общеизвѣстная генеалогія Л. Н. Толстого такова:

1) Мужъ честенъ Индрисъ (выѣхалъ «изъ нѣмецъ, изъ Цесарскія земли» въ Черниговъ въ 1353 г. съ двумя сыновьями и дружиной), въ крещеніи Леонтій.

2) Феодоръ Леонтьевичъ, Константинъ Леонтьевичъ.

3) Харитонъ Константиновичъ.

4) Андрей Харитоновичъ.

5) Карлъ Андреевичъ, получившій при кн. Василии Темномъ прозвище «Толстой».

6) Отъ Индриса поколѣніе 15-е: Петръ Андреевичъ, первый графъ Толстой (служилъ Петру I и Екатеринѣ. Съ воцареніемъ Петра II впалъ въ немилость. Умеръ въ Соловецкомъ монастырѣ въ 1729 г.).

7) Иванъ Петровичъ (вмѣстѣ съ отцомъ былъ сосланъ и умеръ въ ссылкѣ въ 1728 году).

8) Андрей Ивановичъ (26-го мая 1760 года ему возвращено утраченное отцомъ графское достоинство Елизаветой. Умеръ въ 1803 г.).

9) отъ Индриса поколѣніе 18-е

Илья Андреевичъ гр. Толстой (казанскій губернаторъ † 1820 г.).

Александра (по мужу граф. Остенъ-Сакенъ).	Николай († 1837 г.).	Пелагея (по мужу Юшкова)	Илья (ум. бездѣтнымъ)

10) отъ Индриса покол. 20-е:

Николай (род. 1823 г.)	Сергій (род. 1826 г.)	Дмитрій (род. 1827 г.)	Левъ (род. 28 авг. 1828 г.)	Марія (род. 1830 г.)

Изъ перечисленныхъ потомковъ Индриса на страницы исторіи особенно выпукло занесено имя Петра Андреевича, давшаго всему роду

графское достоинство. Онъ привезъ изъ-за границы бѣжавшаго въ Неаполь царевича Алексѣя и принималъ потомъ участіе въ судѣ надъ нимъ.

Отецъ Льва Николаевича, графъ Николай Ильичъ Толстой родился въ 1797 году. 17-ти лѣтъ, несмотря на противодѣйствіе родителей, онъ поступилъ въ военную службу и зачислился адъютантомъ къ князю Горчакову. Продѣлавъ походы 1813 и 1814 гг. и прослуживъ семь лѣтъ, графъ Н. И. въ 1819 году выходитъ въ отставку, женится и поселяется въ приданомъ имѣніи своей жены, княжны Маріи Волконской, Ясной Полянѣ.

«Отецъ мой былъ средняго роста,—сообщаетъ Левъ Николаевичъ,—хорошо сложенъ, живой сангвиникъ, съ пріятнымъ лицомъ и съ всегда грустными глазами. Жизнь его проходила въ занятіяхъ хозяйствомъ, въ которомъ онъ, кажется, не былъ большой знатокъ, но въ которомъ онъ имѣлъ для того времени большое качество: онъ былъ не только не жестокъ, но скорѣе даже слабъ. Такъ что за его время я никогда не слышалъ о тѣлесныхъ наказаніяхъ.

«Дома графъ Н. И. свободное отъ занятій хозяйствомъ и отъ занятій съ дѣтьми время посвящалъ чтенію. Онъ собиралъ библіотеку изъ французскихъ классиковъ, сочиненій по исторіи и естественной исторіи.

«Сколько могу судить,—сообщаетъ Левъ Николаевичъ,—онъ не имѣлъ склонности къ наукамъ, но былъ на уровнѣ образованныхъ людей своего времени. Какъ большая часть людей перваго александровскаго времени и походовъ 13-го, 14-го и 15-го годовъ, онъ былъ не то, что теперь называется, либераломъ, а просто по чувству собственнаго своего достоинства не считалъ для себя возможнымъ служить ни при концѣ царствованія Александра I, ни при Николаѣ»...

Между отцомъ и дѣтьми установились простыя и теплыя отношенія. «Помню, какъ онъ приходилъ къ намъ внизъ и рисовалъ намъ картинки, которыя казались намъ верхомъ совершенства. Помню, какъ онъ разъ заставилъ меня прочесть ему полюбившіеся мнѣ и выученные мною наизусть стихи Пушкина «Къ морю», «Прощай, свободная стихія», и Наполеону: «Чудесный жребій совершился». Его поразилъ, очевидно, тотъ паѳосъ, съ которымъ я произносилъ эти стихи, и онъ, прослушавъ меня, какъ-то значительно переглянулся съ бывшимъ тутъ Языковымъ. Я понималъ, что онъ что-то хорошее видитъ въ моемъ чтеніи и былъ очень счастливъ этимъ».

«Я очень любилъ отца, но не зналъ еще, какъ сильна была эта моя любовь къ нему до тѣхъ поръ, пока онъ не умеръ», говоритъ Л. Н.

Образъ своего отца писатель впоследствии представилъ намъ въ Николаѣ Ростовѣ изъ романа «Война и миръ».

Мать нашего писателя, урожденная княжна Марія Николаевна Волконская, единственная дочь генераль-аншефа князя Николая Сергѣевича Волконскаго, провела почти всю свою жизнь въ Ясной Полянѣ. Ея

мать, рожденная княжна Екатерина Дмитриевна Трубецкая, умерла молодой. Дѣвочка осталась на попеченіи отца, давшего ей тщательное воспитаніе и образованіе. Самъ серьезно образованный, старый князь не хотѣлъ, чтобы его единственная дочь «была похожа на нашихъ барынь».

Ко времени выхода своего замужъ Марія Николаевна владѣла четырьмя иностранными языками, хорошо играла на фортепіано и имѣла твердое представленіе о наукахъ, которыя совершенно не входили въ кругъ познаній, обязательныхъ для молодыхъ дѣвицъ ея круга и эпохи.

О Маріи Николаевнѣ въ болѣе зрѣломъ возрастѣ даешь представленіе стихотвореніе, написанное ею вскорѣ послѣ свадьбы и рисующее въ цѣломудренныхъ и сентиментальныхъ строкахъ прелесть супружескаго счастья, а также составленный ею сборникъ поучительныхъ изреченій, пропитанныхъ той же трогательной сентиментальностью чистой души, и ея письма къ мужу и къ Татьянѣ Алексѣевнѣ Ергольской.

Вспоминая свою мать, Левъ Николаевичъ такъ ее описываетъ:

«Мать моя была нехороша собою... Самое же дорогое качество было то, что она, по рассказамъ прислуги, была хотя и вспыльчива, но сдержана. «Вся покраснѣетъ, даже заплачетъ»,—разсказывала мнѣ ея горничная,—но никогда не скажетъ грубаго слова».

Марія Николаевна была просватана, и очень любила своего жениха, но браку помѣшала неожиданная смерть молодого человѣка. Бракъ ея съ графомъ Толстымъ былъ устроенъ родными ея и графа. «Думаю,—говоритъ Л. Н. Толстой:—что мать любила моего отца, но больше какъ мужа и, главное, отца своихъ дѣтей, но не была влюблена въ него»...

«Замужняя, очень кроткая, жизнь моей матери,—кажется, не болѣе 9-ти лѣтъ,—была счастливая и хорошая. Жизнь эта была очень полна и украшена любовью всѣхъ къ ней и ея ко всѣмъ, жившимъ съ нею».

Марія Николаевна графиня Толстая умерла послѣ родовъ сестры Льва Николаевича (Маріи) въ 1830 году, когда Льву Николаевичу минуло 1½ года жизни.

Мать и ея отецъ, князья Волконскіе, послужили въ романѣ «Война и миръ» образцами для воспроизведенія Мери Волконской и ея суроваго родителя.

Графъ Николай Ильичъ остался вдовцомъ съ пятью дѣтьми—четырьмя сыновьями и дочерью. Воспитаніемъ его дѣтей занялась ихъ дальняя родственница Т. А. Ергольская, имѣвшая большое вліяніе на духовный обликъ нашего писателя. «... Тетенька Татьяна Александровна имѣла самое большое вліяніе на мою жизнь. Вліяніе это было, во-первыхъ, въ томъ, что еще въ дѣтствѣ она научила меня духовному наслажденію любви. Она не словами учила меня этому, а всѣмъ своимъ существомъ заражала меня любовью. Я видѣлъ, чувствовалъ, какъ хорошо ей было любить, и

понялъ счастье любви. Это первое. Второе то, что она научила меня прелести неторопливой, одинокой жизни».

Татьяна Александровна Ергольская стала такъ близка дому Толстыхъ, сроднилась, слилась съ нимъ, что вдовецъ графъ Николай Ильичъ хотѣлъ было на ней даже жениться, дабы она еще ближе стала къ его дѣтямъ, являя собою для нихъ какъ бы образъ второй матери. Но Ергольская это предложеніе отклонила, однако вмѣстѣ съ тѣмъ дала слово никогда не разлучаться съ домою Толстыхъ. И слово свое она сдержала, до самой смерти не разставаясь съ семьею Толстыхъ, наполняя домъ атмосферой нѣжности и ласки. По свидѣтельству Льва Николаевича, у него «были вспышки восторженно-умиленной любви къ ней».

Дѣтство писателя протекло цѣликомъ въ отцовскомъ имѣніи Ясной Полянѣ Тульской губ., среди патриархальной обстановки.

Съ теплымъ благодарнымъ чувствомъ вспоминалъ всегда Левъ Николаевичъ Толстой всѣхъ лицъ, въ кругу которыхъ протекло его раннее дѣтство. Воспитанницу Дунечку Темяшеву, экономку Прасковью Исаевну, няню Татьяну Филипповну, брата Татьяны Филипповны—кучера Николая, «котораго мы не только любили, но къ которому, какъ большею частью господскія дѣти, питали великое уваженіе», буфетчика Василія Трубецкого. Отъѣздъ Василія, назначеннаго приказчикомъ въ другое имѣніе, Л. Н. Толстой считаетъ однимъ изъ самыхъ сильныхъ впечатлѣній дѣтства. «Я испыталъ въ первый разъ ужасъ и страхъ передъ непостоянствомъ жизни».

Изъ братьевъ огромное вліяніе на Льва Николаевича имѣлъ старшій Николенька, который «былъ удивительный мальчикъ и потомъ удивительный человѣкъ».

Фантазеръ, мальчикъ съ необыкновеннымъ воображеніемъ, Николенька имѣлъ сильное вліяніе на своихъ младшихъ братьевъ. Когда Льву Николаевичу было 5, Митенькѣ 6, а Сережѣ 7 лѣтъ, Николенькѣ было 11; онъ являлся коноводомъ всѣхъ дѣтскихъ игръ. Но это не были обыкновенныя дѣтскія шалости. Николенька жилъ въ мирѣ грезъ о всемірномъ счастьѣ, и къ этому дѣтскому мистицизму съ особеннымъ увлеченіемъ приобщился Левъ Николаевичъ.

Тутъ была какая-то «зеленая палочка», на которой написанъ секретъ всемірнаго счастья, какая-то фанфаронова гора, на которую взобраться можетъ только мальчикъ, исполнившій цѣлый рядъ тяжелыхъ условий, какіе-то «муравейные» братья, въ которыхъ превратятся всѣ люди, когда великая тайна Николеньки будетъ имъ открыта, когда ссоры, ненависть, болѣзни исчезнутъ съ лица земли и среди людей воцарятся миръ, любовь и согласіе. Эти мечты и фантазіи, навѣянные Николенькѣ разказами про масоновъ и моравскихъ братьевъ, производили на Льва Николаевича глубокое впечатлѣніе. Благоприятное же вліяніе на Льва Николаевича

имѣлъ также учитель-нѣмецъ Федоръ Ивановичъ Рессель, честный, прямой и добродушный, тепло очерченный покойнымъ писателемъ въ «Дѣтствѣ», въ образѣ Карла Ивановича.

Уже въ раннемъ дѣтствѣ Левъ Николаевичъ обнаруживалъ немало странностей. Его считали оригинальнымъ ребенкомъ, чудачкомъ. Иногда ему приходило въ голову войти въ залъ задомъ и кланяться, откидывая голову назадъ. Однажды онъ вообразилъ, что можетъ полетѣть, и выпрыгнулъ изъ окна второго этажа на дворъ. Однажды, во время поѣздки изъ Пирогова въ Ясную Поляну Левъ Николаевичъ вылѣзъ изъ экипажа и побѣжалъ пѣшкомъ. Онъ бѣжалъ такъ около трехъ верстъ, пока совершенно не обезсилѣлъ.

Въ другой разъ, тоже въ дорогѣ, ему пришла въ голову фантазія остричь себѣ брови. Во всѣхъ этихъ выходкахъ проявляется не обычная дѣтская шаловливость, а та «самолюбивая застѣнчивость», которую самъ Толстой считаетъ основной чертой своего дѣтскаго характера.

Осенью 1836 г. семья Толстого переѣхала изъ Ясной Поляны въ Москву и поселилась на Плющихѣ, въ домѣ Щербачевыхъ, а лѣтомъ 1837 г. умеръ въ Тулѣ отъ удара графъ Николай Ильичъ. Послѣ его смерти Дмитрій, Левъ и Марія (младшія дѣти) снова переѣхали съ Т. А. Ергольской въ деревню. Опекуншей надъ дѣтьми назначена была графиня Александра Ильинична Остенъ-Сакенъ.

Описывая это новое лицо, вступившее въ ихъ жизнь, Левъ Николаевичъ говоритъ о ней:

«Тетушка эта была истинно-религіозная женщина. Она жила истинно-христіанскою жизнью, стараясь не только избѣгать всякой роскоши и услугъ, но стараясь, сколько возможно, служить другимъ. Денегъ у нея никогда не было, потому что она раздавала просящимъ все, что у нея было».

Осенью 1840 года семья Толстыхъ переѣхала въ Москву, а послѣ смерти Александры Ильиничны, скончавшейся въ Оптиной пустыни, въ 1841 г., изъ Казани пріѣхала сестра покойной, Пелагея Ильинична Юшкова и увезла всѣхъ дѣтей въ Казань. Старшій изъ дѣтей, Николай, былъ въ эту пору студентомъ 1-го курса, а Льву Николаевичу было въ это время 13 лѣтъ. Мужъ Пелагеи Ильиничны въ молодости увлекался Т. А. Ергольской и, когда семья Толстыхъ переѣхала изъ Тулы въ Казань, Ергольская должна была разлучиться со своими питомцами.

На этомъ періодѣ кончилась пора дѣтства нашего писателя, описаннаго въ первой части его извѣстнаго автобіографическаго произведенія «Дѣтство, отрочество и юность», гдѣ въ образѣ Николеньки Иртеньева наглядно усматриваются тѣ самыя черты характера и слѣды жизни, отмѣченныя нами выше, свидѣтельствующіе, какъ выросталъ и подъ какими

вліяніями слагался съ дѣтства духовный обликъ будущаго гениальнаго писателя. Слѣды русскаго быта и уклада видны на каждомъ шагѣ и въ каждой мелочи, и русская жизнь въ ея лучшихъ проявленіяхъ и вліяніяхъ пропитываетъ его душевный складъ насквозь. Достойный сынъ своей родины обильно почерпаетъ изъ нея живительные соки и полной грудью вдыхаетъ въ свою плоть и кровь родную атмосферу.

Съ переѣздомъ въ Казань кончилась «счастливая, счастливая, невозвратимая пора дѣтства» Л. Н. и началась новая: «какъ будто всѣ предметы повернулись къ вамъ другою, неизвѣстною еще стороною». Толстые прожили въ Казани 5 лѣтъ въ домѣ Юшковой, уѣзжая только на лѣто въ Ясную Поляну. Николай, Сергѣй и Дмитрій зачислились студентами философскаго факультета. Когда дошла очередь избрать себѣ факультетъ до Льва Николаевича, онъ остановился на факультетѣ восточныхъ языковъ и къ поступленію на этотъ факультетъ готовился съ 1842 по 1844 г. Къ экзамену онъ готовился при содѣйствіи учителей и профессора Сбоева, подъ руководствомъ француза гувернера Saint-Thomas, очерченнаго впоследствии Л. Н. подъ именемъ m-g Жерана. Студентомъ Левъ Николаевичъ велъ свѣтскій образъ жизни, дѣля свое время между балами, вечерами, катаньями и зваными обѣдами. Примкнувъ къ кружку студентовъ-аристократовъ, Левъ Николаевичъ ничѣмъ, по внѣшности, не отличался отъ этихъ представителей казанской золотой молодежи, какъ они, кутилъ и, какъ они, дѣлилъ родъ людской на людей *comme il faut*, съ которыми можно было имѣть дѣло, и на людей *mauvais genre*, самое существованіе которыхъ казалось имъ ненормальнымъ и необъяснимымъ. Занятія на факультетѣ Льва Николаевича не отличались успѣхомъ, онъ былъ оставленъ за безуспѣшность на томъ же курсѣ, что повліяло на его самолюбіе, и онъ перешелъ на юридическій факультетъ и въ серьезныхъ занятіяхъ находилъ удовольствіе. Въ это время Левъ Николаевичъ былъ широкоплечій, неуклюжій, съ короткими щетинистыми волосами юноша, котораго товарищи называли «бюрюкомъ», «философомъ» и «Левушкой». Одинъ изъ выдающихся казанскихъ профессоровъ Мейеръ задалъ ему работу сравнить «*Esprit des lois*» Монтескье съ «Наказомъ» Екатерины. Эта работа очень заняла графа; въ это же время онъ ознакомился съ произведеніями Жанъ-Жака Руссо, оказавшими на него огромное вліяніе. Но наука все-таки не такъ привлекала юношу, какъ общественная жизнь. Въ то же время его вдумчивая мысль дѣятельно обобщала впечатлѣнія и анализировала жизнь, какъ она есть. Уже въ это время среди веселаго времяпрепровожденія онъ брался за разработку философскихъ темъ. Философскими сочиненіями Л. Н. сталъ интересоваться уже съ 15-ти лѣтъ, когда, по его признанію, сообщенное ему съ дѣтства вѣрученіе исчезло: «единственная истинная вѣра моя въ то время была, — говорить онъ, — вѣра въ совершенствованіе». Въ его бумагахъ того времени сохранилась

статья «О цѣли философіи» и рядъ набросковъ: «О разсужденіи касательно будущей жизни», «Опредѣленіе времени, пространства и числа», «Методы» и пр. Будущій Толстой-философъ, теоретикъ и проповѣдникъ уже въ тѣ годы ведетъ какъ бы подготовительныя работы своимъ будущимъ трудамъ, создавшимъ ему въ послѣдней четверти минувшаго вѣка столь шумную и оригинальную извѣстность проповѣдника-моралиста. Въ 1847 году, не сдавъ даже экзаменовъ на третій курсъ, Левъ Николаевичъ вышелъ изъ университета.

Причинъ его выхода изъ университета было двѣ: 1) что братъ (Николай) кончилъ курсъ и уѣзжалъ, 2) работа съ «Наказомъ» и «Esprit de lois» открыла ему новую область умственного самостоятельнаго труда, а университетъ, со своими требованіями, не только не содѣйствовалъ такой работѣ, но мѣшалъ ей. Выйдя изъ университета, онъ уѣхалъ изъ Казани въ Ясную Поляну, доставшуюся ему послѣ раздѣла отцовскаго наслѣдства. Его потянуло въ деревню желаніе позаботиться о своихъ крестьянахъ. Въ разсказѣ «Утро помѣщика» Левъ Николаевичъ описываетъ свою тогдашнюю деревенскую жизнь и стремленія, а въ его біографіи, составленной Бирюковымъ, послѣдній говоритъ: «Какъ «Дѣтство, отрочество и юность» даютъ намъ точное отраженіе жизни Толстого отъ первыхъ проблесковъ сознанія до начала зрѣлости, такъ «Утро помѣщика» даетъ намъ превосходную характеристику переживаній, овладѣвшихъ имъ послѣ выхода изъ университета». Въ дневникѣ его запись того времени такова:

«Я выхожу изъ университета, чтобы посвятить себя жизни въ деревнѣ, потому что чувствую, что рожденъ для нея. Главное зло заключается въ самомъ бѣдственномъ, жалкомъ положеніи мужиковъ, и зло такое, которое можно исправить только трудомъ и терпѣніемъ. Не моя ли священная и прямая обязанность заботиться о счастіи этихъ семисотъ человѣкъ (крѣпостныхъ), за которыхъ я долженъ буду отвѣчать Богу? Не грѣхъ ли покидать ихъ на произволъ грубыхъ старостъ и управляющихъ, изъ-за плановъ наслажденій и честолюбія? И зачѣмъ искать въ другой сферѣ случаевъ быть полезнымъ и дѣлать добро, когда мнѣ открывается блестящая и ближайшая обязанность. Я пошелъ по совершенно особой дорогѣ, но которая хороша и, я чувствую, приведетъ меня къ счастію».

Попытка Льва Николаевича хозяйничать на новыхъ началахъ и—главное—попытка установленія правильныхъ, разумно-дружелюбныхъ отношеній съ крестьянами кончились неудачно.

«Утро помѣщика» кончилось для Нехлюдова-Толстого разочарованіемъ. Толстому было въ эту пору около 20-ти лѣтъ.

Покинувъ Ясную Поляну, онъ ѣдетъ въ Петербургъ и держитъ кандидатскій экзамень при здѣшнемъ университетѣ. Письма изъ Петербурга

Льва Николаевича того времени свидѣтельствуя объ его увлеченіяхъ: онъ называетъ себя «самымъ пустячнымъ малымъ» и кается, что «прожилъ пропасть денегъ и задолжалъ». Сдавши въ университетѣ экзаменъ по двумъ-тремъ предметамъ, онъ отказывается отъ остальныхъ, возвращается въ Ясную Поляну, привозитъ съ собой изъ Петербурга талантливаго нѣмца-музыканта, страстно отдается музыкѣ и живетъ въ деревнѣ до 1851 года, временами проживая въ Москвѣ.

Въ этотъ періодъ приступы аскетизма чередуются у него съ увлеченіемъ кутежами, охотой, картами, цыганами. «Живу совершенно скотски, хотя и не совѣмъ безпутно», пишетъ онъ въ своемъ дневникѣ. Денежныя затрудненія заставили его замышлять даже торговое предпріятіе: онъ хотѣлъ снять почтовую станцію въ Тулѣ. Тогда же у него опредѣлилось стремленіе къ писательству въ желаніи написать повѣсть изъ цыганскаго быта. Въ апрѣлѣ 1851 года братъ его Николай, служившій офицеромъ на Кавказѣ, пріѣхалъ въ отпускъ. Этотъ пріѣздъ вызвалъ у Льва Николаевича внезапное рѣшеніе уѣхать послѣ отпуска брата вмѣстѣ съ нимъ на Кавказъ, чему много способствовали неудача въ хозяйничаньѣ, невозможность установить желательныя отношенія къ крестьянамъ и сознаніе опасности жизни, полной всякаго рода излишествъ.

Николай Николаевичъ, по прибытіи на Кавказъ, былъ откомандированъ въ укрѣпленный лагерь Старый Юртъ. Левъ Николаевичъ послѣдовалъ за нимъ. Изъ этого аула онъ ѣздилъ въ набѣгъ въ качествѣ волонтера. Здѣсь онъ пережилъ минуты высокаго поэтическаго воодушевленія и религіознаго восторга. Его дневники и письма къ теткѣ, относящіеся къ этому періоду, показываютъ, какъ благотворно повліяли новыя условія жизни на душу Толстого. Въ октябрѣ онъ попадаетъ въ Тифлисъ, откуда пишетъ теткѣ: «Помните, дорогая тетенька, совѣтъ, который вы разъ мнѣ дали,—писать романы. Такъ вотъ, я слѣдую вашему совѣту, и занятія, о которыхъ я вамъ писалъ, состоятъ въ литературѣ. Я еще не знаю, появится ли когда-нибудь въ свѣтъ то, что я пишу; но это работа, которая меня занимаетъ и въ которой я уже слишкомъ далеко зашелъ, чтобы ее оставить».

Произведеніе, надъ которымъ Левъ Николаевичъ работалъ, «Дѣтство», было произведеніе литературно-автобіографическое. 2-го іюля 1852 года повѣсть «Дѣтство» была имъ закончена и отправлена въ «Современникъ» Некрасова, гдѣ она и была напечатана за подписью Л. Т., въ ноябрьскомъ № журнала. Впечатлѣніе, ею произведенное на читателей и на всѣ тогдашніе литературныя круги, было огромное. Всѣ увидели, что въ Россіи народился выдающійся литературный талантъ, и радостно его привѣтствовали.

Грандіозная природа, вдохновлявшая въ свое время Пушкина и Лермонтова, съ ея красотами, оригинальнымъ бытомъ и характерными ти-

пами, вызываетъ въ Левѣ Николаевичѣ сильный подъемъ чувства, мысли и вдохновенія, и мы видимъ его какъ бы воскресающимъ къ новой духовной жизни, главы которой, однако, находятся въ непосредственной связи со всѣмъ тѣмъ, что было почеркнуто изъ дѣтскихъ лѣтъ. Въ свой дневникъ того времени онъ заноситъ слѣдующія мысли, обличающія въ немъ будущаго Толстого мыслителя, философа, и проповѣдника. Онъ пишетъ: «Тотъ человѣкъ, котораго цѣль есть собственное счастье,—дурень. Тотъ, которому цѣль есть мнѣніе другихъ,—слабъ. Тотъ, котораго цѣль есть счастье другихъ,—добродѣтель. Тотъ, котораго цѣль Богъ,—великъ».

Въ дневникѣ 1855 года, когда уже онъ былъ подъ стѣнами Севастополя, онъ отмѣчаетъ: «Разговоръ о божествѣ и вѣрѣ навелъ меня на великую, громадную мысль, осуществленію которой я чувствую себя способнымъ посвятить жизнь. Мысль эта—основаніе новой религіи, соотвѣтствующей развитію человѣчества, религіи Христа, но очищенной отъ вѣры и таинственности, религіи практической, не обѣщающей будущее блаженство, но дающей блаженство на землѣ. Привести эту мысль въ исполненіе, я понимаю, что могутъ только поколѣнія, сознательно работающія къ этой цѣли. Одно поколѣніе будетъ завѣщать мысль эту слѣдующему, и когда-нибудь фанатизмъ или разумъ приведутъ ее въ исполненіе. Дѣйствовать сознательно къ соединенію людей религіей—вотъ основаніе мысли, которая, надѣюсь, увлечетъ меня».

На Кавказѣ Левъ Николаевичъ жилъ въ станицѣ Старогладовской, гдѣ служилъ его братъ, потомъ вскорѣ переѣхалъ въ лагерь Старый Юртъ, и вновь вернулся въ станицу. Тамъ онъ проводилъ время въ чтеніи, охотился съ старымъ казакомъ Епишкой (Ерошкой въ «Казакахъ») и не разъ участвовалъ въ набѣгахъ, иногда очень опасныхъ. То мечталъ жениться на простой казачкѣ Марьянѣ и «сдѣлаться казакомъ Лукашкой, красть табуны, заливатьсѣ пѣснями, убивать людей и пьянымъ влѣзать къ ней въ окно на ночевку», то молился Богу, желалъ «чего-то высочайшаго и хорошаго».

18-го февраля 1853 года Толстой въ качествѣ запаснаго фейерверкера 4-й батареи принимаетъ участіе въ бою противъ Шамиля. Неприятельская граната разбиваетъ лафетъ пушки, которую наводитъ Левъ Николаевичъ, и разрывается у его ногъ. Онъ былъ на волосокъ отъ смерти, а лѣтомъ 1853 года онъ снова подвергается большой опасности и едва избѣгаетъ плѣна.

13-го января 1854 года нашъ писатель сдаетъ въ станицѣ офицерскій экзаменъ, а черезъ мѣсяцъ получаетъ назначеніе въ дунайскую армію и 14-го марта 1854 года прибываетъ въ Бухарестъ. Въ ноябрѣ 1854 года Левъ Николаевичъ прибываетъ въ Севастополь и остается здѣсь до конца осады.

Вслѣдъ за «Дѣтствомъ» онъ печатаетъ въ «Современникѣ» новый рассказъ «Набѣгъ» и «Записки маркера». По дорогѣ изъ Румыніи въ Сева-

стополь, онъ кончаетъ «Рубку лѣса», а въ Севастополѣ начинаетъ «Юность» и пишетъ «Севастопольскіе рассказы». Александръ II читаетъ въ коректурѣ рассказъ «Севастополь въ декабрѣ 1854 года», и впечатлѣніе этого рассказа на государя было такъ велико, что онъ приказываетъ удалить молодого офицера съ опаснаго мѣста. Льва Николаевича переводятъ на Бельбекъ, верстахъ въ 20-ти отъ Севастополя, и поручаютъ ему командовать горными взводами.

Такимъ образомъ, Александръ II спасаетъ намъ нашего гениальнаго художника отъ возможной для него опасности и тѣмъ самымъ вноситъ въ исторію своего царствованія еще новую славную страницу, къ сожалѣнію, мало оцѣненную его исторіографами.

Какъ дѣятель севастопольской обороны, Левъ Николаевичъ отличался храбростью. Какъ товарища, его всѣ любили. «Толстой своими рассказами и наскоро подобранными куплетами одушевлялъ всѣхъ и каждаго въ трудныя минуты боевой жизни,—вспоминаетъ о Левѣ Николаевичѣ одинъ изъ его сослуживцевъ.—Онъ былъ въ полномъ смыслѣ душой нашего общества. Толстой съ нами—и мы не видимъ, какъ летитъ время, и нѣтъ конца нашему общему веселью; нѣтъ графа, укатилъ въ Симферополь,—и всѣ носы повѣсили. Пропадаетъ день, другой, третій. Наконецъ, возвращается, ну, точь-въ-точь блудный сынъ,—мрачный, исхудалый, недовольный собою. Отведетъ меня въ сторону подальше и начнетъ покаяніе. Все расскажетъ:—какъ кутилъ, игралъ, гдѣ проводилъ дни и ночи, и при этомъ, вѣрите ли, кѣзнится и мучится, какъ настоящій преступникъ. Даже жалко смотрѣть на него—такъ убивается. Вотъ это какой человекъ! Однимъ словомъ, страшный и не совсѣмъ для меня понятный, а съ другой стороны—это былъ рѣдкій товарищъ, честнѣйшая душа, и забыть его рѣшительно невозможно».

Севастопольскія пѣсни, сочиненныя Толстымъ въ солдатскомъ духѣ, распѣвала вся армія, на примѣръ, извѣстную нынѣ пѣсню «Какъ 4-го числа насъ нелегкая несла горы занимать» и т. д. Сатирическій характеръ этихъ пѣсенекъ, конечно, не могъ понравиться въ Петербургѣ, и, когда здѣсь узнали, что авторъ «Севастопольскихъ рассказовъ» и этихъ куплетовъ—одно и то же лицо, карьера его, какъ офицера, погибла. Послѣ взятія Малахова кургана Толстой отправился курьеромъ въ Петербургъ, послѣ чего онъ, не видя для себя дальнѣйшей карьеры, вышелъ въ отставку.

Огорченный въ отношеніи службы, онъ находитъ себѣ утѣшеніе въ другой области—въ литературѣ и литературныхъ кружкахъ. Въ Петербургѣ Левъ Николаевичъ занялъ выдающееся положеніе въ литературной средѣ. Онъ сразу попалъ въ интимный кружокъ «Современника» въ составѣ Панаева, Некрасова, Тургенева, Дружинина, Островскаго, Гончарова, Григоровича и Соллогуба и былъ принятъ тамъ «какъ свой». Въ

это время «графъ Толстой, по разсказу Головачевой-Панаевой, самъ создавалъ силу своего таланта. Для «Современника» онъ написалъ «Юность», закончилъ «Метель», «Два гусара», для «Библиотеки для чтенія» написалъ «Встрѣча въ отрядѣ» и «Три смерти», для «Отечественныхъ Записокъ» закончилъ повѣсть «Утро помѣщика». Несмотря на рѣзкость сужденій Толстого въ товарищескихъ бесѣдахъ и на непризнание имъ авторитетовъ, его высоко цѣнили, и онъ сдѣлался однимъ изъ дѣятельныхъ участниковъ литературныхъ предпріятій, напр., участвовалъ въ составленіи проекта литературнаго фонда. «Не успѣлъ я оглянуться,—пишетъ Левъ Николаевичъ въ «Исповѣди»,—какъ сословные писательскіе взгляды на жизнь тѣхъ людей, съ которыми я сошелся, усвоились мною и уже совершенно изгладили во мнѣ всѣ мои прежнія попытки сдѣлаться лучше. Взгляды на жизнь этихъ людей, моихъ сотоварищей по писанію, состояли въ томъ, что жизнь вообще идетъ развиваясь и что въ этомъ развитіи главное участіе принимаемъ мы, люди мысли, а изъ людей мысли главное вліяніе имѣемъ мы—художники, поэты... Я—художникъ, поэтъ—писалъ и училъ, самъ не зная чему. Мнѣ за это платили деньги, у меня было прекрасное кушанье, помѣщеніе, женщины, общество; у меня была слава».

Ставъ въ отрицательное отношеніе къ той новой средѣ, въ которую онъ попалъ въ столицѣ, Толстой почувствовалъ особенную неприязнь къ Тургеневу, и скорѣе отношенія между этими свѣтилами нашей литературы обострились до крайности, перешли въ настоящую антипатію. Здѣсь не мѣсто входить въ анализъ этихъ отношеній, но, думается намъ, они иными и быть не могли. Поклонникъ Запада и античной красоты, мыслитель римско-германской складки не могъ сойтись душою и мыслями съ пѣвцомъ сѣрой Россіи, съ богоискателемъ и философомъ мистическаго характера въ духѣ народнаго опрощенія и близости къ природѣ, каковымъ онъ уже тогда постепенно вырисовывался, по крайней мѣрѣ, въ своихъ дневникахъ и въ своихъ интимныхъ исповѣдяхъ.

Въ 1857 г. Левъ Николаевичъ совершаетъ первое заграничное путешествіе, посѣщаетъ Францію, Швейцарію и Германію, нѣкоторыя мѣстности которыхъ онъ въ качествѣ туриста обходитъ даже пѣшкомъ. Въ Парижѣ онъ встрѣтился съ Тургеневымъ и при его содѣйствіи имѣлъ случай присутствовать при совершеніи здѣсь акта смертной казни. Это зрѣлище произвело на него сильное впечатлѣніе, и онъ занесъ въ свой дневникъ: «Видъ смертной казни обличилъ мнѣ шаткость моего суетвѣрія прогресса. Когда я увидалъ, какъ голова отдѣлилась отъ тѣла и то и другое въ разъ застучало въ ящикъ, я понялъ—не умомъ, а всѣмъ существомъ,—что никакія теоріи разумности существующаго прогресса не могутъ оправдать этого поступка, и что если бы всѣ люди въ мірѣ, по какимъ бы то ни было теоріямъ, съ сотворенія міра находили, что

это нужно,—я знаю, что это не нужно, что это дурно и что поэтому судья тому, что хорошо и что дурно, не то, что говорят и дѣлаютъ люди, и не прогрессъ, а я со своимъ сердцемъ». Въ этихъ словахъ дневника сказался уже авторъ надѣлавшаго такъ недавно шума литературнаго письма «Не могу молчать».

Результатомъ заграничнаго путешествія для русской литературы былъ разсказъ «Люцернъ», напечатанный въ «Современникѣ», почерпавшій свое содержаніе изъ той дѣйствительности, свидѣтелемъ которой ему пришлось быть.

По прибытіи въ Петербургъ, Толстой велъ здѣсь свѣтскую жизнь, посѣщалъ литературные кружки, бывалъ у Некрасова и въ редакціи «Современника», увлекался охотою, спортомъ. Отсюда онъ отбылъ въ родную Ясную Поляну, гдѣ снова окунается въ хозяйство, а отчасти и въ общественную жизнь. Такъ, когда въ 1858 г. тульское дворянство подало губернскому предводителю для передачи на обсужденіе губернскаго комитета по улучшенію быта крестьянъ особую записку, въ которой проводится мысль, что крестьяне должны быть освобождены съ надѣломъ, съ тѣмъ, чтобы помѣщики за уступаемую ими землю получили «полное добросовѣстное денежное вознагражденіе», то среди 105 подписей, стоявшихъ подъ запиской, можно найти и подпись «крапивенскаго помѣщика графа Льва Толстого».

Въ 1859 г. онъ избирается въ Москвѣ въ члены общества любителей русской словесности. На торжественномъ засѣданіи здѣсь Л. Н. произнесъ вступительную рѣчь, въ которой коснулся вопроса о преимуществѣ художественнаго элемента въ литературѣ надъ всеми ея временными направленіями. Толстому отвѣчалъ предсѣдатель общества А. С. Хомяковъ, благословившій великаго писателя идти по пути, который онъ себѣ избралъ.

Живя въ 1859 г. отъ времени до времени въ Москвѣ, онъ увлекался шегольствомъ, гимнастическими упражненіями и музыкой, участвовалъ въ основаніи музыкальнаго общества, преобразованнаго впоследствии въ московскую консерваторію, близко сошелся съ семьей С. Т. Аксакова; въ этомъ же году напечаталъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» повѣсть «Семейное счастье». Въ Ясной Полянѣ Л. Н. посвящалъ свободные часы отъ хозяйства школѣ, имъ здѣсь основанной, и педагогическимъ вопросамъ, которыми уже въ тѣ годы началъ увлекаться. По его словамъ, занятіе крестьянскими школами было «особенно мнѣ по сердцу потому, что въ немъ не было той, ставшей для меня очевидной, лжи, которая рѣзала мнѣ глаза въ дѣятельности литературнаго учительства».

Любопытно отмѣтить, какъ характерную черту для исторической обрисовки духовнаго роста и склада міровоззрѣнія нашего писателя, что въ своихъ письмахъ къ сосѣду по имѣнію, извѣстному поэту Фету-

Шеншину, онъ отзывался неблагопріятно о произведшемъ на читателей сильное впечатлѣніе романѣ «Наканунѣ» И. С. Тургенева, а также о драмѣ «Гроза» А. Н. Островскаго. Онъ писалъ, между прочимъ: «не намъ нужно учиться, а намъ нужно Марѳутку и Тараську выучить хоть немного тому, что мы знаемъ».

Чахотка столь любимаго имъ брата Николая, имѣвшаго на него въ дѣтствѣ столь сильное вліяніе, побудила его въ 1860 г. отправиться вмѣстѣ съ сестрой и ея дѣтьми въ Киссингенъ. Здѣсь между прочимъ онъ познакомился съ извѣстнымъ педагогомъ-соціологомъ Фребелемъ. Большой братъ скончался въ Герѣ, и, оплакивая его кончину, Толстой писалъ Фету:

«Ничто въ жизни не дѣлало на меня такого впечатлѣнія. Правду онъ говаривалъ, что хуже смерти ничего нѣтъ. А какъ хорошенько подумать, что она все-таки конецъ всего, такъ и хуже жизни ничего нѣтъ. Для чего хлопотать; стараться, коли отъ того, что былъ Николай Николаевичъ Толстой, для него ничего не осталось. Онъ не говорилъ, что чувствуетъ приближеніе смерти, но я знаю, что онъ за каждымъ шагомъ ея слѣдилъ и вѣрно зналъ, что еще остается. За нѣсколько минутъ передъ смертію онъ задремалъ и вдругъ очнулся и съ ужасомъ прошепталъ: «да что жъ это такое?» Это онъ ее увидалъ, это поглощеніе себя въ ничто. А ужъ коли онъ не нашель ничего, за что ухватиться, что же я найду? Еще меньше. И ужъ, вѣрно, ни я и никто такъ не будетъ до послѣдней минуты бороться съ нею, какъ онъ».

Съ этого времени мысли о смерти, о посмертной жизни и смыслѣ земной жизни неотступно его занимаютъ, и черезъ нѣкоторое время онъ же явились однимъ изъ главныхъ обстоятельствъ, вызвавшихъ въ немъ кризисъ, духовный переломъ, изъ котораго онъ вышелъ обновленнымъ Толстымъ—проповѣдникомъ-моралистомъ.

Изъ Гіера Левъ Николаевичъ отправился черезъ Марсель въ Женеву, совершилъ путешествіе по Італіи, побывалъ въ Парижѣ и Лондонѣ и черезъ Бельгію и Германію вернулся домой въ свое имѣніе. Въ Лондонѣ онъ видѣлся съ Герценомъ; послѣдній восхищался Толстымъ, какъ художникомъ, предвидя его великое литературное будущее, но философскія его построенія находилъ слабыми и бездоказательными. Въ это свое заграничное посѣщеніе Л. Н. особенно ревностно изучалъ постановку у западныхъ народовъ школьнаго дѣла и знакомился съ тогдашними педагогическими теченіями, что вмѣстѣ взятое служило какъ бы подготовительнымъ періодомъ къ его предстоящей дѣятельности въ Ясной Полянѣ, въ качествѣ русскаго педагога-реформатора. Литературѣ за тотъ свой заграничный періодъ онъ подарилъ повѣсть «Казакъ». Возвращеніе Толстого на родину совпало съ великой крестьянской реформой, и, когда потребовалось найти необходимый комплектъ для образованія

института мировыхъ посредниковъ, то, разумѣется, имя владѣльца Ясной Поляны всплыло на первыхъ же порахъ на видную очередь. Онъ, какъ радѣтель своихъ крестьянъ, гуманистъ и человѣкъ уже тогда близкій къ народной жизни принимаетъ должность мирового посредника по Крапивенскому уѣзду, утверждаетъ въ этой должности губернаторомъ, хотя противъ него и высказались губернской и уѣздный предводитель дворянства.

Въ мировомъ съѣздѣ, состоявшемъ изъ посредниковъ, которымъ не по душѣ была дѣятельность Толстого, его рѣшенія сплошь и рядомъ отмѣнялись. И только въ губернскомъ присутствіи онъ находилъ поддержку.

Помѣщики придумывали всякія хитрости, чтобы дать крестьянамъ земли какъ можно меньше и какъ можно хуже. Толстой, замѣчая эти стремленія, не утверждалъ уставныхъ грамотъ и добивался ихъ уничтоженія. Немудрено, что помѣщики доносили, будто Толстой бросилъ «сѣмена раздора» между помѣщиками и крестьянами. «Посредничество, — писалъ Толстой въ своемъ дневникѣ, — поссорило меня со всѣми помѣщиками и разстроило здоровье». Наскучивъ этими раздорами и борьбой, въ февралѣ 1862 г. онъ сложилъ съ себя обязанности мирового посредника, послѣ чего уже до конца дней своихъ не занималъ никакихъ ни общественныхъ, ни государственныхъ должностей, посвятивъ себя цѣликомъ педагогической и литературной дѣятельности. За время его посредничества, подъ его вліяніемъ и по его инициативѣ, въ губерніи было открыто 14 народныхъ школы.

Въ этотъ періодъ, кромѣ названныхъ произведеній, онъ пишетъ и печатаетъ: «Альбертъ» (1857 г.), «Три смерти» (1859 г.), «Семейное счастье» (1859 г.), «Поликушку» (1860 г.) и «Холстомѣръ» (1861 г.). Нельзя не отмѣтить, что послѣ восторженнаго приѣма критикою и литературными кружками его самыхъ первыхъ произведеній, къ послѣдующимъ эта критика стала относиться довольно индифферентно и даже подчасъ отрицательно. Но это обстоятельство не смущало писателя. Онъ явно сознавалъ, что создаетъ своему литературному творчеству новые пути, на которыхъ между нимъ и тогдашней шумливой, злободневной публицистикой не только мало общаго, но даже нѣчто радикально противоположное. Въ сущности различіе между Толстымъ и его критиками и истолкователями оставалось въ силѣ и до послѣдняго времени, и, если мы видимъ, что его не замалчиваютъ и не хулятъ, а имъ восторгаются, то причина заключалась не въ какой-либо эволюціи критикуемаго и критикующихъ, а въ той злободневности рѣчи Толстого, совпадавшей по своей темѣ съ темъ, чѣмъ критика и публицистика особенно интересовались и что стояло на знамени ея оппозиціонной работы.

Рядомъ съ творчествомъ беллетристическаго порядка шла и его педагогическая работа. Онъ основываетъ специально педагогическій

журналь «Ясная Поляна», гдѣ помѣщаетъ рядъ вопросовъ по школьному образованію: «О народномъ образованіи», «О методѣ обученія грамотѣ», «Воспитаніе и образованіе», «Прогрессъ и опредѣленіе образованія». Желающіе ближе ознакомиться съ педагогическими взглядами нашего писателя за тотъ періодъ найдутъ ихъ въ статьяхъ, собранныхъ въ 4 томѣ его полного собранія сочиненій.

Выработанные имъ педагогическіе принципы и «слуховой» методъ обученія грамотѣ Толстой примѣнилъ въ яснополянской народной школѣ, при чемъ онъ въ первую очередь ставилъ пониманіе ученика и его сообразительность. Весной 1862 г. онъ, утомленный посредничествомъ и педагогикой, а также нѣкоторыми неудачами въ этихъ обѣихъ областяхъ жизненной дѣятельности, чувствовалъ себя недомогающимъ и, опасаясь развитія у себя чахотки, подобно брату Николаю, отправляется въ Самарскую губернію на кумысь. Но пройти полный курсъ леченія ему не удастся, оно было прервано совершенно неожиданно катастрофой, постигнувшею въ Ясной Полянѣ его деревенскій домъ и школу.

Въ его отсутствіе сюда прибыли жандармы, чины уѣздной полиціи и сдѣлали тщательный обыскъ, — поднимали даже ломомъ полы и шарили въ прудѣ въ поискахъ типографскаго станка, искали и въ школѣ, и въ домѣ. Не найдя ничего, поѣхали по другимъ школамъ того же мирового участка, вездѣ перевортывали столы; забирали книги и тетради, арестовывали учителей.

Узнавъ объ этомъ, Толстой говорилъ: «Какое огромное счастье, что меня не было дома. Ежели бы я былъ, то теперь, навѣрно, судился бы какъ убійца!»

Оставить такъ это дѣло онъ не могъ, — слишкомъ ужъ онъ былъ задѣтъ и возмущенъ тѣмъ потрясеніемъ, которое вынесли во время обыска его тетка и сестра (нынѣ монахиня). Онъ полагалъ, что, если онъ не получитъ удовлетворенія, ему остается только продать имѣніе и бросить Россію, «гдѣ нельзя узнать минутой впередъ, что тебя ожидаетъ».

Толстой лично подалъ въ Москвѣ императору Александру II, встрѣтившись съ нимъ на прогулкѣ въ Александровскомъ саду, просьбу объ удовлетвореніи. Послѣ этого къ нему былъ посланъ флигель-адъютантъ съ извиненіемъ.

Власти, однако, не успокоились, и между министерствами народнаго просвѣщенія и внутреннихъ дѣлъ долго велась переписка о журналѣ «Ясная Поляна», причемъ министерство внутр. дѣлъ просило обратить особенно серьезное вниманіе на вредное направленіе журнала «Ясная Поляна», но министерствомъ народнаго просвѣщенія педагогическая дѣятельность Толстого была признана заслуживающей полного уваженія и поддержки, хотя оно и отказалось раздѣлить всѣ его мысли.

Въ 1862 г. Левъ Николаевичъ вступилъ въ новый, семейный періодъ своей жизни. Онъ женился на младшей дочери сосѣда по имѣнію штаб-лѣкаря Андрея Евстафьевича Берса, Софьѣ Андреевнѣ. Мать ея, Любовь Александровна, происходила изъ купеческаго рода Иславиныхъ. Въ имѣніи Берса, Ивицахъ, протекаетъ романъ молодыхъ влюбленныхъ, страницы котораго во многомъ схожи съ знакомыми страницами романа изъ «Анны Карениной», разыгравшагося между Левинымъ и Китти.

Къ этимъ днямъ новой семейной жизни мы встрѣчаемъ слѣдующую запись въ его дневникѣ, гдѣ проскальзываютъ разладъ и нерѣшительность. Напримѣръ: «Всталъ съ привычной грустью. Придумалъ общество для учениковъ-мастерскихъ. Сладкая, успокоительная ночь. Скверная рожа, не думай о бракѣ, твое призваніе другое, и дано зато много».

Передъ свадьбой Л. Н. далъ невѣстѣ прочитатъ свой дневникъ, гдѣ были занесены всѣ увлеченія молодости, всѣ паденія и всѣ душевныя бури, имъ пережитыя. «Чтеніе этого дневника,—говоритъ Бирюковъ,—было ударомъ для молодой дѣвушки».

Вѣнчались черезъ недѣлю послѣ предложенія, въ Кремлѣ, въ придворной церкви. Вскорѣ послѣ женитьбы Левъ Николаевичъ писалъ Фету: «Я двѣ недѣли женатъ и счастливъ, и новый, совсѣмъ новый человекъ».

«Новыя условія счастливой семейной жизни совершенно уже отвлекли меня отъ всякаго исканія смысла въ жизни»,—говоритъ онъ позднѣе въ «Исповѣди».

Въ этотъ ясный, безмятежный періодъ жизни литературное творчество писателя развивается во всю ширь и глубь его гениальнаго дарованія, и онъ задумываетъ большой историческій романъ, посвященный «Декабристамъ». Но собранные имъ для сего матеріалы привели его къ заключенію, что этотъ періодъ отечественной жизни будетъ неясенъ безъ изученія и знакомства съ предыдущей эпохой, эпохой Стечественной войны и борьбы съ Наполеономъ. Отсюда его поворотъ отъ занятій декабристами къ изученію періода Отечественной войны 1812 года.

19-го марта 1865 г., когда часть «Войны и мира» была уже написана, Левъ Николаевичъ заноситъ въ дневникъ: «Я зачитался исторіей Александра и Наполеона. Сейчасъ меня облакомъ радости, сознанія возможности сдѣлать великую вещь охватила мысль написать психологическую исторію: романъ Александра и Наполеона»...

Писаніе «Войны и мира» продолжалось болѣе пяти лѣтъ. Романъ переписывался семь разъ, и каждый разъ съ передѣлками. Левъ Николаевичъ ѣздилъ на Бородинское поле и цѣлые дни проводилъ въ Румянцовскомъ музее, роаясь въ архивахъ описываемаго имъ времени, изучая масонскія книги и рукописи. «Вездѣ, гдѣ въ моемъ романѣ говорятъ и дѣйствуютъ

историческія лица, — говоритъ Левъ Николаевичъ, — я не выдумывалъ, и пользовался матеріалами, изъ которыхъ у меня во время моей работы образовалась цѣлая бібліотека книгъ...»

Многіе типы «Войны и мира» являются, по словамъ его біографа, Вирюкова, портретами, списанными съ натуры послѣ серьезнаго и глубокаго изученія источниковъ. Таковъ Долоховъ, прототипомъ, которому послужилъ извѣстный партизанъ Фигнеръ, таковъ капитанъ Тушинъ — въ жизни штабсъ-капитанъ Судаковъ. О Наташѣ Левъ Николаевичъ говоритъ: «Я взялъ Таню (Т. А. Берсъ), перетолокъ ее съ Соней (Софьей Андреевной), вышла Наташа».

Молодая жена его явилась повѣренной его писательскихъ замысловъ, дѣятельной помощницей и секретаршей, научившейся приводить въ порядокъ клочки бумагъ, на которыхъ мужъ набрасывалъ свои мысли и дѣлалъ нужныя ему выписки, а сестра ея Татьяна Андреевна писала подъ его диктовку. Писаніе романа было прервано несчастнымъ случаемъ, постигшимъ Льва Николаевича: онъ упалъ на охотѣ съ лошади и вывихнулъ себѣ правую руку, что потребовало оперативнаго леченія. Романъ былъ проданъ Каткову и появился въ печати на страницахъ «Русскаго Вѣстника», а за симъ вышелъ и отдѣльнымъ изданіемъ. Связь съ Катковымъ у Толстого образовалась съ продажи «Казаковъ», которые были уступлены редактору «Московскихъ Вѣдомостей» для покрытія долга въ 1000 р., проигранныхъ ему на китайскомъ биліардѣ. Была надежда, что вслѣдъ за симъ появится и 2-ая часть «Казаковъ», но писатель и редакторъ разошлись между собою, и судьба этой части осталась неизвѣстною. Появленіе «Войны и мира» вызвало имя Толстого изъ нѣкотораго забвенія критики. Около романа образовалась сразу почти громадная литература, гдѣ всѣ, и сочувствующіе и несочувствующіе тенденціямъ автора, одинаково, однако, признали, что имѣютъ передъ собою произведеніе первостатейной міровой важности, становящееся въ рядъ величайшихъ произведеній античнаго и новаго времени. Распространяться о значеніи этого романа въ настоящемъ очеркѣ мы не будемъ, отмѣтимъ лишь недавнія прекрасныя о немъ слова А. С. Суворина, сказанныя въ связи съ чествованіемъ 80-лѣтія нашего писателя. Издатель «Новаго Времени» писалъ:

«Это наша Илліада, полная высокой нравственности, русскаго національнаго чувства, патріотизма. «По «Войнѣ и миру» будутъ русскіе долго учиться любви къ родинѣ и почитанію тѣхъ народныхъ свойствъ, которыя не называются иначе, какъ патріотическими. Толстой написалъ потомъ брошюру противъ патріотизма, но ея доводы ничто въ сравненіи съ чудесными по красотѣ своей и убѣдительному патріотизму картинами и размышленіями. «Войны и мира». Вездѣ въ этомъ романѣ чувствуется именно русскій челоуѣкъ, русская правдивая и искренняя душа, любящая Россію. Къ иностранцамъ, не только къ тѣмъ, которые служили въ русской службѣ,

но и вообще къ нимъ Толстой относится съ явною, иногда злою ироніей. Онъ какъ будто мститъ Наполеону за его набѣгъ на Россію, беспощадно третируя его личность. Устами Андрея Болконскаго онъ говоритъ о Барклаѣ: «Пока Россія была здорова, ей могъ служить и чужой, но какъ только она въ опасности, нуженъ свой, родной человѣкъ». Извѣстно, какъ защищаетъ Толстой Кутузова и какъ художникъ, и какъ историкъ-мыслитель. «Для русскихъ людей не могло быть вопроса: хорошо или дурно будетъ подъ управленіемъ французовъ въ Москвѣ. Подъ управленіемъ французовъ нельзя быть: это было хуже всего... Та барыня, которая еще въ іюнѣ мѣсяцѣ со своими арапами и шутихами поднималась изъ Москвы въ саратовскую деревню, съ смутнымъ сознаниемъ того, что она Бонапарту не слуга, и со страхомъ, чтобъ ее не остановили по приказанію Ростопчина, дѣлала просто и истинно то великое дѣло, которое спасло Россію. Такъ могъ говорить только глубокій русскій человѣкъ».

Поднявшись въ своей извѣстности на необычайную высоту, Толстой вмѣстѣ съ тѣмъ пилъ полною грудью чашу семейнаго счастья. Одинъ за другимъ у него рождаются дѣти¹⁾, и онъ съ необыкновенною нѣжностью, заботою и вдумчивостью посвящаетъ себя ихъ воспитанію. Въ этомъ дѣлѣ онъ принималъ многіе взгляды Руссо, которыми увлекался: изъ дѣтской изгналъ игрушки, дѣтямъ предоставилъ свободу, знакомилъ ихъ съ природою, развивалъ въ нихъ любовь къ ея явленіямъ и никогда не прибѣгалъ къ насилію. Въ Ясной Полянѣ царило бодрое, веселое настроеніе, и душою веселья былъ обыкновенно Л. Н., оживлявшій всѣхъ своимъ юморомъ. Одновременно онъ усердно занимался хозяйствомъ, отказался отъ рутиннаго его веденія, выписывалъ породистыхъ производителей, улучшалъ породу скота, свиней, птицъ, увлекался пчеловодствомъ, заведя пчельникъ. Софья Андреевна помогала и здѣсь ему, ведя хозяйственныя конторскія книги. Во время поѣздокъ въ Москву Л. Н. разбиралъ въ Румянцовскомъ музеѣ масонскія рукописи, посѣщалъ рисовальную школу, учился скульптурѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ вновь съ необычайной энергіей отдался педагогическому дѣлу. Въ это время онъ составилъ свою азбуку и хрестоматіи, распространившіяся нынѣ въ сотняхъ тысячъ экземпляровъ. Особенно Л. Н. увлекался ариеметикой, — придумывалъ упрощенныя объясненія разныхъ дѣйствій, изучалъ варианты былинъ, дѣлалъ выборки изъ лѣтописей и Четьи-Миней. Онъ вмѣстѣ съ своей женою устроилъ домашнюю школу, обучая 35 дѣтей. Создавъ свою систему обученія и желая провести ее въ практику сосѣднихъ школъ, Левъ Николаевичъ собиралъ учителей въ свою усадьбу и объяснялъ имъ свою систему. Ему помогалъ въ преподаваніи его шуринокъ С. А. Версъ. «Дѣло воспитанія очень важное, —

¹⁾ У него было пять сыновей и четыре дочери; одинъ сынъ и дочь умерли.

писалъ онъ гр. А. А. Толстой. — Я только о немъ и думаю. Я опять въ педагогикѣ, какъ 14 лѣтъ тому назадъ; пишу романъ, но часто не могу оторваться отъ живыхъ людей для воображаемыхъ». Въ то же время его озабочиваетъ реформа родного языка въ смыслѣ народности, а также созданіе деревенской интеллигенціи, въ видахъ чего онъ мечтаетъ объ основаніи высшаго учебнаго заведенія для народа, нѣчто въ родѣ «университета въ лаптяхъ». Въ 1874 г. онъ печатаетъ письмо къ Г. Н. Шатилову, предсѣдателю московскаго комитета грамотности, и нападаетъ на министерско-земскую опеку въ дѣлѣ народнаго образованія

Вмѣстѣ съ тѣмъ Толстой интенсивно занимается и самообразованіемъ и по преимуществу изученіемъ философскихъ доктринъ и древнихъ языковъ.

Отъ 30 авг. 1869 г. онъ пишетъ Фету: «Знаете ли, что было для меня нынѣшнее лѣто? Неперестающій восторгъ передъ Шопенгауэромъ и рядъ духовныхъ наслажденій, которыхъ я никогда не испытывалъ. Я выписалъ всѣ его сочиненія и читалъ и читаю (прочелъ и Канта). И, вѣрно, ни одинъ студентъ въ свой курсъ не научился такъ много и столь много не узналъ, какъ я въ нынѣшнее лѣто. Не знаю, перемѣню ли я когда мнѣніе, но теперь я увѣренъ, что Шопенгауэръ гениальнѣйшій изъ людей»...

Вспоминая впоследствии этотъ періодъ жизни, онъ въ бесѣдѣ съ своимъ біографомъ Бирюковымъ повѣдалъ и объ обстоятельстве, явившемся хотя и мимолетною, но все же и знаменательною тучкою на его житейскомъ небосклонѣ, впоследствии, особенно въ послѣднее время его земнаго существованія, наложившею особый отпечатокъ на все его проповѣдничество. Дѣло въ томъ, что въ 1866 г. къ нему обратился за заступничествомъ молодой офицеръ Шубининъ, за тяжкую провинность на службѣ приговоренный военнымъ судомъ къ смертной казни. Конечно, Л. Н. не преминулъ откликнуться, но его предстательство успѣха не имѣло, и офицеръ былъ разстрѣлянъ. Вспоминая этотъ случай, онъ и писалъ своему біографу:

«... Да, этотъ случай имѣлъ на меня огромное, благотѣльное вліяніе, — писалъ Л. Н. Бирюкову отъ 25 мая 1908 г.: — на этомъ случаѣ я въ первый разъ почувствовалъ: первое — то, что каждое насиліе для своего исполненія предполагаетъ убійство или угрозу и что поэтому всякое насиліе неизбежно связано съ убійствомъ; второе — то, что государственное устройство, немыслимое безъ убійствъ, несовмѣстимо съ христіанствомъ и третье, что то, что у насъ называется наукой, есть только такое же лживое оправданіе существующаго зла, какимъ было прежде церковное ученіе. Теперь это для меня ясно, тогда же это было только смутное сознаніе той неправды, среди которой шла моя жизнь».

Въ 1870 г. Толстой изучалъ греческій языкъ. Поводомъ къ тому явились занятія съ его старшимъ сыномъ. Изученіемъ классиковъ онъ увлекся такъ, что забросилъ всѣ остальные работы. Утомленный этими

занятіями и почувствовавъ разстройство здоровья, онъ ѣдетъ на кумысъ въ Самарскую губ. и приобретаетъ здѣсь хуторъ, а въ 1873 г. въ Самарскую губернію ѣдетъ уже вся семья. 1871 и 1872 гг. были неурожайными, а въ 1873 г. губернію охватилъ голодъ. Къ этому времени относятся его знаменитое «Письмо къ издателямъ», напечатанное въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», въ которомъ онъ призываетъ русское общество на помощь голодающимъ крестьянамъ. Письмо это произвело огромное впечатлѣніе. Благодаря письму Толстого, въ пользу населенія Самарской губерніи было собрано до 1.887.000 р. деньгами и до 21,000 пуд. хлѣба.

Но онъ не ограничился составленіемъ и посылкой письма. Онъ принялъ и личное, непосредственное участіе въ помощи голодающимъ: лично обходилъ дворы, снабжалъ бѣдняковъ хлѣбомъ и деньгами.

Въ 1874-мъ и 1875-мъ году онъ снова провелъ лѣто въ Самарѣ. «Къ чему занесла меня судьба туда, — не знаю, — писалъ онъ Фету. — Я слушалъ рѣчи въ англійскомъ парламентѣ (вѣдь это считается очень важнымъ), и мнѣ скучно и ничтожно было. Но что тамъ? Мухи, нечистота, мужики, башкирцы... а я съ напряженнымъ уваженіемъ, страхомъ вслушиваюсь, вглядываюсь и чувствую, что все это очень важно»:

Педагогика и общественная дѣятельность отрываютъ Льва Николаевича отъ художественнаго творчества, и Софья Андреевна пишетъ по сему предмету своей сестрѣ: «Романъ не пишется, — пишетъ Софья Андреевна своей сестрѣ: — а изъ всѣхъ редакцій такъ и сыплются письма: десять тысячъ впередъ и по пятьсотъ за листъ. Левочка объ этомъ и не говоритъ, и какъ будто дѣло не до него касается. А мнѣ Богъ съ ними — съ деньгами, а главное просто это его дѣло, т. е. писаніе романовъ, я люблю и цѣню, даже волнуюсь ими всегда ужасно; а эти азбуки, ариѳметики, грамматики я презираю, и притворяться не могу, что сочувствую».

А вмѣстѣ съ тѣмъ творческіе замыслы роились въ головѣ нашего романиста, и въ особенности его занимала мысль о созданіи исторической драмы, причѣмъ его вниманіе останавливалось на себѣ въ особенности Меншиковъ, выходецъ изъ народа. Изученіе историческаго матеріала, сюда относящагося, привело его къ отрицательному взгляду на Петра Великаго и его реформы. По его мнѣнію, великій преобразователь Россіи былъ дурной человѣкъ, реформы его не клонились къ народной пользѣ, а имѣли въ своемъ основаніи узко-эгоистическія, своекорыстныя начала. Интересовался онъ и личностью Мировича, котораго хотѣлъ сдѣлать центральной фигурой историческаго романа. Но всѣмъ этихъ планамъ не суждено было сбыться, и вмѣсто нихъ въ концѣ концовъ русская литература обогатилась бытовымъ романомъ «Анна Каренина», явившимся вторымъ большимъ произведеніемъ нашего писателя, въ коемъ онъ далъ удивительныя по своей красотѣ и правдивости

страницы пореформенной жизни нашего отечества. Романъ этотъ началъ осуществляться при слѣдующихъ условіяхъ.

19-го марта 1873 г. случайно было прочитано Львомъ Николаевичемъ начало «Отрывка» Пушкина: «Гости съѣхались на дачу», кто-то предложилъ ему воспользоваться этимъ началомъ и написать романъ, Левъ Николаевичъ тотчасъ же удалился въ свою комнату и набросалъ начало романа «Анна Каренина» и затѣмъ уже, съ большими перерывами, писалъ его до 1877 года.

Фабула романа была навѣя на Льву Николаевичу самоубійствомъ А. С. Вибиковой, ревновавшей мужа ко всѣмъ гувернанткамъ, горничнымъ и т. д. и бросившейся подъ поѣздъ. Въ романъ Левина и Китти Толстой вложилъ много автобіографическаго. Романъ печатался въ «Русскомъ Вѣстникѣ», и при печатаніи эпилога между Толстымъ и Катковымъ произошло недоразумѣніе, кончившееся разрывомъ. Толстой относился скептически къ добровольческому движенію 1876 г., Катковъ, наоборотъ, ему сочувствовалъ и придавалъ большое историческое значеніе. Толстому пришлось, по настоянію редактора, выкинуть восьмую часть романа и выпустить ее отдѣльной брошюрой.

Наша либеральная критика на сей разъ отнеслась къ автору «Анны Карениной» довольно-таки отрицательно, почувствовавъ здѣсь то направленіе, которое не соответствовало либеральному шаблону тогдашней беллетристики и радикальнымъ вѣяніямъ публицистики. Только Достоевскій, Буренинъ и Страховъ своимъ эстетическимъ чутьемъ и широкимъ литературнымъ взглядомъ на вещи сумѣли оцѣнить новое произведеніе Л. Н. Толстого.

Въ то же время онъ ищетъ примиренія съ Тургеневымъ и, если не вполне, то все же дѣлаетъ свои отношенія къ автору «Записокъ охотника» сносными, а также довольно близко сходится съ философомъ и критикомъ Н. Н. Страховымъ, который и снабжаетъ его массою книгъ по философіи. Лѣтомъ 1877 года Толстой вмѣстѣ со Страховымъ совершилъ свое первое путешествіе въ Оптину пустынь. Оба посѣтили старца Амвросія, но это свиданіе не удовлетворило ни того, ни другого. Со старцемъ у Льва Николаевича вышли пререканія изъ-за одного евангельскаго текста.

Несмотря на разногласіе догматическаго характера съ представителемъ церкви и обуревавшія его уже въ тѣ годы религіозныя сомнѣнія, мы не видимъ въ немъ, однако, разочарованія не только въ основахъ православія, но даже въ ея обрядахъ. Въ этомъ отношеніи заслуживаетъ вниманія одно его письмо къ его постоянному корреспонденту Фету, съ которымъ онъ такъ любилъ обмѣниваться мнѣніями. Онъ пишетъ, между прочимъ:

«Что я разумѣю подь религиознымъ уваженіемъ? Вотъ что. Я недавно пріѣхалъ къ брату, а у него умеръ ребенокъ и хоронять. Пришли попы, и розовый гробикъ, и все, что слѣдуетъ. Мы съ братомъ невольно выразили другъ другу отвращеніе къ обрядности. А потомъ я подумалъ: ну, а что бы братъ сдѣлалъ, чтобы вынести, наконецъ, изъ дома разлагающагося тѣло ребенка? Какъ вообще прилично кончить дѣло? Лучше нельзя (я, по крайней мѣрѣ, не придумалъ), какъ съ панихидой, лада-номъ и т. д. Какъ самому слабѣть и умирать? Не хорошо. Хочется вполнѣ выразить значительность и важность, торжественность и религиозный ужасъ передъ этимъ величайшимъ въ жизни каждого человѣка событіемъ. И я тоже ничего не могу придумать болѣе приличнаго для всѣхъ возрастовъ, всѣхъ степеней развитія, какъ обстановка религиозная».

Въ этотъ періодъ мы видимъ Толстого какъ бы на распутьи его духовной жизни, еще только приближающимся къ тому кризису, который, однако, вскорѣ послѣдовалъ. Въ 1879 году онъ пишетъ Фетю:

«Я не боленъ, не здоровъ, но умственной и духовной бодрости, которая мнѣ нужна,—нѣтъ, все метаюсь, мучаюсь, тружусь, исправляюсь, учусь и думаю, не доведется ли мнѣ заполнить пробѣлы, да умереть, а все не могу не разворачивать себя».

Около того же времени Софья Андреевна пишетъ своей сестрѣ: «Левочка постоянно говоритъ, что все кончено для него, скоро умирать, ничто не радуетъ, нечего больше ждать отъ жизни».

Задумавъ еще съ 1874 г. писать свою «Исповѣдь», онъ уже тогда отмѣчалъ здѣсь: «Со мной случился переворотъ, который давно готовился во мнѣ и задатки котораго всегда были во мнѣ». Послѣдовавшая въ 1874 г. смерть его сына Пети приблизила тоже готовившійся кризисъ, но онъ еще и въ исходѣ семидесятыхъ годовъ борется съ нимъ и весной 1879 года ѣдетъ въ Кіево-Печерскую лавру. «Пошелъ въ лавру къ схимнику Антонію и нашелъ мало поучительнаго», — пишетъ онъ женѣ. Поездка его не удовлетворила и, быть можетъ, способствовала скорѣйшему отпаденію его отъ православія.

Онъ погружается въ изученіе богословія по Макарію, знакомится со всей міровой религиозной литературой, штудируетъ библію, творенія святыхъ отцовъ церкви, дѣлаетъ отсюда обширныя выписки и набрасываетъ мысли своихъ будущихъ религиозно-философскихъ работъ. Нѣсколько встревоженная такимъ его состояніемъ жена пишетъ сестрѣ:

«Левочка все работаетъ, какъ онъ выражается, но—увы!—онъ пишетъ какія-то религиозныя разсужденія, читаетъ и думаетъ до головныхъ болей, и все это, чтобы показать, какъ церковь несообразна съ ученіемъ Евангелія. Едва ли въ Россіи найдется десятокъ людей, которые этимъ будутъ интересоваться. Но дѣлать нечего, я одно желаю, чтобы ужъ онъ поскорѣе это кончилъ и чтобы прошло это, какъ болѣзнь. Имъ вла-

дѣть или предписывать ему умственную работу такую или другую никто въ мірѣ не можетъ, даже онъ самъ въ этомъ не властенъ».

Но полный разладъ съ церковью въ нашемъ писателѣ еще не наступилъ, и онъ безъ разрѣшенія старца Леонида даже не рѣшается выполнить предписаніе врача, рекомендовавшаго ему воздерживаться постомъ отъ постной пищи и перейти на скоромную. Разрывъ съ церковью послѣдовалъ лишь послѣ написанія имъ «Критики догматическаго богословія» (1880 г.) и «Соединенія и перевода четырехъ евангелій» (1881 г.). Оба эти сочиненія даютъ возможность свести къ слѣдующимъ главнѣйшимъ формуламъ его новое исповѣданіе, которое онъ принялъ послѣ отпаденія отъ церкви:

1) основная идея жизни—религіозная. Наука и философія идутъ въ хвостъ за религіей. 2) Религіозная идея практична, т. е. ведетъ чело-вѣка не къ созерцанію, а къ дѣятельности. 3) Современное ученіе міра противорѣчитъ ученію Христа. 4) Непротивленіе злу. 5) Помощь ближнимъ любовью.

Слишкомъ много заняло бы мѣста изложеніе всѣхъ началъ новаго вѣро-ученія нашего писателя во всѣхъ ихъ подробностяхъ. Предполагая, что нашимъ читателямъ это вѣроученіе болѣе или менѣе извѣстно, отмѣтимъ лишь, что большинство главнѣйшихъ по сему предмету работъ нашего писателя не могло по цензурнымъ условіямъ быть напечатаннымъ въ Россіи и вышло при посредствѣ его друзей и учениковъ (Бирюковъ, Чертковъ и др.) за границу, гдѣ поэтому онѣ и стали скорѣе доступны публикѣ, чѣмъ на родинѣ. Несмотря на это, списки религіозно-философскихъ его сочиненій опять-таки черезъ знакомыхъ и друзей въ тысячахъ расходились и въ русскомъ обществѣ, возбуждая вездѣ споры, восхищенія, осужденія и поклоненія. Восьмидесятые и девяностые года были особенно обильны такого рода работами, гдѣ такъ или иначе отражался новый Толстой, послѣ пережитаго имъ кризиса и въ роли проповѣдника новой религіи. Если главнѣйшія его работы не могли видѣть свѣтъ въ свое время у себя на родинѣ (съ 1904 года дѣлались попытки всѣ ихъ опубликовать и у насъ, на чемъ нѣкоторые издатели очень нажились, обративъ таковое обнародованіе ихъ въ безцеремонный и грубый гешефтъ), то мелкія статьи довольно легко проходили и черезъ цензурныя ущелья, давая возможность и широкому кругу читателей ознакомиться съ новыми взглядами философа-художника. Вотъ главнѣйшія и наиболѣе рельефныя его произведенія той эпохи:

«Критика догматическаго богословія» (1880), «Соединеніе и переводъ четырехъ евангелій» (1881), «Краткое изложеніе Евангелія» (1881), «Чѣмъ люди живы» (1881), «О переписи» (1882), «Царство Божіе» (1882), «Въ чемъ моя вѣра?» (1884), «Такъ что же намъ дѣлать?» (1886), «О женщинахъ» (1886), «Много ли челоуѣку земли нужно» (1886), «О жизни»

(1887). «О любви къ Богу и ближнему» (1889), «Письмо къ революціонеру» (1889), «О непротивленіи» (1890), «Дорого стоитъ» (1891), «Царство Божіе внутри насъ» (1891—1893), «Значеніе отказа отъ военной службы» (1893), «Недѣланіе» (1893), «Христіанство и патриотизмъ» (1894), «Религія и нравственность» (1894), «Стыдно» (1895), «О церковномъ обманѣ» (1896), «Письмо къ министрамъ» (1896), «Что такое искусство?» (1897), «Требованіе любви» (1899), «О самоубійствѣ» (1900), «Не убій» (1900), «Гдѣ выходишь» (1900), «Неужели такъ надо?» (1900), «О вѣротерпимости» (1901), «Къ рабочему вопросу» (1902), «Обращеніе къ духовенству» (1903), «Къ политическимъ дѣятелямъ» (1903), «Одумайтесь» (1904), «О революціи» (1904), «Объ общественномъ движеніи въ Россіи» (1905), «Единое на потребу» (1905), «Великій грѣхъ» (1905), «О военной службѣ» (1906), «О значеніи русской революціи» (1906), «Что же дѣлать?» (1906), «Шекспиръ и драма» (1906), «Обращеніе къ правительству, революціонерамъ и народу» (1907). Наконецъ за послѣдніе годы громадное впечатлѣніе на весь міръ произвелъ горячій протестъ Толстого противъ смертной казни—«Не могу молчать».

Обращаясь къ его личной повседневной жизни, мы видимъ, что, въ духѣ своего новаго ученія, онъ отрицательно относится къ смертной казни «первомартовцевъ» и наканунѣ ихъ гибели обращается къ новому императору Александру III съ призывомъ о помилованіи. Свое письмо онъ посылаетъ черезъ К. П. Побѣдоносцева, но получаетъ слѣдующій отвѣтъ уже post factum казни: «Не взыщите за то, что я уклонился отъ исполненія вашего порученія. Въ такомъ важномъ дѣлѣ все должно дѣлаться по вѣрѣ. А прочитавъ письмо ваше, я увидѣлъ, что ваша вѣра одна, а моя и церковная другая, и что нашъ Христосъ—не вашъ Христосъ.

«Своего я знаю мужемъ силы и истины, исцѣляющимъ разслабленныхъ, а въ вашемъ показались мнѣ черты разслабленнаго, который самъ требуетъ исцѣленія. Вотъ почему я по своей вѣрѣ и не могъ исполнить ваше порученіе».

Къ этому же приблизительно времени относится его пріѣздъ въ Москву и покупка здѣсь въ Хамовникахъ дома, куда и стала постепенно стекаться русская интеллигенція, обративъ зимнее посѣщеніе Хамовниковъ и лѣтнее Ясной Поляны въ своего рода обязательное паломничество. Сюда несутъ взволнованные обыватели свои муки сомнѣнія, свои радости и горести, сюда обращаются за совѣтами, за помощью—духовной и матеріальной, за указаніями. Хамовники и Ясная Поляна становятся общеизвѣстными точками на картѣ русской жизни, и ихъ гениальный обитатель тѣмъ центромъ, къ которому протягиваются нити единенія не только со всѣхъ концовъ Россіи, но, можно сказать, почти со всего земного шара. Толстой становится истиннымъ учителемъ жизни, проповѣдникомъ морали и оригинальнаго вѣроученія, голосъ котораго покрываетъ всѣ

голоса однородныхъ ему болѣе или менѣе современныхъ дѣятелей. Имя его становится общеизвѣстнымъ и мировымъ.

Въ 1882 году онъ принимаетъ самое дѣятельное участіе въ московской трехдневной переписи, избравъ объектомъ своей работы и наблюдений дома Рожнова, гдѣ ютилась главнѣйшая столичная бѣднота. Результатомъ этихъ наблюдений явились двѣ его статьи «О переписи» и «Такъ что же намъ дѣлать», гдѣ авторъ ополчился противъ неудачныхъ опытовъ благотворительности и бросилъ кличъ русскому обществу вступить въ борьбу съ нищетой «по-дурацки, по-мужицки, по-крестьянски, по-христіански».

Въ это же время, согласно своему новому ученію, отрицающему право собственности, Левъ Николаевичъ начинаетъ вести и личную трудовую жизнь, то работая на ряду съ крестьянами, то занимаясь разными ремеслами, наравнѣ съ простыми ремесленниками, — шитьемъ обуви, столярничаніемъ и т. д. Онъ опрощается, начинаетъ раздавать лично ему принадлежащее имущество, а въ 1891 году предоставляетъ всѣмъ желающимъ право безвозмездно издавать въ Россіи и за границей по-русски и въ переводахъ, а также ставить на сценахъ всѣ тѣ изъ его сочиненій, которыя были написаны имъ въ 1881 г. и напечатаны въ XII томѣ собранія сочиненій изданія 1886 г., равно и всѣ неизданныя въ Россіи и могущія вновь появиться.

Когда въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ была основана книгоиздательская фирма «Посредникъ», Левъ Николаевичъ написалъ для народа нѣсколько небольшихъ рассказовъ: «Чѣмъ люди живы» (1881 г.), «Богъ правду видитъ, да не скоро скажетъ», «Упустишь огонь—не потушишь», «Свѣчка», «Два старика», «Гдѣ любовь, тамъ и Богъ», «Много ли человѣку земли нужно», «Первый винокуръ, или какъ черенокъ краюшку заслужилъ», «Сказка объ Иванѣ-дуракѣ и его двухъ братьяхъ» и др. Эти его народныя произведенія имѣли огромный успѣхъ, расходились въ очень большомъ числѣ и, можно безъ преувеличенія сказать, что съ появленіемъ ихъ наша литература для народа получаетъ особенное оживленіе и тѣмъ болѣе, что распространителями ея явились въ большинствѣ случаевъ поклонники, ученики Толстого. Вспомнимъ хотя бы А. М. Калмыкову съ ея организаціей дешевыхъ народныхъ библиотекъ. Одновременно его литературно-художественное творчество было направлено на написаніе пятиактной драмы «Власть тьмы, или коготокъ увязъ, всей птичкѣ пропасть». Это новое произведеніе Толстого появилось въ печати въ 1887 году, но было долго подъ цензурнымъ запретомъ для постановки на сценѣ и появилось лишь въ 1890 году на домашнемъ спектаклѣ у Приселковыхъ и въ 1895 году сперва на сценѣ Литературно-Художественнаго общества и вскорѣ на казенной сценѣ. Въ 1889 году Левъ Николаевичъ закончилъ свою новую пьесу-комедію «Плоды просвѣщенія»; она была

поставлена на Александринской сценѣ въ 1891 году и затѣмъ обошла всѣ сцены.

Параллельно съ работою на пользу народнаго просвѣщенія, Левъ Николаевичъ не забываетъ и объ интеллигенціи и, руководимый своимъ беллетристическимъ вдохновеніемъ, создаетъ такіе перлы нашей литературы, какъ «Смерть Ивана Ильича» (1887—1888 гг.), «Крейцера соната» (1889 г.), «Хозяинъ и работникъ» (1895 г.), «Воскресеніе» (1899 г.). Изъ этихъ произведеній «Крейцера соната» и «Воскресеніе» имѣли особенный успѣхъ, въ особенности первое изъ нихъ своей оригинальной постановкой вопроса о половой любви, возбудившей въ интеллигентныхъ кружкахъ всѣхъ европейскихъ народовъ безконечные споры и дебаты. Немало также надѣлало шума и его парадоксальное произведеніе «Что такое искусство». Кромѣ того, имъ издана работа подъ заглавіемъ «Кругъ чтенія на каждый день», гдѣ собраны выдающіяся изреченія великихъ людей всѣхъ временъ и народовъ, дабы читатель, знакомясь съ ними, могъ повседневно стоять передъ вопросами морали и, согласно имъ, руководить своею жизнью и дѣянїями дня. Къ этому же періоду относится изданіе его супругою полнаго удешевленнаго собранія сочиненій ея гениальнаго мужа.

Обращаясь къ издательству сочиненій Л. Н. Толстого, мы видимъ, по приблизительному подсчету, сдѣланному С. А. Венгеровымъ около десяти лѣтъ назадъ, что «Собраніе сочиненій» Толстого разошлись въ 80,000 экземплярахъ, «Хозяинъ и работникъ»—въ 200,000, «Власть тьмы»—въ 140,000 «Воскресеніе»—100,000. Съ тѣхъ поръ эти цифры значительно разрослись. «Война и миръ» вышла 15 изданїями, послѣднія печатались въ 15,000 экземплярахъ. Въ одномъ 1908 г., по официальнымъ даннымъ, только «Собраніе сочиненій», «Плоды просвѣщенія», «Власть тьмы» были напечатаны въ количествѣ 20,000 экземпляровъ. Бурные годы «освободительнаго движенія», какъ уже отмѣчено выше, значительно содѣйствовали опубликованію дотолѣ запрещенныхъ сочиненій нашего писателя и проникновенію ихъ въ широкую массу публики, чему помогъ тотъ общественный даръ Льва Николаевича, о которомъ мы упомянули. Литература о Левѣ Николаевичѣ съ каждымъ годомъ росла неизменно, и одинъ перечень работъ о немъ, сдѣланный въ книгѣ Битовта (до 1902 г.) представляетъ собою громадный томъ. Нечего и говорить, что почти всѣ произведенія Толстого переведены на главнѣйшіе европейскіе и многіе другіе языки (армянскій, японскій, сартскій и др.).

Какъ нѣкогда въ періодъ самарскаго голода, такъ и въ годы 1891—1892 г., когда неурожай постигъ уже многія наши губерніи, графъ Толстой, теперь вкупѣ со всей семьей, горячо откликнулся на народное бѣдствіе, отправился въ самую среду голодающихъ, гдѣ кормилъ ихъ въ устроенныхъ имъ на общественный счетъ столовыхъ и вообще

организовывалъ имъ всяческую помощь. Русское общество оказало великому старцу значительную поддержку, и на его имя присылались деньги, вещи и продукты питания.

Извѣстность его къ началу текущаго столѣтїа достигаетъ своего апогея. Волны людей притекають къ нему и не только изъ числа интеллигенціи, но и изъ среды простаго народа, гдѣ имя Льва Николаевича начинаетъ получать широкую извѣстность, какъ радѣтеля горя народнаго. Двигаются къ нему и туристы изъ-за границы, одни руководимые чувствами симпатїи, другіе празднаго любопытства ради; корреспонденція его достигаетъ колоссальныхъ размѣровъ, которую онъ одинъ уже не находить въ себѣ силъ разбирать, но пользуется для сего услугами секретаря и близкихъ. Со временемъ, когда хотя бы часть этой корреспонденціи стала достояніемъ читателя, на нихъ хлынули бы такіе потоки человѣческаго горя, о которомъ имъ и не снилось. Онъ становится какъ бы центромъ челоуѣческой совѣсти, куда несется и исповѣдь, и моленіе, и любовь... И онъ откликается, поскольку ему позволяютъ и средства, и силы, и обстоятельство, на всѣ эти обращенія къ нему и порою громко поднимаетъ свой голосъ въ защиту «униженныхъ и оскорбленныхъ». Вспомнимъ хотя бы его защиту духоборовъ. Вообще если міръ православный находитъ въ сердцѣ Льва Николаевича тепло и привѣтъ, то обездоленный міръ сектантовъ, который является по духу своего ученія особенно близокъ исповѣданію его вѣры, становится къ нему въ особенное приближеніе.

Такого рода занятое имъ положеніе въ нашемъ государствѣ понемногу начинаетъ привлекать къ себѣ сугубое вниманіе правительственной и церковной власти. Первая недоброжелательно относится къ его осужденію воинской повинности и воинской службы, присяги¹⁾, смертной казни и вообще къ противоцензурности его работъ. Вторая старается оборониться отъ нападковъ со стороны Льва Николаевича на догматы церкви и на церковную жизнь и вмѣстѣ съ тѣмъ выступаетъ черезъ посредство своихъ представителей на путь обличенія его заблужденій въ церковныхъ вопросахъ и съ каеедръ посвящаетъ ему на всемъ народѣцѣлый рядъ рѣчей. Конфликтъ съ церковью кончается тѣмъ, что 22 февраля 1901 г. св. синодъ, по инициативѣ К. П. Побѣдоносцева, торжественно отлучаетъ его отъ церкви, на что онъ отвѣчаетъ своимъ обращеніемъ къ синоду, выдержки изъ котораго нами приведены во вступительной части настоящей статьи. Это отлученіе осталось на Толстомъ вплоть до его кончины и послѣ ея. Что касается свѣтской власти, то хотя она и не преслѣдуетъ самого Льва Николаевича какими-нибудь карами и, уважая его, какъ великаго художника, оставляетъ его внѣ обычной наказуемости, но принимаетъ соотвѣству-

¹⁾ Избранный въ присяжные по Крапивенскому уѣзду, онъ отказался принять обычную присягу и участвовать въ судѣ надъ равными себѣ.

ющія мѣропріятія къ тому, чтобы его проповѣдническая дѣятельность путемъ печати была ограничена, и преслѣдуетъ его послѣдователей и учениковъ за пропаганду его ученія и его твореній религіозно-философскаго порядка.

Академія наукъ избрала его въ 1900 г. членомъ по разряду изящной словесности.

Несмотря на описанную выше интенсивную дѣятельность, Толстой, благодаря своему отъ природы богатому организму, сохраненному воздержаніемъ и режимомъ (онъ почти до послѣдняго года много ѣздилъ верхомъ, занимался разными физическими упражненіями и проводилъ много времени на воздухѣ), дожилъ до глубокаго относительно возраста.

Въ 1908 г. была сдѣлана попытка торжественно и на всю Россію отмѣтить его 80-лѣтіе жизни, но задуманныя торжества встрѣтили неодобреніе власти, которая и положила имъ затрудненія и предѣлы, почему торжество вышло далеко неполнымъ, и только повременная печать сумѣла откликнуться весьма тепло на этотъ праздникъ русской мысли и выяснила все общественное значеніе великаго писателя въ современной жизни. Въ послѣднее время Толстой сталъ прихварывать. 1901 г. былъ для него тяжкимъ годомъ, и только тщательное леченіе и уходъ, а также жизнь въ теплѣ, на югѣ, въ Крыму, позволили ему оправиться. Съ тѣхъ поръ вѣсти о его заболѣваніяхъ неоднократно доходили до русскаго общества, и оно каждый разъ съ тревогой слѣдило за вѣстями изъ Ясной Поляны. Но, по счастью, скоро тревоги разсѣвались, и «великій писатель земли русской», какъ его назвалъ незадолго до смерти Тургеневъ въ своемъ письмѣ къ нему, гдѣ онъ умолялъ его не забрасывать своего художественнаго творчества, снова заявлялъ о себѣ въ русской литературѣ какимъ-нибудь публицистическимъ произведеніемъ.

Но вотъ наступилъ и нынѣшній роковой для великаго старца годъ. Никакого тревожнаго извѣстія изъ Ясной Поляны не приходило, и лишь обычныя телеграммы оповѣщали населеніе о посѣщеніи ея обитателя какими-нибудь представителями туризма, литературы, фотографами, кинематографами, воистину отравлявшими Толстому всякій его день, всякій его часъ. И вдругъ 28 октября стало изъ газетныхъ статей извѣстнымъ, что Левъ Николаевичъ покинулъ свой домъ, семью, порвалъ со всей своей прежней жизнью и куда-то удалился. Стало извѣстнымъ и его оставленное прощальное письмо, гдѣ онъ убѣдительно просилъ его не разыскивать. А вскорѣ сталъ извѣстенъ и путь слѣдованія нашего писателя, его посѣщеніе монастырей, его прощаніе съ сестрой и прибытіе больнымъ на ст. Астапово. Всѣ эти событія изъ жизни великаго человѣка настолько свѣжи въ памяти русскаго читателей, что мы ихъ восстанавливать здѣсь не будемъ, и приведемъ лишь «протоколъ врачей о болѣзни Л. Н. Толстого», какъ историческій документъ первостатейной

важности, повѣствующій о его послѣднихъ дняхъ и часахъ. Протоколь гласитъ:

«28 октября, какъ извѣстно, Л. Н. оставилъ Ясную Поляну. Рѣшеніе уѣхать было имъ принято послѣ продолжительной и тяжелой душевной борьбы. Состояніе его здоровья было удовлетворительное, хотя онъ чувствовалъ себя физически нѣсколько слабымъ. Изъ Ясной Поляны Л. Н. направился черезъ Чекино въ Горбачево, откуда до Козельска ѣхалъ въ тѣсномъ, переполненномъ, душномъ вагонѣ 3-го класса, прицѣпленномъ къ товарному поѣзду. Чтобы освѣжиться, онъ часто выходилъ на площадку. Изъ Козельска Л. Н. собирался поѣхать къ своей сестрѣ Марьѣ Николаевнѣ въ Шамординъ монастырь, отстоящій въ 18 верстахъ отъ станціи. Но такъ какъ было поздно и Л. Н. былъ утомленъ дорогой, то онъ рѣшилъ переночевать въ Оптиной пустыни, въ 5-ти верстахъ отъ Козельска. На другой день, отдохнувши, Л. Н. поѣхалъ къ своей сестрѣ въ Шамординъ, гдѣ ночевалъ и провелъ весь день 30 октября. Вечеромъ онъ жаловался на нѣкоторую слабость и недомоганіе, но, тѣмъ не менѣе, 31-го рано утромъ, несмотря на дурную погоду, въ сопровожденіи своей дочери Александры Львовны и ея подруги—В. М. Θεоктистовой, пріѣхавшей къ нему наканунѣ, и Д. П. Маковицкаго, который его сопровождалъ все время, уѣхалъ на лошадахъ въ Козельскъ (18 верстъ); отсюда по Рязанско-Уральской жел. дор. по направленію на Богоявленскъ, чтобы далѣе слѣдовать въ Ростовъ-на-Дону. До полудня въ вагонѣ Л. Н. чувствовалъ себя довольно хорошо, а затѣмъ сталъ жаловаться на ознобъ. Поставленный термометръ показалъ 38,6. Въ виду лихорадочнаго состоянія и слабости Л. Н. рѣшено было оставить поѣздъ и высадиться на ближайшей большой станціи. Этой станціей оказалось Астаново, гдѣ начальникъ станціи И. И. Озолинъ любезно предложилъ помѣщеніе въ своей квартирѣ, въ отдѣльномъ домѣ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ вокзала. Л. Н. чувствовалъ себя уже настолько слабымъ, что съ трудомъ дошелъ до квартиры. Здѣсь онъ сдѣлалъ разныя распоряженія, и затѣмъ съ нимъ произошелъ непродолжительный (около минуты) припадокъ судороги въ лѣвой рукѣ и лѣвой половинѣ лица, сопровождавшійся обморочнымъ состояніемъ.

«Послѣ этого его уложили въ постель и сдѣлали клизму. Къ ночи температура поднялась до 39,8, появился кашель, насморкъ, боли въ ногахъ, перебои въ пульсѣ.

«Въ ночь съ 31 октября на 1 ноября Л. Н. спалъ плохо. Къ утру температура спала до 36,2. Л. Н. чувствовалъ большую слабость. Весь день лежалъ въ постели, диктовалъ свои мысли, писалъ дневникъ, слушалъ чтеніе. Къ вечеру снова появился ознобъ, температура поднялась до 39,1. Л. Н. жаловался на боль въ лѣвомъ боку при дыханіи, кашлялъ

и ночью откашливалъ ржавую мокроту (съ примѣсью крови). Пульсъ былъ свыше 100 съ перебойми.

«Было предположено воспаленіе легкихъ, положенъ согрѣвающій компрессъ, назначено вино.

«Въ ночь на 2 ноября Л. Н. спалъ плохо, стоналъ, страдалъ отъ изжоги, кашлялъ. Утромъ температура была 37,2. Чувствовалъ себя весь день слабымъ. Изслѣдованіемъ установлено воспаленіе нижней доли лѣваго легкаго и предположенъ небольшой воспалительный фокусъ въ правомъ легкомъ. Пульсъ 100, 110, съ перебойми. Вечеромъ температура 39, 1, ничего не ѣлъ, впадалъ въ забытье. Изъ лекарствъ давали строфантъ и вино.

«Ночь на 3 ноября Л. Н. спалъ очень плохо, почти все время бредилъ, кашлялъ, снова отхаркнулъ ржавую мокроту, стоналъ, страдалъ отъ изжоги. Утромъ температура 36,7. Л. Н. значительно ослабѣлъ. Языкъ былъ сильно обложенъ, сухъ. Аппетита не было. Печень была нѣсколько увеличена, болѣзненна, въ особенности ея лѣвая доля: животь—нѣсколько вздутъ.

«Констатированъ воспалительный фокусъ въ нижней долѣ лѣваго легкаго подъ лопаткой. Въ правомъ легкомъ—явленіе бронхита и застоя. Сердце расширено. При выстукиваніи слышались притупленные звуки вправо до середины грудины, влѣво—до сосковой линіи. Тоны груди выслушивались не отчетливо. Пульсъ 100, 120, съ частыми перебойми. Пульсовые волны неравномѣрны, многія пропадали. Въ мочѣ значительное количество бѣлка. Сознаніе ясное.

«Днемъ Л. Н. лежалъ, читалъ въ послѣдній разъ свой дневникъ, диктовалъ свои мысли, просилъ читать ему вслухъ. Почти ничего не ѣлъ. Лечение: согрѣвающій компрессъ, строфантъ, вино, камфара подъ кожу, клизма. Пилъ глотками Виши. Температура вечеромъ 37,8. Дѣятельность сердца къ вечеру нѣсколько улучшилась.

«Ночь на 4 ноября провелъ очень тревожно. Всю первую половину ночи бредилъ, стоналъ. Утромъ температура 38,1, слабость увеличилась. Л. Н. уже не писалъ дневникъ. Изрѣдка пытался диктовать свои мысли. Бредилъ днемъ. Воспалительный процессъ въ легкомъ безъ переменъ. Изрѣдка кашлялъ и отхаркивалъ желтоватую густую мокроту въ очень небольшомъ количествѣ. Частота дыханія увеличилась до 36. Дѣятельность сердца слабая. Пульсъ чаще (120, 130), перебоевъ больше. Отказался отъ пищи и лекарства. Сильная изжога и жажда. Пилъ немного молока и Виши. Были позывы къ мочеиспусканію. Моча мутная, содержала довольно много бѣлка. Днемъ—большая слабость. Во время пробужденія отъ сна сознаніе вполнѣ ясное. Говорилъ очень мало. Мало интересовался окружающимъ. Лечение: камфара (4 раза), кодеинъ (2 раза) подъ кожу, вино, клизма. Температура вечеромъ 38,4. Появилась рѣдкая икота.

«Въ ночь на 5-е почти не спалъ. Былъ очень возбужденъ. Все бредилъ, метался въ постели, то садился, то снова ложился. Говорилъ невнятно. Сильная одышка (40,44), плохой, слабый пульсъ. Ночью—два впрыскиванія 2-процентнаго раствора камфары. Утромъ температура 37,1. При выслушиваніи сердца разстройство ритма (эмбиокордія), угнетенное и подавленное состояніе. Тѣмъ не менѣе сознаніе ясное. Воспримчивость къ внѣшнимъ впечатлѣніямъ не понижена. Почти на всѣ предложенія пищи отвѣчалъ отказомъ и просилъ возможно меньше тревожить его. Не позволялъ себя перекладывать на другую постель. Весь день икота. Послѣ клизмы обильное послабленіе и нѣкоторое улучшение самочувствія. За день впрыснуто 2 шприца дигалена, три—камфары, 1 кодеина. Температуръ вечеромъ 37,4.

«Первую половину ночи на 6-е ноября спалъ довольно спокойно, вторую—тревожно, громко стоналъ отъ икоты, отъ изжоги. Пульсъ былъ слабый, частый, съ большими перебойми... За ночь впрыснуто два шприца камфары. Температура утромъ 37,2, большая слабость, одышка, икота. Утромъ подъ кожу впрыснуть дигаленъ и камфара. Сдѣлана клизма.

«Около полудня состоялся консилиумъ съ докторами Щуровскимъ и Усовымъ. При изслѣдованіи найдено:—воспалительный процессъ въ легкомъ въ прежнемъ положеніи. Дѣятельность сердца слабая. Значительное число пульсовыхъ волнъ не доходить. Размѣры сердца прежніе. Ритмъ сердца неправиленъ (эмбиокордія), икота, животъ мягкій. Въ мочѣ бѣлокъ, слабость, сознаніе ясное. Около двухъ часовъ дня неожиданное возбужденіе. Съѣлъ на постель и громкимъ голосомъ внятно сказалъ окружающимъ: «Вотъ и конецъ, и ничего», а затѣмъ: «Только одно я прошу вспомнить: на свѣтѣ пропасть народу, кромѣ Льва Толстого, а вы помните одного Льва».

«Вслѣдъ за этимъ наступилъ рѣзкій упадокъ сердечной дѣятельности (collab), пульсъ едва-едва ошупывался. Появилась синева (ціанозъ) ушей, губъ, носа, ногтей. Конечности похолодѣли. Впрыснуты два шприца камфары, одинъ кодеина. Примѣнено дыханіе кислородомъ и согрѣваніе конечностей. Понемногу пульсъ сталъ улучшаться. Цианозъ исчезъ, и больной заснулъ. Къ вечеру самочувствіе было нѣсколько лучше. Сдѣлано впрыскиваніе дигалена, затѣмъ камфары и поставлена теплая клизма въ 200 г. солянаго раствора. Л. Н. попросилъ ѣсть. Выпилъ въ теченіе вечера три маленькихъ стаканчика молока и съѣлъ немного овсянки. Сознаніе было вполне ясное. Но къ концу усилилась икота и одышка.

«Послѣ полуночи одышка дошла до 60 дыханій въ минуту. Икота участилась еще больше. Л. Н. сталъ стонать, метаться на постели, вскакивать. Состояніе тоски, недостатка воздуха и икоты было настолько мучительно, что было рѣшено впрыснуть 0,01 камфары (въ 12 час. 15 м.

ночи). Л. Н. заснулъ. Икота прекратилась. Одышка уменьшилась до 36. Въ 2 часа ночи пульсъ, несмотря на впрыскиваніе камфары, сталъ падать, сдѣлался нитевиднымъ. Предпринято впрыскиваніе сильнаго раствора, но замѣтнаго вліянія на пульсъ это не оказало. Тѣмъ не менѣе сознаніе еще сохранилось. Л. Н. реагировалъ на облики. Сдѣлалъ одинъ-два глотка предложенной воды. Въ виду опасности положенія, была приглашена вся семья. Въ 5 часовъ утра пульсъ сталъ пропадать, дыханіе сдѣлалось поверхностнымъ, и въ 6 час. 5 мин. утра по московскому времени Л. Н. тихо, безъ страданій, скончался, окруженный женой, дѣтьми и друзьями.

«Л. Н. лежалъ, какъ прежде было сказано, въ домѣ начальника станціи И. И. Оволина, гдѣ въ его распоряженіи были двѣ довольно большія комнаты. Съ гигиенической стороны обстановка была удовлетворительна. Непосредственный уходъ за Л. Н. лежалъ на врачахъ, его дочери Александрѣ Львовнѣ, ея подругѣ В. М. Феоктистовой и В. Г. Чертковѣ. Нѣсколько разъ у постели больного были его дѣти: Татьяна Львовна Сухотина и Сергѣй Львовичъ. Остальные члены семьи все время находились вблизи, но въ комнату больного не входили. На семейномъ совѣтѣ, согласно съ заключеніемъ врачей, было рѣшено, чтобы никто другой изъ родныхъ не входилъ къ Льву Николаевичу, такъ какъ были основанія думать, что Л. Н. сильно взволнуется при появленіи новыхъ лицъ, что могло роковымъ образомъ отразиться на висѣвшей на волоскѣ его жизни.

«Смерть Л. Н. послѣдовала отъ быстро наступившаго упадка сердечной дѣятельности. Во время прежнихъ тяжелыхъ заболѣваній дѣятельность сердца также бывала очень ослабленной, но, благодаря своему крѣпкому организму и, главнымъ образомъ, необычайнымъ душевнымъ силамъ, Л. Н. выходилъ побѣдителемъ изъ борьбы. Это давало надежду, что и на этотъ разъ сильный организмъ Л. Н., хотя и постарѣвшій, но достаточно крѣпкій, побѣдитъ инфекцію. Однако, по нашему мнѣнію, сильныя душевныя потрясенія послѣдняго времени и утомленіе отъ необыкновеннаго путешествія настолько ослабили нервную систему и сердце Л. Н., что болѣзнь приняла сразу тяжкій характеръ и привела къ роковому концу. Всѣхъ ухаживавшихъ за нимъ Л. Н. трогалъ своей ласковостью и нѣжнымъ отношеніемъ, которое никогда не изгладится у тѣхъ, кому на долю выпало счастье послужить Льву Николаевичу въ послѣдніе дни его жизни.

Леная Поляна.
9 ноября 1910 года.

Д. П. Маковицкій.
Д. В. Никитинъ.
Г. М. Беркенгеймъ.

Печальная церемонія гражданскихъ похоронъ Льва Николаевича, впечатлѣніе на русское общество отъ этой смерти, при такихъ обстоятельствахъ и въ такой необычной обстановкѣ, настолько еще свѣжи, что повторять здѣсь столь недавнія еще корреспонденціи и телеграммы мы не станемъ.

Не будемъ также на основаніи газетныхъ свѣдѣній, во многихъ отношеніяхъ не провѣренныхъ, на основаніи догадокъ, слуховъ и измышлений пытаться поднять завѣсу надъ той житейской драмой, которая, несомнѣнно, разыгралась въ послѣдніе дни жизни Толстого. Не будемъ творить ни суда надъ тѣми, кто имѣлъ то или иное прикосновеніе къ его послѣднимъ днямъ, какъ протекшимъ въ Ясной Полянѣ, такъ и за предѣлами ея. Здѣсь тайна личной жизни. Намъ извѣстны лишь этапы пути, по которому онъ прошелъ, выйдя изъ родного дома, и достигъ станціи Астапово; извѣстны нѣкоторыя его намѣренія, гдѣ онъ намѣчалъ еще пунктъ своего будущаго, быть можетъ, даже кратковременнаго пребыванія, но конечная цѣль его странствованія остается какъ бы въ туманѣ. Гдѣ долженъ былъ онъ преклонить свою усталую жизнью голову и испустить свой просвѣтленный духъ, врядъ ли кому сейчасъ въ точности, кромѣ самыхъ близкихъ къ нему друзей, извѣстно. Передъ нами одинъ непреложный фактъ. Левъ Николаевичъ хотѣлъ увѣнчать зданіе своей жизни, согласно своему вѣроученію, слить себя, какъ человѣка, съ своимъ исповѣданіемъ и отрѣшиться отъ всѣхъ путей, которыя могли бы помѣшать этому слиянію. Но это ему не удалось: здѣсь случилось что-то роковое, ошибочное, то, въ чемъ невольно усматривается перстъ Вожій, та великая воля, которая властна и надъ нашею жизнью, и надъ смертью. «Судьбы Вожіи неисповѣдимы». И, склоняясь передъ этою величавою тайною, намъ остается лишь отъ полноты сердца промолвить:

Миръ праху твоему, великій русскій человѣкъ. Да будетъ тебѣ память вѣчная...

Б. Г.

О ПОДПИСКѢ
НА
ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ
въ 1911 году

(ТРИДЦАТЬ ВТОРОЙ ГОДЪ).

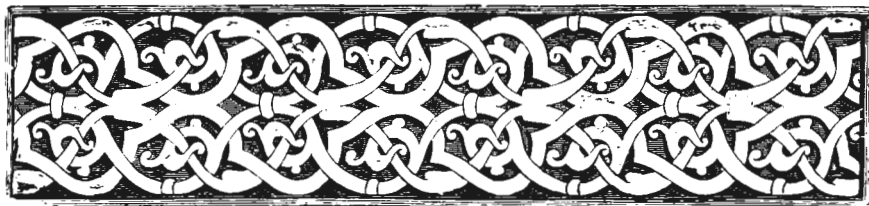
«Историческій Вѣстникъ» будетъ издаваться въ 1911 году на тѣхъ же основаніяхъ и по той же программѣ, какъ и въ предшествовавшіе тридцать одинъ годъ (1881—1910).

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ въ годъ (со всѣми приложеніями) десять рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора «Историческаго Вѣстника» въ Петербургѣ при книжномъ магазинѣ «Новаго Времени» (Невскій проспектъ, № 40). Отдѣленія конторы: въ Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ и Ростовѣ на Дону, при находящихся въ этихъ городахъ отдѣленіяхъ книжнаго магазина «Новаго Времени», и въ Кіевѣ, при книжномъ магазинѣ Н. Я. Оглоблина.

ИСКАТЕЛИ¹⁾.

XVIII.

А другой день Бухальцевъ проснулся только въ девять часовъ, когда дворникъ внесъ ему самоваръ. Онъ съ вечера раскладывался до трехъ часовъ, и забылъ распорядиться, чтобъ его разбудили раньше. Наканунѣ онъ заѣзжалъ къ Самохотову, но не засталъ его дома. Теперь онъ, паскоро напившись чая, надѣвъ сюртукъ и поглядывая на часы, спустился съ лѣстницы и, взявъ перваго извозчика, помчался на Островъ.

Подѣхавъ къ знакомымъ воротамъ, онъ торопливо спрыгнулъ съ дрожекъ и, еще разъ взглянувъ на часы, побѣжалъ во дворъ огромнаго пятиэтажнаго дома, гдѣ жилъ Самохотовъ. Во дворѣ выколачивали ковры и мебель, и играла шарманка. Диссонансомъ къ запаху капусты, царившему по всему двору, были двѣ верховыхъ лошади съ англійскими сѣдлами, которыхъ держалъ на поводу берейторъ. Поднявшись въ третій этажъ, гдѣ въ меблированныхъ комнатахъ помѣщался Самохотовъ, Бухальцевъ былъ удивленъ, что ему открылъ дверь кавказецъ съ кинжаломъ, высокій, коротко стриженный, съ оскаломъ ослѣпительныхъ зубовъ. Спросивъ, къ кому пришелъ гость, онъ попросилъ его пройти не въ ту комнату, гдѣ еще вчера жилъ Самохотовъ, а въ другую, совершенно невѣдомую для Бухальцева.

¹⁾ Окончаніе. См. «Истор. Вѣстн.», т. СХХІІ, стр. 417.

Комната была обширная, съ портъерами и картинами, но лишенная всякой мебели; повидимому, то, что было вынесено во дворъ для выколачиванья, и составляло ея содержимое. Только посрединѣ стоялъ круглый мраморный столикъ. На столикѣ лежала треуголка. Владѣлецъ этого головного убора помѣщался возлѣ, въ большомъ креслѣ. На немъ былъ академическій мундиръ, шпага; и лѣвая рука была облечена въ бѣлую перчатку. При видѣ товарища онъ не двинулся съ мѣста, а только сказалъ:

— Жду, ихъ нѣтъ.

— На что же они сядутъ?—спросилъ гость, оглядываясь.

— На что хотять,—отвѣтилъ хозяинъ.

— Отчего ты не принимаешь ихъ въ своей комнатѣ?

— Здѣсь лучше.

Лицо у Самохотова было опухшее, глаза смотрѣли подозрительно и исподлобья.

— Какъ же ты рѣшилъ насчетъ дуэли?—спросилъ Вухальцевъ.

— Ты и Чавчавадзе—секунданты.

— Да я никогда въ жизни не былъ на дуэли.

— Эка штука! А теперь будешь. Я самъ никогда не былъ.

— Зачѣмъ ты шутомъ вырядился?

— Гмъ... шутомъ,—легко сказать! У меня былъ сюртукъ и мундиръ. Послѣ битвы, что произошла третьяго дня, отъ сюртука осталось одно грустное воспоминаніе. А далѣе—у меня идутъ пиджаки, измазанные въ краскахъ. Какъ же я приму этихъ секундантовъ? Пока я писалъ у него портретъ, къ нему пріѣзжали разные князья, графы, черти и дьяволы. Долженъ же я быть на высотѣ величія, коли ничего нѣтъ у меня другого, кромѣ мундира?.. Нанялъ за два рубля кавказца, чтобъ двери отворялъ... Онъ безъ мѣста. Все-таки, знаешь, импозантно.

Какъ разъ въ это время раздалось бряцаніе шпоръ. Отворилась дверь, и на темномъ фонѣ коридора показалась стройная фигура бѣлесоваго офицера и длинный тонкій партикулярный человѣкъ, съ маленькими бачками и въ сюртукѣ, застегнутомъ на всѣ пуговицы. Хозяинъ медленно поднялся со своего мѣста и строго посмотрѣлъ на вошедшихъ.

— Господинъ Самохотовъ?—спросилъ офицеръ, не безъ нѣкотораго удивленія оглядывая его костюмъ.

— Вы угадали,—отвѣтилъ Самохотовъ.

— Баронъ фонъ-Кроль.

— Счастливъ случаю познакомиться.

— Новопашеный-Новокщеновъ,—сказалъ статскій.

— Счастливъ,—повторилъ хозяинъ и внезапно надѣлъ на себя треуголку.

Фонъ-Кроль удивился еще болѣе, посмотрѣлъ кругомъ, нѣтъ ли на что сѣсть, подумалъ и тоже надѣлъ фуражку на голову.

— Вамъ извѣстна причина, приведшая насъ сюда? — спросилъ онъ.

— Если вы отъ кievскаго сахароварца, то извѣстна,—сказалъ онъ.

Фонъ-Кроль сдвинулъ брови и досталъ бумажникъ.

— Во-первыхъ,—сказалъ онъ,—господинъ Курденко уполномочилъ меня передать вамъ четыреста рублей, должныхъ имъ вамъ за писанный вами его портретъ.

Онъ вынулъ изъ бумажника четыре сотенныя бумажки. Очевидно, онъ былъ приготовленъ и къ тому, что художникъ возьметъ деньги, и къ тому, что ихъ отринетъ. Но Самохотовъ взялъ. Онъ не торопясь сдѣлалъ два шага по направленію гостей, принявъ ассигнаціи, посмотрѣлъ ихъ по очереди каждую на свѣтъ, потомъ три бросилъ на столъ, а четвертую протянулъ офицеру.

— Портретъ конченъ на три четверти,—сказалъ онъ:—поэтому мнѣ причитается только триста рублей.

— Мнѣ поручено передать вамъ четыреста,—возразилъ фонъ-Кроль,—и обратно я взять денегъ не могу.

Самохотовъ не торопясь разорвалъ бумажку пополамъ, потомъ еще пополамъ, потомъ еще и еще,—и бросилъ смятые клочки въ уголь.

— Прикажете расписку?—спросилъ онъ.

— Зачѣмъ же, вы получили при свидѣтеляхъ.

Онъ взглянулъ вопросительно на Бухальцева.

— Мой другъ, художникъ Бухальцевъ,—сказалъ Самохотовъ.

Всѣ обмѣнялись поклонами.

— Итакъ, вамъ извѣстна цѣль нашего посѣщенія,—продолжалъ фонъ-Кроль.—Господинъ Курденко требуетъ отъ васъ или публичнаго извиненія, признавая, что оскорбленіе было нанесено ему вами въ нетрезвомъ состояніи, или предлагаетъ вамъ дуэль.

— На чемъ?

— На пистолетахъ, конечно.

— Гм... Я вѣдь не умѣю стрѣлять.

— Онъ тоже никогда не стрѣлялъ.

— Не будетъ ли тогда это глупостью?

— Мнѣ кажется, такое выраженіе неумѣстно.

— Я бы предложилъ лучше американскую дуэль,—сказалъ Самохотовъ.

— То есть?

— Ну, скажемъ, поѣхать въ лѣсъ, взять два боченка съ порохомъ, воткнуть въ нихъ горячіе фитили и сѣсть сверху. Одинъ взлетитъ раньше, а другой—имѣетъ право погасить свой фитиль. Я читалъ это въ одномъ журналѣ... Очень забавно.

— Вы шутите?

— Нисколько. Я вообще согласенъ на всё условія. Я бы не согласился на дуэль, если бы мой противникъ былъ военный...

— Почему?—нахмуриваясь, спросилъ фонъ-Кроль.

— Да потому, что онъ былъ бы специалистъ по стрѣльбѣ. Мнѣ стрѣляться съ нимъ было бы такъ же глупо, какъ ему принять отъ меня вызовъ на поединокъ—кто лучше напишетъ портретъ другъ съ друга. Или если бы господинъ Курденко предложилъ мнѣ сдѣлать лучше его голову сахара... Очевидно, я былъ бы въ хвостъ у него.

— Вы принимаете вызовъ?—строго перебилъ его статскій.

— Даже весьма.

— Отъ извиненія отказываетесь?

— Съ какой стати извиняться? Хотя я не помню, что сказала, но извиняться не намѣренъ.

— Когда же мы можемъ переговорить съ вашими секундантами?

— Бухальцевъ одинъ изъ нихъ. Пожалуйста, это меня не касается.

Стали договариваться. Рѣшили, что завтра, въ восемь часовъ утра, Бухальцевъ и Чухчурьянъ пріѣдутъ на квартиру фонъ-Кроля. Начали прощаться. Послышалось щелканье шпоръ, причемъ и Самохотовъ щелкнулъ огромными шпорами, торчавшими изъ-подъ штрипокъ синихъ штановъ. Затѣмъ онъ взялъ со стола большой хлыстъ, натянулъ перчатки и сказалъ:

— Второй мой секундантъ находится еще въ имѣннѣ за городомъ, но завтра онъ будетъ имѣть честь...

Онъ посвистѣлъ хлыстомъ по воздуху и вѣжливо открылъ предъ гостями дверь.

— Пойдемъ и мы,—сказалъ Самохотовъ Бухальцеву.—Мнѣ надо сдѣлать нѣсколько визитовъ: поѣду къ княгинѣ Вѣлосельской и къ графу Кочубею.—Чего добраго, послѣзавтра убьютъ, такъ слѣдуетъ поторопиться.

По грязной, вонючей лѣстницѣ, распугивая кошекъ, спускалась эта странная компанія. Впереди шли секунданты Курденко; затѣмъ шелъ, гремя шпорами, Самохотовъ съ Бухальцевымъ. Кортежъ заключалъ кавказецъ въ огромной папахѣ, придерживавшій рукой чеканную ручку кинжала.

Когда они вышли во дворъ, Самохотовъ сдѣлалъ хлыстомъ торжественный взмахъ. Берейторъ подвелъ ему бѣлую лошадь. Кавказецъ взялся за правое стремя, а Самохотовъ, вставивъ носокъ въ лѣвое, довольно ловко перекинулъ ногу черезъ сѣдло. Правда, его огромная фигура въ треуголкѣ была нѣсколько комична и напоминала не то какого-то герольда, не то Донъ-Кихота. Но онъ былъ важенъ и самоувѣренъ. Отдавши честь по-военному, онъ тронулъ рысью лошадь и въ сопровожденіи берейтора выѣхалъ на улицу.

Бухальцевъ смотрѣлъ ему вслѣдъ. Онъ повернулъ вглубь Острова, къ Смоленскому кладбищу. Бухальцевъ машинально повернулъ тоже въ ту сторону, такъ какъ былъ увѣренъ, что Самохотовъ далеко не уйдетъ.

И онъ не ошибся. Завернувъ за уголъ, онъ увидѣлъ его, идущаго пѣшкомъ ему навстрѣчу.

— А гдѣ же лошади?—спросилъ онъ.

— Отпустилъ. Чего мнѣ ихъ держать? А импозантно было?

— Глупо.

— Но необычно?

— Да, сто лѣтъ проживешь, не увидишь. Я думаю, они тебя сочли за помѣшаннаго.

— Ха-ха! И превосходно. Ну, слушай. Сегодня въ девять, ровно въ девять вечера ты долженъ быть у меня. Это необходимо. Это очень важно. Это гораздо важнѣе, чѣмъ ты думаешь. Я долженъ оставить тебѣ свое завѣщаніе.

— Ты думаешь, что будешь убить.

— Навѣрно.

— Почему?

— Такъ будетъ.

— Ты въ самомъ дѣлѣ тронутый.

— Весьма возможно. Тѣмъ не менѣе—приходи.

Бухальцевъ обѣщалъ.

— Да,—кликнулъ его Самохотовъ,—дай адресъ этого Чавчавадзе, я сейчасъ ему напишу приглашеніе.

Бухальцевъ написалъ ему адресъ на своей карточкѣ и подалъ.

— А что ты думаешь о всей этой исторіи?—спросилъ Самохотовъ.

— Да ничего хорошаго нѣтъ.

— Я самъ думаю, что ничего хорошаго. Ну, да поговоримъ вечеромъ.

XIX.

Окончательно устроившись на квартирѣ, Бухальцевъ пошелъ къ Марусѣ. Тамъ никого не было. На столѣ лежала открытая книга. Онъ началъ читать, но голова была не тѣмъ занята. Здѣсь все дышало Марусей. На диванѣ были брошены забытыя перчатки. Двѣ шляпы лежали поверхъ картонокъ. За ширмами стояла ея кровать съ крохотной подушкой наверху. Въ комнатѣ пахло ея духами.

Прошелъ часъ, другой, ея все не было. Онъ написалъ ей записку, гдѣ намекнулъ, что случился рядъ обстоятельствъ, которыя мѣшаютъ ему быть у нея эти дни, о чемъ онъ сожалѣетъ. Онъ передалъ записку и усмѣхнулся:

— Вотъ задамъ задачу полиціи, если будетъ здѣсь обыскъ,—подумалъ онъ, ставя свои иниціалы.—Ничего, пусть поищутъ.

На сосѣдней колокольной было девять часовъ, когда Бухальцевъ звонилъ у квартиры Самохотова. Ему открылъ дверь тотъ же кавказецъ и на этотъ разъ проводилъ его въ обычную комнату, занимаемую художникомъ.

Тамъ уже было двое гостей: Подгурецкій, котораго выпустили изъ полиціи, и Чухчурьянъ; Подгурецкій рассказывалъ о своемъ сидѣніи въ участкѣ и о томъ, какъ одновременно съ нимъ доставили туда двухъ малолѣтнихъ дѣвочекъ, «обвиняемыхъ въ проституціи», какъ выразился околочный.

— Дѣвочки плачутъ, говорятъ, что онѣ совсѣмъ этого даже не желаютъ,—рассказывалъ Муромецъ:—но ихъ мамаша настаиваетъ, увѣряя, что и она съ этого начала и, однако, стала почтенной женщиной. А приставъ возмутился и сказалъ, что онъ этого не попуститъ и этой мамашѣ покажетъ Кузькину мамашу.

Все это рассказывалъ Подгурецкій весело, со вкусомъ, какъ о пріятной встрѣчѣ.

— Какой же результатъ?—спросилъ Бухальцевъ.—То есть я о васъ говорю.

— Къ мировому потянуть. Придется отсидѣть.

— Зачѣмъ такъ неосторожно поступать, — сказалъ Чухчурьянъ.—Я понимаю, можно морду побить, но зачѣмъ въ ресторанѣ музыкантовъ разгонять? Пусть играютъ.

— Азіатскій ты человекъ,—сказалъ хозяинъ:—шири великоросейской не понимаешь.

— Ну, ужь ваша ширь! У насъ на Кавказѣ куда лучше. Тутъ гора, тамъ гора. Араратъ есть.

— А вотъ нашъ священникъ говорилъ, что вашъ Араратъ подложный,—сказалъ Бухальцевъ.

— Что ты говоришь!—удивился Чухчурьянъ.—Я его самъ видѣлъ, совсѣмъ настоящій Араратъ.

— Настоящій-то въ Гималаяхъ, а этотъ называется Мазисъ.

— Такъ это вѣрно, что онъ Мазисъ, а только онъ и Араратъ. Кости Хама тамъ есть. Показываютъ. И остатки Ноева ковчега есть.

— А радуга Ноева осталась?—спросилъ хозяинъ.

— Напрасно ты глупости говоришь,—обидѣлся армянинъ.—Что такое радуга? Была—и нѣтъ.

На столѣ стоялъ самоваръ, сладкія булки, колбаса, масло, водка, пиво, селедка съ лукомъ и лимонъ.

— Что обозначаетъ сіе пиршество?—спросилъ Бухальцевъ.

— Да ничего не обозначаетъ,—отвѣтилъ хозяинъ.—Говорятъ, предъ повѣшеніемъ позволяютъ осужденному напиваться вдрызъ. Вотъ и я рѣшилъ... А потомъ—созвалъ я васъ—возлюбленные братіе, на сію трапезу, дабы завѣщаніе свое изложить. И завѣщаніе сіе будетъ устное.

— Тогда выпьемъ водки,—сказаль Подгурецкій.—Хотя думаю, что эгой жалкой порціи на четверыхъ мало.

— Есть еще двѣ,—сказаль Самохотовъ и сняль съ подоконника двѣ откупоренныхъ бутылки.

— Вотъ это дѣло,—согласился Подгурецкій и, наливъ полчайныхъ стакана, медленно вытянулъ жидкость, утерся и заѣлъ чернымъ хлѣбомъ съ лукомъ и солью.

— А ну-ка—завѣщаніе твое!—сказаль онъ.

— Завѣщаніе мое таково,—началь Самохотовъ.—Вотъ тутъ 331 рубль. При васъ я отдаю ихъ Бухальцеву. Пересчитай, Бухальцевъ. Послѣ смерти моей ты перешлешь эти жалкіе остатки былого величія моимъ родителямъ. Адресъ тебѣ извѣстенъ—тотъ самый, по которому ты мнѣ писалъ прошлымъ лѣтомъ. А это—три рубля на расходъ.

— Да у тебя у самого ничего больше нѣтъ?—удивился Бухальцевъ, видя, какъ онъ выворачиваетъ бумажникъ.

— А зачѣмъ мертвымъ деньги?—спросиль онъ.

— Да вѣдь ты живъ?

— Сейчасъ—да. А черезъ полчаса?

— И черезъ полчаса будешь живъ.

— Неизвѣстно.

— Что ты говоришь загадками?

— Это вы говорите всѣ загадками, а не я. Я всѣ загадки разрѣшилъ. Мнѣ все ясно. Я вдругъ себя почувствовалъ умнѣе всѣхъ васъ.

— Это пріятное чувство, хотя и идиотское, но щекочущее самолюбіе,—сказаль восточный человѣкъ.

— Ну, кто изъ насъ больше идиотъ—тоже неизвѣстно. Я продолжаю. Послѣ смерти моей благоволите отправиться къ нашему конференцъ-секретарю и спросите у него пособіе на похороны, ибо я нищъ и нагъ, денегъ ни одной копейки, хотя за квартиру, въ лавочку и даже Дарьѣ Осиповнѣ уплачено все цѣликомъ.

— Чѣмъ говорить такія разныя глупости,—сказаль армянинъ,—гораздо лучше намъ стовориться о дуэли. Ты что хочешь?

— Я ничего не хочу.

— Какъ ничего?

— Такъ, ничего.

— Да ты стрѣляться будешь?

— Стрѣляться буду.

— На какихъ же условіяхъ?

— Безъ условій. Баць!—и конецъ.

— А отчего ты не хочешь извиниться? Вѣдь, говорятъ, ты вель себя какъ самый послѣдній прохвостъ?

— Если бъ я былъ еще въ сто разъ прохвостнѣе, все-таки не извинился бы.

— Да почему?

— Потому что бываетъ такая логика иногда. Не хочу—и баста. Я могу распоряжаться собственной персоной, какъ ты думаешь?

— Можешь. А только я не знаю, за что ты такъ обругалъ человѣка, который совсѣмъ тебѣ ничего дурного не сдѣлалъ.

— Захотѣлъ.

— Что жъ, ты убить его хочешь?

— Не хочу. Я въ него и стрѣлять не буду.

— Да ты обалдѣлъ?—спросилъ Подгурецкій.

— Можетъ, и обалдѣлъ, а можетъ, и нѣтъ. Но стрѣлять въ него не буду. Я ему письмо послалъ два часа назадъ. Сейчасъ прочту вамъ.

— Съ этого бы начать надо было,—сказалъ Бухальцевъ.

— А я вотъ не началъ,—злбно сказалъ Самохотовъ и началъ читать:

«Милостивый государь Николай Сергѣевичъ. За портретъ мы съ вами въ расчетѣ. Въ остальномъ разсчитаемся вскорѣ. Вы хотите извиненія, но я его не желаю. Готовъ повторить все, что сказалъ, если вы мнѣ напомните, такъ какъ, будучи въ пьяномъ видѣ, не помню, что говорилъ. Повторю, и еще прибавлю. И не потому, что вы хуже другихъ, а потому что всѣ вы одинаковы. Дуэль выдумали вы, а не я,—и я очень радъ этому. Я смѣлѣе васъ, потому что съ удовольствіемъ подставляю себя подъ дуло, а вы трусите, хотя и притворяетесь, что храбры. И вообще—зачѣмъ вы живете на бѣломъ свѣтѣ? нужно ли это кому? О, я не хочу васъ оскорблять, за что? Вы такъ—червячекъ, моль, протоплазма. Будьте здоровы. Будете на моихъ похоронахъ? Рѣшительно васъ не уважающій, ибо не за что, такой-то».

— Это не остроумно,—сказалъ восточный человѣкъ.

— А почему ты думаешь, что я хотѣлъ остеречь?—спросилъ Самохотовъ. —Я сегодня совсѣмъ не въ такомъ настроеніи.

XX.

— Такъ вотъ, я вамъ кончу свое завѣщаніе,—продолжалъ онъ.—Завѣщаю вамъ, други мои, первымъ дѣломъ—плонуть на искусство, а затѣмъ—на науку. Это два скорпіона, отравляющіе жизнь человѣчеству. Упраздните всѣ искусства и всѣ науки, и вы увидите, какое блаженство настанетъ на землѣ. Когда чортъ пришелъ на землю—онъ изобрѣлъ науку; онъ сказалъ: «будете какъ боги, вкусивъ плоды познанія». Когда пришелъ на землю Богъ—Онъ уничтожилъ прежній писанный законъ и утвердилъ новый, и утвердилъ безъ книги, устнымъ ученіемъ. И небольшая

толпа палестинских жителей запомнила и передала другим людям, что сказал Бог, и только много лѣтъ спустя стали это записывать и потомъ печатать.

Бухальцевъ внимательно посмотрѣлъ на Самохотова. Въ немъ была какая-то приподнятость, что-то новое. Это была не только неувѣренность въ своихъ силахъ, а нѣчто гораздо большее. Это большее было чѣмъ-то апостольскимъ, что поднимало простыхъ рыбаковъ до Великаго Учителя.

— Милые друзья мои,—продолжалъ онъ,—въ эту минуту вы можете мнѣ повѣрить, предъ вами—обреченный на смерть. Какъ бишь это по-латыни? Я плохъ въ этомъ.

— *Moriturus*,—подсказалъ Бухальцевъ.

— *Ave, Caesar,—morituri te salutant!*—добавилъ восточный человѣкъ, по специальности филологъ.

— Да, да! Я все это знаю, хоть и кончилъ только прогимназію и латинскому языку не обучался, а такъ—понаторѣлъ въ немъ, потерялся возлѣ знающихъ. *Моритурусъ*—это вѣрно. А разъ я *моритурусъ*, а вы не *моритурусы*—значить, я выше васъ.

— Почему ты всегда хочешь быть выше всѣхъ?—спросилъ кавказецъ.

— Потому что всякій человѣкъ этого хочетъ,—сознался Самохотовъ.—Если онъ не хочетъ сказать это открыто, такъ онъ мерзавецъ. Всякому лестно. Но одинъ—боится даже мечтать; другой—молчитъ изъ расчета; третій—глупъ и не можетъ достигнуть того, чего онъ хочетъ, изъ тупости. Всѣ хотятъ быть сверху. Видѣли щенковъ въ корзинѣ?—каждый лѣзетъ наверхъ и давитъ нижнихъ. Тѣ же мы щенки слѣпорожденные...

— Ты сегодня въ ударѣ,—замѣтилъ Бухальцевъ.

— Полагаю. Я къ стѣнѣ прижатъ.

— Да почему ты такое значеніе придаешь этой дуэли?—спросилъ Чухчурьянъ.—И кончить ты ее можешь хоть сегодня,—сказалъ азіатскій гость:—а если не хочешь кончить—такъ все равно, потому это ничѣмъ не кончится. Неужто вы палить другъ въ друга будете? Сохрани Боги!

— Ахъ, ты! армянинъ,—качая укоризненно головой, сказалъ Самохотовъ.—Говорятъ, армяне зайца боятся. А ты даже блохи боишься. Вотъ если бы сейчасъ я направилъ на тебя дуло, что бы съ тобой было?

— Что бы со мной было?—спросилъ гордо восточный человѣкъ.—Ничего не было бы.

Самохотовъ внезапно вынулъ изъ кармана небольшой толстый бульдогъ.

— Заряжень, клянусь «паденья первой мукой», заряжень,—сказалъ онъ.

Чухчурьянъ всталъ со стула.

— Не люблю такія шутки! — сказалъ онъ. — Что такое? Почему заряженный револьверъ? Ты думаешь, я боюсь, я ничего не боюсь.

— А вотъ если только нажать эту штучку, — смѣясь сказалъ хозяинъ, поднимая револьверъ въ уровень съ его лбомъ. — Ха-ха! побѣлѣлъ армянинъ!

— Ничего я не побѣлѣлъ, а только неприятно. Скажи, пожалуйста, что хорошаго, — нечаянно выстрѣлишь, красоту испортишь.

Самохотовъ опустил револьверъ.

— Не бойся, — проговорилъ онъ; — не отстрѣлю тебѣ даже кончика носа, хотя бы ты отъ этого стала красивѣе.

Онъ сунулъ бульдогъ въ карманъ, взялъ бутылку пива, и прямо изъ горлышка, не торопясь, выпилъ ее всю однимъ духомъ, и потомъ съ силой швырнулъ въ уголъ, отчего она разсыпалась вдребезги.

— Ловко! — похвалилъ Илья Муромецъ.

— Итакъ, братіе, завѣщаю вамъ, — продолжалъ, упираясь руками о столъ, хозяинъ, — пойти къ нашимъ профессорамъ и сказать, что и впредь я ихъ благословляю на прозябаніе въ казенныхъ квартирахъ и на ничего-недѣланіе въ классахъ. Благословляю ихъ на казенные заказы, особенно на писаніе иконостасовъ, что у нихъ даже совмѣщается съ содержаніемъ въ собственномъ домѣ пансіоновъ съ веселыми дѣвками. Скажите моимъ товарищамъ, что я завѣщаю морочить этихъ старичковъ и добиваться пансіонерства за границей всякими благородными способами: лестью, наущничествомъ, пятколизаніемъ и прочимъ.

— Это я передамъ, — сказалъ Бухальцевъ.

— Передай еще, что мое искреннее и задушевное желаніе: пусть въ одинъ прекрасный день провалится вся академія, со всѣмъ содержимымъ, со всѣмъ штатомъ, съ учащими и учащимися, и пусть, какъ на мѣстѣ Содомы и Гоморры, образуется Мертвое море, и смрадный дымъ будетъ стоять на томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ этотъ красный домъ.

Онъ посмотрѣлъ, много ли осталось отъ выпитой Муромцемъ водки: было больше полубутылки. Онъ приставилъ горлышко къ губамъ, выпилъ и швырнулъ посуду въ уголъ, смѣшавъ новые осколки съ прежними.

— Мое завѣщаніе вамъ, — продолжалъ онъ: — не любите ближнихъ: они прохвосты. Презирайте ихъ, давите по мѣрѣ силъ. Чѣмъ больше надавите этихъ клоповъ, тѣмъ лучше.

Онъ тяжело перевелъ дыханіе.

— Смерть моя никого не опечалитъ! Ни профессорскій, ни ученическій составъ слезы проливать не будутъ...

— Ну, это ты врешь, — замѣтилъ Подгурецкій.

— Нѣтъ, не вру, топ сег. Я даже не знаю, будутъ ли особенно опечалены мои родители. Правда, я отсылалъ имъ громадныя суммы: иногда до тысячи рублей въ годъ. Но это баловство. День-

жонокъ у старика припрятана малая толика—на ихъ вѣкъ хватить. Но зато въ какомъ легендарномъ, таинственномъ свѣтѣ останется для нихъ и прочихъ обывателей нашего села мой образъ? Разъ въ годъ я появлялся тамъ на нѣсколько дней,—на конѣ, въ мундирѣ, треуголкѣ. Въ треуголку я втыкала плюмажъ изъ зеленыхъ, красныхъ и желтыхъ перьевъ, а на боку ея прикрѣплялъ звѣзду ордена подвязки. Всѣ мои четыре серебряныхъ медали висѣли на серебряной цѣпи по борту мундира. Черезъ плечо я имѣлъ красный шарфъ—муаръ-антикъ съ золотой бахромой. На правой сторонѣ груди въ овальной рамѣ, осыпанной брильянтами, изъ которыхъ каждый могъ стоить рублей по пятисотъ, если бы за всю рамку я не заплатилъ три съ половиной,—висѣлъ писанный мною собственноручно портретъ матери Наполеона. И когда я въѣзжалъ, всѣ родные мои въ бѣлыхъ рубахахъ, съ полотенцами и хлѣбомъ-солью встрѣчали меня у околицы; а я пѣлъ изъ «Псковитянки»: «Здорово, псковичи!»

— Ну, не шутъ ты гороховый!—воскликнулъ кавказецъ.

— Ты шутъ, а не я! Ну, такъ вотъ они, можетъ быть, и пожалѣютъ и передадутъ потомкамъ мой сказочный образъ, тѣмъ болѣе, что у нихъ въ углу, рядомъ съ кіотомъ, виситъ мой портретъ на конѣ, во всемъ орнатѣ, опять-таки мною же изображенный... А затѣмъ—остальное... Паръ, прахъ, дымъ!..

Онъ опустился у стола, подперъ голову рукой и задумался. Потомъ протянулъ руку къ бутылкѣ съ пивомъ, налилъ на этотъ разъ въ стаканъ, подождалъ, пока опадетъ пѣна, потомъ выпилъ половину, вынулъ изъ портсигара папиросу, закурилъ. Потомъ неторопливо всталъ и пошелъ въ сосѣднюю маленькую каморку, служившую ему спальней.

— Ненормальный человекъ,—сказалъ Чухчурьянъ, и тоже налилъ себѣ пива.

— Нѣтъ, онъ нормальный,—сказалъ Бухальцевъ.

Баць! баць! вдругъ раздалось рядомъ въ комнатѣ—оглушительно и зловѣще.

На секунду всѣ замерли. Потомъ Илья Муромецъ первый сорвался съ мѣста и кинулся въ спальню. За нимъ остальные.

Самохотовъ сидѣлъ на полу, прислонясь спиной къ постели. Пиджакъ и жилетъ были сняты. Ночная рубашка, въ которой онъ сидѣлъ, тлѣла, зажженная выстрѣломъ. Сѣрая облака дыма висѣли въ воздухѣ, и сквозь нихъ смутно сіяла свѣчка. Вбѣжала хозяйка и лакей-кавказецъ.

— Ну, кладите на постель,—сердито сказалъ раненый.

Кинулись его поднимать. Бухальцевъ подхватилъ его подъ спину и увидѣлъ на груди зіяющую рану и кровь, бѣгущую струйкой, горячую, липкую, смачивающую его руку. Хозяйка съ плачемъ

повалилась на полъ; но на нее не обращали вниманія, и шагали черезъ нее, когда она оказывалась на дорогѣ.

— Тутъ докторъ, въ восьмомъ номерѣ,—вспомнилъ Илья Муромецъ, и безъ шапки кинулся по лѣстницѣ. Черезъ пять минутъ онъ притащилъ длиннаго рыжаго человѣка съ бакенбардами, тоже безъ шапки, который довольно энергично сопротивлялся, повторяя:

— Говорю же я вамъ, что я акушеръ!

Но его привели къ кровати. Онъ трясущимися руками потрогалъ раненаго и сказалъ:

— Надо извлечь пулю, если она не навзлетъ прошла. А самое лучшее, пошлите въ полицію за врачомъ,—я только напорчу. Здѣсь полиція недалеко.

— Знаю я, гдѣ полиція, безъ васъ,—крикнулъ Подгурецкій, и, захвативъ на этотъ разъ фуражку, какъ мячикъ, запрыгаль внизъ по ступенькамъ лѣстницы.

Акушеръ, впрочемъ, нашель нужнымъ остаться. Онъ просилъ достать льду, мѣшокъ для компрессовъ, ваты и бинты. Чухчурьянъ взялся это исполнить, и въ свой чередъ отправился въ аптеку. Хозяйка пришла въ себя, опустила на колѣни передъ Самохотовымъ, положилъ руку ему на лобъ и, вся дрожа, спрашивала:

— Ты живъ? Скажи, живъ? Милый мой, милый!

— Это супруга?—спросилъ акушеръ тихо Бухальцева.

— Нѣтъ, просто квартирная хозяйка.

— А, это бываетъ,—догадался медикъ.

Почти одновременно появились полиція, докторъ, ледъ и бинты. Медики поздоровались. Помощникъ пристава сдѣлалъ грустное лицо и сказалъ:

— Вотъ, господинъ Самохотовъ, при какихъ печальныхъ обстоятельствахъ пришло намъ встрѣтиться!

Самохотовъ повернулъ къ нему голову и, стараясь преодолѣть боль и показать самообладаніе, сказалъ:

— Во-первыхъ, я не вижу ничего печальнаго въ моемъ положеніи. А, во-вторыхъ... теперь я вижу васъ близко. Какое у васъ тупое лицо...

Полицейскій улыбнулся.

— У каждого есть свое мнѣніе,—сказалъ онъ.—У меня составилось мнѣніе насчетъ васъ, но я его не выскажу.

— Мое опредѣленіе вы принисываете бреду,—сказалъ Самохотовъ и сморщился отъ боли, когда лекаръ повернулъ его, чтобы посмотрѣть, откуда идетъ кровь, смачиваетъ тюфякъ, помимо грудной раны.

— Нѣтъ, я васъ попрошу только, если вы въ силахъ... А вы въ силахъ, потому что разговариваете и даже шутите... констатировать происшедшее.

— А вотъ тамъ на столѣ записка. Почитайте. Собственноручная.

Полицейскій взялъ кусокъ бумаги и прочелъ:

«Самъ. Не желаю въ этомъ дѣлѣ одолжаться другимъ».

— Мнѣ это неясно,—сказалъ онъ.

— Ахъ, вамъ неясно?—криво улыбаясь и тряхнувъ головой, говорилъ Самохотовъ.—Вотъ спросите этихъ господъ... Впрочемъ, я скажу... Я долженъ былъ драться на дуэли, но убитымъ не желалъ быть, и поэтому предупредилъ всякую возможность этого, доказавъ, что нисколько не боюсь переселенія въ ту страну, гдѣ не составляютъ протоколовъ и не требуютъ паспортовъ.

— Сколь мнѣ извѣстно,—возразилъ помощникъ пристава,—отцы церкви именно указываютъ на то, что воздается «коемуждо по дѣломъ его». Слѣдовательно, и тамъ нуженъ аттестатъ. Итакъ, вы утверждаете, что нанесли себѣ выстрѣлъ сами?

— Выстрѣлъ былъ сдѣланъ въ упоръ,—сказалъ полицейскій врачъ:—на два дюйма выше сердца.

— Не попалъ! А еще анатоміи учился!—сказалъ съ сокрушеніемъ Самохотовъ.

Полицейскій удалился составлять актъ. Врачъ, кончивши осмотръ, спросилъ:

— Вы религіозный человѣкъ?

— То есть надо поа звать? Хорошо, зовите. А то, чего добраго, на Голодаѣ похоронять.

Вскорѣ съ нимъ сдѣлался обморокъ. Когда онъ пришелъ въ себя, врачей уже не было, и только что пришелъ священникъ. О чемъ они говорили,—никто не зналъ, но священникъ хмурился. Когда онъ далъ поцѣловать крестъ, Самохотовъ сказалъ:

— Дайте посмотрѣть на живопись.

Тотъ охотно поставилъ крестъ передъ его глазами.

— Рыночная работа,—коснѣющимъ языкомъ сказалъ умирающій:—неужели хуже не могли найти... Въ послѣднія минуты, и... безграмотный рисунокъ..

Началась тяжелая, безконечная ночь,—безсонная, темная, кровавая. Изъ тюфяка капала кровь непрерывно, и ее уносили въ тазахъ. Весь воздухъ былъ ею пропитанъ,—ея удушливымъ прянымъ ароматомъ. Присланный фельдшеръ мѣнялъ ледъ, и на вопросъ товарищей отвѣчалъ:

— Агонія-съ.

Въ пять утра онъ вошелъ въ столовую, гдѣ всѣ сидѣли за самоваромъ, и сказалъ:

— Готово-съ!

Сразу не поняли, но онъ объяснилъ:

— Ad patres.

Самохотовъ лежалъ спокойный, вытянутый, длинный, серьезный. Больше нечего было возлѣ него дѣлать, и всѣ разошлись по домамъ.

Въ девятомъ часу Бухальцевъ послалъ записку по адресу офицера-секунданта:

«Милостивыѣй государь! Свиданіе наше излишне. Самохотовъ застрѣлился вчера вечеромъ. Сообщите объ этомъ его противнику. Похороны, по всей вѣроятности, завтра».

Но похороны пришлось отложить на послѣзавтра. Приѣхалъ военный хирургъ, посланный великимъ княземъ, президентомъ академіи, и нашель нужнымъ сдѣлать подробный осмотръ и даже вскрытіе тѣла. Хозяйка просила куда его не увозить, — и тутъ же въ большой пустой комнатѣ, усыпавъ полъ опилками, раздѣвъ покойника, пилили ему черепъ, смотрѣли сердце и легкія, уносили цѣлыя лаханки крови и какихъ-то сгустковъ, составили еще протоколъ, и судебный слѣдователь пообѣщалъ всѣхъ свидѣтелей вызвать черезъ недѣлю въ окружный судъ для опроса.

Бухальцевъ ходилъ въ какомъ-то туманѣ. Панихиды въ тѣсной квартиркѣ, переполюхъ въ академіи, что-то необъяснимое, неожиданное заставило его ни о чемъ больше не думать. И всѣ они, свидѣтели событія, почему-то сходились раза три въ день къ плачущей хозяйкѣ, и она поила всѣхъ чаемъ, и говорила, что тотчасъ же съѣдетъ съ этой квартиры, — потому покойникъ ходитъ и говорить цѣлую ночь.

Бухальцевъ отправилъ деньги родителямъ и написалъ письмо. Впрочемъ, онъ не написалъ о самоубійствѣ, а только сообщилъ, что передъ кончиною покойный просилъ приложенныя деньги переслать имъ, что онъ и исполняетъ.

XXII.

Тучи нависли совсѣмъ низко и моросили мелкимъ холоднымъ дождемъ. Сѣденькій сердитый академическій священникъ, въ очкахъ и въ камлавкѣ, отслужилъ послѣднюю панихиду. Понесли внизъ бѣлый глазетовый гробъ и поставили на траурную колесницу. Лошади, въ безобразныхъ черныхъ пополахъ, занесенныхъ къ намъ отъ нѣмцевъ, со временъ Петра Великаго, повели огромными ушами, и казались не лошадьми, а сказочными безформенными тварями, увозившими въ загробный міръ несчастнаго покойника. Нечесанный кучеръ въ цилиндрѣ, надѣтомъ на уши и все съѣзжавшемъ на затылокъ, въ недѣпой черной шинели съ капюшономъ, вооружился кнутомъ, безъ котораго клячи даже шагомъ не могли тянуть колесницу. Четыре полуньяныхъ факельщика и два водничихъ передней пары дополняли великолѣпіе процессіи.

Священникъ пошелъ во главѣ. Колесница заныряла по ухабамъ и выбоинамъ. Кисти у гроба отчаянно затряслись, иногда казалось, что подскакиваетъ даже крышка, и несчастный Самохотовъ собирается выпрыгнуть изъ неудобнаго экипажа. Сзади шла толпа ака-

демистовъ. Шель и инспекторъ и два профессора. У академіи остановились и отслужили литію. Конференцъ-секретарь, бритый, съ черными нависшими бровями, тоже вышелъ, снялъ форменную фуражку, имѣлъ терпѣніе отслушать литію, и даже три раза перекрестился. Далѣе священникъ не пошелъ, профессора и многіе академисты тоже отстали,—и образовалась группа человѣкъ въ пятнадцать, рѣшившая опустить въ жидкую грязь этотъ парчевый гробъ.

Ближе всѣхъ къ гробу шли Кипарисовъ, что лаялъ на окомоточнаго по-собачьи, Бухальцевъ и кавказецъ.

— Зачѣмъ онъ жилъ?—спросилъ Бухальцевъ.

— Надо же было кому-нибудь небо коптить,—отвѣтилъ Кипарисовъ.—Пребездарная была скотина.

— Постой, хоть похоронить дай,—остановилъ его Бухальцевъ.

— Да я ему это въ глаза говорилъ живому, что же мнѣ церемониться съ покойникомъ? Онъ и самъ это зналъ не хуже насъ. Ты знаешь, почему онъ себя хлопнулъ? Потому что написать программы не могъ. Человѣкъ залѣзъ на канатъ, а итти не можетъ. Вотъ и скovyрнулся внизъ. Не знаю только, былъ ли тутъ расчетъ, или нѣтъ. Во всякомъ случаѣ онъ обманулся.

— Ты о чемъ?

— Онъ или хотѣлъ себя немного ранить и остаться жить, или убить наповаль. Ни то, ни другое не удалось. Хотя онъ молодцомъ провелъ этотъ промежутокъ до смерти. Въ сущности говоря, мы бы всѣ должны были такъ же поступить. Все-таки міръ поочистился бы...

— Ахъ, и ты?—вырвалось у Бухальцева, но мысли своей онъ не dokonчилъ.

— Врете вы все!—сказалъ восточный человѣкъ.—Почему не жить? Стипендія есть, уроки есть, барыни есть. Умѣй только пользоваться. Неужели лучше болтыхаться тамъ въ гробу? Совсѣмъ не желаю. Хочу до девяноста лѣтъ дожить. Я ни въ какую загробную жизнь не вѣрю. Я и въ Бога не вѣрю. А вѣрю въ то, что вотъ иду и дышу,—хоть промозглый воздухъ, а дышу.

— Знаешь, ты кого напоминаешь мнѣ?—спросилъ Бухальцевъ.

— Кого?

— Головастика въ грязной лужѣ. Онъ тоже доволенъ.

— Да головастикъ-то, душа моя, умнѣе насъ съ тобой,—онъ знаетъ, что дѣлаетъ... Постой, смотри, у воротъ какая славная дѣвчонка стоитъ. Пойду знакомиться.

Онъ отдѣлился отъ процессіи и пошелъ къ воротамъ. Дѣвица сразу стала хихикать и отворачиваться, а онъ, кажется, сразу сумѣлъ взять на бордажъ непріятели,—онъ даже платокъ ей завязалъ подъ подбородкомъ, чтобъ она не простудилась.

Всѣхъ больше казался опечаленнымъ Илья Муромецъ. Онъ шель, опуствя голову, запустивъ руки въ карманы и надвинувъ на брови плящю. Онъ навзрыдъ плакалъ, когда сегодня пѣли «вѣчную память».

Онъ да квартирная хозяйка—только и были, другъ возлѣ друга, понурые и молчаливые. А, впрочемъ, Богъ вѣсть, какъ тамъ, въ далекой деревнѣ, отнесутся сѣдые старики къ потерѣ сына и какъ низко поникнутъ ихъ старческія, печальныя лица!..

На кладбищѣ было еще пасмурнѣе, еще грустиѣе. Мокрыя листья шуршали подъ ногами. Было холодно, вѣтрено, сыро, ушыло. Яма, гдѣ-то далеко, на окраинѣ, была полна водою, какъ ее ни отливали. Опутили туда конкуррента, посыпали сверху ж лтымъ песочкомъ, потомъ стали заваливать жидкой грязью. И опять хозяйка и Подгурецкѣй горько плакали и слѣдили глазами за блескомъ газета, скрывавшагося подъ шлепками грязи.

Бухальцевъ взялъ извозчика и поѣхалъ къ Марусѣ. Она была дома и встрѣтила его съ нѣкоторымъ изумленіемъ.

— Гдѣ ты пропадалъ?—спросила она.

Онъ рассказалъ ей. Она молча слушала, смотря въ уголъ на печку. Когда онъ кончилъ, она сказала:

— Нѣтъ, расскажи все подробно-подробно: что, какъ и почему.

Онъ снова началъ подробный рассказъ. Она положила свою руку на его, и въ ея зеленыхъ глазахъ ходили какія-то тѣни.

— Онъ хорошо сдѣлалъ!—сказала она.

— Да, должны жить одни сильныя,—отвѣтилъ онъ. Они помолчали.

— А гдѣ твоя мать?—спросилъ онъ, чтобы отвлечь ея мысли въ другую сторону.

— Чортъ ее знаетъ!—съ кислой гримасой отвѣтила она.—Когда я отъ нея избавлюсь! Какъ мнѣ все это надоѣло, все надоѣло.

Она походила по комнатѣ и остановилась противъ него.

— Хорошо, что ты пріѣхалъ,—сказала она.—Если бъ ты пріѣхалъ вечеромъ—не засталъ бы меня. Я на два дня собиралась въ Кронштадтъ. Тамъ у меня дѣло.

— Какое?

— Тамъ есть отецъ Іоаннъ. Я къ нему исповѣдываться поѣду.

— Развѣ ты религіозна?

— Нѣтъ, это не то. Но исповѣдываться я иногда люблю.

Хочешь поѣхать вмѣстѣ?

Онъ обрадовался предложенію.

— Сегодня мы остановимся въ гостиницѣ, —сказала она.—А потомъ я переѣду къ знакомымъ, а ты уѣзжай.

— Сколько же времени ты тамъ пробудешь?

— Дня два.

— Какія же это знакомыя?

— Двоюродная тетка. Она замужемъ за морякомъ.

— Хорошо. А твоя мать будетъ знать, что мы уѣхали вмѣстѣ?

— Зачѣмъ? Ты пріѣдешь прямо на пароходъ,—я уже тамъ буду.

— Ты не боишься вѣтра и качки?

- Я ничего не боюсь.
 Онъ поколебался и спросилъ:
 — А любишь ты меня?
 Она подумала, точно хотѣла что вспомнить, и потомъ сказала:
 — Да, люблю. А замужъ все же едва ли за тебя пойду.
 — А за кого же пойдешь?
 — Не знаю. Можетъ, за генерала.
 — Да вѣдь онъ твой крестный?
 — У меня метрика затеряна,—не знаю. Знаю, что онъ былъ любовникомъ моеѣ матери, а теперь хочетъ, чтобъ я была его любовницей. Ну, это дудки. Онъ придетъ въ три часа. Къ этому времени ты уѣзжа й.
 — Гонишь?
 — Господи, да вѣдь увидимся опять. Всю ночь будемъ вмѣстѣ. Чего бы не далъ генераль, чтобъ я поѣхала съ нимъ. Старая распу́тная тварь.
 — Зачѣмъ же ты его принимаешь?
 — Надо.
 — Онъ денегъ даетъ?
 — Можетъ быть.
 — У меня есть триста рублей—хочешь, дамъ?
 — Нѣтъ, милый, твоихъ денегъ я не возьму.
 — Почему?
 — Потому что я знаю, за что ты ихъ получилъ. Ты писалъ для Кокорева панно?
 — Да.
 — Такъ эти деньги трудовыя. Трудовыхъ денегъ жалко. А вотъ генеральскія—это другой сортъ. Во-первыхъ, онъ деньги даетъ въ ростъ по тридцати процентовъ, а, во-вторыхъ, у него два каменныхъ дома есть.
 — А почему же я не могу присутствовать при вашей встрѣчѣ?
 — Потому что ты глупъ. Онъ тебя терпѣть не можетъ, какъ моего жениха.
 — Но если я женихъ, то могу потребовать, чтобъ ты его не принимала.
 — Ну, дружочекъ мой, женихи ничего не имѣютъ права требовать. Въ самомъ дѣлѣ уходи. А то ты меня разсердишь, и я съ тобой не поѣду.
 Онъ нехотя всталъ, нагнулся, чтобъ ее поцѣловать. Она подставила ему щеку, и только сказала, когда онъ уже былъ у двери:
 — Пожалуйста, и опоздай.

XXIII.

Онъ пріѣхалъ за десять минутъ до отхода парохода. Нѣсколько прояснилось, но вѣтерокъ былъ порядочный. Онъ нашелъ ее въ рубкѣ. Она сидѣла, закутавшись въ теплую ротонду. Возлѣ нея были два чемоданчика. Она покосилась на его сакъ и засмѣялась.

— Чѣмъ онъ у тебя набить? Неужели краски взялъ?

— Нѣтъ, тамъ альбомы, платье.

— Я хочу обѣдать, пойдемъ, пожалуйста, въ буфетъ и распорядись.

Услужливый лакей пригласилъ ихъ въ маленькую отдѣльную рубку, возлѣ колеснаго кожуха.

— Кабинэ пратикюлье,—объявили онъ, сразу угадавъ двухъ влюбленныхъ.

— Ну, что же генераль?—спросилъ онъ, когда они усѣлись.

— Пришелъ въ отчаяніе отъ того, что я уѣзжала. Просился, умолялъ.

— Но ты была непреклонна?

— Я была непреклонна. Опять дѣлалъ мнѣ предложеніе.

— Въ любовницы?

— Нѣтъ, въ законныя жены.

— Что же ты?

— Я сказала, что выйду сперва за тебя, и если овдовѣю, то вторымъ бракомъ выйду за него. Онъ сорвался съ мѣста и уѣзжалъ на лѣстницу безъ фуражки... Для того, чтобъ былъ предлогъ вернуться.

— И вернулся?

— Конечно. Рассказывалъ, сколько у него дохода. Тысячъ до тридцати въ годъ. Я ему сказала, что при такихъ средствахъ лучше держать двухъ французенокъ, чѣмъ имѣть меня женой. Онъ не согласился съ этимъ. Главное, онъ говоритъ, что меня надо избавить отъ мамы. Онъ узналъ, что за ней слѣдятъ очень строго. Она вѣдь теперь по уши залѣзла въ эти нелегальные кружки. Гдѣ-то за Волковымъ кладбищемъ опыты съ динамитомъ производятъ. Самое лучшее, если бъ она взорвала самое себя. Я ей сказала, что если она осмѣлится принести къ намъ въ меблированныя комнаты какую-нибудь жестянку, я моментально уйду изъ дома и больше никогда не вернусь. Она меня спросила, куда же я пойду. Я отвѣтила: на Невскій, а можетъ быть къ Бухальцеву, а можетъ быть къ крестному...

— Ну?

— Ну—теперь цѣлыми днями она пропадаетъ. У нихъ тамъ конспиративная квартира, бросаютъ жребіи. Въ концѣ концовъ мою мамашу повѣсятъ. Она будетъ въ восторгѣ, и я тоже.

Когда они кончили обѣдать и лакей снялъ со стола кофе, онъ присѣлъ рядомъ съ ней на малиновый диванчикъ. Она прижалась къ нему. Онъ обнялъ ее. Пароходъ уже шелъ по заливу, и крупные хлопья пѣны стучались въ стекло иллюминатора. Пароходъ покачивался, и они, какъ въ люлькѣ, то опускались, то подымались.

— Когда же наша свадьба?—спросилъ онъ, прикасаясь губами къ ея щекѣ и тихо поводя ими. Легкій налетъ пушка бархатисто щекоталъ его. Она молчала.

— Когда же?—повторилъ онъ.

— Ахъ, какой ты неотвязный!—сказала она.—Я вотъ о чемъ думаю. Что, если уѣхать служить въ провинцію. Меня зовутъ въ Харьковъ—хорошій городъ.

— Да вѣдь ужъ сезонъ начался?

— Тамъ съ актрисой одной что-то вышло. Ну, она поругалась и удрала.

— До поста, значить?

— До поста.

— И ничего, если ты меня не увидишь всю зиму?

— Мнѣ будетъ скучно, милый. Но что же дѣлать?

— А мать не поѣдетъ за тобой?

— Нѣтъ. Я это ставлю условіемъ. Ты пріѣдешь ко мнѣ на недѣлю,—остановишься прямо у меня.

— Женихъ-то? Удобно ли?

— Ну, я скажу всѣмъ, что ты не женихъ, а мой любовникъ.

— Но вѣдь это—ложь.

— Ложь, по этимъ удовлетворятся. Можетъ быть, какой-нибудь поклонникъ вызоветъ тебя на дуэль. Тебя убьютъ. Я пойду въ трауръ за твоимъ гробомъ,—черное мнѣ къ лицу. Меня будутъ съ двухъ сторонъ поддерживать, а я буду падать въ обморокъ. А когда меня будутъ приводить въ чувство,—я буду чуть внятно лепетать: «только не изомните вуаль!»

— А если я убью противника?

— Тогда тебя посадятъ, я буду возить тебѣ калачики. Сборы очень поднимутся, такъ какъ на меня всѣ побѣгутъ смотрѣть, какъ на Сирену.

Онъ повернулъ къ себѣ ея лицо и сталъ цѣловать ее въ глаза, лобъ, щеки, губы, шею. Она терпѣливо вынесла этотъ порывъ, и потомъ спокойно сказала:

— Пойдемъ отсюда, здѣсь душно—я хочу на воздухъ.

Они вышли на палубу. Пассажиры всѣ попрятались въ каюты и рубки. Пѣна хлестала черезъ бортъ. Носъ зарывался въ волны и опять медленно вздымался вверхъ. Черный дымъ клубами валилъ изъ двухъ трубъ и, порывавъ, относился вѣтромъ далеко-далеко въ сторону, нависая верстъ на пять надъ моремъ. Сзади Петербурга уже не было видно, а впереди, на фонѣ кровавыхъ облаковъ заката,

смутно проступали плоскія линіи приближающагося Кронштадта, съ остроконечной церковью и длинной заводской трубой.

Маруся присѣла у борта и стала смотрѣть въ черныя со стальнымъ отблескомъ волны. Потомъ она тихо дотронулась до его руки.

— Знаешь что?—сказала тихо она.

— Нѣтъ, не знаю,—засмѣялся онъ.

— Пойдемъ туда?

— Куда?

Она показала рукой на воду.

— Смотри, какъ бурлить,—здѣсь не выплыть и не вытащить. Кругомъ никого нѣтъ. Станемъ на бортъ, обнимемъ, и черезъ минуту—конецъ. Черезъ одну минуту! И все будетъ кончено.

— Мнѣ что-то не хочется,—пошутилъ онъ.—Еще вытащать, да останешься съ насморкомъ. Я предпочитаю теплую комнату въ гостиницѣ.

Гостиницы были плохонькія. Они взяли рядомъ двѣ комнаты. Въ комнатѣ побольше, гдѣ стояла широкая кровать, помѣстилась Маруся,—а онъ помѣстился въ комнатѣ рядомъ. Затопили печку, подали чай и красное вино. Она сидѣла въ креслѣ, задумчиво смотря на пламя.

— Наконецъ мы съ тобой вдвоемъ, вдали отъ всѣхъ, въ чужомъ городѣ,—сказалъ онъ.

— Да,—равнодушно отвѣтила она.

— Что же, ты пойдешь къ ранней обѣднѣ?..

— Нѣтъ, не пойду. Я всѣ эти ночи плохо спала. Можетъ быть, сегодня усну послѣ качки.

Онъ усѣлся у ея ногъ и сталъ смотрѣть ей въ глаза. Она тихо гладила по его волосамъ, изрѣдка на него взглядывая.

— Какъ съ тобой скучно,—сказала она внезапно.

— Съ генераломъ веселѣе?—спросилъ онъ.

— Да. Генераль остритъ. Глупо, пошло, цинично.

— Ты это любишь?

— Это противно. Но молчать хуже. И потомъ ты на меня все время смотришь, и я вижу, для чего я тебѣ нужна.

— Я тебя люблю,—подтвердилъ онъ.

— И поэтому нужно сейчасъ же заводить связь?

— Это вытекаетъ одно изъ другого. Связь безъ любви—гадость. Любовь платоническая...

Онъ сталъ подыскивать выраженіе.

— Тоже гадость,—подсказала она.

— Ну, не гадость,—а это пужно только старымъ дѣвамъ. Да, мы съ тобой молоды и сильны. Чего же ждатель?

— Такъ вотъ отчего ты съ такой радостью согласился сюда ѣхать,—улыбнулась она.

Онъ слегка покраснѣлъ.

— Ну, да, я не отпираюсь,—проговорилъ онъ, прижимая ея обѣ руки къ своимъ горящимъ щекамъ.—Конечно, я думалъ и объ этомъ,—что ты сегодня можешь стать моей женой.

— Любовницей,—поправила она.

— Все равно... Стать моею...

Она холодно посмотрѣла на него.

— Мнѣ этого не надо,—сказала она.

Онъ выпустилъ ея руки.

— Конечно, я противъ твоей воли не пойду,— я на насиліе не способенъ.

— Ты способенъ рисовать рѣчку, барашковъ, кусточки,—это я знаю,—и думать, что это дѣло...

— Ну, ты не знаешь, что я думаю.

— Знаю. И если бы ты былъ способенъ на сумасшедшій порывъ, на насиліе,—я бы это поняла, и простила.

Онъ съ изумленіемъ взглянулъ на нее.

— Что это—намекъ?

— О, нѣтъ! Сколько ты ни притворяйся, твоимъ порывамъ я не повѣрю и сумѣю дать имъ отпоръ... Вотъ что лучше: вынь изъ сака книжку—такая желтенькая. Почитай мнѣ ее.

Онъ досталъ и посмотрѣлъ обложку. Это былъ какой-то историческій романъ изъ эпохи московской чумы. Онъ неохотно началъ читать. Описывался народный бунтъ, грубыми, аляповатыми красками. Маруся слушала, все смотря на пламя, иногда помѣшывая въ печкѣ кочергой. Прошло съ полчаса. Онъ остановился.

— Ты понимаешь, что я читаю?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ,—отвѣтила она.

Онъ отшвырнулъ книгу. Наступило долгое молчаніе.

— Ты неправа относительно меня,—проговорилъ наконецъ онъ.

Она перевела на него вопросительный взглядъ.

— Ты неправа потому, что подводишь меня подъ общую мѣрку.

Она усмѣхнулась.

— А ты выше этой общей мѣрки?

— Ты напрасно хочешь меня уязвить,—сказалъ онъ.—Я, можетъ быть, хуже, бездарнѣе и безчестнѣе большинства. Я не объ этомъ говорю. Я говорю, что я еще не зналъ ни одной женщины.

Она прищурилась и сказала:

— Какой дуракъ!

— Но вѣдь и ты не знала ни одного мужчины?—сдерживаясь, спросилъ онъ и, затаивъ дыханіе, ждалъ отвѣта.

Она молчала.

— Ты слышишь, что я спрашиваю?

— Слышу.

— Отчего же ты молчишь? Вопросъ слишкомъ серьезенъ.

— Я на него не отвѣчу,—презрительно сказала она.

— Почему?

— Потому что, если бы я любила женщину, то никогда бы объ этомъ не спрашивала.

— Ты меня не поняла. Для меня это не играетъ никакой роли.

— А только праздное любопытство?

— Можетъ быть.

— И все-таки я тебѣ не отвѣчу. Если мы женимся, то сойдемся на взаимномъ довѣрїи. Мнѣ все равно,—зналъ ли ты до меня женщину, или нѣтъ. Важно то, что будетъ при нашей совмѣстной жизни, а не то, что было раньше.

— Я съ тобой согласенъ.

Она опять улыбнулась, но уже хорошей улыбкой.

— Ты всегда будешь со мной согласенъ. Ты изъ тѣхъ людей, что подчиняются болѣе сильному, а я сильнѣе тебя.

— Развѣ сильнѣй?

— Навѣрно. И если когда-нибудь случится, что мы будемъ жить вмѣстѣ,—женатые или нѣтъ, безразлично,—ты увидишь, какъ ты будешь плясать по моей дудкѣ, а не я по твоей.

— «Когда-нибудь»?—уныло спросилъ онъ.

— Если когда-нибудь это случится,—повторила она.

— А можетъ и не случиться?

— Можетъ.

— То есть, ты вдругъ выйдешь за генерала?

— Да.

— Прїятная перспектива.

— Ты будешь нашимъ другомъ дома. Или ты считаешь себя негоднымъ на это амплуа? Ты скорѣй резонеръ, чѣмъ любовникъ.

Вошла горничная и спросила:

— Изволите въ разныхъ комнатахъ спать, или въ одной?

Маруся молчала.

— Спросите у барыни,—предложилъ онъ.

Барыня повернула голову къ горничной и сказала:

— Въ разныхъ, милая, въ разныхъ.

Когда горничная ушла въ сосѣдную комнату, все готовить къ ночи, онъ спросилъ у Маруси:

— А если бѣ я ей отвѣтилъ—«въ одной»?

— Больше ничего, какъ ты спалъ бы на неприготовленной постели.

Она задорно посмотрѣла на него и прибавила:

— Ахъ, ты—дѣвственникъ!

Когда все было готово для ночи, она спросила, который часъ.

— Еще рано,—отвѣтилъ онъ:—нѣтъ одиннадцати.

— Я спать хочу!—сказала она, потягиваясь въ креслѣ. Прощай, милый, иди къ себѣ. Книгу положи возлѣ кровати на столикѣ.

Онъ нагнулся къ ней; она обняла его за шею, и поцѣловала такимъ спокойнымъ, холоднымъ, долгимъ поцѣлуемъ, какимъ цѣлуются люди, двадцать лѣтъ прожившіе вмѣстѣ.

Подойдя къ двери, онъ сказалъ ей:

— Ключъ съ твоей стороны.

— Не все ли равно,—лѣниво отвѣтила она.—Не запирайтесь же мнѣ отъ тебя.

XXIV.

Онъ скоро заснулъ. Засыпая, онъ увидѣлъ похороны, колыхающійся гробъ, глиняную яму, лѣнныя волны Финскаго залива и покачиванье парохода. Сны были тяжелые и смутные. Онъ чувствовалъ какой-то комъ, который стоялъ въ его горлѣ и мѣшалъ дышать. Онъ просыпался и убѣждался, что никакого комка нѣтъ; но едва засыпалъ—опять то же давящее, злое чувство внутренняго безпокойства наползало на него. Ему чудилось, что кто-то стоитъ у его изголовья и смотритъ на него,—но никого не было. Потомъ онъ увидѣлъ Самохотова, который стоялъ въ углу, блѣдный, загадочно-молчаливый.

— Вѣдь тебя похоронили, чего же тебѣ еще надо?—спросилъ Бухальцевъ.

Тотъ пожалъ плечами и усмѣхнулся такъ, какъ вечеромъ усмѣхалась Маруся.

Потомъ онъ проснулся отъ какого-то толчка и сѣлъ на кровати. Сердце билось. Что онъ видѣлъ сейчасъ во снѣ,—онъ не помнилъ.

— Выпить развѣ стаканъ вина?—подумалъ онъ.

Но вино осталось въ комнатѣ Маруси. Онъ зажегъ свѣчу, посмотрѣлъ на часы. Было три. Онъ потушилъ свѣчу и вдругъ замѣтилъ въ нижнюю щель двери, что у Маруси огонь.

Онъ быстро одѣлся. Пріотворивъ двери, онъ спросилъ:

— Можно войти?..

Но отвѣта не было. Онъ отворилъ дверь. Она лежала на постели навзничъ и тихо дышала. Черныя пряди волосъ змѣнились по подушкѣ: вѣроятно, коса распустилась ночью. Губы ея были полуоткрыты. Обнаженные руки лежали поверхъ одѣяла. Онъ видѣлъ ея круглыя, бѣлыя плечи, видѣлъ, какъ вдрагиваютъ ея рѣсницы. Свѣча сгорѣла больше, чѣмъ до половины. Раскрытая книга валялась тутъ же на кровати. Онъ нагнулся, чтобъ потушить свѣчу, когда она внезапно открыла глаза.

— Что ты?—съ недоумѣніемъ спросила она.

— Я увидѣлъ свѣтъ. Почему ты спишь со свѣчкой?

— Я заснула, не чувствуя, что засыпаю,—отвѣтила она.—Потомъ пододвинула одѣяло, подвинулась къ стѣнѣ, и сказала:—Сядись, коли хочешь.

Онъ сѣлъ и сталъ гладить ея нѣжную точеную руку, всю обнаженную. Она посмотрѣла на него и опять закрыла глаза.

— А вѣдь ты не любишь меня,—замѣтилъ онъ.

Она тяжело подняла рѣсницы:

— Почему, резонеръ? Потому что позволяю тебѣ сидѣть на моей кровати?

— Нѣтъ, не потому.

— Не будемъ говорить объ этомъ, скучно. Зачѣмъ ты пришелъ? Я такъ хорошо спала.

— Я уйду.

— Все равно, ты ужъ меня разбудилъ. Слышишь, какъ вѣтеръ воетъ? Даже окна звенять. Что теперь дѣлается на морѣ! А мы съ тобой здѣсь, на этомъ островкѣ...

Онъ наклонился и сталъ цѣловать ея плечи. Она слегка оттолкнула его и натянула одѣяло.

— Что-то на дѣвственника не похоже,—сказала она:—да и мнѣ щекотно.—Сядь лучше въ кресло, спокойнѣе будетъ.

Онъ, не возражая, пересѣлъ въ кресло.

— Люблю послушныхъ пуделей,—сказала она.—Ну, а теперь потуши свѣчку и расскажи что-нибудь.

Свѣчку онъ потушилъ.

— Тебѣ удобно сидится? —спросила она.—Ты можешь такъ заснуть?

— Не знаю.

Слабый свѣтъ отъ уличныхъ газовыхъ фонарей проникалъ въ комнату и шевелился на потолокѣ. Стекла вздрагивали отъ вѣтра. Она закуталась въ одѣяло и повернулась къ нему.

— Подвинься совсѣмъ, ближе,—сказала она.—Положи голову здѣсь на подушки. Вотъ такъ. Ты—милый, хорошій, я люблю тебя. Тебѣ будетъ жалко, если я умру?

— Глупый вопросъ,—сказалъ онъ.

— А ты вѣришь въ загробную жизнь?

Онъ подумалъ и сказалъ:

— Не знаю.

— И я не знаю,—сказала она.—Но все-таки, если меня не будетъ, и если нѣтъ загробной жизни,—думай, что я живу гдѣ-нибудь. У меня была маленькая сестренка. Я очень ее любила. Она умерла. И я не хочу думать, что ея совсѣмъ нѣтъ. Все-таки она гдѣ-то есть. Я думаю, люди затѣмъ и создали загробную жизнь, чтобъ имѣть утѣшеніе думать, что всѣ ихъ близкіе еще живы...

— Но знаешь, Маруся, чѣмъ свѣтлѣе міросозерцаніе народа, тѣмъ мрачнѣе ихъ представленія о загробной жизни. У Вергилія Ахиллесъ говоритъ, что онъ прѣдпочелъ бы жизнь простого поденщика на землѣ—царствованію надъ тѣнями послѣ смерти... И на-

противъ,—тѣмъ тяжелѣе живется на землѣ, тѣмъ блистательнѣе представляется рай.

— А мнѣ представляется загробная жизнь,—тихо заговорила Маруся,—тихой, огромной, безбрежной рѣкой, стеклянной,—безъ струйки,—серебристо-золотистой. И по ней не въ лодкѣ,—а не знаю на чемъ—скользятъ куда-то по теченію души. Только не въ видѣ людей,—а въ видѣ ихъ душъ, безо всякаго облика. Ты можешь что-нибудь представить певидимое? Я могу. Эти души чувствуются,—но ихъ нельзя видѣть... Имъ не скучно, ни весело. Они все видятъ, все слышатъ...

Она замолчала. По улицѣ продребезжали дрожки, и въ стекла опять застучалъ вѣтеръ.

Вдругъ густой протяжный ударъ колокола докатился до нихъ. Это звонили къ заутренѣ.

— На Кавказѣ, на перевалѣ между Тифлисомъ и Владикавказомъ,—началь рассказывать Бухальцевъ,—на высотѣ, гдѣ вѣчные снѣга, стоитъ такой срубъ, и на немъ виситъ колоколь. Когда поднимается метель, и все загорошитъ, такъ что не видно дороги, и каждую минуту рискуешь опрокинуться въ пропасть, изъ сторожки выходятъ сторожъ и бьетъ въ колоколь. И звуки точно идутъ съ неба и зовутъ къ себѣ... И на Ладожскомъ озерѣ, на Валаамѣ, тоже есть колоколь. И когда на озерѣ поднимется туманъ и пароходъ станетъ, боясь наткнуться на скалы,—тогда въ монастырѣ начинаютъ благовѣститъ. И сквозь розовый туманъ эти звуки поютъ и зовутъ къ себѣ...

— Я не люблю колокола,—сказала она:—онъ зоветъ къ смерти.

Они долго молчали. Потомъ онъ заговорилъ, но она не отвѣтила. Онъ закрылъ глаза, сѣлъ удобнѣе. Онъ чувствовалъ возлѣ своего лица ея чистое дыханье; онъ взялъ тихонько прядь ея волосъ и положилъ себѣ на лицо. Они легли мягкой пушистой сѣткой. Мысли опять стали путаться, а молодая усталость—требовать сна. И подъ мѣрные звуки колокола онъ тихо задремалъ на одной подушкѣ съ своей невѣстой.

Когда онъ очнулся, уже почти совсѣмъ разсвѣло. Также спокойно и довѣрчиво она лежала передъ нимъ. Онъ осторожно прикрылъ ее сползавшимъ одѣяломъ, посмотрѣлъ на ея платье и бѣлье, лежавшее на креслѣ въ ногахъ, и тихо вышелъ.

XXV.

Утромъ они пили чай и завтракали у него въ маленькомъ номерѣ, пока у нея убирали.

— Мы вотъ какъ сдѣлаемъ,—говорила она.—Я поѣду къ своимъ, пообѣдаю у нихъ, а къ вечеру приѣду сюда, къ тебѣ.

— А я что же буду дѣлать?

— Глупышъ, ты будешь ждать меня. Посмотришь городъ. Ты никогда здѣсь не былъ?

— Да что здѣсь смотрѣть?

— Что-нибудь найдешь. Ну, думай обо мнѣ.

— Я уже все передумалъ. Такъ ты въ церковь совѣмъ не пойдешь?

— Нѣтъ, я не расположена.

Около двѣнадцати часовъ она уѣхала. Онъ пошелъ бродить по городу. Когда онъ вернулся назадъ, лакей сказалъ, что его ждетъ какой-то мужикъ.

Это былъ, повидимому, дворникъ. Онъ подаль ему записку. Это писала Маруся.

«Пришли мнѣ вещи, я не вернусь. Приѣхала мать. Она боится, что ее арестуютъ, и сбѣжала изъ Петербурга. Мы ночуемъ у родныхъ. Цѣлую крѣпко. Твоя Маруся».

«Р. S. Приѣзжай завтра вечеромъ въ Петербургъ ко мнѣ».

«Я, кажется, ни во что не вѣрю,—подумалъ онъ:—ни въ то, что она у родныхъ, ни то, что приѣхала ея мать, ни то, что она сбѣжала изъ Петербурга».

Онъ поѣхалъ на пароходъ.

Сегодня качки не было. Онъ пошелъ въ каюту, легъ въ углу на диванъ, и лакей разбудилъ его, только когда пароходъ остановился у пристани въ Петербургъ.

Первый, кого онъ встрѣтилъ, выйдя на берегъ, былъ сахарозаводчикъ.

— Какъ я радъ, какъ я радъ,—заговорилъ онъ, пожимая Бухальцеву руки.—Я только что о васъ думалъ. Я въ ужасномъ положеніи, въ ужасномъ! Я не могу спать, ѣсть,—у меня въ головѣ какая-то каша. Вы позволите пройти съ вами?

— Пожалуйста,—сказалъ онъ.

— Вы не обѣдали? Я—тоже. Поѣдемте къ Пинчеру, въ Морскую.

Бухальцевъ отказался,—сказалъ, что ему нужно быть въ академіи на вечернихъ занятіяхъ.

— До вечера еще далеко.

— У насъ начинается въ пять.

— Ну, хорошо, тогда пройдемтесь. Скажите, въ чемъ же лежитъ причина того, что этотъ несчастный художникъ покончилъ съ собой? Вѣдь вы тамъ были? Неужели я—причина всего?

Бухальцевъ пожалъ плечами.

— Причина неизвѣстна. Вы и вашъ вызовъ,—быть можетъ, были одной изъ капель, переполнившихъ его...

— Это ужасно, ужасно! Молодой, талантливый, умный, полный силъ. Мнѣ это непонятно!

— Только не берите на себя причину его смерти,—повѣрьте, вы—одна сотая, не больше.

— Какъ вы меня успокоили!

И сахарозаводчикъ опять пожалъ ему руку.

— Я не могу смотрѣть на его портретъ,—продолжалъ онъ.— Сперва я думалъ дать его кому-нибудь закончить. Но теперь я рѣшилъ его сжечь. И я сожгу его самъ,—изрѣжу и сожгу.—Скажите, а правда, что онъ разорвалъ сторублевую бумажку? Мнѣ передавалъ это Кроль. Такъ-таки и разорвалъ? Странно! Я бы никогда себѣ этого не позволилъ. Это самодурство.—Ну, подари лакею, опусти въ благотворительную кружку, пошли въ редакцію газеты для бѣдныхъ,—это все возможно. Но рвать деньги?.. Это натура пизменная, грубая, какой-то кунавинскій разгуль... Мой кругозоръ совершенно иной. Мой кругозоръ...

— Виновать,—перебилъ его Бухальцевъ:—я долженъ зайти къ товарищу, онъ здѣсь, въ 4-й линіи.

— Ну, очень жаль,—сказалъ Николай Сергѣевичъ, и быстро стащилъ съ правой руки перчатку.—Я бы очень просилъ васъ вернуть ко мнѣ,—здѣсь, по близости, въ 7-й линіи. У меня хорошая коллекція. Я бы съ удовольствіемъ приобщилъ къ ней и ваше произведеніе. И я, знаете, не торгуюсь...

— И я тоже,—сказалъ Бухальцевъ, и пошелъ черезъ площадь.

Ему не надо было идти ни къ какому художнику, но онъ хотѣлъ отдѣлаться отъ сахарозаводчика. Ему онъ почему-то былъ противенъ. Онъ пошелъ черезъ площадь къ академіи, когда его кто-то окрикнулъ по фамиліи.

Онъ оглянулся. Передъ нимъ стояла стройная дѣвушка съ курчавыми пепельными волосами. На ней была еще лѣтняя соломенная шляпа и легкій ватерпруфъ. Но, повидимому, ей холодно не было; ея пухленькія губы улыбались весело и сочно. Сѣрые глаза смотрѣли живо и задорно. Она остановилась на тротуарѣ и ожидала, когда онъ подойдетъ къ ней.

Онъ сразу ее узналъ. Это была натурщица, шведка, и звали ее Эльза. Онъ познакомился съ ней у товарища, которому она позировала весной для Валкиріи.

— Слушайте, Бухальцевъ,—съ акцентомъ заговорила:—вы не будете сердиться, сто я скажу вамъ? Дайте мнѣ два рубля. Я отдамъ, какъ заработаю.

— Хорошо, я дамъ,—сказалъ онъ.—Только надо размѣнить, у меня нѣтъ мелкихъ.

— Пойдемте въ лавку фруктовую, я ветсины куплю, вы размѣняете.

Они пошли рядомъ.

— Понимаете,—весело продолжала она:—я второй день нисего не кусаю: пью сладкій кофе съ молокомъ и больше нисего.

-- Что же это вы такъ? спросилъ Бухальцевъ.

— Не съѣхались худосники. Трoихъ еду на дняхъ,—а до тѣхъ поръ отъ голода умереть можно. А вы сами знаете, для натуры надо строго себя дергать.

Онъ посмотрѣлъ на веселыя ямочки ея щекъ и спросилъ:

— А сколько лѣтъ вамъ, Эльза?

— Двадцать одинъ.

— Такъ вы и лѣтомъ мало позировали?

— Какія дѣла лѣтомъ! Приѣзжалъ Константинъ Егоровичъ—написалъ двѣ головки, далъ двадцать пять рублей. Онъ очень скоро писеть: три сеанса всего. Хоросій, веселый селовѣкъ.—Ну, вотъ напротивъ фруктовая лавка.

— Слушайте, Эльза, я тоже не объдалъ,—пойдемте въ «Сѣверный Олень» и пообедаемъ.

— Засѣмъ деньги тратить!—возмутилась она.—Лучше тогда вы купите сто хотите, и я куплю,—пойдемъ ко мнѣ, напьемся сая и поѣдимъ.

Бухальцеву вдругъ она стала нравиться—нравиться какимъ-то новымъ, животнымъ ощущеньемъ. Онъ почувствовалъ въ ней самку, здоровую, сильную, породистую. Ему пріятна была мысль, что онъ пойдетъ къ ней, и они, гдѣ-то тамъ, въ ея конуркѣ, будутъ пить чай. Онъ остановился и вынулъ десятирублевую бумажку.

— Вотъ, Эльза,—сказалъ онъ,—возьмите эти деньги, купите все, что, по-вашему, довольно для насъ двоихъ,—а то, что останется,—возьмите себѣ.

— Ахъ, это хорошо!—обрадовалась она:—тогда сдите меня.

Онъ долго ходилъ передъ окномъ магазина. Онъ видѣлъ, какъ она переходила отъ прилавка къ прилавку,—и какъ всюду, куда она ни подходила, приказчики начинали улыбаться,—точно она была солнцемъ, освѣщавшимъ ихъ.

Наконецъ она вышла со свертками.

— Толго!—показывая обѣ ямки и всѣ зубы, сказала она.—Зато я сколько всего накупила! Тасе икры всяла сетверть фунта. Ну, пойдёмъ.

И она пошла, весело подпрыгивая, какъ проголодавшіеся школьники, когда идутъ къ завтраку. Онъ тоже не прочь былъ подпрыгивать: такъ заражала она весельемъ, здоровьемъ и силой. Онъ просунулъ свою руку ей подъ руку и сильно ее прижалъ къ себѣ.

— Экая вы крѣпкая,—сказалъ онъ.

Она звонко засмѣялась.

— Всѣ говорятъ! — сказала она. — И не ѣмъ нисего, а все крѣпкая!

Проходившіи геморроидальный чиновникъ съ ненавистью посмотрѣлъ на нее и даже шагу прибавилъ и пустился рысцою, чтобъ скорѣй забыть этотъ раздражающій образъ.

XXVI.

Жила она невысоко, въ чистенькой комнатѣ, гдѣ на вѣшалкѣ, подъ дырявой простыней, висѣло нѣсколько платевъ, было два стула, кровать, ломберный столъ, покрытый вязаной скатертью, комодъ съ крохотнымъ кривымъ зеркаломъ и прелестной вазой бакарà, куда были воткнуты увядающія орхидеи. На окнѣ шторы не было, и низъ его былъ закрытъ шерстянымъ платкомъ на булавкахъ.

Она скинула свою шляпу на комодъ, сѣренькій ватерпруфъ повѣсила поверхъ простыни и осталась въ суконной коричневой кофточкѣ и такой же юбкѣ.

— Ну, я сейчасъ всѣмъ распоряжусь!—сказала она, и убѣжала куда-то.

Онъ подошелъ къ кровати: одѣяло было все покрыто кружками кружевъ, вѣроятно, своей работы. Наволочка у подушки такъ и сверкала бѣлизной и тонкимъ полотномъ. На комодѣ стояло нѣсколько портретовъ извѣстныхъ художниковъ, и ея фотографическая карточка—совершенно обнаженной. Она лежала на диванѣ, опершись на руку, съ цѣломудренной наивностью показывая свое тѣло, какъ будто она хотѣла сказать:

— Смотрите, какая я! Видали лучше?

Она вошла, еще болѣе веселая, что-то жуя. Она поставила масло, сардины, икру, два куса ростбифа, огурцы, ветчину и бутылку краснаго крымскаго вина.

— Сейчасъ самоваръ дадутъ!—воскликнула она.—Ну, садитесь сюда.

Она посадила его на постель, сама придвинула къ кровати столъ, вынула изъ комода двѣ салфетки и, кинувъ ему одну, сказала:

— Смотрите, какъ выгласено! Сама гласу,—такъ праска никогда не сумѣеть.

Она налила въ два разнокалиберныхъ стакана вина, чокнулась, и сказала:

— Спасибо.

Онъ выпилъ и еще болѣе почувствовалъ, что онъ голоденъ. И онъ сталъ ѣсть, ѣсть все, что было на столѣ,—наслаждаясь удовлетвореніемъ голода, раздувая ноздри, чувствуя раздражающій запахъ жаренаго мяса и свинины. Они, какъ щенки, перебирали весело ногами и весело взглядывали другъ на друга. Она налила ему еще вина, и никогда ему оно не казалось такимъ вкуснымъ и ароматнымъ. Онъ смотрѣлъ на нее и думалъ: какъ хорошо было бы, если бѣ лѣтомъ на дачѣ возлѣ него была такая милая дѣвушка. Какъ бы дружно и мирно они жили.

Старуха, въ сѣрыхъ шерстяныхъ чулкахъ и пестрыхъ туфляхъ, дала кипящій самоваръ. Эльза заварила изъ взятой четверки чая, нарѣзала лимонъ и весело вызывающе посмотрѣла на него.

— Разкасите, сто вы лѣтомъ писали?—спросила она.

— Пейзажи, какъ всегда.

— Какъ саль, сто вы пейзасистъ,—и я вамъ нenusна для натуры,— сказала она.

— Я хорошо рисую фигуры,—сказаль онъ.—Я безъ фигуръ не понимаю пейзажа.

— Такъ если вамъ нусно будетъ, вы восьмете меня?—спросила она.—Я съ васъ возьму десевле. Такъ я беру три рубля за два саса.

Она вытерла начисто губы салфеткой, намоченной въ кипятокъ, вытерла тѣмъ же концомъ салфетки пальцы, и сѣла рядомъ съ нимъ на кровать.

— Спасибо!—снова сказала она.—Я осень была голодна, мнѣ такъ хотѣлось ѣсть.

Она обняла его смѣлой, сильной рукой, приблизила къ нему свое свѣжее, молодое лицо близко-близко, посмотрѣла ему въ глаза и поцѣловала его въ губы. Онъ привыкъ въ послѣднее время къ поцѣлуямъ Маруси. Они обжигали и дразнили его. Они были душисты, отъ нихъ вѣяло поэзией первой любви. Здѣсь же—любви и помина не было,—зато было столько здоровья, столько крѣпости и упругости. Подъ красными шелковистыми губами точно была помѣщена цѣлая электрическая батарея. Выхоленная кожа упруго скользила подъ рукой. Онъ погладилъ ея щеку, потрогалъ упругій завитокъ ея уха, провелъ рукой по волосамъ, золотымъ пухомъ разметавшимся надъ ея лбомъ. Онъ посмотрѣлъ въ ея сѣрые смѣющіеси глаза, на ея бѣлые зубы и сталъ цѣловать въ ямочки на щекахъ и подбородкѣ. Она загнула голову и открыла бѣленькую шею, поворачиваясь и подставляясь подъ поцѣлуи, точно подъ теплую струю воды.

И онъ не только не чувствовалъ той гадливости, о которой онъ говорилъ тогда товарищу, вспоминая о женщинахъ,—но, напротивъ того, чувствовалъ, что его всего охватываетъ волна того желанія другъ друга, которая исходить отъ нея и которая до сихъ поръ такъ была чужда ему. Она улыбалась, поддавалась его ласкамъ, сама ласкала его и, пригнувъ его голову къ подушкѣ, цѣловала пахнувшимъ виномъ ртомъ и въ щеки и въ глаза. Онъ чувствовалъ, какъ крѣпко прижалась къ его груди ея упругая грудь, и какъ крѣпко держитъ она его за плечи. Потомъ она, быстро вскочивъ, провела рукой по волосамъ, подбѣжала къ двери и звонко защелкнула задвижкой...

XXVII.

Было девять часовъ, когда онъ собрался уходить отъ нея.

— Останься, мнѣ скучно,—говорила она, обвивая его шею точно изъ кости точеной рукой.—Останься. Засѣмъ тебѣ итти,—куда итти?

Да, ему никуда отъ нея не хотѣлось. Чувство было новое, неизвѣданное, и, какъ ему казалось, хорошее. Она безъ умолку говорила, показывая ему свои платья, вещи; разные рисунки, подаренные ей художниками. Она жаловалась, какъ трудно прожить натурщицѣ во время безработицы. Какъ приходится ютиться по такимъ конурамъ, какъ эта, только потому, что у хозяйки есть случайно ванна,—а ей необходимо каждый день брать холодную ванну, чтобъ грудь не опускалась и кожа блестѣла. Ей пужно постоянно обтираться отваромъ соды и борной, чтобы поддерживать свѣжесть кожи, чтобъ не было пятенъ и прыщиковъ. Она сама четверть часа кипятитъ это снадобье, и большая бутылка ей хватаетъ на недѣлю. Зато — какіе атласные у нея плечи и бока. Это не то, что у русскихъ натурщицъ, отъ которыхъ пахнетъ потомъ и которыя бѣлье мѣняютъ разъ въ недѣлю.

Онъ, дѣйствительно, испытывалъ чувства такой чистоты и атласности во всей этой убогой обстановкѣ, какой не чувствовалъ никогда дома — въ двухъэтажномъ помѣщицьемъ домѣ, на берегу широкой рѣки, гдѣ онъ нѣкогда дѣтской рукой рисовалъ свои первые этюды. Его отецъ — былъ предводитель дворянства, мать изъ стараго помѣщичьяго рода. Они жили въ довольствѣ, почти въ роскоши, принимали весь уѣздъ. Потомъ съ отцомъ случилась старая исторія — его отдали подъ судъ за растрату дворянскихъ денегъ. А и затратилъ-то онъ ихъ на пріемъ какого-то высокопоставленнаго лица, проѣзжавшаго черезъ ихъ губернію. Кончилось описью имущества. Теперь отецъ, страдающій ревматизмомъ, живетъ гдѣ-то у брата, мать умерла. У нихъ были родство и связи. И здѣсь, въ Петербургѣ, есть два-три дома, гдѣ его принимаютъ какъ родного, — но онъ чуждъ этимъ кругамъ, не имѣющимъ ничего общаго съ искусствомъ. Все-таки онъ и жилъ и вращался, какъ принято выражаться, въ «обществѣ», и вотъ онъ теперь провѣрялъ себя: ему никогда не доводилось видѣть такой простоты въ движеніяхъ, въ манерахъ, въ обращеніи, какъ въ этой шведкѣ, что внезапно и для него и для себя стала его любовницей. Даже ея ломаный, смѣшной языкъ не казался смѣшнымъ. Даже ея порывъ къ нему, какъ къ человѣку, накормившему ее, былъ такъ простъ, такъ естествененъ. Она отдавалась ему съ такимъ чувствомъ пріязни къ нему, — не молодому, недурному собой, здоровому студенту, а къ хорошему человѣку, который сочувствуетъ другому.

Уходя отъ нея поздней ночью, онъ сказалъ:

— Эльза, у меня есть деньги, я тебѣ могу дать.

— А засѣмъ мнѣ?—удивилась она.—Ты даль.

— Это мало.

— Ну, когда выйдутъ, тогда дай.

— Нѣтъ, слушай, Эльза, я тебѣ вотъ еще оставлю. Мнѣ бы не хотѣлось, чтобы ты... Ну, словомъ, ты понимаешь... Я не хочу, чтобы у тебя изъ-за денегъ было съ кѣмъ-нибудь, какъ со мной.

— Хорошо,—сказала она.

— А когда выйдутъ—приди ко мнѣ,—я живу въ десяти минутахъ ходьбы отсюда на набережной, черезъ мостъ.

Придя домой, онъ долго не могъ заснуть. Его охватывала нозна его положенія. Вотъ и онъ—мужчина, въ двадцать четыре года...

— А Маруся?

Виновать ли онъ передъ нею? Онъ, который хвалился своей дѣвственностью еще прошлой ночью? Но она смѣялась надъ нимъ. Она какъ-то сказала ему, что, если бъ была женщиной, не пропустила бы ни одной женщины... Да и сама она?..

Зачѣмъ она отпустила его изъ Кронштадта? И въ самомъ дѣлѣ—любить ли она его, или нѣтъ?

Потомъ онъ заснулъ, заснулъ крѣпко, молодо. Когда онъ проснулся, былъ ужъ полдень.

«Что же я дѣлаю?—думалъ онъ, все еще лежа въ постели.—Я совсѣмъ забросилъ работу. Я ни разу за это время не взялъ кисти въ руки. Даже этюды съ лѣта не разобраны».

И онъ началъ ихъ разбирать.

То, что иностранцы называютъ «профессіей», заговорило въ немъ. Вдругъ онъ почувствовалъ себя въ своей стихіи, и понялъ, что всѣ эти злключения, что были вокругъ него,—ничто предъ тѣмъ хорошимъ, живымъ дѣломъ, предъ тѣмъ искусствомъ, которымъ онъ владѣетъ.

Онъ ходилъ по комнатѣ и по-юношески, наивно разсуждалъ такъ. Чиновникъ дѣлаетъ карьеру, окончивъ курсъ своего заведенія. Онъ пять-шесть часовъ отдаетъ службѣ. Остальное время онъ принадлежитъ себѣ. Художникъ—никогда себѣ не принадлежитъ, онъ вѣчно наблюдаетъ, вѣчно работаетъ надъ собой. Чиновники получаютъ содержаніе, въ оплату за время, затраченное ими на службу. Миссія художника не меньше чиновничьей. И потому ему за картины должно платить общество и государство то же, что платятъ чиновнику за службу—за количество потраченныхъ на трудъ часовъ. А количество этихъ часовъ иногда громадно. Пока художникъ присмотрится, пока онъ изучитъ сюжетъ, пока онъ выноситъ его въ себѣ,—идетъ долгая мучительная работа. Самая работа—уже вздоръ. При извѣстномъ порывѣ,—въ нѣсколько

дней бываетъ готова картина; но сколько дней и ночей подготовки потребовала она? Общество и государство должны смотрѣть на его творчества и муки, какъ на службу, на большое дѣло, и должны все оплачивать...

Есть въ немъ талантъ или нѣтъ? Маруся говоритъ: нѣтъ. Но она была равнодушна въ Эрмитажѣ передъ величайшими произведеніями искусства, и спокойно спрашивала: «зачѣмъ все это?»

Потомъ онъ вспомнилъ, какъ покойный Самохотовъ однажды, въ томъ же Эрмитажѣ, воскликнулъ:

— Сколько тутъ лжи, самообмана и вожденія за носъ почтеннаго человѣка ства!

Кто же правъ?

Онъ подошелъ къ окну. Онъ видѣлъ черезъ стекла оживленную панораму Невы: быстро мелькавшіе пароходы, ялики, барки, парусныя суда; онъ видѣлъ наискосокъ огромное зданіе академіи съ плоскимъ куполомъ, которому такъ искренно желалъ провалиться Самохотовъ. Все это жило во имя чего-то, во имя какой-то красоты, какой-то идеи,—и само было пышно-красиво.

Потомъ онъ рѣшилъ пойти къ Марусѣ. Онъ рѣшилъ прійти и сказать, что онъ уже не тотъ, что былъ въ Кронштадтѣ, что прежняя чистота потеряна, что онъ недостойнъ ея, что онъ представляетъ ей рѣшить будущее ихъ отношеній. Быть можетъ, она засмѣется и скажетъ: «глупышь!» А, можетъ быть, она отвернется отъ него. Но это необходимо было сдѣлать.

И онъ пошелъ къ ней. Если она не возвратилась изъ Кронштадта, онъ придетъ вечеромъ, завтра утромъ, днемъ, но во что бы то ни стало увидитъ ее.

XXVIII.

На знакомой лѣстницѣ было такъ же сыро и полутемно, какъ вчера. Когда онъ вошелъ въ прихожую, горничная взволнованно сказала:

— Идите, идите,—васъ ждуть! Тамъ ужъ генераль.

Онъ чувствовалъ какъ дало перебой его сердце. Нервный подъемъ этихъ дней сдѣлалъ его особенно воспримчивымъ ко всему окружающему. Не ожидая ничего добраго, онъ отворилъ дверь. На диванѣ лежала Маруся; возлѣ въ креслахъ сидѣлъ Базинъ. Его парикъ былъ вклокоченъ, лицо растеряно.

— Наконецъ-то!—съ досадою крикнула она.—Гдѣ вы провалились! Какъ же можно быть такимъ глупымъ и не оставить адреса. Я ужъ за нимъ должна была посылать.

Она кивнула головой на генерала.

— Здѣсь ужасъ, что дѣлается!—заговорилъ Базинъ.— Она отравилась, это ясно.

— Какъ отравилась?—еле могъ произнести Бухальцевъ.

— Да такъ,—быль докторъ.—Она ничего не говоритъ. Онъ отъ нея ничего не можетъ добиться.

— Ахъ, какой вздоръ, какой вздоръ!—сказала она.—Вы мнѣ надоѣли, крестный, уходите, прошу васъ...

— Я привезу профессора!—закричалъ онъ.

— И чудесно, везите его.

Едва они остались одни,—она протянула Бухальцеву руку.

— Прощай,—сказала она.

— Ты отравилась?—спросилъ онъ, садясь на диванъ и взявъ ее за плечи.

— Прощай!—повторила она и долгимъ взглядомъ посмотрѣла на него.—Ты хорошій, милый человѣкъ,—но и для тебя жить не стоить...

— Да что случилось? Гдѣ твоя мать?

— Она арестована. Не будемъ о ней говорить... А вотъ скажи: ты любишь меня?

— Люблю, люблю!—искренно сказалъ онъ, сжимая ее руки.

— Одну?

Онъ вспомнилъ Эльзу. Но развѣ то, что произошло вчера, была любовь? И онъ съ убѣжденіемъ повторилъ:

— Одну.

— Поцѣлуй меня. Крѣпко, но чисто, по-братски. Вотъ такъ. Я не вѣрю, что ты меня любишь, какъ женщине. Если бъ я вѣрила, я предложила бы тебѣ умереть вмѣстѣ. Но ты откажешься.

— Шутишь ты, или нѣтъ?—спросилъ онъ.

— Не шучу.

— Да что ты выпила такое?

— Все равно, никто не знаетъ отъ моего средства противоядія. Я его украла у тетки. Ядъ изъ Индіи. Онъ почти безболѣзненный.

— Ты сказки рассказываешь?

— Нѣтъ. Я еще сомнѣвалась до твоего разсказа объ этомъ художникѣ. Но послѣ того, что ты сказалъ, я поняла, что должна это сдѣлать.

— Почему должна?

— Все равно почему. Мнѣ себя не жалко, не жалко и тебя. Погрустнишь—и все потомъ пройдетъ. Если можешь вѣрить въ жизнь—вѣрь, а если не можешь—тѣмъ лучше.

Онъ припалъ къ ея ногамъ и сталъ цѣловать; она не отнимала и съ тихой улыбкой смотрѣла на него.

— Да нѣтъ,—этого не можетъ быть!—въ какомъ-то изступленіи заговорилъ онъ.—Ты живая, теплая, здоровая лежишь здѣсь... Ты хочешь испытать меня...

— Вотъ вы оба съ генераломъ поплачете надъ моей могилой. Ты сдѣлай проектъ памятника: какую-нибудь разбитую урну, завядшія розы... А генераль сдѣлаетъ изъ мрамора мавзолей.

Она откинула голову на подушку и взялась за грудь.

— Если бь ты зналъ, милый, какъ здѣсь жжетъ! Я думала, что это не будетъ такъ больно. И передъ глазами какіе-то горячіе круги.

— Маруся, Маруся!—безмысленно повторялъ онъ.

Она сбросила одѣяло, захохотала, поднялась и стала ходить по комнатѣ.

— Ахъ, какіе вы всѣ глупые, глупые!—со смѣхомъ сказала она:— какъ васъ легко провести и одурачить!

Она остановилась у двери, прислонилась къ ней спиною и зло смотрѣла на Бухальцева.

— Что вамъ всё нужно отъ меня? За что вы мучаете меня?— продолжала она.— Я помню съ самаго дѣтства—только рядъ мучительныхъ, сѣрыхъ дней. Въ семействѣ меня била и морила голодомъ мать. Потомъ—глупые учителя и воспитательницы, потомъ—издѣвательство надо мной, какъ надъ бездарной дѣвчонкой. Потомъ—побѣгъ изъ дома... Я поступаю на сцену, и каждый шагъ обставленъ грязью, мерзостью, подлостью... Ниоткуда поддержки, всѣ чело-то просятъ, добиваются, и, кромѣ денегъ, никто ничего не даетъ...

Глухія истерическія рыданія вдругъ вырвались у нея.

— Миѣ стыдно, что я плачу,—говорила она:—ни стойте вы ни одной слезинки...

Онъ обнялъ ее и повелъ къ дивану.

— Маруся, успокойся, успокойся!—говорилъ онъ.

— Успокойся! всѣ вы умѣете утѣшать какъ ребенка, а жить не даете.

— Да что же тебѣ надо?—съ отчаяніемъ спросилъ онъ.

Она повалилась ничкомъ на диванъ и долго лежала, только плечи ея конвульсивно вздрагивали. Ему казалось, что онъ переживаетъ тяжелый кошмаръ, что это не дѣйствительность, а мучительный, мучительный сонъ.

Потомъ она встала, выпрямилась, безъ кровинки на лицѣ, со сдвинутыми бровями. Она смотрѣла презрительно, почти съ ненавистью на него.

— Зачѣмъ вы всѣ такъ безсильны?—спросила она.—Почему вы всѣ сидите въ этихъ каменныхъ коробкахъ и потеряли чело-вѣческое подобіе? Почему никогда на моемъ пути я не встрѣтила чело-вѣка?..

Она вдругъ подошла къ комоду, надѣла на себя шляпку и сказала ему:

— Дай миѣ кофточку.

— Куда ты?—спросилъ онъ.

— Тебѣ какое дѣло.

Онъ подалъ кофточку. Она надѣла перчатки, взяла зонтикъ и быстро пошла изъ комнаты. Онъ, уже въ коридорѣ, крикнулъ ей велѣдъ:

— Запереть комнату?

Она не отвѣчала. Онъ оставилъ ее не запертой и пошелъ за ней слѣдомъ. Онъ догналъ ее уже на площади; она быс ро шла, опустивъ низко голову.

— Куда ты?—повторилъ онъ.

Она не отвѣчала и все шла. Потомъ вдругъ остановилась, посмотрѣла въ сторону и звонко захохотала.

— Смотри, милый, смотри,—сказала она:—онъ везетъ своего профессора.

Онъ посмотрѣлъ и увидѣлъ, какъ извозчикъ немилосердно нахлестывалъ сѣрую клячу, а генераль что-то жестикулировалъ и что-то говорилъ какому-то толстому господину въ очкахъ.

Она перестала смѣяться, опять поникла головой и пошла по направленію Невскаго.

— Слушай,—сказала она:—видишь, вонъ тамъ стоятъ колясочки съ вороними лошадьми. Найми самаго лучшаго и приѣзжай на эту сторону. Мы поѣдемъ на Острова.

Онъ машинально исполнилъ ея требованіе. Они быстро покатали къ Троицкому мосту. Кучеръ былъ парень лихой, и лихо везъ молодую пару. Она почти лежала въ коляскѣ, закрывъ глаза, и подставляла холодному вѣтру лицо. Уже при сѣздѣ съ Елагинскаго моста она взялась за грудь и простонала:

— Ахъ, какъ жжетъ, жжетъ...

— Да что такое съ тобой? допытывался онъ.

Но она не отвѣчала.

XXIX.

Ясное осеннее утро смѣнилось холоднымъ днемъ. Дулъ ледяной сѣверо-восточный вѣтеръ. Онъ былъ въ лѣтнемъ пальто, и чувствовалъ, какъ его пронизываетъ насквозь. Онъ поднялъ воротникъ и плотнѣе застегнулся. А она, казалось, не чувствовала ни холода, ни осени, ни вѣтра.

На Елагиномъ островѣ деревья уже облетѣли. Ледяной дождикъ брызнулъ сбоку. Она открыла глаза и сказала:

— Пройдемся, милый.

Они пошли вдоль Нвы, по закругленію Стрѣлки, пошли дальше, по набережной аллеѣ. Дождь хлесталъ и сѣкъ ихъ съ одного бока. Она запрокинула голову и жадно дышала холодной сыростью. Они отходили все дальше и дальше отъ экипажа, по извилистымъ дорожкамъ парка. Потомъ она сѣла на скамейку и въ изнеможеніи прислонилась къ спинкѣ.

- Жжетъ!—повторила она.
- Поѣдемъ домой,—предложилъ онъ.
- Поѣдемъ,—согласилась она.
- Такъ поѣдемъ же назадъ.
- У меня нѣтъ больше силъ. Пойди за нимъ и пріѣзжай сюда.
- А ты здѣсь будешь?
- Не знаю. Я думаю.

Онъ всталъ и быстро пошелъ назадъ. Задыхаясь, почти бѣгомъ, выбирая кратчайшія разстоянія, путаясь и сбиваясь, онъ шелъ къ Стрѣлкѣ. На Стрѣлкѣ лошади не было, и вообще не было никого. «Неужели онъ уѣхалъ? Не можетъ быть!» подумалъ онъ.

Онъ крикнулъ разъ, другой, третій. Показался откуда-то сторожъ и сказалъ, что кучеръ уѣхалъ вонъ туда—проѣзжать лошадь. Онъ пошелъ въ ту сторону.

Наконецъ онъ нашелъ его подъ развѣистой полуторастолѣтней липой. Извозчикъ спалъ на козлахъ, опираясь на поднятый верхъ коляски. Лошадь вздрагивала и ежилась отъ холода, нетерпѣливо переступая звонкими подковами. Бухальцевъ разбудилъ его, и они быстро покатали по гладко уѣзженной аллеѣ. Но когда они подѣхали къ той скамьѣ, на которой онъ ее оставилъ, тамъ никого не было.

— Куда же она ушла?—спрашивалъ онъ беспомощно, оглядываясь кругомъ.—Поѣзжай по окрестнымъ дорогамъ.

Они начали колесить то туда, то сюда. Онъ чувствовалъ, что лихорадка цѣпко охватываетъ его. Его зубы стучали. Мокрое пальто не защищало отъ холода, а точно увеличивало его, и воротникъ только прилипалъ къ шеѣ.

— Да гдѣ же она, гдѣ же?—спрашивалъ онъ.

Наконецъ возница, повернувшись къ нему, сказалъ:

— Вонъ онѣ идутъ,—и еще скорѣе погналъ лошадь.

— Отчего ты не ждала меня?—спросилъ онъ.

— Мнѣ очень холодно,—я хотѣла пройтись,—сказала она.

Онъ усадилъ ее рядомъ съ собой и обнялъ ее. Но и она была тоже насквозь мокра, и они не могли согрѣть другъ друга. Дождь съ вѣтромъ забирался подъ верхъ экипажа и билъ имъ прямо въ лицо. Кучеръ пустилъ озябшую лошадь вскачь, и они летѣли навстрѣчу бурѣ, какъ какіе-то облачные духи.

До самаго ея подѣзда они не сказали ни слова. Когда они подѣхали, она сказала:

— Поѣзжай домой, переодѣнься. Завтра утромъ пріѣзжай.

— А въ груди жжетъ?—спросилъ онъ.

— Жжетъ!—смѣясь отвѣтила она и выпрыгнула на мостовую.

Это были послѣднія слова, что онъ слышалъ отъ нея. Къ вечеру онъ лежалъ въ жару и бредилъ. Онъ имѣлъ настолько силъ, чтобъ черкнуть нѣсколько словъ Кондрату, передъ тѣмъ какъ повалился

въ постель, и дальнѣйшаго уже не помнилъ. Онъ смутно видѣлъ лицо Кондрата, незнакомое лицо доктора; однажды ему показалось, что возлѣ него сидитъ Чухчурьянъ; но все это смѣнялось бредомъ, кошмарами. Онъ видѣлъ надъ собой какую-то сѣрую птицу, которая сидѣла подь самымъ потолокомъ и смотрѣла на него то однимъ, то другимъ глазомъ, что-то про себя бормоча и хихикая. Она сидѣла неотлучно, дни и ночи. Когда онъ приходилъ въ себя, она исчезала, какъ кукушка исчезаетъ въ часы, когда они пробьютъ. Но онъ зналъ, что все же она сидитъ за стѣнкой, и при первомъ удобномъ случаѣ выпрыгнетъ наружу.

Когда онъ совсѣмъ пришелъ въ себя, у постели сидѣлъ Чухчурьянъ и читалъ какія-то университетскія записки. Былъ вечеръ, и на столикѣ горѣла лампа подь зеленымъ колпакомъ.

— Мнѣ нѣтъ записки?—спросилъ онъ.

— Какъ тебѣ записки?—сердито проговорилъ восточный человекъ.—Никакой записки тебѣ не приносили.

— А какой сегодня день?

Тотъ сказалъ.

Бухальцевъ началъ соображать. Прошло уже пять дней со дня ихъ прогулки на Елагинъ. Онъ спросилъ, который часъ. Было семь. Въ восемь долженъ былъ прійти Кондратъ и смѣнить Чухчурьяна.

— Слушай,—слабо заговорилъ больной:—ты непременно, непременно долженъ исполнить мою просьбу.

— Говори.

— Ты съѣздишь къ ней.

— Къ актрискѣ?

— Да... Она была нездорова, хотѣла писать...

Онъ въ нѣсколькихъ словахъ очертилъ ему ихъ послѣднее свиданіе. Чухчурьянъ заинтересовался и сказалъ, что сегодня же дастъ отвѣтъ.

Пришелъ Кондратъ, какъ всегда, полный жизни и довольства. Онъ похвалилъ пріятеля за то, что тотъ пришелъ въ себя, и сказалъ:

— Знаешь ли, что сегодня было: я изъ своей оперы игралъ отрывки Направнику. Знаешь, дирижеръ казенный. Такъ ему я отрывки игралъ. И знаешь, что онъ сказалъ мнѣ? «Изъ васъ выйдетъ толкъ, только работать надо». Я теперь точно не хожу, а на воздушномъ шарѣ летаю.

«Да, работать надо, работать!» подумалъ Бухальцевъ.

Въ десятомъ часу явился Чухчурьянъ.

— Ну, ты долженъ кричать ура!—весело сказалъ онъ.—Твоя дѣвица пропала!

— Какъ пропала?—чуть вятно спросилъ онъ.

— Третьяго дня уѣхала неизвѣстно куда. А маменька ихняя сидитъ въ крѣпости. Я спрашивалъ, не оставлена ли какая записка на твое имя,—ничего не оставлено. Сперва я подумалъ, что вретъ

она,—рубль ей далъ (ты мнѣ отдашь потомъ); но она и послѣ рубля побожилась, что дѣло такъ было. Потомъ спросилъ я, была ли дѣвица больна. Она сказала, что генераль съ какимъ-то важнымъ докторомъ возились съ ней всю ночь и давали ей черпый кофе. А третьяго дня она расплатилась съ хозяйкой и уѣхала.

Еще прошла недѣля. Бухальцевъ поправился. Онъ всталъ. Силы къ нему начали быстро возвращаться. Еще черезъ день онъ вышелъ на воздухъ и первымъ дѣломъ поѣхалъ на Михайловскую площадь.

Горничная обрадовалась ему и сказала, что записка ему естъ, что она не отдала ее тому носатому господину, что ей далъ рубль. Если бъ онъ и три далъ—она бы не отдала.

Онъ быстро распечаталъ конвертъ. Маруся писала:

«Я уѣзжаю изъ Петербурга. Не знаю, увидимся ли когда. Прощай, милый. Я люблю тебя. Твоя Маруся».

— Твоя!—повторилъ онъ машинально и спросилъ у горничной:

— Она одна уѣхала?

— Одна. И видь у нихъ былъ нездоровый. Уѣхали съ сундукомъ на Варшавскій вокзалъ.

— За границу?

— Ничего не сказала. Оставила записку, дала мнѣ пять рублей и уѣхала.

Онъ вышелъ на улицу, и почувствовалъ круглое, безпомощное одиночество. Точно оторвалась половина его души, и ничего не осталось отъ того свѣтлаго яркаго міра, въ которомъ онъ жилъ послѣдній годъ.

— Да, т перь одно спасенье—работа,—сказалъ онъ себѣ, и побрелъ домой на набережную,

XXX.

Грустный, сидѣлъ онъ въ своей новой мастерской. На полу были разложены его лѣтніе этюды. Ихъ было сорокъ два. Онъ медленно ходилъ по оставленнымъ между ними дорожкамъ и, кусая губы, смотрѣлъ на свои произведенія. Два изъ нихъ были особенно противны. Воздухъ казался грузнымъ, тяжелымъ, непрозрачнымъ. Въ рѣкѣ не было движенія—вода точно застыла. Нельзя было опредѣлить часа дня. Облака были какія-то безформенныя и не плыли въ воздухѣ, а точно были прибиты къ нему гвоздями. Онъ пнулъ эскизъ погою, и тотъ отлетѣлъ къ печкѣ. Въ другомъ эскизѣ тоже не было влажности, того запаха сырости, которая на закатѣ вмѣстѣ съ туманомъ выползала изъ-подъ мостика. Слишкомъ много фотографичности, слишкомъ много мелочей, слишкомъ мало основного характера главнаго мотива. Онъ видѣлъ, что въ погонѣ за протокольнымъ изображеніемъ природы онъ опускаетъ существенное—душу предмета. Фотографіи такое воспроизведеніе и Богъ велѣлъ,—

это мертвая механическая машина; но вѣдь мы видимъ не такъ, какъ видитъ пластинка негатива. Мы въ каждомъ предметѣ улавливаемъ мимоходомъ самое важное, а для фотографіи—все важно: и сапогъ, и глаза, и обивка стула. Вотъ и онъ, Бухальцевъ, развѣ онъ не фотографъ? Тотъ же протоколистъ, подмастерье, несчастный бездарный живописецъ.

Онъ отобралъ двѣнадцать вещей, которыя ему казались лучше другихъ. По очереди ставилъ онъ ихъ на мольбертъ и подолгу смотрѣлъ одну за другой. И изъ двѣнадцати двѣ были сброшены на полъ. Потомъ онъ быстро завернулъ ихъ въ газету, накинулъ пальто и выбѣжалъ на улицу.

Онъ рѣшилъ итти къ своему учителю Павлу Ивановичу, который всегда къ нѣму относился съ любовью и тою горячностью, безъ которой онъ не могъ ни къ кому относиться. Онъ принималъ только разъ въ недѣлю, и только своихъ учениковъ. Но ученики къ нему мало ходили: его боялись за его строгость и рѣзкость. Онъ не стѣсняясь всегда рубилъ съ плеча и никогда никого не хвалилъ. Впрочемъ, онъ и себя никогда еще не похвалилъ въ жизни. Онъ говаривалъ:

— Все, что я написалъ, это только намекъ на то, что писать нужно,—только намекъ.

Лучшимъ любимымъ своимъ ученикамъ онъ говаривалъ, качая головой:

— Какъ плохо! Ай, какъ плохо!

И, видя, что тотъ падаетъ духомъ, прибавлялъ въ утѣшеніе:

— Вотъ я въ ваши годы также скверно писалъ,—точь-въ-точь, какъ вы.

Товарищи-профессора его не любили. Въ дни открытія выставокъ онъ съ опущенными глазами проходилъ мимо ихъ картинъ, и когда они его спрашивали:

— Ну, Павелъ Ивановичъ, какъ я вамъ показался?

Онъ съ стыдливымъ смущеніемъ институтки говорилъ:

— Извините, я не видѣлъ.

Иногда онъ постоянно посылалъ своихъ учениковъ смотрѣть картину своего товарища-профессора.

— Только внимательно, прошу внимательно осмотрѣть.

Когда потомъ всѣ собирались въ его мастерской, онъ спрашивалъ:

— Видѣли?

— Видѣли,—отвѣчали ему.

— Хорошо, детально разсмотрѣли?

— Детально.

— Все запомнили?

— Все.

— Ну, такъ вотъ что я вамъ скажу: если хотите быть художниками, никогда такъ не пишете.

Это доходило до ушей его товарища, и, конечно, создавало ему врага.

Встрѣтилъ онъ Бухальцева и строго и ласково,—онъ умѣлъ какъ-то совмѣстить оба эти настроенія. При видѣ свертка онъ поморщился.

— Этюды принесли?

— Принесъ.

— Много?

— Десять.

— Все нынѣшняго лѣта.

— Осени.

Онъ сѣлъ и подвинулъ мольбертъ, приготовляясь смотрѣть. Но лицо у него было такое, точно онъ собирался принять отвратительное лекарство. Первымъ этюдомъ Бухальцевъ поставилъ рѣчку. Павелъ Ивановичъ смотрѣлъ на нее долго, внимательно, ничего не сказалъ, а только пробормоталъ: «дальше!»

Ученикъ поставилъ передъ нимъ этюдъ плакучихъ ивъ, склонившихся надъ рѣкой. Профессоръ тотчасъ спросилъ:

— Это что такое?

— Ивы!—сказалъ Бухальцевъ.

— Деревья?—переспросилъ тотъ.

Бухальцевъ почувствовалъ, что потъ проступаетъ по его спинѣ, но онъ сказалъ твердо:

— Деревья.

Павелъ Ивановичъ провелъ пальцемъ по облакамъ и задумчиво сказалъ:

— Небо.

— А потомъ вдругъ крикнулъ:

— Дальше!

Дальше была ограда изъ крупныхъ камней—большихъ одноцвѣтныхъ гранитныхъ обломковъ. Павелъ Ивановичъ насупился.

— Вы помните, былъ ученикъ Подберезниковъ?—спросилъ онъ.— Не помните? Онъ написалъ этюдъ буковыхъ стульевъ,—знаете, этихъ гнутыхъ. Шесть рядовъ пустыхъ стульевъ. Внизу ножки, ножки, а наверху все спинки, спинки, спинки... И хорошо написалъ... Вродѣ камней вотъ этихъ... Вы бы еще булыжную мостовую написали, мышеловку, желѣзный болтъ... Тумбу тоже хорошо, водосточную трубу въ натуральную величину... Все художественные сюжеты.

Онъ сбросилъ сердито этюдъ и крикнулъ:

— Дальше!

Дальше была купаленка, вся пронизанная солнцемъ; она опрокинутая отражалась бѣлымъ четырехъугольникомъ въ прудѣ; крутое кучевое облако тоже опрокинулось въ воду и тихо колыхалось,

взбудораженное уткой съ утятами, что перерѣзало его отраженіе какъ разъ по серединѣ.

Профессоръ молчалъ. Его взглядъ такъ и ввинчивался въ картину.

— Половина августа?

— Восемнадцатое.

— Два часа?

— Половина третьяго.

— Гм... Дальше.

Бухальцеву легко дышалось. Профессоръ сдвинулъ купаленку влѣво, чтобъ ее не закрывали слѣдующіе этюды. Бухальцевъ поставилъ тотъ сѣрый день, что онъ тогда писалъ, сидя въ лодкѣ съ армяниномъ.

— Нечего вамъ дѣлать,—укоризненно сказалъ Павелъ Ивановичъ.—Сколько разъ я такіе этюды писалъ. И Лагорио ихъ писалъ. Чего же вамъ еще зады повторять? Надоѣло это.

Потомъ онъ замолчалъ и болѣе не проронилъ ни слова.

Когда все было разсмотрѣно, онъ всталъ, закурилъ сигару и прошелся по мастерской. Бухальцевъ началъ робко собирать свои этюды.

— Вы зачѣмъ ко мнѣ пришли?—крикнулъ профессоръ.

— Чтобы узнать ваше мнѣніе,—запинаясь пробормоталъ Бухальцевъ.

— Такъ чего же вы укладываете,—еще громче закричалъ Павелъ Ивановичъ.—Еще я ни слова не сказалъ, а онъ собираетъ!

XXXI.

Онъ остановился передъ ученикомъ и сталъ разсматривать его лицо.

— Что вы, нездоровы?—спросилъ онъ.

— Я потерялъ свою негѣсту,—сказалъ Бухальцевъ.

— Гм...—промычалъ профессоръ.—Тогда не надо было приходить ко мнѣ. Я еще больше разстрою. Я вѣдь не умѣю по головкѣ гладить!—вдругъ закричалъ онъ и, подойдя, пошлепалъ ученика по плечу.

— Это непріятно,—сказалъ онъ.—У меня жена умерла черезъ годъ послѣ свадьбы: это еще хуже. Да еще дѣвчонку мѣсячную оставила. Я знаю, что это такое...

Онъ опять его пошлепалъ.

— Видите, я живъ,—и вы будете живы!.. За трудъ надо взяться, за трудъ. Понимаете?

— Я работаю.

— Врете! Это не работа! Что это такое?

Онъ разбросалъ по полу его этюды.

— Я работы не вижу. Слышите, работы! Я не вижу слезъ. Вы не плакали? Отъ злости, отъ боли, что не выходитъ то, что нужно? Не кусали подушки? Не вскакивали ночью, не бѣжали къ этюду, не зажигали свѣчку, не рвали этюда зубами? Нѣтъ? Тогда вы не художникъ...

Бухальцевъ поблѣднѣлъ. У него точно онѣмѣли руки и ноги. Онъ вспомнилъ, какъ Маруся говорила ему въ Кронштадтѣ: «не повѣрю я твоимъ порывамъ, потому что ты на нихъ неспособенъ»...

А профессоръ все больше возбуждался.

— Помню я себя—не въ ваши годы, а лѣтъ на пятнадцать старше.—Когда напишешь деревцо, принесешь домой, посмотришь—ахъ это дермецо. На другой день побѣжишь, посмотришь: тѣни общаго нѣтъ у природы съ тѣмъ, что вчера написалъ. Изорвешь, выбросишь. Снова начнешь писать. И чувствуешь себя ужъ мастеромъ: знаю-де, въ чемъ дѣло. А оказывается, ничего не знаешь. Еще хуже! И въ третій, и въ четветрый, и въ пятый разъ пишешь. Потомъ все закинешь, забудешь. Придешь черезъ двѣ недѣли къ дереву,—и вдругъ почувствуешь, что бездарность ты круглая, что не имѣешь ты права къ искусству подходить, потому что ты мразь...

Бухальцевъ задохнулся отъ восторга. Павелъ Ивановичъ ничего не замѣтилъ и продолжалъ свое.

— Что такое искусство? Передать на полотнѣ то ощущеніе, которое всѣмъ доступно, но которое проходитъ часто незамѣченнымъ. Передать просто, живымъ языкомъ, безъ вывертовъ. Чтобы всякій, кто подошелъ, сказалъ: это стогъ сѣна, а не конна и не дачница. А то говорятъ: «Ахъ, какая собачка!» а это не собачка, а фонтанъ. Вотъ за это драть надо. Языкъ у художника долженъ быть простъ—понятенъ для всѣхъ. А чтобы можно было понятно выразить, надо имѣть технику. Вотъ извозчикъ по улицѣ ѣдетъ. Можетъ, онъ талантливѣе всей академіи и чувствуетъ природу лучше насъ всѣхъ. Да чорта ли въ его чувствованіи, коли онъ выразить это не можетъ?

Онъ налился весь кровью и кричалъ на весь домъ.

— А чтобы выразить что-нибудь—нужна техника. А чтобы добиться техники,—надо изнывать на работѣ. Надо забыть и про сонъ и про деньги, и про все. Стасовъ вретъ, сбиваетъ всѣхъ, какіе-то литературные рассказыки проводить въ картинахъ. Да на кой мнѣ чортъ эта лигература, когда мнѣ ее давно Тургеневъ преподнесъ; а эти жанристы безграмотны такъ, что самовара написать не могутъ! Надо каждый сучокъ на деревѣ, каждый палецъ у человѣка почувствовать. Не написать, а почувствовать... А я чувства въ васъ не вижу... Вотъ купаленка...

Онъ пощелкалъ по картону.

— Въ купаленкѣ чувство есть. Тамъ, за холщевой обивкой есть пространство и тѣнь. А тутъ вотъ налѣво, гдѣ кусть—что такое?

Это мать-и-мачеха? Да? А это верба? Почему же одинаковая зеленая краска?

Онъ строго повернулся къ ученику.

— Почему мать-и-мачеха и верба одного цвѣта? Каждое растение носитъ свою окраску. Только дубина этого не видитъ. Потомъ позвольте спросить,—это клѣнъ? Я по стволу вижу. А это тополь? Такъ какъ же въ контурахъ листа одинакова? Вѣдь у клена широкия лапы... А у тополя?.. Вѣдь это все равно, что «еще» черезъ *я*ть писать.

Онъ отшвырнулъ и купальню.

— Нельзя быть безграмотнымъ писателемъ. Нельзя быть безъ знанія художникомъ. Чтобъ сдѣлать толь, надо учиться и умѣть и рѣзать и точить. Плотникъ вамъ сварганить кухонный столъ, а изъ краснаго дерева и изъ корельской березы ничего не сдѣлаетъ. Онъ сколько дерева напортитъ, покуда выучится дѣлать? А вы все—плотники, мнѣ себя столярами! Что же—живопись хуже столярнаго дѣла, что ли?..

Онъ опять положилъ руки ему на плечи.

— Поѣзжайте сейчасъ за городъ, и напишите три-четыре этюда. Плюньте на академію! Поѣзжайте завтра же. Но напишите съ умомъ, въ душу влѣзьте этой природы, и потомъ тащите ко мнѣ,—поняли?..

Онъ неожиданно поцѣловалъ своего ученика, и на глазахъ его вдругъ показались слезы.

— Можетъ, изъ васъ и толкъ выйдетъ,—пробурчалъ онъ, отвертываясь.

Радостный, окрыленный, возвращался домой Бухальцевъ. Словно онъ родился заново. Онъ чувствовалъ съ бы уже совсѣмъ здоровымъ и крѣпкимъ. Онъ рѣшилъ на недѣлю вернуться на ту дачу, гдѣ жилъ лѣтомъ, и искать, искать того, что должно ему дать ключъ для дальнѣйшихъ работъ.

Онъ опять разложилъ этюды, и опять началъ къ нимъ присматриваться, когда раздался стукъ въ дверь. Онъ просилъ войти.

Вошла Эльза: веселая, съ ямочками на щекахъ, въ рамѣхъ пепельныхъ волосъ, съ высокою грудью и покатыми плечами.

— Можно? не прогонись?—спросила она.

— Можно, можно!—весело отозвался онъ.

— Ты не сѣрдися, сто я присла?

— Нѣтъ, я очень радъ. Садись.

Она положила ему руки на плечи, совсѣмъ такъ же, какъ часъ и задъ Павелъ Ивановичъ, и крѣпко его поцѣловала.

— Ты боленъ былъ, мнѣ сегодня сказали? Надо было написать. Я бы все время здѣсь была, ходила, все бы дѣлала. Какой недобрый, гадкій! А сама я не сла потому, стоъ ты не подумалъ, сто я за деньгами. Деньги у м.ня есть... И за натуру... Только за позированье. Сестное слово...

Она бросила на тахту свою шляпку и перчатки, и вдруг воскликнула:

— Ахъ, какіе славныя этюды!

Она сѣла на полъ и стала ихъ перебирать, — сразу говоря, что ей нравится, что нѣтъ. Онъ съ изумленіемъ слушалъ ее: до чего ея мнѣнія совпадаютъ съ тѣмъ, что говорилъ профессоръ.

— Ахъ, какой ты хоросій художникъ, хоросій художникъ, — закончила она. — Только работаешь мало.

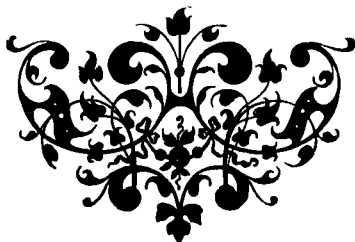
— Эльза, — спросилъ онъ, внезапно вставая: — можешь ты на недѣлю со мной уѣхать за городъ на этюды?

Она подняла на него свои сѣрые глаза, радостно засмѣялась и сказала:

— Да, могу.

1909 г.

П. Гнѣдичъ.

ВОСПОМИНАНІЯ О ВЕЛИКОМЪ КНЯЗѢ МИХАИЛѢ НИКОЛАЕВИЧѢ.

Вѣжливость великаго князя въ молодости; простота обращенія, шутливость. — Молодой членъ ученаго комитета. — «Сынъ твоего отца». — Образцовая батареійная школа и командиръ «Elephant». — Великій князь на экзаменахъ; за работой. — Заботы о Михайловской артиллерійской академіи и училищѣ. — Неудачный выпускной смотръ; гнѣвъ Александра II. — Севастопольскій герой. — Каковъ въ колыбельку, таковъ и въ могилку.

ВЪ НАСѢ—немногихъ пылъ оставшихся въ живыхъ—старыхъ артиллеристахъ, знававшихъ въ молодости, насколько допускало разстояніе общественнаго положенія, великаго князя Михаила Николаевича, онъ оставилъ на всю жизнь теплыя симпатичныя воспоминанія. Воспоминанія эти относятся къ тѣмъ юношескимъ впечатлѣніямъ, которыя особенно пріятно вызывать въ памяти въ преклонныхъ лѣтахъ.

Я, относительно, менѣе многихъ моихъ товарищей имѣлъ случай приходить съ нимъ въ соприкосновеніе, ибо, будучи избранъ въ молодыхъ годахъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства вскорѣ послѣ освобожденія крестьянъ, покинулъ военную службу, увлекшись новыми перспективами общественной дѣятельности. Но воспитывался я въ Михайловскомъ артиллерійскомъ училищѣ, прошелъ артиллерійскую академію; окончивъ ее, служилъ въ л.-гв. конной артиллеріи; выйдя въ отставку, поддерживалъ связи съ нѣкоторыми товарищами, оставшимися на службѣ.

Кромѣ того, какъ-то странно случилось, что въ самые послѣдніе годы жизни великаго князя, когда уже онъ хилый и больной, жилъ за границей, мнѣ пришлось быть нѣкоторымъ образомъ свидѣтелемъ

его человѣческой внимательности къ нуждающимся и слышать объ его простотѣ обращенія съ скромными русскими, даже вовсе ему незнакомыми. Объ этомъ ниже.

Въ ранней юности какъ мнѣ, такъ и моимъ товарищамъ часто приходилось видѣть Михаила Николаевича. Либо онъ посѣщалъ наше училище какъ генераль-фельдцейхмейстеръ, либо мы ему должны были представляться. И въ томъ и въ другомъ случаѣ впечатлѣніе оставалось пріятное.

Самая наружность располагала къ нему. Стройный и высокій, какъ будто еще не совсѣмъ сложившійся (во второй половинѣ пятидесятихъ годовъ ему было немного болѣе 20-ти лѣтъ), онъ не былъ красавцемъ; отца напоминалъ только ростомъ; а мягкими очертаніями лица болѣе походилъ на мать, императрицу Александру Ѳеодоровну (родную сестру императора Вильгельма I). Главное, что выраженіе его лица было просто, весело и добродушно, безъ всякой примѣси той непріятной официальной благосклонности, которою часто отличаются фізіономіи многихъ начальниковъ.

Онъ любилъ пошутить. Эти шутки были всегда добродушными и никогда не впадали въ грубость, тѣмъ менѣе въ practical jokes его покойнаго дяди великаго князя Михаила Павловича ¹⁾.

Я помню, какъ нашъ классъ по поступленіи въ училище представлялся его высочеству. Между нами былъ нѣкто Мамаевъ, сынъ популярнѣйшаго въ полевой (армейской) конной артиллеріи батарейнаго (вскорѣ бригаднаго) командира, Григорія Михайловича Мамаева. Великій князь послѣдняго зналъ лично. Услыхавъ фамилію, онъ остановился, весело взглянувъ на юношу, спросилъ: — Ты сынъ?.. сынъ?..

Но, повидимому, что-то забывъ и желая сострить, онъ сбился и, ласково засмѣявшись, заключилъ:

— Ну, да, конечно, ты сынъ твоего отца,—хлопнулъ мальчика по плечу, и, слѣдуя далѣе, долго улыбался своей остротѣ.

Случалось, что такая склонность къ Witz'амъ оказывалась практически полезной подчиненнымъ.

Напримѣръ, не помню по какому случаю, у насъ ожидалось посѣщеніе великаго князя. Въ нашей огромной, но обыкновенно пустынной конференцъ-залѣ собрались юнкера училища, офицеры академіи, все начальство, всѣ преподаватели и профессора. Среди преподавателей находился нѣкто поручикъ (или штабсъ-капитанъ, не упомяну) Фишеръ. Годъ или два раньше онъ былъ оставленъ репетиторомъ при училищѣ и академіи. Положеніе не особенно много общающееся. Но своими познаніями и способностями онъ скоро обратилъ на себя вниманіе серьезныхъ людей науки. Фишеръ былъ очень молодъ для человѣка, уже окончившаго блистательно курсъ

¹⁾ См. «Историческій Вѣстникъ» 1909 г., «Трагическій конецъ».

«Истор. вѣстн.», декабрь, 1910 г т. сѣхн.

наукъ въ двухъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ: университетѣ, по математическому факультету, и артиллерійской академіи по первому разряду.

Обходя ряды профессоровъ и преподавателей, Михаилъ Николаевичъ обратился къ нему:

— Мнѣ очень жаль, Фишеръ,—сказалъ великій князь.—Тебя представили въ члены ученаго артиллерійскаго комитета. Но я не могу утвердить представленія. Я знаю, что ты вполне заслуживаешь, но молодъ ты, очень молодъ. Право, жалко. Подождемъ немножко.

Фишеръ молча поклонился; фельдцейхмейстеръ прошелъ далѣе, разговаривалъ съ другими. Но было замѣтно по нѣсколько напряженному выраженію его лица, что онъ не могъ совладать съ какой-то занимавшей его мыслью. На этотъ разъ (какъ потомъ у насъ рассказывали) великій князь, искренне желая утвердить Фишера, затруднился, какъ это сдѣлать, потому что противъ утвержденія были его старѣйшіе по годамъ сотрудники, люди досевастопольской рутинны. Резоновъ никакихъ, кромѣ молодости кандидата, они, однако, не могли привести.

Вдругъ лицо Михаила Николаевича прояснилось обычно шутилкой улыбкой. Онъ подозвалъ Фишера и спросилъ:

— А который, однако, тебѣ годъ?

— Мнѣ 27 лѣтъ,—отвѣчалъ преподаватель.

— Гм! А мнѣ нѣтъ еще 25¹⁾, и я уже генераль-фельдцейхмейстеръ. Мнѣ нельзя я не утвердить тебя членомъ комитета,—видимо, довольный, что нашелъ остроумный исходъ, воскликнулъ великій князь.—Будь спокоенъ; сегодня же подпишу представленіе.

Такимъ образомъ, Фишеръ былъ до нѣкоторой степени обязанъ своимъ новымъ назначеніемъ склонности Михаила Николаевича къ остроумію и шутиливости.

Однако немного лѣтъ позднѣе мнѣ случилось быть, можно сказать, свидѣтелемъ, какъ та же склонность едва не лишила свитскихъ аксельбантовъ и отчасти дальнѣйшей карьеры офицера, весьма достойнаго и притомъ цѣнимаго самимъ великимъ княземъ. Вотъ какъ это было.

Вскорѣ послѣ вступленія на престолъ Александръ II, по его инициативѣ было внушено всѣмъ начальникамъ военныхъ частей,—полковымъ, батарейнымъ и прочимъ командирамъ,—чтобы они обратили вниманіе на обученіе солдатъ грамотѣ, на возможное ихъ развитіе и ознакомленіе съ непосредственно касающимися нижнихъ чиновъ спеціально техническими свѣдѣніями. Въ нашей бригадѣ (гвардейской конной артиллеріи) были заведены батарейныя школы. Однако, благодаря тому, что командиры по инерціи, приобрѣтенной ими въ

¹⁾ Не ручаюсь за цифры. Но характерное отношеніе между годами вѣрно.

николаевскій періодъ, относились къ нововведенію болѣе чѣмъ равнодушно, эти школы процвѣтали не пышно.

Тѣмъ не менѣе школа нашей батареи (1-ой легкой Его Величества) составляла исключеніе, потому что и командиръ ея полковникъ Н. П. Эйлеръ ¹⁾ составлялъ въ нѣкоторомъ родѣ исключеніе. Онъ усердно и любовно занимался ею. Тотчасъ по поступленіи моемъ изъ военной академіи во фронтъ, именно въ эту батарею—на меня было возложено обученіе солдатъ въ школѣ и завѣдываніе ею. Школа оказалась, въ особенности для того времени, весьма цѣлесообразно обставленной пособиями не только для обученія чтенію и письму безграмотныхъ солдатъ (а тогда они были почти сплошь безграмотны), но и множествомъ элементарныхъ, практическихъ, наглядныхъ пособій—рисунковъ, моделей и проч.—для сообщенія учащимся понятій о непосредственно касающихся ихъ службы данныхъ: системы орудій, снарядовъ, лафетовъ, прицѣловъ, стрѣльбы въ цѣль и проч. Словомъ, при нашей школѣ былъ цѣлесообразный музей, и притомъ нарядный, неволью привлекавшій къ себѣ вниманіе каждаго посѣтителя.

Н. П. Эйлеръ, разумѣется, часто посѣщалъ школу, любилъ самъ разъяснять и провѣрять знанія солдатъ. Онъ былъ добрый командиръ. Насколько я подмѣчалъ, солдаты слушали его рѣчи охотно и многое (если не все) изъ его разъясненій понимали.

Однажды—если не ошибаюсь, въ концѣ 1860 года—нашу батарею, а въ томъ числѣ и школу посѣтилъ великій князь Михаилъ Николаевичъ, въ сопровожденіи принца Вильгельма Баденскаго, гостившаго тогда въ Петербургѣ. Посѣтители очень заинтересовались школою; полковникъ Эйлеръ самъ ее показывалъ. И показывалъ лицомъ свое любимое дѣтище. Его высочество генераль-фельдцейхмейстеръ былъ въ отличномъ расположеніи духа, иногда по-своему шутилъ; принцъ былъ очень внимателенъ; уходя, пожалъ руку Эйлеру и высказалъ много похвалъ. Полковнику зачѣмъ-то надо было остаться еще нѣсколько минутъ въ казармахъ. Въ этотъ день я былъ дежурнымъ по бригадѣ и сопровождалъ августѣйшихъ гостей въ ихъ дальнѣйшемъ слѣдованіи. Они оживленно разговаривали между собой, и я неволью слышалъ ихъ рѣчи. Герцогъ очень хвалилъ школу, усердіе Н. П. Эйлера и наконецъ замѣтилъ, вполголоса:

— Эйлеръ, по-моему, вполнѣ заслуживаетъ пожалованія въ флигель-адъютанты.

Михаилъ Николаевичъ словно удивился, засмѣялся и воскликнулъ:

— Un éléphant comme lui! Pas possible!—(Такой слонъ, какъ онъ! Невозможно!)

¹⁾ См. «Службы времени реформъ». «Историч. Вѣсти», февраль 1901 г., страл. 487.

Эйлеръ былъ, дѣйствительно, размѣровъ громоздкихъ и грузный. И, къ сожалѣнію, несмотря на свою начитанность, на свое небезуспѣшное усердіе какъ къ фрунтовому, такъ и въфронтному обученію своихъ солдатъ, пользовался репутаціей человѣка ограниченнаго. Надъ нимъ подтрунивали. Между прочимъ ходила, неизвѣстно кѣмъ выдуманная на его счетъ, такая довольно грубая острота.

Эйлеръ почти каждый день прогуливался по набережной Невы вмѣстѣ со своимъ пріятелемъ, полковникомъ К. Послѣдній былъ весьма умный человѣкъ, но далеко неискренній и недобрый. Его офицеры не любили. К. былъ малаго роста, а Эйлеръ, какъ мы замѣтили, — монументаленъ. И вотъ кто-то изъ офицеровъ прозвалъ эту парочку: «свинья подъ дубомъ». Слово «дубъ» относилось къ Н. П. Эйлеру.

Великій князь Михаилъ Николаевичъ незадолго до возникновенія разсматриваемаго нами эпизода командовалъ самъ артиллерійской бригадой. По своей молодости и простотѣ обращенія онъ, конечно, былъ au courant шутокъ офицеровъ надъ командирами; эти шутки его забавляли. Вѣроятно, подъ вліяніемъ воспоминаній о чемъ-либо подобномъ, онъ и воскликнулъ въ отвѣтъ герцогу: un éléphant. Но, повидимому, онъ скоро вспомнилъ, что Эйлеръ былъ очень уважаемъ, какъ глубоко честный, справедливый человѣкъ, добросовѣстный служака; что всѣ, и самъ Михаилъ Николаевичъ, его цѣнили помимо смѣшныхъ сторонъ. Словомъ, вскорѣ Эйлеръ получилъ флигель-адъютантскіе аксельбанты; а по производствѣ въ генераль-майоры былъ назначенъ кіевскимъ губернаторомъ въ званіи генерала свиты Его Величества.

Оцѣнка результатовъ трудовъ великаго князя по реформѣ артиллерійской части, какъ и отношеній его къ сотрудникамъ, имѣвшимъ на него вліяніе, не входитъ въ рамки моего наброска. Я могу отмѣтить лишь то, что видѣлъ или слышалъ за достовѣрное самъ.

Михаилъ Николаевичъ въ концѣ пятидесятихъ годовъ нерѣдко пріѣзжалъ къ намъ, — въ училище и академію, — на экзамены по артиллеріи и соприкасающимся съ нею наукамъ. Мнѣ неоднократно случалось при немъ отвѣчать. Онъ весьма внимательно и серьезно выслушивалъ отвѣты экзаменующагося, несмотря на то, что они большею частію занимали много времени. Вопросы, которые онъ изрѣдка задавалъ самъ, были толковы и обнаруживали, что онъ знакомъ съ новостями артиллерійскаго дѣла. Все это производило на насъ, молодежь, хорошее впечатлѣніе. Во-первыхъ, потому, что ранѣе никто изъ высочайшихъ особъ не пріѣзжалъ къ намъ на экзамены. А, во-вторыхъ, потому, что посторонніе экзаминаторы, такъ называемые «ученые генералы», входившіе въ составъ экзаменаціонныхъ комиссій (по преимуществу члены ученыхъ комитетовъ, старые профессора другихъ военно-учебныхъ заведеній), были по большей части люди

отсталые; и мы, молодые экзаменующіеся, сознавали, что сами лучше ихъ знакомы съ предметомъ.

Вотъ одинъ изъ печальныхъ примѣровъ. На сводномъ всѣхъ петербургскихъ военно-учебныхъ заведеній экзаменѣ по артиллеріи для выпускныхъ классовъ, имѣвшемъ мѣсто въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ, я ожидалъ у комиссіоннаго стола моей очереди для отвѣта. И самъ слышалъ и видѣлъ, какъ генераль-лейтенантъ О. П. Рѣзвой (членъ комиссіи) разспрашивалъ своего коллегу экзаменатора о системахъ нѣкоторыхъ штучерныхъ пуляхъ новѣйшаго образца, лежавшихъ рассыпью на экзаменаціонномъ столѣ. Изъ его разспросовъ было ясно видно, что онъ давненько пересталъ слѣдить за своей спеціальностью. Между тѣмъ генераль-лейтенантъ Рѣзвой былъ въ концѣ николаевского царствованія инспекторомъ классовъ Михайловской артиллерійской академіи и училища, потомъ начальникомъ ихъ. Онъ преподавалъ ранѣе артиллерію великому князю Константину Николаевичу и напечаталъ учебникъ артиллеріи, по которому учились болѣе десятка лѣтъ воспитанники едва ли не всѣхъ военно-учебныхъ заведеній въ Россіи.

Для артиллерійскаго училища, которое такъ недолюбливалъ Николай I, Михаилъ Николаевичъ сдѣлалъ много хорошаго. Конечно, нельзя не принимать въ расчетъ новыхъ вѣяній новаго царствованія и ловкую умѣлость новаго начальника академіи и училища генерала-майора Н. А. Крыжановскаго. Но несомнѣнно, что наша «alma mater» многимъ обязана Михаилу Николаевичу своимъ подъемомъ во всѣхъ отношеніяхъ: учебномъ, нравственно-образовательномъ и строевомъ. Причемъ я имѣю основанія утверждать, что достиженіе цѣли не всегда доставалось ему безъ борьбы съ нѣкоторыми ближайшими сотрудниками, старыми рутинерами.

Между прочимъ, я слышалъ отъ его приближенныхъ и офицеровъ его штаба (среди которыхъ имѣлъ знакомыхъ), что великій князь, хотя и подготовленный къ усидчивому труду, очень усердно занимался выпавшими на его долю работами. Онъ самъ внимательно прочитывалъ важнѣйшіе доклады, терпѣливо ихъ обсуждалъ, готовъ былъ выслушать чужое мнѣніе и совѣтъ, откровенно просилъ разъяснять ему то, что не ясно было для него.

— Это у него нѣмецкое свойство, — говаривалъ одинъ изъ моихъ знакомыхъ, самъ, впрочемъ, русскій.

Дѣйствительно, во внѣшности, манерахъ, вообще натурѣ Михаила Николаевича было нѣчто нѣмецкое. Но проявлялось это свойство отнюдь не въ ущербъ его достоинствамъ ни какъ великаго князя, ни какъ человѣка. Не даромъ его такъ любилъ его дядя, германскій императоръ Вильгельмъ I. Нѣмецкій языкъ онъ зналъ въ совершенствѣ.

Выпускъ въ офицеры нашего курса и нашихъ сверстниковъ во всѣхъ петербургскихъ военно-учебныхъ заведеніяхъ былъ сопря-

женъ съ несожиданными, печальными обстоятельствами, которыя намъ, юношамъ, въ тотъ моментъ представлялись почти трагическими.

Государь, разгнѣванный строевыми безпорядками, проявившимися на обычномъ выпускномъ смотре, наказаль старшіе классы, оставивъ ихъ отъ производства въ офицеры. И если бы не заступничество Михаила Николаевича, то, по всей вѣроятности, послѣдствія царской опалы какъ для воспитанниковъ, такъ частію и для нача льства были бы гораздо серьезнѣе, чѣмъ оказались.

Вотъ въ короткихъ словахъ описаніе этого эпизода, упоминанія о которомъ мнѣ не случилось встрѣчать въ печати.

Нечего объяснять, какое отрядное чувство испытываютъ восемнадцатилѣтніе юноши, когда наступаетъ день производства въ офицеры. Особенно ярко это чувство было въ николаевскія времена, когда въ закрытыхъ учебныхъ заведеніяхъ царили такія строгости и стѣсненія, о которыхъ современная молодежь XX вѣка и понятія не имѣетъ. Впрочемъ, собственно, нашъ классъ только первую половину школьнаго времени провелъ при императорѣ Николаѣ I, но все-таки былъ пренеполненъ радостныхъ ожиданій, надеждъ и даже вѣрованій, когда наступилъ вождѣлѣнный день.

Погода выдалась майская, ласковая. По небу плавали бѣлыя пухлыя облака. Нева искрилась золотисто-голубой чешуей. Наши «комарики»¹⁾ блистали празднично; батарея весело позвякивала, катясь по мостовой по направленію къ Царицыну лугу. Придя туда, она расположилась у западнаго угла Лѣтняго сада, тыломъ къ грозной павловской памяти—Михайловскому замку. Монументъ Суворова около противоположнаго, прирѣчнаго конца казался игрушкой. Мы стояли вольно и поглядывали на него.

Мы радостно ожидали... Вотъ у этого монумента покажется экипажъ государя; ему подадутъ верховую лошадь; онъ со свитой объѣдетъ фронтъ корпусовъ и военныхъ училищъ, здороваясь съ ними. Потомъ остановится предъ царскимъ шатромъ.

Всѣ собравшіеся отряды проманеврируютъ передъ царемъ; затѣмъ пройдутъ церемоніальнымъ маршемъ. Государь выѣдетъ на средину плаца, вызоветъ выпускныхъ и произнесетъ безконечно-радостное намъ: «поздравляю васъ офицерами»... И тогда...

Все это мы видали неизмѣнно уже нѣсколько лѣтъ сряду. Но прежде все это было не для насъ. Сегодня же мы сами счастливые герои дня. Мы знаемъ, что этотъ блаженный мигъ неизмѣнно наступитъ сегодня же, такъ часа черезъ полтора. Однако эти полтора часа въ непосредственномъ будущемъ кажутся томительной вѣчностью.

¹⁾ Небольшіе, но очень звонкіе при стрѣльбѣ единороги батареи Михайловскаго артиллерійскаго училища.

Большинство стекающихся на плацъ корпусовъ строится длинными шеренгами по фасамамъ Марсова прямоугольника.

Всѣ уже пришли, всѣ выстроились, а огромный Царицынъ лугъ все еще кажется пустыннымъ.

Вотъ верховая группа государевой свиты, кажущаяся намъ издали игрушечной, все численно разрастается около суворовскаго монумента.

А царя все еще нѣтъ...

Полковникъ Иванъ Семеновичъ Кахановъ, нашъ батарейный командиръ, начальникъ академіи и училища генералъ Крыжановскій верхами; нѣсколько военныхъ приватно, такъ сказать, заинтересованныхъ выпускнымъ смотромъ и нами—героями смотра (въ томъ числѣ мой отецъ на своемъ рыжемъ Русланѣ) сгучились около нашей батареи.

Наконецъ загремѣло по всей линіи «у-р-р-а!!!» Кричали и мы. Офицеры командовали: «смирно-о!» Съ далекаго праваго фланга пѣхоты неслись звуки встрѣчнаго марша, сливавшіеся съ гимномъ «Боже, Царя храни».

Царь объѣзжаетъ длинную линію юношеской,—частью даже дѣтской,—пѣхоты. Его стройная фигура на конѣ, увѣнчанная слегка развѣваемыми, бѣлыми перьями султана, двигалась впереди многочисленной блестящей, пестрой группы всадниковъ. Онъ ѣхалъ медленно, отчетливо здороваясь съ отдѣльными частями, которыя отвѣчали раскатисто-звонкимъ:

— Здравія желаемъ, ваше императорское величество!

Вдругъ, объѣхавъ часть фронта Дворянскаго полка (Константиновскій кадетскій корпусъ),¹⁾ государь сдѣлалъ какое-то легкое, но у такихъ особъ всѣми подмѣчаемое движеніе и сразу ускорилъ ходъ своего бѣлаго коня... Царь приближался къ нашей батарее и, словно вскользь поздоровавшись, быстро отъѣхалъ къ своему шатру...

Командиры отдѣльных частей, а за ними командиры дробныхъ отрядовъ стали переключаться командами—быстро, звонко, словно пѣтухи на зарѣ. Линіи пѣхоты колыхнулись и выступили на средину плаца. Онѣ то перестраивались въ колонны, то рассыпались цѣпами... Быстро заряжали ружья, прикладывались, примѣрно стрѣляли, смыкались, размыкались, строились въ каре, располагались эшелонами. Все это свершалось молниеносно скоро; выходило красиво.

Вызвали нашу батарею. Мы носились лихо, то рысью, то въ карьеръ; то повзводно, то подивизионно. Снимали нашихъ мѣдныхъ «комариковъ» съ передковъ заряжали ихъ, и палили холостыми

¹⁾ Нынѣ Константиновское артиллерійское училище.

зарядами, брали на передки. Прислуга ¹⁾ мгновенно на ходу вскакивала и соскакивала съ лафетовъ и зарядныхъ ящиковъ.

Государь оставался около своего шатра на конѣ недвижимо, глядѣлъ на эволюціи юношескаго войска...

Когда маневрированія, по его знаку, закончились, и пѣхота снова вытянулась неподвижной линіей по фасу плаца, наша батарея отъѣхала на свое мѣсто. Всѣ мы были возбуждены и движеніемъ, и усердствованіемъ, а главное сладостнымъ ожиданіемъ свободы. Царь еще смотрѣлъ какіе-то маневры кавалерійскаго эскадрона. Но мы—выпускные всѣхъ наличныхъ заведеній—знали, что онъ скоро покончить и съ этимъ.

Маневрировавшій кавалерійскій эскадронъ школы кавалерійскихъ юнкеровъ наконецъ пересталъ метаться, разсыпаться узорами, скутился въ квадратъ и отъѣхалъ въ сторону. Смятенные во время эволюцій его яркіе значки на пикахъ теперь едва трепетали, ласкаемые весеннимъ вѣтеркомъ, тянувшимъ съ Невы...

Грянулъ наконецъ церемоніальный маршъ. Какъ теперь помню—на мотивъ аріи сопрано изъ вердievскаго Риголетто: «O Padre mio, che gioia ferosca!» ²⁾ И дѣйствительно, мы были проникнуты радостью, доходившей до ожесточенія...

Вотъ и церемоніальный маршъ уже пройденъ. Всѣ заведенія опять на своихъ мѣстахъ. Тишина наступила. Въ этой тишинѣ чудилось что-то зловѣщее. Что-то гдѣ-то замѣшкалось...

Вмѣсто насъ, выпускныхъ, какъ бывало прежде, государь потребовалъ къ себѣ начальниковъ отдѣльныхъ частей. Всѣ они поскакали къ шатру, окружили Александра Николаевича. Онъ что-то говорить. Царицынъ лугъ—такая «дистанція огромнаго размѣра», что звуки голоса до насъ не долетаютъ. Мы чувствуемъ только, что рѣчь тянется мучительно долго, хотя сказано было всего нѣсколько словъ...

Вызванные монархомъ начальники разсыпались снова по своимъ частямъ. Только нашъ Иванъ Семеновичъ Кахановъ ѣдетъ убійственнымъ, похороннымъ шагомъ. Иванъ Семеновичъ былъ очень хорошій—съ точки зрѣнія отношенія къ юнкерамъ—батареинный командиръ: справедливый, мягкій, вѣжливый. И въ то же время отличный фронтовикъ. Но онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ свѣтскихъ, мѣтящихъ въ царедворцы людей, которые умѣютъ примѣнять не только выраженіе лица, а и звукъ голоса, и самыя движенія къ обстоятельствомъ. Въ домѣ, гдѣ есть покойникъ, совершенно для нихъ индифферентный, они изображаютъ изъ себя символъ глубочайшей скорби.

¹⁾ «Прислугой» при артиллерійскихъ орудіяхъ называются нижніе чины, заряжающіе, стрѣляющіе снимающіе ихъ съ передковъ и пр. Въ данномъ случаѣ «прислуга» состояли какъ мы, выпускные юнкера, такъ и наши младшіе товарищи.

²⁾ «Отецъ! какая жестокая радость!»

А чрезъ четверть часа, пріѣхавъ съ визитомъ къ именинницѣ (тоже для нихъ индифферентной), расцвѣтають радостью. Тѣмъ паче примѣняются они къ обстоятельствамъ на виду вліятельныхъ, по ихъ соображеніямъ, особъ; и тѣмъ паче на виду у самого императора. Кахановъ¹⁾, очевидно, намѣренно ѣхалъ тихо, дабы выразить печаль, ибо въ данный моментъ являлся вѣстникомъ монаршаго гнѣва. Онъ на ходу что-то повѣдалъ слабымъ голосомъ подскакавшимъ къ нему навстрѣчу двумъ офицерамъ нашей батареи. Одинъ изъ нихъ штабсъ-капитанъ Н. Б. Шведеръ, поговоривъ съ полковникомъ, быстро повернувъ лошадь, примчался къ намъ въ батарею, и хотя довольно громко, но испуганнымъ, дрожащимъ голосомъ объявилъ:

— Господа! Государь... недоволенъ смотромъ. Никто въ офицеры произведенъ не будетъ.

Это былъ для насъ поистинѣ ударъ грома съ яснаго неба. Описывать наши ощущенія я не буду.

Батарея покинула Царицынъ лугъ, направляясь домой, къ училищу, по набережной... «Комарики» погромыхивали, Нева искрилась, а мы, кромѣ печали и какого-то траурнаго флѣра, заставшаго все существующее, ничего не ощущали.

У воротъ училищнаго плаца стояло уже нѣсколько экипажей, собственныхъ, наемныхъ или присланныхъ родными для новоиспеченныхъ офицеровъ. Въ юнкерскихъ спальняхъ у нашихъ коекъ были приготовлены уже эпoletы, офицерское платье, спитое изъ сукна тогда моднаго цвѣта «vert de bouteille». Каждый изъ насъ утромъ еще рассчитывалъ весело провести первый день самостоятельной жизни съ родными или пріятелями. Но помыслы объ этомъ теперь только усугубляли нашу удрученность.

Начальство сообщило намъ, что государь императоръ остался весьма недоволенъ фронтною стороною смотра. Недовольство относилось до всѣхъ военно-учебныхъ заведеній, кромѣ кавалерійскаго эскадрона (школы гвардейскихъ подпрапорщиковъ). Выпускныхъ юнкеровъ этого эскадрона онъ поздравилъ офицерами. А выпускныхъ всѣхъ остальныхъ заведеній оставилъ нижними чинами на неопредѣленное время:

— Покуда они не выучатся,—сказалъ царь.

Конкретныхъ причинъ наказанія намъ не поясняли. Да и поздѣе онѣ для насъ отчетливо не выяснились. Носились слухи, что когда государь въ началѣ смотра объѣзжалъ по фронту корпуса, то до его слуха долетали разговоры и даже смѣшки изъ заднихъ шеренгъ нѣкоторыхъ корпусовъ (называли даже Дворянскій полкъ). Слухи упоминали о какой-то бутылкѣ (или штофѣ), выброшенной

---

¹⁾ Вслѣдствіи И. С. Кахановъ былъ виленскимъ генераль-губернаторомъ.

будто бы изъ строя кадетъ на плацъ вслѣдъ за проѣздомъ царя и пр. Сколько въ такихъ разказахъ было правды—опредѣлить трудно.

Однако нѣтъ дыма безъ огня. Надо предполагать, что во время объѣзда случилось нѣчто, вызвавшее его неудовольствіе. Иначе какъ объяснить внезапное ускореніе имъ хода коня? Дурное настроеніе, въ которое царь былъ приведенъ этимъ неизвѣстнымъ «нѣчто», вызвало его особенно строгое отношеніе къ эволюціямъ пѣхоты и артиллеріи. Оно же явилось причиной горькаго для насъ, небывалаго до тѣхъ поръ въ исторіи военно-учебныхъ заведеній, наказанія.

Высочайшая опала практически выразилась такъ.

Всѣмъ петербургскимъ военно-учебнымъ заведеніямъ (начиная съ пажескаго корпуса) повелѣно было ежедневно усиленно заниматься военнымъ артикуломъ. Для этого они были обязаны каждое утро въ полномъ составѣ стягиваться на большой плацъ 1-го кадетскаго корпуса и упражняться тамъ подъ командой соотвѣтственнаго начальства. По воскресеньямъ отпускъ разрѣшался, однако весьма сокращенный.

Наказаніе было чувствительно для всѣхъ. Прогулка въ 1-й кадетскій корпусъ для большинства другихъ заведеній была не шуточная. Ученье продолжительное и утомительное. Уходила большая половина дня. Между тѣмъ начинались уже жары; и вмѣсто лагернаго приволья воспитанникамъ приходилось наслаждаться душнымъ и пыльнымъ Петербургомъ.

Впрочемъ, собственно намъ, юнкерамъ Михайловскаго артиллерійскаго училища, было гораздо легче, чѣмъ всѣмъ остальнымъ. Намъ, подъ предлогомъ того, что характеръ нашей службы особъ я статья (только около орудій), дозволено было не ходить вовсе въ 1-й кадетскій корпусъ, а учиться на своемъ плацу. На это уходило не болѣе часа въ день. И насъ нимало не муштровали.

Намъ же, выпускнымъ, были отведены особыя просторныя комнаты въ обширномъ зданіи академіи. Тамъ мы жили безъ стѣсненій по-студенчески.

Семьи начальника училища и академіи, батарейнаго командира и другія, имѣвшія казенныя квартиры, приглашали насъ къ себѣ по вечерамъ. Этими льготами мы были обязаны великому князю Михаилу Николаевичу. Онъ зналъ, что, кромѣ ничтожной ошибки въ командѣ одного изъ батареинныхъ офицеровъ, наше училище ничѣмъ на смотру не провинилось, и поэтому онъ исходатайствовалъ у своего августѣйшаго брата для насъ облегченія.

Ему же отчасти было обязано и наше начальство своей полной безнаказанностью. Правда, и въ другихъ заведеніяхъ далеко не всѣ начальники были подвергнуты непосредственной карѣ. Но нѣкоторые, однако, довольно долго оставались подъ пассивной опалой, не представлялись къ наградамъ, не продвигались впередъ по службѣ: тогда какъ наши, въ значительной степени благодаря Михаилу

Николаевичу, вскорѣ высоко шагнули по пути служебной карьеры: государь остался попрежнему благосклоненъ къ начальнику нашей академіи Крыжановскому, а чрезъ два года назначилъ его въ званіи генераль-адъютанта варшавскимъ генераль-губернаторомъ. Кахановъ немного позднѣе получилъ постъ виленскаго генераль-губернатора.

Вообще опальное время мы проводили бы пріятно, если бы не неопредѣленность ближайшаго будущаго. Неизвѣстность, какъ мрачная туча, висѣла надъ ними. Мы были удручены, не взирая на свойственную восемнадцатилѣтнему возрасту жизнерадостность. Подъ этой тучей мы провели около мѣсяца—до 30-го іюня. Наканунѣ этого памятнаго дня намъ объявили, что государь назначилъ смотръ вторично; и не въ Петербургѣ, а въ Петергофѣ.

Нашихъ коней и «комариковъ» заблаговременно перевезли въ лѣтнюю резиденцію царя, а на слѣдующее утро перевезли туда же и насъ, т. е. всѣхъ воспитанниковъ военно-учебныхъ заведеній, находившихся подъ опалой.

Смотръ былъ назначенъ рано утромъ, на томъ самомъ плацу въ Петергофѣ, гдѣ военно-учебныя заведенія обыкновенно стояли каждое лѣто лагерями.

Государь не заставилъ себя ждать,—*l'exactitude est la politesse des rois* (точность есть вѣжливость государей).

Корпуса и училища едва успѣли выстроиться обычнымъ порядкомъ, какъ Александръ Николаевичъ уже прибылъ верхомъ на плацъ со свитой. Казалось, онъ расканвался, что слишкомъ строго насъ наказалъ, ибо теперь смотръ прошелъ необычайно спѣшно. Проворно объѣхалъ фронтъ; на сокращенное маневрированіе пѣхоты, а потомъ нашей батареи почти не обращалъ вниманія, только чаще и даже, казалось, привѣтливѣе обыкновеннаго благодарилъ. Команда къ церемоніальному маршу—финальному акту смотра—послѣдовала такъ скоро, что командиры не ожидали ея, и были застигнуты врасплохъ.

Словомъ, государь почти ни на что не обращалъ вниманія и, кажется, не меньше самихъ юношей желалъ благополучной развязки.

Черезъ четверть часа всѣ мы были прапорщиками или корнетами...

Великій князь Михаилъ Николаевичъ, подѣхавъ къ батарее Михайловскаго артиллерійскаго училища, шутовливо, весело поздравилъ насъ. И какъ весело, какъ молодо, искренне, благодарили мы его за привѣтъ, зная, что во многомъ ему обязаны благополучнымъ исходомъ.

Все это воспоминанія далекія, юношескія.

Но и за послѣдніе годы теперь они изрѣдка освѣжались вѣстями о великомъ князѣ Михаилѣ Николаевичѣ.

Приведу всего два факта.

Я живу (по давней, тяжкой болѣзни) въ Неаполѣ. Меня иногда навѣщаетъ вдова одного русскаго, севастопольскаго героя штабсъ-капитана Пантелеймона Кузьмича Кусова ¹⁾, скончавшагося здѣсь лѣтъ 17 назадъ.

Кусовъ въ сраженіи подъ Черной палъ замертво, какъ полагали, ибо его даже не подобрали съ поля сраженія. Почти чрезъ сутки одинъ французскій врачъ, замѣтивъ въ немъ случайно признаки жизни, распорядился перенесеніемъ его въ походный госпиталь для плѣнныхъ. Раны его были признаны по всеѣмъ правиламъ науки смертельными, но въ то же время сложными и очень поучительными. Лечить его оказалось интересно. Его лечили свѣтила науки, постоянно изумляясь его живучести. По заключеніи перемирія Кусовъ былъ возвращенъ на родину. Русскіе врачи, съ Пироговымъ во главѣ, тоже интересовались имъ какъ феноменомъ; лечили внимательно и усердно. Онъ не двигалъ ни руками, ни ногами, испытывалъ очень сильныя боли; но, очевидно, не хотѣлъ подчиниться приговорамъ науки и собирался жить. Многія высокопоставленныя лица приняли въ немъ участіе. Императрица Марія Александровна назначила ему безсрочную пенсію на излеченіе. Врачи, наконецъ, признали, что минеральныя воды острова Искіи (близъ Неаполя) могутъ быть ему полезны. И не ошиблись. На островѣ Искіи Кусовъ значительно оправился. Правда, онъ до конца своей жизни страдалъ часто обострившимися болями, которыя обусловливались ранами. Но когда его не мучили эти припадки, то могъ довольно бодро ходить на костыляхъ.

Великій князь Михаилъ Николаевичъ никогда не упускалъ его изъ виду. Въ бытность свою въ Неаполѣ, зимой 1871 года, его вы, сочество неоднократно навѣщалъ больного. Навѣщалъ запросто-ничѣмъ не стѣсняя, стараясь своей бесѣдой и шутками развлечь его.

Когда Пантелеймонъ Кузьмичъ скончался, то его жена осталась безъ средствъ. Пенсію получала она въ размѣрѣ, полагающемся вдовамъ армейскихъ штабсъ-капитановъ. Она все свое здоровье и лучшую часть жизни отдала уходу за героемъ севастопольской войны. Теперь это старушка, одержимая сама тяжелыми недугами.

Когда по высочайшему повелѣнію была учреждена комиссія для облегченія матеріальнаго положенія оставшихся въ живыхъ севастопольскихъ ветерановъ, а также вдовъ и сиротъ скончавшихся инвалидовъ, то Л. М. Кусова обратилась съ прошеніемъ о пособіи въ вышеупомянутую комиссію и, кромѣ того, по совѣту добрыхъ людей, — съ письменной просьбой къ его императорскому высочеству великому князю Михаилу Николаевичу. Онъ, невзирая на свои

¹⁾ См. «Историч. Вѣстникъ» 1894 г., августъ, мою статью «Поручикъ П. К. Кусовъ».

преклонныя лѣта и тяжкую болѣзнь, вспомнилъ героя Кусова; принялъ участіе къ его вдовѣ и остался вѣренъ своей всегдашней сердечной добротѣ. Великій князь препроводилъ письмо своему августѣйшему сыну, предсѣдателю севастопольской комиссіи. Комиссія не только выдала пособіе, но изыскала средства увеличить пенсію. Впослѣдствіи оказалось, что пенсія эта (добавочная) была назначена ей—тоже, кажется, благодаря заботливости Михаила Николаевича—нѣсколько лѣтъ раньше, но не выдавалась вдовѣ, которая даже не была русскимъ консульствомъ увѣдомлена о назначеніи пенсіи ¹⁾).

Какъ благословляетъ больная вдова Михаила Николаевича, какъ молить за него Бога,—нечего описывать.

Когда я началъ писать эти воспоминанія, то одинъ мой знакомый разсказалъ мнѣ случай съ его роднымъ братомъ Ш. Случай весьма обыденный, но очень пріятно дополняющій наши юношескія воспоминанія о покойномъ великомъ князѣ.

Ш., человекъ далеко немолодой и весьма болѣзненный, проживалъ нѣсколько лѣтъ назадъ на Ривьерѣ, кажется, въ Каннахъ. Мѣста для прогулокъ тамъ приспособлены къ силамъ недугующихъ: по морской набережной разставлены скамьи для отдыха. Однажды Ш., гулявшему по берегу, захотѣлось присѣсть. Онъ приблизился къ ближайшей, отѣненной развѣсистымъ деревомъ скамьѣ, на которой одиноко сидѣлъ престарѣлый, симпатичнаго вида господинъ. Ш. присѣлъ рядомъ съ нимъ. Но—по слабости или по разсѣянности—онъ опустился какъ разъ на откинутую фалду пальто незнакомца. Замѣтивъ, это Ш. нѣсколько сконфузился, сталъ извиняться. Сосѣдь добродушно и привѣтливо постарался его успокоить. А нѣсколько минутъ спустя, когда Ш., желая закурить папиросу, обшаривалъ свои карманы, безуспѣшно ища спичечницы, старикъ съ шутивой улыбкой любезно предложилъ ему свою.

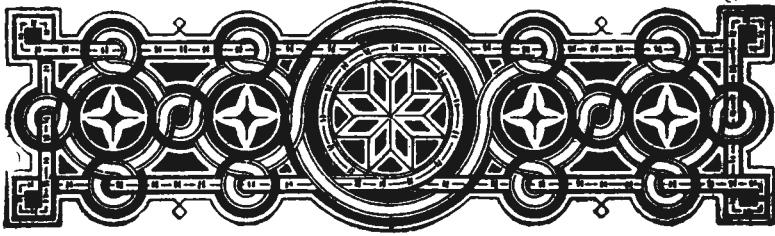
Вскорѣ Ш. узналъ, что почтенный старичокъ, который и лицомъ, и словами, и манерами произвелъ на него очень симпатичное впечатлѣніе, былъ великій князь Михаилъ Николаевичъ.

Вотъ ужъ именно можно сказать: «каковъ въ колыбельку, таковъ и въ могилку».

Н. Н. Фирсовъ (Л. Рускинъ).

---

¹⁾ Последнее обстоятельство, полагаемъ, обуславливалось беспорядками, царившими въ девяностыхъ годахъ въ російскомъ консульствѣ Неаполя.

МИНИСТРЪ НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ ГРАФЪ Д. А. ТОЛСТОЙ И ЦЕРКОВНЫЯ ЗАПОВѢДИ.

(Недавняя старинка).

I.

МИНИСТРЪ народнаго просвѣщенія и оберъ-прокуроръ святѣйшаго синода графъ Д. А. Толстой въ концѣ 1870 года ревизовалъ учебныя заведенія харьковскаго учебнаго округа. Едва только онъ началъ ревизію, какъ уже по всѣмъ городамъ нашего края разнеслась вѣсть о томъ, что ревизія эта будетъ грозная и влечетъ за собою жертвы министерскаго гнѣва. Въ Курскѣ въ то время было только два среднихъ учебныхъ заведенія: мужская и женская гимназія, которыя подлежали ревизіи. Но такъ какъ обѣ гимназіи находились подъ начальствомъ одного директора училищъ Д. Г. Жаворонкова и преподаватели въ нихъ были почти одни тѣ же лица, то волненіе передъ пріѣздомъ министра испытывалось именно въ средѣ гимназическихъ педагоговъ. Наконецъ пришла телеграмма о томъ, что графъ приближается къ Курску. Директоръ со всѣми своими подчиненными на извозчичьихъ экипажахъ цѣлымъ обозомъ выѣхали на вокзалъ желѣзной дороги, отстоящій отъ города въ пяти верстахъ, встрѣчать Дмитрія Андреевича Толстого. Холодный осенній дождь лилъ во всю дорогу туда и обратно. Графъ встрѣтилъ всѣхъ представлявшихся ему педагоговъ угрюмо и не-

привѣтливо. На другой день, предъ прибытіемъ его въ гимназію, учителя стали еще трусливѣе и все боялись, не обрушится ли на кого-либо немилость министра. Такъ онъ и вышло; но самый случай, вызвавшій недовольство министра, оказался очень оригинальнымъ и интереснымъ.

На послѣднемъ урокъ въ мужской гимназій Д. А. вошелъ въ пятый классъ, гдѣ занимался законоучитель. Съ графомъ была блестящая свита: два члена совѣта министра—оба въ лентахъ и звѣздахъ, попечитель петербургскаго учебнаго округа тайный совѣтникъ фонъ-Брадке, попечитель харьковскаго учебнаго округа, бывший профессоръ химіи петербургскаго университета А. А. Воскресенскій и другія лица.

— Продолжайте вашъ урокъ, — сказала Толстой законоучителю, и все приготовились слушать.

Законоучитель—достопочтенный протоіерей, прослужившій уже 20 лѣтъ въ курской гимназій и въ послѣдніе годы своей службы получившій много самыхъ лестныхъ отзывовъ о своемъ преподаваніи отъ попечителей округа, профессоровъ харьковскаго университета, бывшихъ депутатами на экзаменахъ, отъ члена главнаго правленія училищъ Могилянскаго, по высочайшему повелѣнію производившаго строгую ревизію гимназій, нисколько не смущаясь и даже съ особымъ оживленіемъ продолжалъ урокъ. Онъ хотѣлъ занять вниманіе высокихъ посѣтителей особымъ предметомъ, не разработаннымъ въ катехизисѣ митрополита Филарета, и спрашивалъ учениковъ о числѣ, смыслѣ и значеніи такъ называемыхъ церковныхъ заповѣдей. Отвѣты гимназистовъ были очень бойки, вѣрны и содержательны, законоучитель увлекался все болѣе и болѣе, самъ дополнял и разъяснял даваемые отвѣты и до пробитія звонка продолжалъ дѣйствовать въ томъ же духѣ. Возвратился онъ домой веселый, рассказывалъ о томъ, что ревизія сошла прекрасно, что ни одинъ изъ гимназистовъ даже не заикнулся въ отвѣтѣ и проч.

А между тѣмъ было слѣдующее.

Графъ Д. А. Толстой, слушая во время ревизіи трактаты о церковныхъ заповѣдяхъ, хмурился, видимо, недоумѣвалъ, даже пожималъ плечами и не промолвилъ ни одного слова. Несмотря на прекрасныя познанія пятиклассниковъ, ни звука одобренія или похвалы не вырвалось изъ его устъ. Только все сильнѣй и сильнѣй закручивалъ онъ свои маленькіе черные усики. Александръ Абрамовичъ Воскресенскій, видя такое настроеніе министра, который былъ довольно веселъ въ другихъ классахъ, прямо-таки вздыхалъ на весь классъ. Нашъ директоръ стоялъ мрачнѣе тучи.

Вышедши изъ класса, министръ сурово обратился къ директору съ слѣдующими словами:

— Что за странный урокъ слышалъ я сейчасъ? Вѣдь въ пятомъ классѣ ученики, кажется, должны изучать катехизисъ?

— Катехизисъ, ваше сіятельство,—почтительнѣйше доложилъ Жаворонковъ, въ то время самъ уже имѣвшій чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника.

— Ну, вотъ! А между тѣмъ изъ катехизиса мы ничего и не слышали на урокъ, рѣшительно ничего.

Это было совершенно вѣрно. Въ катехизисѣ нѣтъ трактата о церковныхъ заповѣдяхъ. Мы, гимназисты, изучали о нихъ по запискамъ законоучителя.

— Такъ вотъ,—продолжалъ Толстой:—отвѣчали о какихъ-то неизвѣстныхъ мнѣ заповѣдяхъ, называли ихъ, кажется, церковными. Я о нихъ нигдѣ не читалъ и ихъ не знаю. А вы?—отнесся онъ къ директору.

— И я также, ваше сіятельство,—въ первый разъ слышу...

— А вы, Александръ Абрамовичъ?

— Ничего о такихъ заповѣдяхъ не зналъ и не знаю, понятія не имѣю.

При этомъ даже потрясъ головою престарѣлый попечитель учебнаго округа, который долженъ былъ хорошо знать церковныя заповѣди, какъ бывшій семинаристъ, прошедшій богословскій курсъ съ отличными успѣхами и предназначенный къ отправленію въ духовную академію, но «сбѣжавшій» на естественный факультетъ университета.

Къ фонъ-Брадке, какъ лютеранину, нечего было, конечно, и обращаться. Министръ такъ закончилъ свою рѣчь:

— Странно, очень странно все это. Видимое дѣло,—преподаваніе вѣроученія¹⁾ въ здѣшней гимназии поставлено несоответственно съ программой и не такъ, какъ это, во всякомъ случаѣ, слѣдовало бы!

II.

Все это случилось въ субботу. На слѣдующій день къ поздней обѣднѣ въ гимназическую церковь прибылъ министръ. Въ это время я былъ ученикомъ и имѣлъ возможность опять видѣть грознаго министра и всю его свиту. Онъ стоялъ впереди учениковъ у лѣваго клироса, изрѣдка крестился, иногда поворачивалъ голову и бросалъ бѣглый взглядъ на гимназистовъ. Богослуженіе совершалось стройно и торжественно, хоръ пѣлъ прекрасно, и Толстой въ знакъ похвалы и одобренія послалъ хору поднесенную ему просфору. Ученики стояли какъ вкопанные, никто не смѣлъ пошевеливаться или кашлянуть,—благодичіе абсолютно ничѣмъ не нарушалось.

¹⁾ Очевидно, подъ словомъ вѣроученіе, министръ подразумѣвалъ или Законъ Божій, или катехизисъ.

Но нужно же было тутъ случиться такому происшествію, которое взволновало всѣхъ и могло быть истолковано графомъ опять не въ пользу нашего законоучителя.

Хоръ самымъ умиленнымъ образомъ въ минорныхъ тонахъ исполнялъ «Херувимскую». Всѣ ученики стояли на колѣняхъ... Вдругъ въ церкви поднялся шумъ. Раздались восклицанія:

— Позвольте... позвольте... разступитесь... разойдитесь!

Гимназисты передвигались, ерзая на колѣняхъ, давали дорогу, другіе цѣлыми группами оборачивались. Послышались, какъ это бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, звуки сдерживаемаго кашля.

Обернулся грозный министръ, а за нимъ и его свита.

Среди гимназистовъ, расталкивая ихъ руками и даже ногами, пробирался по церкви высокій мужчина въ черномъ скотукѣ, видома и образомъ своимъ напоминавшій церковника или причетника. Пробравшись черезъ ряды колѣнопреклоненныхъ учениковъ и задѣвъ плечомъ самого Толстого, странная фигура скрылась въ алтарь черезъ боковыя двери...

Словно сейчасъ вижу выраженіе лицъ: разгнѣванный Дмитрій Андреевичъ металъ глазами молніи, членъ совѣта министра выражалъ необыкновенное удивленіе, директоръ гимназіи и попечитель харьковскаго учебнаго округа смущенно поникли взорами, только фонъ-Брадке совершенно безстрастно смотрѣлъ на нахально нарушившаго порядокъ субъекта, да и, казалось, смотрѣлъ-то исключительно потому, что на это обратилъ вниманіе графъ.

Быстро повернулся на каблучкахъ¹⁾ къ алтарю министръ. Очевидно, онъ подумалъ, что законоучитель, столь ревностно обучающій своихъ учениковъ церковнымъ заповѣдямъ, не могъ и не смѣлъ обучить своего причетника благочинію въ церкви и тотъ позволяетъ себѣ таскаться не во-время по церкви, не обращая даже вниманія на присутствіе министра и его сановныхъ спутниковъ.

Что же оказалось? Курскій епископъ Сергій, впоследствии митрополитъ московскій, желая, чтобы Толстой, обѣщавшій быть у него послѣ посѣщенія богослуженія въ гимназіи, успѣлъ застать въ соборной церкви литургію или молебенъ, послалъ своего секретаря сказать законоучителю, чтобы тотъ поскорѣе оканчивалъ церковную службу. Сергію хотѣлось похвастаться передъ своимъ строгимъ начальствомъ — оберъ-прокуроромъ синода — заново отдѣланною соборною церковью, прекраснѣйшимъ пѣніемъ хора и своими величественными и изящными манерами и жестами при совершеніи богослуженія, чѣмъ онъ выдѣлялся изъ числа почти всѣхъ архіереевъ. Кстати, у него былъ и протодіаконъ П. З. Молотковъ, который отличался чуднымъ колоссальнымъ басомъ, а особенно умѣнемъ владѣть имъ артистически. Когда же секретарь

¹⁾ Онъ замѣчательно искусно умѣлъ дѣлать такой поворотъ.
«Истор. вѣстн.», декабрь, 1910 г., т. сxxii.

пришелъ въ гимназію, то служитель, зазѣвавшись, не указаль ему другого пути въ алтарь, который идетъ параллельно съ гимназическимъ храмомъ. Такимъ образомъ, секретарь и вломился въ ряды учениковъ.

Какъ бы то ни было, а церковныя заповѣди не шли вонъ изъ головы графа. Не успѣль онъ войти въ архіерейскіе покои и повидаться съ преосвященнымъ Сергіемъ, какъ обратилса къ нему съ вопросомъ:

— Ваше преосвященство, есть церковныя заповѣди?

— Есть!—твердо и не запинаясь отвѣтилъ онъ.

— Сколько же ихъ?

— Девять.

— Но, вѣдь, могло бы быть ихъ и девяносто девять!

— Совершенно справедливо, ваше сіятельство, если бы святая церковь установила, то могло бы быть и такое число заповѣдей, какое вы изволили сказать.

— Какъ же такъ: я—оберъ-прокуроръ святѣйшаго синода, и не знаю церковныхъ заповѣдей?!

Эти слова были произнесены Толстымъ сердитымъ голосомъ и съ большимъ недовольствомъ, но на кого именно, трудно было понять; болѣе всего, вѣроятно, на архіерея, что тотъ не поддержаль оберъ-прокурора въ незнаніи имъ церковныхъ заповѣдей. Но Сергій, нисколько не смущаясь, отвѣтилъ на послѣднюю фразу¹⁾ такъ:

— Это неудивительно, сіятельнѣйшій графъ, недоумѣніе ваше разрѣшается очень просто. Вамъ, въ періодъ вашего ученія, не преподавали объ этихъ заповѣдяхъ.

— Все это прекрасно,—возразилъ Д. А., нервно подергивая плечами:—но нужно ли о заповѣдяхъ этихъ проходить не въ духовномъ, а свѣтскомъ учебномъ заведеніи—въ классической гимназіи? Я вполнѣ убѣжденъ, что вашъ законоучитель вышелъ за предѣлы программы!

Но епископъ отпарироваль и этотъ ударъ.

— Я думаю, что нужно. Въ катехизисѣ, который изучають гимназисты, на вопросъ: что значить вѣровать въ церковь?—между прочимъ сказано: «и повиноваться ея заповѣдямъ». Слѣдовательно, законоучитель счелъ необходимымъ объяснить въ классѣ, что же такое заповѣди церкви, или церковныя.

Разговоръ перешелъ на другіе предметы, но отличался сухостью со стороны оберъ-прокурора.

¹⁾ Фраза Д. А. Толстого, выразившая такую антитезу, что онъ, стоящій во главѣ церковныхъ дѣлъ, тѣмъ не менѣе не знаетъ церковныхъ заповѣдей, откуда вытекала какъ будто такая мысль, что чего онъ въ данной области не знаетъ, того и нѣтъ, потому очень часто повторялась въ курскомъ обществѣ, какъ чрезвычайно своеобразное и странное доказательство правоты.

Трудно повѣрить, что, пріѣхавъ отъ архіерея съ визитомъ къ губернатору А. Н. Жедринскому, Толстой не утерпѣлъ и опять говорилъ о церковныхъ заповѣдяхъ, а между тѣмъ это было именно такъ. Мало того, будучи въ понедѣльникъ на ревизіи въ женской гимназіи, онъ спросилъ тамошняго законоучителя:

— Вы, батюшка, въ какомъ классѣ проходите съ ученицами о церковныхъ заповѣдяхъ?

— Имѣю честь доложить вашему сіятельству, — отвѣчалъ законоучитель: — что объ этомъ мы не проходимъ, такъ какъ въ программѣ на этотъ счетъ не имѣется соотвѣтствующихъ указаній. Но если будетъ угодно вашему...

— Ничего этого не надо! — рѣзко прервалъ батюшку министр. — Вы дѣлаете правильно, и такъ поступайте.

Какъ бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, кто-то изъ собесѣдниковъ министра, узнавши о недовольствѣ его по поводу церковныхъ заповѣдей, успѣлъ сказать, что законоучитель мужской гимназіи, по своимъ приемамъ преподаванія, очень устарѣлъ... Толстой, уѣзжая изъ Курска, передалъ о томъ, что въ Петербургѣ онъ скажетъ ректору духовной академіи, чтобы тотъ предложилъ окончившимъ курсъ кандидатамъ взять мѣсто законоучителя курской гимназіи, и когда такой найдется, то немедленно будетъ назначенъ.

Сообщили объ этомъ и нашему батюшкѣ, къ его глубокой скорби и печали.

III.

Прошло 18 лѣтъ. Въ зданіе гимназіи вступилъ для ревизіи министръ народнаго просвѣщенія И. Д. Деляновъ, съ не менѣе блестящей свитой, какъ и при Толстомъ. Были въ свитѣ, между прочимъ, попечитель петербургскаго округа Гельбке, членъ совѣта министра Н. А. Любимовъ, раньше профессоръ московскаго университета, воевавшій въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ (1871—1883) противъ университетскаго устава 1863 года. Графъ Деляновъ обходился со всѣми мило и привѣтливо, расточалъ поклоны направо и налево. Кто же его встрѣтилъ? Тотъ же директоръ Д. Г. Жаворонковъ и тотъ же законоучитель, оставшійся на службѣ, потому что изъ Петербурга на его мѣсто никто не пріѣхалъ. Онъ служилъ законоучителемъ и въ то время, когда Толстой спалъ уже могильнымъ сномъ въ землѣ сырой, а всего прослужилъ послѣ обѣщанія министра уволить его еще не болѣе, не менѣе, какъ 31 годъ!

И, несмотря на тяжелый инцидентъ съ Толстымъ, нашъ батюшка твердо продолжалъ держаться того правила, что неудобно въ присутствіи высокихъ посѣтителей вести обыкновенный урокъ, по программѣ, а необходимо угостить ихъ чѣмъ-либо особеннымъ. Такъ и при Деляновѣ ученики VIII класса, начавъ отвѣчать о Пасхѣ, немедленно же заговорили, съ оживленнымъ участіемъ

самого законоучителя, о насхали, толковали о такихъ терминахъ, каковы «вручѣ лѣто», «эпакта», «ключъ границы», залегѣли даже въ астрономію. Деяновъ самъ вошелъ въ общую бесѣду, остался доволенъ тѣмъ, что пришлось ему послушать нѣчто, такъ сказать, незаурядное...

— Благодарю васъ; благодарю, батюшка... Утѣшили меня старика! Мы съ вами хоть и немного поспорили насчетъ астрономіи, но это не бѣда, не бѣда... Освѣжили меня!

Не сошлись, слѣдовательно, во взглядахъ относительно выполненія гимназической программы два графа, два бывшихъ сослуживца, два министра: Толстой и Деяновъ.

Старецъ-законоучитель былъ такъ утѣшенъ благодарностью министра, что въ день его выѣзда изъ Курска трогательнѣйшимъ образомъ въ гимназической церкви, въ присутствіи И. Д. Деянова, всѣхъ учащихся и учащихся мужской и женской гимназій, отслужилъ молебенъ «въ путь шествующимъ», съ провозглашеніемъ «сіятельнѣйшему боярину» многолѣтія. Несказанно благодарилъ за это добрый министръ, даже поцѣловалъ руку у о. протоіерея, а намъ, всѣмъ педагогамъ, горячо пожималъ руки. Не забылъ даже и выстроившихся и державшихъ руки по швамъ служителей, попрощавшись съ ними поклономъ.

Какъ видите—свыше всякой мѣры взволновали оберъ-прокурора святѣйшаго синода графа Толстого церковныя заповѣди въ классномъ ихъ преподаваніи.

А. Танковъ.

ВОСПОМИНАНІЯ АКАДЕМИКА П. П. СОКОЛОВА ¹⁾.

XX.

Въ Петербургѣ.—Графъ Павелъ Бобринскій.—Выставка картинъ въ академіи: «Святое семейство», «Дмитрій Самозванецъ»,—Пятницы въ Художественномъ клубѣ.—Зарожденіе декадентства въ живописи.—Въ Эрмитажѣ.—Крымская кампанія.—Отъѣздъ въ Москву.

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ графа Соллогуба я не засталъ; онъ еще не возвратился изъ Дерпта, гдѣ графиня проводила лѣто; мнѣ было очень досадно, что я былъ лишень, благодаря этому, общества людей, искренне ко мнѣ расположенныхъ. Видѣлся я съ графомъ Александромъ Павловичемъ Бобринскимъ и его братомъ Павломъ, который нисколько не походилъ на него ни лицомъ, ни характеромъ, ни даже способностями. Это былъ человѣкъ ограниченный, некрасивый, съ очень крупнымъ носомъ. Онъ потомъ женился въ Москвѣ на очень богатой купчихѣ. Удивительная свадьба! Вѣдь не могъ же онъ польститься на ея капиталъ, когда былъ самъ очень богатъ, увлечься ею также было трудно, такъ какъ она была даже дурна собою. Какъ это произошло при тогдашнемъ взглядѣ аристократовъ на свадьбы подобнаго рода,—просто непостижимо.

Между тѣмъ въ Петербургѣ ожидалось въ этомъ году много интересныхъ событій. Оканчивалась постройка Николаевской желѣзной дороги, да и Николаевскій мостъ быстро подвигался своею надводною кладкой. Въ особенности первому обстоятельству я

¹⁾ Окончаніе. См. «Историч. Вѣстн.», т. СХХІІ, стр. 478.

былъ очень доволенъ. Съ проведеніемъ желѣзной дороги больше не придется мучиться въ мальпостной кареткѣ, а вѣдь мнѣ предстояло еще это удовольствіе. Петербургъ находился въ лихорадочномъ ожиданіи этихъ открытій, и многіе даже откладывали свои поѣздки въ Москву до этого момента.

Мраморный дворецъ тоже былъ обновкой, хотя по реставраціи изъ дѣдушкина наслѣдства. Еще была произведена закладка двухъ дворцовъ, для великихъ князей Николая и Михаила Николаевичей, а также предстояли большія передѣлки въ Зимнемъ дворцѣ и его эрмитажномъ отдѣленіи. Я уже говорилъ раньше о томъ, что эти работы были отданы моему дядѣ Александру Павловичу Брюллову, а затѣмъ отобраны отъ него послѣ обнаружившихся растратъ по Мраморному дворцу; но это случилось гораздо позднѣе. Теперь же дядюшка былъ еще на высотѣ своего генеральскаго величія и однажды, посѣтивъ Мраморный дворецъ, просилъ меня зайти къ нему на другое утро. Засталъ я дядю въ кабинетѣ, и онъ, выражая одобреніе моимъ работамъ, сообщилъ о своемъ намѣреніи передать мнѣ работы и въ Зимнемъ дворцѣ.

«Недурно пошли мои дѣла,—подумалъ я:—надо набивать себѣ деньгу!» и, поощренный этой мыслью, занялся усиленно окончаніемъ своей картины. Надо было въ то время подумывать объ устройствѣ себѣ помѣщенія, такъ какъ во дворцѣ оставаться уже приходилось недолго.

Между тѣмъ въ академіи опять начались сборы на выставку, и я сожалѣлъ, что у меня ничего не было готоваго для нея, кромѣ картины «Моцартъ и Сальери», еще не оконченной и стоявшей у меня въ станкѣ. Вдругъ въ моей головѣ родилась мысль, что я могу получить заказъ для внутренней отдѣлки храма Спасителя въ Москвѣ, и потому я рѣшилъ написать какую-нибудь картину въ церковномъ стилѣ, которая могла бы служить образцомъ того, что я могу сдѣлать въ живописи этого рода. Долго я думалъ надъ выборомъ сюжета и наконецъ остановился на одномъ, а именно: «Святое семейство въ Вилеемѣ». Я набросалъ эскизъ, и въ моей композиціи, столько разъ дѣланной многими живописцами разныхъ школъ, было новаго то, что въ группѣ Богоматери съ Младенцемъ не ея голова доминировала и короновала группу, а голова самого младенца Христа, такъ какъ Онъ у меня былъ изображенъ въ ясляхъ стоя, поддерживаемый руками Божіей Матери и глядѣлъ прямо впередъ изъ картины, обхвативъ своими ручками ея голову, образуя на ней какъ бы вѣнецъ. Свѣтъ всей картины разливался отъ головы Божественнаго Младенца на ясли и склонившагося надъ ними старика Иосифа. Композиція эта меня удовлетворила, и я началъ картонъ углемъ въ настоящую величину. Послѣ загрузки, вся картина была посыпана мелкимъ блестящимъ пескомъ, а потому она имѣла въ своихъ краскахъ какой-то особенный эффектъ,

какъ бы прозрачной, отъ чего она необыкновенно выигрывала и обращала на себя вниманіе¹⁾). Такъ какъ эта картина имѣла спеціальное назначеніе, то я не особенно озабочивался поспѣшить съ нею къ выставкѣ, къ которой мнѣ ужасно хотѣлось что-нибудь да приготовить, и я занялся опять выработкою сюжета. Въ виду того, что душа моя постоянно лежала къ творческимъ мыслямъ моего милаго поэта, то я началъ пересматривать сцены и сюжеты изъ его поэмъ и наконецъ остановился на «Борисѣ Годуновѣ», взявъ то мѣсто, когда лѣтописецъ Пименъ пишетъ свои сказанія, а Самозванецъ, лежавшій у стѣны на соломѣ, вдругъ просыпается. Тогда еще мною не былъ оконченъ портретъ князя Кочубея, и я очень сожалѣлъ объ этомъ, онъ, несомнѣнно, годился бы для выставки. Нарисовавъ еще двѣ женскія головки въ панданъ, я до начала новыхъ, задуманныхъ мною сюжетовъ, закончилъ сцену изъ «Моцарта и Сальери».

Выставка удалась какъ нельзя лучше, много талантливыхъ произведеній было представлено Петербургу академіей, и большинство изъ нихъ, все свои русскія, были дѣйствительно выдающимися. Время было тяжелое. Крымская кампанія была въ разгарѣ, и съ театра военныхъ дѣйствій приходили тяжелыя вѣсти. Началъ выходить «Художественный листокъ» Тимма, брата несчастной жертвы—жены дяди Карла Павловича. Новая опера «Русланъ и Людмила» Глинки давалась съ большимъ успѣхомъ, вопреки сомнѣніямъ, выраженнымъ раньше мнѣ Михаиломъ Юрьевичемъ Вѣльгорскимъ. Наконецъ пріѣхали изъ Дерпта Соллогубы, и я часто сталъ бывать у нихъ. Праздники я встрѣтилъ скучно, отпускъ было взять невозможно и въ Москву предстояло попасть не раньше весны, и я убивалъ свое время, работая безъ отдыха съ утра до вечера.

Однажды ко мнѣ зашелъ Барбе и, удивившись моему грустному настроенію духа, сказалъ:

— Послушайте, Павелъ Петровичъ, я просто не понимаю, отчего вы не бываете на пятницахъ?—тамъ теперь превесело бываетъ, повѣрьте, что вы тамъ разсѣете вашу скуку; ужъ во всякомъ случаѣ на этихъ вечерахъ оживленія гораздо больше, чѣмъ въ другихъ собраніяхъ Петербурга. Во-первыхъ, вамъ анекдотовъ наскажутъ съ три короба и фокусы покажутъ, въ особенности по этой части проявляетъ теперь себя артиллерійскій офицеръ Бергъ, удивительный фокусникъ. Тутъ же вы можете и рисовать, для чего вамъ предоставлены всѣ удобства.

— Ну, нѣтъ,—сказалъ я:—ужъ во всякомъ случаѣ, если итти туда, то не рисовать; занятія подобнаго рода подъ шумъ вовсе не по моему характеру. Ну, подумайте сами, что можно путнаго сдѣлать подъ этакій барабанный бой? Мнѣ подобнаго рода занятія напоми-

¹⁾ За эту картину П. П. Соколовъ получилъ званіе академика.

нають обученіе полковой музыкѣ въ казармахъ, и я нерѣдко удивлялся, какъ это люди могутъ, занимаясь въ подобной обстановкѣ, сдѣлать что-либо, не говоря уже художественное, а попросту даже что-нибудь.

Несмотря, однако, на свои предубѣжденія противъ этихъ художественныхъ пятницъ, я пошелъ туда съ Барбе и засталъ тамъ сбродъ многочисленнаго и разнороднаго элемента. Тутъ были и военные, и статскіе, и литераторы, и художники, и актеры, и люди, не принадлежавшіе ни къ одному изъ разрядовъ служителей искусства и науки, а попросту такъ-таки убивающіе свое время за обильнымъ его избыткомъ. Словомъ, я очутился въ какомъ-то столпотвореніи вавилонскомъ, или просто въ самомъ центрѣ [крыловскаго хора: кто въ лѣсъ, кто по дрова. Болѣе всего говорили о Юмъ-спиритѣ, который тогда былъ въ самомъ зенитѣ своей моды и славы и манію котораго можно было бы назвать увеселительной, если бы въ ней не было такъ много страшнаго, что, впрочемъ, очень любятъ наши дамы и люди, обладающіе пылкимъ воображеніемъ. Что же касалось нашего специально-художественнаго элемента, то онъ привелъ меня въ какое-то уныніе. Я заглянулъ на столы, за которыми занимались этой профанаціей искусства, и страдалъ при видѣ, какъ эти молодцы, безъ всякой жалости, какъ истые башкибузюки, разводили краску, которую хватали по тому же вдохновенію, какъ и гоголевскій поварь спьяна хваталъ, что ему попадалось подъ руку: соль—такъ соль, перецъ,—такъ перецъ и т. д.

Наливали эти господа на свои такъ называемыя картины цѣлыя лужи очень сомнительнаго колорита, и терпѣливая бумага безропотно и какъ будто ежась выносила все это. И кого могли прельстить эти не только бездарныя, но и безобразныя, рѣжуція глазъ даже профана произведенія. Эти господа не рисовали по вдохновенію или изъ любви къ живописи, нѣтъ, они попросту отдавали долгъ уставу этого художественнаго клуба, вымазывая рисунокъ, только бы его съ глазъ долой, и затѣмъ пускали его въ продажу въ пользу этого же клуба, или разыгрывали въ лотерею. Но что это были за рисунки? Просто даже волосъ дыбомъ встаетъ при воспоминаніяхъ о нихъ.

Конечно, выгравшій подобный рисунокъ не имѣлъ права претендовать на какое-либо достоинство и стоимость подобнаго произведенія, но пользоваться этимъ по меньшей мѣрѣ было безсовѣстно.

Послѣ окончанія такъ называемой художественной половины вечера слѣдовала ѣда, сопровождаемая цѣлымъ неистощимымъ запасомъ сальныхъ анекдотовъ—«кто кого перепоганить». Мнѣ такъ стало противно за столомъ, что я мысленно сказалъ себѣ: «отойди отъ зла и сотвори себѣ благо», всталъ и уѣхалъ. Вотъ тутъ-то припомнились мнѣ вечера у графа Ѳедора Петровича Толстого или у Владимира Александровича Соллогуба, и я постигъ всю неизмѣри-

мую разницу въ нравственномъ уровнѣ между тогдашними и теперешними обществами, такъ рѣзко замѣтную на продолженіи какого-нибудь десятка лѣтъ. Положимъ, тамъ, какъ и здѣсь, люди стремились къ одному и тому же: провести пріятно время, но въ томъ-то и разница, что тогда въ этихъ симпатичныхъ салонахъ цѣль эта достигалась, а тутъ въ этомъ художественномъ клубѣ было одно убійство его, и вотъ здѣсь я подмѣтилъ нарождавшееся, теперь почти царствующее, декадентство. Въ рисункахъ это декадентство выражается до наивности прямолинейно. Разведуть лужу помокрѣе, обведутъ его собственнаго измышленія грубымъ контуромъ, и вотъ вамъ картина; что называется, и дешево и сердито. Да если это сколько-нибудь похоже на трафаретныя безобразія средневѣковаго примитивнаго искусства святой старины, то они готовы были возвести эти обведенныя лужи въ перлъ искусства. Уныніе и позоръ!

Чтобы сколько-нибудь сгладить тяжелое впечатлѣніе, навѣянное этимъ милымъ клубомъ художниковъ, я пошелъ въ Эрмитажъ. Тамъ были сдѣланы кое-какія перестановки въ залахъ французской и нѣмецкой школы, и это заинтересовало меня. Итальянская же, фламандская и испанская оставались не тронутыми, и онѣ, собственно, и представляли собою самый громадный вкладъ въ это по истинѣ роскошное собраніе произведеній генія и труда. Я узнавалъ своихъ истинныхъ учителей и, возвращаясь къ нимъ, утверждалъ себя въ принципахъ, которые они помогли мнѣ усвоить и въ которыхъ я находилъ силу творить что-нибудь самому, въ какомъ бы то ни было микроскопическомъ видѣ, въ сравненіи съ этими гигантами творчества. Конечно, вкусы и формы той или другой эпохи, покоряясь вѣянію и настроенію жизненныхъ вопросовъ, измѣняются, но чувство прекраснаго не перестаетъ царствовать и покорять себѣ ихъ, какъ бы они не измѣнились. Типъ иначе не можетъ создаться, какъ отраженіемъ той эпохи, въ которую онъ жилъ, и потому художникъ, желающій оставаться самостоятельнымъ, долженъ искать матерьяла для своей работы въ тѣхъ сферахъ и элементахъ, которые его самого окружали, не повторяя старыхъ покрововъ и шаблоновъ подъ чувствомъ увлеченія ихъ изяществомъ. Онъ долженъ только выработать въ себѣ эту вѣрность чувства воспріимчивости изящнаго, которое должно подсказывать ему, что онъ долженъ дѣлать.

Между тѣмъ на горизонтѣ нашего политическаго міра черная туча все разрасталась и разрасталась, съ театра военныхъ дѣйствій извѣстія до такой степени были тревожны, что весь Петербургъ былъ объятъ какимъ-то туманомъ грусти и унынія. Всѣ почувствовали [государю, удрученному великими заботами и безпрерывно раздражавшемуся непредвидѣнными неудачами. Недовольный и озабоченный, онъ рѣдко показывался на улицахъ, въ

тревожномъ ожиданіи печальной развязки, а тамъ, на сева-
польскихъ бастіонахъ, умирали герои за свое родное отечество,
грудью защищая его отъ нашествія многочисленной союзной арміи.
Петербургъ пріунылъ, ни вечеровъ, ни театровъ уже не было, сѣ-
верная столица какъ бы одѣлась въ трауръ въ ожиданіи кончины
своего измученнаго дитяти, умирающаго подъ ударами непріятель-
скихъ бомбъ, и съ трепетомъ внимала каждой черной вѣсти, еже-
дневно привозимой оттуда фельдъегерями.

Весна наступила ранняя, какъ будто сама природа сжалилась
надъ моимъ одиночествомъ; я отложилъ до осени наемъ своей квар-
тиры и, лишь только получилъ отпускъ въ институтѣ, покатишь
опять въ Москву.

XXI.

Приготовленія къ свадьбѣ.—Я женатъ.—Разсужденіе о бракѣ.—Первые суружескіе
дни.—Отъѣздъ.—Пріѣздъ жены въ Петербургъ.—Завтракъ у великой княгини Але-
ксандры Іосифовны.—Опера «Гугеноты».—Маріо и Гризи.—Неожиданный арапъ.—
Генераль Ковалевскій.

Матушку засталъ я уже вполне успокоенною и примири-
вшеюся со своей утратой, а потому нашель умѣстнымъ теперь сооб-
щить ей о своемъ сватовствѣ, что она, повидимому, приняла съ нѣ-
которымъ удивленіемъ, но не безъ удовольствія. Обнявъ меня и
пожелавъ, чтобы выборъ мой былъ счастливый, она захотѣла немед-
ленно познакомиться съ моей невѣстой. На другой же день я
отправился въ Останкино. Засталъ я по обыкновенію всѣхъ дома;
старушка заволновалась, когда узнала, что я пріѣхалъ за ея до-
черью, стала крестить ее и напутствовать своими благословеніями,
пожеланіями и совѣтами. Софья также очень была встревожена,
она быстро одѣлась, и мы поѣхали. Матушка приняла ее съ такою
ласкою и доброжелательностью, что бѣдная дѣвушка, такъ сильно
волновавшаяся во время своей дороги, успокоилась, цѣловала
ея руки, обѣщая заслужить ея любовь и уваженіе. Я нарочно не
присутствовалъ во время этого разговора и ушелъ въ комнату
брата Александра, который взялъ на себя трудъ похлопотать о наймѣ
для всѣхъ насъ дачи въ Останкинѣ и съ успѣхомъ выполнилъ эту
задачу. Владимиръ Аммонъ часто заходилъ къ намъ и привелъ своего
брата. Подклюшниковъ попрежнему приходилъ посидѣть, потиралъ
свой носъ, постоянно собираясь что-то говорить, и ограничиваясь
всегда своимъ: «Ну да, ну да, вотъ и прекрасно», и схвативъ свой
картузь, исчезалъ такъ же скоро, какъ и появлялся, всегда нагру-
женный своими рабочими матерьялами и снастями. Миллеры за-
ѣзжали рѣдко такъ какъ Александръ Степановичъ былъ сильно занятъ
опять новыми передѣлками въ домѣ толстяка Рахманова, для кото-
раго я продолжалъ дѣлать четвертую группу полета и еле-еле могъ
удѣлить этой работѣ время.

Пріѣзжала къ намъ и Любовь Корниловна Маковская, несмотря на то, что ей для этого приходилось совершать огромную поѣздку. Лѣто того года было хорошее, не жаркое и сухое, но зато весна, по случаю слишкомъ ранняго тепла, вышла неудачною въ томъ отношеніи, что на деревья, въ особенности на фруктовыя, напалъ червь, и паутина такъ густо покрывала молодую листву, что она была просто неузнаваема, цвѣтъ былъ весь уничтоженъ, и листья и вѣточки походили на какія-то очень тонкія кружева. Зато грибовъ было много, и я нашель большой бѣлый грибъ на самой дорожкѣ, на которой впервые увидѣлъ свою теперешнюю невѣсту. Въ обращеніи нашемъ съ нею уже явилась милая короткость, предвѣстница болѣе тѣснаго сближенія въ недалекомъ будущемъ. Годъ кончины моего отца истекалъ, и мы начали чаще и чаще заговаривать о свадьбѣ. Моя мама познакомилась со старушкой Ивановой, и онѣ, повидимому, остались довольны другъ другомъ, сойтись же особенно близко не могли, ужъ очень большая разница была между ними и въ лѣтахъ, и въ степени умственнаго развитія. Моя мать, отпрыскъ талантливаго рода Брюлло, жена гениальнаго художника, всю жизнь вращавшаяся между свѣтилами науки и искусства, развитая, начитанная, умная, конечно, не могла найти себѣ подруги въ лицѣ забитой жизнью и горемъ скромной заурядной старушки, продукта захудалаго дворянскаго рода 20-хъ годовъ. Однако это имъ не помѣшало дружно приняться за совмѣстныя хлопоты по устройству дальнѣйшей нашей судьбы. Намъ была нанята маленькая дачка въ три комнатки, и очень мило устроена ея обстановка; но какихъ бы чудесъ онѣ тамъ ни надѣлали, мы едва ли бы замѣтили, такъ какъ сами собою наполняли все и вся, и трудно было бы намъ не угодить. Свадьбу было рѣшено сыграть самую скромную, я даже хотѣлъ пѣшкомъ итти со своею невѣстою въ церковь, до которой было всего нѣсколько шаговъ, но мать моя возстала противъ такой, будто бы утрированной, простоты и непременно потребовала нанять карету для невѣсты въ церковь, я долженъ былъ прійти потомъ, какъ того требовали традиціонные обычаи и этикетъ. Въ этотъ торжественный день я былъ даже лишенъ возможности видѣться со своей нареченной, что просто возмущало меня. Ахъ, ужъ эти обрядности и церемоніалы, страшный я врагъ ихъ. Вѣдь совершались же браки просто увозомъ и оставались не менѣе того законными.

По правдѣ говоря, я расположенъ болѣе къ послѣднему образу брака и вижу въ немъ гораздо болѣе искренности и прямоты дѣйствій, тогда какъ первый, т. е. принятый и узаконенный, представляется какимъ-то насиліемъ, полнымъ недоумѣрія къ честности обѣихъ сторонъ или по крайней мѣрѣ къ одной. Колодки, которыми думаютъ какъ будто бы связать на всю жизнь ненарушимымъ обязательствомъ, какъ будто могутъ заковать чувство искреннее,

настоящее, если оно только есть или было. И при этомъ еще приводятся свидѣтели для вѣрности закрѣпленія контракта. Вотъ тутъ-то и чувствуется что-то обидное для обѣихъ сторонъ. Не оттого ли бываетъ столько несчастныхъ браковъ?

Мой медовый мѣсяцъ прошелъ въ какомъ-то бессознательномъ туманѣ и не оставилъ по себѣ воспоминаній, это былъ волшебный сонъ, который уже не приснится во второй разъ, какъ бы ни жаждала душа его увидѣть снова. Я нѣжно оберегала свою молодую жену, видя въ каждой пылинкѣ, въ каждомъ взглядѣ кого-либо другого грозившую для нея, непонятную мнѣ, опасность.

Въ самой природѣ мы встрѣчаемъ какую-то таинственность въ этомъ отношеніи, и вотъ мнѣ припоминается одинъ эпизодъ, случившійся со мною на прогулкѣ въ окрестностяхъ одной фермы, гдѣ я залюбовался ухаживаньями одного красиваго, молодого бычка за излюбленной имъ коровой. Я слѣдилъ за нимъ, мысленно запоминая его красивыя линіи, какъ вдругъ бычокъ замѣтилъ мои наблюденія. Это не понравилось ему, и онъ, повидимому, испугавшись за безопасность своей подруги, вдругъ склонилъ свои высокіе рога и бросился бѣжать на меня. Къ моему великому благополучію, за мною стоялъ довольно высокій заборъ, и я въ одно мгновеніе съ ловкостью матадора перемахнулъ черезъ него, а разсвирѣпѣвшій бычокъ ткнулся въ деревянныя его перекладины и, повернувъ обратно, продолжалъ свои ухаживанія съ необыкновенной граціей, достойной кисти талантливаго художника.

Однако время моихъ каникулъ приближалось къ концу, и мнѣ опять предстояла разлука съ моимъ милымъ, молодымъ другомъ—женою.

Я понялъ всю вѣрность принятаго выраженія о супругахъ: «дражайшая половина», и мое сердце должно было разорваться пополамъ... Но нечего было дѣлать, и мнѣ и ей приходилось покориться, я ѣхалъ въ Петербургъ устраивать нашу квартиру, и она должна была пріѣхать туда по первому моему вызову. Какъ ни тяжело было разставаться, а все же пришлось покориться судьбѣ, и я уѣхалъ.

Вскорѣ по пріѣздѣ въ Петербургъ мнѣ удалось найти довольно приличное помѣщеніе для всѣхъ насъ, т. е. для меня съ женою, для матушки и брата Александра, пожелавшаго жить вмѣстѣ съ нами. Квартирка эта находилась на берегу рѣчки Мойки, близъ Круглаго рынка и Конюшеннаго моста, въ домѣ Китнера, извѣстнаго въ то время ламповщика, очень богатаго человѣка, имѣвшаго въ Петербургѣ нѣсколько такихъ домовъ. Квартирка моя была по парадной лѣстницѣ, въ четвертомъ этажѣ, въ пять комнатъ, и вотъ я приступилъ къ благоустройству своего домашняго очага и, когда все было на своихъ мѣстахъ, я сталъ нетерпѣливо ждать свою хозяйку. Она должна была пріѣхать раньше и одна, и вотъ наконецъ

получилось извѣстіе, что она выѣхала въ мальпостной кареткѣ, и я сталъ съ математической точностью разсчитывать часы и минуты ея появленія у подъѣзда почтоваго дома. Но Боже! что я перенесъ за тѣ два часа ожиданія, на которые мальпостная каретка изволила, какъ на зло, опоздать на этотъ разъ. Я терялъ терпѣніе и нервно ходилъ по комнатѣ, присматриваясь къ воротамъ почтоваго дома; но нѣтъ, въ него въѣзжали какіе-то фургоны, фуры, запряженные въ четверку лошадей, но каретки все не появлялось. Вдругъ въ воротахъ показалась такъ долго ожидаемая каретка, и въ окнѣ мелькнуло милое личико моей Сонички; она сейчасъ же узнала меня, и какъ бы я желалъ обладать талантомъ Греза, чтобы возсоздать эту чудную головку съ тѣмъ выраженіемъ, какимъ она была озарена въ рамѣ окна кареты, какъ картинка. Я бѣжалъ за каретой, пока она не остановилась, съ лихорадочною быстротою отворилъ дверь...

Около моего подъѣзда я немного задержался съ расчетомъ извозчиковъ, и въ это время Соничка поднялась уже по лѣстницѣ, я догналъ ее уже во второмъ этажѣ, а она обернулась ко мнѣ и со своей нѣжной улыбкой спрашивала: «Куда?» Но вотъ мы и дома, вотъ она уже сбросила свой дорожный нарядъ и застѣнчиво входитъ въ роль хозяйки. Вся она горитъ отъ счастья, а я, я-то! обо мнѣ и говорить нечего...

Такъ незамѣтно летѣли для насъ дни, недѣли и мѣсяцы. Я аккуратно посѣщалъ институтъ и пока никому изъ родныхъ и знакомыхъ не сообщалъ о пріѣздѣ моей жены, и мы спокойно уединились въ своемъ тепломъ гнѣздышкѣ. Между тѣмъ великая княгиня Александра Іосифовна удостоила меня приглашеніемъ къ завтраку въ Мраморный дворецъ, устроенному по случаю его окончанія. Завтракъ былъ роскошно сервированъ съ царскою пышностью. Великій князь и великая княгиня очень внимательно относились ко всѣмъ приглашеннымъ, въ числѣ которыхъ были и нѣкоторые изъ участвовавшихъ въ работахъ по реставраціи. Мой дядя Александръ Павловичъ Брюлловъ былъ героемъ дня, и ему было оказано особое вниманіе, но все же мои мысли были дома, и пышный великокняжескій обѣдъ не имѣлъ для меня той прелести, какую представлялъ собою мой скромный въ два блюда обѣдецъ, состряпанный подъ наблюденіемъ дорогой моей жены. Вскорѣ послѣ этого въ одно утро у насъ въ передней раздался звонокъ, и мнѣ служанка доложила, что какой-то маленькій кучеръ пришелъ ко мнѣ съ корзинкой. Я вышелъ и увидѣлъ молодого парня, одѣтаго въ кучерской костюмъ. Онъ объявилъ мнѣ, что его прислали изъ Зимняго дворца и что онъ можетъ мнѣ продать нѣсколько бутылочекъ прекраснаго вина. Это меня удивило, но паренъ безъ всякаго стѣсненія разсказалъ мнѣ, какимъ образомъ добывается это вино прислугой во время царскихъ обѣдовъ и продается на сторону.

Обыкновенно нераскупоренныя бутылки ловко снимаются со стола расторопными лакеями и въ карманахъ парадныхъ кафтановъ выносятся изъ буфетовъ въ какой-либо укромный уголокъ, а затѣмъ и къ себѣ на квартиры, и много-много дорогихъ винъ попадаетъ такимъ образомъ въ руки дворцовой прислуги. Я, конечно, не считалъ нужнымъ отказываться отъ такой прекрасной покупки и купилъ всѣ бывшія при немъ 12 бутылокъ. Но какое же это было вино!—по истинѣ царское. Парень обѣщалъ мнѣ принести черезъ нѣсколько дней еще такую же порцію вина, и я вторично купилъ у него все, что было, но вскорѣ мнѣ пришлось убѣдиться, на этотъ разъ, въ роковой ошибкѣ—я былъ обманутъ. Ловкій мошенникъ подсунулъ мнѣ какую-то ужасную кислотину самаго низкаго сорта и этимъ разъ навсегда отучилъ меня покупать вина изъ подобнаго погреба.

Наконецъ было получено извѣстіе изъ Москвы, что мама окончила свои дѣла и выѣзжаетъ въ Петербургъ вмѣстѣ съ братомъ Александромъ. По пріѣздѣ своемъ мама и братъ были очень довольны квартирою, и наша жизнь вошла въ свою обычную колею, но съ этихъ поръ у насъ начались визиты, приемы гостей, и закипѣла та шумная, свѣтская жизнь, которой мы съ Соней такъ ужасно боялись. Мы начали ѣздить въ театры и чаще въ Александринскій, гдѣ съ восхищеніемъ уивались игрою безсмертнаго Мартынова. Въ оперѣ бывали рѣдко, это удовольствіе для насъ было слишкомъ дорого, но я одинъ, еще по старому академическому обычаю, посѣщалъ верхи, гдѣ, бывало, изображалъ собою каріатиду, поддерживающую потолокъ, и только такимъ образомъ мнѣ удавалось что-нибудь увидѣть, находясь въ полувисячемъ положеніи, захлебываясь отъ восторга и млѣя отъ наслажденія. Такимъ образомъ я слышалъ «Гугенотовъ» Мейербера, о которыхъ еще до ихъ постановки на нашемъ театрѣ дошли восторженные слухи изъ Парижа. Дѣйствительно, восторгъ, возбуждавшійся этою оперою, былъ какой-то особенно обаятельный. Сами итальянцы тогда говорили, что ни на одномъ оперномъ театрѣ всей Европы не было такого счастливаго соединенія всѣхъ силъ для роскошной постановки и такихъ отдѣльныхъ голосовъ для главныхъ ролей, съ Маріо и Гризи во главѣ, какъ у насъ на сценѣ Большого театра, который, кромѣ того, блисталъ своимъ полнымъ и прекраснымъ оркестромъ подъ управленіемъ талантливаго Бавери, а также хорами, изумительно поставленными этимъ же опытнымъ маэстро. Нечего и говорить, что декоративная часть была великолѣпна. Одинъ Маріо способенъ былъ наэлектризовать весь театръ, а онъ, при роскошныхъ голосовыхъ средствахъ и благородной наружности, обладалъ еще драматическимъ талантомъ, съ величайшимъ художественнымъ тактомъ выдерживая самыя патетическія сцены, нисколько нигдѣ не утрируя, но зато давая полную силу въ тѣ минуты, когда это было необходимо. Напримѣръ, въ

септуарѣ 3-го акта, когда идетъ униссонъ фортиссимо всѣхъ голо-
совъ, при усиленной работѣ въ оркестрѣ, его голосъ, все бѣлыми
нотами, носился надъ массой звуковъ, какъ птица, доминируя надъ
ними и въ то же время давая имъ тонъ. Да, театръ въ эти моменты
зами раль, захлебываясь отъ истиннаго восторга и вдругъ разсы-
пался громомъ рукоплесканій...

Въ моей маленькой мастерской у себя дома я продолжалъ писать
начатую еще въ Мраморномъ дворцѣ картину «Моцартъ и Сальери»
и приводилъ ее уже къ концу, предвкушая успѣхъ, который она,
по моему мнѣнію, должна была имѣть. Вдругъ въ передней раздался
звонокъ, и наша дѣвушка съ страшнымъ крикомъ, выражающимъ
ужасъ, бросилась изъ передней обратно въ столовую. Я положилъ
свою палитру съ кистями и вышелъ посмотрѣть, что это тамъ про-
изошло.

— Баринъ!—прерывающимся голосомъ, прижавъ руку къ сердцу,
говорила блѣдная прислуга: баринъ, чортъ... ей-Богу, чортъ!..

— Гдѣ? какой чортъ, что ты?—удивленно спрашивала я.

Но прислуга, блѣдная, прислонившись къ стѣнѣ и тяжело дыша,
указала пальцемъ на переднюю и проговорила:

— Тамъ, баринъ!—и перекрестилась.

Я вошелъ въ переднюю и самъ пришелъ въ изумленіе. Передо
мною стоялъ молодой и красивый арапъ въ полномъ своемъ націо-
нальномъ костюмѣ. Веселое лицо его съ широкими и толстыми
губами улыбалось, и бѣлые большіе зубы сверкали своей порази-
тельной бѣлизной. Онъ, повидимому, понималъ, что появленіемъ
своимъ произвелъ большой переполохъ въ душѣ отворившей ему
дѣвушки, это очень его забавляло, и вотъ онъ сдержанно улыбался,
довольный случаемъ, доставившимъ ему возможность рассказать
въ своемъ кругу лакеевъ цѣлый веселый эпизодъ.

— Отъ господина моего, Егора Петровича Ковалевскаго!— про-
говорилъ негръ, протягивая мнѣ письмо, рѣзко выдѣлявшееся своею
бѣлизною отъ его черныхъ пальцевъ, и казалось, что на немъ непре-
мѣнно должны остаться слѣды ихъ. Я вскрылъ письмо; это было
приглашеніе пріѣхать къ генералу по поводу одной картины. Я
сказалъ, что буду, и арапъ исчезъ. Войдя въ столовую, я засталъ
уже всѣхъ нашихъ, успокаивавшихъ дѣвушку, которая дѣйстви-
тельно не на шутку испугалась чернаго посланца и съ нею сдѣла-
лось что-то въ родѣ истерики.

— Ну, вотъ, смотри,—сказалъ я ей:—вотъ письмо мнѣ принесть
этотъ твой чортъ...

Она испуганно посмотрѣла на конвертъ и опять перекрестилась.
И долго-долго мои дамы убѣждали ее опомниться, рассказывая,
что это былъ за человѣкъ, и только когда ея нервы совершенно
успокоились, она принялась за свое дѣло, но съ большою осторож-
ностью и страхомъ теперь шла отворять двери послѣ раздававшася

звонка, такъ что первое время я даже сопутствовалъ каждый разъ ей и дожидался у дверей столовой. Вотъ напугаль-то бѣдную лакей Ковалевскаго своимъ чернымъ цвѣтомъ кожи, и немудрено—видъ у него былъ дѣйствительно страшный, въ особенности бѣлки и зубы, выглядывающіе изъ-за красныхъ зубъ, на черномъ фонѣ тѣла были ужасны.

Егоръ Петровичъ Ковалевскій, извѣстный, путешественникъ, жилъ тогда на Мойкѣ, въ собственномъ домѣ у Краснаго моста, человѣкъ онъ былъ уже старый, но очень энергичный и подвижной. Принялъ онъ меня очень ласково и извинился, что по нездоровью не могъ заѣхать ко мнѣ самъ. Потомъ онъ принесъ мнѣ картину аршина въ полтора высоту, которую онъ привезъ изъ Рима, гдѣ она была начата по его заказу тогда только что скончавшимся русскимъ художникомъ Чернышевымъ. Я припомнилъ, что лично зналъ этого Чернышева еще въ академіи и потомъ встрѣчался съ нимъ у Александра Алексѣевича Агина. Это былъ очень талантливый рисовальщикъ, но всегда нуждавшійся человѣкъ, которому, какъ говорится, въ жизни не везло, онъ и умеръ-то въ Римѣ, при очень печальной обстановкѣ, такъ что похоронить его пришлось жившимъ тамъ товарищамъ, художникамъ, да и Ковалевскій принялъ немало участія въ оказаніи этого послѣдняго долга покойному. Картина изображала собою римскій карнавалъ, улицу, наполненную народомъ, одинъ изъ балконовъ кишѣлъ молоденькими женщинами въ разнообразныхъ пестрыхъ костюмахъ, въ маскахъ и безъ нихъ. Онѣ бросали въ толпу конфетти, а съ улицы на нихъ сыпался дождь конфетти и цвѣтовъ. Картина была далеко не закончена, и вотъ кто-то рекомендовалъ Ковалевскому обратиться ко мнѣ, какъ къ художнику въ томъ же жанрѣ, для окончанія ея. Я взялся, конечно, съ удовольствіемъ за эту работу, тѣмъ болѣе, что начало, сдѣланное Чернышевымъ, мнѣ очень нравилось, какъ вся конспекція, такъ и сдѣланныя уже детали. Бесѣдуя съ генераломъ Ковалевскимъ, я не могъ не обратить вниманія на убранство его квартиры. Это былъ какой-то роскошный музей, наполненный разнообразными предметами, вывезенными имъ изъ Азіи, Африки и вообще изъ южной полосы историческаго міра, гдѣ онъ непрерывно въ теченіе многихъ лѣтъ путешествовалъ. Тутъ было и оригинальное оружіе разныхъ народностей, развѣшенное въ живописныхъ арматурахъ по стѣнамъ, тутъ же виднѣлись также цѣлыя костюмы и вооруженіе, отъ панцирей и кольчугъ до шкуръ дикихъ звѣрей и кожаныхъ щитовъ, разная домашняя утварь жителей востока и юга и драгоцѣнныя ткани самаго разнообразнаго вида, цвѣта и рисунка. Генераль очень много рассказывалъ мнѣ о своихъ путешествіяхъ, и когда я впоследствии часто бывалъ у него, то съ удовольствіемъ слушалъ эти рассказы, переполненные живыми красками дѣйствительности, безъ малѣйшаго хвастовства и неправды. Да, для меня это знакомство было

въ высшей степени пріятно и полезно. Жаль, что Егоръ Петровичъ прожилъ недолго. Петербургъ-таки доканаль этого, какъ казалось, крѣпкаго человѣка, столько разъ подвергавшагося въ своей жизни опасностямъ и самымъ разнообразнымъ испытаніямъ, не говоря уже о лишеніяхъ, которыя неизбѣжны въ каждомъ, даже очень богато обставленномъ путешествіи по невѣдомымъ, дикимъ странамъ. Да, я долженъ считать себя особенно выносливымъ, что ужился съ этимъ губительнымъ климатомъ, такъ сказать, акклиматизировался въ немъ, потому что почти никуда не ѣздилъ изъ него и получилъ ту крѣпость, такъ сказать, прививку къ нему, которая и спасала меня отъ простуды и болѣзней. Одинъ разъ я былъ серьезно боленъ, это въ годъ кончины А. С. Пушкина (что и лишило меня возможности проститься съ его прахомъ), больше же во всю свою жизнь я ни разу не болѣлъ, оставаясь всегда жителемъ въ Петербургѣ.

Картину для Ковалевскаго я скоро окончилъ, и онъ былъ очень доволенъ моею работой, что и доставило мнѣ истинное удовольствіе такъ какъ я всей душой хотѣлъ угодить этому симпатичному старику, котораго успѣлъ полюбить за короткій періодъ моего съ нимъ знакомства, да и нельзя было иначе относиться къ Егору Петровичу, видя его постоянное вниманіе и радушіе, съ которымъ онъ относился ко всѣмъ окружающимъ его. Просто невѣроятно, что въ то время деспотическаго обращенія съ крѣпостными среди баръ того закала и пошиба, къ которымъ принадлежалъ Ковалевскій, могъ явиться подобный ему человѣкъ. Въ его обращеніи даже съ прислугой слышалась какая-то особая кротость, и это отзывалось на всемъ его домѣ. Прислуга его, отличавшаяся необыкновенной исполнительностью, была какая-то особенная, что-то привѣтливое было замѣтно даже въ его арапахъ. Зато какую любовью всей своей дворни пользовался этотъ почтенный старикъ, и когда его не стало, то, кажется, никто не пролилъ такихъ искреннихъ, горькихъ слезъ, какъ его же собственные люди, столько лѣтъ служившіе ему и никогда не испытавшіе, что такое обида. Да, въ то время такое явленіе, какое представлялъ собою Егоръ Петровичъ Ковалевскій, было исключительнымъ, почему онъ особенно имѣлъ право на всеобщее уваженіе и добрую память.

XXII.

Встрѣча съ М. В. Степановой.—Братъ Пьеръ.—На дачѣ въ Полуостровѣ.—Архитекторъ Горностаевъ.—Праздникъ у графа Кушелева-Безбородка.

Въ одинъ прекрасный день къ женѣ моей заѣхала Марья Васильевна Степанова, но, Боже мой, какъ она перемѣнилась за то время, какъ мы ея не видѣли! Она превратилась въ очень красивую и представительную даму въ роскошномъ модномъ костюмѣ; но куда дѣвались эта свѣжесть и жизнерадостность, которыя были въ ней

такъ милы и привлекательны. Повидимому, жизнь, да еще петербургская, изломали ея физическое и нравственное существованіе. Она была говорлива, любезна и даже весела, но въ этой веселости чувствовалась какая-то усталость, пресыщенность свѣтскими удовольствіями и фальшь. Какая-то затаенная грусть читалась въ ея взглядѣ, и ловкая маска поддѣльнаго веселья не могла совершенно укрыть ее отъ пронизательнаго взгляда художника-физиономиста, у котораго вдругъ явилось чувство глубокой жалости къ ней. Какъ страшно коверкаетъ людей этотъ шумный водоворотъ петербургской жизни, просто невѣроятно, до какой степени они выходятъ изъ него измѣнившимися и непохожими на тѣ милые образы, къ которымъ мы привыкли до тѣхъ поръ, пока судьба не окунула ихъ въ этотъ мишурный, полный лжи и обмана гибельный омутъ. Есть, впрочемъ, люди, которые сумѣли-таки уцѣлѣть и въ этой обстановкѣ, но у этихъ людей, вѣроятно, имѣется талисманъ, подобный талисману Леонида, спасшему его въ пещерѣ львовъ. Люди, желавшіе отдалиться отъ главной струи шумной петербургской жизни, ютились тогда по окраинамъ города, не потому, что у нихъ не было средствъ жить въ его центрѣ, а просто съ цѣлью избѣжать этого шума и необходимости, заведенной этикетомъ того времени, бывать «въ свѣтѣ». Дальность разстоянія, отсутствіе удобныхъ путей сообщенія являлись въ этомъ случаѣ извинительными аргументами. Тогда еще не было конно-железныхъ дорогъ, и ходили щипинскіе дилижансы, и то лишь по очень немногимъ направленіямъ. Впрочемъ, близость этой всасывающей въ себя и губительной атмосферы не могли оставаться безъ вліянія даже и на эти уединенныя мѣстечки окраинъ города, и туда нерѣдко проникали эти заразные микробы, подтачивающіе лучшіе задатки человѣческой души: мягкость, до-вѣрчивость, прямоту и не загрязненную еще опытомъ вѣру и любовь, дружбу и равенство.

Въ одно утро, когда я сидѣлъ въ своей маленькой мастерской и работалъ, въ передней раздался слабый звонокъ, какъ обыкновенно звонятъ чужіе люди; какая-то всегда нерѣшительность слышится въ немъ. Такъ оно и вышло, мнѣ доложили, что какой-то незнакомый господинъ желаетъ меня повидать. Я вышелъ и увидѣлъ передъ собою довольно франтоватаго француза, парижанина чистой воды. Онъ отрекомендовался маркизомъ Лекокъ и передалъ мнѣ въ краткихъ словахъ, что братъ мой Пьеръ Соколовъ уполномочилъ его обратиться ко мнѣ съ претензіей на оставшіяся послѣ смерти нашего отца деньги, и только тутъ я узналъ, что отецъ, кромѣ всего имущества, оставленнаго имъ нашей матери, между прочимъ оставилъ еще три тысячи рублей, которыя лежали въ безыменныхъ билетахъ въ московскомъ банкѣ и по закону должны были быть выданы намъ, тремъ братьямъ, что, повидимому, и имѣлъ въ виду заботливый и добрый старикъ.

Братъ Пьеръ, повидимому, провѣдалъ объ этомъ и вотъ теперь заявилъ свою претензію на свою тысячу. Я попросилъ неожиданнаго посѣтителя обождать въ гостиной, а самъ пошелъ къ маман. Она очень взволновалась, услышавъ отъ меня требованіе Пьера, и сначала наотрѣзъ отказала выдать полученныя уже ею деньги изъ банка, говоря, что отецъ предоставилъ все свое имущество послѣ своей смерти въ ея пользу и что братъ Пьеръ еще менѣе насъ съ Александромъ имѣетъ право претендовать на какое-нибудь полученіе ихъ, потому что вотъ уже сколько времени онъ исчезъ съ глазъ, не давая о себѣ никакой вѣсти. Я настаивалъ, однако, что поведеніе брата относительно насъ не имѣетъ ровно никакого отношенія къ этому случаю, и что непременно слѣдуетъ ему выдать эту тысячу. Мама расплакалась и наконецъ, убѣжденная мною и во избѣжаніе скандала, который могъ разгорѣться въ случаѣ ея отказа, согласилась, и я вынесъ довѣренному брата деньги, отказавшись въ пользу матери отъ полученія своей тысячи. Мнѣ лично больно было, что маман утаила отъ меня существованіе этихъ билетовъ и этимъ доказала полную индифферентность къ моимъ многимъ нуждамъ и интересамъ въ то время, когда я особенно нуждался въ ея поддержкѣ и когда всячески старался устроить ей спокойную и удобную жизнь. Это обстоятельство было продолженіемъ начала моихъ разочарованій, которымъ впослѣдствіи суждено было прогрессивно продолжиться.

Не правда ли, странно, что я въ продолженіе цѣлаго періода своихъ записокъ почти ничего не говорилъ о своемъ братѣ Петрѣ Петровичѣ, впослѣдствіи сдѣлавшемся извѣстностью своими картинами изъ охотничьей жизни. Жизнь этого человѣка протекала всегда вдали отъ нашего дома, и только онъ успѣлъ опериться, какъ выпорхнулъ изъ родного гнѣзда, и я очень рѣдко встрѣчался съ нимъ и наконецъ совершенно упустилъ изъ виду. У него былъ свой кругъ знакомыхъ, своя среда, въ которой онъ вращался. Еще въ очень молодыхъ лѣтахъ онъ имѣлъ склонность связываться съ шалопаями-кутилами, промотавшими свое и отцовское состояніе, и находилъ въ этой средѣ почти удовлетвореніе своей ищущей сильныхъ впечатлѣній натурѣ. Хорошо подготовленный для жизни въ шумномъ свѣтскомъ водоворотѣ столицы, Пьеръ, благодаря своей наружности и прекраснымъ манерамъ, вскорѣ попалъ въ большой свѣтъ, а его недюжинный талантъ открывалъ ему двери повсюду, но, насколько этотъ человѣкъ обладалъ внѣшнимъ блескомъ и шлифованностью манеръ, настолько внутренній міръ его былъ покрытъ какимъ-то таинственнымъ мракомъ. Онъ не любилъ своей семьи, держался всегда въ сторонѣ и для оправданія этихъ своихъ отношеній къ намъ, особенно рѣзкихъ въ то время, когда еще слово «семья» было священнымъ для каждаго изъ ея членовъ, онъ придумалъ довольно-таки ловкій способъ объясненій задававшимъ ему

вопросы о причинахъ, побудившихъ его отдалиться отъ родительскаго дома. Онъ объяснялъ это тѣмъ, что я и мать ненавижимъ его, наговариваемъ постоянно отцу про него разныя небылицы и тѣмъ постоянно возбуждаемъ отца противъ ни въ чемъ неповиннаго Пьера. Какой, однако, ловкій пріемъ и выходъ для обѣленія себя! Ненавидѣть своего брата, съ которымъ протекло мое дѣтство, котораго я не могъ не любить, было невозможно для моей, по природѣ мягкой, души, я даже старался не осуждать его, находя оправданіе многимъ его поступкамъ, толкуя ихъ увлеченіемъ его возраста и вліяніемъ той среды, въ которой онъ вращался; но мы положительно не знали, гдѣ онъ находился и что дѣлалъ. Однажды отецъ спросилъ меня: «Скажи, пожалуйста, правду ли говорятъ, что Пьеръ связался съ какой-то французской актрисой? До меня дошли слухи, что онъ ведетъ очень разгульную жизнь?» На это я отвѣчалъ ему, что ровно ничего не знаю, и не лгалъ, потому что о своемъ братѣ не имѣлъ никакихъ свѣдѣній. Правда, мнѣ говорилъ одинъ изъ моихъ свѣтскихъ пріятелей, что послѣ какого-то крупнаго скандала съ французскимъ актеромъ на сценѣ, Пьеръ уѣхалъ съ какой-то барыней въ провинцію и больше о немъ не было ни слуху, ни духу. Что меня возмущало больше всего, это индифферентность, съ которою онъ относился къ смерти нашего отца. Слухъ объ этомъ роковомъ событіи, облетѣвшій художественный міръ всей Европы, конечно, не могъ не дойти и до него, и вотъ первымъ его выраженіемъ сочувствія моей матери было требованіе этой тысячи рублей, о существованіи которой онъ какъ-то сумѣлъ пронюхать. Какъ могъ онъ не отозваться на это наше крупное горе? Что мы ему сдѣлали?

Этимъ безсердечіемъ и эгоизмомъ онъ мнѣ напомнилъ моего дядю Карла Павловича Брюллова, и, вѣроятно, при рожденіи Пьеръ унаслѣдовалъ черезъ мать эту отличительную черту всѣхъ Брюлловыхъ.

Въ продолженіе долгаго времени Пьеръ жилъ съ французской актрисой Genie Falcon и тратилъ огромныя деньги, поддерживая знакомство съ богатою и знатною молодежью. Откуда у него могло хватить средствъ на такую разорительную жизнь, просто невѣроятно; правда, онъ много зарабатывалъ своими рисунками, но все же, какъ бы много онъ ни пріобрѣталъ, этого заработка не могло хватить для покрытія тѣхъ колоссальныхъ и непродуманныхъ тратъ, которыя дѣлалъ онъ чуть ли не ежедневно. Его закадычный другъ и театраль Голохвастовъ, съ которымъ онъ даже одно время жилъ на одной квартирѣ, кончилъ очень дурно. Въ одно несчастное утро его нашли зарѣзавшимся бритвою. Какое безуміе платиться жизнью за такую пустую, хотя и блестящую жизнь! Положеніе матерьяльныхъ дѣлъ брата сильно мѣнялось, то онъ, какъ говорится, кутилъ во всю, то онъ оставался ровно безъ ничего,

и вотъ тутъ-то передъ нимъ развертывалась ужасная пропасть, въ которую онъ могъ свалиться ежеминутно. Одинъ изъ моихъ товарищей, архитекторъ Бравура, рассказывалъ мнѣ, что онъ самъ былъ свидѣтелемъ водевильной сцены, во вкусѣ тѣхъ, что происходили не разъ въ Парижѣ, на Итальяскомъ бульварѣ.

— Сижу я какъ-то разъ въ ресторанѣ Излера, — рассказывалъ мой пріятель: — какъ вдругъ туда бойко входитъ молодой человекъ, очень франтовато одѣтый, въ цилиндрѣ и въ перчаткахъ, небрежно садится за столикъ около самаго окна и заказываетъ себѣ обѣдъ. Цилиндръ его отверстіемъ вверхъ поставленъ на свободный стулъ, а перчатки небрежно брошены въ него. Ресторанная прислуга, всегда почему-то съ особеннымъ почтеніемъ относящаяся къ господамъ въ цилиндрахъ, съ необыкновеннымъ усердіемъ и поспѣшностью, стараясь заслужить хорошій на-чай, подавала ему блюдо за блюдомъ. Очевидно, молодой франтъ очень проголодался, такъ какъ съ поспѣшностью уничтожалъ подаваемое и когда было уже съѣдено сладкое и выпить кофе, онъ вдругъ, какъ бы увидя черезъ окна своего знакомаго (ресторанъ былъ почти въ уровень съ землею), громко крикнулъ:

— Пстой, голубчикъ, я сейчасъ на минутку къ тебѣ выйду, только два слова! — и съ этими словами онъ вышелъ изъ ресторана. А цилиндръ продолжалъ красоваться на прежнемъ мѣстѣ, и слуги, глядя на него, были совершенно спокойны, что господинъ сейчасъ вернется и уплатитъ по счету, нельзя же безъ шляпы, да еще такому франту, итти по улицамъ. Но господинъ не возвращался. Онъ преспокойно вынулъ изъ кармана своего пиджака маленькую дорожную шапочку и, какъ ни въ чемъ не бывало, надѣлъ ее при выходѣ изъ ресторана и спокойно продолжалъ свою дальнѣйшую прогулку. А цилиндръ все попрежнему продолжалъ красоваться на старомъ мѣстѣ.

И увы! этотъ франтъ былъ мой братъ Петръ Петровичъ, вотъ въ какомъ иногда, значить, безвыходномъ положеніи бывалъ онъ въ тяжелыя минуты жизни, что долженъ былъ прибѣгать къ подобнымъ фокусамъ, чтобы наполнить свой желудокъ; не изъ другого же чего онъ шелъ на это, жертвуя цилиндромъ, стоящимъ гораздо больше, нежели обѣдъ. Дальнѣйшая судьба Петра Петровича, какъ художника, извѣстна: послѣ смерти его было много некрологовъ, посвященныхъ его памяти, какъ талантливаго художника, но характеристики его отношеній къ семьѣ и его внутренней жизни, конечно, не было, а между тѣмъ это такъ иногда бываетъ важно составителямъ біографій въ послѣдствіи, когда уже о человекѣ почти не осталось даже слѣдовъ; каждое слово, каждое выраженное мнѣніе о немъ тогда имѣетъ огромное значеніе. Издатель Вольфъ, помѣщая некрологъ Петра Соколова, между прочимъ приписываетъ ему нѣкоторыя мои скульптурныя работы (вазы), которыя и были вос-

произведены въ этой статьѣ и подписаны, какъ работы Петра Соколова, тогда какъ онѣ принадлежать мнѣ, и сняты съ нихъ фотографіи были у меня въ квартирѣ, когда я ихъ только отдѣлывалъ. Довольно странное недоразумѣніе!

Зима проходила, уже первые проблески весны носились въ воздухѣ, и мы съ женой стали задумываться надъ тѣмъ, гдѣ провести бы поуютнѣе лѣто. Оставаться въ городѣ было прямо невыносимо. Вы представить себѣ не можете, что такое въ то неблагоустроенное время происходило въ лѣтніе мѣсяцы на улицахъ столицы. Теперь, при заведенномъ благоустройствѣ, и то замѣтна тягость пребыванія отъ различныхъ зловоній и пыли, сопровождающихъ лѣтній ремонтъ и постройки новыхъ зданій, а тогда это было просто нѣчто ужасное, вы подвергались всякому непредвидѣнному случаю: васъ обливали краской, засыпали пескомъ, рвали ваше платье тачками и досками, и, наконецъ, на вашу совершенно неприготовленную голову сыпалось все, что угодно. Пользуясь лѣтними теплыми днями, когда выставлялись рамы и окна почти всегда были открыты, кухарки и не особенно опрятныя хозяйки выбрасывали и выливали изъ оконъ различные остатки, которые зачастую сыпались на спину изумленного прохожаго, убѣждавшагося въ томъ, что его пальто или пиджакъ безвозвратно погибли отъ пятенъ, оставленныхъ этимъ своеобразнымъ душемъ. Вотъ какъ пріятно было въ Петербургѣ во время его лѣтнихъ мѣсяцевъ, и, конечно, все стремилось оттуда итти куда-нибудь, лишь бы подальше отъ этой вони и грязи.

Мы остановили нашъ выборъ на Полюстровѣ, деревнѣ, расположенной за большою дачей графовъ Кушелевыхъ - Безбородковъ. Въ концѣ этой деревни былъ ключъ съ довольно сильной желѣзной водою, замѣченный еще зоркимъ глазомъ императора Петра I, и при немъ уже надъ круглымъ прудомъ нѣмецкимъ медикомъ было устроено нѣчто весьма примитивное для пользования этой водою. Сюда стекалось много больныхъ пить эту воду, и почти вся деревня была ими переполнена. Кушелевскій паркъ имѣлъ свободный доступъ для дачниковъ, и только въ тѣ дни, когда у графа бывали вечера, входъ въ него постороннимъ возбранялся. Дворецъ графа находился на набережной Невы и имѣлъ свою пристань, отъ которой шла крытая галерея къ саду. Боже мой, какъ это съ тѣхъ поръ все измѣнилось, и того духа стариннаго барства, который царилъ тамъ и который мы еще застали, теперь уже нѣтъ и въ поминѣ. Матушка моя не переѣзжала туда вмѣстѣ съ нами, и мы наняли себѣ просторную и чистенькую избу. Матап же, по приглашенію моего дяди Александра Павловича Брюлова, собиралась ѣхать съ братомъ Александромъ на лѣто въ Павловское, на его роскошную дачу, выстроенную имъ на мѣстѣ, подаренномъ ему великимъ княземъ. Это была дѣйствительно дача со всѣми удобствами и комфортомъ, какіе можно было только придумать

талантливому архитектору, не стѣснявшемуся въ средствахъ для осуществленія своей идеи, а потому за душевный покой моей матери я былъ совершенно спокоенъ. Живя у своего брата на дачѣ, она была вполнѣ обезпечена, и о спокойствіи ея нечего было заботиться. Зато съ нами переѣзжала мать моей жены. Старушка была очень довольна нашимъ устройствомъ и усердно принялась помогать женѣ въ хозяйствѣ, и вотъ жизнь наша вскорѣ вошла въ общую колею дачной жизни, а тутъ еще пріѣхала изъ Москвы погостить къ намъ сестра жены Катя, и мы зажили превесело, довольные тѣмъ немногимъ, что послала намъ судьба. Мы часто гуляли въ Кушелевскомъ паркѣ, наслаждаясь его пріятною прохладой, и съ удовольствіемъ просиживали тамъ по нѣсколько часовъ сряду. Та часть сада, которая находилась въ этой сторонѣ за канавой, называлась почему-то Тиволи, и тамъ было построено что-то увеселительное, молочный домикъ и кегельбанъ. Далѣе красиво раскинулся, какъ большой обломокъ зеркала, отражающій въ себѣ окрестныя высокія деревья, почти круглый прудъ съ маленькими островами. На противоположномъ берегу его виднѣлись каменныя постройки съ рядомъ столбовъ съ перекладинами для виноградника, совершенно въ итальянскомъ вкусѣ, что, можетъ быть, и подало поводъ назвать такъ это мѣсто. Видъ пруда былъ очень кокетливый и живописный, берега его окаймляла дорожка, отъ которой шли еще другія безчисленныя дорожки и тропинки во всѣ части парка, гдѣ были поставлены различныя бесѣдки и павильоны и другія украшенія въ видѣ статуй, саркофаговъ и т. п., которыми въ то время украшались почти всѣ болѣе или менѣе богатые сады. Не доходя до графскаго дома съ особеннымъ проѣздомъ къ Невѣ, стоялъ деревянный театръ съ заколоченными ставнями и, повидимому, уже много лѣтъ пустовавшій, еще далѣе виднѣлся съ круглымъ куполомъ на колоннахъ греческій павильонъ, развалины котораго и теперь еще стоятъ на прежнемъ мѣстѣ. Во время одной изъ такихъ прогулокъ я встрѣтилъ архитектора Горностаева, брата того, что строилъ Сергіевское подворье на Фонтанкѣ подлѣ дома Бѣлосельскаго (потомъ дворецъ вел. кн. Сергѣя Александровича) и часовню въ концѣ Гостиного двора, около городской думы. Этотъ мой пріятель былъ человѣкъ очень веселаго темперамента, а потому и былъ желаннымъ гостемъ въ моемъ домѣ, гдѣ скукѣ не было мѣста. Съ нимъ мы и совершали наши дальнѣйшія прогулки и посѣщали танцевальныя вечера, устраиваемые дачниками. Какъ просто и весело было на этихъ вечерахъ! Нанимался случайный оркестръ, и въ садикѣ около водъ публика веселилась и танцевала до утра въ устроенномъ продолговатомъ павильонѣ. Въ другіе дни играла военная музыка и собиралось множество гуляющихъ. Скуки не испытывалось, и все какъ-то дышало жизнерадостностью, удивительный контрастъ теперешнимъ дачнымъ мѣстамъ, гдѣ царить какой-то мракъ и уныніе.

Въ городъ я ѣздилъ рѣдко и, когда это бывало необходимымъ, садился въ общественную шапинскую карету и черезъ часъ съ лишнимъ бывалъ уже въ Петербургѣ. Но вотъ наступило воскресенье, и въ нашемъ саду былъ объявленъ балъ. Безъ всякихъ приготовленій туалетовъ, о чемъ насъ предупредилъ Горностаевъ, и, по его выраженію, «по простотѣ» мы всей гурьбой, даже въ сопровожденіи старушки мамыши жены, отправились пѣшкомъ къ мѣсту увеселенія. Галерея была освѣщена, и павильонъ разукрашенъ разноцвѣтными фонарями, придававшими ему особенно нарядный и праздничный видъ. У входа уже толпилась молодежь, въ ожиданіи прихода своихъ дамъ, которыя мало-по-малу прибывали и парами со своими кавалерами уходили внутрь павильона. Заплативши входную плату и записавшись въ книгу, мы вошли туда за другими. Франтоватый молодой человѣкъ съ розеткой уже суетился, бѣгая изъ одного конца павильона въ другой, осматривая внимательно каждаго вошедшаго. Вскорѣ заигралъ оркестръ, состоявшій изъ пяти какихъ-то чумазыхъ артистовъ, и начались танцы. Веселились всѣ отъ души, и раскраснѣвшіяся личики барышень сіяли довольствомъ и счастьемъ. Я также танцевалъ, но моя жена принуждена была сидѣть среди нашихъ новыхъ знакомыхъ: ея положеніе, называемое почему-то интереснымъ, не позволяло ей пуститься танцевать. Далеко за полночь царилъ веселье въ павильонѣ, и только со вторыми пѣтухами публика стала рѣдѣть и расходиться по дачамъ. Ночь была свѣтлая и даже уже начала заниматься заря, когда мы подошли къ нашей избушкѣ.

На слѣдующее утро я поднялся раньше обыкновеннаго и пошелъ въ паркъ, совершая свою ежедневную утреннюю прогулку. Выйдя изъ парка въ поле, я залюбовался чуднымъ пейзажемъ, на которомъ паслось стадо, разбредшееся по зеленой травѣ. Далѣе виднѣлась роща; чѣмъ ближе я подходилъ къ ней, тѣмъ гуще становилась она, и вотъ я наконецъ между стволами ея тѣнистыхъ деревьевъ. Но вотъ и лѣсъ, густой, черный, какъ будто закоптѣлый; какая-то тишина царитъ въ немъ, даже пѣнья птичекъ не слышно, стоять, словно дремлетъ, погрузившись въ тяжелыя думы. Въ одной изъ прогалинь этого лѣса я нашелъ ферму и съ удовольствіемъ выпилъ вкуснаго, холоднаго молока. Ферма представляла собою деревянное строеніе съ высокой башней на углу и имѣла очень живописный видъ. Утро было чудесное, воздухъ прозрачный и чистый, въ которомъ было только слышно щебетаніе птицъ, мычаніе коровъ и щелканье пастушьяго кнута.

Однажды, когда я заканчивалъ «Римскій карнавалъ» для Ковалевскаго, ко мнѣ зашелъ Горностаевъ, работа моя ему понравилась, и онъ между прочимъ сказалъ мнѣ, что графъ Куселевъ-Безбородко большой любитель живописи и у него во дворцѣ имѣется прекрасная картинная галерея. Онъ совѣтовалъ мнѣ посмотрѣть

ее, говоря, что бываетъ у графа и встрѣчаетъ въ его домѣ постоянно радушіе и гостепріимство.

— Какъ же, — сказалъ я, — удастся мнѣ это сдѣлать, когда я лично не знакомъ съ графомъ?

— Ахъ, это ничего не значить, — отвѣчалъ Горнастаевъ: — вы художникъ, а графъ вообще ко всѣмъ артистамъ относится очень сочувственно. Да вотъ, — вспомнилъ онъ, — у нихъ на будущей недѣлѣ будетъ праздникъ и съѣдется много гостей, между прочимъ будетъ какая-то знаменитость пѣвица. На прудѣ будетъ устроена иллюминація и съ острововъ пущенъ фейерверкъ, а на водѣ будутъ плавать лодки, убранныя гирляндами изъ цвѣтовъ и фонарями. Я буду тоже тамъ, хотите, я и васъ проведу?

Но я поспѣшилъ отказаться отъ этого предложенія, такъ какъ не считалъ возможнымъ быть въ домѣ не приглашеннымъ.

— Жаль, что мы раньше не заговорили объ этомъ, а то бы я васъ успѣлъ представить графу, — сказалъ Горнастаевъ: — но все же я васъ проведу на очень удобное мѣсто въ паркѣ, откуда вы прекрасно увидите все празднество.

На это я согласился.

Картину я свезъ въ Петербургъ, но Ковалевскаго не засталъ дома, онъ уѣхалъ въ Петергофъ и не скоро долженъ былъ возвратиться. Оставивъ картину камердинеру, я просилъ меня извѣстить о возвращеніи Ковалевскаго, но не присылать на этотъ разъ арапа, до смерти напугавшаго мою прислугу, и уѣхалъ на дачу. Дни шли за днями и я каждый день подолгу просиживалъ въ саду съ книжкою въ рукахъ, и не читалъ, потому что мнѣ не давали читать знакомые, подходившіе съ привѣтствіями и разговорами, передо мною текла вода того желѣзнаго источника, которому была обязана своимъ существованіемъ вся деревня. Вода эта журчала у моихъ ногъ довольно быстрымъ потокомъ, мѣстами задерживаемая искусственными плотинами изъ группы камней. Моимъ наблюденіямъ представлялся неистощимый матеріаль. Тутъ рѣзвились и бѣгали беззаботныя дѣтки, тутъ, весело болтая, съ жизнерадостными личиками проходили барышни въ толпѣ веселыхъ же жизнерадостныхъ молодыхъ людей, тамъ толстякъ, переваливаясь медленно, двигался къ источнику со своей кружкой, тутъ дама съ дѣвочкой торопливо проходили, при чемъ дѣвочка не поспѣвала переставлять свои маленькія ножки и ежеминутно спотыкалась. Все это сливалось въ большую, типичную картину, представлявшую собою богатый матеріаль для художника. Съ лѣвой стороны передо мною открывалось довольно большое поле и къ вечеру оно обливалось румяной зарею и было ослѣпительно прелестно въ лучахъ заходящаго солнца. Но вотъ приближался день графскаго праздника, и мы всѣ готовились хоть издали полюбоваться на предстоящее чудное зрѣлище и послушать пѣніе знаменитой пѣвицы. Въ цѣлой компаніи напихъ

дачныхъ знакомыхъ мы отправились на противоположной берегъ озера, откуда видѣть все было возможно какъ съ большого амфитеатра. Весь прудъ былъ красиво освѣщенъ множествомъ огней, а по берегу суетливо двигались огоньки; это бѣгала прислуга съ маленькими факелами и фонариками. Въ зеркальной глади пруда вся эта картина красиво отражалась своими разноцвѣтными цвѣтами множества фонарей, и какъ будто какая-то фантастическая декорация открылась передъ моими глазами, но на сценѣ пока было еще пусто, какъ бы передъ шумнымъ и большимъ выходомъ. Башня съ виноградниками тоже одѣлась въ свой разноцвѣтный нарядъ, какъ бы весело любуясь на свой красивый обликъ, отражавшійся въ тихихъ водахъ пруда. Но вотъ на поверхности воды его показалась лодка съ гребцами, одѣтыми въ фантастическіе костюмы, съ цвѣтами на шляпахъ и съ бортами, украшенными всевозможныхъ цвѣтовъ фонарями. Все это двигалось по разнымъ направленіямъ, и брызги отъ взмаховъ весель красивымъ фейерверкомъ разлетались въ стороны. Всплескъ воды и веселый разговоръ и смѣхъ слышались надъ озеромъ и нарушали царственную тишину роскошнаго лѣтняго вечера. Черезъ нѣсколько времени по аллеѣ, ведущей отъ графскаго дома къ пристани, показался цугъ огней, среди которыхъ были видны графскіе гости и наконецъ самъ графъ съ сыновьями, приближавшіеся веселой и шумной толпой къ пруду. Вся эта веселая компанія расположилась на причалившія лодки и яхты съ мачтами, и вотъ подъ звуки оркестра, расположившагося на одномъ изъ судовъ, маленькая флотилія двинулась по пруду. Когда оркестромъ была окончена вступительная кантата, въ нѣкоторыхъ лодкахъ вдругъ поднялись мужскія фигуры, закутанныя въ темные плащи, съ нотами въ рукахъ, и по данному знаку раздалось пѣніе стройныхъ голосовъ, которымъ нѣжно аккомпанировала музыка. Когда замеръ послѣдній аккордъ этого чуднаго хора, все смолкло... и вотъ вдругъ надъ гладью какъ бы застывшаго озера раздался одинъ только, но великолѣпный голосъ, женскій контральто, пропѣвшій романсъ изъ «Севильскаго цырульника». Это пѣла заграничная знаменитость и пѣла такъ, что казалось, будто берега, громадныя деревья, вода и мерцавшія на темномъ небосклонѣ звѣзды, все внимало этимъ волшебнымъ звукамъ, раздававшимся изъ густой темноты, среди которой фантастически блестяли разноцвѣтные фонари плавающихъ лодокъ. Все замерло, и лишь голосъ умолкъ, то на лодкахъ и съ берега раздался громъ аплодисментовъ, и снова наступила тишина. Голосъ запѣлъ вальсъ, потомъ баркароллу, и такимъ образомъ всѣ лодки, сопровождаемыя этими чудными звуками, объѣхали весь прудъ при постоянныхъ аплодисментахъ и крикахъ «браво», и наконецъ причалили у террасы, за которой въ нѣкоторомъ разстояніи среди густой листвы сада виднѣлся бѣлый каменный графскій домъ, нылавшій снаружи и из-

нутри разноцвѣтными огнями. Всѣ гости во главѣ съ хозяиномъ, шедшимъ подъ руку со знаменитой пѣвицей, направились къ дому, откуда раздавались звуки музыки. Очарованный небывалымъ зрѣлищемъ этого торжества на водѣ, я вернулся домой и, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ видѣнной эффектной картины, взялъ листъ бристольской бумаги, сдѣлалъ два рисунка, изображавшіе графскій праздникъ, и они очень удались. Къ обѣду къ намъ пришелъ Горностаевъ и, увидя эти рисунки, пришелъ въ неописанный восторгъ, прося меня разрѣшить ему показать графу эти два вида. Конечно, я не протестовалъ и отдалъ Горностаеву мои картины, и онъ съ ними сейчасъ же отправился къ графу.

На другой день Горностаевъ пришелъ къ намъ утромъ и объявилъ, что графъ мои рисунки оставилъ у себя и очень желаетъ со мною познакомиться. Приведя себя въ порядокъ, какъ подобало для даннаго случая, я въ сопровожденіи Горностаева отправился къ графу. Онъ принялъ насъ въ своемъ роскошномъ кабинетѣ, и какъ только я увидѣлъ самого хозяина дома, то сразу узналъ въ немъ старика графа Куселева-Безбородка, уже немного знакомаго мнѣ, у котораго я какъ-то разъ былъ съ моимъ отцомъ зимою въ Петербургѣ и осматривалъ его коллекцію картинъ. Графъ очень любезно встрѣтилъ насъ, а когда я ему напомнилъ о визитѣ моемъ къ нему зимою, онъ сказалъ:

— Ну, вотъ, тѣмъ лучше, значить, мы съ вами старые знакомые!

Тутъ началъ онъ восхищаться моими рисунками и выразилъ желаніе пріобрѣсти ихъ въ собственность. Я очень былъ радъ доставить удовольствіе графу и, конечно, охотно согласился уступить ихъ ему.

— Скажите, какая должна быть у васъ богатая память,—сказалъ графъ, разсматривая рисунокъ:—что вы такъ вѣрно и такъ скоро могли ихъ исполнить, тѣмъ болѣе, что вѣдь это было ночное зрѣлище и вы иначе не могли сдѣлать эти вполне законченные рисунки, какъ у себя дома, а слѣдовательно безъ натуры.

На это я отвѣтилъ графу, что, дѣйствительно, памятью Богъ меня не обидѣлъ и что впечатлѣніе было настолько сильно, что я безъ особеннаго труда перенесъ его на бумагу.

— Ну, я очень радъ,—продолжалъ графъ,—познакомиться съ вами и надѣюсь, что вы не откажете впослѣдствіи еще мнѣ написать что-нибудь, а теперь не хотите ли осмотрѣть мою дачу? Можетъ быть, и въ ней вы найдете для себя что-нибудь интересное.—Съ этими словами онъ повелъ насъ въ свои залы, блиставшіе золотомъ и разными дорогими вещами. Между множествомъ фресокъ, бюстовъ и статуй я увидѣлъ двѣ мраморныя статуи изящной итальянской работы, великолѣпныя бронзовыя отливки, нѣсколько большихъ масляныхъ картинъ, вывезенныхъ изъ-за границы, нѣсколько крупныхъ портретовъ, и женскихъ и мужскихъ, серьезно или съ нѣжной улыбкой смотрѣвшихъ на меня съ холста, заключеннаго въ толстыя,

богато вызолоченныя рамы. На столахъ было разложено множество дорогихъ и изящныхъ вещей: альбомы дорогихъ изданий съ гравюрами, старинныхъ и новѣйшихъ временъ миниатюры, табакерки и прессъ-папье художественной отдѣлки. Насмотрѣвшись вдоволь на эти прелестныя рѣдкія вещи, я сталъ прощаться съ графомъ, онъ просилъ посѣщать его домъ и вдругъ спросилъ, сколько онъ мнѣ долженъ за оставленные два рисунка. Я сказалъ, что, начавъ ихъ, вовсе и не думалъ о продажѣ, но что обыкновенно за акварели такой же величины я беру по 50 рублей. Графъ просилъ меня обождать, пошелъ въ свой кабинетъ и вынесъ мнѣ двѣ сторублевыя депозитки.

— Случай съ этими рисунками совершенно необыкновенный, — сказалъ онъ, — и для меня настолько пріятный, что я не долженъ жалѣть вознаграждать художника, такъ кстати доставившаго мнѣ удовольствіе, тѣмъ болѣе, когда этотъ художникъ черезчуръ дешево оцѣниваетъ свой трудъ.

Вотъ какъ поступали настоящіе баре добраго стараго времени. Положимъ, въ то время денегъ у нашихъ аристократовъ было побольше, да вкусы поизысканнѣе, умѣли они также цѣнить таланты и искусства, да и сами люди были гораздо утонченнѣе и интеллигентнѣе, и подобная щедрость, кромѣ того, объяснялась просто привычкою къ большимъ тратамъ и немедленнаго удовлетворенія своей прихоти. Я простился съ графомъ и ушелъ, очень довольный неожиданнымъ результатомъ визита моего къ нему. Но этимъ не исчерпывались мои удачи того блаженнаго времени. Подѣлившись съ Соней ровно пополамъ полученными деньгами, я поѣхалъ въ Петербургъ къ Ковалевскому и на этотъ разъ засталъ его дома. Егоръ Петровичъ ласково встрѣтилъ меня и немедленно заплатилъ мнѣ четыреста рублей, и я, уже совсѣмъ счастливый, нагруженный разными покупками, явился домой настоящимъ дачнымъ мужемъ, завьюченнымъ съ головы до ногъ, но не съ заказанными порученіями, а съ добровольнымъ грузомъ.

Но въ моей жизни всегда слагались такъ обстоятельства, что за удачами или параллельно съ ними всегда готовился ударъ на неприготовленную голову. Наша старушка Александра Никифорова стала вдругъ прихварывать и, какъ оказалось, у нея была затаенная женская болѣзнь, начавшаяся послѣ родовъ Вари, а такъ какъ ограниченныя средства не давали ей возможности лечиться, то она терпѣливо переносила ее. Но теперь ей стало невмогуту, и она слегла. Жена моя сильно взволновалась отъ этого, и я ужасно боялся, чтобы подобная тревога не отразилась и на ея собственномъ здоровьѣ, тѣмъ болѣе, что каждое нервное потрясеніе могло кончиться очень скверно въ ея тогдашнемъ положеніи. Къ счастью, недалеко отъ насъ жилъ докторъ, специалистъ по женскимъ болѣзнямъ, который и сталъ аккуратно навѣщать нашу боль-

ную. Казалось, она начала поправляться, даже встала на ноги, но все же опять слегла, и здоровье ея оказалось въ безнадежномъ состояніи. Докторъ бывалъ ежедневно, но больной становилось съ каждымъ днемъ все хуже и хуже, и появились всё признаки водяной, начавшейся съ опухоли ногъ. Надо, какъ было видно, быть готовымъ ко всему. Я ужасно опасался за жену, которая лишилась сна и, какъ тѣнь, бродила по ночамъ около постели больной. Старушка же съ большимъ терпѣніемъ переносила свои страданія, но спасенія ея уже не предвидѣлось, и вотъ незадолго до ея кончины изъ Москвы пріѣхала Варя проститься съ умирающей, которая въ страшныхъ страданіяхъ окончила свою благочестивую, честную и полную испытаній жизнь.

Опять облако грусти и унынія окутало наши сердца, но мы, какъ еще молодые душою, скоро оправились, и жизнь наша попрежнему вошла въ свою колею. У меня между тѣмъ нашелся еще одинъ товарищъ по академіи, живописецъ Козловъ, котораго я встрѣтилъ на вечерѣ у графа Федора Петровича Толстого и который меня познакомилъ съ художникомъ Федотовымъ. Я его встрѣтилъ во время своихъ обычныхъ прогулокъ, и, какъ оказалось, онъ жилъ теперь въ собственномъ домѣ на Невѣ. Я навѣстилъ своего академическаго товарища, идя купаться на Неву, такъ какъ домъ его съ тѣнистымъ садомъ былъ какъ разъ по дорогѣ къ купальнѣ. Домъ оказался во дворѣ, построенный на барскую ногу, съ широкимъ параднымъ входомъ, но сильно запущенный и не отремонтированный. Въ бельэтажѣ былъ даже большой залъ съ выходомъ на террасу въ садъ, а во всей отдѣлкѣ дома были замѣтны остатки прежней роскоши. Прекрасныя зеркала въ золоченыхъ рамахъ украшали простѣнки, также на каждомъ шагѣ попадалось много обветшалыхъ украшеній и фресокъ, говорившихъ о быломъ богатствѣ этого дома. Низъ зданія былъ пустъ, и жилье помѣщалось во второмъ этажѣ. Садъ былъ также очень запущенъ. Козлова я засталъ, и онъ меня водилъ по всему дому и все самъ показывалъ. Какъ оказалось, домъ этотъ достался ему по закладной и онъ только что вступилъ во владѣніе этой недвижимостью. Однако это былъ не простой домъ, а имѣющій свое небезынтересное прошлое и связанный въ нѣкоторомъ родѣ съ историческимъ прошлымъ капитальнѣйшимъ изъ русскихъ построекъ—Исаакіевскаго собора. Построенъ онъ былъ знаменитымъ зодчимъ Монфераномъ, воздвигнувшимъ этотъ колоссальный соборъ. Очень удачный экспромтъ однажды былъ наклеенъ на ограду, окружавшую мѣсто построекъ собора:

«Вотъ памятникъ двумъ царствіямъ приличный:
Низъ каменный, а верхъ кирпичный».

И дѣйствительно, настоящій мраморъ былъ только въ обложкѣ низа зданія, а въ куполѣ онъ былъ уже фальшивый.

Домъ, который я теперь осматривалъ, строился изъ матеріала, принадлежащаго этой монументальной постройкѣ, но почему-то, должно быть, по разсѣянности, попавшаго на Выборгскую Сторону. Когда мы съ Козловымъ осматривали его и взошли на чердакъ, то я былъ пораженъ богатствомъ его стропиль и откосовъ, они были сдѣланы изъ корабельнаго мачтоваго лѣса и такъ какъ по положенію своему не могли подвергнуться никакой порчѣ, даже отъ продолжительнаго времени, то имѣли видъ, по своему объему и тщательной отдѣлкѣ, скорѣе какого-то столярнаго произведенія, нежели обыкновенныхъ плотничьихъ балокъ. Весь домъ былъ такъ прочно выстроенъ, что когда въ 1871 г. разразилась страшная катастрофа взрыва на Пороховыхъ, ударъ, отразившійся въ землѣ во всей этой мѣстности, былъ настолько силенъ, что повалилось много строеній, но монферановскій домъ только дрогнулъ, но устоялъ, не давъ ни одной трещины. У Козлова я встрѣтилъ его сестру, Матильду Алексѣевну, которую зналъ еще дѣвочкой и съ которой былъ очень радъ встрѣтиться, такъ какъ очень любилъ ея добрый и симпатичный характеръ. Съ нею былъ ея маленькій сыночекъ, котораго она взяла съ собою погостить у брата.

Послѣднее событіе въ Крыму, гдѣ положеніе нашей арміи принимало самый ужасный характеръ, заставило меня подписаться на какую-нибудь газету. Я выбралъ «Петербургскій Листокъ», который тогда началъ уже издаваться А. А. Соколовымъ, моимъ однофамильцемъ и хорошимъ знакомымъ, сдѣлавшимъ себя имя своими беллетристическими произведеніями, начавшимися, кажется, съ его «Театральныхъ болотъ». Кромѣ того, я купилъ нѣсколько номеровъ «Художественнаго Листка» Тимма, очень хорошо передававшего военныя и другія сцены этой, можно сказать, эпопеи. Тамъ же помѣщались очень хорошо сдѣланные портреты нашихъ героевъ и генераловъ. Героями я называю не однихъ незабвенныхъ Корнилова, Нахимова и другіхъ, но также пластуновъ и простыхъ матросовъ, покрывшихъ неуязвимой славой своею личною храбростью русское воинство и представлявшихъ собою настоящій типъ русскаго солдата, съ его гениальною терпѣливостью и выносливостью, воспитанными въ немъ въ зачаткѣ еще Суворовымъ. Не даромъ же первый военный геній Наполеонъ зоркимъ своимъ глазомъ опредѣлялъ эти качества русскаго солдата, сказавъ, что, если бы у него были такіе солдаты, то онъ завоевалъ бы міръ. Каждое утро я прочитывалъ газету и съ трепетомъ ожидалъ слѣдующаго номера. Сила и значеніе событій уже не находили препятствій въ цензурѣ и говорили сами за себя. Больше уже лгать было невозможно, ужасная истина раскрывалась сама собою. Притихли и наши гулянья съ музыкой и съ разными затѣями, чувствовалось

какое-то неприличіе поддаваться веселости, когда въ другомъ концѣ родины кровь нашихъ братьевъ лилась рѣкою за вѣру, царя и отечества. Севастополь стоналъ отъ ударовъ непріятельскихъ бомбъ, и эти стоны отражались въ сердцахъ каждаго русскаго чело-вѣка глубокою неизлечимою ранюю.

Графское гулянье на прудѣ уже не повторялось, и вообще въ его домѣ какъ будто все застыло, и лишь въ саду изрѣдка раздавался шумъ отъ катанія кегельныхъ шаровъ. Даже шарманки перестали раздражать наши уши, словомъ, всюду господствовали мракъ и уныніе. Былъ уже августъ мѣсяць, дни становились короче и вечера длиннѣе, и это особенно замѣчалось въ нашей деревнѣ, гдѣ освѣщеніе было очень скудно, а тутъ начались дожди и непролазная грязь, выведившая меня положительно изъ тепрѣнія. Я поѣхалъ въ городъ, но прежде, чѣмъ нанять квартиру, отправился въ Павловскъ повидаться съ маман и спросить ее, намѣрена ли она жить попрежнему съ нами, или остаться у своего брата. Я былъ почти увѣренъ, что маман не останется у дяди, такъ какъ до меня дошли уже слухи о томъ, что ей тамъ оказалось не такъ хорошо на самомъ дѣлѣ, какъ мы предполагали вначалѣ. Брюлловъ былъ уже богатый чело-вѣкъ, сдѣлавшійся ужаснымъ эгоистомъ, а его сонная жена была совершенно лишена всякихъ чувствъ, и, конечно, не могла войти въ положеніе моей матери, оказать ей нравственную поддержку. Не такіе люди были Брюлловы, и ожидать отъ нихъ собственно другого было довольно трудно. Теперь они съ нетерпѣніемъ ожидали отъѣзда маман и съ дѣланной лаской встрѣтили меня, видя приближеніе этого момента. Мамаша, со своей стороны, также не осталась бы у своего брата и просила меня нанять такое помѣщеніе, чтобы и для нея была только одна отдѣльная комната. Братъ же Александръ уже почти условился жить со своимъ однимъ товарищемъ по гимназій. Послѣ долгихъ и тяжелыхъ поисковъ я нанялъ-таки очень удобную квартиру на Сергіевской улицѣ, гдѣ были для всѣхъ насъ очень удобно расположенныя комнаты. Работать продолжалъ съ прилежною настойчивостью и охотою еще потому, что вскорѣ долженъ былъ сдѣлаться отцомъ, и это чувство придавало мнѣ еще больше энергіи—теперь уже не одно, а цѣлыхъ два существа должны были быть на моихъ плечахъ.

Какъ разъ кстати я получилъ крупный заказъ для Преображенскаго полка, предоставленный мнѣ моимъ товарищемъ по академіи архитекторомъ Бравура. Я долженъ былъ написать большой образъ Преображенія, который долженъ былъ быть помѣщенъ на задней сторонѣ большого иконостаса въ Преображенскомъ соборѣ. Такъ какъ образъ этотъ предполагался быть очень большихъ размѣровъ, то и помѣщеніе для работы въ моей квартирѣ было недостаточно и мнѣ было предложено помѣститься въ арсеналѣ полка,

большомъ залѣ въ шесть оконъ, находящемся въ томъ же зданіи, гдѣ помѣщался лазаретъ для высшихъ чиновъ. Въ арсеналь же и библіотеку былъ ходъ изъ сѣней налѣво въ нижніе этажи, что для меня было очень удобно. Съ другой стороны этого зала помѣщалась комната для дежурнаго офицера, и тамъ часто собиралась довольно веселая компанія его товарищей-офицеровъ, происходили оживленныя бесѣды, и часто это милое общество воспитанной и образованной молодежи приглашало меня позавтракать въ ихъ компаніи. Хотя эти завтраки и отвлекали меня отъ работы, но я съ удовольствіемъ удѣлялъ имъ это дорогое время потому, что дѣйствительно была очень пріятна бесѣда съ этими людьми. Какіе, какъ вспомнишь, тогда встрѣчались развитые и глубоко начитанные юноши, свѣдущіе и понимающіе искусство, интересующіеся литературой и науками; какъ все рѣзко измѣнилось съ тѣхъ поръ въ этомъ отношеніи, и теперешній офицеръ уже далеко не тотъ въ своемъ развитіи, какимъ онъ былъ въ тѣ времена, давшія изъ этой среды военныхъ столько выдающихся талантовъ и дѣятелей на славу Россіи.

За образецъ своей работы я, конечно, взялъ Рафаэля и, доставъ съ этой композиціи гравюру, разбилъ ее на грады и привелъ въ большую величину. Окончивъ абрисъ, я принялся за краски, и дѣло пошло двигаться своимъ порядкомъ. Большею частью меня окружали тишина и спокойствіе, и я пользовался этимъ временемъ, чтобы загнать работу на случай новой помѣхи. Самый залъ, въ которомъ я работалъ, заключалъ въ себѣ очень много интересныхъ предметовъ, потому что это былъ полковой арсеналь, въ которомъ сохранялись образцы всевозможнаго оружія и формъ, употреблявшихся въ Преображенскомъ полку со дня сформированія.

Мнѣ рассказывали офицеры, что у нихъ недавно праздновался юбилей по случаю двухсотъ лѣтъ существованія полка, и въ этомъ самомъ залѣ былъ накрытъ банкетъ, за которымъ прислуживали гостямъ полковые драбанты, одѣтые въ различныя формы полка, періодически перемѣнявшіяся въ продолженіе нѣсколькихъ царствованій. Зрѣлище было великолѣпное. Въ числѣ замѣчательныхъ вещей, бывшихъ въ этомъ залѣ, мнѣ показали на связку знаменъ, стоявшихъ въ углу его, и когда мнѣ ее развернули, то одно древко обратило на себя вниманіе своей уже черезчуръ грубою простотою. Это была просто длинная, толстая палка, наподобіе тѣхъ, что употребляются на баркахъ при отпихиваніи, съ навернутымъ на нее грубымъ кускомъ полотна довольно широкихъ размѣровъ, походившимъ скорѣе на простыню, чѣмъ на знамя. На этой-то простынѣ были написаны толстой кистью, обманутой, вѣроятно, въ жидко разведенный деготь, слова, изъ смысла которыхъ не трудно было догадаться, что это была одна изъ тѣхъ прокламацій, которыя высылалъ впередъ Пугачевъ, когда подходилъ къ какому-нибудь

городу или крѣпости передъ ихъ штурмомъ. Эта прокламація была пересыпана кое-какими крѣпкими словцами безъ всякаго стѣсненія и деликатности.

Тутъ же было и кое-какое оружіе и предметы самага примитивнаго вида, захваченные, вѣроятно, солдатами отряда Михельсона при пораженіи и поимкѣ Пугачева; эти вещи представляли собою пеструю смѣсь топоровъ, дреколій съ наконечниками наподобіе шикъ и, наконецъ, попросту — дубинъ.

Смежно съ этимъ арсеналомъ помѣщалась полковая библіотека, изъ которой, благодаря любезности офицера-библіотекаря, я пользовался книгами, но и въ этой богатой библіотекѣ, какъ и во многихъ другихъ, оказалось много разбитыхъ и разрозненныхъ отъ неаккуратнаго съ ними обращенія читателей. Ужъ такова участь всѣхъ почти библіотекъ, какъ частныхъ, такъ и казенныхъ.

Работа моя была блестяще окончена, а съ нею окончилась и первая половина моей, все же радостной, жизни; начались невѣдомыя мнѣ дотолѣ испытанія и непріятности. Въ домѣ у меня начались ссоры: двѣ хозяйки, конечно, не могли ужиться въ полномъ согласіи, и на меня часто выпадала тяжелая доля миротворца. Правда, моя, теперь уже покойная, жена много выносила отъ моей матери и мнѣ отъ души бывало ее жаль порою, но я былъ безсиленъ, — привычка уважать родительницу была выше всего для меня, и я не могъ съ нею бороться. Словомъ, впервые въ моей тихой и жизнерадостной семьѣ зародились раздоръ и неудовольствіе, а съ ними вдругъ свалился и розовый флѣръ, окутывавшій меня до этихъ поръ, я увидѣлъ всю печальную изнанку будничной жизни женатаго человѣка: потребности увеличились, средствъ оказалось недостаточно, а работа была все та же, и вотъ я уже началъ вскорѣ замѣчать быстрое приближеніе начала неизбѣжнаго конца.

XXIII.

На старомъ пепелищѣ.

Какъ-то въ минуты душевнаго гнета я посѣтилъ наше старое пепелище и зашелъ къ Егору Ивановичу Димерту, такъ какъ не видалъ его со времени смерти моего отца и мнѣ хотѣлось подѣлиться съ нимъ моимъ горемъ, хотя и минувшимъ, но еще свѣжей равной лежавшимъ на моей душѣ. Старика, друга моего отца, я засталъ дома, онъ съ волненіемъ выслушалъ подробности о кончинѣ моего родителя, снялъ съ своего крупнаго носа большія очки и сталъ вытирать платкомъ искреннія, непритворныя слезы, покотившіяся по его сморщеннымъ старымъ щекамъ. Давно не плакали, вѣроятно, его добрые пронизательные глаза, да и плакали ли они когда-нибудь?.. А тутъ не выдержали... Старикъ не наста-

иваль на разспросахъ о подробностяхъ смерти своего друга, ему, очевидно, было довольно и того сознанія, что онъ уже болѣе не увидить его и что навсегда лишился человѣка, съ которымъ провелъ свою юность и лучшіе годы своей жизни въ полномъ согласіи и взаимной поддержкѣ. Но Боже! какъ постарѣлъ самъ Егоръ Ивановичъ, какой-то землистый оттѣнокъ легъ на его лицѣ, а въ его взглядѣ читалось утомленіе жизнью и жажда полного, вѣчнаго покоя. Мнѣ стало тяжело при видѣ этого отживающаго близкаго мнѣ человѣка, и я поспѣшилъ скорѣе уйти отъ него, оставивъ старика одного переживать эти тяжелыя минуты. Меня потянуло на мое родное пепелище, въ нашъ домъ, гдѣ протекло мое дѣтство, гдѣ я ребенкомъ беззаботно бѣгалъ по двору, и вотъ воспоминанія о прошломъ яркими картинками стали проноситься передо мною одна за другой. Съ особенной яркостью припомнилась мнѣ беззаботная жизнь въ нашемъ домѣ, когда въ немъ была полная чаша всего, и я, не вѣдая ни заботъ, ни горя, еще мальчуганомъ, съ особенною любовью посѣщаль конюшни, гдѣ стояла тройка отцовскихъ лошадей, ходившихъ въ каретѣ, двухмѣстной коляскѣ и дрожкахъ. Особенно рельефно припомнилась мнѣ рыженькая лошадка, называвшаяся Нортонъ, которую я особенно часто навѣщаль въ ея стойлѣ, и уже при приближеніи моемъ раздавалось ея милое ржаніе и нетерпѣливое постукиваніе копытами о плотно утрамбованную землю, а изъ другихъ стойлъ выглядывали славныя морды милыхъ лошадей въ ожиданіи кусочка сахара, который я всегда приносилъ съ собою. Вспомнилъ я добродушное лицо кучера-татарина, почему-то называвшагося Николаемъ, любившаго меня и съ необыкновенною нѣжностью сажавшаго меня то на одну, то на другую изъ лошадокъ. Этого Николая уже не было, онъ умеръ еще до переѣзда нашего въ Москву. Вспомнилъ я вдругъ о своемъ другѣ дѣтства—собакѣ Азоркѣ. Его деревянная конура, отличавшаяся необычайными размѣрами, была снабжена такимъ большимъ отверстіемъ, что я могъ свободно влѣзать черезъ него и укладываться на соломѣ въ этомъ собачьемъ покоѣ. Въ такихъ случаяхъ Азорка оказывался очень гостепріимнымъ хозяиномъ, онъ вытягивался во весь свой гигантскій ростъ около своей хижины и заглядывалъ туда своей толстой мордой, помахивая въ знакъ особеннаго удовольствія хвостомъ.

Подлѣ этой конуры обыкновенно стояла деревянная чашка съ остатками его ѣды, въ которую я подбавлялъ чего-нибудь повкуснѣе, чѣмъ еще наканунѣ запасался послѣ обѣда или ужина, за что Азорка дѣлалъ мнѣ очень умильные глазки, вертѣлъ хвостомъ и всѣмъ своимъ задомъ, переступая довольно деликатно съ одной ноги на другую, какъ балетный танцоръ.

О милѣйшій Азорка! о тебѣ я до конца буду вспоминать безъ малѣйшей горечи, потому что ты не подалъ мнѣ никакого повода въ тебѣ разочароваться.

Послѣ визита къ этимъ друзьямъ моимъ, мнѣ припомнилось, какъ я съ братомъ Пьеромъ отправлялся за книжками и тетрадками, съ которыми мы размѣщались за небольшими столами въ комнатѣ нашего учителя Ивана Васильевича Саврасова, прѣхавшаго къ намъ изъ Пензы. Почему-то вдругъ съ особенною яркостью возникла передо мною эта личность, впрочемъ, очень типичная и характеризующая молодыхъ людей того времени изъ мелкопомѣстныхъ дворянъ. Это былъ человѣкъ провинціального покроя, со сдержанными, но порывистыми движеніями, улыбался онъ какою-то деревянною улыбкою, въ которой его безцвѣтные глаза не принимали никакого участія, по-русски говорилъ правильно, но въ его произношеніи слышался какой-то акцентъ, похожій на хохлацкій, съ удареніемъ на букву «о». У него, какъ у природнаго дворянина и сына помѣщика, были свои крѣпостные люди, изъ которыхъ одного онъ, по уговору съ моимъ отцомъ, держалъ при себѣ; онъ у него и спалъ въ комнатѣ на полу, какъ собака, да и вообще обращался съ нимъ Саврасовъ съ возмутительной жестокостью. Этотъ крѣпостной былъ молодой придурковатый парень, находившійся въ строгомъ повиновеніи у своего господина, котораго боялся больше всего на свѣтѣ. При воспоминаніи объ этихъ двухъ противоположныхъ типахъ того времени, вдругъ воскресла въ моей памяти разыгравшаяся при мнѣ очень характерная сцена. Аѳанасій, слуга Саврасова, стоялъ въ его комнатѣ около двери, когда я вошелъ на урокъ. Лѣвая щека парня была значительно краснѣе правой, а глаза, и безъ того маленькіе, усиленно мигали. Самъ грозный баринъ ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, повидимому, сильно взволнованный, и не замѣтилъ даже моего появленія.— «Аѳонька!—какимъ-то задвленнымъ голосомъ вдругъ закричалъ Саврасовъ, останавливаясь противъ своего крѣпостного.— Сколько разъ я тебѣ говорилъ, мерзавецъ ты этакій!.. Говорилъ ли я тебѣ? Отвѣчай же, негодяй... Говорилъ?..» не кричалъ уже, а какъ-то злобно шипѣлъ онъ и вдругъ, быстро выдернувъ руку изъ кармана, рѣзанулъ съ размаха своего слугу по щекѣ.

Эта сцена меня ужасно смутила, и я сконфуженно подошелъ къ столу. «Пошелъ вонъ!» крикнулъ Саврасовъ своему слугѣ, очень смущенный моимъ появленіемъ въ эту минуту. Мы начали урокъ, и я взволнованный прислушивался къ всхлищиваньямъ, раздававшимся въ коридорѣ.

Когда мы окончили наши занятія, то мой учитель вкрадчивымъ голосомъ обратился ко мнѣ. «Вы, пожалуйста, — сказалъ онъ, — ничего мамашѣ не говорите, эти скоты лучшаго обращенія не заслуживаютъ. Вѣдь не скажете —да?» повторилъ онъ. Чувство страха къ этому человѣку наполнило мою маленькую душу, и я тихо сказалъ: «Нѣтъ, не скажу»...

Саврасовъ успокоился, а я долго не могъ отдѣлаться отъ впечатлѣнія, произведеннаго на меня этой пощечиной, и теперь, когда я мыслями перенесся въ счастливое прошлое моего дѣтства, эта возмутительная сцена живо представилась въ моемъ воображеніи.

Вспомнилъ я и отца своего, когда мы съ братомъ послѣ урока шли съ нимъ здороваться. «А, здорово, парнишки!» привѣтствовалъ онъ насъ, и начинался тотъ милый разговоръ, который уже больше никогда не повторится. «Пьерушка!—раздавался изъ столовой голосъ мамы:—иди же скорѣе, вѣдь яйца и котлеты остынутъ». «Я не хочу, мнѣ некогда,—отвѣчалъ отецъ:—ты вѣдь знаешь, что, поѣвши, я спать завалюсь, а у меня сегодня сеансъ!»—и отецъ снова брался за кисть, а мы шли въ столовую...

Подходя къ нашему бывшему дому, мысль о моемъ другѣ Азоркѣ особенно одолѣла меня. Живъ ли только онъ? И съ этою мыслью я вошелъ въ ворота. Домъ былъ все такимъ же, какимъ я его покинулъ, его наружный видъ нисколько не измѣнился, но на дворѣ не было прежняго оживленія, и все мнѣ показалось какъ-то особенно пусто. Будка стояла все на томъ же мѣстѣ, но Азорки не было видно; сердце мое защемило отъ тяжелаго предчувствія, но тутъ я съ радостью замѣтилъ, что цѣпь отъ кольца уходила въ круглое отверстіе, значитъ собака была тамъ, не Азорка ли? Я остановился въ нѣсколькихъ шагахъ отъ будки и окликнулъ моего косматаго друга.

Цѣпь загремѣла, и въ кругломъ отверстіи показалась морда съ мутными глазами. Вдругъ глаза эти оживились—это былъ онъ, мой милый Азорка! Еще мгновеніе, и онъ уже лежалъ у моихъ ногъ, жалобно визжа и торопливо облизывая мнѣ то лицо, то руки. Сколько радости было видно во всѣхъ его движеніяхъ, сколько преданности и вѣрности было въ этой вспыскѣ потухающихъ его глазъ. Вдругъ сзади меня раздался голосъ, я обернулся и увидѣлъ дворника, смотрѣвшаго съ видимымъ изумленіемъ на меня и на собаку.—«Ахъ, баринъ,—сказалъ онъ,—стою я и диву даюсь, что это сдѣлалось съ нашей собакой? Она вѣдь никого къ себѣ не подпускаетъ, я самъ съ опаскою и чашку-то ей ставлю; да кто вы такой будете?» спросилъ онъ.

Я сказалъ, что сынъ бывшаго владѣльца, и снова принялся ласкать Азорку. Меня растрогало, что онъ такъ скоро узналъ своего бывшаго друга, несмотря на то, что много лѣтъ не видался со мною. Я попросилъ дворника, чтобы онъ сходилъ въ лавочку и принесъ чего-нибудь полакомѣе для моего милаго друга.—«Эхъ, баринъ,—сказалъ дворникъ:—напрасно вы это дѣлаете, вѣдь собака-то стара, вотъ-вотъ околѣетъ, почти ничего она и не ѣстъ-то, а и Богъ-то ее знаетъ, какая-то она норовая, не больно-то ее приласкаешь»...

Но, видя, что я неуклонно рѣшился исполнить свое намѣреніе, онъ взялъ деньги и пошелъ.

Изъ окна дома на меня смотрѣла какая-то блѣднолицая дѣвочка, и я вспомнилъ мою бѣдную сестричку Женью, такъ рано умершую и часто также смотрѣвшую черезъ окно на дворъ, гдѣ мы съ братомъ рѣзались и бѣгали.

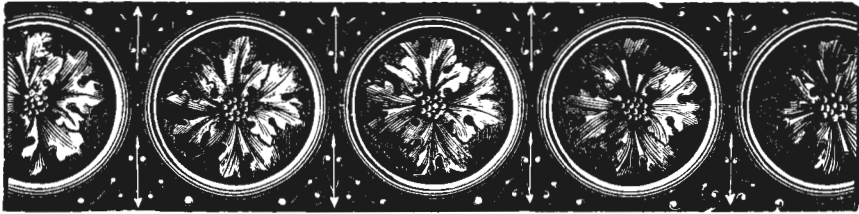
Дѣвочка, раскрывъ свои большіе сѣрые глазки, удивленно смотрѣла на меня и Азорку. Я всталъ и пошелъ по двору и заглянулъ въ садъ. Онъ былъ все тотъ же, только грядъ въ немъ уже больше не было, каждое деревцо, каждый кустикъ носили на себѣ отпечатокъ стараго прошлаго, и я глубоко и тяжело вздохнулъ.

Вдругъ короткій лай Азорки заставилъ меня опомниться, мой вѣрный другъ соскучился по мнѣ и звалъ меня къ своей будкѣ; я пошелъ къ нему, и снова начались наши милованія. Въ это время вернулся и дворникъ, принесъ кусокъ мяса, фунтъ ситнаго и молока и изъ этихъ продуктовъ я устроилъ аппетитную похлебку, которой бы позавидовала самая избалованная собака. Азорка смотрѣлъ на всѣ эти приготовленія довольно равнодушно, поглядывая больше все на меня, и, когда я пригласилъ его отвѣдать угощеніе, онъ, повидимому, только чтобы доставить мнѣ удовольствіе, видя мои заботы о немъ, лакнулъ раза два изъ чашки и, отойдя отъ нея, снова легъ около моихъ ногъ. Что это была за спокойная, довольная поза!

У меня въ груди сжалось, слезы выступили изъ глазъ, и мнѣ стало вдругъ такъ больно, что я едва сдерживался, чтобы не разрыдаться, сердце мое какъ бы предчувствовало, что это мое послѣднее свиданіе съ этимъ истиннымъ моимъ другомъ, не забывшимъ меня въ теченіе многихъ лѣтъ разлуки. Дворникъ съ умиленіемъ смотрѣлъ на насъ, а я, утеревъ глаза, Христомъ Богомъ просилъ его заботиться о собакѣ, оставилъ ему денегъ и свой адресъ, умоляя извѣстить меня, когда моего Азорки не станетъ.

— Я хочу непременно похоронить его самъ, — сказалъ я и, обнявъ еще разъ своего милого друга, долго и пристально посмотрѣлъ ему въ глаза и мнѣ казалось, что этотъ косматый старый Азорка понялъ меня. Выраженіе его глазъ было тихое и грустное, неподдѣльная скорбь читалась въ нихъ и вотъ мнѣ показалось, что крупная слеза заблестѣла и покатила по его черной мордѣ, въ глазахъ у меня все перекопилось, я крѣпко схватилъ его шею и заплакалъ. «Бѣдный, бѣдный мой Азорка, увижу ли я тебя», прошепталъ я, цѣлуя его мокрую морду, какъ это дѣлалъ много лѣтъ назадъ, и, поднявшись, всталъ, не оборачиваясь дошелъ до калитки, но не выдержалъ и взглянулъ назадъ: вытянувши цѣпь, Азорка стоялъ, опустивши голову и провожая меня глазами, выраженіе ихъ было грустное, какое-то безотрадное, — «прощай, мы больше не увидимся», какъ будто говорилъ этотъ милый, грустный взглядъ...

П. П. Соколовъ.

ВОСПОМИНАНІЯ П. А. КУСКОВА,

КОНЧАВШІЙСЯ въ прошломъ году извѣстный поэтъ и философъ Платонъ Александровичъ Кусковъ долгое время служилъ въ основанномъ въ 1861 г. главномъ выкупномъ учрежденіи, гдѣ занималъ довольно видное положеніе. Въ бумагахъ его остались наброски воспоминаній о времени его службы. Въ нихъ, кромѣ біографическихъ свѣдѣній о самомъ Кусковѣ, весьма любопытны характеристика личности и дѣятельности сенатора Цеймерна, двадцать лѣтъ бывшаго начальникомъ выкупного учрежденія, а также и порядки, существовавшіе въ послѣднемъ. Воспоминанія эти сообщены намъ дочерью покойнаго П. А. Кускова Елизаветой Платоновной Неслуховской.

Считаемъ не лишнимъ напомнить при этомъ, что главное выкупное учрежденіе было создано вскорѣ по освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости съ цѣлью способствовать переходу надѣльной земли въ собственность крестьянъ. Правительство ссужало подъ приобретаемыя крестьянами земли опредѣленную сумму, съ разсрочкой уплаты на 49½ лѣтъ. Выкупъ земли былъ поставленъ въ зависимость отъ взаимнаго, добровольнаго соглашенія между помѣщиками и крестьянами; но могъ быть, при извѣстныхъ условіяхъ, и обязательнымъ по требованію помѣщика. Съ заключеніемъ выкупной сдѣлки обязательныя поземельныя отношенія крестьянъ съ помѣщиками прекращались.

Ред.

Главное выкупное учрежденіе открылось 27 октября 1861 года, подъ предсѣдательствомъ управляющаго с.-петербургскою сохранною казною, бывшаго почетнаго опекуна, тайнаго совѣтника, сенатора Максима Карловича Цеймерна. Это былъ совершенно сѣдой, но бодрый, подвижной старикъ, никогда не умѣвшій просидѣть двухъ часовъ за работою на одномъ мѣстѣ. У него было много служебнаго и жизненнаго опыта, и чиновникамъ главнаго выкупного учрежденія онъ сдѣлалъ очень много драгоцѣнныхъ внушеній.

Онъ внушилъ имъ, напримѣръ,—и это внушеніе не ослабѣло въ канцелярїи учрежденія до послѣдняго времени,—что на cadaго человѣка, хлопочущаго въ присутственномъ мѣстѣ по своему собственному дѣлу, слѣдуетъ смотрѣть, какъ на лицо больное, находящееся въ состоянїи невмѣняемости; почему чиновники должны относиться даже къ обидамъ, исходящимъ отъ такого человѣка, съ полною снисходительностью и должны стараться только его разуверить и успокоить, а никакъ не лѣзть противъ него на задоръ. Максимъ Карловичъ самъ, по своей горячности, очень рѣдко подчинялся этому правилу; но все равно, оно было такъ трогательно-справедливо и передавалось такимъ полнымъ глубокаго убѣжденія голосомъ, что загнипотизировало всю канцелярїю, и чиновники главнаго выкупнаго учрежденія, постоянно примѣняя его, приобрѣли въ скоромъ времени даже любовь людей, которые по существу дѣла имѣли поводъ къ недовольству ими. Одна фраза князя Ухтомскаго (рыжаго) ходила тогда по Петербургу: «Il faut rendre justice à ces messieurs: ils nous ruinent, mais ils nous ruinent avec galanterie»¹⁾. Максимъ Карловичъ говорилъ старшимъ чиновникамъ: «Никакихъ строгостей, господа, не нужно, чтобы заставить работать младшихъ: нужно имѣть только за ихъ работой неослабное наблюденіе. Дѣла запускаются, когда никто за ними не смотритъ». Это Максимъ Карловичъ исполнялъ самъ лучше всѣхъ. У него были наблюдательныя тетрадки, по которымъ онъ отмѣчалъ нумера исполненныхъ бумагъ и не исполненныхъ дѣлъ, и вель это съ такой неослабной настойчивостью, что производителямъ дѣлъ только оставалось заниматься приготовленіемъ дѣлъ къ докладу да исполненіемъ. Максимъ Карловичъ имѣлъ особенное наблюденіе за архивомъ. Именно благодаря ему, архивъ выкупнаго учрежденія до сихъ поръ представляетъ идеальный порядокъ. Въ немъ въ три минуты отыскивается любое дѣло за все время существованія учрежденія. Въ Максимѣ Карловичѣ было очень много самостоятельности и было много оригинальныхъ воззрѣній. Онъ находилъ, напримѣръ, что римское право большое несчастіе для Россійской имперїи, потому что наши юристы, зная въ совершенствѣ, чѣмъ билось сердце подъ римскою тогою, кажется, даже не подозрѣваютъ существованія какого-либо сердца подъ овчиннымъ тулупомъ. Максимъ Карловичъ превозносилъ вотчинные порядки до-петровской Руси, но послѣднiаго мы въ то время взять въ толкъ не могли, будучи всѣ увлечены европейскимъ, какъ казалось намъ, духомъ крестьянской реформы и усматривая въ любви своего предсѣдателя къ старой Руси что-то, идущее не по одному съ нами направленію. И мы имѣли полное основаніе не довѣрять въ этомъ дѣлѣ своему предсѣдателю.

---

¹⁾ Нужно отдать справедливость этимъ господамъ: они насъ разоряютъ, но разоряютъ чрезвычайно любезно.

Максимъ Карловичъ былъ человѣкъ прямой и неосторожный. Онъ поэтому былъ въ ссорѣ со всѣми, съ кѣмъ только ему представлялся случай поссориться: со всѣмъ, сосѣднимъ намъ, IV отдѣленіемъ Собственной канцеляріи, съ Безакомъ,—кого ни назовешь. со всѣми у него разладъ. И онъ вовсе не скрывалъ и не замаскировывалъ своей враждебности выкупной операціи. Въ день открытія дѣйствій главнаго выкупнаго учрежденія, передъ первымъ засѣданіемъ, онъ выражалъ свои взгляды на выкупную операцію одному изъ членовъ и, сказавши вполголоса: «Позорное дѣло!» объявилъ открытымъ засѣданіе.

За все время своего предсѣдательства въ главномъ выкупномъ учрежденіи одинъ только разъ Максимъ Карловичъ выразилъ желаніе помочь крестьянамъ, и въ этомъ дѣлѣ тоже сказывается его характеръ.

Это было дѣло Бессарабской губерніи. Максимъ Карловичъ такъ имъ заинтересовался, что пожелалъ самъ доложить его присутствію. Онъ прямо такъ и началъ: «Вотъ, господа, дѣло, въ которомъ мнѣ бы очень хотѣлось помочь крестьянамъ». Всѣ съ удивленіемъ насторожили уши. Максимъ Карловичъ замѣтилъ всеобщее удивленіе, и сейчасъ объяснился: «Было время, господа, когда я очень любилъ князя Бисмарка, а теперь я его не люблю». Удивленіе присутствія увеличилось.

Максимъ Карловичъ шелъ дальше: «Владѣлецъ этого имѣнія—такой-то—офицеръ прусской службы. Такъ вотъ мнѣ хотѣлось бы помочь крестьянамъ отстаять свои интересы».

Нѣтъ сомнѣній, что онъ имѣлъ твердое намѣреніе при приведеніи въ исполненіе положенія о выкупѣ исправить все, что ему казалось въ немъ неумѣстнымъ, несправедливымъ, опаснымъ и по чему бы то ни было нежелательнымъ.

Онъ былъ увѣренъ, что въ этомъ онъ явится самымъ добрымъ слугою царя и отечества, ибо однимъ изъ его девизовъ было также, что «добрый слуга не исполняетъ зря приказаній своего господина». Онъ намъ также, при случаѣ, старался внушить это правило. Онъ съ особенной настойчивостью выдвигалъ его, впрочемъ, впередъ, стараясь увѣрить насъ, что мы сдѣлаемъ совершенно патріотическое дѣло, если не будемъ обращать вниманія на запрещеніе со стороны министра финансовъ назначать ссуды по неразмежеваннымъ имѣніямъ (послѣдствія показали, что въ этомъ дѣлѣ, по существу, онъ былъ правъ).

Собираясь провести выкупную операцію по-своему, едва ли Максимъ Карловичъ могъ имѣть какое-либо сомнѣніе въ успѣхѣхъ. Членами присутствія были: два директора сохранный казны—его подчиненные; министромъ внутреннихъ дѣлъ былъ П. А. Валуевъ; слѣдовательно, отъ представителя министерства внутреннихъ дѣлъ нельзя было ожидать противодѣйствія; затѣмъ остаются депутаты

отъ дворянства. О чиновникахъ канцеляріи нечего было и думать: если бы нашлись между ними вольнодумцы, то въ его власти было отъ нихъ избавиться; наконецъ, не будутъ же сидѣть сложа руки и застегнувши карманы сами помѣщики: не Богъ знаетъ какія нужны средства, чтобы купить сочувствіе мелкаго чиновнаго люда.

Максимъ Карловичъ былъ такъ увѣренъ, что дѣло пойдетъ согласно его желаніямъ само собою, что и не замѣтилъ, какъ оно съ первыхъ же шаговъ пошло совершенно по иному направленію.

Первымъ подручнымъ Максима Карловича по выкупному дѣлу явился, по собственному влеченію, депутатъ отъ министерства внутреннихъ дѣлъ статскій совѣтникъ Иванъ Александровичъ Чернавскій. Онъ сталъ помогать Максиму Карловичу разсматривать къ докладу поступающія изъ губернскихъ присутствій дѣла. Максимъ Карловичъ отъ его помощи былъ въ восторгѣ; и когда, въ скоромъ времени, оказалось необходимымъ образовать для выкупныхъ дѣлъ при сохранной казнѣ особую канцелярію, Максимъ Карловичъ не только не встрѣтилъ препятствія къ удовлетворенію предложенія Чернавскаго назначить его управляющимъ дѣлами главнаго выкупнаго учрежденія, съ оставленіемъ въ прежней должности депутата отъ министерства внутреннихъ дѣлъ, но ухватился за эту мысль, какъ за особенно счастливую—отдать выкупное дѣло въ руки депутата отъ П. А. Валужева. Ему и въ голову не приходило, что Чернавскій тоже могъ быть того убѣжденія, что хорошій слуга не исполняетъ зря приказаній своего господина; и не успѣлъ Максимъ Карловичъ оглянуться, какъ въ канцеляріи главнаго выкупнаго учрежденія появились новыя лица, которыхъ онъ самъ же опредѣлилъ по рекомендаціи Чернавскаго, и отъ которыхъ отдавало совѣтъ не тѣмъ, что желалось Максиму Карловичу.

Замѣтивъ свою ошибку, Максимъ Карловичъ сталъ съ недоувѣріемъ смотрѣть на Чернавскаго, и довѣріе никогда уже между ними больше не водворялось. Явились люди, готовые эксплуатировать недружелюбныя отношенія Максима Карловича къ Чернавскому (правитель канцеляріи сохранной казны Веселковъ). Въ виду постоянно увеличивавшагося состава главнаго выкупнаго учрежденія въ канцелярію его допускались на испытаніе молодые люди, и ихъ сидѣло великое множество: Чернавскій сажалъ своихъ, Веселковъ своихъ. При окончательномъ выборѣ вся сила была на сторонѣ Чернавскаго, такъ какъ Максимъ Карловичъ, по своей неусидчивости, съ образованіемъ особой канцеляріи для выкупныхъ дѣлъ, записокъ по этимъ дѣламъ къ докладу уже не разсматривалъ, и потому долженъ былъ вѣрить оцѣнкѣ Ивана Александровича; и если онъ хотѣлъ посадить въ канцелярію кого-нибудь со стороны, то у Чернавскаго было готовое возраженіе,—что есть очень способные люди между находящимися на испытаніи, которые давно уже работаютъ, ничего не получая, и ждутъ. Такъ Максиму Карловичу уда-

лось только посадить нѣсколько человѣкъ на должности младшихъ помощниковъ или канцелярскихъ чиновниковъ. Все, имъ посаженное, отличалось большимъ усердіемъ и вѣщною тщательностью. Это были преимущественно люди, одаренные талантомъ веденія настольныхъ реестровъ и изготовленія оконченныхъ дѣлъ для сдачи въ архивъ.

Всей канцеляріи было извѣстно, чего желалъ Максимъ Карловичъ. Ему именно хотѣлось, чтобы чиновники тщательно проставляли нумерки, во время посылали запросы о долгахъ на имѣніи, быстро подшивали бумаги и поменьше совали носъ въ сущность дѣла, которая до нихъ не касается.

Любимѣйшими производителями дѣлъ у Максима Карловича были люди, которые только и отвѣчали этимъ требованіямъ. Но у такихъ производителей дѣлъ, возведенныхъ Максимомъ Карловичемъ въ это званіе изъ своихъ уже чиновниковъ, были помощники, посаженные управляющимъ дѣлами. Эти строчили въ докладныхъ запискахъ: «У крестьянъ, при введеніи въ дѣйствіе уставной грамоты, отрѣзано болѣе половины прежняго ихъ надѣла; но оброкъ, весьма близко подходящий къ установленному положеніемъ, оставленъ въ прежнемъ размѣрѣ (ст. 175 М. П.). Кромѣ того, произведено въ имѣніи обязательное разверстаніе угодій и ни изъ чего не видно, чтобы крестьянамъ указаны были въ натурѣ границы измѣнившагося надѣла и объясненъ былъ порядокъ и срокъ обжалованія рѣшенія мирового съѣзда. Всѣ бумаги составлены и подписаны за крестьянъ; по неграмотности ихъ, волостнымъ писаремъ».

На докладѣ Максимъ Карловичъ ото всего этого приходилъ въ раздраженіе и багровѣлъ.

— Да вѣдь никто не жалуется?—спрашивалъ онъ, устремляя глаза на докладчика:—крестьяне молчатъ; значитъ, они довольны.

— Трудно думать, — говорилъ иногда простодушный докладчикъ: — чтобы крестьяне были довольны, что будутъ платить больше, чѣмъ могли бы платить по закону.

— Мы здѣсь не адвокаты за крестьянъ;—говорилъ Максимъ Карловичъ:—это ихъ дѣло; они должны были сами просить. Покажите 175 ст.—Вы видите: «по ходатайству крестьянъ можетъ быть понижаемъ...»

Докладъ перехватывалъ Чернавскій.

— Законъ требуетъ, чтобы крестьянамъ объявлялись всѣ касающіяся ихъ распоряженія; а здѣсь именно все дѣло имѣетъ такой видъ, какъ будто крестьянамъ ничего и не извѣстно, что съ ними дѣлается.

— Губернское присутствіе признало сдѣлку правильной?—Оно стоитъ ближе къ дѣлу, и мы должны предполагать, что оно сообразило всѣ обстоятельства. Въ Литовскомъ статутѣ сказано, что «судъ суду вѣрять».

— Законъ прямо возлагаетъ на главное выкупное учрежденіе обязанность смотрѣть, чтобы при заключеніи и разсмотрѣніи на мѣстахъ выкупной сдѣлки не было допущено какихъ-либо отступленій отъ установленнаго порядка.

— Какія же тутъ отступленія,—говорилъ Максимъ Карловичъ, блѣднѣя:—что одно лицо подписало за крестьянъ всѣ бумаги? Говорятъ, было время въ Грузіи, что на все царство существовала одна только чернильница. Какъ изъ этого выйти?

— Одно лицо не только подписывало за крестьянъ всѣ документы, но само же удостовѣрило и дѣйствительность своего полномочія; и за добросовѣстныхъ расписалось оно же.

Максимъ Карловичъ закрывалъ лицо руками, положивши локти на столъ, и старался успокоиться.

— Не будите спящаго льва!—отчеканивалъ онъ, наконецъ, открывая лицо и обращая глаза въ сторону депутатовъ отъ дворянства, которые внимательно слушали, но покуда безмолвствовали.

— Дѣйствительно, дѣло представляется довольно оригинальнымъ,—говорилъ кто-нибудь изъ депутатовъ.—Эти волостные писаря ужасная язва въ жизни крестьянъ. Нужно было бы прямо просить губернаторовъ, чтобы ихъ устранили отъ участія въ выкупныхъ сдѣлкахъ, въ качествѣ довѣренныхъ отъ крестьянъ. Объ этомъ ужъ не разъ заводилъ рѣчь Иванъ Александровичъ.

— Ну, хорошо-съ: о волостныхъ писаряхъ мы напишемъ,—говорилъ Максимъ Карловичъ:—а какъ же ссуда?

— Мнѣ кажется,—спѣшилъ подсказать Чернавскій:—что прежде назначенія ссуды нужно указать губернскому присутствію на всѣ возбуждаемая дѣломъ недоумѣнія и просить, по меньшей мѣрѣ, чтобы оно постановило по нимъ свое заключеніе.

Максимъ Карловичъ слушалъ, продолжая глядѣть на депутатовъ, и затѣмъ къ нимъ:

— Ваше мнѣніе?

— Казалось бы, тоже.

— Вы не считаете достаточнымъ удостовѣреніе мирового посредника?

Чернавскій напоминалъ о доставленной намъ, при одномъ дѣлѣ, копии съ уставной грамоты съ вымышленными непристойными названіями селеній и такими же именами помѣщиковъ, которая была удостовѣрена мировымъ посредникомъ въ вѣрности съ подлинникомъ (это было мщеніемъ волостного писаря, который и понесъ за это наказаніе).

Максимъ Карловичъ писалъ резолюцію; а депутаты отъ дворянства, послѣ доклада, зайдя покурить въ комнату Чернавскаго, продолжали еще обсужденіе дѣла, которое такъ взволновало Максима Карловича, и говорили, оправдываясь другъ передъ другомъ, что вѣдь ихъ уполномочило дворянство отстаивать его законные ин-

тересы; и что оно требуетъ отъ нихъ бдительности къ этимъ интересамъ, а не лицепріятія.

И дѣло возвращалось въ губернское присутствіе, и оттуда приходило назадъ, черезъ нѣсколько лѣтъ, въ неузнаваемомъ иногда видѣ: у крестьянъ былъ пониженъ значительно оброкъ, измѣнено разверстаніе угодій, и помѣщикомъ уступлено крестьянамъ безвозмездно нѣкоторое количество земли въ вознагражденіе за дурнокачественность надѣла.

Такъ у насъ шли дѣла въ теченіе двадцати почти лѣтъ, до выхода Максима Карловича въ отставку: главный чиновникъ министерства финансовъ—предсѣдатель—дѣйствовалъ, какъ будто бы онъ былъ депутатомъ отъ министерства внутреннихъ дѣлъ, которое было первыя шестнадцать-семнадцать лѣтъ въ постоянномъ антагонизмѣ съ министерствомъ финансовъ; депутатъ отъ министерства внутреннихъ дѣлъ дѣйствовалъ, какъ будто бы онъ былъ чиновникомъ министерства финансовъ, и поддерживали его постоянно депутаты отъ дворянства противъ предсѣдателя, который всегда стоялъ за дворянскіе интересы.

Депутаты отъ дворянства, въ принципѣ, всегда были согласны съ Максимомъ Карловичемъ; но въ частности, по каждому дѣлу, не могли не присоединиться къ Чернавскому, потому что на его сторонѣ былъ, во-первыхъ, законъ, а во-вторыхъ—Божья правда. Максимъ Карловичъ находилъ эту правду совершенно излишнею, не подлежащею занесенію въ записки; сердито спрашивалъ: «кто составлялъ записку?» и, наконецъ, далъ приказъ, чтобы все записки подписывались не однимъ производителемъ дѣлъ, но и ихъ составителями, чтобы онъ, Максимъ Карловичъ, видѣлъ, кто составлялъ записку, и могъ по ней судить о талантливости чиновника.

Нѣтъ возможности не упомянуть при этомъ объ одномъ изъ директоровъ сохранный казны, Николаѣ Михайловичѣ Поповѣ. Это былъ 90-лѣтній старикъ. Онъ рассказывалъ иногда, на засѣданіяхъ, о выходахъ императрицы Екатерины, которыхъ былъ самъ свидѣтелемъ; и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ съ чрезвычайнымъ интересомъ и любовью относился къ тому дѣлу, которое казалось столь несвоевременнымъ и несправедливымъ предсѣдателю.

Максимъ Карловичъ держалъ очень подолгу въ опалѣ тѣхъ лицъ, въ записки которыхъ онъ заглядывалъ послѣ доклада. Онъ не могъ произнести именъ нѣкоторыхъ чиновниковъ; были двое: Ильинъ и Кусковъ, которыхъ онъ долго не могъ даже назвать по имени, и иначе не называлъ ихъ, какъ «тотъ» или «этотъ». Но записки никогда не принимали другого характера, и составители ихъ заносили туда все, что замѣчали, а чего не замѣчали они, то вносились рукою производителя дѣлъ, а иногда и самого управляющаго.

Между тѣмъ сердить Максима Карловича было небезопасно. Былъ случай, что онъ вынудилъ подать въ отставку одного изъ производителей дѣлъ (ст. сов. Щулепникова). М. Х. Рейтернъ, разобравъ дѣло, сказалъ, по ходившимъ слухамъ: «Я никогда не считалъ Максима Карловича человѣкомъ справедливымъ; теперь я вижу, что онъ можетъ быть также человѣкомъ злымъ и мстительнымъ». И Щулепниковъ былъ тутъ же назначенъ непремѣннымъ членомъ въ витебское губернское присутствіе.

Максимъ Карловичъ постоянно противился увеличенію состава главнаго выкупного учрежденія. Онъ находилъ, что и при существующемъ составѣ можно отлично управляться съ возрастающимъ числомъ дѣлъ, если ограничиться тѣмъ, что нужно, и не пестрить записокъ расплывающимися переписку замѣчаніями.

Это же самое повторялъ онъ съ особенною настойчивостью, когда Чернавскій сталъ просить себѣ помощника. Максимъ Карловичъ согласился на помощника только съ однимъ условіемъ,—это была для него вдохновенная мысль,—что онъ самъ найдетъ лицо для занятія этой должности. Чернавскій отвѣчалъ, что онъ ничего лучшаго не желаетъ.

Уступки отъ Максима Карловича достигались обыкновенно съ помощью той самой *galanterie*, которая практиковалась въ учрежденіи по отношенію къ помѣщикамъ. Благодаря подобному приему, онъ согласился на мое первое повышеніе.

Никого, кажется, самъ Чернавскій не опасался такъ принять въ учрежденіе, какъ меня. Онъ зналъ меня раньше, и зналъ какъ поэта. Онъ боялся взвалить себѣ на плечи обузу: знакомый и негодный для дѣла человѣкъ! Меня подвергали всевозможнымъ испытаніямъ, и, наконецъ, Чернавскій отдалъ меня на послѣднее испытаніе самому авторитетному и строгому производителю дѣлъ—Николаю Андреевичу Акимову. Черезъ три недѣли Николай Андреевичъ предупредилъ меня, что онъ далъ обо мнѣ такой отзывъ, что меня не выпускаютъ, и что я могу настаивать, чтобы меня сдѣлали прямо старшимъ помощникомъ. Чернавскій уговорилъ, однако, меня согласиться на младшаго помощника (въ виду небольшого у меня чина) и обѣщалъ, что я пробуду въ этой должности не болѣе четырехъ-пяти мѣсяцевъ. Но затѣмъ онъ поручилъ мнѣ разобрать доложенное уже однимъ изъ чиновниковъ, посаженныхъ Максимомъ Карловичемъ, дѣло Всеволожскихъ, Пермской губерніи, по которому Максимомъ Карловичемъ дано было министру финансовъ, по сохранной казнѣ, заключеніе, основанное на расчетѣ выкупной ссуды, имѣвшей поступить на пополненіе долга. Я составилъ записку, по которой разрѣшить исчисленную ссуду оказывалось невозможнымъ. Поэтому, когда пришло время для исполненія Чернавскимъ своего обѣщанія, Максимъ Карловичъ и слышать не хотѣлъ о моемъ

повышеніи. Было заготовлено представленіе министру о разныхъ назначеніяхъ, въ которое я не былъ включенъ. Производитель дѣлъ, подавая ему это представленіе къ подписи въ веселую минуту, высказалъ смущенно сожалѣніе, что канцелярія учрежденія должна все-таки лишиться одного способнаго чиновника.

— Какого?

Тотъ назвалъ меня.

— Я его не гоню,—сказалъ Максимъ Карловичъ.

— Иванъ Александровичъ имѣлъ неосторожность ему обѣщать, при его поступленіи, что его сдѣлаютъ черезъ полгода старшимъ помощникомъ. Онъ съ тѣмъ поступилъ.

— Мнѣ Иванъ Александровичъ ничего не говорилъ объ этомъ.

— Онъ не придаетъ никакого значенія своему обѣщанію, ваше превосходительство, коль скоро вамъ не угодно...

— Ну, такъ скажите ему, что я придаю значеніе его обѣщанію. Передѣлайте эту бумагу.

На должность производителя дѣлъ—опять затрудненія со стороны М. К. «Я, говоритъ, слышалъ, что онъ грубъ съ помѣщиками». Не знаю, откуда онъ могъ это слышать. И я исполнялъ обязанности производителя дѣлъ очень долго, безъ всякаго порученія, въ порядкѣ службы, такъ какъ производитель дѣлъ вышелъ, а я былъ въ отдѣленіи старшимъ помощникомъ. Это продолжалось до тѣхъ поръ, пока одна престарѣлая дѣвица княжна Кропоткина, дальняя родственница или свойственница Максима Карловича, дѣло которой производилось у меня въ отдѣленіи, не разсыпалась однажды у него, за чашкою чая, въ похвалахъ моей любезности и предупредительности. Максимъ Карловичъ сейчасъ задумалъ меня женить на княжнѣ Кропоткиной, и поставилъ мнѣ прямо вопросъ, хочу ли я быть обладателемъ ея имѣній. Я отвѣчалъ, что «очень, но что прежде всего ужъ я женатъ». Кончилось смѣхомъ, и чуть ли не на другой день пошло обо мнѣ представленіе къ министру.

По учрежденіи должности помощника управляющаго Максимъ Карловичъ высматривалъ подходящаго для нея человѣка.

И вотъ пріѣзжаетъ въ учрежденіе справиться по своимъ дѣламъ помѣщикъ Рязанской губерніи, членъ губернскаго присутствія, лицеистъ, статскій совѣтникъ Евгеній Андреевичъ Протасевъ. Максимъ Карловичъ къ нему: «Не желаете ли въ помощники управляющаго?» Тотъ съ величайшимъ удовольствіемъ, только поставилъ условіемъ, чтобы ему быть членомъ присутствія и имѣть право голоса. Максиму Карловичу только того и хотѣлось.

Но на первыхъ же засѣданіяхъ онъ замѣтилъ и въ Протасевѣ неполное соотвѣтствіе его ожиданіямъ. Протасевъ тоже, подобно депутатамъ отъ дворянства, имѣлъ, по мнѣнію Максима Карловича, не совсѣмъ вѣрное понятіе о справедливости.

Поэтому, когда Чернавскій заговорилъ о необходимости испросить Высочайшее соизволеніе на присвоеніе должности помощника управляющаго дѣлами правъ члена присутствія, Максимъ Карловичъ спросилъ съ неудовольствіемъ:

- Зачѣмъ?
- Ваше превосходительство обѣщали ему.
- Ну, я его и произведу.
- Какимъ образомъ?
- А вотъ будемъ его называть членомъ; дадимъ ему журналы подписывать.

Впослѣдствіи, когда, по поводу ужъ не знаю какого вопроса, обострились окончательно отношенія Максима Карловича къ Протасьеву, Максимъ Карловичъ высказалъ свое мнѣніе: какой членъ главнаго выкупнаго учрежденія Протасьевъ.

Когда Протасьеву передали это, онъ со свойственными ему, дѣтскими почти, незлобивою и веселостію велѣлъ, со своей стороны, сказать Максиму Карловичу:

— Шалишь, старый: я въ подписанныхъ собственною Его Императорскаго Величества рукою патентахъ на генеральскій чинъ и звѣзду, по твоимъ же представленіямъ, названъ членомъ главнаго выкупнаго учрежденія.

Вслѣдствіе этого, при назначеніи меня помощникомъ управляющаго, съ меня было взято слово Максимомъ Карловичемъ, что я не буду претендовать на права члена. Я просилъ, съ своей стороны, чтобы не было тоже допущено какой-нибудь ошибки, которая вынудила бы меня пользоваться такими правами, чтобы не быть смѣшнымъ.

О самовольствѣ Максима Карловича было отлично извѣстно въ высшихъ сферахъ, и когда Чернавскій, назначенный статсъ-секретаремъ государственнаго совѣта, управляющимъ дѣлами главнаго комитета объ устройствѣ сельскаго состоянія, выставилъ меня кандидатомъ на замѣщеніе его должности, первымъ вопросомъ было у всѣхъ: справится ли онъ съ Цеймерномъ? Для усиленія средствъ въ борьбѣ съ предсѣдателемъ и было рѣшено сохранить за мной всѣ прерогативы Чернавскаго, т. е. одновременно съ назначеніемъ меня управляющимъ дѣлами главнаго выкупнаго учрежденія назначить чиновникомъ особыхъ порученій при министрѣ внутреннихъ дѣлъ и депутатомъ отъ министерства внутреннихъ дѣлъ въ главномъ выкупномъ учрежденіи.

Максимъ Карловичъ ничего объ этомъ не зналъ: дѣло велось именно противъ него. Онъ не зналъ ничего и о назначеніи Чернавскаго въ главный комитетъ до появленія въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» Высочайшаго приказа объ этомъ, потому что въ послѣднее время онъ настолько досадилъ Чернавскому, что между ними не было почти разговоровъ.

Распростившись съ Чернавскимъ очень сухо, Максимъ Карловичъ полетѣлъ къ министру внутреннихъ дѣлъ А. Е. Тимашеву просить о согласіи его на назначеніе управляющимъ дѣлами члена учрежденія, директора сохранной казны Амброжевича. Тимашевъ сказалъ, что ужь рѣшено, кто будетъ назначенъ.

— Я ни о комъ еще никого не просилъ,—возразилъ, подчеркивая каждое слово, Максимъ Карловичъ.—Могу узнать кто?

Тимашевъ назвалъ меня.

— Я буду протестовать,—сказалъ М. К. И отъ министра внутреннихъ дѣлъ онъ полетѣлъ съ протестомъ къ министру финансовъ.

О разговорѣ его съ Мих. Хр. Рейтерномъ мнѣ ничего неизвѣстно; но только когда я, по назначеніи уже меня управляющимъ, представлялся Михаилу Христофоровичу, тотъ встрѣтилъ меня, за чашкою кофе, очень сурово.

— Я давно ужь васъ поджидаю,—сказалъ онъ:—садитесь. Вы знаете, что вы назначены противъ желанія вашего ближайшаго начальника. Это дѣлаетъ ваше положеніе весьма затруднительнымъ. И я хотѣлъ васъ предупредить, чтобы вы знали, что если мнѣ придется разбирать какія бы то ни было ваши пререканія съ Цеймерномъ, вы у меня всегда останетесь виноваты.

Я отвѣчалъ, что я въ этомъ не сомнѣвался ни одной минуты.

— Очень радъ,—сказалъ Михаилъ Христофоровичъ съ меньшею уже суровостью, и сейчасъ же прибавилъ:—вы не подумайте, что я вамъ разрѣшаю уступки по дѣлу: за направленіе дѣла вы мнѣ отвѣчаете; я разумью форму вашихъ отношеній къ старику. Я не хочу обижать старика.

Я сказалъ, что меня вся моя служба въ главномъ выкупномъ учрежденіи пріучила къ уходу за Максимомъ Карловичемъ.

— Желаю вамъ успѣха,—произнесъ, съ тѣнью улыбки, Михаилъ Христофоровичъ и на этотъ разъ протянулъ мнѣ руку.

Когда Максимъ Карловичъ черезъ четыре мѣсяца уѣхалъ въ заграничный отпускъ, онъ поручилъ правителю канцелярїи сохранной казны Долгомостьеву передать мнѣ, что передъ отъѣздомъ онъ счелъ своею обязанностью заявить министру, что хотя онъ отнесся крайне недружелюбно къ моему назначенію, но что теперь онъ даже доволенъ имъ, потому что хотя и происходятъ между нами нѣкоторыя разногласія, но все это дѣлается въ формѣ, не оставляющей желать ничего лучшаго.

Я прїобрѣлъ сердце Максима Карловича тѣмъ, что не приносило дѣлу никакого ущерба. Я выслушивалъ съ горячимъ вниманіемъ цѣлые часы безконечныя объясненія Максима Карловича объ ипотечной системѣ. Ипотека была радостью и страданьемъ Максима Карловича. Онъ боялся умереть прежде всего потому, что ему не на кого было оставить это свое любимое дѣтище.

При самомъ началѣ выкупной операціи онъ сталъ разбираться съ запретительными книгами. Къ тому времени, о которомъ идетъ рѣчь, это дѣло было совсѣмъ ужь окончено: запретительныя книги съ 1829 г. были разобраны; запрещенія не снятыя выдѣлены отъ статей разрѣшенныхъ; составлены были алфавиты, по которымъ въ самое короткое время можно было навести справку о всѣхъ запрещеніяхъ, числящихся на любомъ имѣніи. Ни въ одномъ нотаріальномъ архивѣ нельзя было навести такой быстрой и вѣрной справки, какія наводились въ нашемъ архивѣ, и многіе нотаріусы, въ затруднительныхъ случаяхъ, обращались къ Максиму Карловичу за справками. Немало справокъ забиралось и частными лицами, съ небольшою какою-то платой за эти справки. Въ 1877 году, когда я былъ назначенъ управляющимъ, Максимъ Карловичъ разрабатывалъ уже свои своды и выводы и, по порученію земствъ и городскихъ управленій, составлялъ юридическія, какъ онъ называлъ, описанія недвижимыхъ собственности въ разныхъ городахъ и уѣздахъ. Кромѣ его готовыхъ работъ по запретительнымъ книгамъ, ему служили въ этомъ дѣлѣ, для извлеченія свѣдѣній, дѣла по займамъ изъ петербургской сохранной казны и дѣла главнаго выкупного учрежденія. Я въ этихъ его трудахъ никогда никакого участія не принималъ, но мнѣ извѣстно, что при составленіи его юридическихъ описаній обнаруживались имѣнія, о существованіи которыхъ никто не зналъ, и которыя поэтому ускользали ото всякихъ податей и обложеній.

Затѣмъ, послѣ уже смерти Максима Карловича, былъ такой случай.

Приходить въ учрежденіе баронъ фонъ-Гюне, бывшій тогда, кажется, оберъ-прокуроромъ въ сенатѣ, и просить посмотреть дѣло по имѣнію бабушки, сколько помнится, его жены. Именъ не помню. Черезъ пять минутъ подають ему это дѣло, къ великому его удивленію, потому что дѣло давнее.

— Послѣдняя надежда пропала!—произнесъ онъ, закрывая дѣло, послѣ его обозрѣнія.

— А вамъ что нужно?—спросилъ я.

— Моя жена наслѣдница этому имѣнію; но мнѣ нужно указать документъ, по которому онъ перешло къ ея бабкѣ.

Я ему сказалъ, что, быть можетъ, я помогу ему другимъ способомъ, и пригласилъ его пройти со мною въ архивъ.

Я замѣтилъ, что имѣніе въ Петергофскомъ уѣздѣ, и зналъ, что по этому уѣзду составлены Максимомъ Карловичемъ юридическія описанія.

Въ десять минутъ сталъ извѣстенъ барону фонъ-Гюне интересовавшій его документъ, и были узнаны присутственное мѣсто, въ архивѣ котораго документъ этотъ находится, и не только № дѣла и годъ, но страница, подъ которой онъ подшитъ въ этомъ дѣлѣ.

Начались удивленія: какъ мы, имѣя такое сокровище, держимъ его подъ спудомъ. Никому и неизвѣстно о его существованіи!

— Вся Россія знаетъ. Отчего же нѣкоторые земства и города заказывали Максиму Карловичу эти юридическія описанія?

И дѣло Максима Карловича, стоившее и ему и намъ столько денегъ (на него уходила часть канцелярскихъ остатковъ), пропало совершенно даромъ, не сослуживъ даже никакой службы дѣлу выдѣленія не разрѣшенныхъ запрещеній на тѣ десять вѣтъ, которыя предшествовали образованію особой комиссіи для выдѣленія этихъ запрещеній.

Въ тоскливомъ безпокойствѣ о судьбѣ своего дѣла и ходилъ со мною Максимъ Карловичъ цѣлые часы по огромной пріемной главнаго выкупного учрежденія и, излагая мнѣ исторію помѣстныхъ приказовъ, говорилъ о прекрасныхъ порядкахъ, существовавшихъ въ нихъ; жаловался на Петра Великаго, который все это уничтожилъ; жаловался на равнодушіе къ его дѣлу современныхъ дѣятелей; и такъ наболѣло у старика сердца ото всего того, что онъ мнѣ рассказывалъ, что онъ проникался все болѣею и болѣею ко мнѣ нѣжностью за то, что я внимательно слушалъ его и открывалъ ему возможность хотя ничѣмъ не смягчаемыми жалобами облегчить свое уставшее безпокоиться сердце.

И за это Максимъ Карловичъ уже безъ гнѣва выслушивалъ за докладами, что на крестьянахъ накопилась значительная недоимка въ оброкѣ, и спокойно, не ожидая дальнѣйшихъ объясненій, самъ уже писалъ резолюцію: «Спросить губернское присутствіе, можно ли при существующей недоимкѣ признать крестьянъ состоятельными ко взносу выкупныхъ платежей», что вело къ полученію отъ помѣщика заявленія, что недоимки больше нѣтъ, что она сполна уплачена ему крестьянами.

Если бы въ положеніи о выкупѣ постановлено было, что крестьяне, на которыхъ числятся недоимки въ оброкѣ, не могутъ быть принимаемы на выкупъ, то всѣ дѣла поступали бы въ учрежденіе съ такими заявленіями помѣщиковъ, несмотря на то, что первыми, все равно, пошли бы на выкупъ имѣнія, въ которыхъ крестьяне не исправно платятъ оброки.

За такія резолюціи на насъ жаловались министру и, не находя въ немъ поддержки, на самого его приносили жалобы въ сенатъ.

Но правительствующій сенатъ разъяснялъ также точно, согласно съ нашими заключеніями, что правительство не покупаетъ для крестьянъ земли, а только помогаетъ имъ выкупить, почему и нужно, чтобы крестьяне были состоятельны къ выкупу ¹⁾. Ни одно рѣшеніе главнаго выкупного учрежденія въ такомъ смыслѣ не было отмѣнено

¹⁾ Рѣшеніе по дѣлу помѣщика Арбузова,

правительствующимъ сенатомъ; а мы очень зорко слѣдили за недоимками.

Еще составляли наше безпокойство и мученіе дѣла, въ которыхъ встрѣчались заявленія крестьянъ, что имъ предоставляется на выкупъ та земля, которую они сами себѣ, въ прежнее время, купили на имя помѣщика. По этимъ дѣламъ мы не разрѣшали ранѣе ссуды, какъ послѣ рѣшенія главнаго комитета, если онъ признавалъ заявленія крестьянъ не подтверждающимися произведеннымъ разслѣдованіемъ. Также не разрѣшали мы, не доведя до главнаго комитета, дѣлъ, гдѣ крестьянамъ передавался на выкупъ надѣлъ, который предоставленъ былъ имъ ранѣе безвозмездно, въ полную собственность, умершимъ владѣльцемъ ихъ, по завѣщанію, не получившему, по законамъ прежняго времени, утвержденія. Всѣ такія дѣла были рѣшены въ пользу крестьянъ, безъ назначенія ссуды, вполнѣ до дѣла Вольвашева (Петергофскаго уѣзда), исходъ котораго главному выкупному учрежденію неизвѣстенъ. Въ такого рода дѣлахъ (о земляхъ, купленныхъ на средства крестьянъ, и земляхъ, предоставленныхъ крестьянамъ по духовнымъ завѣщаніямъ)—при докладахъ въ учрежденіи, сколько помнится, не было никогда разногласій: всѣ были одного мнѣнія, что назначать ссуды не слѣдуетъ.

Окончательныя рѣшенія по этимъ дѣламъ главнаго комитета передавались изъ устъ въ уста въ главномъ выкупномъ учрежденіи, составляя для чиновниковъ почти праздникъ.

Такимъ образомъ, канцелярія главнаго выкупного учрежденія отстояла выкупную операцію отъ покушеній на нее собственнаго своего предсѣдателя; но въ этомъ не главнѣя еще ея побѣда.

Въ первые годы выкупной операціи помѣщеніе выкупного учрежденія не имѣло того унылаго, общаго всѣмъ присутственнымъ мѣстамъ сѣраго вида, какой оно имѣетъ теперь. Весь beau-monde собирался тогда въ канцелярію главнаго выкупного учрежденія. Красавица княжна А. П. Абамелекъ сама пріѣзжала и просиживала цѣлые часы, объясняясь по своимъ имѣніямъ съ производителемъ дѣлъ; генераль-адъютантъ графъ Адамъ Ржевусскій проводилъ долгіе часы, когда начался выкупъ въ Западномъ краѣ, рассказывая производителю дѣлъ анекдоты о генераль-губернаторѣ Юго-Западнаго края Безакѣ, показывавшіе нецѣлесообразность его мѣропріятій; даже старикъ графъ Бобринскій (кривой) пріѣзжалъ самъ по своимъ дѣламъ и обращался прямо къ производителю дѣлъ, — никто не хотѣлъ итти къ предсѣдателю. Графъ Ржевусскій, на даяннѣй ему разъ производителемъ дѣлъ совѣтъ обратиться къ предсѣдателю, отвѣчалъ:

— Нѣтъ, ужъ позвольте мнѣ ни къ кому не обращаться, кромѣ васъ: я разъ обратился къ самому императору Николаю, и онъ, выслушавъ мое дѣло, сказалъ:

— Ну, я самъ буду по твоему дѣлу ходатаемъ.

Но когда я, въ восторгѣ, рассказалъ про это первому встрѣтившемуся пріятелю, тотъ сказалъ:

— Не поздравляю. Вотъ если бы по твоему дѣлу взялся быть ходатаемъ начальникъ того отдѣленія, гдѣ оно производится! — И онъ оказался правъ. Дѣло было проиграно.

Только молодые, неопытные горячились и кричали на всю канцелярію намъ въ назиданіе, что они сотрутъ съ лица земли и губернатора, и все губернское присутствіе, которые исполняютъ незаконныя требованія главнаго выкупнаго учрежденія. Такіе разговоры велись преимущественно по Пермской губерніи, гдѣ мы остановили весь выкупъ, и гдѣ, вслѣдствіе пересмотра уставныхъ грамотъ, по новому закону, почти всѣ оброки понижены были съ 9 р. на 6 р. 40 к. и ниже. Но мы, памятуя наставленія Максима Карловича, понимали невѣроятность этихъ господъ и старались очаровать ихъ своею любезностью. Все же опытное, бывалое и дѣйствительно сильное такого шуму не поднимало и входило, наоборотъ, въ совершенно дружелюбныя объясненія съ производителями дѣлъ. Все это намъ льстило, приглашало къ себѣ, находило, что нашъ трудъ скудно оплачивается, предлагало протекцію, обѣщало устроить нашу карьеру. А просьбы, съ которыми къ намъ обращались, представляли собою то самое, чего желалъ отъ насъ собственный нашъ предсѣдатель. И какими сопровождалось это иногда болѣе осязательными со-
блазнами!

Канцелярія выкупнаго учрежденія съ достоинствомъ, безъ шума, выдержала всѣ эти искушенія.

Помѣщикамъ польскаго происхожденія ссуды назначались 5-процентной рентой, безъ выдачи свидѣтельствъ на ея полученіе. Одному изъ трехъ братьевъ графовъ Браницкихъ было разрѣшено выдать 1.620,200 р. процентными бумагами, для поддержанія свекло-сахарнаго производства въ его имѣніи. Но впослѣдствіи генералъ-губернаторъ Безакъ нашелъ достаточнымъ выдать графу Браницкому съ изъясненною цѣлію только 322,500 р., о чемъ и извѣстилъ Максима Карловича письмомъ. Этому письму придавалось повѣренными графовъ Браницкихъ какое-то особенно важное значеніе. И вотъ одному маленькому чиновнику, помощнику журналиста Ланину, предложена была баснословная сумма за копію съ этого письма. Ланинъ доложилъ объ этомъ производителю дѣлъ, а тотъ Максиму Карловичу.

— Что же вы хотите, чтобы я сдѣлалъ?—спросилъ Максимъ Карловичъ.

— Разрѣшите, ваше превосходительство, объявить повѣренному графа Браницкаго, что эта копія будетъ выдана даромъ, но только не иначе, какъ въ руки самого графа Браницкаго.

Такъ и было сдѣлано.

А Лапинъ потомъ, лѣтъ черезъ двѣнадцать, ослѣпъ и долженъ былъ выйти въ отставку. Максимъ Карловичъ припомнилъ исторію съ графомъ Браницкимъ, и Лапинъ назначенъ былъ на нѣкоторое время на высшую должность; съ примѣненіемъ всѣхъ увеличивающихъ пенсію законовъ ему была исходатайствована пенсія, которая на нѣсколько рублей превышала даже получавшееся имъ до слѣпоты годовое содержаніе.

Максимъ Карловичъ потомъ очень цѣнилъ неподкупность чиновниковъ главнаго выкупного учрежденія.

Одинъ разъ, проходя по пріемной, онъ слышалъ, какъ одно очень высокопоставленное лицо разносило за что-то чиновниковъ, смотрѣвшихъ на него, примѣнительно къ совѣту Максима Карловича, тоже какъ на невмѣняемаго. Максимъ Карловичъ сталъ прислушиваться и, услыхавъ, что чиновниковъ упрекаютъ въ вымогательствѣ, побагровѣлъ и, забывши собственныя свои внушенія, начиталъ почетному посѣтителю всевозможныхъ нотацій и прежде, чѣмъ тотъ успѣлъ образумиться, закричалъ экзекутора и поручилъ ему надблести, чтобы его высокопревосходительству подана была шинель у швейцара. Максима Карловича приглашали по этому дѣлу къ министру; но никому неизвѣстно, въ чемъ состояли разговоры между министромъ и Максимомъ Карловичемъ.

Приходятъ въ главное выкупное учрежденіе изъ одной банкирской конторы узнать, сколько долженъ получить выкупной ссуды одинъ помѣщикъ, желавшій продать свою ссуду этой конторѣ. Давая справку, дежурный чиновникъ предупредилъ, что назначенная ссуда можетъ и не быть выдана помѣщику на руки, если на его имѣніи есть долги, для чего учрежденіе прежде выдачи ссуды и сносится всегда съ губернскимъ присутствіемъ.

И былъ въ учрежденіи канцелярскій чиновникъ, который исключенъ былъ впослѣдствіи за то, что, нося въ кабакъ выбираемыя изъ ящиковъ рваныя бумаги, онъ добрался уже наконецъ до шкаповъ и вмѣстѣ съ ненужными бумагами унесъ нужныя, только что приготовленныя къ подписанію.

Къ этому-то чиновнику обратился владѣлецъ ссуды съ предложеніемъ показать, за сто рублей, лицу, которое снова придетъ за справкою о его ссудѣ изъ банкирской конторы фальшивую телеграмму, будто бы полученную учрежденіемъ изъ присутствія, о томъ, что къ выдачѣ ссуды нѣтъ препятствій. Мѣстомъ для передачи поддѣльной телеграммы назначенъ былъ ресторанъ Доминика.

Когда объ этомъ доложено было Максиму Карловичу, онъ приказалъ чиновнику изъяснить согласіе и въ условленный часъ итти къ Доминику; а самъ отправился къ *Θ. Θ. Трепову*, и въ указанный часъ у Доминика между потребителями сидѣло нѣсколько полицейскихъ агентовъ, готовыхъ перехватить телеграмму въ моментъ

ея передачи. По счастью для ея составителя, она не была принесена, потому что была имъ испорчена.

Это два дѣла, которые получили огласку въ главномъ выкупномъ учрежденіи. Но какая масса была такихъ дѣлъ, о которыхъ не велось и разговоръ. Учтивѣйшимъ образомъ отклонялись дѣлаемые предложенія, объяснялась ихъ ненужность, и никто о нихъ не зналъ, никто о нихъ ничего не говорилъ.

Максимъ Карловичъ, бывши разъ въ Москвѣ, услышалъ тамъ, что есть, однакожь, одинъ честный человѣкъ въ главномъ выкупномъ учрежденіи, который возьметъ, но зато ужъ и сдѣлаетъ. Максимъ Карловичъ доискался, кто этотъ честный человѣкъ.

«Это, — рассказывалъ онъ мнѣ самъ. — мой кумъ, Викторъ Ивановичъ (экспедиторъ сохранной казны). Онъ все меня къ себѣ приглашаетъ дѣтей крестить». У насъ всегда существовало правило, что дѣла, которыя возвращались на мѣсто, для исправленія, при вторичномъ поступленіи докладывались тотчасъ, безъ очереди. Многие помѣщики этого не знали, и Викторъ Ивановичъ бралъ съ нихъ деньги за содѣйствіе къ докладу ихъ дѣлъ безъ очереди. Максимъ Карловичъ заставилъ его выйти въ отставку, а сколько было дѣлъ, по которымъ удовлетвореніе просьбы помѣщиковъ не шло бы даже въ разрѣзъ съ общимъ направленіемъ канцеляріи выкупного учрежденія.

Повѣренный князя Сангушко просилъ, напимѣрь, чтобы къ дѣламъ его вѣрителя относились со всевозможною строгостію и чтобы возвращали на мѣсто всѣ дѣла, въ которыхъ окажется самома́лѣйшая неправильность. Безъ этихъ ходатайствъ многія дѣла и ушли бы на мѣсто. Но именно, вслѣдствіе этого ходатайства, къ недостаткамъ въ его дѣлахъ относились весьма снисходительно, и когда въ 1869 г. послѣдовала разгадка, для чего ему это было нужно (мѣстному генералъ-губернатору предоставлялось право пересмотра и повѣрки выкупныхъ производствъ по имѣніямъ князя Сангушко, по представленнымъ владѣльцемъ возраженіямъ о томъ, что съ возвращеніемъ крестьянамъ инвентарныхъ земель, по закону, должно пострадать плодоперемѣнное хозяйство помѣщика), то оказалось не разрѣшеннымъ одно только дѣло, по которому выкупной актъ не былъ еще представленъ въ главное выкупное учрежденіе.

Но при этомъ помѣщики всѣ знали, что всякое ихъ законное желаніе будетъ неукоснительно удовлетворено: къ намъ приходили изъ-за границы письма, по адресу: «Въ главное выкупное учрежденіе дежурному чиновнику». Обыкновенно требовались справки о положеніи дѣлъ; и въ тотъ же день шель подробнѣйшій отвѣтъ по указанному адресу.

Мы сердечнѣйшимъ образомъ устраивали крестьянъ и для успѣха въ этомъ дѣлѣ заручались уваженіемъ и довѣріемъ помѣщиковъ. Сколькихъ изъ нихъ мы склонили къ уступкамъ въ стѣнахъ главнаго

выкупного учрежденія! Канцелярской страпни мы изъ своего дѣла не дѣлали. Мы старались сократить его елико возможно. Одно время, въ концѣ семидесятыхъ годовъ, стали насъ одолѣвать губернскіе землемѣры вопросами, какъ надлежитъ поступать въ тѣхъ случаяхъ, когда выкупленный крестьянами надѣлъ, въ натурѣ, не согласенъ съ выкупнымъ планомъ: слѣдуетъ ли его отводить по плану? Уставши отвѣчать на эти вопросы, мы припечатали замѣтку въ «Голосѣ», въ которой ставился, конечно, отъ лица частнаго корреспондента, вопросъ землемѣрамъ: «если не похожъ портретъ на фізіономію, слѣдуетъ ли исправлять фізіономію по портрету?»

Ни одного вопроса не поступило къ намъ послѣ этой замѣтки отъ землемѣровъ: столь она оказалась вразумительной.

Что касается карьеръ, которыя намъ обѣщались, то также не было случая, чтобы кто-нибудь изъ чиновниковъ соблазнился предлагавшеюся ему карьерою. Очень немногіе перешли отъ насъ на службу въ другія мѣста. Составъ учрежденія обновлялся только за смертью чиновниковъ. Самая лучшая карьера выпала на долю Чернавскаго. Онъ изъ управляющихъ дѣлами выкупного учрежденія назначенъ былъ въ управляющіе дѣлами главнаго комитета объ устройствѣ сельскаго состоянія (мѣсто III класса)¹⁾. Онъ былъ взятъ туда, по смерти статсъ-секретаря Жуковскаго, самимъ великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ, знавшимъ о характерѣ его службы въ выкупномъ учрежденіи и о томъ, какъ онъ былъ отстраненъ П. А. Валуевымъ отъ кандидатства на должность управляющаго дѣлами земскаго отдѣла за излишнюю свою любовь къ крестьянской реформѣ.

Послѣ Чернавскаго идетъ Н. А. Акимовъ, который назначенъ былъ въ управляющіе государственною комиссіею погашенія долговъ съ должности вице-директора кредитной канцеляріи; а въ кредитную канцелярію онъ былъ приглашенъ на должность начальника отдѣленія изъ главнаго выкупного учрежденія, въ которомъ былъ помощникомъ управляющаго. За нимъ, кажется, долженъ былъ слѣдовать я.

Два производителя дѣлъ (Никитинъ и Сахановъ) были приглашены послѣдовательно, одинъ за другимъ, въ начальники отдѣленій по кредитной канцеляріи, на каковыхъ должностяхъ оба и умерли.

Такимъ образомъ, изъ чиновниковъ главнаго выкупного учрежденія никто не поддался никакому искушенію, а это можно объяснить только тѣмъ, что все учрежденіе проникнуто было однимъ духомъ служенія великому историческому дѣлу. Мы знали, что дѣлаемъ дѣло народное, свое, задуманное не по чужимъ образцамъ, дѣло, которое будетъ служить примѣромъ другимъ народамъ, и которое по-

¹⁾ Чернавскій въ послѣдніе годы службы своей въ главномъ выкупномъ учрежденіи былъ членомъ совѣта министра внутреннихъ дѣлъ.

этому до самаго конца своего должно быть проведено съ безукоризненной чистотою.

Такой взглядъ на свое дѣло сохранился въ учрежденіи до послѣдняго времени. Все сошло со сцены и умерло, что видѣло дѣятельность учрежденія въ разгаръ выкупной операціи. Но сознание своей осиротѣлости не измѣнило въ чиновникахъ учрежденія тѣхъ чувствъ и взглядовъ, съ какими они относились къ своему дѣлу въ то время, когда составляли новинку въ администраціи.

П. А. Кусковъ.

НЕИЗВѢСТНЫЙ ПОЭТЪ.

I.

Дѣтство А. П. Меженинова.—Корпусъ.—Военная карьера и разбитая жизнь.—Стихи.—Сербско-турецкая война прославила А. П. Меженинова.

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ 19 марта 1910 г. скончался на 76 году бывший командиръ русско-сербскаго дивизиона добровольцевъ, сподвижникъ Черняева во время войны съ турками 1876—77 гг., Александръ Павловичъ Межениновъ.

Судьба этого человѣка весьма поучительна и въ общественномъ, и въ литературномъ отношеніи.

Онъ болѣе извѣстенъ до сихъ поръ, какъ военный дѣятель, а въ частной жизни—какъ типъ стараго аристократа въ лучшемъ смыслѣ этого слова, красиваго по внѣшности, съ ласковыми и привѣтливыми манерами, никогда не показывавшаго постороннимъ людямъ дурного расположенія духа, любезнаго къ нимъ и нерѣдко страдавшаго изъ-за нравственнаго мезальянса съ ними... Онъ былъ всегда выше толпы и никогда не показывалъ ей своего превосходства, точно и самъ не чувствовалъ его. Тѣмъ сильнѣе было его обаяніе надъ людьми...

Но, конечно, его успѣху въ свѣтскомъ обществѣ болѣе всего содѣйствовала его даровитость: онъ былъ полонъ поэтическихъ приемъ, образовъ и наблюденій, съ тонкимъ юморомъ и веселостью...

Онъ былъ, несомнѣнно, поэтомъ...

Биографія его весьма интересна. Онъ родился въ 1834 году въ старинной дворянской семьѣ, въ селѣ Мишинѣ, Зарайскаго уѣзда Рязанской губерніи. Домашнее воспитаніе дѣтей у дореформенныхъ помѣщиковъ не прививало дѣтямъ современнаго практицизма и пресмыкательства тамъ, гдѣ это выгодно. Молодое поколѣніе росло, можетъ быть, безхарактернымъ, но совѣтливымъ и безкорыстнымъ. Старо-помѣщичье воспитаніе имѣло другія отрицательныя стороны, о которыхъ, между прочимъ, самъ А. П. Межениновъ вспоминалъ въ послѣдствіи въ одномъ изъ своихъ стихотвореній:

Въ глуши Зарайскаго уѣзда,—
 Въ такой глуши, куда весной
 Самъ богъ дорожный, становой,
 И тотъ не вѣдаетъ проѣзда,—
 Стоитъ деревня. Вся она
 Какъ бы въ оврагъ погружена,—
 И, если взглянешь изъ окошка,
 Лишь видишь церковь да плетень—
 Живую крѣпость деревень,
 Да чуть замѣтную дорожку;
 И та, взбѣгая на бугоръ,
 Не манитъ въ даль пытливый взоръ...
 Въ деревнѣ избъ съ десяткомъ рядомъ,
 Господскій садъ съ фруктовымъ садомъ,
 Попы, кладбище безъ крестовъ—
 Жилище вымершихъ рабовъ,—
 Да вокругъ безлѣсная равнина:
 Родная, грустная картина,—
 Куда ни взглянешь, тишь да гладь,
 Да сонной жизни благодать.
 Вотъ то гнѣздо, гдѣ я родился,
 Гдѣ я лѣниво и слегка
 У престарѣлаго дьячка
 Сначала грамотѣ учился;
 Гдѣ, модѣ слѣдуя, потомъ
 Къ намъ гувернантку взяли въ домъ.
 Попалась дѣва очень злая,
 Меня прибравшая къ рукамъ,
 Она взялась, сама не зная,
 Учить меня тремъ языкамъ.
 Я горько плакалъ за спряженьемъ,
 Стоялъ въ углу по цѣлымъ днямъ,
 И за ошибки съ озлобленьемъ
 Былъ битъ линейкой по погтямъ.
 Бывало, глядя на сіянье

Вокругъ ликующаго дня,
 Я пилъ змѣиное дыханье
 Сидѣвшей дѣвы близъ меня,—
 А мысль тревожно уносилась
 Къ пруду на дугъ, въ поповскій садъ,
 Гдѣ цѣлый день толпа ребятъ
 Давно ужъ безъ меня рѣзвилась....
 И я не выдержалъ, и слегъ,—
 Такъ что приняться за ученье
 Черезъ полгода только могъ;
 Но тутъ случилось превращенье,
 И я, какъ сказочный герой,
 Вновь познакомился съ бѣдой...
 Шутя теперь меня учили,
 Не стали бить, за двухъ кормили,
 И скоро я не по лѣтамъ
 И выросъ, и развился тѣломъ:
 Съ утра носился по полямъ,
 Но мало занимался дѣломъ.
 Мнѣ былъ четырнадцатый годъ:—
 Разъ, помню, дѣлалъ я небрежно
 Съ французской книги переводъ,—
 И вдругъ услышалъ возгласъ нѣжный:
 «Довольно, милый,—ты усталъ...»
 Нежданной лаской озадаченъ,
 Я съ удивленіемъ привсталъ,
 И тотчасъ былъ въ объятія схваченъ...
 Я исцѣлованъ былъ кругомъ...
 И послѣ, послѣ... и потомъ
 Непонимающій ребенокъ,
 Стыдлся, рванулся, какъ волчонокъ,
 И, какъ олень, умчался прочь,
 И спать не могъ я въ эту ночь.

. . . . .
 Казалось мнѣ, что я отравленъ,
 Что я позорно обезславленъ...
 Я весь затихъ... не спалъ, не ѣлъ,
 Дрожалъ, какъ листъ, при каждой встрѣчѣ
 И неожиданно краснѣлъ
 При всякомъ звукѣ вздорной рѣчи.
 Меня тревожилъ каждый взглядъ...
 Но ужъ въ груди коварный ядъ
 Неудержимо разливался,—
 И сколько я ни защищался,
 Я тайныхъ ласкъ не избѣгалъ...

Ребенокъ,—я не понималъ
 Всю грязь, весь ужасъ преступленья.
 Я въ первый разъ переживалъ
 Разлѣные чувства, страстей пожаръ,
 Развратной дѣвы подлый даръ.

И, плодъ пустого сожалѣнья,
 До сей поры безъ отвращенья
 Я вспомнить юность не могу...

Такое дѣтство Меженинова было весьма обычнымъ въ стародворянской семьѣ.

Но домашнее воспитаніе добряковъ-родителей скоро смѣнилось весьма суровымъ въ Орловскомъ кадетскомъ корпусѣ и затѣмъ въ Дворянскомъ полку, нынѣ Константиновскомъ училищѣ. Пришлось перевоспитываться и вступить въ жизнь впоследствии очень добрымъ, но значительно безхарактернымъ человѣкомъ. Въ 1853 году онъ былъ произведенъ въ офицеры лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка, съ которымъ участвовалъ въ оборонѣ финскаго побережья во время Крымской кампаніи.

Въ 1856 г. Межениновъ былъ переведенъ въ лейбъ-гвардіи стрѣлковый батальонъ, и въ это время на его долю выпало обученіе военному строю покойнаго наслѣдника Николая Александровича. Служебная карьера его, такимъ образомъ, была блестящая. Двадцати пяти лѣтъ онъ произведенъ въ полковники, а въ тридцать лѣтъ былъ назначенъ командиромъ Перновскаго гренадерскаго полка. Свѣтски воспитанный офицеръ, вращаясь въ обширныхъ кругахъ столичнаго общества, всюду вносилъ очарованіе занимательностью своихъ бесѣдъ, въ которыя онъ всегда съ удивительной легкостью влеталъ свои поэтическія стихотворенія и экспромты. Онъ владѣлъ не только формою стиха, но и несомнѣннымъ талантомъ, по манерѣ и по настроенію напоминающимъ корифеевъ нашей поэзіи. Художественнымъ дарованіемъ дышала его рѣчь, всегда остроумная, съ легкой ироніей надъ своимъ довѣріемъ къ людямъ и обожаніемъ женщинъ. Въ этомъ довѣрїи къ людямъ таилась его гибель... Безупречный рыцарь въ денежныхъ дѣлахъ, онъ вдругъ былъ преданъ суду по самому прозаическому расхищенію денежныхъ суммъ полка казначеемъ, которому Межениновъ вполнѣ довѣрялъ. Не будучи лично обвиненъ въ неблаговидномъ поступкѣ, но имѣя противъ себя въ высшихъ военныхъ сферахъ множество завистниковъ, онъ долженъ былъ среди поднявшагося злословія выйти въ отставку, и блестящая карьера его была кончена...

Тяжело переживалъ Межениновъ невольный позоръ, въ которомъ было замѣшано его имя. Неоднократно и впоследствии у него вырывалась жалоба на судьбу въ злыхъ экспромтахъ:

Чтобъ счастливо прожить судьбою данный вѣкъ,
Имѣть обязанъ каждый человѣкъ:
Желудокъ безъ катара, сердце злѣйшее
И совѣсти отсутствіе полнѣйшее...

Молодежи онъ говорилъ:

Не сумасшествуй, о юность, на радости падкая,
Вѣрь мнѣ, что счастье желанное—
Есть помѣшательство краткое...

Въ особенности было тяжело сознавать ему, что клеветники по его адресу всего менѣе имѣютъ правъ поносить и чернить его имя. Въ одно изъ таковыхъ размышленій у него вырвалось стихотвореніе, посвященное «Пріятелю»:

Эхъ, бурливо жизни море,
Что ни день, то новый шквалъ.
Вотъ и мы съ тобой въ ссорѣ,
Хоть я ссоры не искалъ.
Укрошешь я... Мнѣ судьбою
Поднесенъ ужъ страшный шишъ,—
Ты же, гордый самъ собою,
На судьбу смѣясь глядишь.
Мнѣ теперь покой лишь нуженъ,—
Ты же, въ шутку надъ роднымъ,
Увѣряешь, будто друженъ
Съ отдѣленіемъ сыскнымъ...
Эхъ, бурливо наше море,
Что ни день, то новый шквалъ:
Скупость мысли, сердцу вторя,
Въ ней страшнѣй подводныхъ скалъ.

Женщины тоже торопились «лягнуть» истерзаннаго обидой и прогнаннаго со службы честнаго человѣка. Тихій шопотъ дамъ о «темной личности» дошелъ и до Меженинова... Въ гнѣвѣ на клеветницъ, онъ отвѣтилъ одной изъ перекрещенныхъ евреекъ, имѣвшей значеніе въ свѣтѣ, стихомъ, полнымъ негодованія и насмѣшки:

Изъ породы Авраама,
Язычкомъ нескромнымъ
Окрестила меня дама
Человѣкомъ темнымъ...
Обижаться мнѣ бь не къ рожѣ
Въ моей долѣ скромной,
Да со мной обиженъ тоже
Князь Василій Темный.

Отъ стыда я рву одежды,
 Все съ себя срываю;
 Но, опомнясь, скромно вѣжды
 Долу опускаю...

Ахъ, готовъ я клясться гласно
 Передъ міромъ цѣлымъ,
 Что себя при этомъ ясно
 Видѣлъ очень бѣлымъ.
 Какъ же сдѣлать, чтобы дамѣ
 Въ томъ же убѣдиться?
 Попрошусь съ листкомъ Адама
 Передъ ней явиться.

Пусть она увидитъ виды
 Чудной панорамы:
 Я же смою ядъ обиды
 Невоздержной дамы.
 Впрочемъ, я готовъ мириться
 Съ женщиной нескромной;
 Да боюсь, не согласится
 Князь Василій Темный.

Прошло много лѣтъ, когда, отстрадавъ свой позоръ, Межениновъ могъ не только говорить о немъ въ обществѣ, но даже облечь его въ поэтическую форму:

Мой ангелъ.

Было проклятое время,—
 Сердце въ куски разрывалось;
 Властью судейскаго племя
 Честь моя съ грязью мѣшалась.

Все, во что вѣрилъ я твердо,
 Все, къ чему сердце стремилось,
 Все тогда, молча и гордо,
 Прочь отъ меня удалилось.

Подъ впечатлѣньемъ позора
 Грозная дума явилась:
 Съ страшнымъ названіемъ вора
 Жизнь невозможной казалась...

Вспомнить постыдно: за водкой
 Горе забыть я старался,—
 Вотъ когда ангелъ мой кроткій
 Тихо ко мнѣ постучался.

Тихо ко мнѣ подошелъ онъ,
Мягкой, неслышной стопою,
Къ горю участія полонъ,
Тихо остался со мною.

Не удалилъ онъ позора,
Не сотворилъ онъ мнѣ чуда,
Съ тѣмъ же названіемъ вора
Также живетъ мнѣ худо;

Только ужъ рѣже мнѣ стало
Горе минувшее сниться,
И я могу, какъ бывало,
Мыслить, прощать и трудиться.

Кто жъ онъ, мнѣ давшій объятья?
Кто жъ онъ, мой ангелъ чудесный?
Мать, иль жена, или братья,
Другъ, иль посланникъ небесный?

Нѣтъ не они; но признаться,
Кто онъ, неловко мнѣ, право:
Какъ бы не стали смѣяться
Люди надъ воромъ лукаво...

Онъ и теперь все плачетъ со мною,—
О чемъ?.. я ужъ не знаю;
Самъ я своею рукою
Слезы ему утираю.

Если же, день начиная,
Вдругъ его рожу я вижу
Въ зеркалѣ, бреюсь когда я,—
Какъ я его ненавижу!

Блестящія способности и личная честность Меженинова, однако, были хорошо извѣстны въ военныхъ кругахъ, и, когда началась сербско-турецкая кампанія, генераль Черняевъ тотчасъ же предложилъ А. П. Меженинову принять въ командованіе одинъ изъ отрядовъ русскихъ добровольцевъ.

Предложеніе это Межениновъ принялъ съ восторгомъ и во главѣ дюнишскаго отряда провелъ всю кампанію, причемъ неоднократно отличался въ бояхъ и былъ самъ контуженъ. При отъѣздѣ покойнаго на родину сербскимъ королемъ ему былъ пожалованъ орденъ Такова, сербская королева Наталія пожаловала его своимъ порт-

ретомъ, усыпаннымъ брильянтами, а отъ лица сербскаго народа Меженинову была поднесена пашка съ драгоцѣнными украшеніями и съ надписью: «Храбрѣйшему изъ храбрыхъ». Кромѣ того, покойный былъ произведенъ въ генералы сербской арміи. Русскіе офицеры поднесли ему адресъ, слѣдующаго содержанія:

«Милостивый Государь
«Александръ Павловичъ!

«Провожая васъ на нашу дорогую родину, мы почитаемъ священнымъ долгомъ выразить вамъ нашу глубокую благодарность за всю вашу дѣятельность въ Сербіи, какъ боевую, такъ и мирную. Просимъ и васъ сохранить о насъ память въ сердцѣ своемъ и увѣренность, что если еще разъ раздастся гроза надъ братьями нашими, то по зову вашему мы сойдемся со всѣхъ концовъ нашей Руси, чтобы снова пойти за вами отстаивать свободу славянскую. И мы скоро пойдемъ въ нашу Русь, и тамъ, вспоминая бывшее и геройскую борьбу, сольемъ дорогое для насъ ваше имя съ этими воспоминаніями и скажемъ всегда и всѣмъ: «человѣкъ онъ былъ». Бѣлградъ, 1877 г., января 22 дня».

Идутъ подписи военныхъ. Имѣются также подписи женщинъ-врачей Раисы Святловской и Маріи Зибольдъ.

Такъ какъ въ сербской кампаніи участвовали добровольцы всѣхъ странъ, то и они, съ своей стороны, почтили «императорскаго русскаго полковника, командира русско-сербскаго дивизіона добровольцевъ» прочувствованнымъ адресомъ:

«Высокоуважаемый г. полковникъ!

«Когда мы, офицеры различныхъ національностей, собравшіеся изъ различныхъ армій (войскъ) Европы, единодушно выступаемъ, чтобы выразить вамъ, высокочтимый г. полковникъ, чувства живѣйшаго сожалѣнія вслѣдствіе нашего разставанія, то этимъ мы выполняемъ не простую формальную вѣжливость, но повинемся лишь чувству самой заслуженной благодарности и почтенія, которыя мы испытываемъ къ вамъ въ единодушномъ признаніи вашего дружественнаго, заботливаго и товарищескаго отношенія къ намъ. Воспоминанія о часахъ совместно пережитой опасности будутъ для насъ такъ же незабываемо, какъ и о тѣхъ часахъ, которые мы въ кругу товарищей имѣли честь пережить съ вами. По справедливости мы можемъ утверждать, что имя ваше въ исторіи сербско-турецкой войны стоитъ на выдающемся мѣстѣ, и съ гордостью мы будемъ обращать наши мысленные взоры на тѣ времена, которыя мы провели подъ вашимъ мужественнымъ и зоркимъ начальствомъ.

«Это воспоминаніе останется въ каждомъ изъ насъ на всю жизнь.
«Сохраните же и вы, высокочтимый г. полковникъ, на вашей
родинѣ дружеское воспоминаніе о насъ.
«Бѣлградъ. 20 января 1877 г.».

II.

Служба по вольному найму.—Стихи.—Семейная жизнь и рыцарское отношеніе Меже-
нинова къ женѣ.—Мужская честь въ семьѣ.— Стихи.

По окончаніи сербско-турецкой войны А. П. Межениновъ, при-
ѣхавъ въ Петербургъ и не имѣя правъ государственной службы,
занялъ скромную должность статистика по вольному найму въ
контролѣ Харьковско-Николаевской желѣзной дороги.

Странно было видѣть боевого генерала въ пиджачкѣ среди чи-
новниковъ за безчисленными таблицами цифръ и отчетами.

Можно себѣ представить, какую тоску и муку носилъ онъ въ
сердцѣ послѣ пережитаго на войнѣ, сидя теперь въ маленькомъ
кабинетѣ за какими-то, Богъ знаетъ, какъ составленными, карточ-
ками для такихъ же отчетовъ желѣзнодорожнымъ управленцамъ.

Поэтическимъ стихомъ онъ закончилъ одинъ изъ такихъ от-
четовъ:

Трудъ конченъ—славу Богу...
Но въ балансахъ нашихъ тайныхъ
Чортъ и тотъ сломаетъ ногу.
Дважды два — у насъ четыре,
Но позволимъ себя высѣчь,
Если кто отыщеть въ мірѣ,
Гдѣ здѣсь скрылись двѣсти тысячъ...

Съ переходомъ Харьковско-Николаевской дороги въ вѣдѣніе
казны, А. П. поступилъ въ ту же статистику по департаменту же-
лѣзнодорожныхъ дѣлъ министерства финансовъ. Здѣсь онъ про-
служилъ болѣе двадцати пяти лѣтъ по вольному найму скромнымъ
столоначальникомъ, съ величайшимъ тактомъ не дававшимъ ни-
кому почувствовать величіе своего прошлаго и прелесть литера-
турнаго дарованія.

Его преимущества чувствовались въ немъ, безъ всякаго съ его
стороны усилія и это сообщало всей его высокой и крупной фигурѣ
мягкое нравственное обаяніе.

Отбывъ дневныя обязанности по службѣ, А. П. уже принадле-
жалъ всецѣло обществу, въ которомъ у него были обширныя зна-
комства, и литературѣ, для которой онъ совершенно пропалъ бы,
если бы я не настоялъ подарить мнѣ многія его стихотворенія, чи-
танныя неоднократно имъ у меня среди литераторовъ и во мно-
гихъ другихъ домахъ, гдѣ его поэтическія произведенія, необычно-

венно удачныя для семейнаго чтенія, всегда производили живой восторгъ среди присутствовавшихъ и силой мысли, и изяществомъ формы.

Въ области поэтическихъ идей онъ нашель опору жизни, отдавшия «музамъ» исключительно.

Онъ самъ о себѣ пишетъ въ одномъ изъ своихъ стихотвореній:

Я, извѣстно, отъ рожденья—
Обездоленный солдатъ,
Возсѣдая въ укрѣплены
Департаментскихъ палатъ,

Подвожу усердно счеты
Пассажировъ и свиней
И съ восторгомъ чту субботы,
Какъ канунъ воскресныхъ дней.

Въ эти дни я замки строю:
То король я, то корнетъ...
Вызываю въ бой съ собою
Злобу тьмы и грязный свѣтъ.

Семейная его жизнь не вытанцовывалась, хотя я увѣренъ, что въ душѣ онъ всю жизнь былъ преданъ своей женѣ.

Разговоръ о ней онъ сводилъ на общую почву объ аристократкахъ, любящихъ блестящее положеніе съ мужемъ въ обществѣ и предпочитающихъ изъ гордости, въ случаѣ разоренія или служебнаго скандала съ мужемъ, удалиться изъ этого общества и жить на оставшіяся сбереженія у себя въ усадьбѣ или за границей, болѣе скромно, безъ обязательствъ поддерживать прежній свѣтскій режимъ жизни передъ своими знакомыми и родными.

Разлукъ съ женой онъ всегда придавалъ принципиальный характеръ и ни въ чемъ никогда не упрекалъ ее.

Онъ всегда умѣлъ придать мягкій и гуманный характеръ своему одиночеству.

— Жена лечится за границей,—отвѣчалъ онъ на вопросъ о ней.—У нея свои средства, и она оставила меня, не обременяя собою ни моего кармана, ни моей свободы. Я, съ испорченной карьерой по службѣ, не могъ быть блестящимъ генераломъ, какимъ обѣщаль быть съ первыхъ шаговъ моей службы... А скромныя занятія по желѣзнодорожной статистикѣ и стишки ночью, со слезами пополамъ, конечно, очень далеки отъ идеала свѣтской женщины... Я одинъ виновникъ ея неудовлетворенности, и мы разѣхались, какъ только разѣхалась и вся моя жизнь, въ разныя стороны. Не случись со мной несчастія на службѣ и не будь я опозоренъ на ней за

мою довѣрчивость къ людямъ, я былъ бы, можетъ быть, гдѣ-нибудь генераль-губернаторомъ, а теперь я только мыслящій человекъ, и жизнь моя идетъ по другому направленію. Я сдѣлался труженникомъ, сошелся съ литературными кружками, сталъ интересоваться книгами и, право, не жалѣю въ своемъ одиночествѣ о томъ, что чувствую себя болѣе поэтомъ, чѣмъ генераль-губернаторомъ... О женѣ вспоминаю, какъ о чудной и красивой женщинѣ, имѣвшей всѣ права на лучшую жизнь, чѣмъ со мной; пишу ей за границу стихи, и, когда чувствую утрату семейной жизни, тогда мои стихи къ ней искреннѣе и остроумнѣе...

По поводу ея указанія на дороговизну жизни за границей и иногда на недостатку денегъ, онъ отвѣчалъ ей слѣдующими стихами:

Ш и ш и.

(Изъ заграничной переписки).

Когда въ дни юности встрѣчался я съ тобою
И изливалъ въ стихахъ волненіе души,
Ты говорила мнѣ, съ улыбкой дорогою:

Пиши, пиши!

И риѣмы звонкія изъ сердца набѣгали,
Съ созвучіемъ любовь мѣшалась горячо,
А милыя уста настойчиво шептали:

Еще! еще!

Прошли года, и вотъ, моя подруга,
Ты пишешь изъ своей возлюбленной глуши,
Что мы въ карманѣ видимъ другъ у друга

Одни шиши...

О, для чего попало это слово
Въ минуту злую подъ твое перо?
Оно, конечно, прежде было ново,

Теперь—старо...

Въ Россіи шишь у всѣхъ на днѣ кармана,—
Вѣдь это нашъ національный плодъ...

Онъ каждый годъ, подъ звуки барабана,

Растеть! растеть!

Пускай Катковъ намъ доказать стремится,
Что на Руси наступить «гладь да тишь»,—
Что родина славянъ не можетъ превратиться

Въ огромный шишь.

Но если вдругъ да лопнетъ шишь огромный?

Я на законъ исторіи сошлюсь,—

Вѣдь онъ зальетъ своею кровью темной

Святую Русь.

Тогда кудесники не уврачуютъ горя
 Продажною и поздною слезой,
 И пронесется вопль, какъ въ бурю волны моря:
 Разбой! разбой!

А тутъ еще Аксакова Ивана
 Намъ Богъ послалъ въ душевные врачи,
 И некому сказать на проповѣдь болвана:
 Молчи... молчи!

Съ тоской въ душѣ, въ смиреніи великомъ,
 Предъ дикой силою цензурнаго пера,
 Мы протестуемъ только рабскимъ крикомъ:
 Ура! ура!

И въ этихъ подвигахъ смѣшныхъ и простодушныхъ
 Все общество слилось въ безсильное зерно...
 И, потому «во облацѣхъ воздушныхъ»—
 У насъ темно!

О другъ! Взявъ во вниманье грустную картину.
 Любовь къ отечеству храни въ своей груди;
 И вдалекѣ пока, на солнцѣ грѣя спину,
 Сиди! сиди!

Смочивъ свой милый ликъ слезою благородной,
 Молись, чтобъ правду Богъ поставилъ на Руси
 И виноградный сокъ Швейцаріи свободной
 Соси! соси!

Межениновъ никогда не касался отрицательныхъ сторонъ изъ своей жизни съ женой и всегда старался выставить ее существомъ очаровательнымъ и значительно лучшимъ, чѣмъ онъ самъ.

Точно находя у себя точки соприкосновенія съ Ив. Серг. Тургеневымъ по семейному дѣлу, онъ неоднократно замѣчалъ:

— Про Полину Віардо часто говорятъ, что она отняла Тургенева у Россіи, и что тотъ, жертвуя очень многимъ чужестранкѣ, получаетъ отъ нея очень мало взаимности и т. д. Всѣ эти пересуды о чужой семейной жизни крайне трудно подтвердить и едва ли даже это нужно... П. Віардо легко можетъ сказать, что Тургеневъ остается «вдыхателемъ» въ ея семьѣ добровольно, что иное предположеніе объ этомъ писателѣ оскорбительно для него, и что, какъ истинный рыцарь, онъ былъ бы несчастливъ, если бы не могъ заботиться матеріально о ней и ея семьѣ, гдѣ онъ провелъ лучшую половину своей жизни, и т. д.

Межениновъ точно оправдывался передъ женой, которая проживала вдали отъ скорбнаго поэта и лишала его своего присутствія. Невольно представляешь себѣ его бѣднымъ романтикомъ 40-хъ годовъ, поэтически любящимъ женщину и боящимся самому себѣ признаться въ увеличенномъ обожаніи ее. Этотъ типъ «обо-

жателя», съ всепрощающей материнской любовью къ женщинѣ, по преимуществу сложился въ духовно-высокой литературной средѣ, несмотря на большинство здѣсь неудачныхъ семей. Развѣ, на самомъ дѣлѣ, любовь Герцена къ его «Natalie» и до Гервега и послѣ Гервега — не была воплощеніемъ философско-поэтического обожанія мужемъ женщины? А между тѣмъ жена Герцена была суетвѣрна, мистически настроена, религіозна, какъ самая простая баба; отравляла ему жизнь сценами ревности и въ концѣ концовъ сама увлеклась къ чуждому ей человѣку обычной страстью, всегда болѣе слабѣйшей, чѣмъ многолѣтняя дружба, привычка и привязанность къ мужу... Однако для Герцена она такъ и осталась обожанной и святой женщиной.

А любовь Чернышевскаго къ Ольгѣ Сократовнѣ—развѣ не полна рыцарства, несмотря на то, что послѣдняя всегда предпочитала свѣтскія удовольствія всѣмъ его литературнымъ и политическимъ идеаламъ? А мечты Бѣлинскаго и Добролюбова о женщинахъ—развѣ не столь же высоки?

Дѣйствительность никогда не соотвѣтствовала мечтамъ подобныхъ людей... Любовь Тургенева, Герцена, Чернышевскаго была рыцарскимъ самовнушеніемъ о томъ, что избранная ихъ сердцемъ женщина всегда прекрасна и никогда не должна предстать передъ ихъ восхищенными взорами обыкновеннымъ существомъ, какими являются въ семьяхъ наши женщины.

Какъ болѣе сильное существо, мужчина сильнѣе боялся растерять свои иллюзіи о женщинѣ и всегда хотѣлъ видѣть ее въ благородномъ освѣщеніи. Его мужская честь выражалась въ томъ, чтобы сохранить идеализмъ любви до конца дней и гнать прочь изъ своей памяти все, что могло бы уронить этотъ идеаль жизни.

Власть идеала господствовала надъ его поведеніемъ, и тамъ не было мѣста для клеветы на женщину или правды, что хуже всякой лжи... Честь мужская заключалась въ томъ, чтобы не уронить этотъ идеаль и въ жизни съ женщиной. Гордость и самолюбіе не позволяли ему замѣтить темныя пятна на солнцѣ, и онъ былъ всю жизнь ослѣпленъ имъ... Ему трудно было и послѣ разочарованія въ женщинѣ не назвать ее «земнымъ ангеломъ»... Такова мужская честь въ семьѣ. Правда, это было самолюбіе высшей марки, которымъ и долженъ быть исполненъ джентельменъ-мужчина.

Таково самолюбіе было и у А. П. Меженинова... Онъ поддерживалъ эту «мужскую честь» во всѣ годы своего безсемейнаго житія, всякій разъ скрашивая свое мучительное положеніе передъ женой плѣнительнымъ стихомъ объ ея красотѣ и душевной, и тѣлесной.

Получивъ изъ-за границы ея портретъ, онъ тотчасъ же написалъ стихотвореніе «Передъ портретомъ»:

Изъ-за плетня, поднявши высоко
Свой загорѣлый носъ, какъ чопорная дама,

Съ улыбкой смотришь ты передъ собою прямо,
И точно говоришь: «мнѣ дышится легко...
Здѣсь нѣтъ урядниковъ, нѣтъ пугачевскихъ башенъ,
И только громъ небесъ въ Швейцаріи намъ страшень».

На твой портретъ любясь—я молчу...
Живя въ странѣ газетныхъ запрещеній,
Отвыкли думать мы, и намъ лишь по плечу
Понятія о пользѣ «средостѣній».
Зато мы, по причинѣ ясной и простой,
Громъ слышимъ также—но совѣмъ другой.

Не правда ли, что въ ощущеньяхъ этихъ
Есть жизни много для веселаго ума?
Да жаль, нельзя подробнѣй разсмотрѣть ихъ
Въ ажурныхъ рамкахъ этого письма:
Чтобъ не вводить во искушенье око брата,
Въ листкахъ почтовыхъ лучше выразаться сжато.

Прими жъ признательность за присланный портретъ,
Онъ въ душу мнѣ дохнулъ весеннею порою
Тѣхъ приснопамятныхъ и невозвратныхъ лѣтъ,
Когда одну тебя я видѣлъ предъ собою:
Не зналъ ни подлостей, ни злобы, ни тревогъ,
И вѣрилъ, что сидитъ на небѣ гдѣ-то Богъ.

Далѣе поэтъ говорить, что теперь его жизнь измѣнилась и онъ старается забыть свое прошлое показнымъ безпутствомъ и развратомъ среди афишъ:

. . . . .

Тутъ Филипо, тамъ Зарина, здѣсь «Циркъ изъ Ниццы»,
Сады, театры, острова и полуголья пѣвицы!
Начнешь читать и соблазнишься вдругъ,
Чтобъ угодить властямъ, чортъ знаетъ гдѣ бываешь...
За что же ты меня, несправедливый другъ,
Такъ поведеніемъ жестоко укоряешь?
Причина тутъ не легкомысліе, не страсть,—
Я просто патріотъ и уважаю власть.

Въ моихъ шатаніяхъ нѣтъ пошлыхъ увлеченій,
И взоры строгіе возлюбленной жены,
Подъ впечатлѣніемъ жестокихъ подозрѣній,
Въ другую сторону совѣмъ обращены.
И даже ты разгнѣвана настолько,
Что подписалась на письмѣ: «Маруся»,—только.

Тутъ ясно не хватаетъ словъ «твоя жена»...
 Но признаюсь, ты поступила очень мило,
 И доказала, въ сотый разъ,
 Какъ ты умна, тѣмъ, что права супружества забыла...
 Въдь если разсудить по истинѣ и здраво,
 Въ супружествѣ не долгъ, а страсть рождаетъ право.

Ахъ, слишкомъ холоденъ въ своей любви супругъ!
 Что для него восторгъ самозабвенья?..
 Но, разбираясь въ прошломъ, милый другъ,
 Душа моя полна блаженнаго смятенья:
 Любовникъ я и мужъ... и мнѣ признаться,
 Смертельно хочется любовникомъ остаться.

Конечно, я шучу, впадая въ этотъ тонъ,
 Желая обойти въ любви законъ природы;
 Представь, что я заснулъ и вижу сладкій сонъ,
 Чтобъ кой-какъ облегчить житейскія невзгоды.
 Ахъ, въ бурю осени намъ возвращаютъ сны
 Все обаяніе и прелести весны!
 Да, только въ снахъ однихъ мы видимъ утѣшенье...
 Не потому ль и Русь такъ долго крѣпко спитъ,—
 И беззащитную за долгое терпѣнье
 Сама судьба невидимо хранить?

Онъ пользуется каждымъ случаемъ, чтобы вспомнить жену въ самомъ лучшемъ для нея освѣщеніи и сказать ей пару добрыхъ словъ. Когда за поимку политическаго преступника Дегаева была назначена сумма въ 10.000 рублей, Межениновъ написалъ стихотвореніе:

10.000 за человѣка.

Не думая о томъ, что въ простотѣ своей
 Народъ тяжелымъ днемъ считаетъ понедѣльникъ,
 Я въ воскресенье вечеромъ, вернувшись изъ гостей,
 Легъ не желая спать, какъ истинный бездѣльникъ.

Далеко за полночь я наконецъ уснулъ,
 Окутавшись тяжелымъ пледомъ съ головою,—
 И, вдругъ, почувствовалъ, что на меня дохнулъ
 Осенній вѣтерокъ холодною струею.

Откуда, какъ и что?.. Гляжу—передо мной
 Стоитъ Дегаевъ въ ясѣ, съ петлею на шеѣ,
 И говорить:—Я здѣсь стою, братъ милый мой,
 Чтобъ случай дать тебѣ разбогатѣть скорѣе:

Даетъ начальство десять тысячъ за меня—
Вяжи! И онъ покорно протянулъ мнѣ руки...
Я, цапъ-царапъ... ищу ремень, но нѣтъ ремня.
И я жестока переживаю муки.

И, вдругъ, о Господи! Дегаевъ мой исчезъ...
Я Марью Николаевну держу передъ собою:
Такъ, въ древности, для искушенья, хитрый бѣсъ
Явился схимнику прелестнѣйшей женою.

Чудеснымъ волшебствомъ ночь превратилась въ день;
Сквозь потолокъ на небѣ солнце заблестало;
И милой женщины плѣнительная тѣнь
Укоромъ совѣсти мнѣ душу взволновала.

Такъ вотъ кого хотѣлъ я по рукамъ связать?..
Къ кому съ преступной цѣлью дерзко прикоснулся?..
И, въ смертномъ ужасѣ, не зная, что начать,
Я крикнулъ: «пощади!»... и, къ счастью, проснулся.

Но наяву не разъ хотѣлъ я подемотрѣть
Все ту же тѣнь въ тяжелый понедѣльникъ;
Такъ на цѣпи къ столбу прикованный медвѣдь
Мучительно глядитъ на недоступный пчельникъ.

Всякій разъ, берясь за перо, одинокій поэтъ не можетъ забыть
женщины, которой отдалъ лучшіе годы молодой жизни.

Въ альбомѣ.

Скиталець межъ людей, я видѣлъ зла такъ много,
Что въ жизни многое призналъ я за химеры;
Отвергнувъ я существованье Бога,—
И жилъ въ тоскѣ безъ упованія и вѣры.

Но въ поученье мнѣ, передъ моимъ лицомъ,
Господь явилъ, вдругъ, чудо явно:
Я васъ увидѣлъ, Марья Николаевна,
И Господа призналъ плѣнительнымъ творцомъ.

Такой чарующей женщиной осталась жена въ его воображеніи,
и онъ вспоминаетъ объ этомъ, между прочимъ, даже подъ старость...
Онъ говоритъ:

Полсотни лѣтъ большое бремя...
Его на плечи наваливъ,
Я разсуждаю: въ наше время
Вдва ль кто можетъ быть счастливъ.

Нѣтъ, оглянувшись на дорогу
И вспомнивъ, что пережито,
Я убѣждаюсь понемногу,
Что многое не то.

Погода съ каждымъ годомъ хуже,
И урожай теперь не тотъ;
Мы всё безъ денегъ, и, къ тому же,
Пошешь шпионничать народъ...
Сокъ нашей лучшей молодежи
Честь не считаетъ ни во что;
Все стало вчетверо дороже...
Нѣтъ, противъ прежняго не то.

У дамъ совсѣмъ не та манера,
Въ бесѣдѣ нѣтъ былой души,
Табакъ, поэзія, мадера
Теперь не такъ ужъ хороши.
Бывало, чуть супруга Маша
Пришла домой, сняла пальто,
Я весь въ огнѣ... Ну, воля ваша,
Теперь не то, теперь не то.

Виртуозность стиха онъ довелъ до того, что въ день именинъ
своей жены онъ написалъ ей:

Именинницѣ 26 января 1899 г.

Я получилъ твое посланье.
Ты зло умѣла подсчитать
Всѣ числа моего молчанья,—
Дозволь же въ цифрахъ отвѣчать.
Е 2 ль меня разочаруешь,
Вну 3 меня любовь къ стихамъ;
Меня же нын 4 внуешь
О 5 къ поэзіи богамъ.
У нихъ однихъ я въ полной власти,
Клянусь тебѣ, что вы 6 расти
Къ стихамъ нѣтъ въ мірѣ. Знай о 7!
И если ревность ты забудешь,
То божест 8 симъ будешь
И миръ внесешь въ дворянскій домъ!
Да и въ быломъ не всѣхъ я хуже,
Хотя грѣховъ не перечешь,
Но ты простишь сѣдого мужа,
Припомнивъ цифру 26.

III.

Поклоненіе женщинамъ и стихи.—Экспромты.

Рыцаремъ онъ былъ не только въ отношеніи отсутствующей жены, но и къ постороннимъ женщинамъ онъ старался быть самымъ восторженнымъ поэтомъ. Это, впрочемъ, едва ли не портило женщинъ, принимавшихъ всегда за чистую монету поэтическія вольности и красоты его пера, посвященные ихъ имени.

Такъ, одному подростку онъ пишетъ:

Росли вы дѣвочкой бѣдовой,
Я вамъ конфеты покупалъ
И въ день рожденья и въ годъ новый
Васъ безъ цензуры цѣловалъ.

Вы это помните едва ли,—
И потому въ шестнадцать лѣтъ
Мнѣ въ день рожденья заказали
Ужъ не конфеты, а куплетъ...

Я радъ, что стихъ мой—вамъ забава;
Но вотъ что грустно мнѣ сознать,
Что безъ вины лишень я права
Васъ, какъ бывало, цѣловать.

Растетъ дѣвушка и выходитъ замужъ, онъ не оставляетъ ее стихами даже въ день собственныхъ именинъ:

Къ дню именинъ отъ васъ я получилъ привѣтъ,
Которымъ возвеличенъ былъ не въ мѣру,
Но тѣмъ труднѣй создать признательный отвѣтъ
Мнѣ,—исключенному изъ службы офицеру.
На подкрѣпленіе зову и рюму и мечту,
Гоню въ толчки за дверь житейское ненастье,—
И радостно твержу: вниманье ваше чту,
Какъ исключительное счастье.

Въ день именинъ одной изъ Еленъ онъ пишетъ также восторженно ей:

21 мая—Еленѣ.

(Письмо).

Въ душѣ не вѣдая измѣны,
Я, въ двадцать первое число,
Чту торжество родной Елены—
Еленѣ греческой на зло.

Желаю вамъ, чтобъ день шумливый
 Васъ утомилъ бы лишь слегка,—
 Чтобъ драпировкою красивой
 Убрали небо облака.
 Чтобы семейною картинкой
 Вы щегольнули бьь средь гостей,
 Чтобъ вашъ пирогъ съ родной начинкой
 Дошелъ бы въ печкѣ поскорѣй;
 Чтобъ чаще повторялось: горько!
 Чтобъ весель былъ тарелокъ звонъ,—
 И чтобъ, въ постели, ранней зорькой
 Васъ осѣнилъ здоровый сонъ.

Въ «Варваринъ день» (4 декабря) онъ также торопится настроить лиру въ честь именинницы:

Въ дни древніе Кесарь воскликнулъ: «О, Варъ, Варъ!
 Отдай мнѣ мои легіоны!»
 Въ дни наши мы тоже даримъ слово «варваръ»
 Тому, кто обходить законы.
 Но есть еще люди подлѣйшаго сорта,
 Достойные варварской кары...
 Но я, отсылая предателей къ чорту,
 Пою именины Варвары!

Къ любой изъ дѣвушекъ онъ умѣлъ подойти съ очаровательнымъ акростихомъ:

Лестъ не проложить путь въ сердце къ тебѣ,
 Южный цвѣтокъ въ похвалахъ не нуждается,
 Будь же счастлива въ грядущей судьбѣ,
 Авторъ безмолвно тебѣ поклоняется...

Въ своей безсемейной жизни съ неудовлетворенной душой онъ, конечно, много грѣшилъ и множеству актрисъ посвятилъ одни и тѣ же стихи:

Провинціальной актрисѣ.

Носикъ курносый, усмѣшка во взорѣ,
 Съ дѣтской припрыжкой походка,
 Въ голосѣ тембръ, отрицающій горе,
 Первая въ мірѣ трещотка.
 Пустится въ плясъ, такъ ужъ пляшетъ до боли;
 Брови нахмурить, а губы смѣются...
 Вотъ почему всѣ глупѣйшія роли
 Ей хорошо удаются.

Такъ же ль на жизнь теперь смотритъ безопасно
 Этотъ чертенокъ—не знаю;
 Но поцѣлуй нашъ прощальный сердечно
 Я до сихъ поръ вспоминаю.

Многія «Терпсихоры» могутъ похвастаться его стихотвореніями, посвященными имъ:

Въ уборную вашу вступая,
 Нахаль я, конечно, большой,
 Но я вамъ принесъ, дорогая,
 Единственный мой золотой...
 И стала бы жизнь мнѣ дороже
 И праздникъ мнѣ былъ бы большой,
 Когда бъ вы шепнули мнѣ тоже:
 «Единственный! Мой! Золотой!»

Лирическія и гражданскія стихотворенія перемѣшиваются у Меженинова поэтическими шутками, остротами, разсыпаемыми имъ на званыхъ вечерахъ, за ужиномъ и въ частныхъ письмахъ къ многочисленнымъ лицамъ. Часто стишки писались имъ одни и тѣ же разнымъ лицамъ, въ особенности женскаго пола, и эти стишки играли немалую роль въ его многочисленныхъ романахъ. Меня всегда удивлялъ въ немъ его успѣхъ среди женщинъ, такъ какъ я зналъ, что его увлеченія за послѣдніе годы—самыя платоническія и отвлеченныя... А между тѣмъ женщины искренно добивались его вниманія и поклоненія.

Множество ходитъ по этому случаю анекдотовъ и рассказовъ про него...

— Стишки! Стишки создаютъ эту атмосферу влюбленности!—призналась одна барышня въ дамскомъ обществѣ.

— Наше любопытство, а не стишки, можетъ быть?—спросила болѣе пожилая изъ нихъ.

— Не браслетки ли?—перебила третья, уже съ завистью въ голосѣ.

— Онъ очень воспитанный человѣкъ,—отвѣтила первая обидчиво.—Онъ знаетъ, что браслеты не дарятъ постороннимъ женщинамъ...

— Исключая, какъ съ брильянтами!—перебила та.

— Или со стихами,—стозвалась новая собесѣдница.

Она вскинула кверху хорошенькую ручку съ дешевымъ браслетомъ и очень мило продекламировала посвященіе (ей) чувствъ поэта:

На бѣломъ свѣтѣ съ давнихъ поръ,
 Чуть кто проштрафится отъ скуки,
 Сейчасъ коварный прокуроръ
 Ему заковываетъ руки...

Въ чемъ вы виновны—мнѣ сказать
 Неловко, какъ-то, въ мои годы...
 Позвольте жъ молча васъ сковать,
 Но цѣнью дружбы и свободы.

— Прелестно! Но мнѣ гораздо лучше посвящены стихи,—не выдержавъ тайну, воскликнула ея сосѣдка.—Онъ тоже подарилъ мнѣ зонтикъ и какъ было не принять его съ такими красивыми стихами...

Когда къ вамъ солнце, въ ранній часъ,
 Забраться въ спальную посмѣетъ
 И zalюбуется на васъ,—
 Оно отъ зависти краснѣетъ...
 Но вы изъ жалости простой
 Глядите вскользь на это дѣло:
 Носите зонтикъ надъ собой,
 Чтобъ солнце въ полдень не краснѣло...

— Вотъ прелесть!—воскликнули дамы и дѣвицы, покоренныя талантомъ поэта.—Какъ все это льститъ намъ и вмѣстѣ благородно... Онъ все цѣнитъ въ насъ, какъ исключительное счастье. Такъ много въ немъ воображенія... Оно замѣняетъ молодость.

Въ послѣднiе годы онъ волочился за женщинами, конечно, такъ сказать, «изъ деликатности», но всегда съ стихами и подарками...

На дняхъ сидѣлъ я безъ куренья
 И проливалъ потоки слезъ,
 Вдругъ вы прислали въ утѣшенье
 Мнѣ сотню чудныхъ папирозъ.
 Такой поступокъ коммунизма
 Рай насаждаетъ на землѣ,—
 И я спѣшу, въ чаду лиризма,
 Вамъ предложить конфетъ Балле.

Другой дамѣ онъ пишетъ не менѣ мило:

Хоть я сердцемъ и порочень,
 Хоть, увы, мнѣ много лѣтъ,—
 Но, клянусь, я счастливъ очень,
 Что имѣю вашъ портретъ.
 Если долго не встрѣчаться
 Намъ назначено судьбой,
 Я имъ буду любоваться,
 Какъ сокровищемъ скупой.

На вечерахъ именинныхъ и просто званыхъ у него всегда были готовы экспромты для дамъ:

Экспромтъ № 1.

Во времени библейскомъ
 Есть примѣры намъ;
 Въ Канѣ Галилейскомъ
 Пилъ Господь за дамъ.

Если всѣ мы Бога
 Вѣрные сыны,
 То примѣру строго
 Слѣдовать должны.

Первый въ жизни дамы
 Былъ рабомъ Адамъ:
 Чѣмъ мы не Адамы?
 Пьемъ за нашихъ дамъ!

Экспромтъ № 2.

Ольгинъ день—для насъ день райскій.
 Онъ смочилъ насъ дождичкомъ...
 Въ этотъ день поэтъ зарайскій
 Васъ привѣтствуетъ стихомъ.
 Дай Господь всего вамъ много
 Самой щедрою рукой;
 Пусть вамъ въ будущемъ дорога
 Ляжетъ лентою прямой.
 И я, грѣшникъ, «ветхій днями»,
 Чтобъ людей не насмѣшилъ,
 Чтобъ, порой встрѣчаясь съ вами,
 Здравымъ сердце сохранилъ....

Экспромтъ № 3.

Безъ причины неба кары
 Мучать нашъ Зарайскій край;
 Инфлюэнція, пожары,
 Всѣхъ тревожать, то и знай...
 Но есть худшія напасти,—
 Хитрой Евы грозный даръ:
 Этотъ даръ людскія страсти,
 Сердца бѣднаго пожаръ.
 Сколько жгутъ мужчинъ несчастныхъ
 Дамы медленнымъ огнемъ;
 Но за этихъ дамъ прекрасныхъ
 Мы всегда безъ злобы пьемъ.

Хоть глубоки сердца раны
Отъ рукъ Евы дочерей,—
Эй, мужчины! вверхъ стаканы
Въ честь прелестныхъ палачей.

Экспромтъ № 4.

(Въ альбомѣ).

Листья желтые опали,
И, открытъ глаза не смѣя,
Солнце, точно какъ изъ стали,
Въ тучкахъ плаваешь не грѣя...

Сердцу скучно, сердцу больно;
И въ мучительной истомѣ
Оно просится незольно
Отдохнуть у васъ въ альбомѣ.

Экспромтъ пѣвицѣ Леоновой № 5.

Взгляните на Минаева,
Качаетъ отъ вина его,
Какъ лодку въ бурный шквалъ...
Но спѣла намъ Леонова,
И другъ вина зеленого
Баяномъ трезвымъ сталь.

Экспромтъ Розенталю № 6.

Могу я много пить и не бываю цѣлянь,
Но веселѣй всего мнѣ пьется вмѣстѣ съ вами:—
Спасибо, Розенталь, вамъ за моихъ славянь,
За красный крестъ, за книжку съ вашими стихами!
Примите жъ отъ меня душевный мой привѣтъ,
Какъ дань глубокой, крѣпкой дружбы,—
Онъ слабъ поэзіей, да я вѣдь не поэтъ,
Я доброволецъ сербской службы!

Экспромтъ «На свадьбѣ Юнина» № 7.

(Русскій посланникъ въ Черногоріи).

На свадьбахъ старинныхъ, за чашей вина,
Любили въ рѣчахъ аллегоріи;
Такъ пусть же не колетъ мнѣ глазъ старина.
Я пью за алмазъ Черногоріи.

Экспромтъ «Предъ историческимъ портретомъ» № 8.

Ты подлый человѣкъ!.. Но свѣтъ
 Тебя иначе знаетъ:
 Да такъ и быть должно—портретъ
 Души не выражаетъ...

Поэтическіе экспромты и сарказмы Меженинова касались не-
 рѣдко злободневныхъ вопросовъ. Онъ очень зло восклицалъ за
 многочленнымъ ужиномъ:

Кричать готовы мы «ура»
 И славить въ молитвахъ святителей,
 За то въ столицѣ Петра
 Полиціи больше, чѣмъ жителей...

По поводу «скерневицкаго свиданія» онъ произнесъ:

Вильгельмъ и Бисмаркъ «маклеръ честный»
 Ужасно начали финтить;
 Они создали планъ чудесный—
 Всѣхъ русскихъ въ нѣмцевъ обратить.
 Хотя мы не противъ иноземцевъ,
 Но ѣсть сосисокъ не хотимъ,
 И всѣхъ сановныхъ нашихъ нѣмцевъ
 Имъ съ наслажденьемъ отдадимъ...

Вотъ чары, которыми Межениновъ привлекалъ къ себѣ не только
 женщинъ, но и мужское общество.

Онъ всегда умѣлъ польстить молодости. Мнѣ трудно забыть
 его милые стихи, посвященные мнѣ вскорѣ по моемъ выходѣ изъ
 Петропавловской крѣпости много лѣтъ тому назадъ...

Современная баллада.

Желая взглянуть на разряженныхъ львицъ,
 Бродилъ я по заламъ базара,
 И вдругъ, среди важныхъ, напыщенныхъ лицъ,
 Мелькнула мнѣ милая пара.
 Курсисткою бойкой, по стилю манерь,
 Смотрѣла красавица дама.
 И съ явнымъ восторгомъ ея кавалеръ
 Смотрѣлъ въ ея глазки упрямо....
 Однако, бравирюя, блѣденъ былъ онъ,
 Знать, въ жизни ему натерпѣлось,—
 И мнѣ, нарушая приличья законъ,
 Подслушать ихъ рѣчь захотѣлось.

Вотъ юная пара къ столу подошла,
Гдѣ шумно тѣснилися франты;
На этомъ столѣ, подъ охраной стекла,
Сіяли огнемъ брилліанты.
И вскрикнула дѣва, взирая кругомъ:
«Который изъ камней подъ этимъ стекломъ,
Скажите мнѣ, будетъ дороже?»
«Нагнитесь,—шепнулъ онъ,—нагнитесь скорѣй!...»
Курсистка наивно нагнулась,—
И ей подъ стекломъ, съ яркимъ блескомъ очей,
Свое же лицо улыбнулось.

IV.

Правда о женщинахъ.

Въ посланіяхъ къ дамамъ онъ могъ иногда и правдой обмолвиться
о нихъ, когда говорилъ имъ:

Скучны пѣсни мои, хоть бурливы до дна,
Какъ клико въ свѣтлой грани бокала;
Мнѣ, лѣтъ двадцать назадъ, баронесса одна
Ихъ изъ сердца легко выжимала.
Мои пѣсни тогда лились яркимъ ключомъ
Подъ живымъ удивительнымъ взглядомъ,
И горячее сердце въ безумьи своемъ
Наполнялось и адомъ и раемъ.
А теперь въ моихъ пѣсняхъ не тотъ ужъ букетъ,
Огонекъ въ нихъ не тотъ ужъ играетъ;
Горе жизни давно помутило ихъ цвѣтъ
И ихъ слушать никто не желаетъ...
Да и люди не тѣ, какъ кругомъ поглядишь,
Занялись всѣ усердно регрессомъ,
А у дамъ и дѣвицъ служить только барышъ
Винограду сердечному прессомъ.

У поэта дамы даже «На кладбищѣ» ведутъ себя весьма подозрительно...

«Петръ Ильичъ! оставьте, ради Бога!
«Петръ Ильичъ, оставьте, говорить...
«Посмотрите, какъ народу много;
«Здѣсь жилище мертвыхъ, а не садъ...
«Фу, какой... Какъ крикну—берегитесь.
«Тетя мигомъ явится на кличъ...
«Отскочили... Полноте, садитесь!...
«Ахъ, какой вы робкій, Петръ Ильичъ...

(Съ натуры).

Идеализируя въ общемъ женщину, когда она была—душой ребенокъ, а умомъ—взрослый человекъ, поэтъ отлично сознавалъ въ ней и обратное сочетаніе качествъ. При всей его снисходительности къ женщинѣ, онъ желчно отзывался о ней «Въ гостиной».

Бронза, бархатъ и кипсеки,
Все роскошно и уютно;
Въ этотъ рай гостепріимный
Входятъ гости поминутно.

Смѣхъ, остроты и улыбки,
Все здѣсь ловко и прилично,
Каждый гость законы свѣта
Съ дѣтства вѣдаетъ отлично.

Но милѣ всѣхъ хозяйка.
Увлекаясь пюнемножку
Разговоромъ, какъ изящно
Она выставила ножку.
Вотъ сталь видень и край юбки...
Что за чудные бордюры,—
Ужъ навѣрно эту прелесть
Въ пальцахъ вышили амуры.

Эти хитрые узоры
Для мужчинъ всегда пріятны,
Но, какъ надпись саркофага,
Не для каждаго понятны.

Я, къ несчастью, эту надпись
Разбирать сталъ очень рано:
И теперь на этой юбкѣ
Вижу ясно два романа.

Въ первомъ—жизнь съ безумнымъ мужемъ,
Съ юныхъ лѣтъ расчетъ позорный;
Во второмъ—подлецъ любовникъ,
Звону золота покорный.

Онъ хорошо зналъ типъ и развратно-добрыхъ, и развратно-безсердечныхъ женщинъ. Для послѣднихъ у него было стихотвореніе, написанное въ подражаніе,—«Нищій».

Въ церковной оградѣ, безъ шапки, больной,
Прося о кускѣ черствой пищи,
Съ слезами моленья, съ поднятой рукой,
Стоялъ въ ветхомъ рубищѣ нищій.

Но не даль никто; и глаза старика
 Съ упрекомъ взглянули на небо...
 И вотъ, наконецъ, протянулась рука—
 Но камень упалъ вмѣсто хлѣба.

Не такъ ли и ты мнѣ за слезы тоски,
 За долгіе годы терпѣнья,
 Ни разу не двинула гордой руки,
 Чтобъ дать мнѣ хоть знакъ сожалѣнья.
 И гордости ложной глубоко полна,
 Придавъ глупой сплетнѣ значенье,
 Какъ ночь непривѣтна, какъ ледъ холодна,
 Бросаешь мнѣ камень презрѣнья.

«Изъ Петербургскихъ мотивовъ» онъ возсоздалъ картину еще болѣе печальной жизни:

Невскимъ проспектомъ вчера я бродилъ,
 Желчный, убитый, печальный...
 «Дай мнѣ любви»,—я небо просилъ—
 «Чистой, святой, идеальной».
 Небо услышало вопли мои
 И мнѣ устроило сцену...
 Слышенъ былъ голось: «если жаждешь любви,
 «Надо впередъ сказать цѣну».

Правда, и къ этимъ женщинамъ Межениновъ относился всегда дружелюбно, зная отлично ихъ исторіи. На эту тему онъ перевелъ нѣсколько вольно изъ Лонгфелло «Хохотъ мертвецовъ»:

Говорятъ мудрецы, жизнь загробная есть,
 Что мы тѣломъ однимъ умираемъ;
 Что нашимъ душамъ дана высшая честь—
 Разбираться межъ адомъ и раемъ;
 Если жъ вздумаемъ мы на могилахъ присѣсть,
 Говорятъ,—что мы прахъ попираемъ.
 Приходилось не разъ мнѣ вечерней порой
 Наблюдать,—когда тѣни сливались
 Въ одинъ общій тяжелый покровъ надо мной,
 А на небѣ огни загорались,—
 Какъ на кладбищѣ мрачномъ, надъ жизнью земной
 Мертвецы подъ землей издѣвались.

Разъ влюбленные робко сошлись при лунѣ;
 Они долго въ смущеньи молчали,
 Но потомъ зашла рѣчь о грядущей веснѣ,
 О свиданьи на будущемъ балѣ.

Они скрылись въ тѣни, и почудилось мнѣ—
 Мертвецы подь землей хохотали...
 Видѣлъ я, какъ ее хоронили весной,
 Два могильщика въ ямѣ копались...
 Надь могилой раскрытой старушки больной
 Стонъ и вопли въ тиши раздавались:—
 «Кто же тотъ, кто тебя погубилъ, ангель мой!»—
 И покойники тихо смѣялись...

Чувственную и неодоухотворенную любовь Межениновъ никогда не воспѣвалъ, какъ это дѣлаютъ современные поэты. У него есть много злыхъ стиховъ, посвященныхъ чувственной страсти, но нигдѣ онъ не оправдываетъ ее. Въ стихотвореніи «Великимъ постомъ» онъ пишетъ:

Попамя корыстнымъ въ утѣшенье,
 Въ честь незабвенной старины,
 Театры русскіе и пѣнье
 У насъ постомъ запрещены.
 Начальства волю исполняя,
 Мы ходимъ въ церковь иной разъ.
 Зато, чуть ночь, не унывая,
 Летимъ къ французенкамъ въ танцклассъ.
 Вослѣдъ за всѣми и я грѣшный,
 Пріосѣнивъ себя крестомъ,
 Разъ забѣжалъ на балъ потѣшный
 Великимъ нынѣшнимъ постомъ.
 Вхожу... давно ужъ полно зало,
 А гости все идутъ, идутъ...
 Французенокъ, однако, мало,
 Но православные всѣ тутъ.
 На руки голыя и плечи
 Мелькавшихъ мимо юныхъ дамъ
 Смотрѣлъ я, и невольно рѣчи
 Слагались въ форму эпиграммъ:
 «О дамы русскія и дѣвы!
 «Въ надеждѣ страсть въ мужчинъ вдохнуть—
 «Костюмомъ райскимъ мудрой Евы,
 «Вступили вы на ложный путь.
 Когда въ раю поосмотрѣлась
 «Мать Ева посреди звѣрей,
 «Въ ней мысль мгновенно разгорѣлась
 «Одѣться въ платьѣ поскорѣй.
 «А вы, потомки Евы скромной,
 «Намъ подносящія рога,
 «Откушавъ въ постъ обѣдъ скоромный,
 «Раздѣлись чуть не донага!

Этимъ «раздѣвшимся донага» дѣвамъ и также кавалерамъ поэтъ посвящаетъ нѣсколько отрезвляющихъ строкъ:

Когда въ тиши ночной раздастся поцѣлуй,
И шопотъ голосовъ, то пылкій, то небрежный,
Знай, этотъ звукъ—не плескъ холодныхъ струй,
А знакъ борьбы приличья съ страстью нѣжной.
Знай—въ этотъ мигъ, велѣнiемъ боговъ,
Чудесное на свѣтъ совершилось...
И гдѣ-то тамъ, въ тиши, подобіе роговъ
На чьемъ-то лбу невидимо явилось.

Это «подобіе роговъ» говоритъ объ отвѣтственности за поступки человѣка, когда онъ врывается въ чужую семью и, прикрываясь «велѣнiемъ боговъ», похищаетъ чужую честь и мараетъ чужое достоинство, слѣдуя исключительно чувственному влеченію...

V.

Гражданскіе мотивы, лирика, юморъ и сарказмъ въ поэзіи Меженинова.

Начиная съ женщинъ, войны, политики и т. д.—все находило откликъ въ Межениновской музѣ, всегда настроенной къ протесту при всемъ наружномъ спокойствіи ея юмора и сатиры.

Онъ самъ говоритъ о своихъ стихахъ иронически:

Строчу я риѣмы до разсвѣта.
Сижу, нахмуривши чело...
Призванъ чудное поэта—
Такъ лучезарно и свѣтло.
Кой-что въ стихахъ моихъ недурно,—
Но вотъ въ чемъ горе и бѣда:
Что хорошо въ нихъ—не цензурно,
А что цензурно ерунда.

Конечно, онъ такъ думалъ о своихъ стихахъ во времена Лонгинова, Теокистова, Соловьева и Звѣрева (бывшихъ начальниковъ главнаго управленія по дѣламъ печати); а теперь красивая форма его стихотвореній одухотворена давно усвоенными мыслями и печатать ихъ можно безбоязненно.

Воодушевленный освободительной идеей за братьевъ-славянъ, раненый за нихъ въ битвѣ съ турками, Межениновъ съ грустью видѣлъ поспраніе успѣховъ русскихъ побѣдъ Берлинской конференціей и ничтожествомъ внутреннихъ дѣлъ въ Россіи.

«Въ отвѣтъ» на восторженные ему адреса и привѣтствія онъ написалъ слѣдующее стихотвореніе:

Когда Черняевъ въ Сербіи сражался,
Гдѣ онъ умѣлъ частенько турокъ бить,
Я въ глубинѣ души сомнѣнью предавался,
Что намъ безъ помощи врага не побѣдить...
И вотъ настали дни Джунишскаго погрома,
Гдѣ я печальную извѣстность получилъ,
Но съ той поры зато и въ обществѣ и дома
Сталъ еще болѣе въ душѣ славянофилъ.

Какъ я страдалъ, когда на грозной Шипкѣ
Родной солдатъ ни пуль, ни хлѣба не имѣлъ;
Когда подъ Шлевною интриги и ошибки
Настлали не одинъ коверъ изъ русскихъ тѣлъ...

Когда потомъ конгрессъ враговъ въ Берлинѣ
Сдавилъ славянъ могучею рукой, въ Сараевѣ на Саввѣ и на Дринѣ
Былъ битъ австрійцами фанатикъ Хаджи-Лой...

Когда въ Болгаріи усѣлся на престолѣ
Германской выправки молоденькій корнетъ,—
А царь славянъ, покорный чуждой волѣ,
Закрѣлъ въ Москвѣ славянскій комитетъ...

Когда Аксаковъ самъ, за голосъ свой могучій,
Былъ выгнанъ изъ Москвы, какъ врагъ земли родно
И русскій небосклонъ, покрывшись грозной тучей,
Грозилъ въ потокѣ бѣды все унести съ собою,—

Когда затѣмъ царя слѣдъ геніальный
Чиновникъ смѣло заметалъ,
И шелъ Каткова кличъ вездѣ побѣдный...
Какъ я страдалъ, какъ-я страдалъ!

— Тогда на помощь мнѣ могучій стихъ явился!
И старый инвалидъ, кряхтя, сообразилъ,
Что, въ гордости, совсѣмъ не тѣмъ богамъ молился,
Что свѣтъ и безъ славянъ быть можетъ сердцу милъ...

«Славянофильскія иллюзіи» разсѣивались не въ одной душѣ поэта. Вся страна была омрачена безплодными результатами войны, и Межениновъ излилъ это въ новыхъ стихахъ:

Непривѣтно смотреть съвера столица.
Въ воздухѣ приморскомъ ни тепло, ни сухо;
Лышать лишь весельемъ воинскія лица,
Прескомъ барабановъ раздражая ухо.

Мы, какъ патріоты, искренно и честно
Уваженъ къ Марсу соблюдаемъ строго,—
Но, порой, отъ войска такъ бываетъ тѣсно,
Что невольно скажешь: для чего такъ много?..

А вѣдь съ этимъ войскомъ, что тѣснить Петрополь,
Войскомъ полнымъ силы, храбрости и силы,
Мы легко могли бы взять Константинополь,
Биконсфильду на зло, всей Европѣ въ пику.

Ахъ, тогда бы съ юга, съ тихаго Дуная,
Съ Саввы и Моравы къ намъ славяне братья,
Въ силу русской мощи твердо уповая,
Бросились бы жадно въ братскія объятія.

И тогда за рубль нашъ не платили бь гривной,
Мы бы не сносили оплеухъ позорныхъ,—
Даже въ Петербургѣ, гдѣ такъ жить противно,
Стало бы надолго—вольно и просторно.

Но именно этого-то и не случилось, а случилось какъ разъ
обратное. Межениновъ писалъ «Изъ азіатской политики»:

Чтобъ Черняевъ въ увлеченьѣ
Не задалъ Европѣ страху,
Мы отдали предпочтенъе
Николаю Розенбаху.

И въ окраинѣ индѣйской,
За грядущее безъ страха,
Съ прозорливостью лакейской
Посадили Розенбаха.

Но, замазавъ рты заранѣ
Всей Европѣ Розенбахомъ,
Я боюсь, что россияне
Все покончатъ общимъ крахомъ.

«Крахъ» во внутреннихъ дѣлахъ Россіи близился, и Межениновъ
изъ своей усадьбы посылаетъ о немъ письма одной своей знакомой:

Только что мнѣ передали,
Что, убоившись зимы,
Вы въ Петербургъ ускакали.
Странно! Вѣдь думали мы,
Что отъ зимы бѣгутъ къ югу...
Впрочемъ, не мнѣ упрекать,—
Лучше элегію другу
Въ римахъ пѣвучихъ послать.

Зимнія вьюги завыли
 Въ нашихъ поселкахъ глухихъ;
 Саваномъ бѣлымъ покрыли
 Мертвыхъ онѣ и живыхъ.

Бродятъ зарайцы угрюмо,
 Горькой печали полны,
 Мучаетъ всѣхъ одна дума:
 Рожь и овесъ безъ цѣны.

Въ селахъ, что день—то пожары,—
 И отъ безкормицы злой
 Полны скотинкой базары
 Битой и чуть-чуть живой.

Хмурые, снѣгомъ сыпучимъ
 Рекруты къ ставкѣ слѣшать;
 Вмѣстѣ съ морозомъ трескучимъ
 Нищѣ въ стѣны стучать.

Но, средь голоднаго года,
 Вдругъ снизошла благодать:
 Голосъ раздался синода,
 Чтобы духъ вѣры поднять.

Въ школахъ, согласно указу,
 Вѣлой и Малой Руси
 Дѣти запѣли всѣ сразу...
 Всѣхъ святыхъ вонъ понеси!

Эхъ-ма! Не даромъ завыли
 Вьюги въ поселкахъ родныхъ,
 И пеленою покрыли
 Мертвыхъ и сле живыхъ.

Впрочемъ, родную кручину
 Русскому ль сердцу не знать?—
 Въ Петербургъ эту картину
 Преміей надо послать...

Кончилъ бы тутъ; но я знаю,
 Строгъ вѣдь приличья законъ:
 Тетушкѣ ручки лобзаю,
 Милой кузинѣ поклонъ.

Много сказалъ бы Володѣ
 Любящей, вѣрной душой,
 Да напишешь къ свободѣ
 Гимнъ не свободной рукой.

Вамъ же, какъ житель пустыни,
 Прямо скажу въ этотъ разъ,
 Что я и присно и нынѣ
 Думаю часто объ васъ.

Другъ мой! живите подольше,
Злого не вѣдая дня,—
Смѣло влюбляйтесь подольше,
Но, хоть чуть-чуть, и въ меня.

Но и «влюбленіе» не долго утѣшало поэта, когда его посѣщало «Раздумье»:

О, Господи! Въ душонкахъ нашихъ грязныхъ
Чувствъ благороднѣйшихъ ничто не шевелить;
Мы прожигаемъ жизнь въ гостиныхъ безобразныхъ,
А совѣсть—мирно спить.

Въ вопросахъ жизненныхъ, подъ маской опьяненья,
Мы поступаемъ, точно выходцы изъ отческихъ могилъ,—
И, кажется, самъ Богъ, утратившій терпѣнье,
Святую Русь забылъ.

Реформы свѣтлыя, сулившія когда-то
Насъ надѣлать и свѣтомъ и добромъ,
Сраженныя дыханіемъ разврата,
Почили вѣчнымъ сномъ.

Среди «убрузцевъ», «главотяжей», «охоботій»—
Въ словахъ такая нынче мода завелась,—
Ну, такъ и кажется, что всталъ изъ гроба Фотій
И Криднерша съ могилы поднялась.

Все безнадежнѣе ухудшалось положеніе дѣлъ въ Россіи, и поэтъ тоскливо говоритъ объ этомъ въ стихахъ:

Вчера и сегодня.

Еще вчера, отъ страсти млѣя,
Двурогій мѣсяць, какъ нахаль,
На злыя шутки Гименея
Нескромно взоры устремлялъ.
Сегодня, въ черный флеръ тоскливо
Лицо окутавъ, чуть дыша,
Ночь смотреть мрачно и гадливо.
Какъ полицейская душа.

Вчера поэтъ, забывъ печаль,
Пѣлъ оды звѣздамъ безъ конца,
А тѣ, какъ дурочки, мигали
Съ восторгомъ слушая глупца.

Сегодня—мракъ, грозы предтеча,
И намъ до радостной зари
Мелькають только издалеча
Казеннымъ свѣтомъ фонари.

Каждый новый годъ свѣтится поэту тѣмъ же «казеннымъ фонаремъ»... Онъ пишетъ на «Новый годъ»:

Заслуживъ конецъ печальный,
Старый годъ окончили путь,
Но его слезой прощальной
Нѣтъ желанья помянуть...
Новый годъ ему на смѣну
Въ маскѣ выступилъ впередъ,
И, почуя перемѣну,
Пляшетъ вѣтреныи народъ.
Подъ таинственнымъ покровомъ
Не законченной борьбы
Всѣ мы жаждемъ въ годѣ новомъ
Счастье вырвать у судьбы.
И съ особеннымъ участиемъ
И мужикъ и сибаритъ,—
«Съ новымъ годомъ, съ новымъ счастьемъ»,—
Намъ при встрѣчѣ говорить.
А судьба дарить все то же,
По тому же мѣсту бьетъ:
Хоть не счесть рубцовъ на кожѣ—
Да «все къ свадьбѣ заживетъ».
Ни укора, ни слезинки,
Русь умѣетъ все прощать:
Что за честь справлять поминки,
То ли дѣло поздравлять.
Дай, Господь, всего намъ много
Самой щедрой рукой,
Пусть намъ въ будущемъ дорога
Ляжетъ лентою прямой;
И пусть истины сіянье,
Что мерцаетъ надъ Невой,
Въ знакъ разумнаго сліянья
Разольется надъ Москвой.

Какъ легко и поэтично ни воспринималъ поэтъ невзгоды отечества, но въ глубинѣ души онъ страдалъ и вылилъ это, въ подражаніе Апухтину, въ слѣдующихъ стихахъ:

Ночи безумныя, ночи безсонныя.

(Пародія)

Мысли безумныя, мысли тяжелыя,—
 Далью туманною, далью прекрасною,
 Вы превращаете дни невеселые
 Жизни подавленной въ пытку ужасную.
 Вкрадчивой логикой вы отравляете
 Радости скромныя, оргіи шумныя;
 Въ длинную ночь вы мой сонъ разгоняете,
 Мысли суровыя! мысли безумныя!

А суровымъ мыслямъ было чѣмъ питаться... Самые счастливые моменты отравлялись горькой дѣйствительностью. «Новогодняя пѣсенка» Меженинова опять полна печали...

Сводь небесъ и землю облетая,
 Умъ людской просунулъ носъ вездѣ,
 Но, увы! плѣнительнаго рая
 Не открылъ, къ несчастію, нигдѣ.
 Хоть хорошъ весь міръ необозримый,
 Хоть прелестенъ Божій бѣлый свѣтъ,
 Но во всей Руси неизмѣримою,
 Какъ на грѣхъ, людей счастливыхъ нѣтъ...
 Вотъ и праздникъ. Людъ развеселился,—
 Но смѣшно, что пляшетъ онъ и пьетъ,
 Когда кровью старый годъ омылся
 И въ крови родился новый годъ.
 И въ погонѣ за миражемъ счастья,
 Обдѣленный радостью народъ,
 Посреди житейскаго несчастья,
 Аккуратно славить новый годъ.
 А онъ всѣхъ даритъ такой заботой,
 Съ непосильной тяжестью креста,—
 Да, порой, Судейкиныхъ работа
 Выжметъ слезы къ участи Христа...

Небеса и землю облетая,
 Умъ людской просунулъ носъ вездѣ;
 Но, увы, плѣнительнаго рая
 Не открылъ, къ несчастію, нигдѣ.

Въ томъ же духѣ онъ пишетъ новое стихотвореніе:

Подъ звуки гаерства и свиста
 Впередъ шагаетъ человекъ,
 И въ колпакъ матерьялиста
 Творить чудесное нашъ вѣкъ...

Летить по проволокѣ слово,
Изъ газа льется яркій свѣтъ,
И солнце съ неба голубого
Въ альбомѣ рисуетъ твой портретъ.

Напрягни умъ, въ экстазѣ пьяномъ,
Сквозь нѣдра горъ и океаномъ,
Разбивъ преграды въ пухъ и прахъ,
Прогрессъ несется на парахъ.

Но мы кадить ему не будемъ,
Пусть скажетъ истина сама—
Теплѣй ли стало бѣднымъ людямъ
Отъ искръ холоднаго ума?

Честнѣй ли сдѣлалися люди,
Добрѣй ли стали ихъ сердца,
Дышать волюгѣй ли стало груди,
Казнить ли совѣсть подлеца?

Авось другое поколѣнье
Увидитъ лучшіе года,
Теперь все то же угнетенье,
Все та же горькая бѣда.

Все такъ же душать кличъ своооды
Остроги, цѣпи и штыки;
Все такъ же бѣдствуютъ народы
И процвѣтають кабаки;

И чуть раздастся голосъ смѣлый
На кару подлости и зла,
Замреть въ гортани онѣмѣлой
Глаголь про гнусныя дѣла...

Ахъ, гдѣ тропинка къ тѣмъ могиламъ —
Скажи, о родина моя,—
Гдѣ миръ снискали честнымъ силамъ
Твои погибшіе друзья?...

Реакція росла и давила всякое проявленіе личности... Въ стихотвореніи «Петербургское недоразумѣніе» поэтъ говоритъ объ этомъ съ обычной ему простотой и ироніей:

Какая отрада
Вдоль Лѣтняго сада
Бродитъ подъ навѣсомъ аллея,
И въ мирной бесѣдѣ
Мечтать объ обѣдѣ
Съ компаніей милыхъ друзей.

Въ насмѣшку Крылову
 Шепнуть Балашову: ¹⁾
 Ты баснями насъ не корми...
 А дай-ка намъ живо
 Холоднаго пива,
 Окрошѣ да жирный «сальми».
 Потомъ, точно въ клѣткѣ,
 Усѣвшись въ бесѣдкѣ,
 Мечтать, что въ тѣни плющевой
 Укрылся ты прочно,
 Какъ въ крѣпости точно,
 За вѣрною толстой стѣной.
 За вѣрною—какъ же!..
 Однажды мы также
 Втроемъ пообѣдать сошлись;
 И рѣчи игриво,
 Какъ теплое пиво,
 У насъ черезъ край полились.
 Взволнованный пренъемъ,
 И я съ увлеченьемъ
 Мысль грѣшную вздумалъ сказать:
 «Гнилое болото,
 «Гдѣ гадовъ безъ счета,
 «Отечествомъ грустно считать».
 На это мнѣ кто-то
 Сказалъ, что болото
 Я долженъ еще и любить,
 Что трудъ свой и радость
 И жизни всю сладость
 Обязанъ ему посвятить...
 Я, не протестуя,
 Повелъ рѣчь такую,
 Съ нахлынувшей въ сердце тоской:
 «Я съ вами согласенъ,—
 «Вашъ доводъ прекрасенъ,—
 «Но что же мнѣ сдѣлать съ собой.
 «Когда братья-гады
 «Мнѣ вмѣсто отрады
 «Мѣшаютъ и думать и жить?
 «Скажу осторожно:
 «Едва ли возможно
 «Болотную жизнь полюбить».

¹⁾ Рестораторъ Лѣтняго сада.

О, случай фатальный!
 Подслушалъ квартальный—
 Какъ крикнуть: «да вы нигилисты!»
 Тутъ я растерялся,
 Къ тому же раздался
 Призывный квартального свистъ.
 Явился хожалый,
 Искуснѣйшій малый,
 Гляжу, и другой тамъ вдали...
 И безъ разговора
 Насъ всѣхъ очень скоро
 Въ ближайшій участокъ свели.
 Тамъ, съ чувствомъ истомы,
 Повѣдали, кто мы;
 И насъ отпустили сейчасъ,
 Прибавивъ съ улыбкой:
 «Простите, ошибкой
 «Совсѣмъ потревожили васъ».
 Теперь мы всѣ трое
 Живемъ на покоѣ,
 Въ деревнѣ найдя сладкій миръ;
 И молимъ мы Бога,
 Чтобъ было не много
 Пустыхъ въ Петербургѣ квартиръ.

Оппозиціонное настроеніе росло съ каждымъ годомъ въ душѣ поэта и прорывалось оно даже въ самыхъ интимныхъ и нѣжныхъ случаяхъ его жизни.

Его «Рождественскій подарокъ» женѣ—плодъ торжественнаго призыва къ лучшему идеалу жизни:

Въ день Рождества, какъ алчныя дикарки,
 Всѣ дамы ждуть подарковъ отъ друзей;
 Но ты не сѣтуй, другъ, на скудные подарки
 Казны разстроенной моей...
 Ты помнишь ли тотъ день, когда впервые
 Тебя увидѣлъ я сіяющей красой?
 Кругомъ тебя шумѣли нивы золотыя
 И, какъ рабы, склонялись предъ тобой.
 — Тогда во мнѣ желаніе проснулось
 Твоимъ рабомъ быть съ нивой заодно;
 А сердце бѣдное такъ сильно колыхнулось,
 Что на куски разбилось оно...
 Да, счастье въ этотъ разъ не измѣнило,—
 И, отвѣчая нѣжно на любовь,

Ты въ нѣчто цѣлое опять куски слѣпила,
 Даруя жизнь для сердца вновь.
 И мнѣ, какъ бы рожденному въ сорочкѣ,
 Рѣкой широкой счастье полилось,—
 Но въ созданной тобою новой оболочкѣ,
 Казалось, сердце разрослось...
 Одна любовь его уже не наполняла,—
 Но, проникая въ жизненную даль,
 Оно чего-то новаго искало
 Тамъ, гдѣ есть горе и печаль.
 Оно читало мрачныя страницы
 Тѣхъ горестныхъ и безразсвѣтныхъ дней,
 Гдѣ жизнь влекутъ поблекнувшія лица
 Подъ звукъ убійственныхъ цѣпей...
 Гдѣ меркнетъ умъ въ когтяхъ свирѣпой силы
 Безмолвень, немощень и хиль;
 Гдѣ даже мракъ и вѣчный сонъ могилы,
 Какъ другъ желанный, сердцу милъ...
 О, дай Господь, чтобы тебѣ приснилось,
 Что ты, во имя чистое Христа,
 Въ великій праздникъ нашъ широко подѣлилась
 Съ согбенными подъ тяжестью креста.
 Смотри, какой огонь тогда въ душѣ проснется
 Какъ много силъ возбудится въ крови,
 И что за счастье сердцу улыбнется
 Иной, возвышенной любви.
 Пускай несчастны мы, но въ нашей горькой долѣ
 Въ день Рождества, не стыдно ли забыть,
 Что мы хоть кое-какъ, но все-таки на волѣ
 Свободно можемъ жить...
 Свобода! О, какъ это слово благородно!
 Его безъ умолку готовъ я повторять...
 И что за счастье, что я могу свободно,
 Когда хочу, тебя расцѣловать.

То же чувство къ свободѣ уже никогда у него не умолкаетъ при всѣхъ обстоятельствахъ.

Находясь «У Лѣтняго сада», онъ пишетъ:

Небесъ суровыхъ синева
 Чуть не морозъ намъ шлетъ съ зенита,—
 И грозно плещется Нева
 О глыбы финскаго гранита.

Вотъ здѣсь, надъ чудною рѣкой,
 Стояль наперсникъ вдохновенья

И пѣль съ любовью и тоской
Ея «державное теченье».

Угасъ поэтъ... прошли года...
Нева бурлитъ, какъ прежде, лѣтомъ,
Но нѣтъ надъ нею и слѣда
Идей, завѣщанныхъ поэтомъ.

Въ разговорѣ съ пріятелями у него вдругъ прорывается негодование по адресу невидимыхъ враговъ, и онъ говоритъ въ этомъ направленіи экспромты:

Весь родъ людской, себѣ жъ на срамъ,
Купцами создала природа,
И я увѣренъ, что Адамъ
Былъ изъ купеческаго рода.
Въ какую глубь ни загляни,
Вездѣ торговля—признакъ вѣка,
Торгуютъ даже въ наши дни
Святою вѣрой человѣка...
Вездѣ царить наживы бѣсъ,
Нѣтъ ничего на свѣтѣ даромъ...
И можно царствіе небесъ
Купить извѣстнымъ гонораромъ.

Шутки его уже становятся злыми, и онъ шутитъ при каждомъ удобномъ случаѣ. За обѣдомъ у одного реакціонера онъ произвелъ цѣлый скандалъ, произнеся слѣдующій экспромтъ по поводу жареной «Индѣйки»:

Индѣйка глупая мечтала
Свершить карьеру и попасть
На святкахъ въ зубы генерала
Или въ сіятельную пасть.
Но, ахъ! обманчивы надежды:
И у жандарма за столомъ,
Сомкнувъ зажаренныя вѣжды,
Она почила вѣчнымъ сномъ.
И всѣ мы смущены вопросомъ:
Что если, вспрыснута виномъ,
Она язвительнымъ доносомъ
Порхнеть изъ усть его потомъ?

На торжество реакціи онъ отзывался горестнымъ стихомъ:

Вздыхая скорбно и глубоко,
Не потрясаемъ мы основъ;

Съ любовью смотритъ наше око
 Направо—правлящихъ боговъ...
 Все, что ни скажутъ вамъ, то свято.
 Мы ублажили небеса;
 Попъ Иоаннъ намъ изъ Кронштадта
 Творитъ по письмамъ чудеса.
 Его цѣлительно моленье...
 Но все жъ, должно быть, по грѣхамъ.
 Животное благоволенье
 Не входить въ избы къ мужикамъ.
 Кто виновать тутъ: Вышнеградскій,
 Мещерскій князь, сенать, синодъ
 Или блаженный попъ Кронштадтскій—
 И самъ Господь не разбереть...

Слушая однажды въ обществѣ дифирамбы русскому дворянству, Межениновъ попросилъ вниманія и прочиталъ свое злое стихотвореніе, какъ пародію на знать:

Когда на свѣтъ, какъ говорится;
 Должна жизнь новая родиться,
 То душу тотчасъ съ облаковъ
 Шлетъ съ херувимомъ Саваоѣ.
 Когда онъ душу посылаетъ
 Въ гнилую хату мужика,
 Она завернута бываетъ
 Въ обрывокъ грязнаго листка.
 Когда же душу шлютъ къ дитяти
 Россійской захирѣлой знати,
 То херувимовъ цѣлый полкъ
 Ее завертываетъ въ шелкъ.
 Но изъ политики порою,
 Чтобъ успокоить духъ крестьянъ,
 Пакеты съ хамскою душою
 Частенько шлютъ и для дворянъ.

Самъ по происхожденію дворянинъ и весь пропитанный барствомъ, Межениновъ, однако, ненавидѣлъ всѣ его отрицательныя черты и не упускалъ случая высмѣять его даже «Въ Великій постъ»:

Звонъ день цѣлый, люди въ храмахъ,
 На гуляньяхъ пустота,
 И на блѣдныхъ нашихъ дамахъ
 Видны черныя цвѣта.
 Всюду пасмурныя лица...
 Присмирѣла, какъ погостъ,

Вѣчно шумная столица:
 Вотъ онъ, вотъ, Великій постъ.
 Всѣ желудки стали пусты,
 Дымъ несется отъ кадилъ,—
 И тяжелый духъ капусты
 Въ храмахъ ладонь заглушилъ,
 И, храня обычай древній,
 Барство кается въ грѣхахъ;
 Но другой есть постъ великій
 Въ русскихъ страждущихъ сердцахъ...
 Хотя намъ пишутъ въ телеграммахъ,
 Что нигдѣ несчастій нѣтъ,—
 Но зачѣмъ народъ нашъ въ храмахъ
 Плачетъ горько столько лѣтъ?
 И тоскливо, съ скорбнымъ гласомъ,
 Возводя на небо взоръ,
 Онъ всю жизнь ѣсть рѣдку съ квасомъ,
 Чтобъ платить казенный сборъ.
 Постъ смиренья, постъ печали,—
 Какъ ты длиненъ и суровъ.
 Да звукъ шопота едва ли
 Долетитъ до облаковъ...
 Барство тоже со слезами
 Держитъ постъ, но это сплинъ;
 И оно ѣсть щи съ грибами
 Для особенныхъ причинъ.

Но, кромѣ стиховъ съ гражданскими мотивами, у Меженинова имѣется много лирическихъ произведеній.

Онъ вполне своеобразно передѣлывалъ Гейне:

В ы з о в ъ .

Сколько играть на небѣ
 Звѣздъ въ эту темную ночь;
 Выйдешь ли ты, дорогая,
 Мнѣ сосчитать ихъ помочь?
 Каждую ночь эти звѣзды
 Плачутъ въ полуденный часъ,
 Если съ небесъ не увидятъ
 Влескъ и игру твоихъ глазъ.
 Глядя на нихъ, и я плачу,
 Плачу безумно всю ночь...
 Выйди же ты, дорогая,
 Нашему горю помочь.

Не менѣе художественно перевелъ онъ и другія гейневскія «Звѣзды» на русскій ладъ.

Всю ночь въ пустотѣ необъятной
Красавицы звѣзды горятъ,
И рѣчью, для насъ непонятной,
Другъ съ другомъ онѣ говорятъ.
Къ той рѣчи издать собирался
Словарь не одинъ филологъ;
Но каждый напрасно старался,—
Окончить издание не могъ..
А мнѣ смыслъ таинственной рѣчи
Давно сталъ понятенъ и милъ:
Я ключъ къ нему съ первой же встрѣчи
Въ глазахъ моей милой открылъ.

Не менѣе красивы и его собственныя «Петербургскія ночи».

Чуть видные глазки июльскихъ ночей
Глядятъ на меня съ высоты, наблюдая,
Какъ я управляюсь съ мечтою моею,
Съ мечтою о тебѣ, дорогая!

Я знаю, имъ хочется цѣлымъ гуртомъ
На землю прыгнуть и тобой любоваться,
Да я имъ ревниво грожу кулакомъ:
«Попробуйте здѣсь показаться!»

Такъ вотъ отчего наши ночи свѣтлѣй,
Чѣмъ нашъ Петербургъ передъ югомъ гордится;
И вотъ почему свѣту нашихъ ночей
Твой мужъ съ озлобленьемъ дивится!

VI.

Эпическія стихотворенія.—Смерть поэта.

Изъ приведенныхъ нами стихотвореній А. П. Меженинова видно, что въ его дарованіи, рядомъ съ гражданскими мотивами, уживаются и лирика, и юморъ, и сарказмъ...

Вмѣстѣ съ этимъ у него есть прямо эпическія повѣствованія, по стилю напоминающія строки Пушкина изъ «Онѣгина». Къ сожалѣнію, я не могъ найти у себя въ бумагахъ его стихотворенія «Пріѣздъ архіерея въ деревню» и посвященіе именинницамъ 17 сентября, которое начинается строками:

Пускай ученые невѣжды,
Растративъ жаръ въ своей крови,

Не чтутъ священный день Надежды,
Софіи, Вѣры и Любви...
Но мы, сыны бояръ старинныхъ,
Не чуя подъ собою ногъ,
Съ утра въ одеждахъ именинныхъ
Стремимся жадно на пирогъ...

У меня сохранилось другое стихотвореніе «Именины въ деревнѣ», которое трогательной простотой и изяществомъ напоминаетъ поэзію старой школы и свидѣтельствуетъ огромную воспримчивость поэта къ реальной жизни.

Какъ разъ въ день именинъ мамали
Твой разрисованный букетъ
Быль привезенъ въ жилище наше,
Какъ дальній искренній привѣтъ.
Казалось, снова ароматы
Вдругъ освѣжили старый домъ,
Какъ въ дни милые, когда ты
Была для всѣхъ душою въ немъ.
Всѣ именинницу дарили:
Подарки были отъ гостей,
Крестьяне булки подносили,
Но твой подарокъ былъ милѣй.
День именинъ начался горемъ... (было послѣ перваго марта
1881 года).

Чуть разрѣшилася заря,
Мы всѣ пошли печальнымъ строемъ
Молиться въ церковь за царя, —
Того царя, что мощной властю
Разбилъ оковы у рабовъ
И умеръ, къ общему несчастью,
Отъ рукъ признательныхъ сыновъ.
И, Боже, кто спрошу, межъ нами
Не порицалъ святую тѣнь?
Зато какими же слезами
Теперь всѣ плачутъ въ этотъ день.
Потомъ мы были на погостѣ—
Тутъ пища новая слезамъ...
И къ пирогу съ севрюгой гости
Съѣзжаться дружно стали къ намъ.
Сначала ѣли всѣ и пили,
Потомъ мужчины вышли въ залъ
И такъ усердно завинтили,
Что домъ отъ споровъ задрожалъ.

Въ гостиной дамы въ пестрыхъ платьяхъ
 Нашли занятя веселѣй,
 Перемывали кости братьевъ
 Въ потокъ вѣтреныхъ рѣчей.

Но именинница мамаша
 Въ чепецъ и шали вѣковой
 Была милѣе всѣхъ и краше
 Съ своей боярской простотой.

Пока бранилъ сосѣдъ сосѣда,
 Пока молотъ языкъ у дамъ,
 Часъ имениннаго обѣда
 Подкрался незамѣтно къ намъ.

Въ деревнѣ вкусъ довольно мелокъ,
 И столъ предсталъ въ красѣ своей
 Съ разнообразіемъ тарелокъ,
 Съ различной формою ножей.

Кому стакановъ не достало,
 Тому поставленъ былъ бокалъ,—
 Но изъ гостей никто нисколько
 Всѣхъ этихъ бѣдъ не примѣчалъ.

Знакомъ здѣсь каждый съ простотою
 И, то ли дѣло, поскорѣй
 Заняться жирною ухю
 Изъ полумерзлыхъ стерлядей.

А тамъ и заяцъ подъ сметаной,
 Судака, уложенный кольцомъ,
 Котораго самъ поваръ пьяный
 Облил на радостяхъ виномъ...

Когда жъ явился сановитый,
 Красавецъ кухонныхъ наукъ,
 Жиркомъ, какъ лентою, повитый,
 Огромный вскормленный индюкъ,—
 Всѣ гости встали въ восхищеньи,
 Поль подъ ногами заходилъ,
 И гулъ усердныхъ поздравленій
 Звонъ отъ бокаловъ заглушилъ.

Да будетъ мѣсто наше свято,
 Но время то не далеко,
 Когда мы жили всѣ богато
 И пили чистое клико.

Теперь же, скромный россиянинъ,
 Тебя поить въ день именинъ
 Замоскворѣцкій житель Ланинъ
 Струей своихъ поддѣльныхъ винъ...

Съ такимъ виномъ плохія шутки,—
 Да, къ счастью, милостивый Богъ
 Далъ намъ луженые желудки,
 Чтобы бурду пить каждый могъ.

И былъ я пьянъ, и былъ я весель,
 И спяна рѣчь къ гостямъ держалъ...
 Меня изъ прадѣдовскихъ креселъ
 Исправникъ мѣстный вдохновлялъ!

Я говорилъ: отбросивъ чванство
 И бредни западныхъ идей,
 Должно зарайское дворянство
 Отглатъ жизнь родинѣ своей...

Должно по праздникамъ являться
 Всегда изъ первыхъ въ Божій храмъ,
 Учитъ крестьянъ повиноваться
 Десятскимъ, сотскимъ, старшинамъ.

Быть съ губернаторами въ дружбѣ,
 Жандармовъ братьями считать
 И, подчиняясь царской службѣ,
 Вездѣ крамольниковъ искать.

За всѣмъ слѣдить должны мы строго,
 Чтобы нѣмецъ насъ не подцѣпилъ
 И вообще я много, много
 И такъ пріятно говорилъ...

Окончивъ рѣчь, я сѣлъ въ смущеньи
 Отъ незаслуженныхъ похвалъ,
 Какъ, вдругъ, предъ нами въ заключенье
 Торть удивительный предсталъ.

Что намъ Москва и что намъ Питерь,
 Когда въ Зарайскѣ могъ у насъ
 Бѣжавшій отъ долговъ кондитерь
 Торть приготовить «а ля гласъ»

Всѣ къ торту дружно приступили.
 Ура! глядишь, и нѣтъ его.
 И ужъ потомъ мы пили, пили,
 Но разбирая ничего:

За элемъ—бишовъ, тамъ мадера,
 А за мадерою люнель,
 И наконецъ отъ редерера
 Кой-кто склонился на постель...

Мамаша первая идею
 Намъ подала и улеглась;
 Подумавъ нѣсколько, за нею
 Старушка-тетка поплелась;

Вотъ разѣзжаться гости стали,
 Путь освѣщая фонаремъ...
 А въ полночь всѣ ужъ въ домѣ спали,
 И въ жизни меньше стало днемъ.
 Но мнѣ, признаться, стыдно было
 Бездѣльно прожитаго дня,
 И все мнѣ снилось, что уныло
 Лишь Вожій смотритъ на меня...

Воспримчивость къ реальной жизни и умѣнье извлечь изъ бытового матеріала поэтическіе звуки не оставляли Меженинова даже во время его болѣзни, когда она приковывала его къ постели.

Онъ умеръ, какъ извѣстно, отъ гангрены контуженной во время турецкой войны ноги, и къ предсмертнымъ его днямъ хорошо идетъ стихотвореніе, написанное имъ ранѣе въ такомъ же болѣзненномъ состояніи на мотивъ посмертной музыки Некрасова...

Болѣзненные вопли.

Всю ночь не закрывая глазъ,
 Лежу больной и все считаю:
 Который день, который разъ
 Въ постели пью я чашку чаю?
 Который день тупая боль,
 Меня предавшая на муку,
 Мѣшаетъ мнѣ за хлѣбъ за соль
 Поцѣловать родную руку?
 Потомъ, подъ властью дикихъ грезъ,
 Мечтаю въ настроеніи глупомъ,—
 Удобно ль будетъ мнѣ въ морозъ
 Лежать въ землѣ нетлѣннымъ трупомъ;
 За гробомъ двинутся ль друзья,
 Почтять ли мой кадавръ слезою,
 И что за рожу скорчу я
 Покрытый мачехой-землею?
 Придетъ ли попъ смѣшить меня,
 Суля блаженство въ жизни вѣчной,
 Иль мою душу близъ огня
 Согрѣетъ дьяволъ безсердечный?..
 Но боль сильнѣй... Нарывъ растеть...
 Вотъ такъ себя бы и прихлопнуть...
 И я кричу, какъ идиотъ:—
 Дай Богъ, чтобъ ты, проклятый, лопнулъ!

Все и даже болѣзнь наполняли сердце поэта художественными образами... Такимъ поэтомъ онъ былъ и въ жизни, какъ

на военныхъ позиціяхъ передъ врагомъ, такъ и въ интимной жизни съ женщинами, въ мирныхъ благобесѣдованіяхъ на вечерахъ у пріятелей, въ грустномъ раздумьѣ о судьбѣ народа и его политическихъ заправиль... Литература потеряла въ Межениновѣ, несомнѣнно, крупное дарованіе. Собранныя мною стихотворенія далеко не исчерпываютъ всѣхъ его произведеній, большею частью устныхъ, которыя онъ произносилъ на память по просьбѣ друзей и которыя многими изъ присутствующихъ тутъ же записывались на бумагу, конечно, съ разрѣшенія самого поэта.

Я счастливъ, что могу справить поминку дорогому Александру Павловичу Меженинову вполне литературной панихидой, собравъ его разсѣянные стихотворенія и, такимъ образомъ, сохранивъ для русской литературы сердечнаго и вдумчиваго поэта.

Скончался онъ! Не стало милаго поэта!
Его пѣвучій стихъ умолкнулъ навсегда!
Изъ странъ холоднаго, завистливаго свѣта
Душой великою вознесся онъ туда,
Гдѣ нѣтъ ни зависти, ни злобы, ни забвенья—
Къ источнику любви и вдохновенья!

А. Фаресовъ.

БЕЗУМНЫЙ ДЕКАБРИСТЪ.

(Памяти Н. С. Бобрищева-Пушкина).

ОГДА я вспоминаю Н. С. Бобрищева-Пушкина, сошедшаго съ ума въ ссылкѣ и дожившаго послѣдніе годы свои по сосѣдству съ нашимъ родовымъ имѣніемъ, гдѣ я родился и выросъ, въ моемъ воображеніи встаетъ одна и та же картина.

Лѣтній день. На небѣ ни облачка. Все залито золотистымъ свѣтомъ. Томительно жарко, и даже мы съ сестрой предпочитаемъ оставаться въ прохладныхъ комнатахъ большого помѣщичьяго дома. Нѣтъ охоты гулять, бѣгать и рѣзвиться. Лѣнивая истома овладѣла всей природой и людьми. Едва бродятъ сонныя куры. Чувствительныя индюшки совсѣмъ ослабѣли, забились подъ навѣсъ сарая, раскрыли клювы и тяжело дышатъ. Чуткая и злобная собака, услышавъ грохотъ проѣзжающей мимо пустой телѣги, высовываетъ голову изъ-подъ амбара, куда загналъ ее невыносимый зной, хрипло тавкаетъ раза два и вновь ложится съ высунутымъ ярко-краснымъ языкомъ.

Въ саду затихъ вѣчный птичій гомонъ. Только ласточки чертятъ попрежнему синеву неба въ неустанныхъ заботахъ о прокормленіи семейства, да высоко-высоко плыветъ неподвижно въ воздухѣ ястребъ и терпѣливо ждетъ мгновенія, чтобы камнемъ упасть на истомленную жарою и забывшую объ опасности птичку.

купаются въ горячихъ волнахъ солнечныхъ лучей нарядныя насѣкомыя. Блестятъ стеклянными крыльями стрекозы,

мелькають нарядныя бабочки, и съ цвѣтка на цвѣтокъ перелетаютъ пчелы. А въ травѣ лужаекъ безконечно налѣзаютъ кузнечики, съ усердіемъ наемныхъ скрипачей, ожидающихъ не похвалы, а подачки и угощенія.

Не боится солнца и пчельникъ, весь сѣдой, заросшій волосами до самыхъ глазъ, все же сохранившихъ молодой блескъ. Онъ проходитъ безъ шапки, въ бѣлой рубахѣ и босикомъ, по широкому двору и радуется лѣтнему зною, согрѣвающему его старое тѣло...

Мы, дѣти, сидимъ въ угловой комнатѣ мезонина, слушаемъ, какъ тетка мѣрно читаетъ сказку Андерсена о стойкомъ оловянномъ солдатикѣ, прекрасной бумажной танцовщицѣ и злой крысѣ, и съ трепетомъ ожидаемъ, чѣмъ разрѣшится эта страшная драма.

Но тетка прерываетъ сказку на самомъ интересномъ мѣстѣ, закуриваетъ папиросу и смѣшно раздуваетъ щеки, когда затягивается дымомъ. Чтобы не мучить насъ табачнымъ запахомъ, она идетъ къ окну, и струйки голубоватаго дыма улетаютъ отъ едва замѣтнаго движенія воздуха...

— А Николай Сергѣевичъ опять пріѣхалъ,—раздается отъ окна, и мы съ сестрою спѣшимъ смотрѣть.

У ограды двора привязана совсѣмъ отжившая свой вѣкъ по-нурая лошаденка, запряженная въ дрожки.

Всѣмъ намъ хорошо знакома эта упряжка, на которой свободно, безъ призора развѣзжаетъ Бобрищевъ-Пушкинъ. И если онъ долго не появляется въ нашей усадьбѣ, старшіе беспокоятся, хотя видъ сумасшедшаго никому, конечно, не доставляетъ удовольствія.

— Что это не ѣдетъ Николай Сергѣевичъ, не заболѣлъ ли?

И обыкновенно оказывается, что онъ дѣйствительно былъ «боленъ», т. е. къ нему возвращались буйные припадки, послѣ которыхъ онъ не скоро оправлялся.

Я ребенкомъ зналъ, что Николай Сергѣевичъ сумасшедшій, но не ясно представлялъ себѣ, въ чемъ тутъ дѣло. У насъ въ домѣ также былъ душевно-больной, мой дядя, но онъ, впавшій въ идиотизмъ, вѣчно жующій корку хлѣба или выпрашивающій папиросу, грязный и противный, нисколько не походилъ на гордую, почти величественную фигуру безумнаго декабриста.

Какъ сейчасъ вижу его расхаживающимъ по большому залу. Память моя плохо сохранила черты лица, но почему-то до мелкихъ подробностей помню фигуру и одежду. Высокій и довольно полный, держащійся преувеличенно прямо, онъ былъ одѣтъ въ неизмѣнный поношенный сюртукъ, сильно засаленный на груди. Многихъ пуговицъ неоставало, и на ихъ мѣстахъ висѣли ниточки.

Но особенно дѣтское мое любопытство занималъ трехцвѣтный, тоже весьма поношенный шарфъ, повязанный поясомъ сверхъ сюртука. Гораздо позднѣе я узналъ, что это былъ знакъ достоинства депутата «всероссійской республики».

Я притаивался вмѣстѣ съ сестрой гдѣ-нибудь у дверей, и оба мы смотрѣли, какъ движется взадъ и впередъ высокая фигура. Николай Сергѣевичъ, пріѣхавъ къ намъ, привязывалъ свою лошадку, равнодушную ко всему на свѣтѣ, входилъ въ домъ черезъ обычно незапертыя двери и начиналъ свое безконечное хожденіе по залу. Случалось, что къ нему такъ никто и не выходилъ, и онъ преспокойно удалялся, отвязывалъ лошадку и трусцой отправлялся домой.

Это хожденіе, изъ котораго и состоялъ часто весь визитъ, разнообразилось иногда встрѣчей съ моимъ дядей, тоже нерѣдко прогуливавшимся по амфиладѣ парадныхъ комнатъ. Оба сумасшедшіе ходили обыкновенно въ разныхъ направленіяхъ и при встрѣчахъ не скрывали глубочайшаго другъ къ другу презрѣнія, отворачиваясь и насмѣшливо усмѣхаясь...

Общій душевный недугъ не сближалъ этихъ людей, а, напротивъ, заставлялъ cadaго изъ нихъ открыто выставять свое умственное превосходство, скрывая тщательно собственное убожество.

Когда появлялась моя мать, Николай Сергѣевичъ подходилъ съ пріемами стародавней кавалерственности, расшаркивался и цѣловалъ ручку. А иногда и вручалъ букетикъ полевыхъ цвѣтовъ или пучокъ клубники, собранной по дорогѣ. Къ отцу моему относился онъ равнодушно, даже отчасти враждебно, а на насъ, дѣтей, вовсе не обращалъ вниманія.

Бесѣдъ, въ строгомъ смыслѣ этого слова, онъ не велъ, но говорилъ афоризмами, иногда въ отвѣтъ на вопросы, чаще просто, когда вздумается.

Приглашенный къ столу, Николай Сергѣевичъ старался держать себя, какъ принято въ лучшемъ обществѣ, и скрывалъ свой волчій аппетитъ, свойственный почти всѣмъ сумасшедшимъ. Его корректность не оставалась безъ вліянія и на моего дядю, обычно нечистоплотнаго до омерзѣнія, почему и сажали его за отдѣльный столикъ въ углу. Но въ присутствіи Бобрищева-Пушкина дядя вспоминалъ, что и онъ носилъ когда-то военный мундиръ и зналъ тонкое обращеніе. Поэтому, подходя къ столу за третьимъ стаканомъ мѣсива, состоящаго изъ бѣлаго хлѣба, размоченнаго въ чаю съ молокомъ, дядя просилъ съ особою изысканностью:

— Дозвольте мнѣ еще стаканъ композиціи. Ayez la bonté!..

Но вотъ солнечный день понемногу смягчился предчувствіемъ наступающаго вечера. Мы пристаемъ къ матери позволить заложить долгушу, какъ называлась у насъ большая старинная линейка, и съѣздить въ лѣсъ за ягодами или грибами.

Долгуша—это настоящій Ноевъ ковчегъ. Длинная, длинная. На продольныхъ сидѣніяхъ спина со спиною усаживалось человекъ двадцать, а, кромѣ того, было еще мѣсто около кучера и сидѣнье сади, на которомъ могло уѣсться трое. Это мѣсто занималъ по

собственной охотѣ Николай Сергѣевичъ и сидѣлъ всегда одинъ, не терпя близкаго сосѣдства.

Долгуша наполнялась молодежью. Садились старшія дѣти, мы, маленькія, съ сестрой, молодая прислуга. Но общій надзоръ довлѣялся теткѣ, смертельно боявшейся лошадей и вылѣзавшей на каждомъ пригоркѣ, хотя двѣ бѣлыя лошади, съ трудомъ тащившія допотопный экипажъ, давно забыли по старости лѣтъ о молодыхъ порывахъ и вольнодумствѣ, а при малѣйшемъ подъемѣ просились въ чистую отставку, такъ что тетка, боявшаяся, что лошади начнутъ бить, и настаивавшая, чтобы всѣ слѣзли, дѣлала большую услугу бѣднымъ заслуженнымъ ветеранамъ, когда-то возившимъ отца и мать въ дни ихъ молодоженства.

Николай Сергѣевичъ, усѣвшись на свое обычное мѣсто, не принималъ ни малѣйшаго участія въ этой кутерьмѣ.

Сидѣлъ, нахохлившись, конной и бормоталъ что-то про себя, отрывисто и быстро выпуская слова. На колѣняхъ держалъ большой, старый дождевой зонтикъ, съ которымъ никогда не расставался. На остромъ концѣ былъ прикрѣпленъ проволочный крестъ, сбивавшій съ толку непосвященныхъ.

— Что это у васъ, Николай Сергѣевичъ?

Часто тотъ ограничивался въ отвѣтъ однимъ сердитымъ бурчаніемъ, но иногда соблаговолилъ и разъяснить:

— Это моя походная церковь.

Я не знаю, служилъ ли зонтикъ для обыкновенной цѣли. Значеніе его было скорѣе символическое, и онъ распускался въ разныхъ случаяхъ жизни. Въ «походную церковь» Николай Сергѣевичъ удалялся въ силу духовной потребности. Будучи человѣкомъ религіознымъ, онъ иногда нуждался въ уединеніи и, не стѣняясь присутствіемъ людей, распускалъ зонтикъ. Изъ-подъ шатра этой скинии раздавалось затѣмъ пѣніе псалмовъ, и въ эти минуты уже нельзя было обращаться ни съ чѣмъ къ Николаю Сергѣевичу. Или не отвѣтить вовсе, или не на шутку разсердиться, что въ виду его, хотя и рѣдкихъ, буйныхъ припадковъ было небезопасно.

Случалось, что во время поѣздки на долгушѣ онъ внезапно поднималъ зонтикъ и съ трескомъ раскрывалъ его. Я принимался обыкновенно хохотать и не прочь былъ по мальчишескому озорству подразнить сумасшедшаго, но меня, конечно, удерживали старшіе.

Несомнѣнно, однако, что удаленію подъ «походную церковь» придавался и иной смыслъ, въ нѣкоторомъ родѣ политической демонстраціи. Николай Сергѣевичъ терпѣть не могъ чиновниковъ, особенно въ фуражкахъ съ кокардами, исправника, становаго, полицейскихъ, и, увидѣвъ ихъ гдѣ-нибудь, хотя бы въ чужомъ домѣ, сейчасъ же прибѣгалъ къ своему зонтику. Накрывшись, онъ ходилъ передъ ненавистными ему людьми съ явнымъ вызовомъ и уже не цѣлъ псалмовъ, а сердито бурчалъ что-то крайне осудительное.

Рѣзко высказанное мнѣніе, несогласное съ республиканскими убѣжденіями бывшаго члена «Южнаго общества», вызывало также демонстративное хожденіе подъ шатромъ.

Съ зонтикомъ своимъ Николай Сергѣевичъ не разставался и въ храмѣ, во время богослуженія.

Нѣкоторые возгласы ектеньи вызывали недовольство въ больномъ, мятежномъ духѣ декабриста, и онъ въ эти моменты находилъ нужнымъ удалиться въ собственную «церковь», т. е. раскрывалъ зонтикъ. Это было уже нарушеніемъ благочинія въ храмѣ и могло послужить матеріаломъ для неодобрительнаго полицейскаго доклада по начальству, такъ какъ Николай Сергѣевичъ вмѣстѣ съ братомъ состояли подъ надзоромъ.

Но и сельскій священникъ, духовный отецъ декабриста, и мѣстные власти относились къ бѣдному безумцу снисходительно и не дѣлали шума изъ-за его выходокъ.

А народъ, не вникая въ смыслъ поступковъ сумасшедшаго, просто жалѣлъ:

— Блаженненькій...

Въ одну изъ поѣздокъ на долгушѣ въ лѣсъ, помню, случился большой переполохъ. Тетка моя страшно боялась волковъ. Никакія убѣжденія, что они безопасны для человѣка лѣтомъ и въ одиночку, не дѣйствовали, и для охраненія брался на всякій случай большой колокольчикъ, такъ какъ въ домѣ нашемъ существовало убѣжденіе, что волки пугаются звона.

Однажды всѣ мы гурьбою возвращались къ долгушѣ съ кузовками и корзинами. Тетка шла впереди, предводительствуя отрядомъ, и зорко оглядывала окрестности, а Николай Сергѣевичъ шествовалъ въ аррьергардѣ со своею «походною церковью».

Вдругъ на полянкѣ, шагахъ въ двухстахъ отъ насъ, показался звѣрь. Большой, сѣрый, съ опущенной головой.

— Волкъ!

Тетка такъ и присѣла. Блѣдная, съ широко раскрытыми глазами, она достала изъ ридикюля трясушимися руками колоколь и зазвонила. Отрядъ нашъ остановился въ ожиданіи нападенія, хотя по совѣсти мы, молодые и маленькіе, не очень боялись.

Николай Сергѣевичъ счелъ нужнымъ выступить на сцену и проявить себя. Но сдѣлалъ это, конечно, по-своему. Онъ подошелъ къ теткѣ и отчеканилъ съ укоризной:

— Обманъ чувствъ, обманъ зрѣнія отъ человѣческаго размысленія. Это все равно, когда человѣкъ ѣдетъ на лодкѣ, то ему кажется, что лодка стоитъ, а берега плывутъ.

И былъ правъ: волкъ оказался самой мирно настроенной собакой.

II

Николай Сергѣевичъ былъ влюбленъ въ мою мать.

Чувство это было, конечно, вполнѣ платоническое, но, сверхъ того, оно, преломляясь въ призмѣ больного мозга, принимало совершенно своеобразный характеръ.

Дѣло въ томъ, что онъ додумался до полнаго отрицанія брака, но не въ смыслѣ требованія гражданскаго брака или свободы отношений между мужчиной и женщиной, а просто отрицалъ самый фактъ. Супружеское сожитіе опредѣлялъ одной фразой:

— Они вмѣстѣ Богу молятся.

Причемъ всякое представленіе о физическомъ общеніи исключалось, какъ вообще не существующее на свѣтѣ.

Николай Сергѣевичъ не терпѣлъ никакихъ циничныхъ намековъ и нескромныхъ разговоровъ и, услыхавъ что-нибудь подобное, тотчасъ раскрывалъ «походную церковь».

Конечно, при такомъ взглядѣ на отношенія двухъ половъ ему трудно было объяснить себѣ появленіе на свѣтъ дѣтей. Но и здѣсь особый ходъ мыслей безумца давалъ выходъ. Такъ, напримѣръ, когда были возвращены братья Бобрищевы-Пушкины изъ ссылки и познакомились съ нашимъ семействомъ, у моихъ родителей было только двое дѣтей. Ихъ Николай Сергѣевичъ признавалъ. А меня съ младшей сестрой, родившихся уже за время посѣщенія Николаемъ Сергѣевичемъ нашего дома, просто отрицалъ, какъ нѣчто не существующее, и никогда къ намъ не обращался ни съ однимъ словомъ.

Влюбленность въ мою мать, какъ я уже говорилъ, выражалась подношеніемъ букетовъ, но была попытка и болѣе серьезная. Ко дню рожденія или именинъ, хорошенько не помню, Николай Сергѣевичъ передалъ матери листокъ со стихами и буркнулъ:

— Это о васъ.

А потомъ удалился для хожденія взадъ и впередъ по залу.

Къ сожалѣнію, написанная Николаемъ Сергѣевичемъ басня не сохранилась. По словамъ матери, содержаніе ея было уловить трудно.

Почему-то дѣло шло объ ослѣ съ длинными ушами, которыя все слышать, и мать, смѣясь, спрашивала, насколько такое сравненіе можетъ считаться за комплиментъ.

Оригинальное ухаживаніе Николая Сергѣевича создавало иногда весьма затруднительныя положенія.

Безумецъ посвящалъ свои досуги переводамъ изъ Расина и Корнеля, причемъ основательно передѣлывалъ ихъ, сообразно своимъ возрѣніямъ, хотя и сохранялъ силлабическій размѣръ. Ко многимъ, даже общепонятнымъ, выраженіямъ онъ считалъ нужнымъ добавлять свои поясненія. Его рукопись, на снѣговой, толстой бумагѣ, писанная гусинымъ перомъ, стариннымъ почеркомъ, содержала и та-

кія выраженія: «трагедія, или кинжалоразыгрательное представленіе», «комедія, или околосмѣхотвореніе».

Самый текстъ былъ понятенъ развѣ одному Николаю Сергѣевичу. Въ его лексиконѣ не существовало словъ: мужъ, жена, сынъ, дочь, любовникъ и всѣ выраженія, опредѣляющія взаимныя отношенія половъ. Все это замѣнялось крайне туманными сочетаніями словъ.

Повсюду чувствовалась бесплодная борьба остатковъ разума съ непреложными, повседневными фактами ради доказательства явнаго логическаго абсурда—отрицанія этихъ фактовъ. Способъ мышленія безумца въ сущности свойствененъ въ меньшей мѣрѣ почти всякому человѣку. На то, что не подходитъ къ взглядамъ и убѣжденіямъ, что опрокидываетъ выношенную тщательно теорію, что доказываетъ, какъ дважды два четыре, несоотвѣтствіе воображаемаго съ дѣйствительностью,—на все это люди попросту закрываютъ глаза, машутъ рукою и упорно продолжаютъ вѣрить, отрицать, любить и ненавидѣть.

Поздиѣ, думая о причинахъ сумасшествія декабриста, я, кажется, нашель путь къ его пониманію.

Натура Николая Сергѣевича была, несомнѣнно, страстная и, быть можетъ, способная на самые бурные порывы въ любви къ женщинѣ. Къ тому же сосланъ онъ въ Сибирь совсѣмъ юношей. Но ледяная могила, ужасъ пошлости и безобразія сибирскаго захолустья давали лишь два исхода: полный аскетизмъ или погрязаніе въ грубой оголенной чувственности. На послѣднее Николай Сергѣевичъ, идеалистъ во всемъ, не былъ способенъ. Женщину онъ идеализироваль такъ же, какъ и политическую революцію. И когда мозгъ не выдержаль борьбы человѣка съ самимъ собою и съ окружающею дѣйствительностью, встали и окружили призраки. Началась жизнь не существующая. Въ обстановкѣ грубаго произвола и издѣвательства надъ личностью онъ воображалъ себя депутатомъ всероссійской республики, а на жгучіе запросы собственнаго тѣла отвѣтилъ отрицаніемъ самаго факта половой жизни. Призраки стали дѣйствительностью, а дѣйствительность объявлена призракомъ.

И если все же въ этотъ міръ несуществующаго вторгались слишкомъ явно пошлость и насиліе, Николай Сергѣевичъ впадалъ въ изступленіе, и буйные припадки его были ужасны. А на склонѣ лѣтъ, оstarѣвъ тѣломъ и духомъ, выдумаль дѣтскій способъ скрываться подъ шатромъ «походной церкви»...

Рукописные переводы изъ Корнеля и Расина составляли довольно объемистую тетрадь. Однажды Николай Сергѣевичъ привезъ ее къ намъ и съ особо торжественнымъ видомъ подошелъ къ матери.

— Отдайте напечатать мои сочиненія.

Возражать было нельзя. Противорѣчіе могло возбудить припадки, которые все же изрѣдка бывали.

Сначала мать надѣялась, что Н. С. просто забудетъ, но въ слѣдующее посѣщеніе онъ спросилъ, отдали ли рукопись въ печать. Пришлось сказать, что отдали. Потомъ, что печатается, что скоро будетъ доставлена. Безумецъ, видимо, волновался, началъ даже раздражаться.

Мать, наконецъ, придумала исходъ. Рукопись послали въ ближайшій губернской городъ, Тулу, переплестъ. Переплетчика просили постараться Тотъ понялъ заказъ по-своему и на обложкѣ оттиснулъ золотомъ крупными буквами: «Сочиненія Н. С. Бобрічева-Пушкина», а сверху дворянскую корону.

Н. С. остался крайне доволенъ. Толстый коленкоровый переплетъ и тисненіе очень ему понравились и, видимо, льстили авторскому самолюбію. Онъ улыбался, разсыпался въ благодарностяхъ, цѣловалъ у матери руки... и вдругъ круто измѣнился.

Лицо поблѣднѣло, загорѣлись недобрымъ огонькомъ глаза, движенія стали порывистыми.

Указавъ перстомъ на корону, рѣзко повернулся и зашагалъ по залу, повторяя хриплымъ, угрожающимъ голосомъ:

— Дурацкій, простацкій колпакъ!

Депутатъ всероссійской республики, исповѣдывавшій декларацию правъ человѣка, не выносилъ эмблемъ сословныхъ преимуществъ, а корону помѣстили на его собственныхъ сочиненіяхъ.

Къ счастью, мать нашлась и тутъ. Она подошла смѣло къ разсерженному безумцу и остановила, взявъ его за рукавъ, безконечное хожденіе.

— Успокойтесь, Николай Сергѣевичъ, виновать во всемъ переплетчикъ. Я прикажу передѣлать.

Это произвело свое дѣйствіе, конечно, благодаря вліянію матери.

— Прикажите.

И въ голосѣ послышались нѣжность и просьба.

И опять уже въ мирномъ настроеніи Н. С. зашагалъ взадъ и впередъ по залу, повторяя свой любимый афоризмъ:

— Обманъ чувствъ, обманъ зрѣнія отъ человѣческаго размышленія.

Эта замѣчательная фраза употреблялась въ самыхъ различныхъ случаяхъ. Но иногда являлась настоящей скинѣй духа, подъ сѣнь которой можно уйти отъ пошлой и несправедливой дѣйствительности.

Все обманъ, что не соотвѣтствуетъ призрачному міру, созданному безумнымъ порывомъ передѣлать по-своему всю русскую жизнь...

«Сочиненія» не посылали вновь въ Тулу, а обошлись домашними средствами. Нашелся тисненый на бумагѣ букетикъ розъ и залѣпили имъ дворянскую корону.

Н. С. удовлетворился вполне и во время своих прогулок по амфиладѣ парадныхъ комнатъ подходилъ иногда къ книжному шкапу, отворялъ, доставалъ томъ своихъ увражей и, перелиставъ нѣсколько страницъ, благоговѣнно ставилъ на полку обратно...

Большой грѣхъ взяли на душу мои старшіи брать и сестра, оба съ литературнымъ дарованіемъ и печатавшіеся, а теперь уже покоящіеся въ могилахъ, что не оставили воспоминаній о Н. С. Бобрищевѣ-Пушкинѣ. У нихъ было больше впечатлѣній и болѣе осмысленныхъ, чѣмъ у меня, выдавшаго безумнаго декабриста ребенкомъ. По словамъ покойнаго брата, Николай Сергѣевичъ совершенно ничего не зналъ о перемѣнахъ въ русской государственной и общественной жизни за время царствованія Николая I и Александра II. Не зналъ, а по логикѣ безумія и не хотѣлъ знать. Онъ сохранился цѣликомъ, какъ вѣрилъ и чувствовалъ поручикомъ второй арміи, когда примкнулъ къ «Южному обществу», поклялся въ вѣрности дѣлу освобожденія Россіи и всей душою отдался Пестелю, который, кажется, и посвятилъ его въ тайну заговора. Все, что возбудило въ немъ горячій протестъ и жажду борьбы съ неправдой, пылкія рѣчи на засѣданіяхъ тайнаго общества, увлекательныя мечты о преобразованіи Россіи и дѣйствительность въ образѣ Аракчеева, все это сохранила память свѣжо и ярко, а долгіе годы ссылки и доживаніе жизни въ усадьбѣ были стертыя страницы русской исторіи, съ которыми Н. С. не хотѣлъ считаться. Онъ остался въ неприкосновенности идеалистомъ-мечтателемъ, республиканцемъ.

Меня занималъ вопросъ, какъ относился Н. С. къ освобожденію крестьянъ. Для него, повидимому, 1861 г. не существовалъ вовсе, и онъ мысленно жилъ въ старой крѣпостной Россіи. Много способствовала этому окружающая обстановка. Въ усадьбѣ, да и въ отношеніяхъ помѣщика къ крестьянамъ съ внѣшней стороны не измѣнилось почти ничего. Я говорю, конечно, о помѣщикахъ, оставшихся жить въ имѣніяхъ. У насъ, на примѣръ, почти до начала 80-хъ годовъ жила въ усадьбѣ вся прежняя дворня съ ея многочисленнымъ поколѣніемъ. Каждое семейство попрежнему получало мѣсячину мукой, солью, масломъ и проч. и пользовалось молокомъ отъ коровы изъ барскаго стада. Обѣдать и ужинать дворня садилась за общій столъ въ особомъ флигелѣ, называвшемся людской. Жалованье получали лишь тѣ изъ дворовыхъ, которые находились на службѣ, а мѣсячину всѣ.

Дѣваться дворнѣ было некуда, и она была благодарна помѣщику, если онъ ее не гналъ. Понятно, что всѣ обычаи крѣпостного права, холопское униженіе и раболѣпство сохранились вполне, и въ усадьбѣ все обстояло попрежнему. Отношенія помѣщиковъ къ крестьянамъ тоже складывались первое время на патріархальныхъ началахъ. Моя мать, на примѣръ, вошла съ оброчными кре-

стьянами въ договоръ по исполному хозяйству. Крестьяне работали попережнему на барыню, отдавая половину урожая. Въ экономическомъ отношеніи здѣсь была существенная разница, въ бытовомъ почти никакой. Крестьяне при встрѣчѣ снимали шапки и низко кланялись. Въ первый день Пасхи шли гурьбой христосоваться съ матерью. Разрѣшеніе на бракъ, конечно, не испрашивалось, но новобрачные приходили попережнему на поклонъ, получали подарки, и мать должна была пригубить стаканъ съ виномъ и объявить нѣсколько разъ: «горько», что заставляло молодыхъ цѣловаться. Послѣ уборки сѣна и съ первымъ снопомъ собирались на дворъ женщины и дѣвушки, пѣли, водили хороводы, были угощаемы водкой, ѣдой и сладостями. Потомъ приходили и мужики. Даже бургомистръ остался въ сущности въ лицѣ старосты, отвѣчавшаго за правильность выполненія договора, и я помню его красное, потное лицо, волосы, смоченные квасомъ, неизмѣнныя бирки, на которыхъ отмѣчались копны, слащаво-плутоватый голосъ и долгое стояніе въ прихожей.

Въ усадьбѣ Бобрещева-Пушкина также, по крайней мѣрѣ первое время, сохранились патриархальные порядки, и Н. С. окружала иллюзія крѣпостныхъ обычаевъ. Такъ что остается вопросъ лишь о сочувствіи освобожденію крестьянъ. «Южное общество», какъ извѣстно, въ своей программѣ требовало уравненія правъ всѣхъ сословій, но выполнѣ возможно, что нѣкоторые члены общества сохранили въ душѣ аристократическую обособленность и не считали освободительную реформу самой важной. Н. С. былъ республиканцемъ и ненавидѣлъ эмблемы власти и сословныхъ привилегій, но, какъ кажется, въ бытность свою офицеромъ и заговорщикомъ, мало думалъ о положеніи крестьянъ, а съ начала безумія и вовсе отдался во власть призраковъ.

Можетъ быть, въ немъ сохранилась значительная доля аристократическаго презрѣнія къ мужику, и его рабское состояніе не казалось вопіющимъ зломъ. Говорю объ этомъ потому, что братъ передавалъ мнѣ отвѣтъ Н. С. на вопросъ о крестьянахъ:

— Что же, и въ римской республикѣ были рабы.

Возможно, что онъ просто хотѣлъ отдѣлаться отъ назойливыхъ разспрашиваній и отрѣзалъ сплеча.

Впрочемъ, въ такомъ смѣшеніи республиканства съ крѣпостничествомъ не было ничего невѣроятнаго.

Многіе помѣщики XIX вѣка были «вольтерьянцами», т. е. исповѣдывали весьма либеральныя идеи и рѣзко осуждали современный политическій строй Россіи, что не мѣшало, однако, вольнодумцамъ проживать безмятежно въ усадьбѣ, пользуясь даровымъ крестьянскимъ трудомъ, и даже отечески наказывать провинившихся дворовыхъ, или же проматывать доходы съ имѣній въ столицахъ и чужихъ странахъ, отдавая деревню во власть

управляющихъ и бургомистровъ, еще болѣе тяжелой, чѣмъ власть помѣщиковъ.

Меня могутъ упрекнуть за то, что я слишкомъ серьезно отношусь къ словамъ и выходкамъ безумнаго декабриста, но вѣдь безуміе его было особаго рода. Это былъ единственный изъ участниковъ 14 декабря, сохранившій въ неприкосновенности всѣ взгляды и убѣжденія члена «Южнаго общества» и образованнаго дворянина 20-хъ годовъ. Это былъ осколокъ старины, на которомъ цѣлое полстолѣтія не оставило никакого слѣда, и внимательный наблюдатель могъ бы почерпнуть изъ проблесковъ разума безумца многое, весьма интересное и важное для характеристики этихъ людей прошлаго, создавшихъ роковой моментъ въ исторіи Россіи и повлиявшихъ на ея дальнѣйшую судьбу. Но такого наблюдателя не было. Былъ просто любопытный ребенокъ, сохранившій къ зрѣлому возрасту обрывки воспоминаній.

И я закончу очеркъ свой сценой буйныхъ припадковъ Н. С., оставившей въ моей памяти неизгладимое впечатлѣніе.

Обыкновенно, когда замѣчали слишкомъ взволнованное состояніе декабриста, ему совѣтовали ѣхать домой, и на слова матери: «Поѣзжайте, отдохните, вы не совсѣмъ здоровы», онъ какъ-то виновато улыбался и покорно отправлялся домой, гдѣ иногда впадалъ въ изступленіе, сдерживаемое силой воли въ присутствіи чужихъ людей.

Сумасшедшіе часто знаютъ объ ужасѣ и безобразіи своихъ припадковъ и въ минуты покоя и просвѣтленія стыдятся своей болѣзни, тщательно скрываютъ ее.

Но случилось разъ, что Н. С. не выдержалъ, будучи у насъ въ гостяхъ. Въ этомъ всецѣло былъ виноватъ письмоводитель моего отца. Человѣкъ толстый, недалекій, жизнерадостный и въ сущности добрый, онъ по примѣру многихъ любилъ позабавиться надъ сумасшедшими и подразнить ихъ. Ему это грустное развлеченіе строго воспрещали, но не всегда удавалось услѣдить. Онъ воспользовался какимъ-то случаемъ, когда отецъ и мать были заняты, и сошелъ въ залъ, гдѣ въ одномъ направленіи гордо расхаживалъ Н. С., а въ противоположномъ семенилъ ножками мой безумный дядя.

Съ жестокой изобрѣтательностью здороваго, жирнаго глупца онъ началъ стравливать сумасшедшихъ. Декабристъ понялъ издѣвательство, но старался сдержаться, показывая по обыкновенію, что онъ понимаетъ жалкое положеніе дяди, и даже потрепалъ по плечу товарища своего по безумію. Но тотъ почему-то озлился и заворчалъ. А письмоводитель въ то же время сталъ дразнить сумасшедшаго республиканца словами, которыхъ тотъ не переносилъ. Н. С. метался, какъ раненый звѣрь, и, кажется, искалъ свою «по-

ходную церковь». Но письмоводитель заступилъ ему дорогу и сказалъ что-то объ его чувствахъ къ матери.

Тутъ и начался тотъ ужасъ, котораго никогда не забуду. Я стоялъ у дверей зала и смотрѣлъ на все происходящее съ бьющимся сердцемъ. Я зналъ, что письмоводитель дѣлаетъ дурно, и что это запрещено, но, весь замирая отъ страха, продолжалъ наблюдать.

Залъ огласился дикимъ, нечеловѣческимъ ревомъ. Н. С. взмахнулъ руками, и письмоводитель грузно покотился на полъ. Какъ гадину, пнулъ ногою охающаго и стонущаго толстяка и съ сжатыми кулаками, обжигая все кругомъ безумнымъ блескомъ глазъ, закружился по комнатѣ, рыкая, хрипя и задыхаясь.

Помню, что я боялся, какъ бы онъ не бросился на меня, но ужасъ приковалъ меня къ мѣсту.

На шумъ выбѣжалъ отецъ. Н. С. ринулся впередъ, ударилъ, разорвалъ на немъ платье. Въ дверяхъ показалась блѣдная перепуганная мать.

— Уйдите, не смотрите!—рыкнулъ на нее Н. С.

Послали въ людскую. Дюжіе мужики ввалились въ залъ. Н. С. отбивался съ неестественной силой, которую рождаетъ только безуміе. Нѣсколько разъ разметывалъ онъ людей, изъ которыхъ каждый въ обыкновенное время былъ сильнѣе его. И ревѣлъ и кричалъ, торжествуя побѣду надъ врагами, въ эти минуты олицетворявшими для него все зло, всю неправду жизни.

Онъ выкрикивалъ что-то непонятное. Быть можетъ, то были и слова, слова непримиримой ненависти къ произволу и насилию.

Принесли веревку и закинули на безумца. Стянули поперекъ тѣла. Дернули и грохнулся побѣжденный, крича, визжа и рыдая. А потные, съ красными отъ борьбы лицами, люди навалились на одного цѣлой кучей, и долго изъ-подъ нея раздавался хриплый, задавленный ревъ.

Связали и потащили.

И вотъ врѣзалось мнѣ въ память страшное и жалкое лицо сумасшедшаго. Ушибленный, окрѣвавленный лобъ, разинутый ротъ съ натянувшимися бѣлыми губами. Безпрерывный вопль, хватающій за сердце, несется оттуда, Почему-то обидно за этого чело-вѣка, что онъ такъ страшно, не по-людски кричить.

А глаза. Въ нихъ ужасъ, тоска и стыдъ. И будто они только, эта глаза, сохранили разумную жизнь въ отравленномъ роковымъ недугомъ тѣлѣ. Смотрять на что-то, жалуется, хотятъ сказать объ ужасѣ страданія въ борьбѣ духа съ тѣломъ. Этъ тоска зародилась еще тамъ, въ ледяной сибирской могилѣ, въ ужасѣ и безобразіи и окружающей пошлости.

А когда уносили связаннаго Н. С., раздался собачій визгъ и кто-то забарабанилъ о крышку рояли. То начался припадокъ и съ моимъ дядей...

И нѣсколько разъ говорила мнѣ мать, что не можетъ забыть выраженія гласъ Н. С. во время припадка и что долго плакала она о бѣдномъ безумцѣ, когда его увезли...

III.

Вотъ и все, что сохранила мнѣ память о Н. С. Бобрищевѣ-Пушкинѣ и что рассказали мнѣ о немъ родные, когда я подросъ и сталъ сознательнѣе относиться къ окружающей жизни. Пришло время, и я узналъ и понялъ, почему этотъ безумецъ-старикъ, жалкій, а подчасъ смѣшной, внушаетъ старшимъ уваженіе.

Узналъ я горькую повѣсть его прошлаго. Она извѣстна развѣ только лицамъ, специально изучавшимъ дѣло 14 декабря, потому что оба Бобрищевы-Пушкины не играли выдающейся роли въ заговорѣ, ничѣмъ особеннымъ не выдѣлились и въ ссылкѣ, а когда вернулись на родину, больные, разбитые тѣломъ и душою, жизнь ихъ догорѣла незамѣтно въ тихой помѣщицкѣй усадьбѣ¹⁾.

Николай и Павелъ Сергѣевичи Бобрищевы-Пушкины были поручиками квартирмейстерской части во второй арміи. Оба примкнули къ «Южному обществу», но верховный уголовный судъ опредѣлилъ вину ихъ неодинаково. Николай Сергѣевичъ признавъ виновнымъ «въ участіи въ умыслѣ бунта принятіемъ на сохраненіе бумагъ Пестеля» и отнесенъ къ 8-му разряду государственныхъ преступниковъ, т. е. приговоренъ къ лишенію чиновъ и дворянства и къ ссылкѣ на поселеніе.

Павелъ Сергѣевичъ, признанный виновнымъ «въ знаніи объ умыслѣ на цареубійство и въ участіи въ умыслѣ бунта принятіемъ на сохраненіе бумагъ Пестеля и привлеченіемъ въ тайное общество одного члена», осужденъ гораздо строже, по 4-му разряду: къ ссылкѣ въ каторжныя работы на 15 лѣтъ, а потомъ на поселеніе.

Безпримѣрный по своей жестокости приговоръ верховнаго суда былъ смягченъ Николаемъ I. Указъ 10 іюля 1826 года уменьшилъ срокъ каторги для Павла Сергѣевича до 12 лѣтъ. Но уже въ слѣдующемъ мѣсяцѣ (22 августа 1826 г.) послѣдовалъ второй указъ, смягчившій судьбу сосланныхъ декабристовъ въ гораздо большей степени.

Я не знаю, чѣмъ объясняется, что верховная власть въ теченіе всего полутора мѣсяца дважды воспользовалась своимъ правомъ милости, но въ порядкѣ постепенности. Вѣроятно же всего, что Николай I, получивъ приговоръ, поспѣшилъ понизить степень наказанія преимущественно первыхъ двухъ разрядовъ: по первому

¹⁾ Свѣдѣнія о пребываніи Бобрищевыхъ-Пушкиныхъ въ ссылкѣ почерпнуты, главнымъ образомъ, изъ книги А. Н. Дмитріева-Мамонова: «Декабристы въ Западной Сибири».

разряду смертная казнь черезъ отсѣченіе головы, а по второму казнь политическая, т. е. положеніе головы преступника на плаху и ссылка на вѣчную каторгу. Когда же было спасено нѣсколько жизней, императоръ внимательно отнесся къ остальнымъ категоріямъ и уменьшилъ сроки.

По второму указу Николай Сергѣевичъ осужденъ на ссылку въ Сибирь срокомъ на 20 лѣтъ. Павелъ Сергѣевичъ въ каторгу на 8 лѣтъ, а потомъ на поселеніе.

Разлука братьевъ повліяла особенно на Николая. Положеніе Павла, несмотря на каторгу, было легче уже потому, что онъ находился тамъ среди другихъ, имѣлъ общеніе съ товарищами, раздѣлявшими одинаковую съ нимъ участь.

Для Николая Сергѣевича болѣе мягкій приговоръ сталъ роковымъ. Въ началѣ декабристовъ-поселенцевъ было немного: большинство отбывало сроки въ рудникахъ.

Если бы Бобрицева-Пушкина сослали въ Березовъ, гдѣ были въ то время политическіе ссыльные, быть можетъ, онъ не сошелъ бы съ ума, но почему-то мѣстомъ ссылки для него выбрали заштатный уѣздный городъ Енисейской губерніи, Туруханскъ. Это и донныя въ своемъ родѣ конецъ свѣта, Богомъ и людьми проклятое захолустье, гдѣ холодъ леденитъ кровь и человѣческія чувства, гдѣ царитъ ледяная смерть и люди становятся звѣрями. И захолустье русское, старой, дореформенной Россіи... Жестокій морозъ, девятимѣсячная зима, никогда не оттаивающая тундра, и въ зимній полдень безконечныя снѣжныя равнины и холмы, освѣщенные красными, косыми лучами, какъ у насъ при восходѣ или закатѣ.

А люди. Одурѣвшіе отъ водки, картежной игры и бездѣлья чиновники и полицейскіе, жалкіе дикари сѣвернаго побережья Сибири—и тоска, безумная, беспросвѣтная тоска человѣка о теплѣ и солнцѣ, о ласковой синевѣ небесъ, о зеленомъ коврѣ полей и луговъ, о тѣнистой, задумчивой дубравѣ лѣса, о звонкой пѣснѣ... Идутъ дни, недѣли, годы... Нѣтъ надежды на лучшее будущее. Двадцать лѣтъ протянутся длинной чередой безумно-тоскливыхъ дней. И не съ кѣмъ говорить, никто не пойметъ мысли, выходящей за кругъ обыденной жизни, за кругъ пошлаго, во всѣхъ проявленіяхъ мѣщанскаго существованія.

Николай Сергѣевичъ молодой, горячій, непримиримый, какимъ онъ остался и до конца жизни, не выдержалъ. Одиночество и нужда побѣдили—онъ сошелъ съ ума.

Конечно, въ донесеніяхъ туруханскаго начальства нельзя найти и намекъ на то, въ чемъ заключалось «помѣшательство ума» ссыльнаго декабриста. Просто туруханскія власти обезпокоились неожиданнымъ случаемъ и при полномъ отсутствіи «медицинскихъ пособій» поспѣшили сбить съ рукъ безумца. А сумасшествіе Николая Сергѣевича было буйное, съ припадками того несказаннаго ужаса,

когда воспаленная мысль, дошедшая до проникновеній въ непознаваемое, встрѣчала повсюду кругомъ безразличіе глупости и тупость ожирѣвшаго мозга.

Николая Сергѣевича по волѣ вышшаго начальства изъ гнусной ледяной трущобы свезли въ губернскій городъ Красноярскъ и помѣстили въ больницу приказа общественнаго призрѣнія. По официальнымъ свѣдѣніямъ, припадки душевной болѣзни, которою онъ страдалъ, приводили его въ изступленіе и дѣлали опаснымъ для окружающихъ.

Тѣмъ временемъ окончился срокъ каторги Павла Сергѣевича. Начальство опредѣлило его на поселеніе въ Иркутскую губернію, но потомъ перевело въ Красноярскъ для совмѣстнаго сожителства съ больнымъ старшимъ братомъ. Это облегчало задачу «общественнаго призрѣнія».

Въ 1834 году Высочайшимъ приказомъ разрѣшено Бобріщевымъ-Пушкинымъ жить въ Тобольскѣ. Братья поселились вмѣстѣ. Мягкій, безконечно добрый Павелъ Сергѣевичъ былъ радъ посвятить себя уходу за безумцемъ, но тотъ не признавалъ ничего и продолжалъ неистовствовать. Если на склонѣ дней Николай Сергѣевичъ относился такъ непримиримо ко всему, что противорѣчило его убѣжденіямъ и являлось нагляднымъ свидѣтельствомъ несоотвѣтствія русской жизни съ идеалами политическаго мечтателя, то можно вообразить себѣ, какое пламя вздувала въ этомъ мятежномъ и больномъ духѣ сибирская обыденщина николаевскихъ временъ.

Павелъ Сергѣевичъ рѣшилъ, послѣ долгихъ колебаній, оставить брата на квартирѣ одного, подъ надзоромъ преданной прислуги, а самъ поселился въ домѣ декабриста П. Н. Свистунова, съ которымъ былъ связанъ тѣсной дружбой.

Оба брата сильно нуждались. Отъ родныхъ изъ Россіи не получали ничего и потому пользовались казеннымъ пособіемъ, специально назначеннымъ для декабристовъ: 57 рублей $14\frac{2}{7}$ копеекъ серебромъ на челоуѣка.

Въ 1845 году по предложенію комитета министровъ высшій размѣръ пособія былъ увеличенъ до 114 рублей $28\frac{4}{7}$ копеекъ серебромъ. Николай Сергѣевичъ, въ виду его болѣзни, и пользовался этимъ увеличеннымъ окладомъ политическаго ссыльнаго, а братъ его, Павелъ Сергѣевичъ, вынужденъ былъ довольствоваться окладомъ половиннымъ.

Въ Тобольскѣ братья прожили семнадцать лѣтъ. Павелъ Сергѣевичъ велъ образъ жизни крайне скромный. Время проводилъ въ чтеніи книгъ духовнаго содержанія.

Каторга, ссылка, безуміе брата и матеріальная нужда—все это способствовало развитію склонности къ мистицизму. Такова была вѣра, а въ качествѣ добрыхъ дѣлъ онъ занимался безвозмезднымъ

леченіемъ бѣдвыхъ. Мистицизмъ и здѣсь повліялъ на Павла Сергѣевича, и онъ не обращался къ приѣмамъ общепринятой медицины, но увлекся гомеопатіей, требующей тоже своего рода вѣры. Въ 1848 г. въ Тобольскѣ свирѣпствовала холера. Павелъ Сергѣевичъ весь отдался подвижничеству: ходилъ со своей аптечкой по лачугамъ, утѣшалъ добрыми словами здоровыхъ въ горѣ и ухаживалъ за трудно больными, не думая о постоянно грозившей ему самому опасности.

Придирчивое тобольское начальство не препятствовало благотворительной дѣятельности Бобрищева-Пушкина, а въ Тобольскѣ среди населенія надолго сохранилась о немъ лучшая память.

О поведеніи декабристовъ въ ссылкѣ посылались постоянно донесенія въ Петербургъ. Павелъ Сергѣевичъ аттестованъ былъ въ смыслѣ хорошаго поведенія, а относительно образа его жизни администрація доносила: «ничѣмъ не занимается» или «занимается чтеніемъ книгъ». Въ этомъ можно видѣть, впрочемъ, простую уловку сибирскихъ властей того времени, когда каждый чиновникъ одолевается былъ рабскимъ страхомъ передъ Петербургомъ, намѣренія и настроенія котораго были всегда загадочны, и оставалось неизвѣстнымъ, какъ отнесется высшее начальство къ благотворительной дѣятельности ссыльнаго государственнаго преступника.

Я лично совершенно не помню Павла Сергѣевича, хотя, по разсказамъ матери, онъ меня очень любилъ и даже благословилъ образомъ явленія Богоматери и апостоловъ Сергію Радонежскому. Образокъ этотъ висѣлъ надъ моей дѣтской кроватью, и я цѣловалъ его послѣ молитвы передъ спомъ. Помню также, что какой-то старикъ давалъ мнѣ и сестрѣ крошечные шарики, которые мы принимали за конфеты, но мать отбирала ихъ у насъ и строго-настрого запрещала ѣсть.

А послѣ смерти Павла Сергѣевича вся его гомеопатическая аптечка по предсмертной волѣ покойнаго была привезена къ намъ въ усадьбу и, отправленная въ почетную ссылку—въ одну изъ пустыхъ комнатъ мезонина, долго возбуждала мое дѣтское любопытство. Оказалось, что моя мать, сама занимавшаяся леченіемъ крестьянъ, не желая обижать Павла Сергѣевича, говорила ему, что успѣшно пользуется и его лекарствами, хотя въ дѣйствительности совершенно не вѣрила въ гомеопатію..

Буйные припадки Николая Сергѣевича съ годами постепенно стихали, и его душевная болѣзнь обратилась въ тихое, созерцательное умопомѣшательство. Пламя безумія угасло и смѣнилось безысходной тоской, только изрѣдка прерываемой буйными вспышками. И о немъ начальство доносило въ Петербургъ, такъ какъ сумасшествіе не избавляло ссыльнаго декабриста отъ полицейскаго надзора.

Аттестаціи о немъ были, впрочемъ, всегда однѣ и тѣ же: «поведенія хорошаго, сколько помѣшательство ума позволяетъ» или «находится въ помѣшательствѣ ума».

Остается сказать о томъ, почему Бобрищевы-Пушкины терпѣли въ Сибири нужду и не получали изъ Россіи никакого пособія отъ родственниковъ. Проще всего объясняется это тѣмъ, что два брата, Михаилъ и Петръ Сергѣевичи, и сестра ихъ, Марія Сергѣевна, были сами людьми съ очень ограниченными средствами, хотя и владѣли помѣстьями.

О Марьѣ Сергѣевнѣ, оставшейся незамужней до старости лѣтъ, въ моей семьѣ сохранялась самая теплая память, какъ о человѣкѣ безконечной доброты и чисто ангельскаго терпѣнія, подвергавшагося конечно, большимъ испытаніямъ послѣ возвращенія изъ ссылки братьевъ, изъ которыхъ одинъ былъ безумный, а другой страдалъ старческими недугами.

Петръ Сергѣевичъ Бобрищевъ-Пушкинъ, ставшій послѣ смерти сестры своей единственнымъ владѣльцемъ села Коростина, ¹⁾ смежнаго съ нашимъ имѣніемъ ²⁾, также личность незаурядная. О немъ сохранилось сказаніе, что, состоя на военной службѣ въ чинѣ полковника, онъ при какомъ-то переходѣ войскъ скомандовалъ своему полку «итти на Москву». Къ какому времени относится этотъ анекдотъ, я не знаю, но Петръ Сергѣевичъ вынужденъ былъ подать въ отставку, хотя другихъ послѣдствій выхода его не имѣла.

Петръ Сергѣевичъ женился уже въ преклонномъ возрастѣ, но бракъ этотъ былъ несчастливъ, и жизнь свою короталъ онъ въ полномъ одиночествѣ, впалъ въ меланхолію и едва ли не страдалъ маіней преслѣдованія. И самъ онъ пересталъ посѣщать знакомыхъ, и его никто не навѣщалъ въ ветхомъ запущенномъ домѣ. Только изрѣдка матери моей, при случайной встрѣчѣ на станціи желѣзной дороги (Суходоль, Сызрано-Вяземской желѣзной дороги), удавалось уговорить старика заѣхать къ намъ. Обыкновенно въ этихъ случаяхъ Петръ Сергѣевичъ отказывался отъ всякаго угощенія и самое большее пилъ чай съ вареньемъ, но всегда подзывалъ при этомъ моего маленькаго двоюроднаго брата и давалъ ему попробовать ложечку варенья и запить чаемъ, чтобы удостовѣриться, нѣтъ ли въ предложенномъ ему угощеніи отравы. Дома у себя Петръ Сергѣевичъ ѣлъ лишь закуски и хлѣбъ, привезенные имъ изъ города и лично имъ купленные.

Чудачествами отличался онъ и ранѣе. Строилъ собственнаго изобрѣтенія молотилку изъ цѣповъ, ударявшихъ механическимъ способомъ, какую-то особую конюшню по новому плану, и при полномъ незнаніи механики и архитектуры терпѣлъ горькую неудачу, а сосѣди за глаза его высмѣивали. Механическіе цѣпы ударили такъ тихо, что подъ нихъ безопасно можно было подставить

---

¹⁾ Село Коростино, Алексинскаго уѣзда, Тульской губерніи.

²⁾ Сельцо Плутнево, родовое имѣніе дворянъ Стечыкинъхъ.

руку, а въ конюшнѣ внезапно оказывались двери столь низкими, что нельзя было ввести самую маленькую лошадь.

Петръ Сергѣевичъ умеръ въ сороковыхъ годахъ въ полномъ одиночествѣ и всѣми покинутый.

Я потому остановился такъ долго на его личности, что онъ, несомнѣнно, былъ ближе другихъ изъ Бобрищевыхъ-Пушкиныхъ къ своимъ братьямъ декабристамъ и по характеру и по взглядамъ. Самыя чудачества его наводятъ на мысль, что въ болѣзни Николая Сергѣевича было нѣчто и семейно-наслѣдственное.

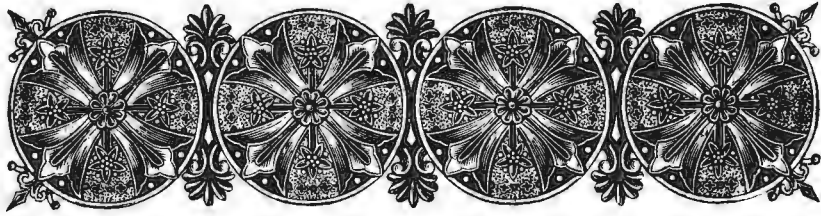
Единственнымъ изъ братьевъ, оставившимъ потомство и донинѣ живущее, былъ Михаилъ Сергѣевичъ. Его семья хотя посѣщала нашу родовую усадьбу, но никогда не была такъ близка къ нашему дому, какъ декабристы и отчасти Петръ Сергѣевичъ.

Въ 1856 году многихъ изъ декабристовъ вернули въ Россію и возстановили въ правахъ. Обратилась съ просьбой на Высочайшее имя и Марья Сергѣевна. Ходатайство ея, поддержанное тульскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства Александромъ Николаевичемъ Арсеневымъ, было успѣшно. На основаніи донесеній тобольскаго губернатора В. А. Арцымовича, что Николай Бобрищевъ-Пушкинъ страдаетъ разстройствомъ разсудка, а Павелъ при болѣзненномъ состояніи лишенъ почти зрѣнія, генераль-адъютантъ графъ Орловъ сдѣлалъ благопріятный докладъ Александру II, вслѣдствіе чего и послѣдовала Высочайшая резолюція о возвращеніи братьевъ на родину въ имѣніе сестры ихъ, съ тѣмъ, однако, чтобы они подвергнуты были строгому надзору мѣстнаго начальства.

На этомъ и кончаются официальные свѣдѣнія о судьбѣ Бобрищевыхъ-Пушкиныхъ, если не считать переписки тобольскихъ властей съ Петербургомъ о томъ, отнести ли расходъ по отправленію ссыльныхъ на родину подъ охраною двухъ казаковъ за счетъ казны, или взыскать эту сумму съ сестры ихъ, Маріи Сергѣевны. Министръ внутреннихъ дѣлъ Ланской рѣшилъ въ послѣднемъ смыслѣ, но, по просьбѣ Бобрищевой-Пушкиной, Александръ II освободилъ небогатую помѣщицу отъ взысканія съ нея довольно крупной суммы.

Кругъ страданій двухъ братьевъ закончился. Они почувствовали себя въ родной обстановкѣ, около любившей ихъ сестры. Оставалось дожить какіе-нибудь остатки дней. И они дожили ихъ тихо и незаметно, и только близко ихъ знавшія лица сохраняютъ теплое воспоминаніе о двухъ старикахъ, пріѣхавшихъ изъ далекой Сибири, гдѣ тридцать лѣтъ тянулась духовная и тѣлесная казнь. Впрочемъ, изъ лицъ, не родственныхъ, знавшихъ Бобрищевыхъ-Пушкиныхъ, только и остались живыми, что я и сестра моя, донинѣ берегущая рукописные переводы Николая Сергѣевича...

Сергѣй Соломинъ.

ХАРЬКОВСКОЕ ЛИХОЛѢТЬЕ.

(Отрывки изъ воспоминаній)¹⁾.

ВОСЛѢ мятежа солдатъ, революціонные вожаки стали еще болѣе убѣжденно утверждать, что войска теперь вполнѣ уже на сторонѣ пролетаріата и что солдаты ни въ какомъ случаѣ стрѣлять по толпѣ не будутъ. По правдѣ сказать, не одни революціонеры такъ думали. Однажды генераль-губернаторъ на вечернемъ засѣданіи опросилъ по очереди всѣхъ командировъ частей, кромѣ, конечно, командира казачьяго полка и батальона охотцевъ, по поводу которыхъ не могло быть и тѣни сомнѣнія: могутъ ли они быть увѣрены въ томъ, что ихъ солдаты, въ случаѣ надобности, будутъ стрѣлять по мятежникамъ? Утвердительно отвѣтить не рѣшился ни одинъ командиръ. На этотъ разъ командиръ Старобѣльскаго полка, въ свое время ручавшійся головою за вѣрность своего полка, наученный горькимъ опытомъ, долженъ быть признать, что онъ не ручается уже за свой полкъ. Даже командиръ артиллерійскаго дивизіона заявилъ, что и онъ вполнѣ ручаться за своихъ пушкарей не можетъ.

— Но думаю все же, если пѣхота начнетъ стрѣлять, то и мои поддержать ее, — добавилъ полковникъ къ своему докладу.

Послѣ солдатскаго мятежа дѣла стали принимать все худшій и худшій оборотъ; становилось все тягостнѣе, невозможнѣе. Революціонеры забирали полнымъ ходомъ и неслись на всѣхъ парахъ, стремясь къ республикѣ и суля пролетаріату земной рай, молоч-

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. СХХІІ, стр. 542.

ныя рѣки и кисельные берега. Отсутствие газетъ, не доходившихъ до насъ по милости почтовыхъ чиновниковъ, порождало тѣмъ самымъ невѣроятныхъ слуховъ про то, что въ Петербургѣ чуть ли не совершился переворотъ и объявлена республика. Всѣ эти слухи, усердно распространявшіеся революціонерами и поддерживавшіеся ими въ прокламаціяхъ, еще больше взвинчивали общество и заставляли напуганныхъ обывателей поближе держаться къ революціонной сторонѣ; неровенъ часъ—всѣ эти слухи оправдаются: вѣдь тогда праздникъ будетъ на улицѣ пролетаріата. вмѣсто того, чтобы поддержать правительственную власть, публика либо, придерживаясь теоріи: «моя хата съ краю—ничего не знаю»,—подальше залѣзала въ свои щелки, либо старалась почаще попадать въ лучъ зрѣнія временныхъ владыкъ и всячески отворачивалась отъ непрочны стоявшихъ правительственныхъ чиновъ.

Чувствуя свою силу, революціонеры открыто глумились надъ представителями правительственной власти и въ широко распространяемыхъ по городу прокламаціяхъ особенно настойчиво подчеркивали, что хозяевами положенія являются они, борцы за свободу, а не генераль-губернаторъ, что для нихъ постановленія его, опубликовывавшіяся въ газетахъ и въ расклеенныхъ афишахъ, имѣютъ стоимость, равную цѣнѣ бумажки, на которой они напечатаны. Въ доказательство этого положенія революціонеры въ своихъ прокламаціяхъ приводили такіе факты, въ родѣ всевозможнаго рода забастовокъ; демонстрацій, мятежей и т. п., которые, дѣйствительно, подтверждали, что сила далеко не на сторонѣ законныхъ властей.

При такой тяжелой обстановкѣ генераль-губернаторъ, очень слабо поддерживаемый изъ Петербурга и мѣстными подчиненными ему правительственными чинами, не находилъ въ себѣ рѣшимости энергично бороться съ зазнавшимися революціонерами, придерживаясь наступательнаго образа дѣйствія, и ограничился пассивною обороною, приносившею очень слабые результаты.

Дерзость революціонеровъ дошла до того, что появились самые настойчивые слухи о томъ, что «друзья свободы» лелѣютъ мечту о какомъ-либо насиліи надъ генераль-губернаторомъ и серьезно замышляютъ прикончить его.

Пассивное вообще отношеніе генераль-губернатора и губернатора къ дѣлу борьбы съ засиліемъ революціонеровъ позволило особенно выдвинуться паровозостроительному заводу, насчитывавшему въ своихъ рядахъ свыше 3000 рабочихъ и занявшему, благодаря этой пассивности, такое положеніе, на которое онъ едва ли бы могъ претендовать, будь во главѣ города лица съ болѣе твердымъ характеромъ, умѣющія вполне использовать чрезвычайныя права военнаго положенія.

По мѣрѣ того, какъ ослабѣвала правительственная власть, усиливалось за ея счетъ значеніе этого буйнаго завода, подчинявшаго своей силѣ напуганныхъ обывателей и ясно доказывавшаго, что побѣда—на сторонѣ пролетаріата. Занявъ такое крупное положеніе, рабочіе избрали изъ своей среды комитетъ, во главѣ котораго сталъ, какъ сказывали, свой «генераль-губернаторъ», чинившій судъ и расправу съ такой энергіей и скоростью, которымъ могъ бы позавидовать и настоящій генераль-губернаторъ. Въ этотъ комитетъ стали поступать жалобы на то или другое нарушеніе чьихъ-либо правъ, и самозванные судьи-администраторы не отказывали въ своемъ содѣйствіи.

Наступилъ декабрь, а вмѣстѣ съ нимъ двинулись особенно быстрымъ темпомъ и событія. Не проходило дня, чтобы не было какой-либо забастовки. Бастовали, чередуясь другъ съ другомъ, а иногда и одновременно, булочныя, мастерскія, домашняя прислуга, типографіи, фабрики, заводы... Служащіе во всѣхъ этихъ учрежденіяхъ, домашняя прислуга, официанты ресторановъ, гостиничная прислуга—все это соорганизовалось въ различные союзы, вырабатывало всевозможныя требованія и печатало въ революціонномъ листкѣ свои резолюціи, въ которыхъ сильно проглядывало творчество одного изъ небезызвѣстныхъ профессоровъ, энергично дѣйствовавшаго во славу русской революціи и сильно причастнаго къ военному мятежу.

А тутъ еще ко всѣмъ этимъ проявленіямъ революціи присоединилась такъ называемая декабрьская желѣзнодорожная забастовка.

Поѣзда стали, электричество на вокзалѣ вновь погасло. Противопоставить что-либо этой забастовкѣ, подобно тому, какъ это было сдѣлано въ октябрѣ, въ первую забастовку, военнымъ властямъ не представлялось возможнымъ. Запасные нижніе чины, давшіе тогда кадръ машинистовъ, кочегаровъ, кондукторовъ, стрѣлочниковъ и т. п., были уже уволены въ запасъ, и въ полкахъ не было достаточнаго числа знающихъ желѣзнодорожное дѣло. Да и гарнизонъ былъ настолько численно ослабленъ, что трудно было выдѣлить изъ него нижнихъ чиновъ для желѣзнодорожнаго дѣла. По всему этому пришлось ограничиться только тѣмъ, что станція была объявлена перешедшею въ вѣдѣніе военныхъ властей да усиленіемъ карауловъ, выставленныхъ какъ въ предупрежденіе беспорядковъ, такъ и для охраны грузовъ, лежавшихъ въ застрявшихъ на путяхъ вагонахъ. Вмѣстѣ съ прекращеніемъ электрическаго освѣщенія, на громадной территоріи станціи, за которой углядѣть и при полномъ освѣщеніи трудно, участились кражи изъ товарныхъ вагоновъ, почему возстановить освѣщеніе являлось весьма существенной необходимостью.

Какъ и всегда, капитанъ Агапѣевъ и я были тотчасъ же командированы на вокзалъ, чтобы оборудовать это дѣло. На электриче-

ской станціи, занятой также военнымъ карауломъ, мы нашли нѣсколько человѣкъ рабочихъ, которые заявили намъ, что они рады работать, такъ какъ забастовки стали имъ уже поперекъ горла. Но при всемъ своемъ желаніи—добавили рабочіе—сдѣлать они ничего не могутъ, такъ какъ товарищи ихъ по работѣ на станціи, въ предупрежденіе возстановленія электрическаго освѣщенія, забастовавъ, унесли съ собою стальной клинъ отъ одной изъ частей машины; безъ клина же ее невозможно было пустить въ ходъ. Мы подробно осмотрѣли машину и убѣдились въ справедливости словъ рабочихъ. Однако сдаваться не хотѣлось, и мы начали обсуждать положеніе дѣла. Долго мы осматривали машину и ломали голову, какъ бы оживить ее. Заказать стальной клинъ—и времени много надо, да и ни одинъ заводъ не возьмется за работу какъ изъ солидарности съ желѣзнодорожниками, такъ и изъ боязни мести. А что если вмѣсто стального клина вставить желѣзный?—пришло кому-то изъ насъ въ голову. Мы ухватились за эту мысль и тотчасъ же рѣшили выковать въ оружейной мастерской одного изъ полковъ клинъ изъ желѣза, въ расчетѣ, что на короткое время послужить можетъ и желѣзный. Рѣшеніе это было немедленно же приведено къ исполненію. Какъ только клинъ былъ готовъ, знакомый уже намъ поручикъ Баранецъ приступилъ при помощи рабочихъ и кое-кого изъ нижнихъ чиновъ къ работамъ. Наши расчеты оправдались: станція задымилась, машины заработали, и освѣщеніе вторично возстановилось. Забастовщики злились; мы же торжествовали, сожальѣя только о томъ, что ничего не можемъ сдѣлать съ желѣзною дорогою. Но приходилось мириться съ обстоятельствами и ограничиться пассивнымъ ожиданіемъ просвѣтленія умовъ желѣзнодорожниковъ.

Одновременно съ всѣми этими событіями, стало замѣчаться возрастающее значеніе и другого очень крупнаго мѣстнаго завода, производившаго различныя сельско-хозяйственныя и земледѣльческія машины, а именно Гельферихъ-Саде. Заводъ этотъ располагался на Конной площади, недалеко отъ центра города. На ту же площадь выходили и казармы Богодуховскаго полка. Дѣйствуя вполне солидарно съ паровозостроительнымъ заводомъ, рабочіе-гельфериховцы были настроены такъ же, какъ и ихъ сотоварищи-паровозники, крайне революціонно и постоянно устраивали у себя митинги, на которые толпами сходились неучащаяся молодежь и забастовщики всѣхъ видовъ.

До свѣдѣнія генераль-губернатора дошло, что на обоихъ этихъ заводахъ припрятано немало всякаго оружія, но сдѣлать тамъ обыскъ и отобрать это оружіе пока еще не рѣшались. Такое пассивное и даже отчасти какъ бы боязливое отношеніе къ обоимъ этимъ заводамъ только укрѣпляло ихъ силы и увѣренность въ томъ, что они неприкосновенны.

Но всему бываетъ конецъ. Наступилъ онъ и для царствованія этихъ заводовъ.

Изъ Петербурга повѣялъ свѣжій вѣтеръ. Поняли и тамъ, наконецъ, что если все будетъ итти такимъ путемъ, какъ шло въ тѣ злополучныя времена, то Россіи будетъ грозить уже нешуточная опасность. Прикрутивъ знаменитый «совѣтъ рабочихъ депутатовъ», министръ внутреннихъ дѣлъ далъ категорическое приказаніе энергично взяться за борьбу съ революціонерами, зажегшими Россію со всѣхъ концовъ. Въ такомъ же духѣ приказаніе получилъ и генераль Сѣнницкій, и у него развязались руки, связанныя октябрьскимъ распоряженіемъ, по которому арестовывать разрешалось только тѣхъ, противъ которыхъ можно было тотчасъ же возбудить судебное преслѣдованіе.

Получивъ категорическія указанія изъ Петербурга, требовавшія самыхъ рѣшительныхъ дѣйствій, генераль-губернаторъ тотчасъ же распорядился объ арестѣ идейныхъ главарей черезчуръ ужъ бурнаго движенія. Въ списокъ подлежащихъ аресту попали профессоръ Гредескуль, присяжные повѣренные Раппъ, Шидловскій и много другихъ общественныхъ дѣятелей, сыгравшихъ крупную роль въ октябрьскихъ беспорядкахъ и продолжавшихъ послѣ того чуть не открыто руководить всѣми выступленіями пролетаріата, предсѣдательствуя на всевозможныхъ митингахъ и проповѣдывая свои крайнія идеи при посредствѣ мѣстныхъ лѣвыхъ газетъ.

Въ ночь съ 10-го на 11-е декабря всѣ эти генералы отъ революціи были заключены въ тюрьму, и стадо «сознательныхъ» осталось безъ своихъ руководителей и вдохновителей.

На утро, когда городъ узналъ объ арестѣ своихъ временныхъ владыкъ,—всѣ ахнули и отказывались вѣрить: до того ихъ поразила смѣлость правительственныхъ чиновъ, вдругъ дерзнувшихъ наложить руку—на кого же? на самого Гредескула! Власть, которая считалась уже парализованной, которую игнорировали и въ грошъ не ставили,—осмѣлилась проявить свое существованіе. Арестъ этотъ произвелъ страшную сенсацію.

Городъ чуть не весь цѣликомъ высыпалъ на улицы. Всѣ улицы, примыкавшія къ Николаевской площади, и сама эта площадь съ утра наполнились густыми толпами народа. Изъ устъ въ уста передавалась сенсаціонная новость и вызывала неподдѣльное изумленіе. На многихъ афишныхъ столбахъ появились прокламаціи, которыми извѣщалось, что такія-то лица «попали въ плѣнь». Въ этихъ же прокламаціяхъ сыпались на голову генераль-губернатора самыя ядовитыя проклятія и говорилось, что онъ въ безсильной злобѣ обрушился на ни въ чемъ неповинныхъ людей». Недавно народившаяся газета «Молва», руководителемъ которой былъ попавшій «въ плѣнь» профессоръ Гредескуль, выпустила очередной номеръ съ рѣзкою статьей, направленной противъ генераль-губернатора.

Возбужденная публика жадно набрасывалась на этотъ номеръ газеты и на расклеенныя прокламаціи и съ жаромъ прочитывала содержимое ихъ, комментируя поднесенныя ей извѣстія на всѣ лады. Въ воздухѣ чувствовалось страшное напряженіе, какъ будто передъ грозой. И гроза разразилась.

До Харькова начали доноситься отголоски вооруженнаго возстанія, охватившаго Москву. Рассказывали просто невѣроятныя вещи; увѣряли, будто по улицамъ первопрестольной кровь льется рѣкой, пущена въ ходъ артиллерія, вездѣ баррикады, бунтъ, рѣзня. Столичныхъ газетъ и агентскихъ телеграммъ еще не было, и повѣрить эти чудовищныя слухи не представлялось возможнымъ. Между тѣмъ они росли и становились еще болѣе и болѣе невѣроятными. Выдавали уже за достовѣрное, что пролетаріатъ одолѣваетъ, что войска частью разбиты, а частью сами взбунтовались и перешли на сторону мятежниковъ. Все это страшно волновало общество и кружило захмелѣвшія отъ общаго угара головы.

Подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ чрезвычайныхъ событій и въ силу полученныхъ изъ Петербурга директивъ генераль-губернаторъ порѣшилъ наложить свою руку на пролетаріатъ и для начала прикончить съ заводомъ Гельферихъ-Саде.

Какъ упоминалось раньше, на обоихъ этихъ заводахъ подозрѣвался складъ оружія и постоянно собирались митинги, категорически воспрещенные генераль-губернаторомъ. Въ первомъ періодѣ управленія городомъ генераль Сѣницкій энергично боролся съ подобными митингами и почти ежедневно высылалъ то казаковъ, то пѣхоту, а то и тѣхъ и другихъ вмѣстѣ, которые разгоняли собранія. Но съ теченіемъ времени, по мѣрѣ того, какъ пролетаріатъ все больше и больше забиралъ власть въ свои руки, борьба эта становилась все менѣе энергичной, а вмѣстѣ съ тѣмъ увеличивалось и число такихъ сборищъ.

Рѣшивъ перейти въ наступленіе противъ пролетаріата, генераль-губернаторъ избралъ точкою для своего удара заводъ Гельферихъ-Саде. Настроеніе какъ рабочихъ этого завода, такъ и постороннихъ посѣтителей его, отлично извѣстное нашимъ властямъ, давало полную увѣренность въ томъ, что всякая попытка какихъ-либо рѣшительныхъ дѣйствій противъ завода должна неминуемо вызвать энергичный отпоръ со стороны обывателей и посѣтителей его. По этимъ соображеніямъ, рѣшено было при дѣйствіяхъ противъ завода соблюдать необходимую осторожность и планомѣрную систематичность.

Чтобы имѣть возможность ясно оріентироваться при предстоящихъ дѣйствіяхъ и выработать планъ захвата завода, генераль-губернаторъ приказалъ капитану Агапѣеву, не возбуждая ничьихъ подозрѣній, снять планъ всѣхъ построекъ мятежнаго завода и окружающей его мѣстности. Агапѣевъ облазилъ всѣ переулки вокругъ

завода и отлично выполнилъ задачу: запомнивъ въ умѣ расположеніе построекъ, онъ, придя въ управленіе, набросалъ ихъ въ видѣ плана, который вполне ясно нарисовалъ театръ предстоящихъ дѣйствій.

На основаніи этой рекогносцировки былъ выработанъ планъ захвата завода, назначеннаго на 12-е декабря, изложенный въ видѣ подробной диспозиціи войскамъ гарнизона. Для того, чтобы предстоявшій на завтра переходъ въ наступленіе не дошелъ какимъ-либо путемъ до вражескаго стана, диспозиція въ войска не была сообщена, а приказано лишь было отряду, назначенному для дѣйствія противъ завода, къ разсвѣту стянуться къ казармамъ Богодуховскаго полка, около которыхъ, какъ упоминалось, былъ расположенъ этотъ заводъ. Въ то же время другому отряду было приказано рано утромъ занять Николаевскую площадь, а третій отрядъ посланъ къ желѣзнодорожнымъ мастерскимъ.

Занятіе Николаевской площади вызывалось необходимою обезпечить общественныя учрежденія, находившіяся близъ этой площади, такъ какъ по опыту прежняго времени нужно было ожидать, что народъ, взволнованный грозными событіями, неминуемо двинется громадными толпами на эту площадь и начнетъ тамъ дебоширить.

На вокзалъ же предназначался отрядъ для того, чтобы разогнать предполагавшійся въ мастерскихъ митингъ, а также и для того, чтобы не дать рабочимъ возможность двинуться въ городъ и произвести тамъ безпорядки.

Главный же зачинщикъ всѣхъ безпорядковъ, центръ всего революціоннаго движенія, паровозостроительный заводъ пока былъ оставленъ въ покоѣ, и противъ него не выслали хотя бы для одного наблюденія ни одной даже незначительной части. Оставленіе въ сторонѣ самаго крупнаго разбойничьяго стана при общемъ переходѣ въ наступленіе объяснялось тѣмъ обстоятельствомъ, что день 12 декабря долженъ былъ послужить проверкой и экзаменомъ для войскъ гарнизона, которыя такъ уронили свое имя три недѣли тому назадъ. Разсчитывали, что, если солдаты будутъ дѣйствовать молодцами противъ гельфериховскаго завода—второго по значенію въ революціонномъ отношеніи—и съ честью выйдутъ изъ испытанія, то, разгромивъ это осиное гнѣздо, можно будетъ обрушиться и на главныхъ коноводовъ, засѣвшихъ въ паровозостроительномъ заводѣ. Съ другой же стороны, разсуждали такъ, что, съ разгромомъ завода Гельферихъ-Саде, неминуемо падетъ духъ у рабочихъ паровозостроительнаго завода, которые, увидѣвъ пораженіе своихъ товарищей и убѣдившись въ томъ, что солдаты далеко не на ихъ сторонѣ, едва ли захотятъ повторить опытъ сопротивленія, и, такимъ образомъ, значеніе этого завода сведется къ нулю естественнымъ путемъ.

На разсвѣтъ 12 декабря отрядъ, въ составѣ 2-хъ батальоновъ отъ Лебединскаго, Богодуховскаго и Крымскаго¹⁾ пѣхотныхъ полковъ и части казаковъ, подъ общимъ начальствомъ командира Луцкаго пѣхотнаго полка, полковника Залѣскаго, построился во дворѣ казармъ Богодуховскаго полка и ожидалъ приказаній. Въ седьмомъ часу утра къ отряду прибылъ назначенный въ распоряженіе начальника отряда капитанъ Агапѣевъ и прочель офицерамъ утвержденную генераль-губернаторомъ диспозицію предстоящихъ дѣйствій.

Пока происходилъ обмѣнъ мыслей и обсуждались всѣ мелочи и подробности предпріятія, заводъ наполнился бастовавшими рабочими и учащеюся и неучащеюся молодежью. Знали ли они про то, что замышляется разгромъ ихъ, или нѣтъ, не берусь сказать; но думаю, что знали и что заранѣе рѣшились сопротивляться.

Часовъ въ 8 утра отрядъ вышелъ изъ казармъ и занялъ назначенныя мѣста. Въ какія-нибудь 10 минутъ заводъ былъ обложенъ войсками. Противъ фронта расположились главныя силы отряда; въ тылъ въ переулочкѣ были посланы 2 роты; одна рота была выслана для наблюденія за калиткой сосѣдней съ заводомъ усадьбы, черезъ которую осажденные могли улизнуть.

Жандармскимъ и полицейскимъ чинамъ заранѣе было предложено командировать къ отряду своихъ представителей для предстоящаго обыска, но, по неизвѣстнымъ причинамъ, къ назначенному времени не прибыли ни жандармы, ни полицейскіе чины. Обстоятельство это замедлило дѣйствіе отряда и заставляло его напрасно торчать на морозѣ. Наконецъ прибылъ полицейскій чиновникъ, командированный изъ мѣстнаго участка. Жандармы же почему-то уклонились отъ участія въ дѣйствіяхъ отряда и прибыли лишь послѣ того, какъ все было закончено.

Одновременно съ прибытіемъ къ отряду полицейскаго чиновника между офицерами и солдатами прошелъ слухъ, будто бы рабочіе захватили на заводѣ казака. Рассказывали даже подробности. Казакъ этотъ ѣхалъ съ какимъ-то приказаніемъ въ казармы Богодуховскаго полка въ то время, какъ отрядъ находился ещѣ тамъ. Когда онъ проѣзжалъ мимо завода, на тротуарѣ стояла группа рабочихъ и между ними пѣхотный офицеръ. Этотъ послѣдній крикнулъ казаку: куда онъ ѣдетъ? Донецъ остановилъ лошадь, приложилъ руку къ фуражкѣ, отдалъ честь и доложилъ, что въ казармы съ приказаніемъ. Офицеръ отдѣлился отъ рабочихъ и, продолжая разговаривать съ казакомъ, почтительно державшимъ руку подъ козырекъ, приблизился къ нему и затѣмъ сразу ухватился обѣими руками за уздечку. Въ этотъ же моментъ на казака навалились

¹⁾ Незадолго передъ этимъ въ Харьковъ прибыли на усиленіе гарнизона по батальону 46 Днѣпровскаго и 73 Крымскаго пѣхотныхъ полковъ.

рабочіе и стащили его съ лошади. Не подозрѣвавшій такого коварства и увѣренный, что имѣеть дѣло съ настоящимъ офицеромъ, казакъ не успѣлъ и прійти въ себя, какъ очутился вмѣстѣ съ лошадыю на дворѣ завода и попалъ въ плѣнъ рабочимъ.

Какъ только свѣдѣніе объ этомъ инцидентѣ дошло до отряда, полковникъ Залѣсскій тотчасъ же командировалъ къ заводу околоточнаго надзирателя съ двойнымъ требованіемъ: чтобы рабочіе прежде всего выпустили казака, а затѣмъ и немѣдленно покинули бы заводъ.

На заводѣ оказался «комендантъ» — такъ называлъ себя одинъ изъ рабочихъ, руководившій обороною завода. Первое требованіе — выпускъ казака — послѣ непродолжительныхъ препирательствъ между надзирателемъ и «комендантомъ» было удовлетворено: ворота распахнулись, и довольный казакъ вылетѣлъ на волю.

Онъ вполне подтвердилъ версію разказа о причинахъ своего плѣна и добавилъ, что на его просьбы отпустить рабочіе отвѣчали сначала угрозами повѣсить его, но потомъ перемѣнили рѣшеніе и предлагали ему уйти, но безъ лошади. Казакъ наотрѣзъ отказался отъ такого предложенія и заявилъ, что съ лошадыю и сѣдломъ не разстанется, хотя бы его пытали и сожгли. Впослѣдствіи разказъ казака подтвердили и рабочіе, воздававшіе дань уваженія къ его твердости и мужеству.

Конечно, вѣсть о такомъ событіи, какъ осада завода, съ быстротою молніи разнеслась по всему городу. На всѣхъ заводахъ заревѣли гудки, и народъ сталъ толпами стекаться на Конную площадь. Вскорѣ вся эта площадь и примыкавшія къ ней улицы были запружены народомъ. Но на этотъ разъ отрядъ былъ осторожнѣе и все время держалъ толпу на почтительномъ разстояніи, отгоняя слишкомъ назойливыхъ при посредствѣ казаковъ.

Какъ только казакъ былъ освобожденъ, начальникъ отряда вновь командировалъ околоточнаго надзирателя съ требованіемъ, чтобы рабочіе и вообще всѣ находящіеся тамъ немедленно вышли. На это требованіе «комендантъ» отвѣтилъ, что предложеніе можетъ быть принято лишь въ томъ случаѣ, если начальникъ отряда гарантируетъ участникамъ митинга полную неприкосновенность. Конечно, на это послѣдовалъ контръ-отвѣтъ: сдать безусловно. Опять пошелъ околоточный къ заводу. Переговоры начали затягиваться.

Чтобы подкрѣпить свое требованіе, начальникъ отряда приказалъ капитану Агапѣеву вызвать взводъ артиллеріи (2 орудія). Артиллеристы занимали помѣщеніе рядомъ съ казармами Богодуховскаго полка, недалеко отъ завода, и были наготовѣ, такъ какъ ихъ предупредили заранѣе, что они могутъ потребоваться. Минуть 10 спустя, на площадь, громыхая желѣзными сѣбленіями, рысью прискакалъ артиллерійскій взводъ и, снявъ пушки съ передковъ, установилъ ихъ шагахъ въ 200 отъ завода, какъ разъ противъ

воротъ зданія, въ которомъ засѣли мятежники. Прислуга заняла свои мѣста и ожидала приказанія открыть огонь.

Усилить отрядъ такимъ грознымъ родомъ оружія, какъ артиллерія, полковникъ Залѣсскій приказалъ сказать мятежникамъ, что если они сейчасъ не выйдутъ, то онъ начнетъ громить ихъ изъ пушекъ. Это произвело впечатлѣніе.

Въ заводскомъ зданіи зашевелились. Тамъ произошло какое-то движеніе. Вскорѣ ворота распахнулись, и въ нихъ показалась группа какихъ-то людей. Околоточный надзиратель съ наряженнымъ для него конвоемъ тотчасъ же приблизился къ вышедшимъ изъ завода и объявилъ ихъ всѣхъ арестованными. Большинство вышедшихъ были совсѣмъ молодые еще люди и принадлежали къ категоріи «неучащихся учащихся», преимущественно изъ евреевъ. Всего вышло 40 человекъ. Ясно было, что далеко не всѣ покинули зданіе. Полицейскій чиновникъ распорядился наскоро обыскать всѣхъ, послѣ чего начальникъ отряда приказалъ отвести арестованныхъ въ казармы, гдѣ для нихъ было приготовлено уже помѣщеніе въ одной изъ ротъ.

Какъ только въ заводскомъ зданіи замѣтили, что вышедшихъ подвергли обыску и аресту, тамъ поднялся крикъ. По отдѣльнымъ фразамъ общаго галдежа можно было понять, что осажденные протестовали противъ ареста—это якобы не входило въ условіе. Въстѣ съ тѣмъ ворота вновь запахнулись, и выходъ засѣвшихъ въ заводъ прекратился. Все это заставило начальника отряда еще разъ потребовать очищенія завода и предупредить, что если требованіе это черезъ 5 минутъ не будетъ исполнено, то заводъ подвергнется бомбардировкѣ.

Прошло 5 минутъ, но, кромѣ галдежа, ничего не получилось. Рабочіе не сдавались. Рѣшили дать имъ еще 5 минутъ на размышленіе. Но и онѣ миновали и также безрезультатно. Необходимость вынудила переходить отъ словъ къ дѣлу.

Начальникъ отряда приказалъ ротамъ, стоявшимъ противъ фасада зданія, отойти назадъ и стать на линіи пушекъ. Это, съ одной стороны, было необходимо для того, чтобы открыть фронтъ артиллеріи, и съ другой для того, чтобы мятежники, въ случаѣ открытія ими стрѣльбы, не могли поражать нашихъ солдатъ изъ револьверовъ (ружья у нихъ не подозрѣвались). Въ то же время предполагалось, что мятежники, увидѣвъ всѣ эти маневры, явно направленные къ подготовкѣ къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ, одумаются, наконецъ, и не доведутъ отрядъ до кровопролитія, къ которому прибѣгнуть было рѣшено лишь въ самомъ крайнемъ случаѣ.

Но лишь только пѣхота начала передвиженіе, какъ со стороны завода послышался трескъ и звонъ разбиваемыхъ стеколъ. То забастовщики выламывали оконныя рамы, видимо, рѣшивъ оказать войскамъ вооруженное сопротивленіе. Какъ только роты заняли

свои мѣста, начальникъ отряда громко scomандоваль, чтобы слышно было въ заводѣ:

— Батарея по заводу гранатой! Пѣхота по окнамъ—пачки! Открыть огонь!

Какъ бы въ отвѣтъ на это изъ оконъ завода послышался крикъ сотни голосовъ:

— Товарищи, солдаты, не стрѣлять! Товарищи, артиллеристы, холостыми! Не стрѣляйте, солдаты, по своимъ братьямъ! Холостыми! Холостыми!

Въ то же время изъ оконъ завода грянулъ выстрѣлъ, за нимъ другой, третій...

Но вдругъ, покрывая ревъ голосовъ, несшійся изъ завода, и трескотню выстрѣловъ, раздался съ нашей стороны рѣзкій, короткий, оглушившій всѣхъ орудійный выстрѣлъ, и въ заводское зданіе съ страшнымъ шумомъ врѣзалась первая граната. Надъ воротами поднялся громадный клубъ красной пыли отъ разлетѣвшихся вдребезги кирпичей. Черезъ нѣсколько секундъ грянула другая пушка и, изрыгнувъ изъ своей страшной пасти легкій сѣроватый дымокъ, понесла къ мятежникамъ другую гранату, ударившую въ то же самое мѣсто, гдѣ и первая, и взбившую новый клубъ красной пыли.

Одновременно съ этимъ пѣхота взяла быстро винтовки на изготовку и открыла частый огонь по окнамъ. Солдаты были страшно озлоблены долгимъ стояніемъ на морозѣ и бесплодными переговорами и быстрой стрѣльбой какъ бы срывали свою злость.

Мятежники довольно энергично отвѣчали на выстрѣлы выстрѣлами и бросаніемъ бомбъ, къ счастью, не разорвавшихся. На заводѣ, несомнѣнно, были ружья. Это было замѣтно по характеру выстрѣловъ, а вскорѣ явилось и новое доказательство,—одинъ изъ солдатъ вдругъ зашатался и упалъ. Онъ оказался раненымъ въ руку. Такъ какъ роты стояли въ 200 шагахъ отъ завода, то ясно было, что рана нанесена изъ винтовки: изъ револьвера, даже хорошей системы, мудрено на этомъ разстояніи причинить сквозную рану.

Какъ бы мстя за пораненіе товарища, солдаты еще энергичнѣе принялись за пальбу. Артиллерія не отставала отъ пѣхоты и неотомимо посылала гранату за гранатой. Трескъ ружейныхъ выстрѣловъ, грохотъ орудій, командныя слова, крики, раздававшіеся на заводѣ,—все это слилось въ какой-то общій стонъ, повисшій надъ площадью.

Роты, стоявшія на противоположной сторонѣ заводскаго двора, противъ выходившихъ въ переулокъ корпусовъ, вмѣстѣ съ первымъ орудійнымъ выстрѣломъ также открыли огонь по окнамъ зданій. Въ отвѣтъ на это рабочіе тоже открыли стрѣльбу изъ оконъ, но вскорѣ замолчали, не причинивъ никому вреда и только попортивъ штукатурку въ домахъ, расположенныхъ противъ завода. Переулокъ

былъ такой узкій, что солдатамъ отойти было некуда, почему стрѣляли чуть не въ упоръ; это-то, вѣроятно, и повліяло на то, что мятежники сейчасъ же прекратили стрѣльбу. Зданіе, по которому солдаты здѣсь стрѣляли, отдѣлялось отъ переулка очень высокимъ заборомъ, вполне гарантировавшимъ отъ того, что рабочіе не изберутъ этотъ путь для бѣгства. По всему этому пальбу здѣсь прекратили и ограничились наблюденіемъ.

Во время этой канонады по Конной площади проѣзжалъ казакъ, слѣдившій съ какимъ-то порученіемъ къ отряду. Едва онъ поравнялся съ трактиромъ, стоявшимъ на площади среди различныхъ лавчонокъ, какъ оттуда выскочилъ какой-то субъектъ и выстрѣлил въ казака. Бѣдный донецъ мгновенно грохнулся съ коня и испустилъ духъ. Въ общей суматохѣ на это печальное происшествіе сразу не обратили какъ-то вниманія, и трактиръ съ его обитателями остался безнаказаннымъ.

Рабочіе паровозостроительнаго завода, узнавъ про осаду гельфериховцевъ, быстро собрали свою боевую дружину и бросились на помощь осажденнымъ товарищамъ. Бомбардировка завода еще продолжалась, какъ войска вдругъ замѣтили, что къ сторонѣ ихъ лѣваго фланга, по Молочной улицѣ, приближается вооруженная толпа въ нѣсколько тысячъ человѣкъ.

Капитанъ Агапѣевъ, одинъ изъ первыхъ замѣтившій приближеніе новыхъ вражескихъ силъ, тотчасъ же распорядился послать въ Богодуховскій полкъ за патронами. Распоряженіе это было весьма своевременно, такъ какъ солдаты, разгорячившись, стрѣляли такъ энергично, что патроны, которыхъ было взято всего по 15 на человѣка, стали подходить уже къ концу, и отрядъ рисковалъ остаться съ одними штыками.

Въ то же время лѣвофланговая рота¹⁾, стоявшая фронтомъ къ заводу, быстро забѣжала правымъ плечомъ впередъ, чтобы приготовиться встрѣтить атаку боевой дружины. Но, нужно сознаться (какъ это ни стыдно), съ ней произошелъ страшный скандалъ. Дружинники приблизились къ ротѣ въ то время, какъ она заканчивала перестроеніе, и открыли по ней огонь. И вдругъ—о ужасъ!—рота дрогнула, дала тылъ и начала убѣгать. Что всего ужаснѣе—вмѣстѣ съ ротою убѣгали командиръ ея, капитанъ и младшій офицеръ—прапорщикъ!

Вездѣсушій и всюду поспѣвающій герой дня капитанъ Агапѣевъ увидѣлъ позорное бѣгство роты и, какъ звѣрь, ринулся къ ней навстрѣчу, посылая впереди себя авангардомъ рядъ самыхъ энергичныхъ ругательствъ. Потрясая кулаками, набросился онъ на бѣглецовъ и зычно скомандовалъ: «Стой! Кругомъ! Пачки!» Рота сразу остановилась, мгновенно поддалась вліянію энергичнаго капитана

¹⁾ Не упомянаю—какого полка.

и тотчасъ же открыла адскій огонь. Тучи пуль чуть не въ упоръ понесли въ зарвавшихся и упоенныхъ успѣхомъ забастовщиковъ. Раздались крики, стоны. Толпа шарахнулась назадъ и, покрывая площадь ранеными и убитыми, бросилась бѣжать куда глаза глядятъ. Все это, конечно, произошло въ какихъ-нибудь 2—3 минуты подъ грохотъ пушекъ, все еще продолжавшихъ громить заводъ.

Когда на другой день генераль-губернаторъ, выговаривая злополучному командиру этой роты, спросилъ его, какъ случилось, что онъ побѣжалъ?—капитанъ отвѣтилъ:

— Въ первый разъ, ваше превосходительство, попалъ подъ огонь.

— Но вѣдь сразу во *второй* разъ никогда не попадаютъ же?—возразилъ генераль, укоризненно покачивая головой. Принявъ во вниманіе, что рота въ концѣ концовъ все-таки сдѣлала свое дѣло, генераль-губернаторъ не сталъ подымать исторіи и, пристыдивъ капитана, отпустилъ его съ миромъ.

Но все же, благодаря тому, что рота оставила свое мѣсто и отодвинулась назадъ, калитка, сосѣдней съ заводомъ усадьбы осталась безъ наблюденія, чѣмъ немедленно воспользовалась часть осажденных и устремилась въ нее, спѣшно покидая окутанный красной пылью заводъ, стѣны котораго начали уже дрожать отъ вливавшихся въ кирпичи гранатъ. Вдругъ на 18-мъ выстрѣлѣ съ страшнымъ грохотомъ обрушилась опиравшаяся на арку воротъ часть стѣны заводскаго зданія. Громадный клубъ пыли взвился вверхъ и закрылъ точку прицѣливанія.

Начальникъ отряда приказалъ хватить по окнамъ картечью. Грянули еще два пушечныхъ выстрѣла; пѣхота ихъ поддержала дробью пачекъ. Забастовщики не выдержали, прекратили огонь и выкинули какую-то бѣлую тряпку. Тотчасъ же раздались свистки, послышалась команда: «курокъ», и войска взяли винтовки къ ногѣ.

Вся эта баталія продолжалась никакъ не больше 7—10 минутъ.

Какъ только прекратилась стрѣльба, отрядъ былъ придвинуть къ заводу, изъ котораго одинъ за другимъ начали выходить мятежники. Всѣхъ ихъ, въ числѣ свыше 150 человекъ, наскоро обыскивали, арестовывали и подъ конвоемъ отправляли въ казармы. Все это тоже была молодежь—рабочіе, гимназисты, реалисты, студенты и т. п.

Зданіе завода, по выпускѣ изъ него забастовщиковъ, тотчасъ же было занято карауломъ.

Въ то же время начальство отряда озаботилось выясненіемъ числа убитыхъ и раненыхъ среди мятежниковъ, оборонявшихъ заводъ. Оказалось раненыхъ очень немного, всего лишь около десятка; а убитыхъ—одинъ, и то это оказался задавленный стѣной, рухнувшей надъ воротами.

Больше всего раненныхъ оказалось на площади изъ среды боевой дружины, попавшей подъ огонь дрогнувшей было роты: здѣсь ихъ набралось до сотни. Среди раненныхъ оказалось нѣсколько человѣкъ и убитыхъ.

Одѣливъ арестованныхъ защитниковъ завода, ихъ провели въ казарму и помѣстили вмѣстѣ съ тѣми изъ арестованныхъ раньше, которые сдались безъ сопротивленія.

Вотъ тутъ и сказалось значеніе отсутствія полиціи и жандармовъ. Околоточный надзиратель, бывшій при отрядѣ, не могъ разорваться на части и счелъ болѣе необходимымъ тотчасъ же организовать обыскъ заводскихъ зданій, справедливо полагая, что покараулить арестованныхъ есть кому. Благодаря такой обстановкѣ дѣла, произошла курьезъ, послужившій поводомъ къ оправданію впоследствии всѣхъ мятежниковъ: естественно, что когда прибыли слѣдственные власти и узнали, что мятежники рѣзко раздѣляются на двѣ категоріи: на сопротивлявшихся съ оружіемъ въ рукахъ и на сдавшихся безъ сопротивленія, то первую ихъ мыслью было отдѣлить другъ отъ друга тѣхъ и другихъ. Но когда приступили къ этой задачѣ, то она оказалась непосильной: каждый изъ арестованныхъ утверждалъ, что именно онъ первый покинулъ заводъ и не думалъ даже сопротивляться. Проверить это показаніе не представлялось возможнымъ, такъ какъ ни конвой, ни начальство отряда не знали никого въ лицо и въ общей суматохѣ очень мало интересовались юридическими вопросами.

Обыскъ завода далъ довольно крупныя результаты: найдено было много солдатскихъ винтовокъ изъ числа тѣхъ, что пропали въ день военного мятежа, и 41 готовая бомба. Среди разнаго хлама нашли нѣсколько офицерскихъ мундировъ, шинелей и шапекъ. находка частей офицерскаго обмундированія разъяснила загадку, какіе это офицеры выступали неоднократно на митингахъ. Понятно также стало, что это за офицеръ былъ, который утромъ поддѣлъ на удочку казака и захватилъ его въ плѣнъ.

Бомбардировкой завода день не окончился. Обстоятельства сложились такъ, что пришлось пустить въ ходъ оружіе еще въ нѣсколькихъ мѣстахъ.

Отрядъ, посланный на Николаевскую площадь, придя туда, выдѣлилъ по ротѣ на оконечности улицъ, примыкавшихъ къ площади, и во всѣ стороны выслалъ разъѣзды. Взводъ казаковъ былъ поставленъ въ Петровскій переулочекъ, въ которомъ располагались губернская типографія и редакція «Губернскихъ Вѣдомостей». Всѣмъ выдѣленнымъ частямъ отряда было приказано ни въ какомъ случаѣ не пропускать никого на площадь, а взводу, поставленному въ переулочекъ, вмѣнили въ обязанность охранять типографію и редакцію газеты.

Какъ только на заводахъ раздались гудки, громадныя толпы народа со всѣхъ сторонъ начали стекаться къ Николаевской площади.

Рота, стоявшая на краю площади поперекъ Московской улицы, вскорѣ замѣтила, что по ней приближается громадная толпа, среди которой тамъ и сямъ мелькали красныя флаги. Площадь эта представляетъ собой круглую высоту, отъ которой въ видѣ лучей расходились въ стороны и внизъ улицы. Въ силу такихъ топографическихъ условій съ площади ясно было видно, что дѣлается между прочимъ и на всей Московской улицѣ. Навстрѣчу толпѣ начальникъ отряда выслалъ взводъ драгунъ съ приказаніемъ предупредить приближавшихся, чтобы тѣ не смѣли итти на площадь, а разошлись по домамъ. Подскакавшихъ съ этимъ порученіемъ драгунъ толпа встрѣтила отборными ругательствами, крикомъ и свистомъ. Постепенно тѣсня драгунъ, толпа приближалась къ ротѣ. Драгуны повернули и прискакали къ начальнику отряда полковнику Пригоровскому съ докладомъ. Полковникъ Пригоровскій вновь послалъ ихъ къ толпѣ предупредить, что если двинутся впередъ, то рота вынуждена будетъ стрѣлять. Посланниковъ этихъ опять встрѣтили свистомъ, криками и бранью, но приостановились и тотчасъ же придумали маневръ: вслѣдствіе того, что улица была запружена народомъ, вагоны конки, не будучи въ состояніи протиснуться, скопились въ числѣ 3 или 4 и вытянулись одинъ за другимъ, въ ожиданіи проѣзда. Революціонеры, воспользовавшись этимъ, вскочили въ вагоны и приказали кучерамъ погонять лошадей. Толпа разступилась, и поѣздъ тронулся. Замѣтивъ приближеніе вагоновъ и мелькавшіе въ нихъ красныя флаги, начальникъ отряда вновь выслалъ драгунъ, которые остановили вагоны и предупредили, что если они двинутся, то нарвутся на залпъ.

Но, видимо, и эта толпа была въ полной увѣренности, что солдаты стрѣлять не будутъ, почему на требованіе разойтись и на угрозы, что откроютъ огонь, революціонеры продолжали кричать, свистѣть и осыпать офицеровъ отборнѣйшею бранью. Не рассчитали безшабашные мятежники и упустили изъ вида, что передъ ними, всего лишь въ четырехстахъ шагахъ, на разстояніи прямого выстрѣла, стояли охотцы.

Видя безуспѣшность уговоровъ, полковникъ Пригоровскій, приказалъ драгунамъ еще разъ подскакать къ мятежникамъ и предупредить ихъ, что послѣ троекратнаго сигнала на рожкѣ начнется дѣйствіе оружіемъ. Едва только драгуны подскакали къ нимъ и крикнули, что было приказано, какъ толпа подняла шумъ: опять раздались свистки, послышалась брань. Драгуны отѣхали къ отряду. Сигналистъ уже дважды сыгралъ предупрежденіе—толпа надвигается и продолжаетъ шумѣть. Начальникъ отряда приказалъ

командиру роты изготавиться къ стрѣльбѣ. Отчетливо и громко раздалась команда капитана П—ва: «По толпѣ, постоянный! Съ колѣна! Пальба ротой!» Казалось бы, что послѣ такого рѣшительнаго предупрежденія толпа дрогнетъ и подчинится силѣ. Но нѣтъ, — толпа и ухомъ не шевельнула и продолжала кричать. Сигналистъ въ третій и послѣдній разъ сыгралъ на рожкѣ—и вновь безрезультатно. Начальникъ отряда крикнулъ: «Открыть огонь!» Раздалась зловѣщая команда: «Рота... пли!» и около сотни пуль полетѣло въ толпу. Только тогда мятежники поняли, что съ ними не шутятъ, когда улица огласилась стопами раненыхъ и умирающихъ. Толпа хлынула въ переулки и очистила улицу. Тотчасъ же изъ-подъ воротъ выскочили какіе-то субъекты съ повязками Краснаго Креста на рукавахъ и бросились къ раненымъ и убитымъ.

И тутъ, въ этомъ кровавомъ дѣлѣ, революціонеры не смогли обойтись безъ возмутительнаго фарса. Подхвативъ на откуда-то появившіяся носилки раненыхъ, санитары (почти всѣ іудейскаго типа) начали таскать ихъ взадъ и впередъ по улицамъ и разнымъ переулкамъ. Сдѣлано это было съ очевидною цѣлью сбить со счета публику и поселить въ пей увѣренность, что число пострадавшихъ неимоверно велико. Такимъ же путемъ таскали и трупы,

Кромѣ того, офицеры, стояшіе около роты, рассказывали, что они наблюдали такую картину: тѣ самые субъекты, которые все время стояли впереди толпы и больше всѣхъ взвинчивали ее, по третьему сигналу вдругъ кинулись подъ ворота и притаились тамъ. Какъ только грянулъ залпъ и повалились раненые и убитые, — черноблузники эти выскочили изъ-подъ воротъ уже въ качествѣ санитаровъ и, какъ ни въ чемъ не бывало, принялись ухаживать за пострадавшими.

Взводъ казаковъ, стоявшій въ переулкѣ около губернской типографіи, также подвергся натиску толпы, очевидно, стремившейся къ редакціи «Вѣдомостей» далеко съ недобрыми цѣлями. Напрасно казаки уговаривали толпу не лѣзть, осадить и разойтись—все было тщетно: въ какомъ-то безуміи мятежники лѣзли впередъ, крича и ругая казаковъ. Попробовали было взять ораву въ нагайки, но она разбѣгалась для того, чтобы собраться съ противоположной стороны. И здѣсь казаки вынуждены были предупредить, что будутъ стрѣлять, но и это не помогло. Бились, бились донцы съ этими обалдѣвшими людьми; но лопнуло и у нихъ терпѣніе—дали залпъ. Это мгновенно подѣйствовало. Какъ будто только этого и добились. Толпа и здѣсь моментально хлынула въ разныя стороны и очистила переулокъ.

Точно въ такую же передрагу попалъ и взводъ драгунъ, стоявшій на сосѣдней площади, Павловской: народъ упорно лѣзъ къ Николаевской площади и не хотѣлъ слушать никакихъ уговоровъ и добился, наконецъ, того, что драгуны пустили въ толпу нѣсколько

одиночныхъ выстрѣловъ. Послѣ этого толпа отпрыгнула и освободила площадь.

Солдаты роты, стоявшей на противоположномъ концѣ Павловской площади и охранявшей мостъ, что на Екатеринославской улицѣ, слыша выстрѣлы въ тылу и слѣва отъ себя (драгуны), начали ажитироваться и все порывались стрѣлять по толпѣ, толкавшейся на улицѣ впереди моста. Офицерамъ стоило большого труда удержать разошедшихся солдатъ отъ самовольной стрѣльбы. Въ этомъ мѣстѣ толпа держала себя не такъ вызывающе, какъ въ другихъ мѣстахъ, почему стрѣлять по ней не было никакой надобности. Но, видно, у солдатъ такъ туго напряглись нервы, что требовался какой-либо выходъ изъ этого напряженія, и они его чуть-чуть не открыли, похватавъ винтовки на изготовку.

Отрядъ, посланный на вокзалъ, въ мастерскихъ накрылъ громадное сборище бастовавшихъ рабочихъ, собравшихся на очень бурный митингъ. На предложеніе немедленно разойтись рабочіе отвѣтили отказомъ. Вновь обращенное къ нимъ требованіе, подкрѣпленное угрозою стрѣлять, не произвело желаннаго впечатлѣнія, и рабочіе остались въ помѣщеніи. Пришлось и здѣсь продѣлать всю тягостную процедуру троекратнаго предупрежденія сигналомъ на рожкѣ. Но все было напрасно: рабочіе упорно отказывались разойтись. Послѣ третьяго сигнала грянулъ залпъ... и опять стоны, крикъ, кровь... И только послѣ этого требованіе, наконецъ, было исполнено.

Съ этимъ послѣднимъ залпомъ закончились въ тотъ злополучный день дѣйствія войскъ. Промерзшіе и проголодавшіеся солдаты лишь подъ вечеръ стянулись въ казармы. Караулы остались безъ смѣны: бывшіе въ отрядахъ солдаты такъ утомились отъ хожденія по городу и отъ пережитыхъ волненій, что въ караулъ ихъ послать не рѣшились.

Часовъ въ пять вечера въ домъ губернатора явилась заплаканная дама. Назвавъ себя женою какого-то учителя, дама эта, не переставая плакать, безсвязно рассказала, что съ ея мужемъ случилось ужасное несчастье: во время бомбардировки завода онъ стоялъ на улицѣ у своего дома; когда боевая дружина, разсѣянная пачечнымъ огнемъ, бросилась бѣжать, онъ, видя бѣгущихъ, крикнулъ: «Такъ вамъ и надо, забастовщики». Рабочіе паровозостроительнаго завода, составлявшіе ядро дружины, услышавъ произнесенныя учителемъ слова, схватили его и увлекли къ себѣ на заводъ. Бѣдная барынька, въ страшномъ волненіи, обливаясь слезами, увѣряла, что теперь ея мужа непременно сожгутъ въ доменной печи.

И генераль-губернаторъ и губернаторъ близко приняли къ сердцу горе плачущей барыни, но объявили, что рѣшительно ничего не могутъ сдѣлать, такъ какъ войска сильно утомлены и снаряжать заново отрядъ положительно невозможно; послать же туда незна-

чительныя силы—рискованно. Въ то же время генераль-губернаторъ приказалъ передать по телефону на мятежный заводъ, что если рабочіе не выпустятъ тотчасъ же учителя, то весь заводской городокъ постигнетъ такая же участь, какая только что постигла гельфериховцевъ. Угроза эта подѣйствовала: рабочіе, продержавъ учителя всю ночь взаперти, на утро выпустили его.

Освободившійся учитель рассказывалъ, что, какъ только его привели на заводъ, тамъ прежде всего собрали судъ. Этотъ самозванный судъ, засѣдавшій за столомъ, накрытымъ краснымъ сукномъ, подъ предсѣдательствомъ «генераль-губернатора», приговорилъ его къ смертной казни черезъ сожженіе въ доменной печи. Учитель былъ въ полной увѣренности, что ему не миновать скорой смерти; но, видно, разгромъ гельфериховскаго завода и угроза настоящаго генераль-губернатора отрезвили голову революціонеровъ, и они не рискнули привести свой приговоръ въ исполненіе.

Злополучный день 12-го декабря вывелъ изъ строя революціонной арміи, по приблизительному подсчету, около ста семидесяти пяти человѣкъ: двадцать четыре человѣка было убито и до ста пятидесяти—ранено. Но нужно думать, что раненыхъ было больше: въ счетъ попали лишь тѣ, которые обратились за помощію въ больницы; лечившіеся же на дому едва ли были зарегистрированы.

День этотъ въ жизни Харькова имѣлъ рѣшающее значеніе, положивъ предѣлъ диктатурѣ пролетаріата и вернувъ власть въ законныя руки.

Насколько подавленъ былъ съ этого дня революціонный пролетаріатъ, настолько высоко подняли голову правые. Партія правыхъ, все время съ негодованіемъ смотрѣвшая на засиліе лѣваковъ, не будучи, какъ слѣдуетъ, соорганизована, не имѣла подъ собою крѣпкой почвы для борьбы съ терроромъ и мало проявляла жизни. Теперь же и она принялась за работу.

Начиная со слѣдующаго за разгромомъ революціонеромъ дня генераль-губернаторъ сталъ получать массу писемъ съ выраженіемъ благодарности за рѣшительный переходъ въ наступленіе противъ очертѣвшихъ «освободителей». Многіе приходили въ управленіе, чтобы выразить признательность на словахъ. Помнится, пришла разъ какъ-то группа молодыхъ барышень и подала намъ конвертъ съ просьбою передать его генералу, заявивъ, что это отъ черносотенницъ. Въ конвертѣ оказалось также благодарственное письмо за подписью «группа русскихъ дѣвушекъ».

Въ то же время партія правыхъ открыла подписку на поднесеніе подарка казакамъ, на долю которыхъ выпала самая тяжелая, безсмѣнная служба. Подписка пошла очень ходко и въ скоромъ времени дала приличную сумму, на которую были куплены, кажется, большіе мѣдные чайники, по одному на сотню.

Какъ только похоронили съ подобающими почестями казака, такъ безвременно погибшаго отъ предательской руки злодѣя, капитанъ Агапѣевъ письмомъ въ редакцію «Губернскихъ Вѣдомостей», которое онъ подписалъ «Черносотенникъ», открылъ подписку на памятникъ донцу-жертвѣ долга. Примѣру этому тотчасъ же многіе послѣдовали, и въ редакцію стали стекаться пожертвованія.

Публика городская вообще замѣтно подбодрилась и стала безбоязненно появляться на улицахъ. Жизнь приняла обычный характеръ; началъ работать телеграфъ, прекратились забастовки на заводахъ; открылись магазины. Лишь желѣзныя дороги продолжали еще бездѣйствовать, но и это не долго длилось, пришелъ и ихъ чередъ покориться. Вообще же послѣ 12-го декабря ярко обнаружился поворотъ къ успокоенію взбаламученнаго города.

Войска, которымъ городъ обязанъ былъ прекращеніемъ анархіи и всякихъ беспорядковъ, съ одной стороны, проклинались и подвергались преданію анаемѣ, съ другой же, наоборотъ, получали при каждомъ удобномъ случаѣ выраженія искренней благодарности.

Революціонеры, положившіе столько труда по внесенію анархіи въ ряды арміи и въ частности въ среду харьковского гарнизона, вполне преуспѣвшіе въ этихъ стараніяхъ, доказательство чему было такъ наглядно явлено 23-го ноября, вѣрившіе въ то, что гарнизонъ вполне уже въ рукахъ революціи и строившіе на этой увѣренности различные планы,—не могли простить солдатамъ черной измѣны революціи и проклинали ихъ на всѣхъ перекресткахъ. Приходилось слышать, какъ рабочіе кричали проходившимъ по улицамъ солдатамъ:

— Измѣнники! Продали себя за фунтъ мыла.

Этимъ намекали на то, что солдаты будто бы вернулись къ исполненію по присягѣ своего долга только въ силу того, что имъ за шесть дней до разгрома завода прибавили жалованье и установили довольствіе чаемъ, сахаромъ и мыломъ.

Вообще, послѣ притворной дружбы, обманувшись въ солдатѣ, революціонеры отвернулись отъ него и стали ругать на чемъ свѣтъ стоитъ «несознательную, черносотенную» крупу (пѣхота).

Особенно глубокою ненавистью пользовался охотскій батальонъ. Ихъ видѣть прямо не могли и всячески старались шпынять. Стоило только появиться на улицѣ охотцамъ, какъ оголтѣлая орава «борцовъ за свободу» начинала галдѣть: «Бѣлоголовые гастролеры! Опричники!» и т. п. Зато люди порядка всячески старались отмѣтить свою признательность войскамъ и, не ограничиваясь изъясненіемъ платоническихъ чувствъ, воплощали ихъ въ вещества полезныя и пріятныя для солдата. Въ казармы начали таскать чай, сахаръ, табакъ, папиросы и всякую снѣдь. Особенно много всего этого сыпалось въ Охотскій батальонъ, получившій между обывателями черносотеннаго толка званіе гвардейцевъ. И нужно

сказать, что когда горожане почувствовали, что пришелъ конецъ не правительственной власти, какъ ожидали, а временщикамъ изъ подполья,—многіе стали поспѣшно переходить на правую сторону. Вскорѣ на этой сторонѣ и въ центрѣ оказалось не меньше, чѣмъ осталось на лѣвомъ берегу. Это отчасти отчетливо сказывалось и по количеству всякихъ приношеній, адресовавшихся въ войска.

Черезъ нѣсколько дней послѣ разгрома гельфериховскаго завода начальство рѣшило обрушиться на паровозостроительный заводъ и снарядило, для производства тамъ обыска, экспедицію.

Числа 14—15 декабря (точно не помню) къ заводу былъ посланъ довольно внушительный отрядъ подѣ начальствомъ полковника Гоштовта. Когда отрядъ подошелъ къ заводу, ворота распахнулись и навстрѣчу прибывшимъ вышла группа рабочихъ.

— Милости просимъ!—привѣтствовали они отрядъ.

Приступили къ обыску. Долго шарили по всеѣмъ закоулкамъ, но не получили почти никакихъ результатовъ. Очевидно было, что рабочіе тотчасъ же послѣ крушенія гельфериховскаго завода припрятали оружіе въ другихъ укромныхъ мѣстахъ города и въ увѣренности, что ихъ не минетъ обыскъ, вполне приготовились къ нему.

Приведя къ одному знаменателю заводы, администрація обратила вниманіе на желѣзныя дороги. Начальникамъ дорогъ было предписано произвести рѣшительную чистку во всеѣхъ отдѣлахъ и безѣ церемоніи удалить со службы наиболѣе вредные элементы.

Предчувствуя гоненіе и понимая, что въ городѣ пришелъ конецъ царствованію пролетаріата, бастовавшіе все еще желѣзнодорожники перенесли руководство рабочими на станцію Люботинъ. Станція эта находится всего въ двадцати шести верстахъ отъ Харькова, но въ сосѣднемъ уѣздѣ, на который военное положеніе не распространялось. Такое положеніе станціи представляло большое удобство въ смыслѣ возможности безнаказанно собирать всякіе митинги и делегатскіе съѣзды, не прерывая связи съ городомъ и его революціонными элементами.

Прежде, чѣмъ перейти къ воспоминаніямъ о «люботинской республикѣ», необходимо остановиться на одномъ характерномъ эпизодѣ; разыгравшемся на почвѣ начатой подтяжки желѣзнодорожниковъ. Наиболѣе вредные элементы, какъ говорилось, подверглись изгнанію со службы. Кому же пріятно оторваться отъ насиженнаго мѣста и очутиться безѣ куска хлѣба на улицѣ? А каково было положеніе тѣхъ, кто въ дни веселія революціонеровъ изображалъ персону, предсѣдательствовалъ на делегатскихъ съѣздахъ и, пожалуй, мѣтилъ если не въ президенты республики, то по крайней мѣрѣ въ министры, а теперь вдругъ оказался съ спискѣ подлежащихъ удаленію со службы? Поднялся, конечно, ропотъ. Часть негодовавшихъ

бросилась въ послѣдній оплотъ революціонной арміи—на станцію Люботинь, чтобы примазаться хоть къ миниатюрной республикѣ; другая же часть смалодушничала и обратилась къ представителямъ «царскаго правительства», которыхъ еще недавно готовы были въ порошокъ стереть, а теперь стали молить о прощеніи и о возвратѣ ихъ на службу.

Въ одинъ изъ такихъ дней, когда отъ желѣзнодорожниковъ начали уже отлетать перья, я какъ-то утромъ занимался въ кабинетѣ генераль-губернатора. Капитанъ Агапѣвъ въ это время былъ занятъ пріемомъ многочисленныхъ просителей. Вдругъ открывается дверь въ кабинетъ, и на порогѣ появляется Агапѣвъ.

— Ваше превосходительство, примите одного просителя: ужь очень онъ просить, чтобы вы выслушали его просьбу.

Занятый бумагами генераль не хотѣлъ было принять протезе Агапѣва, но онъ такъ усердно сталъ просить, что генераль сдался и приказалъ пригласить просителя въ столовую, находившуюся рядомъ съ кабинетомъ.

Черезъ минуту на порогѣ столовой появился какой-то субъектъ въ большихъ синихъ очкахъ. Видъ его былъ крайне удрученный. Всмотриваюсь—что-то знакомое какъ будто лицо, но гдѣ я видѣлъ, не могу припомнить. Но какъ только проситель заговорилъ, я тотчасъ же вспомнилъ, что онъ не кто иной, какъ членъ той самой депутаціи, которая приходила недѣли три тому назадъ къ намъ въ управленіе и отъ имени желѣзной дороги требовала, чтобы генераль-губернаторъ «отказался отъ мысли кого-либо арестовывать».

И этотъ самый конторщикъ (или бухгалтеръ—точно не знаю), который тогда держалъ себя такимъ пѣтухомъ, теперь униженно кланялся и умолялъ генераль-губернатора, чтобы онъ заступился и приказалъ принять его обратно на службу.

— Жена, дѣти... Мы безъ куска хлѣба теперь, ваше превосходительство!—дрожащимъ голосомъ, въ которомъ совѣмъ уже не слышалось былого величія, молилъ бывшій делегатъ.

Генераль, которому, конечно, была извѣстна исторія этой депутаціи и которому Агапѣвъ, вводя просителя, доложилъ, какую онъ роль игралъ въ ней,—напомнилъ эксъ-депутату его прошлое.

— Ваше превосходительство!—воскликнулъ конторщикъ, протирая впереди себя одну руку и ударяя въ грудь другой.—Клянусь вамъ, повѣрьте совѣсти, я это изъ трусости сдѣлалъ! Я трусь по природѣ! Я тогда не могъ отказаться отъ порученія товарищей, я ихъ боялся.

Какъ уже сказано, революціонеры перенесли руководство баствовавшими желѣзными дорогами на станцію Люботинь. Здѣсь сейчасъ же сформировали комитетъ, объявившій станцію «республикой». Станціонное начальство этимъ временнымъ комитетомъ было удалено.

Главнымъ коноводомъ этихъ мятежниковъ, объявившимъ себя президентомъ республики, здѣсь оказался мелкій конторщикъ Кирста.

Хотя «республика» эта и находилась внѣ вѣдѣнія генераль-губернатора, но какъ только вѣсть о появленіи ея на свѣтъ дошла до города, на станцію тотчасъ же была послана рота Лебединскаго полка, подъ командою капитана С—го. 10-го декабря рота эта прибыла на станцію.

Но рота была столь малочисленна (всего лишь около полусотни человекъ), что исполнить возложенную на нее задачу—водворить порядокъ—не смогла; а потому ротный командиръ ограничился лишь немедленнымъ принятіемъ мѣръ по охранѣ станціи и выставилъ вездѣ, гдѣ надо было, часовыхъ. Но отъ этого порядокъ вещей не измѣнился: рота ротою, а республика сама по себѣ.

Положеніе этой роты, брошенной въ самый центръ революціоннаго очага, съ каждымъ днемъ становилось все хуже и ненормальнѣй. Изъ города, съ которымъ сообщеніе давно уже было прервано, стали доходить самыя неутѣшительныя вѣсти: говорили, что тамъ уже дѣла вершить временное правительство. Желѣзнодорожный стачечный комитетъ циркулярно сообщилъ по станціямъ, что Москва объята мятежомъ; на улицахъ ея—бой; въ войскахъ броженіе, многіе отказываются стрѣлять.

Отъ начальства извѣстій никакихъ. Рота какъ бы забыта. Капитанъ С—й вызвалъ одного расторопнаго солдатика и приказалъ ему во что бы то ни стало пробраться въ полкъ и рассказать, что дѣлается на станціи. Солдатъ переодѣлся въ крестьянское платье и ночью съ попутной подводой какого-то крестьянина благополучно пріѣхалъ въ городъ.

14-го декабря генераль-губернаторъ получилъ свѣдѣніе о печальномъ положеніи этой роты и о безобразіяхъ, творившихся на станціи, и въ тотъ же день снарядилъ противъ «республики» экспедицію, выславъ для поддержанія капитана С—го роту пѣхоты и сотню казаковъ, подъ общимъ начальствомъ полковника Э—ля.

По непонятнымъ причинамъ, къ этому отряду не былъ приданъ капитанъ Агапѣевъ, который въ качествѣ офицера генеральнаго штаба, несомнѣнно, принесъ бы ему существенную пользу. Въ объясненіе этой ненормальности можно привести предположеніе, что генераль Сѣнницікій, какъ дѣйствовавшій все время вообще весьма осторожно, опасался рѣшительнаго и энергичнаго характера Агапѣева—врага всякихъ полумѣръ.

Отрядъ передвиженіе это въ двадцать шесть верстъ совершилъ съ большими трудностями, такъ какъ желѣзнодорожный путь во многихъ мѣстахъ былъ испорченъ: кое-гдѣ были сняты рельсы, вынуты шпалы и т. п. Казаки верхами были пущены въ видѣ авангарда, а пѣхота ѣхала въ специальномъ поѣздѣ. Обнаруживъ раз-

рушеніе пути, казаки останавливали поѣздъ, а захваченные съ собой на этотъ случай рабочіе принимались за исправленіе дороги. Исправивъ участокъ, отрядъ двигался впередъ до новаго препятствія, гдѣ продѣлывалось то же самое, послѣ чего ползли дальше. Между городомъ и станціей, на которой свила себѣ гнѣздо республика, было еще двѣ промежуточныхъ станціи—Баварія и Рыжово. Завидѣвъ первую изъ нихъ, казаки съ налета захватили ее, установили правильно стрѣлки и исправили телефонъ и телеграфъ. Также овладѣли они и второй станціей, и, наконецъ, отрядъ добрелъ до «республики.»

Но и полковнику не суждено было довести дѣло до конца, и, наоборотъ, даже онъ только испортилъ его.

Добравшись до станціи, отрядъ нашель станціонную территорию забаррикадированной сброшенными съ рельсовъ вагонами, а путь въ нѣсколькихъ мѣстахъ испорченнымъ. На станціи оказалось до двухъ тысячъ запасныхъ, умышленно задержанныхъ мятежниками. Запасные требовали немедленной отправки ихъ, угрожая начать избіеніе всѣхъ, кто подвернется подъ руку.

Соединившись съ ротою капитана С—го, едва державшагося подъ натискомъ этихъ запасныхъ, полковникъ Э—ль раздобылъ паровозъ, кое-какъ составилъ поѣздъ и окружнымъ путемъ, минуя Харьковъ (станція узловая), отправилъ запасныхъ на югъ.

Между тѣмъ «республиканцы» въ громадномъ числѣ ввалились на станцію и потребовали отъ полковника, чтобы онъ увелъ съ нея отрядъ. Полковникъ не нашель ничего лучшаго, какъ исполнить это требованіе, и, несмотря на то, что своимъ прибытіемъ онъ утроилъ отрядъ,—увелъ войска со станціи и продержалъ ихъ почти цѣлую ночь на морозѣ и вѣтрѣ, не озаботившись размѣщеніемъ ихъ по помѣщеніямъ.

На другой день онъ сдѣлалъ единственное полезное дѣло—это арестовалъ двухъ главныхъ агитаторовъ—Кирсту и другого какого-то мелкаго служащаго, игравшаго роль въ «республиканскомъ» правительствѣ. Когда посланные за этими двумя субъектами солдаты вошли на станцію, «президентъ республики «какъ бы почувялъ бѣду и кинулся въ какой-то ящикъ. Но солдаты поймали его за ноги въ тотъ моментъ, какъ онъ были еще снаружи, а владѣлецъ ихъ зарывался головой въ какую-то рухлядь, и вытащили «президента» на Божій свѣтъ.

Ограничившись этимъ дѣломъ, полковникъ Э—ль въ тотъ же день возвратился съ отрядомъ въ городъ, объясняя свой уходъ крайнимъ утомленіемъ людей.

Генераль Сѣницікій, не удовлетворившись, конечно, дѣйствіями полковника Э—ля и крайне педовольный имъ, рѣшилъ послать противъ республики значительный отрядъ изъ всѣхъ

родовъ оружія, чтобы разъ навсегда покончить съ этимъ безпокойнымъ сосѣдомъ.

Полковникъ Э—ль попросилъ, чтобы начальникомъ отряда назначили его, обѣщая покорить «республику». Генераль-губернаторъ, желая дать ему возможность исправить предшествующую ошибку, сдался на его просьбу и вручилъ ему отрядъ, сформированный изъ батальона пѣхоты, двухъ сотенъ казаковъ и одного орудія.

Капитанъ Агапѣевъ вновь былъ обойденъ—почему?—осталось непонятнымъ, — вѣроятно, по тѣмъ же соображеніямъ, какъ и въ предшествовавшій разъ.

Двигаться къ злополучной станціи отряду пришлось такимъ же способомъ, какъ и два дня тому назадъ, такъ какъ революціонеры вновь испортили путь и завладѣли телеграфомъ и телефономъ. Такъ же, какъ и въ прошлый разъ, пришлось производить конные налеты на промежуточныя станціи, захватывать телеграфныя аппараты, исправлять пути и проч. При этомъ полковникъ Э—ль, захвативъ станцію, присылалъ довольно своеобразныя донесенія: «Сейчасъ раздѣлалъ станцію Баварію; иду къ Рыжово». Черезъ нѣкоторое время—новое донесеніе—раздѣлалъ и эту станцію.

Къ вечеру отрядъ приблизился къ станціи Люботинъ. Генераль-губернаторъ имѣлъ свѣдѣніе, что мятежники заложили передъ входомъ на станцію фугасы, о чемъ предупредилъ полковника Э—ля.

Изъ предосторожности полковникъ Э—ль остановилъ свой отрядъ на разстояніи болѣе версты отъ станціи и, высадивъ его изъ вагоновъ, построилъ въ боевой порядокъ. Не имѣя никакихъ свѣдѣній о мѣстонахожденіи мятежниковъ и не производя никакой рекогносцировки, начальникъ отряда приказалъ пустить одну гранату по направленію къ станціи.

Снарядъ, пущенный наудачу, угодилъ въ зданіе депо, въ которомъ въ это время какъ разъ и находились всѣ «республиканцы», во главѣ съ членами комитета. Граната, ударившись въ верхнюю часть депо, отбила кусокъ карниза, но не причинила никому изъ бывшихъ въ зданіи никакого вреда.

Черезъ нѣсколько минутъ полковникъ Э—ль приказалъ сдѣлать еще одинъ выстрѣлъ. Вторая граната попала въ подъѣздъ и угодила въ цистерну съ нефтью, которая тотчасъ же воспламенилась. Огонь быстро перешелъ на другіе вагоны товарнаго поѣзда, и пламя съ страшною силою забушевало во всѣхъ 39 нагруженныхъ разнымъ товаромъ вагонахъ, которые въ какой-нибудь часъ сгорѣли до тла. Кромѣ этого поѣзда, отъ огня ничего не пострадало; но довольно было и этого убытка, простиравшагося до 350 тысячъ руб.

Съ первымъ же выстрѣломъ всѣ находившіеся въ депо забастовщики въ паническомъ страхѣ бросились бѣжать куда попало. Главари мятежа—члены комитета—бросились въ пустые вагоны и, воспользовавшись готовымъ паровозомъ, стоявшимъ подъ парами,

приказали машинисту спѣшно вести ихъ на слѣдующую станцію (въ противоположномъ направленіи отъ Харькова). Машинистъ, перепуганный не меньше своихъ случайныхъ пассажировъ, развилъ головокружительную скорость, дошедшую до 60 верстъ въ часъ, и понесся на всѣхъ парахъ съ единственною мыслью—скорѣй и подальше удрать отъ станціи.

Въ страхѣ забастовщики совершенно забыли, что они только что разрѣшили двинуться по этому же пути навстрѣчу себѣ поѣзду съ новобранцами. Съ страшною силою налетѣли другъ на друга оба поѣзда. Произошло ужасное столкновение, которое уже невозможно было предупредить даже тогда, когда машинисты замѣтили угрожающую имъ опасность. Въ результатѣ—7 человекъ раненыхъ, но—что замѣчательно—всѣ пострадавшіе оказались изъ состава забастовочнаго комитета; новобранцы же оказались невредимыми.

Выпустивъ эти двѣ гранаты и обстрѣлявъ безъ всякаго толка ружейнымъ огнемъ станцію, полковникъ Э—ль двинулъ отрядъ впередъ и къ вечеру овладѣлъ опустѣвшей республикой.

На другой день полковникъ водворилъ на мѣсто жандармерію и полицію и отправился въ поселокъ. Собравъ тамъ сельскій сходъ и разъяснивъ крестьянамъ, бывшимъ «республиканцамъ», всѣ ихъ заблужденія, начальникъ отряда арестовалъ агитаторовъ и возстановилъ на станціи и въ поселкѣ полный порядокъ. Пробывъ еще съ недѣлю и совершивъ еще нѣсколько экскурсій по соседнимъ селамъ, отрядъ былъ отозванъ въ городъ. На станціи Люботинъ и на промежуточныхъ между нею и Харьковомъ станціяхъ были оставлены небольшіе гарнизоны.

Числа 22-го движеніе по всѣмъ линіямъ возстановилось, и желѣзнодорожная забастовка была окончена.

Почти одновременно съ возстановленіемъ этой «республики» близъ Харькова образовалась другая, расположившаяся на станціи Купянскъ. Покорить ее выпало на долю капитана Богодуховскаго полка Тысскаго. Покореніе это связано съ другою исторіей, также заслуживающей быть отмѣченной. Дѣло было такъ.

Въ концѣ лѣта 1904 года изъ полковъ, которые не мобилизовались въ минувшую войну, нижніе чины, выслужившіе опредѣленный срокъ службы, были уволены въ запасъ арміи и выпущены по домамъ. Въ то же время сверстники ихъ, т. е. нижніе чины срока службы 1901 года, въ тѣхъ полкахъ, которые были приведены на военное положеніе или вновь сформированы, какъ, напримѣръ, харьковскіе, были задержаны на службѣ, въ виду того, что съ Дальняго Востока войска еще не пришли, а караульная служба, возложенная на остававшіяся дома части, требовала очень большого расхода людей и не могла бы быть выполняема, если бы полки остались съ неполнымъ штатомъ.

Во время послѣдней мобилизаціи, которая послѣдовала уже послѣ заключенія мира, въ ряды арміи были призваны, въ числѣ прочихъ запасныхъ, и нижніе чины срока службы 1901 года: Дѣлать, конечно, нечего, пошли безропотно и они подъ знамена.

Такъ служили они до конца ноября, когда послѣдовало распоряженіе начать увольненіе въ запасъ призванныхъ изъ него; при этомъ было приказано дѣлать это постепенно, начавъ увольненіе со старшихъ сроковъ. Но такъ какъ нижніе чины 1901 года въ харьковскихъ полкахъ не уволились въ запасъ своевременно и были задержаны на службѣ, а распоряженіе это касалось только призванныхъ изъ запаса, то ихъ не уволили и теперь, одновременно съ ихъ старшими товарищами. вмѣстѣ съ тѣмъ задержали на службѣ и тѣхъ нижнихъ чиновъ срока службы 1901 года, которые были, какъ сказано выше, по послѣдней мобилизаціи призваны изъ запаса и находились, слѣдовательно, въ одинаковыхъ условіяхъ со своими сверстниками, не попавшими своевременно въ запасъ. Вскорѣ вслѣдъ за этимъ было приказано нижнихъ чиновъ 1901 года, попавшихъ по мобилизаціи въ запасные батальоны, перевести въ полки на пополненіе сильно порѣдѣвшихъ рядовъ. Отсюда и загорѣлся сыр-боръ.

Такъ, примѣрно, черезъ недѣльку послѣ этого распоряженія прибыла въ Богодуховскій полкъ партія человекъ въ 100 съ лишнимъ, переведенная изъ одного изъ запасныхъ батальоновъ. Съ вокзала въ порядкѣ пришла эта партія на полковой дворъ, выстроилась тамъ и стала поджидать командира полка. Среди прибывшихъ были фельдфебель и много унтеръ-офицеровъ.

Командиръ полка не замедлилъ пріѣхать къ новымъ своимъ подчиненнымъ и, подойдя къ командѣ, поздоровался съ людьми. Отвѣтили дружно, по-солдатски. Послѣ того, какъ полагается, полковникъ Пригоровскій спросилъ: нѣтъ ли у нихъ какихъ жалобъ, претензій, все ли получили, что причиталось и т. п.

Только онъ это спросилъ, какъ вся толпа что-то загалдѣла, закричала, а что именно—за общимъ гамомъ и понять нельзя. Командиръ полка, видя, что получается ерунда, скомандовалъ «смирно» и приказалъ фельдфебелю выйти и доложить, въ чемъ дѣло.

Фельдфебель доложилъ, что солдаты считаютъ задержаніе ихъ на службѣ несправедливымъ и неправильнымъ.

Полковникъ Пригоровскій подробно выяснилъ ошибочность ихъ взгляда, но въ отвѣтъ на его рѣчи опять поднялся галдежъ. Полковникъ прикрикнулъ на галдѣвшихъ, но какъ только онъ началъ во второй разъ объяснять имъ причины задержки ихъ на службѣ, какъ солдаты опять начали горланить.

Долго бился съ ними полковникъ, но ничего не помогло. Наступилъ моментъ, когда необходимо было заставить бунтовщи-

ковъ подчиниться приказанію силою оружія, но полкъ былъ въ караулѣ и некого было вызвать изъ казармъ.

Понявъ, что дѣло дрянъ, полковникъ Пригоровскій оставилъ офицеровъ, бывшихъ свидѣтелями этой крайне прискорбной сцены, около мятежной роты, сѣлъ въ коляску и во весь духъ помчался къ генераль-губернатору. Выслушавъ докладъ, генераль Сѣнницкій приказалъ немедленно взять батальонъ недавно передъ тѣмъ прибывшаго на усиленіе гарнизона Днѣпровскаго полка, окружить мятежниковъ, разоружить ихъ и отправить всѣхъ въ тюрьму.

Черезъ полчаса къ казармамъ приближался уже батальонъ. Войдя на казарменный дворъ, батальонъ окружилъ со всѣхъ сторонъ мятежниковъ, которые, понявъ, что шутки плохи, притихли, и, видимо, больше и не думали бунтовать. Черезъ четверть часа они выходили уже со двора, окруженные грознымъ конвоемъ, и направлялись въ качествѣ арестованныхъ въ тюрьму.

Генераль-губернаторъ вслѣдъ за этимъ приказалъ произвести самое тщательное дознаніе, чтобы передать его затѣмъ слѣдователю и дать вообще дѣлу законный ходъ. Дознаніе было поручено капитану Богодуховскаго полка Тысскому. Капитанъ этотъ, казавшійся самымъ зауряднымъ армейскимъ офицеромъ, энергично повелъ дѣло, проводя все свободное отъ службы время въ тюрьмѣ. Допрашивая поодиночкѣ всѣхъ мятежниковъ и выясняя всѣ обстоятельства дѣла, капитанъ Тысскій, однако, не ограничился одною формальною стороною, а велъ дѣло гораздо шире, стараясь разъяснить опрошеннымъ всю тягость совершеннаго ими преступленія и позоръ, который они всѣ навлекли на себя. Подъ вліяніемъ его горячихъ рѣчей, исходившихъ изъ самой глубины армейскаго сердца, мятежники искренно раскаялись въ своемъ необдуманномъ поступкѣ и быстро преобразились въ тѣхъ солдатъ, которые по первому же слову начальника готовы кинуться въ огонь и въ воду.

Естественно, они поинтересовались узнать, какая кара грозитъ имъ за ихъ преступленіе. Капитанъ Тысскій нарисовалъ картину ихъ дальнѣйшей судьбы самыми мрачными красками: годы тюремнаго заключенія, пока судъ да слѣдствіе, а затѣмъ каторжная работа. Солдаты, исплакавшіеся за эти дни, какъ малые ребята, взвыли и начали умолять капитана—какъ-нибудь облегчить ихъ судьбу, внять ихъ раскаянію и клятвамъ, что никогда ничего подобнаго имъ больше въ голову не придетъ. А капитанъ ихъ все подзуживаетъ.

— Не видать больше вамъ вашихъ женъ, отцовъ, матерей. Нарушили царскую присягу, теперь конецъ.

Самъ же тѣмъ временемъ все бѣгаетъ къ генераль-губернатору да докладываетъ, что приходятъ совсѣмъ уже мятежники въ христіанскую вѣру, и все хлопочетъ за нихъ.

Тутъ, на ихъ счастье, времена измѣнились. Послѣ 12 декабря власти принялись за революціонеровъ. Всѣ мѣста заключенія оказались сразу переполненными, а тутъ еще изъ уѣздовъ подваливаютъ «аграрниковъ». Кандидатовъ на кутузку масса, а мѣсть нѣтъ.

Подъ вліяніемъ этихъ обстоятельствъ призываетъ однажды къ себѣ генераль-губернаторъ капитана Тыскаго и спрашиваетъ: «Какъ дѣла?»

Тотъ подробно и обстоятельно доложилъ все и говоритъ, что по всему видно, что натворить—натворили, но безъ разума, подъ вліяніемъ минуты; не обошлось, конечно, дѣло безъ подговоровъ вездѣсущихъ агитаторовъ. Въ настоящее же время вполне раскаялись и готовы чѣмъ угодно загладить проступокъ.

Исключительныя обстоятельства вызываютъ и исключительныя мѣры. Къ одной изъ такихъ исключительныхъ мѣръ рѣшили прибѣгнуть и генераль Сѣницікій, давшій капитану Тыскому соответствующую инструкцію.

Прибывъ вскорѣ послѣ этого въ тюрьму, Тыскій приказалъ своимъ воспитанникамъ живо построиться. Тѣ не замедлили исполнить его приказаніе и черезъ минуту стояли уже въ строю.

Нахмурившись и придавъ своему лицу самое свирѣбое выраженіе, капитанъ повелъ рѣчь, конечно, все о томъ же преступленіи, которое тяготѣло надъ его слушателями. Забирая все выше и выше, капитанъ громилъ солдатъ и особенно подчеркивалъ то, что они измѣнили царю, забыли присягу и теперь являются не больше, не меньше, какъ клятвопреступниками, отверженными всѣми порядочными людьми.

Громовая его рѣчь пронизывала солдатъ и вызывала у многихъ самыя неподдѣльныя искреннія слезы горькаго раскаянія. Замѣтивъ, что разобрало уже изрядно, капитанъ поддалъ еще больше пару и наконецъ закричалъ:

— На колѣни, измѣнники! Ваша присяга, которую вы дали въ началѣ службы, опоганѣна вашимъ проступкомъ и теперь въ счетъ итти не можетъ. Вамъ по той присягѣ ни царь, ни родина ничего больше не повѣрятъ. Заново надо вамъ присягать.

По командѣ «на колѣни» вся толпа, какъ одинъ человѣкъ, рухнула на землю и замерла.

— Сложи три пальца, какъ для присяги, и повторяй за мной слова: я васъ заново приведу къ присягѣ,—кричалъ капитанъ.

Солдаты послушно подняли правыя руки вверхъ со сложенными для крестнаго знаменія пальцами. Начался торжественный обрядъ приведенія къ присягѣ въ самой необычайной обстановкѣ. По всей вѣроятности, эта присяга была единственною въ своемъ родѣ. Громко и внятно повторяли солдаты слова присяги и, когда раздалась, наконецъ, заключительныя слова: «Въ заключеніе же

сей моей клятвы цѣлую слова и крестъ Спасителя моего. Аминь»— всѣ истоиво перекрестились и сдѣлали земной поклонъ, замѣнившій собой цѣлованіе св. креста и евангелія.

Лица солдатъ какъ бы просвѣтлѣли. Въ ихъ сердцахъ затеплилась надежда, что дѣло приметъ благопріятный оборотъ и что ужасы каторги минуютъ ихъ. Не даромъ же ихъ привели вторично къ присягѣ: вѣдь отъ каторжниковъ не требуется клятва на вѣрность службы.

— Встать!—скомандовалъ капитанъ и, когда рота успокоилась, онъ вновь обратился къ нимъ съ рѣчью, въ которой указалъ на величіе только что совершившагося факта—принятія заново присяги, на необходимость свято, крѣпко и ненарушимо хранить ее до конца жизни, и въ заключеніе сказалъ, что сейчасъ пойдетъ къ генераль-губернатору и будетъ ходатайствовать передъ нимъ о смягченіи ихъ участи.

Ходатайство капитана увѣнчалось успѣхомъ; на помощь ему пришла, какъ уже говорилось, необходимость освободить мѣсто въ тюрьмѣ. Смѣлое же его рѣшеніе—привести по собственному почину къ новой присягѣ мятежниковъ—особенно понравилось генераль-губернатору.

Въ тотъ же день былъ отданъ приказъ по гарнизону, въ которомъ проступокъ возмущившихся солдатъ былъ обрисованъ менѣе яркими красками, чѣмъ можно было бы это сдѣлать, если бы взглянуть на него съ чисто формальной стороны. Все содѣянное было приписано необдуманности и недостаточному уметвенному развитію преступившихъ законъ. Подчеркнуто было чистосердечное и горячее раскаяніе виновныхъ. Конецъ приказа говорилъ о томъ, что, однако, этотъ проступокъ все же не можетъ быть оставленъ безнаказаннымъ, а потому, не предавая виновныхъ, во вниманіе къ ихъ раскаянію, суду, генераль-губернаторъ постановилъ: фельдфебеля и всѣхъ унтеръ-офицеровъ и ефрейторовъ, какъ лицъ, облеченныхъ властью и не воспользовавшихся ею для вразумленія своихъ подчиненныхъ,—лишить ихъ званій и арестовать каждого на 20 сутокъ. Тому же аресту подвергнуть и всѣхъ рядовыхъ, причемъ тѣмъ и другимъ въ срокъ ареста зачесть время, проведенное ими въ заключеніи. Затѣмъ всѣхъ этихъ нижнихъ чиновъ перечислить въ запасъ на мѣсяць позже ихъ сверстниковъ.

При этомъ нужно замѣтить, что всѣ они высидѣли уже больше чѣмъ по 20 сутокъ, такъ что досиживать никому больше не пришлось.

Между прочимъ Тысскій выхлопоталъ, чтобы всю эту команду прикомандировали къ его ротѣ, такъ какъ за три недѣли постоянного общенія съ нею онъ отлично изучилъ ее, пріобрѣлъ надъ нею громадное вліяніе и желалъ довести дѣло до конца; тѣмъ болѣе, что всѣ эти солдаты были прекрасные люди, только по несчастію

поскользнувшіеся. Онъ ихъ поднялъ,—оставалось только правильно повести ихъ.

Черезъ часъ вся команда была водворена въ ротѣ капитана Тысскаго.

Генераль-губернаторъ часто справлялся у капитана, какъ ведутъ себя его питомцы. И капитанъ всякій разъ съ гордостью докладывалъ, что поведеніе ихъ выше всякой похвалы.

Наконецъ, этой штрафованной ротѣ представился случай доказать, что она вполне исправилась и службу можетъ нести такъ, какъ подобаетъ истиннымъ молодцамъ солдатамъ.

Какъ раньше говорилось, въ декабрѣ на желѣзныхъ дорогахъ поднялся опять такой же кавардакъ, какой былъ въ октябрѣ. Верстахъ въ ста отъ Харькова стачечный комитетъ захватилъ станцію Куянскъ, сталъ распоряжаться оттуда движеніемъ поѣздовъ и, объявивъ тамъ «республику», какихъ было въ то время сотни, сталъ проявлять явное намѣреніе произвести вооруженное возстаніе.

Терпѣть подобное безобразіе уже не представлялось болѣе возможнымъ. Военнымъ властямъ было приказано убрать всѣ эти «республики» и возстановить вездѣ порядокъ. Необходимо было покорить и купянскую «республику». Генераль Сѣвницікій рѣшилъ послать туда роту пѣхоты и сотню казаковъ. Выборъ начальника этой экспедиціи палъ на того же капитана Тысскаго, какъ на заявившаго себя весьма энергичнымъ, находчивымъ начальникомъ. Капитанъ съ удовольствіемъ принялъ на себя эту миссію, но попросилъ, чтобы было разрѣшено въ числѣ нижнихъ чиновъ его роты взять съ собою и его «каторжниковъ», какъ онъ любовно называлъ своихъ новыхъ воспитанниковъ. При этомъ капитанъ доказывалъ, что они у него въ ротѣ—самый надежный народъ. Разрѣшеніе послѣдовало.

Снарядили экстренный поѣздъ, дали въ распоряженіе капитана сотню лихихъ донцовъ и нѣсколько человекъ жандармовъ. Глухою ночью посадилъ капитанъ свой отрядъ въ вагоны и двинулся на «республику».

На разсвѣтѣ поѣздъ подошелъ къ станціи Куянскъ. Въ верстѣ отъ нея капитанъ приказалъ остановить поѣздъ, быстро высадилъ изъ вагоновъ людей, разсыпалъ роту въ цѣпь и, прикрывъ этимъ построеніемъ казаковъ, далъ имъ время и возможность безъ помѣхи вывести изъ вагоновъ и засѣдлатъ лошадей. Когда все это было исполнено, отрядъ быстро двинулся на станцію, на которой ни одна душа не подозрѣвала, что подошелъ конецъ «республикѣ».

Черезъ полчаса станція была со всѣхъ сторонъ окружена цѣпью солдатъ и казаковъ. Взявъ съ собою часть пѣхоты и казаковъ, капитанъ двинулся къ квартирамъ главарей «республики», которыя были указаны жандармами, и митомъ арестовалъ наиболѣе зловредныхъ мятежниковъ.

Когда станція проснулась, «республика» уже не существовала. вмѣсто нея водворилась законная власть въ лицѣ лихого капитана. Къ вечеру былъ возстановленъ полный порядокъ во всѣхъ отдѣлахъ станціи. Въ тотъ же день было открыто, по энергичному настоянію покорителя «республики», желѣзнодорожное движеніе. Словомъ, въ одинъ день вся операція была закончена съ блестящимъ успѣхомъ.

«Каторжники» работали такъ, что капитанъ только любовался ими.

Когда покореніе было вполне закончено и законныя власти были водворены на своихъ мѣстахъ, капитанъ собралъ свой отрядъ и вернулся домой.

Генераль-губернаторъ въ воздаяніе заслугъ и доблести, проявленныхъ «каторжниками», приказалъ, не ожидая установленнаго имъ срока службы, уволить ихъ немедленно въ запасъ. Капитанъ же Тысскій получилъ благодарность отъ командующаго войсками въ приказѣ по округу, а впоследствии, по представленію генераль-губернатора, и орденъ.

Съ покореніемъ этихъ двухъ «республикъ» закончился острый періодъ революціоннаго движенія, охватившаго Харьковъ и его окрестности, и жизнь постепенно начала входить въ нормальную колею.

Началась ликвидація революціи и расплата съ ея дѣятелями: участились аресты, закипѣла работа у слѣдователей (не приведшая, впрочемъ, ни къ чему). Болѣе или менѣе спокойно былъ встрѣченъ новый годъ, послѣ чего революція и вовсе пошла на убыль, а власти начали все больше и больше укрѣплять свои позиціи.

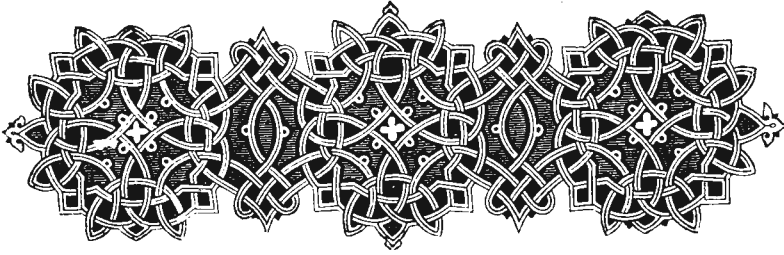
Въ серединѣ февраля генераль Сѣнницкій, получившій новое назначеніе, покинулъ Харьковъ. вмѣстѣ съ тѣмъ освободился и я и, облегченно вздохнувъ, сдалъ всѣ дѣла правителю канцеляріи губернатора и распрощался со своими временными и случайными сослуживцами.

На этомъ періодѣ жизни Харькова кончаются и мои воспоминанія о немъ.

М. А. Яковлевъ.

АРХИВНЫЯ МЫТАРСТВА.

I.

ВЪ ДЕКАБРѢ прошлаго года незамѣтно минуло десять лѣтъ моимъ архивнымъ мытарствамъ по собиранію рукописныхъ матеріаловъ о Суворовѣ. Срокъ сравнительно небольшой, не отмѣчаемый никакими юбилеями, ни газетными статьями съ шаблонными благопожеланіями; но за эти десять лѣтъ мнѣ пришлось вдоволь наглотаться пыли (достаточно сказать, что съ декабря 1899 года я посѣтилъ около шестисотъ архивовъ!), испытать немало разочарованій,—правда, въ большинствѣ случаевъ не по своей винѣ,—перепортить массу крови. Жестоко пострадало и мое зрѣніе. Объ этомъ всего лучше, разумѣется, знать мнѣ. Вотъ почему въ моихъ глазахъ—десять лѣтъ непрерывной архивной работы равны обыкновенной работѣ за четверть вѣка, и я рѣшилъ подѣлиться съ публикой своими «архивными впечатлѣніями», хотя «десять» равно «двадцати пяти» развѣ въ «математическихъ софизмахъ»...

Но, если мнѣ на долю выпало немало грустнаго, я, въ свою очередь, извѣдалъ на себѣ и всю прелесть архивныхъ занятій. Такимъ образомъ, я, «не помня зла», съ полнымъ правомъ могу повторить слова знаменитаго Леопольда фонъ-Ранке о работѣ въ архивахъ: «Не жалѣйте того, кто занимается этимъ, повидимому, сухимъ трудомъ и чрезъ то лишаетъ себя житейскихъ наслажденій!

Правда, эти бумаги мертвы; но въ нихъ тлѣтъ остатокъ жизни. Смотрите пристальнѣе,—изъ нихъ возрождается жизнь столѣтій!».

Мнѣ не жаль лучшихъ дней своей жизни, проведенныхъ въ стѣнахъ архивовъ, но, съ другой стороны, я не могу не скорбѣть, что никто раньше меня не взялъ принятой мною на себя задачи. Моя скорбь имѣетъ свои реальныя основанія.

II.

Рѣдко кому изъ нашихъ выдающихся государственныхъ дѣятелей не повезло послѣ смерти, въ литературномъ отношеніи, такъ, какъ Суворову. Въ Россіи мало кто знаетъ, какая печальная судьба постигла значительную часть суворовскаго литературнаго наслѣдства; какъ варварски мы, къ стыду нашему, обращались съ его драгоценными строками, истребляя его рукописи даже въ наши дни, вообще, какъ поздно мы стали цѣнить его *слово*! Достаточно замѣтить, что вышедшая въ концѣ 1901 года моя книжка была первымъ спеціальнымъ собраніемъ писемъ Суворова,—и это цѣлое столѣтіе спустя послѣ его страдальческой кончины! Слова князя Вяземскаго въ написанной много лѣтъ тому назадъ статьѣ о жизни и стихотвореніяхъ Дмитріева: «Суворовъ живъ у насъ въ однихъ *реляціяхъ военныхъ*, конечно, достаточныхъ для его славы, но не для любопытства нашего», все еще не потеряли своего значенія.

Да, многое не вернешь, оно погибло безвозвратно! Нравственный обликъ «вѣковъ явленья чуда» сталъ недоступенъ для насъ во всей своей полнотѣ, во всемъ своемъ разнообразномъ освѣщеніи, во всѣхъ своихъ рѣзкихъ особенностяхъ. Красивая легенда во многихъ случаяхъ замѣнила исторію.

Пожалуй, можно думать, что и стихіи и невѣжды нарочно соединялись для того, чтобы дружными усиліями истребить суворовскіе подлинники. Впрочемъ, справедливость требуетъ сказать, что огонь и вода сдѣлали значительно меньше для ихъ уничтоженія, чѣмъ рука человѣка.

Теперь позволю себѣ подѣлиться съ читателями тѣмъ, что мнѣ извѣстно о судьбѣ суворовскихъ автографовъ. Привожу наиболѣе существенное, такъ какъ рамки журнальной статьи не позволяютъ мнѣ вдаваться въ подробности, которыя заняли бы слишкомъ много мѣста, да, вѣроятно, и показались бы неинтересными для большой публики.

Начну мартирологъ суворовскихъ рукописей, въ хронологическомъ порядкѣ, съ участіи Глуховскаго архива.

Страшнымъ пожаромъ 7-го августа 1784 года вмѣстѣ со значительной частью Глухова были уничтожены и хранившіяся въ мѣстномъ архивѣ дѣла военно-походной канцеляріи Румянцова. Въ

этотъ день изъ двадцати двухъ сундуковъ съ дѣлами погибло цѣлыхъ двѣнадцать, не считая другихъ документовъ, въ томъ числѣ суворовскихъ. Черезъ два года послѣ пожара, по упраздненіи малороссійской коллегіи, ея архивъ перевезли въ черниговскій губернский, переименованный позднѣе въ «архивъ губернскаго правленія».

Изъ губернскаго архива черниговская ученая архивная коммисія отобрала наиболѣе старыя дѣла... и свалила ихъ въ кучу, не описывая. Такъ, впрочемъ, поступаютъ со старинными документами и нѣкоторыя другія архивныя коммисіи, напр., костромская, орловская, рязанская, херсонская и проч. Въ настоящее время число подобныхъ образцовыхъ архивныхъ коммисій, вѣроятно, не уменьшилось, а увеличилось, во славу Россійскаго просвѣщенія. Между прочимъ, покойный Евг. Ив. Якушкинъ увѣрялъ меня, что въ костромской ученой архивной коммисіи хранится переписка Суворова по имѣніямъ, но всѣ мои розыски ея не привели ни къ чему.

Возвращаюсь къ прерванному разсказу.

Богатый документами черниговскій губернский архивъ помѣщается на окраинѣ города, въ бывшемъ домѣ Мазепы. Зимой рискуешь утонуть въ снѣгу прежде, чѣмъ доберешься до цѣли своего странствованія.

Въ бумагахъ черниговскаго губернскаго архива кievская коммисія для разбора древнихъ актовъ нашла въ 1861 году остатки архива бывшей военно-походной канцеляріи Румянцова и въ немъ извѣстное дѣло о поискѣ Суворова на Туртукай въ 1773 году, перевезенное потомъ въ Петербургъ, въ военно-ученый архивъ главнаго штаба и опубликованное Саковичемъ. Изъ остальныхъ военныхъ дѣлъ въ черниговскомъ губернскомъ архивѣ уцѣлѣли документы съ 1759 по 1786 годъ.

Въ подаренномъ императрицей Елизаветой Петровной графу Фермору Schloss-Nitau въ Лифляндіи хранились письма Суворова, адресованныя владѣльцу замка, гр. Фермору, котораго нашъ полководецъ, по его словамъ, считалъ какъ втораго отца. Но въ началѣ XIX столѣтія домъ, гдѣ жилъ графъ Ферморъ, сгорѣлъ, и только часть имущества была спасена ¹⁾. Огонь истребилъ и весь фамильный графскій архивъ. Изъ документовъ, напоминающихъ о Суворовѣ, уцѣлѣла одна лишь официальная бумага съ его подписью, не имѣющая особаго значенія. Въ памятный 1905 годъ замокъ Nitau сожгли возставшіе латыши.

Въ Отечественную войну судьба не пощадила и смоленскаго губернскаго архива, а то, что осталось отъ истребленія непріятелемъ, погибло отъ рукъ отечественныхъ невѣждъ.

¹⁾ Нѣкоторыя русскія бумаги этого архива опубликованы гр. Э. К. Чапскимъ въ «Русской Старинѣ» 1880 г. (Сентябрь, стран. 174—177).

Смоленскій губернский архивъ такой же многострадальный, какъ и самый Смоленскъ.

8-го августа 1812 года польскіе уланы, тѣлохранители Наполеона, начали уничтоженіе смоленскаго архива. Всѣ бумаги они сложили въ кучи и подожгли. Цѣлыхъ пять дней горѣлъ архивъ передъ окнами Наполеоновой квартиры. Архивные документы частью замѣняли польскимъ уланамъ тюфяки, карты—занавѣски, для защиты отъ солнца. И военно-походная канцелярія Петра Великаго, и прочія драгоцѣнныя рукописи погибли въ пламени. Виной всему былъ Барклай-де-Толли, дѣйствовавшій въ духѣ Ростопчина.

Нынѣшній смоленскій губернский архивъ «хранится» въ такъ называемой Громовой башнѣ. Выборъ помѣщенія оказался настолько неудачнымъ, что смоленскую губернскую администрацію можно заподозрѣть въ желаніи такъ или иначе отдѣлаться отъ остатковъ стараго архива. Такого сырого и грязнаго помѣщенія для архива я не встрѣчалъ ни въ одномъ другомъ губернскомъ городѣ, кромѣ Смоленска. Въ сравненіи со смоленскимъ, тоже сырое и темное, помѣщеніе вологодскаго губернскаго архива—палаццо.

Сваленныя въ хаотическомъ безпорядкѣ бумаги гниютъ и разрушаются, а смоленскимъ воеводамъ не придетъ на умъ заглянуть въ Громовую башню, хотя послѣдняя находится совсѣмъ недалеко отъ губернаторскаго дома.

Разборомъ остатковъ смоленскаго архива занялся недавно чуждый Смоленску извѣстный русскій дѣятель Сѣверо-Западнаго края генераль А. В. Жиркевичъ. Среди чудомъ уцѣлѣвшихъ бумагъ ему удалось найти дѣла, относившіяся до М. И. Глинки, подлинники Державина, дѣло о бунтѣ крестьянъ князя Голицына, съ собственноручными помѣтками императора Александра I, интересные документы о смоленскомъ ополченіи 1812 года и т. д. Но суворовскихъ подлинниковъ уже не оказалось.

Наравнѣ съ дѣлами смоленскаго губернскаго архива гниютъ и бумаги архива астраханскаго, у котораго тоже нѣтъ приличнаго помѣщенія. Но астраханскій архивъ гниетъ также отъ солончаковой воды, просачивающейся въ подвалъ, гдѣ лежатъ документы, и покрывающей послѣдніе солянымъ осадкомъ. Помимо этого, самые «типы» архиваріусовъ, въ родѣ астраханскаго, отбиваютъ всякую охоту посѣщать архивъ по доброй волѣ, а не по обязанности. Между тѣмъ дѣла въ астраханскомъ губернскомъ архивѣ старыя—съ 1700 года.

Въ 1812 году, во время войны съ тѣмъ же Наполеономъ, въ принадлежавшемъ раньше недоброжелателю Суворова, князю Репнину, подмосковномъ имѣніи Воронцовѣ, въ семи верстахъ отъ столицы, происходили извѣстные опыты съ воздушнымъ шаромъ, описанныя Толстымъ въ «Войнѣ и Мирѣ». Объ этомъ узнали французы и, передъ выстуленіемъ изъ Москвы, двинулись по направле-

нію къ Воронцову. Тогдашній его владѣлецъ, князь Сергѣй Григорьевичъ Репнинъ-Волконскій, поспѣшилъ перевезти бумаги семейнаго репинскаго архива въ Москву. Дважды его поѣздки были удачны, но на третій разъ онъ засталъ Воронцова въ огнѣ.

Кромѣ частной переписки Репнина съ Суворовымъ, погибла корреспонденція князя Николая Васильевича съ Дидро, основателемъ ордена иллюминатовъ Вейсгауптомъ и многими выдающимися историческими дѣятелями.

Пожаромъ уничтоженъ въ 1858 году новочеркасскій войсковой архивъ. Изъ массы дѣлъ XVIII вѣка уцѣлѣли только жалкіе остатки, гдѣ, однакожъ, я нашелъ нѣсколько суворовскихъ автографовъ, не попавшихъ въ известную книгу М. Сенюткина «Донцы», вышедшую въ Москвѣ въ 1866 году. Въ трудѣ Сенюткина перепечатаны письма Суворова атаману Иловайскому, первоначально помѣщенные въ «Донскихъ Войсковыхъ Вѣдомостяхъ» 1856—1857 гг., подъ заглавіемъ «Матеріалы для донской исторіи». Въ настоящее время работа Сенюткина замѣняетъ уничтоженные пожаромъ оригиналы. Къ сожалѣнію, она давно стала библиографическою рѣдкостью.

Пожары истребляли и другіе архивы. Такъ, казанскій архивъ горѣлъ въ 1797 и 1815 гг. Всѣ дѣла XVIII столѣтія погибли въ огнѣ, кромѣ немногихъ, отправленныхъ потомъ г. Н. Тихменевымъ въ московскій архивъ министерства юстиціи. Участъ казанскаго губернскаго архива раздѣлили въ 1816 и 1848 гг. саратовскій, въ 1821 и 1827 гг.—уфимскій, въ 1864—симбирскій и въ 1876—самарскій архивы. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ спасены пугачевскія дѣла, такъ что можно съ большою вѣроятностью утверждать, что въ вышеупомянутыхъ хранилищахъ были и документы, имѣвшіе отношеніе къ исторіи Суворова.

Точно также погибли суворовскіе подлинники вмѣстѣ съ остальнымъ имуществомъ въ селѣ Маровкѣ Моршанскаго уѣзда Тамбовской губерніи, въ 1901 году переименованномъ въ село Суворово. Господскій домъ, гдѣ три раза останавливался его знаменитый хозяинъ, въ 1864 году сгорѣлъ до тла.

III.

Но злѣйшимъ врагомъ суворовскихъ подлинниковъ остаются все-таки люди, а не стихіи.

Начнемъ свою повѣсть съ судьбы, постигшей суворовскіе кончанскій и вотчинный архивы.

Въ 1874 году вышла въ Москвѣ небольшая книжка управлявшаго кончанскимъ имѣніемъ, нѣкоего Н. Рыбкина—подъ заглавіемъ: «Генералиссимусъ Суворовъ. Жизнь его въ своихъ вотчинахъ и хозяйственная дѣятельность».

Выпустивъ въ свѣтъ свою книжку, авторъ, вѣроятно, и не подозрѣвалъ тогда, что ей придется сыграть столь важную роль въ исторіи текста Суворова и какъ нельзя блестяще оправдать извѣстный афоризмъ: «*Nabent sua fata libelli*»,—у книгъ своя судьба.

Трудъ Рыбкина написанъ на основаніи рукописей Суворова, хранившихся въ Кончанскомъ, и заключаетъ въ себѣ чрезвычайно интересныя данныя о семейной жизни генералиссимуса, давая вмѣстѣ съ тѣмъ ясныя представленія о немъ, какъ о помѣщикѣ.

Послѣ появленія въ печати изслѣдованія Рыбкина, на его книгу обратилъ вниманіе извѣстный историкъ Суворова, нынѣ покойный А. Ѳ. Петрушевскій, работавшій тогда надъ своимъ классическимъ трудомъ «Генералиссимусъ князь Суворовъ». Петрушевскій тщательно пересмотрѣлъ документы кончанскаго архива и сгруппировалъ ихъ по отдѣламъ. Въ первую группу вошли двадцать четыре тетради бумагъ, специально относившихся къ кончанскому, ко второй—были приурочены всѣ остальные документы, восходившіе къ концу XVII столѣтія и заключавшіе въ себѣ распоряженія Суворова по хозяйству, въ общемъ пятнадцать тетрадей.

Обоими архивами, къ счастью, успѣлъ воспользоваться Петрушевскій, который и далъ документамъ первой группы—самой важной—название «Кончанскаго сборника», второй—«Вотчиннаго архива князей Суворовыхъ».

Александръ Ѳомичъ, незадолго до смерти, рассказывалъ мнѣ, что среди бумагъ кончанскаго архива были документы такого интимнаго характера,—касавшіеся семейныхъ дѣлъ генералиссимуса, именно измѣны В. И. Суворовой,—что ихъ было неудобно предавать гласности.

И это безцѣнное собраніе бумагъ исчезло цѣликомъ, неизвѣстно куда и когда! По одной версіи, дѣла кончанскаго архива самовольно продалъ опекунъ баронъ Ш., по другой—ихъ тайкомъ вывезли изъ Кончанскаго, по третьей—и, по-моему, наиболѣе правдоподобной версіи—ихъ продали въ 1880-хъ годахъ на пуды по распоряженію тогдашняго владѣльца бывшаго суворовскаго имѣнія. Только жалкія единичныя бумаги, несомнѣнно, происходящія изъ кончанскаго архива, мнѣ случалось видѣть въ музеяхъ и у частныхъ лицъ.

Документы кончанскаго архива я тщательно искалъ по всей Россіи,—и въ самомъ Кончанскомъ, и въ Ярославлѣ, и въ Костромѣ, и въ другихъ городахъ. Кончилось тѣмъ, что я прибѣгнулъ къ «героическому средству»,—выписалъ себѣ прислугу изъ числа обитательницъ Кончанскаго и пообѣщалъ ей хорошее вознагражденіе за каждый доставленный чрезъ нее суворовскій автографъ. Но и послѣдняя моя попытка потерпѣла полное фiasco.

Одинаковая судьба съ кончанскимъ собраніемъ постигла и знаменитое «Суздальское учрежденіе» Суворова. Оно частью сгорѣло,

частью уничтожено «за давностью», почти цѣликомъ. Сохранились развѣ ничтожныя отрывки и отдѣльные афоризмы. Въ новѣйшее время его напрасно искалъ въ лефортовскомъ архивѣ полковникъ Ф. К. Харкевичъ и историкъ Суздальскаго полка г. Плестереръ.

Въ рижскомъ, такъ называемомъ «мертвомъ архивѣ», несомнѣнно, должны были находиться суворовскіе автографы, но въ 1873 г., по распоряженію генераль-губернатора князя Багратіона—злѣйшаго врага архивовъ, какъ мнѣ передавали лица, хорошо его знавшія и служившія при немъ,—всѣ дѣла по 1790 годъ были проданы на конфектную фабрику, для выдѣлки коробокъ подъ сласти!.. А среди уничтоженныхъ дѣлъ были такія пустячныя, какъ донесенія Василія Ивановича Суворова изъ Пруссіи, въ бытность его кенигсбергскимъ губернаторомъ!

Самые рижскіе архивы—по крайней мѣрѣ, такъ было въ 1902 г., когда я работалъ тамъ, въ губернаторство Пашкова,—содержатся въ безпорядкѣ. Всюду грязь и «мерзость заустѣнія». Дѣла валяются прямо на полу. Къ довершенію всего, въ одной изъ рамъ архивнаго помѣщенія не было стекла, и въ отверстіе широкою струей врывался холодный вѣтеръ и лилъ дождь.

Нѣчто подобное я встрѣтилъ позже въ екатеринославскомъ губернскомъ архивѣ. Въ помѣщеніи, гдѣ хранились дѣла, работать зимой было немислимо изъ-за царившаго тамъ холода. Масса старыхъ дѣлъ была свалена безъ описей. Бумаги Воейкова, Каховскаго, Синельникова, Хорвата, пограничныя дѣла съ Польшей и прочія—тоже въ хаотическомъ безпорядкѣ. Только въ послѣднее время они обратили на себя вниманіе изслѣдователей и дождались сравнительно лучшихъ дней.

Въ возмутительномъ состояніи находятся и владикавказскіе архивы—областной и кизлярскій, котораго дѣла восходятъ къ 1725 году. Точно также не особенно располагаетъ къ работѣ такой архивъ, какъ тверской губернскій, гдѣ бумаги сложены въ бывшемъ солянномъ амбарѣ¹⁾.

Въ видѣ пріятнаго исключенія сравнительно въ порядкѣ только немногіе наши губернскіе архивы. Изъ нихъ слѣдуетъ назвать архангельскій, волынскій, костромской, митавскій, ярославскій, войсковой оренбургскій и др. «Благоденствіе» архивовъ часто зависитъ отъ губернаторовъ. Любитъ губернаторъ старину—и архивная коммиссія благоденствуетъ, равнодушень къ прошлому—и провинціальныя ученые находятся въ черномъ тѣлѣ²⁾.

¹⁾ Нашимъ архиваріусамъ падо было бы поучиться образцовымъ порядкамъ цѣннаго ревельскаго городского архива. Но здѣсь архиваріусъ—видный прибалтійскій ученый, бывшій секретарь извѣстнаго германскаго историка Huffer.

²⁾ По моему глубокому убѣжденію, въ архивахъ, богатыхъ цѣнными старинными документами, особенно историческаго характера, должно быть два архиваріуса, старшій и младшій. На первыя мѣста необходимо назначать лицъ, хорошо знакомыхъ съ

«Любители старины» свирѣпствовали и въ митавскомъ губернскомъ архивѣ. Здѣсь аккуратные нѣмцы когда-то составили—по нѣмецки—такія превосходныя описи старыхъ дѣлъ, какія вы найдете развѣ въ работѣ покойнаго Беселага о морскомъ архивѣ. Я съ наслажденіемъ погрузился въ чтеніе описей. Чѣмъ больше строки пробѣгалъ я, тѣмъ сильнѣй восхищался. Къ тому же и порядокъ въ архивѣ вездѣ и во всемъ образцовый. Записываю заголовки дѣлъ и нумера одинъ за другимъ, когда стоящій позади меня архивариусъ, къ слову сказать, любезный и культурный, а не Urmensch, каково большинство нашихъ архивариусовъ,—неожиданно заставляетъ меня спуститься съ неба на землю.

— Жаль мнѣ васъ: почти всѣхъ этихъ дѣлъ нѣтъ.

— Гдѣ же они?

— Уничтожены.

Жесточайшему разгрому подвергся и архивъ при елисаветградскомъ кафедральномъ соборѣ. Здѣсь были бумаги не однихъ духовныхъ лицъ, но и Потемкина и современныхъ ему дѣятелей. Одинъ изъ извѣстныхъ историковъ Запорожья (для успокоенія живыхъ прибавлю: покойный) расхитилъ его только отчасти. Окончательно порѣшило съ нимъ елисаветградское соборное начальство. Во время

исторіей и съ архивнымъ дѣломъ въ частности. На ученія архивныя комиссіи въ большинствѣ случаевъ плохая надежда. Начавъ «за здравіе», правительство, какъ это часто бываетъ у насъ, кончило «за упокой». Чтобы ученія архивныя комиссіи дѣйствительно приносили пользу, необходимо отпускатъ на печатаніе ихъ трудовъ по крайней мѣрѣ 3000 р. ежегодно каждой, а то, при нынѣшнемъ положеніи дѣлъ, труды нѣкоторыхъ комиссій выходятъ въ свѣтъ чрезъ 3—4 года, и то если губернская типографія, обыкновенно заваленная работами, смилуется. Затѣмъ всѣмъ сотрудникамъ «Трудовъ» и «Извѣстій» ученыхъ архивныхъ комиссій надо давать гонораръ не менѣе 50 р. съ листа. Помѣщеніе самой комиссіи должно имѣть приличный видъ и обстановку. Покойный саратовскій губернаторъ А. П. Энгельгардтъ передавалъ мнѣ, что вскорѣ по вступленіи его въ должность ему поднесли для подписи какой-то листъ. Оказалось, что у саратовской архивной комиссіи не было шкапа для храненія документовъ. Все вышеуказанное необходимо сдѣлать немедленно, пока историческія дѣла нашихъ архивовъ еще не всѣ сгнили, разворованы, сгорѣли или проданы на вѣсъ. Въ Западной Европѣ архивное дѣло поставлено совершенно на другихъ основаніяхъ. Что касается насъ, какъ быстро мы ни ѣдемъ, а все стоимъ на запяткахъ у Европы. Упорядочите ученія архивныя комиссіи—найдутся и дѣльные работники, особенно въ провинціи, среди духовенства. Изъ среды послѣдняго назовемъ такія имена, какъ покойнаго А. С. Верещагина (Вятка), И. И. Дубасова (Тамбовъ), о. С. Г. Звѣрева (Воронежъ), недавно скончавшагося И. И. Орловскаго (Смоленскъ), У. М. Сибирцева (Архангельскъ), А. И. Соколова (Саратовъ), покойнаго Н. И. Суворова (Вологда), о. Е. І. Сѣцинскаго (Каменецъ-Подольскъ), В. Х. Хохрякова (Пенза) и др. Изъ «свѣтскихъ»: В. С. Арсеньева (Тула), А. П. Сапунова (Витебскъ), А. С. Собріевского (Кутаисъ), покойнаго Е. Д. Фелицына (Екатеринодаръ), покойнаго Н. К. Чупина (Екатеринбургъ), П. Л. Юдина и проч. Въ глухомъ углу Архангельской губерніи, въ Холмогорахъ, встрѣтилъ я о. В. А. Фирсова. Съ какой радостью показывалъ онъ мнѣ свое любимое дѣтище—небольшой, всего въ трехсотъ предметовъ, но содержимый въ прекрасномъ порядкѣ церковный музей при соборѣ Двѣнадцати Апостоловъ!

«Истор. вѣсти.», декабрь, 1910 г., т. сxxii.

15

разливовъ Ингула вода проникала въ подвалъ, гдѣ лежали архивныя дѣла. Каждый разъ въ такихъ случаяхъ заботливый соборный о. протоіерей приказывалъ «просушивать» документы. Они то сохли, то снова мокли, то кисли, пока, въ концѣ концовъ, не превратились въ труху. Такимъ образомъ, въ 1880-хъ годахъ елисаветградскій соборный архивъ «свели на нѣтъ». Въ 1905 году, когда я осматривалъ этотъ «архивъ», онъ помѣщался уже въ соборной колокольнѣ и былъ такъ богатъ, что всё его сокровища можно было безъ труда увезти на одномъ извозчикѣ...

Крѣпостной елисаветградскій архивъ сгорѣлъ въ 1870 году. Часть его—архивъ Запорожской Сѣчи и крѣпостныя дѣла съ 1753 по 1799 гг. и съ 1800 по 1821 гг., въ общемъ 402 дѣла,—была въ 1876 году, по ходатайству кіевскаго профессора Демченка, передана университету св. Владимира.

Одинаково злую участь съ елисаветградскимъ соборнымъ архивомъ наше духовенство уготовало драгоцѣнному для исторіи русско-польскихъ отношеній архиву въ Кременцѣ. Въ 80-хъ годахъ прошлаго столѣтія его продалъ на пуды евреямъ настоятель православнаго кременецкаго собора Храневичъ (какъ хорошо вяжется съ подвигомъ протоіеря его фамилія!). Говорятъ, Храневичъ за это попалъ подъ судъ. Изъ всёхъ архивныхъ богатствъ мнѣ въ 1906 году показали въ Кременцѣ... одну пачку документовъ,—написанныхъ частью по-польски—содержанья совершенно неважнаго. Только нѣкоторыя дѣла, по счастливой случайности, спаслись отъ купли и продажи и были отправлены въ волынской губернской архивъ.

Вообще, отъ богатѣйшихъ архивовъ на Волыни осталось одно воспоминаніе. Такъ, въ Дубнѣ при городскомъ соборѣ Николая Чудотворца, прежнемъ католическомъ бернардинскомъ монастырѣ, существовалъ когда-то архивъ, гдѣ, по словамъ полковника Саковича ¹⁾, должны были находиться бумаги Суворова по кампаніи 1799 года. Но въ 1906 году я уже не видѣлъ этихъ бумагъ,—и онѣ исчезли безъ слѣда.

Но самое вопіющее дѣло истребленія историческихъ документовъ первостепенной важности совершилось, если можно такъ выразиться, на нашихъ глазахъ, въ Кіевѣ. Привожу подробности этого невѣроятнаго по своей чудовищности факта, на основаніи слѣдственнаго дѣла, которое было въ моихъ рукахъ, когда я работалъ въ кіевскихъ архивахъ, и дѣлаю это «для вразумленія скептиковъ», если бъ они нашлись.

Въ архивѣ штаба кіевской крѣпости хранились привезенныя изъ упраздненной херсонской крѣпости бумаги бывшихъ военнополоходныхъ канцелярій Румянцова, Потемкина и Суворова 1775,

¹⁾ «Дѣйствія Суворова въ Турціи, въ 1773 г.». Спб. 1853, стран. 10.

1788 и 1790 гг. Назначенныя, по приказанію кievскаго генераль-губернатора М. И. Драгомирова, къ помѣщенію въ архивъ штаба кievскаго военнаго округа, онѣ не были приняты изъ-за неисполненія канцелярскихъ формальностей, какъ расшитыя и не пронумерованныя. Въ дѣлѣ 1775 года было около тысячи листовъ. Здѣсь между прочимъ находились документы объ уничтоженіи Запорожской Сѣчи, бумаги о «построеніи» Петербурга и Москвы и т. д. Къ 1788 году относились дѣла Фанагорійскаго полка.

Не принявъ дѣлъ, о нихъ позабыли, а когда вспомнили,—оказалось, что ихъ въ 1897 году продалъ... начальникъ штаба кievской крѣпости, полковникъ генеральнаго штаба М. М. Ковзанъ, умершій 26-го октября 1907 г. въ Петербургѣ, въ чинѣ генераль-майора въ отставкѣ.

Какъ бережно хранились дѣла вышеупомянутыхъ военно-походныхъ канцелярій, ясно изъ того; что при производствѣ слѣдствія оказалось, что помѣщеніе архива даже не имѣло замка! Благодаря такимъ мѣлымъ порядкамъ, исторія Суворова понесла новую невознаградимую потерю. Остатки архива военно-походныхъ канцелярій я искалъ въ еврейскихъ «рундукахъ» на Подолѣ, но печальные безпорядки въ Кіевѣ, въ октябрѣ 1905 года, которыхъ я былъ невольнымъ свидѣтелемъ, кончились разгромомъ и поджогомъ еврейскихъ лавокъ старьевщиковъ. Надежда найти какіе-либо документы съ подписью Суворова рухнула окончательно.

Въ слѣдственномъ дѣлѣ о Ковзанѣ сказано, что «уничтоженіе дѣлъ архива послужило одной изъ причинъ помѣщенія, въ октябрѣ 1897 года, полковника Ковзана въ психіатрическое отдѣленіе кievскаго военнаго госпиталя».

Богатый крѣпостной архивъ въ Херсонѣ частью, какъ я говорилъ выше, проданъ Ковзаномъ, частью разворованъ. Про одного архивариуса херсонскаго крѣпостнаго архива мнѣ разсказывали на мѣстѣ, что, страдая извѣстною русскою національною болѣзнью, сей господинъ опускалъ въ мѣшокъ по нѣскольку томовъ старыхъ дѣлъ и приказывалъ денщику нести ихъ на рынокъ, гдѣ бумаги пріобрѣтали на вѣсъ евреи.

IV.

Однимъ изъ богатѣйшихъ русскихъ архивовъ, хотя и надъ нимъ поработали разные прапорщики и подпоручики, — «для пользы службы», — все еще остается «московское отдѣленіе общаго архива главнаго штаба», какъ называется онъ официально, или попросту архивъ Лефортовскій.

Въ огромномъ зданіи архива, прежнемъ «Лефортовскомъ дворцѣ», хранится 1.244.443 «дѣла», 117.928 «книгъ» и 6.075 «связокъ». Число описей доходитъ до 1.140; но изъ нихъ напечатано только...

десять: семь—покойнымъ извѣстнымъ военнымъ историкомъ Д. О. Масловскимъ и три—нынѣ здравствующимъ И. И. Дмитренкоу.

Что касается рукописныхъ описей, онѣ, какъ водится у насъ, составлены безтолково и приносятъ мало пользы, такъ что ориентироваться въ огромномъ лефортовскомъ архивѣ безъ любезной помощи его нынѣшняго начальника, полковника Н. П. Поликарпова, было бы очень трудно.

Число дѣлъ, имѣющихъ отношеніе только къ одному Суворову,—болѣе 10.000!

Недавно въ архивъ поступило 4.823 дѣла—преимущественно относящихся къ Отечественной войнѣ—изъ архива московскаго губернскаго правленія, не считая 1827 другихъ дѣлъ, отобранныхъ тамъ же.

Всѣ сокровища лефортовскаго архива размѣщены въ 128 большихъ комнатахъ. Чтобы не посвященному въ тайны архива яснѣе судить объ его богатствѣ, достаточно замѣтить, что стеллажи съ фоліантами занимаютъ 9.400 погонныхъ сажень, или—если ихъ поставить въ одну линію—18 версть 400 сажень!

Изъ исторической справки о лефортовскомъ архивѣ видно, что онъ учрежденъ въ Москвѣ 17-го февраля 1819 года и первоначально помѣщался въ Кремлѣ. Въ Лефортово архивъ переведенъ только въ 1860 году. Основаніемъ архиву послужили главнымъ образомъ дѣла бывшей военной коллегіи, перевезенныя изъ Знаменскаго петербургскаго архива.

Древнѣйшіе документы лефортовскаго архива относятся къ 1634 г. Съ этого года по 1760 г. дѣла центральныхъ военно-административныхъ и хозяйственныхъ управленій хранятся безъ перерыва, при чемъ слѣдуетъ развѣ замѣтить, что изъ дѣлъ Петра Великаго нѣтъ документовъ до 1718 года. Затѣмъ идутъ дѣла съ 1877 г. по 1891 г. и краткіе послужные списки о службѣ офицеровъ съ 1885 по 1897 годы.

Зданіе лефортовскаго архива выстроено въ мѣстности, извѣстной подъ названіемъ Коровьяго Брода, по близости Яузы и четырехъ прудовъ, которые теперь заваливаются. Благодаря всѣмъ этимъ условіямъ, мѣстность, гдѣ помѣщается архивъ, довольно сырая, отчего особенно страдаютъ дѣла, хранящіяся въ нижнемъ этажѣ бывшаго дворца.

Помимо своихъ рукописныхъ богатствъ, лефортовскій архивъ интересенъ еще тѣмъ, что въ немъ нѣтъ... архивариуса! Какъ ни странно, а это такъ. Разборкой и описаніемъ документовъ, возложенными на «особое дѣлопроизводство по описанію дѣлъ», занимаются... три лица, но одно изъ нихъ постоянно хвораетъ. Россійскимъ Невтопамъ предоставляется рѣшить задачу, во сколько лѣтъ, при подобныхъ условіяхъ, можно кончить разборку и описаніе архивныхъ богатствъ московскаго собранія...

Военное министерство архивомъ, наравнѣ съ другимъ, не интересуется совершенно, отпуская собственно на него мизерныя суммы. Каждое полезное нововведеніе, примѣняемое въ архивѣ, встрѣчаютъ у «архивнаго» начальства въ Петербургѣ не поддержку, а порицаніе. Какъ относится къ «дѣламъ» военное вѣдомство, доказываетъ, между прочимъ, слѣдующій фактъ. При перевозкѣ нѣсколькихъ томовъ бумагъ изъ Петербурга въ лефортовскій архивъ, смѣтливые чины военного министерства распорядились, ради сбереженія грошей на пересылку, *отдрать крѣпкіе старинные переплеты «дѣлъ»*. Теперь пыль свободно проникаетъ въ середину старинныхъ фоліантовъ и медленно, но вѣрно разрушаетъ бумагу...

Коснувшись людей науки, разныхъ безусыхъ прапорщиковъ, подпоручиковъ и tutti quanti, командимуемыхъ, для ихъ вящей славы, военнымъ министерствомъ, чтобы «разбирать» архивы, не могу обойти молчаніемъ блестящаго подвига этихъ господъ,—разгрома ставропольскаго архива. Спѣшу пояснить, во избѣжаніе нареканій, что сообщаемые мной факты взяты изъ официальныхъ документовъ, тщательно скрываемыхъ отъ лицъ постороннихъ, т. е. отъ большой публики.

Въ 1881 году главнымъ штабомъ была назначена комиссія для разбора документовъ ставропольскаго губернскаго архива и выдѣленія изъ общей массы такихъ дѣлъ, которыя заключали въ себѣ историческіе матеріалы. Въ 1889 году «изслѣдователи» кончили свои изысканія, произведенныя «хозяйственнымъ способомъ».

Результаты получились, по истинѣ, блестящіе: изъ общей суммы 187.862 дѣлъ «историки» оставили въ живыхъ... 6.190 дѣлъ! Остальные 181.672 документа были уничтожены... Такъ погибъ одинъ изъ богатѣйшихъ и важнѣйшихъ архивовъ для исторіи Кавказа...

Въ развалинахъ крѣпости св. Дмитрія, нынѣшняго Ростова-на-Дону, извѣстный историкъ казачества генералъ И. Д. Попко нашелъ драгоцѣннѣйшій архивъ, который заключалъ въ себѣ документы о Петровскихъ походахъ и экспедиціяхъ XVIII вѣка въ Крымъ, на Кубань и Терекъ. Этотъ архивъ былъ переданъ на храненіе въ Ставрополь... и исчезъ безслѣдно.

Такъ берегутся документы по исторіи кавказскихъ войнъ, гдѣ столь обильно лилась русская кровь.

Полному уничтоженію подвергся, если не ошибаюсь, въ 1872 г., и архивъ ставропольской казенной палаты, съ замѣчательными бумагами графа П. С. Потемкина, выдающагося администратора.

Вотъ сколько печальныхъ воспоминаній для любителей архивныхъ изысканій соединено съ именемъ Ставрополя Кавказскаго!.. Все же въ губернскомъ архивѣ уцѣлѣла часть дѣлъ съ 1774 года.

Скажите, lector benevole, мыслимо ли ко всему этому относиться равнодушно и не принимать мѣръ для невозможности повторенія чего-либо подобнаго въ наше время? Право, при русской преступл-

ной халатности, намъ чрезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ придется писать исторію Россіи по иностраннымъ источникамъ! Практикуемое вознагражденіе съ каждаго пуда уничтоженнаго дѣла также нельзя не признать весьма удачнымъ средствомъ для возбужденія аппетита «вольныхъ» историковъ.

V.

Архивъ города Петербурга съ чрезвычайно важными документами, восходящими къ 1785 году, находится... на городской скотобойнѣ. По истинѣ «скотская» забота объ его сохраненіи! Въ стѣнѣ зданія, выходящаго на Обводный каналъ, продѣланы отдушины, но не наверху, а внизу, вровень съ панелью! Какой-то негодяй воспользовался этими отдушинами и въ ночь на 10 мая 1910 года сдѣлалъ попытку сжечь городской архивъ. Преступная попытка удалась, но, къ счастью, не вполнѣ,—сгорѣли только двѣ полки съ книгами. Послѣ этого отдушины были задѣланы. Отъ посѣщенія мѣста пожара городскимъ головой Глазуновымъ архиву не станетъ легче, если ему не отведутъ новаго, приличнаго помѣщенія.

Такой драгоценный для исторіи Россіи архивъ, какъ государственный, также легко можетъ сдѣлаться добычею огня. Министерство иностранныхъ дѣлъ и финансовъ никакъ не могутъ понять, что хранить документы первостепенной важности въ огромномъ домѣ съ нераціональной системой отопленія, домѣ, гдѣ ежедневно собирается не одна сотня чиновниковъ и гдѣ есть частныя квартиры, прямо преступно. Была сдѣлана попытка испросить 350.000 рублей на сооруженіе собственнаго зданія архива, но эта попытка встрѣтила въ министерствѣ финансовъ отпоръ, подобно многимъ другимъ добрымъ начинаніямъ. Власти предрежащія затянули знакомую, сакраментальную пѣсню «о стѣсненномъ положеніи государственнаго казначейства». Государственный архивъ годъ отъ году переполняется все болѣе и болѣе, а помѣщеніе остается старое, казенное, мертвящее, если можно такъ выразиться, съ простыми, топорной работы шкапами. Государственный архивъ держать «въ черномъ тѣлѣ». Архивъ государственнаго совѣта куда моложе, куда менѣе цѣненъ, а вотъ для него нашли возможнымъ выстроить соотвѣтствующее зданіе. Въ одномъ помѣщеніи съ архивомъ государственнымъ находится архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ. Въ новое зданіе общаго архива проектировалось перевезти важные для исторіи нашихъ сношеній съ европейскими и азіатскими государствами архивы миссій, консульствъ, посольствъ, разобрать все и сгруппировать. Многие изслѣдователи поблагодарили бы за это правительство, но «стѣсненное положеніе государственнаго казначейства»...

Государственный архивъ, подобно другимъ, не имѣеть даже сколько-нибудь удовлетворительныхъ описей.— Дѣло такое-то, о томъ-то... А какого года это дѣло и о чемъ тамъ идетъ рѣчь— Аллахъ вѣдаетъ!.. Опись, разумѣется, рукописная и составлена при директорѣ архива Злобинѣ лѣтъ сорокъ тому назадъ.

Прибавьте еще, что въ томъ же зданіи главнаго штаба хранится, при такихъ же ненормальныхъ условіяхъ, большой военнo-ученый архивъ. Поневолѣ приходятъ на умъ прекрасныя, отдаленныя отъ сосѣдняго жилья помѣщенія московскихъ архивовъ— министерства иностранныхъ дѣлъ и министерства юстиціи...

VI.

Иногда документы — и въ частности суворовскіе — не горять, не тонуть, а просто-напросто пропадаютъ безъ вѣсти. Что касается подлинниковъ Суворова, они такъ драгоцѣнны, что нельзя обойти молчаніемъ исчезнувшихъ хотя бы отдѣльныхъ документовъ, не говоря уже о цѣлыхъ дѣлахъ.

Приведемъ нѣсколько примѣровъ.

Въ пермскомъ губернскомъ архивѣ, равно какъ и въ дѣлахъ мѣстной ученой архивной комиссіи, не оказалось въ 1906 году дѣлъ о Пугачевѣ, извѣстныхъ раньше и профессору В. С. Иконникову. Что въ этихъ дѣлахъ были автографы Суворова, несомнѣнно изъ фотографіи 1870-хъ годовъ одного изъ документовъ, приложенной къ сборнику Шишонки, который послѣдній поднесъ великому князю Владимиру Александровичу. Этотъ альбомъ хранится въ императорскомъ историческомъ обществѣ и былъ показанъ мнѣ покойнымъ Г. Э. Штендманомъ.

Въ архивахъ Шишонко производилъ ужасающія опустошенія. Цѣлые листы старинныхъ бумагъ вырывались съ «мясомъ», когда пермскій директоръ народныхъ училищъ писалъ свою пресловутую «Пермскую Лѣтопись».

Шишонко похищаль даже большія дѣла, напр., пугачевское дѣло № 375 отъ 8-го іюля 1774 г. «О экстренныхъ дѣлахъ бывшаго замѣшательства», на 317 листахъ. Дѣла № 59 за 1774 годъ тоже не могли найти послѣ пермскаго археолога.

Наслѣдники Шишонка были не въ состояніи дать мнѣ какія-либо удовлетворительныя объясненія о судьбѣ всѣхъ оставшихся послѣ него бумагъ. Рукописи Шишонка послѣ его смерти были переданы въ пермскую ученую архивную комиссію, но суворовскіе подлинниковъ здѣсь больше нѣтъ.

Затерялись и суворовскіе автографы, бывшіе въ рукахъ Д. Л. Мордовцева, — пугачевскія дѣла, переданныя въ 1843 году въ саратовскій губернский архивъ изъ архива царицынскаго. Главное дѣло царицынскаго архива о Пугачевѣ состояло изъ нѣсколь-

кихъ тысячъ листовъ! Суворовскіе автографы, напечатанные Мордовцевымъ первоначально въ журналѣ, позже послужили вмѣстѣ съ другими документами матерьяломъ для сборника покойнаго романиста «Самозванцы и понизовая вольница».

«Бывшія въ рукахъ Мордовцева дѣла о Пугачевѣ старыхъ архивовъ усердно разыскиваетъ теперь саратовская архивная комиссія, писалъ въ 1891 году профессоръ В. С. Иконниковъ¹⁾. Я работалъ въ Саратовѣ значительно позже—въ 1902 и 1906 гг., но пришелъ къ такимъ же печальнымъ результатамъ, какъ и саратовская ученая архивная комиссія: пугачевскія дѣла, постушившія изъ царицынскаго архива, какъ въ воду канули.

Будемъ вѣровать, что нападутъ на ихъ слѣды. По крайней мѣрѣ, самъ Даніилъ Лукичъ 28-го марта 1902 года писалъ мнѣ, что суворовскіе автографы онъ «передалъ саратовской ученой архивной комиссіи», хотя нельзя не сознаться, что среди членовъ этой комиссіи есть видные и энергичные ученые и что ея дѣла хранятся въ порядкѣ и описаны.

Вообще, многіе наши изслѣдователи, а вкупѣ съ ними и такъ называемые «историческіе писатели», не всегда относятся съ уваженіемъ къ чужой собственности. Бумаги даже казенныхъ архивовъ берутъ высокопоставленныя частныя лица и иногда не возвращаютъ.

Чтобы не быть голословнымъ, укажу хотя бы на одинъ болѣе характерный примѣръ изъ множества другихъ.

Историческій писатель гр. Ш. взялъ нѣсколько старыхъ дѣлъ изъ волынскаго губернскаго архива. Прошелъ не одинъ годъ, но на официальныхъ требованія губернаторовъ Дунина-Барковского и его преемника, барона Штапельберга, о возвращеніи взятыхъ дѣлъ графскій особнякъ на Фонтанкѣ отвѣчаетъ гробовымъ молчаніемъ. Письма губернаторовъ петербургскому графу я читалъ своими глазами.

Всѣ подобныя печальныя явленія нерѣдко бываютъ непреодолимымъ препятствіемъ два изученія той или иной эпохи по архивнымъ документамъ.

Извѣстный «Суворовскій Сборникъ», хранящійся въ императорской публичной библіотекѣ и представляющій собой, благодаря стараніямъ кн. А. А. Суворова, наиболѣе богатое собраніе документовъ объ его великомъ дѣдѣ, также пострадалъ при переходѣ изъ рукъ въ руки. Напримѣръ, исчезли многія письма Суворова, напечатанныя его извѣстнымъ историкомъ Ф. фонъ-Смитомъ въ книгѣ послѣдняго. «Suworow und Polens Untergang» съ оригиналовъ

¹⁾ Опытъ русской исторіографіи. Томъ первый, книга первая. Кіевъ. 1891. Дополненія, стр. СXXXII.

«Суворовскаго Сборника». Въ общемъ, утрачено 45 листовъ, не считая тѣхъ подлинниковъ, которые обезображены вырѣзками.

Въ «Русскомъ Архивѣ» за 1888 годъ (книга III, стр. 184) перепечатаны изъ книги гр. Г. А. Милорадовича «Андрей Степановичъ Милорадовичъ, покоритель Мачина въ 1771 г.» два письма Суворова А. С. Милорадовичу, отъ 1773 года. Оригиналы, какъ мнѣ передавалъ покойный графъ Григорій Александровичъ, хранились въ Краснослободскомъ уѣздѣ Пензенской губерніи у одной помѣщицы. Но спустя двадцать лѣтъ я не нашель ихъ ни тамъ, ни въ Москвѣ, куда меня направили потомъ.

По словамъ Г. Я. Корнѣйчика-Севастьянова, въ его распоряженіи находились два собственноручныя, писанныя на грубой синей бумагѣ, письма Суворова отъ 1774 года, изъ Симбирска, адресованныя Василию Петровичу Оголину. Эти письма были найдены въ 1890-хъ гг. въ селѣ Любовниковѣ, Елатомскаго уѣзда Тамбовской губерніи. Въ одномъ письмѣ шла рѣчь о высылкѣ Суворову людей, въ другомъ провіанта. Суворовскіе подлинники перешли къ г. Корнѣйчикъ-Севастьянову отъ его супруги, рожденной Оголиной. Незадолго до своей смерти письма взялъ, для снятія съ нихъ копій, извѣстный писатель Г. А. Мачтетъ, но послѣ него они пропали. Въ Ялтѣ, куда я специально ѣздилъ за письмами Суворова, вдова покойнаго писателя ничего не могла сообщить объ ихъ мѣстонахожденіи. Въ рязанскомъ имѣніи Мачтета ихъ тоже нѣтъ.

Въ свою очередь, къ преданіямъ о существованіи писемъ Суворова къ тому или другому лицу приходится относиться иногда съ сильнымъ недоверіемъ.

Во Псковѣ мнѣ говорили, будто у нѣкоего Н. А. Матвѣева, умершаго лѣтъ около пятнадцати тому назадъ, если не ошибаюсь, бывшаго управляющаго гр. Шереметева, хранились собственноручныя письма Суворова. Передъ смертью Матвѣевъ будто бы велѣлъ сжечь эти письма.

VII.

Работающимъ въ архивахъ встрѣчаются и скалы, и тайныя мелн, и бури. Бываютъ, впрочемъ, и штиты.

Глядишь, человѣкъ принимаетъ тебя любезно, даже ласково, но чрезъ нѣсколько времени убѣждаешься, что онъ «мягко стелеть, да жестко спать». Мнѣ не разъ приходилось испытывать разнообразныя проявленія человѣческихъ отношеній на собственной шкурѣ, понятно, въ провинціи, а не въ столицахъ, гдѣ все-таки можно найти «управу».

Вообще же, извѣстное выраженіе Ермолова, что «наша судьба часто отъ скотовъ зависитъ¹⁾», еще продолжаетъ оправдываться какъ на занимающихся въ архивѣ, съ одной стороны, такъ и на «власть имущихъ»—съ другой. Какое-нибудь мелкое пасѣкомое, въ родѣ секретаря консисторіи или убогаго шута, «изслѣдователя старины», не говоря уже о кашелотахъ вице-губернаторахъ, можетъ напакостить вамъ такъ, что изъ архивной поѣздки вы вернетесь домой съ пустыми руками, сдѣлавъ бесполезно тысячи верстъ.

Приведу нѣсколько формъ «просвѣщеннаго содѣйствія», изъ собственной практики.

Есть городъ, который «на картѣ генеральной кружкомъ означенъ не всегда». Въ городѣ существуетъ, какъ водится, ученая архивная комиссія, у архивной комиссіи—есть (или былъ, что для меня въ высокой степени безразлично) нѣкій предсѣдатель, засѣдающій по праву, признанному еще небезызвѣстнымъ Александромъ Сергѣевичемъ Пушкинымъ.

Предсѣдатель—человѣкъ ученый, времени тратитъ не любящій и, между прочимъ, обогатившій русскую науку блестящимъ изслѣдованіемъ или статьей о томъ, по какимъ мѣстностямъ Тамбовской губерніи проходили аргонавты (на какіе только жгучіе вопросы ни откликаются въ нашей богатой исторической литературѣ!)

Такъ вотъ этотъ предсѣдатель, желая влести новый лавръ безсмертія въ свой и безъ того пышный вѣнокъ, вздумалъ заняться разборомъ бумагъ извѣстнаго Сухтелена.

Пріѣхавъ въ городъ, не всегда означенный кружкомъ, прошу предсѣдателя дать мнѣ на просмотръ бумаги Сухтелена, воображая, по свойственному мнѣ простосердечію, что эти бумаги не частная, а государственная собственность. На мою письменную просьбу отвѣчаютъ молчаніемъ. Время, между тѣмъ, идетъ да идетъ. Тогда осмѣливаюсь заявить о себѣ вторично. Предсѣдатель попрежнему краснорѣчиво молчитъ. Въ трескучій морозъ ѣду въ загородную резиденцію предсѣдателя, гдѣ онъ на досугъ и на вольномъ воздухѣ занимается и астрономіей, и астрологіей на своей виллѣ, но меня не принимаютъ.

Мое терпѣніе лопається, и я обращаюсь съ форменной жалобой къ вице-губернатору, небезызвѣстному позже своими «разоблаченіями» князю У. Князь любезно «даетъ ходъ дѣлу», и, въ концѣ

¹⁾ Существуетъ слѣдующій анекдотъ. Однажды передъ Высочайшимъ смотромъ, кажется, въ Витри, Аракчеевъ обратился къ начальнику артиллеріи, знаменитому А. П. Ермолову, съ такою рѣчью: «Алексѣй Петровичъ, тебѣ надо подтянуть подчиненныхъ. Смотри, чтобы и лошади были въ порядкѣ! Отъ этого твоя судьба зависитъ».—«Знаю, ваше сіятельство, наша судьба часто отъ скотовъ зависитъ», отвѣтилъ ядовитый Ермоловъ, взаимно ненавидѣвшій временщика. Сколько развелось съ тѣхъ поръ по лицу земли родной Аракчеевыхъ-пигмеевъ! Только объ Ермоловыхъ что-то не слышать.

концовъ, предсѣдатель присылаетъ мнѣ два-три тома бумагъ Сухтелена. Пересматривая фоліанты, нахожу печатныя приглашенія на спускъ воздушнаго шара на Марсовомъ полѣ восемьдесятъ лѣтъ тому назадъ, объявленіе о концертѣ, визитныя карточки и т. п. историческіе документы, отъ которыхъ приходили въ восторгъ наши бабушки. Послѣ двухнедѣльнаго «сидѣнья» я получилъ желаемое, но лишь послѣ новаго визита вице-губернатору и угрозы телеграфировать объ оказанномъ мнѣ содѣйствіи предсѣдателемъ кому слѣдуетъ.

Се первая форма «просвѣщеннаго содѣйствія».

Туго приходится приѣзжему и тогда, когда какой-нибудь невѣдомый міру «тонкій» провинціальный кропатель изъ семинаристовъ снюхается съ «безчувственнымъ, какъ камень» архивариусомъ, тоже питомцемъ бурсы. Подобныхъ инсепараблей мнѣ приходилось наблюдать въ одномъ изъ южныхъ архивовъ.

Изъ трогательнаго единенія душъ и сердець этихъ господъ получилось вотъ что.

Спрашиваю у тонкаго «знатока старины», есть ли въ губернскомъ архивѣ подлинники Суворова.

— Кажется, что есть.

Бду въ архивъ и застаю нашего археолога уже въ архивѣ.

Прошу долговязаго «каменнаго» архивариуса показать мнѣ алфавить дѣль.

— Съ величайшимъ удовольствіемъ,—отвѣчаетъ архивариусъ и подаетъ мнѣ алфавить до буквы С.

— А гдѣ же буква С.

— Ищу, ищу все утро и найти не могу. Ума не приложу, куда она могла задѣваться!

«Тонкому знатоку» старины, очевидно, не давали спать лавры другихъ знаменитостей, съ которыми онъ хотѣлъ сравняться «по мѣрѣ силъ и возможности».

Се вторая форма «просвѣщеннаго содѣйствія», довольно тонкая, во всякомъ случаѣ не глупая, какова первая, хотя кончики ослиныхъ ушей и здѣсь выглядываютъ изъ-подъ фуражки Песталоцци двадцатаго числа.

Третій случай имѣлъ мѣсто тоже въ одномъ изъ южныхъ родовъ.

Являюсь къ единому изъ власть имущихъ, подаю официальное свидѣтельство и въ вѣжливой формѣ прошу разрѣшить занятія въ губернскомъ архивѣ. Но грозное начальство, «обозрѣвая зоркимъ взглядомъ» протянутый ему печатный листъ, буркаетъ: «Свидѣтельство потрепано. Мнѣ не до васъ»,—и грубо поворачиваетъ мнѣ свою эластичную бюрократическую спину.

Что грѣха таить—въ шесть лѣтъ свидѣтельство дѣйствительно потрепалось, но, скажу въ оправданіе—въ сколькихъ грязныхъ

рукахъ оно перебивало! Да и не здѣсь была «зарыта собака», какъ мнѣ объяснили потомъ добрые люди. Моему сатрапу, въ самомъ дѣлѣ, было «не до меня». Наканунѣ моей аудіенціи губернская администрація слишкомъ усердно занялась рукоприкладствомъ и массажемъ надъ арестантами и, въ результатѣ, переломала имъ нѣсколько настоящихъ реберъ. Злые языки увѣряли даже, что произошло кое-что еще горшее. Такъ или иначе, собралось засѣданіе губернскаго правленія—и въ этотъ счастливый моментъ нелегкая принесла петербургскаго гостя!

Быть можетъ, впрочемъ, предыдущая служба вершителя моихъ судебъ среди «восточныхъ челаэковъ» выработала въ немъ особую, близкую къ природѣ, манеру обращенія съ публикой, самое беззащѣчивое, доходящее до цинизма проявленіе власти.

Возмутительную сцену моего «объясненія» съ первобытнымъ превосходительнымъ человѣкомъ слышалъ, къ счастью, одинъ изъ служащихъ въ губернскомъ правленіи.—«Приходите завтра къ десяти утра въ губернаторскій домъ, пріѣзжаетъ губернаторъ», шепнулъ мнѣ мой благодѣтель.

Спасибо губернатору, что онъ безъ дальнѣйшихъ глупыхъ придирокъ разрѣшилъ мнѣ занятія въ архивѣ, а то я, проѣхавъ въ оба конца болѣе четырехъ тысячъ верстъ, могъ бы очутиться «при пиковомъ интересѣ» и познакомиться развѣ съ новымъ типомъ среди нашихъ провинціальныхъ превосходительныхъ администраторовъ—по ироніи судьбы.

VIII

Справедливость требуетъ сказать, что съ губернаторами у меня никогда не было никакихъ недоразумѣній, даже съ самыми лютыми.

Прихожу однажды въ с—ое губернское правленіе и слышу, что тамъ происходитъ какъ будто бы проба голосовъ для поступленія на оперную сцену. Кто-то кричитъ густымъ басомъ на все присутствіе, а его соперникъ, кажется, старается перекричать его: «У васъ, ваше превосходительство, хороши голосовыя связки, а у меня еще лучше!»

Весь сыр-боръ загорѣлся—оказалось потомъ—изъ-за того, что губернаторъ любилъ, какъ широкая натура, разгонять свою подпись чуть не на версту, а его подчиненный, особа въ чинахъ и, вдобавокъ, титулованная, забыла приказать оставить губернатору достаточно мѣста для упражненія въ каллиграфіи. *Inde irae* въ стоячемъ провинціальномъ болотѣ. Говорятъ, впрочемъ, всему была виной дочка губернатора, устроившая *mésalliance*, выйдя противъ воли отца замужъ за студента. Въ эту минуту губернатору доложили обо мнѣ.

«Быть бѣдѣ», подумалъ я, входя въ кабинетъ. Но грозный—теперь покойный—губернаторъ, къ счастью для меня, былъ отходчивъ и принялъ какъ нельзя любезнѣе. Позже, когда онъ уѣхалъ умирать за границу, мы даже переписывались съ нимъ.

Не могу не вспомнить о своемъ знакомствѣ съ другимъ губернаторомъ, нынѣ еще здравствующимъ, но уже находящимся не у дѣль, лѣтъ двадцать пять управлявшимъ губерніей и пользовавшимся общимъ уваженіемъ и любовью.

Поѣздъ, на которомъ я ѣхалъ, опоздалъ на нѣсколько часовъ, по русской привычкѣ. Памятуя, что «время — деньги», я наскоро вымылся и, оставивъ вещи въ гостиницѣ, помчался въ архивъ... въ пыльной дорожной блузѣ.

Показываю командировочное свидѣтельство, но мнѣ вѣжливо и настойчиво заявляютъ, что съ тѣхъ поръ, какъ архивъ сгорѣлъ по милости какого-то пріѣзжаго, оставившаго тамъ папиросу съ огнемъ, разрѣшеніе на занятія зависитъ исключительно отъ губернатора.

Не переодѣваясь, опять-таки чтобы выгодать время, ѣду въ губернаторскій домъ и заявляю пристально смотрящему на меня дежурному чиновнику, чтобы онъ доложилъ обо мнѣ начальству и объяснилъ, что «вольный» мой костюмъ не является знакомъ неуваженія къ особѣ губернатора.

Ждать пришлось довольно долго,—у губернатора шли доклады. Мои мечтанія были прерваны появленіемъ въ пріемной какого-то субъекта въ сѣромъ кафтанѣ и высокихъ сапогахъ. Безъ всякаго доклада онъ исчезъ въ дверяхъ губернаторскаго кабинета, куда слѣдомъ за нимъ вбѣжала неизвѣстная дама. Черезъ нѣсколько минутъ субъектъ вышелъ изъ кабинета, а потомъ показалась въ дверяхъ и дама, которая, сіяя, обратилась къ дежурному чиновнику со словами: «Я говорила, что К. понравится эта форма!»

Родственница губернатора придумала, какъ мнѣ объяснили потомъ, новую форму для тюремныхъ служителей, губернаторомъ апробованную.

Меня пригласили въ кабинетъ. Вхожу, извиняясь за свой костюмъ.

— Помилуйте, на такія мелочи я не обращаю вниманія! Скажите, кто я?

— Губернаторъ.

— Такъ. А вотъ будьте любезны, сосчитайте, сколько ножекъ у этого кресла.

— Три.

Роскошное, стоявшее возлѣ насъ кресло дѣйствительно оказалось «съ изьянцемъ».

— Вотъ видите, я губернаторъ, а у меня мебель ломаная.

Добрымъ словомъ вспоминаю я и адмирала Чухнина. Я былъ у него въ Севастополѣ вскорѣ послѣ печальныхъ ноябрьскихъ событій 1905 года. Своимъ пристальнымъ взглядомъ Григорій Павловичъ, разговаривая со мной, пронизывалъ меня и, казалось, хотѣлъ прочесть въ моихъ глазахъ, дѣйствительно ли я пришелъ за разрѣшеніемъ работать въ севастопольскихъ архивахъ, или явился съ посторонними цѣлями.

— Ну, а вы намѣрены побывать въ Николаевѣ? — спросилъ меня Чухнинъ.

— Да, адмираль.

— Какъ же вы попадете въ мѣстный морской архивъ?..

— Очень просто: предъявлю свидѣтельство.

По строгому лицу моего собесѣдника пробѣжала улыбка, и онъ приказалъ дать мнѣ разрѣшеніе на занятія въ «черноморскомъ центральномъ военно-морскомъ архивѣ», куда безъ свидѣтельства изъ Севастополя попасть было бы не такъ-то легко.

Когда Григорій Павловичъ пальъ отъ руки подлаго убійцы, я искренно пожалѣлъ его.

Но, если я говорю съ добрымъ чувствомъ о покойномъ главномъ командирѣ черноморскаго флота, я, къ сожалѣнію, не могу повторить того же про нѣкоторыхъ изъ его подчиненныхъ.

Приведу примѣръ четвертой формы «просвѣщеннаго содѣйствія», къ которой можно примѣнить пословицу: «Гдѣ судъ, тамъ и милость», хотя ни въ судѣ, ни въ милости не представлялось никакой необходимости.

«Входя съ смущеніемъ» въ приѣмный залъ, думаю: «Наше мѣсто свято! Туда ли я попалъ?»... Всюду и вездѣ городовые, околоточные, пристава, полицеймейстеръ и т. п. антуражъ одной масти. Просить подождать и, не теряя времени, спрашиваютъ видѣ.

Черезъ нѣсколько минутъ появляется начальство, безъ сомнѣнія, чѣмъ-то недовольное. Рекомендуюсь. Начальство молчитъ и, не протягивая мнѣ руки, — очевидно, оно считало это ниже своего достоинства, — дѣлаетъ такой маневръ, что насъ раздѣляетъ широкой безконечный столъ.

— Что вамъ отъ меня надо?

Тонъ рѣзкій до грубости.

Прошу позволенія взять подъ расписку одно архивное дѣло, ссылаясь на то, что губернаторы дѣлали для меня подобныя исключенія, какъ для пріѣзжаго, тѣмъ болѣе, что архивы открыты самое большее до трехъ часовъ, а въ архивѣ, который я имѣю въ виду, какъ на зло, оказалось много интересныхъ для меня бумагъ.

Превосходительство разсвирѣпѣло окончательно — и пошло и пошло.

«Ну, — думаю, — по старой памяти, пошелъ миноносецъ въ атаку!»

— Какъ?! Вамъ дать дѣло въ гостиницу?! А если бумаги украдутъ?!

— Почему? Крадутъ процентныя, а не архивныя бумаги.

— Да, но все-таки я долженъ дать вамъ для охраны пять-шесть человѣкъ!

Почему именно это число, для меня всё еще «покрыто мракомъ неизвѣстности»...

Превосходительство продолжаетъ гремѣть, въ виду чего я прошу его не забывать, что я не его подчиненный, и не возвышать голоса.

Тогда начальство понижаетъ тонъ и милостиво добавляетъ, въ заключеніе: «Заниматься вамъ въ архивѣ я разрѣшаю»...

— Благодарю васъ, ваше превосходительство, что вы одобряете предписаніе вашего прямого начальства.

Вотъ подите же: нѣкоторые пещерные адмиралы, даже прочно осѣвъ на сушѣ, все-таки не могутъ отрѣшиться отъ мысли, что они командуютъ не броненосцами, а полицейскими! Недаромъ говорится въ прописяхъ: «Сила привычки велика»...

IX.

Есть еще мірокъ, замкнутый, затхлый и глубоко несимпатичный. Именно къ нему всего ближе подходитъ выраженіе: «темное царство». Это—каста, не признающая никакихъ рекомендацій, идущихъ отъ «свѣтской» власти, что не мѣшаетъ, однако, членамъ касты превосходно обдѣлывать свои дѣла-дѣлишки отъ міра сего и даже имѣть свои «тайны мадридскаго двора», Оригинальный мірокъ, о которомъ я говорю,—консистерскій ¹⁾.

Если васъ, не имѣющаго высокой чести принадлежать къ духовному сословію или хотя бы происходить изъ него, тѣмъ не менѣе пустякъ въ консистерскій архивъ, считайте себя особенно счастливымъ: едва ли какое другое вѣдомство заказываетъ для своихъ архивовъ столько мѣдныхъ досокъ со стереотипною надписью: «Постороннимъ входъ строго запрещается», какъ вѣдомство духовное.

¹⁾ «Оригинальность» этого мірка заключается между прочимъ въ томъ, что мы, простые смертные, прячемъ деньги въ кассы и кошельки, а благочинный, членъ екатеринославской консисторіи, спряталъ цѣлыхъ тридцать тысячъ... въ піанино! Другой случай «оригинальности» консистерскаго начальства—исторія съ екатеринославскимъ священникомъ Жижиленко. За разоблаченіе мошенничества консистерскихъ отцовъ его наканунѣ праздника Рождества перевели въ глухой приходъ, и отца пятерыхъ дѣтей, выгнали—больного—изъ церковнаго дома. Третья «оригинальность» въ томъ, что екатерипославскій преосвященный, несомнѣнно, зналъ обо всемъ этомъ, но, слѣдую евангельскимъ словамъ, что правая рука не должна знать, что дѣлаетъ лѣвая, вмѣсто награды казнилъ беззащитнаго священника, помнившаго присягу и свой пастырскій долгъ. (См. газеты второй половины февраля 1910 года).

Секретарь консисторіи—не ахти какая птица по чину, но на дѣлѣ онъ вертитъ всѣмъ и вся, сносясь непосредственно съ самимъ оберъ-прокуроромъ! Не соблаговолить этотъ церберъ пустить васъ въ свой архивъ,—извольте ѣздить «по начальству». Такъ, секретарь харьковской консисторіи Самойловичъ «безъ объясненія причинъ» наотрѣзъ отказалъ мнѣ въ разрѣшеніи работать въ его архивѣ, и мнѣ волей-неволей пришлось другимъ путемъ попасть за окованныя желѣзомъ двери харьковского консисторскаго архива.

Но, если даже преосвященный соблаговолить исполнить ваше желаніе, какой-нибудь медоточивый секретарь (по личному опыту замѣчу, что не всѣ секретари консисторій «собачливы»), въ елейныхъ выраженіяхъ признавая силу разрѣшенія своего владыки, въ концѣ концовъ придумаетъ-таки какую-нибудь заковыку, воспользовавшись примѣрами хотя бы изъ бракоразводной практики.

Въ нѣкоей консисторіи мнѣ очень долго пришлось ждать господина секретаря—нѣсколько часовъ ¹⁾. День былъ потерянь—консисторскіе архивы я всегда оставляю на «третье блюдо», въ данномъ случаѣ самое невкусное и неудобоваримое.

Сидя въ пріемной, сталъ отъ бездѣлья изучать типы просителей.

Вотъ входитъ длинноволосый молодець, начинаетъ въ самодѣльныхъ тяжелыхъ ботахъ нервно расхаживать по пріемной и, въ заключеніе, благополучно усаживается на подоконникъ. А окно, точно въ насмѣшку, старинное, узкое, пропускаетъ мало свѣту.

— Послушайте,—обращаюсь къ поповичу:—сойдите съ подоконника: въ консисторіи и безъ того мало свѣту!

— Извините, я пріѣхалъ хлопотать о мѣстѣ причетника,—отвѣчаетъ невпопадъ мой коллега по несчастью.

Наконецъ, появляется великолѣпный секретарь собственной персоной.

— Да, я знаю, владыка разрѣшилъ. Но вотъ въ чемъ дѣло: вамъ нужно копію съ метрическаго свидѣтельства о рожденіи графини Натальи Александровны Суворовой. Такъ-съ. А есть у васъ довѣренность отъ графини?..

— Почтительнѣйше осмѣливаюсь доложить, что я не спирить и, какъ не членъ сего зловреднаго общества, общенія съ покойниками не имѣю...

---

¹⁾ Изъ всѣхъ консисторій меня не задержали только въ одной. Секретарь, схвативъ мое командировочное свидѣтельство, исчезъ въ присутствіи и, не разсмотрѣвъ хорошенько бумаги, вылетѣлъ изъ засѣданія со словами: «Дѣла о вашемъ разводѣ у насъ нѣтъ!» Единственный случай «консисторскаго» вниманія ко мнѣ и то совершенно для меня бесполезный!

- Не понимаю васъ.
- Но вѣдь графиня Суворова скончалась въ 1844 году.
- Ага! Это другое дѣло, — бормочеть, густо краснѣя, секретарь...

Я кончилъ свои воспоминанія. «Дѣйствующихъ лицъ» не называю по именамъ: каждый, о комъ идетъ рѣчь, прочитавъ мои замѣтки, безъ труда узнаеть свой портретъ, который — смѣю увѣрить — снять не при искусственномъ, а при дневномъ свѣтѣ. Въ своихъ фотографическихъ снимкахъ я никому не польстилъ, какъ ничего не убавилъ и не прибавилъ. Мой аппаратъ старой системы.

В. А. Алексѣевъ.

ЦАРЕУБИЙСТВО 1 МАРТА 1881 ГОДА ¹⁾.

(Историческіе очерки).

VIII. Кровавый эпилогъ царствованія Александра II.

I.

В ТО ВРЕМЯ, какъ графъ Лорисъ-Меликовъ дѣлалъ попытки, не ослабляя мѣръ строгости въ отношеніи развитія соціально-революціоннаго движенія, внести въ общество нѣкоторое успокоеніе, съ одной стороны, нѣкоторыми ему уступками, съ другой—подачей надежды на возможныя въ недалекомъ будущемъ реформы, партія «Народной Воли», если и не приступила послѣ взрыва въ Зимнемъ дворцѣ къ выполненію своей ближайшей очередной задачи, намѣченной на липецкомъ и воронежскомъ съѣздахъ,—цареубійству, то и не отказывалась отъ этой мысли, но лишь откладывала ее на неопредѣленное время. Въ періодъ 80-го года и самаго начала 81-го года мы видимъ лишь ея дѣятельную работу въ области организаціи революціонныхъ силъ въ двухъ общественныхъ категоріяхъ—среди рабочихъ и среди учащейся молодежи. Послѣ времени «мирной пропаганды» въ рабочей средѣ конца 70-хъ годовъ, послѣ созданія «Сѣвернаго рабочаго союза», мы встрѣчаемъ партію послѣ нѣ котораго пропаганднаго затишья за дѣятельной агитаціей въ этой средѣ по созданію особой спеціальной

¹⁾ Окончаніе, см. «Историческій Вѣстникъ», т. СХХІІ, стр. 667

фракціи «рабочихъ членовъ партіи «Народной Воли». Какъ выяснилъ впоследствии (въ 1881 г.) обвинительный актъ по сему предмету¹⁾, еще лѣтомъ 1880 г. вожаки террористической партіи приняли за систематическую агитацію въ средѣ петербургскихъ рабочихъ. Съ этой цѣлью была выработана и напечатана особая программа «рабочихъ членовъ партіи Народной Воли». Подобно известной программѣ исполнительнаго комитета, она распадается на нѣсколько частей.

Въ первой части а) провозглашается принадлежность народу земли и орудій труда, а также выгоды общиннаго владѣнія и артельного производства.

Вторая часть б) говоритъ о необходимости стремиться къ достиженію «полной свободы и прочнаго счастья народа».

Въ третьей части в) социально-революціонная партія выставляется, «какъ лучшій союзникъ народа», и хотя и допускается, что народъ можетъ воспользоваться помощью образованныхъ людей, но съ оговоркою, что ему вскорѣ «все же придется разстаться съ этимъ временнымъ другомъ и итти далѣе въ союзѣ съ одною социально-революціонною партіею».

Въ четвертой части г) изложены слѣдующія перемѣны, которыхъ, по мнѣнію партіи, слѣдуетъ добиваться «въ государственномъ строѣ и народной жизни»:

- 1) замѣна царской власти народнымъ правленіемъ;
- 2) федеративное устройство Россіи съ раздѣленіемъ ея на самостоятельныя области, причѣмъ внутреннія дѣла вѣдаются областными управленіями, а общегосударственныя—союзнымъ правительствомъ;
- 3) отложеніе отъ Россіи присоединенныхъ къ пей иноплеменныхъ народовъ;
- 4) общинное устройство и выборъ всѣхъ должностныхъ лицъ народомъ;
- 5) переходъ всей земли въ собственность рабочаго народа;
- 6) провозглашеніе народною собственностью всѣхъ фабрикъ и заводовъ;
- 7) изданіе законовъ, регламентирующихъ фабричное производство;
- 8) право всеобщей подачи голосовъ;
- 9) свобода совѣсти, слова, печати, собраній и промышленныхъ союзовъ;
- 10) даровое и общедоступное образованіе;
- 11) замѣна постоянной арміи народнымъ ополченіемъ и
- 12) учрежденіе государственнаго банка съ отдѣленіями въ разныхъ мѣстахъ Россіи для поддержки и устройства промышленныхъ и земледѣльческихъ артелей.

Въ пятой части д) совѣтуется рабочимъ организоваться въ тайные кружки и приготовляться къ произведенію насильственнаго переворота въ правительствѣ.

¹⁾ «Былое» 1907 г., № 1.

Въ шестой части е) говорится о предстоящей кровавой борьбѣ, о томъ, что въ социальную-революционную партію рабочая организація должна входить, какъ часть, что рабочіе должны принять дѣятельное участіе въ боевомъ союзѣ, который партія выдѣлитъ изъ себя для нападенія на правительство; наконецъ, преподаются указанія, какъ поступать рабочимъ въ случаѣ открытаго возстанія.

Къ принятію основаній этой программы петербургскіе рабочіе должны были быть приготовляемы постепенно. На сходкахъ, происходившихъ лѣтомъ и осенью 1880 г. и на которыхъ вмѣстѣ съ членами партіи участвовали и нѣкоторые рабочіе, была выработана цѣлая рабочая организація, поставленная въ близкую связь съ организаціею партіи «Народной Воли» и въ прямую зависимость отъ нея.

Рабочіе должны были группироваться въ кружки, раздѣлившіеся на три разряда. Въ кружкахъ 1-го (низшаго) разряда рабочихъ обучали грамотѣ, начальнымъ основаніямъ ариметики и географіи, причѣмъ учитель кружка, обыкновенно выбиравшійся изъ университетской молодежи, лишь вскользь и въ общихъ чертахъ проводилъ революціонныя идеи. Кружокъ состоялъ изъ 5—6 человекъ и собирался поочередно на квартирахъ своихъ членовъ.

Рабочіе, достигшіе такимъ путемъ нѣкотораго образованія и знакомства съ революціонными началами, собирались въ кружки 2-го разряда. Въ нихъ уже читались имъ лекціи по исторіи и развивалось ученіе о социализмѣ въ тѣхъ формахъ, въ какихъ оно выработалось на Западѣ.

Наконецъ, прошедшіе черезъ эти обѣ подготовительныя инстанціи рабочіе образовывали изъ себя «центральную агитаціонную группу». Такихъ группъ предполагалось учредить по одной въ каждой изъ петербургскихъ городскихъ частей. Мѣстомъ собранія агитаціонныхъ группъ должны были служить «рабочія квартиры», гдѣ хозяиномъ являлся рабочій, а жильцомъ студентъ, преподаватель и руководитель кружка. Кромѣ того, при каждой изъ этихъ группъ имѣлъ состоять агентъ партіи «Народной Воли», черезъ котораго происходили сношенія группы съ вожаками партіи.

Студенты-учителя рабочихъ собирались въ особые учительскіе кружки. Для охраны рабочей организаціи предполагалось сформировать «боевыя рабочія дружины».

Организація эта стала осуществляться съ осени 1880 г. Главныя дѣятели партіи «Народной Воли» руководили ею лично. Такъ, Желябовъ читалъ рабочимъ лекціи объ ирландскомъ возстаніи. Агентами при центральныхъ группахъ состояли Софья Перовская, Рысаковъ, Гриневицкій. Собирались они въ квартирахъ рабочаго Гаврилова и студента Подбѣльскаго. Руководителями и главными дѣятелями кружка были молодые люди, по большей части учившіеся въ разныхъ столичныхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Рабочая організація имѣла свой отдѣльный органъ—«Рабочую Газету», второй и послѣдній нумеръ которой вышелъ 28 января 1881 г.

Впрочемъ, рабочая організація не успѣла получить того развитія, которое предполагали дать ей вожаки террористической партіи. Въ началѣ марта 1881 г. она была обнаружена, благодаря показаніямъ Рысакова, и главные участники ея взяты подъ стражу.

Но этимъ, однако, не былъ положенъ конецъ соціально-революціонной пропагандѣ среди петербургскихъ рабочихъ. Нѣсколько молодыхъ людей, большею частью студентовъ петербургскаго университета, продолжали ее въ теченіе всего мая и іюня 1881 г. на сходкахъ, собиравшихся въ пустынныхъ мѣстахъ, въ окрестностяхъ города. Главнымъ агитаторомъ являлся на нихъ Осипъ Нагорный, читавшій рабочимъ Лассала, побуждавшій ихъ устроить общую кассу и разъяснявшій имъ вышеприведенную программу рабочихъ членовъ «Народной Воли».

По наущенію Нагорнаго 27 іюня 1881 г. рабочимъ Евсеѣвымъ, при содѣйствіи рабочихъ Хохлова и Кузюмкина, убитъ агентъ петербургской сыскной полиціи Преймъ. Всѣ четыре виновника этого преступленія были арестованы.

Эта рабочая організація, оставляя въ сторонѣ ея идейно-политическое значеніе, имѣла въ интересахъ террористическихъ тѣ ближайшіе результаты, что давала въ распоряженіе комитета «Народной Воли» нѣкоторый контингентъ людей отчаянныхъ, рѣшительныхъ и легко фанатизируемыхъ, изъ которыхъ легко почерпались террористы-практики, исполнители опредѣленныхъ начинаній, въ коихъ партія съ каждымъ мѣсяцемъ начинала ощущать все большій недостатокъ.

Такова же была позиція партіи въ ея отношеніяхъ къ учащейся молодежи, изъ которой она непрерывно почерпала себѣ нужныхъ ей адептовъ. Толстовскій режимъ съ его сухимъ формальнымъ классицизмомъ игралъ ей въ теченіе всѣхъ семидесятихъ годовъ на руку; неустройство высшихъ учебныхъ заведеній легко создавало всяческіе поводы къ мѣстнымъ беспорядкамъ, которые подъ искуснымъ дирижерствомъ вожаковъ партіи легко разрастались въ своего рода непрерывныя политическія демонстраціи со всѣми печальными слѣдствіями этихъ демонстрацій: исключеніемъ учащихся en masse, высылкою ихъ изъ городовъ, заключеніями въ тюремные замки и ссылками въ Сибирь и мѣста не столь отдаленныя. Всѣ эти репрессіи играли въ глазахъ молодежи роль «мученичества» и ставили ихъ въ положеніе активныхъ политическихъ дѣятелей, какъ бы имѣющихъ вліяніе на ходъ событій въ родной землѣ, призванныхъ вершить ея настоящее и будущее.

Особенное вліяніе на молодежь въ направленіи ея склона къ политикѣ имѣло московское охотнорядское побоище 1878 г., ча-

стію организованное низшими агентами полицейской власти, частью являвшееся актомъ раздраженія черныхъ элементовъ общественности по адресу интеллигенціи вообще и молодыхъ представителей этой интеллигенціи въ частности. Наравнѣ съ этой печальной страницей въ жизни нашей учащейся молодежи были памятни и другія страницы, гдѣ происходили столкновенія между начальствомъ и учащимися и гдѣ результатомъ были такія массовыя исключенія и аресты, какъ, на примѣръ, въ Москвѣ въ 1880 г. Но вступленіе Лорисъ-Меликова на реформаторскій путь и объявившіяся и въ правительственныхъ и въ общественныхъ сферахъ конституціонныя вѣянія имѣли для настроенія умовъ молодежи благотворное вліяніе. А отставка всѣми столь нелюбимаго гр. Д. А. Толстого и назначеніе на его мѣсто Сабурова дали и прессъ и молодежи опредѣленную надежду, что курсъ политики въ вѣдомствѣ народнаго просвѣщенія переломленъ и лучшіе дни въ жизни учащихся не за горами. Гр. Лорисъ-Меликовъ въ этомъ отношеніи сумѣлъ воздѣйствовать на общественное мнѣніе, и если программа будущихъ реформъ оставалась въ туманѣ, да и сама личность новаго министра просвѣщенія не давала никакихъ основаній судить о предстоящемъ въ опредѣленномъ серьезномъ смыслѣ, все же въ наличіи укрѣпились надежды, чаянія и гаданія, которыя вселили въ учащуюся массу бодрое и примирительное настроеніе. А такая постановка вопроса не соответствовала программѣ дѣйствій партіи «Народной Воли», лишая ея того вѣчно бурливаго моря, изъ волнъ котораго улавливались дѣятели революціи и террора. Въ этомъ же улавливаніи партія постоянно нуждалась, причемъ такая нужда особенно сильно сказывалась со второй половины 1879 г. и вплоть до 1-го марта 1881 г., въ теченіе какового времени ей пришлось понести немало тяжелыхъ утратъ, значительно ее ослабившихъ и количественно и качественно. При такихъ-то условіяхъ и разыгралась «сабуровская исторія» на университетскомъ актѣ 8-го февраля.

Освѣщая отношеніе партіи къ учащимся въ связи съ шумной сабуровской исторіей, членъ партіи А. П. Прибылева-Корба отмѣчаетъ въ своихъ воспоминаніяхъ ¹⁾: «Сущность дѣла съ министромъ Сабуровымъ состоитъ въ томъ, что группа народовольцевъ, которая вела сношенія отъ имени партіи съ университетомъ, находила настроеніе петербургскаго студенчества слишкомъ пассивнымъ. Желая возбудить въ немъ революціонный духъ, эти лица предложили студентамъ университета протестовать противъ новыхъ правилъ, вводимыхъ Сабуровымъ. Организуя нападеніе на послѣдняго, исполнительный комитетъ имѣлъ въ виду пріучить студентовъ къ активной борьбѣ противъ университетскаго режима, который воплощалъ въ себѣ всю премудрость политики Д. А. Толстого».

¹⁾ «Былое» 1906 г., № 5.

Вдохновителемъ разрушенія пассивности студенчества явился Желябовъ, сосредоточившій къ тому времени въ своихъ рукахъ всѣ нити русскаго террора и, несмотря на далеко не единодушное отношеніе революціонной партіи къ намѣчаемой въ петербургскомъ университетѣ демонстраціи, именно подъ его воздѣйствіемъ и при его содѣйствіи была намѣчена программа этой демонстраціи, направлен-

Андрей Ивановичъ Желябовъ.

ной противъ министра Сабурова, и выработана соотвѣтствующая прокламація, назначенная къ распространенію на годовомъ актѣ 8-го февраля.

Въ этотъ день въ актовъ залъ собралось очень много публики, причемъ сюда же явились изъ своей нелегальной конспиративной обстановки и нѣкоторые крупные вожаки партіи «Народной Воли», рискнувшіе ради демонстраціи появиться въ публичномъ мѣстѣ,

гдѣ имъ, несомнѣнно, могла грозить опасность ареста. Среди таковыхъ были Желябовъ, Вѣра Фигнеръ, Сухановъ, Сенягинъ и др., а также представители рабочей революціонной группы и центральной студенческой организаціи съ Подбѣльскимъ и Каганомъ-Бернштейномъ во главѣ. Въ выпущенномъ вскорѣ за протекшими въ этотъ день университетскими событіями № 5 «Народной Воли» ходъ событій того дня, хотя и въ явно-тенденціозномъ, но съ фактической стороны довольно правильномъ освѣщеніи, описанъ такъ:

«Какъ извѣстно, университетскій актъ 8 февраля ознаменовался «безпорядками», которые продолжались и въ послѣдующіе дни. Наша пресса въ значительной степени извратила характеръ и смыслъ этихъ происшествій. Постараемся возстановить ихъ въ истинномъ свѣтѣ на основаніи нѣсколькихъ студенческихъ корреспонденцій.

«Министерство Сабурова, со своими обѣщаніями разныхъ льготъ и вольностей, откладываемыхъ, однако, на неопредѣленное время, вызвало противъ себя даже большее неудовольствіе студентовъ, чѣмъ министерство гр. Толстого. Система Сабурова, постоянно рекомендующая «погодить», «выждать», «быть благоразумными» и пр., начала деморализовать студентовъ, выдвигая въ ихъ средѣ на видное мѣсто разныхъ молодыхъ стариковъ, карьеристовъ, вообще тотъ типъ, который уже окрещенъ въ студенческой средѣ кличкой «бонапартистовъ». Эти господа, прежде совершенно не осмѣливавшіеся подымать свой голосъ, теперь, пользуясь «гожеьемъ» и «благоразуміемъ», возведенными въ благовидный принципъ, зашевелились и стали открыто противодѣйствовать всякому движенію студенчества.

«Масса студенчества, разумѣется, не имѣетъ и не имѣла ничего общаго съ «бонапартистами», но, съ другой стороны, они, какъ всякая масса, не отличаются и безусловнымъ радикализмомъ. Обѣ крайнія партіи составляютъ, какъ вездѣ, меньшинство.

«Имѣя въ виду сплоченіе, подъ непосредственнымъ попеченіемъ начальства, самыхъ безприветвенныхъ элементовъ студенчества, радикальное меньшинство начало сплываться и съ своей стороны. Въ его средѣ образовался «центральный университетскій кружокъ», который, въ виду невозможности фигурировать въ качествѣ легальной организаціи, рѣшился держать свой личный составъ въ секретѣ. Приближающійся актъ 8 февраля, на которомъ можно было безошибочно предположить со стороны «бонапартистовъ» разныя оваціи начальству, заставилъ «центр. унив. кружокъ» принять мѣры съ своей стороны для того, чтобы оваціи не состоялись и чтобы, напротивъ, министерству было высказано недовѣріе студентовъ и ихъ неудовлетвореніе одними посулами. Форма протеста не была строго предрѣшена и должна была сообразоваться съ обстоятельствами. Человѣкъ 300 или 400 изъявили желаніе поддержать протестъ; можно было бы, конечно, набрать и болѣе значительное количество пособниковъ, если бы не необходимость конспираціи въ подготовкѣ дѣла. Тайна была соблюдена дѣйствительно очень строго, такъ что инспекція не подозрѣвала ничего о готовящемся протестѣ, хотя деп. госуд. полиціи имѣлъ о немъ, повидимому, нѣкоторыя свѣдѣнія и даже дѣлалъ въ этомъ смыслѣ запросъ ректору.

«Актъ 8 февраля, по обыкновенію, собралъ въ университетъ значительную публику. Тысячи 4 человѣкъ присутствовало въ залѣ. По прочтеніи проф. Градовскимъ университетскаго отчета раздалися рукопле-

сканія. Но въ это время съ лѣвой стороны хоръ послышался голосъ. Приводимъ эту рѣчь цѣликомъ:

«Господа! Изъ отчета ясно: единодушныя требованія всѣхъ университетовъ оставлены безъ вниманія. Намъ выслушали для того, чтобы посмѣяться надъ нами! вмѣстѣ съ насиліемъ насъ хотятъ подавить хитростью. Но мы понимаемъ лживую политику правительства; ему не удастся остановить движеніе русской мысли обманомъ! Мы не позволимъ издѣваться надъ собой: лживый и подлый Сабуровъ найдетъ въ рядахъ интеллигенціи своего мстителя!..»

«Поднявшійся шумъ мѣшалъ разслышать слова говорившаго. Крики: «тише», «слушай», «молчать», наполнявшіе залу, приводили публику въ смущеніе; неизвѣстно было, къ кому они относились—къ говорившему студенту или къ тѣмъ лицамъ, которыя мѣшали ему говорить. Въ это же время изъ толпы товарищей выдѣляется студентъ 1-го курса Подбѣльскій, подходит къ Сабурову и даетъ ему затрещину. Несмотря на то, что вниманіе публики было отвлечено шумомъ на хорахъ, слухъ о пощечинѣ разносится по залѣ. Подымается ужасный шумъ, раздаются крики: «вонъ наглаго лицемѣра», вонъ «мерзавца Сабурова», «вонъ негодяевъ». Нѣсколько человекъ юристовъ кидаются на хоры съ цѣлью схватить оратора. Происходить кое-гдѣ свалка... Ни Бернштейнъ, ни Подбѣльскій, однако, не были арестованы. Спокойствіе въ залѣ мало-по-малу возстановилось, и актъ продолжался. На другой день собрался совѣтъ университета; поставленъ былъ вопросъ: «какъ быть послѣ вчерашняго скандала?» Судили, рядили и порѣшили, наконецъ, назначить университетскій судъ. «Надъ кѣмъ?» былъ второй вопросъ. На это долженъ отвѣтить инспекторъ, разслѣдовавъ предварительно дѣло. Тотъ долго не задумывался, онъ указалъ на лицъ, намозолившихъ ему глаза въ періодъ царствованія его въ университетѣ. И вотъ къ суду привлекаются девять студентовъ и два вольнослушателя. 10 февраля въ судъ явились обвиняемые, за исключеніемъ Подбѣльскаго и Бернштейна. Роль прокурора выполнялъ тотъ же инспекторъ; одинъ изъ помощниковъ его былъ и судебнымъ приставомъ и свидѣтелемъ, другіе помощники были свидѣтелями; нѣкоторые студенты являлись добровольно давать показанія и уличать подсудимыхъ! Пункты обвиненія извѣстны изъ легальныхъ газетъ. Судъ всячески старался замять дѣло, т.-е. взывать вину на постороннихъ университету лицъ и ограничить число протестовавшихъ 10—15 человекъ, но тутъ были принесены листы, на которыхъ подписалось до 100 человекъ, сочувствующихъ идѣ протеста, но считающихъ форму протеста безтактной, въ томъ числѣ 82 человекъ, сочувствующихъ и формѣ протеста. Судъ и совѣтъ растерялись. Обнаружить дѣло въ такихъ грандіозныхъ размѣрахъ—неудобно; профессора порѣшили запрятать эти листы въ портфель, благо ни одна газета не печатаетъ заявленій и подписей тѣхъ студентовъ.

II.

Тактика Желябова и въ отношеніи рабочей среды, и въ отношеніи учащейся молодежи, несомнѣнно, давала террористамъ желанные результаты, и мы видимъ, что къ моменту рокового событія 1 марта партія довольно удачно пополняется новыми силами, которымъ и суждено было сыграть въ кровавый день цареубійства ро-

ковую роль. Къ числу таковыхъ должны быть отнесены рабочій Тимошей Михайловъ, Рысаковъ, Гриневицкій, Емельяповъ и др., ставшіе достояніемъ правосудія лишь въ послѣдующее время. Въ пополненіи этими представителями террора, какъ уже сказано было выше, была существенная необходимость, ибо именно за время 1879—1881 г.г. правительственной власти посчастливилось, правда, не благодаря собственному искусству, а только ряду случайностей, нанести исполнительному комитету «Народной Воли» существеннѣйшіе изьяны, сосредоточить въ своихъ рукахъ нити большинства конспирацій и обнаружить весь наличный составъ этихъ конспирацій. Знакомясь съ хроникой арестовъ въ тотъ періодъ и хроникой административной и судебной ссылки, мы видимъ, что они развертывались въ слѣдующемъ порядкѣ¹⁾.

1879 г. Въ Петербургѣ арестованы Герм. Лопатинъ, Клеменсъ, братья Ольхины, Лесевичъ, Н. О. Анненскій, Н. Богдановичъ, д-ръ Веймаръ, Зунделевичъ, Квятковскій, Евг. Фигнеръ, Ширяевъ, Мартыновскій. Въ Москвѣ: Гольдсмитъ (ред. «Слова»); въ Одессѣ: С. Н. Южаковъ, Герцо-Виноградскій. По отчету тогда было выслано административнымъ порядкомъ въ Восточную Сибирь—97 человекъ, въ Архангельскую губ.—11; за границу 14 человекъ; предано военному суду по 3 процессамъ—31 человекъ, изъ коихъ 5 приговорены къ смертной казни, 18—къ каторгѣ, 8—къ ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе. Въ Харьковѣ арестованъ Долгополовъ; въ Полтавѣ—Шиллеръ, въ Кіевѣ—сестры Левандовскія и д-ръ Бѣлый; въ Елисаветградѣ—Гольденбергъ.

1880 г. начался съ разгрома типографіи «Народной Воли», а вслѣдъ за симъ и типографіи «Чернаго Передѣла», въ іюнѣ арестованъ былъ послѣ вооруженнаго сопротивленія Прѣсняковъ. 5 февраля послѣдовалъ извѣстный уже взрывъ въ Зимнемъ дворцѣ, а въ февралѣ покушеніе на жизнь Лорисъ-Меликова со стороны Млодецкаго. Въ то же время въ Одессѣ, Москвѣ, Кіевѣ, Харьковѣ и Варшавѣ шли судебныя и военно-судебныя разбирательства цѣлага ряда дѣлъ, изъ коихъ особеннаго вниманія заслуживаютъ процессы «одиннадцати» и «шестнадцати» террористовъ, причемъ по послѣднему процессу двое, Квятковскій и Прѣсняковъ, присуждены были къ смертной казни. Къ этому времени, согласно показаніямъ извѣстнаго американца Кенана, описавшаго ссылку и каторгу въ Россіи, въ Сибирь было сослано свыше 2800 человекъ, причемъ центральнымъ мѣстомъ каторги явилась Кара, занявшая въ лѣтописяхъ нашего революціоннаго движенія выдающееся мѣсто, на ряду съ Петропавловской и Шлиссельбургской крѣпостными тюрьмами.

¹⁾ «За сто лѣтъ» (1800—1896). Сборникъ по исторіи политическихъ и общественныхъ движеній въ Россіи, составилъ Вл. Бурцевъ.

Если 1879 годъ далъ, какъ увидимъ далѣе, въ руки правительства важнаго преступника Гольденберга, то 1880 годъ позволилъ задержать А. Михайлова, сыгравшаго въ развитіи революціоннаго движенія, какъ мы уже знаемъ, такую видную роль, являвшагося инициаторомъ многихъ террористическихъ выступленій и избраннаго на воронежскомъ съѣздѣ членомъ совѣта партіи «Народной Воли». Послѣдующій 1881 г. внесъ новыя брѣши въ революціонную организацію. Уже 25 января былъ арестованъ Баранниковъ, 26—Колоткевичъ, 28—Клѣточниковъ, Морозовъ, 27 февраля—Тригопи и Желябовъ, а послѣ 1 марта удалось захватить Перовскую, Кибальчича, Суханова, Исаева, Телалова и др., послѣ каковыхъ арестовъ, можно считать, вся партія «Народной Воли» была настолько разгромлена, что воскреснуть ей въ дальнѣйшемъ уже не удалось, несмотря на всѣ дѣлавшіяся къ тому попытки. Въ этомъ разгромѣ, несомнѣнно, рѣшающую роль, разсматривая вопросъ отъ хронологическаго начала, сыгралъ арестъ Гольденберга и охватившій его въ тюремномъ заключеніи душевный аффектъ, заклеянный одними его прежними сотоварищами по революціи эпитетомъ «предательства», а другими, болѣе спокойными и близко его знавшими, отнесенными къ психическому недугу. И думается намъ, что послѣдніе ближе къ истинѣ, ибо мы видимъ, что когда Гольденбергъ послѣ своего показанія прокурорской и жандармской властямъ увидѣлъ, что результаты его показаній не сошлись съ тѣми послѣдствіями ихъ, на которыя онъ разсчитывалъ, онъ не выдержалъ постигшаго его разочарованія и покончилъ жизнь въ тюрьмѣ самоубійствомъ. Показанія Гольденберга для исторіи революціоннаго движенія настолько важны, что мы считаемъ необходимымъ привести ихъ полностью. До ареста Гольденберга мы видимъ административную власть въ полномъ безсиліи проникнуть въ нѣдра революціи, познать ея силы, планы, приготовленія и дѣйствія. Всѣ подкобы и взрывы, направляемые противъ жизни царя-освободителя, не приводятъ партію къ желанной цѣли не потому, чтобы она встрѣтила на пути своихъ замысловъ и начинаній препятствія со стороны многочисленныхъ представителей наружной и тайной полиціи, но потому, что ихъ преслѣдуютъ неудачи. Правда, полиціи иногда удается схватить кого-нибудь, разгромить какую-нибудь организацію или конспиративную квартиру, но и тутъ мы видимъ, что по большей части въ руки власти попадаютъ или второстепенные представители революціонной доктрины, или, если и крупные, то въ силу лишь того, что тѣ сами явно обрекли себя на гибель и шли на дѣло очертя голову. Но вотъ Гольденбергъ послѣ убіенія имъ кн. Кропоткина, послѣ участія въ подкобахъ подъ Москвою и на югѣ, случайно оказывается арестованнымъ въ Елисаветградѣ въ то время, какъ онъ былъ занятъ перевозкой динамита съ мѣста на мѣсто.

Какова цѣнность поимки, въ первое время, повидимому, администрація не сознавала, и Гольденбергъ ничѣмъ не выдавалъ ни своей близости къ террору, ни къ его лѣтописи, ни къ его участникамъ. Но вотъ черезъ каменные стѣны тюрьмы до него стали доходить вѣсти съ воли, онъ прослышалъ и о взрывѣ въ Зимнемъ дворцѣ, объ арестахъ, о призваніи къ власти Лорисъ-Меликова, объ его реформаторскихъ начинаніяхъ, о покушеніи на него Млодецкого, и вотъ у него созрѣлъ въ головѣ совершенно оригинальный планъ—выдать всю террористическую организацію, положить ей предѣлъ, спасти отъ ея вліянія молодыхъ и не затронутыхъ еще ею и тѣмъ какъ бы расчистить путь реформаціонному движенію новаго курса. Въ маѣ 1880 г. онъ подаетъ заявленіе жандармскому полковнику Оноприенку о желаніи дать важное показаніе и въ присутствіи прокурора одесскаго окружнаго суда Добржинскаго повѣдалъ власти нижеслѣдующее¹⁾:

«Зовутъ меня Григорій Давидовъ Гольденбергъ, отъ роду имѣю 24 года, вѣроисповѣданія іудейскаго, еврей, сынъ купца 2 гильдіи, родился въ Бердичевѣ, въ послѣднее время постояннаго мѣстожителства не имѣлъ, опредѣленныхъ занятій не имѣлъ, жилъ средствами революціонной партіи, холостъ, родители занимаются торговлей сукна въ Кіевѣ, гдѣ имѣютъ свой магазинъ; воспитывался въ кіево-подольской классической прогимназій на счетъ родителей, выбылъ изъ четвертаго класса, оставилъ заведеніе по собственному желанію; за границей не былъ; формально къ дознанію не привлекался, но въ 1878 году меня допрашивали въ Кіевѣ, по подозрѣнію участія въ покушеніи на убійство товарища прокурора Котляревскаго; судимъ по этому дѣлу не былъ, а высланъ административнымъ порядкомъ 13-го апрѣля 1878 года въ городъ Холмогоры, Архангельской губерніи, откуда 22-го іюня того же года бѣжалъ. Далѣе на предложенные вопросы поясняю: 15-го января 1880 года въ одномъ своемъ показаніи я заявилъ, что по своимъ убѣжденіямъ я социалистъ, но по своимъ взглядамъ на настоящее положеніе вещей, на тѣ политическія права, которыми пользуется русская социальная партія, на то политическое положеніе, въ которомъ находится все населеніе Россіи, я принадлежу къ фракціи дезорганизаторовъ, или политиковъ, иначе сказать террористовъ, т. е. къ той фракціи русской социальнореволюціонной партіи, которая нашла необходимымъ и вынужденнымъ для себя, для скорѣйшаго достиженія своей ближайшей цѣли, болѣе или менѣе активнаго, а главное, продуктивнаго, народнаго движенія въ Россіи, прибавить въ свою программу, кромѣ агитаціи и пропаганды въ деревнѣ, еще политическую борьбу, т. е. борьбу за политическія права, иначе сказать, заняться измѣненіемъ нынѣ существующаго политическаго

¹⁾ «Русская историческая бібліотека», № 3.

строю и подготовленіемъ такого строя, при которомъ социальныя идеи могли бы правильно и свободно развиваться, а социальная партія получила бы права существованія, причѣмъ агитація и пропаганда въ деревнѣ шли бы гораздо успѣшнѣе. Затѣмъ я допускаю слѣдующія средства для борьбы: 1) всевозможная агитація среди молодежи и арміи, въ какой бы формѣ это волненіе умовъ ни выразилось—въ формѣ ли петицій, требованій, адресовъ и т. д.; 2) политическія убійства допускаются мною настолько, насколько, во-первыхъ, они замѣняютъ свободное слово; во-вторыхъ, насколько они подрываютъ кредитъ и вѣру въ правительственную организацію, и, въ-третьихъ, насколько извѣстное правительственное лицо достойно того, т. е. насколько оно вредитъ русской социальной партіи. 2-го февраля того же года, желая, во-первыхъ, подтвердить фактически, что я дѣйствительно принадлежу къ этой фракціи; во-вторыхъ, выяснитъ посредствомъ суда фактъ избіенія студентовъ харьковскаго университета казацкими нагайками по приказанію князя Кропоткина; въ-третьихъ, фактъ избіенія политическаго арестанта Омина въ харьковской городской тюрьмѣ по его же приказанію, въ-четвертыхъ, фактъ такого же избіенія студентовъ петербургскаго университета и медико-хирургической академіи такими же нагайками по приказанію градоначальника Зурова; въ-пятыхъ, выяснитъ то ложное донесеніе, которое покойный князь Кропоткинъ сдѣлалъ правительству по дѣлу избіенія студентовъ нагайками, и, наконецъ, въ-шестыхъ, желая освободить другихъ лицъ отъ падавшихъ на нихъ обвиненій по дѣлу убійства князя Кропоткина— все это, говорю, счелъ я нужнымъ подтвердить, заявивъ, что я былъ убійцею князя Кропоткина. Съ тѣхъ поръ прошло много времени; передъ нами прошелъ цѣлый рядъ отрадныхъ и печальныхъ событій. Такія событія, какъ взрывъ 5-го февраля, уничтоженіе двухъ органовъ— двухъ фракцій социально-революціонной партіи путемъ обнаруженія типографій, нѣсколько смертныхъ казней, нѣсколько самоубійствъ, цѣлый рядъ арестовъ и ссылокъ, покушеніе на жизнь графа Лорисъ-Меликова, учрежденіе верховной распорядительной комиссіи, такіе факты, говорю я, не могутъ пройти незамѣтно, не могутъ не заставить подумать о всемъ нашемъ прошломъ, настоящемъ и будущемъ, которое еще предстоитъ. Одинокое тюремное заключеніе, какъ и все дурное на свѣтѣ, имѣетъ также свою хорошую сторону, которая заключается въ томъ, что человѣкъ можетъ безпрепятственно, не волнуясь всѣми текущими событіями, думать и думать совершенно свободно. Заявившись этимъ и охвативъ все то, что до сихъ поръ сдѣлано социальной партіей, а фракціей террористовъ въ особенности, весь тотъ тяжелый и кровавый путь, по которому они прошли, всѣ жертвы, преслѣдованія, всѣ усилія, мученія и страданія, которыя приходится выносить не одной только социальной партіи, но и всей молодежи, охватывая, говорю я, все

это, я нахожу, что ни тутъ, ни тамъ, ни въ народѣ, ни въ обществѣ, ни среди молодежи, нигдѣ ничего не сдѣлано, а между тѣмъ борьба идетъ и борьба самая тяжелая: люди гибнуть и гибнуть безъ конца, гибнуть въ казематахъ, во Восточной Сибири и, наконецъ, на висѣлицахъ. Главнымъ образомъ, мои размышленія сосредоточились на фракціи террористовъ; разсматривая всѣ стремленія, желанія и средства, которыя избрала эта фракція, я прихожу къ тому заключенію, что террористы стали на ложную дорогу, что они всею душою, всѣми своими силами стремясь къ самымъ естественнымъ, неотъемлемымъ человѣческимъ правамъ—къ политической свободѣ, желая получить право на свободное развитіе, образованіе и существованіе, чтобъ это существованіе не отравлялось всѣми ненужными и къ однимъ только несчастіямъ насъ ведущими преслѣдованіями, желая всего этого, террористы, однако, избрали не то средство, которое можетъ насъ привести къ политической свободѣ. Я нашель, что политическія убійства не только не приблизили насъ къ тому лучшему положенію вещей, котораго желаемъ всѣ мы, но они прямо дали правительству возможность принять тѣ крайнія противъ насъ мѣры, къ какимъ оно нашло себя вынужденнымъ прибѣгнуть, чтобъ прекратить политическія убійства, и, благодаря послѣднимъ, мы имѣли несчастіе и позоръ видѣть у себя двадцать висѣлицъ; что политическія убійства, вызвавъ ту страшную все-сокрушающую реакцію, которая тяжкимъ бременемъ ложится на всѣхъ, вмѣстѣ съ тѣмъ препятствуютъ другой фракціи «народниковъ» вести агитацію среди народа въ томъ размѣрѣ, насколько это возможно теперь,—я нашель, что социальная партія не могла и не должна была выступать съ такимъ опаснымъ и невѣрнымъ средствомъ, какъ политическія убійства; она должна была знать и помнить, что правительство можетъ выставить подобныя же средства, такую же силу, которая въ подобныхъ случаяхъ сокрушитъ все, ей на пути попадающее, что мы и видѣли во всей той реакціи, которая наступила послѣ 2-го апрѣля. Я нашель, что мрачный принципъ террора съ нашей стороны и большее чувство, явившееся результатомъ всѣхъ преслѣдованій и казней, которое насъ заставляетъ такъ жадно алкать крови правительственныхъ лицъ, заставляетъ и правительство, съ своей стороны, принимать мѣры крутого возмездія и томить насъ, въ лучшіе годы нашей молодой жизни, въ казематахъ. Думая о томъ вліяніи, которое правительственный терроръ имѣетъ на нѣкоторыхъ изъ молодежи, я нашель, что эта система дѣйствуетъ устрашающимъ образомъ, и что они изъ личныхъ цѣлей рѣшаются выдавать своихъ товарищей, что мы и видѣли въ цѣломъ рядѣ процессовъ за 1879 годъ.

«Вотъ тѣ печальныя мысли, къ которымъ я пришелъ послѣ долгихъ размышленій. Я, конечно, могъ бы остаться при этихъ своихъ

убѣжденіяхъ, я могъ бы вести людей къ гибели и самъ спокойно умереть на висѣлицѣ, если бъ я зналъ, что въ данномъ случаѣ сдѣлаюсь жертвою искупленія и моею смертію закончится этотъ печальный и грустный періодъ общественнаго развитія; но мысли о томъ, что смертныя казни не мною будутъ закончены, тѣмъ, несомнѣнно, опять будутъ вызваны политическія убійства, а эти, въ свою очередь, заставятъ правительство принять еще болѣе крайнія мѣры, число жертвъ еще болѣе увеличится и такъ далѣе до тѣхъ поръ, пока побѣдителемъ изъ этой неравной борьбы не выйдетъ все-таки правительство, которое не уступитъ до тѣхъ поръ, пока все движеніе не будетъ подавлено,—все это страшно меня пугало. Мысль о томъ, что всѣ жертвы, которыя уже были и которыя еще могутъ быть, что всѣ усилія, все наше искреннее и горячее желаніе видѣть свою родину болѣе счастливою, вся наша святая любовь и преданность интересамъ родной земли дали намъ то, что однимъ изъ общественныхъ дѣятелей выступилъ Фроловъ, и что эти наши «Notre dame»—Куликово поле, Конная площадь и т. д., дѣлаются у насъ историческими мѣстами, на которыхъ проливается эта, столь дорогая для всѣхъ насъ и всей Россіи, молодая кровь. Я нашелъ, что правительство не остановится ни передъ какими суровыми мѣрами, и всѣ эти аресты, ссылки и казни будутъ продолжаться, и трудно предвидѣть когда-либо конецъ всему этому тяжкому общественному положенію и нашему. Меня пугала мысль о томъ, что то отрадное по своимъ стремленіямъ движеніе въ пользу политической реформы, которое мы видимъ сейчасъ, можетъ, подъ вліяніемъ всѣхъ преслѣдованій, въ концѣ концовъ заглухнуть на долгое время, и тогда горько придется сожалѣть о томъ, что это движеніе выразилось въ такой рѣзкой формѣ, что повлекло и можетъ повлечь за собою массу совершенно лишнихъ жертвъ; я зналъ, что оставить все въ своемъ прежнемъ видѣ, пока грозныя событія не примутъ ужасающихъ размѣровъ,—невозможно. Въ виду всего этого, желая положить предѣлъ всему нынѣ существующему злу, желая содѣйствовать скорѣйшему переходу къ другому лучшему положенію вещей, желая многихъ спасти отъ угрожавшей имъ смертной казни, я рѣшился на самое страшное и ужасное дѣло—я рѣшился употребить такое средство, которое заставляетъ кровь биться въ жилахъ, а иногда и горячую слезу выступить на глазахъ. Я рѣшился подавить въ себѣ всякое чувство озлобленія, вражды (къ чему призываю всѣхъ своихъ товарищей) и привязанности, и совершить новый подвигъ самоотверженія для блага той же молодежи, того же общества и той же дорогой намъ всей Россіи. Я рѣшился раскрыть всю организацію и все мнѣ извѣстное, и, такимъ образомъ, предупредить все то ужасное будущее, кото-

рое намъ предстоитъ, въ виду цѣлаго ряда смертныхъ казней и вообще репрессивныхъ мѣръ. Рѣшившись дать полныя и обстоятельныя показанія по всѣмъ дѣламъ, въ которыхъ я обвиняюсь, я руковожусь не личными видами и не стремлюсь путемъ сознанія достигнуть смягченія собственной участи. Я всегда былъ далекъ отъ личныхъ интересовъ, находясь внѣ тюремныхъ стѣнъ, и теперь я далекъ отъ эгоистическихъ побужденій. Въ сознаніи моемъ и въ раскрытіи всѣхъ обстоятельствъ дѣла я руковожусь интересами какъ тѣхъ, надъ которыми тяготѣетъ обвиненіе, такъ, главнымъ образомъ, и тѣмъ, чтобъ правительство отказалось отъ цѣлаго ряда репрессивныхъ мѣръ, принимаемыхъ въ видѣ казни противъ обвиняемыхъ въ принадлежности къ террористической фракціи. Я понимаю, однако, что достигнуть этой послѣдней цѣли немислимо какимъ-нибудь гнетомъ на правительство, путемъ тѣхъ или другихъ политическихъ убійствъ, ибо правительство всегда въ состояніи противопоставить террористическому движенію болѣе репрессивныя мѣры, которыя столько же чувствительны, какъ для отдѣльныхъ лицъ, такъ и для всего общества. Поэтому, останавливаясь на выборѣ средствъ, болѣе всего ведущихъ къ желаемой цѣли, я пришелъ къ заключенію, что лучшимъ средствомъ для успокоенія правительства является представленіе ему настоящихъ размѣровъ революціоннаго движенія, что террористическая фракція не столь страшна и не требуетъ столь суровыхъ мѣръ для ея подавленія. Я думаю, что, имѣя такую картину, правительство, по неизбѣжному порядку вещей, отнесется къ ней спокойно, а такое отношеніе, несомнѣнно, повлечетъ за собой принятіе болѣе спокойныхъ и ограниченныхъ мѣръ противъ террористовъ; я увѣренъ, что только одна неизвѣстность о размѣрахъ террористической фракціи могла вызвать столь суровыя кары, какими являются смертныя казни, и не могу допустить мысли, чтобъ правительство прибѣгло къ нимъ охотно, такъ какъ не могу допустить, чтобъ оно было чуждо того общаго сознанія, что путемъ совершенныхъ казней невозможно подавить никакого политическаго движенія, а, напротивъ того, только обострить его, довести до ожесточенія, что мы и видимъ теперь. Во всякомъ случаѣ, я твердо увѣренъ, что правительство, оцѣнивъ мои добрыя желанія, отнесется спокойно къ тѣмъ, которые были моими сообщниками, и приметъ противъ нихъ болѣе цѣлесообразныя мѣры, чѣмъ смертныя казни, влекуція за собой только одни неизгладимо тяжелыя послѣдствія для всей молодежи и общества. Я вѣрю, что правительство изслѣдуетъ безпристрастно причины, вызвавшія революціонное движеніе, и, по возможности, спокойно отнесется къ виновникамъ печальныхъ событій, въ которыхъ, однако, они шли подъ вліяніемъ своихъ гражданскихъ убѣжденій, а не подъ вліяніемъ какихъ бы то ни было личныхъ выгодъ.

«Переходя къ фактической сторонѣ дѣла, я изложу свѣдѣнія, относящіяся къ тѣмъ преступленіямъ, въ которыхъ я принималъ участіе, при чемъ для послѣдовательности начну съ убійства князя Кропоткина».

Въ дальнѣйшемъ Гольденбергъ далъ самыя обстоятельныя показанія о всѣхъ тѣхъ террористическихъ начинаніяхъ, въ которыхъ онъ принималъ участіе, съ обнаруженіемъ прочихъ участниковъ террористической конспираціи, подробнымъ обозначеніемъ всѣхъ мѣстъ дѣйствій, всей исторіи террора и. т. д. Передъ жандармской властью и прокуратурой впервые раскрылась, такимъ образомъ, истинная картина положенія революціоннаго дѣла, и въ руки ей попали, слѣдовательно, такія нити, которыя позволили вплотную подойти къ партіи «Народной Воли», проникнуть въ ея замыслы и, благодаря этому, стать до извѣстной степени хозяиномъ положенія вещей. И результаты этого не преминули послѣдовать.

III.

Уже вскорѣ послѣ показаній Гольденберга во власти полиціи оказались многіе революціонеры, и осенью 1880 г. имѣлъ мѣсто «процессъ 16 террористовъ», гдѣ на скамьѣ подсудимыхъ оказались многіе изъ тѣхъ, которые принимали участіе въ замыслахъ цареубійства, описанныхъ ими въ № 10 «Историческаго Вѣстника». Многое выяснилось на этомъ судѣ, многіе заплатились за свои преступныя дѣянія, но все же глава—центр «Народной Воли» остался внѣ судебной достигаемости. Уронъ партія понесла сильный, но поле дѣйствія все же не было утеряно и оставалось лишь сомкнуть ряды, пополнить ихъ новыми участниками и пойти на новый штурмъ верховной власти.

Согласно приговору петербургскаго военно-окружнаго суда ¹⁾: 30 октября 1880 г., по разъясненіи обстоятельствъ дѣла о 16 террористахъ на судебномъ слѣдствіи и въ заключительныхъ преніяхъ, петербургскій военно-окружной судъ призналъ всѣхъ 16 подсудимыхъ виновными въ принадлежности къ тайному обществу, стремящемуся путемъ пропаганды и агитаціи возбудить народъ къ возстанію, для ниспроверженія существующаго въ Россіи государственнаго и общественнаго строя, и не только допускающему, но и въ дѣйствительности совершавшему для достиженія своихъ цѣлей политическія убійства и даже покушенія на жизнь священной особы государя императора, причемъ, въ силу принадлежности къ таковому обществу, подсудимый Александръ Квятковскій:1) находясь въ мартѣ мѣсяцѣ 1879 года въ Петербургѣ, принималъ участіе

¹⁾ «Русская историческая бібліотека», № 3.
«и. тор. вѣстн.», декабрь, 1910 г., т. сxxii.

съ сыномъ купца 2-й гильдіи Григоріемъ Гольденбергомъ (нынѣ умершимъ) и казненнымъ преступникомъ Соловьевымъ въ тайныхъ совѣщаніяхъ, на которыхъ обсуждалось и было рѣшено посягательство на жизнь священной особы государя императора, совершенное впослѣдствіи, 2-го апрѣля 1879 года, упомянутымъ Соловьевымъ; 2) въ іюнѣ того же года принималъ участіе въ сѣздѣ революціонеровъ въ Липецкѣ, на которомъ было рѣшено повторить преступленіе Соловьева, но уже не въ формѣ открытаго посягательства, а путемъ скрытыхъ предпріятій, при посредствѣ взрывовъ съ примѣненіемъ динамита, и на которомъ сверхъ того была выработана организациія новой фракціи социальна-революціонной партіи; 3) принималъ участіе въ дѣятельности тайной типографіи въ Саперномъ переулкѣ, въ С.-Петербургѣ, въ которой печатались противоправительственныя изданія, возбуждающія къ бунту и неповиновенію власти; 4) согласившись съ другими посягнуть на жизнь священной особы государя императора, принималъ участіе въ приготовленіяхъ къ взрыву въ Зимнемъ дворцѣ государя императора, совершенному впослѣдствіи 5-го февраля 1880 года посредствомъ динамита, при чемъ повреждены нѣкоторые покои дворца, разрушены помѣщенія военнаго караула и изъ нижнихъ чиновъ этого караула убито 11 и ранено 56 человекъ, и 5) проживалъ по фальшивымъ видамъ.

Подсудимый Степанъ Ширяевъ: 1) принималъ участіе въ вышеупомянутомъ сѣздѣ революціонеровъ въ городѣ Липецкѣ; 2) согласившись съ другими посягнуть на жизнь священной особы государя императора, принималъ непосредственное участіе въ устройствѣ мины подъ полотномъ Московско-Курской желѣзной дороги, на 3-й верстѣ отъ города Москвы, каковая мина вечеромъ 19-го ноября 1879 года, во время прохожденія одного изъ царскихъ поѣздовъ, была дѣйствительно взорвана, вслѣдствіе чего произошло крушеніе поѣзда, въ которомъ слѣдовала свита Его Императорскаго Величества, но при томъ пострадавшихъ никого не было, и 3) проживалъ по фальшивымъ видамъ.

Подсудимые Яковъ Тихоновъ и Иванъ Окладскій: 1) согласившись съ другими посягнуть на жизнь священной особы государя императора, принимали непосредственное участіе въ устройствѣ мины подъ полотномъ Лозово-Севастопольской желѣзной дороги, на 4-й верстѣ отъ города Александровска, для взрыва каковой мины 18-го ноября 1879 года была сомкнута цѣпь гальванической батареи въ то время, когда надъ миной проходилъ императорскій поѣздъ, но взрыва не послѣдовало по независящимъ отъ воли злоумышленниковъ обстоятельствамъ, и 2) проживали по фальшивымъ видамъ.

Подсудимый Андрей Прѣсняковъ: 1) принималъ участіе въ преступленіи Тихонова и Окладскаго, выразившееся тѣмъ, что, проживая въ городѣ Симферополѣ, онъ наблюдалъ за временемъ выѣзда

изъ Крыма государя императора и 16-го ноября, приѣхавъ въ городъ Александровскъ, сообщилъ своимъ соучастникамъ объ имѣющемъ быть проѣздѣ Его Величества черезъ городъ Александровскъ 18-го ноября; 2) при задержаніи его 24-го іюля 1880 года на Васильевскомъ островѣ околоточнымъ надзирателемъ Силичевымъ и приглашенными послѣднимъ швейцаромъ Степановымъ и дворникомъ

Софья Львовна Перовская.

Китовымъ, оказалъ сопротивленіе, при чемъ двумя выстрѣлами изъ имѣвшагося у него револьвера ранилъ Степанова и Китова, изъ которыхъ первый 10-го августа умеръ; при этомъ, хотя Силичевъ и былъ одѣтъ въ партикулярное платье, но Прѣсняковъ зналъ, что Силичевъ принадлежитъ къ чинамъ полиціи; 3) проживалъ по фальшивымъ видамъ.

Подсудимый Ааронъ Зунделевичъ: 1) принималъ въ мартѣ 1879 года участіе съ Гольденбергомъ и казненнымъ преступникомъ

Соловьевымъ въ тайныхъ совѣщаніяхъ, на которыхъ обсуждалось и было рѣшено посягательство на жизнь священнои особы государя императора, совершенное упомянутымъ Соловьевымъ 2-го апрѣля того же года, и 2) проживалъ по фальшивымъ видамъ.

Подсудимые: Николай Бухъ, Лейзеръ Цукерманъ, Софья Иванова и Марья Грязнова: 1) принимали участіе въ дѣятельности тайной типографіи въ Саперномъ переулкѣ въ С.-Петербургѣ, въ которой печатались противоправительственныя изданія, возбуждающія къ бунту и неповиновенію верховной власти; 2) при обыскѣ 18-го января 1880 года принадлежавшей имъ квартиры, въ которой помѣщалась эта типографія, и при арестованіи ихъ оказали сопротивленіе чинамъ полиціи, при чемъ со стороны арестуемыхъ были произведены выстрѣлы изъ револьверовъ въ означенныхъ чиновъ, съ намѣреніемъ лишить кого-либо изъ нихъ жизни, и 3) всѣ они, кромѣ Цукермана, проживали по фальшивымъ видамъ.

Подсудимая Евгенія Фигнеръ: 1) принимала участіе въ дѣятельности означенной типографіи въ Саперномъ переулкѣ и 2) проживала по фальшивымъ видамъ.

Подсудимый Сергѣй Мартыновскій: 1) имѣя у себя шрифтъ и другія типографскія принадлежности, принималъ участіе въ изданіи противоправительственныхъ сочиненій, возбуждающихъ къ бунту и неповиновенію верховной власти и 2) проживалъ по фальшивымъ видамъ.

Подсудимый Людвигъ Кобылянскій: 1) согласившись съ Гольденбергомъ совершить совокупными дѣйствіями убійство харьковскаго губернатора, князя Кропоткина, присутствовалъ при этомъ убійствѣ, совершенномъ Гольденбергомъ 9-го февраля 1879 года въ городѣ Харьковѣ, и 2) проживалъ по фальшивымъ видамъ.

Подсудимый Аванасій Зубковскій: 1) согласившись съ Гольденбергомъ и Кобылянскимъ совершить убійство князя Кропоткина, устроилъ для нихъ въ городѣ Харьковѣ конспиративную квартиру и содѣйствовалъ доставленію имъ денежныхъ средствъ и 2) проживалъ по фальшивымъ видамъ.

Подсудимый Александръ Буличъ, желая содѣйствовать цѣлямъ упомянутаго преступнаго общества, далъ деньги Зубковскому для тайной типографіи, устроенной этимъ обществомъ.

Подсудимый Дриго, состоя управляющимъ имѣніями и повѣреннымъ въ дѣлахъ казеннаго государственнаго преступника Лизогуба и зная о принадлежности его къ соціально-революціонной партіи, снабжалъ, по его порученію, разныхъ лицъ, завѣдомо ему, Дриго, принадлежавшихъ къ этой партіи, денежными средствами для ихъ революціонной дѣятельности.

Обращаясь къ опредѣленію наказанія подсудимыхъ по закону, воено-окружный судъ находитъ, что всѣ означенныя дѣянія, въ виду принадлежности подсудимыхъ къ вышеупомянутому тайному

обществу, предусмотрѣны 241 и 249 ст. уложенія о наказ. угол. и испр., на основаніи которыхъ всѣ 16 подсудимыхъ подлежатъ, по лишеніи всѣхъ правъ состоянія, смертной казни. Но при этомъ судъ призналъ смягчающія вину обстоятельства относительно слѣдующихъ подсудимыхъ: Зунделевича—сознаніе его и то, что онъ не принималъ непосредственнаго участія въ совершеніи террористическихъ преступленій; Кобылянскаго—молодыя лѣта и дурное вліяніе на него другихъ; Зубковскаго—то, что онъ не принималъ непосредственнаго участія въ самомъ совершеніи убійства князя Кропоткина; Буха, Цукермана, Мартыновскаго, Ивановой, Грязновой, Фигнеръ, Булича и Дриго—то, что принадлежность ихъ къ тайному обществу выразилась сравнительно не въ столь преступномъ характерѣ дѣятельности. Въ виду этихъ обстоятельствъ судъ, руководствуясь 830 ст. XXIV с. в. п. 1869 года, призналъ справедливымъ понизить наказаніе Зунделевичу на одну, а прочимъ на двѣ степени. По изложеннымъ соображеніямъ судъ постановилъ: подсудимыхъ — дворянина Александра Квятковскаго, крестьянъ Степана Ширяева и Якова Тихонова и мѣщанъ Ивана Окладскаго и Андрея Прѣснякова, лишивъ всѣхъ правъ состоянія, подвергнуть смертной казни черезъ повѣшеніе, а остальныхъ 11, лишивъ всѣхъ правъ состоянія, сослать въ каторжныя работы въ рудникахъ: Зунделевича—безъ срока, Кобылянскаго, Буха и Зубковскаго—на двадцать лѣтъ, Цукермана, Булича, Мартыновскаго и Дриго—на пятнадцать лѣтъ. Приговоръ этотъ, по вступленіи его въ законную силу, представить на усмотрѣніе помощника командующаго войсками гвардіи и петербургскаго военного округа, при чемъ въ отношеніи шести нижепоименованныхъ подсудимыхъ судъ, по обстоятельствамъ дѣла и степени участія каждаго изъ нихъ въ преступной дѣятельности, нашелъ возможнымъ ходатайствовать о смягченіи опредѣленныхъ имъ въ предѣлахъ судебной власти наказаній и полагалъ бы: Цукермана и Иванову сослать въ каторжныя работы на заводахъ: перваго—на восемь лѣтъ, а послѣднюю—на четыре года; дворянку Фигнеръ и крестьянку Грязнову, по лишеніи всѣхъ правъ состоянія, сослать на поселеніе: первую—въ отдаленнѣйшихъ мѣстахъ Сибири, а послѣднюю въ мѣстахъ, не столь отдаленныхъ; дворянъ Булича и Дриго, по лишеніи всѣхъ особенныхъ лично и по состоянію присвоенныхъ имъ правъ и преимуществъ, сослать на житье въ Томскую губернію.

Государь императоръ во 2-й день ноября всемилостивѣйше повелѣтъ соизволилъ: замѣнить опредѣленную приговоромъ военного суда, утвержденнымъ временно-командующимъ войсками петербургскаго военного округа, смертную казнь Ширяеву, Тихонову и Окладскому ссылкой въ каторжныя работы безъ срока.

Вошедшій въ законную силу приговоръ петербургскаго военно-окружнаго суда объ Александрѣ Квятковскомъ и Андрѣй Прѣсня-

ковѣ, утвержденный временно-командующимъ войсками гвардіи петербургскаго военнаго округа, былъ приведенъ въ исполненіе на бастионѣ лѣваго полуконтргарда Иоанновскаго рavelина Петропавловской крѣпости. По прочтеніи во всеуслышаніе означеннаго приговора, Квятковскій и Прѣсняковъ 4-го ноября, въ 8 часовъ 10 минутъ утра, передъ строемъ присутствовавшихъ войскъ, подвергнуты смертной казни черезъ повѣшеніе. Тѣла казненныхъ, по медицинскомъ освидѣтельствѣ, переданы мѣстной полиціи для погребенія.

Сообщая въ томъ же № 3 «Русской исторической библіотеки» о судьбѣ участниковъ этого процесса, г. Бурцевъ повѣствуетъ:

«Изъ 16-ти судившихся двое—Квятковскій и Прѣсняковъ—были казнены. Ширяевъ засажень въ Алексѣевскій ravelинъ, гдѣ до него лѣтъ 8 уже сидѣлъ Нечаевъ; онъ помогъ Нечаеву устроить тотчасъ же сношенія съ волей, и они сносились съ исполнительнымъ комитетомъ черезъ Желябова; условія заключенія скоро для Ширяева стали такъ тяжелы, что онъ быстро сошелъ въ могилу.

«Кобылянский послѣ карійскихъ побѣговъ въ маѣ 1882 г. былъ снова привезень изъ Сибири въ Петербургъ, оттуда въ 1884 г. его привезли въ Шлиссельбургскую крѣпость, гдѣ онъ и умеръ.

«Тихоновъ умеръ на Карѣ отъ чахотки. Цукерманъ покончилъ жизнь самоубійствомъ въ Якутской области.

«С. Иванова, Зунделевичъ, Мартыновскій, Е. Фигнеръ, Зубковскій, Бухъ—послѣ каторжныхъ работъ были освобождены и въ настоящее время находятся на свободѣ въ Россіи. На свободѣ же находится и Грязнова.

«Буличъ умеръ въ ссылкѣ, Дриго—тамъ же; въ ссылкѣ Дриго жилъ, конечно, внѣ политической колоніи, такъ какъ его роль и на судѣ и до суда совершенно его отрѣзывала отъ товарищеской среды. Еще хуже кончилъ Окладскій: въ 1881 г. онъ подалъ прошеніе о помилованіи, далъ показанія и его выпустили на свободу... Онъ жилъ гдѣ-то на Кавказѣ»...

По поводу казни Квятковскаго и Прѣснякова были изданы исполнительнымъ комитетомъ двѣ прокламаціи (онѣ помѣщены въ заграничномъ «Быломъ» и въ сборникахъ Базилевскаго), а въ 4 № «Народной Воли» появилась очень сильно написанная статья о процессѣ 16-ти, гдѣ, между прочимъ, говорилось, что партія въ данный моментъ смотритъ шире на политическій терроръ, чѣмъ это было отмѣчено въ дѣлахъ Квятковскаго и Прѣснякова.

Если Квятковскій и Прѣсняковъ кончили свои дни въ рукахъ палача, то главный виновникъ всего процесса и участникъ многихъ событій, въ немъ разбивавшихся, Гольденбергъ, не дождался одинаковой съ ними участи: въ припадкѣ тоски и психическаго разстройства онъ покончилъ съ собой въ казематѣ Петропавловской крѣпости.

Правительство торжествовало, одержавъ такую случайную и легко давшуюся побѣду надъ террористами, но торжество это было далеко не полное, ибо и послѣдовавшій послѣ ареста Гольденберга взрывъ въ Зимнемъ дворцѣ, и самый процессъ надъ привлеченными къ суду 16 народовольцами непреложно показали, что террористическая организація еще не пошатнута въ своемъ основаніи и что на свободѣ остается значительный кадръ исполнительнаго комитета «Народной Воли», который, несомнѣнно, если пока и не проявляетъ свойственной ему энергичной активности, то все же не можетъ считаться обреченнымъ на бездѣтельность. Поэтому, зная согласно показаніямъ Гольденберга, имена участниковъ этого кадра и понимая, что эти участники сконцентрированы въ столицѣ, мѣстѣ пребыванія государя императора, агенты полиціи прилагали всѣ старанія, чтобы залучить ихъ въ свои руки. Но, увы, это не такъ-то было легко сдѣлать. Выработанныя А. Михайловымъ правила конспираціи, съ одной стороны, смѣлость и ловкость террористовъ, съ другой, и плохая постановка дѣла полицейскаго сыска, въ-третьихъ, сводили старанія полиціи на нѣтъ, и партія «Народной Воли» имѣла полную возможность, во-первыхъ, широко раскидывать свои сѣти среди рабочихъ и учащихся, во-вторыхъ, сооранговать послѣднее и рѣшительное покушеніе на жизнь Александра II. Особенно хотѣлось полицейской власти задержать А. Михайлова, котораго она считала душою террористической конспираціи, но онъ, благодаря своей удивительной находчивости и революціонной опытности, даже въ самые опасные для него моменты какъ-то умѣлъ легко и удачно ускользнуть отъ преслѣдователей. Въ этомъ отношеніи онъ былъ виртуозенъ и легендаренъ и тѣмъ не менѣе, благодаря совершенно нелѣпой оплошности, и онъ къ концу 80-го г. оказался арестованнымъ. По словамъ Анны Корба ¹⁾, его любовь къ дѣлу революціи и товарищамъ послужила поводомъ къ гибели этого осторожнаго и опытнаго революціонера. «Старанія А. Д. Михайлова сберечь для потомства карточки товарищей, павшихъ въ бою, и послужили причиной его собственной гибели,—говоритъ она. Наканунѣ того дня, когда онъ отнесъ карточки Квятковскаго и Прѣснякова къ фотографамъ на Невскомъ, онъ видѣлся съ нѣсколькими студентами и просилъ ихъ заказать снимки карточекъ въ любой фотографіи. До того времени переснимки часто практиковались и всегда совершались безпрепятственно. Отказъ студентовъ глубоко возмутилъ А. Д.; онъ увидаль въ немъ проявленіе трусости и нежеланіе подвергать себя малѣйшей опасности. Поддавшись чувству раздраженія, онъ на другой день самъ отнесъ карточки фотографамъ. Когда онъ явился въ указанное время къ одному изъ нихъ, жена фотографа, ставъ за спиною мужа, взглянула въ упоръ на А. Д.

¹⁾ «Былое» 1906 г., № 2.

и рукой провела по своей шеѣ, давая ему знать, что ему грозитъ висѣлица. Онъ ушелъ изъ фотографіи, сказавъ, что вернется на слѣдующій день. Когда онъ сообщилъ объ этомъ исполнительному комитету, его рассказъ былъ встрѣченъ возгласами изумленія и недовольства. Ему напомнили его роль оберегателя безопасности партіи¹⁾ и взяли съ него слово болѣе не возвращаться въ фотографію. На другой день, проходя по Невскому мимо проклятаго мѣста, вѣроятно, у него мелькнула мысль, что онъ невѣрно понялъ предупрежденіе жены фотографа, можетъ быть, онъ самъ себя упрекнулъ въ трусости, или же вспомнилъ, какъ счастливо онъ уходилъ отъ всѣхъ опасностей, встрѣчавшихся въ его жизни. Какъ бы то ни было, онъ вошелъ въ фотографію...», а тамъ уже ждала засада, въ которую онъ такъ опрометчиво и попалъ. Бѣжать, скрываться не пришлось; онъ былъ захваченъ, опознанъ, засажень въ Петропавловскую тюрьму и предсталъ передъ лицомъ суда лишь въ 1882 г. по процессу «20-ти народовольцевъ». Такимъ образомъ, Михайлову не пришлось участвовать въ послѣднемъ кровавомъ эпилогѣ, въ принципиальной разработкѣ коего онъ принималъ такое дѣятельное сотрудничество на собраніяхъ по сему предмету. Уже вскорѣ, послѣ казни Прѣснякова и Колодкевича, когда партія убѣдилась, что въ вопросѣ о своемъ отношеніи къ террористамъ и смертной казни правительство не собирается дѣлать уступокъ партіи и либеральнымъ тенденціямъ, Михайловъ рѣшительно высказался за необходимость народовольцамъ напрячь всѣ свои усилія къ тому, чтобы постановленіе липецкаго съѣзда было приведено въ исполненіе, причемъ внутренне подчеркивалъ, что глубоко увѣренъ въ томъ, что на сей разъ «Александръ II не уйдетъ изъ рукъ террористовъ».

Показанія Гольденберга, процессъ шестнадцати террористовъ и арестъ Михайлова были тѣми моментами въ жизни партіи за послѣднее описываемое время, которые раскрыли передъ ней всю опасность ея положенія и необходимость для нея броситься въ рѣшительную борьбу съ личностью и правительствомъ императора Александра II. Партія понимала, что и безъ этой рѣшительности все равно ея дни скоро будутъ сочтены, а потому, пока есть время и наличіе силъ, необходимо дѣйствовать какъ можно энергичнѣе. Но для такого дѣйствованія необходимъ подборъ силъ и извѣстное руководство ими, и вотъ мы видимъ послѣ ареста Михайлова, что во главѣ всей партіи становится какъ бы одно лицо, сосредоточивая въ своемъ руководствѣ ею и всѣ террористическіе планы и всю террористическую тактику. Такимъ лицомъ является А. И. Желябовъ, уже выдвинутый на видное мѣсто липецкимъ и воронежскимъ съѣздами, играющій первенствующую роль во всѣхъ предыдущихъ покушеніяхъ на жизнь Александра II, дающій директивы Халту-

¹⁾ Его въ шутку называли даже «дворникомъ» именно за то, что онъ всегда внимательно слѣдилъ за порядкомъ въ дѣлахъ партіи.

рину, требующій отъ него скорѣйшаго выполненія замысла взрыва Зимняго дворца и являющійся умѣлымъ и настойчивымъ организаторомъ и революціоннаго рабочаго кружка, и кружка революціонной молодежи, которою онъ и руководить въ ея демонстраціи на актѣ 8-го февраля. Можно сказать, безъ особаго преувеличенія, что во весь 80-й и начало 81-го года онъ какъ во фокусѣ сосредоточиваетъ въ себѣ всю террористическую жизнь партіи «Народной Воли», является вездѣсущимъ, всюду поспѣвающимъ и воодушевляющимъ окружающую конспиративную обстановку. Давая свои показанія, Гольденбергъ охарактеризовалъ Желябова, какъ личность «геніальную». Расходясь въ этомъ взглядѣ съ нимъ, прокуроръ Н. В. Муравьевъ въ своей рѣчи по дѣлу 1-го марта, сказалъ ¹⁾: «Если бы я захотѣлъ охарактеризовать личность подсудимаго Желябова такъ, какъ она выступаетъ изъ дѣла, изъ его показаній, изъ всего того, что мы видѣли и слышали здѣсь о немъ на судѣ, то я прямо сказалъ бы, что это необычайно типическій конспираторъ, притомъ заботящійся о цѣльности и сохраненіи типа, о томъ, чтобы все: жесты, мимика, движенія, мысль, слова—все это было конспиративное, все было социальное-революціонное. Это типъ агитатора, не чуждый театральныхъ эффектовъ, желающій до послѣдней минуты драпироваться въ свою конспиративную тогу. Въ умѣ, бойкости, ловкости—подсудимому Желябову, несомнѣнно, отказать нельзя. Конечно, мы не послѣдуемъ за умершимъ Гольденбергомъ, который въ своемъ увлеченіи называлъ Желябова личностью высокообразованною и геніальною. Мы, согласно желанію Желябова, не будемъ преувеличивать его значенія, дадимъ ему надлежащее мѣсто, но вмѣстѣ съ тѣмъ отдадимъ ему и справедливость, сказавъ, что онъ былъ созданъ для роли вожака-злодѣя въ настоящемъ дѣлѣ... Желябовъ называетъ себя агентомъ третьей степени, агентомъ ближайшимъ къ комитету, агентомъ съ большимъ довѣріемъ. Но я полагаю, что со стороны Желябова это излишняя скромность и что если существуетъ соединеніе, присвоивающее себѣ названіе исполнительнаго комитета, то въ рядахъ этого соединенія почетное мѣсто принадлежитъ подсудимому Желябову».

Не впадая въ тонъ оптимизма Гольденберга, близко знавшій Желябова А. В. Тырковъ, участникъ событій 1-го марта, такъ характеризуетъ его ²⁾: «Онъ олицетворялъ собою боевое, наступательное настроеніе партіи. Его имя одно время стало нарицательнымъ, стало синонимомъ крайняго, не останавливающегося ни передъ чѣмъ разрушительнаго настроенія. Исключительность момента и обстановки, при которой онъ предсталъ передъ обществомъ, и нѣкоторыя его личныя черты могли, пожалуй, напугать воображеніе публики. Это мнѣніе о Желябовѣ, раздутое

¹⁾ Н. В. Муравьевъ. «Изъ прошлой дѣятельности», т. 2-й.

²⁾ «Былое» 1906 г., № 5.

еще известной частью прессы, невѣрно уже потому, что исполнительный комитетъ въ своихъ дѣйствіяхъ строго держался мѣры, отлично понимая, какой скользкій путь представляетъ изъ себя терроръ. Я самъ слышалъ отъ Тихомирова, что, по его мнѣнію, исполнительный комитетъ долженъ состоять изъ людей высоконравственныхъ, въ чемъ, разумѣется, и могла только заключаться гарантія этой мѣры.

«Желябовъ былъ высокаго роста, брюнетъ, съ довольно длинной окладистой бородой, красивыми, мелкими чертами лица, небольшими, но живыми, умными глазами. Хорошій ораторъ, живой, дѣятельный, вѣроятно, предприимчивый, съ умѣньемъ бить на эффектъ, когда онъ считалъ это нужнымъ—изъ расчета надѣлать шуму, заставить людей говорить и думать. На видѣнной мной гравюрѣ, изображающей процессъ 1-го марта ¹⁾, Желябовъ сидитъ, облокотившись на что-то, въ полуоборотъ къ суду, внимательно слушая, поддавшись корпусомъ впередъ. Въ этой позѣ, знакомой мнѣ раньше, сказывались напряженный, живой интересъ, нетерпѣніе, готовность напасть или отразить ударъ. Его сфера была улица, люди. Онъ отлично зналъ, что имѣетъ на нихъ вліяніе, и это сознание должно было удовлетворить его чувству, вѣроятно, развитаго самолюбія. Я думаю, ему трудно бывало вдвинуть себя въ рамки партійной дисциплины. Его натура невольно стремилась подчинить себѣ окружающихъ и искала большаго простора для своей дѣятельности, но должна была, если только дѣйствительно существовали эти агрессивныя стремленія, встрѣчать, въ средѣ организациі, отпоръ со стороны людей не менѣе сильныхъ, а, можетъ быть, болѣе глубокихъ, чѣмъ онъ. Въ его глазахъ я замѣчалъ иногда не то радость успѣха, не то чувство прилива и расцвѣта силъ. При первой моей мимолетней встрѣчѣ съ нимъ онъ произвелъ на меня очень сильное впечатлѣніе. Онъ передавалъ чуть ли не свои воспоминанія, вынесенныя съ юга. Я слышалъ только нѣсколько конечныхъ фразъ, но мнѣ хотѣлось бы тогда слушать его безъ конца, такой интересъ возбудилъ онъ во мнѣ и собой и тѣмъ своеобразнымъ освѣщеніемъ, которое онъ придавалъ и природѣ и людямъ въ своемъ разказѣ... Я отмѣчаю этотъ фактъ потому, что только даровитые, оригинальные люди способны такъ сразу захватывать слушателя. Его дѣятельность была весьма разнообразна. Онъ выступалъ на диспутахъ, происходившихъ между народовольцами и чернопредѣльцами; велъ, кажется, дѣло съ рабочими; принималъ участіе въ дѣлахъ центральнаго университетскаго кружка и даже помогалъ составленію самой прокламаціи, брошенной Бернштейномъ. Я слу-

²⁾ Она при семъ прилагается. Снимокъ сдѣланъ съ рисунка карандашомъ, зарисованнаго въ записную книжку покойнымъ генераломъ Несвѣтевичемъ, небезызвѣстнымъ любителемъ-фотографомъ и рисовальщикомъ, на судебномъ разбирательствѣ дѣла о царубійствѣ. Подлинникъ этого рисунка автору удалось видѣть у покойнаго П. Я. Дашкова.

Авт.

чайно присутствовалъ, какъ посторонній человѣкъ, при составленіи этой прокламаціи. Желябовъ велъ себя совершенно какъ равный съ равными, какъ товарищъ. Несмотря на его тактъ, въ немъ была, однако, какая-то жестокость силы, которая сама неудержимо стремится впередъ и толкаетъ передъ собою другихъ».

Вотъ въ руки такого-то жестокаго дѣятеля революціи и попала организація выполненія всего дѣла 1-го марта, въ которомъ, однако, ему, какъ и Михайлову, не пришлось принять непосредственнаго участія. Нужно замѣтить, что на основаніи показаній Гольденберта полиція была хорошо освѣдомлена о роли Желябова въ террористическомъ движеніи и, однако, несмотря на его появленіе во всевозможныхъ сборищахъ, какъ рабочихъ, такъ и учащихся, на университетскомъ актѣ 8-го февраля, поймать его не удавалось. Помогъ по обыкновенію лишь случай. Дѣло въ томъ, что столичная полиція напала на слѣдъ пребыванія въ Петербургѣ тоже одного виднаго дѣятеля революціонной партіи — М. Н. Тригопи, и вотъ что произошло въ связи съ арестомъ послѣдняго, о чемъ самъ онъ повѣствуетъ въ статьѣ «Мой арестъ въ 1881 году»¹⁾.

«Пріѣхаль я въ послѣдній разъ въ Петербургъ въ концѣ января 1881 года и остановился въ меблированныхъ комнатахъ Миссюро на углу Невскаго и Караванной,—говоритъ онъ.—На другой день по пріѣздѣ мнѣ нужно было узнать адресъ у одного моего знакомаго, который служилъ въ конторѣ паровой хлѣбопекарни на Васильевскомъ островѣ. Выйдя изъ дому и пройдя два-три квартала, я взялъ извозчика и отправился на Васильевскій островъ. Пробывъ съ четверть часа у знакомаго, я вышелъ и увидѣлъ, что съ моимъ извозчикомъ разговариваетъ подозрительный человѣкъ. Догадавшись, что это агентъ полиціи, освѣдомляющійся у извозчика о мѣстѣ, откуда онъ меня привезъ, я сѣлъ въ сани и поѣхаль въ университетъ. Расплатившись съ извозчикомъ, я не раньше вышелъ изъ университета, какъ пробывши тамъ довольно продолжительное время.

«Я не ошибся. Въ тотъ же день я узналъ, что за посѣтителями конторы паровой хлѣбопекарни наблюдаютъ. Послѣ этого вплоть до 25-го февраля я ничего особеннаго не замѣчалъ. Утромъ 25-го февраля я обратилъ вниманіе на своего сосѣда по квартирѣ, носившаго флотскую форму отставнаго капитана. Его предупредительность въ оказываніи мнѣ мелкихъ домашнихъ услугъ была настолько подозрительна, что я рѣшилъ перемѣнить квартиру. Но этому не суждено было сбыться.

«Впослѣдствіи стало извѣстно, что рядомъ съ той комнатой, которую я занималъ, былъ помѣщенъ шпіонъ. Еще осенью 1880 года я получилъ извѣстіе изъ Крыма, что меня тамъ разыскиваютъ, но званіе помощника присяжнаго повѣреннаго было такъ удобно для

¹⁾ «Былое» 1906 г., № 3.

конспиративной дѣятельности, что безъ солидныхъ причинъ мнѣ не хотѣлось стать нелегальнымъ. Меркуловъ хотя и былъ уже арестованъ, но тогда еще не началъ выдавать. 27-го февраля я вернулся домой отъ Николая Евгеньевича Суханова въ половинѣ седьмого вечера. Черезъ полчаса входитъ ко мнѣ Желябовъ и, поздоровавшись, говоритъ: «У тебя въ коридорѣ, кажется, полиція». Желябовъ узналъ, въ чемъ дѣло, я сейчасъ же вышелъ въ коридоръ, но едва успѣлъ сказать: «Катя (служанка), принесите самоваръ»,—какъ былъ подхваченъ со всѣхъ сторонъ толпою людей, выбѣжавшихъ изъ противоположнаго пустого номера. Меня отвели въ пустой номеръ, гдѣ сейчасъ же и обыскали. Одновременно былъ арестованъ Желябовъ въ моемъ номерѣ. Минуть черезъ двадцать каждаго изъ насъ посадили съ конвоемъ въ отдѣльную карету и повезли въ канцелярію градоначальника. Градоначальникомъ въ то время былъ Федоровъ. Тамъ же присутствовалъ товарищъ прокурора судебной палаты, состоящій при департаментѣ полиціи,—Добржинскій. Послѣ обычныхъ вопросовъ градоначальникъ спросилъ меня: «какъ фамилія товарища вашего, котораго у васъ арестовали?» На это я ему отвѣтилъ «потрудитесь обратиться съ этимъ вопросомъ къ моему товарищу; въ такихъ учрежденіяхъ я не имѣю обыкновенія говорить о другихъ и отвѣчать за другихъ». На вопросъ товарища прокурора Добржинскаго: «какъ вы могли проживать подъ своимъ именемъ въ то время, когда мы васъ давно разыскиваемъ?»,—я сказалъ, что состою помощникомъ присяжнаго повѣреннаго при одескомъ окружномъ судѣ и найти меня было весьма легко. Въ десятомъ часу вечера насъ повезли въ тѣхъ же каретахъ въ домъ предварительнаго заключенія. Здѣсь, въ конторѣ, въ ожиданіи управляющаго домомъ, который долженъ былъ принять насъ подъ расписку, встрѣтились мы съ Желябовымъ въ послѣдній разъ. Онъ успѣлъ мнѣ сказать, что лишь только онъ вошелъ въ канцелярію градоначальника, какъ товарищъ прокурора Добржинскій встрѣтилъ его восклицаніемъ: «Желябовъ, да это вы!» Желябовъ не нашелъ нужнымъ это отрицать. Добржинскій зналъ Желябова по Одессѣ въ то время, когда Желябовъ привлекался по процессу 193-хъ. По этому процессу Желябовъ былъ оправданъ, но, по возвращеніи въ Одессу, онъ состоялъ подъ надзоромъ полиціи. Мы обнялись, и насъ развели по камерамъ...»

Арестованный, Желябовъ временно хранилъ молчаніе о своей революціонной роли и близости къ замысламъ царубійства, но когда свершилось роковое событіе 1-го марта, когда въ наличіи арестованныхъ оказался въ рукахъ правосудія одинъ Рысаковъ, когда послѣдній, какъ новый и слабый членъ партіи, началъ давать свои изобличительныя показанія, Желябовъ рѣшился на самопожертвованіе и, согласно свойственной ему, по показаніямъ г. Тыркова, склонности въ внѣшней эффектной постановкѣ вопросовъ, подаль

заявленіе прокурору о желаніи дать свои показанія по дѣлу 1-го марта. Онъ добровольно «впуталъ» себя въ дѣло, не будучи его непосредственнымъ въ тотъ день участникомъ, и когда члены партіи и знакомые спрашивали Перовскую, его гражданскую жену: «Зачѣмъ онъ это сдѣлалъ?»—Перовская отвѣчала: «Иначе нельзя было—процессъ противъ одного Рысакова вышелъ бы слишкомъ блѣднымъ». Авторъ брошюры «Революціонные силуэты». Первомартовцы¹⁾ говоритъ, что Желябовъ вступилъ въ дѣло «ради красоты процесса», «чтобы отстоять дѣло, чтобы оставить послѣ процесса воззваніе къ народу, котораго не могъ оставить бѣдный Рысаковъ», и потому, естественно, Желябовъ въ процессѣ держался «той же политики—не жалѣть себя, и въ то же время декоративнѣе обставить дѣло борьбы: это необходимо нужно, чтобы дѣло революціи представлялось послѣ грандіознѣе—больше, чѣмъ оно было въ дѣйствительности». И нужно отдать справедливость Желябову—онъ достигъ желаннаго результата, загипнотизировалъ общество и правительство, благодаря чему то, что было дѣломъ относительно небольшой группы отчаянныхъ людей, долго казалось чѣмъ-то таинственнымъ, зловѣщимъ и грандіознымъ. Въ данномъ случаѣ мы видимъ, что, какъ типъ революціонера, въ своей тактикѣ дѣйствій Желябовъ скорѣе всего подходилъ къ типу Стефановича и Нечаева, тоже считавшихъ необходимымъ, въ интересахъ развитія и успѣха революціонной идеи, бить на эффектъ, пугать воображеніе и гипнотизировать окружающихъ таинственными и широкими перспективами. А потому Желябовъ и въ своихъ показаніяхъ на судѣ все бралъ въ увеличенномъ масштабѣ и недаромъ же его тянуло въ крѣпость къ Нечаеву съ предложеніемъ послѣднему на выборъ: или освобожденіе его съ товарищами по заключенію изъ оковъ казематовъ, или дѣло цареубійства. На оба эти одновременныя дѣйствія, при наличіи тогдашнихъ средствъ и обстоятельствъ, онъ не рассчитывалъ, и когда, какъ намъ уже извѣстно, Нечаевъ, жертвуя собою, предпочелъ цареубійство, Желябовъ отдалъ себя всецѣло выполненію этой задачи.

VI.

Но выполнить ее отъ начала до конца ему не было суждено: онъ соорганизовалъ лишь дѣло, намѣтилъ его исполнителей, намѣтилъ общую схему этого выполненія, но принять въ актъ цареубійства непосредственное участіе вслѣдствіе своего ареста ему не удалось. Закончить начатое имъ дѣло взяла на себя самый близкій ему по уму и сердцу человекъ, Софья Перовская, сошедшая съ нимъ въ нелегальномъ ихъ житіи, какъ жена. Съ именемъ

---

¹⁾ Изд. «Новая Правда», кн. восьмая

этой видной дѣятельницы революціи намъ на протяженіи настоящихъ очерковъ приходилось встрѣчаться уже не разъ, сначала въ качествѣ мирной пропагандистки, затѣмъ организаторши неудавшагося побѣга Войноральскаго, затѣмъ какъ съ участницей съѣздовъ революціонеровъ въ Липецкѣ и Воронежѣ, и, наконецъ, какъ съ лицомъ, принявшимъ самое дѣятельное участіе наравнѣ съ Гартманомъ въ взрывѣ желѣзнодорожнаго полотна подь Москвою. Въ цитированной уже брошюрѣ «Революціонные силуэты» дана слѣдующая ея характеристика:

«Ясный и проницательный (умъ), онъ обладалъ столь рѣдкой у женщинъ философской складкой, проявляющейся въ умѣннн не только прекрасно понять данный вопросъ, но и разобрать его всегда въ соотношеніи со всѣми отъ него проистекающими вопросами. Откуда происходила у Перовской, съ одной стороны, рѣдкая твердость убѣжденій, которыхъ не могли поколебать ни софизмы, ни преходящія впечатлѣнія дня,—что, при лихорадочной быстротѣ нашей политической жизни, давало поводъ обвинять ее даже въ нѣкоторомъ консерватизмѣ,—съ другой, необыкновенное искусство въ спорахъ, какъ теоретическихъ, такъ и практическихъ. Трудно было встрѣтить болѣе стойкаго и искуснаго діалектика, чѣмъ Перовская. Разсматривая свой предметъ со всѣхъ точекъ зрѣнія, она имѣла большое преимущество передъ своими противниками, потому что обыкновенно каждый разсматриваетъ его съ одной какой-нибудь стороны, указываемой личными склонностями и симпатіями.

«Другимъ проявленіемъ той же широты и разносторонности являлась чрезвычайная трезвость ея ума. Она видѣла всѣ вещи въ настоящемъ свѣтѣ и въ настоящую величину, и своей логикой безъ всякой пощады разбивала иллюзіи своихъ болѣе восторженныхъ товарищей. Черная въ чувствѣ долга ту твердость и постоянство, которыя людямъ болѣе слабымъ даются фиктивными надеждами, она никогда не преувеличивала ничего и не придавала дѣятельности своей или своихъ товарищей большого значенія, чѣмъ она имѣла на самомъ дѣлѣ. Потому она всегда стремилась расширить ее, отыскивая новые пути и способы дѣйствія, вслѣдствіе чего бывала всегда однимъ изъ наиболѣе дѣятельныхъ инициаторовъ во всѣхъ организаціяхъ, въ которыхъ состояла членомъ. Такъ, переходъ отъ пропаганды среди молодежи къ пропагандѣ среди рабочихъ, совершенный кружкомъ чайковцевъ въ 1871—72 годахъ, былъ въ значительной степени результатомъ ея настойчивости. Когда же этотъ переходъ былъ осуществленъ, и дѣло пропаганды на столичныхъ фабрикахъ приняло необыкновенно широкіе для того времени размѣры и увлекло весь кружокъ, она была изъ первыхъ, настаивавшихъ на необходимости слѣдующаго шага—перехода изъ городовъ въ деревни, такъ какъ понимала, что въ Рос-

сіи можетъ имѣть будущность лишь такая партія, которая сумѣетъ сблизиться съ крестьянствомъ. И потомъ, будучи уже членомъ организаціи «Народной Воли», она всегда стояла за расширение революціонной пропаганды не только въ средѣ городскихъ рабочихъ, что въ значительной степени выполнялось организаціей, но и за распространіе ея и на деревенское населеніе.

«Однако, это вѣчное недовольство, вѣчное исканіе чего-нибудь новаго, лучшаго было въ ней исключительно результатомъ сильной

Николай Ивановичъ Кибальчичъ.

критической мысли, а не черезчуръ пламеннаго воображенія, дѣлающаго человѣка неспособнымъ удовлетвориться какой бы то ни было реальностью, какъ это бываетъ у романтическихъ натуръ. Этого романтизма, способнаго побудить иныхъ людей на великіе подвиги, но обыкновенно заставляющаго тратить жизнь въ безплодныхъ грезахъ, у Перовской не было и слѣда. Она была человѣкъ слишкомъ положительный, чтобы жить въ мірѣ химеръ, и слишкомъ энергичный, чтобы стоять, скрестивши руки. Она брала

жизнь такую, какова она есть, стараясь сдѣлать наиболѣе возможное въ данный моментъ. Бездѣятельность была для нея величайшимъ мученіемъ».

Когда народилась партія «Народной Воли», то Софія Перовская долго колебалась, примкнуть ли ей къ новому направленію, отодвигавшему на второй планъ чисто-соціалистическую дѣятельность. Но, повидимому, главнымъ образомъ Желябовъ ее «обломалъ», и она стала одною изъ самыхъ дѣятельныхъ участницъ новаго движенія и помощницею своего новаго друга, явившагося на ея жизненномъ пути ея первою и единственною любовью. Она съ тѣхъ поръ, по свидѣтельству автора все той же брошюры, «принимаетъ дѣятельное участіе почти во всѣхъ выплывшихъ наружу покушеніяхъ и во многихъ другихъ, оставшихся неизвѣстными, и она была самымъ полезнымъ человѣкомъ во всѣхъ организаціонныхъ работахъ, потому что при своемъ холодномъ, пронизательномъ умѣ умѣла предвидѣть, оцѣнить и взвѣсить самыя ничтожныя мелочи, отъ которыхъ часто зависитъ успѣхъ или неуспѣхъ предпріятій наиболѣе грандіозныхъ.

«Въ теченіе 11 лѣтъ стоитъ она на бреши, присутствуя при огромныхъ потеряхъ и огромныхъ разочарованіяхъ, и все-таки вновь и вновь бросается она въ самую жестокую сѣчу...

«Софія Перовская была не только руководителемъ и организаторомъ: она первая шла въ огонь, жаждая наиболѣе опасныхъ постовъ. Это-то и давало ей, быть можетъ, такую власть надъ сердцами. Съ бою отнимаетъ она мѣсто хозяйки дома въ московскомъ подкочѣ у другой женщины-бойца, Якимовой, требовавшей, чтобы оно было дано ей. Лишь послѣ долгаго сопротивленія соглашается она уступить мѣсто хозяйки сыроварни въ подкочѣ на Садовой. Когда въ московскомъ покушеніи участники рѣшаютъ оставить ее въ домѣ, чтобы слѣдить за прибытіемъ императорскаго поѣзда и дать сигналъ къ взрыву, прощаясь со своими товарищами по работѣ, покидавшими роковой домъ, она говоритъ наединѣ одному изъ нихъ: «счастлива, очень счастлива», что это порученіе выпало на ея долю.

«Что же касается до рѣшительности и хладнокровія въ исполненіи, то трудно, а, можетъ быть, и невозможно найти слова, достаточно сильныя, чтобы выразить ихъ. Довольно вспомнить, что въ московскомъ покушеніи всѣ шесть или восемь мужчинъ рабочихъ, которые, конечно, не были первыми встрѣчными, поручили именно Перовской воспламенить выстрѣломъ изъ револьвера бутылку съ нитроглицериномъ, чтобы взорвать все и всѣхъ, въ случаѣ, если бы полиція явилась ихъ арестовывать.

«Рѣшенія исполнительнаго комитета относительно предстоящаго покушенія должны были по необходимости ограничиться самими общими чертами. Слѣдуетъ при этомъ замѣтить, что въ

виду недостаточнаго изслѣдованія недавно изобрѣтенныхъ бомбъ Кибальчича, метальщиковъ рѣшено было употребить лишь въ видѣ резерва на случай неудачи взрыва на Садовой,—и только въ крайнемъ случаѣ отдѣльно.

«Подробности примѣненія этого плана были предоставлены Перовской, и когда, стоя на своемъ посту, она узнала, что царь направился новой дорогой, она поняла, что этотъ крайній случай наступилъ, и уже по собственной инициативѣ, по глазомѣру перемѣнила передъ лицомъ непріятеля фронтъ выбрала новую позицію и быстро заняла ее своимъ резервомъ — метальщиками».

Благодаря этому-то маневру, террористамъ и удалось, наконецъ, осуществить свой кровавый замыселъ. Оцѣнивая дѣятельность Перовской въ день 1-го марта, Н. В. Муравьевъ далъ такую ея характеристику. Онъ сказалъ въ своей обвинительной рѣчи ¹⁾: «Въ 1880 г. мы находимъ ее въ конспиративномъ сожительствѣ съ Желябовымъ, на квартирѣ въ домѣ № 17—18 по 1-й ротѣ Измайловскаго полка, и на основаніи этого сожительства, на основаніи ея участія въ послѣднемъ заговорѣ, мы имѣемъ основаніе предположить, что и она находилась подъ вліяніемъ Желябова, заставлявшимъ ее итти за собою и дѣлавшимъ изъ нея слѣпое орудіе его. Несомнѣнно, Перовская получила большое соціально-революціонное развитіе. Въ настоящее время она умѣетъ говорить слова, на которыхъ лежитъ печать этой науки. Она складно излагаетъ теорію соціально-революціоннаго ученія, и этому нечего удивляться: она прошла хорошую школу. Я не могу перейти къ прочимъ подсудимымъ, не указавъ на то, что въ участіи въ преступленіи Перовской есть черта, которую выбросить нѣтъ возможности. Мы можемъ представить себѣ политическій заговоръ, можемъ допустить, что этотъ заговоръ употребляетъ средства самыя жестокія, самыя возмутительныя, мы можемъ представить себя, что женщина участвуетъ въ этомъ заговорѣ, но чтобы женщина становилась во главѣ заговора, чтобы она принимала на себя распоряженіе всѣми подробностями убійства, чтобы она съ циническимъ хладнокровіемъ разставляла метальщиковъ, чертила планъ и показывала, гдѣ имъ становиться, чтобы женщина, сдѣлавшись душою заговора, бѣжала смотрѣть на его послѣдствія, становилась въ нѣсколькихъ шагахъ отъ мѣста злодѣянія и любовалась дѣломъ рукъ своихъ—такую роль женщины нравственное чувство отказывается понимать».

Выполняя начинаніе Желябова, Перовская воспользовалась всѣми средствами, выработанными ея арестованнымъ другомъ, и нашла въ лицѣ Богдановича-Кобозева, Кибальчича, Тимоея Михайлова, Рысакова и Гриневицкаго такихъ помощниковъ, на которыхъ она могла положиться и которые оправдали и ея надежды и выборъ

¹⁾ Н. В. Муравьевъ. «Изъ прошлой дѣятельности». «Истор. вѣстн.», декабрь, 1910 г., т. сxxii.

Желябова. Совершивъ свое кровавое дѣло, Перовская оставалась наружно спокойною, но, узнавъ о показаніи своего руководителя, понимая, какой отвѣтственности онъ себя подвергаетъ, она въ недолгіе дни своей свободы металась по городу, какъ подстрѣленная птица, пока собственный арестъ ее не успокоилъ и не далъ ей тѣмъ самымъ до послѣдняго жизненнаго вздоха возможность связать на висѣлицѣ и свой трагическій конецъ съ любимымъ человѣкомъ. Спокойно дала она ему на позорномъ эшафотѣ послѣдній поцѣлуй и тѣмъ какъ бы запечатлѣла свою роль въ исторіи революціоннаго движенія на одну страницу съ тѣмъ, кому такъ страстно отдалась. Имена Желябова и Перовской стали въ лѣтописяхъ русской революціи неразрывными.

VII.

Въ ближайшей связи съ политическими процессами въ маѣ и октябрѣ 1880 года и въ особенности въ связи съ послѣдовавшими казнями Квятковскаго и Прѣснякова созрѣло окончательное рѣшеніе исполнительнаго комитета партіи «Народной Воли» стянуть всѣ свои главнѣйшія силы для совершенія новаго начинанія царевубійства. Въ своихъ воспоминаніяхъ «Къ событію 1-го марта 1881 года» А. В. Тырковъ, бывший членомъ университетской революціонной организаціи, даетъ по сему слѣдующія указанія¹⁾. Онъ повѣствуетъ: «Однажды, въ началѣ ноября восьмидесятаго года ко мнѣ зашелъ Л. Тихомировъ и предложилъ принять участіе въ наблюденіяхъ за выѣздами царя. Тихомировъ предполагалъ пригласить, кромѣ меня, Елизавету Николаевну Оловенникову и, кажется, Тычинина. Партія, по его словамъ, одобрила этотъ выборъ, и дѣло было за нашимъ согласіемъ. Мы всѣ трое согласились. Очень скоро было назначено засѣданіе наблюдательнаго отряда, т. е. кружка лицъ, которыя должны были наблюдать за выѣздами царя. На этомъ засѣданіи присутствовали: Тихомировъ, Перовская, Гриневицкій, Рысаковъ, Оловенникова, Тычининъ, я и еще студентъ петербургскаго университета С., оставшійся нераскрытымъ. Рысаковъ былъ для нѣкоторыхъ изъ насъ человѣкомъ новымъ. Его познакомили съ нами подъ кличкой «Николай». Фамиліи Оловенниковой и Тычинина скоро стали извѣстны Рысакову, такъ какъ въ ихъ квартирахъ преимущественно происходили наши собранія. Меня Рысаковъ зналъ или, скорѣе, долженъ былъ знать тоже подъ какой-то кличкой. Но какъ-то разъ Перовская по ошибкѣ назвала меня моимъ настоящимъ именемъ, и Рысаковъ это замѣтилъ. На первомъ засѣданіи Рысаковъ велъ себя странно: нервничалъ, смѣялся совершенно некстати. Видно было что ему не по себѣ, что онъ вол-

¹⁾ Былое» 1906 г., № 5.

нуется. Я обратилъ вниманіе Перовской на его состояніе, но она отвѣтила, что это вполнѣ вѣрный человѣкъ, что за него ручается Тарасъ (Желябовъ). Потомъ Рысаковъ велъ себя спокойнѣе, такъ что рѣчь о немъ больше не заходила.

«Нашъ отрядъ долженъ быть опредѣлить, въ какое время, по какимъ улицамъ и насколько правильно царь совершаетъ свои выѣзды и поѣздки по городу. Наблюденія рѣшено было вести каждый день двумъ лицамъ, по установленному напередъ распisanію. Каждый изъ двухъ долженъ былъ наблюдать до извѣстнаго часа, послѣ чего на смѣну ему выходилъ бы его товарищъ. Пары наблюдателей должны были чередоваться каждый день. Эта система царь съ постоянной смѣной очередей и порядка имѣла въ виду замаскировать наблюденія. Тихомировъ на дальнѣйшихъ засѣданіяхъ не бывалъ. На нѣсколькихъ присутствовалъ Желябовъ. Онъ хотѣлъ, вѣроятно, на основаніи нашихъ словъ составить себѣ болѣе ясное представленіе о всей обстановкѣ выѣздовъ. Засѣданія отряда происходили разъ въ недѣлю. Главная роль принадлежала Перовской, которая записывала результаты наблюденій. Первое время наблюдать было трудно, такъ какъ не было еще извѣстно, когда государь выѣзжаетъ, поэтому приходилось долѣе слѣдить за дворцомъ. Но скоро мы опредѣлили время и обычное направленіе поѣздки. Обыкновенно царь выѣзжалъ изъ дворца около половины второго и направлялся въ Лѣтній садъ. Онъ ѣздилъ въ каретѣ, окруженный шестью всадниками изъ конвоя Его Величества, на великолѣпныхъ лошадяхъ, очень быстро. Двое изъ этихъ всадниковъ прикрывали собою дверцы кареты. Изъ Лѣтняго сада онъ или возвращался прямо во дворецъ, что бывало рѣдко, или заѣзжалъ куда-нибудь, безъ соблюденія правильности. Таковъ былъ маршрутъ по буднямъ. По воскресеньямъ государь ѣздилъ въ Михайловскій манежъ на разводъ. Путь его лежалъ обыкновенно по Невскому, а оттуда по Малой Садовой. Время выѣздовъ соблюдалось съ пунктуальной точностью. Первый изъ насъ наблюдалъ обыкновенно изъ дворца до Лѣтняго сада или манежа, второй—отъ Лѣтняго сада или манежа до возвращенія государя домой. По его пути расхаживала многочисленная охрана изъ какихъ-то штатскихъ, вѣроятно, сыщиковъ.

«Перовская не только отбирала отъ насъ свѣдѣнія, но и сама участвовала съ нами въ наблюденіяхъ. Изъ манежа царь возвращался домой мимо Михайловскаго театра по Екатерининскому каналу. Перовская первая замѣтила, что на поворотѣ отъ Михайловскаго театра на Екатерининскій каналъ кучеръ задерживаетъ лошадей, и карета ѣдетъ почти шагомъ. Рассказывая намъ объ этомъ на ближайшемъ засѣданіи, она прибавила: «Вотъ удобное мѣсто!» Для меня ея замѣчаніе стало понятно только въ день 1 марта. Планъ нападенія не всѣмъ былъ извѣстенъ, такъ какъ по требованію

конспираціи въ него не посвящали тѣхъ, кому незачѣмъ было о немъ знать. Наблюденія продолжались безъ перерыва приблизительно до двадцатыхъ чиселъ февраля. Они послужили основаніемъ для опредѣленія мѣста закладки мины и нападенія метальщиковъ.

«По плану исполнительнаго комитета покушеніе на государя должно было произойти или изъ лавки Кобозева по Малой Садовой путемъ взрыва мины, заложеной подъ мостовую, или ручными бомбами. Мѣстомъ для нападенія былъ намѣченъ именно тотъ своротъ на Екатерининскомъ каналѣ, на который Перовская обратила вниманіе. Метальщики должны были выйти на Екатерининскій каналъ къ извѣстному часу и появиться въ извѣстномъ порядкѣ, т. е. самая очередь метанія бомбъ была приблизительно намѣчена заранее. Такъ по крайней мѣрѣ передавалъ мнѣ одинъ изъ метальщиковъ, Емельяновъ, съ которымъ мнѣ пришлось познакомиться въ первый разъ уже въ московской пересыльной тюрьмѣ. Онъ же говорилъ, что первую бомбу долженъ былъ, согласно очереди, бросить Тимошей Михайловъ, а Рысакова предполагали поставить на послѣднее мѣсто, т. е., какъ говорилъ Емельяновъ, ему хотѣли дать понюхать пороху. Вспоминаю теперь, что Перовская указывала еще на пустынность Екатерининскаго канала. Здѣсь, слѣдовательно, представлялось меньше всего шансовъ задѣть взрывомъ прохожихъ».

Таковы показанія относительно приготовленія къ цареубійству одного изъ его соучастниковъ, на кого была возложена обязанность выслѣживанія выѣздовъ императора Александра. Такія же характерныя черты этой подготовительной организаціи мы почерпаемъ и изъ некролога Гриневицкаго, состоявшаго въ отрядѣ «метальщиковъ» и нанесшаго государю смертоносныя раны. По словамъ некролога ¹⁾, Гриневицкій былъ однимъ изъ энергичнѣйшихъ пропагандистовъ среди рабочихъ въ періодъ 1880—1881 гг. «Изо дня въ день, изъ мѣсяца въ мѣсяць, онъ ходилъ изъ одного рабочаго кружка въ другой. Однимъ приносилъ книги, другимъ объяснялъ прочитанное ими, говорилъ о современной борьбѣ рабочихъ на Западѣ, о социализмѣ, о необходимости борьбы рабочихъ, о свѣтломъ будущемъ свободной Россіи». Когда по инициативѣ Желябова, Кокковского, Франжоли была основана въ 1880 года «Рабочая Газета», которая печаталась въ конспиративной квартирѣ по Троицкой улицѣ, хозяева которой были Геся Гельфманъ и Маркаръ Тетерка, Гриневицкій явился однимъ изъ главныхъ типографскихъ рабочихъ этой газеты. «Но пропаганда среди рабочихъ не поглощала всего времени Гриневицкаго... Въ Петербургѣ въ то время закладывались мины подъ Каменнымъ мостомъ, рылся подкопъ подъ Малой Садовой, вырабатывались планы нападенія на

¹⁾ «Русская историческая бібліотека», № 4.

царя съ динамитными бомбами, слѣдили за выѣздами царя... Въ нѣкоторыхъ изъ тогдашнихъ террористическихъ дѣлъ принималъ участіе и Гриневицкій. Онъ, напримѣръ, всю зиму подъ руководствомъ Перовской, вмѣстѣ съ Рысаковымъ, принималъ участіе въ выслѣживаніи царя. Въ началѣ 1881 года на его долю выпало принять участіе въ покушеніи на жизнь Александра II. Еще съ осени 1880 года, въ виду неудачъ предшествующихъ покушеній

Тимофей Михайловичъ Михайловъ.

на царя, исполнительный комитетъ организовалъ спеціальную комиссію изъ техниковъ для выработки наиболѣе вѣрныхъ плановъ цареубійства. Въ этой комиссіи принимали участіе Кибальчичъ, Исаевъ, Грачевскій, Сухановъ и др. Большинство комиссіи, какъ и большинство членовъ исполнительнаго комитета, стояли за подкопъ подъ одну изъ петербургскихъ улицъ, по которой царь имѣлъ обыкновеніе проѣзжать. На этой идеѣ остановились. Для подкопа назначили много силъ, средствъ и на него возложили всѣ свои главныя надежды. Для подкопа была избрана Малая Садовая улица».

Въ концѣ декабря 1880 года по Малой Садовой была нанята сырная лавка. Перовская добивалась, въ видѣ особой «чести», быть хозяйкой лавки, какъ она была хозяйкой дома Сухорукова, откуда велся подкопъ подъ полотно, при московскомъ взрывѣ. Но это ей не досталось въ удѣлъ, и хозяйкой была избрана Якимова, а хозяиномъ Юрій Богдановичъ-Кобозевъ. За рытье подкопа взялись, кромѣ хозяевъ лавки, еще Гриневицкій, Колоткевичъ, Баранниковъ, Желябовъ, Саблинъ, Тригони, Лангансъ, Грачевскій, Сухановъ, Кибальчичъ и др. По этимъ именамъ, пользовавшимся въ партіи репутацией самыхъ видныхъ ея членовъ, усматривается, какое значеніе придавалъ исполнительный комитетъ подкопу подъ Малой Садовой, откуда долженъ былъ послѣдовать «центральный ударъ» въ проѣзжавшаго государя. По словамъ некролога Гриневицкаго, «въ технической комиссіи, а еще болѣе въ средѣ самого исполнительнаго комитета, раздавались отдѣльные голоса за совершеніе покушенія съ помощью метательныхъ снарядовъ. Надѣялись—и вполнѣ достигли этого, какъ показалъ опытъ,—изобрѣсти такого рода бомбы, которыя неизбѣжно разрывались бы при бросаніи ихъ, какъ бы онѣ ни упали. Проектировали вооружить этими бомбами возможно большее количество метальщиковъ. Но такъ на метательные снаряды смотрѣли тогда очень немногіе изъ народовольцевъ. Наиболѣе горячо за метательные снаряды стояли Желябовъ, Гриневицкій, потомъ Тригони. Самъ Кибальчичъ считалъ «иллюзіей» проектъ царевубійства исключительно посредствомъ бомбъ, безъ помощи подкопа.

«Къ концу февраля 1881 года партія понесла крупныя потери. Были арестованы Колоткевичъ, Баранниковъ, Клѣточниковъ, Морозовъ. До правительства дошли извѣстія о готовящемся подкопѣ подъ какую-то улицу, о проектахъ народовольцевъ напасть на царя съ бомбами. Исполнительный комитетъ сталъ торопиться съ приготовлениями къ царевубійству. Для этого съ 20-го февраля устроили специальную конспиративную квартиру на Тѣлежной улицѣ; ея хозяевами были Саблинъ и Геся Гельфманъ. На этой квартирѣ Кибальчичъ читалъ «лекціи» метальщикамъ между прочимъ Гриневицкому и Рысакову, о метательныхъ снарядахъ, ихъ устройствѣ, силѣ дѣйствія, условіяхъ, при которыхъ они должны разорваться, и т. д. За недѣлю до 1-го марта метальщики ѣздили за Парголово для пробы снарядовъ. 28-го февраля Кибальчичъ, Гриневицкій, Рысаковъ и Тимоеѣй Михайловъ ѣздили для той же цѣли за Смольный монастырь. Тамъ Михайловъ бросилъ бомбу,—она разорвалась. 26-го февраля, въ четвергъ, на квартиру Гриневицкаго собрались Желябовъ, Перовская, Рысаковъ, Тимоеѣй Михайловъ. Это было одно изъ послѣднихъ собраній для обсужденія предстоящаго черезъ нѣсколько дней нападенія на царя».

Въ эти же дни Гриневицкій, предвидя свою неминуемую гибель въ томъ кровавомъ кошмарѣ, на участіе въ которомъ, по вызову Желябова, онъ себя предназначилъ, составилъ завѣщаніе товарищамъ, гдѣ, между прочимъ, говоритъ: «Александръ II долженъ умереть. Дни его сочтены. Мнѣ или другому кому придется нанести послѣдній ударъ, который гулко раздастся по всей Россіи и эхомъ откликнется въ отдаленнѣйшихъ уголкахъ ея,—

Игнатій Іоакимовичъ Гриневицкій.

это покажетъ недалекое будущее. Онъ умретъ, а вмѣстѣ съ нимъ умремъ и мы, его враги, его убійцы. Это необходимо для дѣла свободы». Далѣе онъ говоритъ, что этимъ убійствомъ, несомнѣнно, не достигнется цѣль сверженія неограниченной монархіи и что въ будущемъ Россіи суждено будетъ покрыться кровью, безъ пролитія которой въ исторіи никогда не достигалось осуществленіе свободъ, но—продолжаетъ онъ— «мнѣ не придется участвовать въ послѣдней борьбѣ. Судьба обрекла меня на раннюю гибель, и я не увижу побѣды, не буду жить ни одного дня, ни часа въ свѣтлое время

торжества, но считаю, что своею смертью сдѣлаю все, что долженъ былъ сдѣлать, и большаго отъ меня никто, никто на свѣтѣ требовать не можетъ. Дѣло революціонной партіи зажечь скопившійся уже горячій матеріалъ, бросить искру въ порошокъ и затѣмъ принять мѣры къ тому, чтобы возникшее дѣло кончилось побѣдою...»

VIII.

Итакъ, мы видимъ, что партія «Народной Воли» въ столицѣ, мѣстѣ пребыванія государя императора, даже послѣ свѣдѣній о движеніи революціи, добытыхъ отъ Гольденберга, ведетъ широкую агитацію въ пользу цареубійства; Желябовъ на собраніяхъ въ Троицкой улицѣ «бросаетъ кличъ», и на этотъ ужасный кличъ отзывается свыше сорока человѣкъ, предлагающихъ обогреть свои руки царской кровью, но онъ отбираетъ лишь четверыхъ, въ рѣшимость которыхъ онъ твердо вѣритъ— Тимоея Михайлова, Рысакова, Емельянова, Гриневицкаго; Перовская съ ноября по конецъ февраля организуетъ парныя посмѣнные систематическія выслѣживанія выѣздовъ Александра II; за городомъ устраиваются пробныя репетиціи предстоящаго бомбометанія; въ центрѣ города, почти на углу Невскаго и нынѣшней Екатерининской, снимается декоративная сырная торговля, откуда Богдановичъ-Кобозевъ, опытный техникъ и изобрѣтатель¹⁾, ведетъ подкопъ траншеей... Цѣлый рядъ такимъ образомъ сложныхъ дѣйствій, съ массой участвующихъ въ немъ лицъ, съ цѣлымъ рядомъ квартиръ, и все это остается внѣ вѣдѣнія высшей администраціи и многочисленной столичной полиціи, призванной въ тяжелыя години охранять личность государя императора, на что тратились государствомъ значительныя средства! Правда, почти четверть вѣка спустя, въ наши уже дни и на нашихъ глазахъ, небрежность, малодушіе и безталанность администраціи проявились въ той же жалкой степени, но въ данномъ случаѣ хоть косвеннымъ извиненіемъ (но не оправданіемъ) служило то, что какъ будто всѣ потеряли головы послѣ несчастной русско-японской войны, нанесшей Россіи такія тяжкія раны. Но тогда въ 1881 г. этихъ ранъ не было, страна, если и обрѣталась въ состояніи застоя, то этотъ застой только сознавался, но не проявлялъ себя въ какой-либо бурной и опасной формѣ, и все было настолько спокойно, что о затменіи умовъ не могло быть и рѣчи. И тѣмъ не менѣе власть допускала совершиться всему съ неумолимой послѣдовательностью, какъ то намѣчалъ исполнительный комитетъ съ Желябовымъ во

¹⁾ Между прочимъ любопытно отмѣтить, что Богдановичъ еще тогда предугадывалъ общіе принципы теперешнихъ аэроплановъ. Имъ были составлены по сему предмету обстоятельныя и детальныя чертежи, но они погибли при его арестѣ и, кажется были уничтожены.

главѣ... Позорнѣе и грустнѣе картину трудно себѣ представить и тѣмъ болѣе, что какія-то анонимныя донесенія, несомнѣнно, изъ круговъ или отъ лицъ, стоявшихъ близко къ дѣлу революціи, шли къ правительству Лорисъ-Меликова, съ предупрежденіемъ и о подкопѣ, и о бомбахъ, и о планахъ цареубійства. Эти донесенія были настолько вѣски, что въ нихъ даже указывались дни и числа, когда Александръ II долженъ погибнуть въ кровавомъ вихрѣ, организуемомъ террористами. И, однако, въ мѣропріятіяхъ властей не наблюдается чего-либо напряженнаго, экстреннаго, не усматривается того необходимаго страстнаго порыва, который бы спасъ несчастнаго самодержца, порыва, равнаго тому, съ какимъ шли на него его враги. Царь былъ преданъ небрежностью и легкомысліемъ своихъ приближенныхъ, апатичностью своихъ подданныхъ, и пролитая кровь его въ день 1-го марта ложится позорнымъ пятномъ на всю Россію, на всю ея исторію: видимо, въ торжественные соотвѣтствующіе дни Россія возносила формальныя моленія о благоденствіи своего царя, но не молилась всей силою молитвы, подносила ему многочисленныя адреса, съ показнымъ выраженіемъ любви и преданности, но въ сердцѣ своемъ любви этой не носила, ибо какъ вѣра, такъ и любовь безъ дѣлъ мертвы, и... величайшая во всемірной исторіи несправедливость свершилась: царь-реформаторъ, царь-освободитель, одинъ изъ самыхъ блестящихъ вѣнценосцевъ нашей исторіи, палъ среди бѣлаго дня, въ своей столицѣ отъ руки небольшой кучки фанатиковъ, предводимыхъ женщиною... А вмѣстѣ съ тѣмъ была, какъ никакъ, возможность сохранить его на благо Россіи, на благо тѣхъ новыхъ реформъ, начало которымъ онъ положилъ своею послѣднею подписью на всеподданнѣйшемъ представленіи графа Лорисъ-Меликова, о чемъ мы говорили въ предыдущей части нашихъ очерковъ. Эта возможность была, ибо донесенія достаточно ясно указывали на Малую Садовую, какъ на опасное для царскаго проѣзда мѣсто. Обслѣдовавъ настоящимъ образомъ эту небольшую улицу, несомнѣнно, обнаружили бы и подкопъ, ведомый Богдановичемъ, и гостей-террористовъ, его посѣщавшихъ, и тѣхъ постоянныхъ соглядатаевъ, которые изучали царскіе выѣзды. Къ этому обслѣдованію было даже приступлено, но и тутъ во всей силѣ сказались въ столь важный историческій моментъ російская небрежность и индифферентизмъ, вѣчно прикрытые стереотипомъ: «все обстоитъ благополучно».

Какъ выяснилось изъ обвинительнаго акта по дѣлу «17 народовольцевъ» въ 1883 г.¹⁾, «въ началѣ декабря 1880 года подвальное помѣщеніе въ домѣ графа Менгдена по Малой Садовой улицѣ было нанято подъ сырную лавку за 1200 р. въ годъ крестьяниномъ Евдокимомъ Ермолаевымъ Кобозевымъ, который тотчасъ же, при по-

¹⁾ Былое» 1906 г., № 10.

средствѣ нанятыхъ имъ рабочихъ, принялся отдѣлывать помѣщеніе.

«Въ первой комнатѣ, имѣвшей выходъ на Малую Садовую улицу, были устроены: прилавокъ и вдоль задней и боковыхъ стѣнъ полки, забранныя внизу досками, а самыя стѣны были оклеены обоями. Въ сосѣдномъ отдѣленіи подвала, имѣвшемъ два окошечка на Малую Садовую улицу и предназначавшемся для жилья, были также сдѣланы разныя поправки и, между прочимъ, наружная стѣна была обшита тесомъ.

«7-го января 1881 г. Евдокимъ Кобозевъ вмѣстѣ съ женщиной, называвшейся его женой Еленой Федоровой, переѣхалъ въ новое помѣщеніе изъ дома № 11 по Невскому проспекту, гдѣ онъ проживалъ съ женой въ меблированныхъ комнатахъ, содержимыхъ крестьянкой Маргаритой Афанасьевой.

«Вскорѣ послѣ открытія лавки, называвшіеся супругами Кобозевыми обратили на себя вниманіе какъ сосѣднихъ торговцевъ, такъ и мѣстной полиціи неумѣлымъ веденіемъ дѣла, приѣмами и привычками, не соотвѣтствовавшими ихъ занятію и несвойственными простымъ торговцамъ. Кобозевъ казался человѣкомъ, стоявшимъ гораздо выше состояніемъ, жена же его ходила въ шляпкѣ, курила папиросы и часто не ночевала дома.

«Вмѣстѣ съ тѣмъ мѣстная полиція обратила вниманіе на то обстоятельство, что лавку Кобозевыхъ посѣщали какіе-то подозрительные люди, которые, уходя поздно ночью, видимо, старались не быть замѣченными дворниками. Одна изъ такихъ личностей, будучи прослѣжена околоточнымъ надзирателемъ Исаемъ Дмитріевымъ, скрылась отъ него на извозчикѣ-лихачѣ.

«Вслѣдствіе павшаго, по вышеуказаннымъ основаніямъ, на лавку Кобозевыхъ подозрѣнія, въ помѣщеніи лавки 28-го февраля 1881 г. былъ произведенъ мѣстною полицією, при участіи техника Мравинскаго, осмотръ, который, однако, не далъ никакихъ результатовъ. Тѣмъ не менѣе во время осмотра, по удостовѣренію бывшаго участковаго пристава Теглева и дворника Самойлова, Кобозевъ казался смущеннымъ и былъ блѣденъ, «какъ смерть».

«Все изложенное удостовѣрено показаніями спрошенныхъ при дознаніи: бывшаго пристава Теглева, помощника его Лерепланда, управляющаго домомъ графа Менгдена Петерсона, дворника Самойлова, околоточнаго надзирателя Дмитріева, Маргариты и Екатерины Афанасьевыхъ и государственнаго преступника Рысакова, а равно протоколами осмотровъ домовыхъ книгъ дома графа Менгдена по Малой Садовой ул. и д. № 75 по Невскому проспекту.

«4-го марта 1881 г., вслѣдствіе заявленія дворниковъ дома графа Менгдена о томъ, что содержатель сырной лавки Кобозевъ съ женой скрылись изъ занимаемаго ими помѣщенія, а въ самой лавкѣ найдена сырая земля и орудія землекопанія, былъ произведенъ новый

осмотръ означенной лавки. На этотъ разъ по прибытіи на мѣсто судебного слѣдователя, въ жиломъ отдѣленіи подвала, смежномъ съ лавкой, подъ ближайшимъ къ ней окномъ былъ обнаруженъ проломъ наружной стѣны и подкопъ подъ Малую Садовую улицу.

«По осмотру судебнымъ слѣдователемъ, при участіи экспертовъ, какъ внутренности лавки и смежныхъ къ ней помѣщеній, такъ и самаго подкопа, оказалось слѣдующее: въ самой лавкѣ, въ стоявшихъ въ ней бочкѣ и кадкѣ и за обшивкой нижней части задней и боковыхъ стѣнъ было усмотрѣно значительное количество земли; такая же земля была найдена подъ сидѣньемъ дивана, въ жиломъ отдѣленіи подвала, а рядомъ, въ подвальныхъ помѣщеніяхъ, оказалось 9 деревянныхъ ящиковъ, наполненныхъ землей, большая куча земли, прикрытая сверху слоемъ сѣна, и 6 мокрыхъ мѣшковъ, въ которыхъ, повидимому, носили землю. Кроме сего, въ разныхъ мѣстахъ были найдены землекопательные и минные инструменты. Въ жиломъ помѣщеніи, подъ первымъ отъ входа окномъ, часть деревянной обшивки наружной стѣны свободно отодвигалась, обнаруживая отверстіе въ стѣнѣ, ведущее въ подземную галерею, обложенную внутри досками и простирающуюся на двѣ слишкомъ сажени подъ полотно улицы.

«Въ отверстіи оказалась гальваническая батарея и склянка съ жидкостью для снаряженія батареи, а отъ послѣдней шли вдоль по минѣ провода, оканчивавшіеся зарядомъ, состоявшимъ изъ чернаго динамита въ количествѣ около двухъ пудовъ, заключеннаго въ стеклянной бутылки и жестяномъ цилиндрѣ. По заключенію эксперта, генераль-майора Федорова, система заряда и запаловъ вполнѣ обезпечивала взрывъ, отъ котораго должна была образоваться среди улицы воронка до $2\frac{1}{2}$ сажень въ діаметрѣ, а въ сосѣднихъ домахъ были бы вышиблены оконныя рамы и могли бы обвалиться печи и потолки».

Итакъ, сложная работа, произведенная Кобозевымъ, осталась техникамъ градоначальства Мравинскимъ невыясненною, полиціей же не обслѣдованы бутафорскія кадки, гдѣ вмѣсто масла и сметаны сложена была земля, не установлено систематическаго и строгаго наблюденія надъ странными представителями торговаго сословія, не производящими никакой торговли, не имѣющими въ своемъ распоряженіи нужнаго для бойкаго торговаго дѣла товара, занимающимися только уничтоженіемъ апельсиновъ и пріемомъ интеллигентныхъ гостей, уѣзжающихъ на лихачахъ! Все оказалось «благополучно», и подкопъ былъ доведенъ до злополучнаго конца. Правительство Лорисъ-Меликова обрѣталось даже въ какомъ-то радостно-возбужденномъ состояніи, особенно послѣ арестовъ Михайлова, Желябова, Клѣточникова, особенно послѣдняго, попавшагося по личному недосмотру, когда онъ пришелъ на мѣсто конспиративнаго свиданія, не будучи освѣдомленъ, что въ этомъ мѣстѣ устроена

засада и что здѣсь уже произведены аресты. Это радостное настроеніе было настолько наивно, что когда государь императоръ послѣ принятія причастія 28-го февраля принималъ поздравленія приближенныхъ, то, по показаніямъ кн. Мещерскаго ¹⁾, онъ весело говорилъ имъ: «Поздравьте меня вдвойнѣ: Лорисъ меня извѣстилъ, что послѣдній заговорщикъ схваченъ, и что травить меня уже не будутъ!..» И вотъ, когда государь радовался этой успокоительной перспективѣ, именно тогда, смущенные арестомъ Желябова и Клѣточникова, революціонеры совѣщались на слѣдующемъ засѣданіи въ этотъ вечеръ, а техническій комитетъ слѣшилъ за городъ съ своею пробой бомбометанія. Вечеромъ 28-го февраля, въ субботу, состоялось собраніе заговорщиковъ, на которомъ окончательно рѣшили на слѣдующій день утромъ сдѣлать покушеніе на жизнь Александра II при его проѣздѣ въ манежъ или послѣ возвращенія оттуда. Въ ночь съ 28-го февраля на 1-е марта Кибальчичъ, Исаевъ, Грачевскій, Сухановъ и др. были заняты на квартирѣ В. Н. Фигнеръ и Исаева изготовленіемъ бомбъ. Согласно намѣченному плану, первую бомбу долженъ былъ бросить Т. Михайловъ. Что касается Емельянова, то онъ заявилъ, что, въ случаѣ необходимости дѣйствія снарядомъ на Екатерининскомъ каналѣ, онъ, изучивъ уже расположеніе и внутреннее устройство расположенныхъ вдоль рѣчки купалень-прачечныхъ, при попыткѣ задержать его, скроется въ этихъ купальняхъ, забаррикадируется и будетъ защищаться съ оружіемъ въ рукѣ до послѣдней возможности. Перовская, хотя и потрясенная арестомъ Желябова и больная, проявляла крайнюю нервную энергію, самымъ тщательнымъ образомъ обсуждала и устанавливала всю диспозицію нападенія на государя императора и даже назначала свиданія въ разныхъ мѣстахъ съ отдѣльными членами партіи въ интересахъ установленія послѣдующихъ дѣйствій. Всѣ хотя и были нервно настроены, но самымъ тщательнымъ образомъ готовились къ предстоящимъ имъ ролямъ. Но вотъ наступилъ и роковой кровавый день 1-го марта.

IX.

По даннымъ некролога Гриневицкаго ²⁾, «въ воскресенье 1-го марта, рано утромъ на конспиративную квартиру Саблина и Гельфманъ явились метальщики Гриневицкій, Рысаковъ, Т. Михайловъ, Емельяновъ. Послѣ нихъ пришла Перовская и принесла съ собою два снаряда, завязанныхъ въ узелокъ. Она сообщила объ арестѣ Желябова и сказала, что, несмотря на работу въ теченіе всей ночи, не успѣли приготовить «предположеннаго прежде количества снарядовъ».

¹⁾ Кн. В. П. Мещерскій «Мои воспоминанія», глава II.

²⁾ «Русская историческая бібліотека», № 4.

— Можетъ быть, и еще принесутъ,—сказала она.—Нужно довольствоваться малымъ.

«Вскорѣ пришелъ Кибальчичъ и принесъ еще два дополнительныхъ снаряда. Затѣмъ пришла Вѣра Фигнеръ. Перовская объяснила своимъ товарищамъ по дѣлу планъ нападенія на царя. Если не для Гриневецкаго и Саблина, то для Рысакова было новостью

Николай Ивановичъ Рысаковъ.

извѣстіе о подкопѣ. Перовская сказала, что на Малой Садовой (Богдановичъ, Якимова) «уже ждутъ царя». Она набросала на конвертѣ, найденномъ потомъ при обыскѣ черезъ два дня на той же квартирѣ, планъ мѣстности, указала, гдѣ должны стать метальщики, условилась съ ними въ сигналахъ. Къ 12 часамъ Рысаковъ и Емельяновъ должны были стоять на углу Невскаго и Малой Садовой, а Михайловъ и Гриневецкій—на противоположномъ концѣ этой улицы,

Было рѣшено: если царь поѣдетъ по Малой Садовой, то взорвать его посредствомъ мины или, если взрывъ не вполне достигнетъ своей цѣли, т. е. если царь останется живъ, тогда метальщики, всѣ четверо, стоящіе на обоихъ концахъ улицы, должны были поспѣшить къ мѣсту дѣйствія и покончить съ царемъ бомбами». Когда весь планъ былъ установленъ и заговорщики очутились уже на мѣстѣ назначенія, Перовская поставила Гриневицкаго на концѣ М. Садовой, какъ наиболѣе опытнаго и выработаннаго революціонера, который, въ случаѣ, если бы взрывъ мины не произошелъ почему-либо, долженъ былъ взять на себя инициативу покушенія и тѣмъ самымъ дать другимъ метальщикамъ сигналъ для дальнѣйшаго нападенія на царя, и стали ожидать царя.

Въ то же время императоръ Александръ Николаевичъ, принявъ докладъ министра внутреннихъ дѣлъ графа Лорисъ-Меликова и не встревоженный никакими дурными вѣстями, позавтракалъ въ тѣсномъ семейномъ кругу и велѣлъ подавать лошадей для выѣзда въ Михайловскій манежъ на разводъ, бывшій въ то воскресенье отъ Сапернаго батальона. До того государь по настоянію Лорисъ-Меликова уже дважды отмѣнялъ разводы и не посѣщалъ ихъ, но на сей разъ, не предвидя опасности, онъ рѣшилъ свою поѣздку, послушавшись только кн. Юрьевской, имѣвшей на него въ тотъ періодъ большое вліяніе, не ѣздить по Малой Садовой, о которой по городу и въ анонимныхъ донесеніяхъ ходили какіе-то зловѣщіе темные слухи. Поэтому государь приказалъ вести себя не обычнымъ путемъ, а направиться по Екатерининскому каналу. По окончаніи развода, довольный имъ и въ спокойномъ настроеніи духа, онъ заѣхалъ навѣстить великую княгиню Екатерину Михайловну, гдѣ пробылъ нѣкоторое время и засимъ приказалъ вести себя тѣмъ же путемъ, т. е. по Екатерининскому каналу домой. Полиція, не осведомленная объ измѣненномъ маршрутѣ государя, не сумѣла стянуть сюда свои охранныя силы, а революціонеры, наоборотъ, по сигналу Перовской, успѣли занять мѣста.

Узнавъ, что дорога въ манежъ государемъ измѣнена, Перовская предварительно распорядилась собраться метальщикамъ въ кондитерской Андреева, помѣщающейся и понынѣ на Невскомъ, противъ Гостиного двора, и прождать тамъ время, когда кончится разводъ. По показаніямъ А. В. Тыркова, повидимому, всѣ чувствовали себя въ нѣсколько возбужденномъ состояніи, ибо только Гриневицкій оказался въ состояніи съѣсть здѣсь поданную ему порцію кушанья. Изъ кондитерской они пошли врозь и опять встрѣтились на каналѣ. Гриневицкій шелъ на мѣсто преступленія настолько спокойно, что, проходя при встрѣчѣ на каналѣ мимо Перовской, даже улыбнулся ей «чуть замѣтной улыбкой». Иначе чувствовалъ себя Михайловъ — у него не хватило силъ поднять на царя руку, и онъ вернулся домой; вслѣдствіе чего номера метальщиковъ

оказались спутанными, и на первое мѣсто пришлось стать Рысакову, оказавшемуся всего ближе къ дверцѣ кареты. По даннымъ некролога Гриневицкаго, послѣдующая трагическая минута кроваваго эпилога царствованія царя-освободителя протекла въ слѣдующемъ порядкѣ слѣдованія. Перовская, для которой не достало снаряда, осталась на улицѣ для того, чтобы слѣдить за ходомъ всего дѣла. Она прошла по Екатерининскому каналу, осмотрѣла, какія позиціи заняли метальщики, и молча, условными зна-

Иванъ Пантелеймоновичъ Емельяновъ.

ками, дала имъ послѣднія указанія. Потомъ черезъ Казанскій мостъ она перешла на другую сторону Екатерининскаго канала и оттуда «съ замираніемъ» сердца смотрѣла въ томъ направленіи, гдѣ стояли Гриневицкій и его товарищи, и ждала рокового событія. Александръ II скоро поравнялся съ первымъ метальщикомъ—Рысаковымъ. Шагахъ въ 30 отъ него стояли, прислонившись къ рѣшеткѣ канала, Гриневицкій, а недалеко отъ Гриневицкаго—Емельяновъ. «Было 2 часа 15 минутъ, когда Рысаковъ бросилъ бомбу подъ ноги лошадей царскаго экипажа. Бомба разорвалась. Казакъ, сидѣвшій на козлахъ, конвойный, одинъ прохожій упали, тяжело или смертельно ранены. Александръ II уцѣлѣлъ. Онъ вышелъ изъ кареты и прежде всего спросилъ: «схваченъ ли преступникъ?» Въ сторонѣ

казаки и полицейскіе уже держали Рысакова и изъ кармана его вынули револьверъ и кинжалъ.

«Полицеймейстеръ Дворжицкій просилъ царя сейчасъ же ѣхать во дворець. Дворжицкій понималъ, что за однимъ революціонеромъ стоитъ много другихъ. Но заботы Дворжицкаго были въ данномъ случаѣ уже напрасны...»

Государь не послушался Дворжицкаго и медлилъ. На вопросы окружающихъ, не раненъ ли онъ?—онъ отвѣтилъ:

— Слава Богу, я уцѣлѣлъ, но вотъ...

— Не знаю, слава ли еще Богу!—послѣдовало зловѣщее замѣчаніе Рысакова.

«Онъ видѣлъ,—сказано въ цитируемомъ некрологѣ,—какъ съ разныхъ сторонъ приближаются къ Александру II другіе металъщики и впереди ихъ Гриневицкій; а тамъ за каналомъ стоитъ съ своими друзьями Софья Перовская, которая съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдитъ за всѣмъ, что тутъ происходитъ, и сумѣетъ повести дѣло дальше, если будетъ нужно.

«Со времени перваго взрыва прошло три-четыре минуты.

«Александръ II нѣсколько отдалился отъ окружавшей его толпы и пошелъ было впередъ, къ санямъ... Но тутъ навстрѣчу къ нему приближался Гриневицкій. Онъ былъ отъ царя въ двухъ-трехъ шагахъ—не болѣе. Гриневицкій поднялъ бомбу и, чтобъ ударъ былъ вѣрнѣе, онъ изо всей силы бросилъ ее о землю между собой и царемъ... Гриневицкій зналъ, что ни для одного изъ нихъ—ни для него, ни для царя—спасенія не было...

«Раздался новый оглушительный ударъ. Въ воздухѣ поднялись клубы дыма, снѣгъ, клочья платья... Нѣсколько мгновеній нельзя было ничего разсмотрѣть, что тутъ происходило... Когда дымъ рассеялся, увидѣли такую картину.

«На землѣ лежало много раненыхъ. Прислонившись спиною къ рѣшеткѣ канала, упершись руками на панель, безъ шинели и безъ фуражки, полусидѣлъ Александръ II... Онъ былъ весь въ крови и съ трудомъ дышалъ... Ноги его были раздроблены, кровь сильно струилась съ нихъ, тѣло висѣло кусками, лицо было въ крови... Около него лежала шинель, отъ которой остались одни окровавленные и обожженные клочья...

«Когда раздался взрывъ бомбы Рысакова, великій князь Михаилъ Николаевичъ былъ недалеко, въ своемъ дворцѣ. Онъ моментально понялъ, что это стрѣляли въ Александра II, и бросился на Екатерининскій каналъ. Онъ не ошибся: онъ нашелъ Александра II уже смертельно раненымъ... На мѣстѣ взрыва лежалъ и смертельно раненый Гриневицкій, также истекавшій кровью. На помощь къ послѣднему бросился Емельяновъ, въ надеждѣ увести товарища по преступленію, пользуясь суматохой. Но это оказалось невозможнымъ, и террористу, оставшемуся въ живыхъ, пришлось уже

принять участіе въ помощи государю императору, при укладкѣ его въ сани.

Такова потрясающая картина, рассказанная со всѣми основными подробностями лицомъ, очевидно, близко стоявшимъ къ мѣсту преступленія. Съ нѣкоторыми деталями находимъ мы то же повѣствованіе и въ другихъ многочисленныхъ рассказахъ о событіи 1 марта 1881 г., изъ коихъ отмѣтимъ лишь нѣкоторые немногіе, появившіе въ обвинительный актъ по дѣлу 1-го марта ¹⁾.

Здѣсь сказано, что когда послѣ разрыва бомбы, брошенной Гриневицкимъ, Александръ Николаевичъ, весь въ крови и съ раздробленными ногами, оказался на панели Екатерининскаго канала, то около него лежалъ и раненый полицеймейстеръ Дворжицкій: «Приподнявшись съ земли, послѣдній услышалъ едва внятно произнесенныя слова государя: «Помоги», и, вскочивъ подбѣжалъ къ нему вмѣстѣ со многими другими лицами. Кто-то подаль платокъ. Государь, приложивъ его къ лицу, очень слабымъ голосомъ произнесъ: «Холодно, холодно». Тогда, приподнявъ государя, уже начинавшаго терять сознаніе, окружавшія его лица, въ числѣ которыхъ были юнкера Павловскаго военного училища и чины проходившаго мимо караула отъ 8-го флотскаго экипажа, при подоспѣвшемъ великомъ князѣ Михаилѣ Николаевичѣ, принесли его къ санямъ полковника Дворжицкаго, причемъ поручикъ Гендриковъ покрылъ своею фуражкою обнаженную голову страдальца. Наклонившись къ своему августѣйшему брату, великій князь спросилъ: слышитъ ли его величество? на что государь императоръ тихо отвѣчалъ: «слышу»; на дальнѣйшій вопросъ его высочества о томъ, какъ государь себя чувствуетъ, государь императоръ изволилъ сказать: «скорѣе во... дворецъ», а затѣмъ, какъ бы въ отвѣтъ на услышанное имъ предложеніе Франки внести его въ ближайшій домъ для подачія первой помощи, его императорское величество произнесъ: «Несите меня во дворецъ... тамъ... умереть». То были послѣднія слышанныя свидѣтелями слова умирающаго монарха. Императорская карета оказалась сильно поврежденною взрывомъ, почему его величество помѣстили въ сани полковника Дворжицкаго, куда сѣлъ ротмистръ Кулебякинъ и, съ помощью конвойныхъ казаковъ Козьменка и Луценка, повезли государя императора въ Зимній дворецъ».

Перебѣживъ съ той стороны Екатерининскаго канала, Перовская съ единомышленниками любовались кровавымъ зрѣлищемъ, убѣдились въ содѣянномъ преступленіи и затѣмъ всѣ безслѣдно исчезли, слившись съ собравшеюся толпою. Военный отрядъ сталъ на караулъ мѣста, гдѣ пролилась кровь царя-освободителя. Гриневицкаго отвезли въ ближайшій конюшенный придворный госпи-

¹⁾ Н. В. Муравьевъ. «Изъ прошлой дѣятельности», т. II.

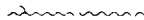
таль, гдѣ онъ, придя въ сознание, не обнаружилъ, однако, своего званія и вечеромъ того же дня скончался.

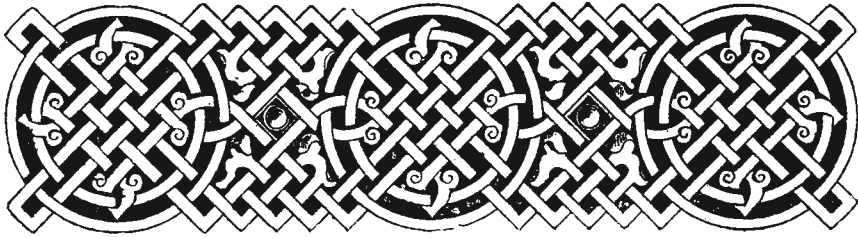
А тѣмъ временемъ печальный кортежъ съ страдальчески умирающимъ царемъ-освободителемъ приближался къ Зимнему дворцу. Государя внесли въ его кабинетъ на рукахъ и положили на выдвинутую на середину комнаты постель. Дежурный гофъ-медикъ Маркусъ перевязалъ ему раны. Подоспѣвшій лейбъ-медикъ С. П. Боткинъ прибѣгнулъ ко всѣмъ извѣстнымъ способамъ, чтобы возвратить Александру Николаевичу сознание. Голову его вспрыскивали водою, виски натирали эфиромъ, давали вдыхать кислородъ. Все напрасно. Обильное кровотечение его совсѣмъ ослабило, и ясно было, что надежды на спасение нѣтъ никакой.

Скоро прибыли въ Зимній дворецъ цесаревичъ Александръ Александровичъ, его супруга и всѣ прочіе члены царствующаго дома, прибыли сюда и министры, сенаторы, члены государственнаго совѣта, многіе военные и гражданскіе чины. Входъ оставался какъ бы свободнымъ въ залы дворца. По приказанію Александра Александровича въ кабинетъ умирающаго императора введенъ былъ протоіерей придворнаго собора Рождественскій съ запасными дарами... Въ 3 ч. 35 м. пополудни царь Освободитель, не приходя въ сознание, мученически опочилъ...

Въ это время въ воздухѣ пронесся глухой ударъ исаакіевского колокола—то церковь звала вѣрующихъ къ повседневной вечерней молитвѣ; одновременно съ первымъ же ударомъ отворилась дверь собственнаго Его Императорскаго Величества подъѣзда дворца и съ обнаженною головою изъ нея вышелъ старикъ князь Суворовъ. Сквозь рыданья онъ объявилъ громадной толпѣ народа, стекшейся со всѣхъ концовъ города на площадь Зимняго дворца и на всѣ прилегающія мѣста: «Государь скончался». Флагъ-штокъ надъ дворцомъ сталъ спускаться... Какъ одинъ человекъ, собравшіеся обнажили головы, перекрестились и, вперя свои взоры въ окна зимняго дворца, выжидали грядущихъ событій: «народъ безмолвствовалъ», и лишь мѣстами слышались плачь и рыданіе. А по воздуху неслись торжественные звуки исаакіевского колокола, какъ-бы призывая вѣрующихъ склониться къ престолу Всевышняго и въ молитвѣ встрѣтить новую невѣдомую и загадочную эру историческаго бытія Россіи, окропленную на свой зарѣ мученическою кровью царя-освободителя.

Б. Глинскій.

ПО КАМЪ¹⁾

(Посвящаю моей Лидѣ).

V.

Село Каракузино.—Село Николо-Березовское; молебень на пристани.—Село Камбарка.

ОСЛѢ большой излучины Кама сузилась. Стая диких гусей плыветъ намъ навстрѣчу; колесо парохода чуть-чуть не задѣло ихъ; дѣтишки съ палубы гукають, кричать на нихъ—а имъ и горя мало: продолжаютъ нахально плыть дальше.

На правомъ берегу, среди громаднаго села видны три храма. Это—Каракузино, иначе называемое Пермяковымъ. Соломенныхъ крышь здѣсь совсѣмъ нѣтъ. Видно немало двухъэтажныхъ каменныхъ и деревянныхъ домовъ. Часть села сползаетъ по горѣ къ рѣкѣ. У пристаней даже имѣется отель «Прикамскіе номера». Каракузино очень богатое село и ведетъ въ крупныхъ размѣрахъ торговлю лѣсными издѣліями, рогожами и кулями.

Какъ жалки на видъ сравнительно съ богатѣемъ Каракулинымъ невзрачны избенки с. Притыкина (и названье же самое подходящее!), скучившіяся на низинѣ лѣваго берега!

Удивительно красивъ высокій красный правый берегъ. Онъ весь изорванъ щелями, трещинами, оврагами; прекрасный лѣсъ покры-

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. СХХІІ, стр. 709.

ваетъ его. А нѣтъ-нѣтъ—лѣсная чаща прервется, и зажелтѣетъ полоса ржаного поля, или выбѣжитъ лужайка, покрытая словно бархатнымъ, разноцвѣтнымъ ковромъ. По низкому лѣвому берегу кое-гдѣ торчатъ небольшой кустарникъ.

Незамѣтно струится Кама. Тихо, пустынно окрестъ и на водѣ; лишь изрѣдка пробѣжитъ внизъ пассажирскій пароходъ, или бѣксирь, тяжело пыхтя, протащить десятокъ связанныхъ между собою плотовъ.

— Скоро ли, родимый, будетъ Николово?—спросила вахтеннаго матроса старушка, вся въ черномъ.

— Минуть черезъ двадцать, матушка.

— Ну, слава Тебѣ, Господи. Плымши по водѣ, хорошо помолиться угодничку Божьему, нашему заступничку.

Рѣчь шла о селѣ Николо-Березовскомъ.

Пароходъ подходилъ къ пристани, когда на послѣдней уже начался молебень. Странно, почему монахи не поставятъ крестъ надъ пристаньскою часовнею, какъ это принято на Волгѣ. Здоровенный рыжій послушникъ, вѣроятно, потомокъ Ермаковыхъ молодцовъ, протянулъ къ намъ, молившимся на палубѣ, длинный шестъ съ мѣшечкомъ. Туда посыпались серебряныя монеты.

— Поставь угоднику свѣчку!—крикнулъ послушнику толстый, съ гладко выстриженной головой купецъ.

Послушникъ на это не обратилъ ни малѣйшаго вниманія.

— Говорятъ тебѣ, идолъ, поставь угоднику свѣчку!—крикнулъ вновь купецъ.

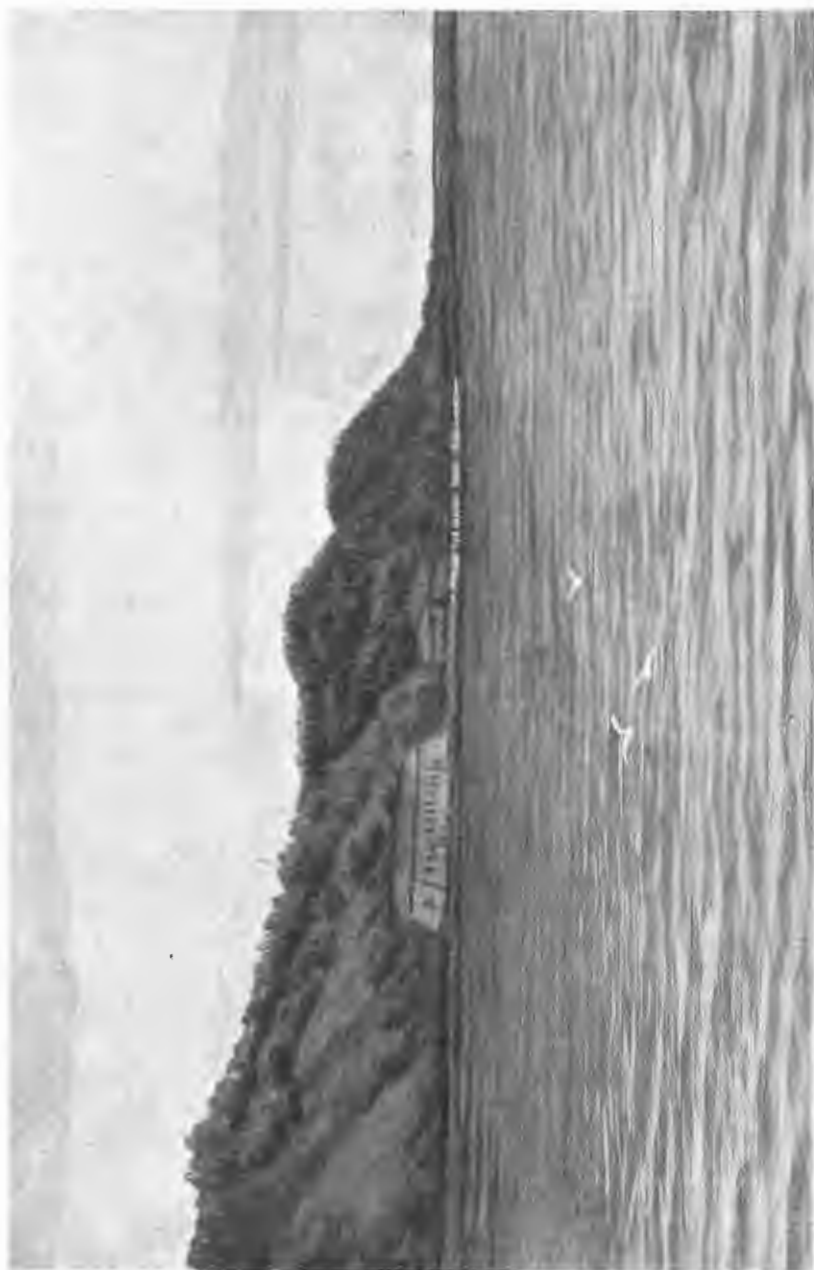
Послушникъ былъ твердъ и продолжалъ басомъ ревѣть на всю рѣку.

— Этакая каналья! Безпремѣнно украдетъ у угодника деньги и проплетъ ихъ въ казенкѣ.

На пристани нищѣ: калѣка-башкирь неувѣренно протянулъ руку; слѣпая старушка то и дѣло протягиваетъ тарелочку, жалобно причитая: «Слѣпой-убогой, ради Христа».

Молебень кончился. Пароходъ далъ третій свистокъ и тихо отдѣлился отъ пристани. Иеромонахъ, многократно осѣняя крестомъ пароходъ, кропилъ его святою водою, а хоръ послушниковъ въ то же время пѣлъ: «Святителю, отче Николае, моли Бога о насъ...»

Николо-Березовское, большое и богатое село, находится на лѣвомъ берегу рѣки. У пристани цѣлый рядъ амбаровъ. Отсюда отправляется ежегодно чуть ли не на миллионъ рублей ржи, овса и гречи. На окраинѣ села, въ роцѣ, стоитъ монастырь, которому и принадлежитъ часовня на пристани. Въ монастырѣ обрѣтается глубокочтимая по Камѣ святыня—икона Николая чудотворца, явившаяся, по преданію, на березѣ, отчего и произошло самое названіе села. Нашли ее въ XVI вѣкѣ люди Строганова, плывшіе караваномъ по рѣкѣ.

Камско-Воткинский казенный заводъ у села Галева.

За селомъ начинается дремучій лѣсъ, раскинувшійся на сотню верстъ. Въ немъ, какъ говорятъ, есть замѣчательные орѣшники.

— Опять пошелъ удѣль, — махнулъ рукою на лѣсъ купецъ. — Тутъ нашему брату дѣловъ нѣтъ.

Кама широко раздвинула берега. Гребень праваго отошелъ отъ рѣки. По лѣвому лѣсъ и лѣсъ.

Въ 12 верстахъ ниже Николо-Березовскаго, на томъ же лѣвомъ берегу находится большое и богатое село Осянского уѣзда, Пермской губерніи, Камбарка. При селѣ значительный Камбарскій желѣзодѣлательный и чугуноплавильный заводъ Кондюрина, вырабатывающій ежегодно сортового желѣза и якорей 46.610 пуд. и чугунаго литья 10.000 пуд. Заводъ былъ основанъ въ 1761 г. Демидовымъ.

Въ селѣ, имѣющемъ двѣ церкви, ремесленную школу, больницу и аптеку, числится до семи тысячъ жителей. Большинство послѣднихъ кустари; занимаются они выдѣлкой металлическихъ предметовъ, а главнымъ образомъ производствомъ тарантасовъ, плетеныхъ выгѣздныхъ коробковъ и другихъ экипажей, чѣмъ они славятся далеко за предѣлами Камскаго края. Вся прибрежная полоса завалена этими «тарантасами» Мы грузили ихъ на пароходъ по крайней мѣрѣ часть. Здѣшнія плетенки, вязанныя изъ вяза или лозы, на мѣстѣ можно купить за 25 руб., а въ Казани цѣна имъ поднимается уже до 45—50 руб.

Правый берегъ высокимъ мысомъ вдаль въ рѣку. У воды яркимъ пламенемъ пылаетъ костеръ; одни, видно, лежатъ вокругъ его, другіе движутся. Невольно вспоминаются времена Ермака, Стеньки Разина, Пугачева... Кама замерла, не шелохнется. Кажется, что и пароходныя колеса потише заработали, боясь нарушить торжественную тишину. Часть пассажировъ, въ ожиданіи стоянки у Сарапула, не ложится спать и бродитъ по палубѣ.

VI.

Сарапуль.

По высокому правому берегу и по низинѣ красиво раскинулся лучший и наиболѣе крупный уѣздный городъ Вятской губерніи — Сарапуль (или Сарапуль)¹⁾. Этотъ городъ, имѣющій 21¹/₂ тысячу жителей, является административнымъ и культурнымъ центромъ Вятскаго Прикамья. Здѣсь каѳедра викарнаго архіерея, главная контора сарапульскаго удѣльнаго округа, окружный судъ для Сарапульскаго, Елабужскаго и Малмыжскаго уѣздовъ, реальное училище, женская гимназія, духовное училище. Изъ 2.300 городскихъ

¹⁾ Сарапуль по-чувашски—стерлядь.

Пермь.

зданій насчитывается до 600 каменныхъ, изъ коихъ нѣкоторыя, принадлежащія купцамъ, отличаются своимъ богатствомъ и обширностью. Въ городѣ имѣются отдѣленія государственнаго и орловскаго коммерческаго банковъ и городской общественной банкъ. Въ 1835 г. здѣсь была открыта первая въ Вятской губерніи публичная библіотека. Культурность города сказывается и въ существованіи здѣсь «Прикамскаго Края» — газеты прогрессивнаго направленія. И въ благотворительномъ отношеніи Сарапулъ не уступаетъ другимъ уѣзднымъ городамъ; такъ, онъ имѣетъ земскую больницу на 100 кроватей, городскую богадѣльню, домъ призрѣнія бѣдныхъ, три пріюта. Въ 1899 г. городъ покрылся телефонною сѣтью.

Интересенъ отзывъ о Сарапулѣ писателя-туриста В. Л. Дѣдлова, посѣтившаго городъ въ 1896 г. «Сарапулъ — первый изъ посѣщенныхъ мною переходныхъ европейско-азиатскихъ городовъ. Узнаю въ немъ эти характерные признаки переходной полосы. Большое богатство — и, рядомъ, поразительная нищета. Маленькіе дворцы купцовъ — и безпріютная, пьяная босая команда, бродящая по пристанямъ, прибрежнымъ кабакамъ и спящая подъ заборами. Эти дворцы и богатые церкви утопаютъ въ невылазной грязи немощеныхъ улицъ. По улицамъ можно только ѣздить, но не ходить, потому что тротуары представляютъ собою самыя коварныя западни¹⁾. За десять лѣтъ городъ далеко шагнулъ впередъ.

Городъ издавна славится производствомъ обуви и кожъ: этими товарами здѣшніе купцы ведутъ крупную торговлю съ Западной Сибирью (въ городѣ и его уѣздѣ находится болѣе 100 кожевенныхъ заводовъ). Пристані отправляютъ ежегодно до 300.000 пуд. хлѣба; общій же грузооборотъ пристаней достигаетъ до 600.000 пудовъ.

Сарапулъ — городъ молодой. Впервые онъ упоминается въ переписной книгѣ 1596 г., гдѣ говорится, что здѣсь «ловятъ рыбу». Въ 1616 г. онъ былъ «пригородкомъ». Въ 1738 г. Сарапулъ былъ приписанъ къ Осинской провинціи Уфимской губерніи и сталъ важнымъ пунктомъ на такъ называемой Арской дорогѣ въ «Сибирскія земли». Въ 1773 г. онъ былъ разоренъ пугачевскою бандою, а черезъ семь лѣтъ послѣ этого онъ былъ сдѣланъ уѣзднымъ городомъ Вятской губерніи.

— Хорошъ нашъ Сарапулъ городокъ, — говорилъ чинъ одного вѣдомства, сѣвшій на нашъ пароходъ: — всѣмъ вѣдь взялъ. Одно несчастье — желѣзной дороги нѣтъ. А будь она, ни за что не сталъ бы просить о переводѣ не только куда-нибудь, но даже и въ столицы.

Ближайшая станція для города — Чепца Пермь-Котласской ж. д., до которой нужно скакать цѣлыхъ 150 верстъ.

Близъ города, выше его, возвышается Старцева гора, на которой при безприходной церкви въ 1899 году былъ учрежденъ Старцево-

¹⁾ Дѣдловъ, В. Л. «Будущая Россія». Книжки «Недѣли» 1897, январь, стр. 70—71.

Пароходная пристань въ Перми.

Горскій Иоанно-Предтеченскій мужской общежительный монастырь. По словамъ г. Зеленина, эта гора была центромъ раскольниковъ и другихъ сектантовъ, которыхъ вообще немало въ Сарапульскомъ уѣздѣ.

Когда вы плывете внизъ по Камѣ изъ Перми, то лишь одинъ городской храмъ вы видите издалека, самый же городъ, закрытый берегомъ, открывается тогда, когда вы уже подходите къ нему. По страшно высокому берегу, среди густого великолѣпнаго бора разбросана масса дачъ.

Почти противъ города стоитъ большое село Ершовка съ двумя церквами.

VII.

Село Гальяны.—Село Галево и дер. Усть-Рѣчка.—Воткинскій заводъ.—«Мануфактуръ-совѣтникъ».—Дер. Пожевка и село Елово.

Пристань Ижевскаго завода, какъ упоминалось ранѣе, находится у села Гальянъ, лежащаго на слегка повышенномъ правомъ берегу, въ 32 верстахъ выше Сарапула. Посреди села стоитъ заурядный храмъ, обнесенный оградой. Зелени въ селѣ, къ сожалѣнію, почти нѣтъ ¹⁾. У заводской пристани нѣсколько складовъ для храненія ружей, предназначенныхъ къ отправкѣ по рѣкѣ. По берегу разбросаны неизмѣнныя лавчонки съ мелкими товарами.

За с. Паздеры Кама дѣлаетъ чрезвычайно крутой поворотъ, послѣ чего принимаетъ въ себя справа Сиву, служащую границей Вятской и Пермской губерній. По Сивѣ отъ устья рѣки Вотки на протяженіи 50 верстъ производится сплавъ.

Любуешься и не налюбишься на простую, но величественную красоту береговъ многоводной Камы. Этотъ вѣковой дремучій лѣсъ, среди котораго пихты, какъ священныя свѣчи, тянутся къ небу, неотразимо манитъ васъ подъ свою таинственную сѣнь. Кругомъ природа словно совершаетъ священнодѣйствіе. Какъ-то невольно уходишь отъ пошлаго міра, отъ повседневныхъ дрязгъ и чувствуешь, что миръ снисходитъ на тебя, что душа становится воспримчивѣе ко всему хорошему, ко всему доброму, что ты преобразился... Такъ велико и благотворно вліяніе этой великой природы матери. Оживленная Волга съ безчисленными селеніями—калейдоскопъ съ постоянно мѣняющимися картинами—не даетъ вамъ того цѣлебнаго бальзама, который съ избыткомъ вольетъ въ васъ дивная Кама.

А нашихъ винтеровъ не трогаетъ красота природы: съ утра до ночи сражаются на зеленомъ полѣ. Алексѣй и Никифоръ то и дѣло переносятъ ихъ столъ отъ жгучаго солнца съ одной палубы на дру-

¹⁾ Бросается въ глаза почти совершенное отсутствіе садовъ въ большинствѣ прикамскихъ селъ.

гую. Интересная компанія: отставной генераль съ разбитыми ногами, еле передвигающийся съ помощью палки, казанскій помѣщикъ безъ правой руки, которому для держанія картъ дѣлають изъ картона пюпитръ, купецъ пудовъ десяти вѣсомъ, съ бритой головой, и разбитый параличомъ, почти глухой, чинъ одного вѣдомства. Ничего, игроки были симпатичные: три дня винтили и не только не передрались, но даже ни разу и не побранились.

Вокругъ Костоватовскаго острова проходитъ воложка, на которой у лѣваго берега въ 1885 г. были устроены каменные плотины, впрочемъ, постепенно разрушающіяся. Противъ острова—горный Костоватовскій перекать. Фарватеръ рѣки здѣсь довольно узокъ.

На нагорномъ чрезвычайно живописномъ правомъ берегу, на разстояніи трехъ верстъ другъ отъ друга, расположены село Галево и деревня Усть-Рѣчка, у которыхъ находятся имѣющія важное значеніе пристани Воткинскаго (или Камско-Воткинскаго) казеннаго завода, отстоящаго отсюда въ 12 верстахъ. Къ послѣднему отъ Галева проведена въ 1896 году желѣзная дорога; подъ горою, на самомъ берегу рѣки устроена станція, отъ которой желѣзнодорожное полотно красиво вьется вверхъ.

Воткинскій заводъ былъ основанъ въ 1759 году Шуваловымъ, но вскорѣ перешель въ казну и нынѣ находится въ вѣдѣніи министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ. Онъ расположенъ у огромнаго пруда (въ 13 квадратныхъ верстахъ), образуемаго сліяніемъ рѣчекъ Вотки и Шаркана. Главное производство завода, работающаго какъ водою, такъ и паромъ, составляютъ: постройка пароходовъ, локомотивовъ, различныхъ машинъ и сельскохозяйственныхъ орудій. Между прочимъ, здѣсь была изготовлена часть паровозовъ для Пермь-Котласской и Сибирской желѣзныхъ дорогъ. Пароходы, а равно и паровозы на баржахъ сплавляются въ полую воду по рѣкѣ Воткѣ, впадающей въ Каму ниже с. Галева. Населеніе завода достигаетъ 21 тысячи; главный заработокъ оно, конечно, имѣетъ отъ завода, хотя въ то же время оно вырабатываетъ въ большомъ количествѣ тарантасы и коробки къ нимъ.

Между Галевымъ и Усть-Рѣчкою на берегу стоитъ Камско-Воткинскій заводъ, составляющій отдѣленіе главнаго завода.

Въ 1840 году на Воткинскомъ заводѣ родился нашъ знаменитый композиторъ, творецъ «Евгенія Онѣгина», Петръ Ильичъ Чайковскій, отецъ котораго былъ здѣсь окружнымъ горнымъ инспекторомъ.

Нашъ красавецъ «Мануфактуръ-Совѣтникъ» былъ построень на Воткинскомъ заводѣ и вступилъ въ навигацію въ 1907 году. Я окончилъ въ немъ третій рейсъ и началъ четвертый. По своимъ размѣрамъ и роскоши онъ немногимъ уступаетъ лучшимъ скорымъ меркурьевскимъ пароходамъ, столь прославленнымъ по Волгѣ («Императрица Марія Ѳеодоровна», «Великая княжна Ольга Николаевна», «Фельдмаршалъ Суворовъ»). Особенно роскошно отдѣланы на немъ

столовая и гостиная первого класса. Какъ эффектны онѣ вечеромъ, когда бывають залиты электрическимъ свѣтомъ! Между прочимъ, въ столовой устроены электрической вентиляторъ, а въ гостиной на письменномъ столѣ стоитъ вѣтряная мельница, приводящаяся въ движеніе электричествомъ и отлично освѣжающая воздухъ. Но, къ сожалѣнію, эти предметы современнаго комфорта устроены съ обычной русской непредусмотрительностью: они дѣйствуютъ лишь вечеромъ и ночью, когда работаетъ электричество, а днемъ, въ знойную пору, они, когда именно и удовлетворяли бы своему назначенію, бездѣйствуютъ. Кухня на пароходѣ образцовая, сервировка отличная, такса кушаньямъ и напиткамъ низкая, причемъ порціи даютъ громадныя, которыя въ пору съѣсть только двумъ человѣкамъ¹⁾. Если вы возьмете билетъ, напримѣръ, отъ Нижняго до Перми и обратно, то вамъ сдѣлають 10 процентовъ скидки не только съ провозной платы, но и со счета буфетчика. «Мануфактурь-Совѣтникъ» прекрасный ходокъ. Мы ни разу не шли полнымъ ходомъ, дѣлая въ часъ 18 верстъ, при полномъ же ходѣ онъ развиваетъ скорость до 25 верстъ въ часъ. Одновременно съ «Мануфактурь-Совѣтникомъ» построенъ на Воткинскомъ заводѣ и вступилъ въ навигацію «Графъ Строгановъ». Оба парохода, совершенно одинаковые, принадлежать крупному и богатому акціонерному обществу «Иванъ Любимовъ и К^о», къ которому перешло все пароходное дѣло извѣстнаго «соляного короля» Ивана Ивановича Любимова, умершаго нѣсколько лѣтъ тому назадъ.

— Почему же общество сдало постройку пароходовъ казенному заводу, а не строило ихъ на своемъ заводѣ?—спросилъ я лицо, причастное къ обществу.

— Да очень просто: самимъ было невыгодно строить. Казнѣ мы заплатили за каждый пароходъ по 185 тысячъ рублей, а ей они стали почти по 300 тысячъ рублей, Какъ видите, расчетъ нашъ былъ болѣе чѣмъ выгодный.

А въ то время, когда Воткинскій заводъ достраивалъ названные пароходы, общество успѣшно оканчивало переговоры съ сѣвернымъ пароходнымъ обществомъ «Котласъ—Архангельскъ—Мурманъ» о постройкѣ для послѣдняго двухъ «американцевъ» для рейсовъ между Вологдою и Архангельскомъ...

Къ моему глубокому сожалѣнію, въ слѣдующемъ году я не имѣлъ возможности снова совершить путешествіе по Камѣ на этомъ прекрасномъ пароходѣ: въ навигацію 1908 года «Мануфактурь-Совѣтникъ» и «Графъ Строгановъ» перешли на линію Нижній—Астрахань и плавали подъ флагомъ товарищества «Русь» (бывшая компанія «Надежда»).

¹⁾ Напр., объѣдъ изъ 4 блюдовъ съ кофе или чаемъ стоитъ 1 р. 10 к. Порція стерляди или уха изъ нея—70 к., порція свѣжей икры—1 р. 10 к.

Пермь. Катедральный соборъ.

Очень высоко на правомъ берегу стоитъ д. Ножевка, въ 15 верстахъ отъ которой находятся три желѣзодѣлательные завода Демидова, которому принадлежитъ здѣсь 56 тысячъ десятинъ земли, а черезъ нѣсколько минутъ хода послѣ этой пристани мы остановились у села Елова, расположеннаго на лѣвомъ берегу. Пристань этого богатаго села ведетъ значительную хлѣбную торговлю. Въ селѣ нѣсколько паровыхъ мельницъ, а берегъ засыпанъ хлѣбными амбарами.

VIII.

Село Частые.—Оса.—Оханскъ.—Село Таборы.—Село Усть-Нытва и Нытвенскій заводъ

Берега Камы становятся все красивѣе и красивѣе. Высокій, крутой, красный берегъ кажется неприступнымъ. Все характернѣе становится лѣвый берегъ съ своими отрогами Уральскихъ горъ. Все чаще и чаще среди лѣса возносится темная пихта. Широко раскинулся лѣсъ и по лѣвой понизи. Впереди — лѣса и лѣса. Солнце жжетъ немилосердно. Горячій воздухъ насыщенъ испареніями, и дальніе лѣса кажутся подернутыми синью. Кама льется, продолжая попрежнему тихо нести свои полныя воды.

— Удивительно, какъ нынче «экспроприаторы» не обратятъ своего благосклоннаго вниманія на волжскіе и камскіе пароходы, — бесѣдовалъ я съ командиромъ. — Вѣдь сломать тонкія переборки почтовой каюты не стоитъ ровно никакого труда, а какое сопротивленіе могутъ оказать разбойникамъ два беззащитныхъ почтовыхъ чиновника!

— Совершенно вѣрно. Достаточно сюда явиться двумъ или тремъ отчаяннымъ головорѣзамъ съ браунингами, и весь пароходъ будетъ въ ихъ полномъ распоряженіи. Мы не вооружены, а съ кулаками на нихъ вѣдь не полѣзешь. Въ прошломъ году пароходчики ходатайствовали передъ правительствомъ о разрѣшеніи вооружить команды. Не тутъ-то было — не разрѣшили! «Вы еще бунтъ устроите». А какой тутъ чортъ будетъ бунтъ устраивать! Моя команда плаваетъ со мною съ молодыхъ лѣтъ и за благонадежность каждаго матроса я ручаюсь головою. Другъ за друга постоимъ. И такія надежныя команды вѣдь на всѣхъ пароходахъ.

И наши опасенія, къ несчастью, оправдались всего черезъ нѣсколько дней послѣ этого разговора...

Замѣчательно красивъ поднявшійся лѣвый берегъ.

На припавшемъ къ водѣ правомъ берегу стоитъ большое село Частые, ведущее крупную хлѣбную торговлю. Противъ села на рѣкѣ разбросаны «Частые» острова, и Кама здѣсь сильно суживается. За селомъ, одна за другою, находятся деревни: съ поразительнымъ названіемъ — Согрѣшиловка и Ерзовка. У послѣдней Кама образуетъ страшную крутую излучину.

Незамѣтно подошли къ Осѣ. Этотъ плохонькій городокъ Пермской губерніи, имѣющій всего 5 тысячъ жителей, лежитъ на очень низкомъ лѣвомъ берегу, въ 3 верстахъ отъ рѣки. Онъ былъ основанъ въ 1596 году подъ именемъ Новоникольской слободы; позднѣе числился пригородомъ Казани, а въ 1737 году былъ включенъ въ Уфимскую провинцію. Служа наблюдательнымъ пунктомъ за башкирами, городъ по тому времени былъ сильно укрѣпленъ. Въ 1774 году онъ былъ разграбленъ пугачевской бандою, а въ 1796 году былъ назначенъ уѣзднымъ городомъ Пермской губерніи.

Пермь. Сибирская улица.

Торгово-промышленное значеніе города невелико. Жители занимаются производствомъ рогожь, кулей и веревокъ. Осипская пристань ведетъ довольно крупную отпускную торговлю хлѣбомъ, лѣсомъ и льномъ. Обороты пристани въ нѣкоторые годы достигаютъ 600,000 рублей. Въ городѣ имѣются: женская гимназія, городское и нѣсколько начальныхъ училищъ и... казенный винный складъ. Близъ пристани красивый сосновый боръ.

— Не знаете ли, почему городъ имѣетъ такое странное названіе?—спросилъ я мѣстнаго обывателя.

— А во времена Пугачева здѣсь были дремучіе лѣса, въ которыхъ водилось несмѣтное число осъ. А какъ пооголили здѣшнія мѣста, такъ осы и пропали.

Противъ Осы лежитъ у прекраснаго бѣра д. Монастырка. Деревянная часовенка опоясана купю деревьевъ. Красивое, уютное мѣстечко.

Берега становятся все круче и грандіознѣе. Темныя пихты совѣмъ заполонили ихъ. Настоящихъ Уральскихъ горъ еще нѣтъ, но отроги ихъ уже передъ нами. Передъ громадою береговъ даже нашъ гигантъ «Мануфактуръ-Совѣтникъ» кажется лишь небольшимъ движущимся домикомъ. Живительный смолистый запахъ несется съ берега. Медленно спускаются сумерки. Легкая дымка окутала горную даль и синеву лѣсовъ. Наступила великолѣпная сѣверная почъ. Но это не та бѣлая ночь, которою я любовался на Сѣверной Двинѣ, близъ Архангельска, когда полуночное солнце скрывалось на какой-нибудь часъ. Это не та бѣлая ночь, которая всегда плѣняла меня въ Петербургѣ или Финляндіи, среди которой можно свободно читать и писать. Это была не бѣлая, а блѣдная ночь.

Ночью мы простояли нѣсколько минутъ у Оханска.

Этому жалкому городишку Пермской губерніи, имѣющему менѣе 2 тысячъ жителей, болѣе приличествовало бы быть селомъ, чѣмъ онъ вначалѣ и былъ. Онъ былъ основанъ въ началѣ XVII вѣка Строгановыми, въ нѣсколькихъ верстахъ ниже того мѣста, гдѣ онъ находится теперь, съ цѣлю развитія на Камѣ своихъ рыбныхъ промысловъ ¹⁾ и назывался Оханнимъ. Вслѣдствіе частыхъ размывовъ песчанаго берега, на которомъ онъ находился, его перенесли на то мѣсто, которое онъ занимаетъ нынѣ. Въ 1796 году Оханскъ сподобился стать уѣзднымъ городомъ.

Почти противъ Оханска въ Каму впадаетъ р. Югъ, на которой, въ 10 верстахъ отъ устья, находятся крупные Юго-Камскій желѣзодѣлательный заводъ, Варваринская листопрокатная и проволочно-гвоздарная фабрики, принадлежащія графинѣ Е. А. Воронцовой-Дашковой, къ которой они перешли по наслѣдству отъ графа П. П. Шувалова.

¹⁾ Оханъ по-пермяцки — рыболовный снарядъ.

Пермь. Городской театр.

— Ну, и хорошъ же нашъ Оханскъ,—жаловался мнѣ чиновникъ, недавно попавшій въ эту труппу,—и городъ же, съ позволенія сказать! Знаменитое щедринское Пошехонье, пожалуй, окажется столицей сравнительно съ Оханскомъ. Я полгода тому назадъ прѣѣхалъ сюда, а до сихъ поръ не могу даже немного освоиться со здѣшними нравами. Здѣсь не люди, а какіе-то дикари. Вотъ кого не назовете вы культурными людьми. Умственныхъ запросовъ никакихъ, литература для насъ пустой звукъ; что творится на бѣломъ свѣтѣ—это насъ не касается. Въ сплетняхъ, картежной игрѣ, питьѣ водки и пива проходить все время. Лѣтомъ публика хоть часто устраиваетъ пикники,—конечно, съ изряднымъ пьянствомъ, а зимою усиленно засѣдаетъ въ портерныхъ. Представьте себѣ, вѣдь въ городѣ даже клуба нѣтъ. Нѣтъ, здѣсь не Европа, а какая-то Папуасія. Если меня скоро не переведутъ отсюда, то чувствую, что либо повѣшусь, либо сопьюсь.

Да, вспомнишь слова Некрасова: здѣсь «сонъ непробудный царить». Бѣда сюда попасть на службу молодому неустановившемуся человѣку!

По правому берегу растянулось длинной полосой богатое, торговое село Таборы. Въ селѣ почти втрое болѣе жителей, чѣмъ въ самомъ уѣздномъ городѣ (Оханскѣ). Здѣсь находятся желѣзные склады и грузовая пристань Очерскаго и его вспомогательнаго Павловскаго заводовъ графа С. А. Строганова. Оба завода выдѣлываютъ ежегодно до 400,000 пудовъ листоваго кровельнаго желѣза. У села по Камѣ разбросаны Верхніе и Нижніе Таборскіе острова.

Отъ с. Таборъ до д. Усть-Нытвы, на протяженіи десяти верстъ, правый берегъ засыпанъ деревьями.

При впаденіи р. Нытвы въ Каму на правомъ берегу лежитъ д. Усть-Нытва, гдѣ расположены склады и пристань Нытвенскаго желѣзодѣлательнаго, чугуноплавильнаго и литейнаго завода, отстоящаго отъ Камы на 7 верстъ. Заводъ былъ основанъ въ 1756 г. и до послѣдняго времени принадлежалъ князю Голицыну или графу Строганову (точно не помню), а въ настоящее время онъ является собственностью Камскаго акціонернаго общества, во главѣ котораго стоятъ французы. Заводъ выдѣлываетъ одного листоваго желѣза до милліона пудовъ. Заводу принадлежит немного земли—всего 28½ тысячь десятинъ, изъ которыхъ 18 тысячь десятинъ заняты лѣсомъ!

Правый берегъ до Перми сылошъ покрытъ лѣсомъ, а по лѣвому тянутся поля.

Въ 12 верстахъ отъ Перми по правому берегу на протяженіи пяти верстъ протянулся поселокъ Курья, весь состоящій изъ дачъ, красиво выглядывающихъ изъ темной зелени хвойнаго лѣса. Въ поселкѣ есть изящная деревянная церковка. Собщеніе дачъ съ городомъ поддерживается пароходиками.

IX.

Пермь.—Прошлое города.—Улицы.—Электрическое освѣщеніе.—Каѳедральный соборъ.—Сибирская улица и Сибирская застава.—Общественный садъ.—«Центральные номера».—Современный Ринальдо-Ринальдини.—Отвалъ парохода.

Въ 7 часовъ утра «Мануфактуръ-Совѣтникъ» ошвартовался у пермской пристани. Поднявшись на мостикъ отъ отличнаго любимоваго дебаркадера и пересѣкши улицу, вы уже находитесь на желѣзнодорожномъ вокзалѣ, въ сѣромъ, мрачномъ зданіи.

Первоначально на мѣстѣ нынѣшняго города находилась деревня Брюханова или Брюшникова (Егошиха тожь), основанная Строгановыми на р. Егошихѣ. Въ 1722 году, по инициативѣ В. Н. Татищева, инженеромъ В. И. де-Геннинымъ былъ устроенъ мѣдеплавильный заводъ, быстро пріобрѣтшій извѣстность въ торгово-промышленномъ отношеніи, такъ какъ около него на Камѣ начали останавливаться суда, груженныя металлами уральскихъ заводовъ. Здѣсь образовался рынокъ, на который начали съѣзжаться не только окрестные жители, но и издалека. Въ 1778 году черезъ заводъ проѣзжалъ казанскій губернаторъ князь Мещерскій, который и выбралъ его, какъ удобное мѣсто, для предполагавшагося новаго города. Черезъ три года послѣ этого здѣсь и была основана Пермь.

Городъ расположенъ на высокомъ лѣвомъ берегу, въ 836 верстахъ отъ устья Камы и въ 15 верстахъ отъ слиянія послѣдней съ рѣкой Чусовой. Какъ городъ новый, онъ совершенно правильно распланированъ. Широкія, прямыя улицы, хорошо вымощенныя, по крайней мѣрѣ въ центрѣ, пересѣкаютъ его во всѣхъ направленіяхъ. Городъ не великъ ¹⁾ и обойти его весь не представляетъ большого труда. Главную улицу, Сибирскую, идущую во всю длину города отъ набережной до Сибирской заставы, можно пройти въ 10—15 минутъ. Городъ освѣщается электричествомъ. Ни въ одномъ губернскомъ городѣ я не видалъ такого большого количества фонарей, разставленныхъ на улицахъ, какъ именно въ Перми. Вообще пермяки питаютъ слабость къ электричеству: они освѣтили имъ не только соборъ, но и всѣ приходскія церкви, а въ домахъ помѣстили болѣе чѣмъ необходимо электрическихъ лампочекъ. Въ 1906 году въ городѣ устроенъ водопроводъ.

Въ городѣ немало прекрасныхъ каменныхъ домовъ, изъ коихъ нѣкоторые выдѣляются своими размѣрами и архитектурою. Укажу, напримѣръ, на домъ пароходовладѣльца Н. В. Мѣшкова на набережной и домъ крупныхъ чаоторговцевъ Грибушиныхъ на Покровской улицѣ. Эти два дома настоящія палаццо.

Въ сущности для туриста Пермь представляетъ мало интереса. Человѣку, застрявшему здѣсь безъ дѣла, стоитъ побродить по улицамъ, осмотрѣть соборъ, научно-промышленный музей и театръ.

¹⁾ По переписи 1897 г. въ Перми оказалось всего 45403 жителя.

Очень хорошъ кафедральный соборъ во имя св. Стефана Пермскаго. Онъ стоитъ на самомъ высокомъ пунктѣ набережной, откуда открывается великолѣпный видъ на Каму и Закамье. Поднявшись по нѣсколькимъ ступенямъ, вы входите въ широкой притворъ, украшенный картинами изъ жизни великаго просвѣтителя зырянъ. Соборъ имѣеть два храма: зимній и лѣтній; въ послѣдній вы можете пройти черезъ алтарь перваго. Особенно хорошъ зимній храмъ. Высокій, свѣтлый, украшенный хорошей новой живописью, онъ производитъ очень хорошее впечатлѣніе. Здѣсь находится глубоко-чтимая населеніемъ чудотворная икона Божіей Матери, украшенная дорогой ризой. У амвона стоитъ архіерейскій посохъ св. Стефана. У столба, около притвора, помѣщается небольшой явленный образъ св. Стефана. Онъ былъ случайно найденъ въ соборѣ за шкапомъ съ совершенно новымъ чистымъ полотенцемъ. Какой-то благотворитель пожертвовалъ на образъ серебряную ризу и большой серебряный вѣнокъ. Въ храмѣ хранятся нѣсколько стяговъ «союза русскаго народа». Въ лѣтнемъ храмѣ замѣчательны старинный, многоярусный, художественной работы, золоченый иконостасъ, перенесенный сюда изъ упраздненнаго Пыскорскаго Преображенскаго мужскаго монастыря, находившагося въ верховьяхъ Камы въ с. Пыскорскомъ, близъ заштатнаго города Дедюхина. Соборъ отличнѣйшимъ зимнимъ садомъ соединенъ съ архіерейскимъ домомъ.

На Сибирской улицѣ находятся лучшіе магазины, вообще неважные, и большинство присутственныхъ мѣстъ. Пройдя нѣсколько шаговъ по ней отъ набережной, вы увидите налѣво недурной скверъ, сзади котораго стоитъ громадное прекрасное кирпичное зданіе зимняго театра, которому можетъ позавидовать любой губернской городъ. Далѣе, старинный, съ треснувшими арками и покоробленными плитными полами гостиный дворъ. На той же лѣвой сторонѣ стоитъ большой деревянный, съ массивными колоннами домъ дворянскаго собранія. Къ послѣднему примыкаетъ флигель, въ которомъ устроены «Клубскіе номера», едва ли не лучшіе въ городѣ. Вотъ мы и дошли до знаменитой Сибирской заставы, являющейся единственнѣйшимъ историческимъ памятникомъ въ городѣ. Мимо этихъ двухъ громадныхъ столбовъ, увѣнчанныхъ орлами, прошли милліоны несчастныхъ въ далекую Сибирь... Около заставы стоятъ обширныя казармы конвойной команды, которой еще недавно приходилось сопровождать этихъ несчастныхъ въ «мѣста отдаленныя». А теперь къ казармамъ приткнутъ обширный пивоваренный заводъ Дедюхина.

Непосредственно за заставою находится прекрасный общественный садъ. Въ лучшей его огороженной части, въ обширномъ деревянномъ зданіи лѣтомъ помѣщается общественное собраніе. Здѣсь вы можете отлично и дешево пообѣдать. По вечерамъ въ саду играетъ оркестръ музыки.

Пермь. Почта и телеграфъ; домъ Мошкова.

Лучшія гостиницы въ городѣ—«Клубскіе номера» и «Центральные номера» Шайдурова. Я останавливался въ послѣднихъ. Эта гостиница находится на самомъ бойкомъ мѣстѣ, на углу Сибирской улицы и набережной, носящей названіе Монастырской улицы. За 3 рубля 25 копеекъ мнѣ дали огромный номеръ съ прекрасной обстановкой. Вечеромъ въ немъ, при свѣтѣ шести электрическихъ лампочекъ, хоть балъ устраивай. Но удивительно у насъ, въ Россіи, соединеніе внѣшней роскоши и европейскихъ изобрѣтеній съ азиатчиной! Горничная шеголяетъ въ fanchon, а лакей шлепаетъ въ стоптанныхъ туфляхъ и ночной сорочкѣ. Въ номерѣ бархатная мебель, искусственныя пальмы (довольно скверныя), туалетное и два зальныхъ зеркала, шесть электрическихъ лампочекъ, а спать на кровати нельзя: едва я заснулъ, какъ уже векочилъ, словно ужаленный,—полчища клоповъ буквально засыпали простыню. Такой массы этой нечести я не встрѣчалъ даже на нашихъ отвратительныхъ постоялыхъ дворахъ. Ну, не самая ли характерная смѣсь французскаго съ нижегородскимъ!

При гостиницѣ имѣются красивыя столовая и гостиная съ роялю, вечеромъ, по пермскому обычаю, конечно, заливаемая электрическимъ свѣтомъ. Въ гостиной есть два или три бюста Соломеи. Мнѣ думается, что г. Шайдуровъ не безъ умысла избралъ для украшенія своего отеля изваянія классической танцовщицы: пышныя формы и толстыя губы дочери Иродіады сильно напоминаютъ таковыя же прелести цермскихъ красавицъ. Столъ въ гостиницѣ вполне удовлетворителенъ и дешевъ.

Противъ гостиницы, у кручи берега скверъ съ чудосочными деревцами, носящій названіе Козьяго загона. Но какой чудный видъ открывается отсюда! Внизу струится красавица Кама. То пробѣжитъ по ней пассажирскій пароходъ, то проползетъ, тяжело пыхтя, буксиръ съ баржами; безчисленныя лодки бороздятъ ея тихія воды. У самой подошвы горы вьется желѣзнодорожное полотно. По низкому правому берегу стѣною стоитъ дремучій лѣсъ; на десятки верстъ ушелъ онъ туда, вглубь материка; даль и ширь его не объять глазу. Налѣво надъ рѣкою повисъ грандіозный, но чрезвычайно изящный, словно ажурный, желѣзнодорожный мостъ. Направо за городомъ виденъ другой городъ—Мотовилиха, знаменитый казенный пушечный заводъ. Тамъ все окутано густымъ, непроницаемымъ дымомъ. Кама въ Перми не уже Волги въ Ярославлѣ, но гораздо многоводнѣе ея.

Въ Перми я былъ пріятно пораженъ отсутствіемъ велосипедистовъ; за два дня пребыванія тамъ я видѣлъ лишь одного несчастнаго; и тотъ ѣхалъ тихо, скромно и въ сторонкѣ отъ прохожихъ.

Герою дня въ городѣ во время моего пребыванія въ немъ былъ разбойникъ Лбовъ, бывший унтеръ-офицеръ Преображенскаго полка. Его имя съ трепетомъ и съ какимъ-то почтеніемъ произносилось

Пермь. Покровская улица; домъ Грибушина.

всюду. Этотъ современный Ринальдо-Ринальдини своими подвигами, пожалуй, затмилъ славу своего легендарнаго предшественника. Рассказывали, что онъ высокаго роста, плечистъ, строгій брюнетъ съ блѣдно-матовымъ лицомъ, носитъ темную бородку. Обладаетъ онъ неслыханнымъ мужествомъ, способностью найтись въ самыя критическія минуты, искусствомъ превращаться, по мѣрѣ надобности, изъ юноши въ старца и наоборотъ и даже долею благородства и великодушія. Будучи необычайно энергичнымъ и подвижнымъ, онъ сегодня утромъ, во главѣ своей банды, грабитъ и убиваетъ въ Перми, а вечеромъ слава объ его «экспроприаторскихъ» успѣхахъ гремитъ уже за нѣсколько десятковъ верстъ отъ города. Вся полиція поднята на ноги, а поймать его не можетъ—у нея на глазахъ онъ безнаказанно исчезаетъ съ своими разбойниками.

Я не буду перечислять цѣлага ряда изумительныхъ по дерзости преступленій Лбова, но расскажу про безпримѣрное ограбленіе имъ пассажирскаго парохода. Этотъ грабежъ былъ до того необыченъ, что въ телеграфномъ агентствѣ сначала не повѣрили сообщенію корреспондента, полагая, что это лишь плодъ его досузей фантазіи.

Въ 9 часовъ знойнаго вечера 1 іюля 1907 года «Анна Степановна Любимова» отвалила отъ пермской пристани. На пароходѣ было 500 пассажировъ и около 20 человѣкъ команды. Въ почтовомъ отдѣленіи перевозились 42 тысячи рублей казенныхъ денегъ. Атаманъ и его 11 или 12 присныхъ заняли мѣста въ разныхъ классахъ. Одинъ изъ нихъ сошелся съ урядникомъ, ѣхавшимъ въ третьемъ классѣ, и, дружески бесѣдуя, выпивалъ съ нимъ. Около часу ночи пароходъ приближался къ Нытвѣ (въ 70 верстахъ отъ Перми). Большинство пассажировъ уже спало. Раздался сигнальный выстрѣлъ. Это убилъ спящаго урядника бражничавшій съ нимъ разбойникъ. Тотчасъ же со всѣхъ концовъ открылась пальба.

— Ложись! Не шевелись—стрѣлять будемъ! Не двигайся съ мѣста!—командовали милые экспроприаторы...

Среди команды и пассажировъ началась паника. Многіе падали ничкомъ на полъ и не шевелились, другіе какъ бы оцѣпенѣли. Второю жертвою палъ матросъ Петръ Маяковъ, который, заслышавъ выстрѣлъ, растерялся и бросился бѣжать. Разбойникъ, думая, что матросъ хочетъ его обезоружить, въ упоръ положилъ его на мѣстѣ. Третьимъ погибъ отставной артиллерійскій унтеръ-офицеръ, котораго, очевидно, приняли за жандарма. Шальными пулями оказались ранеными трое пассажировъ 3 и 4 классовъ, изъ коихъ одинъ серьезно.

Наведя панику на всѣхъ и тѣмъ обезпечивъ себѣ свободу дѣйствій, часть грабителей направилась къ машинному отдѣленію.

— Брось работу!—раздался крикъ кочегару.

Раздался выстрѣлъ, но пуля пролетѣла мимо. Двое разбойниковъ явились къ машинисту.

— Застопорь машину. Стрѣлять будемъ!—командовали лбовскіе молодцы.

Раздались выстрѣлы и одинъ за другимъ два взрыва. Это рвались петарды, брошенныя въ машинное отдѣленіе. Взрывомъ повредило питательную отъ котла трубу. Въ то же время разбойники стали обстрѣливать капитанскую рубку. Командиръ Матонцевъ, высокаго роста, довольно полный, съ рыжеватой бородой мужчина, вахтенные матросы и боцманъ присѣли. Нѣсколько пуль пропизали рубку. Одной изъ нихъ командиръ былъ раненъ навывлетъ въ ногу. Истекая кровью, командиръ приказалъ стать на якорь. Въ это время въ рубку вбѣжала обезумѣвшая отъ страха жена командира. Видя, что мужъ уже начинаетъ терять сознание, она бросилась въ столовую перваго класса и стала умолять пассажировъ помочь мужу. Нашлись смѣльчаки, которые на полотенцахъ и перенесли его въ каюту.

Паника на пароходѣ была страшная; женщины и дѣти рыдали, нѣкоторыя дамы бились въ истерикѣ, кто-то прощался. По предложенію одного пассажира перваго класса рѣшено было открыть каюты и встрѣтить грабителей съ кошельками и цѣнностями въ рукахъ.

Такъ и сдѣлали. Послышались шаги. Это шелъ самъ атаманъ, съ широкимъ кожанымъ поясомъ, за которымъ торчали четыре револьвера. Въ правой рукѣ онъ держалъ револьверъ, а въ лѣвой кинжалъ. Его сопровождала вооруженная свита. Пассажиръ протянулъ руку съ кошелькомъ и сталъ умолять о пощадѣ.

— Намъ ваши деньги и жизнь не нужны. Мы отнимаемъ только царскія деньги, — съ достоинствомъ произнесъ великодушный Лбовъ. — Не волнуйтесь: мы убиваемъ только тѣхъ, кто въ мундирахъ.

Одновременно на нижней палубѣ происходилъ разгромъ почтоваго сундука. Грабители принялись было подпиливать желѣзныя скобы громаднаго сундука, установленнаго надъ машиной. Съ одной скобкой справились быстро, а другая не поддавалась. Два разбойника направились къ каютѣ почтоваго чиновника. Тотъ спалъ. Его разбудили и, держа передъ лицомъ револьверы, заставили его отдать ключи. Тогда въ каюту чиновника втолкнули и почтальона; заперли ихъ и приставили къ нимъ карауль. Разборка почты заняла минутъ 30—40. Разбойники не торопились и начали отбирать официальные бумаги. Кстаги ограбили и пароходную кассу. Затѣмъ трое молодцовъ направились къ буфету. Буфетчикъ съ женой и горничной заперлись у себя въ каютѣ и молча лежали на полу. Раздался громкій стукъ.

— Провизія нужна. Отворите.

Дрожа отъ страха, буфетчикъ отперъ дверь.

Разбойники ввалились въ буфетъ и положили передъ собой по револьверу.

— Не бойтесь. Ничего съ вами не сдѣлаемъ. Какая есть провизія?

И приказали завязывать въ узлы чернѣй и бѣлѣй хлѣбъ, колбасу, двѣ бутылки коньяку.

— Сколько съ насъ?

— Ничего не надо,—замахалъ руками буфетчикъ.

— Мы въ милостынѣ не нуждаемся. Говори, сколько?

— Три рубля.

— Мало. Бери больше.

Однако оставили три рубля и удалились.

По сигналу атамана, которому доложили объ окончаніи грабежа, разбойники спустили пароходную шлюпку на воду и стали въ нее перебираться.

— Не двигайся съ мѣста! Кто тронется, убить будетъ,—раздалась команда, и шлюпка отвалила.

Съ лодки послышался свистъ; такимъ же свистомъ отвѣтили съ берега, гдѣ среди лѣса горѣлъ костеръ. «Вы жертвою пали въ борьбѣ роковой»... неслось по сонной рѣкѣ. Черезъ нѣсколько минутъ костеръ на берегу погасъ, а до пассажировъ донесся конскій топотъ по направленію къ селу Ново-Ильинскому...

Экспроприация 42 тысячъ казенныхъ денегъ и преждевременная насильственная смерть нѣсколькихъ ни въ чемъ не повинныхъ людей...

Это ли не сюжетъ современному Вульфѣусу для захватывающаго своимъ интересомъ криминальнаго романа.

Черезъ годъ послѣ этого неслыханнаго на русскихъ рѣкахъ разбоя я плылъ на «А. С. Любимовой» изъ Перми въ Казань. Матросъ съ дрожью въ голосѣ рассказывалъ про ужасы роковой ночи и показалъ мнѣ то мѣсто, у котораго разбойники высадились съ парохода. Это мѣсто противъ Старой Нытвы, на невысокомъ лѣвомъ берегу, заросшемъ густымъ, молодымъ лѣсомъ.

17 февраля 1908 года Лбовъ былъ схваченъ въ Нолинскѣ, гдѣ онъ убилъ стражника, пытавшагося его задержать. 22 апрѣля вятскій военно-окружный судъ приговорилъ его за это убійство къ смертной казни, и 1 мая въ Вяткѣ, въ стѣнахъ тюрьмы, онъ на висѣлицѣ покончилъ свою разбойничью жизнь.

Командиръ Матонцевъ остался хромымъ на всю жизнь. Почтовый чиновникъ, уволенный со службы за неоказаніе сопротивленія разбойничьей бандѣ, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ скончался, оставивъ безъ всякихъ средствъ къ существованію большую семью...

«Мануфактуръ-Совѣтникъ» разводилъ пары. Крючники съ крикомъ и гиканьемъ таскали съ пристани въ трюмъ парохода огромные тюки и ящики. Пассажиры все прибывали и прибывали. Въ столо-

выхъ обоихъ классовъ пермяки закусывали и выпивали. На палубѣ было цѣлое гулянье. Ровно въ 9 часовъ вечера раздался третій свистокъ. Нашъ милый командиръ, стоя на командирскомъ мостикѣ, отрывисто командовалъ въ рупоръ: «Впередъ! Тихій ходъ! Средній!»... «Мануфактуръ-Совѣтникъ» незамѣтно отдѣлился отъ дебаркадера и побѣжалъ внизъ. На пристани и берегу что-то кричатъ, машутъ платками. Какъ я былъ счастливъ, что мнѣ предстояло еще три дня любоваться красавицей Камой.

Андрей Фирсовъ.

ИНОСТРАНЦЫ О РОССИИ.

Посольство герцога Морми въ Россію.

I.

ФЕДЕРИКЪ Лоліе, извѣстный историческими изслѣдованіями о второй имперіи, недавно выпустилъ монографію о герцогѣ де-Морми, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ выдержавшую уже 9 изданій. (Fr. Lollée. Frère d'empereur—le duc de Morny et la société du second empire.)

Трудъ этотъ особенно цѣненъ, такъ какъ опирается на матеріалы, почерпнутые г. Лоліе изъ архива наслѣдниковъ герцога.

Августъ де-Морми, ближайшій сотрудникъ и единокровный братъ императора Наполеона III, несомнѣнно, былъ вдохновителемъ декабрьскаго переворота и важнѣйшихъ дѣяній, доставившихъ популярности второй имперіи, которая послѣ смерти Морми идетъ отъ одного промаха къ другому.

Авторитетный англійскій историкъ Вильямъ Грэгэмъ даже утверждаетъ: «кто умѣетъ читать между строкъ, пойметъ, что въ дѣйствительности императоромъ французомъ былъ не Наполеонъ III, но герцогъ Морми».

Личность Морми, повидимому, обладала незаурядною обаятельностью и мастерски обрисована въ извѣстномъ романѣ: «Le Nabab» Альфонсомъ Додэ, состоявшимъ одно время при герцогѣ секретаремъ.

Независимо отъ общаго значенія Морни въ исторіи второй имперіи, его личность представляетъ въ частности нѣкоторый интересъ и для исторіи царствованія императора Александра II.

Убѣжденный сторонникъ франко-русскаго союза, Морни въ 50-хъ годахъ настаивалъ на томъ, что единственная возможность обезопасить наполеоновскую Францію отъ Германіи—это тѣсно сблизиться съ императоромъ Александромъ II.

Въ этомъ духѣ Морни и старался дѣйствовать не безъ успѣха во время своего чрезвычайнаго посланничества въ Россію по случаю коронованія Александра II; но упорное заигрываніе съ Англіею, непослѣдовательность въ политикѣ Наполеона и смерть Морни помѣшали сблизенію съ Россіею и, быть можетъ, предотвращенію франко-нѣмецкой войны.

Въ настоящей статьѣ мы, основываясь на матеріалахъ, собранныхъ Лоліе, остановимся главнымъ образомъ на посольствѣ Морни. За время пребыванія въ Россіи онъ сблизился съ гр. Шуваловой и гр. Рибопьеръ, а черезъ нихъ и съ ихъ племянницей фрейлиной Высочайшаго двора княжной Софіей Сергѣевной Трубецкой. Женитьба Морни на послѣдней повела къ сблизенію его съ велико-свѣтскими русскимъ и польскимъ кружками, осѣвшими въ Парижѣ въ концѣ 50-хъ годовъ, причемъ характеристика этого кружка Лоліе зарисована главнымъ образомъ по неопубликованнымъ запискамъ родственника кн. Трубецкой, барона Бера ф.-Попень.

Существуетъ мнѣніе, не лишенное и научнаго обоснованія, будто дѣти незаконнорожденные, въ качествѣ дѣтей любви, по преимуществу оказываются въ силу естественнаго подбора наиболѣе даровитыми.

Въ этомъ смыслѣ Морни долженъ былъ явиться носителемъ особенно крупныхъ дарованій, такъ какъ завершалъ собою рядъ незаконнорожденныхъ предковъ. Бабка Морни по отцу юная дѣвица де-Лонгпрэ, незаконнорожденная дочь Людовика XV, была выдана замужъ за 57-лѣтняго старика графа де-Флаго; отъ завѣдомой и продолжительной ея связи съ тогдашнимъ епископомъ Отенскимъ, впоследствии сбросившимъ монашескій обѣтъ и превратившимся въ знаменитаго дипломата революціонной эпохи, первой имперіи и реставраціи, князя Беневентскаго Талейрана, родился сынъ Шарль де-Флаго. Поступивъ въ великую армію рядовымъ, 15 лѣтъ отъ роду, красавецъ Флаго по 17-му году уже былъ лихимъ гусарскимъ офицеромъ и адъютантомъ Мюрата, а въ 23 года бригаднымъ генераломъ¹⁾.

---

¹⁾ Генераль-лейтенантъ и пэръ Франціи въ эпоху іюльской монархіи, графъ де-Флаго умеръ сенаторомъ второй имперіи и канцляромъ капитула ордена почетнаго легіона, въ 75-лѣтнемъ возрастѣ, переживъ своего сына, герцога Морни.

Послѣ скоротечнаго романа съ графинею Анною Потоцкою (ур. гр. Тышкевичъ), гр. Флаго въ 1810 г. сошелся съ женою Людовика Бонапарта, тогдашняго короля голландскаго, Гортензіею Богарнэ, и отъ этой связи 22 октября 1811 г. родился младенецъ Августъ, который по метрикамъ III парижскаго округа былъ записанъ сыномъ Августа де-Морни, землевладѣльца о. Санъ-Доминго.

Хотя отъ юнаго Морни долгое время скрывали истинное его происхожденіе, онъ дѣтство и юность провелъ въ домѣ своей бабки, графини де-Флаго, вышедшей вторымъ бракомъ за португальскаго посланника при дворѣ Наполеона I графа Жозе де-Суза-Ботело; позднѣе же, въ эпоху іюльской монархіи, Морни проживалъ то въ Парижѣ, то въ Шотландіи вмѣстѣ съ отцомъ графомъ Шарлемъ де-Флаго, женившимся на миссѣ Мари Эльфинстонъ, дочери адмирала лорда Кейта Бэнгиста.

Получивъ тщательное домашнее воспитаніе, пройдя курсъ въ Бурбонской коллегіи, Морни послѣ революціи 1830 г. былъ принятъ на военную службу въ чинѣ подпоручика; въ 1831 г., зачисленный въ уланскій полкъ, онъ поступилъ въ Сень-Сирскую школу генеральнаго штаба, которую и окончилъ, усиленно занимаясь математикою и исторіею.

Въ чинѣ поручика и въ званіи адъютанта при генералѣ Тревелъ Морни побывалъ въ Алжирѣ и, совершивъ двѣ кампаніи для усмиренія кабилонъ, вышелъ въ 1836 г. въ отставку, награжденный за военные подвиги орденомъ почетнаго легіона.

Введенный бабкою и отцомъ въ большой свѣтъ, Морни, которому его мать королева Гортензія при рожденіи обезпечила средства для безбѣднаго существованія, повелъ въ Парижѣ разсѣянную жизнь, игралъ видную роль среди «золотой молодежи» и пользовался пріязнью орлеанскихъ принцевъ, сыновей короля Людовика-Филиппа.

Человѣкъ широкаго ума и разносторонне образованный, Морни не могъ помириться съ положеніемъ свѣтскаго льва и законодателя модъ—дружба съ незаконнорожденнымъ сыномъ Наполеона I графомъ Валевскимъ, служившимъ въ гусарахъ, но бросившимъ въ 30-хъ годахъ военную карьеру ради издательства газеты «Messager», открыла Морни доступъ въ журналистику, и въ «Messager» онъ нѣкоторое время поставлялъ еженедѣльно политическіе обзоры. Въ то же время интимная связь съ красавицею женою бельгійскаго посланника графинею Легонъ (дочерью брусельскаго банкира Моссельмана) открыла молодому честолюбцу доступъ въ финансовыя сферы и положила начало его дѣятельности ловкаго афериста.

Взявъ въ свои руки управленіе обширными имѣніями графини Легонъ въ Оверни, Морни явился однимъ изъ первыхъ строителей свекловичныхъ плантацій во Франціи; въ этой области онъ сумѣлъ

зареккомендовать себя серьезнымъ дѣльцомъ и на сѣздахъ сахаро-заводчиковъ въ теченіе многихъ лѣтъ фигурировалъ въ качествѣ неизмѣннаго предсѣдателя. Эта промышленная дѣятельность сдѣлала Морни популярнымъ въ Оверни, и онъ былъ отъ нея избранъ по достиженіи законнаго возраста представителемъ въ палату депутатовъ, гдѣ въ царствованіе Людовика-Филиппа особенно выдающейся роли не игралъ, хотя рѣчи его, преимущественно по финансовымъ вопросамъ, всегда носили дѣловой характеръ и обращали на себя вниманіе содержательностью.

Во вторую половину царствованія Людовика-Филиппа Морни ворочалъ уже крупными деньгами, сдѣлался пайщикомъ Верона въ основанной послѣднимъ крупной газетѣ «*Constitutionnel*» и въ 40-хъ годахъ могъ продать свои паи Миресу за 500.000 франковъ.

Когда іюльская монархія въ 1847 г. стала серьезно колебаться, благодаря очевиднымъ промахамъ министерства, Морни, по близости къ герцогамъ Орлеанскому и Немурскому, считъ умѣстнымъ обратиться непосредственно къ королю и предостеречь его относительно опасности положенія, но Людовикъ-Филиппъ въ самодовольномъ оптимизмѣ фамиллярно потеревилъ Морни за ухо и, улыбаясь, отвѣчалъ на его взволнованныя рѣчи: «Успокойтесь, молодой человѣкъ! Франція—страна, которая не выйдетъ изъ повиновенія должностнымъ лицамъ». Вся ошибка іюльской монархіи и вызвана была тѣмъ, что, открывъ пути буржуазіи къ обогащенію, правительство проявляло эгоистическую любовь къ застою и оставалось глухимъ къ плодотворнымъ либеральнымъ вѣяніямъ,

Положеніе уже въ 1847 г. было настолько тревожно, что княгиня Ливенъ, всегда живо интересовавшаяся политикою, повстрѣчавшись въ Баденъ-Баденѣ съ знаменитымъ парламентскимъ дѣятелемъ Беррье, на свои вопросы могла добиться лаконическихъ и далеко не утѣшительныхъ отвѣтовъ. Вѣрите ли вы въ прочность теперешняго правительства? Нѣтъ. Вѣрите ли въ возможность осуществленія республиканскаго строя? Нѣтъ. Вѣрите ли вы въ возможность воцаренія Генриха V (графа Шамбора)? Нѣтъ. Такъ во что же вы вѣрите? Ни во что—во Франціи ничего прочнаго создать нельзя.

Искренне преданный Орлеанской династіи, Морни въ 1848 г. изъ живого обмѣна мыслей съ избирателями вынесъ убѣжденіе, что дѣло Бурбоновъ (младшей вѣтви) окончательно проиграно.

Консервативность политическихъ убѣжденій навела Морни на мысль о восстановленіи на французскомъ престолѣ старшей вѣтви Бурбоновъ; но свиданія и бесѣды съ австрійскимъ канцлеромъ кн. Меттернихомъ (въ августѣ 1848 г.) убѣдили его въ несбыточности второй реставраціи.

Разочаровавшись въ жизненности законныхъ французскихъ династій, Морни въ эпоху республики 1848 г. постепенно становится

бонапартистомъ и только въ 1849 г. лично знакомится со своимъ братомъ, принцемъ Людовикомъ-Наполеономъ.

Вскорѣ Морни сдѣлался уже *persona grata* въ кружкѣ принца Канино Люсьена Бонапарта и принцессы Матильды, а въ 1851 г. чрезъ Персиньи получилъ недвусмысленное приглашеніе примкнуть къ кружку Мопа, Сентъ-Арно и Маньяна, группировавшемуся около принца, президента республики.

Неоспоримо, самая мысль и способъ осуществленія государственнаго переворота были обдуманы и соображены именно графомъ Морни и навѣяны имъ Наполеону, а затѣмъ имъ же была приведена въ исполненіе вся интрига этой драмы; впрочемъ, самъ Морни впослѣдствіи увѣрялъ, что заслуга въ успѣхѣхъ государственнаго переворота не столько принадлежитъ ему, Морни, или Сентъ-Арно, сколько генералу Флери, такъ какъ именно послѣдній исподволь подготовилъ военные ресурсы для осуществленія всего этого предпріятія.

Занявъ въ моментъ декабрьскаго переворота должность министра внутреннихъ дѣлъ, Морни проявилъ въ полномъ блескѣ тѣ качества, которыя отъ него ожидалось,—быструю сообразительность, корректность и неустранимость.

Но, пробывъ министромъ всего шесть недѣль, онъ подалъ въ отставку подъ предлогомъ неодобренія опубликованнаго 22 января 1852 г. декрета о принудительной продажѣ недвижимыхъ имуществъ, принадлежавшихъ принцамъ Орлеанскимъ; декретъ этотъ вызвалъ во Франціи большое негодованіе и жалобы орлеанистовъ на то, будто бы принудительная продажа разоритъ Орлеанскій домъ, хотя серьезно говорить объ этомъ было нельзя: Людовикъ-Филиппъ, испытавшій всякія бѣдствія въ молодости, до школьнаго учительства включительно, дальновидно накопилъ и помѣстилъ въ англійскій банкъ изрядный капиталецъ (свыше 100 мил. фр.), вполне обезпечившій судьбу орлеанскихъ принцевъ.

Во всякомъ случаѣ декретъ, направленный противъ низверженной династіи, являлся со стороны Наполеона мѣрою довольно безтактной, такъ какъ король Людовикъ-Филиппъ неизмѣнно проявлялъ благосклонность и къ матери Наполеона, герцогинѣ Сень-Ле, и съ большою снисходительностью отнесся къ нему самому при его вооруженныхъ выступленіяхъ въ Страссбургѣ и Булони. Возвращаясь къ Морни, вѣрнѣе допустить, что главною причиною его отставки были, съ одной стороны, интриги, затѣяныя противъ него Персиньи, Фульдомъ и Мопа, опасавшимися преобладающаго его вліянія на Наполеона, а съ другой стороны—неудовольствіе самого Морни за то, что Наполеонъ ограничился предоставленіемъ ему графскаго титула безъ официальнаго признанія его родственныхъ отношеній къ императору. Самъ Морни нисколько не дѣлалъ секрета изъ того, что въ его лицѣ объединяются бурбон-

скія лиліи съ геральдическими гортензіями королевы голландской, такъ какъ доводился правнукомъ королю Людовику XV и внукомъ князю Талейрану. «Я называю моего отца графомъ, вспоминаю съ благоговѣніемъ свиданія съ моею матерью-королевою, имѣю честь считать своимъ братомъ императора, къ сестрамъ обращаюсь воличая ихъ *mademoiselle*, самъ ношу титулъ герцога, и все это вполнѣ естественно», самодовольно посмѣивался онъ впослѣдствіи.

Подобныя откровенничанія, до печати включительно, со стороны непризнаннаго брата едва ли могли вызывать въ Наполеонѣ пріятныя чувства, но послѣ кратковременнаго охлажденія между братьями графъ Морни въ іюль 1854 г. былъ назначенъ президентомъ законодательнаго корпуса, а лѣтомъ 1856 г. съ сохраненіемъ этой должности былъ посланъ чрезвычайнымъ посломъ къ петербургскому двору.

Раны, причиненныя Крымской кампаніей, уже затягивались, и недавніе враги не прочь были протянуть другъ другу руки; строились даже надежды болѣе тѣснаго сближенія, такъ какъ вѣроятность столкновенія съ Австріею изъ-за объединенія Италіи понуждала Францію искать если не формальнаго союза съ Россіею, то ея благосклоннаго нейтралитета. Поэтому Наполеонъ ухватился за первый же удобный случай склонить въ свою пользу Россію предупредительными любезностями.

Въ совѣтѣ министровъ было рѣшено по случаю торжествъ, предстоявшихъ при коронованіи императора Александра II, представителемъ Франціи назначить ловкаго дипломата *di primo cartello*.

Для этой важной миссіи почиталось умѣстнымъ избрать лицо наиболѣе вѣское послѣ особы самого императора.

Естественно, выборъ палъ на графа де-Морни. Крупный политическій дѣятель, одаренный острымъ умомъ и находчивостью и вполнѣ свѣтскій, обходительный человѣкъ, онъ наиболѣе подходилъ для этого показной роли.

«Вчера,—пишетъ графиня Дамремонъ дипломату Тувсенелю,—въ свѣтѣ только и говорили о многочисленныхъ искательствахъ со стороны представителей самыхъ знатныхъ фамилій во Франціи, домогающихся чести сопровождать чрезвычайнаго посла въ Россію... Морни имѣеть ту заслугу, что среди расточаемыхъ ему ласкательствъ и всевозможныхъ уснѣховъ онъ остался, что называется, добрымъ малымъ».

Отъѣздъ Морни затянулся до лѣта, такъ какъ Наполеонъ счелъ нужнымъ послать раньше къ государю Александру Николаевичу съ собственноручнымъ письмомъ своего адъютанта Эдгара Нея ¹⁾,

¹⁾ Младшій сынъ разстрѣлянаго маршала Нея, носившій титулъ *prince de la Moskova*, былъ сенаторомъ второй имперіи и оберъ-егермейстеромъ при дворѣ Наполеона III; покончилъ съ собою самоубійствомъ.

«истор. вѣстн.», декабрь, 1910 г., т. сxxii.

желая расчистить Морни путь для дальнѣйшаго дипломатическихъ успѣховъ.

Въ концѣ іюля 1856 г. Морни отправился въ Россію, стараясь перегнать своихъ соперниковъ и сотоварищѣй, такъ какъ всѣ европейскія государства, наперерывъ другъ передъ другомъ, старались проявить по отношенію къ Россіи демонстративные знаки почтенія, не лишеныя политическихъ расчетовъ.

Австро-Венгрія въ этомъ случаѣ представительство своихъ интересовъ возложила на князя Эстергази, побывавшаго посланникомъ въ Римѣ и Лондонѣ и составившаго себѣ славу прямою характера, изощренностью ума и огромнымъ состояніемъ, позволявшимъ ему вести роскошный образъ жизни.

Великобританія остановила свой выборъ на лордѣ Джорджѣ, Ливезонѣ Гоуэрѣ, второмъ графѣ Гренвиллѣ—сынѣ знаменитаго дипломата и герцогини Девонширской. Потомокъ герцоговъ Сутерлендскихъ, лордъ Джорджъ по самому рожденію принадлежалъ къ политическому міру и наравнѣ съ лордомъ Маколеемъ и Джономъ Росселемъ отъ младыхъ ногтей вращался среди государственныхъ людей. Преемникъ лорда Пальмерстона, графъ Гренвилль въ ту пору состоялъ предсѣдателемъ тайнаго совѣта, а передъ тѣмъ послѣдовательно занималъ должности оберъ-егермейстера, генеральнаго казначея арміи, а затѣмъ флота и канцлера герцогства Ланкастерскаго.

Такимъ образомъ, всѣ три великія державы, наиболѣе заинтересованныя тѣмъ, чтобы заручиться вліяніемъ при петербургскомъ дворѣ, возлагали свои надежды на ловкость, свѣтскость и значительное богатство своихъ пословъ.

Въ Берлинѣ Морни уже ожидала его обширная свита, въ составѣ перваго секретаря Шарля Бодена, посольскихъ секретарей виконта де-Леспинъ и виконта де-Симеонъ, посольскихъ *attachés* маркиза де-Пьеннъ, маркиза де-Сайвъ, герцога Граммона Кадеруссъ, маркиза Куртавеля, барона Гуннольштейна и маркиза де-Можабрѣ. Кромѣ того, Морни, по званію предсѣдателя законодательнаго корпуса, сопровождалъ еще секретарь этого учрежденія графъ Іоахимъ Мюратъ, ведшій поденныя записки этой пышной миссіи. Въ довершеніе всего къ посольству были приданы,—что являлось уже совершенно необычайнымъ,—многочисленные военные чины: генераль артиллеріи Лебефъ, генераль инженерныхъ войскъ Фроссаръ, генераль пѣхоты Дюмонъ (всѣ они были участниками Крымской кампаніи), подполковникъ Рейль (сынъ маршала), ротмистръ 8 уланскаго полка князь Павелъ де-Боффремонъ, капитанъ ген. штаба Пикваль, поручикъ 6-го гусарскаго полка графъ д'Эспейль, и подпоручикъ маркизъ де-Галиффѣ.

Встрѣченное на границѣ отряженнымъ для этого фельдъегеремъ, а въ Ковнѣ чиновникомъ почтоваго вѣдомства, посольство въ нѣ-

сколькихъ экипажахъ быстро добралось до Гатчины и 5-го сентября уже заняло домъ гр. Воронцова-Дашкова на Англійской набережной. Въ самый день пріѣзда онъ сдѣлалъ визитъ кн. Горчакову, въ этотъ же день и послѣдующій знакомился съ Петербургомъ и его островами, а на 7-ое ему была назначена торжественная аудіенція въ Петергофѣ у государя и у государыни, послѣ чего передъ обѣдомъ графу Морни въ Англійскомъ дворцѣ представлялись придворные.

На слѣдующій день 7 сентября Морни приглашенъ былъ къ молебну по случаю празднованія 32-й годовщины рожденія государыни Маріи Александровны, а затѣмъ къ Высочайшему столу и на придворный балъ въ этотъ же вечеръ.

Въ видѣ исключенія графъ Морни былъ освобожденъ отъ обязательныхъ визитовъ къ малымъ дворамъ и былъ представленъ великимъ княгинямъ и князьямъ въ Петергофѣ.

Привыкшій къ свѣтскому обращенію, графъ Морни сумѣлъ себя поставить и при петергофскомъ дворѣ и въ петербургскомъ обществѣ, которое въ лицѣ первыхъ 4-хъ классовъ, имѣющихъ пріѣздъ ко двору, какъ и дипломатическій корпусъ, были ему торжественно представлены отряженными для этого церемоніймейстерами.

Находчивый и обворожительный въ своей любезности, Морни искалъ всѣмъ понравиться и всѣхъ привлечь къ себѣ; обладая такой обаятельностью, что онъ даже и недруговъ заставлялъ признаваться, что единственнымъ способомъ отдѣлаться отъ его чаръ было не подвергаться имъ вовсе, Морни побѣдилъ все русское великосвѣтское общество.

Несмотря, однакоже, на свою ловкость, Морни позорнѣйшимъ образомъ опростоволосился въ интимной бесѣдѣ съ вдовствующей императрицею Александрою Теодоровною. Рѣчь зашла о Тюльерійскомъ дворѣ и супругѣ Наполеона III. Хотя Морни никогда не питалъ особеннаго расположенія къ имп. Евгеніи, однако счелъ долгомъ распространиться о ея достоинствахъ, оправдывая выборъ своего повелителя тѣмъ, что имп. Евгенія своимъ изяществомъ и аристократичностью вовсе не уступаетъ принцессамъ мелкихъ нѣмецкихъ королей и князьковъ, которыя подчасъ непріятно поражаютъ свѣжаго человѣка своими провинціализмомъ и надутостью.

Императрица выслушала эту тираду невозмутимо и, улыбаясь, промолвила: «Отъ имени обѣихъ моихъ невѣстокъ (государыни Маріи Александровны, принцессы Гессенской, и Александры Иосифовны, принцессы Саксенъ-Альтенбургской) позвольте вамъ поблагодарить за этотъ комплиментъ. Но увѣрю васъ, что и покойный мой супругъ и я сама и весь дворъ всегда воехичались удачнымъ выборомъ моихъ сыпоевъ, мои невѣстки составляютъ счастье моей жизни, но, конечно, это нисколько не мѣшаетъ и императрицѣ Евгеніи быть

очаровательною». Морни поблѣднѣлъ, покраснѣлъ, пустился въ запутанныя объясненія, но императрица - мать, милостиво надъ нимъ посмѣявшись сама же помогла ему выпутаться изъ неловкаго положенія, въ какое онъ себя поставилъ въ пылу аргументаціи.

Широта приемовъ графа Морни, роскошь, съ которою была обставлена его резиденція (мебель для нея была выписана изъ придворныхъ кладовыхъ Тюльерійскаго дворца), изящество его выѣздовъ и художественный интересъ привезенной имъ съ собою его картинной галереи производили немалую сенсацію даже и въ избалованномъ роскошью Петербургѣ. Особенно же импонировали публикѣ торжественные выѣзды посла въ сопровожденіи блестящей военной свиты, которая своими необычайными для глазъ мундирами придавала щеголеватую пышность выѣздамъ; нѣкоторые служаки, впрочемъ, какъ, напр., ген. Флери, находили, что подобное подчиненіе военного элемента и придача чиновныхъ ординарцевъ особѣ посла, какъ бы ни было чрезвычайно посольство, едва ли умѣстно. Но цѣль во всякомъ случаѣ была достигнута, и французскій чрезвычайный посолъ былъ окруженъ такой помпою и блескомъ, какъ никто изъ представителей другихъ государствъ.

Вскорѣ начались приготовления къ переѣзду двора на коронацію, и Морни поспѣшилъ въ Москву, гдѣ для него были наняты два роскошно мебелированные парижскимъ дворцовымъ *Garde meuble* особняка—Корсакова,—здѣсь помѣщались многочисленная свита посла и парадные приемные апартаменты, и Лухманова, служившій жилищемъ для самого посла. Въ домѣ же Корсакова собрался и весь дипломатическій корпусъ предъ отправленіемъ въ Благовѣщенскій соборъ на коронацію.

Экипажи пословъ соперничали роскошью.

Кареты лорда Гренвилля и князя Эстергази были законченными образцами корректнаго вкуса, а самъ князь Эстергази, облеченный въ живописный національный костюмъ венгерскаго магната, буквально весь сіялъ брилліантами и жемчугами. Графъ Морни щегольнулъ зеркальною каретою съ кучерскими и лакейскими сидѣньями, разукрашенными дивными вышивками, и прислугою въ напудренныхъ парикахъ и бѣлыхъ ливреяхъ, расшитыхъ золотомъ.

Открывшійся велѣдъ за коронаціей рядъ приемовъ поражаель своимъ великолѣпіемъ. Послы Великобританіи, Австріи и Франціи всецѣло старались превзойти другъ друга въ великолѣпніи празднества, устроенныхъ въ честь государя.

Празднества открылись приемомъ у лорда Гренвилля, причемъ ужинъ былъ сервированъ на изящной золотой и серебряной посудѣ, которую герцогъ Девонширскій привозилъ въ Москву еще на коронацію Николая I; герцогъ и теперь любезно предоставилъ фамилные сервизы своему родственнику Гренвиллю для поддержанія престожа англійскаго великолѣпія.

Затѣмъ послѣдоваль ослѣпительный по роскоши вечерній пріемъ у князя Эстергази, которому его огромное богатство позволяло не стѣсняться расходами.

За всѣмъ тѣмъ рекордъ былъ побить баломъ, устроеннымъ графомъ Морни.

По свидѣтельству очевидца, графа Іоахима Мюрата, посоль самолично входилъ во всѣ мелочи декорированія бальнаго зала. Заль былъ сплошь затянутъ голубою шелковою матеріей, и на этомъ нѣжномъ фонѣ выдѣлялась причудливая сѣтка съ золотыми разводами въ видѣ листьевъ, среди которыхъ располагались гобелены и живописные медальоны. Эстрада, предназначенная для императорской фамиліи, была изящно задрапирована голубою шелковою тканью.

Дворъ прибылъ въ посольство около 10¹/₂ ч. в. и почти тотчасъ же былъ открытъ балъ графомъ Морни, танцовавшимъ съ государынею Марією Александровною, и государемъ Александромъ Николаевичемъ, танцовавшимъ съ графинею М. К. Зеебахъ (дочерью канцлера графа Нессельроде, женою саксонскаго посланника при Тюльерійскомъ дворѣ), которая любезно приняла на себя несеніе обязанностей хозяйки у французскаго посла. Было замѣчено, что императорская фамилія, желая оказать особенное вниманіе графу Морни, пробыла на балу, какъ исключеніе, очень долго, а государю Александру Николаевичу чрезъ нѣсколько дней благоутодно было отозваться, что балъ у Морни былъ самымъ роскошнымъ и изящнымъ изо всѣхъ празднествъ.

Государь Александръ II, и самъ обладавшій способностью очаровывать пріятныхъ ему людей, видимо, подпалъ чарамъ вкрадчиваго Морни. Этотъ послѣдній свое честолюбіе простиралъ гораздо дальше скоропреходящаго свѣтскаго успѣха и напрягалъ усилія для того, чтобы упрочить отношенія Франціи къ государю и заставить его позабыть прежніе мелкіе уколы самолюбія.

Въ Парижѣ русскій посланникъ графъ Киселевъ неоднократно жаловался на то, что императрица Евгенія мало проявляетъ желанія его видѣть, а Наполеонъ заставляетъ его подолгу ожидать аудіенцій. Такъ какъ и въ Петербургѣ проявляли большую чуткость къ мелочамъ и щепетильность, то графъ Морни не скупился на любезности и предупредительность и внушалъ французскому министру иностранныхъ дѣлъ Валуевскому отъ 25 ноября 1856 года.

«Я не считаю политичнымъ показывать русскимъ холодность и очень буду сожалѣть, если императоръ и императрица стануть на этотъ путь. Отъ англичанъ они за это признательности не дождутся, а русскіе люди тонкіе и обиду почувствуютъ глубоко».

Морни тогда уже, повидимому, опасался того, что и разыгралось въ 1867 г. во время Высочайшихъ посѣщеній всемірной выставки, когда Наполеонъ и его присные совершили непростительный промахъ и не использовали въ интересахъ франко-русскаго сближенія друже-

любныхъ чувствованій, коими былъ воодушевленъ въ Парижѣ государь Александръ Николаевичъ:

«Россія теперь дается намъ въ руки,—писалъ Морни Валевскому изъ Петербурга 13 (25) ноября,—и если мы ее оттолкнемъ, она замкнется въ себѣ и, конечно, не проститъ того, что мы отклонили ея авансы».

Морни правильно оцѣнивалъ двойную игру Великобританіи, преслѣдовавшей исключительно собственные интересы, и предостерегалъ Валевского въ этомъ же письмѣ: «Позвольте мнѣ предсказать вамъ будущее: Англія, повидимому, въ отношеніяхъ къ Россіи проявляетъ грубую рѣзкость, а подъ рукою нашептываетъ здѣсь любезности и общается вернуться къ прежнимъ добрымъ отношеніямъ, разъ будутъ улажены текуція недоразумѣнія. Бога ради не будемъ же простаками и постараемся повести дѣла ловко: воздадимъ каждому по дѣламъ его. Если мы этого не сдѣлаемъ будьте увѣрены, чрезъ какихъ-нибудь два года наши отношенія къ Англіи уже не будутъ особенно хороши, а отношенія къ Россіи окажутся окончательно испорченными».

Не пропуская ни единого бала, ни приѣма при дворѣ, Морни всемѣрно старался заполнить всѣхъ, а паче всего довѣріе русскихъ правящихъ сферъ. Свѣтскій человекъ тутъ успѣшно подыгрывалъ тонкимъ и обдуманымъ ходамъ государственнаго дѣятеля.

Морни на свой страхъ усвоилъ и навязывалъ наполеоновской дипломатіи политику недостаточно оцѣненнаго ни въ Россіи, ни во Франціи герцога Ришелье, которая, благодаря стараніямъ Деказовъ и Ганото, лишь въ эпоху третьей республики явилась могучимъ и дѣйственнымъ оплотомъ для безопасности Франціи. Органическая симпатія, связывавшая Россію съ Франціею, была Морни въ глаза давно, и еще въ 1853 г., при naroжденіи второй имперіи, онъ въ этомъ направленіи высказывался совершенно опредѣлительно. Руссофильство Морни уже тогда настолько объявилось, что графъ Нессельроде въ конфиденціальномъ письмѣ къ посланнику Киселеву подчеркивалъ необходимость использовать мудрость и умъ этого доброжелателя. Именно благодаря своевременному вмѣшательству Морни въ недоразумѣнія, возникшія по поводу признанія второй имперіи державами, было счастливо устранено обостреніе вопроса о титулатурѣ (по взаимному соглашенію съ Пруссіею и Австріею рѣшено было вторую имперію признать, но въ поздравленіи Наполеона съ восшествіемъ на престолъ не называть его, какъ принято, «Mon frère». Фридрихъ-Вильгельмъ и Францъ-Иосифъ въ послѣднюю минуту одумались, а Николай I за образецъ привѣтствія принялъ ту форму, которая практиковалась въ перепискѣ съ президентомъ Соединенныхъ Американскихъ Штатовъ). И впослѣдствіи, въ эпоху Крымской кампаніи, Морни горячо отстаивалъ идею тѣснаго сближенія Франціи съ Россіею. Точно

такъ же, какъ и князь А. М. Горчаковъ, Морни доказывалъ, что апогеемъ могущества Наполеона I была эпоха его союза съ Александромъ I. Морни настаивалъ предъ парижскимъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, что, для внушенія къ себѣ довѣрія, необходимо занять положеніе совершенно откровенное, вести разъ намѣченную линію поведенія безъ изворотовъ и настойчиво добиваться сближенія съ Россіею, такъ какъ только прочное соглашеніе съ могущественной сѣверною державою устранить возможность коалиціи противъ Франціи.

«Никогда Россіи не слѣдовало бы ссориться съ Франціею,—внушала Морни кн. Горчакову:—вѣдь послѣдняя является естественною для Россіи союзницею по тысячѣ причинъ. Я по крайней мѣрѣ глубоко убѣжденъ, что намъ несравненно легче и выгоднѣе сойтись съ Россіею, чѣмъ съ Германіею, которая насъ ненавидитъ ото всей глубины сердца».

Въ интимной перепискѣ съ «моимъ добрымъ императоромъ» изъ Петербурга Морни, сильный близостью къ брату, среди шутокъ и фамиллярныхъ любезностей, не обинуется въ изложеніи своихъ взглядовъ на политику, не находя достаточныхъ укоризнъ за заигрыванья Персиньи съ англійскимъ кабинетомъ и попытки его гнуть свою линію въ полное противорѣчіе съ инструкціями, данными Наполеономъ Морни. Онъ безъ всякихъ вывертовъ пишетъ: «Дорогой мой императоръ, положеніе дѣлъ такое-то—дѣйствовать слѣдуетъ такъ-то и будетъ безуміемъ и нелѣпостью поступить иначе въ силу такихъ-то обстоятельствъ и мотивовъ».

Чуждый политикѣ сантиментализма, Морни настаивалъ на бережномъ и дальновидномъ обходѣ подводныхъ камней. «Россія—писалъ онъ Наполеону 15 сентября 1856 г.,—нѣсколько опасается движенія въ Польшѣ. Для всякаго разумнаго государственнаго человѣка очевидно, что если императорская Франція и Россія хотятъ жить въ добромъ согласіи, Польша и смѣть не должна волноваться,—въ нашихъ интересахъ ужъ, конечно, не можетъ лежать лелѣять въ Польшѣ мятежныя вожделѣнія».

Но недостатокъ наполеоновской политики заключался въ непослѣдовательности и не подававшихся предвидѣнію скачкахъ фантазіи великаго молчальника, а Морни оказался недолговѣченъ и недостаточно вліятелецъ для умѣряющаго воздѣйствія на путанные импульсы своего царственнаго брата. Наполеонъ въ 1863 г. принялся заигрывать съ Чарторыйскимъ и польскими патріотами, а Бисмаркъ и тутъ съ обычною прозорливостью сдѣлалъ ловкій шахматный ходъ противъ своего врага *in spe*. Пруссія предложила Россіи особую конвенцію, гарантируя ей нравственную поддержку прусскаго правительства для подавленія польскаго мятежа. Этимъ дешевымъ путемъ Пруссія тогда уже приобрѣла право на признательность петербургскаго двора, что затѣмъ и выразилось въ бла-

госклонномъ къ Пруссіи нейтралитетѣ въ эпоху франко-пруссеской войны.

Во время посланичества въ Петербургѣ Морни, благодаря исключительности своего положенія, выступалъ примиряющимъ и доброжелательнымъ посредникомъ между Наполеономъ III и Александромъ II и, нисколько не стѣняясь обычными формами придворнаго церемоніала, высказывался передъ государемъ просто и вразумительно.

Своими манерами и дружественными изліяніями Морни настолько подкупилъ государя, что тотъ, взявъ какъ-то Морни за руку, спросилъ его: «Неужели мы скоро разстанемся? Для меня это будетъ большимъ горемъ. Моя семья и всѣ стануть сожалѣть о вашемъ отъѣздѣ. Нельзя ли столковаться съ Наполеономъ, чтобы онъ васъ здѣсь оставилъ?» Морни и самъ не прочь былъ остаться въ Петербургѣ, женившись на княжнѣ Трубецкой. Онъ далъ это понятъ Наполеону, не высказывая прямо своего желанія, но Наполеонъ отмолчался, а неожиданный бракъ Морни на княжнѣ Трубецкой вызвалъ вспышку ревности давнишней его пріятельницы, графини Леговъ, и она подняла цѣлую исторію, требуя возврата отъ Морни вѣреннхъ ему ея капиталовъ. Не ожидая возвращенія брата, Наполеонъ распорядился собственною властью, по интригамъ Руэра и Флери, признать за графинею Леговъ право на полученіе нѣсколькихъ милліоновъ, находившихся въ дѣлахъ промышленныхъ предпріятій, въ коихъ участвовалъ Морни.

Ссылаясь на необходимость устройства денежныхъ своихъ дѣлъ, Морни обставилъ свое отозваніе изъ Россіи такъ, что разстался съ государемъ Александромъ Николаевичемъ, провожаемый самыми милостивыми пожеланіями.

Всѣ текуція дипломатическія дѣла и недоразумѣнія были разрѣшены къ полному удовольствію чрезвычайнаго посла, дипломатическія уступки, любезности и авансы охотно дѣлались княземъ Горчаковымъ въ личное одолженіе графу Морни, и князь Горчаковъ даже писалъ ему: «Вы убѣдитесь, насколько у насъ лежитъ на сердцѣ быть вамъ пріятными и подъ вашею этикеткою и впредь дѣйствовать въ видахъ благопріятныхъ Франціи».

Морни давно тяготился ревнивою привязанностью графини Леговъ и желалъ сбросить съ себя цѣпи, которыя все тѣснѣе его связывали.

— Какой вы счастливецъ!—позавидовалъ онъ ген. Флери, когда тотъ женился.—Какъ бы мнѣ хотѣлось послѣдовать вашему примѣру. Бракъ представляется мнѣ раемъ въ сравненіи съ тѣмъ, что я терплю—отсутствіе домашняго очага, дѣтей и свободы мнѣ прямо отвратительно!

Пребываніе въ Петербургѣ и помогло графу Морни сбросить неудобное иго, благо явилось новое увлеченіе.

Въ Зимнемъ дворцѣ на балу Морни приглянулась княжна Софія Сергѣевна Трубецкая, фрейлина императрицы. Чудный цвѣтъ лица, каріе глаза, роскошныя бѣлокурыя волосы, при изяществѣ фигуры, очаровали графа.

Княжна жила при дворѣ и находилась въ довольно исключительныхъ условіяхъ. Дѣдъ ея по отцу былъ женатъ первымъ бракомъ на принцессѣ Курляндской, разведенной съ герцогомъ Роганомъ, а вторымъ бракомъ на дочери генерала ф.-Вейзе, женившася на цыганкѣ. Отъ второго брака у князя Трубецкого родился сынъ Сергѣй, неукротимый и властный; женился онъ на Музиной-Пушкиной, но бракъ былъ не изъ счастливыхъ, сопровождался постоянными раздорами и привелъ супруговъ къ добровольному развѣзду. Затѣмъ князь Трубецкой изъ-подъ вѣнца отнялъ у Жадмировскаго его красавицу-жену, впоследствии вышедшую замужъ за графа де-Кастеля, и этимъ навлекъ на себя гнѣвъ государя Николая Павловича. Разжалованный и лишенный титула, онъ щеголялъ карточками «Serge Troubetzkoi», né prince (Сергѣй Трубецкой, урожденный князь).

Княгиня Трубецкая съ малолѣтнею дочерью уѣхала въ Парижъ и сошлась съ Киселевымъ.

Кокетливая и привлекательная, она одно время пользовалась милостивымъ вниманіемъ государя Николая Павловича; сплетники даже увѣряли, будто сама княжна далеко не увѣрена, отъ кого собственно она родила дочь—отъ Сергѣя ли Трубецкого, отъ Николая ли Павловича, или отъ Киселева.

Смертельно заболѣвъ въ Парижѣ, княгиня Трубецкая обратилась къ милости императрицы Александры Ѳеодоровны и просила замѣнить Сонѣ мать. Семилѣтнюю сиротку привезли въ Петербургъ, гдѣ императрица-мать опредѣлила княжну Трубецкую въ Смольный институтъ, а по окончаніи института ее взяла къ себѣ въ фрейлины императрица Марія Александровна.

Къ искательствамъ графа Морни очень сочувственно отнеслись обѣ тетки по отцу княжны Трубецкой, графиня Воронцова, пользовавшаяся большимъ расположеніемъ Николая Павловича, и графиня Софія Рибопьеръ; онѣ вдвоемъ очень быстро оборудовали этотъ бракъ, а государь Александръ Николаевичъ пожаловалъ повобрачной въ приданое 500.000 франковъ.

Осенью 1856 г. чета Морни покинула Петербургъ.

«Я повстрѣчалъ ихъ,—пишетъ родственникъ Морни баронъ Беръ фонъ-Попенъ,—во Франкфуртѣ. Sophie была обворожительна въ простенькомъ бѣломъ пикейномъ платьицѣ, безъ всякихъ украшеній, а графъ, совершенно влюбленный, сіялъ отъ счастья».

Въ Парижѣ графиня начала выѣзжать въ свѣтъ только въ 1857 г. послѣ первыхъ родовъ. Первый выѣздъ графини былъ на балъ къ ея соотечественницѣ Нарышкиной (Ушаковой), гдѣ она произвела большую сенсацію.

Введенная мужемъ въ Тюльери и гостинныя бонапартистской знати, графиня Морни тамъ не акклиматизировалась. Подобно многимъ тогдашнимъ аристократкамъ, она щеголяла легитимизмомъ, демонстративно носила въ волосахъ брильянтовую лилію и тяготилась смѣшаннымъ обществомъ, составлявшимъ импровизированный Тюльерійскій дворъ. На одномъ придворномъ пріемѣ она долго разглядывала графиню Теба (мать имп. Евгеніи) и, обратившись къ барону Беру, саркастически замѣтила:

— Полюбуйтесь, — вѣдь это здѣшняя императрица-мать — со-всѣмъ *простая*! Да и всѣ они здѣсь простые!

При такой оцѣнкѣ бонапартистскаго общества, графиня тяготилась принимать политическихъ единомышленниковъ мужа, и въ то время, какъ графъ Морни въ нижнемъ этажѣ Бурбонскаго дворца принималъ депутатовъ и политическихъ дѣятелей, графиня наверху открывала свои гостинныя только интимному кружку, преимущественно русскихъ и польскихъ аристократокъ, раскладывала пасьянсы, дымила папиросками и возилась со своимъ звѣринцемъ, питая страсть къ птицамъ, обезьянамъ и собакамъ.

Наблюдательная, гордая, непосредственная и прямодушная, графиня была очень отзывчива на ласки, но помнила и зло, подчасъ проявляла неровность въ обращеніи и показывала прямолинейность въ своихъ убѣжденіяхъ и оцѣнкахъ людей.

Морни относился къ женѣ съ неизмѣнною снисходительностью, не стѣняя ея вкусовъ и фантазій.

Эмансипированныя замашки кокодетокъ второй имперіи показались графинѣ нѣсколько вульгарными, отчего первое время она всѣ свои отношенія сводила къ посѣщенію тетки графини Воронцовой¹⁾, а затѣмъ черезъ нее сблизилась со всею русскою колоніею.

Славянская колонія, преумноженная брачными союзами, въ это время занимала видное положеніе въ Парижѣ. Цѣлый рой польскихъ красавиць, изъ коихъ нныя повыходили замужъ за французовъ, вносили въ этотъ избранный кружокъ особое оживленіе. Таковы были Лаура Швейковская, графиня Елизавета Пшездецкая, жена Альфреда Потоцкаго, княгиня Чарторыйская, княгиня Сангушко (ур. кн. Любомирская), дочь которой Елена — удивительная красавица и музыкантша — упорно отказывала всѣмъ женихамъ, до герцога Немурскаго включительно.

Менѣе оживленныя и вкрадчивыя, но болѣе даровитыя и бойкія собесѣдницы, русскія барыни соперничали съ польками въ успѣхѣхъ и умѣніи привлекать поклонниковъ. Среди нихъ едва ли не первенствующую роль тогда играла М. Ө. Калерджи²⁾ (урожденная гра-

¹⁾ Графиня Воронцова занимала особнякъ на Avenue de l'Imperatrice, гдѣ въ послѣдствіи постоянными посѣтителями, при наѣздахъ въ Парижъ, бывали великіе князья Владимиръ и Алексѣй Александровичи.

²⁾ См. нашу статью въ «Истор. Вѣстн.» за 1910 г., №№ 10—11.

финя Нессельроде)—ее боготворили такіе разнородные люди, какъ ген. Кавеньякъ, Тьеръ и Листъ; и дѣйствительно она была удивительно привлекательна, добра, умна и живая.

Центромъ, объединявшимъ русскій кружокъ въ Парижѣ въ 1856—1859 гг., служилъ салонъ русскаго посланника графа Киселева, человѣка очень любезнаго и остроумнаго. Жена Киселева, ур. графиня Потоцкая (дочь знаменитой красавицы фанаріотки), съ мужемъ не жила, но, любя общество, не покидала Парижа, гдѣ имѣла свой салонъ въ Champs Elisés. Графиня сохранила слѣды былой красоты, была искусной собесѣдницею, но неудержимо предавалась страсти къ картежничеству—у нея изо дня въ день велась крупная игра, нерѣдко затягивавшаяся на всю ночь.

Вмѣсто настоящей хозяйки въ русскомъ посольствѣ царила княгиня Радзивиллъ, урожденная княжна Урусова, сестра супруги кн. А. М. Горчакова. Она тоже не имѣла дѣтей, жила въ разрывѣ съ мужемъ: очень изящная великосвѣтская барыня, кн. Радзивиллъ слыла за капризную горячку, имѣла въ Петербургѣ обширныя связи, благодаря тому, что долгое время пользовалась фаворомъ у государя Николая Павловича; княгиня Радзивиллъ всегда благоволила къ графу Морни и снабдила его передъ поѣздкою въ Петербургъ многочисленными свѣдѣніями и письмами, которыми тотъ не преминулъ умѣло воспользоваться.

На приѣмахъ у русскаго посланника, у тогдашней дипломатической молодежи глаза разбѣгались на постоянныхъ посѣтительницъ гостепрѣимнаго графа Киселева; среди этой молодежи особенно выдѣлялся красавецъ и блестящій свѣтскій человѣкъ Альбединскій, впоследствии женившійся на княжнѣ Долгорукой, и обворожительный Альфредъ фонъ-Гротъ, одержавшій не мало побѣдъ въ Парижѣ, послѣ котораго на его долю выпали не меньшіе житейскіе успѣхи при петербургскомъ дворѣ въ званіи оберъ-гофмейстера. Въ салонѣ же Киселева вращались уродливый, злой и остроумный графъ Толстой, молодой князь Репнинъ, Иванъ Паскевичъ, женившійся на изящной Сухановой (которая вскорѣ съ нимъ развелась и превратилась въ герцогиню Гамильтонъ), и «мрачный красавецъ» князь Петръ Трубецкой; послѣдній вскорѣ женился на дочери княгини Елены Кочубей и сестрѣ г-жи Дурново, княжнѣ Елизаветѣ Бѣлосельской-Бѣлозерской. Пріятельница Тьера, Руэра, Ла-Героньера, лорда Пальмерстона и князя А. М. Горчакова, «*princesse Lise*» тогда только начинала свою карьеру, но вскорѣ добилась знаменитости въ Парижѣ, Лондонѣ и Петербургѣ. Маленькаго роста, свѣтлорусая, далеко не красивая, благодаря плоскимъ чертамъ лица, княгиня Трубецкая была хорошо сложена, изящна и не прочь была изображать изъ себя маркизу эпохи Людовика XV. Несмотря на тщеславіе и суетность, она была хорошо образована, даровита и умна—послѣднее качество она въ

себѣ сознавала и охотно имъ щеголяла передъ кѣмъ могла, безпощадная въ своихъ колкихъ приговорахъ. Пикантная и своеобразная, княгиня Трубецкая сложилась въ особый типъ и, ради удовлетворенія ненасытнаго самолюбія, являлась болтливою вѣстовщицею самыхъ послѣднихъ дипломатическихъ новинокъ.

Гдѣ бы ни появилась княгиня Лиза, можно было съ увѣренностью ожидать, что она тотчасъ же изъ муфты или изъ-за корсажа вытянетъ свѣженькое—только что полученное—отъ лорда Гренвилля или отъ князя Горчакова, или отъ кого другого письмо. Едва ли высокопоставленные корреспонденты относились къ ней сердечно и ввѣряли ей политическія тайны, но возможно, что болтливостью княгини Трубецкой пользовались для подготовленія общественнаго мнѣнія къ тѣмъ или инымъ дипломатическимъ откровеніямъ. Во всякомъ случаѣ Трубецкой было далеко до подвижной и любознательной княгини Ливень, салонъ которой Тьеръ мѣтко обозвалъ обсерваторіею для наблюденія за Европою.

На ряду съ княгиней Трубецкой не мало шума въ Парижѣ дѣлала остроумная княгиня Леонида Меншикова, урожденная княжна Гагарина. Умница, почти ученая и тѣмъ не менѣ естественная и добрая, задорная и откровенная, крупнаго роста, блондинка, некрасивая и давно съ этимъ примирившаяся, Меншикова, чрезвычайно богатая и гостеприимная, не стѣснялась въ выраженіяхъ, любила посмѣяться, вела жизнь далеко не образцовую, нисколько этимъ не формализуясь, но умѣла быть вѣрнымъ другомъ и неизмѣнно оставалась *grande dame* во всѣхъ своихъ поступкахъ и дѣйствіяхъ.

Пользуясь всеобщимъ расположеніемъ за свою чарующую доброту и изящество, въ этомъ же кружкѣ вращалась княгиня Леонила Витгенштейнъ, урожденная княжна Барятинская. Принятіе католичества сдѣлало для нея пребываніе въ Россіи неудобнымъ; поэтому она вмѣстѣ съ мужемъ и дѣтьми проводила зимы въ Парижѣ, а лѣтніе мѣсяцы въ замкѣ Сайнѣ, близъ Кобленца. Здѣсь она сблизилась съ принцемъ Вильгельмомъ Прусскимъ, когда тотъ былъ генералъ-губернаторомъ Ринейнскаго края, и съ его супругою принцессою Августою; дружба эта настолько была тѣсна, что впоследствии княгиня Витгенштейнъ окончательно переселилась въ Берлинъ ¹⁾.

Далѣе въ кружкѣ русскихъ парижанокъ блистала красотою княгиня Оболенская, неизмѣннымъ поклонникомъ которой былъ будущій императоръ Вильгельмъ; супругъ княгини Оболенской, бе-

¹⁾ Одинъ изъ ея сыновей женился на дочери герцога де-Блака (Blacas). Достигнувъ преклоннаго возраста, княгиня Витгенштейнъ поселилась во Французской Швейцаріи, близъ Лозанны, и въ настоящее время 90-лѣтнею старухою здравствуетъ, живя воспоминаніями о прошломъ и о сошедшихъ съ житейской сцены друзьяхъ.

зукоризненный джентльменъ, держался въ тѣни, такъ же, какъ генералъ-адъютантъ князь Меншиковъ, увлекавшійся охотничьими походами и предоставившій женѣ выполнение сложныхъ свѣтскихъ обязанностей.

Видную въ парижскомъ русскомъ кружкѣ роль играли и ближайшія родственницы графини Морни, графиня Воронцова, пріобрѣтшая широкую извѣстность своимъ умомъ, разнородными дарованіями и огромнымъ состояніемъ; графиня Рибопьеръ, славившаяся чуднымъ характеромъ и привлекательною внѣшностью, и г-жа Устинова, очаровывавшая всѣхъ своимъ изяществомъ и вышедшая вторымъ бракомъ за гордаго испанскаго гранда Бланко д'Энкала. Далѣе среди русскихъ парижанокъ той эпохи нельзя не помянуть графиню Апраксину, чудную собесѣдницу, искусившуюся во всѣхъ тонкостяхъ большого свѣта, даровитую дочь княгини Юліи Гагаринной, урожденной Мартыновой, и обѣихъ дочерей фельдмаршала Паскевича; княгиню Лобанову, одаренную неотразимою привлекательностью, и княгиню Волконскую, большую умницу и очень изящную. Гораздо менѣе похвалъ вызывала жена двоюроднаго брата княгини Лобановой и Волконской, Корсакова. Женился онъ на дочери своего управляющаго Мерчасовой, которая задалась цѣлью прославить собою свѣтскую хронику второй имперіи. Удивительная красавица, несмотря на рѣзко выраженный калмыцкій типъ, г-жа Корсакова мало считалась съ сдержанностью, тактомъ и изяществомъ, преслѣдуя единственную цѣль—заставить весь свѣтъ говорить о себѣ. Прямую противоположность ей представляла Нарышкина (урожденная баронесса Кноррингъ), прекрасно образованная, интересовавшаяся литературою и театромъ, сотрудничавшая съ графомъ Морни въ первыхъ драматическихъ его опытахъ и кончившая замужествомъ съ Ал. Дюма (сыномъ). Ея однофамилица Нарышкина (урожденная Устинова) была такая же интересная и веселая особа, какъ и ея сестра, тоже проживавшая въ Парижѣ (г-жа Мартынова), сумѣвшая даже въ современномъ Вавилопѣ хорошо воспитать и привить свои душевные качества дочерямъ—княгинѣ Оболенской (вышедшей вторымъ бракомъ за фонъ-Рейтерна), маркизѣ Паулуччи и княгинѣ Голицыной.

Въ этомъ блестящемъ и самобытномъ обществѣ, обладавшемъ независимостью вкуса и мнѣній, просвѣщенномъ, остроумномъ и неприспосабливаемомъ всячески контрастамъ и очарованіямъ, чета Морни поддерживала дружескія и тѣсныя связи.

Самъ графъ Морни, пожалованный въ 1864 году герцогскимъ титуломъ, по неисправимому легкомыслію, скоро началъ тяготиться узами Гименей и неоднократно грѣшилъ передъ супругою невѣрностями, но большая часть амурныхъ походовъ, въ родѣ романа съ г-жою Нащокиною, проходили для Морни безнаказанно, такъ какъ онъ умѣло хоронилъ концы въ воду; но на интрижкѣ, затѣянной

съ подругою дѣтства, привезенною Софіею Сергѣевою изъ Россіи, Морни жестоко поймался, и это временно положило печать отчужденія на отношенія между супругами.

Подвижная, даровитая натура Морни съ трудомъ укладывалась въ рамки: занимаясь головоломными аферами, держа скаковую конюшню, убѣждая царственного брата влить либеральную струю въ политику, Морни находилъ еще время заниматься драматическою литературою и своими *proverbes* и *saynètes* гордился едва ли не болѣе, чѣмъ государственною дѣятельностью; проживая свыше 500,000 франковъ въ годъ, онъ вѣчно жаловался на недостатокъ средствъ и съ удовольствіемъ принялъ предложеніе Гутьереца занять мексиканскій престолъ въ томъ случаѣ, если эрцгерцогъ австрійскій Максимиліанъ безповоротно откажется отъ этой экзотической короны ¹⁾.

Но продолжительное жженіе свѣчи съ обоихъ концовъ подкосило силы Морни—острое малокровіе заставило его злоупотреблять чудодѣйственными пилюлями мало щепетильнаго, но моднаго англійскаго врача Олиффа, и въ нѣсколько дней Морни—далеко еще не старій—сошелъ въ могилу.

Вдова его была неутѣшна, обрѣзала и положила въ гробъ мужа столь правившіяся ему свои бѣлокурыя косы; но часть интимной переписки, которую не успѣлъ уничтожить герцогъ, и сплетни, услужливо переданныя вдовѣ ея пріятельницами, убѣдили вдову Морни въ томъ, что мужъ ее постоянно обманывалъ.

По подвижности и прямолинейности природы, она сочла себя освобожденной отъ легкомысленно ею даннаго обѣта заgrabной вѣрности памяти мужа,—демонстративно перестала носить трауръ, пояснивъ г-жѣ Устиповой: «Я убѣдилась въ томъ, что послужила мужу только удобнымъ способомъ для проникновенія въ новое, прежде замыкавшееся для него общество. Разъ я въ его глазахъ являлась только лишней единицею въ общей суммѣ его увлеченій; мои обязательства по отношенію къ его памяти также должны измѣниться, какъ и мои чувствованія» ²⁾.

Сложныя предпріятія, въ которыхъ участвовалъ герцогъ Морни, очистили его наслѣдникамъ всего 4 милліона франковъ; его знаме-

¹⁾ Перспектива считается съ Морни въ качествѣ претендента на мексиканскій престолъ едва ли не послужила рѣшающимъ моментомъ въ поддержкѣ, оказанной Наполеономъ эрцгерцогу Максимиліану, и въ снаряженіи мексиканской экспедиціи.

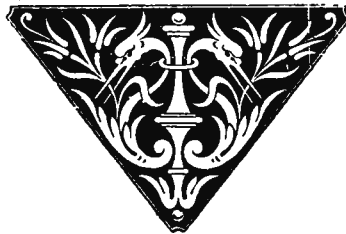
²⁾ Разочарованіе въ мужѣ отразилось и на отношеніи Софіи Сергѣевны въ дѣтямъ—она относилась къ нимъ настолько холодно, что въ одинъ изъ переѣздовъ изъ Парижа въ Мадридъ чуть ихъ не забыла въ опустѣвшемъ домѣ. Отчимъ, герцогъ де-Сесто, постоянно заботился о дѣтяхъ и относился къ нимъ съ гораздо большею нѣжностью, чѣмъ родная мать. Старшая изъ дочерей Морни вышла замужъ за графа де-Корсака, наслѣдника герцога де-Сесто, а младшая за маркиза де-Бельбефа, съ которымъ развелась.

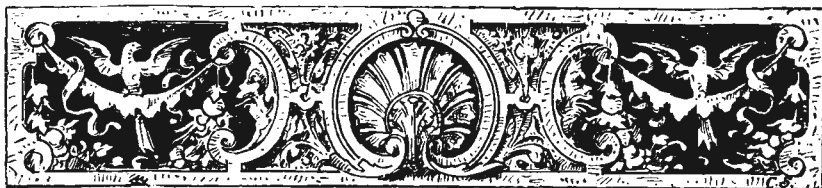
нитая конюшня, гдѣ стояло до 140 лошадей и содержаніе которой обходилось въ 600 франковъ въ годъ. была ликвидирована съ большими убытками, но зато распродажа картинной галереи доставила свыше милліона франковъ.

Спустя два года послѣ смерти герцога Морни, Софія Сергѣевна вышла за герцога Сесто, двоюроднаго брата императрицы Евгеніи, которая въ юности безнадежно въ него была влюблена.

Проживая частью въ Парижѣ, частью въ Испаніи, Софія Сергѣевна далеко не была оболщена обществомъ новой своей родины и въ интимныхъ бесѣдахъ съ барономъ фонъ-Беромъ нерѣдко сравнивала его съ звѣриномъ, гдѣ львы въ рѣдкость. преобладаніе же принадлежитъ противнымъ обезьянамъ. Въ Испаніи Софія Сергѣевна въ силу родственныхъ отношеній герцога къ королевскому дому сошлась съ королевою Изабеллою, которая ее подкупала своею прямою и великодушіемъ. За письмомъ къ королевѣ, обѣщая ее посѣтить въ тотъ же день, внезапная смерть и постигла Софію Сергѣевну въ Парижѣ.

В. И. Штейнъ.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

М. М. Ивановъ. «Исторія музыкальнаго развитія Россіи». Въ 2-хъ томахъ, съ рисунками и нотными примѣрами. Т. I. Спб. 1910. Стр. 400. Ц. 3 р.

ВЪ НОВО изслѣдованной области, — говоритъ авторъ въ предисловіи, — приходится прорубать просѣки, ставить вѣхи, по которымъ со временемъ пойдутъ изслѣдователи, болѣе счастливые, имѣющіе матеріалъ, приведенный болѣе, чѣмъ теперь, въ порядокъ». Какъ это ни странно, но приходится согласиться съ авторомъ книги, заголовокъ которой выставленъ въ началѣ, что «исторія русской музыки до сихъ поръ не написана»; имѣющіеся въ нашей музыкальной литературѣ опыты или очень сжаты, носятъ характеръ краткаго учебника, какъ, напр., недавно выпедшій въ свѣтъ «Очеркъ исторіи русской музыки» проф. московской консерваторіи г. Н. Кашкина, или же имѣютъ значеніе этюда, а не «исторіи»; таковъ критико-историческій очеркъ г. Березовскаго, озаглавленный «Русская музыка» (автору слѣдовало бы прибавить: «отъ Глинки»).

Правда, у насъ еще имѣются «Очеркъ исторіи музыки въ Россіи въ культурно-общественномъ отношеніи» Михневича или «Исторія музыки въ Россіи съ древнѣйшихъ временъ и до нашихъ дней» Перепелицына; но эти «руководства» едва ли могутъ быть рекомендуемы, какъ серьезныя изслѣдованія по интересующему насъ предмету, такъ какъ авторы ихъ сами не были музыкантами и могли, слѣдовательно, пользоваться лишь чужими трудами. Упомянуть слѣдуетъ еще о старинной книжкѣ г. Кюи «La musique en Russie» (1885 г.) и то не потому, что она имѣетъ важное значеніе для исторіи русской музыки, какъ серьезный трудъ русскаго композитора и критика, а потому, что она сыграла

въ извѣстномъ смыслѣ печальную для исторіи русской музыки роль: написанная на французскомъ языкѣ и, слѣдовательно, рассчитанная на иностранную публику, она послужила источникомъ для уразумѣнія и знакомства французскихъ писателей съ русской музыкой (Субизъ, д'Альгеймъ, Кальвокоресси и др.), а такъ какъ самъ г. Кюи очень пристрастный критикъ и всегда выдвигалъ свои кружковые интересы, то и книжка его носить односторонній характеръ, кружковой; нелюбимые почему-то г. Кюи музыкальные дѣятели получили окраску, обратно пропорціональную дѣйствительности, съ другой стороны, слишкомъ вознесены достоинства его любимцевъ.

Оперной и церковной музыкѣ въ частности болѣе посчастливилось; здѣсь мы имѣемъ: почтенный трудъ г. Чехихина «Исторія русской оперы», составляющій первый томъ сочиненія, задуманнаго въ широкихъ размѣрахъ (всѣхъ должно быть шесть томовъ), охватывающій развитіе нашей оперы въ послѣднее время (болѣе ранніе періоды оставлены авторомъ безъ строгаго и научнаго изслѣдованія) и сочиненія пр. Разумовскаго («Церковное пѣніе въ Россіи»), пр. Вознесенскаго, Металлова, Лисицына и др. Все это доказываетъ справедливость мысли г. М. Иванова, что у насъ «исторіи» еще нѣтъ; мало того, онъ находитъ, и совершенно вѣрно, что она у насъ еще невозможна, по крайней мѣрѣ въ такомъ широкомъ видѣ, какъ «Исторія музыки» Амброза, или какъ «Руководство къ изученію исторіи» музыки Доммера, и по той простой причинѣ, что у насъ еще не изслѣдованы цѣлыя отрасли музыкальнаго знанія, какъ, напр., русско-итальянскія оперы эпохи Екатерины II или основы народной пѣсни, за исключеніемъ, впрочемъ, превосходнаго труда П. Сокольскаго «Русская народная пѣсня» и др.

Нельзя не согласиться также съ слѣдующими строчками г. М. Иванова: «Никто изъ изслѣдователей въ глаза не видалъ оперъ прошлаго столѣтія, итальянской или русской; о которыхъ онъ говоритъ. Не обработана почти любая эпоха исторіи нашей музыки, нѣтъ ни одного техническаго анализа или хотя бы обзора оперъ времени Екатерины. Даже оперы Кавоса никому не извѣстны; знакомство съ нашей музыкой начинается только отъ Глинки». Тѣмъ дѣйствительно въ разсматриваемомъ трудѣ тѣ главы, которыя посвящены обзору этой эпохи, являющіяся первымъ вкладомъ въ область, мало кѣмъ затронутую. Ошибочно было бы, однако, предположить, что г. М. Ивановъ задумалъ написать «Исторію» нашей музыки въ двухъ томахъ (второй скоро будетъ оконченъ и появится въ печати); онъ смотритъ на свою задачу гораздо скромнѣе: «Приходится,—говоритъ онъ,—ограничиться болѣе скромными рамками, систематизируя матеріалы, провѣряя факты и прежніе выводы, намѣчая путь, по которому въ будущемъ пойдутъ другіе историки». Вѣроятно, по этой причинѣ авторъ назвалъ свой трудъ исторіей «музыкальнаго развитія» Россіи, и въ этомъ отношеніи онъ заслуживаетъ серьезнаго вниманія и можетъ служить большимъ подспорьемъ для знакомства съ исторіей нашей музыки.

И дѣйствительно, леканціи передъ нами первый томъ, заключающій въ себѣ 400 страницъ и доведенный до Рубинштейна въ юности, охватываетъ собой наше музыкальное развитіе до царствованія императора Николая I включительно; остальные царствованія составятъ, очевидно, содержаніе слѣдующаго тома. Ужь одно то, что г. М. Ивановъ разсматриваетъ различныя эпохи разви-

тія нашей музыки по царствованіямъ, доказываетъ, насколько онъ вѣрно и опредѣленно поставилъ свою задачу: картину развитія можно набросать лишь по періодамъ, которые должны служить извѣстными этапами для слѣдующихъ періодовъ; исторія—это цѣль событій, связанныхъ между собою и вытекающихъ одно изъ другого, какъ логическая послѣдовательность. Сообразно съ этимъ нашъ авторъ и ведетъ исторію музыкальнаго развитія, начиная съ самыхъ зачатковъ его.

Къ сожалѣнію, этотъ періодъ, обыкновенно почти пропускаемый, у насъ очень мало разработанъ за отсутствіемъ сколько-нибудь достовѣрныхъ источниковъ. Этотъ-то пропускъ и выполняетъ М. М. Ивановъ, обнаруживающій въ своемъ трудѣ рѣдкую эрудицію и начитанность; достаточно указать на то, что въ «спискѣ источниковъ, послужившихъ для перваго тома», авторомъ перечислено свыше 150 авторовъ и сочиненій, считая въ томъ числѣ стариннѣйшія изданія. Въ этомъ отношеніи г. М. Ивановъ пролагаетъ прямо новый путь, ибо до сихъ поръ у насъ по этой части ничего не сдѣлано.

Какъ уже сказано, музыкальное наше развитіе разсматривается и оцѣнивается авторомъ по царствованіямъ; естественно, что онъ начинаетъ съ положенія музыкальнаго искусства до воцаренія династіи Романовыхъ и съ первыхъ же шаговъ отдѣляетъ свѣтскую музыку отъ церковной. Тутъ мы находимъ интересныя свѣдѣнія о скоморохахъ и ихъ вліяніи на искусство и о народныхъ русскихъ инструментахъ, съ одной стороны, а съ другой—тщательно разработанныя и приведенныя въ научную систему данныя о церковномъ пѣніи въ Россіи отъ принятія христіанства до конца XVII вѣка, причемъ г. Ивановъ указываетъ не только состояніе церковнаго пѣнія и его теоретическую постановку, но и на сочиненія и композиторовъ, вліявшихъ на дальнѣйшее развитіе этой богатой отрасли нашего искусства. Мы обращаемъ особенное вниманіе читателей на эти главы, которыя, несмотря на свой серьезно-научный характеръ, изложены очень популярно, чему много способствуютъ прилагаемые рисунки и нотные примѣры. Весьма обстоятельно разработаны также главы, посвященныя народнымъ инструментамъ (струннымъ, смычковымъ, духовымъ и ударнымъ).

Указавъ въ общихъ чертахъ на причины и явленія, вліявшія на развитіе нашей музыки при первыхъ государяхъ изъ дома Романовыхъ (сближеніе съ Европой на почвѣ военнаго дѣла и торговыхъ отношеній, свѣдѣнія о западномъ искусствѣ и театральныхъ представленіяхъ, распространенныя русскими послами, и пр.), М. М. Ивановъ довольно подробно излагаетъ исторію нашей военной музыки, домашнихъ оркестровъ у меценатовъ и о тѣхъ гоненіяхъ, которымъ подвергалась свѣтская музыка въ разсматриваемый періодъ (патріархъ Юсафатъ, 1636). Свободнѣе стала дышать наша музыка со времени великаго преобразователя; онъ позаботился о музыкѣ для военныхъ цѣлей, придворнаго обихода, для ассамблей, для празднествъ въ честь одержанныхъ побѣдъ и пр. При немъ выстроена была на казенный счетъ «комедіальная хранина», стали даваться музыкальные вечера у одного изъ совѣтниковъ голштинскаго герцога, Бассевича, устраивались концерты и при дворѣ, но для народной музыки было сдѣлано немного, если не считать снятіе запрета съ веселья вообще (указъ 1728 г.).

При преемникахъ Петра вкусы двора и новой столицы совершенно преобразились; музыка ужъ не является, замѣчаетъ справедливо нашъ авторъ, только элементомъ для торжествъ, но и повседневной жизни. Съ воцареніемъ Анны Иоанновны начинается новый періодъ нашего искусства: первое появленіе у насъ итальянской оперы; уже въ 1736 г. во главѣ дѣла стоялъ извѣстный Араія. При Елизаветѣ Петровнѣ устроенъ былъ русскій театръ, учреждена была театральная школа (1785 г.), Араія замѣнили Раупатъ и Манфредини; рядомъ съ ними появляется частная антреприза извѣстнаго Локателли. Официальное начало «русской оперы» также слѣдуетъ отнести къ этому царствованію; подѣ «русской» слѣдуетъ разумѣть, что либретто было написано по-русски, а не по-итальянски («Цефалъ и Прокрисъ» Сумарокова). Съ теченіемъ времени итальянскіе композиторы иногда стали обращаться къ темамъ русскихъ народныхъ пѣсенъ. Впервые появляется русская комическая опера, — къ сожалѣнію, не дошедшая до насъ, — «Танюша или счастливая встрѣча» съ текстомъ Дмитревскаго и музыкой Волкова (1756 г.).

Къ числу блестящихъ страницъ разсматриваемаго труда относятся, безспорно, какъ мы выше сказали, главы, имѣющія своимъ предметомъ музыку при Екатеринѣ Великой. Авторъ даетъ подробную картину не одной только итальянской оперы, находившейся подѣ руководствомъ такихъ мастеровъ, какъ Галуппи, Траэтта, Паэзіелло, Сарти, Мартини, Чимароза и др., но и французской и русской, останавливаясь, какъ на репертуарѣ вообще, такъ и на разборѣ нѣкоторыхъ произведеній; эта часть, являющаяся плодомъ работы въ архивахъ и изученія партитуръ, имѣетъ особенно важное значеніе для интересующихся нашей старинной музыкой. Для національной оперы настала благопріятная минута; императрица относилась очень сочувственно ко всему русскому, а слѣдовательно — и къ театру; мало того, она сама сочиняла пьесы и въ томъ числѣ и оперы, т. е. текстъ для музыки, которая писалась композиторами. Конечно, необходимо стать на точку зрѣнія тогдашняго пониманія «оперы».

Выразителемъ этого пониманія можно считать пѣвца Фелицы, который въ своемъ «Разсужденіи о лирической поэзіи» въ главѣ «Объ оперѣ» между прочимъ такъ говоритъ: «Сочинитель оперы смѣло уклоняется отъ естественнаго пути и даже совсѣмъ его выпускаетъ изъ виду, ослѣпляетъ зрителей частыми переменами; великолѣпіемъ и чудесностью приводитъ въ удивленіе, несмотря на то, естественно ли то, или неестественно, вѣроятно или невѣроятно... «Комическій оперистъ, по мнѣнію Державина, долженъ заимствовать содержанія свои изъ романовъ и общезжитія, шутить благородно, болѣе мыслями, нежели словами» (?). Справедливо замѣчаетъ г. М. Ивановъ, что это опредѣленіе недалеко отъ извѣстнаго афоризма Вольтера объ оперѣ...

Затѣмъ авторъ настоящаго труда подробно останавливается на устройствѣ придворныхъ театровъ, какъ въ Петербургѣ, такъ и въ Москвѣ, на учрежденіи театральнаго училища (1779 г.) и на общей музыкальной жизни столицъ; въ этой главѣ онъ указываетъ на развитіе, кромѣ оркестровой и роговой музыки, камерной, на изученіе отдѣльныхъ инструментовъ, на издательское дѣло, на появленіе въ Петербургѣ музыкальнаго клуба и на явленія, имѣвшія прямое

или косвенное влияние на развитие музыкального образования, например, «Гитарный Журнал», «Музыкальный Магазин», «Журнал для фортепиано, содержащий в себя русскія пѣсни съ варіаціями» и пр. Говоря объ общемъ влияніи итальянскихъ композиторовъ, онъ переходитъ къ влиянію ихъ въ частности на нашу церковную музыку и къ тѣмъ изъ нихъ, которые сами писали для православной церкви, а также къ русскимъ композиторамъ, писавшимъ подъ влияніемъ итальянскихъ маэстро (Березовскій и Боршнянскій). Эти главы ярко освѣщаютъ затронутый г. М. Ивановымъ предметъ.

Сюда же слѣдуетъ отнести отдѣлъ, посвященный «Духовнымъ стихамъ русскаго народа» и «Народной пѣснѣ до конца XVIII вѣка»; авторъ не ограничивается только историческою частью, но касается и теоретической, подкрѣпляя свои доводы литературными ссылками, обнаруживая обширную эрудицію въ данной области. Періодъ царствованія Павла I тѣсно связанъ съ періодомъ предыдущаго царствованія, и маленькая реакція въ музыкальной жизни не оставила чувствительныхъ слѣдовъ. Вотъ почему мы переходимъ къ эпохамъ царствованій Александра I и Николая I. Въ первой изъ нихъ нашимъ русскимъ Амброзомъ особенно выдвинута дѣятельность Кавоса, произведенія котораго до сихъ поръ совсѣмъ не изслѣдованы были. Этотъ важный пробѣлъ теперь восполненъ; по крайней мѣрѣ его главнѣйшій трудъ—«Иванъ Сусанинъ»—тщательно разобранъ г. М. Ивановымъ, и въ этомъ большая его заслуга.

Обозрѣвъ въ совокупности всѣ факторы нашей музыкальной жизни за рассматриваемый періодъ, авторъ приходитъ къ заключенію, что напрасно считаютъ иные изслѣдователи театральныхъ дѣлъ прошлаго эпоху Александра I благоприятной для развитія русскаго театра—опернаго и драматическаго; это мнѣніе, можетъ быть, справедливо относительно хозяйственнаго положенія театра, реформъ его администраціи и пр., но «съ нимъ нельзя согласиться, если рѣчь идетъ о художественномъ развитіи сцены; замѣчаются признаки движенія въ драматическомъ театрѣ этого времени, но въ музыкальной ихъ нѣтъ или очень мало». По его мнѣнію, и совершенно вѣрному, на широкое развитіе нашего искусства, помимо диллетантизма общества, не могло не имѣть вліянія крѣпостное право; мысль эту онъ подкрѣпляетъ весьма характерными фактами.

Въ эпоху царствованія Николая I М. М. Ивановъ, детально оцѣнивая дѣятельность и заслуги Верстовскаго, Глинки, Даргомыжскаго (періода «Эсмеральды»), Львова, Боршнянскаго, Турчанинова и многихъ другихъ дѣятелей (молодого Рубинштейна, Арнольда и др.), приходитъ, однако, къ тому выводу, что «о процвѣтаніи въ царствованіе Николая I опернаго искусства вообще и русской оперы въ особенности нельзя говорить безъ натяжки. Глинка является исключеніемъ; его гений обратилъ было на себя общее вниманіе, но при застоѣ тогдашней мысли онъ могъ только ненадолго пробудить сонное общество; я не могу согласиться съ тѣми, кто считаетъ рассматриваемую эпоху блестящей въ исторіи нашего театра». «Искусство,—говоритъ онъ,—у насъ только что народилось; оно должно было вскорѣ явиться въ свѣтъ, но расцвѣтъ еще нельзя считать днемъ»...

Мы, къ сожалѣнію, не имѣемъ возможности остановиться на тѣхъ цѣнныхъ документахъ, которыми г. М. Ивановъ подкрѣпляетъ свои выводы; но и сказаннаго, думаемъ, достаточно для общаго итога разсматриваемаго труда; это плодъ обширнаго изслѣдованія, богатаго провѣренными данными, основаннаго на всестороннемъ знаніи предмета, за который авторъ взялся; тутъ нѣтъ повторенія чужихъ мыслей.

В. Васкинъ.

Труды витебской ученой архивной комиссіи. Книжка 1-я. (1909 — 31 мая—1910). 1910. Витебскъ. Стр. 400. Ц. 3 руб. 50 коп.

Годъ съ небольшимъ тому назадъ въ Витебскѣ возникла ученая архивная комиссія, по иниціативѣ и трудами еще молодого изслѣдователя В. С. Арсеньева, избраннаго первымъ ея предсѣдателемъ. Несмотря на короткій срокъ, она организовалась уже въ цѣлое учрежденіе, насчитывающее около 40 членовъ изъ мѣстныхъ дѣятелей въ своемъ личномъ составѣ и свыше 40 почетныхъ, дѣйствительныхъ и членовъ-сотрудниковъ и имѣющее въ то же время особый комитетъ по чествованію юбилея войны 1812 года». Въ половинѣ августа 1910 г. выпущенная въ свѣтъ первая книга «Трудовъ витебской ученой архивной комиссіи» свидѣтельствуетъ и о большомъ трудолюбіи членовъ послѣдней, во главѣ съ ея предсѣдателемъ, который, къ сожалѣнію, переведенъ уже на новую службу въ Тулу и потому не въ состояніи будетъ принимать прежняго живого участія въ дѣятельности своего дѣтища.

Обширный томъ «Трудовъ»; въ 400 страницъ, состоитъ изъ 11 разнаго рода статей, замѣтокъ и матеріаловъ, изъ которыхъ предсѣдателемъ комиссіи сообщены слѣдующія: 1) «Михельсоны» (здѣсь приводятся нѣсколько документовъ объ извѣстномъ боевомъ генералѣ Иванѣ Ивановичѣ Михельсонѣ); 2) «Документы о французскихъ военно-плѣнныхъ 1812—1813 г. г. въ Витебской губерніи», къ сожалѣнію, исключительно на французскомъ языкѣ; 3) «Документы 1813 года изъ дѣлъ витебскаго губернскаго правленія», касающіеся вюртембергскихъ, веймарскихъ и другихъ военноплѣнныхъ, проживавшихъ тогда въ предѣлахъ Витебской губерніи; 4) «И. И. Лажечниковъ» (здѣсь сообщается «формулярный» списокъ о службѣ витебскаго вице-губернатора статскаго совѣтника Лажечникова, аттестатъ о службѣ, по выходѣ въ отставку, отъ 2 іюня 1854 года, и его прошеніе на имя витебскаго губернатора объ исходатайствованіи прежней пенсіи, по званію директора училищъ Тверской губерніи, и 5) «Къ родословію витебскихъ дворянъ Комаровыхъ». — Оказывается, что изъ этого именно рода Комаровыхъ происходили извѣстный герой Кушкискаго боя Александръ Виссаріоновичъ и его братъ, редакторъ-издатель «Свѣта», «Русскаго Вѣстника» и др. Виссаріонъ Виссаріоновичъ Комаровъ.

Самое крупное и, такъ сказать, центральное мѣсто въ разсматриваемой книгѣ «Трудовъ» витебской архивной комиссіи занимаютъ «Записки полковника Карпова. 1807—1837». Авторъ ихъ, Алексѣй Карповичъ Карповъ, происходившій изъ солдатскихъ дѣтей Новгородской губерніи и прослужившій въ артиллеріи тридцать два года, былъ участникомъ почти всѣхъ военныхъ дѣйствій въ Але-

ксандровское царствованіе, которыя и описывает своимъ простымъ и образнымъ языкомъ, конечно, въ той мѣрѣ, какъ ему удалось ихъ видѣть и слышать. Наибольшія подробности въ запискахъ Карпова относятся къ военнымъ дѣйствіямъ за 1811—1814 г.г.; но немало въ нихъ разбросано и отдѣльныхъ бытовыхъ чертъ изъ жизни тогдашнихъ войскъ.

Въ небольшой статейкѣ, озаглавленной: «Галицкіе и литовскіе митрополиты 14 и 15 в. и отношеніе къ нимъ епископовъ полоцкой и туровской епархій», П. Д. Тихомировъ пытается нѣсколько разсвѣтъ тотъ мракъ, который до сихъ поръ стоитъ непроницаемой завѣсой на рѣшеніи вопроса о возникновеніи самостоятельныхъ митрополій въ Галицко-Волинской Руси и на Литвѣ и объ отношеніи къ нимъ западно-русскихъ епархій полоцкой и туровской, подчиненныхъ московскому митрополиту. Скудость источниковъ не могла, конечно, способствовать даже какой-либо полнотѣ историческаго обзора, но, во всякомъ случаѣ, намъ кажется, что авторъ успѣлъ оцѣнить постоянное стремленіе литовскихъ князей Витеня, Гедимина, Ольгерда и Витовта—отдѣлиться въ церковномъ отношеніи отъ Москвы, освободить совѣсть своихъ подданныхъ отъ подчиненія московскому митрополиту, который, какъ извѣстно, всегда шелъ рука объ руку съ московскимъ княземъ.

Довольно много новыхъ и любопытныхъ данныхъ находимъ въ сообщеніи С. А. Шумакова: «Къ вопросу о задворныхъ и полонныхъ людяхъ»,—данныхъ которыя авторъ извлекъ изъ богатаго архивнаго матеріала. Особенно цѣнны свѣдѣнія о менѣе извѣстныхъ въ нашей историко-юридической литературѣ полонныхъ людяхъ, которые въ большинствѣ случаевъ были родомъ изъ Литвы и Бѣлоруссіи.

Въ заключеніе укажемъ еще на любопытное описаніе Витебска 1664 г. «Чертежъ» города Витебска 1644 г.» съ планомъ или чертежомъ, на сообщеніе Н. Ф. Слезкина о нѣкоторыхъ эпизодахъ, случившихся въ Витебской губерніи, особенно о женскихъ пансіонахъ при римско-католическихъ монастыряхъ, въ 1827 т. (на основаніи архивныхъ матеріаловъ) и на «Памятку о графѣ Михаилѣ Николаевичѣ Муравьевѣ-Виленскомъ», въ которой А. В. Арановъ сообщаетъ о распространеніи графомъ Муравьевымъ натѣльныхъ крестиковъ среди бѣлорусскаго населенія, ради торжества православія.

В. Р—въ.

Баронъ С. А. Корфъ, профессоръ Александровскаго университета въ Гельсингфорсѣ. Административная юстиція въ Россіи. 2 тома. Спб. 1910. Стр. 528—507. Ц. 5 руб.

Обширный трудъ барона Корфа распадается на двѣ части. Первая посвящена историческому обозрѣнію развитія власти и надзора административной юстиціи въ Россіи; вторая—дѣйствующему русскому законодательству по тому же вопросу. Во второй части помѣщается также очеркъ общей теоріи административной юстиціи и ея постановка въ важнѣйшихъ западно-европейскихъ государствахъ. Авторъ произвелъ громадную работу. Помимо историческихъ изысканій въ области восемнадцатаго и первой половины девятнадцатаго сто-

лѣтія, гдѣ у г. Корфа имѣются предшественники, авторъ основательно изучилъ матеріалъ, оставленный спеціальными комиссіями по вопросу о преобразованіи нашихъ мѣстныхъ установлений, а также соответственные же проекты покойнаго Плева и здравствующаго П. А. Столыпина. Ознакомленіе читателя съ этими проектами и съ работами комиссіи Каханова уже придаетъ особую цѣнность первому тому разсматриваемой книги, но и практикъ найдеть здѣсь для себя много цѣнныхъ и интересныхъ свѣдѣній. Приводятся даже данныя изъ журналовъ совѣта по дѣламъ мѣстнаго хозяйства, высказывавшагося по послѣднимъ проектамъ уѣздной и губернской реформъ.

Не менѣе содержателенъ второй, догматическій томъ книги. Здѣсь съ исчерпывающей полнотой изложена организація и кругъ вѣдомства всѣхъ мѣстныхъ и центральныхъ органовъ русской административной юстиціи вмѣстѣ съ исторіей ихъ возникновенія и измѣненій во времени.

Въ обѣихъ частяхъ книги громадная литература. Къ сожалѣнію, авторъ помѣстилъ общее ученіе объ административной юстиціи въ концѣ, а не въ началѣ книги. Вслѣдствіе этого читателю долгое время представляется неяснымъ, почему авторъ въ основѣ относится отрицательно къ существованію особыхъ вѣсудебныхъ органовъ административнаго суда. Если бы, наоборотъ, заключеніе явилось бы введеніемъ, во многомъ чтеніе книги облегчилось бы. Безъ этого, при общей краткости изложенія теоретическихъ основъ понятія административной юстиціи, по временамъ кажется, что авторъ самъ подавленъ поднятымъ имъ историческимъ и догматическимъ матеріаломъ, относясь къ нему какъ бы поверхностно, со стороны, или, лучше сказать, случайно. Не даромъ въ одномъ повременномъ изданіи г. Корфу уже сдѣланъ былъ упрекъ, что свои руководящіе взгляды и симпатіи онъ внѣшнимъ образомъ присоединяетъ къ излагаемому матеріалу, не вдаваясь въ существо послѣдняго. Упрекъ этотъ мало основателенъ, но внѣшнее впечатлѣніе читателя передано вѣрно. Въ данномъ случаѣ мы имѣемъ въ особенности въ виду ту часть перваго тома, гдѣ говорится о послѣднихъ проектахъ мѣстной реформы. Среди оригинальныхъ взглядовъ автора нужно отмѣтить его содержательное воззрѣніе на причины стремленія французской администраціи обладать собственной административно-судебной юстиціей внѣ общаго судебного порядка. Съ большимъ основаніемъ авторъ выступаетъ противъ господствующаго взгляда, будто бы причина тому кроется въ теоретическомъ желаніи сохранить на практикѣ ученіе Монтескье о раздѣленіи властей. По мнѣнію же г. Корфа, исторія французской административной юстиціи революціонной эпохи неопровержимо доказываетъ, что теорія Монтескье служила лишь широкой, а конструкція административной юстиціи опредѣлялась боязнью тяжелой руки судебной корпораціи и стремленіемъ оградить отъ нея органы административной власти. Книга г. Корфа представляетъ собою видное явленіе въ русской научной литературѣ.

В. Грибовскій.

С. А. Гулевичъ. Исторія л.-гв. Финляндскаго полка. Часть V. Документы и приложения. Спб. 1910. In folio. Цѣна не означена.

Неоднократно писалось, что полковыя исторіи не имѣютъ и не могутъ имѣть обще-историческаго интереса. Высказывалось даже крайнее мнѣніе о томъ, что полковыя исторіи излишни и что каждый полкъ, являясь весьма малою частью громадной арміи, не можетъ претендовать на самостоятельную исторію. Нынѣ подобныя мнѣнія встрѣчаются все рѣже и рѣже. При императорскомъ военно-историческомъ обществѣ образовался специальный разрядъ полковыхъ и корабельныхъ исторій, и полки, будто вперегонки другъ передъ другомъ, стараются составлять свои исторіи, изъ которыхъ каждая выноситъ что-либо новое на свѣтъ Божій.

Недавно вышедшій V-й томъ исторіи л.-гв. Финляндскаго полка, заключающій собою все это капитальное изданіе, невольно заставляетъ еще разъ подчеркнуть нѣкоторое общее значеніе, которое имѣютъ полковыя исторіи: на страницахъ этого объемистаго тома заключено не мало страницъ, любопытныхъ для всякаго читателя.

Весьма интересна записка офицера полка В. К. Болдырева о походѣ въ Турцію въ 1877 г. Описывая обозъ, при испытаніи коего на гладкихъ мостовыхъ Васильевскаго острова онъ носился съ легкостью пожарнаго обоза, Болдыревъ замѣчаетъ, что обозъ оказался совершенно непригоднымъ въ походѣ; одинъ переходъ въ 7 верстъ полкъ, благодаря несовершенному обозу, сдѣлалъ въ 1½ сутокъ. Отсутствие же обоза при переходѣ черезъ Балканы сдѣлало то, что «морозъ пожралъ болѣе людей, чѣмъ оружіе врага». Злѣйшимъ и сильнѣйшимъ врагомъ русскаго солдата Болдыревъ считаетъ русское интендантство.

Имѣютъ значеніе, какъ матеріалъ для описанія происшествія 14 декабря 1825 г., выписка изъ послужнаго списка императора Николая I, выписка изъ камеръ-фурьерскаго журнала. Для исторіи взрыва, происшедшаго 5 февраля 1880 г. въ Зимнемъ дворцѣ, любопытны: заключеніе экспертовъ о свойствахъ взрыва, извлеченное изъ архива департамента полиціи; записка начальника стоявшаго въ тотъ день караула шт.-кап. фонъ-Вольскаго, пожалованнаго вскорѣ во флигель-адъютанты. Чистосердечностью вѣсть отъ воспоминаній рядового Камелева, раненаго при взрывѣ. Черезъ нѣкоторое время по взрывѣ въ помещеніе вошелъ наслѣдникъ цесаревичъ. «Два лакея несутъ двѣ лампы,—пишетъ Камелевъ,—о! Боже мой, когда освѣтили, картина была ужасная,—кто на половину засыпанъ, видна одна голова, у кого одинъ ноги, а кто лежитъ и весь наружу, но не двигается съ мѣста; мы стали вытаскивать, а они стонуть отъ боли. Были поданы придворныя кареты, которыя и отвозили раненыхъ въ придворный госпиталь; я сыркнулъ въ обвалъ; чтобы взять какую-нибудь каску, но оттуда никакъ не могъ вылѣзти, покойный государь Александръ Александровичъ подаль мнѣ руку, помогъ выйти и сказалъ: «иди на перевязку, у тебя голова въ крови», а я и не замѣчалъ, а вытиралъ рукой голову, думая, что это потъ». Составитель привелъ двѣ выдержки и изъ дневника великаго князя Константина Николаевича.

Убѣдительно написана записка о желательности переименованія полка въ л.-гв. Финляндскій императорской фамиліи полкъ.

Безспорнымъ историческимъ матеріаломъ нужно считать документы о дѣйствіяхъ полка при подавленіи безпорядковъ въ революціонные дни, въ Петербургѣ и Крошштадтѣ.

Формулярный списокъ цесаревича Константина Павловича является рѣдчайшимъ документомъ, съ трудомъ разысканнымъ въ архивахъ.

Текстъ не вызываетъ какихъ-либо возраженій. Но нельзя оставить безъ замѣчанія приложенныя къ книгѣ таблицы кривыхъ. Эти таблицы не выкупаютъ затраченныхъ на нихъ денегъ и труда.

Мих. Соколовскій.

Кубанскій сборникъ. 1910 г. Труды кубанскаго областного статистическаго комитета. Подъ редакцію Л. Т. Соколова. Томъ XV. Стр. 624, 1 карта, 5 портретовъ, 2 чертежа и 5 видовъ. Екатеринодаръ. 1910.

Кубанскій статистическій комитетъ—одинъ изъ самыхъ молодыхъ статистическихъ комитетовъ на Кавказѣ. Онъ открытъ 22 іюля 1870 г., въ то время какъ въ другихъ кавказскихъ городахъ подобныя учрежденія возникли въ 1858, 1862—63 и 1872 гг. Но, несмотря на свою молодость, кубанскій комитетъ давнымъ-давно зарекомендовалъ себя массою цѣнныхъ трудовъ, вышедшихъ подъ редакціей дѣятельныхъ прежнихъ его секретарей Е. Д. Фелицына, В. А. Щербины и А. С. Собріевскаго. Особенно незамѣнимымъ для комитета былъ покойный нынѣ Е. Д. Фелицынъ. Онъ выработалъ подробную инструкцію производства подворныхъ переписей для собиранія статистическихъ свѣдѣній къ всеподданнѣйшимъ отчетамъ о состояніи области, организовалъ составленіе посемейныхъ списковъ горскаго населенія, выработалъ обстоятельную программу описаній населенныхъ мѣстъ, по которой впослѣдствіи и были составлены описанія нѣкоторыхъ поселеній, составилъ географическія и археологическія карты области, планы городовъ и проч. Труды Фелицына цѣнны и по настоящее время и важны не только при изслѣдованіяхъ Кубанской области, но и всего Сѣвернаго Кавказа.

По мысли же Фелицына статистическій комитетъ предпринялъ и изданіе «Кубанскаго сборника». Изданіе это было широко задумано и въ теченіе первыхъ лѣтъ велось очень умѣло (томы 1 и 2 подъ редакціей Е. Д. Фелицына, томы 3—5 подъ редакціей В. А. Щербины и А. С. Собріевскаго.) Въ «Сборникѣ» помѣщались обширныя статистико-экономическія изслѣдованія по Кубанской области, историческіе очерки, архивные документы, библиографическіе матеріалы, относящіеся къ области, и проч. Отличительными чертами всѣхъ помѣщавшихся въ «Сборникахъ» статей являлись серьезность темы, добросовѣстность ихъ разработки и новизна статистическаго матеріала. Указанные выпуски «Сборника» содержатъ въ себѣ матеріалъ, незамѣнимый для изслѣдователя края и до сего времени.

Со смертю Фелицына и Щербины и съ уходомъ изъ комитета Собріевскаго, направленіе работъ въ немъ замѣтно измѣнилось. Было замѣтно

отсутствіе опытныхъ рабочихъ рукъ и любви къ дѣлу. Для характеристики печатныхъ «трудовъ» комитета этого періода достаточно сказать, что содержаніе нѣкоторыхъ выпусковъ «Сборника» исчерпывалось какими-либо «воспоминаніями кавказца», ничего никому не говорящими, и двумя-тремя компилятивными, основанными на старыхъ данныхъ статейками по исторіи Кубанскаго войска.

Вышедшій недавно XV-ый томъ «Кубанскаго сборника» даетъ поводъ думать, что періодъ упадка кубанскаго статистическаго комитета прошелъ и въ немъ имѣется уже новый притокъ рабочихъ рукъ.

Содержаніе XV-го тома «Сборника» довольно разнообразно. Томъ открывается обзорѣніемъ Кубанской области и войска за 1908 годъ, затѣмъ слѣдуетъ рядъ довольно интересныхъ статей: М. И. Ворчевскаго «Къ вопросу объ улучшеніи быта горныхъ станицъ Кубанской области», И. И. Кіашко «Екатерино-лебяжская св. Николая пустынь», его же «Черноморская Маріе-Магдалинекая женская монашеская общежительная пустынь», «Труды комиссіи по изслѣдованію землепользованія и землевладѣнія Карачаевскаго народа» (на нашъ взглядъ—самая цѣнная статья въ «Сборникѣ»), А. Д. Ламонова «Къ матеріаламъ для исторіи Кавказскаго полка. Баязетское сидѣніе», его же «Старообрядческая въ ст. Кавказской общины, приѣмлющая священство бѣлокрилицкой іерархіи съ 1794 по 1909 г.», Е. М. Юшкина «Майкопскій нефтяной фонтанъ» и проч. Томъ иллюстрированъ нѣсколькими рисунками и чертежами.

Приложенный къ XV-му тому «Сборника» «Библиографическій указатель литературы о Кубанской области» обычно тенденціозенъ—въ немъ цитируются преимущественно статьи изъ «Кубанскихъ Областныхъ Вѣдомостей», «Русскаго Знамени», «Вѣча», «Подъема» и «Стяга». Многія цитируемыя статьи не имѣютъ ровно никакого значенія для исторіи и общественной жизни Кубанскаго края и поражаетесь, для чего они попали въ указатель. Самая цитировка статей сдѣлана безъ всякой системы; указанія на годъ, по который просмотрѣна литература, нѣтъ. Все это, въ общемъ, обезцѣниваетъ указатель и затрудняетъ пользованіе имъ.

Съ успѣхомъ можно было бы не помѣщать въ «Сборникѣ» «Сельско-хозяйственный и торгово-промышленный справочникъ Кубанской области» К. Т. Живило и его же «Изслѣдованіе глины изъ многихъ мѣстъ Кубанской области». Болѣе подходящимъ мѣстомъ для помѣщенія этихъ статей, по нашему мнѣнію, былъ бы «Кубанскій календарь», гдѣ печатаются преимущественно справочныя свѣдѣнія объ области.

Бор. Городецкій.

Отчетъ императорской публичной библиотеки за 1902 и 1903 годы. Спб. 1910. Стр. 247 и 154 + 193.

Передъ нами два объемистыхъ хорошо изданныхъ тома «Отчетовъ императорской публичной библиотеки» за 1902 и 1903 года. Въ нихъ, конечно, самымъ главнымъ и интереснымъ является сообщеніе о «пріобрѣтеніяхъ», или, вѣрнѣе, пожертвованіяхъ «произведеніями печати» и рукописями. Наиболь-

шія пожертвованія по количеству и цѣнности были сдѣланы въ 1902 году. Во-первыхъ, по Высочайшему повелѣнію было передано прибрѣтенное за 15.000 рублей книжное и рукописное собраніе бывшаго директора Публичной бібліотеки Н. К. Шильдера. Изъ многочисленнаго книжнаго собранія оставлено въ бібліотекѣ только 1714 сочиненій въ 2051 томѣ, какъ не находящихся въ послѣдней, а остальные, какъ дубликатные, тома, въ количествѣ 5597 и брошюры съ папками переданы въ бібліотеку новороссійскаго университета. большая же часть рукописнаго собранія Н. К. Шильдера сохранена въ рукописномъ отдѣленіи бібліотеки и уже описана довольно подробно В. В. Майковымъ въ приложеніи къ отчету за 1903 г. Составитель «Описи» въ своемъ маленькомъ предисловіи пишетъ: «Бумаги, оставшіяся послѣ смерти Н. К. Шильдера и поступившія въ императорскую публичную бібліотеку, заключаютъ въ себѣ, кромѣ значительнаго числа автографовъ Высочайшихъ особъ и частныхъ лицъ, копіи и выписки, сдѣланныя или самимъ Н. К. Шильдеромъ, или, по его порученію, съ историческихъ документовъ, хранящихся въ русскихъ и заграничныхъ архивахъ и у частныхъ лицъ. Въ печатаемой описи бумаги распределены по царствованіямъ за время Екатерины II—Александра II и въ каждомъ царствованіи расположены въ извѣстной системѣ». Больше всего, конечно, бумагъ, относящихся до царствованія императора Александра I и расположенныхъ въ слѣдующихъ отдѣлахъ: 1) Бумаги, касающіяся его личности; 2) переписка имп. Александра I; 3) матеріалы по внутренней политикѣ; 4) матеріалы по военному и морскому дѣлу; 5) матеріалы по внѣшней политикѣ; 6) матеріалы по исторіи войнъ и 7) матеріалы, касающіеся Польши и Финляндіи. Довольно затѣмъ обширенъ отдѣлъ—«Письма и разныя бумаги русскихъ дѣятелей»,—занимающій около 70 страницъ. Въ концѣ описи приложенъ именной указатель.

Вторая, еще болѣе цѣннѣйшая, коллекція произведеній печати пожертвована въ 1902 г. вдовою, дочерьми и сыновьями покойнаго директора бібліотеки и извѣстнаго академика А. Θ. Бычкова. Въ этой коллекціи свыше 15.000 сочиненій (книгъ и брошюръ), болѣе чѣмъ въ 18.000 томахъ, и по преимуществу книгъ по русской исторіи съ вспомогательными науками и по исторіи русской словесности. Библіотека А. Θ. Бычкова пожертвована на слѣдующихъ благопріятныхъ для ея наиболѣе продолжительной сохранности условіяхъ: 1) она должна сохраняться навсегда въ полномъ составѣ, безъ раздробленія по разнымъ отдѣленіямъ; 2) помѣщается она въ рукописномъ отдѣленіи бібліотеки и служитъ справочною бібліотекою для занимающихся въ немъ лицъ и 3) пользоваться книгами ея можно исключительно въ рукописномъ отдѣленіи.

Изъ отдѣльныхъ прибрѣтеній книгами за 1902 г. особое вниманіе обращаютъ: 1) три весьма рѣдкихъ изданія XVII вѣка («Учительное евангеліе. Крилосьъ. 1606»; «Псалтирь. Вильна. 1603 г.» и «Акаѳисты. Уневъ. 1660 г.»); 2) «Коллекція (15) приказовъ военныхъ властей, изданныхъ въ Лейпцигѣ въ 1813—1814 г. во время пребыванія здѣсь русскихъ войскъ»; и 3) «Ordonnances des Roys de France de la troisième race. Paris. 1723—1849 г.» (23 тома)—собраніе законодательныхъ памятниковъ Франціи, начиная съ Гуго Капета (съ 970 г.) и кончая царствованіемъ Людовика XII (по 1515 г.). Въ 1903 г. рядъ

цѣнныхъ книгъ на иностранныхъ языкахъ былъ полученъ по исторической археологіи, филологіи, палеографіи и др.

Кромѣ рукописнаго собранія Н. К. Шильдера, въ 1902—1903 годахъ въ бібліотеку поступили слѣдующія коллекціи рукописей: во 1-хъ, А. А. Титова, въ количествѣ 1447 славяно-русскихъ рукописей, уже описанныхъ ихъ бывшимъ владѣльцемъ. Во-вторыхъ, сынъ знаменитаго нашего поэта В. А. Жуковскаго, Пав. Вас. Жуковский, въ дополненіе къ пожертвованному имъ бібліотекѣ въ 1884 году богатому собранію бумагъ своего отца, принесъ въ даръ еще *четырнадцать альбомовъ* съ рисунками В. А. Жуковскаго, исполненными имъ во время его путешествій, начиная съ 1824 г., и затѣмъ житія его за границей; кромѣ того, альбомъ автографовъ 1820 года; альбомъ, подаренный Жуковскому великой княгиней Александрой Теодоровной въ 1820 г., съ выдержками изъ ея писемъ, и др. Въ-третьихъ, цѣннымъ является и собраніе бумагъ покойнаго члена государственнаго совѣта Н. Н. Селифонтова, пожертвованное его женой. Бумаги эти распадаются на слѣдующіе отдѣлы: 1) письма разныхъ лицъ къ Селифонтову, числомъ около 900 отъ 284 лицъ, изъ которыхъ многія занимали высшія административныя и судебныя должности, 2) письма разныхъ лицъ къ дѣду его Ив. Осип. Селифонтову (1744—1822), бывшему сибирскому генераль-губернатору, и 3) бумаги статсъ-секретаря Н. И. Бахтина (1796—1869), приходившагося дядею Н. Н. Селифонтова, въ восьми папкахъ, бумаги интересныя, помимо чисто біографическаго значенія, въ историко-литературномъ отношеніи, такъ какъ Н. И. Бахтинъ былъ извѣстный въ свое время писатель. Наконецъ, весьма важнымъ приобрѣтеніемъ должно быть признано и принесенное въ даръ Е. А. Майковой собраніе бумагъ покойнаго ея брата, извѣстнаго слависта Аполлона Александровича Майкова († 1902 г.). Въ составъ этого собранія вошли между прочимъ: 1) переписка самого А. А. Майкова, его отца и дѣда; 2) ученые труды А. А. Майкова; 3) поэтическіе труды; и 4) многіе весьма разнообразныя сборники, «бумаги», автографы и т. п.

Мы не будемъ уже касаться отдѣльныхъ приобрѣтеній, хотя и между ними есть заслуживающія всеобщаго вниманія, и остановимся на общихъ цифровыхъ данныхъ. Въ 1902 г. въ бібліотеку поступило:—печатныхъ книгъ, брошюръ и отдѣльныхъ листовъ—48.463 сочиненія въ 55.759 томахъ, а въ 1903 г.—54.743 соч. въ 59.131 томахъ. Изъ этого числа большая половина поступаетъ изъ внутренней цензуры, около 27300—29500 томовъ. Много также—отъ 15.000—18.000 том.—поступаетъ и «отъ частныхъ приношеній разныхъ лицъ и учреждений». Что касается *покупки* самою бібліотекою, то она незначительна—въ 1902 г. было куплено 4198 сочиненій въ 5915 томахъ, а въ 1903—3515 соч. въ 4622 тт. Изъ приобрѣтенныхъ за два года рукописей—5365 экз.—куплено бібліотекою 218 рукописей. Затрачено на всѣ эти покупки книгъ и рукописей 79.537 руб. 16 коп.

Небезынтересно также указать и на то, что число занимающихся въ бібліотекѣ растетъ и доходило въ одномъ читальномъ залѣ до 18.200 человекъ, требовавшихъ свыше 500.000 томовъ; постепенно увеличивается и число занимающихся въ отдѣленіяхъ, особенно русскомъ, а между тѣмъ на содержаніе личнаго состава служащихъ отпускается сравнительно очень немного, всего около 74.000 рублей.

Въ заключеніе нельзя не остановить вниманія читателя еще на одномъ мѣстѣ «Отчета» за 1902 г., гдѣ говорится: «въ отчетномъ году библіотекаремъ Гаркави окончено описаніе еврейскихъ, халдейскихъ, самаритянскихъ и еврейско-арабскихъ рукописей и фрагментовъ въ собраніи архим. Антонина: всего описано 13 рукописныхъ кодексовъ и фрагментовъ 116» (стр. 206).

В. Р.—въ.

И. Х. Озеровъ, профессоръ петербургскаго университета. Атласъ діаграммъ по экономическимъ вопросамъ. Выпускъ II. Алкоголизмъ и борьба съ нимъ. Москва. 1909 г. 13 діаграммъ—61 стр. Ц. 35 к.

Русскій алкоголизмъ... Посмотрите въ діаграммы профессора Озерова, и вамъ, пожалуй, покажется, что не такъ страшенъ чортъ, какъ его малюютъ. Среди культурныхъ государствъ, въ шкалѣ потребленія пива, Россія на предпоследнемъ мѣстѣ; по потребленію водки—на десятомъ. Какъ на первый взглядъ ни утѣшительна эта алкогольная статистика, но, вдумываясь въ нее, безслѣдно теряешь первоначальный оптимизмъ. Много потребляетъ датчанинъ водки, французъ—вина, бельгіецъ—пива, оставляя въ облюбованной алкогольной области далеко за собой всѣ другія государства. Но три народности, побившія международный алкогольный рекордъ, и ихъ соперниковъ, стоящихъ по потребленію алкоголя на вторыхъ мѣстахъ, въ сущности говоря, нельзя сравнить съ Россіей. Тамъ, на богатомъ Западѣ, людская потребность въ алкогольѣ удовлетворяется почти полностью, тогда какъ у насъ, среди полунищаго населенія, царитъ алкогольный голодъ. Сколько героическихъ усилій, то высоко комичныхъ, то соприкасающихся съ настоящей трагедіей, тратится у насъ на то, чтобы раздобыть пресловутую «сотку». Мы таимъ въ себѣ колоссальную потенциальную потребляемость водки и, будь немного побогаче, безусловно побили бы международный алкогольный рекордъ. Бѣдность, безусловно, тѣсно соприкасается съ алкоголизмомъ. Но полубогатство, при полномъ отсутствіи культурности, алкогольныхъ бѣдъ не исправитъ. Если достатокъ русскаго населенія увеличится,—предполагать обѣднѣнія нельзя: вѣдь большую бѣдность, чѣмъ наша теперешняя, и представить себѣ трудно,—то онъ прежде всего выразится ростомъ потребленія алкоголя. Прогрессируя только въ одной матеріальной области и оставаясь при этомъ культурно-отсталыми, мы выиграемъ очень мало. Истинное и универсальное спасеніе отъ алкогольной опасности только въ культурѣ. «Лучшее средство борьбы съ алкоголемъ,—читаемъ у профессора Озерова,—это поднятіе культуры во всѣхъ ея видахъ. Создайте школу, не жалѣйте на нее средствъ, освободите печать, поднимите экономическій уровень населенія, укоротите рабочий день, сдѣлайте обыденную жизнь пригляднѣе, содѣйствуйте разнымъ формамъ единенія людей, привейте населенію другія привычки по проведенію досуга, создайте профессиональныя организаци, рабочіе клубы и т. д., и алкоголизмъ пойдетъ на убыль» (стр. 60). Эта мысль—основной мотивъ брошюры, и на разныя лады повторяется авторомъ.

Въ разбираемомъ выпускѣ атласа г. Озерова на 13 діаграммъ приходится болѣе 60 страницъ текста. Сказать, что этотъ текстъ простое объясненіе къ діа-

граммам, значить не сказать ничего. Пять статей, изъ которыхъ онъ состоитъ («Борьба съ алкоголизмомъ», «Размѣръ потребленія спиртныхъ напитковъ», «Готенбургская система», «Какъ бороться съ алкоголизмомъ» и «Чай и сахаръ»), исчерпывающе разъясняютъ вопросъ, читаются легко и, какъ говорится, съ захватывающимъ интересомъ. Въ своихъ статьяхъ авторъ оперируетъ съ самымъ разнообразнымъ матеріаломъ, который въ менѣ талантливыхъ рукахъ превратился бы въ отвратительную мѣшанину. Но въ данномъ случаѣ несомнѣнный талантъ и опытность автора спасаютъ все дѣло, хотя слѣдовъ литературной неградиливости и поспѣшности и немало въ брошюрѣ. Тутъ собраны и статистическіе матеріалы и пересказъ изъ «Историческаго Вѣстника», научныя данныя перемѣшаны съ народными сказками, пѣснями, пословицами, анекдотами—и надъ всѣмъ этимъ царитъ вошь автора—именно вошь, другого слава не подберешь—вошь истерзаннаго русской дѣйствительностью либеральнаго, высококультурнаго человѣка: надо работать, работать, работать, чтобы поднять экономическій упадокъ въ Россіи и освѣтить родную темень. . Е. В.

А. И. Чупровъ. Рѣчи и статьи. Томы I, II и III. Москва. 1909 г.

Литературное наслѣдіе покойнаго профессора А. И. Чупрова очень обширно. По опредѣленію близкихъ къ А. И. лицъ, одни общедоступныя его произведенія, если бы ихъ собрать и переиздать полностью, составили бы около десяти томовъ въ нѣсколько сотъ страницъ каждый. До послѣдняго времени, однако, произведеніями этими было трудно пользоваться, вслѣдствіе разбросанности ихъ по разнымъ изданіямъ, и только въ послѣднее время они становятся болѣе доступными для широкаго круга читателей, интересующихся тѣми многочисленными вопросами, которымъ посвящаль на протяженіи сорока лѣтъ свои литературныя труды знаменитый ученый. При жизни своей А. И. Чупровъ выпустилъ въ свѣтъ (безъ обозначенія, впрочемъ, своего имени) только одинъ небольшой сборникъ своихъ произведеній, посвященныхъ желѣзнодорожнымъ вопросамъ (Москва, 1879). Всѣ остальные его популярно-научныя и публицистическія работы оставались разрозненными и находились отчасти въ отдѣльныхъ выпускахъ, отчасти въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ («Русскихъ Вѣдомостяхъ», «Юридическомъ Вѣстникѣ», «Русской Мысли», «Русскомъ Богатствѣ», «Отечественныхъ Запискахъ», «Мірѣ Божьемъ» и друг.). Послѣ кончины А. И. началось собираніе его богатаго наслѣдія. Въ 1908 году появился небольшой сборникъ статей по аграрному вопросу, именно: «По поводу указа 9 ноября 1906 года»—этого одного изъ важнѣйшихъ современныхъ законодательныхъ актовъ, которому, новидимому, суждено сыграть такую выдающуюся, можно сказать, роковую роль въ судьбахъ нашей земельной общины. Затѣмъ въ минушемъ 1909 году вышито въ трехъ томахъ капитальное изданіе трудовъ покойнаго, подъ названіемъ: «Рѣчи и статьи», заключающее въ себѣ собраніе избранныхъ его произведеній. Это послѣднее изданіе является наиболѣе полнымъ. Въ него вошли, кромѣ длиннаго ряда новыхъ, не имѣющихся въ прежнихъ сборникахъ, работъ покойнаго профессора по политической экономіи, крестьянскому хозяйству, внѣшней торговлѣ, народному образованію, землевладѣнію,

переселенческому дѣлу и многихъ другихъ, и всѣ статьи по аграрному вопросу, помѣщенные въ помянутомъ изданіи 1908 года, и часть статей по желѣзнодорожнымъ вопросамъ, напечатанная въ первомъ сборникѣ 1879 года. Наконецъ, въ текущемъ году выходятъ въ свѣтъ «Ученые труды А. И. Чупрова въ изданіи императорскаго московскаго университета».

Остановливаясь въ настоящей краткой рецензій на изданіи «Рѣчи и статьи», мы можемъ лишь въ общихъ чертахъ коснуться богатаго и разнообразнаго содержанія этихъ трехъ объемистыхъ томовъ. Первый изъ нихъ посвященъ вопросамъ политической экономіи, статистики, народнаго образованія, рецензіямъ и некрологамъ, написаннымъ А. И. Чупровымъ. Изъ статей этого тома особенное вниманіе обращаютъ: «Вступительная лекція въ императорскомъ московскомъ университетѣ», въ которой высказывается взглядъ молодого профессора на современное значеніе и задачи политической экономіи; «Мелкая промышленность въ связи съ артельнымъ началомъ и поземельною общиной», гдѣ авторъ выступаетъ горячимъ сторонникомъ ассоціаціи мелкихъ производителей въ области организаціи мелкаго кредита, оптовыхъ закупокъ матеріаловъ, артельныхъ складовъ и сбыта издѣлій и съ цѣлью «введенія лучшихъ способовъ и техническихъ приѣмовъ производства», причемъ въ «началѣ ассоціаціи» видитъ «животворную силу», а «самымъ прочнымъ фундаментомъ для... зданія русской народной ассоціаціи» считаетъ «нашу древнюю поземельную общину», которая въ настоящее время испытываетъ сокрушительные удары повѣйшаго аграрнаго законодательства. Въ отдѣлѣ «Народнаго образованія» помѣщена превосходная статья: «Знаніе и народное богатство», представляющая собою «публичную лекцію, прочитанную 10-го декабря 1892 года въ Москвѣ въ пользу московскаго комитета грамотности для устройства сельскихъ библиотекъ». Въ этой лекціи А. И. Чупровъ признаетъ «ошибкой, особенно бѣдственной по отношенію къ нашему отечеству», мнѣніе, по которому «въ ряду силъ, двигающихъ впередъ человѣческое общество, знаніе и образованіе имѣютъ лишь второстепенное значеніе», вслѣдствіе чего «заботамъ о просвѣщеніи народа должны предшествовать мѣры къ умноженію его достатка». Профессоръ, въ противоположность этому мнѣнію, убѣжденъ, что «знаніе является основой промышленнаго прогресса» и «распространеніе его въ массѣ народа служитъ самымъ могущественнымъ факторомъ къ увеличенію успѣшности народнаго труда», причемъ, однако, «промышленное обученіе можетъ строиться лишь на прочномъ базисѣ широкаго начальнаго образованія». Профессоръ признаетъ, что «народное образованіе... служитъ могущественнѣйшимъ факторомъ къ подъему народнаго богатства» и вполне присоединяется къ выводу Жюль Симона, что «народъ, который имѣетъ самыя лучшія школы, непремѣнно сдѣлается если не сегодня, то завтра первенствующимъ народомъ въ мірѣ».

Вообще статьи I тома отличаются академическимъ характеромъ и имѣютъ руководящее значеніе.

Слѣдующіе два тома выдѣляются статьями прикладнаго характера. Во второмъ томѣ сосредоточены статьи, посвященныя «почти исключительно крестьянскому вопросу». Изъ нихъ особенно заслуживаютъ быть отмѣченными: «Мертвенность нашего административнаго механизма и сокращеніе... посявотъ»

«Свобода и народное богатство», «Бюрократія и законодательство», «Хозяйственные и социальные послѣдствія разрушенія общины», «Борьба съ малоземельемъ и внутренняя колонизація».

Третій томъ посвященъ работамъ А. И. Чупрова по вопросамъ желѣзнодорожнаго хозяйства, торговой политики, кустарной промышленности, переселенческому дѣлу, продовольственному вопросу и проч. Главное содержаніе, однако, составляютъ статьи по желѣзнодорожнымъ вопросамъ, въ области которыхъ покойный ученый «работалъ всего упорнѣе и почти безъ перерывовъ» въ теченіе трехъ десятилѣтій.

Въ изданіи помѣщены два портрета А. И. Чупрова—одинъ въ I томѣ и другой во II.

Къ I тому приложена статья проф. Н. А. Каблукова о жизни и научно-общественной дѣятельности А. И. Чупрова, а III томъ начинается «Воспоминаніями» А. Ѳ. Кони о покойномъ профессорѣ и заканчивается «Указателемъ печатныхъ трудовъ А. И. Чупрова (1867—1908 годы)».

В. Кузнецовъ.

Куркинъ, А. П. Изъ быта новѣйшей бурсы. Воспоминанія, очерки и наброски. Смоленскъ. 1910. Стр. 206. Ц. 75 коп.

Книга г. Куркина читается съ интересомъ. Въ ней 26 главъ, причемъ каждая почти глава даетъ что-нибудь новое читателю. Вотъ подробный перечень главъ: 1) Поступленіе и приѣздъ въ семинарію; 2) Въ семинарію; 3) Паньковский, Иванъ Осиповичъ; 4) Григорій Кузьмичъ Лисицынъ; 5) Анатолій Ивановичъ Длиннокладовъ; 6) Ректоръ, о. Павелъ Гусевъ; 7) Ректоръ, архимандритъ Никодимъ Вьюновъ; 8) Бурсакъ Никифоръ Двойницкій; 9) Съ сильнымъ не борись; 10) Отъѣздъ ректора архим. Никодима Вьюнова; 11) Приключеніе; 12) Новый преподаватель; 13) Біографія Ивана Алексѣевича Стронскаго; 14) Послѣднее пребываніе Стронскаго въ N... семинарію; 15) Удаленіе Стронскаго; 16) Инспекторъ Петръ Павловичъ Богословскій; 17) Кулачный бой; 18) Богданъ; 19) Просвѣтитель; 20) Бритый; 21) Бурсаки Березовскій и Нектаревскій; 22) Шпіонъ; 23) Посвященіе въ стихарь; 24) Безвыходное положеніе; 25) Изъ дневника семинариста; 26) Прощаніе.

Все, о чемъ говорится въ книгѣ, правда. Объ этомъ, по крайней мѣрѣ, свидѣтельствуя слѣдующія слова автора въ предисловіи: «я думаю, что и товарищамъ моимъ будетъ отраднo и пріятно въ часы досуга воскресить въ своей памяти все пережитое». Но эти же слова г. Куркина даютъ право сказать, что *типичнаго* въ его книгѣ для «новѣйшей» бурсы, конца XIX и пачада XX в., мало—почему лучше бы дать названіе книгѣ не «Изъ быта новѣйшей бурсы», а «Изъ быта N-ской семинаріи».

Повторяемъ, книга г. Куркина прочтется съ удовольствіемъ.

Къ недостаткомъ ея надо отнести необработанность стили и довольно муренное въ нѣкоторыхъ частяхъ предисловіе, такъ что даже трудно понять.

что собственно хочет сказать авторъ. Напр., сказавъ о томъ, что когда тѣни прошлаго вереницей встають передъ глазами, то «что-то родное, близкое, дорогое соединяетъ васъ невидимыми, духовными нитями съ тѣми лицами и событіями, которыя были частью вашей души, вашего сознанія, вашей жизни» г. Куркинъ говоритъ далѣе такъ: «въ нихъ опять переживаешь то, что было и былемъ поросло; воспроизводишь образы—то любимые и дружественные, то шаловливые и рѣзвые (будто эти образы не могутъ быть «милыми?»), *то печальные и грустные, только безъ прежней радости или печали, остроты и горечи*». Такимъ образомъ, стилистика автора не можетъ быть отнесена къ числу образцовыхъ.

Я. Вирюковъ.

Современная скульптура. 40 меццотинто-гравюръ, съ объяснительнымъ текстомъ С. К. Маковского. Выпуски I—V. Цѣна за всѣ восемь выпусковъ 15 руб.

Скульптура въ наше время если еще не празднуетъ свое возрожденіе послѣ вѣкового сна, то во всякомъ случаѣ пользуется давно небывалымъ и серьезнымъ общественнымъ вниманіемъ. Въ ней самой, къ тому же, происходитъ выдающееся движеніе, съ одной стороны, къ забытымъ формамъ и традиціямъ, съ другой—къ совсѣмъ новымъ принципамъ и приѣмамъ. Замѣчательное изданіе товарищества «Міръ» стремится представить лучшіе и наиболѣе характерные образцы современной скульптуры въ рядѣ меццотинто-гравюръ, дѣйствительно передающихъ скульптуру со всѣхъ доступнымъ передачъ на бумагѣ совершенствомъ. Что выборъ образцовъ сдѣланъ по возможности широко и безпристрастно, объ этомъ свидѣльствуетъ перечень скульпторовъ разныхъ типовъ, въ которомъ фигурируютъ имена Антокольскаго, Аронсона, Вартоломэ, Врубеля, Гильдебрандта, Клингера, Коненкова, Ледерера, Менье, Обера, Родэна, Трубецкого, Штука и другихъ. С. Маковский, авторъ объяснительнаго текста, проявилъ гораздо больше художественнаго вкуса, чѣмъ разумныхъ возрѣній на скульптуру нашего вѣка. Преклоняясь передъ кумиромъ «красоты», бездушнымъ; какъ всѣ кумиры («не сотвори себѣ кумира»), г. Маковский горячо возстаетъ противъ «содержанія», «идейности» въ скульптурѣ (въ этой области, какъ и вообще въ критикѣ нашихъ дней, свила себѣ гнѣздо прекраснодушная, чирикающая «эстетика»), не замѣчая, что этимъ требованіемъ въ сущности ограничивается свобода искусства. «Грознаго» Антокольскаго критикъ осуждаетъ за то, что эта статуя не вызываетъ «волненія красоты»,—но нельзя же упускать изъ виду, что «Грозный», изображая перваго самодержца-идеолога, вызываетъ глубокое «историческое» чувство, просвѣтляетъ историческое сознаніе, а это стоитъ «красоты». «Смыслъ статуи—радовать нашъ глазъ,—говоритъ г. Маковский,— очаровывать вниманіе прекрасной гармоніей выпуклостей», но, замѣтимъ въ оправданіе критика, такъ безжалостно ограничивающаго назначеніе искусства, самъ же г. Маковский горячо рекомендуетъ такія произведенія, какъ «Голова Медузы» Обера или «Паганини» Коненкова, пробуждающія не чисто-эстетическій «безмолвный восторгъ умиленья», а гораздо болѣе сложныя эмоціи.

«Истор. вѣстн.», декабрь, 1910 г., т. сxxii.

23

Не «волненіе красоты», а инья чувства вызываетъ египетски-монументальный, подавляющій «Бисмаркъ» Ледерера, и т. д. Во всякомъ случаѣ, повторяемъ, выборъ воспроизводимыхъ скульптурныхъ образцовъ сдѣланъ съ должнымъ безпристрастіемъ, а исполненіе гравюръ выше всякой похвалы, и одно перелистываніе великолѣпныхъ репродукцій внушительныхъ размѣровъ (40—50 сантиметровъ) доставляетъ большое удовольствіе.

Н. Л.

Сочиненія Ѳ. И. Буслаева. Томъ второй. Сочиненія по археологіи и исторіи искусства. Историческіе очерки русской народной словесности и искусства. Изданіе отдѣленія русскаго языка и словесности императорской академіи наукъ. Съ 148 рисунками въ текстѣ. Спб. 1910. Стр. 455. Цѣна 3 рубля.

Въ началѣ 1908 года появился первый томъ, изданный академіей наукъ, сочиненій знаменитаго нашего слависта, Ѳед. Ив. Буслаева. Редакторъ издаваемыхъ сочиненій, проф. и акад. Н. П. Кондаковъ, остановился только на трудахъ по русской археологіи и исторіи искусства, справедливо указавъ на то, что работы покойнаго академика «по русскому языку и словесности стали уже съ давнихъ поръ общимъ достояніемъ и явились въ нѣсколькихъ изданіяхъ, перепечаткахъ, учебникахъ и руководствахъ»... Въ свое время по поводу перваго тома было говорено на страницахъ «Историческаго Вѣстника» (1908 г., № 5) и указывалось его содержаніе и научное значеніе статей. Настоящій второй томъ представляетъ собою перепечатку второго же тома «Историческихъ очерковъ русской народной словесности и искусства» (Спб. 1861 г.), гдѣ были «собраны покойнымъ академикомъ и приведены въ нѣкоторую систему его многочисленныя журнальныя произведенія о «народныхъ элементахъ древне-русской литературы и искусства». Отдѣленіе русскаго языка и словесности «поставило сохранить въ неприкосновенности составъ» «Историческихъ очерковъ». Во второй томъ вошло пятнадцать статей: 1) «О народной поэзіи въ древне-русской литературѣ», 2) «О народности въ древне-русской литературѣ и искусствѣ», 3) «Памятники древне-русской духовной письменности», 4) «Древне-русская борода», 5) «Идеальные женскіе характеры древней Руси», 6) «Для исторіи русской живописи», 7) «Литература русскихъ иконописныхъ подлинниковъ», 8) «Русская эстетика XVII вѣка», 9) «Изображеніе страшнаго по русскимъ подлинникамъ», и др. болѣе мелкія.

Съ внѣшней стороны изданіе выполнено превосходно, и весьма недорого по цѣнѣ (3 р.) при такомъ обиліи рисунковъ (148). В. Р—въ.

Историко-литературная библіотека подъ ред. А. Е. Грузинскаго. Ѳ. Ѳ. Нелидовъ. Западники 40-хъ годовъ. Стр. LX + 272. М. 1910. Цѣна 1 р.—Н. Л. Бродскій. Ранніе славянофилы. Стр. LXV + 206. М. 1910. Цѣна 1 р.

Прекрасная мысль лежитъ въ основѣ «Историко-литературной библіотеки», выходящей выпусками подъ общей редакціей А. Е. Грузинскаго. Нельзя изучать или только уяснить и познакомиться съ писателями и литературными направленіями по однимъ лишь историко-литературнымъ изслѣдованіямъ, какъ

это часто практикуется, а необходимо пользоваться первоисточниками, воспоминаниями и т. п., хотя бы только важнѣйшимъ изъ этого матеріаломъ. Первоисточники разбросаны по различнымъ книгамъ, нерѣдко трудно доставаемымъ, вышедшимъ изъ продажи. Имѣя это въ виду, редакция «Историко-литературной библіотеки» рѣшила выпускать такія пособія, въ которыхъ были бы собраны важнѣйшіе первоисточники, какъ напримѣръ, письма, воспоминанія и т. п. дающіе ясное представленіе о писателѣ и литературномъ направленіи. Цѣнность и польза такого предпріятія—несомнѣнна, и оно заслуживаетъ серьезнаго вниманія, потребность въ такихъ пособіяхъ назрѣла уже давно.

Мы уже дали отзывъ на страницахъ «Историческаго Вѣстника» (1910, кн. I) о первомъ выпускѣ «Библіотеки», который составленъ В. В. Каллашемъ и посвященъ Гоголю. Въ настоящее время вышло два новыхъ выпуска, посвященныхъ западничеству подъ ред. Ѳ. Ѳ. Нелидова и славянофильству подъ ред. Н. Л. Бродскаго. Западничество и славянофильство, какъ извѣстно, являются одними изъ самыхъ замѣчательныхъ теченій русской общественной мысли. Въ имѣющихся историко-литературныхъ характеристикахъ ихъ много неяснаго, субъективнаго въ оцѣнкѣ. Получить ясное понятіе объ этихъ теченіяхъ, личностяхъ вождей, ихъ психическомъ складѣ и умонастроеніи нельзя, если не обратиться непосредственно къ первоисточникамъ. Это сообщаетъ особенное значеніе и пользу разсматриваемымъ выпускамъ.

Составители, кромѣ матеріала-первоисточника, даютъ руководящую статью, общую характеристику и оцѣнку западничества и славянофильства, затѣмъ хронологическія даты къ исторіи этихъ теченій и, наконецъ, сообщаютъ главнѣйшую библиографію предмета.

Выбрать изъ громаднаго матеріала самое характерное—является очень трудной задачей, напримѣръ, взять самое характерное изъ писемъ Вѣлинскаго, которое одно другого характернѣе. Поэтому есть нѣкоторые недочеты въ выборѣ матеріала; напримѣръ, жаль, что г. Бродскій не помѣстилъ писемъ, хотя бы нѣсколько отрывковъ изъ характерной переписки И. С. Аксакова, но въ общемъ въ обоихъ выпускахъ подобранъ интересный матеріалъ, они выполняютъ, хотя и не вполне, поставленныя цѣли и являются, несомнѣнно, весьма полезными и важными пособіями.

Приведенная библиографія должна давать руководящія указанія, заключать характеристики указываемыхъ источниковъ. Хотя г. Нелидовъ и г. Бродскій даютъ при нѣкоторыхъ книгахъ ихъ характеристики и руководящія указанія, но они недостаточны и часто мало говорятъ читателю, ему трудно по этимъ указаніямъ ориентироваться въ громадномъ указываемомъ матеріалѣ. Г. Нелидовъ не указываетъ, гдѣ можно найти болѣе или менѣе полную библиографію отдѣльныхъ писателей, а г. Бродскій хотя и указываетъ, но пропустилъ такое важное библиографическое пособіе, какъ «Источники словаря русскихъ писателей» С. А. Венгерова.

А. Фоминь.

**А. С. Пушкинъ въ воспоминаніяхъ современниковъ и письмахъ.
Составилъ Н. А. Заозерскій. Стр. XLIII+212. М. 1910. Ц. 1 р.**

Въ принципѣ появленіе сборниковъ, подобныхъ настоящему, нужно при-
вѣтствовать. Они необходимы тѣмъ изъ учащихся, которые, не довольствуясь
минимальными программными требованіями и болѣе или менѣе скудными
данными, представляемыми учебниками, желаютъ расширить свое знакомство
съ исторіей литературы изученіемъ той или иной области ея по первоисточ-
никамъ. Для удовлетворенія этой потребности предпринята специальная «Исто-
рико-литературная библіотека», редація которой въ предисловіи справед-
ливо указываетъ, что «старый способъ изучать литературу главнымъ образомъ
заочно, по историческимъ очеркамъ и характеристикамъ, вполне заслуженно
отходить въ область преданій, и безъ хорошаго знакомства съ подлиннымъ
литературнымъ матеріаломъ теперь трудно себѣ представить преподаваніе
даже въ заурядной средней школѣ... Существуютъ полныя собранія сочиненій
классиковъ, но при историко-литературномъ изученіи очень важно бываетъ
обращаться и къ другимъ источникамъ, напимѣръ, къ письмамъ, къ воспо-
минаніямъ современниковъ, а это часто трудно и громоздко... Въ составъ
«Библіотеки» вышли сборники о Гоголѣ, Грибоѣдовѣ, западникахъ 40-хъ го-
довъ и раннихъ славянофилахъ. Вышелъ и сборникъ, посвященный Пушкину.

Намѣреніе благое, да исполненіе плохое, скажемъ мы о немъ. Составить
такой сборникъ хорошо—дѣло весьма и весьма нетрудное. Пушкинская об-
ширная литература предоставляетъ для этого богатый и благодарный мате-
риаль,—конечно, лишь тому, кто съ нимъ близко знакомъ и, главное, умѣетъ
имъ распорядиться. Ни того, ни другого качества не оказывается у г. За-
озерскаго. Въ выборѣ матеріала составитель, не имѣвшій никакого опредѣ-
ленного критерія, обнаружилъ полный произволъ. Такъ, мизерный по объ-
ему (22 стр.) и лишній по существу отдѣлъ выдержекъ изъ «статей и замѣтокъ»
Пушкина заключаетъ въ числѣ совершенно случайныхъ извлеченій (напри-
мѣръ, имѣющая лишь второстепенное, біографическое значеніе запись въ
дневникѣ объ Иконниковѣ) такую вещь, какъ «Разговоръ съ англичаниномъ
о русскихъ крестьянахъ», безъ обстоятельнаго историческаго комментарія
учащимся совершенно не нужный и не могущій не поставить ихъ лицомъ къ
лицу съ необъясненнымъ противорѣчіемъ въ публицистической дѣятельности
Пушкина. Такою же случайностью отмѣчены выдержки изъ писемъ Пушкина;
упущено много существеннаго и характернаго въ литературномъ и историче-
скомъ отношеніи, и оставлено многое такое, что составитель могъ и долженъ
былъ исключить. Излишни, напимѣръ, распоряженіе о перемѣнѣ при пе-
чатахъ тѣхъ или иныхъ стиховъ, о расплатѣ съ кредиторомъ; надо было устра-
нить такіа непонятныя вѣт связи съ другими письмами и не могущими быть
извѣстными учащимся мелкими фактами біографіи Пушкина мѣста, какъ:
«Пушкинъ привезетъ тебѣ 600 рублей, Савеловъ большой подлець»... etc.,
или упоминанія о «похотливой Минервѣ, Софѣѣ Киселевой», о «Филимоновѣ
въ своемъ Инвалидномъ объявленіи». Всѣ эти недочеты возникли потому, что

составитель, вырѣзывая страницы изъ академическаго изданія переписки Пушкина, не потрудился пробѣжать ихъ съ карандашомъ въ рукѣ и исключить все, что не относится къ прямой задачѣ сборника. Не раскрыты многія сокращенія,—напримѣръ, «кн. Канта» (Кантакузенъ), «Ж. и Кар.» (Жуковский и Карамзинъ), «В. Л., Ив.-Пис.» (Василій Львовичъ Пушкинъ, Иванчинъ-Писаревъ), «П. З». («Полярная Звѣзда») и пр.; не объяснено, что такое Гудибрасъ, Веръ-Веръ, «Коцебятина» и другія, завѣдомо неизвѣстныя читателю подобной книжки имена. Знакомство составителя съ воспоминаніями о Пушкинѣ его современниковъ не простирается дальше извѣстнаго сборника Л. Н. Майкова («Пушкинъ», біографическіе матеріалы и историческіе очерки); прибавлены еще маленькая выдержка изъ И. Тургенева и извѣстное письмо Жуковскаго о смерти Пушкина. Почти весь матеріалъ воспоминаній заимствованъ изъ Майкова (кстати: такъ какъ книжка предназначена для молодежи, то безъ всякаго ущерба можно было изъ воспоминаній И. И. Пущина исключить нѣсколько фривольныхъ строчекъ, на стр. 38). Изъ Гоголя нужно было привести еще нѣсколько строкъ о Пушкинѣ; г. Заозерскому остались неизвѣстны различныя упоминанія о Пушкинѣ у Вяземскаго, не интересовался онъ записками Вигеля, Липранди, воспоминаніями А. О. Смирновой, А. А. Фуксъ, графа В. А. Соллогуба, И. И. Лажечникова, М. А. Корфа и друг. Плохо зная тексты Пушкина, г. Заозерскій приводитъ изъ Анненкова программу записокъ (стр. 85), напечатанную въ его «Матеріалахъ» не совсѣмъ правильно, и оттуда же—списокъ предполагаемыхъ Пушкинымъ драмъ, не пополнивъ вполнѣдствіи возстановленныхъ Анненковымъ пропусковъ («Павель I» и «Иисусъ»); помѣщенное на стр. 146 письмо адресовано не А. Н. Раевскому, а В. Л. Давыдову; недостаточна и съ ошибками хронологическая канва (первое собраніе «Стихотвореній» Пушкина вышло не въ 1824, а въ 1826 г.); въ указателѣ литературы о Пушкинѣ упущены такія цѣнныя произведенія, какъ статьи Кохановской, В. П. Гаевского, изслѣдованіе Ѳ. Е. Корша, но рекомендована изъ рукъ вонъ плохая книга В. В. Силовскаго; отмѣчая очеркъ Венкстерна, составитель долженъ былъ бы упомянуть и книгу Незеленова.

Сборнику предпосланъ безпорядочно сляпанный очеркъ личности и творчества Пушкина, «курчавую африканскую (?) фигуру» котораго (фразисто выражается г. Заозерскій!) мы встрѣчаемъ вовсе не «при входѣ въ XIX столѣтіе»; сказано это больше «для красоты слога», но ошибка на цѣлыя двадцать лѣтъ все-таки составляетъ нѣкоторый расчетъ, особенно въ учебномъ пособіи. Г. Заозерскому не удалось отчетливо представить Пушкина поэта и человѣка, несмотря на то, что онъ щедро пользовался чужими трудами, иногда переходя дозволенные этическія границы распоряженія чужимъ добромъ. «Авторъ» не только не ссылается на труды, которыми пользовался, но далеко не всегда заключаетъ выдержки изъ нихъ въ ковычки, а большею частью, слегка перифразируя эти извлеченія, выдаетъ чужое за свое. Особенное вниманіе удѣлилъ г. Заозерскій двумъ статьямъ о Пушкинѣ, напечатаннымъ въ «Исторіи русской литературы XIX вѣка», т. I, ред. Д. Н. Овсяннико-Куликовскаго, изд. т-ва «Міръ». Намъ бросились въ глаза слишкомъ

ужь явныя «соотвѣтствія» между очеркомъ г. Заозерскаго и двумя упомянутыми статьями на стр. XXIX (Заозерскій)—341, 345 («Исторія»), XXXIII, XXXIV—417—419, XXXVII—391—392. Между тѣмъ на обложкѣ книжки значатся рядомъ съ именемъ составителя имена четырехъ редакторовъ «Историко-литературной библіотеки»; впрочемъ, хочется вѣрить, что «редакція» въ этомъ случаѣ—звукъ пустой. Возвращаясь къ общей оцѣнкѣ сборника, скажемъ, что составленный всего по 2—3 книгамъ, которыя читателю самому не трудно будетъ прочитать, составленный плохо, безъ достаточныхъ знаній, безъ опредѣленнаго пониманія задачи и должнаго уваженія къ предмету, притомъ непомерно дорогой по цѣнѣ, онъ не заслуживаетъ мѣста на книжной полкѣ учащагося.

Н. Лернеръ.

«Славянскій Міръ». Ежемѣсячный журналъ литературы, искусства и критики. 1910. I—VIII. Годовая цѣна I р. 40 к.

Появленіе новаго журнала, посвященнаго славянамъ, на русскомъ языкѣ—горячо привѣтствуемъ. И первое пожеланіе, которое въ правѣ сдѣлать каждый, кто интересуется дѣломъ славянскаго сближенія, будетъ пожеланіе многихъ лѣтъ «Славянскому Міру», чтобъ его не постигла слишкомъ ужь обычная у насъ участь «благихъ порывовъ». Журналъ не субсидируется, никакихъ иныхъ цѣлей, кромѣ идейныхъ, не преслѣдуетъ, а при равнодушии русской интеллигенціи къ славянскому дѣлу такъ возможно недолгое существованіе всякаго журнала, интересующагося славянствомъ. Примѣровъ много.

А, судя по вышедшимъ нумерамъ, «Славянскій Міръ»—журналъ живой, идетъ навстрѣчу всему живому и талантливому въ общественности и литературѣ. Не забываетъ онъ и изъ стараго того, что дѣйствительно представляло своего рода «вѣхи» въ движеніи славянской мысли. Словомъ, и теперь уже ясна программа журнала, и теперь видно, какое мѣсто онъ можетъ занять среди небогатой русской литературы о славянахъ.

Изъ статей историческихъ и политическихъ отмѣчаемъ очеркъ «Культурное движеніе южныхъ славянъ въ XIX вѣкѣ» Л. С., «Новыя вѣянія» проф. А. Погодина, «Пангерманизмъ въ Россіи и въ царствѣ Польскомъ» и «Грюнвальдъ» М. Гржибовскаго, «Ф. Масарикъ» И. Бочковскаго, «Миръ на Балканахъ» П. Христова, «Студенческіе славянскіе кружки» и «Софійскій съѣздъ» проф. А. Погодина, «Изъ исторіи чешскаго университета» И. Бочковскаго, «По поводу проекта общества славянскаго научнаго единенія» проф. Бехтерева и др.

Очень цѣнный—историко-литературный отдѣлъ, представленный, главнымъ образомъ, массою мелкихъ статей, замѣтокъ и рецензій, по которымъ русскій читатель можетъ слѣдить за развитіемъ славянскихъ литературъ, преимущественно новѣйшихъ. Изъ болѣе крупныхъ работъ въ историко-литературномъ отдѣлѣ «Славянскаго Міра» обращаютъ на себя вниманіе очерки «Юлій Словацкій» Н. Костежа, «Болгарская литература» М. Диланова (повидимому, очеркъ не законченъ, и будетъ продолженіе), «О словинцахъ и ихъ первомъ поэтѣ Преширнѣ» Л. Лѣскова, «Пенго Славейковъ» (болгарскій поэтъ) Сирака-Скитника, некрологъ Элизы Ожешковой и много другихъ.

Самый интересный для широких кругов читателей, безспорно,—отдѣлъ беллетристики. Въ переводахъ на русскій языкъ въ «Славянскомъ Мірѣ» появились рассказы и стихотворенія многихъ молодыхъ славянскихъ писателей, до сихъ поръ или совсѣмъ неизвѣстныхъ русскимъ читателямъ, или мало извѣстныхъ. Если о Врхлицкомъ, Ашкерцѣ, Вазовѣ, Нерудѣ, Преширнѣ и другихъ можно было найти кое-что въ журнальныхъ и газетныхъ статьяхъ, то о самыхъ молодыхъ беллетристахъ словинскихъ, словацкихъ, кошубскихъ, сербскихъ, хорватскихъ и иныхъ почти ничего не было на русскомъ языкѣ. Поэтому журналъ оказалъ громадную заслугу, давъ переводы изъ Махара, Глигорича, П. Теодорова, Якшича, Цанкара, Зейера, Чоровича, Дердовскаго, Майковскаго, Пломечника, Гвѣздослава, Йеловщика, Петровича, Каталинич-Иеретова, Анжейчика, Домановича и др. Не забыты и современные украинскіе поэты. Такъ, въ вышедшихъ выпускахъ «Славянскаго Міра» находимъ переводы изъ Сохачевскаго, Богдановича, Конисскаго, Тарноградскаго и др. Особенно литературны, музыкальны и передаютъ настроеніе подлинниковъ переводы Н. Новича, много уже сдѣлавшаго въ этой области.

Интересны приложенія къ «Славянскому Міру». На первомъ мѣстѣ среди нихъ стоитъ томикъ «Библиотеки избранныхъ славянскихъ писателей», о которомъ слѣдовало бы дать особый отзывъ,—историческій романъ чешскаго писателя А. Краска «Псоглавцы» въ переводѣ В. Глѣбовой и «Антологія словацкихъ народовъ» подъ редакціей Н. Новича. Каждое изъ приложеній само по себѣ представляетъ цѣнность.

Въ заключеніе отмѣтимъ еще необыкновенную дешевизну журнала, а отдѣльный номеръ продается въ книжныхъ магазинахъ всего по 12 коп. Словомъ, всѣ данныя такъ удачно сложились для «Славянскаго Міра», что въ заключеніе можно только повторить пожеланіе, которымъ мы начали отзывъ.

С. Л. А.—въ.

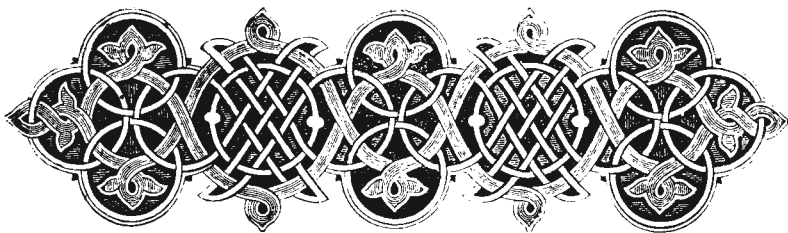
Heimatstimmen. Ein baltisches Hausbuch. Изд. К. Гунніуса и В. Витрока. IV томъ, съ иллюстр. Ревель-Лейпцигъ. 1910.

Въ нашей Прибалтикѣ альманахи и другіе сборники мѣстныхъ литературныхъ и художественныхъ силъ имѣютъ вѣрный, съ годами упроченный успѣхъ. Здѣсь читатели находятъ и немного литературы, и немного исторіи, и немного философіи; книга не утомляетъ, не нагоняетъ скуки.

Таковъ и издающійся уже 4-й годъ сборникъ «Heimatstimmen».

На ряду съ нѣсколькими стихотвореніями и новеллами въ вышедшемъ въ этомъ году IV томѣ помѣщены также слѣдующія статьи: воспоминанія Э. фонъ-Брадке о своемъ отцѣ, Георгѣ фонъ-Брадке, бывшемъ попечителемъ дерптскаго учебнаго округа (1854—1862 гг., съ портр.), біографія балтійскаго поэта А. Адольфи, статьи о художникѣ Юліи Клеверѣ (со многими иллюстр.), о революціонномъ времени въ южной Эстляндіи, о женскомъ вопросѣ въ средне-вѣковой Ливоніи, о народной жизни эстонцевъ (съ прибавленіемъ эстонскихъ народныхъ пѣсенъ), о путешествіи Р. фонъ Мореншильда по Африкѣ (съ рис.) и др.

А. Э. М.—въ.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

БЕАТРИСА НЕАПОЛИТАНСКАЯ. — Въ исторіи встрѣчаются нерѣдко случаи, когда женщина прямо или косвенно вліяетъ на культурное развитіе госуварства.

Одной изъ подобныхъ женщинъ Контъ, помѣстившій свою статью на страницахъ «Revue Bleue»¹⁾, называетъ Беатрису Неаполитанскую, королеву Венгріи. Два раза Венгрія находилась въ продолжительныхъ сношеніяхъ съ Италіей: впервые это произошло въ началѣ XIV вѣка, когда угасла (1306 г.) національная династія Арпадовичей и многіе королевскіе дома пытались захватить венгерскій престолъ. Этого достигла неаполитанская линія Анжуйскаго дома и царствовала въ теченіе восьмидесяти лѣтъ, сдѣлавъ Венгрію сильной и могущественной. Это царствованіе глубоко запечатлѣлось въ памяти венгерскаго народа, какъ самое блестящее. Еще въ XI вѣкѣ его воспѣли поэты. Это была эпоха венгерскаго рыцарства, уже отличившагося во время крестовыхъ походовъ и прославившагося особенно въ смѣлыхъ военныхъ предпріятіяхъ, совершенныхъ во главѣ съ Людовикомъ Великимъ (1342—1382 гг.) противъ Иоанны Неаполитанской, убившей своего мужа Андрея Венгерскаго, брата венгерскаго короля.

Благодаря этимъ сношеніямъ съ Италіей, одинаково какъ и торговымъ со старыми итальянскими городами, Венгрія примкнула къ умственному и художественному движенію Европы, уже зародившемуся при національной династіи, но особенно ярко проявившемуся въ эту эпоху. Со времени св. Стефана она

¹⁾ Beatrice de Naples, Reine de Hongrie. Par Kont. «Revue Bleue» 1 Octobre 1910.

широко распахнула двери для западнаго вліянія: образованіе распространилось по странѣ, ея литература, хотя не мадьярская, иноязычная, все-таки выражавшая венгерскія мысли, развилась, финансы упорядочились, военное искусство достигло такой степени совершенства, что приводило въ восторгъ Европу. Изящное искусство тоже имѣло свою долю успѣха, и страна украсилась памятниками, уничтоженными впоследствии во время войнъ съ турками.

Анжуйскій домъ, установивъ сношенія между Венгріей и Италіей, сдѣлался, такимъ образомъ, зачинщикомъ интеллектуальнаго движенія, которое въ слѣдующемъ вѣкѣ принесло свои плоды.

Особенно тѣсны сношенія между обѣими странами держались въ эпоху возрожденія. Тогда на венгерскій тронъ, послѣ пятидесятилѣтняго царствованія Сигизмунда и его слабыхъ преемниковъ, вступилъ Янъ-Матвѣй Корвинъ, сынъ великаго Гуніада, долго охранявшаго восточную Европу отъ вторженія ислама, благодаря своему военному таланту. Укрѣпивъ престолъ и усмиривъ олигархію, всегда готовую возмутиться, когда скипетръ попадаетъ въ руки слабыхъ, въ немъ пробудились наклонности возродителя классической древности. Съ этого времени его замокъ Буди сдѣлался сборищемъ ученыхъ, поэтовъ и мадьярскаго духовенства. Особеннымъ отличіемъ пользовались тѣ изъ нихъ, которые находились въ постоянныхъ сношеніяхъ съ гуманистами по ту сторону Альпъ. Изъ нихъ выдѣлялись канцлеръ и примасъ Венгріи Янъ Витець и латинскій поэтъ Янъ Панатій, ученикъ Гварино и Марсина Фицина.

Едва ли была бы возможна только съ помощью однихъ венгерскихъ гуманистовъ подобная эволюція при Будскомъ дворѣ, какая проявилась тамъ за послѣдніа двадцать лѣтъ. «*Cherchez la femme*», говорятъ французы, и въ томъ случаѣ они также не ошиблись бы. Причиной этой эволюціи была итальянская принцесса Беатриса Неаполитанская, жена Матвѣя Корвина. Принцесса принадлежала къ Аррагонскому дому, и мадьярскіе историки ставили ей въ вину чрезмѣрный фаворитизмъ по отношеніи итальянцевъ. Вообще венгерцы не любятъ женскаго вліянія на правительство и когда у нихъ не было короля, а была королева, то они окружали ее уваженіемъ, какъ было съ Маріей, дочерью Людовика Великаго, или Маріей-Терезіей. Но для венгерцевъ это была не королева, но король въ олицетвореніи женщины, что видно изъ возгласа народа: «*Moriatur pro rege nostro*», раздавагося въ 1741 г., когда стѣсненная пруссаками Марія-Терезія попросила у сейма средства вести войну.

Не такъ относились они къ Беатрисѣ. Эта принцесса хотя и прожила 24 года въ Венгріи, однако не поняла души венгровъ, она не подозрѣвала ихъ оппозиціоннаго духа, который не смѣлъ проявиться при жизни всесильнаго короля, но вспыхнулъ послѣ его смерти. Дочь неаполитанскаго короля Фердинанда, внучка Альфонса I и одного изъ меценатовъ эпохи возрожденія, сестра Элеоноры Эстэ и тетка кардинала Ипполита Эстэ, Беатриса рано лишилась матери. Еще ребенкомъ она сдѣлалась невѣстой Джіовани Марцано, сына герцога Сесса, но ея отецъ, человѣкъ не очень добросовѣстный, поссорился съ герцогомъ и велѣлъ бросить его съ сыномъ въ тюрьму Кастелло Нуова. Въ то время, какъ ея женихъ томился въ заключеніи, молодая принцесса преспокойно веселилась. Наслѣдовавъ отъ отца расточительный характеръ, она такъ тратила деньги, что на

удовлетвореніе ея капризовъ ей не хватало средствъ. Аббать Антоніо ди Сарчеллисъ выучилъ ее латинскому языку, и пока она не ознакомилась съ мадьярскою рѣчью, то объяснялась съ венгерами по-латыни. Авторъ «Исторіи венгровъ отъ основанія до его времени, гуманистъ Бонерини, жившій при дворѣ Матѳея, говорилъ, что она заставила дунайскую страну съ варварскими нравами говорить по-латыни.

Судя по сохранившимся бюстамъ, Беатриса была красавица съ правильными чертами лица. Многіе принцы и между прочимъ сынъ Людовика XI, будущій Карлъ VIII, просили ея руки, но ея отецъ предпочелъ всѣмъ женихамъ венгерскаго короля. Матѳей Корвинъ вступилъ на престолъ нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ ея рожденія и былъ на семнадцать лѣтъ старше ее. Въ первый разъ онъ женился очень молодымъ и овдовѣлъ въ 1464 г. На слѣдующій годъ Фердинандъ Неаполитанскій предложилъ ему въ невѣсты свою старшую дочь Элеонору, но она ему не нравилась. Онъ предпочиталъ остаться вдовцомъ, пока не встрѣтитъ женщины, которая ему понравится. Беатриса ему нравилась, и въ 1474 г. онъ возобновилъ переговоры съ Фердинандомъ, но свадьба состоялась только черезъ два года, 22 декабря 1476 года.

Съ появленіемъ Беатрисы Венгрія начала итальянизироваться. Съ точки зрѣнія цивилизація для Венгріи это было полезно. Будскій замокъ преобразовался и обратился въ настоящій дворецъ возрожденія. Вельможи предприняли въ своихъ домахъ основательныя передѣлки и украсили ихъ предметами искусства. Поэтому въ Венгрію наѣхали изъ Италіи архитекторы, скульпторы и живописцы: Фіорованти изъ Болоньи, Биччіо и Франческо Челлини, Бенедетто ди Маджано изъ Флоренці и т. д., скульпторы Амброджіа Фоппа, Андреа дели Веррокіо, Андреа Ферручіо, художники: Леонардо да Винчи, Филиппино Липпи и Амико ди Сандро Ботичелли.

Матѳей любилъ собирать красивыя рукописи и основалъ знаменитую бібліотеку, прозванную бібліотекою Корвина. Со временемъ рѣдкіе экземпляры ея книгъ были разсѣяны по всей Европѣ. Миниатюры этихъ рукописей Корвина, исполненныя знаменитымъ Аттавенти Франческо дель Чьерико, Черардо Синибальди и другими, до сихъ поръ сохранили всю яркость и свѣжесть колорита. Изъ Италіи вывозили въ Венгрію драгоценныя сервизы, вазы, хрустальные кубки, драгоценное оружіе, бездѣлушки, фаянсъ и дорогія матеріи.

Итальянскіе гуманисты встрѣтили радушный пріемъ при венгерскомъ дворѣ; въ произведеніяхъ Бонфини, Галлеото Марціо и Ранцано сохранились воспоминанія объ его великолѣпіи, такъ какъ немногіе художественные памятники уцѣлѣли во время турецкаго господства. Почти всѣ они исчезли или находятся внѣ Венгріи. Политическое вліяніе Италіи шло въ шагъ съ художественнымъ. Это обстоятельство болѣе всего раздражало венгровъ, остававшихся до тѣхъ поръ преданными королю. Когда они увидѣли, что король слишкомъ щедро раздаетъ деньги итальянскимъ гуманистамъ, что королева отдала самое значительное въ Венгріи архіепископство Стригони своему брату Джіовани Аррагонскому, а послѣ его смерти семилѣтнему племяннику Ипполиту Эстэ, что король, очарованный ея прелестями, не въ силахъ ей ни въ чемъ отказать,—то въ нихъ

проснулось недовольство. Знаменитый венгерский проповедник той эпохи Пельбарь Темесварь в своих проповедях, распространившихся по Европѣ и даже часто печатавшихся в Лионѣ, открыто бичевалъ эту безумную роскошь, слишкомъ свободную жизнь, которая такъ не подходила къ простотѣ венгерскихъ нравовъ.

Королева вліяла на мужа даже въ вопросахъ иностранной политики, онъ не могъ безъ нея обойтись, слушался ея совѣтовъ и вездѣ бралъ съ собою, даже въ лагери. Надѣясь, что она дастъ ему наслѣдника престола и національная династія Гуньяди можетъ продолжаться, онъ прощалъ ей даже ея политическія интриги, но, когда его надежды оказались напрасны, онъ пытался, чтобы дворяне признали его незаконнаго сына, Яна Корвина. Для этого онъ женилъ его, безъ вмѣшательства жены, на принцессѣ изъ дома Сфорца. Но Беатриса, рассчитывая на венгерскій престолъ, хотѣла помѣшати этому плану, и между ними впервые произошелъ разладъ. Она вмѣшала въ это дѣло отца, несмотря на замѣчанія Матѳея, что ея поведеніе очень неосторожно. Среди этихъ ссоръ король съ своимъ дворомъ уѣхалъ въ Вѣну, гдѣ съ нимъ произошелъ апоплектический ударъ и онъ умеръ черезъ два дня, 6 апрѣля 1490 г.

Со смертью короля положеніе Беатрисы становится критическимъ. Въ Венгерскомъ королевствѣ того времени существовала избирательная система, по поводу вопроса о престолонаслѣдіи составились партіи. Одни, оставшіеся вѣрными памяти короля, хотѣли видѣть наслѣдникомъ Матѳея незаконнаго сына, Яна Корвина. Однако такихъ было меньшинство. Большинство обратило свои взоры на Владислава изъ дома Ягеллоновъ, уже короля Богеміи, человека мягкаго, нерѣшительнаго, покладистаго, соглашавшагося со всѣми, котораго впоследствии венгерцы прозвали «dobse» (хорошо). Беатрису дворяне не любили и, несмотря на своихъ многочисленныхъ фаворитовъ изъ Неаполя и Феррары, она могла рассчитывать только на свой титулъ жены и на немногихъ уцѣлѣвшихъ приверженцевъ изъ высшаго духовенства. Поэтому для захвата престола она хотѣла прибѣгнуть къ хитрости. Съ этой цѣлью она начала ухаживать за Владиславомъ, рассчитывая выйти за него замужъ. Поспѣшность, съ какою она этого добивалась, умѣрила старанія даже ея сторонниковъ, научившихся у итальянцевъ измѣною завязывать интриги. Они разставили для нея ловушку, куда она попалась. Съ согласія Владислава, они обѣщали ей облегчить устройство желаемаго брака, если она откажется отъ престола въ пользу будущаго мужа. Беатриса согласилась. Разряженная, разукрашенная, набѣленная и нарумяненная, она ожидала Владислава въ замкѣ. Въ отдаленной комнатѣ ихъ встрѣтилъ архіепископъ Бакושъ и совершилъ бракосочетаніе. Тотчасъ же послѣ церемоніи Владиславъ исчезъ. Раздосадованная Беатриса удалилась къ племяннику въ Стригони и оттуда посылала къ папѣ просьбу за просьбою, а также къ итальянскому королю, чтобы заставить венгерскаго короля признать этотъ бракъ. Каждый разъ, какъ Неаполь находился въ хорошихъ отношеніяхъ съ Римомъ, папа посылалъ Владиславу легатовъ, но толку добиться не могъ. Въ 1501 г. папа Александръ VI, по совѣту французскаго и венеціанскаго дворовъ, уничтожилъ этотъ бракъ, что дало возможность Владиславу жениться на племянницѣ Людовика XII, Аннѣ де-Фуа.

Тогда несчастная Беатриса покинула Венгрію. Вернувшись въ Неаполь, она нашла свою семью отчасти въ изгнаніи, отчасти въ нищетѣ, а королевство завоеваннымъ французами и испанцами. Фердинандъ Католикъ оказалъ вниманіе ей и другимъ принцессамъ, существовавшимъ на скромное содержаніе. Ихъ дворъ пользовался уваженіемъ и посѣщался нѣкоторыми гуманистами. Въ Венгрію Беатриса еще нѣсколько разъ посылала курьеровъ, требуя возвращенія приданого, но со смертію Матѳея финансы Венгріи были въ упадкѣ, и Владиславу приходилось постоянно бороться съ денежными затрудненіями. Несмотря на вмѣшательство папы и Ипполита Эстэ, королева ничего не добила, и наслѣдники, указанные ею въ духовномъ завѣщаніи, вѣроятно, тоже ничего не получили.

Беатриса умерла въ 1508 г. Если бы она довольствовалась, говорить авторъ статьи, скромной ролью венгерской королевы, ея судьба была бы менѣе трагична послѣ смерти короля, но эта принцесса эпохи возрожденія хотѣла сама царствовать, и именно данное обстоятельство причинило ея гибель. Если ея вліяніе иногда было вредно интересамъ венгровъ и она слишкомъ покровительствовала итальянцамъ, то въ пользу ея найдется и похвала, что она сдѣлала замокъ Будъ литературнымъ и артистическимъ центромъ. Благодаря гуманистамъ и художникамъ, которыхъ она умѣла сгруппировать вокругъ себя, дворъ Матвѳея блестѣлъ яркимъ свѣтомъ просвѣщенія. Правда, что эта культура была латинская и итальянская и за неимѣніемъ времени она не могла преобразовать венгерскій народный языкъ въ литературный. Послѣ смерти Матѳея потребовался цѣлый вѣкъ спокойствія и благоденствія, чтобы движеніе гуманистовъ принесло плоды. Такого благополучія не выпало на долю Венгріи; какъ всякое интеллектуальное усиліе эта латинская культура, передаваемая изъ поколѣнія въ поколѣніе, помѣшала странѣ впасть въ варварство во время турецкаго господства, длившагося полтора столѣтія. И въ этомъ заслуга Беатрисы, въ широкой мѣрѣ распространившей умственное теченіе.

— Лэди Гамильтонъ.—Имя лэди Гамильтонъ настолько связано съ именемъ адмирала Нельсона, что о ней написано безконечное количество статей и книгъ. Появленіе новой характеристики этой замѣчательной красавицы, казалось, не можетъ внести ничего новаго. Между тѣмъ вышедшая книга «Lady Hamilton» (1763—1815 гг.) Фоще Маньяна даетъ нѣкоторыя еще неизвѣстныя подробности. Необычайная красота этой женщины выдѣлялась еще удивительной выразительностью. Извѣстно, что женщина, не питая симпатіи къ другой женщинѣ, рѣдко выскажетъ безпристрастную оцѣнку, а между тѣмъ художница Виже Лебрень, не любившая лэди Гамильтонъ, говорила, что «ничего не было любопытнѣе способности лэди Гамильтонъ внезапно придавать всѣмъ своимъ чертамъ выраженіе горя или радости и чудесно позировать, изображая различныхъ лицъ. Можно было скопировать ея различныя выраженія и составить изъ нихъ цѣлую картинную галерею».

Это была не единственная похвала. Другіе живописцы были того же мнѣнія. Ромней называлъ ее «божественной лэди», говоря, что не могъ дать ей иного названія, считая ее выше другихъ женщинъ. Лоренсъ писалъ, что смотрѣть на эту чудесную женщину было для глаза художника самымъ желательнымъ.

Неудивительно, что лэди Гамильтонъ возбуждала страсть въ мужчинахъ, если художники конца XVIII вѣка вынесли такой приговоръ ея красотѣ. Но то странно; что даже многія современныя ей женщины питали къ ней горячую симпатію, и къ числу послѣднихъ принадлежала неаполитанская королева, сестра Мари-Антуанетты.

Такая необычайная красавица родилась въ маленькой деревенькѣ и въ очень бѣдной семьѣ. Нужда заставила ее совсѣмъ юной искать заработка, и она отправилась въ Лондонъ, гдѣ поступила на мѣсто въ качествѣ няни. Красивая дѣвушка вскорѣ завязала сердечную интригу, и шестнадцати лѣтъ уже сдѣлалась матерью. Одинъ молодой англичанинъ, сэръ Чарльзъ Фрэнсисъ Гревилль, человекъ не богатый, но положительный, былъ пораженъ умомъ, искренностью и прямою этою дѣвушкой, предоставленной на произволъ своихъ страстей. Онъ взялъ ее къ себѣ, обучилъ и сдѣлалъ изъ нея нѣжную, кроткую любовницу. Но у этого дворянина былъ самый макіавеллевскій планъ. Не рассчитывая связывать себя съ нею по двумъ причинамъ: изъ-за намѣчаемой богатой женитбы и закрѣпленія за собою дядинаго наслѣдства, онъ воспользовался ею, какъ средствомъ обезпечить за собою послѣднее. Съ этой цѣлью онъ послалъ ничего не подозревавшую дѣвушку въ Неаполь къ своему богатому дядѣ, сэру Вильяму Гамильтону, чтобы тотъ къ-мъ-нибудь не увлекся, не вступилъ въ бракъ и не произвелъ потомства.

Здѣсь молодая женщина была окружена роскошью, но не проводила времени въ бездѣятельности. Умная и способная, она занялась литературой и искусствами. Однако это не заставило ее забыть недостойнаго любовника, и онъ продолжалъ жить въ ея сердцѣ. «Я васъ люблю до такой степени,—писала она Гревиллю:— что въ данный моментъ никакая бѣда на землѣ, ни бѣдность, ни голодь, ни смертельный морозъ, ни даже добровольное путешествіе босыми ногами по шотландскимъ дорогамъ, чтобы видѣть васъ, мнѣ кажется, не сравняется съ горечью нашей разлуки. Итакъ, мой дорогой, дорогой Гревилль, если вы дѣйствительно меня любите, ради любви ко мнѣ сдѣлайте невозможное и пріѣзжайте скорѣе сюда».

Сэръ Вильямъ Гамильтонъ ухаживалъ за ней, какъ аристократъ стараго режима. Его обожаніе простерлось до того, что онъ ее принималъ въ посольствѣ на всѣхъ торжественныхъ банкетахъ. Это льстило ея честолюбію, и она ловко съ тактомъ разсѣяла предразсудокъ старой, презрительной, замкнутой аристократіи, завоевавъ лестныя для нея симпатіи даже женщинъ.

Гревиллю наскучило получать ея мольбы, и онъ откровенно изложилъ ей свой планъ—сдѣлать ее любовницей Гамильтона. «О! Гревилль, вы,—отвѣтила возмущенная дѣвушка:—вы даете мнѣ подобный совѣтъ. Вы обыкновенно ревновали, когда я кому-нибудь улыбалась. Какъ же съ такимъ холоднымъ равнодушіемъ вы совѣтуете мнѣ итти къ сэру Вильяму. О! хуже этого быть не можетъ. Но нѣтъ, я не хочу выходить изъ себя. Если бы я была возлѣ васъ, я васъ убила бы, а затѣмъ и себя».

Она отчаянно сопротивлялась его плану, наконецъ стала угрожать, намѣтивъ самое больное мѣсто. «Я никогда не буду его любовницей,—писала она:—если вы меня доведете до того, я заставлю его жениться на мнѣ». Казалось, это

была слишком смѣлая мысль для дѣвушки низкаго происхожденія съ двусмысленнымъ прошлымъ, да еще въ лицемѣрной Англіи. Гревилля не могла испугать эта угроза: онъ зналъ нравы англійскаго, аристократическаго общества, которое порвало бы всѣ связи съ посланникомъ, и онъ лишился бы дипломатическаго поста, если бь совершился этотъ бракъ.

Наконецъ сэръ Вильямъ Гамильтонъ отправился въ Лондонъ. Здѣсь необычайная красота дѣвушки неожиданно открываетъ ей двери аристократическихъ гостиныхъ. Даже принцы королевскаго дома приглашаютъ ее на свои приемы. Только дворъ еще не приглашалъ ее на свои балы. Но вотъ 6 сентября 1791 г. совершилось событіе, котораго не могъ вообразить Гревилля. Съ молчаливаго согласія короля, его представитель при неаполитанскихъ Бурбонахъ женится на Гамильтонѣ.

Почти въ теченіе десяти лѣтъ лэди Гамильтонъ играетъ роль въ Неаполѣ. Марія-Каролина, дочь Маріи-Терезіи, гордившаяся, что руководитъ священнымъ союзомъ государей противъ революціи, нашла въ ней самую преданную, надежную помощницу.

«Никто не можетъ быть такъ очарователенъ, какъ королева, — пишетъ лэди Гамильтонъ 10 декабря 1791 г. Гревиллю, теперь ставшему ей племянникомъ. — Лучше ея нѣтъ: она лучшая мать, лучшая супруга и лучший другъ на свѣтѣ. Я постоянно ее вижу. Въ теченіе двухъ лѣтъ я близка съ нею и за все это время я вижу съ ея стороны только доброту и искренность». Какъ разъ въ это время въ Неаполѣ появляется Нельсонъ, сначала въ 1793 г., затѣмъ въ 1798 г., которому правительство поручило выслѣживать французскую эскадру. Нельсонъ былъ пораженъ красотой лэди Гамильтонъ. Такая красавица заставила его забыть все: и семью и вѣрность женѣ, до тѣхъ поръ не нарушенную.

Нельсонъ далеко не былъ красавцемъ, лишенный руки при Тенерифской битвѣ въ 1797 г. и лишенный глаза въ Абукирѣ 1 августа 1798 г. Но для лэди Гамильтонъ это было безразлично: ее привлекала не наружность этого человѣка, а политическая роль, его участіе въ борьбѣ, которую вела Англія противъ революціи. Молодая женщина жаждала славы. Необходимость представила ей Гревилля, говоритъ авторъ, честолюбіе бросило ее въ объятія Гамильтона, Нельсону же она отдалась по любви, а, быть можетъ, отчасти и по безсознательному честолюбію.

Наступило побѣдоносное шествіе французскихъ войскъ на Неаполь. Нерѣшительный, главнымъ образомъ озабоченный сохраненіемъ своихъ богатствъ, король потерялъ голову, и лэди Гамильтонъ сама подготавливаетъ и руководитъ бѣгствомъ Бурбоновъ въ Сицилію. Среди всеобщей растерянности только одна она сохранила хладнокровіе и сумѣла внушить всѣмъ храбрость.

Теперь въ Лондонѣ она дѣлается предметомъ всеобщаго поклоненія, какъ при дворѣ, такъ и въ частныхъ домахъ. Король и принцъ Уэльскій часто о ней говорятъ. Но эта слава оказалась эфемерной и обманчивой. Годъ спустя послѣ этихъ событій Гамильтонъ уже болѣе не былъ посланникомъ. Кровавая месса, совершенная Бурбонами въ Неаполѣ, возбудила противъ нихъ и ихъ сторонниковъ ненависть. Страстная любовь Нельсона и лэди Гамильтонъ ни для кого не была тайной, исключая мужа, который ничего не замѣчалъ. Онъ находился

въ такомъ благодушномъ невѣдѣніи, что, когда у его жены подъ супружескимъ кровомъ родилась дочь, онъ даже ничего не замѣтилъ. Жизнь втроемъ, продолжавшаяся и въ путешествіи по Европѣ, оскорбила общественное мнѣніе. Въ Вѣнѣ, гдѣ это тріо дополняла Марія-Каролина, дворъ возмутился. «Она водить его гулять,—писала жена чрезвычайнаго уполномоченнаго англійскаго двора лэди Минто,—какъ жокакъ, показывающій своего медвѣдя. Она должна сидѣть за столомъ возлѣ него, чтобы нарѣзать ему говядины, а онъ, съ своей стороны, носитъ ея носовой платокъ».

Къ сожалѣнію, красота лэди Гамильтонъ померкла рано вслѣдствіе чрезмерной тучности. По возвращеніи въ Англію она съ мужемъ была принуждена вести уединенную жизнь. Гамильтонъ умеръ, и она надѣялась выйти замужъ за Нельсона, жена котораго съ горя угасала; но битва при Трафальгарѣ рѣшила иначе: Нельсонъ былъ убитъ. Послѣдней его мыслью была лэди Гамильтонъ и ея дочь отъ него—Горація.

Въ виду заслугъ, оказанныхъ посланницей Англіи, Нельсонъ въ торжественныхъ выраженіяхъ поручилъ королю и Англіи заботиться о лэди Гамильтонъ и ея дочери, съ тѣхъ поръ носившей имя Нельсонъ. По его выраженію въ завѣщаніи, это была единственная милость, какую онъ просилъ у своего короля и родины въ тотъ моментъ, когда вступаетъ въ битву за нихъ.

Но его желаніе не было исполнено. Лицемерная Англія отвернулась отъ женщины, которая наложила тѣнь на славу великаго человѣка. Бывшая красавица столкнулась съ мрачной нуждой. Два раза ее заключали въ тюрьму за долги и ей едва удалось ускользнуть отъ кредиторовъ въ Калэ. Она умерла 15 января 1815 г., покинутая всѣми, пятидесяти лѣтъ отъ роду.

— Отовсюду.—Въ концѣ октября состоялось годичное засѣданіе французской академіи, на которомъ между прочимъ делегатъ академіи надписей и беллетристъ Поль Жираръ прочиталъ лекцію о Гиперидѣ и судебномъ процессѣ аѳинской гетеры Фрины. Онъ коснулся именно легендарнаго инцидента, когда обнаженная Фрина плѣнила старыхъ судей своей красотой и была оправдана. Въ юридическихъ нравахъ Аѳинъ, которые особенно подробно изложены Аристофаномъ, былъ очень древній обычай, предоставлявшій подсудимымъ свободу ходатайствовать о себѣ у судей предъ засѣданіемъ суда. Подсудимые рано вставали и отправлялись къ дверямъ суда поджидать судей. Они подходили къ нимъ, брали ихъ за руки, нѣжно говорили съ ними со слезами въ голосъ. Комическій поэтъ Позидиппъ приписываетъ и Фринѣ подобный же пріемъ. Въ одной изъ своихъ пьесъ онъ представилъ ее со слезами умоляющей судей. Она брала, говоритъ онъ, руку каждаго изъ нихъ и не безъ труда спасла свою жизнь, благодаря слезамъ. Возникаетъ вопросъ, говоритъ Жираръ, поступилъ ли ея адвокатъ Гиперидъ, какъ ему приписываетъ легенда. Вывелъ ли онъ свою кліентку на середину зала, сорвалъ ли съ нея покрывало? Поль Жираръ думаетъ, что правильнѣе придерживаться свидѣтельства Позидиппа.

Фрина сдѣлала то, что дѣлаютъ обыкновенныя обвиняемыя, и это именно замѣчательно въ ея процессѣ; какъ всѣ подсудимые, она поджидала судей при входѣ въ трибуналь и со слезами просила ихъ. А если на засѣданіи суда она возобновила свои просьбы, тогдашній хроникеръ или забылъ объ этомъ, или не

считалъ важнымъ сообщить объ этомъ; напротивъ, что особенно онъ замѣтилъ и занесъ въ хронику, какъ вещь удивительную и рѣдкую, униженность этой женщины, избѣженной, въ полномъ расцвѣтѣ красоты (ей было 37 лѣтъ), привыкшей къ поклоненію мужчинъ, когда она въ страхѣ бросилась къ судьямъ и вся въ слезахъ сжимала съ мольбою ихъ грубыя руки, отъ которыхъ зависѣла ея судьба. Что же касается знаменитаго поступка ея адвоката Гиперида, то изъ уцѣлѣвшаго отрывка его защитительной рѣчи не видно даже помысла объ этомъ.

Въ пользу своего предположенія Жбираръ приводитъ доводъ, что едва ли Фрина добровольно согласилась на смѣлую выходку своего защитника. Обладая драгоценными и дѣйствительными свѣдѣніями объ ея привычкахъ и вкусахъ, подтвержденными изученіемъ памятниковъ, исполнѣ можно это утверждать. Въ искусствѣ одѣваться, не уродуя себя, Фрина опередила беоційскихъ модницъ, которыя были въ этомъ отношеніи тоже опытны, что видно изъ ихъ изображеній въ музеяхъ, прозванныхъ *petites Tapagas*. Фрина показывалась всегда въ одеждѣ, облегавшей ее граціозными складками, плотно прилежавшими къ ея тѣлу и исполнѣ обнаруживавшими формы. Зная могущественную власть невыясненной тайны, задачи того, что заставляетъ себя угадывать, она, навѣрно, не была бы довольна нескромной выходкой Гиперида, а онъ, какъ умный человекъ, конечно, остерегся бы нарушить ея кокетство. Такимъ образомъ, излюбленная легенда о всепобѣждающей силѣ красоты, послужавшей орудіемъ для нарушенія справедливости со стороны соблазвившихся старыхъ селадоновъ, пошатнулась.

— Излюбленное французское слово *chic*, объжавшее Старый и Новый Свѣтъ, имѣетъ свою легенду, быть можетъ, и фантастическую. Извѣстный французскій художникъ Давидъ въ началѣ вѣка основалъ школу живописи, которая была въ большой модѣ и посѣщалась также молодежью изъ богатаго класса. Обыкновенно такимъ ученикамъ, какъ бы ни плоха была ихъ работа, Давидъ говорилъ гнусавымъ голосомъ, вслѣдствіе волчанки на правой сторонѣ щеки: «Продолжайте, продолжайте!» Напротивъ, когда ученикъ былъ бѣденъ, но выказывалъ необыкновенныя способности, то онъ, ничего не говоря, освобождалъ отъ всякой платы. Въ числѣ послѣднихъ былъ сынъ торговца фруктами Шикъ. Его эскизы безконечно нравились Давиду, но, къ несчастію, Шикъ умеръ восемнадцати лѣтъ. Его смерть сильно опечалила Давида, и съ тѣхъ поръ, когда ученики показывали ему дурно исполненные эскизы, онъ всегда замѣчалъ: «Шикъ такъ бы не сдѣлалъ!» А когда ему показывали хорошіе эскизы, онъ говорилъ: «Вы мнѣ напоминаете Шика». Поэтому ученики между собою говорили, когда работа не удавалась: «*Ce n'est pas Chic!*» (это не Шикъ), а когда удавалось, то замѣчали: «*C'est Chic!*» (это Шикъ!). Такимъ образомъ это слово вошло въ моду.

— Холодное жестокосердіе, на какое способенъ только британецъ, исполняющій свою обязанность, проявившееся со стороны тюремнаго смотрителя за Наполеономъ, Гудсона Ло, еще разъ подтвердилось его собственными записками. Поль Фремо нашелъ въ лондонскомъ *British Museum* историческій документъ, докладъ, оставшійся послѣ этого безсердечнаго холоднаго англичанина-тюрем-

щика, и напечаталъ въ «Revue de Paris». Въ интересахъ англійскаго правительства этотъ документъ не обнародывался въ виду того, что до послѣдней минуты жизни Наполеона оно не вѣрило въ его болѣзнь. Хотя О'Меара, хирургъ англійскаго флота, предупреждалъ его объ этомъ, но Гудсонъ Ло упрекалъ послѣдняго въ чрезмѣрной симпатіи къ узнику и замѣнилъ его докторомъ Антомаро. Послѣдній, французъ по происхожденію, молодой легкомысленный человѣкъ, допустилъ убѣдить себя, что онъ имѣетъ дѣло съ притворщикомъ. Съ теченіемъ времени онъ готовъ былъ признать плохое состояніе здоровья императора, но всегда отсутствовалъ, какъ любитель ухаживать за женщинами, именно когда въ немъ нуждался Наполеонъ. Тогда къ узнику назначили доктора Арнотта, несмотря на предубѣжденіе больного противъ англичанина, да еще представленнаго Гудсономъ Ло. Съ этого именно дня, 10-го апрѣля, Ло началъ вести дневникъ относительно доклада новаго доктора. Сначала врачъ съ трудомъ могъ изслѣдовать противодѣйствующаго ему больного. «Я не могъ его видѣть, — сказалъ онъ: — такъ было темно; не знаю, къ нему, или къ кому другому я прикасался... Пульсъ указывалъ на чрезвычайную слабость, однако близкой опасности не представлялъ». До 6-го апрѣля никакого строгаго кризиса не обнаружилось, и Гудсонъ Ло рѣшилъ, что болѣзнь не такъ серьезна и она скорѣе нравственная, чѣмъ физическая. Однако онъ настаиваетъ на задержкѣ Антомарони, который считалъ теперь свое присутствіе бесполезнымъ и хотѣлъ отплыть. Но съ каждымъ днемъ слабость императора усиливалась. «Наполеонъ страдалъ, — пишетъ онъ: — когда его тревожили, передвигали. Малѣйшее движеніе вызывало у него икоту, и за раздраженіемъ, которое онъ обнаруживалъ, слѣдовала страшная слабость. Всякое волненіе могло вызвать у него внезапную смерть».

Графъ Монтолонъ затѣмъ говорилъ, что были моменты, когда казалось, будто Наполеонъ сохранилъ всѣ свои умственные способности, а онъ совершенно терялъ разсудокъ и память. Онъ упорно отказывался отъ предлагаемыхъ ему лекарствъ и пищи и постоянно ворчливо возражалъ, покачивая головою: «Нѣтъ! Нѣтъ! Нѣсколько разъ графъ былъ принужденъ заставить его согласиться на перемѣну доктора, какъ ему совѣтовалъ губернаторъ, но тогда Наполеонъ спрашивалъ: «Развѣ я такъ плохъ?» На это графъ отвѣчалъ, что его положеніе не совершенно критическое, но это будетъ полезной предусмотрительностью. Наполеонъ продолжалъ настаивать на своемъ отказѣ. Его умъ настолько помрачился, что онъ все перепутывалъ. «Однако иногда, — продолжалъ графъ, — онъ вполнѣ обладалъ умственными способностями. Напримѣръ, третьяго дня вечеромъ, — писалъ Монтолонъ, — будучи совершенно спокоенъ, онъ попросилъ меня, чтобы я заставилъ всѣхъ выйти изъ его комнаты и взялъ перо и бумагу, затѣмъ онъ продиктовалъ мнѣ письмо къ губернатору и просилъ ото-слать его, какъ только онъ испуститъ послѣдній вздохъ. Положеніе умирающаго ухудшилось лишь послѣ трехъ часовъ. Въ этотъ моментъ докторъ Арноттъ послалъ слѣдующія строки, написанныя карандашомъ: «Пульсъ сталъ нечувствителенъ, теплота покидаетъ покровы, но онъ можетъ протянуть еще нѣсколько часовъ». Въ пять съ половиной часовъ докторъ снова докладывалъ: «Ему гораздо хуже; дыханіе учащеннѣе и затруднительнѣе». И за нѣ-

сколько часовъ, какъ разъ, когда закатилось солнце, получилось слѣдующее извѣщеніе: «онъ только что скончался».

Еще 17-го Ло спрашивалъ Арнотта: «Нѣтъ ли чего въ воздухѣ острова, что могло причинить болѣзнь генералу». — «Нѣтъ, — отвѣтилъ врачъ, — одно и то же было бы повсюду, гдѣ онъ находился бы узникомъ въ тѣхъ же условіяхъ». 23-го апрѣля Арноттъ все еще предполагалъ, что это ипохондрія, и говорилъ, что единственное лекарство — свобода. И только 3-го мая Ло сталъ тревожиться, а на другой день Наполеонъ умеръ.

— Нѣмецкій писатель Теодоръ Фонтанъ, считающійся въ Германіи однимъ изъ искреннихъ и безпристрастныхъ людей, даетъ такой отзывъ о Бисмаркѣ въ своихъ письмахъ, напечатанныхъ на страницахъ «Die Zukunft».

«Когда справляли годовщину канцлера, студенты оцѣняли отъ восторга, — но пожилые люди могли бы отъ этого воздержаться. Что до меня, то я совсѣмъ не восторгался этой смѣсью сверхчеловѣка и хитреца, основателя имперіи и героя конюшни. Онъ мнѣ внушаетъ лишь чувство, къ которому примѣшивается антипатія. Это былъ самый великій попиратель принциповъ, какой когда-либо существовалъ, и принципъ окончательно его опрокинулъ и побѣдилъ, тотъ самый принципъ, который онъ всю жизнь надписывалъ на своемъ знамени и никогда ему не слѣдовалъ. Онъ вполне похожъ на Валленштейна Шиллера (историческій Валленштейнъ былъ совсѣмъ иной), гений спаситель государства, но сантиментальный измѣнникъ. Прежде всего «я», всегда «я», а когда это болѣе не дѣйствуетъ, начинаются взаимныя обвиненія въ неблагодарности и сантиментальное хныканье. Предъ Бисмаркомъ, орудіемъ Провидѣнія, я преклоняюсь, но юнкеръ для меня лишень всякой симпатіи. Это интересная фигура, я не знаю другой подобной, но эта вѣчная жажда обманывать свѣтъ, безсовѣстное лукавство мнѣ отвратительны».

— Старинный другъ Ибсена, норвежскій писатель Юганъ Паульсенъ, въ недавно вышедшихъ воспоминаніяхъ о немъ рассказываетъ, какую страшную антипатію всегда питалъ покойный писатель къ актерамъ и вообще къ театральному міру. Эта антипатія въ послѣдніе годы его жизни перешла въ настоящее отвращеніе. Она началась съ момента, когда ему пришлось близко познакомиться съ этимъ міромъ, а именно когда онъ былъ режиссеромъ въ театрѣ Христианіи, т. е. въ самую печальную и тяжелую годину его существованія. Великій челоуѣковѣдецъ, великій проявитель индивидуализма у мужчины и женщины, прямо заявлялъ, что всѣ актеры въ принципѣ ему были особенно антипатичны, почти отвратительны, потому что они занимались ремесломъ, состоящимъ въ томъ, чтобы не быть «самимъ собою», а каждый разъ влѣзать въ шкуру другого. Правда, на время онъ забывалъ это отвращеніе, когда видѣлъ игру дѣйствительно замѣчательныхъ актеровъ. Знаменитая датская актриса Бетти Геннингсъ до такой степени привела его въ восторгъ своей игрой, что онъ бросился за кулисы и съ восторгомъ расцѣловалъ ее. Но это впечатлѣніе быстро смѣнялось прежнимъ отвращеніемъ.

— Въ сентябрьскомъ «La Société Nouvelle» Леопольдъ Легавъ приводитъ мнѣніе европейскихъ писателей о современномъ театрѣ. По его словамъ, современный театръ далеко не удовлетворяетъ писателей, согласно собранымъ у нихъ

мнѣніямъ. Одни вполнѣ отрицаютъ его вліяніе, другіе признаютъ его, но находятъ довольно печальнымъ. Въ общемъ всѣ единогласно признаютъ, что театръ долженъ быть инымъ, какой онъ въ настоящее время. Всѣ они находятъ, что драматическіе писатели слишкомъ имъ жертвуютъ въ угоду вкуса публики, а съ другой стороны какое-то странное вліяніе ведетъ его къ упадку. Поэтъ Эмилій Верхарнъ заявилъ, что современный театръ не приводитъ его въ восхищеніе. Камилль Лемонье замѣчаетъ, что касается примѣненія соціальной эстетики съ помощью театра, то дѣйствіе латинскаго театра далеко не равно дѣйствію театра сѣверныхъ странъ. Наконецъ, профессоръ университета въ Христиани Христианъ Аарсъ находятъ, что театръ производитъ печальное вліяніе, усиливая притягательную силу большихъ городовъ.

— Конгрессы и юбилеи.—Нельзя пожаловаться, чтобы вторая половина 1910 г., уже одной ногой переступившаго порогъ вѣчности, не изобилвала событиями, какъ въ области физическаго міра, такъ и политическаго, художественнаго и духовнаго. Явленія физической природы, какъ изверженія вулкановъ, землетрясенія, тифоны, тайфуны и наводненія, особенно изобильныя въ этомъ году и сравнявшіе цвѣтушіе города и селенія съ лицомъ земли въ Италиі, Америкѣ, Тиролѣ, Венгріи, Индо-Китаѣ и Германіи, закончились новымъ наводненіемъ, и именно во Франціи, даже въ самомъ ея сердцѣ—Парижѣ. Стихійныя бѣдствія шли какъ бы въ ногу съ явленіями въ прочихъ областяхъ вселенной. На политическомъ горизонтѣ произошло тоже равеніе: въ одномъ мѣстѣ исчезли маленькія государства, лишившись своей автономіи, какъ Боснія, Герцеговина, Корея, превратясь лишь въ одинъ изъ атомовъ большихъ политическихъ тѣлъ, какъ Австрія и Японія, въ другомъ, напротивъ, выросло изъ княжества цѣлое королевство, какъ, на примѣръ, Черногорія. Рухнули гнилые устои отжившихъ правительствъ въ Китаѣ и даже въ маленькомъ увеселительномъ княжествѣ Монте-Карло и замѣнились новымъ режимомъ—конституціоннымъ, а въ Португаліи—республиканскимъ. Низошли съ высоты престола два государя, корейскій и португальскій. Лихорадочная жизнь проявлялась не только въ такихъ большихъ машинахъ, какъ цѣлыя государства, но продолжала свою творческую работу и въ болѣе мелкихъ частяхъ этихъ машинъ. Конгрессы, съѣзды, собранія представителей всевозможныхъ обществъ оживленно работали. Юбилеи государствъ сливались съ конгрессами, выставками и т. д.

— Въ концѣ іюля въ Софіи состоялся съѣздъ представителей славянскихъ народностей, совпавшій съ грюнвальденскими празднествами. Этотъ съѣздъ, подававшій много надеждъ, въ сущности далъ мало ощутительный результатъ сближенія славянскихъ расъ, вслѣдствіе многихъ шиповъ, мѣшающихъ сближенію поляковъ съ русскими. Насколько сомнительна казалась полякамъ задача софійскаго съѣзда, видно изъ того, что польскіе журналисты сочли излишнимъ принять приглашеніе. На съѣздѣ большинство постановило: на всѣхъ славянскихъ съѣздахъ объясняться по-русски. Съ этой цѣлью предположено издавать антологію, словарь, устраивать выставки и проч. Иностранные журналы по этому случаю отмѣтили, насколько жалко, что между двумя народами одной расы, какъ русскіе и поляки, существуетъ конфликтъ.

Въ интересахъ славянства, болѣе того—европейской цивилизаціи, Россія и Польша должны итти рука объ руку.

— 15 іюля въ Краковѣ блестяще отпраздновали нѣмецкіе, австрійскіе и русскіе поляки пятисотлѣтній юбилей побѣды надъ тевтонскими войсками при Грюнвальденѣ. Это національное торжество, по выраженію Генриха Сенкевича, является двуликимъ празднествомъ, одно лицо котораго оборачивается къ прошедшему съ его печальными словами: «Nessun maggior dolore», а другое къ будущему, полному надеждъ и вѣры, съ убѣжденіемъ, что исторія польскаго народа—не окончена, что послѣ переходящей бѣды должно прійти навѣрное возрожденіе, что путь, который къ нему ведетъ,—трудъ, общественная добродѣтель и очагъ народнаго образованія. 15 іюля 1410 года великій мастеръ Тевтонскаго ордена Ульрихъ рассчитывалъ навсегда уничтожить славянское вліяніе, распространенное въ долину Грюнвальдена королемъ Ягеллономъ и княземъ Витольдомъ; но битва при Грюнвальденѣ рѣшила судьбу славянъ, и нѣмецкое могущество было поражено. Для поляковъ эта памятная побѣда тѣмъ болѣе дорога, что она слила разбросанную въ трехъ странахъ національность въ одну единоподушную націю, хотя и на короткое время.

Празднество было устроено блестящее. Цѣлыхъ три дня—15-го, 16-го, 17-го іюля Краковъ былъ переполненъ самыми разнообразными славянскими народами въ ихъ національныхъ костюмахъ. Послѣ божественной литургіи толпа направилась на площадь Матейки, гдѣ послѣдовало торжественное открытіе памятника въ память Грюнвальденской битвы, преподнесенное городу музыкальной знаменитостью Падеревскимъ. Около трехсотъ тысячъ поляковъ прибыло въ Краковъ отпраздновать одно изъ самыхъ геройскихъ воспоминаній прежней славы. Празднество не носило политическаго характера и обошлось безъ конфликтовъ.

Также оживленно работали и международные конгрессы. 1 августа въ Стокгольмѣ состоялось открытіе конгресса мира во главѣ съ предсѣдателемъ конгрегаціоннаго комитета барономъ В. Карлсономъ Бонде, обратившимся съ рѣчью къ собравшимся делегатамъ изо всѣхъ странъ. Будто аллегорическое предсказаніе трудности исполненія задачи этого конгресса, его открытіе пришло какъ разъ въ одно и то же время съ пятидесятилѣтіемъ стрѣлковыхъ обществъ, и делегаты повсюду встрѣчали вооруженныхъ шведовъ, хотя въ церквахъ произносились проповѣди о значеніи конгресса и мирѣ. Министръ иностранныхъ дѣлъ графъ Арвидъ Таубе хотѣлъ ступевать произведенное на делегатовъ этимъ обстоятельствомъ впечатлѣніе и сказалъ въ своей рѣчи, что вооруженіе должно не приближать и подготавливать войны, а именно отдалять. Но тѣмъ не менѣе впечатлѣніе не ступевалось. Единственнымъ официальнымъ делегатомъ можно считать итальянца профессора Губернатиса, явившагося отъ итальянскаго правительства съ привѣтомъ и объявившаго, что въ Италиіи даже военный министръ—пассифистъ. Въ итогъ этого конгресса является проектъ американки Анны Экштейнъ подать петицію на предстоящую третью гаагскую конференцію, съ обращеніемъ къ 44 подписавшимъ гаагскія конвенціи правительствамъ съ просьбою заключить договоры относительно рѣшенія вопросовъ, касающихся автономій и территориальныхъ владѣній путемъ добровольныхъ договоровъ между заинтересованными сторонами. Одинаково и дру-

гіе существенные интересы державъ обезпечить, насколько возможно, такими же договорами; споры же и недоразумѣнія подвергать на размотрѣніе международнаго третейскаго суда, если они не могутъ быть разрѣшены дипломатическимъ путемъ.

Финляндскій профессоръ Лео Мехелинъ предложилъ конгрессу издать при сотрудничествѣ историковъ и специалистовъ международнаго права всѣхъ странъ строго научное изслѣдованіе мотивовъ возникновенія войнъ послѣ Вѣнскаго конгресса. Иностранная печать отмѣчаетъ, что какъ бы искренни ни были похвальныя желанія мира, но Европа не хочетъ разоружиться: напротивъ, она все болѣе и болѣе вооружается и будетъ тратить безумныя суммы на вооруженіе. Каждый знаетъ, что какъ только государство разоружится, тотчасъ же будетъ жертвой своего жеста, хотя онъ великолѣпенъ и похваленъ. Войнственно настроенные люди указываютъ на Боснію и Герцоговину, говоря, до чего можетъ довести миролюбивое настроеніе.

Любопытно обстоятельство, что сторонницей мира оказалась Берта Круппъ фонъ-Болень, представительница завода Круппъ, приславшая на конгрессъ представителя. Эта молодая женщина, гордящаяся удачнымъ веденіемъ своего оружейнаго завода, часто отмѣняетъ модели нѣкоторыхъ орудій, какъ безчеловѣчныя, но ея совѣтники ловко ее обходятъ, доказывая, что лучшими пособниками мира являются самыя убійственныя орудія.

Тамъ же состоялся конгрессъ социалистовъ. Сначала нѣмецкіе и англійскіе социалисты косились другъ на друга, но затѣмъ это сгладилось. Касаясь вопроса о всеобщемъ мирѣ, нѣмецкій социалистъ Ледебуръ сказалъ между прочимъ: «Социализмъ не антинационализмъ: онъ интернаціоналенъ. Онъ провозглашаетъ независимость всѣхъ народовъ; «антинационалисты» или «антипатріоты» не социалисты; это националисты и имперіалисты всѣхъ странъ хотятъ угнетать другія національности. Интернаціональный социализмъ, объявляя автономію націи, даетъ ей обезпеченіе въ безопасности, какого существующее правительство не умѣетъ ей обезпечить. Имперіализмъ и национализмъ порождаютъ войну, международный социализмъ, давая отчетъ въ правахъ всѣхъ и покровительствуя имъ, обезпечиваетъ миръ и свободу народовъ».

Англійскій социалистъ Кейръ Гардъ заявилъ, что пролетаріатъ питаетъ ужасъ къ войнѣ и указываетъ средства ей помѣшать. Если англійскіе социалисты вотировали бюджетъ Асквита, то потому, что онъ содержалъ социальныя реформы. «На англійскихъ социалистовъ клеветуютъ,—сказалъ онъ:—они, какъ и нѣмецкіе социалисты, питаютъ ужасъ къ войнѣ и присоединяются къ нимъ, чтобы помѣшать ей».

Въ отвѣтъ на замѣчанія тѣхъ изъ социалистовъ, которые находятъ, что кооперация очень ограниченное средство освобожденія, нѣчто въ родѣ оппортунизма, датскій депутатъ Кнуссекъ, при закрытіи конгресса 2 сентября, громко себя поздравилъ, что датская социалистическая партія оппортунистская. «Оппортунизмъ не модерантизмъ; это использование всѣхъ средствъ. Реформы дѣлаютъ революцію вѣрнѣе всѣхъ разглагольствованій. «Будемте всегда реформаторами,—какъ сказалъ французскій социалистъ Бенуа-Малонъ:—а революціонерами, согласно обстоятельствъ».

Особенный фуроръ произвели слѣдующіе слова при закрытіи конгресса: «Пушечный законъ не существуетъ, невѣрно, что въ обществѣ капиталистовъ рабочій приговоренъ опускаться все болѣе и болѣе по социальной лѣстницѣ. Если бы это было такъ, то не было бы революціи, или если бы счастливый случай поставилъ рабочій классъ во главѣ власти, то онъ не могъ бы ее исполнять. Соціализмъ не фатализмъ; Марксъ не былъ имъ. Будемъ работать, чтобы добиться результатовъ, чтобы улучшить условія жизни, политическую свободу, организацію синдикатовъ. Чѣмъ болѣе мы добьемся, тѣмъ сильнѣе мы будемъ работать, чтобы добиться большаго».

Жоресъ также произнесъ рѣчь, которую заключилъ словами: «Вчера Ледебуръ сказалъ, что сорокъ лѣтъ спустя послѣ Седана французы и нѣмцы бранятся противъ войны. Я могу здѣсь говорить, какъ сдѣлалъ бы это въ другомъ мѣстѣ, о тѣхъ трагическихъ событіяхъ, когда Франція была ампутирована. Но обѣ націи были жертвами, ибо если Франція была побѣждена, ея поражение приговорило ея буржуазію къ феодальному деспотизму, который ее еще давить. Обѣ буржуазіи во всемъ кругомъ виноваты; французская, что вручила себя въ 1851 году спасителю, который повелъ Францію къ пропасти, нѣмецкая, что отступила отъ единства союза въ ту же эпоху, что потомъ облегчило совершиться этому необходимому объединенію тѣмъ же лѣтомъ. Соединимся же, народы, правящіе классы которыхъ не могутъ обезпечить миръ, и да здравствуетъ интернаціональ. Да здравствуетъ датскій соціализмъ!» По его словамъ, какъ ни трудно будетъ выполненіе взятаго соціалистами рѣшенія обезпечить миръ, но международный соціализмъ достигнетъ своего: онъ избѣгнетъ войны и обезпечитъ миръ. Эта рѣчь покрылась долго не смолкавшими рукоплесканіями, а затѣмъ послѣдовало пѣнье «интернаціоналки» сначала скандинавскихъ соціалистовъ, а затѣмъ послѣдовательно нѣмецкихъ, англійскихъ и французскихъ. Этимъ закрылся конгрессъ до 1913 года. Муниципалитетъ устроилъ для членовъ конгресса ленчъ въ ратушѣ. Въ итогѣ одни соціалисты въ случаѣ войны предложили частныя и общую забастовки, другіе—интернаціональное бюро для переговоровъ.

Магдебургскій конгрессъ соціалистовъ, состоявшійся 2 сентября, прошелъ бурно, и баденскимъ соціалистамъ вынесли обвиненіе чуть не въ измѣнѣ за вотированіе бюджета. Партія нѣмецкихъ соціалистовъ и главная комиссія синдикатовъ приготовили самый документальный отчетъ на этотъ конгрессъ. Въ одинъ годъ нѣмецкіе соціалисты набрали 90000 новыхъ членовъ, устроили 42000 собраній для пропаганды и распространили 25 милліоновъ брошюръ и пропагандныхъ листовъ. У партіи въ настоящее время 74 газеты съ милліономъ подписчиковъ.

Въ октябрѣ нѣмецкія женщины, собравшіяся на конгрессъ въ Гейльдельбергъ (Баденскаго королевства), показали наиболѣе прогрессивное отношеніе къ разрѣшенію женскаго вопроса и показали, какъ надо спокойно и ровно работать, стремясь къ намѣченной цѣли. Особенно горячо дебаты по вопросу о голосованіи: надо ли требовать полнаго голосованія, какимъ обладаютъ мужчины, или что-нибудь еще лучше? удовольствоваться ли подготовкой солидной почвы для будущаго, ограничась требованіемъ допуще-

нія женщины на нѣкоторыя общественныя должности, какія, впрочемъ, женщины занимаютъ во многихъ странахъ. Хотя новая нѣмецкая конституція разрѣшила женщинамъ занимать нѣкоторыя общественныя должности, но это дается неохотно и только въ нѣкоторыхъ большихъ городахъ. Только великое герцогство Баденское уже давно открыло двери университетовъ женщинамъ и предложило имъ значительное мѣсто въ преподаваніи, объявивъ обязательнымъ присутствіе женщинъ въ комитетахъ и совѣтахъ школъ.

На этомъ конгрессѣ женщины назвали позорнымъ для цивилизованной страны новый нѣмецкій законъ о проституціи и осудили кенигсбергскую рѣчь Вильгельма II, не вѣдаваго, чего заслуживаетъ эта ассоціація женщинъ, и дискредитироваваго изъ 9 милліоновъ половину нѣмецкихъ женщинъ, принужденныхъ зарабатывать себѣ хлѣбъ и независимость умственнымъ или физическимъ трудомъ.

Англійскія женщины средняго класса, буржуазнаго, также устроили конгрессъ при японско-британской выставкѣ въ Лондонѣ. На немъ разсматривались вопросы, касающіеся различныхъ проявленій общественной жизни, промышленной, профессиональной и домашней. За отсутствіемъ женскаго пролетаріата, вопросы о заработной платѣ и прочіе фабричныя вопросы не поднимались, хотя члены конгресса касались подготовки женщины къ трудовой жизни. По ихъ словамъ, женщины вовсе не намѣрены уклоняться отъ материнскихъ обязанностей ради занятія мужскими ремеслами, и главнымъ вопросомъ все-таки остается забота о домѣ и воспитаніи дѣтей. А если эта задача плохо исполняется, то причина кроется большей частью въ нежеланіи со стороны мужчины допустить женщину въ государственный совѣтъ и на общественныя должности; между тѣмъ нравственное и физическое здоровье націй вполне зависитъ отъ просвѣщеннаго умѣнья матерей. Пока мужчина будетъ лишенъ женскаго опыта и знанія въ вопросахъ гигиены, воспитанія и промышленности, до тѣхъ поръ нельзя ожидать прогресса въ этой области.

Еще одна опасность въ томъ, что хотя женщина и добьется своей доли правъ, но мужскія понятія все еще будутъ господствовать, ибо гдѣ методъ воспитанія и программа работъ опредѣляются мужчинами—женщина подъ вліяніемъ этой культуры совсѣмъ не представитъ ни самаго желательнаго, ни самаго возвышеннаго, что есть въ женщинѣ. По мнѣнію членовъ конгресса, наиболѣе мужественными среди современниковъ являются сами же женщины, успѣшно выдержавшія экзамены и прочія испытанія, установленныя мужчинами.

По этому поводу на конгрессѣ раскритиковали программу *University Standard in Home Science*, найдя, что введеніе въ науку программы, какъ содержать свой домъ, и проводить ее въ рядѣ конференцій, экзаменовъ и дипломовъ,—не выдерживаетъ критики. Признавая, что, конечно, свѣдѣнія, почерпнутыя изъ разныхъ наукъ, могутъ прилагаться къ веденію хозяйства и воспитанію дѣтей, это все-таки остается искусствомъ и никогда не можетъ передаваться университетской программой. Совѣщаться по этому вопросу женщинамъ между собою члены конгресса находили гораздо болѣе полезнымъ.

Эта критика вызвала волненіе среди преподавателей, выразившихъ мнѣніе, что хотя это искусство, но всякое искусство требуетъ научной подготовки.

Техническое образование доктора, говорят они, не может прибавить ему необходимого призвания, ни воспитание солдата придать ему храбрости; однако никто не сомневается в необходимости профессиональных знаний.

В Антверпенъ 12 августа закрылся четырехдневный международный конгресс свободной торговли, открытый по инициативѣ лондонскаго Cobden Club, на которомъ между прочимъ выдѣлилась своей увѣренной, ясной рѣчью англичанка миссъ Доротея Гюнтеръ, занимавшаяся долго пропагандой свободнаго обмѣна среди рабочихъ. Вообще не только нѣмецкія, англійскія и американскія женщины быстро шагаютъ по пути прогресса, но ихъ догнать мечтаютъ азіатскія женщины, какъ видно изъ англійскихъ и американскихъ журналовъ, и это движеніе продолжается уже нѣсколько лѣтъ. Въ журналѣ «English Women» приводятся первые результаты, которые дало это движеніе на крайнемъ Востоку. Азіатскій человекъ теперь понялъ, что держать женщину взаперти и въ невѣжествѣ значить лишать себя же удовольствія имѣть образованную подругу и женскую дружбу. Авторъ статьи Нихаль-Сайнъ прибавляетъ: «тѣ же мужчины, которые держали своихъ женъ въ гаремахъ, теперь посылаютъ ихъ въ школы, специально предназначенныя для нихъ. Особенно въ Японіи женщины идутъ быстро по пути прогресса, тогда какъ въ Китаѣ медленнѣе, хотя покойная императрица много сдѣлала для облегченія ихъ участи, начиная съ уничтоженія безобразнаго уродованья ногъ. Ихъ примѣру слѣдуетъ Индія, гдѣ уже многія индусскія женщины отнимаютъ у мужчинъ привилегіи въ университетахъ».

Франція все еще не рѣшается сдѣлать первый шагъ для допущенія женщинъ въ безсмертныя и задумывается даже надъ пріемомъ такой крупнои величины, какъ г-жа Кюри.

Зато академія Гонкуровъ избрала преемницей покойнаго Жюль Верна г-жу Жюдитъ Готье, дочь Теофиля Готье, первую жену Катюль-Мендеса. Впервые въ числѣ «Десяти» появилась женщина. Г-жа Жюдитъ Готье семнадцатилѣтней дѣвушкой написала свой первый романъ. «Le livre de Jade», избравъ псевдонимомъ Жюдитъ Винтеръ. Большой знатокъ Востока, она избрала темой Китай и Японію для своихъ романовъ: «Le Dragon Imperial», «La Bagunia», «La marchande de Sourire». Недавно она напечатала свой романъ «Le vieux de la montagne» и водевилъ «La Princesse d'Amour».

— Съ необыкновенной пышностью отпраздновали юбилей своей независимости южно-американскія республики — Аргентина, Чили и Мексика. Особенно первая блеснула организацией всякаго рода празднествъ, раутовъ, банкетовъ, спектаклей, парадовъ, иллюминацій и шествій. Хотя для Аргентины историческимъ днемъ было 25 мая, а для Чили и Мексики 18 сентября, но программа празднованія растянулась на цѣлые мѣсяцы. Это празднованіе, какъ эхо, отразилось въ латинскихъ государствахъ, не только свободныхъ, какъ, напримѣръ, Франція, но даже монархическихъ, какъ Италия, принявшихъ не только участіе въ празднованіи, но и чествовавшихъ юбилей у себя дома. Причину такого горячаго отношенія отчасти объясняютъ тѣмъ, что эти республики какъ нельзя лучше доказали всю ложность предубѣжденія, что латинская раса не столь живуча и способна, какъ англо-саксонская, что первая

идеть къ упадку и вся будущность за второю. Среди новыхъ народовъ, выступившихъ на мировую сцену, первое видное мѣсто принадлежитъ въ данный моментъ Аргентинѣ.

Тяжесть зависимости отъ владычества Испаніи теперешними тремя республиками особенно чувствовалась и въ 1809 г., но желаніе сбросить ея иго проявилось только въ 1810 г., когда разомъ, какъ бы по общему соглашенію, однако безъ предварительныхъ подготовокъ, поднялись всѣ колоніи. Онѣ такъ вѣрили въ свои силы, и ихъ міровоззрѣніе ушло настолько дальше міровоззрѣнія своей владычицы Испаніи, что оставаться подъ ея игомъ стало невозможнымъ... И вотъ вчерашніе вассалы подняли голову. Однако Испанія встрѣтила проявленіе ихъ самостоятельности съ оружіемъ въ рукахъ, и между ними завязалась кровавая борьба. Шесть лѣтъ спустя, большинство колоній было побѣждено Испаніей. Однако жажда независимости отстояла свое право съ помощью оружія въ соединенныхъ провинціяхъ Ріо де ла Плата. Онѣ изгнали своихъ прежнихъ угнетателей и объявили себя независимыми. Въ 1817 г. аргентинская революція начертала планъ континентальной компаніи для освобожденія своихъ братьевъ. Хозе де-Санъ-Мартинъ, главнокомандующій аргентинской арміей, перешелъ горныя вершины Андъ и, выигравъ сраженіе при Шакобуко и Мэю, освободилъ Чили, а потомъ, соединясь вмѣстѣ, они освободили Перу въ 1820 г. Благодаря военнымъ успѣхамъ, прославившимъ ихъ во всемъ свѣтѣ, они доблестно двинулись на Эквадоръ. Произошла битва съ испанцами при Ріо Бамба и Пичинчи. Это извѣстіе пробудило надежды у всѣхъ южно-американцевъ. Пока происходили означенныя событія, Сѣверная Америка признала независимость даже ранѣе битвы при Аякуаго. Послѣдствіемъ этого явилась доктрина Монроэ, раздѣлившая свѣтъ на два теченія, на двѣ системы правленія, освящая новый принципъ международнаго права въ формулѣ *America for the Americans*. Монроэ заявилъ Священному союзу въ 1823 г., что всѣ попытки европейскихъ державъ уничтожить его систему на американской территоріи съ цѣлью угнетать этотъ эмансипированный народъ, будутъ противны счастью и спокойствію новаго континента. Англія, сначала благопріятно относившаяся къ южно-американской революціи, съ 1818 г. перешла на сторону Испаніи и Священнаго союза въ колониальныхъ вопросахъ. Тѣ же историки увѣряютъ, что вашингтонскій кабинетъ объявилъ Англіи, что желаніе американскаго правительства видѣть южныя колоніи освобожденными отъ материнины, прибавивъ, что борьба иначе не могла окончиться. По случаю Ахенскаго конгресса въ 1819 г., гдѣ разсматривались средства для вмѣшательства державъ въ отношенія между метрополіей и возставшими колоніями, Сѣверная Америка повторила предыдущее заявленіе. Въ англійскомъ парламентѣ лордъ Лэнсдоунъ выразилъ то же мнѣніе. По рѣшенію Веронскаго конгресса, рѣшено вмѣшаться въ дѣла, чтобы остановить испанскій либерализмъ и ввести монархизмъ по идеѣ Шатобріана, но, какъ сказалъ лордъ Каннингъ: «Сраженіе было жестокое, но оно выиграно; испанская Америка свободна». Сраженіе при Аякуаго, которое велъ противъ испанцевъ маршалъ Сюркъ 9 декабря 1824 г., согласовалось съ пророческими предсказаніями лорда Каннинга. Борьба, начавшаяся въ 1810 г., окончилась въ 1824 году.

Съ тѣхъ поръ всѣ три республики расцвѣли и нравственно и матеріально. Отцовъ своей родины они почитаютъ до сихъ поръ, какъ Рувадавіа, Ургвица, Сарменто, Авеллапеда и Бартоломео Митре, но послѣдняго они почитли ранѣе всѣхъ, и домъ, гдѣ онъ умеръ, они обратили въ національный музей, съ трогательной набожностью собравъ предметы, принадлежавшіе ему: его мундиръ, портреты, дипломы, рукописи.

9 іюля была годовщина провозглашенія въ Тукуманѣ въ 1816 г. соединенія провинцій де ла Платы, а въ 1853 г. присяга новой конституціи. 25 мая состоялась грандіозная манифестація, въ которой приняли участіе иностранныя державы. Хотя церковь въ Аргентинѣ отдѣлена отъ государства, но духовенство приняло участіе въ торжествѣ. 25 мая, одинаково, какъ и въ іюль, состоялись блестящіе парады, банкеты, но 10 іюля избрали для народныхъ манифестацій въ честь Рувадавіо. Патріоты составили подписку на памятникъ въ его честь. Президентъ Фигуэро Алькорта, принимавшій иностранныя миссіи, теперь окончилъ свой срокъ, и на его мѣсто избранъ донъ Рикъ-Саенць-Пэна. Иностранныя державы прислали свои крейсера для участвованія въ чествованіи и преподнесли подарки въ видѣ статуй и памятниковъ. По случаю юбилейнаго торжества впервые состоялся въ эмансипированной Аргентинѣ ученый международный конгрессъ, собравшій туда ученыхъ Стараго и Новаго Свѣта. Время все слаживаешь, и теперь испанскія миссіи, одинаково, какъ и ученые, встрѣчаютъ особенно внимательный и лестный приѣмъ со стороны аргентинцевъ. Въ Буэносъ-Айресѣ существуетъ и очень дѣятельно работаетъ, особенно съ 1898 г., ученое общество, и первая статья его правилъ: «поощрять занятіе науками съ ихъ приложеніемъ къ искусству, промышленности и по мѣрѣ надобности къ соціальной жизни». Главнымъ образомъ вниманіе аргентинцевъ обращено на прикладныя знанія. Несмотря на горячую южную натуру, споры на конгрессѣ велись сдержанно, хотя ученые горячились только тогда, когда дѣло шло о психологическихъ наукахъ, соприкасающихся съ политикой.

— Чилийская республика отпраздновала юбилей хотя менѣе блестяще, чѣмъ первая, но все-таки чрезвычайно пышно. Франція воздвигла въ честь юбилея аллегорическій памятникъ въ Санть-Яго, воздвигнутый противъ дворца искусствъ, недавно отстроеннаго въ стилѣ Трианона и Версаля. Чилийцы гордятся тѣмъ, что съ 1859 г., послѣ революціи, Чили не впала въ гражданскую войну. Въ теченіе 57 лѣтъ у нихъ была только одна война и то война принциповъ, политическихъ и конституціонныхъ знаменъ, между президентомъ республики съ одной стороны и національнымъ конгрессомъ съ другой. Только европейское насажденіе, вродѣ забастовокъ рабочихъ, тамъ сильно привилось. Чили спокойно работаетъ, учится и пользуется европейскимъ преподаваніемъ. Чилийскіе праздники такъ утомили ихъ президента Педро Монти, сына прежняго президента Манюэля Монти, что онъ внезапно скончался отъ удара во время своего путешествія по Европѣ съ цѣлью полечиться.

Мексика также блестяще справляла свой юбилей, и городъ Мексико утопалъ въ морѣ огней. Президентъ республики 82-лѣтній Порфиріо Діазъ, уже 30 лѣтъ безсмѣнно занимающій постъ президента, предложилъ иностраннымъ миссіямъ банкетъ въ національномъ дворцѣ и, благодаря за посѣщеніе, про-

силъ передать на родинѣ, въ какомъ цвѣтушемъ положеніи находится республика. По его словамъ, иностранцы, которые появятся въ Мексикѣ искать работы или богатствъ, всегда пайдутъ въ ней вторую родину. Вечеромъ былъ данъ парадный спектакль и заложенъ первый камень для статуи Пастера, которую французы предложили въ память юбилея. Италия преподнесла Мексикѣ на память объ этомъ юбилеѣ стацию Гарибальди, Соединенные Штаты—Вашингтона, а Германія—Гумбольдта, который долго жилъ въ Мексикѣ. Испанія подарила мундиръ и другія реликвиі дона Маріо-Хозе-Морелосъ, мексиканскаго генералиссимуса во время войны за независимость. Патеръ, воинъ и законовѣдь, Морелосъ уничтожилъ рабство и заключеніе въ тюрьму за долги въ 1815 г. Комитетъ по организаціи конгресса американистовъ взялъ на себя инициативу основать археологическій институтъ, который, какъ предполагають, будетъ готовъ въ будущемъ сентябрѣ. Но едва смолкли торжественныя рѣчи, какъ въ Мексикѣ вспыхнулъ мятежь, угрожавшій опасностью Діазу, лишь за три мѣсяца до праздника вновь избранному президентомъ.

— 18-го августа Австрія скромно отпраздновала восьмидесятилѣтній юбилей императора Франца-Иосифа. Несмотря на могучее здоровье императора, окружающіе, опасаясь за будущее, заблаговременно блестяще справили этотъ юбилей нѣсколько мѣсяцевъ ранѣе. Поэтому торжественный день былъ болѣе интимно отпразднованъ. Тѣмъ не менѣе въ Ишль, гдѣ находится живописное мѣстопробываніе императора, Зальцкаммергутъ, съѣхалось множество иностранцевъ, и всѣ гостиницы и дома переполнились пріѣзжими, такъ что не хватало мѣста даже для членовъ императорской семьи съ ихъ свитами. Вечеромъ на всѣхъ окрестныхъ горахъ зажгли бенгальскіе огни, а въ Вѣнѣ на Пратерѣ устроили блестящій фейерверкъ. На другой день во всѣхъ церквахъ состоялась торжественная обѣдня, засѣданіе совѣта министровъ и затѣмъ парадъ.

Престарѣлый монархъ, несмотря на возрастъ, хорошо сохранился и ведетъ регулярный образъ жизни, встаетъ между тремя-четырьмя часами утра, пьетъ кофе, закуриваетъ сигару и отправляется гулять въ паркъ. Возвратившись съ прогулки, прочитываетъ журналы, тщательно разсматриваетъ прежде, чѣмъ подписать, привезенныя курьеромъ бумаги, затѣмъ завтракаетъ въ кабинетѣ на маленькомъ столикѣ. Меню его стола не отличается пышностью и состоитъ изъ тарелки супа, мяса, овощей и стакана легкаго пива. Пьетъ и ѣсть онъ очень быстро и опять садится за работу до шести часовъ. Въ шесть обѣдаетъ съ семьєю или приглашенными. Иногда послѣ обѣда онъ продолжаетъ работать до девяти часовъ, когда идетъ спать. Самое позднѣе онъ ложится спать въ девять съ половиною часовъ. Таковъ его режимъ въ Вѣнѣ. Въ Ишль императоръ нѣсколько измѣняетъ программу, оканчивая дѣла въ четыре часа и отправляясь на охоту—его любимое развлеченіе. Не любя парадныхъ охотъ, онъ рѣдко участвуетъ въ придворныхъ облавахъ. Точно также онъ не любитъ бить дичь массою, а находитъ удовольствіе въ одинокой охотѣ на крупнаго звѣря и до сихъ поръ сохраняетъ талантъ искуснаго стрѣлка.

— Послѣ провозглашенія Болгаріи королевствомъ, 28 августа, въ день 50-лѣтняго юбилея своего царствованія и князь Николай Черногорскій

провозгласилъ свое княжество королевствомъ Это произошло не безъ нѣкоторыхъ затрудненій со стороны Австріи и Турціи. Королевство Черногорія связывается съ притязаніями на древнее княжество Зета, границы котораго вѣзъывались въ австрійскія и турецкія владѣнія. Оба правительства сначала протестовали противъ желанія князя Николая, и Австрія выразила согласіе лишь подѣ условіемъ, что онъ не возьметъ себѣ титула короля Зеты, а лишь Черногоріи. Минатюрное королевство, занимающее едва 9000 квадратныхъ километровъ, заселенныхъ 250000 жителей, имѣетъ большое историческое прошлое, если принять во вниманіе тринадцать вѣковъ независимости, поддерживаемой непрерывной борьбой съ сильнымъ сравнительно съ нимъ врагомъ. И все-таки съ VII вѣка послѣ вторженія сербовъ страна никогда не терпѣла никакого ига. У нея были славные дни, когда княжество Зета, заходившее за горные массивы, составляющіе теперь Черногорію, распространялось на всемъ Адриатическомъ побережьи между Войаной и Каттаро. Она же была колыбелью династіи Веманидовъ, царствовавшихъ въ Сербіи до второй половины XIV вѣка. Большая имперія Сербія распалась на полѣ сраженія при Косовѣ, а княжество Зета продолжало существовать при Бальшичахъ, несмотря на постоянныя нападенія турокъ, которымъ покровительствовали семейныя интриги. Въ 1499 г. послѣдній изъ Бальшичей отрекся въ пользу епископа Цетиньи. Это было началомъ теократической эры правленія, которая длилась до 1652 г. Сначала избирали главу, но съ 1697 г. престолъ сдѣлался наследственнымъ при Даниилѣ Петровичѣ Нѣгошѣ. Съ одной стороны, угрожаемая постоянными нападеніями турокъ съ другой—покровительствуемая Россіи, защищаемая еще болѣе соперничествомъ имѣвшихъ на нее вліяніе державъ, Черногорія тянула такъ до половины прошедшаго вѣка, не имѣя возможности ни о чемъ думать, какъ только о сраженіяхъ.

Соперничество племенъ, ее обитавшихъ, вело къ жестокой мести. Только Петръ II сдѣлалъ попытку къ организаціи страны, введя тамъ судъ, который чрезъ три года закрылся вслѣдствіе бездѣтельности, издалъ законы, организовалъ сенатъ, хотя и засѣдавшій въ бѣдной хижинѣ и члены котораго получалъ въ годъ около пятидесяти рублей. Черногорцы были всѣ безграмотные, исключая духовенства, и во всемъ княжествѣ была лишь одна первоначальная школа.

Преемникъ Петра II—Данило—царствовалъ только десять лѣтъ и умеръ насильственной смертью. Онъ положилъ конецъ теократическому режиму, провозгласилъ себя княземъ и велъ удачно войну съ турками. Его преемникъ Николай I (Никита Петровичъ Нѣгошъ), теперешній король, родился въ 1841 г. и воспитаніе получилъ въ Парижѣ. Въ 1860 г. онъ вступилъ на престолъ, а чрезъ два года уже воевалъ съ турками изъ-за герцеговинцевъ. Война не была для черногорцевъ удачна, турки проникли въ Цетинье. Зато въ 1877—78 г. князю пришлось разочароваться въ любимомъ имъ Западѣ, и онъ совершенно примкнулъ къ Россіи. Черногорцы удивительно сохранили вмѣстѣ съ національной одеждой свою душу. Только со дня провозглашенія Черногоріи королевствомъ король разстался съ національной одеждой и надѣлъ мундиръ.

Родственные связи чрез браки дочерей приблизили его къ первокласснымъ державамъ.

Иностранная печать не скрываетъ своего удивленія, находя, что Черногорія слишкомъ маленькое княжество для королевскихъ прерогативъ, связанныхъ съ извѣстными обязательствами, этикетомъ, пышностью, требующей большихъ средствъ, которыхъ у Черногоріи нѣтъ. Но за границей думаютъ, что Россія придетъ къ ней на помощь.

— 11-го октября ученый міръ въ Германіи торжественно отпраздновалъ столѣтній юбилей берлинскаго университета. Основанный въ царствованіе Фридриха-Вильгельма III по широко задуманной, но не вполне исполненной по программѣ нѣмецкаго филолога и государственнаго челоуѣка Вильгельма фонъ Гумбольдта, онъ прославился во всемъ цивилизованномъ мірѣ, имѣя такихъ профессоровъ, какъ Гумбольдтъ, Гельмгольцъ, Кирхгофъ, Якоби, Вирховъ, Кохъ, Фихте, Нибуръ, Ранке, Шлейермахеръ и др. знаменитости. Неудивительно поэтому, что онъ служилъ *alma mater* не однимъ нѣмецкимъ студентамъ, а цѣлой плеядѣ иностранцевъ. На торжество съѣхались представители всѣхъ университетовъ: профессоръ Страткона отъ Великобританіи, Пуанкаре—отъ Франціи, Бернацкій—Австріи, Арнольдъ Мейеръ—Швейцаріи, сенаторъ Блазерна—Италіи, Ламбросъ—Греціи, Блокъ—Голландіи, Годлей—Америки, Коганей—Японіи, ректоръ петербургскаго университета—Россіи. На торжественномъ актѣ присутствовали королевская семья, сановники, президенты парламента и почетные гости. Послѣ произнесенной ректоромъ пріивѣтственной рѣчи, въ которой онъ охарактеризовалъ развитіе университетской науки за истекшее столѣтіе и представилъ, насколько высокія задачи предстоитъ исполнить университетамъ согласно современнымъ требованіямъ, на трибуну возшелъ Вильгельмъ и произнесъ рѣчь приблизительно такого рода: «Сто лѣтъ тому назадъ король Фридрихъ-Вильгельмъ III основалъ берлинскій университетъ чтобы замѣнить интеллектуальными силами физическія силы, которыхъ государство лишилось. Этотъ университетъ—крѣпость науки—въ настоящее время пріобрѣлъ международное значеніе далеко за предѣлами Пруссіи и Германіи. Обширная научная программа Гумбольдта, требовавшая рядомъ съ академіей наукъ и университетомъ центра свободныхъ наукъ, еще, однако, не приведена въ исполненіе. Созданіе этого учрежденія, которое выходитъ изъ университетскихъ рамокъ и служитъ лишь для изысканій, не шло въ ногу съ развитіемъ университетовъ. Я смотрю какъ на священный долгъ настоящей эпохи по возможности скорѣе основать центръ ученыхъ изслѣдованій такого рода. Какъ только была выражена идея создать такое учрежденіе, въ мое распоряженіе были предоставлены крупныя суммы, поднявшіяся до десяти или десяти милліоновъ марокъ, и я желаю основать подъ своимъ покровительствомъ и моимъ именемъ общество, которое взяло бы на себя мисію открыть и поддерживать центры для изысканій. Въ случаѣ надобности государство, конечно, поспособствуетъ обезпечить существованіе этихъ учреждений». Послѣ рѣчи императора министръ народнаго просвѣщенія отъ имени своего вѣдомства и ландтага предложилъ въ даръ Берлину заново перестроенную бывшую королевскую библіотеку съ актовымъ заломъ. Городъ же подарилъ универси-

тету 200.000 марокъ на стипендіи для научныхъ путешествій. Затѣмъ принесли поздравленія отъ своихъ университетовъ иностранные представители, а ректоръ петербургскаго университета отъ имени всѣхъ славянскихъ университетовъ. По случаю юбилея раздавались кстати и некстати почетныя званія привилегированнымъ лицамъ, что вызывало несдержанный смѣхъ. Императору поднесли званіе почетнаго доктора правъ, также и принцу Рупрехту Баварскому. Императорскому канцлеру фонъ-Витманъ Гольвегу—почетнаго доктора философіи, такъ какъ, по замѣчанію ректора Рэтэ, «голосъ народа и партій давно уже называли перваго чиновника имперіи философомъ на министерскомъ креслѣ; мы приняли всерьезъ эту шутиливую кличку. Философское отношеніе къ измѣнчивымъ взглядамъ большинства приличествуетъ человѣку, призванному руководить политическими судьбами отечества Гете и Вильгельма Гумбольдта». По словамъ газетъ, въ залѣ раздался при этомъ взрывъ хохота; нѣкоторые иностранные профессора получили такія же почетныя званія. Въ большое недоумѣніе пришло общество, когда узнало, что, пригласивъ всѣхъ ученыхъ нѣмецкихъ и иностранныхъ, университетское начальство необъяснимо обошло приглашеніемъ знаменитаго зоолога-эволюціониста Эрнеста Геккеля, почетнаго профессора іенскаго университета. Глубоко оскорбленный этимъ невниманіемъ, Геккель помѣстилъ въ «Morgen Post» письмо, написанное къ одному другу, безъ обозначенія имени. «Дорогой другъ,—пишетъ Геккель,—я рассчитывалъ видѣть васъ на дняхъ въ Берлинѣ, но такъ какъ я не былъ приглашенъ на торжество столѣтняго юбилея университета, я не могу теперь позволить себѣ въ данный моментъ къ нему приблизиться».

С М Ъ С Ъ.

ТОЛЪТІЕ института инженеровъ путей сообщенія. Наканунѣ празднованія столѣтія института инженеровъ путей сообщенія императора Александра I, 31 октября, въ церкви института были совершены заупокойная литургія профессоромъ богословія прот. Городцевымъ и затѣмъ панихида по скончавшихся профессорахъ, питомцахъ и директорѣ института М. Н. Герсевановѣ. Въ 3 часа дня въ Петропавловскомъ соборѣ, у гробницы основателя института императора Александра I была совершена панихида. Пѣлъ хоръ Гренадерскаго полка. На гробницу императора Александра I возложены два роскошныхъ вѣнка: большой вѣнокъ—изъ живыхъ лилій и хризантемъ, съ серебряною дубовою вѣтвью по срединѣ и съ надписью: «Институтъ инженеровъ путей сообщенія Александра I своему державному основателю. 1810—1910», и вѣнокъ въ видѣ букета изъ живыхъ цвѣтовъ, съ лентами французскихъ національныхъ цвѣтовъ, съ надписью: «Le Corps de Ponts et Chaussées de France. A. S. M. Alexandre I» былъ возложенъ на саркофагъ почетной депутаціей отъ французской высшей инженерной академіи путей сообщенія. Въ тотъ же день возложены вѣнки изъ живыхъ цвѣтовъ на могилу устроителя и перваго начальника института А. А. Бетанкура на Смоленскомъ лютеранскомъ кладбищѣ. Вѣнки эти были отъ института и отъ французской инженерной академіи. Самое празднованіе столѣтняго существованія института инженеровъ путей сообщенія 1 ноября, началось литургіей и молебствіемъ въ церкви института. Затѣмъ, къ 1½ часу дня, прибывшіе въ Петербургъ на торжество со всей Россіи представители путейскаго вѣдомства, высшіе чины м-ва путей сообщенія, французская депутація во главѣ съ директоромъ національной школы мостовъ и дорогъ въ Парижѣ г. Клейнэ, представители высшихъ учебныхъ заведеній

Петербургъ, военный министр В. А. Сухомлиновъ, дамы и студенты собрались въ залъ Дворянскаго собранія на торжественный актъ. Громадный залъ собранія былъ переполненъ. За особымъ столомъ на эстрадѣ размѣстились члены совѣта института съ директоромъ А. А. Брандтомъ и почетные профессора, сзади сидѣли курсовые представители студенчества по 10 студентовъ отъ каждаго курса. Актъ началъ министр путей сообщенія С. В. Рухловъ чтеніемъ Высочайшей грамоты. Высочайшая грамота была выслушана всѣми присутствовавшими стоя. По окончаніи чтенія громовое «ура» огласило обширный залъ собранія. Трижды былъ исполненъ духовымъ оркестромъ гимнъ «Воже, Царя храни», и трижды неслось по залу «ура». Послѣ этого министр сообщилъ о слѣдующей Монаршей милости, дарованной институту. Въ память юбилея Высочайше повелѣно выбить медаль, въ заслугу питомцевъ предоставлено право носить всѣмъ окончившимъ институтъ и находящимся въ институтѣ особый жетонъ съ изображеніемъ инициаловъ императора Александра I, ассигновано 25,000 р. для учрежденія на проценты съ нихъ вакансій и трехъ золотыхъ медалей для награжденія наиболѣе успѣвающихъ въ наукахъ студентовъ. Затѣмъ министр продолжалъ: «Я счастливъ, что на мою долю, какъ министра путей сообщенія, выпала высокая честь объявить о проявленныхъ къ институту инженеровъ путей сообщенія Монаршихъ милостяхъ въ столь многолюдномъ и блестящемъ собраніи, какъ настоящее, въ присутствіи собравшихся со всѣхъ концовъ Россіи бывшихъ питомцевъ института, въ присутствіи лицъ нашей высшей администраціи, членовъ нашихъ законодательныхъ учреждений, представителей науки, искусства, представителей почти всѣхъ нашихъ высшихъ учебныхъ заведеній, въ присутствіи представителей того иностраннаго учебнаго заведенія, съ которымъ нашъ институтъ связанъ исконными узами научнаго единенія,— представителей прекрасной страны, на языкѣ которой велось даже первоначальное преподаваніе въ институтѣ. Съ благоговѣйной радостью принимаетъ вѣдомство путей сообщенія проявленія къ институту Монаршей милости и будетъ всегда помнить, что Державный Вождь земли Русской съ высоты престола засвидѣтельствовалъ заслуги института инженеровъ путей сообщенія передъ царями и отечествомъ. Въ понятіяхъ русскаго человѣка нѣтъ выше награды заслуги государству, какъ Высочайшая грамота за собственноручнымъ подписаніемъ Его Императорскаго Величества. Этотъ драгоцѣнный актъ я и вручилъ институту на вѣчное храненіе. Да послужитъ эта Высочайшая грамота тѣмъ свѣточемъ, который будетъ озарять институтъ инженеровъ путей сообщенія въ дальнѣйшей его дѣятельности на пользу и славу нашего дорогого отечества, будетъ воодушевлять руководителей и преподавателей института въ ихъ служеніи наукъ и указывать учащемуся юношеству путь чести и труда, чтобы быть въ избранномъ ими дѣлѣ достойными слугами Царя и великаго русскаго народа». Въ отвѣтъ на эти слова директоръ института А. А. Брандтъ произнесъ слѣдующее: «Принимая отъ вашего высокопревосходительства на вѣчное храненіе Высочайшую грамоту, въ которой съ высоты престола оцѣнена дѣятельность института и его бывшихъ питомцевъ на пользу родины, прошу ваше высокопревосходительство повергнуть къ стопамъ Его Императорскаго Величества чувства нашей вѣрнопоподанности и безпредѣльной благодарности». Затѣмъ

А. А. Брандтъ продолжалъ: «Сегодня институтъ вступаетъ во второй вѣкъ своего существованія и, празднуя этотъ торжественный день, привѣтствуетъ всѣхъ оказавшихъ ему честь участіемъ въ его праздникѣ. Сто лѣтъ назадъ, въ этотъ самый день институтъ началъ жить въ то далекое время, когда родина наша не имѣла достаточнаго количества собственныхъ научныхъ силъ. Первые питомцы института услышали слова науки на языкѣ французскаго народа, достойныхъ представителей котораго мы сегодня съ радостью видимъ среди насъ. Послѣ 100 лѣтъ институтъ возвращается мысленно къ прожитому вѣку и, ободренный милостивыми словами Монарха, будетъ продолжать свой трудъ во имя блага, величія и славы Россіи». Ко дню столѣтняго юбилея совѣтомъ института избраны почетными членами: великій князь Михаилъ Александровичъ, великій князь Александръ Михайловичъ, С. В. Рухловъ, Н. И. Шауфусъ, К. С. Немѣшаевъ, Альфредъ Пикарь, Генрихъ Паункаре, Эрнестъ Понсенъ, О. Клейнэ, проф. королевской высшей технической школы въ Берлинѣ Генрихъ Бреслау и Адольфъ Мартенсъ. Послѣ краткаго историческаго очерка института, прочитаннаго инспекторомъ П. К. Янковскимъ, секретарь совѣта Н. М. Гюнтеръ сообщилъ о пожертвованіяхъ частныхъ лицъ на учрежденіе при институтѣ стипендій и пособій для студентовъ. Пожертвованія сдѣланы: Г. М. Будаговымъ—8,000 р., В.-Н. Кислянскимъ—6,000 р., инженерами выпуска 1899 г.—3,500 р., въ память инженера Макарова 1,500 р., и инж. Винаверомъ—100 р., въ качествѣ основного фонда безъ особаго назначенія. Начался пріемъ депутацій отъ разныхъ учреждений. Депутацій было свыше ста. Длинною вереницею депутаты подходили къ каѳедрѣ и одинъ за другимъ высказывали привѣтствія, пожеланія и читали адреса. Депутаціи были: отъ академіи наукъ, академіи художествъ, инженернаго совѣта м-ва путей сообщенія, геологическаго комитета м-ва торговли и промышленности, техническо-строительнаго комитета м-ва внутр. дѣлъ, гидрологическаго комитета главнаго управленія землеустройства и земледѣлія, главнаго гидрографическаго управленія морского м-ва, отдѣла военныхъ сообщеній генеральнаго штаба, главной физической обсерваторіи, главной палаты мѣръ и вѣсовъ, отъ императорскихъ обществъ — вольнаго экономическаго, географическаго, техническаго; обществъ физико - химическаго, горныхъ инженеровъ, технологовъ, архитекторовъ, инженеръ - электриковъ, всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеній и много другихъ. Первымъ привѣтствовалъ институтъ директоръ національной школы мостовъ и дорогъ въ Парижѣ г. Клейнэ, который напомнилъ о тѣсной связи, существующей между французской и русской школами инженеровъ и являющейся вполне естественной, такъ какъ первыми учителями русскихъ инженеровъ путей сообщенія были французскіе инженеры. Въ настоящее же время, благодаря тому, что сдѣлано русскими инженерами вообще и съ проведеніемъ Великаго Сибирскаго пути въ частности, русскіе инженеры превзошли своихъ учителей и не имѣютъ болѣе соперниковъ. Что же касается избранія его, Клейнэ, и его соотечественниковъ почетными членами института, то это обстоятельство, по его словамъ, будетъ встрѣчено всѣми французскими инженерами съ радостью. Съ энтузіазмомъ было встрѣчено телеграфное привѣтствіе студентовъ парижской школы своимъ русскимъ коллегамъ, прочитанное тѣмъ же Клейнэ. Отъ имени

королевской школы въ Берлинѣ и отъ высшей технической школы въ Болоннѣ привѣтствовали проф. Н. А. Бѣлелюбскій. Товарищъ городского головы Д. И. Демкинъ прочиталъ адресъ отъ города Петербурга. По окончаніи приѣма депутатій были прочитаны телеграммы отъ С. Ю. Витте, В. Н. Коконцова, С. И. Тимашева и другихъ и изъ-за границы отъ разныхъ лицъ и учреждений, всего болѣе 100 привѣтствій, а затѣмъ председатель совѣта А. А. Брандтъ благодарилъ всѣхъ почтившихъ торжественный актъ своимъ присутствіемъ и объявилъ засѣданіе закрытымъ. Вечеромъ, въ 10 часовъ, состоялся блестящій раутъ въ стѣнахъ института. 2-го ноября въ институтѣ инженеровъ путей сообщенія открылась юбилейная выставка, размѣстившаяся во всѣхъ 4-хъ этажахъ обширнаго институтскаго зданія. Выставка имѣла цѣлью дать наглядное представленіе о богатой жизни института за первый вѣкъ его существованія. Въ двухъ большихъ залахъ верхняго этажа были выставлены портреты и фотографіи лицъ, состоявшихъ и состоящихъ профессорами и преподавателями въ институтѣ съ его открытія до нашихъ дней. Противъ входа во второй залъ, въ небольшой нишѣ, декорированной зеленой матеріей и лавровыми листьями, были вывѣшены портреты основателя института императора Александра I, графа Сперанскаго и перваго инспектора института А. А. Бетанкура. Около ниши, въ витринахъ лежали Высочайшія грамоты, дарованныя институту со дня его существованія. Первый Высочайшій рескриптъ относится къ ноябрю 1809 г. Подъ отдѣльнымъ стекломъ выставлена Высочайшая грамота институту по случаю 100-лѣтняго юбилея, прочитанная на торжественномъ актѣ въ залѣ дворянскаго собранія. Въ этомъ же залѣ были выставлены книги, изданныя институтомъ на русскомъ и иностранныхъ языкахъ за все время его существованія, проекты разныхъ желѣзныхъ дорогъ, мостовъ, рисунки студенческой формы и т. п. Въ третьемъ этажѣ института демонстрировались проекты и чертежи его питомцевъ. Большой интересъ представляли экспонаты аэромеханическаго кабинета и воздухоплавательнаго кружка при институтѣ путей сообщенія, выставленные во второмъ этажѣ. Подробныя объясненія съ демонстраціями давалъ секретарь воздухоплавательнаго кружка, студ. Д. В. Поливановъ. На небольшой, но интересно составленной воздухоплавательной выставкѣ были сосредоточены чертежи и снимки, относящіяся къ аппаратамъ легче воздуха, новая діаграмма вѣса воздушныхъ шаровъ и дирижаблей, карта 8 полетовъ на воздушномъ шарѣ, совершенныхъ инженеромъ п. с. Н. А. Рынинымъ, чертежъ прибора для испытанія винтовъ, фотографическіе снимки, относящіяся къ всероссійскому празднику воздухоплаванія 1910 г., и др. На столѣ были расположены образцы матеріаловъ для постройки дирижаблей и аэроплановъ, модели винтовъ, трубки для дыханія. Общее вниманіе публики обращали на себя осколки аппарата Мацѣевича. Изъ измѣрительныхъ приборовъ были выставлены анемометръ-барометръ В. В. Кузнецова, анемометръ Ришара, подвѣсной компасъ, вариометръ Бестельмейера, земной барометръ, визирки для опредѣленія высоты полета и др. Далѣе демонстрировались приборъ для испытанія винтовъ, модель аппарата полк. Зелескаго, нефоскопъ В. В. Кузнецова для измѣренія скорости движенія облаковъ, собраніе книгъ по авіаціи и т. п. Въ первомъ этажѣ были выставлены фотографіи, приготовлен-

ныя въ учебной фотографической лабораторіи института, имѣющей цѣлью обучать студентовъ производству фотографической съемки и изготовленію негативовъ. Завѣдующій лабораторіей инж. А. Ярковский демонстрировалъ на экранѣ цвѣтныя картины. Третій день празднованія столѣтняго юбилея института инженеровъ путей сообщенія закончился 3 ноября товарищескимъ обѣдомъ въ Николаевской столовой общекитія студентовъ.

50-лѣтній юбилей П. Д. Боборыкина. По случаю исполнившагося полувѣкового юбилея извѣстнаго романиста П. Д. Боборыкина, какъ во многихъ петербургскихъ, такъ и московскихъ научно-литературныхъ обществахъ, а также театрахъ состоялись торжественныя собранія, посвященныя оцѣнкѣ дѣятельности и творчества нашего маститаго писателя. Отсутствующему въ Россіи и пребывающему въ Баденъ-Баденѣ П. Д. были посланы прежде всего нижеслѣдующія привѣтствія. Императорская академія наукъ, по разряду изящной словесности, отправила своему сочлену, состоящему членомъ академіи, телеграмму слѣдующаго содержанія: «Разрядъ изящной словесности императорской академіи наукъ привѣтствуетъ васъ, своего знаменитаго сочлена, и желаетъ вамъ здравствовать на славу родины и ея просвѣщенія». Подписалъ предсѣдатель словеснаго отдѣла академикъ А. А. Шахматовъ. Литературный фондъ послалъ ему слѣдующій адресъ: «Комитетъ литературнаго фонда горячо привѣтствуетъ васъ съ исполненіемъ 50-лѣтія вашей неустанной и чрезвычайно продуктивной дѣятельности литературной. Съ раннихъ лѣтъ вы посвятили себя служенію литературѣ и образованности въ широкомъ смыслѣ слова. Чередуюсь съ занятіями науками, беллетристическими опытами въ разныхъ отрасляхъ литературы—драмѣ, романѣ, повѣсти, критическихъ очеркахъ и философскихъ этюдахъ, изумительными по разнообразію затрагиваемыхъ вами вопросамъ,—ваша дѣятельность оказалась особенно плодотворной въ области романа. Въ цѣлой серіи произведеній вы сумѣли запечатлѣть различные моменты эволюціи общества за послѣднія десятилѣтія. Слѣдя съ неуклоннымъ вниманіемъ за всѣми колебаніями настроеній и вѣяніи русскаго общества, вы именно отправились съ молодыхъ лѣтъ «Въ путь дорожку» по различнымъ кругамъ этого общества, открывая намъ «Русскій Шеффилдъ» въ далекомъ отъ культурныхъ центровъ «Селѣ Павловѣ», указывали на трансформацію русскаго купечества въ «Китай-Городѣ», изображали и бытъ рабочихъ, и великосвѣтскіе салоны, дали сочную фигуру «Василія Теркина», предугадали «Переваль» и возвѣстили «Поумнѣли». Вы внесли цѣнныя страницы въ литературу по сценическому искусству, однимъ изъ первыхъ указали на значеніе теоретической подготовки актера и важность метода обученія, долженствующаго содѣйствовать развитію природныхъ талантовъ. Вы выступили и какъ теоретикъ, и какъ практикъ, то дѣлясь мыслями и разсужденіями по поводу искусства, то создавая произведенія изящной литературы. Своими стремленіями къ образованности и культурности, къ прогрессивнымъ идеямъ и свободнымъ учрежденіямъ вы оставались неизмѣннымъ за все время вашей дѣятельности. Вы умѣли оставаться самимъ собою, мужественно перенося всѣ терніи писательской карьеры, и, не покладая рукъ, продолжали работать, продолжали свое дѣло, вѣря въ то, что вы служите добруму, полезному дѣлу, и что «радость духа

въ дѣятельности»,—какъ выразился англійскій поэтъ. И потому именно, что вы съ рѣдкой энергіей и неутомимой работоспособностью отдавались такой дѣятельности, къ вамъ въ особенности оказался примѣнимымъ эпитетъ, вами же созданный: «жизнерадостный». Вы въ преклонномъ возрастѣ остались бодрымъ и энергичнымъ, сохранили ясность, трезвость ума и способность къ работѣ. Привѣтствуя васъ съ пройденнымъ и достигнутымъ, мы желаемъ вамъ сохранить еще надолго ваши рѣдкія качества». Подписали: предсѣдатель фонда Л. Ѳ. Пантелѣевъ, Ѳ. Д. Батюшковъ, С. А. Венгеровъ, П. Д. Набоковъ и другіе члены комитета. Адресомъ же привѣтствовала юбиляра и касса взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ, которая, сверхъ того, 31-го октября устроила для образованія при кассѣ капитала имени П. Д. литературно-драматическій вечеръ, въ которомъ приняли участіе нѣкоторые видные представители литературы и театра. 15-го октября, подъ предсѣдательствомъ писателя А. А. Лугового, состоялось многочисленное собраніе членовъ литературнаго общества. Академикъ Д. Н. Овсянко-Куликовскій произнесъ рѣчь, посвященную юбиляру. Не касаясь обширной дѣятельности П. Д. Боборыкина, какъ драматическаго писателя, публициста и даже корреспондента, не подводя итоговъ этой дѣятельности, ораторъ остановился на вопросѣ о талантѣ юбиляра. По мнѣнію докладчика, П. Д. Боборыкинъ недостаточно оцѣненъ со стороны таланта. П. Д. является художникомъ-наблюдателемъ, художникомъ-бытописателемъ, правильно улавливающимъ черты жизни въ широкихъ кругахъ русскаго общества. Боборыкинъ, какъ наблюдатель, воспроизводящій въ своихъ произведеніяхъ жизнь, принадлежитъ къ реалистической школѣ. Отличительная черта его реализма—путь индуктивнаго познанія, переходъ отъ внѣшнихъ впечатлѣній къ идеямъ. Въ этомъ отношеніи Боборыкинъ составляетъ контрастъ съ Золя, у котораго проявляется особенная любовь къ рисунку, увлеченіе внѣшностью. Кромѣ того, Боборыкинъ является реалистомъ-психологомъ. Особенно ясно выраженъ психологическій анализъ нравовъ, натуръ, типовъ, которыхъ онъ выводитъ въ своихъ романахъ и повѣстяхъ. П. Д. обладаетъ особеннымъ даромъ психологическаго прозрѣнія. Особенно талантливо имъ изображена интеллигенція 50—60 годовъ изъ дворянства, а также и интеллигенція 60—70 годовъ изъ другихъ слоевъ. Боборыкинъ не разъ выводилъ лицъ этого пошиба, и они у него выходили правдиво освѣщенными. Но всѣ эти фигуры ступеваются передъ фигурою Василія Теркина. Этотъ характеръ, чисто народный, проведенъ съ симпатією. Талантъ П. Д. Боборыкина былъ обширный, онъ описывалъ дворянъ, помѣщиковъ, русскую интеллигенцію, замоскворѣцкое купечество, людей всѣхъ званій и состояній. Онъ умѣетъ проникнуть въ положеніе пола, понимаетъ дѣтскую душу. Красною нитью проходитъ черезъ всѣ его произведенія жалостливое отношеніе автора къ героямъ. Элементъ жалѣнія разлитъ по произведеніямъ П. Д. Боборыкина и достигаетъ своего апогея въ произведеніи «Василій Теркинъ». Затѣмъ небольшую рѣчь посвятилъ оцѣнкѣ литературной дѣятельности юбиляра В. П. Крапихфельдъ. Въ заключеніе собранія, по предложенію совѣта общества, послало П. Д. Боборыкину въ Баденъ-Баденъ поздравительную телеграмму. Въ Москвѣ центромъ чествованія нашего писателя явился Малый театръ, полвѣка тому назадъ

пріютившій на своей сценѣ первое драматическое произведеніе юбиляра «Ребенокъ». Малый театръ выбралъ для юбилейной постановки «Клеймо». Выборъ—случайный; «Клеймо»—и не лучшее, и не самое характерное боборыкинскоз произведеніе, бѣдное художественными достоинствами. Послѣ 23 лѣтъ, впервые его сыграли 24-го сентября 1887 г. Тогда пьеса, у которой героиня—женщина съ прошлымъ, но душою чистая, мелкопомѣстная Маргарита Готье, произвела эффектъ. Симпатіи автора къ грѣшницѣ, смѣлое его признаніе за нею права на счастье, на любовь, даже на бракъ однихъ скандализовало, другихъ восхитило дерзновенною смѣлостью. Послѣ третьяго акта перевѣсъ былъ на сторонѣ скандализованныхъ, и въ зрительномъ залѣ стояло шиканіе, послѣ четвертаго—перевѣсъ перешелъ къ восхищеннымъ, и Боборыкинъ получилъ овацію. А потомъ въ газетахъ долго спорили, пережевывали тему о «Клеймѣ», и рѣшали, нравственная пьеса или циничная. Одинъ театральнй обзрѣватель по поводу нынѣшней постановки пьесы писалъ. Должно быть 23 года—очень большой срокъ... Теперь нѣтъ ни скандализованныхъ, ни восхищенныхъ, только равнодушно-скучающіе. Коротенькіе акты проскакиваютъ какъ то незамѣтно, точно ихъ и не было, и страданіи Агніи Грозаевой, начавшей чуть ли не въ «ямѣ», а кончающей героическимъ принятіемъ на себя чужого убійства, трогаютъ такъ мало, хотя переданы на сценѣ очень ярко, искренне и сильно. Самый механизмъ пьесы кажется наивнымъ до ребячества, обрисовка характеровъ—незначительной, и рѣчь—некрасивой, поддѣланной подъ живую и образную... Какъ же не сказать, что 23 года—очень большой срокъ, по крайней мѣрѣ для небольшихъ вещей. Сначала предполагалось, что вмѣстѣ съ «Клеймомъ» будетъ сыграна пьеса, одноактный этюдъ П. Д. Боборыкина «Пропасть»; въ ней сыграли бы Ермолова, Лешковская и т. д., вся московская славная гвардія. Но когда стало извѣстно, что юбилей будетъ безъ юбиляра, «Пропасть» была вычеркнута изъ программы спектакля. Стоитъ въ юбилейный день отмѣтить, что «независящія обстоятельства», или, просто, драматическая цензура, не поцеремонились съ маститымъ старикомъ, и у пятидесятаго рубежа его писательства одну за другой «разъяснили» двѣ его пьесы: «Смуту» и «Печальницу». Въ послѣдней изображалась старуха-мать, у которой два сына гибнуть на висѣлицѣ». Малый театръ послалъ П. Д. Боборыкину телеграмму съ привѣтствіями и пожеланіями. Такія же телеграммы посланы Художественнымъ театромъ, об-вомъ любителей россійской словесности, об-вомъ дѣятелей періодической печати и Литературно-Художественнымъ кружкомъ. Кромѣ этихъ главнѣйшихъ проявленій добраго чувства къ нашему все еще бодрому и дѣятельному писателю, можно отмѣтить еще, что въ день исполнившагося юбилея на страницахъ почти всѣхъ повседневныхъ изданій появились сочувственные ему статьи. Отмѣчалъ всѣ эти юбилейныя торжества, и редакція «Историческаго Вѣстника» приносить, съ своей стороны, маститому писателю поздравленіе съ пожеланіемъ еще долго и плодотворно служить родинѣ своимъ литературнымъ дарованіемъ.

50-лѣтіе литературной дѣятельности П. В. Быкова. 20-го октября исполнилось 50-лѣтіе литературной дѣятельности извѣстнаго поэта и библиографа Петра Васильевича Быкова. Полвѣка литературной работы, полвѣка жизни только для литературы и только въ литературѣ—такой юбилей большая рѣдкость въ наши дни. Рѣдко можно теперь встрѣтить литературнаго дѣятеля, который

такъ исчерпывающе и всесторонне отдавалъ бы себя писательскому дѣлу и отличался такимъ колоссальнымъ трудолюбіемъ и работоспособностью, какъ П. В. Его жизнь, начиная съ самыхъ раннихъ юношескихъ лѣтъ, вся цѣликомъ безъ всякихъ компромиссовъ и уклоненій, отдана литературѣ. Петръ Васильевичъ Быковъ—уроженецъ далекаго прекраснаго юга. Онъ родился въ 1843 году въ Севастополѣ, за добрый десятокъ лѣтъ до севастопольской эпопеи. Получивъ прекрасное домашнее образованіе, юбиляръ поступилъ въ екатеринославскую гимназію, откуда, еще до окончанія курса, перешелъ въ харьковскій университетъ, на естественный факультетъ. Но занятія естественными науками не были настоящимъ призваніемъ юбиляра. Еще съ гимназической скамьи онъ сталъ заниматься литературой и остался вѣрнѣе этому главному своему занятію всю жизнь. Уже въ школьные годы П. В. Быковъ зарекомендовалъ себя библиографомъ: еще будучи гимназистомъ, онъ составлялъ «Опытъ словаря русскихъ писателей». А когда ему исполнилось 17 лѣтъ, онъ впервые сталъ печататься. 20-го октября 1860 года, въ самый день рожденія молодого писателя, появилось въ одномъ изъ тогдашнихъ журналовъ его первое художественное произведеніе—рассказъ «На мельницѣ». Свою литературную дѣятельность П. В. Быковъ началъ, какъ беллетристъ, небольшими рассказами и сатирическими стихотвореніями, печатаясь въ «Русскомъ Мірѣ», «Ласточкѣ», «Искрѣ», «Современной Лѣтописи», «Московскомъ Вѣстникѣ», «Сынѣ Отечества» и др. Позднѣе онъ сталъ сотрудничать и въ такихъ вліятельныхъ изданіяхъ прошлаго времени, какъ «Отечественныя Записки», «Современникъ». Начиная съ 70-хъ годовъ, П. В. Быковъ сотрудничаетъ уже во всѣхъ сколько-нибудь выдающихся періодическихъ изданіяхъ, помѣщая въ нихъ стихи и библиографическіе очерки. Особенно часто и усердно онъ переводилъ европейскихъ поэтовъ. Такъ, имъ переведено множество стихотвореній Гейне (вся «Книга пѣсенъ»), и переводы этихъ стихотвореній слѣдуетъ признать образцовыми по точности и выдержанности характера подлинника. Далѣе, П. В. Быковъ переводилъ Беранже, Ленау, Морица артмана, Фрейлиграта, В. Гюго, Мюссе, А. де-Виньи, Шекспира (сонеты), Т. Мура, Лонгфелло, Байрона, Теннисона, Словацкаго, Конопницкую и еще многихъ другихъ поэтовъ европейскаго Запада. Слѣдующимъ характернымъ дѣломъ для П. В. Быкова является редактированіе полныхъ собраній сочиненій различныхъ писателей. Начиная съ 70—80-хъ годовъ и до самаго послѣдняго времени подъ редакціей П. В. Быкова вышли въ свѣтъ сочиненія слѣдующихъ авторовъ: Лермонтова, Гоголя, Мея, Кольцова, Плещеева, Афанасьева-Чужбинскаго, Жадовской, избранныя пѣсни Беранже въ переводахъ русскихъ писателей, избранныя новеллы Боккачіо, стихотворенія Гейне и т. д. Всѣ эти изданія были снабжены прекрасными критико-библиографическими очерками и подробными комментаріями. Это была отвѣтственная, тяжелая работа, требовавшая отъ юбиляра огромной опытности, знаній и чрезвычайной внимательности. Нужно близко знать редакторскій трудъ, чтобы понять всю цѣнность и значительность этой незамѣтной для поверхностнаго читателя работы. Помимо того, П. В. Быковъ неоднократно былъ и редакторомъ періодическихъ изданій. Такъ, онъ редактировалъ журналъ «Дѣло», а также литературный отдѣлъ въ «Отголоскахъ», «Всемирной Иллюстраціи»,

«Трудъ», «Живописномъ Обозрѣніи», «Словѣ». Редактировалъ онъ также газету «Приднѣпровскій Край» въ Екатеринославѣ. Такова многосторонняя и долготлѣтная литературная дѣятельность юбиляра. Необычайный знатокъ всего, что относится къ литературѣ: когда, къмъ, что было написано, когда жилъ и какъ жилъ тотъ или другой писатель, что и когда о немъ говорилось въ критикѣ, П. В. Быковъ представляетъ собою неисчерпаемую сокровищницу библиографическихъ знаній. Онъ любитъ литературу и ея представителей особенной, нѣжной, всепоглощающей любовью, и даже каждая мелочь въ жизни литературы любовно подмѣчается и хранится имъ. Какъ поэтъ, В. П. Быковъ хорошо извѣстенъ русскимъ читателямъ. Его оригинальныя стихотворенія отличаются искренностью и задушевностью, красивы и звучны... Въ день своего полувѣкового юбилея П. В. получилъ со всѣхъ концовъ Россіи отъ читателей, почитателей и друзей огромное количество телеграфныхъ и письменныхъ поздравленій, а 22-го октября петербургское литературное общество, коего онъ состоитъ давнишнимъ членомъ, устроило въ его честь чрезвычайное собраніе, отличавшееся большою сердечностью. Редакція «Историческаго Вѣстника», высоко ставя заслуги В. П. передъ русскимъ просвѣщеніемъ, съ особеннымъ удовольствіемъ присоединяется ко всѣмъ поздравленіямъ юбиляру и желаетъ ему отъ души еще много лѣтъ поработать на пользу родной литературы.

Юбилей А. Я. Ефименко. 29-го октября на высшихъ женскихъ курсахъ состоялось чествованіе А. Я. Ефименко по случаю сорокалѣтія ея учено-литературной дѣятельности, совпавшей съ полученіемъ ею степени доктора русской исторіи *honoris causa*. А. Я. родомъ изъ фамиліи Ставровскихъ, образованіе получила въ архангельской гимназіи, а затѣмъ была учительницей въ Холмогорахъ. Здѣсь она познакомилась съ Петромъ Саввичемъ Ефименко, извѣстнымъ этнографомъ и изслѣдователемъ народнаго быта, который въ то время помимо своей воли проживалъ въ Архангельской губерніи. А. Я. вышла за него замужъ, и съ того времени долгіе годы работала рука объ руку съ своимъ мужемъ, сосредоточивъ свое вниманіе преимущественно на историко-юридической сторонѣ народнаго быта. Главнѣйшая ея работа—«Землевладѣніе на крайнемъ сѣверѣ». Это изслѣдованіе появилось въ тотъ моментъ, когда въ исторической литературѣ рѣшался вопросъ о судьбахъ русской общины, о давности общиннаго землевладѣнія, и рядъ ученыхъ и писателей доказывали, что русская поземельная община—явленіе исконное, сложившееся еще въ древней Руси. А. Я. посчастливилось собрать среди крестьянъ Архангельской губ. многочисленные частныя акты, преимущественно XVI и XVII вв., рисующіе земледѣльческіе порядки того времени. А. Я. съ необыкновенной тщательностью изучила ихъ, подвергла детальному анализу и дала превосходную картину поземельныхъ отношеній въ XV—XVII вв., указавши на долевою организацію деревни, изъ которой, какъ материнской формы, развились позднѣйшія формы, подворно-участковая и общинная. Изслѣдованіе А. Я. окончательно рѣшило вопросъ о древности общиннаго землевладѣнія и дало сильнѣйшій толчокъ къ дальнѣйшему изученію формъ землевладѣнія. Кромѣ этой работы, перу А. Я. принадлежитъ цѣлый рядъ важныхъ изслѣдованій, преимущественно въ области права: «Народныя юридическія воззрѣнія на бракъ», «Женщина въ

крестьянской семьѣ», «Семейные раздѣлы», «Трудовое начало въ народномъ обычномъ правѣ», «Субъективизмъ въ русскомъ обычномъ правѣ». Всѣ эти работы вошли въ сборникъ статей подъ названіемъ: «Изслѣдованія народной жизни» (М. 1884 г.). Кромѣ того, А. Я. написано значительное число статей, напечатанныхъ въ разное время преимущественно въ «Кіевской Старинѣ», «Словѣ», «Русской Мысли», «Недѣльѣ» и «Вѣстникѣ Европы». Изъ этихъ статей назовемъ: «Очерки исторіи правобережной Украйны», «Малороссійское дворянство», «Южно-русскія братства», «Народный судъ въ Западной Руси», «Дворянское землевладѣніе въ Южной Руси», «Изъ исторіи борьбы малороссійскаго народа съ поляками», «Старинная одежда и принадлежности домашняго быта слобожанъ», «Философъ изъ народа» (Сковорода), «Памяти Т. Г. Шевченка» и др. Очерки, изслѣдованія и замѣтки, какъ вышеприведенные, такъ и другіе, собраны въ 2-хъ томахъ подъ заглавіемъ «Южная Русь». Не чужда А. Я. и педагогической дѣятельности: она уже нѣсколько лѣтъ состоитъ профессоромъ высшихъ женскихъ курсовъ; ею недавно выпущенъ превосходный учебникъ русской исторіи. Выдающаяся ученая дѣятельность А. Я. давно уже остановила вниманіе академическихъ круговъ, и вотъ въ нынѣшнемъ году, по почину проф. Бгалгья, харьковскій университетъ присудилъ А. Я. высокую степень доктора русской исторіи. Это совпало съ 40-лѣтіемъ учено-литературной дѣятельности А. Я., что и было поводомъ къ чествованію первой русской женщины, получившей за свои ученныя заслуги такое званіе. На чествованіе собрались какъ слушательницы курсовъ, такъ и профессора. Много было рѣчей и привѣтствій, отмѣтимъ одну. Проф. Платоновъ, какъ старѣйшій изъ русскихъ историковъ, привѣтствовалъ А. Я. такой рѣчью: «Въ рядахъ замѣчательныхъ русскихъ женщинъ прошлаго столѣтія,—говорилъ онъ,—вы занимаете, конечно, одно изъ самыхъ почетныхъ мѣстъ, а среди ученыхъ русскихъ женщинъ вамъ, разумѣется, принадлежитъ первенство. Природа одарила васъ съ изумительною щедростью: она дала вамъ исключительную логическую способность и склонность къ юридическому мышленію, даръ художественнаго представленія и превосходный стиль. Она дала вамъ необыкновенное трудолюбіе и столь же необыкновенную сдержанность и скромность. Богатыя силы вашей природы недолго таились въ юномъ прозябаніи. Вы очень рано вышли на поле научной работы и общественнаго служенія. Въ настоящую минуту, послѣ 40-лѣтней ученой работы, ваше имя стало извѣстнымъ всей интеллигентной Россіи, а ваши печатные труды служатъ кореннымъ пособіемъ для русскихъ историковъ. Трудовая жизнь дала вамъ ученую славу. Но и теперь, въ пору богатой жатвы, вы та же, какою были въ пору первыхъ вашихъ ученыхъ посѣвовъ. Ваши духовныя силы такъ же велики, какъ и ваша выдержанная скромность». Проф. С. Θ. Платоновъ закончилъ свою рѣчь пожеланіемъ А. Я. «еще много лѣтъ работать съ профессорами и учить молодежь не только наукѣ, но и труду и жизни, въ строгомъ соотвѣтствіи съ величіемъ долга и точнаго знанія».

Юбилей кіевского проф. Н. И. Петрова. Въ октябрѣ кружокъ профессоровъ кіевской духовной академіи и представители отъ другихъ ученыхъ корпорацій чествовали бывшаго профессора этой академіи Н. И. Петрова, по случаю исполнившагося сорокапятилѣтняго юбилея его ученой и профессор-

ской дѣятельности. Питомецъ духовной школы, впоследствии дѣятель таковой, Н. И. Петровъ былъ чуждъ сухой богословской схоластики и широко использовалъ свои глубокія знанія, своей высокій талантъ. За многочисленные литературные труды по исторіи и словесности онъ давно снискалъ себѣ извѣстность въ ученомъ мірѣ: двадцать девять ученыхъ обществъ считаютъ его въ числѣ своихъ членовъ, а харьковскій университетъ призналъ его достойнымъ докторской степени. За свое живое, вдохновенное слово съ кафедръ академіи, за серьезное вдумчивое отношеніе къ запросамъ учащейся молодежи онъ заслужилъ общую любовь со стороны студентовъ. Н. И. Петровъ родился въ Костромской губерніи въ 1840 году, гдѣ получилъ и первоначальное образованіе—сначала въ духовномъ училищѣ, а потомъ въ семинаріи. Оттуда онъ былъ отправленъ въ кievскую духовную академію, по окончаніи которой нѣкоторое время состоялъ учителемъ словесности при волынской духовной семинаріи. Еще будучи студентомъ академіи, Петровъ напечаталъ серьезное изслѣдованіе по древней украинской литературѣ; впоследствии же за свои «Очерки украинской литературы», напечатанныя въ 1884 году въ «Историческомъ Вѣстникѣ», онъ приобрѣлъ всеобщую извѣстность. Его интересовали также историческія судьбы Холмины, Волыни, Подоліи, прошлое Кіева и Кіевской земли. И надъ этими вопросами онъ много поработалъ. Наибольшую же цѣнность представляютъ его изысканія въ области церковной археологіи и древней народной литературы. Свои работы Н. И. Петровъ печаталъ почти во всѣхъ историческихъ журналахъ: «Историческомъ Вѣстникѣ», «Русской Старинѣ», «Запискахъ науковаго товарищества» и т. п. Имъ издано также множество отдѣльных книгъ и брошюръ. Произведенія Петрова интересны и содержательны. Читаешь—и чувствуется, что имѣешь дѣло не съ клерикаломъ-попомъ, а съ человѣкомъ, вооруженнымъ всѣми данными точной науки. Н. И. Петровъ—прогрессистъ и, какъ таковой, въ годы движенія, естественно, примкнулъ къ соотвѣствующимъ кружкамъ. Это вызвало неудовольствіе въ синодѣ. За нимъ слѣдили и неоднократно предлагали ему выйти въ отставку. Но профессоръ не пожелалъ разстаться съ академіей, гдѣ проработалъ нѣсколько десятковъ лѣтъ. Въ сентябрѣ текущаго года, подъ предлогомъ упраздненія кафедры иностранной литературы, которую занималъ Петровъ, онъ былъ уволенъ изъ академіи безъ прошенія. Н. И. Петровъ состоялъ профессоромъ академіи съ 1870 года.

25-лѣтіе научной дѣятельности Х. М. Лопарева. 24-го октября текущаго года исполнилось 25-лѣтіе учено-литературной дѣятельности выдающагося знатока древне-русской литературы и исторіи Византіи, Хрисанѣа Мееодіевича Лопарева, занимающаго должность бібліотекаря императорской публичной бібліотеки. Уроженецъ Сибири, Х. М. Лопаревъ закончилъ свое образованіе на историко-филологическомъ факультетѣ петербургскаго университета, гдѣ работалъ подъ руководствомъ проф. В. Г. Васильевскаго. Первая печатная работа его «Покореніе Югорской земли» появилась въ «Восточномъ Обзорѣніи» (1885 года 24-го октября). Вскорѣ по окончаніи университетскаго курса г. Лопаревъ сталъ работать въ императорскомъ обществѣ любителей древней письменности, сначала въ качествѣ бібліотекаря, а потомъ секретаря. Онъ описалъ богатое собраніе рукописей общества (описаніе издано въ трехъ томахъ) и

издалъ рядъ замѣчательныхъ памятниковъ древне-русской литературы. Благодаря неутомимымъ поискамъ въ разныхъ рукописныхъ собраніяхъ, ему удалось обогатить древне-русскую литературу большимъ количествомъ впервые имъ найденныхъ, обслѣдованныхъ и изданныхъ драгоценныхъ памятниковъ. Изъ числа ихъ назовемъ: «Посланіе митрополита Климента къ смоленскому пресвитеру Өомѣ» (XII в.), «Слово о погибели Русской земли» (XIII в.), «Грамматика монаха Іосифа» 1559 г. (служившая руководствомъ при обученіи царевича Ивана Ивановича), «Сказаніе о молодцѣ и дѣвицѣ», «Отразительное писаніе о новоизобрѣтенномъ пути спасенія—самоубійственныхъ смертей», 1691 г. и др. Найденное въ библиотекѣ Псково-Печерскаго монастыря «Слово о погибели Русской земли» можетъ быть поставлено рядомъ съ «Словомъ о полку Игоревѣ», до этой находки стоявшимъ совершенно одиноко. (Къ сожалѣнію, дошло только начало этого «Слова»). «Отразительное писаніе» даетъ богатѣйшій фактическій и бытовѣй матеріалъ для исторіи распространенныхъ среди русскихъ раскольниковъ въ XVII вѣкѣ самоубійствъ (особенно самосожиганія). Предисловіе и комментарии Х. М. Лопарева къ этому памятнику считаются образцовыми и получили полное признаніе среди знатоковъ раскола. За это изданіе обществомъ любителей древней письменности присуждена Лопареву премія имени А. М. Кожевникова. Къ трудамъ г. Лопарева по древне-русской литературѣ относится изданіе нѣсколькихъ паломниковъ (напримѣръ, хожденія Антонія, архіепископа новгородскаго), съ обширнымъ и глубокимъ комментариемъ. Другой научной областью, въ которой много сдѣлано Х. М. Лопаревымъ, является исторія Византіи. Здѣсь Лопаревъ впервые правильно прочиталъ и истолковалъ Терновскую подпись IX в.; всесторонне обслѣдовалъ древне-греческое стихотвореніе Мануила Фила, касающееся византійскихъ войнъ XIII—XIV в. Особеннымъ вниманіемъ его пользовались русско-византійскія отношенія. И тутъ посчастливилось ему сдѣлать нѣсколько любопытныхъ и цѣнныхъ открытій. Особенно любопытнымъ является изслѣдованіе Лопарева о бракѣ Мстиславны, вышедшей въ 1122 г. замужъ за императора Алексѣя Комнина, и находка имъ во Флоренціи греческаго трактата Евпраксії—Зои Мстиславны, посвященнаго вопросамъ гигиены. Фактъ примѣчательный: русская женщина XII в. составила медицинскій трактатъ. Въ настоящее время заканчивается печатаніемъ диссертация Х. М. Лопарева о греческихъ житіяхъ святыхъ VII—IX вв., какъ историческомъ источникѣ. Въ поискахъ за матеріалами для своей диссертации Лопаревъ изучалъ рукописи въ заграничныхъ библиотекахъ: Константинополя, Афона, Флоренціи и друг.

25-лѣтіе протоіерея Орнатскаго. Въ С.-Петербургѣ праздновалось 25-лѣтіе священства митрофорнаго протоіерея Ф. Н. Орнатскаго—25-лѣтіе его кипучей дѣятельности священника, ^ггражданина города, гласнаго городской думы, оратора и проповѣдника, законоучителя, предсѣдателя общества релігіозно-нравственнаго просвѣщенія, создавшаго 8 храмовъ, попечителя 28 школъ, предсѣдателя 5-го городского попечительства о бѣдныхъ въ Петербургѣ, товарища предсѣдателя спб. православнаго эстонскаго братства, члена коммисіи по народному образованію и благотворенію, попечителя школы для припадочныхъ и отсталыхъ, настоятеля церкви при экспедиціи для заготовленія госу-

дарственныхъ бумагъ. Въ день 17-го октября, день спасенія Царской семьи въ Боркахъ, экспедиція справляетъ свой храмовой праздникъ, нынче онъ совпалъ и съ 25-лѣтнемъ священства ея настоятеля. Церковь биткомъ набита была богомольцами. Литургію служилъ преосвященный Веніаминъ, епископъ гдовскій, съ юбиляромъ и митрофорнымъ протоіереемъ Дерновымъ и соборомъ священниковъ. Послѣ царскихъ многолѣтій слѣдовало чествованіе отца Орнатскаго. Отъ служащихъ въ экспедиціи прочитанъ адресъ, отъ прихожанъ церкви— адресъ и вручена икона Спасителя. Юбиларъ произнесъ краснорѣчивое слово, и затѣмъ чествованіе перешло въ зданіе технической школы экспедиціи, заполнившейся служащими тамъ и почитателями. Старѣйшій изъ учителей г. Мозель прочиталъ адресъ; товарищи по школь поднесли о. Орнатскому подарки, дѣти школы, мальчики и дѣвочки, поднесли свои работы. Юбиларъ, благодаря, здѣсь произнесъ горячее слово на тему, что образованіе безъ религіи ничто. Въ большомъ залѣ устроена праздничная трапеза съ тостами, горячими рѣчами, стихами. Первый тостъ, вспоминая событіе 17-го октября, предложилъ самъ юбиляръ за Державнаго Хозяина русской земли и Царскую семью. Принесли поздравленія и подарки служители экспедиціи, а лазаретные служители оказались даже поэтами. Въ 8 час. вечера въ залѣ общества религіозно-нравственнаго просвѣщенія происходило общее чествованіе; началось оно въ 8 ч., а окончилось около 12. Залъ едва могъ вмѣстить всѣхъ ночитателей. Прекрасный хоръ общества, управляемый г. Смолинымъ, исполнилъ духовныя пѣснопѣнія и концертъ. Преосвященный Никонъ привѣтствовалъ о. Орнатскаго отъ имени владыки митрополита Антонія, отъ себя и отъ миссіонерскаго общества. Прот. Вѣтвѣнскій читалъ адресъ отъ общества религіозно-нравственнаго просвѣщенія, а свящ. Лахостекій высказалъ въ своей рѣчи, что о. Орнатскій устроилъ объединеніе между собою пастырей съ мірянами. Прот. Кульбушъ читалъ адресъ отъ православныхъ эстонцевъ, во главѣ депутаціи былъ преосвященный Веніаминъ. Отъ с.-петербургскаго городского управленія явилась депутація во главѣ съ гласнымъ, почетнымъ опекуномъ ген. графомъ Гейденомъ. Привѣтствовали городскія учительницы и депутаціи отъ разныхъ школъ, обществъ трезвости и т. д. На всѣ многочисленные адреса и привѣтствія о. Орнатскій отвѣчалъ благодарственными рѣчами. Получено 70 телеграммъ, изъ нихъ: отъ члена гос. совѣта Саблера и архіепископа Сергія финляндскаго.

25-лѣтіе профессоровъ-врачей Т. П. Павлова, Д. А. Соколова и В. А. Тиле. 2-го ноября исполнилось 25-лѣтіе выдающейся ученой и общественной дѣятельности профессора военно-медицинской академіи Тимоѳея Павловича Павлова, весьма популярнаго врача въ широкихъ кругахъ столичнаго общества, извѣстнаго своими трудами не только у насъ, но и за границей. Т. П. Павловъ происходитъ изъ зажиточной купеческой семьи; онъ родился въ Петербургѣ 12-го іюня 1860 г., воспитывался въ 5-й гимназіи, по окончаніи курса въ которой уѣхалъ въ Москву для поступленія въ университетъ. Пробывъ тамъ два года, Т. П. перешелъ затѣмъ въ военно-медицинскую академію, которую и окончилъ въ 1885 г. По выходѣ изъ академіи, онъ работалъ въ продолженіе трехъ лѣтъ въ клиникѣ С. П. Воткина. Въ началѣ 1889 г. Т. П. Павловъ отправился для дальнѣйшаго усовершенствованія за границу, гдѣ изучалъ въ различныхъ клиникахъ кожныя и венерическія болѣзни. Возвратясь

въ Петербургъ, онъ въ концѣ того же года былъ избранъ старшимъ ординаторомъ въ городскую Калининскую больницу и доцентомъ при Суворовскомъ училищѣ при названной больницѣ. Въ 1896 году въ званіи приватъ-доцента Т. П. Павловъ былъ приглашенъ въ военно-медицинскую академію, а въ 1898 г., за уходомъ В. М. Тарновскаго, занялъ его каѳедру. Въ настоящее время онъ, помимо чтенія лекцій и руководства практическими занятіями студентовъ и врачей, ищущихъ ученыхъ степеней, участвуетъ въ дѣятельности военно-медицинскаго ученаго комитета и медицинскаго совѣта въ качествѣ члена и предсѣдательствуетъ въ сифилидологическомъ и дерматологическомъ обществѣ. Какъ педагогъ, какъ врачъ и какъ человѣкъ, Т. П. Павловъ снискалъ себѣ всеобщую любовь и уваженіе не только среди своихъ товарищей-профессоровъ, но и среди своихъ многочисленныхъ учениковъ-студентовъ, дѣлящихъ его сердечную доброту и всегдашнюю отзывчивость къ ихъ нуждамъ. Имѣя огромную врачебную практику, въ которой онъ не дѣлаетъ разбора между своими богатыми и бѣдными паціентами, Т. П. Павловъ тѣмъ самымъ пріобрѣлъ себѣ широкую извѣстность въ самыхъ разнообразныхъ слояхъ общества. Чествованіе проф. Т. П. Павлова началось въ два часа дня, въ квартирѣ юбиляра. Къ этому времени сюда прибыли профессора Бехтеревъ, Волковъ, Чистовичъ и другіе, депутация отъ общества борьбы съ заразными болѣзнями, врачи и ассистенты профессора по клиникѣ кожныхъ болѣзней императорской военно-медицинской академіи, студенты академіи въ лицѣ курсовыхъ старостъ 4 и 5 курса и друг. Цѣлый рядъ тепло и красиво написанныхъ адресовъ былъ прочитанъ передъ глубоко взволнованнымъ юбиляромъ. Со всѣхъ концовъ Россіи и изъ-за границы Т. П. получено много привѣтственныхъ телеграммъ.

2-го же ноября чествовали, по случаю 25-лѣтія врачебной, ученой и общественной дѣятельности профессора женскаго медицинскаго института по каѳедрѣ дѣтскихъ болѣзней Д. А. Соколова. Чествованіе состоялось въ клиникѣ дѣтскихъ болѣзней института, въ два часа дня. Присутствовали: помощникъ директора института проф. Кадыанъ, ученый секретарь проф. Лихачевъ, профессора Чистовичъ, Гинзбергъ и друг. Слушательницы старшихъ курсовъ института привѣтствовали Д. А. первыми. Ординаторы, ассистенты и врачи также поднесли юбиляру изданные по случаю юбилея труды. Кромѣ того, были поднесены адреса отъ товарищей, различныхъ медицинскихъ обществъ и др. Отъ паціентовъ и друзей юбиляромъ было получено много привѣтственныхъ телеграммъ.

Въ тотъ же день исполнилось 25-лѣтіе дѣятельности профессора женскаго медицинскаго института по каѳедрѣ хирургіи, статнаго врача спб. госпиталя дворцоваго вѣдомства В. А. Тиле. Привѣтствовать юбиляра собрались: начальникъ спб. дворцоваго управленія ген.-лейт. Сперанскій, проф. Вельяминовъ, врачи дворцоваго госпиталя, слушатели; друзья и паціенты. Ген. Сперанскій первый привѣтствовалъ проф. В. А. Тиле, обративъ вниманіе на то образцовое состояніе, въ которомъ находится, благодаря дѣятельности юбиляра, дворцовый госпиталь. Кромѣ того, юбиляра привѣтствовали слушательницы женскаго медицинскаго института, врачи дворцоваго госпиталя и придворно-медицинской части, паціенты и др. Получено много привѣтственныхъ телеграммъ.

Профессоръ по каѳедрѣ внутреннихъ болѣзней женскаго медицинскаго института А. М. Левинъ, 25-лѣтіе ученой, врачебной и общественной дѣятель-

ности котораго исполнилось 2-го ноября, отъ чествованія уклонился. На его имя, тѣмъ не менѣе, было получено много привѣтственныхъ телеграммъ.

Въ литературномъ фондѣ. 22-го октября въ помѣщеніи гимназіи Гуревича состоялось очередное общее собраніе членовъ литературнаго фонда, подъ предсѣдательствомъ Л. Ф. Пантелѣва, для заслушанія отчета о дѣятельности комитета за періодъ май—октябрь текушаго года. Открывая засѣданіе, предсѣдатель предложилъ собранію почтить вставаніемъ память умершихъ членовъ фонда С. А. Муромцева, Юліи Безродной, Маріи Крестовской и др., причемъ посвятилъ нѣсколько теплыхъ словъ С. А. Муромцеву, какъ выдающемуся ученому и гражданину. По предложенію Л. Ф. Пантелѣва общее собраніе рѣшило послать семьѣ покойнаго С. А. телеграмму съ выраженіемъ глубокаго сочувствія. Затѣмъ общее собраніе перешло къ обсужденію общихъ дѣлъ. Былъ прочитанъ журналъ чрезвычайнаго общаго собранія отъ 15-го апрѣля, въ которомъ, какъ извѣстно, происходили продолжительныя и бурныя пренія по вопросу объ участіи представителей литературнаго фонда во второмъ съѣздѣ писателей, причемъ, по предложенію Н. Θ. Анненскаго, выражена признательность секретарю фонда В. Д. Набокову за составленіе журнала. Затѣмъ былъ прочитанъ отчетъ по секретарской части. Изъ отчета видно, что въ теченіе времени съ мая по октябрь комитетомъ было рассмотрѣно двѣсти семьдесятъ просьбъ о разныхъ видахъ пособій; изъ нихъ удовлетворено 186, а 84 отклонено по разнымъ причинамъ. Единовременныхъ пособій за отчетный періодъ было выдано 130 лицамъ на сумму 3,025 р. 40 к., продолжительныхъ пособій 11 лицамъ на сумму 1, 245 р. Пособій на воспитаніе и обученіе дѣтей нуждающихся литераторовъ выдано 17 лицамъ на сумму 1, 376 р. 50 к. Пенсія назначена одному лицу въ размѣрѣ 600 р. въ годъ; безсрочныхъ ссудъ выдано 24 литераторамъ на сумму 1, 440 р.; срочныя ссуды назначены тремъ лицамъ на сумму 220 р. Всего денежныхъ пособій назначено на сумму 7,906 р. 90 к. Изъ отчета по казначейской части, прочитаннаго А. В. Пѣшеховымъ, видно, что капиталъ комитета по 1 октября составляютъ 55, 179 р. въ процентныхъ бумагахъ и 43,500 р. наличными. Изданія, принадлежащія фонду, принесли 7,821 р., предпріятія—5,098 р., отъ высочайшихъ особъ поступило 1, 150 р.; въ именныя капиталы 28,320 р. Слѣдуетъ особо отмѣтить, что по духовному завѣщанію Е. А. Поповой въ фондъ на образованіе и воспитаніе дѣтей литераторовъ поступило 17,000 р., отъ графини Паниной 1,000 р., отъ Л. Ф. Пантелѣва 1,500 р. (изъ нихъ 500 руб. въ память С. А. Муромцева). Въ настоящее время этотъ спеціальныи фондъ располагаетъ 22,146 руб. На общія нужды литературнаго фонда поступило еще отъ редакціи «Русскихъ Вѣдомостей» 300 руб. Расходы комитета за отчетный періодъ достигли 62,220 р. Въ комитетъ литературнаго фонда поступило заявленіе С. В. Ковалевской, что она передаетъ въ собственность фонда право на изданіе сочиненій ея матери, знаменитой ученой Софьи Ковалевской.

Открытіе систематическихъ лекцій въ Смоленскѣ московскимъ археологическимъ институтомъ¹⁾. 1-го октября, въ 2 ч. дня въ залѣ смоленскаго дворянскаго собранія подъ предсѣдательствомъ губернскаго предводителя дво-

¹⁾ Сообщила Е. Н. Клетнова.

рянства кн. В. М. Урусова, при участіи правленія смоленской ученой архивной комиссіи, пріѣхавшихъ изъ Москвы профессоровъ археологическаго института, мѣстныхъ властей и представителей всѣхъ вѣдомствъ, въ присутствіи многочисленной публики состоялось торжественное открытіе археологическихъ лекцій согласно курсу и по всѣмъ предметамъ, читаемымъ въ московскомъ археологическомъ институтѣ. Вступительное слово передъ молебномъ сказалъ преосвященный Θεодосій, епископъ смоленскій и дорогобужскій, отъ души привѣтствовавшій подобное культурное начинаніе, широко открывающее двери всѣмъ желающимъ черпать знанія, не исключая и лицъ духовныхъ, которымъ онъ особенно рекомендовалъ посѣщеніе лекцій, ибо археологическія познанія духовенства будутъ, несомнѣнно, способствовать къ охраненію нашихъ святынь и замѣчательныхъ церковныхъ памятниковъ. Послѣ слова было имъ совершенно соборнѣ съ нѣсколькими священниками и при участіи архіерейскаго хора торжественное молебствіе. Затѣмъ горячую рѣчь произнесъ директоръ института А. И. Успенскій, очертившій задачи и направленіе института. Послѣ него привѣтственное, душевное слово сказалъ кн. В. М. Урусовъ, указавшій смолянамъ важное значеніе и огромное удобство открываемыхъ лекцій, которыя даютъ возможность каждому, такъ сказать, у себя дома расширить свои познанія и получить законченное образованіе высшаго учебнаго заведенія, за что горячо благодарилъ профессоровъ. Не менѣе сердечную рѣчь сказалъ послѣ него заслуженный ординарный профессоръ Д. В. Цвѣтаевъ, коснувшійся роли Смоленска для Московскаго царства, которому онъ служилъ оплотомъ съ одной стороны и проводникомъ западно-европейскихъ просвѣтительныхъ идей — съ другой стороны. Профессоръ Р. Ф. Брандтъ прочелъ лекцію: «Черты первобытной жизни славянъ по даннымъ языка». Казначей археологическаго института ген.-майоръ Н. А. Марксъ изложилъ краткій отчетъ института за все трехлѣтіе его существованія. Рѣчи закончилъ проф. С. К. Кузнецовъ, убѣждавшій слушателей не бояться трудностей нѣкоторыхъ дисциплинъ и съ Богомъ приступать къ занятіямъ. Въ тотъ же день кн. Урусовъ чествовалъ обѣдомъ московскихъ гостей; а также все правленіе смоленской ученой архивной комиссіи. Въ 7 часовъ состоялась первая лекція по античному искусству, прочитанная директоромъ А. И. Успенскимъ, затѣмъ лекціи: по русской исторической географіи (С. К. Кузнецовъ) и по геральдикѣ (Ю. В. Арсеньевъ). Слушателей было свыше 60 человекъ, въ томъ числѣ кн. М. К. Тенишева, создательница великолѣпнаго историко-этнографическаго музея, который, согласно ея любезному предложенію, будетъ служить однимъ изъ важнѣйшихъ пособій при занятіяхъ слушателей. Помѣщеніе для лекцій находится рядомъ со зданіемъ музея и любезно предоставлено (бесплатно) книжницей Е. К. Святополкъ-Четвергинской съ согласія мѣстнаго общества изученія Смоленской губ., такъ какъ тутъ же помѣщается естественно-историческій музей общества, который также будетъ служить пособіемъ, напр., при лекціяхъ по геологіи и антропологіи. Лекціи опредѣлено читать по вечерамъ четыре раза въ недѣлю, для чего по очереди пріѣзжаютъ профессора изъ Москвы. Количество слушателей возрастаетъ съ каждымъ днемъ, привлекаемое интересомъ самыхъ лекцій, въ большинствѣ случаевъ богато иллюстрированныхъ діапозитивами, а

также въ высшей степени сердечнымъ и любезнымъ отношеніемъ лекторовъ, всегда готовыхъ пояснить и дополнить свои лекціи тому, кто неясно усвоилъ себѣ какую-либо подробность. Какъ и въ Москвѣ, по желанію директора Успенскаго, сдѣлавшаго первый взносъ, учреждается «общество вспомошествованія недостаточнымъ слушателямъ-смолянамъ московскаго археологическаго института», а также «общество археологіи, археографіи и исторіи», состоящее исключительно изъ слушателей и преподавателей института, которое и предполагаетъ разъ въ недѣлю устраивать чтеніе сообщений и рефератовъ. Въ лѣтнее время предполагается организовать раскопки и обследованіе различныхъ весьма многочисленныхъ достопамятностей Смоленской земли, гдѣ примутъ участіе и московскіе слушатели.

Положеніе о литературно-театральномъ музеѣ имени А. А. Бахрушина. На засѣданіи комисіи для выработки проекта положенія о принесенномъ въ даръ академіи литературно-театральномъ музеѣ имени Бахрушина въ Москвѣ присутствовали: вице-президентъ академіи П. В. Никитинъ, академики С. Ф. Ольденбургъ, А. А. Шахматовъ, Ѳ. Е. Коршъ, Н. А. Котляревскій, В. Р. Рышковъ и пріѣхавшій изъ Москвы А. А. Бахрушинъ. Согласно выработанному проекту, ближайшія задачи литературно-театральнаго музея заключаются въ томъ, чтобы сосредоточить въ одномъ мѣстѣ необходимый матеріалъ для разработки исторіи изящной литературы, преимущественно драматической, а также исторіи театра вообще и русскаго театра въ частности. Завѣдываніе музеемъ предоставляется правленію, состоящему изъ председателя, двухъ ученыхъ хранителей и трехъ членовъ, избранныхъ изъ состава попечительнаго совѣта музея. Предсѣдатель правленія избирается академіей наукъ по представленію отдѣленія русскаго языка и словесности изъ лицъ, проживающихъ въ Москвѣ и извѣстныхъ своей научной дѣятельностью въ области литературы или театра; А. А. Бахрушинъ считается пожизненнымъ предсѣдателемъ. Хранители музея избираются по представленію предсѣдателя правленія отдѣленіемъ русскаго языка и словесности. Новому музею предоставляется всѣ права, принадлежащія музеямъ, состоящимъ въ вѣдѣніи академіи наукъ. Изданія музея будутъ разсылаться во всѣ русскіе университеты и ученые учрежденія. При музеѣ учреждается особый попечительный совѣтъ, подъ предсѣдательствомъ почетнаго попечителя музея (пожизненно почетнымъ попечителемъ считается Бахрушинъ). Въ составъ попечительнаго совѣта входятъ: старшій ученый хранитель и двое изъ проживающихъ въ Москвѣ членовъ разряда изящной словесности или изъ лицъ, имѣющихъ близкое отношеніе къ задачамъ музея. Новый проектъ положенія о литературно-театральномъ музеѣ въ Москвѣ будетъ рассмотрѣнъ въ засѣданіи отдѣленія русскаго языка и словесности, а затѣмъ въ общемъ собраніи членовъ академіи наукъ. Послѣ этого проектъ будетъ переданъ въ министерство народнаго просвѣщенія для внесенія въ государственную думу. Общіе расходы по управленію музеемъ опредѣлены въ 7,200 руб. въ годъ.

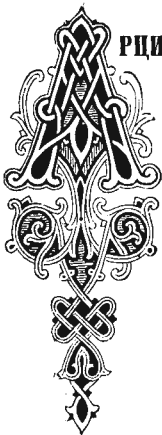
Отъ общества любителей россійской словесности. Въ 1911 г. исполняется сто лѣтъ съ основанія при московскомъ университетѣ общества любителей россійской словесности. Приготовляя въ настоящее время къ печати словарь всѣхъ

дѣятелей общества за сто лѣтъ, содержащій и біографическія свѣдѣнія, и справки о литературныхъ трудахъ, общество симъ обращаетъ ко всѣмъ своимъ членамъ покорнѣйшую просьбу сообщить до 1-го декабря с.г. на имя председателя (Москва, университетъ, О. Л. Р. С.) всѣ нужныя для такого словаря свѣдѣнія приблизительно по слѣдующей программѣ: 1) Время рожденія (годъ, мѣсяць, число), 2) мѣсто рожденія, 3) гдѣ получилъ образованіе (съ показаніемъ времени) 4) кто родители (званіе, имя, отчество отца и матери), 5) общественное положеніе, 6) полный по возможности бібліографическій списокъ всѣхъ сочиненій и переводовъ, не исключая и мелкихъ статей, 7) особыя примѣчанія, какія кто пожелаетъ сдѣлать о важнѣйшихъ обстоятельствахъ своей ученой или литературной дѣятельности, 8) подпись и адресъ. Покорнѣйшая просьба газетамъ и журналамъ о перепечаткѣ.

НЕКРОЛОГИ.

АРЦИМОВИЧЪ, А. А. Въ Царскомъ Селѣ скончался 16 октября, послѣ тяжкой болѣзни, сенаторъ Антонъ Антоновичъ Арцимовичъ. Покойный родился въ 1831 г. По окончаніи курса въ императорскомъ Александровскомъ лицѣѣ онъ началъ службу въ м-вѣ внутреннихъ дѣлъ, но вскорѣ перешелъ въ канцелярію морского министерства. Въ 1857 г. былъ назначенъ попечителемъ калужскихъ богоугодныхъ заведеній, и черезъ два года началась его судебная дѣятельность. Онъ былъ сперва тульскихъ губернскихъ уголовныхъ дѣлъ стряпчимъ, потомъ товарищемъ предсѣдателя тульской палаты гражданскаго суда. Перейдя въ 1865 г. на такую же должность въ Псковъ, А. А. съ введеніемъ судебной реформы былъ назначенъ членомъ псковскаго окружнаго суда, затѣмъ перевелся въ Воронежъ и съ 1869 г. былъ товарищемъ предсѣдателя владимирскаго окружнаго суда. Назначенный въ 1877 г. товарищемъ обер-прокурора уголовного кассационнаго департамента сената, покойный занималъ эту должность въ теченіе тринадцати лѣтъ, потомъ служилъ членомъ консультации при м-вѣ юстиціи учрежденной и съ 1895 г. присутствовалъ въ качествѣ сенатора въ первые годы въ уголовномъ кассационномъ департаментѣ сената и въ послѣднее время въ первомъ общемъ собраніи изъ первыхъ двухъ департаментовъ и департамента герольдіи. Среди юристовъ онъ пользовался извѣстностью, какъ опытный и знающій криминалистъ. А. А. былъ католикомъ, за недѣлю до смерти перешелъ въ православіе и передъ кончиною приобщался (Некрологъ его: «Новое Время» 1910 г., № 12429).

† **Добровольскій, П. М.** 1) 21-го августа, въ 5 час. вечера, въ дер. Подусовкѣ вблизи Чернигова, послѣ продолжительной и тяжкой болѣзни скончался гласный городской думы и городской секретарь, правитель дѣлъ черниговской губер-

1) Сообщено Д. А. Бочковымъ.

«Истор. вѣстн.», декабрь, 1910 г., т. сxxii.

ской ученой архивной комиссіи, Петръ Михайловичъ Добровольскій. П. М. происходилъ изъ духовнаго званія, род. въ 1871 г., обучался въ черниговской духовной семинаріи, откуда вышелъ изъ 5-го класса въ 1894 году. Пробывъ нѣкоторое время на частной службѣ, онъ въ 1895 году поступилъ на службу въ черниговскую духовную консисторію, гдѣ оставался до 1903 года, исполняя между прочимъ обязанности личнаго секретаря при трехъ преосвященныхъ викаріяхъ черниговской епархіи: Евфиміи, Михаилѣ и Филиппѣ. Въ 1903 г. перешелъ на службу въ черниговскую казенную палату, но тамъ оставался недолго и ушелъ вслѣдствіе разногласій съ начальствомъ по поводу охраны одного изъ черниговскихъ памятниковъ старины. Поступивъ затѣмъ въ канцелярію черниговской городской управы, онъ въ 1905 году былъ избранъ городскимъ гласнымъ, а въ слѣдующемъ 1906 г. избранъ городскимъ секретаремъ. Въ 1909 г. переизбранъ на ту же должность на новое четырехлѣтіе и оставался въ ней до своей смерти. Весь свой досугъ П. М. отдавалъ дѣлу изученія родной черниговской старины. Былъ избранъ въ члены мѣстной черниговской губернской архивной комиссіи; послѣ ухода извѣстнаго археографа П. Н. Тиханова онъ былъ избранъ (1902 г.) правителемъ дѣлъ комиссіи. Съ образованіемъ при мѣстной духовной семинаріи въ 1907 г. епархіальнаго древлехранилища, онъ однимъ изъ первыхъ записался въ члены его. Подъ редакціей П. М. изданы IV, V, VI и VII выпуски «Грудовъ комиссіи». П. М. мало-по-малу началъ составлять себѣ имя въ научномъ мірѣ, чему не мало способствовали археологическіе съѣзды, въ которыхъ онъ принималъ участіе, и происходившія на съѣздахъ знакомства. Дѣятельный сотрудникъ черниговскаго предварительнаго комитета по устройству XIV археологическаго съѣзда 1908 г. въ Черниговѣ, П. М. почти одинъ вынесъ на своихъ плечахъ всѣ тяготы и трудности, соединенныя съ такимъ великимъ не только для провинціи трудомъ, неся по комитету официальное званіе секретаря. Подъ его редакціей къ съѣзду были изданы: «Труды черниговскаго предварительнаго комитета по устройству XIV археологическаго съѣзда. Черниговъ. 1908 г.» и «Каталогъ выставки при XIV археологическомъ съѣздѣ. Черниговъ 1908 г.». Кромѣ того, на съѣздѣ П. М. выступалъ съ докладами: о пещерахъ Елецкаго монастыря, о мѣстоположеніи несуществующихъ нынѣ храмовъ гор. Чернигова, о планѣ гор. Чернигова до распланированія города въ началѣ XIX вѣка, по поводу доклада священника о. А. Ефимова объ Олеговомъ полѣ и съ отчетомъ о дѣятельности черниговскаго предварительнаго комитета по устройству XIV съѣзда. Покойный сотрудничалъ во всѣхъ черниговскихъ изданіяхъ: «Черниговскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» и «Епархіальныхъ Извѣстіяхъ», «Черниговскомъ Словѣ» и «Земскомъ Сборникѣ», былъ корректоромъ черниговской земской типографіи и хорошо зналъ типографское дѣло. Въ послѣднее время покойный дѣятельно собиралъ матеріалы для своего обширнаго историческаго изслѣдованія о черниговской Троице-Ильинской типографіи, но за болѣзнью и смертью этотъ трудъ остался не законченнымъ. Немалую цѣнность представляютъ составленные покойнымъ описи церковныхъ имуществъ, напр., черниговскаго кафедральнаго собора, Воскресенской церкви гор. Остра Черниговской губерніи и др. Покойный П. М. былъ знаткомъ церковнаго пѣнія, управлялъ многими хорами; П. М.

динъ изъ инициаторовъ открытія въ Черниговѣ церковно-пѣвческаго благотворительнаго общества. Одно время черниговское уѣздное земство поручило ему наблюдение и общее руководство за постановкою пѣнія въ начальныхъ школахъ уѣзда. П. М. Добровольскимъ возбужденъ интересный вопросъ о соединеніи всѣхъ черниговскихъ музеевъ въ одинъ, съ присвоеніемъ ему наименованія «Черниговскій городской музей памяти 1000-лѣтія гор. Чернигова». Въ Черниговѣ четыре музея: архивной комиссіи, губернскаго земства— «Украинскій музей имени В. В. Тарновскаго», епархіальное древлехранилище и городской музей, составившіяся изъ экспонатовъ выставки XIV археологическаго съѣзда въ Черниговѣ, пожертвованныхъ городу предварительнымъ комитетомъ его вмѣстѣ съ витринами и экранами, бывшими на выставкѣ. Но и до сихъ поръ вопросъ этотъ остается открытымъ, въ виду кое-какихъ недоразумѣній, возникшихъ въ мѣстной археологической средѣ. Въ декабрѣ прошлаго года, какъ бы предчувствуя кончину, П. М. подарилъ свою довольно обширную бібліотеку архивной комиссіи.

† Дриль, Д. А. Умеръ профессоръ Дмитрій Андреевичъ Дриль, извѣстный криминалистъ, извѣстный общественный дѣятель и популярный лекторъ. Рѣдкое болѣе или менѣе крупное начинаніе въ общественной жизни послѣдняго времени обходилось безъ его участія. Особенно, если это начинаніе вело къ благу малыхъ силъ, обездоленныхъ, нуждающихся. Въ лицѣ покойнаго было рѣдкое сочетаніе виднаго ученаго, человѣка кабинетной мысли и энергичнаго, крупнаго работника на общественной аренѣ. Какъ ученый, онъ своими трудами былъ извѣстенъ за границей (и даже едва ли не больше, чѣмъ на родинѣ), какъ дѣятеля, его знали въ самыхъ глухихъ углахъ Россіи и особенно столицы. Родился Д. А. въ 1846 г. Окончивъ курсъ московскаго университета по юридическому факультету и сдавъ магистерскій экзаменъ по уголовному праву, онъ поступилъ на медицинскій факультетъ. Видное мѣсто въ рядахъ ученыхъ онъ занялъ своей магистерскою диссертациею «Малолѣтніе преступники», цѣнной собранными въ ней матеріалами по психологіи и психофизиологіи преступниковъ. Уже въ первыхъ работахъ Дриль выступилъ горячимъ сторонникомъ такъ называемой новой итальянской школы въ уголовномъ правѣ, сдѣлавшей своей задачей изученіе преступника съ антропологической точки зрѣнія. Въ годъ защиты магистерской диссертациі, 1884 г., Д. А. избрали преподавателемъ уголовного процесса въ московскомъ университетѣ, но къ чтенію лекцій онъ тамъ не приступалъ. Въ теченіе ряда слѣдующихъ лѣтъ онъ выпустилъ въ свѣтъ нѣсколько научныхъ трудовъ по общей психологіи преступности, о психофизическихъ типахъ. Кромѣ того, онъ очень много работалъ, какъ публицистъ, во многихъ специальныхъ и общихъ органахъ печати: «Юридическомъ Вѣстникѣ», «Русской Мысли» и мн. др. Д. А. считался большимъ авторитетомъ по тюремновѣдѣнію. Во всѣхъ своихъ ученыхъ трудахъ онъ является рѣшительнымъ противникомъ классической школы уголовного права, считая, что преступность есть выраженіе врожденныхъ и пріобрѣтенныхъ аномалій въ душевнуй организаціи и нервной системѣ преступника. И преступника надо поэтому болѣе лечить, чѣмъ карать. Послѣднее время Д. А. занималъ постъ юрисконсульта министерства юстиціи, читая вмѣстѣ съ тѣмъ лекціи въ нѣ-

сколькихъ учебныхъ заведеніяхъ: психо-неврологическомъ институтѣ и др. Уголовное отдѣленіе с.-петербургскаго юридическаго общества и совѣтъ общества «Народный Политехникумъ» избрали его въ товарищи предсѣдателя, кромѣ того, онъ былъ предсѣдателемъ товарищества борьбы съ жилищной нуждой. (Некрологъ его: «Новое Время» 1910 г., № 12444).

† **Клементьевъ, Л. М.** Неожиданно скончавшійся 13 октября въ Тифлисѣ (отъ аппендицита) въ полномъ расцвѣтѣ силъ оперный артистъ Левъ Михайловичъ Клементьевъ завоевалъ себѣ видное имя какъ въ столицахъ, такъ и въ провинціи. Начавъ свою артистическую карьеру вслѣдъ за окончаніемъ образованія въ Петровскомъ коммерческомъ училищѣ на опереточной сценѣ С. А. Пальма въ Москвѣ въ 1891 году, онъ скоро былъ приглашенъ на сцену императорскаго московскаго Большаго театра, но оставался на ней всего около семи лѣтъ, перейдя на частныя сцены, сначала въ Москвѣ, потомъ въ Петербургѣ, выступивъ у насъ въ рядѣ оперъ въ консерваторіи и создавъ здѣсь, между прочимъ, одну изъ коронныхъ своей ролей Нерона въ одноименной оперѣ Антона Рубинштейна. Статный, атлетическаго сложенія Клементьевъ выдавался не только сценической внѣшностью, но и драматическимъ дарованіемъ. Его Неронъ, до мелочей обдуманнй типъ, поднялъ интересъ къ этой оперѣ, не отличающейся высокими художественными достоинствами. Его комическій талантъ выразился въ роли Бобыля въ «Снѣгурочкѣ» Римскаго-Корсакова. Репертуаръ Клементьева былъ обширенъ. Обладая сильнымъ голосомъ большаго діапазона, онъ могъ исполнять партіи героическаго, драматическаго и лирическаго тенора. Онъ пѣлъ и Радамеса въ «Аидѣ», и «Рауля въ «Гугенотахъ», и Каніо въ «Паяцахъ», и Донъ-Хозе въ «Карменъ». Онъ одинаково успѣшно передавалъ партіи Сабинина въ «Жизни за Царя», и Садко въ оперѣ того же названія, и Германа въ «Пиковой дамѣ», и Левко въ «Майской ночи», и Ленскаго въ «Евгеніи Онѣгинѣ»; и Чорта въ «Ночи передъ Рождествомъ» Римскаго-Корсакова. Если его передача и не всегда отличалась тонкостью отдѣлки деталей, то всегда импонировала публикѣ блестящей звучностью и общей талантливостью исполненія. Всегда жизнерадостный, большой балагуръ, прекрасный товарищ, онъ имѣлъ много друзей. (Некрологъ его: «Рѣчь» 1910 г., № 285).

† **Константиновскій, А. Ш.** 30 октября, послѣ непродолжительной болѣзни, скончался директоръ петербургскаго учительскаго института Александръ Ивановичъ Константиновскій: Покойный находился во главѣ института въ теченіе четырехъ лѣтъ и за это время успѣлъ сдѣлать многое для упорядоченія института. Онъ—сынъ священника, родился въ 1849 г. и по окончаніи курса въ рязанской духовной семинаріи избралъ для своей дѣятельности педагогическое поприще, опредѣлившись учителемъ зарайскаго духовнаго училища. Черезъ два года поступилъ по экзамену на юридическій факультетъ петербургскаго университета, окончилъ университетскій курсъ и уѣхалъ въ Берлинъ въ качествѣ учителя сына бывшаго посла П. А. Сабурова. Одновременно состоялъ чиновникомъ по департаменту торговли и мануфактуръ при российскомъ посольствѣ въ Берлинѣ. Съ 1882 г. началась преподавательская дѣятельность покойнаго въ Юрьевѣ. Сперва онъ былъ учителемъ русскаго

языка и исторіи въ мѣстномъ реальномъ училищѣ, черезъ десять лѣтъ инспекторомъ училища. Въ это время имъ изданы двѣ книжки, приспособленныя для класснаго чтенія учениковъ Прибалтійскаго края, недостаточно владѣвшихъ тогда русскимъ языкомъ: «Разказы Н. В. Гоголя» изъ «Мертвыхъ душъ» и «Повѣсти Лермонтова» изъ «Героя нашего времени». Къ книжкамъ были приложены русско-нѣмецкіе словари. Въ Юрьевѣ же покойный былъ председателемъ правленія и почетнымъ членомъ русской публичной библіотеки и председателемъ русскаго учительскаго кружка «Родникъ». Въ 1895 г. А. И. былъ назначенъ директоромъ псковской учительской семинаріи. Его стараніями къ учительской семинаріи была приписана безприходная церковь, введено преподаваніе ручного труда, устроены литературно-музыкальные вечера и открыта ученическая столовая. Во Псковѣ онъ принялъ широкое участіе въ мѣстной жизни, председательствовалъ въ педагогическомъ совѣтѣ женской гимназіи, былъ членомъ губернскаго и уѣзднаго училищнаго совѣта, членомъ правленія мѣстнаго миссіонерскаго общества, председателемъ правленія и почетнымъ членомъ общества вспомошествованія учащимъ и учившимъ въ начальныхъ училищахъ Псковской губерніи. Кромѣ того, А. И. въ качествѣ члена правленія городскаго и уѣзднаго комитетовъ попечительства о народной трезвости завѣдывалъ всѣми учрежденіями этихъ комитетовъ и дѣятельно велъ борьбу съ народнымъ пьянствомъ. Одновременно завѣдывалъ дѣтскимъ интернатомъ для безпріютныхъ дѣтей при домѣ трудолюбія, за что былъ избранъ въ почетные члены правленія благотворительнаго при домѣ трудолюбія общества. Въ 1902 г. А. И. участвовалъ на петербургскомъ съѣздѣ преподавателей палестинскихъ учебныхъ заведеній для выработки программъ и правилъ по устройству учительскихъ семинарій въ Святой Землѣ, а съ 1906 г. переселился въ Петербургъ. Находясь во главѣ с.-петербургскаго учительскаго института, покойный состоялъ въ то же время членомъ с.-петербургскаго губернскаго училищнаго совѣта. Какъ человекъ, онъ отличался замѣчательной трудоспособностью и доброжелательствомъ. Его имя тѣсно связано съ развитіемъ и процвѣтаніемъ многихъ просвѣтительныхъ учрежденій и память о немъ будетъ долго жить среди знавшихъ и любившихъ его. (Некрологъ его: «Новое Время» 1910 г., № 12443).

† **Кояндеръ, А. И.** 23 ноября въ Швейцаріи, въ Уши, скоропостижно скончался нашъ посланникъ въ Португаліи тайный совѣтникъ Александръ Ивановичъ Кояндеръ. Покойный былъ однимъ изъ самыхъ старѣйшихъ дипломатовъ. По окончаніи Лазаревскаго института восточныхъ языковъ онъ поступилъ въ 1866 году въ азиатскій департаментъ министерства иностранныхъ дѣлъ и вскорѣ затѣмъ былъ командированъ въ наше посольство въ Константинополь. Въ 1870 году А. И. переведенъ въ нашу мисію въ Пекинѣ. Въ 1874 году въ виду отъѣзда нашего посланника при пекинскомъ дворѣ г. Влангали онъ вступилъ въ управленіе миссіей. Большой тактъ, выдающіяся дарованія обратили на молодого дипломата особое вниманіе, и изъ секретарей миссии его назначили русскимъ посланникомъ въ Черногорію. Въ 1883 году А. И. былъ переведенъ на отвѣтственный постъ дипломатическаго агента въ Болгаріи. Это совпало какъ разъ со смутнымъ періодомъ болгарской исторіи, когда у

власти находился Александръ Баттенбергскій, причинившій дипломатіи немало хлопотъ и вызвавшій значительныя осложненія. Въ 1886 г. Коандеръ былъ переведенъ нашимъ дипломатическимъ представителемъ въ Египетъ. Въ 1902 г. покойный былъ назначенъ нашимъ посланникомъ при португальскомъ дворѣ. Покойный отличался большой доступностью, прекрасно относился къ своимъ подчиненнымъ и, благодаря своимъ личнымъ качествамъ, пользовался любовью какъ среди русскихъ дипломатовъ, такъ и среди своихъ иностранныхъ коллегъ. Повсюду, гдѣ покойный представлялъ Россію, онъ съ твердостью государственнаго человѣка и съ сознаниемъ собственнаго достоинства отстаивалъ интересы своей родины. Покойный скончался 63 лѣтъ отъ роду отъ разрыва сердца. (Некрологъ его: «Новое Время» 1910 г., № 12439).

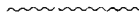
† **Коцовскій, Н. Д.** Отъ воспаления въ легкихъ скончался бывшій профессоръ горнаго института Николай Дмитриевичъ Коцовскій. Смерть постигла его въ сравнительно молодыхъ годахъ и какъ разъ въ то время, когда покойный занялъ такое общественное положеніе, при которомъ могъ принести отечественному горному дѣлу немало пользы. Вопреки русскому обычаю прекращать по достиженіи извѣстнаго, небольшого возраста всякую дальнѣйшую работу надъ собой, Н. Д. Коцовскій, можно сказать, до самаго послѣдняго дня своей жизни не только работалъ на службѣ, но учился, слѣдя за всѣмъ новымъ, что появлялось въ области горной промышленности. По складу души своей покойный не былъ теоретикомъ-ученымъ, но зато обладалъ рѣдкими качествами рудничнаго инженера-практика. Судьба сдѣлала Н. Д. профессоромъ горнаго искусства, но и въ этой, можетъ быть, не столь родственной ему сферѣ онъ сумѣлъ занять такое положеніе, которое сдѣлало его однимъ изъ самыхъ видныхъ представителей горнаго института. Въ лекціяхъ своихъ покойный всегда стремился дать своимъ слушателямъ не теоретическій анализъ вопроса, а здоровое практическое освѣщеніе его, и въ этомъ отношеніи занималъ среди остальныхъ профессоровъ вполне опредѣленное положеніе. вмѣстѣ съ тѣмъ покойный отличался необыкновенно строгимъ отношеніемъ къ себѣ, какъ къ профессору. Горный институтъ былъ для него святыней, и онъ совершенно не понималъ тѣхъ изъ своихъ товарищей-профессоровъ, которые смотрѣли на институтскія кафедры, какъ на средство для занятія политиканствомъ. Въ мрачный періодъ жизни горнаго института Н. Д. Коцовскій, занявшій уже постъ директора, долженъ былъ покинуть Горный институтъ, такъ какъ рыцарски-вѣрное долгу гражданина самосознаніе покойнаго не позволяло ему итти на какія-либо уступки освободительнымъ вѣнціямъ, воцарившимся въ институтѣ. Тяжело было покойному разстаться съ профессорскою дѣятельностью, которой онъ отдалъ всѣ свои силы и лучшіе годы своей жизни, но онъ не колеблясь сдѣлалъ это и, занявъ мѣсто члена совѣта министра финансовъ и члена горнаго ученаго комитета, всецѣло отдался этой новой для себя дѣятельности, въ которой сразу занялъ замѣтное положеніе. Какъ человѣкъ, Н. Д. Коцовскій отличался рѣдкой добротой, за которую нерѣдко приходилось горько расплачиваться, что, однако, не останавливало покойнаго отъ дальнѣйшихъ проявленій этой же доброты и довѣрчивости. Какъ вокругъ всякаго крупнаго человѣка, и вокругъ имени Н. Д. Коцовскаго сплелся огромный клубокъ хорошихъ,

но также и отрицательных мнѣній, но теперь, стоя у открытаго гроба почившаго, нельзя не вспомнить съ искренней любовью всего того хорошаго и свѣтлаго, что имъ сдѣлано, и только теперь, можетъ быть, со всею ясностью можно почувствовать огромную потерю, понесенную въ лицѣ его русскимъ горнымъ дѣломъ. Лица, подобныя покойному, встрѣчаются рѣдко. (Некрологъ его: «Новое Время» 1910 г., 12426).

† **Лихачевъ, В. С.** 5 ноября скончался писатель-поэтъ и переводчикъ Владимиръ Сергѣевичъ Лихачевъ, бывший сотрудникъ газеты «Новое Время». Ему принадлежатъ множество стихотвореній самостоятельныхъ и переводныхъ, наиболѣе же онъ извѣстенъ переводами въ стихахъ комедій Мольера «Тартюфъ» и «Школа-женъ», отмѣченныхъ академіей наукъ почетнымъ отзывомъ и Пушкинской преміей. Его стихотворенія изданы отдѣльной книгой «За двадцать лѣтъ». Покойный родился 6 февраля 1849 г. въ Полтавѣ. Отецъ его калужанинъ. Начальное образованіе получилъ дома, среднее въ полтавской гимназій, высшее въ петербургскомъ и харьковскомъ университетахъ, изъ которыхъ послѣдовательно былъ уволенъ за невзносъ платы. Литературными занятіями В. С. сталъ увлекаться съ гимназической скамьи. Отецъ его былъ большой любитель играть на сценѣ, имѣлъ порядочную театральную библіотеку и устраивалъ часто любительскіе спектакли. Юношей В. С. перечиталъ всю библіотеку отца и перебивалъ на всѣхъ репетиціяхъ и спектакляхъ. Его влекла драматическая литература, особенно мелодрамы. Первыми его произведеніями были полныя всякихъ ужасовъ драмы и трагедіи изъ испанскаго и французскаго быта. Въ печати онъ выступилъ въ 1869 г. стихотвореніемъ «Осрамила». Затѣмъ онъ писалъ во всѣхъ видахъ, имѣя наибольшую склонность къ драматической формѣ. Въ своихъ многочисленныхъ стихотвореніяхъ покойный особенно заботился о чистотѣ русскаго языка, достаточно уже искаженнаго не только въ житейскомъ обиходѣ, но и въ литературѣ. Онъ былъ однимъ изъ дѣятельныхъ участниковъ кружка К. К. Случевскаго и сотрудникомъ издававшагося имъ сатирическаго стихотворнаго журнала «Словцо». Литературной дѣятельности В. С. посвящалъ только досуги своей продолжительной службы въ м-вѣ финансовъ по департаменту государственнаго казначейства. Въ «Новомъ Времени» онъ сотрудничалъ въ теченіе почти десяти лѣтъ. Увлеченный такъ называемымъ «освободительнымъ» движеніемъ, В. С. вышелъ въ отставку и въ послѣдніе годы работалъ въ нѣсколькихъ періодическихъ изданіяхъ. Умеръ онъ 61 года послѣ мучительной болѣзни (ракъ), заставившей его прибѣгнуть къ операціи. Какъ человекъ, покойный отличался большимъ доброжелательствомъ и сердечностью. (Некрологъ его: «Новое Время» 1910 г., № 12448.)

† **Стеффенъ, І. И.** Въ ночь на 27 октября скончался извѣстный владѣлецъ фотографическихъ складовъ въ Петербургѣ и въ Москвѣ І. И. Стеффенъ, 53 лѣтъ. Покойный основалъ свое дѣло еще тогда, когда почти не существовало любительской фотографии, и былъ пионеромъ въ дѣлѣ распространенія фотографическихъ знаній среди широкой публики. Своею добросовѣстностью и серьезнымъ отношеніемъ къ дѣлу І. Стеффенъ составилъ себѣ крупное имя среди фотографовъ-любителей и профессионаловъ въ столицахъ и въ провинціи и развилъ свое дѣло настолько, что фирма его стала первокласс-

ною въ Россіи. Покойный, между прочимъ, основалъ популярный журналъ по практической фотографіи «Фотографическія Новости», который издается уже въ теченіе четырехъ лѣтъ. (Некрологъ его: «Новое Время», 1910 г., № 12441).

I.

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

Въ журналѣ «Историческій Вѣстникъ», въ книгѣ за августъ мѣсяцъ этого года помѣщена статья г-на С. И. Игнатъева подъ заглавіемъ «Наши востоковѣды» (по поводу возникновенія новаго общества русскихъ ориенталистовъ въ С.-Петербургѣ) На стр. 610-й авторъ пишетъ: «Новые ориенталисты свое общество только что открыли въ Россіи, на Востокъ же они себя уже отчасти зарекомендовали изданіемъ своего журнала «Вѣстникъ Азіи», въ которомъ чувствовалась замѣтная потребность». Эти слова автора не соотвѣтствуютъ дѣйствительности, и авторъ къ-мъ-то былъ введенъ въ заблужденіе.

Дѣло въ томъ, что въ Харбинѣ (Манчжурія) уже 2-й годъ существуетъ «общество русскихъ ориенталистовъ въ Манчжуріи» (уставъ о-ва утверждёнъ въ началѣ 1909 года, былъ переработанъ согласно требованіямъ мѣстныхъ условій и вновь утверждёнъ 31 мая 1910 года), которое издаетъ свой журналъ «Вѣстникъ Азіи», имѣетъ бібліотеку и небольшой музей по Дальнему Востоку, но пока никакой связи съ новымъ «обществомъ русскихъ ориенталистовъ въ С.-Петербургѣ» (уставъ О-ва утверждёнъ 12 января 1910 г.) не имѣло и не имѣетъ.

Членъ совѣта общества русскихъ ориенталистовъ въ Манчжуріи

А. Волобянъ.

II.

Въ августовской книгѣ «Историческаго Вѣстника» помѣщена замѣтка доктора Генр. Родзевича о разныхъ анекдотахъ, долженствующихъ доказать яко бы незнаніе русскаго языка бывшимъ министромъ юстиціи графомъ Паленомъ.

Я служилъ въ департаментѣ министерства юстиціи, когда графъ Константинъ Ивановичъ былъ назначенъ съ должности псковскаго губернатора товарищемъ министра юстиціи. Могу положительно удостовѣрить, что произношеніе у него было не чисто русское, но говорилъ онъ по-русски совершенно правильно и писалъ прекрасно. Сообщенные г. Родзевичемъ анекдоты рѣшительно не достовѣрны, хотя почему-то повторяются, и мнѣ приходилось уже ихъ слышать и опровергать.

Знаю, что графъ Паленъ былъ студентомъ петербургскаго университета и окончилъ въ немъ курсъ.

Н. Галкинъ-Враской.

въ портъ она сѣла на первое отплывавшее судно. Сойдя въ Фолькстонѣ на англійской землѣ, она, не теряя времени, отправила свой багажъ на каботажномъ суднѣ, которое направлялось въ Кале. Черезъ два дня послѣ отъѣзда изъ Франціи она опять появилась, правильно разсуждая, что тѣмъ стремительнѣе будетъ ея возвращеніе, тѣмъ менѣе оно будетъ подозрительнымъ.

Изъ Кале на почтовыхъ лошадахъ она добралась до Парижа.

Между тѣмъ Брюсларъ и Изабелла, направляясь въ Суассонъ, на поворотѣ дороги наткнулись на отрядъ жандармовъ, которые шныряли въ окрестностяхъ, преслѣдуя шуановъ. Недовѣрчивые по своему ремеслу, они тотчасъ окружили этихъ путешественниковъ, обыкновенныхъ на первый взглядъ и подозрительныхъ при дальнѣйшемъ знакомствѣ. Проницательный начальникъ отряда безцеремонно разглядывалъ ихъ.

На каждый вопросъ Брюсларъ отвѣчалъ увѣреннымъ тономъ, съ видомъ простачка; онъ умѣлъ держать себя въ такихъ случаяхъ. Изабелла, сидя позади его на мѣшкѣ съ морковью, не двигалась, опутивъ глаза; вдругъ она осмѣлилась поднять голову и улыбнуться унтеръ-офицеру.

Это былъ высокій тридцатилѣтній малый, очень гордившійся своимъ ростомъ, силой, усами, извѣстный своими успѣшными деревенскими любовными похождениями.

Благородная дѣвушка окинула его однимъ изъ тѣхъ своихъ чудодѣйственныхъ взглядовъ, обаянію которыхъ никто не могъ противостоять.

Эффектъ получился немедленный и очень дѣйствительный.

Жандармъ вздрогнулъ и тотчасъ переиначилъ свой суровый видъ на болѣе привѣтливый. Смягчившись почти до благоволенія, изогнувъ станъ, онъ изрекъ:

— Отлично; я рѣшительно увѣренъ, что вы мирные жители... Дорога открыта вамъ, какъ и другимъ. Ступайте... Но предупреждаю васъ, что, возвращаясь черезъ Сень-Жанъ, я нанесу вамъ визитъ, «по обязанности... и по чувству».

— Итакъ, возвращайтесь къ своимъ дѣламъ; мы вернемся къ своимъ. Гдѣ вы живете въ Сень-Жанъ?

— Передъ монастыремъ, рядомъ съ гостиницей, — живо отвѣтила Изабелла.

— Каждый встрѣчный покажетъ вамъ нашъ домъ, — подтвердилъ Брюсларъ.

— Отлично, до скорого свиданія; я въ восторгѣ отъ нашей встрѣчи, мадемуазель, — при этомъ комплиментѣ онъ наклонился самымъ элегантнымъ образомъ и поѣхалъ съ своими людьми, которые и восхищались имъ и завидовали одновременно.

Когда жандармы скрылись пзъ виду, онъ обернулся къ молодой дѣвушкѣ:

— Однако, задалъ онъ намъ жару!.. Не понимаю, отчего онъ такъ быстро переѣмѣлся.

— А я понимаю,—глухо отвѣтила молодая дѣвушка.

— Почему же?

— Я взглянула на него!—просто отвѣтила она.

Брюсларъ улыбнулся и задумался; черезъ секунду онъ добавилъ:

— Да, красота это могучее оружіе!

Послѣ нѣсколькихъ тревогъ, но менѣе важныхъ, отъ которыхъ они благополучно отдѣлались, благодаря своему хладнокровію, они пріѣхали въ Суассонъ. Тамъ они разстались, разсудивъ, что оставаясь вмѣстѣ, они удваивали опасность.

Изабелла отправилась въ Парижъ, а Брюсларъ направился черезъ Валонъ къ м-ль Дотвиль, которая была счастлива оказать ему пріемъ.

Въ это же время драма, полная отчаянія, слезъ и криковъ неутѣшной вдовы, нарушила веселое времяпровожденіе императорскаго двора въ Рамбулье.

Въ одно утро туда дошла вѣсть объ отчаянной стычкѣ въ замкѣ д'Этіоль и о смерти капитана де-Кастеле. Жозефина не желала никому уступить печальный и тяжелый трудъ извѣстить свою придворную даму о постигшемъ ея несчастіи. Она сама пошла къ ней въ сопровожденіи Гортензіи и Полины Боргезе.

Луиза была очень удивлена, когда императрица, королева и принцесса увели ее въ паркъ; въ особенности ее поразили ихъ серьезный, сосредоточенный видъ.

— Дитя мое, моя милая, бѣдная Луиза,—нѣжно заговорила Жозефина,—я должна сообщить тебѣ печальную вещь... Сумѣешь ли ты выслушать ее мужественно?

Молодая женщина поблѣднѣла и сжала руки.

— Ваше величество!.. Что такое? Франсуа.. мой мужъ?..

— Да,—еще болѣе грустно продолжала императрица,—дѣло касается его.—Онъ встрѣтился съ Брюсларомъ, съ шуанами... было сраженіе и...

— Онъ раненъ?—вскрикнула та раздирающимъ голосомъ.

— Да,—отвѣтила Гортензія.

М-мъ де-Кастеле смотрѣла по очереди на нихъ широко раскрытыми глазами, стараясь прочесть въ ихъ взглядахъ истину; она тяжело дышала; слова сперлись въ сжатомъ горлѣ.

— Правду! Ради Бога, правду? Гдѣ онъ?.. Я пойду туда, я хочу его видѣть! отвѣчайте скорѣе...

Три высочайшія особы стояли молча.

Бѣдная Луиза поняла; съ страшнымъ крикомъ. «онъ умеръ!» она упала на колѣни передъ императрицей.

Жозефина склонилась къ ней, обняла ее и, прижавъ къ себѣ безутѣшную женщину, произнесла съ глубокимъ соболѣзнованіемъ:

— Да, мое несчастное дитя!

Въ отвѣтъ раздалось страшное рыданіе. Луиза повалилась на землю съ закрытыми глазами, вытянувъ руки. Полина и Гортензія бросились къ ней и стали поддерживать ее.

Вдругъ Луиза вскочила, вырвалась изъ ихъ объятій; она шаталась нѣсколько мгновеній, потомъ жестомъ поправила свою прическу и съ неподвижно устремленными впередъ глазами пошла къ замку.

— Дитя мое,—спросила ее императрица — куда ты идешь?

— Къ императору! Я хочу видѣть императора!

— Онъ ждетъ тебя,—сказала Полина.— Онъ также очень опечаленъ.

Наполеонъ былъ на террасѣ; издали онъ слышалъ крики и мысленно переживалъ разыгравшуюся тамъ сцену.

Не говоря ни слова, онъ протянулъ обѣ руки молодой женщинѣ и сжалъ крѣпко ея дрожавшія руки, поддерживая ее и не допуская упасть на колѣни. Онъ заговорилъ отрывисто, рѣзко, чтобы замаскировать волненіе, которое онъ испытывалъ:

— Луиза де-Кастеле, вашъ мужъ умеръ мужественно, за насъ, исполняя свой долгъ. Онъ завѣщалъ васъ мнѣ. Я беру васъ подъ свое покровительство... Я буду около васъ...

— Благодарю васъ, ваше величество!.. Я хочу просить васъ объ одной милости.

— Говорите, заранѣе соглашаюсь.

— Я хочу мстить... Брюслару, шуанамъ, убійцамъ... я посвящаю свою жизнь для ихъ погибели... я буду ихъ отыскивать, преслѣдовать, предавать... всѣми средствами... Я вдова, я свободна; я отдамъ все, я отдамся вся, душой и тѣломъ своей ненависти, своей мести, чтобы заставить плакать, кричать, страдать, умереть. Только при этомъ условіи я соглашусь жить!

Наполеонъ любовался ею. Онъ вездѣ и всюду любилъ проявленіе энергіи и воли; наконецъ, эта прелестная головка Греза, объятая гнѣвомъ и яростью, съ этимъ новымъ для него злобнымъ выраженіемъ лица, была дѣйствительно очаровательна.

— Пусть будетъ такъ!.. разъ это вамъ нравится... бесполезно было бы разубѣждать васъ... хотя вы встрѣтите много опасностей.

— Благодарю васъ, ваше величество! Устройте меня при Фушэ, Савари и другихъ...

— Хорошо, пока вы получите двадцать тысячъ ливровъ пенсіи; эта вамъ также будетъ полезна. А когда вашъ трауръ окончится, ваша печаль утихнетъ, ваша ненависть будетъ удовлетворена, тогда вы найдете при императрицѣ ваше мѣсто, которое вы, къ нашему

сожалѣнію, покидаете, незанятымъ. Теперь же, дитя мое, ступайте, поплачьте на свободѣ.

Черезъ три дня она явилась къ Фушэ.

— Ага! это вы?—сказалъ министр, оставшійся довольно равнодушнымъ къ горю вдовы (онъ видѣлъ ихъ много!). Вотъ вамъ совѣтъ... слѣдите особенно за Брюсларомъ и познакомьтесь съ нимъ; онъ очень любитъ хорошенькихъ женщинъ, а вы очень красивы... Юдионъ и Олофернъ... Это вѣчно. Только не поступайте легкомысленно, не скомпрометируйте насъ... вмѣсто того, чтобы помочь намъ... Иногда бываютъ обстоятельства... надо умѣть находиться...

— Я думаю, что доказала уже вамъ...

Фушэ усмѣхнулся.

— Разъ этого желаетъ императоръ, я преклоняюсь. Хотите Кантекора? Вы знаете его уже. Это одинъ изъ лучшихъ моихъ агентовъ; это онъ былъ во главѣ отряда въ Этиолѣ, гдѣ нашъ бѣдный капитанъ покончилъ свое существованіе,—произнесъ онъ мягче.—Если онъ не захватилъ Брюслара, то это не его вина, Да, я пришлю вамъ Кантекора; это самое лучшее, а я остаюсь къ вашимъ услугамъ. Кстати, гдѣ вы живете?

— Улица Монбланъ, 16, домикъ въ саду.

— Записалъ... Но еще разъ повторяю вамъ, вспомните о мухахъ, которыя попадаютъ въ сѣти паука. Особенно остерегайтесь дѣйствовать подъ внушеніемъ гнѣва; будьте осторожны; осторожность—это первое достоинство полицейскаго. До свиданія, сударыня!

Онъ проводилъ ее до двери и откланялся ей.

Она вышла такая же рѣшительная, какъ и прежде, несмотря на явное нерасположеніе министра полиціи; но она была бы слишкомъ малодушна, если бы такіе пустяки могли ее лишить бодрости.

У нея были свои планы и она берегла свои замѣтки еще со времени Сень-Клу, Компъена, также какъ Тюльери и Рамбулье; тамъ были записаны всѣ имена, остававшіяся для нея подозрительными.

Первымъ изъ нихъ былъ Гранли, эта необыкновенная личность которую, по ея мнѣнію, полиція не знала хорошо...

Затѣмъ, прежде всего шевалье Геренъ де-Брюсларъ, послѣдній шуанъ, человѣкъ, совершившій массу преступленій, убійца ея мужа.

Разбирая свои замѣтки, она ожидала Кантекора.

По инструкціи Фуше, онъ долженъ былъ вести игру съ этой сумасшедшей, дѣлать видъ, что исполняетъ ея приказанія, и ничего не предпринимать, потому что вѣроятно, что она задумала слѣдить за принцемъ.

За принцемъ? Касаться его принца? даже женщинъ, и притомъ хорошенькой... Ну, нѣтъ, чортъ возьми! Онъ, Кантекоръ, сумѣетъ помѣшать этому!

Твердо рѣшивъ провести эту шпіонку, онъ отдалъ себя въ ея распоряженіе тѣмъ болѣе охотно, что онъ зналъ, что на это предпріятіе были ассигнованы порядочныя средства.

Она приняла его, какъ стараго знакомаго, и тотчасъ же огорчила его своей горячностью. Она намѣтила сразу двадцать проектовъ: преслѣдовала Брюслара, объясняла козни шуановъ вокругъ императора, обвиняла и въ то же время защищала различныхъ лицъ, принадлежащихъ ко двору... Кантекоръ рѣшилъ, что она не слишкомъ опасна, не умна, взбалмошна, и постарался примѣниться къ ней, обращаясь съ ней, какъ съ ребенкомъ.

— Да... вы правы... есть какой-то тайный заговоръ... всѣ эти господа очень подозрительны... я говорилъ это Фушэ... онъ согласенъ съ нами... но императоръ желаетъ привлечь дворянство... но съ какой цѣлью они служатъ? Вотъ что важно знать!...

Луиза смотрѣла на него въ упоръ, нервно постукивая пальцами по столу.

— Я рассчитываю на васъ. Приходите ко мнѣ съ докладомъ и за приказаніями каждый день, въ десять часовъ утра.

Жеромъ Кантекоръ ошибся, не разобравъ, что Луиза обладала холодной и упорной рѣшительностью, скрывавшейся подъ легкомысленной вѣжностью; онъ не зналъ женщинъ и не вѣрилъ имъ.

Черезъ недѣлю Луиза де-Кастеле разобрала его, изучила, вывернула наизнанку, какъ перчатку; она знала, какую роль онъ хотѣлъ играть возлѣ нея, что никакой пользы онъ ей не принесъ бы.

Она, впрочемъ, не удалила его отъ себя, чтобы не вооружить противъ себя, но обратилась сейчасъ же въ другое мѣсто.

Савари тотчасъ командировалъ въ ея распоряженіе двухъ своихъ людей.

Одного изъ нихъ звали Жириль или По-то-розъ, другого Фруадмантель или Кале-Нуаръ. Они были изъ другого тѣста, чѣмъ Кантекоръ; менѣе солидны, быть можетъ, но болѣе хитры. Они умѣли носить элегантно платье и часто посѣщали Вефуръ и кафе де-Шартръ. Одинъ былъ блондинъ, высокаго роста; другой брюнетъ, толстый, средняго роста.

Оба они внимательно выслушивали ее и тотчасъ исполняли ея приказанія. Каждый изъ нихъ отдѣльно собиралъ свѣдѣнія и доносилъ о всемъ ей.

Между тѣмъ Кантекоръ убаюкивалъ свою «начальницу» ложными донесеніями и сообщеніями. Она все выслушивала, но давала ему все менѣе и менѣе денегъ. Тогда онъ сталъ рѣже являться къ ней; она не упрекала его. Онъ вообразилъ, что эта шальная голова перемѣнила причуды и отказалась отъ своей сложной мести.

Онъ пересталъ ходить къ ней, увѣривъ Фушэ, что маленькая Кастеле нашла утѣшеніе и перестала быть опасной.

Тогда, по свободному пути, Кале-Нуаръ и По-то-Розъ кинулись по намѣченнымъ слѣдамъ; очень скоро они достигли ушѣха: дѣло налаживалось отлично. Менѣе, чѣмъ черезъ мѣсяць, замокъ Пали, д'Этиоль, Вавилонская улица, предмѣстье Сентъ-Онорэ, переулокъ Мо-Вестю, Фоли-Бегоньеръ сдѣлались мѣстами ихъ частыхъ наблюдений.

Она знали, что въ Компьенѣ у Иммармоновъ скрывался таинственный раненый, имя, происхождение котораго они узнали менѣе чѣмъ въ двадцать четыре часа, благодаря свѣдѣнiямъ, которыя они получили въ замкѣ д'Этиоль; присутствiе этого человѣка въ замкѣ очень компрометировало хозяевъ.

Они отыскали слѣды путешествiя Брюслара между Суассономъ и Нормандiей, удостовѣрились въ его пребыванiи въ Валонѣ, обратили вниманiе на всѣ подробности его дѣйствiй во время стычки въ замкѣ д'Этиоль, и переговоровъ съ офицеромъ въ бѣломъ, попавшемъ болѣе или менѣе случайно въ эту скверную исторiю. Затѣмъ они взялись за эту живую загадку, именуемую Гранли, ходили по его стопамъ, поджидали у дверей, сопровождали по городу.

Каптекоръ не подозрѣвалъ ихъ; то были новички, и агентъ Фушэ зналъ ихъ, часто встрѣчалъ въ Пале-Роялѣ, у Вери, въ кафе Шартръ, въ различныхъ веселыхъ мѣстахъ и считалъ ихъ поэтому за людей праздныхъ, любящихъ удовольствiя, не заслуживавшихъ подозрѣнiй.

Фруадмантель и Жироль проникли къ часовщику Борану, подышали тамъ воздухомъ былыхъ интригъ и убѣдились, что старое жилище было пусто. Они пошли дальше и старательно изучили каждаго изъ десяти кадетъ императрицы, изучили ихъ поведенiе, связи, ихъ явныя намѣренiя и скрытые замыслы.

Такимъ образомъ они открыли:

1. Что графъ Эдмондъ де-Тейксъ былъ младшимъ братомъ раненаго въ Пали; братъ шуана могъ быть, весьма вѣроятно, и самъ причастенъ къ этой шайкѣ.

2. Что Жанъ де-Прэнгей и Жакъ д'Иммармонъ, виновные въ укрывательствѣ изгнаннаго мятежника, проводили время въ томъ, что вертѣлись около Гранли, который не обращалъ на нихъ вниманiя.

3. Что маркизъ Грeve де-Невантеръ казался прямодушнымъ и держалъ въ обществѣ вполнѣ благонамѣренныя рѣчи.

4. Что графъ Людвигъ де-Новаръ, раздраженный постоянной недохваткой денегъ, смѣялся надо всѣмъ на свѣтѣ, надъ имперiей такъ же, какъ и надъ королевствомъ.

5. Что Поль Рантиньи, этотъ большой розовый нормандецъ съ маленькими голубыми глазами, обожалъ всѣхъ женщинъ.

6. Что Бертранъ-ле-Микеле де-Маршъ любилъ только одну, Олимпiю Мартинзаръ, сестру офицера, дочь банкира, и что онъ скрывалъ эту любовь, несмотря на благосклонность своей дамы, такъ

какъ она обладала однимъ или двумя милліонами приданого, а онъ располагалъ только жалованьемъ.

7. Что Евгенийъ Мартинзартъ, братъ Олимпіи, велъ открытую жизнь, благодаря своимъ экю, и радовался, что живетъ въ такое хорошее время, на службѣ у великаго императора.

8. Что шевалье д'Орсимонъ спокойно жилъ въ семейной обстановкѣ у своихъ двухъ старыхъ тетокъ, которыхъ называли въ ихъ аристократическомъ предмѣстьѣ demuазель де-Воданкуръ или ихъ уменьшительными именами — Жюстина и Корина.

Все свое вниманіе По-то-Розъ и Кале-Нуаръ направили на Гранли. Они постоянно вертѣлись около него и замѣтили, что за нимъ, какъ тѣнь, теперь ходитъ Эдмондъ де-Тейксъ, всюду сопровождаетъ его. Они начали догадываться о той интригѣ, которая золотыми нитями своей тонкой сѣти опутывала этого страннаго офицера имперіи, постоянно эскортируемаго роялистами. Этотъ пунктъ казался имъ особенно важнымъ, и они чувствовали, что были на пути къ открытію какой-то таинственной драмы.

Луиза, блѣдная, съ горящими глазами, выслушала эти сообщенія и сосредоточенно обдумывала положеніе.

Она знала имена этихъ женщинъ: Изабелла д'Иммармонъ — дѣвушка знатнаго рода, сильно подозрѣваемая, и Діана д'Эгіоль, изгнанная въ ссылку, та, у которой мужъ ея умеръ подъ кинжалами шуановъ. Третья осталась невыясненной. Фруадмантель называлъ ее м-мъ изъ Бегоньеръ; Жироль — козырная дама; чувствовалось, что въ ней-то и была суть дѣла.

Но ни тотъ, ни другой не могли узнать ея имени. Они знали только, что она существовала, являлась, исчезала, знали, гдѣ она встрѣчалась съ этой мучавшей, терзавшей ихъ загадкой, кошмаромъ — Гранли.

Въ одну безсонную ночь Луиза де-Кастеле, лежа на своей вдовой постели, придумала западню, въ которую должны были попасть всѣ эти ночныя птицы, кружившіяся около императорскаго маяка. Она рѣшила дѣйствовать черезъ женщинъ; на этотъ разъ ненависть великолѣпно вдохновила ее. Она предупредила Савари тремя строчками:

«Одѣните мой домъ завтра, въ четвертъ, 29 августа, около полудня. Я отдамъ въ ваши руки живыми шайку шуановъ, мужчинъ и женщинъ — виновныхъ уже тѣмъ, что они собираются всѣ вмѣстѣ. Нѣкоторые состоятъ на службѣ императора. К.»

Утромъ 28 августа графъ де-Форасъ, его сынъ Эмери и маркизъ Орманси пали подъ французскими пулями въ Гренеллѣ.

Они стояли съ высоко поднятыми головами передъ взводомъ солдатъ и умерли какъ герои.

Слухъ о ихъ смерти тотчасъ же разнесся по Парижу; дрожь охватила городъ; онъ былъ уже утомленъ убійствами, не зная даже

именъ убитыхъ тешеръ, не возмущался ихъ виной, не считалъ ихъ преступниками.

Что сдѣлали они? Ничего. Заговоръ? Какъ бы не такъ! Не удался? Надо было посмѣяться надъ такимъ заговоромъ... Форасъ? его не знали. Его сынъ? говорили, что это еще ребенокъ.

Да, они шуаны, это правда, но ихъ такъ мало... Навѣрное, то были послѣдніе...

Поклонники императорскаго режима возражали:

— А Брюсларъ?

Да существуетъ ли этотъ Брюсларъ, котораго повсюду видятъ и не могутъ словить? Не воображаемое ли это страшилище для гражданъ, предлогъ для полиціи, для Фушэ, чтобы держать толпу въ страхъ передъ этими легендарными шуанами; чтобы оправдать всѣ эти исключительныя мѣры, принимаемыя ею?

Пускай покажутъ этого Брюслара. Но его не показывали.

Такимъ образомъ, эта казнь произвела дурное впечатлѣніе на населеніе. Толпа волновалась и когда появилась полиція, то ее осыпали свистками и метательными снарядами.

Весь день возбужденіе поддерживалось недовольными анонимами. Наверху не обращали на это вниманія или пожимали плечами.

Желѣзная рука не выпускала когтей. Въ средѣ собравшихся эмигрантовъ обнаружилось сильное волненіе. Осужденные на изгнаніе и оставшіеся все-таки въ Парижѣ, не подчиняющіеся, непокорные роялисты шумѣли въ своихъ погребкахъ, волновались, жестикулировали за стѣнами; негодованіе не исключало заботы объ осторожности. Очевидно было, что возбужденіе увеличивалось.

Тайное собраніе роялистовъ, безсильныхъ какъ всегда, но тѣмъ не менѣе не унывающихъ, казалось неизбежнымъ именно тешеръ и Луиза ухватилась за эту мысль. Поэтому-то генераль Савари, получивъ три строки посланія вдовы Кастеле, послѣшилъ отдать соответствующее приказаніе. Секретарь, который долженъ былъ исполнить распоряженіе, назначилъ начальникомъ посылаемаго отряда Фруадмантеля, иначе Кале-Нуара, что доставило этому огромное удовольствіе, привело въ восхищеніе Жироля и обрадовало Луизу.

Такимъ образомъ налаженное, хорошо обставленное предпріятіе должно было увѣнчаться успѣхомъ. Они учли все это; въ ожиданіи надо было все подготовить какъ слѣдуетъ, и они занялись этимъ.

Въ этотъ же день было написано различнымъ лицамъ нѣсколько писемъ, которыя на другое утро и были доставлены по назначенію. Полина Боргезе получила первая: письмо было безъ адреса, безъ имени и попало къ ней при очень странной обстановкѣ.

Три дня тому назадъ дворъ переѣхалъ изъ Рамбулье; императоръ призывалъ всѣхъ въ Парижъ въ вѣдствіе важнаго дипломатическаго осложненія съ Пруссіей; въ воздухѣ чувствовалось приближеніе грозы.

Полина, побуждаемая своимъ братомъ вернуться въ Римъ, занялась эти послѣдніе дни безчисленными покупками въ магазинахъ Парижа.

На самомъ дѣлѣ она отправлялась каждое утро въ Фоли-Бегоньеръ, гдѣ ее ожидалъ уже Гранли.

Оба они чувствовали близкую разлуку, и свиданія ихъ омрачались печалью. Ожидалось объявленіе войны со всѣми ей случайностями. Если она открывала впереди широкой просторъ и славу, то скрывала также много неизвѣстнаго и мрачнаго.

Они очень хотѣли бы обмануть себя мечтами о прекрасномъ будущемъ, но мысли ихъ были грустны и безотрадны. Можетъ быть, это было предчувствіе, что они переживаютъ послѣдніе дни ихъ любви. Полина шла еще дальше въ своихъ мысляхъ. Однажды утромъ, въ среду, итальянка Марія, проходя по саду, увидѣла на серединѣ аллеи сложенную бумагу, привязанную къ камню, который былъ брошенъ изъ-за рѣшетки.

Она подняла ее.

На бумажкѣ была написаны два слова:

«Для дамы».

Марія отнесла находку принцессѣ. Полина, очень удивленная, развернула и прочла:

«Вашъ другъ находится въ большой опасности. До скорого свиданія въ три съ половиною часа, улица Монбланъ, 16. Приходите, если любите». Подписано «Вѣрный».

Ея королевское высочество нахмурило брови; она заподозрѣла ловушку и встревожилась.

Принцъ не приходилъ до сихъ поръ, несмотря на то, что они условились о свиданіи. Считаая минуты, часы, она все сидѣла въ креслѣ, держа на колѣняхъ развернутую записку.

По мѣрѣ того, какъ время шло, лицо ея омрачалось.

Когда пробило полдень, она встала, позвала Марію, затѣмъ онѣ вышли изъ дому, какъ всегда закутанныя густыми вуалями, дошли до экипажа, стоявшаго въ ста метрахъ отъ дома, и поѣхали.

За завтракомъ у своей сестры Каролины Мюратъ въ замкѣ Нельи Полина не раскрывала рта.

Ея озабоченный видъ бросился въ глаза всѣмъ, но она не скрывала его, придумавъ какую-то отговорку.

Въ это же утро Гранли также получилъ записку. Она гласила:

«Берегитесь, за вами слѣдятъ. Оставайтесь сегодня утромъ дома, иначе васъ ожидаютъ неприятели. До скорого свиданія въ три съ четвертью часа, улица Монбланъ, 16; приходите спокойно. Форасъ вопіеть о мщеніи. Брюсларъ пріѣзжаетъ. Другъ».

Принцъ былъ заинтригованъ. Онъ вертѣлъ на всѣ стороны эту бумажку, стараясь догадаться, что бы это значило, и внимательно разсматривалъ почеркъ; почеркъ былъ женскій несомнѣнно.

Марія? Онъ не могъ допустить, чтобы она могла такъ изячно и правильно писать; очевидно, письмо было написано образованной женщиной. Но къмъ? Вдругъ ему пришла въ голову мысль о Кантекорфъ. Этотъ полицейскій, казавшійся ему очень страннымъ, покровительствовалъ ему съ какой-то неизвѣстной цѣлью, быть можетъ, вѣроломной.

Принцъ не выходилъ въ это утро, съ нетерпѣніемъ ожидая полудня.

Въ такомъ же настроеніи находились Тейкесъ, д'Иммармонъ и Пронгей, распечатывая письма, поданныя имъ около полудня.

«До скорого свиданія въ три часа, улица Монбланъ, 16; Гранли въ опасности; ловушка. Все извѣстно. Брюсларъ предупрежденъ».

Записки были безъ подписи.

Они вообразили, что это послѣдствіе казни, происшедшей наканунѣ; ихъ считали за роялистовъ, на которыхъ дѣлали теперь облаву, безошадно арестовывали, бросали въ Вонсенъ, предавали военному суду.

Они вообразили, что принцъ, который отличался презрѣніемъ къ опасностямъ и который давно уже скрывался отъ императорской полиціи, былъ завлеченъ теперь въ западню, навстрѣчу своей гибели, если онъ снизойдетъ защищаться.

Они тотчасъ рѣшили бѣжать туда, куда ихъ звали, не разсуждая, что ихъ ожидало.

Съ того рокового дня, потерявъ довѣріе и дружбу своего короля, они потеряли также право и возможность защищать его, прикрыть своимъ тѣломъ его тѣло и умереть за него. Теперь представлялся благоприятный для этого случай.

Въ это же время маркиза Діана д'Этиоль получила въ своемъ убѣжищѣ, въ улицѣ Пруверъ, письмо такого же содержанія, какъ и предыдущія, подписанное: «Гранли».

Она поблѣднѣла отъ радости.

Въ ущербъ своей безопасности, со времени возвращенія въ Парижъ, она вертѣлась около принца и, потерявъ голову отъ любви къ нему, надѣдала ему встрѣчами и постоянными письмами.

Изабелла д'Иммармонъ подражала ей въ этомъ. По пріѣздѣ въ Парижъ, она остановилась у старой, глухой родственницы, которая предоставила ей помѣщеніе въ своемъ домѣ.

Молодая дѣвушка тоже сосредоточила свое вниманіе на Вавилонской улицѣ, служившей ей, какъ и Діанѣ, притягательнымъ центромъ.

Она получила такое же приглашеніе, подписанное тѣмъ же именемъ, какъ и Діана; она также кинулась къ туалету, желая явиться на это свиданіе во всеоружіи красоты и изящества.

Изъ всѣхъ приглашенныхъ на таинственное свиданіе въ улицу Монбланъ, никто не отказался отъ пригласенія итти, хотя нѣкоторые и подозревали злой умыселъ.

Три часа дня, 16, улица Монбланъ.

Возлѣ австрійскаго посольства находился небольшой домикъ въ два этажа, съ небольшимъ, узенькимъ дворикомъ передъ нимъ за золоченой рѣшеткой со стороны улицы и большой каменной стѣной позади сада, за домомъ.

Въ глубинѣ сада, черезъ маленькую дверцу былъ выходъ въ переулочекъ, поросшій травой, который отдѣлялъ частные дома отъ особняковъ принцевъ Орлеанскихъ и Монтесопъ.

Черезъ эту дверцу Фруадмантель, Жироль и десять агентовъ тайной полиціи Савари прошли въ домъ, гдѣ Луиза де-Кастеле спрятала ихъ въ комнатѣ второго этажа. Тамъ они усѣлись въ покойныя кожаныя кресла вокругъ карточнаго столика, покрытаго зеленымъ сукномъ, на которомъ покойный капитанъ любилъ перекинуться въ карты со своими друзьями.

Полицейскіе, соблазненные подходящей обстановкой, рѣшились развлечься игрой въ кости и бириби.

Жироль все время выигрывалъ. Часы протекали незамѣтно въ этомъ пріятномъ развлеченіи. А въ это время внизу вдова Кастеле, какъ иногда она называла себя, готовилась къ приему гостей.

Она надѣла широкій чепецъ, скрывшій ея бѣлокурые волосы, по которымъ легко было ее узнать; сверху она накиннула кружево, падавшее на лобъ и закрывавшее глаза. Въ своемъ черномъ, простомъ вдовьемъ платьѣ она оставалась чѣмъ-то неопредѣленнымъ, среднимъ между барыней и служанкой на всѣ роли.

Когда приблизился назначенный часъ, она стала топтать ногами отъ нетерпѣнія.

Наконецъ на сосѣдней башнѣ пробили часы, и одинъ за другимъ прошли въ пріоткрытую дверь: сначала Прэнгей и д'Иммармонъ, затѣмъ графъ де-Тейксъ; потомъ закутанная вуалью дама, оказавшаяся Изабеллой, и наконецъ еще женщина, также въ густой вуали, Діана.

Служанка молча провела всѣхъ этихъ героевъ. На самомъ дѣлѣ эта служанка была Луиза де-Кастеле, и слуга въ красной курткѣ и бѣломъ передникѣ—Фруадмантель.

Всѣ были удивлены этой обстановкой и немного обезпокоились.

— Графъ де-Тейксъ, не знаете ли вы, что это все значитъ?—спросилъ его Жакъ д'Иммармонъ.

— Я получилъ письмо, — отвѣтилъ молодой графъ, — въ которомъ было написано, что Гранли въ опасности... назначенъ часъ... данъ этотъ адресъ... вотъ и все. Я пришелъ.

— Такъ же, какъ мы, — отвѣтилъ Прэнгей. — Мы получили такое же письмо... и тоже явились. Въ чемъ разгадка?

— Увы! — сказалъ Тейксъ, который подъ впечатлѣніемъ вчерашней казни, былъ мрачно настроенъ и все преувеличивалъ; — не позволилъ ли себѣ принцъ какой-нибудь рѣзкой выходки: быть мо-

жетъ, онъ сорвалъ маску и погубилъ сразу и себя, и свое дѣло! Это очень правдоподобно!

Оба кузена поникли головами. Вдругъ Ирэнгей топнулъ ногой.

— Что же мы дѣлаемъ здѣсь въ концѣ концовъ?

Оба отвѣчали ему неопредѣленнымъ жестомъ, обозначающимъ: «мы ждемъ».

Виконтъ продолжалъ:

— Эти люди не солгали намъ... ловушка, дѣйствительно, но устроенная намъ... Послушайте... Наверху шумъ... Надъ нашими головами ходятъ... тяжелые шаги... много людей... Посмотрите: запираютъ ворота... На окнахъ рѣшетки... а у насъ нѣтъ даже шпагъ...

И дѣйствительно, собираясь на это свиданіе, три лейтенанта дворянскаго полка переодѣлись въ статское платье и были безоружны.

— Къ чему послужили бы наши шпаги?—замѣтилъ Тейксъ.— Чтобы рѣшиться на такой поступокъ среди бѣла дня, въ Парижѣ, надо имѣть данныя: очевидно, они сильны и имѣютъ полномочія. Мы заранѣе осуждены; остается спокойно скрестить руки.

Ихъ совѣщаніе было прервано появленіемъ маркизы д'Этіоль, вошедшей изъ двери направо, и м-ль д'Иммармонъ—изъ двери налево. Затѣмъ открылась средняя дверь и появился Гранли. Всѣ эти лица, неожиданно попавъ въ полутемное помѣщеніе, широко раскрывали глаза, но не могли ничего разглядѣть; снаружи ослѣпляло солнце, а въ этой комнатѣ было темно, какъ въ погребѣ. Трое молодыхъ людей, успѣвшіе уже привыкнуть къ этой темнотѣ, узнали принца, едва онъ перешагнулъ порогъ, и бросились къ нему.

Въ этотъ моментъ въ дверь, остававшуюся полуоткрытой, проскользнула третья женщина, подъ тройнымъ вуалемъ, и нервнымъ, быстрымъ шагомъ, почти ощупью прошла вдоль стѣны и въ глубинѣ комнаты прислонилась въ углу перегородки, противъ свѣта.

Въ шумѣ и суматохѣ этихъ неожиданныхъ появленій никто не замѣтилъ эту особу. Каждый пристально разглядывалъ другого, но безрезультатно.

Наконецъ Гранли заговорилъ, узнавъ де-Тейкса:

— Это вы, Эдмондъ! Ага! Я очень радъ! По крайней мѣрѣ я не одинъ въ этомъ осиномъ гнѣздѣ, потому что я думаю, что это осиное гнѣздо.

— Разсчитывайте на меня, ваше величество!

Далѣе принцъ различилъ передъ собою двѣ женскія тѣни и взволновался.

— Извините, сударыни, кто вы?

Одновременно и однимъ и тѣмъ же движеніемъ Изабелла и Діана сорвали покрывала, скрывавшія ихъ лица, и узнали другъ друга.

Воцарилось глубокое молчаніе.

Въ этомъ тѣсномъ пространствѣ сошлись всѣ человѣческія страсти: зависть, ревность, ненависть, удвоенная упорной злобой, и страстная любовь, раздѣленная, счастливая и несчастная, доведенная до крайности.

Наконецъ принцъ заговорилъ:

— Вокругъ себя я вижу лица не особенно враждебныя... Но не можетъ ли кто-нибудь объяснить мнѣ, зачѣмъ мы всѣ собрались здѣсь?

Въ это мгновеніе открылись двери направо, налево и въ глубинѣ комнаты; въ дверяхъ показались силуэты людей, стало свѣтлѣе.

Изъ средней двери съ шумомъ появились Фруадмантель, или Кале-Нуаръ, и Жироль, или По-То-Розъ.

Первый произнесъ:

— Именемъ императора, именемъ закона, я арестую васъ всѣхъ, господа!

— По какому праву?—спросилъ Гранли, поворачиваясь лицомъ къ ворвавшимся людямъ.

Но они не отвѣчали, разступаясь и освобождая проходъ молодой женщинѣ, великолѣпные бѣлокурые волосы которой загорѣлись подъ лучами солнца, падавшими изъ соседней комнаты.

Она вошла медленно, шелестя платьемъ, съ кошачьими ужимками, съ веселою улыбкой.

— Я пришла вамъ отвѣтить, объяснить вамъ, — заговорила она.— Это я все устроила; благодаря мнѣ, вы тутъ... на вашу гибель; клянусь вамъ!

При послѣднихъ словахъ ея горло перехватила судорога, и музыкальный голосъ ея сталъ хриплымъ. На минуту она закрыла глаза, перевела духъ; всѣ съ удивленіемъ смотрѣли на нее.

Кто была эта очаровательная молодая женщина, которая такъ ненавидѣла ихъ всѣхъ?

Успокоившись, красавица-блондинка заговорила снова:

— Слушайте меня и вы поймете: меня зовутъ Луиза де-Кастеле; я вдова капитана, который былъ убитъ шуанами мѣсяцъ тому назадъ въ замкѣ д'Этіоль...

Повернувшись къ Діанѣ, она добавила:

— У васъ, сударыня!

Діана подтвердила:

— Совершенно вѣрно!

Луиза продолжала:

— Теперь я, какъ вы видите, полицейскій агентъ, шпионка; вчера еще я была придворная дама императрицы Жозефины; я была также ея секретаремъ... и я видѣла и знаю много вещей... господинъ Гранли...

Всѣ вздрогнули. Лгала ли Луиза въ эту минуту или говорила наудачу, чтобы вывѣдать истину, — было неизвѣстно, но намекъ ея былъ ясенъ.

Всѣ молча поникли головой.

Кастеле продолжала рѣзкимъ голосомъ:

— Я поклялась, что отомщу всѣмъ вамъ за смерть моего мужа; недостаетъ теперь только Брюслара, но я разыщу и его. Ваша игра проиграна. Ваше присутствіе здѣсь, въ этомъ мѣстѣ, ваше единомысліе, ваша готовность отвѣчать на призывъ, когда упомянуто имя Брюслара или Фораса, все это уличаетъ васъ. Кромѣ того, каждый изъ васъ имѣетъ свой послужной списокъ. Слушайте дальше.

Она развернула бумагу и громко прочла пункты обвиненія.

— Кавалеръ де-Гранли... Каждому по заслугамъ, не правда ли?... Обвиняется въ томъ, что служить въ арміи подъ чужимъ именемъ; въ томъ, что вернулся во Францію, не имѣя права на это; въ томъ, что надѣлъ военную форму съ цѣлью лучше скрыть измѣну, которую онъ готовитъ, и государственный переворотъ, который замышляетъ. Все это будетъ доказано...

— Великолѣбно!—прошепталъ принцъ.

— Гранли,—продолжала вдова,—долженъ еще объяснить причину своего присутствія въ замкѣ д'Этіоль, въ тотъ вечеръ, когда мятежники съѣхались туда подъ предводительствомъ Брюслара. Недостаточно будетъ одного утвержденія, что его привлекли прелести хозяйки дома, несмотря на легендарную красоту этой благородной дамы.

— Спасибо,—уронила Діана, сохраняя все свое хладнокровіе.

Принцъ возвысилъ голосъ:

— Сударыня, я не вступаю въ споръ съ женщинами, въ особенности съ неутѣшными вдовами. Все, что вы сейчасъ изложили, все это требуетъ опроверженія; мы ждемъ судей.

— Вы дождетесь ихъ,—отвѣтила Луиза, обворожительно улыбаясь:—разсчитывайте вполне на нихъ. Все это для Гранли. Его сообщники...

Глухой ропотъ раздался въ группѣ, которая начинала терять терпѣніе.

— Поменьше фразъ!—крикнулъ Прэнгей, несмотря на свою благовоспитанность.

Луиза продолжала невозмутимо:

— Его сообщники: виконтъ Жакъ д'Иммармонъ, графъ Жанъ де-Прэнгей, оба прежніе эмигранты, терпимые во Франціи... Вы оба слѣдите за судьбой Гранли, помогаете въ его усиліяхъ, дѣлите его надежды. Онъ жилъ у васъ, въ Компьенѣ, нѣсколько дней; въ Парижѣ вы никогда не оставляете его одного, какъ и подобаетъ зоркимъ стражамъ; м-ль д'Иммармонъ, кажется, внесла нѣкоторый раздоръ въ этой дружбѣ. Братъ и женихъ, графъ де-Прэнгей, какъ говорятъ, уступили ему свои права.

При этомъ намекѣ молчаливая дама въ вуалѣ, все время притавшаяся въ глубинѣ комнаты, прошептала подъ кружевами:

— Слишкомъ ужъ много женщинъ!

Никто, конечно, не слышалъ этого замѣчанія, такъ какъ д'Иммармонъ отвѣчалъ уже своей обвинительницѣ:

— Мы, очевидно, попали въ ловушку; сопротивленіе ни къ чему не поведетъ, мы это знаемъ. Не продолжайте. Пусть насъ отведутъ въ Венсенъ или другое мѣсто... Но не берите на себя роль цѣлаго судебнаго трибунала. Вамъ это не удастся, вы плохо ведете ее. Все то, въ чемъ вы упрекаете насъ, не существуетъ... Развѣ это преступленіе или ошибка даже быть другомъ офицера императора, какъ и мы, принимать его въ своемъ домѣ, открыто, никого не стѣсняясь?

— Развѣ это ошибка или преступленіе прятать въ своихъ стѣнахъ, приютить подъ своимъ кровомъ графа Армана де-Тейкса, принца де-Круа, компаньона Брюслара, раненаго въ стычкѣ въ Этиолѣ, скрыть его, дать ему возможность бѣжать переодѣтымъ черезъ границу? Развѣ это ошибка или преступленіе дѣйствовать такимъ образомъ вамъ, офицерамъ императора? Отвѣчайте, — обрѣзала Луиза съ торжествующимъ видомъ:

Всѣ молчали, опустивъ головы. Эта женщина знала, очевидно, слишкомъ много. Черезъ минуту она продолжала горькимъ тономъ, возвышая голосъ:

— Вы не отвѣчаете? Ну, хорошо, такъ я скажу вамъ, какъ это называется... Это называется измѣной, которая ведетъ въ Гренель самой короткой дорогой.

— Сударыня! — замѣтилъ Прэнгей: — вы только полицейскій агентъ, а разыгрываете судью; вы уже становитесь палачомъ... вы слишкомъ много совмѣщаете и подавляете насъ, сударыня!

Луиза граціозно поклонилась.

Она повернулась къ графу де-Тейксу.

— Очередь за вами, Тейксъ. Вы лучший другъ Гранли и упорный шуанъ... врагъ императора, которому вы служите... Два брата въ противоположныхъ лагеряхъ... это иногда случается.

— Это не совсѣмъ такъ, — мягко возразилъ бретонскій графъ. — Однако на этотъ разъ и благодаря вамъ я ничего не имѣю противъ вашихъ измышленій. Я также измѣнникъ? Все это прекрасно. Мы потомъ увидимъ, чѣмъ все это кончится.

Онъ говорилъ не волнуясь, не спѣша, очень отчетливо.

Луиза де-Кастеле была поражена его спокойной красотой. Одно мгновеніе она пожалѣла, что онъ замѣшанъ въ эту безвыходную исторію. Но вдругъ, отбрасывая всѣ свои мысли, она обратилась къ Діанѣ:

— Вы, сударыня...

— Пожалуйста поскорѣе, я тороплюсь,—обрѣзала ее маркиза.—У васъ манера усыплять людей... Можете вы перегнуть чрепаху? Если нѣтъ, то я сама признаюсь вамъ, чтобы не слушать васъ. Я осуждена въ изгнаніе и тѣмъ не менѣе нахожусь здѣсь; я другъ Брюслара; у меня дрались; Гранли случайно попалъ ко мнѣ и былъ очень скверно принятъ; это я говорю потому, что это такъ, клянусь Богомъ! Я роялистка, мятежница, шуанка. Я была ею, есть и буду! Ничего не подѣлаешь. Это въ крови. Удовлетворены вы, госпожа жандармъ?

— Совершенно,—откровенно подтвердила Луиза съ новой улыбкой.—Прекрасно! Съ вами дѣло не затягивается....

— Да, я такова и таковы мы все, въ нашихъ семьяхъ. Вы не знаете насъ; вы не были приняты у насъ; эта честь не для васъ. Вы можете насъ арестовать, заключить въ тюрьму, разстрѣлять... Но заставить насъ бояться... никогда! Это по-мѣщански—бояться!

— Bravo, Діана!—одобрила ее Изабелла.

Діана послала ей дружескій привѣтъ жестомъ руки.

Одна и та же опасность сближала этихъ соперницъ, этихъ давнихъ враговъ.

Въ свою очередь, выдвинулась Изабелла.

— Я тоже буду говорить. Я питаю къ Гранли глубокое уваженіе, безпредѣльную преданность! Я сочувствовала Брюслару въ его бѣгствѣ; очень вѣроятно, что мое присутствіе было ему полезно; тѣмъ лучше! У меня много поколѣній предковъ со стороны отца и матери, мы древніе дворяне. Мои предки служили десяти послѣднимъ королямъ; никто изъ нихъ не измѣнилъ своему долгу. Въ моей семьѣ знакомы съ гильотиной. Все ваши заслуги слишкомъ малы, чтобы затмить наши. Я Изабелла д'Иммармонъ, изъ рода герцоговъ Ургель и д'Иммармонъ, которые говорили съ королями Франціи, не обнажая головы!

— Bravo, Изабелла!—въ свою очередь поддержала ее задушевнымъ тономъ Діана.

Луиза де-Кастеле пожала плечами.

— Вы будете, вѣроятно, менѣе горды въ день суда...

— Послѣдняго?—встала Діана.

— Итакъ,—сказала Луиза, скрестивъ руки,—клянусь вамъ, что я уже отомщена... Слушайте меня хорошенько. Вы погибли... Я васъ выдала... Позднѣе я найду и Брюслара... Но необходимо порасплатиться еще съ одной особой. Сознаюсь вамъ, что я не знаю ея имени.

Обращаясь къ неподвижно стоявшей сзади всѣхъ, противъ стѣны, закутанной вуалю женщиной, она спросила:

— Сударыня! васъ отличаетъ уже ваше присутствіе здѣсь. Кто вы такая?

Сіяющая брильянтами ручка распутывала, рвала вуаль; затѣмъ показала золотисто-рыжая шевелюра; наконецъ выгнуло личико съ тонкими чертами, сіяющее гордой красотой.

— Полина Бонапартъ!

Всѣ были поражены и молчали.

Она повторила:

— Полина Бонапартъ, припещца Боргезе, герцогиня Кастанльская... Достаточно этого?

Потомъ она оттолкнула бросившагося къ ней Гранли, подошла къ уничтоженной Луизѣ и произнесла:

— Ты меня узнаешь, Луиза? За какое дѣло ты взялась? Развѣ такимъ образомъ ты благодаришь императора?.. Я знаю... я знаю всѣхъ, кто тутъ находится. Я отвѣчаю за нихъ.

Изабелла и Діана вздрогнули.

— Всѣ они свободны. Я желаю этого!

Она повернулась къ Фруадмантелю и Жиролю съ ихъ сворой сыщиковъ.

— Вы всѣ вонъ отсюда! Вы ничего не видѣли и ничего не слышали. Будьте осторожны, потому что мнѣ все будетъ извѣстно и берегитесь моего гнѣва. Расправа будетъ скоро и жестока. Ступайте!

Они вышли, согнувъ спины.

— А вы, Луиза, не созданы для такой роли... Надо отказаться отъ нея... Все это очень гнусно!

Обратившись къ группѣ мнимыхъ заговорщиковъ, она, величественная и прекрасная, повторила:

— Я Полина Бонапартъ!..

Мужчины низко поклонились. Сознаніе, что они спасены ею, не было имъ пріятно; обѣ женщины, съ поблѣднѣвшими лицами, разглядывали ее широко раскрытыми, любопытными глазами. Проходя мимо нихъ, она улыбнулась; она любила красоту. Діана и Изабелла, противъ своего желанія, кусая себѣ до крови губы, отвѣтили на ея улыбку церемоннымъ и изысканнымъ поклономъ прежнихъ временъ.

Она восхищала, чаровала такъ же, какъ ея братъ; она обладала магнетизмомъ, притягивающимъ къ ней всѣ сердца.

Въ дверяхъ она остановилась и, полуобернувшись, отчетливо произнесла голосомъ неустрашимой Авины-Паллады:

— Г.г. офицеры, къ своимъ частямъ! Готовьтесь къ войнѣ! Вотъ разрѣшеніе вопроса!

И вышла, оставивъ позади себя озадаченную группу.

Мало-по-малу всѣ разошлись, унося на своихъ лицахъ выраженіе недоумѣнія.

Савари узналъ развязку этой трагедіи гораздо позднѣе.

По объявленіи войны съ Пруссіей онъ вернулся къ своимъ обязанностямъ адъютанта при императорѣ.

Управленіе жандармеріей и тайной полиціей было возложено на министерство общей полиціи.

Фушэ унаслѣдовалъ это дѣло.

Такимъ образомъ онъ узналъ о «дѣлѣ въ улицѣ Монбланъ».

Удивленію его и гнѣву не было границъ.

Онъ побесѣдовалъ съ Кантекоромъ въ выраженіяхъ не особенно лестныхъ. Онъ далъ себя провести, онъ былъ просто дуракомъ... Въ концѣ концовъ Кантекору былъ данъ совѣтъ, вѣрнѣе приказаніе, вернуться на военную службу и слѣдовать за принцемъ. Кантекоръ поневолѣ, безъ всякаго воодушевленія, согласился на это.

Но сначала онъ привелъ свои счеты въ порядокъ.

Однажды утромъ Жироль былъ найденъ въ Куръ-ля-Рейнъ съ пожемою между лопатокъ; а три дня спустя трупъ Фруадмантели плавалъ подъ Новымъ Мостомъ. По-То-Розъ и Кале-Нуаръ не должны были мѣшаться въ чужія дѣла.

Тогда Кантекоръ, нѣсколько утѣшенный въ своихъ неудачахъ, явился въ военное бюро и записался сержантомъ въ полкъ д'Овернья.

Но онъ уже менѣе интересовался своимъ принцемъ и небрежно занимался своимъ дѣломъ.

Дѣйствительно, война была объявлена.

Мѣсяць тому назадъ Наполеонъ задалъ королю Пруссіи категорической вопросъ:

— Со мною вы или противъ меня?

Послѣ цѣлаго мѣсяца переговоровъ, увертокъ, отсрочекъ, уклончивыхъ нѣмецкихъ отвѣтовъ Берлинъ сорвалъ маску и въ порывѣ безумія объявилъ войну одновременно съ Россіей.

Принцъ Людвигъ, племянникъ короля, ненавидѣлъ французовъ и Францію; королева, дворянство, армія, весь народъ, все были согласны съ нимъ.

Это былъ взрывъ всеобщаго негодованія, изступленія. Безуміе овладѣло нѣмецкимъ народомъ, обыкновенно апатичнымъ; нѣсколько французовъ подверглись оскорбленіямъ на улицѣ со стороны черни: въ Берлинѣ раздавались крики, угрозы; кулаки грозили западу. Наконецъ гвардейскіе жандармы простерли свою дерзость до того, что точили клинки своихъ сабель о ступени французскаго посольства.

При этомъ извѣстїи Наполеонъ покраснѣлъ; онъ поднялъ свою шпагу и произнесъ задыхающимся голосомъ:

— Грубіяны! Хвастуны! Безумцы! Наши солдаты всегда готовы! Мы имъ покажемъ!

Война!

Глухой шумъ выступившихъ эскадроновъ, батальоновъ разнесся по всей странѣ изъ одного конца до другого. Повсюду звучали трубы, рожки, барабаны.

Офицеры къ своимъ частямъ! Впередъ, кадеты императрицы! Все они явились въ казармы Курбеуа и послѣ нѣсколькихъ дней обученія они были готовы... Они не знаютъ многого, но они научатся и пойдутъ прямо навстрѣчу врагу.

Грабли не принцъ болѣе; онъ только лейтенантъ. Правда, онъ очень страдаетъ, разставшись съ Полиной: съ холодной, безчувственной Полиной, которую онъ не могъ уже согрѣть.

Ему необходимо ѣхать!

Пусть онъ покроетъ себя славой тамъ, на войнѣ, и тогда, быть можетъ, она его проститъ.

Простить? За что?

За Диану д'Этиоль, Изабеллу д'Иммармонъ.

Она видѣла ихъ и не можетъ себѣ представить, чтобы онъ устоялъ передъ этими красавицами, оставался бы ей вѣренъ.

Принцъ провинился. Но это, можетъ быть, и не по своей винѣ, по винѣ обстоятельствъ.

Полина не желаетъ дѣлать его; кромѣ того, у нея другія заботы: кто знаетъ, быть можетъ, эта связь, дѣлающаяся уже шесть мѣсяцевъ, надоѣла ей? Быть можетъ, ее уже интересуется что-нибудь другое?

Наконецъ она вся захвачена войной; она такъ же, какъ и братъ, будетъ волноваться, пока оскорбленіе не будетъ отомщено?

Война!

Она рветъ интриги, уничтожаетъ идилліи, прекращаетъ элегіи. Рантиньи простился со своими возлюбленными: цвѣточницами, перчаточницами, бѣлошвейками, портнихами, мѣщаночками, а иногда и знатными дамами, со всеми тѣми, кого онъ любилъ совершенно одинаково.

Бертранъ-ле-Макеле де-Маршъ вздыхаетъ, глядя послѣдній вечеръ на Олимпію Мартинзаръ, вдвойнѣ опечаленную проводами брата и жениха, котораго она находитъ слишкомъ застѣчивымъ.

Зато онъ гордъ и счастливъ «до глупости», какъ говорить его лучшей другъ.

Евгеній Мартинзаръ, почти такъ же, какъ Рантиньи, разбѣзжаетъ въ экипажѣ по всемъ угламъ Парижа и развозитъ послѣдній разъ нѣжныя чувства и слова прощанія.

Жюстина и Коринна, эти демуазель де-Водашкуръ, тетки д'Орсимона, плачутъ надъ горшками съ вареньемъ, которые они упаковываютъ въ его погребецъ: но онѣ вѣрятъ въ будущее, потому что онѣ такъ молились уже и будутъ еще молиться...

И на его долю будутъ слезы, сожалѣнія и волненія прощанія.

Но другимъ, Тейксу, Иммармону, Прэнгею, какая радость!

Можно освободиться отъ всего, что ихъ тяготитъ, можно умереть! Можно опять доказать преданность своему принцу, снова завоевать его довѣріе, наконецъ можно умереть, защищая его своей грудью!

Маркизь де-Невантеръ помнитъ, что Наполеонъ оказалъ ему милость; подъ красными отворотами его бѣлаго камзола бьется горячее и благородное сердце.

Но всѣ, всѣ безъ различія происхожденія, партій, вкусовъ, мнѣній, расчетовъ, всѣ безкончено рады слышать звукъ трубъ, вытаскать широкимъ движеніемъ руки свои шпаги.

Война!

Имперіалисты, республиканцы, роялисты—всѣ слились воедино, никто не замѣчаетъ различія убѣжденій; это Франція поднялась и двинулась впередъ!

УКАЗАТЕЛЬ

ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ,

УПОМИНАЕМЫХЪ ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ТОМАХЪ

„ИСТОРИЧЕСКАГО ВѢСТНИКА“

1910 г. ¹⁾

А

А. В. *Рецензія его:* 1) «Charles de Larivière. La France et la Russie au XVIII siècle. Etudes d'histoire et de la littérature franco-russe. Paris. 1909», СХІХ, февраль, 707.—2) «М. Александровъ. Государство, бюрократія и абсолютизмъ въ исторіи Россіи. Спб. 1910», СХХІ, августъ, 649—651.—3) «Ө. М. Уманецъ. Александръ и Сперанскій. Историческая монографія. Спб. 1910», СХХІІ, октябрь, 348.—4) «А. Петрункевичъ. Кола de Rienzo. Эпизодъ изъ исторіи Рима XIV вѣка. Спб. 1909», СХХІІ, октябрь, 365—367.—5) «I. T. Chance. George I and the northern war. London. 1909», СХХІІ, ноябрь, 739—740.—6) «Сочиненія И Ө. Горбунова. Т. I—III. Спб. 1904—1910. Издано особой комиссіей при комитетѣ Императорскаго общества любителей древней письменности», СХХІІ, ноябрь, 754—757.

А. В. К.—въ. *Его:* «Изъ недавняго прошлаго», СХІХ, мартъ, 940—947.

А. Г. Ф. *Рецензія его:* «Отрывки изъ воспоминаній М. К. Рейхель и письма къ ней А. И. Герцена. М. 1909», СХХ, май, 724—725.

А. Евг. *Рецензія его:* «Какъ я нажилъ свыше 500.000.000 долларовъ». Мемуары американскаго миллиардера Дж. Д. Рокфеллера. Съ иллюстраціями, портретомъ и автографами. Спб. 1909», СХІХ, мартъ, 1121—1122.

А. Е. *Рецензія его:* «Чары Египта въ его памятникахъ». Роберта Хиченса. Переводъ съ англійскаго кн. А. Оболенской. Спб. 1910», СХІХ, мартъ, 1120—1121.

А. К.—ово. *Замѣтка его:* «По поводу вновь открытаго письма Теофана Прокоповича къ кн. А. Д. Меншикову», СХХ, апрѣль, 398—399.

А. К.—овъ. *Рецензія его:* «А. Титовъ. Миссіонерская дѣятельность преосвящ. Нила Исаковича и Діонисія Хорвата. М. 1910», СХХІ, июль, 275—276.

А. М. *Рецензія его:* 1) «М. Помяловскій. Учебникъ новой исторіи», СХІХ, январь, 338—339.—2) «Б. В. Варнеке. Новыя комедіи Менандра. Каванъ. 1909», СХХ, июнь, 1064—1065.

А. М. Л. *Рецензія его:* 1) «Двѣ рѣчи Θεодора Дафнопата, изданныя съ введеніемъ о жизни и литературной дѣя-

¹⁾ Въ «Указатель» не включены личныя имена, упоминаемыя въ историческихъ романахъ, беллетристическихъ статьяхъ и приложеніяхъ. — Римскія цифры означаютъ томъ, арабскія—страницу.

тельности автора и съ русскимъ переводомъ В. В. Латышева. Спб. 1910», СХХ, май, 736—737.—2) «Протоіерей Петръ Булгаковъ. Правочительная хрестоматія для начальныхъ школъ Японіи. Часть I Зинзео Сеогаку-Сюсанъ-се. Книга I—III. Іюкохама 1909», СХХI, сентябрь, 1074—1075.—3) «Труды Ѳ. Ѳ. Соколова. Спб. 1910», СХХII, октябрь, 360—363.

А. М.—нъ. *Рецензія* его: «Шарль Диль, адъюнктъ-профессоръ Парижскаго университета. Византійскіе портреты. Перевелъ Е. Киричинскій. Харьковъ, 1910», СХХI, августъ, 663—664.

А. С. *Рецензія* его: 1) «А. А. Башмаковъ. Балканскія рѣчи. Спб. 1909», СХХ, май, 742—743.—2) «Славянская бібліотека д-ра И. Шайковича. Вып. 2. Іованъ Цвиичъ. Анексія Босніи-Герцоговины и сербскій вопросъ. Спб. 1909», СХХI, іюль, 286—287.

А. Х.—въ. *Рецензія* его: «К. А. Иностранцевъ. Сасанидскіе этюды. Спб. 1909», СХХI, іюль, 298—299.

А. Э. М.—нъ. *Рецензія* его: «Heimatstimmen. Ein baltisches Hausbuch. Изд. К. Гунніуса и В. Витрока. IV томъ, съ иллюстраці. Ревель-Лейпцигъ. 1910», СХХII, декабрь, 1175.

Адамъ Я. *Рецензія* его: «Monografie w zakresie dziejow nowozytnych. Wud. Szymona Aszkenazy. Tom. VII—VIII. Polska w dobie wojny Siedmioletniej. Część. przez Władyslawа Koperczynskiego. Warszawa—Kraków. 1909», СХХI, іюль, 284—286.

Ал. Ф. *Рецензія* его: «Собраніе сочиненій С. Т. Аксакова подъ ред. А. Г. Горнфельда. Т. I—II. Спб. 1909», СХIX, февраль, 719.

А.—скій, *Рецензія* его: «И. С. Симоновъ. Школа и половой вопросъ. Спб. 1910», СХХII, ноябрь, 762.

А. Я. *Рецензія* его: 1) «А. А. Измаиловъ. Помраченіе божковъ и новые кумиры. Новыя вѣянія въ литературѣ. М. 1910», СХIX, январь, 334—335.—2) «Влад. Грабенъскій. Історія польскаго народа. Разрѣшенный авторомъ переводъ со второго дополненаго польскаго изданія (1906), подъ ред. Н. Ястребова. Спб. 1910», СХIX, январь, 339—340.—3) «Матеріалы до історіі української козащини, видані під загальною редакцією Михайла Грушевського. Т. I. Львовъ 1908», СХIX, февраль, 726—727.—4) «Іисусъ Христосъ въ изящной литературѣ, поэзіи, живописи и скульптурѣ. Часть I. Спб. 1909», СХХ, май, 741—742.—5) «А. Н. Нарцовъ. Путь Солнца въ процесѣ міроваго движенія.

Тамбовъ. 1909», СХХ, іюнь, 1061—1062.—6) «Історія України—Руси. Написавъ Михайло Грушевскій. Т. VII. Козацкі часи до р. 1626. Кіевъ—Львовъ, СХХI, сентябрь, 1072—1073.

Абарінова, А. И. артистка, СХХI, сентябрь, 843.

Абдуль-Гамидъ, турецкій султанъ, СХIX, январь, 296.

Абрамовичъ, Д. И. проф. *Рецензія* В. Рудакова о редактированномъ имъ: «Полное собраніе сочиненій М. Ю. Лермонтова. Т. I. Изданіе разряда изящной словесности императорской академіи наукъ. Спб. 1910», СХХ, май, 726—728.

Аверкіевъ, Д. В., писатель, СХХI, сентябрь, 839.

Авіе, Стати его: 1) «Поѣздка въ Чечню», СХIX, январь, 257—286.—2) «Бесотвѣтная. (Изъ жизни)», СХХII, октябрь, 91—122.

Авраамій, преподобный (Смоленскій), СХХ, іюнь, 1049.

Авсѣенко, В. Г., писатель. *Его:* «Жадное сердце. (Быль прошлаго вѣка)», СХIX, январь, 57—82.

Агапѣвъ, В. Н., полковникъ, СХХII, ноябрь, 542, 546, 548, 549, 567; декабрь, 1005, 1006, 1010, 1021, 1023.

Агаѳодоръ (въ мѣрѣ Павелъ Преображенскій), архіепископъ ставропольскій и екатеринодарскій, СХХII ноябрь, 802 (по случаю 50-лѣтняго юбилея его архипастырской дѣятельности).

Агнѣъ, Ал-дръ Алексѣевичъ, художникъ, СХХII, декабрь, 896.

Ададуровъ, Николай Евграфовичъ, инженеръ. *Некрологъ* его: СХХI, августъ, 714.

Адріановъ, А. В., СХХ, май, 428—430, 435, 536; СХХI, іюль, 81.

Айхенвальдъ, Ю. *Рецензія* А. Фомина о книгѣ его: «Силуэты русскихъ писателей. Вып. III. М. 1910», СХХII, октябрь, 358—359.

Аксаковъ, С. Т. *Рецензія* Ал. Ф. о редактированныхъ А. Г. Горнфельдомъ первыхъ двухъ томахъ его: «Собранія сочиненій» (Спб. 1909), СХIX, февраль, 719.—*О немъ въ статьѣ:* «Аксаковскій народный домъ въ Уфѣ», СХХ, іюнь, 1031—1036.

Александра Іосифовна, великая княгиня, супруга великаго князя Константина Николаевича, СХХII, декабрь, 893.

Александра Теодоровна, императрица, супруга императора Николая I.—*О ней въ статьѣ* В. П. М.—на: «Провѣдъ черезъ городъ Бѣлу императрицы Александры Теодоровны, супруги императора Николая I, въ 1856 году», СХХII,

октябрь, 244 — 253. — Упоминается: СХІХ, январь, 109—110; СХХІІ, ноябрь, 524, 525, 529, 530, 531, 532.

Александровы:

— Присяжный повѣренный, защищавшій В. Засуличъ, СХХ, апрѣль, 218, 220, 227—231, 236—245, 254.

— **И. А.** — *Статьи его:* 1) «В. Г. Бѣлинскій и А. В. Кольцовъ», СХХ, июнь, 961—971.2) «Николай I, князь Черногогорскій, какъ поэтъ. (Къ 50-лѣтію его княженія и литературной дѣятельности)», СХХІ, августъ, 480—505. — *Рецензія его:* «Садакичи Гартманъ. Японское искусство. Переводъ съ англійскаго О. Кринской. Съ 49 иллюстраціями. Спб. 1909», СХІХ, мартъ, 1123—1124.

— **М. Рецензія А. Б. о книгѣ его:** «Государство, бюрократія и абсолютизмъ въ исторіи Россіи. Спб. 1910», СХХІ, августъ, 649—651.

— **Н. А.**, писатель, СХІХ, мартъ, 824.

Александръ I Павловичъ, императоръ. — *О немъ въ статьѣ А. П. Чехова:* «Императоръ Александръ Благословенный на льдинѣ», СХХІІ, октябрь, 153—183. — *О немъ въ книгѣ Ѳ. М. Уманца:* «Александръ и Сперанскій. Историческая монографія. Спб. 1910», рецензировавшею А. Б., СХХІІ, октябрь, 348. — *Упоминается:* СХІХ, мартъ, 1092—1099; СХХ, апрѣль, 100, 107; май, 541—543; СХХІ, июль, 143, 151, 197; августъ, 558; СХХІІ, ноябрь, 625, 628.

Александръ II Николаевичъ, императоръ, СХІХ, январь, 48—49; 85, 89, 91—93, 96, 98, 100; 234, 243, 287, 305; февраль, 485, 486, 499, 539, 546, 547, 640, 645, 647—648, 651, 653, 660; мартъ; 872, 971; 1010, 1027, 1028, 1074, 1088; СХХ, апрѣль, 62, 63, 72, 87; 227; 363, 364; май, 432, 482, 633; СХХІ, июль, 167, 193; августъ, 578, 585, 588—593; сентябрь, 973, 974, 985, 996, 998, 1006, 1012, 1021; СХХІІ, октябрь, 46; 276, 291, 295, 304, 312, 314—317; ноябрь, 667—675, 686—687, 692, 707, 708; декабрь, 871—873, 875; 1080, 1092—1097, 1100, 1103—1106, 1133, 1137, 1141, 1142, 1144, 1145. — *О немъ въ статьѣ Л. Н. Оглоблиной:* «Императоръ Александръ II среди дѣтей», СХХІІ, октябрь, 85—90.

Александръ III Александровичъ, императоръ, СХІХ, январь, 253—254, 256, 287; мартъ, 869—870, 872, 878; СХХ, май, 445, 465, 482, 493—494; июнь, 858—863 (въ статьѣ В. Артемьева: «Царскій смотръ»); СХХІ, сентябрь, 1014; СХХІІ, ноябрь, 583—584; 674, 678, 684—686, 704; декабрь, 1106.

Александръ Ватгенбергскій, болгарскій князь, СХІХ, январь, 289—290.

Александръ, принцъ Гессенскій, СХХІІ, октябрь, 311.

Алексѣевы:

— Ал-дръ Ал-дровичъ, актеръ, СХХІ, августъ, 437—442.

— **Василій Алексѣевичъ**, писатель. *Статьи его:* 1) «Астрахань. (Путевыя впечатлѣнія)», СХІХ, мартъ, 1067—1091. 2) «Архивныя мытарства», СХХІІ, декабрь, 1034—1057. — «Юбилей» его, СХХ, май, 772.

— **В. П. Рецензія В. Р-ва о книгѣ его:** «Разказы изъ русской исторіи съ рисунками. Выпускъ I. М. 1909», СХІХ, февраль, 704—705.

Алексѣй Михайловичъ, царь московскій. — *О немъ въ книгѣ проф. Н. Ѳ. Каптерева:* «Патріархъ Никонъ и царь Алексѣй Михайловичъ. Томъ I. Сергіевъ посадъ. 1909», СХХ, апрѣль, 330—334.

Амвросій, инокъ Оптиной пустыни, СХХІІ, октябрь, 328, 335—339.

Амхлаваровъ, Иванъ Гіевичъ, князь, СХХ, май, 505—506.

Аммосовъ, Ал-дръ, СХІХ, февраль, 526.

Андреевъ, Леонидъ Николаевичъ, современный беллетристъ, СХІХ, январь, 166—168, 174.

Анисьянъ, А. Ѳ., томскій губернаторъ, СХХІ, июль, 44, 47, 51.

Анна Іоанновна, императрица, СХХІІ, ноябрь, 620.

Анненковъ, Конст. Никаноров. *Некрологъ его:* СХХ, апрѣль, 388—389.

Анненскіе:

— **Иян. Ѳед.**, педагогъ, писатель. *Некрологъ его:* СХІХ, январь, 387—388.

— **Ник. Ѳед.**, писатель, СХХІІ, декабрь, 1066.

Антокольскій, М. М., извѣстный скульпторъ, СХІХ, январь, 384—385 (по поводу открытія ему памятника на Преображенскомъ кладбищѣ).

Антоній, епископъ варшавскій, СХХ, июнь, 1023—1024.

Антоновичъ, Влад. Бониф., профессоръ, извѣстный археологъ, СХХІ, августъ, 618.

Апраксинны, графы:

— **Степанъ Ѳедоровъ**, СХХІ, августъ, 386, 398; сентябрь, 779.

— **Ѳедоръ Степановичъ**, СХХІ, сентябрь, 779—780.

Арабажинъ, К. И. *Рецензія А. Фомина о книгѣ его:* «Публичныя лекціи

о русских писателях. Спб. 1909», СХІХ, январь, 332—334.

Аракчеевъ, Алексѣй Андреев, графъ, СХІХ, мартъ, 891—892; 1165—1166 («Аракчеевская Мадонна»).

Арбузовъ, Л. П. *Статья* его: «Бунтъ въ Севастополѣ. (Изъ близкаго прошлаго)», СХІХ, январь, 177—186.

Ар. Датовъ. *Рецензія* его: «Историческое обозрѣніе Симбирска отъ первыхъ временъ его до возведенія на степень губернскаго города. Симбирскъ 1909», СХІХ, январь, 318—319.

Ардашевы:

— Н. Н., СХХІ, августъ, 652, 654.

— П. Н., проф. *Рецензія* П. Б. о книгѣ его: «Дополненіе къ лекціямъ по всемірной исторіи проф. Петрова. Т. V. Спб. 1910», СХХІІ, октябрь, 363—364.

Арди, Николаѣй Ивановичъ, артистъ, комикъ, СХХІ, августъ, 448—449.

Арсеній, епископъ неаполитанскій. *Некрологъ* его: СХХІІ, октябрь, 404—405.

Арсеній (въ мірѣ Авксентій Георгіевичъ. Стадницкій), архіепископъ псковскій, СХХІІ, ноябрь, 801—802 (по поводу 25-лѣтія его административной и учено-литературной дѣятельности).

Арсеній Еласонскій, грекъ, скончавшійся въ санѣ архіепископа суздальскаго, СХХІІ, ноябрь, 793—794.

Арсеньева, С. Д. *Рецензія* П. А. Ю. о книгѣ ея: «Разсказы изъ русской исторіи. Выпуски I—VIII. Изданіе училищнаго совѣта при св. Синодѣ. Спб. 1910», СХХІ, сентябрь, 1067—1069.

Арсеньевы:

— Вас. Серг., СХХІІ, декабрь, 1157—1158.

— Иоаннъ, свящ. *Рецензія* П. В. о книгѣ его: «Отъ Карла Великаго до реформации. Т. I. М. 1909». СХІХ, январь, 340—341.

Артамоновъ-Вольшаковъ, Николаѣй Иван., журналистъ. *Некрологъ* его: СХІХ, февраль, 774.

Артемовъ, Вяч. *Его статья*: «Царскій смотръ. (Изъ воспоминаній кадета)», СХХ, июнь, 859—864.

Архаровъ, Н. П., петербургскій генералъ-губернаторъ, СХХІ, июль, 267.

Арцимовичъ, Антонъ Антоновичъ, сенаторъ. *Некрологъ* его: СХІІ, декабрь, 1217.

Атрыганьевъ, Н. А., владѣлецъ имѣнія Ляличей, СХХ, апрѣль, 129—141.

Аурбахъ, А. А., СХХ, июнь, 813—158.

Афанасьевы:

— Мих. Иван., проф. *Некрологъ* его: СХХ, май, 777—778.

— Ник. Иван. *Рецензія* Г-скаго о книгѣ его: «Современники. Альбомъ биографій. Т. II. Спб. 1910», СХХ, июнь, 1065—1066.

Ахвередова, П. Н., СХХ, июнь, 869, 874, 875, 878.

Ахенбахъ, Андреасъ, художникъ, СХХ, июнь, 1091—1092 (по поводу его смерти).

Ахшарумовъ, Дм. Дм., писатель. *Некрологъ* его: СХІХ, февраль, 774—775.

Ашенбреннеръ, М. Ю., СХХІ, сентябрь, 1025.

В

В. В. *Рецензія* его: «В. В. Латышевъ. «Pontica». Спб., 1909», СХХІ, июль, 305—306.

Вабычъ, генералъ-лейтенантъ, кубанскій губернаторъ, СХХІ, сентябрь, 943.

Вагалъѣй, Дм. Ив., проф. *Рецензія* В. Троицкаго о собраніяхъ и редактурахъ и изд.: «Сочиненіяхъ, письмахъ и бумагахъ. В. Н. Каразина. Харьковъ. 1910». СХІХ, мартъ, 1111—1113.

Ваювъ, А. К., полковникъ, проф. *Рецензія* М. Соколовскаго о книгѣ его: «Курсъ исторіи русскаго военнаго искусства. Вып. V. Эпоха импер. Екатерины II. Спб. 1909», СХХ, май, 720—721.

Ваконъ (и Веконъ), Франсисъ, лордъ Веруламскій, англійскій философъ, СХІХ, январь, 362; мартъ, 1141.

Валакиревъ, Милій Алексѣевичъ, композиторъ. *Некрологъ* его: СХХ, июнь, 1110—1111.

Валицкая, Анна Соломоновна, благотворительница Петербурга. *Некрологъ* его: СХХ, июнь, 1111—1112.

Вальзакъ, Оноре (1798—1850), французскій романистъ, СХХ, апрѣль, 354—361.

Вантышъ-Баменскій, Никол. Николаевичъ, археологъ, СХІХ, мартъ, 1076.

Варанниковъ, Ал-дръ Иван., революціонеръ, СХХІІ, октябрь, 276, 285, 286, 304, 310, 312, 314, 315, 316; декабрь, 1067.

Варановъ, Эдуардъ Трофимовичъ, графъ, генералъ-адъютантъ, СХХІ, августъ, 591.

Варнигъ, Морисъ, англійскій писатель, СХІХ, январь, 366 (его характеристика русскихъ).

Варковскій, Никол. Иван., сенаторъ. *Некрологъ* его: СХХІ, сентябрь, 1127.

Варсуковъ, Николаѣй Платоновичъ. *Рецензія* Б. Гл. о посмертномъ трудѣ

его: «Жизнь и труды М. П. Погодина. Книга 22-ая. Спб. 1910», СХХ, июнь, 1063—1064.

Варгольдъ, В. В., проф., СХХI, июнь, 270.

Варятинскій, Александръ Ивановичъ, князь, главнокомандующій кавказской арміею, СХХI, сентябрь, 924, 928—933.

Васкинъ, В. *Рецензія* его: «М. М. Ивановъ. Исторія музыкальнаго развитія Россіи. Т. I. Спб. 1910», СХХII, декабрь», 1152—1157.

Вахметевъ, Ник. Ив., СХХI, августъ, 591.

Вахрушинъ, А. А., инициаторъ учрежденія литературно-театральнаго музея, СХХI, мартъ, 1166—1167; СХХI, августъ, 664—666; СХХII, декабрь, 1215.

Вахтинъ, Н. И., статск-секретарь, поэт, СХХII, декабрь, 1164.

Вашкинъ, Вас. Вас., поэтъ. *Некрологъ* его: СХIX, январь, 388—389.

Вашмаковъ, А. А. *Рецензія* А. С. о брошюрѣ его: «Балканскія рѣчи Спб. 1909», СХХ, май, 742—743.

Беатриса Неаполитанская, королева Венгрии, СХХII, декабрь, 1176—1180.

Вебель, Августъ-Фердинандъ, социаль-демократъ, СХХ, май, 758—759 (по поводу 75-лѣтія со дня его рожденія).

Везагъ, Ал-дръ Павловичъ, генералъ-адъютантъ и членъ Государственнаго Совѣта, СХХII, декабрь, 932.

Везекирскій, В. В. СХХ, май, 775—776 (по поводу 60-лѣтія его артистической и педагогической дѣятельности).

Вейссъ, Фердинандъ, баронъ, извѣстный дипломатъ, СХХII, октябрь, 264.

Веккеръ, Марія Никол., воспитательница. *Некрологъ* ея: СХХI, августъ, 715.

Венуа, Александръ. *Рецензія* М. Соколоваго о книгѣ его: «Царское Село въ царствованіе императрицы Елизаветы Петровны. Спб. 1910», СХХI, июль, 276—277.

Вердниковъ, И. С., СХХ, май, 737.

Вердниковъ, Яковъ Ивановичъ, академикъ, археографъ, СХIX, январь, 251.

Верестневъ, Николай Мих., докторъ медицины. *Некрологъ* его: СХХI, августъ, 714—715.

Вертенсонъ, В. Б. *Статья* его: «Какъ меня арестовали. (Отрывокъ изъ воспоминаній)», СХХI, августъ, 459—466.

Вертенсонъ, Сергѣй. *Рецензія* Д—ія о книгѣ его: «Библиографическій указатель литературы о Гоголѣ за 1900—1909 г. Спб. 1910», СХХI, июль, 290—292.

Ветанкуръ, Альфонсъ Августовичъ, флигель-адъютантъ, впоследствии генералъ-адъютантъ, ум. въ 1863 г., СХIX, январь, 109.

Ветлеръ, проф. колумбійскаго университета въ Нью-Йоркѣ, СХХ, апрѣль, 371 (по поводу его книги объ американцахъ).

Ветховенъ, Людвигъ (1770—1827), гениальный нѣмецкій композиторъ, СХХ, апрѣль, 371.

Виронъ, Петръ (1724—1800), послѣдній герцогъ Курляндскій, СХХI, июль, 304.

Вирюковъ, И. А., полковникъ, основатель военнаго музея въ Астрахани, СХIX, мартъ, 1087.

Вирюковъ, Я. *Рецензія* его: 1) «Бѣльскій. С. Книга о русской жизни. Спб. 1909», СХIX, февраль, 720—721.—2) «Рассказы по русской исторіи. Общедоступная хрестоматія съ рисунками. Составлена кружкомъ преподавательницъ подъ ред. С. П. Мельгунова и В. А. Петрушевскаго. М. 1909», СХХI, июль, 268—269. 3) «Куркинъ, А. П. Изъ быта новѣйшей бурсы. Воспоминанія, очерки и наброски. Смоленскъ. 1910», СХХII, декабрь, 1168—1169.

Висмаркъ, Гедвига, дворянка, сестра канцлера князя Бисмарка и издательница «воспоминаній о дѣтскихъ годахъ» послѣдняго, СХХII, октябрь, 389—390.

Висмаркъ, Шенгаузенъ, Отто-Леопольдъ-Эдуардъ, князь, знаменитый германскій дипломатъ, «железный канцлеръ», СХХ, апрѣль, 362—365; СХХII, октябрь, 389—390; декабрь, 1186.

Влаговѣщенскій, Ив. Ив., мѣстный историкъ, СХХII, октябрь, 399—400 (по поводу его 25-лѣтняго юбилея).

Влагосвѣтловъ, Григ. Евламп., писатель, СХIX, январь, 50.

Влейхманъ, Юлій Ив., композиторъ. *Некрологъ* его: СХIX, февраль, 776.

Влокъ, Ал-дръ Львов., проф. *Некрологъ* его: СХIX, январь, 389—390.

Влюммеръ, Антонъ Петровичъ, СХIX, январь, 211.

Воборыкинъ, Петръ Дмитриевичъ, писатель, СХIX, январь, 193; СХХ, апрѣль, 41; СХХII, декабрь, 1203—1205 (по случаю 50-лѣтняго его юбилея).

Вобринскіе, графы: А. А., предсѣдатель императорской археологической Комиссіи, СХХ, июнь, 1010.

— Ал-дръ Павл., СХХII, декабрь, 885.

— Алексѣй Павл., СХХII, ноябрь, 488.

— Павелъ Павл., СХХII, декабрь, 885.

Вобрицевы-Пушкины:

— Николай Сергѣевичъ. *О немъ въ статьѣ Сергія Соломина*: «Безумный декабристъ. (Памяти Н. С. Вобрицева-Пушкина)», СХХII, декабрь, 985—1002.

- Павелъ Сергѣевичъ, СХХІІ, декабрь, 998—1000.
- Петръ Сергѣевичъ, СХХІІ, декабрь, 1001—1002.
- Михаилъ Сергѣевичъ, ib., 1001—1002.
- В. Мих., присяжный повѣренный, СХХ, июнь, 817—818.
- Марія Сергѣевна, СХХІІ, декабрь, 1001, 1002.
- Вогдановичъ, Л. А.** *Статья его: «Бѣлгородъ на Днѣстрѣ»*, СХХІ, августъ, 625—642.
- Вогдановичъ** (Кобозевъ), Юрій Ник., революціонеръ, СХІХ, январь, 230; СХХІІ, октябрь, 277, 303; ноябрь, 685; декабрь, 1089, 1096.
- Вогдановъ, Д. П.** *Статья его: «Оптина пустынь и паломничество въ нее русскихъ писателей»*, СХХІІ, октябрь, 327—339.
- Воголюбовъ** (Емельяновъ) Алексѣй Андреевичъ, революціонеръ, СХІХ, мартъ, 1007, 1009; СХХ, апрѣль, 214—215, 218—222, 227—233, 236; май, 629; СХХІ, июль, 156—157.
- Вогословскій, Николай** Гаврил., священникъ, завѣдывавшій «Историческимъ музеемъ въ Новгородѣ», СХІХ, январь, 100.
- Воклевскій, художникъ - иллюстраторъ.** *О немъ книжка К. С. Кузьминскаго: «Художникъ-иллюстраторъ Воклевскій. М. 1910»*, рецензировавшая Е. Н. Б., СХХІ, июль, 295—296.
- Вокова, Марія Александровна,** вполнѣдствии замужемъ за проф. Съченовымъ, СХІХ, январь, 211.
- Волобанъ, А.** *Его замѣтка:* СХХІІ, декабрь, 1224.
- Вончъ-Вруевичъ, Владим.** *Рецензія В. Троицкаго о составленной имъ «Животной книгѣ» духовборцевъ. Спб. 1909»*, СХІХ, февраль, 714—715.
- Ворджія, Цезарь,** герцогъ Романскій (1476—1507), СХІХ, январь, 348, 353—355.
- Вородинъ, М. М.,** генералъ-лейтенантъ, историкъ. *Рецензія П. Майкова о книгѣ его: «Исторія Финляндіи. Время Петра Великаго. Съ портретами, иллюстраціями, картой. Къ 200-лѣтію ваятія Выборга. Спб. 1910»*, СХХІ, августъ, 643—646.
- Воткинъ, Сергій Сергѣевичъ,** профессоръ, лейбъ-медикъ. *Некрологъ его:* СХІХ, мартъ, 1170—1171.
- Вохановскій, русскій революціонеръ,** СХІХ, январь, 235, 239, 243—244.
- Врадке-фонъ, Егоръ** Ѳedorовичъ, попечитель дерптскаго и петербургскаго учебныхъ округовъ, СХХІІ, декабрь, 879, 880, 881; 1175 (по поводу воспоминаній о немъ его сына Э. фонъ-Брадке).
- Вржевскій, Николай** Корнилевичъ, писатель. *Некрологъ его:* СХХІІ, ноябрь, 806—808.
- Вродниковъ, К. Г.,** актеръ, СХХІ, августъ, 451, 454, 455.
- Вродскій, Н. Л.** *Рецензія А. Фомина объ его: «Ранніе славянофилы. М. 1910»*, СХХІІ, декабрь, 1170—1171.
- Вронзовъ, А. А.,** профессоръ. *Рецензія Ѵ о книгѣ его: «Бѣлозерское духовное училище за сто лѣтъ его существованія (1809—1909 г.). Томъ I. Сергіевъ посадъ. 1909»* СХХІ, августъ, 655—657. — *Его поправка къ статьѣ А. Танкова: «Курскій музей»*: «По поводу домика Петра Великаго», СХХ, май, 784.
- Врусянинъ, В. В.** *Статья его: «Яшенька-молчальникъ. (Изъ воспоминаній дѣтства)»*, СХХХ, августъ, 419—432.
- Врюлловы:**
- Александръ Павловичъ, архитекторъ, СХХІ, августъ, 385—386, 402; сентябрь, 771; СХХІІ, октябрь, 44, 60, 66; декабрь, 886, 893.
- Иванъ Павловичъ, СХХІ, августъ, 385—386; сентябрь, 764.
- Карлъ Павловичъ, знаменитый живописецъ, СХХІ, августъ, 385—387, 393, 399—403; сентябрь, 765, 769, 771; СХХІІ, октябрь, 60; декабрь, 887, 900.
- Павелъ, СХХІ, августъ, 385—386, (отецъ предыдущихъ и послѣдующихъ).
- Ѳedorъ Павловичъ, СХХІ, августъ, 385, 386, 400; СХХІІ, октябрь, 51, 56.
- Юлія, замужемъ за Петромъ Ѳед. Соколовымъ, СХХІ, июль, 385—386.
- В. А.—*Замѣтка его: «По поводу воспоминаній П. П. Соколова»*, СХХІІ, октябрь, 413—414.
- Вуальдье, музыкантъ, композиторъ,** СХХ, июль, 877.
- Вубекъ, Теодоръ** Христофоровичъ, профессоръ консерваторіи въ Москвѣ. *Некрологъ его:* СХІХ, февраль, 776.
- Вулгаковъ, офицеръ** Московскаго полка, СХХІ, августъ, 406—407.
- Вулгаковы:**
- Константинъ СХХІ, сентябрь, 785—787.
- Петръ, протоіерей. *Рецензія А. М. Л. о книгѣ его: «Нравоучительная хрестоматія для начальныхъ школъ Японіи. Часть I. Зинвео Сеогаку-Сюусинъ-те. Книга I—III. Иокохама. 1909»*, СХХІ, сентябрь, 1073—1074.
- Серафимъ. *Рецензія В. Р-ва о книгѣ его: «Святитель Іоасафъ Горленко, епи.*

скопъ бѣлгородскій и обоянскій. Курскъ. 1909», сентябрь, 1071—1072.

— Яковъ Ивановъ, дипломатъ, СХХІ, августъ, 532—534.

Вураковский, А. З., артистъ. *Некрологъ* его: СХХІ, августъ, 715—716.

Вурдинъ, Фед. Ал., актеръ, СХХІ, сентябрь, 837, 838.

Вуренинъ, Викторъ Петровичъ, писатель, СХХІ, январь, 196, 201.

Вурцевъ, Вл. Л., СХХІ, мартъ, 1004, 1018—1021, 1027.

Вуслаевъ, Ф. И., академикъ. *Рецензія В. Р-ва о второмъ томъ* его: «Сочиненій по археологіи и исторіи искусства. Изданіе Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской академіи наукъ. Съ 148 рисунками въ текстѣ. Спб. 1910», СХХІІ, декабрь, 1170.

Вушъ, В. И., докторъ, СХХ, июнь, 817—820.

Выковы:

— А. С., актеръ, СХХІ, августъ, 448.

— Петръ Вас., поэтъ и библиографъ, СХХІІ, декабрь, 1205—1207 (по поводу 50-лѣтія его литературной дѣятельности).

Вьернстьерне - Вьерисонъ, знаменитый норвежскій писатель, СХХІ, июль, 321—325 (по поводу его смерти).

Вѣгичева, Марья Вас., СХХІ, февраль, 558—571.

Вѣгичевъ, Влад. Петр., СХХІ, февраль, 558—563, 666—571.

Вѣгичевъ, С. Н., другъ А. С. Грибодова, СХХ, июль, 365, 872, 874.

Вѣдинскій, Виссарионъ Григорьевичъ, русскій критикъ, СХХ, апрѣль, 25.—*О немъ въ статьѣ И. Александрова*: «В. Г. Вѣдинскій и А. В. Кольцовъ», СХХ, июнь, 961—971.—*Рецензія В. Р-ва* объ его: «Полномъ собраніи сочиненій. Подъ ред. и съ примѣчаніями С. А. Венгерова. Томъ ІХ. Спб. 1910». СХХІ, сентябрь, 1085—1086.

Вѣловы:

— А. М. *Статьи* его: «Иностранцы о Россіи. Изъ воспоминаній графа фонъ-Пфейля», СХХІ, январь, 287—305.— 2) «Забитый поэтъ - сатирикъ», СХХІ, февраль, 504—528.

— Евг. Александр., историкъ, СХХ, ноябрь, 584—585.

Вѣлоковская, Валерія Николаевна (урожд. Левандовская). *Некрологъ* ея: СХХІ, июль, 343—344.

Вѣлокуровъ, С. А., СХХІІ, ноябрь, 743—744.

Вѣлостоцкій, А. В., товарищъ прокурора судебной палаты (въ 1879 г.), СХХІ, августъ, 600, 601.

Вѣльскій, С. *Рецензія Я. Вирюкова* объ его: «Книга о русской жизни. Спб. 1909», СХХІ, февраль, 720—721.

Вѣлиевъ, А. А., прот. *Рецензія В. Р-ва о книгѣ* его: «Профессоръ московской духовной академіи П. С. Казанскій и его переписка съ архіепископомъ костромскимъ Платономъ. Выпускъ І. Сергіевъ посадъ. 1910», СХХ, июнь, 1053—1054.

Вѣлиевъ, И. С. *Статья* его: «Памяти С. Я. Дерунова», СХХ, июнь, 884—892.

Вѣкерь, Мэри (по мужу Эдди), мистрисъ, СХХІІ, октябрь, 376—388.

Вѣръ, Борисъ Ив., сенаторъ, СХХІ, январь, 95.

В

В. Рецензія его: «С. П. Шестаковъ. Къ литературѣ трепетниковъ. Казань. 1909», СХХІ, январь, 825.

В. Г. Статья его: «Среди вотяковъ», СХХІІ, октябрь, 235—243. *Рецензія* его: «Проф. П. И. Ковалевскій. Национальное воспитаніе и образованіе въ Россіи», СХХІ, августъ, 659—660.

В-овъ, *Рецензія* его: «Проф. Вильгельмъ Оствальдъ. Изобрѣтатели и изслѣдователи. Переводъ съ нѣмецкаго подъ ред. В. В. Битнеръ. Спб. 1909», СХХ, май, 743—745.

В. П. М-нъ. *Статьи* его: 1) «Яблочинскій монастырь—ядро православія и русской народности въ Холмско-Подлянскомъ краѣ», СХХ, июнь, 1020—1030.— 2) «Провѣдь черезъ городъ Бѣлу императрицы Александры Фёдоровны, супруги императора Николая І, въ 1856 году», СХХІІ, октябрь, 244—253.

В. Т. Рецензія его: «Великій князь Николай Михайловичъ. Императрица Елизавета Алексѣевна, супруга императора Александра І. Томъ ІІІ. Спб. 1909», СХХІ, мартъ, 1092—1099.

В. Т-ій. *Рецензія* его: «Проф. С. Ф. Платоновъ. Учебникъ русской исторіи для средней школы. Курсъ систематическій. Часть ІІ (отъ Петра Великаго). Спб. 1910», СХХ, апрѣль, 334—336.

В. Ф.—ко. *Рецензія* его: «Сенатскій архивъ. Т. ХІІІ. 1.—Протоколы правительствующаго сената по секретной экспедиціи 1764 и 1765 г. 2.—Указы и повелѣнія императрицы Екатерины ІІ за июль—декабрь 1763 и январь 1764 г. Спб. 1909», СХХІ, февраль, 702—704.

Валевскій, графъ (незаконнорожденный сынъ Наполеона І), СХХІІ, декабрь, 1134, 1141, 1142.

Валуевъ, Петръ Александровичъ, графъ, министръ внутреннихъ дѣлъ

СХІХ, январь, 51, 88; февраль, 639, 653, 657—658; мартъ, 865, 867, 869—875, 971, 998; СХХІІ, ноябрь, 673—679, 704—705; декабрь, 921, 935.

Валуевъ, Петръ Степановичъ, управляющій дворцоваго вѣдомства при Екатеринѣ II, СХІХ, февраль, 690, 692, 696, 698.

Вальтеръ, Артуръ-Фразеръ, владѣлецъ газеты «Times», СХХ, июль, 1088 (по поводу его смерти).

Вандаль, Альбертъ, французскій историкъ, СХХ, май, 756—758 (его лекція о Россіи); СХХІІ, ноябрь, 788—789 (по поводу его кончины).

Ванновскій, Петръ Семеновичъ, военный министр. *О немъ*: «Воспомянута» П. А. Крыжановскаго, СХХ, май, 465—501; июнь, 862.

Варвакисъ, Ив. Андр., астраханскій купецъ-благотворитель, СХІХ, мартъ, 1082—1083.

Варламовъ, Конст. Александровичъ, извѣстный артистъ, СХХІ, сентябрь, 822.

Варнеке, Б. В. *Рецензія А. Измайлова о книгѣ его*: «Исторія русскаго театра. Т. 2-й. ХІХ вѣкъ. Опытъ изложенія. Казань. 1910», СХХ, май, 728—729. — *Рецензія А. М. о книгѣ его*: «Новая комедія Менадра. Казань. 1909». СХХ, июнь, 1064—1065.

Вартанъ, армянскій повстанецъ противъ турецкаго гнета, СХХ, апрѣль, 264—266.

Василевскій, Н. Ф. (Буква), писатель, СХІХ, январь, 171.

Василій Ивановичъ (Шуйскій), царь московскій. — *О немъ въ книгѣ проф. Д. В. Цюпкава*: «Царь Василій Шуйскій и мѣсто погребенія его въ Польшѣ. 1610—1910. I т. М. Варшава. 1910», рецензированной И. С. Б., СХХ, июнь, 1037—1040.

Васильева, М. Е. *Ея*: «Голытѣба. (Записки домовладѣлицы)», СХХІ, августъ, 353—377; сентябрь, 737—763.

Васильевичъ, С. *Рецензія Р-им о книгѣ его*: «Титулованные роды Россійской имперіи. Опытъ подробнаго перечисленія всѣхъ титулованныхъ русскій дворянскихъ фамилій, съ указаніемъ происхожденія каждой фамиліи, а также времени полученія титула и утвержденія въ немъ. Спб. 1910», СХХІІ, октябрь, 344—346.

Васильчиковы, князья:

— Ал-дръ Иларіонъ, СХІХ, февраль, 483—487, 492—496, 498, 500—503.

— Викторъ Иларъ, СХІХ, февраль, 484—486.

Вастенъ, Влад. Александръ, гинекологъ. *Некрологъ его*: СХІХ, февраль, 776—777.

Ващукъ, Александръ. *О немъ статьи*: 1) В. Темникова: «Ващукъ-Выгорскій», СХІХ, февраль, 620—628 и 2) М. А. Яковлева: «Ващукъ-Погосскій», ib, стр. 629—638. — *О немъ въ статьѣ И. Подольскаго*: «По поводу статьи «Губернаторъ-революціонеръ», СХХ, май, 691—709.

Введенскій, С. Н. *Его статья*: «Одинъ изъ почитателей св. Тихона Задонскаго», СХХІ, июль, 140—148.

Веймаръ, О. Э., докторъ, революціонеръ, СХІХ, январь, 229, 231, 233—234; СХХ, май, 634; СХХІ, августъ, 587, 598.

Вейнбергъ, Петръ Исаевичъ, поэтъ-переводчикъ, СХХІІ, ноябрь, 739.

Велепольскій, маркизь, СХХІІ, октябрь, 255—257.

Венгеровъ, Сем. Ав. *Рецензія Б. М. о редактированныхъ имъ II и III томахъ*: «Пушкинъ. Библіотека великихъ писателей. Изданіе Брокгауза-Ефрона. Спб. 1908—1909», СХІХ, январь, 327—330. — *Рецензія П. Д. о книгѣ его*: «Источники словаря русскіихъ писателей. Т. II. Годская-Карамзинъ. Спб. 1910», СХХ, май, 723—724. — *Рецензія В. Р-ва о редактированномъ имъ IX томѣ*. «Полнаго собранія сочиненій В. Г. Бѣлинскаго. Спб. 1910», СХХІ, сентябрь, 1085—1086. — *Рецензія М. Б. о редактированномъ имъ четвертомъ томѣ*: «Пушкинъ. Библіотека великихъ писателей. Спб. 1910», СХХІІ, ноябрь, 750—754.

Вербицкій, Николай Андр., педагогъ, писатель. *Некрологъ его*: СХІХ, январь, 390—391.

Веретенниковъ, И. В. *Рецензія проф. П. В. Верховскаго о книгѣ его*: «Исторія тайной канцеляріи Петровскаго времени. Харьковъ. 1910», СХХ, июнь, 1040—1041.

Верховскій, Влад. Ваад., государственный дѣятель. *Некрологъ его*: СХХ, апрѣль, 389—390.

Верховскій, П. В., проф. *Рецензія его*: 1) «А. С. Мухоминъ. Пріѣздъ иностранцевъ въ Московское государство. Изъ исторіи русскаго права ХVI и ХVII вѣковъ. Спб. 1909», СХХ, май, 710—714. — 2) «В. И. Веретенниковъ. Исторія тайной канцеляріи Петровскаго времени. Харьковъ. 1910», СХХ, июнь, 1040—1041.

Вестморландъ, графиня, племянница Веллингтона, СХХ, апрѣль, 361—362.

Вильгельмъ - Фридрихъ, принцъ прусскій, потомъ императоръ германскій. *О немъ въ статьѣ Г. Т. Стверцова-Полилова*. «На одной скамьѣ съ

императоромъ Вильгельмомъ», СХІХ, январь, 128—147, 151—154, 157.

Виноградовы:

— Вас. Ив., актеръ, СХХІ, сентябрь, 821—822.

— Ив. Никол., СХІХ, мартъ, 990—991.

Виреніусъ, Ал-дръ Самойловичъ, докторъ медицины. *Некрологъ его*: СХХ, май, 778—779.

Висковатовъ, П. А. проф., СХІХ, мартъ, 891.

Виташевскій, Н. А., СХХІ, июль, 168—173.

Витгенштейнъ, Леонила, княгиня (урожденная княжна Барятинская), СХХІІ, декабрь, 1148.

Витте, Сергій Юльевичъ, графъ, СХХ, май, 496—497.

Віардо, Полина (по сценѣ Гарсія), знаменитая пѣвица, другъ И. С. Тургенева, СХХІ, июль, 329—331 (по поводу ея смерти).

Віельгорскій, Матвій Юрьевичъ, графъ, СХХІ, августъ, 397, 398, 411, 412; сентябрь, 772, 777.

Владимиръ Александровичъ, великій князь, СХІХ, мартъ, 873, 898, 982, 998, 1001.

Вогюе (де), Евгений-Мельхиоръ, виконтъ, извѣстный популяризаторъ русской литературы, СХХ, июнь, 1088—1089 (по поводу его смерти).

Войцеховскій, А. М., СХХ, май, 429—430, 435.

Волковы:

— Евг. Степ., педагогъ. *Некрологъ его*: СХХІ, сентябрь, 1128.

— О. К., СХХ, июнь, 1053—1057.

Волконскіе, князья:

— Михаилъ Сергѣевичъ, статсъ-секретарь. *Некрологъ его*: СХІХ, январь, 391—392.

— Николай Сергѣевичъ, членъ Государственной Думы. *Некрологъ его*: СХХ, апрѣль, 390.

Волховской, Феликсъ, ссыльный, СХХ, июнь, 844—825, 834; СХХІ, июль, 41.

Володимировъ, Влад. Мих., профессоръ Александровской военно-юридической академіи. *Некрологъ его*: СХХІ, августъ, 716.

Вольфъ, Юлій, нѣмецкій романистъ, СХХІ, июль, 331 (по поводу его смерти).

Вольфъ фонъ-деръ-Остенъ-Сакенъ, баронъ. *Рецензія П. Майкова о книгѣ его*: «Государственно-правовое положеніе великаго княжества Финляндскаго въ Россійскомъ государствѣ. Спб. 1910», СХХІ, сентябрь, 1064—1067.

Воронцовъ-Дашковъ, Ив. Ил., графъ, намѣстникъ кавказскій, СХХ, май, 506, 510, 515, 527, 537; СХХІ, августъ, 591, 592.

Воротиловъ, Евграфъ Серг., архитекторъ. *Некрологъ его*: СХХІ, сентябрь, 1128.

Воскресенскіе:

— А. А., профессоръ Петербургскаго университета, СХХІІ, декабрь, 879, 880.

— К. П. *О немъ въ статьѣ князя Б. А. Щетинина*: «Одинъ изъ немногихъ. (Памяти К. П. Воскресенскаго)», СХХ, май, 544—554.—*Некрологъ его*: СХХ, апрѣль, 390—391.

Врубель, Мих. Ал., художникъ. *Некрологъ его*: СХХ, май, 779.

Всеволожскій, Ив. Александр., директоръ Императорскихъ театровъ. *О немъ въ статьѣ князя Б. А. Щетинина*: «Встрѣча съ И. А. Всеволожскимъ», СХІХ, январь, 190—194.—*О немъ въ статьѣ В. Я. Святлова*: «Покази!» (Памяти Ивана Ал. Всеволожскаго), СХХ, апрѣль, 45—60.—*Упомянется*: СХХІ, сентябрь, 820, 841, 842.

Высочинъ, Дмитрій Гавр., СХХІІ, ноябрь, 816.

Вяземскіе, князья:

— Б. Л. *Рецензія В. Грибовскаго о книгѣ его*: «Верховный тайный совѣтъ. Спб. 1909», СХХ, июнь, 1043—1044.

— Леон. Дм., генераль-отъ-кавалеріи. *Некрологъ его*: СХІХ, январь, 392—393.

— Петръ Андреевичъ, СХІХ, мартъ, 996, 997, 999.

Г.

Г. П. *Рецензія его*: «А. П. Смирновъ. Жизнь для другихъ. Сборникъ историческихъ и бытовыхъ разсказовъ для дѣтей средняго и старшаго возраста. Спб. 1910», СХІХ, мартъ, 1103.

Гавриилъ, митрополитъ петербургскій и новгородскій, СХХІ, июль, 141—142.

Гагаринъ, Павелъ Павловичъ, князь, предсѣдатель государственнаго совѣта, СХІХ, январь, 49—50.

Гайдебуровъ, П. А., писатель, издатель-редакторъ «Недѣли», СХІХ, январь, 54; февраль, 435; СХХІ, июль, 39.

Галкинъ, А. П., полковникъ. *Рецензія Л. Н. о книгѣ его*: «Русско-Японская война.—Четырехдневное сраженіе 2-й Манчжурской арміи ген.-ад. Гринпенберга при Хейгоутай-Сандену, съ 12 по 15 января, 1905 года. Спб. 1909», СХХІ, августъ, 660—662.

Галкинъ-Враской, Н. Его замѣтка: СХХІІ, декабрь, 1224.

Гамильтоны:

— Вильямъ, сѣръ, СХХІІ, декабрь, 1181.

— леди, красавица, СХХІІ, декабрь, 1180—1183.

Гарсиа, Полина (по мужу Вiардо), артистка, СХІХ, февраль, 743.

Гартманъ, Левъ Николаевичъ (онъ же Сухоруковъ), русскій революціонеръ, СХХІІ, октябрь, 308—309; декабрь, 1086.

Гартманъ, Садакичи. *Рецензія И. Александрова о книгѣ его:* «Японское искусство. Переводъ съ англійскаго О. Кринской, съ 49 иллюстраціями. Спб. 1909», СХІХ, мартъ, 1123—1124.

Гарцевичъ, Г. А. Его замѣтка: «По поводу статьи В. Маркова «Къ характеристикѣ графа М. Н. Муравьева», СХХІ, августъ, 792—735.

Гедонъ (изъ рода князей Святополье-Четвертинскихъ), православный луцкій епископъ, СХХ, июнь, 1022.

Гейе, Альбертъ, французскій археологъ, СХХІ, сентябрь, 1093—1094.

Гейкинъ, баронъ, СХХІ, июль, 175—181.

Гейманъ, Вас. Александр., генераль-лейтенантъ, СХХ, апрѣль, 263, 275—276.

Геймбрукъ, Владимиръ Теодор., баронъ, морской инженеръ-механикъ. *Некрологъ его:* СХІХ, февраль, 777—778.

Гельфманъ, Гезя Мировна, русская революціонерка, СХХІІ, октябрь, 277, 291, 292, 301; ноябрь, 681; декабрь, 1092, 1100.

Генкель, книгопродавецъ, СХІХ, январь, 51—53.

Генцъ (фонъ), Фридрихъ, публицистъ и политическій дѣятель, СХХІ, августъ, 684—691.

Георгиевскій, Г. П., бібліотекаръ Румянцовскаго музея, СХХ, апрѣль, 206—212 (по поводу опубликованныхъ имъ новыхъ рукописей Гоголя).

Георгій Георгиевичъ, герцогъ Мекленбургъ-Стрелицкій. *Некрологъ его:* СХІХ, январь, 395—396.

Георгъ III, король англійскій, СХХІІ, октябрь, 374.

Геркенъ, В. А., СХХ, июнь, 810, 813. **Геровскій, Ю. М.,** докторъ. *Некрологъ его:* СХІХ, мартъ, 1171—1172.

Геродотъ, «отецъ исторіи», СХХІ, августъ, 626, 628, 629.

Герценштейнъ, Д. М., тюремный врачъ, СХХ, апрѣль, 218, 221, 223—226, 243, 250—251; СХХІ, августъ, 468.

Герценъ, Александръ Ивановичъ (Искандеръ), СХІХ, январь, 49, 52, 164; февраль, 551, 583, 588, 639; СХХ, апрѣль, 63, 73, 74; май, 724—725 (по поводу писемъ къ нему г-жи Рейхель).

Герье, Влад. Иван., извѣстный историкъ, СХХІ, сентябрь, 1123—1125 (по поводу 50 лѣтія его ученой и государственной дѣятельности).

Гессенъ, I. В., СХІХ, февраль, 643.

Гиляровъ, М. А., СХХ, май, 433—435; июнь, 810, 814—816; СХХІ, июль, 44, 50.

Гиршманъ, Леонардъ Леопольдовичъ, извѣстный окулистъ, проф., СХХІ, июль, 336 (по поводу 50-лѣтія его врачебной дѣятельности).

Гладстонъ, Вильямъ-Эвартъ (1809—1898), англійскій государственный дѣятель и писатель, СХХ, май, 758 (по поводу столѣтія со дня его рожденія).

Глинка, Михаилъ Ивановичъ, извѣстный русскій композиторъ, СХХ, июнь, 866, 876, 880; СХХІ, августъ, 403; сентябрь, 772; СХХІІ, октябрь, 71.

Глинскій, Бор. Бор., писатель. *Статьи его:* 1) «Царевубійство 1 марта 1881 года. (Историческіе очерки)», СХІХ, январь, 216—249; февраль, 639—668; мартъ, 1004—1039; СХХ, апрѣль, 214—257; май, 618—635; СХХІ, июль, 155—193; августъ, 576—602; сентябрь, 985—1026; СХХІІ, октябрь, 276—317; ноябрь, 666—708; декабрь, 1058—1106.—2) «Павель Яковлевичъ Дашковъ. (Характеристика и воспоминаніе)», СХІХ, мартъ, 966—977.—3) «Памяти М. М. Шершевскаго», СХІХ, мартъ, 978—989.—4) «Второй всероссійскій съѣздъ писателей», СХХ, июнь, 978—1008.—5) «Графъ Левъ Николаевичъ Толстой (1829—1910)», СХХІІ, декабрь, 1—40.

Рецензіи его: 1) «В. И. Семеновскій. Политическія и общественыя идеи декабристовъ. Спб. 1909», СХІХ, январь, 306—309.—2) «Кувнецовъ, В. Киргизское хозяйство въ Акмолинской области. Т. I. Кокчетавскій уѣздъ. Повторное изслѣдованіе 1907 г. Спб. 1909», СХІХ, февраль, 721—724.—3) «Вл. Семеновъ. Цѣна крови. Спб. 1910», СХІХ, мартъ, 1107—1108.—4) «В. Розановъ. Итальянскія впечатлѣнія. Спб. 1909», СХІХ, мартъ, 1116—1117.—5) «Ф. Ліонъ. Прекрасная грѣшница. Романъ королевы Драги. Придворная хроника и интимная жизнь сербскаго двора. Переводъ съ нѣмецкаго А. И. Долинскаго. Спб. 1910», СХІХ, мартъ, 1119—1120. 6) «Труды 1-го всероссійскаго женскаго съѣзда при русскомъ женскомъ обществѣ въ С.-Петербургѣ 10—16 дека-

брия 1908 года. Спб. 1909», СХХ, апрѣль, 309—310.—7) «Изъ архива князя С. В. Шаховскаго. Матеріалы для исторіи недавняго прошлаго прибалтійской окраины (1885—1894 гг.). Т. II. Спб. 1909», СХХ, апрѣль, 349—344.—8) «Ежегодникъ императорскихъ театровъ. Выпуски XVII и XVIII. Подъ ред. Гнѣдича. Спб. 1909», СХХ, май, 729—731.—9) «И. А. Родіоновъ. Наше преступленіе. (Не бредъ, а быль). Изъ современной народной жизни. Спб. 1910», СХХ, май, 732—734.—10) «Жизнь и труды М. П. Погодина. Николая Барсукова. Посмертное изданіе. Книга 22, съ приложеніемъ подробнаго указателя ко всѣмъ 22 книгамъ. Спб. 1910», СХХ, июнь, 1063—1064.—11) «Современники. Альбомъ біографій Н. И. Афанасьева. Т. II. Спб. 1910», СХХ, июль, 1065—1066.—12) «Е. В. Коршъ. Двадцать лѣтъ на желѣзныхъ дорогахъ (1889—1908 г.). Воспоминанія о желѣзнодорожной службѣ. Спб. 1910», СХХ, июль, 287—289.—13) «Г. Т. Сѣверцовъ-Полиловъ. «Простулась женщина». Очерки и рассказы изъ жизни современной Финляндіи. Спб. 1910», СХХ, июль, 289—290.—14) «Г. Торнъ. Когда наступилъ мракъ. Исторія одного великаго заговора. Перев. съ англійскаго. Изданіе А. Суворина. Спб. 1910», СХХ, июль, 301—303.—15) «Журналъ генералъ-адъютанта графа К. О. Толь о декабрьскихъ событіяхъ 1825 г. Изданіе и редакція графа Е. Н. Толь. Спб. 1910», СХХ, августъ, 654—655.—16) «Надежда Санжаръ. Записки Анны. Спб. 1910», СХХ, августъ, 666—668.—17) «Н. Крохоткина. Революціонное время въ Россіи. Судь надъ крестьянами послѣ погрома. Спб. 1910», *ibidem*, стр. 662.—18) «Николай Морозовъ. Письма изъ Шлиссельбургской крѣпости. Спб. 1910», СХХ, сентябрь, 1083—1085.

Гнѣдичъ, Петръ Петровичъ, писатель. *Его*: «Искатели», СХХ, ноябрь, 417—469; декабрь, 819—863.

Гоголь, Николай Васильевичъ, СХХ, январь, 36—37, 50; СХХ, сентябрь, 786; СХХ, октябрь, 328—334.

— *О немъ въ книгѣ В. В. Каллаша*: «Гоголь въ воспоминаніяхъ современниковъ и перепискѣ. М. 1909», рецензир. А. Фоминимъ, СХХ, январь, 325—327.— *О немъ въ замѣткѣ А. Лебедева по поводу Гоголевскаго юбилея 1909», СХХ, январь, 399—400.— О немъ въ статьѣ А. Фомина*: «Новое о Гоголѣ. (По поводу опубликован. новыхъ рукописей Гоголя)» СХХ, апрѣль, 206—213.— *О немъ въ замѣткѣ В. Семенникова*:

«Домъ, гдѣ жилъ Гоголь», СХХ, апрѣль, 399—400.— *О немъ въ брошюрѣ Сергія Вертенсона*: «Библиографическій указатель литературы о Гоголѣ за 1900—1909 гг. Спб. 1910», рецензированной г. Д—ій, СХХ, июль, 290—292.— *Его*: «Сочиненія и письма. Редакція В. В. Каллаша. 9 т. Спб. 1909—1910», рецензировав. А. Фоминимъ, СХХ, ноябрь, 758—759.

Голицына, Марія Михайловна, свѣтлѣйшая княгиня, статсъ-дама. *Некрологъ ея*: СХХ, июнь, 1112.

Голицыны, князья:

— В. М., князь, московск. городской голова, СХХ, май, 557, 561; июнь, 909, 910.

— Г. С., князь, главноуправляющій на Кавказѣ, СХХ, май, 500.

— Николай Яковлевичъ, СХХ, январь, 57—59, 62, 64, 70.

— Вѣра Дмитриевна, жена предыдущаго, СХХ, январь, 57—82,

— Дмитрій Влад., московскій генералъ-губернаторъ, СХХ, январь, 61.

Головина, В. З. *Ея*: «Семейная хроника. (Изъ записокъ моей бабушки)», СХХ, январь, 7—34; февраль, 403—430; мартъ, 785—808; СХХ, апрѣль, 5—23; май, 401—422; июнь, 785—806; СХХ, июль, 5—26.

Головиницъ, Александръ Васильевичъ, министръ народнаго просвѣщенія, СХХ, январь, 92.

Голубевъ, Н. Н. *Рецензія В. Грибовскаго о книгѣ его*: «Международныя административныя коммисіи XIX вѣка. Очерки теоріи и практики. Ярославль. 1909», СХХ, февраль, 725—726.

Гольденбергъ, Григорій Давидовичъ, революціонеръ, СХХ, августъ, 580—589; сентябрь, 1001, 1020—1022; СХХ, октябрь, 286, 301, 303—310; декабрь, 1066—1074, 1079—1083, 1096.

Гольденштедтъ, Карлъ Георгіевичъ, ученый агрономъ и садоводъ. *Некрологъ его*: СХХ, мартъ, 1172—1173.

Гольцъ, Робертъ, графъ, дипломатъ, СХХ, октябрь, 967.

Гончаровъ, Иванъ Александровичъ, писатель, СХХ, январь, 50; СХХ, ноябрь, 804—805.

Горбуновъ, Ив. Фед., СХХ, февраль, 52; СХХ, сентябрь, 834—836.— *Его*: «Сочиненія». Т. I—III. Спб. 1904—1910. Изданіе особой коммисіи при комитетѣ общества любителей древней письменности», рецензир. А. Б., СХХ, ноябрь, 754—757.

Гордѣевъ, Н. Н., курскій губернаторъ, СХХ, апрѣль, 288—299.

- Горевъ**, Фед. Петр., артистъ. *О немъ въ статейкѣ Н. Ежова*: «Памяти артиста Ф. П. Горева», СХХ, май, 688—690.—*О немъ въ воспоминаніяхъ А. А. Плещеева*: СХХІ, августъ, 434—435; сентябрь, 823—824.—*О немъ статья В. Маркова*: «Изъ воспоминаній объ артистѣ Горевѣ», СХХІІ, ноябрь, 661—666.
- Горленки**:
- Андрей Андреевичъ, полковникъ, СХХ, апрѣль, 308—309.
  - Андрей Дмитриевичъ, бунчуковый товарищъ, СХХ, апрѣль, 310, 314—316.
  - Дмитрий Лазаревичъ, наказной гетманъ, СХХ, апрѣль, 311—314.
  - Лазарь, прилуцкій полковникъ, СХХ, апрѣль, 311.
- Горностаевъ**, Фед. И., архитекторъ, СХХІІ, декабрь, 903—907.
- Городецкій**, Бор. М. *Рецензія его*: «Кубанскій сборникъ. 1910. Труды кубанскаго областного статистическаго комитета. Подъ редакцію Л. Т. Соколова. Томъ XV. Екатеринодаръ. 1910», СХХІІ, декабрь, 1161—1162.
- Горчаковъ**, Александръ Михайловичъ, свѣтлѣйшій князь, канцлеръ, СХХ, апрѣль, 362—365; СХХІІ, октябрь, 261; декабрь, 1139; 1143, 1147.
- Горчаковъ**, Михаилъ Дмитр., князь, намѣстникъ царства Польскаго, СХХІ, сентябрь, 970—972, 976, 977; СХХІІ, октябрь, 255.
- Горчаковъ**, Мих. Иван., протоіерей, извѣстный профессоръ. *Некрологъ его*: СХХІ, сентябрь, 1128—1129.
- Горькій**, Максимъ, псевдонимъ писателя Алексѣя Максимовича Пѣшкова, СХІХ, январь, 166, 174; СХХІІ, октябрь, 359.
- Готье**, маркитантъ въ русско-турецкую войну 1877—78 г.г. СХІХ, январь, 290—291.
- Готье**, Жюдитъ (въ замужествѣ за Катюль-Мендесомъ), писательница, избранная академіей Гонкурровъ въ число «десяти», СХХІІ, декабрь, 1192.
- Готшевичъ**, В. И., археологъ, СХХІ, сентябрь, 1118—1119.
- Грабенскій**, Влад. *Рецензія А. Я. о книгѣ его*: «Исторія польскаго народа». Разрѣшенный авторомъ переводъ со второго дополненаго польскаго изданія, (1906), подъ ред. Н. Ястребова, съ картой Польши XVII вѣка. Спб. 1910», СХІХ, январь, 339—340.
- Градовскій**, Григ. Конст., публицистъ, СХІХ, январь, 200, 217—220; февраль, 649—650; СХХ, апрѣль, 215—217, 236, 240—243, 246—249, 254—256; июнь, 979, 980, 982, 986, 988—990, 999—994, 1000—1002.
- Градовъ-Соколовъ**, Леонг. Ив., артистъ, СХХІ, августъ, 450—452.
- Гредескулъ**, Н. А. профессоръ, СХХІІ, декабрь, 1007.
- Грейгъ**, Самуиль Алексѣевичъ, министръ финансовъ, СХІХ, февраль, 658, 659.
- Гренвилль**, лордъ, англійскій дипломатъ, СХХІІ, декабрь, 1138, 1140.
- Грибовскій**, В. М. *Рецензія его*: 1) *Н. Н. Голубевъ*. Международныя административныя комиссіи XIX вѣка. Очерки теоріи и практики. Ярославль, 1909», СХІХ, февраль, 725—726. 2) «Кн. В. Л. Вяземскій. Верховный тайный совѣтъ. Спб. 1909». СХХ, июнь, 1043—1044.— 3) «Административная юстиція въ Россіи. 2 тома, барона С. А. Корфа, проф. Александровскаго унив. въ Гельсингфорсѣ. Спб. 1910», СХХІІ, декабрь, 1153—1159.
- Грибоѣдовъ**, Ал-дръ Сергѣевичъ, авторъ комедіи: «Горе отъ ума». «*О немъ въ статьѣ Н. В. Шаломитова*: «Грибоѣдовъ и музыка», СХХ, июнь, 865—883.
- Григорьевъ**, В. *Рецензія М. Ключкова о книгѣ его*: «Реформа мѣстнаго управленія при Екатеринѣ II. Спб. 1910», СХХІІ, октябрь, 340—344.
- Грингмутъ**, В. А. редакторъ-издатель «Московскихъ Вѣдомостей», СХХ, апрѣль, 152, 156, 157; июнь, 1105—1107 (по поводу освѣщенія его намогильнаго памятника); СХХІ, августъ, 468.
- Гриневицкій**, Игнатій Іоакимовичъ, революціонеръ, СХХІІ, декабрь, 1089—1096, 1100—1105.
- Гринченко**, В. Д., украинскій писатель. *Некрологъ его*: СХХ, июнь, 1112—1113.
- Гротъ**, Карлъ Яковл., проф. *Статья его*: «Дни Карамзинскаго юбилея 1866 года. (Отрывокъ «Дневника» Я. К. Грота)», СХІХ, мартъ, 993—1003.
- Гротъ**, Як. Карл., академикъ, СХІХ, мартъ, 993—1003 (выдержки изъ его «Дневника»).
- Грузинскій**, А. Е. *Рецензія А. Фомина о редактированной имъ «Историко-литературной бібліотекѣ»*. Ф. Ф. Нелидовъ. Западники 40-хъ годовъ.—Н. Л. Бродскій. Ранніе славянофилы. М. 1910», СХХІІ, декабрь, 1170—1171.
- Грушевскій**, Мих. Серг., историкъ Украины, СХХІ, августъ, 707—708 (по поводу 25 лѣтія его научно-литературной и общественной дѣятельности).—*Рецензія А. Я. о книгѣ его*: «Исторія

Украини-Руси. Томъ VII. Львовъ 1909», СХХI, сентябрь, 1072—1073.

Грязновъ, Фед. Фед., СХХ, май, 534, 538.

Гуддингтонъ, Эльсвортъ, проф., изслѣдователь мѣстонахожденія Содома и Гоморры, СХХI, августъ, 669—670,

Гулевичъ, С. А.—*Рецензія Мих. Соколовскаго о книгѣ его: «Исторія л. гв. Финляндскаго полка. Часть V. Документы и приложенія. Спб. 1910»*, СХХII, декабрь, 1160—1161.

Гунтъ, Вильямъ-Гольманъ, художникъ, СХХII, ноябрь, 786—787 (по поводу его смерти).

Гуревичъ, Яковъ Григорьевичъ, педагогъ, писатель, СХХ, апрѣль, 387, (по поводу открытія памятника на могилѣ его, на кладбищѣ Александро-Невской лавры).

Гурко, Іосифъ Владимировичъ, графъ, генераль-адъютантъ, СХХ, январь, 298.

Гучковъ, А. И., СХХ, апрѣль, 157—158; май, 562, 571; июнь, 909, 910, 915—919.

Гюго, Викторъ (1802—1885), извѣстный французскій поэтъ-романтикъ, СХХI, сентябрь, 1114—1115 (по поводу 26 лѣтія со дня его смерти); СХХII, ноябрь, 770—774 (въ воспоминаніяхъ актрисы Жюдитъ).

Д

Д. З. *Рецензія его: «В. В. Даниловъ. Вліяніе бытовой и литературной среды на «Вечера на хуторѣ близъ Диканьки» Н. В. Гоголя. Одесса. 1909»*, СХХ, май, 726.

Д'Альтонъ, Эме, Ирэнъ, корреспондентка поэта Мюсса, СХХ, февраль, 731—744.

Давыдовъ, Вл. Ник., артистъ, СХХI, сентябрь, 832—834, 840, 843.

Данилевскій, Мих. Александровичъ, контръ-адмиралъ. *Некрологъ его: СХХI, сентябрь, 1129—1130.*

Данилова, Варвара. *Ея статья: «Какъ мой отецъ попалъ въ корпусъ. (Изъ воспоминаній дѣдушки)»*, СХХII, ноябрь, 646—653.

Даниловъ, В. В. *Рецензія Д. З. о брошюрѣ его: «Вліяніе бытовой и литературной среды на «Вечера на хуторѣ близъ Диканьки» Н. В. Гоголя. Одесса, 1909»*, СХХ, май, 726.

Данчицъ, Ксенофонтъ Михайловичъ, врачъ-филагеитъ. *Некрологъ его: СХХII, октябрь, 406.*

Дашковъ, Павелъ Яковлевичъ, извѣстный коллекціонеръ. *О немъ статья Б. Б. Глинскаго: «Павелъ Яковлевичъ*

Дашковъ, (Характеристика и воспоминаніе)», СХХ, мартъ, 966—977.—*О немъ въ статьѣ: «Собраніе Пушкинскаго лицейскаго общества въ память П. Я. Дашкова»*, СХХ, май, 673—683.—*О немъ въ статьѣ вел. князя Николая Михайловича: «Памяти Павла Яковлевича Дашкова»*, СХХ, май, 684—687.

Дашковъ, Яковъ Андреевичъ, отецъ предыдущаго, СХХ, мартъ, 967—968.

Дворжакъ, Александръ Карловичъ, рязанскій общественный дѣятель. *Некрологъ его: СХХI, августъ, 716—717.*

Дебогорій-Мокрѣвичъ, Вл., авторъ «Воспоминаній», СХХI, июль, 158—160, 173—174, 180—186.

Девель, Н. М. *Статья ея: «Царицыно»*, СХХ, февраль, 669—699.

Дейчъ, Левъ Григор., русскій революціонеръ, СХХ, январь, 235, 239, 243—244; СХХI, августъ, 585; сентябрь, 988, 1016.

Деккеръ-Шенкъ, музыкантъ, СХХII, ноябрь, 482.

Деляновъ, Иванъ Давыдовичъ, графъ, министръ народнаго просвѣщенія, СХХII, декабрь, 833—884.

Демертъ, Николай Александр., писатель, СХХ, январь, 55; мартъ, 809—818; 829 (въ воспоминаніяхъ А. М. Скабичевскаго).

Державинъ, Иванъ Семеновичъ, священникъ, поэтъ, СХХ, январь, 321—323.

Державинъ, Н. А. *Статьи его: 1) «Пѣвецъ Волги и воли. (Дм. Ник. Садовниковъ и его поэзія)»*, СХХI, июль, 94—129.—2) «Забутые поэты: Тургеневъ, Овновининъ и Тимоѣевъ. (Изъ симбирской хроники)», СХХI, сентябрь, 847—874.

Деруновъ, Савва Яковлевичъ, народный поэтъ. СХХ, апрѣль, 172—177, 180, 182, 185, 187.—*О немъ статья И. С. Блѣева: «Памяти С. Я. Дерунова»*, СХХ, июнь, 884—892.

Джунковскій, В. Ф., московскій губернаторъ, СХХ, май, 559—560

Дикгофъ, А. А., СХХI, июль, 90.

Дилакторскій. *Рецензія его: 1) «Библиографическій указатель литературы о Сѣверѣ по матеріаламъ, собраннымъ Архангельскимъ обществомъ изученія русскаго Сѣвера. Указатель литературы о дѣятельности Петра Великаго на Сѣверѣ и описъ старыхъ дѣлъ губернскихъ присутственныхъ мѣстъ въ Архангельскѣ, съ 1710—1725 г. Составилъ А. Ф. Шидловскій. Архангельскъ. 1910»*, СХХI, июль, 279—280. 2) «Уроженцы и дѣятели Владимирской губерніи. Матеріалы для біо-библиографическаго словаря. Собрать

и дополнилъ А. В. Смирновъ. Выпускъ 4. Владимиръ. 1910», СХХІ, июль, 283—284.

Диль, Шарль, адъюнктъ-профессоръ парижскаго университета. *Рецензія А. М-на о книгѣ его: «Византійскіе портреты. Перевелъ Е. Киричинскій. Харьковъ. 1910»*, СХХІ, августъ, 663—664.

Димертъ, Егоръ Ивановичъ, архитекторъ, СХХІ, августъ, 394—395; СХХІІ, декабрь, 913—914.

Димитрій, св., митрополитъ ростовскій. *Книга Ан. Гитова: «Проповѣди св. Димитрія, митрополита ростовскаго, на украинскомъ нарѣчій. М. 1909»*, рецензировавшая Г. Р-ць, СХІХ, январь, 313—315.

Дическулъ, Л. А., русскій революціонеръ, СХХ, апрѣль, 224—227.

Діацъ, Порфирио, президентъ Мексиканской республики, СХХІІ, декабрь, 1194—1195.

Д-ій, Рецензія его: «Сергій Бертенсонъ. Библиографическій указатель литературы о Гоголѣ за 1900—1909 гг. Спб. 1910», СХХІ, июль, 290—292.

Дмитревскій, И. П., елабужскій нотаріусъ, СХІХ, мартъ, 895—899.

Дмитріева-Мамонова, Елиз. Ал. Некрологъ ея: СХІХ, февраль, 778.

Дмитріевъ, Ал. Статья его: «Скорбная страница въ исторіи нашего духовенства», СХХІ, июль, 194—207.

Добровольскій, Петръ Мих., мѣстный дѣятель и археологъ. *Некрологъ его:* СХХІІ, декабрь, 1217—1219.

Добродѣевъ, штабсъ-капитанъ жандармскій, СХХІ, июль, 169—171.

Добролюбовъ, Николай Александровичъ, критикъ, СХІХ, январь, 42—44.

Доброуравовъ, А. К. Статейка его: «Изъ воспоминаній о самозванцѣ Черемшанскомъ», СХХІ, июль, 208—211.

Добротворская, Нат. Вас. Некрологъ ея: СХХІІ, ноябрь, 808.

Довнаръ-Запольскій, М. В., проф. *Рецензія Тины Соколовской о редактированной имъ книгѣ: «Русская исторія—въ очеркахъ и статьяхъ. Томъ І. Изданіе 2-е. М. 1910»*, СХХІ, июль, 280—281.

Догановичъ, А. Н., писательница, СХІХ, февраль, 772—773. (По поводу 30-лѣтія ея литературной дѣятельности).

Долгоруковы, князья:

— Владимиръ Андреевичъ, московскій генераль-губернаторъ, СХХІ, августъ, 704; СХХІІ, ноябрь, 534, 535.

— Димитрій Николаевичъ, шталмейстеръ, сотрудникъ «Московскихъ Вѣдомостей». *Некрологъ его:* СХХІ, октябрь, 1180.

Долинскій, А. И. Рецензія Г. о переведенной имъ книгѣ Ф. Лёна: «Прекрасная грѣшница. Романъ королевы Драги. Придворная хроника и интимная жизнь сербскаго двора. Спб. 1910», СХІХ, мартъ, 1119—1120.

Достоевскій, Ѳеодоръ Михайловичъ, писатель, СХХ, апрѣль, 240, 242; СХХІІ, октябрь, 335—338.

Драгомировъ, Мих. Ив., извѣстный русскій генераль и писатель. *О немъ въ статьѣ А. И. Писанецкаго: «Изъ воспоминаній о М. И. Драгомировѣ»*, СХІХ, январь, 187—189.

Дрентельнъ, Александръ Романовичъ, шефъ жандармовъ, генераль-адъютантъ, потомъ кievскій генераль-губернаторъ, СХХІ, августъ, 578—584, 587—588, 593; СХХІІ, ноябрь, 675, 676, 678, 692.

Дриль, Дмитрій Андреевичъ, профессоръ, тюрьмовѣдъ. *Некрологъ его:* СХХІІ, декабрь, 1219—1220.

Дрожжинъ, Спиридонъ Дмитр., народный поэтъ, СХХ, апрѣль, 191.

Дружининъ, Вас. Григ., историкъ. *Рецензія В. Троцкого о редактированной имъ: «Лѣтописи завѣтій императорской археографической комиссіи за 1909 годъ. Выпускъ 21 и 22-й. Спб. 1909 и 1910»*, СХІХ, январь, 810—811 и СХХІ, августъ, 657—658.

Дубасовъ, В. Ѳ., вице-адмираль, московскій генераль-губернаторъ, СХХІ, августъ, 471, 475—476; сентябрь, 875—877, 891—894.

Дунинъ, А. А. Статьи его: 1) «Пригородъ Сергеевскъ. (Изъ памятной книжки земскаго статистика)», СХХІ, июль, 212—221.—2) «Неприличная компанія. (Очеркъ)», СХХІ, августъ, 554—560.

Дурново, П. П., московскій генераль-губернаторъ, СХХ, апрѣль, 157—158; май, 558—559; июнь, 907—908; СХХІ, августъ, 469, 471, 476.

Дуровъ, Сергій Ѳеодоровичъ, поэтъ. *О немъ въ статьѣ Гр. А. Пальма: «Сергій Ѳеодоровичъ Дуровъ. (Къ сорокалѣтію его кончины)»*, СХХ, апрѣль, 199—205. — *Упоминается:* СХХІ, августъ, 403—405, 407; сентябрь, 774; СХХІІ, октябрь, 45—48.

Дѣдловъ, В. Л., писатель, СХХІІ, декабрь, 1113.

Е

Е. В. Рецензія его: «И. К. Озеровъ, проф. Атласъ диаграммъ по экономическимъ вопросамъ. Выпускъ П. Алкоголизмъ и борьба съ нимъ. М. 1909», СХХІІ, декабрь, 1165—1166.

Е. Н. К. *Рецензія его:* «Художникъ иллюстраторъ Боклевскій. Его жизнь и творчество. Составилъ К. С. Кузьминскій. М. 1910», СХХІ, июль, 296—296.

Е. С. Ело: «Воспоминанія о Ляличахъ», СХХ, апрѣль, 129—141.

Е. С. У. *Рецензія его:* «С. Р. Минцловъ. На зарѣ вѣка. Спб. 1910», СХХ, май, 721.

Е. Т.—а. *Рецензія Н. А. о книгѣ ея:* «Народный университетъ. Воспитательно-образовательныя учрежденія для народа въ Англии. Спб. 1909», СХХ, июнь, 1057—1059.

Евгенія, императрица, супруга Наполеона III, СХХІІ, декабрь, 1139, 1151.

Евгеньевъ (Кауфманъ), А. Е., писатель. *Его статьи:* 1) «Пропавшая книга», СХІХ, январь, 195—202. — 2) «Авантюристы, самозванцы и блюстители закона. (Изъ уголовной и полицейской хроники)», СХХ, апрѣль, 142—148.

Евлаховъ, Александръ. *Рецензія М. Б. о книгѣ его:* «Пушкинъ, какъ эстетикъ» (Кіевъ, 1909), СХІХ, январь, 324.

Ежовъ, Н. М. *Статьи его:* 1) «Русскія метаморфозы. (Изъ записной книжки журналиста)», СХІХ, январь, 162—176; февраль, 588—602; СХХ, апрѣль, 149—160; май, 555—571; июнь, 907—922; СХХІ, августъ, 467—479; сентябрь, 875—908. — 2) «Памяти артиста Ѳ. П. Горева», СХХ, май, 638—690.

Екатерина II Алексѣевна, императрица, СХІХ, февраль, 670—672, 674, 676, 678, 680, 682, 684, 686, 683, 689, 690, 692, 696, 698; мартъ, 1032, 1047; СХХ, апрѣль, 129, 137, 138; июнь, 1022; СХХІ, августъ, 516—518, 525, 527, 530, 533, 539; 629; СХХІІ, ноябрь, 620, 622, 625, 633, 636, 638.

Елагинъ, Ник. Вас., составитель жизнеописанія св. Тихона, СХХІ, июль, 143—144, 148.

Елачичъ, Н. *Его замѣтка:* «По поводу юбилея государственной канцеляріи», СХХ, апрѣль, 400.

Елена Павловна, великая княгиня, СХІХ, февраль, 489; мартъ, 1095, 1097; СХХІ, сентябрь, 777; 969; СХХІІ, октябрь, 269.

Елизавета Алексѣевна, императрица, супруга императора Александра I. *О ней книга великаго князя Николая Михайловича:* «Императрица Елизавета Алексѣевна, супруга императора Александра I. Томъ III. Спб. 1909», рецензир. В. Т., СХІХ, мартъ, 1092—1099.

Елизавета Петровна, императрица, СХХІІ, ноябрь, 618—622.

Елизавета Теодоровна, великая княгиня супруга убитаго великаго князя Сергія Александровича, настоятельница «Марео-Маринской обители милосердія». — *О ней въ статьѣ князя Б. А. Щетикина:* «По стопамъ Христа», СХХ, июнь, 955—960.

Елисѣева, Ек. П., жена послѣдующаго, СХІХ, февраль, 433—436; мартъ, 814—815, 823; СХХ, апрѣль, 24, 41.

Елисѣевъ, Г. З., писатель, СХІХ, январь, 41, 48—49, 55—56; февраль; 431—436; мартъ, 814, 830; СХХ, апрѣль, 24, 41.

Емельяновъ, Иванъ Пантелеймоновичъ, революціонеръ, СХХІІ, декабрь, 1100—1103.

Епанчинъ, Н. Н., военный историкъ, СХХІІ, ноябрь, 795.

Ермолова, М. Н., артистка, СХІХ, мартъ, 1165 (по поводу 40-лѣтія ея артистической дѣятельности).

Ефименко, Александра Яковлевна, докторъ русской исторіи (honoris causa), СХХІ, июль, 335—336 (по поводу 40-лѣтія ея научно-литературной дѣятельности); СХХІІ, декабрь, 1207—1208.

Ефимовы:

— А. И., журналистъ, СХХ, май, 428—430.

— Иванъ, келейникъ, авторъ «Записокъ» о св. Тихонѣ Задонскомъ, СХХІ, июнь, 145—148.

Ж

Жаворонковъ, Д. Г., директоръ курской гимназіи, СХХІІ, декабрь, 878—880, 883, 884.

Жадишировская, Лавнія (урожд. Бравуръ), СХІХ, январь, 104—107.

Жандръ, А. А., сенаторъ, СХХ, июнь, 873.

Жедринскій, А. Н., курскій губернаторъ, СХХІІ, декабрь, 833.

Желобовскій, Александръ Алексѣевичъ, протопресвитеръ. *Некрологъ его:* СХХ, июнь, 1113—1115.

Желябовъ, Андрей Иванъ, революціонеръ, СХХІ, сентябрь, 993, 998—1001, 1008, 1011, 1014, 1020—1021, 1025; СХХІІ, октябрь, 281, 282, 290, 291, 300, 301, 304, 305, 307, 312, 314, 315; ноябрь, 684; декабрь, 1060, 1063—1064, 1080—1085, 1089—1091, 1094—1095.

Жизневскій, А. К., археологъ, СХІХ, мартъ, 1063.

Жираръ, Поль, беллетристъ, СХХІІ, декабрь, 1183—1184.

Жиркевичъ, А. В. *Рецензія В. Рудакова о книгѣ его:* «Ив. Ив. Орловскій. (Биографическій очеркъ съ при-

ложениями). Вильна, 1909», СХІХ, февраль, 713—714.— *Упоминается*: СХХІІ, декабрь, 1037.

Житковъ, Сергій Мих., инженеръ, педагогъ. *Некрологъ его*: СХХІІ, октябрь, 406—407.

Жуковский, Вас. Андреевичъ, поэтъ, СХХІ, августъ, 558.

Жуковъ, И. А., издатель «Рыбинскаго Листка», СХІХ, январь, 47.

Жюдитъ, французская актриса, СХХІІ, ноябрь, 764—783. (Ея воспоминанія).

В

Завадовскій, Петръ Вас., графъ, фаворитъ Екатерины ІІ, СХХ, апрѣль, 129, 137.

Завалинннъ, Д. И., декабристъ, СХХ, июнь, 873.

Зайцевъ, Александръ Мих., профессоръ Казанскаго унив. *Некрологъ его*: СХХІІ, октябрь, 407—408.

Заіончковскій, А. М., генералъ-майоръ, СХХ, май, 674—676 (по поводу его рѣчи о П. Я. Дашковѣ).

Закревскій, А. А., графъ, московскій генералъ-губернаторъ, СХІХ, январь, 57, 74, 82; СХХІ, сентябрь, 911, 912.

Заозерскій, Н. А. *Рецензія Н. Лернера о книгѣ его*: «А. С. Пушкинъ въ воспоминаніяхъ современниковъ и письмахъ. М. 1910», СХХІІ, декабрь, 1172—1174.

Запольскій (онъ же Черемшанскій, Савинъ).— *О немъ въ статьѣ И. В. Млѣчанникова*: «Одинъ изъ русскихъ самозванцевъ», СХІХ, мартъ, 894—918, и въ статьѣ А. Е. Евсеньева: «Авантюристы, самозванцы и блюстители закона», СХХ, апрѣль, 142—148.

Заславскій, Евгений, русскій революціонеръ, СХХІ, июль, 156.

Засуличъ, Вѣра Ивановна, революціонерка, СХХ, апрѣль, 214—257 (ея «Дѣло»); май, 618, 619, 620, 629; СХХІ, июль 156, 159; сентябрь, 986, 1010, 1017—1019.

Затворницкій, Н. М. *Рецензія Мих. Соколоваго объ его трудахъ* 1) «Указатель біографическихъ свѣдѣній, архивныхъ и литературныхъ матеріаловъ, касающихся чиновъ общаго состава по канцеляріи военнаго министерства съ 1802 до 1902 г. включительно. Спб. 1909.—2) «Приложеніе къ историческому очерку дѣятельности канцеляріи военнаго министерства и военнаго совѣта. Спб. 1910». СХХ, апрѣль, 341—343.

Затерянный, Г. А. *Статья его*: «Кавказскій бунтъ. (Отрывки изъ воспоминаній о 1905 годѣ)», СХХ, май, 502—539.

Защукъ, А., авторъ капитальнаго труда о Бессарабіи, СХХІ, августъ, 639—640.

Звѣревъ, Стефанъ Егоровичъ, священникъ Воронежской епархіи, мѣстный историкъ, СХХ, апрѣль, 385—386 (по поводу 25-лѣтія его дѣятельности).

Зеленинъ, Д. К. *Статья его*: «Народныя суевѣрія о кометахъ», СХХ, апрѣль, 161—168.—*Рецензія его*: «Памятная книжка Вятской губерніи и календарь на 1910 годъ. Составлены подъ редакціей Н. Спасскаго. Вятка. 1910», СХІХ, мартъ, 1104—1105.—*Ея ней поправка*, СХХІ, июль, 351—352.

Зининъ, Николай Николаевичъ, профессоръ. *Некрологъ его*: СХІХ, июнь, 1115—1116.

Зиновьевъ, И. А., русскій посланникъ въ Тегеранъ, СХХІ, августъ, 604.

Золотницкій, полковникъ, петербургскій полицеймейстеръ, СХІХ, февраль, 548—550.

Зотовъ, Вл. Рафаил., писатель, СХІХ, январь, 38.

Зубатовъ, начальникъ охраннаго отдѣленія въ Москвѣ, СХІХ, 590, 599, 600, 601.

Зунделевичъ, Ааронъ, революціонеръ, СХХІ, августъ, 581—583, 588; СХХІІ, октябрь, 300; декабрь, 1066, 1075—1078.

Зуровъ, Алдръ Ельпидиф., генералъ-майоръ, петербургскій градоначальникъ, СХХІ, августъ, 591—594, 600.

Зыковъ, Николай Сем., убійца княгини В. Д. Голицыной, СХХ, январь, 59—82.

И

И. Г.-чъ. *Рецензія его*: «Insel Almanach auf das Jahr 1909. Leipzig. 1909», СХХІІ, октябрь, 368—369.

И. И. У. *Статья его*: «Кериметъ, невѣстка Шамила,—жертва азіатской, а вѣтъмъ русской политикѣ», СХХІ, сентябрь, 922—933.

И. С. В. *Рецензія его*: 1) «Царь Василій Шуйскій и мѣсто погребенія его въ Польшѣ. 1610—1910 г.г. I томъ. Историческое изслѣдованіе проф. Д. В. Цвѣтаева, М.—Варшава. 1910», СХХ, июнь, 1037—1040.—2) «Н. Новомбергскій, проф. Ветеринарънъ дѣло въ Россіи въ половинѣ ХVІІІ ст. (Матеріалы по исторіи медицины въ Россіи). Томскъ. 1910», СХХІІ, ноябрь, 735—737.

Иванова, Елена Иван., преподавательница. *Некрологъ ея*: СХХІІ, ноябрь, 808.

Иванова-Ворейша, А. И., русская революционерка, СХХІІ, октябрь, 292—299.

Ивановъ, М. М. *Рецензія В. Баскина о книгѣ его*: «Исторія музыкальнаго развитія въ Россіи. Въ 2-хъ частяхъ, съ рисунками и нотными примѣрами. Томъ I. Спб. 1910», СХХІІ, декабрь, 1152—1157.

Ивановъ-Бозельскій, М. Т., артистъ, СХХІ, сентябрь, 824—826.

Иванчинъ-Писаревъ, А. И., СХІХ, январь, 224, 229; мартъ, 1034, 1036.

Иваскъ, У. Г. *Рецензія М. С. о книгѣ его*: «Описание русскихъ книжныхъ знаковъ. Выпускъ II», СХХІ, июль, 303.

Иверсень, Юлій Богд., медальеръ, СХХІІ, октябрь, 350.

Ивичевичи, братья, революционеры: — Иванъ, СХХІ, июль, 181—182.

— Игнатъ, СХХІ, июль, 181—182.

Игнатъевъ, С. И. *Статья его*: «Наши востоковѣды», СХХІ, августъ, 603—613.

Измайловъ, А. А.—*Рецензія его*: 1) «Б. В. Варнеке. Исторія русскаго театра. Т. II. XIX вѣкъ. Опытъ изложенія. Казань. 1910», СХХ, май, 728—729.—2) «Русское сценическое искусство за границей. Артистическая повѣдка М. Г. Савиной съ труппой въ Берлинъ и Прагу. Спб. 1909», СХХІ, июль, 299—301.—*Его замѣтка*: «Троицнинскій портретъ Пушкина», ноябрь, СХХІІ, 815—816.

— *Рецензія А. Я. о книгѣ его*: «Помраченіе божковъ и новые кумиры: Новая вѣянія въ литературу. М. 1910», СХІХ, январь, 334—335.

Измаиль-паша, турецкаго генералъ, СХХ, апрѣль, 263, 275—276.

Икояниковъ, Влад. Степ., профессоръ кievскаго университета, СХХІІ, декабрь, 1047, 1048.

Искуль, К. *Статья ея*: «Небесная почитательница. (Изъ жизни моей матери)», СХХІІ, ноябрь, 504—541.

Иззовъ, Ив. Ив. (1768—1846), генералъ-отъ-инфантеріи, бессарабскій наместникъ, СХХІ, августъ, 638.

Иннокентій (Борисовъ), архіепископъ херсонскій и тавричскій, СХХІ, июль, 230—232.

Иностранцевъ, К. А. *Рецензія А. Х-ва о книгѣ его*: «Сасанидскіе этюды. Спб. 1909», СХХІ, июль, 298—299.

Исаковъ, Николай Вас., главный начальникникъ военно-учебныхъ заведеній, СХХ, май, 469—471, 474.

І

І., іеромонахъ. *Рецензія его*: 1) «Архимандритъ Іона. Свѣтъ съ Востока. Выпускъ III. Спб. 1910», СХХІ, сентябрь, 1075—1076.—2) «Архимандритъ Іона. Герой вѣры. Къ вопросу о современномъ положеніи христіанъ въ Турціи. Спб. 1910», СХХІІ, декабрь, 741—743.

Іакинфъ (Бичуринъ), архимандритъ, потомъ миссіонеръ въ Китаѣ и изслѣдователь.—*О немъ въ статьѣ В. П. Федорова*: «Во власти сердца. Историческая быль», СХХІІ, октябрь, 145—152.

Іоасафъ (Горленко), св., епископъ Бѣлгородскій и Обоянскій, СХХ, апрѣль, 306, 308—310, 314, 314, 318—326.

— *О немъ книга Серафима Булакова*: «Святитель Іоасафъ Горленко, епископъ бѣлгородскій и обоянскій. Курскъ. 1909», рецензировавшая В. Р.—вымъ, СХХІ, сентябрь, 1071—1072.

Іона, архимандритъ. *Рецензія іеромонаха І. о книгѣхъ его*: 1) «Свѣтъ съ Востока. Выпускъ III. Спб. 1910», СХХІ, сентябрь, 1075—1076 и 2) «Герой вѣры. Къ вопросу о современномъ положеніи христіанъ въ Турціи. Спб. 1910», СХХІІ, ноябрь, 741—743.

Іосифъ, митрополитъ астраханскій, СХІХ, мартъ, 1090.

Іосифъ, архимандритъ, настоятель Яблочинскаго монастыря, СХХ, июнь, 1024.

Іустинъ (въ мѣрѣ Вишневскій), епископъ пермскій и екатеринбургскій, СХХІ, июль, 197—198.

К

К. X. *Рецензія его*: «А. А. Николаевъ. Теорія и практика кооперативнаго движенія. М. 1909», СХІХ, январь, 335—337.

К. W. *Рецензія его*: «Опись патриаршей ризницы 1720 г. Изданіе комитета по описанію синодальной (патриаршей) ризницы, подготовленное членомъ его, завѣдующимъ патриаршей библиотекой, Н. Поговымъ. М. 1910», СХХІІ, октябрь, 346—347.

Каблицъ, Ос. Ив., см. Юзовъ.

Кавелинъ, Конст. Дм., профессоръ, СХІХ, январь, 211, 214.—*О немъ*: «Воспоминанія» Н. О. К., СХХІІ, ноябрь, 574—586.

Казанскій, П. С., профессоръ московской духовной академіи. *О немъ въ книгѣ прот. А. А. Блжева*: «Проф. московской духовной академіи П. С. Казан.

скій и его переписка съ архіепископомъ костромскимъ Платономъ. Вып. I Сергіевъ посадъ. 1910», СХХ, іюнь, 1053—1054.

Базн-Магомъ, старшій сынъ Ша-миля, СХХI, сентябрь, 922—933.

Казимиръ, Конст. Оед., членъ первой государственной думы. *Некрологъ его*: СХХI, августъ, 717—718.

Каирова, Н. В., СХХ, апрѣль, 29—30 (въ воспомнаніяхъ А. М. Скабичевскаго).

Калачовъ, Николай Васильевичъ, извѣстный юристъ и архивовѣдъ, СХХI, сентябрь, 953.

Калерджи-Муханова, Марія-Феодоровна (урожд. графиня Нессельроде). *О ней статья В. И. Штейна*: «Великовѣтская артистка», СХХI, сентябрь, 958—979; СХХII, октябрь, 254—275.—*Упомянется*: СХХII, декабрь, 1146—1147.

Калерджи, Иванъ, мужъ предыд. СХХI, сентябрь, 959, 960, 967.

Каллашъ, В. В. *Рецензія А. Фомина о книгѣ его*: «Гоголь въ воспомнаніяхъ современниковъ и перопискѣ. М. 1909», СХIX, январь, 325—327.—*Рецензія А. Ф.—на о книгѣ его*: «Портреты русскихъ писателей въ гелиографурахъ извѣстныхъ русскихъ художниковъ. М. 1909—1910», СХХI, августъ, 663.—*Рецензія А. Фомина о редактированіяхъ имъ*: «Сочиненіяхъ и письмахъ Н. В. Гоголя. 9 т. Изд. товарищества «Просвѣщеніе». Спб. 1909, СХХII, ноябрь, 758—759.

Камышанскій, Петръ Констант., вятскій губернаторъ. *Некрологъ его*: СХХII, ноябрь, 808—809.

Канкринъ, Егоръ Францовичъ, графъ, министръ финансовъ, СХХ, февраль, 506—507.

Канненбергъ, В. Р. *Рецензія Л. Н. о книгѣ его*: «Военная географія. Курсъ военныхъ училищъ. Общій обзоръ Россіи въ военно-географическомъ отношеніи. Спб. 1909», СХIX, февраль, 724—725.

Кантемиры:

— Антиохъ Дмитриевичъ, князь, писатель, СХIX, февраль, 671, 674, 678.

— Дмитрій, князь, молдавскій господарь, СХIX, февраль, 670—672, 674, 684, 686, 692.

Каннинъ, Д. В., СХIX, февраль, 520.

Кантеревъ, Н. О., проф. *Рецензія Э. о книгѣ его*: «Патріархъ Никонъ и царь Алексѣй Михайловичъ. Томъ I. Сергіевъ посадъ. 1909», СХХ, апрѣль, 330—331.

Караваевъ, А. Л. *О немъ книжка* «Другъ народа. Александръ Львовичъ Караваевъ, Спб. 1910», реценз. А. Фаресовымъ, СХХII, ноябрь, 747—748.

Каразинъ, Вас. Назар. (1778—1842), положившій основаніе харьковскому университету. *Его*: «Сочиненія, письма и бумаги, собранныя и редактированныя проф. Д. И. Багалъевъ» (Харьковъ, 1910), рецензировапы В. Троцкимъ, СХIX, мартъ, 1111—1113.

Каракозовъ, Дм. Влад., покушавшійся 4 апрѣля 1866 г. на жизнь императора Александра II, СХIX, январь, 49, 91; СХХ, май, 723.

Каразинъ, Николай Мих., російскій исторіографъ. *О немъ въ статьѣ К. А. Грота*: «Дни Карамзинскаго юбилея 1866 года» (Отрывокъ «Дневника» Я. К. Грота), СХIX, мартъ, 993—1003.

Каратыгины:

— Петръ Андр., артистъ, СХХ, іюнь, 872; СХХI, сентябрь, 773, 774.

— Вас. Андр., артистъ, СХХI, сентябрь, 775.

Карль-Теодоръ, герцогъ Баварскій. *Некрологъ его*: СХIX, январь, 366—367.

Карновичъ, Евг. Петр., писатель, СХХ, апрѣль, 29, 33.

Карнинскій, Ив. Г., докторъ, СХIX, январь, 49.

Карповъ, А. Б. *Рецензія В. П. Федорова о книгѣ его*: «Памятникъ казачьей старины. Краткіе очерки изъ исторіи Уральскаго войска. Уральскъ. 1909», СХХI, іюль, 274—275.

Карскій, Е. О., проф. *Рецензія П. С. о редактируемомъ имъ* «Русскомъ Филологическомъ Вѣстникѣ» (Варшава, 1909), СХIX, февраль, 710—713.

Картамышевъ, Вас. Петр., адвокатъ, СХХ, іюнь, 827—832; СХХI, іюль, 27—29, 37, 39, 40, 42, 43, 48, 55.

Кассіанъ, игуменъ Яблочинскаго монастыря, СХХ, іюнь, 1022—1023.

Катковъ, Михаилъ Никифоровичъ, извѣстный публицистъ, СХХI, августъ, 595.

Кауфманъ, А. Ё., писатель. *Его статьи*: 1) «Пионерки высшаго образованія и петербургскій университетъ (Юбилейная замѣтка)», СХIX, январь, 210—215.—2) «Театральныя странички (Памяти В. В. Чарскаго)», СХХ, апрѣль, 258—261.—*Рецензія А. М. Нецаевой о книгѣ его*: «Коронованный узникъ» (Изъ тайнъ Ильдизъ-Кіоска). Спб. 1910», СХIX, мартъ, 1118—1119.

Кауфманъ, Константинъ Петровичъ, генералъ-адъютантъ, виленскій и потомъ

туркестанскій генералъ - губернаторъ, СХХІ, июль, 131, 136, 137, 138.

Кахановъ, Ив. Сем., полковникъ, СХХІІ, декабрь, 871, 872.

Качаловъ, Н. А., СХІХ, февраль, 495—500; мартъ, 870—873, 876; СХХ, апрѣль, 68.

Кашкинъ, Ник. Ник., генеалогъ. *Некрологъ его*: СХІХ, январь, 393—394.

Квятковскій, Александръ Александровичъ, революціонеръ, СХХІ, августъ, 581—586; сентябрь, 992, 1001, 1004, 1005, 1011; СХХІІ, октябрь, 277, 285, 294, 299, 300, 311; декабрь, 1067, 1073—1074, 1077—1079, 1090.

Кемницъ, В. К., СХІХ, февраль, 435.

Кёне, В. В., баронъ, археологъ, СХХІІ, октябрь, 349—350.

Кенигъ, Иосифъ Иосифовичъ, педагогъ. *Некрологъ его*: СХХІ, июль, 344.

Кериметъ, жена старшаго сына Шамиля—Казы-Магомы. *О ней статья И. И. У.*: «Кериметъ, невѣстка Шамиля, жертва азіатской, а затѣмъ русской политики», СХХІ, сентябрь, 922—933.

Кетчеръ, Николай Христоф., переводчикъ, СХІХ, февраль, 518—519.

Клябальчичъ, Николай Ивановичъ, революціонеръ, СХХІІ, октябрь, 305, 306; декабрь, 1067, 1087, 1089, 1094.

Криловъ, Петръ Андреевичъ, одинъ изъ учредителей спб. философскаго собранія. *Некрологъ его*: СХХ, апрѣль, 391.

Кричинскій, Е. *Рецензія А. М.—на о переведенной имъ книгѣ Шарля Дюла*: «Византийскіе портреты. Харьковъ, 1910», СХХІ, августъ, 663—664.

Криичевъ, Конст. Львов., отставной генералъ-инженеръ. *Некрологъ его*: СХХ, май, 779—780.

Кирѣва, Александра Васильевна, СХХ, октябрь, 82—83.

Кирѣвскій, Иванъ Васильевичъ, извѣстный славянофилъ, СХХІІ, октябрь, 328—330, 338.

Кирѣвъ, Александръ Алексѣевичъ, генералъ-отъ-кавалеріи, писатель-славянофилъ и богословъ. *Некрологъ его*: СХХІ, августъ, 718—719.

Киселевскій, Ив. Плат., актеръ, СХХІ, августъ, 451—454.

Киселевъ, Павелъ Дмитріевичъ, графъ, министръ государственныхъ имуществъ и земледѣлія и потомъ посолъ въ Парижѣ, СХХІІ, декабрь, 1141, 1147.

Клейнъ, Владиміръ. *Рецензія его*: 1) «Прив.-доц. А. И. Успенскій. Очерки по исторіи русскаго искусства. Русская живопись до XV вѣка включительно». М. 1910», СХІХ, февраль, 708—710.

2) «А. И. Успенскій. Царскіе иконописцы и живописцы XVII в. Словарь. М. 1910», СХХІІ, октябрь, 350—351.

Клементьевъ, Левъ Мих., оперный артистъ. *Некрологъ его*: СХХІІ, декабрь, 1220.

Клетнова, Е. Н. *Ея статья*: «Въ горахъ Осетіи», СХХІ, сентябрь, 1027—1063.

Клодтъ, Петръ Карловичъ, баронъ, извѣстный скульпторъ, СХХІ, сентябрь, 768—769; СХХІІ, октябрь, 50—56.

Клочковъ, Мих. Вас. *Рецензія его*: 1) «И. М. Радннъ. Учебникъ исторіи русскаго права. Спб. 1910», СХІХ, февраль, 700—702. 2) «Григорьевъ, В. Реформа мѣстнаго управленія при Екатеринѣ II. Спб. 1910», СХХІІ, октябрь, 340—344.

Клѣточниковъ, Николай Вас., революціонеръ, СХХІІ, октябрь, 277, 283—289, 303; декабрь, 1067, 1095.

Ключаревъ, А. С., уфимскій губернаторъ, СХХ, июнь, 1031, 1035.

Ключевскій, Василій Осиповичъ, профессоръ московскаго унив., СХІХ, январь, 378—380 (по поводу 30-лѣтняго юбилея его профессорской дѣятельности).

Кобылинъ, А. Н., СХХ, апрѣль, 289, 294, 299.

Кобылянский, Людвигъ, революціонеръ, СХХ, августъ, 581—585, 588.

Ковалевскіе:

— Егоръ Петръ, извѣстный путешественникъ, СХХІІ, декабрь, 895—897, 905, 908.

— П. И., проф. *Рецензія В. Г. о книгѣ его*: «Национальное воспитаніе и образованіе въ Россіи. Спб. 1910», СХХІ, августъ, 659—660.

Ковальскій, Ив. Март., русскій революціонеръ, СХХІ, июль, 168—174.

Ковзанъ, М. М., генералъ-майоръ (ум. въ 1907 г.), СХХІІ, декабрь, 1043.

Козловы:

— П. А., флигель-адъютантъ, СХІХ, мартъ, 870.

— Павелъ Алексѣевичъ, поэтъ, композиторъ. *О немъ въ статьѣ Н. А. Энгельгардта*: «Давніе эпизоды. «Паша» Козловъ», СХХІІ, октябрь, 123—144.

— П. К., подполковникъ, наслѣдователь Монголіи, СХІХ, мартъ, 1157—1158.

Козубскій, Е. *Рецензія В. П. Федорова о книгѣ его*: «Исторія Дагестанскаго коннаго полка. Петровскъ. 1909», СХХ, июнь, 1046—1048.—*Его замѣтка*: «Любовная исторія временъ Николая I», СХХ, июнь, 1124—1125.

Кокоревъ, В. А., откушникъ, СХХ, май, 445.

Кокошкинъ, Сергѣй Александръ, флигель-адъютантъ имп. Николая I, впоследствии петербургскій оберъ-полицеймейстеръ и сенаторъ, СХХ, июнь, 1077.

Боксъ, Рарри, англичанка, ученая. СХХП, ноябрь, 783—784 (по поводу ея смерти).

Кола-ди-Риенцо (1313—1354), римскій народный трибунъ. *О немъ въ книгѣ А. Петрункевича: «Кола-ди-Риенцо. Эпизодъ изъ исторіи Рима XIV столѣтія. Спб. 1909»*, рецензир. А. В., СХХП, октябрь, 365—367.

Колли, А. А., директоръ терскаго общества, СХХI, сентябрь, 1038, 1046.

Колоннъ, Эдуардъ, композиторъ, СХХ, июль, 318—319 (по поводу ея смерти).

Колоткевичъ, Николай Иванъ, революціонеръ, СХХП, октябрь, 285—286, 301, 304—306; декабрь, 1067—1095.

Колтоновская, Е. А. *Рецензія А. Фомина о книгѣ ея: «Новая жизнь. Критическія статьи. Спб. 1910»*, СХХ, апрѣль, 352—353.

Колумбъ, Христофоръ, СХХП, ноябрь, 763—764.

Кольцовъ, Алексѣй Васильевичъ, поэтъ. *О немъ въ статьѣ И. Александрова: «В. Г. Бѣлинскій и А. В. Кольцовъ»*, СХХ, июнь, 961—971.

Коммиссаржевская, Вѣра Федоровна, драматическая артистка. *Некрологъ ея:* СХІХ, мартъ, 1173—1174.

Компанейскій, Николай Ивановичъ, духовный композиторъ. *Некрологъ ея:* СХХ, май, 780.

Коначъ-Дойль, англійскій писатель, СХІХ, январь, 169—170.

Кони, Анат. Фед., извѣстный юристъ и писатель, СХХ, апрѣль, 239—253.

Кононовичъ, Алдръ Констант., проф. новороссійскаго университета. *Некрологъ ея:* СХХI, июль, 345.

Конради:

— Евгенія Павловна, супруга послѣдующаго, СХІХ, январь, 51—54.

— Пав. Карл., докторъ медицины, писатель, СХІХ, январь, 51—54.

Константиновскій, Алдръ Иванъ, директоръ петербургскаго учительскаго института. *Некрологъ ея:* СХХП, декабрь, 1220—1221.

Константинь Павловичъ, великій князь, СХІХ, январь, 99; СХХI, августъ, 654—655.

Константинь Николаевичъ, великій князь, СХХП, ноябрь, 669, 679, 680, 684, 686, 707.

Конюховъ, Конст. Мих., фельдшеръ *Некрологъ ея:* СХХI, августъ, 719—720.

Копончинскій, В. *Рецензія Адама Я. о книгѣ: «Monographie w zakresie dziejow nowozytnych. Wyd. Szymona Askenazy. Tom VII—VIII. Polska w dobie wojny Siedmioletniej. Warszawa—Kraków. 1909»*, СХХI, июль, 284—286.

Копосовъ, П. П., педагогъ. *Некрологъ ея:* СХІХ, январь, 394.

Копытовъ, Николай Вас., вице-адмиралъ, генераль-адъютантъ, СХІХ, январь, 178, 181.

Копьевъ, Н. А., московскій протоиерей, благотворитель, СХХ, июнь, 1026, 1028, 1029.

Корейша, Ив. Як., дьяконъ, СХХI, сентябрь, 910—912.

Кореневскій, П. И. *Статьи ея:* 1) «Среди малолѣтнихъ преступниковъ», СХХ, май, 636—659. 2) «Археологическія раскопки въ Кіевѣ», СХХI, сентябрь, 980—984.

Корниловъ, А. А., авторъ историческаго обзора дѣятельности литературнаго фонда, писатель, СХХI, июль, 292.

Корнѣевъ-Бириловъ, Мих. Вас., писатель. *Некрологъ ея:* СХХI, августъ, 720.

Корсаковъ, А. А. *Его замѣтка: «Голубчикъ, потерпи. (Къ характеристикѣ Аракчеева)»*, СХІХ, мартъ, 891—892.

Корсини:

— Екат. Иерон. (замужемъ за проф. Висковатовымъ), СХІХ, январь, 211—212.

— Нат. Иерон. (по мужу Утина), СХІХ, январь, 211.

Корфы:

— Модестъ Андреевичъ, графъ, директоръ Императорской Публичной библиотеки, СХІХ, мартъ, 1000.

— С. А.; баронъ, проф. Александровскаго унив. въ Гельсингфорсѣ. *Рецензія В. Грибовскаго о книгѣ ея: «Административная юстиція въ Россіи. 2 тома. Спб. 1910»*, СХХП, декабрь, 1158—1159.

Корши:

— Валентинъ Фед., редакторъ-издатель «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», СХІХ, февраль, 435, 503; мартъ, 810.

— Е. В. *Статьи ея:* 1) «Восемь лѣтъ въ Сибири», СХХ, май, 423—449; июнь, 806—834; СХХI, июль, 27—57. 2) «Четвертый бракъ. (Быль изъ сибирскихъ нравовъ)», СХХI, сентябрь, 798—819. *Рецензія Б. Г. о книгѣ ея: «Двадцать лѣтъ на желѣзныхъ дорогахъ (1889—*

1908 г.г.). Воспоминания о железнодорожной службѣ. Спб. 1910», СХХІ, июль, 287—289.

Босаговскій, П. П., СХХ, апрѣль, 63, 64, 70—74.

Боста, Андреа, итальянскій общественный и политическій дѣятель. СХІХ, мартъ, 1148—1150 (по поводу его смерти).

Ботельниковъ, Артемій Назар., литераторъ. *Некрологъ его*: СХХІ, июль, 344—345.

Ботляревскіе:

— И. П., полтавскій дѣятель и писатель, СХХ, июль, 1046.

— Мих. Мих., товарищъ прокурора, нынѣ сенаторъ, СХХІ, июль, 176.

Бохъ, Робертъ, известный германскій бактериологъ, СХХІ, июль, 328—329 (по поводу его смерти).

Божовскій, Николай Дмитр., профессоръ Горнаго института. *Некрологъ его*: СХХІІ, декабрь, 1222—1223.

Бочубен:

— Викторъ Павловичъ, графъ, потомъ князь, министръ внутреннихъ дѣлъ, СХХІ, августъ, 559—560.

— Викторъ Александровичъ, князь, СХХІІ, ноябрь, 470—473.

Бояндеръ, Александръ Иван., русскій посланникъ въ Португалію. *Некрологъ его*: СХХІІ, декабрь, 1221—1222.

Бравченко, В. *Рецензія В. Троичаго о книгѣ его: «Черезъ три океана»*. Воспоминанія о морскомъ походѣ 1904—5 г.г. Спб. 1910», СХХІ, сентябрь, 1079—1080.

Кравчинскій, Сергій Мих. (1850—1890), революціонеръ и писатель. См. *Стетнякъ-Кравчинскій*.

Краевскій, Андрей Александровичъ, издатель «Голоса» и «Отеч. Зап.», СХХІ, августъ, 415—416.

Красноженъ, Мих. Егор., проф. *Рецензія его*: 1) «Протоіерей А. Рождественскій. О приходской жизни во Франціи» Прага Чешская. 1908», СХХ, май, 737—740. 2) «Проф. И. И. Соколовъ. Усыновленіе и его отношеніе къ браку въ Византіи и на современномъ Востоку». Историко-правовой очеркъ. Спб. 1910», СХХІІ, ноябрь, 740—741.

Красовскій, Ив. Ив., томскій губернаторъ, СХХ, май, 445—449; июнь, 806—816, 822—824, 830—834; СХХІ, июль, 28—30, 32—35, 38; сентябрь, 912—915.

Кремлевъ, Николай Александровичъ, профессоръ казанскаго университета. *Некрологъ его*: СХХ, июнь, 1116.

Кремшинъ, В. А., издатель журнала «Разсвѣтъ» (въ 1860-хъ г.), СХІХ, январь, 37—38.

Крестовская, М. В., писательница. *Некрологъ ея*: СХХІ, августъ, 720—721.

Кривенко, С. Н., писатель, СХІХ, февраль, 436, 447; мартъ, 829—831; 1031—1034; СХХ, апрѣль, 35—38, 43.

Кринская, О. *Рецензія И. Александрова о переведенной ею книгѣ: «Садакичи Гартманъ. Японское искусство. Переводъ съ англійскаго. Съ 49 иллюстраціями. Спб. 1909»*, СХІХ, мартъ, 1123—1124.

Кривиницкій, Маркъ Лукичъ, драматургъ. *Некрологъ его*: СХХ, май, 781.— *О немъ въ статейкѣ В. В. Уманова-Каплуновскаго*: «Памяти М. Л. Кривиницкаго», СХХ, июнь, 972—977.

Кропоткины, князья:

— Петръ Алексѣевичъ, революціонеръ, авторъ «Записокъ революціонера», СХІХ, январь 224—235; СХХ, июнь, 845; СХХІ, июль, 164, 167, 191—193.

— Александръ Алексѣевичъ, ссыльный, СХХ, июнь, 823—828; СХХІ, июль, 39—40.

— Харьковскій губернаторъ, СХХІ, августъ, 581, 583; СХХІІ, декабрь, 1069, 1086—1077.

Крехоткина, Н. *Рецензія Г. о брошюрѣ ея: «Революціонное время въ Россіи. Судьба надъ крестьянами послѣ грома»*. Спб. 1910», СХХІ, августъ, 662.

Кругликовъ, Семенъ Николаевичъ, музыкальный критикъ. *Некрологъ его*: СХІХ, мартъ, 1174.

Крыжановскіе:

— Н. А., генераль-отъ-инф. СХХІІ, декабрь, 869, 871.

— П. А. *Его: «Воспоминанія о Петрѣ Семеновичѣ Ванновскомъ»*, СХХ, май, 465—501.

Крюйсъ, Корнелій Ивановичъ, вице-адмиралъ, СХХІ, августъ, 645.

Буза, Евфросинія Иван. артистка. *Некрологъ ея*: СХХ, июнь, 1116—1117.

Кузнецовы:

— Александръ Харитоновичъ, профессоръ. *Некрологъ его*: СХХІ, августъ, 721.

— В. К. *Рецензія Г. Л. И. о книгѣ его: «Киргизское хозяйство въ Акмолинской области. Т. 1. Кокчетавскій уѣздъ. Повторное изслѣдованіе 1907 г.»*. Спб. 1909, СХІХ, февраль, 721—724.— *Рецензія его: «А. И. Чупровъ. Рѣчи и статьи. Томъ I, II и III. М. М. 1909»*, СХХІІ, декабрь, 1168—1168.

— И. П., СХХ, июль, 43, 49.

Кузьминскій, К. С. *Рецензія Е. Н. К. о книгѣ его: «Художникъ-иллюстраторъ Боклевскій. Его жизнь и творчество. М. 1910», СХХІ, июль, 295—296.*

Куинджи, Архипъ Ивановичъ, профессор Академіи художествъ, СХХ, апрѣль, 380—381 (по поводу открытія общества его имени).—*Некрологъ его: СХХІ, августъ, 721—722.*

Кукольникъ, Несторъ Васильевичъ, писатель, СХХІ, августъ, 403; сентябрь, 772.

Куракина, Марія Борисовна, княжна († 1660), СХХ, июнь, 1052.

Куракины, князья:

— Борисъ, СХХІІ, ноябрь, 616.

— Алексѣй, СХХІІ, ноябрь, 622.

Курбатовъ, В. *Рецензія Л. о книгѣ его: «Павловскъ. Художественно-историческій очеркъ и путеводитель. Спб.», СХХІ, сентябрь, 1077—1078.*

Куровскій, Евгеній Александровичъ, сенаторъ. *Некрологъ его: СХХ, апрѣль, 391—392.*

Курюкъ, А. П. *Рецензія Я. Бирюкова о книгѣ его: «Изъ быта новѣйшей бурзы. Воспоминанія, очерки и наброски. Смоленскъ. 1910», СХХІІ, декабрь, 1168—1169.*

Куропаткинъ, А. Н. *Рецензія Л. Н. о книгѣ его: «Россія для русскихъ. Задачи русской арміи. Т. I—III. Спб. 1910», СХХ, май, 717—720.*

Курочкины:

— Василий Степановичъ, СХІХ, январь, 41, 49, 50; февраль, 442—445; мартъ, 810, 820; СХХ, апрѣль, 33.

— Николай Степановичъ, братъ предыдущаго, СХІХ, январь, 41, 50, 52, 55; февраль, 440, 442, 445—448; мартъ, 814, 824; СХХ, апрѣль, 35, 41.

— Владимиръ Степ., старшій братъ предыдущихъ, СХІХ, февраль, 442.

Кусовъ, Платонъ Александровичъ, поэтъ и философъ (ум. въ 1909 г.).—*Его: «Воспоминанія», СХХІІ, декабрь, 918—936.*

Кусовъ, Пантелеймонъ Кузьмичъ, штабсъ-капитанъ, севастопольскій герой, СХХІІ, декабрь, 876.

Кутейниковъ, Н. С., писатель, СХІХ, февраль, 436—437.

Кутшелевъ-Везбородко, А. Гр., графъ, любитель живописи, СХХІІ, декабрь, 904—908.

Кф. *Рецензія его: «Е. Д. Любченко. Народное образование и сокольскія общества у чеховъ. М. 1910», СХХ, апрѣль, 340—341.*

Кюн, Ц. А., композиторъ, СХІХ, февраль, 770—771 (по поводу 50-лѣтня его музыкальной дѣятельности).

Л

Л. Рецензіи его: 1) «Хроника моей жизни. Высокопреосвящ. Саввы, архіепископа тверскаго и кашинскаго». 1909. Т. II, СХІХ, январь, 316—318. 2) «Обзоръ художественныхъ изданій общины св. Евгенія. Спб. 1909. — В. Курбатовъ. Павловскъ. Художественно-историческій очеркъ и путеводитель. Книжныя украшенія А. П. Остроумовой-Лебедевой. Изданіе общины св. Евгенія Краснаго Креста». СХХІ, сентябрь, 1077—1078.

Л. В. Статья его: «Петровскіе дни», СХХІ, августъ, 561—576.

Л. Н. Рецензіи его: «В. Р. Канненбергъ. Военная географія. Курскъ военныхъ училищъ. Общій обзоръ Россіи въ военно-географическомъ отношеніи. Спб. 1909», СХІХ, февраль, 724—725. — 2) «Матеріалы военно-ученаго архива генеральнаго штаба. Отечественная война 1812 г. Томъ XI. Спб. 1909», СХІХ, мартъ, 1104.—3) «Готовься къ войнѣ. «Банзай!» Переводъ съ 5-го нѣмецкаго изданія. Спб. 1909», СХІХ, мартъ, 1108.—4) «А. Н. Куропаткинъ. Россія для русскихъ. Задачи русской арміи. Т. I—II. Спб. 1909», СХХ, май, 717—720.—5) «Л. Н. Соболевъ. Куропаткинская стратегія. Краткія замѣтки бывшаго командира 6-го Сибирскаго армейскаго корпуса. Спб. 1910», СХХ, июнь, 1069—1061.—6) «Русско-японская война. Четырехдневное сраженіе 2-й Манчжурской арміи ген.-ад. Гриппенберга при Хейгоутай-Савдепу, съ 12 по 15 января 1905 года. Составилъ генеральнаго штаба полковникъ Галкинъ. Спб. 1909». СХХІ, августъ, 660—662.—7) «Н. М. Лаговъ. Что такое Франція. Очерки современности. Спб. 1910», СХХІІ, октябрь, 364—365.

Л. Я. Е. Ея: «Изъ воспоминаній тюремной надзирательницы», СХІХ, мартъ, 920—939.

Лавровы:

— П. А. *Рецензія С. о книгѣ его: «Анексія Босніи и Герцеговины и отношеніе къ ней Славянства. Спб. 1909», СХХІ, июль, 306—307.*

— Петръ Лавровичъ, СХІХ, январь, 52, 222; мартъ, 831, 1031, 1034, 1036.

Лаговъ, Н. М. *Рецензія Л. Н. о книгѣ его: «Что такое Франція. Очерки совре-*

менности. Спб. 1910», СХХІІ, октябрь, 364—365.

Лажечниковъ, Ив. Ив. *О немъ въ статейкѣ П. А. Россіева:* «Домъ И. И. Лажечникова близъ Москвы. (Новая страница въ біографію романиста)», СХІХ, мартъ, 1063—1066.

Лазаревскій, А. М., извѣстный историкъ Малороссіи, СХХІ, августъ, 618.

Лангеръ, Фед. Фед., пианистъ, СХХІІ, ноябрь, 502.

Лангорнъ, Самуэль Клеменсъ (писавшій подъ псевдонимомъ Марка Твена), СХХІ, июль, 319—320 (по поводу его смерти).

Лангъ (фонъ), П. *Рецензія его:* «Механика вырожденія. 1912 годъ—начало «Желѣзнаго вѣка» въ Россіи. В. А. Мопиковъ. Варшава. 1910», СХХІІ, октябрь, 352—353.

Ланинъ, П. *Рецензія М. Г. К. о книгѣ его:* «Соборъ, какъ высшій органъ церковной власти. Историко-канонической очеркъ. Казань. 1909», СХХ, апрѣль, 345—346.

Ларивьеръ (де), Шарль. *Рецензія А. Б. о книгѣ его:* «La France et la Russie au XVIII siècle. Etudes d'histoire et de la littérature franco-russe. Paris. 1909», СХІХ, февраль, 707.

Ласси, Петръ Петровичъ, генералъ-фельдмаршалъ, СХХІ, июль, 304.

Латышевъ, В. В., академикъ. *Рецензія П. Б. о книгѣ его:* «Сборникъ научныхъ и критическихъ статей по исторіи, археологіи, географіи и эпиграфикѣ Скиіи, Кавказа и греческихъ колоній. Спб. 1909», СХХ, май, 735.—*Рецензія А. М. Л. объ изданіи имъ «Двухъ рѣчахъ Теодора Дафнопата», съ введеніемъ о жизни и литературной дѣятельности автора и съ русскимъ переводомъ.* (Спб. 1909), СХХ, май, 736—737.—*Рецензія В. В. о книгѣ его:* «Pontica». Спб. 1909», СХХІ, июль, 305—306.

Лачиновъ, Пав. Ал., химикъ, СХІХ, февраль, 535, 554.

Лашкаревъ, П. А., проф. кіевской духовной академіи, СХХІ, июль, 230.

Лебедевы:

— А. А. *Его замѣтки:* 1) О Гоголевскомъ юбилеѣ 1909 года, СХІХ, январь, 399—400. 2) «Къ біографіи Н. Г. Чернышевскаго», СХІХ, мартъ, 990—992.—*Его статья:* «Н. Г. Чернышевскій въ 1886—1889 годахъ (по воспоминаніямъ Н. Ф. Хованскаго)». СХХ, апрѣль, 192—198.—*Поправка къ ней Н. Хованскаго*, СХХ, июнь, 1128.

— Амфіанъ Степановичъ, профессоръ Харьковского университета. *Некрологъ его:* СХІХ, мартъ, 1175.

— И. А., СХХ, июнь, 910—911.

— Петръ Осиповичъ, редакторъ-издатель «Саратовскаго Листка», СХХІІ, октябрь, 408—409.

Леблонъ, изслѣдователь польской литературы, СХХІ, августъ, 674—675, 680.

Левшинъ, Д. М., СХХ, май, 680—681 (по поводу его рѣчи о П. Я. Дашковѣ).

Лейбинъ, А. Г., СХХ, июнь, 810, 833—834; СХХІ, июль, 40, 50—51, 53.

Лемохъ, Кириллъ Вякентьевичъ, художникъ. *Некрологъ его:* СХХ, апрѣль, 392—393.

Ленскій, артистъ см. Оболенскій, П. Д., князь.

Леонидовъ, Леонидъ Львовичъ, актеръ, СХХІ, сентябрь, 836, 837.

Леонтьевъ, Николай Степановичъ. *Некрологъ его:* СХХІ, августъ, 722—725.

Леопольдъ II, бельгійскій король. *Некрологъ его:* СХІХ, январь, 368—369.

Лермонтовъ, Михаилъ Юрьевичъ, поэтъ. *О немъ брошюра Д. С. Мережковскаго:* «Лермонтовъ. Поэтъ сверхчеловѣчества. Спб. 1909», СХІХ, мартъ, 1114—1116; 1166—1167 (по поводу сооруженія ему памятника въ С.-Петербургѣ); СХХ, апрѣль, 337 (новыя данныя о его біографіи); СХХ, май, 726—728 (по поводу академическаго изданія его сочиненій (I тома), рецензирова-

наго В. Е. Рудаковымъ).—*Рецензія Н. Л. объ иллюстрированномъ изданіи его «Демона».* (Спб. 1910), СХХІ, июль, 289.—*Упоминается:* СХІХ, январь, 37, 41.

Лернеръ, Н. О., *Рецензія его:* 1) «Русская исторія съ древнѣйшихъ временъ. М. Н. Покровскаго, при участіи Н. М. Никольскаго и В. Н. Сторожева. Т. I. М. 1910», СХХІ, августъ, 646—649.—

2) «Б. Л. Модзалевскій. Архивъ опеки надъ дѣтми и имуществомъ Пушкина въ музеѣ Вахрушина. Спб. 1910», СХХІ, августъ, 664—666.—3) «А. С. Пушкинъ въ воспоминаніяхъ современниковъ и письмахъ. Составилъ Н. А. Заверскій. М. 1910», СХХІІ, декабрь, 1172—1174.—

Рецензія А. Фомина о книгѣ его: «Новооткрытыя страницы Пушкина. Спб. 1910», СХІХ, февраль, 715—716.—*Рецензія А. Фаресова о книгѣ его:* «Вѣлинскій. Критико-біографическій очеркъ. Для учащихся. М. 1910», СХХІ, июль, 293—296.—*Рецензія Ф. о книгѣ его:* «Возстанъ, возстанъ, пророкъ Россіи. Стихотвореніе Пушкина. Спб. 1910», СХХІ, августъ, 668.—*О немъ въ статьѣ А. Фомина:* «Цѣнный вкладъ въ изученіе Пушкина», СХХІІ, октябрь, 318—326.

— Амфіанъ Степановичъ, профессоръ Харьковского университета. *Некрологъ его:* СХІХ, мартъ, 1175.

— И. А., СХХ, июнь, 910—911.

— Петръ Осиповичъ, редакторъ-издатель «Саратовскаго Листка», СХХІІ, октябрь, 408—409.

Леблонъ, изслѣдователь польской литературы, СХХІ, августъ, 674—675, 680.

Левшинъ, Д. М., СХХ, май, 680—681 (по поводу его рѣчи о П. Я. Дашковѣ).

Лейбинъ, А. Г., СХХ, июнь, 810, 833—834; СХХІ, июль, 40, 50—51, 53.

Лемохъ, Кириллъ Вякентьевичъ, художникъ. *Некрологъ его:* СХХ, апрѣль, 392—393.

Ленскій, артистъ см. Оболенскій, П. Д., князь.

Леонидовъ, Леонидъ Львовичъ, актеръ, СХХІ, сентябрь, 836, 837.

Леонтьевъ, Николай Степановичъ. *Некрологъ его:* СХХІ, августъ, 722—725.

Леопольдъ II, бельгійскій король. *Некрологъ его:* СХІХ, январь, 368—369.

Лермонтовъ, Михаилъ Юрьевичъ, поэтъ. *О немъ брошюра Д. С. Мережковскаго:* «Лермонтовъ. Поэтъ сверхчеловѣчества. Спб. 1909», СХІХ, мартъ, 1114—1116; 1166—1167 (по поводу сооруженія ему памятника въ С.-Петербургѣ); СХХ, апрѣль, 337 (новыя данныя о его біографіи); СХХ, май, 726—728 (по поводу академическаго изданія его сочиненій (I тома), рецензирова-

наго В. Е. Рудаковымъ).—*Рецензія Н. Л. объ иллюстрированномъ изданіи его «Демона».* (Спб. 1910), СХХІ, июль, 289.—*Упоминается:* СХІХ, январь, 37, 41.

Лернеръ, Н. О., *Рецензія его:* 1) «Русская исторія съ древнѣйшихъ временъ. М. Н. Покровскаго, при участіи Н. М. Никольскаго и В. Н. Сторожева. Т. I. М. 1910», СХХІ, августъ, 646—649.—

2) «Б. Л. Модзалевскій. Архивъ опеки надъ дѣтми и имуществомъ Пушкина въ музеѣ Вахрушина. Спб. 1910», СХХІ, августъ, 664—666.—3) «А. С. Пушкинъ въ воспоминаніяхъ современниковъ и письмахъ. Составилъ Н. А. Заверскій. М. 1910», СХХІІ, декабрь, 1172—1174.—

Рецензія А. Фомина о книгѣ его: «Новооткрытыя страницы Пушкина. Спб. 1910», СХІХ, февраль, 715—716.—*Рецензія А. Фаресова о книгѣ его:* «Вѣлинскій. Критико-біографическій очеркъ. Для учащихся. М. 1910», СХХІ, июль, 293—296.—*Рецензія Ф. о книгѣ его:* «Возстанъ, возстанъ, пророкъ Россіи. Стихотвореніе Пушкина. Спб. 1910», СХХІ, августъ, 668.—*О немъ въ статьѣ А. Фомина:* «Цѣнный вкладъ въ изученіе Пушкина», СХХІІ, октябрь, 318—326.

Дерхе, Эдуардъ Васильевичъ, новгородскій губернаторъ, СХІХ, январь, 102—103; мартъ, 863—878 (въ воспоминаніяхъ Н. Н. Фирсова); СХХ, апрѣль, 65.

Десгафтъ, Петръ Францевичъ, профессоръ. *Некрологъ его*: СХІХ, январь, 394—395. *Упомянется*: СХХІ, августъ, 711—712; СХХІІ, ноябрь, 799—800.

Лесевичъ, В. В., литераторъ, СХХІ, августъ, 579.

Лешернъ, Софія, революціонерка, СХХІ, июль, 181, 185, 189, 190.

Лешернъ-фонъ - Гарцельдъ, Марія, революціонерка, СХІХ, мартъ, 1010.

Либенъ, Павелъ Федоровичъ, педагогъ. *Некрологъ его*: СХХІІ, ноябрь, 809.

Либровичъ, С. Ф. *Рецензія А. Фирсова о брошюрѣ его*: «Необыкновенный рубль. Спб. 1909», СХХ, май, 731—732.

Лидерсъ, Александръ Николаевъ, графъ, генераль-отъ-инфантеріи, бывшій намѣстникъ царства Польскаго, СХХІІ, октябрь, 255, 257.

Лизогубъ, Дм. А., революціонеръ, СХХІ, июль, 157—161, 164—167, 174—176; СХХІІ, октябрь, 288.

Листъ, Францъ (1811—1886), извѣстный венгерскій композиторъ и виртуозъ, СХХІ, сентябрь, 963; СХХІІ, октябрь, 274.

Литвиновъ, Н. П., генераль-адъютантъ, авторъ «Дневника», СХХІ, августъ, 591—594.

Лихачевъ, Влад. Серг., поэтъ и переводчикъ. *Некрологъ его*: СХХІІ, декабрь, 1223.

Лишина, Эрминія Осиповна. *Ея записка*: «Къ воспоминаніямъ о Ляличахъ», СХХ, июнь, 1126—1127.

Лишинъ, Григорій Андреевичъ, поэтъ, СХХ, апрѣль, 130—131; июнь 1126—1127.

Лишинъ, Иванъ Андреевичъ, СХХ, апрѣль, 131; июнь, 1126—1127.

Ліанозовъ, С. М., астраханскій купецъ-благотворитель, СХІХ, мартъ, 1032.

Лионъ, Ф. *Рецензія Г. о книгѣ его*: «Прекрасная грѣшница. Романъ королевы Драги. Придворная хроника и интимная жизнь сербскаго двора. Переводъ съ нѣмецкаго А. И. Долинскаго. Спб. 1910», СХІХ, мартъ, 1119—1120.

Лобановъ-Ростовскій, Алексій Борисовичъ, князь, СХІХ, мартъ, 970.

Лобко, Павелъ Львовичъ, начальникъ канцеляріи военнаго министерства, СХХ, май, 483—485, 488, 489, 491.

Лозина-Лозинскій, М. А., } тифлисскій губернаторъ, ХІХІ, сентябрь, 937—939.

Лонгиновъ, М. Н., писатель, цензоръ, СХХ, апрѣль, 21—28; СХХІІ, ноябрь, 479—480, (въ «Воспоминаніяхъ» П. П. Соколова).

Лопаревъ, Хрисанфъ Мееодъ, СХХІІ, декабрь, 1209—1210 (по поводу 25-лѣтія его научной дѣятельности).

Лопатинъ, Германъ Александръ, русскій революціонеръ, СХІХ, январь, 222.

Лопухинъ, А. А., прокуроръ судебной палаты (съ 1879 г.), СХХІ, августъ, 600.

Лорисъ-Меликовъ, Михаилъ Тариеловичъ, графъ, министръ внутреннихъ дѣлъ, СХХІІ, октябрь, 303; ноябрь, 683, 687—693, 696—708; декабрь, 1058, 1062, 1068, 1069, 1097, 1099, 1100, 1102.

Лужинъ, московскій оберъ-полицеймейстеръ, СХХІІ, ноябрь, 484.

Лукомскій, Влад. *Рецензія его*: «С. Н. Тройницкій. Гербовые девизы русскаго, польскаго, финляндскаго и прибалтійскаго дворянства. Спб. 1910», СХХ, май, 716—717.—*Рецензія В. Рудакова о составленныхъ имъ совместно съ С. Тройницкимъ «Указателяхъ къ Высочайше утвержденнымъ Общему гербовнику дворянскихъ родовъ Россійской имперіи и гербовнику дворянскихъ родовъ царства Польскаго. Спб. 1910, СХХІ, августъ, 658—657.*

Львова-Синецкая, М. Д., московская актриса, СХХ, июнь, 871.

Львовъ, Алексій Федоровичъ, композиторъ, СХХІ, августъ, 397.

Любатовичъ, О. С., СХХІ, сентябрь, 1018; СХХІ, октябрь, 299.

Любченко, Е. Д. *Рецензія Кф. о книгѣ его*: Народное образованіе и сокольскія общества у чеховъ. М. 1910», СХХ, апрѣль, 340—341.

Льдовикъ XVI, король французскій, СХІХ, мартъ, 1141—1142.

Лястигъ, Фердинандъ, русскій революціонеръ, СХХІІ, октябрь, 290.

Люценко, Еф. Еф., писатель, СХХІІ, октябрь, 349—350.

Льогеръ, Карлъ, австрійскій политическій дѣятель, СХХ, апрѣль, 375 (по поводу его смерти).

М

М. В. *Рецензія его*: 1) «Александръ Евлаховъ. Пушкинъ какъ эстетикъ. Кіевъ 1909», СХІХ, январь, 324.—2) «Пушкинъ. Т. II и III. Библіотека великихъ писателей, подъ ред. С. А. Венгерова. Изданіе Брокгауза-Ефрона. Спб. 1908—1909», СХІХ, январь, 327—330.—3) «Д. С. Мережковскій. Лермонтовъ поэтъ сверхчеловѣчества. Спб. 1909»,

СХІХ, мартъ, 1114—1116.—4) «Пушкиль. Томъ ІV. Библіотека великихъ писателей подъ ред. С. А. Венгерова. Спб. 1910», СХХІІ, ноябрь, 750—754.

М. Г. Рецензія ею: «Сборникъ учебно-литературнаго общества при императорскомъ юрьевскомъ университетѣ. Томъ XV. Юрьевъ. 1909», СХХ, май, 721—720.

М. Г. К. Рецензія ею: «Лапиль, П. Соборъ, какъ высшій органъ церковной власти. Историко-канонической очеркъ. Каванъ. 1909», СХХ, апрѣль, 445—346.

М. К. Рецензія ею: «Н. П. Павловъ-Сильванскій. Сочиненія. Т. I и II. Спб. 1909—1910», СХІХ, январь, 309—310.

М. Е.—въ. Рецензіи ею: 1) «В. Н. Строевъ. Вироновщина и кабинетъ министровъ. Очеркъ внутренней политики императрицы Анны. Часть I (1730—1739). М. 1909», СХІХ, январь, 311—313.—2) «Памятники русской и торіи, издаваемые подъ ред. проф. В. О. Ключевскаго, М. К. Любавскаго и др. М. 1909—1910», СХХ, апрѣль, 327—329.

М. С. Рецензія ею: «У. Г. Иваскъ. Описание русскихъ княжескихъ знаковъ. Выпускъ II», СХХІ, июль, 303.

Магометь бекъ-Али-паша (Дютруа), СХІХ, январь, 330—302; СХХ, апрѣль, 278, 280—284.

Майкова, Софья Михайловна, писательница. Некрологъ ея: СХІХ, мартъ, 1175—1176.

Майковъ, Петръ Михайловичъ. Рецензіи ею: 1) «Журналъ Императорскаго военно-историческаго общества. Спб. 1910 г. Книжна I», СХІХ, мартъ, 1101—1103.—2) «М. Бородкинъ, Исторія Финляндіи. Время Петра Великаго, съ портретами, иллюстраціями, картой. Къ 200-лѣтію ваятія Выборга. Спб. 1910», СХХІ, августъ, 643—646. 3) «Государственное правовое положеніе великаго княжества Финляндскаго въ Россійскомъ государствѣ. Барона Вольфъ-фонъ-деръ-Остенъ-Сакена. Переводъ съ нѣмецкаго, подъ ред. автора. Спб. 1910», СХХІ, сентябрь, 1064—1067.

Майковы, братья:

— Аполловъ Николаевичъ поэтъ, СХІХ, январь, 37—38.

— Леонидъ Николаевичъ, академикъ, СХІХ, январь, 37—38; СХХІ, сентябрь, 1121

Макарій, инокъ Оптиной пустыни, СХХІІ, октябрь, 818, 331, 332, 339.

Макарій (Корниловичъ), монахъ Яблочинскаго монастыря, СХХ, июнь, 1022.

Макаровъ, Н. П., составитель словарей, СХІХ, февраль, 533, 542.—О немъ

статья Н. А. Эгелмарта: «Изъ давнихъ эпизодовъ. 2. Послѣдняя гитара», СХХ, апрѣль, 89—116.

Макіавели, Николо, извѣстный итальянскій дѣятель и писатель XV вѣка, СХІХ, январь, 348—355 (его характеристика).

Маковскіе:

— Егоръ Ивановичъ, коллекціонеръ, отецъ послѣдующихъ, СХХІ, сентябрь, 783—784; СХХІІ, сентябрь, 63—64; ноябрь, 495, 496.

— Владимиръ Егоровичъ, жанристъ, СХХІ, сентябрь, 783, 784.

— Константинъ Егоровичъ, живописецъ, СХХІ, сентябрь, 783, 781.

— Николай Егоровичъ, акварелистъ, СХХІ, сентябрь, 783, 784; СХХІІ, октябрь, 63.

— Любовь Корниловна, супруга, Е. И., СХХІ, сентябрь, 783—784; СХХІІ, октябрь, 63—64; декабрь, 891.

Маковскій, С. К. Рецензія Н. Л. о книгѣ ею: «Современная культура. 40 медальонно-гравюръ, съ объяснительнымъ текстомъ С. К. Маковскаго. Выпуски I—V», СХХІ, декабрь, 1169—1170.

Маковъ, Левъ Саввичъ, министръ внутреннихъ дѣлъ, СХІХ, мартъ, 866, 871.

Максимовичъ, М. А., писатель, СХХІІ, ноябрь, 738.

Максимовы:

— Н. В., писатель, СХІХ, февраль, 444.

— С. В., писатель-этнографъ, братъ предыдущаго, СХІХ, февраль, 444; 511—512.

Макушинскій, польскій поэтъ, СХХІ, августъ, 679—680.

Макушинъ, П. И., томскій книгопродавецъ и издатель, СХХ, май, 428—430, 435—437; СХХІ, июль, 29, 36—37, 42, 44—46.

Малама, Ян. Дм., генераль-отъ-кавалеріи, СХХ, май, 504—505, 534.

Малатеста, Анналена, итальянка, жившая въ XV вѣкѣ, СХХІ, августъ, 670—673.

Маленинъ, А. І. Рецензія Ѳ. В. о переведенныхъ имъ: «Іоаннъ де-Плано Карпини. Исторія Монголовъ.—Вильгельмъ де-Рубрукъ. Путешествіе въ восточныя страны. Изданіе А. С. Суворина. Спб. 1910», СХХІІ, ноябрь, 733—735.

Малиновская, Александра, революціонерка, подруга В. Засуличъ, СХХ, апрѣль, 285—226.

Малченко, В. С., СХХ, апрѣль, 285—286.

- Мальгрентъ**, А. Э. *Рецензия его*: 1) «Baltischer historisch - geographischer Kalender. 1910. Издание 3-е, Платеса. Рига», СХХI, июль, 303—304.—2) «Arnold Feuersisen. Liviländische Geschichtsliteratur. 1906. Рига 1909», СХХII, октябрь, 369.
- Малыревская**, Екат. Хрисанеовна, женщина-врач. *Некролог ее*: СХIХ, февраль, 778.
- Мамаевъ**, Григ. Мих., бригадный командиръ, СХХII, декабрь, 865.
- Манассина**, М. М. (урожденная Коркунова), СХIХ, январь, 212.
- Манассинъ**, В. Ав., профессоръ, СХIХ, мартъ, 828.
- Мансуровъ**, Борисъ Павловичъ, статъ-секретарь, членъ государственнаго совѣта. *Некролог его*: СХХI, августъ, 725—726.
- Мануиловъ**, А. А., ректоръ московскаго университета, СХХ, апрѣль, 158—160; июнь, 911, 912.
- Мануилъ**, іеромонахъ, настоятель скита «Черковщина», СХХI, июль, 232, 234—236.
- Марина**, М. М. *Ея*: «Изъ семейной хроники минувшаго вѣка», СХХII, октябрь, 184—206.
- Марія**, принцесса датская. *Некролог ее*: СХIХ, январь, 367.
- Марія Александровна**, императрица, супруга императора Александра II, СХIХ, январь, 85, 90—91, 97—98, 102—103; февраль, 653; СХХII, ноябрь, 671; декабрь, 1139, 1141, 1145.
- Марія Павловна**, великая княгиня, супруга великаго князя Владимира Александровича, СХIХ, мартъ, 980, 982.
- Марія Теодоровна**, императрица (вдовствующая), СХIХ, январь, 179.
- Марія Теодоровна**, императрица, супруга императора Павла I, СХIХ, мартъ, 1095—1098.
- Маркевичъ**, Арс. Ив., председатель таврической ученой архивной комиссиі, СХХII, октябрь, 348—350.
- Марковичъ** (Марко-Вовчокъ), Марья Александровна, писательница, СХIХ, февраль, 436—439; мартъ, 818—819.
- Марковъ**, Вл. *Статьи его*: 1) «Къ характеристикѣ графа М. Н. Муравьева (Виленскаго)», СХIХ, мартъ, 960—965.—*Замѣтка къ ней* Г. А. Гарцевича, СХХI, августъ, 732—735.—2) «Изъ воспоминаній объ артистѣ Горевѣ», СХХII, ноябрь, 661—666.
- Марковъ**, Владим. Петр., общественный дѣятель. *Некролог его*: СХIХ, февраль, 778—779.
- Маркъ Твэнь**, см. Лангорнъ.
- Марсъ**, Евгения (по мужу Елмазова), современная болгарская беллетристка. *О ней статейка В. В. Уманова-Каплуновскаго*: «Евгения Марсъ и ея рассказы», СХIХ, январь, 203—209.
- Марыновъ**, Ал-дръ Евстафьевичъ, известный артистъ, СХХI, сентябрь, 773—774; СХХII, ноябрь, 473—474.
- Марыновъ**, Н. Г. *Рецензия А. Фомина о книгѣ его*: «Статистическія таблицы русскаго книгоиздательства за 1909 годъ по официальнымъ даннымъ. Спб. 1910», СХХI, сентябрь, 1186—1088.
- Матвѣй Корвинъ**, король Венгрии, СХХII, декабрь, 1177—1180.
- Маціевичъ**, Левъ Макар., капитанъ *Некролог его*: СХХII, ноябрь, 809—810
- Мачетъ**, Г. А., писатель, СХХII декабрь, 1049.
- Машоновъ**, Яковъ, отставной прапорщикъ, почитатель св. Тихона Задонскаго, СХХI, июль, 141—148.
- Медвѣдевъ**, Петръ Мих., актеръ, СХХI, сентябрь, 829—830.
- Медемъ**, Г. И., баронъ, московскій градоначальникъ, СХХI, августъ, 469—470.
- Межениновъ**, Александръ Павловичъ, командиръ русско-сербскаго отряда добровольцевъ, сподвижникъ М. Г. Черняева. *О немъ статья А. И. Фаресова*: «Неизвѣстный поэтъ», СХХII, декабрь, 937—984.
- Межовъ**, Влад. Изманловичъ, библиографъ, СХХII, ноябрь, 475—476 (въ «Воспоминаніяхъ» П. П. Соколова).
- Мезенцовъ**, Николай Владим., шефъ жандармовъ, СХIХ, февраль, 645; СХХ, май, 618—634 (по поводу его убійства); СХХI, июль, 167, 173; августъ, 577, 587; сентябрь, 986, 991.
- Мейендорфъ**, Петръ Казимировичъ, баронъ, дипломатъ. *О немъ въ статейкѣ вел. князя Николая Михайловича*: «Изъ бесѣды Поццо-ди-Ворго съ барономъ Мейендорфомъ въ Вѣнѣ въ 1832 году», СХХ, май, 540—543.—*Упомянется*: СХХ, июнь, 1068—1072, 1075—1076, 1079; СХХI, октябрь, 965.
- Менеликъ II**, абиссинскій негусъ, СХХ, июнь, 1093—1094 (по поводу его смерти).
- Меншиковъ**, Александръ Дан., князь. *О немъ въ замѣткѣ А. К—ова*: «По поводу вновь открытаго письма Теофана Прокоповича къ кн. А. Д. Меншикову», СХХ, апрѣль, 398—399.
- Мережковскій**, Д. С. *Рецензия М. Б. о брошюрѣ его*: «Лермонтовъ. Поэтъ сверхчеловѣчества. Спб. 1909», СХIХ, мартъ, 1114—1116.

Меркуловъ, Басилій, революціонеръ, СХХІІ, октябрь, 312—315.

Мерцаловъ, В. И., томскій губернаторъ, СХХ, май, 428—430, 435—444; июнь, 809, 829.

Меттернихъ, князь, австрійскій канцлеръ, СХХ, июнь, 1069—1074.

Мець, Мих. Оед., дѣятель русскаго мореходства. *Некрологъ его*: СХХІ, июль, 345—346.

Мещерскій, Влад. Петр., князь, СХІХ, февраль, 648, 649, СХХ, май, 623; СХХІІ, ноябрь, 668—671, 784, 687—689.—*Его юбилей 50-лѣтней дѣятельности*, СХІХ, мартъ, 1162—1165.

Миктатъ, Калиманъ, венгерскій писатель, СХХІ, сентябрь, 1113.

Миллеры:

— А. А., СХХ, июнь, 1055—1056.

— Ал-дръ Степ., архитекторъ, СХХІІ, октябрь, 59—60, 64, 77; декабрь, 890.

— Всев. Оед., проф., СХХІ, сентябрь, 1027—1028.

Милютинъ, Дм. Алексѣевичъ, графъ, военный министръ, СХХ, май, 466, 469, 470, 482.

Мининъ, Козьма Миничъ Сухорукиъ, нижегородскій «говядаръ», защитникъ Москвы въ 1611 году, СХХІІ, ноябрь, 792—794.

Минцловъ, С. Р. *Рецензія Е. С. У. о книгѣ его*: «На зарѣ вѣка. Спб. 1910», СХХ, май, 721.

Мирза-Али-Мухаммедъ, основатель новой секты—бехаизмъ), СХХ, май, 754—756.

Миرونъ, А. А. *Статья его*: «Изъ жизни археологическихъ учреждений», СХХ, июнь, 1009—1019.—*Рецензія его*: 1) «Н. И. Троицкій. Трѣединство Божества. Историко-археологическое исследование по памятникамъ всеобщей истории и искусства. Изданіе 2-е. Тула. 1909», СХІХ, мартъ, 1124—1125.— 2) «Записки восточнаго отдѣленія Импер. русскаго археологическаго общества. Основаны бар. В. Р. Розеномъ. Томъ XIX. Выпуски II—III. Спб. 1909». СХХІ, июль, 269—271.

Мирскій, Л. Ф. русскій революціонеръ, СХХІ, августъ, 579.

Митрофанъ, схимонахъ, составитель «Житія св. Тихона Задонскаго», СХХІ, июль, 140, 141.

Михайловскіе:

— Вас. Яковл., протоіерей, писатель. *Некрологъ его*: СХХІ, августъ, 726.

— Михайль Михайл., педагогъ, СХХІІ, ноябрь, 802—803 (по поводу

25 лѣтня его педагогической дѣятельности).

— Николай Констант., писатель, СХІХ, февраль, 489—441 (въ воспоминаніяхъ А. Скабичевскаго), мартъ, 1031—1034.

Михайловы:

— Александръ Дмитриевичъ. популярный «земледелецъ» и «народоволецъ», СХІХ, февраль, 661—665; мартъ, 1014—1015, 1027, 1038; СХХ, май, 622, 634; СХХІ, августъ, 581—582, 585, 587, 589; сентябрь, 987, 991—995, 999, 1001, 1004, 1006, 1009, 1013, 1015—1017, 1022; СХХІІ, октябрь, 277, 283—286, 288, 294, 299, 301, 314; декабрь, 1066, 1067, 1080, 1083.

— Тимошеъ Мих., революціонеръ, СХХІІ, декабрь, 1089, 1092, 1094, 1097, 1100, 1101.

— А. Б. *Статья его*: «Послѣдній король Польши и его современники», СХХІ, августъ, 506—540.

— А. М. *Статья его*: «Какъ насаждала французская культура въ Россіи», СХХІІ, ноябрь, 614—635.

— В. В., СХХІ, июль, 36—38, 42.

Михайль Александровичъ, великій князь, СХІХ, мартъ, 1060; СХХ, апрѣль, 285, 293, 297.

Михайль Николаевичъ, великій князь. *Некрологъ его*: СХІХ, январь, 1—8.—*О немъ Н. Н. Фирсова (Л. Русалка)* «Воспоминанія», СХХІІ, декабрь, 864—877.—*Упомянется*: СХХ, май, 481, 499.

Михайль Павловичъ, великій князь, СХІХ, январь, 95, 108; февраль, 489; СХХ, июнь, 1080—1081; СХХ, августъ, 406—407, 418; сентябрь, 776.

Михѣевъ, генераль-лейтенантъ, терскій губернаторъ, СХХІ, сентябрь, 941—942.

Мицинскій, польскій поэтъ, СХХІ, августъ, 681.

Могилянскій, М. М., СХХ, июнь, 990—991, 1006—1007 (его рѣчи на съѣздѣ писателей).

Модзалевскіе:

— Б. Л. *Рецензія В. Рудакова о редактированномъ имъ второмъ томѣ «Архива Раевскихъ»*. Спб. 1909», СХІХ, мартъ, 1109—1111.—*Рецензія Н. Лернера о книгѣ его*: «Архивъ опеки надъ дѣтьми и имуществомъ Пушкина въ музеѣ Вахрушина. Спб. 1910», СХХІ, августъ, 664—666.—*Рецензія В. Р.—ва о книгѣ его*: «Библиотека А. С. Пушкина. (Библиографиче-

ское описание). Спб. 1910», СХХІІ, ноябрь, 748—750.

— В. В. *Рецензія В. Рудакова о книгѣ его*: «Малоросійскій родословникъ, Томъ 2-й. Е.—К. Съ 40 портретами и снимкомъ герба Калиновскихъ. Кіевъ. 1910», СХХІ, июль, 277—279.

Мокларъ, Камилль, СХХІ, июль, 308—311 (по поводу его статьи о библейской Салометѣ).

Молчановъ, А. Е., СХХІ, июль, 299—301.

Монаховъ, Ипполитъ Иван., артистъ, СХІХ, февраль, 509.

Монюшко, Станиславъ, польскій композиторъ (1820—1872), СХХІ, октябрь, 271—272.

Мордвинова, З. И. (урожд. Загряжская). *Некрологъ ея*: СХХІ, сентябрь, 1131—1132.

Мордовцевъ, Дан. Лук. *О немъ въ статьѣ А. Е. Кауфмана*: «Даниилъ Лукичъ Мордовцевъ. (Изъ личныхъ воспоминаній и разсказовъ)», СХХІІ, октябрь, 225—234).—*Упомянется*: СХХІІ, декабрь, 1047—1048.

Мореа, Жанъ, «грекъ—поэтъ», СХХ, июнь, 1092—1093 (по поводу его смерти).

Морни, Августъ, герцогъ. *О немъ въ статьѣ В. И. Штейна*: «Посольство герцога Морни въ Россію», СХХІІ, декабрь, 1132—1131.

Морозовы:

— Савва Тимофеевичъ, СХІХ, февраль, 589—590.

— Н. А., извѣстный «шлиссельбургецъ», СХХІ, августъ, 584—587, 602; сентябрь, 986—993, 1001—1003, 1011, 1016—1017; СХХІІ, октябрь, 299—302; декабрь, 1094. — *Рецензія Б. Г. объ его*: «Письмахъ изъ Шлиссельбургской крѣпости. Спб. 1910», СХХІ, сентябрь, 1083—1085.

Морфилль, Вильямъ-Ричардъ, профессоръ славянскихъ языковъ въ Оксфордѣ, СХХ, апрѣль, 375 (по поводу его смерти).

Мосоловъ, И. Ф., чиновникъ особыхъ порученій, СХХ, июнь, 810, 813.

Мочалкинъ, Федоръ Семеновичъ. *Некрологъ его*: СХХ, апрѣль, 393.

Мошковъ, В. А. *Рецензія П. фонъ-Ланка о книгѣ его*: «Механика вырожденія. 1912 годъ—начало «Желѣзнаго вѣка» въ Россіи. Варшава. 1910», СХХІІ, октябрь, 352—353.

Мушкинъ, А. С. *Рецензія П. Верховскаго о книгѣ его*: «Пріѣздъ иностранцевъ въ Московское государство. Изъ исторіи русскаго права XVI и

XVII вѣковъ. Спб. 1909», СХХ, май, 710—714.

Мундтъ, генералъ, номинальный основатель «Недѣли», СХІХ, январь, 51.

Муравьевы:

— А. Н., нижегородскій губернаторъ; СХІХ, февраль, 510.

— Мих. Вал., СХХІ, июль, 265—267.

— Никол. Вал., б. министръ юстиціи, СХХІІ, декабрь, 1081, 1089.

Муравьевъ-Виленскій, Михаилъ Николаевичъ, графъ, СХІХ, январь, 49; 88, 93—95; СХХІ, августъ, 732—735. *О немъ въ статьѣ В. Маркова*: «Къ характеристикѣ графа М. Н. Муравьева-Виленскаго», СХІХ, мартъ, 960—965.

Мурзакевичъ, Н. Н., смоленскій историкъ, СХХ, июнь, 1018—1050.

Муринскій, Петръ, молодой поэтъ. *Некрологъ его*: СХХ, апрѣль, 393—394.

Муромцевъ, Сергій Андреевичъ, профессоръ московскаго университета, бывшій предсѣдатель государственной думы перваго созыва. *Некрологъ его*: СХХІІ, ноябрь, 810—813.

Муръ, Джорджъ, англійскій критикъ, СХХ, апрѣль, 354—361 (по поводу его лекціи о Шекспирѣ и Бальзакѣ).

Мухановъ, Сергій Серг., СХХІІ, октябрь, 259, 260, 261, 267.

Мышецкій, Н. Г. князь, новгородскій губернскій предводитель дворянства, СХІХ, январь, 85—89; СХХ, апрѣль, 61, 64.

Мышкинъ, Ипполитъ Никитичъ, революціонеръ, СХІХ, январь, 223—224, 244—245.

Мѣцаниновъ, Ив. Вас., сенаторъ. —*Его статья*: «Одинъ изъ русскихъ самозванцевъ. (Изъ недалекаго прошлаго)», СХІХ, мартъ, 893—919.

Мюсса, Альфредъ, поэтъ, СХІХ, февраль, 731—744 (по поводу его писемъ объ «неизвѣстной»).

Н.

Н. А. *Рецензія его*: «Народный университетъ. Воспитательно-образовательныя учрежденія для народа въ Англіи. Составлено по докладамъ членовъ этихъ учреждений Е. Т.—ой. Спб. 1909», СХХ, июнь, 1057—1059.

Н. А. Т. *Статья его*: «Одинъ изъ большихъ вопросовъ», СХІХ, мартъ, 1040—1062.

Н. Л. *Рецензія его*: 1) «М. Ю. Лермонтовъ. «Демонъ». Иллюстраціи А. Эбердинга. Изданіе т-ва Р. Голике и А. Вильборга. Спб. 1910», СХХІ, июль, 289.—2) «Современная культура. 40

медцотинто-гравюръ, съ объяснительнымъ текстомъ С. К. Маковского. Выпуски I—V», СХХІІ, декабрь, 1169—1170.

Н. О. Е. *Его*: «Воспоминанія о К. Д. Кавелинѣ», СХХІІ, ноябрь, 574—586.

Н. Рецензія его: «Русскій календарь А. С. Суворина на 1910 г.», СХІХ, мартъ, 1125—1126.

Набоковъ, Д. Н., министр юстиціи, СХХІ, августъ, 596, 600.

Надсонъ, С. Я., поэтъ. *О немъ въ статьѣ А. Евгеньева*: «Пропавшая книга», СХІХ, январь, 195—202.

Назимова, М. Г. *Ея статья*: «Русская колонія Ниццы въ годъ землетрясенія. (Изъ воспоминаній)», СХХІІ, ноябрь, 601—613.

Наполеонъ I Вонапартъ, императоръ Франціи, СХІХ, январь, 363; февраль, 748; СХХІІ, декабрь, 1134, 1184—1185.

Наполеонъ III, императоръ Франціи, СХХІІ, декабрь, 1132, 1136—1145.

Нарцовъ, А. Н. *Рецензія А. Я. о книгѣ его*: «Путь солида въ процессѣ мірового движенія. Тамбовъ. 1909», СХХ, июнь, 1061—1062.

Нарышкина, Елиз. Алексѣевна, СХІХ, январь, 381—382 (по поводу 25-лѣтія ея предсѣдательства въ дамскомъ тюремно-благотворительномъ комитетѣ).

Насръ-Эддинъ, ферганскій ханъ. *О немъ въ статьѣ К. К. Триюнова*: «Въ гостяхъ у хана Насръ-Эддина», СХХІ, июль, 130—139.

Натансонъ, Ольга, революционерка, СХХІ, сентябрь, 991, 994.

Небольсинъ, А. К., морской офицеръ, СХХІ, сентябрь, 1079—1080.

Невоструевъ, К. И., проф., СХХІ, январь, 318.

Некрасовъ, Николай Алексѣевичъ, поэтъ, СХІХ, январь, 48, 54—56; февраль, 431, 434, 439, 440; СХХ, апрѣль, 29—32, 35.

Нелидова, Варвара Аркадьевна, любовница императора Николая Павловича, СХІХ, январь, 109—110; СХХ, июнь, 1076, 1077, 1080.

Нелидовы:

— Александръ Ивановичъ, російскій посолъ въ Парижѣ. *Некрологъ его*: СХХІІ, октябрь, 409—410.

— Аркадій Ивановичъ, курскій губернаторъ. *О немъ въ статьѣ А. Дунина*: «Неприличная компанія», СХХІ, августъ, 554—560.

— О. О. *Рецензія А. Фомина объ его*: «Западники 40-хъ годовъ. М. 1910», СХХІІ, декабрь, 1170—1171.

Неофитъ (въ мірѣ Николай Наводчиковъ), архіепископъ кишиневскій. *Некрологъ его*: СХХ, май, 781—782.

Несвицкая, Софья, княгиня (урожд. Лешергъ), СХІХ, январь, 103—110.

Несвицкій, Алексѣй Яковл., князь, СХХІХ, январь, 108.

Нессельроде, графы:

— Вильгельмъ (1724—1810), СХХІ, сентябрь, 959.

— Карлъ Васильевичъ, російскій канцлеръ, СХХІ, сентябрь, 959, 966—968; СХХ, июнь, 1068—1081 (по поводу его «Архива»).

— Фридрихъ-Вильгельмъ, генералъ-лейтенантъ, начальникъ варшавскаго жандармскаго округа, СХХІ, сентябрь, 959.

— Дмитрій Карловичъ, СХХІ, сентябрь, 964.

Нефедьевъ, Евгений Алексѣевичъ, профессоръ московскаго университета.

Некрологъ его: СХХ, апрѣль, 394—395.

Нечаева, А. М. *Рецензія ея*: «А. Е. Кауфманъ. Коронованный узникъ. Изъ тайнъ Ильдизъ-Кюска. Спб. 1910», СХІХ, мартъ, 1118—1119.

Нечаевъ, Н. П., генералъ-лейтенантъ, СХХІІ, ноябрь, 564—573.

Ниве, П. А. *Рецензія Мих. Соколова о книгѣ его*: «Русско-шведская война 1808—1809 гг. Спб. 1910», СХХ, июнь, 1050—1051.

Нидерле, Люборъ. *Рецензія Андрея Сиротинна о книгѣ его*: «Энциклопедія славянскій филологіи. Выпускъ 2. Обзоръніе современнаго славянства. Спб. 1909», СХХІ, сентябрь, 1089—1091.

Никандръ (въ мірѣ Николай Молчановъ), архіепископъ митавскій и виленскій. *Некрологъ его*: СХХІ, июль, 346—347.

Никитина, Клавдія. Ея: «Осада Благовѣщенска китайцами въ 1900 году. (Изъ воспоминаній)», СХХІІ, октябрь, 207—224.

Николаевъ, А. А. *Рецензія К. Х. о книгѣ его*: «Теорія и практика кооперативнаго движенія. М. 1910», СХІХ, январь, 335—337.

Николай I Павловичъ, императоръ СХІХ, январь, 82, 92, 95; февраль, 531; мартъ, 897; XX, май, 542—543; июнь, 875, 1024, 1068—1070, 1076—1077, 1081, 1124—1125; СХХІ, августъ, 391—392; 398, 401, 412—413, 541; сентябрь, 774; СХХІІ, ноябрь, 525, 529, 582, 583, 631, 632, 701, 743; декабрь, 870, 997.

— *О немъ въ статьѣ А. И. Соколовой*: «Императоръ Николай Первый и васильковныя дурачества», СХІХ, январь, 104—163. — *О немъ въ статьѣ*

А. И. Соколовой: «Маленькая польская графиня и маленькая русская княжна», СХІХ, мартъ, 879—890. — *О немъ въ статьѣ И. Телешева:* «Императоръ Николай I въ Курскѣ въ 1842 году», СХХІ, июль, 149—154. — *О немъ въ статьѣ И. Генбачева:* «Императоръ Николай I въ Херсонѣ въ 1845 г.», СХХІІ, ноябрь, 636—642.

Николай II Александровичъ, императоръ, СХІХ, мартъ, 1061; СХХ, апрѣль, 286, 292—293, 296, 304, 306; СХХІ, августъ, 596.

Николай Александровичъ, великій князь, цесаревичъ, СХІХ, январь, 48; СХХ, июнь, 891.

Николай Константиновичъ, великій князь, СХХІІ, ноябрь, 643—646.

Николай Михайловичъ, великій князь. *Рецензія В. Т. о книгѣ его:* «Императрица Елизавета Алексѣевна, супруга императора Александра I. Т. III. Спб. 1909», СХІХ, мартъ 1092—1099. — *Статьи его:* 1) «Изъ бесѣды Пощоди-Борго съ барономъ Мейендорфомъ въ Вѣнѣ въ 1832 году», СХХ, май, 540—543. 2) «Памяти Павла Яковлевича Дашкова», СХХ, май, 684—687.

Николай Николаевичъ (Старшій), великій князь, СХІХ, январь, 226—228, 290, 291, 298—300, 303.

Николай I, князь Черногорскій. *О немъ въ статьѣ И. Александрова:* «Николай I, князь Черногорскій, какъ поэтъ. (Къ 50-лѣтію его княженія и литературной дѣятельности)», СХХІ, августъ, 480—505; СХХІІ, декабрь, 1195—1196 (по поводу 50-лѣтняго его юбилея).

Николай (въ мѣрѣ Іоаннъ Дмитр. Касаткинъ), архіепископъ японскій, СХХІ, июль, 334—335 (по поводу 50-лѣтняго его пастырской дѣятельности въ Японіи).

Никольскій, П. А., СХІХ, мартъ, 990—992.

Никонъ, патріархъ, другъ царя Алексѣя Михайловича, СХХ, апрѣль, 165. — *О немъ книга проф. Н. Ѳ. Каптерева:* «Патріархъ Никонъ и царь Алексѣй Михайловичъ. Томъ I. Сергіевъ подсадъ, 1909», *реценз.* 2, СХХ, апрѣль, 330—334.

Никулина, Над. Ал., артистка, СХІХ, февраль, 562—563, 568.

Нильскій, Ал. Ал., артистъ, СХХІ, августъ, 434, 442—444, 449.

Новиковы:

— Никиф. Иван., актеръ, СХХІ, августъ, 445—446.

— Николай Ивановичъ, извѣстный маринистъ, СХХ, май, 716 (по поводу его новой родословной).

Новицкій, Я. П., СХІХ, мартъ, 1105, 1106.

Новомбергскій, Н., проф. *Рецензія И. С. Б. о книгѣ его:* «Ветеринарное дѣло въ Россіи въ половинѣ XVIII вѣка. (Матеріалы по исторіи медицины въ Россіи. Томскъ. 1910)», СХХІІ, ноябрь, 735—737.

Носъ, Андрей Евдокимовичъ, московскій дѣятель. *Некрологъ его:* СХХІІ, октябрь, 410—411.

Нэпиръ, лордъ, великобританскій посланникъ въ Петербургъ, СХХІ, сентябрь, 979.

О. Е. Рецензія его: «Сборникъ учебно-литературнаго общества при императорскомъ юрьевскомъ университетѣ. Томъ XIV. Юрьевъ. 1909», СХІХ, январь, 319—323.

Обнорскій, Викторъ, основатель Сѣвернаго Союза русскихъ рабочихъ, СХІХ, мартъ, 1019—1026.

Оболенская, А., кн. *Рецензія А. Е. о переведенной ею книгѣ:* «Чары Египта въ его памятникахъ. Роберта Хиченса. Спб. 1910», СХІХ, мартъ, 1120—1121.

Оболенскій, Л. Е., писатель, СХХ, апрѣль, 36; СХХІІ, октябрь, 228.

Оболенскій, И. М., князь, генералъ-лейтенантъ. *Некрологъ его:* СХХ, апрѣль, 395.

Оболенскій, Пав. Дм., князь (по сценѣ Ленскій). *Некрологъ его:* СХХ, июнь, 1117—1118; СХХІ, сентябрь, 822—823.

Обрежмовъ, Василій Ивановичъ, педагогъ-математикъ. *Некрологъ его:* СХІХ, мартъ, 1176—1177.

Обручевъ, Н. Н., начальникъ главнаго штаба, СХХ, май, 483—484.

Оглоблина, Л. Н. Статьи ея: 1) «Императоръ Александръ II среди дѣтей», СХХІІ, октябрь, 85—90.—2) «Павловскіе потѣшныя полки», СХХІІ, ноябрь, 643—645.

Оглоблинъ, Н. Н. Его: «Неразбериха. (Изъ провинціальныхъ настроеній)», СХХ, июнь, 834—858; СХХІ, июль, 58—81.—*Къ ней замѣтка А. Честухина,* СХХІ, сентябрь, 1136.

Одоевскій, Влад. Фед., князь, СХХ, июнь, 867, 871, 872, 876, 881, 882.

Ожешко, Элиза (урожд. Павловская), польская писательница, СХХІ, июль, 325—328 (по поводу ея смерти).

Озеровъ, И. Х., проф. *Рецензія Е. В. о книгѣ его:* «Атласъ діаграммъ по эконоическимъ вопросамъ. Выпускъ II. Алкоголизмъ и борьба съ нимъ. М. 1909», СХХII, декабрь, 1165—1166.

Ознобишинъ, Дмитрій Петровичъ. *О немъ въ статьѣ Н. А. Державина:* «Забытые поэты», СХХI, сентябрь, 851—864.

Окрейцъ, Стан. Стан., писатель. *Его статья:* «Изъ скитаній по бѣлу свѣту», СХХI, июль, 82—93.

Оловеникова, Марія Николаевна (она же Марія Никаноровна Полонская), русская революционерка, СХХII, октябрь, 277, 280—282, 300, 301; декабрь, 1090.

Олѣховскій, Мих. Александр. *Хронологъ его:* СХIX, февраль, 779—780.

Ольга Константиновна, великая княжна, потомъ греческая королева, СХХII, ноябрь, 644.

Ольга Николаевна, королева вюртембергская, СХХI, сентябрь, 974, 979.

Ольденбургъ, Сергій Фод., академикъ, СХХI, августъ, 707 (по поводу 25-лѣтія его ученой дѣятельности).

Олхинъ, А. А., писатель, СХIX, мартъ, 1034, 1036; СХХ, апрѣль, 30, 40, 43; СХХI, августъ, 595.

Оманъ, Эмиль, профессоръ парижскаго университета, СХХII, ноябрь, 614 (по поводу его книги «Французская культура въ Россіи»).

Опочининъ, А. П., поэтъ, СХХ, апрѣль, 135—136.

Орловскій, Ив. Ив., *О немъ біографической очеркъ А. В. Жиркевича:* «Ив. Ив. Орловскій. Вильна, 1909», рецензир. В. Рудаковымъ, СХIX, февраль, 713—714.

Орловъ-Давыдовъ, Вл. Петр., графъ, СХХII, октябрь, 65—67.

Орнатскій, Философъ Никол., протоіерей, СХХI, августъ, 708—710 (по поводу 25-лѣтія его священства).

Оссинскій, Валеріанъ Андреевичъ, революціонеръ, СХIX, январь, 244, 249; мартъ, 1007, 1027, 1039; СХХ, апрѣль, 230, 236; СХХI, июль, 155—163, 167, 174—176, 180—193; августъ, 577; сентябрь, 885, 987.

Отвальдъ, Вильгельмъ, проф. *Рецензія В-ова о книгѣ его:* «Изобрѣтатели и изслѣдователи. Переводъ съ нѣмецкаго подъ ред. В. В. Битнаръ. Спб. 1909», СХХ, май, 743—745.

Островскій, Александръ Николаевичъ, извѣстный драматургъ, СХХI, августъ, 712; сентябрь, 839.

Оттъ, Д. О., профессоръ, директоръ гинекологическаго института, СХIX,

февраль, 771—772 (по поводу 25-лѣтія его врачебной дѣятельности).

Ошанина, М. Н., революціонерка, СХХII, октябрь, 300.

II

П. А. Ю. *Рецензія его:* «Разсказы изъ русской исторіи. Выпуски I—VIII. С. Д. Арсеньевой. Изданіе училищнаго совѣта при св. синодѣ. Спб. 1910», СХХI, сентябрь, 1067—1069.

П. В. *Рецензія его:* 1) «Густавъ Эрва. Исторія Франціи и Европы. Спб. 1909», СХIX, январь, 337—338.—2) «Свящ. Іоаннъ Арсеньевъ. Отъ Карла Великаго до реформаціи. Т. I. М. 1909», СХIX, январь, 340—341. 3) «В. В. Латышевъ. Сборникъ научныхъ и критическихъ статей по исторіи, археологіи, географіи и эпиграфикѣ Скѣиин, Кавказа и греческихъ колоній. Спб. 1909», СХХ, май, 735.—4) «П. Н. Ардашевъ. Дополненіе къ лекціямъ по всемірной исторіи проф. Петрова. Томъ V. Спб. 1910», СХХII, октябрь, 363—364.

П. В. *Рецензія его:* «И. И. Соколовъ. Вопросъ о реформѣ календаря предъ судомъ православныхъ церкви Востока. Спб. 1910», СХХI, сентябрь, 1088—1089.

П. В. В. *Рецензія его:* «Записки общества исторіи, филологіи и права при варшавскомъ университетѣ. Выпускъ IV. Варшава. 1909», СХIX, февраль, 707—708.

П. Д. *Рецензія его:* «Источники словаря русскихъ писателей. Составилъ С. А. Венгоровъ. Т. II. Гоголка—Карамзинъ. Спб. 1910», СХХ, май, 723—724.

П. С. *Рецензія его:* «Русскій Филологическій Вѣстникъ». Учено-педагогическій журналъ, издаваемый подъ редакціей проф. Е. Ѳ. Карскаго. Варшава. 1909», СХIX, февраль, 710—713.

Павель I Петровичъ, императоръ, СХХI, июль, 142; августъ, 539—540.

Павленковъ, Ф. Ф., СХIX, январь, 36.

Павловскій, Ив. Фр. *Рецензія В. Рудакова о книгѣ его:* «Полтава. Историч. очеркъ ея, какъ губернскаго города въ эпоху управленія генераль-губернаторами (1802—1856). По архивнымъ даннымъ. Полтава. 1910», ОХХ, июнь, 1045—1046.

Павловъ, Тимосей Павловичъ, профессоръ военно-медицинской академіи, СХХII, декабрь, 1211—1212 (по поводу 25-лѣтія его дѣятельности).

Павловъ-Сильванскій, Н. П. *Рецензія М. К. о первомъ и второмъ томахъ его: «Сочиненій», СХІХ, январь, 309—310.*

Палашковскій, Сергѣй Егоръ, инженеръ путей сообщения. *Некрологъ его:* СХІХ, мартъ, 1177—1178.

Паленъ, Константинъ Иванъ, графъ, министр юстиціи, СХІХ, февраль, 640; СХХІ, августъ, 735—736; сентябрь, 1136; СХХІІ, декабрь, 1224.

Пальмы:

— Ал-дръ Иванъ, писатель, СХХ, апрѣль, 199, 203—205; СХХІ, августъ, 405—409; сентябрь, 774; СХХІІ, октябрь, 45—47.

— Гр. А. *Его статьи:* 1) «Сергѣй Федоровичъ Дуровъ. (Къ сорокалѣтнюю его кончину)», СХХ, апрѣль, 199—205. — 2) «Кавказскіе губернаторы о Кавказѣ», СХХІ, сентябрь, 934—944.

Пальчиковы:

— Александръ Васильевичъ, СХХІІ, ноябрь, 490—492, 501.

— Николай Васильевичъ, СХХІІ, ноябрь, 491—495, 501.

Панаевъ, Иванъ Ивановичъ, СХХІ, августъ, 395—396, 410—411, 415; сентябрь, 769, 770; СХХІІ, октябрь, 58—59, 66—67.

Панинъ, Никита Ивановичъ (1718—1783), извѣстный дипломатъ, сподвижникъ Екатерины II, воспитатель Павла I, СХХІ, августъ, 518—519, 522.

Пановъ, А. К. юристъ, СХХІ, августъ, 736.

Пант. *Рецензія его:* «III отдѣленіе императорскаго вольнаго экономическаго общества. Памяти Николая Гавриловича Чернышевскаго. Доклады и рѣчи Н. О. Анненскаго, М. А. Антоновича, А. А. Корнилова, А. С. Постникова и М. И. Туганъ-Барановскаго. Спб. 1910», СХХІІ, ноябрь, 756—758.

Пантелѣевъ, Л. Ф., авторъ «Воспоминаній», СХІХ, январь, 212, 215; февраль, 550—551.

Папковъ, А. А., СХХ, май, 737.

Паренсовъ, П. Д., генераль-отъ-инфантерій, СХХІ, августъ, 705—706 (по поводу 50-лѣтія его службы въ офицерскихъ чинахъ).

Пассоверъ, А. Я., присяжный повѣренный. *Некрологъ его,* СХХ, июнь, 1118—1119.

Паткуль, Александръ Владимировичъ, генераль-адъютантъ, СХХ, май, 466.

Патти, Аделина, знаменитая пѣвица, СХІХ, январь, 90.

Пезаровиусъ, Петръ Павловичъ, учредитель Александрскаго комитета о раненыхъ, СХІХ, мартъ, 1047.

Пелльо, Поль, французскій археологъ, СХІХ, февраль, 729—730.

Перелешинъ, Ал-дръ Вас., членъ второй государственной думы. *Некрологъ его:* СХХ, июнь, 1119.

Перовская, Софья Львовна, извѣстная русская революционерка, СХІХ, январь, 244—246; СХХ, май, 633; СХХІ, сентябрь, 1007, 1011, 1014, 1018, 1020; СХХІІ, октябрь, 291, 292, 301—302, 309, 310, 312, 313; декабрь, 1060, 1067, 1085—1096, 1100—1105.

Перовскій, Левъ Алексѣевичъ, графъ, министр внутреннихъ дѣлъ, СХХ, июнь, 1077.

Перскій, Д. *Его статья:* «Изъ жизни современной деревни», СХІХ, мартъ, 948—959.

Перфильевы:

— В. С., московскій губернаторъ, СХІХ, февраль, 518, 523; СХХІ, сентябрь, 918—919.

— П. О., (урожд. графиня Толстая), супруга предыдущаго, СХІХ, февраль, 518, 523.

Петипа, Мариусъ Ивановичъ, балетмейстеръ. *Некрологъ его:* СХХІ, августъ, 726—728.

Петипа, Мариусъ Мариусовичъ, актеръ, СХХІ, августъ, 455—456.

Петрашевскій-Вуташевичъ, Мих. Вас., основатель извѣстнаго кружка «петрашевцевъ», СХІХ, мартъ, 883—886; СХХІ, августъ, 404, 407—409.

Петровскій, художникъ, СХХІІ, ноябрь, 490—492, 495, 502.

Петровъ, Николай Иванъ, проф. кievской духовной академіи, СХХІІ, декабрь, 1208—1209 (по поводу 45-лѣтняго его юбилея).

Петрунковичи:

— А. *Рецензія А. Б. о книгѣ его:* «Кола ди Ренцо. Эпизодъ изъ исторіи Рима XIV вѣка. Спб. 1909», СХХІІ, октябрь, 365—367.

— И. И., СХХ, июнь, 914, 916.

Петрушевскій, А. О., историкъ, СХХІІ, декабрь, 1039.

Петръ I Алексѣевичъ Великій, императоръ, СХІХ, февраль, 670—671, 674; мартъ, 1047, 1087, 1090—1091; СХХ, июнь, 1105 (по поводу освященія ему памятника въ С.-Петербургѣ); СХХІ, июль, 212—213, 304, 337.—*О немъ въ статьѣ Л. Г. «Петровскіе дни»,* СХХІ, августъ, 561—576; 630, 643—646, СХХІІ, ноябрь, 616—618, 621—623; 790—792

(«Ревельскія торжества по случаю открытія памятника Петру Великому»).

Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій, принцъ, СХІХ, февраль, 488.

Пикулиня, Пав. Лукичъ, докторъ, СХІХ, февраль, 519—521, 526.

Пильцъ, Эразмъ. *Рецензія Вит. Ткачука о книгѣ его*; «Русская политика въ Польшѣ. Спб. 1910», СХХІІ, ноябрь, 746—747.

Писанецкій, А. И. *Его замѣтка*. «Изъ воспоминаній о М. И. Драгомировѣ», СХІХ, январь, 187—189.

Писарева, Вѣра Ивановна, писательница (сестра известнаго критика Д. И. Писарева). *Некрологъ ея*: СХХ, августъ, 728—729.

Писаревъ, Дмитрій Ивановичъ, критикъ, СХІХ, январь, 37—38, 51, 55, 95; февраль, 437, 438; мартъ, 818—819.

Писаревъ, П. И., СХХІ, июль, 148.

Пискорскій, Влад. Конст., профессоръ казанскаго унив. *Некрологъ его*: СХХІ, сентябрь, 1132.

Плавильщиковъ, Петръ Алексѣевичъ, драматическій артистъ и писатель, СХІХ, мартъ, 1183—1184, СХХ, июнь, 886—867.

Плаксиянъ, С. И., СХІХ, мартъ, 960—961.

Плано-Барини, Іоаннъ. *Его*. «Исторія Монгаловъ», въ переводѣ А. І. Малейна, рецензир. О. В., СХХІІ, ноябрь, 733—735.

Платоновы:

— Маркъ Николаевичъ (онъ же Юрій Богдановичъ), революціонеръ, СХІХ, мартъ, 1010—1011.

— С. О., проф. *Рецензія В. Т. о книгѣ его*: «Учебникъ русской исторіи для средней школы. Курсъ систематическій. Часть II. Спб. 1910», СХХ, апрѣль, 334—336.

Плевако, О. Н., известнѣйшій адвокатъ, СХХ, май, 456—457; СХХІ, августъ, 478.

Плетневъ, П. А., ректоръ петербургскаго университета, СХІХ, январь, 211; мартъ, 994.

Плехановъ, Георгій Валентиновичъ, социаль-демократъ, СХІХ, мартъ, 1017, 1027; СХХІ, августъ, 585—586; сентябрь, 987, 988, 990—996, 999, 1008—1011, 1014, 1016—1020.—*Рецензія А. Фаресова о книгѣ его*: «Н. Г. Чернышевскій. Спб. 1910», СХХ, апрѣль, 346—351.

Плещеевъ, А. А.—*Его*: 1) «За кулисами (Встрѣчи и воспоминанія)», СХХІ, августъ, 433—358; сентябрь, 820—846.— 2) «В. В. Туношенскій. (Памяти покой-

наго драматурга)», СХХІ, сентябрь, 945—947.

Плещеевъ, Алексѣй Николаевичъ, поэтъ, СХІХ, январь, 55, 196, 201; мартъ, 829.

Побѣдоносцевъ, Константинъ Петровичъ, оберъ-прокуроръ св. синода, СХХІІ, ноябрь, 699.

Погодинъ, Мих. Петровичъ, историкъ, СХІХ, февраль, 708; мартъ, 970, 998, 1001, 1002.—*О немъ въ книгѣ А. Барсукова*: «Жизнь и труды М. П. Погодина. Книга 22-я. Спб. 1910», рецензир. В. Гл., СХХ, июнь, 1063—1064.

Погосскій, Ал-дръ Петр. *О немъ въ статьѣ М. А. Яковлева*: «Ващукъ Погосскій», СХІХ, февраль, 629—638.

Подгородниковъ, Ив. Григ., сенаторъ. *Некрологъ его*: СХХ, апрѣль, 395—396.

Подлеушниковъ, Николай Иван., художникъ, СХХІІ, октябрь, 40—43, 74—78; ноябрь, 499—500.

Подольскій, И., СХІХ, февраль, 603—613, 620, 627, 629.—*Его статья*: «По поводу статьи «Губернаторъ-революціонеръ», СХХ, май, 691—709.

Пожалостянъ, Ив. Петр., профессоръ гравернаго искусства. *Некрологъ его*: СХІХ, февраль, 780.

Пожарскій, Дмитрій Михайловичъ, князь, СХХІІ, ноябрь, 792—794.

Позняковъ, Николай Ивановичъ, писатель-педагогъ. *Некрологъ его*: СХХІІ, ноябрь, 813.

Покотиловъ, А. *Рецензія Вит. Ткачука о брошюрѣ его*: «Первый опытъ государственнаго страхования жизни въ Россіи. Спб. 1909», СХХІ, сентябрь, 1091—1092.

Покотиловъ, Д. Д., русскій посланникъ въ Китаѣ, СХХІ, августъ, 607—609.

Покровскіе:

— В. И., статистикъ, СХІХ, февраль, 436.

— М. Н. *Рецензія Н. О. Лернера о книгѣ его*: «Русская исторія съ древнѣйшихъ временъ. Т. I. М. 1910», СХХІ, августъ, 646—649.

— Николай Вас., директоръ спб. археологическаго института, СХХ, июнь, 1015.

Полетика, В. А., известнѣйшій журналистъ, СХХ, апрѣль, 31—34, 41—42.

Поливановъ, П. С., революціонеръ, СХХІ, сентябрь, 1023.

Полонскій, Яковъ Петровичъ, поэтъ, СХХІ, июль, 103.

Полферовъ, Я. Я. *Статья его:* «По ущельямъ Агридага», СХХ, апрѣль, 262—284.

Полянскій, П. М. СХХІ, июль, 30, 35.

Помяловскій, М. И. *Рецензія А. М. о книгѣ его:* «Учебникъ новой исторіи. Спб. 1909», СХІХ, январь, 338—339.

Попко, Григорій Анфимовичъ, революціонеръ, СХХІ, июль, 155—159, 157, 174, 181.

Поповы:

— **А. Н.**, членъ первой государственной думы. *Некрологъ его:* СХХІ, июль, 347.

— **Михаилъ Гр.**, революціонеръ, СХХІ, сентябрь, 988, 990—992, 996—998, 1008, 1011—1012.

— **Н. Рецензія К. В. о книгѣ его: «Опись патриаршей ризницы 1720 г. Изданіе комитета по описанію синодальной (патриаршей) ризницы, подготовленное членомъ его, завѣдующимъ патриаршей бібліотекой, Н. Поповымъ. М. 1910», СХХІІ, октябрь, 346—348.**

Потаповъ, Ал-дръ Львовичъ, генералъ-адъютантъ, шефъ жандармовъ, СХІХ, февраль, 642—643, 649; СХХІ, июль, 149, 150, 152.

Потѣхинъ, Павелъ Борисъ, писатель, *Некрологъ его:* СХХІ, августъ, 729.

Поццо-ди-Ворго, Карлъ Ивановичъ, графъ, дипломатъ. *О немъ въ статейкѣ вел. князя Николая Михайловича:* «Изъ бесѣды Поццо-ди-Ворго съ барономъ Мейендорфомъ въ Вѣнѣ въ 1832 г.», СХХ, май, 540—543.

Преображенскій, П. Я. *Некрологъ его:* СХХІ, июль, 347.

Прессъ, Аркадій. *Рецензія А. Фомина о книгѣ его:* «Въ царствѣ книгъ. Т. I—II. Спб. 1909», СХІХ, мартъ, 1113—1114.

Прибылевъ-Еурба, А. П., революціонеръ, СХХІІ, декабрь, 1062.

Пригоровскій, полковникъ, СХХІІ, ноябрь, 552, 553; декабрь, 1017, 1028, 1029.

Прокунинъ, Вас, Павл., музыкальный педагогъ и собиратель русскихъ народныхъ пѣсенъ. *Некрологъ его:* СХХІ, июль, 347—348.

Протасевъ, Евгенийъ Андреевичъ, СХХІІ, декабрь, 926—927.

Прѣсняковъ, Андрей Корнеевичъ, революціонеръ, СХХІ, октябрь, 277, 297, 304, 307, 315; декабрь, 1065, 1074—1075, 1077—1079, 1090.

Пугачевъ, Емельянъ Ивановичъ, донской казакъ, самозванецъ («Петръ III»), СХХІ, июль, 216—217.

Пуятинъ, Ар. Ар., князь, СХХІ, апрѣль, 62, 73.

Пушкинъ, Александръ Сергѣевичъ, великій русскій поэтъ, СХХІ, январь, 36, 41; СХХ, июнь, 875, 876, 879; СХХІ, сентябрь, 769, 794—795; СХХІІ, ноябрь, 815—816.

— *О немъ книга Александра Евлахова:* «Пушкинъ, какъ эстетикъ. Кіевъ. 1909», рецензированная М. Б., СХІХ, январь, 324.—*О немъ:* «Пушкинъ. Т. II и III. Библиотека великихъ писателей, подъ ред. С. А. Венгерова. Изданіе Брокгауза-Ефрона. Спб. 1908—1909», реценз. М. Б., СХІХ, январь, 327—330.

— *О немъ въ книгѣ Б. Л. Модзалевскаго:* «Архивъ опеки надъ дѣтьми и имуществомъ Пушкина въ музеѣ Бахрушина. Спб. 910», СХХІ, августъ, 664—666.—*Его стихотвореніе:* «Востанъ, востанъ, пророкъ Россіи», изданное Н. Лернеромъ, СХХІ, августъ, 668.—*О немъ въ статьѣ А. Фомина:* «Цѣнный вкладъ въ изученіе Пушкина», СХХІІ, октябрь, 318—326.—*О немъ въ книгѣ Б. Л. Модзалевскаго:* «Библиотека А. С. Пушкина. (Библиографическое описаніе). Спб. 1910», реценз. В. Р-вымъ, СХХІІ, октябрь, 748—750.—*Рецензія М. В.:* «Пушкинъ. Томъ IV. Библиотека великихъ писателей, подъ ред. С. А. Венгерова. Изд. Брокгауза-Ефрона. Спб. 1910», СХХІІ, ноябрь, 750—754.—*О немъ въ книгѣ Н. А. Заозерскаго:* «А. С. Пушкинъ въ воспоминаніяхъ современниковъ и письмахъ. М. 1910», рецензированной Н. Лернеромъ, СХХІІ, декабрь, 1172—1174.

Пфейль (фонъ), графъ. *Изъ его воспоминаній въ статьѣ А. М. Бѣлова:* «Иностранцы о Россіи», СХІХ, январь, 287—305.

Пыпинъ, Александръ Николаевичъ, академикъ, СХХІ, сентябрь, 950, 952.—*Рецензія А. Фомина объ его книгѣ:* «Мои замѣтки. Съ приложеніемъ статей: «Два мѣсяца въ Прагѣ» и «Вячеславъ Ганка». Подъ ред. В. А. Ляцкой. М. 1910», СХХІ, сентябрь, 1082—1083.

Пѣтуховъ, Н. Н., СХХ, май, 441—442, 445, 447; июнь, 808, 810, 821—823; СХХІ, июль, 37—39.

Р

Р-цъ, Рецензія его: «Ан. Титовъ. Проповѣди св. Димитрія, митрополита ростовскаго, на украинскомъ нарѣчій. М. 1909», СХІХ, январь, 313—315.

Радецкій, Федоръ Федоровичъ, генералъ-адъютантъ, СХІХ, январь, 295.

Радзивилль, Карлъ - Станиславъ, князь (1731—1790), СХХІІ, октябрь, 852.

Радины:

— И. М. *Рецензія М. Клочкова о книгѣ его:* «Учебникъ исторіи русскаго права. Спб. 1910», СХІХ, февраль, 700—702.

— И. О., ветеринарный врачъ. *Некрологъ его:* СХІХ, мартъ, 1178—1179.

Радищевъ, Александръ Николаевичъ, СХХІ, августъ, 704—705 (по поводу 25-лѣтія «Радищевского музея» въ Саратовѣ).

Радловъ, Эрн. Льв. *Рецензія А. Фомина о редактированныхъ имъ:* «Письмахъ Владимира Сергѣевича Соловьева» (т. II. Спб. 1909), СХІХ, февраль, 717—719.

Раевскіе. Объ ихъ «Архивъ», редактированномъ Б. Л. Модзалевскимъ и рецензировавшемъ В. Е. Рудаковымъ, СХІХ, мартъ, 1109—1111.

Раевъ, И. А. томскій окружной судья, СХХ, июнь, 810—811.

Разинъ, Степанъ Тимоѣевичъ (Стенька Разинъ), СХХІ, июль, 101—110 (въ изображеніи поэта Садовникова).

Раковская, СХХІ, августъ, 675—681 (о польской литературѣ).

Рашель, извѣстная французская артистка, СХХ, май, 747—753 (по поводу новой книги о ней г-жи Томсонъ).

Рейтернъ, Михаилъ Христофоровичъ, графъ, министръ финансовъ, СХХІІ, декабрь, 925, 928.

Рейхель, М. К. *Рецензія А. Г. Ф. обз ея:* «Отрывкахъ изъ воспоминаній и письмахъ къ ней А. И. Герцена. М. 1909», СХХ, май, 724—725.

Репнинъ, Николай Васильевичъ, князь, русскій генералъ-фельдмаршалъ, посолъ въ Варшавѣ, СХХІ, августъ, 518—521, 539.

Ржевусскій, Адамъ, графъ, СХХІІ, декабрь, 931—932.

Ришелье (Арманъ Эммануэль Дюплесси), генералъ-губернаторъ Одессы и потомъ первый министръ при Людовикѣ XVIII, СХХІ, августъ, 632, 638; СХХІІ, ноябрь, 626.

Роборовскій, Всеволодъ Ивановичъ, изслѣдователь Средней Азіи. *Некрологъ его:* СХХІІ, октябрь, 411.

Рода, Эдуардъ, французскій романистъ и критикъ, СХХХ, мартъ, 1150 (по поводу его смерти).

Родзевичъ, Генр., докторъ. *Его:* «По поводу замѣтки В. Сабурова», СХХІ, августъ, 785—786.—*Къ ней замѣтка*

Н. Галкина-Врасского, СХХІІ, декабрь, 1224.

Родионовъ, И. А. *Рецензія Б. Г. о книгѣ его:* «Наше преступленіе. (Не бредъ, а былъ). Изъ современной народной жизни. Спб. 1910». СХХ, май, 732—734.

Родянъ, А., французскій скульпторъ, СХІХ, февраль, 749, мартъ, 1132—1135; СХХ, апрѣль, 365—369 (его «взглядъ на реализмъ въ искусствѣ»).

Рождественскій, А., протоиерей. *Рецензія проф. М. Красножона о книгѣ его:* «О приходской жизни во Франціи. Прага Чешская. 1908», СХХ, май, 737—740.

Розановъ, В. В., писатель. *Рецензія Б. Г. о книгѣ его:* «Итальянскія впечатлѣнія. Спб. 1909», СХІХ, мартъ, 1116—1117.—*Упоминается:* СХІХ, январь, 210—211.

Розенбергъ, англійскій миссіонеръ, СХІХ, январь, 297.

Рокфеллеръ, Дж. Д., американскій миллионеръ. *Рецензія А. Евг. обз его:* «Мемуарахъ. Какъ я нажилъ свыше 500.000,000 долларовъ». Спб. 1909», СХІХ, мартъ, 1121—1122.

Романовичъ - Словатинскій, Александръ Васильевичъ, профессоръ университета св. Владимира. *Некрологъ его:* СХХІІ, октябрь, 411—412.

Романовскій, Ю. *Рецензія М. Соколовскаго о составленной имъ совместно съ А. фонъ-Шварцемъ книгѣ:* «Оборона Портъ-Артура. Ч. II. Спб. 1910», СХІХ, мартъ, 1106—1107.

Романовъ, Н. И. *Рецензія М. Соколовскаго о книгѣ его:* «Исторія итальянскаго искусства. Первая половина XV вѣка. Курсъ лекцій, читанныхъ въ московскомъ археологическомъ институтѣ», СХХІІ, октябрь, 367.

Россель, лордъ, великобританскій государственный дѣятель, СХХІІ, октябрь, 374.

Россіевъ, П. А. *Статья его:* «Домъ И. И. Лажечникова близъ Москвы. (Новая страница въ біографію романиста)», СХІХ, мартъ, 1063—1066.—*Замѣтка его:* «П. А. Плавильщиковъ», мартъ, 1183—1184.—*Замѣтка его:* «Къ некрологу М. П. Садовскаго», СХХІІ, октябрь, 416.

Ростовцевъ, Яковъ Ивановичъ, государственный дѣятель, СХХІІ, ноябрь, 583—584.

Ростопчинъ, Ѳед. Ѳед., графъ, московскій генералъ-губернаторъ, СХХІІ, ноябрь, 629.

Ротъ, В. К., профессоръ, СХХ, май, 773—775 (по поводу его юбилея).

Рубинштейнъ, Николай Григор., СХІХ, февраль, 558, 569.

Рубрукъ, Вильгельмъ. *Его:* «Путешествіе въ восточныя страны», въ переводѣ А. І. Малеина, рецензир. О. В., СХХІІ, ноябрь, 733—735.

Рудавскій, П. П., инженеръ, СХХ, июнь, 1034.

Рудаковъ, Вас. Фгор., писатель. *Статьи его:* 1) «Памяти графа А. С. Уварова», СХІХ, февраль, 768—770.—2) «Къ вопросу о происхожденіи крѣпостного права въ Россіи», СХХ, май, 667—672.—3) «Страничка изъ исторіи нашихъ архивовъ», СХХІ, сентябрь, 953—957.—4) «Юбилей И. И. Благовѣщенскаго», СХХІІ, октябрь, 399—400.—*Рецензии его:* 1) «Труды саратовской ученой архивной комиссіи. Выпускъ XXV. Саратовъ. 1909», СХІХ, январь, 315—316.—2) «В. П. Алексѣевъ. Разсказы изъ русской исторіи съ рисунками. Выпускъ I. М. 1909», СХІХ, февраль, 704—705.—3) «Ан. Титовъ. Провѣдѣи святителя Дмитрія, митрополита ростовскаго, на украинскомъ нарѣччіи, М. 1909», СХІХ, февраль, 705—706.—4) «А. В. Жиркевичъ, Ив. Ив. Орловскій. (Биографическій очеркъ съ приложеніями). Вильна. 1909», СХІХ, февраль, 713—714.—5) «Лѣтопись екатеринославской ученой архивной комиссіи. Выпускъ V. Екатеринбургъ. 1909», СХІХ, мартъ, 1105—1106.—6) «Архивъ Раевскихъ. Томъ II. Изданіе П. М. Раевскаго. Редакція и примѣчанія Б. Л. Модзалевскаго. Спб. 1909», СХІХ, мартъ, 1109—1111.—7) «Извѣстія отдѣленія русскаго языка и словесности императорской академіи наукъ. 1909 г. Томъ XIV. Книжка I и 2. Спб. 1909», СХХ, апрѣль, 336—339.—8) «Чтенія въ императорскомъ обществѣ исторіи и древностей російскихъ при московскомъ унив. 1909 годъ. Книга третья. Двѣсти тридцатая. М. 1909», СХХ, май, 715—716.—9) «Академическая библиотека русскихъ писателей. Выпускъ 2. Полное собраніе соч. М. Ю. Лермонтова. Томъ I. Подъ редакціей и съ примѣчаніями проф. Д. И. Абрамовича. Изданіе разряда изящной словесности императорской академіи наукъ. Спб. 1910», СХХ, май, 726—728.—10) «И. Ф. Павловскій. Полтава. Историческій очеркъ ея, какъ губернскаго города, въ эпоху управленія генералъ-губернаторами (1802—1856). По архивнымъ даннымъ. Полтава. 1910», СХХ, июнь, 1045—1046.—11) «Смоленская Старина. Выпускъ I. Часть I. Изданіе смоленской архивной комиссіи. Смо-

ленскъ. 1909», СХХ, июнь, 1048—1050.—12) «Извѣстія русскаго генеалогическаго общества. Выпускъ III. Спб. 1909», СХХ, июнь, 1052.—13) «Прот. А. А. Бѣляевъ. Профессоръ московской духовной академіи П. С. Казанскій и его переписка съ архіепископомъ костремскимъ. Выпускъ I. Сергіевъ посадъ. 1910», СХХ, июнь, 1053—1054.—14) «Дворянское сословіе Тульской губ. Т. I (X). Списки лицъ, служившихъ въ Тульской губерніи по выборамъ, съ 1778 г. Т. II (X). Алфавитный списокъ дворянскихъ родовъ съ указаніемъ документовъ. Т. III (XII). Родословецъ. Матеріалы. Ч. I—VI. Составилъ и издалъ В. И. Чернопитовъ. М. 1908—1909», СХХІ, июль, 271—273.—15) «В. Л. Модзалевскій. Малороссійскій родословникъ. Томъ 2-й. Е.—К. Съ 40 портретами и снимкомъ герба Кадниковскихъ. Кіевъ, 1910», СХХІ, июль, 277—279.—16) «Записки московскаго археологическаго института, издаваемые подъ ред. А. И. Успенскаго. Томъ I—VII. М. 1909—1910», СХХІ, августъ, 651—654.—17) «Указатели къ Высочайше утвержденнымъ общему гербовнику дворянскихъ родовъ Россійской имперіи и гербовнику дворянскихъ родовъ царства Польскаго. Составили В. Лукомскій и С. Тройницкій. Спб. 1910», СХХІ, августъ, 658—659.—18) «Святитель Іоасафъ Горленко, епископъ бѣлгородскій и обоянскій. Состав. Серафимъ Булгаковъ. Курскъ. 1909», СХХІ, сентябрь, 1071—1072.—19) «Опытъ родословнаго словаря русскаго древняго дворянства. Родословныя записи Леонида Михайловича Савелова. Выпускъ 3-й. М. 1909», СХХІ, сентябрь, 1074—1075.—20) «Чтенія въ императорскомъ обществѣ исторіи и древностей російскихъ при московскомъ университетѣ. 1910 годъ. Книга вторая. Двѣсти тридцать третья. Издана подъ завѣдываніемъ М. К. Любавскаго. М. 1910», СХХІ, сентябрь, 1076—1077.—21) «Отчетъ московскаго публичнаго и Румянцовскаго музеевъ за 1909 г., представленный директоромъ музеевъ г. министру нар. просв. М. 1910», СХХІ, сентябрь, 1080—1082.—22) «Полное собраніе сочиненій В. Г. Бѣлинскаго. Подъ ред. и съ примѣчаніями С. А. Венгерова. Томъ IX. Спб. 1910», СХХІ, сентябрь, 1085—1086.—23) «С. Васильевичъ. Титулованные роды Россійской имперіи. Опытъ подробнаго перечисленія всѣхъ титулованныхъ російскихъ дворянскихъ фамилій, съ указаніемъ происхожденія каждой фамиліи, а также времени по-

лучения титула и утверждения въ немъ. Спб. 1910», СХХІІ, октябрь, 344—346.— 24) *Извѣстія таврической ученой архивной комиссіи.* (Годъ двадцать четвертый). № 44. Подъ ред. председателя комиссіи Арс. Ив. Маркевича. Симферополь. 1910», СХХІІ, октябрь, 348—350.— 25) «Извѣстія отдѣленія русскаго яз. и словесности императорской академіи наукъ. 1909 г. Томъ XIV. Книжка 3 и 4. Спб. 1910», СХХІІ, октябрь, 738—739.— 26) «Чтенія въ императорскомъ обществѣ исторіи и древностей российскихъ при московскомъ университетѣ. Книга третья. Двѣсти тридцать четвертая. Издана подъ заглавіемъ М. К. Любавскаго. М. 1910», СХХІІ, ноябрь, 743—745.— 27) «Б. Л. Модзалевскій. Библіотека А. С. Пушкина. (Библиографическое описаніе). Отд. отд. изъ изданія «Пушкинъ и его современники», вып. IX—X. Спб. 1910», СХХІІ, ноябрь, 748—750.— 28) «Труды витебской ученой архивной комиссіи. Книжка I. Витебскъ. 1910», СХХІІ, декабрь, 1157—1158.— 29) «Отчетъ императорской публичной бібліотеки за 1902 и 1903 годы. Спб. 1910», СХХІІ, декабрь, 1162—1165.— 30) «Сочиненія Ф. И. Буслаяна. Томъ второй. Сочиненія по археологіи и исторіи искусства. Историческіе очерки русской народной словесности и искусства. Изданіе отдѣленія русскаго яз. и словесности императорской академіи наукъ. Спб. 1910», СХХІІ, декабрь, 1170.

Рудаковскій, Конст. Вас., генераль-отъ-инфантерій. *Некрологъ его*: СХХІ, августъ, 729—730.

Руднева, Варвара, докторъ медицины, СХІХ, январь, 212.

Рудокоповъ, В. Н. *Статья его*: «Хунхузы», СХХ, июнь, 923—954.

Ружбольдъ, Гораціи, англійскій дипломатъ, СХХІ, сентябрь, 961.

Руновскій, Аполлонъ Ивановичъ, приставъ, наблюдавшій за невісткой Шамиля въ Калугѣ, СХХІ, сентябрь, 924—933.

Русановъ, Н. С. (Рускинъ), СХІХ, мартъ, 1031, 1032, 1034.

Рылѣевъ, Кондратій Федор., декабристъ, писатель, СХХІІ, ноябрь, 816.

Рысаковъ, Николай Ивановичъ, революціонеръ, СХХІІ, декабрь, 1060, 1061, 1084 — 1085, 1089 — 1096 1100 — 1104.

Рѣзвой, О. П., генераль-лейтенантъ, СХХІІ, декабрь, 869.

Рѣшетниковъ, Федоръ Мих., писатель, СХІХ, мартъ, 819—821, 829.

Ряжскій, Ал-дръ Дм., изслѣдователь славянскаго пѣнія. *Некрологъ его*: СХХІІ, ноябрь, 814.

С

С.—*Рецензія его*: «П. А. Лавровъ. Анексія Босніи и Герцеговины и отношеніе къ ней славянства. Спб. 1909.—Сербскій народъ и анексія Босніи и Герцеговины. Публичная лекція доцента бѣлградскаго университета Р. Кошутича. Спб. 1908.—Боснія и Герцеговина въ народной скупщинѣ королевства Сербіи на засѣданіяхъ 29 сент., 20 и 21 дек. 1908 г. Бѣлградъ. 1909», СХХІ, июль, 306—307.

С. Л. А.—въ. *Рецензія его*: «Славянскій Міръ». Ежемѣсячный журналъ литературы, искусства и критики. 1910. I—VIII», СХХІІ, декабрь, 1174—1175.

Сабуровъ, А. А., министръ народнаго просвѣщенія, СХХІІ, ноябрь, 699; декабрь, 1062, 1063—1065.

Сабуровъ, Василій. Замѣтка его: «Къ статѣ «Московскія труппы», СХХ, июнь, 1126.—*Къ ней замѣтка* д-ра Генр. Родзевича, СХХІ, августъ, 735—736.

Савва, архіепископъ тверской и кашинскій. *Рецензія Л. о второмъ томъ его*: «Хроника моей жизни» (1909), СХІХ, январь, 316—318.

Савеловъ, Леон. Мих. *Рецензія В. Р-ва о книгѣ его*: «Опытъ родословнаго словаря русскаго древняго дворянства. Родословныя записи. Выпускъ 3-й. М. 1909», СХХІ, сентябрь, 1074—1075.

Савина, Марія Гавриловна, извѣстная артистка, СХХ, апрѣль, 382—385 (по поводу 35-лѣтія ея артистической дѣятельности); СХХІ, июль, 299—301 (по поводу ея артистической поѣздки съ труппой въ Берлинъ Прагу), августъ, 434—436, 444, 451, 454; сентябрь, 845—846.

Савинъ, Николай Герасимовичъ (онъ же Черемшанскій, Запольскій, Рубецъ...), *О немъ въ статьѣ И. В. Мпцакинова*: «Одинъ изъ русскихъ самозванцевъ», СХІХ, мартъ 894—914.

Саврасовъ, Ив. Вас., педагогъ, СХХІІ, декабрь, 915, 916.

Савурскій, Ал-дръ Ал-дров., инженеръ-генераль, СХІХ, февраль, 772 (по поводу 50-лѣтія его редакторской дѣятельности).

Садовниковъ, Дмитрій Николаевичъ, поэтъ. *О немъ въ статьѣ Н. А. Державина*: «Пѣвецъ Волги и воли. (Дм. Ник. Садовниковъ и его поэзія)», СХХІ, июль, 94—129.

Садовскіе:

— Алексѣй Алексѣевичъ. *Некрологъ* его: СХХІ, сентябрь, 1132—1133.

— Михаилъ Прововичъ, извѣстный артистъ. *Некрологъ* его: СХХІ, сентябрь, 1133—1134. — *Погравка П. Россіева: «Къ некрологу М. П. Садовскаго»*, СХХІІ, октябрь, 416.

Садыкъ-паша, СХІХ, январь, 297.

Сазоновъ, Н. Ѳ. артистъ, СХХІ, сентябрь, 821, 825—829.

Саломея (библейская), СХХІ, июль, 308—311.

Салтыковъ (Щедринъ), Михаилъ Евграфовичъ, писатель, СХІХ, январь, 55—56; 193; февраль, 431, 434; мартъ, 814, 819, 821, 823, 826, 829.

Самойловъ, Вас. Вас., артистъ, СХІХ, февраль, 508; СХХІ, августъ, 437—438.

Сажоковъ, Дмитрій Яковл., проф., СХХ, май, 668—672 (по поводу 2-го тома его «Архивнаго матеріала»).

Самоновъ, В. А. *Замѣтка* его: «По поводу статьи г. Темникова», СХІХ, мартъ, 1181—1182.

Сандуновъ, Сила Н., артистъ, СХХ, июнь, 866—867.

Санжаръ, Надежда, авторъ «Записокъ», СХХІ, августъ, 666—668.

Сапожниковъ, А. П., астраханскій купецъ-благотворитель, СХІХ, мартъ, 1078.

Свѣтловъ, В. Я. *Его статья: «Показки!»* (Памяти Ивана Александровича Всеволожскаго), СХХ, апрѣль, 45—60.

Святополкъ-Мирскій, Д. И. князь, министръ внутреннихъ дѣлъ, СХІХ, январь, 163.

Святополкъ-Мирскій, Николай Ивановичъ, князь, генераль, СХІХ, январь, 293—297.

Семевскій, Вас. Иван., историкъ. *Рецензія Г. Л. И. о книгѣ* его: «Политическія и общественыя идеи декабристовъ». Спб. 1909», СХІХ, январь, 307—309.

Семенниковъ, В. *Его замѣтка: «Домъ, гдѣ жилъ Гоголь»*, СХХ, апрѣль, 399—400.

Семеновъ, Вл. И. *Рецензія Б. Г. о книгѣ* его: «Цѣна крови». Спб. 1910», СХІХ, мартъ, 1107—1108. — *Некрологъ* его: СХХ, июнь, 1121.

Сементковскій, Р. И., писатель. *Его повѣсть: «Тяжелое наследство»*, СХІХ, февраль, 449—482; мартъ, 832—862.

Сенковскій, Осипъ Ивановичъ (баронъ Брамбеусъ), СХХІ, сентябрь, 771—772.

Сервьеръ, Жоржъ (писалъ о русскихъ артистахъ), СХХІІ, октябрь, 394—395.

Сергій, епископъ курскій, впоследствии митрополитъ московскій, СХХІІ, декабрь, 881—882.

Серебряковъ, Е. А., революціонеръ, СХІХ, февраль, 665—677; мартъ, 1007—1009, 1012—1017, 1038.

Серно-Соловьевичъ, Н. А., СХІХ, февраль, 546.

Сесто, Софья Сергѣевна, герцогиня (въ первомъ бракѣ за герцогомъ Морни), СХХІІ, декабрь, 1149—1151.

Сетке, К., археологъ, СХІХ, январь, 345—348.

Сиверсъ, Карлъ Ефимовичъ, графъ, оберъ-гофмаршалъ, СХХІ, августъ, 535—538.

Сигизмундъ III, король польскій, СХХІ, августъ, 509.

Сидорацкій, Григорій, революціонеръ, СХХ, апрѣль, 249—250; май, 619.

Симоновскій, В. *Рецензія Я. Н. о составленномъ имъ вмѣстѣ съ Б. Соллоубомъ: «Указателѣ лучшихъ по отзывамъ печати, учебникахъ, наглядныхъ учебныхъ пособій и методическихъ руководствъ на русскомъ и украинскомъ языкахъ. Спб. 1909»*, СХІХ, январь, 330—332.

Симоновъ, И. С. *Рецензія А.—скаго о брошюрѣ* его: «Школа и половой вопросъ», Спб. 1909», СХХІІ, ноябрь, 762.

Сиротининъ, Андрей Н. *Рецензія* его: «Энциклопедія славянскій филологій. Выпускъ 2. Л. Нидерле. Обзоръ современнаго славянства. Спб. 1909». СХХІ, сентябрь, 1089—1091.

Сихра, знаменитый гитаристъ, СХХ, апрѣль, 110—112.

Скабичевскій, Александръ Михайловичъ, писатель. *Его: «Первое 25-лѣтіе моихъ литературныхъ мытарствъ»*, СХІХ, январь, 35—56; февраль, 431—444; мартъ, 809—831; СХХ, апрѣль, 24—44.

Скарятинъ, Влад. Яковл., новгородскій губернаторъ, СХІХ, январь, 87—89.

Скворцовъ, Н. С., редакторъ «Русскихъ Вѣдомостей», СХХ, май, 457.

Скяпарелли, Джіованни Вирджиніо, астрономъ, СХХІІ, ноябрь, 787—788 (по поводу его кончины).

Скобелевъ, Михаилъ Дмитриевичъ (1843—1882), извѣстный русскій генераль, СХІХ, январь, 291, 293—297, 301; мартъ, 1167—1169 (по поводу памятникъ ему въ Москвѣ); СХХІ, июль, 130—131, 135; сентябрь, 1119 (по поводу открытія дома для воиновъ-инвалидовъ его имени въ селѣ Спасскомъ-Скобелевѣ Рязскаго уѣзда).

Скопинъ-Шуйскій, Михаилъ Васильевичъ, князь. *О немъ въ статьѣ М. М.*

Тобенькова: «Трехсотлѣтіе памяти героя», СХХ, май, 660—666.

Окроботовъ, Н. А., СХІХ, январь, 380—381 (по поводу 25-лѣтія его редакторства «Петербургскаго Листка»).

Славочинскій, А. И., генералъ-майоръ, кутаисскій губернаторъ, СХХІ, сентябрь, 939—940.

Слѣпцовъ, Вас. Алексѣев., писатель-беллетристъ, СХІХ, январь, 41, 48—49, 55.

Смирновы:

— 1) А. В. *Рецензія Г. П. о книгѣ его*: «Жизнь для другихъ. Сборникъ историческихъ и бытовыхъ рассказовъ для дѣтей средняго и старшаго возраста. Спб. 1910», СХІХ, мартъ, 1108.

— 2) А. В. *Рецензія Дилакторскаго о книгѣ его*: «Уроженцы и дѣятели Владимирской губерніи. Матеріалы для библиографическаго словаря. Выпускъ 4-й. Владимиръ. 1910», СХХІ, июль, 283—284.

— 3) Д. А., племянникъ А. С. Грибоѣдова, СХХ, июнь, 868, 870.

4) И. П., проф. казанскаго унив., СХХІІ, октябрь, 235.

5) Н. М., калужскій губернаторъ, СХХІІ, октябрь, 330.

Соболевъ, Л. Н. *Рецензія Л. Н. о книгѣ его*: «Куропаткинская стратегія. Краткія замѣтки бывшаго командира 6-го Сибирскаго армейскаго корпуса. Спб. 1910», СХХ, июнь, 1059—1061.

Соковнины:

— Иванъ Николаевичъ, СХХІІ, ноябрь 504—509.

— Лустина Евстафьевна, супруга предыдущаго, СХХІІ, ноябрь, 504—509.

— Софья Ивановна, дочь предыдущихъ, СХХІІ, ноябрь, 505—541.

— Варвара Михайловна (потомъ игуменія Серафима), СХХІІ, ноябрь, 536—537.

— Е. П., СХХ, июнь, 870—871.

Соколова, А. И., писательница. *Ея статьи*: 1) «Императоръ Николай Первый и васьилковья дурачества», СХІХ, январь, 104—113.—*Замѣтка къ ней Е. Козубскаго*: «Любовная исторія временъ Николая I», СХХ, июнь, 1124—1125. 2) «Комическій случай съ П. И. Чайковскимъ», СХІХ, февраль, 557—571. 3) «Маленькая польская графиня и маленькая русская княжна», СХІХ, мартъ, 879—892.—*Замѣтка къ ней М. Соколовскаго*: СХХ, апрѣль, 399. 4) «Одна изъ московскихъ трущобъ и мировой судья Багриновскій», СХХ, апрѣль, 75—88.—*Поправка къ ней Вас. Сабурова*: СХХ, июнь, 1126. 5) «Воспо-

минанія о князѣ А. И. Урусовѣ», СХХ, май, 456—464. 6) «Преображенская больница въ Москвѣ», СХХІ, сентябрь, 909—921.

Соколовская, Тира О. *Рецензія ея*: «Русская исторія въ очеркахъ и статьяхъ. Составлена при участіи профессоровъ и преподавателей подъ ред. проф. М. В. Довнаръ-Запольскаго. Томъ I. Изданіе 2-е. М. 1910», СХХІ, июль, 280—281.

Соколовскій, Мих. К. *Рецензіи его*: 1) «Ю. Романовскій и А. фонъ-Шварцъ. Оборона Портъ-Артура. Ч. II. Спб. 1910», СХІХ, мартъ, 1106—1107,— 2) «Н. М. Затворницкій 1) «Указатель биографическихъ свѣдѣній, архивныхъ и литературныхъ матеріаловъ, касающихся чиновъ общаго состава по канцеляріи военнаго министерства съ 1802 по 1902 г. Спб. 1909.—2) Приложеніе къ историческому очерку дѣятельности канцеляріи военнаго министерства и военнаго совѣта. Спб. 1910», СХХ, апрѣль, 341—343.—3) «Проф. Ваювъ. Курсъ исторіи русскаго военнаго искусства. Вып. V. Эпоха импер. Екатерины II. Спб. 1909», СХХ, май, 720—721.—4) «П. А. Ниве. Русско-шведская война 1808—1809 г.г. Спб. 1910», СХХ, июнь, 1050—1051.—5) «Александръ Бенуа. Царское Село въ царствованіе императрицы Елизаветы Петровны. Спб. 1910», СХХІ, июль, 276—277.—6) «Н. И. Романовъ. Исторія итальянскаго искусства. Первая половина XV вѣка. Курсъ лекцій, читанныхъ въ московскомъ археологическомъ институтѣ», СХХІІ, октябрь, 867.—7) «С. А. Гулевичъ. Исторія д.-гв. Финляндскаго полка. Часть V. Документы и приложенія. Спб. 1910», СХХІІ, декабрь, 1160—1161.—*Ею замѣтка къ очерку А. И. Соколовой*: «Маленькая польская графиня и маленькая русская княжна», СХХ, апрѣль, 399.

Соколовы:

— А. Е., дипломатъ, писатель, СХХІ, сентябрь, 1076—1077.

— А. П., СХХІ, августъ, 394; сентябрь, 765; СХХІІ, ноябрь, 503; декабрь, 892, 894.

— И. И. *Рецензія П. В. о брошюрѣ его*: «Вопросъ о реформѣ календаря предъ судомъ православныхъ церквей Востока. Спб. 1910», СХХІ, сентябрь 1088—1089.—*Рецензія Проф. М. Красножана о книгѣ его*: «Усыновленіе и его отношеніе къ браку въ Византіи и на современномъ греческомъ Востока. Ис-

торико-правовой очеркъ. Спб. 1910», ноябрь, 740—741.

— Павелъ Петровичъ, художникъ, академикъ. *Его: «Воспоминанія», СХХI, августъ, 378—418; сентябрь, 764—797; СХХII, октябрь, 36—84; ноябрь, 470—503; декабрь, 885—917.*

— Петръ Петровичъ, художникъ, СХХI, августъ, 389; сентябрь, 764—765; СХХII, декабрь, 898—902, 915.

— Петръ Федоровичъ, акварелистъ, СХХI, августъ, 382—398; сентябрь, 764—765, 793; СХХII, октябрь, 82; ноябрь, 491, 495, 497—501.

— С. Д. *Рецензія проф. Пав. Чернылева о книжкѣ его: «Источники и пособия для изучения Саратовскаго края. Указатель книгъ, брошюръ, журнальныхъ и газетныхъ статей и замѣтокъ, напечатанныхъ въ саратовскаго края. Изданіе второе, исправленное и значительно дополненное. Саратовъ. 1910», СХХII, ноябрь, 745—746.*

— Фед. Фед., проф. *Рецензія А. М. Л. объ его: «Трудахъ». (Спб. 1910), СХХII, октябрь, 360—363.*

Соллогузъ, В. Рецензія Я. Н. о составленномъ имъ вмѣстѣ съ В. Симоновскимъ: «Указатель лучшихъ по отзывамъ печати, учебниковъ, наглядныхъ учебныхъ пособій и методическихъ руководствъ на русскомъ и украинскомъ языкахъ. Спб. 1909», январь, 330—332.

Соллогузъ, Владимиръ Александровичъ, графъ, писатель, СХХI, августъ, 411, 412; сентябрь, 769, 777, 778, 785, 786, 792—793; СХХII, октябрь, 44, 57—59; ноябрь, 476—478, 489; декабрь, 885, 888.

Соловьевы:

— Александръ Константиновичъ, революціонеръ, покушавшійся въ 1879 г. на жизнь императора Александра II, СХIX, мартъ, 1010—1012; СХХI, августъ, 577, 580—602; сентябрь, 989—986, 993, 997; СХХII, ноябрь, 678.

— Владимиръ Сергѣевичъ, философъ. *Рецензія А. Фомина о редактированныхъ Э. Л. Радловымъ его: «Письмахъ», т. II (Спб. 1909), СХIX, февраль, 717—719.*

— Дм. Никол., директоръ канцеляріи оберъ-прокурора св. синода. *Некрологъ его: СХIX, февраль, 780—782.*

— Н. И. *Его статья: «Среди хлыстовъ», СХХII, ноябрь, 654—660.*

— Сергѣй Михайл., историкъ, СХХII, октябрь, 402 (по поводу чествованія его памяти).

Соловьевъ-Несмѣловъ, Н. А., писатель, СХХ, апрѣль, 189—190.

Соломинъ, С. Статья его: «Безумный декабристъ. (Памяти Н. С. Бобринцева-Пушкина)», СХХII, декабрь, 985—1002.

Софіано, Леонидъ Петровичъ, товарищъ генералъ-фельдцейхмейстера, СХХ, май, 484—488, 500.

Спасскій, Н. Н. Рецензія Д. Зеленина о редактированныхъ имъ: «Памятной книжкѣ Вятской губерніи и календарѣ на 1910 годъ. Вятка. 1910», СХIX, мартъ, 1104—1105.

Спенсеръ, лордъ, СХХII, ноябрь, 786 (по поводу его смерти).

Сперанскій, Михаилъ Михайловичъ, графъ, знаменитый государственный дѣятель. О немъ въ книгѣ Ф. М. Уманца: «Александръ и Сперанскій. Историческая монографія. Спб. 1910», рецензированной А. В., СХХII, октябрь, 348.

Сталь, Жермена, баронесса (дочь Неккера), знаменитая французская писательница, СХIX, февраль, 748; мартъ, 1141—1144; СХХ, июнь, 1085.

Станиславъ Понятовскій, послѣдній король Польши.— О немъ въ статьѣ А. Михайлова: «Послѣдній король Польши и его современники», СХХI, августъ, 506—540.

Станюковичъ, К. М., писатель, СХIX, февраль, 499.

Старицкій, Конст. Степ., контръ-адмиралъ, Некрологъ его: СХIX, январь, 396—397.

Старосельскій, В. А., кутаисскій губернаторъ. О немъ въ статьяхъ: 1) М. Шишкевича: «По поводу статьи «Губернаторъ-революціонеръ», СХIX, февраль, 603—619; 2) В. Темникова: «Ващукъ Выгорскій», СХIX, февраль, 622—624, 628.— О немъ въ статьѣ И. Подольскаго: «По поводу статьи «Губернаторъ-революціонеръ», СХХ, май, 691—709.— Упоминается: СХХ, май, 507—508, 515, 529.

Старчевскій, Альбертъ Викентьевичъ, писатель, СХIX, январь, 48.

Старынкевичи:

— К. С., харьковскій губернаторъ, СХIX, февраль, 630.

— Олимпій Ивановичъ, инженеръ-генералъ. *Некрологъ его: СХIX, январь, 397—398.*

Стасовъ, Влад. Вас. Рецензія А. Фомина о посвященномъ ему: «Сборникъ воспоминаній. Спб. 1910». СХХI, июль, 296—298.

Стахѣевъ, Дмитрій Ивановичъ, писатель, СХХII, ноябрь, 725.

Стевенъ, Александръ Христіановичъ, гофмейстеръ, членъ государственнаго совѣта. *Некрологъ его*: СХХ, июнь, 1121.

Степановъ, Клавдій Петр., художникъ и общественный дѣятель. *Некрологъ его*: СХХІ, августъ, 730.

Степнякъ-Бравчинскій, Сергій Михайлов., авторъ «Подпольной Россіи», СХІХ, январь, 236—239; СХХ, апрѣль, 234—236; май, 622, 630, 631, 633, 634; СХХІ, июль, 160—167; сентябрь, 986, 1019.

Стернъ, пасторъ, англійскій романистъ XVIII вѣка, СХХІ, сентябрь, 1109—1111 (его «последняя любовь»).

Стефани, Р. Эд., археологъ, СХХІІ, октябрь, 349.

Стефановичъ, Яковъ Васильевичъ, русскій революціонеръ, СХІХ, январь, 235—239, 243—244; СХХІ, июль, 159, 167, 177; августъ, 585; сентябрь, 988, 1014, 1016, 1017, 1018, 1019; СХХІІ, октябрь, 301; декабрь, 1085.

Стеффенъ, І. И. *Некрологъ его*: СХХІІ, декабрь, 1223—1224.

Столповскій, Петръ Адамовичъ, присяжный повѣренный. *Некрологъ его*: СХХІ, августъ, 730—731.

Сторожевъ, Вас. Ник., историкъ, СХХ, май, 715.

Строгановъ, Сергій Григорьевичъ, графъ, СХІХ, январь, 70, 75; СХХІІ, ноябрь, 743, 744.

Строевы:

— В. Н. *Рецензія М. К. — ва о книгѣ его*: «Бироновщина и кабинетъ министровъ. Очеркъ внутренней политики императрицы Анны. Ч. I (1730—1739). М. 1909», СХІХ, январь, 311—313.

— П. М., археографъ, СХІХ, январь, 250—253, 311.

Струве, Бернгардъ Вас., ближайшій сотрудникъ Муравьева, ген.-губерн. сибирскаго, СХІХ, январь, 289.

Струговщиковъ, Алдръ Николаевичъ, поэтъ, СХХ, апрѣль, 68, 69.

Суворинъ, Алексій Сергѣевичъ, СХІХ, февраль, 435; СХХ, апрѣль, 33 (въ воспоминаніяхъ А. М. Скабичевскаго).

Суворовы:

Александръ Аркадьевичъ, свѣтлѣйшій князь, генераль-адъютантъ, СХІХ, январь, 90—98, 102—103; февраль, 483, 499; мартъ, 870, 872; 960—963; СХХІІ, декабрь, 1043.

— Александръ Васильевичъ, свѣтлѣйшій князь, генералиссимусъ, СХХІІ, декабрь, 1034—1049, 1051.

— Василій Ивановичъ, отецъ предыдущаго, СХХІІ, декабрь, 10:0.

Судейкинъ, СХХІ, июнь, 181—182, 184.

Сулейманъ-паша, турецкій генераль, СХІХ, январь, 295—296, 300.

Султанъ-Крымъ-Гирей, СХХ, май, 505—507.

Суриковъ, Иванъ Захаровичъ, поэтъ-горемыка, «изъ народа». *О немъ въ статьѣ А. И. Яцимирскаго*: «Первый кружокъ писателей «изъ народа». (Къ 30-лѣтію со дня смерти И. З. Сурикова 24 апрѣля 1880 года), СХХ, апрѣль, 169—191.

Сулова, Над. Прокоф., первая русск. женщина-врачъ, СХІХ, январь, 211—212.

Сухозанетъ, Николай Онуфріевичъ, военный министръ, СХХІ, сентябрь, 926—927, 932.

Сухомлиновъ, В. А., генераль-адъютантъ, военный министръ, СХІХ, февраль, 636—637.

Сущковъ, Н. В., СХХ, июнь, 872.

Сциборскій, В. И., директоръ училищъ Томской губерніи, СХХ, июнь, 810, 813, 820.

Сѣверцовъ-Полидовъ, Г. Т. *Его статья*: «На одной скамьѣ съ императоромъ Вильгельмомъ. (Изъ полузабытыхъ воспоминаній)», СХІХ, январь, 114—161.—*Рецензія Г. о книгѣ его*: «Проснулась женщина». Очерки и рассказы изъ жизни современной Финляндіи. Спб. 1910», СХХІ, июль, 289—290.

Сѣвняцкій, В. В., генераль-лейтенантъ, СХІХ, февраль, 631—637; СХХІІ, ноябрь, 542—545, 553, 555, 562, 563, 569; декабрь, 1006—1008, 1024, 1029, 1030, 1032, 1033.

Сѣрошевскій, Вацлавъ, польскій писатель, СХХІ, августъ, 679.

Сѣченовъ, Иванъ Михайловичъ, извѣстный профессоръ московскаго университета.—*О немъ въ статьѣ І. І. Ясинскаго*: «Юношеская любовь И. М. Сѣченова», СХХ, май, 450—455.

Э. *Рецензія его*: 1) «Проф. Н. О. Каптеревъ. Патриархъ Никонъ и царь Алексій Михайловичъ. Томъ І. Сергійевъ Посадъ. 1909», СХХ, апрѣль, 930—934.—2) «Проф. А. А. Бронзовъ. Бѣлозерское духовное училище за сто лѣтъ его существованія (1809—1909 г.). Томъ І. Сергійевъ посадъ. 1909», СХХІ, августъ, 655—657.

Т

Таганцевъ, Николай Степ., профессоръ, членъ государственнаго Совѣта, СХХІ, августъ, 580.

Таргѣвъ, Б. Л. *Его предисловіе къ «Воспоминаніямъ» академика П. П. Соколова*, СХХІ, августъ, 378—381.

Тальони, Марія, известная танцовщица, СХХІ, августъ, 683, 692, 693, 694, 695, 696, 697.

Танковъ, А. А. *Статьи его*: 1) «Курскій историко-археологическій и кустарный музей», СХХ, апрѣль, 285—300.—*Поправка къ ней*: «По поводу домика Петра Великаго», А. Бронзова. СХХ, май, 784.—2) «Министръ народнаго просвѣщенія графъ Д. А. Толстой и церковныя заповѣди. (Недавняя старинка)», СХХІІ, декабрь, 878—884.

Тарновскій, Вас. Вас., украинскій археологъ, СХХІ, августъ, 614—624 (по поводу его музея въ Черниговѣ).

Татищевы:

— А. А., пензенскій губернаторъ, членъ государственнаго совѣта, СХІХ, мартъ, 870, 872; СХХ, апрѣль, 61, 62, 65—70.

— С. С., историкъ, СХІХ, февраль, 642, 645, 652, 653, 658; СХХІ, августъ, 593; СХХІІ, ноябрь, 692, 702.

Тебенъковъ, М. М. *Статья его*: «Трехсотлѣтіе памяти героя. Князь Михаилъ Васильевичъ Скопинъ-Шуйскій», СХХ, май, 660—666.

Телешовъ, Ив. *Статья его*: «Императоръ Николай І въ Курскѣ въ 1842 г.», СХХІ, июль, 149—154.

Темниковъ, В. *Статья его*: «Ващукъ-Выгорскій», СХІХ, февраль, 620—628.—*Замѣтка по поводу ея* В. А. Самонова, СХІХ, мартъ, 1181—1182.

Тяле, В. А., проф. медицины, СХХІІ, декабрь, 1211—1212 (по поводу 25-лѣтія его дѣятельности).

Тимашевъ, А. Е., министръ внутреннихъ дѣлъ, СХІХ, февраль, 539; мартъ, 873, 876.

Тиме, Георгій Августовичъ, профессоръ горнаго института. *Некрологъ его*: СХХ, апрѣль, 396.

Тимоховичъ, Сергѣй Яковлевичъ, инженеръ-механикъ. *Некрологъ его*: СХХ, июнь, 1122.

Тимосевъ, Алексѣй Васильевичъ. *О немъ въ статьѣ Н. А. Державина*: «Забытые поэты», СХХІ, сентябрь 864—872.

Тиссо, проф., СХХ, май, 753—754.

Титовъ, А. А.—*Рецензія его*: «Bulletin et mémoires de la Société Nationale des Antiquaires de France, tome LXVII», СХХ, июнь, 1043—1043.—*Рецензія г. Ризъ о книгѣ его*: «Проповѣди святителя Дмитрія митрополита ростовскаго на украинскомъ нарѣчій. М. 1909», СХІХ, январь, 313—315.—*Рецензія А. Ково*

о книжкѣ его: «Миссионерская дѣятельность преосв. Нила Исакоев и Діонисія Хорвата. М. 1910», СХХІ, июль, 275—276.

Тихомировъ, Левъ Александровичъ, б. революціонеръ, потомъ редакт. «Московскихъ Вѣдомостей», СХІХ, февраль, 649, 650—652; СХХІ, сентябрь, 987, 999—1002, 1004—1007, 1011—1015; 1017, 1022; СХХІІ, октябрь, 300—302; декабрь, 1090—1091.

Тихонъ, святой, Задонскій († 13 авг. 1783 г.). *О немъ въ статьѣ С. Н. Венеджаго*: «Одинъ изъ почитателей св. Тихона Задонскаго», СХХІ, июль, 140—148.

Ткачукъ, Витал. Захар. *Рецензія его*: 1) «А. Покотилловъ. Первый опытъ государственнаго страхованія жизни въ Россіи. Спб. 1909», СХХІ, сентябрь, 1091—1902.—2) «Эрasmusъ Пильцъ. Русская политика въ Польшѣ. Спб. 1910», СХХІІ, ноябрь, 746—747.

Толстой, Алексѣй Константиновичъ, графъ, поэтъ, СХХІ, сентябрь, 778—779; СХХІІ, октябрь, 271.

Толстой, Дмитрій Андреевичъ, графъ, министръ народнаго просвѣщенія и вѣтреннихъ дѣлъ, СХІХ, январь, 213; февраль, 657; СХХІІ, ноябрь, 699.—*О немъ въ статьѣ А. А. Танкова*: «Министръ народнаго просвѣщенія графъ Д. А. Толстой и церковныя заповѣди. (Недавняя старинка)», СХХІІ, ноябрь, 878—884. *Упом.*: декабрь, 1061—1064.

Толстой, Левъ Николаевичъ, графъ, великій русскій писатель, СХІХ, январь, 175; февраль, 745—747.—*О немъ статья Б. Г.* «Графъ Левъ Николаевичъ Толстой», СХХХІІ, декабрь, 3—40 (отд. нум.).

Толстой, Федоръ Павловичъ, графъ, известный медалеръ, вице-президентъ Академіи художествъ, СХХІ, августъ, 413, 414; СХХІІ, декабрь, 883—889, 909.

Толь, К. Ф., графъ, генераль-адъютантъ. *Рецензія Б. Г. объ его*: «Журналъ о декабрьскихъ событіяхъ 1825 г. Изданіе и редакція графа Е. Н. Толь. Спб. 1910», СХХІ, августъ, 654—655.

Томажикъ, Николо, профессоръ народнаго права въ загребскомъ университетѣ, СХХІІ, октябрь, 390—391.

Томсонъ, г-жа, авторъ новой книжки объ интимной жизни артистки Рашель, СХХ, май, 747—753.

Тонъ, Констан. Андреев., архитекторъ, СХХІ, августъ, 399, 400; сент., 768.

Топоровъ, Ал. Вас., СХІХ, январь, 41—44, 48—50; СХХ, апрѣль, 24—25, (въ воспоминан. А. М. Скабичевскаго).

Торнь, А. *Рецензія Б. Г. о книгѣ его*: «Когда наступилъ мракъ. Исторія одного великаго заговора. Переводъ съ ан-

тійського. Изданіе А. С. Суворина. Спб. 1910», СХХІ, июль, 301—303.

Тотлебенъ, Эдуардъ Ивановичъ, графъ, СХІХ, январь, 303—304; февраль, 653; СХХІ, сентябрь, 1021.

Трапизъ, Юлій Карловичъ, профессоръ фармаціи, СХХІ, августъ, 590, 594.

Треповы:

— Оед. Оед., московскій оберъ-полицеймейстеръ, СХІХ, февраль, 590—591, 594—599.

— Оед. Оед., петербургскій градоначальникъ, отецъ предыдущаго, СХХ, апрѣль, 215—222, 227—231, 235—246, 253; СХХІ, июль, 156—157, 167, 175.

Трыгони, Михаилъ Николаевичъ, революціонеръ, СХХІІ, ноябрь, 677; дек., 1084, 1094.

Трионовъ, К. К. *Статья его:* «Въ гостяхъ у хана Насръ-Эддина», СХХІ, июль, 130—139.

Троицкій, Д. И., педагогъ. *Некрологъ его:* СХХ, май, 782.

Троицкій, Н. И. *Рецензія А. Миронова о брошюрѣ его:* «Грѣединство Божества. Историко-археологическое изслѣдованіе по памятникамъ всеобщей исторіи искусства. Изд. 2-е. Тула. 1909», СХІХ, мартъ, 1124—1125.

Тройницкій, С. Н. *Рецензія Влад. Лукомскаго о брошюрѣ его:* «Гербовые девизы русскаго, польскаго, финляндскаго и прибалтійскаго дворянства. Спб. 1910», СХХІ, май, 716—717.—*Рецензія В. Рудакова о составленныхъ имъ вмѣстѣ съ Вл. Лукомскимъ:* «Указателяхъ къ Высочайше утвержденному обмену гербовнику дворянскихъ родовъ Россійской имперіи и гербовнику дворянскихъ родовъ Царства Польскаго. Спб., 1910», СХХІ, августъ, 658—659.

Тропининъ, Вас. Андр. художникъ, СХХІ, сентябрь, 793—797.

Трофимовъ, Александръ Трофимовичъ, комикъ, драматургъ, СХХІ, сентябрь, 820—821.

Троцкій, В. В. *Статья его:* «Къ 75 лѣтію императорской археографической комиссіи». СХІХ, январь, 250—256.—*Рецензіи его:* 1) «Лѣтопись занятій императорской археографической комиссіи за 1908 г. Выпускъ 21. Спб. 1909», СХІХ, январь, 310—311.—2) «Животная книга духоборцевъ. Записалъ и собралъ Владимиръ Бончъ-Бруевичъ. Спб. 1909», СХІХ, февраль, 714—715.—3) «Русская историческая бібліотека, издав. императорско археографическою комиссіею т. XXVI. Донскія дѣла. Книга III. Спб. 1909», СХІХ, мартъ, 1100—1101.—4) «Сочиненія, письма и бумаги В. Н. Кара-

зина, собранныя и редактированныя проф. Д. И. Багалъевъ. Харьковъ. 1910», СХІХ, мартъ, 1111—1113.—5) «Лѣтопись занятій императорской археографической комиссіи за 1909 годъ. Выпускъ 22. Подъ ред. правителя дѣлъ В. Гр. Дружинина. Спб. 1910», СХХІ, августъ, 656—658.—6) «В. Кравченко. Черезъ три океана. Воспоминанія о морскомъ походѣ 1904—5 гг. Спб. 1910», СХХІ, сентябрь, 1079—1030.

Трубецкая, княгиня, СХХІІ, декабрь, 1147—1148.

Трубецкой, С. Н., князь, ректоръ московскаго университета, СХХ, апрѣль, 149—150; май, 556.

Трубиновъ, Конст. Васил., журналистъ, СХІХ, январь, 50; СХХ, апрѣль, 29.

Тумановъ, М. *Его статья:* «Загадочный ссыльный», СХХІІ, ноябрь, 587—600.

Туношенскій, В. В. *О немъ въ статьѣ А. А. Плещеева:* «В. В. Туношенскій. (Памяти покойнаго драматурга)», СХХІ, сентябрь, 945—948.

Туньянъ, хунгузъ, СХХ, июнь, 936—940, 942—949.

Тургеневы:

— Андрей Ивановичъ. *О немъ въ статьѣ Н. А. Державина:* «Забытые поэты», СХХІ, сентябрь, 848—854.

— Иванъ Сергѣевичъ, извѣстный писатель, СХІХ, январь, 44—45, 50; февраль, 446—447; 517—518, 524, 526; 696, 699; СХХІ, сентябрь, 1111—1112.

— Николай Ивановичъ, декабристъ, писатель, СХХІІ, ноябрь, 630.

Туринскій, М. *Статья его:* «Россія въ Германіи», СХІХ, февраль, 572—587.

Турнашонъ (псевдонимъ Надаръ), Феликсъ, писатель, СХХ, июнь, 1089—1091 (по поводу его смерти).

Турчаниновъ, А. Н., присяжный повѣренный, СХХІ, августъ, 596.

Тырковъ, А. В. революціонеръ, СХХІІ, декабрь, 1031—1033, 1090.

Тыртовъ, Сергій Петр., вице-адмиралъ, СХІХ, январь, 177—178, 181.

Тютчевъ, Федоръ Ив., поэтъ, СХІХ, январь, 109—110; мартъ, 997, 1001.

У

Уварова, Прасковія Семеновна, графиня, предсѣдательница московскаго археологическаго общества, СХХ, июнь, 1104 (по поводу ея 25 лѣтняго юбилея).—*Рецензія А. Хаханова о редактирован-*

мысль его трех томахъ «Сборника мелкихъ трудовъ» графа А. С. Уварова, СХХI, июль, 273—274.

Уваровы, графы:

— Алексѣй Сергѣевичъ. *О немъ въ замѣткѣ, сообщенной В. Е. Рудаковымъ*: «Памяти графа А. С. Уварова», СХIХ, февраль, 768—770.—*Рецензія А. Хаханова о посмертныхъ его трудахъ*: «Сборникъ мелкихъ трудовъ. Томы I, II, и III, подъ ред. гр. П. С. Уваровой. М. 1910», СХХI, июль, 273—274.

— Сергѣй Семеновичъ, министръ народнаго просвѣщенія, СХIХ, январь, 251; СХХII, ноябрь, 743.

Уитманъ, Уальтъ, американскій поэтъ, СХIХ, мартъ, 1148.

Уманецъ, С. Н. *Статьи его*: 1) «Евангелисты Ислама. (Изъ личныхъ воспоминаній о кавказскихъ бабдахъ)», СХХ, май, 602—617.—2) «Украинскій музей В. В. Тарновскаго въ Черниговѣ», СХХI, августъ, 614—624.

Уманецъ, Ѳ. М. *Рецензія А. Б. о книгѣ его*: «Александръ и Сперанскій. Историческая монографія. Спб. 1910», СХХII, октябрь, 348.

Умановъ-Каплуновскій, В. В. *Статьи его*: 1) «Евгенія Марсъ и ея рассказы», СХIХ, январь, 203—209.—2) «Памяти М. А. Кропивницкаго», СХХ, июнь, 972—977.—3) «Изломы жизни. Повѣсть (Встрѣчи и проводы)», СХХII, октябрь, 5—35.

Уоллесъ-Макензи, англійскій писатель, долго жившій въ Россіи и написавшій о ней книгу «Russia», СХIХ, январь, 98—103.

Урусовъ, А. И., князь, извѣстный адвокатъ. *О немъ въ статьѣ А. И. Соколовой*: «Воспоминанія о князѣ А. И. Урусовѣ», СХХ, май, 456—464.

Успенскій, А. И., прив.-доц. *Рецензія Владимира Клейна о книгѣ его*: «Очерки по исторіи русскаго искусства. Русская живопись до XV вѣка включительно. Т. I. М. 1910», СХIХ, февраль, 708—710. *Рецензія В. Рудакова о редактированныхъ имъ «Запискахъ московскаго археологическаго института. Томы I—VII. М. 1909—1910»*, СХХI, августъ, 651—655.—*Рецензія В. Клейна о книгѣ его*: «Царскіе иконописцы и живописцы XVII в. Словарь. Москва, 1910», СХХII, октябрь, 350—351.

Успенскій, Глѣбъ Ивановичъ, писатель, СХIХ, январь, 382—384 (по поводу освященія ему памятника на Волковомъ кладбищѣ); мартъ, 814—815, 820, 824—829; 1031; 1036.

Устимовичъ, курскій губернаторъ, СХХI, июль, 149—154.

Уткинъ, Николай Иван., проф. академіи художествъ, СХХI, сентябрь, 792; СХХII, ноябрь, 479.

Ухтомскій, Леонидъ Алексѣевичъ, князь, отставной вице-адмиралъ, одинъ изъ защитниковъ Севастополя.—*Некрологъ его*: СХIХ, январь, 398—399.

Фабръ, Анри, натуралистъ, СХХ, май, 761—762.

Фаресовъ, Анат. Иванов., писатель. *Статьи его*: 1) «Живыя встрѣчи», СХХ, май, 572—601.—2) «Неизвѣстный поэтъ», СХХII декабрь, 937—984.—*Рецензіи его*: 1) «Г. В. Плехановъ. Н. Г. Чернышевскій. Спб. 1910», СХХ, апрѣль, 346—351.—2) «С. Ф. Либровичъ. Необыкновенный рубль. Матеріалы по этнографіи Россіи. Изданіе этнографическаго отдѣла Русскаго музея императора Александра III. Т. I. Спб. 1910», СХХ, июнь, 1054—1057;—4) «Н. О. Лерперъ. Бѣлинскій. Критико-біографическій очеркъ. Для учащихся. М. 1910», СХХI, июль, 293—295.—5) «Труды псковскаго археологическаго об-ства. Псковъ. 1910» СХХI, сентябрь, 1069—1071.—6) «Общественскій литературный сборникъ. М. 1910», СХХII, октябрь, 356—358.—7) «Другъ народа. Александръ Львовичъ Караваевъ», СХХII, ноябрь, 747—748.—8) «Вѣстникъ восточнаго сѣзда художниковъ. Спб. 1910», СХХII, ноябрь, 760—761.

Фармаковскій, Бор. Влад., археологъ, СХХI, сентябрь, 981, 984.

Фаусекъ, Викторъ Андреевичъ, профессоръ. *Некрологъ его*: СХХI, августъ, 731—732.

Федоровъ, В. П. *Рецензіи его*: 1) «Е. Козубскій. Исторія Дагестанскаго коннаго полка. Петровскъ. 1909», СХХ, июнь, 1046—1048.—2) «А. В. Карповъ. Памятникъ казачьей старины. Краткіе очерки изъ исторіи Уральскаго войска. Уральскъ. 1909», СХХI, июль, 274—275.—*Статья его*: «Во власти сердца. Историческая быль», СХХII, октябрь, 145—152.

Фейерейзень, Арнольдъ, нѣм. библіографъ.—*Рецензія А. Мальмгрена о книгѣ его*: «Livländische Geschichtslitteratur. 1906. Рига. 1909», СХХII, октябрь, 369.

Ферро, итальянскій историкъ, СХIХ, январь, 342—345 (по поводу его взгляда на исторію).

Фигнеръ, Вѣра Николаевна, революционерка, СХХІ, сентябрь 1006—1107, 1009, 1011, 1014, 1018, 1022; СХХІІ, октябрь, 300, 312, 313; декабрь, 1064, 1066, 1100, 1101,

Филаретъ (Дроздовъ), московскій митрополитъ. (1782—1867), СХІХ, январь, 66, 68.

Филатова, А. И. *Статья ея*: «Миражъ. (Изъ жизни)», СХХ, апрѣль, 117—128.

Филиппъ V, король испанскій, СХІХ, мартъ, 1127—1132.

Фильдъ, Джонъ, преподаватель музыки, СХХ, июнь, 866, 868.

Фярсовы:

— А. И. *Статьи его*: 1) «Бѣлградъ и его святѣни», СХХ, апрѣль, 301—326.—2) «По Камѣ», СХХІІ, ноябрь, 709—732; декабрь, 1107—1131.

— Н. Н. (Л. Рускинъ). *Его*: 1) «Силуэты времени реформъ. (Воспоминанія шестидесятника)», СХІХ, январь 83—103; февраль, 483—503; мартъ, 863—878; СХХ, апрѣль, 61—74. 2) «Воспоминанія о великомъ князѣ Михаилѣ Николаевичѣ», СХХІІ, декабрь, 864—877.—*Упомянется*: СХІХ, мартъ, 960—961.

Флоринскій, В. М., профессоръ томскаго унив., СХХІ, июль, 47, 48, 53—55.

Фоминъ, А. Г. *Статьи его*: 1) «Новое о Гоголѣ. (По поводу опубликованія новыхъ рукописей Гоголя)», СХХ, апрѣль, 206—213.—2) «Цѣнный вкладъ въ изученіе Пушкина», СХХІІ, октябрь, 318—326.—*Рецензіи его*: 1) «Историко-литературная бібліотека под. ред. А. Е. Грузинскаго. Вып. I. Гоголь въ воспоминаніяхъ современниковъ и перепискѣ. Составилъ В. В. Каллаша. М. 1909», СХІХ, январь, 325—327.—2) «Арабагинъ, К. И. Публичныя лекціи о русскихъ писателяхъ. Книга I. Спб. 1909», СХІХ январь, 332—334.—3) «Н. О. Лернеръ. Новооткрытыя сраняціи Пушкина Спб. 1910», СХІХ, февраль, 715—716.—4) «Письма Владимира Сергѣевича Соловьева подъ ред. Э. Л. Радлова. Т. II. Спб. 1909», СХІХ, февраль, 717—719. 5) «Аркадій Прессъ. Въ царствѣ книгъ. Т. I—II. Спб. 1909», СХІХ, мартъ, 1113—1114.—6) «Чернышевскій, М. Н. Біографическій указатель статей о Н. Г. Чернышевскомъ и его сочиненіяхъ. Спб. 1909», СХХ, апрѣль, 351—352.—7) «Колтоновская, Е. А. Новая жизнь. Критическія статьи. Спб. 1910». СХХ, апрѣль 352—353.—8) «Юбилейный сборникъ

Литературнаго фонда. 1859—1909. Спб. 1910», СХХІ, июль, 292—293.—9) «Незабвенному Владимиру Васильевичу Стасову. Сборникъ воспоминаній. Спб. 1910». СХХІ, июль, 296—298.—10) «Портреты русскихъ писателей въ гелиографияхъ извѣстныхъ русскихъ художниковъ. Редакція В. В. Каллаша. М. 1909—1910», СХХІ, августъ, 663.—11) «А. Н. Пыпинъ. Мои замѣтки. Съ приложеніемъ статей: «Два мѣсяца въ Прагѣ» и «Вячеславъ Ганка». Подъ ред. В. А. Ляцкой. М. 1910», СХХІ, сентябрь, 1082—1083.—12) «Н. Г. Мартыновъ. Статистическія таблицы російскаго книгоиздательства за 1909 г. по официальнымъ источникамъ. Спб. 1910», СХХІ, сентябрь, 1086—1088.—13) «Ю. Айхенвальдъ. Силуэты русскихъ писателей. Выпускъ III. М. 1910», СХХІІ, октябрь, 358—359.—14) «Сочиненія и письма Н. В. Гоголя. Редакція В. В. Каллаша. 9 т. Спб. 1909—1910», СХХІІ, ноябрь, 758—759.—15) «Историко-литературная бібліотека подъ ред. А. Е. Грузинскаго. О. О. Нелидовъ, Западники 40-хъ годовъ. Н. Л. Бродскій. Ранніе славянофилы. М. 1910», СХХІІ, декабрь, 1170—1171.

Фонтанъ, Теодоръ, нѣмецкій писатель, СХХІІ, декабрь, 1186.

Форстенъ, Георгій Васил., профессоръ. *Некрологъ его*: СХХІ, сентябрь, 1135.

Фортисъ, Александро, итальянскій политическій дѣятель. *Некрологъ его*: СХІХ, январь, 368.

Францъ-Иосифъ, австрійскій императоръ, СХІХ, мартъ 1146—1147 (по поводу его юбилея); СХХІІ, декабрь, 1195 (по поводу его 80-лѣтняго юбилея).

Фридрихъ Великій, германскій императоръ, СХІХ, январь, 356—361 (объ его семейной жизни).

Фридрихъ Вильгельмъ III, императоръ германскій, СХХІІ, декабрь, 1197.

Фрина, аенинская гетера, СХХІІ, декабрь, 1183—1184.

Фроленко, Мих. Ф. народоволецъ. СХХ, апрѣль, 229—230; СХХІ, июль, 177; сентябрь, 991—993, 997, 998—999, 1001, 1005, 1007—1008, 1012, 1021—1022; СХХІІ, октябрь, 300, 304, 305, 306.

Фроловскій, Николай Александровичъ, полковникъ, профессоръ Михайловской артиллерійской академіи. *Некрологъ его*: СХХІІ, ноябрь, 814.

X

Халанскій, Мих. Георг., проф. *Некрологъ его*: СХХ, май, 782—783.

Халтуринъ, Степанъ Николаевичъ, основатель Съвернаго Союза русскихъ рабочихъ, СХІХ, мартъ, 1019—1027; СХХІІ, октябрь, 277, 305, 311, 312; ноябрь, 684.

Харландъ, американскій археологъ, СХІХ, февраль, 730—731.

Хахановъ, А. С. *Рецензія его*: «Графъ А. С. Уваровъ. Сборникъ мелкихъ трудовъ. Тома I, II и III. Подъ редакторствомъ гр. П. С. Уваровой. М. 1910», СХХІ, июль, 273—274.

Хвольсонъ, Д. А., проф., СХІХ, январь, 377—378 (по поводу его 90-лѣтняго юбилея со дня рожденія).

Хиченсъ, Робертъ. *Рецензія А. К. о книгѣ его*: «Чары Египта въ его памятникахъ. Переводъ съ англійскаго кн. А. Оболенской. Спб. 1910», СХІХ, мартъ, 1120—1121.

Хованскій, Н. Ф., саратовскій старожилъ, СХХ, апрѣль, 192—198.—*Поправка его*: «Къ статьѣ о Чернышевскомъ» А. Лебедева, СХХ, июнь, 1128.

Хрулевъ, Ст. Ст., прокуроръ харьковской судебной палаты, нынѣ начальникъ главнаго тюремнаго управленія, СХХІІ, ноябрь, 568.

Худояръ, ханъ ферганскій, СХХІ, июль, 130.

Ц

Цавель, Альбертъ Генриховичъ, профессоръ петербургской консерваторіи. *Некрологъ его*: СХІХ, мартъ, 1179—1181.

Цатуріанъ, Александръ, армянскій поэтъ и переводчикъ, СХХ, июнь 1104—1105 (по поводу его 25-лѣтняго юбилея).

Цѣтсаевъ, Д. В., проф. *Рецензія И. С. Б. о первомъ томѣ его историческаго изслѣдованія*: «Царь Василій Шуйскій и мѣсто погребенія его въ Польшѣ. 1610—1910. Москва—Варшава. 1910». СХХ, июнь, 1037—2040.

Цейдлеръ, П. М., писатель, СХІХ, январь, 38.

Цеймернъ, Максимъ Карловичъ, сенаторъ, СХХІІ, декабрь, 918—934. (въ «Воспоминаніяхъ» П. А. Кускова).

Цукерманъ, Лейзеръ, СХХІІ, октябрь, 293, 295, 296, 298; декабрь, 1076, 1077.

Ч

Чавчавадзе, Нина Александровна, княжна, потомъ супруга А. С. Грибоѣдова, СХХ, июнь, 878, 879.

Чайковскій, Петръ Ильичъ, извѣстный композиторъ, СХІХ, январь, 192—194.—*О немъ въ статьѣ А. И. Соколовой*: «Комическій случай съ П. И. Чайковскимъ», СХІХ, февраль, 557—571.—*Упоминается*: СХХІІ, декабрь, 1115.

Чансъ, I. Т. *Рецензія А. Б. о книгѣ его*: «George and the northern war. London. 1909», СХХІІ, ноябрь, 739—740.

Чапскій, графъ, новгородскій вице-губернаторъ, СХІХ, мартъ, 866—867.

Чарскій-Чистяковъ, Влад. Васильевъ, трагикъ.—*О немъ въ замѣткѣ А. Е. Кауфмана*: «Театральныя странички. (Памяти В. В. Чарскаго)», СХХ, апрѣль, 258—261.—*Некрологъ его*: СХХ, апрѣль, 396—397.

Червинскій, П., писатель народный, СХІХ, январь, 54—55.

Черевинъ, Петръ Александровичъ, генералъ-адъютантъ, СХХІІ, ноябрь, 701.

Черемшанскій (онъ же Савинъ). *О немъ въ статьѣ И. В. Млцианова*: «Одинъ изъ русскихъ самозванцевъ», СХІХ, мартъ 894—918, и въ статьѣ А. Е. Евгеньева: «Авантюристы, самозванцы и бюстатели закона», СХХ, апрѣль, 142—148.—*О немъ въ статьѣ А. К. Добролюбова*: «Изъ воспомнаній о самозванцѣ Черемшанскомъ», СХХІ, июль, 208—211.

Чернавскій, Ив. Александр., СХХІІ, декабрь, 921—927 (въ «Воспоминаніяхъ» П. А. Кускова).

Чернецовъ, Алексѣй Ѳеодоровичъ, СХХІІ, октябрь, 46—49.

Чернопятовъ, В. И. *Рецензія В. Рудакова о составленнхъ и издавнхъ имъ трудахъ*: «Дворянское сословіе Тульской губерніи. Т. I (X). Списки лицъ, служившихъ въ Тульской губерніи по выборамъ, съ 1778 г. Т. II (XI). Алфавитный списокъ дворянскихъ родовъ съ указаніемъ важнѣйшихъ документовъ. Т. III (XII). Родословецъ, матеріалы, ч. I—VI. М. 1909», СХХІ, июль, 271—278.

Чернышевскіе:

— М. Н. *Рецензія А. Фомина о книгѣ его*: «Библиографическій указатель статей о Н. Г. Чернышевскомъ и его сочиненіяхъ. Спб. 1909», СХХ, апрѣль, 351—352.

— Николай Гавриловичъ, писатель *О немъ въ замѣткѣ А. Лебедева*: «Къ біографіи Н. Г. Чернышевскаго», СХІХ, мартъ, 990—992.—*О немъ въ статьѣ А. А. Лебедева*: «Н. Г. Чернышевскій въ 1836—1839 годахъ. (По воспоминаніямъ Н. Ф. Хованскаго)», СХХ, апрѣль, 192—198.—*О немъ въ книгѣ Г. В.*

Плеханова: «Н. Г. Чернышевскій. Спб. 1910», рецензир. А. Фаресовымъ, СХХ, апрѣль, 346—351.—*О немъ въ книгѣ М. Н. Чернышевскаго:* «Библиографическій указатель статей о Н. Г. Чернышевскомъ и его сочиненіяхъ. Спб. 1909», рецензир. А. Фоминымъ, СХХ, апрѣль, 351—352.—*О немъ въ статьѣ П. Л. Юдина:* «Къ біографіи Н. Г. Чернышевскаго», СХХІ, сентябрь, 949—952.—*О немъ въ книгѣ:* «III отдѣленіе вольнаго экономическаго общества. Памяти Н. Г. Чернышевскаго. Доклады и рѣчи: Н. О. Анненскаго, М. А. Антоновича, А. А. Корнилова, А. С. Постникова и М. И. Туганъ-Барановскаго. Спб. 1910», реценз. Пант., СХХІІ, ноябрь, 756—758.—*Упомянется:* СХІХ, январь, 41—41; 220—224; февраль, 545—546.

Чернышевъ, Александръ Ивановичъ, князь, военный министръ, СХХІІ, ноябрь, 527, 534, 535.

Черняевы:

— Мих. Григ., генер., СХІХ, январь, 293; СХХІІ, декабрь, 937, 943, 966—967.

— Николай Ивановичъ, литераторъ. *Некрологъ его:* СХХІ, июль, 348—349.

— Пав., проф. *Рецензія его:* «С. Д. Солодовъ. Источники и пособія для изученія Саратовскаго края. Указатель книгъ, брошюръ, журнальных и газетныхъ статей и замѣтокъ, напечатанныхъ вѣдъ Саратовскаго края. Изданіе второе, исправленное и значительно дополненное. Саратовъ. 1910», СХХІІ, ноябрь, 745—746.

Чернякъ, Александръ Федотовичъ. *Некрологъ его:* СХХ, апрѣль, 397.

Честухинъ, А. *Его замѣтка:* «Къ статьѣ «Неразбериха», СХХІ, сентябрь, 1136.

Четвериковъ, С. И., СХХІ, авг. 469.

Чеховы:

— Антонъ Павловичъ, писатель, СХІХ, февраль, 773 (по поводу открытія «Чеховской комнаты»); мартъ, 1160—1162 (по поводу чествованія его памяти — 50-лѣтія со дня рожденія); СХХІ, августъ, 703 («всероссійскій сборъ пожертвованій на памятникъ А. П. Чехову»).

— (Сѣдой), А. П. *Его:* «Императоръ Александръ Благословенный на льдинѣ. (Пасхальное преданіе изъ жизни императора въ Таганрогѣ)», СХХІІ, октябрь, 153—183.

Чечулинъ, Ник. Дм., историкъ, СХХ. май, 776 (по поводу 25-лѣтняго его юбилея).

Чижовъ, Николай Ефимовичъ, профессоръ новороссійскаго университета. *Некрологъ его:* СХХ, июнь, 1122.

Чичеринъ, Бор. Никол., проф., СХХ, июнь, 1063—1064 (по поводу его «Воспоминаній»).

Чудновскій, С. Л., СХХ, июнь, 819—820.

Чумаго, греческій консулъ, СХХІІ, ноябрь, 485—486.

Чуровъ, А. И. проф., СХІХ, февраль, 584.—*Рецензія В. Кузнецова о трехъ томахъ его:* «Рѣчей и статей. М. 1909», СХХІІ, декабрь, 1166—1168.

Чухнинъ, Григорій Павловъ, адмиралъ, СХІХ, январь, 178—181; СХХІІ, декабрь, 1054—1055.

III

Шайковичъ, И., д-ръ. *Рецензія А. С. о брошюрѣ его:* «Славянская бібліотека д-ра В. Шайковича. Вып. 2. Юванъ Цвиичъ. Анексія Восни-Герцеговины и сербскій вопросъ. Спб. 1909», СХХІ, июль, 286—287.

Шаломытовъ, Н. В. *Статья его:* «Грибоѣдовъ и музыка», СХХ, июнь, 865—883.

Шамиль (1797—1871), предводитель кавказскихъ горцевъ, боровшихся съ русскими.—*О немъ въ статьѣ И. И. У.:* «Кериметь, невѣстка Шамиля—жертва азіатской, а затѣмъ русской политикѣ», СХХІ, сентябрь, 922—933.

Шамшинъ, И. И., февраль, СХІХ, 493.

Шанюшниковъ, К. А., СХХ, июнь, 812—813.

Шаховская, Марья Алексѣевна, княгиня, ученица Антокольскаго. *Некрологъ ея:* СХХ, июнь, 1122—1123.

Шаховскіе:

— Н. М., князь, сенаторъ, СХІХ, мартъ, 872.

— С. В., князь. *Рецензія Б. Г. о второмъ томѣ его:* «Матеріаловъ для исторіи недавняго прошлаго прибалтійской окраины (1885—1894 г.г.). Спб. 1909», СХХ, апрѣль, 343—344.

Шварцъ (фонъ), А. *Рецензія М. Соколовскаго о составленной имъ совместно съ Ю. Романовскимъ книгѣ:* «Оборона Портъ-Артура. Ч. II. Спб. 1910», СХІХ, мартъ, 1106—1107.

Швейницъ (фонъ), германскій посолъ, СХІХ, январь, 288.

Шевелевъ, А. Н., смельный. *О немъ въ статьѣ М. Туманова:* «Загадочный ссыльный», СХХІІ, ноябрь, 587—600.

Шевченко, Тарасъ Григорьевичъ, украинскій поэтъ, СХХІ, августъ, 623—

624 (по поводу посвященного ему от-
дѣла въ музеѣ В. В Тарновскаго); 718
(о сооруженіи ему памятника).

Шекспиръ, Вильямъ (1564—1616),
великій англійскій драматургъ, СХІХ,
январь, 362; мартъ, 1141; СХХ, апрѣль,
354—361; СХХІ, сентябрь, 1094—1102;
СХХІІ, октябрь, 370—371.

Шелгуновъ, Н. В., писатель, СХІХ,
февраль, 551.

Шенрокъ, Владимиръ Ивановичъ,
биографъ и изслѣдователь Гоголя. *Не-
крологъ его*: СХІХ, мартъ, 1181.

Шереметевы, графы:

— Борисъ Петровичъ, фельдмаршалъ,
СХХІ, июль, 304; августъ, 571—572.

— Николай Петровичъ, учредитель
«Страннопріимнаго дома» въ Москвѣ,
СХХІ, августъ, 702—703.

— Сергій Дмитр., членъ государ-
ственнаго совѣта, СХІХ, январь, 254—
255; СХХІ, августъ, 702—704.

Шершевскій, Михаилъ Марковичъ,
лейбъ-медикъ. *О немъ въ статьѣ Г. Д. И.:*
«Памяти М. М. Шершевскаго», СХІХ,
мартъ, 978—989.

Шестаковъ, С. П. *Рецензія В. о*
*книжкѣ его: «Къ литературѣ трепетни-
ковъ. Казань. 1909»*, СХІХ, ян-
варь, 325.

Шидловскій, А. Ф. *Рецензія Дилак-
торскаго о составленномъ имъ: «Библио-
графическомъ указателѣ литературы о*
Сѣверѣ по матеріаламъ, собраннымъ
Архангельскимъ обществомъ изученія
русскаго Сѣвера. Указатель литературы
о дѣятельности Петра Великаго на
*Сѣверѣ и описъ старыхъ дѣлъ губерн-
скихъ присутственныхъ мѣстъ въ Ар-
хангельскѣ съ 1710 по 1725 годъ. Ар-
хангельскъ. 1910»*, СХХІ, июль, 279—280.

Шиде, Аделаида Гавриловна, писа-
тельница, СХІХ, январь, 382 (по поводу
25-лѣтія ея литературной дѣятельности).

Шидловскій, К. С., артистъ (по сценѣ
Лошинскій), СХІХ, январь, 192—193.

Шиповъ, И. П., членъ государствен-
наго совѣта, СХХІ, августъ, 612.

Ширяевъ, Степанъ Григорьевичъ,
революціонеръ, СХХІ, сентябрь, 993,
1001, 1010, 1020; СХХІІ, октябрь, 300,
301, 303, 309; декабрь, 1074.

Шихевичъ, М. И. *Его: «По поводу*
статьи «Губернаторъ - революціонеръ»
СХІХ, февраль, 603—619. — О немъ въ
статьѣ Н. Подольскаго: «По поводу

статьи «Губернаторъ - революціонеръ»
СХХ, май, 691—709.

Шипкинъ, Ив. Вас., отецъ извѣст-
наго художника Ив. Ив. Шипкина,
СХХІІ, ноябрь, 725.

Шипко, Леонидъ Эмман., революціо-
неръ. *Некрологъ его*: СХІХ, февраль,
782—783.

Шипковскій, генераль-лейтенантъ,
СХІХ, февраль, 605—619, 623; СХХ, май,
693, 695, 697, 699, 701—703.

Шилъревскій, П. П., поэтъ, СХІХ,
319—320.

Шмелевъ, Григ. Николаевичъ, архео-
логъ. *Некрологъ его*: СХХ, июнь, 1128.

Шмидтъ, Петръ Петр., лейтенантъ,
поднявшій бунтъ въ Севастополѣ и раз-
стрѣлянный 6 марта 1906 года, СХІХ,
январь, 184—186.

Шмидтъ, Юлій Александровичъ, ге-
нераль-лейтенантъ. *Некрологъ его*: СХХІІ,
октябрь, 412—413.

Шопенъ, Фредерикъ, знаменитый пи-
анистъ, СХХ, апрѣль, 373—375 (по по-
воду столѣтія со дня его рожденія).

Шохоръ-Троцкій, С. И., педагогич-
ескій писатель, СХХ, апрѣль, 385 (по поводу
35-лѣтія его дѣятельности).

Шпейеръ, Мартиніанъ Карловичъ,
СХХ, май, 426—427, 433, 446; июнь, 810.

Штейнгаузенъ, нѣмецкій профессоръ,
СХХ, июнь, 1082—1086 (по поводу его
статьи: «Какъ судятъ о нѣмцахъ другіе
народы»).

Штейнъ, В. И. *Статьи его: 1) «Ве-
ликовѣтская артистка»*, СХХІ, сен-
тябрь, 958—979; СХХІІ, октябрь, 254—
275. — 2) «Посольство герцога Морни
въ Россію», СХХІІ, декабрь, 1132—1151.

Шубинскій Сергій Николаевичъ,
СХІХ, мартъ, 980, 984, 988.

Шуваловъ, Ал-дръ Петр., графъ,
СХХІІ, ноябрь, 731.

Шуваловъ, Андрей Павл., помѣщикъ
тверской, СХІХ, февраль, 484.

Шуваловъ, Петръ Андреевичъ, графъ,
шефъ жандармовъ, СХІХ, январь, 91—
92; февраль, 500—501, 643, 649,

Шуйская, Екатерина Григорьевна,
княгиня, жена князя Дмитрія Шуй-
скаго, дочь Малюты Скуратова, СХХ,
май, 665.

Шуйскій, царь, см. Василій Ивановичъ.

Шукевичъ, Іосифъ Венедиктовичъ,
метеорологъ. *Некрологъ его*: СХХ, май,
783.

Шуманъ, Робертъ, знаменитый ком-
позиторъ, СХХІ, сентябрь, 1116—1117

(по поводу 100-лѣтія со дня его рожденія).

Шумахеръ, Петръ Васильевичъ, поэтъ-сатирикъ. *О немъ статья А. М. Билова «Забытый поэтъ-сатирикъ»*, СХІХ, февраль, 504—528.

Щ

Щеголевъ, П. Е., писатель, СХХІІ, ноябрь, 675, 679, 683.

Щепкинъ, Мих. Сем., знаменитый артистъ, СХХІ, сентябрь, 789.

Щербатовъ, Алексѣй Григ., князь, московскій генералъ-губернаторъ, СХХІІ, ноябрь, 484—487.

Щербина, Г. С., русскій консулъ въ Черногоріи, СХХІ, августъ, 484.

Щетининъ, В. А., князь. *Статьи его*: 1) «Встрѣча съ И. А. Всеволожскимъ», СХІХ, январь, 190—194. — 2) «Одинъ изъ немногихъ. (Памяти К. П. Воскресенскаго)», СХХ, май, 544—554. — 3) «По стопамъ Христа», СХХ, июнь, 955—960.

Щукинъ, П. В., СХІХ, февраль, 516—519, 520, 523, 524, 526, 528.

Щуцкій, М. М. *Статья его*: «Церковщина», СХХІ, июль, 222—264.

Э

Эдуардъ VII, король англійскій, СХХІ, июль, 313—318 (по поводу его смерти).

Эйлеръ, Николай Павл., полковникъ, батарейный командиръ, СХІХ, февраль, 489—491; СХХІІ, ноябрь, 867—868.

Эльслеръ, Фанни, вѣнская танцовщица, СХХІ, августъ, 681—698.

Энгельгардты:

— А. Н. СХІХ, февраль, 530—556; мартъ, 831; СХХІІ, октябрь, 124, 126, 132—134, 139, 142.

— Анна Ник., супруга предыдущаго, СХІХ, февраль, 530—535, 542—546; СХХ, апрѣль, 89

— Ник. Ал. *Статьи его*: 1) «Давніе эпизоды. I. За безнравственность и демократическія идеи», СХІХ, февраль, 529—556. II. «Послѣдняя гитара», СХХ, апрѣль, 89—116. III. «Паша Козловъ», СХХІІ, октябрь, 123—144.

Эрвзъ, Густавъ. *Рецензія П. Б. о книгѣ его*: «Исторія Франціи и Европы. Спб. 1909», СХІХ, январь, 337—338.

Эстергази, князь, СХХ, июнь, 1073; СХХІІ, декабрь, 1140—1141.

Ю

Юдинъ, П. Л. *Его*: «Къ біографіи Н. Г. Чернышевскаго», СХХІ, сентябрь, 949—952.

Юзовъ, псевдонимъ писателя-народника Осипа Ивановича Каблица (1848—1893), СХІХ, январь, 54—55.

Юнаковъ, Н. Л., историкъ, СХХІІ, ноябрь, 795.

Я

Я. Н. *Рецензія его*: «Б. Соллогубъ и В. Симоновскій. Указатель лучшихъ, по отзывамъ печати, учебниковъ, наглядныхъ учебныхъ пособій и методическихъ руководствъ на русскомъ и украинскомъ языкахъ. Спб. 1909», СХІХ, январь, 330—332.

Яблочковъ, Михаилъ Яковлевичъ (1848—1906), генеалогъ, СХХІ, июль, 271—272.

Ядринцевъ, Николай Мих., изслѣдователь Сибири, СХХ, май, 423, 424, 438, 435—447, 449; июнь, 807, 815, 828; СХХІ, июль, 27—28, 31, 39.

Яковлевы:

— Ал-дръ Иван., членъ государственнаго совѣта по выборамъ. *Некрологъ его*: СХІХ, февраль, 783—784.

— М. А. *Его*: 1) «Ващукъ-Погосскій», СХІХ, февраль, 629—638.—2) «Харьковское лихолѣтье. (Отрывки изъ воспоминаній)», СХХІІ, ноябрь, 542—573; декабрь, 1002—1033.

Якубовичъ, Александръ Ивановичъ, капитанъ драгунскаго полка, декабристъ, СХХ, июнь, 873.

Янышевъ, Іоаннь Леонтьевичъ, протопресвитеръ. *Некрологъ его*: СХХІ, июль, 349—351.

Ясинскій, Іеронимъ Іеронимовичъ, писатель. *Его статья*: «Юношеская любовь И. М. Сѣченова», СХХ, май, 450—455.

Яцимирскій, Ал-дръ Ивановичъ. *Статья его*: «Первый кружокъ писателей «изъ народа». (Къ 30-лѣтію

со дня смерти И. З. Сурикова 24 апрѣля 1880 года), СХХ, апрѣль, 169—191.

Ө. В. *Рецензія его:* «Іоаннъ де-Планно Карпини. Исторія монголовъ.—Вильгельмъ де-Рубрукъ. Путешествіе въ восточныя страны.—Введеніе, переводъ и примѣчанія А. І. Малеина. Съ прилож. 8 рис., карты и указателей. Спб. 1911», СХХІІ, ноябрь, 733—735.

Федоровъ, Д. В. *Статьи его:* 1) «Странствующія села». (Изъ прошлаго Юго-Западнаго края), СХХ, іюнь, 893 —

905. — 2) «Живые покойники», СХХІ, августъ, 541—553.

Федоровъ-Юрковскій, Ө. А., актеръ, СХХІ, сентябрь, 831, 832.

Феоктистовъ, Е. М., писатель, начальникъ главнаго управленія по дѣламъ печати, СХХ, апрѣль, 43—44.

Феофанъ, архимандритъ Донскаго монастыря въ Москвѣ, СХІХ, январь, 57—58, 65—68, 71, 74—75.

Феофанъ Прокоповичъ, архіепископъ новгородскій, знаменитый проповѣдникъ и государственный дѣятель.—*О немъ замѣтка А. К-ова:* «По поводу вновь открытаго его письма къ кн. А. Д. Меншикову», СХХ, апрѣль, 398—399.

УКАЗАТЕЛЬ

РИСУНКОВЪ,

ПОМЪЩЕННЫХЪ ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ТОМАХЪ

„ИСТОРИЧЕСКАГО ВЪСТНИКА“

1910 г.

I. Портреты:

- Александра Ѳеодоровна, императрица. СХХII, октябрь. На отдѣльномъ листѣ.
Александръ II Николаевичъ, императоръ. СХХI, августъ, 578.
Варанниковъ, Александръ Ивановичъ. СХХ, октябрь, 289.
Вогдановичъ, Юрій Николаевичъ. СХХII, ноябрь, 685.
Воровская, Софья Львовна. СХХII, декабрь, 1075.
Воскресенскій, Константинъ Павловичъ. СХХ, май. На отдѣльномъ листѣ.
Гельфманъ, Геся Мировна. СХХII, ноябрь, 681.
Дашковъ, Павелъ Яковлевичъ. СХIХ, мартъ, 969.
Деруновъ, Савва Яковлевичъ. СХХ, июнь. На отдѣльномъ листѣ.
Дуровъ, Сергій Ѳеодоровичъ. СХХ, апрѣль, 201.
Емельяновъ, Иванъ Пантелеймоновичъ. СХХII, декабрь, 1103.
Желябовъ, Андрей Ивановичъ. СХХII, декабрь, 1063.
Засуличъ, Вѣра Ивановна. СХIХ, январь, 245.
Иосафъ, святой, епископъ Вѣлгородскій. СХХ, апрѣль, 321.
Калерджи-Муханова, Марія Ѳеодоровна. СХХI, сентябрь. На отдѣльномъ листѣ.
Квятковскій, Александръ Александровичъ. СХХI, сентябрь, 1005.
Колоткевичъ, Николай Ивановичъ. СХХII, октябрь, 285.
Лорисъ-Меликовъ, Михаилъ Тариеловичъ, графъ. СХХII, ноябрь. На отдѣльномъ листѣ.
Макаровъ, Николай Петровичъ. СХХ, апрѣль. На отдѣльномъ листѣ.
Марсъ, Евгения. СХIХ, январь, 205.
Меженниковъ, Александръ Павловичъ. СХХII, декабрь. На отдѣльномъ листѣ.
Михайловъ, Александръ Дмитріевичъ. СХIХ, февраль, 663.
Михайловъ, Тимоѳей Михайловичъ. СХХII, декабрь, 1093.
Морозовъ, Николай Александровичъ. СХХI, сентябрь, 989.
Николай, князь Черногорскій. СХХI, августъ. На отдѣльномъ листѣ.
Оловеникова, Марія Николаевна (Марія Никоноровна Полонская). СХХII, октябрь, 281.

Оссинскій, Валеріанъ Андреевичъ. СХХІ, июль, 163.
 Попко, Григорій Анфимовичъ. СХХІ, июль, 179.
 Прѣсняковъ, Андрей Корнеевичъ. СХХІІ, октябрь, 297.
 Рысаковъ, Николай Ивановичъ. СХХІІ, декабрь, 1101.
 Садовниковъ, Петръ Николаевичъ. СХХ, июль. На отдѣльномъ листѣ.
 Скабичевскій, Александръ Михайловичъ. СХІХ, январь. На отдѣльномъ листѣ.
 Стефановичъ, Яковъ Васильевичъ. СХІХ, январь, 237.
 Суриковъ, Иванъ Захаровичъ. СХХ, апрѣль, 173.
 Толстой, Левъ Николаевичъ. СХХІІ, декабрь. На отдѣльномъ листѣ.
 Треповъ, Ѳеодоръ Ѳеодоровичъ. СХХ, апрѣль, 225.
 Тригови, Михаилъ Николаевичъ. СХХІІ, ноябрь, 677.
 Успенскій, Глѣбъ Ивановичъ. СХІХ, мартъ, 1035.
 Халтурякъ, Степанъ Николаевичъ. СХХІІ, октябрь, 305.
 Черешчанскій, самозванецъ. СХІХ, мартъ. На отдѣльномъ листѣ.
 Шершевскій, Михаилъ Марковичъ. СХІХ, мартъ, 981.
 Шарьевъ, Степанъ Григорьевичъ. СХХІ, сентябрь, 1013.
 Шумахеръ, Петръ Васильевичъ, СХІХ, февраль. На отдѣльномъ листѣ.

II. Виды мѣстностей, городовъ, зданій и памятниковъ.

Аккерманъ:

- Крѣпость въ Аккерманѣ съ западной стороны. СХХІ, августъ, 627.
- Крѣпость въ Аккерманѣ съ восточной стороны. СХХІ, августъ, 681.
- Овидіева башня въ Аккерманской крѣпости. СХХІ, августъ, 635.

Аксаковскій народный домъ:

- Главный фасадъ. СХХ, июнь, 1032.
- Фасадъ дома по Пушкинской улицѣ. СХХ, июнь, 1033.

Алагирское уаль-марта. СХХІ, сентябрь, 1029.

Алагирское ущелье: Батскія ворота. СХХІ, сентябрь, 1039.

Аргунь:

- Мостъ черезъ рѣку Аргунь. СХІХ, январь, 261.
- Старый Цугуновскій мостъ черезъ Аргунь. СХІХ, январь, 278.

Ардонское ущелье. СХХІ, сентябрь, 1031.

Астрахань:

- Старогостинный дворъ въ Астрахани. СХІХ, мартъ, 1069.
- Николаевская улица въ Астрахани. СХІХ, мартъ, 1071.
- Часть Московской улицы въ Астрахани. СХІХ, мартъ, 1073.
- Домъ губернатора въ Астрахани. СХІХ, мартъ, 1075.
- Рыбная допля въ Астрахани. СХІХ, мартъ, 1081.
- Погрузка рыбы на набережной. СХІХ, мартъ, 1085.

Бѣла, городъ:

- Магистратъ, почтовый домъ и уѣздное управленіе въ Бѣлѣ. СХХІІ, октябрь, 245.
- Каплица и башня, составляющая уголь замка. СХХІІ, октябрь, 247.
- Семияэтажная башня (въѣздъ въ замокъ). СХХІІ, октябрь, 249.
- Домъ уѣзднаго управленія, гдѣ имѣла пребываніе императрица Александра Ѳеодоровна. СХХІІ, октябрь, 251.

Бѣлгородъ:

- Общій вилъ Бѣлгорода. СХХ, апрѣль, 305.
- Смоленскій соборъ. СХХ, апрѣль, 307.
- Монастырь, гдѣ почиваютъ мощи св. Іоасафа. СХХ, апрѣль, 309.
- Железнодорожный вокзалъ. СХХ, апрѣль, 313.
- Женская гимназія. СХХ, апрѣль, 315.
- Мужская гимназія. СХХ, апрѣль, 317.
- Гробъ съ мощами св. Іоасафа. СХХ, апрѣль, 323.

Дейкаускія постройки и Крію-Хохъ. СХХІ, сентябрь, 1033.
Икское устье, село. СХХІІ, ноябрь, 723.

Кама:

- Правый берег Камы близъ устья р. Бѣлой. СХХІІ, ноябрь, 726.
- Правый берег Камы между устьями рр. Вятки и Бѣлой. СХХІІ, ноябрь, 729.

Камско-Воткинскій казенный заводъ у села Галево. СХХІІ, декабрь, 1109.

Кутумъ, рѣка. СХІХ, мартъ, 1077.

Морена. СХХІ, сентябрь, 1053.

Мурзиха, село. СХХІІ, ноябрь, 713.

Нузальская церковь. СХХІ, сентябрь, 1045.

Общій видъ исправительныхъ колоній. СХХ, май, 639.

Оптинной пустыни видъ. СХХІІ, октябрь, 329.

Памятникъ на могилѣ Д. Л. Мордовцева въ Ростовѣ на Дону. СХХІІ, октябрь, 269.

Пермь. СХХІІ, декабрь, 1111.

- Пароходная пристань въ Перми. СХХІІ, декабрь, 1113.
- Каѳедральный соборъ. СХХІІ, декабрь, 1117.
- Сибирская улица. СХХІІ, декабрь, 1119.
- Городской театръ. СХХІІ, декабрь, 1121.
- Почта и телеграфъ; домъ Мошкова. СХХІІ, декабрь, 1125.
- Покровская улица; домъ Грибушина. СХХІІ, декабрь, 1127.

Поворотъ отъ Садоны. СХХІ, сентябрь, 1037.

Скитская церковь. СХХ, июнь, 1025.

Сторожевыя башни у селенія Цугуной. СХІХ, январь, 281.

Тихія Горы, село. СХХІІ, ноябрь, 721.

Царицыно:

- Видъ Царицына. СХІХ, февраль, 673.
- Паркъ въ Царицынѣ. Ів., 675.
- Руины Царицынскаго замка. Ів., 677.
- Дворцовыя ворота. Ів., 679.
- Павильонъ и часть замка. Ів., 681.
- Уголокъ Царицынскаго парка. Ів., 683.
- Миловида. Ів., 685.
- Старая Миловида. Ів., 687.
- Бесѣдка «Золотой снопъ». Ів., 689.
- Царицынскій мостъ. Ів., 691.
- Оперный домъ. Ів., 693.
- Старыя ворота въ паркъ. Ів., 694.
- Остатки «Чортовой башни». Ів., 695.
- Царицынскій прудъ. Ів., 697.

Цейскаго ледника устье и начало Цей-дона. СХХІ, сентябрь, 1057.

Цейское ущелье. СХХІ, сентябрь, 1047.

Церковщина:

- Въѣздъ въ Церковщину. СХХІ, іюль, 227.
- Верхній скитъ въ Церковщинѣ. СХХІ, іюль, 229.
- Храмъ Рождества Богородицы въ Церковщинѣ. СХХІ, іюль, 231.
- Внутренній видъ храма Рождества Богородицы. СХХІ, іюль, 233.
- Храмъ надъ входомъ въ пещеры. СХХІ, іюль, 237.
- Раскопки восьмисотлѣтнихъ пещеръ въ Церковщинѣ. СХХІ, іюль, 241.
- Видъ на Полтаскую губернію съ сѣверной горы Церковщины. СХХІ, іюль, 245.
- Видъ по направленію къ Кіевской губерніи съ сѣверной горы. СХХІ, іюль, 249.
- Видъ на Черниговскую губернію съ сѣверной горы. СХХІ, іюль, 255.

Церковь-алтарь. СХХ, июнь, 1027.

Чистополь. СХХІІ, ноябрь, 715.

Чорговыя скалы на Евдокимовской дорогѣ. СХІХ, январь, 277.

Шатой:

- Конец подъема Шатоевской дороги. СХІХ, январь, 263.
- Каменный лотокъ на Шатоевскомъ шоссе. СХІХ, январь, 265.
- Подъ навѣсомъ скалъ на Шатоевской дорогѣ. СХІХ, январь, 269.

Шурапъ, село. СХХІІ, ноябрь, 710.

Яблочинскій монастырь. СХХ, июнь, 1021.

- Иконостасъ въ Яблочинскомъ монастырѣ. СХХ, июнь, 1023.

III. Разные рисунки:

Версуть, пристань. СХХІІ, ноябрь, 717.

Вотяки изъ деревни Чужевого близъ Воткинскаго завода. СХХІІ, октябрь, 237.

Вотяки изъ деревни Вожей, Сарапульскаго уѣзда. СХХІІ, октябрь, 241.

Гробница Адама Мезокова. СХХІ, сентябрь, 1041.

Гробницы Сидомоновъ. СХХІ, сентябрь, 1035.

Группа воспитанниковъ и воспитателей во главѣ съ председателемъ общества. СХХ, май, 641.

Группа служащихъ въ колоніи. СХХ, май, 646.

Добываніе торфа. СХХ, май, 645.

«Зарубинъ», пароходъ. СХХІІ, ноябрь, 719.

Безвечная мастерская. СХХ, май, 655.

Могилы старцевъ Макарія и Амвросія. СХХІІ, октябрь, 333.

На балконѣ чеченской сакли. СХІХ, январь, 279.

Образъ св. Тихона Задонскаго, написанный въ 1788 г. прапорщикомъ Машоновымъ по особому «видѣнію». СХХІ, июль, 145.

Оркестръ. СХХ, май, 651.

Сапожная мастерская. СХХ, май, 653.

Святилище Рекомъ. СХХІ, сентябрь, 1051.

Старый могильникъ на Чечнѣ. СХІХ, январь, 275.

Чеченка у родника. СХІХ, январь, 271.

КНИЖНЫЯ НОВОСТИ МАГАЗИНОВЪ „НОВАГО ВРЕМЕНИ“

А. С. СУВОРИНА

С.-Петербургъ, Москва, Харьковъ, Одесса, Саратовъ и Ростовъ н.-Д.)

«Книжныя Новости» магазиновъ «Новаго Времени» (ежемѣсячные списки вновь поступающихъ въ магазины «Новаго Времени» книгъ) выдаются въ магазинахъ и изъ шкафовъ А. С. Суворина на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ бесплатно, пересылка въ теченіе года 25 коп. (можно марками).

Нижепоименованныя, а также и другія, находящіяся въ продажѣ русскія книги можно выписывать черезъ книжные шкафы А. С. Суворина на желѣзныхъ дорогахъ.

ВЪ НОЯБРЬ 1910 г. ПОСТУПИЛИ НОВЫЯ КНИГИ.

№ 11-й.

Богословіе.

Іона, архимандритъ. Герои вѣры. Къ вопросу о современномъ положеніи христіанъ въ Турціи. Спб. 1910. Ц. 20 к.

Клмтинъ, А. Исторія религіи. Опытъ историко-богословскаго изслѣдованія. Т. 1-й. Одесса. 1910. Ц. 3 р.

Нардекъ, А. Евангеліе въ разъясненіи спиритизма. Люблинъ. 1910. Ц. 2 к.

Толкованіе на книгу «Левитъ». Спб. 1910. Ц. 70 к.

Философія, психологія, логика.

Бурдо, Лум. Вопросъ о смерти и его различныхъ рѣшенія. Перевелъ съ 3-го франц. изд. Е. Предтеченскій. Спб. Изданіе А. С. Суворина. 1911. Ц. 1 р. 50 к.

Грузенбергъ, С. Очерки современной русской философіи. Опытъ характеристики современныхъ тенденцій русской философіи. Спб. 1911. Ц. 50 к.

Данилевскій, В. Этюды по физиологіи личной и соціальной жизни. I. Чувство и жизнь. Спб. 1910. Ц. 50 к.

Джемсъ У. Психологія. Изд. 6. Спб. 1911. Ц. 2 р.

Логосъ. Международный ежегодникъ по философіи культуры. Кн. 2-я. М. 1910. Ц. 2 р.

Лосскій, Н. Основныя ученія психологіи съ точки зрѣнія волюнтаризма. Спб. 1911. Ц. 1 р. 25 коп.

Методъ въ наукахъ. Тома, Пиваръ, Таннери, Неклеве, Вуассъ и др. Спб. 1911. Ц. 2 р.

Новорусскій, М. Основы современного міровоззрѣнія. Спб. 1910. Ц. 85 к.

Рано, Г. Ученые и философія. Спб. 1911. Ц. 1 р.

Самоубійство. Сборникъ статей. Михаила епископа, Н. Карѣева. Ю. Айхенвальда и др. М. 1911. Ц. 1 р.

Стопановскій, Н. Душа человѣка. Противъ неврѣя. Черниговъ. 1910. Ц. 1 р.

Словесность, исторія литературы, критика и библиографія.

Арабагинъ, Н. Леонидъ Андреевъ. Итоги творчества. Литературно-критическій этюдъ. Спб. 1910. Ц. 1 р.

Бурговъ, А. Повѣсть Л. Андреева «Иуда Искариотъ и другіе». Психологія и исторія предательства Иуды. Харьковъ. 1911. Ц. 75 к. —
Василій Сергѣевичъ Шереметевъ. 1752 — 1831. Биографическій очеркъ. Спб. 1910. Ц. 3 р.

Записки нефилологическаго общества при Императорскомъ Спб. университетѣ. Вып. 4-й. Спб. 1910. Ц. 1 р. 50 к.

Мурдиновскій, З. Н. В. Гоголь и его творчество. Полтава. 1910. Ц. 1 р.

Пушкинъ и его «современники». Вып. 13-й. Спб. 1910. Ц. 75 к.

Рудановъ, В. Великій русскій критикъ В. Г. Бѣлинскій. (Дешевая бібліотека № 369). Спб. изданіе А. С. Суворина. Ц. 20 к.

Цвѣтаевъ, Г. Указатель во всеобщей литературѣ. Посobie при изученіи иностранной литературы. Спб. 1910. Ц. 1 р.

Беллетристика, поэзія и драматическія произведенія.

Адамъ, П. Декорація жизни. Романъ. М. 1910. Ц. 1 р. 25 к.

Аленсандрова, О. Борьба жизни со смертью. Вып. 6. Спб. 1910. Ц. 40 к.

Альманахъ для всѣхъ. Книга 2-я. Спб. 1911. Ц. 50 к.

Альманахъ общедоступный литературно-художественный. Книга 1-я. М. 1911. Ц. 75 к. —
Бангъ, Г. Графиня Урна. Романъ. М. 1911. Ц. 1 р.

Беннетъ, Д. Жаворонокъ. Рассказъ. М. 1910. Ц. 50 к.

Бордановъ, П. Моя юность. Повѣсть. Спб. 1910. Ц. 1 р. 50 к.

Бордо, А. Страхъ жизни. Романъ. М. 1910. Ц. 1 р. 25 к.

Бурне, П. Два поцѣлуя. Спб. 1911. Ц. 1 р. —
Былины. Старинки богатырскія со вступительною статью Е. А. Ляцкого. Спб. 1911. Ц. 2 р.

Бьорнстерне-Бьорнсонъ. Полное собраніе сочиненій. Т. 3-й. Рыбачка. Повѣсть. М. 1911. Ц. 1 р.

Галуновъ, А. Сосуды скудельные. Трагедія. М. 1910. Ц. 1 р.

Гарборгъ, А. Усталые. М. 1911. Ц. 1 р.

Гарди, Т. Настоящая женщина. Романъ. М. 1911. Ц. 1 р. 25 к.

Гвѣдичъ, П. Сочиненія, т. 5. Волченокъ и др. повѣсти и рассказы. Спб. 1910. Ц. 1 р. 25 к.

Гофманъ, М. Гимны и оды. Спб. 1910. Ц. 75 к.

Грѣхъ. Сборникъ рассказовъ, стихотвореній и статей: В. Муйжеля, М. Кузьмина, Н. Олагера, А. Влока и др. М. 1911. Ц. 1 р. —
Гуревичъ, И. Вархатные когти. Юмористическіе рассказы. Спб. 1910. Ц. 1 р.

Доринъ, Д. Стихи полусны. Спб. 1910. Ц. 65 к.

Достооевскій, Ф. Преступленіе и наказаніе. Романъ, 2 т. Ц. 2 р.

Евстифѣева, М. Какъ метеоръ. Романъ. Уфа. 1910. Ц. 75 к.

— Кучукъ Кайнарджи, Рассказы бабушки въ земнѣ сумерки. Уфа. 1910. Ц. 35 к.

— На гнилыхъ устояхъ. Романъ. Ц. 75 к.

— Полтава, комедія въ 4 д. Ц. 25 к.

— Рассказы бабушки. Ц. 70 к.

— Софья Муромцева. Романъ. Ц. 1 р. 50 к.

Жельзновъ, І. Уральцы. Очерки быта уральскихъ казаковъ. 3 т. Спб. 1910. Ц. за три тома 4 р.

Жолилеръ, Жена-игрушка. Романъ. Спб. 1909. Ц. 50 к.

Зусеръ, С. Въ замкѣ. Пьеса. Спб. 1910. Ц. 40 к.

Ибаньесъ, Б. Вторженіе. М. 1910. Ц. 1 р. 23 к.

— Полное собраніе сочиненій Т. 2-й. Кровь и песокъ. Романъ. М. 1910. Ц. 1 р. 50 к.

Имшенецкій, А. Борисъ Шанго. Драма въ 5 д. Спб. 1910. Ц. 20 к.

Именскій, В. Землянкъ. Спб. 1911. Ц. 1 р.

Квитка-Основьяненко, Г. Драматичні твори. Кіев. 1910. Ц. 45 к.

— Щира любов-драма на 5 дѣй. Ц. 20 к.

— Шельменко денщикъ. Комедія. Ц. 20 к.

— Шельменко, волосный писарь. Комедія. Ц. 20 к.

— Сватанія на гончаривці. Украин. оперетта. Ц. 20 к.

Кююринъ, П. Фантастическая явь. Стихи. Спб. 1910. Ц. 15 к.

Короткова, К. Въ вихрь мысли. Сборникъ. Рассказы, стихи, афоризмы, поэмы. М. 1911. Ц. 1 р.

Ладо-Свѣтогорскій, Ф. Пѣсни о свѣтлой странѣ. Спб. 1911. Ц. 20 к.

Лебланъ, М. Последнія приключенія Арсена Люпена. 813. Романъ. М. 1910. Ц. 1 р. 25 к.

Лейкинъ, И. Сатиръ и нишпа или похождения Трифона Ивановича и Абуллы Степановны. Романъ. Изд. 3-е. Спб. 1910. Ц. 2 р.

Луговой, А. Наши дни. Спб. 1910. Ц. 80 к.

Маделънъ, М. Власть плоти. Новеллы. Спб. 1910. Ц. 1 р.

Маннъ, Т. Собраніе сочиненій. Т. 4-й. Паденіе одной семьи. М. 1910. Ц. 1 р. 25 к.

Мендесъ, К. Король двѣдвенникъ. Романъ. М. 1911. Ц. 1 р.

Меніаль, Э. Мопассанъ, его жизнь и творчество. М. 1910. Ц. 1 р. 25 к.

Мережковскій, Д. Собраніе стиховъ. 1883—1910. Ц. 1 р.

Мищенко, Атз. Три побѣдителя. Книга счастья. Спб. 1910. Ц. 1 р. 25 к.

Монти, Ж. Счастье Кларетты. Парижскій романъ. Спб. 1911. Ц. 1 р.

Морже, А. Вогема. Сцены изъ жизни художниковъ и артистовъ. М. 1911. Ц. 1 р. 25 к.
 Немировичъ-Данченко, Н. Очерки и рассказы. Спб. 1910. Ц. 1 р. 25 к.
 Писанецкій, А. На войнѣ. Полтава. 1910. Ц. 1 р. 50 к.
 Ревель, А. Атлетъ-убійца. Уголовный романъ. Спб. 1910. Ц. 1 р.
 Сборникъ товарищества «Знаніе». Книга 32-я. Спб. 1910. Ц. 1 р.
 Семигоровъ, Т. 1-й. Муть трясиная. Спб. 1910. Ц. 1 р. 25 к.
 Стриндбергъ, А. Легенды. Графиня Юлія. М. 1911. Ц. 1 р.
 Стверные Сборники. Книга 7-я. Спб. 1911. Ц. 1 р. 25 к.

Стверянинъ, И. Предгрозе. Третья тетрадь третьяго тома стиховъ. Спб. 1910. Ц. 25 к.
 Тетмайеръ, К. Наброски. М. 1911. Ц. 75 к.
 Толстой, А. Сочиненіе. Кн. 1-я. Повѣсти и рассказы. Спб. 1911. Ц. 1 р. 25 к.
 Фибихъ, К. Хлѣбъ насущный. М. 1911. Ц. 1 р.
 Шалирь, О. Собраніе сочиненій. Т. I. Одна изъ многихъ. Романъ. Спб. 1910. Ц. 1 р. 50 к.
 Шоу, Б. Очерки. М. 1910. Ц. 1 р. 50 к.
 Штейнъ, Э. Я. Стихотворенія. Спб. 1911. Ц. 1 р.
 Узлльс, Д. Собраніе сочиненій. Т. II. Война въ воздухъ. Спб. 1910. Ц. 1 р. 25 к.

Исторія, біографія и археологія.

Валишевскій, К. Смутное время. Спб. 1911. Ц. 2 р. 50 к.
 Голицынъ, П. Первый вѣкъ Сената. Спб. 1910. Ц. 2 р.
 Грушевскій, М. Киевская Русь. Т. I. Введеніе. Территорія и населеніе въ эпоху образования государства. Спб. 1911. Ц. 3 р.
 Документы, относящіеся къ послѣднимъ мѣсяцамъ жизни и кончинѣ въ Возѣ почивающаго Государя Императора Александра Павловича, оставшіеся послѣ смерти генералъ-вагенмейстера главнаго штаба А. Д. Соломко, состоявшаго при особѣ Государя безотлучно 11 лѣтъ—съ 1814 до 1825 г., и нѣсколько писемъ, относящихся къ похоронамъ въ Возѣ почивающей Императрицы Елизаветы Алексѣевны. Съ 15 рис. и 4 факсимиле писемъ. Спб. 1910. Ц. 1 р. 80 к., тоже на жѣловой бумагѣ. Ц. 2 р. 50 к.
 Зельцеръ, Д. Медицина и магія древняго Востока. Спб. 1910. Ц. 50 к.
 Златовратскій, Н. Какъ это было. Очерки изъ эпохи 60-хъ годовъ. М. 1911. Ц. 1 р.
 Изъ Митавской старины. В. 1-й. Къ

100-лѣтнему юбилею Отечественной войны. Враги въ Курляндіи. Митава. 1910. Ц. 15 к.
 Любавскій, М. Очеркъ исторіи Литовско-Русскаго государства до Люблинской уніи включительно. М. 1910. Ц. 2 р. 50 к.
 Ляскоронскій, В. Походъ Карла XII въ 1708—09 гг. въ предѣлы Россіи. Киевъ. 1910. Ц. 50 к.
 Махровъ, Н. Дечанская лѣтопись. Спб. 1908. Ц. 1 р.
 Общественное движеніе въ Россіи въ началѣ XX вѣка. Томъ 4-й. Ч. 1-я. Измѣненія экономическаго и политическаго строя. Спб. 1910. Ц. 2 р. 50 к.
 Орнатскій, I. Нѣсколько воспоминаній объ о. Юанвѣ Кронштадтскою. Спб. 1910. П. 6 к.
 Отечественная бібліотена. № 5. Партизаны 12-го года. Давыдовъ, Фигнеръ, Сеславинъ. Спб. 1910. Ц. 15 к.
 Спаварій, Н. Описаніе первыя части вселеннаго именуемой Азін, въ ней же состоитъ Китайское государство. Казань. 1910. Ц. 2 р. 50 к.
 Харламовичъ, М. Объ изученіи церковныхъ древностей Казанскаго края. Ц. 10 к.

Правовѣдніе, общественныя науки и публицистика.

Аленствѣвъ, А. Министерская власть въ конституціонномъ государствѣ. Ея основы, роль и современное положеніе. Х. 1910. Ц. 2 р.
 Блосфельдтъ, I. Правила объ испрошеніи Высочайшихъ наградъ, на основаніи Именныхъ Указовъ 1-го авг. 1898 г. и 1-го авг. 1900 г., со всеми дополн. узаконеніями по 1-е окт. 1910 г. Ц. 30 к.
 — Россійское дворянство. Узаконенія и разъясненія 1901—1910 гг. 2-е дополненіе къ сборнику законовъ о Россійскомъ дворянствѣ. Спб. 1910. Ц. 75 к.
 Богдановъ, А. и Степановъ, И. Курсъ политической экономіи. Т. I. Спб. 1910. Ч. 2 р.
 Бруннертъ, И. и Гагелстромъ, В. Современная политическая организація Китая. Пеквнъ. 1910. Ц. 7 р.
 Бутовскій, А. Давность владѣнія. Спб. 1911. Ц. 75 к.

Верховской, Н. Желѣзнодорожная неразбериха. Terra incognita. Спб. 1911. Ц. 1 р. 25 к.
 Виноградовъ, П. Господство права. М. 1911. Ц. 10 к.
 Гартъ. Почему запаталась Россія. Бывшая русская правда и будущая. Спб. 1910. Ц. 1 р. 25 к.
 Гончаровъ, П. Долгосрочныя финансовыя операціи. Спб. 1910. Ц. 2 р. 50 к.
 Гражданскіе законы Царства Польскаго съ объясненіемъ Правит. Сената. 1911. Ц. 3 р.
 Гуляевъ, А. Русское гражданское право. Изд. 2-е. Спб. 1911. Ц. 3 р. 25 к.
 Дегтяревъ, К. Просвѣщеніе взрослого населенія. Спб. 1910. Ц. 50 к.
 Делевскій, Ю. Соціальные антагонизмы и классовая борьба въ исторіи. Спб. 1910. Ц. 3 р.

Дернбургъ, Г. Пандекты. Т. III, кн. 4 и 5. Семейственное и наследственное право. Спб. 1911. Ц. 2 р. 75 к.

Евдокимовъ, Л. «Хорошій Яновець». (Основы государственнаго воспитанія). Спб. 1910. Ц. 20 к.

Еллинекъ, Г. Соціально-этическое значеніе права, неправды и наказанія. М. 1910. Ц. 1 р.

Е. С. Историческое значеніе кievскаго «Западно-русскаго съѣзда» 4, 5 и 6 октября 1909 г. Кіевъ. 1909. р. 30 к.

Забытые наши братья. Холмская Русь. Отечественная библиотека № 4. Спб. 1910. Ц. 15 к.

Ивановъ, Е. и Ульяновскій, Н. Сборникъ правилъ объ испрошеніи высочайшихъ наградъ по гражданскому вѣдомству. М. 1910. Ц. 2 р. 50 к.

Каминна, А. Очерки торговаго права. Вып. I. Спб. 1911. Ц. 2 р. 50 к.

Козьминъ, Н. Очерки прошлаго и настоящаго Сибири. Спб. 1910. Ц. 1 р.

Кольчевъ, А. Уставъ строительный. Спб. 1911. Ц. 2 р. 50 к.

Конспектъ курса церковнаго права. Спб. 1910. Ц. 75 к.

Конспектъ лекцій по политической экономіи, читанныхъ профессоромъ В. В. Святловскимъ въ 1909—10 гг. Спб. 1910. Ц. 1 р. 50 к.

Липранди, А. Россія и ея финляндская окраина. Х. 1910. Ц. 75 к.

Локоть, Т. Оправданіе націонализма. Рабство русской радикальной интеллигенціи. Националь-демократія. Кіевъ. 1910. Ц. 30 к.

Мендельсонъ, А. Международныя справочныя организаціи по борьбѣ съ алкоголизмомъ. Спб. 1910. Ц. 10 к.

Новоземовъ, А. Экзаментъ по догмѣ римскаго права. Сборникъ 1,385 провѣрочныхъ вопросовъ по курсу догмы римскаго права. Спб. 1911. Ц. 85 к.

Нольненъ, А. Законы о вознагражденіи за увѣче и смерть въ промышленныхъ заведеніяхъ частныхъ, обществен. и казенныхъ. Спб. 1911. Ц. 2 р. 50 к.

Петрашицкій, Л. Новое ученіе о правѣ и нравственности и критика проф. В. Н. Сергѣевича. Спб. 1910. Ц. 60 к.

Планъ, М. Хронологія полицейскаго права. Спб. 1911. Ц. 35 к.

Полянскій, В. Виржевыя артели по дѣйствующему закону. М. 1910. Ц. 2 р.

Сѣргѣева, А. На судъ общества. Спб. 1910. Ц. 1 р. 25 к.

Святловскій, М. Очерки по исторіи политической экономіи. Спб. 1910. Ц. 2 р. 50 к.

Спиноза, Б. Политическій трактатъ. М. 1910. Ц. 1 р.

Старчевскій, Е. Открытое письмо поляка П. Н. Балашеву. Кіевъ. 1910. Ц. 30 к.

Стенографическій отчетъ Портъ-Артурскаго процесса. Вып. 7. Ц. 1 р., на лучшей бумагѣ 1 р. 60 к.

Тютрюмовъ, И. Законъ 14 іюня 1910 г. объ измѣненіи и дополненіи нѣкоторыхъ постановленій о крестьянскомъ земледѣвнн. Съ законодательными мотивами и разъясненіями Прав. Сената. Спб. 1911. Ц. 1 р. 50 к.

Уставъ Горный (т. VII св. зак. Рос. Имп.). Дополнительныя статьи по прод. 1906, 1908 и 1909 гг. Спб. 1911. Ц. 2 р.

Фрейтагъ-Лоринговенъ, А. Реформа наследованія въ крестьянской недвижимости. Спб. 1910. Ц. 40 к.

Энциклопедія славянской филологіи. Вып. 5-й. Спб. 1910. Ц. 1 р. 45 к.

Искусства.

Аполлонская, И. (Стравинская). Театръ Иссена. I. Росмерсгольмъ. Спб. 1910. Ц. 1 р.

Воскресенскій, А. Сценическій гримъ. Руководство для артистовъ и любителей. Спб. 1910. Ц. 2 р.

Ежегодникъ Императорскихъ театровъ. В. 5. 1910. Ц. 1 р.

Флетчеръ. Исторія архитектуры. В. I. Древняя архитектура. Спб. 1911. Ц. 2 р. 50 к.

Художественная библиотечка. Леонардо да Винчи. Ц. 1 р. 25 к.

— Бѣръ Джонсъ. Ц. 1 р. 25 к.

— Джонъ Миллзъ. Ц. 1 р. 25 к.

— Рембрандтъ. Ц. 1 р. 25 к.

Естествознаніе и математика.

Бауэръ, В. Практическая фотографія и фотографическая химія. М. 1910. Ц. 1 р.

Богдановъ, П. Бесѣды о жизни растений. Спб. 1910. Ц. 60 к.

Ботаническія записки, издаваемыя при Ботанич. садѣ Импер. Спб. универ. проф. Хр. Гоби. Вып. XXVI. Спб. 1909. Ц. 3 р.

Васильевъ, А. Введеніе въ анализъ. Вып. 2. Обобщеніе понятія о числѣ. Казань. 1910. Ц. 1 р. 60 к.

Граевъ, Д. Элементы теоріи эллиптическихъ функцій. Вып. 1. Кіевъ. 1910. Ц. 1 р. 25 к.

Ивановъ, А. Курсъ сферической астрономіи. Спб. 1911. Ц. 2 р. 50 к.

Юсифовъ, Г. О размноженіи и половомъ

вдеченіи человѣка съ точки зрѣнія эволюціи. Томскъ. 1910. Ц. 40 к.

Клейнъ, Г. Звѣздный міръ. Спб. 1911. Ц. 60 к.

— Чудеса земнаго шара. Спб. 1911. Ц. 1 р. 35 к.

Ковалевскій, Г. Основы дифференціального и интегральнаго исчисленія. Одесса. 1911. Ц. 3 р. 50 к.

Лебонъ, Г. Эволюція матеріи. Спб. 1911. Ц. 1 р. 50 к.

Марковъ, А. Исчисленіе конечныхъ разностей. Одесса. 1910. Ц. 2 р. 25 к.

Никоновъ, Л. О происхожденіи культурныхъ растений. Спб. 1911. Ц. 40 к.

Портъцій, С. Какъ растенія защищаются отъ холода, засухи и чрезмѣрной сырости. Спб. 1910. Ц. 60 к.

Савенковъ, Е. Объ изученіи кривыхъ вышшихъ порядковъ методомъ синтетической проводящей Эвклидовой геометріи. В. 2. Руссика и Картезия. Спб. 1910. Ц. 50 к.

Смирновъ, С. Сборникъ подробныхъ рѣшеній задачъ, относящихся къ курсу теоретической механики. Ч. 1-я. Статика въ плоскости. Спб. 1910. Ц. 75 к.

Treadwell, F. Курсъ аналитической химіи. Т. II. Количественный анализъ. Одесса. 1910. Ц. 3 р. 50 к.

Труды студенческихъ научныхъ кружковъ физико-математическаго факультета Спб. университета. Вып. II. Спб. 1910. Ц. 75 к.

Шевыревъ, И. Загадка корофдовъ; Спб. 1910. Ц. 50 к.

Эшериха, К. Термиты или бѣлые муравьи Биологическій этюдъ. Спб. 1910. Ц. 3 р.

Географія, этнографія, антропологія, путешествія.

Гольцстремъ, В. Дальневосточное обозрѣніе. Вып. 1-й. Тибетъ, Монголія, Японія. Спб. 1910. Ц. 2 рубля.

Линичъ, X. Ф. Б. Арменія. Путевые очерки и этюды. 2 тома. Тифлисъ. 1910. Ц. за оба тома въ перепл. 18 р.

Россія. Полное географическое описаніе

нашего отечества. Подъ руководствомъ В. П. Семенова-Тянъ-Шанскаго. Томъ 14-й. Новороссія и Крымъ. Спб. 1910. Ц. 6 р.

Соболевскій, А. Холмская Русь въ этнографическомъ отношеніи. X. 1910. Ц. 10 к.

Шергинъ, И. Въ дѣбряхъ Обьвера. Спб. 1910. Ц. 50 к.

Языковѣдѣніе.

Хашабъ, А. Грамматика арабскаго языка. Ч. 1. Этимологія. Спб. 1910. Ц. 1 р. 50 к.

Сельское хозяйство и домоводство.

Богдановъ, С. Обновленіе сельскаго хозяйства въ Россіи. Переходъ къ плодовѣдѣнью. Спб. 1910. Ц. 60 к.

— Учебникъ агрономіи. II. Скотоводство. Спб. 1910. Ц. 2 р. 50 к.

— Поощреніе сельско-хозяйственнаго винокуренія. Кіевъ. 1910. Ц. 20 к.

Гетнеръ, I. Крестьянскій огорождъ. Спб. 1910. Ц. 20 к.

Имчуновъ, Н. Земляника и клубника и ихъ культура. Спб. 1910. Ц. 50 к.

Михайловъ, Ю. Здоровый домашній столъ. Изд. 4-е доп. Спб. 1910. Ц. 50 к.

Слезиниъ, П. Полевые растенія разныхъ семействъ, ихъ особенности и приемы культуры. Кіевъ. 1910. Ц. 1 р. 75 к.

Хмѣлевская, М. Экономная кухарка. Полтава. 1910. Ц. 1 р. 20 к.

Цомае, С. Вегетаріанство. Спб. 1910. Ц. 15 к.

Торговля и промышленность. Счетоводство.

Арумовъ, А. Счетоводство обществъ взаимнаго кредита. Теорія и практика, съ прил. 50 формъ счетовъ, книгъ и документовъ. Спб. 1911. Ц. 2 р. 50 к.

Нечедши-Шаповаловъ, М. Мировая тор-

говля и участіе въ ней Россіи. Спб. 1911. Ц. 40 к.

Труды съѣзда дѣятелей по кустарной промышленности въ Спб. 1910 г. Цѣна за два тома 6 руб.

Технологія, строительное и инженерное искусства. Ремесла.

Алексѣевъ, Д. Желѣзобетонные подферменные камни. М. 1910. Ц. 75 к.

Альбомъ блузъ и юбокъ. Спб. 1910. Ц. 50 к.

Веберъ, М. Крахмальное декстринное и паточное производствъ. Спб. 1910. Ц. съ атл. 5 р. 50 к.

Винеръ, О. О цвѣтной фотографіи. Одесса. 1911. Ц. 60 к.

Гейтеръ, М. Что нужно знать абонентамъ электрическаго освѣщенія. Сиб. 1910. Ц. 45 к.

Данилевскій, Н. Воздушные змѣи системы вапштава Ульянина. Спб. 1910. Ц. 20 к.

Музнецовъ, П. Обученіе летанію на аэропланѣ. Одесса. 1911. П. 30 к.

Менжеричеръ, П. Механика. Спб. 1910. Ц. 1 р. 60 к.

Петропавловскій, С. Жилищный вопросъ и постройкы изъ пустотѣлыхъ бетонныхъ камней. Ярославль. 1910. Ц. 30 к.

Половниковъ, В. Реконгноцировочныя изысканія желѣзнодорожнагопути Иркутскъ — Водайбо въ 1907—08 г. Спб. 1910. Ц. 5 р.

Рабиновичъ, П. Телеграфные аппараты Симплексъ и Дуплексъ Морзе, Юза, Уитстона и Водо, применяемые въ Россіи и основанія радиотелеграфіи. Спб. 1911. Ц. 1 р. 50 к.

Сборникъ статей по воздухоплаванию членовъ кievскаго общ. воздухоплавания Вып. 1-й. Ц. 90 коп.

Стабинскій, П. Уходъ за больными электрическими машинами трансформаторами и другими аппаратами. Спб. 1910. Ц. 1 р. 40 к.

Устойчивость сооружений. Ч. 1-я. Подпорные стѣны. Киевъ. 1911. Ц. 1 р. 50 к.

Форрейтеръ, А. Управляемые аэростаты. Спб. 1910. Ц. 85 к.

Франиъ, М. Воздухоплаваніе. Т. I. История воздухоплавания и его современное состояние. Спб. 1910. Ц. 2 р. 25 к.

Шабскій, А. Управляемые аэростаты. Вып. III. Теорія, конструкція и историческое развитие управляемыхъ аэростатовъ Спб. 1910. Ц. 1 р.

Медицина, гигиена, анатомія, физиологія и хирургія. Ветеринарія.

Берндтъ, Учитель дышать! Уроки самообладания. Спб. 1911. Ц. 1 р.

Боссе. Уходъ за больными, роженицами и за новорожденными. X. 1910. Ц. 1 р.

Варушкинъ, И. Клиническая книжка. Казань. 1910. Ц. 50 к.

Гловецкій, Р. О врачебномъ и санитарно-техническомъ значеніи «термо-тканей». Спб. 1910. Ц. 20 к.

Головинъ, С. О слѣпотѣ въ Россіи. Одесса. 1910. Ц. 75 к.

Dolorosi, F. Немощь человѣческая. Спб. 1910. Ц. 2 р. 75 к.

Игнатовскій, А. Судебная медицина. Вып. I. Юрьевъ. 1910. Ц. 3 р. 20 к.

Левенфельдъ, Супружеское счастье. Наблюденія, мысли и совѣты врача. Спб. 1911. Ц. 1 р. 50 к.

Мальшенно, А. Краткій курсъ акушерства, женскихъ болѣзней, анатоміи, физиологіи и подача первой помощи. X. 1911. Ц. 1 р. 50 к.

Мендельсонъ, А. Острое отравленіе алкоголемъ и камеры для вытрезвленія пьяныхъ въ Петербургѣ. Ц. 50 к.

Моргенъ, Н. Женскій бюстъ. Развитие и укрѣпленіе женской груди. Спб. 1910. Ц. 1 р. 50 к.

Reizoldt'a, E. Руководство по клиническому пользованію лекарствами для врачей и студентовъ. Спб. 1910. Ц. 3 р.

Передельскій, А. Городъ Пятигорскъ въ медико-топографическомъ отношеніи. Спб. 1910. Ц. 1 р.

Петерсъ, Г. Малокровіе и блѣдная немощь. Харьковъ. 1910. Ц. 30 к.

Пиклау, Э. Сонъ, гипнозъ и внушеніе. Спб. 1910. Ц. 25 к.

Чашинъ, С. Краткій курсъ микроскопической техники. Спб. 1910. Ц. 75 к.

Шенгелидзе, В. Море и его лечебныя свойства. Анапа. 1910. Ц. 35 к.

Энгельманъ, В. Лечебныя средства Крейпнаха и способъ дѣйствія его соляныхъ и радиоактивныхъ водъ. Спб. 1910. Ц. 35 к.

Эрль, Г. Полный курсъ гипнотизма. X. 1910. Ц. 60 к.

Военное и морское дѣло.

Гейнце, Н. Въ дѣйствующей арміи. Письма военного корреспондента. Русско-Японская война. Изд. 3-е. Спб. 1911. Ц. 1 р.

Воспитаніе и обученіе. Учебныя руководства.

Бахмутскій, Я. Рѣшенія всѣхъ геометрическихъ задачъ на вычисленіе по сбор. Н. Рыбкина. Ч. 2-я. Стерометрія. Спб. 1910. Ц. 1 р.

Бобровниковъ, М. Что такое хорошій урокъ. Изъ бесѣдъ съ учителями. Казань. 1911. Ц. 50 к.

— Методика начальнаго преподаванія ариметики и сборникъ упражненій въ умственномъ счетѣ. Казань. 1911. Ц. 50 к.

Борель-Штенкель, Э. Элементарная математика. Ч. 1. Ариметика и алгебра. Одесса. 1911. Ц. 3 р.

Бринсъ, А. 4-значные логарифмы. 2-я таблица. Ц. 25 к.

Бѣляевъ, Р. Сборникъ ариметическихъ примѣровъ и задачъ для начальныхъ училищъ. Вып. 2. Спб. 1910. Ц. 25 к.

Васильковскій, П. Чудеса животнаго міра (зоологія для всѣхъ). Хрестоматія для чтенія въ семьѣ и въ школѣ. Съ 185 рис. Спб. Изданіе А. С. Суворина. 1911. Ц. 3 р. 25 к.

Гавриловъ, А. Младшій курсъ бухгалтеріи. Спб. 1911. Ц. 1 р.

Гердъ, И. Практическое руководство къ рациональной педагогической гимнастикѣ съ 100 рис. Спб. 1910. Ц. 75 к.

Глаголевъ, А. Сборникъ геометрическихъ задачъ на построеніе. М. 1911. Ц. 75 к.

Голиновъ, В. Уроки естествовѣдѣнія. Годъ 1-й. М. 1911. Ц. 25 к.

Долопчевъ, В. Опытъ словаря неправильностей въ русской разговорной рѣчи. Варшава. 1909. Ц. 1 р. 20 к.

Дубровскій, М. Учебная карта звѣзднаго неба. Спб. 1910. Ц. 20 к.

Землячченскій, П. Краткій учебникъ кристаллографіи. Спб. 1911. 1 р. 50 к.

Ильинскій, А. Конспектъ географіи всеобщей, русской и элементарной математической. М. 1910. Ц. 80 к.

Новалевскій, Г. Учебникъ коммерціи для торговыхъ школъ. Спб. 1911. Ц. 1 р.

Мирлесъ, А. Какъ научиться писать сочиненія. Киевъ. 1911. Ц. 50 к.

- Михайловъ, И. Учебныя карты Европейской Россіи. I. Политическій обзоръ. II. Физическій обзоръ. Ц. 1 р. 50 к.
- Оксеновъ, А. Дополненія къ курсу теоріи словесности. Вып. I. Спб. 1910. Ц. 40 к.
- Пантюховъ, О. Памятка юнаго развѣдчика. Царское Село. 1911. Ц. 10 к.
- Поповъ, Н. Конторскіе способы рѣшенія арифметическихъ задачъ. Красноярскъ. 1910. Ц. 1 р.
- Португаловъ, А. Систематизированный по типамъ сборникъ рѣшеній всѣхъ, безъ исключенія, арифметическихъ задачъ Верещагина. Ч. 2. Кіевъ. 1911. Ц. 70 к. Тоже. Ч. 3. Ц. 80 к.
- Рождественскій, И. Сборникъ задачъ и вопросовъ по природовѣдѣнію. М. 1911. Ц. 25 к.
- Санчурскій, Н. Латинская хрестоматія. Ч. 2-я. Спб. 1911. Ц. 1 р.
- Соловминъ, С. Учебникъ турецкаго (татарскаго) языка. Грамматика и словарь. Кіевъ. 1911. Ц. 35 к.
- Тростниковъ, М. Русская рѣчь, чтеніе, письмо и рисованіе. Вып. 1. Юрьевъ. 1910. Ц. 25 к., въ папкѣ 30 к.
- Шапошниковъ, И. Новая практическая грамматика. Ч. I. М. 1910. Ц. 30 к.
- Шмулевичъ, П. Учебникъ прямолинейной тригонометріи. Спб. 1911. Ц. 1 р. 50 к.

Книги для дѣтей и юношества.

- Лѣсная царица. Сказка для дѣтей младшаго возраста. Ц. 50 к.
- Пламеновская, М. Сказки тети Мани. Угновокъ. Для дѣтей средняго возраста. Спб. 1900. Ц. 35 к.
- Сказка про мать-старушку и сына-Лаврушку. Ц. 50 к.
- Сказки Бота ученаго для малыхъ и большихъ дѣтей. Т. 1, 2, 3, 4, 5. М. 1910. Ц. въ папкѣ по 1 р. 50 к. за томъ.

Справочныя книги.

- Березовскій, В. Календарь отрывочный на 1911 годъ. Ц. 1 р.
- Календарь «Ирестный», на 1911 годъ. Изд. Гатука. Ц. 15 к.
- Календарь народнаго труда на 1911 годъ. Ц. 25 к.
- Копыловъ, Б. Литература по нумизматикѣ, каталогъ книгъ. Вып. 2-й. Спб. 1910. Ц. 20 к.
- Марголинъ, Д. Программы и правила для поступленія въ среднія и низшія техническія училища. Кіевъ. 1911. Ц. 50 к.
- Мизитинъ, А. Полный сборникъ формъ и образцовъ дѣлопроизводства. Кн. 1-я. Казань. 1910. Ц. 8 р. Кн. 2-я. Ц. 4 р. 50 к.
- Поповъ, М. Словарь иностранныхъ словъ. М. 1911. Ц. 80 к.
- Преображенскій, М. Руководство для судебныхъ приставовъ, чиновъ полиціи и розыскателей по исполненію судебныхъ рѣшеній. Спб. 1911. Ц. 2 р. 50 к.
- Русановъ, Д. Спутникъ пожарнаго. Съ рис. Спб. 1910. Ц. 60 к.
- Спутникъ по Россіи. Изд. Н.Киммеля. Зимнее движеніе 1910—11 гг. Ц. 60 к.
- Уваровъ, И. Руководство для членовъ биржевыхъ артелей. Спб. 1910. Ц. 1 р.
- Фрумъ, Путеводитель по Россіи. Зимнее движеніе. 1910—1911 гг. Ц. 70 к.
- Хашкина, Л. Руководство для небольшихъ библиотекъ. М. 1911. Ц. 35 к.
- Maus und Familien Kalender des St.-Petersburger Herald pro 1911. Ц. 50 к.

Разныя книги.

- Голпе, Г. Хорошій тонъ. Сборникъ правилъ и совѣтовъ на всѣ случаи жизни общественной и семейной. Изд. 5-е. Дополн. Спб. 1910. Ц. 1 р. 50 к.
- Выставка произведеній печати за 1908 г., устроенная главнымъ управленіемъ по дѣламъ печати въ Спб. 9 мая 1909 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Манъ причисываться и одѣваться со вкусомъ. Спб. 1910. Ц. 1 р. 50 к.

Періодическія изданія.

- «Аполлонъ». Журналъ, № 11. 1910 г. Ц. 1 р. 25 к.
- «Воздухоплаватель». Журналъ. № 10. Ц. 50 к.
- «Вѣстникъ воздухоплаванія». № № 16, 17. 1910 г. Ц. каж. № 50 к.
- «Вѣстникъ иностранной литературы». Ноябрь. 1910 г. Ц. 60 к.
- «Вѣстникъ теософіи». № 10. 1910 г. Ц. 75 к.
- «Европейская жизнь». Худож.-литературн. журналъ. № 25. 1910 г. Ц. 20 к.

«истор. вѣсти.», декабрь, 1910 г., т. сxxii.

5

«Золотое Дѣтство». Журналъ для дѣтей. № 24. 1909 г. Ц. 20 к.

«Извѣстія Архангельскаго общества изученія русскаго сѣвера». № № 19 и 20. 1910 г. Ц. кажд. № 25 к.

«Коммерческое образованіе». Органъ Русск. Счетоводн. Общества взаимн. помощи. Журн. коммерч. образов., коммерч. знан. и практ. коммерч. дѣятельности. № 1. Сентябрь. 1910 г.

«Летаніе». Журналъ. № 4. 1910. г. Ц. 20 к.

«Наша охота». Журналъ. № 10. 1910 г. Ц. 60 к.

«Окраины Россіи». Журналъ. № 41 — 43. 1910 г. Ц. кажд. № 10 к.

«Оса». Юмор. журн. № № 38—42. 1910 г. Ц. кажд. № 10 к.

«Отлики художественной жизни». № 1. 1910 г. Ц. 20 к.

«Славянскія Извѣстія». № 4. 1910 г. Ц. 50 к.

«Старая монета». Нумизматическій журналъ. № 7. 1910 г. Ц. 20 к.

«Театръ и Искусство». Журналъ. № № 41—53. 1910 г. Ц. кажд. № 20 к.

«Экономистъ Россіи». Журналъ. № № 50—52. 1910 г. Ц. кажд. № 20 к.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

12

Первый въ міровой литературѣ науч.-попул. трудъ:

„Воздухоплаваніе“ ВЫПУСКОВЪ

составл. 4 тома больш. форм. богато иллюстр. въ объемѣ свыше 100 печ. листовъ.

Участ.: Лект. Морск. Акад. **Вубновъ**, Пр. Инст. И. П. С. **Заустявскій**, (+) Инж.-Техн. и кораб. Инж. **Маціевичъ**, Воен. Инж. **Нѣмченко**, Генер. Шт. Подполк. **Одинцовъ**, Профес. **Святловскій**, Инж.-Мех. **Франкъ**, Прис. Пов. **Шифъ**, Маг. Пол. Экон. **Шоръ**, Инж.-Техн. **Ярковскій** и др. Вып. 1. **Исторія Аэронавтики** (отпеч.) 232 стр. 166 рис. Ц. 2 р. 25 к. Вып. 2. **Исторія авіаціи** (заканч. печ.) Вып. 3. **Аэрологія** (Метеор.) Вып. 4, 5 и 6. **Теорія и Техника**. Вып. 7. **Воздухоплав. Двигатели** (отпеч.) 164 стр. 366 фиг. Ц. 1 р. 50 к. Вып. 8. **Кул.-истор. значен. воздухопл.** Вып. 9. **Воздухоплав. и право**. Вып. 10. **Технич. организ. военн. воздухопл.** Вып. 11. **Воздухоплав. въ сухопут. войнѣ**. Вып. 12. **Воздухопл. въ морск. войнѣ**. Ц. по подпискѣ на 12 вып. 16 р. По вых. издан. цѣна буд. увел.

ПОДПИСКА

Допуск. разсроч. Програм. бесплатно приним. въ редакц. изд. Спб. Поварской, 11. О вышедш. вып. имѣют. лестные отзывы бол. газетъ и спец. журн.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

ежемѣсячный, литературно-научный, семейный журналъ

„СВѢТЛЫЙ ЛУЧЪ“.

4-й годъ изданія.

Съ января начнется печатаніемъ большой интересный историческій романъ **С. Орлицкаго** (псевдонимъ) **изъ эпохи воцаренія Дома Романовыхъ**

„ВОСКРЕСШАЯ РОССІЯ“

Въ литературномъ отдѣлѣ «Свѣтлаго Луча» печатаются русскіе романы, повѣсти, рассказы, былины, воспоминанія, историческіе очерки, стихотворенія и лучшія произведенія славянскихъ и иноземныхъ писателей.

Подписная цѣна въ годъ съ доставкой и пересылкою — 6 руб. полгода — 3 руб. За границу — 8 руб.

Петербургъ. Стремянная, 6. Телефонъ 526—66.

Ред.-изд. Е. УМАНЕЦЪ.

При каждомъ № „НИВЫ“ подписчики **52 книги.**
получать по одной книгѣ, всего въ годъ

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА 1911 ГОДЪ

(42-й годъ изданія)

на еженедѣльный иллюстриро-
ванный

ЖУРНАЛЪ

со многими приложеніями

Гг. подписчики „НИВЫ“ получаютъ въ теченіе 1911 года:

НИВА

52 №№ еженедѣльнаго худо-
жественно-литературнаго журнала
„НИВА“: романы, повѣсти и рассказы;
снятки съ картинъ, рисунки, фото-
отблуды и иллюстраціи современныхъ событій.

52 книги, отпечатанныя убо-
ристымъ четкимъ
шрифтомъ, въ со-
ставъ которыхъ войдетъ:

12 книгъ ежемѣсячнаго журнала „ЛИТЕРАТУРНЫЯ И ПОПУЛЯРНО-НАУЧНЫЯ ПРИЛОЖЕНІЯ“:
романы, повѣсти, рассказы, популярно-научн. и критич. статьи современныхъ авторовъ
съ иллюстраціями и отдѣлы библиографіи, смѣси, шахматъ и шашекъ, задачъ и игръ.

дополнительныя **КЪ ПОЛНОМУ СОБРАНІЮ СОЧИНЕНІЙ**

12 книгъ **Ант. П. ЧЕХОВА.**

То, что получать наши подписчики на 1911 годъ, представляетъ большое литературное
наслѣдіе: — большіе трехтомъ *рассказовъ Чехова*, отдѣльно не изданныхъ и обнимающихъ собою
значительный періодъ его творческой дѣятельности. Намъ удалось найти все это послѣ
многихъ лѣтъ неустанныхъ тщательныхъ поисковъ, и подписчики „Нивы“ на 1911 годъ,
прибавивъ ихъ къ „Собранію сочиненій Чехова“, данному „Нивой“ въ 1903 году, будутъ
имѣть дѣйствительно „Полное собраніе сочиненій Чехова“.

остальныя

ПОЛНАГО СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ

20 книгъ **А. Ф. ПИСЕМСКАГО.**

Въ эту вторую часть „Полнаго Собранія Сочиненій А. Ф. Писемскаго“ войдутъ его зна-
менитые большіе романы: „Люди сороковыхъ годовъ“, „Въ водоворотъ“, „Массовы“ и драмати-
ческія произведенія, среди которыхъ особенно известны: „Горькая судьбина“, украинце и
гордость русской сцены, — „Самоуправцы“, „Вааль“, „Финансовый гений“ — и др.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ въ

8 книгахъ **Льва Алекс. МЕЯ.**

Мей, давшій русской поэзіи „Царскую невѣсту“ и „Псковитянку“, давно уже поставленъ
критикой рядомъ съ великими авторами „Бориса Годунова“ и „Смерти Іоанна Грознаго“.
Знаніе народной русской жизни, сокровенныхъ ея началъ и заветныхъ вѣрованій народа
ярко сказались и въ его поэмахъ, былинахъ и пѣсняхъ, а также въ его повѣстяхъ и рассказахъ.
Владѣя въ совершенствѣ стихомъ, Мей на ряду со своими оригинальными произведеніями со-
здалъ на русскомъ языкѣ цѣлую переводную литературу лучшихъ образцовъ мировой поэзіи.

12 №№ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“. До
200 столбцовъ текста и 300 модныхъ
гравюръ. Съ почтовымъ ящикомъ для
отвѣтовъ на вопросы подписчиковъ.

12 **ЛИСТОВЪ** рисунковъ (около 300)
для рукодѣльн. и вышивльн. работъ и
выжиганія и до 300 чертежей выкроекъ
въ натуральн. величину.

1 „ОТРЫВНОЙ ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ КАЛЕНДАРЬ“ на 1911 годъ, отпечатанный красками.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ“ со всѣми
приложеніями на годъ:

въ С.-Пе-) безъ доставки. 6 р. 50 к.
тербургъ:) съ доставкой . 7 р. 50 к.
Безъ доставки: 1) въ Москвѣ, у Печковской —
7 р. 25 к.; 2) въ Одессѣ, въ книжн. магаз.
„Образованіе“ — 7 р. 50 к.

Съ пересылкою во всѣ
мѣста Россіи. . . . . **8** р.

За границу — 12 р.

Подписчики, желающіе получить также
первые 18 книгъ Писемскаго 1910 г., до-
плачиваютъ: 1) Безъ доставки въ СПб. —
2 руб., въ Москвѣ и Одессѣ — 2 р. 25 к.;
2) Съ дост. и перес. во всѣ мѣста Россіи —
2 р. 50 к.; 3) За границу 3 руб.

Подписчики, желающіе получить первые
16 томовъ соч. Чехова 1903 г., допла-
чиваютъ: 1) Безъ доставки: въ СПб. —
4 руб., въ Москвѣ и Одессѣ — 4 р. 25 к.;
2) Съ дост. и перес. во всѣ мѣста Россіи —
4 р. 50 к.; 3) За границу — 5 руб.

Допускается разорочка платежа за „Ниву“ и за книги соч. Чехова
1903 г. и Писемскаго 1910 г. — въ 2, 3 и 4 орена.

Иллюстрированное объявленіе о подпискѣ высылается бесплатно.

Адресъ: С.-Петербургъ, въ Контору журнала „НИВА“, улица Гоголя, № 22.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1911 ГОДЪ

ЗАДУШЕВНОЕ СЛОВО •

ДВА ЕЖЕНЕДЪЛЬНЫЕ иллюстрированные журнала для дѣтей и юношества, основанные С. М. МАКАРОВОЙ и издаваемые подъ редакціей П. М. ОЛЬЖИНА.

ПОДПИСНОЙ ГОДЪ СЪ 1-го НОЯБРЯ 1910 г.

ПЕРВЫЕ ЖМ ВЫСЫЛАЮТСЯ НЕМЕДЛЕННО.

Гл. редакторъ издательскихъ журналовъ «З. С.» для дѣтей

Гл. редакторъ издательскихъ журналовъ «З. С.» для дѣтей

МЛАДШАГО ВОЗРАСТА

СТАРШАГО ВОЗРАСТА

52 №№ и 48 ПРЕМИЙ.

52 №№ и 48 ПРЕМИЙ.

Въ числѣ которыхъ:

Въ числѣ которыхъ:

- БОЛЬШАЯ КАРТИНА въ хромоолитограф. краскахъ: «УТРО МАЛЮТКИ», художника Б. М. Мухоморова.
- 12 ЗАНИМАТЕЛЬНЫХЪ ИГРЪ, работъ, рукодѣлій и т. п. на разсроченныхъ и черныхъ листахъ.
- 12 ИЛЛЮСТРИРОВАННЫХЪ КНИЖЕКЪ разсказовъ, повѣстей, сказокъ, шутокъ и пр. для младшихъ дѣтей.
- 12 ВЫП. ИЛЛЮСТ. ИЗДАНИЯ «НОВЫЙ ДНЕВНИКЪ МУРЗИЛКИ». Записки о приключеніяхъ и путешествіяхъ крошечныхъ дѣвчатъ: милободиковъ-ольжовъ, съ много иллюстраціями П. Кока.
- 8 ТЕТРАДЕЙ ИЗДАНИЯ «МОЯ ПЕРВАЯ КНИГА СТИХОВЪ». Сборники лучшихъ стихотв. для дѣтей младшаго возраста; составила М. Р. Лемъ, съ иллюстр. худ. Герардова.
- ИГРА «ДОМИНО-ЗВѢРЬНЕЦЪ», съ краткими свѣдѣніями о жизни животныхъ, на фольговомъ листѣ.
- СТѢННАЯ ТАБЛИЦА-РАСПИСАНІЕ ЗАНЯТІЙ съ стѣннымъ табель-календаремъ.

и мног. друг.

- АКВАРЕЛЬНАЯ КАРТИНА «ВЪ СТѢНАХЪ КРЕМЛЯ», худ. В. В. Верещагина.
- 12 ПОВѢСТЕЙ, РАЗСКАЗОВЪ и ПЬЕСЪ для юнош., русскихъ и иностр. авторовъ, съ илл.
- 6 КНИЖЕКЪ «БИБЛІОТ. ИСТОРИЧЕСКИХЪ ОЧЕРКОВЪ», русскихъ авторовъ, съ илл.
- 10 ВЫП. «КНИГИ ЗНАМЕНИТЫХЪ ЛЮДЕЙ». Биографическіе разсказы для юношества. Вып. Мидлера, съ илл. худ. Баара.
- 12 ВЫП. ИЗДАНИЯ «ВЕЧЕРА КНЯЖНЫ ДЖАВАХИ». Сказаніе старой Барбале, Л. А. Чарской, съ рис. худ. Захарова, Наранка и др.
- 6 ВЫП. «РУССКІЕ САМОРОДКИ и САМОУЧКИ». Биографическіе очерки и разсказы Виктора Русакова, съ портр.
- 6 КНИЖЕКЪ «БИБЛІОТЕКИ ПОЛЕЗНЫХЪ СВѢДѢНІЙ» для юношества, съ илл.
- СПУТНИКЪ ШКОЛЫ. Календарь и записная книжка для учащихся на 1911—12 учебный годъ въ иллюстр. колѣнкоромѣхъ переплетѣ.

и мног. друг.

Кромѣ того, при каждомъ изданіи будутъ высылаться: «ЗАДУШЕВНОЕ ВОСПИТАНІЕ» и «ДѢТСКІЯ МОДЫ».

Подписка цѣна каждого изданія «Задушевного Слова», со всеми объявленными преміями и приложеніями, съ доставкой и пересылкой, — за годъ 11Р.С.Т. 2 р.

Допускается расрочка на 3 срока: 1) при подпискѣ, 2) къ 1 февраля и 3) къ 1 мая — по съ требованіемъ, съ обозначеніемъ изданія (возраста), обращаться въ конторы «ЗАДУШЕВНАГО СЛОВА», при книжныхъ магазинахъ Т-ля М. О. Вольф — С.-ПЕТЕРБУРГЪ: 1) Госг. Дворц. 18, или 2) Новскій, 13.

ЗА ГОДЪ — 6 рублей, РАЗСРОЧКА — по 2 рубля.

XXXV ГОДЪ ИЗДАНІЯ

XXXV ГОДЪ ИЗДАНІЯ

О ПОДПИСКѢ въ 1911 году на

ХХVII
Г. ИЗДАНІЯ.

ВОКРУГЪ СВѢТА

ХХVII
Г. ИЗДАНІЯ.

50

Въ 1911 году подписчики получаютъ ДВА ЖУРНАЛА
путешествій и приключеній:

№№

ЕЖЕМЕСЯЧНОГО
ИЛЛЮСТРИРОВА-
НАГО ЖУРНАЛА

„ВОКРУГЪ СВѢТА“,

выходящаго въ прежнемъ объемѣ и по прежней программѣ, какъ и въ прешествую-
щія 26 лѣтъ своего существованія.

12

№№ ежемѣсячнаго художественно-иллюстрированнаго журнала
типа англійскихъ ежемѣсячниковъ.

на СУШѢ и на МОРѢ.

ВЫДАЮЩЕСЯ РОМАНЫ, ПОВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ, между прочимъ: М. Первухина
„КОЛЫБЕЛЬ ЧЕЛОВѢЧЕСТВА“, М. Алазанцева „ЗВѢРЬ ИЗЪ БЕЗДНЫ“, М. Воло-
хова „ИГРУШКА ВѢТРОВЪ“, Г. Стронга „АДСКІИ ОГОНЬ“, Э. Болкина „ЖЕРТВА
ПЛЕТЧЕРА“, М. де-Мара „ТАИНА МОРЯ“, Э. Сальгари „ЗОЛОТОЙ ГОГОДЪ“ и мн. др.

Кромѣ того:

12

КНИГЪ собранія сочиненій

знаменитой скандинавской писа-
тельницы, удостоенной въ 1909 го-
ду 100.000 фр. премии Нобеля,

Сельмы ЛАГЕРЛЁФЪ.

Содержаніе: НЕОБЫЧАЙНОЕ ПУТЕШЕСТВІЕ НА ГУСЯХЪ ПО ШВЕЦИИ.—ПРЕДАНИЕ ОДНОЙ
УСАДЬБЫ.—КОРОЛЕВЫ КУНГАХЕЛЛЫ. Отъ язычества къ христіанству.—
СОКРОВИЩЕ ГОСПОДИНА АРНО.—ІЕРУСАЛИМЪ. Повѣсть.—ЧУДЕСА АНТИХРИСТА.—СКАЗАНІЕ
О СКАЗАНІИ и др. сказанія.—НЕВИДИМЫЯ УЗЫ.—ЛЕГЕНДЫ О ХРИСТѢ.—СКАЗАНІЕ О ГЕСТѢ
БЕРЛИНГѢ.—ЛЕГЕНДЫ и РАЗСКАЗЫ и т. д.

ПОЛНОЕ ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ
ПѢВЦА РУССКОЙ ПРИРОДА и БЫТА

И. С. НИКИТИНА.

БОЛЬШОЙ ТОМЪ, НА ХОРОШЕЙ БУМАГѢ, СО МНОЖЕСТВЕННОМЪ ОРИГИНАЛЬНЫХЪ
РИСУНКОВЪ художника А. П. АИСИДЪ, СДѢЛАННЫХЪ СПЕЦИАЛЬНО ДЛЯ ЭТОГО
ЮБИЛЕЙНАГО ИЗДАНІЯ, СЪ ПОРТРЕТОМЪ. ФАКСИМИЛЕ и ПОЛНОЮ БИОГРА-
ФІЕЙ ПОЭТА, СОСТАВЛЕННОЮ М. де-ПУЛЕ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на ГОДЪ
на журн. „Вокругъ Свѣта“
съ 12-ю №№ журн.
„НА СУШѢ и НА МОРѢ“
и сочиненіями
СЕЛМЫ ЛАГЕРЛЁФЪ
4 РУБЛЯ

съ пересылкой и доставкой

Отдѣльно подписка на журн. „НА СУШѢ и НА МОРѢ“ не принимается.

ДОПУСКАЕТСЯ РАЗРОЧКА:

при подпискѣ 2 р., къ
1 апрѣля 1 р., къ 1 июля 2 р.

Адресъ конторы журнала
„ВОКРУГЪ СВѢТА“:
Москва, Тверская улица,
д. Т-ва И. Д. Сытина.

Изданіе Т-ва И. Д. СЫТИНА.

Редакт. *Вл. А. Поповъ.*

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на ГОДЪ
на журн. „Вокругъ Свѣта“
съ 12-ю №№ журн.
„НА СУШѢ и НА МОРѢ“,
сочиненіями
СЕЛМЫ ЛАГЕРЛЁФЪ
и полнымъ собр. сочинен.
И. С. НИКИТИНА
5 РУБЛЕЙ

съ пересылкой и доставкой.

О ПОДПИСКѢ въ 1911 ГОДУ

На ежемѣсячный иллюстри-
рованный дѣтскій журналъ
для средняго возраста

МИРОКЪ

Х. г. ИЗДАНІЯ.

1 р. 50 к.

въ годъ съ пер.

Уч. Ком. Нар. Пр. ДОПУЩЕНЪ въ ученич. библиотеч. нач. школъ по предв. подпискѣ.

Содержаніе: Повѣсти, рассказы, сказки, легенды, стихи. Очерки изъ великой книги природы,
жизни народовъ, историческіе, о великихъ людяхъ. Ручной трудъ. Игры и забавы,
Задачи на преміи-нижки. Веселыя странички. Дѣтскій спортъ. БЕЗПЛАТНЫЯ ПРИЛОЖЕНІЯ.
ПОДПИСКА на журн. МИРОКЪ принимается въ конторѣ журн. „ВОКРУГЪ СВѢТА“.
Изданіе Т-ва И. Д. СЫТИНА. Редакторъ *Вл. А. Поповъ.*

Съ доставкой
въ Москвѣ и
пересылк. по
Империі
4 р. годъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1911 г.

(V-й годъ изданія)

Ред.-изд. А. В. Кругловъ.

Съ доставкой
въ Москвѣ и
пересылк. по
Империі
2 р. 1/2 года.

ВЪ ЖУРНАЛЪ ПРИНИМАЮТЪ УЧАСТІЕ ИЗВѢСТН. ПИСАТЕЛИ И УЧЕНЫЕ.

4 руб. въ
годъ.

„СВѢТОЧЪ“

2 руб. въ
полгода.

И

Дневникъ Писателя

Иллюстрированный ежемѣсячный литературно-научный журналъ для всѣхъ, по программѣ—обычной для ежемѣсячниковъ.

Въ 1911 году подписчики получаютъ:

12 №№ иллюстрированного журнала и бесплатн. приложенія:

5 №№ дѣтскаго журнала «МАЛЕНЬКІЙ СВѢТОЧЪ».

1 повѣсть — «ПОБѢДА», А. В. Круглова.

1 томъ этюдовъ «ЦВѢТОЧНОЕ КРУЖЕВО» («Узоры творческой мысли»).

Подписавшіеся на 1911 г. до 1-го декабря 1910 года сверхъ всего получаютъ

1) «Въ чель счастье?» этюдъ.

2) «Вечернія пѣсни», изящно-изданный томъ стихотвореній А. В. Круглова на хорошей бумагѣ, съ портретомъ и факсимиле автора.

3) Полный комплектъ журнала за 1910 г. за 3 р. вмѣсто 4 р.

Подписывающіеся сразу на 10 год. экз. получ. 11-й безпл.

Разрочные пользуются всѣми правами годовыхъ.

Книжн. магазины за комиссію получ. 20 к. съ год. экз. журнала

Москва, Тверская, ул. Брюсовскаго пер., д. пр. Олсуфьевой, редакция «Свѣточа» и «Дневника Писателя». Телефонъ 83—00.

Допускается разсрочка: 2 р. при подпискѣ и 2 р. нѣ 1-му Марта.

За границу только на годъ 6 р. 50 к.

ГОДЪ ИЗДАНІЯ IV.

Открыта подписка на художественно-литературный журналъ по образцу **большихъ заграничныхъ иллюстрацій.**

„ЕВРОПЕЙСКАЯ ЖИЗНЬ“.

Вѣстникъ русской и заграничной жизни, политики, литературы, путешествій, искусства, театра и моды.

ПРОГРАММА ИЗДАНІЯ:

Жизнь Европы.—Придворный и парламентскій бытъ.—Дипломатическій міръ.—Европейскіе университеты.—Женское движеніе.—Литература, искусство, ученые, артисты.—Уголки русской жизни за границей.—Путешествіе, романы, повѣсти.—Красота на сценѣ и въ жизни.—Портреты артистокъ, рисунки, сцены.—Юмористика.—Театры и моды.—Особый отдѣлъ: изъ міра таинственнаго, необычайныя явленія, загадки бытія.—Міръ духовъ.

Картины русскихъ и иностранныхъ художниковъ.

ГАЛЛЕРЕЯ КАРТИНЪ «ПАРИЖСКАГО САЛОНА».

12 ежемѣсячныхъ богато-иллюстрированныхъ выпусковъ журнала въ видѣ большихъ тетрадей парижскаго образца—составляютъ цѣнное художественное украшеніе гостиной, салона, кабинета, собраній, читалень.

ПРЕМІЯ годовымъ подписчикамъ въ 1911 году,

„РАЗСКАЗЫ И ПРИЗНАНІЯ ЖЕНЩИНЫ“.

В. В. ЧАРСКОЙ.

Подписная цѣна: на годъ съ преміей 4 руб., на полгода 2 руб.

ФОРМАТЪ ЖУРНАЛА ВЪ 1911 ГОДУ БУДЕТЪ УВЕЛИЧЕНЪ.

Подписка принимается въ редакціи «Европейской Жизни»: С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Невскій пр., № 94, кв. 9. и въ книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени».

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ **десять** рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ „**Новаго Времени**“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 40. Отдѣленія главной конторы въ **Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ и Ростовѣ на Дону** при книжныхъ магазинахъ „**Новаго Времени**“.

Программа „**Историческаго Вѣстника**“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., бібліографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „**Историческому Вѣстнику**“ прилагаются **портреты и рисунки**, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналъ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго**.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой-либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «Историческаго Вѣстника» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.

Издатель А. С. Суворинъ.

Редакторъ С. Н. Шубинскій.

Типографія А. С. Суворина. Зртелевъ пер., д. 13

